

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ СXXXII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXII.

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13
1913

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
АПРѢЛЬ, 1913 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

АПРѢЛЬ, 1913 г.

	СТРАН.
I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть первая. XX—XXIV. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго. . . .	5
II. Быль минувшаго. IV. (Продолженіе). Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.	29
III. Тѣни прошлаго. (Окончаніе). В. Микulichъ.	41
IV. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолженіе). Е. К. Андреевскаго.	82
V. Неповинная. (Очеркъ). А. И. Филатовой.	120
VI. Голодь въ Сибири и князь Голицынъ. (Воспоминанія бывшаго волостного писаря). К. Власова.	129
VII. Императоръ Александръ II въ Эмсѣ. К. А. Дворжицкаго.	155
VIII. Развалъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Сглоблина.	160
IX. Какъ я былъ «военнымъ шпиономъ». (Страничка воспоминаній). Д. Брауль.	197
X. Воспоминаніе о М. Г. Черняевѣ. Н. Г. Вучетича.	214
XI. Воспоминаніе о Д. А. Милютинѣ. Э. О. Лишиной.	222
XII. Знакомство мое съ Захарьинимъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. И. Витмера.	224
XIII. Кондратій Малеванный. (Воспоминанія). А. Юценка.	237
XIV. В. О. Ключевскій о государственной думѣ. М. В. Ключова.	243
XV. Памяти А. А. Писемскаго. П. И. Соколова.	250
XVI. Легенды о Портсмутскомъ доготорѣ. Б. Б. Глинекаго.	257
XVII. Гробница имеретинскаго царя Соломона въ Трапезундѣ. И. И. Шубинскаго.	274
Иллюстраціи: 1) Имеретинскій царь Соломонъ II.—2) Кафедральный соборъ св. Григорія въ Трапезундѣ съ находящимся при немъ памятникомъ на могилѣ царя Соломона II.—3) Памятникъ на могилѣ царя Соломона II въ Трапезундѣ.	
XVIII. Городъ Ани. (По поводу предстоящаго учрежденія въ Ани археологическаго института). А. Моцанскаго.	287
Иллюстраціи: 1) Городскія стѣны у церкви св. Григорія.—2) Городскія стѣны у башни съ греческимъ крестомъ.—3) Городище (видъ съ вышгорода).—4) Церковь св. Григорія.—5) Круглая церковь св. Григорія.—6) Храмъ Святыхъ Апостоловъ.—7) Княжескій дворець.—8) Статуя царя Гагика.	

(См. слѣд. стран.).

XIX. Критика и библиографія. 299

- 1) Л. А. Кассо. Россія на Дунай и образование Бессарабской области. Москва. 1913. и. в.—2) Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Теодоровича Романова на царство. Москва. 1913. Богород.—снаго.—3) Юрій Шамунинъ. Подмосковныя. Москва. 1912. Мари и—вой.—4) Проф. Д. И. Вагалтъ. Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографія и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьков. 1913. Мудрашова.—5) В. Потто. Кавказская война. Въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и биографіяхъ. Томъ II. Ермоловское время. Л. И.—6) Общее уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнителными къ нему узаконеніями и указателями въ трехъ томахъ. Составилъ Н. Н. Корево. Спб. 1912. п. майкова.—7) Успенскій, А. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Москва. 1912. м. и—ва.—8) Тира Соколовская. Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Вурьялина. Русскій отдѣлъ. Съ иллюстраціями. 1912. в. г.—9) «Русскій Инвалидъ» за сто лѣтъ. Юбилейный очеркъ. Ч. I. 1913. м. с.—10) Памятники исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1712 гг. Спб. 1912. п. т.—11) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга вторая. Двѣсти сорокъ первая. М. 1912. в. Руданова.—12) Е. Р. Романовъ. Вѣлорусскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Вытъ бѣлорусса. Выпускъ девятый. Опытъ словаря условныхъ языковъ Вѣлоруссіи. Вильна. 1912. д. Бочнова.—13) Д. Мережковскій. Павелъ I. Драма. Спб. 1908. в. А—ва.—14) Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова. Подъ редакціей В. Е. Анничкова. «Библиотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Анничкова». Спб. 1911—1913. и.—15) Изабелла Гриневская. Веха—Улла. «Влескъ Возій». Поэма—трагедія въ стихахъ въ 6-ти дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Спб. 1912. г. п.—16) Н. А. Рубакинъ. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб. 1913. а. б.—17) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Урманъ. Восточная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Тайга. Матеріалы по обследованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціей В. К. Кузнецова. Выпускъ первый. Текстъ. Составилъ В. К. Кузнецовъ. Съ приложеніемъ картъ обследованныхъ уѣздовъ. Выпуски II—IV таблицы. Спб. 1912. б. б.—18) В. В. Жерве. Партизанъ—поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности 1784—1839 гг. Спб. 1913. и. Гурвича.—19) Поль Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Москва. 1912. п. б.

XX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 335

- 1) Мирабо—государственный человѣкъ.—2) Неизданныя письма Маццини и Гоффредо Мамели къ Джузеппе Гарибальди.—3) Возваніе запладна.—4) Русскій балетъ.—5) Французы на польскомъ престолѣ.—6) Французское духовенство во время революціи.—6) Трагикъ императора Наполеона.—8) Отвсюду.

XXI. Смѣсь. 364

- 1) Открытіе Романовской выставки.—2) Закладка памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему.—3) Общество изслѣдователей Волыни.—4) Присужденіе преміи имени Пушкина.—5) Столѣтній юбилей «Русскаго Инвалида».—6) Пятнадцатилѣтній юбилей книгоиздательства М. Н. Стѣцковой.—7) Юбилей редактора «Свѣта» И. А. Вазенова.—8) 25-лѣтній юбилей проф. Д. Д. Попова.—9 Юбилей профессора А. И. Введенскаго—10) Юбилей Л. Н. Афанасьева.—11) Лекціи М. Ш. Иванова.—12) Отъ императорскаго московскаго университета.

XXII. Некрологи. 376

- 1) Введенскій, А. И.—2) Вилькицкій, А. И.—3) Граціановъ, Н. А.—4) Ливень, А. А. князь—5) Меренбергъ, Н. А., графиня (дочь А. С. Пушкина).—6) Стаховичъ, А. А.

XXIII. Замѣтки и поправки. 382

- 1) О жандровской рукописи «Горе отъ ума». Н. л.—2) По поводу воспоминаній Л. Плянсона. С. Бромскаго.

Приложенія: 1) Портретъ Александра Яковлевича фонъ-Тала.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе),

АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ фонъ-ТАЛЬ.

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ ¹⁾.

XX.

ДВА ЛИ въ жизни Анны былъ другой такой мучительный день, какъ 25-е января 1730 года. Былъ въ ея жизни одинъ день, воспоминаніе о которомъ преслѣдовало ее, какъ боль не закрывающейся раны,—день, когда политика всемогущаго князя Меншикова нанесла страшный ударъ ея сердцу, когда навсегда былъ потерянъ для нея принцъ Морицъ Саксонскій. Но тамъ страдало сердце женщины, теперь же мучилось, какъ въ агоніи, сердце женщины, матери и императрицы.

День тянулся безконечно долго. Отъ гордыхъ надеждъ и вспыхнувшей энергіи, рано утромъ, Анна перешла къ мрачному отчаянью, цѣловала маленькаго Карлушу и пролиwała слезы на его золотые кудри. Въ ея душѣ было много страсти, любви и ненависти. Самъ Биренъ терялся и то грозилъ министрамъ верховнаго совѣта, то падалъ духомъ и на колѣняхъ цѣловалъ руку императрицы. Не разъ въ продолженіе этого томительнаго дня у Анны являлась мысль лучше отречься отъ престола, чѣмъ быть игрушкой въ рукахъ людей, желавшихъ отнять у нея и власть, и любовника, и сына... Но тогда приходилъ въ ужасъ Биренъ, цѣплявшійся за смутныя надежды на побѣду и съ ней вмѣстѣ на первое мѣсто въ обширнѣйшей въ мірѣ державѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 737.

За нѣсколько часовъ Анна осунулась и поблѣднѣла, отъ чего стали больше ея утрюпые глаза, горѣвшіе безпокойнымъ лихорадочнымъ огнемъ.

Императрица не завтракала, не обѣдала. Она сидѣла въ маленькой столовой съ Биреномъ, Бенигною и дѣтьми. Маленькій Карлуша, словно чуя какую-то опасность, ласково прижимался къ ней. Трехлѣтняя Гедвига глядѣла серьезно и задумчиво своими ясными, сѣрыми глазами, съ недѣтскимъ выраженіемъ.

Бенигна по обыкновенію была тиха и безотвѣтна. Она только изрѣдка чуть слышно вздыхала да иногда останавливала не въ мѣру расшаливагося Петра, который одинъ изъ всѣхъ былъ, какъ всегда, веселъ и беззаботенъ.

Карлуша взгромоздился на колѣни Анны, прижался головою къ ея груди и задремалъ. Онъ привыкъ днемъ спать.

Анна съ нѣжной улыбкой передала его Бенигнѣ.

— Отнеси его, Бенигна, ко мнѣ, — шопотомъ сказала она и ласково прогрозила пальцемъ остальнымъ дѣтямъ.

Бенигна съ ребенкомъ на рукахъ вышла изъ столовой, за ней послѣдовали дѣти.

Биренъ передалъ Аннѣ свой разговоръ съ Сумароковымъ, причемъ постарался выставить его, какъ дерзкаго, заносчиваго человѣка, вообразившаго, что онъ чуть ли не спасъ престолъ. Анна одобрила предложеніе, сдѣланное Биреномъ Сумарокову, — спастись бѣгствомъ. Хотя ей было неловко отказать въ своемъ покровительствѣ русскому офицеру, но она сама еще не была увѣрена въ своемъ положеніи. Обсуждая его, они съ Биреномъ пришли къ убѣжденію, что самое лучшее пока сдѣлать видъ, что она безусловно согласна на все. Въ своемъ рабскомъ страхѣ Биренъ дошелъ до того, что предложилъ императрицѣ выдать Сумарокова министрамъ верховнаго совѣта, чтобы доказать имъ свою искренность, если они случайно что-либо заподозрятъ.

Анна покачала головой.

— Это не ладно, — сказала она: — я бы, пожалуй, и назвала его, если бы онъ успѣлъ бѣжать подальше.

— Такъ я помогу ему, — произнесъ, вставая, Биренъ.

Императрица кивнула головой.

Онъ такъ стремительно распахнулъ дверь, что дежурный пажъ Аріальдъ, находившійся въ маленькой залѣ, сосѣдней со столовой, едва успѣлъ отскочить отъ двери. Маленькій Аріальдъ, по обычаю всѣхъ пажей, тоже былъ любопытенъ.

Биренъ не обратилъ на него никакого вниманія.

Аріальдъ пошелъ за нимъ, такъ какъ сильно интересовался судьбой русскаго офицера, слугу котораго часъ тому назадъ ему удалось выручить. Но, къ его удивленію, Биренъ направился не въ подвалъ, а приказалъ камеръ-лакею немедленно распорядиться,

чтобы изъ дворца никого не выпускали, а потомъ, чтобы сейчасъ же изъ гарнизона былъ вызванъ къ дворцу почетный караулъ, что дѣлалось крайне рѣдко, только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Биренъ считалъ не лишнимъ придать встрѣчѣ больше пышности.

Когда Аріальдъ услышалъ приказанія Бирена, онъ въ первую минуту окаменѣлъ отъ негодованія передъ такимъ позорнымъ предательствомъ.

Биренъ прошелъ дальше, а Аріальдъ все еще неподвижно стоялъ, сжимая кулаки. Сперва онъ хотѣлъ броситься къ императрицѣ и все рассказать ей, но скоро отбросилъ эту мысль. Анна на все глядитъ глазами Бирена, да притомъ теперь дорога каждая минута.

Надо спасать русскаго.

Опъ, сломя голову, побѣжалъ въ подвалъ къ Авессалому

— О, Боже!—съ негодованіемъ воскликнулъ мальчижъ,—и этотъ негодяй породнился съ рыцарями Тротта-фонъ-Трейденъ!

Когда у всѣхъ воротъ и калитокъ разставили сторожей, было уже поздно.

Сумароковъ бѣжалъ.

Въ маленькой залѣ, рядомъ съ большой залой, тронной, гдѣ Анна иногда устраивала торжественные приемы курляндскому рыцарству, собрался весь немногочисленный дворъ герцогини. Хотя Анна никого не приглашала и никому ничего не говорила, но всѣ сочли своимъ долгомъ быть налицо, на всякій случай. Когда объ этомъ узнала Анна, она выразила полное удовольствіе, такъ какъ находила болѣе соответственнымъ ея положенію принять посольство по возможности въ торжественной обстановкѣ.

Обязанности и церемоніймейстера и гофмейстера исполняли при ея дворѣ Биренъ, камеръ-юнкеръ. Густавъ Левенвольде тоже былъ камеръ-юнкеромъ, но на сегодняшній день его было безопаснѣе спрятать, чтобы не возбудить какихъ-либо подозрѣній. Биренъ, по природѣ своей трусь, холодѣлъ отъ ужаса, ожидая посольство, состоявшее изъ его завѣдомыхъ враговъ, но все же, не желая ронять себя въ глазахъ Анны, рѣшилъ быть въ этотъ день при ней, хотя она и предложила ему временно скрыться. За такое «самоотверженіе» Анна съ улыбкой счастливой женщины назвала его «героемъ».

«Герой» только тихо вздохнулъ.

Въ придворномъ штатѣ состоялъ еще старый баронъ Оттомаръ Отто, камергеръ покойнаго герцога, со своей очаровательной дочерью, семнадцатилѣтней блондинкой Юліаной, крестницей герцогини. Юліана была фрейлина герцогини такъ же, какъ и Адель Вессендорфъ, братъ которой, Артуръ, былъ камеръ-юнкеромъ.

Вессендорфъ были близнецы-сироты. Имъ обоимъ вмѣстѣ еще не исполнилось сорока лѣтъ. Они, по боковой линіи, приходились дальними родственниками Кеттлерамъ, обладали большимъ состояніемъ и не разъ выручали герцогиню и ея фаворита въ минуты денежныхъ затрудненій.

Во главѣ женскаго придворнаго штата стояла жена Бирена, но ея почти никогда не было видно при какихъ-либо пріемахъ,— то ей мѣшала болѣзнь, то заботы о дѣтяхъ, а вѣрнѣе всего, ея собственный необщительный характеръ и врожденная робость. Но сегодня и она присоединилась къ придворнымъ. Самъ Биренъ находился при императрицѣ. Однако въ немъ пробудилась энергія трусости. Онъ распорядился, чтобы у заставы стояли люди на сторожѣ и немедленно извѣстили, если поѣдутъ «знатныя лица». Онъ былъ увѣренъ, что посольство пріѣдетъ со всевозможной пышностью. Онъ навѣстилъ и Авессалома, чтобы посмотреть на Сумарокова. Но, зайдя въ подвалъ, уже не засталъ капитана. Въ углу, прикрытый кучей какого-то тряпья, громко храпѣлъ горбатый шутъ.

Въ бѣшенствѣ Биренъ поднялъ его ударомъ ноги. Шутъ вскопчилъ, заворчавъ, какъ собака.

— Гдѣ русскій?—закричалъ Биренъ.

Авессаломъ, только притворявшійся спящимъ, злобно взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Ты же самъ выгналъ меня отсюда. Я боялся войти. Почему я знаю, гдѣ онъ!

Биренъ грубо обругался. Не было сомнѣній, что капитанъ бѣжалъ. Ему оставалось только доложить объ этомъ императрицѣ.

— Ну, и отлично,—сказала Анна:—теперь у насъ руки развязаны. Дай ему Богъ добраться скорѣе до Москвы. Тамъ мы вызволимъ его.

Биренъ, взбѣшенный въ душѣ, молча наклонилъ голову. Онъ предпочелъ бы, чтобы Сумароковъ былъ выданъ здѣсь же. Рѣшившись не прятаться отъ посольства верховнаго совѣта, онъ готовъ былъ какимъ угодно униженіемъ или низостью купить расположеніе своихъ враговъ и тѣмъ предотвратить возможную опасность.

Зимній день погасъ.

Анна приказала ярко освѣтить дворецъ. На дворѣ и у воротъ загорѣлись масляные фопари.

Анна стояла у окна и съ тревогой и грустью смотрѣла на загорающія звѣзды. Вспомнилось ей ея темное дѣтство, дворъ царицы Прасковьи, съ дурами, шутами и юродивыми... жизнь нелѣпая, странная, съ церковными службами, постами и ассамблеями, юродивыми, монахинями и театральными игрищами... Ярче всѣхъ вставалъ въ ея памяти образъ наиболѣе чтимаго при дворѣ ея матери юродиваго Тихона Архипыча, грязнаго, лохматаго, грубаго, пред-

сказывавшаго ей то монастырь, то тронъ... До сихъ поръ звучить въ ея ушахъ голосъ Тихона, когда, бывало, онъ, встрѣчаясь съ нею, вмѣсто привѣтствія кричалъ нараспѣвъ: «донъ, донъ, донъ! царь Иванъ Васильевичъ!»

Въ этомъ постоянномъ возгласѣ юродиваго, казалось, было предсказаніе короны. А монастырь!..

Анна вздрогнула. Не стоитъ ли она теперь на роковомъ распутьи? Развѣ не могутъ ей вмѣсто короны предложить монастырь, если она не согласится на все требованія этихъ ненавистныхъ людей, захватившихъ сейчасъ власть въ свои руки?..

Темная жизнь, полная униженія, смѣнится ли шпой—свѣтлой, свободной? Перестанетъ ли она вѣчно чувствовать надъ собой чужую, унижающую ее волю?

Все обиды, все униженія, все неоправданныя надежды сердца— въ эти минуты сливались въ душѣ Анны въ чувство мстительной злобы къ тѣмъ, кто и теперь опять хотѣлъ сдѣлать ее игрушкой въ своихъ рукахъ.

При мысли о Василии Лукичѣ, въ свое время такъ легко и пренебрежительно игравшемъ ея сердцемъ, нехорошая улыбка пробѣжала по губамъ Анны.

Низко надъ горизонтомъ ярко горѣла вечерняя звѣзда.

«Вотъ моя звѣзда,—подумала Анна.—Она предвѣщаетъ тронъ и власть, а не темную келью...»

— Ёдутъ, ёдутъ,—раздался тревожный шопотъ Бирена, вбѣжавшаго въ комнату.

Она повернула къ нему блѣдное лицо.

— Да будетъ воля Божія,—торжественно произнесла она.— Ты, кажется, боишься, Эрнстъ?

— Анна!—воскликнулъ Бирень, цѣлуя ея руки.

XXI.

Несшіеся впереди конные громко кричали, хотя улицы Митавы были почти пустыни, передовой трубилъ въ мѣдный рожокъ, громко заливались колокольчики троекъ, и краснымъ свѣтомъ горѣли факелы въ рукахъ фореиторовъ.

На необычный шумъ выскакивали изъ воротъ испуганные митавцы, уже расположившіеся въ этотъ часъ за ужиномъ, и съ тревогой разспрашивали другъ друга: кто это такіе и что случилось? Не пріѣхалъ ли новый русскій резидентъ или посольство отъ польскаго короля?

Василій Лукичъ приказалъ остановиться у воротъ.

Бирень, сообщивъ императрицѣ о приближеніи депутатовъ, посѣшилъ во дворъ. Онъ вышелъ какъ разъ въ ту минуту, какъ у воротъ остановились тройки. Онъ немедленно велѣлъ раскрыть

ворота и вызвалъ караулъ. Многочисленные фонари и факелы освѣтили дворъ. Красный отблескъ факеловъ отражался на мѣдныхъ доспѣхахъ и каскахъ неподвижно, какъ статуи, стоявшихъ курляндскихъ солдатъ съ алебардами въ рукахъ, похожихъ на средневѣковыхъ рыцарей. На правомъ флангѣ стоялъ молодой графъ Кройцъ съ обнаженнымъ палахомъ въ рукѣ.

Биренъ въ блестящемъ золотомъ мундирѣ, съ непокрытой головой поспѣшилъ навстрѣчу посольству.

Василій Лукичъ отдалъ Дивинскому нѣсколько короткихъ приказаній и вошелъ въ ворота.

Какъ будто тѣнь удивленія и подозрѣнія скользнула по его лицу при видѣ торжественной встрѣчи, но Биренъ не далъ ему времени задуматься.

Низко поклонившись, онъ произнесъ:

— По повелѣнiю государыни (Биренъ употребилъ это общее выраженiе, не желая назвать Анну герцогиней и боясь назвать ее императрицей), по повелѣнiю государыни, привѣтствую васъ, сиятельный князь, и все посольство росiйскаго императорскаго двора, отъ коего Курляндiя видѣла одни благодѣянiя.—И, предупреждая вопросъ Долгорукаго, онъ торопливо добавилъ:

— Отъ митавской заставы государынѣ донесли полчаса тому назадъ, что прiѣхало императорское посольство.

Это объясненiе, повидимому, удовлетворило Василя Лукича. Онъ сразу узналъ Бирена и холодно кивнулъ ему головой.

— Я прошу васъ,—сказалъ онъ,—размѣстить моихъ людей. Миѣ сказали, что здѣсь въ сосѣдствѣ сдается домъ, возьмите его для насъ. Что касается солдатъ, то они могутъ смѣнить вашихъ молодцовъ въ караулѣ.

Биренъ поклонился и немедленно передалъ слова князя слѣдовавшимъ за нимъ камеръ-лакеямъ и крикнулъ о смѣнѣ караула графу Кройцу.

Дивинскiй подошелъ съ преображенцами.

Биренъ шелъ впереди, указывая путь; за нимъ слѣдовали Василий Лукичъ, нѣсколько позади Голицынъ и Леонтьевъ, а за ними Шастуновъ и Макшеевъ.

Въ вестибюлѣ они сняли верхнюю одежду и по узкой лѣстницѣ прошли во второй этажъ.

Биренъ провелъ ихъ въ маленькую залу, откуда предварительно ушли придворные Анны, которымъ она приказала ждать ее въ тронномъ залѣ.

— Что долженъ я передать государынѣ?—спросилъ Биренъ.

— Что князь Василий Лукичъ Долгорукий, сенаторъ Голицынъ и генералъ Леонтьевъ прибыли съ первѣйшей важности порученiями отъ имени всей Россiи,—сказалъ Долгорукий.

Биренъ вышелъ.

Несмотря на всю его выдержку, было замѣтно, что князь Василій Лукичъ волнуется. Тонкія ноздри его орлиного носа слегка вздрагивали, рука нервно сжимала рукоять шпаги, а другой онъ то и дѣло оправлялъ на груди красную ленту. Какъ Анна, такъ и онъ, словно два врага, ждали и боялись этой встрѣчи. Долгорукій, помимо успѣха officialнаго, еще хотѣлъ прежняго успѣха, успѣха у женщины, и какъ ни странно, но предстоящая встрѣча больше всего волновала его именно съ этой стороны. Голицынъ былъ совершенно спокоенъ: во-первыхъ, онъ не былъ членомъ совѣта и не игралъ никакой активной роли, а, во-вторыхъ, былъ слишкомъ увѣренъ въ могущество своего брата, фельдмаршала Михаила Михайловича, и въ умъ другого брата—Дмитрія Михайловича. Былъ спокоенъ и Леонтьевъ, не чувствуя на себѣ никакой отвѣтственности и виолнѣ увѣренный въ успѣхъ начинанія.

Алеша Макшеевъ все украдкой зѣвалъ и изрѣдка повторялъ: «Когда-то Господь приведетъ выспаться». Даже за время этого пятидневнаго путешествія, съ долгими стоянками, ночлегами и удобнымъ экипажемъ, онъ и то ухитрился не выспаться. Вездѣ и всегда онъ находилъ для себя какое-либо развлеченіе. То затѣветъ игру въ карты, кости, а коли нѣтъ, такъ просто въ четъ и печетъ съ какимъ-нибудь сержантомъ, начальникомъ поста да и играетъ всю ночь, когда уже пора снова выѣзжать. Или пропадетъ въ сосѣднемъ селѣ или городишкѣ. Не разъ Шастуновъ и Дивинскій думали, что совсѣмъ потеряли его, но онъ былъ точенъ и всегда ед-время уже былъ на своемъ мѣстѣ, распоряжаясь, хлопоча, исполняя свои обязанности и порученія генераловъ.

И теперь, казалось, его мало занимало происходящее передъ его глазами, глубокаго значенія чего онъ не понималъ.

Зато Шастуновъ и Дивинскій, присоединившійся къ посольству въ малой залѣ послѣ того, какъ разставилъ караулы, не могли скрыть своего волненія. Этотъ день былъ для нихъ великимъ днемъ. На шагъ, сдѣланный верховнымъ совѣтомъ, они смотрѣли, какъ на первый шагъ на пути къ осуществленію высокихъ идей освобожденія народа отъ рабства, уравниенія сословій и уничтоженія привилегіи высшихъ классовъ. Проектъ князя Дмитрія Голицына и его взгляды и стремленія—все говорило за то, что Россія быстро двинется по новому пути впередъ, лишь бы теперь былъ перейденъ завѣтный порогъ.

Шастуновъ глубоко проникся идеями, уже начинавшими волновать общество во Франціи, откуда онъ только что вернулся. Эти идеи уже носились въ воздухѣ въ лихорадочной жизни Парижа и всей Франціи.

Это было время, когда восемнадцатилѣтній юноша, швейцарскій гражданинъ, пламенный Руссо еще бессознательно воспринималъ ихъ въ свою юную душу, и онѣ копились тамъ, какъ зарождающіеся

громы; когда Вольтеръ уже ковалъ свои смертоносныя, отравленныя стрѣлы...

Въ Дивинскомъ Шастуновъ встрѣтилъ единомышленника. Во время долгаго пути юноши вели между собою нескончаемыя бесѣды на эту тему. Со всей пылкостью и энтузіазмомъ двадцати лѣтъ они отдались, какъ имъ казалось, великому дѣлу освобожденія родины.

Дивинскій былъ одинокъ и приходился дальнимъ родственникомъ князю Юсупову. Но, кромѣ увлеченія идеей, у Дивинскаго были и другія причины вмѣшаться въ игру. Изъ разговора Шастуновъ понималъ, что Дивинскій увлеченъ княжной Юсуповой, дочерью Григорія Дмитріевича, Прасковьей Григорьевной. Юсуповъ же примкнулъ къ верховникамъ. Ихъ пораженіе было бы его гибелью и гибелью всѣхъ личныхъ надеждъ Дивинскаго. Въ случаѣ побѣды—онъ могъ рассчитывать и на личное счастье. Вотъ почему Ѳедоръ Никитичъ волновался вдвойнѣ.

Шастуновъ, въ свою очередь, мечталъ о Лопухиной. Кто въ двадцать лѣтъ не хотѣлъ бы казаться героемъ въ глазахъ любимой женщины...

Василій Лукичъ нетерпѣливо передергивалъ плечами; ожиданье казалось ему слишкомъ продолжительнымъ.

Но вотъ дверь въ тронный залъ широко распахнулась, и Бирень съ пизкимъ поклономъ произнесъ:

— Ея величество изволить ждать васъ.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ тотчасъ почувствовалъ, что протворился, и до боли прикусилъ нижнюю губу.

Сдѣлавшій шагъ впередъ Василій Лукичъ вдругъ остановился, нахмуривъ брови, и подозрительнымъ взглядомъ окинулъ Бирена.

Бирень окаменѣлъ въ своей почтительной позѣ. Это продолжалось одно мгновеніе.

— А!—сказалъ Василій Лукичъ,—кто былъ до меня?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ перешагнулъ порогъ тронной залы.

XXII.

Въ ярко освѣщенной залѣ, на возвышеніи, обитомъ малиновымъ бархатомъ, подъ балдахинномъ, увѣнчаннымъ герцогскою короной, стояла Анна. Блѣдность ея лица была скрыта подъ румянами. Въ бѣломъ платьѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, въ высокой прическѣ Анна казалась выше и стройнѣе. Ея фигура, съ гордо поднятой головой, не лишена была извѣстной величавости. Вокругъ нея стояли ея многочисленныя придворныя. Прекрасныя личики Юліаны и Адели выражали дѣтское любопытство. Онѣ, очевидно, съ трудомъ сдерживались, чтобы не обмѣняться впечатлѣніями. Баронъ Отто стоялъ неподвижно, какъ каменное изваяніе. Артуръ и графъ Кройцъ, сдавшій Дивинскому карауль, хранили суровую важность на сво-

ихъ молодыхъ лицахъ. Одинъ маленькій Аріальдъ, то и дѣло наклонившійся, чтобы расправить шлейфъ императрицы, весело и лукаво посматривалъ на окружающія важныя лица. Прибывшіе «враги» вовсе не казались ему страшными. Молодые офицеры такъ были красивы въ своихъ красныхъ мундирахъ съ золотыми галунами, этотъ пожилой самый главный, повидимому, такой стройный, съ такимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ лицомъ и гордыми глазами, ему положительно нравился, и два другихъ съ такими добрыми лицами... Нѣтъ, они совсѣмъ не страшны. Но, переведя взглядъ на желтое растерянное лицо Бенигны и неподвижное, блѣдное лицо Бирена, Аріальдъ чувствовалъ, что какая-то опасность какъ будто и существуетъ. Онъ весь былъ поглощенъ своими наблюденіями, когда раздался низкій, почти мужской голосъ Анны.

— Князь Василій Лукичъ, я не была заранѣе предупреждена о вашемъ пріѣздѣ, чтобы болѣе достойно встрѣтить императорское посольство. Но если пріемъ не достаточно торжественъ—то чувства наши отъ этого не менѣе искренни и благосклонны. Рѣдкіе гости російскаго императорскаго двора, какъ при любезнѣйшемъ дядѣ моемъ, какъ при блаженной памяти теткѣ, такъ и возлюбленномъ племянникѣ нашемъ, нынѣ благополучно царствующемъ императорѣ Петрѣ II, всегда были вѣстниками щедротъ и милости. Мы издавна знаемъ ваши вѣрноподданническія чувства, князь Василій Лукичъ,—продолжала она,—а такъ же и вашу приверженность нашимъ интересамъ. Будьте увѣрены въ моемъ благоволеніи и вы и ваши товарищи,—какъ доложили мнѣ, сенаторъ Голицынъ и генераль Леонтьевъ,—и эти юные офицеры побѣдоносной російской арміи.

При этихъ словахъ она слегка наклонила голову и кинула благосклонный взглядъ на Голицына и Леонтьева съ молодыми офицерами, стоявшихъ за спиной Василя Лукича.

Тѣ глубоко поклонились.

— Скажите же,—продолжала Анна:—вѣстникомъ какой новой милости являетесь вы сюда?

Всю свою рѣчь Анна произнесла съ достоинствомъ и большимъ самообладаніемъ.

Она говорила по-русски, и изъ всѣхъ присутствовавшихъ ее поняли, исключая посольства, лишь Биренъ да отчасти Аріальдъ. Биренъ скверно говорилъ по-русски, но понималъ.

Василій Лукичъ самъ былъ тонкимъ дипломатомъ, но рѣчь императрицы вызвала въ немъ искреннее удивленіе. Онъ ни одной минуты не сомнѣвался, послѣ обмолвки Бирена, что Аннѣ все извѣстно, что она была предупреждена о пріѣздѣ депутатовъ, но гдѣ она нашла столько спокойствія, самообладанія, чтобы такъ разыгрывать роль? Онъ не узнавалъ ее.

Но, поддерживая комедію, онъ наклонилъ голову и торжественно началъ:

— Простите, государыня (онъ тоже намѣренно избѣгалъ титула), простите, что не вѣстникомъ радости являемся мы. Мы приносимъ горестную вѣсть. Мы вѣстники горя, хотя смягчаемаго мудрымъ рѣшеніемъ народа.

Онъ помолчалъ, выдерживая паузу, какъ искусный актеръ, потомъ продолжалъ:

— Имѣйте мужество, государыня. Приготовьтесь къ тяжкому удару...

Анна стояла, опустивъ глаза.

— Вашъ возлюбленный племянникъ, нашъ обожаемый монархъ, императоръ всероссійскій Петръ II, волею Божіею, скончался въ ночь на 19-е сего января.

Анна подняла блѣдную руку къ глазамъ.

— Но,—торопливо продолжалъ Василій Лукичъ,—если гнѣвъ Божій и излился надъ Русью, то Господь далъ намъ и утѣшеніе и надежды на счастливое будущее. Войска, сенатъ, синодъ, генералитетъ, весь народъ провозгласилъ своей императрицей достойнѣйшую—васъ, ваше императорское величество!—при этихъ словахъ Василій Лукичъ ощутился на одно колѣно,—и зная,—продолжалъ онъ,—милосердное сердце ваше и высокій разумъ, пекущійся едино о благѣ народномъ, верховный тайный совѣтъ, купно съ синодомъ, сенатомъ, генералитетомъ и шляхетствомъ, составилъ пункты, дабы облегчить бремя царственныхъ заботъ милосердной монархини и дать свободу голосу народа вопіять о нуждахъ своихъ и принять народу участіе въ счастливѣйшемъ устроеніи судьбы своихъ. Да укрѣпите ваше императорское величество царственнымъ словомъ своимъ вѣчный союзъ между монархами и народомъ, да правите вы въ мирѣ и благоденствіи, купно съ совѣтниками вашими и народомъ, на благо великой Россіи, на грозу врагамъ ея!

Голосъ Василя Лукича дрогнулъ, и онъ низко склонилъ свою красивую голову.

Сердце Шастунова похолодѣло отъ восторга при этихъ словахъ князя. Онъ взглянулъ на Двинскаго. Тотъ стоялъ блѣдный, съ горящими глазами, сжимая рукоять шпаги.

Завѣтное слово было сказано.

Свершилось, — пронеслось въ мысляхъ Анны; — это не письмо графа Рейнгольда, не письмо Ягужинскаго, сообщавшихъ объ избраніи, но келейнымъ образомъ. Нѣтъ, это послы отъ всего народа необъятной имперіи подносятъ ей корону ея отца, ея великаго дяди. Корону Россіи, вознесенной на высоту, могучей, грозной, непобѣдимой! И хотя этого момента Анна ждала почти сутки и готовилась къ нему, все же она была потрясена. Баронъ Отто сдѣлалъ къ ней движеніе. Но Анна быстро оправилась, выпрямилась во весь ростъ, глаза ея загорѣлись, блѣдность лица видѣлась даже подъ румянами, и, глубоко потрясенная, она обратилась къ Василю Лукичу.

— Горестную и неописанную печаль привезли вы намъ извѣстьемъ о преставленіи его императорскаго величества Петра II, нашего любезнѣйшаго племянника и государя. И по близости крови и по добротѣ къ намъ покойнаго государя мы считаемъ эту печаль за Божье наказаніе для всей нашей фамиліи, а также для всего народа. Но вы объявляете мнѣ, что по соизволенію всемогущаго Бога, который токмо единъ опредѣляетъ державы и скипетры монарховъ, мы избраны на россійскій прародительскій престолъ. Что же, да будетъ воля Божія! Я повинуюсь Божеской волѣ, какъ бы ни было тяжело правленіе такой великой и славной монархіи. И знаемъ мы, что къ царственному труду нашему потребны блатіе совѣты, и для блага народа утвердимъ мы словомъ нашимъ, какими способами мы хотимъ вести правленіе наше кунно съ народомъ самимъ. И себя и всѣхъ васъ вручаю всемогущему Богу.

Анна замолкла.

— *Le roi est mort, vive le roi!*—произнесъ тихо Василій Лукичъ, поднимаясь съ колѣнъ.

— Да здравствуетъ императрица всероссійская Анна Іоанновна!—громко крикнулъ онъ, обнажая шпагу.

Восторженные клики загремѣли въ залѣ.

Биренъ уже успѣлъ объяснить придворнымъ, что происходитъ, и они присоединили свои восторженные привѣтствія къ кликамъ русскихъ.

Со счастливой улыбкой Анна милостиво протягивала руку для поцѣлуевъ.

— Ваше величество удостоите меня аудіенціи для подписанія кондицій, указующихъ пути правленія вашего,—твердо произнесъ Василій Лукичъ, глядя на Анну блестящими глазами.

Анна опустила глаза, и онъ не могъ прочесть въ нихъ блеснувшей угрозы.

— Да,—тихо отвѣтила она,—идите за мной.

Она сдѣлала милостивый жестъ присутствовавшимъ, какъ бы предлагая имъ остаться, и вышла, сопровождаемая торжествующимъ Василіемъ Лукичемъ и полными ревнивой злобы и отчаянія взглядами Бирена.

По уходѣ императрицы князь Михаилъ Михайловичъ, какъ старшій, подошелъ къ барону Отто, представился ему и попросилъ его позволенія представить членовъ посольства дамамъ.

Баронъ Отто отвѣчалъ съ изысканной любезностью, и скоро въ залѣ послышалась оживленная нѣмецко-французская рѣчь молодежи. Самъ баронъ съ Голицынымъ и Леонтьевымъ отошли въ дальній уголъ и занялись дипломатической бесѣдой, при чемъ генераль Леонтьевъ, не зная никакого языка, кромѣ русскаго, смертельно скучалъ, да, кромѣ того, усталъ съ дороги и ему хотѣлось только спать. Биренъ, не примкнувшій ни къ одной группѣ, нервно кусалъ

ногти, не смѣя итти вслѣдъ за императрицей и не рѣшаясь уйти домой. Бенигна съ уходомъ императрицы поспѣшила домой къ дѣтямъ.

Наконецъ, чтобы какъ-нибудь наполнить время, Бирень вышелъ справиться, исполнены ли его распоряженія о приготовленіи помѣщенія для посольства. Ему предстояло еще позаботиться, чтобы помѣщеніе это было прилично обставлено и чтобы депутаты верховнаго совѣта не имѣли ни въ чемъ недостатка во время пребыванія въ Митавѣ. Для этого Бирену приходилось порядкомъ опустошить хотя и обильно снабженные погреба герцогини да постараться достать денегъ. Впрочемъ, насчетъ денегъ онъ мало беспокоился. Онъ былъ увѣренъ, что князь Василій Лукичъ привезъ ихъ на нужды императрицы.

Тѣмъ временемъ молодые люди уже бесѣдовали, какъ друзья. Юліана и Адель съ большимъ интересомъ разспрашивали русскихъ офицеровъ о Петербургѣ и Москвѣ, о нравахъ общества, о костюмахъ дамъ. Графъ Кройцъ и Артуръ больше интересовались формой и жизнью гвардейскихъ офицеровъ. Молодые офицеры шутили, смѣялись, заранѣе приглашая своихъ хорошенькихъ собесѣдницъ на танцы на ближайшій придворный балъ, по случаю коронаціи Анны.

Всѣ радостно и съ надеждой смотрѣли впередъ. Молодость и жизнь улыбались имъ.

Но Аріальдъ, торопливо вошедшій въ залу, разстроилъ ихъ дружескую бесѣду. Подойдя къ капитану Дивинскому, онъ быстро проговорилъ:

— Сіятельный князь проситъ васъ.

Дивинскій извинился и поспѣшилъ за Аріальдомъ. Въ сосѣдней комнатѣ онъ засталъ Василю Лукича. Василій Лукичъ былъ, видимо, чѣмъ-то раздраженъ и взволнованъ.

— Слушай,—отрывисто произнесъ онъ,—намъ измѣнили, и, кажется, здѣсь (онъ указалъ рукою на дверь, за которой, повидимому, находилась императрица) насъ предають или хотять обмануть. Только хитры очень,—съ усмѣшкой добавилъ онъ.—Такъ вотъ, до насъ здѣсь уже былъ посоль отъ графа Ягужинскаго. Онъ уѣхалъ за нѣсколько часовъ до насъ. Капитана Сумарокова знаешь?—спросилъ князь.

— Лейбъ-регимента?

Князь кивнулъ головой.

— Хорошо знаю,—отвѣтилъ Дивинскій:—Петръ Спиридоновичъ.

— Ну, такъ это онъ,—продолжалъ князь:—что онъ привезъ, мнѣ не сказали, съ чѣмъ уѣхалъ — тоже не говорятъ. Наше дѣло новос, дѣло страшное. На кону стоятъ головы. Что тамъ дѣлается въ Москвѣ, Богъ вѣсть, какой комплотъ составляютъ враги,—можетъ, съ

пей вмѣстѣ. Такъ воть, бери двухъ людей, что порасторопнѣй, и гони за Сумароковымъ и привези его сюда. Поняль,—привези его сюда. Если онъ будетъ сопротивляться—убей его. Но живой или мертвый онъ долженъ вернуться въ Митаву. Ступай.

Василій Лукичъ круто повернулся и скрылся за дверью.

«Бѣдный русскій офицеръ, — подумаль подслушивавшій по обыкновенію Аріальдь:—бѣдняга, кажется, теперь пропаль со-всѣмъ. Напрасно я старался. Старикъ съ красной лентой шутить не любить».

Аріальдь еще разъ грустно вздохнулъ и вышелъ въ залу.

Дивинскій извинился передъ новыми знакомыми, сказалъ, что князь далъ ему маленькое порученіе, и вышелъ.

— Поймать Сумарокова!—подумаль онъ:—это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Ужъ коли пробрался въ Митаву, когда стояли на дорогѣ караулы, какъ же не проберется въ Москву, когда самъ же Василій Лукичъ приказаль снимать ихъ вслѣдъ за нами. И на чемъ ѣхать? Лошади устали...

Встрѣча съ Биреномъ вывела его изъ затрудненія. Онъ вспомнилъ разговоръ про Бирена, какъ про страстнаго любителя лошадей, тратившаго на нихъ послѣднія деньги.

Къ нему и обратился за лошадьми Федоръ Никитичъ. Дивинскій сказалъ, что по порученію князя надо догнать и вернуть нѣкоего человѣка, выѣхавшаго изъ Митавы. Бирень, конечно, сразу поняль, въ чемъ дѣло, и съ особой радостью заявиль, что черезъ нѣсколько минутъ ему подадутъ дивныхъ лошадей, достойныхъ самого Саладина.

Дивинскій приказаль взять, на всякій случай, еще трехъ запасныхъ лошадей изъ наименѣ уставшихъ и выбралъ себѣ въ спутники двухъ лихихъ преображенцевъ.

Дѣйствительно, лошади Бирена оказались достойны его похвалъ. Бирень любовно потрепаль каждую изъ нихъ по шеѣ, называя ихъ ласкательными именами, заботливо осматрѣль, хорошо ли онѣ осѣдланы, и наконецъ сказалъ, обращаясь къ Дивинскому:

— Онѣ проскачуть двадцать миль не уставая, за это я ручаюсь вамъ. Такихъ нѣтъ во всемъ герцогствѣ. Счастливаго пути.

Черезъ нѣсколько мгновений Дивинскій съ солдатами уже несся во весь опоръ по пустыннымъ улицамъ къ рижской заставѣ.

XXIII.

Оживленіе во дворцѣ продолжалось. Шастунову казалось, что съ его сердца скатился тяжелый камень. Въ отвѣтной рѣчи своей императрица явнымъ согласіемъ отвѣтила на слова князя о совмѣстномъ правленіи. Вопросъ рѣшенъ. Онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ.

Въ девять часовъ по приказанію императрицы всѣхъ пригласили къ ужину. Шастуновъ предложилъ руку Юліанѣ, а Макшеевъ, который уже не зѣвалъ больше,—Адели. Императрица велѣла садиться безъ нея. Князь Василій Лукичъ все еще былъ у нея.

Когда усѣлись за столъ, лакеи, по приказу князя Голицына, наполнили виномъ старинные кубки.

Голицынъ всталъ и, высоко поднявъ кубокъ, громко произнесъ по-нѣмецки:

— За славу и здоровье императрицы всероссійской Анны! Да процвѣтетъ подъ ея державой великая Русь! Да благоденствуетъ счастливая Курляндія! За русскій народъ! За доблестныхъ курляндцевъ! Ноч!

— Ноч! Ноч! Ура!—раздались восторженные крики. Зазвенѣли дѣдовскіе кубки.

На тостъ Голицына отвѣтилъ старый баронъ Отто пожеланіемъ успѣховъ гостямъ, привезшимъ вѣсть о великой радости...

Развеселившійся Макшеевъ поднялъ кубокъ за курляндскихъ красавицъ, а Артуръ—за русскихъ.

Веселіе царило самое непринужденное.

Наконецъ распахнулись двери, и на порогѣ появилась Анна. За ней слѣдовалъ князь Василій Лукичъ. Жаднымъ взоромъ впился въ лицо императрицы Биренъ. Но лицо Анны сіяло, князь еще выше и надменнѣе поднялъ голову.

Всѣ всгали, и снова раздались восторженные крики.

Анна съ улыбкой обвела всѣхъ блестящими глазами и взглянула на князя.

Старый дипломатъ мгновенно понялъ ея желанье. Онъ бросился къ ея прибору, быстро наполнилъ ея кубокъ виномъ и на подносѣ подаль его, низко кланяясь.

Анна подняла кубокъ.

— За новыхъ моихъ подданныхъ и за старыхъ друзей моихъ—курляндцевъ!

Восторженный «вивать» раздался въ отвѣтъ.

Императрица пригубила вина и поставила кубокъ на подносъ, который держалъ въ рукахъ князь Василій Лукичъ.

— Благодарю васъ,—сказала она:—завтра мы еще увидимся.

Она улыбнулась, кивнула головой и вышла, что-то сказавъ Василю Лукичу. На этотъ разъ князь не послѣдовалъ за ней.

Глубоко затаивъ въ себѣ обиды и опасенія, Биренъ подошелъ къ Василю Лукичу и почтительно доложилъ, что помѣщеніе для господъ депутатовъ готово и что весь штатъ дворца въ его полномъ распоряженіи.

Князь, не взглянувъ на Бирена, небрежно кивнулъ головой. Потомъ съ любезной улыбкой подошелъ къ старому барону, ска-

заль ему нѣсколько изысканныхъ любезностей, самъ представился дѣвущкамъ и со свойственнымъ ему умѣньемъ разговаривать съ женщинами успѣлъ произвести на нихъ пріятное впечатлѣніе. Дружески пожалъ руки молодымъ людямъ, выпилъ вина и, извинившись, ушелъ, оставивъ впечатлѣніе любезнаго, красиваго и изящнаго придворнаго. Съ нимъ вмѣстѣ вышли и Голицынъ съ Леонтьевымъ, горя нетерпѣніемъ узнать подробности свиданія съ Анной. Скоро разошлись по домамъ и другіе.

Биренъ, дѣйствительно, позаботился. Для депутатовъ былъ сейчасъ же снятъ рядомъ со дворцомъ просторный домъ, про который говорилъ Василій Лукичъ. Въ домъ стащили ковры, по суду, вина и всякой снѣди: медвѣжьихъ, телячьихъ, свиныхъ окороковъ, масла, яицъ и проч., что въ изобиліи доставлялись герцогинѣ съ ея обширныхъ «амштовъ»¹⁾, предоставленныхъ ей въ «диспозицію» на десять лѣтъ еще Петромъ I. Кромѣ слугъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ депутатами, Биренъ отправилъ туда еще повара и метръ д'отеля.

Биренъ самъ проводилъ депутатовъ до подъѣзда.

Нельзя передать чувства, наполнявшія душу Бирена. Рабскій страхъ, заставлявшій его унижаться передъ Васиціемъ Лукичомъ, человѣкомъ, смертельно обидѣвшимъ его, ненависть, ревность, стыдъ,—какъ змѣи, сплелись въ одинъ отвратительный клубокъ въ его душѣ. Онъ своими бы руками съ наслажденіемъ задушилъ этого надменнаго вельможу... но низко поклонился на небрежный кивокъ князя.

Василій Лукичъ прошелъ въ отведенныя ему комнаты вмѣстѣ съ Голицынымъ и Леонтьевымъ; тамъ онъ передалъ имъ свой разговоръ съ императрицей и показалъ имъ кондиціи, на которыхъ крупнымъ и четкимъ почеркомъ было написано: «По сему обя-зуюсь всѣ безъ всякаго изъятія содержать. Анна».

— Мы побѣдили!—произнесъ Голицынъ, перекрестившись.

Василій Лукичъ молча посмотрѣлъ на него и покачалъ головой. Нельзя сказать, чтобы онъ чувствовалъ себя вполнѣ побѣдителемъ. Что-то уклончивое, затаенное, словно скрытую угрозу, чувствовалъ онъ подъ внѣшнимъ благоволеніемъ и покорными словами Анны. Съ тайной досадой видѣлъ онъ, какъ она упорно и настойчиво отклоняла всякій осторожный намекъ его на бывшія когда-то между ними иныя отношенія.

Депутаты приступили къ сочиненію подробнаго донесенія верховному совѣту.

¹⁾ Земельные участки, въ родѣ нашихъ оброчныхъ статей.

Подвыпившій Макшеевъ съ наслажденіемъ растянулся на пышной мягкой перинѣ и съ чувствомъ радостнаго удовлетворенія произнесъ:

— Слава тѣ, Господи! Наконецъ-то я отосплюсь!..

Бѣдный прапорщикъ! Судьба зло шутила надъ нимъ. Не прошло трехъ-четыре часовъ, какъ его уже разбудили и потребовали къ князю.

Ворча подъ носъ и ругаясь, Макшеевъ одѣлся и явился къ Василию Лукничу. Василий Лукничъ былъ одинъ; Голицынъ и Леонтьевъ отправились спать.

Василій Лукничъ, какъ всегда, свѣжій и бодрый, встрѣтилъ его словами:

— Ну, поручикъ, лети въ Москву. Вотъ письма.

«Поручикъ!— подумалъ Макшеевъ:— со сна, что ли, я пригрезилъ?»

Князь улыбался.

— Поручикъ, поручикъ, поздравляю, — продолжалъ онъ:— свези письма князю Дмитрію Михайловичу и взамѣнъ получишь патентъ.

Послѣдніе остатки сонливости слетѣли съ лица Макшеева...

— Ваше сіятельство!— воскликнулъ онъ:— радъ служить роднѣ!

— Я знаю это, — произнесъ князь:— потому и вѣрю тебѣ! Спѣши.

Шастуновъ вzwолнованный долго не могъ заснуть, но едва онъ задремалъ, какъ въ комнату шумно вошелъ Макшеевъ.

— Шалешь, братъ!— громко крикнулъ онъ:— мы сами такіе же поручики!

Шастуновъ поднялъ голову.

— Ты что это?— спросилъ онъ:— спать надо.

— Кому спать, а кому ѣхать за фортуной, — весело говорилъ Макшеевъ, и въ короткихъ словахъ онъ передалъ Арсенію Кирилловичу о случившемся.

— Ну, желаю тебѣ успѣха, очень радъ, — искренно сказалъ князь.

— Смотри, братъ, вернусь генераломъ, — шутилъ Макшеевъ, торопливо пряча въ кожаный мѣшочекъ на груди драгоценныя письма.

Онъ крѣпко пожалъ руку Шастунову, выпилъ стаканъ вина, предусмотрительно запасеннаго имъ съ вечера, и ушелъ.

А Биренъ, не рѣшаясь уже безъ зова идти теперь къ императрицѣ, какъ побитая собака, пробрался, избѣгая встрѣчъ, къ себѣ. Онъ не пошелъ въ спальню, чтобы избѣжать разспросовъ Бенигны, а прошелъ въ свой кабинетъ. Тамъ онъ, не раздѣваясь, бросился

на диванъ и, уткнувшись лицомъ въ жесткую подушку, быть можетъ, въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни, заплакалъ. Это были слезы бѣшенства, и за каждую ядовитую слезу, падавшую на подушку, вышитую самой изысканней императрицей, должны были пролиться потоки крови.

И не разъ воспоминаше объ этихъ слезахъ погасить проблескъ человѣческаго чувства, когда вспыхнетъ онъ въ душѣ курляндскаго выходца въ грядущіе годы!

Биренъ всталъ и тихо прошелъ въ потайной покой, гдѣ были спрятаны имъ Густавъ Левенвольде, томившійся въ тревогѣ и неизвестности уже цѣлыя сутки.

Левенвольде не спалъ и спокойно читалъ библію. На его сухомъ, твердомъ лицѣ не отражалось никакого волненія. Напротивъ, онъ съ удивленіемъ взглянулъ на разстроенное лицо Бирена.

— Что случилось, Эрнстъ?—спросилъ онъ.

— Я погибъ, Густавъ,—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ Эрнстъ, хватаясь за голову.

— Сядь, успокойся и расскажи,—спокойно сказалъ Густавъ.

Биренъ въ волненіи началъ передавать ему событія дня.

— Ну, что жъ?—произнесъ Густавъ, когда онъ кончилъ:—что же случилось? Все произошло, какъ и надо было ожидать, Эрнстъ. Не думалъ ли ты, что князь Долгорукій бросится тебѣ на шею или императрица откажется отъ престола?

Онъ тихо засмѣялся.

— Анна—хитрая и умная женщина,—продолжалъ онъ,—и война только что началась. Здѣсь неудобное поле сраженія—вотъ и все. Терпѣніе, дорогой другъ.

Увѣренный, спокойный тонъ Густава подѣйствовалъ на Бирена.

— Мы не снимъ, слушай,—и хотя въ комнатѣ никого, кромѣ нихъ, не было, Левенвольде, нагнувшись къ самому уху Бирена, сталъ шептать ему.—Надо начинать игру,—закончилъ онъ:—Якубъ у тебя. Пришли его ко мнѣ, я заготовлю письмо брату.

Биренъ вышелъ замѣтно успокоенный. Онъ распорядился тихонько привести Якуба и уже хотѣлъ лечь спать, какъ явился довѣренный камеръ-лакей герцогини Францъ и сказалъ, что императрица ждетъ его.

Сердце Бирена преисполнилось надежды. Заднимъ ходомъ черезъ маленькую кухонную дверь, никѣмъ не замѣченный, онъ прошелъ во дворецъ...

Онъ вернулся оттуда на разсвѣтъ, довольный и счастливый, и прошелъ въ спальню, гдѣ вѣрная Бенigna въ тревогѣ ждала его... Нѣжные супруги еще не спали, когда на дворѣ началась обычная жизнь.

Въ это же утро княземъ Василюмъ Лукичомъ было отдано строгое приказаніе никого не допускать къ императрицѣ безъ его разрѣшенія.

Узнавъ объ этомъ, Анна только нахмурилась, но не сказала ни слова.

Если Бирень, желая доказать свою вѣрность и покорностью выиграть въ глазахъ князя Василя Лукича, даль Дивинскому дѣйствительно прекрасныхъ лошадей,—то для Якуба Левенвольде приказаль приготовить собственную лошадь Бирёна, зная, что Бирень съ радостью согласился бы на это.

Они дѣйствовали ради одной цѣли. Экономный Левенвольде, давая Якубу подробное письмо къ брату, не поспешилъ на деньги. Кромѣ того, хорошо знакомый со всѣми окрестностями Митавы, онъ объяснилъ ему кратчайшій путь на Ригу, помимо тракта.

Добравшись до домика вдовы Ленць, измученный и усталый Сумароковъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выспаться. Напрасно Яковъ твердилъ ему, что надо ѣхать впередъ, что лучше спать въ дорогѣ, напрасно онъ указывалъ ему возможность преслѣдованія, Сумароковъ только отмахивался рукой, едва соображая отъ усталости слова Якова. Притомъ онъ былъ увѣренъ, что все же императрица не выдастъ его окончательно.

Старуха Ленць приготовила ему укромное мѣстечко въ задней кладовкѣ. И когда Сумароковъ, снявъ тяжелые сапоги, легъ на мягкія перины, онъ мгновенно забылъ обо всѣхъ опасностяхъ и обезсиленный заснулъ глубокимъ сномъ.

Яковъ разбудилъ его къ вечеру, и, щедро заплативъ старухѣ, Сумароковъ въ скромномъ возкѣ благополучно выбрался изъ Митавы.

На рижской дорогѣ онъ облегченно вздохнулъ, узнавъ, что посольство явилось въ Митаву сравнительно очень недавно. Рассчитывая, что у него много времени впереди, Сумароковъ пересталъ торопиться. Но все же, добравшись до ближайшей почтовой станціи, онъ бросилъ свой наемный возокъ и приобрѣлъ верховыхъ лошадей,

XXIV.

Положеніе Дивинскаго было затруднительно. Представлялось не легкой задачей преслѣдовать въ неизвѣстной мѣстности чело-вѣка, уѣхавшаго за много часовъ раньше. Кромѣ того, ему было тяжело его порученіе. Онъ хорошо зналъ Сумарокова, не разъ водилъ съ нимъ компанію и привыкъ видѣть въ немъ товарища. Но мысль о томъ, что это дѣлается для блага родины, поддерживала его.

Кони Бирена дѣйствительно были хорошими скакунами. У заставы Ѳедоръ Никитичъ узналъ, что, кромѣ возка, въ которомъ сидѣлъ человѣкъ, назвавшійся купцомъ, съ приказчикомъ, никто не проѣзжалъ. Очевидно, этимъ человѣкомъ могъ быть Сумароковъ.

По ровной зимней дорогѣ дружно неслись кони. Дивинскій торопился. Гулко стучали копыта коней. Широкая дорога была ярко озарена луной. Было пустынно. Направо и налево чернѣлъ лѣсъ, и не виднѣлось признака жилья.

Но вотъ показался огонекъ. Это была почтовая станція. Дивинскій направился къ ней.

Онъ успѣлъ замѣтить, какъ какой-то человѣкъ при его приближеніи быстро юркнулъ въ маленькую калитку...

Чувствуя себя въ безопасности, имѣя передъ собой нѣсколько часовъ, Сумароковъ, запасшись верховыми лошадьми, далъ себѣ нѣкоторый отдыхъ.

Онъ ужиналъ. Передъ нимъ стоялъ медвѣжій окорокъ, и онъ не торопясь отрѣзывалъ отъ него лакомые куски, запивая рижскимъ пивомъ. Чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ больше приходилъ въ хорошее настроеніе. Онъ чувствовалъ себя внѣ опасности. Добравшись до Москвы, онъ найдетъ себѣ сильную защиту въ лицѣ Ягужинскаго, все ему расскажетъ, и, быть можетъ, Ягужинскій примкнетъ къ верховникамъ, и судьба его, Сумарокова, будетъ обезпечена.

Но радужное настроеніе камеръ-юнкера голштинскаго герцога было нарушено вбѣжавшимъ Яковомъ.

Яковъ вбѣжалъ испуганный и встревоженный.

— Ъдутъ,—крикнулъ онъ:—за нами погоня. Они постигли насъ! Спасайтесь!

Сумароковъ вскочилъ:

— Что случилось?

Въ отвѣтъ на свой вопросъ онъ услышалъ неистовый стукъ въ ворота.

— Спасайтесь,—повторилъ Яковъ:—это за вами.

Испуганный хозяинъ выскочилъ изъ темной клѣтн. Яковъ схватилъ его за руку.

— Что ты дѣлаешь!—воскликнулъ Сумароковъ.

— Скажите ему, чтобы онъ не отпиралъ воротъ,—быстро отвѣтилъ Яковъ, продолжая держать толстаго перепуганнаго нѣмца.

Сумароковъ понялъ.

Онъ вынулъ пистолетъ и, обратясь къ дрожавшему отъ страха нѣмцу, сказалъ ему:

— Не смѣй открывать воротъ.

Нѣмецъ послушно опустилъ голову.

— Я бѣгу,—сказалъ Яковъ:—я знаю здѣсь задній ходъ, я подведу лошадей къ окну.

Съ этими словами онъ поспѣшно выбѣжалъ.

Перепуганный на смерть нѣмецъ забился въ уголь, весь дрожа.

Собаки заливались на дворѣ бѣшенымъ лаемъ.

Тяжелыя ворота сотрясались подъ ударами.

Блѣдный и рѣшительный, Сумароковъ положилъ на столъ пару пистолетовъ и взялъ въ руку шпагу.

Одинъ за другимъ раздалися два выстрѣла. Это по приказанію Дивинскаго перелѣзшій черезъ заборъ вахмистръ разбилъ на воротахъ тяжелый замокъ.

Въ комнату вбѣжалъ Яковъ.

— Скорѣй, въ окно,—крикнулъ онъ:—тамъ лошади!

Сумароковъ бросился къ окну, но едва вскочилъ на подоконникъ, какъ въ горницу ворвался Дивинскій и крикнулъ:

— Капитанъ, я буду стрѣлять. Стойте!

Въ то же мгновеніе вбѣжавшій преобразенецъ направилъ ружье на Якова: сопротивленіе было невозможно.

Сумароковъ все же хотѣлъ прыгнуть въ окно, но къ ужасу своему увидѣлъ у окна солдата, взявшаго на перевѣсъ ружье со штыкомъ.

Сумароковъ прыгнулъ назадъ.

Со шпагой въ рукѣ, негодующій и озлобленный, онъ остановился среди комнаты.

— А, Оедоръ Никитычъ,—произнесъ онъ:—здравствуйте. Я думалъ, разбойники напали, а нъ оказался свой же братъ, офицеръ гвардіи. Чего вамъ надобно?

Дивинскій поблѣднѣлъ и обнажилъ шпагу.

— Капитанъ Сумароковъ,—сурово началъ онъ:—я не разбойникъ. Разбойникъ вы, что хотите зла Россіи. Сама императрица противъ васъ... Я долженъ арестовать васъ и доставить въ Митаву, по приказанію верховнаго тайнаго совѣта.

Лицо Сумарокова исказилось судорожной улыбкой.

— А,—произнесъ онъ:—такъ, значить, сама императрица противъ меня! Что жъ,—продолжалъ онъ:—ваше счастье...

— Вашу шпагу,—прервалъ его Дивинскій.

— Мою шпагу?—насмѣшливо повторилъ Сумароковъ.—Нѣтъ, я не отдамъ ее вамъ. Въ чемъ обвиняютъ меня? И въ чемъ виновать я? Я пріѣхалъ по порученію, коего послушаться не могъ. Вы сами знаете субординацію. Могъ ли я послушаться!

— Это разберутъ тѣ, кто приказалъ мнѣ задержать васъ,—сдержанно отвѣтилъ Дивинскій. И, замѣтя, что присутствіе остальныхъ, повидимому, стѣсняетъ Сумарокова, онъ приказалъ увести Якова и нѣмца.

Яковъ покорно послѣдовалъ за солдатомъ.

Оставшись вдвоемъ съ Сумароковымъ, Дивинскій спокойно вложилъ шпагу въ ножны и сѣлъ къ столу.

— А теперь, капитанъ,—началь онъ:—поговоримъ безъ помѣхи, на чистоту.

Сумароковъ тоже спряталъ шпагу и отвѣтилъ:

— Я ничего лучшаго не желаю.

Онъ сѣлъ и любезно предложилъ Дивинскому подкрѣпиться.

— Я самъ не успѣлъ кончить ужина,—съ улыбкой добавилъ онъ.

Дивинскій поблагодарилъ и не прошло пяти минутъ, какъ молодые люди ѣли и пили, какъ добрые пріятели. Сумароковъ былъ смѣль. Онъ понялъ, что ни бѣжать, ни сопротивляться невозможно, и мужественно глядѣлъ впередъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Митавѣ его не казнятъ, а въ Москвѣ все же онъ надѣялся на Ягужинскаго и его тестя великаго канцлера Головкина и, главнымъ образомъ, на императрицу. Не позволить же она казнить офицера гвардіи только за то, что онъ ради ея пользы пренебрегъ верховниками!

— Вы побѣдили,—говорилъ онъ Федору Никитичу:—не знаю, будетъ ли то на благо Россіи, но не будьте жестоки. Вспомните Меншикова. И что можете ожидать васъ! Императрица смѣла и лукава. Она не дастся безъ боя. Одно хорошо затѣяли господа министры—это не пускать въ Россію этого подлага колюха Бирена!

— Ага,—отвѣтилъ Дивинскій:—онъ сталъ, какъ шелковій. Прямо, какъ собака, смотритъ въ глаза князю Василию Лукичу.

— Дай ему только воли, онъ покажетъ себя,—замѣтилъ Сумароковъ.

— Такъ ѣдемъ?—спросилъ Дивинскій.

— Слово дворянина—я не сдѣлаю попытки къ бѣгству,—отвѣтилъ Сумароковъ.—Но,—добавилъ онъ:—вы захватили меня, но кто-то былъ у нея до меня, быть можетъ, важнѣйшій...

— Какъ такъ?—съ тревогой спросилъ Дивинскій.

Тутъ Самароковъ подробно разсказалъ Федору Никитичу дорожныя приключенія Якова и свои подозрѣнія.

Дивинскій внимательно выслушалъ его.

— Отъ кого же онъ могъ быть?

На этотъ вопросъ онъ не находилъ отвѣта. Только тревожное чувство сжимало его сердце. Гдѣ-то въ темнотѣ терпѣливо и настойчиво кто-то подготавливалъ имъ гибель. Нѣтъ врага страшнѣе незримаго.

Яковъ, узнавъ объ обѣщаніи своего господина, заявилъ, что барина своего ни за что не оставитъ.

Солдаты съ Яковымъ вывели за ворота лошадей и ждали офицеровъ. Въ это время вдали на дорогѣ, ярко озаренной луной, показался несущійся во весь опоръ всадникъ.

— Надо задержать,—произнесъ одинъ изъ солдатъ.

Но едва онъ выѣхалъ на середину дороги и крикнулъ:

— Стой! Кто ѣдетъ?—какъ всадникъ уже наскочилъ на него.

— Прочь!—закричалъ незнакомецъ.

Въ ту же минуту блеснулъ огонекъ, раздакъ выстрѣлъ, лошадь преображенца встала на дыбы, шарахнулась въ сторону, и незнакомецъ пронесся дальше.

— Опъ! Опъ! Это опъ!—какъ сумасшедшій, кричалъ Яковъ.— Бей его, кто въ Бога вѣруеть!

Почти одновременно раздались два выстрѣла. Это выстрѣлили изъ ружей оба солдата. Кромъ того, конный помчался за незнакомцемъ. Но сразу было очевидно, что погоня, если лошадь незнакомца не ранена, не можетъ достигнуть никакого успѣха.

— Это чортъ, а не лошадь,—произнесъ оставшійся вахмистръ. Дѣйствительно, незнакомецъ несся, какъ привидѣнiе. Лошадь разстиралась по землѣ, отбрасывая отъ себя и всадника рѣзкую, черную тѣнь на свѣтлую дорогу.

Скоро незнакомецъ скрылся изъ глазъ, а несшійся за нимъ преображенецъ все еще видѣлся вдали.

На выстрѣлы выбѣжали офицеры. Въ нѣсколькихъ словахъ Яковъ объяснилъ, что случилось. Опъ хорошо узналъ незнакомца. Это былъ тотъ самый человекъ, который отнял у него лошадь и заперъ въ клѣтъ.

Сумароковъ вздохнулъ. Опъ подумалъ, что если бы таинственные враги не предупредили его, опъ бы былъ встрѣченъ иначе и не былъ бы теперь въ такомъ унижительномъ положенiи.

— Ну, что жъ!—произнесъ Ѳедоръ Никитичъ:—теперь не поймашь. Думаю, что и унтеръ сейчасъ вернется. Гайда! въ Митаву!

Опъ вскочилъ на коня, и маленькiй отрядъ шагомъ направился по дорогѣ въ Митаву.

И у побѣдителя, и у побѣжденнаго были одинаково невеселыя думы.

У самой заставы они встрѣтили Алешу Макшеева. Радостный и возбужденный, Алеша пожалъ руку Сумарокову, выразилъ свое сожалѣнiе по поводу недоразумѣнiя съ капитаномъ и коротко разсказалъ Дивинскому о своей удачѣ. Дивинскiй поздравилъ его и, въ свою очередь, передавъ ему о встрѣчѣ, посоветовалъ поторопиться, и если еще возможно, задержать подозрительнаго незнакомца.

— Поймаю—не вырвется,—отвѣтилъ Макшеевъ и, вздохнувъ, добавилъ.— Опять не спавши! Когда-то Богъ приведетъ выспаться!...

Опъ попрощался и понесся дальше.

Пока Дивинскiй докладывалъ князю Василю Лукичу подробности ареста Сумарокова и встрѣчу съ таинственнымъ гонцомъ, бывшимъ въ Митавѣ раньше Сумарокова,—князь Шастуновъ дру-

жески привѣтствовали Петра Спиридоновича и отъ всей души жалѣль его.

— Но,—говорилъ онъ:—конечно, все выяснится. По всей справедливости въ отвѣтъ долженъ быть лишь графъ Ягужинскій. Вы его адъютантъ, вы не смѣли его послушаться.

Сумароковъ, по правдѣ говоря, не очень тревожился. Во всякомъ случаѣ судьба его рѣшится не здѣсь, а въ Москвѣ.

Дивинскій вернулся мрачный и озабоченный.

Князь очень сурово отозвался о Сумароковѣ. Онъ приказалъ немедленно отправить его въ острогъ и заковать въ цѣпи. А завтра утромъ подвергнуть допросу.

Сумароковъ сильно поблѣднѣлъ. Онъ не ожидалъ такого униженія. Острогъ! Цѣпи!

И Дивинскій и Шастуновъ находили эту мѣру слишкомъ суровой.

— Я не отправлю васъ теперь въ острогъ,—рѣшительно произнесъ Дивинскій:—я не тюремщикъ, да и не знаю, какъ здѣсь отправляютъ въ острогъ и гдѣ онъ. Завтра утромъ я представлю ему васъ для допроса. А теперь вы мой гость.

Сумароковъ отъ души поблагодарилъ молодыхъ офицеровъ.

Василій Лукичъ не спалъ. Отправивъ Макшеева и принявъ рапортъ Дивинскаго, онъ снова углубился въ работу. Онъ снова писалъ верховному тайному совѣту. Въ письмѣ онъ предлагалъ произвести самое строгое дослѣдованіе, кто и отъ кого былъ этотъ таинственный первый тонецъ; сообщалъ о предательствѣ Ягужинскаго и поимкѣ Сумарокова. Въ каждомъ словѣ его письма чувствовалась тревога, неуверенность за прочность достигнутыхъ результатовъ. По его мнѣнію, только неумолимой строгостью, даже жестокостью можно было закрѣпить достигнутые результаты. Особоно надѣялся онъ на суроваго князя фельдмаршала Василя Владимировича Долгорукаго.

Поблѣднѣло небо, рѣдѣлъ мракъ, а князь Василій Лукичъ все еще не спалъ.

«Скорѣе изъ этого осинаго гнѣзда, на просторъ, въ Москву», думалъ онъ.

Спать ему не хотѣлось.

Онъ приказалъ подать плащъ и вышелъ ко дворцу пройти и кстати провѣрить караулы. На улицѣ было пустынно. У воротъ и калитки дворца неподвижно стояли часовые. Они узнали князя и вытянулись.

Черезъ калитку князь вошелъ во дворъ. Въ окнахъ дворца было темно. У подъѣзда тоже стояли часовые. Князь усмѣхнулся. Ему показалась забавной мысль, что онъ, министръ верховнаго тайнаго

совѣта, держитъ свою императрицу въ почетномъ заточеніи; что эти солдаты слушаются только его приказаній и не смѣютъ слушаться приказаній императрицы всероссійской!

Онъ обошелъ дворъ. Но вдругъ онъ услышалъ за стѣной неясный шумъ. Василій Лукичъ остановился за выступомъ. Въ полусумракѣ зимняго утра онъ увидѣлъ, какъ открылась въ стѣнѣ незамѣтная дверь и появилась высокая стройная фигура, закутанная въ плащъ.

Князь безъ труда узналъ Бирена.

Онъ нахмурилъ брови.

«Вотъ какъ,—подумалъ онъ:—игра началась».

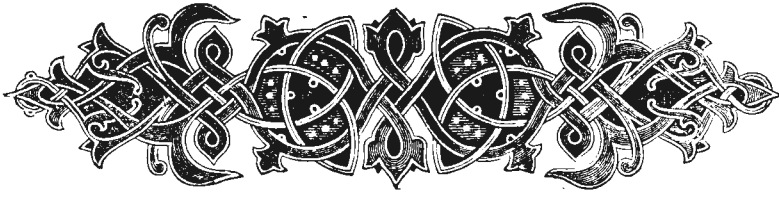
И, плотнѣе закутавшись въ плащъ, сумрачный и рѣшительный, онъ вышелъ за ворота дворца.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Конецъ первой части).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЪ МИНУВШАГО ¹⁾.

IV.

Поѣздка Дмитрія Борисовича въ 1816 г. въ Петербургъ.—Ненависть графа Аракчеева къ Дмитрію Борисовичу и послѣдствія ея.—Посѣщеніе Демьянова императрицей Маріей Теодоровной.—Назначеніе Дмитрія Борисовича сенаторомъ.—Ревизіи Владимирской губерніи и Кавказа.—Результаты этихъ ревизій.—Кончина Дмитрія Борисовича и послѣднія минуты его жизни, описанныя докторомъ Оседоромъ Петровичемъ Гаазомъ.—Дальнѣйшая жизнь семьи Мертваго послѣ кончины отца въ Демьяновѣ по запискамъ Т. П. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ».—Переѣздъ дочери Дмитрія Борисовича, Екатерины Дмитріевны Загоскиной, въ Казань начальницей института.—Бабушка Варвара Марковна и мой отецъ Петръ Дмитріевичъ слѣдуютъ за ней.—Семья Мертваго появляется въ Казани среди мѣстнаго дворянства.

МИТРІЙ Борисовичъ повезъ старшаго сына своего Николая въ Петербургъ въ 1816 году и помѣстилъ его въ Царскосельскій лицей. Ему опять предлагаютъ цѣлый рядъ должностей, отъ которыхъ онъ отказался, но на этотъ разъ выразилъ желаніе быть сенаторомъ въ Москвѣ.

Старая ненависть графа Аракчеева къ Д. Б. Мертваго не унималась, и онъ всюду, гдѣ могъ, старался вредить ему. Въ это время какъ разъ состоялось путешествіе императорской фамиліи въ Москву, которое вызвало необходимость выбрать въ Клину или ея окрестностяхъ мѣсто для пребыванія царской семьи. Просторный, комфортабельный домъ въ Демьяновѣ могъ вполне служить для этой цѣли, и московскій военный губернаторъ графъ Торماسовъ, осмотрѣвъ его, просилъ разрѣшенія Дмитрія Бо

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СXXXI, стр. 765.

рисовича назначить квартиру у него въ Демьяновѣ. Нѣсколько дней спустя онъ вдругъ отказался отъ этого намѣренія, говоря, что въ домѣ нѣтъ мѣста для свиты. На самомъ же дѣлѣ онъ боялся прогнѣвить графа Аракчеева приближеніемъ Дмитрія Борисовича къ царской фамиліи. Узнавъ объ этомъ, дѣдушка все-таки продолжалъ готовиться къ приему высокнхъ гостей. За нѣсколько дней до прибытія двора явился въ Демьяново камеръ-фурьеръ съ точнымъ указаніемъ готовить квартиру для императрицъ въ домѣ Дмитрія Борисовича и къ этому прибавилъ, что весьма возможно, что и государь остановится вмѣстѣ съ ними, такъ какъ на вопросъ, гдѣ будетъ жить царская семья, въ виду того, что деревянный дворецъ въ Клину сломанъ, князь Волконскій сказалъ: «У генерала Мертваго». Императрицы же говорили, что будутъ вмѣстѣ жить въ домѣ Дмитрія Борисовича. Кромѣ того, генераль-адыютантъ Храповицкій передалъ дѣдушкѣ, что государь при немъ сказалъ, что увидитъ Дмитрія Борисовича у него въ домѣ. Между тѣмъ интрига велась своимъ порядкомъ и взяла верхъ. Императорская фамилія была размѣщена въ Клину по квартирамъ; всѣ были недовольны. Раньше другихъ пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной. Дѣдъ мой былъ приглашенъ ими къ обѣду, при чемъ оба они жаловались на неудобства своей квартиры. Дмитрій Борисовичъ рассказалъ имъ о первоначальномъ планѣ помѣщенія ихъ въ Демьяновѣ.

На другой день, гуляя, они были близко отъ усадьбы Дмитрія Борисовича, которая находилась около самаго Клина. Великой княгинѣ понравилось мѣстоположеніе, и она высказала это дѣдушкѣ, который просилъ на слѣдующій день удостоить его посѣщеніемъ и позавтракать у него. Они оба согласились на это.

По расписанію на другой день должна была пріѣхать императрица Елизавета Алексѣевна, а два дня спустя императрица Марія Ѳеодоровна, но вмѣсто того государыня Марія Ѳеодоровна пріѣхала раньше.

На другой день поутру Варвара Марковна получила увѣдомленіе отъ статсъ-дамы княгини Волконской, что великая княгиня быть у нея не можетъ, такъ какъ кончилась ихъ воля съ пріѣздомъ матушки, причемъ объявляла, что всѣ должны представляться императрицѣ.

Дмитрій Борисовичъ отправился въ Клино, гдѣ у квартиры императрицы Маріи Ѳеодоровны была толпа народа, и даже приближенные не могли войти, благодаря тѣснотѣ помѣщенія. Императрица совершенно неожиданно вздумала посѣтить великую княгиню; не успѣли опомниться, какъ она уже шла по площади и, увидѣвъ Дмитрія Борисовича, подошла къ нему и сказала:

— Какъ рада, что васъ вижу.

Дѣдушка низко поклонился.

Она продолжала:

— Я очень жалѣю, что не у васъ; право, я боялась васъ обезпекоть.

— Какъ могли подумать вы, государыня? Вы бы великую мнѣ милость оказали—отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ.

— Итакъ, вы мнѣ позволите въ обратный путь у васъ остановиться,—продолжала императрица:—а между тѣмъ я желала бы поѣхать къ вамъ погулять въ саду.

Дмитрій Борисовичъ спѣшно распорядился къ принятію высокой гостыи; велѣлъ ожидать съ завтракомъ. Императрица пріѣхала съ маленькой свитой и сначала пожелала пройтись по саду. Графиня Ливень и Екатерина Ивановна Нелидова посовѣтовали Варварѣ Марковнѣ послать дѣтей въ садъ. Государыня ихъ приласкала и въ виду холодного вѣтра приказала принести платки на шею и сама ихъ надѣла дѣтямъ. Придя въ домъ, императрица все хвалила, посадила дѣтей вокругъ себя, поила ихъ изъ своей чашки кофе, говоря: «чтобы вы меня помнили». На другой день государыня пригласила Дмитрія Борисовича и Варвару Марковну къ себѣ обѣдать.

Вслѣдъ за отъѣздомъ императорской фамиліи Дмитрій Борисовичъ поѣхалъ представляться въ Москву, благодарить за посѣщеніе и оказанную ему честь. Государь обратился къ нему со словами: «Ваше превосходительство сдѣлались жителемъ Клинскаго уѣзда?» И онъ сталъ вспоминать, что помнитъ Демьяново при прежнемъ владѣльцѣ, когда онъ въ дѣтствѣ останавливался тамъ съ покойной императрицей Екатериной Алексѣевной.

Государя Марія Ѳеодоровна еще болѣе отличила дѣдушку. Благодаря его за угощеніе, она повернулась къ графу Торماسову и сказала:

— Я очень сожалѣю, что жила не у него, нельзя быть лучше порядка, какъ я у него въ домѣ видѣла. Какая вездѣ опрятность, чистота, все домашнее не богатое, но все со вкусомъ и прекрасно.

Графъ Тормасовъ почувствовалъ себя неловко и покраснѣлъ.

Впослѣдствіи оказалось, что государынѣ доложили, будто господскій домъ въ Демьяновѣ занятъ ткацкой, и что для пріема гостей пришлось бы выбрасывать станы, при чемъ сами хозяева помѣщаются въ службахъ. Ложь открылась сама собой.

Во время пребыванія Дмитрія Борисовича въ Москвѣ министръ просвѣщенія князь Голицынъ совѣтовалъ ему, чтобы не прогнѣвить государя, снова вернуться на службу. И дѣдъ мой, послѣ долгихъ колебаній, написалъ слѣдующее письмо государю:

«Вѣрноподданническое усердіе причиною смѣлости, съ коею дерзаю я просить службы вашего императорскаго величества».

Князь Голицынъ, извѣщая Дмитрія Борисовича о волѣ государя, разрѣшилъ чрезъ него подать прошеніе о назначеніи сенаторомъ въ московскій департаментъ, и 11-го декабря 1817 года Дмитрій Борисовичъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ.

Графъ Аракчеевъ въ то время управлялъ собственною канцеляріею его императорскаго величества и долженъ былъ увѣдомить Дмитрія Борисовича о назначеніи его сенаторомъ. Онъ этого не сдѣлалъ. Когда дѣдъ мой поѣхалъ представляться ему, графъ Аракчеевъ его не принялъ. Черезъ недѣлю Дмитрій Борисовичъ представлялся во дворецъ, и государь съ холодной учтивостью сказалъ ему:

— Я надѣюсь, что ваше превосходительство оправдаете мою къ вамъ довѣренность.

Императрица же Марія Ѳеодоровна съ добродушной улыбкой обратилась къ дѣдушкѣ:

— Вы мнѣ можете повѣрить, что я этому рада,—сказала она.

Вскорѣ послѣ этого приглашенный во дворецъ, Дмитрій Борисовичъ въ числѣ другихъ въ Тронномъ залѣ ожидалъ царскаго выхода. Графъ Аракчеевъ проходилъ изъ внутреннихъ покоевъ. Дмитрій Борисовичъ всталъ ему поклониться; онъ же, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его, прошелъ не кланяясь. То же самое повторилось и по возвращеніи графа Аракчеева. Съ тѣхъ поръ дѣдъ мой пересталъ ему кланяться.

Нѣкоторое время спустя пошли слухи, что императрица Марія Ѳеодоровна два раза выражала желаніе и просила государя назначить Дмитрія Борисовича почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго совѣта. Государь, предоставляя ей выбрать кого угодно, говорилъ, что Дмитрій Борисовичъ ему нуженъ.

Въ іюнѣ 1818 года Дмитрію Борисовичу было повелѣно ѣхать во Владимирскую губернію для изслѣдованія какого-то доноса. Въ то время, какъ онъ отсутствовалъ, государь получилъ донесеніе главнокомандующаго въ Грузіи и въ губерніяхъ Кавказской и Астраханской о злоупотребленіяхъ губернскихъ чиновниковъ въ краѣ и просьбу прислать безпристрастнаго сенатора. Комитетъ министровъ назначилъ сенаторовъ Саблина и Гермеса; но государь, зачеркнувъ имя Саблина, написалъ «Мертваго» и приказалъ Дмитрію Борисовичу по окончаніи ревизіи во Владимирской губерніи ѣхать на Кавказъ.

Кромѣ обычнаго ревизіоннаго отчета, сенаторомъ Д. Б. Мертваго была представлена записка о желательныхъ преобразованіяхъ въ управленіи Сѣвернаго Кавказа. Послѣдствіемъ этой записки было два важныхъ мѣропріятія: 1) въ 1820 году Черноморское казачье войско изъято изъ вѣдѣнія новороссійскаго генераль-губернатора и подчинено командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса; 2) Кавказ-

ская губернія переименована въ Кавказскую область и начальникомъ ея сдѣланъ командующій войсками на Кавказской линіи. Административный центръ области перенесенъ изъ Георгіевска въ Ставрополь.

Записки моего дѣда прерываются на ревизіи Кавказа, и дальнѣйшая рукопись ихъ, къ сожалѣнію, была затеряна. Впереди у него оставалось еще шесть лѣтъ жизни, и онъ провелъ эти годы среди своей семьи. Съ отеческой заботой онъ относился также къ своимъ братьямъ и племянникамъ и, какъ писалъ братъ его Степанъ Борисовичъ, чувствительное, доброе сердце, которое отражалось на открытомъ, благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, усердіе въ распространеніи добра—привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ».

Въ этотъ періодъ жизни въ Москвѣ дѣдъ мой близко сошелся съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и считался его другомъ.

Кончина дѣдушки Дмитрія Борисовича не менѣе знаменательна тѣмъ, что лечилъ его послѣдніе годы также человекъ, по нравственнымъ качествамъ много общаго съ нимъ имѣющій. Онъ скончался на рукахъ извѣстнаго доктора Федора Петровича Гааза, который въ письмѣ излагаетъ все, что происходило въ послѣднія минуты его жизни.

Вотъ этотъ старый документъ, оставшійся въ бумагахъ нашей семьи:

Mon dernier entretient avec S. E. le Sénateur Dmitri Borissowitch de Mertvago le 23 Juin 1824.

Le malade se trouvait très oppressé tout le courant de la matinée. Il me dit plusieurs fois qu'il sentait comme si sa vie ne dependait que d'un instant. C'était un sentiment inexprimable de faiblesse intérieure, que le malade avait éprouvé dès le premier accès d'asthme, il y avait 15 jours; et qui provenait d'une affection podagrique et de l'hydropisie dans la poitrine. Souvent on voyait que le malade se recueillait autant que possible pour prier Dieu.

Vers deux heures le malade pria sa fille aînée de nous laisser seuls. Il me dit alors d'une voix faible: «Dites-moi, M-r, je vous en prie, trouvez-vous du danger dans mon état?» Comme je tardais un peu à répondre, il ajouta: «je vous le demande en chrétien, je ne crains pas, je suis préparé! Je disais alors: «Nous sommes toujours dans la main de Dieu, et dans les maladies Dieu nous rappelle plus positivement, qu'il est notre Maître. J'ai beaucoup d'espérance; mais je ne puis pas ne puis vous avouer aussi qu'il y a du danger dans votre mala-

die». «C'est bien que vous me l'avez dit, je vous en remercie, je ferai donc venir les enfants—je crains de les effrayer, surtout Sophie, la cadette qui est encore malade». Après quelques moments le malade dit: «Je n'ai aucune disposition à faire; ma femme sait tout, tout est à elle. Mais je dois leur donner l'exemple d'une mort chrétienne». Je répliquais: «Non, Votre Excellence, pas de la mort; Dieu seul en sait le terme; mais l'exemple d'une résignation absolue et constante à la volonté de Dieu». «Le malade dit: «oui bien, c'est le fondement de tout»; un moment après le malade dit: «La parole du Père les engagera à la vertu». Je dis: «Et sa bénédiction sera sur eux». Le malade dit: «oui». C'est pour ainsi dire la dernière parole que ce vénéré malade prononça sur son passage de ce monde à l'éternité. La voix était déjà si faible, qu'il devait faire un effort pour dire: «La parole du Père les engagera à la vertu», et je ne saurais rendre l'attendantissement que ces paroles produisirent en moi. Une heure après accompagné des dernières prières du Curé, l'âme rentra dans le sein de son Sauveur; le mourant ayant l'attitude et la composition du corps de quelqu'un qui s'endort. La fin de sa vie était si douce, qu'on ne pouvait pas estimer quel en avait été le dernier moment.

Frederic—prof. Haas.

(Моя послѣдняя бесѣда съ г. сенаторомъ Дмитріемъ Борисовичемъ Мертваго сего 23-го іюня, 1824 г.

Все это утро больной находился въ очень удрученномъ состояніи, онъ нѣсколько разъ повторилъ, что чувствуетъ, что минуты его жизни сочтены. Это было ощущеніе невыразимой слабости, наступившей двѣ недѣли тому назадъ, сейчасъ же послѣ перваго приступа грудной жабы, причиной которой явились подагра и водянка въ груди. Часто больной старался сосредоточиться и молился Богу. Около двухъ часовъ полудни больной попросилъ свою старшую дочь оставить насъ вдвоемъ. Онъ тогда сказалъ мнѣ слабымъ голосомъ: «Скажите мнѣ, пожалуйста, не находите ли вы мое состояніе опаснымъ?» и, видя, что я медлю отвѣтомъ, прибавилъ: «Я васъ объ этомъ спрашиваю, какъ христіанинъ, я не боюсь, я готовъ!» Тогда я сказалъ: «Мы всегда находимся въ рукахъ Божіихъ, а во время болѣзни Богъ еще усиленнѣе напоминаетъ намъ, что онъ нашъ Властелинъ. Надежды у меня много, но я не могу не сознаться, что болѣзнь ваша опасна». «Хорошо, что вы мнѣ это сказали, благодарю васъ, теперь я позову дѣтей. Боюсь ихъ напугать, въ особенности младшую, Софію, которая еще не совсѣмъ здорова». Черезъ нѣсколько минутъ больной сказалъ: «Мнѣ не надо дѣлать никакихъ распоряженій, жена моя все знаетъ—все принадлежитъ ей. Но я долженъ подать имъ примѣръ христіанской кончины». Я возразилъ: «Нѣтъ, ваше превосходительство, не кончины, время которой извѣстно одному Богу, но примѣръ полной и постоянной покорности волѣ Божіей». Больной сказалъ: «Да, такъ—это основа всего!» Нѣсколько минутъ спустя больной сказалъ: «Слово Отца укажетъ имъ путь къ добродѣтели». Я сказалъ: «И его благословеніе будетъ съ ними!» Больной сказалъ «Да». Это было послѣднее слово, произнесенное уважаемымъ больнымъ при переходѣ его изъ этой жизни въ вѣчность. Голосъ его былъ уже такъ слабъ, что ему пришлось сдѣлать усиліе, чтобы сказать: «Слово Отца укажетъ имъ путь къ добро-

дѣтели», и я не могу выразить чувство умиленія, произведенное на меня этими словами. Часъ спустя, напутствуемая молитвами священника, душа его отлетѣла къ своему Создателю; умирающей оставался въ положеніи чловѣка, отходящаго ко сну. Конѣцъ его жизни былъ до того спокоенъ, что нельзя было подуматъ, что послѣдняя минута наступила).

Дмитрій Борисовичъ Мертваго похороненъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ.

На столѣтнемъ листѣ бумаги, обрамленномъ черной каемочкой, на его завѣщаніи неизвѣстной мнѣ рукой написано: «Мы имѣли несчастье потерять его 23 іюня 1824 года, въ три часа пополудни».

Прошло шесть лѣтъ послѣ кончины дѣдушки, и мы опять находимъ всю семью Мертваго въ селѣ Демьяновѣ, въ интересныхъ воспоминаніяхъ Татьяны Петровны Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Лѣтомъ 1830 г. Татьяна Петровна, тогда еще дѣвица, гостила у княжны Варвары Александровны Волконской въ сельцѣ Нагорномъ Клинскаго уѣзда Московской губерніи. Въ первый же день своего приѣзда Татьяна Петровна изъ разговоровъ узнала, что княжна очень дружна съ семействомъ Варвары Марковны Мертваго (тогда уже вдовы) и часто бываетъ у нихъ запросто, кромѣ определенныхъ пріемныхъ дней. «Въ ихъ имѣніи Демьяновѣ въ иные дни съѣзжались почти всѣ сѣсѣди и многіе инженеры изъ Клина, которые тогда подъ начальствомъ полковника Николая Николаевича Загоскина вели работы канала около Подсолнечной. Онъ съ нѣкоторыми изъ инженеровъ часто бываетъ у Мертваго и иногда проводитъ у нихъ по нѣскольку дней сряду, будучи съ ними въ родствѣ. У Варвары Марковны было три сына и четыре дочери. Одна замужемъ, а три живутъ съ нею, еще молодыя дѣвушки. Это очень образованное семейство и принадлежитъ къ высшему кругу общества. Варвара Марковна замѣчательно умная, добрая и дѣятельная старушка. Сама завѣдываетъ всѣмъ хозяйствомъ и обширной фабрикой, на которой работаютъ миткаль, кисей и холстинки.

«Недѣли черезъ двѣ княжна собралась ѣхать въ Демьяново и меня брала съ собою. День былъ праздничный и пріемный. Сердце у меня замерло, когда мы подъѣхали къ крыльцу большого каменнаго дома, стоявшаго во дворѣ; за домомъ виднѣлся паркъ, а вдали фабрика. Изъ залы мы вошли въ широкій коридоръ, въ концѣ его тремя широкими ступенями спустились въ лѣтнюю гостиную. Въ раскрытыя окна этой комнаты виднѣлись деревья парка, а въ растворенныя стеклянныя двери въ уровень съ паркетомъ пестрѣлъ цвѣтникъ, затопленный цвѣтами, наполнявшими своимъ ароматнымъ запахомъ всю комнату. Въ гостиной было много посѣтителей. На двухъ ломберныхъ столахъ играли въ карты и слышались разговоры, большую частью на французскомъ языкѣ. Когда мы вошли въ комнату, изъ-

за одного стола приподнялась съ дивана небольшого роста полная старушка въ распашномъ капотѣ изъ англійской холстинки, безъ чепчика, съ коротко остриженными волосами, уже посѣдѣвшими. Это была Варвара Марковна Мертваго. Веселый, проницательный взглядъ ея показывалъ доброту, просвѣтленную умомъ, выходящимъ изъ ряда умовъ обыкновенныхъ, и самостоятельный характеръ. Положивши на столъ карты, которыя держала въ рукахъ, она пошла намъ навстрѣчу такъ просто, такъ пріятельски, что съ перваго взгляда на нее я почувствовала къ ней уваженіе и душевную близость. Княжна представила ей меня, шутя называя своей дочерью. Варвара Марковна, ласково улыбаясь мнѣ, отвѣчала княжнѣ: «Право? какъ же это такъ, княжна?» Потомъ, показывая мнѣ рукою на сидѣвшую подлѣ нея на диванѣ высокую, стройную дѣвушку-брюнетку, съ нѣсколько рѣзко выразительными чертами лица, одѣтую въ бѣлое платье, сказала: «Дочь моя Катерина Дмитріевна». Молодая дѣвушка, вставши съ дивана, привѣтливо, но какъ бы покровительственно, подала мнѣ руку и, обратясь къ княжнѣ, смѣясь проговорила: «Откуда это вы, ваше сіятельство, приобрѣли себѣ дочку?» Княжна ей отвѣчала какой-то шуткой. Поговоривши съ княжной, Катерина Дмитріевна предложила мнѣ итти въ садъ, гдѣ находилось молодое общество. Никогда не робѣла я такъ, какъ проходя цвѣтниками, аллеями, пробираясь между деревьями къ этому молодому обществу. Вскорѣ до слуха моего донесся говоръ нѣсколькихъ голосовъ, смѣхъ, и замелькали изъ-за густыхъ листвъ бѣлыя и цвѣтныя платья, мундиры инженеровъ, блеснули серебряныя эполеты, и открылась среди тѣнистыхъ деревьевъ лужайка, на которой молодыя дѣвушки и молодые люди одни сидѣли на скамейкахъ, другіе стояли; дѣти бѣгали, играли съ серсо, воланъ. Два очень молодые инженера пробовали прыгать на веревочной сѣткѣ, натянутой на четырехугольный деревянный срубъ, четверти на двѣ вышиною отъ земли. Не удерживая равновѣсія, они часто падали, что возбуждало всеобщее удовольствіе. Катерина Дмитріевна представила мнѣ двухъ меньшихъ сестеръ своихъ, переименовала всѣхъ присутствующихъ, потомъ, указывая на меня, добавила: «ее зовутъ Танюшей, теперь знакомьтесь». Сказавши это, она отпустила мою руку и стала весело говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ, съ какимъ-то авторитетомъ. Приемы ея были благородны и до того самобытны, что рельефно выдвигали ее изъ числа всѣхъ. Мнѣ оставалось вмѣшаться въ веселую толпу, взоры которой на мгновение сосредоточились на мнѣ. Я была смущена; чувствовала себя въ средѣ мнѣ чуждой, новой и, не зная, какъ въ ней найтись, сочла за лучшее отнестись ко всѣмъ холодно. На всѣ вопросы я отвѣчала такъ коротко и сухо, что вскорѣ меня оставили въ покоѣ, и только изрѣдка, какъ бы вспомнивши о моемъ присутствіи, кто-нибудь изъ вѣжливости принужденно обращался ко мнѣ съ ничтожной фразой.

Чтобы понять характеръ и главные интересы этого общества, я на досугѣ стала прислушиваться къ разговорамъ, и, къ удивленію, не могла уловить ихъ содержанія, только чувствовала игривость, легкость, грацію—ароматъ свѣтской образованности—недоступныя мнѣ. Я смутно понимала, что сблизиться съ этимъ кругомъ мнѣ будетъ трудно, понимала, что все то, къ чему я привыкла, что приводитъ меня въ восторгъ, отъ чего наворачиваются слезы и захватываетъ духъ, будетъ тутъ неумѣстно, странно, даже смѣшно, и что интересы, передъ которыми я благоговѣю, плохія нитки, чтобы вышивать ими въ границахъ свѣтскихъ пялецъ. Когда насъ позвали обѣдать, многіе, проходя цвѣтниками, рвали цвѣты и прикалывали ихъ себѣ къ поясу, къ волосамъ. Я очень любила цвѣты, но не рѣшалась сорвать ни одного цвѣтка. «На что онъ мнѣ?» подумала я печально. Кто-то подалъ мнѣ вѣточку; войдя въ комнату, я его бросила на окно. Въ залѣ былъ накрытъ длинный столъ съ блестящимъ серебромъ, хрусталемъ, цвѣтами и фруктами. Обѣдъ былъ роскошенъ и шелъ долго; я скучала, томилась и рада была, когда встали изъ-за стола. Всѣ шумной толпой пошли въ гостиную, выходящую въ коридоръ, дверь изъ двери противъ залы. Спустя полчаса, въ залѣ раздались звуки органа; мальчикъ, одѣтый казачкомъ, наигрывалъ французскую кадрили. Инжеперы бросились приглашать дамъ. Я замѣтила, что одного кавалера посылали пригласить меня, а онъ отговаривался, наконецъ нехотя подошелъ ко мнѣ, танцуя, сказалъ мнѣ нѣсколько словъ и завелъ рѣчь съ близъ стоявшей дамой. Наступилъ вечеръ. Комнаты освѣтились лампами и восковыми свѣчами. Офиціанты въ бѣлыхъ перчаткахъ подавали десертъ и чай. Въ освѣщенномъ коридорѣ встрѣчались горничныя въ шелковыхъ и раскрашенныхъ кисейныхъ платьяхъ, съ подобранными подъ сѣтку волосами. Старшіе расположились въ гостиной: одни сѣли за карты, другіе, раздѣлившись на группы, вели разговоры. Самый оживленный разговоръ шелъ около Варвары Марковны. Между тѣмъ въ раскрытыя окна вступила тихая, ясная ночь. Молодой кружокъ собрался въ лѣтней гостиной. «Ахъ, какая славная ночь! — сказала Катерина Дмитріевна, стоя въ дверяхъ, растворенныхъ въ цвѣтникъ.—Дѣти, пойдемте въ садъ». Живая, игривая толпа высыпала въ цвѣтникъ и притихла, охваченная ароматомъ цвѣтовъ и блескомъ мѣсяца. Спустя нѣсколько минутъ всѣ, разговаривая, шеренгой ходили вдоль длинной, широкой аллеи изъ липъ. Катерина Дмитріевна ходила поодаль, подъ руку съ бѣлокуримъ инженеромъ въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ. Онъ былъ средняго роста, плотенъ, съ пріятнымъ веселымъ лицомъ, выражавшимъ открытую, добрую душу. Они разговаривали съ жаромъ, вполголоса.

«— Кто это?—спросила я шедшую рядомъ со мною молоденькую дѣвушку, указывая на этого инженера.

«— Николай Николаевич Загоскинъ,—отвѣчала та,—начальникъ инженерныхъ работъ въ Подсолнечной.

«— Родственникъ Варвары Марковны?

«— Да, и братъ писателя Загоскина; вамъ его называли.

«— Право, я всёхъ перемѣшала,—я слушала безъ вниманія.

«Загоскинъ и Катерина Дмитриевна долго ходили отдѣльно, вдругъ, какъ бы опомнившись, что не одни, прервали жаркій разговоръ и вполголоса стали напѣвать:

«Прекрасный день, счастливый день,
И солнце, и любовь,
Съ ночныхъ полей сбѣжала тѣнь,
Свѣтлѣть солнцемъ вновь».

«Вслѣдъ за этимъ романсомъ, смѣясь, какъ бы приглашая всёхъ къ участию, громко запѣли:

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Совсѣмъ сталь не такой,
Рѣчи не веселы, грубъ,
Что ни скажетъ»—и проч.

«Мгновенно нѣсколько свѣжихъ молодыхъ голосовъ подхватили живую пѣсню, и все слилось въ куда-то уносящій душу хоръ. Подъ эти игривые звуки чувство одиночества до того тяжело овладѣло мною, что я только и думала, какъ бы поскорѣе уѣхать въ Нагорное, гдѣ мнѣ легко жилось.

«Мы уѣхали послѣ ужина. Мнѣ показалось, что я очнулась отъ роскошнаго, но гнетущаго сна и отдохнула въ коляскѣ среди тишины полей и перелѣсковъ, облитыхъ голубоватымъ свѣтомъ мѣсяца.

«— Ну, что, Танечка,—спросила меня на другой день княжна:—какъ тебѣ показались Мертваго?

«— Никакъ;—отвѣчала я:—что же я могу сказать, мы едва знакомы.

«— Ничего, познакомитесь ближе, сойдетесь. Вчера народу было много,—сказала княжна:—ты не дичись ихъ, семейство достойное. Варвара Марковна умнѣйшая жепщина и истинная христіанка, много добра дѣлаетъ такъ, что лѣвая рука не знаетъ, что творитъ правая. Молодыхъ-то я зову—вѣтеръ въ полѣ, молодо, зелено, а милы и добродушны; отецъ ихъ былъ также добрѣйшій и честнѣйшій человекъ. Онъ занималъ мѣсто сенатора, все родство у нихъ знатное. Варвара Марковна сама урожденная Полторацкая; повѣрь, узнаешь ихъ короче, полюбишь.

«Врядъ ли,—подумала я:—во мнѣ недостаетъ чего-то для этого сближенія». Я сознавала, что чужды мнѣ формы свѣтской жизни

женскаго общества для меня недоступны и что онѣ, несмотря на то, что кажутся легки, даже какъ будто ихъ вовсе нѣтъ, по неприличныхъ къ нимъ вяжутъ: и не тяжело, да какъ-то не свободно.

«Мы стали бывать у Мертваго довольно часто. Иногда молодыя дѣвушки прїѣзжали къ княжнѣ. Катерина Дмитриевна всегда верхомъ на своей любимой лошади въ сопровожденіи Николая Николаевича. Она ѣздила смѣло, ловко и въ своей длинной синей амазонкѣ, съ черной шляпой на головѣ, подъ зеленымъ вуалемъ была прекрасна. Катерина Дмитриевна первая приблизилась ко мнѣ тепло, но какъ-то покровительственно; потомъ дружески сошлись и ея сестры, особенно меньшая, только что вышедшая изъ Смольнаго монастыря. Варвара Марковна показывала ко мнѣ большое расположеніе и участіе. Сблизившись со всеми, я стала иногда высказываться и до того забиралась въ либерализмъ и высшіе взгляды, что не могла и концовъ свести. Варвара Марковна, слушая меня, добродушно смѣялась и говорила княжнѣ: «Что это, княжна, Танечка-то у тебя такія страсти рассказываетъ, настоящій студентъ-карбонари». Я краснѣла, потупляла глаза и останавливалась. «Зачѣмъ это вы, маменька, сконфузили ее», замѣчала иногда Катерина Дмитриевна: «продолжай, Танюша, не смущайся, выберешься какъ-нибудь». Но я не продолжала, а становилась осмотрительнѣе и проще. Мало-по-малу самыя манеры мои и тонъ сдѣлались женственнѣе и болѣе подходящими къ тону ихъ дома. Въ августѣ княжнѣ понадобилось куда-то ѣхать по дѣламъ; Мертваго предложили ей оставить меня у нихъ до ея возвращенія. Сосѣди, видя ко мнѣ дружбу Мертваго, сдѣлались внимательнѣе, тѣмъ болѣе, что я никому не заступала дороги. Они стали приглашать меня къ себѣ». (См. «Русская Старина». 1876 г., май, стр. 92—101).

Въ тридцатыхъ годахъ семья Мертваго, съ замужествомъ дочерей, стала распадаться. Дочери Дмитрія Борисовича представляли собой культурныхъ и образованныхъ дѣвушекъ московскаго дворянскаго круга того времени. Онѣ воспитывались эмигрантами и, какъ рассказывала мнѣ моя тетка Екатерина Дмитриевна Загоскина, французженка, ихъ воспитательница, сама изъ дворянской семьи, имѣла свои пріемные дни, на которыхъ собирался кружокъ образованныхъ людей французовъ. И когда она приглашала своихъ воспитанницъ на пріемъ, разговоры велись подходящіе для ихъ возраста и пониманія. Всѣ мои тетки прекрасно владѣли французскимъ языкомъ, старшая изъ нихъ, Екатерина Дмитриевна Загоскина, была совершенно выдающаяся женщина умомъ, энергіей, образованіемъ; она до глубокой старости сохранила отпечатокъ старой культуры, которая рѣдко встрѣчается среди старухъ нашего времени. Память до старости не измѣняла ей, и она за нѣсколько дней до кончины наизусть цитировала Вольтера съ полужакрытыми

глазами, лежа уже на смертномъ одрѣ. Серьезное образованіе сослужило ей службу; нося въ себѣ наслѣдственныя, вѣроятно, отъ Полторацкихъ, энергію и предприимчивость, Екатерина Дмитриевна увлеклась устройствомъ фабрики и прогорѣла на ней, такъ же, какъ ея мать, Варвара Марковна, и братъ, Николай Дмитриевичъ. Потерявъ все состояніе, Екатерина Дмитриевна поѣхала въ Петербургъ, и друзья поддержали ее. Разореніе ея стало извѣстно государынѣ Александрѣ Феодоровнѣ, которая изъ собственныхъ средствъ выдала ей на уплату экстренныхъ долговъ и тотчасъ же назначила начальницей казанскаго Родіоновскаго института, который еще въ то время строился.

Бабушка моя, Варвара Марковна Мертваго, переѣхала вмѣстѣ съ дочерью въ Казань. Екатерина Дмитриевна была начальницей около двадцати пяти лѣтъ, и въ исторіи казанскаго института сыграла крупную роль. Память о ней до сихъ поръ еще живетъ среди стараго поколѣнія ея воспитанницъ.

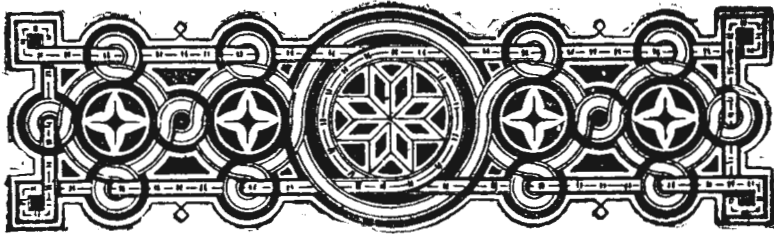
Мой отецъ, братъ Екатерины Дмитриевны, Петръ Дмитриевичъ Мертваго, вслѣдъ за матерью и сестрой также переѣхалъ въ Казань, адъютантомъ казанскаго генералъ-губернатора Стрелкова.

И въ слѣдующемъ ходѣ моей семейной хроники мы встрѣтимъ семью Мертваго уже среди казанскихъ дворянъ и мѣстныхъ старожилонъ, изъ которыхъ вышла моя мать Марія Николаевна, рожденная Дебрейсь.

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТѢНИ ПРОШЛАГО¹⁾.

ЮБЯ ТОЛСТЫХЪ, я сблизилась и съ толстовцами, изъ которыхъ больше всѣхъ по душѣ мнѣ пришелся добрый и умный Бирюковъ. Онъ, какъ и я, любилъ Льва Николаевича и Марію Львовну, и это насъ сблизало. Чертковъ мнѣ меньше нравился, несмотря на свой ореолъ любимаго ученика. Всѣ мои знакомые литераторы, между собой несходные и не всегда дружные, также были большими поклонниками Льва Николаевича, интересовались и его работами и его жизнью и при встрѣчахъ мы непрѣмѣнно спрашивали другъ друга:—Ну что въ Ясной?—Что въ Хамовникахъ?—Страховъ особенно усердно дѣлился со мной всякимъ извѣстіемъ изъ Ясной. Какъ-то я читала его письмо, приложенное къ книгамъ, которыя онъ послалъ мнѣ.

«Вотъ какія новости. Сегодня былъ у меня Владимиръ Григорьевичъ Чертковъ, *чудеснѣйшій образчикъ человеческой природы*. Онъ цѣлый мѣсяцъ жилъ съ женой въ Москвѣ и рассказываетъ, что Левъ Николаевичъ хоть и похварываетъ, но бодръ и много работаетъ, пишетъ письма о патриотизмѣ, о розгѣ, отвѣчаетъ на запросы, которые ему шлютъ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, принимаетъ и за разное художественное. Особенно его занимаетъ драма: молодой человѣкъ вступаетъ въ свѣтъ, но чувствуетъ такую фальшь и путаницу, что все порываетъ и бросаетъ.—Обѣ дочери здоровы.

¹⁾ Околчашіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXI, стр. 778

У нихъ бываютъ молодые гости, которыхъ Левъ Николаевичъ называетъ *сиднями* или *сѣдоками* за то, что долго сидятъ...»

Я читала это письмо, когда позвонили и ко мнѣ вошелъ самъ *чудеснѣйшій образчикъ человеческой природы*. Чертковъ сѣлъ, рассказалъ мнѣ, что жена его все хвораетъ и не можетъ сама прѣхать ко мнѣ, но желала бы со мной познакомиться. Не могу ли я прѣхать къ нимъ?—Съ удовольствіемъ.—Поговорили еще о томъ, о семь. Затѣмъ онъ спрашиваетъ, дѣлая озабоченное лицо:

— А вы не знакомы съ Сибиряковой?

Я только что познакомилась съ ней у Половцовыхъ на лекціи князя Волконскаго. Сибирякова была у меня, и я собиралась отдавать ей визитъ.

— Вотъ какъ кстати,—сказалъ Чертковъ.—А вы не можете попросить у нея денегъ?

Я удивилась. Я знала, что Сибирякову и ея брата обираютъ всѣ, кому не лѣнь. Но не богачу же Черткову обращаться къ ней съ подобными просьбами. Я спросила, для кого ему нужны деньги.

Оказалось, что у него собранъ богатый матеріалъ относительно *гоненій на сектантовъ*. Было бы очень желательно издать его отдѣльной книгой. Но для этого нужны средства. А о Сибиряковой всѣ говорить, какъ о человѣкѣ гуманномъ и отзывчивомъ.

Меня удивляло, что такой богатый сектантъ, какъ Чертковъ, не издастъ на свой счетъ книги, которая ему интересна и близка его сердцу. Мнѣ, конечно, очень не хотѣлось просить денегъ, но, съ другой стороны, не хотѣлось и огорчать отказомъ любимаго ученика Льва Николаевича. И, колеблясь, я спросила:

— А сколько же вамъ нужно денегъ?

— Да рублей четыреста.

Я чуть не привскочила и отказалась просить. Не могъ онъ самъ дать 400 рублей?

Позже Чертковъ далъ мнѣ прочесть этотъ матеріалъ. Среди монотонныхъ разсказовъ о гонимыхъ властями сектантахъ я увидела четыре листочка, исписанные почеркомъ Маріи Львовны. Это была рубрика гоненій на Льва Николаевича (тогда еще не отлученнаго отъ церкви). На первомъ листочкѣ Марья Львовна рассказывала, какъ одна старуха въ ихъ деревнѣ назвала Льва Николаевича антихристомъ. На второмъ листочкѣ она же рассказывала, какъ одна голодающая семья отказалась итти въ столовую только потому, что ее устраивалъ Левъ Николаевичъ. Двухъ остальныхъ разсказовъ не помню.

Читая далѣе, я дошла до описанія притѣсненій сектанта въ городѣ Бузулукѣ Самарской губерніи. Бузулукъ—нашъ городъ. Мой дѣдъ оставилъ и мнѣ съ сестрой и двоюродному брату и сестрѣ земли въ этомъ уѣздѣ. Сестра моя нѣсколько лѣтъ прожила въ своей усадьбѣ вблизи Бузулука и подружилась съ до-

черью воинскаго начальника, О. А. П—ой, умной, правдивой и образованной дѣвушкой. Вспомнивъ о ней, я переписала гоненіе и переслала ей свою копію, прося внимательно провѣрить на мѣстѣ эти сообщенія. Долго я не получала отвѣта, но въ концѣ концовъ узнала отъ нея, что разсказъ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я еще разъ порадовалась, что не просила денегъ у Сибиряковой.

Не откладывая, я сѣздила познакомиться съ женой Черткова, о которой слышала много хорошаго отъ Толстыхъ. Кроткая, хорошенькая Анна Константиновна съ болѣзненнымъ дѣтскимъ личикомъ и красивыми глазами мнѣ очень понравилась, понравился и ея мальчикъ Димочка, вегетарьянецъ отъ рожденія и чудеснѣйшій образчикъ ребячьей природы и породы. Чертковы жили въ Гавани, въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ его матери, сестантки Елизаветы Ивановны, усердно насаждавшей пашковство среди бѣднаго населенія Гавани. Прекрасная барская квартира ихъ была очень просто убрана. Мебели было не много, но все было дорогое и хорошее; а когда я случайно присѣла разъ на кровать Анны Константиновны, я думала, что утону, до того она была мягка. Анна Константиновна послала ботинки Вейса и скромныя сѣрыя платья строгаго покроя, но матерія ихъ была изъ Лондона.

Владимиръ Григорьевичъ одѣвался не то толстовцемъ, не то лавочникомъ, но его гвардейскія и великосвѣтскія манеры свидѣтельствовали о томъ, что онъ одѣвается лавочникомъ *изъ принципа*. И мужъ, и жена казались мнѣ достойными и незаурядными людьми, но мнѣ не было у нихъ такъ тепло и хорошо, какъ у Толстыхъ, и даже было что-то, что *schnürte mir das Inn're zu*. У Толстыхъ ни самъ Левъ Николаевичъ и никто изъ семьи никогда при мнѣ не бранилъ церкви. А Владимиръ Григорьевичъ не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ церкви и не пропускалъ случая заявлять о томъ, что онъ не солидаренъ съ учрежденіемъ, благословляющимъ убійство. И Анна Константиновна тоже спрашивала, склонивъ на бокъ хорошенькую кудрявую головку, не раздражаетъ ли меня этотъ ужасный звонъ колоколовъ. Ее онъ раздражалъ. Какъ хорошо говорятъ магометане, что звонъ этотъ пугаетъ и разгоняетъ ангеловъ! Какъ хорошо! какъ вѣрно!.. И сама Анна Константиновна ежилась и дѣлала испуганные глаза, какъ будто и она была однимъ изъ этихъ ангеловъ.

Пока я лежала въ плевритѣ, одна знакомая дѣвица, полисывающая въ журналахъ, услыхавъ о томъ, что Чертковъ въ Петербургѣ, просила меня познакомиться ее съ нимъ. Я переслала ея письмо Черткову. Онъ отвѣтилъ, что хотя онъ терпѣть не можетъ показываться въ роли представителя ученія, но если эта дѣвица моя хорошая знакомая, пусть пріѣзжаетъ тогда-то. Я переслала его письмо дѣвицѣ.

Поправившись, я поѣхала къ Чертковымъ. Владимиръ Григорьевичъ встрѣчаетъ меня словами:

— В. П. вамъ на меня не жаловался?

— И не думалъ. Я его и не видѣла. А что?

— Я грубо обошелся съ нимъ. Вы давно его знаете? Онъ не шпионъ?

— Господи, твоя воля!..

— Такъ вы въ немъ увѣрены?

Оказалось, что мать дѣвицы, тревожась о томъ, какъ ея дочь вернется въ темнотѣ изъ Гавани, попросила ихъ хорошаго знакомаго проводить дѣвицу, которая и представила Владимиру Григорьевичу своего провожатаго. Но Владимиръ Григорьевичъ, рѣшивъ, что это шпионъ, невѣжливо выпроводилъ его.

Со мной и мужъ, и жена были вѣжливы и любезны и, повидимому, не принимали меня за шпионку; я надѣялась даже, что немножку исчезнетъ и та легкая патянутость между нами, которую я ощущала.

Въ той же комнатѣ, гдѣ мы сидѣли у стола и разговаривали, Димочка игралъ подъ окномъ съ бѣднымъ мальчикомъ изъ пріюта бабушки. Подали чай; мать позвала къ столу Димочку, который неохотно оторвался отъ игрушекъ и товарища, оставшагося у окна. Меня удивило, отчего не позвали обоихъ мальчиковъ. Чертковъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Васъ удивляетъ, что мы не даемъ ему чаю; но онъ уже пилъ чай въ пріютѣ..

Я подумала, что, навѣрное, и Димочка пьетъ сегодня не первый чай, но, конечно, промолчала. Не мое дѣло. Я заговорила о П., нашемъ общемъ другѣ, и стала хвалить его. Къ крайнему моему удивленію, фізіономіи супруговъ, оставаясь холодными, сдѣлались еще и нѣсколько кислыми. Они переглянулись, точно удивляясь моей наивности, и Владимиръ Григорьевичъ произнесъ немножко свысока:

— Онъ васъ удовлетворять?

— Да, — сказала я: — я очень желала бы быть такой, какъ онъ.

Анна Константиновна улыбнулась, говоря:

— Вотъ какъ вы высоко его ставите!

А Владимиръ Григорьевичъ уже съ большей благосклонностью промолвилъ:

— Впрочемъ, онъ еще растетъ. Онъ еще вырастетъ. Онъ вырастетъ!..

Очевидно, и мужъ и жена считали себя далеко переросшими П—у. Я не спорила, но нѣсколько огорчилась. И, видя это, Анна Константиновна мягко сказала:

— Лучше всѣхъ Иванъ Ивановичъ Горбуновъ. Вотъ это свѣтлая личность! Я люблю его, какъ брата.

Я тоже любила Ивана Ивановича, какъ брата, и обрадовалась тому, что мы наконецъ сошлись на чемъ-нибудь. Мы стали хвалить Ивана Ивановича. Неожиданно Владиміръ Григорьевичъ перебилъ меня словами:

— Вы смѣтрите на піанино и осуждаете насъ за роскошь?..

Господи, твоя воля!.. Я успѣшила сказать, что обрадовалась, увидя піанино. Я такъ люблю музыку, что всякому музыкальному инструменту радуюсь, какъ другу.

Въ ту зиму я каждое воскресенье посѣщала собранія этического кружка, или «дружескаго союза» у Н. П. Вагнера. Старый профессоръ всю жизнь мечталъ о томъ, чтобъ объединить людей, ищущихъ добра и правды. Подъ старость онъ до нѣкоторой степени осуществилъ эту мечту. Первыми членами союза были его ближайшіе друзья: старикъ Якобій и г-жа Бестужева-Рюмина. Затѣмъ онъ пригласилъ М. О. Меньшикова, меня, мою подругу, А. В. Половцова, его жену, В. Ф. Энрольдъ, княгиню М. Н. Щербатову, В. Е. Заханевичъ и другихъ. Устава кружка не помню, но цѣлью членовъ, повидимому, было: уклоняться отъ зла и творить благо. Предсѣдатель нашъ былъ полонъ проектовъ и мечтаній и надѣялся сдѣлать изъ кружка подобіе первой апостольской общины. Каждое воскресенье, позвонивъ у двери Вагнеровъ, мы проходили черезъ гостиную, въ которой стояла клѣтка съ попугаемъ, въ кабинетъ хозяина. Тамъ онъ читалъ намъ что-нибудь для начала, потомъ пили чай въ столовой, гдѣ добрая Екатерина Александровна неизмѣнно угощала насъ сладкимъ тортомъ. Уже здѣсь начинались пренія, которыя продолжались и заканчивались снова въ кабинетѣ Николая Петровича. Въ концѣ концовъ, наговорившись досыта и, конечно, ни на волосъ не подвинувъ этики, мы спокойно расходились до слѣдующаго воскресенья.

Когда Бирюковъ и Чертковъ пріѣхали въ Петербургъ, я сказала Вагнеру:

— Вотъ прекрасные люди!..

— Такъ пригласите ихъ,—сказалъ онъ.

Бирюковъ думалъ, что никакими собраніями и разговорами не сдѣлаешь людей добрѣе и нравственнѣе. Это сдѣлалъ только безсознательно, своимъ примѣромъ. Слѣдовательно, главное дѣло въ работѣ надъ собой и въ строгомъ отношеніи къ самому себѣ. Я вполнѣ раздѣляла это мнѣніе, но думала, что, разъ старика радуетъ и тѣшитъ, что мы у него собираемся, отчего и не доставить ему этого удовольствія? Во всякомъ случаѣ мы не говоримъ и не дѣлаемъ ничего дурного. Оба толстовца пришли. Не помню, о чемъ говорили въ этотъ вечеръ, но помню, что въ столовой за чаемъ Чертковъ въ пылу проповѣдничества всталъ на стулъ, къ большому удивленію сидѣвшей противъ него хозяйки, и съ высоты этой импровизированной каеэдры проповѣдывалъ ученіе Толстого.

Толстовцы внесли въ этическій кружокъ нѣчто новое, и въ этотъ вечеръ пренія были особенно оживленными. Они ушли раньше другихъ. По уходѣ ихъ нашъ добрый Коть-Мурлыка окинулъ взглядомъ собраніе и произнесъ:

— Прекрасные люди, но... (глубокій вздохъ)—не любятъ спиритизма!—и онъ поникъ головой.

Тѣмъ не менѣе старый спиритъ былъ польщенъ посѣщеніемъ Черткова и предложилъ намъ въ слѣдующее воскресенье нанести именитому толстовцу отвѣтный визитъ.

Черезъ недѣлю, собравшись у Вагнера, мы все вмѣстѣ поплелись на конкѣ въ Гавань. Позвонили у подъѣзда. Отворилъ лакей съ безупречной виѣшностью человѣка *d'une maison bien montée*. Онъ впустилъ въ просторную прихожую весь комплектъ этики, отошелъ въ глубину комнаты и замеръ у стѣны, какъ придворный арапъ, ибо въ прихожую вышелъ самъ баринъ, одѣтый лавочникомъ, и сталъ собственноручно снимать съ гостей шубы и шинели. Анна Константиновна была больна, лежала въ постели, и у нея сидѣлъ Ярошенко. А мы все прослѣдовали въ особенно скромно убранную горницу, гдѣ за столомъ, у самовара, сидѣли два мужичка-сектанта и баронесса Клодтъ, достойная женщина, все искавшая христіанской дѣятельности и въ концѣ концовъ поступившая работницей въ крестьянскую семью. Говорили о сектантахъ и о претерпѣваемыхъ ими гоненіяхъ. Вагнеръ былъ православнымъ и большимъ почитателемъ отца Іоанна Кронштадтскаго, и ему трудно было стать на точку зрѣнія Черткова. Много спорили, но не ссорились. Чай въ это воскресенье пили уже не со сладкимъ тортомъ, а съ баранками. Мнѣнія раздѣлялись: одни считали церковь мертвой, а ереси живыми, другіе, наоборотъ, считали ученіе церкви вѣчно-живымъ, а отпадающія отъ него ереси отмирающими и засыхающими. Какъ было прийти къ соглашенію?

— Позвольте,—говорилъ Вагнеръ:—все секты отдѣлились отъ церкви, какъ вѣтви отъ ствола. Отдѣляется ли живое отъ мертваго, вырастаетъ ли свѣжая вѣтка на сухомъ стволѣ?..

Но и Чертковъ твердо стоялъ на своемъ. Церковь отжила, церковь мертва, или въ параличѣ; жизнь только въ ересяхъ,—такъ думаетъ и «его другъ» Левъ Николаевичъ.

Итакъ, пошумѣвъ, поговоривъ и попивъ чаю съ баранками, мы снова въ безмолвномъ присутствіи человѣка *d'une maison bien montée* надѣли свои шубы и шинели и покатали на конкѣ обратно.

За время моего знакомства съ толстовцами я невольно заинтересовалась блудными сынами церкви и ознакомилась съ исторіей раскола и сектантства, со всеми разновидностями хлыстовщины, тайкомъ расплодившимся на святой Руси. Я узнала о существо-

ваніи немоляковъ, отрицанцевъ, Любушкина согласія, нѣтовщины, скопчества, узнала біографіи Кульмана, Тверитнова, Данилы Филиппова, Ивана Суслова, Савицкаго, Радаева, Селиванова, узнала и о новохлыстовствѣ, о шалопутахъ, молоканахъ, субботникахъ и воскресникахъ, о скакунахъ, штундистахъ, баптистахъ, бѣлоризцахъ, серафимовцахъ, медальщикахъ, сѣкачахъ, варсонофцахъ, дыропекахъ, дверникахъ, никодимцахъ, обнщеванцахъ, адвентистахъ, о Маликовѣ, о малеванщинѣ, и о сютаевщинѣ.

Мнѣ казалось, что религіозное ученіе Льва Николаевича было ближе всего къ послѣдней. Но сами толстовцы утверждали, что ближе всѣхъ къ нимъ молokane и духоборы. Поэтому исторія духоборовъ особенно меня заинтересовала. Я узнала, что около 1750 г. на югѣ Россіи появился отставной прусскій унтеръ-офицеръ, распространявшій новое религіозное ученіе, быстро принятое крестьянами въ Харьковской губерніи, а оттуда перешедшее въ Екатеринославскую и Тамбовскую губерніи. Главой екатеринославскихъ духоборовъ былъ Силуанъ Колесниковъ, а главой тамбовскихъ—хлысть Побирохинъ, житель села Горѣлова. Оба не признавали православной церкви, ни обрядовъ ея, ни властей... Они отвергали и священныя книги, какъ испорченныя людскимъ вмѣшательствомъ. Дорогъ *духъ*, а не книги. Хлысты искали духа посредствомъ радѣній, духоборы называли духомъ *разумъ*, помогающій имъ раскрывать таинственный смыслъ писаній, закрытый людскими искаженіями.

Въ концѣ 80-хъ годовъ на смѣну Побирохину явился знаменитый Капустинъ, крестьянинъ, служившій въ военной службѣ. Онъ говорилъ, что сосудомъ Христа былъ раньше Силуанъ Колесниковъ, а теперь онъ, Капустинъ. «Я Христось, вашъ Господь,—говорилъ онъ.—Падите ницъ, обожайте меня». Духоборы стали послушно обожать его. Онъ воспользовался ихъ обожаніемъ для того, чтобъ утвердить еще и право преемственности за своими наслѣдниками. Послѣ его смерти сосудомъ Христа будетъ его сынъ, затѣмъ его внукъ и т. д. Проповѣдь Капустина подготавливала уже основы устройства будущей теократически-коммунистической общины духоборовъ на Молочныхъ Водахъ. Въ 1804 г. для разобшенія съ православными духоборовъ переселили на отведенныя имъ Молочныя Воды, пустопорожнія мѣста на рѣкѣ Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Они получили тамъ по 15 десятинъ на душу и на первые годы были освобождены отъ податей.

Въ 1805 году самъ Капустинъ прибылъ на Молочныя Воды и организовалъ общину. Поля и имущество были объявлены общими, но право распоряжаться ими Капустинъ присвоилъ себѣ. Центромъ общины сдѣлалась слобода Терпѣніе, гдѣ въ волостномъ домѣ,

называемомъ Сіонь, поселился Капустинъ, окруженный поклоненіемъ вѣрующихъ. Отдѣльными колоніями завѣдывали наставники. Судъ совершалъ самъ Капустинъ вмѣстѣ съ совѣтомъ тридцати, помогавшимъ ему и въ другихъ дѣлахъ.

Пользуясь неограниченною властью и большими доходами, Капустинъ, однако, возбуждалъ недовольство бѣднѣйшихъ членовъ общины, но богатѣи поддерживали его. Послѣ смерти Капустина власть и званіе пророка перешли къ сыну его, Василю Калмыкову, и внуку, Иларіону Калмыкову. Оба уже совершенно открыто стали на сторону богатѣевъ и съ помощью совѣта тридцати разрѣшали себѣ жестокія расправы съ недовольными и возстающими противъ нихъ.

Правительство воспользовалось слухами о несогласіяхъ среди духоборовъ и выслало ихъ съ Молочныхъ Водъ на Кавказъ, въ Ахалцхскій округъ, уже безъ всякихъ льготъ по несенію податей и повинностей. Духоборы начали новую жизнь въ новыхъ условіяхъ, на новой землѣ, неблагопріятной для хлѣбонашества, что побудило ихъ искать другихъ заработковъ и не пренебрегать и торговлей. Они построили на новомъ мѣстѣ слободу Горѣлое и устроили Сіонъ. У нихъ сохранилась общественная касса, которая быстро росла. Въ 1854—1855 гг. духоборы обслуживали обозъ арміи, и путемъ подрядовъ и поставокъ многіе изъ нихъ нажили огромные капиталы.

Управление общественной кассой было попрежнему въ рукахъ капиталистовъ, составлявшихъ совѣтъ тридцати при пророчицѣ Лукерьѣ Калмыковой, вдовѣ послѣдняго сосуда Христова. Лукерья, умирая, не назначила себѣ преемника, и управление капиталами захватилъ ея братъ. Но другъ и воспитанникъ ея, молодой Петръ Веригинъ, предъявилъ свои права на званіе пророка и Христа. Тогда община раскололась на двѣ партіи: горѣловцевъ и веригинцевъ. Правительство стало на сторону первыхъ, Левъ Николаевичъ и его друзья—на сторону вторыхъ. Веригинцы начали процессъ противъ горѣловцевъ изъ-за общественнаго капитала. На Кавказѣ среди духоборовъ жили въ то время князь Хилковъ, И. М. Трегубовъ, княжна Накашидзе и др. Левъ Николаевичъ и его друзья были въ личной перепискѣ съ Петромъ Веригинымъ. Послѣдній былъ арестованъ и сосланъ въ Шенкурскъ. Горѣловцы съ капиталомъ уѣхали въ среднюю Россію, а на Кавказѣ остались одни бѣдные веригинцы безъ капитала, безъ главы и Христа, возлагая уже всѣ дальнѣйшія надежды на заступничество друзей. Во главѣ послѣднихъ стоялъ Левъ Николаевичъ, дѣйствительно горячо принимавшій къ сердцу горькую участь гонимыхъ крестьянъ.

Только 5-го мая 1895 года я получила запоздавшій отвѣтъ графини Софьи Андреевны на мое письмо, посланное ей послѣ смерти Ванички.

«Милая Л. И. Вы, вѣроятно, слышали, что я была очень больна, и поняли, что только поэтому я до сихъ поръ не отвѣчала на письмо ваше. Въ тотъ день, какъ вы мнѣ писали,—въ день рожденья Ванички и на другой день особенно,—я была при смерти, и я надѣялась, что Господь сжалятся надо мной и возьметъ меня туда же, куда взялъ моего маленькаго ангела. Но, видно, Богъ велитъ нести свой крестъ и исполнить еще все то, что Имъ назначено. И вотъ я выздоровѣла, и сестра моя пріѣхала изъ Кіева и увезла меня и Машу къ себѣ. Теперь мы вернулись, здоровье лучше. Планы наши на лѣто до сихъ поръ неопредѣленны. Левъ Николаевичъ собираетъ свѣдѣнія о разныхъ тихихъ уголкахъ Баваріи, гдѣ красива природа и мало людей. И ему и мнѣ совсѣмъ безразлично, гдѣ и какъ жить. Думаемъ, что дѣтямъ это будетъ хорошо и здорово. Въ Ясную же Поляну до того всѣмъ больно ѣхать и жить съ воспоминаніями о Ваничкѣ, что никто не рѣшается. Особенно меня боятся туда везти; а мнѣ больно и совѣстно бѣжать отъ воспоминаній самыхъ дорогихъ въ моей жизни. И вотъ мы въ нерѣшительности и стараемся понять, какъ лучше для всѣхъ.

«Вчера ѣздила на могилку Ванички и другого своего маленькаго Алеши, умершаго девять лѣтъ тому назадъ, четырехъ лѣтъ. Въ первый разъ я была тамъ послѣ смерти Ванички и, какъ тогда, такъ и теперь я не могу соединить живого Ванички съ тѣмъ, котораго такъ жестоко пришлось зарыть зимою въ эту глубокую ледяную яму. Могилка мнѣ мало сказала, а говоритъ мнѣ о смерти Ванички вся моя жизнь, всякая минута моего душевнаго состоянія, всякое лицо въ домѣ, всѣ вещи, уголки и все то, что онъ любилъ и съ чѣмъ жилъ. Съ нимъ ушла и моя душа, точно онъ ее съ собой взялъ, а осталось одно томящееся тѣло, безъ энергіи, безъ жизни, съ страданіемъ, которое я должна нести до конца, чтобъ искупить грѣхи свои. Хоть и тяжело, что съ жизнью Ванички исчезъ изъ дому весь дѣтскій міръ съ его радостями, съ милымъ безуміемъ игрушекъ, елокъ, катанья яицъ, собиранія грибовъ и проч. и проч., но все это и такъ бы кончилось, но ужасно мнѣ теперь жить безъ той безпредѣльной, нѣжной любви, участія, ласки, пониманія меня, которыми избаловалъ меня этотъ маленькій семилѣтній Ваничка, худенькій, болѣзненный, но съ такой душой, любви которой хватало на весь міръ. Никто меня такъ не любилъ и никого я такъ не любила въ жизни. Какъ часто я вспоминала, какъ вы съ нимъ сидѣли въ вашъ пріѣздъ въ Москву, какъ ласково вы къ нему отнеслись, и какъ ему хорошо было съ вами! Всѣ тѣ, кого онъ особенно отмѣчалъ въ жизни,—всѣ остались для меня особенно дороги. Хотя

онъ ко всѣмъ былъ ласковъ, но были у него любимые, ихъ было не очень много, и вы были въ ихъ числѣ. Простите меня, милая Л. И., что пишу вамъ только о томъ, что меня занимаетъ, по я такъ глубоко поранена, что безъ слезъ не провела еще ни одного дня и жить не начинала еще никакъ.

«Левъ Николаевичъ здоровъ, выучился кататься на велосипедѣ, и это доставляетъ ему здоровое развлеченіе. Писать онъ ничего еще не можетъ. И его подкосило наше горе, столь тяжелое въ старые годы, какъ будто свѣтъ потухъ для насъ со смертью ребенка нашей старости. Таня уѣхала на недѣлю въ Ясную. Маша не совсѣмъ здорова. Леву мы проводили въ Финляндію, въ городокъ Ганге. Видѣли ли вы его въ Петербургѣ? Съ нимъ поѣхалъ Андриуша на неопредѣленное время. Миша держитъ экзамены, и мы для него сидимъ въ Москвѣ не различаясь, все вмѣстѣ. Сегодня уѣхали Толстые, семья брата Льва Николаевича; сегодня же уѣзжаетъ Павелъ Ивановичъ въ Кострому; всѣ разъѣзжаются и мнѣ жаль, что Левъ Николаевичъ проводитъ весну въ городѣ. Это ему очень тяжело, а уѣзжать отъ меня онъ не хочетъ. Въ прошломъ году онъ въ это время уже былъ въ Ясной, а сегодня, 5-го мая, я увезла Сашу и Ваничку къ нему въ Ясную, а сама вернулась къ Андриушѣ и Мишѣ, которые держали экзамены. Какъ все измѣнилось! Главное, совсѣмъ измѣнилось мое отношеніе къ жизни и смерти. Это самое большое горе въ моей жизни и все то, что предстоитъ еще,— все будетъ бить на эту открытую рану. Къ счастью, есть предѣлы и силамъ человѣческимъ и жизни. Когда увидимся мы съ вами? Если соберетесь, то спросите раньше, будетъ ли и Левъ Николаевичъ съ нами. А то теперь и Ванички нѣтъ привѣтствовать васъ весело и нѣжно. Цѣлую васъ и за Ваничку и отъ своего сердца. Дай Богъ вамъ радости жизни, успѣха въ вашемъ дѣлѣ и всего хорошаго.

«Душевно преданная вамъ С. Толстая».

Въ маѣ 1895 года Левъ Львовичъ съ сопровождавшимъ его братомъ Андреемъ Львовичемъ были у насъ проездомъ въ Ганге. Вскорѣ послѣ этого я заѣхала въ Москву, въ Хамовники, по пути въ деревню Московской губерніи, куда я ѣхала на лѣто.

Подѣхавъ къ воротамъ ихъ дома, я увидѣла на дворѣ Льва Николаевича, который дѣлалъ круги на велосипедѣ. Онъ уже лихо леталъ и съ увлеченіемъ предавался новому спорту. Татьяна Львовна была въ саду и сказала мнѣ съ упрекомъ:

— Что же вы не пріѣхали *тогда* горевать съ нами? Я васъ ждала; я была увѣрена, что вы пріѣдете. Бѣдная мама все еще не можетъ успокоиться. Онъ такъ много занималъ мѣста въ ея жизни.

Мы вошли въ домъ, и я увидѣла бѣдную измѣнившуюся графиню. Всѣ были грустно настроены и говорили, стараясь не касаться того, что ей было такъ больно. Она звала меня въ Ясную,

и я намѣревалась изъ Московской губерніи проѣхать въ Тульскую; но неожиданная смерть отчима заставила меня ѣхать прямо домой въ Павловскъ.

14-го іюня 1895. Письмо графини.

«Дорогая Л. И. Левъ Николаевичъ, узнавъ о тяжелой болѣзни и операциі Н. Н. Страхова, страшно взволновался и огорчился. Онъ проситъ васъ сообщить намъ подробнѣе о степени опасности его положенія. Считаютъ ли доктора его ракъ неизлечимымъ, или есть надежда на то, что послѣ операциі онъ поправится?

«Извините, что прошу о письмѣ. Вамъ не до насъ и у самой у васъ въ семьѣ горе и разстройство. Что же вы не написали ничего о себѣ, о матери вашей? Любя васъ, мы очень интересуемся и всѣмъ тѣмъ, что васъ касается. А кто же вамъ ближе, какъ не мать? Вотъ еще ближе бывають собственныя дѣти. И вотъ я, потерявъ теперь одного, конечно, самаго любимаго, утратила вдругъ всю радость жизни. Вы не можете себѣ представить, до чего мнѣ тяжело здѣсь, въ Ясной Полянѣ! Это маленькое, чуткое, утонченное существо въ связи съ впечатлѣніями природы до того врѣзалось въ мельчайшія подробности моихъ воспоминаній, что я совсѣмъ не выношу ихъ, и только одно думаю, что долго жить съ камнемъ на душѣ и съ этимъ обиліемъ слезъ нельзя и Господь отзоветъ меня къ Ванчикѣ.

«Послѣднее время много и разнородно хворалъ Левъ Николаевичъ, и ужасъ потерять еще его, послѣднюю мою зѣмную державу, усложнилъ и усилилъ мое тяжелое душевное состояніе. Вотъ видите: я не какъ вы, я съ довѣріемъ рассказываю вамъ свою душу, зная вашу отзывчивость. Напишите же и вы о себѣ, о семьѣ вашей и любите по старому, хотя пока и новыхъ, но искренно любящихъ васъ друзей.

«С. Толстая».

«Дѣвочки и Левъ Николаевичъ вамъ очень сердечно кланяются. Сейчасъ пріѣхали мои три внука и моя невѣстка. Вчера былъ тутъ Сережа, мой старшій сынъ, и его невѣста, Маня Рачинская. Она племянница того Рачинскаго, у котораго знаменитыя школы въ Тверской губерніи. Мы всѣ радуемся этой свадьбѣ, которая будетъ около 10-го іюля. Когда-то теперь мы увидимся съ вами?

«С. Т.».

20-го іюня 1895 года. Письмо Марьи Львовны.

«Дорогая Л. И. Спасибо, что написали о Н. Н. Страховѣ, но не спасибо, что вы ни слова не пишете о себѣ. Мы еще въ Москвѣ узнали о смерти вашего отчима. Мнѣ ужасно жалко вашу матушку. Я знаю, что его смерть не столько больна вамъ, сколько ей, и не могу безъ боли думать о ней. Смерть всегда учитъ отпо-

шенію къ живымъ. Какъ хорошо бы всегда помнить, что всякій человѣкъ, съ которымъ общаешься, да и самъ сейчасъ можешь умереть и унести съ собою существующія отношенія, и какъ мы это всегда забываемъ, надѣясь, что еще успѣешь поправить, точно можно поправить почувствованное зло. Напишите, какъ ваша мать переноситъ свое горе, есть ли у нея Богъ, который одинъ только можетъ помочь ей. Моя мама, бѣдная, плохо переноситъ свое житіе здѣсь, тоскуетъ, уединяется. И я чувствую, что не въ нашихъ рукахъ помочь ей. Никто не придетъ къ Отцу, если Отецъ не позоветъ его. Папа все болѣетъ. Въ Москвѣ была инфлюэнца, лихорадка и его желчные припадки. Приѣхавъ сюда, онъ опять заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько дней съ желудочно-желчной болѣзью и съ жаромъ, доходившимъ до 40,1. Мы страшно перепугались, какъ всегда ожидая въ этихъ случаяхъ самаго ужаснаго. Но теперь онъ всталъ и поправляется, и опять жить можно. Знаю, что это только отерочка, что придется, по всей вѣроятности, не ему меня, а мнѣ его пережить, и такая при этомъ на меня нападаетъ трусость, что я мечусь и ищу какого-нибудь другого выхода изъ этого. Ну, вотъ, дорогая Л. И., и я мрачно написала, хотя въ самой душѣ мнѣ хорошо, какъ давно не бывало: серьезно, «темно» и любовно. Цѣлую васъ крѣпко, мой милый другъ Л. И., я всегда чувствую васъ, люблю и, когда мнѣ очень хорошо или очень грустно, всегда вспоминаю васъ. Напишите же о себѣ, вы никогда этого не дѣлаете, и я всегда только догадываюсь, что въ васъ происходитъ. Всѣ наши васъ любятъ и велятъ вамъ это сказать.

«Ваша Маша Толстая».

Отъ 10-го іюля 1895 г. я получила изъ Ясной письмо отъ Стрехова и Льва Николаевича на одномъ листочкѣ.

«Душевноуважаемая Л. И. Къ вамъ первой хочу написать отсюда, зная, какъ васъ интересуется все здѣшнее, и помня, какъ вы были добры ко мнѣ. Я засталъ хозяина Ясной Поляны въ такомъ состояніи, что не могу нарадоваться. Онъ бодръ тѣломъ, въ прекрасномъ духѣ и работаетъ каждый день надъ повѣстью на давнишней «сюжетъ Копа» (Воскресеніе). Софья Андреевна, какъ я увидѣлъ съ перваго раза, уже пережила жгучій періодъ горя. Переломъ случился, какъ говорилъ Л. Николаевичъ, недѣли за двѣ до моего приѣзда. Всѣ здоровы. Татьяна Львовна особенно оживлена. Сегодня день свадьбы¹⁾, и Толстыхъ въ Ясной Полянѣ нѣтъ ни души, кромѣ Льва Николаевича и меня. Всѣ на свадьбѣ въ Петровско-Разумовскомъ у К. Рачинскаго. Невѣста такъ любитъ всю семью, что, можно сказать, выходитъ замужъ за эту семью. Ка-

¹⁾ Сергѣя Львовича и Мани Рачинской.

жется, молодые заѣдутъ въ Ясную, и я ихъ увижу. Теперь о себѣ. Съ маленькими приключеніями я проѣхалъ благополучно и 4-го іюля, до захода солнца уже пилъ чай на балконѣ Толстыхъ. Радость свиданія, деревня, чистый воздухъ, все сразу охватило меня. Стоитъ чудная погода, настоящій іюль, и сегодня я почувствовалъ себя такъ бодро, какъ давно не чувствовалъ. Дай Богъ и вамъ здоровья и всего хорошаго. Простите вашего искренно преданнаго
«Н. Страхова».

Продолжаетъ Левъ Николаевичъ:

«Николай Николаевичъ пишетъ вамъ и мнѣ захотѣлось написать вамъ хоть нѣсколько словъ, чтобы поблагодарить васъ за ваши хорошія письма и мнѣ, и дѣвочкамъ, и въ особенности женѣ. Николай Николаевичъ пишетъ вамъ про меня, такъ я же вамъ напишу про него. Я особенно радъ ему и мнѣ чрезвычайно хорошо съ нимъ. Радуюсь тоже тому, что здоровье его гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Онъ пишетъ вамъ про мою работу. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы про нее знали редакторы, а то не будетъ покоя и будетъ какой-нибудь грѣхъ. Вы, вѣрно, знаете стихотвореніе, кажется Фрейлинграта о томъ, что смерть напоминаетъ намъ о томъ, какъ мы пропускаемъ случай любить. Ваши сожалѣнія о томъ, что вы уѣхали отъ вашего отчима, и еще многое другое напомнили мнѣ это. Какъ хорошо бы было, если бы мы всегда помнили это. Кажется, вся наша жизнь со своими бѣдствіями, болѣзнями достаточно напоминаетъ намъ это, а мы все забываемъ, хотимъ, чтобы на каждаго человѣка было наложено особое клеймо: этотъ человѣкъ непременно умретъ. Желаю, чтобы вамъ никогда не нужно было напоминать этого. Это самое лучшее, что могу пожелать.

«Искренно любящій васъ Л. Толстой».

Осенью 1895 года прямо изъ Ганге Левъ Львовичъ проѣхалъ въ Швецію, гдѣ и женился на дочери лечившаго его доктора Вестерлунда. Мать моя, овдовѣвъ, переѣхала изъ Петербурга въ Царское Село. Въ первый же годъ нашего пребыванія здѣсь насъ посѣтила Татьяна Львовна, гостившая у родныхъ въ Петербургѣ. Она рассказала мнѣ всѣ яснополянскія новости. Я спросила о женѣ Льва Львовича. Очень милая, хорошенькая, совсѣмъ молоденькая женщина; къ толстовству относится отрицательно, почти враждебно. Живутъ молодые въ Ясной Полянѣ вблизи стариковъ, но въ отдѣльномъ домѣ. Я спросила Татьяну Львовну, не собирается ли и она замужъ. Она отвѣтила:

— Если желаете мнѣ добра, не желайте мнѣ выходить замужъ.

— Почему?

— Потому что я знаю въ себѣ множество безобразныхъ женскихъ свойствъ, которыя теперь у меня на привязи и дремлютъ,

а замужество ихъ разбудить, и эти ужасные драконы въ видѣ ревности, женскаго деспотизма, требовательности, эгонстической любви всё выползли бы и испортили и мнѣ и всёму окружающимъ меня жизнь.

Она еще столько наговорила о себѣ дурного, что я дала ей прочесть отзывъ о ней въ письмѣ Страхова:

«Татьяна Львовна очень для меня привлекательна, какъ и для многихъ. Подъ своей свѣтскостью она стыдливо скрываетъ горячую любовь къ своимъ и жажду какого-нибудь подвига».

Она прочла, засмѣялась и сказала, что она себя лучше знаетъ.

Татьянѣ Львовнѣ надо было зайти къ ея теткѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой. Я проводила ее до лица и ждала ее въ паркѣ. Татьяна Львовна вернулась отъ своей родственницы въ смущеніи и сказала:

— Ну, что мнѣ дѣлать? Чертковъ только что заставилъ меня снять всё золотыя украшенія, а тетушка подарила браслетъ, да еще съ графской короной. Не могла же я отгорчить ее отказомъ?

— Строго же держитъ васъ Чертковъ,—сказала я:—за что Левъ Николаевичъ такъ любитъ его?

— Ахъ, онъ хорошъ,—убѣжденно сказала Татьяна Львовна, но больше ничего не прибавила, и я такъ и не узнала, чѣмъ онъ хорошъ.

Прошелъ еще годъ. Соскучившись по Толстымъ, я поѣхала къ нимъ въ Москву, предварительно списавшись съ графиней. Никогда еще я не видѣла Льва Николаевича такимъ оживленнымъ, жизнерадостнымъ, такимъ прежнимъ и веселымъ. Онъ кончилъ большую работу—«Воскресеніе»; онъ былъ радъ тому, что духоборы-веригинцы сожгли свое оружіе и всей общиной отказались отъ участія въ военной службѣ. Всѣ друзья его съ интересомъ слѣдили за ихъ дальнѣйшей судьбой. Это былъ уже не Дрожжинъ, не единственный отказъ отъ военной службы. Цѣлая секта, цѣлая община вставала, какъ одинъ человѣкъ. Павелъ Ивановичъ Бирюковъ радовался тому, что духоборы сожгли свое оружіе 29-го іюня, въ день его именинъ.

Въ Москвѣ я остановилась въ гостиницѣ, но почти все время проводила у Толстыхъ. Въ первый же вечеръ у нихъ было много гостей, все свѣтскихъ, но пріятныхъ и любящихъ Льва Николаевича. Былъ и старикъ Сергѣй Николаевичъ, его братъ. Какая-то дама очень хорошо пѣла. По желанію Льва Николаевича, она спѣла «Утреннюю серенаду» Шуберта, которою онъ очень восхищался. Она нѣсколько разъ повторяла ее, и каждый разъ онъ говорилъ: «Какъ хорошо!» Потомъ она пѣла Чайковского, но это уже меньше нравилось ему. Обѣ дочери были дома и милы попрежнему. Левъ Львовичъ съ молодой женой Дорой Федоровной также гостилъ въ Хамовникахъ. Она училась по-русски, но говорить еще не рѣша-

лась и говорила только по-англійски. Графиня хлопотала, распоряжалась и, проволновавшись весь день, ложилась спать послѣдняя, долго еще передъ отходомъ ко сну совѣщаясь съ поваромъ о томъ, чѣмъ и на завтра накормить всѣхъ этихъ своихъ и чужихъ, темныхъ и свѣтскихъ, праведныхъ и неправедныхъ, благодарныхъ и неблагодарныхъ.

Очень хорошо было у Толстыхъ! Ихъ московская гостиная была немного наряднѣе деревенской, но и въ ней не было ничего лишняго. Помню, что когда отъ нихъ я приходила къ другимъ моимъ московскимъ роднымъ и знакомымъ, меня всегда непріятно поражало обиліе ковровъ, картинъ, портьеръ и прочей дребедени.

Окончивъ «Воскресеніе», Левъ Николаевичъ все же каждый день писалъ у себя въ кабинетѣ. Дочери переписывали, но не могли переписывать такъ много, какъ въ деревнѣ, гости мѣшали. Гости смѣнялись гостями. Въ столовой, кромѣ гитары Марьи Львовны и балалаекъ ея братьевъ, теперь всегда лежали ракеты для волана. У Толстыхъ всегда была въ ходу какая-нибудь игра, и теперь была полоса волана. Вставая изъ-за стола, Левъ Николаевичъ бралъ ракету, кто-нибудь изъ дѣтей становился противъ него, иногда вытягивались два длинныхъ ряда играющихъ.

Младшіе сыновья, кажется, уже совсѣмъ доучились, Саша выросла. Няня попрежнему сидѣла въ дѣвичей и вязала чулокъ, вспоминая Алешу и Ванчку. Я попрежнему любила всѣ комнаты, коридоры, ступеньки и пороги хамовническаго дома. Кромѣ хозяйства и изданій, графиня усердно занималась музыкой и фотографіей.

Какъ-то мы сидѣли съ ней въ гостиной, и она показывала мнѣ свою коллекцію семейныхъ группъ и снимковъ. Вошелъ Левъ Николаевичъ и сѣлъ возлѣ меня. По поводу фотографіи его сестры-монахини онъ сказалъ, что она, какъ и я, привыкла вѣрить церкви съ дѣтства, что въ насъ обѣихъ сильна привычка дѣтства. Если бы въ дѣтствѣ не было такого сильнаго внушенія, насъ не влекло бы къ этой вѣрѣ.

Ни графиня, ни я ничего не возражали ему на это. Онъ помолчалъ и, чувствуя, что въ душѣ мы съ нимъ не согласны, прибавилъ:

— Не знаю; но вотъ уже сколько лѣтъ я вѣрю такъ, какъ я теперь вѣрю и понимаю, и мнѣ кажется, я не ошибаюсь.

Графиню зачѣмъ-то вызвали, и мы остались вдвоемъ. Онъ спросилъ:

— Вы пишете?

— Нѣтъ. И трудно, да и нечего.

— Хотите, я дамъ вамъ тему?

Я поблагодарила и сказала, что я и такъ уже выписала себѣ двѣ его темы и подумываю о нихъ. Я нашла ихъ въ его дневникѣ, который давалъ мнѣ читать Чертковъ.

Левъ Николаевичъ спросилъ, какія это темы.

Я сказала:

— Первая тема у васъ записана такъ: Написать романъ любви цѣломудренной, такой, для которой невозможенъ переходъ въ чувственность, которая служить лучшимъ защитникомъ отъ чувственности. Только съ женщиной можно потерять цѣломудріе, только съ женщиной можно соблюсти его. Цѣломудріе начинается при перемѣнѣ. Хорошо написать это.

«А вторая:—Хорошо бы написать исторію человѣка добраго, нѣжнаго, кроткаго, милаго, образованнаго, умнаго, но живущаго по-господски, т.-е. жрущаго и с—щаго и потому требующаго, чтобы для него рѣзали цыплятъ, не спали кучера, рабочіе и чистили его—. Нельзя быть добрымъ человѣку, неправильно живущему».

Я прибавила, что первая тема мнѣ не подъ силу, такъ какъ я не знаю мужской души. А вторая меня очень привлекаетъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Я вамъ дамъ другую тему. Эту вы почувствуете, и у васъ выйдетъ хорошо. Вотъ что расскажите: жили мужъ и жена. Между ними была такъ называемая любовь. Жили такъ себѣ, что называется, счастливо, ссорились, но мирились, измѣны не было (онъ остановился и сталъ думать, какъ бы что-то припоминая, затѣмъ твердо повторилъ),—измѣны не было ни съ той, ни съ другой стороны. Было много дѣтей. Жизнь быстро прошла. Состарились. Дѣти выросли. И вотъ жена ѣдетъ провѣдать своихъ взрослыхъ дѣтей, объѣзжаетъ ихъ всѣхъ и видитъ, что одинъ—жену обидѣлъ, другому вѣчно денегъ не хватаетъ, третій женился на иностранкѣ и привезъ ее сюда, гдѣ ей все чуждо и непонятно...

Мнѣ стало неловко; все это слишкомъ напоминало нѣчто близкое, и мнѣ хотѣлось сказать: «А дочери?» Но я не смѣла и молчала, глядя въ полъ.

Левъ Николаевичъ сказалъ что-то сухое и жесткое о двухъ младшихъ сыновьяхъ героини и закончилъ такъ:

— И вотъ, объѣхавъ всѣхъ своихъ дѣтей, она видитъ, что всѣ они живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и при этомъ и сами не удовлетворены. Но она не въ силахъ поправить это, видитъ, что жизнь прожита безплодно и идетъ въ монастырь. Напишите. Я бы самъ написалъ это, да боюсь, не успѣю.

Графиня вернулась и спросила:

— Что ты не успѣешь?

— Я далъ тему Л. И.

— Тему? Это хорошо. Пишите, пишите. Пора вамъ уже что-нибудь напечатать. Тема грустная или веселая?

— Грустная,—сказала я.

Левъ Николаевичъ всталъ и ушелъ. Я смотрѣла на графиню и думала: «Въ монастырь? Она только что говорила мнѣ, что хотеть ѣхать въ Италію».

Графиня показала мнѣ всѣ свои семейные снимки. Потомъ Марья Львовна повела меня къ себѣ и стала показывать группы духоборовъ и духоборокъ въ безрукавкахъ, въ обшитыхъ кружевомъ передникахъ и отороченныхъ бархатомъ шапочкахъ. Всегда живущая интересами отца, Марья Львовна была полна сочувствія къ веригинцамъ и — рассказала мнѣ о гоненіяхъ и притѣсненіяхъ, которымъ они теперь подвергались.

За вмѣшательство въ дѣла духоборовъ князь Д. А. Хилковъ былъ высланъ съ Кавказа въ Вейсенштейнъ, глухой и маленькій городокъ Эстляндіи. Узнавъ объ этомъ, В. Г. Чертковъ и М. О. Меньшиковъ рѣшили съѣздить навѣстить его въ ссылкѣ. Чертковъ былъ знакомъ съ Хилковымъ. Меньшиковъ же не видалъ его въ глаза, но по рассказамъ друзей идеализировалъ его. Кажется, впрочемъ, онъ обмѣнялся съ нимъ письмами и получилъ портретъ князя въ мужицкой рубахѣ и золотомъ *pinse-nez*. Чертковъ, однако, узналъ, что ихъ не допустятъ до свиданія съ изгнанникомъ, и рѣшилъ напрасно не ѣздить. Тогда мнѣ пришло въ голову съѣздить въ Вейсенштейнъ вмѣсто нихъ, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что вейсенштейнскій воинскій начальникъ женатъ на родственницѣ моего отчима, которую я уже немножко знала. Бирюковъ сильно поддерживалъ меня въ моей затѣѣ, а Меньшиковъ, провожая меня на вокзалъ, говорилъ: «Я завидую вамъ!»

Я приѣхала въ Вейсенштейнъ и познакомилась сначала съ моими родственниками. Они предупредили меня, что, когда придетъ изгнанникъ, придетъ по обязанности и начальникъ уѣзда, но что это очень милый человекъ и жена у него хорошая и т. д.

Пришелъ изгнанникъ, пришелъ и начальникъ уѣзда. Мы сыграли въ его присутствіи нѣсколько партій въ шахматы. Я рассказала, что Чертковъ, Трегубовъ и Бирюковъ написали воззваніе подъ заглавіемъ «*Помогите!*» въ защиту духоборовъ отъ властей и стараются этимъ воззваніемъ заинтересовать печать и общество. Князь Хилковъ рассказалъ мнѣ, какъ онъ убилъ турка, какъ познакомился съ духоборами, какъ у него отняли дѣтей. Потомъ мы говорили о Толстомъ и о Генри Джорджѣ. Начальникъ уѣзда оказался любителемъ пѣнія. Помню, что я предложила ему аккомпанировать, и онъ съ чувствомъ пѣлъ:

«Прошу васъ, птички, объ одномъ...»

По уходѣ гостей жена воинскаго начальника рассказала мнѣ, что князя здѣсь носятъ на рукахъ. И дѣвѣны и дамы влюбляются въ него.

— У насъ вѣдь всегда такъ, — прибавила она: — всегда весь городъ сразу въ одного влюбляется. Раньше тутъ зубной врачъ былъ изъ евреевъ, замѣчательно красивый. Всѣ въ него были влюблены. Те-

перъ князь... Дѣвушки за нимъ бѣгаютъ, письма его пересылаютъ, на всякія хитрости пускаются, начальника уѣзда проводятъ. Ну, а дамы его обѣдами кормятъ. Прежде, когда у насъ за мировымъ ухаживали, онъ картофель въ мундирѣ любилъ. И весь городъ картофель ѣлъ. А теперь—вездѣ пельмени. Князь любитъ пельмени.

Воротаясь изъ Вейсенштейна, я нашла у себя на столѣ письмо Льва Николаевича по поводу одной рукописи, которую онъ поручилъ мнѣ пристроить.

«Дорогая Л. И. Очень вамъ благодаренъ за ходатайство передъ Стасюлевичемъ и за предложеніе отдать это въ «Ниву». Я совершенно несогласенъ съ Стасюлевичемъ и очень жалѣю, что онъ такъ непонятливъ.—Начали ли вы писать на мою тему? Если начали, то продолжайте! Если вы полюбите эту тему, то будетъ очень хорошо. Если же не начинали, то не начинайте. У меня жадность умирающаго скупца. Я знаю, что никогда не напишу этого, а все-таки хочется надѣяться. Въ последнее время пришлось живо опять почувствовать то, что хотѣлось бы выразить въ этомъ писаніи.

«Здоровы ли вы, бодры ли, довольны ли своей жизнью? Желаю вамъ радостнаго труда и дружески жму вашу руку. Не знаете ли что про Черткова и про успѣхъ или неуспѣхъ его дѣла?

«Любящій васъ Л. Толстой».

Дѣло Черткова, какъ и можно было ожидать, увѣнчалось неуспѣхомъ. Всѣ три автора воззванія «Помогите!» были приговорены къ высылкѣ въ глухіе городки Прибалтійскаго края или за границу.

Какъ только разнеслась вѣсть объ этомъ, у Чертковыхъ сейчасъ же собрались всѣ друзья, всѣ сочувственники и просто знакомые, и темные и свѣтскіе. Настроеніе было веселое, точно праздничное и даже нѣсколько легкомысленное. У Анны Константиновны не сходила съ устъ улыбка, а Чертковъ имѣлъ гордый, побѣдоносный видъ. До сихъ поръ Горемыкинъ говорилъ: «Толстовцы несносны, но не опасны». Теперь ихъ признали опасными, съ ними вступали въ борьбу, ихъ преслѣдовали.

Въ комнатахъ, полныхъ гостей, стоялъ оживленный говоръ. Снялись группой при вспышкѣ магнія. Меня много спрашивали о Хилковѣ, и я рассказывала все, что видѣла и слышала, умалчивая, конечно, о пельменяхъ. Много говорили о духоборахъ и ихъ горькой участи, но большого состраданія къ нимъ что-то не было замѣтно. Ихъ страданія отступали на второй планъ передъ такимъ крупнымъ событіемъ, какъ высылка Чертковыхъ въ Англію, Бирюкова въ Баускъ и Трегубова въ Феллинь. Разговоры были несвязны и отрывочны. Помню, что Чертковъ съ довольной улыбкой неожиданно обратился къ Хирьякову и попросилъ его рассказать анекдотъ о нѣмцѣхъ на Кулербергѣ. Александръ Модестовичъ повиновался и,

ни къ селу, ни къ городу разсказаль анекдотъ, вызвавшій смѣхъ и улыбки. Почему-то этотъ Кулербергъ сдѣлаль на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ стало больно при мысли о томъ довѣрїи, съ которымъ бѣдные далекіе крестьяне относились къ своимъ заступникамъ. Безсознательно какъ будто стало стыдно чего-то, точно и я была не безъ вины въ томъ, что Кулербергъ былъ не Эльборусомъ, а Кулербергомъ. Помню, что хорошенькая Ольга Константиновна, сестра Чертковой, познакомила меня съ одной дамой, прося приласкать ее въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она чувствуетъ себя одинокой. Это была бывшая гувернантка Анны, Ольги и Марїи Дитерихсъ, французенка, вышедшая замужъ за русскаго дипломата, уѣхавшаго въ Японїю. Не знаю, почему она очутилась въ Царскомъ Селѣ, но помню, что она въ тотъ же вечеръ разсказала мнѣ, какія славныя существа всѣ ея три воспитанницы и какъ она ихъ любитъ. Галя (Черткова) была очаровательной прелестной дѣвушкой и многимъ нравилась. Но она не только не тщеславилась своими успѣхами, а всегда глубоко горевала о тѣхъ, кто по ней страдалъ, и даже иной разъ плакала, говоря: «Ну, чѣмъ же я виновата? Чѣмъ я виновата? Что же я могу?..» Конечно, она сдѣлала блестящую партїю, выйдя за Черткова. Онъ такъ богатъ; но... слѣдовали нѣкоторыя *но*...

Прїѣзжали и родные Анны Константиновны проститься передъ отъѣздомъ. Хозяева переходили изъ одной комнаты въ другую, объясняли все случившееся и прощались съ друзьями.

Левъ Николаевичъ самъ прїѣхаль въ Петербургъ, кто говорилъ—проститься съ Чертковымъ, кто говорилъ—хлопотать объ его помилованїи. Въ день его прїѣзда у Чертковыхъ собралось еще больше гостей. Двѣ большія комнаты были полны людей. Общество само собой кристаллизовалось. Сливки были въ первой комнатѣ, а что попроще—во второй. Тамъ собрались мужички-сектанты, женщины въ платочкахъ, двое рабочихъ съ Обуховскаго завода, дворникъ, который не крестилъ трехъ дѣтей и всѣмъ объ этомъ разсказываль. Былъ здѣсь даже и сынъ Сютаева (знаменитаго вѣроучителя Сютаева), молодой малый съ тупой фізіономїей и длинными волосами, раздѣленными прямымъ проборомъ. Помню, что мы всѣ спрашивали другъ друга: — А вы видѣли сына Сютаева? — Гдѣ сынъ Сютаева?— Это сынъ Сютаева? — Помню, что въ первый же вечеръ Левъ Николаевичъ сидѣлъ, тѣсно окруженный толпой почитателей и говорилъ намъ о духоборахъ, о томъ, какъ хороша и чиста ихъ жизнь. У нихъ нѣтъ ни пьянства, ни нарядовъ. Вѣдь наряды—это вещь ужасная. Это то жѣ пьянство.

Всѣ слушали его съ благоговѣйнымъ вниманїемъ, съ любовью и уваженїемъ. Его присутствїе невольнo настраивало общество на болѣе высокій ладъ. Помню, что онъ разспрашиваль рабочихъ объ ихъ жизни на заводѣ. Какъ имъ живется? Да ничего; ихъ не трогаетъ

ють. Ихъ, толстовцевъ, мало: только они двое, да еще два есть; одинъ боленъ, а другой въ деревню уѣхалъ. Вотъ социаловъ у нихъ очень много. За тѣми наблюдаютъ, къ тѣмъ придираются; а имъ пока ничего.

Дворникъ, видимо, очень любившій поговорить, сталъ рассказывать о томъ, какъ онъ не крестилъ своихъ дѣтей. И что же? Растуть, какъ Божьи злаки, преблагополучно. Говорятъ: какъ же можно, какъ же не крестить? А вотъ просто и можно. Онъ рассказалъ еще, что, выйдя сегодня вечеромъ на улицу, онъ увидалъ небесный сводъ, усѣянный звѣздами, и подумалъ: «Вотъ твой храмъ, Господи, вотъ онъ истинный, нерукотворенный. Какого еще людямъ нужно? Вѣрно я говорю, Левъ Николаевичъ? Храмъ есть нерукотворенный. Все прочее выдумки».

Левъ Николаевичъ съ нимъ согласился и, въ свою очередь, рассказалъ, что вошелъ онъ сегодня въ гастрономическую лавку и видитъ: среди жестянокъ съ сардинами и банокъ съ солеными грибами живописное изображение Христа. Онъ подумалъ: зачѣмъ это?— И вотъ входитъ человекъ и, глядя на это изображение, начинаетъ молиться рукою. И такъ дико показалось Льву Николаевичу то, что онъ дѣлалъ. Какъ это молиться рукою?

Ольга Константиновна Дитерихсъ стояла у двери, соединяющей обѣ комнаты, и, углубившись въ свою записную книжку, что-то озабоченно писала въ ней. Я спросила:

— Что вы дѣлаете? Записываете слова Льва Николаевича?

— Нѣтъ, я считаю, сколько лицъ посѣтило Чертковыхъ за эти дни, и записываю ихъ имена.

Узнавъ, что Левъ Николаевичъ еще будетъ у Чертковыхъ, я рѣшила привезти изъ Царскаго Села моего маленькаго воспитанника Яшу, чтобъ дать ему случай взглянуть на великаго писателя. Чертковъ и раньше приглашалъ Яшу, который былъ ровесникомъ его Димочки. Обоимъ, кажется, было тогда по восьми лѣтъ.

Я привезла Яшу съ утра, но комнаты были уже полны гостей. Дамы что-то шили. Оказалось, шили и мѣтили бѣлье отъѣзжающему Павлу Ивановичу Вирюкову. Мы съ Яшей пошли искать Димочку и нашли его въ отдаленной комнатѣ въ обществѣ прыщеватаго молодого человека, секретаря Черткова. Молодой человекъ рассказалъ мнѣ, что ночью у Чертковыхъ былъ обыскъ и что Димочка болѣе всего огорченъ тѣмъ, что увезли его любимую пишущую машину. Во время обыска приходила бабушка, Елизавета Ивановна, мать Черткова, и говорила дѣлающимъ обыскъ о Богѣ, о томъ, что дѣлу, которому они хотятъ помѣшать, ничто не помѣшаетъ, если оно отъ Бога, и т. п.

Поручивъ Яшу заботамъ и наблюденію молодого человека, я вернулась къ дамамъ и тоже взяла работу. Приѣхала моя подруга, приѣхало еще много знакомыхъ. Всѣ говорили шопотомъ. Оказалось,

что Левъ Николаевичъ и Татьяна Львовна уже здѣсь, по почему-то спятъ, отдыхаютъ. Говорили, что графиня тоже пріѣхала въ Петербургъ, но у Чертковыхъ, повидимому, не была. Публика все прибывала. Кромѣ друзей и сочувствующихъ, являлись и любопытные, желающіе воспользоваться случаемъ взглянуть на Толстого. Всѣ ждали его выхода... Помню, что въ числѣ пріѣхавшихъ была жена художника Рѣпина съ двумя симпатичными дочерьми. Мнѣ особенно понравилась меньшая (не актриса) своимъ горячимъ, восторженнымъ выраженіемъ лица. Очень хорошо она ждала Толстого!

Наконецъ, выспавшись, Левъ Николаевичъ вышелъ къ собранію. Онъ былъ въ духѣ. Онъ присутствовалъ при зажиганіи подкожекъ и, можетъ быть, думалъ: дрова еще холодны, нетропуть, но, несомнѣнно, загорятся всѣ. Духоборы сожгли свое оружіе и отказались отъ воинской повинности. Ихъ единомышленники, его ближайшіе ученики, радостно принимали ссылку за свои убѣжденія. И множество сочувствующихъ собралось, чтобы напутствовать ихъ. Очевидно, старое жизнепониманіе отступаетъ; новое всемірное Божеское вступаетъ въ свои права. Дрова уже тлѣютъ и загораются, загораются...

И, какъ полководецъ, Левъ Николаевичъ обходилъ ряды своей дружины, радостно вглядываясь въ знакомыя лица, пожимая дружескія руки. Я стояла съ работой въ рукахъ во второй комнатѣ рядомъ съ баронессой Клодъ и Эрнфельтомъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Финляндіи. Недалеко отъ насъ у окна стояли Бирюковъ, Меньшиковъ и Шкарванъ, молодой врачъ-Словакъ, отказавшійся отъ воинской повинности. Ласково поговоривъ съ ними, Левъ Николаевичъ подошелъ и къ намъ и, пожимая намъ руки, сказалъ, какъ бы про себя: «И какіе все люди! Какіе люди!..» Я чувствовала себя растроганной и въ эту минуту была на все готова для него. Любя его, я любила и Черткова, и духоборовъ и готова была любить сына Сютеева и какихъ угодно сектантовъ, и дыропеконъ и дырниковъ, и всякихъ отрицанцевъ, не разсуждая. Нѣтъ, Толстой не научить дурному! Вѣдь чему онъ учитъ? Простотѣ жизни, умѣренности, справедливости, человѣчности... Все это и нужно. Онъ противъ войны, противъ убійства и казней. Но и я все это ненавижу. И я ненавижу войну... Я не хочу ея. Мы не волки, не шакалы, не гѣны, мы люди, мы христіане... Мы не смѣемъ не только убивать, мы не смѣемъ гнѣваться!.. Довольно звѣрства!.. Долой оружіе!..

Это былъ хорошій день. Настроеніе у всѣхъ было серьезное, теплое, любовное, христіанское, и Левъ Николаевичъ не могъ не чувствовать этого. Я сказала Павлу Ивановичу, что, загадавъ о томъ, каково ему будетъ въ Баускѣ, открыла «Подражаніе Христу» и мнѣ открылось: «Если бѣ Христосъ зналъ что-нибудь лучше страданій, онъ научилъ бы насъ этому и словомъ и примѣромъ».

Бирюковъ не былъ еще женатъ; но у него была невѣста, удивительно милая и хорошая дѣвушка, вполне его достойная. Его звали Пашей, ее Пашей. Она уже давно любила его, но Левъ Николаевичъ не совѣтовалъ ему жениться, говоря, что свободному человѣку легче прожить совершенной жизнью. Теперь, узнавъ, что Павла Николаевна поѣдетъ въ Баускъ со своей старшей сестрой и съ тремя крестьянскими спронтами, которыхъ она воспитывала,—Левъ Николаевичъ радовался этому и говорилъ ей:

— Какъ я радъ, что вы *есть!*

Слушая Льва Николаевича и разговаривая съ добрыми знакомыми, я не забывала и объ Яшѣ и ходила посматривать на него. Онъ не скучалъ въ гостяхъ. Сначала мальчики пускали въ ваннѣ кораблики, потомъ играли въ шахматы, потомъ смотрѣли картины. Я съ удовольствіемъ увидала въ ихъ комнатѣ подносъ съ пустыми тарелками и остатками творогу и каши и порадовалась, что Яшу подкрѣпили завтракомъ, такъ какъ мнѣ было бы жаль спѣшить съ отъѣздомъ домой.

Возвращаясь отъ мальчиковъ, я увидала въ проходной комнатѣ самого Черткова, который присѣлъ въ сторонкѣ съ большой чашкой и запивалъ что-то только что имъ скушанное. Я привыкла къ тому, что въ свои положенные часы онъ кушалъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостей, но при видѣ этой чашки я и сама ощутила голодь, взглянула на часы и рѣшила спросить все-таки для вѣрности Яшу, съѣлъ ли онъ и что скушалъ.

Яша былъ поглощенъ какой-то картиной.

— А ты знаешь, который часъ,—сказала я ему,—ты не голоденъ?

— Нѣтъ, не очень.

— Что ты кушалъ?

— Когда?—дома кофе пилъ.

— А здѣсь я видѣла тарелки.

— Это Дима завтракалъ.

— А тебѣ не дали?

— Нѣтъ. Онъ и молоко пилъ. Мнѣ не предлагали. Я пока почитала.

— Такъ ты голоденъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я не хочу.

Я пошла къ Бирюкову и спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ тутъ кухня? Я надѣялась попросить кусокъ чернаго хлѣба съ солью и укоряла себя, что не догадалась захватить бутербродовъ для Яши. Бирюковъ привелъ меня въ прекрасную кухню, гдѣ хлопотали двѣ приличныя, франтоватыя особы, ругательски ругая собравшихся у нихъ гостей:

— Нашли время собираться передъ самымъ отъѣздомъ! Тутъ цѣлый домъ убрать нужно, а они придуть и засядутъ. И что это, право, ко всѣмъ людямъ поѣвши приходять, а къ нашимъ непре-

мѣнно лѣзутъ голодные! Вари имъ теперь картофель! И сколько ни свари, все будетъ мало. Что у нихъ своей кухни нѣтъ, своихъ денегъ нѣтъ?.. Безсовѣстные!..

Услышавъ такія основательныя рѣчи, я шепнула Бирюкову по-французски, что лучше не просить хлѣба, а уѣхать домой. Но онъ сталъ уговаривать меня остаться, ручаясь, что добудеть-таки чего-нибудь для Яши.

Походъ нашъ на кухню возымѣлъ послѣдствія. Благообразный Евгений Ивановичъ съ какимъ-то помощникомъ изъ темныхъ сталъ похаживать съ тарелками, ножами и вилками, разставляя все это на длинномъ столѣ, который внесли въ комнату два толстовца. Деликатные гости удалились въ другія комнаты, отказываясь отъ угощенія, а неделикатные и голодные сѣли за столъ и принялись уплетать дымящійся картофель. Кажется, была еще и каша. Помню только, что Левъ Николаевичъ очень хвалилъ картофель.

По окончаніи этой трапезы мы съ Павломъ Ивановичемъ перешли въ комнату, гдѣ никого не было, сѣли къ окну, и онъ сталъ говорить мнѣ о томъ, какой хорошій человѣкъ Павла Николаевна и какъ его тревожить, что съ ней будетъ, случись съ нимъ что. Неожиданно къ намъ вошелъ Левъ Николаевичъ и сказалъ:

— Ага, накрылъ васъ!

Я засмѣялась, а Павелъ Ивановичъ совершенно серьезно началъ оправдываться и объяснять, что онъ говорилъ только то и то...

Я сказала:

— Павелъ Ивановичъ точно боится, чтобъ его не заподозрѣли въ чемъ-нибудь не должномъ. А я нисколько не боюсь сказать, что я очень огорчена разлукой съ нимъ, потому что люблю его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ толстовцевъ.

— Не надо,—сказалъ Левъ Николаевичъ:—такъ не надо. Любобовъ должна проливаться вездѣ, на всѣхъ, какъ вода.

— Я знаю,—сказала я:—но ужасно трудно отдѣлаться отъ симпатій и антипатій. Мнѣ вотъ Павелъ Ивановичъ по душѣ, а NN—не по-душѣ.

— И мнѣ также,—неожиданно признался Левъ Николаевичъ и прибавилъ:—А я люблю больше всѣхъ Черткова.

И мы стали исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, а потомъ снова заговорили о Баускѣ, о Павлѣ Николаевнѣ, и Левъ Николаевичъ еще разъ повторилъ, что онъ очень радъ тому, что она есть.

Въ этотъ вечеръ я окончательно простилась съ Чертковыми, которыхъ больше ужъ не встрѣчала. Черезъ нѣсколько дней друзья торжественно проводили ихъ на желѣзную дорогу, и они уѣхали въ Англію, захвативъ съ собой и доктора Шкарвана, которому нельзя было вернуться къ себѣ на родину. Они везли съ собой свою русскую

прислугу. Говорятъ, дорогой ихъ принимали за семью посланника.

Бирюковъ, Хилковъ и Трегубовъ, соскучившись въ своихъ прибалтійскихъ городкахъ, тоже понемножку отпросились и перебрались за границу. Бирюковъ женился на Павлѣ Николаевнѣ, пожилъ вблизи Чертковыхъ въ Purleigh, въ Англии, затѣмъ перебрался въ Швейцарію. Около Женевы, въ Onex, на пути къ Lancy они купили себѣ домикъ съ садомъ и принялись воздѣлывать свой виноградникъ.

Я была еще два раза въ Вейссенштейнѣ у Хилкова, гдѣ познакомилась съ его женой и матерью, была два раза у Трегубова въ Гольдингенѣ и два раза у Бирюковыхъ въ Onex. За время своего пребыванія за границей Чертковъ и Бирюковъ издавали толстовскій органъ «Libre Pensée» и «Libre Parole», который я читала, не пропуская ни одного номера. Журналь мнѣ не нравился. Онъ пополнялся знаменитымъ матеріаломъ о гоненіяхъ на сектантовъ и издавался отнюдь не на средства Черткова; нашли какого-то жертвователя. Направленіе журнала было узко-сектантское и меня отталкивало грубо-враждебное отношеніе къ церкви и православію. Въ каждомъ номерѣ помѣщалось какое-нибудь письмо самого Льва Николаевича.

Хилковъ изъ Вейссенштейна тоже уѣхалъ въ Англию, гдѣ жена его родила своего послѣдняго сына, англійскаго подданнаго. Самъ Хилковъ немедленно приступилъ къ помощи духоборамъ и перевезъ ихъ сначала на Кипръ. Но климатъ этого острова оказался не подходящимъ. Надо было найти ихъ Ханаанъ. Левъ Николаевичъ пожертвовалъ имъ весь гонораръ за «Воскресеніе», London Society of friends и Philadelphia Society of friends также пришли имъ на помощь. Въ матеріальныхъ средствахъ не было недостатка. Но куда везти ихъ изъ Россіи? Князь Кропоткинъ, самъ побывавшій въ Канадѣ, напечаталъ въ «Nineteenth Century» статью о томъ, что сѣверо-западная Канада была бы подходящимъ мѣстомъ для духоборовъ. Левъ Николаевичъ, прочитавъ эту статью, сейчасъ же обратился къ Кропоткину, прося устроить это дѣло. Кропоткинъ написалъ своему знакомому Мэвору, профессору университета въ Торонто. Мэворъ съѣздилъ въ Оттаву и переговорилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Все уладилось, и вскорѣ Хилковъ, Модъ и два ходока отъ духоборовъ, Иванъ Ивинъ и Петръ Махортовъ, поѣхали въ Канаду выбирать участы, но ихъ мнѣнію, наиболѣе удобные для русскихъ переселенцевъ, которымъ давали по 160 акровъ на (мужскую) душу. Имъ отвели земли на берегахъ Саскачевана, въ Манитобѣ и вблизи Юрктона. Левъ Николаевичъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что переселеніе 7,500 его единомышленниковъ было обезпечено. На двухъ большихъ пароходахъ «Lake Huron» и «Lake Superior» поплыли въ свой Ханаанъ русскіе крестьяне изъ Тифлисской и

Елисаветпольской губерній. С—ій везъ 2.000 духоборовъ на «Lake Huron», С. Л—ъ везъ 1,900 на «Lake Superior». Остальныхъ предполагали перевезти весною. Для оказанія медицинской помощи путникамъ къ С—у и С. Л—у присоединилось еще нѣсколько добровольцевъ-интеллигентовъ: Алексѣй Б—ъ, Марія и Александра З—ъ, добрѣйшая Евфросинія Дмитриевна Х—а и др.

Въ чудный солнечный день пароходъ «Lake Huron» благополучно прибылъ въ Галифаксъ, гдѣ духоборовъ торжественно встрѣтили представители администраціи и прессы Канады и князь Хилковъ. Канадцы съ любопытствомъ разглядывали здоровыхъ, рослыхъ и мужественныхъ чужестранцевъ, тепло одѣтыхъ въ тулупы и бараньи шапки, разглядывали и красивыхъ женщинъ въ ярко-красныхъ и синихъ юбкахъ, съ пестрыми платками на головахъ. Пароходъ приближался къ берегу, а духоборы, стоя на палубѣ, пѣли псалмы. Ихъ встрѣтили привѣтственными рѣчами.

Мистеръ Бульмеръ сказалъ имъ:

— Я не знаю имени вашего императора. Но имя вашего друга и покровителя Льва Николаевича такъ же извѣстно въ Канадѣ, какъ и въ Россіи. И я вѣрю въ то, что одинъ изъ вашихъ мальчугановъ, слушающихъ меня здѣсь въ настоящую минуту, займетъ со временемъ, подобно Льву Толстому, міровой литературный престолъ съ честью для *нашей* страны!

Князь Хилковъ встрѣчалъ своихъ друзей и распорядился отправкой ихъ по желѣзной дорогѣ къ новымъ мѣстамъ жительства. Переѣздъ былъ совершенъ довольно благополучно. Десять чело-вѣкъ (трое стариковъ и семеро дѣтей) въ дорогѣ умерло и пришлось бросить ихъ въ волны; въ пути было заключено шесть браковъ и родилась одна дѣвочка, которую назвали *Канадой*. Это былъ первый ребенокъ, родившійся подъ англійскимъ флагомъ.

Духоборы немедленно принялись строить себѣ жилища въ своемъ Ханаанѣ. А тѣмъ временемъ въ Хамовникахъ и въ Ясной жизнь текла своимъ порядкомъ. Тамъ тоже заключались браки. Сначала вышла замужъ Марія Львовна.

«О себѣ писать трудно и длинно,—гласило ея письмо ко мнѣ:—попробовала въ первомъ письмѣ, и ничего не вышло. Я выхожу замужъ за своего родственника Оболенскаго, котораго вы, кажется, видали у насъ. Лѣто мы проводимъ въ Овсянниковѣ, такъ что Танина дача не останется пустой, и это меня ужасно радуетъ. Еще одно лѣто около папѣ и рядомъ съ Марьей Александровной. Все это ужасно мнѣ улыбается. Все лѣто думаю употребить на приведеніе въ порядокъ всѣхъ бумагъ папѣ, чтобы осталось все послѣ меня ясно и аккуратно. Папа очень любитъ моего будущаго мужа. Мнѣ очень радостно и хорошо, хотя я пережила тяжелую зиму. Папа здоровъ и пишетъ статью объ искусствѣ. Скоро ѣдемъ въ Ясную. Цѣлую васъ, милая Л. И. Ваша Марія Т.»

«истор. вѣсти.», апрѣль 1913 г., т. сxxxii.

Татьяна Львовна вышла за вдовца съ дѣтьми М. П. Сухотина, а Андрей Львовичъ женился на Ольгѣ Константиновнѣ Дитерихсѣ, сестрѣ Чертковой.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть Марью Львовну въ новомъ образѣ княгини Оболенской и, списавшись съ ней, я поѣхала въ Москву.

Прежде всего я зашла къ Анненковымъ. Леонила Ѳоминична Анненкова была большой почитательницей Льва Николаевича, который, въ свою очередь, питалъ къ ней большую симпатію и называлъ ее золотымъ человѣкомъ. Леонила Ѳоминична усвоила религіозныя взгляды Толстого, что его радовало и располагало къ ней. Анненковы жили въ деревнѣ, но каждый годъ прѣзжали въ Москву на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы пожить вблизи Льва Николаевича, *темный* кружокъ котораго составляли теперь Русановы, Дунаевы, Горбуновы, Страховы и др.

Вмѣстѣ съ Леонилой Ѳоминичной мы поѣхали въ Хамовники. Войдя въ переднюю, мы услышали звуки балалайки и пѣніе. Прислушавшись къ словамъ пѣсни, Леонила Ѳоминична покачала головой и наставительно произнесла:

— Казалось бы, что въ домѣ Льва Николаевича какъ будто и не пристало пѣть такіа пѣсни!

Совѣтъ ея, конечно, попусту пропалъ для поющаго. А я взбѣжала наверхъ и уже на лѣстницѣ увидѣла свою княгиню, еще болѣе худѣющую, еще болѣе блѣдную, но счастливую и довольную, съ доброй улыбкой и глубокими ясными глазами. Она очень жалѣла, что я сегодня мало увижу ея мужа. Онъ ушелъ въ театръ съ Андреемъ Львовичемъ. Но я должна его дожидаться, а завтра пообѣдать съ ними.

Обѣ молодыя пары, и Оболенскіе и Толстые (Андрей и Ольга), гостили у родителей въ Хамовникахъ. Слабенькая и хрупкая Марья Львовна, хоть и нюхала *Lavender Salts*, выглядѣла безпредѣльно счастливой. Красивая Ольга Константиновна казалась не то слегка обиженной, не то желающей чего-то большаго. Впрочемъ, она замѣтно была довольна тѣмъ, что вошла въ знаменитую семью, и произносила: папà, мамà не безъ гордаго удовлетворенія.

Марія Львовна рассказала мнѣ, что она должна была обѣгать всю Москву въ поискахъ священника, который согласился бы обвѣнчать ее (Левъ Николаевичъ былъ уже отлученъ отъ церкви). Еле-еле набрела она наконецъ на такого, который удовлетворился тѣмъ, что она вѣритъ въ Бога и любитъ Христа и Евангеліе. Татьяна Львовна тоже вѣнчалась въ церкви. Папà, конечно, не былъ ни на той, ни на другой свадьбѣ.

Льву Николаевичу нездоровилось, и Марія Львовна попрежнему окружала его своими заботами. Полюбивъ всѣмъ сердцемъ мужа, она продолжала любить отца больше своей жизни. Когда подали самоваръ, Марія Львовна принялась варить для него яйца, а

Левъ Николаевичъ попросилъ Анненкову прочесть ему вслухъ статью Меньшикова въ «Недѣлѣ» о Неплюевѣ.

Когда она дочитала, Левъ Николаевичъ сказалъ, что Меньшиковъ совершенно правъ. Ему тоже не нравилась дѣятельность Неплюева. Я рассказала, что встрѣтила Неплюева въ первый разъ у Вагнера, куда его привезла княгиня М. Н. Щербатова. Онъ сразу не понравился мнѣ и своей накладкой на лысой головѣ, и брильянтовыми запонками, и огромнымъ носомъ, и, главное, тономъ, которымъ онъ говорилъ объ Евангеліи. Потомъ онъ былъ у меня въ Царскомъ уже безъ накладки, а лысымъ, и опять очень не понравился, хотя былъ очень любезенъ и оставилъ мнѣ въ подарокъ ноты своего сочиненія. Особенно претило мнѣ то, что онъ пересыпалъ славянскіе тексты французскими словечками. Я его спросила: не мѣшаетъ ли ему его богатство? Христіанину не годится быть богатымъ.

Онъ отвѣтилъ, что оно не только не мѣшаетъ ему, но даетъ возможность осуществлять всѣ завѣты Христа...

Позже мнѣ показали группу его братчиковъ и томикъ стихотвореній одного изъ нихъ. Молодой поэтъ Леляковъ воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ то красоту голоса, то красоту наружности, то красоту добродѣтелей Николая Николаевича Неплюева. Послѣ чтенія этихъ стиховъ Неплюевъ окончательно мнѣ опротивѣлъ, и я думала: «Только бы намъ больше не встрѣчаться!...»

Мы болтали, время бѣжало. Анненкова начинала уже выразительно поглядывать на меня. Пора было дать покой хозяевамъ. Но Марья Львовна не позволяла намъ уйти до возвращенія ея мужа изъ театра. Она и сама уже часто посматривала на свои часики и наконецъ значительно сказала мнѣ:

— Сейчасъ вы будете пріятно поражены.

— Чѣмъ?

— Вы увидите моего мужа.

— Да вѣдь я его знаю. Сколько разъ я его у васъ видѣла.

— Да, но тогда онъ не былъ моимъ мужемъ.

— Это вѣрно.

Молодые мужья по пути изъ театра купили персиковъ, грушъ и сливъ и пришли къ молодымъ женамъ съ подарками. Левъ Николаевичъ тоже умѣренно вкусилъ отъ фруктовъ и удивлялся тому, что я не люблю ихъ.

Въ іюнѣ 1901 г. Марья Львовна писала мнѣ:

«Хоть два слова хочется написать вамъ. Михайлъ Осиповичъ все расскажетъ вамъ о папѣ, слава Богу, теперь утѣшительное. Мы съ вами очень давно не видались, но я чувствую, что мы очень близки и увидаться съ вами было бы мнѣ большой радостью. Совѣтую пріѣхать къ намъ приблизительно черезъ недѣлку, когда папѣ будетъ на ногахъ. Писать сейчасъ совсѣмъ некогда. Цѣлую васъ крѣпко. Всегда, когда я слышу о васъ, и когда слышу, что и вы

меня помните и пемножко любите,—мнѣ это большая радость. Спасибо вамъ».

17-го іюля 1901 г.

«Ну, вотъ, Л. И. милая, какая вы немилая, что не пріѣхали къ намъ. Мама смѣется и говоритъ: «Л. И. всегда *se fait prier*, точно она не знаетъ, что всѣ мы были бы ей такъ рады». А я все поглядывала, какъ ѣдетъ извозчикъ,—не вы ли, и какъ несутъ телеграмму—не отъ васъ ли? У насъ теперь очень тихо, papà хорошо поправляется,—такъ бы хорошо, кабы вы были съ нами. Сейчасъ здѣсь только мы съ мужемъ да два случайныхъ француза, которые завтра уѣзжаютъ. Я здѣсь сейчасъ еще, потому что ждала васъ, а теперь уѣду домой, если все будетъ хорошо, дня черезъ три. Надо кончить и отправить за границу статью papà о рабочемъ вопросѣ. А дальнѣйшіе планы у насъ вотъ какіе: въ концѣ августа (къ 28-му) сюда, а въ сентябрѣ всѣ, то есть papà, мамà, Саша, Таня et С-іе и мы съ мужемъ—всѣ ѣдемъ въ Крымъ для papà, отъ лихорадки. Можетъ быть, на всю зиму. Только это, конечно, если Богъ дастъ. Такъ теперь стало жутко загадывать для papà.—Л. И., а можетъ быть, вы все-таки соберетесь въ Ясную, тогда напишите мнѣ, и я тоже пріѣду, или, можетъ быть, мы вмѣстѣ отъ меня пріѣдемъ, если вы, правда, пріѣдете ко мнѣ. Это было бы очень весело и хорошо. Мнѣ всегда совѣстно, когда ко мнѣ пріѣзжаютъ,—мнѣ все кажется, что такъ у меня скучно, что я не могу вознаградить пріѣздъ ко мнѣ. Но я этого не буду думать, разъ вы пріѣдете, и только буду очень, очень рада, благодарна и тронута. Любящая васъ очень

«Марія Оболенская».

«Сейчасъ ѣду навѣстить Мар. Алекс., которая хвораеть бронхитомъ».

31-го іюля 1901 г.

«Дорогая Л. И. Пишу вамъ, чтобъ сказать, что я опять въ Ясной, куда вчера меня нарочнымъ вызвали изъ Пирогова по случаю болѣзни papà. Къ счастью, этотъ разъ болѣзнь легче, но это все та же противная лихорадка и съ ней вмѣстѣ ослабленіе сердца. Опять былъ маленькій жаръ, боли въ суставахъ, опять стѣсненіе въ груди и боли въ области сердца, и опять неправильный пульсъ съ перебоями. Я пріѣхала вчера. Сегодня ему уже немного лучше, только онъ очень слабъ, и все еще пульсъ нехорошъ. Принималъ хину, можетъ быть, отъ этого жару не было. Сейчасъ пишу вамъ, сидя въ залѣ, а онъ тутъ же лежитъ на кушеткѣ и читаетъ. Узнавъ, что я пишу вамъ, онъ говоритъ: смотри же, получше поклонись ей отъ меня и скажи, что я радъ былъ видѣть ея портретъ въ сборникѣ писателей. Онъ очень много пишетъ все это время и духомъ, конечно, какъ всегда, хорошъ и бодръ. Я очень тороплю отъѣздъ въ Крымъ,

думаю, что ему это будетъ полезно, тѣмъ болѣе, что ему хочется ѣхать. Мы будемъ всѣ жить въ Симеизѣ, на дачѣ Паниной. Я начала писать вамъ главнымъ образомъ, чтобы сказать, что я теперь уже не уѣду домой, а пробуду все время здѣсь, и если бы вы собрались сюда, это было бы очень хорошо. Я радовалась, какъ буду васъ у себя принимать, и теперь жалѣю, что это не выйдетъ теперь. Но вѣрю, что когда-нибудь вы ко мнѣ прїѣдете. Напишите о себѣ.
Любящая васъ
«Марія Оболенская».

Въ слѣдующихъ письмахъ изъ Гаспры Марья Львовна сообщала о нѣкоторомъ улучшеніи въ здоровьѣ отца и звала меня въ Крымъ. Льву Николаевичу очень тамъ правилось, и онъ всѣмъ наслаждался. Но 24-го января 1902 г. она писала:

«Милая Л. И., все это время у насъ очень смутное, тревожное. Папа все нездоровъ, то одно, то другое,—а не выходитъ изъ болѣзней. То слабость сердца, то лихорадка, то животъ,—и, главное, общая слабость, какой прежде не было.

«Очень грустно и тревожно это видѣть и, главное, грустно, когда чувствую, что и ему это тяжело. Онъ говоритъ, что это очень хорошо, что такъ и должно быть, что если такъ подходитъ смерть, то это хорошо, потому что онъ въ полномъ обладаніи умственныхъ и духовныхъ способностей; но физически чувствую, что ему тяжело; онъ такъ не привыкъ жить хилымъ старикомъ и такъ несвойственно ему это состояніе. Онъ все приводитъ народный стихъ, приведенный Буренинымъ въ фельетонѣ:

«Зачаль старинушка покашливать,
Зачаль старинушка покряхтывать,
Пора старинушкѣ подъ холстинушку,
Подъ холстинушку, во могилушку»

и ему очень правятся эти стихи и умиляютъ его.

«Сегодня уѣхали доктора: изъ Петербурга—Бертенсонъ и изъ Москвы—Щуровскій. Консилиумъ рѣшилъ, что запущенная малярія, очень плохое состояніе кишекъ и печени, ослабленная дѣятельность сердца (что знаемъ мы всѣ, живущіе съ Л. Н.—чемъ). Предписаль: діету, спокойствіе, отсутствіе движенія. Лекарства: каломель, строфантъ, масляные клистиры. Для этого положительно не стоило ѣхать тысячу верстъ. Все это, кромѣ каломеля, производилось и безъ нихъ. А то, что нужно дѣйствительно—спокойствіе, тихая жизнь, одиночество и отсутствіе излишней внутренней борьбы изъ-за мелочей и дразгъ жизни,—этого достигнуть нельзя или очень трудно. Такъ хотѣлось бы взять его и никѣмъ невидимо увезти его туда, гдѣ можно было бы окружить его одной любовью, спокойствіемъ, людьми только близкими и дать ему все, что можно лучшаго и любовнаго. Окружить его всѣмъ мягкимъ, тихимъ, радостнымъ. И я ручаюсь за десять лѣтъ его жизни. Я не хочу закрыть для него

жизнь, весь міръ съ его волнењями, борьбой и зломъ, но къ нему близко, касаясь его, пусть будетъ одна любовь. Ну, да что говорить о томъ, чего нельзя. Надо по мѣрѣ силъ и такъ этого достигать, а тамъ что Богъ дастъ. Таня уѣхала за своими въ деревню и привезетъ сюда всѣхъ дѣтей и мужа. Я тоже переѣхала въ Гаспру. Домой уѣдемъ не раньше мая, коли живы будемъ. Не хочется, жутко загадывать. Теперь очень будемъ васъ ждать.

«Я говорила папа о томъ, что вы пишете о Горькомъ, и онъ сказалъ, что это совершенно вѣрно. А Горькій здѣсь живетъ и постоянно къ намъ ходитъ. Онъ очень симпатиченъ, простъ, и, папа говоритъ, очень хорошій малый. Папа очень восхищался нѣкоторыми вещами Вересаева, но на дняхъ мы прочли въ «Мірѣ Божьемъ» начало его повѣсти,—и огорчились; очень слабо. Папа огорчается, что всѣмъ имъ, и Чехову въ томъ числѣ—нечего сказать. Таланты есть, а опредѣленныхъ взглядовъ нѣтъ, и поэтому—вода.—Ну, пока прощайте, дорогая. Вотъ и устала. Я все больна, все такъ же кисну физически, а внутренно мнѣ хорошо. Крѣпко цѣлую васъ, какъ люблю. Такъ пріѣзжайте же. Ваша Марія Оболенская».

14-го февраля 1902 г.

«Милая Л. И. Не судьба моимъ письмамъ кончатся и достигать васъ. Два раза начинала писать и не кончала. У насъ болѣзнь папа все затягивается. Въ день кризиса, который былъ такой страшный, жуткій и который, слава Богу, прошелъ благополучно, оказалось, что въ правой сторонѣ захватился новый фокусъ и кризисъ былъ не общій, а частичный, только для лѣвой стороны,—а въ правомъ все еще сидитъ воспаление и разрѣшается необыкновенно медленно и вяло. И поэтому все время подъемъ температуры, и нѣтъ конца этой болѣзни. Одно хорошо, что сердце теперь не угрожаетъ и поэтому больше надежды, что онъ вынесетъ. Слабъ онъ очень, такъ что съ трудомъ выговариваетъ слова. Двигаться на постели безъ посторонней помощи совсѣмъ не можетъ. Кормлю его съ ложки, какъ маленькаго. Духомъ очень хорошъ. Говоритъ, что чѣмъ физически слабѣе, тѣмъ духовно сильнѣе, чище и выше. И когда ему сказали, что опасность миновала,—онъ сказалъ мнѣ, что ему жаль разставаться съ готовностью смерти. Онъ теперь большею частью тихо, молча лежитъ и проситъ тишины. Меня мучило, что я не знаю его внутренняго состоянія, и я вчера у него спросила: что ты чувствуешь? Онъ говоритъ: «Физически такъ слабъ, что, кажется, дунуть и духъ вонъ».—«А душевно тебѣ не скучно?»—«О, мнѣ такъ хорошо, очень, очень хорошо».

«Ну, кончаю. А то отрываюсь и опять не помню. Сейчасъ утро, папа послѣ бессонной ночи спитъ. Мама наверху тоже, а я сижу и слушаю старика. Иногда пугаюсь его дыханіемъ,—считаю,—оказывается нормальнымъ болѣе или менѣе. Иногда злюсь на шумъ въ

сосѣднихъ комнатахъ и бѣгу укрощать. Иногда подхожу и считаю пульсъ. Иногда онъ во снѣ что-нибудь скажетъ—тихо подойдешь, а онъ спитъ. И такъ, сидя, карауля его, мнѣ такъ хорошо, въ такомъ я хорошемъ, тихомъ, значительномъ мирѣ, что когда выйдешь ко всѣмъ,—такъ все дико и скучно и хочется опять скорѣе въ его темную комнату. Прощайте, всего вамъ хорошаго. Мужъ садится на мое мѣсто и гонитъ пить кофе. Цѣлую васъ крѣпко. Привѣтъ Михайлу Осиповичу. Его слова не пришлось еще передать папа. Ваша М. Оболенская».

Мое близкое знакомство съ толстовцами и другими сектантами все болѣе и болѣе утверждало меня въ православіи. Немало способствовали этому и религіозно-философскія собранія, открывшіяся въ Петербургѣ въ 1902 году по инициативѣ Виленкина и супруговъ Мережковскихъ.

На одномъ изъ этихъ собраній я встрѣтила Льва Львовича Толстого. Онъ разсказалъ мнѣ, что отецъ его совсѣмъ поправился, ѣздитъ верхомъ, пишетъ, какъ прежде. Левъ Львовичъ прибавилъ, что я совершенно напрасно стѣсняюсь ѣхать къ нимъ, думая, что имъ не до гостей; все равно у нихъ постоянно гости. Я рѣшила воспользоваться промежуткомъ между болѣзнями, съѣздить взглянуть на Льва Николаевича на прощанье и больше ужъ не беспокоить ихъ.

Не останавливаясь въ Тулѣ, прямо съ вокзала я поѣхала на извозчикѣ въ Ясную. Въ домѣ горѣли уже вечерніе огни, когда я подѣхала къ крыльцу. Поднявшись, я увидѣла въ первой комнатѣ налѣво отъ лѣстницы группу незнакомой мнѣ молодежи около пишущей машины. Единственнымъ знакомымъ мнѣ лицомъ оказалась Юлія Ивановна Игумнова, художница и другъ Толстыхъ. Она сказала мнѣ, что графиня внизу и занимается музыкой, а Левъ Николаевичъ у себя, то есть въ бывшемъ кабинетѣ или гостиной графини, куда его перевели, боясь для него сырости внизу. Сейчасъ онъ не спитъ и не работаетъ. И она провела меня къ нему.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ въ покойномъ комфортабельномъ креслѣ, хорошо и тепло одѣтый. Ноги его были бережно укутаны дорогимъ пледомъ, и въ этой позѣ, съ чистенькой книжкой «Русской Старины» въ рукахъ онъ выглядѣлъ совсѣмъ графомъ, а не пахаремъ.

Онъ ласково привѣтствовалъ меня и сказалъ, что можетъ теперь похвалиться здоровьемъ. Но и хворать было хорошо, очень хорошо... Онъ спросилъ, хворала ли я когда-нибудь серьезно? «Да, и въ дѣтствѣ я была при смерти и помню объ этомъ, и позже, по выходѣ замужъ». Левъ Николаевичъ сталъ говорить (точныхъ словъ не помню) о томъ, что болѣзнь лучше учить, чѣмъ здоровье, что полезно настолько приблизиться къ смерти, чтобы въ виду ея ясно

увидѣть и свою жизнь, и свои отношенія къ Богу и къ людямъ. Не пугаться надо болѣзней, а радоваться имъ.

Я совершенно съ этимъ согласилась, но прибавила:

— А вы все-таки не хворайте!

— Да вотъ и пересталь, — сказалъ онъ. Потомъ онъ сообщилъ, что у нихъ только что были Розановы, мужъ и жена. Если бъ я пріѣхала немножко раньше, я застала бы ихъ здѣсь.

И мы заговорили о религіозно-философскихъ собраніяхъ, о которыхъ Левъ Николаевичъ уже слышалъ и отъ Розанова, и отъ Льва Львовича. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что Льва Николаевича непріятно удивляло, что въ такомъ собраніи не говорили о немъ и о его проповѣди. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, собирается огромное количество невѣрующихъ и отошедшихъ отъ церкви интеллигентовъ, твердятъ о необходимости новой религіи и не вспоминаютъ о проповѣди Толстого. Нѣтъ, каждый усердно тащитъ свой собственный кирпичикъ для этой новой вавилонской церкви, пренебрегая готовымъ зданіемъ толстовскаго ученія. Вообще Левъ Николаевичъ недоумѣвалъ, для чего эти собранія устраиваются совмѣстно съ духовенствомъ, и думалъ, что долго продолжаться они во всякомъ случаѣ не будутъ.

Вошла графиня, сіяющая избыткомъ силъ и здоровья, и заговорила о Танѣ и Машѣ, объ ихъ жизни и обстановкѣ, объ ихъ заботахъ и надеждахъ. Мнѣ очень недоставало обѣихъ старшихъ дочерей. Ихъ присутствіе въ домѣ всегда вносило атмосферу свѣжести, сердечности, веселости и поэзіи. И отсутствіе ихъ было очень замѣтно. Точно лучшее украшеніе комнаты, въ ней разросшіяся и долго всѣмъ на радость стоявшія дорогія оранжерейныя растенія, куда-то вынесли и остались голыя стѣны.

Передъ чаемъ я увидѣла въ залѣ раскрытій ломберный столъ съ мѣлками и картами.

— Васъ это удивляетъ? — сказала графиня. Что дѣлать? Онъ уже не можетъ занимать умственной работой такъ много, какъ прежде. Нужно какое-нибудь развлеченіе. Прежде онъ очень любилъ карты. А теперь это ему отдыхъ.

Не помню, кто изъ дѣтей игралъ съ нимъ въ винтъ: Левъ Львовичъ или Саша, или оба вмѣстѣ и еще кто-то четвертый, но помню, что графиня называла это семейнымъ винтомъ.

Гостей было много, и всѣ, повидимому, здѣсь жили. Я сказала графинѣ, что Чеховъ стѣсняется ѣздить къ нимъ въ деревню, зная по опыту, сколько всегда хлопотъ его сестрѣ и матери съ простынями для гостей. Графиня возмутилась этимъ и сказала:

— Ну, вотъ: Чеховъ (!) стѣсняется, а Богъ знаетъ кто ѣдетъ безъ стѣсненія.

И за чаемъ, и послѣ чаю мы все время говорили о нашихъ заграничныхъ друзьяхъ.

Говорили и о Канадѣ, о духоборахъ. Теперь надѣялись выхлопотать Веригину разрѣшеніе уѣхать къ нимъ. Конечно, съ нимъ у нихъ лучше все наладится.

Пока мы бесѣдовали, изъ отдаленной комнаты доносились взрывы неистоваго хохота. Левъ Николаевичъ прислушался и сказалъ:

— Это докторъ. Вѣрно, почту привезли.

И онъ разсказалъ мнѣ, что какой-то субъектъ, изъ православныхъ, осыпаетъ его наставительными и ругательными письмами. Левъ Николаевичъ ихъ не читаетъ, но докторъ очень ими потѣшается и даже вступилъ съ авторомъ писемъ въ полемику, конечно, отъ своего имени. Дѣйствительно, черезъ минуту докторъ вошелъ къ намъ и, захлебываясь отъ смѣха, сталъ читать отдѣльныя фразы изъ длиннаго письма, очень мало интересовавшаго Льва Николаевича.

Вечеромъ графиня сказала мнѣ съ улыбкой:

— Хотите испытать полное блаженство?

— Въ какомъ видѣ?

— Переночевать на кровати Льва Николаевича? Я велѣла постлать вамъ тамъ. Поживите у него.

И она привела меня въ бѣлый сводчатый кабинетъ, увѣковѣченный Рѣпинымъ.

Когда графиня ушла, мнѣ что-то показалось, что здѣсь ужасно грустно. Отчего? Можетъ быть, отъ мысли, что Левъ Николаевичъ уже ушелъ изъ своей рабочей комнаты, въ которой столько потрудился? Но вѣдь онъ вернется сюда съ тепломъ? Я вспомнила, какъ по поводу болѣзни Льва Львовича онъ говорилъ: «Отъ страданій, старости и смерти не уѣдешь».

И вотъ—

«Началь старинушка покашливати,
Началь старинушка покряхтывати».

Старость и лихорадка ополчаются на него, гонять, преслѣдуютъ его, заставляя отступать и укрываться, перекочевывать...

Я легла и погасила свѣчку. Но и въ темнотѣ я все видѣла знакомую по картинѣ Рѣпина комнату и рабочей столъ, и платье, и сапоги на стѣнѣ. Мнѣ казалось, что и самъ Левъ Николаевичъ сидитъ здѣсь за своимъ столомъ и пишетъ. Я вспоминала, какимъ недосыпаемымъ, высокимъ и далекимъ казался онъ мнѣ, когда я въ первый разъ видѣла эту картину! И вотъ я у него въ домѣ, среди близкихъ ему лицъ, въ его повседневной обстановкѣ. Измѣнило ли это мое отношеніе къ нему? Нѣтъ, въ моихъ глазахъ онъ все на той же высотѣ. Я вспоминаю другую картину Рѣпина: «Толстой пахарь». Я люблю Льва Николаевича за то, что онъ надѣлъ крестьянское платье и пахалъ. Я мечтаю о томъ, что вслѣдъ за нимъ всѣ князья и графы, всѣ Рюриковичи и всѣ, что тянутся за ними, тоже надѣнуть крестьянское платье и пойдутъ на тяжелую честную ра-

боту, будутъ пахать, боронить, копать, разбивать камни на дорогахъ, спустятся въ шахты и штольни, въ рудники и честнымъ тяжелымъ трудомъ искупать свою вину передъ людьми, которые такъ долго за нихъ и на нихъ работали. Я не стала бы ни убивать, ни вѣшать лѣнливыхъ, считая это грѣхомъ и большой и ни къ чему не ведущей глупостью, но я и думаю, и чувствую, что необходимо заставить всѣхъ трудиться. И неужели не интереснѣе разбивать камни, копать гряды, чѣмъ играть въ рулетку, заниматься спиритизмомъ или, какъ мнѣ рассказывали объ одномъ молодомъ и богатомъ князѣ, разстрѣливать отъ скуки изъ револьвера дорогія произведенія искусства? Какая гадость!

Я мечтаю о томъ, что доживу до времени, когда всякій тяжелый трудъ будетъ въ должномъ почетѣ, а всякое уклоненіе отъ него— въ должномъ презрѣніи.

Я люблю Толстого за то, что онъ надѣлъ крестьянское платье и пахаль. Говорять, онъ пахаль недолго, далъ написать свой портретъ и бросилъ пахать. Нѣтъ, онъ пахаль, кошалъ, косилъ, тачаль сапоги; а если все это оставлялъ, то для того, чтобы писать. Работа тоже и честная и не легкая. И я вспоминаю все, что онъ написалъ; все, что онъ писалъ вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, очертанія которой я смутно вижу и въ темнотѣ. Его знаменитые большіе романы и «Поликушку», и «Три смерти», и мои любимые христіанскіе рассказы вродѣ «Чѣмъ люди живы», и всѣ послѣднія его статьи о жизни, о религіи, о нравственности. Катехизиса онъ не кончилъ. Онъ не только не кончилъ его, но въ своемъ указаніи «Какъ читать Евангеліе?» онъ прямо сказалъ слѣдующее:

«Когда у меня спрашиваютъ, въ чемъ состоитъ мое ученіе, я отвѣчаю: *«У меня нѣтъ никакого ученія».*

«Я понимаю христіанское ученіе такъ, какъ оно изложено въ Евангеліи». И онъ прибавляетъ:

«Если я писалъ книги о христіанскомъ ученіи, то только для того, чтобъ доказать невѣрность тѣхъ объясненій, которыя дѣлають толкователи Евангелій».

Хорошо. У него нѣтъ своего ученія. Онъ предлагаетъ только ученіе Евангелія. Онъ нашелъ это Евангеліе въ церкви и сказалъ:

— Я нашелъ въ тинѣ жемчужину.

Онъ оцѣнилъ жемчужину и, по его мнѣнію, сталъ отчищать ее отъ тины. Онъ оцѣнилъ евангельское ученіе, какъ ученіе, дающее смыслъ жизни. И онъ сказалъ: *«Вотъ ученіе, которому надо слѣдовать».* Только это и нужно. Церкви не нужно. Долой ее! А если въ церкви—Христосъ? Но вѣдь этому Левъ Николаевичъ не вѣритъ. И какъ онъ относится къ Христу?

Онъ говоритъ: «Христовъ, можетъ быть, лучше того, котораго мы знаемъ, было много». Онъ говоритъ: «Было и есть много миллионовъ Христовъ, Буддъ, дѣлавшихъ дѣло жизни. Они остались

намъ неизвѣстны, но дѣломъ жизни они дошли до насъ и сдѣлали насъ».

Онъ говорить: «Надо и можно, и должно жить такъ, чтобы быть Христомъ неизвѣстнымъ».

Онъ говорить: «Изъ Христа не сдѣлали бы религiи, если бъ не выдумка воскресенiя. Главный выдумщикъ—Павель» и т. д.

Я вспоминаю еще многое, что онъ говорилъ о Христѣ, вспоминаю книгу нѣмецкаго теолога Веруса, которую Левъ Николаевичъ рекомендовалъ прочесть моему хорошему знакомому. Я прочла ее съ начала до конца, хотя она ни на волосъ не поколебала моей вѣры въ церковь. Верусъ доказывалъ, что *никогда никакого Христа и не было*, что ни у одного изъ достойныхъ довѣрiя историковъ не находится точныхъ свидѣтельствъ о существованiи такого лица... Я вспоминаю еще нѣкоторые отзывы Льва Николаевича о Христѣ и прихожу къ выводу, что надо итти или за Христомъ, или за Толстымъ. Вижу ясно, что итти за Толстымъ значитъ не итти за Христомъ. И мнѣ становится грустно. Тогда я слѣшу мысленно перенестись къ маленькому Николенкѣ Иртеневу, засыпающему въ слезахъ въ дѣтской кроваткѣ, сжимая въ ручонкѣ любимую игрушку, фарфоровую собачку... Это тоже былъ Левъ Николаевичъ! Какъ хорошо тогда было у него на сердцѣ! Онъ былъ счастливъ, милый мальчуганчикъ, похожiй на дорогого Ваничку. А теперь?... Какъ ему спится тамъ сейчасъ, наверху? Хорошо ли ему тамъ съ его великой душой, съ его благороднымъ сердцемъ и неукротимымъ умомъ?

Несомнѣнно, онъ вѣрить въ Бога, помнитъ о Богѣ, стремится къ нему, какъ къ свѣту. Но почему онъ сдружился не съ Амвросiемъ Оптинскимъ, а со старикомъ Сютаяевымъ? Онъ видѣлъ и зналъ обоихъ. *Неужели задоръ Сютаяева выше глубокаго смиренiя Амвросiя?*... Оба они знали Евангелiе наизусть. Оба знали стихъ девятнадцатый пятой главы Маттея:

«Кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научить такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ; а кто сотворитъ и научить, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ». Кто же изъ нихъ сотворилъ, кто нарушилъ?—Время покажетъ.

Проснувшись утромъ, снова вижу картину Рѣпина, только безъ Льва Николаевича, который еще мирно почиваетъ этажомъ выше. Одѣвшись, я иду къ нянѣ, съ которой не удалось поболтать наканунѣ. У нея сидитъ уже гостя, бывшая Саша, нынѣ Александра Львовна. Меня принимаютъ въ компанiю, и няня угощаетъ насъ у себя чаемъ. Александра Львовна еще не одѣта и сидитъ съ распущенными волосами, въ бѣлой ночной кофточкѣ, положивъ оба локтя на столъ.

Няня усердно пробираетъ ее за неблагоразуміе. Ну, какъ же? Здоровья не бережетъ. Большая дѣвица, а сама какъ маленькая. Вчера нездоровилось, а она въ снѣгъ по колѣно лѣзетъ. Ноги промочила. Потомъ лечиться придется. Хорошо это развѣ?

Я смотрю на нихъ и говорю:

— Точно сцена изъ «Онѣгина»—Татьяна и няня.

Александра Львовна поднимаетъ на меня свои хорошіе, честные глаза и мычить:

— Ну, ужъ и Татьяна!

А няня, не разобравъ, въ чемъ дѣло, съ удвоенной строгостью подхватываетъ:

— Да, да, и будешь, какъ Татьяна Львовна! Та тоже долго разбирала.

Саша качаетъ головой и смѣется. А мы съ няней, вздохнувъ объ ея молодомъ легкомысліи, принимаемся вспоминать Ваничку. Сколько бы ему теперь лѣтъ было?.. Потомъ, поблагодаривъ за чай, поднимаемся съ Александрой Львовной по знакомой мнѣ внутренней лѣсенкѣ въ ея комнату, далеко не похожую на комнатки ея старшихъ сестеръ въ ихъ молодости. У нея большая просторная комната, перегороденная надвое кретоновой драпировкой, установленная кретоновыми диванами и креслами. Впрочемъ, Александра Львовна тутъ же заявляетъ мнѣ, что ей ничего этого не нужно, и стоитъ это все такъ, неизвѣстно для чего. Причесавшись и одѣвшись, она идетъ въ бывшую дѣтскую, гдѣ уже набралось изрядное количество деревенскихъ ребятшекъ съ букварями и тетрадями. Вмѣстѣ съ молодой княжной Оболенской Александра Львовна приступаетъ къ обученію яснополянскихъ ребятъ. Учитъ по азбукѣ отца, и дѣло идетъ успѣшно. Звонятъ къ завтраку; дѣти отправляются домой. Но одного мальчуганчика оставляютъ, поятъ въ столовой чаемъ и даютъ еще чего-то съѣстного на дорогу.

Послѣ завтрака Левъ Николаевичъ идетъ одинъ гулять. Графиня очень тревожится и твердитъ съ безпокойствомъ:

— Какъ я боюсь! какъ я боюсь!.. Конечно, онъ привыкъ ходить одинъ. Но непременно надо, чтобъ кто-нибудь слѣдилъ за нимъ издали. Маша это какъ-то умѣетъ. Я очень боюсь! Разъ ужъ онъ упалъ. Да, упалъ и расшибся. Вѣдь онъ слабѣетъ. Онъ не хочетъ сознаться, но онъ очень ослабѣлъ. Надо Сашѣ сказать, чтобъ она смотрѣла хоть издали. Случись что!.. Конечно, если онъ увидитъ, что слѣдятъ, онъ будетъ недоволенъ. А какъ же не бояться.

Потомъ графиня рассказываетъ мнѣ, что они переживали въ Крыму, когда онъ такъ заболѣлъ. Вообще тамъ было трудно. Дача на юру, вѣтеръ, было холодно, натопить трудно. Огромное роскошное помѣщеніе; нужно было много прислуги. Всѣхъ ихъ накормить надо. А провизію приходилось по телефону заказывать въ Ялтѣ; присылали мерзлую и страшно дорого.

Левъ Николаевичъ возвращается со своей прогулки совершенно благополучно, и графиня успокаивается. Александра Львовна предлагаетъ мнѣ пройтись съ ней до конюшни, гдѣ ей выводятъ и показываютъ какую-то лошадь. И по позѣ молодой графини, и по тону ея разговора и съ лошадью, и съ кучеромъ, по тому, какъ она говоритъ: «пйру...» я вижу, что здѣсь она въ своей стихіи.

Послѣ обѣда я сижу въ комнатѣ у Льва Николаевича. При каждой встрѣчѣ одинъ изъ его первыхъ вопросовъ:

— Что вы читали?

Самъ онъ читаетъ поразительно много и умѣетъ находить цѣнныя новинки въ литературѣ всѣхъ народовъ. Толстовцы читаютъ все, понравившееся ему. У меня съ собой маленькая дорожная книжка рассказовъ Анатоля Франса, которой Левъ Николаевичъ еще не видѣлъ; онъ беретъ ее почитать. Мы говоримъ о Чеховѣ и его пьесахъ. Левъ Николаевичъ высоко цѣнитъ Чехова и его удивительный талантъ и его юмористическія нотки. Ему нравится «Моя жизнь». Онъ восхищается «Душечкой» и особенно телеграммой со словомъ *сочала*. Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ повторяетъ это *сочала*, прибавляя: «Какъ онъ это схватилъ удачно. Какъ вы думаете: какое это слово?» Но пьесы ему не нравятся. О «Чайкѣ» онъ говоритъ: «Это Богъ знаетъ что. Сплетеніе сумбурныхъ положеній, въ которыхъ не разберешься». А мнѣ «Чайка» нравится. Я рассказываю ему о письмѣ, которое Чеховъ написалъ Меньшикову, встревожившись болѣзнию Льва Николаевича. Онъ писалъ, что, когда мы останемся безъ Толстого, мы останемся и безъ литературы, такъ какъ съ нимъ окончательно исчезнетъ вкусъ, пониманіе, строгое отношеніе къ дѣлу, и останется какое-то безпастушное стадо.

Входитъ Левъ Львовичъ. Онъ снова вегетарьянецъ, какъ и отецъ. Живя въ Петербургѣ, онъ вступилъ въ вегетарьянское общество. Онъ говоритъ что-то о роли орѣховъ въ питаніи и собирается даже ѣхать въ Тулу за орѣхами, такъ какъ ближе ихъ не достанешь. Затѣмъ онъ вспоминаетъ, что обѣщаль предсѣдательницѣ вегетарьянскаго общества карточку отца съ его подписью; онъ проситъ отца дать такую, а меня—передать ее этой госпожѣ, когда я ее увижу. Левъ Николаевичъ открываетъ ящикъ стола и достаетъ изрядный запасъ фотографій, снятыхъ съ него въ Крыму. Я прошу карточку и для себя и выбираю очень похожую, въ бѣломъ халатѣ, въ родѣ больничнаго. Но Левъ Николаевичъ, взглянувъ на нее, морщится и говоритъ: «Ну, нѣтъ, ужъ только не такую». «Такъ выберите сами!» Онъ выбираетъ себя въ профиль, въ пальто и въ шапкѣ, сидящимъ на балконѣ, среди цвѣтовъ, и, подписавъ ее, говоритъ: «Ужъ лучше эту; все-таки пококетливѣе».

За чаемъ Левъ Николаевичъ возвращаетъ мнѣ книжку Анатоля Франса; онъ прочелъ всю, но понравились только два рассказа:

о маленькомъ трубочникѣ и «Craïnquebille». Тутъ же за столомъ Левъ Николаевичъ самъ читаетъ вслухъ всѣмъ присутствующимъ первый рассказъ, а мнѣ даетъ прочесть второй. Затѣмъ онъ приноситъ изъ своей комнаты «Стрѣлы» Буренина, и кто-то изъ гостей начинаетъ читать одну пародію за другой при всеобщемъ хотѣ.

На слѣдующій день пріѣзжаютъ еще новые гости: утромъ симпатичная Нагорнова, а къ обѣду—Гольденвейзеръ. На смѣну литературному получается музыкальный вечеръ. Покойное кресло Льва Николаевича переносятъ въ залу и, сидя въ немъ, онъ слушаетъ игру артиста вмѣстѣ со всѣми. Гольденвейзеръ играетъ и классиковъ, и Рахманинова, и Аренскаго. Я вспоминаю, что когда въ первый мой пріѣздъ говорили о музыкѣ и я сказала, что больше всѣхъ люблю Моцарта, графиня сказала: «И Левъ Николаевичъ тоже любитъ Моцарта больше всѣхъ». И пока Гольденвейзеръ играетъ, я смотрю на Льва Николаевича и чувствую, и угадываю, что ему нравится больше, что меньше... И чувствую, что, несмотря на всю пріятность музыки, онъ думаетъ и помнитъ, какъ и я, что хотя музыка и прекрасная вещь, но все же хорошій музыкантъ немногъ больше хорошаго повара.

Концертъ кончается. Всѣ понемножку начинаютъ говорить о музыкѣ. Левъ Николаевичъ говоритъ мнѣ, что теперь лучшимъ композиторомъ будетъ тотъ, кто совершенно незнакомъ съ твореніями своихъ предшественниковъ, такой, который не будетъ знать ничего изъ того, что играли до него.

— Снова первый портной?

— Да.—И Левъ Николаевичъ развиваетъ эту мысль.—Не только въ музыкѣ, но и во всемъ, и во всѣхъ другихъ искусствахъ важно не быть связаннымъ внушеніями своихъ предшественниковъ, надо быть вполне свободнымъ и творить смѣло, не оглядываясь на эти загромождающіе образцы. Старое только мѣшаетъ.

Я думаю, что большой талантъ всегда будетъ сильнѣе внушеній и какихъ-либо посягательствъ на свою свободу. И мнѣ кажется что-то искусственное въ такомъ рѣзкомъ отстаиваніи своей свободы. Пусть все будетъ просто и естественно. Мѣшаютъ ли на любомъ деревѣ старыя вѣтки распускаться новымъ? Однѣ крѣпче, другія свѣжѣе и душистѣе, но всѣмъ свое мѣсто, всѣмъ свое время жить и зеленѣть.

На другой день я уѣхала изъ Ясной вмѣстѣ съ Гольденвейзеромъ. Левъ Николаевичъ вышелъ проводить насъ на лѣстницу и сверху посылалъ еще поклоны знакомымъ. А я снизу смотрѣла на него и думала, что прощаюсь съ нимъ навсегда. Я находила, что его слишкомъ тормозатъ посѣтители, и отнюдь не хотѣла на себя брать того же грѣха. Притомъ я чувствовала, что, если бъ я была такой толстовкой, какъ Анненкова какъ М. А. Шмидтъ,

я могла бы быть ему пріятной гостьей, а разъ этого нѣтъ, что даромъ мозолить ему глаза?..

Тѣмъ не менѣе уже въ началѣ войны, проѣзжая изъ Воронежа мимо Ясной, я не утерпѣла и заѣхала еще разъ къ Толстымъ.

Я снова ночевала въ знаменитомъ кабинетѣ, а все утро провела у графини въ ея комнатѣ. Она дала мнѣ прочесть свой разсказъ, а потомъ ту тетрадь дневника Льва Николаевича, въ которой онъ изливаль свои ощущенія въ то время, какъ былъ женихомъ графини. Она показала мнѣ и свою карточку невѣстой.

За обѣдомъ говорили о Веригинѣ, который уже благополучно проѣхалъ въ Канаду, о томъ, что женевскіе толстовцы, поотдавшіе своихъ дѣтей въ школы въ Швейцаріи были въ нихъ очень разочарованы, и вообще о томъ, какъ живутъ въ Опех и въ Tucktonhouse.

Послѣ обѣда пріѣхалъ еще гость изъ Петербурга, Тотоміанць, изъ «Сѣвернаго Курьера». Онъ сѣлъ съ Львомъ Николаевичемъ на угольный диванъ, за столъ, на которомъ весь день лежали три портрета румынской королевы (Carmen Silva) съ лестными для Льва Николаевича подписями, и принялся интервьюировать хозяина.

Помню, что въ концѣ вечера былъ почему-то ужинъ, вѣроятно, въ честь не обѣдавашаго гостя. За ужиномъ графиня сидѣла на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, направо отъ нея Тотоміанць, налѣво я; подлѣ Тотоміанца Левъ Николаевичъ. Услыхавъ, что Левъ Николаевичъ говоритъ своему интервьюеру: «мои друзья—анархисты», графиня перебила мужа словами: «Твои друзья, которыхъ ты въ глаза никогда не видалъ».

— Это ничего не значить,—сказалъ Тотоміанць.—Можно считать своими друзьями единомышленниковъ, хотя бы и не приходилось съ ними встрѣчаться.

— Можетъ быть,—согласилась графиня:—но я думаю, что если бъ онъ ихъ увидѣлъ, едва ли бы онъ назвалъ ихъ своими друзьями.

Левъ Николаевичъ не отвѣчалъ на замѣчанія графини и продолжалъ говорить Тотоміанцу начатое, а графиня стала разсказывать мнѣ, какъ къ нимъ пріѣзжала въ Москвѣ Яворская.

И еще разъ мы простились, и еще разъ Левъ Николаевичъ вышелъ на лѣстницу проводить гостей. Я уѣхала съ Тотоміанцемъ. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— Вы замѣтили, что онъ сказалъ: «Мои друзья—анархисты...»

— Замѣтила.

— Ну, вотъ. А вѣдь какъ сынъ его въ Петербургѣ спорилъ, доказывая, что онъ совсѣмъ не анархистъ.

— Онъ и не сказалъ, что онъ—анархистъ. Онъ сказалъ: «Мои друзья—анархисты».

— Однако онъ отрицаетъ государство, онъ разрушаетъ его и сочувствуетъ анархистамъ.

— Онъ говоритъ, что анархисты правы во всемъ, кромѣ насилія. Они неправы, думая, что анархію можно установить революціонными приѣмами. Она установится только тѣмъ, что все болѣе и болѣе будетъ людей, которымъ не нужна защита правительства и которые будутъ стыдиться прилагать эту власть.

— Ну, да, конечная цѣль его—все-таки анархія. Онъ—религіозный анархистъ.

— Онъ великій писатель... и великій мечтатель.

— А вы слышали, что графиня говорила о своихъ расчетахъ съ работниками. Какъ это не вяжется!... И потому, что это она сказала: «Если бъ я была богата...» Развѣ она не богата?

— Она сказала, что любить все бѣлое, и что если бъ она была богата, то всѣ въ домѣ у нея ходили бы въ бѣломъ.

— Развѣ она не богата? Развѣ они не богаты? Они богаты!

Начались ужасы войны. При такомъ горѣ было уже не до развѣздовъ. Я получала отъ времени до времени сообщенія о здоровьѣ Льва Николаевича и Марьи Львовны, о болѣзни графини, о перенесенной ею операци. А въ 1906 г. я получила сообщеніе о смерти дорогой Марьи Львовны. Она умерла въ Ясной, и, узнавъ объ этомъ, я сейчасъ же написала графинѣ, которую любила, уважала и цѣнила попрежнему.

Письмо графини 7-го декабря 1906 г.

«Дорогая Л. И. Какъ вы хорошо отнеслись къ нашему горю и какую вѣрную, цѣбную оцѣнку сдѣлали памяти нашей Маши. Это лучшее участіе и лучшее утѣшеніе намъ? Только что я перенесла жестокія физическія страданія, и вотъ опять приходится мучиться, но уже худшими, душевными болями. Мучительно возникаетъ мысль, что, оживъ послѣ опасной операци, я точно отняла жизнь у Маши. Въ одну недѣлю унесло ее сильнѣйшее крупозное воспаленіе легкаго, не уступавшее ни на минуту никакому леченію. Жаръ отъ 40 и 5 до 41,3 буквально сжегъ ея слабенькое, хилое тѣло. Она бредила невнятно, рѣдко опомнилась {и тотчасъ же кого-нибудь приласкаетъ, скажетъ: «Милый папаша!» или «Какъ поживаете, мамаша? Сядьте около меня; дайте руку». А то просила отца: «Не уходи!» Въ день смерти она вдругъ горько начала плакать, обняла мужа и черезъ нѣкоторое время едва понято сказала: «Умираю!»

«Ей, повидимому, не хотѣлось умирать; она еще недавно говорила, что такъ счастлива! И все что-нибудь ее отклоняло отъ возвращенія домой, въ ея имѣніе. То получили записку, что мужики

хотять убить ея мужа, то пути не было, то нездоровилось, и такъ она прожила у насъ три мѣсяца и кончила жизнь тамъ, гдѣ ее начала. И хорошо. Народъ такъ трогательно жалѣлъ ее; она съ нашими крестьянами и работала, и лечила ихъ, вообще дружила.

«Послѣднія минуты ея были необыкновенно трогательны. Ее посадили, потому что ей трудно было дышать. Левъ Николаевичъ все время держалъ ея руку. Голову Маша склонила немного набокъ, глаза были закрыты, но выраженіе ея лица и весь обликъ ея были такъ прелестны и умилительны! Точно она кротко покорилась смерти и тихо ее приняла. Ея исхудалое лицо такъ живо напомнило мнѣ похожаго на нее Ваничку. Тѣ же духовные задатки, которые такъ сильно проявлялись въ Машѣ, когда она была дѣвушкой, и такъ видны были въ Ваничкѣ уже съ дѣтства. Мы лишились въ Машѣ того неумоимаго участія въ нашей жизни, которое она всегда проявляла, и той опоры отцу, котораго она такъ безгранично любила, безъ разсужденія, безъ критики, всецѣло. Идя на смерть, передъ операцией, я поручала Машѣ Льва Николаевича, прося ее никогда не оставлять его. Могла ли я думать, что она насъ оставитъ? Левъ Николаевичъ спокойно и мудро переноситъ это горе. Онъ смотритъ на смерть, какъ на нѣчто обыденное, не то, что мы, слабые люди, которымъ потеря близкихъ кажется чѣмъ-то особеннымъ, тяжелымъ!

«Никогда не зажила во мнѣ рана, нанесенная смертью моихъ дѣтей, особенно Ванички, и теперь до конца дней придется нести новое бремя горя потери взрослой дочери. Но видно, это всегда такъ у насъ, матерей Спасибо вамъ, милая Л. И., что раздѣлили горе съ нами. Не забывайте насъ, посѣтите насъ и знайте, что неизмѣнно, съ любовью всегда относилась къ вамъ прежде и буду относиться всегда и впредь.

«Преданная вамъ Софья Толстая».

Но больше мнѣ не довелось быть въ Ясной.

В. Минуличъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

I.

А. Я. фонъ-Таль.—Его воспитаніе и образованіе.—Внезапная потеря состоянія.—Новгородъ.—Варшава.—Польское возстаніе.—Сраженіе подъ Игнацовымъ.—Отношеніе Таля къ раненымъ солдатамъ.—Помощь солдатамъ, получавшимъ увѣчья на конно-артиллерійскихъ ученьяхъ.

А ЭТОТЪ РАЗЪ мнѣ пришлось изъ массы записей своихъ выбрать нѣкоторыя свѣдѣнія о скончавшемся въ Царскомъ Селѣ 16-го октября 1911 года генералѣ-отъ-кавалеріи Александрѣ Яковлевичѣ фонъ-Талѣ, который въ теченіе всей жизни своей много трудился и своею дѣятельностью принесъ массу пользы отечеству, какъ неутомимый работникъ.

Въ обществѣ его хорошо знали, но онъ былъ мало извѣстенъ широкимъ кругамъ; это въ большой степени находилось въ зависимости отъ того, что онъ никогда ни о себѣ, ни о своихъ дѣйствіяхъ не говорилъ и себя невыставлялъ, въ особенности, если дѣло касалось какихъ-либо его удачъ. Онъ убѣжденно держался того, чтобы оставаться въ тѣни при всякомъ выясненіи его роли въ успѣшныхъ дѣйствіяхъ. Врожденная скромность, развитая въ немъ воспитаніемъ, подсказывала ему ту деликатность, которая рѣзко отличаетъ подобныхъ ему людей отъ другихъ, мало

¹⁾ Продолженіе.—См. «Историческій Вѣстникъ» 1912 г. Октябрь — ноябрь — декабрь.

разбирающихся въ этомъ, а потому нерѣдко показывающихъ склонность къ торопливости въ дѣлѣ одобренія своей дѣятельности и восхваленія собственныхъ поступковъ.

Кто хорошо зналъ покойнаго А. Я. Таля, а въ особенности кому случалось видѣть его въ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ онъ бывалъ и въ какія судьба вообще ставитъ человѣка, совершенно неожиданно для него самого, — тотъ вполнѣ сознавалъ, что это былъ человѣкъ, много работавшій надъ собой и твердо въ теченіе всей своей жизни шедшій по пути самодѣятельности и самообразованія.

Глубокое сознаніе необходимости несенія неустаннаго труда для пользы общественной заставляло его трудиться въ дѣлѣ приобрѣтенія разностороннихъ знаній, которыя могли дать ему возможность легко и свободно приносить свою долю пользы на нивѣ общественной.

«Себѣ только то, что нужно для принесенія пользы другимъ».

Всегда онъ это помнилъ, всегда этимъ руководился, мало объ этомъ говорилъ или ничего въ своихъ высказываніяхъ не подчеркивалъ, однако много, хотя не быстро, а постепенно, — зато вѣрно и постоянно дѣлалъ. Вотъ, между прочимъ, съ какой стороны человѣкъ этотъ заслуживаетъ вниманія друзей, товарищей, современниковъ и потомства къ своей памяти.

«Работать къ усовершенствованію всего въ себѣ, — исключительно съ тѣмъ, чтобы имѣть силу и возможность трудиться для всѣхъ», — было всегда его мечтой; и это, съ одной стороны, совершенно искренно, безкорыстно, лишь съ сознаніемъ крайней необходимости труда для пользы общей, а съ другой стороны — безфразно, тихо, мирно, ни въ всякаго желанія оцѣнить, отмѣтить сдѣланное или испытать значеніе хотя бы малѣйшей похвалы за принесенное. Таковы были въ душѣ, въ сердцѣ и въ мечтаніяхъ идеалы и возжелѣнія этого человѣка, простаго, не имѣвшаго претензій и легко, безъ усилій надъ собой, отдававшаго все другимъ.

Покойный родился въ 1840 году въ Петербургѣ, въ очень богатой дворянской семьѣ: отцу его, Якову Христіановичу Талю, кромѣ милліоннаго дѣла, которое онъ долгое время велъ съ большимъ успѣхомъ, принадлежалъ въ столицѣ большой, богатый каменный въ нѣсколько этажей домъ, по тогдашнему очень благоустроенный. Воспитаніе своихъ сыновей, которыхъ было четверо, Я. Х. велъ на очень широкую ногу домашнимъ образомъ, — не жалѣя средствъ, въ сознаніи крайней необходимости для своихъ дѣтей, будущихъ слугъ отечества, полученія основательнаго и серьезнаго образованія. Лучшіе профессора и учителя переполняли богатый домъ его и постоянно занимались съ дѣтьми, не оставляя ихъ проводить время безъ ученія и слѣдуя тщательно установленной системѣ; въ свободное отъ уроковъ время дѣти находились подъ присмотромъ и руководствомъ серьезныхъ, съ высокимъ уровнемъ образованія гвер-

неровъ, богатыхъ самыми солидными свѣдѣніями и знаніями по части воспитательной вообще.

Съ теченіемъ времени, найдя во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходящимъ и полезнымъ доставить дѣтямъ возможность продолжать образованіе въ средѣ массы товарищей-сверстниковъ, Я. Х. Таль отдалъ ихъ въ разныя учебныя заведенія.

На долю Александра Яковлевича выпало продолжать свое ученіе и воспитаніе въ славившемся тогда, прекрасно поставленномъ столичномъ пансіонѣ Клодта; отсюда онъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, гдѣ продолжалъ уже спеціальное образованіе, законченное имъ въ Михайловской артиллерійской академіи.

Въ то время, когда онъ находился въ четвертомъ классѣ артиллерійскаго училища, то есть за годъ до окончанія въ немъ курса, ему довелось, на восемнадцатомъ году жизни, совершенно неожиданно, узнать отъ отца, что прекрасно шедшія дѣла ихъ вдругъ вслѣдствіе разнообразныхъ невзгодъ пошатнулись и миллионное состояніе его разомъ совершенно пропало. Училищные товарищи, оставшіеся съ Александромъ Яковлевичемъ впослѣдствіи долгое время товарищами по военной службѣ, ясно и точно вспоминаютъ, что полученіе тяжелой вѣсти нисколько на него не повліяло; онъ слишкомъ мало давалъ значенія своему привилегированному между товарищами положенію человѣка богатаго, а потому имѣлъ громадное счастье не измѣниться въ несчастіи.

Конечно, онъ не могъ не сознавать и не чувствовать громадной разницы своего положенія; въ душѣ онъ это переживалъ, но больше всего перестрадалъ за положеніе, которое долженъ былъ перенести его отецъ. Тогда же, задавши себѣ задачу всесторонне и неустанно трудиться, онъ всецѣло отдался мысли помочь, въ мѣрѣ силъ, отцу; граничившія съ наивностью юношескія мечты на этотъ счетъ давали ему надежду трудомъ вернуть отцу его состояніе; но онъ скоро увидѣлъ тщетность этихъ желаній, а потому остался при мысли о томъ, чтобы нравственное положеніе родителя возможно болѣе облегчить; зная его принципы, онъ старался служить ему утѣшеніемъ въ дѣлахъ труда на общую пользу.

Всѣмъ знавшимъ близко А. Я. Таля было извѣстно, что онъ всегда боялся сдѣлаться человѣкомъ, преслѣдуемымъ лишь свои собственныя узкіе интересы.

Окончивъ въ 1861 году по первому разряду курсъ Михайловской артиллерійской академіи, онъ поступилъ въ строй гвардейской конной артиллеріи, гдѣ, отдавшись беззавѣтному служенію, сразу же предался заботамъ о меньшей братіи—о подчиненномъ ему солдатѣ. Много рассказывали его бывшіе подчиненные о томъ, какую трогательную, изъ ряда вонъ выходящую заботливость о нихъ проявлялъ этотъ юный офицеръ.

«Въ Новгородѣ стояли мы,—разсказывали въ одинъ голосъ нижніе чины:—подпоручикъ Таль насъ и службѣ и грамотѣ училъ; бывало, не выходитъ изъ казармы; онъ зналъ въ подробностяхъ всю жизнь и семейное положеніе каждаго изъ насъ; кто былъ побѣднѣе, тому пособить; тогда были у насъ семьи женатыхъ людей, такъ ужъ тѣмъ онъ всегда помогалъ,—и ребятишекъ, бывало, пригрѣтъ, прикормить, подучить, а то и въ школу на свой счетъ отдастъ.

«Потомъ двинули насъ въ походъ: изъ Новгорода перевели въ Варшаву; тамъ начался польскій мятежъ; пошли мы колесить царство Польское, сначала всей батареей, а послѣ взводъ нашъ отдѣлили подъ его командой; тутъ ужъ прямо видать было, какъ подпоручикъ весь отдался хлопотамъ обо всемъ касавшемся службы и наравнѣ съ этимъ заботамъ о нашемъ братѣ; гдѣ бы то ни было—не съѣсть куска, не выпьетъ глотка, пока взводъ не будетъ накормленъ; иной разъ поздно-поздно придемъ, измаявшись, на бивакъ въ непогоду; въ другихъ командахъ, по сосѣдству, глядя, командиръ ротный или эскадронный доволенъ останется, коли солдаты поѣдятъ всухомятку, — при счастіи походную мясную порцію, а то и просто хлѣба,—опять же хорошо, коли съ чаемъ, а больше просто съ водой, какая подъ руку подвернется; а онъ, нѣтъ,—бывало, никогда не допустить этого».

«Солдатъ тогда только бываетъ здоровъ и выдержливъ,—говорилъ подпоручикъ Таль:—когда во время, безъ пропуска, горячую пищу ѣсть», безхитростно разсказывали его бывшіе сослуживцы-подчиненные.

«Подошли мы подъ село Игнацово; тамъ большія банды мятежниковъ собрались; попали мы въ перестрѣлку; пули, какъ пчелы, летали; отрядъ нашъ ударилъ на повстанцевъ, тутъ стрѣлки подъ командой полковника Крока ¹⁾, а тутъ гродненскихъ гусаръ эскадронъ; сильно пострѣляли мы мятежную голь».

Послѣ «войны» съ польскими мятежниками изъ небольшого сравнительно числа солдатъ, составлявшихъ взводъ ²⁾ А. Я. Таля, осталось пять человекъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, которыми, по тѣмъ временамъ, судьба готовила будущность почти безпомощныхъ калѣкъ: одному изъ нихъ раздробило ногу, другому оторвало руку, двое были ранены въ грудь,—это все на батарее въ время боя; но больше всѣхъ пострадалъ нестроевой, состоявшій въ числѣ другихъ въ сборной отрядной командѣ фуражировъ, на которыхъ во время сѣнокоса напала врасплохъ шайка повстанцевъ.

¹⁾ Впослѣдствіи, во время войны 1877—8 г.г. славный командиръ четвертой стрѣлковой—железной—бригады, дѣйствовавшей съ громаднымъ успѣхомъ въ теченіи всей кампаніи сначала въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко, а затѣмъ на Шипкѣ и подъ Шейновымъ.

²⁾ По тогдашнему составу во взводѣ коннооблегченной батареи должно было находиться всего съ нестроевыми пятьдесятъ восемь человекъ.

Хотя довольно большая банда ихъ была мужественнымъ отпоромъ и преслѣдованіемъ самой команды частью уничтожена, а частью, направленная на нашъ отрядъ, захвачена живьемъ,—тѣмъ не менѣе нѣсколько человѣкъ фуражировъ остались на мѣстѣ,—двое убитыми, а четверо, и въ числѣ ихъ одинъ конно-артиллеристъ, жестоко израненными; раны имъ были нанесены самыя тяжелыя, какъ вообще раны, наносившіяся простыми, но очень хорошо отточенными австрійскими косами—вооруженіемъ такъ называемыхъ «косиньеровъ».

Молодой впечатлительный командиръ А. Я. Таль, отнесясь съ самымъ большимъ вниманіемъ къ раненымъ своимъ подчиненнымъ, далъ себѣ слово не оставить ихъ и не упустить изъ вида до тѣхъ поръ, пока они не будутъ излечены, а затѣмъ, такъ или иначе, пристроены и обезпечены.

Онъ не раскисъ при видѣ несчастныхъ, мучившихся и страдавшихъ, но, твердо, съ полною мужественностью давъ себѣ слово устроить этихъ соратниковъ своихъ, исполнилъ свое намѣреніе съ полнымъ, достойнымъ похвалы и благодарности успѣхомъ.

Въ тѣ времена не легко было это сдѣлать, такъ какъ дѣло устроенія и обезпеченія раненыхъ было обставлено крайне несовершенно и они, въ большинствѣ, по полученіи врачебной помощи, а затѣмъ и нѣкоторой, очень недостаточной, матеріальной, были оставляемы на волю Божию, особенно если по домашнимъ обстоятельствамъ приходилось имъ отправляться на родину для водворенія.

Никакихъ организацій для принятія болѣе глубокаго участія въ ихъ судьбѣ не существовало, и изъ нихъ кое-какъ устраивался лишь тотъ, кого слѣпое счастье наталкивало на заботливаго начальника или на случайнаго покровителя. И вотъ для своихъ пятерыхъ раненыхъ Таль умудрился тогда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сдѣлать то, что только нынче начали дѣлать для пострадавшихъ на войнѣ. Прежде всего онъ всѣхъ ихъ снабдилъ деньгами, при чемъ, лично не имѣя большихъ средствъ, постарался привлечь къ тому людей имущихъ; много пособилъ ему въ этомъ отношеніи его товарищъ, сослуживецъ по батарее поручикъ Николай Алексѣевичъ Ермоловъ, къ которому онъ, какъ къ другу, прямо обратился:

— Тебѣ досталось въ удѣлъ, во-первыхъ, обладать большими денежными средствами,—ты, слава Богу, богатъ, а, во-вторыхъ, продѣлавъ противоповстанскую кампанію; ты не имѣлъ ни одного изувѣченнаго; твой взводъ счастливо отдѣлался лишь однимъ пострадавшимъ: легко раненаго ящичнаго ѣздоваго бомбардира Пименова ты имѣлъ счастливую возможность пристроить, оставивъ служить при себѣ въ видѣ вполнѣ обставленнаго матеріально дядьки или денщика. Не составимъ ли вмѣстѣ нѣкоторую сумму для обезпеченія раненыхъ моего взвода?

Ермоловъ, какъ человѣкъ въ высокой степени сердечный, отозвался очень щедрымъ пожертвованіемъ.

— Конечно,—сказалъ онъ:—это все наши же раненые,—батарея одна.

Къ этому удалось присоединить пожертвованіе, присланное бывшимъ командиромъ батареи генераль-майоромъ барономъ А. П. Гершау, а также составившееся изъ суммы, внесенной тогдашнимъ командиромъ М. И. Бреверномъ и остальными офицерами батареи; большую долю отъ себя внесъ бывший начальникъ артиллеріи генераль-адъютантъ Владимиръ Максимовичъ Шварцъ, когда-то въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ служившій въ гвардейской конной артиллеріи и ею командовавшій. Въ концѣ концовъ раненые нижніе чины третьей батареи получили довольно хорошее денежное пособіе. Трехъ изъ числа раненыхъ Таль устроилъ въ Варшавѣ на разныхъ мѣстахъ при частныхъ учрежденіяхъ, выдавъ имъ пособіе, достаточное для обзаведенія одеждой и домашними вещами на новомъ мѣстѣ служенія; четвертый, отправившійся домой на родину, получилъ нѣсколько больше, а пятому израненному косинеромъ, многосемейному, была выдана сравнительно большая сумма и на леченіе, и на прожитіе до полного выздоровленія, а затѣмъ для отъѣзда на родину и устройства своей жизни въ деревнѣ.

Не остановился А. Я. на этомъ; онъ видѣлъ, что уже поздно собирать гроши въ ту минуту, когда раненыхъ наберется нѣсколько человѣкъ; надо имѣть для такого случая постоянныя готовыя суммы и организовать это дѣло такимъ образомъ, чтобы въ вопросѣ оказанія помощи не было никакой задержки.

Служба въ конной артиллеріи всегда была сопряжена съ тѣмъ, что и въ мирное время являлись въ ней изувѣченные, вслѣдствіе особенностей конно-артиллерійскаго строя и требующейся особой лихой ловкости въ конномъ строю. Правда, какъ нижніе чины, такъ и офицеры обучаются лихому строю своему въ такой степени, что процентъ выбывающихъ изъ фронта доведенъ до минимума, но все-таки, бывало, ни одно лѣто не обходилось безъ того, чтобы два-три человѣка въ каждой батарее не оказались искалѣченными во время лихихъ конно-артиллерійскихъ ученій и маневровъ. Сколько случалось каждому конно-артиллеристу пропустить черезъ свои руки людей со сломанной, иногда вслѣдъ затѣмъ отнятой ногой или рукой, съ раздавленной, совершенно разбитой грудью или ушибленной головой и т. п.

А. Я. Талю тогда же пришло на мысль озаботиться составленіемъ особаго капитала для выдачи единовременныхъ пособій при такихъ несчастныхъ случаяхъ; это ему вполне удалось, и нѣкоторое время батарея пользовалась наскоро организованнымъ дѣломъ выдачи пособій нижнимъ чинамъ, получавшимъ увѣчья въ конно-артиллерійскомъ строѣ. Однако впослѣдствіи, съ уходомъ Талья изъ батареи, собранный имъ на этотъ предметъ и для выдачи пособій раненымъ капиталъ былъ переданъ въ распоряженіе русскаго

варшавскаго благотворительнаго общества, совершенно въ ущербъ бѣдствовавшимъ воинамъ, для оказанія въ пріютѣ того общества помощи солдатскимъ дѣтямъ-малолѣткамъ,—правда, испытывавшимъ нужду, но не вѣдавшимъ и не видѣвшимъ бѣдствій.

Вообще и Талю, вышедшему слѣпо и неумѣло на путь организаціи столь благого дѣла, и другимъ участникамъ пришлось немало пожалѣть о томъ, что дѣло это на первыхъ же порахъ своего развитія было, переводомъ его капитала къ другому назначенію, сначала изуродовано, а потомъ и совсѣмъ затерто.

Вдумавшись впоследствии во все касавшееся этого, А. Я. скоро пришелъ къ тому, вытекающему изъ очевидности, убѣжденію, что организацію подобной выдачи пособій слѣдуетъ предпринимать въ обширныхъ размѣрахъ, не иначе, какъ предоставляя блага поддержки такою помощью массамъ войскъ, расположенныхъ на большомъ пространствѣ, захватывая для этого обширный районъ мѣстности квартированія ихъ.

II.

Служба послѣ усмиренія мятежа.—Рядъ рекрутскихъ наборовъ.—Поступленіе въ академію генеральнаго штаба.—Мих. Дм. Скобелевъ.—Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича.—Его жизнь и кутежи.—Скандалъ въ Новгородѣ при губернаторѣ Скарятинѣ.—Скандалъ въ Варшавѣ.—Переходъ въ Туркестанъ.

Съ окончаніемъ усмиренія польскаго бунта строевымъ офицерамъ вообще пришлось отдаться обыденной жизни и службѣ; въ Варшавѣ, въ Лазенкахъ, пошли опять мирныя занятія съ добавленіемъ того, что тогда началась для офицеровъ новая большая работа—по части обученія рекрутовъ.

Въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 г.г., послѣ долгаго на Руси промежутка времени, произведенъ былъ рекрутскій наборъ; это дало много сложной, неустанной работы; поздней осенью того же 1864 года состоялся новыи наборъ; въ концѣ 1865 года опять наборъ,—такъ сплошь два съ половиною года пришлось А. Я. Талю поработать надъ обученіемъ молодыхъ солдатъ.

Лѣтомъ 1866 года онъ получилъ освобожденіе отъ строевыхъ занятій и, выдержавъ при окружномъ штабѣ установленный экзамень, отправился въ Петербургъ въ академію генеральнаго штаба для слушанія въ ней курса наукъ.

Туда онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ молодымъ поручикомъ Гродненскаго гусарскаго полка Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ. Въ Петербургѣ они поселились сначала на одной квартирѣ и первое время вмѣстѣ занимались; но Скобелевъ жилъ не такъ, какъ могъ жить Таль; онъ тратилъ большія средства, которыхъ его отецъ Дмитрій Ивановичъ, богатый человѣкъ, командовавшій тогда собственнымъ его величества конвоемъ, не жалѣлъ на своего един-

ственного сына; товарищамъ по возвращеніи въ Петербургъ послѣ лѣтнихъ съемокъ пришлось разъѣхаться. Сдѣлалось это незамѣтно; дружескія отношенія у нихъ оставались прежнія, только видѣться они стали рѣже; а когда оказалось, что оба они, «варшавяне», одинаково должны были окончить курсъ по второму разряду, то начались между ними болѣе частыя сношенія.

— Хотя насъ ничто не разъединяло, но нельзя не припомнить, что въ несчастіи люди соединяются,—шутить Скобелевъ и при этомъ уговаривалъ Таля ѣхать, по выходѣ изъ академіи, куда-нибудь на окраину болѣе далекую, чѣмъ та, которую онъ имѣлъ въ виду, намѣтивъ себѣ возвращеніе домой въ Варшаву.

— Въ далекіе края лучше намъ ѣхать вмѣстѣ; мы другъ друга хорошо знаемъ, поддержимъ,—говорилъ М. Д.:—вмѣстѣ и послужимъ отечеству.

Но А. Я. не далъ себѣ труда ни на минуту задуматься надъ товарищескимъ предложеніемъ; онъ твердо рѣшилъ возвратиться въ Варшаву и осенью 1868 года они разъѣхались въ разныя стороны—одинъ въ Туркестанъ, а другой въ Варшаву, въ Лазенки.

Встрѣча съ прежними товарищами и вообще сослуживцами по батареѣ должна была доставить Талю много удовольствія; но радость этой встрѣчи скоро омрачилась.

Остававшійся въ батареѣ Ермоловъ, о большемъ пожертвованіи котораго приведено выше, былъ произведенъ изъ артиллерійскаго училища въ офицеры, а затѣмъ окончилъ академію годомъ или двумя раньше Таля; въ училищѣ и въ артиллерійской академіи они были большими друзьями, такими остались на службѣ, совмѣстно неся ее въ батареѣ и товарищески дѣля труды свои по ней.

Ермоловъ былъ любимымъ сыномъ Алексѣя Петровича, извѣстнаго боевого служачи-героя, начавшаго свои отличія и стяжавшаго себѣ боевую славу въ царствованіе Екатерины Великой при Суворовѣ, продолжавшаго свою геройскую службу въ 1812 году и завершившаго ее на Кавказѣ.

Послѣ прослуженія четырьмя царствовавшимъ на Руси государямъ онъ скончался въ 1861 г., на зарѣ царствованія пятаго государя.

Своему сыну, товарищу Таля, герой-отецъ оставилъ очень большія средства и, хотя неустанно училъ его сдержанности въ дѣлѣ расходованія тѣхъ средствъ на себя, внушая ему экономную жизнь и расчетливость, близкую къ скупости при тратахъ на свои собственные пужды,—но изъ этого ничего не вышло, и герой къ глубокой старости своей не дождался увидѣть въ любимцѣ-сынѣ даже тѣни благоразумія.

Еще во время стоянки въ Новгородѣ Ермоловъ-сынъ показалъ нѣкоторое влеченіе къ широкому размаху жизни и къ безалаберности въ веденіи своихъ денежныхъ дѣлъ; праздное препровожденіе

времени въ компаніи ничѣмъ не занятыхъ друзей, Господь вѣдаетъ откуда набравшихся, болѣе и болѣе увлекая его на путь легкомысленности и распущенности, затащило въ сферу кутежей, къ которымъ прекрасный, способный, любимый товарищами молодой человекъ началъ по временамъ показывать родъ пристрастія.

Появилось стремленіе къ шумному разгулу, и вотъ однажды въ Новгородѣ же большое гулянье въ кругу друзей совершенно неожиданно развернулось въ большой и громкій скандалъ.

Тогдашнее время можно охарактеризовать, какъ время бурное, безшабашное; молодые люди, въ особенности офицеры, гуляли, кутили и, казалось, чѣмъ больше сумбура кто-либо умѣлъ надѣлать, коротая свое время въ большой компаніи, тѣмъ лучше; изобрѣтались разнообразныя способы препровожденія досуга, въ нихъ выражался и выказывался духъ старинныхъ бурныхъ кутежей съ непристойными продѣлками, которыя казались невинными только изобрѣтателямъ ихъ и участникамъ.

Изъ временъ новгородской стоянки всѣмъ, проживавшимъ тогда въ Новгородѣ и въ его окрестностяхъ, надолго остался въ памяти случай, надѣлавшій много шума.

Однажды по случаю какого-то событія, въ день торжественнаго въ домѣ губернатора празднованія, имѣвшаго официальный характеръ, когда съѣхалась въ городъ масса гостей изъ окрестныхъ мѣстностей всей губерніи, а также изъ столицъ и ихъ пригородовъ и когда къ вечеру для съѣзда въ губернаторскій домъ явилась громадная потребность въ массѣ извозчиковъ, — ни одного изъ нихъ не оказалось въ городѣ; погода, какъ на зло, въ тотъ день разыгралась въ бурю съ холоднымъ ливнемъ; грязь, слякоть не давали возможности пройти по городу даже небольшое пространство; губернаторское торжество прошло крайне разстроеннымъ; неприятность для начальника губерніи и для его семьи вышла очень большая.

Оказалось, что у компаніи безпутной молодежи человекъ въ двѣнадцать офицеровъ и ихъ друзей — сыновей окрестныхъ помѣщиковъ — наступилъ кутежный періодъ. Ермоловъ, ставъ во главѣ, нанялъ въ тотъ день на свой счетъ всѣхъ городскихъ извозчиковъ, заранѣе сговорилъ ихъ прибыть къ вечеру въ село, отстоявшее отъ города верстахъ въ десяти и обычно служившее для кутившей молодежи мѣстомъ загородныхъ поѣздокъ на тройкахъ. Каждый извозчикъ долженъ былъ съ утра отдать Ермолову, какъ «хозяину кутежнаго веселья», свой номеръ съ тѣмъ, что, только прибывши порожнякомъ въ то село на сборный пунктъ, онъ могъ, лишь по приказанію Ермолова, не ранѣе опредѣленнаго имъ часа, взять тотъ билетъ обратно, а взамѣнъ того получить, уже по возвращеніи въ городъ, уговоренную плату двадцать пять рублей на cadaго.

Извозчикамъ, какъ водится, было выкачено нѣсколько четвертей водки; Ермоловъ подъ своей командой произвелъ имъ какія-то

движенія, напоминавшія конно-артиллерійское и кавалерійское ученье; возницы перепились, къ нимъ присоединилось немало стороннихъ любителей нарѣзаться; все это бушевало, безобразничало; къ концу гулянья одинъ буянтъ остался на мѣстѣ умершимъ, а такъ какъ извѣстно было, что безобразники передрались, то явилось предположеніе, что онъ былъ убитъ въ дракѣ, хотя всѣ данныя говорили за то, что смерть послѣдовала отъ апоплектического удара.

Такимъ образомъ, къ непріятности, причиненной начальнику губерніи, былъ присоединенъ улично-общественный скандалъ съ уголовнымъ исходомъ.

Высказывалось предположеніе, будто бы вообще эта безобразная исторія была задумана и продѣлана предумышленно противъ губернатора, достойнѣйшаго Влад. Яковл. Скарятина, съ которымъ никогда непріятностей и столкновеній ни у кого не было ¹⁾. Самъ Ермоловъ увѣрялъ, что съ его стороны все вышло вдругъ, случайно; нѣтъ основаній этому не вѣрить, но большая непріятность такъ и осталась учиненною...

Попавъ въ такую большую исторію и почувствовавъ себя изъ-за нея висящимъ на волоскѣ, Ермоловъ закаялся впредь отваживаться чинить что-либо подобное, далъ въ этомъ обѣщаніе и съ тѣхъ поръ какъ будто бы остепенился; но мало-по-малу вновь свернулся на путь, если не кутежей, то сначала простыхъ выпивокъ, а потомъ и безпробудныхъ пооекъ; скоро незамѣтно для себя утвердился онъ на томъ пути уже въ то время, когда А. Я. находился въ Петербургѣ, въ академіи генеральнаго штаба.

А. Я. Талю, оставившему своего близкаго друга и товарища молодого Ермолова въ положеніи чловѣка остепенившагося, пришлось по возвращеніи своемъ въ Варшаву узнать во всѣхъ грустныхъ подробностяхъ повѣствованіе о томъ, что онъ вновь обратился на путь праздної жизни: сталъ мало и плохо служить, а все свое время проводилъ въ компаніи, которая пристроилась больше къ его громаднымъ средствамъ, чѣмъ къ нему лично; она состояла наперечетъ изъ молодыхъ людей, сбившихся съ пути, разныхъ отставныхъ, немного послужившихъ, а также никогда не служившихъ, вѣчно бившихъ баклуши, склонныхъ лишь къ бражничанью и кутежамъ. Съ компаніей этой Ермоловъ вѣчно кутилъ въ трактирахъ и въ винныхъ магазинахъ; охотились, при чемъ часто до мѣста охоты не доѣзжали, такъ какъ «торопились остановиться» мимоѣздомъ у

¹⁾ В. Я. Скарятинъ былъ впоследствии убитъ нечаяннымъ выстрѣломъ на царской охотѣ при облавѣ въ присутствіи государя; братъ его Н. Я. занималъ должность курскаго губернскаго предводителя дворянства, а впоследствии былъ казанскимъ губернаторомъ; Инк. Як. въ концѣ семидесятыхъ годовъ прославился очень крутымъ нравомъ; казанскіе татары его и теперь помнятъ.

Авт.

какого-либо замишлаго помѣщика; тамъ кутили день, другой, а иногда и третій.

Разобравшись во всемъ этомъ и придя къ твердому убѣжденію въ томъ, что все-таки Ермоловъ рѣшительно ничего непопорядочнаго и позорящаго имя его не учинилъ, А. Я. Таль горячо просилъ товарищей-офицеровъ войти въ это дѣло, пока еще не поздно, и взяться дружески переговорить съ нимъ, просить его, во имя дружескихъ, товарищескихъ отношеній, опомниться, взять себя въ руки, бросить такую жизнь, вернуться на прежній путь, забывъ все, что могло и угрожало чернить его и вело къ окончательной гибели.

Первая же бесѣда съ добрымъ, пользовавшимся общей любовью товарищемъ представила ему страшную картину того, какъ онъ началъ грязнуть; выказавъ полнѣйшее раскаяніе, онъ высказалъ желаніе и далъ обѣщаніе отстать отъ дурного кружка и вновь начать вести правильный, добропорядочный образъ жизни. Изліяніемъ чувствъ не было конца, все представлялось построеннымъ на той благородной искренности, которой источникъ держится въ полнѣйшемъ, безупречномъ джентльменствѣ, отличающемъ всегда взаимныя сношенія людей воспитанныхъ и вполне порядочныхъ.

Офицеры, обрадованные исходомъ этого добраго воздѣйствія, не находили словъ для выраженія благодарности А. Я. Талю, признавая, что, если онъ всегда славился и отличался, какъ добрый, хорошій, благородный товарищъ, то въ этотъ разъ превзошелъ себя.

Соблюдая въ своемъ добромъ порывѣ полную послѣдовательность, товарищи рѣшили горячо ухватиться за дальнѣйшую мысль, высказанную Талемъ же, — тотчасъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы изыскать способъ общими силами совершить крупный заемъ и осторожно, не задѣвши самолюбія готовившагося къ нравственному возрожденію товарища, предложить полное очищеніе его отъ долговъ, для чего надо было, не медля ни минуты, выгнать его изъ еврейскихъ рукъ и выручить отъ жидовъ, которые, какъ пьявки, высасывали его, пользуясь его слабостями и нуждой... Задача товарищей состояла лишь въ томъ, чтобы Ермоловъ могъ въ лучшей формѣ принять крайне щекотливое предложеніе дружескаго кружка; матеріальное положеніе его было таково, что при толковомъ веденіи расходовъ можно было черезъ годъ-другой совершенно очиститься отъ долговъ; родъ товарищеской опеки могъ бы помочь дѣлу.

Но можно себѣ легко представить, каково было огорченіе Тяля и другихъ товарищей, когда, послѣ всѣхъ радостей, испытанныхъ ими въ день Благовѣщенія 1869 года, они узнали на другой день, что остатокъ этого великаго дня, ставшаго днемъ налаженія всего на путь добраго оборота и исхода, Ермоловъ провелъ въ Вилля-

новѣ ¹⁾ въ сплошномъ кутежѣ. День, какъ оказалось, закончился тѣмъ, что, пристроившись съ компаніей къ одному изъ окрестныхъ болотъ для охоты, Ермоловъ занялся бессмысленной игрой, изобрѣтенной помутившимися головами: онъ завертывалъ горсти серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ въ пятидесяти и двадцатипятирублевая бумажки и бросалъ эти свертки въ болото съ тѣмъ, чтобы собранная для услугъ и помощи при охотѣ, напоенная, полупьяная толпа окрестныхъ крестьянъ, въ толкотнѣ и дракѣ, вылавливала тѣ монеты, извлекая ихъ изъ болотной трясины. Эта затѣя окончилась на манеръ новгородской кутежной исторіи, точно судьба умышленно и сознательно вмѣшалась для повторенія напоминанія въ тѣхъ же самыхъ штрихахъ: одного крестьянина затянуло въ болотную топь, и вытащить изъ нея довелось только его трупъ.

Скандалность этой исторіи увеличилась и довершилась большимъ огорченіемъ для насъ: обнаружилось, что вмѣстѣ съ крестьянами за поимкой денежной подачки кидались въ болото также и «изрядно подогрѣтые старкой» нижніе чины батареи изъ числа батарейныхъ пѣсенниковъ, залученныхъ Ермоловымъ на гульбище. Сквозь дѣло, которое возникло, это обстоятельство проходило, омрачая настроеніе чиновъ батареи.

Давая по-братски обѣщаніе товарищамъ-офицерамъ выбросить изъ поведенія своего все некорректное, Ермоловъ, очевидно, думалъ докупить лишь затѣянное и условленное гулянье того дня и, отбывая его, въ немъ же навсегда распрощаться съ кутерьмой жизни и со своей компаніей. И признаться въ томъ, что гулянье уже намѣчено и не могло быть отмѣнено, не хватило у него ни духу, ни характера; авось, думалось ему, пройдетъ благополучно и этотъ, быть можетъ, сотый по счету дебошъ; а противъ компаніи неловко было бы отступить отъ условленнаго. И вотъ вышло все, какъ на зло, опять съ такимъ скандальнымъ исходомъ и съ такой нашумѣвшей оглаской... Или, быть можетъ, въ минуты покаянныхъ разговоровъ съ товарищами онъ искренно забылъ о томъ, что предстояла еще капля, которая, какъ оказалось, должна была переполнить чашу...

Послѣ этого уже самъ Ермоловъ почувствовалъ смыслъ своего положенія и самъ рѣшилъ дальнѣйшую судьбу свою неотступнымъ прошеніемъ о переводѣ его на службу въ Туркестанскій край. Это прошло несложно, и не далѣе, какъ въ іюлѣ того же 1869 г., онъ уѣхалъ въ Ташкентъ, приложивъ всѣ старанія къ тому, чтобы передъ отъѣздомъ, по возможности, нигдѣ не показываться въ средѣ офицеровъ какъ тѣснаго кружка лазенковскаго отряда, такъ и варшавскаго гарнизона вообще...

¹⁾ Богатое, принадлежавшее графамъ Потоцкимъ подѣ Варшавой помѣстье съ селомъ и съ роскошнымъ паркомъ, служившее мѣстомъ гулянья избранной варшавской публики.

Офицерамъ батареи удалось опредѣлить моментъ его отъѣзда, и они, собравшись на вокзалѣ, благословили покидавшаго ихъ товарища Николая Алексѣевича иконой, на которой соединены были изображенія святыхъ: Николая Чудотворца и Алексѣя Божія человѣка.

И въ этомъ дѣлѣ трогательнѣе всего было то, что мысль такого послѣдняго шага въ сношеніяхъ товарищей изошла отъ А. Я. Таля—лютеранина, который въ товарищескомъ кружкѣ и у нижнихъ чиновъ почитался «русскимъ нѣмцемъ».

Такимъ образомъ, у человѣка съ закаленнымъ, твердымъ характеромъ, какой проявлялъ Ермоловъ-отецъ, его любимѣйшій сынъ, вначалѣ способный человѣкъ, оказался безвольнымъ, а потому скоро павшимъ.

Участь отца, отставленнаго отъ всего, надъ чѣмъ онъ съ громадной пользой работалъ много лѣтъ, конечно, должна была вызвать въ сынѣ огорченіе; это огорченіе испытывали и всѣ посторонніе свидѣтели устранения такого талантливаго человѣка-гиганта отъ дѣлъ въ періодѣ наибольшаго развитія его могучихъ силъ,—но въ Ермоловъ-сынѣ, помимо того, сидѣло разившееся съ дѣтства безволіе, приведшее его къ неудачамъ, изъ-за которыхъ его жизнь скоро пришла къ печальнѣйшему концу.

Старанія друзей, во главѣ которыхъ стоялъ А. Я. Таль, не привели ни къ чему и не могли вытащить этого товарища изъ бѣды, въ которую онъ себя втянулъ.

III.

Таль и Скобелевъ оканчиваютъ курсъ академіи.—Переѣздъ Таля въ Варшаву. Переписка со Скобелевымъ.—Встрѣча съ нимъ черезъ десять лѣтъ въ 1878 г. у Мраморнаго моря.—Отношеніе Таля къ Скобелеву.—Таль объ Ермоловѣ.—Жизнь Таля въ Лазенкахъ.—Устройство церкви въ батарейной казармѣ.

Разставаніе Таля съ ближайшимъ товарищемъ по академіи генеральнаго штаба М. Д. Скобелевымъ, противъ всякаго со стороны А. Я. ожиданія, вышло очень трогательнымъ. Припомнивъ безконечныя задушевыя бесѣды, происходившія въ длинныя зимніе вечера перваго года пребыванія ихъ въ академіи и сожительства, М. Д. влилъ большую долю задушевности въ прощанье, расчувствовался и, конечно, передалъ часть чувствъ своихъ товарищу; но это было мимолетно и въ концѣ концовъ прошло безслѣдно.

Разставшись пріятелями, товарищи по желанію, высказанному съ полною искренностью М. Д. Скобелевымъ, нѣкоторое время вели между собой переписку; долго оживленною она не могла быть и таковою не осталась: Скобелевъ не находилъ нужнымъ въ письмахъ высказывать все, что онъ думалъ, дѣлалъ, переживалъ и чего желалъ; въ строчкахъ его чувствовалось много недосказаннаго и немало дѣлан-

наго; у Таля же не могло всегда подъ рукой находиться желательнаго для подобной переписки разнообразія въ матеріалѣ, котораго несложная лазенковская, извѣстная Скобелеву вдоль и поперекъ жизнь не давала. Одинъ моментъ дѣло оживилось сообщеніями М. Д. о появленіи въ туркестанскихъ дѣбряхъ Н. А. Ермолова, съ которымъ Скобелевъ, также по Варшавѣ, сохранилъ добрыя дружескія отношенія; но послѣ первыхъ извѣстій о радостяхъ встрѣчи все свелось къ тому, при какихъ обстоятельствахъ, гдѣ и какъ пришлось кутнуть; тогда Скобелевъ любилъ отъ времени до времени продѣлывать это на очень широкую ногу. Затѣмъ интересъ къ описанію однообразныхъ увеселеній съ добрымъ, появившимся на туркестанскомъ горизонтѣ, варшавскимъ товарищемъ ослабѣлъ. Вскорѣ мало-по-малу переписка прекратилась, несмотря на то, что, какъ казалось, интересъ и влеченіе къ ней сохранились до конца у обѣихъ сторонъ; недостало связующаго элемента.

Разставшись съ этимъ своимъ ближайшимъ товарищемъ по академіи генеральнаго штаба въ 1868 году, А. Я. встрѣтился съ нимъ ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1878 году, послѣ заключенія С.-Стефанскаго мирнаго договора, когда, командуя, въ чинѣ полковника, 2-ой батареей гв. конно-артилерійской бригады, онъ на продолжительной и томительной стоянкѣ въ Родосто и въ Селевріи у Мраморнаго моря оказался со своей батареей подчиненнымъ начальнику войскъ береговой линіи генераль-лейтенанту М. Д. Скобелеву 2-му ¹⁾. Встрѣтились они пріятелями и, вспомнивъ старину, обо многомъ переговорили; но не надо было имѣть много разговора для того, чтобы увидѣть, насколько ихъ жизненные интересы стали еще больше, чѣмъ прежде, расходиться совершенно въ противоположныя стороны.

Никогда А. Я. Таль, по собственному его сознанію, не испытывалъ при свиданіяхъ со Скобелевымъ чувства удовольствія встрѣчи съ человѣкомъ близкимъ себѣ, своимъ, хотя никогда этого ему не показали и лично въ душѣ ничего противъ него не имѣлъ.

Не осуждалъ онъ М. Д. Скобелева и не высказывалъ ничего такого, что могло бы показать въ немъ желаніе осудить его. Разъ только, уже въ самое послѣднее время своей жизни, въ годы страданій отъ удущья, онъ совершенно спокойно и какъ бы индифферентно, сказалъ:

— Да, это былъ герой, но меня, рѣшительно противъ моей воли и противъ моихъ искреннихъ желаній,—всегда отталкивали отъ него всѣ тѣ сокровенныя его вождельнія, о которыхъ онъ находилъ

¹⁾ Войска, подчиненныя тамъ М. Д. Скобелеву, вошли въ составъ лѣваго отряда дѣйствующей арміи.

пужнымъ мнѣ, непремѣнно лично въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ, высказывать—и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ въ бытность нашу въ академіи генеральнаго штаба, и даже, сверхъ моего ожиданія, послѣ десятилѣтняго промежутка времени, въ Родосто. Въ первые два періода онъ былъ молодъ, почти юнъ, но въ Родосто! Вѣдь тогда передо мной уже стоялъ воинъ, герой, полководецъ, и вдругъ въ его высказываніяхъ я слышу старую погудку на тотъ же старый ладъ: поразившій меня съ одинаковой силой прежній наплывъ эгоизма и полное отсутствіе признанія какихъ бы то ни было пожеланій кому бы то ни было, кромѣ себя и своей собственной персоны. Я искренно жалѣлъ о томъ, что во мнѣ нарождалось чувство брезгливости по отношенію къ его мыслямъ; я усиливался создать въ себѣ всякія ему добрыя пожеланія, но, помимо этого, все во мнѣ стихійно перебывалось желаніемъ отчудиться, оттолкнуться отъ него...

Въ 1875 году Н. А. Ермоловъ, состоя въ чинѣ подполковника, получилъ переводъ въ виленскій военный округъ на должность командира полевой пѣшей батареи, а въ 1877 году, передъ самымъ выступленіемъ частей артиллеріи того округа въ военный походъ, скончался совершенно неожиданно отъ разрыва сердца, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, то есть ни матеріальныхъ средствъ, ни замѣтной памяти; хотя, по первоначальному богатству своему и по крайне добрымъ задаткамъ своего сердца, казалось бы, могъ имѣть право на то и на другое.

Болѣе близкаго человѣка изъ товарищей у А. Я. Таля не было. До конца жизни своей онъ съ большой скорбью вспоминалъ участь этого товарища: все дѣло въ томъ, говорилъ Таль, что герой-отецъ нашель нужнымъ дать ему расти на полной свободѣ до пятнадцатилѣтняго возраста, когда онъ его, уже пріобрѣвшаго массу привычекъ и почти сдѣлавшагося необузданнымъ, заключилъ въ стѣны артиллерійскаго училища; оттуда ему довелось выйти собственникомъ громаднаго состоянія; при этихъ условіяхъ оно, несомнѣнно, явилось главною причиною того, что молодой человѣкъ такъ рѣзко свихнулся и очень рано оказался обреченнымъ на гибель; при всемъ своемъ относительномъ развитіи умственномъ онъ скоро отупѣлъ.

Въ началѣ 1870 года батарейный командиръ Магнусъ Ивановичъ Бреверль, воспользовавшись тѣмъ, что выстроенная въ Лазенкахъ для батареи каменная казарма оставалась на зиму 1869—70 г.г. не отдѣланною, выдѣлилъ въ верхнемъ этажѣ новаго зданія большой залъ и рѣшилъ во время производства отдѣлки устроить въ немъ батарейную церковь.

— Здѣсь, въ католическомъ краѣ, необходимо прійти на помощь православнымъ людямъ въ дѣлѣ удовлетворенія религіозной по-

требности, —сказаль онъ, пригласивъ къ себѣ офицеровъ батареи и обратясь къ нимъ, въ особенности къ двумъ старшимъ изъ нихъ— капитану князю Василию Алексѣевичу Вадбольскому и штабсъ-капитану А. Я. фонъ-Талю—съ просьбой оказать ему въ этомъ содѣйствіе.—Совсѣмъ иною жизнь покажется на чужбинѣ солдатамъ, когда они будутъ знать и видѣть, что могутъ молиться въ храмѣ православномъ и вдобавокъ въ собственномъ, — закончилъ Бревернъ свое обращеніе.

Тотчасъ же все было установлено и распредѣлено; А. Я. Таль взялъ всецѣло на себя завѣдываніе разными работами и, какъ художникъ, занялся живописью, а также вообще взялся двигать всю отдѣлку храма. Всѣ чины батареи приняли участіе въ разнообразныхъ работахъ по этому дѣлу вообще, и съ января по конецъ ноября работа кипѣла, а 6-го декабря того же 1870 г., въ день батарейнаго праздника, высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, архіепископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ, въ присутствіи намѣстника фельдмаршала графа Ѳ. Ѳ. Берга, въ той казармѣ была освящена прехорошенькая батарейная церковь во имя св. Николая Чудотворца. Съ тѣхъ поръ уже болѣе сорока лѣтъ переходящія черезъ составъ батареи русскіе православныя люди имѣютъ на чужбинѣ радость молиться въ собственномъ своемъ храмѣ. Тогда же, въ день освященія его, было обращено вниманіе на то, что онъ явился подаркомъ батареѣ, благодаря щедротамъ командира М. И. Бреверна—лютеранина, взявшаго на себя инициативу и пожертвовавшаго на святое предпріятіе денежныя средства, а также благодаря стараніямъ офицера батареи А. Я. Таля, лютеранина же, положившаго съ большой энергіей свой трудъ на это кропотливое дѣло—веденія детальныхъ работъ по устройству церкви.

Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, тоже лютеранинъ, сказаль имъ, что онъ отъ удовольствія не можетъ найти словъ для выраженія благодарности за высокоблагородныя заботы ихъ о религіозно-нравственной сторонѣ жизни нижнихъ чиновъ. Высокопреосвященный Іоанникій, благословивъ ихъ обоихъ, сказаль, что «онъ рѣшительно умиляется передъ недостигаемою высотой подвига, который они совершили, придя по-христіански на помощь массѣ людей не своей вѣры».

Спокойно провелъ Таль почти четыре неизмѣнно сѣренькихъ года службы въ батареѣ въ строю гвардейской конной артиллеріи въ Лазенкахъ въ чинѣ штабсъ-капитана; ровно прошли они; скучать ему было некогда и не отъ чего. Онъ былъ всегда занятъ, много занимался сначала взводомъ, потомъ дивизиономъ (по тогдашнему—полубатарее), много читаль, еще больше писалъ, неустанно служилъ и въ казармѣ, и въ полѣ, ходилъ на охоту, рисоваль, играль на рояли, на віолончели; все это, конечно, при всемъ разнообразіи, отдавало

тѣмъ однообразіемъ, которымъ отмѣчается необходимость долгаго безвыѣзднаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія, въ основѣ не имѣющаго задатковъ жизненности.

IV.

Приглашеніе Таля на службу въ Парижъ.—Затрудненія.—Джуліани.—М. И. Бреввернъ выручаетъ.—Парижъ.—Знакомства во французскомъ военномъ министерствѣ.—Офицеры генеральнаго штаба о Гамбеттѣ.—Непріятность, устроенная ему въ Версалѣ.—Гамбетта—циклопъ.—Князь Витгенштейнъ о немъ.

Среди этого положенія, похожега на замерзаніе, онъ вдругъ въ срединѣ марта 1872 года получилъ телеграмму изъ Парижа: «Бду въ Варшаву специально къ тебѣ по дѣлу очень нужному вообще и важному для тебя. Будешь ли въ Варшавѣ двадцатаго и примешь ли меня? Джуліани».

Суть упомянутаго въ телеграммѣ этой «нужнаго вообще и очень важнаго для Таля дѣла» оказалась въ томъ, что нашъ военный агентъ въ Парижѣ свиты его величества генераль-майоръ свѣтлѣйшій князь Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ нашель порученныя его вѣдѣнію дѣла идущими крайне медленно и малоуспѣшно, поэтому рѣшили просить военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Милютина, о добавленіи въ штатъ военной миссии въ Парижѣ втораго помощника военнаго агента; на это онъ получилъ согласіе министра, но съ тѣмъ, что немедленное назначеніе его будетъ принято лишь на время, до утвержденія въ установленномъ порядкѣ измѣненія штатовъ, а утвержденіе это послѣдуетъ въ томъ случаѣ, если опытъ покажетъ, что измѣненіе дѣйствительно необходимо. Исходя изъ того, что замедленіе въ дѣлахъ происходило больше всего по части артиллерійской, съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуя совѣту и ходатайству помощника своего В. Ю. Джуліани, князь рѣшилъ просить о назначеніи ему офицера отъ артиллеріи вообще и именно штабсъ-капитана гвардейской конной артиллеріи А. Я. Таля, которому и передалъ черезъ Джуліани предложеніе занять эту должность. Джуліани былъ произведенъ въ офицеры годомъ или двумя раньше Таля изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, также окончилъ артиллерійскую академію, находился въ большой дружбѣ съ Ермоловымъ и въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ Талемъ, котораго считалъ очень серьезнымъ, способнымъ офицеромъ вообще и дѣльнымъ артиллеристомъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, на выборѣ этого офицера князю Витгенштейну пришлось остановиться при живѣйшемъ въ томъ участіи Джуліани.

Извѣстіе, привезенное имъ, пріятно поразило Таля, такъ какъ, несомнѣнно, такое предложеніе являлось крайне лестнымъ; но онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы сразу отвѣтить утвердительно на вопросъ о согласіи занять этотъ постъ; предвидѣлась масса самыхъ

разнообразныхъ затрудненій; первое изъ нихъ состояло въ недостаткѣ средствъ, въ полномъ безденежьи и въ отсутствіи всякой надежды на поправленіе матеріальнаго положенія.

Однако послѣ нѣсколькихъ дней, прошедшихъ въ разсужденіи и размышленіи, дѣло устроилось къ полному благополучію.

Командиръ батареи полковникъ Магнусъ Ивановичъ Бревернъ, относившійся неизмѣнно участливо ко всему, что касалось нуждъ другого, а въ особенности его подчиненнаго, принялъ это дѣло близко къ сердцу.

— Невозможно упустить случай, который такъ просто представляется для того, чтобы, показавъ свои знанія и способности, выдвинуться по службѣ; какъ можно въ такую минуту пренебрегать своей дальнѣйшей карьерой; закрывши глаза, соглашайтесь; мнѣ жаль лишиться такого сослуживца и сотрудника, но я настаиваю— не отказывайтесь,—говорилъ онъ, убѣждая Таля.

Когда выяснилось, какъ дважды два четыре, что у Таля нѣтъ денегъ, а безъ нихъ въ этомъ «карьерномъ» вопросѣ не выйдетъ ничего,—Бревернъ самъ на минуту задумался.

Таль не былъ карьеристомъ и не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы его такими доводами можно было убѣдить; онъ твердо держался своихъ собственныхъ принципиальныхъ соображеній и лишь они могли привести его къ убѣжденію въ возможности и въ пользѣ принятія предложенія. Бревернъ, разсудивъ съ Джуліани, что первое время можно будетъ обойтись суммою въ три тысячи съ половиной, рѣшилъ ссудить четыре. Дѣло, по увѣренію Джуліани, стояло такъ, что на дальнѣйшіе расходы будетъ вполне достаточно получаемаго по службѣ содержанія, которое, судя по проекту, намѣченному княземъ Витгенштейномъ и представленному имъ военному министру, будетъ отпускаться въ очень солидной суммѣ.

Джуліани самъ былъ, правда, богатый человѣкъ и, живя роскошно въ Парижѣ, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, сколько онъ тратитъ вообще, являлось ли получаемое имъ по службѣ содержаніе подспорьемъ, а если да, то въ какой мѣрѣ; но его заявленіямъ повѣрили.

Таль согласился, а занимавшій тогда постъ товарища генералъ-фельдцеймейстера чудный, внимательный и изысканно-деликатный Александръ Алексѣевичъ Баранцовъ¹⁾ высказался съ своей стороны за желательность командированія именно Таля; по своей привычкѣ вездѣ и всегда всесторонне войти въ нужду офицера и постараться

¹⁾ Впослѣдствіи былъ возведенъ императоромъ Александромъ II въ графское Россійской имперіи достоинство. Надо замѣтить, что во время полученія этой награды онъ былъ уже очень старъ, болѣлъ и, видимо, хирѣлъ; получивъ радостное повѣстіе, онъ оживился, ободрился и самъ говорилъ: «Доктора че знаютъ, что это и есть жизненный эликсиръ; посмотрите, съ моихъ плечъ государь разомъ снялъ сорокъ лѣтъ; какъ я ожилъ и окрѣпъ!»

устранить малѣйшее затрудненіе, если оно имѣется, онъ выхлопоталъ увеличеніе суммы, предназначенной къ выдачѣ въ видѣ подъемныхъ денегъ на эту командировку; благодаря этому, Таль вмѣсто тысячи семисотъ рублей получилъ на подъемъ три тысячи сверхъ полагающихся въ подобныхъ случаяхъ по расчету верстъ прогонныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, прекрасно обставленный матеріально, молодой штабсъ-капитанъ, закисшій и полузамерзшій въ лазенковской служебной обстановкѣ, совершенно неожиданно выѣхалъ за границу и очутился въ оживленномъ центрѣ міровой жизни.

«Какъ по волшебству въ сказкѣ все это случилось,—говорилъ впоследствии Таль:—до середины марта у меня въ мысляхъ не было и не могло быть ничего подобнаго, и вдругъ уже въ началѣ мая я сижу въ Парижѣ, въ своей уютной комнатѣ, или на занятіяхъ въ роскошномъ помѣщеніи русскаго посольства, или, прогуливаясь по столицѣ міра, иду въ Елисейскихъ поляхъ, или, наконецъ, наслаждаюсь музыкой въ оперѣ, чувствуя, понимая и сознавая, что здѣсь она лучшая въ мірѣ»...

Встрѣча, оказанная ему княземъ Витгенштейномъ, очень ободрила его, какъ и вообще знакомство съ персоналомъ посольства, а занятія по службѣ, введя его въ привычную сферу специальности, показали, что вообще лучшаго положенія желать ему не приходилось. Занятій по дѣламъ миссіи было дѣйствительно много, и онъ, сразу освоившись съ ними, справлялся легко, а возложенныя на него княземъ служебныя сношенія съ различными учрежденіями и представителями французскаго военнаго министерства доставляли ему истинное удовольствіе.

Правда, въ министерствѣ царило полное отсутствіе благоустройства; послѣ разгрома, который естественно долженъ былъ явиться результатомъ свѣжаго въ воспомнаніяхъ воздѣйствія войны съ одной стороны, а съ другой—вліянія деморализаціи продѣлокъ коммунаровъ, долго не могло установиться хотя бы что-либо похожее на порядокъ въ центральномъ учрежденіи вѣдомства, всецѣло принявшаго на себя ударъ, вызванный преступною халатностью Наполеона и его прислужниковъ.

Очень медленно, тѣмъ не менѣе вѣрно все входило въ свою колею и упорядочивалось; прошло, однако, немало времени, пока сколько-нибудь сказались результаты усиленныхъ трудовъ, положенныхъ въ основу дѣла приставленными къ нему новыми людьми.

За время усиленной работы, выпавшей на долю А. Я. Таля, въ первые же дни ему случилось познакомиться съ президентомъ республики Тьеромъ и съ Гамбеттой, только что незадолго передъ тѣмъ оставившимъ постъ военнаго министра и продолжавшимъ, находясь не у дѣлъ, проявлять крайній интересъ ко всему военному, несмотря на то, что до начала войны онъ никакого касательства къ

военному дѣлу, какъ и понятія о немъ, не имѣль, а во время войны своимъ вмѣшательствомъ оставилъ воспоминанія, вызвавшія немалую противъ него злобу. Генеральнаго штаба офицеры, относившіеся къ русской военной миссіи съ полнымъ уваженіемъ и большой предупредительностью, старались держать себя съ Талемъ по-товарищески (en bon camarade).

Бесѣды ихъ были всегда пріятны и доставляли большое удовольствіе, но надо было слышать ту брань, которую они расточали по адресу Гамбетты, взявшагося за святое дѣло управленія военнымъ вѣдомствомъ во время войны. Когда они рассказывали какіе-нибудь анекдоты о безтолковщинѣ, которую онъ внесъ, не только распоряжаясь военно-административною частью, но хватаясь за стратегическую и вмѣшиваясь даже въ чисто боевую,—они, если кто-либо, прослушавъ анекдотъ, смѣялся,—говорили: «Это не смѣха достойно, а самаго отчаяннаго презрѣнія и проклятія; этотъ совершенный, съ военной точки зрѣнія, идіотъ изъ-за несчастнѣйшаго воображенія себя знатокомъ военнаго дѣла, кромѣ того, что попусту преступно растратилъ собранныя на дѣло веденія несчастной войны сотни милліоновъ франковъ,—погубилъ массу частей войскъ, которыхъ начальники и командиры не имѣли отваги отказаться слушать этого безумнаго циклопа ¹⁾ и не видѣли возможности отказаться принимать его за военнаго начальника...» Ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, прошло больше года, а ропотъ среди войскъ повсемѣстно, и въ арміи, и въ штабахъ, шелъ такой, какъ будто бы «иго циклопа» еще не было свергнуто.

Ему удалось, правда, въ короткій промежутокъ времени съ рѣдкой энергіей собрать въ полгода почти полумилліонную армію; вооруживъ ее и наскоро сплотивъ, онъ долженъ былъ бы ее немедленно передать изъ рукъ въ руки военному вѣдомству, но онъ, вообразивъ себя военнымъ гениемъ, быть можетъ, Наполеономъ, лично взялся за всестороннее управленіе ею въ самое горячее время нужды въ правильныхъ распоряженіяхъ регулярно организованными военными силами и такимъ образомъ все, собранное для отечества, растратилъ въ конецъ на вздорное дѣло пробы своихъ соб-

¹⁾ Название это имѣло свою исторію: извѣстно, что Леонъ Гамбетта еще въ школьномъ возрастѣ предъявилъ своему отцу, мелкому торговцу, требованіе быть взятымъ изъ школы, въ которой онъ учился и которая его не удовлетворяла. Когда отецъ послѣ усиленныхъ настояній его отвѣтилъ отказомъ и добавилъ къ этому какую-то грубую брань, малолѣтній сынъ написалъ ему: «Если ты въ пятницу не пріѣдешь за мной и меня отсюда не возьмешь, я къ вечеру ого дня выколю себѣ глазъ, а если это не поможетъ, то сумѣю еще больше себя изуродовать». Сочтя эту угрозу вздорною, отецъ оставилъ сообщеніе сына безъ отвѣта; засуетиться, пріѣхать въ училище и взять мальчика онъ надумалъ только тогда, когда школьное начальство прислало ему короткое увѣдомленіе: сынъ вашъ печально выколотъ себѣ глазъ; находится въ положеніи крайне опасномъ... Остряки увѣряли, что прежде, чѣмъ поспѣшить все это продѣлать, торговецъ-отецъ послалъ тому начальству запросъ: правый или лѣвый глазъ? ...

Авт.

ственныхъ силъ и какъ бы для доказательства той непреложной истины, что онѣ никуда не годны, въ чемъ и безъ того никто ни одной минуты не сомнѣвался.

Эти и подобные горячіе разказы случалось Талю слышать ежедневно въ разговорахъ о Гамбеттѣ, безсовѣстно взявшемъ на себя военную диктатуру и продолжавшемъ вполнѣ «съ воли назойливо совать носъ» во все военное. Только громаднымъ скандаломъ, продѣланнымъ противъ него въ одномъ изъ полковъ въ Версалѣ, удалось наконецъ, во время бытности Талья въ Парижѣ, отвадить Гамбетту продолжать интересоваться тѣмъ, въ чемъ онъ панесъ массу вреда и позора отечеству.

Полковникъ Гастонъ ¹⁾, увидѣвъ Гамбету проходившимъ черезъ мѣсто расположенія полка, которымъ онъ командовалъ, какъ будто бы не зная, кто это, — велѣлъ его арестовать безъ права выпуска до своего возвращенія изъ Парижа, куда самъ тотчасъ выѣхалъ; только черезъ двое сутокъ ²⁾ пребыванія въ тѣсномъ холодномъ помѣщеніи арестованный былъ выпущенъ съ принесеніемъ ему массы большихъ извиненій за невольную и крайне досадную ошибку, допущенную младшими должностными лицами, не знавшими «великаго человѣка» въ лицо. Эта надѣлавшая большого шума исторія даже такого смѣлаго, твердаго, энергичнаго, не знавшаго совѣтливости человѣка, какимъ былъ Гамбетта, заставила отрезвиться и навсегда забыть захваченную имъ совершенно не свою профессію, успѣвшую за послѣднее, предшествовавшее скандалу время обратить его въ маниака. Скандалъ вполнѣ достигъ цѣли и сдѣлалъ свое дѣло: послѣ него государственный человѣкъ излечился отъ воинственнаго азарта, отъ стремленія превратно смотрѣть на свои государственныя способности и отъ усвоенной смѣшной привычки давать имъ неправильное направленіе.

Тогда же было предложено членамъ русской военной миссіи посѣщать практическую стрѣльбу артиллеріи, стрѣльбу пѣхоты въ цѣль, а также присутствовать на разныхъ другихъ домашнихъ ученьяхъ и упражненіяхъ. Таль, побывавъ на этихъ занятіяхъ два-три раза, увидѣлъ, что военное начальство, имѣя, безъ сомнѣнія, соотвѣтствующія указанія свыше, стѣснялось показывать все и, видимо, старалось держать въ секретѣ отъ иностранца кое-что даже такое, чего спрятать не было ни нужды, ни возможности.

¹⁾ Полковникъ имѣлъ двойную фамилію; А. Я. Таль тогда же еще въ Варшавѣ говорилъ, что полностью ее не запомнилъ, такъ она и осталась забытою.

²⁾ По другимъ разказамъ, черезъ два часа; думается, что не только этого, но и простого задержанія съ немедленнымъ освобожденіемъ было бы вполнѣ достаточно для созданія поучительнаго скандала.

«Я понялъ,—говорилъ А. Я.,—въ этомъ отношеніи положеніе и щепетильность французовъ послѣ такой войны, во время которой, по ихъ убѣжденію, одной изъ главныхъ причинъ ужаснаго разгрома французскихъ армій являлась распушенная откровенность, съ которою до войны высшіе чины военнаго вѣдомства и самъ Наполеонъ преступно пренебрегали необходимостью держать въ тайнѣ свои изобрѣтенія; они безъ всякаго стѣсненія показывали ихъ нашему брату-иностранцу, тогда какъ слѣдовало все такое прятать даже отъ своихъ, не имѣвшихъ касательства къ арміи и совершенно постороннихъ всему ей принадлежавшему. Поэтому у меня явилось желаніе уклоняться отъ посѣщенія казармъ и лагерей, дабы избавить начальство отъ крайне неловкаго положенія. Дальнѣйшія приглашенія присутствовать при стрѣльбѣ и при ученьяхъ или осматривать какія-либо учрежденія и заведенія я старался деликатно отклонять; прямымъ отказомъ я никогда не отвѣчалъ, но находилъ тотъ или иной предлогъ уклониться и былъ очень доволенъ, когда увидѣлъ, что французы меня, въ свою очередь, постигли и въ душѣ, видимо, благодарили. Мнѣ казалось, что я успѣю все пропущенное нагнать впоследствии, когда понятная щепетильность пройдетъ или потеряетъ свой острый характеръ. Жаль было пропускать то или другое, но что дѣлать, я поневолѣ долженъ былъ ограничиваться тѣмъ, что многое намѣчалъ и записывалъ, имѣя въ виду не пропустить внимательно осмотрѣть въ будущемъ.

«Когда о принятой мною политикѣ я нашелъ нужнымъ сообщить князю Витгенштейну,—онъ вполне одобрилъ это, какъ и вообще призналъ крайне желательною всякую осторожность въ такомъ дѣлѣ.

«—Этотъ періодъ болѣзненнаго проявленія самолюбія у французовъ требуетъ съ нашей стороны большого, непрестаннаго вниманія,—говорилъ онъ:—развѣ можетъ скоро пройти накопившееся почти безразборное озлобленіе; искра тлѣетъ и нѣтъ-нѣтъ вспыхнетъ въ родѣ того, какъ вспыхнула въ проявленномъ на дняхъ случаѣ съ Гамбеттой; полковникъ Гастонъ извѣстенъ за деликатнѣйшаго человѣка и вотъ какъ онъ сорвался при всей своей воспитанности; нельзя, конечно, вообще ожидать или опасаться подобныхъ случаевъ, но вообще, чѣмъ менѣе они возможны, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно помнить о болѣзненности, съ которой армія, переживая тяжелое положеніе, навѣянное только что покинутыми страну бѣдствіями, должна таить въ себѣ все».

Тутъ Таль, отклонившись нѣсколько въ сторону отъ предмета разговора, спросилъ князя:

— Неужели же Гастонъ умышленно продѣлалъ это. Быть можетъ, онъ дѣйствительно не зналъ Гамбетту?

— Что вы,—отвѣтилъ князь:—кто же не знаетъ Гамбетту, этого государственнаго человѣка; вѣдь въ основѣ, помимо его неудачнаго

вмѣшательства во всестороннее управленіе военнымъ вѣдомствомъ, французы искренно почитаютъ его «великимъ человѣкомъ». Когда исторія будетъ произносить свое сужденіе, она, несомнѣнно, отдастъ ему справедливость и поставитъ его въ ряду людей «особо отмѣченныхъ».

V.

Вечера и обѣды у князя Витгенштейна.—Музыка.—Русская пѣсня.—Президентъ Тьеръ объ императорѣ Александрѣ II.—Уходъ за ранеными и попеченіе о нихъ во Франціи.—Гамбетта объ этомъ.—Отъѣздъ изъ Парижа.—Слова, сказанныя государемъ Александромъ Николаевичемъ Талю по поводу его отчетовъ.

«Князь Витгенштейнъ,—разсказывалъ Таль,—нерѣдко приглашалъ насъ къ себѣ; у него на обѣдахъ, на вечерахъ, большихъ и малыхъ,—мнѣ случалось встрѣчать очень много представителей русской колоніи, а также французовъ и иностранцевъ; самъ онъ держалъ себя просто, былъ въ высшей степени любезенъ, привѣтливъ, предупредителенъ, на все отзывчивъ и ко всему крайне участливъ.

«Однажды случилось намъ быть у него на обѣдѣ, сравнительно небольшомъ, на которомъ присутствовалъ высшій составъ нашего посольства, нѣсколько человѣкъ гостей и президентъ республики Тьеръ.

«Вообще тогда и большіе обѣды были невелики, такъ какъ о приглашеніи германскаго посольства совмѣстно съ представителями не только высшаго правительства республики, но вообще французскаго общества нельзя было и думать; все это относилось къ нѣмцамъ враждебно и держало себя по отношенію къ нимъ, какъ на ножкахъ. А избѣгая приглашенія посольства германскаго и нѣмцевъ, не приходилось частить съ приглашеніями другихъ иностранцевъ и ихъ посольствъ вообще.

«Оставшись нѣкоторое время послѣ обѣда, Тьеръ продолжалъ начатый за обѣдомъ разговоръ о Россіи и объ ея отношеніяхъ къ Франціи; онъ много говорилъ о нашемъ государѣ, а затѣмъ слушалъ игру дамъ на фортепіано. Съ княземъ онъ издавна былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

«Случилось, что молодой человѣкъ, гостившій въ то время у князя, племянникъ его, имѣлъ при себѣ виолончель, на которой прекрасно игралъ; я передъ тѣмъ, заходя къ нему нѣсколько разъ, пробовалъ его дивный инструментъ, а затѣмъ какъ-то пріѣхалъ къ нему со своимъ; мы играли, мѣняясь ролями,—то онъ аккомпанировалъ мнѣ на фортепіано, то я, при его игрѣ на виолончели, пробовалъ держать ему аккомпаниментъ на фортепіано.

«Тогда же вечеромъ онъ сыгралъ при Тьерѣ на виолончели кое-что изъ Глинки. Президентъ выражалъ восторгъ, говоря, что онъ

издавна любить русскую музыку. Вдругъ молодой князь обратился ко мнѣ съ просьбой, не повторю ли я тѣ двѣ народныя пѣсни, которыя какъ-то игралъ ему. Меня это смутило и мнѣ, конечно, стало крайне неловко; не былъ я артистомъ, чтобы рѣшиться играть на такомъ вечерѣ и не таковы были тѣ простыя пѣсни, чтобы можно было «ими угощать Тьера»; однако отдѣлываться не приходилось даже пробовать. Вѣроятно, князь увидѣлъ мое смущеніе и нѣкоторую нерѣшительность, съ которой я брался за инструментъ; поэтому онъ сказалъ мнѣ:

«— Сыграйте, у васъ это такъ чудно выходитъ.

«Меня это еще больше смутило, такъ какъ я никогда не имѣлъ случая играть въ его присутствіи. Послѣ выяснилось, что дня за два до того князь, тоже очень любившій музыку, случайно, сидя въ своемъ кабинетѣ по сосѣдству съ помѣщеніемъ племянника, слышалъ мою незатѣйливую игру. Я сыгралъ. Племянникъ же точно задался задачей придуманную имъ мнѣ пытку довершить и обратить въ казнь.

«— Вотъ если бѣ вы спѣли...—заговорилъ онъ.

«Я было началъ незамѣтно дѣлать ему укорительные знаки, но каково стало мое положеніе, когда Тьеръ сказалъ:

«— Ah, vous chantez, monsieur, c'est très interessant, j'en suis ravi...

«Съ какими тяжелыми чувствами я одолѣлъ этотъ ужасъ! Затѣмъ, кое-какъ пропѣвъ пѣсню, я, по его просьбѣ, перевелъ на французскій языкъ то, что спѣлъ,—если все, тогда продѣланное мною, можно было назвать пѣніемъ...»

Надо замѣтить, что А. Я. пѣлъ очень недурно и крайне музыкально; въ ранней молодости онъ учился пѣнію у лучшихъ профессоровъ и, если бы ему вздумалось спѣть при президентѣ Французской республики, онъ, конечно, сумѣлъ бы щегольнуть чѣмъ-либо болѣе интереснымъ въ музыкальномъ отношеніи и не представилъ бы ему тѣхъ деревенскихъ куплетовъ, которые шутя напѣвалъ въ минуты досуга за чашкой чаю у молодого человѣка, признавашаго возможнымъ такъ предать пріятеля-гостя.

Вечеръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Слышу, вижу, ѣдетъ баринъ съ поля—
Двѣ собачки впереди;
Да два лакея назади.

Поровнявшись со мною,
Такъ онъ ласково сказалъ:
— Ты скажи, моя красотка,
Изъ какого ты села?
— Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я.

И, прослушавъ это слово,
Онъ такую рѣчь держалъ:

— Нынче, нынче ты крестьянка,
Завтра жъ будешь госпожа,—
Завтра будешь госпожа,
Да Шереметева жена!..

А. Я. Таль ни тогда, ни послѣ не зналъ хорошо словъ этой пѣснн, такъ что и въ передаваемыхъ мною здѣсь «стихахъ», несомнѣнно, имѣются ошибки, недомолвки, нѣкоторыя же строки исковерканы. Когда-то, во время стоянки съ батареей на травѣ въ деревнѣ Собене Бискупе Варшавскаго уѣзда, мы съ А. Я., отъ времени до времени развлекаясь батарейными пѣсенниками, очень недурно пѣвшими, позанимствовались отъ нихъ и напѣвъ и слова этой, кажется, общеизвѣстной побасенки; случилось тогда, что батарейный запѣвало, фейерверкеръ Щепаловъ, уроженецъ Курской губерніи, имѣлъ большой запасъ разнообразныхъ пѣсень. На вопросъ, откуда онъ взялъ ту или иную пѣсню, онъ почти всегда давалъ неизмѣнный отвѣтъ: «самъ занялся, ваше благородіе», т. е. какъ будто бы самъ сочинилъ; такой же отвѣтъ послѣдовалъ и на вопросъ, заданный именно объ этой пѣснѣ. Конечно, это было съ его стороны простое и грубое, но вполнѣ невинное хвастовство. Правда, никто не удивился бы, если бы этотъ или другой способный нижній чинъ состряпалъ одну-другую пѣсню солдатскаго репертуара.

Племянникъ князя увѣбралъ, что слова этой пѣсни принадлежать воронежскому поэту Никитину, а мотивъ—Бартеневу или регенту московскаго Успенскаго собора Багрянцову.

Тьера очень заняло содержаніе куплетовъ; этотъ государственный человѣкъ, глава правительства Французской республики, сразу вникъ въ смыслъ этой чисто русской пѣсни, и въ разговорѣ онъ, между прочимъ, сказалъ:

— Еще такъ недавно пѣсня эта вполнѣ отвѣчала дѣйствительности; но вотъ уже болѣе десяти лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ она, согласно энергично повернувшей все волѣ великаго монарха, стала анахронизмомъ. Нельзя не задуматься надъ благодѣтельной, столь смѣло совершенной реформой; велико имя царя, освободившаго миллионы своего народа однимъ почеркомъ пера; съ умиленіемъ приходилось ловить извѣстія о томъ, какъ вашъ государь проводилъ и какъ провелъ это изумительное дѣло; надо помнить, чѣмъ и кѣмъ онъ былъ окруженъ, какъ мало было людей, которые могли и хотѣли ему помочь въ его искренно намѣченномъ и энергично доведенномъ до конца великодушнѣйшемъ начинѣ. И вотъ что затѣмъ произошло: не дальше, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ чуда, совершеннаго имъ, нашелся изъ среды освобожденныхъ имъ рабовъ человѣкъ ¹⁾, который рѣшился отблагодарить тѣмъ, что

¹⁾ Тьерь, очевидно, ошибался, признавъ Каракозова бывшимъ крѣпостнымъ, получившимъ освобожденіе; но какое пророчество содержалось въ его ошибкѣ, если

посягнулъ на жизнь этого монарха. Черезъ годъ повторилъ покушеніе другой. Развѣ это первый случай вымещенія на монархѣхъ благодарній, имъ надѣланныхъ. Вотъ какъ ужасна исторія въ своихъ повтореніяхъ; мы ихъ знаемъ, и насъ ничто не должно было бы поражать. Кто можетъ забыть судьбу Генриха IV?

Затѣмъ маленькій человѣчекъ перечислилъ разные знаки заботы царя-Освободителя о своемъ народѣ; незамѣтно разговоръ былъ переведенъ на ужасы войны и на неимовѣрную человѣчность, которую такъ недавно государь проявилъ, по словамъ Тьера, заботясь на глазахъ всего міра о жертвахъ еще продолжавшейся тогда въ Азій войны (Туркестанскій край).

— Я не беру отдѣльные случаи,—сказалъ онъ:—а говорю о замѣчательномъ обобщеніи, которое его величество сумѣлъ дать сложному вопросу ухода за ранеными и сокращенія случаевъ проявленія такихъ актовъ, которые, въ его вѣрномъ опредѣленіи, получили названіе «напрасныхъ жестокостей войны», и безъ того жестокой по своей основѣ.

Сведенный на бесѣду о женевской конвенціи, разговоръ мало-по-малу перешелъ на то, какъ былъ обставленъ уходъ за ранеными и въ какомъ положеніи находилось попеченіе о нихъ во Франціи вслѣдствіе событій, взбудоражившихъ ее лишь за два года передъ тѣмъ. Тутъ, послѣ массы услышанныхъ по этому дѣлу новостей поучительнаго характера, А. Я. Талю посчастливилось, при содѣйствіи князя Витгенштейна, получить разрѣшеніе детально осмотрѣть въ Парижѣ всѣ заведенія, широко распространившіяся въ дѣлѣ леченія, всесторонняго ухода, призрѣнія и устроенія дальнѣйшей судьбы увѣчныхъ чиновъ арміи, выступавшей столь несчастливымъ, въ смыслѣ удачъ исхода боевъ, но не менѣе того храбро дравшейся за отечество и доблестно отстаивавшей свою и его честь. Отъ президента послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы лица, стоявшія во главѣ различныхъ подобныхъ учрежденій, соблаговолили оказать особое вниманіе представителямъ російской военной миссіи при посѣщеніи ими этихъ учрежденій для подробнаго осмотра ихъ и для всесторонняго ознакомленія съ ними.

— Здѣсь довелось намъ осмотрѣть рѣшительно все, безъ всякой со стороны подлежащихъ властей утайки,—говорилъ Таль:—радушно принимали насъ труженики добраго дѣла облегченія страданій, на которыя обрекаются участники борьбы государствъ и народовъ между собой.

вспомнить, что душою страшнаго преступленія, повергшаго въ ужасъ Россію и весь міръ не далѣе, какъ черезъ девять лѣтъ, 1-го марта, былъ Желябовъ, именно крестьянинъ, осчастливленный со стороны государя 19-го февраля 1861 года дарованіемъ ему самаго высшаго блага въ жизни—свободы; вотъ, получивши это благо, онъ, какъ видно, рѣшилъ прежде всего подумать о томъ, чтобы у своего высокоблагороднаго, великаго благодѣтеля отнять самую жизнь...

А в т.

Между прочимъ, тогда же А. Я. Таль записаль очень много такого, на что нельзя было не обратить вниманія по новизнѣ того дѣла и для него и для всѣхъ; громадный приливъ контингента раненыхъ далъ массу усовершенствованій, собранныхъ въ одно цѣлое и въ общемъ посившихъ міровой характеръ изученія работы внимательныхъ и способныхъ людей изъ числа приложившихъ къ ней свои старанія,—врачей, администраторовъ, изобрѣтателей, техниковъ и разныхъ специалистовъ. Все это ему очень пригодилося впоследствии.

Скоро, однако, начало всплывать то, что А. Я. Таль предвидѣлъ и чего ожидалъ постоянно, не забывая ни на минуту.

Средствъ для жизни въ Парижѣ начинало настолько недостатывать, что, въ виду нараставшей съ каждымъ днемъ вѣроятной необходимости совершенія новаго займа, приходилось подумать, не придется ли попросту разстаться съ симпатичной должностью, столько обѣщавшей въ будущемъ.

Это и пришлось бы сдѣлать, если бы не случилось нѣчто другое, что, вдругъ прикрывъ главную причину необходимости оставленія и должности, и Парижа съ его прелестями, ускорило эту необходимость.

Прошло полгода съ того времени, когда военный министръ далъ согласіе на назначеніе второго помощника военного агента вообще и на избраніе въ эту должность А. Я. Таля въ частности.

«Дѣла на службѣ шли, подвигаясь вѣрнымъ шагомъ по своему пути, какъ вдругъ князь Витгенштейнъ совершенно неожиданно получилъ отъ Дм. Алексѣев. Милютина увѣдомленіе о томъ, что измѣненіе штатовъ должностей по военной миссиі нашей во Франціи провести въ законодательномъ порядкѣ не оказалось удобнымъ, а послѣ совѣщанія въ министерствѣ и въ военномъ совѣтѣ пришлось остановиться на рѣшеніи оставить впредь въ Парижѣ въ помощь военному агенту лицо, которое будетъ состоять при посольствѣ сверхъ штата для занятій въ той миссиі.

«При этихъ, мало опредѣленныхъ и шаткихъ условіяхъ, мнѣ оставаться въ должности не приходилось,—разсказывалъ Таль.—Такимъ образомъ, канули всѣ мои планы подробнаго осмотра и изученія въ министерствѣ, въ штабахъ и въ арміи всего намѣченнаго, записаннаго и отложеннаго лишь на время до прихода въ норму французовъ вообще, а также многого въ ихъ жизни—военной и гражданской, служебной и частной.

«Князь пробовалъ меня удержать, но, послѣ подробныхъ переговоровъ съ нимъ рѣшено было, что я останусь мѣсяца на два или на три для окончанія своего отчета, начатаго по работѣ описательно-справочной и для проведенія всего намѣченнаго по части проект-

ной, а затѣмъ покину свой постъ; конечно, я принялъ такое рѣшеніе съ большимъ сожалѣніемъ, но иного выхода не было».

Князь, искренно и сочувственно высказавъ, съ своей стороны, большое сожалѣніе, нарочно отерочилъ назначенный имъ отъѣздъ въ свои помѣстья, дабы имѣть возможность попрощаться, какъ онъ выразился, со своимъ достойнымъ сотрудникомъ и, по русскому обычаю, проводить его хлѣбомъ-солью, т. е. обѣдомъ, на который было приглашено много лицъ изъ числа имѣвшихъ случай встрѣчаться съ А. Я. въ теченіе короткаго времени пребыванія его въ столицѣ вообще и особенно въ должности.

Представившись передъ отъѣздомъ мѣстнымъ военнымъ властямъ, а также и президенту Тьеру, А. Я. Таль нашелъ нужнымъ въ день отъѣзда, захватить оставить карточку Гамбетты, съ которымъ по пріѣздѣ въ Парижъ ему случилось познакомиться и обмѣняться визитомъ. Сверхъ ожиданія онъ его засталъ дома и былъ имъ принятъ.

Между прочимъ, въ разговорѣ обо всемъ, что Таль успѣлъ осмотрѣть въ Парижѣ, пришлось нѣсколько подробнѣе коснуться учреждений, вѣдавшихъ участь лицъ, пострадавшихъ на войнѣ.

Подчеркнувъ съ удовольствіемъ то обстоятельство, что французское правительство не ограничивалось установленіемъ лишь прямого ухода за ранеными, А. Я. замѣтилъ при этомъ, что, какъ ему бросилось въ глаза, въ этомъ дѣлѣ заботы и попеченія французомъ идутъ очень далеко за предѣлы простого излеченія пострадавшихъ; въ каждомъ изъ нихъ правительство старается сохранить членовъ общества съ полной присущей имъ рабочей силой; для этого оно оберегаетъ ихъ и печется объ нихъ въ дальнѣйшемъ, употребляя особыя старанія къ тому, чтобы послѣ раненія положеніе оставшагося въ живыхъ война возстановилось, какъ члена общества, и возможно болѣе приблизилось къ тому, какимъ оно было до изувѣченія его.

Гамбетта, остававшійся все время спокойнымъ и любезнымъ, какъ-то вдругъ точно встрепенулся; онъ приподнялся въ креслѣ и, совершенно неожиданно взявъ тонъ близкій къ рѣзкому, сказалъ:

— Но государство разъ навсегда должно отказаться отъ этого, какъ отъ непозволительной роскоши; каждому раненому дается возможность излечиться,—этимъ уходъ за нимъ долженъ ограничиваться; вообще послѣ того пострадавшій долженъ считаться оставшимъ отъ заботъ о немъ; извѣстно, что это сбереженіе, охраненіе и сохраненіе ложится слишкомъ большой и непосильной обузой на бюджетъ.

На возраженіе, сдѣланное Талемъ относительно того, что отбросить заботу объ этомъ представляется невозможнымъ и что за

нее должно, при помощи правительства, братья общество, Гамбетта съ большой поспѣшностью отвѣтить:

— Вотъ видите, «при помощи правительства», а изъ этого выйдетъ лишь то, что «за счетъ правительства»... Нѣтъ, правительственная казна не должна подвергать себя въ этомъ отношеніи ни соблазну, ни риску; лучше подальше отъ этого...

«На этомъ мы распрощался,—разсказывалъ Таль:—я поспѣшилъ на Сѣверный вокзалъ и выѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ всю дорогу не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, которое произвели на меня крайне сухія, рѣзко произнесенныя слова Гамбетты. Всѣмъ видѣннымъ мною въ Парижѣ по этой части мысли мои направлялись къ созданію заботы именно о дальнѣйшей судьбѣ потерпѣвшихъ, о большемъ прикрѣпленіи ихъ къ обществу и о восстановленіи положенія каждаго изъ нихъ... Съ этими мыслями я покинулъ Парижъ и оставилъ предѣлы Франціи...»

Такъ для Таля многообѣщавшее измѣненіе положенія оказалось оборвавшимся.

Вся его письменная, крайне солидная работа была собрана княземъ Витгенштейномъ въ особый отдѣлъ отчетности; она была со всѣми замѣчаніями, описаніями и проектами представлена на высочайшее воззрѣніе, какъ выдающаяся.

Государь, обративъ вниманіе на отчеты Таля вообще, при первомъ же случаѣ совершенно неожиданно сказалъ ему:

— Твой трудъ я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ; въ немъ записки по части призрѣнія потерпѣвшихъ на войнѣ даютъ очень много совершенно новаго, требующаго серьезной, детальной работы, а также постепеннаго и точнаго введенія у насъ; уходъ за ранеными представляетъ собой одно, а эта часть—дальнѣйшей заботы объ увѣчныхъ, требующихъ попеченія на всю жизнь,—другое; она оставалась до сихъ поръ забытою; спасибо тебѣ.

VI.

Переводъ Таля въ Петербургъ.—Командованіе батареями.—Болгарская война.—Скобелевъ о Талѣ.—Государь Александръ Николаевичъ особенно милостивъ къ нему.— О сраженіи у Горнаго Бугорова.

Собираясь не безъ грусти покинуть перебитую на половинѣ дороги интересную и полезную работу, А. Я. Таль со свойственной ему твердостью терпѣнія опять обратился къ мыслямъ о предстоящихъ ему монотонныхъ дняхъ занятій въ батареѣ въ Лазенкахъ.

Но тамъ все это за короткое время измѣнилось.

Въ Варшавѣ онъ засталъ офицеровъ погружившимися въ разсмотрѣніе событія, которое получило названіе «исторіи Квитницкаго» и нашумѣло не только на всю Россію, но и на военный міръ всего свѣта.

Не буду теперь останавливаться на извлеченіи изъ своихъ записокъ этого поучительнаго эпизода, прошедшаго въ видѣ парыва въ жизни славной, блестящей гвардейской части; отложу это до болѣе удобнаго случая. Вся тихая и мирная служба той части взбудоражилась тогда и, всколыхнувшись разомъ, осталась вошедшею надолго въ колею нервозности.

Между прочимъ, послѣдствіемъ этого происшествія явилось то, что позднею весною 1873-го года А. Я. Таль былъ переведенъ въ петербургскія батареи, гдѣ пришлось ему повести свою службу и жизнь совершенно иначе.

Въ августѣ 1877 года онъ со своей батареей, которою къ тому времени въ чинѣ полковника уже успѣлъ прокомандовать болѣе двухъ лѣтъ, очутился на театрѣ войны въ Болгаріи.

По окончаніи боевого похода онъ оказался кавалеромъ ордена святого Георгія, флигель-адъютантомъ, а, кромѣ того, авторомъ интересной книги, содержащей подробное описаніе дѣйствій батареи его во время той войны. Объемистый томъ исторической книги этой былъ въ свое время оцѣненъ по достоинству, она переведена на французскій языкъ и вообще военными авторитетами признается вполне поучительною. Книга эта въ изобиліи снабжена различными фотографическими снимками, а также собственноручными чертежами и рисунками автора.

О времени его командованія сначала армейскимъ полкомъ¹⁾, потомъ гвардейскимъ²⁾, затѣмъ кавалерійской бригадой, 13-й кавалерійской дивизіей и, наконецъ, 11-мъ армейскимъ корпусомъ, въ вышедшихъ послѣ его кончины крайне сочувственныхъ покойному некрологахъ упомянуто съ достаточною подробностью.

Кромѣ обыкновенныхъ заботъ, усердно проявлявшихся имъ о войскахъ, которыми ему пришлось командовать, онъ провелъ массу вполне одобренныхъ высшею властью нововведеній, всецѣло хлопившихся къ улучшенію быта тѣхъ войскъ; многое изъ введеннаго имъ передавалось въ сосѣднія части, перенималось ими и распространялось въ нихъ.

М. Д. Скобелевъ, пробывъ нѣсколько времени у Мраморнаго моря начальникомъ лѣваго отряда дѣйствующей арміи, имѣлъ постоянную привычку посѣщать ввѣренныя его вѣдѣнію части войскъ; однажды, оставшись у Таля послѣ такого посѣщенія его батареи и разговорившись съ нимъ, онъ сказалъ ему:

¹⁾ Александрійскимъ драгунскимъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго, нынѣ Александрійскій гусарскій Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

²⁾ Лейбъ-гвардіи Кирасирскій Ея Величества.

— Ну, знаешь, видалъ я виды и всякихъ начальниковъ знавалъ, но такой отеческой, а главное—разумной и здоровой заботливости, какую ты проявляешь о солдатѣ и о своей части, я и во снѣ не видѣлъ.

— Мнѣ потому приходится упоминать именно «о здоровой заботливости»,—сказалъ Скобелевъ:—что у насъ сплошь и рядомъ въ этомъ, какъ и во всемъ, любятъ пересолить: солдата изнѣживаютъ, а онъ до этого очень падохъ,—сейчасъ набалуется и изъ кавалера обратится въ «сѣренькую скотинку», какъ его, правда, шутя и не въ дурномъ значеніи слова, называлъ М. И. Драгомировъ. Честь тебѣ и слава, говорю я это, не какъ любящій тебя товарищъ и другъ молодости,—нѣтъ, это, напротивъ, меня, пожалуй, стѣсняетъ высказывать все хорошее о тебѣ,—но я говорю просто, серьезно, какъ безпристрастнѣйшій судья; каждому поучиться бы у тебя, а «сѣренькому» только быть бы да быть подъ такимъ начальствомъ, каково твое. Я особенно радъ отмѣтить то, что ты съ удивительной практичностью возвелъ эту свою неустанную заботу о солдатѣ въ крайне симпатичную, похвальную и прямо завидную систему.

Эти слова Скобелева мнѣ не разъ съ видимымъ удовольствіемъ передавали въ своихъ безконечныхъ и увлекательныхъ разсказахъ о той славной войнѣ бывшіе наши товарищи по службѣ въ гвардейской конной артиллеріи, офицеры, состоявшіе въ батареѣ Талю въ теченіе всего времени кампаніи, каковы: капитанъ Александръ Михайловичъ Хитрово, штабсъ-капитанъ графъ Евгенийъ Ефимовичъ Путятинъ, прапорщикъ Константинъ Александровичъ Дрейлингъ.

29-го декабря 1878 года я имѣлъ счастье дежурить при государѣ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Принимая меня утромъ и находясь въ прекрасномъ настроеніи духа, его величество осчастливилъ меня простымъ, крайне милостивымъ и довольно длиннымъ разговоромъ.

— Состоя въ бригадѣ, ты вѣдь служилъ съ Талемъ въ одной батареѣ?—полуспросилъ его величество; на мой отвѣтъ, что мы вмѣстѣ состояли нѣсколько лѣтъ въ третьей батареѣ, государъ сказалъ:

— Въ Варшавѣ. Какая случайность! Жаль, что ты не вчера былъ при мнѣ; вчера днемъ я послалъ ему поздравленіе съ назначеніемъ его флигель-адъютантомъ; батареей онъ будетъ продолжать командовать, онъ и батарея служатъ другъ другу дополненіемъ; я увѣренъ, что его еще больше порадовало бы полученіе этого извѣстія черезъ товарища конно-артиллериста; тебѣ также было бы пріятно привезти старшему товарищу сообщеніе объ этомъ назначеніи ¹⁾.

¹⁾ Извѣстіе Талю о назначеніи его флигель-адъютантомъ привезъ по приказанію государя состоявшій въ тотъ день дежурнымъ флигель-адъютантъ капитанъ Гераковъ (лейбъ-гвардіи Павловскаго полка).

— За него я очень радъ,—продолжалъ государь:—въ дни праздниковъ, перечитавъ много реляцій прошлогоднихъ боевъ, я съ особымъ удовольствіемъ и съ радостнымъ удивленіемъ вновь пересмотрѣлъ подробный докладъ Вельяминова и Гурко о дѣлѣ 20-го декабря подъ Горнымъ Бугоровымъ; славный бой этотъ окончился блестящей и рѣшительной побѣдой, благодаря молодецкимъ дѣйствіямъ 2-й конной генераль-фельдцейхмейстера батареи подъ командой Талья.

Государь вкратцѣ разсказалъ почти всю реляцію боя, въ которомъ нашъ трехтысячный «Вельяминовскій» отрядъ съ шестью конными орудіями быстро и лихо разсѣялъ выпедшій изъ Софіи и успѣвшій укрѣпиться на сильной позиціи пятнадцатитысячный турецкій отрядъ съ двѣнадцатю орудіями большого калибра. Таль, не имѣя картечи, выѣзжалъ на картечный выстрѣлъ и съ большимъ искусствомъ громилъ насѣдавшаго врага картечною гранатою...

Затѣмъ его величество добавилъ:

— Этотъ рѣдкій примѣръ останется навсегда памятнымъ въ исторіи нашей славной арміи и, не менѣе того, особенно въ исторіи конной артиллеріи ¹⁾. Таль въ полной мѣрѣ заслужилъ и егорьевскій крестъ и вчерашнюю награду. Все это ты ему дословно передай.

Смѣнившись съ дежурства, я не замедлил проѣхать къ Талю въ Стрѣльну, гдѣ засталъ его въ большихъ хлопотахъ по случаю сбора въ Петербургъ къ высочайшему обѣду, на который онъ въ тотъ день былъ осчастливленъ приглашеніемъ.

Въ началѣ декабря 1902 года, когда А. Я. Таль уже состоялъ въ должности начальника 13-й кавалерійской дивизіи и случайно находился въ Петербургѣ, ему довелось получить письмо отъ командира той батареи, во главѣ которой онъ подъ Горнымъ Бугоровымъ заслужилъ передъ отечествомъ. Командиръ батареи, великій князь Сергѣй Михайловичъ, написалъ ему: «Вспоминая объ исполняющемся 20-го числа двадцатипятилѣтіи со дня той славной побѣды, служащіе чины батареи горятъ пламеннымъ желаніемъ въ день юбилея увидѣть «героя Горнаго Бугорова»—отца-командира, добывшаго лично храбростью, стойкостью и распорядительностью лавры побѣды, которая доставила высокую боевую награду батарее, а ему самому орденъ св. Георгія 4-й степени».

На письмѣ томъ рукой покойнаго А. Я. тщательно выведена пометка: «Я не могу; я уѣхалъ изъ Петербурга. Вторникъ 10-го декабря». Дѣйствительно, онъ съѣздилъ во дворецъ, гдѣ, не заставъ

¹⁾ Подробному разсказу объ этомъ выходящемъ изъ ряду боѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ мѣста здѣсь, на страницахъ «Историческаго Вѣстника»; но онъ давно уже занялъ крайне видное, выдающееся мѣсто въ специальныхъ военныхъ журналахъ. А в т. «истор. вѣстн.», апрѣль 1913 г., т. сxxxii. 8

его высочество, расписался въ книгѣ, а затѣмъ вдругъ собрался и уѣхалъ къ мѣсту своего служенія, откуда написалъ полное благодарностей и извиненій письмо. Сдѣлалъ онъ такъ исключительно потому, что всегда и во всемъ избѣгалъ случая фигурировать въ видѣ триумфатора, юбиляра или вообще чествуемаго при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ лица; нельзя не повторить, что, при всей его развязности, скромность у него была неизмѣнно на первомъ планѣ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что вскорѣ послѣ войны, въ 1879 году, А. Я. Таль женился на вдовѣ генераль-майора Софїи Николаевнѣ Комстадіусъ, рожденной Синельниковой. Супруги, между прочимъ, вполне сошлись, во-первыхъ, въ постоянномъ стремленіи неустанно и разносторонне приходить на помощь бѣдному, нуждающемуся, немущему люду, а, во-вторыхъ, въ совершенно согласномъ стремленіи дѣлать это такъ, чтобы сотворенное добро оставалось неизвѣстнымъ, скрытымъ; оба они совершенно искренно были полными врагами какого бы то ни было подобія официальнойности въ дѣлахъ благотворительности; отъ этого имени ихъ могли фигурировать въ описаніи такихъ дѣлъ лишь когда-нибудь случайно, при такихъ обстоятельствахъ, которыя исключали всякую возможность оставленія ихъ неразоблаченными. Твердо шли они въ этихъ дѣлахъ рука объ руку и совмѣстно всюду трудились въ дѣлѣ усиленія средствъ для созданныхъ и поддерживавшихся ими въ высшей степени полезныхъ благотворительныхъ учрежденій.

VII.

Заботы и мечтанія Таля о болѣе полномъ обезпеченіи участи раненыхъ и изувѣченныхъ.—Что толкало его на мысли объ этомъ.—Назначеніе его членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.—Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.—Выдающаяся роль Таля въ дѣлѣ созданія этого общества.

Въ концѣ 1903 года случилось мнѣ проѣзжать изъ Кіева черезъ Волынскую губернію въ Елизаветградъ и въ Одессу; я нарочно остановился въ гор. Ровно, гдѣ находился штабъ 11-го армейскаго корпуса, которымъ тогда командовалъ А. Я. Таль. Пробывши вмѣстѣ около двухъ сутокъ, мы обо многомъ переговорили.

Онъ велъ вообще очень оживленный и горячій разговоръ, а при этомъ, нѣтъ-нѣтъ, да заговорить по поводу организаціи обществъ заботы объ людяхъ, теряющихъ силы и здоровье на войнѣ вслѣдствіе ранъ, увѣчий и разнообразныхъ лишеній, — такъ онъ выражалъ тогда свою мысль.

Не было ничего удивительнаго и неожиданнаго въ томъ, что онъ былъ занятъ такимъ предметомъ; онъ вообще всегда интересовался

всевозможными жизненными вопросами; нѣсколько страннымъ показалось лишь то, что онъ какъ будто весь отдался обсужденію этого дѣла; однако скоро такая сторона впечатлѣнія моего сгладилась, и я сталъ смотрѣть на это совершенно просто.

Не разъ А. Я. Таль рассказывалъ о видѣнныхъ имъ примѣрахъ того, какъ люди—офицеры и нижніе чины, пострадавшіе на войнѣ,—оставались на всю жизнь подъ тяжелымъ бременемъ полученнаго ими раненія или увѣчья, или вообще какого-либо пріобрѣтеннаго на войнѣ страданія. Онъ старался никогда не давать значенія самому факту увѣчья, а тѣмъ болѣе единичному, но смотрѣлъ, вопервыхъ, на страданія, приносившіяся массамъ людей, а, во-вторыхъ, не могъ не разсматривать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того обстоятельства, что перѣдко небольшой собственно вредъ, нанесенный во время военно-походной жизни какою-либо случайностью, оставлялъ неизгладимый и непоправимый слѣдъ на всю жизнь съ доставленіемъ источника лишеній и несчастій. Возможность если не устраненія, то доведенія до минимума числа случаевъ неизгладимости такихъ бѣдъ онъ видѣлъ исключительно и всецѣло въ учрежденіи общества, которое служило бы дополнительнымъ придаткомъ къ учрежденному у насъ издавна, прекрасно поставленному и съ пользой дѣйствующему Александровскому комитету о раненыхъ; дѣятельность этого комитета онъ признавалъ одностороннею, такъ какъ, особенно въ тѣ времена, этотъ комитетъ, вѣдая широкимъ оказаніемъ денежной помощи, выдававшейся покровительствовавшимся чинамъ, не оказывалъ имъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ, необходимыхъ видовъ вспоможенія; «одними деньгами всего не восполнишь», говорилъ онъ.

Разбираясь въ своихъ жизненныхъ впечатлѣніяхъ, А. Я. Таль, при всемъ сознаніи крайней необходимости полного отрѣшенія во взглядахъ на такое дѣло отъ частныхъ и отъ того, чтобы давать значеніе единичнымъ фактамъ, не могъ забыть случая съ очень близкимъ родственникомъ своимъ, барономъ К—гомъ, который въ молодости,—однако, имѣя уже троихъ дѣтей,—былъ раненъ въ сраженіи подъ Инкерманомъ и остался на всю жизнь калѣкой. Таль былъ къ нему очень близко, видѣлъ, какую большую нужду онъ терпѣлъ и въ отношеніи здоровья и въ матеріальномъ отношеніи; ему также было близко извѣстно, изъ какого состоятельнаго человѣка съ крѣпкимъ здоровьемъ онъ мало-по-малу сдѣлался человѣкомъ хилымъ, въ какой степени онъ, имѣя большую жену, терпѣлъ большую нужду и какъ вообще потерялъ все настолько, что никогда ему не удалось ни оправиться, ни стать на ноги въ жизненномъ отношеніи. Главнымъ же образомъ, Талю тогда же было ясно видно, что и какъ этотъ достойный человѣкъ въ жизни своей терялъ изъ-за невозможности во-время многое поддержать, многому въ обиходѣ пособить—не только въ имуще-

ственномъ, но нерѣдко просто въ правовомъ отношеніи. Помогая ему по мѣрѣ силъ въ теченіе всей его жизни, А. Я. Таль нерѣдко, желая поддержать его и семью его, прямо приходилъ въ нѣкоторый родъ отчаянія изъ-за невозможности оказать такую поддержку, какая была необходима и желательна. Много лѣтъ прошло со времени кончины этого родственника, а его бѣда, прошедшая на виду, стояла призракомъ передъ глазами А. Я.—невольнаго и близкаго свидѣтеля всего того, что она натворила. Къ этому близкому человѣку онъ былъ всей душой привязанъ, очень любилъ его, жалѣлъ, соболѣзновалъ ему и участь его всегда принималъ къ сердцу крайне болѣзненно. Съ другой стороны, еще тяжелѣе онъ переживалъ все это, когда видѣлъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ когда-то немалыя средства, а подобныхъ случаевъ съ людьми бѣдными можно было насчитывать не только десятки, но сотни и тысячи. Печальная исторія эта много способствовала тому, что развивавшіяся во впечатлительномъ А. Я. Талѣ мысли, подсказывавшія ему неизбежность довершенія дѣла заботы о дальнѣйшемъ устроеніи судьбы людей, остающихся послѣ войны потерцѣвшими, болѣе и болѣе укрѣплялись въ немъ; съ теченіемъ времени ему яснѣе представлялось, что всякое промедленіе въ этомъ является вопіющимъ. Когда ему пришлось въ Парижѣ видѣть все то, что по этой части было тогда уже заботливо насаждено у французовъ, съ невольнымъ, но яснымъ обозначеніемъ недостатковъ нашего благодѣтельнаго комитета о раненыхъ,—онъ разсматривалъ все это, уже будучи совершенно подготовленнымъ къ воспріятію, какъ давно ожидавшееся его чуткимъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ. И вотъ, предаваясь мечтамъ о созданіи плана учрежденія чего-либо такого, что помогло бы уравнивать эти недостатки, онъ натолкнулся на, показавшіяся ему крайне жесткими и жестокими слова Гамбетты, а затѣмъ съ полной отрадой довелось ему, въ противовѣсъ отзыву этого очерствѣлаго республиканца, услышать слова милосерднѣйшаго изъ монарховъ.

Года шли. А. Я. Таль не терялъ надежды, а въ послѣдовавшемъ лѣтомъ 1905 года высочайшемъ выборѣ его въ число членовъ Александровскаго комитета о раненыхъ онъ увидѣлъ якобы предвѣстіе того, что на склонѣ дней ему доведется дожить до обращенія похожихъ лишь на далекій отзвукъ мечтаній его въ пожеланіе возможное къ исполненію, а затѣмъ, и въ самое исполненіе. Не прошло и года, какъ уже въ началѣ 1906 года настала минута привѣтствовать появленіе въ Петербургѣ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Я. Таль приходилось вѣчно, внѣ службы, видѣть занятымъ устройствомъ благотворительныхъ утръ, дней, вечеровъ, баловъ, выставокъ, базаровъ, лотерей,—все съ благою цѣлью усиленія средствъ народившагося

и начавшаго развиваться общества. Прошло немного времени, и оно, въ основѣ своей, прочно устроилось; начали создаваться отдѣлы и отдѣленія его въ смыслѣ организаціонномъ—упроченія и большаго развитія при главномъ управленіи различныхъ спеціальностей дѣла, а также въ смыслѣ территоріальномъ—учрежденія мѣстныхъ отдѣловъ и отдѣленій, предназначающихся для раскидыванія по обширной территоріи нашего отечества сѣти заведеній этой благодѣтельной помощи.

«Слава Богу, нашлись добрые люди»,—случалось тогда слышать отъ многихъ. Чрезвычайная энергія А. Я. Таль и близкихъ ему лицъ развила это дѣло; благодаря ей, возникло, успѣшно пошло и прочно пустило «повсемѣстно» свои корни это благодѣтельное общество. Имъ, этимъ роднымъ и близкимъ ему людямъ пострадавшіе на войнѣ и тѣ, которые впредь будутъ являться таковыми, обязаны не столько появленіемъ его, но быстрымъ выходомъ изъ зачаточнаго положенія, не менѣе скорымъ развитіемъ и направленіемъ на вѣрную дорогу.

Софія Николаевна Таль уже нѣсколько лѣтъ всецѣло и заботливо завѣдуетъ хозяйственною частью медицинскаго отдѣла общества и лазаретомъ. Случилось такъ, что въ послѣдній день жизни Александра Яковлевича оба они были озабочены дѣломъ пріобрѣтенія участка земли подъ новый лазаретъ, учреждавшійся обществомъ въ Гатчинѣ для леченія нижнихъ чиновъ страдающихъ нервными болѣзнями. Александръ Яковлевичъ съ большой заботой, горячо высказалъ свои соображенія относительно того, какъ бы не ускользнуло намѣченное обществомъ полученіе участка отъ учрежденія, которое рѣшило уступить его на въ высшей степени льготныхъ условіяхъ. Съ большой долей сарказма Александръ Яковлевичъ, смѣясь, рассказывалъ въ тотъ день, что ничего удивительнаго не будетъ, если эта афера и ускользнетъ изъ рукъ общества, такъ какъ лицо, взявшееся оформить сдѣлку, предъявило тому учрежденію формальныя условія, рѣшительно стѣснившія его и создавшія вѣроятность отказа съ его стороны привести въ исполненіе свое благодѣтельное намѣреніе. Полное самыхъ благихъ намѣреній, лицо это, однако, невѣрно поняло свою роль и потому, вооружившись «педантизмомъ формализма», кажется, готово было исполнить относительно общества роль, сыгранную медвѣдемъ по отношенію къ пустынноку, — отнять возможность получить не только этотъ, но какой бы то ни было участокъ.

Нерѣдко А. Я. Таль въ послѣдніе дни своей жизни рассказывалъ о планахъ, дѣйствіяхъ и о развитіи этого общества. Однажды въ бесѣдѣ своей онъ, взявъ въ руки какую-то печатную брошюру, развернулъ ее и прочелъ изъ нея:

«Общество, оказывая матеріальную поддержку раненымъ солдатамъ, содѣйствуетъ ихъ полному излеченію и восстановленію

работоспособности, а также помогает им выхлопывать полученіе причитающихся по закону пенсій, пособій и наградъ¹⁾». «Тутъ, — сказалъ онъ, содержится рѣшительно все то, что болѣе сорока пяти лѣтъ тому назадъ мы должны были съ большимъ трудомъ продѣлывать для своихъ раненыхъ еще послѣ усмиренія польскаго мятежа;—но вѣдь тогда у насъ на рукахъ остались сравнительно небольшія группы раненыхъ; мы знаемъ, насколько чувствительнѣе это оказалось послѣ нашей болгарской войны, но каково теперь, послѣ несчастной японской!»

«Общество выхлопываетъ полученіе всего причитающагося по закону»,—поди-ка самъ, даже въ здоровомъ видѣ, попробуй выхлопывать себѣ «все причитающееся по закону»,—по закону же и изноешь; а если приходится взятыя продѣлывать это въ положеніи раненаго, больного, изувѣченнаго, изможденнаго!.. И вотъ теперь комитетъ о раненыхъ дѣлаетъ свое дѣло, а общество въ самой сильной степени помогаетъ ему, развертывая свои силы для раздѣленія труда оказанія всесторонняго содѣйствія несчастнымъ въ представляющихся имъ безконечныхъ хлопотахъ. Общество, желая согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями Александровскаго комитета о раненыхъ, избрало себѣ предсѣдателемъ управляющаго дѣлами этого комитета.

Это во всѣхъ отношеніяхъ полезно для дѣятельности общества и для дальнѣйшаго преуспѣянія его. Благодаря предстательству этого уважаемаго предсѣдателя, общество осчастливлено тѣмъ, что Государю Императору благоугодно было взять его подъ свое высокое покровительство.

¹⁾ Далеко не лишнимъ представляется для свѣдѣнія читателей перечислить вкратцѣ, что именно общество, по своему уставу, ввело въ кругъ своихъ задачъ: оно поставило себѣ цѣлью увеличивать трудоспособность солдатъ, пострадавшихъ на войнѣ, предоставлять имъ заработокъ, а также поддержку ихъ разстроенаго хозяйства и содѣйствовать исходатайствованію имъ пособій и пенсій. Поэтому оно занимается предоставленіемъ больнымъ и раненымъ нижнимъ чинамъ спеціальнаго леченія и возможности изученія какого-либо ремесла; съ тѣмъ вмѣстѣ оно развиваетъ ихъ природныя способности къ умственному труду; снабжаетъ такихъ солдатъ, бывшихъ ремесленниковъ, а также изучающихъ ремесла, инструментами, обезпечивая сбытъ ихъ издѣлій. Прискивая имъ должности, соотвѣтствующія ихъ дѣйствительной трудоспособности, оно оказываетъ помощь выдачею ежемѣсячныхъ пособій, призрѣніемъ, воспитаніемъ и образованіемъ ихъ дѣтей, а также облегченіемъ возможности покупки утраченнаго скота, найма работника и т. д. Причемъ, съ объявленіемъ мобилизаци, общество оказываетъ семьямъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на войну, содѣйствіе къ удовлетворенію ихъ всѣми видами правительственной, общественной и частной помощи.

Распоряженіемъ правленія общества отъ времени до времени издается «Справочникъ», въ которомъ перечислены учрежденія, выдающія пенсіи и пособія пострадавшимъ на войнѣ нижнимъ чинамъ, а также вдовамъ и сиротамъ убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Эта снабженная формами всевозможныхъ прошеній книжка представляетъ собой для нихъ драгоцѣнное руководство во всѣхъ случаяхъ, могущихъ представлять въ ихъ обиходѣ какія-либо затрудненія при различныхъ ходатайствахъ. А в т.

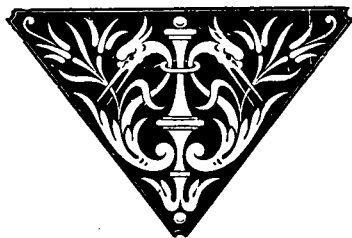
— Отраднo знать и легко на душѣ, когда знаешь, что для несчастныхъ, такимъ образомъ, помощь общества обезпечена навсегда, — говорилъ А. Я. Таль въ послѣдній день своей жизни. — Приходится горячо желать, чтобы общество получило возможность присоединить къ своимъ заботамъ попеченіе «о пострадавшихъ на войнѣ нуждающихся офицерахъ и ихъ семьяхъ»; будемъ надѣяться, что и это пожеланіе исполнится, — добавилъ онъ въ глубокомъ раздумьи. — Незабвенными останутся навсегда слова покойнаго государя Александра Николаевича о роли этого общества:

«Уходъ за ранеными и матеріальная помощь, оказываемая имъ, — это одно, а дальнѣйшая всесторонняя забота объ увѣчныхъ, требующихъ попеченія на всю жизнь, — другое».

— Вотъ слова, которыя должны быть занесены въ видѣ девиза къ дѣятельности общества, — сказалъ Таль, и это была послѣдняя фраза, слышанная мною отъ него въ тотъ день при прощаньи, послѣ котораго мы условились свидѣться на другой день у него же. Однако подъ утро того дня, 11-го октября 1911 года, его не стало...

Такъ на его успокоившейся, отошедшей въ вѣчность душѣ осталась громадная, взлетѣнная его мечтаніями доля участія въ созданіи на Руси одного изъ благотворнѣйшихъ обществъ, направляющихъ всѣ свои силы къ облегченію участи страждущаго воинства.

Е. Андреевскій.

НЕПОВИННАЯ.

(Очеркъ).

ШЕЛЪ по окраинѣ лѣса. День былъ ясный; солнце сильно припекало; птицы пѣли на разные лады. Пробродивъ около двухъ часовъ, нося на себѣ все охотничьи доспѣхи, я захотѣлъ скинуть сумку, пальто, бросить ружье и растянуться гдѣ-нибудь въ тѣни.

Пробравшись сквозь чащу на поляну, я улегся на травѣ подъ густымъ, развѣсистымъ дубомъ и предался безсознательному созерцанію природы. Я часто предпринималъ небольшія экскурсіи по окрестностямъ, уходя отъ своего имѣнія верстъ на десять или пятнадцать. Любилъ я заночевывать въ сторожкѣ лѣсника казенной засѣлки, а иногда оставаться тамъ на нѣсколько дней. Жизнь среди лѣса, природы, вблизи рѣки, въ полномъ уединеніи, если не считать угрюмаго старика-сторожа, влекла меня сюда. Чистый воздухъ, роскошная природа такъ благотворно дѣйствовали на мое въ общемъ пессимистическое настроеніе, что я возвращался домой и принимался за свои обычныя занятія съ новой энергіей.

Лѣсъ казался мнѣ въ солнечные лѣтніе дни чѣмъ-то волшебнымъ, заколдованнымъ отъ людскихъ мелкихъ дразгъ, отъ всякихъ золь, преступленій и наказаній. Въ воздухѣ душно. Стоять громадныя вѣковыя деревья, ни однимъ листомъ не шелохнутя, будто какаютъ дума, высокая, полная громаднаго значенія, одолѣла ихъ, и кажешься самъ себѣ, со всеми мелкими непріятностями, маленькими

интересами, составляющими злобу дня, чѣмъ-то маленькимъ и даже ничтожнымъ.

Растянувшись на травѣ, я отдыхалъ. Мысли мои перелетали съ предмета на предметъ; безсознательно слѣдилъ я за движеніемъ букашекъ, полетомъ птицъ. Кругомъ тишина; ни одинъ листъ не дрогнетъ; деревья будто замерли въ своемъ величіи; сплетаясь вѣтвями, они какъ исполины-сторожа охраняли сонъ, обуявшій природу. Я не двигался, словно боясь нарушить гармонию. Мой вѣрный Цезарь спокойно подремывалъ, растянувшись около меня. Тихій вѣтерокъ пробѣжалъ по листьямъ, зашелестѣлъ ими, легкій попотъ пронесся по лѣсу, и опять все смолкло, опять все та же невозмутимая тишина охватила лѣсъ.

Вдругъ мнѣ послышался слабый крикъ:

— Дуня! Дуня!—звалъ кто-то.

Я приподнялся съ травы и сталъ прислушиваться. Цезарь, дремавшій до сихъ поръ, наострилъ уши и старательно поводилъ въ воздухъ своимъ чуткимъ носомъ.

— Дуношка! Дуня!—слышалъ я опять. Тоскливый, надрывающійся голосъ звалъ все ближе и ближе.

Съ громкимъ лаемъ бросился Цезарь въ чащу. На поляну вышелъ мужикъ небольшого роста, съ испитымъ, измученнымъ лицомъ. Его подслѣповатые глаза растерянно бѣгали по сторонамъ; вьющіеся волосы прядями висли изъ-подъ картуза на лобъ. Онъ пугливо озирался, отгоняя палкой Цезаря, изловчавшагося ухватить его за полу кафтана. Я отозвалъ собаку. Мужикъ пересѣгалъ поляну, не обращая на меня вниманія; казалось, онъ что-то искалъ; глаза его безпокойно бѣгали по сторонамъ.

— Ты кого ищешь?—крикнулъ я.

— Дѣвчонку,—отозвался мужикъ и шель все впередъ.

— Дѣвчонку?—переспросилъ я.

— Ее. Второй день ищу. Можетъ, плакала, плакала, да и заснула сердечная...

— Да постой,—остановилъ я его.—Что жъ, ты думаешь, она въ лѣсу заблудилась?

— Заблудилась...—остановился мужикъ и пристально посмотрѣлъ на меня, и я видѣлъ, какъ по его блѣдному, болѣзненному лицу скользнула легкая усмѣшка.—Не заблудилась она... грѣхъ здѣсь,—скороговоркой проговорилъ онъ.

— Какъ грѣхъ?

— Грѣхъ,—отвернулся отъ меня мужикъ и, отломивъ дубовую вѣтку, сталъ нервно опищивать листья, отбрасывая ихъ далеко отъ себя. Я съ жалостью смотрѣлъ на растерянную, согнутую фигуру мужика и ждалъ, когда онъ заговоритъ самъ. Долго длилось молчаніе; мужикъ суетливо ломалъ вѣтки дуба и нервно обрывалъ листья.

— Можетъ быть, волки напали на дѣвочку?—началь опять я. Мужикъ вздрогнулъ, какъ бы испугался моего голоса.

— Злые люди уходили,—рѣзко проговорилъ онъ.

— Почему ты ее въ лѣсу ищешь?

— Сказывали...—уклонялся мужикъ отъ объясненій.

Меня очень заинтересовалъ этотъ скрытый случай съ дѣвочкой; я забралъ съ травы свою охотничью сумку, ружье и предложилъ вмѣстѣ искать Дуню. Долго шелъ я за мужикомъ, энергично прокладывая дорогу среди лѣсной чащи; онъ молчалъ; потъ градомъ струился по лицу его; узкія плечи нервно подергивались, изъ впалой груди слышалось хрипѣніе. Онъ былъ въ какомъ-то изнеможеніи и все бормоталъ какія-то непонятныя для меня слова.

Я предложилъ мужику сѣсть, отдохнуть и, набравшись силы, пуститься опять въ поиски Дуни, хотя недоумѣвалъ, какъ могла маленькая дѣвочка попасть въ глушь лѣса.

Мужикъ былъ изъ села Дорофеева, звали его Захаромъ. Съ начала нашего знакомства онъ посматривалъ на меня недověрчиво, но, усѣвшись противъ на срубленномъ деревѣ и немного успокоившись, сталъ откровенно говорить о своей семейной жизни.

Я узналъ, что Захаръ уходилъ для заработка въ городъ; дома работалъ отецъ съ младшимъ братомъ, «недалекимъ въ разумѣ». Отецъ послѣ свадьбы Захара «души не чаялъ» въ его женѣ, ей было въ избѣ первое мѣсто, а потомъ не влюбилъ ее: сталъ цѣлые дни мучить своей воркотней, слѣдить за каждымъ ея шагомъ и, когда у нея родилась дѣвочка, онъ всю злобу обратилъ на «несмысленнаго» ребенка.

— Пришелъ я какъ-то изъ города,—разсказывалъ Захаръ.— Отецъ избилъ Степаниду и мнѣ же жалится на нее. Съ тѣмъ да съ тѣмъ играла, поздно домой съ игрищъ приходила. Да что съ жены-то спрашивать? Какая ея жисть-то была дома? И нешто я-то былъ безъ грѣха, тоже вѣдь... А дочку мою, Дунюшку, называлъ «чортовымъ отродьемъ», билъ и тиранилъ завсегда...—глухимъ голосомъ проговорилъ Захаръ; онъ съ отчаяніемъ хлопнулъ руками по колѣнямъ, быстро сорвался со своего мѣста и зашагалъ впередъ.

Я пошелъ за нимъ.

Мы молча прибирались между кустами.

— А Дунюшку свою я крѣпко, крѣпко любилъ,—нѣсколько разъ повторилъ Захаръ. —Ахъ, дочка моя, дочка! И какъ это тебя загубили? Злодѣи... Что имъ за дѣло?

Я старался вслушиваться въ непонятную для меня рѣчь Захара, но не могъ узнать, почему онъ искалъ дочь именно въ лѣсу.

Нѣсколько разъ мы въ два голоса звали Дуню, но лѣсъ не выдалъ своей тайны.

— Ты спрашиваешь, баринъ, почему я ищу Дунюшку въ лѣсу,—наконецъ разрѣшилъ Захаръ мое недоумѣніе.—Этотъ самый братъ

Иванъ, недалекій въ разумѣ, все твердилъ миѣ: «ищи въ лѣсу». Ничего я отъ него не добьюсь: «ищи въ лѣсу», да и только. Вотъ я и ищу.

Захаръ шарилъ въ кустахъ, ползалъ въ травѣ, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была миѣ по поясъ, опять шель впередъ и опять говорилъ о своей дѣвочкѣ и о своей любви къ ней.

— Бывало, идешь домой, а она этакая махонькая, — показаль онъ рукой, — чуть отъ земли видна, бѣжить ко миѣ навстрѣчу. Я ее на руки... легонькая такая была, кости да кожа. Обхватить это она своими чутышными ручонками мою шею и все цѣлуетъ, такъ крѣпко, крѣпко, а сама шепчетъ: «не вели дѣдушкѣ бить меня». Ужь и правда, изъ синяковъ не выходила. Бывало, всѣ волосенки выщипаетъ...

Захаръ злобно крякнулъ, подхватилъ съ дороги большой сукъ и съ ожесточеніемъ швырнулъ его въ бѣлый стволъ березы; казалось, его схватилъ духъ разрушенія, и онъ готовъ начать бой. Я положилъ ему руку на плечо и старался пріостановить его бесполезный бѣгъ.

— Ты бѣ выпыталъ, Захаръ, у брата, куда они отвезли Дуню, можетъ быть, къ роднымъ кому, а отъ тебя скрываютъ... хотяжь только помучить, — говорилъ я.

— И, баринъ, онъ у насъ глупъ, глупъ, а это смекаетъ, что, ежели скажетъ, отецъ его живого въ могилу забьетъ, — остановился Захаръ, вытирая полдой кафтана потъ съ истомленного лица.

И вдругъ Захаръ вздрогнулъ, остановился и весь обратился въ слухъ.

— Чего ты испугался? — спросилъ я.

— Никакъ кто крикнулъ?

Миѣ тоже показалось, что гдѣ-то вдали крикнулъ дѣтскій голосъ.

Молча, не двигаясь стояли мы съ Захаромъ, прислушиваясь къ каждому звуку, каждому шороху.

— Куда, дьяволь! — уже ясно пронесся по лѣсу дѣтскій голосъ.

На поляну выбѣжалъ пѣгій жеребенокъ. Онъ летѣлъ намъ навстрѣчу, звоня привязаннымъ къ шеѣ бубенчикомъ, поднявъ хвостъ и наостривъ уши; за нимъ на бѣлой лошади скакалъ мальчуганъ лѣтъ десяти, болтая локтями и босыми грязными ножонками. Я махнулъ на жеребенка ружьемъ, тотъ шарахнулся въ сторону и, заржавъ, скрылся на поворотѣ; мальчуганъ повернулъ за нимъ.

Пока мы слонялись по лѣсу, погода успѣла перемѣниться. Небо заволокло тучами. Все ближе и ближе слышались раскаты грома; вѣтеръ раскачивалъ деревья, гнулъ вѣтви, переплетая и ломая ихъ; шумно хлынулъ дождь изъ темной тучи, надвинувшейся

надъ лѣсомъ. Мы съ Захаромъ забрались въ чащу, подъ зеленый шатерь вѣтокъ, думая спастись отъ дождя, но не тутъ-то было: дождь лилъ какъ изъ ведра и беспощадно смачивалъ насъ. Фигура Захара подъ дождемъ стала еще пришибленнѣе, еще несчастнѣе. При каждомъ вспыхиваніи молніи или трескѣ грома онъ присѣдалъ къ землѣ и съ испугомъ смотрѣлъ на меня.

— Это гнѣвъ Божій,—шепталъ онъ мнѣ своимъ запекшимися губами и пугливо смотрѣлъ вверхъ.

Я съ наслажденіемъ прислушивался къ бурной игрѣ природы, смотрѣлъ на величавую картину, которую представлялъ собою лѣсъ, и не обращалъ вниманія, что дождь промочилъ меня, какъ говорится, до костей...

Когда дождь утихъ, раскаты грома слышались вдали, мы вышли изъ своей засады. Захаръ, опустивъ низко голову, какъ-то машинально шелъ за мной. По небу ползли полосатые, темныя тучи; онѣ, какъ гиганскія чудовища, налѣзали и перегоняли другъ друга; дождь моросилъ. Вышли мы на поляну, и тутъ только я почувствовалъ, какое скверное ощущеніе производила мокрая одежда, облѣпившая мое тѣло. Я мечталъ поскорѣй очутиться въ сторожкѣ своего угрюмаго старика, обсушиться и поѣсть его постной похлебки. Захаръ стоялъ передо мной и бессмысленно разводилъ въ воздухѣ руками.

— Гдѣ жъ ее теперь искать? Не найти намъ Дунюшку...— хрипло говорилъ онъ.— Не найти, шабашъ... Охъ, Господи, хоть бы разокъ взглянулъ на мою голубушку...— и вдругъ Захаръ повалился на траву, и какой-то дикій вой понесся по лѣсу и эхомъ отозвался гдѣ-то въ глубинѣ, въ чащѣ.

Я не ожидалъ такой первности отъ Захара и совѣмъ растерялся.

— Послушай, Захаръ,—старался поднять его я съ травы:— я придумалъ, что намъ надо дѣлать... Я пойду къ твоему отцу и потребую, чтобъ онъ все сказалъ... сказалъ, куда онъ сvezъ дочку твою. Я заставлю. Хочешь?

Я много обѣщалъ ему и, желая помочь, чувствовалъ въ себѣ могучую силу; мнѣ казалось въ ту минуту, что для меня было все возможно. Захаръ поднялся съ земли.

— Не надо, баринъ,—помолчавъ, отвѣтилъ онъ.—Хуже будетъ, какъ узнать, что догадываются объ его дѣлѣ... На дняхъ слѣдователь приѣдетъ. Я дамъ знать въ городъ. Онъ все дѣло разберетъ. Прощай. Спасибо на добромъ словѣ.

Захаръ ушелъ. Я поспѣшилъ въ сторожку. На душѣ у меня было безотрадно и тоскливо... Я засталъ своего старика за работой; онъ, медленно двигая руками, плелъ лапотъ. Въ печи потрескивалъ веселый огонекъ.

— Ишь измокъ... или дѣло важное случилось?—сердито посмотрѣлъ онъ на меня.—Сушись да поѣшь. Вонъ горшокъ-то съ

похлебкой, а въ котелкѣ горячая картошка,—ткнулъ онъ рукою по направленію къ печкѣ, и уже не смотрѣлъ на меня, продолжая свою работу.

Я сталъ приставать къ нему съ докучливыми вопросами объ отцѣ Захара, и волей-неволей старикъ долженъ былъ давать отвѣты. Изъ его отрывистыхъ фразъ я все-таки понялъ, что отецъ Захара былъ жестокой деспотъ въ своей семьѣ; весь домъ держалъ въ своихъ рукахъ и даже чай наливаль всею самъ, боясь излишнихъ расходовъ; жену давно вогналъ въ гробъ ежедневными побоями, сыновей «таскалъ за вихры», невѣстку тоже бивалъ и ревновалъ.

— Да ему-то что за дѣло? Мужъ долженъ ревновать!—вскипѣлъ я.

— Когда лукавый зачнетъ смущать, тутъ ужъ правды не добьешься,—сердито бросилъ старикъ недоконченный лапотъ на скамейку и полѣзъ самъ на печку.—Ну, что чужія дѣла разбирать, ложись-ка спать. Небось продрогъ, сердешный! Да какъ поужинаешь, прикрой печку заслонкой,—громко зѣвая, говорилъ онъ, укладываясь на печи.

Я скоро поужиналъ; возбужденные нервы совершенно гнали мысль о снѣ. Старикъ храпѣлъ на всю сторожку, когда я оставилъ его одного и быстро зашагалъ по моей излюбленной тропинкѣ, ведущей на большую поляну. Рядомъ, не отставая отъ меня, шагаль мой вѣрный Цезарь и, видимо, наслаждался чудной, лунной ночью. Небо было чисто; луна взобралась высоко, высоко, играя своимъ матовымъ свѣтомъ на листьяхъ, травѣ, покрытыхъ каплями дождя; звѣзды тѣснились вокругъ нея, какъ бы составляя свиту.

Я съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій смолистый, ошняющій меня запахъ лѣса. Вечеромъ мнѣ всегда казалась вся природа богаче, фантастичнѣе; мое воображеніе всегда рисовало волшебные образы и создавало красивыя симфоніи; я никогда не скучалъ одинъ; лѣсъ, это дивное явленіе природы, всегда приводилъ меня въ восторгъ и успокаивалъ мои часто больные нервы. Я привыкъ къ лѣсу и могъ до разсвѣта бродить въ немъ, но въ этотъ вечеръ, послѣ свиданія съ Захаромъ, мнѣ стало какъ-то жутко: лѣсъ заключалъ въ себѣ драму, переполненную людскими страданіями, горемъ, зломъ и даже преступленіемъ. Я скоро повернулъ назадъ, къ сторожкѣ и вдругъ будто стонъ пронесся по лѣсу, и я услышалъ слова: «Дуня! Дуня!» которыя заставили меня вздрогнуть. Я оглянулся назадъ и ясно видѣлъ, какъ въ кустахъ орѣшника скользнула тѣнь и быстро скрылась. Я рѣшилъ, что это былъ Захаръ.

Спустя нѣсколько дней, я снова бродилъ по лѣсу. Вдали слышался какой-то непривычный для меня гулъ, съ выкриками человеческихъ голосовъ.

Сторожъ пошелъ на развѣдки и скоро вернулся, сообщивъ, что изъ города пріѣхалъ «судъ» по Захарову дѣлу. Мнѣ интересно было узнать, нашли ли дѣвочку, и я пошелъ по направленію голосовъ. Чѣмъ ближе я подходилъ, тѣмъ яснѣ слышались споры и крикъ, и общая галднѣя, какъ ураганъ, неслась по лѣсу. Вдругъ разомъ все смолкло, и страшный, раздирающій душу крикъ разсѣлъ воздухъ, потомъ поднялся шумъ, плачь, визгъ женскихъ голосовъ.

Я бѣжалъ наудачу, перескакивая черезъ гнилыя деревья, валявшіяся въ чащѣ, цѣпляясь за кусты.

Я хотѣлъ уже выйти на дорогу, какъ увидалъ большую процессію, двигавшуюся навстрѣчу мнѣ. Впереди всѣхъ шелъ Захаръ, безъ шапки, съ включенными волосами; лицо его было искажено страшной, едва сдерживаемой яростью; онъ держалъ въ рукахъ какую-то массу, завернутую въ лохмотья; около него за толпой мужиковъ мелькала фуражка съ кокардой слѣдователя.

Мое вниманіе въ толпѣ привлекла женщина; она прошла вблизи меня; высокая, статная, съ красивымъ, типичнымъ лицомъ, въ то же время блѣднымъ, будто сквознымъ, съ большими карими глазами, которые смотрѣли вдаль строго, полные безнадежной тоски.

Толпа прошла мимо меня, подавленная чѣмъ-то, превышающимъ ожиданіе, и молчаливая.

Я вышелъ изъ своей засады и замѣтилъ молодую бабенку, торпливо рвавшую траву и отставшую отъ толпы.

— Послушай, милая, что здѣсь случилось?—остановилъ я ее.

— Захарову дѣвчонку нашли.

— Какъ нашли? Гдѣ?

— Да вотъ тутотка, недалече.

— Что жъ—живая?

— Гдѣ тамъ живая. Она закопана была... прѣтъ начала... этакая-то жарница!—баба наклонилась и стала дощипывать траву.

— Кто же это ее? Неужели дѣдъ?—спросилъ я, охваченный волненіемъ.

— А то кто жъ? Дѣдъ.

— Отецъ Захара?

— Онъ... онъ!—взвизгнула бабенка.

— Какъ же это такъ?

— И, прости, Господи, сколько грѣха, сколько грѣха!.. Иванъ, какъ пріѣхалъ слѣдователь, испугался-то, затрясся, какъ осиновый листъ, да все и рассказалъ, какъ они съ отцомъ дѣвчонку убили,—со вздохами и охами рассказывала баба.—На мѣсто привелъ, гдѣ закопана была. Знать, Господь попуталъ. Вишь, Иванъ говоритъ, что какъ они съ отцомъ порѣшили съ Дунькой,—такъ съ того дня стоитъ она передъ нимъ, будто живая; куда онъ ни пойдетъ, спать

ли ляжетъ, все она передъ нимъ и все жалится... Значить, загубили душку неповинную.

— Да за что же они ее убили?

— Вотъ видишь ты: Степаниду выдали за Захара силкомъ; она изъ себя такая красивая да ловкая,—что жъ Захаръ передъ ней? куда жъ онъ годится? Старикъ сначала хорошъ былъ съ ней, все ластился; а она сурова была... вотъ онъ въ отместку не взлюбилъ, не взлюбилъ ее. Родилась дѣвчонка, онъ и давай всю злость срывать на ней. Зачнетъ это онъ, бывало, бить Дуньку куда попало и чѣмъ попало; жалость глядѣть, а мать и не вступайся, онъ и ее тутъ же сшибалъ. Кричить это, бывало, дѣвка, кричить сердешная такъ, что у сосѣдей слышно: «прости, дѣдушка, прости, миленькій». А онъ ей: «какой я тебѣ дѣдушка!» и еще пуще бьетъ; такъ изъ сняжковъ и не выходила. И... да что жъ я съ тобой раскалялась, гляди, наши ишь куда ушли...

— Когда же дѣдъ успѣлъ убить дѣвочку?

— Степанида, видишь ты, ушла на поденщину къ огороднику, а Дунька спала съ ночи. Поставила это она около нея горшечекъ съ картошками, чтобъ дѣвка позавтракала, какъ проснется, —вѣдъ дѣдъ самъ ничего не дастъ, хоть бы она обкричалась, просимши поѣсть... Пришла въ обѣдъ Степанида отъ огородника, дѣвчонки нѣтъ. Бросилась туда, сюда, нигдѣ нѣтъ, а въ то время дѣдъ съ Иваномъ изъ лѣсу ѣдутъ съ хворостомъ. Степанидѣ-то невдомекъ, что это они все дѣло состряпали; она бѣгаетъ по сосѣдямъ, ищетъ; прибѣжала ко мнѣ, спрашиваетъ, а сама слезами обливается. А они вишь что состряпали, а сами молчокъ.

— Какъ же это они ее ухостили?

— Иванъ все разсказалъ. Вишь, дѣдъ задушилъ Дуньку подушкой, когда она спала, и тутъ же повезъ въ лѣсъ, дорогой-то она у нихъ отдыхала. «Не бей, дѣдушка, не бей!» все просила, а сама хватаетъ его шею ручонками и хочетъ цѣловать, такъ Иванъ сказывалъ...—у бабы навернулись на глазахъ слезы; она быстро смахнула ихъ передникомъ.

— Иванъ на что слабъ разумомъ и то сжалился, а дѣдъ, чисто разбойникъ, хватилъ ее по головѣ топоромъ, такъ изъ нея душокъ и вонь. Ужъ отецъ, Захаръ-то, сейчасъ, какъ увидаль ее, убивался-то, страсти Господни... И что жъ это я съ тобой все стою... наши ишь куда ушли,—хватила опять баба и хотѣла бѣжать.

— А кто эта красивая женщина,—шла съ краю, блѣдная такая?—поспѣшилъ я спросить.

— Высокая да красивая? Это и есть Степанида Захарова,—крикнула баба и пустилась бѣжать по дорогѣ.

Я вышелъ на окраину лѣсъ. Вдали двигалась толпа, преслѣдуемая облакомъ пыли, слышались отдѣльные голоса и выкрики. Домой итти не хотѣлось. Я въ изнеможеніи бросился на траву и

смотрѣлъ вслѣдъ удаляющимся людямъ, такъ легко создавшимъ преступленіе; тѣло казалось мнѣ разбитымъ и болѣзненно пыло; на душѣ было тоскливо; чувствовалась обида за злобу людей. Я закрылъ глаза. Мнѣ казалось, тучи сгустились въ свинцовую чудовищную массу и низко спустились надъ землей; онѣ неслись съ ужасающей быстротой, поднимая съ земли золотистый столбъ пыли. Поднялся сильный вихрь, и я ощущалъ огненное дыханіе разъяреннаго вихря, который мчался, все разрушая на своемъ пути, какъ бы заставляя все существующее ближе сплотиться, чтобъ имѣть силу противостоять непостижимому... Меня охватилъ ужасъ, я чувствовалъ себя жалкимъ, одинокимъ и бессильнымъ передъ неразгаданнымъ зломъ. Огненное дыханіе движущейся массы обдавало меня все сильнѣй и сильнѣй... Лѣсъ застоналъ, а вихрь охватилъ его своими дикими объятіями и понесся дальше. Я видѣлъ передъ собой могучія, какъ горделивыя великаны, деревья, падающія на землю съ обнаженными корнями; мгновенно сраженный лѣсъ не существовать. Среди полного разрушенія стояла колоссальная, разъяренная фигура старика-дѣда, а рядомъ съ нимъ дробная фигурка дѣвочки съ недоумѣвающими, ясными глазами...

Я проснулся. Мое болѣзненно настроенное изображеніе парисовало мнѣ страшную картину разрушенія слишкомъ реально, и я съ трудомъ могъ освоиться съ дѣйствительностью. Радостно забилось мое сердце, когда я увидалъ родной мнѣ лѣсъ все такимъ же гордымъ, величавымъ и полнымъ глубокой силы.

Я радъ былъ, что преступленіе открылось во имя справедливости; явилось сознаніе, что *высшая правда* и *высшій законъ* на землѣ существуютъ и отъ нихъ неощутима, но непобѣдимая и вѣчная зависимость всего человѣчества.

А. И. Филатова.

ГОЛОДЪ ВЪ СИБИРИ И КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ.

(Воспоминанія бывшаго волостного писаря).

I.

Въ 1891—1892 годахъ почти всю Тобольскую губернію постигъ страшный голодъ, а лѣтомъ 1892 г. приходила еще и грозная гостя—эпидемія азиатской холеры. Съ тѣхъ поръ прошло долгихъ двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ много было пережито и много перечувствовано, но я не могъ до нынѣшняго года побесѣдовать о давно минувшемъ тяжеломъ времени по многимъ причинамъ, а въ особенности потому, что нѣкоторые лица, руководившія тогда продовольственнымъ дѣломъ, продолжали фигурировать на жизненной сценѣ, занимая различныя должности; теперь же, когда главныя изъ нихъ спятъ уже вѣчнымъ сномъ, я думаю, что своими воспоминаніями я не нарушу ихъ мирнаго покоя, помянувъ однихъ добрымъ словомъ, а другихъ снисходительной укоризной.

Время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, застало меня въ должности учителя. Я былъ молодъ тогда и дѣлу своему отдавался съ такой любовью, какая можетъ быть у человѣка, который отдается ему съ истиннымъ призваніемъ и работаетъ, какъ говорится, до забвенія другихъ жизненныхъ интересовъ, не жалѣя ни труда, ни собственныхъ силъ и здоровья. Усиленные ли занятія, или видъ истощенныхъ голодомъ дѣтей, переставшихъ въ большомъ количествѣ посѣщать

«истор. вѣстн.», апрѣль 1913 г., т. сxxxii.

школу, повліяли на меня,—теперь не знаю, но я тяжело заболѣлъ, а когда нѣсколько поправился, то занятія продолжать ужъ было невозможно, такъ какъ голодь, до этого терпимый, вступилъ въ свои суровыя права,—и школу пришлось закрыть на неопредѣленное время. Сидѣть безъ дѣла въ такое трудное время было стыдно, и я искалъ живой дѣятельности, хотя докторъ предостерегалъ меня отъ работы и новаго переутомленія. Не найдя подходящей работы, я поступилъ, по приглашенію извѣстныхъ лицъ, въ одну изъ волостей Ишимскаго уѣзда волостнымъ писаремъ, гдѣ сразу очутился въ роли маленькаго дѣятеля по удовлетворенію нуждъ голодающихъ: велъ всю отчетность по продовольственному дѣлу своей волости и въ экстренныхъ случаяхъ, въ присутствіи другихъ должностныхъ лицъ, занимался даже выдачей самаго продовольствія.

Такая близость къ продовольственному дѣлу, само собою разумеется, знакомила меня съ ужаснымъ положеніемъ несчастнаго народа и позволяла видѣть дѣятельность такихъ лицъ, которыя и безъ этого достойны занять подобающее мѣсто въ исторіи рядомъ съ людьми, о которыхъ нельзя никогда забыть.

Но возвращаюсь къ главной цѣли своихъ воспоминаній. Грозный голодь съ каждымъ днемъ увеличивался, а между тѣмъ продовольственная помощь была организована крайне слабо. Мѣстная продовольственная коммиссія создавала формы списковъ голодающихъ, затѣмъ, признавъ ихъ по какимъ-либо причинамъ непригодными, выдумывала новые списки,—и такъ безъ конца, воображая, что такимъ путемъ можно приблизиться къ истинѣ и безошибочному удовлетворенію тѣхъ именно людей, которые дѣйствительно голодны и нуждаются въ продовольственной помощи.

Перья во всѣхъ городскихъ и деревенскихъ канцеляріяхъ скрипѣли самымъ безпощаднымъ образомъ, продавцы бумаги отъ удовольствія потирали руки, а народныя массы начинали уже глухо волноваться, такъ какъ небольшая помощь оказывалась лишь нѣкоторымъ семьямъ, хотя голодь былъ всеобщій и не только людей, но и скота, который отъ безкормицы сталъ издыхать; сбытъ же его совершенно прекратился, ибо отсутствіе корма, приводя скотопромышленниковъ въ бѣшенство, тѣмъ не менѣе останавливало ихъ отъ всякой попытки купить за безцѣнокъ скотъ, чтобы увеличить свои бездонные карманы.

Картины голоднаго ужаса смѣнялись ежеминутно. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начались настолько серьезныя волненія, что власти начали поговаривать о народномъ бунтѣ, не допустить который возможно было лишь при полномъ удовлетвореніи продовольствіемъ всего населенія, въ особенности невѣжественнаго ссыльнаго элемента, подстрекавшаго и коренное населеніе на общее возстаніе, оправдываемое тѣмъ, что пособіе, будто бы отпущенное имъ казною, «забѣдаетъ» начальство, къ числу котораго причисля-

лись волостныя и сельскія власти, дѣлившія, по мнѣнію одичавшаго народа, принадлежащее имъ пособіе съ начальствомъ.

Хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ совсѣмъ истощались, и продовольственная комиссія, къ огорченію писчебумажныхъ торговцевъ, перестала создавать «формы», безпомощно сидѣла и ничего не дѣлала.

Сибирской желѣзной дороги тогда еще не было, и доставка хлѣба была крайне затруднительной, а въ иныхъ случаяхъ прямо-таки невозможной. Лошадей у большей части населенія или не было совсѣмъ, или онѣ настолько истощали, что объ употребленіи ихъ въ качествѣ рабочей силы не могло быть и рѣчи; поэтому приходилось искать возчиковъ въ дальнихъ и преимущественно урожайныхъ мѣстностяхъ.

Это довершало картину голода, и черныя тучи, готовыя перейти въ грозовые удары, носились въ воображеніи безпомощныхъ властей.

Свѣдѣніе о такомъ состояніи губерніи, какъ и нужно было ожидать, дошло до Петербурга и даже до въ Возѣ почившаго государя Александра Александровича.

Въ одно время, которое вспоминается теперь съ чувствомъ величайшей благодарности, все населеніе губерніи прочитало въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» высочайшій указъ о томъ, что въ Тобольскую губернію командировается князь Голицынъ съ правами генералъ-губернатора и еще какими-то спеціальными большими полномочіями, касающимися продовольственнаго дѣла вообще и голодающаго населенія—въ частности.

Я не знаю теперь и тогда не зналъ, какой постъ князь Голицынъ занималъ до этой высочайшей командировки, но послѣ по газетамъ видѣлъ его службу главноначальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ, гдѣ въ 1903 году на его жизнь было произведено покушеніе и онъ чуть не палъ жертвой террора, а затѣмъ, оставивъ, кажется, вскорѣ послѣ этого Кавказъ, онъ умеръ въ званіи члена государственнаго совѣта.

II.

Пріѣзда въ губернію князя только еще ожидали, а легенды о немъ создавались одна нелѣпѣе другой. Одни говорили, что онъ человекъ слишкомъ строгій, склонный къ деспотическимъ поступкамъ, другіе авторитетно утверждали, что онъ беспощадно будетъ вѣшать всякаго, кто позволитъ себѣ въ той или другой степени подпасть подъ вліяніе произвола, а одинъ чиновникъ, нѣкто Ч—скій, прямо заявилъ, что онъ знаетъ князя лично, въ качествѣ губернатора одной изъ губерній Россіи, и разказами объ его губернаторской дѣятельности на мѣстныхъ властей, и безъ того обалдѣвшихъ, нагналъ такую панику, что два чиновника по крестьянскимъ дѣламъ поста-

рался заблаговременно перевестись въ другую губернію, невзирая на огромный вредъ, наносимый продовольственному дѣлу, такъ какъ оно въ лицѣ ихъ теряло работниковъ, достаточно знакомыхъ съ положеніемъ голоднаго люда; другое же чиновничество, не имѣя возможности сдѣлать подобный побѣгъ, съ затаеннымъ страхомъ ожидало своей участи и продолжало раздувать легендарность князя далеко не въ пользу послѣдняго.

Но легенды всѣ, какъ мы увидимъ ниже, впоследствии оказались пустой болтовней. Такой энергичный человекъ, какъ князь Голицынъ, облеченный властью и довѣріемъ государя, былъ здѣсь необходимъ: чтобы удовлетворить истощенный народъ, разсѣять нависшую грозу и вывести изъ роковыхъ условій голодающую губернію, нуженъ былъ именно такой опытный, строгій и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливый администраторъ, какъ покойный князь.

Но вотъ наконецъ пріѣхалъ и воображаемая гроза—князь. Центральной квартирой онъ избралъ городъ Тюмень, гдѣ сидѣлъ, впрочемъ, очень мало, безпрестанно разъѣзжая по голодающей губерніи и принимая рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы покорить голодъ оказаніемъ, гдѣ возможно, экстренной помощи. Тюмень же, какъ главную квартиру, онъ избралъ, вѣроятно, потому, что пунктъ этотъ являлся тогда единственнымъ мѣстомъ Сибири, къ которому была проведена желѣзная дорога, и къ которому, такимъ образомъ, можно было безпрепятственно ожидать притока хлѣба изъ урожайныхъ мѣстностей Россіи. Еще до отъѣзда по губерніи онъ въ самой Тюмени нашелъ у хлѣбопромышленниковъ большіе запасы хлѣба и сдѣлалъ попытку къ тому, чтобы онъ былъ проданъ казнѣ по болѣе или менѣе доступнымъ цѣнамъ, но они требовали прямо баснословныя цѣны (выше трехъ рублей за ржаную муку), зная хорошо, что хлѣбныхъ запасовъ въ другихъ мѣстахъ губерніи пока нигдѣ нѣтъ. Тогда князь, узнавъ разными путями цѣны, по которымъ торговцами заготовленъ былъ хлѣбъ, пригрозилъ имъ тюрьмой за вымогательство, и амбары къ услугамъ голоднаго народа были открыты.

Сразу послѣ этого князь, на основаніи имѣющихся данныхъ, началъ свое дѣловое путешествіе съ сѣвера губерніи, гдѣ въ самые урожайные годы, благодаря исключительнымъ климатическимъ условіямъ и невыгоднымъ особенностямъ почвы, настоящей урожай почти всегда отсутствовалъ, а если иногда и случался ниже средняго, то преимущественно озимой ржи. Теперь урожая хлѣбовъ на сѣверѣ населеніе не видѣло кряду нѣсколько лѣтъ, и положеніе его было ужасно. Здѣсь князь въ первый разъ столкнулся съ невозможностью оказать голодающимъ помощь, такъ какъ запасовъ хлѣба почти совсѣмъ не было, и онъ съ прискорбіемъ долженъ былъ утѣшиться объявленіемъ населенію о томъ, что продовольствіе имъ будетъ выдано въ самомъ напскорѣйшемъ времени. Дѣлая дальнѣй-

шій объѣздъ голодающихъ поселеній, князь къ огорченію своему могъ видѣть лишь страшную пужду истощеннаго народа, но безсилень былъ оказать, какъ и въ первомъ случаѣ, существенную помощь.

III.

Пріѣзда князя Голицына ожидали и мы, но въ величайшемъ страхѣ за свою судьбу, хотя не знали за собою такой вины, за которую слѣдуетъ понести отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что отголоски, идущіе изъ мѣстъ, посѣщенныхъ княземъ, пахли ужъ не легендой, а чистѣйшей правдой, нѣсколько окрашенной въ мрачныя краски и все-таки заслуживающей полнаго довѣрія,—и страхъ нашъ былъ понятенъ самъ собою, въ особенности при наличности огромныхъ полномочій князя. Жуткое слово «вздерну», употребляемое княземъ въ минуты сильнѣйшаго гнѣва, теперь зналъ всякій, хотя утрва имъ еще ни разу не была приведена въ исполненіе.

18-го января 1892 года, утромъ, къ намъ въ село Казанское прискакалъ исправникъ и, распорядившись о заготовкѣ нѣсколькихъ троекъ лошадей подъ князя Голицына, его свиту и кухню, самъ ускакалъ дальше для встрѣчи его, приказавъ между прочимъ волостному старшинѣ поднести князю хлѣбъ-соль и почетный рапортъ о благосостояніи волости. Я наскоро, въ качествѣ волостного писаря, приготовилъ почетный рапортъ по установленной формѣ и сталъ читать старшинѣ маленькую лекцію о томъ, какъ долженъ онъ титуловать князя, поднося ему хлѣбъ-соль и почетный рапортъ, но старшина лекцію мою понималъ какъ-то плохо, перевирая страшно слова и комично ихъ выговаривая, и я, видя безуспѣшность своихъ наставленій, заранѣе боялся, что старшина, какъ человѣкъ очень трусливый и совѣмъ неграмотный, при исполненіи своихъ обязанностей поставитъ себя въ крайне глупое положеніе и, пожалуй, вызоветъ этимъ неудовольствіе князя и даже гнѣвъ.

Часовъ въ шесть вечера, когда были уже зажжены огни, къ квартирѣ, назначенной для перемѣны лошадей, лихо подкатилъ исправникъ, а вслѣдъ за нимъ, минуты черезъ двѣ, и князь на пятернѣ, запряженной въ огромный возокъ, сопровождаемый шестью тройками его свиты и кухни. Большая толпа голоднаго народа, съ обнаженными головами, забывъ о чрезвычайномъ холодѣ, тѣснилась у воротъ и въ оградѣ, а волостной старшина съ хлѣбомъ-солью и рапортомъ вытягивался возлѣ входа въ квартиру. На всякій случай тутъ же стоялъ и я. Народъ при выходѣ князя изъ возка грянулъ ему какое-то привѣтствіе, скорѣе похожее на ревъ голоднаго чудовища, чѣмъ человѣческой толпы, а князь, сдѣлавъ на привѣтствіе народа подъ козырекъ, направился ко входу въ квартиру, но, замѣтивъ тутъ по должностному знаку волостного старшину, князь

остановился и принялъ отъ него хлѣбъ-соль, а затѣмъ, кивнувъ на подаваемую старшиной бумагу, князь спросилъ:

— А это что?

— А эвто... эвто... в... в... бл... благородіе... ляпортъ...—за-хлебываясь и трясясь, какъ въ лихорадкѣ, пропищалъ злосчастнѣй старшина.

Пораженный титуломъ, который преподнесъ князю старшина, я стоялъ, какъ оглушенный, и не зналъ бы, что дѣлать, если бы не выручилъ меня самъ князь. Замѣтивъ меня, стоящаго рядомъ съ волостнымъ старшиной, онъ небрежно бросилъ:

— Вы кто?

— Здѣшній волостной писарь, ваше сіятельство,—отвѣтилъ я, стараясь напряженно сохранить хладнокровіе. — А это, ваше сіятельство, старшина имѣетъ честь поднести вамъ почетный рапортъ о благосостояніи Казанской волости,—набравшись храбрости и указывая на злополучный «ляпортъ»,—доложилъ я.

Князь съ улыбкой бросилъ нѣсколько какихъ-то фразъ по-французски чиновнику своей свиты и, обращаясь больше ко мнѣ, чѣмъ къ старшинѣ, наставительно проговорилъ:

— Почетный рапортъ вы подавайте своему губернатору, а не мнѣ, и теперъ «о бѣдственномъ состояніи народа», а не «о благосостояніи»,—снисходительно закончилъ князь, сдѣлавъ холодное выраженіе лица. Затѣмъ, заходя совсѣмъ на крыльцо, онъ оглянулся и спросилъ:

— А губернаторъ у васъ здѣсь былъ?

При этомъ вопросѣ я ужъ разошелся такъ, что громко и чисто по-солдатски грянулъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

— Это вездѣ такъ...—пожимая плечами, уронилъ князь и скрылся за дверью.

Толпа голодныхъ, все время стоявшая безмолвно, по уходѣ князя загудѣла, заеолновалась, и хотя нельзя было понять, но догадаться можно было, что шумъ весь сосредоточенъ былъ на просьбѣ о помощи. Я вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной, имѣвшимъ видъ челоуѣка, только что вытащеннаго изъ холодной воды, подошелъ къ толпѣ и сталъ внушать ей, что затруднять князя просьбами теперъ не слѣдуетъ, такъ какъ онъ и безъ этого знаетъ тяжелое положеніе народа и окажетъ скорую помощь. Но не успѣлъ я окончить того, что предполагалъ сказать, какъ вдругъ волостного старшину и меня окрикнулъ исправникъ, и мы поспѣшно пошли къ крыльцу, гдѣ узнали, что насъ требуетъ князь. Съ подавленнымъ чувствомъ страха пошли мы вслѣдъ за исправникомъ и остановились въ комнатѣ, рядомъ съ которой были растворены двери въ другую комнату, гдѣ прохаживался скорыми шагами князь. Минуты черезъ двѣ вышелъ къ намъ секретарь князя и совсѣмъ неожиданно началъ

разспрашивать о томъ, какъ примѣняется у насъ на практикѣ законъ относительно удаленія далѣе въ Сибирь по приговорамъ общества порочныхъ членовъ: выдается ли обществами семьямъ ихъ, находящимся на свободѣ, кормовое довольствіе, и въ какой срокъ провѣряется правильность приговоровъ чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ? Я отвѣтилъ, что зналъ изъ практики, и секретарь удалился, а мы продолжали стоять въ позѣ людей, ожидающихъ наказанія.

Между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты доносился рѣзкій голосъ князя, обращенный, вѣроятно, къ исправнику:

— Такъ вы говорите, что губернаторъ въ Ишимъ пріѣдетъ только сегодня и еще не былъ ни одного раза за все время голодовки?

Исправникъ отвѣтилъ утвердительно, и князь продолжалъ:

— Онъ, должно быть, возложилъ всѣ надежды на своего архіерея, который служитъ молебны о небесной маннѣ, а губернаторъ выползетъ изъ Тобольска лишь для того, чтобы раздать свалившуюся манну несчастному, заморенному народу... Это ужасъ, это ужасъ!..— съ негодованіемъ оборвалъ князь и болѣе хладнокровно добавилъ:

— А вы, пожалуйста, оставьте привычку, пока я буду разъѣзжать по вашему уѣзду, встрѣчать и провожать меня, и теперь же останьтесь здѣсь для того, чтобы провѣрить степень народной нищеты, затѣмъ безъ замедленія представьте мнѣ точную цифру о размѣрахъ необходимой помощи, такъ какъ старыя свѣдѣнія покрылись плѣсенью и безчеловѣчно обманываютъ живую дѣйствительность... А дорогу въ Ишимъ я найду и безъ васъ.

Освободивъ исправника и выслушавъ краткій докладъ своего секретаря, князь приказалъ:

— Запишите это на память и доложите мнѣ въ Ишимѣ о чиновникѣ, благодаря которому сидятъ арестанты.

— Чиновникъ, по винѣ котораго такъ долго содержатся подъ арестомъ люди, какъ объяснилъ мнѣ здѣшній волостной писарь, мѣсяца два тому назадъ перевелся въ Томскую губернію,—должилъ секретарь князю.

— А, успѣлъ перевестись! Тогда надо прослѣдить другую дѣятельность этого чиновника и, если она будетъ похожа на эту, написать барону Тобизену (томскій губернаторъ, служившій потомъ, кажется, въ Харьковѣ), чтобы онъ отъ имени моего поблагодарилъ его за полезную службу,—заключилъ князь, сдѣлавъ особое удареніе на словѣ «поблагодарилъ», и добавилъ:—иначе Сибирь, управляемая подобными чиновниками, попадетъ еще въ худшее положеніе, чѣмъ теперь, а это будетъ равносильно убійству всего населенія.

Я потомъ узналъ, что допросъ насъ и послѣдующій разговоръ князя съ секретаремъ происходилъ на основаніи жалобы, принесенной содержавшимися нѣсколько мѣсяцевъ подъ арестомъ въ сосѣдней волости по приговорамъ обществовъ за преступленія, вызван-

ныя голодомъ, а такихъ преступленій въ то тяжелое время было столько, что, пожалуй, пришлось бы сослать невѣдомо за что и куда цѣлыя селенія, и князь обратилъ на это серьезное вниманіе.

IV.

Гроза, нами ожидавшаяся, наконецъ пронеслась мимо насъ благополучно, и мы успокоились только тогда, когда князь со своимъ штабомъ усѣлся въ запряженные экипажи и безъ всякихъ провожатыхъ тронулся въ путь по дорогѣ на городъ Ишимъ, куда все-таки исправникомъ былъ посланъ на всякій случай особый нарочный съ предписаніемъ о заготовкѣ подъ князя на станціяхъ лошадей.

Въ Ишимѣ князя Голицына было предположено встрѣтить въ болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ всѣми мѣстными властями съ губернаторомъ Т—мъ во главѣ, но онъ пріѣхалъ туда поздней ночью, и встрѣча ограничилась тѣмъ, что ему была указана отведенная квартира: губернаторъ и власти не были княземъ приняты, и, какъ опшаренные кншаткомъ, удалились въ своихъ парадныхъ мундирахъ восвоися, чтобы провести тамъ бессонную ночь въ ожиданіи княжескаго приѣма. Но и другой день принесъ съ собой мало утѣшительнаго, такъ какъ рано утромъ, когда губернаторъ находился еще въ постели, отъ одного изъ земскихъ засѣдателей (нынѣ становые пристава) прискакалъ нарочный съ краткимъ донесеніемъ о томъ, что въ селѣ Арамашевскомъ произведенъ крестьянами бунтъ, жертвами котораго являются пока волостные старшина и писарь, и что за дальнѣйшія послѣдствія онъ, засѣдатель, ручаться не можетъ. Содержаніе этого донесенія, въ нѣсколько извращенномъ видѣ, попало и въ квартиру князя, гдѣ на дежурствѣ въ это время находился полицейскій надзиратель, нѣкто К—шевъ, который въ девять часовъ утра и былъ посланъ съ повѣсткою къ губернатору о немедленномъ прибытіи его къ князю. Губернаторъ ждать себя долго не заставилъ, но встрѣча его княземъ превзошла всѣ ожиданія: онъ принять былъ крайне холодно и даже грубо, вообще такъ, какъ принимаютъ провинившихся въ чемъ-нибудь подчиненныхъ. Не давъ губернатору окончить краткаго доклада относительно состоянія вѣрренной ему губерніи, князь въ повышенномъ и грубомъ тонѣ оборвалъ:

— Костеръ народной злобы, который начинаетъ разгораться въ вашей губерніи, я вполне оправдываю, и въ этомъ виноваты исключительно вы, какъ начальникъ губерніи! Я объѣхалъ большой районъ голодающихъ поселеній и всюду поражался народной нищетою, изумлялся горю народа и его страданіямъ, смотря на него, какъ на мученика, пассивно относящагося къ своему страдальческому положенію... Теперь, очевидно, чаша терпѣнія начинаетъ

переполняются, ежели народъ, судя по нынѣшнему извѣстію, въ одной изъ волостей вашей губерніи произвелъ бунтъ, отдавъ въ жертву своему озлобленію волостныхъ должностныхъ лицъ. Но знайте, что это маленькія жертвы за грѣхи большихъ людей!

Губернаторъ, пораженный неожиданностью, все время стоялъ безмолвно и, когда князь пріостановился, онъ сталъ что-то едва слышно говорить, но князь круто останоилъ его:

— Теперь поздно, слишкомъ поздно приносить оправданія! Нужно было еще въ минувшемъ году видѣть, какъ въ зеркалѣ, положеніе своего народа и писать объ этомъ въ Петербургъ, не уменьшая и не преувеличивая дѣйствительное состояніе вещей, а не придерживаясь злостной тактики, что все обстоитъ благополучно. Теперь я слагаю съ себя всякую отвѣтственность и вамъ совѣтую одно: потушить начинающійся пожаръ возможно скорѣе и потушить не кровью народа, а тѣмъ, что толкнуло его на бессмысленную расправу съ волостными властями.

Послѣ этого князь далъ губернатору понять, что непріятныя объясненія окончены, и тотъ удалился, а князь распорядился о приглашеніи къ нему всѣхъ мѣстныхъ властей, включая сюда духовенство и учебный персоналъ.

Чась спустя пріемная комната наполнилась представителями всѣхъ вѣдомствъ, напряженно ожидавшими съ плохо скрываемымъ душевнымъ волненіемъ выхода князя. Въ комнатѣ царила мертвая тишина, нарушаемая чьимъ-нибудь вздохомъ. Но вдругъ двери растворились, и князь, сопровождаемый своимъ секретаремъ, перешагнувъ порогъ комнаты. Пронесся легкій шорохъ и сразу утонулъ въ звучномъ голосѣ князя.

— Я, господа, пригласилъ васъ для того, чтобы вы пособили мнѣ въ томъ дѣлѣ, которое возложено на меня высочайшей властью. Мнѣ нужно знать точное количество семействъ, которымъ нужно оказать продовольственную помощь во всѣхъ пунктахъ вашего уѣзда, а потому потрудитесь взять маршруты и сегодня же отправитесь на мѣста для собиранія этихъ свѣдѣній. Будьте увѣрены, что трудъ нашъ даромъ не пропадетъ, ежели мы, оставивъ на время свои прямыя обязанности, будемъ энергично и безкорыстно бороться съ народнымъ бѣдствіемъ, размѣры котораго настолько велики, что я не могу подыскать ему подходящаго названія.

Тутъ князь пріостановился, и представляющіяся лица въ одинъ голосъ заявили свою готовность итти навстрѣчу его желаніямъ, обѣщая свой трудъ и силы отдать на служеніе голодному народу.

У.

Отославъ губернатора для разслѣдованія бунта, а должностныхъ лицъ по уѣзду для собранія нужныхъ свѣдѣній, самъ князь въ гор. Ишимѣ остался почти одинъ, такъ какъ и свиту свою коман-

дироваль въ болѣе голодающія мѣстности для организаціи продовольственной помощи посредствомъ частной благотворительности, приглашая къ этому имущіе классы и открывая, гдѣ возможно, для стариковъ и дѣтей бесплатныя столовыя. Словомъ, всѣ рабочія силы были подняты на ноги, и продовольственное дѣло совсѣмъ хотя и не наладилось, но какъ-то сдѣлалось свѣтлѣе и отраднѣе ужь по одному тому, что князь разбудилъ всѣхъ отъ преступной спячки и толкнулъ на дѣятельность, результаты которой были очевидны: ожидались большія партіи хлѣба, и только необходимо было подготовиться, кому этотъ хлѣбъ дать.

Отсюда мы видимъ, что губернаторъ былъ отстраненъ отъ непосредственнаго участія въ продовольственномъ дѣлѣ, уѣхавъ для разслѣдованія бунта, и тутъ, кажется, приходилъ конецъ его губернаторской карьерѣ. Отношенія къ нему князя были обострены до крайнихъ предѣловъ его предыдущей дѣятельностью, какъ начальника губерніи, въ особенности въ продовольственномъ дѣлѣ, разъединяя ихъ отъ совмѣстной работы, тѣмъ болѣе, что это были два совершенно различныхъ человѣка, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему складу: одинъ—мощная фигура съ энергичнымъ характеромъ, другой—небольшая фигурка съ маленькой волей, окруженная людьми, достойными всякаго порицанія. Такъ, на примѣръ, правой рукой губернатора во всѣхъ родахъ дѣятельности былъ чиновникъ особыхъ порученій нѣкто П—нъ, служившій до этого земскимъ засѣдателемъ и скопившій, несмотря на небольшое жалованье, довольно приличное состояніе. Служба его была далеко не безупречной, если я скажу, что онъ, не имѣя совсѣмъ образованія и находясь въ отставкѣ по подозрѣнію во взяточничествѣ, какимъ-то образомъ попалъ потомъ чиновникомъ особыхъ порученій и здѣсь, исполняя обязанности губернаторскаго тѣлохранителя, онъ скорѣе могъ оправдывать названіе огромной бочки, наполненной разными гадостями, часто выливающимися на головы людей, имѣющихъ къ ней неизбѣжное прикосновеніе, чѣмъ образованнаго, честнаго и полезнаго чиновника. А такихъ чиновниковъ, въ особенности полицейскихъ, въ то время сидѣло здѣсь многое множество, и нужно было видѣть, устранивъ непростительную близорукость, эту отвратительную язву на огромномъ организмѣ сибирскаго народа, а не ожидать того, что она спадетъ сама по себѣ, безъ принятія рѣшительныхъ мѣръ къ ея излеченію.

Вотъ въ такихъ-то приблизительно условіяхъ князь засталъ здѣсь народное бѣдствіе, но бороться съ темными силами было некогда, такъ какъ прежде всего являлась необходимость накормить голодный народъ, съ котораго теперь уже взять было нечего, и нѣкоторымъ господамъ, если можно такъ выразиться, табакъ былъ не по носу, раздражая ихъ избалованный нюхъ отсутствіемъ у народа средствъ и всякой охоты къ веденію запущенныхъ тяжёбныхъ дѣлъ.

Оставляя пока въ сторонѣ послѣдующее время, богатое разнаго рода событіями, вызванными голодомъ и эпидеміей холеры, я нахожу необходимымъ остановиться теперь на концѣ лебединой нѣсни, которую грустно допѣвалъ губернаторъ Т. Возвратившись изъ поѣздки въ с. Арамашевское, куда онъ ѣздилъ съ судебными властями, губернаторъ привезъ матеріаль, показавшій намъ величину безумія, до котораго дошелъ истощенный голодомъ народъ. Оказалось, что тамъ былъ совсѣмъ не бунтъ, а просто безумное требованіе одичавшаго ссыльнаго элемента, къ которому присоединялись отчасти и крестьяне-старожила, предъявившіе волостному старшинѣ требованіе объ отправленіи всѣхъ за счетъ казны въ Китай, куда они рѣшили эмигрировать и перейти въ подданство, о чемъ у нихъ было уже заготовлено на имя китайскаго императора прошеніе, которое самымъ серьезнымъ образомъ предназначено было къ отсылкѣ по назначенію, и въ которомъ, несмотря на безграмотное и глупѣйшее его содержаніе, искреннимъ образомъ описывалась голая дѣйствительность. Въ немъ, между прочимъ, грубо порицалось все начальство, ничего для нихъ не дѣлающее теперь и обиравшее ихъ ранѣе, когда они были сыты ¹⁾).

Волостной старшина, а съ нимъ, разумѣется, и писарь не могли удовлетворить ни одного изъ дикихъ требованій новыхъ китайскихъ подданныхъ, и началась потасовка. Въ концѣ концовъ старшина оказался страшно избитымъ, а писарь, получивъ нѣсколько внушительныхъ тумаковъ, какимъ-то образомъ вырвался и скрылся, выскочивъ изъ волостного управленія въ окно, разбивъ раму. Этимъ дѣло и кончилось. Но случай этотъ окончательно рѣшилъ судьбу губернатора. Князь, не придавая особаго значенія факту избіенія волостныхъ начальниковъ, обратилъ особое вниманіе на прошеніе крестьянъ китайскому императору, въ которомъ, рядомъ съ безмысленностью, онъ услышалъ изъ устъ самихъ крестьянъ правдивую жалобу на свое начальство, внушившее имъ своимъ поведеніемъ безумную мысль искать покровительства въ чужой странѣ, о которой они не имѣли даже смутнаго понятія.

Вскорѣ послѣ этого губернаторъ Т. былъ отозванъ въ Петербургъ, а вмѣсто него, кажется, мѣсяца черезъ два, пріѣхалъ новый губернаторъ Богдановичъ, тотъ самый, который, прослуживъ въ Tobольскѣ съ огромной пользой нѣсколько лѣтъ, былъ переведенъ губернаторомъ въ Уфу и здѣсь закончилъ свою блестящую служебную карьеру: въ 1903 году онъ палъ отъ злодѣйской руки террориста, преждевременно похоронивъ въ лицѣ своемъ честнаго и энергичнаго государственнаго дѣятеля.

¹⁾ Жаль, что я не могъ тогда взять конію съ этого любопытнаго и важнаго историческаго документа.

VI.

Приближалась весна, и продовольствіе имѣлось уже во всѣхъ голодающихъ мѣстахъ, которое и выдавалось безъ всякой задержки ежемѣсячно по 30 фунтовъ на ѣдока. Тѣ люди, у которыхъ въ семьѣ находилось больше малыхъ дѣтей, конечно, могли питаться за счетъ ихъ болѣе или менѣе сытно, но тѣ, у кого было семейство взрослое, жили впроголодь, едва поддерживая свое невыносимое существованіе, и въ концѣ концовъ дошли до того, что стали походить скорѣе на тѣни, чѣмъ на настоящихъ здоровыхъ людей, способныхъ нести тяжелый крестьянскій трудъ, которому они въ обычное время, несмотря на всю тяжесть его, отдавались съ любовью, особенно съ наступленіемъ весны, когда начинаетъ оживать природа и когда крестьянинъ можетъ жить съ нею неразлучно, роясь, какъ кротъ, въ кормилицѣ-землѣ. Теперь ни одного признака, ни одного намека на то, что ожидается скорое пробужденіе природы отъ зимняго сна, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіе и всего живущаго на землѣ, которая вотъ скоро, скоро будетъ одѣваться въ праздничный нарядъ, какъ только сброситъ съ себя непріятный холодный покровъ, давившій ее нѣсколько мѣсяцевъ подъ разъ. Отощавшій народъ, блѣдный и мрачный, къ этому обстоятельству, повидимому, нынѣ относился безразлично, такъ какъ не видѣлъ пока выхода изъ своего безотраднaго положенія, и, мучимый отсутствіемъ возможности приняться попрежнему за трудъ, безъ всякаго сопротивленія позволилъ бы положить себя живого въ могилу, чтобы прекратить дальнѣйшее существованіе, полное безпросвѣтной тоски и голодныхъ мученій.

Да и что, въ самомъ дѣлѣ, могла дать народу приближающаяся весна, если у него не было ни яровыхъ сѣмянъ, ни лошадей! Вѣдь это главное, что народу было нужно, а этого-то какъ разъ и не было. Отсюда и беспомощно-мрачное настроеніе, которое могъ устранить тотъ же покойный князь Голицынъ, сдѣлавшійся, за отъѣздомъ губернатора, полновластнымъ хозяиномъ губерніи, сосредоточивъ на себѣ всѣ надежды и упованія народа, захваченнаго бѣдствіемъ, размѣры котораго трудно поддаются описанію. Лошади и другой мелкій скотъ или передохъ отъ безкормицы, или употребленъ былъ зимою въ пищу, такъ что населеніе, конечно, легче могло встрѣтить лютую смерть, чѣмъ видѣть себя обнищавшимъ до крайнихъ предѣловъ, особенно до потери скота—главнаго своего благополучія, если принять во вниманіе, что скотоводство для сибирскаго мужика, благодаря наличію хорошихъ пастбищъ, составляло тогда, какъ и теперь, самое главное благосостояніе, оправдывавшее съ избыткомъ всѣ хозяйственные расходы включительно до уплаты податей и повинностей.

Главной задачей князя являлось теперь то, чтобы безошибочно и въ нужномъ количествѣ достать яровыхъ сѣмянъ, а это опять-таки представлялось дѣломъ очень затруднительнымъ и прежде всего потому, что доставка хлѣба, какъ сказано было уже выше, тормозилась тогдашними путями сообщенія; но дѣло устраненія народнаго бѣдствія не исчерпывалось и этимъ: ему нужно было дать рабочую силу—лошадей. Время не терпѣло, а потому княземъ было рѣшено сѣменной хлѣбъ подвинуть опять по желѣзной дорогѣ изъ Россіи въ Тюмень, а лошадей приобрѣсти въ предѣлахъ Томской губерніи съ такимъ расчетомъ, чтобы пригнать ихъ сюда весною ко времени полевыхъ работъ и раздать по одной лошади на каждый дворъ, съ тѣмъ, чтобы работа на нихъ производилась на коммунистическихъ началахъ общими силами, вплоть до того времени, пока у всѣхъ членовъ извѣстнаго селенія не возвратится самостоятельная трудоспособность, исключаящая необходимость производить совмѣстныя работы.

Но зловѣщее настроеніе народа, несмотря на всѣ заботы князя, не проходило, а съ приближеніемъ весны еще болѣе усиливалось, что можно было видѣть легко изъ дикихъ преступленій народа, одно изъ которыхъ, какъ болѣе характерное, я и расскажу.

Небольшая деревушка Опеновка, почти вся населенная людьми, связанными близкимъ родствомъ, жила тихо и мирно и, не отличаясь до голода особеннымъ богатствомъ, тѣмъ не менѣе пользовалась всѣми преимуществами передъ другими сосѣдними деревнями, имѣя превосходную землю подъ пашню и огромное пастбище для скота, расположенное по одну сторону озера, приносящаго мужикамъ хорошій доходъ промысломъ рыбы, которую они сбывали въ избыткѣ и получали отъ этого большое подспорье своему земледѣльческому хозяйству и скотоводству; но вотъ и ихъ постигъ голодъ, сравнявшій съ остальными сосѣдями до полного обнищанія и потери почти всего скота. Внезапно нахлынувшая бѣдность на нихъ повліяла болѣе тяжело, чѣмъ на людей, освоившихся съ постоянной нуждою, и жители Опеновки встрѣтили голодъ крайне враждебною защитою своего положенія передъ властями, рядомъ невыполнимыхъ и грубыхъ требованій, а потомъ стали враждовать и между собой, доходя до частыхъ ссоръ. Однажды, послѣ выдачи имъ продовольствія по 30 фунтовъ на каждую душу, нѣкоторые изъ нихъ начали протестовать противъ выдачи одинаковаго пайка малолѣткамъ со взрослыми; отъ тѣхъ, у кого было больше малышей, послѣдовали возраженія,—и въ заключеніе дошли до крупной драки, окончившейся нѣсколькими смертоубійствами.

Это кровавое событіе произошло во дворѣ сельскаго старосты, гдѣ раздавался хлѣбъ, и онъ, охваченный ужасомъ случившагося, какъ безумный, вскочилъ верхомъ на коня и поскакалъ въ городъ,

расположенный вблизи Опенки, гдѣ и доложилъ о происшедшемъ властямъ, не приводя подробностей, драки, такъ какъ онъ уѣхалъ въ то время, когда убитъ былъ лишь только одинъ человѣкъ. Власти (исправникъ и товарищъ прокурора), взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ полицейскихъ стражниковъ, тотчасъ же направились въ Опенку и, проѣзжая въ ней по единственной улицѣ, не встрѣтили ни одной живой души, и остановились какъ разъ у двора старосты, увидя прибитую у воротъ вывѣску; но ѣхавшій впереди стражникъ предупредилъ ихъ, что въѣзжать во дворъ невозможно. Удивленные власти, не справляясь о томъ, почему нельзя ѣхать на лошадяхъ во дворъ, покорно вышли изъ экипажа и остановились въ растворенной калиткѣ, безмолвно глядя другъ на друга, пораженные тѣмъ, что имъ пришлось увидѣть. Весь дворъ положительно былъ залитъ кровью и на пожелтѣвшемъ отъ солнца снѣгѣ въ разныхъ направленіяхъ лежало нѣсколько человѣческихъ тѣлъ; но картина представилась еще ужаснѣе и отвратительнѣе, когда исправникъ съ прокуроромъ подошли ближе: тутъ самое хладнокровное сердце не могло бы не содрогнуться, увидя истерзанные въ клочья восемь труповъ, въ числѣ которыхъ было трое взрослыхъ мужчинъ, двѣ женщины и три малолѣтка въ возрастѣ 7—8 лѣтъ; одежда у всѣхъ была въ крови и лица обезображены до неузнаваемости, подтвержденной старостой, который отказался объяснить, когда у него спросили объ имени убитыхъ, кто они. Словомъ, картина была такого рода, что къ сердцу подступала невыносимая боль, умъ, пораженный роковымъ событіемъ, метался, какъ подстрѣленная птица, и безсиленъ былъ подняться до высоты разрѣшенія этого страшнаго кошмара, похожаго больше на какое-нибудь крушеніе или взрывъ машины, чѣмъ на кровавую распря мирныхъ жителей—родственниковъ—изъ-за куска хлѣба.

Жители всѣ оказались на заборѣ и наотрѣзъ отказались выходить изъ своихъ жилищъ; поэтому властямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ съ этимъ положеніемъ смириться, хотя въ другое время, навѣрное, было бы употреблено въ такомъ случаѣ насиліе и, по обыкновенію, не безъ человѣческихъ жертвъ. Но теперь, какъ мы уже знаемъ, полнѣйшимъ хозяиномъ губерніи во всѣхъ отношеніяхъ былъ князь, то власти рѣшили оставить у труповъ караулъ, а сами отправились въ Ишимъ, чтобы телеграфировать ему о случившемся въ Курганѣ, гдѣ онъ находился по дѣламъ продовольствія, а вѣрнѣе—по разслѣдованію бунта, случившагося въ Курганскомъ уѣздѣ, гдѣ толпою голодныхъ былъ убитъ волостной старшина и послѣ этого злодѣянія разграблена касса волостного правленія. Получивъ въ такой моментъ телеграмму изъ Ишима о кровавомъ происшествіи, князь по телеграфу сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ по поводу случившагося строжайшаго слѣд-

ствія и о заключеніи въ тюрьму всѣхъ, кто участвовалъ въ убійствѣ своихъ односельчанъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдствіе было спѣшно представлено на его разсмотрѣніе. Арестовать пришлось, къ сожалѣнію, почти всю деревню, такъ какъ при слѣдствіи мужики оговаривали другъ друга и въ концѣ концовъ осталось мало, кто бы не участвовалъ въ дракѣ.

VII.

Власти, побуждаемая неустанной дѣятельностью князя, привыкли къ его тактикѣ и желаніямъ настолько, что стали работать довольно удовлетворительно; но ихъ, очевидно, угнетала мысль о томъ, что князь, какъ онъ ни будь строгъ, по окончаніи продовольственной кампаніи все-таки изъ губерніи уѣдетъ навсегда и дѣло могло бы пойти по старому, но у нихъ было предположеніе, и предположеніе довольно безошибочное, что губернаторъ Т., подъ слабой волей котораго они согрѣвались, уѣхалъ совсѣмъ и больше въ Tobольскъ не возвратится, а вмѣсто него пріѣдетъ другой, можетъ быть, человѣкъ строгій и для нихъ во всякомъ случаѣ болѣе опасный, чѣмъ князь, такъ какъ съ нимъ придется вести не только продовольственное дѣло, но и по всѣмъ отраслямъ управленія, ошельмованнаго ихъ предосудительной службою. Предчувствія людей, чѣмъ-нибудь запятнанныхъ, почти всегда сбываются, потому что преступная совѣсть ихъ, попавшая въ омутъ порока, трусливо, но чутко дремлетъ, не находя себѣ покоя ни во снѣ, ни на яву, вполне оправдывая пословицу «на ворѣ шапка говорить», хотя состояніе этой шапки остается пока прежнее.

Ожиданія властей вскорѣ оправдались, и новый губернаторъ Николай Михайловичъ Богдановичъ пріѣхалъ въ Tobольскъ именно въ то время, когда въ Тюмень было подвезено достаточное количество сѣменнаго хлѣба, точное распредѣленіе котораго являлось пока дѣломъ затруднительнымъ по той причинѣ, что у большей части населенія не было заготовлено паровой земли; поэтому хлѣбъ пришлось развозить по приблизительному расчету, ссылая его на мѣстахъ въ амбары. Такимъ образомъ къ пріѣзду новаго губернатора сѣменное дѣло находилось въ состояніи, приближающемся къ потребностямъ нуждающагося населенія, и это обстоятельство, не требуя занятій однимъ дѣломъ, дало ему возможность сразу же познакомиться съ положеніемъ ввѣренной ему губерніи, которую онъ безъ замедленія сталъ объѣзжать и принимать живое участіе въ народномъ бѣдствіи, находя попутно случаи въ томъ или другомъ отношеніи присматриваться и къ другимъ вещамъ, касающимся мѣстныхъ властей.

Но тутъ необходимо сдѣлать маленькое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о личности Н. М. Богдановича, достойнаго имени

благороднѣйшаго человѣка, сдѣлавшаго здѣсь въ сравнительно короткое время своего служенія столько добра, что другому, пожалуй, будетъ не по силамъ сдѣлать подобное въ теченіе продолжительной жизни. Мнѣ часто приходилось видѣть его при исполненіи разныхъ служебныхъ обязанностей, и я всегда восторгался его большими, неопредѣленнаго цвѣта глазами, то ласковыми, какъ взоръ ребенка, заигравшагося хорошенькой игрушкой, то грозными до того, что приходилось невольно сжиматься, избѣгая его взгляда, какъ огня, хотя огонь этотъ обжигалъ другого человѣка; некрасивое, но симпатичное лицо мѣнялось тоже сообразно вѣнчанію его сердца; мѣнялся высокій и стройный его станъ, мѣнялась вся наружность, и онъ былъ неузнаваемъ, представляя изъ себя совершенно два различныхъ человѣка. Послѣ, когда онъ былъ убитъ въ Уфѣ, я часто думалъ, что жизнь его была могучая трагедія, конецъ которой приблизился слишкомъ рано и слишкомъ неожиданно. Жаль, что я не имѣю въ этой статьѣ мѣста, чтобы обрисовать всю его дѣятельность въ Tobольской губерніи, а долженъ возвратиться назадъ и заняться его службой исключительно съ покойнымъ княземъ Голицынымъ, судьба котораго, по какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, совпадала съ его судьбою: въ одномъ и томъ 1903 году, напимѣръ, на жизнь ихъ обоихъ было произведено покушеніе, и разница лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ палъ отъ руки убійцы, а другой остался живъ.

VIII.

Мнѣ пришлось уже выше сказать, что Богдановичъ оставилъ Tobольскъ вскорѣ по прїѣздѣ и зорко присматривался къ положенію губерніи вообще и къ мѣстнымъ чиновникамъ въ частности. На каждомъ шагу ему пришлось сталкиваться съ такими вещами, которыя могутъ быть не замѣчены и терпимы только слѣпымъ человѣкомъ, потерявшимъ способность видѣть все окружающее и потому безразлично къ нему относящимся; рядомъ со взяточничествомъ и вопіющей волокитой онъ встрѣчалъ добродѣтель, прикрытую довольно прозрачнымъ флеромъ подхалимства и лицемерія,—качества еще болѣе непростительныя, чѣмъ открытое невѣжество и двоедушіе.

И вотъ началась чистка этого хлама по всѣмъ отраслямъ управленія, при чемъ главное вниманіе было обращено на земскихъ засѣдателей, по большей части людей безъ всякаго образованія, въ рукахъ которыхъ было слишкомъ много обязанностей: административныя, полицейскія и даже слѣдственные, къ числу послѣднихъ относились дѣла, начиная съ мелкой кражи и кончая какимъ-нибудь страшнымъ убійствомъ. Къ подобнаго рода дѣламъ они от-

носились, впрочемъ, очень усердно, таская ихъ въ своихъ канцеляріяхъ по нѣсколько лѣтъ и боясь ихъ окончить, потому что видѣли въ нихъ свое благополучіе, основанное на безпощадномъ обирательствѣ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу. Переводясь въ другое мѣсто, засѣдатель не безъ сожалѣнія передавалъ такое дѣло другому и рекомендовалъ его, нисколько не стѣсняясь, какъ «хлѣбное», а этотъ, въ свою очередь, прилагалъ всю заботу къ тому, чтобы пришивать къ нему по возможности больше ненужной бумаги, въ видѣ оправданія, что дѣло необходимо дополнить слѣдственнымъ производствомъ, безъ котораго оно не можетъ быть окончено.

Но пока идетъ чистка и замѣщеніе негодныхъ чиновниковъ другими, выписанными отчасти изъ Россіи и найденными налицо въ Сибири, мы перейдемъ непосредственно къ дѣлу, которое болѣе всего занимало князя. Съ наступленіемъ ранней и теплой весны, принесшей съ собою благодатные дожди, когда уже стала застѣнчиво выглядывать изъ земли зеленая травка, въ Ишимѣ пріѣхалъ и князь; къ этому времени (должно быть, по вызову князя) пріѣхалъ туда же и новый губернаторъ Богдановичъ и принять былъ княземъ очень привѣтливо, если не считать нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ, очевидно, съ той цѣлью, чтобы вызвать его на разговоръ относительно положенія губерніи, въ какомъ онъ нашелъ ее при объѣздѣ.

— Я слышалъ, что вы очень усердно занялись удаленіемъ отъ дѣла подчиненныхъ вамъ чиновниковъ?—спросилъ князь.

— Объ усердіи я пока сказать не могу, но гдѣ было необходимо, я ихъ гналъ, и гналъ съ тѣмъ, чтобы они о службѣ у меня больше не думали.

— Не повредитъ ли это гоненіе нашему общему дѣлу, особенно теперь, когда мы еще должны много и много работать на пользу голоднаго народа?

— Нисколько: всѣхъ прогнанныхъ я замѣняю тотчасъ же другими, конечно, не зная ихъ, но думая, что эти пока побоятся открыто мошенничать и будутъ заниматься тѣмъ дѣломъ, какое я имъ указалъ. Тутъ работали здѣсь, когда былъ мужикъ богатъ и когда, стало быть, съ него можно было драть шкуру, а когда обѣднѣлъ, то они опустили руки до того, что пришлось вмѣшаться, ради спасенія народа, высшей государственной власти, а въ этомъ заслуга очень небольшая и слишкомъ для нихъ позорная.

— Да, да, все это, конечно, очень хорошо,—самодовольно замѣтилъ князь.—А я, знаете ли, всѣмъ этимъ крайне стѣсненъ... Мнѣ думалось, что виноватъ во всемъ одинъ губернаторъ... И вотъ, какъ видите, я не могъ съ нимъ вмѣстѣ работать, ходатайствуя о замѣнѣ его другимъ.

— Я виню тоже его, придерживаясь пословицы: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Но согласитесь, ваше сіятельство, что оставить этихъ негодныхъ людей на старыхъ мѣстахъ нельзя, иначе ихъ преступная дѣятельность обудеть поощрена и они будутъ служить еще хуже прежняго.

Но тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ чиновника князя, который доложилъ, что собрались члены продовольственной комиссіи, и князь приказалъ просить ихъ къ себѣ.

Когда члены вошли, то тотъ же чиновникъ, по знаку князя, представилъ ихъ всѣхъ Богдановичу, а затѣмъ началось засѣданіе, касающееся обсѣмененія полей.

На этомъ засѣданіи, конечно, никто не смѣлъ возражать противъ желаній князя, который, будучи мало знакомъ съ постановкой всего дѣла, тѣмъ не менѣе умѣло пользовался своими возраженіями, особенно въ томъ случаѣ, когда дѣло коснулось общей работы на лошадяхъ.

— Я долженъ съ своей стороны замѣтить,—говорилъ онъ:— что теорія раздѣленія общими силами труда здѣсь не примѣнима, такъ какъ, во-первыхъ, мужикъ слишкомъ неразвѣтъ для того, чтобы проникнуться этой идеей, во-вторыхъ, онъ теперь голоденъ и обозленъ, а это будетъ служить огромнымъ тормозомъ для миролюбивой работы, ибо каждому изъ нихъ, безъ сомнѣнія, захочется сдѣлать свое дѣло впередъ, а потомъ уже взяться за дѣло сосѣда,— и вотъ отсюда получится рядъ нежелательныхъ грубыхъ раздоровъ, не допустить которые будетъ крайне затруднительно.

— Но мы будемъ наблюдать,—возразилъ князь:—чтобы работа шла по порядку, и ослушниковъ подвергать строгому наказанію.

— Все это такъ. Но гдѣ же, спрашивается, взять людей, могущихъ въ теченіе всего времени полевыхъ работъ наблюдать за миролюбивыми отношеніями народа? Своихъ сельскихъ властей народъ не послушаетъ, да онѣ и сами будутъ, вѣроятно, въ числѣ бѣдняковъ, способныхъ нарушить самыя строжайшія предписанія относительно распредѣленія труда. Нельзя ли найти возможность дать имъ больше лошадей?..

— Тогда согну всѣхъ въ бараній рогъ и заставлю дѣлать то, что имъ приказано!—забывшись и не умѣя скрыть своего гнѣва, произнесъ князь, совсѣмъ не думая о томъ, что ошибку свою, открытую губернаторомъ, онъ хочетъ взвалить на тощую шею мужика, какъ тяжкое ярмо своей неограниченной власти.

Послѣ этой непріятной выходки князя губернаторъ лишь изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія, и на лицѣ его лежалъ ясный отпечатокъ душевнаго волненія, готоваго вырваться наружу. Князь, видя, должно быть, это, неожиданно для всѣхъ всталъ и началъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ, напряженно о чемъ-то

размышляя; губернаторъ и члены сидѣли безмолвно, не находя въ себѣ способности вести разговоръ. Такъ прошло минутъ пять или больше, а князь продолжалъ ходить по комнатѣ, намѣренно не замѣчая или забывшись, что засѣданіе еще не распущено; потомъ такъ же неожиданно и быстро онъ подошелъ и подсеълъ къ столу.

— Теперь, господа, намъ необходимо распорядиться тѣмъ, что у насъ есть,—проговорилъ онъ, устремивъ взоръ на губернатора.— Настанетъ время, когда намъ, можетъ быть, придется разочароваться въ своей дѣятельности, увидя множество ошибокъ, сдѣланныхъ нами безъ умысла, а потому только, что мы кружимся теперь въ вихрѣ народнаго бѣдствія, не имѣя силы предусмотрѣть все до мельчайшихъ подробностей; но и то, что мы дѣлаемъ, достаточно свидѣтельствуеетъ о нашемъ безкорыстномъ трудѣ на пользу народа. Дѣло, по которому мы собрались сюда, промедленій не терпитъ, а потому мы, не углубляясь ни въ прошедшее, ни въ будущее, теперь же должны рѣшить, какъ поступить съ обмеженіемъ полей, т.-е. разрѣшить вопросъ, отъ котораго будетъ зависеть вся будущность народа.

Послѣ этой краткой рѣчи лица у всѣхъ сдѣлались свѣтлѣе, пошли оживленныя разсужденія, и въ концѣ концовъ рѣшено было организовать партію чиновниковъ для раздачи населенію въ разныхъ пунктахъ сѣменного хлѣба, а потомъ и лошадей, которыя были еще въ пути слѣдованія, подгоняемые не торопясь къ мѣсту назначенія. Мрачнаго настроенія у губернатора какъ не бывало; онъ сталъ непринужденно разговорчивъ и даже веселъ; а когда князь, тоже освободившійся отъ непріятнаго настроенія, приказалъ подать чай, то въ частной бесѣдѣ пошли такія рѣчи, въ которыхъ можно было слышать несравненно больше выясненныхъ дѣльныхъ вопросовъ, чѣмъ на официальномъ засѣданіи, которое могло кончиться самымъ непріятнымъ образомъ, благодаря неумѣстной фразѣ князя, сказанной по отношенію забитаго мужика, если бы онъ благо разумно не успѣлъ одуматься и произвести въ видѣ оправданія краткую рѣчь.

Князь, распуская засѣданіе, распрощался съ губернаторомъ самымъ любезнымъ образомъ и съ нескрываемымъ расположеніемъ спросилъ его:

— Такъ вы въ Курганъ ѣдете завтра?

— Нѣтъ, зачѣмъ же откладывать: я поѣзду сегодня, часовъ въ пять вечера, такъ какъ присутствіе мое тамъ необходимо не менѣе, чѣмъ ваше здѣсь.

— Вотъ и отлично... А я проѣдусь пока по здѣшнему уѣзду и посмотрю, что тамъ дѣлается.

Черезъ недѣлю партія чиновниковъ съ надлежащими инструкціями отправилась для раздачи населенію сѣмянъ.

IX.

Князь поѣхалъ по большому Московскому тракту, гдѣ голодъ болѣе губительно распорядился съ населеніемъ, которое, впрочемъ, влачило свое существованіе въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ забочный народъ, живущій исключительно земледѣльческимъ трудомъ, а теперь дошедшій до положенія вопіющаго обнищанія. Главный промыселъ трактовыхъ людей—это ямщина земская, почтовая и даже вольная для частныхъ проѣзжающихъ, къ услугамъ которыхъ могъ быть почти каждый дворъ. Мы не будемъ удивляться, если послѣ этого познакомимся съ довольно мѣткой кличкою «кнутобой», данной этимъ промышленникамъ земледѣльческимъ населеніемъ.

Приѣхавъ въ село Карасуль съ самыми благородными и благими намѣреніями, князь, не останавливаясь на квартирѣ, подѣхалъ прямо къ волостному правленію, гдѣ собравшемуся народу нашель необходимымъ сказать нѣсколько словъ, касающихся того, что имъ сдѣлано для устраниенія народной нужды.

— Крестьяне!—торжественно обратился князь звучнымъ и увѣреннѣмъ голосомъ:—на этихъ дняхъ по моему распоряженію вамъ выдадутъ сѣмена, а потомъ тѣмъ, у кого нѣтъ совсѣмъ лошадей, выдадутъ по одной лошади на каждый дворъ. На лошадяхъ этихъ вы будете работать, пока не соберете самостоятельную силу, вмѣстѣ, раздѣляя трудъ безъ обиды другъ для друга очередями...

Но тутъ изъ толпы выскочилъ какой-то плюгавенькій мужичонка и высокимъ нискливымъ голосомъ помѣшалъ князю вести дальнѣйшую рѣчь.

— Ваше благородіе,—кричалъ онъ:—работать вмѣстѣ мы не можемъ! Вотъ у Петра Степанова, примѣрно, четыре взрослыхъ души и земли столько же, а у меня одна; лошадей у того и у другого нѣтъ, и пока кончимъ его очереди, придетъ конецъ и посѣву... Нѣтъ, ужъ не обезсудь, кормилецъ, а работать дай намъ каждому на своей лошади.

Онъ что-то хотѣлъ сказать еще, но волостной старшина, довольно развитый мужикъ изъ солдатъ, взялъ его за руку и отвелъ въ еторону. Князь глядѣлъ на все это безмолвно, не спуская глазъ съ удаляемаго старшиной мужика, и видно было, что въ немъ бушевала буря, но онъ не могъ теперь продолжать такъ неожиданно прерванную рѣчь, съ которой онъ носился, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ у него возникла мысль объ общей работѣ. Когда старшина оставилъ мужика въ покоѣ и возвратился на прежнее мѣсто, князь, видимо пришелъ въ себя.

— Я тебѣ дамъ, мерзавецъ, въ такомъ случаѣ веревку и вотъ эту перекладину!..—загрѣмѣлъ князь, указывая на раскрытый

сарай, гдѣ стоялъ деревенскій пожарный обозъ. Затѣмъ, обращаясь къ толпѣ, онъ еще болѣе злобно заревѣлъ:—заморю!.. на половину перевѣшаю!.. но загонять лошадей по табуну на каждый дворъ не буду! Такъ и знайте!.. Разъ вы не хотите дѣлать то, что я вамъ приказываю, то у меня съ вами счеты будутъ коротки: главныхъ бунтовщиковъ вздерну и остальнымъ будетъ то же, если они станутъ поддерживать подлое дѣло бунтарей!

Толпа, какъ оглушенная громомъ, стояла, склоня головы, не смѣя слѣдовать примѣру своего плюгавенькаго односельчанина, который стоялъ тутъ же, нисколько не думая объ уходѣ, хотя толпа начинала уже рѣдѣть, постепенно и безмолвно выдѣляясь изъ общей кучи и уходя къ себѣ домой, очевидно, раздѣляя взглядъ своего «бунтаря», но боясь, въ виду страшныхъ угрозъ князя, оказать ему поддержку. Наконецъ отъ толпы осталось уже нѣсколько человѣкъ, и чиновникъ князя, спросивъ объ имени и фамиліи плюгавенькаго «бунтаря» и записавъ въ свою книжку, сталъ приказывать старшинѣ объ отводѣ на нѣсколько минутъ квартиры и о заготовкѣ подъ экипажи лошадей, какъ вдругъ случился новый инцидентъ, вызвавшій цѣлую бурю княжескаго гнѣва. Въ тотъ самый моментъ, когда князь повернулся въ другую сторону и хотѣлъ совсѣмъ было уходить, къ нему подбѣжалъ впопыхахъ мужикъ въ одной рубашкѣ и безъ шапки и, едва переводя духъ, принесъ жалобу о томъ, что ему волостной писарь не даетъ паспорта, прося взятку, а между тѣмъ онъ имѣетъ необходимость пойти на заработки въ урожайную мѣстность.

— Это ты, рожка, писарь?!..—закричалъ князь, быстрымъ шагомъ подходя къ человѣку, стоявшему возлѣ старшины, и хватая его за воротъ одежды.—Вздерну, каналью, сейчасъ же вздерну, какъ бѣшеную собаку!..—виѣ себя кричалъ онъ, встряхивая писаря за воротъ въ своихъ могучихъ рукахъ и забывая совсѣмъ о приличіи, испарившемся подъ вліяніемъ жалобы о вымогательствѣ взятки.

Трудно представить себѣ послѣдствія, какія могли произойти отъ этой жалобы, если бы здѣсь былъ менѣ смѣлый и дѣльный волостной старшина, видѣвшій на своемъ вѣку всякіе виды, особенно въ качествѣ фельдфебеля въ русско-турецкую войну. Онъ вытянулся въ струнку впереди князя и доложилъ ему толково и вразумительно:

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что жалоба, принесенная вамъ вотъ этимъ ссыльнымъ, есть наглая ложь: паспортъ ему не выдаю я, а не писарь, и не могу дать потому, что онъ сидитъ теперь подъ арестомъ въ каталажной камерѣ правленія по рѣшенію суда за бродяжество въ Россію, куда онъ отлучаться не смѣлъ, какъ ссыльный, лишенный правъ на эту отлучку; кромѣ того, съ него есть казенное взысканіе, связанное съ этимъ бродя-

жествомъ, и по которому я буду тоже имѣть нѣкоторое затрудненіе въ выдачѣ ему паспорта не только повсемѣстно, но даже по Сибири, впредь до уплаты имъ денегъ или установленія его несостоятельности форменнымъ путемъ.

Послѣ этого весь гнѣвъ князя обрушился на жалобщика-ссылнаго, котораго приказано было посадить подъ болѣе строгій арестъ и наказать тѣхъ, кто осмѣлился выпустить его безъ разрѣшенія. Волостной писарь Крашенининъ стоялъ въ это время блѣдный, какъ полотно, близкій къ обмороку. Онъ потомъ часто съ дрожью вспоминалъ, что вмѣсто руки князя, державшей его за воротъ пальто, онъ ощущалъ тогда на своей шеѣ грубую веревку съ петлею, готовой ежеминутно задрнуть.

Нужно замѣтить, что непосредственное столкновеніе князя съ мужиками было здѣсь едва ли не первое, и это такъ повліяло на него, что онъ заболѣлъ и рѣшилъ возвратиться въ Ишимъ, не находя въ себѣ силы продолжать путь, намѣченный заранѣе. Здѣсь пролежалъ онъ въ постели, не выходя изъ комнаты, около недѣли, а въ это время уже стали поступать отовсюду донесенія объ успѣшной раздачѣ яровыхъ сѣмянъ и лошадей, подгоняемыхъ небольшими табунами.

Князь, вразумленный урокомъ, полученнымъ въ селѣ Карасули отъ плюгавенькаго «бунтаря», а еще ранѣе отъ губернатора, во время своей болѣзни окончательно пришелъ къ убѣжденію въ непригодности своей идеи относительно совмѣстнаго труда на лошадяхъ и рѣшилъ воздержаться отъ изданія по этому поводу предложенныхъ имъ ранѣе инструкцій, предоставивъ исключительное право пользованія лошадыю тому, кому она дана. Дѣло, какъ видно, входило въ нормальныя условія, но тутъ случилось такое обстоятельство, послѣ котораго не знали всѣ, что предпринять къ его устраненію. Дѣло въ томъ, что вскорѣ по раздачѣ сѣменной ссуды въ одномъ мѣстѣ крестьянами было обнаружено, что имъ вмѣсто яровой ржи (ярица) выдали озимую рожь, совсѣмъ непригодную для ярового посѣва. По наведеннымъ въ другихъ мѣстахъ справкамъ оказалось, что негодныхъ сѣмянъ выдано болѣе восьми тысячъ пудовъ, замѣнить которыя настоящими сѣменами не было никакой возможности, такъ какъ уходило время посѣва, да и отсутствовала наличность запасныхъ сѣмянъ. Началось спѣшное составленіе бумагъ о преданіи суду поставщиковъ хлѣба за мошенничество; но отъ этого какъ крестьянамъ, такъ и властямъ было не легче: огромная посѣвная площадь (около 800 дес.) оставалась не засѣянной, и, можетъ быть, столько же земли крестьяне превратили въ хлѣбное кладбище, похоронивъ безвозвратно озимое зерно, не видя отличительныхъ признаковъ въ ярицѣ и ржи, особенно тогда, если они хлѣбъ до посѣва не растили.

Случай этотъ повліялъ на князя самымъ угнетающимъ образомъ, и онъ сталъ еще болѣе раздражительнымъ, чѣмъ былъ, не находя исхода къ предотвращенію бѣды, павшей на голову несчастныхъ мужиковъ, ложившихся всецѣло на шею казны до будущихъ урожаевъ.

Х.

Іюнь былъ удивительно хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ, наскучавшійся за послѣдніе два года о трудѣ, теперь вознаграждалъ себя исполненіемъ полевыхъ работъ, почти не выѣзжая съ поля и радуясь тому, что все цвѣло и зеленѣло, особенно хлѣбъ, всходы котораго нынѣ были хороши до восторга; благодатное теплое лѣто внушало полнѣйшую надежду на урожай, и всѣ люди, отъ мала до велика, забывъ голодь и пережитыя страданія, не видя своей нищеты и совершеннаго истощенія во время холодной зимы, теперь радовались радостью ребенка, не знающаго человѣческихъ горестей.

Такъ продолжалось почти до половины іюля, когда можно было положительно опредѣлить, что урожай будетъ превосходный; какъ вдругъ жизнерадостное настроеніе народа омрачилось извѣстіями, шедшими изъ разныхъ мѣстъ, что въ Россіи появился страшный моръ на людей, отчасти появляющійся уже и въ Сибири. Извѣстія стали подтверждаться единичными фактами, а потомъ фактовъ этихъ стало скопляться столько, что не одинъ темный и суевѣрный народъ, но стали тревожно поглядывать на дѣйствительность и власти, а болѣе всѣхъ князь, знакомый съ этимъ грознымъ врагомъ по долголѣтнему служебному опыту. Онъ зналъ, что врага этого нужно было встрѣтить дружно и съ большими специальными силами, а между тѣмъ онъ еще ранѣ видѣлъ, что медицинская часть въ губерніи организована слишкомъ слабо, даже больше того,—совсѣмъ отсутствовала, если принять во вниманіе обширность уѣздовъ, разбросанныхъ на цѣлыя сотни верстъ, и одного сельскаго врача при четырехъ фельдшерскихъ пунктахъ на уѣздъ, находящихся въ самомъ наисквернѣйшемъ состояніи.

Князь хотя и позаботился принять мѣры предосторожности, написавъ въ Петербургъ о присылкѣ медицинскаго персонала, когда холера только что начала появляться, но приходилъ конецъ іюля, а безпомощное положеніе губерніи находилось въ тѣхъ же условіяхъ.

Въ то время существовала еще ссылка въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ порочныхъ членовъ, и они населяли здѣшнія мѣста тысячами, разнося тлетворную нравственность по всѣмъ глухимъ медвѣжьимъ угламъ, а въ голодный годъ занесли сюда и азіатскую холеру, несмотря на то, что она въ Россіи косила уже направо и налево, и тѣмъ, кому слѣдовало объ этомъ вѣдать, нужно

было бы высылку въ Сибирь арестантовъ пріостановить, хотя бы ради своей служебной проницательности и славы, если ужъ не ради сибирскаго населенія, несшаго и безъ того на своихъ усталыхъ плечахъ тяжелое бремя голода.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа стала подвигаться шагомъ черепахи просимая помощь, когда произошло уже значительное опустошеніе населенія, да и то въ самомъ ограниченномъ количествѣ, кое-какъ обслуживавшемъ городскихъ жителей, гдѣ процентъ заболѣваній и смертности былъ очень великъ. Подробности, тогда пережитыя, теперь, конечно, передать невозможно, но въ то время жутко было видѣть, какъ простыя телѣги, на которыхъ ранѣ вывозился навозъ, нагруженные нѣсколькими тѣлами, одна за другой слѣдовали на кладбище, гдѣ и освобождались свалкою въ одну общую яму привезенной кладки въ видѣ безобразныхъ человѣческихъ труповъ. Въ городѣ, по крайней мѣрѣ, были случаи, когда откаживали безнадежныхъ больныхъ и возвращали ихъ къ жизни, зато въ деревнѣ дѣло обстояло несравненно хуже: тамъ человѣкъ заболѣвалъ и умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ, потому что въ самыхъ рѣдкихъ и счастливыхъ случаяхъ имѣлось на нужномъ мѣстѣ лицо способное оказать помощь, а если иногда и имѣлось, то никуда не годилось. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ.

Проѣзжая по тракту на Тюмень, князь остановился для перемѣны лошадей въ большомъ селѣ Устьламенскомъ, и, случайно узнавъ, что здѣсь бываетъ много холерныхъ заболѣваній со смертельнымъ исходомъ, онъ вздумалъ посѣтить нѣсколько жилищъ, гдѣ уже сдѣлано опустошеніе людей, съ цѣлью оказанія оставшимся матеріальной помощи. Заходитъ въ одну избушку и, найдя въ ней единственную старуху-крестьянку, онъ начинаетъ спрашивать ее о семьѣ. Та рассказала ему, что семья, состоявшая изъ двухъ женатыхъ сыновей и дочери, вся вымерла отъ «хворобы». Старуха, очевидно, была расположена къ слезамъ, но онъ уже всѣ были выплаканы, и она только болѣзненно стонала.

— У васъ кто-нибудь былъ, когда хворала твоя семья?—спросилъ князь, потерявъ терпѣніе слушать ея стоны.

Старуха продолжала бессмысленно смотрѣть на него, не понимая, должно быть, вопроса.

— Твою семью кто-нибудь лечилъ? — повторилъ онъ вопросъ.

— А, ты вонъ про что,—догадалась старуха.—Першалъ былъ, да что изъ него толку-то... Пришелъ, когда помиралъ ужъ послѣдній сынъ, подошелъ къ нему, видно, хотѣлъ посмотреть за самъ и брякнулся оземь. Я испужалась: думала, что и его хвороба забираетъ, а онъ поднялся и давай ковылять изъ хаты. Вотъ и седня шелъ по деревнѣ пьянымъ-пьяно, едва переставляетъ ноги...

— Сейчасъ же разыскать мнѣ этого фельдшера!—выпалилъ князь, обращаясь къ стоявшему тутъ исправнику, и направился къ выходу, предварительно сунувъ что-то въ руку откровенной старухи.

Кони уже давно были запряжены въ экипажи, а князь и не думалъ уѣзжать, ожидая злополучнаго фельдшера. Наконецъ отыскали его гдѣ-то на окраинѣ села и притащили къ князю, хотя лучше было бы его совсѣмъ не найти: онъ былъ безнадежно пьянъ. Князь, ни слова не говоря, отпустилъ ему нѣсколько штукъ увѣсенныхъ палокъ, которая всегда была при немъ, и, какъ бы срывая злобу на комъ-то другомъ, закричалъ:

— Утащите эту скотину куда-нибудь отъ солнца подъ крышу, иначе онъ пропадетъ здѣсь и никто его не подберетъ!

Фельдшера подхватили и уволокли въ сосѣднюю ограду, а князь преспокойно усѣлся въ экипажъ и уѣхалъ.

Убаюканный княжеской палкой, фельдшеръ спалъ до самаго вечера подъ навѣсомъ, а на другой день, забывъ позорное наказаніе, шелъ по улицѣ подъ шинными парами, выставя свой позоръ напоказъ передъ всѣми пѣніемъ пѣсенки, пародируя извѣстное стихотвореніе поэта:

Отдубаситъ Голицынъ и фельдшера
И положить въ прохладную тѣнь,
И проспитъ онъ, бѣдняга, до вечера
Безъ стакана вина цѣлый день.

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Когда всталъ онъ съ больной головой,
И пошелъ вечеркомъ въ разлюбезное
Заведенъ съ сивухой простой.

Этотъ медицинскій дѣятель былъ членомъ одной благородной семьи полковника, которую я зналъ лично. Изгнанный изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, куда отецъ пристраивалъ его, какъ любимое дѣтище, онъ кое-какъ кончилъ медицинскую фельдшерскую школу и поступилъ, по настоянію родныхъ, открывшихъ въ немъ призваніе къ медицинѣ, вольнослушателемъ на медицинскій факультетъ Казанскаго университета, но и здѣсь былъ причисленъ къ лику никуда негодныхъ людей, и потомъ уже занялся прямымъ своимъ дѣломъ—фельдшерствомъ, которое онъ выполнялъ такъ же аккуратно до палки, какъ и послѣ палки.

На этотъ разъ князь уѣхалъ изъ Ишима съ тѣмъ, чтобы въ него больше не вернуться. Отѣзжая, онъ чувствовалъ себя усталымъ нравственно и физически; но не усталость и вообще неурядицы заставили его такъ скоро уѣхать, а то, что теперь начальникомъ

губерніи былъ человѣкъ, способный безъ посторонней помощи справиться съ народными невгодами и поставить губернію совсѣмъ въ инныя условія; къ тому же урожай хлѣбовъ, подобнаго которому не помнятъ старожилы, давалъ ему возможность со спокойной совѣстью возвратиться въ Россію.

Всѣ легенды объ его жестокости разбились въ прахъ, такъ какъ на дѣло борьбы съ голодомъ онъ вліялъ исключительно своимъ огромнымъ авторитетомъ, страшая веревкой провинившихся и не предавъ военному суду даже тѣхъ преступниковъ, съ которыми нужно было поступить самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Прощаясь совсѣмъ съ губернаторомъ, покойный князь сказалъ:

— Сдаю вамъ, Николай Михайловичъ, бѣдное хозяйство губерніи и надѣюсь, что вы будете здѣсь настоящимъ хозяиномъ, а не приказчикомъ, на которомъ можетъ ѣхать всякій, кто пожелаетъ.

И Богдановичъ, помня завѣтъ князя, былъ дѣйствительно настоящимъ хозяиномъ губерніи, поднявшимъ народное благосостояніе въ теченіе своей службы до неузнаваемости.

К. Власовъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ЭМСѢ.

ВЪТОМЪ 1874 года, по предписанію знаменитаго Боткина, матушка моя была за границую, переѣзжая для леченія съ курорта на курортъ. Я, тогда одиннадцатилѣтній мальчикъ, младшій на три года братъ мой, годовалая сестра и подруга дѣтства матери моей Александра Николаевна М. сопровождали ее. Не помню точно мѣсяца, но, кажется, это было въ іюнѣ, когда мы поселились въ хорошенькомъ германскомъ городкѣ Эмсѣ, гдѣ матушка должна была пить воды.

Заняли мы въ этомъ богатомъ садами и чистенькомъ уголкѣ Германіи небольшую дачку-особнякъ съ садикомъ, и уже на другой день въ мѣстномъ курлиствѣ въ числѣ именъ прибывшихъ въ городъ иностранцевъ можно было прочесть и имя и фамилію Frau Oberstin, матушки моей, съ семействомъ.

Матушка съ подругою своею вставали очень рано и отправлялись со своими высокими, узкими хрустальными кружками, гдѣ выгравированы были виды Эмса, къ источнику, а мы, дѣти, въ это время мирно еще почивали въ кроваткахъ. Нашъ день начинался часовъ въ девять утра и заканчивался часовъ въ восемь вечера.

Мы много гуляли; ходили съ матушкой и ея подругой въ курзалъ на музыку; совершали прогулки за городъ и въ горы на осликахъ въ сопровожденіи словоохотливыхъ «гидовъ», стремившихся показать намъ все достопримѣчательности окрестностей и неизбѣжныя въ томъ числѣ развалины какого-то замка на обросшей густымъ зеленымъ лѣсомъ горѣ, откуда весь городокъ былъ, какъ на ладони,

видень въ уменьшенномъ за дальностью разстоянія размѣрѣ, вслѣдствіе чего онъ производилъ впечатлѣніе прехорошенькой игрушки.

Дня черезъ три послѣ нашего приѣзда забѣжавшій къ намъ извѣстный въ то время въ Петербургѣ газетный корреспондентъ Юлій Осиповичъ Ш., маленькій, черненькій и очень живой человекъ еврейскаго типа, — да, кажется, онъ и былъ изъ евреевъ, — сообщилъ матушкѣ моей крупную новость: въ Эмсѣ приѣхалъ нашъ государь, императоръ Александръ II.

Въ тѣ годы государь каждое лѣто приѣзжалъ для леченія въ Эмсѣ, жилъ въ замкѣ «Четырехъ башенъ» и, какъ и всѣ простые смертные, пѣшкомъ ходилъ къ источнику, пилъ воды и свершалъ затѣмъ свою прогулку.

Время пребыванія здѣсь государя было всегда временемъ особеннаго наплыва сюда русскихъ и въ особенности русскихъ барынь. Расфранченныя, онѣ пили воды и гуляли, гуляли по парку неумоимо, избирая для прогулокъ своихъ тѣ преимущественно аллеи, по которымъ обычно совершалъ прогулки свои императоръ. Низко-низко присѣдали онѣ передъ нимъ, а красавецъ-монархъ, одѣтый во все сѣрое, просто и любезно снималъ передъ каждою изъ нихъ свою шляпу. Съ нѣкоторыми онъ иногда заговаривалъ, и осчастливленная его вниманіемъ дама спѣшила тотчасъ разнести по всему городу сказанныя имъ слова, повторяя ихъ каждому встрѣчному знакомому.

Выпивъ свои два-три стакана цѣлебной воды, государь, выходя изъ курзала, ежедневно останавливался передъ хорошенькою нѣмочкою, продавщицею цвѣтовъ, и покупалъ у нея розу, которую и продѣвалъ въ петлицу своего пиджака. Въ обмѣнъ на цвѣтокъ нѣмочка получала отъ государя полуимперіаль и, право же, не безъ естественной граціи дѣлала свой книксенъ, а императоръ, улыбнувшись ей на прощаніе, шелъ на свою прогулку.

Чаще всего онъ гулялъ одинъ, но иногда его сопровождалъ и кто-либо изъ нашихъ сановниковъ, прибывшихъ въ его свитѣ или, подобно ему, лечившихся на водахъ. Встрѣчавшаяся государю на аллеяхъ парка публика, не исключая нѣмокъ и нѣмцевъ, отступала къ краямъ аллеи, присѣдала и кланялась, жаждающая поймать улыбку или милостивый взоръ красавца-царя.

Вскорѣ послѣ приѣзда Александра II въ Эмсѣ прибылъ и увѣнчанный еще свѣжими побѣдными, послѣ войны съ Франціей, лаврами маститый германскій императоръ Вильгельмъ I.

Съ его приѣзда государь нашъ рѣже уже пилъ воды и гулялъ одинъ: оба монарха прогуливались вмѣстѣ, а на аллеяхъ парка значительно возросло число по праздничному разодѣтыхъ нѣмокъ и нѣмцевъ.

Со времени приѣзда въ Эмсѣ государя мы, мальчики, мой братъ и я, стали вставать раньше обыкновеннаго и съ матушкой ходили

къ источнику, но, пока матушка находилась у источника, мы выбѣгали на аллею, горя нетерпѣніемъ поскорѣе встрѣтить нашего царя, и, когда появлялась его изящная, стройная фигура, живо и рѣшительно отбрасывали мы свои тросточки за спины, на дорожку, останавливались неподвижно рядкомъ, быстрымъ движеніемъ срывали съ головъ своихъ соломенные шляпы и замирали. И передъ нами, мальчиками, съ улыбкою и привѣтливо царь снималъ свою шляпу.

Наконецъ государь приглядѣлся къ намъ и однажды, когда мы такъ, вытянувшись въ струнку, стояли передъ нимъ, онъ подошелъ къ намъ и спросилъ нашу фамилію. Я назвалъ ее.

— Кто твой отецъ?—спросилъ меня императоръ.

— Онъ, ваше императорское величество, полковникъ и полицеймейстеръ въ Петербургѣ,—отрапортовалъ я.

— Знаю, знаю!—сказалъ государь и, поочередно потрепавъ меня и брата по щекамъ съ улыбкой сказалъ:—палочекъ своихъ не забудьте!—и прослѣдовалъ къ источнику.

— О чемъ съ вами говорилъ государь? Was hat ihnen der Tzar gesagt!—задавали намъ вопросы и русскіе и нѣмцы, вовсе намъ незнакомые, но мы, гордые и осчастливленные вниманіемъ императора, и не думали отвѣчать и, поднявъ съ земли свои тросточки, поспѣшили пробиться черезъ толпу и скрыться отъ этихъ невѣдомыхъ намъ любопытныхъ.

Помню, что въ теченіе нѣсколькихъ дней и братъ мой и я категорически отказывались, моясь по утрамъ и по вечерамъ, коснуться водой лѣвыхъ своихъ щекъ, опасаясь смыть слѣды царственнаго къ нимъ прикосновенія, и что матушкѣ и Александрѣ Николаевнѣ съ трудомъ удалось уговорить насъ мыться какъ слѣдуетъ, а не ходить грязнульками. Лѣвыя наши щеки, дѣйствительно, начинали уже носить болѣе темную, чѣмъ правыя, окраску, хотя и тѣ, окрашенные загаромъ, не отличались бѣлизной.

По воскресеньямъ государь бывалъ въ русской церкви у обѣдни. Церковь, конечно, биткомъ набивалась народомъ, и не одними православными. Священникъ въ концѣ обѣдни подходилъ къ государю и подносилъ ему просфору. Государь ее принималъ и направлялся къ выходу. Просфору эту государь тутъ же въ церкви отдавалъ первому попавшемуся ему на глаза ребенку, и потому естественно, что русскія мамы старались каждая поставить своего сына или дочку такъ, чтобы собравшійся выходить изъ церкви государь прежде всего на него или на нее наткнулся. Мнѣ и брату, однако, ни разу не удалось получить отъ государя просфору.

Неудача наша въ этомъ отношеніи чуть было не вызвала инцидента.

Однажды мы ближе обыкновеннаго стояли въ церкви къ государю, но, когда онъ повернулся съ просфорою, намѣреваясь уже

уходить, какой-то другой мальчикъ выдвинулся впередъ, и ему, а не намъ, досталась царская просфора. Это очень обидѣло моего брата, но, по свойственному малышамъ неразумію, не заслонившаго его отъ государя мальчика, а самого царя обвинилъ онъ въ причиненіи ему обиды и, конечно, по глупости, по выходѣ государя изъ церкви довольно громко и въ неумѣстной формѣ выразилъ свое неудовольствіе. Ни матушка моя, ни Александра Николаевна этихъ словъ его не слышали и ничего объ этомъ не знали и, какъ всегда, изъ церкви вернулись домой.

Не прошло и часа, какъ прибѣжали къ намъ Юлій Ссиповичъ Ш. и съ таинственнымъ видомъ рассказали матушкѣ моей объ «оскорбленіи величества», совершенномъ моимъ братомъ, о чемъ въ русской колоніи «всѣ говорятъ».

Матушка была очень и опечалена и смущена этимъ извѣстіемъ, и на брата моего наложена была кара: въ теченіе двухъ дней онъ былъ лишень прогулокъ и долженъ былъ оставаться дома одинъ. Но оставлять его дома одного было очень рискованно. Шалости его переходили всякія границы: онъ и пожаръ могъ произвести въ домѣ и зеркала перебить; словомъ, надо было принять мѣры къ тому, чтобы, оставаясь дома одинъ, онъ не набѣдокурилъ. Мѣра была придумана. Въ теченіе этихъ двухъ дней, на время отсутствія нашего изъ дома, отсутствія, правда, всегда непродолжительнаго, Александра Николаевна привязывала къ рукѣ брата длинную нитку, другою концемъ которой прикрѣпляла къ столбику балконнаго крыльца. Сидя на такой «цѣпи», братъ могъ свободно гулять по балкону, но ни сойти съ него въ садъ, ни войти въ комнаты возможности уже не имѣлъ. Конечно, ему сдѣлано было внушеніе, что если нитка-цѣпь окажется порванной, то... и нитка въ теченіе обоихъ дней этихъ оставалась цѣлою. Этимъ, къ великому удовольствію матушки, инцидентъ, какъ говорится, былъ исчерпанъ.

Заканчивая дѣтскія воспоминанія свои, касающіяся пребыванія Александра II въ Эмсѣ въ 1874 году, не могу не упомянуть еще и о слѣдующемъ.

По вечерамъ государь имѣлъ обыкновеніе кататься верхомъ. Въ неизмѣнномъ сѣромъ своемъ одѣяніи, съ купленною еще утромъ у хорошенькой цвѣточницы розою въ петлицѣ, онъ ѣхалъ одинъ по улицамъ городка и постоянно его можно было встрѣтить проѣзжающимъ тихимъ шагомъ мимо нашей дачи. Изъ нашего сада можно было свободно видѣть ѣхавшаго царя. Шагахъ въ ста, вправо отъ нашего сада, улица наша пересѣкалась другою и на правомъ углу ихъ, въ косомъ отъ насъ направленіи, за невысокою изгородью виднѣлись усыпанныя цвѣтами яблоневыя и грушевыя деревья чьего-то сада. И ежедневно, за нѣсколько минутъ до появленія государя на нашей улицѣ, за изгородью этого садика появлялась прехорошенькая головка молоденькой брюнетки, дѣ-

вушки лѣтъ 16—17-ти. Головка эта, появившись, оборачивалась въ сторону, откуда ѣхалъ государь, а Александръ II, не ускоряя шага коня, подвигался. Поровнявшись съ изгородью, откуда выглядывала головка, онъ направлялъ коня къ самой изгороди, подъѣзжалъ къ красавицѣ, снималъ передъ нею шляпу, о чемъ-то говорилъ съ дѣвушкой въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній и отъѣзжалъ съ поклономъ, а дѣвушка, проводивъ его глазами, пока онъ не скрылся за поворотомъ слѣдующей улицы, радостная, исчезала въ саду, унося съ собою чудную розу, до того украшавшую петлицу царскаго платья.

Я былъ тогда слишкомъ еще малъ и потому не зналъ и не могу ничего болѣе сообщить объ этой, загадочной для меня теперь, красавицѣ.

К. А. Дворжицкій.

РАЗВАЛЪ.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

ВОВОРИТЬ въ настоящее время о политическихъ настроеніяхъ провинціи не приходится. Политика давно исчезла изъ домашняго обихода обывателей, какъ будто перестала ихъ интересовать и снова ушла въ подполье, прячась въ тайникахъ обывательскихъ душъ. Страхъ ради іудейска провинція молчитъ насчетъ политики, но много думаетъ о ней про себя, не высказываясь до поры, до времени. Она какъ бы говоритъ правящему Питеру: продолжайте свои опыты по «умиротворенію» и т. д., а мы посмотримъ, что изъ нихъ выйдетъ..., а невоготу станетъ намъ отъ вашихъ опытовъ, тогда и мы встанемъ и скажемъ свое слово... Но пока это слово не сказано, провинція живетъ въ какомъ-то полуснѣ, пробавляясь своими домашними дѣлишками, заботами, интересами. Разумѣется, и въ послѣднихъ можно подмѣтить ту или иную струю «политики». Безынтересно поэтому остановиться на мелочахъ провинціальной жизни текущаго момента. Эти кажущіяся мелочи полны нерѣдко самаго глубокаго смысла и значенія, какъ обрисовка обывательскихъ отношеній къ фактамъ печальной русской дѣйствительности...

«Голодная кампанія», со всѣми ея ужасами, непорядками, злоупотребленіями, миновала, оставивъ въ душѣ голодавшихъ горькій

осадокъ несмываемой обиды и незабываемаго горя. Разоренную голодомъ деревню не въ силахъ поднять на ноги и посѣтившій насъ «г-нь Урожай». Только повторные его визиты могутъ нѣсколько оживить изголодавшуюся деревню, но на это плоха надежда. Высыханіе почвы и ухудшеніе климата (вслѣдствіе варварской вырубкѣ лѣсовъ и проч.) въ голодающихъ районахъ растетъ въ угрожающей прогрессіи, но Питеръ этого не замѣчаетъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ борьбы съ ужаснымъ зломъ, грозящимъ въ недалекомъ будущемъ превратить недавнюю «житницу Россіи» въ безплодную пустыню...

Но обнищаніе русской деревни наблюдается не въ однихъ «голодныхъ» районахъ, а рѣшительно повсюду—во всѣхъ концахъ нашей обширной, но давно уже не «обильной» земли. И въ этомъ повинны уже не какія-либо естественныя причины (условія почвы, климата и т. п.), а ненормальныя условія русской жизни—отсутствіе свѣта, знаній, простора для экономической и всякой иной общественной самодѣятельности. Встрѣчая непреодолимыя препятствія на этомъ культурномъ пути, обыватель махнулъ на все рукою, съ болью наблюдая повсемѣстно прогрессирующее обнищаніе деревни, въ которомъ едва ли не главную роль играетъ «питология» (какъ величаютъ русское пьянство одинъ провинціальный поклонникъ Бахуса).

Знаменательно, что свой главный порокъ русскіе люди не безъ успѣха начинаютъ передавать не только такимъ слабымъ инородческимъ племенамъ, какъ черемисы, чуваша и т. п., но даже болѣе сильному и крѣпкому татарскому племени. Еще недавно татары славились, какъ самые идейные трезвенники, а теперь—увы!—и между ними немало рабовъ «питологін». И тутъ «обрусѣніе» идетъ быстрыми шагами...

Казанскій извозчикъ-татаринъ, почтенный старикъ, всю длинную дорогу отъ города до паромныхъ пристаней на Устьѣ не смолкаемо плакался на своего единственнаго сына—полнаго пропойцу въ русскомъ стилѣ. Ко всякимъ мѣрамъ прибѣгалъ старикъ, чтобы вылечить сына «отъ русской болѣзни», которою онъ заразился именно «отъ русскихъ товарищей», но ничто не помогаетъ. Осталась еще у старика слабая надежда, что сына, можетъ быть, спасутъ муллы, съ ихъ проповѣдями и увѣщаніями, но серьезно онъ въ это не вѣритъ, ибо уже немало татаръ погибло въ Казани и другихъ мѣстахъ отъ этой «проклятой русской болѣзни», о которой раньше татары и понятія не имѣли...

Разумѣется, въ обнищаніи деревни сыграла роль не одна питология, но вся совокупность условій русскаго режима. Пресловутая «последняя мужицкая копейка», о которой такъ игриво болтали въ государственной думѣ господа министры, давно уже превратилась въ ломаный грошъ. Подъ давленіемъ всякихъ властей этотъ грошъ

продолжаютъ выкачивать изъ мужицкой мощны, но съ каждымъ годомъ эта операція становится затруднительнѣе, и всевозможныя недоимки накаплиются безъ числа. Обыватели охаютъ, жалуясь на тягость казенныхъ, банковскихъ, земскихъ, волостныхъ и другихъ налоговъ.

Мелкіе торговцы и промышленники плачутся на непомерную тяжесть промысловаго обложенія, которое страшно вздувается податными инспекторами. Конечно, послѣдніе дѣйствуютъ подъ вліяніемъ инструкцій изъ Питера и въ своемъ рвеніи «отличиться» предъ начальствомъ доходятъ до нелѣпостей, ни въ грошъ не ставя интересы обывателей. А, можетъ быть, и податные инспектора получаютъ проценты за увеличеніе доходности своихъ участковъ, какъ получаютъ ихъ «землеустроители» за хутора, винные сидѣльцы за увеличеніе пьянства и т. д.?!

До чего доходитъ возмутительное стремленіе этихъ агентовъ министерства финансовъ выкачать изъ обывательскихъ кармановъ послѣдніе гроши, приведу такой примѣръ изъ множества аналогичныхъ фактовъ. Въ глухомъ селѣ Васильскаго уѣзда существуетъ мелочная лавчонка, въ которой товару не наберется и на сто рублей. Товаръ самый неприхотливый, мужицкій, нѣтъ даже табаку, такъ какъ хозяинъ «придерживается старины» и не хочетъ торговать этимъ «зельемъ». Годового дохода торговецъ получаетъ много двѣсти рублей. А податной инспекторъ опѣнилъ доходность этой убогой деревенской лавчонки въ 600 рублей и обложилъ ее налогомъ въ 12 рублей... Воетъ мужикъ, протестуетъ, какъ умѣетъ, но никакъ не можетъ добиться болѣе справедливаго обложенія своего труда, которымъ кормится впроголодь...

Новый рыболовный законъ, установившій запретное время для лова рыбы (съ 15-го мая по 15-е іюля), врядъ ли поспособствовалъ размноженію рыбы, но рыбаковъ мѣстами совсѣмъ обездолилъ, а у всѣхъ вообще сократилъ доходы. Не въ проигрышѣ остались только скушники рыбы и держатели рыбныхъ садковъ. Да и публика не была въ накладѣ: въ самое «запретное время» пассажиры волжскихъ, камскихъ и другихъ пароходовъ всегда могли получить живую стерлядь и «мѣрную», и «маломѣрную», запрещенную закономъ. Свободно торговали стерлядью и на берегу.

Разумѣется, умные люди сейчасъ же нашли лазейки для обхода новаго неудобнаго и неумно составленнаго закона. Запрещая ловъ рыбы съ 15-го мая, законъ разрѣшаетъ и послѣ срока продавать рыбу, «оставшуюся» въ садкахъ къ 15-му мая. Понятно, хозяева садковъ постарались объявить въ остаткѣ побольше рыбы. Въ одномъ приволжскомъ городкѣ арендаторъ водъ объявилъ, что у него въ садкѣ къ 15-му мая «осталась одна тысяча рыбъ», а владѣлецъ другого садка, мѣстный трактирщикъ, заявилъ «остатокъ» много

меньше. Такъ и «записали, не провѣривши» объявленнаго остатка. Да и какъ провѣрить рыбу въ большихъ садкахъ?!...

Ни у того, ни у другого не было въ садкахъ объявленнаго количества рыбы, но они смѣло торговали ею во все запретное время, пополняя убыль своего «остатка» подвозомъ свѣжей рыбы отъ рыбаковъ... Покупая ее у рыбаковъ, хозяинъ одного садка ограждалъ себя распиской о проданной якобы ему рыбѣ изъ «остатка» въ садкѣ другого хозяина. Такъ все запретное время и шла эта круговая порука—и всѣ заинтересованныя стороны были довольны: и скупщики, и рыбаки, и публика, лакомая до стерляди.

Рыбаки свободно возили и носили рыбу къ скупщикамъ, но изъ опасенія придирокъ полиціи дѣлали это скромно, потихоньку, въ укромное время. Но разъ одинъ рыбакъ, не запасшійся запродажной распиской, подвезъ днемъ рыбу къ одному садку, и рыба была конфискована полиціей: девяносто два стерляди полетѣли въ воду, къ огорченію рыбака, вдобавокъ и оштрафованнаго...

Нельзя, конечно, винить рыбаковъ, живущихъ одной рыбной ловлей, если они обходятъ законъ, лишаящій ихъ куска хлѣба. Подобную реформу надо было вводить постепенно, не обездоливая сразу рыбаковъ. На первыхъ порахъ слѣдовало ограничиться запрещеніемъ лова маломѣрной рыбы, затѣмъ—тѣхъ или другихъ породъ рыбъ и т. п. А тутъ сразу ударили обухомъ по цѣлымъ сотнямъ тысячъ людей, живущихъ однимъ рыболовнымъ трудомъ.

Да и ударили-то такъ нелѣпо, назначивши одинъ срокъ запрета для всей необъятной Россіи. Не похоже, чтобы въ составленіи закона участвовали ихтиологи, знакомые съ природою рыбъ, условіями ихъ жизни и проч. Очевидно, законъ состряпали какіе-то рыбные чиновники, не потрудившіеся ни въ книги заглянуть, ни изучить детально мѣстныя условія рыбнаго царства и т. д. Не только для каждой мѣстности, но и для каждой породы рыбъ слѣдовало установить особые сроки запрета.

Всего болѣе новый законъ направленъ къ охранѣ цѣнныхъ породъ рыбы, какъ стерлядь и т. п. А, напримѣръ, для стерляди установленный запретный срокъ лова не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, ибо стерлядь мечетъ икру зимою, когда ловъ ея закономъ не возбраняется... О зимнемъ нерестѣ стерляди говорятъ волжскіе рыбаки, знакомые съ жизнью рыбъ поосновательнѣе рыбныхъ чиновниковъ. И дѣйствительно, весною никогда не попадается стерлядь съ икрою.

Пикантна и другая несообразность новаго закона. Какъ-то всѣ газеты обошло извѣстіе, что астраханскіе рыбопромышленники «обходятъ рыболовный законъ», истребляя «маломѣрную» рыбу изъ икры и заражая гніющими остатками выброшенной рыбы берега и воды на сотни верстъ... Но если «маломѣрная» рыба является съ икрою, то она «маломѣрна» не по возрасту, а по своей природѣ,

и «маломѣрною» останется до старости,—значить, никогда нельзя ее ловить?!...

Какъ тогда быть со снайтомъ, вѣчно «маломѣрнымъ»?... А вѣдь отъ лова снайка кормятся тысячи людей на Бѣломъ озерѣ и на другихъ водахъ озерной области.

Кстати—куръезъ изъ области російскихъ анекдотовъ. Бѣлое озеро входитъ въ Кирилловскій и Бѣлозерскій уѣзды. И прошлымъ лѣтомъ получилась такая неожиданная картина: въ предѣлахъ Бѣлозерскаго уѣзда запретный періодъ лова рыбы былъ объявленъ, и новый законъ дѣйствовалъ во всю, а въ Кирилловскомъ уѣздѣ не знали этого закона и ловили рыбу свободно. Завидуя кирилловцамъ, ловили подь шумокъ и бѣлозерцы, тѣмъ болѣе, что глупая рыба не признаетъ никакихъ административныхъ дѣленій озера и свободно шатается по всему громадному простору озера. Позже спохватились въ Кирилловскомъ уѣздѣ и установили запретъ, но поздно, когда главный ловъ закончился.

По поводу новаго закона на Бѣломъ озерѣ возникъ серьезный вопросъ о лещѣ... Рыба солидная, вкусная, а имѣетъ обыкновеніе во время нереста ходить стаями. Только тогда она ловится массами (бывали тони въ тысячу лещей и т. п.), а въ другое время совсѣмъ или крайне рѣдко попадаетъ единичными экземплярами. По новому закону выходить, что надо совсѣмъ отказаться отъ этой крупной и вкусной рыбы... Пусть-де она растетъ, множится, заполняя до тѣсноты всѣ воды и не давая жить другимъ породамъ!..

Такъ пишутся наши законы, къ огорченію обывателей и здраваго смысла... Подобные законы огорашиваютъ деревню, всячески содѣйствуя все большему и большему обнищанію ея...

Одинъ интеллигентный бѣлоруссъ, болѣе десяти лѣтъ не бывавшій въ Бѣлоруссіи, недавно посѣтилъ родину и не узналъ ея: до того она перемѣнилась хъ худшему. Пашни и луга уменьшились и ухудшились, всѣ лѣса истреблены, всѣ постройки обветшали и валяются. Родное его село увеличилось за десять лѣтъ всего на одинъ дворъ. Правда, населеніе возросло количественно, но излишекъ куда-то исчезъ, разошелся. Жизнь стала во много разъ дороже—цѣны на все возросли. Торговцевъ появилось больше, но торговля самая жалкая, впроголодь, кормящая многочисленное еврейское населеніе сосѣдняго мѣстечка. Среди евреевъ же масса ремесленниковъ, также вѣчно полуголодныхъ. Зато многіе евреи добились средняго и высшаго образованія, а изъ бѣлоруссовъ (той мѣстности) ни одинъ...

Симпатичная черта, подмѣченная тѣмъ же наблюдателемъ: бѣлорусскіе евреи быстро русѣютъ—хорошо говорятъ по-русски, теряя даже свой акцентъ. То же наблюдается въ Великороссіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ все болѣе и болѣе появляется «русскихъ людей Моисеева закона»...

Если въ Бѣлоруссіи и русскіе, и евреи живутъ одинаково плохо, то въ Поволжьѣ и другихъ краяхъ инородцы вездѣ стоятъ выше русскихъ въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ, напримѣръ, мордвѣ Темниковскаго и Елатомскаго уѣздовъ весьма завидуютъ русскіе сосѣди, живущіе гораздо хуже первой. У мордвы и земли больше, и обрабатывается она лучше, и скота больше, и семьи большія, патриархальныя, не раздѣланныя, и живутъ-то они хозяйственнѣе, скромнѣе—въ будни не позволяютъ себѣ баклушничать, меньше пьютъ, и то только по праздникамъ, одѣваются попроще и т. п. И «питологія» обходится мордвѣ дешевле: пьеть она дешевый денатурированный спиртъ, очищая его—мѣстное «открытіе»—лукомъ, Известно, что харьковскіе хохлы додумались до другой очистки этого спирта, пропуская его черезъ горячій хлѣбъ. Голь на выдумки хитра...

Благодаря лучшимъ матеріальнымъ условіямъ, хозяйственная мордва относится нѣсколько свысока къ обнищавшимъ и испропившимся русскимъ мужикамъ. Послѣдніе весьма не прочь посвататься къ богатымъ, красивымъ, здоровымъ мордовкамъ, но тѣ не идутъ за русскихъ жениховъ. Вообще въ указанной мѣстности по Окѣ русскіе не ладятъ съ богатою мордвою, но съ менѣе состоятельными татарами отношенія лучше. Есть смѣшанныя русско-татарскія волости, живущія довольно дружно. И здѣсь татары значительно «обрусѣли», но не такъ, какъ бѣлорусскіе и другіе евреи, а въ смыслѣ «питологіи»...

Вообще эта «русская болѣзнь» проникла и въ такіе уголки необъятной Руси, которые невѣдомы и заправскимъ этнографамъ. Въ низовьяхъ рѣки Сухоны, на лѣвыхъ притокахъ ея, Верхней и Нижней Ергѣ, обитаетъ какой-то невѣдомый народецъ, довольно обрусѣлый, но сохранившій свои особенности въ языкѣ и бытѣ (лѣтомъ, напримѣръ, мужчины и женщины ходятъ въ однѣхъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ). Зовутъ ихъ—устяне. Обитаютъ они въ нѣсколькихъ деревняхъ (съ однимъ погостомъ), среди болотъ и лѣсовъ, какимъ-то островкомъ, удаленнымъ отъ ближайшихъ селеній Устюгскаго уѣзда на шестьдесятъ верстъ. И лѣтомъ и зимою къ устянамъ пробраться можно только верхомъ. Начальство почти не заглядываетъ къ нимъ, да и незачѣмъ: «податей устяне не платятъ», какъ увѣряютъ мѣстные жители. Землей они не занимаются, но всё прирожденные охотники, прекрасно владѣющіе своими старыми кремневыми ружьями. На охоту они надѣваютъ «свинцовые пояса», отъ которыхъ «откусываютъ кусочекъ» и заряжаютъ имъ ружье. Охотой они зарабатываютъ много денегъ, но... и въ этотъ дикій уголокъ, къ примитивнымъ устянамъ, давно проникла страшная «русская болѣзнь». Устяне сильно пьянствуютъ и постепенно вымираютъ, подобно сибирскимъ инородцамъ.

Любопытно бы прослѣдить, какъ дѣйствуетъ питологія на пресловутыхъ новыхъ хуторахъ, у «стольпинскихъ помѣщиковъ». Пока данныхъ по этому предмету нѣтъ, но думается, что хуторяне пьютъ еще больше «мірянъ», тоскуя по «мірской жизни» и страдая отъ всѣхъ хуторскихъ дефектовъ, неурядицъ и незадачъ.. О послѣднихъ такъ много писалось въ нашей прессѣ, что повторяться не стоитъ. Несомнѣнно, что хутора, насильно навязываемые населенію, прельщенному субсидіями и льготами, недолговѣчны и уже теперь находятся на пути къ полному краху. Нельзя отрицать, что мѣстами хутора привились и, повидимому, окрѣпнута, такъ какъ эта форма землевладѣнія нашла тамъ и подходящія условія, и сочувственное отношеніе мѣстнаго населенія. Но это рѣдкія исключенія, а большинство стольпинскихъ хуторовъ уже вымираютъ, какъ насаженные господами землеустроителями насильно и совершенно зря, безъ изученія мѣстныхъ условій и потребностей населенія.

До чего эти случайные, набранные «съ борку да съ сосенки» насадители хуторской культуры дѣйствуютъ легкомысленно до крайности, приведу одинъ фактъ. Изъ Княгининскаго уѣзда переселены въ Васильскій уѣздъ кустари валеной обуви, поселенные хуторами у села Осипокъ. Къ землѣ они совершенно «необычны», а своимъ исконнымъ ремесломъ не могутъ заниматься на новомъ мѣстѣ, такъ какъ «здѣсь негдѣ достать шерсти»... И несчастные хуторяне плачутся, что прельстились улещиваніями и приманками господъ землеустроителей, хлопочущихъ объ одномъ, чтобы въ данномъ участкѣ было побольше хуторовъ, хотя бы и самыхъ завалящихъ...

Словомъ, деревнѣ живется не сладко во всѣхъ отношеніяхъ, и она, видимо, опускается, доходя мѣстами до полного обнищанія. Опускаются и маленькіе городки—уѣздные центры деревенской жизни. И здѣсь нищаютъ низшіе классы обывателей, а сами городки нисколько почти не растутъ въ отношеніи благоустройства, порядка, красоты. Это наблюдается не только въ захолустныхъ, но и въ довольно бойкихъ городкахъ, находящихся не на проселочныхъ, а на большихъ дорогахъ, водныхъ и иныхъ.

Вотъ, на примѣръ, приволжскій дачный городокъ Василь. Знаю я его лѣтъ двѣнадцать, и за это время онъ выросъ едва ли на одинъ вершокъ... Поставили въ немъ недавно около десятка улучшенныхъ фонарей да соорудили наконецъ лѣстницу на гору—вотъ и всѣ пріобрѣтенія по части внѣшняго благоустройства (о культурномъ ростѣ и мечтать не полагается...) за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ!.. Все же остальное ведется попрежнему: ни мостовыхъ (три-четыре улицы замощены), ни тротуаровъ (на одной улицѣ есть, и то деревянные, полугнилые), ни освѣщенія (фонари зажигаются только весной и осенью), ни воды на горѣ (это на Волгѣ-то!..), ни пожарной команды и пр. и пр.

Виновать «пожарная команда» есть, даже въ двухъ отдѣленіяхъ, но это чисто смѣхотворное учрежденіе... Одинъ пожаръ (внизу) былъ въ полномъ разгарѣ, а команды все нѣтъ, хотя разстояніе тутъ менѣе четверти версты и съ каланчи пожаръ отлично виденъ. Побѣжали къ пожарнымъ, кричатъ имъ, а они спокойно въ отвѣтъ: «а мы еще не готовы!..» На другой пожаръ (на горѣ) команду разбудилъ случайно проѣзжавшій черемисъ, хотя каланча есть и на ней... спитъ дежурный... Команда наконецъ пріѣхала (разстояніе менѣе ста сажень), когда весь домъ пылалъ, вылила на сосѣдній домъ (квартира судьи) одну бочку (остальныя пріѣхали пустыя) и запабашила. Пожарные стали обсуждать вопросъ: куда ѣхать за водой—«на ключъ (т. е. за двѣ версты), или къ чанамъ» (т. е. за четверть версты)? Послѣднее мнѣніе взяло верхъ. Но пока бочки потихоньку съѣздили за водой, команда не дремала: одинъ чинилъ рукавъ, другой возился надъ какой-то гайкой, остальные курили цыгарки и мирно бесѣдовали.

Инвентарь команды въ плачевномъ состояніи: рваные рукава текутъ, старыя машины отказываются работать, щитовъ нѣтъ и пр. и пр. Составъ команды еще болѣе плачевный... На пожарѣ монополюшки пожарные цѣлую бочку набили посудой съ водкой. Хотѣли и другую бочку увезти, но были остановлены контролеромъ. Но первую на другой день открыто распили на пожарномъ дворѣ при участіи охочихъ людей... Вообще съ послѣднихъ пожаровъ стали пропадать вещи, чего раньше не было, когда существовала «вольная пожарная дружина», сошедшая теперь на нѣтъ.

Въ такомъ же печальномъ положеніи и другія отрасли городского хозяйства въ Василѣ (хотя доходы его доходятъ до двадцати пяти тысячъ) и въ другихъ подобныхъ городкахъ. Всѣ живутъ спустя рукава, кое-какъ, какъ на бивуакахъ, которые вотъ-вотъ будутъ брошены...

Вотъ еще одинъ приволжскій городокъ, тоже не изъ бѣдныхъ—Тетюши. Но чтобы попасть въ него, надо... рискнуть жизнью... Расположенъ онъ на крутой горѣ, и отъ пристаней продолжена столь головоломная немощеная дорога, что не всякій рискнетъ проѣхать по ней. Когда поднимаетесь вверхъ, то мѣстами кони бываютъ выше сѣдока, а при спускѣ экипажи обязательно тормозятся. Почва глинистая, и послѣ дождей дорога еще болѣе ужасная: «сколько тогда муки принимаемъ,—говорилъ извозчикъ,—и мы, и лошади, какъ ихъ калѣчимъ, ломаемъ экипажи,—и рассказать нельзя...» А городъ существуетъ не одну сотню лѣтъ и для сообщенія съ пристанями есть удобныя, отлогія лощины, по которымъ можно проложить хорошія дороги. Много и другихъ дефектовъ въ Тетюшахъ: въ довольно большомъ городкѣ нѣтъ ни одной гостиницы, а одни постоянные дворы; городъ страдаетъ отъ недостатка питьевой воды; часть города расположена въ лихорадочной мѣстности и пр. Неда-

ромъ дачники обѣгаютъ его, хотя окрестности Тетюшъ недурны, богаты лѣсами, съ роскошными видами на Волгу и Заволжье.

Но что говорить объ уѣздныхъ городкахъ, когда и многіе губернскіе города не растутъ, а опускаются. Вотъ, напримѣръ, Рязань, существующая сотни лѣтъ. Самару считаютъ очень пыльнымъ городомъ, но она—рай въ сравненіи съ несчастной Рязанью. При малѣйшемъ вѣтрѣ здѣсь поднимаются тучи пыли, засыпающей васъ съ ногъ до головы. Это нѣчто ужасное, напоминающее песчаная бури Сахары... И люди такъ мучатся сотни лѣтъ, хотя подъ бокомъ многоводная Ока!...

Прошлымъ лѣтомъ я попалъ въ этотъ жалкій городъ въ іюлѣ, когда происходилъ какой-то грандіозный крестный ходъ, съ епископомъ во главѣ. Впереди хода ѣхала плохонькая пожарная машина съ бочками и поливала дорогу тоненькими струйками воды. Разумѣется, толку отъ этого никакого не было и облака пыли окутывали и толпу, и духовенство съ иконами, и самого воинствующаго (на черносотенной подкладкѣ) рязанскаго епископа... Болѣе двухъ часовъ я не могъ пробыть въ этомъ пыльномъ градѣ и удралъ на окскій пароходъ, хотя до отвала его оставались почти сутки. Дорогою извозчикъ съ умиленіемъ указывалъ на разложенныя по нѣкоторымъ улицамъ трубы будущаго водопровода. Врядъ ли, однако, поможетъ отъ пыли и водопроводъ, пока городъ не будетъ весь вымощенъ, какъ слѣдуетъ.

II.

Рядомъ съ матеріальнымъ убожествомъ провинціи почти не уменьшается и духовное ея убожество. Всякія суевѣрія въ полномъ ходу, какъ было раньше, такъ и теперь. Демонологія въ прежнемъ почетѣ, и на бѣднаго чорта все валяютъ по-старому... Одинъ помѣщикъ разсказывалъ, какъ его кучера, бойкаго подгороднаго мужика, днемъ «чортъ не пускалъ» на мостъ черезъ рѣку Кострому, противъ Ипатьевскаго монастыря. Подѣхали они къ мосту и долго бились, пока попали на мостъ. Хорошо видитъ кучеръ мостъ и править на него, а подѣхалъ—нѣтъ моста и вмѣсто него вода, а мостъ уплылъ вправо. Ѣдетъ туда кучеръ и—снова предъ нимъ вода, а мостъ ушелъ влѣво. Испугался кучеръ, крестится и чорта поминаетъ, а баринъ хохочетъ... Чудеса падѣлалъ миражъ и, какъ ни старался баринъ разъяснить кучеру это явленіе природы, тотъ остался при своемъ, что тутъ нагадиль имъ чортъ...

На ряду съ этими пережитками старины наблюдается замѣтный ростъ сравнительно новаго явленія—паденія религіозности и церковныхъ традицій. До чего послѣднія забываются, достаточно указать, напримѣръ, на такой фактъ. Вечеромъ 14-го сентября пароходъ «Дворянка» подходилъ къ своей пристани въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ подъ звуки расположеннаго на городскомъ

бульварѣ «оркестра» (изъ четырехъ персонъ), отчаянно жарившаго какіе-то марши и польки. А вѣдь 14-го сентября—сугубо «постный день», въ который даже въ столицахъ запрещены всякія увеселенія и музыка.

Особенно знаменательно, что паденіе религіозности замѣчается даже среди старообрядцевъ и у сектантовъ. Молокане Николаевского уѣзда (Самарской губерніи), раньше отличавшіеся строго-трезвенною жизнью, теперь—говорилъ мѣстный житель—«трезвы только на людяхъ, а дома, между своими, покучиваютъ изрядно...»

И старообрядцы, и православные—всѣ стоятъ въ религіозной области на буквѣ, обрядѣ, внѣшности, доходя здѣсь до бьющей въ глаза нелѣпости и дѣтскаго лепета. Одинъ саратовецъ рассказываетъ, какъ гдѣ-то въ старообрядческой молельной онъ видѣлъ икону, буквально трактующую текстъ: «очи мои *выну* ко Господу...» Какой-то безглазый святитель воздѣваетъ къ небу свои руки, на раскрытыхъ ладоняхъ которыхъ лежитъ по глазу...

Въ православной церкви слободы Хмелевки (подъ Василемъ) до сихъ поръ стоитъ на почетномъ мѣстѣ (на перегородкѣ, раздѣляющей эту старинную церковь, влѣво отъ входа) въ серебряной ризѣ весьма чтимый чувашами и черемисами образъ святого Христофора съ лошадиной головой...

Въ Сергачскомъ уѣздѣ, въ церкви одного села весь на любопытная стѣнная живопись, принадлежащая кисти доморощеннаго «художника». На стѣнахъ купола изображено «сотвореніе міра», по днямъ, въ очень примитивныхъ образахъ, вполне доступныхъ народному пониманію. Напримѣръ, Богъ искоса и съ любопытствомъ поглядываетъ, наклонившись всѣмъ корпусомъ, на массу созданныхъ имъ всевозможныхъ птицъ, тучей несущихся на Него... Послѣдняя сцена изображаетъ, какъ Богъ «почилъ отъ дѣлъ своимъ»: почтенный старикъ лежитъ на деревянной кровати весьма топорной работы, укрывшись одѣяломъ, спитымъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ... На сводѣ купола высится громадѣйшая фигура Бога Отца, какъ иллюстрація къ тексту: «кто Богъ велій, яко Богъ нашъ...»

Та же дѣтская наивность проглядываетъ и во взглядахъ народа (говорю о рядовомъ большинствѣ, а не о рѣдкихъ исключеніяхъ) на свои обязанности «гражданина». Если онъ разочаровался въ государственной думѣ, то единственно потому, что она не дала ему «даровой землицы», и какъ можно побольше... Если народъ ненавидитъ чиновниковъ, земство, поповъ и т. д., то всего больше за то, что они тащутъ съ него деньги... «Государственный» идеалъ русскаго мужика (именно мужика, а не лучшихъ людей крестьянства...) въ возвращеніи къ первобытному состоянію, когда не было никакихъ податей и налоговъ, никакого начальства, порядка, никакихъ законовъ и т. д. Полная «свобода» дикаря—вотъ о чемъ онъ мечтаетъ...

Газеты почитываютъ теперь и мужики, но газетная премудрость какъ-то скользитъ непродуктивно мимо ихъ духовныхъ очей, не оставляя надлежащаго впечатлѣнія и не развивая дѣтскихъ взглядовъ народа на всякую внѣшнюю и внутреннюю политику. Лѣтомъ 1911 года большую сенсацію на Волгѣ производили двѣ военныя канонерки, спускавшіяся (по Маринской системѣ и т. д.) изъ Петербурга въ Каспійское море. Въ какой-то царскій день онѣ дѣлали дневку въ Нижнемѣ и производили оглушительную салютаціонную пальбу, собравшую на набережной большую толпу. И вездѣ шли толки о какой-то готовящейся войнѣ... Почтенный крестьянинъ спрашиваетъ меня: «Зачѣмъ стоятъ у Нижняго эти военные пароходы? Говорятъ, что будетъ война съ Турціей?..» Пришлось успокаивать старика, закончившаго бесѣду очень здраво:

«И слава Богу, что не будетъ войны!.. Мало ли у насъ своихъ дѣловъ...»

О пресловутомъ о. Иліодорѣ на Волгѣ уже сложилась нелѣпая легенда, будто онъ—сынъ одной весьма высокопоставленной особы: «потому-де ему все дозволено», т. е. всѣ его безчинства, выходки и т. п. Иначе народъ не могъ объяснить, почему Иліодору такъ долго сходили съ рукъ всѣ его безобразія и всяческое противленіе власти.

Если взять болѣе близкую мужику область его личныхъ отношеній между собою, и тутъ поражаешься полною примитивностью ихъ, доходящею до своеобразной дикости. Молодой симпатичный и довольно развитой рабочій (бондарь съ завода Теръ-Акопова въ Нижнемѣ), еще не потерявшій связи со своей костромской деревней, очень спокойно, безъ малѣйшей сердечной боли и раскаянія повѣствовалъ о томъ, какъ «изъ-за ста рублей» онъ искалѣчилъ свою жизнь. Ему было всего восемнадцать лѣтъ, когда «отецъ женилъ его» на фабричной дѣвушкѣ двадцати шести лѣтъ, «польстившись на ея приданое въ сто рублей», хотя свадьба обошлась въ двѣсти рублей. Молодые прожили вмѣстѣ всего два мѣсяца и—разошлись: бойкая фабричная не могла ужиться съ деревенскимъ парнемъ, недавно переселившимся въ городъ. О разводѣ нельзя думать—«дорого стоитъ», а парень такъ стремится къ семейной жизни... «Не судьба, видно!» резюмируетъ онъ спокойно, не сознавая, какъ самъ съ отцомъ такъ глупо искалѣчилъ свою жизнь.

«Гордый у насъ народъ!..» гордо заявилъ одинъ мѣщанинъ изъ Василя, придя къ такому выводу послѣ осужденія лѣни васильскихъ мѣщанъ, ихъ слабой работоспособности и вообще жизни спустя рукава. А до чего примитивенъ этотъ «гордый народъ»—достаточно привести такой фактъ. Заработокъ васильскихъ балчужниковъ по перевозкѣ въ лодкахъ пассажировъ и грузовъ (съ устья рѣки Суры въ городъ) сильно уменьшился, когда земство устроило переправу па паромѣ, буксируемомъ пароходикомъ.

Арендаторъ перевоза хорошо зарабатываетъ, но балчужники отравляютъ ему жизнь и наносятъ большой ущербъ, поджигая то его домъ, то пароходикъ, то варварски калѣча яблонныя деревья въ его саду и т. п. Какъ будто арендаторъ виноватъ въ существованіи перевоза и какъ будто не найдется другого арендатора, если теперешняго мстительные балчужники изведутъ въ конецъ...

У этихъ наивныхъ людей не хватаетъ пороха поискать новой работы, занятій, лѣнь пошевелить мозгами, поразспросить знающихъ людей. Вообще отсутствіемъ предпринимчивости давно уже страдаетъ русскій народъ, предпочитающій идти по старымъ, заѣзженнымъ тропамъ. Вездѣ около него, и на землѣ, и подъ землею лежатъ громадныя богатства, а онъ ходитъ мимо и ничего не замѣчаетъ. Напримѣръ, въ береговыхъ высотахъ Волги обнаруживаются многія цѣнныя породы (огнеупорной глины и пр.), встрѣчаются признаки желѣзныхъ и другихъ рудъ, приволжскія болота богаты торфяниками и т. д. И все это лежитъ втуне! Додумались только до добыванія кое-гдѣ алебастра и извести, и на этомъ успокоились.

Нѣсколько лѣтъ назадъ около города Тетюшъ найдены богатая залежи прекраснаго желтаго мрамора. Для опыта изъ него сдѣлали роскошные операционные столы въ клиникахъ казанскаго университета. На этомъ удачномъ опытѣ и закончилась «разработка» богатыхъ залежей рѣдкой породы... Владѣльцы (кажется, крестьяне) не нашли капитала, и дѣло заглохло.

На рѣкѣ Вычегдѣ найдены мѣдныя и серебряныя руды, на притокахъ этой рѣки встрѣчаются мѣсторожденія золота—и все это не разрабатывается. Сотни подобныхъ примѣровъ можно набрать и прійти въ ужасъ, видя полное отсутствіе у русскаго народа предпринимчивости, инициативы, самодѣтельности...

Зато всякаго жульничества, грошовой находчивости, преступной изобрѣтательности—хоть отбавляй. И все это продѣлывается съ самую хулиганскую наглостью, вполне открыто, словно это въ порядкѣ вещей...

На кормѣ волжскаго парохода «Царь» бродячій фитаро усердно стригъ неприхотливую публику IV класса, пользуясь неимовѣрно грязнымъ гребнемъ и ржавыми ножницами, причемъ обильно смачивалъ волосы стригущихся собственной слюной... Всѣ это видѣли, но никто и не заикнулся, чтобы прекратить преступное безобразіе.

Лавочникъ на саратовской пристани продаетъ пыльный сахаръ, подсыпая на дно пакета сахарнаго песку (на фунтъ около четверти фунта песку)... Молодой приказчикъ богатаго рыбопромышленника хвастался предъ мелкимъ рыбникомъ: «У меня въ В—ѣ такой станціи начальникъ, что шепну ему—и онъ заломбируетъ рыбный вагонъ... побережетъ для меня... Пропадай тогда рыба другихъ рыбниковъ!..»

Въ Свіяжскомъ уѣздѣ есть богатое село Майданъ, все населеніе котораго зимою расходится по Поволжью и дальше въ излюбленный отхожіи промыселъ—«собирать на [погорѣлое...» Промыселъ очень выгодный, благодаря безтолковой русской сердобольности и наивной вѣрѣ во всякую «бумагу», хотя бы и фальшивую. Любопытно, однако, что мошенническій промыселъ майданцевъ (существующій и въ другихъ губерніяхъ) не прельщаетъ ихъ сосѣдей, относящихся къ вѣчнымъ «погорѣльцамъ» съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Сосѣднее село Савино имѣетъ свой особый и приличный промыселъ: савинцы издавна извѣстны, какъ прекрасные охотники и опытные «загонщики» при облавахъ на звѣря.

Прибавьте къ этимъ «погорѣльцамъ» еще «сборщиковъ на постройніе храмовъ» (между законными сборщиками встрѣчается много мошенниковъ, собирающихъ по фальшивымъ книжкамъ), профессиональных иищихъ, богомольцевъ и т. п., наконецъ «босую команду»,—получится громадная толпа тунеядцевъ, кормящихся около обнищавшей деревни. Число ихъ увеличилось съ прошлаго голоднаго года, разорившаго массу крестьянъ, ушедшихъ побираться въ разныя стороны. Очень замѣтно растеть у насъ деревенскій пролетаріатъ, котораго раньше не знала провинція. Босыякъ становится нормальнымъ явленіемъ деревни...

III.

Убога наша деревня во всѣхъ смыслахъ, убоги и руководители жалкой деревни, разумѣя подъ ними не одно начальство, но и всякаго рода провинціальную интеллигенцію и всѣ вообще слои общества, стоящіе выше мужика и волею-неволею призванные такъ или иначе руководить имъ, быть для него примѣромъ, образцомъ!.. Увы! и здѣсь, въ этихъ руководящихъ слояхъ идетъ тотъ же развалъ и та же неразбериха, какъ и среди руководимыхъ.

Начнемъ съ администраціи—официальныхъ руководителей обывателя. Вотъ, напримѣръ, одинъ губернаторъ, занимавшійся чѣмъ угодно, но только не своимъ губернаторскимъ дѣломъ. То онъ участвуетъ въ интересныхъ экскурсіяхъ по открытію «новыхъ земель» въ губерніи, то поучительно для зырянъ разводитъ цикорій (на огородахъ стражниковъ), то строитъ проекты о соединеніи давно соединенныхъ рѣкъ (Волги съ Сѣверной Двиной), то издаетъ жалкую черносотенную газетку и т. п. Очевидно, это человѣкъ съ широкими горизонтами и ему скучно заниматься мелочами губернаторской власти. А когда онъ снисходилъ до послѣднихъ, то заваривалъ такую кашу, въ которой никто не могъ разобраться.

А вотъ «лучшій» исправникъ въ одномъ изъ приволжскихъ уѣздовъ... У него.. «все по закону», и даже новый рыболовный законъ неукоснительно примѣняется во всей строгости. Въ запрет-

ный періодъ никто открыто не торгуетъ рыбой, но... гдѣ рыбаки, тамъ и рыба... Знаетъ это и исправникъ, и когда потянетъ его къ стерлядкѣ, онъ смѣло посылаетъ за нею стражника къ рыбакамъ. Стражникъ всегда является безъ денегъ и, понятно, получаетъ для исправника рыбу похуже и самую незаконную—маломѣрную, а все лучше идетъ потихоньку частнымъ покупателямъ.

Старый помощникъ исправника (въ другомъ приволжскомъ городкѣ), болѣе тридцати лѣтъ тянувшій полицейскую лямку, на старости лѣтъ получилъ влеченіе къ обязанностямъ церковнаго старосты. Много онъ испортилъ крови у почтеннаго соборнаго старосты, вдругъ какъ бы отставленнаго отъ должности... Помощникъ исправника являлся на каждую праздничную службу, оттиралъ старосту отъ свѣчнаго ящика и самъ начинать торговать свѣчами. Староста долго терпѣлъ, наконецъ не выдержалъ. На Благовѣщенье повторилась обычная сцена, но закончилась не обычно. Сначала староста молча жался въ углу, скрестивъ руки по-наполеоновски и поглядывая на самозванца-старосту. Потомъ вдругъ сорвался съ мѣста, быстро заперъ ящикъ и крикнулъ сторожу: «Григорій! торгуй изъ будничнаго ящика... а я ухожу...» Повернулся и ушелъ. Ретировался и помощникъ исправника... Скоро его убрали изъ городка, послѣ разныхъ стычекъ съ горожанами.

Земскіе начальники... Но объ ихъ дѣянiяхъ, губящихъ и развращающихъ деревню, можно исписать цѣлые томы. Надо, однако, отмѣтить одно новое явленіе въ этомъ «корпусѣ»: подъ развитіемъ деревенскаго хулиганства появились и земскіе начальники-хулиганы. Въ одномъ подгородномъ мужскомъ монастырѣ Пензенской губерніи монастырскія власти вынуждены были распорядиться «не пускать» въ обитель мѣстнаго земскаго начальника, ибо онъ сталъ вести себя тамъ по-хулигански: врывается, ломая калитку, во фруктовый садъ, куда входъ постороннимъ воспрещенъ; ловилъ рыбу въ прудѣ, гдѣ ловля не дозволяется, и т. п.

Разумѣется, среди земскихъ начальниковъ встрѣчаются и праведники, любовно относящіеся къ деревнѣ, которая и имъ платитъ тѣмъ же. Но они не долговѣчны: ихъ живо съѣдаетъ начальство и свои же коллеги... Поразительный случай на эту тему произошелъ лѣтомъ 1911 года на рѣкѣ Вычегдѣ, въ Устьсысольскѣ. Онъ обошелъ всѣ газеты, подъ необычнымъ заголовкомъ: «самосожженіе» земскаго начальника Попова. Но въ газетныхъ извѣстіяхъ многое было упущено, кое-что приврано и невѣрно освѣщено. Я былъ на Вычегдѣ вскорѣ послѣ этого событія и слышалъ о немъ отъ хорошо освѣдомленныхъ мѣстныхъ людей. Они передавали такъ.

Никакого самосожженія здѣсь не было, а было самоубійство, сопровождавшееся пожаромъ усадьбы Попова (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города), подожженной имъ самимъ передъ смертью. Отославши прислугу подальше, онъ вездѣ рассыпалъ порохъ,

облплъ керосиномъ, поджегъ и застрѣлился. Пока замѣтили изъ города пожаръ, сгорѣлъ прекрасный домъ со всѣмъ имуществомъ, обгорѣлъ и самъ застрѣлившійся хозяинъ. Потомъ уже вспомнили, что Поповъ былъ сторонникомъ сожиганія труповъ. Притомъ близкихъ наслѣдниковъ у него не было, а дальнимъ онъ не хотѣлъ оставлять того, что было ему лично дорого. Въ предсмертной запискѣ онъ писалъ: «въ этомъ домѣ могу (жить) только я, и (мы) умираемъ вмѣстѣ».

Такой неожиданный конецъ Попова поразилъ всѣхъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, здоровый, красивый, богатый, натура, казалось, уравновѣшенная, спокойная, дѣловая. Въ своемъ имѣніи онъ велъ образцовое хозяйство, былъ дѣятельнымъ и культурнымъ земскимъ начальникомъ. Но этой должности онъ не любилъ и велъ ее довольно небрежно, кое-что запустилъ. Была назначена ревизія, которая могла окончиться пустяками—замѣчаніемъ и т. п. Но для самолюбиваго Попова назначеніе ревизіи показалось оскорбительнымъ, особенно благодаря личности ревизора.

Молодой ревизоръ, очутившійся начальникомъ Попова, былъ нѣкогда ученикомъ послѣдняго (по репетиторству въ гимназіи)... Когда ученикъ превратился въ начальника, Поповъ не переваривалъ его, какъ человѣка злобнаго, мстительнаго, сухого формалиста, при непомѣрномъ честолюбіи и изрядномъ нахальствѣ. У такого субъекта самые пустые результаты ревизіи могли превратиться въ очень серьезные.

Вологжане прямо говорятъ, что Попова «затравило начальство»... И это уже не первый случай въ губерніи: отъ возмутительной придирчивости «мальчишки» (какъ называютъ тамъ ревизора) одинъ земскій начальникъ съ ума сошелъ, другой сбѣжалъ, а многіе помышляютъ о томъ же.

Въ предсмертной запискѣ Поповъ писалъ ревизору-начальнику: «Не могу перенести тѣхъ непріятностей, которыя могутъ возникнуть у насъ съ вами при ревизіи...» Въ концѣ записки: «желаю вамъ вице-губернаторства...», а подписался: «вашъ непокорный слуга...»

Но товарищу прокурора Поповъ написалъ обычную фразу самоубійцы: «Никого не вините съ моей смерти...» Ему же онъ сообщилъ: «Сжигаю домъ и земство освобождаю отъ преміи... Оставляю два серьезныхъ дѣла, остальные сжигаю...» Такъ онъ освободился отъ ревизіи «мальчишки»...

Любопытны послѣднія записи Попова: «Осталось двадцать минутъ. Все готово. Спокоенъ, веселъ. Смерть не страшна...» И вдругъ ниже, въ самыя послѣднія, очевидно, минуты приписана дрожащей рукой трагическая строчка: «не вѣрьте мнѣ—я вру...»

Такъ погибъ этотъ незаурядный человѣкъ, пользовавшійся въ обществѣ и народѣ большими симпатіями, какъ человѣкъ вполне порядочный и культурный. Такихъ людей мало среди провинціаль-

ной интеллигенціи. Ряды послѣдней въ эти годы усердно пополняются отставными бюрократами, бѣгущими изъ большихъ центровъ въ укромные уголки провинціи ради дешевизны, спокойной жизни и пр. Среди этой интеллигенціи попадаются удивительные фрункты, а между тѣмъ они сильно вліяютъ на провинціальную жизнь, даютъ ей тонъ, пробираются представителями ея въ государственную думу и т. д.

Въ одномъ приволжскомъ городкѣ поселился отставной жандармскій генераль, среднихъ лѣтъ. Ему бы еще служить и служить на благо отечеству, уловляя россійскихъ гражданъ въ разныхъ «незрѣлыхъ мысляхъ», а онъ почему-то скрылся въ укромный уголокъ... Человѣкъ крайне мнительный, благодаря своей профессіи, всѣхъ во всемъ подозрѣвающій и обвиняющій, онъ поразилъ гражданъ скромнаго городка своимъ ненормальнымъ отношеніемъ ко всему окружающему.

Нанимая себѣ кухарку, генераль всѣхъ кандидатокъ загодя уже подозрѣвалъ въ воровствѣ и грозилъ, какъ онъ будетъ ловить ихъ на томъ... На базаръ онъ будетъ самъ ходить, а то,—говорилъ онъ,—«поѣду въ деревню, куплю мороженаго мяса, полтеленка... А ваши мясники—мошенники, и всѣ кухарки съ ними спюхались... Ну, да меня не проведете!.. И чтобъ гостей у тебя не было!.. И у меня не будетъ гостей, и самъ не буду ходить въ гости.» Кандидатки пугались, уходили не договорившись, и не скоро генераль нашель нуждающуюся женщину, готовую на всѣ условія.

Получая свои вещи на пароходной пристани, генераль предъявилъ небывалую претензію: онъ хотѣлъ увезти всѣ ящики на квартиру, тамъ пересмотрѣть содержимое и только тогда расписаться въ полученіи клади. Понятно, пристанской агентъ отказалъ, требуя, согласно правиламъ, чтобы вскрытіе ящичковъ производилось на пристани, въ его присутствіи. Какъ ни грозился генераль, ссылаясь на свое званіе: «вы не видите, кто я?..» но агентъ не уступилъ: только расписавшись, генераль получилъ свои ящики. Уходя съ пристани, онъ счелъ своимъ долгомъ «пробрать» агента за то, что «онъ не въ мундирѣ» и т. п.

Генераль прибылъ съ цѣлой «семьей»—двумя канарейками и двумя громадными догами, наводившими ужасъ на черемисовъ и чувашъ, никогда не видавшихъ такихъ звѣрей. Они ни на шагъ не отходятъ отъ генерала, даже иногда въ церковь пробираются за нимъ... Служа надежной охраной, псы въ то же время являются, по генеральской теоріи, «лечебнымъ средствомъ... отъ старости...» Генераль серьезно говорилъ: «Скоро всѣ будутъ лечиться отъ старости собаками... У собакъ нѣтъ тѣхъ бацилл старости, которыя разрушаютъ человѣческій организмъ... Вотъ и надо лечиться собаками...»

Но какъ именно его превосходительство будетъ принимать это лечебное средство, или какъ онъ передѣлаетъ свой организмъ на собачій—это пока секретъ генерала... Очевидно, его теорія «лечения старости собаками» еще не вытанцовалась. Не для обсуждения ли этой теоріи онъ и поселился въ укромномъ городкѣ?.. Вотъ удивить міръ своимъ открытіемъ!..

Въ Рязани обитаетъ нѣкій баронъ, всю жизнь прожившій въ этомъ тяжеломъ городѣ и сумѣвшій спустить свое большое состояніе, «не выѣзжая дальше Старога Базара»... Тамъ же прозябаетъ одинъ миллионеръ, разъ попробовавшій было съѣздить за границу, но съ полдороги вернувшійся, «скучая по Рязани». А въ Рязани онъ каждый день засѣдаетъ въ клубѣ, проигрывая большія суммы. На доброе же дѣло отъ него нельзя добиться ни гроша...

Среди интеллигентной молодежи встрѣчается масса лицъ, такъ сказать, пришибленныхъ революціей, потерявшихъ почву подъ ногами, растерявшихся. Типичный субъектъ въ этомъ родѣ встрѣтился какъ-то на Волгѣ. Въ августовскій вечеръ волжскій «Царь» поднимался вверхъ по рѣкѣ, набитый пассажирами, высыпавшими на балконы полюбоваться рѣкой и красивыми берегами. Среди пассажировъ болтался молодой человекъ купческаго облика, очень общительный, со всѣми перезнакомившійся и задумавшій объединить публику устройствомъ... кабаре... Кабаре на Волгѣ!.. Когда на Волгѣ и безъ кабаре всегда весело, бодро и жизнерадостно, и скучать на Волгѣ могутъ только люди, которымъ вездѣ скучно...

Все-таки кабаристъ нашель нѣсколько участниковъ своей затѣи: два юнкера вмѣстѣ съ кабаристомъ составили «хоръ», прокуроръ съ Камы оказался пианистомъ, нашлась пѣвица. Кабаре состоялось въ столовой рубкѣ I класса и прошло неважно, при маломъ количествѣ публики. Кабаристъ потомъ жаловался:

— Русская публика не отзывчива... Пять лѣтъ я прожилъ во Франціи и привыкъ къ французской живости... А у насъ такъ трудно расшевелить публику...

— Еще бы!.. вздумали устраивать на Волгѣ кабаре!..

— Да нѣтъ, это я вообще говорю о русской публикѣ... А съ кабаре я дурачился отъ скуки... Знаете, меня грызетъ тоска отъ опредѣленности моего положенія...

Разговорились, и онъ повѣдалъ свою любопытную эпопею. Сынь очень богатаго купца «черносотенца», не давшаго ему образованія и заставившаго «много лѣтъ стоять за прилавкомъ», онъ все-таки развился самообразованиемъ, хотя «учился безъ системы». Революція запутала его въ какое-то политическое дѣло въ родномъ уѣздномъ городѣ, и ему угрожала ссылка, но отецъ помогъ ему бѣжать за границу. Въ Парижѣ онъ пробылъ пять лѣтъ, занимаясь въ университетѣ естественными науками, специально химіей. «Очень скучалъ тамъ, рвался въ Россію...» Теперь получилась воз-

возможность вернуться, но, благодаря революціонному прошлому, прочно устроиться мудрено... Съ отцомъ онъ почти совсѣмъ порвалъ...

Какъ химика, его звали на одну фабрику, но онъ самъ отказался, такъ какъ избранная имъ же спеціальность—химія—его не интересуетъ... «Влечетъ меня больше къ общественной дѣятельности...» Приглашали его въ сотрудники какой-то московской газеты, но ему «не понравился составъ редакціи», и онъ отказался. Взятая преподавать товаровѣдѣніе на счетоводныхъ курсахъ, но и тамъ дѣло не ладится: «голосъ у меня слабый, а аудиторія велика—сто пятьдесятъ человекъ». Взялъ представительство въ одномъ книгоиздательствѣ, но «это мелочь... Вотъ такъ и стою на распутьѣ, бросаюсь изъ стороны въ сторону... Тоска одолеваетъ... и есть силы, а куда примѣнить ихъ—не знаю...»

И много такихъ подкошенныхъ революціей силъ бродить въ провинціи безъ дѣла. А дѣла кругомъ—хоть отбавляй... Волею-неволею дѣльцами остаются люди старатаго закала, ведущіе дѣла какъ-то «по-старинѣ», какъ сейчасъ нельзя уже ихъ вести.

Прошлою осенью пришлось встрѣтить на волжскомъ пароходѣ одну изъ многочисленныхъ жертвъ краха крупной молочной фирмы въ Москвѣ. Одинъ изъ поставщиковъ ея—деревенскій «тысячникъ», громадный верзила мужиковатаго вида, сидѣлъ въ столовой рубкѣ II класса, дулъ пиво и громогласно изливалъ такіе монологи:

— Хочь ложись и помирай, хочь живи, какъ знаешь!.. Двадцать тыщъ на немъ потерялъ!.. Болѣе двадцати лѣтъ поставлялъ ему молоко, творогъ, масло... все перватаго сорта!.. и отецъ, и дѣдъ на него работали, сколь лѣтъ—и не упомнишь... Первѣющая фирма по Москвѣ!.. а теперъ накося! за границу сбѣжалъ!.. а намъ предлагаетъ по десяти копеекъ за рубль... Вотъ ноне какіе люди пошли!.. Раньше за конторой Печенкина пропало у насъ съ братомъ пятьдесятъ тыщъ, а ноне вотъ еще двадцать ухнуло... Ну, кое-что у насъ осталось еще, а жалъ своихъ кровныхъ денежекъ... Мы люди маленькіе, ничего не добьемся... Раньше пива не могъ пить, а ноне вотъ заливаю имъ свое горе...

Ко всѣмъ онъ приставалъ со своими изліянїями и надоѣдалъ изрядно. Пассажиры стали отлынивать отъ него. Купчина замѣтилъ это, разобидѣлся и напустился на одного молодого еврейчика, переставшаго слушать его:

— Ишь ты! купилъ за двадцать копеекъ воротничекъ и разгуливаетъ себѣ... а отъ меня рожу воротить!..

Наблюдая болѣе интеллигентныхъ промышленниковъ, и тутъ диву даешься, какіе это въ большинствѣ кулаки и примитивные дѣльцы. Возьмешь, напримѣръ, такое серьезное и громадное дѣло, какъ изысканїя нефти на рѣкѣ Ухтѣ (Вологодской губерніи). Къ немногимъ дѣловымъ людямъ, научно занятымъ солидными по-

сками ухтинской нефти, присосалась масса мелкихъ людшекъ, только портящихъ дѣло. Большинство этихъ якобы «нефтепромышленниковъ» являются въ сущности «заявочныхъ дѣлъ мастерами», выѣзжающими на чужихъ спинахъ. Они дѣлаютъ какъ можно больше заявокъ, въ надеждѣ на выгодную продажу ихъ въ случаѣ находки нефти. Они торгуютъ своими заявками, скупаютъ ихъ и пр., фальшиво вздувая дѣло всячески.

Съ однимъ изъ этихъ зловредныхъ субъектовъ пришлось встрѣтиться на рѣкѣ Вычегодѣ. На пароходѣ «Сольвычегодскъ» ѣхалъ (до Усть-Выми, откуда идетъ путь на Ухту) пожилой ухтинецъ, изъ отставныхъ шитерскихъ чинушей не высокаго ранга, но хорошихъ достатковъ. Какъ зырянинъ по происхожденію, онъ однимъ изъ первыхъ пионеровъ побывалъ на Ухтѣ, близкой къ его родинѣ, и сдѣлалъ тамъ много заявокъ на мѣсторожденія нефти.

Разсказывая объ Ухтѣ, онъ постоянно твердилъ, что «дѣла на Ухтѣ идутъ прекрасно и даже англичане собираются покупать тамъ заявки и, конечно, поведутъ дѣло на самую широкую ногу...»

Англичане на Ухтѣ—это была большая новость и новый серьезный шансъ въ пользу Ухты... Но какъ мы ни пытались узнать подробности объ англійскихъ вождедѣніяхъ насчетъ Ухты, нашъ ухтинецъ упорно отмачивался, блюдя какую-то тайну. Пришлось обратиться къ его молодому спутнику, кавказскому уроженцу, специалисту по нефти. Мы предполагали, что ухтинецъ везетъ его на свои «промысла», какъ техника. Но оказалось, что этотъ кавказецъ и есть тотъ «англичанинъ», котораго уловлялъ ухтинецъ... Молодой техникъ былъ представителемъ англійской компаніи, владѣющей нефтяными промыслами въ Грозномъ.

Ухтинецъ пригласилъ «англичанина» на Ухту, чтобы продать англійской компаніи свои заявки и «промысла». Ради послѣднихъ онъ везъ съ собою двухъ «мастеровъ», инструменты, припасы и даже собаку, бродяжничавшую на устюгской пристани и экспропрированную энергичнымъ ухтинцемъ. Бѣдный песъ всю дорогу скулилъ, жалуясь на такое незаконное лишеніе свободы и плача о потерянномъ навѣки для него Устюгѣ...

Ухтинецъ всячески ухаживалъ за своимъ «англичаниномъ», разрисовывая предъ нимъ ухтинскія богатства. И вдругъ... ухтинца обуялъ страхъ, что всѣ его хлопоты лопнуть...

На пароходѣ появился мѣстный писатель И. А. Шергинъ, сотрудникъ «Рѣчи» и другихъ изданій, авторъ интересной книжки «Въ дебряхъ Сѣвера» и пр. Въ этихъ очеркахъ онъ, между прочимъ, выводитъ на чистую воду разныхъ ухтинскихъ дѣльцовъ невысокой пробы, а въ числѣ ихъ достаточно разоблаченъ и нашъ спутникъ-ухтинецъ... Послѣдній рвалъ и металъ, увидѣвши на пароходѣ г. Шергина и опасаясь его «тлетворнаго вліянія» на «англичанина». Какъ-какъ онъ оградилъ техника отъ знакомства съ «зловреднымъ

писателемъ», но книжка его все-таки попала въ руки «англичанина» и произвела надлежащее впечатлѣніе... Состоялась ли послѣ этого продажа «промысловъ» и заявокъ нашего ухтинца—сомнѣваюсь...

Вотъ такими дѣльцами провинція, къ сожалѣнію, очень богата. Толку отъ нихъ мало, а вреда и безтолочи много. Встрѣчаясь съ подобными дѣльцами, всегда вспоминаю курьезную сценку въ новомъ городѣ Балаковѣ (Саратовской губерніи). Къ пристани «Купеческаго» пароходства подходилъ пароходъ «Гильдебрандтъ», а съ берега прибѣжали, страшно запыхавшись, двѣ балаковскія барышни. Повертѣвшись минуты двѣ среди высыпавшихъ на пристань пассажировъ, барышни бросились на берегъ, и одна изъ нихъ сказала со смѣхомъ:

— Мы свое дѣло сдѣлали! прибѣжали, пострѣляли—и уходимъ... Бѣжимъ теперь на русинскую: пароходъ подходитъ...

Такъ точно поступаютъ и наши «дѣльцы»: прибѣгутъ, пострѣляютъ и уходятъ... Разница лишь въ томъ, что балаковскія барышни никому своей стрѣльбой вреда не приносятъ, а отъ нашихъ «дѣльцовъ» стонетъ вся провинція...

IV.

Какъ стонетъ, напримѣръ, Волга отъ гг. «водяновскихъ» (такъ зовутъ тамъ чиновъ путейскаго вѣдомства)... Много уже писалось на эту тему (въ томъ числѣ и мнѣ приходилось немало писать о томъ), но матеріалы для давно чаемой на волжскомъ бассейнѣ «сенаторской ревизіи» все растутъ и растутъ, накопляясь съ каждымъ днемъ. Молчать немислимо, а надо долбить въ одну точку...

Кстати, считаю долгомъ оговориться (оговорка относится и къ предыдущимъ главамъ). Въ своихъ очеркахъ (какъ и въ предыдущихъ) я нисколько не претендую дать полную картину «развала» Руси. Для этого пришлось бы привлечь весь тотъ громаднѣйшій матеріалъ, какой ежедневно даютъ наши газеты, отмѣчаютъ журналы, цѣлыя книги и т. д. Я же оперирую только надъ тѣми матеріалами, которые случайно попали въ поле моихъ наблюденій. Понятно, эти матеріалы черезчуръ отрывочны и часто представляются недостаточными, мало убѣдительными, поверхностными. Но не надо забывать, что мои наблюденія являются только дополненіемъ и иллюстраціей къ тому, что намъ уже извѣстно о русской жизни изъ публицистики.

То же слѣдуетъ помнить, читая дальнѣйшія строки: и о гг. водяновскихъ я сообщаю только то, что лично наблюдалъ, узналъ, слышалъ, т. е. дѣлаю лишь дополненія къ той картинѣ развала въ волжскомъ бассейнѣ, которую вполне можно обрисовать въ десяткахъ толстыхъ томовъ.

Когда осенью ушелъ съ Волги г. Бехтеревъ, начальникъ казанскаго округа путей сообщенія, волгари искренно пожалѣли объ его уходѣ. Дѣйствительно, Волга давно не видѣла такого чуткаго, добросовѣстнаго, знающаго инженера и доступнаго, отзывчиваго начальника, инициативѣ котораго принадлежитъ привлеченіе къ опеку надъ Волгой общественныхъ элементовъ (судоходные сѣзды и проч.). Свое безшабашное вѣдомство г. Бехтеревъ старался подтянуть, но и онъ не могъ сдѣлать здѣсь многого и—водяновское болото осталось тѣмъ же болотомъ, со своими позорными традиціями, грабительскими аппетитами и всяческими злоупотребленіями...

Вождельнія гг. водяновскихъ къ крупнымъ гидроразрушительнымъ работамъ (какъ миллионныя затраты на вредоносныя для судоходства сооруженія подъ Нижнимъ, Саратовомъ и т. д.) сильно теперь урѣзаны и имъ приходится довольствоваться мелкими сравнительно работишками, отъ которыхъ все-таки перепадаетъ немало дѣтишкамъ на молочишко.

Въ предыдущихъ очеркахъ («Не жизнь, а декорация» и др.) я упоминалъ о пресловутыхъ «работахъ» водяновскихъ по «укрѣпленію» берега рѣки Ветлуги въ гор. Варнавинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ старая церковь, подъ которою покоятся мощи мѣстно чимаго св. Варнавы. Эти нелѣпыя работы, обошедшіяся казнѣ въ четырнадцать тысячъ, прошлымъ лѣтомъ совершенно разрушились. Водяновскіе, несколько не смущенные этимъ позорнымъ крахомъ, весьма непрочь были снова заняться «укрѣпленіемъ» горы. Такъ заманчиво рисовались имъ картины вѣчнаго ремонта этой капризной горы... Къ счастью для казны, комссія изъ земцевъ и горожанъ проинкла въ вождельнія водяновскихъ, отвергла ихъ повый планъ и рѣшила, въ крайнемъ случаѣ, перенести церковь на новое мѣсто. Къ судоходству же эти «работы» не имѣли ни малѣйшаго отношенія...

Но водяновскіе не унываютъ. Никто изъ виновниковъ варнавинской исторіи не пострадалъ, хотя ревизія этой «работы» была назначена. Но ревизоры, изъ своей же братіи, приписали разрушеніе «стихійному бѣдствію» и предали дѣло Божіей волѣ... Такая безнаказанность породила у водяновскихъ новые планы болѣе грандіозныхъ работъ.

Нелѣпо и убійственно для судоходства ведущаяся постройка моста черезъ Волгу подъ Казанью упразднила путейскій Кабачищенскій (или Паратовскій) затонъ, гдѣ зимовала путейская флотилія, заведены мастерскія для ремонта судовъ, склады и проч. Приходится водяновскимъ подумать о новомъ затонѣ на этомъ плесѣ Волги. И вотъ тотъ самый досужій и знаменитый инженеръ (?!), который такъ отличился съ «укрѣпленіемъ» Варнавинской горы, выступилъ съ проектомъ превратить въ казенный затонъ озеро Луково подъ гор. Васильсурскомъ. Инженеръ проситъ на эту работу всего двѣсти тысячъ, хорошо зная, что разъ дѣло начато, то

первоначальную смѣту можно увеличивать до бесконечности. Знаетъ онъ и то, что осуществленіе задуманнаго имъ проекта пахнетъ не двумястами тысячами, а цѣлымъ миллиономъ... Министерство будто бы готово отпустить ему сто пятьдесятъ тысячъ, но онъ не согласенъ—торгуется...

Возможно, что обѣ стороны сторгуются наконецъ, и новый миллионъ казенныхъ денегъ опять будетъ брошенъ буквально въ воду, конечно,—не весь миллионъ, а меньшая часть его, большая же будетъ утилизирована иначе... Но и помимо того, возмутительнѣе и нелѣпѣе этой затѣи трудно что придумать.

Озеро Луково есть старый рукавъ Волги, тянувшійся по лѣвому, т. е. заливному берегу рѣки. Весною всѣ окрестности озера заливаются, кромѣ небольшой возвышенной гривы по лѣвому берегу озера (но въ очень большую воду и она заливается). Притомъ въ послѣдніе годы Волга обнаруживаетъ явное стремленіе снова вернуться въ свое старое Луковское русло. А что Волга намѣтила въ своей разрушительной и созидательной дѣятельности, того она непременно добьется въ концѣ концовъ.

И вотъ гг. водяновскіе будутъ бухать народныя деньги въ эту прорву, а каждый годъ вешнія воды и ледоходъ станутъ разрушать ихъ сооруженія и топить суда, имѣвшія глупость зазимовать въ этомъ затонѣ-ловушкѣ. Каждый годъ потребуется капитальный ремонтъ построекъ, земляныхъ сооруженій, судовъ и т. д. Долго будетъ тянуться эта заманчивая для водяновскихъ исторія, пока не вступится за казну сама Волга и не смоетъ дочиста эту грѣховодную затѣю, повернувшись окончательно въ старое Луковское русло...

Любопытнѣе всего въ этой исторіи то, что министерство, повидимому, серьезно отнеслось къ нелѣпой затѣѣ «инженера» (?!), только что наглядно доказавшаго свою полную инженерную несостоятельность (по «укрѣпленію» Варнавинской горы, расплзшемуся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ)...

Но пока водяновскіе дождутся того золотого дождя, который полетѣтъ на нихъ отъ грандіозной и недобросовѣстной луковской затѣи, они скромно клюютъ по зернышку и отъ малыхъ своихъ текущихъ дѣлишекъ... Въ одномъ приволжскомъ городкѣ они обзавелись громаднымъ бакомъ для нефти. Онъ принадлежалъ одному частному лицу, а за сколько кушленъ путейскимъ вѣдомствомъ—не знаю, но на ремонтъ бака, долго стоявшаго пустымъ, было отпущено 1,700 рублей. Но когда «послѣ ремонта» осматривала бакъ пріемная комиссія—бакъ далъ течь... Не знаю, былъ ли еще «дополнительный» ремонтъ, но бакъ долго стоялъ пустымъ, хотя уже имѣлся «смотритель бака» и т. д. Говорятъ, бакъ будетъ снабжать нефтью путейскія суда. Но это пустая и не дешевая затѣя, разъ вся Волга усѣяна нефтяными складами Нобеля, Восточнаго общества и др. компаній.

Въ томъ же городкѣ водяновскіе украсили набережную Волги немудренымъ строеніемъ — простымъ амбаромъ для склада своихъ снастей и всякихъ запасовъ. Постройка настолько легковѣсная и изъ такого «солиднаго» матеріала (пальцами можно отламывать куски...), что когда ожидалась приѣмная комиссія, то строители сняли гнилые полы, чтобы не очень ужъ конфузить членовъ комисіи... Амбаръ имѣеть около шести сажень длины и трехъ сажень ширины, а обошелся казнѣ около пяти тысячъ, хотя красная цѣна ему (считая и земляныя работы по срѣзу горы) много-много одна тысяча...

Никакой собственно нужды и не было въ постройкѣ этого новаго амбара: старый амбаръ-складъ могъ простоять еще много лѣтъ. Но... понадобилась дачка для того самаго знаменитаго «инженера» (?!), который «укрѣплялъ» Варнавинскую гору, который такъ игриво фантазируетъ насчетъ Луковского «затона» и пр. и пр.

Въ амбарѣ часть помѣщенія отведена подъ складъ, а часть подъ квартиру «смотрителя склада». Но приѣхалъ тотъ горе-инженеръ, выгналъ смотрителя и поселился самъ. Конечно, сейчасъ же начался ремонтъ только что отстроеннаго амбара, пристроили сѣни и пр. и пр., и получилась приличная дачка...

Дѣла у этого «инженера» было немного: онъ завѣдывалъ карче-подъемнымъ караваномъ, который тутъ снаряжался. Цѣлыхъ два мѣсяца онъ «вооружался» и тронулся только въ іюль, когда отовсюду давно уже неслись жалобы на мелководье и засоренность фарватера. Не торопятся гг. водяновскіе...

Да, трудно было даже г. Бехтереву, съ его наилучшими намѣреніями и высокою добросовѣстностью, улучшить личный составъ своего вѣдомства. И при немъ попадались, и послѣ него, къ величайшему сожалѣнію, остались на службѣ такіе изумительные субъекты, что только руками разводилъ... Объ одномъ изъ этихъ фруктовъ сами водяновскіе чины откровенно говорятъ: «Онъ позоритъ насъ, а никакъ не можемъ съ нимъ развязаться... Сильная рука у него въ Питерѣ!.. Сколько жалобъ на него, сколько сраму, скандаловъ, а округъ ничего не можетъ подѣлать...»

Подчиненные прозвали его «Двурожимъ»: подлинная рожа спереди, а сзади складки жирнаго затылка даютъ очертанія какъ бѣ другой рожи... Громадная фигура съ толстымъ, обрюзгшимъ отъ вѣчнаго пьянства лицомъ, Двурожій производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Человѣкъ грубый, нахальный, нечистоплотный въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Оттянуть выдачу жалованья низшимъ служащимъ, не додать его сполна или совсѣмъ не выдать, купить для казны десять лодокъ по пятнадцати рублей, а въ расходъ вывести по восемнадцати рублей за штуку и т. п. — все это легко продѣлывается Двурожимъ, имѣющимъ въ то же время нахальство твердить о своемъ «благородствѣ» и т. д. Одинъ подчиненный ему

«старшина» за всю зиму получилъ свое жалованье (сорокъ рублей въ мѣсяць) «только три раза, а остальные деньги... понадобились начальству...» Такие случаи сплошь и рядомъ у Двурожаго.

По специальности онъ считается гидротехникомъ, но въ этой области онъ полный ноль, ничтожество. Пробовали его держать на болѣе отвѣтственныхъ участкахъ на рѣкахъ Бѣлой, Вяткѣ и др., но за полную безнадежность и негодностью сдали на самый скромный участокъ Волги, именуемый «богадѣльнею». Дѣйствительно, технику тутъ нечего дѣлать, и Двурожій отдался своему любимому занятію—истребленію пива въ невѣроятномъ количествѣ. Пьетъ онъ до того, что уже не различаетъ, какая бутылка съ пивомъ или пустая. Тогда онъ,—разсказываютъ очевидцы,—«тычетъ пальцемъ въ горлышко, и ежели палець проходитъ, швыряетъ бутылку на полъ, а не лѣзетъ—вышибаетъ пробку ладонью...»

Тотъ пароходикъ, на которомъ Двурожій болтается зря по своему участку, извѣстенъ на Волгѣ подъ именемъ «пьянаго царства». Часто на этомъ казенномъ пароходикѣ наблюдается такая картина: на крошечную палубу его, подъ тентомъ, вынесенъ столъ, на столѣ батарея бутылокъ, а за столомъ нѣсколько водяновскихъ чиновъ въ непринужденныхъ позахъ и откровенныхъ костюмахъ, съ Двурожимъ во главѣ. Это называется у нихъ—«находиться при исполненіи служебныхъ обязанностей...»

Пьяная команда пароходика ни въ грошъ не ставитъ своего вѣчно пьянаго принципала. Очевидецъ передавалъ такой діалогъ командира пароходика съ Двурожимъ, когда они засѣдали въ трактирѣ, занятые поглощеніемъ второй или третьей дюжины пива. Принципаль грозить своему подчиненному:

— Вотъ выгоню тебя со службы!..

— Тогда и самъ уйдешь...—спокойно возражаетъ командиръ:— все разскажу про тебя, всѣ твои продѣлки раскрою...

— Ну-ну!.. а какой же ты командиръ, когда не держалъ экзамена въ рѣчномъ училищѣ?!..

— Насчетъ пьянства экзамень?.. такъ я вѣдь пью не хуже тебя...

— Ну, будетъ! давай пиво пить.

— Это можно... а то вздумалъ про экзамень!..

Разумѣется, о подобномъ типѣ можно бы не говорить, если бы онъ былъ исключеніемъ среди гг. водяновскихъ. Къ сожалѣнію, такіе типы тамъ не рѣдкость... Рѣдкостью являются люди противоположнаго направленія. Недаромъ одинъ изъ послѣднихъ воскликнулъ о себѣ: «Не знаю, найдете ли на Волгѣ другого такого путеца, какъ я!..»

А вся добродѣтель этого рѣдкаго экземпляра заключается въ томъ, что онъ не воруетъ и платитъ свои долги въ лавки. А есть такіе водяновскіе, которые и на чужія лавки смотреть, какъ на свою

собственность... Зато за нимъ водятся другіе грѣшки. Проведя почти всю службу въ кашцеляріи, онъ совсѣмъ слабъ въ практической дѣятельности водяновскаго. Напримѣръ, въ его резиденціи можно было долго наблюдать, какъ посреди набережной, на самой дорогѣ лежалъ большой якорь, за который была укрѣплена самолетская пристань. Въ темныя ночи и люди, и лошади легко могли напороться на якорь. Къ счастью, Волга обмелѣла, пристань подвинулась впередъ, и опасный якорь сошелъ съ дороги. И много такихъ упущеній наблюдается у этого добродѣтельнаго начальника дистанціи, дослуживающаго до пенсіи.

Вообще крайняя служебная небрежность, работа спустя рукава, неимовѣрная лѣнь, опущенность и т. п. — отличительныя черты большинства гг. водяновскихъ. И если среди нихъ появляется рѣдкій экземпляръ человѣка энергичнаго, дѣловаго, съ разумной инициативой и большою опытностью въ своемъ дѣлѣ, да вдобавокъ еще честнаго и благороднаго, вся Волга показываетъ на него пальцами, носится съ нимъ и не нахвалится. Увы! за пятнадцать лѣтъ, какъ я знаю Волгу, можно по пальцамъ пересчитать такихъ хорошихъ безукоризненныхъ путейцевъ, да и то много пальцевъ окажется въ остаткѣ... Къ несчастью, такіе люди не живучи на Волгѣ, отданной то въ дѣпкия и нечистыя лапы гг. Двурожихъ и т. п. омерзительныхъ субъектовъ, то въ руки людей небрежныхъ, неопытныхъ и равнодушныхъ къ своей службѣ.

Есть на Волгѣ и другихъ рѣкахъ «инспектора» судоходства, обязанные слѣдить за правильностью движенія судовъ, за безопасностью и удобствами пассажировъ и пр. и пр. Но этихъ инспекторовъ вы увидите на рѣкѣ развѣ только послѣ аварий и разныхъ катастрофъ на судахъ, а въ нормальное время они невидимки и отъ своего прямого дѣла рѣшительно отвиливаютъ.

До сихъ поръ практикуется сумасшедшая гонка пароходовъ, не дозволенная закономъ, опасная для судовъ и нарушающая интересы пассажировъ. Даже пароходы лучшихъ и благоустроенныхъ компаній не застрахованы отъ искушенія обогнать соперника, чтобы раньше прійти къ пристани и забрать пассажировъ. И это несмотря на всевозможныя «конвенціи» и «союзы» между пароходствами...

Благодаря этимъ гонкамъ, пароходы стоятъ у многихъ пристаней по пяти минутъ, т. е. лишаютъ пассажировъ возможности выйти на берегъ и купить съѣстныхъ припасовъ. Если это не важно для пассажировъ I и II классовъ, которыхъ кормитъ пароходный буфетъ, то это чистая бѣда для публики III и IV классовъ, питающейся только береговыми продуктами. Въ послѣднемъ классѣ являются буквально голодающіе пассажиры...

Вообще на большинствѣ пароходовъ пассажиры IV класса до сихъ поръ приравняются къ скоту: помѣщаются вповалку на полу,

среди грузовъ и всякой грязи, въ невѣроятной тѣснотѣ, иногда въ трюмѣ (на проселочныхъ рѣкахъ), безъ свѣта и воздуха... А господамъ инспекторамъ и другимъ чинамъ «судоходнаго надзора», катающимся на своихъ роскошныхъ яхтахъ, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до самыхъ грубыхъ нарушеній судоходныхъ правилъ...

Кстати—объ этихъ путейскихъ яхтахъ. При теперешнемъ грандіозномъ развитіи пароходства нѣтъ никакой нужды держать эти роскошныя яхты, дорого стоящія, вѣчно ремонтирующіяся и совершенно безполезныя. Для служебныхъ (?), а больше увеселительныхъ разбѣздовъ водяновскаго начальства за глаза достаточно пассажирскихъ пароходовъ. Слѣдуетъ сохранить только маленькіе путейскіе пароходики, моторныя лодки и т. п. суда, дѣйствительно необходимыя и полезныя для обслуживания водяной службы. Но всѣ яхты и большіе пароходы надо упразднить и какъ можно скорѣе, ради сбереженія казенныхъ денегъ и улучшенія правовъ гг. водяновскихъ... Роскошь портитъ людей, приучаетъ къ лѣни, баклушничеству, забвенію служебнаго долга, потерѣ гражданскихъ чувствъ.

Есть въ нижегородскомъ участкѣ путейскій пароходъ «Межень», отремонтированный въ 1912 году. Однако гг. водяновскіе собираются и въ слѣдующемъ году сдѣлать этой яхтѣ «самый капитальный ремонтъ», причемъ—похваляются они, въ пику новымъ пассажирскимъ пароходамъ—«столовая рубка будетъ расписана художникомъ...» Дѣйствительно, только этого недоставало... для облагораженія гг. водяновскихъ!..

Смѣшно вѣдь говорить, до чего ничтожна «служба» этихъ путейскихъ яхтъ и пароходовъ... То привезутъ бочку керосина для раздачи бакенщикамъ, то привезутъ лодку для надобностей путейскаго поста, доставятъ нѣсколько бакеновъ и т. п., какъ будто керосина и лодки нельзя достать на мѣстѣ, или для доставки ихъ не хватитъ пассажирскихъ пароходовъ!.. Во что же обходятся казнѣ эти бочки, лодки, бакены и т. д., если къ стоимости ихъ прибавить стоимость и содержаніе перевозящихъ эти предметы судовъ, ихъ команды и пр.?!

Такъ остроумно «хозяйничаютъ» гг. водяновскіе... Съ большою любовью и съ неослабнымъ интересомъ они занимаются только ремонтами и всякою рода строительствомъ. Прошлымъ лѣтомъ, за отсутствіемъ болѣе крупныхъ затѣй, они ревностно строили въ поражающемъ количествѣ брандвахты: въ Балахиѣ строились четыре штуки, въ Городцѣ восемь и т. д. Помимо понятнаго интереса къ строительству, тутъ сказалась, очевидно, трогательная любовь къ низшей водяновской братіи. Если высшіе чины имѣютъ прекрасныя волжскія дачи на своихъ роскошныхъ яхтахъ, то для низшей братіи недурными дачками являются брандвахты, склады-амбары и т. п., а для бакенщиковъ шалаши и землянки.

Такъ всё гг. водяновскіе и благодушествуютъ круглое лѣто на своихъ дачахъ и дачкахъ, а зимою отдыхаютъ отъ дачной жизни... А если бы не было у высшихъ чиновъ роскошныхъ яхтъ и они дѣлали бы служебныя поѣздки на пассажирскихъ пароходахъ, волею-неволею непорядки послѣднихъ бросались бы имъ въ глаза и хотя отчасти устранились бы.

А непорядковъ на пароходахъ даже первоклассныхъ компаній хоть отбавляй... На меркурьевскомъ пароходѣ «Великій князь Владимиръ», въ іюлѣ 1911 года не было въ каютахъ обязательныхъ по правиламъ спасательныхъ поясовъ. На «купеческомъ» пароходѣ «Гильдебрандтъ» въ августѣ того же года нигдѣ—ни въ каютахъ, ни на палубахъ—не видно было ни одного спасательнаго пояса!

Зато каюты этого «купца» поражали обиліемъ таракановъ. Увы! хотя въ небольшомъ количествѣ, но этотъ звѣрь встрѣчался и въ каютахъ почтеннаго (упомянутаго) меркурьевца... Говорю о каютахъ II класса. Но что же, значить, творится въ III и IV классахъ?!..

Въ томъ же августѣ на пароходѣ «Царь» («Волжскаго» общества), въ каютѣ III класса, гдѣ спали мужъ съ женой, воры отодвинули деревянныя жалюзи въ окнѣ, вытащили изъ-подъ подушки спавшей дамы саквояжъ, взяли кошелекъ съ деньгами и часы, всего на пятьсотъ рублей. Хорошо, значить, спала дама, но... хороша и охрана пассажировъ на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ!.. Воры были пойманы, благодаря пассажирамъ, а не командѣ.

На томъ же «Царѣ» податливую публику III и IV классовъ мощеннически объегоривали разные проходимцы съ своими «лотте-реями», «рулеткой» и др. якобы «играми»... Впрочемъ, и самъ почтенный командиръ дни и ночи проводилъ за картами съ пассажирами, а одинъ изъ его помощниковъ, отбывая свою вахту, торчалъ не на капитанскомъ мостикѣ, но подлѣ окна одной каюты II класса, гдѣ вели азартную игру какіе-то подозрительные субъекты съ шулерскими физиономіями. Вахтенный начальникъ принималъ участіе въ игрѣ, просунувъ голову въ окно. Но онъ часто высовывался изъ окна, пугливо озираясь по сторонамъ, не покажется ли на балконѣ командиръ, вышедшій освѣжиться въ антрактѣ между карточной игрою... А командиръ—строгій нѣмецъ, изводящій команду требованіемъ наружной чистоты и такого же порядка. Къ себѣ только онъ не строгъ, оттого и «обезьяны» (какъ онъ величаетъ свою команду) у него распущены...

Я привелъ всего нѣсколько фактовъ пароходныхъ безобразій, а ихъ можно бы набрать сотни. Упорядочить пароходную жизнь, контролируя ее всячески, обязаны и водяновскіе чины, но... имъ не до того!.. Лѣтомъ они дачничаютъ, а зимою отдыхаютъ отъ дачной жизни...

V.

Чтобы покончить съ картиною полнаго развала, какой наблюдается среди гг. водяновскихъ (какъ и среди многихъ другихъ чиновниковъ), приведу одинъ трагикомическій случай изъ области личныхъ переживаній.

Извѣстно, что провинція до сихъ поръ еще не привыкла къ печатному слову, боится его и косо смотритъ на писательскую братію. Любопытно, однако, что подобныя отношенія къ печати больше наблюдаются среди высшихъ, чѣмъ низшихъ классовъ населенія. Въ послѣднихъ, наоборотъ, замѣчается нерѣдко и уваженіе къ печати, и вѣра въ нее. Простые обыватели ясно сознаютъ, что въ иныхъ случаяхъ одна лишь печать можетъ выступить на защиту угнетенныхъ, обижаемыхъ, преслѣдуемыхъ, только она можетъ покарать зло, выставить разныхъ «дѣльцовъ» на общественный позоръ и т. д.

Въ своей публицистической дѣятельности ни отъ кого я не встрѣчалъ такого сочувствія и самаго дѣятельнаго содѣйствія, какъ именно отъ самыхъ скромныхъ, простыхъ обывателей. Миѣ охотно сообщали нужные матеріалы, трогательно благодарили за всякія обличенія, а нерѣдко и упрекали, если находили, что я слишкомъ слабо и мягко отнесся къ обличаемымъ. Въ такомъ отношеніи простой публики къ моимъ писаніямъ нахожу высшую награду для себя...

Не то наблюдается въ отношеніи къ печати «высшихъ» сословій провинціи. Только подлинная интеллигенція здраво и сочувственно относится къ печати, а всѣ примазывающіеся къ интеллигенціи, но, въ сущности, весьма далекіе отъ нея, были бы весьма рады, если бы печать и совсѣмъ упразднили...

Часть прошлаго лѣта я прожилъ въ гор. Василѣ, занимая номеръ въ гостиницѣ. Расположенная на берегу Волги, она привлекаетъ и горожанъ, просиживающихъ часы на балконѣ, откуда открываются прекрасныя виды на рѣку и на лѣсное Заволжье. Частенько посѣщалъ балконъ одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, скромно попивая пиво. Разъ онъ говоритъ официанту:

— Знаешь, Василій, а вѣдь я боюсь къ вамъ ходить...

— А что же у насъ страшнаго?

— У васъ живетъ Оглоблинъ... можетъ написать...

— Но ежели вы ведете себя прилично,—намекнулъ Василій на зимніе скандальчики этого господина въ клубѣ:—что же про васъ писать?!

— А все же боязно...

Сижу какъ-то съ знакомымъ въ своемъ номерѣ, два окна котораго выходятъ на балконъ. Тамъ засѣдала за выпивкой компанія изъ трехъ водяновскихъ чиновъ. Старшій изъ нихъ, громадный верзила съ опухшимъ отъ пьянства краснымъ лицомъ и жирнымъ

отвислымъ затылкомъ, вдругъ поднялся изъ-за столика, подошелъ къ краю балкона и устался въ мое открытое окно. Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли и ждали, что нужно этому господину. Наконецъ онъ разинулъ пасть и заговорилъ грозно:

— Кто изъ васъ Оглоблинъ?..

Видя, что съ пьянаго субъекта нечего требовать приличій, я назвалъ себя и ждалъ дальнѣйшихъ объясненій, кои не замедлили. Водяновскій загремѣлъ:

— Вы писали «Не жизнь, а декорация»?

— Я писалъ.

— Вы писали про меня всякія мерзости?.. Кто это вамъ наговорилъ про меня?.. Вы должны сказать!..

— Пишите возраженія, если я что неправильно о васъ написалъ... Журналъ напечатаетъ...

— Некогда мнѣ возиться съ возраженіями!.. Я уже много писалъ въ министерство... долженъ былъ оправдываться... И кто это могъ вамъ сообщить про меня такія мерзости?!.. Вы должны назвать его имя!..

Разумѣется, этого онъ не узналъ отъ меня и, отойдя отъ окна къ своему столику, въ отместку разразился по моему адресу самою отборнѣйшею, бурлацкою бранью, пересыпая ее угрозами то «расшибить» меня бутылкою, то «вызвать на дуэль» и т. п. А надо сказать, что субъектъ этотъ—инженеръ, съ высшимъ образованіемъ, занимающій на Волгѣ довольно отвѣтственный постъ...

Подъ музыку этой брани, далеко разнесившейся съ балкона по пристани, въ мое окно сталъ заглядывать одинъ изъ молодыхъ собутылничковъ инженера. Я замѣтилъ ему о неприличіи заглядыванія въ чужія окна—и получилъ такой отвѣтъ:

— Извините-съ!.. Я юристъ и законы знаю... Въ открытое окно законъ разрѣшаетъ смотрѣть...

Пришлось закрыть окно, пока «юристъ» не открылъ бы «закона», разрѣшающаго влѣзть въ открытое окно... Кстати, и дверь номера заложилъ на крючокъ, такъ какъ отъ пьяныхъ гг. водяновскихъ можно было ожидать всякаго насилія. И дѣйствительно, почти часъ пришлось пробыть «въ осадномъ сидѣннѣ» отъ этихъ субъектовъ. Инженеръ нѣсколько разъ ломился въ дверь, требуя «объясненій», скверно ругаясь и всячески угрожая. То онъ подсылалъ своего «юриста» для переговоровъ. Но я рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій съ пьяными джентльменами.

Между тѣмъ на помощь мнѣ выступили хозяева гостиницы и посѣтители, потребовавшіе вызвать полицію для усмиренія разбушевавашагося инженера. Послѣдній сразу спалъ съ своего воинственнаго тона и закончилъ... приглашеніемъ «распить съ нимъ бутылку шампанскаго»!.. Конечно, отъ такой чести я отказался.

Водяновскіе скоро ушли. Полицейскій надзиратель составилъ протоколь о «нарушеніи общественной тишины», а городской судья приговорилъ инженеръ къ аресту. Передъ этимъ разбирательствомъ инженеръ пытался подкупить въ свою пользу (давалъ двадцать пять рублей) главнаго свидѣтеля его безчинствъ — хозяина гостиницы. Но почтенный старикъ съ негодованіемъ отвергъ это гнусное предложеніе безшабашнаго водяновскаго чина...

Конечно, пьяную ругань подобнаго субъекта я не могъ признать оскорбительною для себя и къ суду его не привлекалъ.

Писателю, имѣющему дѣло съ провинціей, надо быть готовымъ ко всему и привыкать ко многому, особенно въ дни текущаго всеобщаго развала и хулиганства... Васильскій корреспондентъ нижегородскаго «Волгара», рассказывая о нападеніи на меня водяновской братіи, такъ и озаглавилъ свою корреспонденцію—«Благородные хулигане».

VI.

Печальны эти картины развала, доводящія до отчаянія всѣхъ, кому дорога Россія. И если бы вся русская жизнь состояла изъ одного сплошнаго развала, было бы немислимо жить... Къ счастью, наблюдаются и въ провинціи довольно отрадные факты и свѣтлыя явленія, ярко говорящія о томъ, что не все еще потеряно у насъ, что всюду зарождается что-то новое, творческое, что проблески здравыхъ началъ неудержимо пробиваются сквозь окружающій мракъ и зовутъ къ свѣту, къ движенію впередъ... Гражданскія чувства все больше и больше развиваются, сила общественнаго мнѣнія растетъ, интересъ къ общественной дѣятельности пробуждается. За будущее можно не бояться. Не такъ еще скоро, какъ было бы желательно, но явленія развала, несомнѣнно, отойдутъ въ область исторіи, и начнется новая, свѣтлая жизнь. Возможно, что мы доберемся до нея, пройдя тяжелый путь большихъ государственныхъ пертурбацій, но... сильныя лекарства часто бываютъ единственнымъ якоремъ спасенія для болѣющаго государственнаго организма...

Отрадныхъ явленій немало и сейчасъ, несмотря на подавляющія картины развала. Какой бодрой нотой звучитъ это вдругъ прорвавшееся наружу всеобщее стремленіе къ просвѣщенію, обнаруживающееся въ самыхъ захолустныхъ углахъ Россіи. Всюду требуютъ лучшихъ школъ, съ повышеннымъ курсомъ, болѣе примѣненнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ населенія. Къ пародіямъ на школы, въ родѣ пресловутыхъ «церковно-приходскихъ», обыватели относятся совершенно отрицательно. У ребятъ, обучающихся въ земскихъ школахъ, появилось новое ругательство по адресу учениковъ церковныхъ школъ—«церковщина!..»

Также громко и бодро звучитъ другая нота, всюду раздающаяся: всеобщій вопль, протестъ противъ всякаго рода казнокрадовъ и

просто воровъ—интендантскихъ, водяновскихъ, лѣсныхъ, консисторскихъ и т. д. и т. д. Въ одномъ приволжскомъ городкѣ мѣстнаго казеннаго лѣсничаго прямо величаютъ «грабителемъ» и относятся къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Горожане помнятъ, какъ онъ явился въ ихъ городъ, «имѣя лишь желѣзную кровать съ клопами да подбитую вѣтромъ шинелишку солдатскаго сукна...» А теперь онъ владѣеть тремя домами, тремя садами и пр. и пр. Пользуясь расположеніемъ покойнаго городского головы, лѣсничій при немъ захватилъ большой кусокъ городской земли, взявши его подъ садъ на двадцать пять лѣтъ, съ платою за аренду по одной копейкѣ за сажень. Когда умеръ его пріятель-голова, такой же нечистоплотный человѣкъ, лѣсничій вздумалъ укрѣпить въ свою собственность этотъ участокъ, предложивши городу продать ему землю по той же арендной платѣ—по одной копейкѣ за квадратную сажень. Городская дума съ негодованіемъ отвергла это предложеніе, такъ какъ городская земля цѣнится по три рубля сажень.

Этотъ новый свой участокъ лѣсничій обвелъ оградой изъ строевого дубоваго лѣса, конечно, казеннаго. Такая же ограда окружаетъ и его виллу съ садомъ, но, чтобы скрыть дубъ, столбы ограды здѣсь обшиты тесомъ... Разумѣется, не отъ этихъ мелочей онъ сталъ капиталистомъ и богатымъ домовладѣльцемъ, а отъ тѣхъ «хозяйственныхъ операций», какія онъ совершаетъ въ казенномъ лѣсу: торгуетъ дровами (изъ строевого дубоваго лѣса и другихъ цѣнныхъ породъ), продавая ихъ дешевле мѣстныхъ кустарей-лѣсопромышленниковъ и тѣмъ подрывая ихъ; деретъ лыко, уничтожая массу липокъ, и пр. и пр. Рабочіе, нанятые для казеннаго питомника, работаютъ въ саду и усадьбѣ «барина», какъ величаютъ лѣсники своего лѣсничаго. А «баринъ» и въ усъ не дуеетъ, открыто грабительствуя и врядъ ли подозрѣвая, что всѣ его продѣлки хорошо извѣстны всему городу съ уѣздомъ и вызываютъ всеобщее негодованіе...

Дума того же городка, давшая хорошій урокъ этому грабителю-лѣсничему, вообще стала проявлять совершенно новый духъ общественнаго подъема, когда освободилась отъ стараго режима, заведеннаго покойнымъ головою. Послѣдній съ своей кликой верховодилъ болѣе двадцати лѣтъ и причинилъ городу массу зла. Всѣ попытки свергнуть его не удавались, ибо это былъ человѣкъ крайне неразборчивый на средства, всегда дѣйствовавшій во имя своихъ личныхъ интересовъ. Понадобилось мѣсто учительницы его племянницѣ—и онъ не задумался спихнуть старую учительницу, четырнадцать лѣтъ занимавшую мѣсто, особу очень скромную, безукоризненнаго поведенія, написавши на нее доносъ «въ распутствѣ»... Не поладилъ онъ что-то съ уважаемымъ всѣми о. діакономъ—тотчасъ пишетъ на него доносъ «въ политической неблагонадежности». Къ счастью, доносъ застрялъ у о. протопопа, пребывавшаго въ нѣкоей своей періодической «болѣзни», и хода не получилъ...

Нечего говорить, что городское хозяйство у такого субъекта было доведено до полного паденія. Когда онъ умеръ, вдова его имѣла смѣлость просить у города пенсін. Гласные съ пегодованіемъ отказали, говоря: «городского лѣса вырублено при покойномъ на сто тысячъ, а гдѣ эти деньги?!..»

Запущенныя при покойномъ дѣла городского банка приводятся въ порядокъ, ссуды даются осторожнѣе, учетный комитетъ никому не даетъ поблажки и изгналъ изъ своей дѣятельности всякое кумовство и пріятельство. Словомъ, граждане встрепенулись и горячо взялись за свои общественныя дѣла, не подпуская къ городскому «пирогу» дѣльцовъ стараго закала.

Нѣкоторую долю вліянія на подъемъ общественнаго духа оказали празднества, устроенныя по случаю столѣтняго юбилея 1812 года. Въ самыхъ захолостныхъ городахъ эти празднества прошли очень мило, будя общественное сознаніе. 26-го августа мнѣ пришлось провести въ скромномъ городкѣ Наровчатѣ Пензенской губерніи. Благодаря присутствію войскъ, парадъ вышелъ торжественнымъ. Кромѣ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты, въ немъ участвовали «потѣшныя», пожарная дружина и конные стражники. Было молебствіе на площади, рѣчи о. протопопа, воинскаго начальника и др., позже— хоры пѣвчихъ и пѣсенниковъ-солдатъ, иллюминація и пр. Любопытство народа было возбуждено и потребовало отвѣта на зародившіеся вопросы о значеніи 1812 года.

30-го августа въ Нижнемъ вспомнили о незабвенномъ Александрѣ II и постарались придать его памятнику на Благовѣщенской площади торжественный видъ: онъ былъ украшенъ флагами и зеленью. Въ послѣднее время во многихъ городахъ и селахъ не перестаютъ открываться памятники въ честь Александра II, и это свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ пробужденіи общественнаго сознанія. За дѣйствительно содѣянное добро русскій народъ не можетъ быть неблагодарнымъ...

Осенью очень оживили провинцію маленькія сельско-хозяйственныя выставки, устроенныя во многихъ уѣздныхъ городахъ. Правда, онѣ сравнительно мало привлекали крестьянъ, ради которыхъ собственно и устраивались. Но лихо начать это полезное дѣло, а дальше оно, несомнѣнно, разовьется и станетъ больше интересовать и поучать крестьянъ.

Благодаря именно выставкамъ, зародились во многихъ мѣстахъ новые виды промышленности. Напримѣръ, въ послѣднее время пустило кое-гдѣ крѣпкіе корни производство ягоднаго вина. Въ с. Барминѣ Васильскаго уѣзда добывается прекрасное ягодное вино изъ викторіи, скупаемое цѣлкомъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Послѣднее послало сюда своего инструктора, удачно пропагандирующаго ягодное винодѣліе среди мѣстнаго населенія.

Производство сидра, зародившееся нѣсколько лѣтъ пазадъ въ Самарѣ, теперь появилось и во многихъ другихъ мѣстахъ—въ Казани и проч.

Благодаря выставкамъ и агрономическимъ мѣрамъ земствъ, постепенно улучшается сельское хозяйство у крестьянъ: распространяются улучшенныя орудія, лучшія сѣмена, породы скота, вводятся новые сѣвообороты, травосѣяніе и пр. На рѣкѣ Сурѣ населеніе научилось солить мокрое сѣно и теперь не боится убирать его во всякую погоду. Словомъ, движеніе впередъ наблюдается и въ этой, самой косной области, гдѣ до сихъ поръ живучи самыя заплесневѣлыя вѣковыя традиціи.

Разумѣется, духовный и матеріальный прогрессъ народа возможенъ лишь при наличности руководителей, достаточно прогрессивныхъ, безусловно добросовѣстныхъ и владѣющихъ полною мѣрою народнаго довѣрія. Офіціальные руководители народа — всевозможные бюрократы въ рясахъ и мундирахъ, давнымъ-давно потеряли всякое довѣріе народа. Съ каждымъ днемъ эта разнь между управляемыми и управляющими растетъ въ угрожающей прогрессіи и неминуемо приведетъ къ полному краху бюрократической опеки...

Такъ называемые «представители» общества и народа, наполняющіе государственную думу, городскія думы, земскія собранія и т. д.—всѣ они, благодаря ненормальнымъ условіямъ выборовъ, почти такъ же далеко отстоятъ отъ народа и лишены его полнаго довѣрія, какъ и бюрократы. Разницы между тѣми и другими народъ почти не видитъ, и всѣхъ валитъ въ одну чиновничью кучу. Во всякомъ случаѣ, и за этими якобы «народными представителями» онъ не пойдетъ.

Пойдетъ онъ только за своей, чисто народной интеллигенціей, вышедшей изъ среды народа и оставшейся въ своей средѣ. Этимъ своимъ, дѣйствительно лучшимъ, представителямъ народъ вѣритъ безусловно и пойдетъ за ними куда угодно. Мало ихъ, къ сожалѣнію, но они существуютъ, и съ каждымъ годомъ число ихъ растетъ.

Вотъ, на примѣръ, симпатичный крестьянинъ, среднихъ лѣтъ, членъ 1-й государственной думы. Къ сожалѣнію, онъ попалъ въ «выборжцы», т. е. лишился права на дальнѣйшую общественную службу. Однако это не мѣшаетъ ему оставаться «излюбленнымъ» человѣкомъ въ своей округѣ, которая ему вполне довѣряетъ, какъ «своему» человѣку, прислушивается къ его совѣтамъ и указаніямъ. Онъ стоитъ головою выше крестьянъ, развившихъ самообразованиемъ и сближеніемъ съ интеллигентными людьми. Политическое развитіе дало ему членство въ государственной думѣ. Отъ крестьянства онъ отсталъ, занимаясь разными промыслами, кормящими его и семью. Но онъ остался членомъ крестьянской общины и живетъ въ своей деревнѣ, руководя ею и округой, по мѣрѣ силъ и возможности. Человѣкъ безусловно честный, порядочный, съ достаточной

мѣрѣ интеллигентный, отлично знающій и любящій деревню, онъ скорбитъ, что крылья у него подрѣзаны для широкой общественной дѣятельности на благо народу и обществу. Но въ предѣлахъ возможнаго онъ и сейчасъ служить обществу...

Вотъ еще прекрасный общественный дѣятель, но тоже съ подрѣзанными крыльями... Скромный мѣщанинъ одного приволжскаго города, по профессіи прекрасный столяръ, а по натурѣ прирожденный народный трибунъ, прекрасный ораторъ, умѣющій говорить съ толпою, остроумный, находчивый, наблюдательный. Это—вѣчный протестантъ противъ всякаго зла, насилій, злоупотребленій. Онъ постоянно кипитъ, волнуется, обличаетъ, нападаетъ, но всегда въ защиту общественнаго блага, правды, истины. Его остраго языка бояться всѣ, у кого рыльце въ пушку. Оттого и отцы города не пускаютъ его въ городскую думу, добившись искусственнаго пониженія его ценза (онъ домовладѣлецъ). Волею-неволею ему приходится выступать съ своими обличеніями въ случайныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ горожанъ. Но вездѣ и со всѣми, съ кѣмъ приходится ему сталкиваться—на базарѣ, на пароходѣ, въ трактирѣ, въ дорогѣ, всюду онъ способенъ заинтересовать каждаго своей интересной, вдумчивой и самой разносторонней бесѣдой, отъ богословскихъ вопросовъ до послѣднихъ злободневныхъ мелочей включительно. Талантливый самородокъ, онъ развилъ себя ученіемъ и бесѣдой съ интеллигентными людьми, которыхъ не чуждается. Дайте ему возможность выбраться на широкую общественную дорогу—и онъ будетъ полезнѣйшимъ общественнымъ дѣятелемъ и надежнымъ руководителемъ народа.

Но у насъ... то бояться подобныхъ самостоятельныхъ дѣятелей, неспособныхъ плясать по чужой дудкѣ и плыть по теченію, то не замѣчаютъ и не знаютъ ихъ, предпочитая имъ патентованныхъ руководителей въ мундирахъ и кокардахъ, къ которымъ общество и народъ давнымъ-давно потеряли послѣднюю каплю довѣрія...

Наверху не видятъ и того, что народная интеллигенція растетъ съ каждымъ днемъ и всякими путями пробивается къ общественной дѣятельности. Немало представителей ея проникаетъ въ печать, гдѣ становятся замѣтными дѣятелями литературы и публицистики. На рѣкѣ Вычегдѣ пришлось познакомиться съ однимъ мѣстнымъ писателемъ, вышедшимъ изъ народа и не разрывающимъ связей съ нимъ. Крестьянинъ съ рѣки Выми, отбывавшій воинскую повинность въ Питерѣ, онъ сумѣлъ стать развитымъ человѣкомъ и писателемъ, владѣющимъ бойкимъ перомъ и прекрасно знающимъ родной край, о которомъ пишетъ бытовые очерки, этнографическія статьи, корреспонденціи (въ столичныхъ газетахъ) и проч. Очень подвижной, нервный, впечатлительный, съ большой наблюдательностью и незауряднымъ сарказмомъ, всѣ эти свойства онъ проявляетъ въ своихъ писаніяхъ, всегда интересныхъ, правдивыхъ, значитель-

ныхъ по содержанію и всегда имѣющихъ на первомъ планѣ интересы и нужды народа. Живетъ онъ то въ Питерѣ, то въ своей деревнѣ на Выми, то въ разъѣздахъ по своему краю и дальше. Когда я встрѣтился съ нимъ на вычегодскомъ пароходѣ, онъ собирался итти пѣшкомъ (и въ лодкахъ) на Ухту, оттуда на Печору, въ Архангельскъ и на Новую Землю.

Разумѣется, къ народной интеллигенціи надо причислить многихъ изъ рядовъ вообще провинціальной интеллигенціи. Ко многимъ представителямъ послѣдней народъ относится съ такимъ же полнымъ довѣріемъ, какъ и къ своимъ кровнымъ интеллигентамъ. Конечно, такое довѣріе народъ оказываетъ не той интеллигенціи, которая носитъ мундиры и кокарды (чрезвычайно рѣдкія исключенія встрѣчаются и тутъ), а людямъ вольныхъ профессій—чаще всего писателямъ, затѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, докторамъ и т. д.

Между редакторами нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданій и читателями-обывателями зарождаются самыя близкія и сердечныя отношенія, полныя любви и довѣрія. Въ провинціи нерѣдки такіе факты: жестокіе штрафы, зря налагаемые слѣпой администраціей на бѣдныя (буквально) газеты, цѣликомъ или частью оплачиваются подписчиками и совершенно добровольно, по собственной инициативѣ. Такимъ образомъ, нелѣпыя и недобросовѣстныя мѣры администраціи еще больше укрѣпляютъ связь редакціи съ читателями, т. е. содѣйствуютъ укрѣпленію непріятнаго администраціи органа печати...

Недавно одна маленькая газета, всего годъ существующая въ приволжскомъ городѣ, по совершенно пустому поводу была оштрафована мудрымъ администраторомъ на цѣлыхъ пятьсотъ рублей. Эта страшно тяжелая кара даже для столичныхъ газетъ, а для маленькой провинціальной газетки равна смерти... Конечно, редакторъ не могъ уплатить такой суммы и долженъ былъ садиться въ каталажку, а изданіе прекратить. Но тутъ горячо вступилась за него публика: двѣсти семьдесятъ рублей собрали добрые люди по подпискѣ, восемьдесятъ рублей прислали подписчики, а остальные деньги кое-какъ наскребъ у себя редакторъ, прибѣгнувши къ закладу «лишней» движимости и т. п. Понятно, изданіе еще болѣе окрѣпло послѣ этой исторіи и возбудило къ себѣ еще большія симпатіи обывателей... Вотъ ужъ подлинно: кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ...

Редакторъ этой газеты, несомнѣнно, принадлежитъ къ той провинціальной интеллигенціи, которая пользуется и народнымъ довѣріемъ. Иначе и не можетъ быть, разъ человѣкъ вышелъ изъ среды, близкой народу, большую часть жизни провелъ среди народа и теперь своей газетой служить интересамъ того же народа. У послѣдняго есть громадное чутье къ отгадыванію своихъ друзей и недруговъ...

Любопытны нѣкоторыя черты біографіи этого редактора—человѣка въ дѣловомъ отношеніи съ несомнѣнной «американской жилкой» (въ лучшемъ смыслѣ этого понятія). Окончивши учительскій институтъ, былъ онъ народнымъ учителемъ, корреспондентомъ приволжскимъ газетъ, пчеловодомъ, наконецъ—очутился волгаремъ и дослужился до званія комапдира въ одной изъ лучшихъ пароходныхъ компаній. Но тутъ судьба подшутила надъ нимъ, а злые люди лишили обезпеченнаго мѣста... Снова пришлось ему начинать съ начала. Очутившись въ Питерѣ и почти безъ денегъ, онъ работалъ тамъ матросомъ путейскаго парохода, былъ конторникомъ, путеводителемъ по пчеловодной выставкѣ и пр. и пр. Наконецъ снова очутился на Волгѣ, въ значительномъ городѣ, пристроился къ мѣстному биржевому комитету, сталъ корреспондировать въ поволжскія и столичныя газеты. Тутъ онъ сразу выдвинулся, какъ общественный дѣятель, инициаторъ полезныхъ учреждений по судоходству и проч. Скудоумные дѣльцы выжили изъ комитета полезнаго дѣятеля, но онъ продолжалъ частнымъ образомъ работать на пользу судоходства, корреспондировалъ и проч. А годъ назадъ основалъ свою маленькую газету, которая все болѣе крѣпнеть, растетъ и пользуется большими симпатіями обывателей, какъ газета честная, прогрессивная, содержательная. Теперь она имѣетъ собственную типографію и считается лучшимъ органомъ печати въ томъ большомъ городѣ.

Помимо своей интеллигенціи, провинція отдають свои силы и столичныя дѣятели. Впрочемъ, рѣдкіе изъ нихъ вполнѣ сживаются съ провинціей и всецѣло отдаются служенію ей. Чаще столичныя слетки бываютъ только гостями провинціи, но и въ этой временной роли служатъ ей довольно ретиво, а уходя не обрываютъ связей съ нею.

Какъ-то на Волгѣ пришлось встрѣтиться съ сотрудникомъ столичныхъ газетъ, возвращавшимся въ Питеръ послѣ годичнаго (или нѣсколько больше) служенія въ роли редактора одной провинціальной газеты (въ Камскомъ бассейнѣ). Ему удалось поставить на ноги захирѣвшую газету, но въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ сбѣжать, не выдержавши борьбы съ произволомъ администраціи и другими терніями провинціальной журналистики. И смѣхъ, и горе вызывали его остроумные рассказы о всѣхъ претерпѣнныхъ имъ злключеніяхъ въ роли редактора...

Закончу благодарнымъ упоминаніемъ о работахъ русскихъ художниковъ, усердно изучающихъ провинцію со всѣхъ сторонъ и много содѣйствующихъ самопознанію ея. Особенно цѣнны въ послѣднемъ отношеніи работы гг. Рериха, Петровичева, Постникова и др., передающія памятники провинціальной старины. Г. Постниковъ специально посвятилъ себя изученію старообрядческой старины. Онъ объѣздилъ сѣверъ Россіи, былъ въ олонецкихъ скитахъ, на

Керженцѣ, на озерѣ Свѣтлоярѣ и пр. На послѣднемъ онъ прожилъ въ 1911 году болѣе недѣли, работая этюды и изучая типы для задуманной имъ большой картины на тему о «градѣ Китежѣ»...

Изученію провинціи и сближенію съ нею много содѣйствуютъ вошедшія съ недавняго времени въ моду экскурсіи молодежи, предпочитающей вмѣсто банальнаго и скучнаго сидѣнія на дачахъ и курортахъ предпринимать поѣздки по мало знакомымъ мѣстамъ нашей обширной родины. Прошлымъ лѣтомъ встрѣтилъ на Окѣ южанина, только что вернувшагося изъ поѣздки на Мурманскій берегъ, который онъ съ компаніей молодежи (были и дѣвушки) обошелъ пѣшкомъ и на лодкахъ. Пѣшія же прогулки компаніей по Волгѣ, Кавказу и т. д. стали зауряднымъ явленіемъ, какъ и поѣздки въ лодкахъ по рѣкамъ волжскаго бассейна и др. Это сближеніе съ провинціей равно полезно для обѣихъ сторонъ и немало содѣйствуетъ, оживленію послѣдней.

Н. Н. Оглоблинъ.

КАКЪ Я БЫЛЪ «ВОЕННЫМЪ ШПІОНОМЪ».

(Страничка воспоминаній).

АЖЕТСЯ, въ прошломъ году мнѣ попала въ одной изъ столичныхъ газетъ слѣдующая телеграмма:

«Христіанія. Въ окрестностяхъ крѣпости Бодена задержаны два странствующихъ точильщика. Ихъ подозреваютъ въ шпіонствѣ. Единственнымъ основаніемъ для подозрѣнія послужила ихъ интеллигентная наружность».

Телеграмма эта вызвала во мнѣ рой воспоминаній и настолько, думается, интересныхъ, что не лишнее подѣлиться ими съ читателемъ.

Дѣло въ томъ, что судьба однажды поставила меня въ положеніе военнаго шпіона. И курьезнѣе всего при этомъ было то, что мнѣ въ одно время было и удобно и неудобно казаться таковымъ. Изъ-за того во все время моего «шпіонства» я бросался то въ пучину таинственности и недомолвокъ, окружающихъ каждаго «порядочнаго» шпіона, то вдругъ отчаянно старался выкарабкаться изъ нелѣпнаго положенія, въ которое пришлось попасть «по независящимъ обстоятельствамъ».

Не забывая, впрочемъ, впередъ, лучше предположу описанію этой злосчастной исторіи нѣсколько предыдущихъ, необходимыхъ для ся уясненія «исторіи».

I.

Это было въ 1905 году.

Послѣ достаточно длительного пребыванія въ петербургскихъ тюрьмахъ, а потомъ и во всѣхъ промежуточныхъ прибыль я съ небольшою партией такихъ же политическихъ наконецъ и въ ар-

хангельскую. Товарищей растасовали —кого въ Пинегу, кого въ Усть-Цыльму, а меня съ...—назову его Максимовымъ—отправили на пароходъ въ Колу.

Объ этомъ городѣ у меня до той поры только и было свѣдѣній, что: полуострова Европы: Кольскій, Скандинавскій. Губы: Мезенская, Кандалакская, Кольская. А въ заключеніе: Кола—самый сѣверный городъ Европейской Россіи.

Съ такимъ географическимъ багажомъ прибылъ я (у коллеги Максимова этого рода знанія были не богаче) въ «городъ» Колу. По дорогѣ мы уже успѣли прекрасно усвоить себѣ, что въ «гниблыхъ мѣстахъ» долго не будемъ—самое большое мѣсяць. Пройдя мимо неудачной попытки Максимова «отбыть» въ Норвегію еще съ полдороги и мимо нашей общей, тоже не удавшейся попытки уйти къ югу, въ Финляндію и Олонецкую губернію, перейду къ окончившейся полной удачей послѣдней попыткѣ.

«Городомъ» могла назвать Колу лишь самая пылкая административная фантазія, которой понадобилось присутствіе въ Колѣ исправника, полицейскаго надзирателя и пары городскихъ. Кромѣ того, въ посрамленіе моей географіи, самымъ сѣвернымъ «городомъ» Европейской Россіи былъ въ тотъ моментъ Александровскъ на Мурманѣ... Оказавшаяся теперь «южнымъ городомъ» Кола расположена на мыскѣ, образуемомъ впадающими въ Кольскую губу рѣчками Туломой и Колой. Нѣсколько десятковъ деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ дождя и старости домиковъ, составляющихъ этотъ «городъ», еще больше усилили наше желаніе поскорѣе вернуться въ «Россію».

Планъ свой мы привели въ исполненіе скоро.

Къ вечеру ушли будто гулять на всю «ночь» (конечно, это былъ полярный вѣчный день), вытащили изъ кустовъ на берегу быстрой, порожистой Колы заранѣе приготовленный плотикъ и возложили на него наши одежды, хлѣбъ, нѣсколько штукъ семги и чайникъ съ водой. Затѣмъ, взявъ въ зубы по канату, привязанному къ концамъ плотика, стали плыть на ту сторону въ холодныхъ, какъ ледъ, рѣжущихъ тѣло струяхъ, ежеминутно рискуя быть вовлеченными въ бурлящія омуты вокругъ да около мощныхъ камней. Переплывъ, опять спрятали плотикъ въ кустахъ, замели, такимъ образомъ, слѣды и зашагали...

Двѣ недѣли полуголоднаго бродяжничества и обхода пунктовъ съ администраціей, ночлеги въ наполненныхъ всѣми видами «домашнихъ животныхъ» лопарскихъ вѣжахъ и, наконецъ, ужасный случай, когда мы заблудились въ тундрѣ и трое сутокъ провели безъ хлѣба, воды и почти безъ сна—все это было забыто, лишь только мы забились въ трюмъ парохода и онъ потащилъ насъ къ свободѣ, въ Норвегію!

II.

Пятьдесятъ два часа пролежали мы въ трюмѣ, ничѣмъ себя не выдавая (пароходъ былъ русскій, и насъ могли разыскивать) и осторожно вытаскивая изъ-подъ головы захваченную треску съ хлѣбомъ. Когда наконецъ остались позади всѣ Сциллы и Харибды и была близка иностранная почва, и мы, еле разминая и раздвигая ноги, выползли на палубу и взяли билеты, тогда только мы почувствовали себя хоть въ малой степени «царями природы».

Правда, оторванные тюрьмой на долгое время отъ жизни, не зная случившихся переменъ, мы втайнѣ ожидали всего. Это все заключалось, по нашему мнѣнію, въ томъ, что на пристани насъ встрѣтятъ «ихніе» полицмены, отведутъ къ русскому консулу и при его посредствѣ насъ обратятъ... въ первобытное состояніе. Но встрѣтилъ насъ на пристани всего только «ихній» таможенный чиновникъ, который сострадательно посмотрѣлъ на наши узелки въ носовыхъ платочкахъ и пропустилъ безъ словъ на берегъ.

Это былъ первый отъ русской границы норвежскій городокъ Вардэ, изъ котораго мы черезъ нѣсколько дней направились въ самый сѣверный городъ уже всей Европы—Гаммерфестъ. Путь нашъ въ Россію могъ лежать на Гамбургъ или черезъ Швецію и Финляндію. Безъ паспортовъ, безъ связей на границѣ нѣмецкой мы не рѣшились на первый. Но и Финляндія страшила: казалось, что на финляндской границѣ, а въ особенности гдѣ-нибудь въ Бѣломъ Островѣ близъ Петербурга спросятъ паспорта... Но все-таки избрали этотъ послѣдній путь.

Его маршрутъ сообщили намъ русскій, одинъ изъ многочисленныхъ, бродящихъ по Норвегіи точильщиковъ, вродѣ тѣхъ, что упомянуты въ приведенной телеграммѣ. Отъ Гаммерфеста надо было проѣхать моремъ ниже, къ порту Тромсэ, а оттуда по «самой сѣверной европейской желѣзной дорогѣ» до городка Мюріярва въ Швеціи. А изъ него—рукой подать до финляндской границы, Торнео, всего сто верстъ. Этотъ послѣдній путь мы предполагали совершить пѣшкомъ, и это-то, какъ оказалось впоследствии, насъ особенно и «погубило».

Основная ошибка была совершена сразу, едва только ступили мы на норвежскую почву, но вина наша въ ней была очень мала. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ нашимъ «путешествіемъ» въ нѣсколькихъ пунктахъ «заграницы» были колебанія насчетъ выдачи или невыдачи русскихъ политическихъ преступниковъ. Особенно пугало насъ сообщеніе, что на шведскую почву не будутъ приниматься этого рода «преступники». Поэтому для всѣхъ мы были русскіе путешественники, отъ Архангельска и Бѣлага моря слѣдующіе черезъ Норвегію, Швецію и Финляндію въ Петербургъ.

На норвежскомъ пароходѣ нашъ нѣсколько оборванный видъ привлекъ вниманіе спутниковъ. То они принимали насъ за бѣглыхъ солдатъ съ театра дальневосточной войны, то подозрѣвали въ насъ архангельскихъ мазуриковъ, улепетывающихъ отъ дреманнаго ока закона. Наконецъ у кого-то родилась мысль, что мы—цирковые артисты, отставшіе отъ труппы и направляющіеся въ Гаммерфестъ, гдѣ наши коллеги уже открыли свои представленія для почтеннѣйшей публики...

Въ Гаммерфестѣ пришлось пробыть съ мѣсяць. Подработали здѣсь нѣсколько рублей на выгрузкѣ соли и нагрузкѣ угля, научились путать языкъ нѣмецкій съ норвежскимъ, исправно разыграли передъ консулами «оригинальныхъ русскихъ путешественниковъ-журналистовъ», путешествующихъ, гдѣ возможно, нѣшкомъ, по увы! забывшихъ гдѣ-то свои паспорта. Наконецъ-то мы и въ Нарвикѣ. Интересовались нами усиленно. Когда узнавали въ магазинахъ, что мы русскіе, широкія русыя и рыжеволосыя лица еще болѣе расширялись отъ улыбки и слышалось полупочтительное, полупироническое:

— А! Па-ті-омкниъ! Максимъ Горки! Кеорки Пабѣ-до-посецфъ!

И это потому, что во всѣхъ журналахъ были снимки потемкинской исторіи, «Георгія Побѣдоносца» и общеизвестная группа молодыхъ писателей (Горькій, Бунинъ, Скиталець и др.), съ неизмѣнною подписью:

— Rusisk revolutioniste komitete.

Наконецъ мы въ поѣздѣ.

Маленькіе вагоны, вродѣ нашихъ узкоколейныхъ, съ деревянными легкими вѣнскими сидѣньями, очень псевдобными. Мы жмемъ въ нашихъ extra-демократическихъ нарядахъ и, стараясь не обращать на себя вниманія, молчимъ, какъ нѣмые или, по крайней мѣрѣ, какъ знатные иностранцы. Но какой-то юркій человѣчекъ въ котелкѣ почему-то усиленно глядитъ на насъ, причемъ быстро опускаетъ глаза, лишь только мы поднимаемъ на него свои...

Съ обѣихъ сторонъ мчащагося поѣзда встаютъ чарующіе виды. Длинный, шириной съ небольшую рѣчку заливъ вдается въ сушу и сопровождаетъ насъ по прямому пути километровъ на пятнадцать.

Обрывистыя скалы справа, у самага полотна дороги и холмистые изгибы грандіозныхъ долинъ, наполненныхъ гордыми одинокими утесами, водопадами и озерами. Небольшіе, но частые туннели на всемъ пути. Ворвешся въ нихъ вмѣстѣ со свистящимъ вѣтромъ и потомъ снова на волѣ, среди скалъ и водопадовъ сине-зеленатаго неба и отчетливыхъ на его фонѣ кустарниковъ.

Вотъ и пограничная станція между Норвегіей и Швеціей. Прежде тутъ даже формальностей таможенныхъ не производилось, но съ тѣхъ поръ, какъ зашелъ разговоръ объ уничтоженіи уніи (мы только

что присутствовали въ Гаммерфестѣ на единодушномъ голосованіи за разрывъ со Швеціей), господа шведы стали серьезнѣе относиться къ своимъ таможеннымъ обязанностямъ. Впрочемъ, у насъ, кромѣ узелковъ, ничего нѣтъ, мы внѣ всякой опасности.

Къ восьми часамъ вечера поѣздъ подходитъ къ какой-то станціи, и абсолютно всѣ пассажиры высаживаются. Наше недоумѣніе разрѣшается справкой: поѣздъ сегодня дальше не пойдетъ, онъ будетъ «ночевать».

Черезъ нѣсколько минутъ публики на вокзалѣ уже нѣтъ: разбрелись—кто къ знакомымъ, кто въ гостиницу. По финансовымъ соображеніямъ мы рѣшили въ гостиницѣ не ночевать, а обратиться въ подлинныхъ путешественниковъ и осмотрѣть достопримѣчательности. А ихъ всего одна: заводъ, добывающій какую-то руду. Посмотрѣли его издали, прошли поселокъ вдоль и поперекъ и кончили осмотръ. Станція лежитъ уже достаточно къ югу и потому съ десяти часовъ наступаетъ какъ будто и настоящая ночь, не призрачно-свѣтлая.

На помощь намъ приходитъ нелѣпая русская привычка—«принципальные разговоры». За ночь, гуляя по поселку, мы, кажется, успѣли разрѣшить всѣ проклятые вопросы и раздѣлили по частямъ и категориямъ весь земной шаръ и его обитателей.

Несчастные!

Если бы мы знали, что насъ ждетъ впереди за это нелѣпое времяпровожденіе—прогулку по шведскому селенію въ теченіе всей ночи—мы бы, павѣрное, сняли съ себя шапки и ботинки и за ихъ счетъ переночевали бы гдѣ-нибудь подъ кровлею...

Началось съ малаго. Коллега Максимовъ имѣлъ благопріобрѣтенный въ Россіи физическій недостатокъ—шпиоманію. И въ поѣздѣ онъ успѣлъ мнѣ шепнуть нѣсколько словъ, указавъ кивкомъ на юркій котелокъ. Ему казалось, что этотъ котелокъ онъ видѣлъ еще въ Гаммерфестѣ, и подобное его сопутствованіе не предвѣщало-де ничего хорошаго.

Я, конечно, смѣялся. Смѣялся и тогда, когда на утро въ вагонѣ бокъ-о-бокъ съ нами оказался все тотъ же котелокъ. Я стыдился Максимова, упрекалъ его въ приложеніи столь гнусной мѣрки къ представителю свободной демократической страны:

— Подумайте только: ра-а-ди чего онъ станетъ намъ интересо-ваться? Если «они» даже и подозрѣваютъ въ насъ русскихъ «политическихъ», то прекрасно же они понимаютъ и то, что въ ихъ отечествѣ мы политики дѣлать не будемъ.

Максимовъ отмалчивался или отвѣчалъ скептическимъ вопросомъ:

— Какого же чорта онъ все время съ нами?

— Простое совпаденіе!—отвѣчалъ я.

Но Максимовъ въ простыя совпаденія не вѣрилъ и ждалъ отъ котелка всѣхъ семи смертныхъ пороковъ...

Какъ оказалось впоследствии, болѣзнь пріятеля получила свое полнѣйшее оправданіе: юркій котелокъ слѣдилъ именно за нами...

III.

Къ вечеру слѣдующаго дня нашего путешествія по желѣзной дорогѣ поѣздъ прибылъ въ городокъ Боденъ и, по обычаю, остался «переночевать». Сходя съ поѣзда, мы имѣли уже совершенно твердое намѣреніе послѣдовать его примѣру и тоже гдѣ-нибудь переночевать. Но предварительно, конечно, пошли побродить по городку.

Времени у насъ было предостаточно, и мы медленно шли, оглядывая людей и дома. Вотъ большая площадка передъ какимъ-то училищемъ и толпа «приличныхъ» подростковъ играетъ въ футболъ. На улицѣ собралось много праздныхъ, гуляющихъ обывателей. Они смотрятъ на игру и дѣлятся впечатлѣніями, восклицаніями удивленія или сожалѣнія. Возлѣ насъ «по счастливой случайности» оказался очень любезный господинъ, владѣвшій, кромѣ нѣмецкаго и норвежскаго, еще и двумя-тремя десятками русскихъ и польскихъ словъ. Онъ намъ объяснилъ, что это за игра, сообщилъ, что мѣстная публика очень любитъ ежедневно глазѣть на нее и на другія гимнастическія упражненія учащихся. У cadaго изъ любителей этого зрѣлища есть свои фавориты—наиболѣе ловкіе изъ игроковъ и гимнастовъ.

Наконецъ онъ распростеръ свою любезность настолько, что сообщилъ намъ, въ какомъ именно часу прибудетъ нашъ поѣздъ въ конечный пунктъ желѣзной дороги—въ Мюріярвъ. Мы, со своей стороны, удовлетворили его любознательность, т. е. сообщили, что мы русскіе путешественники, ради оригинальности и т. д. (см. выше). Очень любезно распроставшись съ нимъ, отправились мы дальше.

Въ концѣ единственной большой улицы увидѣли мы прекрасную аллею большихъ деревьевъ, а въ концѣ ея кирку и рядъ домиковъ. Отправились туда, но ничего интереснаго не нашли. Кирка была какъ кирка: сѣрая отъ времени, когда-то бывшая бѣлой, она не произвела никакого впечатлѣнія. Справа отъ нея были разбросаны домики, но такіе маленькіе и странные, что мы посмѣялись и никакъ не могли опредѣлить, для чего они. Похожи они были на крохотные лѣтніе больничные бараки и выстроены въ рядъ, какъ солдаты, а кругомъ нихъ мертво—ни живой души.

Поломавъ немного голову, мы пришли въ заключенію, что это, вѣроятно, лагерь «ихняго» войска. И вспомнили тутъ почти «потѣшное» норвежское войско, которое видѣли въ Вардэ—первомъ пунктѣ норвежской почвы, на которой мы высадились. Была тамъ и «крѣпость», нѣчто вродѣ десятины земли, окруженной землянымъ ва-

ломъ, вышиной съ голсажени. И штукъ пять солдатъ въ красныхъ брючкахъ. Сколько мы ни смотрѣли здѣсь, а солдатъ и не видѣли. Побродивъ вдоль домиковъ минутъ пятнадцать, отправились назадъ съ желаніемъ тотчасъ же расположиться на почлегъ—въ одной изъ гостиницъ въ двухъ шагахъ отъ вокзала.

Не успѣли мы дойти до мѣста гимнастическихъ упражненій, какъ снова увидѣли нашего любезнаго знакома. Опъ закивалъ намъ головой и, точно догадываясь (наивысшая любезность!), чего мы ищемъ, сталъ намъ на всѣхъ языкахъ рекомендовать дешевую прекрасную гостиницу. Любезность его простерлась до того, что онъ лично сопроводилъ насъ, выразительно попросилъ хозяйку дать намъ хорошій номеръ и, пожелавъ намъ спокойной ночи, удалился, напутствуемый виѣшнимъ и внутреннимъ проявленіемъ нашей благодарности.

Намъ дали лампу, и мы еще часа два просидѣли надъ работой. Починили платье, прибавили въ словарь нѣсколько новыхъ словъ по-шведски (съ норвежскимъ хоть и небольшая, но разница есть). Я взялся окончить третью главу очерковъ о Мурманскомъ берегѣ, такъ какъ собирался изъ Мюръярва послать рукопись въ Петербургъ. Наконецъ, утомленные прогулкой, заснули.

IV.

Утромъ, часовъ въ семь, встали мы, и Максимовъ сейчасъ же побѣжалъ на вокзалъ узнать, который часъ и скоро ли уйдетъ поѣздъ. Я упаковалъ наши узелки, и, когда обвязывалъ ихъ шнуркомъ, въ дверь послышался не громкій, но увѣренный стукъ.

«Вѣроятно, за деньгами хозяйка!» подумалъ я и попросилъ войти.

Дверь отворилась, и въ ней показался плечистый мужчина въ бородѣ и котелкѣ. Первую минуту я думалъ, что онъ ошибся дверью и сейчасъ же попятится назадъ, извиняясь безконечное количество разъ. Но этого не послѣдовало. Увѣренной походкой направился онъ ко мнѣ. За его плечами подвигался какой-то господинъ въ шляпѣ, низенькаго роста, а сзади него я вдругъ увидѣлъ нашего вчерашняго любезнѣйшаго знакома.

Я смотрѣлъ на всѣхъ широко раскрытыми, не понимающими глазами. Но недоумѣніе мое скоро разрѣшилось. Плечистый котелокъ, весьма любезно ослабившись на мой вопросъ, полѣзъ въ боковой карманъ и, вынувъ оттуда какой-то картонъ, подалъ его мнѣ. Эта была овальная толстая контрамарка, вродѣ извозничьихъ ручныхъ номеровъ въ иныхъ городахъ. Я взялъ ее въ руки и посмотрѣлъ на надпись: Тамъ красовалось:

— Policmeister.

Я склонилъ голову и спросилъ по-нѣмецки, чѣмъ могу быть полезенъ. Г. Polizeimeister еще разъ улыбнулся. Оказалось, что онъ лучше другихъ говорить по-нѣмецки. Слѣдовательно, мы объяснимся какъ слѣдуетъ и совершенно поймемъ другъ друга.

— Ваши бумаги?—также любезно обратился ко мнѣ полицейскій комиссаръ.

Началась «eine alte Geschichte»...

— Мы, молъ, оригинальные русскіе журналисты-путешественники и т. д. Бумагъ, къ сожалѣнію, у насъ не имѣется. Легкомысленная случайность не позволила намъ взять ихъ съ собой...

Комиссаръ все внимательно выслушалъ, вынулъ записную книжку и, присѣвъ къ столу, сталъ записывать мои «показанія».

«Да это начинаетъ походить на допросъ!—мелькнула у меня мысль:—хоть бы Максимовъ скорѣе шелъ: вмѣстѣ вратъ было бы способнѣе!»...

Но г. комиссаръ, точно желая помочь мнѣ, заговорилъ непророчно по-шведски къ нашему вчерашнему знакомцу, и тотъ направился къ двери, очевидно, для поисковъ другого «индозрительнаго» лица. Но не успѣлъ тотъ выйти, какъ на порогѣ показалась безобиднѣйшая блондинная фізіономія Максимова. Въ нѣсколькихъ словахъ я передалъ ему, въ чемъ дѣло и свое недоумѣіе о причинѣ «допроса».

Между тѣмъ г. комиссаръ готовилъ намъ сюрпризъ, котораго мы никакъ не ожидали.

— Покажите ваши фотографическіе аппараты!—вдругъ произнесъ онъ любезно, но строго.

Мы съ Максимовымъ посмотрѣли другъ на друга и захолопали глазами: мы окончателно сбились съ толку.

Когда первыя секунды нашего изумленія прошли, я твердо отвѣтилъ, что никакихъ фотографическихъ аппаратовъ у насъ нѣтъ и мы вообще не понимаемъ, къ чему этотъ вопросъ. Комиссаръ снисходительно улыбнулся и попросилъ показать наши «вещи». Я пытался указать на то, что онъ задерживаетъ насъ и мы опоздаемъ на поѣздъ, но онъ любезно, но такъ же твердо повторилъ свою «просьбу».

Дѣлать нечего. Пришлось развязывать наши узелки. Г. полицеймейстеръ сталъ внимательно пересматривать ихъ содержимое: двѣ маленькихъ тетрадки съ парой сотенъ норвежскихъ словъ, мою оконченную рукопись о Мурманскомъ берегѣ, нѣсколько любительскихъ снимковъ, относящихся къ ней, и еще кое-какую мелочь. Завидѣвъ рукопись, онъ жадно набросился на нее, но, конечно, тотчасъ же долженъ былъ обратиться ко мнѣ за разъясненіями. Онъ какъ будто удовлетворился, получивъ ихъ, но тотчасъ же его колебаніе уступило мѣсто новому сомнѣнію: онъ увидѣлъ фотографическіе снимки. Опять онъ зло улыбнулся и ужъ болѣе сурово произнесъ:

— Вотъ вы говорите, что аппаратовъ у васъ нѣтъ, откуда же взялись снимки?

Я объяснилъ, что снимки сдѣланы любителемъ-фотографомъ и подарены мнѣ, какъ имѣющіе отношеніе къ рукописи. Комиссаръ недовѣрчиво покачалъ головой и перешелъ къ нашимъ доморощеннымъ словарчикамъ.

Нѣсколько выразительныхъ взглядовъ Максимова, до сихъ поръ молчавшаго, показали мнѣ, что онъ тоже хочетъ вдаться въ объясненія. Пользуясь своимъ сомнительнымъ знаніемъ десятковъ двухъ шведскихъ словъ, онъ пустился объяснять комиссару назначеніе нашихъ словарчиковъ. Это по истинѣ была удивительная смѣсь желанія объяснить съ желаніемъ одурачить. Съ самымъ невиннымъ, почти глуповатымъ видомъ онъ показывалъ на лампу, потомъ произносилъ ее по-норвежски и, наконецъ, по-русски. Затѣмъ онъ аккуратно продѣлалъ то же съ комнатою, столомъ, стаканомъ, шапкой и всѣмъ прочимъ, что попало въ глаза.

Все это сопровождалось уморительнымъ тыканьемъ пальцемъ въ словарчикъ и умильнымъ, ясно-дѣтскимъ заглядываніемъ въ комиссарскія очи. И все время болѣе подробныя «объясненія» Максимовъ велъ почти сплошь на четвѣйшемъ *русскомъ* языкѣ. Комиссаръ смотрѣлъ на него, выпуча глаза, и началъ уже переглядываться со своими подчиненными: что, молъ, за дуракъ такой! А Максимовъ не давалъ ему возможности перебить себя и продолжалъ наворачивать галиматью по рецепту: два норвежскихъ слова и десятокъ русскихъ. Я съ удовольствіемъ наблюдалъ эту сценку и еле сдерживался, чтобъ не расхохотаться: такъ для меня было ясно, что Максимовъ нарочно «валяется дурака». Наконецъ съ удовольствіемъ же я замѣтилъ, что лицо комиссара начищаетъ выплывать изъ тумана недовѣрія, недоумѣнія и одураченности.

— Ключуло!—заликовалъ я.

Дѣйствительно, черезъ секунду г. полицеймейстеръ поднялъ руку, чтобъ прекратить болтовню Максимова, и увѣренно произнесъ по-пѣмецки:

— Теперь я хорошо вижу, кто вы такіе!

И сопроводилъ эти слова точно извиняющеюся улыбкой... Записавъ въ заключеніе наши фамиліи—Boris Maksimoff и Andreas Solovieff (такъ я себя называлъ), комиссаръ преподнесъ намъ свой послѣдній кезырь:

— Но для чего же, въ такомъ случаѣ,—обратился онъ ко мнѣ,—вы вчера осматривали крѣпость?

И въ послѣдній разъ онъ бросилъ на насъ полу-испытующій, полу-торжествующій взглядъ.

— Fe-e-stung?!.—воскликнулъ я и перевелъ вопросъ Максиму, а онъ, конечно, не заставилъ себя ждать и произнесъ тоже по-русски, обращаясь къ нашему слѣдователю:

— Крѣпость? Какая крѣпость? Гдѣ она?

Изъ дальнѣйшаго объясненія комиссара пришлось заключить, что «крѣпость»—это тѣ маленькіе деревянные бараки, надъ назначеніемъ которыхъ мы ломали вчера голову.

Если читатель вспомнить, «крѣпость» Бодепъ и указана въ приведенной въ началѣ телеграммѣ объ арестѣ русскихъ точильщиковъ. Конечно, можетъ быть, тамъ гдѣ-нибудь позади или сбоку и была крѣпость, но такъ какъ мы, кромѣ домиковъ, ничего не видѣли, то новое наше изумленіе было, очевидно, настолько искренно и реально воспроизведено, что комиссаръ окончательно успокоился. Жестомъ онъ попросилъ насъ сложить свои «вещи», объявилъ насъ свободными, извинился и исчезъ. Спутники его успѣли стусhevаться еще раньше.

Какъ быстроногія лани, бросились мы къ вокзалу и едва успѣли вскочить на подножку, какъ поѣздъ тронулся.

— Уфъ!—радостно вздохнули мы:—кажется, выпутались!

Но, къ сожалѣнію, это еще не былъ конецъ: это были только двѣточки.

V.

Въ Мюріярвѣ мы должны были прибыть днемъ. Весь путь мы дѣлились впечатлѣніями. Максимовъ былъ «героємъ дня»: вѣдь онъ въ сущности вывезъ все дѣло. Кромѣ того, его шпиономанія получила полное свое оправданіе, а мой скептицизмъ—поруганіе... Но обоимъ было легко. Какъ бы тамъ ни было—намъ повѣрили, отпустили, и мы теперь совершенно можемъ быть спокойны.

Но, увы! «рокъ судилъ иное».

Вплоть до Мюріярва мы болѣе не видѣли въ вагонѣ обязательнаго нашего спутника—юркій котелокъ исчезъ безслѣдно. Прибывъ въ Мюріярвѣ, я сдалъ на почту свою рукопись, и затѣмъ мы отправились къ сапожнику, чтобъ привести въ порядокъ нашу обувь. Тутъ же нами были наведены справки о дорогѣ къ Торнео. Оказалось, что туда не болѣе ста километровъ.

Кромѣ опредѣленія разстоянія, справки наши, за отсутствіемъ необходимаго количества словъ, ограничились указаніемъ, въ какую сторону намъ слѣдуетъ итти. Выяснилось также, что тотчасъ за виднѣвшимся большимъ садомъ будетъ рѣка, черезъ которую придется переправиться. Мы бодро зашагали. Солнце уже садилось, но мы хотѣли итти до полныхъ сумерекъ. Но прошли мы километра три, садъ давно миновали, а рѣки все не было. Хотѣли остановить какого-то велосипедиста, чтобъ разспросить его о дорогѣ, но онъ такъ быстро прошмыгнулъ мимо насъ впередъ, что мы не успѣли и окликнуть его. Еще черезъ километра два набрали на туземца, который сидѣлъ у дороги и усердно ѣлъ чернику: ею были, какъ бисеромъ, усыпаны оба склона шоссе.

— Дорога на Хапаранта?—кратко спросили мы у него и показали на шоссе. (Финляндскій городокъ Торнео лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, а на правомъ расположенъ шведскій городокъ Habaranta)

Любитель черники отрицательно покачалъ головой и что-то забор-моталъ, но, увидѣвъ, что мы «очень мало» его понамаемъ, сталъ чертить на песокъ нашъ маршрутъ. Оказалось, что за садомъ надо было свернуть съ дороги на тропинку... Пришлось брести назадъ. И не успѣли мы сдѣлать въ обратную сторону и трехъ километровъ, какъ насъ снова нагналъ и промчался мимо тотъ же велосипедистъ.

Максимовъ недовольно насупился и пробурчалъ:

— Это что же, котелокъ № 2?

Не желая его дразнить, я промолчалъ, но въ душѣ посмѣялся: не выбьешь изъ головы челоуѣка его *idée fixe*. Недалеко отъ сада замедлившій ходъ велосипедистъ повернулъ налѣво. Это, очевидно, и была тропинка къ рѣкѣ. И дѣйствительно, идя по ней, мы вскорѣ очутились у небольшой рѣки. Возлѣ лодки хлопоталъ велосипедистъ: вытащилъ изъ кустовъ весла и, сложивши ладони руноромъ, кого-то звалъ. Мы заговорили къ нему по-норвежски:

— Какъ переѣхать на ту сторону?

Очень любезно и тоже по-норвежски онъ отвѣтилъ:

— Мальчика нѣтъ!.. Сами переѣдемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ были на той сторонѣ. Получивъ отъ любезнаго велосипедиста указаніе, гдѣ найти ночлегъ, мы отправились дальше, а онъ быстро опередилъ насъ на велосипедѣ.

Было почти темно, когда подошли мы къ группѣ домовъ, окружавшихъ дорогу. Здѣсь какой-то старикъ, точно поджидая насъ (Максимову это показалось подозрительнымъ), пригласилъ насъ въ свой домъ, отвелъ большую комнату, накормилъ насъ «пимой» (родъ кислаго молока) и плоскимъ тонкимъ норвежскимъ хлѣбомъ. Затѣмъ, пожелавъ намъ спокойной ночи, удалился, оставивъ свѣчу. Мы быстро заснули богатырскимъ сномъ и уже часу въ пятомъ были на ногахъ. Закусивъ на дорогу и расплатившись съ радушнымъ хозяиномъ, мы снова отправились въ путь.

Дорога наша была очень живописна. Хуторскіе домики шведскихъ крестьянъ, ярко-зеленые сѣнокосы, а по правой рукѣ какой-то нескончаемый длинный прудъ. Отъ времени до времени мы видѣли издали прекрасные, точно сказочные замки, къ которымъ вели отъ дороги аллеи деревьевъ. Потомъ мы вступили въ лѣсъ, наполнявшій собой громадный холмъ, тянувшійся вверхъ километровъ на шесть—семь. И издали мы видѣли гдѣ-то тамъ, вверху, то извивающуюся, то пропадающую дорогу.

Максимовъ все не могъ успокоиться. Онъ все присматривался къ дорогѣ съ самаго начала нашего пути, наконецъ, черезъ часа три

торжествующе остановился и показал мнѣ на песокъ. Я посмотрѣлъ. На песокѣ ясно были отпечатаны слѣды велосипеда.

— Опять!—воскликнулъ Максимовъ:—когда же, наконецъ, онъ оставитъ насъ въ покоѣ?

Я постарался его успокоить:

— Что же удивительнаго въ томъ, что у человѣка путь совпадаетъ съ нашимъ? Не волнуйтесь понапрасну. Если бъ за нами хотѣли слѣдить, то слѣдили бы внимательноѣе...

Часовъ въ двѣнадцать дня мы расположились завтракать. Это была опушка лѣса, тотчасъ у самого шоссе.

Не успѣлъ вскипѣть нашъ чайникъ, какъ въ облакѣ пыли пролетѣлъ впередъ велосипедистъ...

— Ничего не понимаю!—развелъ я руками.—Вѣдь слѣдъ былъ все время передъ нами, откуда же «онъ» взялся сзади?

Завтракали мы очень долго, не такъ изъ-за обилія блюдъ, какъ изъ-за желанія отдохнуть. Изъ ста километровъ мы успѣли пройти уже тридцать пять и къ вечеру хотѣли добраться до шестидесяти. По дорогѣ все время никого не было. Проѣхавъ въ обратную сторону на одноколкѣ какой-то сѣдобородый господинъ въ очкахъ, посмотрѣлъ на насъ искоса, потомъ, черезъ минуту пятнадцать, вернулся обратно.

Мы уже собирали свои пожитки, чтобъ отправиться дальше, какъ замѣтили группу изъ четырехъ человѣкъ, повернувшую съ дороги къ нашему бивуаку. Направились они со стороны нашего дальнѣйшаго пути, т.-е. оттуда, куда скрылся велосипедистъ и куда проѣхалъ безвозвратно сѣдобородый господинъ въ очкахъ. Присмотрѣвшись къ приближавшейся группѣ, увидѣли мы среди нея и... велосипедиста, но уже «спѣшившагося».

Подойдя къ намъ, «велосипедистъ» ни къ селу, ни городу сталъ задавать намъ по-норвежски вопросы: куда мы идемъ? зачѣмъ? какъ насъ зовутъ? кто мы такіе.

Возлѣ него вертѣлся небольшой человѣкъ, который, какъ намъ показалось, старался вникнуть въ тѣ нѣсколько русскихъ словъ, которыми мы между собой обмѣнялись. Наконецъ знаками и словами «велосипедистъ» далъ намъ понять, что они должны «проводить» насъ къ лесману. Пожавъ плечами, побрели мы, какъ арестанты, эскортируемые «велосипедистомъ» и его тремя спутниками.

— Формальный арестъ—пробормоталъ я Максиму.

Онъ угрюмо молчалъ.

VI.

Съ большой печалью слѣдовали мы къ лесману.

Очевидно, думали мы, это—нѣчто вродѣ нашего становаго пристава. Значить, исторія еще не кончилась. Максимовъ нашелъ удобную минуту, чтобъ шепнуть мнѣ:

— Этотъ маленькій человѣкъ отлично понимаетъ по-русски. Лучше будетъ, если мы помолчимъ.

Впоследствии я не разъ проклиналъ Максимова за измѣнившую ему на этотъ разъ простоватую хитрость. Вѣдь болтай мы по-русски о нелѣпомъ, не соответствующемъ намъ положеніи, въ которое мы попали, — «маленькій человѣкъ», безъ сомнѣнія, передалъ бы нашъ разговоръ «ленсману», и наше дѣло скорѣе упростилось бы. Но дорога наша — верстъ около пяти — прошла совершенно молчаливо.

Черезъ часъ мы пришли въ городокъ (я ужъ позабылъ его названіе), находившійся на берегу Ботническаго залива, Отвели насъ прямо къ ленсману. Когда мы вошли въ его комнату, напминавшую кабинетъ охотника, то въ креслѣ увидѣли... сѣдобородаго господина въ очкахъ, проѣзжавшаго мимо насъ на одиоколкѣ часа полтора назадъ. Объясненія съ ленсманомъ были весьма затруднительны. Нѣмецкій онъ зналъ слабо и, если не ошибаюсь, полагалъ, что нѣмецкій языкъ не болѣе, какъ исковерканный шведо-норвежскій. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это бумага, которую держалъ въ рукахъ ленсманъ.

— Во-ris Maksi-moff? — произнесъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на насъ.

Максимовъ широко раскрылъ глаза: значить, мы «при бумагѣ», и затѣмъ наклонился въ сторону ленсмана.

— Andre-as So-lo-vieff? — повернулся ленсманъ ко мнѣ.

Я наклонилъ голову.

Ленсманъ сначала спросилъ обычное въ такомъ случаѣ, свѣряя наши отвѣты съ тѣмъ, что было написано на бумагѣ. Затѣмъ онъ попросилъ Максимова выйти, желая, очевидно, допросить насъ въ одиночку. Какъ только Максимовъ вышелъ за дверь, въ нее вошелъ высокій молодой человѣкъ, свѣтлый блондинъ, чисто великорусскаго типа. Ленсманъ радостно закивалъ ему головой и, указывая нѣсколько разъ на меня и въ сторону находившагося въ передней Максимова, что-то долго съ жаромъ объяснялъ. Послѣ этихъ объясненій онъ усѣлся поудобнѣе въ кресло, обмакнулъ перо въ чернильницу и приготовился, очевидно, что-то писать.

А новый молодой человѣкъ, точно громъ на голову, обратился ко мнѣ на чистѣйшемъ руссѣйскомъ діалектѣ:

— Скажите, пожалуйста, что у васъ тутъ за исторія? Какъ вы попали сюда и куда вы направляетесь?..

Лучше было бы мнѣ услышать трубу херувима во второе пришествіе, чѣмъ этотъ чудный русскій голосъ! Вѣдь въ концѣ концовъ мы, по несчастному недоразумѣнію, пуще смерти боялись именно раскрытія съ насъ бѣглыхъ русскихъ политическихъ. Вѣдь до послѣдней минуты мы надѣялись, что взаимное «язычное» непониманіе и наша круговая непричастность къ военному шпион-

ству, бывшая ключомъ изъ нашего невиннаго поведенія, освободятъ насъ отъ тенетъ нелѣпаго подозрѣнія!

Теперь же... этотъ русскій... Вѣдь не вотремъ же мы ему очковъ насчетъ «несчастной забывчивости», позволившей намъ не взять своихъ паспортовъ?! Шведамъ и норвежцамъ еще можно было рассказывать это, но русскій, вѣдь, пойметъ, что путешествіе именно по Россіи безъ паспорта—немыслимо. Слѣдовательно, обманъ нашъ обнаружится и... мы будемъ обращены въ первобытное состояніе.

Я долго колебался. Я долженъ былъ рѣшиться и за себя и за Максимова. Признаться ли во всемъ, распустить этотъ узелъ, или запутывать его дальше? Я не успѣлъ обдумать рѣшеніе, какъ точно по заказу полилась моя затверженная рѣчь, только ужъ на русскомъ языкѣ:

— Мы путешественники... проклятая неосмотрительность... и т. д. Сюда я прибавилъ еще возмущеніе Швеціей, которая, оказывается, не лучше Турціи насчетъ грубаго обращенія съ иностранцами. Прибавилъ также и шпильку, что въ Норвегіи мы жили полтора мѣсяца и никто къ намъ не придирался, а господа шведы не дадутъ прощмыгнуть по ихъ странѣ въ теченіе двухъ-трехъ дней...

Русскій слушалъ очень внимательно и, какъ я ожидалъ, никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ мы рѣшили отправиться по Архангельской губерніи путешествовать безъ паспортовъ. Черезъ минуту двадцать меня отпустили и позвали Максимова.

Сидя въ передней, я слыхалъ, какъ громко рассказывалъ наше условленное вранье Максимовъ. Все, что онъ говорилъ, было до мелочей сходно съ моими «показаніями».

«Какъ хорошо! — подумалъ я: — какъ хорошо, что я бессознательно сталъ «пороть» условленные «показанія», а не вздумалъ каяться въ «политическомъ прошломъ».

Послѣ допроса Максимова меня опять позвали и стали довольно, надо сознаться, грубо обыскивать насъ и наши узелки. Я опять поднялъ тонъ и сталъ съ возмущеніемъ говорить о шведскихъ порядкахъ.

Когда допросъ и обыскъ кончились, я обратился къ русскому съ вопросомъ, чѣмъ же кончится наша нелѣпая исторія и дадутъ ли намъ возможность продолжать нашъ путь? Поговоривши съ ленсманомъ, онъ намъ заявилъ, что г-нъ ленсманъ не можетъ насъ отпустить, пока не получитъ директивъ отъ губернатора, которому онъ сейчасъ посылаетъ относительно нашей исторіи телеграмму.

Видя, что плетью обуха не перешибешь, мы рѣшили прекратить наше возмущеніе и покориться «неизбѣжной и горькой судьбѣ». Мы съ нѣкоторымъ сознаниемъ права на это попросили дать намъ помѣщеніе, чтобы могли ожидать губернаторскаго распоряженія, не будучи стѣсненными передней или кабинетомъ ленсмана. «Велосипедистъ» оказался нашимъ «проводатымъ». Онъ не отходилъ

отъ насъ ни на шагъ, когда мы покупали въ лавкахъ закуски, и сопровождалъ насъ въ какое-то кафе, гдѣ оказалась большая пустая комната (вродѣ украинской «коморы»), предоставленная для нашего отдохновенія.

Было часовъ шесть вечера, когда, утомленные и дорогой, и выпитымъ чаемъ, мы заснули, какъ убитые.

Проспали мы, вѣроятно, часа три. Было почти совсѣмъ темно, когда въ нашу комнату вошелъ «велосипедистъ», а за нимъ и русскій, игравшій роль переводчика при допросѣ ленсмана.

— Ну, вотъ! ваша исторія, хотя и не совсѣмъ закончена, но улаживается,—заявилъ онъ:—отъ губернатора есть телеграмма. Онъ разрѣшилъ вамъ дальнѣйшій свободный путь, но никакъ не иѣшкомъ, а на пароходѣ, который къ утру привезетъ васъ въ Хапаранту-Торнео.

Мы облегченно вздохнули.

Около полуночи сѣли мы на пароходъ, усиленно слѣдя, нѣтъ ли за нами «хвостовъ». Но даже излишняя подозрительность Максимова на этотъ разъ была спокойна. Съ нами сѣло только нѣсколько женщинъ. Спать не хотѣлось, и всю почти ночь мы сидѣли на палубѣ и смотрѣли на сѣрое небо и сѣрое море. Всюду были разбросаны островки, покрытые зеленью.

Къ утру мы прибыли въ Хапаранту. Веселые, довольные, что нѣтъ «хвоста», съ нетерпѣніемъ ждали мы причала. Правда, сердце немного билось въ ожиданіи перехода черезъ русскую границу, но послѣ тревоженій послѣднихъ дней какъ-то понизилось ожиданіе еще чего-то сквернаго. Мы стояли первыми у выхода на пристань, и какъ только были переброшены мостки, мы первыми ринулись на берегъ.

Но...

Не успѣли мы переставить и вторую ногу на берегъ, какъ передъ нами выросъ бородатый джентльменъ съ бумагой въ рукахъ. По обѣимъ его сторонамъ стояли два настоящихъ полисмена, въ военной формѣ, въ кепи и при небольшихъ тесакахъ на боку...

Со стороны бородатаго джентльмена два вопросительныхъ полупоклона съ неизбѣжными:

— Vo-ris Mak-si-moff?

— An-dreas So-lo-vieff?

И такіе же утвердительные полупоклоны и съ нашей стороны.

Затѣмъ со стороны джентльмена любезнѣйшій жестъ, обозначающій:

— Пожалуйста!

Мы, конечно, «пожаловали». Порядокъ шествія былъ такой: впереди шель джентльменъ, затѣмъ мы, а по бокамъ полисмены. Черезъ нѣсколько минутъ ходьбы мы очутились передъ небольшимъ двухъэтажнымъ домомъ, надъ входной дверью котораго была

прикрѣплена небольшая доска съ краткою, но краснорѣчивою надписью:

«Police».

Новый, и послѣдній, допросъ продолжался недолго.

Самъ г. policmeister не зналъ, что же, наконецъ, съ нами дѣлать. Очевидно, онъ имѣлъ всѣ предыдущія данныя о насъ и ему предоставлено было окончательное рѣшеніе. Мы, видя его перѣшительность, предложили отправить насъ къ русскому консулу (о, святая глупость!), чтобъ, такимъ образомъ, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ дальнѣйшемъ офиціальномъ опредѣленіи нашихъ личностей. Наконецъ г. policmeister предложилъ намъ взять наши узелки и слѣдовать за нимъ. вмѣстѣ съ нами отправился и одинъ полицменъ.

Молча мы слѣдовали за нимъ, не зная, куда онъ насъ приведетъ. Наше недолгое путешествіе затормозилось у болота, представлявшаго собою высохшее старое русло рѣки Торнео. У длиннаго, черезъ все болото мостика, ведшаго, очевидно, на ту сторону (т. е. въ Финляндію), г. policmeister остановился.

Остановились и мы.

Новый жестъ со стороны г. policmeister, точно предлагающій взойти на мостки, вѣжливое прикосновеніе къ шляпѣ и привѣтливое прощаніе:

— Фар-вэль! (Забывъ, какъ изображается это милое прощаніе на шведскомъ языкѣ).

Мы, нѣмые и глухие отъ неожиданности, еле успѣли отвѣтить тѣмъ же и, какъ угорѣлые, бросились на мостки. Одинъ Рубиконъ перейденъ! Остается второй!

Мостки вели на твердый грунтъ—островъ, на которомъ и расположеть финляндскій пограничный съ Швеціей городокъ Торнео. При окончаніи мостковъ насъ встрѣтилъ финнъ въ костюмѣ, похожемъ на обычную пограничную зеленую одежду.

Не спросивъ паспортовъ и пересмотрѣвъ содержимое узелковъ, онъ заявилъ намъ, что придется обождать въ дежурной, пока цепзоръ придетъ и просмотритъ имѣвшіяся у насъ двѣ нѣмецкихъ книжонки: пбсеновскіе «Докторъ Штокманъ» и «Гедда Габлеръ».

Мы зашли въ дежурную. Тамъ встрѣтилъ насъ жандармъ. Ожидая все-таки вопроса о паспортѣ, я сталъ возмущаться порядками Швеціи, которая-де придралась къ намъ изъ-за паспортовъ въ то время, какъ мы... и т. д. Видя, впрочемъ, что паспортный вопросъ нисколько не интересуеть жандарма, я тотчасъ же закрылъ фонтанъ краснорѣчія.

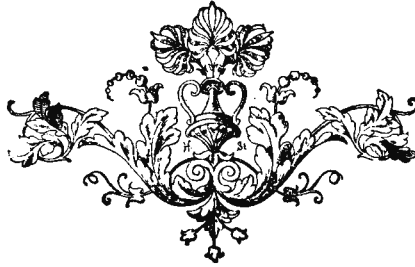
Жандармъ оказался очень милымъ и разговорчивымъ человекомъ. Разказалъ намъ прежде всего о только что опубликованномъ указѣ объ учрежденіи государственной думы (это было 9—11 августа), показалъ «Виржевыя Вѣдомости». Затѣмъ, скучая страшно

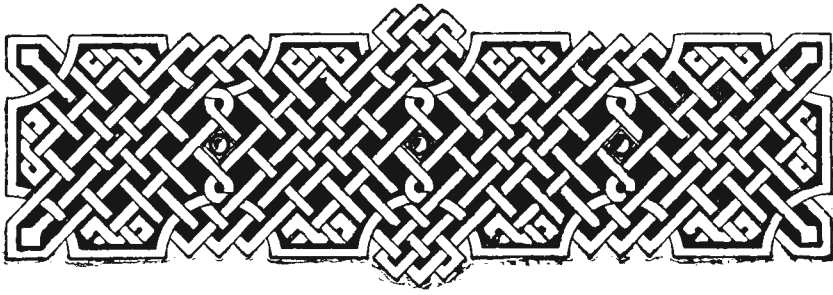
по соотечественникамъ, пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ. У него же мы отпили вечерній чай и переночевали.

На другой день утромъ переплыли на паровомъ паромѣ на материкъ и сѣли на поѣздъ. Любезный жандармъ далъ намъ въ спутники своего коллегу, съ которымъ мы и вели интересныя бесѣды о финляндскихъ дѣлахъ вплоть до самаго Выборга.

Если не ошибаюсь, еще черезъ день рано утромъ мы прибыли въ Петербургъ. Пребываніе въ званіи «военныхъ шпионовъ» благополучно окончилось. Хотелся добавить одну подробность: рукопись, направленная мною изъ Мюріярва, такъ въ Петербургъ и не прибыла. Никакія справки и просьбы въ шведскомъ консульствѣ не помогли.

Д. Бразуль.

ВОСПМИНАНИЕ О М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

ЛУЧАЙ, какъ это часто бываетъ, совершенно неожиданно доставилъ мнѣ знакомство съ героемъ сербско-турецкой войны 1875—76 годовъ—Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ. Это было въ 1879 г. въ Москвѣ, куда я пріѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ провинціи и гдѣ, тоже случайно, встрѣтился съ моимъ пріятелемъ N. N., проѣзжавшимъ куда-то черезъ Москву въ качествѣ корреспондента одной большой петербургской газеты. Онъ былъ очень близокъ съ генераломъ Черняевымъ и, сообщивъ мнѣ объ его недавнемъ пріѣздѣ въ Москву, насколько помнится, изъ деревни, предложилъ навѣстить вмѣстѣ съ нимъ отважнаго завоевателя Туркестана и представить ему меня, какъ черногорца по происхожденію, желавшаго работать въ одной петербургской газетѣ, пользовавшейся симпатіей Михаила Григорьевича.

Знакомство съ легендарнымъ героемъ, доблестное имя котораго нисколько не утратило тогда своего обаянія, хотя блескъ его славы померкъ нѣсколько подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ,—было такъ заманчиво, что я не задумался отвѣтить на любезное предложеніе признательностью, замѣтивъ, однако, что «боюсь стѣснить генерала своимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ»...

На это пріятель мой возразилъ, что генераль очень снисходителенъ ко всѣмъ посѣщающимъ его, что онъ весьма милъ и простъ въ обращеніи, и что ему пріятно будетъ при нашемъ визитѣ побе-

сѣдовать со мною о славянахъ и вспомнить пережитое имъ за ихъ освобожденіе.

Я поддался искушенію. Мы сговорились, гдѣ намъ встрѣтиться на другой день, чтобы къ 10-ти часамъ утра попасть къ М. Г. Черняеву. Такой ранній часъ избранъ былъ потому, что, по словамъ Н. Н., хорошо знавшаго привычки генерала, онъ охотнѣе всего принималъ по утрамъ, до начала своихъ обычныхъ занятій. Кромѣ того, въ утренніе часы почти всегда можно было застать его дома.

Въ назначенный часъ мы были у дверей квартиры Черняева, которую онъ занималъ, насколько помню, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. На звонокъ нашъ вышелъ денщикъ, отъ котораго мы узнали, что генераль уже всталъ и собирается пить чай. Пославъ ему наши карточки, мы не прождали и минуты, какъ были приняты.

Небольшая, въ три окна зала, оклеенная бѣлыми обоями, была меблирована очень скромно и просто. Въ одномъ изъ угловъ ея на обыкновенномъ ломберномъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, былъ сервированъ утренній чай. Маленькій никкелированный самоваръ, оригинальной конструкціи, похожій скорѣе на кофейникъ или на тѣ курьезныя machines du thé, которыя подаютъ за границей во французскихъ отеляхъ русскимъ пріѣзжимъ, — нагрѣвался спиртовой лампочкой и начиналъ закипать. Возлѣ стола стояли два-три вѣнскихъ черныхъ стула, а въ самомъ углу — маленькій вѣнскій диванчикъ съ плетенымъ сидѣньемъ...

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу вошелъ Михаилъ Григорьевичъ и, привѣтливо протянувъ Н. Н. руку, воскликнулъ:

— Очень радъ васъ видѣть!...

И вслѣдъ за тѣмъ по русскому или, точнѣе, обще-славянскому обычаю, расцѣловался съ своимъ гостемъ.

Черняевъ былъ въ генеральской тужуркѣ, съ погонами и съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Онъ смотрѣлъ бодро и свѣжо, тѣмъ болѣе, что передъ этимъ только что умылся, что было замѣтно и по лицу и по мокрымъ слегка волосамъ, гладко зачесаннымъ сверху.

Я тотчасъ узналъ генерала по его многочисленнымъ портретамъ, хотя долженъ замѣтить, что почти ни одинъ изъ нихъ не передавалъ въ точности характерныхъ чертъ наружности Михаила Григорьевича, а тѣмъ болѣе общаго, преобладающаго выраженія ея. Начать съ того, что клинообразную бородку «иностранныго образца» Черняевъ, какъ я узналъ, носилъ только во время сербско-турецкой войны, и что это прививное украшеніе вовсе не шло къ нему и сильно вредило общему выраженію его серьезной, вдумчивой наружности.

Затѣмъ на всѣхъ изображеніяхъ Михаила Григорьевича, которыя удалось мнѣ видѣть, генералу придавался какой-то особый задоръ, било въ глаза нѣчто вызывающее, тогда какъ на самомъ

дѣлѣ лицо Черняева, дышавшее благородствомъ и спокойствіемъ, не заключало въ себѣ ничего подобнаго: въ немъ не сквозило ни малѣйшей рисовки, ничего такого, что говорило бы о тщеславіи, о самомнѣніи, о нескромности...

Наружность Черняева не отличалась никакою оригинальностью и была вовсе не изъ красивыхъ. Простое, чуть-чуть калмыковатое лицо его было по типу довольно заурядно. Глядя на него, вы невольно вспоминали, что не разъ уже видѣли такія лица среди армейскихъ офицеровъ прежняго времени—простоватыхъ, грубоватыхъ, ничего о себѣ не мыслящихъ и ничего особеннаго не внушающихъ.

У Черняева были весьма выразительные черные глаза, въ которыхъ въ минуты нашей встрѣчи проглядывали грусть и недовольство... Складъ лба и челюстей, контуры довольно толстыхъ губъ, то плотно сжатыхъ и обличающихъ рѣшимость и энергію, то полураскрытыхъ и обнаруживающихъ крупные крѣпкіе бѣлые зубы, такъ и говорили, что передъ вами человѣкъ съ большимъ характеромъ, съ непреклонною волей, настойчивый, требовательный, крутой и, пожалуй, упрямый. Даже въ небольшихъ усахъ Михаила Григорьевича, вовсе не фатовато закрученныхъ, какъ на нѣкоторыхъ его наиболѣе неудачныхъ портретахъ, а какъ-то характерно торчащихъ, съ чуть-чуть вытянутыми въ стороны кончиками, тронутыми фиксауаромъ,—замѣтно было то же самое общее выраженіе самообладанія, энергіи, настойчивости.

Кромѣ всѣхъ этихъ основныхъ типичныхъ чертъ, наружность Черняева и особенно его крутой открытый лобъ и зоркіе, пронизательные глаза, точно прострѣливающіе васъ насквозь, сразу опредѣленно и ясно обличали его прямую, честную натуру, его крутой, непокладливый нравъ, его острый злой языкъ, который, когда нужно, такъ и отрѣжетъ вамъ, кто бы вы ни были, голую, горькую правду.

Вотъ какое, въ общемъ, впечатлѣніе произвела на меня наружность М. Г. Черняева не только въ первыя минуты нашего знакомства, но и въ теченіе цѣлаго дня и вечера, проведенныхъ, какъ увидитъ дальше читатель, съ генераломъ...

Кстати. *Генераломъ* въ общепринятомъ смыслѣ Михаилъ Григорьевичъ вовсе не смотрѣлъ, и если исключить его генеральскіе погоны и широкіе красные лампасы, то передъ вами оставался самый обыкновенный по манерамъ и обращенію армейскій офицеръ.

Когда я былъ представленъ, Черняевъ любезно протянулъ мнѣ руку и сказалъ, пристально смотря на меня:

— Такъ вы черногорецъ! Очень радъ познакомиться: черногорцевъ я люблю больше всѣхъ славянъ... Безупречный народъ! Вы можете гордиться, что носите черногорскую фамилію...

И; еще разъ крѣпко пожавъ мнѣ руку; Михаилъ Григорьевичъ усадилъ насъ за столъ и сказалъ такъ просто, какъ будто мы были его сожители и встрѣтились въ общей залѣ, у чайнаго стола;

— Ну, что же, будемъ чай пить?!...

Мы поблагодарили, а Черняевъ, позвонивъ чловѣку, спросилъ для насъ два стакана и сталъ разливать чай.

Послѣ общихъ разспросовъ у Н. Н., зачѣмъ онъ въ Москвѣ, куда ѣдетъ и т. п., Михаилъ Григорьевичъ, вовсе не знавшій меня, изъ простого, вѣроятно, приличія, обратился и ко мнѣ съ подобными же вопросами.

Тогда пріятель мой Н. Н., воспользовавшись этимъ, прямо, не церемонясь, объявилъ за меня, что я пріѣхалъ въ Москву по своимъ литературнымъ дѣламъ и велѣдъ за тѣмъ, какъ бы мимоходомъ, перекомендовалъ меня Черняеву въ корреспонденты известной петербургской газеты, въ которой Михаилъ Григорьевичъ принималъ одно время участіе и съ редакторомъ-издателемъ которой былъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Пообщавъ сдѣлать все отъ него зависящее, Черняевъ до того просто и участливо отнесся къ нашей нѣсколько щекотливой просьбѣ, что мнѣ и теперь еще стадовится целовко, когда я вспоминаю, что могъ показаться назойливѣмъ, рассчитывающимъ только на рекомендаціи...

Всякому извѣстно, чѣмъ оканчиваются по большей части такого рода обѣщанія, а потому долженъ, кстати ужъ, сказать, что Михаилъ Григорьевичъ сдержалъ свое слово, и я получилъ скоро послѣ того приглашеніе отъ редактора-издателя названнаго изданія.

За чаемъ у Черняева бесѣда наша сосредоточилась почти исключительно на политическихъ событіяхъ Сербіи и Болгаріи, всегда горячо интересовавшихъ Михаила Григорьевича.

Послѣ чая онъ любезно предложилъ намъ осмотрѣть вмѣстѣ бывшую въ то время въ Москвѣ этнографическую и антропологическую выставку, на которой при осмотрѣ проявилъ большую любознательность. Особое вниманіе обращено было имъ въ этнографическомъ отдѣлѣ на народности восточной Россіи и крайняго Сѣвера. Тутъ онъ долго бесѣдовалъ съ распорядителями выставки о занимавшихъ его предметахъ. Изъ антропологическихъ коллекцій больше всего заинтересовали Михаила Григорьевича черепа, доставленные изъ Туркестана. Осматривая ихъ съ большимъ любопытствомъ, онъ обратился къ намъ съ скорбною улыбкой на сосредоточенно-грустномъ лицѣ и сказалъ:

— Эти черепа папоминаютъ мнѣ мое прошлое: сколько ихъ видѣлъ я въ Туркестанѣ, каждый разъ вспоминая картину Верещагина: «Апоѳеозъ войны»... Помните пирамиду изъ череповъ, а подъ нею саркастическое посвященіе: «всѣмъ завоевателямъ — прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ»...

На выставкѣ мы пробыли часовъ до пяти и, проголодавшись, отправились оттуда, по предложенію Черняева, всё вмѣстѣ обѣдать въ «Эрмитажъ».

Для удобства мы заняли отдѣльный кабинетъ. При выборѣ блюдъ Михаилъ Григорьевичъ заявилъ, что любить больше всего простую русскую кухню, русскія щи и кашу, — гречневую, конечно. И то и другое вошло въ меню нашего обѣда.

За столомъ, послѣ взаимнаго обмѣна впечатлѣніями, полученными отъ выставки, разговоръ коснулся русско-турецкой войны. На вопросъ моего коллеги, при какихъ условіяхъ Михаилъ Григорьевичъ вызванъ былъ Александромъ II на театръ войны, Черняевъ разсказалъ намъ приблизительно слѣдующее:

— Получивъ изъ главнаго штаба депешу, которою я, по высочайшему повелѣнію, вызывался въ дѣйствующую армію, я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ собрался и выѣхалъ...

«Это было послѣ «второй Плевны»... Явсья въ главную квартиру, я на другой же день получилъ отъ министра двора приказаніе явиться государю, котораго едва узналъ, такъ онъ похудѣлъ и осунулся...

«Императоръ былъ очень грустенъ, озабоченъ и встрѣтилъ меня вопросомъ:

«— Что ты скажешь о всемъ томъ, что случилось?»

«Я не совсѣмъ понялъ этотъ вопросъ, но, не рѣшаясь переспросить, дабы не разсердить государя, очень въ то время нервнаго и раздражительнаго, позволилъ себѣ уклониться отъ прямого отвѣта и только тихо промолвилъ:

«— Тяжелы, ваше величество, утраты, но ошибки невозвратны...

«— Ты думаешь?.. Чьи ошибки?—спросилъ онъ довольно строптиво.

«— Не рѣшаюсь отвѣчать, государь...

«— Говори прямо и смѣло,—промолвилъ Александръ Николаевичъ и зорко посмотрѣлъ мнѣ въ глаза...

«— Боюсь огорчить ваше величество...

«— Говори!.. я тебѣ приказываю... Чьи ошибки?..

«— Генеральнаго штаба!—рѣшительно отрѣзалъ я и прикусилъ языкъ.

«— Какого же ты мнѣнія о моемъ генеральномъ штабѣ?»

«— Не лестнаго, ваше величество: это сумасшедшій домъ, а не генеральный штабъ! ¹⁾...

«Государь сразу измѣнился въ лицѣ, нахмурился и проговорилъ рѣзкимъ тономъ:

¹⁾ Не принимаю на себя никакой отвѣтственности за передачу этого оскорбительнаго для генеральнаго штаба мнѣнія покойнаго М. Г. Черняева, которое я, констатируя лишь фактъ, передалъ здѣсь съ буквальною точностью.

«— Это дерзко!—окинулъ меня съ головы до ногъ грознымъ взглядомъ, круто повернулся ко мнѣ спиной и вышелъ изъ пріемной, оставивъ меня одного. Признаюсь, я почувствовалъ себя въ очень неловкомъ положеніи. Пришлось горько сожалѣть, что, не желая лгать и лицемѣрить, я сказалъ правду и совершенно неожиданно огорчилъ и обидѣлъ ею государя. Я былъ очень разстроенъ и въ замѣшательствѣ хотѣлъ уже выйти изъ пріемной, какъ въ ту же минуту на порогѣ появился Адлербергъ и, сухо обратившись ко мнѣ, сказалъ какъ бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ:

«— Вы больше здѣсь не нужны!.. Можете ѣхать обратно...

«Въ тотъ же день, безъ всякихъ объясненій и свиданій съ кѣмъ-либо, я уѣхалъ изъ арміи, чувствуя себя въ опалѣ... Вотъ и все. Прибавлю къ этому, что съ того времени я еще больше возненавидѣлъ нашъ генеральный штабъ, къ которому, какъ вы, господа, знаете, и самъ принадлежу... Онъ сталъ такъ ненавистенъ мнѣ, что я снялъ съ себя даже значокъ генеральнаго штаба и съ тѣхъ поръ не ношу его никогда!.. Вы видите,—на мнѣ его нѣтъ!..»

И Черняевъ выпятилъ впередъ свою грудь напоказъ намъ.

— Да и мундира генеральнаго штаба тоже избѣгаю: я и теперь въ общеоармейскомъ,—добавилъ онъ вполголоса, закуривая папиросу.

Мы смущенно помолчали при этомъ откровенномъ признаніи прямодушнаго генерала, а онъ, какъ бы желая разсѣять непріятныя воспоминанія, прихлебнулъ изъ чашки кофе и, нѣсколько разъ затаившись куревомъ, обратился къ намъ:

— А что, пріятель, не пойти ли намъ сегодня въ Малый театръ? Давно я не былъ въ немъ, а драму и московскую труппу очень люблю...

Мы, конечно, поблагодарили за любезное предложеніе и потребовали афиши.

Совершенно не могу теперь припомнить, что въ тотъ день шло въ Маломъ театрѣ, но хорошо помню, что Черняевъ особенно интересовался Шумскимъ, и что Шумскій въ тотъ вечеръ участвовалъ въ спектаклѣ.

Просидѣвъ въ Эрмитажѣ до семи съ половиною часовъ, мы стали собираться въ театръ, при чемъ Михаилъ Григорьевичъ ни за что не хотѣлъ принять насъ въ долю расходовъ по обѣду...

— Полноте, господа, не лишайте меня удовольствія считать васъ своими гостями!..

Послѣ такихъ доводовъ настаивать не приходилось.

Погода въ тотъ вечеръ стояла прекрасная, и мы, по предложенію Черняева, отправились въ Малый театръ пѣшкомъ по Неглинному.

Черняевъ въ своемъ простомъ общеоармейскомъ сюртукѣ и въ нахлобученной на глаза фуражкѣ съ большимъ козырькомъ смотрѣлъ такимъ обыкновеннымъ генераломъ, что никто изъ проходя-

щихъ не обращалъ на него никакого вниманія и не узнавалъ въ немъ завоевателя Ташкента. Не то было, какъ увидить читатель ниже, въ театрѣ, гдѣ у кассы Михаилъ Григорьевичъ опять запротестовалъ было насчетъ нашихъ расходовъ, но мой пріятель очень деликатно попросилъ Михаила Григорьевича доставить и намъ удовольствіе считать его по театрѣ нашимъ гостемъ. Черняевъ, не находя на такой аргументъ возраженій, сдался. А потомъ я узналъ отъ моего коллеги, что ему очень хотѣлось настоять на своемъ, такъ какъ онъ достовѣрно зналъ, что Михаилъ Григорьевичъ въ это время (какъ часто бывало въ его жизни) находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Кресла наши были въ первомъ ряду, и публика очень скоро замѣтила и узнала Черняева. Со всѣхъ сторонъ стали наводить на него бинокли и лорнеты. Михаилъ Григорьевичъ, внимательно слѣдившій за исполненіемъ пьесы славными артистами лучшей русской сцены, мало обращалъ вниманія на публику, наполнявшую театръ, и вове, повидимому, не замѣчалъ, что его наблюдали со всѣхъ сторонъ...

Во второмъ антрактѣ Михаилъ Григорьевичъ предложилъ намъ пойти покурить. Только что мы вышли изъ партера, направляясь въ буфетъ, какъ очутились среди публики, растянувшейся шпалерами по обѣимъ сторонамъ коридора и встрѣтившей Михаила Григорьевича оваціями и аплодисментами.

Отъ такой внезапной неожиданности онъ, видимо, смутился и, снявъ одѣтую было фуражку, торопливо прошелъ съ непокрытою и наклоненною головою между рядами публики, махавшей ему шляпами и платками...

— Вотъ такъ нарѣзался!—замѣтилъ онъ намъ въ буфетѣ, вынимая изъ кармана портсигаръ и угощая насъ папиросами.— Если бъ зналъ, не пошелъ бы курить и не попалъ бы въ глупое положеніе.

Мы съ коллегой моимъ незамѣтно переглянулись и поняли другъ друга: Михаилу Григорьевичу, изъ скромности и смущенія произнесшему вышеозначенную фразу, все же, какъ намъ казалось, было пріятно почувствовать такъ неожиданно и внезапно выраженныя ему обществомъ симпатіи и уваженіе, какъ завоевателю Ташкента, какъ популярному герою сербско-турецкой войны.

На обратномъ пути нашею изъ буфета въ театральнѣй залъ повторились тѣ же оваціи по адресу Михаила Григорьевича, и потому онъ объявилъ намъ, когда мы усѣлись въ наши кресла, что не пойдетъ больше въ антрактахъ курить, а насъ просить не стѣсняться.

И онъ сдержалъ слово... Подъ конецъ спектакля Черняевъ, видимо, усталъ и былъ неразговорчивъ, хотя спектакль и превосходное исполненіе его очень ему понравились. Наибольшее впечатлѣніе произвела на него игра Шумскаго и М. Н. Ермоловой,

но въ какой пьесѣ они тогда участвовали,—повторяю, я совершенно забылъ, несмотря на свою хорошую память, забылъ, несомнѣнно, только потому, что все мое вниманіе сосредоточено было въ тотъ вечеръ на нашемъ интересномъ компаньонѣ, а не на спектаклѣ.

Около полуночи мы разстались съ Черняевымъ у театральнаго подъѣзда, выразивъ ему нашу глубокую признательность за оказанное намъ вниманіе.

— До пріятнаго свиданія, господа! Большое вамъ спасибо за любезное посѣщеніе, за пріятное общество и за то, что немного растормошили меня... Я въ послѣднее время совсѣмъ засидѣлся и одичалъ,—сказалъ Михаилъ Григорьевичъ, пожимая намъ руки, и сѣвъ на извозчика, крикнулъ: «въ Леонтьевскій переулокъ!»

Отсалютовавъ еще разъ поклонами доблестному генералу, мы тоже разстались и отправились по домамъ...

Съ той поры я только разъ видѣлъ мелькомъ М. Г. Черняева, когда онъ, получивъ въ 1882 году назначеніе на должность туркестанскаго генераль-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, проѣзжалъ черезъ Нижній-Новгородъ. Помню хорошо, что онъ былъ тогда очень озабоченъ своимъ назначеніемъ. Не пробывъ на новомъ посту и двухъ лѣтъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и по неизвѣстной мнѣ причинѣ вышелъ въ отставку, проживая остальные годы жизни, всѣми забытый, то въ Москвѣ, то въ Могилевской губерніи, въ своемъ родномъ имѣніи Тубышки, гдѣ и скончался 4-го августа 1898 года скоропостижно.

Н. Г. Вучетичъ.

ВОСПОМИНАНИЕ О Д. А. МИЛЮТИНѢ.

ВЪ 1867 ГОДУ я гостила въ Царскомъ Селѣ у своего большого отца барона Велію. Онъ умиралъ отъ рака на языкѣ, хотя еще считался комендантомъ города Царскаго Села. Милютинъ его навѣщаль. И вотъ разъ позвали меня въ кабинетъ отца, чтобы говорить съ нимъ. Въ это время мой мужъ, Иванъ Андреевичъ Лишинъ, командовалъ въ Самарѣ 68-мъ резервнымъ батальономъ по желанію Милютина, который зналъ его лично. Когда я вошла, онъ ласково поздоровался со мной и сталъ меня спрашивать о житьѣ-бытьѣ армейскихъ офицеровъ, особенно семейныхъ, и все, что я ему говорила, онъ заносилъ въ свою записную книжку. Онъ такъ подробно входилъ въ бытъ и нужды семейныхъ офицеровъ, что я удивилась. Заканчивая бесѣду, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ по адресу моего мужа.

Въ этомъ же году вышелъ приказъ объ увеличеніи столовыхъ денегъ ротнымъ командирамъ въ резервныхъ батальонахъ и вообще въ арміи.

Помимо заботъ о матеріальномъ положеніи арміи, Милютинъ былъ противникомъ всякаго тѣлеснаго наказанія... ¹⁾.

Вотъ случай, о которомъ еще помнятъ старожилы города Самары.

¹⁾ Въ своей статьѣ въ «Русскомъ Словѣ» Немировичъ-Данченко упоминаетъ, что Милютинъ былъ врагъ жестокаго обращенія съ солдатами.

Въ шестидесятыхъ годахъ командующимъ войсками казанскаго округа былъ генераль Семякинъ; въ Самарѣ воинскимъ начальникомъ въ то время состоялъ Римапъ, резервнымъ же 68-мъ батальономъ командоваль, какъ сказано выше, мой мужъ подполковникъ Лишинъ. Былъ назначенъ смотръ батальону, и вся Самара собралась на площади смотрѣть, какъ Семякинъ будетъ производить смотръ молодымъ солдатамъ.

Семякинъ принялъ рапортъ мужа и спросилъ:

— Они, конечно, все грамотны.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ мужъ.

— Это и видно, — иронически отвѣтилъ генераль. Затѣмъ подошелъ къ инструктору батальона унтеръ-офицеру Преображенскаго полка Александрову, который ему почему-то не понравился, и ударилъ его по лицу кулакомъ, при чемъ сталъ кричать на него... Мой мужъ, блѣдный, подошелъ къ генералу и, взявъ подъ козырекъ, сказалъ, что по уставу солдатъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія. При этомъ мужъ сталъ между генераломъ Семякинымъ и унтеръ-офицеромъ Александровымъ, у котораго лилась кровь изъ носа. Семякинъ пошелъ вдоль фронта и тутъ же накричалъ на другого солдата, котораго тоже ударилъ.

Тогда мой мужъ, выйдя на середину площади, крикнулъ батальонному барабанщику:

— Глейзеръ. Бей сборъ. Ружья вольно. Маршъ въ казармы. Я битымъ батальономъ командовать не буду.

Батальонъ моментально окружилъ своего командира и ушелъ съ плаца прямо въ казармы. Семякину подали коляску, и онъ поѣхалъ въ номеръ со своимъ адъютантомъ.

Мужъ тотчасъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ и послалъ его Семякину. Всю эту сцену на плацу видѣлъ состоявшій при Милютинѣ генераль Аничковъ, который въ то лѣто лечился въ Самарѣ кумысомъ. Семякинъ пригласилъ мужа къ себѣ и, сознаваясь, что погорячился, просилъ его взять прошеніе объ отставкѣ обратно.

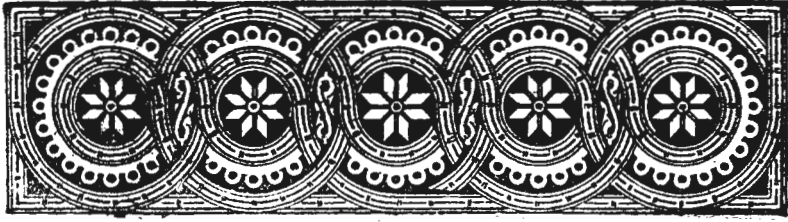
Мужъ уступилъ, но взялъ отпускъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ и явиться къ Милютину. Военный министръ Милютинъ принялъ его. Окинувъ мужа строгимъ взглядомъ, онъ сказалъ:

— Вы сильно погрѣшили противъ дисциплины, но я на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же.

Вотъ каковъ былъ Милютинъ. Онъ умѣлъ цѣнить людей. Память о немъ для меня священна, какъ она священна и для г. Христіани, чьи интересныя воспоминанія о Милютинѣ¹⁾ вызвали и во мнѣ драгоцѣнный образъ этого выдающагося во всехъ отношеніяхъ человѣка.

Э. О. Лишина.

¹⁾ «Историч. Вѣстн.», 1913 г., кн. 2-я.

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ЗАХАРЬИНЫМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

«О мертвыхъ правду, одну только правду».

ВОСПОМИНАНІЯ мои о Н. И. Пироговѣ, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1911 г. августъ), вызвали, какъ мнѣ говорили, ожесточенную противъ меня брань ничтожной мѣстной газетки и нѣсколько язвительный отзывъ «Русскаго Врача».

Ничтожной газеткой я даже не поинтересовался, что же касается «Русскаго Врача», то хотя врачи и обѣщали доставить мнѣ номеръ, удостоившій меня своимъ вниманіемъ, но номеръ этотъ какъ-то разошелся у нихъ по рукамъ, а вскорѣ и я пересталъ имъ интересоваться: мало ли людей, не любящихъ правды, людей, которымъ правда глаза колетъ.

А что я говорилъ о Пироговѣ одну только правду, доказательствомъ могутъ служить записки коллеги его, доктора Беркута, помѣщенные въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1911 годъ. Дѣйствительно, въ ноябрьскомъ номерѣ мы читаемъ:

«Пироговъ въ своихъ запискахъ выдвигаетъ личность Иноземцева, но въ какомъ видѣ. При каждомъ словѣ его объ Иноземцевѣ у него выступаетъ у рта пѣна; слышны непримиримая злоба, личная ненависть, и такой, безспорно, великій человекъ, какъ Пироговъ, не можетъ даже лежать покойно въ своей могилѣ, пока не броситъ изъ нея грязью въ лицо противнику. Такъ уживаются иногда въ человекѣ величіе и мелочность. Мало того: вопзая ножъ

въ свою жертву, онъ самодовольно пишетъ истекающею изъ нея кровью свидѣтельство о своемъ безсердечіи. Совсѣмъ не такъ отзывался публично Иноземцевъ о Пироговѣ.

«Сравнивать между собою Иноземцева и Пирогова можно и нельзя. Первый, какъ человѣкъ, отличался гуманными качествами: онъ былъ добръ, сострадателенъ, не корыстолюбивъ, не тщеславенъ, высоко-честенъ и патриотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. О Пироговѣ нельзя сказать того же, зная его прижизненную дѣятельность, прочитавши его посмертныя записки и зная его космополитизмъ.

«Пироговъ и Иноземцевъ вмѣстѣ работали въ Дерптѣ подъ руководствомъ профессора Мейера. Иноземцевъ съ перваго появленія въ домѣ Мейера, какъ говоритъ Пироговъ, сталъ въ самыя лучшія отношенія къ семейству профессора. Это возбудило въ Пироговѣ зависть. Иноземцевъ былъ живой, общительный и симпатичный человѣкъ, а не ученый аскетъ, спрятавшійся въ свою раковину отъ людского общества. Далѣе: Иноземцевъ при одинаковыхъ съ Пироговымъ денежныхъ средствахъ умѣлъ и прилично одѣться, и жить безъ лишеній, не нуждаться, на примѣръ, въ чаѣ и сахарѣ, который, какъ самъ Пироговъ признается, онъ воровалъ у Иноземцева.

«Иноземцевъ, дѣйствительно, умѣлъ и одѣваться и жить порядочнымъ человѣкомъ, но виновенъ ли онъ въ томъ, что Пироговъ одѣвался неряшливо и не умѣлъ прилично держать свое тѣло, въ которомъ жилъ великій умъ. Я помню его фигуру, странную, непривлекательную, съ косыми глазами, выглядывавшими исподлобья; одѣтъ онъ былъ въ какое-то подобіе засаленнаго сюртука, обутъ въ боты съ собачьимъ мѣхомъ и перевязанные бечевками. Въ такомъ видѣ являлся онъ ежедневно въ клинику въ продолженіе почти двухнедѣльнаго своего пребыванія въ Москвѣ, по возвращеніи съ Кавказа въ 1847 г.»

Стало быть, я не только вѣрно передалъ то, что видѣлъ собственными глазами, и передалъ притомъ несравненно болѣе мягкими тонами, чѣмъ докторъ Беркутъ, но былъ правъ даже въ предположеніи своемъ, что, вѣроятно, и по натурѣ своей этотъ ученый и мыслитель считалъ соблюденіе чистоты вообще, не только въ хирургіи, но и въ жизни—мелочью, аксессуаромъ, не заслуживающимъ никакого вниманія. Прихожу къ этому заключенію на томъ основаніи, что человѣкъ даже безъ всякихъ указаній науки, а просто чистоплотный, не могъ жить и оперировать среди той грязи, которая окружала великаго хирурга и его больныхъ во флигелѣ-клоповникѣ «Вишни».

Что же касается приведеннаго мною «мнѣнія современниковъ о Пироговѣ, какъ хирургѣ, что хирургомъ онъ былъ поразительнымъ, но несчастливымъ, что операцію онъ сдѣлаетъ удивитель-

ную, а результатъ выходитъ плачевный», то въ подтвержденіе этого читаемъ у Беркута слѣдующія строки:

«Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ произвелъ въ клиникѣ и въ разныхъ больницахъ много литомій (съ своимъ беклеровскимъ ножомъ), но успѣхомъ похвалиться не пришлось».

Приведу, наконецъ, слѣдующій отзывъ Беркута, рисующій Пирогова далеко не въ образѣ рыцаря, великодушнаго къ своимъ соперникамъ.

«До чего велико было озлобленіе Пирогова противъ Иноземцева еще при его жизни, видно изъ слѣдующаго разсказа почтеннаго и весьма извѣстнаго въ Москвѣ врача. Этотъ врачъ во время Крымской войны былъ прикомандированъ въ ассистенты къ Пирогову. На вопросъ, гдѣ этотъ врачъ учился, онъ умѣлъ неосторожность сказать: въ московскомъ университетѣ. Этого было достаточно для того, чтобы знаменитый хирургъ, обозвавши Иноземцева какъ-то безцеремонно, задалъ такой окрикъ, какой неумѣстенъ даже по отношенію къ послѣднему фельдшеру. Оскорбленный, со слезами на глазахъ, врачъ выпросилъ у своего начальства уволить его отъ Пирогова и дать ему другую командировку. Такъ тускнѣютъ и блестящія свѣтила отъ прирожденныхъ пятенъ, означающихъ недобрый качества души».

Не забудемъ, что указанные отзывы о Пироговѣ приведены изъ воспоминаній человѣка, преклоняющагося, какъ и я, передъ гениальной личностью покойнаго хирурга и педагога.

Съ тою же объективностью, безпристрастіемъ и правдивостью, хочу сообщить о знакомствѣ моемъ съ другою личностью врачебнаго міра, хотя, конечно, далеко не такую крупною, какъ Н. И. Пироговъ, но, безъ сомнѣнія, заслуживающею того, чтобы быть правильно освѣщенной.

Эта личность—докторъ и профессоръ Захарьинъ, о которомъ еще недавно говорила вся Москва, говорила, какъ о замѣчательномъ діагностѣ, едва ли еще не болѣе замѣчательномъ чудакѣ, причудникѣ и крайне корыстолюбивомъ человѣкѣ.

Въ послѣднихъ двухъ смыслахъ рисуется Захарьина и В. В. Бертенсонъ¹⁾, въ сообщеніи котораго слышится нѣкоторое раздраженіе противъ чудака и явное неодобреніе московской знаменитости, какъ врача, заставившаго пережить почтеннаго Василия Бернадовича нѣсколько неприятныхъ минутъ.

Небезынтересно, думаю, поэтому сообщеніе о Захарьинѣ не врача-коллеги, а пациента.

Это было въ 80-хъ годахъ, сколько помню, вскорѣ послѣ смерти Ивана Сергѣевича Аксакова. Жена моя, В. К.—на, какъ многія жены, сильно преувеличивавшая плохое состояніе моихъ легкихъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1912 г. августъ.

и сердца, настоятельно потребовала, чтобы, возвращаясь послѣ зимы, проведенной въ Петербургѣ, въ Ялту, мы остановились въ Москвѣ для врачебной консультаціи съ московской знаменитостью.

Желая однимъ выстрѣломъ убить двухъ бобровъ, я откладывала поѣздку до пятницы на Страстной недѣлѣ, чтобы въ субботу днемъ предстать предъ грозныя очи прославленнаго чудака, а въ ночь на Свѣтлое воскресенье поѣздить по Москвѣ, послушать звонъ сорока сороковъ, полюбоваться чудными видами въ эту ночь съ Кремля на Замоскворѣчье и съ Замоскворѣчья на Кремль, о которыхъ столько слышалъ и еще болѣе читалъ.

Была при этомъ тайная надежда, что въ Страстную субботу и первые дни Святой знаменитость меня не приметъ и можно будетъ съ миромъ избѣжать скучнѣйшихъ операцій—постукиванія груди, выслушиванія сердца, легкихъ и глупаго положенія подвергать себя самому разностороннему осмотру при сознаніи, что осмотръ этотъ не составляетъ настоящей необходимости. Но, остановясь въ Москвѣ, я далъ слово женѣ принять все мѣры быть принятымъ знаменитымъ діагностомъ.

Адресъ достать было не трудно—его знала вся Москва.

Мы поѣхали вмѣстѣ. Жена сопровождала меня съ затаенной, вѣроятно, цѣлью поддержать во мнѣ рѣшимость получить свиданіе, хотя, давъ слово, я и самъ былъ полонъ этой рѣшимости.

Захарьинъ занималъ двухъэтажный особнякъ, не помню, на какой улицѣ, кажется, на какомъ-то бульварѣ. Въѣздъ былъ со двора. Я позвонилъ у подъезда, вышелъ лакей, выразившій крайнее удивленіе, что я хочу беспокоить профессора въ такой день. Но я рѣшился быть настойчивымъ и, узнавъ, что профессоръ дома, предложилъ суровому церберу московской знаменитости зеленую бумажку съ факсимиле управляющаго и кассира государственнаго банка и попросилъ передать профессору мою визитную карточку. Церберъ смягчился и выразилъ согласіе передать карточку, хотя не скрылъ своего сомнѣнія, чтобы карточка произвела желанное мною дѣйствіе.

На карточкѣ, велѣдъ за именемъ, я написалъ тутъ же карандашомъ: «бывшій профессоръ академіи генеральнаго штаба убѣдительно просить быть принятымъ. Въ Москвѣ—проѣздомъ».

Минуты черезъ двѣ-три церберъ возвратился и, не скрывая своего удивленія, пригласилъ меня пройти по лѣстницѣ во второй этажъ.

Въ комнатѣ, сосѣдней съ пріемнымъ заломъ, сидѣлъ въ халатѣ человекъ мрачнаго вида, съ темно-кариими глазами подъ густыми, нависшими, черными бровями, черноволосый (г. Бертенсонъ приписываетъ это краскѣ, чего я тогда не замѣтилъ), съ острымъ носомъ, напоминавшимъ клювъ почной птицы, и суровымъ выраженіемъ лица.

Я подошелъ и прежде всего извинился за «нѣсколько шарлатанскій пріемъ, къ которому позволилъ себѣ прибѣгнуть, написавъ на карточкѣ о своемъ прошломъ для достиженія цѣли быть принятымъ».

— Напротивъ, напротивъ,—быстро заговорилъ Захарыинъ глухимъ голосомъ, но безъ малѣйшаго оттѣнка грубости:—я вамъ очень за это благодаренъ, потому что иначе я васъ, конечно, не принялъ бы и принимаю только потому, что вы мой коллега, профессоръ. Только вотъ что, вѣдь я ничего не могу сдѣлать немедленно, сейчасъ.

Я попросилъ только осмотрѣть меня и высказать свое мнѣніе.

— Да я такъ не могу,—говорилъ Захарыинъ.—Я не могу, какъ Сергѣй Петровичъ (Боткинъ), осмотрѣть человѣка въ какія-нибудь пятнадцать-двадцать минутъ и дать свое заключеніе. Мой мозгъ не такъ созданъ, чтобы разобраться и дать самому себѣ отчетъ въ болѣзни, мнѣ необходимо два-три часа времени. Потомъ мнѣ необходимо анализъ вашей мокроты и мочи. Мнѣ необходимо, чтобы заранѣе осмотрѣлъ васъ мой ассистентъ. Иначе я не могу. Иначе я не только вамъ не могу передать мое заключеніе о вашей болѣзни, но самъ въ ней не въ состояніи разобраться.

Я молчалъ, заявивъ предварительно, что долженъ выѣхать изъ Москвы непременно завтра же. Помолчалъ съ минуту и Захарыинъ, что-то обдумывая.

— Вотъ что,—рѣшилъ онъ:—найдите вы одного изъ моихъ ассистентовъ, хотя въ такой день застать ихъ и трудно, и скажите ему, чтобы произвелъ вамъ подробный осмотръ и сдѣлалъ необходимый анализъ. Я вамъ дамъ ихъ адреса,—кого застанете, тому и поручите. И если застанете, пріѣзжайте ко мнѣ въ седьмомъ часу вмѣстѣ съ ассистентомъ.

Это было часовъ въ одиннадцать. Снабженный адресами, я отправился на поиски. Заѣзжаю къ одному—нѣтъ дома. Къ другому—симпатичному блондину, забылъ его фамилію.

— Да что вы, батюшка,—взмолился онъ:—въ такой-то день да работать, да еще ѣхать къ этому звѣрю, да ну его къ Богу, я сегодня хочу отдохнуть, да и некогда мнѣ сегодня. Не могу, не могу и не просите, рѣшительно не могу.

Какъ ни просилъ я, молодой ассистентъ остался непреклоненъ.

Ну, думаю, сдѣлалъ, что могъ, если не застану третьяго, значитъ—не судьба, и совѣсть моя предъ женой можетъ быть спокойна.

Ѣду къ третьему, къ Оболенскому, кажется, Николаю Николаевичу, хотя съ точностью не помню. Этотъ молодой человѣкъ оказался очень мягкимъ, симпатичнымъ и хотя, какъ человѣкъ религіозный, находилъ Страстную субботу днемъ совсѣмъ неудобнымъ для выполненія моей просьбы, но принялся выстукивать, выслушивать и разспрашивать меня самымъ подробнымъ образомъ.

Истязаніе продолжалось чуть не цѣлыхъ два часа, послѣ чего я долженъ былъ по его требованію наплевать въ чашку—для производства анализа.

— Ъхать намъ надо вмѣстѣ,—говорилъ Оболенскій:—иначе, если не придемъ вмѣстѣ, онъ можетъ раздражиться.

И мы условились, что я заѣду за полчаса до назначеннаго Захарьинымъ срока.

Скитанія въ продолженіе цѣлаго утра и особенно осмотръ меня, дѣйствительно, не совсѣмъ здороваго, порядочно утомили.

Отдохнувъ въ гостиницѣ, въ назначенный часъ пріѣзжаю къ Оболенскому.

Застаю его уже совсѣмъ готовымъ и очень ажитированнымъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, уже задававшихся ранѣе. Очевидно было, что онъ готовится къ докладу профессору о моей болѣзни, и что это его беспокоитъ. Сѣли на извозчика—разстояніе было порядочное—при каждой церкви, а ихъ въ Москвѣ не занимать стать, Оболенскій осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и все молчитъ, сосредоточиваясь, безъ сомнѣнія, на предстоящемъ докладѣ.

Пріѣзжаемъ къ Захарьину. Онъ принимаетъ немедленно и выражаетъ удовольствіе, что я засталъ ассистента, который меня уже осмотрѣлъ и сдѣлалъ необходимый анализъ.

Начался докладъ. Захарьинъ слушаетъ сосредоточенно и крайне внимательно. Въ докладѣ Оболенскаго слышно явное опасеніе не угодить какъ-нибудь профессору, вызвать его раздраженіе и гнѣвъ. Подчасъ онъ ошибается, докладывая о моемъ прошломъ, ходѣ болѣзни и ощущеніяхъ, но я, поддаваясь его настроенію, не смѣю дѣлать исправленій, дабы не вызвать гнѣва чудака и не навлечь неприятели на докладчика.

Докладъ продолжался не менѣе получаса, послѣ чего Захарьинъ самъ приступилъ къ оскультации и разспросамъ, не оставляя въ покоѣ не только родителей, но даже дѣдовъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны.

Рѣзко остался у меня въ памяти одинъ только вопросъ: нѣтъ ли у меня камней въ печени?

Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Благодарите Бога, что не знаете,—быстро возразилъ Захарьинъ такимъ глухимъ голосомъ и проникновеннымъ тономъ, что, несомнѣнно, болѣзнь эту онъ испыталъ лично.—Нѣтъ въ мірѣ страданій болѣе ужасныхъ,—добавилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Послѣ подробнаго осмотра и разспросовъ Захарьинъ приступилъ къ чтенію цѣлой лекціи по поводу моей особы. Разобралъ меня по косточкамъ: и сердце, и легкія, и печень, и почки, и селезенку, и мозги, и нервы—ничего не оставилъ въ покоѣ, обо всемъ доложилъ мнѣ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ же об-

стоятельно и подробно указаль режимъ, которому долженъ я слѣдовать.

Человѣкъ нервный и некурящій, я имѣю привычку во время разговоровъ вертѣть что-нибудь въ рукахъ. У курящихъ руки заняты папирской; за отсутствіемъ наклонности отравлять куреніемъ не только себя, но и своихъ ближнихъ, вмѣсто папирски я беру чаще всего со стола какую-нибудь вещьцу, и добрые знакомые, наученные опытомъ, предлагаютъ мнѣ обыкновенно вещьцу неудоболомаемую.

Ни такой, ни какой-либо другой во время доклада Захарьина у меня не было подъ рукою, и я, машинально сложивъ руки, сталъ медленно и бессознательно вертѣть большими пальцами, одинъ вокругъ другого.

— Не вертите пальцами,—крикнулъ на меня Захарьинъ строгимъ голосомъ.

Я даже испугался и поспѣшилъ взять руки «по швамъ», какъ говорятъ солдаты.

— Вы понимаете,—добавилъ профессоръ уже болѣе мягко:— я это говорю въ вашихъ же интересахъ. Понимаете—это меня развлекаетъ. Я не могу сосредоточиться.

И, несмотря на комичность эпизода, я Захарьина понялъ и, какъ самъ человѣкъ нервный, нашель, что онъ былъ совершенно правъ и сдѣлалъ мнѣ окрикъ именно въ моихъ же интересахъ.

Хорошо помню, какъ во время лекцій, если увидишь предъ собою невнимательнаго слушателя,—теряешь нить мыслей, которыя готовы были перейти на языкъ. За минуту извѣстное нервное возбужденіе дѣлало ходъ мыслей послѣдовательнымъ, вытекающимъ одну изъ другой въ строгомъ, заранѣе опредѣленномъ масштабѣ, а увидишь невнимательнаго слушателя,—сердце точно упадетъ, упадетъ возбужденіе, языкъ станетъ совсѣмъ суконнымъ, и, только переведя взглядъ на другія лица, внимательно васъ слушающія, справишься съ собою и настроишь себя на прежній ладъ. Я прибѣгалъ, обыкновенно, во избѣжаніе упадка настроенія къ тому, что смотрѣлъ на всѣхъ вообще и ни на кого въ частности, а если замѣчалъ въ толпѣ внимательныя лица, ловящія вашу рѣчь, то смотрѣлъ на нихъ: ихъ внимательность заражала, воодушевляла, давала рѣчи красивую, ясную форму и возбужденный тонъ, который такъ располагаетъ слушать и воспринимать, тогда какъ самыя дѣльныя мысли, переданныя тономъ апатичнымъ, черезъ какія-нибудь двадцать минутъ возбуждаютъ просто зѣвоту.

Истязаніе меня Захарьинимъ, самое добросовѣстное и дѣльное, продолжалось два съ половиною часа и въ совокупности съ такимъ же, которому подвергалъ меня утромъ его ассистентъ, крайне меня утомило.

Тѣмъ не менѣе я вынесъ, уходя отъ Захарьина, полную удовлетворенность и уваженіе къ этому человѣку.

Незадолго до моего посѣщенія такса за визитъ къ Захарьину, къ нему на дому, была поднята съ двадцати пяти рублей до пятидесяти. Мнѣ пришлось, кромѣ этого, дать десять рублей ассистенту (это уже не по таксѣ, а добровольно), три рубля лакею, чтобы побудить его передать мою карточку, да, въ виду важности его особы и его значенія,—сунуть рубль на прощанье за подачу верхняго платья. Визитъ обошелся, такимъ образомъ, въ шестьдесятъ четыре рубля, что при моихъ, тогдашнихъ средствахъ со всѣмъ не представляло ничтожной цифры.

И, несмотря на это, я уходилъ отъ Захарьина полный убѣжденія, что эти шестьдесятъ четыре рубля не брошены въ печку, потому что Захарьинъ не представлялъ собою повседневнаго врача, гонораръ котораго за медицинскіе совѣты, при острыхъ заболѣваніяхъ, опредѣляется въ три-пять рублей.

Захарьинъ давалъ вамъ полный отчетъ о васъ самихъ, о слабыхъ и сильныхъ сторонахъ вашего организма, указывалъ, на что вы должны обратить вниманіе, давалъ директивы, если не на всю жизнь, то, несомнѣнно, на нѣсколько лѣтъ.

Очаровательный, чуждый малѣйшаго проблеска корысти, Сергѣй Петровичъ Боткинъ, совѣтами котораго я также пользовался два раза, удѣлялъ больному десять-пятнадцать, много—двадцать минутъ и, разумѣется, не было ни малѣйшей рѣчи о размѣрѣ гонорара. Всякій клалъ на столъ, сколько желалъ, но за два съ половиною часа времени гонораръ отъ нѣсколькихъ пациентовъ также не спускался обыкновенно ниже тридцати—пятидесяти рублей, которые грубо, по таксѣ, но откровенно назначилъ за свои два съ половиною часа Захарьинъ. Сильно его за это ругали и кто могъ, однако обращались къ нему. Обращалось къ нему столько, что онъ вынужденъ былъ для уменьшенія желающихъ поднять свою таксу вдвое.

«Помилуйте,—вопили многіе, преимущественно тѣ, которые, не цѣня ни въ грошъ ни чужого труда, ни таланта, сами отъ своего избытка не пожертвуютъ ни рубля нищему.—Помилуйте, за что же такое преимущество богатымъ, а бѣдный умирай себѣ безпомощно!»—вопиютъ они.

Во-первыхъ—«не богатымъ», а только достаточнымъ, во-вторыхъ, изъ сотни больныхъ едва ли одинъ является съ болѣзною, угрожающей смертью, въ-третьихъ, наконецъ,—увы, самое главное—большая часть благъ міра распредѣлены пропорціонально достатку: богатый живетъ въ роскошныхъ покоехъ, достаточный—въ квартирѣ и обстановкѣ вполне гигиенической, бѣднякъ—въ сыромъ подвалѣ, несомнѣнно, сокращающемъ его жизнь, ускоряющемъ наступленіе смерти. Богачъ ѣздитъ въ удобной каретѣ, ку-

тается въ прекрасную шубу, не знаетъ непріятностейъ ни отъ холода, ни отъ нужды; бѣднякъ—дрожить на морозѣ, мокнуть на дождѣ, получаетъ болѣзни, неразрывно связанныя съ простудой, быстро катится по наклонной плоскости къ небытію отъ условій жизни, совершенно чуждыхъ существованію богатыхъ. Бѣднякъ изнуряетъ себя работой и не всегда можетъ поддержать свой организмъ пищей надлежащаго качества и въ достаточномъ количествѣ; богатчъ искусственно доставляетъ работу своему тѣлу гимнастикой или спортомъ и имѣетъ полную возможность не только возстановить израсходованныя гимнастикой или спортомъ силы, но даже вредить себѣ излишнимъ потребленіемъ пищи.

Бѣднякъ, однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ жизни поставленъ въ несравненно худшія условія, чѣмъ не только богатчъ, но человѣкъ достаточный, и эти неблагопріятныя условія, несомнѣнно, служатъ часто причиною преждевременной смерти.

Какое же основаніе требовать только отъ врача, чтобы онъ распредѣлялъ свои знанія, время, трудъ и талантъ равномерно между богачами и неимущими?

Если онъ это дѣлаетъ—честь ему и хвала, но вмѣнять такое похвальное отношеніе къ бѣднякамъ въ непремѣнную обязанность по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Для бѣдняковъ должны быть и существуютъ особые врачи, трудъ которыхъ долженъ оплачиваться и оплачивается, дѣйствительно, обществомъ, земствомъ и правительствомъ. Врачу же съ большой репутаціей физически невозможно удовлетворить всѣмъ поступающимъ на него требованіямъ. Вѣдь, если бы не цѣна, то Захарьина нельзя было бы допроситься, причемъ время его уходило бы на бесплатныхъ паціентовъ, мнительныхъ и на множество такихъ, недугу которыхъ могъ бы помочь любой, даже малоопытный врачъ.

Захарьину необходимъ былъ какой-нибудь регуляторъ, умѣряющій стремленіе къ нему паціента. А какъ регулировать, чѣмъ? Не по фізіономіи же однихъ допускать, другихъ нѣтъ. Врачей Захарьинъ принималъ бесплатно. Я не былъ врачомъ, но не сомнѣваюсь, что, если бы заявилъ себя человѣкомъ неимущимъ, онъ принялъ бы меня, какъ профессора, хотя чуждой ему спеціальности, также бесплатно. По крайней мѣрѣ, когда я положилъ ему на столъ гонораръ, онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на размѣръ его. Не знаю, какъ поступали у Захарьина съ другими больными въ смыслѣ взиманія мзды по таксѣ, но со мною поступили вполне прилично и корректно.

Регуляторомъ, повторяю, умѣрявшимъ всеобщее стремленіе къ Захарьину, регуляторомъ наиболѣе правильнымъ и практичнымъ могла быть только цѣна визита, несправедливая, правда, въ отношеніи бѣдныхъ, какъ несправедливъ, однако, весь строй нашей

жизни, и упрекать за это Захарьина одного, конечно, въ высокой степени несправедливо.

Кричать въ пользу бѣдныхъ на чужой счетъ, не жертвуя собственной копеекой, очень легко. Несчастливыми жертвами такихъ благотворителей являются особенно артисты-пѣвцы.

— Ну, что вамъ стоитъ надѣть фракъ и удѣлить въ пользу бѣдныхъ какіе-нибудь полчаса, вѣдь это въ пользу бѣдныхъ,—говорятъ пѣвцу, горло котораго—его капиталъ, пріобрѣтенный, помимо таланта, упорнымъ трудомъ, часто огромными лишеніями и неизбѣжно, въ большей или меньшей степени, денежными затратами во время ученія.

Пока есть голосъ—онъ кумирь, его золотятъ, предъ нимъ преклоняются. Потерявъ голосъ—не подадутъ и рубля на существованіе. Какъ же обвинять такого артиста, если онъ заботится о томъ, чтобы подъ старость или при несчастномъ случаѣ, на что пѣвецъ всегда долженъ расчитывать, не умереть съ голоду.

Возвращаясь къ Захарьину, нельзя не согласиться, что, по достовернымъ разсказамъ, форма отношеній его къ пациентамъ была, безъ сомнѣнія, грубая, не заслуживающая подражанія, но надо взять въ расчетъ среду, въ которой приходилось ему дѣйствовать, то сословіе, царившее въ Москвѣ, съ которымъ въ большинствѣ приходилось Захарьину соприкасаться, которое считаетъ себя въ настоящее время первенствующимъ въ государствѣ и которое такъ мѣтко обрисовалъ въ своихъ столь же вѣрныхъ, какъ и талантливыхъ, неувыдаемыхъ картинахъ Островскій. Съ нимъ, съ этимъ сословіемъ и нельзя было поступать иначе, какъ грубо, властно и «деньги на столъ», иначе большинство считало чуть не за подвигъ поднадуть «дохтура», «спустить его по холодку». И въ молодости, пока не вошелъ въ славу, тотъ же Захарьинъ, конечно, испыталъ много горькихъ минутъ, его ожесточившихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ, какъ знакомый, другой крупный московскій врачъ Остроумовъ.

— Съ этими индивидами,—говорилъ онъ,—надо обращаться властно, грубо, тогда только цѣнить тебя будутъ.

А Остроумовъ жилъ и работалъ много спустя послѣ Захарьина, когда московское «первенствующее въ государствѣ сословіе» начало уже принимать болѣе человѣческой образъ.

Я же могу засвидѣтельствовать, что со мною Захарьинъ обходился не только совершенно корректно, но даже, при прощаньи, благодарилъ меня за «честь, которую я ему сдѣлалъ, остановясь въ Москвѣ для совѣта съ нимъ».

Еще два слова по поводу грубости, оригинальничанья и чудачества Захарьина.

Чудачество лежало, безъ сомнѣнія, въ самой натурѣ этого человека, но развилось, вѣроятно, умышленно: тогдашняя Москва ле-

была чудаковъ, преклонялась предъ ними. Не говоря объ извѣстномъ всей Москвѣ полуномѣшанномъ Иванѣ Яковлевичѣ, къ которому въ сумасшедшій домъ, на край города, ѣздило на поклонъ не только мѣщанство, но и первостатейное, именитое купечество, если не вся Москва, то, несомнѣнно, все Замоскворѣчье, не говоря объ этомъ фактѣ, совершенно невозможномъ въ Петербургѣ,—я зналъ лично и даже былъ близокъ съ извѣстнымъ по Москвѣ оригиналомъ, инженеромъ, строителемъ желѣзныхъ дорогъ Полякова, очень умнымъ и смышленнымъ человѣкомъ Михаиломъ Алексѣвичемъ Даниловымъ. Въ моихъ воспоминаніяхъ посвящено нѣсколько страницъ этому интересному человѣку, здѣсь же скажу только, что М. А. Даниловъ, человѣкъ крайне некрасивый, но въ такой же мѣрѣ смышленный, сообразительный, несомнѣнно, умышленно напускалъ на себя оригинальничанье, чтобы заставить говорить Москву о Даниловѣ, чего и достигнуть. О выходкахъ чудака заговорили по Москвѣ въ средѣ не купеческой, а интеллигентной. Этимъ Даниловъ выдвинулся изъ общаго уровня и въ связи, конечно, съ достоинствами своими, какъ инженера, былъ приглашенъ Поляковымъ къ широкому полю дѣятельности желѣзнодорожнаго строительства.

Но чудачества и суровость были, несомнѣнно, присущи натурѣ Захарьина, были въ крови его. Разказовъ о немъ ходило по Москвѣ множество. Приведу одинъ, за достовѣрность котораго, конечно, не отвѣчаю, слышанный мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

У Захарьина была очень интересная, едва ли не единственная дочь.

Пріѣхалъ въ Москву молодой гвардейскій уланъ, протанцовалъ съ интересной брюнеткой одинъ вечеръ, другой и сдѣлалъ ей предложеніе.

Она также влюбилась въ красиваго стройнаго улана и передала о предложеніи матери.

Мать была очень довольна, рада счастью дочери, но какъ сказать суровому отцу? Партія прекрасная: молодой человѣкъ хорошей фамиліи, красавецъ, вѣроятно, не богатъ, но любить дочь, любимъ взаимно, все сулитъ въ будущемъ счастье. Какъ, однако, получить согласіе капризнаго чудака? Молодой человѣкъ можетъ не поправиться именно потому, что онъ красивъ и молодъ, носить гвардейскій мундиръ и сынъ почтеннаго генерала.

Съ большими предосторожностями, выбравъ удобное время, мать передаетъ отцу о предложеніи. Тотъ лаконически приказываетъ, чтобы молодой человѣкъ, котораго онъ и не видѣлъ, явился къ нему въ назначенный часъ.

Молодому человѣку, и безъ того напуганному ходившими по Москвѣ слухами, даютъ инструкцію ни въ какомъ случаѣ не противорѣчить, соглашаться со всѣмъ и исполнять все требованія отца.

Наступилъ назначенный часъ, офицеръ является въ полной парадной формѣ.

Захарьинъ внимательно на него смотритъ и задаетъ лаконическій вопросъ свойственнымъ ему глухимъ голосомъ и суровымъ тономъ:

— Вы хотите жениться на моей дочери?

— Да,—робко отвѣчаетъ офицеръ.

Захарьинъ смотритъ на него еще нѣсколько времени и сурово говоритъ:

— Раздѣвайтесь.

Помня инструкцію, офицеръ спѣшитъ сбросить съ себя парадный мундиръ.

— Снимите рубашку,—вновь приказываетъ Захарьинъ.

Офицеръ спѣшитъ исполнить и это приказаніе.

Слѣдуетъ продолжительный, внимательный, всесторонній осмотръ съ выстукиваніемъ и выслушиваніемъ при суровомъ молчаніи профессора.

Осмотръ наконецъ оконченъ.

— Здоровы,—заключаетъ Захарьинъ.—Женитесь. Буду выдавать по 1,000 въ мѣсяць. Будете хорошимъ мужемъ—прибавлю.

Черезъ двѣ недѣли свадьба состоялась.

Анекдотъ, повторяю, быть можетъ, вымышленный, но во всякомъ случаѣ вѣрно рисующій знаменитаго московскаго чудака.

И въ сущности, подвергая своего будущаго зятя подробному осмотру, Захарьинъ былъ совершенно правъ. Скажу болѣе: по моему, желающіе вступить въ бракъ, а слѣдовательно, и производить потомство вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о принятіи причастія должны были бы представлять и медицинское свидѣтельство о состояніи здоровья.

Я, по крайней мѣрѣ, рекомендуя своей дочери выйти замужъ не ранѣе двадцатидвухлѣтняго возраста, ставилъ ей два непремѣнные условія.

— Можешь выходить,—говорилъ я ей,—за кого хочешь, хоть за безграмотнаго мужика, хоть за дурака, если найдешь себя способной вынести трудныя марки некультурности и глупости, но если вздумаешь за человѣка безчестнаго или больнаго, то употреблю все мѣры, чтобы не допустить тебя до такого брака, въ первомъ случаѣ потому, что безчестные люди мнѣ противны физически, да и ты, вѣроятно, такъ же, поживя, будешь относиться къ безчестному мужу. Что же касается мужа больнаго, то не хочу, чтобы ты была его сидѣлкой и сидѣлкой у кроватокъ больныхъ дѣтей.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего визита Захарьину, ѣду я на пароходѣ или «иду», какъ говорятъ моряки,—говорятъ и требуютъ такъ говорить,—изъ Севастополя въ Ялту.

Среди пассажировъ обращаетъ вниманіе молодая счастливая пара. Лица такія свѣтлыя, ясныя, смотрятъ другъ на друга такъ любовно,—очевидно, молодожены. Онъ—стройный, высокаго роста,

почти юноша, въ офицерскомъ мундирѣ, она—очаровательная брюнетка, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ вздернутымъ носикомъ и блестящими карими глазами.

Пара настолько меня заинтересовала, смотрѣть на нихъ было такъ пріятно, веселье и радость жизни были такъ заразительны, что я полюбопытствовалъ узнать: кто они такіе?

Мнѣ сообщили, что молодой человѣкъ—сынъ коменданта Керченской крѣпости, ѣдетъ съ молодой женой, дочерью извѣстнаго московскаго врача-профессора Захарына.

Я не встрѣчалъ больше этой пары. Не знаю, что теперь съ нею, перешедшею уже въ зрѣлый возрастъ, но образъ очаровательной новобрачной стоитъ предъ моими глазами такимъ, какимъ я видѣлъ ее на пароходѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. И да проститъ она мнѣ великодушно, если въ правдивыхъ воспоминаніяхъ моихъ о ея даровитомъ чудацкѣ-отцѣ найдетъ что-нибудь для нея непріятное.

А. Витмеръ.

КОНДРАТІЙ МАЛЕВАННЫЙ.

(Воспоминаніе).

ВЪ ФЕВРАЛѢ этого года умеръ у себя на родинѣ, въ городѣ Таращѣ Кіевской губерніи, Кондратій Малеванный, основатель такъ называемой «малеванщины». Смерть его вызвала въ повременной печати нѣсколько замѣтокъ, сводящихся къ тому, что Малеванный былъ съ малыхъ лѣтъ искатель Бога, искатель правды, какихъ немало у насъ на Руси ¹⁾.

Въ дѣйствительности Малеванный былъ не совсемъ обыкновенный богоискатель и, если его изображаютъ такимъ въ нѣкоторыхъ некрологахъ, то, повидимому, лишь потому, что основательно забыты обстоятельства, при которыхъ онъ выступилъ на поприще богоискательства.

Въ свое время мнѣ пришлось близко наблюдать Малеваннаго и даже запротоколировать его выступленіе. Воспоминаніями объ этомъ выступленіи Малеваннаго я и хочу подѣлиться.

Въ концѣ 1889 года я, въ качествѣ кандидата на судебныя должности, былъ командированъ въ городъ Таращу Кіевской губерніи, къ исполненію обязанностей судебного слѣдователя. Въ то

¹⁾ О Малеванномъ и малеванщинѣ имѣется обстоятельное изслѣдованіе В. И. Яевичъ-Бородаевской въ ея интересной книгѣ «Борьба за вѣру». Повидимому, работа э.ой писательницы и легла въ основу всѣхъ некрологовъ и статей о Малеванномъ, появившихся послѣ кончины его. Г. жа Яевичъ-Бородаевская была лично знакома съ покойнымъ, имѣла возможность прослѣдить его жизнь и ученіе во всѣхъ ихъ подробностяхъ и, можно сказать, «создала» Малеваннаго въ нашей литературѣ.

Р е д.

время кандидаты на судебныя должности еще не раздѣлялись на старшихъ и младшихъ, и окружныя суды нерѣдко командировали кандидатовъ, только что окончившихъ университетъ, въ помощь судебнымъ слѣдователямъ, съ правомъ самостоятельнаго производства слѣдствій, а въ случаѣ нужды—и къ самостоятельному завѣдыванію слѣдственнымъ участкомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, имѣя въ то время за собою мѣсяцевъ пятнадцать службы и дѣятельности по слѣдственной части, я уже считалъ себя старымъ, опытнымъ по слѣдственной части кандидатомъ. Въ дѣйствительности, опытность моя, конечно, была мизерной, но зато энергіи, искренняго желанія работать и свойственной молодости самоувѣренности былъ непочатый край: казалось, нѣтъ и не можетъ быть такого положенія, такого дѣла, въ которомъ при желаніи нельзя было бы разобраться.

И пока у меня въ Таращанскомъ участкѣ возникали дѣла о кражахъ да о нанесеніи разныхъ тѣлесныхъ поврежденій, я легко и свободно разбирался.

Но вотъ какъ-то утромъ получаю изъ полицейскаго управленія дознаніе о совершенно небываломъ преступленіи: нѣкій таращанскій мѣщанинъ Кондратій Малеванный, по профессіи колесникъ, объявилъ себя Иисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, проповѣдуетъ о скоромъ наступленіи страшнаго суда и нашель себѣ какъ въ самой Таращѣ, такъ и въ окрестныхъ селахъ немало послѣдователей, которые, въ ожиданіи скорой кончины міра, распродаютъ и просто бросаютъ на произволъ судьбы свое имущество и стекаются къ Малеванному, чтобы вмѣстѣ съ нимъ встрѣтить страшный судъ. Ближайшимъ же поводомъ къ производству дознанія и аресту Малеваннаго послужило то, что къ нему съѣхалось такихъ послѣдователей нѣсколько сотъ человѣкъ и мѣстная полиція не знала, что съ ними дѣлать.

Случай былъ настолько рѣдкій, что въ началѣ я усомнился даже, предусмотрѣнъ ли онъ закономъ. Но, порывшись въ уложеніи, я убѣдился въ существованіи соотвѣтственнаго и при томъ довольно строгаго закона, а именно 938 статьи, которая гласитъ:

«Кто, выдавая себя за лицо, одаренное какою-либо сверхъестественною чудесною силою или святостью, будетъ стараться посредствомъ возбужденнаго симъ обманомъ увѣренія произвести въ народѣ тревогу, волненіе, или уныніе, или же неповиновеніе установленной законами власти, тотъ за сіе подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе».

Изъ дознанія явствовало, что Малеванный выдавалъ себя за лицо, одаренное высшей святостью, святостью Христа Спасителя. Не оставалось также никакого сомнѣнія, что этимъ онъ вызвалъ въ народѣ немало волненія, а предсказаніемъ скорого наступленія страшнаго суда—тревогу и уныніе, для лицъ же, повѣрившихъ

этому предсказанію и въ силу этого распровавшихъ имущество и бросившихъ хозяйство,—и полное разореніе.

Такимъ образомъ, налицо были всё признаки указаннаго преступленія. Правда, у меня тогда же явилась мысль, что Малеванный скорѣе всего не обманщикъ, а психически-больной человекъ, вообразившій себя Христомъ. Но разъясненіе этого вопроса составляло уже задачу слѣдствія.

Въ тотъ же день я допрашивалъ Кондратія Малеваннаго. Это былъ ничѣмъ по наружному виду не выдѣляющійся крестьянинъ, лѣтъ 48, высокаго роста, изможденный, чахоточный, страдающій одышкой, съ глубоко впавшими глазами, въ общемъ—довольно мрачнаго вида.

На всё обычные вопросы, предшествующіе допросу по существу обвиненія, отвѣчалъ сразу, правильно и толково. По прочтеніи постановленія о привлеченіи его къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго на вопросъ о виновности отвѣтилъ отрицательно. Когда же я спросилъ его, правда ли, что онъ считаетъ себя Иисусомъ Христомъ, отвѣтилъ, что никому себя за Христа не выдавалъ, если же другіе считаютъ его Христомъ, то, вѣдь, это не выдуманно ими, а внушено имъ отъ Бога Отца. На вопросъ о томъ, правда ли, что онъ предсказывалъ наступленіе страшнаго суда въ извѣстный день, Малеванный отвѣтилъ цитатой изъ Евангелія о томъ, что никому неизвѣстенъ день страшнаго суда, но всегда нужно ждать его и нужно быть готовымъ къ нему. Вообще на всё мои вопросы по существу обвиненія Малеванный отвѣчалъ уклончиво, книжнымъ языкомъ и—что поразило меня въ виду его неграмотности—уснащалъ свою рѣчь обильными и длинными цитатами изъ Евангелія и Псалтири, при чемъ послѣ каждой цитаты онъ называлъ евангелиста, главу и стихъ или же псаломъ.

Видно было, что на всё вопросы, относящіяся къ существу предъявленнаго ему обвиненія, у него были какъ бы заготовленные заранѣе отвѣты, облеченные въ особую, свойственную сектантскимъ диспутамъ, форму. Чтобы отвлечь его отъ этого тона объясненій, я началъ спрашивать его о прежней его жизни, о семьѣ, хозяйствѣ и т. д. Благодаря такой перемѣнѣ темы бесѣды, и тонъ ея сразу измѣнился, и дальнѣйшія объясненія Малеваннаго приняли болѣе простыя формы. Говорилъ онъ свободно, связно, логично и послѣдовательно. По всему видно было, что онъ привыкъ говорить и привыкъ къ тому, чтобы его слушали. Рассказалъ онъ мнѣ, что съ малыхъ лѣтъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ сверстниковъ. Въ ранней молодости началъ онъ сильно пьянствовать, развратничать, ругался скверными словами, воровалъ, видя во всемъ этомъ особое молодечество. Въ то же время неправдо ходилъ въ церковь, считалъ себя православнымъ. Съ теченіемъ времени такой образъ жизни сдѣлался для него привыч-

нымъ и, лишь достигнувъ сорокалѣтняго возраста, началъ онъ задумываться надъ тѣмъ, что онъ самъ и другіе только называются православными христіанами, а живутъ совсѣмъ не по-христіански. Бросилъ онъ тогда пить, пересталъ развратничать, старался жить честно, по-хорошему, но его смущало то, что у него, какъ и вообще у простаго народа, и вѣра какъ будто не настоящая. Задумался онъ надъ тѣми молитвами, съ которыми съ дѣтства привыкъ обращаться къ Господу Богу, и оказалось, что многое въ нихъ ему совсѣмъ непонятно; въ значеніи святыхъ таинствъ и обрядовъ онъ тоже не могъ разобраться. Но больше всего его смущало то, что и священники, духовные наставники и руководители православнаго народа, какъ ему казалось, не обращаютъ никакого вниманія на духовные интересы своей паствы, относятся равнодушно къ безобразной жизни своихъ прихожанъ, думаютъ только о корысти и нерѣдко сами ведутъ совсѣмъ неподобающій имъ образъ жизни.

Попробовалъ онъ обратиться за разъясненіемъ своихъ религіозныхъ сомнѣній къ одному изъ мѣстныхъ священниковъ, чуть ли не академику, но тотъ встрѣтилъ его очень недружелюбно, заподозрѣвъ его сразу въ штундизмъ, и вообще «не далъ покоя его душѣ».

Не найдя у себя на родинѣ разъясненія мучившимъ его сомнѣніямъ, Малеванный рѣшилъ, что всему причиной—захолустье, въ которомъ онъ жилъ: и люди здѣсь темные, и духовные наставники не желаютъ разсѣять народную тьму.

И рѣшилъ онъ искать свѣта и правды у людей, которые посвятили себя исключительно служенію Богу. Пошелъ въ Кіево-Печерскую лавру. Но тутъ его ожидало полное разочарованіе. То, что здѣсь пришлось наблюдать ему, окончательно оттолкнуло его отъ господствующей церкви и, вернувшись на родину, пошелъ онъ къ штундистамъ.

Вначалѣ штунда вполнѣ удовлетворяла его, нравились ему трезвость и честность штундистовъ, терпѣніе и кротость въ перенесеніи воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненій, братскія, дружескія отношенія между штундистами. Тутъ же, въ штундѣ, впервые познакомился онъ съ Священнымъ Писаніемъ, въ особенности съ Евангеліемъ, но Евангеліе заронило въ немъ и сомнѣнія въ правильности штундистской вѣры:

«Говорятъ они (штундисты) все по Евангелію и живутъ какъ будто по Евангелію, а гордыни въ ихъ душѣ и въ сердцахъ куда больше, чѣмъ у православныхъ».

«И отсталъ я отъ штунды, и сталъ искать Бога въ душѣ своей и въ сердцахъ своемъ... И увидѣлъ я, что Богъ есть въ душѣ и въ сердцахъ человѣка... И вселилась въ меня великая радость о Богѣ... И другіе, видя это, тоже возрадовались»...

Пока Малеванный рассказывалъ мнѣ о своихъ переживаніяхъ въ православіи и въ штундѣ, рѣчь его была простая, но ясная и послѣдовательная, и даже выраженіе его лица, въ общемъ мрачное, аскетическое,—прояснилось. Но какъ только онъ перешелъ къ своему религіозному состоянію послѣдняго времени, лицо его сразу приняло прежнее мрачное выраженіе, съ какимъ онъ вошелъ ко мнѣ, рѣчь опять приняла книжный характеръ, посыпались длинныя цитаты изъ Евангелія и Псалтири. Говорилъ онъ еще съ большимъ, чѣмъ раньше, жаромъ, но отъ логичности и послѣдовательности его прежнихъ рѣчей и слѣда не осталось. Можно было только понять, что онъ ощущаетъ, чувствуетъ присутствіе въ себѣ Бога, Духа Святого, слышитъ при этомъ во время молитвы какіе-то необыкновенныя, сладкіе, райскіе запахи, испытываетъ необыкновенную легкость тѣла: ему казалось даже, что тѣло его во время молитвы какъ будто отдѣляется отъ земли.

У меня не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что передо мною стоитъ психически больной человѣкъ.

При дальнѣйшемъ слѣдствіи мнѣ пришлось допросить нѣсколькихъ послѣдователей Малеваннаго. Всѣ они были глубоко убѣждены въ томъ, что Кондратій Малеванный, дѣйствительно, Иисусъ Христосъ, Спаситель міра. Нѣкоторые изъ нихъ даже начинали свои свидѣтельскія показанія словами:

«Вѣрую и исповѣдую, что Кондратій Малеванный есть воистину Христосъ, сынъ Бога живого, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти...»

И только одна жена Малеваннаго, всегда до того времени раздѣлявшая религіозныя вѣрованія мужа, очевидно, усомнилась въ правильности послѣдней его вѣры. На обычный вопросъ о вѣроисповѣданіи она съ улыбкой объяснила:

«Была я прежде православной вѣры, потомъ штундистской, а теперь ужъ и сама не знаю, какой я вѣры».

При дальнѣйшихъ разспросахъ она большею частью отдѣлялась фразами: «Богъ его знаетъ, я и сама не знаю» и т. п., но въ общемъ было видно, что она не раздѣляла обожествленія Кондратія и считала, что съ нимъ дѣлается что-то неладное.

Другіе послѣдователи Малеваннаго твердо стояли на своемъ и въ подтвержденіе божественности Кондратія указывали на то, что во время молитвы онъ бесѣдуетъ съ Богомъ Отцомъ и что они собственными глазами видѣли, какъ тѣло его во время молитвы какъ бы возносилось, отдѣлялось на нѣсколько вершковъ отъ земли.

Далѣе, изъ показаній ближайшихъ сосѣдей и родныхъ Малеваннаго и другихъ свидѣтелей выяснилось, что имъ изъ ближайшихъ приверженцевъ были избраны двѣнадцать апостоловъ, которые и пребывали постоянно вмѣстѣ съ нимъ «въ радости и молитвѣ».

Всѣмъ приходящимъ къ нему Малеванный говорилъ, что скоро наступитъ страшный судъ, называлъ даже опредѣленный день, кажется, первый день Великаго поста.

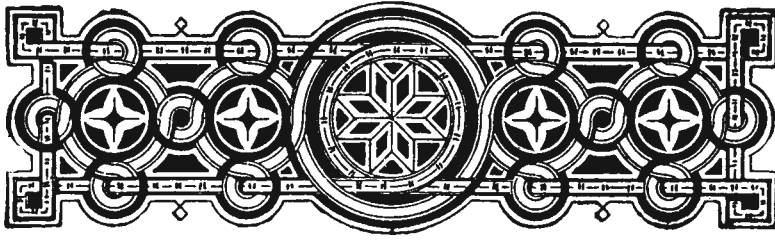
Слухи о новоявленномъ Христѣ Спасителѣ и о предсказанной имъ скорой кончинѣ міра быстро распространились по окрестнымъ селамъ, находившимся въ то время въ состояніи религіознаго броженія и, дѣйствительно, вызвали большую тревогу, волненіе и уныніе: многіе въ ожиданіи страшнаго суда перестали работать и заниматься хозяйствомъ, другіе, а такихъ было немало, распродавали все имущество, выпускали на свободу скотъ, бросали свои дома и шли въ Таращу, къ Малеванному, чтобы вмѣстѣ съ нимъ встрѣтить страшный судъ. Когда предсказаніе Малеваннаго о днѣ страшнаго суда не оправдалось, нѣкоторые изъ его послѣдователей образумились. Но большинство осталось вѣрно ему.

Слѣдствіе о Малеванномъ скоро было закончено и направлено въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ по опредѣленію окружнаго суда (уманскаго) Малеванный былъ помѣщенъ для испытанія въ кievскую Кирилловскую психіатрическую больницу. По испытаніи онъ оказался страдающимъ психической болѣзью, такъ называемой паранойей, перешедшей въ хроническое состояніе. Окружный судъ согласился съ заключеніемъ врачей, и дѣло о немъ въ судебномъ порядкѣ было прекращено, но распоряженіемъ администраціи Малеванный былъ оставленъ въ Кирилловской больницѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ казанскую психіатрическую больницу, какъ говорятъ, для того, чтобы пресѣчь вліяніе его на послѣдователей, оставшихся въ Таращанскомъ, Васильковскомъ и другихъ уѣздахъ Кіевской губерніи. Но и послѣ этого поднятое Малеваннымъ религіозное движеніе росло и ширилось и въ 1892 году приняло формы настоящей психопатической эпидеміи, для изученія коей была наряжена даже особая комиссія.

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, «малеванщина» измѣнила свой первоначальный характеръ, а самъ Малеванный немало страдалъ отъ воспоминаній о своемъ обожествленіи.

А. Ющенко.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

КЛЮЧЕВСКИЙ, какъ извѣстно, былъ всецѣло преданъ наукѣ и аудиторіи. Вся жизнь его мирно протекла въ тиши кабинета, среди рукописей и книгъ, въ ученой работѣ, чтеніи лекцій и товарищеской бесѣдѣ съ близкими ему по наукѣ людьми. Но покойный В. О. живо интересовался и общественными дѣлами, и хотя довольно рѣдко, но ему приходилось выступать въ этой области ¹⁾; а потому тѣмъ большій интересъ должны представлять собой тѣ немногіе случаи, когда этотъ виднѣйшій историкъ послѣдняго времени, съ необыкновенно сильнымъ и оригинальнымъ умомъ и образной вычеканенной рѣчью, отзывался на общественные и политическіе запросы.

Въ послѣдніе годы своей жизни В. О. Ключевскій, какъ рассказываютъ, очень интересовался судьбой государственной думы; ему приходилось высказывать свои мнѣнія и при самомъ учрежденіи думы и позднѣе. Вотъ эти мнѣнія Ключевского мы и попытаемся сообщить читателямъ по сохранившимся замѣткамъ и запискамъ.

Историкъ, вдохновенный истолкователь сущности московскаго соборнаго представительства, Ключевскій связывалъ происхождение и смыслъ существованія государственной думы съ земскими

¹⁾ В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія, изд. «Научнаго Слова». Стр. 96, 215 и др.

соборами, и, защищая авторитетъ думы, ставя задачи ея выше задачъ стараго государственнаго совѣта, онъ высказывалъ такія мысли.

Государственная дума по существу своей задачи «должна быть знакома не только съ потребностями страны, но и съ ея настроеніемъ, съ градусомъ психологической ея температуры. Знать это составляетъ насущную потребность правительства, а дать ему это знаніе можетъ только дума. Спрашивались народные представители уже въ XVI—XVII вѣкахъ, но созывавшіеся соборы не представляли верховной власти двухъ мнѣній; (они) всегда сводили къ тому, что на высочайшее благовозрѣніе подвергалось одно мнѣніе, для изложенія котораго установилась стереотипная форма: «какъ рѣшить, — то воля государя и его бояръ, а мы приносимъ свое мнѣніе и жертвовать всѣмъ готовы». Не эти приговоры были важны, а важно то, что постановленія эти мотивировались такъ, что правительство чувствовало пульсъ жизни. Руководствуясь имъ, правительство отклоняло нерѣдко предложенія народа нести жертвы, когда видѣло, что народъ не въ силахъ ихъ выдержать. Такъ было въ 1642 году по вопросу о войнѣ съ турками. Такое основанное на довѣрїи и взаимномъ пониманїи отношеніе имѣло высокую цѣну. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ: «міра всѣ слушаютъ». Правда, Петръ Великій дѣйствовалъ безъ содѣйствія общества, но имъ руководила мысль, что, несмотря на предразсудки, надо исполнить мысль лучшихъ людей земли. Послѣ 1730 года цари снова внимали голосу народа. Императрица Екатерина II созвала представителей, и съ 1767 года по рѣчамъ ихъ узнала истинныя желанія народа, и народъ сталъ судить о дѣлахъ, какъ зрячїй. Въ томъ и состояла ея заслуга, что, познавъ нужды народа, она пользовалась этимъ все свое царствованіе. Она сравнивала нашихъ представителей съ генеральными штатами во Франціи и говорила, что отъ своихъ людей она узнала, гдѣ башмакъ жметъ ногу; у насъ успѣшнѣе, чѣмъ у нихъ. Затѣмъ мысль о пользѣ народнаго представительства опять гаснетъ и воскресаетъ вновь лишь въ царствованіе Александра II. Вѣра въ свою власть, какъ выраженіе воли народа, дала ему силу провести великія реформы; онъ слѣдовалъ завѣту, что верховная власть — защитникъ выраженной народнои мысли».

«Какое же лучшее средство узнать настроеніе народа, какъ не спросить его чрезъ государственную думу? Законъ долженъ пророчествовать, обнять и урегулировать нарождающіеся интересы. Это не всегда удастся самымъ предусмотрительнымъ умамъ. Наблюденіе надъ настроеніемъ народныхъ представителей, отражающихъ душу народную, создастъ почву для законодательства. Видно будетъ, какая мѣра сколько встрѣтитъ препятствій или поддержки. Но какъ узнать, если власти рѣшающей будутъ представляться раз-

ныя мнѣнія, мнѣнія большинства и меньшинства. Какому отдать предпочтеніе,—это всегда будетъ острой дилеммой. Если мысль меньшинства жизнеспособна, она не пропадетъ.

«Въ отдѣльномъ собраніи съ нею не согласятся, но въ концѣ концовъ она восторжествуетъ, къ ней перейдетъ большинство, если не всё. Надо, чтобы къ верховной власти всегда доходило господствующее чувство: только тогда взаимная работа будетъ производительна. Передъ царемъ будетъ спокойное озеро; онъ будетъ видѣть дно его—душу народа. Только тогда устранятся всё обстоятельства, затрудняющія нынѣ законодательную работу».

Кромѣ вопроса объ организаціи и задачахъ государственной думы, В. О. Ключевскій горячо откликнулся по вопросу о выборахъ. Онъ былъ знатокомъ сословнаго строя, чему, кромѣ отдѣльныхъ монографій, посвятилъ особый спеціальнй университетскій курсъ (сравни «Опыты и изслѣдованія», т. I). И въ монографіяхъ, и въ лекціяхъ Ключевскій проводилъ такія основныя мысли. Сословная организація въ Московскомъ государствѣ выросла на почвѣ необходимыхъ государственныхъ потребностей и сопровождалась несеніемъ всеми слоями общества государственныхъ повинностей, лишь въ разныхъ формахъ: дворянинъ служилъ государству мечомъ, посадскій—кошелькомъ, крестьянинъ—горбомъ; но со середины XVIII вѣка эта организація потерпѣла одностороннее нарушеніе: благодаря манифесту о вольности дворянской и жалованной грамотѣ 1785 г., «одно сословіе (дворянское) продолжаетъ пользоваться всеми прежними преимуществами и получаетъ нѣкоторыя новыя въ то время, какъ съ него спадали одна за другой прежнія обязанности», другія же сословія, въ особенности крестьянское, остались почти въ прежнемъ состояніи. Даже люди того времени приходили къ мысли о томъ, что «политическій порядокъ въ Россіи покоится на несправедливости». Естественной ликвидаціей были отмѣна крѣпостнаго права и постепенное уравненіе въ правахъ всехъ сословій. Таковъ внутренній ходъ событій XIX вѣка.

Когда стали высказываться предположенія объ устройствѣ выборовъ въ государственную думу по сословіямъ, съ предоставленіемъ дворянству, въ виду его историческихъ заслугъ, особо привилегированнаго положенія, Ключевскій рѣшительно не признавалъ этого правильнымъ и высказывалъ мысль о необходимости безсословныхъ выборовъ.

«Я высоко цѣню,—читаю у него,—историческія заслуги дворянства, но... дворянство, по моему мнѣнію, принесло огромную пользу въ той именно области, гдѣ оно является не представителемъ сословія, а гдѣ оно сотрудничаетъ народу и обща съ другими классами населенія работаетъ на пользу общую. Эта область—земская дѣятельность. Здѣсь они дѣйствуютъ, какъ лучшіе люди,

приносящіе въ земскія собранія не сословныя преданія, а радѣющіе объ общемъ благѣ. Ничего, однако, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что большинство достойнѣйшихъ дѣятелей земства принадлежитъ къ дворянству. Было бы печальною неожиданностью, если бы наблюдалось противное».

«Дворянство долѣе другихъ общественныхъ группъ воспитывало въ себѣ духъ общественности. У нихъ, при томъ же, старыя коренныя связи разрушены поступательнымъ ходомъ государственной жизни, а новыя связи, построенныя на иныхъ началахъ, недостаточно окрѣпли. Неустанныя въ теченіе 200 лѣтъ усилія правительства обезпечить дворянству возможность высшаго образованія и надлежащаго воспитанія въ то время, какъ доступъ къ нему былъ почти прегражденъ прочимъ классамъ населенія, когда о народныхъ школахъ не было и помину, должны же были принести полные результаты. Уже въ половинѣ XVI столѣтія дворянство получило правильную организацію, и эта организація явилась ручательствомъ корректнаго образа дѣйствій. Дворянство, какъ обособленное сословіе, удовлетворяло общимъ условіямъ времени, честно служило на пользу благу народному и являлось необходимымъ элементомъ въ государственной жизни нашего отечества.

«Но нынѣшняя сословная организація дворянства не вполне отвѣчаетъ современнымъ понятіямъ и волнующимъ общественное мнѣніе чувствамъ. Дисциплина дворянскихъ собраній обращается иногда въ простую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, несогласнымъ со взглядами случайно присутствующаго большинства. При такихъ условіяхъ она едва ли можетъ имѣть приписываемое ей воспитательное значеніе. Указываютъ, что представителемъ дворянства въ земскихъ собраніяхъ чужды своекорыстныя цѣли и стремленія, что они радѣютъ не столько о своемъ благѣ, сколько о пользахъ и нуждахъ крестьянъ, внося на общую пользу свою крупную лепту. Это совершенно вѣрно, такъ какъ члены земскихъ собраній изъ дворянъ должны быть вообще причислены къ лучшимъ людямъ, по приведеннымъ мною соображеніямъ. Но слѣдуетъ также отмѣтить, что свои сужденія они произносятъ и принимаютъ рѣшенія въ собраніяхъ не сословныхъ, гдѣ они находятся подъ нравственнымъ контролемъ своихъ сочленовъ, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ и группамъ населенія, въ которыхъ они всегда могутъ встрѣтить поддержку полезнымъ начинаніямъ. Какъ ни велики въ этомъ отношеніи заслуги дворянства, нельзя не признать ихъ и за другими членами земскихъ собраній. Польза, приносимая дворянствомъ въ указанной области, пропорціональна ихъ знанію мѣстныхъ нуждъ. Это знаніе они почерпаютъ преимущественно въ своей близости землѣ. Но тѣмъ же источникомъ полезныхъ для земской дѣятельности познаній обладаютъ и всѣ другіе землевладѣльцы, и трудно было бы утверждать, что дворяне болѣе

освѣдомлены въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и лучше понимаютъ народныя нужды и способы ихъ удовлетворенія, нежели другіе гласные.

«Наиболѣе убѣдительнымъ, по моему мнѣнію, доводомъ противъ сословныхъ выборовъ является то неоспоримое, какъ кажется, положеніе, что интересы населенія получили бы крайне неодинаковое по разнымъ мѣстностямъ, весьма неравномѣрное въ отношеніи отдѣльныхъ классовъ выраженіе. Принятіемъ имущественнаго ценза, какъ основнаго начала выборовъ, эти недостатки почти совершенно устраниваются, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется и бытовая и юридическая обособленность однихъ классовъ населенія отъ другихъ. Если принять будетъ принципъ сословности, то въ средѣ землевладѣльцевъ явится раздвоеніе: будутъ особые сѣзды для землевладѣльцевъ изъ дворянъ и для собственниковъ земли, къ этому сословію не принадлежащихъ. Это раздвоеніе скажется и въ думѣ. Обѣ партіи, можно опасаться, станутъ чуждаться другъ друга, быть можетъ, окажутся во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ и будутъ во всякомъ случаѣ преслѣдовать партійные интересы. Позволительно спросить: къ пользѣ ли общаго государственнаго дѣла?»

«Предполагаютъ, что «узаконеніе смѣшанныхъ выборовъ будетъ похоронами дворянства». Не думаю, чтобы такъ скоро пришлось служить по немъ панихиду. Экономическое положеніе дворянства, которымъ обусловливаются его избирательныя права, далеко небезнадежно. По земскому положенію 1864 года, за землевладѣльцами—преимущественно дворянами—обезпечено было 6,000 мѣстъ гласныхъ изъ 13,000 (по 34 губерніямъ). Хотя дворянскій земельный фондъ и таетъ довольно быстро, тѣмъ не менѣе и нынѣ въ рукахъ дворянъ имѣется достаточное количество земли, чтобы сохранить за собой и въ думѣ преобладающее число мѣстъ. А затѣмъ,—культурное превосходство этого сословія. Куда оно дѣнется? Оно не исчезнетъ и будетъ давать лишнее преимущество дворянамъ, облегчить ему борьбу на выборахъ. Этого достаточно, чтобы отвергнуть другія искусственныя и не согласующіяся съ современными понятіями условія для обезпеченія дворянству побѣды на выборахъ.

«Если земля будетъ уходить изъ рукъ дворянъ быстрѣе прежняго, несмотря на оказываемую ему правительствомъ широкую помощь въ борьбѣ съ этимъ печальнымъ явленіемъ, то съ такимъ фактомъ нельзя будетъ не считаться, какъ съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ экономической эволюціи. Нужно пожалѣть дворянство, но нельзя будетъ не признать, что оно не хотѣло или не сумѣло воспользоваться тѣми средствами, которыя имѣлись въ его распоряженіи для предупрежденія процесса обезземеленія.

«Какое впечатлѣніе произведетъ сословность выборовъ на народъ? Я не хочу быть зловѣщимъ пророкомъ, но она можетъ быть истолкована въ смыслъ созданія государственной думы для защиты сословныхъ интересовъ дворянства. Тогда возстанетъ въ народномъ воображеніи мрачный призракъ сословнаго царя. Да избавитъ насъ Богъ отъ такихъ послѣдствій! При современныхъ условіяхъ несправедливо и больше, чѣмъ неудобно, скажу прямо—опасно устанавливать выборы въ думу на сословномъ началѣ».

Будучи сторонникомъ безсословной системы выборовъ, Ключевскій и по отношенію къ крестьянамъ держался широкаго взгляда, приходя къ мысли о необходимости того, чтобы крестьяне-выборщики не выдѣлялись въ особую избирательную курію, но, слившись въ одну массу съ выборщиками отъ остальныхъ группъ населенія, могли выбирать всякаго, кто имъ покажется достойнымъ.

«Отригнувъ идею сословности вообще, едва ли цѣлесообразно было бы,—полагалъ онъ—придерживаться этого начала въ отношеніи крестьянъ». «Наибольшей опасности,—по его мнѣнію,—подвергнется правильность выборовъ отъ сельскаго населенія въ первоначальной ихъ стадіи. Въ нихъ будетъ, вѣроятно, значительная доля фиктивности; крестьяне, особенно на первыхъ порахъ, вѣроятно, будутъ выбирать своихъ представителей изъ числа наиболѣе властныхъ и сильныхъ людей своего сословія. Но не слѣдуетъ забывать, что крестьянство не является однородною группою населенія. Въ немъ уже начался серьезный процессъ дифференціаціи, распаденія по различнымъ интересамъ. Сильныя и властныя въ крестьянахъ личности смотрятъ далѣе наиболѣе близкихъ массѣ потребностей, неспособны отрѣшиться отъ собственныхъ выгодъ во имя общаго блага и повсюду явятся преимущественно защитниками своихъ собственныхъ интересовъ, лишь отчасти совпадающихъ, а иногда и противорѣчащихъ благу меньшей ихъ братіи. Чѣмъ дальше будетъ проводиться обособленность выборовъ, тѣмъ болѣе вѣроятія, что такія именно личности попадутъ въ члены думы. Отъ этого преобладающая масса населенія только проиграетъ. Предотвратить подобные результаты при сквозной раздѣльности выборовъ совершенно невозможно. Иначе будетъ обстоять дѣло при сліяніи выборщиковъ въ общемъ избирательномъ собраніи губерніи. Здѣсь будутъ выбраны тѣ именно лица, которыя способны поставить интересы общаго блага и пользы государственной выше своихъ собственныхъ выгодъ. Не нужно преувеличивать значенія того довода противъ смѣшанной системы, который заключается въ указаніи на вредное вліяніе агитаторовъ. Въ избирательномъ собраніи найдутся, безъ сомнѣнія, и такіе элементы, которые въ состояніи будутъ противопоставить вредной агитаціи свое благотворное вліяніе на выборщиковъ-крестьянъ и направить ихъ голоса въ пользу дѣйствительно достойныхъ лицъ, ясно понимающихъ интересы сель-

скаго населенія и способныхъ отстаивать ихъ въ думѣ не хуже, а скорѣе даже лучше, нежели сами крестьяне».

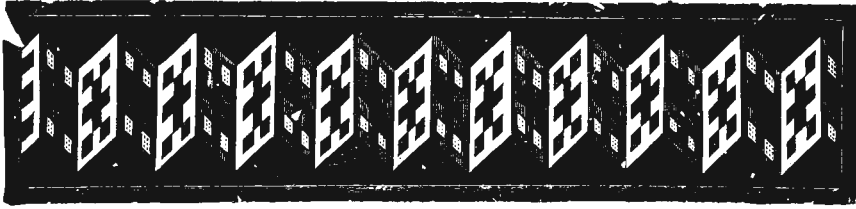
Относительно компетенціи государственной думы взглядовъ Ключевского полностью мы не знаемъ. Но можно догадываться, что онъ былъ сторонникомъ предоставленія думѣ возможно болѣе широкихъ правъ. Къ этому приводитъ одно, извѣстное намъ, замѣчаніе Ключевского: за думой, говорилъ онъ, долженъ быть обезпеченъ починъ возбужденія передъ Государемъ въ установленномъ порядкѣ вопроса объ усовершенствованіи органическаго закона.

Высказываясь по поводу установленія государственной думы, Ключевскій внимательно слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ съ момента открытія, и даже роспускъ первой думы въ немъ не вызывалъ особо тревожныхъ настроеній. Онъ былъ увѣренъ въ необходимости для Россіи и прочности представительнаго порядка правленія. Въ своемъ краткомъ курсѣ лекцій, изданномъ въ 1906 году, В. О. Ключевскій по поводу государственной думы писалъ слѣдующее: «Собирая, распуская думу, управляя страной безъ нея и безъ нея же издавая важнѣйшіе акты, имѣющіе законодательное значеніе (наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ), правительство все же стоитъ все время лицомъ къ лицу съ народнымъ представительствомъ, около котораго, какъ около оси, вращается его дѣятельность. И въ этомъ глубокая разница съ дѣятельностью правительства до японской войны. Независимое совершенно среди безмолвнаго общества, едва подымавшаго свой критическій голосъ, оно не имѣло въ своей дѣятельности даже и такого объединяющаго момента, какъ борьба съ думою, и отдавалось стихійному произволу неожиданныхъ случайностей. Въ непрерывномъ взаимодействіи правительственной власти и народнаго представительства, крѣпящаго въ борьбѣ съ ея преобладаніемъ, и заключается залогъ будущаго развитія государства и усвоенія правительствомъ культурныхъ началъ конституціонной монархіи».

Таковы были взгляды покойнаго В. О. Ключевского на государственную думу.

М. Ключковъ.

ПАМЯТИ А. А ПИСЕМСКАГО.

СЛИ УМИРАЮТЪ высокопоставленные чиновники, то о нихъ пишутся некрологи въ строго официальномъ тонѣ, съ перечисленіемъ пройденныхъ и достигнутыхъ ими степеней «извѣстныхъ» ихъ службы, взятыхъ изъ формуляровъ. Характеристика личныхъ качествъ ограничивается стереотипными и опредѣленными выраженіями: добрый, отзывчивый, мягкій по отношенію къ подчиненнымъ, хотя бы это не соответствовало дѣйствительности... Когда же умираетъ художникъ, поставленный на высоту искусства «Божьей милостью» даннаго ему таланта, то формуляръ при этомъ не играетъ никакой роли въ оцѣнкѣ, вызывая лишь грустную улыбку своей бѣдностью при сопоставленіи картинъ, выношенныхъ въ себѣ и оставленныхъ для потомства.

Только что скончавшійся Алексѣй Александровичъ Писемскій принадлежалъ къ такимъ художникамъ, благодаря «искрѣ Божіей», ярко въ немъ горѣвшей и проявлявшейся не только въ прекрасныхъ картинахъ и аквареляхъ, имъ оставленныхъ, но и въ образахъ рѣчи, которые онъ носилъ въ себѣ. Будучи землякомъ, младшимъ товарищемъ его юныхъ дней и другомъ, знающимъ подробно его жизнь, я постараюсь кратко обрисовать передъ читателями нѣкоторыя черты его оригинальнаго характера, связанныя съ его художественной дѣятельностью, и дать біографическіе штрихи, характерныя для русской жизни и судьбы талантливыхъ людей, вмѣщающихъ въ себѣ много недоговореннаго въ ихъ «публичныхъ» произведеніяхъ. Біографія же А. А. особенно интересна тѣмъ, что характеризуетъ борьбу съ жизнью русскаго даровитаго человѣка,

выброшеннаго въ дѣтствѣ изъ дворянской среды на улицу и пробивавшаго себѣ дорогу въ жизненной суетлохѣ исключительно своимъ талантомъ.

Алексѣй Александровичъ родился 1-го октября 1859 года въ городѣ Буѣ Костромской губерніи, въ родовитой семьѣ помѣщиковъ Писемскихъ. Предокъ его былъ посланъ царемъ Іоанномъ Грознымъ съ посольствомъ въ Англію къ королевѣ Елизаветѣ. Другой его предокъ былъ причисленъ къ лику святыхъ подъ именемъ св. Макарія Желтоводскаго, коего мощи покоятся въ Макарьевскомъ монастырѣ (въ городѣ, названномъ по его имени), стоящемъ на рѣкѣ Унжѣ, въ предѣлахъ Костромской губерніи. Отецъ А. А., братъ знаменитаго писателя Алексѣя Теофилактовича, имѣлъ двадцать два человѣка дѣтей обоего пола, изъ которыхъ большая часть умерли еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Совершенно разоренный, отецъ его не могъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ, и будущій художникъ груднымъ младенцемъ былъ отданъ на воспитаніе въ бездѣтную семью Волоцкихъ, гдѣ и протекало его дѣтство и куда онъ возвращался и въ юношескіе годы.

Потерявъ родителей на девятомъ году отъ роду и оставшись круглымъ сиротой, А. А. былъ отданъ (1868 г.) въ дворянскій пансіонъ костромской классической гимназіи. До этого грамотъ онъ обучался у дьячка. Въ тѣ времена наши помѣщики не брезговали такими учителями. Но такое обученіе «по букварю» отразилось крайне неблагопріятно на живомъ, впечатлительномъ ребенкѣ, внушивъ ему почти отвращеніе къ школьной наукѣ. Въ гимназіи онъ учился плохо, оставаясь по два года въ каждомъ классѣ. Живое воображеніе даровитаго мальчика не переваривало царившей тогда воспитательной рутины. Неудивительно, что зубренію латинскихъ вокабулъ онъ предпочиталъ чтеніе сочиненій Фенимора Купера и особенно Майнъ-Рида. Обширный пансіонскій садъ, слабое наблюденіе за дѣтьми давали возможность А. А. и его гимназическимъ друзьямъ изображать себя героями любимыхъ авторовъ, сражаться съ воображаемыми врагами—индѣйцами, слѣдить за ними, нападать и спасаться бѣгствомъ въ критическія минуты, освобождать плѣнниковъ, скальпировать и прочіе. Чтеніе и игры въ концѣ концовъ приводятъ А. А. и его товарищей, среди которыхъ были и прежніе враги семинаристы (а гимназисты уже по традиціи враждовали съ семинаристами и при каждомъ удобномъ случаѣ вступали въ кулачные бои между собою), къ рѣшенію бѣжать въ Америку. Какъ ни хитро былъ задуманъ планъ бѣгства, но бѣглецы были пойманы на пристани парохода и водворены въ пансіонъ. Послѣ этого приключенія ученикъ Писемскій былъ записанъ гимназическимъ начальствомъ въ разрядъ неисправимыхъ «шалуновъ» и «лѣнтяевъ» и могъ дойти только до третьяго класса. Будучи еще первоклассникомъ той же

гимназін, я помню его уже «великовозрастнымъ», посившимся по гимназической «сборной» постоянно съ булками за пазухой и не дававшимъ въ обиду насъ, маленькихъ. Онъ уже тогда рисовалъ карикатуры на учителей. И въ его классѣ на доскѣ частенько была изображена мѣломъ какая-нибудь смѣшная рожа, весьма похожая на какое-либо опредѣленное «лицо». И впоследствии, когда его «выперли» (по его выраженію) «изъ классиковъ» и онъ попалъ въ «реалисты», въ числѣ коихъ онъ состоялъ недолго, онъ послалъ свою первую карикатуру картины Лермонтовскаго «Демона» въ «Стрекозу», гдѣ ее и отпечатали въ краскахъ. Въ реальномъ училищѣ ему тоже не повезло, въ ущербъ паукамъ живописи его влекла неудержимо. Летѣя мечту попасть въ академію, онъ началъ серьезно работать.

Помню, какъ мы съ нимъ тащили «напоказъ» его первую акварель (головку дѣвушки съ распущенными волосами) къ мѣстному помѣщику и земскому дѣятелю В. А. Перелешину (брату севастопольскаго героя генераль-адъютанта П. А. Перелешина), имѣвшему порядочную коллекцію картинъ, въ домѣ котораго я постоянно бывалъ, будучи одноклассникомъ и другомъ его сына Андрея (впоследствии сдѣлавшагося предсѣдателемъ буевскаго земства). В. А. сразу оцѣнили юнаго художника и, купивъ его акварель, предрекъ ему большую будущность.

— Идите, молодой человѣкъ, въ академію, боритесь съ жизнью, и вы ее побѣдите,—говорилъ старикъ Перелешинъ, и слова его оказались вѣщими. Постѣ этого мы съ Андреемъ стали смотрѣть на него съ благоговѣніемъ, какъ на будущую «знаменитость». А между тѣмъ эта «знаменитость» отчаянно бѣдствовала. Вышедши изъ реального училища до окончанія курса, А. А., оставленный родными безъ всякой помощи, питался грошовыми уроками рисованія, поселившись чуть ли не на чердакѣ... Длинный и худой, онъ всегда куда-то спѣшилъ съ папкою подъ мышкой и работалъ безъ устали. Наконецъ какими-то несповѣдимыми путями, среди голода и холода, онъ пробрался въ академію (1878 г.), являющуюся тогда ему путеводнымъ маякомъ, въ которой, однако, онъ впоследствии, будучи зрѣлымъ художникомъ, испыталъ немало огорченій...

Несмотря на всѣ свои бѣдствія и рысканья изъ-за куска хлѣба, онъ былъ виднѣйшимъ участникомъ всѣхъ товарищескихъ пиршествъ. Не могу забыть, какъ, будучи гимназистомъ старшаго класса, я попалъ въ «его компанію», и мы, кажется, втроемъ или вчетверомъ, отправились на пароходѣ въ Бабаевскій монастырь, имѣющій пристань на Волгѣ, гдѣ служились молебны при каждомъ прибытіи парохода. Въ качествѣ «пилигримовъ» мы заняли, подъ предводительствомъ Алеши Писемскаго, тащившаго большую корзину съ «провизіей», жидкой и сухой, помѣщеніе въ монастырской гости-

ницѣ. Какъ мы провели тамъ ночь, не помню. Утромъ въ нашу «келью» стучится монахъ.

— Во имя Отца, Сына и Святаго Духа...

— Аминь,—во все горло кричитъ Алеша, лежа на обѣденномъ столѣ, гдѣ онъ устроился на ночлегъ, окруживъ себя гирляндой изъ бутылокъ и закусокъ.

— Сейчасъ обѣднѣ начнется,—сообщаетъ въ замочную скважину осторожно монахъ.

— Не буди насъ, отче святыи, дай поспать; у насъ тоже была «служба»,—умоляетъ Алеша:—взгляни на батарею, какую мы ночью брали штурмомъ...

Монахъ исчезъ въ ужасѣ, а намъ такъ и не удалось какъ слѣдуетъ «помолиться».

Другой случай съ «рождественской елкой» любилъ рассказывать А. А. Приведу его выраженія:

«Собрались это мы, академическая молодежь, какъ-то на Рождествѣ въ каморкѣ у художника К. Сошлись хахали и мухобои порядочные. Мебели тамъ было два стула да сломанный столъ, еле державшійся на одной ножкѣ... А насъ артель. Снѣди этой всякой, стеклянокъ съ жидкостями до чорта было нанесено. Рѣшили наши ребята, что безъ елки никакъ нельзя обойтись. Гдѣ достанешь ее вечеромъ? И вотъ, братецъ мой, потащился я съ товарищами на Неву, идемъ гурьбой къ проруби, впереди я, какъ атаманъ, темно... снѣгъ, фонарь издали подмигиваетъ, вижу, елка стоитъ, ухватился за нее, потянулъ хорошенько и вытащилъ ее изъ льда. Приволокли ее торжественно въ каморку. Обвѣсили эту самую елку бутылками большими и малыми, колбасами, огурцами и всякою снѣдью, сѣли на полъ въ кружокъ, и пошелъ у насъ пиръ горой съ пѣснями до утра... Тутъ и полегли костями подъ елкой»...

Любилъ «свою богему» покойный до конца дней своихъ. Интересна его исторія съ продажей первой масляной картины въ Петербургѣ. А. А., будучи студентомъ академіи и постоянно гоняясь за «жратвой», занесъ свое «дѣтище» въ какой-то магазинъ (чуть ли не на Морской) на продажу.

— Оставьте ее, мы посмотримъ,—сказалъ небрежно приказчикъ, даже не взглянувъ на нее.

Картина была брошена куда-то въ уголъ, а потомъ попала въ амбаръ, гдѣ по ней случайно протасили тяжелый ящикъ, испортивъ ее окончательно. Черезъ нѣсколько дней А. А. приходитъ въ магазинъ «навѣдаться».

— Къ несчастью,—объявляетъ ему приказчикъ,—вашу картину испортили по недосмотру... мы ее беремъ, сколько вы за нее хотите?

— Ну, что жъ, рублей пятьдесятъ, что ли,—отвѣчаетъ А. А., не будучи твердо увѣренъ въ ея стоимости.

— А три рубля за нее хотите?—спрашиваетъ приказчикъ, пропуская мимо ушей назначенную сумму и вынимая зеленую бумажку.

«А у меня, братецъ ты мой, рассказывалъ впоследствии А. А.,— въ карманѣ-то было копейки три, я взялъ эту самую трехрублевую бумажку, вышелъ изъ магазина, верчу ее и думаю, сунуть ли ее хозьякъ, требующей давно отъ меня монеть, или пропить ее»...

Поступивъ въ академіи въ классъ профессора Шишкина, русскаго «лѣсописателя», онъ оказался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ его учениковъ. Но далеко не все было гладко въ его официальныхъ отношеніяхъ къ академіи художествъ. При окончаніи ея онъ написалъ на золотую медаль «Мельницу въ Малороссіи». Дали большую серебряную, которыхъ потомъ онъ получилъ нѣсколько. Золотой такъ и не дождался и все изъ-за «строптиваго характера», по словамъ его товарищей. Онъ съ неизмѣнной сигарой между двумя пальцами вышучивалъ въ глаза «комиссію» по присужденію премій или «дерзилъ» (по его выраженію). Особенно доставалось жанристу Ш., члену комиссіи, за его знаменитую фразу: «Изволите ли видѣть, пейзажъ что такое? это не картина, это фонъ»...

Этотъ жанристъ не придавалъ никакой цѣны пейзажу; но не такъ смотрѣли на талантливыя работы А. А. въ области пейзажа другіе... Уже первыя его картины, изображающія нашу угрюмую природу, выставленныя на судъ публики, создали ему имя, и его «Зиму», появившуюся въ числѣ первыхъ его пейзажей на выставкѣ, приобрѣла въ собственность Ея Величество Государыня Императрица Марія Оеодоровна. До конца его жизни приобрѣтались августѣйшей покровительницей русскаго пейзажа картины и акварели А. А. Писемскаго. Въ 1896 г. онъ поѣхалъ за границу, исколесивъ сѣверъ и югъ Россіи. За границей онъ выбиралъ мѣста, напоминавшія ему родину. Онъ былъ въ Германіи, Англии, Бельгіи и только «заѣздомъ случайно» попалъ въ Парижъ. Во время этого путешествія съ нимъ происходили курьезы въ духѣ его дяди-писателя, юмористическія черты характера коего нашли воплощеніе въ племянникѣ-художникѣ. Тотъ же сатирическій взглядъ на всякое кривлянье въ жизни и искусствѣ¹⁾, нѣкоторая обломовщина въ жизни, смѣняемая энергіею въ работѣ, острая наблюдательность смѣшныхъ сторонъ жизни и мѣткая характеристика всего окружающаго. Никто изъ посѣтителей знаменитыхъ пятницъ въ обществѣ акварелистовъ не забудетъ его рассказовъ въ горбуновскомъ, а иногда и въ щедринскомъ стилѣ. Онъ былъ притягивающимъ центромъ веселыхъ и серьезныхъ кружковъ.

Уйдя изъ академіи, наградившей его при окончаніи лишь званіемъ третьей степени и только впоследствии давшей ему остальные двѣ степени, онъ учредилъ вмѣстѣ съ прочими «петербургское об-

¹⁾ А. А. усиленно всегда громилъ футуристовъ.

щество художниковъ» и, наконецъ, «товарищество передвижниковъ», на выставкахъ конхъ появлялись его картины, покупавшіяся на-расхватъ. Кто изъ любителей русскаго пейзажа не помнитъ его укромныхъ уголковъ лѣса или сада, а также финляндскихъ видовъ сѣверной природы съ замшившимися камнями, омываемыми волнами залива? Сколько воздуха и грустной поэзіи было въ его картинахъ нашей сѣренькой природы, самыми малыми деталями которой онъ не брезговалъ! Какая-нибудь корзина съ грибами, опрокинутая у стараго пня, одухотворялась въ его богатомъ воображеніи... Лѣтомъ онъ не засиживался на своемъ Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ имѣлъ квартиру до самой смерти, а странствовалъ по Россіи, отыскивая «натуру». За послѣднее время онъ началъ писать море, и хотя этотъ видъ пейзажа не былъ его спеціальностью, но его изумрудно-зеленая «волна» можетъ составить украшеніе любой коллекціи. Волгу любилъ онъ больше моря, и родныя дебри его постоянно тянули къ себѣ...

Въ концѣ іюля прошлаго года я зашелъ къ нему въ мастерскую на Васильевскомъ и засталъ его съ кистью въ рукѣ и съ неизмѣнной сигарой около большаго полотна съ сосновымъ лѣсомъ, понавшаго потомъ на послѣднюю выставку. Цвѣтъ его лица былъ земляной, а общій видъ крайне утомленный. Его уже томилъ злой недугъ, которымъ онъ, къ сожалѣнію, пренебрегалъ.

— А-а!.. Кострома, здравствуйте,—привѣтствовалъ онъ меня обычной своей шуткой.

— Какъ чувствуешь себя?

— Плохо, братъ, одышка, на молоко посадили эскулапы, а и съ ногами пеладно, не побѣжишь попрежнему, какъ мы съ тобой когда-то бѣгали, вотъ и торчу нынче здѣсь, малюю по старой кухнѣ...

— Какая кухня? Ты развѣ, Алеша, поваромъ сталъ?

— А какъ бы ты думалъ!... Для того, чтобы такой пирогъ испечь, какой я началъ (и онъ показалъ на холстъ), пужно много начинки приготовить... вѣдь она здѣсь не растетъ, за ней надо поѣздить, въ лѣса заглянуть, понюхать эту самую смолу сосновую... вонъ полюбуйся, сколько этой начинки наворочено,—и онъ началъ показывать брошенные въ уголь и частью развѣшанные по стѣнамъ этюды и наброски, составлявшіе матеріалъ для его «кухни».

— Вотъ такъ каждое лѣто и шлялся я по темнымъ дебрямъ и клевалъ то тамъ, то тутъ, а потомъ и приходится мазать да печь пироги къ выставкамъ... Вѣдь жрать-то семьѣ надо!..

— Ужъ пироги-то твои очень вкусные,—замѣтилъ я.

— Ничего, невредные, хвалятъ иногда,—и онъ вдругъ оживился и заходилъ по комнатѣ, пошыхивая сигарой.

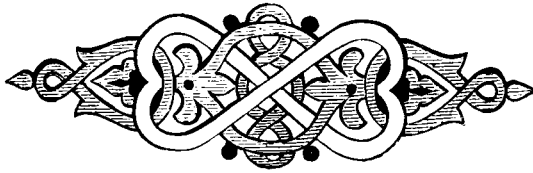
— Петя, поѣдемъ въ Кострому... на Волгу... надоѣла, братъ, мнѣ здѣшняя михлюндія...

— Съ великимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

— Поздно, братъ... И онъ сѣлъ глубоко въ кресло и задумался, махнувъ рукой.

Намъ не пришлось съ нимъ поѣхать на нашу милую родину... Его уже караулила смерть, и его юбилей, который былъ справленъ такъ торжественно 24-го февраля сего года, быть можетъ, ее приблизилъ своими эмоціями—къ роковому для него дню 11-го марта. Посмертная выставка его картинъ, быть можетъ, заставитъ строгихъ судей оцѣнить его выше, чѣмъ цѣнили при жизни.

П. И. Соколовъ.

ЛЕГЕНДЫ О ПОРТСМУТСКОМЪ ДОГОВОРѢ.

ВЪ НАШЕЙ, какъ равно и иностранной печати, неоднократно возбуждаются толки и появляются извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заключеніе портсмутскаго договора между Россіей и Японіей. Страшная бойня въ 1904—5 гг. на Дальнемъ Востокѣ оставила въ умахъ современниковъ значительный слѣдъ, и все, относящееся къ тому времени и его послѣдствіямъ, естественно будетъ еще долго волновать европейскій и азіатскій міры, при чемъ на этой почвѣ, несомнѣнно, будутъ рождаться всевозможныя легенды, въ основу которыхъ кладутся или непровѣренныя слухи, или всяческія тенденціи разныхъ категорій, недоброжелательства къ тѣмъ или другимъ дѣйствовавшимъ въ тотъ періодъ лицамъ, агитаціонныя цѣли, стремленія создавать такъ называемыя «газетныя утки».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашей литературѣ уже имѣются нѣкоторыя работы, гдѣ фактическая картина переговоровъ нашихъ уполномоченныхъ съ представителями Японіи въ Портсмутѣ довольно обстоятельно выяснена, такъ что можно было бы считать, что съ нѣкоторыми легендами, анекдотами и вымыслами по предмету сказанныхъ переговоровъ покончено, однако дѣйствительность показываетъ другое и въ прессѣ, какъ заграничной, такъ и нашей отечественной, отъ времени до времени появляются сенсаціонныя извѣстія, имѣющія цѣлью якобы пролить новый свѣтъ на портсмутскія событія.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и появившійся въ одной изъ американскихъ газетъ сенсаціонный слухъ, будто бывшій президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Рузе-

вельтъ собирается выпустить въ свѣтъ свои мемуары, гдѣ между прочимъ опубликуеть письмо, которое имъ было получено въ періодъ своего президентства отъ покойнаго японскаго императора съ просьбой быть посредникомъ въ спорѣ Японіи съ Россіей, въ виду крайней истощенности боевыхъ средствъ Японіи, не дающей ей возможности надѣяться на благополучный исходъ ея борьбы съ противникомъ.

Такого рода извѣстіе газеты было подхвачено западно-европейской прессой, а также нашло себѣ откликъ и въ нашей повременной печати, поспѣшившей не только воспроизвести слухи о письмѣ японскаго императора, но и вернуться къ вопросу о Портсмутскомъ договорѣ, причемъ нѣкоторая часть печати снова подчеркнула излюбленное утвержденіе, что нашъ уполномоченный по веденію мирныхъ договоровъ въ Портсмутѣ безъ достаточныхъ къ тому данныхъ пошелъ навстрѣчу домогательствамъ японцевъ, на самомъ дѣлѣ игравшихъ въ Портсмутѣ опасную игру и ставившихъ послѣднюю отчаянную ставку.

Утвержденіе этой категоріи нашихъ публицистовъ сводилось къ тому, что ко времени переговоровъ въ Портсмутѣ японская армія была окончательно истощена и противодѣйствовать собравшимся къ тому времени русскимъ воинскимъ силамъ она была уже не въ состояніи. Наоборотъ, Россія сумѣла уже укомплектовать понесенныя ею убыли и была въ состояніи противопоставить своему врагу настолько грозную и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ армію, оборудованную всемъ необходимымъ для успѣшнаго наступательнаго движенія, что ближайшее пораженіе Японіи являлось несомнѣннымъ. Это обстоятельство будто и было учтено нашимъ врагомъ, который потому-то и поспѣшилъ обратиться къ Рузевельту, прося его взять на себя починъ для переговоровъ съ Россіей въ надеждѣ такимъ образомъ выторговать отъ послѣдней для интересовъ островной страны болѣе выгодныя условія мира.

Такого рода утвержденіе теперь можно, на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи фактическаго матеріала, считать достаточно фантастическимъ и не оправдываемымъ истиннымъ положеніемъ тогдашнихъ вещей. Прежде всего появившееся въ газетѣ «Times» отъ 19 февраля (нов. ст.) письмо Рузевельта категорически опровергаетъ циркулировавшія и попадавшія въ печать свѣдѣнія объ обращеніи къ нему японскаго императора. Рузевельтъ пишетъ по сему предмету слѣдующее: «Одна изъ газетъ утверждаетъ, что покойный японскій императоръ писалъ мнѣ письмо съ просьбой добиться мира между Японіей и Россіей по причинѣ невозможности дальнѣйшаго веденія войны со стороны Японіи. Никогда подобнаго письма я не получалъ и ни одинъ представитель Японіи не говорилъ мнѣ о какихъ-либо затрудненіяхъ при дальнѣйшемъ веденіи войны. Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что если бы я такое письмо

и получилъ, я ни въ какомъ случаѣ не могъ бы опубликовать его. Сообщение газеты сплошная выдумка. Въ нашей странѣ сообщеніе это было забыто въ первые же дни, но въ европейскихъ и японскихъ газетахъ посмотрѣли на это дѣло серьезнѣе, что и заставило меня помѣстить настоящее письмо».

Приведя настоящее письмо Рузвельта, «Times» отъ себя прибавляетъ: «Outlook» пишетъ, что сообщеніе это повлекло за собою интересную корреспонденцію со стороны лицъ, боящихся за то, что экс-президентъ въ своихъ запискахъ «можетъ задѣть традиционную святость дипломатическихъ переговоровъ». Эта боязнь, говорить «Outlook», безпричинна. Тѣхъ, которые ожидаютъ сенсационныхъ разоблаченій, постигнетъ разочарованіе; Рузвельтъ не хочетъ ни открыть, ни сказать что-либо, что могло бы при полной точности изложенія фактовъ привлечь вниманіе публики къ этому вопросу.

Съ настоящимъ заявленіемъ Рузвельта совпадаютъ и слова, сказанныя графомъ С. Ю. Витте сотруднику «Русскаго Слова», интервьюировавшему графа по поводу сенсационнаго извѣстія объ обращеніи японскаго императора къ посредничеству Рузвельта. Графъ С. Ю. Витте заявилъ:

«Мнѣ, какъ и многимъ другимъ, извѣстно, что Рузвельтъ, дѣйствительно, получилъ во время войны изъ Японіи предложеніе взять на себя инициативу переговоровъ о мирѣ. Было ли это письмо самого микадо, или предсѣдателя совѣта министровъ,—я не знаю. Могу лишь категорически завѣрить, что въ данномъ письмѣ рѣчь шла только о принципиальномъ согласіи Японіи вступить въ переговоры о мирѣ, но отнюдь не о стремленіи Японіи добиться мира во что бы то ни стало, въ виду, якобы, тяжелаго положенія Японіи, гораздо худшаго, нежели Россіи. Повторяю, письмо къ Рузвельту было только пробнымъ шагомъ о мирѣ, и въ немъ не могло быть даже намека, будто Японія больше нуждается въ мирѣ, чѣмъ Россія. Всѣ документы, касающіеся Портсмутскаго договора, и данныя о положеніи, въ которомъ находились Японія и Россія до войны и послѣ заключенія мира, еще не опубликованы, хотя и имѣются въ подлежащихъ министерствахъ, а также хранятся въ моемъ личномъ архивѣ. Пока они не опубликованы, я считаю невозможнымъ ссылаться или говорить о нихъ».

Сообщеніе газеты «Times» съ приведеннымъ въ немъ письмомъ Рузвельта сметаешь съ лица исторіи легенду объ обращеніи къ экс-президенту Сѣверно-Американскихъ Штатовъ японскаго императора, но тѣмъ не менѣе не даетъ разъясненія, что же побудило Рузвельта вмѣшаться въ нашу распрю съ Японіей.

Дабы дать фактически-правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны вернуться къ событіямъ, предшествовавшимъ войнѣ съ Японіей, и отмѣтить здѣсь то главнѣйшее изъ нихъ, что помо-

жетъ намъ уяснить себѣ тактику нашихъ уполномоченныхъ при переговорахъ съ японцами о мирѣ.

Въ своей интересной брошюрѣ «Вынужденныя разъясненія по поводу отчета генераль-адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей» графъ С. Ю. Витте, указывая, какъ смотрѣлъ въ 1903 году нашъ военный министръ А. Н. Куропаткинъ, въ послѣдствіи главнокомандующій нашей арміей, на соотношеніе силъ Россіи съ Японіей, приводитъ его всеподданнѣйшіе доклады по сему предмету. Въ одномъ изъ этихъ докладовъ отъ 24-го іюля 1903 года мы читаемъ: «10 лѣтъ тому назадъ мы были настолько слабы въ Пріамурскомъ военномъ округѣ, что въ случаѣ войны съ Японіей наши 19 батальоновъ и 11 сотенъ, разбросанные отъ Владивостока до Читы, не могли бы отстоять противъ японскихъ силъ Владивостока и Приморскую область.

«Уже два года тому назадъ мы признали себя въ силахъ въ случаѣ войны не только отстоять Пріамурскій край, но и сѣверную Манчжурію. Мы даже сдѣлали смѣлое предположеніе, удостоившееся высочайшаго одобренія, о сборѣ части нашихъ войскъ въ Южной Манчжурію.

«Нынѣ вопросъ объ оборонѣ предѣловъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ стоитъ еще прочнѣе. Мы можемъ быть вполне спокойны за участь Пріамурскаго края, мы нынѣ можемъ быть спокойны за судьбу Портъ-Артура и мы вполне надѣемся отстоять Сѣверную Манчжурію».

Приведа этотъ отрывокъ, графъ С. Ю. Витте говоритъ: «Для полнаго уразумѣнія значенія этихъ словъ необходимо имѣть въ виду, что достиженіе подобныхъ результатовъ генераль Куропаткинъ считалъ возможнымъ независимо отъ того, придется ли намъ или нѣтъ одновременно вести войну еще на какой-либо границѣ.

«Въ этомъ докладѣ отъ 24-го іюля генераль Куропаткинъ, отмѣчая способность Японіи произвести въ большихъ силахъ десантъ, несмотря на усиленіе нашего флота, говоритъ, что самымъ лучшимъ способомъ бороться противъ такой опасности военная наука признаетъ подготовку и съ нашей стороны производства десантной операціи въ предѣлы Японіи.

«За четыре мѣсяца до этого, въ совѣщаніи 26-го марта 1903 года генераль Куропаткинъ даетъ примѣрный подсчетъ того, во что намъ обойдется побѣда надъ японцами. Именно въ журналѣ этого совѣщанія значится:

«Генераль-адъютантъ Куропаткинъ привелъ цифры, во что обойдется намъ примѣрно война съ Японіей при продолжительности въ полтора года: стоимость ея выразится въ семьсотъ — восемьсотъ милліоновъ рублей и мы потеряемъ тридцать—пятьдесятъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ при трехсотысячной арміи. Изъ войны этой, по мнѣнію военнаго министра, мы выйдемъ, несо-

мнѣнно, побѣдителями, но жертвы будутъ слишкомъ велики, чтобы приносить ихъ при полномъ нежеланіи войны. Если же суждено вести войну съ Японіей, что вѣроятно, то лучше вести ее тогда, когда мы будемъ къ ней готовы и сами выберемъ для сего время». Оказалось, что война велась около полутора года, стоила около 2,500 милліоновъ рублей прямыхъ расходовъ, мы потеряли ранеными и убитыми около двухсотъ тысячъ человѣкъ, должны были довести армію до милліона людей, оголивъ Европейскую Россію, что, между прочимъ, было одной изъ главныхъ причинъ такъ называемой революціи 1905 года.

«Полную увѣренность въ побѣдѣ надъ японцами генераль Куропаткинъ высказалъ и за два мѣсяца до войны, во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 23-го ноября 1903 года, но въ то время война съ названною странюю, видимо, уже болѣе его озабочивала, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ этого доклада:

«Даже одержавъ побѣду надъ Японіей на материкѣ, въ Корей и Манчжуріи, мы не можемъ добиться рѣшительныхъ результатовъ и считать Японію разгромленною, пока не перенесемъ войны въ предѣлы Японіи.

«Нѣтъ, конечно, въ этомъ отношеніи ничего невозможнаго. Но десантъ въ страну съ вѣдственнымъ сорокасемимилліоннымъ населеніемъ, гдѣ даже женщины примутъ участіе въ народной войнѣ, дѣло тяжкое даже для такой мощной державы, какъ Россія. Если же мы не разгромимъ Японію окончательно, если мы не лишимъ ее права и возможности имѣть военный флотъ, то при первомъ же удобномъ случаѣ, на примѣръ, если Россія вынуждена будетъ вести войну на западѣ, Японія атакуетъ насъ одна или особенно въ союзѣ съ западными врагами нашими на востокѣ.

«Необходимо имѣть въ виду, что Японія, будучи въ силахъ нынѣ выставить противъ насъ весьма быстро въ поле въ Корей и Манчжуріи хорошо организованную и обученную армію въ 150.000—180.000 человѣкъ, очень мало напрягаетъ при этомъ силы населенія. При численности въ сорокъ семь милліоновъ и принявъ для количества постоянной арміи германскую марку въ одинъ процентъ, Японія вмѣсто 120.000 могла бы имѣть въ мирное время 470.000, а въ военное одинъ милліонъ войска».

«Основанія для увѣренности генерала Куропаткина въ успѣшномъ исходѣ войны съ Японіей и для широкихъ плановъ въ отношеніи ея усматриваются изъ его труда «Итоги войны»¹⁾. Генераль Куропаткинъ въ этомъ трудѣ признаетъ, что военное министерство не знало о готовности Японіи къ войнѣ съ Россіей; оно и послѣ начала военныхъ дѣйствій думало, что Японія въ состояніи выставить противъ насъ лишь 400.000 человѣкъ, тогда какъ въ дѣй-

¹⁾ Съ этимъ трудомъ мы надѣемся со временемъ ознакомить читателей. Б. Г.

ствительности, по расчетамъ генерала Куропаткина, ими было выставлено свыше 1.500.000 человѣкъ».

Такимъ образомъ, историческая дѣйствительность опрокинула оптимизмъ нашего военного министра и вмѣсто ожидаемаго разгрома Японіи скрижали нашей военной исторіи обогатились печальными фактами подъ заголовками: Тюренченъ, Лаоянь, Мукденъ, Цусима и др. Но если военный министр обрѣтался въ достаточно розовомъ настроеніи, то таковое раздѣлялось далеко не всѣми нашими государственными дѣятелями. Къ числу послѣднихъ долженъ быть отнесенъ гр. С. Ю. Витте, на долю котораго выпало въ 1905 году ликвидировать въ дипломатическихъ переговорахъ нашу брань съ Японіей.

Когда намъ удастся подобрать нужный архивный матеріалъ, рисующій тогдашнія вѣянія въ правительственныхъ сферахъ, отражавшія на себѣ разныя административныя соотношенія по вопросу о возможности русско-японскаго конфликта, мы надѣмся представить и взгляды графа С. Ю. Витте, тогдашняго министра финансовъ, по настоящему вопросу. Пока же отмѣтимъ лишь, что съ его стороны многія начинанія наши на Дальнемъ Востокѣ не встрѣчали сочувствія; онъ подъ угломъ практическаго зрѣнія, какъ испытанный государственный дѣятель, не предвидѣлъ ничего добраго изъ осуществленія этихъ мѣропріятій, противъ коихъ онъ по мѣрѣ силъ и возможности на своемъ министерскомъ посту боролся. Дѣйствительность подтвердила его пессимизмъ и, какъ значителенъ въ извѣстной брошюрѣ А. Морского «Разочарованіе въ честномъ маклерствѣ. Т. Рузвельтъ и портсмутскія совѣщанія», еще въ началѣ 1903 г., по возвращеніи изъ служебной поѣздки для осмотра Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ, т.-е. за годъ до начала войны, въ докладѣ о своей поѣздкѣ С. Ю. Витте ставилъ совершенно ясно вопросъ объ отношеніяхъ къ Японіи, которыя министерство иностранныхъ дѣлъ не сумѣло направить въ русло содружества, котораго добивался Ито, такъ какъ только разочарованія въ предупредительности петербургскаго кабинета заставили японскихъ уполномоченныхъ искать сближенія съ Англіею ¹⁾.

¹⁾ Какъ извѣстно, маркизъ Ито посѣтилъ Петербургъ въ концѣ 1901 г. съ цѣлью установленія дружественнаго соглашенія по дальневосточнымъ дѣламъ, путемъ непосредственныхъ устныхъ переговоровъ, но наше министерство иностранныхъ дѣлъ вздумало трактовать его *en quantité négligeable*. Недобившись опредѣленнаго отвѣта на свои «инвиты», Ито отправился непосредственно вслѣдъ затѣмъ въ Англію, былъ тамъ принятъ съ распростертыми объятіями, а вскорѣ былъ обуродованъ и японо-англійскій союзный договоръ.

А. М.

«С. Ю. Витте тогда уже предусматривалъ неизбежность столкновения между Японіею и Россіею изъ-за корейскаго и манчжурскаго вопросовъ и настаивалъ на необходимости по возможности отсрочить этотъ конфликтъ, создавъ для этого хотя бы временный компромиссъ.

«По моему мнѣнію,—докладывалъ С. Ю. Витте,—вооруженная борьба съ Японіею въ ближайшіе годы оказалась бы для насъ суммъ бѣдствіемъ... Вступая въ борьбу съ сравнительно сильнымъ противникомъ, для Россіи было бы существенно важно лучше подготовиться въ стратегическомъ отношеніи. Съ этой точки зрѣнія необходимо бы было до столкновения съ Японіею окончательно оборудовать Восточно-Китайскую желѣзную дорогу, упорядочить ея эксплуатацію, ввести въ полосу отчужденія русскую администрацію и вообще урегулировать множество связанныхъ съ этою желѣзною дорогою вопросовъ.

«Далѣе было бы необходимо усилить Средне-Сибирскую и достроить Кругобайкальскую желѣзныя дороги, закончить оборудование Портъ-Артура, рассчитанное морскимъ министерствомъ на десять лѣтъ, и улучшить въ военномъ отношеніи Владивостокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ флотъ нашъ будетъ лишенъ одного изъ важнѣйшихъ условій успѣха въ войнѣ—возможности быстрой починки поврежденныхъ судовъ».

«Миражъ осуществленія великодержавной политики на азиатскомъ далекомъ Востокѣ С. Ю. Витте не ослѣплялъ: придавая при данныхъ обстоятельствахъ мирнымъ отношеніямъ къ Японіи исключительно важное значеніе, онъ полагалъ, что въ крайнемъ случаѣ легче было бы хотя бы совсѣмъ поступиться Кореею, разъ Японія предоставитъ за это Россіи соотвѣтствующія компенсаціи, такъ какъ изъ двухъ золъ: вооруженнаго столкновения съ Японіею или хотя бы полной уступки ей Кореи, несомнѣнно, въ ближайшемъ будущемъ для Россіи второе составило бы меньшее бѣдствіе.

«Реальный политикъ *par excellence*, С. Ю. Витте вовсе не увлекался идеею, которая рисовала для имперіи заманчивыя перспективы въ томъ, чтобы на краю свѣта, за Сибирью, въ отдаленіи отъ метрополіи насаждать культуру,—онъ дальновидно опасался, что война съ Японіею окажется не только бѣдствіемъ, а *und für sich* взятымъ, но отразится плачевно на болѣе близкихъ задачахъ традиціонной русской политики. С. Ю. Витте въ 1903 г. категорически заявлялъ, что столкновение съ Японіею возымѣетъ своимъ послѣдствіемъ наше ослабленіе на Ближнемъ Востокѣ и на Западѣ. «Вѣдь у Россіи,—писалъ С. Ю. Витте,—много враговъ и недоброжелателей, которые ей завидуютъ, но только боятся ея мощи. Прекрасно понимая всю опасность для насъ борьбы на два фронта, эти недоброжелатели станутъ все смѣлѣе и смѣлѣе ставить

свои требованія и заявлять притязанія, о которыхъ никогда не дерзнули бы и подумать, не будь у Россіи связаны руки вооруженною борьбою на Дальнемъ Востоку».

«Чтобы не сыграть въ руку исконнымъ недругамъ Россіи, С. Ю. Витте представлялось вполне естественнымъ обставить дѣло такъ, «чтобы Японію изъ врага, вѣчно угрожающаго возможнымъ нападеніемъ, превратить если не въ союзника, то въ сосѣда, стремящагося сохранить добрыя къ намъ отношенія, изъ-за опасенія вновь лишиться съ трудомъ пріобрѣтенной территоріи».

«Вчитываясь въ эти ясныя и подсказанныя трезвымъ умомъ разсужденія, нельзя не поразиться тѣмъ, что всѣ опасенія и предвѣщанія С. Ю. Витте нашли себѣ подтвержденіе въ реальныхъ фактахъ, разыгравшихся на нашихъ глазахъ. Если происки военной прусской партіи, глашатаемъ которой явился видный крупный чиновникъ и публицистъ Рудольфъ Мартинъ, оказались достаточно сильными, чтобы вызвать въ 1906 г. кампанію въ Германіи противъ русскихъ финансовъ, но не увѣнчались сокровенною конечною цѣлью интриги: учинить захватъ Прибалтійскаго и Привислинскаго края подъ предлогомъ огражденія Германіи отъ ужасовъ соціальной революціи, якобы хронически терзающихъ Россію, то на Ближнемъ Востоку, въ Турціи и Персіи, мы за послѣдніе годы достаточно претерпѣли неудачъ и умаленія прежняго непрекаемаго вліянія, а это, несомнѣнно, было вызвано ослабленіемъ нашей мощи, благодаря злосчастной дальневосточной войнѣ и ея послѣдствіямъ; точно такъ же на Западѣ, не разыграйся дальневосточная война 1904—1905 гг., Австро-Венгерія, конечно, не вздумала бы задирать Сербію и использовать эти недоразумѣнія для окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины.

«Въ своей дальновидности С. Ю. Витте сумѣлъ предугадать даже перемену фронта въ Японіи ради безопаснаго использованія плодовъ ея захватной политики. Вѣрность взглядовъ С. Ю. Витте и тутъ нашла себѣ подтвержденіе въ заключеніи недавняго русско-японскаго союза».

«Еще болѣе опредѣлительно высказался С. Ю. Витте въ отношеніи ко времени японской войны письмѣ къ одному изъ своихъ высокопоставленныхъ офиціозныхъ корреспондентовъ, вниманіе котораго обращалъ на обстоятельную статью, напечатанную въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ доказывалось, что едва ли мы сможемъ добиться успѣховъ при дальнѣйшемъ развитіи сухопутной кампаніи.

«Я вовсе не былъ бы склоненъ,—писалъ С. Ю. Витте 17-го іюня 1905 г.,—сообщать вамъ мои мнѣнія относительно войны, если бы только не опасался, что мое молчаніе можетъ вамъ дать поводъ усмотрѣть, что я соглашаюсь съ мыслями, которыя вы любезно высказываете.

«Начать съ того, что я не посмѣлъ бы сказать про нашу армію—какъ вы это дѣлаете,—что она бита и что битую ей возвращаться не приходится. Армія наша не бита—и это знаетъ весь міръ. Биты наши порядки, какъ это тоже извѣстно всему міру. Думать, будто возстановить репутацію нашихъ порядковъ посредствомъ смерти и искалѣченія новыхъ сотенъ тысячъ русскихъ людей на поляхъ Манчжуріи, по моему скромному мнѣнію, уподобительно мнѣнію (а въ древности такое мнѣніе и впрямь проводилось иными народами), будто свои прегрѣшенія можно искупить посредствомъ пролитія крови невинныхъ младенцевъ...

«Вы изволите говорить о цусимскомъ пораженіи. Я (къ чему могу привести доказательства) всегда былъ увѣренъ, что такъ или иначе, но именно этимъ кончится... но вѣдь за нѣсколько еще дней до боя утверждали, будто Того обезсиленъ и вся Японія въ паникѣ.

«Откуда вы это знаете, что я хочу мира, во что бы то стало? Ни вамъ, ни кому другому я подобныхъ вещей не высказывалъ. Я держался мнѣнія, что слѣдовало принять условія, которыя намъ предлагались Японіею еще въ іюлѣ 1903 г. (Куроки, между прочимъ, передалъ эти условія и мнѣ лично). Условія эти были вполне пріемлемы. Тогда бы и война не разыгралась! Я держался мнѣнія, что нужно было миръ заключить до сдачи Портъ-Артура,—тогда условія, сравнительно съ предлагавшимися намъ въ іюлѣ 1903 г., были бы немногимъ хуже. Я держался мнѣнія, что миръ слѣдовало заключить до Мукденскаго боя,—тогда условія были бы, сравнительно съ предложеніями 1903 г., еще тяжелѣе. Я держался мнѣнія, что миръ слѣдовало заключить, какъ только Рождественскій появился въ Китайскомъ морѣ,—тогда условія были бы почти такія же, что и послѣ Мукденскаго боя. Наконецъ, теперь я держусь мнѣнія, что слѣдуетъ попытаться миръ заключить до новаго боя японцевъ съ арміею Линевича.

«Но почему же—«во что бы то ни стало?» Конечно, условія оказались бы очень тягостными; но въ одномъ я увѣренъ, что послѣ боя съ Линевичемъ они станутъ еще тягостнѣе. Послѣ взятія Харбина они сдѣлаются еще болѣе тягостными, а послѣ взятія Сахалина и Владивостока еще и еще тягостнѣе.

«Какъ старый преподаватель математики, я вывожу формулу: «Тягостность условій мира будетъ пропорціональна длительности военныхъ дѣйствій».

«Считай я возможнымъ навязывать вамъ мысли или чувства (какъ то дѣлаете вы по отношенію ко мнѣ), я съ одинаковымъ основаніемъ могъ бы сказать: «Вы вотъ все вѣрите въ *deus ex machina* римскихъ трагедій или не находите въ себѣ мужества взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности». Но вѣдь такъ государственныя дѣла не рѣшаются!

«А вотъ ужъ на что я почитаю долгомъ обратить нарочитое ваше вниманіе: вы мнѣ пишете: «Украина, инородцы, евреи (отчего не жида?),—однимъ словомъ, не истинно-русскіе люди, не имѣющіе гражданскаго сознанія и чувства принадлежности своей къ государственному тѣлу Россіи, хотятъ мира, во что бы то ни стало».

«Знаете ли, дорогой графъ, такіе доводы пускать въ ходъ не годится. Во-первыхъ, они оскомину набили, ибо ежедневно твердятся Грингмутами и людьми ихъ закваски, а, во-вторыхъ, откуда вы знаете, что именно думаютъ не «истинно-русскіе», а просто русскіе заурядные люди—тѣ именно русскіе люди, которые не подобны намъ, живущимъ, тѣлесно, припѣваючи, но тѣ, кто проливаютъ кровь, теряютъ близкихъ, голодаютъ и разоряются изъ-за этой ужасной войны.

«Вѣдь съ не меньшею убѣдительностью можно было бы доказывать (и, пожалуй, такъ же вѣско, какъ выставленное ваше проблематическое допущеніе) положеніе, противоположное и равноцѣнное первому, а именно: только желающіе зла Россіи—жиды, инородцы, анархисты и всякіе иные злонамѣренные люди—натолкнули Россію на злосчастную войну съ Японіею, затѣмъ, чтобы привести ее къ большому еще паденію, и желаютъ, во что бы то ни стало, продолженія войны, предвидя, что она каждый день обезсиливаетъ и обезславливаетъ Россію.

«А затѣмъ я очень радуюсь, что въ письмѣ вашемъ нахожу и такія мысли, къ которымъ вполне примыкаю.

«Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что не земскому собору рѣшать нынѣ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Очевидно, для того, чтобы сказать, можно ли согласиться на мирныя условія, надо знать, въ чемъ они заключаются, ибо есть вѣдь такія, на которыя, конечно, нельзя пойти, на примѣръ, нельзя же жертвовать началами своей религіи, своего національнаго быта, своими женами и дочерьми, своею государственною и пр. и пр...».

Настоящее приведенное письмо и бесѣда С. Ю. Витте относятся къ тому времени, когда онъ уже сложилъ съ себя званіе министра финансовъ и занималъ постъ предсѣдателя комитета министровъ, и именно къ этому времени долженъ быть отнесенъ моментъ, когда Рузевельтъ поднялъ вопросъ о мирныхъ переговорахъ между Россіей и Японіей.

Мы видѣли изъ предыдущаго, сказаннаго въ началѣ настоящей статьи, что японскій императоръ не являлся инициаторомъ этихъ переговоровъ. По крайней мѣрѣ это удостовѣряется приведеннымъ выше письмомъ тогдашняго президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Откуда же пошелъ этотъ починъ?

Этотъ вопросъ не такъ ужъ сложенъ и таинствененъ, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Дѣло въ томъ, что Америка, снабдивъ Японію нужными ей для веденія войны съ Россіей денежными средствами, въ виду затянувшейся войны и недостаточной увѣренности въ возможности для Японіи достигнуть во второй періодъ кампаніи столь же блестящихъ результатовъ, какъ и въ первый, начала подъ практическимъ угломъ зрѣнія опасаться за благополучіе вложенныхъ ею въ военное предпріятіе Японіи капиталовъ. Расчетливый янки, исходя изъ психологическихъ соображеній относительно настроеній, царившихъ къ тому времени и въ Россіи, и въ Японіи, рѣшилъ, что насталъ моментъ ликвидировать рискъ своего предпріятія въ надеждѣ при этой ликвидаціи извлечь отсюда для Японіи наибольшую сумму финансовыхъ выгодъ въ видѣ приличной контрибуціи и этимъ способомъ косвенно гарантировать и свои понесенные расходы. Эта увѣренность основывалась, повидимому, и на близкомъ знакомствѣ съ фактическимъ положеніемъ вещей на русскомъ театрѣ войны и на дальновидномъ предвидѣніи, что при отсутствіи нужнаго флота Россія никогда не будетъ въ состояніи выбить Японію съ азіатскаго материка и тѣмъ самымъ не будетъ въ состояніи въ полной мѣрѣ пожать необходимые ей политическіе лавры.

Вотъ эти-то побудительныя причины и явились точкой отправленія Т. Рузевельта.

«И вотъ,—какъ свидѣтельствуетъ А. Морской въ цитированной выше брошюрѣ,—совершенно негаданно въ маѣ 1905 года посоль Соединенныхъ Штатовъ при с.-петербургскомъ дворѣ г. фонъ-Ленгерке-Мейеръ заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ графу В. Н. Ламсдорфу просьбу о доставленіи ему высочайшей аудіенціи.

«На аудіенціи, состоявшейся въ концѣ мая, посоль представилъ полученное имъ отъ президента Рузевельта сообщеніе. Рузевельтъ вызывался устроить между русскими и японскими уполномоченными свиданіе для обсужденія возможности мира. Президентъ-де воодушевленъ серьезнѣйшимъ и искреннѣйшимъ желаніемъ присовѣтовать то, что клонится ко благу Россіи. По мнѣнію стороннихъ и безпристрастныхъ наблюдателей—включая въ ихъ число и искреннихъ доброжелателей Россіи—настоящая война безнадежна и въ дальнѣйшемъ развитіи можетъ угрожать Россіи утратою всѣхъ ея владѣній въ Восточной Азіи. Дабы отвратить подобную катастрофу, президентъ и предлагалъ попытку непосредственнаго соглашенія между представителями Японіи и Россіи помимо какого-либо вмѣшательства и участія въ переговорахъ сторонней державы. Буде Россія принципиально на это изъявитъ согласіе, то Рузевельтъ сохранитъ это въ тайнѣ и, будто бы, единственно по своему почину постарается склонить на этотъ шагъ и Японію. Разъ же съ обѣихъ сторонъ воспослѣдуетъ согласіе на командированіе и свиданіе

довѣренныхъ уполномоченныхъ, президентъ уже открыто и официально выступить въ роли посредника.

«Предложеніе Рузвельта было принято, но самое выступленіе его въ роли посредника не могло не навести на мысль, что шагъ этотъ предпринять съ вѣдома и по желанію японскаго правительства—такая догадка представляется тѣмъ вѣроятнѣе, что, когда было получено принципиальное согласіе Россіи на совмѣстное обсужденіе съ Японіею, не представляется ли возможнымъ и своевременнымъ прійти къ соглашенію о мирѣ, Рузвельтъ съ непостижимымъ проворствомъ и быстротою завелъ и покончилъ всѣ предварительные переговоры съ Японіею и чуть ли не черезъ два дня послѣ всемилостивѣйшей аудіенціи, дарованной г-ну фонъ-Ленгерке-Мейеру, президентъ Соединенныхъ Штатовъ оказался уже въ состояніи *ex officio* и гласно выступить со своимъ предложеніемъ.

«Процедура установленія мѣста и времени свиданія и назначенія участниковъ совѣщанія, которые бы обладали общепризнаннымъ вѣсомъ и престижемъ, вызвала оживленный обмѣнъ дальнѣйшихъ сношеній между петербургскимъ и токійскимъ кабинетами при посредничествѣ г. Рузвельта. Во время этихъ переговоровъ Японія уклонилась отъ отвѣта на предлагавшееся Рузвельтомъ, по его почину и совѣтамъ, перемиріе и поспѣшила произвести 25-го іюня десантъ на Сахалинѣ, занявъ Соловьевскую, послѣ чего русскій малочисленный отрядъ, потерпѣвъ уронъ въ двухъ стычкахъ, принужденъ былъ отступить къ сѣверу.

«За отказомъ А. И. Нелидова и Н. В. Муравьева по мотивамъ болѣзни отъ предложенной имъ миссіи, первымъ уполномоченнымъ Россіи въ предстоявшихъ переговорахъ съ японскими делегатами былъ 29-го іюня 1905 года назначенъ тогдашній предсѣдатель комитета министровъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте.

«Назначеніе это на первый взглядъ казалось страннымъ и какъ будто необычайнымъ, ибо С. Ю. Витте, давно уже признанный всею Европою за крупнаго и талантливаго финансиста, какъ будто бы никакого соприкосновенія ни къ дипломатіи, ни къ иностранной политикѣ по прежнимъ профессиональнымъ занятіямъ и не имѣлъ вовсе. Освѣдомленные въ дипломатическихъ дѣлахъ люди, однако, тогда же утверждали, что выборъ этотъ вполне удаченъ, такъ какъ С. Ю. Витте обнаружилъ незаурядную осторожность, дальновидность и находчивость и проявилъ себя дипломатомъ *di primo cartello*, когда ему пришлось, по званію министра финансовъ, вести переговоры въ 1893 году чрезъ графа Шувалова съ канцлеромъ Каприви, а въ 1904 году и самому непосредственно договариваться (на о. Нордернеѣ) съ канцлеромъ фонъ-Бюловымъ о заключеніи перваго и втораго торговаго договора съ Германіею, такъ какъ, несмотря на специальный характеръ соглашеній этого рода, развѣ

только четвертая часть содержанія ихъ диктуется чисто торгово-промышленными соображеніями, тогда какъ три четверти постановленій и этихъ договоровъ обосновываются мотивами обще-политическими. Эту послѣднюю сторону соглашеній, въ связи съ требованіями злободневной политики, С. Ю. Витте схватилъ въ свое время съ присущею ему быстротою сообразительности во всемъ ея значеніи и сумѣлъ настоять на введеніи въ договоры такихъ общихъ статей, которыя отвѣчали политическимъ интересамъ минуты.

«Поэтому въ 1905 году, въ особенно тяжелую для Россіи годину испытаній, С. Ю. Витте призванъ былъ проявить свою умѣлость и находчивость въ исполненіи щекотливаго и отвѣтственнаго порученія, отъ котораго подъ предлогомъ болѣзни, невыносимости продолжительныхъ морскихъ переѣздовъ и малаго знакомства съ Америкой и Японіею уклонились профессиональные дипломаты.

«По поводу этого назначенія «Вѣстникъ Европы» въ августѣ 1905 года писалъ: «С. Ю. Витте вышелъ не изъ рядовъ бюрократіи, и оттого личныя дарованія его и качества сохранили свѣжесть и производительность. Онъ обладаетъ способностью инициативы и организаторскаго творчества, свободенъ отъ духа рутинны и умѣетъ поддерживать свои самостоятельные взгляды независимо отъ могущественныхъ господствующихъ вліяній, съ которыми, впрочемъ, вступалъ по временамъ въ компромиссы для достиженія опредѣленныхъ цѣлей.

«Болѣе авторитетнаго и характернаго официальнаго представителя мы не могли противопоставить японскимъ уполномоченнымъ, и съ этой точки зрѣнія сдѣланный выборъ долженъ быть признанъ не только удачнымъ, но и единственно возможнымъ. С. Ю. Витте близко знакомъ съ дѣлами Дальняго Востока и съ разнообразными интересами, связанными съ положеніемъ Россіи у Тихаго океана. Не будучи дипломатомъ по профессіи, онъ не придаетъ значенія условнымъ формуламъ и шаблоннымъ фразамъ, а трезво оцѣниваетъ событія, какъ реальный политикъ, привыкшій считаться съ фактами и извлекать изъ нихъ извѣстные практическіе выводы».

Принявъ на себя миссію переговоровъ, С. Ю. Витте и другіе наши уполномоченные передъ отплытіемъ въ Америку, до выѣзда изъ Петербурга сочли нужнымъ, конечно, вооружиться не подлежащими сомнѣніямъ свѣдѣніями, о томъ, какъ обстоитъ наше военное дѣло на Дальнемъ Востокѣ, какова благопріятная для насъ возможность дальнѣйшей войны и каковы горизонты политическаго будущаго на случай, если бы наконецъ военное счастье улыбнулось нашей арміи. На эти вопросы изъ авторитетныхъ сферъ, въ распоряженіи которыхъ находилось тогдашнее дѣло государственной обороны, ими получены были для свѣдѣнія слѣдующія указанія

съ правомъ свободнаго распоряженія этими свѣдѣнiями въ соотвѣтствiи съ могущими сложиться въ Портсмутѣ обстоятельствами. Указанiя эти были таковы:

1) Наша армiя нынѣ находится въ такомъ состоянiи, что ожидать тѣхъ отступленiй и уроновъ, которые мы систематически претерпѣвали съ самаго начала войны, невозможно.

2) Напротивъ, можно съ увѣренностью ожидать, что теперь мы начнемъ тѣснить японскую армiю и отодвинемъ ее за Ялу и Квантунскiй полуостровъ.

3) На это потребуется около года времени, миллиардъ рублей и понести уронъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными.

4) Такъ какъ мы не имѣемъ флота на Дальнемъ Востокѣ, а японскiй флотъ находится въ хорошемъ состоянiи, то а) мы не будемъ въ силахъ выбить японцевъ изъ Кореи и Квантуна и б) Японiя можетъ занять въ это время Сахалинъ и значительныя части Приморской области.

Такова была справка, которая, какъ это можно видѣть изъ изученiя ея, дѣлится на двѣ части: одну, заключающуюся въ первыхъ двухъ параграфахъ и бросающую оптимистическiй свѣтъ на положенiе русскихъ дѣлъ; вторую, обнимающую §§ 3 и 4, гдѣ достаточно опредѣленно выяснилась фактическая невозможность для насъ покончить съ стремленiемъ Японiи занять на восточной окраинѣ Азiи желательное ей политическое положенiе и влiянiе. Кромѣ того, въ этихъ двухъ параграфахъ, несомнѣнно, заключался элементъ риска для насъ на случай продолженiя военныхъ дѣйствiй, принимая при томъ во вниманiе ту смутную и тревожную атмосферу, въ которую съ самаго начала 1904 года постепенно погружалась Россiя.

Отсюда преобладающее вниманiе нашихъ уполномоченныхъ не къ первымъ изъ двухъ положенiй, а къ послѣдующимъ и отсюда же рѣшенiе главнаго уполномоченнаго С. Ю. Витте въ сторону скорѣйшей ликвидацiи злосчастной войны, но на условiяхъ, не позорящихъ чести и достоинства Россiйской имперiи, каковымъ угрожала настойчивость японцевъ и Рузевельта въ требованiи военной контрибуцiи.

Въ виду широкаго интереса, возбужденнаго мирною его миссiею, С. Ю. Витте, какъ свидѣтельствуешь все тотъ же А. Морскiй, счелъ умѣстнымъ 4-го iюня 1905 года, передъ отбытiемъ изъ Петербурга принять петербургскаго корреспондента американскаго агентства соединенной печати («Associated Press») Говарда Томсона. Въ этомъ свиданiи, о которомъ уже 5-го iюля весь мiръ былъ оповѣщенъ телеграммами изъ Нью-Йорка, по поводу склонности иностранной печати истолковывать назначенiе уполномоченныхъ желанiемъ будто бы Россiи заключить миръ какою угодно цѣною, С. Ю. Витте высказался довольно категорично.

«Назначенъ я Государемъ Императоромъ,—внушаль С. Ю. Витте г-ну Говарду Томсону,—для переговоровъ съ уполномоченными Японіи затѣмъ только, чтобы выяснить, возможно ли теперь уже заключить миръ.

«Личные мои взгляды на это дѣло имѣютъ совершенно второстепенное значеніе, но въ общемъ совпадаютъ съ взглядами министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламсдорфа. Я служу моему Государю, снабженъ точными отъ Его Величества инструкціями и буду во всемъ имъ слѣдовать. Окончательное рѣшеніе вопроса всецѣло зависитъ отъ Государя—ему одному принадлежитъ право опредѣлять судьбы Россіи.

«Его Величество, несомнѣнно, сторонникъ мира и желаетъ его, но я сильно опасаюсь насчетъ условій, какія намъ предложить японцы; пожалуй, они окажутся такого характера, что сдѣлаютъ самое соглашеніе невозможнымъ.

«Съ другой стороны, глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто Россія мира *ищетъ* и во что бы то ни стало. У насъ, дѣйствительно, имѣются двѣ партіи—одна упорствуетъ за войну, и эта партія очень могущественна; другая же партія, къ которой принадлежу и я самъ, по глубокому убѣжденію въ ея правотѣ, стоитъ за миръ. Я не вижу причинъ не высказать это откровенно, потому что правда всегда была принципомъ моей дѣятельности. На мирѣ я настаивалъ еще до открытія военныхъ дѣйствій.

«Когда война вспыхнула, положеніе, конечно, круто измѣнилось.

«Но пусть у насъ и существуютъ двѣ партіи, рѣзко расходящіяся по вопросу о цѣлесообразности продолженія войны, несомнѣнно, обѣ партіи объединятся, если бы запросы Японіи оскорбили національное самолюбіе Россіи или скомпрометировали будущность нашего народа.

«Я убѣжденъ въ томъ, что разъ ужъ я признаю условія Японіи неприемлемыми для нашего достоинства, то за мною пойдетъ вся Россія, и нашъ народъ проявитъ готовность продолжать войну, хотя бы въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ.

«Россія, конечно, далеко не истощена, какъ то предполагаетъ иностранная печать. Внутреннее состояніе Россіи мало удовлетворительно, пожалуй, даже серьезно—отрицать этого я не стану,—но истинное значеніе разыгрывающихся у насъ событій ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ ясно не постигается. Газетные корреспонденты, наѣзжая къ намъ, бесѣдуютъ съ нѣсколькими сотнями лицъ въ Петербургѣ и Москвѣ и по такимъ отрывочнымъ даннымъ устанавливаютъ и ошибочно истолковываютъ все происходящее, наполняя міръ далеко не правильными субъективными впечатлѣніями, по которымъ строятся догадки объ ожидающей Россію будущности.

«А на самомъ дѣлѣ Россія вѣдь мало схожа съ западными странами.

«Чтобы познать Россію и постигнуть душу русскаго народа, необходимо здѣсь же родиться или провести среди насъ многіе годы. Совокупность обычаевъ, исторіи и психологіи обособляетъ русскій народъ отъ западно-европейскаго уклада. Нельзя о Россіи составлять сужденія съ точки зрѣнія западныхъ идей. Вѣдь Россія огромна и состоитъ изъ массы элементовъ, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга. Пусть въ данное время Россія и представляетъ собою многочисленную семью, раздираемую внутренними раздорами, но эта рознь тотчасъ же сгладится и исчезнетъ, разъ народъ проникнется сознаниемъ, что благополучіе страны подвергается серьезной опасности.

«Россія отнюдь не находится наканунѣ утраты великодержавной своей роли и не должна и не можетъ подчиниться любымъ условіямъ замиренія, хотя и понесла въ военномъ счастьѣ серьезныя пораженія.

«Мы, несомнѣнно, переживаемъ кризисъ, чреватый серьезными событіями. Возможно, что разыграются и новыя еще казусы аналогичнаго же, тягостнаго, характера, но кризисъ во всякомъ случаѣ будетъ благополучно изжитъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ Россія вернетъ себѣ положеніе могущественной и вліятельной въ европейскомъ концертѣ державы»...

Мы не станемъ воспроизводить здѣсь подробностей портсмутскихъ переговоровъ—онѣ нынѣ общеизвѣстны и подробныя о нихъ свѣдѣнія почерпаются какъ изъ брошюры А. Морского «Разочарованія въ честномъ маклерствѣ. Т. Рузевельтъ и портсмутскія совѣщанія», такъ и изъ напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1912 г., № 9) статьи г. В. ф.-Ш. «Воспоминанія американца о портсмутской конференціи».

Въ конечномъ результатѣ этой конференціи Рузевельту не удалось вырвать согласіе на столѣ желанную ему контрибуцію, а японцы были компенсированы за всѣ побѣдоносныя тяжести для нихъ войны лишь половиною территоріи Сахалина и прибрежной вѣтвью Манчжурской желѣзной дороги. Но зато у Россіи оказались развязанными руки по перемѣщенію войскъ съ дальневосточной окраины къ западной границѣ, около которой къ тому времени начала постепенно сгущаться туча. Кромѣ того, она получила возможность болѣе свободной и твердой борьбы съ наступившей внутренней смутой.

Въ своемъ недавнемъ интервью въ сотрудничомъ «Русскаго Слова», о которомъ мы уже упоминали, графъ С. Ю. Витте такъ между прочимъ характеризуетъ бытовые, такъ сказать, результаты мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ:

«1) Когда мною былъ подписанъ договоръ съ Камурой, населеніе Японіи, узнавъ о содержаніи договора, пришло въ такое негодо-

ваніе, для подавленія котораго необходимо было ввести въ Токио военное положеніе. Толпа, возмущенная условіями мира послѣ нашего пораженія, проявила рядъ эксцессовъ и разрушила даже памятникъ маркизу Ито, создателю современной Японіи, самому великому государственному дѣятелю, только потому, что маркизь Ито до начала войны и во время войны былъ настроенъ миролюбиво.

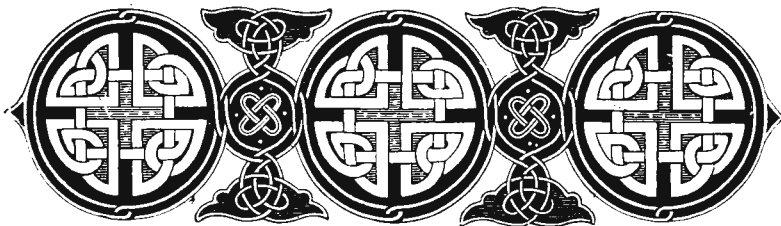
«2) Послѣ подписанія договора я немедленно и благополучно пріѣхалъ въ Россію, а Камура не рѣшился вернуться въ Японію и вынужденъ былъ нѣкоторое время оставаться въ Америкѣ, въ ожиданіи, пока страсти, вызванныя договоромъ, не улягутся».

Такимъ образомъ, приведенныя фактическія данныя должны разсѣять легенды и о письмѣ покойнаго японскаго императора къ Рузевельту, и о возможности для Россіи вытѣсненія Японіи съ азиатскаго материка и этимъ самымъ доведенія нашей вооруженной борьбы съ нею къ конечному благопріятному результату, что и должно было быть цѣлью самой борьбы.

Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что оцѣнка нѣкоторыми дѣятелями нашей печати и даже военныхъ сферъ способности Японіи пополнить нанесенныя ей бреши въ арміи слишкомъ пессимистична и не соответствуетъ жизнеспособнымъ силамъ этой страны. Какъ оказалось, уже вскорѣ послѣ Портсмутскаго договора Японія довела численность своей арміи до цифры, превосходившей эту силу каковой она была къ моменту начала ея борьбы съ Россіей. Тотъ же ходъ событій показалъ, что стремленіе имперіи микадо на материкъ можетъ быть осуществляемо и внѣ сферъ и вліяній военныхъ дѣйствій. Уступка нами ей протектората и политическаго вліянія на Корею осуществилась внѣ зависимости отъ результатовъ Портсмутскаго договора. Возможность же ея оккупации Сахалина, но не въ половинной его части, а въ цѣлой предвидѣлась и въ приведенной выше справкѣ, врученной нашимъ уполномоченнымъ при ихъ отъѣздѣ въ Америку.

Б. Глинскій.

ГРОБНИЦА ИМЕРЕТИНСКАГО ЦАРЯ СОЛОМОНА ВЪ ТРАПЕЗУНДѢ.

ТОЯЛЪ дивный, теплый и тихій лѣтній день, одинъ изъ тѣхъ дней, когда Черное море, кажется, хочетъ вознаградить путешественника за частыя бури и непогоды на его зыбкой, обманчивой поверхности. Море приняло нѣжный голубой цвѣтъ и какъ бы обратилось въ гигантское, сплошное зеркало, на поверхности котораго то тутъ, то тамъ были разсыпаны золотые и серебряные отблески южнаго солнца, заливающего своими лучами эту великолѣпную картину. Не хотѣлось оторвать глазъ отъ этого чарующаго простора, въ которомъ дышалось такъ легко, такъ свободно, хотѣлось удержать его въ памяти навсегда, такъ сказать, слиться съ нимъ.

Австрійскій пароходъ, на которомъ я ѣхалъ изъ Батума, подавъ нѣсколько сигнальныхъ свистковъ, сдѣлалъ крутой поворотъ къ югу, и мы остановились на якорѣ въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ Траpezунда. Завидѣвъ пароходъ еще издали, къ нему неслись изъ города нѣсколько кайковъ, управляемыхъ мѣстными прибрежными жителями, лазами, этими акробатами морского дѣла. Сильные, ловкіе, смѣлые, превосходные пловцы, они какъ бы созданы для занятія своей опасной профессіей и являются въ ней незамѣнными. Вскорѣ пароходъ нашъ былъ окруженъ цѣлой флотиліей кайковъ, одинъ изъ которыхъ мы и заняли, рѣшивъ использовать десятичасовую остановку нашего парохода подъ Траpezундомъ, чтобы осмотрѣть городъ. Помѣстившись въ кайкѣ, управляемомъ рулевымъ и тремя гребцами, мы быстро понеслись по зеркальной поверхности моря къ единственной

примитивно устроенной трапезундской пристани. Я съ любопытствомъ разсматривалъ старинный городъ, которому въ будущемъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги къ границамъ Персіи, сулять такое большое экономическое значеніе, и разспрашивалъ провожавшаго меня батумскаго мусульманина, неоднократно бывавшаго въ немъ ранѣе, то о томъ, то о другомъ выдающемся городскомъ зданіи, виднѣющемся издали. Разговоръ велся по-русски. Замѣтивъ мое любопытство и понявъ его по-своему, нашъ рулевой, молодой, здоровенный лазъ, желая, вѣроятно, щегольнуть знаніемъ русскаго языка, внезапно обернулся ко мнѣ и, открывъ ротъ, полный ослѣпительной бѣлизны зубами, ломаннымъ русскимъ языкомъ спросилъ: «Трапезундъ хорошъ?» Я отвѣтилъ ему по-турецки, что городъ мнѣ очень нравится, но онъ, очевидно, настаивая на томъ, чтобы поддерживать разговоръ на русскомъ языкѣ, добавилъ: «Хорошъ, очень хорошъ городъ!» Черезъ минуту мы причалили къ пристани, и этотъ дикарь, желая помочь мнѣ выйти изъ кайка, развязно протянулъ мнѣ свою огромную, мозолистую руку, которую я принялъ, не желая его обидѣть. Пройдя полную народомъ пристань, мы поднялись по довольно грязной главной улицѣ города, съ невзрачными магазинами по бокамъ, идущей все время въ гору, до городского сада, у котораго стояло нѣсколько парныхъ извозчичьихъ фаэтоновъ, и зашли въ садъ, чтобы нѣсколько отдохнуть и выпить настоящаго турецкаго кофе. Несмотря на ранній часъ дня, здѣсь уже засѣдали за столиками нѣсколько мѣстныхъ армянъ, турокъ и грековъ, большею частью прилично одѣтыхъ въ европейскіе костюмы, съ газетами въ рукахъ, за кофе, оживленно разговаривая между собой о политикѣ. Кофе намъ подали дѣйствительно превосходный. Покончивъ съ нимъ, я обратился къ сидѣвшему неподалеку греку съ просьбой указать, гдѣ находится греческій соборъ св. Григорія, при которомъ, какъ мнѣ было извѣстно, расположена гробница послѣдняго имеретинскаго царя Соломона II, съ интересными на ней надписями. Мнѣ хотѣлось прежде всего осмотрѣть эту старинную гробницу. Оказалось, что это всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городского сада. Свернувъ съ главной городской улицы направо и пройдя сажень двѣсти узкими, кривыми переулками, мы повернули опять направо и очутились во дворѣ довольно внушительнаго на видъ греческаго каедральнаго собора св. Григорія, красиваго, но холоднаго на видъ зданія, какъ все греческіе храмы, благодаря совершенному отсутствію на нихъ скульптурныхъ украшеній и наружной стѣнной живописи. Напротивъ главныхъ входныхъ дверей собора виднѣлся довольно большой четырехугольный, каменный мавзолей въ формѣ открытой палатки, съ куполомъ наверху, написанный снаружи и внутри мѣстами сохранившейся красивой альфресковой живописью, съ большой бѣлой мраморной плитой внутри. Это и оказалась могила царя Соломона II. Я подошелъ по-

ближе и занялся осмотромъ памятника, сразу производившаго впечатлѣніе типичнаго образца величественныхъ и вмѣстѣ простыхъ византійскихъ сооружений этого рода. На довольно высокомъ гранитномъ постаментѣ утверждены четыре красивыя колонны, покрытыя сверху куполомъ изъ того же камня, съ полукруглыми вырѣзками, украшенными двойными карнизами, промежутки которыхъ расписаны узорами въ византійскомъ стилѣ, покрытымъ сверху черепичной крышей, на верху которой находится небольшая башенка съ каменной тесанной крышей, съ красивымъ карнизомъ, увѣнчанная восьмиугольнымъ металлическимъ крестомъ. Внутри башенки этой висѣла ранѣе неугасаемая лампада надъ гробницей Соломона, но теперь лампы уже нѣтъ. Высота памятника съ крестомъ приблизительно десять аршинъ, ширина пять аршинъ. Памятникъ, видимо, былъ недавно отремонтированъ неопытной рукой, вслѣдствіе чего большая часть покрывавшихъ его надписей и живописи исчезла. Последняя хорошо сохранилась только съ внутренней стороны купола. Здѣсь до сихъ поръ ясно виденъ гербъ Багратіоновъ, въ которомъ изображены праща царя Давида, лира его, хитонъ Господень, держава и вѣсы—эмблема царственной мудрости. Гербъ этотъ поддерживается двумя львами и увѣнчанъ царской короной. Подъ короной, сверху герба, изображены мечъ и скипетръ, сложенные накрестъ, съ двумя крылатыми серафимами по бокамъ. На противоположной внутренней сторонѣ купола изображенъ соборъ св. Григорія въ первоначальномъ его видѣ, до перестройки. На бѣлой мраморной могильной плитѣ царя Соломона на древнемъ грузинскомъ хуцури сдѣланы двѣ слѣдующія полустершіяся теперь надписи:

«Совлечена съ меня первобытная доброта и красота моя, и лежу я нагъ и покрытъ стыдомъ въ семь гробѣ, я, происходящій изъ рода Давида, Багратіонъ, сынъ Арчила, всея Имеретіи царь Соломонъ, за котораго испрашиваю прощенія. 7-го февраля 1815 года».

И далѣе:

«Суди, Господи, обидящія мя, побори борящія мя. Да постыдятся и посрамятся ищущіе душу мою. (Псаломъ 34). Помяните меня, братія, лежащаго во гробѣ семь царя Соломона».

На восточной сторонѣ памятника, вдоль карниза его, имѣется такая же надпись, грубо сдѣланная кѣмъ-то, вѣроятно, уже значительно позже установки памятника. На нижней части надгробной плиты изображена большая ваза, наполненная цвѣтами, по бокамъ которой два кипариса. Покрывавшіе наружныя стороны памятника рисунки и надписи на грузинскомъ и греческомъ языкахъ съ теченіемъ времени осыпались. Во время недавняго ремонта собора чины соборнаго причта, распорядившіеся имъ, рѣшили отремонтировать и памятникъ Соломона. Они исправили крышу и распоряди-

Имеретинский царь Соломонъ II.

лись заштукатурить всѣ мѣста съ поврежденной и осыпавшейся живописью.

Во время осмотра мной памятника пришли настоятель собора архимандритъ Панаретосъ и архидіаконъ и проповѣдникъ собора Евангелосъ Антоніади, оба молодые еще люди, очень симпатичные, которые любезно показали мнѣ внутренность собора съ прекраснымъ рѣзнымъ иконостасомъ изъ каштановаго дерева и небольшую икону въ серебряной ризѣ Св. Троицы, подаренную собору царемъ Соломономъ II. Площадь, на которой расположенъ соборъ, занимаетъ очень красивое мѣсто и съ трехъ сторонъ выходитъ на море. Она аккуратно выложена сплошь тесаннымъ камнемъ. Снаружи и внутри соборъ содержится въ безукоризненной чистотѣ и порядкѣ. Онъ былъ построенъ первоначально еще въ XIII вѣкѣ и перестроенъ заново въ 1875 году. Вблизи собора, въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ, выходящемъ окнами на море, содержится обширная школа для прихожанъ-грековъ, типа нашихъ прогимназій.

Послѣ осмотра памятника и собора архимандритъ любезно пригласилъ меня зайти къ нему отдохнуть. Мы прошли черезъ небольшой садъ, содержимый съ видимой любовью, убранный множествомъ цвѣтовъ, и вошли въ скромно, но прилично обставленную пріемную архимандрита, гдѣ онъ любезно усадилъ насъ и по обычаю, неизбѣжному на Востокѣ, предложилъ намъ кофе. Завязался общій разговоръ, во время котораго пришелъ одинъ изъ попечителей собора, почтенный на видъ грекъ, который сообщилъ мнѣ кое-какія подробности о пребываніи здѣсь царя Соломона, и между прочимъ, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Трапезундъ нѣсколько грузинскихъ семействъ, которыя послѣ его смерти остались жить здѣсь подъ фамиліей Иверпуло. Я спросилъ его, почему трапезундскіе греки похоронили Соломона съ такимъ почетомъ въ своемъ соборѣ. Онъ отвѣтилъ:

— Соломонъ былъ царь христіанскаго государства; притомъ онъ происходилъ изъ рода царя Давида, почитаемаго всей христіанскою церковью, поэтому, я думаю, на свѣтѣ ни одинъ христіанскій храмъ не отказалъ бы дать мѣсто его останкамъ.

Посидѣвъ еще недолго съ нашими любезными хозяевами, мы встали, чтобы ѣхать дальше на осмотръ Трапезунда.

Трапезундъ довольно большой городъ съ 45.000 жителей, изъ которыхъ двѣ трети лазы-мусульмане. Остальное населеніе его составляютъ греки и армяне, исключительно торговцы и ремесленники. Здѣсь находятся резиденціи греческаго митрополита и армянскаго архіепископа. Городъ имѣетъ сорокъ мечетей и двадцать церквей. Въ старой части города, съ кривыми узкими улицами и деревянными домами, возвышается бывший греческій соборъ св. Софіи, обращенный въ мечеть; а также большія греческія церкви св. Евгенія и Кризокефаль, построенныя въ XIII столѣтіи; имѣются

Катедральный соборъ св. Григорія въ Трапезундѣ съ находящимся при немъ памятникомъ на могилѣ царя Соломона II.

также интересные остатки древней византийской крѣпости, расположенной по обѣимъ сторонамъ оврага отъ моря до вершины города, черезъ который нынѣ переброшенъ красивый желѣзный мостъ. На противоположномъ концѣ города, по берегу моря, устроены другой, довольно обширный городской садъ, — мѣсто, куда спасаются отъ лѣтнихъ жаровъ трапезундскіе жители съ своими семьями. Тутъ же, по близости, предполагается сооруженіе вокзала для вновь строящейся желѣзной дороги Трапезундъ—Эрзерумъ.

Трапезундъ есть главный городъ Трапезундскаго вилайета и служитъ резиденціей вали (турецкій генераль-губернаторъ). Тутъ имѣется много иностранныхъ конторъ и проживаетъ много иностранцевъ, преимущественно французовъ.

Осмотрѣвъ немногія достопримѣчательности города, мы поспѣшили на пароходъ, уже окончившій нагрузку. Черезъ часъ онъ снялся съ якоря и направился къ слѣдующей нашей морской станціи по дорогѣ къ Константинополю, въ турецкій городъ Керасундъ, но я долго еще сидѣлъ на палубѣ, любуясь постепенно исчезающимъ городомъ, красиво раскинувшимся амфитеатромъ вокругъ залива и незаметно поднимающимся въ гору до самой ея вершины. Невольно, цѣтъ-нѣтъ, мысли мои обращались къ только что видѣнной въ Трапезундѣ могилѣ царя Соломона съ имѣющимися на ней скорбными надписями, и вспоминалась забытая теперь ея исторія, полная глубокаго драматизма. Вотъ эта исторія.

23-го апрѣля 1784 года умеръ въ Кутансѣ скоропостижно имеретинскій царь Соломонъ I, союзникъ Екатерины Великой во время турецкой войны 1769 года, не оставивъ прямого наслѣдника мужского пола. Ближайшее право на престолъ Имеретіи принадлежало сыну его младшаго брата Арчила, царевичу Давиду. Но савонники имеретинскіе не рѣшились посадить въ тревожное время царемъ десятилѣтняго мальчика, воспитывавшагося въ Грузіи у своего дѣда царя Ираклія II. Они признали въ достоинствѣ царя Давида Георгіевича, двоюроднаго брата Соломона I.

Въ 1790 году юный Давидъ Арчиловичъ при помощи грузинскаго царя овладѣлъ Имеретіей и воцарился подъ именемъ Соломона II. Соперникъ его бѣжалъ въ Турцію, откуда тщетно пытался низвергнуть Соломона. Въ концѣ концовъ онъ помирился съ нимъ, получилъ наслѣдственные имѣнія и отдалъ въ заложники Соломону единственнаго сына, царевича Константина.

Событія эти совпали съ добровольнымъ присоединеніемъ Грузіи къ Россійской имперіи и съ водвореніемъ русскаго владычества въ западной части Закавказья. Можно было заранѣе предвидѣть, что оставшіяся самостоятельными сосѣднія маленькія государства Имеретія, Мингрелія и Гурія, непосредственно съ ней связанныя, занимавшія важное стратегическое положеніе, какъ въ отношеніи русскихъ владѣній въ Закавказьи, такъ и въ отношеніи со-

Паметникъ на могила царя Соломона II въ Трапезундъ.

сѣдней съ ними Турціи, всегда враждебно относившейся къ распространенію русскаго вліянія на Кавказѣ, сдѣлаются ареной интригъ, споровъ и недоразумѣній между ихъ двумя могущественными сосѣдями. Въ отношеніи Мингрельскаго и Гурійскаго княжествъ дѣло обошлось, однакоже, благополучно. Они добровольно вошли въ сферу нашего вліянія на Кавказѣ и стали вѣрными нашими союзниками. Но не такъ удачно шли наши дѣла въ Имеретіи. Молодой имеретинскій царь Соломонъ II, совершенно неопытный въ дѣлахъ правленія, необразованный, отъ природы недалекій, не обладавшій ни однимъ качествомъ хорошаго правителя и дурно окруженный, видимо, не понялъ тѣхъ новыхъ условій, въ которыя было поставлено дѣло управленія его маленькимъ царствомъ, и вскорѣ за это поплатился своей короной. Недоразумѣнія между нимъ и княземъ Циціановымъ, тогдашнимъ главнокомандующимъ Грузіей, начались вскорѣ послѣ присоединенія Грузинскаго царства изъ-за бѣглыхъ грузинскихъ царевичей Юлона и Парнаоза, укрывшихся въ Имеретіи и поддерживавшихъ беспорядки и волненія въ Карталиніи и Осетіи, выдачи которыхъ требовалъ русскій главнокомандующій; затѣмъ изъ-за освобожденія имеретинскаго царевича Константина, котораго Соломонъ продолжалъ держать въ качествѣ заложника въ крѣпости Чхери, и мать котораго, вдова умершаго Давида, обратилась съ просьбой къ императору Александру I объ освобожденіи его изъ заточенія. Выраженное по этому поводу настоятельное желаніе императора Соломонъ долгое время не исполнялъ, что навлекло на него неудовольствіе Александра. Это первое неудовольствіе, однакоже, изгладилось, такъ какъ вскорѣ послѣ того Соломонъ просилъ о принятіи его подъ покровительство Россіи, съ сохраненіемъ за нимъ потомственно имеретинскаго престола и съ правомъ вызова русскихъ войскъ въ случаѣ надобности для своей защиты. 19-го апрѣля 1804 года состоялось свиданіе Соломона съ княземъ Циціановымъ, а 25-го апрѣля онъ торжественно принялъ присягу, вмѣстѣ со всѣми сановниками, но отказался выдать аманатовъ русскому правительству и выслать къ русскому двору депутацію съ изъявленіемъ благодарности за принятіе въ русское подданство. Впослѣдствіи оказалось, что переходъ въ русское подданство былъ не болѣе, какъ уловка, посредствомъ которой Соломонъ рассчитывалъ привлечь на свою сторону Россію и русскія войска въ своей войнѣ съ Мингреліей, которую имеретинскіе цари издавна вели съ мингрельскими князьями изъ-за мелкихъ пограничныхъ споровъ и тому подобныхъ дразгъ. Когда ему была выяснена вся несообразность такого рода требованій и вслѣдъ затѣмъ въ Кутаисъ былъ командированъ отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Орбеліани для постоянного тамъ пребыванія, онъ выѣхалъ въ горы и сталъ открыто возмущать своихъ подданныхъ противъ Россіи,

возобновивъ дѣятельныя сношенія съ турками и персами, стараясь склонить ихъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ расположенныхъ въ Имеретіи русскихъ войскъ. Тщетны были все старанія Орбеліани и смѣнившаго Циціанова главнокомандующаго Торماسова склонить Соломона вернуться въ Кутаисъ и подчиниться вновь установившемуся порядку вещей. Онъ не поддавался ни на какія убѣжденія и продолжалъ волновать имеретинъ и подбивать турокъ и персовъ къ войнѣ съ Россіей, обѣщая дѣйствовать съ ними заодно. Это вынудило Тормасова на принятіе рѣшительныхъ мѣръ. Въ Имеретію былъ командированъ значительный отрядъ войскъ, которому было приказано соединиться съ находившимися въ Кутаисѣ батальонами, захватить Соломона и доставить его въ Тифлисъ, откуда рѣшено было отправить его въ Россію. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, Соломонъ былъ наконецъ запертъ въ Хонійскомъ ущельи и, брошенный почти всеми сопровождавшими его имеретинскими дворянами и князьями, 12-го марта 1810 года сдался начальнику русскаго отряда полковнику Симоновичу, подъ честное слово послѣдняго, что онъ не будетъ арестованъ по прибытіи въ Тифлисъ и по пути туда ему будутъ оказываемы царскія почести ¹⁾. Черезъ нѣсколько дней Соломонъ былъ доставленъ въ Тифлисъ, гдѣ помѣщенъ въ частномъ домѣ князя Сумбатова, подъ военнымъ карауломъ, какъ плѣнный. Это обстоятельство сильно обидѣло и поразило Соломона, такъ какъ онъ надѣялся, что слово, данное ему полковникомъ Симоновичемъ о томъ, что онъ не будетъ арестованъ, будетъ исполнено. Видимо, опасаясь какого-нибудь новаго предательства, онъ 11-го мая 1810 года бѣжалъ въ турецкіе предѣлы, откуда вскорѣ перебрался въ Имеретію и поднялъ въ ней новый мятежъ, подавленіе котораго стоило русскому правительству немалыхъ хлопотъ и усилій. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, Соломонъ очутился со своими мятежными бандами запертымъ въ томъ же Хонійскомъ ущельи. Здѣсь онъ могъ бы еще долго защищаться, пользуясь неприступной мѣстностью этого уголка Имеретіи, но, опасаясь измѣны со стороны окружающихъ его имеретинъ, на разсвѣтъ 25-го сентября онъ съ небольшимъ числомъ своихъ приближенныхъ бѣжалъ въ Ахалцыхъ черезъ не-

¹⁾ Полковникъ, въ 1811 году генераль-майоръ, Симоновичъ, происходилъ изъ балканскихъ славянъ; получилъ военное образованіе въ рядахъ австрійской арміи, изъ которой въ 1793 г. перешелъ въ русскую службу поручикомъ. За отличіе при штурмѣ Ганжи, подъ начальствомъ князя Циціанова, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. Щекотливое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ неисполненіемъ Тормасовымъ даннаго имъ Соломону слова, послужило темой для переписки между нимъ и главнокомандующимъ, который отговорился тѣмъ, что въ Тифлисѣ караулъ былъ приставленъ къ квартирѣ Соломона не въ видѣ стражи, а для почести, самъ же онъ оставался на свободѣ. (См. «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ». Потто, т. II, стр. 114—115).

проходимую, покрытую лѣсомъ гору, которая отнимала всякую возможность его преслѣдовать. Такъ кончилась эта вторая попытка Соломона сбросить съ себя ненавистное ему русское владычество, добровольно имъ на себя призванное. Послѣ удаленія его изъ Имеретіи въ ней быстро наступило спокойствіе: населенію была объявлена общая амнистія, оно было поголовно приведено къ присягѣ на вѣрноподданство русскому императору, и въ странѣ было введено русское управленіе. Усмиреніе этого второго возстанія Соломона стоило Россіи на этотъ разъ двадцати офицеровъ и до четырехсотъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, цифра по тому времени довольно внушительная.

Между тѣмъ бѣжавшій въ Ахалцыхъ бывшій царь Соломонъ разсчитывалъ еще заручиться содѣйствіемъ турокъ и персіянъ и снова явиться въ Имеретію. Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Ахалцыхскаго пашалыка въ ноябрѣ 1810 года вынудило Соломона бѣжать въ Эривань. Не встрѣтивъ, однако, особаго сочувствія къ себѣ со стороны персидскаго правительства и вообще потерявъ надежду на иноземную помощь, онъ вернулся въ Ахалцыхъ и отсюда черезъ греческаго архимандрита Венедикта прислалъ Тормасову письмо, въ которомъ просилъ пропустить въ Ахалцыхъ его семью и возвратить нѣкоторыя вещи, оставшіяся въ Имеретіи. При этомъ лицо, доставившее это письмо, передало главнокомандующему на словахъ, что Соломонъ соглашается вернуться въ Грузію, если не будетъ наказанъ за побѣгъ изъ Тифлиса и получить полное прощеніе отъ императора. Въ отвѣтъ на это письмо Тормасовъ командировалъ въ Ахалцыхъ архимандрита Венедикта и полковника Болецова съ порученіемъ склонить Соломона скорѣе вернуться въ Тифлисъ, обѣщая ему полное прощеніе и даже встрѣчу съ царскими почестями, ручаясь, что, если онъ не пожелаетъ, въ окрестностяхъ занимаемаго имъ дома не будетъ поставлено ни одного солдата.

Но Соломонъ не повѣрилъ обѣщаніямъ Тормасова. Покинутый большинствомъ послѣдовавшихъ за нимъ изъ Имеретіи князей, бывшій царь скитался по турецкимъ владѣніямъ, переходя изъ одного пограничнаго пашалыка въ другой. Благодаря своему неуживчивому характеру, онъ нигдѣ не могъ оставаться долго. Изъ Ахалцыха онъ перебрался въ Эрзерумъ, затѣмъ въ Байбуртъ и оттуда въ Трапезундъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тифлисѣ были изданы интересныя записки грузинскаго монаха Иларіона Картлели, изъ которыхъ видно, что жизнь Соломона въ Турціи была полна разнаго рода перемѣнъ и превратностей. Въ Эрзерумѣ онъ оставался до мая мѣсяца 1812 года, принятый сначала очень хорошо тамошнимъ вали Эминъ-пашой; но затѣмъ, поссорившись съ нимъ,

былъ имъ переведенъ на жительство въ старую, сырую и холодную турецкую казарму, причемъ губернаторъ пересталъ выдавать ему полностью назначенное султаномъ содержаніе и дѣлалъ ему и его людямъ всевозможныя притѣсненія. Это заставило Соломона бѣжать сначала въ Байбуртъ, а затѣмъ въ Трапезундъ, гдѣ губернаторомъ былъ грузинъ по происхожденію, аджарецъ Османъ-паша Хезиндаръ-оглы и гдѣ проживало и находилось на службѣ много соотечественниковъ Соломона, батумскихъ грузинъ-мусульманъ. Бывшій имеретинскій царь былъ ими встрѣченъ, такъ сказать, съ распростертыми объятіями. При въѣздѣ въ городъ ему была устроена торжественная встрѣча, на которой присутствовали всѣ мѣстные почетные жители и консулы иностранныхъ державъ, кромѣ русскаго, причемъ французскій консулъ выказалъ ему особое вниманіе. Этотъ французскій чиновникъ затѣвавшаго въ то время войну съ Россіей Наполеона былъ другомъ и совѣтникомъ Соломона во все время пребыванія его въ Трапезундѣ. Отсюда онъ послалъ султану Мухмуду II жалобу на эрзерумскаго вали, въ которой перечислилъ всѣ сдѣланныя имъ ему притѣсненія и обиды и просилъ разрѣшенія остаться на жительство въ Трапезундѣ. Это жалоба стоила Эминъ-пашѣ головы, Соломону же Махмудъ II отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ изъявлялъ сожалѣніе о случившемся съ нимъ и соглашался оставить его въ Трапезундѣ, но совѣтовалъ Соломону вернуться на Кавказъ, сообщая, что онъ вскорѣ намѣренъ начать войну съ Россіей вмѣстѣ съ французами, и обѣщая Соломону вернуть потерянный имъ тронъ. Онъ писалъ Соломону, что въ этой войнѣ разсчитываетъ и на его помощь. Такой совѣтъ, при данныхъ обстоятельствахъ, былъ равносильнъ приказанію, и Соломонъ вынужденъ былъ ему повиноваться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ тайнымъ образомъ выѣхалъ моремъ въ Абхазію, откуда надѣялся вновь поднять возстаніе въ Имеретіи, но мѣстные абхазскіе дворяне и пріѣхавшіе изъ Имеретіи на свиданіе съ нимъ князья рѣшительно отказались оказать ему какое-нибудь содѣйствіе. Въ него никто больше не вѣрилъ, да и времена уже перемѣнились: никому больше не улыбалась перспектива новыхъ кровопролитій и разоренія родной земли въ союзѣ съ турками. Соломонъ вынужденъ былъ вернуться въ Трапезундъ ни съ чѣмъ. Здѣсь онъ жилъ всѣми покинутый и забытый до 7-го февраля 1816 года, когда послѣ непродолжительной болѣзни умеръ сорока двухъ лѣтъ отъ роду, не оставивъ послѣ себя мужскаго потомства.

Такъ кончилъ свою бурную карьеру этотъ царь-авантюристъ, видимо, не понимавшій силы обстоятельствъ, среди которыхъ онъ жилъ, и упорно отказывавшійся подчиниться имъ, потерявшій за это тронъ, семью, родину и кончившій жизнь въ изгнаніи. Онъ

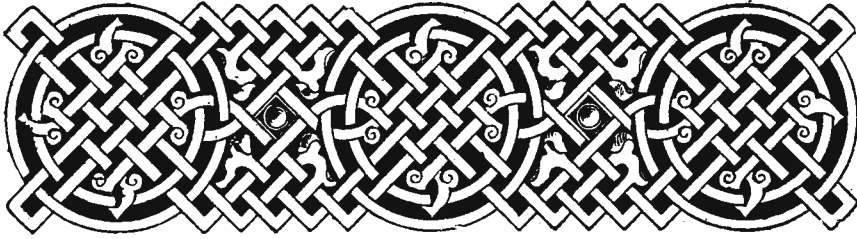
пытался задержать своими слабыми руками ходъ мірового колеса исторіи и жестоко поплатился за это.

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ.

Мы прилагаемъ здѣсь портретъ Соломона II, составляющій копію съ единственнаго современнаго ему портрета, принадлежащаго владѣльцу книжнаго магазина въ Тифлисъ г. Мархвиладзе, недавно имъ изданнаго, и добытый нами въ Трапезундѣ фотографическій снимокъ съ могилы Соломона въ настоящемъ ея видѣ.

П. Шубинскій.

ГОРОДЪ АНИ.

(По поводу предстоящаго учрежденія въ Ани археологическаго института).

ВЪ ГАЗЕТАХЪ появилось извѣстiе, что въ правительственныхъ сферахъ рѣшено учредить въ городѣ Ани, на Кавказѣ, археологическiй институтъ. Но если бы кто-нибудь вздумалъ поинтересоваться, гдѣ же именно находится этотъ городъ, то ни въ одномъ календарѣ и ни въ одномъ учебникѣ географiи его не нашель бы. И не мудрено: этого города вовсе нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И, однако, институтъ, дѣйствительно, будетъ открытъ въ Ани, только не въ городѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовалъ большой и богатый городъ. Это мѣсто находится въ Карсскомъ округѣ, въ 6—8 верстахъ отъ ст. Ани Эриванской желѣзной дороги и въ 35—40 верстахъ отъ города Александрополя, на правомъ берегу рѣки Арпачай, впадающей въ рѣку Араксъ. Городъ окончилъ свое существованiе еще въ XVI вѣкѣ, и теперь на его мѣстѣ—лишь груды развалинъ, полныхъ глубокаго историческаго и художественнаго интереса. Это и даетъ пустыннымъ развалинамъ право имѣть въ своихъ полуразрушенныхъ стѣнахъ ученое учрежденiе, посвященное изученiю мѣстныхъ древностей.

Когда былъ основанъ Ани,—неизвѣстно, но несомнѣнно, что онъ существовалъ (конечно, въ видѣ небольшого поселенiя) еще въ VIII—VII вѣкѣ до Рождества Христова. Объ этомъ свидѣтельству-

ють предмети, найденные въ могильникѣ турецкаго селенія Ани, въ одной верстѣ отъ городища (обожженные или ободранные и раздробленные кости древнѣйшихъ обитателей этого мѣста). Исторически же извѣстнымъ Ани становится лишь съ V вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Тогда здѣсь была только крѣпость, входившая въ составъ владѣній могущественнаго армянскаго рода князей Камсаракановъ. Ее окружали массивныя стѣны изъ огромныхъ плитъ дикаго камня, скрѣпленныхъ желѣзными скобами. Остатки этихъ стѣнъ, обнаруженные раскопками, уцѣлѣли до нашего времени.

Значеніе города Ани получилъ въ половинѣ X вѣка, при царѣ Ашотѣ IV Милостивомъ, происходившемъ изъ талантливаго и щедро одареннаго созидательной силой рода Багратидовъ. Въ это же время судьба впервые столкнула далекое армянское царство съ русскимъ княжествомъ: при Ашотѣ IV армянская пѣхота входила въ составъ войскъ византійскаго императора Іоанна Цимисхія въ его войнѣ съ болгарами и русскимъ княземъ Святославомъ.

Наивысшаго политическаго расцвѣта Анійское царство достигло при второмъ преемникѣ Ашота, его сынѣ Гагикѣ I (990—1022 г.г.). Онъ сознавалъ себя настолько сильнымъ, что пренебрежительно относился даже къ могущественному императору Византіи Василию II. Задачею своего царствованія онъ считалъ не только собираніе и объединеніе армянской земли, но и расширеніе ея на счетъ сосѣдней съ Анійскимъ царствомъ обширной области Ташира и части Карталиніи (Грузіи).

Въ царствованіе Гагика I выдвинулся рядъ ученыхъ и среди нихъ—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ армянскихъ историковъ—Стефанъ Таронскій. При немъ же городъ украсился многими зданіями художественной архитектуры, наилучшимъ памятникомъ которой служатъ развалины круглаго храма и хорошо сохранившееся до нашего времени зданіе анійскаго собора, построеннаго супругой Гагика—царицей Катрамидой (ея усыпальница съ костякомъ находится у восточной стороны собора; обнаружена раскопками 1893 г.).

Послѣ Гагика для Ани, какъ самостоятельнаго царства, наступилъ періодъ смуть и волненій. Въ 1044 г. городъ былъ занятъ греческими войсками, и онъ навсегда пересталъ быть столицей армянскаго царства. Но и греки продержались въ немъ недолго: въ 1065 г. несмѣтныя полчища сельджукскаго султана Али-Арслана окружили Ани со всѣхъ сторонъ и, взявъ его послѣ упорнаго сопротивленія, предали городъ грабежу и разрушенію.

Въ 1072 г. Ани перешелъ мирнымъ путемъ купли-продажи къ персидской династіи Шеддадидовъ, и съ этого времени, несмотря на всевозможныя превратности судьбы и переходъ города изъ рукъ въ руки (отъ мусульманъ разныхъ національностей къ грузинамъ и обратно), началось культурное возрожденіе и ростъ Ани. Такое

Городскія стѣны у церкви св. Григорія.

Городскія стѣны у башни съ греческимъ крестомъ.

странное на первый взгляд явленіе объясняется тѣмъ, что ни одинъ владѣтель Ани не посягалъ на духовную и экономическую свободу города, всегда пользовавшагося предоставленными ему правами самоуправляющейся единицы, строгой законностью и широкой терпимостью къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

Наибольшихъ размѣровъ городъ достигъ въ XIII вѣкѣ. По словамъ историковъ, въ немъ числилось тогда свыше 100 тысячъ жителей, 10 тысячъ домовъ и (эта цифра особенно популярна) 1001 церковь. Судя по сохранившимся развалинамъ, церковей въ Ани было, дѣйствительно, много. Изъ культурно-научныхъ учреждений должна быть упомянута академія въ Дыпре-ванкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

Въ 1236 г. Ани, вмѣстѣ съ значительною частью Кавказа, подвергся опустошительному нашествію монголовъ и, сдѣлавшись ихъ удѣльнымъ владѣніемъ, нѣсколько разъ потомъ переходилъ отъ одной монгольской династіи къ другой. Въ половинѣ XV вѣка отъ былъ еще городомъ, въ которомъ чеканилась золотая монета, но въ XVI вѣкѣ Ани уже умеръ. Рѣшительный ударъ городу былъ нанесенъ, вѣроятно, нашествіемъ Тимура, а также выселеніемъ жителей, терроризованныхъ постоянными непріятельскими нашествіями и рядомъ землетрясеній. Жители Ани переселились на югъ Россіи, а отсюда перекочевали на западъ и осѣли въ Галиціи и Польшѣ.

Съ XVIII вѣка Ани, уже въ видѣ развалинъ, принадлежалъ турецкимъ бекамъ Хатунъ-оглы, послѣдній представитель которыхъ еще живъ. Послѣ войны 1878 г. территорія Ани, вмѣстѣ со всей Карсской областью, перешла къ Россіи.

Мнѣ удалось побывать въ Ани въ половинѣ августа 1911 г. Въ полдень я и мой неизмѣнный спутникъ по Кавказу инженеръ Б—скій вышли со станціи Ани по указанному намъ кѣмъ-то направленію. Тяжелая каменістая дорога извивается зигзагами по пустыннымъ и тощимъ полямъ, усѣянными темнаго цвѣта камнями. Они придаютъ всей мѣстности какой-то особенный, грустный характеръ. Кругомъ пустынно; почти ни души.

Взойдя по отлогому, едва замѣтному подъему на довольно высокое плоскогорье, мы оглянулись назадъ и неожиданно для себя увидѣли на горизонтѣ высокую гору совершенно правильной конической формы. Вершина ея, покрытая снѣгомъ, точно плыла въ небесномъ пространствѣ и неопытнымъ глазомъ могла быть принята за бѣлое облако. Это былъ Араратъ. Мы остановились и минутъ десять молча любовались священной библейской горой.

Часа черезъ полтора по выходѣ со станціи передъ нами нѣсколько внизу, среди темной, почти безжизненной пустыни показались очертанія какихъ-то высокихъ полуразрушенныхъ зданій, башенъ и

стѣнѣ. Не сомнѣваясь, что это—Ани, мы оставили дорогу, уклонившуюся куда-то далеко вправо, и поспѣшили къ развалинамъ напрямикъ полями. Вотъ онѣ уже совсѣмъ близко, въ какихъ-нибудь 10—15 минутахъ ходьбы. Но вдругъ у самаго города передъ нами оказалось глубокое и узкое ущелье, а на днѣ его—быстрая рѣка (Арпачай), которую нечего было и думать перейти въ бродѣ. Пришлось снова отыскать оставленную дорогу. По ней мы дошли до бѣднаго жалкаго селенія, гдѣ старый турокъ перевезъ насъ черезъ рѣку въ какомъ-то дощатомъ плоскодонномъ корытѣ.

По узенькой пѣшеходной тропинкѣ, сначала извивающейся по дну ущелья, а потомъ понемногу взбирающейся вверхъ, мы

Городище (видъ съ вышгорода).

скоро подошли къ развалинамъ города; чрезъ проломъ въ стѣнѣ, примыкающей къ хорошо сохранившейся церкви (потомъ мы узнали, что это—церковь во имя св. Григорія Просвѣтителя), проникли въ городъ и, спустя нѣсколько минутъ, были у скромнаго, низенькаго домика, расположеннаго передъ огромнымъ, массивнымъ зданіемъ храма. Изъ предварительныхъ разспросовъ, сдѣланныхъ еще на станціи, мы знали, что здѣсь живетъ армянскій архимандритъ Микаэль, на обязанности котораго лежитъ совершеніе богослуженія и охрана анійскихъ древностей во время отсутствія производящаго раскопки профессора Н. Я. Марра. О послѣднемъ мы также на станціи узнали, что онъ еще въ Ани, но уже закончилъ въ этомъ году свои работы и не сегодня—завтра уѣдетъ въ Петербургъ.

Архимандритъ Микаэль принялъ насъ очень радушно и прежде всего накормилъ чѣмъ Богъ послалъ: свѣжимъ редисомъ, лукомъ,

сыромъ и лавашомъ (тонкая пшеничная лепешка, складывающаяся, как салфетка, и замѣняющая скатерть на ничѣмъ не покрытомъ столѣ, салфетку, для обтиранія рукъ и губъ и хлѣбъ, такъ что по окончаніи трапезы на столѣ не остается ни пицци, ни скатерти, ни салфетокъ: все съѣдено), а потомъ посовѣтовалъ заняться осмотромъ городища, что мы и сдѣлали.

Развалины занимаютъ свыше 150 десятинъ и представляютъ очень грустное зрѣлище запустѣнія, смерти и разрушенія. Отъ большинства зданій остались лишь груды мусора, и только стѣны, башни и церкви, сильно пострадавшія отъ времени, стихій и—въ

Церковь св. Григорія.

особенности—отъ вражескихъ орудій, печально возвышаются своими обломанными вершинами надъ этой могилой нѣкогда большого и цвѣтущаго города. Грустное впечатлѣніе усиливается тѣмъ, что уцѣлѣвшія части сооруженій своими размѣрами и художественностью говорятъ о высокой степени культуры анійцевъ, дававшей имъ безспорное право не только на жизнь, но и на процвѣтаніе. Даже стѣны, которыя, казалось бы, должны отличаться лишь однимъ качествомъ—прочностью, выложены съ большимъ вкусомъ, украшены барельефами и облицованы разноцвѣтнымъ камнемъ, такъ что получился простой и изящный рисунокъ.

Изъ зданій лучше другихъ сохранился соборъ—огромное сооруженіе, возведенное царицей Катрамидой девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Стройные высокіе пилоны, изящныя, слегка сломанныя арки, мрачныя придѣлы на востокъ, открытое небо вмѣсто купола,

Храмъ святыхъ апостоловъ.

Круглая церковь св. Григорія.

обрушившагося, по преданію, отъ сильнаго землетрясенія 1319 г., и особенно внушительные размѣры зданія,—все это поражаетъ вошедшаго въ храмъ.

Хорошо также сохранились башнеобразная многогранная церковь Спасителя, построенная въ XI вѣкѣ (возобновлена въ XIII в.), и храмъ св. Григорія Просвѣтителя, о которомъ я уже упоминалъ. Обѣ церкви внутри украшены фресками, а послѣдняя и снаружи богато орнаментирована очень тонкой и искусной рѣзбой.

Но верхомъ художественнаго вкуса и архитектурнаго изящества являются плохо сохранившіяся и отчасти обнаруженныя лишь раскопками развалины круглой церкви Гагика I и храмъ Двѣнадцати Апостоловъ.

Массивное и высокое сооруженіе Гагика I все держалось на четырехъ пилонахъ и множествѣ легкихъ и тонкихъ колоннъ, придававшихъ храму въ высшей степени стройный и величественный видъ. Это съ несомнѣнностью можно утверждать не только на основаніи дошедшей до насъ модели храма, но и потому, что даже жалкія руины зданія (цоколь и небольшая часть стѣнъ съ обломками колоннъ) производятъ на зрителя неотразимо сильное впечатлѣніе стройности и изящества.

Отъ церкви Двѣнадцати Апостоловъ уцѣлѣлъ притворъ съ мозаичнымъ потолкомъ и великолѣпнымъ сталактитовымъ куполомъ, висѣвшимъ на четырехъ стройныхъ, круглыхъ аркахъ. Красота и изящество сохранившихся частей зданія говорятъ уже не о величественной простотѣ, а о какой-то расточительности чисто восточной орнаментики и, можетъ быть, даже излишнемъ богатствѣ художественныхъ архитектурныхъ формъ.

Кромѣ христіанскихъ церквей, въ Ани сохранились развалины двухъ мечетей. Одна изъ нихъ, двухъэтажная, съ высокимъ многограннымъ минаретомъ, съ рядами массивныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ громадными капителями, и съ великолѣпнымъ потолкомъ, украшеннымъ художественной мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней, представляетъ одно изъ лучшихъ зданій Ани. Теперь въ немъ помѣщается часть музея анійскихъ древностей.

На двухъ противоположныхъ концахъ города—сѣверномъ и южномъ—были царскія и княжескія палаты, развалины которыхъ поражаютъ зрителя своими размѣрами, изяществомъ наружной орнаментики (трехъэтажный княжескій дворецъ въ сѣверной части города), обиліемъ всевозможныхъ покоевъ и тѣми культурными удобствами, которыми окружали себя люди столь отдаленнаго прошлаго (царскія палаты на югѣ, въ такъ называемомъ вышгородѣ). Здѣсь мы видимъ не только обширныя залы, но и бани изъ нѣсколькихъ отдѣленій съ купальнями, съ трубами для горячей и холодной воды и даже съ отливной трубой для грязной воды.

Кстати о водѣ: она была проведена въ городъ еще въ половинѣ XI вѣка изъ нѣсколькихъ источниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились довольно далеко отъ Ани (за двѣнадцать верстъ), и водопроводъ, части котораго открыты въ разныхъ мѣстахъ города, представлялъ обширное и очень солидное сооруженіе.

Къ числу большихъ сооружений, требовавшихъ много знаній и искусства, нужно отнести также великолѣпный одноарочный мостъ черезъ рѣку Ахурянь, съ пролетомъ въ четырнадцать сажень. Развалины его и слѣды древней, ведшей къ нему дороги находятся къ востоку отъ собора.

Изъ частныхъ зданій, развалины которыхъ обнаружены раскопками, представляютъ большой интересъ: гостиница съ отдѣльными

Княжескій дворецъ.

комнатами («номера») и водоемомъ; такъ называемый шахматный домикъ, въ которомъ внутреннія стѣны одной изъ комнатъ представляли собой шахматную доску; циклопическія маслодавильни, обширныя подземныя помѣщенія неизвѣстнаго назначенія и прочія.

За сѣверной городской стѣной обращаетъ на себя вниманіе множество пещеръ въ ущельѣ анійской рѣчки, въ которыхъ обитали бѣднѣйшіе жители города. Попадаются также пещерныя лавки и церкви, обслуживавшія, вѣроятно, нужды пещернаго населенія. Наконецъ, тутъ же имѣется цѣлый рядъ просторныхъ пещеръ, служившихъ усыпальницами богатыхъ анійцевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ, усыпальница князя Тиграна Онеца, умершаго

въ началѣ XIII вѣка) расписаны фресками духовнаго и свѣтскаго содержанія.

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности перечислить все болѣе или менѣе интересные предметы и развалины, которыми почти сплошь засыпаны сто пятьдесятъ десятичь городища. Желающимъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ гор. Ани и его древностями можно рекомендовать двѣ маленькія брошюрки, составленныя г. I. Орбели: «Краткій путеводитель по Ани», С.-Петербургъ, 1910 г., и «Развалины Ани», изданіе журнала «Нева», С.-Петербургъ, 1911 года.

Послѣ осмотра города мы на другой день утромъ отправились въ музей, основанный и устроенный профессоромъ Н. Я. Марромъ. Насъ принялъ въ музей самъ профессоръ и чрезвычайно любезно предложилъ намъ показать наиболѣе интересныя древности и дать необходимыя объясненія. На мое возраженіе, что профессору некогда тратить время съ нами, такъ какъ сегодня онъ уѣзжаетъ изъ Ани, Н. Я. отвѣтилъ, что у него есть еще полтора—два часа свободныхъ, и онъ успѣетъ показать намъ музей. Но предварительно профессоръ счелъ нужнымъ познакомить насъ съ исторіей Ани и въ получасовой рѣчи или, лучше сказать, бесѣдѣ (такъ какъ мы иногда прерывали профессора вопросами) онъ сообщилъ намъ все, что было необходимо для осмысленнаго осмотра анійскихъ древностей.

Музей помѣщается въ двухъ зданіяхъ: въ специально выстроенномъ для этого домѣ, рядомъ съ квартирой профессора Марра, и въ бывшей мечети Мануче, о которой сказано выше. Оба помѣщенія положительно переполнены массой разнообразныхъ, интересныхъ и въ высшей степени важныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ. Длинными рядами на полкахъ вдоль стѣнъ тянутся тесные камни съ искусно высѣченными на нихъ надписями на армянскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ; множество камней снабжено художественной и крайне разнообразной орнаментикой. Предметы домашняго обихода, посуда изъ простой глины, керамики и фарфора, изъ мѣди и бронзы, церковная утварь, плотничные и ткацкіе инструменты, торговыя гири, земледѣльческія орудія, принадлежности мѣдно-литейнаго и поливнаго мастерства, кое-что изъ одежды (шелковое платье съ золотыми вышивками, вуаль съ тонкимъ шитьемъ шелками и золотомъ, часть шелковой рубахи), разныя украшенія и туалетныя принадлежности (большая коллекція яйцевидныхъ флакончиковъ для духовъ), предметы вооруженія (кожаная боевая рубаха, наконечники копій и стрѣлъ, мечъ) и прочее—заполняютъ шкапы, витрины и полки. Въ одной изъ стеклянныхъ витринъ возвышается большая (въ три съ половиной аршина) раскрашенная статуя Гагика I. Царь представленъ въ красномъ халатѣ, съ крестомъ на груди, въ большой пышной

чалмѣ, дарѣ халифа, и съ вытянутыми впередъ руками, на которыхъ онъ держалъ модель сооруженнаго имъ круглаго храма (эта модель хранится въ музеѣ отдѣльно). Бородатое лицо Гагика имѣетъ выраженіе силы и нѣкоторой суровости.

Какъ музейныя коллекціи, такъ и развалины свидѣтельствуютъ о томъ, что древніе анійцы обладали въ высшей степени развитымъ

Статуя царя Гагика.

художественнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго. Не говоря уже о храмахъ, дворцахъ и разныхъ цѣнныхъ предметахъ, которые стоятъ того, чтобы позаботиться объ ихъ украшеніи,—даже самыя ничтожныя и дешевыя вещи домашняго обихода они снабжали искусными и крайне разнообразными орнаментами, совершенно чуждыми шаблонности и не повторяемыми на другихъ вещахъ.

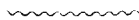
Это, однако, отнюдь не значитъ, что искусство анійцевъ было совершенно самостоятельно и оригинально: несомнѣнно, что оно родилось и расцвѣло въ другихъ, болѣе крупныхъ центрахъ Ближняго Востока и перенесено сюда уже въ готовомъ видѣ. Но тѣ центры исчезли или исказились подъ вліяніемъ позднѣйшей культуры,

а Ани сохранился, какъ цѣнный въ научномъ отношеніи историко-археологическій музей. «Ани прекрасно сохранилъ въ своихъ развалинахъ фізіономію большого средневѣковаго города; въ настоящее время онъ является единственнымъ изъ древнихъ передне-азиатскихъ городовъ, умершимъ такъ давно, что онъ не успѣлъ исказиться подъ вліяніемъ условій новой жизни. Наконецъ, анійскіе памятники, характеризуя рядъ эпохъ въ развитіи армянскаго искусства, представляютъ высокую цѣнность для исторіи всѣхъ родовъ чистаго и прикладнаго искусства; не будь ихъ, многія черты искусства не только Арменіи, но и всей передней Азии и Византіи ускользнули бы отъ науки» (І. Орбели, «Развалины Ани»).

Профессоръ Н. Я. Марръ давно оцѣнилъ значеніе Ани и еще въ 1892 году началъ производить здѣсь раскопки. Съ тѣхъ поръ онѣ ведутся ежегодно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ Н. Я. Марра почти исключительно на армянскія общественныя средства, на суммы, отпускаемыя частными лицами и различными общественными учрежденіями, а главнымъ образомъ—совѣтомъ по управленію имуществомъ с.-петербургскихъ армянскихъ церквей. Средства эти очень невелики (если память меня не обманываетъ, профессоръ Марръ говорилъ о трехъ-четырехъ тысячахъ рублей ежегодно), и только необыкновенною преданностью профессора дѣлу и увѣренностью въ огромномъ научномъ значеніи его можно объяснить, что на столь скудные средства сдѣлано такъ много.

Изъ Ани мы отправились съ Н. Я. Марромъ одновременно: онъ съ супругой—на линейкѣ, а мы—пѣшкомъ. Дожидаясь на станціи поѣзда, мы продолжали начатую еще въ музеѣ бесѣду объ анійскихъ древностяхъ, объ исторіи ихъ раскопокъ и о планахъ профессора на будущее. И тутъ мы впервые узнали о задушевной мечтѣ Н. Я.—учредить въ Ани археологическій институтъ, слушатели котораго изучали бы археологію не столько теоретически, по лекціямъ и книгамъ, сколько практически, принимая непосредственное участіе въ производствѣ раскопокъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ. И нужно было слышать, съ какой любовью говорилъ Н. Я. о дорогомъ для него дѣлѣ, объ его значеніи для науки и о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось ему преодолевать въ теченіе десяти-одиннадцати лѣтъ—съ самаго начала раскопокъ. Но профессоръ бодро смотрѣлъ впередъ, и былъ твердо увѣренъ въ окончательномъ торжествѣ своей идеи и необходимости учрежденія въ Ани археологическаго института. И, слава Богу, эта идея наконецъ близка къ осуществленію.

А. Мощанскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Л. А. Кассо. *Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области*. Москва. 1913. Стр. 230. Цѣна не обозначена.

РОССІЯ только что отпраздновала столѣтнюю годовщину славной въ ея лѣтописяхъ години, которую по справедливости можно назвать «эпохой великихъ дѣлъ и великихъ людей». Памятныя всѣмъ юбилейныя торжества на священныхъ поляхъ Бородинскихъ и въ московскомъ кремлѣ блестящимъ метеоромъ пронеслись передъ взорами очевидцевъ, воскресивъ образы дорогихъ русскому сердцу героевъ и дѣятелей приснопамятнаго двѣнадцатаго года. Горячая волна любви къ родинѣ пронеслась по Руси и охватила всѣ слои населенія. Но независимо отъ общегосударственнаго и патріотическаго своего значенія, юбилей принесъ и огромную пользу исторической наукѣ, вызвавъ на ряду съ цѣлымъ рядомъ популярныхъ изданій и капитальные изслѣдованія и труды.

Къ числу изслѣдованій, заслуживающихъ особаго вниманія читателей, относится только что вышедшая книга: «Л. А. Кассо. *Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области*». Прежде, нежели приступить къ своей темѣ, авторъ отмѣчаетъ значеніе Бухарестскаго мира въ нашей восточной политикѣ.

«... Для наступательнаго движенія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ Бухарестскій миръ означаетъ какъ бы перепутье: дѣйствовать ли попрежнему самостоятельно и единолично въ отношеніи къ Турціи, или искать опоры для нашей восточной политики въ содѣйствіи великихъ державъ?» ставитъ вопросъ Л. А. Кассо и затѣмъ продолжаетъ: «Замѣтны колебанія Россіи между этими двумя возможностями. Слѣдующая война 1828 года предпринята была съ согласія Англіи, Франціи и Австріи, и Россія заранѣе отказывалась отъ

приобрѣтеній въ Европейской Турціи. Позже, въ 1833 году начинается попытка отдѣльныхъ соглашеній между Россією и Турцією, которыя окончились неблагоприятно для насъ въ 1841 году. Когда же Россія въ 1854 году, помимо Европы, объявила войну Турціи, она натолкнулась на противодействие Европы и лишилась части территоріи, приобретенной въ 1812 году; если же вслѣдъ за тѣмъ другая война съ Турціей въ 1877 году и окончилась для насъ побѣдой, то она вернула Россіи на Дунаѣ лишь границу 1812 года». (Стр. 3).

Для настоящаго положенія изъ всего этого какой же получается выводъ?

Дѣйствовать на Балканскомъ полуостровѣ съ согласія державъ мы можемъ лишь взаимнѣ обязательства не дѣлать тамъ земельныхъ приобретений, а если будемъ поступать помимо Европы, она насъ остановитъ и намъ помѣшаетъ. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ степени военнаго могущества и прежде всего къ наличности на Черномъ морѣ достаточно сильнаго флота.

Повѣствованіе свое авторъ начинаетъ съ того момента, когда русскій посланникъ въ Константинополь, къ удивленію своему, узналъ, что русскій казачій отрядъ перешелъ Днѣстръ у Могилева 11-го ноября и Хотинъ взялъ 15-го ноября 1806 года. Неожиданность эта вышла потому, что русскій ультиматумъ касательно низложенія молдавскаго и валахскаго господарей Каллимахи и Суцо былъ полученъ въ Константинополь 17-го сентября. Отвѣтъ Италискаго съ сообщеніемъ, что султанъ согласился возстановить въ Молдавіи князя Мурузи и въ Валахіи князя Ипсиланти, отправленный изъ Константинополя 6-го октября, полученъ былъ въ Петербургѣ 23-го октября, а приказъ о переходѣ Днѣстра былъ данъ уже за недѣлю. Извѣстную роль въ ускореніи кампаніи играла поѣздка въ Петербургъ князя Ипсиланти осенью 1806 года. Въ продолжительной аудіенціи онъ убѣждалъ императора Александра, что моментъ для войны самый благоприятный въ виду бѣдственнаго состоянія Турціи съ ея разстроенными финансами, дезорганизованными войсками, большая часть которыхъ состояла изъ разбойничьихъ шаекъ съ мятежными пашами. Конечно, добавляетъ авторъ, Ипсиланти искалъ покровительства у русскаго правительства не съ тѣмъ только, чтобы избавить Валахію отъ турецкаго ига, а также съ цѣлью упрочить престолъ.

Угрожаемая Наполеономъ, Россія не могла отправить на Дунай достаточное количество войска. Первая стадія войны была поэтому безрезультатною. Въ валахскомъ мѣстечкѣ Слободзеѣ, во исполненіе статьи Тильзитскаго договора и при посредничествѣ представителя Франціи, полковника Гильмино, между Турцією и Россією было подписано перемиріе. Въ Петербургѣ, однако, перемиріемъ остались недовольны и, воспользовавшись тѣмъ, что турецкія шайки вторглись въ Валахію и начали ее грабить, отказались его ратифицировать. Любопытно, что союзное намъ французское правительство придавало большое значеніе тому, чтобы, соблюдая перемиріе, мы очистили покорѣ княжества. Посоль Франціи въ Константинополь, генералъ Себастьяни, въ письмѣ къ главнокомандующему князю Прозоровскому, высказался по этому поводу весьма категорически: «Revenir sur un armistice aussi authentique c'était même blesser la cour de France qui y avait pris part». Что же побудило Францію,

только что протянувшую въ Тильзитъ намъ руку, итти противъ Россіи и претраждать ей путь на Востокъ? Тутъ двѣ причины: одна общаго характера, а другая политическая и временная. Издавна претендуетъ Франція на господствующее положеніе какъ въ Константинополь, такъ и на всея Левантъ. *Gesta Dei per Francos*. Недаромъ императоръ Александръ III, создатель франко-русскаго союза, одному дѣятелю, который жаловался ему на французскихъ агентовъ въ Абиссиніи, выразился весьма рельефно: «Франція другъ Россіи на Западѣ и врагъ ея на Востокѣ». Затѣмъ, въ планахъ Наполеона свобода дѣйствія, которую онъ предоставлялъ Россіи на Востокѣ и на Дунаѣ, должна была служить обезпеченіемъ свободы дѣйствія Франціи на Балтикѣ и преимущественно по отношенію къ Пруссіи. Если же впоследствии Наполеонъ далъ согласіе на присоединеніе княжествъ къ Россіи, то это единственно потому, что онъ нуждался въ ея содѣйствіи противъ Австріи. Наполеонъ требовалъ очищенія княжествъ, но вѣдь и Александръ, въ свою очередь, въ долгу не оставался. Онъ настаивалъ на удаленіи французскихъ войскъ изъ Силезіи, покровительствовалъ возрожденію Прусскаго королевства, а подъ конецъ сталъ во главѣ освободительнаго движенія въ Германіи. Военныя дѣйствія возобновились и съ перемѣннымъ счастіемъ продолжались вплоть до 1812 года.

Чѣмъ же объяснить, что Россія, войска которой по качествамъ своимъ стояли значительно выше турецкихъ, не могла такъ долго совладать съ Турціей, ослабѣвшею и разстроеною? Главною причиною неуспѣха служить все тотъ же, во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціей неизмѣнно повторявшійся фактъ, что военныя дѣйствія на сушѣ не имѣли поддержки съ моря. Если бы эскадра адмирала Сенявина, бродившая по водамъ Средиземнаго моря и послѣ ряда подвиговъ безславно передавшаяся Англій, находилась въ Черномъ морѣ, событія приняли бы оборотъ совершенно иной. Русскою арміею командовали смѣнявшіеся полководцы: Михельсонъ, Мейендорфъ, Прозоровскій, Багратионъ, Каменскій и Кутузовъ. Всѣ они были выдающіеся военные, но, за исключеніемъ Кутузова, государственныхъ людей между ними не было. Виды ихъ дальше не шли, какъ выиграть сраженіе и получить награду. Каждый годъ возобновлялась та же исторія. Весною армія наша переходила Дунай, разбивала турокъ, но за отсутствіемъ продовольствія зимовать въ Болгаріи не оставалась и, сводя на нѣтъ результаты кампаніи, возвращалась въ княжества обратно. Для русскихъ военачальниковъ Бухарестъ обратился въ настоящую Капую съ его кутежами, балами и красивыми женщинами. Одинъ только Кутузовъ смотрѣлъ на вещи шире и сознавалъ ясно, что дѣлалъ. Но, въ виду близости разрыва съ Наполеономъ, задачею его было не завоевывать Турцію, а, наоборотъ, изъ труднаго положенія высвободить Россію и заключить миръ. Замѣчательный военный, Кутузовъ былъ еще болѣе политикъ, нежели военный. «Умень, очень умень, его и Рибасъ не обманетъ»,—говорилъ про него великій знатокъ людей Суворовъ. Поэтому побѣдить Кутузовъ старался не однимъ лишь оружіемъ, а выгадывая время, непріятелю ставя преграды и ловушки и всѣми способами создавая для него неблагопріятную обстановку. Такимъ онъ былъ наканунѣ Аустерлица, когда отсовѣтовалъ Александру переходить въ наступленіе; такимъ былъ на Дунаѣ, когда притворнымъ движеніемъ назадъ онъ

побудилъ великаго визаря перейти на лѣвый берегъ, а самъ, зайдя въ тылъ, отрѣзалъ ему путь; такимъ, наконецъ, въ Тарутинѣ, когда, обнадеживъ Наполеона заключеніемъ мира, онъ задержалъ выступленіе его изъ Москвы. Сразу не постигнувъ хитрости Кутузова, недруги обвиняли его въ бездѣйствіи, тогда какъ бездѣйствіе это было симулированное, ему не довѣряли и ставили палки въ колеса. Бухарестскій миръ, подарившій Россіи Бессарабію, заключенный передъ самымъ вторженіемъ въ Россію Наполеона, чудо дипломатическаго искусства, совершить которое въ состояніи былъ одинъ Кутузовъ.

Весьма живо рисуетъ авторъ окружавшихъ Кутузова въ Бухарестѣ левагинцевъ и фанариотовъ. Строго осуждаетъ Кутузова въ своихъ запискахъ Ланжеронъ: «Il fit de sa maison un véritable mauvais lieu. Il était entouré d'escrocs. C'est au milieu de cette société immonde qu'il passait sa vie». (Стр. 90 примѣч.).

Съ турецкимъ Востокомъ давно знакомый, въ этой своеобразной атмосферѣ дѣльцовъ политики, шпионовъ и предателей старый Кутузовъ чувствовалъ себя совершенно свободно. Всѣ ему служили и всѣми онъ пользовался, между тѣмъ какъ на него никто не имѣлъ вліянія, ни политиканы-мошенники, ни мѣстное боярство, ни даже черноокая фаворитка его, юная Гика. Особенно удались автору характеристики двухъ дѣятелей—французскаго консула Леду и перваго драгомана Порты князя Димитрія или, какъ его называетъ авторъ, Димитраки Мурузи.

Человѣкъ весьма способный, князь Димитрій Мурузи занималъ постъ перваго драгомана Порты. Послѣ заключенія Бухарестскаго мира оттоманскіе уполномоченные подверглись опалѣ, а Мурузи былъ отрѣшенъ отъ драгоманства. Для безопасности ему слѣдовало бы «перейти въ Россію, гдѣ сестра его была замужемъ за первымъ бессарабскимъ губернаторомъ, Скарлатомъ Стурдзою, и гдѣ бы нашлась для него почетная синекура. Но Мурузи не могъ разстаться съ желаніемъ вернуться въ Константинополь, гдѣ безъ него, какъ ему казалось, тяжелыя бѣдствія должны были ожидать жену его и дѣтей. Онъ не могъ вѣрить, что судьба его на Босфорѣ уже завершилась, и что опала его была безповоротна. Онъ потому и не выѣзжалъ изъ Бухареста, гдѣ его застало въ концѣ октября повелѣніе вернуться немедленно въ турецкую столицу. Когда онъ переѣхалъ Дунай, въ Русукѣ онъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ направленъ въ Шумлу. Кончина его тамъ была потрясающая, и Галибъ, который случайно, былъ ея свидѣтелемъ, получилъ тогда нервное подергиваніе на всю жизнь. Когда вели Димитраки Мурузи къ визирю, одинъ изъ стражниковъ внезапно поднялъ на него мечъ. Мурузи сталъ метаться, молить о пощадѣ, увѣряя, что онъ долженъ сдѣлать важныя сообщенія визирю. Но онъ былъ тутъ же зарубленъ. (Стр. 169—170).

Послѣдняя глава, озаглавленная «На новой окраинѣ», посвящена Бессарабіи уже подъ русскимъ скипетромъ и начинается словами Чичагова въ письмѣ къ императору Александру отъ 18-го августа 1812 года: «La Bessarabie est un beau pays, Sire». Проѣхавъ по степямъ Бессарабіи въ 1818 году 150 верстъ, Михайловскій-Данилевскій отмѣчалъ, что онъ не встрѣчалъ ни одного селенія, «потому что сего названія нельзя даже дать нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ избамъ, которыя кое-гдѣ стоятъ по дорогѣ» (стр. 190). Тогдашнее населеніе края не

превышало 55 тысяч семействъ или 200 тысячъ человекъ. Порядки были первобытные, варварскіе, и много времени потребовалось прежде, нежели управленіе сдѣлалось сколько-нибудь сноснымъ. «Все тамъ на откупѣ, все имѣть цѣну, и исправники обязаны еще болѣе другихъ быть грабителями, платя за мѣсто свое отъ двадцати до тридцати тысячъ рублей», докладывалъ государю Киселевъ. (Стр. 211).

Подробно останавливается авторъ на дѣятельности кишиневскаго митрополита Гавріила, губернаторовъ Стурдзы, Катакази, Гартинга, Свиньина, новороссійскаго генераль-губернатора графа Воронцова и графа Каподистрии, въ 1822 году разставшагося съ бессарабскими дѣлами.

Въ каждомъ словѣ автора чувствуется человекъ, горячо любящій родину, кровный бессарабецъ. Но эта *conscience locale* исторической правды не нарушается, а, напротивъ, придаетъ разсказу обаяніе непосредственности и свѣжести. «И недавно одинъ изъ русскихъ военныхъ писателей¹⁾, подводя итоги нашимъ войнамъ на Балканскомъ полуостровѣ, нашелъ, что Россія достигла своихъ естественныхъ границъ уже въ 1792 году, послѣ Яскаго мира, давшаго ей лѣвый берегъ Днѣстра, тогда какъ всѣ послѣдующія кровопролитныя кампаніи противъ Турціи прибавили къ этому только «полоску земли», какъ онъ называетъ территорію между Днѣстромъ и Прутомъ, хотя она по площади въ три раза больше Эльзась-Лотарингіи. Не лучше ли дорожить этой «полоской», напоминающей намъ и понынь боевые подвиги русскаго оружія, не лучше ли любить въ ней все, что осталось отъ восточныхъ грезъ и несбыточныхъ мечтаній?» (Стр. 229—230).

Этими словами заканчиваетъ Л. А. Кассо свой интересный трудъ.

Изъ всего предшествующаго видно, что его книга заслуживаетъ не только вниманія специалистовъ, но съ нею непременно долженъ ознакомиться каждый образованный русскій, интересующійся отечественною исторіею.

К. В.

Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство. Москва. 1913. Стр. 75, въ прилож. 3 снимка. Цѣна 75 коп.

Среди появившихся въ послѣднее время юбилейныхъ трудовъ, посвященныхъ трехсотлѣтію воцаренія дома Романовыхъ, названная выше книга проф. Д. В. Цвѣтаева, управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи, должна быть поставлена на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, какъ по обстоятельному и тонкому анализу событій, съ которыми связано избраніе, пересмотру обширнаго историческаго матеріала, объективно-научному изслѣдованію предмета, такъ и по ясности изложенія, достигающей художественности, и новизнѣ многихъ источниковъ и сдѣланныхъ авторомъ выводовъ.

Вся работа является безспорнымъ историко-юридическимъ трудомъ, устанавливающимъ несомнѣнно, что избраніе царемъ Михаила Феодоровича Романова совершено было законно-уполномоченнымъ государственнымъ учрежде-

¹⁾ А. Н. Куропаткинъ.

ніємъ, безусловно въ законной формѣ, почему и явилось вполнѣ прочнымъ для всенароднаго сознанія.

Выясняя въ началѣ своего труда избирательный авторитетъ земскихъ соборовъ, проф. Цвѣтаевъ находитъ, что въ эпоху смуты среди общаго потрясенія государственнаго строя земскій соборъ оказался единственною силою, къ которой могла обратиться, какъ къ точкѣ опоры, общественная мысль. Уже выборный совѣтъ перваго ополченія при Прокопѣ Ляпуновѣ въ 1611 г. признавалъ за собою право распоряжаться дѣлами военными, внутренними и устройствомъ государства. Совѣтъ втораго ополченія при князѣ Д. М. Пожарскомъ, кромѣ служилаго сословія и казачества, привлекъ по преимуществу представителей среднихъ классовъ, городовъ и тяглыхъ людей, т.-е. земскій элементъ, наконецъ, въ лицѣ «освященнаго собора» съ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ—духовенство и явился такимъ образомъ выразителемъ многообразныхъ организацій страны.

Послѣ взятія ополченіемъ въ плѣнъ польскаго гарнизона со Струсемъ и по занятіи московскаго кремля Трубецкой и Пожарскій немедленно приняли мѣры къ созыву полномочнаго собора, такъ какъ «безъ государя ни на малое время быть не мочно и досталь Московскому государству быть въ разореніи, не возможно пребыти безъ царя ни единого часа». Были посланы грамоты во всѣ мѣстности Московскаго государства съ приглашеніемъ выбора лучшихъ и разумныхъ людей и присылки ихъ въ Москву для «земскаго великаго совѣта и государскаго сбиранія». Д. В. Цвѣтаевъ полагаетъ, что количество городовъ, представленныхъ на соборѣ, равнялось около шестидесяти и если изъ нихъ были присланы депутаты согласно указанной въ грамотахъ нормѣ по десяти человекъ съ города, тогда общее число членовъ собора было не менѣе шестисотъ человекъ, между которыми находилось три митрополита, три архіепископа, два епископа, нѣсколько священниковъ, архимандритовъ, одиннадцать бояръ, семь окольничихъ; пятьдесятъ четыре стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ. За этимъ исключеніемъ, въ составѣ съѣзда ясно обрисовывается значительное количество среднихъ классовъ, «далекихъ отъ олигархическихъ и чужеземныхъ тенденцій верхняго слоя и отъ стремленій своевольной казачины; ясно широкое движеніе земщины на возстановленіе государственности»,—говоритъ г. Цвѣтаевъ. Авторъ дѣлаетъ характеристику, по новонайденному документу архива министерства юстиціи, одного изъ выборщиковъ отъ татаръ, мирзы Василья Чермонтѣва, дожившаго до 1625 г. (стр. 21).

При первыхъ засѣданіяхъ собора выяснилось чрезвычайное разнообразіе и пестрота желаній собора: «Многое было волненіе людемъ, всякій хотяще по своей мысли учинити». Однако довольно дружно были отвергнуты кандидатуры на русскій престолъ королевичей: польскаго Владислава и шведскаго Карла-Филиппа, сына Марины, а также служившихъ въ Россіи татарскихъ царевичей.

Простившись съ иностранными и чужеродными кандидатурами, соборъ вышелъ наконецъ на чисто-русскую національную дорогу. Но лѣтописецъ и здѣсь сохранилъ такое извѣстіе, что «многіе изъ вельможъ, желаючи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающа и обѣщаючи всякіе дары». Знатнѣйшій

изъ бояръ, кн. Θ . И. Мстиславскій, выставившійся и ранѣ кандидатомъ въ цари, былъ человекъ уже пожилой, бездѣтный, слабый волею; онъ, какъ думаютъ, уклонился окончательно. Кромѣ того, за нимъ, какъ и за другимъ кандидатомъ, кн. И. В. Голицынымъ, братомъ «столпа», не имѣвшимъ за собою заслугъ, стояло предосудительное сношеніе съ поляками при избраніи Владислава. Кн. И. М. Воротынскій, принадлежа къ доблестному роду, также самъ ничѣмъ не отличился; объ немъ и кн. И. В. Голицынъ сохранилось при томъ извѣстіе, что они оба замѣшаны въ какія-то «обширныя ссоры».

Изъ двухъ военачальниковъ, освободившихъ Москву, о кандидатурѣ кн. Д. Т. Трубецкого говорили нѣкоторые, что надо бросить жребій между нимъ, княземъ И. Голицынымъ и М. Θ . Романовымъ; но онъ, повидимому, поддерживался главнымъ образомъ казачествомъ, и отъ него откупились, давши ему во владѣніе обширныя земельныя вотчины. Князь же Д. М. Пожарскій, по мнѣнію проф. Цвѣтаева, своимъ чрезвычайно дальновиднымъ взглядомъ на нетвердую возможность своего избранія, своею скромностію и мудрымъ умомъ во-время понялъ свое положеніе, оказавъ тѣмъ безыскусственную, горячую любовь къ родинѣ и ея будущему успокоенію.

Далѣе авторъ разсматриваетъ причины, содѣйствовавшія избранію царемъ уже Михаила Феодоровича Романова, касается первоначальнаго ихъ происхожденія, рода, останавливаясь на новой своей чрезвычайно своеобразной теоріи, что ближайшіе предки родоначальника Романовыхъ Андрея Ивановича Кобылы могли переѣхать на службу къ московскому князю изъ Твери. Въ древней Руси было въ обычаѣ за невѣстами государей посылать лицъ, близкихъ избранницамъ, ихъ земляковъ: за Софьей Палеологъ—Ивана Фрязина, за Маріей Гастингсъ—Горсея и, наконецъ, въ Тверь за Маріей Александровной для Симеона Гордаго—А. И. Кобылу. Кромѣ того, въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи находилась старинная вотчина бояръ Романовыхъ въ Бѣжецкомъ верхѣ (близъ Антоніевскаго монастыря) село Хабоцкое, а въ немъ по писцовымъ книгамъ уже въ самомъ началѣ XVII столѣтія показывается цѣлый рядъ деревень, пустошей и урочищъ, одноименныхъ предкамъ Романовыхъ: деревня Юрьевцево, посадъ Кобылкино (позднѣе—Кобылиха), посадъ Кошкино, Юрьевскій и Кошкинскій ручьи. Но, конечно, русское происхожденіе предковъ А. И. Кобылы въ Твери не исключаетъ и ранняго ихъ переселенія сюда изъ Новгорода (по другой теоріи), такъ какъ Бѣжецкій верхъ нѣкогда тянулъ и къ «господину» Великому Новгороду.

Выяснивъ крупное значеніе потомковъ А. И. Кобылы на службѣ Московскаго государства и царицы Анастасіи, жены Грознаго, проф. Цвѣтаевъ подробно останавливается на характеристикѣ самаго виднаго дѣятеля рода, шурина царя боярина Никиты Романовича, создавшаго своими дѣлами огромную и заслуженную извѣстность и любовь среди всего населенія страны, перешедшую даже въ народную пѣсню. Онъ и его сестра Анастасія, страданія его сыновей «Никитичей», ихъ обширныя земельныя владѣнія, гдѣ они входили въ постоянныя соприкосновенія съ самыми различными составными элементами государства, всѣ эти причины и наконецъ съ глубокимъ достоинствомъ, несмотря на тяжелое утѣсненіе, песенное Филаретомъ Никитичемъ

порученіе русскаго посла въ Польшѣ—окружили молодого представителя этого рода, уже вовсе непричастнаго къ дѣламъ смуты, ореоломъ нравственной чистоты и общаго народнаго расположенія. Это же расположеніе къ Романовымъ зародилось и въ казацкой средѣ, вѣроятно, говоритъ проф. Цвѣтаевъ, въ бытность Никиты Романовича начальникомъ обороны южныхъ окраинъ.

«Народная дума,—продолжаетъ авторъ,—влеклась къ кандидату на царство, нравственно чистому, благородному, соединенному узами съ прежнимъ царскимъ родомъ».

По преданію, занесенному въ хронографъ, первая мысль о кандидатурѣ Михаила Ѳеодоровича Романова явилась на соборѣ у кн. Д. М. Пожарскаго; потомъ гласно высказались о томъ же: галичскій дворянинъ, атаманъ съ Дона и наконецъ гость изъ Калуги, люди изъ различныхъ мѣстностей, гдѣ въ особенности были многочисленны владѣнія Романовыхъ. Согласіе представителей земщины и казачества въ одномъ лицѣ рѣшило дѣло: 7-го февраля 1613 г. избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова было преднамѣчено соборомъ, а 21-го этого же февраля, когда прибыли къ собору уѣхавшіе ранѣе бояре Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищами и когда убѣдились въ мнѣніи страны, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ избранъ въ цари соборомъ единогласно, что радостно было привѣтствовано народомъ, стоявшимъ на Красной площади.

Къ книгѣ приложены три фототипическіе снимка: съ боярскаго списка 1607 г., гдѣ въ числѣ стольниковъ указывается десятилѣтній «Михаило Ѳеодоровъ Романовъ», и съ дозорной книги 1612 г. Вѣжецкаго верха о владѣніи стольникомъ же Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ селомъ Хабоцкимъ съ деревнями.

Трудъ проф. Д. В. Цвѣтаева, цѣнный для специалистовъ своимъ содержаниемъ, дорогъ еще тѣмъ, что написанъ вполне безпристрастно, безъ предвзятыхъ тенденцій и, какъ таковой, одинаково можетъ быть рекомендованъ не только историкъ, но и учебнымъ заведеніямъ для ихъ библиотекъ.

Богород—іѣ.

Юрій Шамуринъ. Подмосковныя. Изданіе т-ва «Образованіе». Москва. 1912. Стр. 95; съ 37 снимками и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна не обозначена.

Въ XVIII вѣкѣ знатные вельможи и дворяне, освобожденные отъ обязательной службы, стремились устроить свою жизнь не только въ столицѣ и городахъ, но и въ своихъ помѣстьяхъ, и, нужно отдать имъ справедливость, умѣли роскошно и красиво пожить. Какъ бы щеголяя одинъ передъ другимъ пониманіемъ западной культуры и въ особенности архитектуры и зодчества, они стали воздвигать храмы, дворцы, театры, мосты и другія постройки, разбивали чудные парки и сады. Тотъ, кто любитъ старину, ея уютъ и красоту, классическія формы архитектуры, и до сихъ поръ можетъ ими любоваться, хотя подобныхъ памятниковъ, къ сожалѣнію, осталось не такъ ужъ много.

Въ настоящее время многіе истинные цѣнители, художники, а также и дилетанты пишутъ объ этомъ и обращаютъ вниманіе публики, что и у насъ въ

Россіи есть на что посмотри́тъ, есть чѣмъ полюбоваться и что сто́ лѣтъ тому назадъ русскимъ людямъ не чужда была эстетика. Объ этомъ многое уже написано въ журналѣ «Старые Годы». Я же хочу указать на книгу Юрія Шамурина «Подмосковныя». Внѣшній видъ книги радуеть читателя превосходнымъ снимкомъ моста въ Архангельскомъ, принадлежащемъ князю Юсупову. Снимками щедро снабжена вся книга, и всѣ они исполнены художественно. Книга издана на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, она легко читается, а описаніе живо будить у читателя воспоминанія всего того, что онъ видѣлъ или читалъ изъ старины; XVIII вѣкъ какъ бы воскресаетъ у него передъ глазами, при помощи снимковъ еще рельефнѣе вырисовывается красивая обстановка жизни русской знати. Хочется самому посмотри́тъ «подмосковныя», насладиться созданіями такихъ интересныхъ творцовъ-художниковъ, какъ Растрелли, Жиллярди, Казаковъ, Гонзаго, Баженовъ, Кваренго и другіе. Многіе изъ нихъ хорошо знакомы по созданію Петербурга, Царскаго Села и Павловска.

Авторъ очень хорошо указываетъ на особенности каждой «подмосковной» и тѣмъ даетъ возможность самому читателю почувствовать всю прелесть старой усадьбы. Передъ глазами проносятся картины Борисова-Мусатова и кажется, что «Мѣсяць въ деревнѣ» и «Дворянское гнѣздо» Тургенева не могли быть созданы въ другой обстановкѣ. Многое даетъ намъ книга Шамурина, знакомя насъ съ подмосковными: Кусково, Архангельское, Останкино, Царицыно, Кузьминки, Ярополецъ, Бѣлая Кольца и Маренно.

Больше всего вниманія авторъ останавливаетъ на подмосковномъ «Архангельское». Вотъ что онъ намъ сообщаетъ. Къ концу XVIII вѣка отъ сельскаго убѣжища прежде всего хотять идилліи и красиваго покоя. Отслуживши, отдѣлавшись отъ петербургскихъ тревогъ и безпокойствъ, важный баринъ удаляется въ подмосковную, и здѣсь осуществляетъ тотъ пасторальный идеаль, который внушили ему античная и современная французская поэзія. Создаются очаровательные уголки, удовлетворяющіе самому требовательному вкусу, соединяющіе въ себѣ все, что требуетъ прихоть владѣльца: театр и псарню; гаремъ и библіотеку, хорошую кухню, роскошныя палаты и деревенскую тишину. Къ дворцу Юсупова примыкаетъ паркъ—лучшее украшеніе Архангельскаго. Въ паркѣ бесѣдка, скульптурные фонтаны, статуи и бюсты; въ каменной нишѣ за портикомъ изъ четырехъ колоннъ стоитъ изображеніе Екатерины II, покровительницы князя Юсупова, «божественной Екатерины», какъ гласитъ надпись подъ этимъ поэтическимъ «храмомъ памяти». Въѣздныя ворота въ садъ съ барельефомъ трубящей Славы представляютъ любопытнѣйшій архитектурный капризъ.

Къ тексту «Архангельское» дано пять снимковъ съ памятниковъ конца XVIII вѣка: 1) боковая колоннада, 2) детали дворца, 3) вестибюль, 4) дворецъ и террасы парка, 5) террасы парка, видъ отъ дворца.

Такъ какъ русскіе вельможи конца XVIII вѣка были достаточно культурны въ эстетическомъ отношеніи, усадьба строится по одному художественному замыслу, радуеть не только комфортомъ, но и красотой. Архангельское князя Н. Б. Юсупова напоминаетъ перворазрядную итальянскую виллу. Очарованіе Архангельскаго основано на игрѣ пространствомъ, благодаря которой

лись эффекты перспективы. Здѣсь на первый планъ выступаетъ архитектура, ея идеаль—только красота, все здѣсь гармонія, ритмъ и осмысленность. Вблизи дворца стоитъ зданіе домашняго театра, выстроенное по рисунку Гонзаго, неказистое снаружи, но въ высшей степени красивое и уютное внутри. Обаяніе Архангельскаго такъ велико, что Пушкинъ въ одѣ «Къ вельможѣ» воспѣлъ князя Юсупова и его Архангельское.

... «Сей дворець,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И, вдохновенные, въ волшебствѣ состязались».

Пушкинъ почувствовалъ въ вельможѣ Юсуповѣ близкаго себѣ по духу. Онъ съ завистью и уваженіемъ обращается къ Юсупову:

— «Ты понялъ цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь»...

Пушкинъ и другіе современники признавали Юсупова однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени...

... «Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумпры и картины
И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной».

... Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Безопасно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный».

«Въ этихъ строкахъ вся философія русскаго барства,—говоритъ авторъ:— онѣ не выходятъ изъ головы, пока ходишь по хоромамъ Архангельскаго». Вся обстановка указываетъ на большую начитанность русскаго барства. Богатыя библиотеки, картины античныя и современныя, скульптуры,—все это въ большемъ или меньшемъ количествѣ наполняетъ каждую подмосковную.

Дальше авторъ говоритъ о томъ, что рядомъ съ Вольтеромъ хорошо уживались крѣпостные гаремы; поклонники Руссо поролі дворовыхъ людей и крестьянъ, распоряжаясь ими, какъ игрушками...

Почти такъ же подробно рассказывается о каждой подмосковной; о нѣкоторыхъ имѣется больше указаній на архитекторовъ и ихъ помощниковъ, благодаря которымъ созданы подмосковныя.

Таково содержаніе книги. Основнымъ недостаткомъ ея служить то, что авторъ смѣшиваетъ художественную точку зрѣнія съ социальной. Онъ во многихъ мѣстахъ, разобравъ памятники съ эстетической стороны, начинаетъ говорить о разныхъ ужасахъ крѣпостного права, въ каждой подмосковной слы-

шатся автору стоны и вопли жертвъ барства. Все это извѣстно въ болѣе точныхъ и фактическихъ картинахъ отъ историковъ, и нѣтъ нужды объ этомъ постоянно напоминать, тѣмъ болѣе, что задачей автора должно быть художественное описаніе подмосковныхъ, а не изображеніе соціального быта того времени. Постоянное указаніе на жестокость помѣщиковъ какъ-то омрачаетъ всю ту красоту, такъ ярко изображенную авторомъ.

Кромѣ неумѣстности всѣхъ подобныхъ возгласовъ, пужно отмѣтить и то, что авторъ не правъ относительно дикой жестокости людей, создавшихъ такую дивную красоту, передъ которой мы восторгаемся. Были, конечно, люди жестокіе, какъ всегда, но почему не приходитъ автору на память Толстого «Дѣтство и отрочество», въ которомъ ясно рисуется патріархальное отношеніе къ крѣпостнымъ? Вспомнимъ еще Аксакова, а изъ болѣе раннихъ писателей Волотова, Карамзина, Пушкина, которые рисуютъ отношеніе къ крѣпостнымъ совершенно иначе, и многое изъ ихъ личныхъ отношеній даетъ представленіе о томъ, что между помѣщиками и крѣпостными иногда существовала духовная связь и трогательная привязанность. Вообще вопросъ о житейскихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ, мнѣ кажется, подлежитъ пересмотру.

Но если исключить эти свѣдѣнія о крѣпостныхъ, то въ остальномъ книга г. Шамурина вызываетъ столько интереса, что хочется, повторяю, прочитавши ее, схватъ въ подмосковныя и осмотрѣть все самому и полюбоваться многими уголками, связанными съ историческими дѣятелями и сохранившими произведения великихъ художниковъ.

Марія К—ва.

Проф. Д. И. Багалъй. Очерки изъ русской исторіи. Т. 2-й. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ. 1913. Стр. 374. Ц. 1 р. 80 к.

Знакомство съ трудами Д. И. Багалъя всегда оставляетъ отрадное впечатлѣніе въ читателѣ. Точность, содержательность и надежность сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній—эти качества дѣлаютъ изученіе его трудовъ благодарнымъ занятіемъ. Настоящій второй томъ «очерковъ изъ русской исторіи» является прямымъ дополненіемъ основного труда автора по «исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства». Собранныя въ этомъ томѣ статьи—результатъ многолѣтней разработки авторомъ его любимой темы,—разсѣяныя ранѣе по разнымъ, порою мало извѣстнымъ изданіямъ, успѣли сдѣлаться библиографической рѣдкостью, теперь, появившись наконецъ вновь передъ читателемъ, онѣ облегчаютъ возможность изученія и наведенія справокъ для всякаго, интересующагося исторіей Московской Украйны.

Въ первый отдѣлъ книги вошли слѣдующія статьи: 1) Заселеніе Слободской Украйны и общій ходъ ея культурнаго развитія до открытія въ Харьковѣ университета, 2) очерки по исторіи города Харькова, 3) очеркъ торговли въ Слободской Украйнѣ, 4) біографическіе очерки—Н. А. Каразинъ, Ив. Ив. Перекрестовъ, Ѳ. Г. Донецъ-Захаржевскій, 5) небольшой, но согрѣтый живымъ чувствомъ любви автора къ родной старинѣ очеркъ «изъ прошлаго Святогорскаго монастыря» и нѣкоторые другія. Больше половины книги занято критико-

библиографическим отдѣломъ, въ немъ дается критическій обзоръ трудовъ по исторіи Слободской Украйны и подробная библиографія по тому же вопросу. Сюда же авторъ ввелъ біографіи и некрологи харьковскихъ научно-литературныхъ дѣятелей, а также мелкія рецензіи-замѣтки; нѣкоторыя изъ послѣднихъ безъ всякаго ущерба для книги могли бы изъ нея быть изъяты.

Кудряшовъ.

В. Потто. Кавказская война. Въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ II. Ермоловское время. Изданіе 3-е, удешевленное. Стр. 776. Цѣна 3 р. 50 к.

Недавно скончавшійся генераль В. Потто, коротко знакомый съ Кавказомъ и его войсками, много писалъ объ этомъ чудномъ краѣ, обильно политомъ русскою кровью, и можетъ быть названъ «баяномъ» кавказской войны. Въ своихъ работахъ онъ не задавался цѣлью систематически изложить исторію покоренія Кавказа, а намѣренъ былъ въ живыхъ очеркахъ, біографіяхъ и легендахъ дать картину отдѣльныхъ эпизодовъ войны и характеристику боевой дѣятельности кавказскихъ войскъ и ихъ доблестныхъ предводителей. В. А. Потто издано было пять томовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Кавказская война»: т. I.—«Отъ древнѣйшихъ временъ до Ермолова»; т. II.—«Ермоловское время»; т. III.—«Персидская война»; т. IV.—«Турецкая война» и т. V.—«Время Паскевича». Всѣ эти части написаны живо, проникнуты любовью къ солдату, читаются съ интересомъ, выдержали нѣсколько изданій и вполне достигаютъ цѣли популяризаціи исторіи кавказской войны. Въ настоящее время второй томъ вышелъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ, обильно снабженный портретами и иллюстраціями, и заключаетъ въ себѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ кавказской войны—«Ермоловское время». Ермоловъ, любимецъ Суворова, герой Бородинна и командиръ русской и прусской гвардіи при взятіи Парижа, за что былъ награжденъ георгіевскою звѣздою, по окончаніи войны все-таки не былъ въ фаворѣ за свой неуступчивый характеръ и за колкій языкъ, не получилъ никакого виднаго назначенія и находился не у дѣлъ. Совершенно неожиданно, въ 1816 году, онъ былъ назначенъ непосредственно самимъ государемъ главнокомандующимъ въ Грузіи. И вотъ на тридцать девятомъ году отъ роду, въ лучшую пору дѣятельности челоуѣка, Ермоловъ становится самостоятельнымъ правителемъ обширнаго воинственнаго края, съ правами почти неограниченными, которыхъ до него не имѣлъ никто изъ его предшественниковъ. Вся предыдущая дѣятельность его обѣщала для края эпоху славныхъ дѣлъ, и самая наружность его вполне соотвѣтствовала той силѣ и власти, которыми онъ былъ облеченъ: необыкновенная физическая сила, громаднй ростъ и характерная львиная голова, покрытая густою шапкою сѣдьющихъ волосъ. Когда Ермоловъ пріѣхалъ на Кавказъ, тамъ все было въ запущеніи, и престижъ русской власти былъ ничтоженъ: приходилось откупаться отъ воинственныхъ сосѣдей, чтобы жить съ ними въ мирѣ. Первою заботой Ермолова было возстановленіе русской мощи и нравственнаго вліянія русскаго имени. «Хочу,—говоритъ Ермоловъ:—а тобы имя мое стерегло страхомъ наши границы крѣпче цѣпей и укрѣпленій,

чтобы слово мое было для азіатцевъ закономъ, вѣрнѣе неизбѣжной смерти. Снисхожденіе въ глазахъ азіатцевъ—признакъ слабости, и я прямо изъ чловѣколюбія бываю строго неумолимо: одна казнь сохранить сотни русскихъ отъ гибели и тысячи мусульманъ отъ измѣны». Въ этихъ словахъ вся система Ермолова, и онъ достигъ своей цѣли съ ничтожными матеріальными силами, благодаря неукротимой энергіи и непреклонной силѣ характера. Такой именно чловѣкъ былъ тогда нуженъ для Кавказа, это былъ въ полномъ смыслѣ «the wright man in the wright place», и въ теченіе десятилѣтняго управленія краемъ направилъ его на надлежащій путь, смирилъ горскія племена и подготовилъ его къ окончательному слиянію съ Россіей. Но въ самый разгаръ своей плодотворной дѣятельности, по вступленіи на престолъ императора Николая, Ермоловъ, по интригамъ Паскевича и Дибича, былъ отозванъ съ Кавказа и вышелъ въ отставку. Каждый разъ, когда встрѣчаешься съ именемъ Ермолова, приходишь въ изумленіе, что такая колоссальная сила осталась не использованною, что государь Николай Павловичъ не смогъ оцѣнить его, не сумѣлъ отстоять отъ интригъ и тѣмъ, быть можетъ, лишилъ свое царствованіе многихъ свѣтлыхъ боевыхъ страницъ. Правда, что это былъ конь такой породы, котораго, по словамъ Крылова, «скорѣй убьешь, чѣмъ запряжешь», но для мудраго правителя это скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ. Выйдя въ отставку пятидесяти лѣтъ отъ роду, Ермоловъ поселился въ Москвѣ, прожилъ еще тридцать четыре года и остался безъ дѣлъ; слабыя попытки Николая Павловича привлечь его къ дѣламъ, ему чуждымъ и второстепеннымъ, не имѣли успѣха. Здѣсь кстати замѣтить, что Ермолову нѣтъ даже и памятника; въ Орлѣ надъ его гробницей теплится чугунная лампада, состоящая изъ настоящей гранаты и сооруженная нижними чинами кавказской арміи на собранныя ими сорокъ рублей... но имя этого русскаго богатыря «штыками врѣзано въ горахъ».

Только что теперь вышедшій второй томъ «Кавказской войны» изданъ фирмою В. Березовскаго третьимъ изданіемъ. Онъ заключаетъ въ себѣ изложеніе десятилѣтней дѣятельности Ермолова на Кавказѣ и характеристику его и его сподвижниковъ. Кромѣ того, изданіе это удешевлено—вмѣсто шести рублей 3 р. 50 к. Нельзя не пожелать широкаго распространенія этой прекрасной книгѣ.

Л. Н.

Общее уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнительными къ нему узаконеніями и указателями въ трехъ томахъ. Составилъ Н. Н. Корево. С.-Петербургъ. 1912. Цѣна не означена.

Въ завоеванной въ 1808 году отъ Швеціи Финляндіи дѣйствовали общіе для всего Шведскаго королевства законы, которые главнѣйшимъ образомъ содержались въ такъ называемомъ уложеніи, утвержденномъ королемъ Фридрихомъ и принятомъ на шведскомъ сеймѣ 1734 г. Это уложеніе, не составленное по какой-либо строго послѣдовательной системѣ, представляло собою скорѣе сборникъ шведскихъ законовъ и то не полный; въ составъ его вошли законы гражданскіе въ тѣсномъ значеніи сего слова, торговые, уголовные, о строеніяхъ

и также законы о судопроизводствѣ и судоустройствѣ уголовномъ. Наравнѣ съ этимъ уложеніемъ 1734 г. дѣйствовали еще въ Финляндіи различныя постановленія, изданныя и позднѣе издававшіяся на шведскомъ языкѣ.

Императоръ Николай I, находя, что россійскимъ подданнымъ необходимо имѣть подробныя свѣдѣнія объ узаконеніяхъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, приказалъ сдѣлать переводъ этого уложенія на русскій языкъ, который по предварительномъ разсмотрѣніи былъ отпечатанъ въ типографіи Н. И. Греча въ Петербургѣ въ 1826 г., подъ заглавіемъ: «Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 года и его императорскимъ величествомъ утвержденное для великаго княжества Финляндскаго». Въ 1827 г. было издано еще прибавленіе или вторая часть этого уложенія, содержащая въ себѣ различныя новыя узаконенія, одновременно изданныя въ отмѣну многихъ статей уложенія 1734 г., какъ-то: вексельный уставъ 1748 г., постановленія для хозяевъ и слугъ 1805 года, а также различныя важныя манифесты и постановленія, изданныя уже по присоединеніи Финляндіи къ Россіи и притомъ, конечно, на русскомъ языкѣ съ 1808 года, но почему-то не включенныя своевременно въ Полное Собраніе Законовъ, изданное, какъ извѣстно, знаменитымъ графомъ Сперанскимъ.

Это изданіе уложенія Швеціи 1734 г. и прибавленіе къ нему на русскомъ языкѣ въ 1826—27 году очень скоро разошлось и сдѣлалось библиографическою рѣдкостью во второй половинѣ минувшаго столѣтія. Съ другой стороны, потребности непрестанно развивающейся жизни вызвали рядъ существенныхъ новыхъ узаконеній, во многомъ совершенно измѣнившихъ законодательныя постановленія, собранныя въ этомъ изданіи перевода уложенія въ 1826—27 годовъ. Это побудило извѣстнаго знатока гражданскаго права и судопроизводства, извѣстнаго труженика-профессора К. И. Малышева сдѣлать въ 1891 году новое совѣмъ изданіе «Уложенія Финляндіи 1734 года» и дополнительныхъ къ нему постановленій. Хотя съ того времени не прошло и четверти вѣка, тѣмъ не менѣе прекрасный для своего времени трудъ почтеннаго ученаго утратилъ во многомъ въ настоящее время свое практическое значеніе вслѣдствіе множества изданныхъ въ этотъ небольшой періодъ народной жизни важнѣйшихъ узаконеній, во многомъ отмѣнившихъ старыя шведскія порядки, не соотвѣтствующіе ни духу времени, ни положенію Финляндіи въ неразрывномъ единеніи съ Россійскою имперіею. Такъ, на примѣръ, послѣ появленія труда г. Малышева были изданы для Финляндіи: 1) новое уголовное уложеніе великаго княжества Финляндскаго 19 декабря 1889 г., высочайше одобренное 4 июля 1892 года, а также высочайшее постановленіе о введеніи въ дѣйствіе означеннаго уложенія, 2) уставъ о взысканіяхъ гражданскихъ отъ 3 декабря 1895 г. и высочайшее постановленіе о введеніи въ дѣйствіе этого устава, 3) затѣмъ цѣлый рядъ особыхъ узаконеній, на основаніи которыхъ утратили въ настоящее время силу многіе отдѣльныя главы и параграфы общаго уложенія, какъ-то: §§ 1—3 главы VII отдѣла о наследствѣ; главы 19—23 того же отдѣла объ опекаѣ, §§ 2—4 главы XIII отдѣла о недвижимомъ имѣніи и т. д.

Такимъ образомъ, является вполне своевременнымъ предпринятое Н. Н. Корова новое изданіе общаго уложенія Финляндіи, о которомъ въ небольшой замѣткѣ остается сказать весьма немного. Это изданіе состоитъ изъ трехъ томовъ.

Въ первомъ томѣ содержится текстъ общаго уложенія 1734 года, причемъ въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ параграфамъ приведены узаконенія, состоявшія преимущественно до 1812 г., частью полностью, частью же въ видѣ отдѣльныхъ статей или параграфовъ, имѣющихъ отношеніе къ тѣмъ или другимъ правиламъ общаго уложенія. Остальныя дополняющія или измѣняющія текстъ уложенія 1734 г. узаконенія, начиная съ 1812 г., изложены въ хронологическомъ порядкѣ во второмъ томѣ изданія подъ общимъ заглавіемъ «Приложенія». При этомъ приняты во вниманіе узаконенія, изданныя даже въ первой половинѣ 1912 г., и включены по принадлежности, что по различнымъ редакторскимъ и типографскимъ условіямъ представляло немало трудностей, но придадо всему изданію значительную долю современности. Третій томъ посвященъ однимъ указателямъ къ предшествующимъ двумъ томамъ, причемъ, кромѣ хронологическаго указателя, имѣется еще въ высшей степени полезный алфавитный указатель къ общему уложенію и приложеніямъ, составленный на русскомъ языкѣ, при чемъ, однако, при каждомъ словѣ алфавита приведены соответствующія ему слова на языкахъ шведскомъ и финскомъ и затѣмъ указано, гдѣ говорится объ этомъ въ общемъ уложеніи или дополнительныхъ къ нему узаконеніяхъ. Это чрезвычайно цѣнный указатель въ практическомъ отношеніи. Кромѣ того, въ предисловіи имѣется весьма обстоятельно составленный очеркъ кодификаціи финляндскихъ законовъ. Нельзя не поблагодарить Н. Н. Корево за его обширный и обстоятельный трудъ, посвященный памяти преждевременно погибшаго П. А. Столыпина, а вмѣстѣ съ тѣмъ не пожелать ему полнаго успѣха.

П. Майковъ.

Успенскій, А. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Изданіе общаго архива министерства императорскаго двора, вып. I. М. 1912. Стр. 240 Ц. 2 р. 50 к.

Въ краткомъ предисловіи составитель вышеназванной книги сообщаетъ, что «печатаніе описанія документовъ бывшаго архива Оружейной палаты было его давнишней мечтой». Но лишь съ 1912 года, послѣ неоднократныхъ представленій, эту мечту возможно было осуществить, такъ какъ ассигнована была на то необходимая сумма и рѣшено печатать ежегодно по одному выпуску описанія столбцовъ.

Въ московскомъ отдѣленіи дворцоваго архива, какъ сообщается ниже, сохранилось свыше 52.000 столбцовъ бывшаго архива Оружейной палаты. Они, обнимая періодъ съ царствованія Лжедмитрія I до первыхъ лѣтъ XVIII вѣка, представляютъ собой «богатѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе матеріалы по русской исторіи».

Въ настоящій первый выпускъ вошло описаніе столбцовъ, относящихся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, съ 1613 до 1623 года; въ нихъ заключаются 702 номера документовъ. Здѣсь встрѣчаются черновики царскихъ указовъ, отпуски грамотъ и памятей, отправленныхъ, повидимому, большею частью изъ приказа Большаго дворца, разнаго рода росписи (соболямъ, рухляди) и выписи (изъ писцовыхъ книгъ, на примѣръ), памяти дялкамъ и при-

казнымъ, записки о придворныхъ событіяхъ и государевомъ жалованьи, челобитныя съ просьбой о пожалованіи, поручныя записи, на примѣръ, «по яржымъ людямъ въ проводѣ ими отъ Вятки до Казани государевыхъ струговъ») и проч. Кромѣ краткаго указанія на содержаніе документа, въ книгѣ нерѣдко приводится болѣе или менѣе значительная выдержка изъ него, а иногда, какъ будто, текстъ документа печатается цѣликомъ.

Указателя къ описанію столбцовъ пока нѣтъ, онъ обѣщанъ—послѣ выхода въ свѣтъ третьяго выпуска—ко всѣмъ тремъ вмѣстѣ.

Разумѣется, нельзя не порадоваться тому, что документы, скрытые въ архивахъ и мало доступные, благодаря издаваемому описанію ихъ, внимательно приготовленному А. И. Успенскимъ, энергіи котораго слѣдуетъ приписать появленіе ихъ въ свѣтъ, становятся достояніемъ науки.

М. К.—въ.

Тира Соколовская. Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина. Русскій отдѣлъ. Съ иллюстраціями. Спб. 1912. Стр. 46. Цѣна не означена.

Наши лучшія масонскія собранія всѣ безъ исключенія остаются безъ научнаго описанія, безъ толковаго каталога. Въ стеклянныхъ витринахъ продолжаютъ нерасшифрованными храниться замысловатые масонскіе знаки, и никто не можетъ ихъ растолковать. Наши изслѣдователи масонства (на примѣръ, Пекарскій, Лонгиновъ, Ешевскій) оставляли совершенно въ сторонѣ масонскую символику и въ своихъ сочиненіяхъ даже не воспроизвели ни одного масонскаго знака.

Между тѣмъ масонская символика тѣсно сплетена съ масонской идеологіей. Одна дополняетъ другую. Масонъ Шредеръ образно выражался: «уничтожить символы значитъ уничтожить франмасонство», а князь Баратаевъ въ одной изъ своихъ масонскихъ рѣчей говоритъ: «Долго изыскивали средства къ изобрѣтенію всемірнаго языка, удобопонятнаго для разноплеменныхъ народовъ; но сія точка соединенія людей, сія общая связь понятій между обитателями земли не находится ли въ нашемъ почтенномъ учрежденіи? Среди изобилія, среди горести, въ самыхъ ужасающихъ пучинахъ волнъ, готовыхъ погрузить, на полѣ сраженія, подъ грознымъ мечомъ смерти, на краю вселенной, у народовъ почти дикихъ вольный каменщикъ однимъ знакомъ, однимъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ опознанъ и внѣ опасности».

Такимъ образомъ, въ изученіи масонства имѣлся чувствительный пробѣлъ, ибо мало коллекционировать масонскіе предметы, но необходимо составить къ нимъ научныя описанія.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ извѣстному собирателю старины Д. Г. Бурылину, проживающему въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ. Его большая коллекція, бывшая на выставкѣ двѣнадцатаго года въ Москвѣ, привлекала общее вниманіе. Къ русскому отдѣлу этой масонской коллекціи и сдѣланъ нынѣ каталогъ Т. О. Соколовской, извѣстнымъ знатокомъ прежняго русскаго масон-

ства. Во всеоружіи знанія, явившагося результатомъ долгой работы въ архивахъ надъ масонскими первоисточниками, госпожа Тира Соколовская подробно описываетъ каждый предметъ коллекціи и даетъ объясненія масонскихъ символовъ. Подобнаго объяснительнаго каталога нѣтъ ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ. Госпожа Соколовская прекрасно справилась со своею задачею, и ея каталогъ можно смѣло назвать образцовымъ.

Изданъ каталогъ отлично: много иллюстрацій, тщательно выполненныхъ фирмою Голикъ и Вильборга.

Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобы прочія масонскія коллекціи, находящіяся въ общественныхъ музеяхъ или на рукахъ у частныхъ лицъ, получили подобныя же толковыя каталоги.

В. Г.

**«Русскій Инвалидъ» за сто лѣтъ. Юбилейный очеркъ. Часть I. Спб. 1913.
Цѣна не означена.**

Ко дню столѣтія газеты «Русскій Инвалидъ» редакціею этой газеты выпущена первая часть историческаго очерка этого изданія, обнимающая время съ 1813 по 1839 г., то есть время первыхъ двухъ редакторовъ—П. П. Пезаровіуса и А. Θ. Воейкова. Очеркъ написанъ весьма обстоятельно, снабженъ интересными иллюстраціями съ прежнихъ номеровъ газеты и многочисленными подстрочными ссылками. Для исторіи русской журналистики это юбилейное изданіе имѣетъ большое значеніе, и весьма жаль, что оно, кажется, будетъ пущено въ продажу въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Личность перваго редактора и основателя газеты Павла Павловича Помианъ-Пезаровіуса очерчена выпукло и симпатично. Это былъ фанатикъ своего дѣла, широкій благотворитель, безсребренникъ, чловѣкъ идеи. Недаромъ и С. Н. Шубинскій называлъ его въ своемъ очеркѣ «забытымъ филантропомъ». Но біографія Пезаровіуса, а въ особенности его благотворительная дѣятельность еще ожидаютъ своего изслѣдователя. Въ этомъ признается и авторъ юбилейнаго очерка (стр. 35, прим. 100).

По отсутствію въ литературѣ данныхъ интимнаго характера о филантропіи Пезаровіуса я позволю себѣ привести нѣкоторыя свѣдѣнія, пользуясь архивными матеріалами Т. О. Соколовской. Пезаровіусъ былъ масономъ, но масономъ того русскаго направленія, при которомъ вольные каменщики, трудясь надъ самоусовершенствованіемъ, были горячими патріотами и въ первую голову полагали заботу о благѣ отечества. Это не были никчемные, беспочвенные мечтатели, это не были продажныя люди, подкупленные еврейскими капиталами. Это были люди большой энергіи, воли, чистой души, свѣтлыхъ побужденій. Поэтому причастность къ масонству, и при томъ весьма значительная, никоимъ образомъ не набрасываетъ тѣнь на нравственный обликъ Пезаровіуса.

Пезаровіусъ состоялъ въ десятыхъ годахъ ХІХ вѣка мастеромъ стула, то есть предсѣдателемъ, ложи Александра къ Коронованному Пеликану. Это была старая ложа ХVІІІ вѣка, называвшаяся въ то время ложею Пеликана и получившая въ 1805 г. наименованіе Александра къ Коронованному Пеликану, въ

честь императора Александра I. Знакъ этой ложи имѣлъ видъ серебрянаго креста, въ центрѣ котораго были помѣщены въ золотомъ сяннн шифръ государя (буква А) и пеликанъ. Въ масонскихъ спискахъ 1821 г. Пезаровіусъ числился почетнымъ членомъ уже въ двухъ ложахъ—Александра къ Коронованному Пеликану и Петра къ Истинѣ. Вотъ это-то выдающееся положеніе Пезаровіуса въ русскомъ масонствѣ, ибо предсѣдателями ложъ могли быть только видные вольные каменщики, и объясняетъ то, что этотъ сравнительно скромный чиновникъ могъ сдѣлать огромное благотворительное дѣло и собрать огромный благотворительный капиталъ.

Дѣятельность Пезаровіуса по изданію «Русскаго Инвалида» съ цѣлью собрать деньги для помощи инвалидамъ вполнѣ отвѣчаетъ масонскимъ воззрѣніямъ. Вольнокаменщическое ученіе, допуская войну, какъ крайность, обязывало содѣйствовать къ облегченію участи всѣхъ, пострадавшихъ отъ этого бѣдствія. Благотвореніе инвалидамъ было прямою задачею всякаго масона. Въ масонскомъ же вкусѣ строго выдержана первая статья перваго нумера «Русскаго Инвалида», гдѣ авторъ распространялся о нравственномъ усовершенствованіи, или, какъ выражались масоны, о работѣ надъ дикимъ, безформеннымъ камнемъ съ цѣлью обратить его въ кубическій.

Любопытно еще одно совпаденіе. «Русскій Инвалидъ» нѣсколько лѣтъ издавался параллельно на польскомъ языкѣ. Переводчикомъ состоялъ Маркьяновичъ (юбил. очеркъ, стр. 156). Почему Пезаровіусъ пригласилъ его на эту должность? Очень просто,—потому что Маркьяновичъ былъ ему извѣстенъ по масонству, такъ какъ онъ состоялъ великимъ секретаремъ по польскому языку въ великой ложѣ Астреи.

Относительно А. Θ. Воейкова тоже можно сообщить кой-какія данныя, не попавшія въ юбилейный очеркъ. Воейковъ, судя по его послужному списку, сохранившемуся въ юрьевскомъ университетѣ, былъ произведенъ изъ нижнихъ чиновъ конной гвардіи къ корнеты Екатеринбургскаго кирасирскаго полка въ январѣ 1797 г. Служба его была тутъ неудачна. 11-го октября 1797 г. онъ выключенъ за лѣность, 30-го ноября 1800 г. вновь опредѣленъ на службу, а 13-го октября 1801 г. отставленъ отъ службы къ статскимъ дѣламъ, по прошенію (Агаѣоновъ, «Лѣтопись новотроицко-екатеринославскихъ драгунъ», 335; здѣсь Воейковъ ошибочно именуется Алексѣемъ). Далѣе, въ 1806—7 гг. онъ командуетъ батальономъ въ рязанской милиціи, а въ 1812 г. состоялъ при рязанскомъ губернаторѣ «по особо порученнымъ дѣламъ при нашествіи непріятеля», и, «будучи посланъ въ главную квартиру большой дѣйствующей арміи, по собственной охотѣ находился въ авангардѣ г.-м. Кайсарова».

Нужно еще замѣтить, что письма Воейкова опубликованы въ одномъ изъ отчетовъ императорской публичной библиотеки и въ «Русской Старинѣ» за 1906 г.

М. О.

Памятники исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1612 гг. Изданіе нижегородской ученой архивной комиссіи въ память 300-лѣтія нижегородскаго подвига. Спб. 1912. Стр. XXXIII + 570. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Среди историческихъ юбилеевъ минувшаго года прошелъ почти незамѣченнымъ широкою печатью 300-лѣтній юбилей (1611—1612 гг.—1911—1912 гг.) знаменитаго нижегородскаго подвига по освобожденію Москвы отъ поляковъ въ смутное время, завершившееся избраніемъ на престолъ «всего великаго Россійскаго царства» Михаила Теодоровича Романова, простирающаго свой державный скипетръ надъ Россією чрезъ цѣлый рядъ потомковъ до настоящаго времени.

Это знаменательное минувшее событіе въ глазахъ изслѣдователя русской исторической жизни должно быть признано крупнымъ моментомъ, положившимъ прочное основаніе для всей послѣдующей исторіи нашего отечества. Кто можетъ сказать, какъ развернулись бы историческія событія, если бы патриотизмъ нижегородскаго «говядаря» Козьмы Минина и доблестная ратная служба князя Димитрія Михайловича Пожарскаго не собрали подъ общій стягъ «понизовую силу», объединившуюся на свой славный подвигъ благодаря героическому порыву этихъ знаменитыхъ мужей русской исторіи.

Похвальная ревность къ достойной памяти нижегородскаго выборнаго человека Козьмы Минина и воеводы князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, а также нижегородскаго спасскаго протопопа Саввы Евфимьева, съ нѣкоторыми другими участниками знаменитаго подвига, внушила современнымъ нижегородцамъ счастливую мысль отмѣтить 300-лѣтнюю годовщину минувшей славы Нижняго-Новгорода и его героевъ изданіемъ юбилейнаго «Сборника» подъ вышеприведеннымъ названіемъ, составляющаго XI томъ «Дѣйствій нижегородской губернской ученой архивной комиссіи».

«Сборникъ», какъ говорится въ предисловіи къ нему, изданъ по мысли профессора петербургскаго университета С. Θ. Платонова и содержитъ въ себѣ сводъ документальныхъ и литературныхъ памятниковъ, освѣщающихъ исторію Нижняго-Новгорода въ эпоху смуты, а также по возможности всѣ моменты общеземскаго движенія подъ предводительствомъ князя Д. М. Пожарскаго и Козьмы Минина, имѣя въ виду, что «подлинныя слова этихъ памятниковъ XVII вѣка нарисуютъ картину прошлаго ярче, чѣмъ пересказы историковъ, и сильнѣе нашихъ словъ передадутъ духъ времени, предоставляя читателю высокое наслажденіе непосредственнаго впечатлѣнія и самостоятельной работы мысли» (XXXIII).

По составу своему «Сборникъ» раздѣляется на двѣ части: I. Памятники документальные (акты историческіе) и II. Памятники литературные. Въ первой части содержатся разнообразныя акты, начиная съ 1606 г., расположенныя, насколько позволялъ матеріалъ, въ хронологическомъ порядкѣ и относящіяся къ начальнымъ моментамъ земскаго движенія, завязывавшагося около Нижняго-Новгорода противъ «воровъ»—враговъ государства; затѣмъ—къ исторіи ополченія, разросшагося постепенно въ общеземское движеніе, и, наконецъ,

къ положенію Нижняго-Новгорода послѣ смуты, а также отдѣльных дѣятелей этого движенія. Всѣхъ историческихъ памятниковъ въ первой части «Сборника» помѣщено 182, изъ которыхъ большинство является перепечаткой изъ разныхъ изданій, трудно доступныхъ не специалистамъ, и только 13 актовъ напечатаны здѣсь въ первой разѣ¹⁾.

Подъ строкой, въ примѣчаніи къ каждому акту точно указывается тотъ книжный или архивный источникъ, изъ котораго памятникъ взятъ, а равно указываются и другія параллельныя изданія, гдѣ тотъ или другой историческій актъ напечатанъ второй и даже третій разѣ (стр. 88, 92, 98, 111, 120, 122—123, 171—174, 177, 181—182, 190, 201, 204, 212, 224, 244, 270, 273 и мн. др.); причемъ болѣе исправному тексту отдается предпочтеніе, а самыя исправленія вносятся или въ самый текстъ памятника, или отмѣчаются подъ строкой (стр. 42 и др.). Встрѣчаются и нѣкоторыя другія, не лишеныя интереса замѣчанія (стр. 207—208, 223, 241, 286, 293, 570 и др.). Изъ сказаннаго видно, что составители «Сборника» стремились придать переиздаваемымъ памятникамъ, выбраннымъ изъ «Актовъ историческихъ» и «Актовъ археографической комиссіи» и другихъ изданій этого рода, большую правильность въ чтеніи ихъ. Полная свѣрка памятниковъ по рукописямъ и, такъ сказать, новое, вполне научное переизданіе ихъ въ задачу составителей «Сборника» не входило и явилось бы невыполнимымъ трудомъ, такъ какъ при нынѣшнемъ состояніи нашихъ архивовъ въ нихъ едва ли найдутся тѣ рукописныя матеріалы, съ которыхъ было сдѣлано первоначальное изданіе «Актовъ», хотя мѣсто находженія этихъ матеріаловъ и указывается въ концѣ, вслѣдъ за напечатаніемъ того или иного историческаго памятника. Эти указанія сохранены и въ разсматриваемомъ «Сборникѣ».

Вторая часть «Сборника» содержитъ извлеченія изъ литературныхъ памятниковъ, русскихъ и иностранныхъ, освѣщающихъ исторію нижегородскаго движенія и показывающихъ, какъ отражалось это историческое событіе смутной эпохи въ сознаніи книжныхъ людей того времени, являющемся съ нашей точки зрѣнія своего рода общественнымъ мнѣніемъ. Всѣхъ извлеченій изъ этого рода памятниковъ приведено въ «Сборникѣ» 41, причемъ каждому извлеченію предпослано краткое предисловіе, характеризующее въ цѣломъ тотъ или иной литературный памятникъ, съ библиографическими указаніями по изученію или изслѣдованію его, съ названіемъ авторовъ-изслѣдователей и самыхъ изслѣдованій.

Въ концѣ «Сборника» приложенъ краткій конспективный указатель свѣдѣній о главныхъ герояхъ нижегородскаго движенія (и отчасти ихъ родословія) и о дѣятельности ихъ послѣ совершенія доблестнаго подвига, а именно: I. Свѣдѣнія о Козьмѣ Мининѣ и его родѣ; II. Свѣдѣнія о князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ; III. Свѣдѣнія о вотчинахъ и владѣніяхъ боярина князя Д. М. Пожарскаго; IV. Разныя матеріалы къ біографіи князя Д. М. Пожарскаго: 1) о знамени его, 2) о домѣ его въ Москвѣ на Лубянкѣ, 3) о дачахъ или по-

¹⁾ №№ 1, 153—154, 164—170, 173, 176—177.

жертвованіяхъ его на поминъ души; V. Свѣдѣнія о протопопѣ Спасо-Преображенскаго нижегородскаго собора Саввѣ.

Сводъ всѣхъ этихъ данныхъ, имѣющихъ хотя и второстепенное значеніе, не лишень значительнаго интереса.

Нельзя пройти молчаніемъ и двухъ статей, предпосланныхъ «Сборнику». Одна изъ нихъ принадлежитъ П. Г. Васенку: «Смута XVI—XVII вѣковъ въ Московскомъ государствѣ и Нижній-Новгородъ», другая—Е. Ф. Тураевой-Церетели: «Отраженіе нижегородскаго движенія 1612 г. въ литературныхъ памятникахъ XVII вѣка». Обѣ статьи, какъ нельзя лучше, освѣщаютъ предлагаемый «Сборникомъ» матеріалъ. Статья г. Васенка, на основаніи этого матеріала, характеризуетъ эпоху смуты и ближайшія ея причины, общее состояніе государственнаго организма того момента, а также социальныя условія внутренней жизни Нижняго-Новгорода, благоприятствовавшія ему сдѣлаться центромъ дѣятельности по очищенію Поволжья и по собиранію значительныхъ силъ для борьбы со смутою.

Статья Е. Ф. Тураевой-Церетели анализируетъ литературныя сказанія смутнаго времени, углубляясь, такъ сказать, въ психологію происхожденія этихъ сказаній и констатируя по нимъ, что для ознакомленія съ настроеніемъ извѣстнаго историческаго момента и съ отраженіемъ его въ умахъ современниковъ важны всѣ памятники со всею ихъ субъективностью и даже легендарностью. Что же касается самой смутной эпохи, то, по заключенію автора статьи, въ этихъ сказаніяхъ какъ самая эпоха, такъ и роль общеземскаго движенія отражаются весьма рельефно. Въ нихъ весьма ясно устанавливается религіозно-нравственная точка зрѣнія тогдашнихъ книжниковъ на совершающіяся событія; кой-гдѣ всплываетъ указаніе на сословную рознь и антагонизмъ государственныхъ элементовъ. Самое движеніе представлено съ подробностью и въ общемъ вѣрно. Дѣятели эпохи не обойдены вниманіемъ книжниковъ, правда, смотря по принадлежности къ тому или иному сословию, отдающихъ предпочтеніе то одному изъ нихъ, то другому, т. е. то князю Д. М. Пожарскому, то Козьмѣ Минину. Статья эта написана живо и читается съ большимъ интересомъ.

«Сборникъ» изданъ съ внѣшней стороны прекрасно и производитъ самое лучшее впечатлѣніе. Въ немъ помѣщено 28 снимковъ различныхъ видовъ, относящихся къ древностямъ гор. Нижняго-Новгорода, и нѣкоторыхъ реликвій, принадлежащихъ князю Д. М. Пожарскому и Козьмѣ Минину. Снимки превосходно исполнены въ художественной фото-механической мастерской С. М. Прокудина-Горскаго. Изъ нимъ обращаютъ вниманіе снимки евангелистовъ изъ евангелія, написаннаго «иждивеніемъ спасскаго протопопа Саввы Евфимьева.

Въ концѣ «Сборника» помѣщены два указателя: 1) именъ личныхъ и 2) географическихъ названій.

Общая редакція «Сборника» принадлежала профессору С. В. Рождественскому, а собираніе матеріаловъ П. П. Тодорскому (для первой части съ приложеніемъ и указателями) и Е. Ф. Тураевой-Церетели (для второй части).

Вообще же разсматриваемый «Сборникъ» можетъ быть названъ монументальнымъ изданіемъ, вполне отвѣчающимъ своему назначенію. Кромѣ того, какъ компактное изданіе актовъ и сказаній, относящихся къ смутной эпохѣ, разсѣян-

ныхъ по многимъ, весьма многотомнымъ изданіямъ, имѣющимся къ тому же лишь въ значительныхъ библіотекахъ, названное изданіе нижегородской губернской архивной комиссіи можетъ служить незамѣнимымъ пособіемъ для лицъ, желающихъ специализироваться въ этомъ вопросѣ, особенно при занятіяхъ въ университетскихъ историческихъ семинаріяхъ. П. Т.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга вторая. Двѣсти сорокъ первая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1912. Стр. XXVII+400+35+IV+311+42. Цѣна 3 р.

Московское общество исторіи и древностей россійскихъ издаетъ въ своихъ «Чтеніяхъ» уже девятый выпускъ богатѣйшихъ матеріаловъ по исторіи смутнаго времени. Въ настоящей книжкѣ мы имѣемъ «Четвертки смутнаго времени. 1604—1617 гг. съ предисловіемъ члена-соревнователя Л. М. Сухотина», гдѣ собранные документы заключены въ слѣдующихъ шести отдѣлахъ: 1) «Кормленая книга Галицкой четверти 7112 г. (1604 г.)» (по рукописи въ 433 страницы, единственной отъ того времени и хранящейся въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ названіемъ «Боярской книги», № 2), 2) «Кормленая книга Владимирской четверти 7123 (1615) года» (здѣсь изданы два отрывка, оригиналы которыхъ хранятся въ московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора; первый отрывокъ назывался: «Списки служилыхъ людей съ обозначеніемъ получаемыхъ ими окладовъ денежнаго жалованья, 7120—7123 гг.», а второй—«0 прибавочныхъ деньгахъ къ денежнымъ окладамъ за службу разнымъ чинамъ въ 120, 121 и 122 годахъ»), 3) «Кормленая книга Галицкой четверти 7121—7125 (1613—1617) гг.» (рукопись хранится въ московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора и носитъ заглавіе: «Роспись объ отдачѣ жалованья съ 121 по 125 гг. разнымъ лицамъ за разныя службы и за раны»), 4) «Разрядные столбцы 122—124 гг. сыска денежныхъ окладовъ (сюда вошли дѣла о справкѣ въ разрядѣ, по сыску старыхъ денежныхъ окладовъ и нѣсколько челобитенъ, имѣющихъ отношеніе къ смутѣ и трактующихъ преимущественно о верстанѣ), 5) «Столбцы Галицкой и Владимирской четверти 120—126 гг.» (здѣсь издано восемьдесятъ восемь номеровъ актовъ и дѣлъ, извлеченныхъ изъ отдѣла столбцовъ московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора и состоящихъ, по преимуществу, изъ челобитныхъ служилыхъ людей, памятей въ Галицкую и Владимирскую чети изъ другихъ четей и приказовъ и вытекающаго изъ нихъ дѣлопроизводства), и 6) «Кормленщики Галицкой четверти, ихъ оклады и службы въ смутное время».

Всѣ эти документы представляютъ, прежде всего, богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованія о денежномъ четвертномъ жалованьи служилыхъ людей, получившихъ наименованіе «кормленщиковъ» или «четвертчиковъ», право которыхъ на кормленіе было замѣнено новымъ правомъ—на полученіе денежнаго «годового obroka» изъ четвертей (четей), о «четвертикахъ» и о самыхъ

четяхъ; затѣмъ въ нихъ немало интересныхъ свѣдѣній «о службахъ смутной эпохи», которымъ Л. М. Сухотинъ обѣщаетъ посвятить особую статью,— и данныхъ для освѣщенія отношеній новаго царскаго правительства къ пожалованіямъ «при боярахъ» 1611—1613 гг., подъ которыми разумѣются пожалованія трехъ временныхъ правительствъ: воеводъ перваго ополченія (Трубецкого и Заруцкаго), начальниковъ втораго ополченія (во главѣ съ княземъ Д. М. Пожарскимъ) и правительства объединенныхъ ополченій—московскаго земскаго правительства 1612—1613 гг., съ Трубецкимъ и Пожарскимъ во главѣ; наконецъ въ отдѣлѣ пятомъ имѣются любопытныя свѣдѣнія, ярко рисующія состояніе безденежья государственной казны первыхъ годовъ царствованія Михаила Феодоровича, когда очень часто, по неимѣнію денегъ въ кассѣ четей, приходилось заимствовать изъ другихъ учреждений и даже у частныхъ лицъ.

Вслѣдъ за «Четвертчиками» напечатаны «Новгородскія бобыльскія порядныя», подъ редакціей В. Д. Грекова. Эти порядныя, числомъ тридцать семь, относящіяся къ 1623—1625 гг., положительно опровергаютъ мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича, утверждавшаго, что въ Новгородѣ бобылей въ московскомъ смыслѣ слова—безсрочныхъ слугъ—не было, а были «поземщики»—арендаторы, которыхъ-де называли бобылями московскіе писцы по «чисто внѣшнему сходству»—«тѣ и другіе работаютъ на господина земли».

Въ отдѣлѣ изслѣдованій находимъ большую и интересную работу М. М. Богословскаго, подъ заглавіемъ: «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. Томъ II. Дѣятельность земскаго міра. Земство и государство».

Первая часть этого труда, изданная въ 1909 году, посвящена изученію той внѣшней обстановки, въ которой дѣйствовало мѣстное самоуправленіе на сѣверѣ, тѣхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагалось, и, наконецъ, тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыя оно отлилось». Въ настоящей, второй и послѣдней части своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ дѣятельность органовъ самоуправления и затѣмъ отношенія, устанавливающіяся въ XVII вѣкѣ между земскими мірами и правительственною властью. Въ первыхъ пяти главахъ 1) («Волость, какъ поземельная община», 2 и 3) «Церковный приходъ на сѣверѣ», 4) «Мірское хозяйство» и 5) «Предметы земскихъ челобитныхъ. Значеніе ходатайствъ») изслѣдуется, говоря словами автора, «земскій міръ, какъ хозяйственный союзъ, какъ церковная община и какъ юридическое лицо, вступавшее за свои интересы на судѣ или путемъ мірскаго ходатайства предъ правительствомъ». Слѣдующія семь главъ 6) («Тяглая организація Поморья въ XVII вѣкѣ», 7) «Финансовая дѣятельность земскаго міра. Раскладка и взиманіе сборовъ», 8) «Финансовая дѣятельность міра. Мірскіе займы. Финансовая отчетность мірскихъ сборщиковъ», 9) и 10) «Судебная организація Поморья. Волостной судъ. Судебныя инстанціи», 11) «Губныя учрежденія въ Поморьѣ. Подчиненныя судебно-полицейскія власти», и 12) «Земскій судъ и общество на сѣверѣ») посвящены изученію тѣхъ обязанностей, которыя наложены на міръ государствомъ; другими словами, характеристикѣ міра, какъ тяглой и судебной организаціи. Наконецъ, главы: 13) «Земство и приказная администрація въ XVII вѣкѣ на сѣверѣ» и 14) «Упадокъ земства на сѣверѣ»—трактуютъ о взаимоотношеніи земскаго міра и воеводы,

а также и о тѣхъ явленіяхъ въ сѣверной земской жизни, которыя привели земство къ упадку. Сопровождая свое изслѣдованіе болѣе или менѣе обширными выдержками изъ архивныхъ документовъ, кстати сказать, впервые столь подробно трактуемыхъ, авторъ лишь придалъ, на нашъ взглядъ, большую наглядность и картинность своему изложенію и безусловную авторитетность своимъ выводамъ.

Послѣ этого обширнаго изслѣдованія въ разсматриваемой книгѣ «Чтеній» имѣемъ лишь одинъ отдѣлъ: «Смѣсь», гдѣ обращаютъ на себя вниманіе сообщенія: во-первыхъ, Н. П. Кашина—«Новый списокъ біографіи А. Н. Радищева» и, во-вторыхъ, А. А. Покровскаго—«Къ біографіи Антонія Подольскаго». Н. П. Кашинъ сличилъ съ печатной біографіей А. Н. Радищева (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1858 г., декабрь) рукописную, хранящуюся въ московскомъ историческомъ музеѣ, подъ № 239, и принадлежащую, по его мнѣнію, тому же автору, что и печатная, т.-е. Павлу Александровичу Радищеву, и указалъ всѣ различія и добавленія изъ послѣдней. Въ рукописной біографіи оказывается, напримѣръ, новое свѣдѣніе о мѣстѣ рожденія А. Н. Радищева, именно Москвѣ, тогда какъ всѣ біографы говорили до сихъ поръ, что онъ родился въ Саратовской губерніи. А. А. Покровскій, на основаніи данныхъ, заимствованныхъ имъ изъ «Приходо-расходныхъ книгъ московскихъ приказовъ» (въ «Русской Исторической Библіотекѣ», издаваемой императорскою археологическою комиссіею, томъ XXVIII), сообщаетъ біографическія данныя о писателѣ первой половины XVII вѣка, Антоніи Подольскомъ, о которомъ, кромѣ нѣсколькихъ трудовъ его, ничего не знали изслѣдователи или же сообщали однѣ догадки. Оказывается, что Антоній Подольскій вовсе не происходилъ изъ Подоліи, какъ думалъ П. Н. Батюшковъ, а былъ московскій служилый человѣкъ, состоялъ въ разрядѣ подьячимъ въ 1616—1617 гг., по «денежному столу», и, будучи по характеру своихъ занятій близкимъ къ завѣдывающему денежнымъ дворомъ, а потомъ и печатнымъ, Ефиму Григорьевичу Телепневу, живо интересовался всѣмъ происходящимъ въ типографіи.

В. Рудаковъ.

Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Бытъ бѣлорусса. Выпускъ девятый. Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи. Вильна. 1912. Стр. VIII+400+126. Цѣна 3 р. 50 коп.

Новый капитальный и весьма цѣнный трудъ г. Романова «Бытъ бѣлорусса», для котораго имъ привлечена громадная масса сырого матеріала, раздѣляется на подотдѣлы: «Внѣшній бытъ. Народный календарь («описаніе» вертепа, праздничныхъ обрядовъ съ пѣснями (свыше 570 №№), игры и забавы, приуроченныхъ къ извѣстнымъ днямъ обычаевъ, а также занятій населенія и т. п.). Народныя вѣрованія. Семейный бытъ. Родины, крестины. Свадьба. Похороны. Дѣтскія игры».

«Часть матеріаловъ, вошедшихъ сюда, извѣстна мнѣ лично, какъ бѣлоруссу,—пишетъ Е. Р.:—другая собрана во время специальныхъ этнографическихъ экскурсій, совершавшихся при содѣйствіи императорскаго русскаго

географическаго общества въ 1886—1893 г.г., и во время служебныхъ разъѣздовъ по восточной Бѣлоруссiи въ 1886—1906 г.г. До настоящаго времени все это было разбросано по многочисленнымъ записнымъ книжкамъ, хранилось на отдѣльныхъ листкахъ и клочкахъ бумаги и съ моею смертью неминуемо погибло бы. Вотъ почему,—продолжаетъ онъ,—я искренно радъ,—независимо отъ цѣнности матеріаловъ,—что мнѣ удалось наконецъ собрать эти крупницы въ нѣчто цѣлое». Кромѣ записей и матеріаловъ самого Романова, сюда вошли и сообщенія его сотрудниковъ, за весьма немногими исключеніями лично ему «извѣстныхъ и пользовавшихся» его «указаніями». Кстати будетъ замѣтить, что кое-что изъ матеріаловъ было уже самимъ же Е. Р. напечатано ранѣе, о чемъ, правда, въ «Сборникѣ» имѣются соответственныя оговорки и указанія.

Перечень сотрудниковъ помѣщенъ на 597—598 стран. 6 выпуска. Тамъ же на стран. 595—596 напечатанъ и «указатель мѣстностей, гдѣ записаны матеріалы», а именно: въ уѣздахъ Могилевской губерніи,—Могилевскомъ, Быховскомъ, Гомельскомъ, Мстиславскомъ, Оршанскомъ, Рогачевскомъ.} Сѣнненскомъ и Чериковскомъ; Витебской губерніи—Витебскомъ, Велижскомъ, Невельскомъ, Городокскомъ, Дриссенскомъ, Лепельскомъ, Полоцкомъ, Себежскомъ, Виленской губерніи—Дисненскомъ, Вилейскомъ и Ошмянскомъ; Минской губерніи—Минскомъ; Ковенской губерніи—Новоалександровскомъ и Смоленской губерніи—Смоленскомъ и Порѣчскомъ уѣздахъ.

Какъ по количеству записей, такъ и по району ихъ 8-й выпускъ «Сборника» даетъ массу сырого матеріала, научная цѣнность котораго вѣ сомнѣніи, за что ручается уже одно имя почтеннаго составителя.

Выпускъ девятый заключаетъ въ себѣ весьма интересный и богатый словарный матеріалъ по условнымъ языкамъ Бѣлоруссiи, съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими. Словарный матеріалъ этотъ раздѣленъ на три категоріи: 1) языкъ ремесленниковъ, 2) языкъ нищихъ и 3) языкъ лаборей м. Иванова, Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи. Для болѣе удобнаго пользованія словаремъ къ нему приложенъ «алфавитный указатель» (стр. 120—120—124).

«Седьмой, восьмой и девятый выпуски могли появиться въ свѣтъ, исключительно благодаря теплomu вниманію... отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, въ лицѣ его предсѣдателя... А. А. Шахматова».

Д. Вочковъ.

Д. Мережковскій. Павелъ І. Драма. Спб. 1908. Стр. 261. 12°. 1 р. 25 к.

Издателю Пирожкову разрѣшено, наконецъ, пустить въ продажу въ его «литературной» булочной новый «пирожокъ ни съ чѣмъ». Удивительно только, какъ это главное управленіе по дѣламъ печати, привязавшись къ одной, по его мнѣнію, опасной для общественнаго спокойствія фразѣ въ твореніи г. Мережковскаго (фразѣ, кстати сказать, придуманной даже не авторомъ), цѣлыхъ четыре года держало подъ сцудомъ пошлое произведеніе, которое авторъ, ничесоже сумняшеса, называетъ «драмой», но которая, въ дѣйствительности,

представляет собой рядъ отдѣльныхъ сценъ, не искусно связанныхъ одна съ другою. Г. Мережковский, большой любитель трилогій, грозитъ выпустить еще двѣ пьесы: Александръ I и Николай I (декабристы). Остается молить Бога объ избавленіи отъ сей напасти.

Почти всѣ дѣйствующія лица пьесы г. Мережковского или юридичны, или манекены, или прямо фантастичны. Исключеніе составляютъ развѣ Палень, самъ Павелъ I, — послѣдній Донъ-Кихоть на тронѣ, заслуживающій ужь никакъ не насмѣшки, а глубокаго состраданія, — да еще, пожалуй, Константинъ Павловичъ.

Наслѣдникъ престола великій князь Александръ Павловичъ у Мережковского то и дѣло крестится, повторяя: «Господи помилуй!» закрываетъ лицо руками и плачетъ. Зато великая княгиня Елизавета Алексѣевна—само олицетвореніе недовольства и протеста, характеръ необыкновенно сильный, которому не представляется только случая показать себя.—Я не хочу быть Психеей! Слышите, не хочу! Надоѣло, опротивѣло. Амурь (Александръ Павловичъ) и Психея—какой вздоръ!.. Мы всѣ рабы—и... мужикъ безъ шапки, и я, и вы». Кроткая и незамѣтная женщина превращается подъ перомъ автора въ какую-то фурію. Если вѣрить г. Мережковскому, именно она натолкнула своего безвольнаго мужа на государственный переворотъ: «Лучше кровь, лучше все, чѣмъ то, что теперь! Не знаю, проститъ ли Богъ, но мы должны!» Послѣ царубійства она раскисаетъ отъ прилива нѣжности и, угѣшая своего глубоко потрясеннаго происшедшимъ супруга, говоритъ: «Ну, полно же, полно!.. Сашенька! Родненькій» (Анна Гагарина зоветъ у г. Мережковского Павла тоже «родненькимъ»). Сладчайшій, противный языкъ, которымъ авторъ позже уснащаетъ страницы «Русской Мысли» въ своемъ «историческомъ» романѣ!

Въ первой картинѣ второго дѣйствія на сцену является императрица Марія Феодоровна, графиня Шарлотта Ливенъ и Анна Гагарина, фаворитка императора. Какіе приторные и ходульные разговоры ведетъ Павелъ съ Анной (тоже и во второй картинѣ четвертаго дѣйствія). Авторъ, повидимому, серьезно думаетъ, что списываетъ, въ данномъ случаѣ, съ натуры. Но онъ выдергиваетъ отдѣльныя фразы изъ тогдашнихъ любовныхъ писемъ и воображаетъ, что воспроизводитъ живую рѣчь. Впрочемъ, можно сказать въ оправданье, что amantes—amantes... Умная, честолюбивая, энергичная Марія Феодоровна то и дѣло повторяетъ, какъ и слѣдуетъ нѣмкѣ: Aber, um Gottes willen. Herr Jesu, Paulchen и, для разнообразія, —Aber Paulchen, mein lieber Paulchen. Такъ, однако, еще до г. Мережковского изображалъ русскихъ нѣмцевъ безсмертный Лейкинь... Что касается графини Ливенъ, она рассказываетъ, будто, завидя ее, офицеръ скомандовалъ однажды караулу «Вонъ!» (т. е. къ ружью). Вполнѣ естественно, графиня «подхватила юбки и ну бѣжать, —спотыкнулась, упала и колѣнку ушибла». Императрица, опять-таки вполнѣ естественно, «изъ соболѣзнованія» рекомендуетъ: «Потереть надо арникумъ» (Avis aux lecteurs: лучше оподельдокомъ). Къ сожалѣнію для автора, этотъ рассказъ мало вѣроятенъ. «Къ ружью» караулъ едва ли станетъ дѣлать ради простой смертной, поэтому вѣрнѣе отнести тотъ случай къ великой княжкѣ Александрѣ Павловнѣ, на что есть указанія и въ исторической литературѣ.

Въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія описывается собраніе заговорщиковъ. Въ этой сценѣ, куда авторъ, очевидно, хотѣлъ влить побольше драматизма изъ сивушной бутылки, онъ прежде всего удивительно щедро награждаетъ княжескими титулами всѣхъ Зубовыхъ, а за компанію—и заговорщика Татаринова! Если вѣрить автору, заговорщики наканунѣ царевубійства только тѣмъ и занимались, что пили, курили, сквернословили и, для разнообразія, дрались бутылками и на шпагахъ,—какъ пара Зубовыхъ другъ съ другомъ. Долгоруковъ, сидя на полу, безъ мундира, горланитъ: «Ахъ, ты сукинъ сынъ, комаринскій мужикъ!» или ругается: «Отстанъ, чортъ!..» Вообще, словечки, которыя авторъ заставляетъ произносить даже высочайшихъ особъ, навѣрное записаны имъ въ лакейскихъ, хотя бы и придворныхъ. Великій князь Александръ Павловичъ говоритъ: «Намедни»; фрейлипа Волкова, совсѣмъ какъ петербургскія горничныя: «ужасти!» Павелъ выпаливаетъ іезуиту Груберу: «Надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки!.. Ну, тебя, брысь!» Дѣло, между тѣмъ, идетъ о соединеніи церквей! Константины Павловичъ называетъ отца, надѣвшаго далматикъ, «обезьяной въ рясѣ».

Реализма въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія хоть отбавляй. У Платона Зубова, который рѣшилъ было выйти изъ числа заговорщиковъ, вдругъ заболѣлъ животъ. Депрерадовичъ спрашиваетъ: «Что такое съ княземъ?» Другой князь, грузинъ Яшвилъ, объясняетъ: «Медвѣжья болѣзнь—разстройство желудка, отъ страха», а Татариновъ нагло прибавляетъ: «Трусъ! Подъ Калыкинскими юбками обабился! Служба-то отечеству не то, знать, что служба постельная: по ночамъ, бывало, у дверей спальни мяукаетъ котомъ, зоветъ императрицу на свиданіе. Ему двадцать лѣтъ, а ей семьдесятъ. Въ морщинахъ вся, желтая, обрюзглая, зубы вставные, изо рта пахнеть. Брр! Съ тѣхъ поръ его и топшнить».

Могъ ли русскій офицеръ, служившій до этого въ арміи Екатерины, арміи, такъ любившій недавно скончавшуюся свою императрицу, выразиться столь гнусно и цинично о своей великой государынѣ,—отвѣтить не трудно. Въ концѣ концовъ заговорщикъ Талызинъ совѣтуетъ Зубову,—книга г. Мережковского, несомнѣнно, своего рода «домашняя медицина,—принять гофманскихъ капель. Пока Розень, тоже заговорщикъ, читаетъ проектъ русской конституціи, Скарятинъ рассказываетъ интересную новость, что у княгини Голицыной «три обезьянки. Когда одинъ самецъ да самочка амурятся, то другой смотритъ на нихъ и, представьте себѣ, тоже»... Конецъ фразы авторъ заставляетъ Скарятина сказать на ушко, и читатель избавленъ отъ выслушиванія новой пошлости. Двое заговорщиковъ у закусочнаго стола, подъ шумокъ, продаютъ за сто двадцать рублей крѣпостную дѣвку, «настоящій розанчикъ»... Если бы заговорщики были, на дѣлѣ, такими пьяницами, циниками и трусами, какими рисуетъ ихъ авторъ, то ночь на 12-е марта 1801 года не была бы послѣднею въ жизни несчастнаго Павла Петровича. Наконецъ умному человѣку среди коллекціи дураковъ, Талызину, надоѣдаетъ болтовня товарищей, и онъ кричитъ: «Господа, господа! Намъ нужно о дѣлѣ, а мы чортъ не знаетъ о чемъ!» (Съ этимъ нельзя не согласиться, добавимъ отъ себя). Его не слушаютъ, и онъ снова пытается заставить перейти къ дѣлу высокое собраніе, которое затѣмъ и уби-

васть своего государя. Пьеса кончается возгласами присутствующих: «Ура Ура! Ура, Александръ!»—дней Александровых «счастливымъ» началомъ. Нехудожественности пьесы и наводимой ею скуки не уменьшаетъ и музыка Гайдана (sic) Чимарозы. Опечатокъ хоть отбавляй, а приводимые авторомъ въ текстъ, для пущей важности, французскіе стихи и фразы доказываютъ только, что съ языкомъ «прекрасной» Франціи г. Мережковскій находится въ непримиримой враждѣ.

В. А.—въ.

Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова. Подъ редакціей Е. В. Аничкова. «Библиотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Аничкова». Изд. русскаго книжнаго товарищества «Дѣятель». Томы: I—портретъ и автографъ, 118+392 стр.; II—28+518 стр.; III—22+727 стр.; IV—14+439 стр.; V—14+610 стр.; VI—32+522 стр.; VII—26+672 стр. Спб. 1911—1913 гг.

Вотъ изданіе, которое смѣло можетъ, по выполнению своему, конкурировать съ заграничными образцами! Можно объ одномъ лишь пожалѣть, что эта удача выпала на долю такому второстепенному, хотя и оказывавшему, да и доселѣ оказывающему значительное вліяніе на читающую русскую публику, автору, какъ Добролюбовъ. Съ 1876 года не можемъ мы дожидаться обѣщаннаго Стреховымъ второго тома сочиненій Ап. Григорьева, а первый давно распроданъ и цѣнится чуть не на вѣсь золота букинистами—по десять—двѣнадцать рублей за экземпляръ. Та же незаслуженная участь постигла и А. В. Дружинина. Авторы, быть можетъ, и не столь бойкіе на языкъ, какъ критикъ изъ «Современника», но зато болѣе оригинальные, болѣе глубокіе, болѣе тонкіе и даже болѣе образованные. Но стоитъ ли говорить объ этомъ?! Еще такъ много русскихъ писателей, которыхъ потомки наши, надо надѣяться, оцѣнятъ по повому, поймутъ и примутъ лучше насъ. Теперь же, обращаясь къ изданію Добролюбова подъ редакціей Е. В. Аничкова, мы можемъ, разъ что оно появилось, только выразить свою радость по поводу этой прекрасно задуманной и отлично выполненной работы. Надо думать, что это изданіе на очень долгое время (такъ какъ на книжномъ рынкѣ въ настоящее время перепроизводство добролюбовскихъ изданій; а съ годами и самый спросъ на Добролюбова уменьшится, такъ что врядъ ли издательства осмѣлятся скоро на новыя изданія) будетъ единственнымъ и незаменимымъ пособіемъ для историковъ русской литературы.

Каждый томъ представляетъ собою книжку небольшого, весьма удобнаго формата въ красивомъ переплетѣ, размѣромъ отъ тридцати до сорока печатныхъ листовъ. Бумага плотная, съ малою, сравнительно, примѣсью древесной массы, такъ что печать одной страницы не переходитъ на другую. Все изданіе предположено въ десяти томахъ. Огромный, болѣе триста печатныхъ листовъ, матеріалъ весьма остроумно и съ большимъ удобствомъ для читателей редакторъ скомбинировалъ въ семи рубрикахъ. Томъ I—историко-литературныя статьи, томъ II—педагогика, томы III, IV и V—литературная критика, томъ VI—исторія, томы VII и VIII—публицистика,

въ предполагаемыхъ IX и X томахъ, судя по проспектамъ, должны быть стихи, сатира и беллетристика Добролюбова, его дневники и письма. Статьи каждой рубрики идутъ въ хронологическомъ порядкѣ, и болѣе крупныя изъ статей всякій разъ помѣщаются въ началѣ тома, а за ними идутъ «отзывы», т.-е. мелкія статьи и замѣтки. При X томѣ обѣщанъ предметный index и общій алфавитный списокъ всѣхъ статей. Такимъ образомъ, читатель не погружается въ пучину, какъ это случается съ нимъ всякій разъ, когда онъ беретъ въ руки одинъ изъ четырехъ «левиафановъ» изданнаго подъ редакціей г. Лемке Добролюбова. Въ этомъ послѣднемъ изданіи всякія внѣшнія удобства совершенно отсутствуютъ. Что же касается внутренней стороны дѣла, т.-е. задачъ *критическаго* изданія,—пускай разсчитаннаго на широкій кругъ читателей,—то и эта сторона безукоризненна. Хотя рукописей Д—ва сохранилось очень мало (по сравненію съ тѣмъ, что имъ написано), установленіе текста не представляло такихъ затрудненій, какія бывають, когда издается поэтъ или беллетристъ. Изуродованный цензурой текстъ ¹⁾ «Современника», откуда ^{9/10} всѣхъ статей Д—ва, былъ въ первомъ еще изданіи сочиненій,—изъ нихъ три тома были проредактированы самимъ Чернышевскимъ,—возстановленъ и возстановленъ, вѣроятно, почти цѣликомъ, такъ какъ тѣ статьи, которыя напечатаны съ сохранившихся рукописей, ничѣмъ не отличаются отъ текста перваго изданія. Добавленія мы замѣтили только въ статьѣ «Литературный Пассажъ» (томъ VII). Это добавленія по рукописи, въ текстъ перваго изданія ихъ нѣтъ. Существовала другая трудность. Было давно извѣстно, что далеко еще не все изъ написаннаго Д—вымъ вошло въ четыре тома его сочиненій: объ этомъ писалъ самъ Чернышевскій въ предисловіи своемъ къ первому изданію, объ этомъ же говорили и въ литературныхъ кругахъ. Исползованный редакторомъ добролюбовскій архивъ (въ настоящее время большая часть его принадлежитъ Пушкинскому дому при императорской академіи наукъ) далъ немало цѣннаго, немало новыхъ статей. Но цѣнность находокъ была весьма поднята найденнымъ г. Влад. Княжнинымъ въ одной заброшенной папкѣ спискомъ Чернышевскаго, въ которомъ были обозначены, какъ добролюбовскія, еще нѣсколько десятковъ статей (см. «Исторію текста», томъ I, стр. 9). Благодаря этой счастливой находкѣ, открылись и новые псевдонимы Добролюбова, и такія статьи, о которыхъ трудно было бы думать, что онѣ писаны имъ (см., напримѣръ, томъ V, «Шекспиръ въ переводѣ г. Фета»), и, наконецъ, самое изданіе значительно увеличилось. Всѣ документы, т.-е. разные списки добролюбовскихъ статей, приведены въ первомъ томѣ. Когда матеріалъ такимъ образомъ былъ собранъ въ невозможной полнотѣ, редакторъ рѣшилъ показать, установленіемъ въ текстѣ особыхъ квадратныхъ скобокъ, какой подчасъ разгромъ устраивала той или другой статьѣ цензура. Очерченный скобками текстъ показываетъ, что такія-то мѣста были выброшены или смягчены въ «Современникѣ». Эти смягченія, въ видѣ вариантовъ, обязательно приводятся

¹⁾ А какъ подчасъ сильно искажался текстъ, для сравненія рекомендуемъ въ т. IV посмотреть статью «Когда же придетъ настоящій день?» и варианты ея, тамъ же, въ концѣ тома.

въ концѣ каждаго тома, представляя собою весьма поучительные и любопытные примѣры не только для исторіи цензуры, но и для исторіи культуры вообще. За вариантами въ каждомъ томѣ слѣдуютъ «примѣчанія», не растянутыя, какъ обычно, а коротко излагающія исторію происхожденія каждой статьи, незнакомыхъ словъ, непонятныхъ выраженій и существенныхъ почему-либо обстоятельствъ разнаго рода. Между прочимъ мы провѣрили нѣсколько цитатъ въ первомъ томѣ, въ статьѣ о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова»: цитаты эти изъ «Собесѣдника» и ссылки на страницы этого журнала въ прежнихъ изданіяхъ Д—ва настолько перевирались (изъ-за небрежной корректуры еще перваго изданія), что пользоваться статьею не было никакой возможности. Правда, не имѣя подъ руками «Собесѣдника», мы свѣрили нѣсколько мѣстъ только съ «Историческимъ разысканіемъ» А. Н. Неустрова, но можемъ сказать съ удовольствіемъ, что ссылки всюду были теперь правильны. Ученая работа, какъ видимъ, выполнена вполнѣ удовлетворительно. Для облегченія же работы широкаго читателя редакторъ отлично придумалъ давать къ каждому тому «вступительные очерки». Эти очерки писаны разными лицами: для I тома вступительный очеркъ написанъ г. Влад. Княжнинимъ, для II тома—г. П. О. Каптеревымъ, для III, IV, V и VII томовъ—самимъ редакторомъ, для VI—М. В. Ключковымъ (На шмутцъ-гутулѣ опечатка: В. М.), для VIII тома—Г. В. Тарле (по поводу итальянскихъ статей Д—ва) Біографія Добролюбова написана редакторомъ интересно, сочно и весьма тепло. Надо вообще замѣтить, что въ этомъ изданіи—нѣтъ путаницы, нѣтъ лишнихъ словъ, громоздкихъ примѣчаній и вялыхъ и длинныхъ разсужденій старой манеры, здѣсь все къ дѣлу, и этому пріятно удивляешься.

К.

Изабелла Гриневская. Беха-Улла. «Блескъ Божій». Поэма-трагедія въ стихахъ въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

Извѣстная поэтесса И. Гриневская съ нѣкоторыхъ поръ заинтересовалась исторіей религіознаго движенія въ Персіи, такъ называемымъ бабизмомъ, получившимъ свое наименованіе отъ основателя его Баба.

Герой послѣдняго произведенія нѣкто Мирза-Гуссейнъ-Али, прозванный Беха-Улла, ярый послѣдователь Баба. Его горячая проповѣдь возрождаетъ это ученіе, къ нему со всѣхъ сторонъ стекаются все больше и больше новые послѣдователи, загорается заря новой жизни, борьба съ устарѣвшими догмами мусульманства, съ тираническимъ правленіемъ шаховъ увлекаетъ бабидовъ... У нихъ теперь есть снова предводитель, смѣло ратующій за дѣло возрожденія, воскресаютъ надежды, народъ вѣритъ въ свободу... но смерть Беха-Улла наноситъ тяжелый ударъ бабидамъ, и ихъ ученіе снова заглушается невѣжественными муллами.

Красиво написанная трагедія-поэма, блестящіе стихи невольно выдѣляютъ талантъ автора, сумѣвшаго даже въ далекой мало знакомой намъ странѣ найти интересную фэбулу и красиво воспроизвести ее.

Бабиды, которыхъ въ настоящее время все-таки имѣется порядочное количество въ Персїи, перевели первую пьесу г-жи Гриневской «Бабъ» на персидскій языкъ и прислали ей письменную благодарность за то, что она вспомнила объ нихъ и написала такую прекрасную вещь. Въ настоящее время ими переводится на персидскій языкъ и «Беха-Улла». Нельзя не упомянуть также о недавно написанной этимъ же авторомъ драматической поэмѣ изъ времени пугачевщины «Суровые дни». Для сцены она слишкомъ велика, но, какъ поэтическое произведеніе, вполне заслуживаетъ вниманія красивымъ стихомъ и умѣлой разработкой фабулы.

Г. П.

**Н. А. Рубакинъ. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб. 1913.
Стр. 369. Цѣна 2 руб.**

Авторъ названной выше книги отличается удивительной плодовитостью. Не говоря объ его болѣе или менѣе отдаленныхъ работахъ, онъ всего года два тому назадъ выпустилъ огромный библиографическій справочникъ «Среди книгъ», теперь написалъ огромное количество «писемъ», занявшихъ 369 страницъ убористой печати, общающаго вслѣдъ за письмами выпустить особый описательный каталогъ книгъ, пригодныхъ для самообразованія, и, наконецъ, заявляетъ, что имъ готовится еще какая-то работа на ту же тему, о самообразованіи.

При такой дѣятельности автора можно было бы, казалось, быть спокойнымъ за наше внѣшкольное просвѣщеніе: одинъ г. Рубакинъ напишетъ о немъ цѣлую библіотеку всякаго рода указателей и пособій. А на самомъ дѣлѣ съ появленіемъ каждаго труда г. Рубакина чувствуешь, что русскій читатель по-прежнему безпомощенъ и, пожалуй, болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ руководителѣ для своего самообразованія.

Авторъ предназначаетъ свою книгу для начинающихъ читателей, которымъ онъ хочетъ показать, «какъ они должны приступать къ чтенію и какъ вести его». Въ предисловіи онъ заявляетъ, что «цѣль его книги практическая, въ ней идетъ рѣчь о томъ, какъ экономизировать время и трудъ и вообще свои силы». Что бы автору самому воспользоваться этимъ благимъ намѣреніемъ и не терять его изъ виду! Отъ этого его книга сократилась бы, несомнѣнно, вдвое, а, можетъ быть, и втрое, но зато выиграла бы въ содержательности. Въ теперешнемъ же видѣ она представляетъ собою нѣчто безформенное, хаотическое, водянистое и расплывчатое. Авторъ, видимо, не имѣлъ передъ собою никакого плана изложенія и не продумалъ содержанія книги; объ одномъ и томъ же онъ заговариваетъ то тамъ, то сямъ, причемъ высказываетъ совершенно различные взгляды, безпрестанно впадая въ противорѣчія съ самимъ собою. Немногочисленные мысли, составляющія содержаніе этой книги, онъ старается использовать до конца: постоянно къ нимъ возвращается, повторяясь, одно предложеніе нанизываетъ на другое, имѣющее тотъ же самый смыслъ. Отъ этого его изложеніе дѣлается очень водянистымъ, скучнымъ и вялымъ. Все у него какъ-то ровню, сѣро

и скучно. Если прибавить ко всему этому дилетантскую страстишку автора къ философствованію, то станетъ понятнымъ, что для начинающихъ читать одолѣтъ эту книгу будетъ не особенно легко.

Чтобы не быть голословными въ оцѣнкѣ литературныхъ и философскихъ достоинствъ работы г. Рубакина, приведемъ двѣ-три примѣра, первые, которые попадутся.

Въ третьей главѣ своей книжки авторъ задается вопросомъ, что такое образованный интеллигентный человѣкъ, и рѣшаетъ его такъ: «Критерій образованія, — говоритъ онъ на страницѣ 40, — есть передѣлка жизни, перемѣны, въ ней производимыя». Отсюда слѣдуетъ, стало быть, что образованнымъ человѣкомъ можетъ считаться тотъ, кто производитъ въ жизни перемѣны. Но перемѣны въ жизни производятся вѣдь не образованіемъ, а творческимъ началомъ въ душѣ человѣка и сильнымъ характеромъ, которыхъ не достигнешь никакимъ образованіемъ никакимъ чтеніемъ. Кромѣ того, какъ быть при такомъ опредѣленіи образованныхъ людей съ натурами созерцательными, не реагирующими активно на жизнь въ родѣ, на примѣръ, Капта? Неужели все это люди неинтеллигентные?

Черезъ одну страницу г. Рубакинъ даетъ уже другое опредѣленіе образованнаго или интеллигентнаго (въ русскомъ смыслѣ этого слова) человѣка: «Интеллигентный человѣкъ—это такой человѣкъ, который настолько знаетъ и понимаетъ жизнь, ея ходъ, ея потребности, ея нужды, что въ любой моментъ можетъ проявить себя ихъ дѣйствительнымъ выразителемъ». Быть дѣйствительнымъ выразителемъ всей безконечной громады жизни! Да вѣдь это подъ силу одному Господу Богу, а интеллигентному человѣку впору знать хоть крошечный кусочекъ этой жизни, съ которымъ онъ близко соприкасается. Наговоривъ еще на трехъ страницахъ такихъ же пустыхъ словъ, г. Рубакинъ на страницѣ 45 наконецъ добирается до настоящаго опредѣленія образованнаго человѣка, да и то лишь потому, что вытягиваетъ изъ своего запаса цитаты, которыми онъ любитъ щеголять, выписку изъ извѣстнаго нѣмецкаго философа Паульсена. «Истинно образованнымъ мы должны признать всякаго, — говоритъ Паульсонъ:—кто приобрѣлъ способность съ того мѣста, на которое онъ поставленъ природою и судьбою, ориентироваться въ окружающей дѣйствительности и создать себѣ собственный гармоническій духовный міръ, великій или малый — безразлично». Вотъ продуманное опредѣленіе, которое исключаетъ совершенно лишнія разсужденія автора на ту же тему. Насколько эти разсужденія бывають легкомысленны, показываетъ его опредѣленіе понятія «хорошая книга». Еще покойный Михайловскій пытался рѣшить вопросъ о томъ, какую книгу слѣдуетъ считать хорошей. Онъ перебралъ всѣ возможные опредѣленія хорошей книги и въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что хорошая книга — вещь чисто субъективная, которую нельзя охватить одной логической формулой. Но то, что оказалось непреодолимымъ для такого сильнаго ума, какимъ обладалъ Михайловскій, не представляетъ никакихъ трудностей для г. Рубакина. Наговоривъ по обыкновенію предварительно кучу не идущихъ къ дѣлу словъ, авторъ на стр. 154 заявляетъ, что хорошая книга это такая книга, которая служитъ истинѣ и справедливости. Авторъ уже забылъ, что на стр. 140 онъ привелъ выдержку изъ нѣмецкаго историка литературы

Куммера, который указывает, что однѣ и тѣ же книги въ разные историческіе моменты, разными группами, разными поколѣніями читателей считаются то хорошими, то дурными. При чемъ же тутъ истина и справедливость и не слѣдуетъ ли, если дѣлаешь истину и справедливость критеріемъ хорошей книги, предварительно опредѣлить, что есть истина и справедливость? Г. Рубакинъ не отказывается и отъ этого. Перечисляя на страницѣ 295 нѣкоторыя популярныя книжки по міровѣдѣнію и философіи, онъ совершенно внезапно ставитъ самъ себя Пилатовскій вопросъ: «Что есть истина?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ совѣтуетъ искать въ рекомендуемыхъ имъ книгахъ по философіи, теоріи познанія и логикѣ. Итакъ, стоитъ прочесть съ десятокъ философскихъ книжекъ цѣною не болѣе 2 руб., и вы найдете отвѣтъ, надъ которымъ міръ напрасно бьется со времени современнаго Христу правителя Іудеи. Можно ли не сказать, что г. Рубакинъ устанавливаетъ рекордъ легкомысленнаго отношенія къ серьезнѣйшимъ проблемамъ бытія?

Такова манера автора обрабатывать затронутые имъ въ книгѣ вопросы. Что касается его основныхъ воззрѣній на науку, то они поражаютъ своимъ грубо-утилитарнымъ характеромъ. Наука, по воззрѣніямъ автора, цѣнна постольку, поскольку она служитъ потребностямъ жизни. Съ этой точки зрѣнія главное значеніе астрономіи г. Рубакинъ готовъ усмотрѣть въ томъ, что она даетъ людямъ календарь. Поэзія науки, радость духа, расширяющаго свой горизонтъ познанія, безотносительно къ тому, выйдетъ или не выйдетъ изъ этого открытія практическая польза, повидимому, совершенно незнакомы г. Рубакину.

Недоумѣваемъ, для кого и зачѣмъ написана эта книга. А. В.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Степь. Лѣссостепь. Урманъ. Восточная Сибирь. Степь. Лѣссостепь. Тайга. Матеріалы по обслѣдованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціею В. К. Кузнецова. Выпускъ первый. Текстъ. Составилъ В. К. Кузнецовъ. Спб. 1912. Стр. XII+208. Съ приложеніемъ картъ обслѣдованныхъ уѣздовъ. Выпуски II—IV—таблицы. Стр. V—VIII+151 + V—IX+384 + V—VII+121. Спб. 1912. Изданіе переселенческаго управленія.

Исторія новѣйшаго заселенія Сибири выходцами изъ Европейской Россіи обогатилась новыми источниками въ видѣ изданій, заглавія которыхъ выписаны выше. Труды экспедиціи В. К. Кузнецова представляютъ живой интересъ относительно обширной страны, простирающейся отъ Уральскихъ горъ на востокъ до Байкала. Въ кругъ обслѣдованія были введены одиннадцать уѣздовъ изъ Акмолинской области и губерній Тобольской, Енисейской и Иркутской. Богатѣйшій цифровой матеріалъ помѣщенъ въ трехъ выпускахъ, составленныхъ подъ редакціею г. Кузнецова, а текстовая разработка этого матеріала вошла въ особый (I) выпускъ, написанный г. Кузнецовымъ. Матеріалъ касается четырехсотъ

сорока семи типичныхъ переселенческихъ поселковъ, въ которыхъ описано около тридцати двухъ тысячъ дворовъ.

Въ краткой библиографической замѣткѣ невозможно коснуться всѣхъ сторонъ переселенческаго дѣла въ Сибири, обрисовываемаго собранными матеріалами. Отсылая поэтому интересующихся къ самымъ изданіямъ, приводимъ здѣсь нѣкоторыя болѣе общія и интересныя съ историко-экономической точки зрѣнія черты.

Изъ всѣхъ обследованныхъ хозяйствъ образовались въ Сибири девятнадцать и болѣе лѣтъ назадъ всего 3,8⁰/₀, а главнѣйшая масса 96,2⁰/₀ возникла въ ближайшія восемнадцать лѣтъ, то есть въ періодъ 1893—1911 годахъ. Въ болѣе ранніе годы этого періода переселеніе шло преимущественно въ ближайшія къ Европейской Россіи мѣстности Тобольской губерніи и Акмолинской области, а въ послѣднее время центр тяжести сталъ замѣтно перемѣщаться по направленію на востокъ и въ глубь урмана и тайги. На усиленіе колонизаціи оказали рѣшающее вліяніе временныя правила 13-го іюня 1893 года о наръзкѣ переселенческихъ участковъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги, а увеличеніе движенія на востокъ и въ лѣса сѣвера Сибири, несомнѣнно, должно быть отнесено къ постепенному сокращенію легко доступныхъ пространствъ въ средней полосѣ Западной Сибири и стремленію правительства къ болѣе строгому заселенію обширныхъ пустующихъ мѣстностей Восточной Сибири и таяжныхъ пространствъ сѣвера.

Въ связи съ количествомъ времени пребыванія въ Сибири находится степень матеріальнаго благосостоянія переселенцевъ. Чѣмъ дольше они тамъ живутъ, тѣмъ больше богатѣютъ. Современное положеніе ихъ въ Сибири несравненно лучше того, въ которомъ они находились на родинѣ въ Европейской Россіи. Нѣсколько цифръ являются очень показательными и весьма характерными въ этихъ отношеніяхъ. Земли у переселенцевъ на родинѣ было въ среднемъ по 4,5 десятины на дворъ, а въ Сибири они имѣютъ 38,3 десятины. Посѣва и сѣнокоса на родинѣ было 3 десятины, а въ Сибири имѣется 11,5 десятинь. При переселеніи съ родины средній переселенческій дворъ имѣлъ наличныхъ денегъ и другого имущества на сумму 239 рублей, въ Сибири же чистый капиталъ средняго двора опредѣляется въ 466 рублей. Ростъ благосостоянія въ Сибири ясенъ изъ того, что при водвореніи и приступѣ къ хозяйству капиталъ средняго переселенческаго двора составлялъ 161 рубль, а по даннымъ переписи 1911—1912 годахъ увеличился почти втрое. Переселенцы и богаче, чѣмъ были на родинѣ, и живутъ лучше, чѣмъ жилось имъ тамъ. Питаются они сытнѣе, чѣмъ «на сторонѣ», недоимокъ почти не имѣютъ.

Исслѣдованіе г. Кузнецова, однако, отмѣчаетъ важную тѣневую сторону въ хозяйственной жизни переселенцевъ. Это именно неупорядоченность землевладѣнія вслѣдствіе разныхъ взаимныхъ несогласій въ переселенческой средѣ. Но и въ этомъ отношеніи дѣло улучшается. Сами переселенцы нашли выходъ изъ неудобнаго положенія въ видѣ внутринадѣльнаго правильнаго размежеванія на отрубные и хуторскіе участки, и дѣло это постепенно расширяется все болѣе и болѣе.

О специальных достоинствах труда г. Кузнецова говорить излишне. Читатели «Исторического Вѣстника» уже знакомы съ работами этого изслѣдователя народно-хозяйственной жизни населенія по изученію имъ въ той же Сибири историко-экономическаго положенія киргизовъ. Настоящій обширный трудъ о переселенцахъ отличается подобнымъ же обиліемъ и равносторонностью матеріаловъ и систематичностью и глубиной ихъ освѣщенія. **В. В.**

В. В. Жерве. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности 1784—1839 гг. Изданіе императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Спб. 1913. Стр. 171. Цѣна 3 рубля.

Настоящая книга не является самостоятельно предпринятымъ біографическимъ изслѣдованіемъ, а написана по порученію военно-историческаго общества, поставившаго автору первымъ и главнымъ условіемъ—пользоваться при работѣ преимущественно семейнымъ архивомъ Д. В. Давыдова, предоставленнымъ въ распоряженіе общества вдовой одного изъ внуковъ знаменитаго поэта-партизана. Это обстоятельство, которое прежде всего должно быть отмѣчено, не только лишаетъ книгу научнаго характера, но и исключаетъ въ ней независимое и сколько-нибудь безпристрастное отношеніе къ личности и дѣятельности того, о комъ идетъ рѣчь. Чувствуется на каждомъ шагѣ, что авторъ связанъ по рукамъ и ногамъ и можетъ двигаться лишь въ извѣстномъ направленіи, не имъ самимъ себѣ избранномъ.

Большую и обстоятельнѣйшую часть своей работы г. Жерве посвящаетъ Давыдову-воину. Она читается не безъ интереса, но весьма мало убѣдительна, такъ какъ написана, по признанію самого автора, на основаніи главнымъ образомъ дневниковъ, записокъ и писемъ Дениса Васильевича, историческое значеніе которыхъ энергично оспаривалось многими современниками партизана-поэта. Что же касается Давыдова-человѣка, Давыдова-писателя, то обликъ ихъ на страницахъ труда г. Жерве получился болѣе чѣмъ смутнымъ. Тутъ авторъ опять-таки прибѣгаетъ къ документамъ семейнаго архива и къ отзывамъ только личныхъ друзей Давыдова. Правда, о послѣднемъ восторженно отзывались такіе авторитеты прямоты и безпристрастія, какъ Пушкинъ, Вѣличскій и другіе, но миѣнія ихъ въ книгѣ ничѣмъ не иллюстрированы и не подтверждены. Нѣсколько подробнѣе г. Жерве останавливается на увлеченіяхъ и семейныхъ дѣлахъ Давыдова и сообщаетъ если не совсѣмъ новыя, то во всякомъ случаѣ любопытныя данныя. Самъ авторъ заявляетъ, что его трудъ—далекое не полное жизнеописаніе воина-поэта и этимъ предупреждаетъ въ извѣстной степени тѣ упреки, которыхъ онъ безусловно заслуживаетъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признаться, что книга г. Жерве является нелишнимъ вкладомъ въ бѣдную литературу о несомнѣнно даровитой личности партизана-поэта, оставившаго замѣтный слѣдъ какъ въ нашей исторіи, такъ и въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія. Если настоящая книга не представляетъ собой стройной и строго провѣренной біографіи, то во вся-

комъ случаѣ можетъ служить весьма рельефной канвой для таковой. Какъ никакъ, здѣсь встрѣчается много не лишенныхъ интереса и характерности данныхъ о жизни и дѣятельности Давыдова, сообщаются названія не изданныхъ до сихъ поръ его сочиненій, приводятся первоначальные варианты нѣкоторыхъ стихотвореній и упоминается цѣлый рядъ писемъ его къ разнымъ лицамъ и къ нему отъ разныхъ лицъ. Совершенно правильно заключеніе автора, констатирующее тотъ фактъ, что «въ подавляющей массѣ нашего интеллигентнаго общества знакомство съ Денисомъ Давыдовымъ не идетъ дальше того, что далъ о немъ Толстой (подъ именемъ Васька Денисовъ въ «Войнѣ и мирѣ»). Какъ это ни странно, многіе даже не знаютъ теперь, что Давыдовъ былъ поэтомъ не только въ душѣ, но и творцомъ прекрасныхъ поэтическихъ произведеній, вызывавшихъ вполне заслуженные восторги лучшихъ представителей русской литературы и художественной критики. Нѣсколько его стихотвореній, случайно попадающихъ въ тотъ или иной сборникъ стиховъ, не мѣняетъ общаго положенія дѣла. Изданія его сочиненій, хотя и повторенныя нѣсколько разъ, далеки отъ совершенства, полноты и сколько-нибудь научной обработки»...

Книга г. Жерве издана прекрасно, снабжена портретами, иллюстраціями, подчасъ совершенно незнакомыми, автографами и схемами партизанскихъ дѣйствій отряда Давыдова въ 1812 году. Цѣна книги, однако, должна была быть немного ниже, что послужило бы, несомнѣнно, къ популяризаціи изданія.

И. Гурвичъ.

Поль Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Москва. 1912.

Въ этой книгѣ читатели найдутъ тѣ страницы прошлаго, о которыхъ ничего не говорятъ въ гимназіяхъ и университетахъ. Интересно познакомиться съ устройствомъ греческаго дома, воспитаніемъ и домашнимъ бытомъ грековъ. Хотя это время, повидимому, отошло отъ насъ такъ далеко, оно не лишено современного интереса. Древніе греки не знали комодовъ и шкаповъ, они хранили свои одежды въ сундукахъ совершенно такъ же, какъ это происходитъ въ крестьянской избѣ. Аѳиняне не меньше насъ жаловались на вздорожаніе жизни. Пшеница стоила въ концѣ шестого вѣка до Р. Х. семь копеекъ за пудъ, въ серединѣ четвертаго вѣка двадцать девять копеекъ, черезъ сто лѣтъ послѣ этого сорокъ пять копеекъ. Въ шестомъ вѣкѣ за быка платили два рубля, въ 410 г. двадцать рублей, въ 374 г. тридцать рублей, еще позже сорокъ рублей. Баранъ поднялся въ цѣнѣ съ сорока копеекъ до четырехъ рублей. Книгу Гиро смѣло можно рекомендовать всѣмъ любителямъ историческаго чтенія.

П. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

И Р А Б О—государственный человекъ.—Личность этого трибуна, своимъ краснорѣчiemъ и блестящимъ перомъ производившаго обаятельное впечатлѣніе на современниковъ, не только раздѣлявшихъ его политическія убѣжденія, но даже придерживавшихся противоположнаго мнѣнія, по видимому, еще долго послужитъ источникомъ для трудовъ историковъ. На дняхъ появится книга Л. Барту, посвященная личности этого политическаго дѣятеля, и авторъ, согласно французскому обычаю, печатаетъ въ «Revue Bleue» изъ нея извлеченіе: «Мирабо—государственный человекъ».

Автору предстояла нелегкая задача выкроить изъ стараго матеріала нѣчто новое или по крайней мѣрѣ освѣтить личность Мирабо какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, найти новую точку зрѣнія на его дѣятельность. Въ этой статьѣ авторъ собралъ впечатлѣнія выдающихся людей, самыхъ разнообразныхъ направленій, высказанныя на другой день смерти Мирабо, прибавивъ къ этому свои личные выводы, что Мирабо умеръ какъ разъ во время. Его смерть заставила сразу измѣрить если не силу его генія, то по крайней мѣрѣ громадную потерю для страны. Мнѣнія о немъ высказывались замѣчательно единодушно. Камилль Демулэнъ, восторгалъсь имъ, какъ трибуномъ, и сначала «любившій его, какъ любовница», а затѣмъ покинувшій его, чтобы вторить триумвирату и перейти на сторону Робеспьера, писалъ въ «Revolutions de France et de Brabant»: «Отъ изумленія при извѣстии объ его смерти въ собраніи нѣкоторое время царилъ гробовое молчаніе. Всѣ смолкли предъ гробомъ. Какъ-то не вѣрилось, что этотъ свѣточъ, въ теченіе двухъ лѣтъ проливавшій потоки свѣта, могъ угаснуть». Народъ, собравшійся

¹⁾ Mirabeau homme d'Etat. Par L. Bartout. «Revue Bleue». 1 Mars 1913.

на улицѣ вокругъ его дома, не могъ примириться съ мыслью, что Мирабо скончался».

Маркизь де-Феррьеръ высказалъ: «Никто не осмѣлился овладѣть скипетромъ, оставленнымъ Мирабо вакантнымъ. Тотъ, кто ему болѣе всѣхъ завидовалъ, оказался наиболѣе въ затруднительномъ положеніи. Касались ли какого-нибудь важнаго вопроса, всѣ глаза машинально устремлялись къ мѣсту, которое занималъ Мирабо, какъ бы приглашая его вступитъ на трибуну и высказать мнѣніе, которое просвѣтило бы собраніе». Того же мнѣнія была и госпожа Сталь. «На другой день его смерти всѣ печально смотрѣли на мѣсто, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Мирабо,—говорила она:—громадный дубъ упалъ, остальное ничѣмъ не выдѣлялось».

Въ этомъ хорѣ единодушныхъ выраженій печали проглядывало и разочарованіе краспорѣчивымъ трибуномъ, породившимъ бесплодныя надежды. Это единодушное сожалѣніе было отчасти сомнительно, что не ускользнуло отъ Камилла Демулэна. «Негры, монархисты, восьмидесятидевятники, якобинцы,—писалъ онъ:—всѣ почтили его надгробнымъ словомъ на свой ладъ».

Но почему такое единодушіе? спрашиваетъ Барту. Лѣстилъ ли онъ всѣмъ, или обманывалъ всѣхъ?—«Никкимъ образомъ—отвѣчаетъ онъ.—Онъ былъ изъ партіи революціи, но въ революціи онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Онъ оставался вѣрнень своимъ девизу: не поклоняться никакому кумиру не желать никакой власти, брать себѣ оружіемъ только разумъ и истину и не имѣть другого судьи, какъ только время». Такимъ образомъ, сознавая свою силу и довѣряя ей, онъ уступалъ только вдохновенію своей политической совѣсти, презирая «обмѣнъ мнѣніями и любезностями, какими часто принужденъ довольствоваться государственный человѣкъ». Въ то время, какъ министры, захваченные врасплохъ революціей, не имѣвшие ни общихъ взглядовъ, ни единодушнаго направленія, колебались согласно событіямъ и по желанію партій, Мирабо съ рѣшительной волей и опредѣленнымъ планомъ обсуждалъ всѣ затрудненія, возможность ихъ устраненія, всѣ цѣли и средства и все это онъ вкладывалъ въ свои планы свободы, авторитета, королевства и революціи. Среди людей, не имѣвшихъ образованія и принциповъ, желавшихъ безграничной и безмѣрной революціи и тѣхъ, которые не чистосердечно и безъ разсудка вѣрили или сдва не вѣрили въ возстановленіе старой системы, Мирабо представлялъ революцію желательную, обдуманную и опредѣленную, но которая, не будучи противна времени, требовало бы мѣры, градаций и іерархіи».

Къ этой программѣ и методу онъ надѣялся присоединить чистосердечныхъ людей, которые, сначала не желая революціи, поняли, наконецъ, что она уже совершилась, и согласились ее ограничить лишь для того, чтобы ее утвердить. Мирабо хотѣлъ, чтобы король, единственно способный исполнить эту роль, былъ бы разомъ и главою и руководителемъ новаго режима. Существованіе исполнительной власти, вооруженной и сильной, казалось Мирабо не только условіемъ общественнаго порядка, но даже гарантіей свободы. Для примѣненія принциповъ, объявленныхъ въ 1789 г., для ихъ поддержки и развитія въ борьбѣ противъ деспотизма и анархіи онъ нашелъ необходимымъ имѣть правительство. Это былъ краеугольный камень плана, который онъ обдумывалъ со времени созыва ге-

неральных штатовъ, и съ тѣхъ поръ это была господствующая идея, царившая во всѣхъ его рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Въ этомъ Камилль Демулэнъ не ошибся. Хотя его раздражали споры о правѣ мира и войны, онъ все-таки признавалъ, что во всѣ дни опасности Мирабо стоялъ за исполнительную власть и всегда былъ противъ уменьшенія министерской власти. «Надо быть справедливымъ», говорить онъ, это замѣчаніе скорѣе въ его пользу, потому что это означаетъ сдѣлать изъ его мнѣнія 22-го мая результатъ послѣдовательной системы».

Эта система сталкивалась и съ партизанами абсолютизма, не понимавшими, что королевская власть можетъ пережить, лишь умѣривъ себя и ограничивъ, и съ тѣми, которые по слабости или изъ-за интригъ не хотѣли ограниченія власти собранія. Мирабо придерживался середины и старался согласовать королевскій авторитетъ и національную свободу.

Когда онъ защищалъ свободу, имъ восторгались крайніе революціонеры; когда онъ поддерживалъ короля, они обвиняли его за переходъ къ противникамъ революціи, и Камилль Демулэнъ обвинялъ его за «вездѣсущность». Барту признаетъ, что Мирабо былъ вездѣ и нигдѣ и что онъ унесъ съ собой въ могилу тайну и загадку своей политики, которую онъ предлагалъ двору съ своихъ секретныхъ совѣтахъ и двадцать разъ проповѣдывалъ открыто. Онъ ненавидѣлъ ухищренія, которыя были противны его сильной натурѣ. Мирабо былъ изъ расы сильныхъ и говорилъ: «подражать можно ловкости, но не силѣ».

Всѣмъ философскимъ выводамъ и выработаннымъ доктринамъ онъ предпочиталъ уроки опыта и реальность фактовъ. Въ противоположность Сіесу онъ не былъ гражданинъ-философъ, но политикъ, заявившій, что не всегда прилично совѣтоваться единственно съ правомъ, ничего не предлагая обстоятельствамъ. Метафизики и государственные люди слѣдуютъ не по одному методу и стремятся не къ одной цѣли. Одинъ путешествуетъ лишь по одной картѣ земныхъ полушарій и не стѣсненъ препятствіями, другой—по землѣ, гдѣ сталкивается со всякаго рода опасностями. По его мнѣнію: «народъ, состарѣвшійся среди антисоціальныхъ учрежденій, не можетъ приспособиться къ философскимъ принципамъ во всей ихъ чистотѣ. Принципы «неизмѣнны, какъ вѣчность», говорилъ Мирабо, и потому онъ не смѣшивалъ политику съ «романомъ». Человѣкъ дѣятельный, онъ не пренебрегалъ ни силой вещей, ни людскими страстями, чтобы привести свой идеалъ въ дѣйствіе. Этотъ пылкій ораторъ былъ сильный реалистъ, которому судьба одному отказала занять мѣсто между Ришелье и Бонапартомъ въ роли, подходящей къ его генію, едва уступающему ихъ генію.

Онъ чувствовалъ себя въ силахъ бороться со всѣми затрудненіями и постоять за себя какъ противъ Питта, такъ и анархистовъ. Переходный промежутокъ между двумя революціями всегда хуже, говоритъ Барту, чѣмъ только что покинутое положеніе, какъ бы оно ни было дурно. Поэтому, чтобы перейти его, онъ зацѣплялся за все, что имѣло какую-нибудь зацѣпку. «Для меня все хорошо,—говорилъ онъ:—событія, люди, вещи, мнѣнія». Онъ хотѣлъ, чтобы новый режимъ былъ окруженъ людьми надежными и вѣрными. «Время для личнаго фавора — прошло». Подъ королевемъ Мирабо подразумѣвалъ какъ революцію, такъ и монарха. Онъ требовалъ для дипломатіи агентовъ, у которыхъ прежніе предразсудки не одержи-

вали бы верхъ надъ долгомъ и которые не компрометировали бы французское правительство сомнѣніями насчетъ его успѣха.

Мирабо довѣрялъ молодежи и, когда былъ поднять вопросъ, кого послать въ Мадридъ для переговоровъ, онъ не колеблясь указалъ на молодого человѣка, «новаго подданнаго», «ибо, говорилъ онъ, наконецъ время его формировать, такъ какъ ничто лучше не формируетъ молодыхъ людей, какъ крупныя дѣла, и ничто не привязываетъ ихъ, какъ довѣріе».

Такимъ образомъ подготовленный, окруженный и вооруженный для борьбы что сдѣлалъ бы Мирабо? задаетъ вопросъ Барту. Имѣлъ ли бы успѣхъ его планъ, или онъ во-время умеръ для своей славы? Этотъ вопросъ задавали не разъ историки. Барту со своей стороны не колеблясь думаетъ, что событія 1791 г. внезапно и непоправимо разбили его планы. Не потому, что они были невыполнимы и что въ нихъ все было противорѣчиво и сложно и они были приговорены къ неудачѣ; но, чтобы достигъ даже ихъ частичнаго успѣха, надо было бы личное участіе Мирабо, его дѣятельную импульсію, постоянное руководство и наблюденіе. вмѣсто того, доведенный до темной роли тайнаго совѣтника, онъ вызвалъ къ себѣ антипатію, недовѣріе, неуваженіе тѣхъ же лицъ, кому онъ давалъ совѣты. Если бы слѣдовали его совѣтамъ, то его роль тайнаго совѣтника не была бы недѣйствительной. Къ несчастію, съ нимъ совѣтовались, но его не слушали.

Ферзенъ писалъ королю Швеціи: «Мирабо попрежнему оплачивается дворомъ и работаетъ для него; но у него не столько средствъ, чтобы сдѣлать пользу: онъ ихъ имѣетъ скорѣе настолько, чтобы сдѣлать вредъ. Несмотря на это, есть интересъ не имѣть его противъ себя. Все это полезно лишь для возстановленія немногого порядка и спокойствія и обезпеченія королевской семьѣ безопасности, но никогда имъ нельзя воспользоваться для чего-нибудь другого».

Этотъ совѣтъ обнаруживаетъ намѣренія двора. Быть можетъ, Марія-Антуанетта думала въ извѣстный моментъ, что Мирабо предназначенъ для другой роли. Въ письмѣ къ Мерси Аржанто 26-го августа 1791 г. она писала: «Невозможно болѣе такъ существовать; намъ предстоитъ только ихъ усыпить и внушить къ намъ довѣріе, чтобы потомъ лучше ихъ одурачить». Она не хотѣла одурачить Мирабо. Мирабо къ ней обратился съ своими мемуарами и отъ нея ожидалъ толчка и опредѣленныхъ рѣшеній, чтобы тяготѣть на нерѣшительность короля. Но у нея не было ни намѣренія, ни послѣдовательнаго ума. Что касается короля, то онъ оставался бездѣятельнымъ, на что жаловался де-Ламаркъ. Далеко не выказывая Мирабо полнаго довѣрія, какое онъ обѣщалъ въ письмѣ къ Лафайетту въ апрѣлѣ 1790 г., король считалъ Мирабо подчиненнымъ на жалованьи и отзывался о немъ презрительно. Онъ черпалъ вдохновеніе въ другомъ мѣстѣ, слушался другихъ совѣтовъ и кончилъ тѣмъ, что убѣдился, по словамъ Ферзена, въ невозможности когда-нибудь стать королемъ безъ иностранной помощи. Наканунѣ смерти Мирабо планъ отъѣзда изъ Парижа былъ приготовленъ. Это былъ планъ не Мирабо, совѣтовавшаго уѣхать королевской семьѣ публично, днемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ народу, къ которому король обратился съ просьбой «не просить иностранной помощи».

Мирабо ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ быть ни повѣреннымъ короля въ этомъ случаѣ, ни сообщникомъ побѣга. Если бы подобное бѣгство соверши-

лось, то Мирабо уже объявил о своемъ рѣшеніи донести о бѣгствѣ монархѣ. Если онъ измѣнилъ свое мнѣніе, то лишь по той причинѣ, что по договору съ королемъ онъ приговоренъ былъ къ молчанію. Какъ бы онъ могъ донести на другой день бѣгства Людовика XVI, задержаннаго въ Вареннѣ, избѣгнувъ напечатанія дворомъ свѣдѣній о совѣтахъ, замѣткахъ, которые онъ посылалъ королю, и о суммахъ, полученныхъ имъ. Покинутый дворомъ, Мирабо могъ ли бы возстать противъ него въ собраніи, не разбившись о предубѣжденія, увеличившіяся и усилившіяся благодаря извѣстнымъ доказательствамъ, надъ которыми онъ съ такимъ трудомъ восторжествовалъ въ моментъ собранія генеральныхъ штатовъ. На этотъ разъ упрекъ въ продажности, говорить Барту, покоился не на смутныхъ указаніяхъ и сомнительной вѣроятности. Красная книга открыла свои постыдныя страницы. Достаточно ли было Мирабо кричать, какъ онъ объявилъ нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Малюэту, что, защищая законную и охранительную власть монарха, онъ не покинулъ битвы за свободу и борьбы противъ тирани. Его сильный голосъ былъ бы безвластенъ господствовать надъ ожесточившейся сумятицей, и его бурная жизнь окончилась бы среди ревности однихъ, ненависти другихъ, презрѣнія всѣхъ, какъ плачевная и горькая авантюра.

Вмѣсто такого трагическаго заката его смерть, послѣдовавшая 2-го апрѣля 1791 года, принесла ему «божественную милость незабвеннаго апопееоза», заставившаго признательный и опечаленный народъ преклонить голову предъ его гробомъ. Увы, это былъ слишкомъ запоздалый реваншъ несправедливой судьбы. Въ памяти современниковъ не осталось славы, о которой мечталъ Мирабо.

Барту говорить въ заключеніе, что Мирабо болѣе, чѣмъ кто другой, причастенъ, благодаря блестящему литературному перу и силѣ своего слова, къ уничтоженію прежняго режима; въ немъ говорило благородное честолюбіе основать новый режимъ на базисѣ разума, свободы и справедливости. Онъ чувствовалъ, что революція будетъ продолжительная и окончательная лишь при условіи замѣнить другимъ то, что она уничтожила, и онъ хотѣлъ быть самъ работникомъ этого произведенія. Но было поздно въ моментъ смерти.

— Не изданныя письма Маццини и Гоффридо Мамели къ Джузеппе Гарибальди.—Итальянцы съ жадностью ловятъ каждую строчку писемъ своихъ великихъ людей, какъ Гарибальди и Маццини, и хотя количество писемъ послѣдняго значительно, но тормозится изданіемъ. «Уже въ печати появилось,—пишетъ въ «Nuova Antologia» Витторіа Чанъ,—большое количество писемъ, разметанныхъ нервной, неутомимой рукой великаго генуэзца на всѣ четыре стороны и написанныхъ съ яснымъ умомъ, лихорадочной пылкостью апостола, пламенное слово котораго было самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ мысли, а сама мысль составляла дѣйствіе». Но появившихся писемъ слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что имѣется въ запасѣ. Это обстоятельство даже вызвало два года тому назадъ саркастическое замѣчаніе Александра Лучіо. По его словамъ, изъ 50,000 писемъ напечатана самая

¹⁾ Giuseppe Mazzini e Goffredo Mameli a Giuseppe Garibaldi. Lettere inedite del Maggio-Guigno. 1849. «Nuova Antologia». Febbraio 1913.

малая доля во избѣжаніе, чтобы Италия не очень быстро восхищалась полнымъ «Epistolario» агитатора, и поэтому позаботились о средствѣ задержать ихъ, назначивъ издательскую комиссію, которая перепечатываетъ ихъ и издаетъ гомеопатическими дозами. Задача издательской комиссіи не изъ легкихъ: число писемъ все увеличивается, ихъ все собираютъ, и поэтому появленіе въ публикѣ затягивается, а это возбуждаетъ въ ней еще болѣе нетерпѣніе и любопытство. Чтобы облегчить столь огромный трудъ комиссіи, «Nuova Antologia», и ранѣе уже печатавшая нѣкоторыя изъ писемъ Маццини, теперь воспользовалась группой еще неизвѣстныхъ и неизданныхъ его писемъ къ Гарибальди, которыя ей предоставилъ племянникъ владѣльца автографовъ, профессоръ университета въ Павіи Гвидо-Сала. Эти письма тѣмъ болѣе интересны, что они заполняютъ пробѣлы въ періодѣ (май—іюнь 1849 г.), исторически памятнымъ и кровавымъ для Рима, когда блестяли двѣ личности, каждая въ своемъ родѣ эпическая, — Гарибальди и Маццини. Къ этимъ письмамъ еще присоединяется письмо молодого поэта-воина Гоффредо Мамели, адъютанта Гарибальди. Новыя письма Маццини принадлежатъ Луиджи де-Доминичи, проживающему теперь въ Миланѣ. Они имѣютъ свою нѣсколько романическую исторію, какъ передаетъ ее ихъ владѣлецъ.

Въ ноябрѣ, года онъ не можетъ установить точно, а только говорить, что не ранѣе 1858 и не позже 1863 года, когда онъ студентомъ находился въ Туринѣ, съ поѣздомъ, прибывшимъ въ 11 часовъ 45 минутъ ночи, въ Арону пріѣхали изъ Генуи Гарибальди и Феличіо Оригони, чтобы утромъ отправиться на парусномъ суднѣ въ Луино и Лугано. Выѣхавъ изъ Генуи въ тихую погоду, они были въ сюртукахъ. Въ Аронѣ погода наступила свѣжая, и Джіованни, отецъ Луиджи, далъ имъ свои два сюртука и шерстяной шарфъ. При возвращеніи, въ промежутокъ времени между отбытіемъ парохода и прибытіемъ поѣзда въ Геную, передавая сюртуки и шарфъ обратно Джіованни, они просили его спрятать у себя пачку писемъ. Джіованни много разъ чрезъ своего близкаго товарища Оригони увѣдомлялъ Гарибальди, что его письма все еще у него хранятся, но тотъ при послѣднемъ извѣщеніи отвѣтилъ, что они болѣе ему не нужны и для него не имѣютъ никакого значенія. Джіованни все-таки свято ихъ хранилъ, какъ сокровище, какъ самую драгоценную часть національнаго имущества.

Уже имена Гарибальди съ Маццини краснорѣчиво говорятъ за эти письма. Прибавимъ къ этому, что они были написаны въ эпоху грандіозной эпопеи жертвъ, блестящаго до безумія героизма, обороны Рима и поэтому прекрасно иллюстрируютъ дѣятельность гарибальдійскихъ легионовъ. Для большей ясности В. Чіанъ даетъ легкій обзоръ событій того времени, пользуясь различными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разныхъ источниковъ, и прилагаетъ попи съ оригиналовъ нисемъ. Всѣ письма Маццини написаны на листахъ, на заголовкѣ которыхъ красуется штемпель «*Respublica Romana Triumvirata*», а на оборотной сторонѣ «Генералу Гарибальди» и печать изъ краснаго сургуча со словами молодой Италиі: «*Ora et semper*».

Гарибальди съ шестью тысячами человекъ подъ командою генерала Розелли предпринялъ операціи противъ неаполитанской арміи. Полководецъ

въ воинственномъ порывѣ допустилъ себя увлечь вмѣстѣ съ авангардомъ, отрёзавшись отъ главной арміи, чтобы броситься врасплохъ на аррьергардъ бурбонскихъ войскъ, которые уже начали отступать.

Маццини между тѣмъ внимательно слѣдилъ изъ Камподаліо за движеніемъ Гарибальди, съ трепетомъ присматриваясь, какъ онъ нападалъ, въ нетерпѣніи броситься туда, за границу, чтобы преслѣдовать королей. Онъ не скрывалъ также, насколько его серьезно озабочивала «австрійская опасность», которая, угрожала со стороны Романьи, и выражалъ свое убѣжденіе, что единственное спасеніе «республика» и «война «съ помощью бандъ». Это тревожное душевное состояніе выливается въ первомъ письмѣ отъ 22-го мая, гдѣ онъ пишетъ: «Генераль, я получилъ ваши два письма 22-го и 23-го. Первое — для меня радостное, второе — грустное, но не по вашей винѣ. Я еще надѣюсь, что сопротивляющіеся образуются и спасутъ свою честь, запятнанную сопротивленіемъ своему начальству и республиканскому правительству. Я далъ инструкціи генералу Розелли, чтобы онъ замѣстилъ ихъ. Съ тревогою ожидаю заключенія дѣла. Почаще сообщайтесь со мною. Обозначьте дорогу, которой держитесь, и точку границы, на которую я могу послать вамъ, что надо. Это необходимо, ибо вы довольствовались бы цифрою шесть тысячъ человекъ. Но вы не будете, понятно, спорить противъ присоединенія къ вашему корпусу немногихъ волонтеровъ, которые упадутся на границѣ и которые могутъ принести спеціальную пользу». Письмо заканчивается фразой, что «единственная наша надежда на спасеніе — война посредствомъ бандъ».

Какъ происходила вербовка этихъ волонтеровъ, уже много описывали современники, и особенно много касался этого итальянскій историкъ Ливенсонъ. Молодежь съ воодушевленіемъ стремилась подъ знамя Гарибальди со всѣхъ сторонъ Италіи и даже изъ папскихъ владѣній. По этому поводу Маццини пишетъ во второмъ письмѣ отъ 25-го мая, горячо рекомендуя Гарибальди одного кавалерійскаго офицера, бросившаго службу при папѣ Григоріи XVI изъ-за деспотизма послѣдняго, чтобы сражаться подъ начальствомъ Гарибальди въ качествѣ простаго солдата. Письмо заканчивается фразой: «Въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая жизнь, заслуживающая вниманія и симпатіи».

Въ третьемъ письмѣ Маццини пишетъ: «Австрія близко угрожаетъ столицѣ, перейдя границы Джези. Надо направить всѣ наши силы противъ нихъ, а для этого нужно привести въ дѣйствіе всѣ наши силы. Остается принять два рѣшенія: или соединить здѣсь всѣхъ и единодушно пойти противъ непріятели, или чтобы вы быстро пошли съ вашей дивизіей ему навстрѣчу къ Анконѣ, маневрировали и атаквали его съ тылу. Выборъ предоставляется на ваше усмотрѣніе». «Это письмо, говорится далѣе, было написано послѣ долгихъ обсужденій съ генераломъ Розелли, и война была рѣшена противъ моего согласія съ тѣмъ, чтобы немедленно сосредоточить всѣ наши силы противъ Австріи. Говорю противъ моего согласія, потому что хочу, чтобы вы знали мое мнѣніе. Впрочемъ, разъ принято рѣшеніе, надо считать меня какъ бы согласившимся на него. Правда, наше положеніе, благодаря движенію австрійцевъ, измѣнилось и ихъ близость такъ же повліяетъ на поведеніе населенія въ королевствѣ: охладить его и запретить ему идти на призывъ. И истинная правда также, что если намъ

удастся напасть на австрійцевъ, то мы быстрѣе и увѣреннѣе пойдемъ въ королевство».

За этимъ письмомъ послѣдовала депеша, въ которой повторялось въ болѣе опредѣленной и окончательной формѣ предложеніе послать военную экспедицію противъ Неаполитанскаго королевства, чтобы сосредоточить ее въ Римѣ, или же двинуться къ Нарни и оттуда, присоединившись къ генералу Розелли, напасть на австрійцевъ и возмутить Романью.

26-го мая пришло письмо, въ которомъ Маццини, опасаясь, что депеша не дошла, повторяетъ написанное въ ней и говорить, что «генералы и весь военный составъ рѣшили измѣнить планъ и сосредоточить силы противъ австрійцевъ, отложивъ вторженіе въ Неаполитанское королевство».

Слѣдствіемъ этого письма было, какъ извѣстно, рѣшеніе Гарибальди направиться къ Аквино и Сень-Джермано, разбрасывая горячіе призывы «къ братьямъ неаполитанцамъ».

Этотъ внезапный и для всѣхъ неожиданный приказъ былъ тяжелымъ ударомъ для генерала, который за два дня до этого написалъ Маццини: «Счастье намъ улыбается; воспользуемся его расположеніемъ». Онъ отвѣтилъ Маццини, что получилъ письмо и подчиняется его приказу, теряя плоды этой экспедиціи».

29-го мая Маццини извѣщалъ, что получилъ депешу отъ Гарибальди, и сожалѣлъ, что его депеши произвели на послѣдняго впечатлѣніе нежелательное для него, Маццини, но онъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что «сдался предъ убѣжденіемъ войны и предъ болѣе неотложной необходимостью—побить австрійцевъ. Еще онъ писалъ ему о необходимости встрѣтиться въ Терни или Нарни, предоставляя ему выборъ времени между возвращеніемъ въ Римъ или началомъ атаки неаполитанской границы. Вторженіе австрійцевъ произвело такое ужасное впечатлѣніе, что надо было найти средство поправить дѣло. «Что касается главныхъ операций,—писалъ онъ,—я принужденъ довѣрить республику богинѣ Фортуны и сказать: «да будетъ воля твоя». Въ концѣ письма онъ писалъ, что присоединяетъ къ Гарибальди еще двухъ хорошихъ французскихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ главному штабу, которые желали итти съ Гарибальди, и онъ надѣется, что они будутъ ему полезны. Здѣсь съ французами у насъ скорѣе плохо, но вопросъ въ данный моментъ рѣшается въ Парижѣ, а не здѣсь. Надѣюсь, рѣшится хорошо».

Дѣйствительно, австрійцы серьезно угрожали Анконѣ, и уже 4000 человекъ авангарда отдѣлились отъ Рима, чтобы попытаться защитить легаціи; французы со своей стороны становились коварно-грозными.

30-го мая Маццини написалъ Гарибальди: «Не жалуйтесь на приказы и контрприказы. Наше дѣло съ часу на часъ измѣняется. И онъ объясняетъ, что когда онъ посылалъ первую депешу, то предметомъ ихъ движенія былъ австрійскій отрядъ, угрожавшій Анконѣ, теперь же другой отрядъ находился въ Тосканѣ, двигаясь къ Фулиньо, а затѣмъ къ Анконѣ. Потомъ пришло извѣстіе, что австрійскій отрядъ направляется къ Сиеннѣ и Витербо по дорогѣ Аквапенденте. «Что касается лично васъ,—оканчивалъ письмо Гарибальди:—было бы желательно, чтобы вы пріѣхали въ Римъ одинъ или съ кѣмъ хотите. Сегодня

въ полночь надо рѣшить новое осложненіе, происшедшее съ французами. И вашъ совѣтъ чрезвычайно важенъ».

Такія же неутѣшительныя свѣдѣнія прислалъ Гарибальди 30-го мая его молодой адъютантъ Гофредо Мамели, увѣдомляя между прочимъ, что французскій посланникъ угрожаетъ возобновить непріятельскія дѣйствія и ему надо дать отвѣтъ до полуночи. Въ концѣ письма находится приписка, что въ этотъ моментъ пришло извѣстіе съ просьбою, чтобы Гарибальди немедленно пріѣхалъ въ Римъ; онъ же, Мамели, какъ только получитъ отвѣтъ относительно французовъ, тотчасъ же уѣдетъ.

31-го утромъ Гарибальди вернулся въ Римъ при восторженныхъ рукоплесканіяхъ народа. Но событія шли быстро. Тщетно генераль Розелли пытался уговорить Удино письмомъ отъ 1-го іюня на ограниченное перемиріе въ виду угрожавшаго приближенія австрійцевъ, предупреждая, что въ противномъ случаѣ за послѣдствія будетъ отвѣтственно предъ исторіей французское войско. Но генераль «главнокомандующій средиземнымъ войскомъ» отвѣтилъ изъ «Villa Santucei», что получилъ отъ своего правительства приказъ всгунить въ Римъ какъ можно скорѣе. Удино отложилъ до понедѣльника атаку по настоянію Лессенса. 31-го мая Маццини, не получивъ отвѣта отъ Гарибальди на письмо относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, написалъ Гарибальди, едва вернувшись въ Римъ послѣ первой страстно-горячей съ нимъ бесѣды. Гарибальди требовалъ выразить мнѣніе о положеніи дѣлъ и откровенно высказалъ свое предложеніе: быть назначеннымъ съ своей дивизіей съ «неограниченнымъ правомъ» противъ австрійцевъ, но лишь въ зависимости отъ Маццини, и просилъ подробно обозначить свое намѣреніе. Однако Маццини какъ будто ничего не понималъ и снова предложилъ объясниться. Тогда Гарибальди, потерявъ терпѣніе, написалъ 2-го іюня: «Маццини, такъ какъ вы меня спрашиваете, что я хочу, то я вамъ скажу, что я могу существовать для блага республики лишь въ двухъ случаяхъ: или неограниченнымъ диктаторомъ, или простымъ солдатомъ. Выбирайте».

Послѣдовало напряженное положеніе между двумя великими людьми; очевиденъ становился трагическій поединокъ. Но этого потрясенія Маццини не испыталъ. Его смущала мысль объ отставкѣ Гарибальди, и онъ написалъ ему откровенно 2-го іюня 1849 года: «Гарибальди. Я схожу съ ума и сейчасъ бросилъ бы оборону города и все и отправился бы къ Фулиньо или въ чортово пекло, чтобы покончить съ ружьемъ въ рукѣ. Такъ не спасется страна. Въ такой страшный моментъ я думалъ найти людей, которымъ можно довѣрить судьбу страны; я забываю обо всемъ, кромѣ одного дѣла. Въмѣсто того я нашелъ недоувѣріе, реакцію, индивидуальность даже тамъ, гдѣ дѣйствительное величіе должно бы было изгладить всякое другое чувство. Мнѣ говорили, что вы подаете въ отставку, а я еще вчера радовался, что удовлетворилъ ваше справедливое требованіе и отложилъ его только по необходимости въ виду возможной стычки въ понедѣльникъ. Я перебрасываюсь отъ сомнѣній къ огорченьямъ. Правдѣ, я усталъ и почти теряю нравственную силу, которая необходима. Да будетъ благословенна минута, что Богъ сдѣлалъ меня солдатомъ, а не кѣмъ другимъ. Зачѣмъ подавать въ отставку? Зачѣмъ хотите поставить въ затруднительное положеніе защиту города, лишивъ ее вашей нравственной поддержки?»

Мнѣ говорили, что вы сѣтуете, что васъ не призвали на оборонительный совѣтъ. Но не было никакого совѣта. Было распоряженіе по защитѣ, импровизованное прошедшую ночь».

«Мнѣ говорили о раздѣленіи отряда, принадлежавшаго къ вашей дивизіи, но это только для стычки въ понедѣльникъ; все остается нетронутымъ, неизмѣннымъ, какъ я вамъ писалъ вчера. Пишите все, что требуется для защиты, будетъ сдѣлано. Я больше ничего не могу вамъ сказать объ этомъ. Но, ради Бога, не думайте ни о чемъ другомъ, какъ о спасеніи Рима и страны!»

Гарибальди, по выраженію автора, какъ «великодушный левъ», сдался на послѣднюю мольбу «ради родины» и въ тотъ же день лаконической запиской извѣстилъ Маццини: «Мнѣ кажется необходимымъ дать Аввещину командование арміей». Но это предложеніе едва ли, было бы возможно принять: поздно было бы дать старую команду подъ начальство смѣлаго повичка. И Гарибальди изъ любви къ родинѣ послушно покорился и взялъ на себя вмѣстѣ со своей дивизіей защиту праваго берега Тибра. Съ 3-го іюня для Гарибальди началась заря крови и славы, циклъ эпическихъ дѣйствій, прекрасно описанный и подвергнутый критикѣ историкомъ Левинсономъ. 8-го іюня Гарибальди изъ порта Панкраціо извѣстилъ Маццини о намѣреніи въ эту ночь произвести вылазку; для этой цѣли онъ просилъ двѣ тысячи «свѣжихъ» солдатъ и изложилъ свои намѣренія. Въ отвѣтъ Маццини извѣстилъ, что прежде, чѣмъ отвѣчать, онъ долженъ былъ узнать о положеніи военныхъ силъ, и получилъ слѣдующій результатъ, что свѣжихъ отрядовъ не существуетъ, такъ какъ весь гарнизонъ силенъ. Но онъ выражаетъ мнѣніе, что потребуетъ сильная вылазка, и совѣтуетъ обождать прибытія Мази съ 2000 солдатъ. Онъ ссылается, что не компетентенъ, но все-таки высказываетъ мнѣніе, что отсрочка не повредитъ: «чѣмъ болѣе непріятель будетъ приближаться, тѣмъ онъ будетъ далѣе отъ своего резерва». Гарибальди отвѣтъ показался благоразумнымъ, и онъ продолжалъ съ нетерпѣніемъ ожидать болѣе благопріятнаго случая для вылазки и думалъ, что онъ нашелъ удобнымъ моментъ съ 10-го на 11-го іюня, когда попытался произвести знаменитое ночное нападеніе, давшее неблагопріятный исходъ. Но эта неудача вызвала въ Гарибальди и его легіонахъ еще большее желаніе реванша, и онъ написалъ: «Маццини! Богъ къ намъ, очевидно, благоволитъ, мы сильнѣе, чѣмъ вчера! Мы воспользовались ночью, чтобы возмѣстить свои потери и подъ покровительствомъ тумана продолжать нашу задачу». Онъ оканчиваетъ письмо словами: «Настроеніе нашихъ солдатъ изумительно: война, вихрь пуль и бомбъ для нихъ—радость».

Что отвѣтилъ Маццини—неизвѣстно, но отвѣтъ, говоритъ авторъ, должно быть, пришелъ нежелательный для Гарибальди. Три дня спустя Маццини приказалъ произвести маленькій набѣгъ противъ французовъ. Слѣдующее письмо къ нему написано 17-го іюня. «Гарибальди,—пишетъ онъ:—у меня къ вамъ просьба, въ которой, вѣроятно, вы не можете мнѣ отказать; во всякомъ случаѣ я долженъ это сдѣлать». И онъ излагаетъ, что хочетъ произвести вылазку противъ французовъ подъ командой молодого храбраго полковника Чиларди. «У меня есть для этого человекъ: полковникъ Чиларди, молодой человекъ, котораго я зналъ, когда онъ воспитывался въ Испаніи, смѣлый и привычный

къ такого рода войнѣ. Не думаете ли вы, что изъ вашей кавалеріи могутъ принять съ пользою участіе въ предпріятіи Чиларди? Если да,—скажите мнѣ и отдайте надлежащее распоряженіе, чтобы дѣло реализировалось скорѣе. Если нѣтъ,—терпѣніе. Если я у васъ такъ прошу, то потому, что мнѣ кажется, что ваша кавалерія можетъ много помочь въ Римѣ».

«Что на это отвѣтили Гарибальди, тоже неизвѣстно, но легко вообразить себѣ,—говоритъ В. Чанъ:—что поведеніе Маццини усилило его нетерпѣніе и его огорченіе. Злосчастный раздоръ, который, казалось, потупили, снова вспыхнулъ и неизбежно обострился. Между тѣмъ дѣло шло все хуже и хуже. Милиція 22-го іюня была такъ истощена, что не могла даже выдержать контрб-таки непріятели. Свидѣтель этому былъ Веккии, который въ качествѣ адъютанта Гарибальди находился на своемъ флангѣ въ эти ужасные дни. Онъ передавалъ и о письмѣ Маццини, не знавшаго настоящаго положенія нашего отряда, котораго никогда не видалъ, раздражившагося поведеніемъ генерала; въ письмѣ къ адъютанту главнаго штаба полковнику Лучіано Манари онъ объявлялъ Гарибальди отвѣтственнымъ за послѣдствія его бездѣятельности. Маццини въ этомъ письмѣ 22-го іюня громко оплакивалъ рѣшеніе генерала не приводить въ исполненіе осады пятаго. «Надо было произвести атаку сегодня ночью на разсвѣтѣ. Если это было невозможно потому, что ночью духъ войскъ этого не дозволяетъ, надо было бы исполнить условное соглашеніе съ генераломъ Розелли относительно 5 часовъ утра и тогда произвести осаду, а такъ какъ не производить атаку большая ошибка, то надо было произвести осаду въ пять часовъ послѣ обѣда, какъ было обѣщано!»—«Я не даю совѣта,—писалъ Маццини,—я не могу давать ихъ относительно войны. Но я не могу не напомнить вамъ, что ночь всегда производитъ угнетающее впечатлѣніе, что наше войско, храброе днемъ, боится ночи, что французы будутъ имѣть въ эту ночь 2000 солдатъ противъ тысячи, проработавшихъ цѣлый день. Подумайте хорошенько!»

«Этотъ антагонизмъ ускоришь агонію римской республики,—говоритъ Чанъ:—но утѣшимся, что и безъ него ся судьба была неумолимой. Утѣшимся, прочитавъ благородное письмо Маццини, которое онъ въ тотъ же день написалъ Лучіано Манара.—«Покажите это письмо генералу. «Считаю Римъ павшимъ. Богу угодно, чтобы врагъ осмѣлился произвести осаду; будемъ имѣть прекрасную народную защиту на баррикадахъ. Всѣ соберемся туда. Моя душа переполнена горечи, что я не могу объяснить. Потеряно столько доблести, столько героизма; я васъ уважаю и начинаю любить. Присягну, что вы думаете, какъ я думаю и съ вашимъ Розелли. Мнѣ остается бесплодное удовлетвореніе, что мое имя не прибавлено къ капитуляціи, которую я предвидѣлъ неминуемой. Но что до меня! Важень Римъ и Италія». Днемъ раньше Гарибальди написалъ своей Анитѣ: «Братья-галлы кардинала Удино удовлетворились, давъ намъ канонаду, и мы по обычной привычкѣ почти не обращали вниманія. Мы сражались подъ Джіаникило, и этотъ народъ достоинъ былъ своего великаго прошедшаго. Жить, умереть, переносить ампутаціи при крикахъ: «Да здравствуетъ республика!» Одинъ часъ нашей жизни въ Римѣ стоитъ вѣка жизни. Поздравьте матушку, что она имѣетъ меня патриотомъ въ такую прекрасную для Италіи эпоху».

— Воззваніе лапландца.—«Deutsche Rundschau» на своихъ страницахъ помѣстило отзывъ г-жи Бунсенъ объ одной любопытной новинкѣ, книгѣ лапландца Тури, полудикаря, проживающаго въ сѣверной Норвегіи. Новая книга тѣмъ любопытнѣе, что въ ней этотъ полудикарь высказываетъ свои любопытныя и мѣткія мысли, обнаруживающія божественную искру природнаго ума. Книга эта вызвана тяжелымъ положеніемъ лапландцевъ, проживающихъ въ Норвегіи и принужденныхъ ежегодно съ наступленіемъ лѣта перебираться на югъ Швеціи. Эта эмиграція достойна состраданія. Несчастное полудикое, полуязыческое племя съ дѣтьми, плачущими отъ стужи, и болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтними стариками, которые принуждены останавливаться на каждомъ шагу отъ слабости, перекочевываетъ, такимъ образомъ, изъ года въ годъ. Въ норвежцахъ они не вызвали состраданія до послѣдней минуты, пока наконецъ не раздался голосъ одного изъ этихъ полудикарей, Тури. Среди лапландцевъ онъ считается мудрецомъ и мыслителемъ. Онъ давно уже раздумывалъ о судьбѣ своей расы, о трудностяхъ существованія, о притѣсненіяхъ со стороны норвежцевъ. И наконецъ рѣшился высказать все, что накопилось на душѣ, надѣясь, что тогда норвежцы станутъ гуманнѣе.

Старый и безграмотный Тури, конечно, не могъ бы добиться своей цѣли, если бы шведская женщина-художница г-жа Эмилія Деманъ не пришла къ нему на помощь. Она поселилась у него въ хижинѣ на всю зиму и принялась его обучать грамотѣ. Не трудно представить, чего это стоило и ученику, и преподавательницѣ. Но Тури твердо рѣшилъ выступить въ защиту своего племени, и эта миссія сдѣлалась цѣлью его жизни. «Ибо другіе въ лѣсу, а еще менѣе въ своихъ тѣсныхъ лачугахъ неспособны къ разсужденію и у нихъ отыскиваются слова только, когда они въ горахъ», пишетъ онъ. Г-жа Деманъ поясняетъ все, что непонятно въ книгѣ Тури.

Эта книга является теперь цѣннымъ документомъ касательно жизни лапландцевъ. Въ ней Тури передаетъ всѣ перипетіи эмиграціи въ поискахъ зимняго пастбища, древнія традиціи народа, но онъ не знаетъ, совершенно ли онѣ точны, такъ какъ до послѣдняго времени никто не умѣлъ ихъ записывать. Въ тѣ времена лапландцы не знали, что есть Богъ, но они уже вѣрили, что надо обожать кого-нибудь или что-нибудь. Когда они замѣтили, что если боготворили какой-нибудь предметъ, то это имъ приносило удачу, они принялись поклоняться божествамъ, выточеннымъ изъ дерева или высѣченнымъ изъ камня. Лапландцы питались мясомъ, кровью и молокомъ, были высокаго боста и здоровые. Теперь они стали маленькаго роста и хилыми и боятся норвежцевъ. О суровой своей жизни Тури говоритъ слѣдующее: «Съ выпаденіемъ снѣга наступали такіе холода, что дѣти, которыя были совершенно мокрыя, замерзали, а родители прятались за большой камень и, не имѣя огня, тоже замерзали и умирали. «Характеръ лапландца,—пишетъ Тури,—почти одинаковъ съ оленьимъ; они легко всего пугаются, и вотъ почему лапландцы должны останавливаться лишь тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ людей, кромѣ ихъ».

По ихъ воззрѣніямъ, среди животныхъ есть волшебники, между прочимъ кукушка, у которой нѣтъ времени высидывать свои яйца. Воронъ—птица злого духа, а волка создалъ дьяволъ, напротивъ, наяды добрые геніи природы; онѣ

превращают въ волка того человѣка, который убилъ невиннаго. Онѣ чрезвычайно опасны и обладаютъ способностью усыплять пастуховъ и заговаривать пули охотниковъ. Онѣ обладаютъ силою человѣка, а умомъ девяти человѣкъ. Напротивъ, медвѣди благородные противники, обладаютъ умомъ одного человѣка, а силою девяти человѣкъ.

Лапландцы, по словамъ Тури, должны благодарить собаку, которая добровольно вступила къ нимъ на службу. Они должны облегчать смерть старой собаке, удушивъ ее, ибо «придетъ день страшнаго суда, собака будетъ первый обвинитель человѣка». Послѣ нея явятся другія животныя, находившіяся подъ его владычествомъ, и всѣ они пожалуются, что человѣкъ заставлялъ ихъ много работать, возить тяжести, погоняя ударами. Ибо у бѣдныхъ животныхъ нѣтъ словъ, и они не могутъ сказать, что изнемогаютъ. Они принуждены трудиться чрезъ силу, пока не околѣютъ. И вотъ тогда-то слышать можно ихъ печальный голосъ, который часто походить на упреки, и онъ такъ грустенъ, что нѣтъ человѣка, у котораго не совѣтъ очерствѣло сердце, чтобы это не растрогало его. Пусть каждый вспомнить объ этомъ и постарается не быть слишкомъ суровымъ къ животнымъ и людямъ. Медвѣдь не боится встрѣтиться съ толпой людей, но онъ боится встрѣтить двухъ братьевъ, ибо онъ знаетъ, что братъ дорожитъ жизнью брата болѣе, чѣмъ своею. «Но норвежцы,—прибавляетъ Тури,—обращаются съ лапландцами не какъ съ братьями, а какъ съ незаконными дѣтьми. Вотъ почему многіе среди насъ принуждены жить, не имѣя права продолжать свой родъ, безъ жены и дѣтей. Очень печально, когда порывъ тѣла остается безъ удовлетворенія и когда приходится вырвать любовь изъ своего сердца».

Вообще дикари рѣдко говорятъ о чувствахъ и красотахъ природы, но Тури каждый разъ находитъ для этого подходящія и выразительныя слова, что вызываетъ удивленіе, если только ему въ этомъ не помогла г-жа Деманъ. Не менѣе выразительно передаетъ онъ свои наблюденія надъ человѣческими чувствами: «Когда человѣкъ добръ и все ему удастся, тогда онъ находитъ, что вся страна съ нимъ радуется; но когда онъ печаленъ и озабоченъ, то ему кажется, что вся страна плачетъ, всѣ камни, всѣ деревья, все на свѣтѣ плачетъ, все, что ранѣе его радовало, болѣе не радуется, и дни кажутся ему такими длинными, что, кажется, нѣтъ имъ конца».

Лапландскія наблюденія надъ природой Тури приводитъ въ изобиліи и между прочимъ слѣдующія: «Если снѣгъ выпалъ рано, то это очень опасно. Осень—время года, когда сражаются между собою хорошая и дурная погода; жаръ и холодъ борются между собою, и каждый въ свою очередь беретъ верхъ. Когда проходятъ мертвые, они пересѣкаютъ воздухъ, какъ летящая птица. Тогда поднимается вѣтеръ, какъ во время страшнаго бури, и деревья склоняются до земли». Тури считаетъ, что вокругъ него все живетъ. «Въ древнія времена,—говоритъ онъ:—каждое существо имѣло свой языкъ; всѣ животныя, деревья, камни, все, все говорило. Въ день страшнаго суда будетъ такъ же».

Если лапландцы отдѣлены отъ остальнаго міра и не умѣютъ выразить свои мысли, то они умѣютъ пѣть. Пѣсня, эта выразительница душевныхъ переживаній, и здѣсь нашла свое царство. Въ своихъ пѣсняхъ лапландцы вспоминаютъ объ умершихъ людяхъ и этимъ увѣковѣчиваютъ память о нихъ. Объ од-

нихъ они вспоминаютъ съ ненавистью, о другихъ—съ любовью. Когда поютъ о смѣлыхъ охотникахъ, то лапландцы отъ удовольствія плачутъ. Молодежь поетъ о любви: «Воя, воя, нана, нана!» («моя пѣжная очаровательная, и моя любимая»). Дѣвушки на это отвѣчаютъ: «Вотъ онъ явился; какъ птица, прилетѣлъ, какъ олень, прискакалъ. Воя, воя, нана, нана». И здѣсь, среди жалкой природы, среди несчастій, нищеты, холода и непогоды—согрѣваетъ лапландца солнце, любовь и пѣсня.

Религія лапландца полухристіанская, полуязыческая. Рождество считается большимъ праздникомъ въ году. Тогда они ведутъ жизнь «красивую и спокойную». Но у нихъ бываютъ моменты душевной смуты, когда въ нихъ просыпается «нѣчто» и они впадаютъ въ религіозный экстазъ. Тогда они громко исповѣдуютъ свои грѣхи, взываютъ къ Богу, просятъ простить имъ грѣхи, обнимаются между собою, плачутъ, вздыхаютъ, кричатъ, издаютъ странные возгласы. Каждый поетъ свою собственную мелодію, и всѣ вмѣстѣ составляютъ странный хоръ, чрезвычайно возбуждающій нервы, который дѣйствуетъ заразительно даже на самаго равнодушнаго зрителя. Продолжая обниматься, они дѣлаютъ ритмическія движенія непрерывно нѣскольکو часовъ, пока не упадутъ отъ усталости.

Свою книгу Тури оканчиваетъ аллегорическимъ воззваніемъ своего народа:

«Если бы эти животныя имѣли своего хозяина и онъ понималъ бы, какъ они страдаютъ, быть можетъ, онъ купилъ бы имъ больше земли. Но у нихъ нѣтъ настоящаго хозяина и имъ ничего болѣе не остается, какъ жить въ страданіяхъ до самой смерти, что печально для людей, которые мыслятъ и понимаютъ. Написавшій эти слова желаетъ, однако, чтобы милость снизошла также и на ихъ глаза наравнѣ съ другими земными созданіями, сотворенными тѣмъ же Богомъ. Всѣ вообще мы успокоимся въ нѣдрахъ Бога, какъ дѣти, у которыхъ лучшее убѣжище—колѣни матери».

Улучшится ли судьба лапландцевъ послѣ появленія этой книги—неизвѣстно, но она разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ по всей Скандинавіи. Во всякомъ случаѣ норвежское общество посмотритъ теперь на лапландцевъ иными глазами.

— Русскій балетъ.—Русскій балетъ за границей оставилъ неизгладимый слѣдъ особенно во Франціи. Въ журналѣ «Musica» ему посвящена хвалебная статейка Эмиля Вильермоца... Нашъ балетъ появился тамъ въ моментъ, когда парижане пресытились всевозможными иностранными артистами: испанская трагедія заставляла забывать о миланскомъ тенорѣ или вѣнской пѣвицѣ; англійскіе артисты смѣняли румынскихъ, шотландскихъ и греческихъ. И вдругъ появился русскій балетъ: «Это былъ громовой ударъ!»—воскликаетъ Вильермоцъ.

Послѣ другихъ иностранныхъ артистовъ парижане обыкновенно съ удовольствіемъ возвращались къ своимъ. Но русскій балетъ произвелъ на нихъ настолько сильное впечатлѣніе, что варварскія имена г-жи Павловой, г-жи Карсавиной и Вацлава Нижинскаго совершенно вытѣснили имена французскихъ танцовщицъ, и тщетно онѣ старались плѣнить своихъ прежнихъ поклонниковъ. Парижане грезили «Шехеразодой». «Надо признаться,—говоритъ Вильер-

мощь, что урок, данный русскими, был подавляющий. В несколько вечеров русские артисты внушили французам, что все он ничего не знает о хореографическом искусстве». Э. Вильермоц сознается, что у парижан заговорило самолюбие и они успокаивали себя, что «Замбелли лучше танцует вокруг чисто французских икр Карлотты». Но французской хореографии был нанесен удар. «Несмотря на науку наших техников, на чудесное искусство некоторых парижских танцовщиц, на роскошь, изящество, присутствия парижанкам, мы должны всему поучиться у северных варваров», говорит Эмиль Вильермоц. Французам снова приходилось идти в школу, хотя они уже добились некоторых успехов. Вильермоц подробно перечисляет, чего добились французские танцовщицы и танцовщики. Но превосходной техники и классических танцев оказалось недостаточно. На этой почве, к своему удивлению, они были побуждены. Русские показали французам, что такое чисто французские традиции XVII века. Оказалось, что наследники Вестриса живут в России. Вильермоцу приходится признать превосходство техники и эстетики русских танцовщиц и танцоров. И этот успех он приписывает методической культуре при строгой дисциплине «монастыря балерин». «Понятно тогда, почему наш кадрил не может бороться с русской труппой относительно дисциплины. Без сомнения, наши танцовщицы объясняют это благородной независимостью демократического темперамента, возмущающегося против гнета, и выражают презрение к пассивному повиновению русских танцовщиц».

Другое удивление возбудили в нем русские—мужскими танцами, которые считались во Франции искусством недоказанным и чисто теоретическим, предназначенным, как думали французы, никогда не выходящим из своей художественной и скульптурной реализации. Но пред их глазами предстали русские танцоры живые и воодушевленные. Во Франции до сих пор никогда не могли составить из танцоров удовлетворительного ансамбля. «Мы даже не думали,—говорит Вильермоц,—о возможности извлечь пользу из солиста». И в этом отношении русские их просветили. «Они принесли нам с Нижинским не только обаятельного солиста, но еще безымянное сокровище коллективного исполнения, основанного на мужественной силе и гибкости. Обладать несравненным виртуозом, воздушным существом, способным быть и эльфом, и сильфом, и фавном, арлекином, богом, марионеткой, Дафнисом, негром, фаворитом Зобеиды—в сущности привилегия исключительная, но без особого значения. Гораздо ценнее иметь возможность окружить его молодыми людьми, достойными продолжить прекрасные линии, которые он перемещает по своему желанию. Представив нам чудесных воинов в «Князь Игорь», описывавших в воздухе фигуры, до каких мужскую красоту, казалось, не допускала человеческая гордость, русские дали нам понять, что это возможно».

Все это было ново для французов и составляло неоценимый для них урок. В то же время они понесли поражение и в отношении декораций, считая французские вполне законченными и не имеющими соперников, достигнув искусства обмана глаз до крайних пределов. Но этому реаль-

ному декоруму русскіе противопоставили декорумъ чисто внушенія. Ихъ теорія оказалась гениальной: «Зачѣмъ,—сказали они намъ,—умъ подвергать пытку, строить дорогіе аксессуары и рисовать разорительныя декораціи, чтобы приблизиться къ недостижимой по законченности дѣйствительности? Эти чудеса обмана глазъ никого не обманываютъ. Театръ живетъ условностями, къ чему желать во что бы то ни стало ребячески снять кольцо этой свободно принятой цѣпи. Гениальный декораторъ никогда не выполнитъ всѣхъ требованій воображенія зрителя, который не можетъ забыть примитивныя условія лампы, занавѣса, проволоки электрическаго прожектора и проч. Это ребяческая революція. Мы не можемъ ускользнуть отъ основного правила, самой основы всего театральнаго искусства. вмѣсто того, чтобы примѣнять эту подавляющую и напрасную технику, постараемся извлечь что-нибудь изъ этихъ блаженныхъ условностей, сообразуясь съ психологіей зрителя. Безусловная ошибка желать, чтобы въ пассивности находилось воображаемое удовольствіе. Человѣкъ не любитъ, чтобы ему представляли совершенно готовое зрѣлище, законченную матеріализацію. Въ тайникѣ сердца онъ предпочитаетъ собственное изобрѣтеніе. Зритель большой ребенокъ, а ребенокъ скоро утомляется научными игрушками, усовершенствованными автоматами и механическими куклами и нѣжно ласкаетъ самую грубую первобытную игрушку, которая покорно подчиняется капризамъ его воображенія».

И примѣръ съ русскими лучше всего подтверждаетъ эту теорію. Они поразили французовъ краснорѣчіемъ своего декоративнаго внушенія, добившись его почти парадоксально простыми средствами только посредствомъ согласованія цвѣтовъ краски или противопоставленія ихъ. Насъ тотчасъ же завоевала таинственная прелесть образцоваго декорума,—говоритъ Вильермоцъ,—новый интересъ, какой представляло подыскиваніе цвѣта къ цвѣту, неотразимое очарованіе, какое производили на самыя утонченныя чувства грубыя пятна зеленого цвѣта въ «Шехеразадѣ».

Для окончательнаго пораженія французовъ,—говоритъ авторъ,—«довершенія разгрома традиціонной французской эстетики Бенуа, Баксты, Головины, Рерихи располагали еще очень простой, но гениальной идеей. Они дали намъ понять, что работы костюмера не могутъ быть независимы отъ декоратора и, раздѣляя эти два труда, какъ имѣютъ обыкновеніе дѣлать французы, мы не менѣе нелѣпы, чѣмъ художникъ, который, исполнивъ фонъ своей картины, поручаетъ затѣмъ другому выписать персонажей. Всегда вооруженные своей широкой кистью, русскіе декораторы, установивъ горизонтъ, согласуя декорацію съ фигурами, набросанными красочными пятнами, даютъ такое единство идеи, о реализаціи которой мы никогда не могли мечтать. Такимъ образомъ, они научили насъ, что божественная игра свѣта достойна игры звуковъ и гармоническая связь вторыхъ не болѣе волнуетъ, чѣмъ переходъ изъ изумруднаго цвѣта къ оранжевому. Впрочемъ, внимательно относясь къ музыкальнымъ комментаріямъ произведенія, русскіе художники внесли ансамбль въ свое сотрудничество, подготавливая вступленія, костюмы, противопоставляя группы и стилизуя ихъ согласно требовательности глаза. Здѣсь тоже матеріальни при чемъ; единственно чѣмъ озабочены эти художники—точностью эффекта;

ихъ техника, ложно наивная, въ сущности гораздо театральнѣе, чѣмъ французская. На несчастномъ лоскутѣ матеріи отъ четырехъ ударовъ кисти Бакста расцвѣтаетъ нѣсколько пурпуровыхъ треугольниковъ и золотыхъ обручей, и онъ даетъ намъ пурпуровую мантию, которая затмеваетъ наши самые роскошные костюмы изъ шелковой матеріи брокара и бархата. Чтобы понять, что мы на ложномъ пути, достаточно видѣть, какая неурядица, сюрпризы и упадокъ духа обыкновенно сопровождаютъ у насъ репетиціи, такъ называемыя портныхъ, когда «*maître de ciseaux*», гордясь, что сдѣлалъ открытіе какой-нибудь чудесной матеріи и новаго покроя, является согласовать свой выработанный секретно шедевръ съ декораціями, которыя художники окончили также въ большой тайнѣ. У русскихъ такая репетиція совершенно бесполезна. Костюмы родятся изъ декораціи, какъ цвѣтокъ изъ растенія, и достаточно жеста Бакста, разсѣивающаго на своемъ полотнѣ или собирающаго вмѣстѣ нѣсколько фигуръ хористовъ,—увѣреннаго, какъ у художника, дающаго окончательный мазокъ своей картинѣ. Когда это видишь, тогда безъ труда согласишься, что такая техника болѣе благородно-художественна, чѣмъ самыя тщательныя изысканія и цвѣтныя фотографія, которыми, повидимому, ограничивается наше честолюбіе.

Наконецъ безжалостные славянскіе профессора преподали французамъ послѣдній урокъ—урокъ музыки. Мы были такъ увѣрены, что не нуждаемся въ немъ, и мы охотно бы преподали его вселенной, поэтому наше униженіе было такъ велико. Оно выразилось въ рѣзкомъ порывѣ дурнаго настроенія. Наши критики пуристы были скандализированы беззащитностью «*enfants terribles*», которыя въ своей варварской игрѣ не уважили самыхъ священныя условій.

Русскихъ бранили, что они танцовали подъ звуки Шопена и трели всего міра, но и въ этомъ явленіи Вильермоцъ находитъ превосходный урокъ. «Даже въ ошибкахъ или историческомъ святотатствѣ русскихъ артистовъ въ заключеніе мы находимъ великолѣпное назиданіе. Развѣ по нелѣпому силлогизму мы до сихъ поръ часто не подчиняли мысль композитора узкой гимнастикѣ танцовщика. Покорный слуга самыхъ смѣшныхъ хореографическихъ условностей, музыка танцевъ сошла у насъ на нѣсколько унижительную степень; мы слишкомъ съ горечью упрекаемъ Фокина, что онъ разбилъ нѣсколько желѣзныхъ полосъ у оконъ тюрьмы, въ которой мы томились. Прилагая ихъ изобрѣтательный геній на служеніе чистой музыкѣ, свободно изложивъ безъ мелочнаго предубѣжденія и симметріи, русскіе балетмейстеры совершили задачу великихъ музыкантовъ. Русскіе инстинктомъ искали свергнуть перегородки, установленныя цивилизаціей между различными искусствами; они стремились къ единству. У нихъ вкусъ къ синтезу, тогда какъ у насъ,—говоритъ авторъ,—болѣзнь все анализировать. Они открываютъ двери въ таинственную область синестезіи. Черезъ нихъ мы понимаемъ прелесть этихъ трогательныхъ минутъ, когда живопись таетъ въ мелодіи, когда музыка становится скульптурой, когда движеніе создаетъ музыкальный ритмъ. Не признаваясь въ этомъ, мы уже извлекли пользу изъ этихъ уроковъ и мы можемъ похвастаться, что мы довольно хорошіе ученики. Будемъ же по крайней мѣрѣ имѣть гордость доказать Европѣ, что мы не являемся неблагодарными учениками».

— Французы на польскомъ престолѣ.—За послѣдніе годы французскіе историки дѣятельно работаютъ надъ выясненіемъ связи славянскаго міра съ ихъ родиной не только въ настоящемъ, но и въ далекомъ прошломъ. Три года тому назадъ появилась прекрасная книга профессора парижскаго университета г. Эмиля Омана «La culture française en Russie», съ которой мы своевременно познакомили читателей «Историческаго Вѣстника». Книга г. Омана охватываетъ періодъ съ 1700 г. по 1900 г. Въ этотъ двухсотлѣтній періодъ главнымъ представителемъ французскаго вліянія въ славянскомъ мірѣ является Россія, и потому въ книгѣ Омана рѣчь идетъ только о нашемъ отечествѣ. Естественнымъ дополненіемъ къ этой книгѣ служить новая работа лектора французскаго языка въ варшавскомъ университетѣ г. Мансю, который въ своей книгѣ ¹⁾ задается цѣлью прослѣдить тѣ связи, которыя имѣлись между Франціей и славянствомъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, выяснить, что знали французы XVI и XVII вѣковъ о славянахъ и какъ эти знанія отразились въ ихъ современной классической литературѣ. За эти два столѣтія у Франціи больше всего оказалось точекъ соприкосновенія съ Польшей. Поэтому сочиненіе г. Мансю главнымъ образомъ имѣетъ въ виду поляковъ.

Первымъ серьезнымъ соприкосновеніемъ Польши и Франціи было избраніе на польскій престолъ брата печальнаго героя Виреоломеевской похищенія Карла IX, Генриха Анжуйскаго, который впоследствии былъ французскимъ королемъ подъ именемъ Генриха III. Это избраніе состоялось, повидимому, не безъ содѣйствія Карла, которому хотѣлось избавиться отъ стѣснявшаго его брата. Среди статистовъ, которые принимали участіе въ этомъ событіи, выдѣляется импозантная фигура Монлюка, епископа валенскаго, брата знаменитаго автора «Комменатріевъ», друга юности королевы Маргариты Наваррской. Посланный въ Польшу, онъ закармлилъ и засыпалъ золотомъ польское шляхетство, сумѣлъ запугать противниковъ кандидатуры герцога Анжуйскаго и обезпечилъ успѣхъ его выборовъ.

Какъ ни лестно было герцогу надѣтъ на себя королевскую корону, онъ безъ особой радости отправился въ свое новое королевство, о которомъ имѣлъ самъ довольно смутное представленіе. Стараясь устроить судьбу любимаго сына, Екатерина Медичи приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы въ новомъ государствѣ ему была устроена торжественная встрѣча. Съ этой цѣлью въ Парижѣ старались всѣми силами расположить къ себѣ польскихъ пословъ, привезшихъ Генриху польскую корону. Для нихъ были устроены въ Тюльери великолѣпныя празднества съ аллегорическими балетами, въ которыхъ участвовали красивѣйшія женщины Франціи, изображавшія ея шесть провинцій. Каждому изъ польскихъ пословъ было поднесены золотые медальоны съ изображеніемъ атрибутовъ каждой провинціи.

Польша не захотѣла уступить въ великолѣпіи и приняла съ восторгомъ новаго государя. Навстрѣчу ему вышли всѣ вельможи Польскаго королевства въ

¹⁾ Le Monde Slave et les classiques français aux XVI—XVII siècles. Par Abel Mansuy. Préface de Ch. Diehl. Paris 1912.

богатых одеждах. Одинъ примать издержалъ на эту встрѣчу болѣе десяти тысячъ дукатовъ. Его свита была залита золотомъ и серебромъ.

Медовый мѣсяць новаго короля продолжался, однако, не долго. Воспитанный въ традиціяхъ абсолютной монархіи, герцогъ Анжуйскій не могъ освоиться съ той второстепенной, невидной ролью, которую ему приходилось играть въ избирательной польской монархіи. Не могъ онъ привыкнуть и къ нѣкоторой грубости нравовъ, столь непохожей на утонченность тюльерійскаго двора. Узнавъ о смерти своего брата короля, онъ принялъ безповоротное рѣшеніе занять освободившійся престоль. Однажды въ глухую ночь онъ вышелъ черезъ скрытую дверь изъ своего дворца и бѣжалъ безъ оглядки во Францію, бросивъ въ Польшѣ сопровождавшихъ его французовъ. Поляки бросились за нимъ въ погоню, но не успѣли задержать его. Бѣглый король предпочиталъ отдаться въ руки своего злѣйшаго врага императора Максимиліана, чѣмъ вернуться въ свое королевство.

Вернувшись на родину и унаслѣдовавъ послѣ брата французскій престоль, Генрихъ, такъ малодушно покинувшій своихъ славянскихъ подданныхъ, продолжалъ тѣмъ не менѣе именовать себя королемъ польскимъ.

Отъ французскаго короля въ Краковѣ обратимся къ отцу будущаго польскаго короля въ Парижѣ. Яковъ Собѣскій не играетъ въ столицѣ Франціи никакой политической роли, его пріѣздъ сюда не связанъ ни съ какими дипломатическими тайнами: онъ путешествуетъ въ качествѣ частнаго человѣка, желающаго пополнить свое образованіе. Парижъ произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе своими громадными размѣрами. Какъ человѣка очень образованнаго, Собѣскаго привлекали главнымъ образомъ университетъ, Лувръ, Пале-Рояль, Бастилія, арсеналь, Сень-Жерменское предмѣстье. Какъ добрый католикъ, онъ спѣшитъ посѣтить Монъ-Валеріанъ и взглянуть на поселившагося тамъ столѣтняго отшельника, который замуравалъ себя въ стѣну, оставивъ для сношенія съ внѣшнимъ міромъ лишь маленькое оконцо.

Путешествуя по Нормандіи, Собѣскій едва не сдѣлался жертвой тогдашней варварской медицины. Онъ заболѣлъ лихорадкой и велѣлъ позвать къ себѣ какого-то шотландскаго врача, славившагося въ околоткѣ. Эти поляки—здоровенный народъ,—рѣшилъ эскулапъ, ихъ жалѣть нечего,—и принялся пускать Собѣскому кровь. Операция эта повторялась тридцать разъ, и Собѣскій, безъ сомнѣнія, отправился бы къ праотцамъ, если бъ въ дѣло не вмѣшался лейбъ-медикъ короля.

Крупнымъ событіемъ, происшедшимъ во Франціи во время путешествія Собѣскаго, было убійство Генриха IV. Вмѣстѣ съ другими знатными поляками онъ былъ принятъ Генрихомъ IV и только что вернулся съ коронаванія королевы, на которомъ присутствовалъ, сидя въ особой ложѣ, какъ вдругъ на улицахъ Парижа раздался крикъ: «Король убитъ!» Произошла страшная суматоха. «Казалось, для города насталъ день страшнаго суда. Въ особенности кричали женщины. Убійца вызвалъ противъ себя общее озлобленіе, и весь Парижъ хотѣлъ присутствовать на его казни. Окна сдавались за баснословную цѣну. Собѣскій вмѣстѣ съ Радзивилломъ нанялъ окно и видѣлъ казнь. «Нельзя описать ярости народной,—записъ онъ въ свой дневникъ. Всѣ бросились на это

окровавленное тѣло, рвали его на мелкія части и уносили эти части, завернувъ въ носовые платки».

Тридцать два года спустя, въ началѣ царствованія Людовика XIV прибыли въ Парижъ два сына Якова Собѣскаго. Въ XVI вѣкѣ Польша просила у Франціи короля, въ XVII она просила уже королеву. Сначала Владиславъ имѣлъ въ виду просить руки сестры короля, затѣмъ остановилъ свой выборъ на герцогинѣ де-Гизъ; получивъ отъ обѣихъ отказъ, онъ рѣшилъ посвататься къ особѣ болѣе скромнаго ранга, къ дочери герцога Неверрскаго Маріи Гонзаго. Оба Собѣсскихъ были отправлены во Францію для довершенія своего образованія. Они вращались въ лучшемъ французскомъ обществѣ, посѣщали модные солны и вездѣ были пріятными гостями. Янъ Собѣскій, будущій польскій король, такъ сжился съ Франціей, что даже поступилъ на службу въ красную королевскую гвардію, въ которой служили такіе люди, какъ Сирано-де-Бержеракъ и Скюдери.

Близкія отношенія новой польской королевы къ семьѣ Конде дали Собѣскимъ возможность проникнуть и въ этотъ аристократическій домъ, считавшійся законодателемъ всякаго вкуса и изящества.

Но, кружась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, Собѣскіе не забывали и главной цѣли своего пребыванія во Франціи—достигнуть вершинъ тогдашней образованности. Они усердно посѣщаютъ театръ, гдѣ даются модныя пьесы Корнейля, съ жадностью читаютъ Влеза Паскаля, Декарта, Гассанди.

Вернувшись къ себѣ на родину, они находятъ королеву, настоящую французенку. Марія Гонзаго прежде, чѣмъ судьба привела ее на польскій тронъ, испытала немало разочарованій и горя и прошла хорошую жизненную школу. Она удостоилась привлечь къ себѣ вниманіе герцога Орлеанскаго, но скоро была имъ оставлена. Влюбившись безнадежно въ Сень-Марса, она забыла его для великаго Конде, но и тутъ любовь не принесла ей ничего, кромѣ огорченій. Гордая и непреклонная, какъ большинство характеровъ того времени, она забыла всѣ свои страданія и униженія, когда въ Парижѣ явились польскіе послы просить и раздѣлить престолъ съ ихъ королемъ.

М-ше де-Мотвилль, довѣренное лицо будущей королевы, оставила намъ подробное описаніе этого сватовства.

Польское посольство въ великолѣпныхъ, поразившихъ парижанъ костюмахъ въѣхало въ Парижъ черезъ ворота св. Антонія. Даже сбруя лошадей была у нихъ покрыта драгоценными камнями. Въ сравненіи съ ними французскіе всадники, украшенные лишь перьями и лентами, казались очень бѣдными.

Французскій дворъ отвѣтилъ на этотъ въѣздъ пышной церемоніей, во время которой Марія Гонзаго была повѣнчана съ королемъ, котораго представлялъ палатинъ польскій.

Послѣ этихъ торжествъ королеву ожидали въ ея новомъ отечествѣ новыя разочарованія и непріятности. Она была красива по внѣшности и обладала страстнымъ характеромъ. Привыкшая къ ухаживанію, она была поражена, прибывъ наконецъ послѣ тягостнаго путешествія во владѣнія своего стараго супруга. Онъ встрѣтилъ ее въ церкви, сидя на креслѣ и не поднявшись при ея приближеніи.

Обманувшись въ мужѣ, королева ушла съ головой въ политику. Польскіе историки упрекали ее въ томъ, что она слишкомъ вмѣшивалась въ дѣла Рѣчи Посполитой и подкунала всѣхъ вліятельныхъ лицъ, которыя были ей нужны. Но они не могутъ отрицать ея энергіи и преданности новой родинѣ. Не даромъ ее изображаютъ сидящей на барабанѣ у воротъ Варшавы и слѣдящей за обученіемъ батареи, предназначенной дѣйствовать противъ шведовъ. Она оказала полякамъ еще одну услугу, склонивъ на ихъ сторону извѣстнаго поэта того времени Сентъ-Амана, который сталъ даже именоваться Сентаманскимимъ и посвятилъ Польшѣ и полякамъ нѣсколько хвалебныхъ стихотвореній.

Начинался XVIII вѣкъ, и мѣсто поляковъ по отношенію къ Франціи заступили русскіе.

— Французское духовенство во времена революціи.— Въ мемуарахъ современниковъ великой французской революціи существуетъ разсказъ о нѣкоемъ ирландскомъ священникѣ, которому удалось проникнуть въ тюрьму Консьержери и тамъ предложить м-ше Дюбарри бѣжать за нѣсколько дней до суда надъ ней. Побѣгъ можно было устроить легко, подкупивъ тюремщиковъ. Но бѣжать можно было только одной: «Въ такомъ случаѣ,—отвѣчала Дюбарри,—предпочитаю, чтобы вмѣсто меня спаслась герцогиня де-Мортмаръ. Она скрывается въ Кале, въ какомъ-то сараѣ. Вотъ чекъ моему банкиру». Священникъ, получивъ деньги, разыскалъ убожище герцогини, переодѣлъ ее въ костюмъ простолюдинки и, взявъ ее подъ руки, отправился вмѣстѣ съ ней пѣшкомъ, увѣряя всѣхъ, что онъ принадлежитъ къ числу священниковъ, принявшихъ конституцію, и путешествуетъ вмѣстѣ съ своей женой. Встрѣчные кричали имъ «браво!» и давали дорогу. Такимъ образомъ онъ пробрался черезъ французскую армію, дѣйствовавшую на сѣверѣ, и достигъ Остенде, а оттуда переправился въ Лондонъ.

Отказываясь отъ спасенія въ пользу герцогини де-Мортмаръ, м-ше Дюбарри рассчитывала спасти въ ея лицѣ дочь своего послѣдняго возлюбленнаго де-Бриссака, но она, кажется, ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ: спасенной оказалась невѣстка той, которую хотѣла спасти узница Консьержери.

По поводу этого эпизода въ исторической французской литературѣ возникла горячая полемика. Біографъ м-ше Дюбарри Шарль Ватель, положившій двадцать лѣтъ жизни на изученіе судьбы этой женщины и выпустившій три огромныхъ тома своихъ трудовъ, считаетъ разсказъ о проникновеніи ирландскаго священника въ тюрьму простымъ мифомъ, какихъ немало создавалось въ революціонныя времена. «Тюрьмы въ періодъ террора охранялись слишкомъ хорошо, да и осужденные оставались здѣсь всего нѣсколько часовъ»,—говоритъ онъ. Эти соображенія Вателя въ настоящее время находятъ рѣзкое опроверженіе со стороны такого знатока, такъ сказать, повседневной обстановки революціи, какъ извѣстный историкъ Ленотръ.

Занявшись даннымъ случаемъ, Ленотръ останавливается вообще на сношеніяхъ духовенства съ тюрьмами революціоннаго трибунала и въ «Le Temps» ¹⁾ сообщаетъ слѣдующее.

¹⁾ Le Temps. 1913. № 18850.

Во время террора во всѣхъ тюрьмахъ Парижа, особенно же въ Консьержери, считавшейся преддверіемъ эшафота, существовала такъ называемая заупокойная обѣдня.

Обыкновенно представляютъ себѣ, говорить Ленобрь, что заключенные въ тюрьмѣ, въ ожиданіи неминуемой смерти, оставались равнодушными къ ней, старались весело провести послѣдніе дни и часы, пѣли, шутили, издѣвались надъ палачами. Такъ обыкновенно представляется это время въ романахъ, на сценѣ и на картинахъ. Въ дѣйствительности же дѣло происходило совершенно иначе. Въ засѣданіи французской академіи наукъ, когда въ нее вступалъ Альфредъ де-Виньи, отвѣчавшій поэту академикъ графъ Моле сурово порицалъ эту укоренившуюся въ литературѣ и искусствѣ фальшь. Съ глубокимъ чувствомъ, захватившимъ всѣхъ слушателей, Моле сослался на примѣръ своего собственного отца, который благочестиво готовился къ смерти, какъ мужъ, оставлявшій на землѣ нѣжно любимую жену, какъ отецъ, которому навѣки предстояло разстаться съ своими дѣтьми, наконецъ, какъ христіанинъ, которому скоро суждено было предстать передъ престоломъ Всевышняго.

Во времена террора въ Консьержери былъ водворенъ нѣкій аббатъ Эмери, начальникъ семинаріи св. Сульпиція, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на парижское духовенство. Его бросили въ тюрьму въ августѣ 1793 г. Несмотря на это, онъ продолжалъ управлять духовенствомъ изъ стѣнъ тюрьмы и исправлялъ въ ней свои пастырскія обязанности. Онъ принималъ въ тюрьмѣ многочисленныхъ посѣтителей, въ томъ числѣ и священниковъ, которые тайно приносили ему въ крошечномъ сосудѣ облатки, употребляемыя католиками для причащенія. Такимъ образомъ, съ начала августа 1793 г. до 9-го термидора въ Консьержери не проходило ни одного дня безъ обѣдни. Благодаря своимъ многочисленнымъ связямъ и вліянію на разбросанное по всему Парижу духовенство, аббатъ Эмери могъ посылать священниковъ въ всѣ революціонныя тюрьмы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда осужденные не могли причаститься передъ отправленіемъ на казнь, имъ давали знать черезъ надежныхъ людей, что въ такомъ-то мѣстѣ рокового пути ихъ встрѣтитъ священникъ, который мысленно и дастъ имъ отпущеніе грѣховъ. Эту печальную обязанность исполняли обыкновенно бывшіе воспитанники семинаріи св. Сульпиція. Одинъ изъ нихъ получилъ отъ аббата Эмери приказаніе слѣдовать за Дантономъ до самаго эшафота. Извѣстно, что по дорогѣ на площадь Революціи суровый трибунъ вспомнилъ о женѣ. Онъ растрогался, и на него нашла минута слабости. Въ этотъ моментъ онъ замѣтилъ въ толпѣ человѣка, который сдѣлалъ ему знакъ. Онъ узналъ въ немъ священника, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вѣнчалъ его. Дантонъ наклонилъ голову и мысленно исповѣдывался передъ нимъ.

Въ 1793 г. аббату Эмери было уже шестьдесятъ лѣтъ. Маленькій и тщедушный, онъ очень заботился о своемъ туалетѣ и ни за что не хотѣлъ разстаться съ своимъ духовнымъ одѣяніемъ. Въ Консьержери онъ чувствовалъ себя, какъ въ своей семинаріи, совершалъ молитвы въ установленный часъ, каждый день служилъ обѣдню и среди непрерывной суетолики тюрьмы усердно предавался богословскимъ занятіямъ, затыкая себѣ уши мякишемъ хлѣба. Днемъ онъ съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ гулялъ по тюремному двору виѣсть съ другимъ

жертвами террора, ночью ходилъ по тюремнымъ коридорамъ, утѣшая однихъ и ободряя другихъ. Онъ успѣвалъ передавать Маріи-Антуанеттѣ записки, въ которыхъ было сказано, что тогда-то ночью онъ пройдетъ мимо ея камеры и дастъ ей опущеніе грѣховъ.

Можно ли предположить, чтобы тогдашній прокуроръ республики, знаменитый своей жестокостью Фукье-Тенвилль не зналъ о дѣятельности аббата Эмери? Аббату неоднократно грозили за нее карами и даже сдѣлали за нее самое худшее: два раза выпускали его изъ тюрьмы на свободу. И каждый разъ онъ дѣлалъ все возможное, чтобы опять попасть въ нее. Несмотря на официальное упраздненіе христіанства, Фукье-Тенвилль заботился о томъ, чтобы осужденные не оставались безъ религіознаго утѣшенія. Онъ всегда посылалъ ихъ списки конституціонному епископу Гобелю, который, въ свою очередь, командировалъ въ тюрьмы конституціонныхъ же священниковъ. Относительно самого Фукье-Тенвилля недавно, благодаря его дочери, стало извѣстно, что подъ своей одеждой прокурора республики онъ всегда носилъ маленькій образокъ Богоматери. Терпимость его простиралась до того, что обнажды онъ разрѣшилъ аббату Маньену отслужить мессу въ камерѣ королевы. Богослуженіе происходило въ присутствіи двухъ жандармовъ. Всѣ эти факты заставляютъ почти съ увѣренностью предполагать, что Фукье-Тенвилль отлично зналъ о дѣятельности духовенства въ тюрьмахъ, но нарочно закрывалъ на это глаза.

— Трагикъ императора Наполеона¹⁾.—Въ нынѣшнемъ году исполняется сто пятьдесятъ лѣтъ со дня рожденія знаменитаго французскаго трагика Франсуа Тальма. Мѣсяць и день, когда онъ родился, въ точности неизвѣстны. Можетъ быть, онъ явился на свѣтъ въ то знаменательное для французскаго театра время, когда его предшественникъ по трагедіи, актеръ Леканъ, разгонялъ зрителей, забравшихся въ «Домъ Мольера» даже на сцену, бросая въ нихъ въ пылу игры стульями и табуретами. А, можетъ быть, будущій трагикъ увидѣлъ свѣтъ нѣсколько позже, когда m-me Дюбарри, держа пари съ придворными актерами, сама выступала на театральныхъ подмосткахъ въ Версалѣ. Годомъ его рожденія обыкновенно считаютъ роковой 1763 годъ, когда Франція навсегда потеряла Канаду и Индію, отвоеванную у нея англичанами. Униженная Англійей, истощенная и потрясенная военными катастрофами послѣдняго времени, великая страна замерла и затихла на время, какъ будто готовясь къ великимъ грядущимъ событіямъ. Именно въ этотъ періодъ въ бѣдныхъ хижинахъ, въ полуразвалившихся отъ ветхости домикахъ родились Наполеонъ и его поколѣніе, родились всѣ тѣ, которые потомъ съ оружіемъ въ рукахъ покорили весь міръ.

Тальма, какъ и Мольеръ, былъ сыномъ бѣднаго слуги. Его крестный отецъ, братъ его отца, въ метрической книгѣ подписался поваромъ. Тальмъ предстояло выбрать одну изъ двухъ профессій—стать либо камердинеромъ, либо поваромъ, и только случайности обязанъ онъ тѣмъ, что не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ. Въ погонѣ за заработкомъ его отецъ выучился зубоврачебному искусству и переселился въ Лондонъ. Англійскіе дантисты пользовались въ то время большою

¹⁾ Neue Freie Presse, № 17412.

славой, и Тальма-отец рассчитывал заработать здѣсь больше, чѣмъ у себя на родинѣ. Конечно, это было грубое ремесло, но оно давало свободу и независимость отъ капризныхъ господъ. Тальма долженъ былъ наслѣдовать отцу въ зубо-врачебномъ искусствѣ и первое время работалъ довольно усердно, выдергивая зубы своимъ англійскимъ кліентамъ. Но уже тогда молодого Тальму неудержимо тянуло къ театру, и тайкомъ отъ отца онъ бѣгалъ въ улицу Дрюри-Лэнь, гдѣ знаменитый актеръ того времени Кембль игралъ Гамлета и Отелло.

Вскорѣ Тальма, уступая своему влеченію, возвращается изъ Англій въ родной Парижъ и поступаетъ въ недавно основанную школу актеровъ. Его учитель Дюгизонъ оказываетъ протекцію этому богато одаренному юношѣ, и въ одномъ изъ парижскихъ театровъ ему даютъ сыграть небольшую эпизодическую роль раба Зеида въ модной тогда театральной новинкѣ—драмѣ Вольтера «Магометъ». Талантъ неизвѣстнаго никому актера засверкалъ сразу такимъ блескомъ, что, къ удивленію публики, роль Зеида сдѣлалась центромъ всей пьесы.

Но, несмотря на огромный успѣхъ, Тальмъ еще долго приходилось играть выходныя роли, и его имя печаталось на афишахъ послѣ всѣхъ другихъ. Но оно было уже замѣчено и подхвачено публикой, тѣмъ болѣе, что для француза оно звучитъ чѣмъ-то иностраннымъ. Впослѣдствіи Тальма самъ доискивался, откуда происходитъ его фамилія. Одни говорили, что родъ Тальмы голландскаго происхожденія, другіе увѣряли, что Тальмой назывался четвертый египетскій фараонъ, тотъ самый, который изгналъ евреевъ изъ Египта. Когда въ Парижъ пріѣхалъ мароккскій султанъ и, обратившись къ ближайшему зубному врачу, узналъ, что его зовутъ Тальмой, то онъ былъ очень удивленъ, услышавъ это имя, которое на его языкѣ значить «безстрашный» и присвоится выдающимся героямъ. Это имя отлично подходило къ актеру, призваніемъ котораго было изображать именно героевъ и королей.

Духовное развитіе Тальмы и его артистическая карьера всецѣло связаны съ революціей. Когда въ странѣ началось движеніе, актеры «Французской Комедіи», чувствуя себя частью придворной обстановки, отнеслись къ нему враждебно. Напротивъ, Тальма сразу всей душой примкнулъ къ нему: онъ еще не успѣлъ забыть, какъ священникъ, презиравшій ремесло комедіанта, отказался вѣнчать его съ Юліей Каро. Революціонеръ въ душѣ, Тальма произвелъ цѣлую революцію и на сценѣ: онъ сбросилъ парикъ и шелковый камзолъ, въ которыхъ изображались до сего времени герои древняго Рима, и закутался въ складки подлинной античной тоги, а волосы свободно пустил на плечи. Цѣлую революцію увидѣли въ томъ, что, презирая освященную обычаемъ цезуру александрійскаго стиха, Тальма сталъ повышать и понижать голосъ на тѣхъ словахъ, которыя казались ему особенно знаменательными.

Верхомъ дерзости было для Тальмы сыграть роль Карла IX въ драмѣ Шенье того же названія. Авторъ предназначалъ ее актеру Сень-Фалю, который наотрѣзъ отказался отъ нея. При экспансивности тогдашней публики, уже взволнованной революціонными вѣянiями, при ея неумѣннiи раздѣлять актера и изображаемое имъ лицо, всякій, кто вздумалъ бы взяться за роль гнуснаго Карла IX, могъ ожидать не только провала, но и скандала. Тальма въ этой роли превзошелъ самого себя. Онъ сыгралъ Карла жестокимъ, его голосъ звучалъ

жестко, временами переходя в хрипоту. Тогдашние рецензенты писали, что Тальма внушил всё такой ужас, что, казалось, возстали все окровавленные тѣни Варооломеевской ночи.

Это было за нѣсколько дней до взятія Бастиліи. Народъ съ шумомъ выходилъ изъ театра, разнося славу Тальмы по всему Парижу и проклиная изверга-короля. Испуганные актеры на слѣдующій день рѣшили снять пьесу съ репертуара и назначили вмѣсто «Карла IX» «Эмениндъ». Но публика, собравшись въ театрѣ, потребовала, чтобы Тальма игралъ «Карла IX». Произошелъ шумъ. Особенно усердствовали въ партерѣ еще мало кому извѣстный широкоплечій адвокат Дантонъ и не менѣ видный графъ Мирабо. Театральной дирекціи пришлось уступить. На сценѣ появился Тальма и прочелъ монологъ Карла; реплики подавала ему актриса Вестри. Въ одинъ вечеръ Тальма сдѣлался популярнѣйшимъ гражданиномъ-актеромъ. Онъ отдѣляется отъ своихъ одержимыхъ аристократическими симпатіями коллегъ и основываетъ новый «Театръ республики», который впоследствии притянулъ къ себѣ театръ Сень-Жерменскаго предмѣстья и вмѣстѣ съ нимъ слился съ «Французскимъ театромъ».

Тальма поселяется въ небольшомъ домикѣ на улицѣ Шантрень. Здѣсь у него перебивала вся революціонная Франція. Однажды, когда Тальма давалъ празднество въ честь генерала Дюмурье, пожаловалъ незванный гость: явился «другъ народа» Маратъ. Онъ былъ въ разорванной, неопрятной одеждѣ, въ рубахѣ, открытой на груди, глаза его дико блуждали.

Гости уѣзжали и прѣзжали, а самъ хозяинъ, утомленный шумомъ и суетой, ускользаетъ въ кухню и, усѣвшись возлѣ камина, погружается въ разучиваніе новой роли. А тѣмъ временемъ наверху идетъ вакханалія эпохи террора подъ предводительствомъ легкомысленной жены Тальмы—Юліи Каро, m-me Талльенъ и жены виконта Богарне Жозефины. Въ этомъ обществѣ все увѣрены, что любовь не можетъ долго продолжаться: топоръ палача Симсона выхватываетъ жертву за жертвой. Поэтому браки заключаются насильно, длятся всего нѣсколько недѣль, пока не кончится брачное путешествіе и разводъ становится модой. У Тальмы было достаточно причинъ послѣдовать этой модѣ. Онъ продаетъ свой маленькій домикъ, который становится собственностью m-me Богарне. Этотъ домикъ теперь ей очень пригодился. Нѣсколько времени тому назадъ она познакомилась съ однимъ молодымъ офицеромъ родомъ съ острова Корсики, который повелъ стремительную атаку на ея сердце. Этотъ молодой офицеръ былъ хорошо знакомъ съ Тальмой. Онъ познакомился съ нимъ, когда случайно прѣхалъ въ Парижъ устраивать здѣсь дѣла своего отца. Тальма нерѣдко приглашалъ этого одинокаго, затеряннаго въ Парижѣ офицера къ себѣ въ театръ и нерѣдко давалъ ему взаймы пару-другую франковъ, когда у того наступали минуты безденежья. Въ домѣ того же Тальмы состоялась послѣдствіемъ свадьба генерала Бонапарта съ вдовою казеннаго виконта Богарне. Здѣсь будущій императоръ пережилъ свой медовый мѣсяцъ, здѣсь же взошли надъ нимъ нобѣды при Арколѣ и Риволи. Здѣсь же Бонапартъ, неожиданно вернувшійся изъ Египта, пережилъ и мучительную драму ревности, разнося въ щепки всю обстановку. Въ бывшемъ кабинетѣ Тальмы Наполеонъ задумалъ создать императорскую Францію, отсюда совершилъ онъ переворотъ 18 брюмера. Наскоро попроща-

вписъ съ Жозефиной, онъ бросился въ Сень-Клу, чтобы дать отчетъ засѣдавшему тамъ законодательному корпусу. Гвардія очистила залу засѣданія штыками и Наполеонъ вернулся въ маленькій домикъ Тальмы триумфаторомъ: начиналась великая наполеоновская драма.

Съ этого момента жизнь Тальмы еще тѣснѣ сплетается съ жизнью Наполеона. Онъ участвуетъ во всѣхъ его побѣдахъ. Въѣхавъ въ покоренный городъ, Наполеонъ тотчасъ же призываетъ Тальму съ товарищами, чтобы они прославили французскій драматическій гений. Императоръ самъ составляетъ съ ними репертуаръ; двери его кабинета, куда могли входить лишь самые важные изъ его генераловъ, всегда открыты для трагика. Упразднивъ однимъ почеркомъ пера большинство парижскихъ театровъ, на которые онъ смотрѣлъ, какъ на гнѣздилища всякаго разврата, Наполеонъ разрѣшаетъ театръ Тальмы и даже осыпаетъ его новыми привилегіями.

Тальма сдѣлался глашатаемъ величія императора. Онъ играетъ Цезаря, Коріолана, Макбета и Отелло, а когда Наполеонъ пожелалъ вернуть народъ къ христіанству, и Поліевкта. Онъ играетъ въ Мальмезонѣ, въ Тюльери, а когда императоръ, разведясь съ Жозефиной, вступилъ въ бракъ съ Маріей-Луизой, выступаетъ въ Компьенѣ въ драмахъ эпохи короля-Солнца. Прошла эпопея мира, и Тальма громко со сцены читаетъ эстафеты, которыя шлетъ съ полей битвы императоръ, такъ же, какъ когда-то онъ читалъ революціонныя стихотворенія, которыя ему бросали изъ публики. Въ Эрфуртѣ въ маленькомъ театрѣ, гдѣ сидѣли биткомъ набитые короли и князья, Тальма играетъ Эдипа. Въ первомъ ряду сидятъ Александръ и Наполеонъ. Когда Тальма произноситъ слова: «дружба великаго человѣка есть даръ боговъ», императоръ Александръ наклоняется въ сторону Наполеона, который сосредоточенно смотритъ передъ собой.

Когда императора не стало и Бурбоны опять воцарились надъ Франціей, любимой ролью стараго Тальмы сталъ Сулла Счастливый. Спокойнымъ и гордымъ изображалъ онъ диктатора, а публика неистовствовала вокругъ него, какъ въ дни его юности, когда онъ игралъ Карла IX. Въ его Суллѣ всѣ узнавали императора. Людовикъ XVIII былъ оскорбленъ, и старому трагику, счастливо уцѣлѣвшему даже въ страшные дни террора, грозила опасность быть брошеннымъ въ тюрьму. Къ счастью, короля успѣли отговорить отъ этого, и Тальма спокойно дожилъ свой вѣкъ.

Несмотря на то, что Тальмѣ приходилось играть почти исключительно классическій репертуаръ, несмотря на то, что онъ большую часть жизни провелъ въ придворномъ кругу, въ его игрѣ всегда чувствовалось его происхожденіе изъ народа. Всякую роль, какъ бы приподнята она ни была, онъ сумѣлъ очеловѣчить, вдохнуть въ нее истинно-человѣческія чувства, какъ и подобало вѣрному послѣдователю Руссо, искавшему всегда только правды и простоты.

— О т о в с ю д у. — Въ «Preussische Jahrbucher» профессоръ Метцъ въ отчетѣ о трудѣ французскаго писателя Луазо, посвященномъ Гёте и одобренномъ академіей, говоритъ, что герои, жизнь которыхъ и произведенія исключительно національныя, могутъ быть вполне понятны лишь въ своей странѣ. Другіе же, напротивъ, идутъ далѣе ихъ произведенія, переступаютъ границы своей страны и въ числѣ послѣднихъ—Гёте. Онъ воздвигнулъ, какъ этого хо-

тѣль, пирамиду своей интеллектуальной жизни; ея фундамент покоится на землѣ, но свою вершину она подняла на такую высоту, въ такія высшія области ума, что оттуда онъ могъ смотрѣть на народы всей земли и всѣ они также могли его разсматривать и избрать его точкой направленія. Они не только это могутъ, но они должны это дѣлать, если хотятъ быть современными людьми, которые не желаютъ порвать узы съ прошедшимъ, но ноги которыхъ покоятся на порогѣ современной дѣйствительности. Гёте, говоритъ Метцъ, совершенный типъ (Спиноза былъ его предтечей) новаго человѣчества, которое смотрѣло на себя просто какъ на часть неизмѣримо громадной природы, но, однако, не хотѣло ничѣмъ жертвовать, что ему досталось хорошаго по наслѣдству отъ прошлаго, потому что цѣнности прошлаго также были построены позитивными силами природы. «Да,—говоритъ Метцъ,—надо сказать, если современной цивилизаціи удастся побѣдоносно перейти современный кризисъ христіанизма, то этимъ она обязана Гёте, показавшему своимъ примѣромъ, что можно реализовать гармоническое единеніе настоящаго съ тѣмъ, что имѣло прочную цѣнность въ прошедшемъ».

Гёте можно изучать тремя способами: его можно разсматривать съ точки зрѣнія фил ологическо-исторической, съ точки зрѣнія эстетической и точки зрѣнія этической. Эта послѣдняя наиболѣе интересна: Гёте-человѣкъ еще величавѣе, оригинальнѣе и достойнѣе изученія, чѣмъ Гёте-писатель. Наиболѣе совершенная изъ всѣхъ его поэмъ та, гдѣ наиболѣе выражены его глубокія размысленія, его собственное существованіе: это онъ самъ. Но изученіе его—страшно трудно, потому что этотъ великанъ ускользаетъ отъ общей мѣрки; никогда не имѣешь права его порицать, даже судить, надо только стараться его понимать, «объективно изучать». Трудно узнать его хорошо, объяснить эту душу и умъ, которые поднимаются настолько выше нашего вульгарнаго уровня понятій.

Для этого изученія недостаточно размысленій: Гёте надо любить.

Біографъ долженъ ограничиваться разсказомъ и объясненіями жизни героя, но не вмѣшиваться со своимъ осужденіемъ его поступковъ, потому что пороки и добродѣтели—продукты, какъ сахаръ. Поэтомъ Метцъ одобряетъ Луазо, что, разсказывая о связи Гёте съ Христиной Вульпіусъ, которая явилась къ нему умолять о защитѣ ея отца и просить покровительства и на которой онъ впоследствии женился, французскій писатель не выражалъ своего порицанія поведенію Гёте, тогда какъ обыкновенно другіе біографы осуждали за это поэта.

«Revue Bleue» за мартъ мѣсяцъ печатаетъ письма Вольтера къ Іакову Верну, швейцарскому священнику. Въ швейцарскихъ городахъ Вольтеръ обезпечилъ себѣ протекцію среди духовенства и между прочимъ женева-скаго священника и профессора богословія Іакова Верна, котораго онъ зналъ еще въ Парижѣ. Вернъ настолько изучилъ исторію, что предложилъ просмотрѣть «Essai sur les moeurs». Но Вольтеръ отвѣтилъ любезной фразой: «Я нашелъ очень большую помощь въ бібліотекѣ Сенонскаго аббатства. Я знаю, что нашелъ бы еще большую помощь въ разговорѣ такого человѣка, какъ вы, чѣмъ въ книгахъ. Знаете, греки отправлялись въ Египетъ

и Индію совѣтоваться съ учеными другихъ религій. Путешествіе изъ Кольмара въ Женеву легче». Тѣмъ не менѣе онъ отклонилъ его услуги. Результатомъ этого отказа было сначала появленіе въ «Bibliothèque Germanique» ядовитой и мелочной критики Верна на «Geneve» изъ «Histoire Universelle», а затѣмъ онъ открыто сдѣлался врагомъ философа.

Ихъ знакомство въ Женевѣ началось съ того, что Вольтеръ получилъ «Choix litteraire» Верна и общалъ ему дать объ этомъ трудѣ отзывъ лично или чрезъ своихъ друзей и пригласилъ священника къ обѣду.

Двадцатисемилѣтній Іаковъ Вернъ былъ сынъ купца и духовную карьеру избралъ, какъ ремесло. Честолюбивый, смѣлый, и любезный, онъ тотчасъ же добился расположенія Вольтера, который нашелъ его искреннѣе всѣхъ изъ духовныхъ лицъ и только впоследствии понялъ, что это интриганъ. Вернъ не любилъ своего ремесла и охотно перемѣнилъ бы его на карьеру литератора. И забавно было видѣть, какъ Вольтеръ напоминалъ ему объ его длгѣ пастора. Дружба философа и священника длилась нѣсколько лѣтъ и порвалась благодаря Руссо.

Разладъ между ними начался съ 1755 года, когда Вернъ началъ свои «Choix litteraire». Онъ послалъ одинъ экземпляръ Руссо, какъ и другимъ философамъ, и просилъ у него отзыва. Руссо отвѣтилъ между прочимъ: «Хорошій литературный выборъ плодъ самаго прелестнаго вкуса, а вкусъ не можетъ усовершенствоваться въ маленькомъ городѣ. Если у васъ хорошій вкусъ, кто это почувствуетъ? Если онъ ничтожный, то умереть естественной смертію, позабавивъ нѣсколько мѣсяцевъ. Повѣрьте, намъ нужны не такого рода произведенія. Возвышенныя вещи, какъ добродѣтель и свобода, развиваютъ и укрѣпляютъ умъ, болѣе мелкія, какъ иллюзія и изящныя искусства, даютъ имъ болѣе тонкости. Вотъ почему Женевѣ страна мудрости и разума, а Парижъ—вкуса. Въ то время, какъ они будутъ дѣлать журналы и брошюры, постараемся создавать полезныя книги, достойныя безсмертія».

Авторъ «Эмиля» въ своемъ «дѣлѣ» имѣлъ на своей сторонѣ многихъ священниковъ, кромѣ Верна, который вошелъ въ число судей не столько изъ ненависти, какъ изъ честолюбія, стремясь занять кафедру въ академіи. Его отношенія съ Вольтеромъ охладились съ появленіемъ «Lettres de la Montagne», въ 1766 г. они еще держались, но затѣмъ переписка прекратилась, и послѣднее письмо было адресовано г-жою Дени.

Въ первомъ письмѣ изъ Муріона Вольтеръ любезничаетъ съ Верномъ, и сожалѣетъ, что «не наслаждается его обществомъ», и уговариваетъ его «не сожалѣть о своемъ ремеслѣ: оно дастъ значеніе и репутацію». Чрезъ нѣсколько времени онъ пишетъ: «Могу васъ увѣрить, что я не покину своего уединенія ни для какого короля на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что плоды, какіе можно извлечь изъ дворовъ,—твердое рѣшеніе никогда не ступать туда ногой. Я испытываю только нѣжность и дружбу. Это письмо подписано: «Vole tuus sumitero».

Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ объ одномъ письмѣ къ Тьеріо: «Оно совершенно искажено и сокращено. Обыкновенно такъ поступаютъ съ моими несчастными произведеніями. Какъ могъ бы я написать, что я приказалъ напечатать здѣсь въ моей исторіи, что у Кальвина была жестокая душа, потому

что этого совсѣмъ нѣтъ въ моей исторіи. Что мнѣ за дѣло, какая была у Кальвина душа? Моя спокойно презираетъ эти глупости и любитъ васъ. Прошу васъ разъяснить это вашимъ друзьямъ». Далѣе онъ объясняетъ, что приводить одно его письмо, напечатанное будто бы въ «*Mercure Galant*», который онъ никогда не читалъ, и въ этомъ письмѣ находится слово «жестокая», чего онъ никогда не писалъ въ этомъ письмѣ. «Это не значить, что я не думаю имѣть съ вами, что поведеніе Кальвина относительно Серве было ужасной жестокостью. Я это говорю, какъ историкъ, и всякій человѣкъ, если не чудовище, долженъ такъ думать». Расхваливая оду Верна, онъ предлагаетъ ему помѣстить ее въ «*Choix litteraire*» и поднести королю Пруссіи. «Я съ большимъ удовольствіемъ взялся бы послать ему вашу оду, и это сдѣлало бы мнѣ честь, но вы хорошо чувствуете, что, по совѣсти, я не могу адресовать ему по почтѣ произведеніе, гдѣ говорится столько дурного о бѣдныхъ французахъ, вашихъ и моихъ соотечественникахъ, австрійцахъ, дворъ которыхъ осыпалъ меня добротой, и русскихъ, приславшихъ мнѣ столько золотыхъ медалей».

«Мнѣ необходимо знать, кто сказалъ: Фруассаръ, или Монстрелэ, или Аллэнъ Шартъ, что въ качествѣ исторіографа заставилъ слугъ Карла XII поклясться и сказать правду, раздѣляя ли ложе Карлъ съ Агнессою Сороль, которой оставилъ троихъ дѣтей. Слуги поклялись Евангеліемъ, что король допускалъ только «честныя вольности», и Аллэнъ удостовѣряетъ, что никогда Агнесса съ его величествомъ наихристіаннѣйшимъ не дѣлала того, что вы знаете. Это смѣшно, но это для статьи въ «Энциклопедіи».

Касаясь оды Верна, онъ пишетъ, что ее напечатали въ Ратизбонѣ подъ его именемъ. «Очень позволительно хвалить великаго гесударя за его добрыя дѣла, но не слишкомъ разрѣшается нападать на Россію, Австрію и Францію, развѣ только, если имѣется армія. Я очень опечаленъ этимъ дѣломъ. Она не принесетъ ничего хорошаго королю Пруссіи, а мнѣ можетъ сдѣлать много зла. Если вы не хотѣли, чтобы ода была отъ васъ, зачѣмъ было печатать? Но дѣло сдѣлано, я люблю васъ не менѣе и очень желалъ бы видѣть васъ».

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТИЕ Романовской выставки. 14-го марта открыта выставка въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ митрополичьихъ покояхъ Чудова монастыря въ Москвѣ. Передъ открытіемъ выставки въ Андреевскомъ храмѣ Чудова монастыря преосвященнымъ Трифономъ, епископомъ дмитровскимъ, и Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, съ высшимъ духовенствомъ совершенно молебствіе. Послѣ богослуженія всѣ присутствовавшіе перешли въ помѣщеніе выставки. Преосвященный Анастасій, предсѣдатель организационной комиссіи, сказалъ большую рѣчь о возникновеніи выставки, ея цѣляхъ и задачахъ, охарактеризовавъ цѣнность и значеніе собранныхъ на ней предметовъ. Пока открылись три палаты. Первая — посвящена Михаилу Ѳеодоровичу, вторая—Алексѣю Михайловичу, третья—прочимъ царямъ московскаго періода. Въ первой палатѣ главное мѣсто занимаетъ портретъ Михаила Ѳеодоровича. Въ переднемъ углу помѣщается Ѳеодоровская икона Божіей Матери, которую инокиня Марѳа Ивановна благословила на царство своего сына Михаила Ѳеодоровича. Рядомъ—икона Знаменской Божіей Матери изъ Знаменскаго монастыря, шитая золотомъ и шелками дочерьми Михаила Ѳеодоровича. На лѣвой—портретъ патріарха Филарета Никитича и подъ нимъ его грамота съ собственноручной подписью и «вислой печатью». Въ два ряда разставлены по залѣ витрины и шкапы, наполненные вкладами Михаила Ѳеодоровича и его родителей въ церкви и монастыря. На стѣнахъ развѣшены драгоценные покровы съ гробницъ. Изъ историческихъ дѣятелей той эпохи выставлены портреты патріарха Гермогена вмѣстѣ съ собственноручнымъ его сказаніемъ объ «явленіи чудотвор-

ной иконы Казанской Божіей Матери» и инока-портретъ преподобнаго Діонісія, взятая изъ Троицкой лавры. Въ залѣ находятся также посохи патріарха Филарета Никитича, его панагіи, митры, золотыя облаченія. Во второй палатѣ, посвященной памяти Алексѣя Михайловича, — великолѣпныя вклады царя и его семьи. Обращаетъ вниманіе древняя икона Иверской Божіей Матери, привезенная съ Аѳона въ 1648 году и сопровождавшая Алексѣя Михайловича въ его походахъ. Она доставлена въ Москву раньше одноименной иконы, находящейся у Иверскихъ воротъ. Интересна икона Владимирской Божіей Матери работы Симона Ушакова 1668 года. Въ этой же залѣ — кресла Алексѣя Михайловича и супруги его Маріи Ильиничны изъ Саввино-Сторожевскаго монастыря. Цѣлая витрина занята платьемъ Алексѣя Михайловича. Въ третьей палатѣ собраны предметы послѣдующихъ царствованій московскаго періода: иконы, кресты, сосуды, облаченія и произведенія письменности и печати того времени.

Закладка памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему. 19-го февраля въ Петербургѣ въ высочайшемъ Его Величества Государя Императора присутствіи состоялось торжество закладки памятника въ Бозѣ почивающему генераль-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу Старшему, сооружаемаго въ скверѣ противъ Михайловскаго манежа. Для присутствованія на торжествѣ и на молебствіи въ манежъ прибыли: болгарскій, сербскій и румынскій посланники, предсѣдатель государственной думы камергеръ Родзянко, члены совѣта министровъ, во главѣ съ предсѣдателемъ статсъ-секретаремъ Коковцовымъ. По обѣ стороны манежа построились: комитетъ по сооруженію памятника, во главѣ съ предсѣдателемъ генераломъ Скалономъ, участники турецкой кампаніи, находящіеся на дѣйствительной службѣ, многочисленныя военныя депутаціи отъ частей, принимавшихъ участіе въ войнѣ 1877—1878 гг., прибывшія въ Петербургъ для присутствованія на торжествѣ, представители отъ военно-учебныхъ заведеній и частей войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа и отставные ветераны-участники турецкой кампаніи. Незадолго до пріѣзда Государя Императора въ манежъ прибыли великіе князья: Борисъ Владимировичъ, Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Константиновичъ, августѣйшій сынъ почивающаго великаго князя Петръ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ и Сергій Михайловичъ, ихъ высочества князь Іоаннъ Константиновичъ, Гавріилъ Константиновичъ, Константинъ Константиновичъ и Сергій Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Петръ Александровичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Въ манежъ также прибыли и прослѣдовали въ царскую ложу ея императорское высочество великая княжна Анастасія Николаевна и ихъ высочества княжны Марина Петровна, Надежда Петровна и Елена Георгіевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская и князь Романъ Петровичъ. Въ одиннадцать часовъ утра на торжество закладки въ манежъ изволилъ прибыть Его Величество Государь Императоръ въ сопровожденіи дворцоваго коменданта генераль-адъютанта Деюлина и лицъ своей свиты, привѣтствуемый по пути слѣдованія народомъ. Протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства о. Шавельскимъ, въ сослуженіи настоятелей соборовъ — митрофорныхъ протоіереевъ Преображенскаго всея гвардіи о. Гудубева и Адмиралтейскаго о. Ставровскаго — и военнаго духовенства совер-

шено было молебствіе съ водоосвященіемъ. Государь Императоръ, приблизившись къ мѣсту закладки, положилъ первый камень и золотыя монеты въ основаніе сооружаемаго памятника. По окончаніи чина закладки и молебствія, закончившагося царскимъ многолѣтіемъ, многолѣтіемъ великимъ князьямъ Николаю Николаевичу и Петру Николаевичу, была провозглашена вѣчная память въ Бозѣ почивающему генералъ-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу. Сооружаемый бронзовый памятникъ будетъ изображать собою въ Бозѣ почивающаго великаго князя сидящимъ на конѣ. Пьедесталъ памятника будетъ высѣченъ изъ русскаго гранита: на лицевой сторонѣ пьедестала будутъ изображены фигуры пяти знаменщиковъ: впереди русскаго, а затѣмъ въ группѣ болгарскаго, румынскаго, сербскаго и черногорскаго; на задней сторонѣ— конныя фигуры великаго князя и его сподвижниковъ, а на фонѣ —парадъ войскъ подъ Санъ-Стефано (подъ стѣнами Константинополя); на правой сторонѣ—атака Гривицкаго редута русскими и румынами 30-го августа и на лѣвой сторонѣ пьедестала—оборона горы святого Николая русскими и болгарами во время атаки Сулеймана-паши 9-го августа. Высота всего сооруженія четырнадцать аршинъ; памятникъ работы скульптора Каноника (Миланъ).

Общество изслѣдователей Вольни. 3-го марта въ Житомирѣ открылся для публики музей общества изслѣдователей Вольни. Музей въ настоящее время состоитъ изъ отдѣловъ: сельско-хозяйственнаго, кустарно-промышленнаго, естественно-историческаго, историческаго, этнографическаго и археологическаго. Произведенныя изслѣдованія имѣли цѣлью выяснитъ наиболѣе важныя для сельскаго хозяйства вопросы, и результатомъ ихъ явились весьма цѣнныя коллекціи въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ по болотному дѣлу, по сорной и культурной растительности, по вредителямъ сельско-хозяйственнымъ насѣкомымъ (вредители поля, сада, лѣса и т. п.), собраны коллекціи по пчеловодству, садоводству, хмелеводству, укрѣпленію песковъ и овраговъ, приборы по молочному дѣлу, нѣкоторыя сельско-хозяйственныя орудія и ихъ модели и т. п. Расходная смѣта по содержанію музея въ 1913 г. опредѣлена въ 4,564 р., изъ которыхъ 1,000 р. предназначены на научныя обсужденія для цѣлей сельскаго хозяйства и 1,000 р. на приобрѣтеніе коллекцій, а остальныя на хозяйственное содержаніе музея. Въ настоящее время музей представляетъ большую научную и практическую цѣнность, и культурно-просвѣтительное его значеніе велико. Судя по его развитію за послѣдній годъ, можно думать, что въ недалекомъ будущемъ музей явится однимъ изъ самыхъ крупныхъ культурно-просвѣтительныхъ учреждений Вольни.

Присужденіе преміи имени Пушкина. 12-го марта въ академіи наукъ состоялось очередное двадцатое засѣданіе комиссіи по присужденію преміи имени поэта Пушкина. Присужденіе, по традиціи, бываетъ въ нечетные годы. Предсѣдательствовалъ, за отсутствіемъ президента академіи великаго князя Константина Константиновича, академикъ А. А. Шахматовъ, присутствовали почетныя академики: А. Ѳ. Кони и Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, академикъ А. И. Соболевскій, Н. А. Котляревскій, академикъ Ф. Ф. Фортунатовъ и А. А. Измайловъ. Заслушаны были письменно изложенныя сужденія другихъ участниковъ комиссіи — августѣйшаго президента академіи, почетнаго академика

К. К. Арсеньева, ординарнаго академика Н. П. Кондакова, В. М. Истрина, почетныхъ академиковъ А. Н. Веселовскаго, профессора Ѳ. Д. Батюшкова, Ю. А. Веселовскаго, Г. А. Рачинскаго и В. Я. Брюсова. Всѣхъ представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій—тридцать. Послѣ обмѣна мнѣній закрытою баллотировкою рѣшено раздѣлить премію между двумя соискателями—авторомъ книги «Искусство рѣчи на судѣ» г. Пороховщиковымъ (по отзыву сенатора А. Ѳ. Кони) и авторомъ изслѣдованія о Пушкинѣ г. Щеголевымъ (по отзыву В. Я. Брюсова). Оба получаютъ половинныя преміи въ размѣрѣ пятисотъ рублей. Писательницѣ Т. В. Щепкиной-Куперникъ и драматургу А. М. Ѳedorову присуждены почетные отзывы. Въ собраніи разряда изящной словесности почтена вставаніемъ память почетнаго академика Голенищева-Кутузова и постановлено устроить въ честь его общественно-литературный вечеръ.

Столѣтній юбилей «Русскаго Инвалида» ¹⁾. 1-го февраля 1913 года исполнилось сто лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ перваго нумера «Русскаго Инвалида». По этому случаю въ тотъ день состоялся торжественный актъ въ собраніи арміи и флота, привлекшій полную залу видныхъ представителей военнаго міра, общественныхъ организацій и печати. Молебень былъ совершенъ протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства. Затѣмъ главный редакторъ генераль-майоръ В. В. Бѣляевъ прочиталъ блестящую рѣчь, содержащую всю исторію газеты, причемъ эта рѣчь не была обычнымъ на юбилеяхъ панегирикомъ, а содержала характеристику газеты по періодамъ; особенно поднялъ газету генераль Поливановъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта; выяснено было также генераломъ Бѣляевымъ значеніе неофициальнаго отдѣла газеты, въ которомъ военными писателями освѣщаются всѣ вопросы злободневной военной жизни и военной техники. Оглашеніе высочайшей телеграммы на имя главнаго редактора было встрѣчено громкимъ ура и звуками гимна. Въ залу были внесены бокалы съ шампанскимъ, а находившійся на хорахъ оркестръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка исполнилъ увертюру Чайковскаго «Двѣнадцатый годъ». Приѣмъ депутацій затянулся на три часа. Всѣхъ депутацій было свыше 90. Военное и морское духовенство благословило редакцію иконой Спасителя. Всѣ главныя управленія военнаго министерства читали адреса. Милое впечатлѣніе производили скромныя депутаціи войсковыхъ частей, которыя изъ далекой провинціи явились лично привѣтствовать юбиляра. Тутъ были депутаціи отъ 21-го пѣхотнаго Муромскаго, 32-го пѣхотнаго Кременчугскаго, 83-го пѣхотнаго Самурскаго, 116-го пѣхотнаго Малоярославскаго, 120-го пѣхотнаго Серпуховскаго, 191-го пѣхотнаго Ларго-Кагульскаго, 4 драгунскаго Новотроицко-Екатеринославскаго и 19-го драгунскаго Архангелогородскаго полковъ, отъ 1-го армейскаго корпуса, 1-ой стрѣлковой бригады и пр. Художественный адресъ поднесъ корпусъ пограничной стражи. Среди депутацій отъ обществъ обращали вниманіе депутаціи: отъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества (генераль-отъ-кавалеріи Д. А. Скалонъ), отъ общества ревнителей военныхъ знаній (читалъ адресъ полковникъ

¹⁾ Сообщилъ М. К. Соколовскій.

А. А. Балтійскій), объ общества ревнителей исторіи (читалъ адресъ, за отсутствіемъ герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго, М. К. Соколовскій; депутація поднесла художественный адресъ съ портретомъ П. П. Пезаровіуса въ серебряной рамѣ; депутацію составляли князь А. С. Эристовъ, Т. О. Соколовская, К. К. Агаоновъ и др.) Привѣтствовали также: лига обновленія флота; общество военной, морской и сельской техники; военно-морской отдѣлъ императорскаго технического общества; національный клубъ (генераль-отъ-инфантеріи Андреевъ); русское собраніе; императорское вольно-экономическое общество. Въ отдѣлѣ представителей печати обращалъ вниманіе художественный адресъ въ серебряномъ бюварѣ, поднесенный отъ сотрудниковъ генераломъ-отъ-инфантеріи Скугаревскимъ; подъ адресомъ подписались, какъ сотрудники, великій князь Сергій Михайловичъ, герцогъ Георгій Николаевичъ Лейхтенбергскій, М. А. Газенкамфъ, А. Н. Куропаткинъ, Д. П. Паренсовъ, Н. Д. Бутовскій и проч. Отъ «Новаго Времени» прочелъ обстоятельный адресъ Н. А. Энгельгардтъ (въ депутацію входилъ М. А. Суворинъ), отъ «Свѣта»—Баженовъ, отъ «Прямого Пути»—М. В. Пуришкевичъ, блестящая рѣчь котораго была покрыта аплодисментами. «Историческій Вѣстникъ» прислалъ юбиляру телеграмму. Адреса поднесены были также отъ журнала «Природа и Люди» (П. П. Сойкинъ) и всѣми военными журналами, газетами и издательствами. «Военная Энциклопедія» принесла поздравленіе въ лицѣ генераль-лейтенанта К. И. Величка и редакторовъ отдѣловъ (В. А. Атрикинъ, А. В. фонъ-Шварцъ и др.). Бросалось въ глаза отсутствіе на юбилеѣ В. А. Березовскаго, который, являясь крупнымъ издателемъ военныхъ книгъ и трехъ военныхъ журналовъ, нашелъ нужнымъ ограничиться только телеграммой, доказавъ, что въ Россіи играетъ первую роль личность, а не дѣло, тогда какъ даже иностранныя газеты прислали свои привѣтствія и помѣстили сочувственныя статьи. Юбилей закончился благодарностью генераль-майора Бѣляева всѣмъ присутствующимъ и депутаціямъ, а въ особенности обществу ревнителей исторіи, въ лицѣ предсѣдателя герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго и М. К. Соколовскаго, такъ какъ это общество предприняло всѣ тяжелыя и невидныя работы по предварительной организаціи торжества. Юбилей сошелъ весьма удачно; къ торжеству пріобщились не только представители военнаго міра, но и общественныя организаціи, и дѣятели печати. Поэтому общество ревнителей исторіи можно привѣтствовать съ несомнѣннымъ успѣхомъ, каковой оно уже проявляло и прежде. Телеграммъ получено около 500. Были телеграммы отъ маститаго Е. В. Богдановича (оглашена на засѣданіи), отъ академии наукъ, отъ университетовъ, отъ различныхъ обществъ, отъ отдѣльныхъ полковъ и частныхъ лицъ. На актѣ присутствовали племянница основателя «Русскаго Инвалида» П. П. Пезаровіуса г-жа Михайлова съ сыномъ и внучатная племянница г-жа Пезаровіусъ. Вечеромъ редакція съезжала дружеской трапезой нѣсколькихъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и членовъ редакціи.

Пятнадцатилѣтній юбилей книгоиздательства М. Н. Слѣпцовой. 10-го февраля сего года исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня основанія издательства М. Н. Слѣпцовой «Книжка за книжкой». Основано оно было покойнымъ ея мужемъ, А. А. Слѣпцовымъ, человѣкомъ недюжиннаго ума и широкаго образованія,

который въ свое время вмѣстѣ съ Серно-Соловьевичемъ немало потрудился надъ открытіемъ первыхъ воскресныхъ школъ. Вѣрный идеаламъ своей молодежи, А. А. Слѣпцовъ закончилъ свой жизненный путь основаніемъ популярнаго научно-просвѣтительнаго издательства для кончающихъ и окончившихъ начальную школу. Послѣ его смерти дѣло взяла въ свои руки вдова его М. Н. Слѣпцова и понынѣ ведетъ его единолично. Книжки, входящія въ составъ этого изданія, раздѣляются на отдѣлы: «естествознаніе и техника», «земля и люди», «исторія», «поясненія къ образцовымъ произведеніямъ» и беллетристика. Книжки по беллетристикѣ большею частью не иллюстрированы. Наоборотъ, историческія, по географіи, естествознанію и этнографіи снабжены хорошо выполненными, объясняющими текстъ рисунками. Простота и живость изложенія, отсутствіе иностранныхъ словъ, такъ часто загромождающихъ родную рѣчь, объясненіе непонятныхъ для читателя терминовъ, случайно встрѣчающихся въ текстѣ,—даютъ возможность юнымъ и даже малограмотнымъ читателямъ легко освоиться съ трактуемымъ предметомъ, а уваженіе къ труду, къ свободѣ совѣсти, къ чувству собственнаго достоинства, какими проникнуты книжки по беллетристикѣ лучшихъ иностранныхъ авторовъ и русскихъ, дѣлаетъ ихъ пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ для нашего молодого поколѣнія школьнаго возраста. Стоимость отдѣльныхъ книжекъ колеблется отъ 5 до 40 копеекъ по расцѣнкѣ по $\frac{1}{4}$ копейки за страницу текста,—такимъ образомъ, доступна широкой публикѣ. Смѣло можно сказать, что нѣтъ ни одной губерніи въ земской Россіи, гдѣ бы не знали «Книжку за книжкой», которая разошлась за эти пятнадцать лѣтъ въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ, несмотря на полное отсутствіе рекламы. Недавно вышедшій № 200 «Книжки за книжкой» «Голосистые вѣстники весны» М. Н. Слѣпцовой отмѣченъ уже «Педагогическимъ Листкомъ» и признанъ министерствомъ народнаго просвѣщенія заслуживающимъ вниманія при пополненіи народныхъ читаленъ и библіотекъ. Пожелаемъ же этому скромному и полезному издательству продолжительнаго успѣха среди подрастающихъ поколѣній.

Юбилей редактора «Свѣта» И. А. Баженова. 15-го февраля тѣсная семья «Свѣта», многочисленные друзья и почитатели чествовали тридцатипятилѣтній юбилей нынѣшняго редактора «Свѣта» Ивана Александровича Баженова. Было очень многолюдно. Празднованіе отличалось искренностью и сердечностью. Къ двумъ часамъ дня на квартирѣ юбиляра собралось многочисленное общество. Редакція «Свѣта», Г. В. Комаровъ, В. В. Комаровъ, Д. В. Комаровъ, всѣ сотрудники и служащіе, генераль-лейтенантъ М. Бородинъ, генераль А. Тальма, генераль Н. Кайгородовъ (бывшій комендантъ Свеаборгской крѣпости), начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія камергеръ К. А. Военскій, генераль Шабельскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Хвостовъ, статскій совѣтникъ М. Г. Кривошлыкъ, Н. М. Боборыкинъ, редакторъ «Россіи» С. Н. Сыромятниковъ, И. Я. Вацликъ, писатель Сьверцевъ-Полиловъ, Дм. Н. Вергунъ, П. Ø. Булацель, Б. Б. Глинскій, профессоръ П. И. Ковалевскій, редакторъ журнала «Окраины Россіи» г. Бывалькевичъ, камергеръ Н. Н. Корево, инженеръ Бушкового, журналисты В. А. Прокофьевъ, Н. Н. Лендеръ, С. Л. Облехова, дѣятельница «Русскаго Зерна» О. П. Дмитріева и много дру-

гихъ. Торжество началось благодарственнымъ Господу Богу молебномъ. Его совершалъ протоіерей С. А. Архангеловъ (членъ редакціи «Свѣта»). Предъ молебномъ о. Архангеловъ произнесъ слово, посвященное юбиляру, и пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ вознести вмѣстѣ съ нимъ благодареніе Господу за обильные дары, полученные юбиляромъ въ жизни его. Послѣ молебна начались привѣтствія, подношенія, чтеніе адресовъ и телеграммъ отъ многочисленныхъ депутацій и частныхъ лицъ. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра отъ газеты «Свѣтъ» камеръ-юнкеръ Г. В. Комаровъ. Онъ поднесъ отъ редакціи юбиляру роскошный адресъ. Вторымъ привѣтствовалъ отъ наборщиковъ и служащихъ типографіи старѣйшій метранпажъ «Свѣта», за выслугу лѣтъ произведенный въ потомственные почетные граждане С. С. Цвѣтковъ. Профессоръ П. И. Ковалевскій привѣтствовалъ отъ всероссійскаго національнаго клуба, редакторъ «Окраинъ Россіи» отъ петербургскаго отдѣла всероссійскаго національнаго союза, Д. Н. Вергунъ отъ имени галицко-русскаго общества, депутація отъ газеты «Земщина», отъ «Вѣстника Студенческой Жизни». Сердечно привѣтствовалъ юбиляра, какъ ученикъ по журнальной работѣ, редакторъ газеты «Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства» статскій совѣтникъ М. Г. Кривошлыкъ и поднесъ лично отъ себя И. А. Баженову икону Казанской Божіей Матери въ золоченомъ окладѣ и роскошномъ футлярѣ. Затѣмъ приносили привѣтствія депутація студентовъ академическаго клуба, группа кіевлянъ, отъ русскаго собранія привѣтствовали В. А. Прокофьевъ и П. Ѳ. Булацель и много другихъ депутацій и частныхъ лицъ. Секретарь редакціи И. П. Азукюль прочелъ около сотни привѣтственныхъ телеграммъ. На привѣтствія юбиляръ отвѣчалъ рѣчами, въ коихъ сердечно благодарилъ за чувства, воодушевляющія его на новую плодотворную работу журналиста, писателя и публициста съ удвоенными силами. Окончились привѣтствія. Подали шампанское. Пили за здоровье юбиляра и его супруги Елизаветы Матвѣевны. Самъ юбиляръ поднялъ бокалъ за процвѣтаніе Россіи и ея державнаго вождя. Присутствовавшіе отвѣтили на тостъ многократнымъ «ура» и гимномъ. Всѣмъ была предложена по русскому обычаю хлѣбъ-соль, которую раздѣлил и маститый юбиляръ. Тостамъ и рѣчамъ не было конца. Самъ юбиляръ провозглашалъ безконечные тосты за своихъ гостей, почитателей и вдохновителей его на новую работу Россіи, царю и всему русскому народу. Красивую рѣчь сказала музыкальный критикъ «Свѣта» А. А. Матова. Юбилейное торжество И. А. Баженова прошло съ рѣдкою торжественностью. Отъ подписчиковъ «Свѣта» получено множество телеграммъ и привѣтствій. Въ теченіе дня получено около четырехсотъ телеграммъ, среди которыхъ были отъ архіепископа волынскаго Антонія, епископа Гермогена, болгарскаго посланника Бобчева, финляндскаго генераль-губернатора Зейна и его помощника Липскаго, отъ группы членовъ финляндскаго сената, члена государственнаго совѣта Дейтриха, отъ петербургскаго градоначальника Драчевскаго, отъ А. А. Столыпина, В. А. Суворина, Сойкина, Проппера, отъ редактора «Русскаго Инвалида» Вѣляева, профессора Красножена, артистки Е. Н. Горевой, отъ газетъ и журналовъ «Русское Чтеніе», «Черниговское Слово», «Дымъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ», «Ученикъ», «Финляндская Газета», «Рижскій Вѣстникъ», отъ основателя «Кіевскаго Слова» профессора А. Я. Ан-

тоновича, А. А. Навроцпаго, Л. Н. Афанасьева, И. А. Баталина, докторовъ В. В. Соловьева и Яблонскаго, артистовъ Н. С. Васильевой и Г. А. Морского, отъ Ан. Ант. и Анат. Анат. Рейнботъ и т. д. 16-го февраля въ квартирѣ Комаровыхъ тѣсно-сплоченная редакціонная семья «Свѣта» чествовала своего редактора И. А. Баженова дружескимъ обѣдомъ. Товарищеская юбилейная трапеза началась въ восемь часовъ вечера и продолжалась при общемъ оживленіи до двѣнадцати часовъ ночи. При появленіи юбиляра редактора газеты «Свѣтъ» И. А. Баженова собравшіеся сотрудники, сотрудницы и соиздатели братья Комаровы устроили ему шумную овацію. Хозяйка обѣда М. В. Комарова съ рѣдкой любовью и чисто русскимъ радушіемъ любезно встрѣчала гостей и приглашала къ юбилейной трапезѣ. Въ центрѣ большого прекрасно сервированнаго стола занялъ мѣсто юбиляръ. Рядомъ съ юбиляромъ помѣстился нашъ гость галичанинъ, депутатъ австрійскаго парламента докторъ Марковъ, а съ другой стороны писательница Н. С. Васильева и извѣстный историкъ камергеръ К. А. Военскій. Въ числѣ присутствовавшихъ сотрудниковъ въ трапезѣ приняли участіе: К. П. Медвѣдскій, В. А. Комаровъ, В. А. Прокофьевъ, Д. Н. Бергунъ, Н. Н. Лендеръ (Путникъ), И. П. Азукюль (секретарь), Н. Д. Капетанаки, Н. Р. Абрамовъ, П. А. Демченко, братья Григорій, Виссаріонъ, Дмитрій и Константинъ Виссаріоновичи Комаровы, представители типографіи С. С. Цвѣтковъ и И. И. Процаевъ и много другихъ. Среди дамъ писательницъ-сотрудницъ «Свѣта» присутствовали: Ю. В. Добровольская, Е. Н. Каталей, супруга юбиляра Е. М. Баженова, В. П. Комарова, Т. В. Комарова, А. А. Матова и другіе. Первый тостъ за виновника торжества И. А. Баженова былъ провозглашенъ Г. В. Комаровымъ. Этотъ тостъ былъ встрѣченъ дружнымъ и воодушевленнымъ «ура». Затѣмъ однимъ изъ сотрудниковъ «Свѣта» былъ предложенъ тостъ за русскую женщину вообще и за спутницу и вдохновительницу И. А. Баженова въ частности. Веселое настроеніе присутствовавшихъ было поддержано старшимъ корректоромъ И. И. Процаевымъ, прочитавшимъ экспромтъ, посвященный юбиляру и составленный въ формѣ «раешника». Сердечное и прочувствованное слово было сказано докторомъ Марковымъ, привѣтствовавшимъ юбиляра, какъ рѣдкаго, честнаго, выдающагося писателя-націоналиста.

25-лѣтній юбилей проф. Д. Д. Попова. Въ гинекологической клиникѣ при военно-медицинской академіи состоялось чествованіе профессора Д. Д. Попова по случаю исполнившагося 25-лѣтняго юбилея его профессорской дѣятельности. Собравшіеся сердечно привѣтствовали юбиляра. Среди присутствовавшихъ, кромѣ студентовъ выпускнаго курса, учениковъ юбиляра, врачей и служащихъ клиники, были профессора В. К. Варлихъ, лейбъ-хирургъ С. И. Федоровъ, С. И. Максимовъ, М. Д. Ильинъ, В. А. Шкаринъ, К. К. Скробанскій, представители различныхъ гинекологическихъ обществъ. Представитель отъ врачей клиники докторъ Тавилдаровъ прочелъ привѣтственный адресъ и поднесъ юбиляру серебряный ларецъ, затѣмъ привѣтствовали: главный врачъ клиническаго военнаго госпиталя докторъ Сергѣевъ, представитель совѣщанія городскихъ акушеровъ, Николаевскій военный госпиталь, Свято-Троицкая община, гдѣ юбиляромъ было положено начало гинеко-

логическаго отдѣленія, акушерско-академическая клиника женскаго медицинскаго института, первая петербургская повивальная школа, канцелярія служащихъ клиники, сидѣлки клиники, поднесшія юбиляру хлѣбъ-соль, профессоръ Скробанскій, конференція академическихъ врачей и представитель отъ студентовъ выпускнаго курса. Среди многочисленныхъ привѣтственныхъ телеграммъ: отъ гинекологической клиники московскаго университета, профессора В. М. Бехтерева, лейбъ-хирурга Н. А. Вельяминова, профессора Мари, главнаго санитарнаго инспектора, учителя юбиляра профессора А. И. Лебедева, профессора П. П. Павлова и много другихъ.

Юбилей профессора А. И. Введенскаго. 17-го февраля исполнилось пятидесятилѣтіе со дня рожденія и двадцатипятилѣтіе научно-преподавательской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора философіи и логики А. И. Введенскаго. Въ честь юбиляра былъ устроенъ банкетъ въ залѣ женскаго педагогическаго института, на которомъ присутствовали: директоръ института профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, ректоръ петербургскаго университета Э. Д. Гриммъ, профессоръ Ф. А. Браунъ, профессоръ Э. Л. Радловъ, профессоръ Серебренниковъ, Н. М. и В. М. Каринскіе, профессоръ Лосскій, профессоръ Лапшинъ и рядъ другихъ лицъ, друзья и почитатели юбиляра, а также и его слушатели. Въ очень теплыхъ и прочувствованныхъ рѣчахъ привѣтствовали А. И. и отмѣтили его выдающіяся научныя и преподавательскія заслуги профессоръ Браунъ, профессоръ Радловъ и другіе. Юбиляру поднесенъ собравшимся портретъ философа Канта. Послѣ банкета въ помѣщеніи института была устроена вечеринка съ танцами.

Юбилей Л. Н. Афанасьева, 10-го марта исполнилось тридцать лѣтъ литературной дѣятельности Л. Н. Афанасьева. Л. Н. Афанасьевъ родился въ 1864 г. въ Новой Ладогѣ. Получивъ образованіе въ евангелическо-лютеранскомъ училищѣ св. Анны въ Петербургѣ, Л. Н. Афанасьевъ съ 1883 года началъ печатать свои стихи въ «Свѣтѣ» и «Живописномъ Обзорѣніи». Съ тѣхъ поръ онъ принималъ участіе въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Новомъ Времени», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» редакціи Г. Г. Ясинскаго, «Россіи» редакціи Амфитеатрова, «Свѣтѣ», «Русскомъ Листкѣ», «Сынѣ Отечества», «Голосѣ Правды», «Кіевскихъ Говостяхъ», «Литературномъ Приложеніи» къ «Торгово-Промышленной Газетѣ», «Недѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ», «Русской Мысли», «Нашемъ Дѣлѣ», «Домашней Библіотекѣ» и многихъ другихъ. Сборники стихотвореній Л. Н. Афанасьева вышли въ свѣтъ отдѣльными изданіями: первый въ 1896 году, второй— въ 1901 г. Въ настоящее время готовится третій сборникъ его стихотвореній. Многія изъ нихъ положены въ музыку. Тѣсный кружокъ друзей и почитателей праздновалъ 10-го марта его юбилей. Было получено много привѣтственныхъ телеграммъ, между прочимъ прислали поздравленія предсѣдатель цензурнаго комитета тайный совѣтникъ А. А. Катенинъ, Н. Н. Венгцель (Бенедиктъ), Ѳ. Сологубъ и многіе другіе.

Лекціи М. М. Иванова ¹⁾. Нашъ извѣстный критикъ и композиторъ М. М. Ивановъ прочелъ въ музыкально-историческомъ обществѣ имени графа А. Д.

¹⁾ Сообщилъ В. Баскшгъ.

Шереметева рядъ лекцій о Глинкѣ и о композиторахъ, предшествовавшихъ ему, съ музыкальными иллюстраціями въ видѣ исполненія отрывковъ изъ ихъ произведеній. Особенно заинтересовала присутствовавшихъ лекція, посвященная Верстовскому, такъ какъ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ (18-го февраля) со дня его смерти и ни одно наше музыкальное учрежденіе не вспомнило объ этомъ событіи, не исключая и образцовой сцены, занятой, съ одной стороны, преимущественно Вагнеромъ, фактически вытѣсняющимъ съ родной сцены всѣхъ русскихъ композиторовъ, а съ другой—угожденіемъ капризамъ гастролеровъ, для которыхъ приходится ставить всякую дребедень, выученную ими. Такъ прошелъ мимо дирекціи столѣтній юбилей Даргомыжскаго, автора «Русалки»; но не о дирекціи теперь рѣчь. М. М. Ивановъ, авторъ книги «Исторія музыкальнаго развитія Россіи» (въ двухъ томахъ), о которой мы своевременно высказались и благодаря которой онъ завоевалъ себѣ имя «Русскаго Амброса», въ живой, талантливой и непринужденной бесѣдѣ охарактеризовалъ значеніе и дѣятельность творца «Аскольдовой могилы», обнаруживъ свой безпристрастный взглядъ историка на труды избраннаго композитора въ связи съ обзоромъ той эпохи, въ которой работалъ Верстовскій, и ту совершенно правильную точку зрѣнія на роль и значеніе его въ исторіи нашей музыкальной литературы, которую онъ сыгралъ, какъ одинъ изъ двигателей національнаго творчества, работавшій одновременно съ Глинкой. Нечего говорить, что лекторъ не пропустилъ ничего, что такъ или иначе ярко освѣщало дѣятельность Верстовскаго, какъ нѣтъ надобности много распространяться объ успѣхѣ, выившемъ на долю г. Иванова по окончаніи лекцій, въ которыхъ онъ имѣлъ возможность не только щеголять своими обширными знаніями и начитанностью, но и заинтересовать аудиторію своей живой и увлекательной рѣчью. Прежде всего лекторъ указалъ на среду, вкусы тогдашняго общества и общее музыкальное развитіе того времени, когда, по взглядамъ Репетиловыхъ,—«водевилъ вещь, а прочее все гиль»; затѣмъ, обращаясь собственно къ своему герою, г. Ивановъ указалъ на его композиторскую и общественную дѣятельность, причемъ, не останавливаясь особенно на болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ, выдвигалъ тѣ стороны, которыя сравнительно мало разработаны и, благодаря этому, представляютъ большой интересъ. Сначала о композиторѣ. Почему изъ всѣхъ его оперъ «Аскольдова могила» отличается такой живучестью, почему она до сихъ поръ, несмотря на свою семидесятилѣтнюю давность, вызываетъ восторги слушателей? Были же у него оперы до нея («Панъ Твардовскій» и «Вадимъ или двѣнадцать спящихъ дѣвъ») и послѣ нея («Госка по родинѣ», «Чурова долина» и «Громобой»),—однако онъ всѣ отжили свое время, мало кому извѣстны даже изъ специалистовъ, тогда какъ «Аскольдова могила», невзирая на присущіе ей недостатки со стороны техники и фактуры, и теперь захватываетъ. Тѣмъ болѣе это странно, что она создавалась въ пору особеннаго увлеченія романтизмомъ, совершенно чуждымъ и нашей жизни, и нашей литературѣ. Отвѣтъ мы отчасти находимъ въ слѣдующихъ строчкахъ Сѣрова: «мелодіи Верстовскаго затрагиваютъ такія струны русской души, до которыхъ Глинка не прикасался»; если въ этихъ словахъ слышится обычное увлеченіе этого критика, то все же въ нихъ имѣется доля правды: что бы ни говорили наши философствующіе музыканты,—мелодія все-таки душа всякаго му-

зыкальнаго произведенія; Верстовскаго Господь наградила богатымъ родникомъ мелодій и удивительнымъ чутьемъ къ народной пѣснѣ. Отсюда второе качество—его мелодіи національны. И этого мало. Онъ не пользовался готовымъ матеріаломъ, т.-е. подлинно народными пѣснями, какъ это дѣлаютъ современные композиторы; научившіеся инструментовать (теперь очень нетрудно стать «національнымъ композиторомъ», имѣя подъ рукой массу сборниковъ народныхъ пѣсень; разрабатывая сырой матеріалъ), а работалъ, какъ и Глинка,—«въ духѣ народа»; они творили, а не дѣлали народную музыку; создавали, благодаря собственной изобрѣтательности, а не брали, за отсутствіемъ этого дара, готовые народные мотивы. Затѣмъ въ области художественныхъ типовъ Верстовскій создалъ Торопку, дѣлающаго создателя его безсмертнымъ въ исторіи нашей музыки; Торопка—созданіе Верстовскаго исключительно и до настоящаго времени не имѣетъ себѣ равныхъ въ нашей литературѣ (въ сравненіи съ нимъ даже Сабининъ въ «Жизни за царя» блѣднѣетъ). Дѣло въ томъ, что пѣсенки Торопки («Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ», «Заходили чарочки по столику» или баллада «Близко города Славянска»), равно какъ и хоръ затворицъ («Ахъ, подруженки») или рыбаковъ («Гой ты, Днѣпръ ли мой широкий»), пѣсань Неизвѣстнаго, славянская пляска и др.—захватываютъ публику, слышащую въ нихъ нѣчто близкое, свое, родное,—а это качество не преходящее и не случайное. Кромѣ оперной дѣятельности, лекторъ обратилъ вниманіе на его многочисленные романсы, пользовавшіеся огромнымъ успѣхомъ у нашихъ дѣдовъ и бабушекъ («Черная шаль» и др.), на его труды по духовной музыкѣ (три обѣдни и три концерта) и на оркестровыя произведенія, написанныя по разнымъ случаямъ (коронація императора Николая I, открытіе общества любителей русской словесности и др.): гимны, кантаты, полонезы, бывшіе тогда въ модѣ и др. Конечно, все это принадлежитъ уже исторіи, но забывать этого не слѣдуетъ. Мимоходомъ г. Ивановъ, само собою разумѣется, коснулся статей и мемуаровъ современниковъ: Аксакова, Ю. Арнольди, Сѣрова и др., упомянувъ и о современныхъ дѣятеляхъ, занимавшихся Верстовскимъ, хотя нужно тутъ же прибавить, что этотъ композиторъ сравнительно мало разработанъ въ литературѣ. Почему довольствуются эпитетомъ «талантливаго диллетанта», полагая, что этимъ все сказано—неизвѣстно. И въ этомъ отношеніи любопытны страницы, посвященныя нашимъ лекторомъ Верстовскому въ названномъ выше капитальномъ трудѣ его. Что касается общественной дѣятельности Верстовскаго, то г. Ивановъ справедливо указалъ, что сдѣлано имъ мало для русской музыки; состоя на службѣ долгіе годы въ конторѣ московскихъ императорскихъ театровъ, онъ имѣлъ бы возможность оказать большія услуги, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Лекторъ объясняетъ это московской безпечностью и вообще равнодушнымъ отношеніемъ его къ задачамъ своей службы.

Отъ императорскаго московскаго университета. 12-го мая 1911 года русская наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора московскаго университета Василя Осиповича Ключевскаго. Русскому обществу хорошо знакомъ и дорогъ образъ великаго ученаго, сочетавшаго силу мысли съ даромъ художественнаго творчества и могуществомъ устнаго слова. Имя почившаго одинаково близко какъ многочисленнымъ слушателямъ его, разбросан-

нымъ по всей Россіи, такъ и еще болѣе многочисленнымъ читателямъ его литературныхъ произведеній. Работы его, бросая яркій свѣтъ на наше прошлое, будили общественное сознание, развивали мысль ряда поколѣній и воспитывали школу исторической науки. Идя навстрѣчу проявленному со всѣхъ сторонъ горячему желанію выразить уваженіе къ памяти В. О. Ключевскаго, московскій университетъ остановился на мысли почтить память почившаго такъ же, какъ нѣкогда была почтена память его великаго учителя Сергѣя Михайловича Соловьева, и возбудилъ ходатайство объ учрежденіи при московскомъ университетѣ стипендіи его имени для оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи, а также и преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской церкви. Нынѣ высочайше разрѣшено открытіе повсемѣстнаго сбора добровольныхъ пожертвованій для означенной цѣли. Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, императорскій московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей В. О. Ключевскаго доставлять свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, въ правленіе университета, во всѣ конторы и отдѣленія государственнаго банка, въ губернскія и уѣздныя казначейства Россійской имперіи для зачисленія на условный текущій счетъ въ московской конторѣ государственнаго банка за № 20255, открытый на имя совѣта императорскаго московскаго университета. Отчеты о поступившихъ пожертвованіяхъ будутъ публиковаться два раза въ годъ.

НЕКРОЛОГИ.

ВВЕДЕНСКИЙ, А. И. Русскую науку и литературу постигло большое несчастье: онъ навѣки утратилъ выдающагося ученаго, заслуженнаго профессора императорской московской духовной академіи Алексѣя Ивановича Введенскаго, скончавшагося 23-го февраля въ Москвѣ. Покойный, сынъ священника, родился въ 1861 году въ бѣдномъ селѣ Городковѣ (Московской губерніи), гдѣ его отецъ былъ настоятелемъ, и послѣ домашней подготовки получилъ образованіе сначала въ волоколамскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ виѣанской духовной семинаріи и наконецъ въ московской (нынѣ императорской) духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ магистрантомъ въ 1886 году. За отсутствіемъ свободной академической каѣдры ему пришлось съ 25-го августа 1886 года занять мѣсто преподавателя въ вологодской семинаріи, но уже черезъ годъ, по избранію академическаго совѣта, его утвердили исправляющимъ должность доцента въ родной академіи по каѣдрѣ исторіи философіи на мѣсто профессора М. А. Остроумова. Черезъ четыре года (29-го апрѣля 1891 года) онъ былъ удостоенъ степени магистра богословія и, утвержденный въ званіи доцента, командированъ за границу: въ Берлинъ и Парижъ. Во время этой ученой командировки А. И. услышалъ грустную вѣсть о кончинѣ своего знаменитаго учителя В. Д. Кудрявцева (умеръ 3-го декабря 1891 года) и затѣмъ узналъ, что онъ, по рѣшенію совѣта академіи, долженъ замѣстить своего руководителя по каѣдрѣ метафизики и логики. Съ 15-го февраля 1892 года А. И. занялъ мѣсто своего славнаго учителя и въ теченіе свыше двадцати лѣтъ до дня кончины съ необыкновеннымъ достоинствомъ занималъ академическую каѣдру (по новому уставу—«систематической философіи»), имѣя съ 1902 года степень доктора

богословія и съ 1912 года—звание заслуженнаго профессора. Кромѣ того, покойный въ родной академіи состоялъ лекторомъ англійскаго языка (1895—1896 г.г.), преподавалъ исторію философіи (1908—1909 годахъ) и былъ членомъ академическаго правленія (1906—1913 годахъ); участвовалъ въ особомъ совѣщаніи о преобразованіи университетскаго отдѣленія при императорскомъ лицей въ память цесаревича Николая и въ учрежденной при святѣйшемъ синодѣ комиссіи по выработкѣ новаго устава духовныхъ академій (1909—1910 годахъ), а также читалъ лекціи по логикѣ въ московскомъ педагогическомъ институтѣ (съ 1911 г.). Одновременно съ такою педагогическою службой А. И. Введенскаго безъ перерыва шла и постепенно расширялась его учено-литературная дѣятельность. Къ наиболѣе важнымъ изъ его трудовъ принадлежатъ: магистерская диссертация по философіи религіи—«Вѣра въ Бога, ея происхождение и основанія», положительное рѣшеніе вопроса въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи (М. 1891 года, 465 стр.); «О религіозной философіи В. Д. Кудрявцева» (Харьковъ. 1893 г., 40 стр.); «О характерѣ, составѣ и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева», съ приложеніемъ рѣчи о жизненно-практическихъ принципахъ философа (Серг. пос. 1893 г., 82 стр.); «Демоніонъ Сократа», этюдъ по исторіи древней философіи (Серг. пос. 1893 г., 35 стр.); «П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды» (Серг. пос. 1893 г.); «Современное состояніе философіи въ Германіи и во Франціи» (М. 1894 г. XXXIII+330 стр.); «Западная дѣйствительность и русскіе идеалы» (Серг. пос. 1894 г., 208 стр.); «Очеркъ современной французской философіи» (Харьк. 1894 г., 186 стр.); «Общій смыслъ философіи П. Н. Стрехова» (М. 1897 г.); «На современные темы», сборникъ популярно-философскихъ статей (М. 1897 г., 145 стр.); «Письма о современномъ искусствѣ» (М. 1898 г., 158 стр.); «Время и вѣчность», актовая рѣчь (Серг. пос. 1900 г., 32 стр.); «Законъ причинности и реальность видимаго міра» (Харьк. 1901 г., 312 стр.); «Изъ итоговъ вѣка» (Серг. посадъ, 1901 г.); «Религіозное сознание язычества», опытъ философской исторіи естественныхъ религій—докторская диссертация (М. 1902 г., 750 стр.); «Религіозное обновленіе нашихъ дней (М. 1903—1904 г.г., два выпуска); «Графъ П. И. Капнистъ, какъ поэтъ» (М. 1904 г., 100 стр.); «Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача», публичныя лекціи (М. 1907 г., 88 стр.) и «Переломъ въ современномъ общественномъ сознаніи» (Серг. посадъ, 1911 г., 31 стр.). Нѣкоторая часть статей покойнаго появилась въ «Чтеніи общества любителей духовнаго просвѣщенія», «Вѣрѣ и Разумѣ», «Православномъ Обзорѣніи», «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Вопросахъ философіи и психологіи», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обзорѣніи», «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Душеполезномъ Чтеніи», котораго онъ былъ и редакторомъ (1902—1907 годахъ). Но наибольшая часть статей его появилась въ теченіе шестнадцати лѣтъ сотрудничества на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей»; здѣсь подъ псевдонимомъ «А. Басаргинъ» съ № 8 за 1897 годъ онъ выступилъ съ рядомъ статей подъ заглавіемъ: «Изъ области современной мысли», затѣмъ велъ разборъ замѣчательныхъ пьесъ и съ № 258 за 1898 годъ началъ печатать свои выдающіяся «Критическія замѣтки», давалъ еженедѣльные разборы произведеній русской и иностранной литературы; его послѣднюю

«лебединою пѣсней» была оцѣнка сочиненій К. Н. Леоптьева («Московскія Вѣдомости» 1912 года, № 284 отъ 8-го декабря). Значительная часть статей А. И. Введенскаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» вышла отдѣльными книгами. Сверхъ того, покойному принадлежитъ рядъ передовыхъ статей, появившихся въ разное время. Учено-литературныя заслуги А. И. Введенскаго не остались безъ достойной оцѣнки: 18-го сентября 1911 года и 22-го января 1912 года по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его служенія наукѣ и духовной школѣ состоялись торжественныя чествованія юбиляра, причемъ многими высказывалось пожеланіе увидѣть «Полное собраніе статей» съ честію потрудившагося русскаго ученаго. Теперь же, когда его не стало, приходится еще болѣе озаботиться о такомъ изданіи, которое, несомнѣнно, послужило бы лучшимъ памятникомъ тому, кто, по выраженію митрополита Владимира, «многopлодно, разноплодно и благоплодно» работалъ на ученомъ и литературномъ поприщѣ въ теченіе свыше четверти вѣка... (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 46).

† **Вилькицкій, А. И.** 26-го февраля не стало бывшаго начальника главнаго гидрографическаго управленія, перваго полнаго генерала вновь образованнаго корпуса гидрографовъ Андрея Ипполитовича Вилькицкаго. Покойный посвятилъ гидрографіи, гидрографическимъ изслѣдованіямъ и мореходной астрономіи всю свою сознательную жизнь и въ области этихъ знаній завоевалъ себѣ почетъ и обширную извѣстность. Онъ отдался гидрографической дѣятельности въ 1880 году, вскорѣ по окончаніи курса въ Николаевской морской академіи, когда занялся работами въ Балтійскомъ морѣ, затѣмъ въ Онежскомъ озерѣ. Въ этихъ работахъ онъ убѣдился въ недостаткѣ своей научной подготовки и прикомандировался къ Николаевской астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ для изученія практической и мореходной астрономіи и высшей геодезіи. Три года онъ занимался въ обсерваторіи, въ 1885 году былъ приглашенъ вести практическія занятія по астрономіи въ Николаевской морской академіи и съ этого времени выдѣляется какъ своими научными работами, такъ особенно изслѣдованіемъ нашего Сѣвера и прокладкой морскаго пути по Ледовитому океану въ устья Оби и Енисея. Эта дѣятельность завершилась назначеніемъ его сперва въ 1901 году помощникомъ начальника главнаго гидрографическаго управленія, потомъ въ 1907 году главнымъ руководителемъ этого управленія. Онъ впервые познакомился съ нашими сѣверными берегами въ 1887 году, отправившись къ Новой Землѣ и занявшись гидрографическими изслѣдованіями у устьевъ рѣки Каратанхи и у Хайпудырской губы. Это было началомъ его послѣдующаго цѣлага ряда изслѣдованій, посвященныхъ выясненію важности морскаго пути въ устья великихъ сибирскихъ рѣкъ. Начиная съ 1894 года по 1910 годъ, онъ, будучи начальникомъ гидрографической экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго океана, работалъ на протяженіи отъ мыса Сѣверо-Восточнаго у Енисейскаго залива до границы съ Норвегіей, и сдѣлался не только знаткомъ Сѣвера, но и искреннимъ его ревнителемъ. Въ это время имъ былъ открытъ непрерывный морской путь по двѣнадцатисаженной глубинѣ непосредственно въ Енисейскую губу. Затѣмъ въ 1901 году онъ вывелъ въ Карское море енисейскую экспедицію министерства путей сообщенія и въ своей даль-

нѣйшей службѣ устроилъ посылку гидрографической экспедиціи въ Ледовитый океанъ изъ Владивостока къ устью Лены. Покойный стремился соединить свои западныя работы съ новыми восточными и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ непрерывнаго плаванія изъ Европы на Дальній Востокъ. Параллельно съ экспедиционными занятіями онъ продолжалъ до 1908 года свою преподавательскую дѣятельность въ морской академіи. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его работъ по опредѣленію ускоренія силы тяжести въ Европейской и Азіатской Россіи, отмѣченныхъ золотыми медалями—малой и имени Литке, а также изобрѣтеніе небольшого приборчика для вычисленія широты по близмеридиальной высотѣ свѣтила. Этотъ приборчикъ, удостоенный нѣсколькихъ золотыхъ медалей и почетныхъ отзывомъ, широко распространился не только у насъ, но и за границей. Находясь во главѣ гидрографическаго управления, А. И. особенно дѣятельно и настойчиво проводилъ идею о необходимости научной постановки гидрографическаго дѣла, о привлеченіи къ нему спеціально образованныхъ дѣятелей и въ этой области провелъ нѣсколько реформъ, завершивъ ихъ въ прошломъ году образованіемъ особаго корпуса гидрографовъ. При немъ было обращено особенное вниманіе на правильность и точность морскихъ картъ, многія изъ нихъ совершенно видоизмѣнились, получивъ новую полноту; онъ считался также съ введеніемъ въ гидрографическое дѣло самыхъ послѣднихъ техническихъ усовершенствованій и для болѣе широкаго распространенія точныхъ изслѣдованій и наблюденій открылъ при управленіи мастерскую мореходныхъ инструментовъ. Во всѣ свои начинанія А. И. вкладывалъ всецѣло свою кипучую энергію, богатство инициативы и ясность пониманія гидрографическихъ задачъ. Умеръ онъ на пятьдесятъ пятомъ году жизни, въ разгаръ своей трудовой жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13277).

† **Граціановъ, Н. А.** Скончавшійся недавно въ Петербургѣ популярный общественный дѣятель докторъ Н. А. Граціановъ принадлежитъ Нижегородской губерніи. Сынъ псаломщика въ с. Выѣздномъ, находящемся около города Арзамаса, онъ сначала кончилъ арзамасское духовное училище, затѣмъ нижегородскую духовную семинарію, изъ которой поступилъ въ военно-медицинскую академію, окончивъ ее въ 1880 году съ перерывами. Перерывы эти были вынужденные. Онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу «193». Привлеченъ онъ былъ къ этому процессу за участіе въ нижегородскомъ семинарскомъ кружкѣ, существовавшемъ въ 1874 году. Судъ оправдалъ Н. А. Граціанова. Еще будучи студентомъ военно-медицинской академіи, ѣздилъ съ санитарнымъ отрядомъ въ 1878 году въ Турцію. Въ 1880 году приѣхалъ въ городъ Арзамасъ и сталъ заниматься вольной практикой; служилъ въ земствѣ; въ 1892 году перешелъ на службу въ сергачское земство завѣдующимъ вторымъ участкомъ. Въ томъ же году переѣхалъ въ Нижній, гдѣ нѣсколько лѣтъ служилъ въ городскомъ самоуправленіи санитарнымъ врачомъ; во время голода 1898 году въ Сергачскомъ уѣздѣ организовалъ санитарный отрядъ; съ 1900 года состоялъ предсѣдателемъ секціи гигиены воспитанія и образованія. Имъ были созданы при секціи общеобразовательныя лекціи. Н. А. Граціановъ много положилъ труда, энергіи на устройство дѣтской ко-

лоніи-санаторіи для бѣдныхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Н. А. Граціановъ, какъ врачъ, извѣстенъ своей докторской диссертацией «Матеріалы для изслѣдованія физическаго развитія дѣтскаго и юношескаго возраста въ зависимости отъ наслѣдственности и школьныхъ занятій». Въ 1892 году появились его статьи въ журналѣ «Врачъ» о санитарномъ состояніи Сергачскаго уѣзда и «Письмо къ земскому начальнику А. М. Ермолову» (по поводу голода), которое было переведено въ иностранныхъ органахъ печати. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 57).

† **Ливень, А. А., князь.** 2-го марта скончался главноуправляющій дѣлами вѣдомства императрицы Маріи членъ государственнаго совѣта и сенаторъ свѣтлѣйшій князь А. А. Ливень. Окончивъ московскій университетъ по естественному отдѣленію, князь А. А. Ливень началъ свою служебную карьеру въ 1859 г. по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ при графѣ Валубѣ, а съ 1877 года по 1881 годъ занималъ постъ управляющаго министерствомъ. Во время управленія князя Ливена министерствомъ государственныхъ имуществъ была пріостановлена производившаяся до того въ широкихъ размѣрахъ распродажа башкирскихъ земель и задуманы были коренныя преобразованія вѣдомства. Покинувъ постъ министра, князь Ливень свыше двадцати пяти лѣтъ оставался въ сторонѣ отъ государственной дѣятельности и провелъ почти все это время въ деревнѣ, отдаваясь преимущественно научнымъ занятіямъ. Покойный особенно интересовался астрономіей. Съ преобразованиемъ государственнаго совѣта князь Ливень снова возвратился къ государственной дѣятельности въ качествѣ члена государственнаго совѣта по назначенію. Въ первые годы дѣятельности обновленнаго государственнаго совѣта покойный состоялъ въ правой группѣ, гдѣ сразу занялъ наиболѣе независимое положеніе. По мѣрѣ того, какъ дѣятельность этой группы развивалась въ сторону ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считающейся реакціи, между княземъ Ливеномъ и официальными руководителями правыхъ возникали все чаще разногласія на принципиальной почвѣ. Покойный, надо замѣтить, былъ человекъ большого ума и образованія, честнаго, самостоятельнаго характера и могъ въ отличіе отъ многихъ своихъ коллегъ—членовъ государственнаго совѣта по назначенію—гордиться своей независимостью. При обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ законопроекта объ общеимперскомъ законодательствѣ князь А. А. Ливень окончательно порвалъ съ правой группой, выступивъ горячимъ противникомъ этого проекта. Его рѣчь по этому законопроекту, произнесенная въ засѣданіи государственнаго совѣта 10-го іюня 1910 года, произвела глубокое впечатлѣніе не только въ стѣнахъ государственнаго совѣта, но и далеко за предѣлами его. Въ этой рѣчи князь А. А. Ливень убѣжденно предостерегалъ противъ новаго націонализма съ его «мыльными пузырями, чарующими краской своихъ оболочекъ и совершенно пустыми внутри». Энергично высказавшись противъ попытокъ ограничить въ общеимперскомъ законодательномъ порядкѣ права Финляндіи, А. А. Ливень заявилъ себя сторонникомъ широкой автономіи окраинъ и между прочимъ напомнилъ общему собранію государственнаго совѣта, что «ожесточеніе—весьма нежелательный стимулъ для составленія законодатель-

ныхъ актовъ». Вскорѣ послѣ этого князь А. А. Ливень вмѣстѣ съ графомъ Витте организовалъ въ государственномъ совѣтѣ группу безпартійныхъ. Въ верхней палатѣ князь Ливень вообще выступалъ чрезвычайно рѣдко и только по вопросамъ, имѣющимъ крупное государственное значеніе. Последнее его выступленіе было по законопроекту о начальномъ обученіи. По этому законопроекту покойнымъ была разослана всѣмъ членамъ государственнаго совѣта обширная записка. Въ своей запискѣ, какъ и въ своей рѣчи въ общемъ собраніи, князь А. А. Ливень отстаивалъ ту точку зрѣнія, что въ основу законопроекта о начальномъ обученіи должны быть положены воспитательныя задачи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого выступленія въ государственномъ совѣтѣ князь А. А. Ливень былъ 9-го апрѣля 1912 года назначенъ главноуправляющаго собственной его величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи на мѣсто князя Д. П. Голицына. Князь А. А. Ливень скончался на семьдесятъ четвертомъ году жизни, послѣ тяжелой продолжительной болѣзни. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 60).

† **Меренбергъ, Н. А., графиня (дочь А. С. Пушкина).** 11-го марта въ Каннѣ скончалась графиня Меренбергъ, вдова герцога Нассаускаго Николая. Это была младшая дочь знаменитаго нашего поэта—Наталья Александровна Пушкина. Она родилась 23-го мая 1836 года въ Петербургѣ, на каменноостровской дачѣ и получила свое имя въ честь родной матери—Натальи Николаевны Пушкиной и своей бабушки—Натальи Ивановны Гончаровой. Оставшись полугодовалой сиротой послѣ кончины своего знаменитаго отца, Н. А. получила прекрасное воспитаніе подъ руководствомъ матери, а затѣмъ, благодаря заботливому вниманію ко всему осиротѣвшему семейству со стороны Г. А. Строганова, была помѣщена въ одно изъ привилегированныхъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга. По окончаніи курса семнадцатилѣтняя Н. А. впервые появилась среди высшаго петербургскаго бомонда и сразу произвела на него необыкновенно сильное впечатлѣніе своими внѣшними и душевными качествами. «Въ жизнь мою,—вспоминалъ сынъ романиста С. М. Загоскинъ въ 1856 году,—я не видалъ женщины болѣе красивой, какъ Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокаго роста, чрезвычайно стройная, съ великолѣпными плечами и замѣчательною бѣлизною лица, она сіяла какимъ-то ослѣпительнымъ блескомъ. Несмотря на мало правильныя черты лица, напоминавшаго африканскій типъ ея знаменитаго отца, она могла назваться совершенною красавицей, и если прибавить къ этой красотѣ умъ и любезность, то можно легко представить, какъ Н. А. была окружена на великосвѣтскихъ балахъ и какъ около нея увивалась вся щегольская молодежь въ Петербургѣ». («Истор. Вѣстн.» 1900 г., кн. VII, стр. 50—51.) По словамъ того же лица, Н. А. Пушкина въ молодости была влюблена въ князя Николая Алексѣевича Орлова, позже бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ и Берлинѣ (р. 1828, у. 1885 г.). Онъ также страстно ее полюбилъ и желалъ на ней жениться, но отецъ его, извѣстный шефъ жандармовъ князь А. Ѳ. Орловъ, не допустилъ этого брака, считая дочь поэта Пушкина неподходящею невѣстою для своего сына. Нѣсколько позже Н. А. вышла замужъ за флигель-адъютанта Михаила Леонтьевича Дубельта († 1900 г.), сына начальника III отдѣленія Л. В. Дубельта, по этотъ бракъ не былъ счастливъ; впоследствии она, по-

лучивъ разводъ, вступила въ мorganатическое супружество съ принцемъ Николаемъ Нассаускимъ, роднымъ племянникомъ великой княгини Елены Павловны, и именовалась графиней Меренбергъ. Сынъ отъ этого брака женился на дочери свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. Покойная, по любви къ своему отечеству, нерѣдко посѣщала Россію. Такъ, въ 1880 году она была въ Москвѣ при открытіи памятника своему знаменитому отцу, а въ 1899 году присутствовала при празднованіи столѣтія со дня его рожденія. (Некрологъ ея: «Моск. Вѣд.» 1913 г., № 61).

† **Стаховичъ, А. А.** 28-го февраля въ Петербургѣ скончался на 83-мъ году жизни извѣстный въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ Петербурга и Москвы Александръ Александровичъ Стаховичъ. Покойный началъ свою служебную карьеру въ 1848 г. въ качествѣ офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Въ 1853 году онъ вышелъ въ отставку и больше на службу не поступалъ. Въ московскіе литературные кружки А. А. былъ введенъ въ 60-хъ годахъ своимъ братомъ, извѣстнымъ тогда литераторомъ М. А. Стаховичемъ. Здѣсь онъ близко сошелся съ А. Н. Островскимъ, гр. Л. Н. Толстымъ, Писемскимъ, Потѣхинымъ и др. Вскорѣ А. А. сдѣлался душой и театральныхъ кружковъ Москвы и особенно подружился съ П. М. Садовскимъ и другими выдающимися сценическими дѣятелями того времени. Съ тѣхъ поръ театръ сталъ страстью покойнаго. По семейнымъ обстоятельствамъ, А. А. не могъ, однако, поступить на сцену, куда его такъ влекло, и долженъ былъ ограничиться выступленіемъ лишь въ любительскихъ спектакляхъ. Въ 60-хъ годахъ А. А. въ качествѣ любителя участвовалъ, между прочимъ, въ Петербургѣ въ «Ревизорѣ» и игралъ роль Хлестакова. Въ томъ же спектаклѣ выступалъ И. С. Тургеневъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ А. А. игралъ въ Эрмитажѣ, въ присутствіи императора Александра III, царя Бориса Годунова. Покойный читалъ также передъ императоромъ Александромъ III нѣкоторыя сцены изъ «Власти тьмы». А. А. выпущена въ свѣтъ небольшая книга: «Клочки воспоминаній», имѣвшая большой успѣхъ. Страстью покойнаго былъ также спортъ. А. А. былъ однимъ изъ основателей петербургскаго и московскаго бѣговыхъ обществъ. Сыновья покойнаго—М. А. и А. А. Стаховичи—извѣстные общественные дѣятели. Тѣло А. А. перевезено для погребенія въ родовое имѣніе въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913, № 58).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О жандровской рукописи «Горе отъ ума».

(Отвѣтъ рецензента).

Возраженія г. Пиксанова противъ нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ мною въ помѣщенной въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» рецензіи на его изданіе жандровской рукописи «Горе отъ ума», по моему несостоятельны.

Никаких оцѣнокъ, относящихся лично къ г. Пиксанову, въ моемъ отзывѣ нѣтъ: я держусь неблагоприятнаго мнѣнія о данной работѣ, но личности г. Пиксанова не касаюсь.

«Жандровская рукопись,—говорилъ я,—почти ничѣмъ не отличается отъ болгаринскаго списка». Г. Пиксановъ указываетъ на «огромное количество» вариантовъ. «Огромное»—счетъ не особенно точный, и въ жандровской рукописи есть десятки страницъ, на которыхъ г. Пиксановъ ни одного варианта отмѣтить не могъ, что не помѣшало ему перепечатать ихъ со всѣми вольными и невольными промахами малограмотнаго переписчика. Рукопись Жандра не повость. Спискомъ этимъ скромно, безъ «трубъ и литавръ», воспользовался покойный В. Е. Якушкинъ при изданіи автографа московскаго историческаго музея «только для указанія, какія мѣста въ немъ, согласныя съ текстомъ печатаемой рукописи, исправлены въ списокъ рукою Грибоѣдова». Якушкинъ поступилъ разумно и осторожно: онъ довѣрился Грибоѣдову, а не подозрительному кописту, работу котораго г. Пиксанову угодно считать «основнымъ текстомъ» комедіи... Однако такіе знатоки Грибоѣдова, какъ Якушкинъ и Гарусовъ, пренебрегли этимъ «основнымъ текстомъ».

«Вредное» и даже, по деликатному выраженію г. Пиксанова, «грубое» заблужденіе, что окончательнаго текста «Горе отъ ума» не существуетъ, раздѣляется со мною и многими другими читателями не кто иной, какъ... самъ г. Пиксановъ. Онъ самъ называетъ позднѣйшій списокъ, болгаринскій, во «многихъ», т.-е., значить, не во всѣхъ, случаяхъ «высшей инстанціей для рѣшенія текстуральныхъ споровъ» («Введеніе», стр. LXIII),—ergo признаетъ законность ихъ возникновенія, немыслимую при существованіи безспорной редакціи, и находитъ (стр. LXIX), что этотъ списокъ «весьма цѣненъ для установленія дефинитивнаго текста». Мало того: г. Пиксановъ допускаетъ «теоретически» (стр. LXVIII), что, передавъ этотъ списокъ Булгарину, Грибоѣдовъ «въ оставшіеся немногіе мѣсяцы жизни, въ минуты рѣдкаго уже тогда досуга, пересматривалъ вновь свое твореніе и сдѣлалъ на рукописи какія-либо отмѣтки,—зна, однако, погибла, и объ этихъ помѣтахъ мы ничего не знаемъ». Эти вполне справедливыя сомнѣнія и предположенія ничуть не вяжутся съ той увѣренностью въ «окончательномъ» значеніи болгаринскаго списка, которую, противорѣча самому себѣ, высказываетъ г. Пиксановъ.

Мнѣ остается только повторить, что «не стоило переиздавать документъ, не имѣющій никакого литературнаго значенія», такъ какъ все написанное рукою Грибоѣдова имѣется въ болгаринской рукописи, а написанное рукою переписчика не заслуживаетъ довѣрія, и къ этому прибавить, что въ своихъ возраженіяхъ г. Пиксановъ не только не опровергъ моихъ доводовъ, но еще больше запутался.

Н. Л.

II.

По поводу воспоминаній Л. Плансона.

Въ СXXXI томѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ Л. Плансона «Казнь царевубійцъ» авторомъ допущены нѣкоторыя неточности.

Я имѣлъ честь быть на разводѣ 1-го марта 1881 г., въ строю взвода юнкеровъ школы Николаевского кавалерійскаго училища, подъ командой лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка штабсъ-капитана де-Виттъ 2-го. Нашъ взводъ всегда становился на крайнемъ правомъ флангѣ развода, т.-е. у самаго входа въ манежъ, и въ качествѣ очевидца я позволю себѣ исправить неточности, касающіяся генерала, коего уважала, цѣнила, любила и побаивалась половина арміи, именно войска варшавскаго военнаго округа. Я не говорю о такихъ пустякахъ, какъ, напримѣръ, «глашатай съ могучимъ голосомъ». Вахтеръ этотъ, наоборотъ, обладалъ необыкновенно пронзительно-крикливымъ, настолько оригинальнымъ голосомъ, что трудно было удержаться отъ улыбки, прослушавъ оповѣщеніе его.

1) Незабвенный для всѣхъ, имѣвшихъ высокую честь служить подъ его начальствомъ, генераль-адъютантъ І. В. Гурко не могъ быть въ тѣ времена диктаторомъ, хотя бы по одному тому, что таковымъ состоялъ тогда налицо знаменитый диктаторъ сердца генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

2) Всякій, мало-мальски знавшій генераль-адъютанта І. В. Гурко, можетъ ли допустить даже мысль, чтобы этотъ въ полномъ смыслѣ слова рыцарь «sans peur ni reproche» могъ позволить себѣ подать наслѣднику русскаго престола руку «небрежно», какъ помнитъ г. П., забывшій, кстати сказать, кто тогда у него былъ корпусный командиръ, и даже ту часть, коя имѣла счастье послѣдній разъ парадировать передъ своимъ державнымъ шефомъ на разводѣ 1-го марта,

Государю наслѣднику І. В. подаль руку съ достоинствомъ, безъ униженія, — да онъ и все такъ дѣлалъ, и цѣну себѣ зналъ; не надо забывать, что войска варшавскаго округа въ мирное время не разъ привѣтствовали своего обожаемаго начальника криками «ура». Честь неслыханная!

С. Бронской.

большемъ, чѣмъ Господь Богъ? Поэтому будемъ любить его—это первая и сладчайшая обязанность наша. Вторая же—любить ближняго своего, и она не меньше первой, ибо она въ ней заключается. Развѣ всѣ мы не дѣти Господа? Развѣ не сказалъ Онъ: возлюби Господа Бога твоего больше всего, а ближняго твоего, какъ самого себя. Въ этомъ весь законъ и пророки.

«Итакъ, забудьте о себѣ и осмотритесь и, гдѣ нужна рука помощи, подайте ее. «Что вы сдѣлаете единому отъ малыхъ сихъ, то сдѣлаете Мноѣ», сказалъ Господь. Вѣрьте мнѣ: каждый человѣкъ имѣетъ свою миссію. Пусть только онъ заглянетъ въ свое сердце, и онъ найдетъ ее тамъ. Если она незначительна и скучна, все равно, исполните ее добровольно. Ибо малое станетъ великимъ въ глазахъ Господа. Если ваше дѣло не даетъ результатовъ, не сѣгуйте. Ибо кто вы, чтобы судить пути Господни? И если онъ приводитъ къ огню и мученію, будьте довольны. «Возьми крестъ свой и иди за Мною», сказалъ Господь. Земныя скорби преходящи. Кто думаетъ о дождѣ и градѣ, когда пройдетъ буря? И слаще становится воздухъ послѣ грозы. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ страданія большаго, чѣмъ потерять Господа.

«Воззрите на меня. Хотя я вашъ учитель, но я человѣкъ, а плоть немощна. Когда Духъ внушалъ мнѣ итти сюда, я услышалъ, что управлять городомъ пріѣхалъ донъ Хаймъ де-Хорквера. Онъ извѣстенъ своей жестокостью и беспощадностью, и не разъ рука его тяжело ложилась на вѣрующіихъ. Мужество мое измѣнило мнѣ: ибо, какъ сами знаете, пытки и огонь—лютыя муки. И триста флоринновъ назначено за голову того изъ насъ, кто вздумаетъ проповѣдывать. Цѣлую ночь боролся я съ Господомъ, но, когда взошло утро, я смѣялся надъ своей слабостью. Внимайте! При сѣромъ свѣтѣ утра, когда часы текутъ такъ медленно, моя сила изнемогла, и я рѣшился остаться и не итти. И ангель Господень медленно отлетѣлъ отъ меня. Въ страшной пустотѣ я остался одинъ; одинъ съ монимъ позоромъ. Братья! Не могу описать, какую агонію пережилъ я въ этотъ часъ. Но когда наступилъ день, я радостно пошелъ на мученія. Ибо могутъ ли они сравниться съ муками отверженія, которыя я испыталъ?»

«И вотъ, когда я прибылъ сюда, я услышалъ, что рука Господня коснулась врага нашего, и что на этотъ разъ онъ пришелъ спасти, а не истребить. Нѣтъ ничего невозможнаго у Господа. Братья, возблагодаримъ Его. Возблагодаримъ Его за спасеніе Маріонъ де-Бреголь, служанки ея Варвары Дилингъ и Питера Гоха. Помолимся ему, да благословитъ Онъ за это дѣло донъ Хайма де-Хорквера. Да благословитъ онъ и короля Филиппа, нашего свѣтскаго владыку, и да проститъ его за все, что онъ сдѣлалъ этой странѣ. Не вѣдаетъ бо, что творить. Помолимся Господу Богу, да дастъ Онъ намъ силы не отступать отъ Него, несмотря на огонь и на

мученія, и на искушенія. Страшны и неисповѣдимы пути Господни. И проходить Онъ по землѣ, какъ ураганъ, истребляя здѣсь, оплодотворяя тамъ. Да будетъ благословенно имя Его, ибо Его есть царство, и сила, и слава во вѣки вѣковъ. Аминь».

Когда онъ кончилъ, водворилось глубокое молчаніе. Онъ наговорилъ много хорошихъ вещей, если вѣрить имъ. И странно. Онъ почти нашель отвѣтъ на мои вопросы. Онъ не могъ разрѣшить великую загадку жизни—кто можетъ это сдѣлать?—не предсказаль, чѣмъ кончили бы всѣ эти міры, если бы съ земли, которая, какъ говорятъ, есть только небольшая звѣзда, поднялся бы такой крикъ отчаянія и тоски, отъ котораго всѣ небеса наполнились бы безпокойствомъ. Онъ не могъ этого знать, да и не спрашивалъ, ибо у него была вѣра. Но у меня скептической складъ ума. Въ племянникѣ бывшего толедскаго инквизитора это неудивительно.

Что сказать объ ученіи, которое съ такой увѣренностью проповѣдывалъ этотъ человекъ? Больше пятнадцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ ходилъ по землѣ, и изъ поклоненія Богу любви духовенство сдѣлало поклоненіе папѣ. Почему Богъ не сдѣлалъ ничего, чтобы охранить слово Свое? Пусть проповѣдникъ, если можетъ, отвѣтитъ мнѣ на этотъ вопросъ. Съ каждымъ столѣтіемъ дѣло шло все хуже и хуже, пока мы не дошли до того, что у насъ творится теперь. Если когда-нибудь власть перейдетъ въ руки этихъ еретиковъ, которые теперь возстаютъ противъ злоупотребленій въ старой церкви и умираютъ, подобно мученикамъ ранняго христіанства, то и они будутъ поступать такъ же, какъ поступало до нихъ духовенство римской церкви.

Изъ церкви донесся тихій шумъ. Проповѣдникъ давалъ причастіе своему стаду. Я завидовалъ вѣрѣ этихъ людей. И жизнь, и смерть легки для нихъ.

Мало-по-малу шумъ стихъ. Послышались голоса, поющіе гимнъ; тихій, печальный, но пріятный напѣвъ мягко лился черезъ разбитыя стекла оконъ, усиливаясь по мѣрѣ того, какъ мелодія становилась громче. Потомъ онъ затихъ, такъ же неожиданно, какъ и зазвучалъ. Опять наступило торжественное молчаніе. Потомъ всѣ поднялись и медленно пошли изъ церкви; первымъ шелъ проповѣдникъ—съ тонкимъ, исхудалымъ, какъ у энтузіастовъ, лицомъ, а за нимъ и весь народъ.

Когда всѣ уже вышли, я все еще стоялъ въ кустахъ и глядѣлъ въ темную безмолвную церковь, пока низкое солнышко не засіяло въ противоположномъ отъ меня окнѣ и мои глаза не могли выносить его золотыхъ лучей. Я вылѣзъ изъ кустовъ и пошелъ. Лошадь моя была привязана къ дереву. Повидимому, никто не шелъ этой тропинкой. А, можетъ быть, просто ее не замѣтили. Я вскочилъ въ сѣдло и медленно поѣхалъ назадъ, не желая настичъ замѣшкавшихся и отставшихъ.

Я ѣхалъ наудачу, не обращая вниманія на окружающее. Моя лошадь сбилась съ дороги, и я не зналъ, въ какомъ направленіи лежалъ городъ. Впрочемъ, тропинка, по которой я ѣхалъ, куда-нибудь да должна была привести, а потому я не торопился. Моя лошадь мягко ступала по травѣ, и вскорѣ я опять погрузился въ свои мысли. Мало-по-малу тропинка стала подниматься вверхъ и извиваться вокругъ группы кустовъ, растущихъ на гребнѣ обрыва. На немъ стояли двѣ фигуры, вырисовываясь темными силуэтами на яркомъ небѣ. Я охотно повернулъ бы назадъ, но было уже поздно. Услышавъ стукъ копытъ, онѣ повернулись и тихо вскрикнули. То были мадемуазель де-Бреголь и ея двоюродная сестра.

Я видѣлъ ихъ обѣихъ въ церкви, и эта встрѣча была мнѣ непріятна. Я зналъ, что онѣ думали, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ. Впрочемъ, мнѣ не нужно было шпионить за ними, чтобы узнать ихъ вѣру. Если бы она держалась такой же доброй католической вѣры, какъ самъ король Филиппъ, то и тогда у меня была полная власть погубить ее. Какъ бы то ни было, онѣ стояли теперь передо мной и отступить было нельзя.

Я слѣзъ съ лошади, подошелъ и поклонился.

— Вотъ неожиданное удовольствіе,—началъ я.—Надѣюсь, вы позволите мнѣ сопровождать васъ до Гертруденберга. Говоря по правдѣ, я заблудился и въ этомъ случаѣ былъ бы вдвойнѣ доволенъ.

— Очень рады васъ видѣть,—отвѣчала мадемуазель де-Бреголь.

Ея спутница молчала. Онѣ стояли противъ свѣта, и я не могъ различить выраженія ихъ лицъ. Обратившись къ доннѣ Изабеллѣ, я сказалъ:

— Надѣюсь, вы также позволите мнѣ сопровождать васъ?

— Вы здѣсь хозяинъ, синьоръ, и для васъ нѣтъ нужды спрашивать позволенія.

— Да, я хозяинъ здѣсь, но предпочитаю спросить позволенія?

— Подумаешь, васъ такъ интересуется мой отвѣтъ!

— Я всегда люблю получать отвѣтъ на свой вопросъ, синьорита. Можетъ быть, это немного педантично, но таково ужъ мое свойство.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ, я скажу, что мы, конечно, очень рады видѣть васъ. Могу ли я отказать въ разрѣшеніи вашему превосходительству?

Въ ея тонѣ слышалась шутливость и вмѣстѣ съ тѣмъ сарказмъ, и все это было такъ мило смѣшано, что трудно было обидѣться на нее, если не имѣть къ этому спеціальнаго предрасположенія. Въ настоящій моментъ я рѣшилъ не дѣлать этого.

— Покорнѣйше благодарю васъ,—отвѣчалъ я въ томъ же полунасмѣшливомъ тонѣ.

Я взялъ въ руку поводья и пошелъ съ ними.

— Я случайно попалъ сюда,—началъ я опять.—Я задумался, а лошадь моя сбилась съ дороги. Должно быть, я заѣхалъ дальше,

чѣмъ предполагалъ,—продолжалъ я—только для того, чтобы поддерживать разговоръ.—Города отсюда не видно.

— О, мы недалеко отъ него,—сказала мадемуазель де-Бреголлъ.—Направо идетъ тропинка, которая черезъ нѣсколько минутъ выведетъ насъ на дорогу. Если мы дойдемъ до этой купы деревьевъ, то мы увидимъ ее отсюда. И городъ тоже. Угодно вамъ слѣдовать за нами, синьоръ?

Я поспѣшилъ изъявить согласіе, и мы пошли. Донна Изабелла бросила на нее быстрый взглядъ,—очевидно, хотѣла предостеречь ее. Я увѣренъ, что она съ удовольствіемъ поводила бы меня часа полтора, пока я не буду окончательно сбить съ толку и не потеряю всякое представленіе о мѣстѣ нашей встрѣчи или, по крайней мѣрѣ, ей этого не покажется. Но мадемуазель де-Бреголлъ, очевидно, не приходило это въ голову. Она, видимо, довѣряла мнѣ или, можетъ быть, только хотѣла показать, что довѣряетъ.

— Взгляните,—сказала она, когда мы достигли мѣста, о которомъ она говорила.

И она показала рукой. Мѣстность шла уклономъ по направленію къ рѣкѣ и Гертруденбергу, который темной линіей выдѣлялся на золотистомъ западѣ.

— Вотъ городской домъ, а вотъ церковь святой Гертруды. Массивная башня налѣво—это южныя ворота, отъ которыхъ идетъ дорога на Брюссель. За ней въ древнія времена былъ расположенъ замокъ, изъ котораго Диркъ-ванъ-Мерведе металъ свои стрѣлы въ городъ во время борьбы противъ своего дяди. Однако солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза,—перебила она себя и приложила руку ко лбу въ видѣ козырька.—Скоро оно зайдетъ и какъ будто не поднимется уже больше. Но развѣ мы не знаемъ, что оно заходитъ только на одну короткую ночь? Такъ и въ жизни бываетъ. Одинъ день умираетъ съ отчаяніемъ и какъ будто водворяется вѣчный мракъ. А на утро опять блеститъ свѣтъ.

Мы боремся съ Господомъ ибо не понимаемъ Его... Ея разговорчивость составляла страшный контрастъ съ молчаливостью ея спутницы. Онѣ стояли здѣсь обѣ, и трудно было сказать, кто изъ нихъ красивѣе. Обѣ были такъ похожи и такъ различны. Донна Маріонъ была нѣсколько выше ростомъ. Различны были ихъ костюмы, но разница въ покроѣ и цвѣтѣ одеждъ терялась въ золотистыхъ лучахъ, которые солнце въ изобиліи лило на ихъ фигуры. Самый большой контрастъ былъ въ выраженіи ихъ лицъ. Одна стояла съ блестящими глазами и раскраснѣвшимися отъ разговора щеками; другая смотрѣла прямо противъ себя, плотно сжавъ губы. Лицо ея носило выраженіе чего-то твердаго.

— Солнце ослѣпляетъ меня. Не могу больше смотрѣть,—сказала донна Маріонъ.

Она отвернулась. На лицѣ ея промелькнуло какое-то радостное выраженіе, котораго я не могъ себѣ объяснить.

Донна Изабелла слегка вздрогнула.

— По вечерамъ становится свѣжо, — сказала она. — Намъ лучше итти. Прошу извиненія, синьоръ!

— Ваши желанія и желанія мадемуазель де-Бреголлъ для меня приказанія, — отвѣчала я серьезно.

Мы повернули и направились вдоль опушки деревьевъ, спускаясь въ небольшой оврагъ, по обѣ стороны котораго тянулись полосы зелени. Недалеко отъ насъ виднѣлась большая дорога. Вдругъ мы услышали нѣсколько отрывистыхъ командныхъ испанскихъ словъ. Это заставило остановиться и меня и моихъ спутницъ. Возвышенный край обрыва, за которымъ шла наша тропа, въ этомъ мѣстѣ понижался и, приблизившись къ оврагу, мы могли видѣть, что происходитъ тамъ внизу.

Шагахъ въ тридцати или сорока отъ насъ стоялъ небольшой отрядъ солдатъ, а передъ нимъ человѣкъ, около котораго стоялъ священникъ. Я понялъ, зачѣмъ они здѣсь.

— Въ чемъ дѣло? — дрогнувшимъ голосомъ спросила меня мадемуазель де-Бреголлъ.

— Въ справедливости, которой не перестаютъ требовать отъ меня, какъ только я сюда прибылъ, — мрачно отвѣчала я. — Вчера утромъ я приказалъ этому человѣку освободить васъ на кострѣ, и онъ не повиновался мнѣ. Если бы я не подоспѣлъ во время самъ, его неповиновеніе могло стоить вамъ жизни. И за это онъ долженъ заплатить собственной жизнью.

— О, если моя просьба можетъ помочь...

— Слишкомъ поздно, синьорита.

Я видѣлъ, какъ офицеръ поднялъ саблю.

Раздалось другое отрывистое слово команды, священникъ поднялъ крестъ. Раздался залпъ, и все было кончено.

— Не печальтесь, синьорита. Этотъ человѣкъ заслужилъ такую судьбу. Однимъ негодяемъ меньше.

— Вы неумолимы, синьоръ, — тихо промолвила она.

— Говорять, — строго сказалъ я.

По командѣ солдаты вскинули ружья на плечо, сдѣлали поворотъ и двинулись обратно къ городу. Только темное тѣло оставалось лежать на зеленомъ лужку, озаряемое заходящимъ солнцемъ. Словно изъ земли выросли два человѣка. Въ рукахъ у нихъ были лопаты. Они подошли къ тѣлу, подняли его и исчезли такъ же быстро, какъ и явились.

— Намъ лучше уйти, — сказалъ я.

Донна Изабелла смотрѣла на всю эту сцену молча и безучастно. Я дорого бы далъ за то, чтобы узнать ея мысли, но она не говорила ни слова. Мы скоро вышли на дорогу и продолжали нашъ путь.

Впереди насъ на нѣкоторомъ разстояніи шли солдаты. Разговоръ не вязался, никто изъ насъ не былъ къ этому расположенъ.

«Каждый человѣкъ имѣетъ свою судьбу», говорилъ проповѣдникъ тамъ, въ маленькой старой церкви. Хотѣлъ бы я знать, какова моя судьба. Я началъ свое правленіе здѣсь со справедливости и старался поддерживать ее, поскольку я понималъ ее. Но я зналъ, что такъ долго продолжаться не можетъ. Такъ не можетъ долго продолжаться нигдѣ, а не только въ Голландіи во времена короля Филиппа. Рано или поздно, — можетъ быть, даже слишкомъ рано, — мнѣ придется употребить мою власть на то, чтобы совершить какую-нибудь большую несправедливость, по крайней мѣрѣ съ идеалистической точки зрѣнія. Что же тогда будетъ съ моей миссіей, если считать ее справедливостью. Тогда ее не будетъ. Все это были прекрасныя вещи для проповѣди, но не для міра сего. И мнѣ было досадно, что это не такъ.

Прежде, чѣмъ мы подошли въ воротамъ города со стороны рѣки, произошло еще одно маленькое приключеніе! Когда мы проходили мимо какой-то лачуги, изъ полураскрытой двери ее раздался крикъ о помощи. Мы распахнули дверь настежь и вошли въ нее. Какая-то молодая женщина вырывалась изъ объятій солдата. Я выхватилъ саблю и слегка дотронулся холоднымъ лезвіемъ до его шеи.

— Эй, comrade, стой!—воскликнулъ я.

Онъ бросилъ женщину, — она выскочила изъ дома, какъ сумасшедшая, — и повернулся ко мнѣ, словно пораженный громомъ.

— Синьоръ!—пробормоталъ онъ.

— Ты забылъ, какъ пошлатился капитанъ Родригезъ? Я запретилъ всякія насилія такого рода. Развѣ здѣсь не найдется податливыхъ женщинъ въ достаточномъ количествѣ?

— Синьоръ, простите... я съ ума сошелъ...

И онъ палъ передо мной на колѣни.

Я обернулся къ своимъ спутницамъ.

— Что я долженъ съ нимъ сдѣлать?—спросить я.

— Разстрѣлять, — быстро отвѣтила донна Изабелла.

— Нѣтъ, нѣтъ. Лучше научите его, — сказала Маріонъ.

— Боюсь, что я не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другого. Если я разстрѣляю его за такой проступокъ, то мнѣ придется сдѣлать то же самое. Никто изъ нихъ не безгрѣшенъ. Я приказалъ, чтобы не было эксцессовъ, но нельзя рассчитывать, чтобы они буквально исполняли мои приказанія. Не могу его и научить, ибо слѣдующій разъ его горячая кровь, еще болѣе разгоряченная биткой или штурмомъ, возьметъ свое. Въ васъ, донна Изабелла, сейчасъ сказалась испанская кровь, хотя вы и не любите, чтобы о ней вамъ напоминали.

Она нахмурила брови.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, какъ моя кузина: лучше научите его.

— Я боюсь, что едва ли этого можно достигъ, хотя попробую.
 — Слушай!—сказалъ я человѣку, который едва понималъ наши слова. То былъ черный молодецъ съ юга Испаніи, на половину мавръ. — Слушай! эти дамы вступились за тебя. По ихъ просьбѣ я отпускаю тебя, если ты обѣщаешь не обижать болѣе беззащитныхъ женщинъ. Вспомни своихъ сестеръ. А теперь благодари этихъ дамъ.

Онъ упалъ на колѣни передъ ними, цѣлуя края ихъ одежды и изливаясь въ благодарности на исковерканномъ діалектѣ своей родины, который понималъ только я одинъ.

— Теперь ступай,—сказалъ я,—и помни свое обѣщаніе... Боюсь, что не долго онъ будетъ его держать,—прибавилъ я, когда солдатъ удалился.

— У Бога нѣтъ ничего невозможнаго,—отвѣчала донна-Маріонъ, безознательно повторяя слова проповѣдника.

Къ счастью, въ комнатѣ было довольно темно. Иначе онъ замѣтили бы, что я вздрогнулъ.

— Благодарю васъ, синьоръ,—сказала она кроткимъ тономъ, отчего голосъ ея звучалъ пріятно и музыкально.

Ея кухня молчала и не находила у себя словъ благодарности. Конечно, я ея и не заслуживалъ, такъ какъ едва ли я могъ бы поступить какъ-нибудь иначе. Но сказать два-три слова изъ вѣжливости были бы не лишнимъ. Она была высокомѣрна и относилась ко всему скептически, какъ и я самъ.

Было уже темно, когда мы достигли города. Сквозь городскія ворота виднѣлись фонари. Часовые раскладывали огонь. Эта часть города, прилегающая къ рѣкѣ, не изъ лучшихъ. Въ одномъ изъ небольшихъ переулковъ два человѣка, повидимому, изъ моей команды рѣшали свой споръ при помощи ножей. Какая-то женщина, высунувшись изъ окна, смотрѣла на эту сцену. Слышно было, какъ галдѣла публика въ ближайшемъ трактирѣ, а впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ другая женщина вела домой пьянаго мужа. Она дождалась его у двери трактира, и теперь онъ билъ ее за это.

Слова проповѣдника не выходили у меня изъ головы. Хотѣлъ бы знать, неужели всѣ эти люди также имѣютъ какую-нибудь другую миссію, кромѣ дракъ и угнетенія своихъ женъ и дѣтей. Хотѣлъ бы я знать, неужели они, подобно мнѣ и многимъ другимъ, могли быть когда-то совершенно иными въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они выросли. Почему Господь Богъ, если у Него нѣтъ ничего невозможнаго, попустилъ, чтобы эти люди могли такъ выродиться?

Мужчина билъ женщину жестоко. Однако—я былъ въ этомъ увѣренъ—онъ принадлежалъ къ новой религіи, какъ большинство простого народа. Онъ также вѣровалъ въ свою миссію. И мнѣ захотѣлось разъяснить ему, что эта миссію не въ избіеніи жны. Я испан-

скій дворянинъ и не имѣю обыкновенія вмѣшиваться въ уличныя скандалы. Но ужь очень отвратительно было это зрѣлище. Къ тому же и женщина была беременна.

Извинившись передъ своими спутницами, я подошелъ къ нему и, когда онъ поднялъ руку, остановилъ его. Съ ругательствомъ онъ бросился на меня, стараясь ударить меня. Но ударъ въ грудь заставилъ его полетѣть на землю. Вставъ на ноги, онъ испустилъ яростный ревъ и, выхвативъ ножъ, бросился на меня. На югѣ Испаніи умѣютъ обращаться съ ножами. Въ одно мгновеніе я выхватилъ кинжалъ, и его ножъ со звономъ полетѣлъ на мостовую. Послѣ этого онъ бросился на меня головою впередъ, какъ разъяренный быкъ. Я быстро отошелъ въ сторону и ударомъ кулака сбросилъ его въ водосточную канаву. Онъ растянулся тамъ безъ чувствъ, и грязная вода бѣжала по его лицу.

Я вернулся къ своимъ дамамъ, которыя со страхомъ смотрѣли на это зрѣлище.

— Пусть онъ полежитъ здѣсь. Прохлада ему полезна. Когда онъ придетъ въ себя, передайте ему, что, если онъ не будетъ вести себя, какъ слѣдуетъ, то я прикажу сѣчь его до тѣхъ поръ, пока къ нему не явится благонавіе.

— Кто вы?—спросила женщина, рыдая.

— Я—донъ Хаимъ де-Хорквера, новый губернаторъ этого города. Во всякое время дня и ночи я могу повѣсить, сжечь его и вообще сдѣлать съ нимъ, что мнѣ заблагоразсудится. Въ настоящемъ случаѣ я считаю нужнымъ отодрать его хорошенько, и это будетъ сдѣлано.

— Извиняюсь, что я заставилъ васъ ждать. Обыкновенно я не вмѣшиваюсь въ домашнія дѣла, но эта сцена была ужь слишкомъ отвратительна,—сказалъ я, присоединяясь къ дамамъ.

— Вы скоро преобразите весь вашъ городъ,—сказала донна Изабелла съ отѣнкомъ ироніи, какъ мнѣ показалось.

— Повидимому, въ этомъ нѣтъ надобности,—возразилъ я сердито.—Я хотѣлъ бы, чтобы проповѣдники новой религіи, къ которой принадлежатъ всѣ эти люди, учили не только пѣть псалмы и гимны, но и вести болѣе достойный образъ жизни.

Я довель обѣихъ дамъ до дому, и этимъ кончился второй день моего управленія городомъ Гертруденбергомъ. Началъ я его съ того, что спасъ отъ костра благородную даму и подрался съ пьянымъ мужикомъ. Очевидно, моя миссія—нести съ собой справедливость, если она дѣйствительно такова,—нѣсколько измѣнилась къ худшему. Но малыя дѣла—велики въ глазахъ Господа,—сказалъ проповѣдникъ. Будемъ надѣяться, что это такъ.

15-го октября.

Изъ Брюсселя пришелъ приказъ—сжечь обѣихъ. Я ожидалъ его, но, прочитавъ его, почувствовалъ неудовольствіе, въ которомъ я

самъ хорошенько не могъ разобратъся. Я не жалѣлъ старухи Бригитты: она этого заслужила. Но мнѣ было жаль Анну ванъ-Линденъ: она, очевидно, искренно раскаялась. Мнѣ было приказано также выслать въ Брюссель подь конвоемъ отца Балестера, чтобы въ настоящемъ судѣ разобрать все это дѣло. Бумага, полученная мною, была очень коротка, и въ ней не было оцѣнки моего поведенія.

Впрочемъ, въ Брюсселѣ приходилось думать не только объ этомъ, но о многомъ другомъ. Недавно разграбили городъ Мехлинъ, и архіепископъ и все духовенство три дня дрожали отъ страха. Въ денежныхъ дѣлахъ герцогъ Альба не соблюдаетъ набожности, и грабили всѣхъ безъ пристрастія, не щадя и монастырей. Я получилъ письмо отъ донна Рамона де-Осунья, который пишетъ, что это было самымъ сквернымъ дѣломъ, какое онъ когда-либо видѣлъ. А онъ не изъ сантиментальныхъ. Мехлинъ мѣсяца два тому назадъ открылъ свои ворота принцу Оранскому, хотя, какъ мнѣ кажется, для него не было иного выбора,—все равно приходилось ждать наказанія. Такова междоусобная война.

Боже мой! Когда я подумалъ, что было сдѣлано съ Мехлинскимъ, городомъ самого архіепископа, я подивился своей мягкости. Что если сюда явился бы человѣкъ, который ищетъ денегъ?..

Надѣюсь, что до ванъ-Тилена дойдутъ слухи о томъ, что произошло въ Мехлинѣ. Хотя я и не считаю, чтобы это событіе служило къ чести Испаніи, однако для меня лично и для мадемуазель де-Бреголль оно очень выгодно: дѣянія отца Бернардо и мои въ такую минуту должны показаться чѣмъ-то мелкимъ и маловажнымъ. Правда, я еще не слышалъ голоса Мадрида. Но Испанія далеко, къ тому же и король Филиппъ не любитъ рѣшать дѣла скоро.

Итакъ, вмѣсто мадемуазель де-Бреголль—должны сгорѣть, какъ вѣдьмы, тѣ обѣ женщины. Я самъ предложилъ эту мѣру и теперь долженъ былъ бы быть довольнымъ. Однако этого не было. Незачѣмъ, впрочемъ, разстраивать себя вещами, въ которыхъ не можешь ничего сдѣлать. Поэтому я отправился въ городскую тюрьму, чтобы самому объявить Аннѣ ванъ-Линденъ о томъ, какая судьба ее ожидаетъ.

Когда я вошелъ, она перемѣнилась въ лицѣ и, поднявъ на меня глаза, сказала:

— Я узнала ваши шаги, синьоръ. Я знаю, что вы несете мнѣ смерть. Я ожидала этого.

Противъ моей воли, это простое и даже торжественное обращеніе тронуло меня.

— Мужайтесь,—сказалъ я мягко.— Я хотѣлъ бы принести вамъ лучшія вѣсти, но это не въ моей власти. Повѣрьте, что васъ ожидала бы лучшая судьба, если бы дѣло зависѣло отъ меня. Вы сдѣлали многое и заслужили этого: вы раскаялись.

— Я готова къ смерти,—промолвила она тѣмъ же торжественнымъ тономъ.—Я готова, поскольку можетъ быть готовъ человѣкъ еще молодой и жаждущій жизни. Но,—и въ ея голосѣ слышались страстныя нотки,—я отдала бы не знаю даже что за то, чтобы передъ смертью быть хоть на часъ счастливой. Это такъ ужасно—прожить всю жизнь и умереть и не испытать, что такое счастье.

Въ этихъ словахъ были мои собственныя мысли. Это тронуло меня еще болѣе.

— Если я могу сдѣлать что-нибудь для васъ, то скажите мнѣ.

— Что вы можете сдѣлать? Одни всего достигаютъ въ жизни, другіе достигаютъ счастья съ великимъ трудомъ, теряютъ его, становятся бѣдными и отверженными. Я дѣлала грѣхи, но многіе грѣшили еще болѣе и не были наказаны такъ, какъ я. Можете ли вы измѣнить это или объяснить мнѣ, почему это такъ? Какъ я хотѣла бы, напримѣръ, полюбить? Любовь! Я умру и такъ и не буду знать, что это такое. Я была чиста. Господь знаетъ, что не легко соблюдать цѣломудріе,—и не къ чему. Я такъ и не узнаю, что значить любовь. Изъ мрака я перейду во мракъ. Что вы можете сдѣлать! Развѣ вы можете дать мнѣ свѣтъ?

— Кто знаетъ, во мракъ ли вамъ предстоитъ итти. Можетъ быть, свѣтъ—тамъ.

— Вы вѣрите въ это?—рѣзко спросила она.—Вѣрите вы въ высшую справедливость—вы, который совершаете одну несправедливость за другой, говорите ложь за ложью.

Увы! Что я могъ сказать на это?

— Если бы у меня не было полной увѣренности, то я все-таки сталъ бы надѣяться, —тихо возразилъ я.—Я вѣрю, что есть Богъ и Его высшая справедливость и что Онъ проститъ насъ.

Она опять взглянула на меня.

— Вы сами не вѣрите въ то, что говорите. Какъ можете вы вѣрить въ высшую справедливость, видя все, что творится каждый день, когда сжигаютъ тысячи невинныхъ людей во славу Божію.

Ея глаза горѣли и грудь волновалась. Меня не легко взволновать, но я былъ потрясенъ энергіей, съ которой она бросила эти слова.

— А, васъ это теперь задѣло!—продолжала она.—Развѣ вы сами никогда объ этомъ не думали? Можетъ быть, когда-нибудь вамъ эти мысли придутъ и самому. Что же вы можете для меня сдѣлать? Сжечь меня и только!

И она горько разсмѣялась.

— Можетъ быть, такова воля Божія. Можетъ быть, Онъ болѣе великъ, чѣмъ мы предполагаемъ, и мы не понимаемъ Его. Можетъ быть, эти мысли иной разъ приходили въ голову и мнѣ. Но я все-таки совѣтую вамъ не терять надежды на Него.

Я, впрочемъ, самъ не вѣрилъ тому, что я говорилъ въ этотъ моментъ. Ея судьба, которую раздѣляетъ съ ней безчисленное количество людей, говорила противъ моихъ словъ. Я не зналъ, что отвѣчать ей.

— Я не желаю сжечь васъ, видитъ Богъ. Но теперь ужъ поздно. И если вы имѣете какое-нибудь желаніе, я исполню его, чего бы это мнѣ ни стоило.

Она посмотрѣла на меня какъ-то странно.

— Можетъ быть, вы и можете кое-что сдѣлать для меня. Не знаю только, во что это вамъ обойдется.

— Говорите.

Съ минуту она колебалась и вдругъ сказала:

— Поцѣлуйте меня прежде, чѣмъ вы отсюда уйдете.

Ея лицо густо покраснѣло, отчего ея рыжіе волосы сдѣлались огненными, образуя настоящую корону вокругъ ея пылающаго лица. Противъ воли, я отступилъ отъ нея. Никогда въ жизни не былъ я такъ изумленъ. Женщина, которую я привлекъ къ дѣлу и осудилъ на смерть, женщина, которую я хотѣлъ пытать безъ всякаго милосердія, выражаетъ свое послѣднее желаніе—поцѣловать меня! Но истинѣ странный народъ эти женщины!

— Это, кажется, для васъ трудно, чѣмъ я предполагала,—сказала она, неправильно понявъ мое колебаніе.—Для мужчины это ужъ не такъ трудно.

— Вы не поняли меня, Анна. Но я удивленъ. Вы просите меня поцѣловать васъ, а между тѣмъ я-то и довелъ васъ до этого.

— Развѣ мы можемъ сказать, почему мы испытываемъ тѣ или другія чувства?—отвѣтила она просто.—Развѣ собака можетъ объяснить, почему она лижетъ руку, которая только что ее била? Извините меня за все то, что я говорила раньше. Вы вели себя честно относительно меня. Вы все могли сдѣлать. Вы могли отнять у меня все и погубить меня. Мужчины, которыхъ я знала, были весьма различны. Вы терпѣливо выслушали меня и поняли меня. Я никогда не испытывала такихъ чувствъ, какъ сейчасъ по отношенію къ вамъ. И не придется болѣе ихъ испытать, ибо моей жизни насталъ конецъ. Хотя вы и вельможа, а я... бѣдная женщина, но попросить, умирая, чтобы меня поцѣловали, можетъ быть, не слишкомъ большая претензія. Согласны вы?

Я нагнулся и поцѣловалъ ее—одинъ, два, три раза. Она страстно потянула меня къ себѣ и вдругъ рѣзко оттолкнула.

— Увы!—вскрикнула она.—Вѣдь вы меня не любите! Да и какъ вы могли бы полюбить меня! Меня!.. Я и сама не знаю, люблю ли я васъ.

И она залилась слезами.

Я былъ глубоко растроганъ. Я пробылъ съ нею еще нѣсколько времени, стараясь утѣшить и ободрить ее и говоря ей много такого,

чему я самъ не вѣрилъ. Случай былъ такой, что всякія утѣшенія были излишни.

Когда я собирался уйти, она спросила:

— Когда это будетъ?

— Завтра, рано утромъ. Но если вы хотите отложить...

— Нѣтъ,—перебила она.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Въ семь часовъ я пришлою вамъ одно средство. Вы заснете тихо и безболѣзненно. Въ восемь я пришлою къ вамъ священника, но его присутствіе уже будетъ не нужно для васъ.

— Благодарю васъ. Прошу васъ, не позволяйте палачу дотрогиваться до меня даже послѣ моей смерти.

— Хорошо. Тѣло приготовить къ похоронамъ женщины.

16-го октября.

День былъ сѣрый и холодный. Темное свинцовое небо нависло надъ большой площадью. Воздухъ былъ холоденъ, какъ снѣгъ. Все было холодно и уныло. На разсвѣтѣ я приготовилъ одежду кающейся грѣшницы для тѣла Анны ванъ-Линденъ и смотрѣлъ, какъ его привязывали къ столбу. Это было совершенно необычно для испанскаго губернатора, и мастеръ Яковъ съ его помощниками выражали величайшее свое удивленіе, поскольку они смѣли его выражать. Но въ этомъ маленькомъ городкѣ я могъ дѣлать, что мнѣ вздумается, въ мелочахъ, конечно.

Дуль рѣзкій вѣтеръ, отъ котораго я дрожалъ, несмотря на свой плащъ. Я стоялъ верхомъ передъ эшафотомъ впереди моихъ офицеровъ—точь-въ-точь какъ въ день моего пріѣзда. Но теперь сцена перемѣнилась. Я не разъ присутствовалъ на ауто-да-фе, какъ въ Испаніи, такъ и здѣсь въ Голландіи,—этого не избѣжишь, гдѣ бы ты ни былъ,—но никогда я не чувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ и низкимъ созданіемъ, какъ на этомъ мною самимъ устроенномъ сожженіи, когда старая Бригитта пробормотала завѣдомо ложное сознаніе, а палачъ Яковъ удавилъ ее за то, чего ни она сама, ни какая бы то ни было другая женщина не сдѣлала. Суевѣріе еще разъ получило торжественное признаніе.

И я способствовалъ этому. Никогда я не чувствовалъ такого стыда, какъ въ тотъ день. И это была власть! Да это тѣнь ея!

Выйдя отъ Анны ванъ-Линденъ, я цѣлый день ломалъ себѣ голову, стараясь найти средство спасти ее, и не нашель ни одного. Послѣднимъ желаніемъ этой женщины было поцѣловать меня, а я долженъ ее сжечь. Она совершила грѣхъ, но, какъ она сказала, многіе грѣшили гораздо больше. Съ горькой ироніей я спрашивалъ себя, неужели я здѣсь не хозяинъ, неужели я не могу дать ей возможность спастись, неужели дѣйствительно я не могу сдѣлать для нея ничего? Конечно, я могъ. Я могъ бы сжечь отца Бернардо,

затѣмъ уложить свои вещи и отправиться къ принцу Оранскому. Но я этого не имѣлъ въ виду.

При данныхъ обстоятельствахъ я шелъ настолько далеко, насколько было можно, и даже, пожалуй, дальше. Если бы одно изъ звеньевъ той цѣли, которую я изготовилъ для того, чтобы спасти донну Маріонъ и себя самого, порвалось; если бы у герцога возникли подозрѣнія въ томъ, что я обманываю его, то моя власть кончилась бы съ прибытіемъ ближайшаго курьера, и спасенная мною женщина погибла бы вмѣстѣ со мной. Если бы даже ради блага тѣла и рыжихъ волосъ Анны ванъ-Линденъ я пожелалъ рискнуть собой,—чего я вовсе не хотѣлъ,—то я не имѣлъ никакого права приносить въ жертву невинную женщину вмѣсто виновной. Въ этомъ случаѣ я не могъ колебаться ни минуты. Я продолжалъ убѣждать себя въ этомъ, но подписалъ всѣ окончательныя распоряженія съ чувствомъ глубокаго разочарованія и разлада съ самимъ собой. Она теперь не чувствуетъ никакихъ страданій. Но все это зрѣлище и страшно, и непріятно. Оно открываетъ путь для дальнѣйшихъ ауто-да-фе.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя. Деканъ церкви св. Гертруды, явившійся представителемъ церкви,—отецъ Балестеръ былъ въ опалѣ,—также былъ серьезенъ и задумчиво смотрѣлъ на ярко горѣвшее пламя, изъ-за котораго по временамъ видѣлись бѣлое лицо Анны и связанная Бригитта. Деканъ былъ добрый старикъ, который самъ по себѣ не сжегъ бы и собаки. Узнавъ о настоящемъ дѣлѣ, онъ былъ сильно опечаленъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить всему этому, пока я не показалъ ему мои распоряженія. Послѣ этого онъ не сказалъ ни слова, но я зналъ, что его вѣра въ власти предержанія пошатнулась.

Порывомъ вѣтра дымъ и искры несло прямо на насъ. Я стряхнулъ пепель съ своего плаща. Все уже было почти кончено, и мы могли отправляться обратно.

Несмотря на ранній часъ и холодную погоду, несмотря на то, что въ городѣ никто не зналъ о предстоящемъ ауто-да-фе до самой ночи, на площади собралось много народа.

Когда все было кончено, мы отправились въ городской домъ. Когда я вышелъ оттуда, народъ еще стоялъ на площади, толкуя о всемъ происшедшемъ? Я старался пройти черезъ площадь какъ можно скорѣе, не желая слышать, что они говорятъ. Узнавъ меня, они смолкли и посторожились, давая мнѣ дорогу. Не успѣлъ я пройти половину площади, какъ вдругъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ мадемуазель-де-Бреголь. Я вздрогнулъ отъ неожиданности. Именно для того, чтобы скрыть отъ нея все, я и выбралъ для совершенія казни такой необычный часъ. Мнѣ не хотѣлось встрѣчаться съ ней, но она была уже такъ близко отъ меня, что я не могъ сдѣлать видъ, будто не замѣчаю ея.

— Вы рано вышли сегодня, донна-Маріонъ,—сказалъ я, раскладываясь съ нею.

— О, синьоръ!

Она сказала только эти два слова, но они были краснорѣчивѣе цѣлой рѣчи.

— Онѣ обѣ хотѣли приготовить для васъ эту участь и пожалели сами то, что посѣяли для другихъ. Развѣ это не справедливо?

— Нѣтъ, синьоръ, ибо они пострадали за преступленіе, котораго онѣ не совершали. Какая ужасная смерть! Развѣ нельзя было выбрать для нихъ другой родъ смерти?

— Старая Бригитта была незамѣтно задушена ловкой рукой Якова. Что же касается Анны ванъ-Линденъ, то я самъ принесъ ей средство, которое помогло ей безболѣзненно покинуть этотъ міръ. Ибо она раскаялась. Что же вы еще хотите?—угрюмо спросилъ я.— А прежде—развѣ вы не отвернулись отъ нея съ презрѣніемъ, когда она подошла къ вамъ разъ на улицѣ? А вѣдь она подходила, чтобъ предостеречь васъ. Нѣсколько разъ она дѣлала попытки измѣнить свой образъ жизни, но ей не давали этого сдѣлать.

— О, теперь я припоминаю. Ужасно жаль. Но какъ я могла знать? Истинно, не должно осуждать никого.

Помолчавъ немного, она заговорила опять:

— Я такъ рада, что онѣ сгорѣли уже мертвыми. Мнѣ все вспоминается та дѣвушка, которая не могла сгорѣть до смерти. Когда я услышала о казни сегодня утромъ, я поспѣшно бросилась сюда. Я хотѣла броситься къ вашимъ ногамъ и умолять васъ, но когда я дошла до площади, пламя поднималось уже высоко. Я не могла повѣрить, чтобы вы были такъ жестоки. Но эта исповѣдь... Подумали ли вы, синьоръ, о другихъ невишныхъ, которымъ также, можетъ быть, предстоитъ сгорѣть?

— Я думалъ объ этомъ, но въ данномъ случаѣ выбора не было. Церковь говоритъ, что это колдовство, а церковь, какъ извѣстно всѣмъ, не можетъ ошибаться. Тутъ кто-нибудь да долженъ былъ пострадать. Неужели вы предпочитаете, чтобы это былъ я или вы, а не онѣ?

Такая логика была неотразима, и она смолкла.

— Неужели вы думаете, что я сдѣлалъ это по собственной волѣ?—продолжалъ я.—Но тутъ другого исхода не было. И ваша безопасность теперь обезпечена. Будущія поколѣнія должны будутъ позаботиться о себѣ сами. Что, въ самомъ дѣлѣ, произошло сегодня утромъ?—прибавилъ я съ легкимъ цинизмомъ.—Одинъ небольшой эпизодъ въ великой борьбѣ за главенство, которая отъ вѣка идетъ во всемъ мірѣ. Это единственное реальное явленіе, все остальное — мечтанія и химеры, которыя неизбѣжно попадаютъ подъ колеса судьбы и сокрушаются подъ ними. Нѣтъ ничего, кромѣ этой борьбы,

въ которой мы всѣ принимаемъ участіе—церковь, государство, я самъ.

— Я думала, синьоръ, что вы преслѣдуете другія, болѣе высокія цѣли—справедливость и даже нѣчто большее. Прошу васъ, не разрушайте этой иллюзіи.

Съ этими словами она отошла отъ меня. Подошелъ деканъ.

Справедливость и даже нѣчто большее! Вотъ разсужденія женщинъ. Онѣ никогда не бываютъ довольны. Ее спасли отъ страшной смерти, съ большимъ рискомъ обезпечили за нею безопасность—и она хочетъ, чтобы все это было сдѣлано такъ, чтобы никто не пострадалъ! Какъ будто люди ангелы, а на землѣ настала рай!

Я пошелъ домой съ деканомъ, который разсуждалъ о развращенности людей, принуждающихъ церковь прибѣгать къ мѣрамъ крайне суровымъ, которыя такъ не согласуются съ присущей ей мягкостью. Если бъ люди не слушали внушеній дьявола и не образовывали разныхъ зловредныхъ сектъ, то церковь, по его словамъ, съ радостью обратилась бы къ своей миссіи любви и всепрощенія и занималась бы только ею.

— Ваша вѣра въ вѣдьмъ какъ будто вернулась къ вамъ, синьоръ,— сказала за обѣдомъ донна-Изабелла тѣмъ тономъ, котораго я не любилъ.

Я все еще живу у ванъ-деръ-Веерена. Мое помѣщеніе въ городскомъ домѣ почти уже готово. Не ладится что-то съ печами, и ванъ-деръ-Вееренъ говорилъ, что онѣ будутъ дымить, если ихъ не исправишь, какъ слѣдуетъ. Я, конечно, могъ бы не считаться съ этимъ и переѣхать туда теперь же: я привыкъ и не къ такимъ неудобствамъ, какъ дымъ или присутствіе рабочихъ, выходящихъ и входящихъ въ комнату. Но мой хозяинъ настойчиво просилъ меня оставаться пока у него, и я хорошо понималъ причины этой просьбы: мое присутствіе въ его домѣ ручается за безопасность его самого и его домашнихъ. Его дочь также въ вѣжливыхъ выраженіяхъ вторила его просьбамъ съ улыбкою, отъ которой вѣяло холодомъ. Но именно поэтому и скорѣе вопреки этому я у нихъ и оставался.

— Да, конечно,—мрачно говорилъ я.—Дѣло идетъ къ зимѣ. Становится холодно, и необходимо топить. А вы не вѣрите въ вѣдьмъ, донна Изабелла?

— Смотря по обстоятельствамъ...

— Какъ такъ?

— Кто осмѣлится не вѣрить въ нихъ, если, какъ въ данномъ случаѣ, вы будете верховнымъ судьей, присутствующимъ даже на казни? Это обстоятельство будетъ великимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, чья вѣра поколебалась было послѣ случая съ моей кузиной. Теперь они могутъ радоваться: махинаціи дьявола выведены теперь наружу. Въ слѣдующій разъ, когда будутъ сжигать, энтузіазма будетъ еще больше,—сказала она, смотря не на меня, а на стѣну.

— Вы черезчуръ суровы, синьорита.

— Нѣтъ, я только указываю на вашу справедливость.

— Такъ ли? Я очень радъ слышать это отъ васъ. Это заставляетъ меня итти далѣе по тому пути, на который я ступилъ,—отвѣтилъ я, раздражаясь.—Въ Мадридѣ съ удовольствіемъ узнають о томъ, что сожгли вѣдъму-другую; но съ еще большимъ удовольствіемъ принимаютъ извѣстія о томъ, что сожгли еретиковъ, особенно богатыхъ. Тамъ разсуждаютъ такъ: всеправедный Господь не можетъ потерпѣть, чтобы кто-нибудь, отбившись отъ истинной вѣры, обладалъ богатствомъ въ то самое время, когда добрые католики умирають съ голоду. Своимъ богатствомъ такой человѣкъ, очевидно, обязанъ дьяволу, и будетъ самымъ святымъ дѣломъ взять у него это богатство, а его самого сжечь. Боюсь, что съ этой точки зрѣнія меня считаютъ слишкомъ мягкимъ и будутъ за это меня преслѣдовать.

Это было совершенно вѣрно.

— Лично я совершенно равнодушенъ къ подобнаго рода вещамъ,—продолжалъ я,—и готовъ былъ бы разрѣшить каждому молиться по-своему, если только онъ не беспокоитъ своихъ сосѣдей. Что касается меня, то я даже люблю еретиковъ—между ними попадаются отличные люди. Но въ Мадридѣ думаютъ иначе. Тамъ ждутъ, что я, по крайней мѣрѣ, представлю списокъ этихъ еретиковъ. Я не могу, конечно, при отправленіи правосудія, которое только что такъ расхваливала донна Изабелла, руководствоваться моими личными чувствами. Можете вы снабдить меня такимъ спискомъ, синьоръ ванъ-деръ-Вееренъ?

Мой хозяинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто хотѣлъ прочесть въ моей душѣ. Донна Изабелла бросила взглядъ,—впрочемъ, это для меня совершенно безразлично, какіе взгляды она бросаетъ на меня.

— Вы знаете здѣсь всѣхъ, —продолжалъ я.—Можно было бы начать съ духовенства, котораго, я увѣренъ, не занимать стать среди еретиковъ. Остальныхъ мы оставимъ на будущее время. Сдѣлаемъ уступку чувству жалости, которое можно если не оправдать, то простить намъ.

Старый ванъ-деръ-Вееренъ овладѣлъ наконецъ собою. Блѣдность мало-по-малу исчезла съ его лица, и онъ сказалъ:

— Это хранится въ большомъ секретѣ, синьоръ. Люди, принадлежащіе къ новой религіи, ведутъ себя очень странно. Если среди послѣдователей этой религіи кто-нибудь встрѣтитъ своего смертнаго врага, то онъ его не выдастъ. Боюсь, что я не могу вамъ дать никакихъ указаній въ этомъ случаѣ.

— Это очень жаль. Вы могли бы предупредить ошибки, которыя я могу надѣлать. А такія ошибки очень чувствительны для тѣхъ, кого онѣ касаются. Хорошо. Если вы не можете этого сдѣлать, пусть будетъ такъ. Попытаюсь распутать все самъ.

Я удивилъ его второй разъ, и не меньше, чѣмъ въ первый, въ день моего прибытія сюда.

Черезъ нѣсколько времени, когда я собирался выйти изъ дому и искалъ въ передней свою шляпу и шпагу, я почувствовалъ легкое прикосновеніе чей-то руки. Я круто обернулся: передо мной стояла донна Маріонъ. Въ видѣ исключенія, она присутствовала сегодня за обѣдомъ, но все время молчала.

— Вѣрно ли, что вы посвящаете себя преслѣдованію?—спросила она.—Я не могу этому повѣрить.

— Я не сталъ бы этого дѣлать, если бѣ можно было. Преслѣдовать людей не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія. Но мнѣ не нравится содержаніе писемъ, которыя я получилъ. Я имѣю полномочія, но всегда могу получить прямой приказъ отъ короля. У герцога немало бланковъ, заранѣе подписанныхъ королемъ. Обнаружено, что нѣсколько богатыхъ лицъ нашли себѣ убѣжище въ Гертруденбергѣ, полагая, что этотъ маленькій городокъ не можетъ навлечь подозрѣній. Онъ находится недалеко отъ Дордренна, откуда они разчитываютъ переправиться въ Англію. Кромѣ того, послѣ происшествій, случившихся при моемъ прибытіи сюда, мое положеніе пошатнулось.

— Если изъ-за меня должны пострадать многіе другіе, то я желала бы, чтобы вы вовсе не спасали меня.

— Къ счастью, ваше желаніе не можетъ осуществиться. А я желалъ бы, чтобы эти еретики не вынуждали на крайнія мѣры. Зачѣмъ дѣлать такой шумъ, присутствуя въ церкви? При нѣкоторой ловкости и во время пущенныхъ деньгахъ они могли бы обезопасить себя отъ всякихъ козней духовенства. Но неужели вы думаете, что ихъ собственное духовенство, если оно когда-нибудь получитъ власть, будетъ поступать съ ними иначе? Имъ не измѣнить этого міра.

Какое-то свѣтлое облако прошло по ея лицу.

— Я слышала, что эти еретики—странный народъ. Они вѣрятъ, что у Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

— Да, я это знаю. Они вѣрують, что у каждаго человѣка есть своя миссія. Они радуются, если даже человѣкъ кончаетъ жизнь въ мукахъ или на кострѣ.

Она вздрогнула. На одну минуту въ ея глазахъ мелькнулъ испугъ, но это выраженіе сейчасъ же исчезло. Они опять сіяли попрежнему.

— Вы хорошо запомнили слова, синьоръ,—сказала она.

— Прекрасныя слова. Я желалъ бы, чтобы имъ можно было вѣрить.

— А развѣ вы не можете?

— Нѣтъ, донна Маріонъ. Слыхали ли вы когда-нибудь о послѣднемъ инквизиторѣ Толедо? Онъ умеръ не такъ давно. Во время своей жизни онъ сжегъ не одну сотню разнаго народа. Я забылъ,

сколько именно, но онъ гдѣ-то записалъ это число. Онъ сжигалъ ихъ весело, безъ всякаго сокрушенія, хорошо зная, что они виновны только въ томъ, что являются препятствіемъ для могущества церкви. Онъ рассуждалъ приблизительно такъ: можетъ ли быть, чтобы Богъ сошелъ на землю проповѣдывать слово свое, быть распятымъ за него и предоставить первому попавшемуся попу извратить его? Конечно, это невозможно, — рассуждалъ онъ. — Поэтому онъ смотрѣлъ только на реальную сторону дѣла—на борьбу за власть. Слабый долженъ посторониться—таковъ всеобщій законъ. На его мѣстѣ онъ могъ только жечь еретиковъ, иначе его сожгли бы самого, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Поэтому онъ предпочелъ выбрать первый путь, какъ наименѣе для него мучительный. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ донъ Манрико де-Хорквера былъ человѣкъ добрый и очень мягкій.

Донна Маріонъ стояла передо мной, тяжело дыша и выпрямившись во весь свой ростъ.

— Позвольте вамъ напомнить послѣднія слова проповѣдника: кто вы, чтобы судить о путяхъ Господнихъ. Страшны и неисповѣдимы пути Его, и проходить Онъ по землѣ, какъ ураганъ, истребляя здѣсь, оплодотворяя тамъ.

— Вы не утратили вѣру, донна-Маріонъ.

— А вы?

— У меня ея нѣтъ—по крайней мѣрѣ, въ вашемъ смыслѣ.

— Какъ можно жить безъ вѣры? Если бъ у меня не было вѣры... Я слабая женщина, но я полагаю, что и вы иногда чувствуете, что вся ваша сила—ничто въ сравненіи съ судьбой. Печальна, должно быть, ваша жизнь.

— Можетъ быть, и такъ, донна Маріонъ. Но вѣру не купишь гдѣ-нибудь въ ближайшей церкви. Надѣюсь, что ваша вѣра останется съ вами навсегда. Что касается меня, то моя сила далеко подвинула меня въ жизни, и надѣюсь, что она не измѣнитъ мнѣ до конца. Но позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ не ходить болѣе въ ту маленькую церковь за городомъ. Я забылъ тропинку, ведущую къ ней, и не въ состояніи отыскать ее теперь. Я не желаю знать, кто тамъ былъ. Но если на эту церковь наткнется случайно кто-нибудь изъ моихъ людей, то они не забудутъ ни тропинки къ ней, ни тѣхъ, кто ее протопталъ. Но что бы ни случилось, не бойтесь за себя. Я уже разъ спасъ васъ и въ случаѣ надобности сумѣю спасти и еще разъ.

Наклонившись, я поцѣловалъ ей руку. Она гордо отпрянула отъ меня и сказала:

— Я думала не о себѣ, а о другихъ. И я не хочу, чтобы спаслась я одна, если погибнуть мои единовѣрцы.

Я былъ отвергнутъ, но не обиженъ.

— Въ такомъ случаѣ это будетъ помимо вашего желанія, — смѣясь отвѣтилъ я и вышелъ.

30 октября.

Сегодня я переѣхалъ въ свое помѣщеніе въ городскомъ домѣ. Было какъ-то странно оставаться опять одному. Какъ-то странно пользоваться услугами одного Діэго послѣ того, какъ за тобой ухаживали, какъ за балованнымъ ребенкомъ, и тебѣ старалась угодить одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ въ мірѣ. Но въ моемъ положеніи я, конечно, не могъ оставаться постоянно у ванъ-деръ-Веерена. Если возникнутъ безпорядки, я буду въ состояніи скорѣе защитить ихъ изъ городского дома, чѣмъ изъ ихъ собственной квартиры. Я жилъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ, что при моемъ бродячемъ образѣ жизни было много. Пора было и разстаться. Я твердо рѣшился на это, хотя старый ванъ-деръ-Вееренъ желалъ, чтобы я остался у него еще.

— Вамъ будетъ тамъ неудобно, синьоръ,—говорилъ онъ.

Увидимъ. Вечеромъ я буду ужинать въ одиночествѣ, и только мое собственное величіе составитъ мнѣ компанію. Посмотримъ, какъ это мнѣ понравится?

8 ноября.

Прошла уже недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я перебрался сюда, и, говоря по правдѣ, мнѣ здѣсь не нравится. На помѣщеніе я жаловаться не могу. Оно прекрасно и просторно, выходитъ окнами на востокъ, и въ хорошіе дни въ нихъ ярко свѣтитъ солнце. Но хорошіе дни теперь рѣдки и коротки, а вечера долги, и по временамъ я нахожу свое жилище довольно печальнымъ. Впрочемъ, это пройдетъ. Я вѣдь много лѣтъ прожилъ одинъ и немало вечеровъ провелъ въ одиночествѣ у камина—въ Испаніи, Италіи, Голландіи. Испанскіе солдаты заходятъ далеко, и міръ становится тѣсень для нихъ. Я смотрѣлъ, какъ поднимается пламя, какъ оно затихаетъ и умираетъ, подобно нашимъ мыслямъ. Когда онѣ уже ничего не могли мнѣ сказать, я начиналъ смотрѣть на звѣзды, наблюдая за ихъ безмолвнымъ гордымъ теченіемъ на небесахъ и стараясь постигнуть тайный законъ, который обезпечивалъ имъ такую правильность.

Я разбилъ немало идоловъ и разрушилъ немало сладкихъ упованій и на развалинахъ этихъ преградъ, стоявшихъ на моемъ пути къ неизвѣстному, я поставилъ алтарь той великой надежды, которую я искалъ. И я чувствовалъ, что я не одинъ. Но въ Голландіи звѣзды сіяютъ рѣдко осенью, а ночи долги и темны. Мой алтарь пустъ. Пламя ярко горитъ въ большомъ каминѣ съ красивой готической отдѣлкой, но я не улавливаю въ немъ смысла.

Очнувшись отъ моихъ мыслей, я невольно ищу взорами красивой старой головы ванъ-деръ-Веерена и блестящихъ глазъ его дочери—ищу ея сіяющихъ плечъ, которыя созерцалъ цѣлый мѣсяцъ.

8*

Теперь передо мной были лишь поблекшія картины на стѣнахъ, на которыхъ причудливо игралъ свѣтъ отъ камина. И я былъ недоволенъ какимъ-то непривычнымъ недовольствомъ. По мѣрѣ того, какъ появлялись и исчезали тѣни, я мечталъ о взорахъ, пріятныхъ и печальныхъ въ одно и то же время.

За послѣднее время жизнь течетъ тихо до странности. Съ тѣхъ поръ, какъ сожгли Анну ванъ-Линденъ, не было еще ни одного столкновения, какъ будто бы судьба умиротворилась этой жертвой. Когда я еще не совсѣмъ проснулся и еще дремлю, я забываю всѣ униженія того дня и опять начинаю воображать, что я здѣсь хозяинъ. Ибо король въ Мадридѣ, за тысячу верстъ отсюда. Даже герцогъ Альба представляется чѣмъ-то далекимъ, хотя онъ гдѣ-нибудь къ Нимвегенѣ или Аригемѣ. И я чувствую, что я достаточно силенъ, чтобы вступить въ борьбу съ судьбой за невозможное, но чувствую это, пока не проснусь.

15 ноября.

Вчера я провелъ вечеръ въ домѣ ванъ-деръ-Веерена. Какъ будто для того, чтобы заставить меня сильнѣе почувствовать разницу между моею одинокою комнатою и ихъ домомъ, они превзошли сами себя въ любезности.

Донну Маріонъ я уже давно не видѣлъ. Она рѣдко бываетъ у ванъ-деръ-Веереновъ, хотя и приходится имъ близкой родственницей. Не знаю почему. И вчера ея тамъ не было. Что касается меня, я былъ у нея только еще одинъ разъ: сдѣлалъ официальный визитъ ея матери.

21 ноября.

Снаружи льетъ дождь. Цѣлыхъ двѣ недѣли стоитъ сѣрая погода. Сыро и скучно. Выпалъ было снѣгъ, но скоро растаялъ. Скоро онъ пойдетъ опять и на этотъ разъ останется. Осень уже давно прошла. Сегодня я нѣсколько часовъ пробылъ на рѣкѣ, присматривалъ подъ проливнымъ дождемъ за транспортами для арміи герцога. Когда суда отплыли, я еще оставался на пристани, продолжая глядѣть на западъ, гдѣ небо, вода и берегъ слились въ одну сѣрую массу.

Дождь пересталъ, и вдругъ, какъ бы отвѣчая на какой-то заданный вопросъ, облака разсѣялись, и на небѣ засверкало горящее свѣтило. Мягкіе отблески его тихо заиграли на водѣ. Какъ будто по слову Господню непогода утихла. «Горе вамъ маловѣрнымъ».

Съ океана прилетѣла цѣлая стая чаекъ и, не теряя времени, понеслась на сушу, не обращая вниманія на нависшія надъ нею облака. Онѣ смѣло направились на туманный востокъ, зная навѣрно, что не всегда же будетъ тамъ мракъ. Ибо на востокѣ за полосой мрака живетъ утро. Утро! Увижу ли я тебя? И когда?

Опять льетъ дождь.

22 ноября.

Ночью видимы были звѣзды, но съ ранняго утра полилъ дождь и льетъ упорно и безъ перерыва. Прохожіе на улицахъ идутъ быстро, спѣша поскорѣе добраться до дому. Одна только собака, повидимому, потеряла дорогу и бѣгаетъ туда и сюда по площади, напрасно стараясь найти какое-нибудь убѣжище. Въ скверную погоду Голландія—весьма печальная страна.

22 ноября ночью.

Сегодня былъ день, чреватый послѣдствіями—хорошими или дурными, это я узнаю завтра.

Хочу записать все, что случилось.

Было около десяти часовъ, когда я пересталъ писать и отложилъ перо. Настроеніе мое переменилось, и я чувствовалъ, что писать мнѣ больше не хочется. Я подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть—на мокрыя крыши, на мостовыя, на которыхъ стояли цѣлыя лужи воды. Все это имѣло безнадежный видъ. Мнѣ пришелъ на умъ мой обѣдъ въ одиночествѣ, и я невольно вздохнулъ. Я полагаю, что не въ моихъ привычкахъ поддаваться настроенію, однако бываютъ минуты, когда жизнь кажется тяжелѣе, чѣмъ прежде.

Вдругъ за темной колокольной церкви св. Гертруды небо сразу измѣнило свой цвѣтъ. Сначала я подумалъ, что зрѣніе обманываетъ меня, но нѣтъ. Сквозь тонкую сѣтку дождя сначала показался клочокъ блѣдно-голубого неба. Затѣмъ мягкій голубой цвѣтъ смѣнился сѣрымъ. Черезъ минуту облака прошли, и на этомъ мѣстѣ явилось ярко-голубое пятно, быстро расширявшееся все больше и больше. Черезъ полчаса съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, не видно было уже ни одного облака. Только колокольная св. Гертруды продолжала темнѣть на яркомъ фонѣ небесъ, но и на ней, на ея южной сторонѣ, явились темныя золотыя пятна, сотканныя лучами солнца, а крыша и карнизъ блистали серебромъ по всѣмъ контурамъ.

Я открылъ окно и глубоко вздохнулъ. Воздухъ былъ холодный, но чистый, словно онъ пришелъ откуда-то издалека, и дыханіе города еще не успѣло загрязнить его.

Мнѣ не хотѣлось оставаться дома въ такой день. Годъ подходилъ къ концу. Я подошелъ опять къ своему столу и быстро написалъ нѣсколько строкъ ванъ-деръ-Веерену и его дочери, а также мадемуазель де-Бреголь, приглашая ихъ на прогулку за городъ и предоставляя своимъ лошадей въ ихъ распоряженіе. Мнѣ говорили, что обѣ дамы умѣютъ хорошо ѣздить верхомъ, хотя ванъ-деръ-Вееренъ, по понятнымъ причинамъ, и не держалъ собственныхъ лошадей. Мы предполагали доѣхать до старинной башни, которая находится на востокѣ отъ города и до которой будетъ около часу

ѣзды. Донна Изабелла никогда не была здѣсь, хотя это и странно. Можетъ быть, потому, что дороги были не особенно безопасны.

Мои люди привыкли дѣлать все быстро, и когда былъ полученъ отвѣтъ, все было готово. Я вскочилъ въ сѣдло и поѣхалъ навстрѣчу своимъ гостямъ.

Донна Маріонъ не могла ѣхать съ нами: ея мать чувствовала себя нехорошо, и ей не хотѣлось оставлять ее. Такимъ образомъ, насъ было трое и, кромѣ того, двѣнадцать всадниковъ, которымъ я приказалъ сопровождать насъ и ѣхать за нами на нѣкоторомъ разстояніи. Время было военное, и дорога шла черезъ лѣсъ почти на цѣлую милю.

Донна Изабелла была очень красива въ ея темной амазонкѣ и шляпѣ съ широкими полями. Когда я подсаживалъ ее въ сѣдло, я замѣтилъ, что у нея очень стройная нога—вѣрный признак благородной испанской крови. Она очень мило поблагодарила меня за приглашеніе. Ея манера обращаться со мной значительно измѣнилась съ того дня, какъ я просилъ ея отца помочь мнѣ составить списокъ еретиковъ. Произошло ли это оттого, что она стала бояться меня? Мнѣ какъ-то не хотѣлось вѣрить этому. Или, можетъ быть, она перестала недоувѣрять мнѣ?

Она ѣздила очень хорошо, хотя и говорила, что ея кузина—лучшая наѣздица. Я могу себѣ представить, что рука донны Маріонъ была бы крѣпче и ровнѣе. Во всемъ, что она дѣлаетъ, замѣтна какая-то величавая сила, ясная и твердая опредѣленность, которая составляетъ полную противоположность нервной граціи донны Изабеллы и ея настроенію, мѣняющемуся, какъ облака на небѣ. Но временами въ ея манерахъ есть что-то неожиданное, порывистое, и это составляетъ главную ея прелесть. Помимо этого внѣшняго различія я думаю, что онѣ должны составлять контрастъ и въ любви, и въ ненависти.

Ѣхать было очень весело. Она держалась или рядомъ со мной, или чуть-чуть впереди, и ея красивая фигура плавно покачивалась при каждомъ движеніи лошади. Я былъ очень доволенъ, что послѣдовалъ минутной прихоти, самъ поѣхалъ и ее заставилъ проѣхаться.

Мы ѣхали довольно быстро, ибо въ воздухѣ было прохладно. Деревья были уже безъ листьевъ, а почва пропитана дождемъ. Но небо было свѣтло и ярко сіяло въ противоположность землѣ. Мы скоро доѣхали до башни, и я сталъ играть, какъ могъ, роль хозяина, хотя и не могъ предложить моимъ гостямъ такой роскоши, какой нельзя было найти у нихъ за столомъ. Мой старый хересъ вызвалъ румянецъ у донны Изабеллы, и когда мы поѣхали обратно, она вдругъ вскрикнула:

— Хотите держать пари, что я обгоню васъ вотъ до тѣхъ деревьевъ?

— Согласенъ,—отвѣчалъ я, и мы поскакали.

Мы неслись, какъ вѣтеръ. Ея отецъ неспѣша ѣхалъ за нами и улыбался. Ея лошадь не могла сравняться съ моей. Какъ ни быстро она неслась, все же у меня была чистокровная арабская, которую я привезъ съ собой изъ Испаніи и которая уже дважды спасла мнѣ жизнь. Я несся впереди нея почти до самой цѣли, но потомъ приостановилъ лошадь, давая ей возможность одержать надо мной побѣду. Но это не укрылось отъ нея.

— Я проиграла! — вскричала она, какъ только мы пустили лошадей болѣе медленнымъ аллюромъ.—Вы дали мнѣ выиграть пари. Я отлично вижу это. Это нехорошо. Мало вы меня знаете, если вы думаете, что такая побѣда можетъ доставить мнѣ удовольствіе.

— Вы не могли выиграть пари, донна Изабелла. Ваша лошадь животное благородное,—иначе я не могъ бы предложить ее для васъ,—но она не можетъ состязаться съ моей, которая испытана въ бояхъ и при случаѣ можетъ спасти жизнь человѣку. Я только проявилъ обычную вѣжливость, какъ и подобаетъ кавалеру.

— Это опять ваши испанскія церемоніи, синьоръ. Но вѣдь мы въ Голландіи, въ странѣ простыхъ манеръ и простыхъ откровенныхъ людей вродѣ меня. Я, вѣроятно, то и дѣло задѣваю васъ своей грубостью.

— Ваша улыбка искупаетъ все это. Мои апартаменты въ городскомъ домѣ безъ нея кажутся мнѣ пустыми.

— Что вамъ въ моей улыбкѣ, синьоръ?

— Она краситъ васъ. Если бъ я не видѣлъ ее нѣсколько дней подрядъ, мнѣ чего-то не хватало бы.

— Развѣ я красива только тогда, когда улыбаюсь? Вотъ скудный комплиментъ!

— Нѣтъ. Вы всегда прекрасны, но еще прекраснѣе, когда вы улыбаетесь. И тогда я знаю, что у васъ веселыя мысли. Поэтому ради васъ и самого себя буду надѣяться на то, что впредь эта улыбка будетъ чаще. Послѣдній разъ, когда я васъ видѣлъ, вы были что-то серьезны.

— Не такое время, чтобы радоваться. Вы тоже улыбаетесь рѣдко.

— Это для меня не нужно въ такой степени, какъ вамъ, донна Изабелла. Да и время не такое, какъ вы изволили сказать.

— Надѣюсь, вы не разсчитываете, что на комплиментъ я буду отвѣчать тоже комплиментомъ?—спросила она лукаво.

— Нѣтъ. Я всегда стараюсь, чтобы обо мнѣ судили по моимъ дѣламъ, а не по моему лицу.

— И что же вы скажете о такомъ способѣ?

— Да ничего особеннаго. Впрочемъ, на меня, можетъ быть, трудно угодить. Я всегда желалъ чего-нибудь большаго, чего-нибудь такого, что даже кажется невозможнымъ, и однако...

Я смолкъ. Мы медленно ѣхали по дорогѣ черезъ лѣсъ, о которомъ я говорилъ. Теплый отблескъ яснаго неба лежалъ на нашихъ

лицахъ. На одной изъ вѣтокъ, подъ которой мы проѣзжали, висѣлъ пучъ золотисто-желтыхъ листьевъ, которые буря забыла сорвать и унести. Рукой до нихъ нельзя было достать.

— Послѣдніе листочки этого года! Какъ они красивы! Какъ мнѣ хотѣлось бы ихъ имѣть! Вы все желали чего-нибудь невозможнаго. Вотъ для васъ задача.

— Вы забыли о моей шпагѣ, донна-Изабелла. Она разъ или два уже добывала для меня то, что казалось невозможнымъ.

И, приподнявшись на стременахъ, я отрубилъ маленькій сучокъ, который, падая, закрутился въ воздухѣ.

Она бросила поводья и вытянула руки, чтобы его схватить. Но ея лошадь, испуганная внезапнымъ ея движеніемъ или, можетъ быть, паденіемъ сучка, вдругъ рванулась и сбросила бы ее, если бы я быстро не подхватилъ ее. Я ѣхалъ очень близко отъ нея—дорога была узкая—и потянулъ къ себѣ ея лошадь.

Та, еще болѣе испугавшись этого, пустилась по дорогѣ, все болѣе и болѣе забрасываясь.

Все это случилось въ одно мгновеніе. Она тихо вскрикнула и на половину свисла съ сѣдла, такъ что я долженъ былъ поддержать ее. Моя лѣвая рука очутилась какъ разъ противъ ея сердца, и я слышалъ, какъ быстро оно билось. И вдругъ меня опять охватило безумное желаніе, которое я разъ уже испыталъ, когда она чуть было не упала на улицъ и я подхватилъ ее на руки. На этотъ разъ я не могъ преодолѣть себя. Развѣ я, впрочемъ, не сказалъ ей слишкомъ много и развѣ она не слушала все это съ улыбкой? Я нагнулся и поцѣловалъ ее въ губы.

Черезъ минуту я опомнился и далъ бы много, чтобы этого не случилось. Несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, я въ концѣ концовъ не зналъ, приспѣло ли для этого время. Но было уже поздно. Второй разъ въ жизни моя горячая кровь увлекла меня слишкомъ далеко,—къ худу или добру, это я узнаю завтра утромъ.

Она покраснѣла до корней волосъ, но, не освободившись отъ своей неудобной позы, она не могла сказать ни слова. Почти въ ту же минуту я услышалъ, какъ сзади насъ неслась лошадь, и узналъ голосъ ванъ-деръ-Веерена, спрашивавшаго, что случилось.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ я.—Лошадь донны Изабеллы испугалась и подхватила. Если бы я не поддержалъ донну Изабеллу, она могла бы упасть. Я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы сошли съ лошади и помогли мнѣ поставить ее на землю. Я надѣюсь, что дѣло обойдется однимъ испугомъ.

Онъ исполнилъ то, что я ему говорилъ, и черезъ секунду она уже стояла на дорогѣ. Румянецъ сошелъ съ ея лица, и оно было блѣдно.

— Не ушиблась ли ты?—спросилъ ее отецъ.—Благодари дону Хаима. Потеряй онъ присутствіе духа, ты бы сильно ушиблась, а, можетъ быть, съ тобой было бы что-нибудь и похуже.

Донна Изабелла молчала.

— Меня не за что благодарить,—быстро вмѣшался я:—я не думаю, чтобы въ данномъ случаѣ была какая-нибудь особенная опасность. Если вы останетесь при вашей дочери, я поѣду впереди, чтобы поймать ея лошадь.

Я нашель ея неподалеку возлѣ дороги. Не безъ хлопотъ удалось мнѣ схватить ея за уздцы и привести обратно. Потомъ я помогъ доннѣ Изабеллѣ снова сѣсть въ сѣдло, пока мою лошадь держалъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ конвойныхъ, прискакавшихъ на мой зовъ.

Я старался поймать ея взглядъ въ то время, какъ она садилась въ сѣдло, но она упорно не достаивала меня взглядомъ. Маленькая вѣтка, благодаря которой случилось все это происшествіе, лежала въ печальномъ забвеніи возлѣ дороги. Донна Изабелла даже не взглянула на нее. Я поднялъ ея и тщательно прикрѣпилъ у себя на сѣдлѣ. Потомъ я сѣлъ на лошадь, и мы снова двинулись.

День уже угасалъ, и мы ѣхали быстро и молча. Свѣтъ на западной сторонѣ превратился въ узкую красноватую полосу на горизонтѣ. Предметы, стоявшіе по другую сторону дороги, потеряли свой цвѣтъ и выдѣлялись темными силуэтами.

Быль уже вечеръ, когда копыта нашихъ лошадей застучали по неровной мостовой города.

Я простился съ ванъ-деръ-Веереномъ и его дочерью у ихъ дома и поблагодарилъ ихъ за ихъ участіе въ прогулкѣ. Еще разъ я старался поймать взглядъ донны Изабеллы, но напрасно.

Я еще разъ поставилъ ставку на счастье—последнюю ставку. Мнѣ было почти тридцать восемь лѣтъ. Невѣроятно, чтобы я могъ влюбиться еще разъ. Но хорошо, или дурно, а жребій брошенъ: Что мнѣ выпало на долю, узнаю завтра.

1-го декабря.

Мнѣ не хотѣлось продолжать мой дневникъ: слишкомъ сильна была буря во мнѣ. Но самое худшее уже прошло, и я снова сталъ спокойнымъ и холоднымъ, какимъ меня привыкли видѣть люди.

Какъ мало мы знаемъ другъ друга!

Я начну съ самаго начала. Послѣ этой роковой поѣздки я не могъ спать и проснулся рано. Пока я сидѣлъ за завтракомъ, пришла почта изъ Брюсселя. Прочитавъ письма, я положилъ ихъ въ карманъ и нахмурился. Все преслѣдованія и сожженія, неужели имъ не надоѣсть, наконецъ, все это? Но пока хозяиномъ здѣсь былъ я, и ни одинъ костеръ не вспыхнетъ безъ моего желанія. Я поставилъ на карту мою жизнь, и я былъ готовъ къ проигрышу. Я бросилъ вызовъ судьбѣ послѣдній разъ, и если проиграю битву, то не по недостатку мужества.

Управившись съ дѣлами, я въ одиннадцать часовъ отправился къ ванъ-деръ-Вееренамъ. Я освѣдомился о здоровьѣ донны Иза-

беллы и спросилъ, можетъ ли она принять меня. Въ отвѣтъ мнѣ сказали, что она чувствуетъ себя хорошо, но что она устала, еще не одѣта и не можетъ никого принять. Ея отца не было дома. Последнему я повѣрилъ. Дѣло еще не было такъ плохо, чтобы кто-нибудь въ Гертруденбергѣ осмѣлился отказать принять меня. Я велѣлъ кланяться донцѣ Изабеллѣ и просилъ ее назначить мнѣ часъ, когда бы я могъ ее видѣть.

Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, служанка сказала, что меня будутъ ждать въ три часа, если это не затруднить меня.

Такая отсрочка не предвѣщала ничего хорошаго. Очевидно, она считала, что я зашелъ къ ней только изъ вѣжливости. Но я старался не падать духомъ.

Въ три часа, какъ было назначено, я зашелъ снова и былъ принять сейчасъ же. Она встрѣтила меня стоя, одѣтая вся въ черномъ, какъ въ день моего прибытія.

На мое привѣтствіе она отвѣтила сухимъ поклономъ, не промолвивъ ни слова.

— Надѣюсь, что вчерашняя поѣздка не причинила вамъ никакого вреда?—спросилъ я.

— Благодарю васъ, синьоръ, я совершенно оправилась,—холодно отвѣчала она.

Странное чувство робости овладѣло мною при видѣ того, какъ она держится со мной. Но отступать было поздно. Если для меня готовилось страданіе и униженіе, я былъ готовъ выпить чашу до дна.

— Донна Изабелла,—сказалъ я:—извините меня за то, что мое желаніе опередило ваше разрѣшеніе. Но южная кровь горяча, вы сами это знаете, и по временамъ съ нею трудно бываетъ справляться. Простите меня. Будь что будетъ, но я долженъ сказать вамъ, хотя, не довѣряя своимъ силамъ, я хотѣлъ бы, чтобы раньше прошло нѣсколько дней, я долженъ сказать, что я люблю васъ. Я немного сдѣлалъ для того, чтобы добиться вашей благосклонности. Но моя любовь достаточно сильна, чтобы завоевать ее впоследствии и завоевать цѣликомъ. Ибо это любовь человѣка, которому случалось заглядывать въ самую глубину жизни и спасать изъ развалинъ, похоронившихъ многія надежды, жажду любви, болѣе чистой, чѣмъ обыкновенно дается въ удѣлъ людямъ. Я имѣю смѣлость бороться за нее, хотя бы для другихъ это казалось невозможнымъ. Согласны ли вы быть моей женой, донна Изабелла.

Она слушала меня, вперивъ глаза въ полъ. Ея лицо было холодно и неподвижно, какъ у статуи.

— Я очень польщена вашимъ предложеніемъ,—отвѣчала она,—и искренно желаю, чтобы ваша жажда любви была когда-нибудь удовлетворена. Но я считаю, что мы не подходимъ другъ къ другу: вы испанскій дворянинъ, а я дочь голландскаго бюргера. Вы при-

надлежите къ народу, который управляетъ, а я къ расѣ, которая служить. Между мужемъ и женой нужно больше равенства.

— Вы очень жестоки, донна Изабелла.

— Неужели?

Она бросила свой намѣренно-холодный тонъ, и въ ея голосѣ зазвучали страстныя нотки.

— Если бъ это было не такъ, какъ я сказала, то развѣ вы смѣли бы поступить со мной такъ, какъ вы поступили вчера?

— Я уже просилъ за это прощеніе, донна Изабелла.

— Да, вы уже просили. Но придетъ ли вамъ въ голову поступить такъ съ какой-нибудь благородной испанской дамой, которую вы хотѣли бы взять себѣ въ жены? Впрочемъ, оставимъ это. Я однажды сказала уже вамъ, что ненавижу самое слово «Испанія», которая посылаетъ армію за арміей, чтобы грабить и угнетать насъ, и даже не позволяетъ намъ умирать такъ, какъ мы хотимъ.

— Вы называете себя голландкой!—вскричала я, выведенный этими уколами изъ себя:—но вѣдь вы на половину испанка, точно такъ же, какъ и я самъ. Самая ваша гордость, которая такъ бурно возмущается противъ малѣйшаго униженія, только мнимаго, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Посмотрите на тѣхъ, кого вы называете своимъ народомъ. Они сгибаются подъ ярмомъ и покорно несутъ его. Повѣрьте мнѣ, природа справедлива и не позволитъ народу ходить подъ ярмомъ, если онъ призванъ повелѣвать. Когда принцъ Оранскій въ первый разъ пришелъ сюда въ 1568 году, кто помогъ ему? Много ли городовъ открыли передъ нимъ свои ворота, когда этимъ лѣтомъ онъ проходилъ черезъ Фландрію? Вы можете пересчитать ихъ всѣ по пальцамъ. А правленіе герцога, видитъ Богъ, было не изъ легкихъ. Но они все-таки не посмѣли. Въ рѣшительный часъ они были свѣшены и найдены недостаточными. Даже обѣщанныя ими деньги не попали къ принцу. Нѣтъ, населеніе Голландіи еще не можетъ править отъ своего собственнаго имени. Можетъ быть, это будетъ въ одинъ прекрасный день, но не теперь, когда мы еще не передали имъ достаточно нашей крови и силы. Не можемъ ли мы съ вами способствовать этому, донна Изабелла.

— Никогда. Я не люблю васъ. Да если бы и любила, то никогда не вышла бы замужъ за человѣка, руки котораго красны отъ крови жертвъ, виновныхъ только въ томъ, что они любятъ свою родину, свою вѣру и свое богатство. Если бъ я стала женой такого человѣка, я умерла бы отъ стыда.

Я сдерживалъ себя съ величайшимъ трудомъ.

— Это ко мнѣ не относится, донна Изабелла. Когда вы успокоитесь, вы раскаетесь въ томъ, что сказали это. Итакъ, это ваше послѣднее слово?

— Это мое послѣднее слово, синьоръ.

Можетъ быть, ей показалось, что она прочла въ моемъ взорѣ и тонѣ угрозу, хотя, видить Богъ, въ нихъ было одно страданіе. Война есть война. Что же я сдѣлалъ такого, чего не дѣлалъ и ея народъ, когда ему принадлежало господство? Войска герцога Оранскаго вѣшали священниковъ дюжинами во время послѣдняго своего похода и мучили ихъ до тѣхъ поръ, пока не выжимали изъ нихъ послѣдняго гроша. Въ одномъ Рермондѣ они убили ихъ двадцать шесть человѣкъ. Можетъ быть, они убили бы и еще больше. И въ женскихъ монастыряхъ они вели себя не лучше. Меня называли безпощаднымъ. Можетъ быть, я дѣйствительно былъ безпощаденъ. Но я былъ такимъ очень часто только для того, чтобы пощадить людей, а не проливать кровь. Своей суровостью я спасъ жизни не меньше, чѣмъ другіе своимъ милосердіемъ. Кромѣ того, могъ ли я измѣнить ходъ вещей, если бы и хотѣлъ? Терпимость не свойственна нашему вѣку. А до денегъ, до золота я не унижался никогда. Я хотѣлъ бы разбогатѣть инымъ путемъ.

— Если у васъ есть какія-нибудь желанія,—продолжала она,—удовлетворенія которыхъ вы настойчиво отъ меня требуете, то я увѣрена, что мой отецъ охотно исполнить ихъ. Онъ богатъ. За меня и раньше сватались, и онъ...

Она вдругъ остановилась, и по лицу ея скользнуло выраженіе испуга. Если въ моихъ глазахъ отражалось то, что я переживалъ, то они, должно быть, были страшны. Вся кровь бросилась мнѣ въ сердце, и когда она отхлынула обратно, я почувствовалъ, что во мнѣ что-то оборвалось. При такомъ оскорбленіи я вдругъ сталъ холоденъ и твердъ, какъ сталь. Демонъ во мнѣ сорвался съ цѣпи, и я уже не старался его обуздывать.

— Въ первый же день, какъ я пріѣхалъ сюда, я заявилъ, что меня нельзя оскорблять безнаказанно,—сказалъ я такимъ голосомъ, который звучалъ въ моихъ ушахъ какъ-то странно и неестественно.—Вы предпочли забыть объ этомъ предостереженіи, тѣмъ хуже для васъ. Теперь слушайте меня, донна Изабелла!

Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Инстинктивно она поятилась вглубь комнаты.

— Слушайте! Черезъ недѣлю вы будете моей женой безъ гроша приданаго. Я не богатъ, но у меня хватитъ средствъ на то, чтобы содержать жену сообразно моему положенію и не просить ни гроша у вашихъ гильдейщиковъ. Моя шпага вѣситъ пока больше, чѣмъ конторскія книги вашего отца. Вы поступите такъ, какъ я вамъ сказалъ. Въ противномъ случаѣ полсотни вашихъ согражданъ черезъ нѣсколько дней будутъ преданы въ руки инквизиціи. Вотъ списки, которые я получилъ сегодня изъ Брюсселя.

Я вынулъ ихъ изъ кармана и всунулъ ей въ руки. Она хотѣла было отскочить назадъ, но, должно быть, въ моемъ тонѣ было нѣчто такое, что заставило ее взять ихъ.

— Читайте. Подсотни жизней. По счастью, имя вашего отца не попало сюда. Теперь, если вы согласны на мое предложеніе, я рискну всей своей властью, и они всѣ получаютъ предостереженіе, получаютъ время для того, чтобы управиться съ своими товарами и уѣхать безопасно. Если вы не согласны, то я не имѣю охоты рисковать даже жизнью своей, только для того, чтобы удостоиться, какъ сейчасъ, презрѣнія. Выбирайте. За себя и за своего отца не бойтесь: что бы вы ни дѣлали, до васъ никто не посмѣетъ коснуться. Такое мщеніе было бы ниже меня. Вы можете оставить у себя эти списки на сегодня и просмотрѣть ихъ на досугѣ. Черезъ полчаса я прикажу закрыть городскія ворота, а завтра въ это же время явлюсь за вашимъ окончательнымъ отвѣтомъ.

Она продолжала стоять неподвижно, какъ изваяніе, съ опущенными глазами. Сѣроватый отблескъ умиравшаго дня игралъ на ея лицѣ.

Я вышелъ.

Черезъ пятнадцать минутъ на улицахъ раздался звукъ военныхъ рожковъ. Ворота были заперты, стража повсюду усилена. Главный отрядъ войска былъ стянутъ къ городскому дому: въ одну минуту онъ могъ очистить площадь.

Это не было напрасной предосторожностью. Я зналъ, что она если захочетъ, способна пойти на рискъ и поднять народъ. Я считалъ ее способной на всякое сумасбродство и потому приставилъ ей къ груди кинжалъ. У меня не было свѣдѣній о томъ, до какой степени возстаніе подготовлено въ городѣ. Я сдѣлалъ многое, чтобы обезоружить ее, но, благодаря своей красотѣ, она могла вскружить голову мужчинамъ и толкнуть ихъ на какое-нибудь безумное дѣло. Равновѣсіе поддерживалось только страхомъ передъ герцогомъ и мною, и мнѣ скоро пришлось убѣдиться, какъ великъ былъ этотъ страхъ.

Я не могъ жаловаться на исполненіе моихъ приказаній. Все было сдѣлано съ точностью часового механизма. Въ сорокъ минутъ всѣ распоряженія были исполнены. На одну минуту городъ, собиравшійся уже спать, встрепенулся было, но, выйдя изъ своего спокойствія, сейчасъ же струсиль. Въ окнахъ показались испуганныя фізіономіи, на улицахъ стали собираться небольшія группы, спрашивая другъ друга, что случилось. Но какъ только появлялись вблизи солдаты, звеня доспѣхами, всѣ проворно исчезали въ какомъ-нибудь узкомъ, темномъ переулкѣ. Кто рискнулъ спросить, не получалъ отвѣта и шель въ страхъ домой.

Обширная площадь опустѣла, словно кладбище. Только присутствіе войска нѣсколько оживляло ее. Надвигалась ночь. На мокрыхъ камняхъ играли отблески свѣта, падавшіе неизвѣстно откуда. Правильные ряды солдатъ и лошадей казались въ этомъ безмолвіи

и мракъ чѣмъ-то не реальнымъ, какъ будто все это было только сномъ. Но, увы! то была сама дѣйствительность.

Донъ-Руицъ посмотрѣлъ на меня вопросительно, когда я отдавалъ ему приказанія. Но, взглянувъ мнѣ въ лицо, онъ счелъ за лучшее не заговаривать со мной. Онъ зналъ, что у меня бываютъ настроенія, при которыхъ не слѣдуетъ задавать мнѣ какіе-либо вопросы.

Баронъ фонъ-Виллингеръ, который способенъ пуститься въ разспросы самого дьявола, если что-нибудь его заинтересуетъ, проѣзжая мимо насъ къ своему посту, весело крикнулъ:

— Неужели приближается принцъ Оранскій? Мѣстечко насъ совсѣмъ засосало, и я радъ былъ бы имѣть дѣло.

— Боюсь, что у васъ его не будетъ,—отвѣчалъ я.—Я хотѣлъ только посмотрѣть, какъ идутъ наши дѣла.

То, что я перечувствовалъ въ этотъ день вечеромъ и затѣмъ ночью, не поддается никакому описанію.

Войска простояли на площади цѣлую ночь и весь слѣдующій день. Не думаю, чтобы это удивляло солдатъ: ложныя тревоги для нихъ были не въ диковинку.

Глубокую ночную тишину нарушалъ лишь стукъ копытъ о мостовую да тихія слова команды при смѣнѣ караула. Ночь прошла спокойно.

На другой день въ назначенный часъ я стоялъ опять передъ донной Изабеллой. Она была блѣдна, какъ смерть, но поднялась мнѣ навстрѣчу гордо и величаво.

Я холодно поклонился.

— Я явился выслушать вашъ отвѣтъ, синьорита.

— На вашъ вопросъ, какъ вы его поставили, отвѣтъ можетъ быть только одинъ.

— Вы принимаете мое предложеніе?

— Да.

— Можете вы приготовиться къ свадьбѣ на будущей недѣлѣ?

— Да.

— Я устрою все сейчасъ же и дамъ достаточно времени для тѣхъ, кто долженъ покинуть городъ. Но я былъ бы очень радъ, если бы они успѣли это сдѣлать, ибо разныя непредвидѣнныя обстоятельства могутъ заставить меня сократить данный имъ срокъ. Будьте добры возвратить мнѣ списки.

— Вотъ ваши списки, синьоръ.

Она взяла ихъ со стола и передала мнѣ.

Глубокая жалость къ ней охватила меня въ ту минуту, когда она стояла передо мной съ крѣпко сжатыми губами, блѣдная, какъ смерть. Несмотря ни на что, я вѣдь любилъ ее. Одну минуту мнѣ хотѣлось сказать ей, что я спасу всѣхъ этихъ людей и рискну всѣмъ, требуя только одной награды—взглянуть на ея лицо. Если бы она

помолчала еще одну минуту, я бы непременно это сдѣлалъ. Но она опять заговорила, и ея слова спугнули это чувство.

— Какое ручательство вы дадите мнѣ въ томъ, что сдержите свое обѣщаніе?

— Только мое слово. Вы можете рискнуть въ этомъ случаѣ, ибо вы все равно въ моей власти. Я не отступлю на ни іоту отъ того, что сказалъ. Вы еще не знаете дона Хаима де-Хорквера. Я не купецъ, чтобы измѣнять свои условія или давать ручательства.

Она прикусила губы и опустила глаза.

— Хорошо, я вѣрю вашему слову,—промолвила она послѣ небольшой паузы.

Я поклонился.

— Мнѣ остается только просить г. ванъ-деръ-Веерена принять меня.

— Онъ ждетъ васъ. Но... онъ воображаетъ, что я счастлива. Прошу васъ, не разрушайте эту иллюзію.

— Съ удовольствіемъ. Я вообще не люблю разрушать никакихъ иллюзій, у кого бы онѣ ни были.

Я нашелъ ванъ-деръ-Веерена въ его комнатѣ. Не помню, что я говорилъ ему. Кажется, я старался объяснить такой короткій срокъ особенностями военнаго времени,—теперь въ Голландіи нужно скорѣе справлять свадьбу, иначе она рискуетъ быть отложена навсегда. Должно быть, то, что я говорилъ, было вѣрно, ибо подъ конецъ онъ засмѣялся и сказалъ:

— Я радъ, что моимъ зятемъ будете вы, донъ Хаимъ. Рѣдко кому я отдалъ бы свою дочь съ такой охотой. Прошу васъ, сдѣлайте, чтобы она была счастлива.

Я кивнулъ головой. Видитъ Богъ, я самъ хотѣлъ этого.

— Что касается ея приданаго...—началъ было онъ.

Но тутъ я перебилъ его, вспомнивъ то, что я уже раньше сказалъ на этотъ счетъ.

— Прошу васъ выслушать и понять меня, какъ слѣдуетъ. Я далъ себѣ зарокъ взять себѣ жену безъ гроша, будетъ ли она богата, или бѣдна. Позвольте мнѣ теперь сдержатъ этотъ обѣтъ. Мы, южане, какъ извѣстно, народъ суевѣрный.

Онъ смотрѣлъ на меня съ величайшимъ изумленіемъ.

— Странное условіе вы ставите, донъ-Хаимъ. Моя дочь знаетъ объ этомъ?

— Да, и она согласна на это. Мнѣ кажется, я заразилъ и ее своимъ суевѣріемъ,—отвѣчалъ я, грустно улыбувшись.

Онъ пристально взглянулъ на меня.

— Надѣюсь, Изабелла не сказала ничего такого, что вы могли бы понять въ дурную сторону. У нея благородное сердце, но иногда она слишкомъ поспѣшна и необдуманна въ своихъ сужденіяхъ. Если она сказала что-нибудь ненужное, прошу васъ извинить ее.

Въ ней течеть страстная кровь моей матери—та же горячая, южная кровь, что и въ васъ, донъ Хаймъ.

— Я это знаю. Но мы вполне согласны относительно этого условія. Это единственная моя просьба къ вамъ, но я очень на ней настаиваю. Я бѣднякъ въ сравненіи съ вами, но все-таки у меня достаточно средствъ, чтобы содержать жену приличнымъ образомъ. Не думаю, чтобы донна Изабелла чувствовала недостатокъ въ чемъ-либо такомъ, къ чему она здѣсь привыкла.

Онъ продолжалъ смотрѣть на меня вопросительно. Тутъ, повидимому, впервые въ его голову закралась мысль, что между мною и ею не все идетъ такъ гладко, какъ это кажется.

— Не такое теперь время, чтобы презирать деньги. Въ нихъ тоже большая сила. Я бы никогда не сталъ раздѣлять подобныхъ суевѣрій.

— Мы все имѣемъ свои слабости, — съ беззаботнымъ видомъ отвѣчалъ я.

— Если тутъ есть какія-нибудь заднія мысли, то скажите мнѣ, донъ Хаймъ. Не забывайте, что я ея отецъ.

Онъ былъ правъ. Но я уже далъ обѣщаніе.

— Я уже объяснилъ вамъ, въ чемъ дѣло, г. ванъ-деръ-Вееренъ. Если мое желаніе кажется вамъ страннымъ, то потерпите немного. Теперь я не могу ничего сказать.

— Но вы, конечно, не будете имѣть ничего противъ того, если я сдѣлаю кое-какіе подарки дочери?

— Конечно, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы они принадлежали лично ей и не были бы моими даже въ глазахъ закона.

Онъ опять взглянулъ на меня.

— Вы мнѣ сказали, что у васъ все идетъ хорошо, ипаче я...

Положеніе было трудное. Но что могъ я сдѣлать? Не могъ же я не исполнить первой же ея просьбы!

Старый ванъ-деръ-Вееренъ не продолжалъ разговора. Не знаю, что онъ думалъ. Онъ приказалъ принести бутылку лучшаго вина, и мы не торопясь выпили ее изъ прекрасныхъ венеціанскихъ стакановъ, разговаривая о разныхъ предметахъ, но о чемъ именно, этого я никогда въ жизни не могъ припомнить.

— Было бы желательно, чтобы все испанскіе офицеры были похожи на васъ, донъ Хаймъ,—замѣтилъ онъ мимоходомъ.—Къ сожалѣнію, это не такъ.

— Но вѣдь и не все голландцы похожи на васъ, мингерръ,— отвѣчалъ я съ поклономъ.

— Славный отвѣтъ!—вскричалъ онъ.—Вы должны знать, что одинъ изъ офицеровъ короля Филиппа уже сватался за Изабеллу. Она говорила вамъ объ этомъ?

— Кажется, она упоминала объ этомъ фактѣ, но безъ всякихъ подробностей.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

ЕФИМОВЪ, Н. «Русь—новый Израиль». Теократическая идеологія своеземнаго православія въ до-Петровской письменности. Казань, 1912. Ц. 30 к.

ПВАНОВСКІЙ, Н. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ. Часть I. Исторія раскола. Изд. 8-е.

Казань. 1910 г. Ц. 1 р. 20 к. Тоже. Часть II. Обличеніе раскола. Часть III. Свѣдѣнія о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ. Казань, 1912. Ц. 1 р. 20 к.

ПАСТЫРЬ-МОЛИТВЕННИКЪ. Очеркъ жизни о. Іоанна Кронштадтскаго. Чтеніе со свѣтовыми картинками. Спб. 1912. Ц. 15 к.

Философія, психологія, логика.

БЕРГСОНЪ, А. I. Психо-физиологическій паралогизмъ. II. Сновидѣніе. Переводъ съ французскаго В. А. Флеровой. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ВРЕВСКІЙ, В. Смысль жизни и эра разумнаго христіанства. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ДЮБУА, ПОЛЬ, проф. Самовоспитаніе. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣва. Переводъ съ послѣдн. 3-го франц. изд. З. Зеньковичъ. Спб. 1913. Ц. 70 к.

МАРБЕ, проф. Научное и практическое значеніе психологій. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1913. Ц. 50 к.

МАРКСЪ, К. и ЭНГЕЛЬСЪ, Ф. Критика ученія Штирнера, перев. съ нѣм. подъ ред., съ примѣч. и вступит. статью: «Соціальная философія Штирнера» В. Гиммельфарба. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ПОССЕ, В. Вырожденіе и возрожденіе. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ПРОТИВЪ ЦЕЛЬСА. Апологія хри-

«стор. вѣстн.», апрѣль 1913 г., т. сxxii.

1/25

стѣянства Оригена, учителя Александрійскаго. Въ восьми книгахъ. Часть I. Переводъ съ греческаго, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. Л. Писарева. Казань. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

СИКОРСКИЙ, И., проф. Психологическая борьба съ самоубійствомъ въ юные годы. Кіевъ. 1913. Ц. 30 к.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. Путь жизни. Изданіе

лично просмотрѣнное въ корректурахъ Л. Н. Толстымъ. Москва. Ц. 2 р.

— I. О жизни. II. Мысли о новомъ жизненномъ пониманіи. Изд. 3-е. Москва. Ц. въ перепл. 50 к.

— Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя, расположенныя на каждый день мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Томъ I. Изд. 5-е. Москва. Ц. въ перепл. 3 р. 60 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БАЧАЛДИНЪ, И. Старый и новый взглядъ на Гончарова. Вологда. 1912. Ц. 8 к.

ЗАКРЖЕВСКИЙ, А. Религія. Психологическія параллели. Достоевскій. З. Гиппиусъ. Д. С. Мережковскій. Н. М. Минскій. С. Булгаковъ. Н. А. Бердяевъ. В. В. Розановъ. Андрей Бѣлый. Вяч. Ивановъ. Алекс. Блогъ Алекс. Добролюбовъ. Кіевъ. 1913. Ц. 2 р.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ. Томъ IV. Левъ Толстой. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

МАКСИМОВЪ, В. и ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Очерки по исторіи русской литературы. Десятинадцатый вѣкъ. Вып. III. Русская литература послѣ Гоголя. 2-е исправлен. изд. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. Полное собраніе сочиненій. Томъ десятый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Е. Колосова. Съ приложеніемъ вступительной статьи Н. С. Русанова, предм. систем. указ. ко всѣмъ сочиненіямъ Н. К. Михай-

ловскаго, указателя литературы о немъ и краткаго именнаго указателя. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ПОГОДИНЪ, А., проф. Лекціи по исторіи польской литературы. Часть I. Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ первой половины XVI вѣка. Харьковъ. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

ПОНОМАРЕВЪ, Л. Обь опредѣленіи «литературы». Казань. 1912. Ц. 15 к.

РОЖДЕСТВИНЪ, А. Поэзія Жуковскаго. Къ 60-лѣтію со дня кончины 12 апрѣля 1857—12 апрѣля 1912 года. Казань. 1912. Ц. 15 к.

ЧЕРНЫШЕВЪ, К. Лишніе люди и женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ И. С. Тургенева. Изд. 2-е, пересмотр. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ШЕВУЕВЪ, Н. Версификація. (Какъ писать стихи). Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЯМАГУЧИ, МОЙЧИ. Импрессионизмъ, какъ господствующее направленіе японской поэзіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМОРИ, графъ. Финаль. Романъ изъ современной жизни. (Окончаніе произведенія «Яма» А. Куприна). Спб. Ц. 1 р.

БОНСЕРЪ, А. Звѣзда Альбіона. Исторія одной лошади. Перев. съ англійскаго П. Хлѣбникова. Со многими рисунк. 1913. Ц. 45 к.

БѢЛИКОВИЧЪ, В. Красная книга. Новеллы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТЪ, М. Пѣсни забытой усадьбы. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГИЦЕРБОРЕЙ, Ежемѣсячникъ стиховъ и критики. Ноябрь 1912. Ц. 25 к.

ГОРССЪ-ДЕ-АНРИ. Приключенія въ воздухѣ. Пять недѣль на аэропланѣ. (Съ 75 иллюстр.).

ГРЕБЕНЩИКОВЪ, Г. Въ просторахъ Сибири. Разказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГРЕКЪ, Т. Крейцера соната. Повѣсть. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГРИ, Б. Юные лучи. Романъ. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 20 к.

ГУРЬЕВЪ, А. Отъ скуки. Книжка первая. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГЮИ-ДЕ МОПАСАНЪ. Произведенія, избранныя Л. Н. Толстымъ. Томъ четвертый. Мотивъ-Ориоль. Романъ. Переводъ съ французскаго Л. П. Никифорова, просмотрѣнный Л. Н. Толстымъ. 2-е изданіе. Москва. 1912. Ц. 85 к.

ДМИТРИЕВА, В. Разказы. Мечта.—Разбойники.—«Вискующей града». Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ДУНКЕРЪ, Р. Король-Солнце. Любовныя идилліи Людовика XIV. Перев. съ нѣм. Мих. Кадилья. Москва. 1913. Ц. 2 р.

ДЪЯКОНОВЪ, К. Романъ Корнутава. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЖАБОТИНСКИЙ, Вл. Фельетоны. Спб. 1913. Ц. въ переплетѣ 1 р. 60 к.

ЖИГЪ. Парижскій мужъ. Романъ. Переводъ Н. М. Лагова. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЗАРИНЪ, А. Человѣческія отношенія. Сборникъ разказовъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ЗЛАТОВРАТСКИЙ, Н. Собраніе сочиненій. Томъ VII. Изъ былыхъ переживаній. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ, ВЯЧ. Нѣкая тайна. Лента. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

КАМЕНСКИЙ, АНАТОЛІЙ. Звѣрище. Новые разказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КУБСКИЙ, ВЛАД. Очерки студенческой жизни. (Изъ дневника бывшаго студента). Москва. 1912. Ц. 1 р.

ЛОНДОНЪ, ДЖ. Морской волкъ. Романъ. Переводъ съ англійскаго А. Е. Баротъ и Зин. Львовскаго. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

— Приключеніе. Романъ. Перев. съ англ. А. Н. Кудрявцевой. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— До Адама. Разказъ. Культурная смерть. Разказъ. Перев. съ англ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АБРАМОВЪ, Н., проф. Современная теорія и формулы сопротивленія сжатію бетона въ обѣихъ. Новочеркасскъ. 1912. Ц. 50 к.

АСТАФЬЕВЪ, А. инж. Инженерный календарь на 1913 г. Въ 2-хъ частяхъ, въ коленкорѣ, перепл. 2 р., въ кож. перепл. 2 р. 50 к.

БОБРОВСКІЙ, С. Расчетъ основныхъ желѣзо-бетонныхъ конструкций. Пособіе для расчетовъ при составленіи проектовъ инженерамъ и техникамъ. Примѣч. къ существ. нормамъ для расчета желѣзо-бетонныхъ конструкций. Спб. 1913. Ц. 1 р. 45 к.

ВИЗЕНТАЛЬ, А. (техн.-хим.). Достиженіе красоты (тайны косметическаго искусства.) Изд. 2-е. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

ГОЛОВЪ, Д., инж.-мех. Судовыя дизель-машинны. Съ 180 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

ДУРОВЪ, А. Архитектурныя формы. Каменные, кирпичныя, деревянныя и металлическія. Пособія при проектированіи для инженеровъ, студентовъ и техниковъ. 11-е изданіе, исправлен. и дополн. Съ 536 черт. въ текстѣ. Москва. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ЯНИТКОВЪ, С. и ГЕРСЕВАНОВЪ, Н. Правила составленія смѣтъ, производства

работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Для техниковъ путей сообщенія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАВАДСКІЙ, А. Практическое руководство по кожѣ. Часть первая. Полученіе кожи, выдубленной растительными дубильными матеріалами. Пособіе для интендантскихъ и войсковыхъ приемныхъ комиссій, отдѣльныхъ приемщиковъ и всѣхъ имѣющихъ отношеніе къ приему сапожнаго товара и сапогъ для войскъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.

МОНИЧЪ, В., Теоретическое изслѣдованіе паровозныхъ тѣлѣжекъ со стороны возвращающей силы. Берлинъ. Ц. 1 р. — Прямоточная паровая машина (die Gleichstromdampfmaschine) въ примененіи къ паровозамъ. Берлинъ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАУСЪ, О. Календарь для электротехниковъ 1913 г. (годъ 18-й). Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЦЫГАНЕНКО, И., инж. Кирпичныя, каменные печи большой теплоемкости, назначенныя для топки дровами, торфомъ, углемъ, нефтью и другими видами топлива. Отдѣлы I и II. Съ чертежами въ текстѣ, техническими справочными таблицами и отдѣльн. атласомъ чертежей. Москва. 1913. Ц. за обѣ части съ атласомъ 7 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

БЕРКЛИ. Опытъ новой теоріи зрѣнія. Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента Казанскаго университета А. О. Макаровскаго. Казань. 1913. Ц. 1 р.

ВЕРИГО, Б., проф. Роль бѣлковъ въ обменѣ веществъ животнаго организма. Спб. 1913. Ц. 20 к.

ЗАБЛУДОВСКІЙ, А., д-ръ Краткій учебникъ частной хирургіи. Съ предисловіемъ Н. П. Напалкова. Москва. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

ИВАНОВЪ, Ип. О способахъ леченія при лѣкоторыхъ случаяхъ заболѣваній и нѣсколько словъ о натуральной осигѣ, холерѣ, чумѣ и алкоголизмѣ. Изд. 2-е. Казань. 1913. Ц. 30 к.

ЮСЕРН, Е., dr. Руководство къ леченію гипереміей острыхъ хирургическихкихъ—заразныхъ болѣзней. Теорія и практика для врачей и хирурговъ. Съ предисловіемъ проф. August'a Bier'a. Съ 16 таблицами рисунковъ и 14 рис. и кривыми въ текстѣ. Перев. съ нѣм. д-ра А. В. Залкина. Спб. 1913. Ц. 2 р.

КОСТЯМИНЪ, Н., прив.-доц. Основы

гигиены военной службы. Съ 13 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КРАВКОВЪ, П., проф. Основы фармакологіи. Часть 1-я. 5-е просмотр. и значит. дополн. изд. Съ 36 фиг. въ текстѣ. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

КУДРЯВЦЕВЪ, К. Животный магнетизмъ, какъ лечебное средство. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 20 к.

ЛЮБОМУДРОВЪ, В. Эмбриологическія замѣтки (о мальтузианствѣ). Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПЕТЕРСОНЪ, I. Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. О питаніи для здоровыхъ и больныхъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Москва. 1913. Ц. 70 к.

ПОТЪХИНЪ, Д. Чума собакъ и борьба съ ней. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ТОМСОНЪ, Г. Оперативная гинекологія. Кратк. рук. для врачей и студентовъ. Съ 268 рисунками въ текстѣ. Одесса. 1913. Ц. 3 р.

ЦИТОВИЧЪ, И. Сборникъ задачъ по физиологіи. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

ВОЛЫНСКІЙ, Н. Постепенное развитіе русской регулярной коплицы въ эпоху Великаго Петра, съ самымъ подробнымъ описаніемъ участія ея въ Великой Сѣ-

верной войнѣ. Выпускъ I. 1698—1706 гг. Спб. 1912. Ц. по подпискѣ 15 р.

РОССІЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ФЛОТЪ. 1913. Ц. въ перепл. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

HARDAN, IULES. Nouvelle Anthologie litteraire. Depuis le 5-ème siècle jusqu'à nos jours. Riga. П. 1 р. 20 к.

ГЕОГРАФІЯ ВЪ ШКОЛѢ. Периодическое изданіе, выходящее под редакціей И. И. Руднева. Сборникъ № 1. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ГЛЫБИНА, А. Учебникъ для систематическаго обученія и самообученія письму на пишущихъ машинахъ по слѣпому десятипальцевому американскому методу. Съ 22 рисунками въ текстѣ. (Машины и ихъ части). Саратовъ. 1913 г. Ц. 1 р.

ГРУШЕ, М. Новое руководство. Книга для школы и семьи, составленная согласно съ новыми программами для женскихъ среднихъ школъ, учительскихъ семинарій и т. д. Выпускъ второй. I. Кройка и шитье на куколѣ. II. Шитье на машинѣ. III. Изобрѣтеніе формъ и украшеній. Со мног. рисунк. работъ. Съ нѣмецк. Н. Остели. Москва. 1913. Ц. 45 к.

ЯХОВЪ, Д. Очерки по исторіи русской литературы. Деятнадцатый вѣкъ. Вып. II. Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ и Бѣлинскій. 2-е исправлен. изд. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЗЕЙФЕРТЬ, В. Какъ мнѣ сдѣлать самому? Вып. шестой. Какъ самому сдѣлать фотографическій аппаратъ. Со многими рисунками. Москва. 1913. Ц. 12 к.

ЛИЦОВСКИЙ, А. Очерки по исторіи русской литературы. Восемнадцатый вѣкъ. 2-е исправл. изд. Спб. Ц. 50 к.

ЛИЦОВСКИЙ, А. и ЯХОВЪ, Д. Очерки по исторіи русской литературы. Деятнадцатый вѣкъ. Вып. I. 2-е исправленое изд. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ЛОКОТЬ, Т. Мысли педагога о реформѣ школы. (Приложеніе къ «Трудамъ Перваго Всероссийскаго съѣзда преподавателей древнихъ языковъ»). Спб. 1912. Ц. 50 к.

НАГУЕВСКИЙ, Д., проф. П. Виргилій Маронъ. Энеида. Пѣсь VI. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Изд. 4-е, пересмотр. Казань. 1912. Ц. въ перел. 70 к.

— Краткій практическій курсъ латинскаго языка (этимологія, синтаксисъ, упражненія, хрестоматія, словарь). Преимущественно для Высш. Женск. Курсовъ и для самообученія, въ объемѣ требован. для чтенія Корн. Непота, Цезаря, Саллюстія, Овидія. Казань. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

НАТОРІЙ, П. Песталлоци. Его жизнь и его идеи. Съ портретомъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. Энгельгарда. Спб. 1913. Ц. 60 к.

НЕДЛЕРЪ, С. Цвѣтныя таблицы для рисованія. Изд. 2-е, въ 17 таблицахъ. Спб. 1913. Ц. въ панглѣ 1 р. 25 к.

ОПЫТЪ преподаванія въ двухъ младшихъ классахъ городской школы. Сост. кружокъ городск. учительницъ. Съ 27 рисунк., изображ. дѣтск. работы. Москва. 1913. Ц. 25 к.

ОСТРОВСКАЯ, М. Книга для списыванія. Наглядное изученіе русскаго правописанія для начальныхъ школъ. 2-е изд., испр. и переработ. Вып. I. Москва. 1913. Ц. 20 к.

ПОМЕРАНЦЕВА - ФРОЛЕНКО, А. Руководство къ устройству и веденію яслей. Спб. 1913 г. Ц. 25 к.

РАУДЪ, Ф. Буква «Ъ». Пропись. Кіевъ. 1913. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи. Выпускъ III. (Съ 12 июля по 31 декабря 1909 г.). Изд. м-ва Иностраннхъ дѣлъ. Спб. 1912. Ц. 90 к.

СЕЛІВАНОВЪ, Д. Основанія ариѳметики. Спб. 1912. Ц. 50 к.

СИУГИНОВЪ, С., прив.-доц. Смѣшанная алгебраическія задачи. Повтор. курсъ всѣхъ отдѣловъ алгебры для учениковъ VII и VIII клас. гимназій и VI кл. реал. училищъ. Казань. 1912 г. Ц. 80 к.

СОЗОНОВЪ, С., Ковалевскій, Я., Нечаевъ, А. пр.-доц., Половцовъ, В., проф., де-Шагрень, К., Елачичъ, Е., и Кошкодомова, Е. Методы первоначальнаго обученія. Часть II. Естественное, географія, рисованіе. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

СОСУНЦОВЪ, Е., свниц. Начальная свѣдѣнія изъ исторіи православной христіанской церкви. Курсъ начальной школы. Казань. 1913 г. Ц. 10 к.

— Повторительный конспектъ исторіи православной христіанской церкви. Сост. по прогр. ср. учебн. завед. Казань. 1913 г. Ц. 30 к.

ТРУДЫ Перваго Всероссийскаго съѣзда преподавателей древнихъ языковъ. 28—31 декабря 1911 г. Спб. 1912. Ц. 3 р. 25 к.

УЛЯНИЦКІЙ, Кіевское общество народныхъ дѣтскихъ садовъ. (Къ 5-лѣтню дѣятельности). Кіевъ. 1913. Ц. 15 к.

ЦЕЗАРЬ, ЮЛІЙ ГАЙ. Записки о Галльской войнѣ. Книга II. Часть I. Текстъ. Часть II. Комментарій. Съ введеніемъ, примѣчаніями и картою Галліи. Объяснилъ Д. Нагуевскій, засл. проф. Импер. наз. у-та. Казань. 1912. Ц. за обѣ части 60 к., въ перелетѣ 75 к.

— Книга III. Части I и II. Казань. 1912. Ц. за обѣ части 60 к., въ перелетѣ 75 к.

ШКОЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. Новые методы въ ихъ постановкѣ Отто Антеса, Адольфа Йенсена и Вилгельма Ламануса. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Панукаписа. Спб. 1913. Ц. 60 к.

Разныя книги.

ПАПОСТЬ, Практическая магія (черная и бѣлая). Париж—«Magie pratique» Переводъ

А. В. Трояновскаго. Часть III. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

The image is a highly detailed, black and white woodcut-style illustration of a journal cover. At the top, the title 'ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ' is written in a bold, serif font, arched over a decorative banner. Below this, a large, ornate oval frame contains the text 'ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.' in a similar serif font, surrounded by intricate floral and vine motifs. On either side of the oval frame stand two female figures in classical attire. The figure on the left holds a large book or tablet, while the figure on the right holds a scroll. The entire composition is set within a rectangular frame with decorative corner elements. At the bottom, a white rectangular box contains the text 'ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ' and 'МАЙ, 1913 Г.' in a simple serif font.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
МАЙ, 1913 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1913 г.

	СТРАН.
I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.	385
II. Быль минувшаго. V. (Продолженіе). Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.	412
иллюстрація: Порфирій Львовичъ Молоствовъ.	
III. Современный бракъ. (Повѣсть). Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	434
IV. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. (Продолженіе). Е. К. Андреевскаго.	467
V. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	511
VI. Весенняя идиллія. (Разсказъ). О. А. Третьейской.	517
VII. Изъ прошлаго. (Семидесятники). Е. Поливановой.	545
VIII. Первые скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. (По архивнымъ материаламъ). А. И. Миловидова.	557
иллюстрація: Одна изъ польскихъ революціонныхъ афишъ.	
IX. Рекогносцировка у Чурьяка. (Изъ воспоминаній). Н. В. Чарькова.	570
X. Приемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича. И. Лесли.	579
XI. Военно-бюрократическое мѣропріятіе орографическаго характера. Е. Смирнова.	586
XII. Картофельный бунтъ. (Разсказъ покойной матери). В. Коносова.	600
XIII. Тайное общество. Сообщилъ К. И. Путилинъ.	609
XIV. На богомольѣ. (Штрихи). С. У—ца.	616
XV. Памятники рода Романовыхъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И. С. Бѣлиева.	627
иллюстраціи: 1) Московскій Новодѣвичій монастырь въ концѣ XVIII вѣка.—2) Древняя икона Иверской Божіей Матери, находящаяся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.—3) Знамя царевны Софіи Алексѣевны.—4) Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина.	
XVI. Вотяки Малмыжскаго края. (Эскизный очеркъ). В. Ярополлова.	640
иллюстраціи: 1) Типы вотяковъ (село Селты).—2) Вареніе «кумыши».—3) Языческое моленіе семьи объ урожай.—4) Мытье моговъ и бѣлья во время стеванія воды отъ таянія снѣга.	
XVII. Критика и библиографія.	657
1) А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостнаго права. Кіевъ. 1912. Евгения Пахорумова.—2) Е. Шмурло. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912. 4—шова.—3) 1812. Le comte Rostorchine et son temps. Par madame Narichkine née comtesse Rostorchine. St.-Petersburg. 1912. п. м.—4) В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Т. III. Л.—О. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912. В. Руданова.—5) Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Вып. I. Историческіе очерки Ф. А. Щербина. Екатеринодаръ. 1912. Бор. Городецкаго.—6) Н. П. Волынский. Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Вып. I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.г.). Ингерманландская операція	

(См. слѣд. стран.).

(1701—1704 г.г.). Книга 2-я. Операции: литовско-курляндская (1704—1705), гродненская (1705—1706), калышская (1706). Умирение астраханского бунта (1705—1706). Война между Петербургомъ и Выборгомъ (1705—1706). Книги 3-я и 4-я. Л. М.—7) Петербургское окончение 1812 года. Материалы для истории дворянства Петербургской губернии, составили графъ А. А. Вобринскій и А. Мироновъ. Т. I. Спб. п. майнова.—8) Н. В. Малицкий. История переславской епархii. (1744—1788 г.г.). Вып. I. Владимиръ 1912. В. Руданова.—9) Материалы по истории русскаго масонства XVIII вѣка. Вып. I. 1) «Духовный рыцарь», 2) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Москва. 1913. Тира Соколовской.—10) Е. Н. Водозова. На зарѣ жизни. Воспоминанія Спб. 1911. Д. А. М.—11) «Старая Одесса». Историческіе очерки и воспоминанія Александра де-Рибаса. Одесса. 1913. А. Науфмана.—12) В. Воцининъ. На сибирскомъ просторѣ. (Силуэты переселенія). Спб. 1912. Г. Гинса.—13) Извѣстія отгвѣтленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1912 годъ. Томъ XVII, книжки 1, 2 и 3. Спб. 1912. В. Р.—ва.—14) В. А. Келтуяла. Краткій курсъ истории русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. История древней русской литературы. Книга первая. История литературы отъ IX вѣка до половины XIII вѣка. Спб. 1912. В. Мар—снаго.—15) Данилъ Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной мифологии въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. съ 15 рисунками. Спб. 1913. В. Дамилова.—16) Свят. А. Н. Соболевъ. Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ (Литературно-историческій опытъ изслѣдованія древне-русскаго народнаго міросозерцанія). 1913. В. Мар—снаго.—17) «Болгарскій борникъ». Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни, стихотворенія, повѣсти, рассказы. Составилъ К. Кузьминскій. Москва. Г. Полилова.—18) «Ежегодники» газеты «Рѣчь» на 1912 и 1913 г. Спб. А. Фаресова.—19) Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки военнаго корреспондента Н. Шевалье. (Н. Г.—дъ). Спб. 1913. Л. н.—20) 1) Katalog der in Riga vom 17 (30) November 1912 bis zum 6 (19) Januar 1913 veranstalteten Ausstellung zur Jahrhundertfeier des Vaterländischen Krieges. 1812. Riga. 1912. 2) Каталогъ портретамъ и картинамъ на выставкѣ въ ознаменованіе столѣтія отечественной войны 1812 г., устроенной въ Ригѣ съ 17-го ноября 1912 г. по 6-е января 1912 г. Riga. 1912. А. Э. Мальгрена.—21) Balcanicus. Le Problème albanais, la Serbie et l'Autriche-Hongrie. Paris. 1913. А. Б.—22) В. Вуезкудь. Античность и современность. Спб. 1913. П. Б.—23) Н. Н. Розинъ, профессоръ томскаго университета. Уголовное судопроизводство. 1913. профессора I. В. Михайловскаго.—24) Сборникъ о земствѣ въ Сибири. Материалы по разработкѣ вопроса въ мѣстахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1912. Вит. Ткачука.—25) Woldemar Wulffius. Livländische Geschichtsliteratur 1909. Riga. 1912.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 696

1) Непогрѣшимость папы.—2) Эпизодъ изъ эпохи французской революціи.—3) Бульварный Парижъ 1880—1885 г.г.—4) Французскій критикъ о современной русской музыкѣ.—5) Смѣхъ у восточныхъ національностей.—6) «Atheneum» о новой книгѣ, касающейся Россіи.—7) Новая биографія Еланова.—8) Пале-Рояль и его исторія.—9) Одна изъ загадокъ исторіи.—10) «J. K. Huysmans: l'homme, l'écrivain, l'apologiste».—11) Сигизмундъ Красинскій.—12) Геттосуду.

XIX. Смѣсь. 731

1) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.—2) Годовое общее собраніе археологическаго общества.—3) Юбилей Румянцовскаго музея.—4) Пятидесятилѣтній юбилей Н. С. Таганцева.—5) Юбилей академика Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.—6) Юбилей профессора В. В. Есипова.—7) Древнія бумаги.—8) Конкурсъ имени графа С. А. Строганова.—9) Отъ коміссіи по собранію документовъ и матеріаловъ по исторіи московской пожарной команды.

XX. Некрологи. 742

1) Варсофоній, архимандритъ.—2) Гартманъ, Л. Н.—3) Джорджалде, А. Е.—4) Заозерскій Н. А.—5) Кибальничъ, Т. В.—6) Бюрфъ, П. Л., баронъ.—7) Корнъ, Е. В.—7) Макъевъ, А. М.—8) Оболенскій, Н. А.—9) Польскій, Л. А.—10) Сантагано-Горчакова, А. А.—11) Соловьевъ, С. В.

XXI. Замѣтки и поправки. 751

1) I. Еще о жандровской рукописи. Николая Писанова.—2) II. По поводу воспоминаній А. И. Соколовой. С. Литвина.—3) III. Еъ статьѣ «Голодъ въ Сибири и князь Голицынъ».

Приложенія: 1) Портретъ Михаила Александровича Газенкамфа.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова. (Продолженіе).

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА ¹⁾.

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

В ПОСЛѢДНІЕ дни графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій замѣтно осунулся. Онъ сталъ нервнѣе и раздражителнѣе. Отношенія его къ министрамъ верховнаго тайнаго совѣта были натянуты. Къ нему относились недовѣрчиво и презрительно. Съ той минуты, какъ онъ отправилъ Сумарокова къ герцогинѣ курляндской, теперь уже императрицѣ всероссійской, онъ не зналъ покоя. Черная туча повисла надъ его головой. По его расчету, Сумароковъ уже долженъ былъ вернуться. Ягужинскій почти раскаивался, что затѣялъ игру, быть можетъ, преждевременно.

Крупными шагами ходилъ онъ взадъ и впередъ по своему кабинету въ то время, какъ его секретарь, молодой, худощавый человекъ съ быстрыми черными глазами, Семенъ Петровичъ Кротковъ, раскладывалъ на столѣ бумаги. Это были дѣла изъ сената, взятые графомъ еще при жизни Петра II для разсмотрѣнія. Секретарь, больше для вида и по привычкѣ,

¹⁾ Продолженіе См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІ стр. 5.
«СВОТОР. ВѢСТН.», МАЙ 1918 г., т. СХХХІІ.

въ порядкѣ раскладываль ихъ. Онъ отлично зналъ, что Павелъ Ивановичъ и не прикоснется къ нимъ.

Дѣйствительно, не до нихъ теперь было Ягужинскому. Да къ тому же со смертью Петра прекратилось всякое движеніе дѣлъ и въ сенатѣ и во всѣхъ коллегіяхъ. Государственная машина остановилась.

Семень Петровичъ искоса поглядываль на графа, на его озабоченное, похудѣвшее лицо и, хотя былъ уже не нуженъ Павлу Ивановичу, медлилъ уходить, словно чего-то дожидаясь.

И онъ дождался.

Павель Ивановичъ остановился и, очевидно, желая отвлечься отъ своихъ тяжелыхъ думъ, обратился къ своему секретарю:

— Ну, что слышно въ городѣ?

Семень Петровичъ словно ждалъ этого вопроса. Онъ оживился.

— Въ городѣ, ваше сіятельство, все попрежнему, только господа фельдмаршалы распорядились, чтобы послѣ девяти часовъ вечера въ обывательскихъ домахъ огня не было, да усилили дозоры... Боятся чего-то.

— Вотъ какъ,—задумчиво произнесъ Ягужинскій.

— Дошло до верховнаго совѣта,—продолжалъ Кротковъ:— что шляхетство противу нихъ волнуется. Еще бы,—продолжалъ онъ:—кто не съ ними—тотъ врагъ имъ! А всякая душа калачика хочеть. Шляхетство тоже не объвокъ въ полѣ. Его не выкинешь. Намедни у командира Вятскаго полка Зарубова офицеры собрались. Также надо же знать про себя-то, что ожидаетъ? Такъ сами знаете, что сказалъ Василій Владимировичъ: «Не гже-де офицерамъ собираться для разсмотрѣнія политическихъ вопросовъ. Про то-де вѣдаетъ верховный совѣтъ». Ну, и разогнали всѣхъ, кого куда!

Ягужинскій, мрачно нахмурившись, слушалъ слова своего секретаря.

Дѣйствительно, Москва переживала необыкновенное время. Словно раскрылись какія-то широкія ворота, около которыхъ толпился безмолвный народъ, и всѣ сразу заговорили.

Всѣ слои общества, начиная со стоящихъ во главѣ его знатныхъ лицъ, черезъ шляхетство, мелкое дворянство, «la petite noblesse», какъ называли этотъ кругъ иностранные резиденты, до послѣднихъ дворовыхъ, всѣ понимали, что они стоятъ на рубежѣ, за которымъ ихъ ожидаетъ новая жизнь. Какая? Никто не могъ бы сказать. Слухъ о томъ, что верховный совѣтъ рѣшилъ ограничить самодержавную власть, быстро распространился сверху до низу. И всѣ съ жадностью ожидали своей доли.

Знатныя лица хотѣли присвоить себѣ власть, шляхетство мечтало принять участіе въ правленіи, холопы и крѣпостные

бредили свободой. Все казалось доступно и близко. Получился кипящий котель, въ которомъ кипѣла Москва.

Верховники вызвали это движеніе и, какъ древній чародѣй, который призвалъ демоновъ и не могъ совладать съ ними, безпомощно стояли среди разыгравшихся страстей. Дворовые подняли головы, шляхетство громко выражало свое негодованіе на поведеніе верховниковъ, задумавшихъ дѣло самовластно, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими планами. Настала полная анархія, и на эту анархію верховники отвѣтили крутыми мѣрами. Всякія собранія были строго запрещены. Заставы закрыты. Въ Москвѣ усилены караулы.

Ягужинскій все это зналъ. Но зналъ онъ и еще больше. Ему было извѣстно, что сношенія съ Митавой запрещены подъ страхомъ смертной казни, что онъ нарушилъ этотъ приказъ и что верховники не постѣсняются съ нимъ. По крайней мѣрѣ онъ думалъ, что, будь онъ въ ихъ положеніи, онъ не задумался бы предать смерти своихъ враговъ.

Онъ снова тревожно заходилъ по комнатѣ.

Семенъ Петровичъ замолчалъ и стоялъ, опустивъ глаза, ожидая или новыхъ распросовъ, или позволенія уйти.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались быстрые, легкіе шаги, распахнулась дверь, и на порогѣ появилась очаровательная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, почти ребенокъ, съ темно-русыми мягкими кудрями и большими голубыми глазами.

Кротковъ почтительно склонилъ голову, а на озабоченномъ лицѣ Ягужинскаго мелькнула счастливая улыбка.

Это была его любимица, дочь Маша. Въ его суровомъ сердцѣ было только одно теплое чувство—и это чувство принадлежало этой избѣжной, прекрасной дѣвушкѣ, его дочери. Во дни фавора Долгорукихъ онъ мечталъ для своей дочери о возможности породниться съ ними, и дѣло было уже почти слажено. Покойный отрокъ-императоръ благоволилъ къ нему, какъ къ одному изъ сподвижниковъ своего дѣда. Его фаворитъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, юный и легкомысленный, не могъ оставаться равнодушнымъ къ красотѣ едва расцвѣтающей Маріи. Онъ влюбился въ нее и хотѣлъ на ней жениться. Павелъ Ивановичъ торжествовалъ. Но, упоенный своимъ положеніемъ, отецъ фаворита и государыни-невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, возсталъ противъ этого брака. Ему казалось унижительнымъ, ему, будущему тестю императора, породниться съ Ягужинскимъ, хотя и графомъ, но, по его мнѣнію, худороднымъ человѣкомъ.

Свадьба разстроилась. Онъ просваталъ сыну Наташу Шереметеву, чей родъ, въ своей гордости, считалъ достойнымъ породниться съ Долгорукими, тѣмъ болѣе, что Шереметевы были богаты.

Этого не могъ простить ему Ягужинскій. Еще разъ онъ почувствовалъ, до какой степени чуждъ онъ тѣмъ, кто составлялъ собою высшій придворный кругъ, въ которомъ знатное имя замѣняло всѣ талапты...

Съ этой поры не было у Долгорукихъ врага злѣе Ягужинскаго! Иванъ скоро забылъ свое мимолетное увлеченіе, а Маша никогда и не увлекалась этимъ блѣднымъ, преждевременно истощеннымъ юношей.

Маша съ ласковой улыбкой отвѣтила на поклонъ Кроткова и, обращаясь къ отцу, быстро проговорила:

— Я увидѣла изъ окна,—дѣдушка ѣдетъ.

Дѣдушка—отецъ ея матери, Гаврило Ивановичъ Головкинъ.

— Я хотѣла сказать тебѣ это, батюшка,—продолжала дѣвушка:—можетъ, встрѣтишь его? Я бѣгу къ нему.

И съ этими словами Маша повернулась и убѣжала, оставивъ послѣ себя благоуханье свѣжести и молодости.

— Графъ Гаврило Ивановичъ,—съ затаенной тревогой произнесъ Ягужинскій.—Что это значитъ?

Старый графъ очень рѣдко навѣщалъ семью Ягужинскаго, и каждый его пріѣздъ знаменовалъ какое-либо событіе.

Павель Ивановичъ поспѣшилъ старику навстрѣчу. Онъ встрѣтилъ его въ большой залѣ. Графъ ласково здоровался съ Машей и своею дочерью, женой Павла Ивановича Анной, красивой, среднихъ лѣтъ женщиной.

Старикъ дружески пожалъ руку Павлу Ивановичу и съ улыбкой произнесъ:

— А, какова внучка! Да она, право, лучшая изъ внучекъ! Какой красавицей растеть! Что Иванъ Долгорукій! Мы тебѣ принца сосватаемъ...

Маша покраснѣла до слезъ.

— Дѣдушка!—воскликнула она, прячась за мать.

Ягужинскій внимательно глядѣлъ на тестя. Да, его тесть пользовался завидной репутаціей среди иностранныхъ резидентовъ, какъ сдержанный, хорошо владѣющій собою, всегда ровный и тактичный дипломатъ. Но Ягужинскій слишкомъ хорошо зналъ его, чтобы не замѣтить тѣхъ усилій, какія дѣлалъ старый дипломатъ, притворяясь веселымъ.

Графъ непринужденно проговорилъ еще нѣсколько минутъ и наконецъ сказалъ:

— Съ вами и о дѣлахъ забудешь. А мнѣ надо съ Павломъ Ивановичемъ поговорить. Времена теперь необычныя.

— Прошли бы къ себѣ,—сказалъ Павель Ивановичъ.

Женщины поднялись.

— Прощай, батюшка!

— Прощай, дѣдушка!

Старикъ ласково поцѣловаль дочь и внучку.

Лишь только скрылись онѣ за дверью, улыбка исчезла съ его лица; оно приняло серьезное, озабоченное выраженіе.

— Что случилось, Гаврило Иванычъ?—съ тревогой спросилъ Ягужинскій.

— Сейчасъ былъ у меня князь Дмитрій Михайлычъ. Получены вѣсти изъ Митавы.

Лицо Ягужинскаго выразило мучительное безпокойство.

— Ну?—слегка поблѣднѣвъ, спросилъ онъ.

Опершись рукой о поручни кресла, весь подавшись впередъ, онъ съ волненіемъ ожидалъ отвѣта.

— Рано утромъ,—началь Головкинъ,—къ нему пріѣхалъ отъ Василь Лукича прапорщикъ Макшеевъ,—знаешь, лейбъ-регимента? Ягужинскій кивнулъ головой.

— Онъ привезъ письмо отъ Василь Лукича. Вотъ оно...

И Головкинъ вынулъ изъ кармана камзола толстый пакетъ запечатанный пятью восковыми печатами; съ государственнымъ гербомъ.

Острымъ, жаднымъ взглядомъ впился Ягужинскій въ этотъ сѣрый пакетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо проговорилъ старый графъ, угадывая его желаніе:—Дмитрій Михайлычъ вручилъ его мнѣ, какъ президенту верховнаго тайнаго совѣта. Пакетъ долженъ быть распечатанъ въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта сегодня, въ часъ дня.

Ягужинскій опустилъ голову и молчалъ.

— Прапорщикъ Макшеевъ,—продолжалъ Гаврило Иванычъ,—передалъ, что посольство было принято отмѣнно ласково, что императрица на рѣчь Василь Лукича отвѣтила яко бы согласіемъ и долго потомъ наединѣ бесѣдовала съ Василь Лукичемъ, и по окончаніи разговора Василь Лукичъ былъ очень веселъ. А въ ночь приказалъ Макшееву скакать въ Москву съ донесеніемъ Нечего и разгадывать—императрица согласилась на кондиціи.

Ягужинскій молчалъ. Онъ былъ готовъ къ этому. Онъ самъ въ своемъ письмѣ умолялъ императрицу пока согласиться на все. Но... Макшеевъ пріѣхалъ, а Сумарокова все нѣтъ! Эта мысль тяжелой камнемъ легла на его сердце. Кромѣ того, по озабоченному лицу канцлера онъ видѣлъ, что это еще не всѣ вѣсти.

— Этого мы могли и должны были ожидать,—продолжалъ Головкинъ:—но дальше рѣчь уже о тебѣ.

Ягужинскій словно обратился въ статую, широко открытыми глазами глядя въ лицо тестя.

— Да,—тихо, почти шопотомъ сказалъ Головкинъ:—Макшеевъ у заставы встрѣтилъ арестованнаго капитана Сумарокова, твоего адъютанта...

— Ахъ!—вырвалось изъ стѣсенной груди Ягужинскаго:— арестованнаго!

Головкинъ пристально смотрѣлъ на него.

— Да, его арестовали, когда онъ обратно ѣхалъ изъ Митавы на Москву. Говорятъ, онъ былъ у императрицы... Ты знаешь что-нибудь объ этомъ?..

Ягужинскій молчалъ. Но его блѣдное лицо, угрюмые глаза, вся его вдругъ опустившаяся грузная фигура говорили яснѣе словъ. Да отвѣта и не надо было Головкину. Для него не было ни одной минуты сомнѣнія, лишь только онъ узналъ объ арестѣ Сумарокова, въ той роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ его зять.

Онъ пріѣхалъ къ Ягужинскому съ единственной цѣлью предупредить его о томъ оборотѣ, какое приняло дѣло. Для него была ясна та опасность, какой подвергался Павелъ Иванычъ. А старикъ такъ любилъ свою дочь, свою внучку и, кромѣ того, въ глубинѣ души сочувствовалъ зятю и не сочувствовалъ верховникамъ. Старость умудряетъ и дѣлаетъ людей скептиками. И со своей старческой мудростью графъ не вѣрилъ новостямъ.

Но теперь, когда побѣда верховниковъ, хотя, быть можетъ, и временная, была несомнѣнна,—они были всемогущи. Чтобы укрѣпить свою власть—они не остановятся ни передъ чѣмъ!

Довольно долго длилось тягостное молчаніе.

Наконецъ Ягужинскій медленно поднялся съ кресла.

— Да,—началъ онъ, и Головкинъ не узналъ его голоса, ставшаго вдругъ хриплымъ и глухимъ,—да, Гаврило Иванычъ, я проигралъ... но совѣмъ ли? Да, это я посылалъ изъ Москвы, потайно, черезъ крѣпкіе караулы, капитана Сумарокова. Да, это я хотѣлъ предупредить императрицу о составленномъ противу ея комplotѣ! Я поставилъ на конъ свою голову и, можетъ, проигралъ ее! Теперь я въ рукахъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Если поспѣютъ, если осмѣлятся,—они теперь же, не дожидаясь пріѣзда императрицы, казнятъ меня. Если отложатъ до ея пріѣзда, она, въ какомъ бы поработѣніи ни была у нихъ, не позволитъ имъ этого. Я вѣрю въ это! Да,—съ силой продолжалъ онъ,—я это все сдѣлалъ, я, другъ покойнаго великаго императора, благодѣтеля Руси, его «око»! И это «око», *его око*, много видѣло въ немногіе годы! Не всѣ самодержцы—Петры Великіе. Я самъ страдалъ подъ игомъ надменнаго Меншикова, моего врага и гонителя. Я самъ, при императорѣ, терпѣлъ униженія отъ Долгорукихъ. Отрокъ-императоръ умеръ. Они, какъ волки, бросились дѣлать его власть. Я тоже знаю бѣдствія, отъ фаворитовъ проистекающія. Я тоже хотѣлъ бы мирной жизни, безъ боязни какого-нибудь Ваньки Долгорукаго! А съ чего они начали! Они отринули меня!.. Пренебрегли!.. Чего же можно было ждать мнѣ?... Мнѣ надо было спастись!.. И я, вопреки ихъ самовластнымъ приказамъ, все высказалъ императрицѣ! Я сдѣлалъ

это! Сдѣлалъ это потому, что нѣтъ для меня людей ненавистнѣе Долгорукихъ и Голицыныхъ! Я не меньше ихъ послужилъ родинѣ... И чѣмъ кичатся они? Они Рюриковичи, они Гедиминовичи, имъ невмѣстно сидѣть рядомъ съ какимъ-то Ягужинскимъ, вчерашнимъ графомъ, хотя и другомъ великаго императора! Они готовы были заплевать меня!.. О, нѣтъ!—страстно закончилъ онъ:— я не могу, я не хочу быть подъ рукой ихъ! Лучше одинъ деспотъ, тиранъ, если такой будетъ самодержавная Анна, чѣмъ восемь деспотовъ и тирановъ... Въ ней все же есть хоть капля Петровой крови!..

Графъ Головкинъ тоже всталъ. Обычная маска холоднаго равнодушія спала съ его лица. Глаза засвѣтились теплымъ чувствомъ.

— Крѣпись, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ онъ, кладя ему на плечо руку:—они не кровожадны, и потому я все же среди нихъ. Страшенъ только Василь Владимировичъ. Ты знаешь его суровость. Дмитрій Михайлычъ все проектами занятъ. У Алексѣя Долгорукаго своего горя не оберешься. Легко ли его отцовскому сердцу! Катерина сама на себя не похожа. А Михаль Михайлычъ только на полѣ брани грозенъ... Но будь наготовѣ,—серьезно закончилъ онъ.— Я предупредилъ тебя, а теперь мнѣ пора. Ну, будь здоровъ.

II.

Дмитрій Михайловичъ кончилъ свой докладъ о приѣздѣ Макшеева, о присылкѣ письма Василья Лукича и подробностяхъ приѣма. При этомъ Дмитрій Михайловичъ съ умысломъ упустилъ пока сообщеніе Макшеева объ арестѣ Сумарокова, чтобы не разбивать настроенія собранія, ожидающаго извѣстій первой важности. По прочтеніи письма самый арестъ Сумарокова получить новое освѣщеніе. Его выслушали съ напряженнымъ вниманіемъ, не прерывая ни единымъ словомъ.

Вслѣдъ за нимъ поднялся Головкинъ съ толстымъ, сѣрымъ, запечатаннымъ пакетомъ въ рукѣ.

Стало тихо. Такъ тихо, словно большая палата не служила мѣстомъ собранія живыхъ людей, а была комнатою музея со скульптурной группой, исполненной гениальнымъ художникомъ.

Слова Макшеева еще не были тѣмъ документомъ, который разсѣялъ бы всѣ сомнѣнія и опредѣлилъ побѣду или полупобѣду.

Скрестивъ на груди руки, грозно сдвинувъ брови, какъ бы готовясь, въ случаѣ неудачи, на отчаянное сопротивленіе, прямо, во весь ростъ, стоялъ за своимъ кресломъ фельдмаршалъ Василій Владимировичъ.

Рядомъ съ нимъ въ креслѣ сидѣлъ Алексѣй Григорьевичъ съ выраженіемъ мучительнаго ожиданія на лицѣ. Ему угрожала наибольшая опасность въ случаѣ неудачи. Никто не былъ вознесенъ

на столь головокружительную высоту въ прошлое царствованіе, а съ такой высоты паденіе всегда смертельно. Будеть ли спокойно смотрѣть самодержавная государыня на его дочь — «высочество», «государыню невѣсту», чье имя поминалось на эктении рядомъ съ императорскимъ, и кого все же пытались, хотя попытка и была жалкой, возвести на престоль...

Князь Дмитрій Михайловичъ, душа и разумъ всего дѣла, положилъ въ него всю жизнь, и, въ случаѣ крушенія его мечтаній, ему нечѣмъ было бы жить!

Послѣ своего доклада онъ тяжело опустился въ кресло. На его благородномъ лицѣ, теперь блѣдномъ, дѣйствительно, какъ лицо статуи, жили только глаза, необыкновенно расширенные, полные сосредоточеннаго, жаднаго ожиданія.

Повидимому, спокойнѣе всѣхъ былъ другой фельдмаршалъ, Михаилъ Михайлычъ Голицынъ. На его твердомъ, сухомъ лицѣ было одно выраженіе—желѣзной воли. Побѣда?—онъ привыкъ къ нимъ. Смерть?—но онъ такъ часто видѣлъ ее рядомъ съ собой.

— Все,—только не безчестіе!...

Такимъ, должно быть, было выраженіе его лица, когда въ роковой день 20-го ноября 1700 года онъ съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ подъ Нарвой остановилъ бѣшеный натискъ побѣдоносныхъ шведскихъ войскъ, предводимыхъ самимъ королемъ, чтобы дать спастись остаткамъ русской арміи, рѣшившись умереть, но не допустить врага отрѣзать единственный путь отступленія—плавучій мостъ черезъ Нарову! Такимъ, должно быть, было оно и тогда, когда подъ градомъ картечи, пуль и ручныхъ гранатъ, съ короткими штурмовыми лѣстницами онъ безумно бросился на высокія стѣны Нотебурга и на приказъ царя Петра отступать, отвѣтилъ посланному: *«Скажи царю, что я теперь не его, а Божій!»*

Въ глубокой тишинѣ послышался шорохъ осторожно разрываемаго графомъ Головкинымъ пакета.

Гаврило Иванычъ медленно развернулъ письмо:

«Пріѣхали мы въ Митаву 25-го сего мѣсяца,—началь онъ тихимъ голосомъ,—въ седьмомъ часу пополудни и того же числа донесли ея величеству»...

Головкинъ читалъ медленно, и каждое слово его жадно ловили слушатели...

Князь Василій Лукичъ писалъ о приѣмѣ, о печали государыни при вѣсти о смерти ея племянника...

Головкинъ продолжалъ монотонно читать. Но вотъ голосъ его словно окрѣпъ:

...«повелѣла тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: *«по сему обѣщанью естъ безъ всякаго изъятія содержать. Анна».*

Графъ Головкинъ остановился и опустилъ руку, державшую письмо.

Словно вздохъ облегченія вырвался у присутствовавшихъ.

Повинуясь невольному порыву, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

— Вивать императрица Анна Иоанновна!—съ восторженно загорѣвшими глазами крикнулъ князь Дмитрій Михайловичъ:— да будетъ благословенна она!

— Вивать императрица Анна Иоанновна!—раздались клики остальныхъ...

Тяжелый камень спалъ съ сердца. Вопросъ былъ рѣшенъ. Но глубже всѣхъ и сознательнѣе всѣхъ былъ счастливъ князь Дмитрій Михайловичъ. Словно при блескѣ молніи озарился предъ нимъ широкій, свободный путь, по которому отнынѣ пойдетъ Русь. Заветная мечта его жизни, казалось, осуществилась...

Трижды раздался торжественный возгласъ....

Когда всѣ нѣсколько успокоились, Головкинъ продолжалъ чтеніе письма.

Дальше князь Василій Лукичъ сообщалъ, что онъ побоялся послать подлинныя кондиціи съ курьеромъ, а привезетъ ихъ самъ, или пришлетъ съ генераломъ Леонтьевымъ; что государыня располагаетъ выѣхать 28-го или 29-го, сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ для слѣдованія императрицы и спрашивалъ указаній, какой предполагается церемоніаль при въѣздѣ императрицы въ Москву. Въ заключеніе въ особой припискѣ Василій Лукичъ просилъ произвести прапорщика Макшеева въ поручики и наградить его.

Послѣдняя часть письма была выслушана съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Едва кончилось чтеніе, всѣ заговорили разомъ.

Въ тревожномъ ожиданіи отвѣта накопилося много дѣлъ, связанныхъ съ этимъ отвѣтомъ и требующихъ неотложнаго рѣшенія. О формѣ присяги, объ оповѣщеніи иностранныхъ пословъ, объ указахъ въ губерніи...

Но начавшіеся разговоры прекратилъ князь Дмитрій Михайловичъ. Онъ попросилъ слова и, когда всѣ затихли, произнесъ:

— Я не все сказалъ вамъ, что передалъ мнѣ прапорщикъ Макшеевъ, или, вѣрнѣе, поручикъ Макшеевъ. Онъ донесъ мнѣ, что подъ Митавой арестованъ капитанъ Сумароковъ, адъютантъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго... Подробностей онъ не знаетъ. Но, кажется, Сумароковъ видѣлъ императрицу ранѣе, чѣмъ депутаты... Пусть верховный совѣтъ обсудить сіе...

Графъ Головкинъ опустилъ голову, потому что невольно всѣ глаза устремились на него.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— Арестовать и допросить Ягужинскаго,—раздался рѣзкій, рѣшительный голосъ фельдмаршала Василія Владимировича.

Графъ Головкинъ поднялъ голову.

— Не слишкомъ ли скоро?—сухо и твердо произнесъ онъ.— Сумароковъ не Ягужинскій. Ежели, князь, провинится твой адъютантъ и тебя надо арестовать? Да?

— Я—это я,—сурово возразилъ фельдмаршалъ.—А Ягужинскій волкомъ смотритъ.

— Хотя бы Павелъ Ивановичъ и не былъ моимъ зятемъ,—снова началъ Головкинъ:—я бы говорилъ тоже! Надо знать, что скажетъ еще Василій Лукичъ? Надо подождать.

Головкинъ зналъ, что скажетъ Василій Лукичъ, но хотѣлъ выиграть время.

Остальные члены совѣта присоединились къ нему.

— Ну, что жъ, подождемъ,—пожавъ плечами, согласился Василій Владимировичъ.—Чай, ждать теперь не долго!

— Да, не долго,—нетерпѣливо сказалъ Дмитрій Михайловичъ.— Будетъ еще время потребовать отчета отъ Павла Иваныча. . . Наша главнѣйшая забота теперь, получивъ подлинныя кондиціи, не медля приступить къ устроению земли русской, двинуть ее на путь гражданственной свободы, снять тяготѣвшія оковы. Разбудить спящую Русь! Всѣмъ,—съ чувствомъ закончилъ онъ,—всѣмъ найдется дѣло теперь, у кого есть любовь къ родинѣ. Намъ надлежитъ снять теперь съ себя упрекъ въ властолюбіи, обнародовать кондиціи, призвать выборныхъ шляхетства и генералитета и предъявить имъ проектъ широкаго гражданскаго устройства, въ коемъ приняли бы свою долю равно всѣ сословія. . .

— Да,—произнесъ Василій Владимировичъ:—но также надлежитъ принять мѣры для общаго спокойствія. Ежели нашелся Ягужинскій, найдутся и другіе. . .

— Теперь все кончено,—живо прервалъ его Дмитрій Михайловичъ:—мы обнародуемъ кондиціи, и кто тогда посмѣетъ идти противъ воли государыни!..

— Я ручаюсь за спокойствіе Москвы,—медленно и рѣшительно произнесъ Михаилъ Михайлычъ.

— Прошу у верховнаго совѣта разрѣшенія,—отозвался Василій Владимировичъ,—дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

— Не будь только очень крутъ, Василій Владимировичъ,—замѣтилъ Головкинъ:—не время теперь озлоблять людей и наживать новыхъ враговъ.

Дмитрій Михайлычъ весь ушелъ въ свои мечты, и его мысль упорно работала въ опредѣленномъ направленіи. Онъ горѣлъ желаніемъ снова вернуться къ работѣ надъ своимъ проектомъ, въ которомъ еще не всѣ детали были имъ разработаны.

Алексѣй Григорьевичъ слушалъ разговоры въ полъ-уха. Почувствовавъ подъ собою вновь твердую почву, онъ только желалъ поскорѣе вернуться домой, чтобы успокоить свою семью и главнымъ образомъ свою несчастную дочь Катерину. Несмотря на свое легкомысліе, онъ сознавалъ себя виновнымъ передъ ней. Онъ отнялъ у нея любовь ради честолюбивыхъ надеждъ, когда отказался выдать ее замужъ за графа Миллезимо, племянника цесарскаго посла, графа Вратислава. Онъ сосваталъ ее императору. Онъ составлялъ завѣщаніе отъ имени покойнаго императора о порученіи ей престола... Въ своей легкомысленной жизни онъ игралъ своей дочерью, видя въ ней крупную ставку. Судьба смѣшала всѣ карты, и дочь была проиграна...

И вотъ теперь, когда ему казалось, что императрица въ рукахъ верховнаго совѣта, а самъ онъ членъ совѣта,—съ его души упало тяжелое бремя... Теперь онъ считалъ свое положеніе упроченнымъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ умъ Дмитрія Голицына, въ ловкость Василия Лукича и энергію фельдмаршаловъ.

Онъ чувствовалъ себя, какъ за каменной стѣной.

Василию Владимировичу были даны самыя широкія полномочія. На Дмитрія Михайловича совѣтъ возложилъ составленіе отвѣта Василию Лукичу и формулы присяги и манифеста.

Быль уже поздній вечеръ, когда верховники, ликующіе, полные горделивыхъ замысловъ, по пустыннымъ, словно вымершимъ улицамъ Москвы разѣзжались по домамъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ возвратился домой только одинъ старый канцлеръ графъ Гаврило Иванычъ...

III.

Макшеевъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Онъ съ полнымъ удовлетвореніемъ могъ сознаться, что блестяще исполнилъ свое порученіе. Въ морозъ, въ бурю, въ снѣгъ, по темнымъ дорогамъ, почти не отдыхая, и днемъ и ночью скакалъ онъ изъ Митавы въ Москву; даже ни разу не поѣлъ какъ слѣдуетъ, только подкрѣплялся виномъ, котораго онъ проглотилъ за это время неизмеримое количество.

Помня слова и просьбу Дивинскаго постараться нагнать таинственнаго посланца, онъ на всѣхъ стоянкахъ разспрашивалъ, не проѣхалъ ли кто до него?

Но незнакомецъ какъ въ воду кануль.

Не зная, въ чемъ дѣло, и не имѣя никакихъ инструкцій, Макшеевъ не передалъ объ этомъ князю Дмитрію Михайловичу.

Обласканный Дмитріемъ Михайловичемъ, который сказалъ ему, что верховный совѣтъ достойно наградить его, въ ожиданіи производства Макшеевъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

Отпуская его, князь сказалъ:

— Иди, отдыхай. Чай, усталъ съ дороги. Раньше завтра не понадобишься. Отсыпайся.

«Слава те, Господи, наконецъ-то отосплюсь», думалъ свою любимую думу Алеша.

Выйдя отъ князя, онъ хотѣлъ направиться домой, въ свою одинокую квартиру къ Варварскимъ воротамъ. Но солнечный зимній день былъ такъ хорошъ.

У возбужденнаго и радостнаго новаго поручика и сонъ прошелъ. Онъ съ ужасомъ подумалъ о своей, навѣрно, теперь холодной, нетопленной квартирѣ. Его человѣкъ, Тома невѣрный, какъ онъ шутя называлъ его, походилъ на своего барина. Любитель выпить и поволочиться за дѣвками, онъ и въ присутствіи Макшеева иногда пропадалъ на цѣлые дни, за что и былъ прозванъ Алешей—невѣрнымъ. Теперь же, когда его господинъ исчезъ на десять дней, его, навѣрное, и съ собаками не сыщешь.

Притомъ день великъ, впереди еще ночь.

Размысленія поручика кончились тѣмъ, что онъ рѣшилъ зайти въ остерію, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ немалый голодь. Мысль о теплыхъ, уютныхъ комнатахъ остеріи, о горячей ѣдѣ, о хорошемъ винѣ и доброй компаніи очень улыбалась ему.

Съ удовольствіемъ дыша свѣжимъ воздухомъ, чувствуя себя свободнымъ, не имѣя надобности торопиться, Алеша медленнымъ шагомъ направился къ гостепріимному убѣжищу вдовы Гоопень.

Едва вошелъ онъ въ теплую, накуренную залу остеріи, какъ сразу почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Изъ-за буфета на него глянуло суровое лицо старухи Марты, обрамленное бѣлымъ плетенымъ чепчикомъ; сдѣлавъ ему книксенъ, пробѣжала мимо него цвѣтушая, улыбающаяся Берта.

Несмотря на ранній часъ, остерія была полна. Красные и синіе камзолы офицеровъ, веселые знакомые голоса, громкій смѣхъ, звонъ посуды—все было такъ мило и привычно Алешѣ.

Не успѣлъ онъ оглядѣться, какъ его уже узнали:

— Алеша!

— Алексѣй Ивановичъ!

— Сюда!

— Откуда?

— Да живъ ли ты?

Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы.

— Я, я самъ,—весело закричалъ Алеша, плохо различая послѣ яркаго солнца въ полутемной остеріи лица присутствовавшихъ.

Изъ-за стола поднялся и двинулся ему навстрѣчу красный камзолъ, и только когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, Алеша узналъ въ немъ своего пріятеля, кавалергарда Ваню Чаплыгина.

Они облобызались.

— Къ намъ, къ намъ,—говорилъ Ваня, увлекая его къ своему столу.

За большимъ столомъ сидѣли офицеры, частью знакомые Макшееву, преображенцы, семеновцы и его товарищи по лейбъ-регенту, частью незнакомые, изъ армейскихъ, недавно прибывшихъ на Москву полковъ, Колорскаго, Вятскаго и другихъ.

Офицеры шумно поднялись навстрѣчу. Макшеевъ радостно здоровался съ ними; съ пріятелями цѣловался.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій Алеша усѣлся рядомъ съ Чапыгинымъ и, по привычкѣ подмигнувъ хорошенькой Бертѣ, спросилъ вина и «фрыштыгъ».

Алеша давно былъ общимъ любимцемъ. Онъ легко и быстро сходился съ людьми, и не прошло пяти минутъ, какъ разговоръ сталъ общимъ.

Поѣздка Макшеева въ Митаву была извѣстна въ его полку, а черезъ сослуживцевъ по полку и офицерамъ другихъ полковъ. И такъ какъ всѣ интересы въ данный моментъ были сосредоточены на дѣйствіяхъ верховнаго тайнаго совѣта, то, естественно, Алешу со всѣхъ сторонъ засыпали вопросами:

— Что повезли императрицѣ депутаты? Какъ она отнеслась къ нимъ? Какова она? и проч.

Хотя Алешу Василій Лукичъ и не предупреждалъ о томъ, что надо все держать въ тайнѣ, но Алеша инстинктивно чувствовалъ это.

Онъ избѣгалъ отвѣчать на прямые вопросы.

Но молодое чувство рвалось наружу.

— Одно скажу,—воскликнулъ онъ:—общалась государыня полегчить намъ. Не будетъ измываться надъ нами каждый Ванька... (этимъ онъ намекалъ на фаворита покойнаго императора Ивана Долгорукаго). Такъ-то...

— А будутъ измываться Долгорукіе да Голицыны?—вдругъ раздался съ конца стола рѣзкій, насмѣшливый голосъ.—Хрѣнъ рѣдьки не слаще, а часто еще горчѣе.

Макшеевъ взглянулъ на говорившаго.

Это былъ молодой худошавый офицеръ въ армейской формѣ. Какого полка, Макшеевъ не могъ разобрать. Сукно на камзолы армейскихъ полковъ покупалось не всегда одинаковое, а въ зависимости отъ иностранныхъ фирмъ, поставлявшихъ его.

— Да,—продолжалъ офицеръ:—одинъ Ванька или восемь,—легче не будетъ.

Чапыгинъ наклонился къ Макшееву и прошепталъ:

— Это Новиковъ, Даниль Иванычъ, Сибирскаго полка подполковникъ. Чуть ли не республику учредить хочетъ!

— Зачѣмъ офицеровъ Вятскаго полка перехватили!—продолжалъ Новиковъ:—ужь если верховный совѣтъ полегчить хочетъ—такъ не самовластуй!.. Мы такіе же дворяне! Нельзя мимо насъ

новымъ устроениемъ заниматься! Должно помнить, что Долгорукиѣ и Голицыны—еще не вся Русь. Довольно того, что, никого не спрашиваясь, препоручили престоль герцогинѣ курляндской. А почему не Елизаветѣ? А почему не принцу голштинскому или Екатеринѣ Мекленбургской? Какъ еще не поспѣли стовориться—не Екатеринѣ Долгорукой?

— Молчи, молчи, Данило Иванычъ,—произнесъ Чаплыгинъ, желая прервать этотъ разговоръ.—Поживемъ—увидимъ.

Макшеевъ молчалъ. Онъ вообще не занимался политикой. Ему было всегда хорошо; но подъ вліяніемъ Шастунова и Дивинскаго онъ мало-по-малу смутно началъ понимать, что что-то слѣдуетъ измѣнить, что надо какъ-нибудь обезопасить себя отъ какого-нибудь Ваньки. Какъ это сдѣлать, онъ не зналъ, да и не хотѣлъ разсуждать объ этомъ.

«Тамъ разберуть!»—думалъ онъ, разумѣя подъ словомъ «тамъ» членовъ верховнаго тайнаго совѣта, особенно фельдмаршаловъ, о подвигахъ которыхъ слышалъ еще въ дѣтствѣ.

Сидѣвшій рядомъ съ Новиковымъ молодой поручикъ что-то тихо сталъ шептать ему на ухо.

Новиковъ нетерпѣливо передернулъ плечами и всталъ.

— Ужо потолкуемъ,—рѣзко произнесъ онъ.

Съ конца стола къ Макшееву подошелъ юный гвардейскій офицеръ.

— Мы, кажется, знакомы уже,—произнесъ онъ:—я Преображенскаго полка Иванъ Окуневъ.

Вглядѣвшись въ лицо юнаго прапорщика, Макшеевъ сразу узналъ его.

Вообще надо сказать, мало было въ Москвѣ гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ не зналъ бы Макшеевъ. То въ остеріи, то на парадахъ при покойномъ императорѣ, то въ какихъ-нибудь веселыхъ мѣстахъ, а то и въ дружеской компаніи на частыхъ пирушкахъ онъ перезнакомился почти со всѣми.

— Какъ же, какъ же,—отозвался Макшеевъ:—знаю, знаю, помню. На крещенскомъ парадѣ рядомъ стояли.

Онъ дружески пожалъ руку прапорщику.

— Еще мы встрѣчались у Петра Спиридоныча,—сказалъ прапорщикъ.

— У Сумарокова?—спросилъ Макшеевъ, пристально глядя на Окунева.

— Да,—отвѣтилъ Окуневъ:—мы съ нимъ, вѣдь, оба адъютанты у графа Павла Иваныча.

— Фью!—свистнулъ подвыпившій Макшеевъ:—вотъ оно что! Вы счастливѣе вашего пріятеля,—разсмѣялся онъ.

Окуневъ недоумѣвающе и тревожно взглянулъ на него.

— Я давно не видѣлъ Петра Спиридоныча,—сказаль онъ, бросая быстрый взоръ на прислушивавшагося Чаплыгина:—вы что-то знаете? Развѣ съ нимъ случилось несчастье?

— Ну, что жъ, коли вы другъ его,—отвѣчаль Макшеевъ:—вамъ скажу. Другъ вашъ арестованъ въ Митавѣ...

— Арестованъ!—въ одинъ голосъ воскликнули Окуневъ и Чаплыгинъ.

— Да,—продолжалъ Макшеевъ:—въ Митавѣ. Чѣмъ бѣдныя провинился, про то знаетъ Василь Лукичъ, только заарестовали его.

Поблѣднѣвшій Чаплыгинъ низко наклонился къ Макшееву.

— Алеша,—сказаль онъ:—не утаи, что знаешь. Другъ намъ Сумароковъ.

— Ей-ей ничего не знаю,—отвѣтилъ Макшеевъ:—не успѣлъ ничего узнать. Какъ выѣхаль изъ Митавы, такъ и встрѣтилъ его.

И въ краткихъ словахъ онъ передалъ все, что зналъ.

— Я обо всемъ уже доложилъ князю Дмитрію Михалычу,—закончилъ онъ.

Окуневъ сидѣлъ, какъ опущенный въ воду. Чаплыгинъ, блѣдный, въ волненіи пилъ стаканъ за стаканомъ.

И Окуневъ, и Чаплыгинъ хорошо знали, зачѣмъ былъ отправленъ въ Митаву Сумароковъ, и знали, что теперь грозило ему, а съ нимъ вмѣстѣ и Ягужинскому, и всѣмъ близкимъ къ нему людямъ.

Кавалергарды хорошо знали графа Павла Ивановича, а Чаплыгинъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ офицеровъ, имѣвшихъ большое вліяніе на своихъ товарищей. Съ домомъ Ягужинскаго его связывали давнія дружескія отношенія, существовавшія между его отцомъ и графомъ. Отецъ Чаплыгина былъ сенаторомъ и умеръ незадолго до кончины императрицы Екатерины. Такъ же, какъ и Ягужинскій, онъ ненавидѣлъ Меншикова и по мѣрѣ силъ противоудѣйствовалъ ему, въ числѣ немногихъ, на ряду съ Ягужинскимъ. Послѣ его смерти Ягужинскій принялъ подъ свое покровительство сына Ивана и сумѣлъ привязать его къ себѣ. Ягужинскій былъ сильнымъ и властнымъ человекомъ, и всѣ окружающіе считали его непоколебимымъ въ его положеніи.

Чаплыгинъ, вѣря въ его могущество и значеніе, благодарный ему за оказанное покровительство, естественно, былъ на его сторонѣ.

Также и Окуневъ, избранный Ягужинскимъ себѣ въ адъютанты.

Судьба этихъ офицеровъ оказалась связанной съ судьбой графа.

И Окуневъ, и Чаплыгинъ отлично уяснили себѣ, что значить арестъ Сумарокова. Но къ чести ихъ надо сказать, что ни тотъ, ни другой ни на мигъ не подумали покинуть Павла Иваныча и примкнуть къ побѣдителямъ. Кромѣ того, они вѣрили въ умъ и находчивость графа.

Окуневъ всталъ и, наклонясь къ Чаплыгину, быстро шепнулъ ему:
— Теперь я долженъ быть при немъ.

Чаплыгинъ кивнулъ головой.

Окуневъ отошелъ, замѣшался въ толпѣ офицеровъ и черезъ нѣсколько минутъ незамѣтно скрылся.

Шумъ въ остеріи росъ.

— Заприте двери! Никого больше не пускать въ остерію,—крикнулъ кто-то. Марта уже и сама тревожилась. Безнадежно махнувъ рукой, она заперла двойныя двери.

Въ одномъ углу, окруженный офицерами, Новиковъ громко говорилъ, размахивая руками:

— Мы тоже хотимъ своей доли. Пусть верховники призовутъ насъ, и мы скажемъ, чего хотимъ. Мы не отдадимъ имъ въ руки всей власти! Мы хотимъ жить не по ихъ указкѣ! Для нихъ все—власть, слава! Надъ ними—никого! Кто можетъ обуздать ихъ своевласть? Никто! Не надо намъ ихъ, злыхъ олигарховъ! Пусть все вершится общенародіе!..

— Пусть тогда сама императрица позволить намъ сказать, чего мы хотимъ!—протискиваясь къ Новикову, кричалъ блѣдный молодой офицеръ.

— Молчи, Горсткинъ,—остановилъ его другой офицеръ...

— Да какъ они смѣли избрать императрицу!—кричалъ въ другомъ углу залы высокой офицеръ.—Кто право имъ далъ? Они «выкрикнули» императрицу, какъ бояре—Василія Шуйскаго. А что вышло изъ того? Нѣтъ, выбирать такъ общенародно, какъ выбирали Михаила Романова...

— Перехватать бы ихъ, да и дѣлу конецъ,—послышалось чье-то замѣчаніе...

— Подождемъ приѣзда государыни, тамъ виднѣе будетъ,—послышался чей-то примирительный голосъ.

Шумъ стоялъ невообразимый.

Суровая Марта безпечно поглядывала вокругъ. Хотя двери были заперты, но, навѣрное, шумъ былъ слышенъ и на улицѣ. Среди азартныхъ споровъ то и дѣло слышался звонъ стакановъ и бутылокъ, сопровождаемый криками:

— Вина!

Берта, какъ Геба, въ сопровожденіи двухъ мальчишекъ и анимедовъ, едва успѣвала удовлетворять желанія гостей.

— Ну, братъ, и каша же здѣсь,—почесывая за ухомъ, сказалъ Макшеевъ своему сосѣду, угрюмому старому армейскому капитану, не сказавшему за все время ни слова и молча тянувшему вино:—прямо голова пухнетъ...

— Я бы далъ имъ,—хриплымъ басомъ отвѣтилъ капитанъ.—Я бы пустилъ ихъ къ Наревскому мосту, гдѣ я рядомъ стоялъ съ Михалъ Михалычемъ! Поговорили бы! Я бы ихъ!... Умны очень.

А я скажу,—вдругъ закричалъ онъ:—что коли фельдмаршалъ Михалъ Михалычъ что дѣлаетъ,—оно такъ и нужно!

Онъ съ такой силой ударилъ стаканомъ по столу, что стаканъ разлетѣлся вдребезги.

— Гвардія! Маменькины сынки! Въ колыбели еще сержанты!-- продолжалъ капитанъ.—Нѣтъ, ты послужи честь-честью! Ты солдатомъ побывай подъ Нарвой, повоюй со шведомъ, сломай Прутскій походъ съ Петромъ Алексѣвичемъ—тогда и поговори! Брехуны! А ни настолечко не знаютъ, что надо намъ! Знаю я, сами лѣзутъ вверхъ, зависть беретъ... А Михалъ Михалычъ все знаетъ. Петръ Алексѣвичъ ему за Полтавскую вѣкторію десять тыщъ серебряныхъ рублей отвалилъ... Шутка ли! А знаешь, что Михалъ Михалычъ сдѣлалъ? А? У меня-де, говоритъ, солдаты безъ сапогъ, да на рукахъ много вдовъ ихъ и сиротъ... Да и роздалъ всѣ десять тыщъ. Вотъ каковъ Михалъ Михалычъ! Брехуны проклятые!

Старикъ злобно сплюнулъ и, взявъ у сосѣда стаканъ, налилъ себѣ вина.

— Опять тоже,—заговорилъ онъ снова:—все рѣчь идетъ—генералитетъ, бояре, шляхетство. Все только о себѣ мыслятъ. Потому что? Въ гвардіи, что ни рядовой, то дворянинъ. У папеньки да у маменьки дворовые. Ну, съ жиру и бѣсятся. А ты поди въ Астраханскій полкъ. Загляни въ Тобольскъ да въ Пелымъ... Тогда и подумай... Я вѣдь тоже дворянинъ. А за что? Подъ Нарвой ноги прострѣлены, подъ Лѣснымъ палець оторвало, подъ Полтавой саблей по башкѣ полоснули—тутъ Петръ Алексѣвичъ и далъ мнѣ чинъ сержанта да и дворянство...

Къ словамъ старика уже прислушивались.

Капитанъ замолчалъ и угрюмо уставился въ свой стаканъ.

— О томъ и рѣчь идетъ, чтобы полегчить народу,—промолвилъ молодой офицеръ, сидѣвшій рядомъ съ капитаномъ.

Капитанъ послѣ своей рѣчи замѣтно ослабѣлъ. Онъ ничего не отвѣтилъ сосѣду, только неопредѣленно махнулъ рукой.

Въ головѣ Макшеева тоже все перепуталось.

До сихъ поръ все казалось ему такъ ясно и просто, весело и радостно. Все, по его мнѣнію, было «по-хорошему», а тутъ Богъ вѣсть, что говорятъ. Ничего не поймешь и никто не доволенъ.

«Голова моя плоха,—подумалъ онъ:—пустить бы сюда Арсенія Кирилловича или Ѳедора Никитича—тѣ живо разобрались бы...»

Короткій зимній день уже кончался. Берта и мальчики зажгли лампы... Споры стихли. Офицеры разбились на группы и уже спокойнѣе бесѣдовали между собой.

Мартѣ дано было позволеніе открыть двери, что она и поспѣшила сдѣлать съ истиннымъ облегченіемъ.

Мало-по-малу присутствовавшіе стали расходиться.

«истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxii.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ ушелъ и Новиковъ; поднялся отяжелѣвшій калитанъ и угрюмо, прихрамывая, подошелъ къ углу, гдѣ лежали въ кучѣ плащи и верхніе камзолы, выбралъ свой поношенный легкій, неопредѣленнаго цвѣта камзолъ, кряхтя надѣлъ его и вышелъ.

Остерія постепенно пустѣла. Незамѣтно исчезъ и Чаплыгинъ.

Осталось только нѣсколько человѣкъ, которымъ, очевидно, некуда было дѣться.

— Что жъ теперь дѣлать?—произнесъ, вставая, Макшеевъ.

— Знаешь, Алеша,—обратился къ нему сержантъ Ивковъ, его товарищъ по лейбъ-регimentу:—я знаю хорошее мѣстечко,—и, наклонясь къ уху Макшеева, онъ оживленно началъ шептать ему.

— Ой ли?—весело отозвался Макшеевъ,—и карты?...

— И иное прочее,—подмигнулъ Ивковъ.

— Такъ гайда, братцы!—крикнулъ Макшеевъ.—Кто съ нами?

Расплатившись, веселая компанія вышла на улицу. У остеріи постоянно толпились извозчики. Молодые люди взяли нѣсколько саней и полетѣли по пустыннымъ улицамъ въ знакомое Ивкову укромное мѣстечко, какихъ появилось въ Москвѣ множество со времени переѣзда туда двора юнаго императора, окруженнаго кутящей, веселой гвардейской молодежью, во главѣ съ Иваномъ Долгорукимъ.

Часу въ четвертомъ, сильно навеселѣ, проигравшись до послѣдняго рубля, вернулся Алеша домой. Ему еще немало пришлось пробыть на морозѣ, пока на его отчаянные стукіи ему открылъ дверь его невѣрный Ома.

Обругавъ его всякими словами, на что Ома резонно и спокойно отвѣтилъ ему: «Самъ-то хорошъ»,—Макшеевъ завалился спать. Ома заботливо раздѣлъ его, прикрылъ одѣяломъ и, покачавъ головой, отправился къ себѣ.

Но положительно судьба преслѣдовала поручика. Не было и семи часовъ, какъ отъ князя Дмитрія Михайловича пришелъ за нимъ вѣстовой.

Ома съ трудомъ растолкалъ барина.

— А, чортъ!—выругался Алеша:—и поспать не дадутъ.

Однако онъ торопливо вымылся, одѣлся, велѣлъ подать верхнюю лошадь, на всякій случай перекинулъ черезъ плечо сумку, осмотрѣлъ пистолеты и черезъ полчаса, бодрый и свѣжій, уже стоялъ передъ княземъ.

Князь поздравилъ его съ производствомъ въ поручики и, къ неожиданной радости Алеши, подавая ему кошелекъ, сказалъ:

— По приказу верховнаго совѣта жалуется тебѣ сто рублей серебромъ.

«Вотъ это славно,—подумалъ Макшеевъ:—не было ни гроша, и вдругъ алтынъ».

Онъ поблагодарилъ князя.

— Ну, а теперь,—продолжалъ Дмитрій Михайловичъ,—ты, я вижу, уже отдохнулъ. Вотъ тебѣ пакетъ къ Василь Лукичу. Скачи, не медля, къ нему навстрѣчу. Вѣрно, уже на дорогѣ встрѣтишь его. Отдай въ собственные руки. Ну, съ Богомъ!

Макшеевъ поклонился, взялъ пакетъ и вышелъ.

— Отдохнулъ, выпался, чорта съ два,—бормоталъ онъ, садясь на лошадь.—Должно, отосплюсь на томъ свѣтѣ. Ладно, хоть деньги-то есть,—закончилъ онъ свои размышленія, оцупывая въ карманѣ кошелекъ.

IV.

Обстановка комнаты производила странное впечатлѣніе. Мягкіе, смиренскіе ковры покрывали полъ, и на нихъ были въ беспорядкѣ брошены вышитыя золотомъ и цвѣтными шелками подушки. Низкія тахты съ пестрыми «мутахи», низкія кресла, большой акваріумъ съ золотыми рыбками, съ искусно устроеннымъ фонтанчикомъ, вокругъ невысокія, широколиственныя пальмы въ кадкахъ,—и въ углу икона съ тихо теплящейся передъ ней лампадкой. Тонкій, но удушливый ароматъ поднимался отъ золотой высокой курильницы чекапной работы, въ видѣ остраго трилистника. Съ потолка на золотыхъ цѣпочкахъ свѣшивался матовый фонарь. Отблескъ заходящаго зимняго солнца игралъ въ водѣ акваріума, гдѣ рѣзвились рыбки, и на золотыхъ цѣпочкахъ фонаря.

Если бы не икона въ углу—эта теплая, наполненная прянымъ ароматомъ комната могла бы показаться уголкомъ, перенесеннымъ изъ дворца какого-нибудь калифа.

На низкомъ креслѣ сидѣла молодая дѣвушка, а у ея ногъ при-
мостилась на коврѣ старая женщина въ типичномъ татарскомъ уборѣ на головѣ, въ шитой золотомъ чухѣ.

Эта дѣвушка была княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, дочь подполковника Преображенскаго полка, перваго члена военной коллегіи князя Григорія Дмитриевича, внучка Абдула-мирзы, потомка ногайскаго князя Юсуфа.

Ея чисто русское имя Прасковья такъ же казалось страннымъ, какъ и икона съ мирной лампадкой въ этой убранной по восточному комнатѣ.

Прасковья Григорьевна, Паша, какъ звали ее близкіе, была красива не русской красотой. Большіе черные глаза, слегка, едва замѣтно выдающіяся скулы, рѣзко очерченный, по небольшой и

тонкій, орлиный носъ выдавали ея происхожденіе. Черные волосы были заплетены въ двѣ тяжелыя косы, перевитыя цвѣтными лентами.

Во всемъ лицѣ ея, прекрасномъ и суровомъ, было выраженіе дикой и упрямой воли.

Сидѣвшая у ея ногъ женщина была выкормившая ее татарка Сайда, которую князь окрестилъ, назвавъ Софіей. Несмотря на свои тридцать пять лѣтъ, Сайда или Софья выглядѣла почти старухой.

Она была страстно привязана къ княжнѣ, и, кажется, это была единственная привязанность въ ея жизни. Мужъ ея давно умеръ гдѣ-то на сторонѣ, умеръ и ребенокъ, едва родившись.

Хотя при чужихъ Паша всегда называла свою старую кормилицу Софьей, но наединѣ звала ее Сайдой. Это имя предпочитала и кормилица, и самъ отецъ-князь нерѣдко называлъ ее такъ.

Прасковья Григорьевна сидѣла, глубоко задумавшись, сдвинувъ черныя брови, опустивъ руки. На колѣняхъ у нея лежалъ кусокъ синяго бархата, который она вышивала серебромъ.

Солнце зашло. Въ комнатѣ потемнѣло.

— Зажечь огонь, моя звѣздочка?—тихо спросила Сайда.

— Оставь,—коротко отвѣтила Паша, и, словно пробуждаясь отъ своихъ мыслей, тихо вздохнула.

— А ты не томись,—заговорила Сайда:—что ты все сидишь да молчишь и думаешь, думаешь. Нехорошо много думать. Судьбы не измѣнишь. Сама знаешь.

— Оттого-то и думаю,—отвѣтила Паша:—что судьбы не измѣнишь, а что будетъ—не знаю.

— Будетъ счастье, много счастья,—сказала Сайда.—Носишь камень?

— Ношу,—произнесла Паша и вынула изъ-за пазухи висѣвшій на тонкой золотой цѣпочкѣ, вмѣстѣ съ крестомъ и образкомъ, черный плоскій камень съ узорной надписью.

И это—крестъ и амулетъ на одной цѣпочкѣ—было такъ же странно и неподходяще одно къ другому, какъ обстановка комнаты и икона, какъ сама княжна и ея имя.

— Носишь, такъ и не бойся,—увѣренно сказала татарка, и, поднявшись съ ковра, она положила тихо руки на колѣни княжны и радостно продолжала:

— Чего томишься? Онъ будетъ твой, онъ любить тебя. Вотъ скоро вернется...

— Любить?—страстно воскликнула Паша:—любить? Почему знаешь?... Смотри, сколько красавицъ сейчасъ на Москвѣ... Лопухина, Нарышкина, Измайлова... да всѣхъ и не перечести... А я... Вѣдь онѣ меня зовутъ черномазой.

И на ея смугломъ лицѣ проступилъ румянецъ.

— А ты лучше всѣхъ,—отвѣтила Сайда.

— Ахъ, Сайда... любить, любить!.. Ты все болтаешь. Зажги огонь.

Княжна рѣзко встала.

Сайда поднялась, опустила фонарь, подошла къ курильницѣ, зажгла отъ углей палочку душистаго алоэ и засвѣтила фонарь. Потомъ опустила тяжелыя занавѣси окна.

Послѣ этого она снова сѣла на коверъ, поджавъ подъ себя ноги.

Матовый свѣтъ фонаря съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ производилъ впечатлѣніе луннаго свѣта.

Лицо Паши казалось блѣднымъ, и ярче горѣли на блѣдномъ лицѣ черные глаза.

Она ходила по мягкому ковру, сжавъ за спиной тонкія руки.

А Сайда тихо и монотонно говорила:

— Сайда все видитъ. Сайда ночи не спитъ, все молится и гадаеть. И развѣ мужчина можетъ спрятать любовь? Любить онъ тебя... И сама ты это знаешь....

Княжна вдругъ улыбнулась. Да, это правда, развѣ можетъ мужчина, особенно юный, скрыть свою любовь отъ любящей женщины?

— Сайда, милая Сайда,—воскликнула Паша и, подбѣжавъ къ татаркѣ, крѣпко обняла ее и поцѣловала въ морщинистую щеку...

— Любить, любить... Оеда, милый,—въ неудержимомъ порывѣ прошептала она.

И она вспомнила робость Дивинскаго въ ея присутствіи, его загорающіеся глаза, трепетное пожатіе его руки.

Она не знала, не задумывалась и знать не хотѣла, какая сила потянула ее къ этому стройному, юному офицеру съ сѣрыми смѣлыми глазами, смотрѣвшими на нее съ такимъ робкимъ обожаніемъ.

Между ними еще не было сказано ни слова, но они поняли другъ друга.

Князь смотрѣлъ, повидимому, благосклонно на ихъ зарождающееся чувство.

Но новая мысль опять омрачила ея настроеніе.

— Двѣнадцать дней его нѣтъ,—упавшимъ голосомъ сказала она.—Что съ нимъ, вернется ли?

— Почему не вернется?—возразила татарка.—Онъ не дитя, да и не одинъ поѣхалъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь!—съ досадой крикнула княжна, топнувъ ногой. И снова безпокойно заходила по комнатѣ.

Отъ отца она знала все значеніе посольства, и хотя не вполне понимала создавшееся положеніе, но, видя отца озабоченнымъ и тревожнымъ, сама не зная чего, боялась.

Послѣдніе два дня Григорій Дмитріевичъ былъ до такой степени озабоченъ, что съ утра, пока еще дочь спала, исчезалъ изъ дому и возвращался, когда она опять уже спала. По полученіи извѣстія отъ верховниковъ о согласіи Анны на кондиціи князь принялъ самое

дѣятельное участіе въ обсужденіи вмѣстѣ съ верховниками, которые его особенно чтли и уважали, вопросовъ, касающихся дальнѣйшаго устройства управленія.

Подъ вліяніемъ смутныхъ опасеній Паша рѣшила пройти узнать, не дома ли отецъ.

— Я пройду къ отцу,—сказала она и вышла изъ комнаты.

По узкой лѣстницѣ она спустилась въ первый этажъ, гдѣ были пріемныя комнаты и дѣловой кабинетъ князя.

Многочисленные лакеи уже зажигали огни.

Черезъ рядъ просторныхъ залъ, гдѣ Григорій Дмитріевичъ не разъ устраивалъ волшебныя празднества въ честь юнаго императора, черезъ огромную столовую Паша прошла къ кабинету отца.

У дверей она встрѣтила приближеннаго лакея князя, Константина.

— Сіятельный князь еще не вернулся,—почтительно доложилъ лакей.

— Какъ вернется, хоть ночью, сейчасъ же оповѣститъ меня,—приказала княжна.

Она повернулась и медленно направилась назадъ.

Она подходила къ пріемной залѣ, какъ вдругъ услышала голосъ, при звукахъ котораго у нея похолодѣло сердце и словно отказались служить ноги.

Волненіе ея такъ было велико, что она оперлась о косякъ двери.

— Такъ когда же вернется князь?—спрашивалъ молодой, громкій голосъ Дивинскаго.

— Неизвѣстно, Ѳеодоръ Никитичъ,—отвѣтилъ старческій голосъ дворецкаго Тихона.

— Ну, такъ я подожду,—отозвался Дивинскій.

— Притомились, батюшка,—говорилъ Тихонъ:—не выкушаете ли винца съ устатку?

— Вотъ это дѣло, старикъ!—весело отвѣтилъ Дивинскій:—и усталъ я очень, да и ѣсть охота.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, Ѳеодоръ Никитичъ,—послышался голосъ Тихона.

Вся дворня любила Дивинскаго за его привѣтливый, всегда ровный нравъ, за его щедрость. Его отецъ Никита Ефимычъ былъ близкимъ другомъ князя Григорія Дмитріевича и по женѣ приходился ему дальнимъ родственникомъ. Послѣдніе годы Никита Ефимовичъ былъ по болѣзни въ абшидѣ. Онъ умеръ въ чинѣ генераль-поручика въ своемъ родовомъ имѣніи близъ Тулы въ началѣ царствованія Петра II, оставивъ своему сыну большое состояніе; своей матери Ѳеодоръ Никитичъ не помнилъ. Умирая, Никита Ефимычъ поручилъ своего сына заботамъ князя Юсупова. И тогда же Григорій Дмитріевичъ областалъ сироту, бывшаго уже поручикомъ гвар-

діи, и при переѣздѣ двора въ Москву взялъ его съ собой въ качествѣ адъютанта.

Въ Петербургѣ юный Дивинскій, ведя праздную и разсѣянную жизнь, сравнительно рѣдко бывалъ въ домѣ Юсупова, но съ переѣздомъ въ Москву отношенія стали тѣснѣе, и Ѳедоръ Никитичъ сталъ уже вполнѣ своимъ у князя.

Своимъ считалъ его князь, своимъ считали его дворовые и слуги князя, и самъ онъ чувствовалъ себя въ домѣ князя, какъ у себя.

Красота Прасковьи Григорьевны не могла не произвести на него впечатлѣнія, а постоянная близость во время непрерывныхъ празднествъ при Петрѣ II обратила это впечатлѣніе въ болѣе глубокое чувство.

Паша услышала тяжелые, шаркающіе шаги Тихона, слѣшившаго распорядиться...

Шаги затихли. Дивинскій остался, видимо, одинъ.

Паша уже овладѣла собой. Она смѣло раскрыла дверь и вошла въ залу. На большомъ мягкомъ креслѣ, вытянувъ ноги въ грязныхъ ботфорахъ съ раструбами, сидѣлъ Дивинскій. Шляпа валялась вмѣстѣ съ крагами на коврѣ. Голова Дивинскаго была опущена на грудь. Очевидно, онъ очень усталъ, и имъ овладѣла сразу дремота... Онъ былъ безъ парика, который ввелъ въ форму офицеровъ покойный императоръ. Короткіе, темнорусые кудри были встрепаны. Глаза закрыты.

Княжна на цыпочкахъ, затаивъ дыханіе, подошла къ нему.

Но привычка бодрствовать и во снѣ, пріобрѣтенная за послѣдніе тревожные дни, сказалась.

Какъ ни былъ легокъ шумъ ея шаговъ, Дивинскій раскрылъ глаза, поднялъ голову и мгновенно вскочилъ на ноги.

Съ улыбкой, сіяющими глазами глядѣла на него княжна.

— Княжна! Прасковья Григорьевна!—радостно воскликнулъ Дивинскій, и яркая краска залила его лицо.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но тотчасъ смущенно остановился, опустивъ глаза на свои грязные сапоги. Его камзолъ также былъ не особенно чистъ. Сразу было видно, что онъ пріѣхалъ сюда прямо съ трудной дороги.

Нѣсколько мгновений они, смущенные, молча стояли другъ передъ другомъ.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, женщина скорѣе овладѣла собою.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Никитичъ,—почти спокойно произнесла она, протягивая ему руку.

Но рука ея была холодна и дрожала.

Дивинскій почтительно и робко едва прикоснулся къ ней.

— Ну, какъ... вы здоровы? Слава Богу!..—говорила Паша, не спуская съ него глазъ.

Мало-по-малу Дивинскій овладѣлъ собою. Онъ поднялъ голову.

— Я прямо съ дороги, мнѣ надо видѣть Григорія Дмитриевича,— началъ онъ.— Я не ожидалъ увидѣть васъ сегодня. Простите за мой видъ.

И онъ опять взглянулъ на свои сапоги.

— Я всегда рада вамъ,—тихо отвѣтила Паша, и ея голосъ слегка дрогнулъ.

— Слава Богу, что вы вернулись,—еще тише добавила она.— Я такъ ждала васъ! Но садитесь же, вы устали.

— Такъ вы ждали меня?—повторилъ Дивинскій, приближаясь къ ней и осторожно беря ее за руку.

— Я ждала васъ,—тяжело дыша, отвѣтила Паша, не отнимая руки.

— А я,—шопотомъ произнесъ Ѳедоръ Никитичъ,—я только о васъ и думалъ... Только и ждалъ встрѣчи съ вами... Я ни на минуту не забывалъ о васъ. И въ мечтахъ о своей судьбѣ я всегда видѣлъ васъ рядомъ съ собой...

Онъ крѣпче сжималъ руку княжны и ближе подвигался къ ней. Онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ жаръ ея пылающаго лица...

— Давно, давно, не знаю когда, мнѣ кажется, всегда, только о васъ и думалъ, мечталъ, надѣялся, любилъ...

Послѣднее слово вырвалось у него, и словно порвалась какая-то узда, удерживавшая его. Магическое слово сразу сдѣлало близкимъ и доступнымъ то, о чемъ онъ мечталъ безсонными ночами, что казалось ему такъ безконечно-далекимъ...

И это слово сладкой болью отозвалось въ страстномъ сердцѣ внучки Абдуль-мирзы, чья огненная кровь кипѣла въ ея жилахъ.

Съ тихимъ, блаженно-страдальческимъ вздохомъ Паша вся подалась впередъ и судорожно крѣпко обняла Ѳедора Никитича.

— Ѳедя, милый!..

Шумъ шаговъ нарушилъ очарованье.

Тихонъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ входилъ въ залу. Лакеи несли за нимъ подносы съ виномъ и закуской.

Увидя княжну, Тихонъ замѣтно удивился.

— Тихонъ,—весело воскликнула княжна:—отчего одинъ приборъ? Я тоже голодна!

— Княжна, голубушка, я мигомъ,—отвѣчалъ старикъ:—развѣ зналъ я!..

— Ну, ладно, ладно,—прервала его княжна.—Вели дать скорѣе приборъ да бокаль.

Пока лакеи устанавливали на столикахъ блюда и бутылки, Тихонъ самъ поспѣшилъ за приборомъ для своей княжны.

Дивинскій счастливыми глазами глядѣлъ на Пашу.

Тихонъ принесъ приборъ и бокаль, и по знаку княжны удалился.

Дивинскій остался наединѣ съ Пашей. Она сама налила ему вина и пригубила его. Они ѣли съ одной тарелки, смѣялись, о чемъ-то говорили и забыли обо всемъ въ мірѣ. Чѣмъ-то далекимъ казались Дивинскому и его поѣздка, и Анна, и тѣ важныя вѣсти, съ которыми онъ такъ спѣшилъ къ Григорію Дмитріевичу. Все это было для него сейчасъ не важно. Важно было для него только его собственное чувство, первый поцѣлуй, эти минуты наединѣ, это дорогое лицо, эти глаза, волосы, тонкія руки... Не было ни прошлаго, ни будущаго...

Безконечной нѣжностью свѣтилось это дорогое лицо, на которое онъ любовался, любовался и не могъ налюбоваться. Это были минуты, когда раскрылись ихъ сердца и вольныя, счастливыя, темныя слова текли, какъ ручей. Они говорили, и имъ все казалось, что осталось сказать бесконечно много и что никогда они не выскажутъ своей души...

Сколько прошло времени... Часъ, два,—никто изъ нихъ не могъ бы сказать...

Удивленный князь остановился на порогѣ, пораженный необычайной картиной.

За маленькимъ столикомъ рядомъ съ Дивинскимъ сидѣла веселая и оживленная Паша, передъ ней стоялъ бокаль вина, Дивинскій что-то съ жаромъ говорилъ.

— Ай да дочь!—воскликнулъ весело Григорій Дмитріевичъ.— А ты, Ѳедька, съ луны, что ли, свалился?

При звукѣ голоса князя Ѳедоръ Никитичъ такъ стремительно вскочилъ съ мѣста, что чуть не опрокинулъ столика. Паша тоже встала, открытымъ взоромъ глядя на отца.

— Князь, Григорій Дмитріевичъ!—взволнованно произнесъ Дивинскій.—Я привезъ важныя вѣсти!..

— Батюшка!—воскликнула Паша, бросаясь къ отцу и крѣпко обнимая его.

— Ахъ ты!—произнесъ князь, цѣлуя дочь.—Оставь, потомъ, потомъ,—добавилъ онъ, ласково отстраняя ее.—Вижу ужъ, знаю... Ну, иди къ себѣ, а мы съ Ѳедоромъ Никитичемъ посчитаемся. А тебѣ ужо попадетъ...

— Отецъ, онъ все скажетъ,—тихо и серьезно произнесла Паша.

— Ладно, ладно, ступай,—сказалъ князь.

Паша радостно улыбнулась Дивинскому и вышла изъ залы.

— Ну, что, говори,—нетерпѣливо началъ Юсуповъ.—Это потомъ...—и онъ махнулъ рукой вслѣдъ ушедшей дочери.

Онъ подошелъ къ столу и одинъ за другимъ выпилъ два бокала вина.

Казалось, его нисколько не удивила такая близость его дочери къ Оедору Никитичу.

— Когда ты пріѣхалъ?—спросилъ онъ.

— Мы пріѣхали сегодня днемъ,—смущенно отвѣтилъ Дивинскій.

— Кто?

— Я, генераль Михайль Иванычъ, да Сумарокова привезли.

Григорій Дмитріевичъ нахмурился.

— Генераль привезъ подлинныя кондиціи,—продолжалъ Дивинскій:—а Сумарокова захватили подъ Митавой.

Дивинскій подробно разсказалъ о всемъ происшедшемъ въ Митавѣ, о допросѣ Сумарокова, который признался, что его отправилъ въ Митаву графъ Павелъ Иванычъ, дабы прежде всѣхъ оповѣстить императрицу объ ея избраніи и дѣйствіяхъ верховнаго совѣта. Василь Лукичъ и распорядился послѣ допроса отправить его въ Москву въ верховный совѣтъ. Кромѣ того, повидимому, былъ отъ кого-то еще гонецъ. Но его не успѣли поймать, и Василь Лукичъ писалъ произвести о семъ строжайшее разслѣдованіе. А сейчасъ Дмитрій Михайлычъ приглашалъ князя Григорія Дмитріевича пріѣхать къ нему. Въ ночь будутъ допрашивать Сумарокова и обсуждать, что дѣлать.

Князь Григорій Дмитріевичъ молча выслушалъ Дивинскаго.

— Такъ подлинныя кондиціи здѣсь?—спросилъ онъ.

— Генераль передалъ ихъ Дмитрію Михайлычу,—отвѣтилъ Дивинскій.

— Ну, слава Богу,—поднимаясь во весь ростъ, произнесъ Юсуповъ.—Пора! А Ягужинскій!.. Ну, что, съ нимъ мы теперь справимся!—закончилъ онъ, и его лицо приняло жестокое, страшное выраженіе.

Глаза загорѣлись, широкія ноздри раздулись.

— Не время падить враговъ,—снова началъ онъ.—Ихъ много, ой, какъ много!.. Дадимъ же имъ кровавый урокъ! Вспомнимъ Петра Алексѣича. Тотъ никого не пощадилъ бы для блага отечества!

Князь тяжелой поступью заходилъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь, чтобы выпить бокаль вина, до котораго былъ великій охотникъ.

Глядя на его грозное лицо, Дивинскій не смѣлъ нарушить молчанія.

Но вдругъ лицо князя просвѣтлѣло и сразу стало добрымъ и ласковымъ.

— А ты, ферлакуръ, что здѣсь напѣвалъ Пашѣ?—спросилъ онъ, останавливаясь передъ Дивинскимъ и глядя на него смѣющимися глазами.

Несмотря на ласковый тонъ его словъ, Дивинскій оробѣлъ.

— Князь,—дрожащимъ голосомъ началъ онъ:—въ послѣдній годъ вы замѣнили мнѣ отца... Я вѣчно благодаренъ вамъ, я бы... я... я хотѣлъ бы стать вашимъ сыномъ...

Онъ взволнованно замолчалъ.

Князь уже не смѣялся. Онъ серьезно и задумчиво смотрѣлъ на стоящаго передъ нимъ съ опущенными глазами Федора Никитича.

— Да,—медленно началъ онъ:—я давно видѣлъ, что слюбились вы. Я видѣлъ это, можетъ, раньше, чѣмъ вы сами про то узнали. И по тому, какъ я относился къ тебѣ, ты долженъ понять, что не я помѣшаю вашему счастью.

Дивинскій сдѣлалъ къ нему движеніе.

— Постой,—остановилъ его князь:—ты честный и смѣлый офицеръ и дворянинъ... Я готовъ назвать тебя своимъ сыномъ. Но, говорю тебѣ, повремени! Смутно теперь, и болитъ мое сердце. Рано торжествовать еще побѣду. Подожди. И когда мы отпразднуемъ побѣду—Паша твоя! Вотъ тебѣ рука моя!

Дивинскій крѣпко пожалъ протянутую руку.

Князь обнялъ его и поцѣловалъ.

— Ты хорошій офицеръ. Исполни же до конца свой долгъ. Ну, теперь иди, отдыхай. Отдохну и я часокъ, а тамъ побѣду къ Дмитрію Михалычу. Ты ночуй у меня.

Это былъ счастливѣйшій день въ жизни Федора Никитича.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЫЛЬ МИНУВШАГО¹⁾.

V.

Исай Исаевич де-Прейсъ.—Происхожденіе фамиліи.—Пріѣздъ въ Россію.—Женитьба на Левашевой.—Дѣти ихъ.—Сынъ Николай воспитывается въ Москвѣ у Пашковыхъ.—Его личность.—Участіе въ Отечественнѣй войнѣ.—Письмо къ матери.—Возвращеніе въ Казань.—Женитьба на Молостовой.—Дѣти ихъ.—Трудоспособность Н. И. Де-прейса.—Его дѣятельность въ Оплапѣ и Шапшахъ.—Сношенія съ Англіей.—Отношенія къ крѣпостнымъ.—Мать его жены, Екатерина Андреевна Молостова, рожденная Нечаева.—Эпизоды изъ ея жизни и гощеніе у тетки княгини Мещерской въ Казани (жены намѣстника).—Замужество.—Счастливая жизнь ея съ П. Л. Молостовымъ въ Казани и Трехъ Озерахъ.—Старшій сынъ Владимиръ Порфировичъ и его семья.—Депрейсъ въ Шапшахъ.—Старшая дочь Марія Николаевна.—Ея воспитаніе.—Привязанность къ Н. П. де-Боссобрь.—Отецъ ея не соглашается на этотъ бракъ.—Она выходитъ за П. Д. Мертваго.—Гостепріимный домъ Депрейсовъ въ Казани.—Посѣщеніе Л. Н. Толстого.—Отѣздъ его съ бала Депрейсъ на Кавказъ.—Стихи съ дороги.—Жизнь Депрейсовъ на Сѣрныхъ Водахъ.—Стихи графа Соллогуба.—Музыка А. Г. Рубинштейна.—Препровожденіе времени.

ВЪ КОНЦѢ царствованія императрицы Елизаветы Петровны въ 1760 г. пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу прадедъ мой со стороны матери Исай Исаевичъ де-Прейсъ. Фамилія эта, французская по происхожденію, принадлежала къ гугенотамъ и послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, въ XVII столѣтіи, въ числѣ многихъ другихъ переселилась въ Голландію. Здѣсь, живя въ строго-протестантскомъ духѣ, придерживаясь Библии, голландцы были носителями библейскихъ именъ. Исай Исаевичъ былъ названъ этимъ именемъ, какъ и его отецъ.

Въ документахъ онъ былъ записанъ дворяниномъ голландской націи. Когда онъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу въ артиллерію, ему было всего шестнадцать лѣтъ. По разсказамъ людей, знавшихъ его, онъ пользовался большимъ уваженіемъ и съ честью занималъ впослед-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXII, стр. 29.

ствѣи мѣсто слободскаго (Вятской губерніи) воеводы. Женцлся онъ на Маріи Яковлевнѣ Левашевой, которая принадлежала къ старому дворянскому роду, владѣвшему большими помѣстьями въ Казанской, Вятской, Уфимской и Симбирской губерніяхъ. Она получила въ приданое село Богородское (или Шапши тожъ) въ тридцати верстахъ отъ Казани, которое и по настоящее время находится въ роду де-Прейсъ, доставшись по наслѣдству внуку Исая Исаевича—Петру Николаевичу Дебрейсу, какъ впоследствии стали писать эту фамилію.

У Исая Исаевича и Маріи Яковлевны было пять человѣкъ дѣтей, изъ нихъ два сына: старшій, Петръ Исаевичъ, остался холостымъ, второй же, мой дѣдъ Николай Исаевичъ, былъ женатъ на Молодцовою.

Двѣ дочери, Наталья Исаевна и Александра Исаевна, были незамужнія, третья же, Авдотья Исаевна, вышла замужъ за Павла Гавриловича Матюнина.

Семья Дебрейсовъ обыкновенно лѣтомъ жила въ Шапшахъ (Казанской губерніи). По разсказамъ старыхъ людей, Шапши посѣтилъ Пугачевъ со своей шайкой. Хозяева, какъ большинство помѣщиковъ того времени, спасались отъ этого народнаго бича въ крѣпостяхъ, и Дебрейсы, несмотря на то, что владѣли собственнымъ домомъ въ городѣ, поспѣшно выѣхали въ Казань, въ крѣпость, гдѣ и выжидали окончанія бунта.

Пугачевъ былъ въ шапшинскомъ домѣ, протыкалъ подушки на диванахъ, ища въ нихъ драгоценности, и взялъ ихъ подъ сѣдла своей конницы.

Исай Исаевичъ де-Прейсъ умеръ въ 1798 году пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду въ городѣ Симбирскѣ, куда отправился по дѣламъ. Въ знакъ уваженія къ нему на похороны его выѣзжалъ казанскій губернскій предводитель дворянства—Порфирій Львовичъ Молодцовъ, впоследствии отецъ его невѣстки, жены сына его Николая. Тѣло его было перевезено въ Шапши, и надъ могилой вдова его, Марія Яковлевна, построила каменную церковь наподобіе корабля; она служитъ и понынѣ фамильнымъ склепомъ семьи Дебрейсовъ.

Оставшись вдовой, Марія Яковлевна задумывалась надъ судьбой своихъ сыновей. Въ былыя времена самое дальнее родство считалось близкимъ, и не только родственники, но даже и друзья приходили охотно на помощь другъ другу. И вотъ однажды Марія Яковлевна получаетъ письмо отъ дальняго родственника своего изъ Москвы, отъ Ивана Александровича Пашкова. Онъ сочувствовалъ ея горю и заботамъ; писалъ ей, что у него есть ровесникъ сыну ея Николаю и что воспитаніе ихъ дѣтей вмѣстѣ было бы и для нихъ и для него очень желательнымъ. Марія Яковлевна отвезла сына своего къ Пашковымъ въ Москву. Случайность эта дала возможность дѣду моему Николаю Исаевичу получить по тому времени блестящее

образованіе и стать гораздо болѣе просвѣщеннымъ и культурнымъ человѣкомъ, нежели его брать и сестры.

Николай Исаевичъ де-Прейсъ родился въ 1788 году и по окончаніи ученія онъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, или въ число «архивныхъ юношей», какъ называлъ ихъ Пушкинъ.

Когда началась Отечественная война, онъ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, сформированномъ генераломъ Мелесино, началъ кампанію, а впослѣдствіи присоединился къ партизанамъ подъ командой Фигнера. Во время переправы подъ Лейпцигомъ онъ чуть не потонулъ, но, ухватившись за хвостъ лошади, былъ счастливо вытащенъ ею на берегъ, гдѣ французы окружили ихъ, обобрали и взяли въ плѣнъ. Всѣ эти подробности онъ описываетъ въ слѣдующемъ письмѣ къ матери:

«Зарау, мѣстечко въ Саксоніи, 7-го генваря 1814 года.

«Наконецъ, милая матушка, имѣю случай поздравить васъ съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступившимъ новымъ 1814-мъ годомъ. Дай Богъ, чтобы оный вы провели благополучно. Теперь позвольте мнѣ рассказать вамъ всѣ приключенія, со мной случившіяся съ тѣхъ поръ, какъ я къ вамъ не имѣлъ случая писать. Послѣ послѣднихъ писемъ, которыя писалъ вамъ съ курьерами, посланными въ Кіевъ Павломъ Андреевичемъ Ивановымъ, поѣхалъ я изъ главной квартиры съ гвардіи полковникомъ Фигнеромъ, прежнимъ моимъ знакомымъ, а потомъ начальникомъ, съ тѣмъ самымъ, который въ російскую кампанію дѣлалъ чудеса, изъ штабсъ-капитановъ артиллеріи въ три мѣсяца безъ всякой протекціи заслужилъ чинъ полковника и приобрѣлъ храбростью и искусствомъ своимъ почтеніе всякаго истинно россиянина, о которомъ вы, я думаю, слышали и читали въ реляціи.

«Нашъ отрядъ былъ съ полкомъ въ мѣстечкѣ Ровичъ. Послѣ трехъ дней возобновившейся войны мы пошли черезъ Шлезію, перешедши рѣку Одеръ подъ Клоратомъ, мы впервые вступили въ Саксонію и дѣйствовали въ тылу непріятельской арміи, беспокоили ее днемъ и ночью; давали знать о движеніяхъ непріятеля то принцу шведскому, то генералу Блюхеру и генералу Сакену, которые съ разныхъ сторонъ дѣйствовали, брали обозы, курьеровъ французскихъ, черезъ что французскіе корпуса, дѣйствующіе отдѣльно, не могли знать ни повелѣній, ни мыслей Наполеона. Наши генералы, знавшіе планы ихъ, щипали ихъ ежедневно, вслѣдствіе чего вся четырехсоттысячная армія превращена была въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ ничто. Короче сказать, непріятельскіе генералы позади своей арміи не смѣли ѣздить безъ значительнаго конвоя, и часто случалось, что мы съ отрядомъ, стоя въ густомъ лѣсу, видимъ, какъ непріятельскія силы идутъ по большой дорогѣ, но часть арьергарда и обозовъ по большей части попадались въ наши руки, а по ночамъ мало развѣздныхъ и кошовцевъ и патрулей минуло пастъ, и вездѣ мы

отдѣльвались со славою и счастливо, по 30-е число сентября. На 29-е число сентября мы переправились въ третій разъ черезъ Эльбу на паромахъ и остановились въ мѣстечкѣ Ворлицъ, и когда генераль Блюхеръ и Сакенъ ретировались отъ Лейпцига черезъ Десау вдоль по Эльбѣ для соединенія съ кронпринцемъ шведскимъ, и маршалъ Ней и самъ Наполеонъ преслѣдовали ихъ, прусскій генераль Шауницъ отретировался за Эльбу и снялъ все мосты, мы остались на той сторонѣ рѣки, у насъ тогда было пятьдесятъ шесть человекъ гусаръ, сто восемьдесятъ украинскихъ казаковъ, девяносто донскихъ казаковъ и двѣсти семьдесятъ человекъ пѣхоты, изъ итальянцевъ и гишпанцевъ составленной, тутъ мы были атакованы съ лѣвой стороны генераломъ Фурнье, пѣхота наша разсыпалась въ стрѣлки, и, причинивши довольно имъ вреда, пошли мы вправо на Десаускую дорогу подъ прикрытiемъ гусаръ; тутъ, переходивши черезъ мостикъ, полковникъ Фигнеръ остановилъ меня и спасъ тѣмъ отъ неминуемой смерти, въ ту самую минуту, какъ онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «постой, Депрейсъ», ядро прямо ударило въ дерево на томъ самомъ мѣстѣ и убило лошадь гусара. Непрiятель думалъ, что у насъ много войскъ, не смѣлъ насъ преслѣдовать, но не успѣли мы двухъ верстъ пройти, какъ видимъ уже нѣсколько эскадроновъ гусаръ и драгунъ непрiятельскихихъ, гдѣ по небольшой перестрѣлкѣ бросились наши гусары въ атаку подъ командою самого полковника Фигнера и въ три минуты опрокинули мы два эскадрона драгунъ; наконецъ, видимъ мы, что мы были уже отрѣзаны отъ Эльбы драгунами подъ командой бригаднаго генерала де-Франса и польскими уланами подъ командою генерала Осмятовскаго. Полковникъ, видя уже неминуемую опасность, говоритъ: «братцы пробьемся насквозь», и командовалъ въ атаку, вся кавалерiя бросилась, и съ очень малой потерей мы прорубились и думали спастись черезъ мостъ въ Рославъ, единый мостъ, который остался, но тамъ уже пруссаки были выгнаны, и французы уже были въ ихъ шанцахъ, то рѣшились мы броситься вплавъ, но страшный вѣтеръ помѣшалъ намъ въ томъ успѣть, человекъ сто двадцать спаслось, много очень утонуло, а многiе были спасены самими французами отъ потопленiя, въ томъ числѣ и я былъ со многими товарищами; но я не понималъ, какъ Богъ меня спасъ, я плавать не умѣю и я уже былъ саженой восемь отъ берега, державшись за гриву лошади, но вѣтеръ сбиль всѣхъ въ одну кучу и всѣ топили другъ друга, наконецъ, меня отбили отъ моей лошади и я началъ тонуть и уже выпилъ много воды, какъ вдругъ, употребивши послѣднiя силы свои, попалась мнѣ чья-то лошадь, я такъ крѣпко схватился за хвостъ, что она выплыла со мной почти на берегъ, но я, потерявши силы, упалъ на мѣсто, гдѣ уже не было глубоко и французы вытащили меня и привели въ чувство, гдѣ уже я увидѣлъ нѣсколько нашихъ товарищей, меня посадили на лошадь и довели такъ до генерала,

гдѣ онъ намъ всёмъ пенялъ, что мы, видя себя окруженными, не сдались и рѣшились лучше утонуть, и что онъ никакъ бы не могъ сомнѣваться въ нашей храбрости, и что французы не татары, обходятся человѣколюбиво съ плѣнными, а польскій генераль, увидавъ меня безъ шапки, тотчасъ вынулъ свой колпакъ и далъ мнѣ оный, чтобъ я не простудился, и онъ же выкупилъ мою шинель у драгуна, который поймалъ мою лошадь, гдѣ она была привьючена, и отдалъ мнѣ; вотъ все, что я могъ спасти, что мнѣ было изъ платья, но часы и деньги долженъ былъ я отдать, тѣмъ только французы отъ меня и пользовались; вьюки мои и все, что я имѣлъ, потонуло и бѣдный Матвѣй, который ни на шагъ отъ меня не отставалъ, я думаю, потонулъ, только я его видѣлъ какъ бросились въ воду, многіе оттого потонули, что были въ водѣ ранены и многіе убиты. Но нашъ любезный Фигнеръ, если и въ плѣну, то, вѣрно, подъ чужимъ именемъ¹⁾, потому что многихъ на другой день взяли въ плѣнъ, многіе выплыли въ другомъ мѣстѣ и, желая пробраться сквозь лѣсъ, тамъ были захвачены; тридцатаго ночевали мы подъ Десау, гдѣ намъ всёмъ, русскимъ офицерамъ, дали хорошія квартиры и на другой день хотѣли везти насъ во Францію, но ночью получили они курьера, что въ тылу ихъ нашъ императоръ соединился съ тѣми войсками, которыя отъ нихъ ретировались вдоль по Эльбѣ, и эта ретирада довела французовъ до того, что они были отрѣзаны совсѣмъ отъ Франціи, и тогда насъ отправили въ крѣпость Витембергъ, куда мы прибыли 2-го октября. Теперь стану описывать плѣнъ и потомъ освобожденіе.

«Два мѣсяца съ половиною были мы безъ всякой надежды къ освобожденію, между тѣмъ французы содержали насъ довольно хорошо, какъ только можно содержать въ блокированной крѣпости, кромѣ пици, однако, мы столько же получали, сколько и французскіе офицеры, по три четверти довольно большого хлѣба, но мяса по десяти золотниковъ въ сутки; комендантъ Лохаузенъ тихонько отъ губернатора и старшій адъютантъ губернатора Шарпень присылали намъ всегда кофею и сахару и всего, чѣмъ они запаслись, даже свѣчей не стало, то они намъ бѣлыхъ восковыхъ для нашей комнаты присылали; жители витембергскіе давали намъ взаимы денегъ, на которыя мы у жителей покупали себѣ кушанье. Жители, узнавши, что я казанскій, приходили со мной знакомиться, спрашивали о докторѣ Эрдманѣ, котораго они почитаютъ и которому я прилагаю письмо отъ его стараго товарища изъ Зарау.

«18-го декабря зачали пруссаки осаждать крѣпость и до 1-го числа бросили въ городъ болѣе двѣнадцати тысячъ бомбъ и гранатъ, и большая часть падали на замокъ, гдѣ мы содержались; но губернаторъ велѣлъ тотчасъ очистить для насъ подземелье со сводами

¹⁾ Ибо онъ столько вреда французамъ надѣлалъ во всю войну, что Бонапартъ положилъ большую цѣну, кто Фигнера поймастъ.

для безопасности. Въ самую ночь 1-го января только легли мы спать, просидѣвши, по-русскому обыкновенію, до часу и за неимѣніемъ шампанскаго выпили по маленькой рюмкѣ краснаго вина, пожелали другъ другу свободы и счастья въ 1814 году, какъ вдругъ въ два часа ночи слышимъ въ городѣ «ура». Офицеры французскіе,

Порфирій Львовичъ Молостовъ.

любившіе насъ, прибѣгаютъ и поздравляютъ съ нашимъ Новымъ Годомъ и свободно говорятъ, что пруссаки въ городѣ, и въ четыре часа поутру мы были уже свободны. Итакъ, первый день новаго года былъ днемъ нашей свободы, желаю, милая, какъ вамъ, такъ и всѣмъ роднымъ нашимъ провести этотъ годъ такъ же счастливо, какъ я считалъ себя въ первую минуту моего освобожденія. Теперь, милая, я ѣду въ Дрезденъ и оттуда поѣду въ армію, въ главную квартиру нашего государя. Прощайте, милая матушка, желаю вамъ быть всѣмъ здоровыми и счастливыми, мысленно цѣлую ваши

истор. вѣстн., май 1913 г., т. сxxxii.

8

ручки и остаюсь навсегда вашим покорным сыномъ. Николай Депрейсъ». («Русская Старина» 1888 г.).

Послѣ войны Николай Исаевичъ Депрейсъ продолжалъ служить въ военной службѣ и былъ награжденъ орденомъ «pour le mérite» и шведскимъ орденомъ, полученнымъ за подписью «Louis Charles» (Бернадоттъ).

Въ отставку онъ вышелъ въ чинѣ капитана

Повидимому, жизнь въ Казани не улыбалась ему, и онъ пытается устроиться въ Крыму и пишетъ матери, прося ее купить ему двѣ тысячи десятинъ земли, продающейся по пятьдесятъ копеекъ за десятину подлѣ Бахчисарая.

Мать, не желая съ нимъ разставаться, отвѣтила, что для него уже есть имѣніе въ Вятской губерніи, Уржумскаго уѣзда село Ошланъ, которое и перейдетъ въ полное его владѣніе, какъ только онъ вернется въ родные края.

Выйдя въ отставку, Николай Исаевичъ вернулся въ Казань. Въ 1822 году тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду онъ женился на прелестной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ Наталіи Порфирьевнѣ Молодцовою. Этотъ бракъ былъ очень счастливый.

Старшая дочь, моя мать Марія Николаевна, родилась въ 1823 г. и скончалась въ 1860 году, была замужемъ за Петромъ Дмитриевичемъ Мертваго; вторая дочь, Екатерина Николаевна, осталась незамужней; третья, Варвара Николаевна, замужемъ за И. В. Троицкимъ; Ольга Николаевна замужемъ за двоюроднымъ братомъ А. Н. Булыгинымъ, и четыре сына: Николай, Петръ Николаевичъ, женатый на Левашевой, Владимиръ Николаевичъ, женатый на Соловьевой, и Сергѣй Николаевичъ, женатый на Юшковой.

Николай Исаевичъ носилъ въ себѣ все черты энергіи и предпримчивости. Въ то время, какъ его старшій братъ, Петръ Исаевичъ, велъ самую бездѣятельную жизнь помѣщика крѣпостного права, дѣдъ мой всегда искалъ возможности утилизировать свои силы на самыя разнообразныя дѣла.

Въ селѣ Ошланѣ, въ Вятской губерніи, у него, кромѣ винокуренного завода, которому въ 1908 году минуло сто лѣтъ, была основана бумагопрядильная фабрика, которая велась управляющими-англичанами. Черезъ нихъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ Англійей, и всякія нововведенія проникали въ глушь Вятской губерніи. Фабрика и домъ освѣщались газомъ, который выработывался изъ бересты посредствомъ машинъ, выписанныхъ изъ Англии. Громадный каменный корпусъ фабрики въ настоящее время обращенъ въ винокуренный заводъ. Высокая, прекрасно сложенная фабричная труба, на фундаментѣ которой выложены буквы «Н. И. Депрейсъ», до сихъ поръ служитъ памятникомъ прошлаго.

На фабрикѣ работало человекъ триста крестьянъ, частью крѣпостные, часть вольнонаемные; условія найма рабочихъ и своихъ

крѣпостныхъ были очень выгодны для нихъ, и всё получали заработную плату. Вообще крестьяне Вятской губерніи отличались уже и въ тѣ времена большимъ развитіемъ и самостоятельностью, нежели крестьяне смежной съ ними Казанской губерніи. Обязанности свои они исполняли добросовѣстнѣе и толковѣе. Дѣдъ мой пользовался вольными людьми — вятичами, сдавая имъ подрядъ перевозки пряжи изъ Опшана и обратнаго привоза хлопка изъ Казани. Подряду этому позавидовали свои крестьяне, крѣпостные Казанской губерніи изъ села Шапшей; они были народъ избалованный и, когда по ихъ просьбѣ дѣдушка сдать имъ подрядъ, они не въ состояніи были его исполнить такъ, какъ вятичи.

Опшанъ не служилъ резиденціей для семьи Депрейсовъ, только иногда пріѣзжали они туда лѣтомъ пользоваться чуднымъ воздухомъ сосновыхъ рощъ, красивой мѣстностью и необыкновенно чистой и вкусной водой, которая получалась изъ множества подземныхъ ключей, которые моя мать, старшая дочь въ семьѣ, ребенкомъ разыскивала по берегу пруда. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ холера не заглядывала въ эти края, и во время эпидеміи тамъ можно было найти себѣ спокойный и надежный пріютъ.

Благодаря энергіи и огромной трудоспособности, средства Николая Исаевича росли и давали ему возможность расширять свои владѣнія. Онъ охотно покупалъ земли, принадлежавшія его предкамъ. Такимъ образомъ, въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи онъ купилъ село Карнаухово, принадлежавшее въ старину Левашевымъ, и впослѣдствіи отдалъ его въ приданое матери моей, Маріи Николаевнѣ Мертваго.

Въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ селѣ Караваевъ, доставшемся его женѣ въ приданое отъ Молоствовыхъ, въ тридцатыхъ годахъ дѣдушка заводилъ травосѣяніе, работу плугами, обрываетъ поля канавами, все это съ помощью управляющаго англичанина мистера Тикстона. Впослѣдствіи продавъ это имѣніе, онъ по соеѣдству купилъ у Молостровыхъ Порфировку. Въ Казанскомъ уѣздѣ онъ скупаетъ село Шапши у брата; сдѣлавшись его собственникомъ, онъ основывается тамъ съ 1840 года.

Дѣдъ мой увеличиваетъ домъ въ Шапшахъ, обращая его въ просторное и комфортабельное жилище. Убранство дома отличалось тѣмъ, что не было въ парадныхъ комнатахъ ни одной драпировки; вся внутренность оконъ и дверей въ залѣ и гостиныхъ заполнялась плющами, которые вились въ особыхъ трельяжахъ; вьющіяся цвѣты спускались изъ корзинъ въ срединѣ оконъ, группы растений стояли у каждаго окна горками, что придавало комнатамъ видъ цвѣтущаго сада, но особою роскошью отличались сады со множествомъ оранжерей и самыми разнообразными фруктами. Садовники-специалисты культивировали ананасы; были персиковыя, абрикосовыя, сливовыя, лимонныя, померанцевыя и виноградныя оранжерей съ огром-

ными свободными пространствами для выставок фруктовых деревьев на лето, — все это придавало садам видъ полной жизни и культуры. Усадьба была обнесена каменнымъ заборомъ, всѣ службы были каменные; огромные флигеля для прїезда гостей. Среди сада перекинутый мостъ и неподалеку отъ него бесѣдка, такъ называемая «Temple d'atoug», на стѣнахъ которой цѣлый рядъ поколѣній писалъ свои мечты въ стихахъ и прозѣ. Но къ этому я вернусь впоследствии, а теперь мысленнымъ взоромъ окину эти дорогія всѣмъ намъ милыя Шапши съ ихъ невозвратнымъ прошлымъ.

Палисадникъ, какъ называли его въ отличіе отъ парка или большого сада, былъ заполненъ цвѣтами въ разнообразныхъ и затѣйливыхъ клумбахъ. И здѣсь деревья были старыя и тѣнистыя, огромныя всѣми любимыя ели стояли въ этомъ палисадникѣ, а прямо отъ балкона шла дорожка, которая упиралась въ гротикъ изъ крупнаго камня съ калиткой внутри. Гротъ этотъ былъ покрытъ зеленью и служилъ какъ бы проходомъ въ лѣтнюю церковь, которая возвышалась противъ самаго дома. Огромная, каменная, съ прекрасными образами, она стояла въ усадьбѣ, въ то время, какъ среди села, на нѣкоторомъ разстояніи противъ нея возвышалась зимняя церковь, о которой я упоминала выше, и служила надгробнымъ памятникомъ семьи Дебрейсовъ.

Въ Шапшахъ былъ прекрасный конный заводъ, переведенный изъ Караваева. Всѣ хозяйственныя постройки въ усадьбѣ, скотный дворъ, все было основательно и практично устроено. Ручныя издѣлія крѣпостныхъ моего дѣда носили отпечатокъ изящества и прочности; скатертное бѣлье было красивыхъ рисунковъ. Ковры ткались самыхъ затѣйливыхъ узоровъ. Мы долго носили англійское шитье и тончайшія вещи, вышитыя по тюлю и лино-батисту, оставшіяся послѣ эмансипаціи. Все это указываетъ на прекрасную школу и внимательное отношеніе къ людямъ подвластнымъ, которыхъ не эксплуатировали только, а учили жить и трудиться. Выписавъ образцы изъ Парижа, дѣдъ мой заказалъ своимъ столярамъ мебель изъ краснаго дерева съ рѣзной отдѣлкой. Это было въ 1842 году, задолго до моего рожденія, но ей суждено было сдѣлаться спутникомъ моей жизни, и она, объѣхавъ со мной вдоль и поперекъ всю Россію, какъ вѣрный другъ, осталась при мнѣ нѣмымъ свидѣтелемъ моего прошлаго.

Дворня, которая окружала господъ, была числомъ отъ девяноста до ста человекъ. Одни занимали длинный каменный корпусъ, въ которомъ были отдѣльныя комнаты для каждой семьи; другіе жили въ отдѣльныхъ домикахъ, въ такъ называемой слободкѣ. Вообще жизнь крѣпостныхъ была тихой и спокойной, и обращеніе съ ними было самое гуманное. Крѣпостное право въ семьѣ Дебрейсъ не носило характера порабощенія личности, бессмысленнаго произвола и глумленія надъ человекомъ. Господа и слуги

представляли собой большую нераздѣльную семью, гдѣ каждый членъ несъ обязанности, обозначенныя ему тѣмъ положеніемъ и занятіями, надъ которыми поставили его обстоятельства и жизнь. Дѣдъ мой былъ глава этой семьи. Если ему случалось вспылить и ударить человѣка, онъ тотчасъ же раскаивался и просилъ у него прощенія. Несмотря на множество горничныхъ, состоявшихъ при его дочеряхъ, дѣдъ мой строго запретилъ имъ давать себя разувать и одѣвать крѣпостной дѣвушкѣ; въ этомъ фактѣ ярко обрисовывается уваженіе къ личности, человѣческому достоинству. Однажды его маленькая дочь замахнулась на свою няню, онъ приказалъ ей тотчасъ поклониться ей въ ноги и просить у нея прощенія. Бабушка моя Наталья Порфирьевна, мягкая и деликатная, по выраженію крѣпостныхъ, «не только что плеска не даывала, но даже никого дуракомъ не называла». Она была олицетвореніемъ той *sérénité d'esprit*, которую носить въ себѣ люди спокойныхъ характеровъ, не раздражающіе себя мелочами жизни и умѣющіе пользоваться окружающимъ, т.-е. всѣмъ тѣмъ, что жизнь даетъ, не мудрствуя лукаво надъ каждымъ жизненнымъ штрихомъ, давая и другимъ вокругъ себя наслаждаться благами жизни и жить, что называется, во славу Божию.

Къ дѣдушкѣ часто обращались крѣпостные, прося ихъ купить у жестокихъ помѣщиковъ, и онъ покупалъ, освобождая отъ тяжелаго рабства. Такъ, до сихъ поръ еще жива Аксинья, подъ прозвищемъ «купленная».

Разрѣшенія на бракъ по общему обычаю крѣпостного права испрашивались у господъ, и вотъ была такая «Дуня-барыня», она помнила еще Пугачева, у нея былъ очень некрасивый сынъ, за котораго никто не хотѣлъ выходить замужъ. Привели нѣсколько дѣвицъ, и бабушка сдѣлала билетики, положивъ ихъ подъ образъ; каждая изъ нихъ, стоя на колѣняхъ, тянула жребій; та, которая вытянула суженаго, получила въ утѣшеніе сарафанъ, рукава, платокъ и фартукъ. Впослѣдствіи оказалось, что съ своей судьбой она прожила зажиточно и счастливо.

Все, что я описываю, здѣсь была своего рода идиллія крѣпостного права. Переживая ее у себя, бабушка моя Наталья Порфирьевна Дебрейсь, со словъ своей матери, Екатерины Андреевны Молоствовой, рожденной Нечаевой, вспоминала и любила рассказывать не столь радужныя картины крѣпостной зависимости.

Въ Костромской губерніи въ XVIII столѣтіи въ селѣ Перепелицынѣ жила семья Нечаевыхъ, состоявшая изъ двадцати одного человѣка дѣтей, изъ которыхъ шестнадцать осталось въ живыхъ. Отецъ ихъ, Андрей Ивановичъ, отличался большой строгостью, упрямствомъ и капризами. Крѣпостническій духъ требовацій его и понятій отражался не только на подневольныхъ крестьянахъ, но также на дѣтяхъ и на женѣ. Кто посылъ бы сопро-

тивляться рѣшенію отца? Слово его было законъ, и вся жизнь семьи рабски подчинялась ему. Въ костромскихъ лѣсахъ была у него родственница, которую дѣти звали лѣсной бабушкой, у нея было три тысячи душъ крестьянъ, но она жила въ лѣсу и прятала деньги въ щели дома. Когда дочь Андрея Ивановича Нечаева выходила замужъ, она подарила ей «синенькую». Вотъ къ этой-то лѣсной бабушкѣ дѣти Нечаевы любили ѣздить въ гости; это служило имъ единственнымъ развлеченіемъ. Капризный отецъ, обѣщая свозить ихъ къ бабушкѣ, возвращался съ дороги, не доѣхавъ до мѣста. При такой обстановкѣ дочерямъ, казалось, трудно было найти себѣ мужа.

Въ тѣ времена въ Казани послѣднимъ намѣстникомъ былъ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, женатый на Овцыной, родственницѣ Нечаевыхъ. Княгиня пригласила одну изъ дочерей, именно Екатерину Андреевну, погостить къ себѣ въ Казань. На туалеты и выѣзды отецъ далъ Екатеринѣ Андреевнѣ сто рублей ассигнаціями. Лучшимъ нарядомъ молодой дѣвушки было бѣлое перкаленое или коленкоровое платье, которое она для перемѣны выкрасила берестой въ желтый цвѣтъ и разрисовала чернилами. Несмотря на скромные наряды, она съ увлеченіемъ пользовалась жизнью и увеселеніями.

Князь Мещерскій былъ намѣстникомъ въ Казани въ царствованіе Екатерины II и Павла I. Онъ пользовался казеннымъ домомъ въ крѣпости, но, несмотря на это, вздумалъ построить себѣ собственный домъ на Проломной улицѣ. Въ тѣ времена, какъ и теперь, эта часть Казани была исключительно торговая. Рядомъ съ его мѣстомъ былъ домъ купца, который обязательно предложилъ князю во время постройки проходить черезъ калитку его дома. Намѣстникъ, человекъ маленькаго роста, отвѣтилъ ему: «Самъ-то я пройду, да сынъ мой не пройдетъ». Пришлось для сына купцу отворять ворота. Здѣсь въ Казани Екатерина Андреевна Нечаева познакомилась со своимъ будущимъ мужемъ Порфириемъ Львовичемъ Молоствовымъ. Чтобы добиться у отца согласія на бракъ, княгиня Мещерская уговорила ее вернуться домой въ Костромскую губернію, а черезъ нѣсколько дней женихъ отправился туда съ письмомъ отъ тетушки, княгини Мещерской, которая хвалила будущаго зятя и уговаривала «милаго братца» выдать за Молостова дочь. Сговоръ былъ въ пятницу передъ масленицей, въ субботу былъ дѣвичникъ, а въ воскресенье—свадьба; торопились, боясь перемѣны рѣшенія или отказа упрямаго отца.

Родъ Молостровыхъ ведетъ свое начало изъ Великаго Новгорода, гдѣ владѣлъ помѣстьями во второй половинѣ XV вѣка; это старый дворянскій родъ. Іоаннъ III, покончивъ съ новгородской вольницей, переселилъ нѣсколько тысячъ вліятельныхъ новгородскихъ бояръ, купцовъ и т. д. въ понизовые города, раз-

давъ новгородскія земли московскимъ служилымъ и торговымъ людямъ. Этой участи подверглись и Молоствовы. Впослѣдствіи они появляются въ Казанской губерніи, гдѣ, по взятіи Казани, были надѣлены землею и владѣли ею въ большомъ количествѣ; почти весь Спасскій уѣздъ принадлежалъ роду Молостровыхъ, и владѣнія ихъ заходили и въ Симбирскую и Вятскую губерніи.

Ближайшій родоначальникъ этой семьи и многочисленныхъ ея вѣтвей, мой прадѣдъ Порфирій Львовичъ Молоствовъ, родился 9-го февраля 1760 года и скончался 29-го декабря 1808 года въ Казани, занимая постъ губернскаго предводителя дворянства. Тѣло его покоится въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Трехъ Озерахъ, самой старой резиденціи семьи. Къ этому селу примыкали земли князей Болховскихъ, Суровцовыхъ, которые впослѣдствіи были скуплены Молостровыми. Порфирій Львовичъ былъ сынъ Льва Ивановича Молостова и второй жены его Анны Борисовны, рожденной княжны Болховской. У него было два брата: Христофоръ, Ѳеопемштъ и сестра Марія замужемъ за И. Ф. Еремѣвымъ.

Порфирій Львовичъ былъ женатъ два раза; отъ первой жены, рожденной Родіоновой, онъ имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ только старшій дожилъ до зрѣлаго возраста. Мать Наталіи Николаевны, Анна Николаевна Родіонова, оставила домъ и двѣсти тысячъ капитала для основанія въ Казани института благородныхъ дѣвицъ, существующаго и понынѣ. Вторая жена Порфирія Львовича, Екатерина Андреевна, рожденная Нечаева, принесла съ собой въ приданое земли въ Костромской, Ярославской, Пензенской и Владимирской губерніяхъ, почему нѣкоторые потомки семьи Молостровыхъ владѣли тамъ имѣніями.

У Порфирія Львовича и Екатерины Андреевны были четыре сына: Владимиръ, Модестъ, Орестъ и Аркадій, смертельно раненный при штурмѣ Варшавы въ 1830 году, и три дочери: Маргарита, замужемъ за Демидовымъ, Наталія за Депрейсомъ и Софія— за Булыгинымъ. Семья Молостровыхъ пользовалась большимъ уваженіемъ въ Казани и представляла собой ядро старой аристократіи, или старожилловъ, Казанской губерніи.

Какъ одинъ мигъ, пролетѣли пятнадцать лѣтъ счастливой жизни Порфирія Львовича и Екатерины Андреевны. У нихъ былъ большой красивый домъ противъ университета съ живописнымъ садомъ на горѣ, съ каменными павильонами; садъ выходилъ съ другой стороны на Николаевскую площадь. Счастливая жизнь Екатерины Андреевны послѣ смерти любимаго мужа канула въ вѣчность, и она продала этотъ домъ за безцѣнокъ, за тридцать тысячъ рублей ассигнаціями, Крупенниковой, которая владѣетъ имъ до сихъ поръ и вспоминаетъ, какъ Екатерина Андреевна въ годовщину смерти пріѣзжала молиться въ комнату, гдѣ скончался ея не-

забвенный мужъ и гдѣ постоянно передъ образомъ теплилась неугасимая лампада.

Несмотря на крупныя средства, Екатерина Андреевна осталась послѣ смерти мужа совершенно безпомощной, не умѣя справляться съ жизнью.

Старшій ея сынъ, Владимиръ Порфирьевичъ, прошелъ военную службу, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и былъ адъютантомъ при принцѣ Евгениі Виртембергскомъ. Онъ женился на фрейлинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны—Авдотѣ Васильевнѣ Повалишиной, и шаферомъ ихъ былъ поэтъ Василій Андреевичъ Жуковский. Женившись, они поѣхали въ Карлсруэ, гдѣ прожили пятнадцать лѣтъ. Дѣти ихъ носили отпечатокъ нѣмецкаго образованія и представляли собой типы культурныхъ людей. Впослѣдствіи Владимиръ Порфирьевичъ Молодцовъ былъ наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска и военнымъ губернаторомъ въ Воронежѣ. Еще позже, выйдя въ отставку, онъ сдѣлался попечителемъ казанскаго учебнаго округа и кончилъ жизнь сенаторомъ; умеръ и погребенъ въ селѣ Трехъ Озерахъ.

Второй сынъ Екатерины Андреевны былъ женатъ на Мергасовой, имѣлъ восемь человѣкъ дѣтей; о нѣкоторыхъ изъ нихъ буду упоминать впослѣдствіи.

Старшая дочь, Маргарита Порфирьевна Демидова, имѣла трехъ дочерей и одного сына и получила въ приданое половину села Караваева въ Спасскомъ уѣздѣ. Другую половину этого имѣнія получила вторая дочь, бабушка моя Наталія Порфирьевна Дебрейсь. Третья дочь, Софья, замужемъ за Булыгинымъ, получила имѣніе въ Уфимской, нынѣ Самарской губерніи, село Кротовку. Но семья жила въ селѣ Языковѣ, смежномъ съ Караваевымъ и принадлежавшемъ мужу Николаю Дмитриевичу Булыгину. Эта близость имѣній еще больше связывала сестеръ; онѣ жили всѣ дружно и любили другъ друга. Но главнымъ мѣстомъ сборищъ этой многочисленной семьи было старое, дорогое всѣмъ гнѣздо, село Три Озера. Екатерина Андреевна жила въ большомъ домѣ съ Модестомъ Порфирьевичемъ и его семьей, пока старшій сынъ, Владимиръ, былъ за границей. Этотъ домъ представляетъ собой образецъ старыхъ дворянскихъ домовъ. Огромный залъ въ два свѣта, глубокая гостиная съ большимъ балкономъ въ садъ. Кто только не проходилъ въ тѣни этихъ вѣковыхъ деревьевъ и сколько смѣнилось поколѣній въ этомъ вѣковомъ дворянскомъ гнѣздѣ, сколько радостей, сколько горя видѣлъ этотъ домъ въ своихъ столѣтнихъ стѣнахъ. Картины прошлаго, хотя и не пережитаго мною, такъ ярко по разсказамъ возстаютъ передо мною. Все повторяется, хотя и въ иныхъ формахъ, и наше поколѣніе въ семидесятыхъ—восьмидесятыхъ годахъ собиралось въ этомъ домѣ, и мы также гуляли въ тѣнистомъ паркѣ и танцевали въ большомъ двухсвѣтномъ залѣ, но объ этомъ еще рѣчь впереди. Старый домъ трехо-

зерскій и посейчасъ стоитъ незаблемый, какъ стоялъ сто лѣтъ тому назадъ. Когда старшій сынъ, Владимиръ, вернулся изъ-за границы, второй, Модестъ, выстроилъ себѣ усадьбу у другого озера въ полуверстѣ разстоянія. Затѣмъ третій сынъ, Орестъ, выстроилъ себѣ домъ у третьяго озера; но пока строились, всѣ жили вмѣстѣ дружной и многолюдной семьей въ старомъ домѣ. Къ нимъ присоединились и другіе члены семьи съ дѣтьми и домочадцами. Тогда не лѣнились передвигаться на долгихъ, и свиданія близкихъ людей было потребностью, которая жила въ сердцахъ у каждаго изъ нихъ. Общеніе письмами не могло замѣнить свиданій, такъ какъ почта своей неаккуратностью никого не удовлетворяла. Кстати, мнѣ вспомнился рассказъ изъ трехозерской жизни, касающійся именно почты тѣхъ временъ. Не могу имъ не подѣлиться.

Случилось это въ тотъ день, когда всѣ съѣзжались въ Три Озера: въ день рожденія матери и бабушки Екатерины Андреевны, 25-го юня 1850 года.

Вся семья была въ сборѣ, старушка ожидала изъ Казани сына своего Владимира. Первымъ пріѣхалъ поздравить почтмейстеръ изъ уѣзднаго города Спасска, высокій человѣкъ съ кривымъ глазомъ. Екатерина Андреевна въ то время начинала путать людей; ей представилось, что это не почтмейстеръ, а сынъ ея Владимиръ Порфирьевичъ, который былъ маленькаго роста, носилъ генеральскій мундиръ и ничего общаго съ почтмейстеромъ не имѣлъ. Каково же было ея удивленіе, когда вошелъ ея сынъ въ гостиную и высокій господинъ упалъ передъ нимъ на колѣни, умоляя его не губить. Въ тѣ времена почтовые марки еще не существовали и за отправку писемъ платили гривенникъ. Почтмейстеръ, какъ оказалось, гривенники собиралъ, а почту сжигалъ. Немудрено, что переписка не достигала своей цѣли, а потому люди предпочитали видѣть другъ друга, гощеніе входило въ обычай жизни, въ потребность каждой русской семьи.

Въ то время семьи были многочисленны и дружны. Когда скончалась Екатерина Андреевна Молостова, она оставила послѣ себя сорокъ внуковъ и восемь правнуковъ.

Въ Казани на Мало-Покровской улицѣ, въ центрѣ другихъ родственныхъ домовъ возвышался огромный каменный домъ дѣда моего Николая Исаевича Дебрейса. Въ тѣ времена онъ занималъ постъ губернскаго предводителя дворянства; его гостепрѣимствомъ пользовались всѣ, какъ родные, такъ и близкіе люди, друзья. Двери этого богатаго дома широко были раскрыты, въ шутку его называли «Hôtel Дебрейсъ».

Въ 1848 году, во время пожара Казани нѣсколько семей нашли въ немъ пріютъ и гостепрѣимство, пока не устроились и не обзавелись квартирами. Въ окрестностяхъ города, а въ настоящее время уже въ чертѣ его (дача Новиковой) было у дѣдушки семнадцать десятинъ земли, большая роща, среди которой была дача и при ней

каменная оранжерея; растенія и цвѣты были предназначены для украшенія казанскаго дома. Когда недоставало цвѣтовъ для бала, букетовъ для дочерей, то зимою привозили букеты въ возкѣ изъ Шапшей, имѣнія, находящагося въ тридцати верстахъ отъ Казани; балы и вечера давались на славу; погребъ дѣдушки славился своими винами; шампанское всегда было въ большомъ запасѣ, и старшій дворецкій, Владимиръ Андреевичъ, у котораго на рукахъ былъ погребъ и общее управленіе домомъ, былъ извѣстенъ въ городѣ тѣмъ, что у него ночью всегда можно было достать вина. Послѣ его смерти Фантинъ, который унаслѣдовалъ его обязанности, по словамъ моего отца, впослѣдствіи зятя дѣдушки, охотно продавалъ вино кутящей молодежи, когда въ винныхъ магазинахъ его нельзя было достать.

По лѣтамъ жизнь въ деревнѣ въ Шапшахъ была цѣлымъ рядомъ празднествъ. Особенно торжественно праздновались именины дѣдушки. И вотъ однажды 9-го мая гувернеръ, французъ Жироссакъ, придумалъ сюрпризомъ устроить фейерверкъ и такъ неудачно, что спалилъ двадцать крестьянскихъ дворовъ. Это вызвало у крестьянъ большой взрывъ гнѣва, и они собирались бросить француза въ огонь. Сюрпризъ этотъ оказался очень дорогимъ, такъ какъ дѣдъ мой тотчасъ же обстроилъ погорѣльцевъ.

Какъ я упоминала выше, Николай Исаевичъ Дебрейсъ былъ очень энергичный человекъ; онъ не любилъ вести праздную жизнь и отличался удивительной предприимчивостью, не останавливаясь предъ мыслью начинать самыя разнообразныя дѣла. Кромѣ бумагопрядильной фабрики, огромнаго винокуреннаго дѣла, онъ даже пытался устроить у себя игольный и кожевенный заводъ. Вообще привычка къ труду, постоянной дѣятельности отличала его отъ современниковъ-дворянъ, которые часто тратили время на женскія занятія, вродѣ вышиванія и т. д. Дѣдушка воспитывался въ Москвѣ въ очень образованной и развитой средѣ того времени, въ семьѣ Пашковыхъ; затѣмъ Отечественная война, его участіе въ орденѣ масоновъ, все это наложило на него печать культуры. Онъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и, вѣроятно, наслѣдственно носилъ въ себѣ признаки иностраннаго происхожденія.

Всѣ эти черты цѣликомъ перешли къ его старшей дочери, моей матери, и она съ раннихъ лѣтъ сдѣлалась другомъ своего отца. Дѣдушка былъ на восемнадцать лѣтъ старше своей жены, боготворилъ ее и, называя ее «Наташа, радость наша», старался отдалять ее отъ житейскихъ заботъ, окружая комфортомъ и давая возможность исполнять всѣ ея желанія.

Воспитаніемъ моей матери онъ занимался самъ и, несмотря на большую любовь и почтеніе, которое онъ питалъ къ своей личной семьѣ и своей матери Маріи Яковлевнѣ, онъ не любилъ отпускать надолго дочь къ нимъ; тамъ обожали внучку, закармливая ее лепешками и исполняя всѣ ея прихоти. Сестры дѣдушки не могли слу-

жить примѣромъ; случалось, что онѣ лично расправлялись съ непокорной дворней и, снявъ башмачекъ, били по щекамъ своихъ горничныхъ.

Съ раннихъ лѣтъ воспитаніе дочери было поручено образованной нѣмкѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Хондекъ, а затѣмъ намѣревались помѣстить ее въ Смольный институтъ, но она такъ огорчалась этой мыслью, что отецъ обрадовался возможности удержать ее при себѣ и выписалъ французенку-гувернантку m-me Кнооръ, которая раньше жила у казанскаго губернатора Стрекалова. За ней послали коляску въ Москву съ горничной Афимьюшкой и лакея Сергѣя Игнатьевича. Впослѣдствіи она вышла замужъ въ домѣ Депрейсовъ за англичанина мистера Налл. Занимаясь сообща воспитаніемъ молодой дѣвушки, они оставались при ней до ея замужества и, несомнѣнно, оба имѣли огромное вліяніе на развитіе моей матери.

Изъ всѣхъ своихъ дѣтей дѣдушка лично занимался воспитаніемъ только своей старшей дочери, найдя въ ней богатый матеріалъ для созданія изъ нея друга, помощника въ дѣлахъ и женщины съ огромной волей. Они вмѣстѣ оберегали и боготворили бабушку. Дочерняя любовь моей матери выражалась въ полномъ смиреніи, въ покорности и послушаніи, которое служило примѣромъ всѣмъ окружающимъ.

Поэтъ Деларю, ея родственникъ, въ 1836 году привѣтствовалъ ее стихами:

Милому другу сестрицѣ Маріи Николаевнѣ Депрейсъ.

Дарами святыми всещедрой рукою
Тебя надѣлила съ избыткомъ судьба:
Какъ роза-утѣха, цвѣтешь ты красою,
Какъ розы дыханіе—душа у тебя.

Цвѣти же, красуйся, цвѣтокъ несравненный,
И въ нѣдрахъ семейства, въ счастливой тиши
Для насъ проливай ароматъ свой безцѣнный—
Святое дыханье невинной души.

Получивъ блестящее образованіе, привѣтливая, свѣтская, она любила людей, и общество любило ее. Привлекательная наружность дѣлала ее лучше другой красавицы, *elle avait du charme*, который особенно выражался въ ея глубокихъ карихъ глазахъ. Она пѣла, любила танцевать и оживляла всѣхъ своимъ присутствіемъ.

Странно, что отцу, который обожалъ ее, суждено было погубить ея жизнь.

Въ Вятской губерніи, недалеко отъ Опшана, въ своемъ имѣніи Савали, жилъ Николай Павловичъ де-Боссобръ, племянникъ дѣдушки и троюродный братъ моей матери. Съ молодыхъ лѣтъ они полюбили другъ друга, но въ тѣ времена бракъ между род-

ными былъ немислимъ, и отецъ положилъ на этотъ бракъ свое veto; не подозрѣвая всей глубины чувства дочери, онъ безсознательно разбилъ ея жизнь, не отдавая себѣ отчета въ сильномъ характерѣ моей матери и непоколебимой покорности своей судьбѣ. Молча и смиренно перенесли они этотъ крестъ, посланный имъ въ жизни. Де-Боссобръ пишетъ ей:

Лишь только сбросилъ я младенчества покровъ
И юность рѣзвая въ свои права вступила,
И сердце свѣжее просилось на любовь
И сладкая мечта ему восторгъ сулила:

Кому тотъ первый виміамъ?
Кому то первое моленье
Тогда принеси я въ умиленъ?
Къ чьимъ сердце положилъ стопамъ?—
Благодареніе судьбѣ,
Тебѣ, мой чудный другъ, тебѣ.

Или когда, судьбой заброшенный въ чужбину,
Какъ утлый челнъ въ волнахъ, въ страстяхъ я погибалъ;
Кто свѣтлый ангелъ тотъ, въ тревожную минуту,
Что душу пылкую отъ гибели спасалъ?

И вдохновенною мечтою
Кому обязанъ былъ тогда?
Кому въ тѣ грустные года
Обязанъ сердцемъ и душою?
И уваженіемъ къ себѣ?—
Тебѣ, мой ангелъ, все тебѣ.

Потомъ, когда отъ лѣтъ и горькихъ убѣжденій,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, я жизнь всю презиралъ
И годы цѣлые безопасности и лѣни
Въ пучину вѣчности насмѣшливо бросалъ,

Кѣмъ къ жизни снова былъ привязанъ?
Кто этотъ свѣтлый серафимъ?
И возрожденіемъ моимъ
Кому тогда я былъ обязанъ?
Не людямъ—знаю: не себѣ—
Тебѣ, мой ангелъ, все тебѣ.

Теперь же вдругъ, когда, казалось, счастье
Меня отмѣтило избранникомъ своимъ,
Разлука намъ, борьба, судьба грозить ненастьемъ,
И долженъ я отпоръ дать недругамъ своимъ.

Кому теперь обязанъ я
Надежды свѣтлою мечтой
И ободренною душой
Кому въ слезахъ молюся я?—
Благодареніе судьбѣ,
Тебѣ, мой чудный другъ, тебѣ.

Постоянно окруженная людьми, моя мать имѣла нѣсколько разъ случай выйти замужъ, но «суженаго конемъ не объѣдешь», и 21 года она выходитъ замужъ за моего отца Петра Дмитриевича Мертваго, который по своимъ личнымъ свойствамъ ничего общаго съ ней не имѣлъ. Онъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ, былъ сынъ идеальнаго человѣка, извѣстнаго своей недостигаемой нравственною чистотой, сынъ сенатора Дмитрія Борисовича Мертваго. Это главное соблазнило моего другого дѣда Николая Исаевича Депрейса. Разсчитывая, что яблоко отъ яблони далеко не падаетъ, онъ уговариваетъ мою мать согласиться на предложеніе моего отца и спокойно поручаетъ ему свою дочь. Мой отецъ былъ хорошій человѣкъ по натурѣ, но, въ раннемъ возрастѣ вырванный изъ семьи, онъ не использовалъ на себѣ вліянія своего отца Дмитрія Борисовича и только кровно, наследственно могъ воспринять его черты, которыя подъ вліяніемъ среды и обстановки приняли инныя формы. Онъ былъ свѣтскій, легкомысленный, веселый человѣкъ и глубоко не задумывался надъ женитьбой. Въ кругу молодежи онъ на пари хвалился, что женится на Машенькѣ Депрейсъ, которая въ то время была самая богатая и завидная невѣста въ Казани. Кто-то изъ молодежи отвѣтилъ: «Да развѣ она пойдетъ за тебя?». Тогда мой отецъ пошелъ наудачу и въ ту минуту, какъ дѣлалъ предложеніе, такъ сильно и горячо этого желалъ, что даже заплакалъ, и моей матери стало его жалко; ей показалось, что онъ ее дѣйствительно любитъ. Она покорила судьбѣ и вышла за него.

Мой отецъ не дѣлалъ драмы изъ жизни; онъ относился ко всему весело и легкомысленно, семейной жизни онъ не любилъ, занятій серьезныхъ у него не было, хозяйство въ деревнѣ также не привлекало его. Когда онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, то онъ въ страдную пору уѣзжалъ въ Три Озеро ухаживать за кузинами. Въ обществѣ онъ былъ *le bien venu*, и въ его присутствіи никто не скучалъ: остроумный, веселый, разговорчивый, онъ всѣхъ оживлялъ и развлекалъ.

Моя мать никогда не подавала ему повода къ ревности; она любила де-Боссобра всю жизнь. Годы шли, они видались, но моя мать никогда не оставалась съ нимъ наединѣ. Меньшая сестра ея часто вспоминаетъ, какъ она держала ее при себѣ, когда въ Карнауховѣ гостилъ де-Боссобрь, какъ они гуляли втроемъ и сидѣли вмѣстѣ. Въ старыхъ ея бумагахъ въ завѣтномъ портфелѣ осталось нѣсколько его писемъ и стиховъ. Но какъ все это чисто и умѣренно въ сравненіи съ тѣмъ, что дозволяется теперь. Чтеніе этихъ писемъ и стиховъ вносить равновѣсіе въ ваши личныя чувства и не пачкаетъ воображеніе своей разнузданностью.

Вотъ еще стихи де-Боссобра, написанные имъ на клочкѣ бумаги:

Люблю тебя любовью безнадежной.
 Въ томленьѣ годъ за годомъ промелькнешь:
 Не буду я имѣть подруги нѣжной,
 И жизнь моя, какъ облако, пройдетъ.

Люблю тебя среди волненья свѣта,
 Среди заботъ и шумной суеты,
 Огнемъ любви душа моя согрѣта,
 И счастливъ я обманами мечты.

Люблю тебя притворно-равнодушной,
 Хочу всегда съ тобой веселымъ быть
 И злой судьбѣ, безропотно-послушный,
 Хочу и умъ и сердце подчинить.

Люблю тебя и, ревности мученья
 И грусть и скорбь отъ всѣхъ въ душѣ тая,
 И страстно жду иль взгляда, или движенья,
 Улыбки ласковой иль слова отъ тебя.

Люблю тебя, душѣ моей мятежной,
 Знать, суждено безрадостно изныть,
 Но хоть люблю тебя и безнадежно,
 Люблю тебя и буду вѣкъ любить.

Такъ текла ихъ жизнь, и они знали, что на землѣ имъ не сойтись, хотя души ихъ были соединены неразрывно. Жизнь моей матери была вся въ дѣтяхъ, но, думая о будущемъ дочерей, она говорила: «я не желала бы, чтобы дочери мои выходили замужъ».

Въ 1856 году Николай Павловичъ де-Боссобръ скончался, и у него нашли на груди дагеротипъ, портретъ моей матери въ маленькой закрытой рамкѣ. Такой же его портретъ въ такой же точно рамкѣ хранился у моей матери. Моя мать ожидала въ то время прибавленія семьи, она молча и покорно приняла эту вѣсть и поразила всѣхъ своимъ какъ бы равнодушiемъ. Четыре года спустя она послѣдовала за нимъ и за нѣсколько дней до своей кончины видѣла его во снѣ, просящаго у нея хлѣба. Она послала въ церковь вынуть части за упокой его души.

Встрѣтились ли эти души нѣсколько дней спустя, когда она скончалась, и узнали ли онѣ тамъ другъ друга? Вотъ вопросъ, который часто задаешь себѣ въ жизни и который останется вѣчной тайной.

Моя мать была глубоко вѣрующей, и смиренiе ея не было признакомъ безволиа; оно основывалось на непреложной, вѣчной истинѣ, покорности волѣ Божiей, той высшей силѣ, которая руководитъ человѣчествомъ и къ которой людямъ слѣдовало бы почаще прислушиваться.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ этой семейной хроники я вернусь къ ней, къ ея замужней жизни, какъ созидательницы будущихъ поколѣнiй.

Прошлое моей матери отражается въ старыхъ письмахъ; чтенiе ихъ это какъ будто бесѣда съ умершими людьми, они ожи-

вають, на этихъ пожелтѣвшихъ листкахъ показывается румянецъ жизни, и забытыя слова получаютъ живой откликъ въ вашей душѣ.

Теперь мнѣ придется вернуться нѣсколько назадъ, въ семью Дебрейсовъ, когда подросли среднія дочери и начали принимать участіе въ общемъ весельѣ, которое царило въ ихъ домѣ. Все, что было интереснаго и выдающагося среди молодежи въ Казани, всѣ бывали у дѣдушки. Левъ Николаевичъ Толстой, который учился въ казанскомъ университетѣ и жилъ у тетки своей Юшковой, часто бывалъ въ домѣ Дебрейсовъ. Ему нравилась въ то время Зинаида Модестовна Молостова, племянница моей бабушки, и онъ уѣхалъ на Кавказъ 9-го мая, въ день именинъ моего дѣда, прямо съ бала Дебрейсовъ, въ шесть часовъ утра, и съ дороги писалъ Александру Степановичу Оголину:

«Господинъ Оголинъ,
Поспѣшите, напишите
Про всѣхъ васъ на Кавказъ
И здорова ль Молостова?
Одолжите Льва Толстова».

Въ 1849 году семья Дебрейсовъ рѣшила провести лѣто на сѣрныхъ водахъ. Отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, трудные пути сообщенія, ничто не задерживало тогда своевольныхъ дворянъ уѣзжать за границу и дѣлать эти путешествія цѣлымъ поѣздомъ, съ массой прислуги, съ остановкой въ попутныхъ городахъ. При государѣ Николаѣ Павловичѣ нашли нужнымъ эти дворянскія странствованія пріостановить и рѣшили взимать за паспортъ до 500 рублей.

Хотя это мало кого останавливало, но тѣмъ не менѣе, благодаря этой мѣрѣ, стали задумываться надъ русскими курортами. И съ востока дворяне потянулись въ Самарскую губернію, на Сергіевскія сѣрныя воды. Въ литературѣ есть описаніе этой поѣздки семьи Дебрейсовъ въ старинномъ романѣ Петра Дмитриевича Боборыкина «Въ путь-дорогу». Цѣлый обозъ тянулся съ господскими пожитками и дворнею.

Двѣ дочери Дебрейса выѣзжали въ свѣтъ. Старшая изъ нихъ, Екатерина Николаевна, была очень застѣнчива. Въ эту поѣздку присоединилась къ нимъ Зинаида Модестовна Молостова, о которой я упоминала выше: она не была красива, но удивительно стройна, обаятельна и интересна.

Обѣ кузины писали стихи и были очень дружны. Среди дѣвушекъ того времени дружба поддерживалась перепиской, большей частью на французскомъ языкѣ и часто представлявшей собой въ своемъ родѣ литературныя произведенія, въ которыхъ ясно выразилась внутренняя жизнь молодежи того времени.

Въ этомъ сезонѣ на сѣрныхъ водахъ проживала семья графовъ Толстыхъ, у которыхъ имѣніе было недалеко отъ Сергіевскихъ водъ.

Въ большомъ просторномъ домѣ у нихъ собиралось все общество. Одновременно пріѣхали лечиться авторъ «Тарантаса» графъ Соллогубъ и Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, которому въ то время было девятнадцать лѣтъ. По вечерамъ собирались въ семейныхъ домахъ, разыгрывали сцены изъ произведеній Гоголя и графа Соллогуба, занимались музыкой.

Директоромъ водъ въ то время былъ Илишъ, а военнымъ врачомъ Пупыревъ.

Графъ Соллогубъ экспромтомъ написалъ пародію на стихи Виктора Гюго «*Enfant, si j'étais roi*», посвятивъ ихъ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Толстой:

Когда бъ я Илишъ былъ
 Я далъ бы георгины, левкой и всѣ цвѣты,
 И старый тарантасъ,
 Любезный садикъ мой
 И ветхія картины,
 И даже чудеса цѣлительной машины
 За взглядъ одинъ отъ васъ,
 За взглядъ одинъ отъ васъ.
 И будь я Пупыревъ,
 Я отдалъ бы навѣрно
 Больныхъ и практику,
 Душою разлюбя,
 Жену и новый домъ,
 Сюртукъ покроемъ скверный,
 Путилова съ дѣтьми
 И даже ключъ мой сѣрный
 За слово отъ тебя,
 За слово отъ тебя.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ тотчасъ же сочинилъ музыку для этихъ словъ.

У графини Толстой былъ альбомъ, который графъ Соллогубъ обновилъ слѣдующими стихами:

Гляжу на новый вашъ альбомъ.
 Какъ ваша жизнь, онъ чистъ и гладокъ,
 Какъ въ жизни вашей, много въ немъ
 Надеждъ, желаній и загадокъ.
 Такъ пусть же съ легкой я руки
 Впишу вамъ первый стихъ привѣтный
 На эти свѣжіе листки—
 Вашъ сборникъ юный и завѣтный.
 И, какъ старикъ, скажу я вамъ
 Два слова, можетъ быть, некстати:
 Прошу васъ, вѣрьте тѣмъ словамъ.
 Въ нихъ много, много благодати.
 Я отъ души ихъ говорю:
 Побольше дѣтствомъ веселитесь,
 Любите молодость свою
 И жить не торопитесь.

На водахъ жизнь отличалась простотой и свободой. По вечерамъ часто собирались передъ домомъ, гдѣ жили Депрейсы, здѣсь играли въ разныя игры, бѣгали въ горѣлки, пѣли хоромъ. Англичанка графовъ Толстыхъ обыкновенно присутствовала въ этихъ сборищахъ, и вотъ однажды кто-то подошелъ къ ней и спросилъ: «Comment vous plait ce chant miss Horps?»—она отвѣтила, воображая, что рѣчь идетъ о жарѣ: «Très insupportable, monsieur, mais il faut bien le souffrir».

На другой день утромъ графъ Соллогубъ пришелъ къ Толстымъ и засталъ miss Horps въ гостиной, описывающей стихи Victor Hugo «Prière pour tous», она остановилась на фразѣ «bouche qui soupire».

Въ то время, какъ miss Horps вышла извѣстить графиню о приходѣ Соллогуба, графъ написалъ, какъ бы продолжая стихи:

Bouche qui soupire
N'a pas, ce que désire
Un amoureux coeur
Lui veut le bonheur
Et dans son martyr
Ne trouve, que la chaleur
Et l'occasion de lire
Les vers de son serviteur
comte Sollogoub.

Общее беззаботное настроеніе царило среди молодежи того времени. Оно и выражалось веселыми экспромтами и юношеской музыкальной фантазіей Антона Рубинштейна.

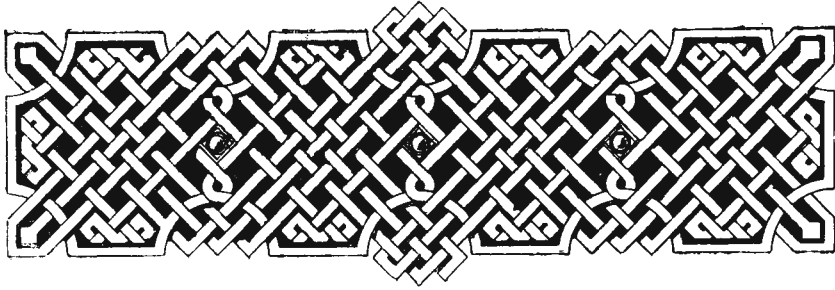
На прощаніе графъ Соллогубъ сказалъ, обратившись къ Зипандѣ Модестовнѣ Молоствовой:

Случайно встрѣтились мы съ вами,
Сошлись—право хоть куда—
И вотъ различными путями
Мы разойдемся навсегда.
Вы только робко въ жизнь вступили,
Въ мечтахъ живете молодыхъ;
Я началъ осень дней моихъ,
Мечты давно мнѣ измѣнили,
И скоро зиму я начну.
Но прежде осенью печальной
Благословлю я путь вашъ дальній
И вашу юную весну.

Тѣсное общеніе на водахъ могло существовать въ то время благодаря тому, что люди, среда была однородная, однихъ понятій, одного воспитанія. И если пришлые элементы попадали въ нее, то благодаря выдающимся талантамъ. Общество держалось замкнуто и въ него трудно было войти.

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННЫЙ БРАКЪ.

(Повѣсть).

I.

А БОЛЬШОМЪ извозчицѣемъ дворѣ, плохо вымощенномъ, слабо освѣщенномъ единственнымъ фонаремъ, стоявшимъ на столбѣ по срединѣ двора, со скупо пущенною керосиновою лампою, сѣзжались возвращающіеся съ дневного промысла легковыя извозчики.

Силуэты вѣзжающихъ въ ворота пролетовъ блѣдно отражались на тускло освѣщенномъ пространствѣ грязной мостовой и снова исчезали въ темнотѣ, охватившей весь дворъ. Покрытая грязью мостовая смягчала стукъ желѣзныхъ ободьевъ и колесъ, слышались только: пофыркиванье лошадей, рѣзкая ругань уставшихъ возницъ, недовольныхъ плохую выручкою, да стукъ лошадиныхъ подковъ о деревянный настилъ конюшенъ, когда ихъ вели въ стойло.

— А что, Семень,—проговорилъ рослый извозчикъ съ рыжей окладистой бородой своему товарищу, съ которымъ они только что пріѣхали и, отложивъ лошадей, шли въ извозчицью квартиру:—выручку въ точку привезъ?

— Хватаеть,—сумрачно отвѣтилъ другой извозчикъ, тоже высокаго роста, но моложе перваго:—гривень шесть еще для себя осталось.

— Ишь ты, подишь ты, а миѣ три гривенника докладывать приходится,—недовольно откликнулся рыжий, подбирая шлепанщія по грязи полы распоясаннаго кафтана.

— Когда же и брать-то деньги, какъ не въ такую погоду: дождикъ, грязь, пѣшкомъ далеко-то не поскачешь, особливо изъ театра аль какого тамъ собранія.

— Что ужъ и говорить, фартитъ тебѣ, Акимъ,—чуть съ замѣтнымъ неудовольствіемъ проговорилъ Семень, поднимаясь по тремъ ступенькамъ и входя въ большое, но низкое помѣщеніе.

Отъ висѣвшей на стѣнѣ плохо заправленной лампы въ комнатѣ было полутемно. Повсюду по стѣнамъ были прилажены нары, кое-гдѣ стояли и желѣзныя кровати, но ихъ было мало.

Большая русская печь ютилась у самаго входа. Стряпаншая на артель баба помѣщалась тутъ же около нея за ситцевой занавѣской.

На нѣкоторыхъ нарахъ уже спали извозчики, другіе еще были пусты. На протянутыхъ вдоль помѣщенія толстыхъ веревкахъ висѣли сырые кафтаны, поддевки, на гвоздяхъ по стѣнамъ смутно чернѣли поярковыя шляпы возницъ.

Комната была вся пропитана испареніями отъ сырой одежды и тяжелаго дыханія спавшихъ. Гдѣ-то невидимые, висѣвшіе въ углу часики хрипло пробили два удара. Семень и Акимъ стащили съ себя кафтаны, отыскали свободное мѣсто на веревкѣ и накинули ихъ на нее, затѣмъ сняли и полуподдевки. Оставшись въ однѣхъ рубахахъ, они принялись отыскивать поставленный для извозчиковъ въ печь остывшій ужинъ: щи изъ головизны и пшенную кашу съ однимъ воспоминаніемъ постнаго масла.

— Ты бы въ печуркѣ поискалъ, не тамъ ли онъ, штофъ-отъ съ масломъ!—замѣтилъ Акимъ шарившему по всей печкѣ товарищу.

— Тоже сказалъ, не таковская баба, она лучше себѣ все масло сольетъ, чѣмъ намъ, извозчикамъ, оставитъ, а ужъ если и запрячетъ, то куда-нибудь подальше.

— Сунь-ка руку подъ кровать...

Молодой парень послѣдовалъ совѣту товарища и подлѣзъ подъ самую кровать.

— Вѣрно, сюда спрятала,—послышался глухо его голосъ отътуда.

Вылѣзая обратно, онъ нечаянно въ темнотѣ задѣлъ головой о свѣсившіяся ноги стряпки, та проснулась и испуганно вскрикнула:

— Ой, ктой-то тамъ, не воръ ли грѣхомъ!

— Свои, свои, спи, Агаея Сидоровна,—успокаивающе протянулъ Семень, осторожно ставя на столъ вытащенную посуду съ масломъ.

Извозчики сѣли за столъ и начали ѣсть, тихо разговаривая между собою.

— Завтра на чалой, что ли, поѣдешь, братяга?—спросилъ Семень.

— Не, никакъ невозможно, все еще храмлетъ, позажалъ кузнецъ ей ногу въ прошлый разъ, на вороной придется опять ѣхать.

— А что я тебѣ скажу,—аппетитно посылая въ ротъ полную ложку холодной каши, снова началъ говорить Акимъ послѣ нѣкотораго молчанія:—ты, вотъ, старше меня, а того понять не можешь, гдѣ лучше стоять, и зѣвсе у тебя будетъ недостача...

— О, Господи,—пробормоталъ кто-то изъ спавшихъ во снѣ.

Входная дверь на блокѣ съ визгомъ растворилась и снова тяжело хлюпнула. Въ комнату вошли еще два извозчика. Одинъ изъ нихъ кивнулъ головой сидѣвшимъ товарищамъ, грузно опустился на табуретъ у другого конца и, вытащивъ кошель, высыпалъ изъ него деньги на столъ и началъ считать.

— Аль нехватка какая у тебя объявилась, Степанъ, что считать принялся?—небрежно кинулъ ему Семень.

— Какой тамъ нехватка, нынѣ ѣзда была отмѣнная, баринъ фартовый попался, часа четыре его возилъ, три съ полтиной отдалъ, да такъ еще сѣдоки хорошіе были, слава Тебѣ Господи,—обрадованно отвѣтилъ приземистый, полный извозчикъ и снова принялся считать.

Извозчики все прибывали и прибывали, принимались ужинать, отъ масла въ штофѣ ничего уже не оставалось. Напившись воды, сперва Семень, а затѣмъ Акимъ помолились Богу на темный, весь покрытый копотью, большой образъ въ углу, не спѣша раздѣлись, развернули онучи и улеглись спать—Акимъ на нарахъ, а Семень на одной изъ кроватей. Не вернулись только двое изъ возницъ, остальные были всѣ уже въ сборѣ.

Долгій, тяжелый трудовой день такъ уморилъ извозчиковъ, что они не успѣли положить головы на подушки, какъ сейчасъ же крѣпко заснули. Спать приходилось недолго. Въ пять часовъ всѣ вставали, имъ нужно было снова приниматься за обыденную работу: напоить, накормить лошадей, вымыть экипажъ, а затѣмъ передъ выѣздомъ самимъ напиться чаю въ трактирѣ и сдать вчерашнюю выручку хозяину.

II.

Въ небольшія окна извозничьяго помѣщенія еще чуть слабымъ свѣтомъ мерещилъ день, какъ спавшіе уже начали просыпаться; привычка подниматься въ опредѣленное время, несмотря на малый отдыхъ, сказалась.

Поднялась и заспанная, растрепанная стряпка и, широко зѣвая, начала умывать лицо подъ краномъ. За ней потянулись и извозчики, послѣдно плеская изъ горстей на лицо воду, фыркая и утираясь полотенцемъ. Перекрестившись на образъ и прошептавъ молитву, они спѣшно уходили въ конюшню.

Приведя себя въ порядокъ, Агаея стала лѣниво собирать оставленные на столѣ ночью чашки и ложки, подняла для чего-то передъ глазами на свѣтъ широкій четырехугольный штофъ, въ которомъ было масло, и, убѣдившись, что онъ пусть, озлобленно прошептала:

— Ишь, прорды, все вылакали, кажись, далеко запрятала, нашли все-таки!

Немного спустя въ комнату вошелъ самъ хозяинъ извоза. Небольшого роста, довольно полный, Иванъ Кузьмичъ Вихрястовъ производилъ впечатлѣніе кучера изъ хорошаго купеческаго дома. Онъ приближался уже къ пятидесяти годамъ. Въ черныхъ, волнистыхъ волосахъ его замѣтно было немало сѣдины, но, несмотря на это, румяное лицо его было моложаво, темные глаза, не остававшіеся ни на минуту въ покоѣ, зорко слѣдили за всѣмъ.

— Наскрозъ тебя всего видитъ,—говорили про хозяина извозчики:—ничего отъ него не скроешь, кажись, всѣ мысли твои повыщеть, до всего дойдетъ, однимъ словомъ, жохъ-старикашъ!

Вихрястовъ, дѣйствительно, былъ такимъ. Смѣтливый парень, явившись въ Петербургъ, поѣздилъ лѣтъ пять въ извозчикахъ и самъ сейчасъ же принялся за хозяйство. Откуда досталъ онъ денегъ—никто навѣрное не зналъ. Слухи шли разные. Одни говорили, что когда Иванъ Кузьмичъ ѣздилъ въ лихачахъ, то обобралъ одного пьянаго сѣдока-купца и съ этихъ денегъ началъ хозяйствовать. По словамъ другихъ, какая-то старуха, богомольная купчиха, на старости лѣтъ плѣнилась кудрявымъ, красивымъ парнемъ и сама подарила ему нѣсколько тысячъ. Существовало и третье предположеніе, что Вихрястову удалось найти гдѣ-то спрятанную въ конюшнѣ пачку денегъ.

Но въ дѣйствительности никто не зналъ, откуда у Ивана появились деньги.

— Всѣ, Агаея, сегодня ночью пріѣхали?—пристально глядя на стряпку, мягкимъ теноромъ спросилъ хозяинъ.

— Должно быть, хозяинъ, что и всѣ,—вкрадчивымъ голосомъ откликнулась стряпуха.

— Васька Хомякъ и Андрей Ларіоновъ не пріѣзжали,—сказалъ переобувавшійся старикъ-извозчикъ.

Въ темныхъ глазахъ извозопромышленника появилось безпокойство.

— Васька-то, я знаю, гдѣ-нибудь въ трактирѣ спитъ, онъ больно охочъ до спанья, вотъ Андрюшка куда запропалъ, не знаю, парень бѣдовый да пьющій, какъ бы спяна лошадь не зарѣзалъ, а то еще въ участокъ попадетъ, не наѣхалъ ли на кого, съ него все станется!

— Я вечеръ его, хозяинъ, въ Лещиковомъ видѣлъ,—спова откликнулся старикъ.

— Не пьянъ онъ былъ, Филимонъ?

— Кажись, что пѣтъ. Барыню какую-то фарсистою сажалъ.

По молодежавому лицу хозяина проскользнула хитрая усмѣшка.

— Барыню, сказываешь, молодую, съ Андрюшки станется на это—онъ хватъ. Ну, дѣдъ Филимонъ, давай выручку, дѣлай по-чпшъ.

Старикъ-извозчикъ подошелъ къ хозяину, вынулъ изъ-за пазухи поддевки кошель, вытащилъ изъ него завернутыя въ грязный обрывокъ газеты деньги и передалъ ему.

— Въ ровную! Два съ полтиной, Иванъ Кузьмичъ.

Хозяинъ небрежно опустилъ въ карманъ полученныя деньги, вынулъ книжку, отыскалъ страничку Филимона и простымъ деревяннымъ, обмызаннымъ карандашомъ записалъ.

— Ишь, дѣдъ, какъ ты себя въ акуратѣ держишь, ничего у тебя въ заборѣ нѣту. Анъ нѣтъ, стой. О прошлый разъ я для тебя кнутъ купилъ да метелку для пролетки.

— Да что ты, Иванъ Кузьмичъ, я самъ своими деньгами за то и другое платилъ.

— Ну, ну, не разговаривай, запоматовалъ, стара у тебя память-то стала, восемь гривенъ за все я отдалъ.

— Эхъ, побойся Бога, хозяинъ, зря деньги-то съ меня хочешь взять,—покачалъ укоризненно головой старикъ:—да я тебѣ и лавку укажу, на Глазовой...

— Ну, ну, не разговаривай, что зря языкъ-то чесать, ступай на дворъ да зови ребятъ, пусть выручку сдаютъ,—настойчиво проговорилъ Вихрястовъ.

Согнувшійся отъ непогоды и старости извозчикъ, недовольно шепча, поплелся къ выходной двери. Хозяинъ сѣлъ на табуретку около стола и безпокойнымъ взоромъ окинулъ все помѣщеніе.

— Опять ужъ у тебя все масло, Агаѣя,—крикнулъ онъ стряпкѣ, замѣчая пустой штофъ:—много льешь въ кашу.

— Не я, сами норовятъ больше маслить:

— Прячь подальше, вчера еще штофъ налили, въ немъ пять фунтовъ.

Скрипнула дверной блокъ. Въ комнату стали входить извозчики для сдачи выручки.

III.

— Ну, братъ, Алексѣй, если ты такъ будешь всегда ѣздить, такъ зачету на тебя больше, чѣмъ въ поддевкѣ блохъ, окажется. Вчера два цѣлковыхъ, сегодня рубль восемь гривенъ всего наѣздилъ, жалованья твоего не хватитъ на вычетъ.

— Что же мнѣ дѣлать-то, хозяинъ, заклинило, нѣтъ сѣдока какъ нѣтъ.

— Разуму у тебя нѣтъ, а не сѣдока! Ну, ступай, дальше, слѣдующій.

— А, это ты, Ермилъ, въ ровную привезъ? Ну, ладно, тамъ за тобой рубль съ пятиалтыннымъ былъ.

— Да что вы, хозяинъ, за весь мѣсяцъ въ ровную ѣздилъ.

— Ну, ну, толкуй да потолковывай, у тебя гдѣ записано? Нигдѣ, а у меня здѣсь, въ книжкѣ.

— Знаемъ мы, какъ ты, Иванъ Кузьмичъ въ книжкѣ-то пишешь, — замѣтилъ кто-то изъ стоявшихъ извозчиковъ; — все норовишь, какъ бы на работника насчитать.

Вихрястовъ поднялъ недовольный взглядъ на своихъ работниковъ, пытаясь отыскать глазами осмѣливагося его обвинить, но извозчикъ благоразумно успѣлъ заслонить себя товарищами.

— По голосу, сдается мнѣ, что Аркадій Большевъ это сказывалъ, — недовольно проговорилъ хозяинъ; — чего жъ прятаться, выходи да прямо мнѣ въ лицо и говори!

Никто не отвѣтилъ.

Кузьмичъ молча принималъ книжки отъ извозчиковъ, отмѣчалъ получку, иногда рѣзко выкрикивая:

— Полтину записалъ на тебя! Въ счетъ сапоговъ два цѣлковыхъ.

— Самого повидать-то можно? — слышался чей-то голосъ на порогѣ полуотворенной двери.

— А, Лазарь Яковличъ! Сейчасъ, обожди немного. Вотъ со своими ребятами сосчитаюсь, тогда и съ тобой займусь, — весело проговорилъ хозяинъ и еще торопливѣе началъ принимать деньги и записывать въ книжку; въ комнатѣ осталось только два возницы. Къ столу подошелъ высокій, еще сравнительно не старый рыжеватый мужчина; въ немъ сказывалась солдатская выправка.

— Садись, Лазарь Яковличъ, — указалъ ему на свободную табуретку хозяинъ.

— Чего садиться-то, вы сейчасъ кончите, тогда и пойдемъ, — немного горловымъ голосомъ проговорилъ посѣтитель.

Кузьмичъ обернулся къ окну и посмотрѣлъ. На дворѣ стало уже свѣтло; кое-кто изъ работниковъ запрягалъ лошадей, большинство же ушло въ трактиръ пить чай.

Зоркій взглядъ хозяина замѣтилъ по срединѣ двора забрызганную грязью пролетку и понуро стоявшую лошадь, запряженную въ нее.

— Эге, и гулена нашъ явился!

Отпустивъ наскоро послѣдняго извозчика, Кузьмичъ безъ шапки выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ на дворъ.

— А гдѣ Андрюшка-то? — закричалъ онъ: — кликните-ка его сюда!

Старикъ Филимонъ, копошившійся около своей пролетки, поднялъ голову и, пытливо оглянувъ хозяина, отвѣтилъ:

— Нѣтъ его, Андрюшки-то, лошадь одна пришла, должно быть, гдѣ пьяный вывалился.

— Ахъ стервецъ, стервецъ!—разсердился Кузьмичъ и, подбѣжавъ къ забрызганному грязью экипажу, сталъ внимательно его осматривать, отглянулъ и лошадь и приказалъ отложить ее.

Почесывая курчавую голову, онъ задумчиво вернулся въ извозничье помѣщеніе и недовольно прошепталъ:

— Вотъ, и давай имъ послѣ этого на хорошихъ лошадяхъ ѣздить, сразу сейчасъ же не запримѣтишь, а, можетъ быть, конь гдѣ и поврежденъ!—Ну, теперь давай съ тобой, пріятель, толковать, выволакивай счетъ.

Лазарь вынулъ изъ короткаго полупальто, одѣтаго на немъ, пачку счетовъ, просмотрѣлъ ихъ и передалъ одинъ Вихрястову.

— Э-э, братъ, чего ты тутъ понаставилъ? Слыханное ли дѣло сейчасъ четыре съ половиной за овесъ платить, больше какъ съ четырьмя гривенниками и не рассчитывай. А въ кулѣ недомѣрокъ, почитай, что завсе!

— Не знаю, какъ это могло случиться, мы прямо съ Калашниковой изъ амбара беремъ, можетъ быть, тамъ какой кулекъ повыпустили,—пожимая плечами, пытался оправдаться торговецъ.

— Ну, ну, толкуй, Макарь, съ бабкой, самъ знаю, какъ у тебя на дворѣ-то за лавкой овесъ разсуропливаютъ, что твоя фабрика! Вотъ тебѣ двѣ катерины, на, пиши,—опосля, на той недѣлѣ, и остатокъ додамъ.

Лазарь взялъ протянутыя ему хозяиномъ деньги и тѣмъ же замусоленнымъ карандашомъ расписался на счетѣ.

— Ну, теперь идемъ чай пить,—предложилъ ему хозяинъ.

— На машину бы мнѣ надо...—пытался возразить торговецъ.

— Успѣшь, контора-то въ семь часовъ еще открывается, по чашечкѣ, по другой пропустимъ китайской травки, а тамъ каждый по своимъ дѣламъ и отправится, ты на машину, а я свою Федю будить примусь.

Они вышли изъ извозничьяго помѣщенія и направились по грязному двору въ трактиръ.

— А сынокъ-то твой, Иванъ Кузьмичъ, большенькій?—спросилъ Лазарь, не изъ любопытства, а просто желая начать разговоръ.

— Большой и меньшій, всѣ они у меня въ одномъ Федорѣ, въ емназію четвертый годъ ходитъ, на ученье больно охотливъ. По веснѣ ходилъ я къ ихнему директору, такъ оченно мальчонку моего хвалилъ, старательный,—говорить,—и ко всякой наукѣ приспособленъ,—съ отцовской гордостью сказалъ Кузьмичъ.

— Что жъ, это хорошо, а у меня вотъ два балбеса растутъ, лѣнтяи, только бы имъ стрекулить, мнѣ-то некогда дома бывать, все на дѣлѣ, а женѣ гдѣ съ ними справиться.

— Да что ты про жену толкуешь-то, у меня вот жены нѣтъ, вдовый я, а съ сыномъ какъ слѣдъ лажу, одно вотъ только, къ нашему извозному дѣлу не прилежитъ, бѣлоручка.

— Тебѣ что, Иванъ Кузьмичъ, можно изъ сына барина-то сдѣлать, поди, сколько капитала-то имѣется, домъ да дворъ одни чего стоять, да закладокъ-то, кажись, больше полсотни держишь, — съ чуть замѣтною завистью отозвался Лазарь.

— Подымай выше, — шестьдесятъ пять.

Они вошли въ трактиръ, въ чистое отдѣленіе. Половой съ низкимъ поклономъ подбѣжалъ къ богатому извозопромышленнику и, подобострастно склонивъ голову, вкрадчиво спросилъ:

— На двоихъ, съ лимономъ прикажете, Иванъ Кузьмичъ?...

— А то съ чѣмъ, не съ молокомъ же, нынѣ вѣдь постъ! — отвѣтилъ Вихрястовъ, привѣтливо раскланиваясь съ сидящими за столами другими извозопромышленниками.

Въ извозничьемъ трактирѣ началось обильное чаепитіе.

IV.

Во второмъ этажѣ каменнаго флигеля, въ низу котораго помѣщались извозчики, находилась квартира хозяина.

Вихрястовъ вдовѣлъ уже больше пяти лѣтъ и хотя предлагали ему нѣсколько разъ богатыхъ невѣстъ, Иванъ Кузьмичъ только отмахивался руками, говоря свахамъ одно и то же:

— Не въ коня кормъ теперь мнѣ женитьба-то, за полсотни перевалило, сынокъ одинъ имѣется, — ну и, слава Богу, поживу для него, чего свару-то бабью новую въ домѣ заводить.

— А все жъ, батюшка, Иванъ Кузьмичъ, лучше бы бабочкой обзавестись, — сладко пѣла сваха: — она тебѣ во всемъ ублажить, и порядокъ какъ слѣдуетъ въ домѣ заведетъ, и обѣдать-то ты придешь, все вкусненько и хорошо сдѣлаетъ.

— Пустое ты, matka, толкуешь! У меня за милую душу все это старуха Авдотья справить, не первый годъ ужъ живетъ-то, и за Федюнькой присмотрить, и меня старика обходить, а ты, должно, мать, въ писаніи-то слаба? Тамъ ясно сказано, что первая жена отъ Бога, а вторая отъ дьявола, такъ статочное ли дѣло мнѣ сейчасъ, на старости лѣтъ, съ дьяволомъ-то знаться?

Вихрястовъ въ эту минуту смѣялся, но какъ-то особенно: смѣялись только его цыганскіе каріе глаза, въ нихъ бѣгали задорныя искорки, да раздувались немного крыльцы носа и расширялись углы губъ.

— Знаемъ мы тебя, — точно обрадовавшись, говорила сваха: — старикъ-старикъ, а нашей сестрѣ бабѣ спуску ни которой не дашь. Что про тебя Аделаида Богдановна, — вотъ что у барона раньше-то въ содержанкахъ жила, — сказывается, уму непостижимо!

— Что было, то прошло, быльемъ поросло,—довольнымъ голосомъ отвѣчалъ извозчикъ и какъ-то ухарски покручивалъ черные, съ сильной просѣдью усы.

Видя бесполезность своихъ усилій, свахи перестали надѣдаться Вихрястову, онъ такъ и остался вдовцомъ.

Прижимистый хозяинъ, любящій сорвать каждый лишній грошъ, на чемъ бы ему ни пришлось, не жалѣющій и не цѣнящій труда своихъ работниковъ, Иванъ Кузьмичъ сосредоточилъ всю свою пѣжность и любовь на единственномъ сынѣ Ѳедѣ. Онъ любилъ его, скорѣе сказать,—беззавѣтно обожалъ. Мальчикъ былъ для него все, но, какъ это ни странно, онъ не баловалъ ребенка и, исполняя всѣ желанія его, которыя, по его мнѣнію, не служили для баловства, старикъ съ жадностью необразованнаго человѣка слѣдилъ за успѣхами сына, сперва въ маленькой притовительной школѣ, а затѣмъ въ гимназіи. Даже невниманіе мальчика къ промыслу отца, явное нежеланіе ближе узнать это дѣло—нисколько не смущали стараго извозопромышленника, онъ твердо рѣшилъ сдѣлать изъ сына барина, занимающагося совершенно другимъ дѣломъ, съ иными взглядами и положеніями въ обществѣ.

«Теперь сказать хоть про меня,—думалъ Вихрястовъ:—выбрался я изъ ничего, изъ деревенскихъ подпасковъ, во куда метнулъ и капиталъ приобрѣлъ, для Ѳедора дорогу расчистилъ, ему куда легче будетъ впередъ итти. Гладко, словно песочкомъ посыпано. Только учись да старайся. Само разумѣется, сметку въ своей головѣ держи, безъ нея теперь никакъ невозможно. Зацѣпись тамъ за что и поидеть, и полѣзеть, стоять только за цѣпку-то эту ухватиться... Кто знаетъ, може, спустя время и въ какіе большіе люди выберется,—мечталъ старикъ о будущности своего сына:—сейчасъ гляжу на него, смыслъ у парня имѣется, по всему это видно».

Ѳедя росъ спокойнымъ, сосредоточеннымъ ребенкомъ, онъ по своему любилъ отца. Особенно къ нему не ласкался, но когда старикъ вечеромъ, покончивъ всѣ хлопоты со своимъ дѣломъ, приходилъ въ маленькую комнату сына и осторожно присѣвъ у стола, спрашивалъ Ѳедю о разныхъ наукахъ, проходимыхъ въ гимназіи, то Ѳедоръ спокойно, приспособляясь къ понятію отца, рассказывалъ все, чему самъ научился, и говорилъ до тѣхъ поръ, пока самъ старикъ не скажетъ:

— Ну, Ѳеденька, о сегодня довольно, и то много чего я узналъ отъ тебя.

Въ особенности Иванъ Кузьмичъ интересовался географіей, онъ съ восхищеніемъ, притаивъ дыханіе, слушалъ рассказы Ѳеди объ Австраліи, Индіи... завистливо при этомъ повторяя:

— Эхъ, вотъ бы гдѣ мнѣ побывать довелось,—и затѣмъ прибавлялъ со вздохомъ:—нѣтъ, не придется, видно, мало ученъ для этого!

Утромъ, въ семь часовъ, минута въ минуту онъ осторожно будиль разославшагося ребенка и, точно самая заботливая мать, слѣдила, чтобы на немъ все было въ порядкѣ. Торопилъ старуху Авдотью приготовить для сына булку на завтракъ въ гимназію съ собою, нерѣдко самъ чистилъ ему сапоги и, когда мальчикъ уходилъ въ гимназію, перекрестивъ его на дорогу, облегченно шепталь:

— Ишь ты, подишь ты, Федоръ-то мой и впрямь барскимъ сыномъ смотреть!

Спустившись же снова внизъ на дворъ, старикъ Вихрястовъ сразу измѣнялся, здѣсь онъ готовъ былъ вырвать зубами каждую копейку, утянуть лишній грошъ отъ работника, велѣть давать меньше корму лошади и обсчитать кузнеца. Съ торговцами это ему не приходилось дѣлать, тѣ сами хорошо знали купеческій расчетъ и крѣпко отстаивали свои барыши, но случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, помоложе и неопытные еще, тоже попадали въ обдѣлку къ Ивану Кузьмичу, и онъ безжалостно скидывалъ у нихъ со счета, зачастую совершенно неосновательно.

Таковъ былъ Вихрястовъ съ самаго начала своей дѣятельности, такимъ и остался, но, несмотря на всѣ непріятныя стороны службы у извозпромышленника, онъ не нуждался въ работникахъ. Желающихъ постоянно было немало. Трудно даже было объяснить, почему многіе изъ нихъ не жили у другихъ хозяевъ, а, ужъ разъ побывавъ у Вихрястова, опять стремились къ нему.

Одно преимущество этой службы было на виду. Иванъ Кузьмичъ никогда не выговаривалъ извозчику, если тотъ проѣздитъ и дальше назначеннаго часа, не заморить лошади и привезетъ хорошую выручку. Другая причина заключалась въ томъ, что лошадей старикъ покупалъ хорошихъ, исправныхъ и работать на нихъ было гораздо выгоднѣе, чѣмъ на плохихъ, заморенныхъ клячахъ мелкаго промышленника. Жизнь Ивана Кузьмича была у всѣхъ на виду, сплетень про него не распускали, поговаривали какъ-то о какой-то вдовушкѣ, будто бы пользовавшейся его благосклонностью, но навѣрное никто ничего не могъ сказать.

Старикъ ничего не пилъ, никогда не пробовалъ табаку; однимъ изъ невинныхъ удовольствій его былъ трактирный органъ, который онъ постоянно слушалъ, приходя днемъ въ трактиръ чай пить. Но и тутъ сказался оригинальный вкусъ Вихрястова. Ему нравились тихія, тягучія, печальныя мелодіи, а лишь только «шестерка», стоящій при органѣ, ставилъ какой-нибудь развеселый маршъ, какъ сейчасъ же Вихрястовъ махалъ недовольно рукой, говоря:

— А, ну тебя, чего шумъ-то даромъ разводишь, пусть ужъ лучше средственное играетъ!

Средственнымъ онъ называлъ поурри изъ разныхъ оперъ.

Старикъ рано ложился спать, такъ какъ ему приходилось вставать чуть свѣтъ для расчета съ извозчиками, ровно въ полдень обѣдалъ, въ четыре часа пилъ чай, а въ восемь—ужиналъ.

Иногда въ воскресенье онъ приказывалъ закладывать въ двухколесный шарабанъ своего любимца, иноходца «Петьку», и послѣ обѣда ѣхалъ съ сыномъ кататься по островамъ. Утромъ же въ праздникъ, отправивъ извозчиковъ, онъ ходилъ въ приходскій храмъ и въ ранней обѣднѣ, молился истово и клалъ земные поклоны.

V.

Годъ отъ году благосостояніе старика все увеличивалось. Петербургская жизнь постепенно дорожала, онъ зорко слѣдилъ за возрастающею дороговизной и понемногу надбавлялъ «выѣздку» своимъ извозчикамъ. Сперва вмѣсто двухъ съ полтиной работники должны были привозить два семь гривенъ, немного спустя къ этому прибавился еще гривенникъ, затѣмъ другой, третій, а однажды Иванъ Кузьмичъ объявилъ всѣмъ имъ, что выручка не должна быть ниже трехъ рублей. Разумѣется, такая прибавка всецѣло ложилась на потребителя, карманъ ѣздока отвѣчалъ.

— Не много ли будетъ, хозяйинъ?—замѣтилъ давно уже живущій у него старикъ Филимонъ:—и такъ-то себѣ ничего не остается.

— Эхъ, ты, дѣдъ, себѣ не остается, а ты поработай на хозяина, ему послужи, а себѣ-то самому потомъ приложишься, самъ, поди, слышалъ, что въ писаніи-то сказано: «Доброму рабу приложится, а отъ нерадиваго отыметъ достальное!»—по-своему толковалъ извозопромышленникъ извѣстную притчу, стараясь внушить этимъ извозчику о законности прибавки.

— Такъ-то оно такъ, Иванъ Кузьмичъ, а все жъ обидно, и лошаденкѣ приходится работать больше, да и самому-то трястись на козлахъ дольше, года ужъ не тѣ приходятъ!

— Что года, дѣдушка, не въ годахъ дѣло, духомъ бодрись! Во, смотри на меня, мнѣ самому пятьдесятъ шестой годъ, а я словно молодой человекъ,—встряхивая почти уже всеѣмъ посѣдѣвшими кудрями и блеснувъ глазами, сказалъ хозяйинъ.

— Тебѣ что, дома сидишь да деньги обираешь, а вотъ побудь день-деньской-то на стужѣ да подъ дождемъ, не ту пѣсню запоешь, когда тебя скрючить да руки сведеть,—ворчливо откликнулся старикъ.

— Не нами это ужъ улажено, кому какъ пришло; кто сидитъ въ комнатахъ, кто на козлахъ, а иной-таки прямо подъ заборомъ валяется, безо всякой одежды, заботы-то каждому немало дано!

На трехъ рубляхъ выручки Вихрястовъ пока и остановился; не прошло и года, какъ сосѣди его, извозопромышленники помельче, накинули еще гривенникъ, но Иванъ Кузьмичъ не надбавилъ.

— Ума своего не приложу, что это съ нашимъ-то случилось,— говорили извозчики:—у Ванюшкиныхъ, почитай, скоро два мѣсяца съ гривной должны работники привозить, а нашъ молчить, словно ему ничего и не вѣдомо.

— Може, старѣтъ сталь, такъ думаетъ: чего зря забижать, коли и такъ-то въ мошнѣ денегъ немало...

— По-Божьему, по-хорошему, значить, поступать надумаль.

— Ой, братцы, не вѣрится что-то, шустерь больно нашъ Иванъ, молчить,—значить, думаетъ, чѣмъ бы насъ еще заклинить!—кнулъ пожилой извозчикъ.

— А намъ что? Прощайте, хозяинъ, вотъ и вся недолга, мало ли ихъ хозяевъ здѣсь въ Петербургѣ имѣется, безъ должности не останемся.

— И чего особаго сладкаго у нашего-то нашли, жалованье такое же, какъ и у другихъ, сапоги, шляпу, варезки покупай самъ, да и ѣда-то не Богъ вѣсть какая,—презрительно протянулъ молодой паренъ, ѣздившій у Вихрястова «подъ лихача».

— Ну, ужъ и извозничья-то наша жизнь, не дай никому, Боже,— замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ съ суровымъ лицомъ пожилой извозчикъ:—не поспишь какъ слѣдуетъ, не поѣшь во-время, валяешься въ трактирѣ на полу, какъ собака, въ грязи, ото вся тебѣ дуется, кафтаномъ мокрымъ прикрылся, да еще гляди, чтобъ у тебя соннаго выручку свой же братъ, извозчикъ, не слямзилъ.

— Ну, ну, Алексѣй, говори, да не заговаривайся, напраслину на извозчика не клади, не стануть они этого дѣлать, сами знаютъ, какъ тяжело достаются наши денежки-то,—отозвался сидѣвшій за чаемъ въ углу старикъ-извозчикъ.

— Вѣрно, дяденька Матвѣй, ты сказываешь, не извозничьихъ рукъ это дѣло. Свое бы только оберечь, чего тутъ въ чужой кошель лазить. Шестерка, которая помоложе, а то мальчонка, пріобышшій здѣсь въ Питерѣ, вотъ кто воруетъ у насъ,—согласились извозчики, сидѣвшіе въ трактирѣ.

— Я такого мальчика разъ поймалъ. Только что онъ руку-то засунулъ ко мнѣ за пазуху, кошель тащить приспособился, а я его цапъ-царапъ за руку-то. Убѣжать хотѣлъ, да пыймалъ...

— Что жъ ты съ нимъ сдѣлалъ, дядя Матвѣй?—съ любопытствомъ спросилъ молодой паренъ, остальные извозчики тоже внимательно прислушивались.

— Что сдѣлалъ? Да что и полагается въ такихъ случаяхъ. Взялъ съ пролетки кнутъ, схватилъ стервеца за шиворотъ и такъ здорово настегалъ, что, сказываютъ, потомъ дней пять въ чуланѣ валялся.

— Такъ ему и слѣдовало, не шкоди, сызмальства привыкнетъ къ такимъ дѣламъ, а посля настоящимъ воромъ задѣлается.

Разговоръ происходилъ въ извозничьемъ трактирѣ ночью въ третьемъ часу, когда обыкновенно ѣздящіе «въ ночную» извозчики, покончивъ съ работою у театровъ, клубовъ и частныхъ домахъ, пользуясь отсутствіемъ сѣдоковъ между двумя и шестью часами утра, заѣзжаютъ сюда подзакусить, напиться чаю и уснуть пару часовъ.

Поставивъ лошадь на дворѣ и задавъ ей корму, они поручаютъ дворнику наблюдать за нею, а сами идутъ въ трактирѣ и устраиваются кое-какъ на полу на кратковременный ночлегъ.

Обыкновенно въ этихъ трактирахъ чрезвычайно грязно, неуютно, спать какъ попало, но эти пара часовъ, отдаваемыхъ сну, существенная помощь и отдыхъ въ нелегкомъ извозничьемъ трудѣ. Отдохнуть съ ними и лошади, а съ шести часовъ до двѣнадцати дни они стараются наверстать потерянное ночью время.

VI.

Такъ ведется издавна, жизнь идетъ впередъ, все совершенствуется, приспособляется, но всѣ нововведенія и удобства точно миновали петербургскихъ возницъ; о нихъ забыли. Отношенія ихъ къ хозяину, невозможныя условія жизни и труда, маленькое жалованье и какія-то странныя, отзывающія стариной условія ихъ найма уже давно должны были бы быть измѣнены, но до сихъ поръ все идетъ попрежнему, и петербургскій извозчикъ, легковой, не говоря уже о ломовыхъ, представляетъ пережитокъ времени.

Большая часть изъ нихъ рязанцы и калужане, но имѣются и изъ другихъ губерній, а также подгородныхъ изъ ближнихъ уѣздовъ.

Для человѣка, не обращающаго вниманія на петербургскихъ автомедоновъ, эта разница незамѣтна, но, присмотрѣвшись ближе, различіе все-таки замѣтно.

Даже разговоръ, который ведетъ иногда извозчикъ съ сѣдокомъ, у нихъ различенъ: замосковный въ разговорѣ упомянетъ и о положеніи хлѣбовъ, и о крестьянской безземелицѣ, и о современной тяжелой жизни мужика, подгороднаго же интересуютъ больше петербургскія новости, онъ знаетъ кое-кого изъ людей, о которыхъ говорятъ въ городѣ, кое-что смекаетъ, у него свой выработанный взглядъ на каждого человѣка, свои особыя стремленія, желанія. Онъ не особенно дорожитъ своимъ мѣстомъ, частенько пьянствуетъ и не особенно тужитъ, когда хозяинъ ему отказывается. Для него ясно, что у него есть пристанище въ деревнѣ, недалеко отъ города, гдѣ онъ, какъ никакъ, можетъ временно прокормиться, а затѣмъ снова пріѣхать сюда и поступить на другое мѣсто. Много подобныхъ подгородныхъ пріѣзжаютъ въ Петербургъ только зим-

нимъ путемъ и стараются работать самостоятельно. Есть у него лошадка, а иногда и городскія санки, а если послѣднихъ онъ нѣ имѣеть, то всегда можетъ взять напрокатъ на большихъ извозчичьихъ дворахъ за небольшое вознагражденіе, и ѣздитъ онъ такъ до первой большой оттепели, когда санная дорога въ городѣ портится и ѣздить представляется невозможнымъ. Снова выпадетъ снѣжокъ, и такой подгородный извозчикъ опять возить сѣдоковъ на своей тощей лошаденкѣ.

Замосковные извозчики, въ особенности рязанцы, живутъ особой семьей, они сплотились между собой, сталкивались, въ большинствѣ случаевъ хозяинъ имъ приходится какимъ-нибудь родственникомъ, дядей, а то просто сосѣдомъ по деревнѣ, землякомъ...

Мѣста почти у всѣхъ вокзаловъ заняты преимущественно рязанскими извозчиками, они отлично знаютъ время прибытія всѣхъ поѣздовъ, изучили фізіономіи и характеръ пассажировъ, знаютъ, съ кого сколько запрашивать.

Условія стоянки у вокзаловъ тоже подсчитаны и выработаны рязанцами до точности. Знаменитый пятачокъ, который имъ приходится платить мѣстному городовому за стоянку, а также мѣсячная плата, вносимая старшему полицейскому чину, и другіе расходы дѣлаются ими сообща; зато никто изъ чужихъ возницъ не рѣшается занять ихъ стоянку, ему все равно не дадутъ стоять ни сами рязанцы, ни городской, благосклонно къ нимъ относящійся.

Несмотря на эту сплоченность, на это кажущееся корпоративное устройство, извозчикамъ нелегко живется, а въ особенности послѣднее время. Все заставляетъ его быть на чеку. Прѣжнее время ни допотопный экипажъ, ни плохая, изнуренная лошаденка, ни рваный кафтанъ, проломленная шляпа, жалкія перевязанныя узлами вожжи не обращали на себя вниманія, все сходило съ рукъ; но началась реформа и чистка въ извозчичьемъ дѣлѣ: появились установленной формы пролетки съ верхомъ, желѣзные ободья замѣнились резиной, за ѣзду на замороженной больной лошади съ извозчиковъ строго взыскивалось, точно также за рваную одежду и плохую упряжь, одно время общество покровительства животныхъ выхлопотало даже уничтоженіе у возницъ кнута, но онъ все-таки оказался необходимымъ, и кнутъ, какъ его называютъ извозчики, — «извозчичья присяга», былъ имъ возвращенъ.

Тяжело было имъ привыкать первое время къ новшествамъ, въ особенности много было непріятностей съ полиціей за плохую ѣзду, за нежеланіе пользоваться правой стороной, за неумѣлые переѣзды черезъ улицы и на перекресткахъ, но въ концѣ концовъ все это уладилось.

«Пріобыкли», по словамъ самихъ извозчиковъ. Весь обиходъ легкового извоза, вся его внѣшняя сторона пришла въ сравнитель-

ный порядокъ, улучшилась, но сама жизнь, условія ея, точно также и найма, для петербургскихъ извозчиковъ остались тѣ же самыя, ничего не было сдѣлано для упорядоченія.

Теперь же, въ особенности, когда по городу забѣгали по всѣмъ направленіямъ электрическіе трамваи, автобусы, когда въ извозный лошадиный промыселъ вторгся новый, автомобильный, и заработокъ коннаго извозчика, если и не уменьшился, то достается ему съ громаднымъ трудомъ, а требованіе извозопромышленниковъ отъ работника привозить ежедневно почти четыре рубля сдѣлало положеніе для петербургскихъ возницъ невозможнымъ, малодоходнымъ; если присовокупить къ этому тяжелыя условія жизни, то вся работа эта идетъ только впустую, а тѣмъ болѣе, если включить сюда тѣ штрафы, которые за дѣло и не за дѣло накладываетъ на извозчиковъ полиція.

Но то, что здѣсь разсказывается, происходило лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ, и доходы извозчиковъ были тогда лучше.

VII.

Федя Вихрястовъ окончилъ гимназію очень хорошо и перешелъ въ университетъ на юридическій факультетъ.

Хотя старикъ Вихрястовъ и не былъ изъ особыхъ хвастуновъ, но объ успѣхахъ сына онъ говорилъ съ особой гордостью, точно часть ихъ падала на него самого.

— Да-съ, Федоръ мой теперь настоящимъ студентомъ задѣлался, емназію съ золотой медалью кончилъ, самъ директоръ мнѣ сказывалъ, что сынокъ мой лучшимъ изъ лучшихъ оказался,—говорилъ не разъ Иванъ Кузьмичъ въ трактирѣ, сидя за чаемъ съ овсянниками и торговцами сѣномъ.

— Куда жъ ты, Кузьмичъ, его послѣ университета пустить-то надумалъ?—спросилъ кто-то изъ нихъ.

— На то воля Божья, куда сподручѣе, туда и пойдеть. Въ судъ—людей судить засядеть, а то, можетъ быть, адвокатомъ сдѣлается.

— Нынѣ за балалайки-то эти, если хорошо настроить, большія деньги платять,—посмѣялся другой извозопромышленникъ.

Старикъ Вихрястовъ обидѣлся, онъ не любилъ, когда шутили надъ его завѣтными мечтами.

— Не за балалайку, Николай Михайловичъ, платять, а за голову! Это возьмите себѣ въ толкъ,—и онъ такъ метнулъ на сосѣда своими, все еще молодыми цыганскими глазами, что тотъ смутился и виновато прошепталъ:

— Да я такъ, только въ шутку, Иванъ Кузьмичъ, знамо дѣло твой Федоръ не имъ чета.

Но для Вихрястова этого извиненія было недостаточно.

— Ну, то-то, то-то, говори, да не заговаривайся, попридержи язык свой, если разболтался!—внушительно сказал старикъ и, поднявшись изъ-за стола, перекрестился на иконы, взял фуражку, ударилъ тульей ея объ исподъ ладони и, молча кивнувъ товарищамъ, пошелъ къ выходу.

— Загордѣлъ нонѣ, какъ Оедюшка евоный въ студенты-то попалъ!—кинулъ ему вслѣдъ сосѣдъ.

Года пронеслись надъ Вихрястовымъ незамѣтно, ему перервалило уже за шестьдесятъ, но онъ попрежнему былъ бодръ, оживленъ, такъ же вставалъ, какъ и прежде, чуть свѣтъ, ругался съ работниками, оттягивалъ отъ нихъ каждый грошъ, строго слѣдилъ за дѣломъ и откладывалъ деньги. Въ наружности его была одна только переменна: курчавые волосы и борода стали совсѣмъ серебряными, но оставались такими же густыми и еще лучше отдѣляли здоровый цвѣтъ его подвижного лица съ легкимъ румянцемъ.

Глаза Вихрястова не утратили присущей имъ зоркости и проникновенія, блестящія точки какъ раньше загорались въ его карихъ зрачкахъ. Только одному измѣнилъ старый извозопромышленникъ: вмѣсто поддевки онъ сталъ носить короткое полупальто, зимою на лисьемъ мѣху, а лѣтомъ изъ легкаго драпа, остальное все было попрежнему, онъ не измѣнилъ ни одной своей привычки; заведенные часы жизни шли для него такъ же аккуратно, какъ и много лѣтъ тому назадъ.

Отъ сына онъ не требовалъ исполненія строго заведеннаго порядка, но Оедоръ такъ привыкъ къ нему, что все шло попрежнему.

— Слушай, Оеденька, что это ты больно скромнень, точно красная дѣвица, отъ людей хоронишься, все дома да дома сидишь да въ книжку смотришь,—говорилъ онъ сыну:—пошелъ бы ты, поразвѣялся, молодость-то одинъ разъ бываетъ, не все тебѣ со мной, старикомъ, здѣсь сидѣть.

Высокій, стройный шатень, молодой Вихрястовъ задумчиво посмотрѣлъ на отца.

— Да что я тамъ не видѣлъ, папаша,—мягкимъ, тихимъ голосомъ отвѣчалъ онъ:—я люблю дома сидѣть, учиться.

— Нѣтъ, Оеденька, не гоже такъ поступать, всему время преопредѣлено—и учиться, и гулять! Эхъ, молодъ-то я былъ, отъ гуленокъ не бѣгалъ, вспомнить стоитъ, не даромъ прошла она, за одинъ часъ показала, закиснешь, такъ-то, Оеденька, потомъ жалѣть станешь, а ну, ступай-ка сегодня въ театръ, пошелъ бы я съ тобой, да не охочь.

Молодой студентъ отправился въ одинъ изъ театровъ. Понравилось ли ему театральное зрѣлище, хотя онъ и раньше бывалъ въ театрахъ, или дѣйствительно ему надоѣло сидѣть все время за кни-

гами, но молодой Вихрястовъ съ этого вечера сталъ очень часто посѣщать театры, что даже вызвало со стороны Ивана Кузьмича замѣчаніе:

— Вотъ, видишь, какъ ладно пришлось, скучать не будешь, сынокъ, радъ за тебя. Вотъ я, другое дѣло, и въ молодости не лъстился туда ходить, а теперь и подавно не тянетъ. Другое дѣло на лошадохъ рысистыхъ посмотришь, это я люблю, а то вотъ больно былъ я охочъ,—раньше по заводамъ кулачные бои водили, любилъ я на нихъ посмотришь, кое-когда самъ бывало разойдусь и драться полѣзу, задорный я былъ.

— Иванъ Кузьмичъ, околоточный тамъ къ вамъ пришелъ, повидаться ему съ вами нужно,—сказала старуха Авдотья, служившая давно у Вихрястова и ходившая за Ѳедей, когда онъ еще былъ ребенкомъ, а затѣмъ подросткомъ.

— Ладно, скажи, что сейчасъ иду.

Извозчикъ вышелъ въ маленькую переднюю, гдѣ его ожидалъ околоточный.

— Наше вамъ,—протягивая руку пришедшему, сказалъ старикъ:—по какимъ дѣламъ ко мнѣ? Аль кто изъ ребятъ напроказилъ?

— Да, дѣло-то, кажись, пустячное, а какъ бы всерьезъ не разыгралось,—вытаскивая изъ портфеля бумаги, низкимъ баскомъ протянулъ полицейскій.

— Пройди-ка сюда, въ зальце, мы здѣсь и потолкуемъ. А ну, теперь показывай, что тутъ случилось,—заботливо спросилъ хозяинъ, усаживая гостя у стола на вѣнскій стулъ, самъ продолжая стоять.

— Есть у васъ работникъ Аркадій Спиридоновъ?

— Какъ не быть, есть, да неужто что съ нимъ стряслось? Парень смирише смирнаго, не пьяный, выручку въ акуратъ возить и въ деревню еще посылаетъ.

— Такъ вотъ съ этимъ парнемъ и стряслась бѣда...

— А ну, сказывай...

— Стоялъ онъ вчера вечеромъ у одного подъѣзда, вышли двое, наняли его въ «Акваріумъ», тамъ побыли, а потомъ ужъ не знаю, какъ уговорили его снять съ себя извозчикью одежду и посидѣть часъ-другой въ трактирѣ, тѣмъ временемъ одинъ изъ сѣдоковъ одѣлся въ кафтанъ, сѣлъ на козлы, подкатилъ къ подъѣзду и посадилъ одного почтеннаго чиновника, дѣйствительный статскій совѣтникъ еще тотъ оказался....

— Ну, ну, сказывай, что же дальше-то?

— Вотъ вы и послушайте, Иванъ Кузьмичъ, что дальше-то. Сѣла съ этимъ чиновникомъ барышня одна,—какъ-то таинственно понизивъ голосъ, сказалъ околоточный:—ну, сами знаете, изъ «такихъ», не торгуясь сѣли, поѣхали. Во всю прыть гнали лошадь тотъ, что переодѣлся, довезъ ихъ до гостиницы. Вышли изъ пролетки и генераль и барышня, она впередъ прошмыгнула въ подъѣздъ, а старичекъ

расплачиваться остался. «Сколько?» спрашивает. «А вот сейчас скажу», отвѣтил онъ, выхватилъ кнутъ, да какъ началъ чиновника имъ лупсовать, а самъ приговариваетъ: «Такъ тебѣ, старому паскуднику, и слѣдуетъ». Народъ сбѣжался, хотѣли задержать—убѣждалъ, а лошадь съ пролеткой остались, въ участокъ свели, по номеру все и разузнали.

— Вотъ оно дѣло-то какое,—сдвинувъ брови, задумчиво сказалъ Вихрястовъ и заботливо спросилъ:—лошадь-то не потратилъ, аль экипажъ, что ли, спортилъ?

— Нѣтъ, это все цѣло, пошлите къ намъ въ участокъ за ними.

— Аркадію-то что будетъ?

— Да ужъ не поглядятъ по головкѣ, онъ не смѣлъ отдавать свою лошадь въ управленіе другому. А вы знаете, кто чиновникъ-то этотъ былъ?

Извозчикъ качнулъ отрицательно головой, околоточный наклонился къ его уху и тихо прошепталъ какое-то имя.

— Да неужто! Вотъ такъ штука. Ишь ты, подишь ты, какую важную персону исполосовалъ!

Околоточный, предложивъ подписать сообщеніе, ушелъ отъ извозпромышленника.

VIII.

— А я знаю, папаша, этого господина, что у нашего работника лошадь бралъ,—съ легкой улыбкой замѣтилъ студентъ, входя въ залу, гдѣ еще сидѣлъ Иванъ Кузьмичъ.

— Да ну, кто жъ такой?

— Тоже нашъ студентъ. Мы съ нимъ случайно въ театрѣ познакомились, рядомъ какъ-то сидѣли.

— Нахаль какой, что ли?

— Нѣтъ, папаша, вовсе нѣтъ. Съ виду человѣкъ хорошій.

— Чудакъ какой! А знаешь, что я тебѣ скажу, я самъ вотъ такимъ въ молодости былъ охочъ что-нибудь такое сдѣлать, чтобъ и опасно было и занятно!

— Ну, занятнаго я здѣсь ничего не вижу.

— Не по мнѣ ты, я вижу, Ѳеденька, пошелъ, задору у тебя этого настоящаго нѣтъ, пожалуй, по новѣшнему времени это и лучше. Какъ бы въ какую исторію не попасть. А все жъ скажи, какъ товарища-то твоего звать? Повидать его мнѣ ужъ больно хотѣлось бы.

— Гантуринъ! Звалъ онъ меня къ себѣ...

— Сходи, голубчикъ, тебѣ съ такимъ человѣкомъ не мѣшаетъ поближе познакомиться, смиренъ ты больно. Да ты откуда все это знаешь? Може, ошибаешься?

— Нѣтъ, папаша, они давно тутъ съ однимъ купцомъ стоваривались и, когда узнали, что вы извозъ держите, спрашивали даже меня, нельзя ли, чтобы я для нихъ это устроилъ, но я отказался.

— Ишь оно дѣло какое, и все-таки на моего работника наскочили. Эхъ, надо какъ-нибудь Аркадія высвободить.

— Только вы, папаша, никому не говорите, о чемъ я вамъ сказалъ.

— Что я маленькій, что ли?—недовольно откликнулся старикъ:—самъ знаю.

Поднявшись со стула, онъ испытующе окинулъ стѣны «зальца» и, заложивъ руки за спину, направился въ переднюю.

— А знаешь что, Оеда, — обернулся онъ на порогѣ къ сыну:—позови-ка ты этого ухаря-барина сюда къ себѣ, разодолжишь ты меня этимъ. Мы какъ слѣдъ съ нимъ потолкуемъ, да зови прямо сегодня, — разошелся старикъ.

— Ужь не знаю, папаша, что вамъ отвѣтить, удобно ли будетъ звать Павла Ильича сюда-то?

— Баринъ, къ мужикамъ не пойдетъ!—обиженнымъ тономъ отозвался Вихрястовъ:—не пойдетъ, тогда и не надо.

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать, это все равно Гантурину, а удобно ли? Какъ бы наши работники его не признали.

— Кому признавать-то? Аркашку теперь изъ полиціи все равно не выпускаютъ, а другіе развѣ кто его знаютъ?

→ Хорошо, я послѣ университета найду къ нему и позову.

— Вотъ и ладно, а мы его тутъ угостимъ да и потолкуемъ. Только не сказывай ты ему напередъ, что ты всю эту исторію знаешь, може, и впрямъ побоится сюда прійти, за ловушку какую бы еще не счелъ.

Старикъ хлопнулъ дверью и сталъ спускаться внизъ, въ извозчичье помѣщеніе.

IX.

Найти Гантурина Оедору не удалось, онъ второй день не возвращался домой.

«Закутилъ, должно быть, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ боится вчерашней исторіи, — подумалъ Вихрястовъ. — А если я ошибся, и все это продѣлалъ не онъ, а кто-нибудь другой?»

Молодой студентъ вышелъ ужъ изъ подъѣзда, но около него неожиданно встрѣтилъ Гантурина, съ нимъ шелъ какой-то другой студентъ.

— А я къ вамъ, Павелъ Ильичъ, заходилъ, жалѣлъ, что не засталъ васъ дома, — сказалъ Вихрястовъ.

— Вы рѣдкій гость, я очень радъ васъ видѣть, вернемтесь. А это мой пріятель, Василій Петровичъ Богдановъ, нашъ коллега, но другого факультета.

Молодые люди снова поднялись въ квартиру Гантурина.

Онъ занималъ здѣсь хорошую комнату. Отецъ его посылалъ ему достаточно денегъ, и молодой Гантуринъ жилъ въ Петербургѣ въ

достаткъ, прибѣгать къ помощи уроковъ или брать какія-либо другія занятія ему не приходилось.

— А я къ вамъ пришелъ съ цѣлью, хотѣлъ звать васъ къ себѣ, — нерѣшительно протянулъ Федоръ — старикъ мой хочетъ съ вами познакомиться, очень проситъ васъ.

— Вашъ отецъ? Вотъ странно! — изумился студентъ: — да онъ меня не знаетъ: — никогда не видѣлъ.

— Должно быть, слышалъ о тебѣ много, — шутиливо замѣтилъ Богдановъ: — ты вѣдь своего рода знаменитость.

— Ну, не думаю, чтобы... — Гантуринъ хотѣлъ сказать «извозчикъ», но, взглянувъ на сидѣвшаго противъ него Федора, понявъ неудобство этого названія и продолжалъ: — чтобы г. Вихрястову старшему былъ бы я чѣмъ-нибудь интересенъ.

Въ эту минуту ему припомнилась вчерашняя исторія, онъ быстро сопоставилъ ее съ готовымъ было вырваться у него словомъ «извозчикъ» и началъ соображать, не имѣется ли здѣсь какой-нибудь связи.

«Ужъ не ловушка ли какая?» пришло ему въ голову, и онъ сейчасъ же отвѣтилъ Вихрястову отказомъ:

— Въ другой разъ, любезный коллега, я къ вамъ приду, теперь я очень занятъ и обѣщать навѣрное не могу.

— Что жъ, очень жаль, но я надѣюсь, что вы исполните мою и его просьбу, навѣстите насъ.

Федоръ чувствовалъ себя какъ-то очень смущеннымъ и, распрощавшись со студентами, ушелъ.

— Что это ты, Павелъ, отказался? — изумленно спросилъ Богдановъ. — Человѣкъ, видимо, къ тебѣ акъ расположенъ, хочетъ съ тобою познакомиться...

— Я бы и не прочь у него бывать, онъ хорошій парень, да и товарищъ, кажется, недурной.

— Ну, такъ что же, въ чемъ задержка?

Гантуринъ прищурилъ лукаво глазъ, оперся колѣномъ на стулъ и, взявшись за спинку его, началъ качать.

— Тутъ, братъ, загвоздка, нужно ее просмаковать сперва.

— Ну? — вопросительно спросилъ его товарищъ.

— Отецъ его извозопромышленникъ богатый, онъ одинъ сынъ, все это очень хорошо...

— Что жъ ты брезгуешь подобнымъ знакомствомъ? — съ легкимъ упрехомъ замѣтилъ Богдановъ.

— Станный вопросъ, почему брезговать, особенно при моихъ возрѣвнiяхъ на равноправіе. Дѣло тутъ не въ томъ, братецъ, а припомни, что мы съ тобой вчера продѣлали, да пораскинь умомъ.

— А вѣдь ты и правъ, чортъ возьми, я этого не сообразилъ, можетъ быть, прознали про наши проказы какимъ-нибудь образомъ.

— Наконецъ-то понялъ! Потому я схожу, отчего не сходить. Если хочешь, пойдемъ вмѣстѣ.

— Да онъ меня не звалъ, неудобно какъ-то.

— Вотъ еще пустякъ какой, повторяю, онъ хорошій товарищъ, я вотъ больше двухъ мѣсяцевъ какъ съ нимъ знакомъ, застѣнчивый, смиренный человѣкъ, будетъ еще очень радъ, если мы съ тобой придемъ. Да ты самъ, пожалуй, не пойдешь, вѣдь ты баричъ настоящій, генеральскій сынъ, гдѣ тебѣ тутъ съ извозчиками знаться, — сказала Гантуринъ, насмѣшливо поглядывая на собесѣдника.

— Ну, ну, не толкуй пустого, ты самъ сынъ прокурора, а вѣдь идешь же туда, и, чтобы тебѣ доказать, что для меня это все равно, идемъ вмѣстѣ къ нему, — чуть не выкрикнулъ Богдановъ.

— Хорошо...

Гантуринъ на минуту задумался, затѣмъ рѣшительно махнулъ рукою.

— А ну, чего тутъ всякія страсти придумывать, валимъ сегодня, — смѣло проговорилъ онъ: — поищи-ка тамъ на столѣ, гдѣ-то его адресъ валяется.

— А насчетъ вчерашней-то исторіи? — ты не боишься нерѣшительно спросилъ Богдановъ.

— Да ну, что говорить! Рѣшено и идемъ, вотъ и вся недолга.

Х.

Гантуринъ, средняго роста плотный блондинъ, пріѣхалъ въ университетъ изъ средней полосы Россіи. Отецъ его занималъ мѣсто прокурора въ крупномъ губернскомъ центрѣ. Молодой студентъ, быстро освоившійся со столицей и имѣвшій, благодаря связямъ отца, хорошее знакомство въ чиновномъ кругу ея, пользовался жизнью во всю. Временно забросивъ занятія въ университетѣ, онъ ежедневно бывалъ то въ театрахъ, то на вечерахъ, а нерѣдко проводилъ въ кутежахъ цѣлыя ночи. Крѣпкая натура молодого человѣка выдерживала такую необычную для него, какъ для провинціала, встряску.

Въ Петербургѣ же познакомился онъ и съ Богдановымъ. Отецъ послѣдняго, отставной генералъ, служившій теперь директоромъ въ какомъ-то коммерческомъ предпріятіи, былъ старымъ товарищемъ его отца, и весельчакъ Гантуринъ былъ принятъ въ его домѣ съ распростертыми объятіями.

Молодой Богдановъ мало походилъ на своего пріятеля. Худощавый, высокій, блѣдный юноша, настоящій петербуржецъ, старательно работавшій въ университетѣ, быстро подвигаясь впередъ, онъ не особенно увлекался балами, рѣдко посѣщалъ театръ, а объ кутежахъ не имѣлъ никакого представленія; но появился въ домѣ Гантуринъ, молодые студенты быстро сошлись, и сильный волею провинціалъ сейчасъ же завертѣлъ нерѣшительнаго петербуржца,

сталь таскать его на вечера, по театрамъ, понемногу пріучилъ и къ кутежамъ. Когда Богдановъ не соглашался съ нимъ ѣхать, то стоило только Гантурину насмѣшливо замѣтить: «Ну, братъ, какой же ты студентъ, настоящіе студенты такіе не бываютъ, имъ все ни по чемъ, а ты баба, какъ есть баба!»

Этого было достаточно, чтобы молодой человѣкъ, покраснѣвъ отъ укора товарища, сейчасъ же отправился съ нимъ, куда бы только онъ его ни звалъ.

Всѣ эти безсонныя ночи тяжело отражались на здоровьѣ Василія Петровича, нерѣдко молодой студентъ мучился головною болью по цѣлымъ днямъ.

У старика-генерала, кромѣ сына-студента, былъ еще кадетъ и двѣ дочери. Занятый дѣломъ, онъ мало обращалъ вниманія на дѣтей, и только когда его жена, Елизавета Михайловна, нервная, кислая дама, жаловалась на нихъ, то старикъ, нахмуривъ брови, отправлялся ихъ «разносить». Но обыкновенно разносъ этотъ былъ кратокъ. Слабохарактерный генераль ограничивался въ этомъ случаѣ одной фразой: «Что, мать не слушаться, выпорю!» Эта фраза говорила, когда дѣло шло о младшихъ двухъ членахъ семьи—о кадетѣ Алешѣ и Вѣрочкѣ-гимназисткѣ шестого класса. Для старшихъ редація ея измѣнялась такъ: «Какъ вамъ не стыдно мать тревожить, у ней мигрень начинается! Кажется, мнѣ придется принять строгія мѣры!»

Разумѣется, никто изъ дѣтей не обращалъ вниманія на отца, да не боялись и матери, продолжавшей долго ворчать и жаловаться.

Старшая дочь, Елена, только что окончила институтъ; она представляла настоящій типъ кисейной барышни. Характерное институтское воспитаніе привило ей присущіе закрытымъ заведеніямъ недостатки и достоинства.

У хорошенькой Елены Петровны появились томность взгляда, особая пѣвучесть въ разговорѣ, дѣланная наивность и невѣроятная чувствительность. Она готова была плакать, прочитавъ въ книгѣ какую-нибудь трогательную исторію, встрѣчая на улицѣ нищихъ-калѣкъ, убогихъ, дѣвочка нервно передергивала плечами и готова была отдать имъ послѣднія деньги.

— О, у Элленъ ангельская душа,—восторженно повторяла Елизавета Михайловна всѣмъ и каждому:—она сдѣлаетъ счастливымъ своего будущаго мужа.

— Да, у нашей Елены глаза на мокромъ мѣстѣ,—шутливо говорилъ генераль:—она плачетъ надъ каждой брошенной кошкой!

— Папа, — замѣтилъ какъ-то разъ кадетъ:—Лена наша такую сегодня жалость распустила, что мысъ Маней дразнить ее даже стали.

— А, ну, рассказывай,—заинтересовался старикъ, только что вернувшійся со службы и добродушно садившійся обѣдать.

— Встрѣтила на улицѣ какую-то дѣвчонку оборванную, привела ее къ намъ сюда, накормить велѣла, а та у ней тупли утащила.

— Какая каналья! Ну, что жь, Ленѣ впередъ наука, не води съ улицъ разныхъ бродяжекъ.

Генераль жилъ безбѣдно, но особой роскоши себѣ не позволялъ, на службѣ ему не такъ много платили, да и пенсія была не велика, но все-таки принималъ къ себѣ разъ въ недѣлю гостей, кормилъ недорогоимъ ужиномъ. Собиралась преимущественно молодежь, но бывали кто и изъ семейныхъ знакомыхъ.

Молодежь веселилась, танцевала, играла въ разныя игры, зачинщикомъ которыхъ всегда былъ Гантуринъ, и затѣмъ исчезала до слѣдующаго журфика.

— Ты что же взяла подрядъ кормить эту ораву каждую недѣлю?—недовольно замѣтилъ однажды генераль.

Елизавета Михайловна какъ-то съежилась, ее смутило замѣчаніе мужа.

— У меня имѣется цѣль, Петенька.

— Знаю впередъ, знаю, какая цѣль,—перебилъ ее Петръ Яковлевичъ:—Еленѣ жениха подыскиваешь. Не трудись, матушка, понапрасну, все это вовсе не женихи, а только кавалеры; попьютъ, поѣдятъ, да такъ изъ дома и уйдутъ.

Но замѣчаніе мужа не повліяло на гостепріимную хозяйку. Молодежь попрежнему въ назначенный день переполняла генеральскую квартиру, шумѣла и танцевала.

XI.

Неожиданное появленіе студентовъ въ квартирѣ Вихрястова, когда Гантуринъ такъ рѣшительно отказался пріѣхать, смутило не ожившаго ихъ Ѳедора. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и занимался, когда они позвонили. Навстрѣчу имъ вышелъ самъ старикъ.

— Милости просимъ, господа почтенные, сколь много разодолжили меня вашимъ прибытіемъ,—встрѣтилъ ихъ Иванъ Кузьмичъ, самъ помогая старухѣ Авдотѣ снять съ нихъ пальто.

— Помилуйте, что вы сами хлопчете,—смущенно сказалъ Богдановъ.

— Не велика бѣда, что помогаю, вѣдь вы, господа, жданные гости, милости прошу пожаловать въ зальце, сейчасъ и Ѳеденьку покличемъ.

Молодые люди, переглянувшись между собою, вошли въ сосѣднюю комнату. Старикъ спѣшно, рысцою побѣжалъ въ комнату къ сыну.

— Ѳеденька, выйди, пришелъ тотъ-то, твой пріятель, а съ нимъ еще другой паренекъ, — торопливо сказалъ Вихрястовъ сыну и возвратился обратно къ гостямъ «въ зальцу».

Гантуринъ умѣлъ найти тему разговора съ каждымъ, его не затрудняло это, но здѣсь, у извозопромышленника, это было еще легче:

у прокурора было свое имѣніе съ конскимъ заводомъ. Павелъ, любитель лошадей и понимавшій въ нихъ толкъ, сейчасъ же разговаривался со старикомъ о достоинствахъ той или другой породы.

— Ну, и мастакъ же вы, баринъ, какъ я вижу, по статьямъ лошадей разобрать можете, ничего отъ васъ не укроется.

— Съ малолѣтства къ этому приученъ,—небрежно отвѣтилъ студентъ: — еще мальчикомъ научился, никто меня на нихъ не проведетъ.

Послѣднее замѣчаніе задѣло за живое стараго лошадики.

— Ну, ибѣтъ, не скажите, Павелъ Ильичъ, у насъ на Конной такіе жохи по этому дѣлу имѣются, что проведутъ васъ и выведутъ.

Гантуринъ насмѣшливо прищурилъ глазъ и покачалъ головою.

— Не придется имъ, почтеннѣйшій, меня провести, не таковскій,—протянулъ онъ.

— А вотъ у моей тетеньки у графини...—началъ говорить Богдановъ.

— Ты, Вася, помолчи,—рѣзко оборвалъ его товарищъ:—въ этомъ дѣлѣ ты ничего не понимаешь. Дай намъ по душѣ съ Иваномъ Кузьмичемъ потолковать, и онъ и я лошадей любимъ.

— Да какъ лошадей не любить, баринъ, она хоть безсловесная тварь, а поди лучше другого человѣка все понимаетъ.

Федоръ застѣнчиво вошелъ въ комнату. Завязался общій разговоръ.

Старикъ Вихрястовъ осторожно подошелъ ко вчерашему случаю съ молодыми людьми. При первомъ намекѣ на него Богдановъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Недовольно поежилъ плечами и Гантуринъ. Онъ вспомнилъ о своихъ опасеніяхъ, но рѣшился ничего не скрывать.

— Да вы это такъ, изъ любопытства спрашиваете, или, можетъ быть... вамъ приказали?—пристально глядя на старика, внятно спросилъ его студентъ.

Федоръ встревожился. Ему сдѣлалось неловко, онъ не зналъ, какъ ему поступить. Самъ Вихрястовъ нашелся.

— Что вы, что вы, ваше благородіе, никогда у меня и въ помыслахъ не было по приказанію кого-либо разспрашивать, я такъ, просто, самъ поинтересовался... Ужъ больно рѣзко и хватливо все это вы устроили,—сказалъ старикъ и пристально уставился на Гантурина, точно желая прочесть его сокровенныя мысли.

— Ахъ, такъ, — усмѣхнулся послѣдній:—въ такомъ случаѣ все расскажу вамъ доподлинно, ничего не скрою. Н-да, занятную штуку мы съ нимъ продѣлали,—небрежно кинулъ онъ въ сторону Богданова.

Тотъ пугливо съежился.

— Скажу тебѣ, баринъ, вотъ какъ по сердцу мнѣ пришлось это дѣло, и выразить не могу. Рѣзокъ и мапистъ былъ я въ мо-

лодые годы, а того, чтобы генерала выдрать кнутомъ, додуматься не могъ.

Довольный похвалою извозчика, Гантуринъ коротко произнесъ:

— Не даромъ я его выстегалъ, стоитъ того, мы съ Богдашей дня три его караулили, по разному придумывали, какъ поймать, а тутъ вотъ онъ и попался.

— А за что вы его подъ такую сѣкуцію подвели?—любопытствовалъ старикъ.

— Да ужъ было за что, это наше дѣло, такъ зря не сталъ бы я человѣка трогать.

По мѣрѣ того, какъ развивался разговоръ, старикъ Вихрястовъ становился все больше и больше внимательнымъ, онъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ лица рассказчика, слѣдя за выраженіемъ его подвижного лица, и, когда тотъ закончилъ, Иванъ Кузьмичъ съ довольнымъ видомъ проговорилъ:

— Ишь ты, подишь ты, какая исторія-то, и скажу вамъ, баринъ, что вы правѣе праваго такъ поступили.

Старикъ разошелся; прижимистый и скуповатый въ обыденной жизни, онъ хорошо угостилъ товарищей сына.

— Вотъ, Богъ дастъ, Оеденька кончитъ свое ученье, тогда ужъ по-другому заживемъ, да вы, господа почтенные, не обидьтесь, что у насъ все здѣсь попросту. Пока онъ былъ малехонькій, ничего такого особеннаго не требовалось, а потомъ ужъ я ничего для него не пожалѣю и квартирку порасширю, а пока кто сынка моего любить и такъ къ нему придеть.

— А ты знаешь, что, Богдаша,—говорилъ товарищу Гантуринъ, когда они возвращались отъ извозопромышленника:—старый-то мнѣ понравился, хитерь онъ, обдѣлистъ, ну, словомъ, цыганъ настоящій, а характеръ сильный и смѣтка настоящая русская имѣется, такихъ я людей люблю.

Богдановъ, ослабѣвшій отъ крѣпкаго портвейна, шель слегка покачиваясь.

— Что жъ, я тебѣ тоже скажу, Иванъ Кузьмичъ человѣкъ гостепріимный, привѣтливый и Оедоръ товарищъ хорошій, я его къ намъ звалъ.

— Какъ разъ для тебя подходящій человѣкъ, смиренный, долбяга, «подъ кадрель» тебѣ,—засмѣялся Гантуринъ:—одинъ вечеръ у извозчика посидѣли, а я ужъ по-извозчицѣ говорить началъ.

Было еще не поздно, когда они ушли отъ Вихрястова.

— Завернемъ къ какой-нибудь «капернаумъ»,—предложилъ товарищу Павелъ Ильичъ,—ночь-то для насъ еще не коротка.

Безвольный Богдановъ сейчасъ же согласился на его предложеніе.

XII.

Посѣщеніе студентовъ сослужило для молодого Вихрястова хорошую службу. Оно ввело его въ семью Богданова, тамъ онъ познакомился и съ другими. Чувствуя до сихъ поръ себя неловко въ обществѣ дамъ, Ѳедоръ Ивановичъ сталъ понемногу привыкать къ нимъ, извозчичій дворъ съ его грязью, криками отца, руганью пьяныхъ извозчиковъ сталъ отходить отъ него. Онъ старался рѣже бывать дома, занимался у товарищей и приходилъ домой только ночевать.

Иванъ Кузьмичъ на это не сердился, ему было даже пріятно, что сынъ сошелся съ «хорошими господами», и если когда и спрашивалъ Ѳедю, гдѣ онъ бываетъ и гдѣ проводитъ время, то изъ скрытаго опасенія, чтобы сынъ не началъ кутить и гулять.

Никогда ничего не скрывавшій отъ отца Ѳедоръ откровенно рассказалъ ему все.

— Хорошо дѣлаешь, Ѳеденька, что къ вину не пристрациваешься и табакомъ не занимаешься: нездорово и на грудь сильно ложится. Да что я говорю-то тебѣ, точно не знаю, каковъ ты человѣкъ, и безъ моего заказа этимъ дѣломъ не займешься! Вотъ я всю жизнь прожилъ, а рюмки вина, папироски или сигарки во рту не было, и слава Господу моему, здоровъ, да и умирать скоро не собираюсь.

Извозный промыселъ у старика не уменьшался, расширять его онъ не думалъ, а старательно поддерживалъ.

Такъ же, какъ и прежде, покупалъ онъ пригоняемыхъ сюда изъ Тамбовской губерніи лошадей, торговался до поту съ барышниками, съ кузнецами, съ поставщиками, но къ работникамъ отношенія его немного улучшились.

— Поотпустилъ маленько, утихилъ нашъ-то,—говорили про него извозчики.

Не ворчалъ онъ теперь и на стряпку за излишнюю трату масла, за большой расходъ на ѣду.

Старикъ задумалъ новое для него дѣло: перестроить флигель на дворѣ.

— Рано или поздно Ѳедюню женить придется, да и дѣло у него чистое будетъ, въ трехъ комнатухахъ не помѣстится, нужно какъ слѣдъ квартиру ему отдѣлать, чтобъ на виду все было, баринъ вѣдь, сыночекъ-то,—не безъ гордости разсуждалъ Иванъ Кузьмичъ.

Старый извозчикъ не чувствовалъ къ сыну никакой зависти, что тотъ теперь выше его по всему, и по образованію, и по положенію, которое онъ началъ занимать въ обществѣ, напротивъ того, у Вихрястова появилась особая гордость, что онъ, простой мужикъ, сумѣлъ все это устроить.

— Спервоначалу-то думалось мнѣ, какъ это дѣтенышъ отъ своего родного дѣла пятится, заняться имъ брезгуешь, обидно даже

мнѣ становилось,—не разъ рассказывалъ Иванъ Кузьмичъ своимъ собесѣдникамъ по трактиру:—апосля присмотрѣлся я да надумалъ, и впрямь лучше, что онъ въ другую сторону пошелъ, и ученье какъ слѣдъ проходить, дѣломъ барскимъ займется.

— А я вотъ Алешку своего къ извозу приставилъ, по утрамъ онъ у меня у извозчиковъ выручку обираетъ, въ книжку пишетъ, а я часомъ позже вставать теперь началъ, кости старыя нѣжу, — замѣтилъ другой изъ извозопромышленниковъ, Лукьянъ Парамоновъ, высокій худощавый старикъ, тоже державшій извозъ немало лѣтъ.

— Каждый по-своему жизнь своимъ птенцамъ строить,—не удержался отвѣтить ему Вихрястовъ:—ты вѣдь своего парня-то на это дѣло готовилъ, отъ ученья оторвалъ.

— Изъ четвертаго класса Петровскаго училища взялъ его, тоже, какъ и у тебя, Алексѣй-то у меня одинъ, въ солдаты не возьмутъ, иначе къ чему же башку-то ученьемъ набивать.

— Такъ, такъ,—отозвался Иванъ Кузьмичъ, постукивая пальцами по столу:—а если Алешѣ-то твоему дѣло не повезетъ, мало ли что на свѣтѣ бываетъ, къ чему другому ему приспособиться, а, кумъ? Не самому же въ извозчикахъ ѣздить, хозяйскій вѣдь сынъ.

— Отчего же не поѣхать, и поѣдетъ,—твердо отвѣтилъ Лукьянъ:—не привыкать ему стать. Да ты что жъ думаешь, сосѣдъ, вотъ, примѣрно, у меня на прошлой недѣлѣ ѣздилъ въ работникахъ настоящей баринъ, пачпортъ дворянскій, по французскому говорить умѣетъ.

— Да ну, неужто правда?

— За милую душу, всякое слово знаетъ. Тутъ одинъ день возилъ онъ французенку изъ театра, такъ та его часа три не отпустила, все съ нимъ болтала по-своему, десять рублей, сказывали мнѣ другіе извозчики, дала ему.

— И теперь онъ еще у тебя, кумъ, живетъ?—заинтересовался Вихрястовъ: ему почему-то захотѣлось переманить къ себѣ этого работника.

— Куда тутъ, недолго пробылъ и ушелъ.

— А къ кому именно порядился?—допытывался Иванъ Кузьмичъ.

Парамоновъ усмѣхнулся, схлебнулъ съ блюдечка чай и, вынувъ изо рта обгрызокъ сахара, кинулъ его въ полоскальницу.

— На вольные хлѣба, ребята сказываютъ, та французенка, что съ нимъ ѣздила, къ себѣ наладила.

— Ишь ты, подишь ты, ловкій паренъ какой выискался, работать поднадоѣло,—мигнувъ глазомъ, сказалъ Вихрястовъ.

— Да ты, какъ тамъ хочешь, толкуй, а онъ по-своему. Борисомъ его и звали. Тоже, говорить, раньше въ университетѣ состоялъ.

Восприимчивая мысль Ивана Кузьмича сейчас же представила возможность подобного случая и для сына, но он откинул ее, как вздорную...

— Ты чего жъ къ намъ-то не заживаешь, Лукьянъ Парамовичъ? Приходи, повидай Ѳеденьку, вѣдь крестникомъ тебѣ доводится.

— Самъ знаешь, Иванъ Кузьмичъ, когда приходитъ-то по нашему дѣлу, зѣвсѣ на дворѣ толчешься; если выйдешь, такъ въ трактиръ только, да и крестника-то когда его дома поймашь?

— Ну, ладно, выберешь когда, заживай, — протягивая руку куму, проговорилъ старикъ, направляясь къ другому столику, за которымъ сидѣлъ его знакомый сѣнникъ.

XIII.

У Богдановыхъ былъ журфиксъ, онъ пришелся въ какой-то праздникъ; генераль оставался дома съ самага утра, ему было скучно, онъ тоскливо ходилъ изъ комнаты въ комнату и надоѣдалъ всѣмъ.

Подойдя къ открытому роялю, онъ усѣлся за него и началъ играть, вспоминая когда-то давно выученную пьесу. Отвыкшіе, загрубѣвшіе пальцы его не слушались, особеннымъ слухомъ Петръ Алексѣевичъ не обладалъ, игра не удавалась.

— Я никогда не знала, папа, что вы умѣете играть, — подойдя къ роялю, замѣтила старшая дочь.

— Игралъ, игралъ, Леночка, когда-то, многіе хвалили мою игру, ну, а теперь ужъ не то, не идутъ пальцы.

Кадетъ и Вѣра, оставшіеся по случаю праздника дома, заглянувъ въ залу, чтобы узнать, кто играетъ, побѣжали къ матери съ докладомъ.

— Мама, мама, папа-то нашъ піанистомъ хочетъ сдѣлаться, — сообщилъ матери насмѣшливый Алеша, въ надеждѣ, что мать поддержитъ его шутку, но Елизавета Михайловна вспомнила о томъ времени, когда мужъ ея былъ красивымъ, молодымъ офицеромъ, и увѣренно отвѣтила сыну:

— Что жъ изъ этого, папа отлично игралъ на роялѣ, его вездѣ приглашали играть.

— Ну, мама, не вѣрю, — замѣтила гимназистка: — ни ладу, ни складу въ его игрѣ!

Генеральша хотѣла обидѣться и разнести дочь, но вспомнила, что сегодня собираются гости, и благоразумно замолчала.

Генераль, ободренный Леной, продолжалъ играть старинную пьесу. Институтка слушала его и умилялась.

— Какой ты, папа, молодецъ, все ты умѣешь, какъ я завидую тѣмъ людямъ, которые все умѣютъ дѣлать.

— Да, это очень хорошо,—пробасилъ генераль:—только особенно раскидываться нельзя,—и, оборвавъ игру нестройнымъ аккордомъ, онъ обернулся лицомъ къ дочери.

— Мнѣ Вася рассказывалъ про одного товарища, онъ у насъ бываетъ, ну... какъ его, я забылъ...

— Это вы про Вихрястова, папаша, говорите?—пришла къ нему на помощь Елена.

— Совершенно вѣрно, про него. Онъ вѣдь изъ извозчиковъ и, кажется, самъ ѣздилъ на козлахъ.

— Что вы, папа, говорите, вовсе нѣтъ, это Вася сказалъ вамъ только въ шутку. У Ѳедора Ивановича отецъ очень крупный извозпромышленникъ. А онъ самъ скоро кончаетъ курсъ въ университетѣ.

— Вотъ какъ! Ну, значить, я что-нибудь перепуталъ,—протянулъ генераль, снова принимаясь за игру.—А тебѣ это, Лена, не странно, что у простого извозчика сынъ—студентъ?

— Нѣтъ, папа, нисколько, Ѳедоръ Ивановичъ такой милый, нельзя даже этого подуматъ, что онъ изъ простыхъ.

— Нынче, матушка, каждый мужикъ лѣзетъ въ бары,—негодующе прозвучалъ генеральскій отвѣтъ,—теперь всѣ только о равноправіи и кричатъ.

— Онъ, папа, хочетъ быть адвокатомъ,—послѣ нѣкотораго молчанія замѣтила дочь.

— Мало еще ихъ развелось, а то, пожалуй, и на судебную должность зарится.

— Нѣтъ, на казенную службу онъ не хочетъ поступать. Павелъ Ильичъ хотѣлъ ему оказать протекцію у своего отца.

— Ну, и этотъ тоже хорошъ, вмѣсто того, чтобы своихъ поддерживать, мужика тянетъ,—отозвался генераль и, недовольный, что игра ему не удается, грузно поднялся со стула и захлопнулъ крышку рояля.

Чистенько обставленная квартира Богдановыхъ начала наполняться молодежью. Въ числѣ первыхъ явился и молодой Вихрястовъ, очень рѣдко пропускавшій эти журфиксы. Скромнаго, мало-разговорчиваго студента трудно было узнать, даже внѣшній видъ его перемѣнился, у него появилось желаніе нравиться. Костюмъ не попрежнему мѣшковато на немъ сидѣлъ, заказывалъ онъ у хорошаго портного, само лицо какъ-то преобразилось. Ѳедоръ отпустилъ небольшую бородку, чрезвычайно къ нему шедшую, научился танцовать, сдѣлался находчивымъ, однимъ словомъ, прежняго застѣнчиваго сына извозчика узнать теперь было нельзя. Курить онъ, какъ и предполагалъ старикъ Вихрястовъ, не сталъ, не пристрастился онъ и къ вину, хотя Гантуринъ, съ которымъ Ѳедоръ за это время близко сошелся, пытался вовлечь его въ кутежи,

— Нѣтъ, Павлуша, не любитель я проводить безсонныя ночи,—спокойно говорилъ онъ товарищу:—послѣ нихъ голова болить и работается плохо, а мнѣ нужно кончать курсъ.

— Да въ тебѣ и не нуждаемся, коли такъ, мы съ Богдашей такого «заверта» зададимъ, что за ушами трещать станеть,—негодующе отвѣчалъ Гантуринъ:—эхъ ты, Ѳедоръ, молодость какъ слѣдуетъ проводить не умѣешь, потомъ вспомнишь, пожалѣешь!

Вихрястовъ загадочно улыбался и махалъ рукой:

— Тамъ увидимъ, кто ее добромъ вспомнить, вы или я!

Разговоръ этотъ повторялся не разъ, но Ѳедоръ Ивановичъ стойко стоялъ на своемъ, это какъ-то отплатнуло его отъ Гантурина и другихъ товарищей-кутилъ. Зато онъ часто посѣщалъ семейные дома и по-своему весело проводилъ тамъ время.

Его ожидали вездѣ съ радостью, въ особенности дѣвицы, для которыхъ онъ былъ незамѣнимымъ танцоромъ и веселымъ собесѣдникомъ.

XIV.

— Ну, наконецъ и вы,—бойко заговорила Елена; въ глазахъ ея засвѣтилась радость, когда она встрѣтила вошедшаго въ столовую Ѳедора Вихрястова:—почему сегодня такъ поздно?

Въ голосѣ ея зазвучала капризно-властная нотка.

— Очень былъ занятъ, Елена Петровна,—извиняющимся тономъ отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Не вѣрю, не вѣрю, вамъ нравится, чтобы васъ ждали другіе! Сознайтесь, что вы сказали неправду, ну, пожалуйста,—присительно глядя въ глаза студента, продолжала дѣвушка.

Ѳедоръ Ивановичъ смутился и не зналъ, что ей отвѣтить.

— Да увѣряю васъ, я не лгу...

Елена капризно надула губки.

— Я не ожидала отъ васъ, что вы такой упрямый, ну, что вамъ стоитъ сказать: «да, я пошутилъ».

— Извольте, если вамъ это такъ нравится...—улыбнулся Вихрястовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я не признаю этого «если», — перебила его Богданова, но сейчасъ же громко разсмѣялась.

— Довольно объ этомъ, я не сержусь на васъ! Садитесь за столъ, я сейчасъ налью вамъ чаю. Вамъ съ чѣмъ? съ лимономъ? съ вареньемъ? съ копычкомъ?—бойко засыпала она его вопросами.

— Позвольте мнѣ сперва со всѣми поздороваться, тогда я ужъ вамъ отвѣчу,—и Ѳедоръ Ивановичъ сталъ обходить вокругъ стола.

— Однако, какая тебѣ честь,—шутливо откликнулся Гантуринъ, протягивая руку товарищу:—тебя встрѣчаютъ, выговариваютъ, милостиво прощаютъ и въ довершеніе всего поятъ чаемъ, смотри, Ѳеденька, не возгордись послѣ всего этого!

— Что это вы тамъ выдумываете, Василій Ильичъ,—возмутилась молодая хозяйка:—я ничѣмъ особенно не отличаю Ѳедора Ивановича, отношусь къ нему такъ же, какъ и ко всѣмъ другимъ.

— Та-та-та, барышня, знаемъ мы,—многозначительно посмотрѣвъ на Лену, шутливо прибавилъ Гантуринъ.

— Будете вы тамъ еще выдумывать, несносный!

— Эге, вы сердитесь, значить, я угадалъ.

— Что, что угадали?

Гантуринъ комично вытянулъ лицо, закрылъ глаза и поднялъ палецъ:

— Тсс!... Молчаніе!

За столомъ послышался смѣхъ.

— Ну, ну, довольно смѣяться! Кто кончилъ пить чай, пожалуйста въ залу, нечего тутъ засиживаться,—распорядилась молодая хозяйка.

— Да что это въ самомъ дѣлѣ ты здѣсь надъ всѣми командуешь, точно полковой командиръ?—замѣтилъ вышедшій изъ кабинета генераль, другіе, можетъ быть, хотятъ еще пить чай, а ты всѣхъ гонишь!

— Нѣтъ, благодаримъ васъ, Петръ Алексѣевичъ, мы уже напились,—отозвался кто-то изъ молодежи:—сейчасъ будемъ играть въ шарады.

— Въ самомъ дѣлѣ, отецъ, оставь молодежь заниматься, какъ они сами хотятъ, не мѣшай имъ,—капризно проговорила Елизавета Михайловна, появляясь въ столовой:—молодые люди, не обращайтесь на него вниманія.

Молодежь шумно поднялась изъ-за стола и направилась въ залу, гдѣ ужъ кто-то изъ раньше туда ушедшихъ бойко игралъ на роялѣ задорный мотивъ изъ модной оперетки.

Стало сразу весело, оживленно. Въ опустѣлой столовой генераль сѣлъ за столъ и самъ налилъ себѣ стаканъ чаю. Уставившись глазами въ блестящій самоваръ, онъ бессознательно въ тактъ музыки побрякивалъ ложечкой.

— Спугнулъ всѣхъ и самъ здѣсь разсѣлся!—недовольнымъ тономъ протянула генеральша.

Петръ Алексѣевичъ ничего ей не отвѣтилъ, но жена не унималась.

— Тебя начинаютъ всѣ бояться, своимъ обращеніемъ ты всѣхъ отводишь отъ нашего дома.

Генераль началъ тихо насвистывать.

— Кому я говорю это? Столу этому или тебѣ?..

— Какъ ты мнѣ надоѣла сегодня, Елизавета, я тебѣ и сказать не могу,—не выдержалъ старикъ..

— Папа, дай, пожалуйста, намъ карты,—крикнула отцу вбѣжавшая въ столовую младшая дочь гимназистка:—намъ нужны карты для шарадъ.

Генераль, захвативъ свой чай, обрадованный, что можетъ уйти отъ надоедливаго ворчанія жены, направился съ Вѣрочкой въ кабинетъ.

— Былъ Иродомъ, такимъ же и остался!—кинула ему вслѣдъ жена.

Въ залѣ молодежь на нѣкоторое время утихла, половина ея перебралась въ сосѣднюю съ залой комнату Лены и придумывала шарады. Шарада была какая-то очень путанная, затѣйливая, между прочимъ на долю Вихрястова и Елены вышло изображать молодыхъ любящихъ супруговъ; они должны были, выйдя въ залу, цѣловаться и ворковать. Придумалъ это молодой Богдановъ.

Федоръ Ивановичъ смущенно смотрѣлъ на молодую дѣвушку, ему было неловко.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что я не буду цѣловаться,—вся покраснѣвъ, отказывалась Елена:—ты всегда, Вася, что-нибудь выдумаешь, мы просто выйдемъ подъ ручку съ Федоромъ Ивановичемъ.

— Тогда это ничего не будетъ понятно, объяснять: кавалеръ съ дамой, вотъ и все,—замѣтилъ молодой Богдановъ,—если ты не хочешь, Елена, такъ кто-нибудь изъ барышень займетъ твое мѣсто, а ты выйдешь горничной съ ботинками, ваксой и со щетками.

— Не хочу я выходить горничной,—отказалась Елена.

— Однако вы капризны, милая барышня, какъ я посмотрю,—замѣтилъ Гантуринъ:—цѣловаться вамъ неудобно, горничной быть неловко, какъ же тогда шарады устраивать?

— Придумайте что-нибудь другое.

— Зачѣмъ придумывать другое, это очень хорошая шарада; если Лена не хочетъ, я буду изображать супругу,—бойко предложила Тася Дмитриева, подруга Елены.

— А я выйду горничной,—сказала Вѣрочка.

Лена, закусивъ губу, молчала.

— Ну, такъ давайте, господа, начинать,—скомандовалъ Гантуринъ, и молодежь ушла въ залъ.

Немного смущенный, Вихрястовъ осторожно поцѣловалъ два раза Тасю, не противившуюся его поцѣлуямъ, а Вѣрочка такъ естественно чистила ботинки, что возбудила общій смѣхъ.

Не участвовавшая въ исполненіи шарады Елена стояла у двери и нервно мяла руками платокъ; когда Вихрястовъ поцѣловалъ хорошенькую Тасю, она ушла въ свою комнату.

Шарада оказалась очень удачной, разгадать ее не могли, и та же часть играющихъ снова удалась изъ зала, чтобы придумать другую.

Около окна, отвернувшись къ гадринѣ, сидѣла молодая хозяйка.

— Что съ тобой, Лена?—заботливо спросила Тася, вся раскраснѣвшаяся отъ недавняго поцѣлуя студента, но Лена па-

стойчиво молчала и не оборачивалась.— Въ самомъ дѣлѣ, что съ тобой? ужь не разсердилась ли ты?— снова спросила брюнетка, настойчиво повертывая къ себѣ лицо подруги.— Да ты плачешь? Что съ тобой?

Остальныя барышни подошли къ ней, изумленныя ея слезами.

— Ай-ай-ай, барышня, вотъ ужь я не зналъ, что вы такая капризная,— сказалъ, покачивая головой, Гантуринъ:— а я васъ ангеломъ доброты и кротости считалъ.

— Оставь ее, Павлуша,— насмѣшливо отозвался братъ:— развѣ ты не знаешь, что она у насъ извѣстная плакса, ну-съ, давайте придумывать.

Играющіе, немного смущенные безпричинными слезами хозяйки, столпились въ другомъ концѣ комнаты и начали совѣщаться.

Вихрястовъ отдѣлился отъ другихъ, подошелъ къ Еленѣ и, нагнувшись къ ней, тихо спросилъ:

— Елена Петровна, почему вы плакали?

Дѣвушка, сидѣвшая попрежнему, отвернувшись къ окну, вздрогнула, услышавъ его голосъ, и слабо отвѣтила:

— Такъ, что-то взгрустнулось.

— Такъ, съ ничего не плачуть! Скажите... не я ли тутъ причиною?— настойчиво повторилъ онъ.

Елена тяжело дышала. Рѣзкимъ движеніемъ она отерла платкомъ глаза и, обернувшись лицомъ къ Ѳедору Ивановичу, не поднимая глазъ, прошептала:

— Вы... вы... отчасти...

Пораженный ея признаніемъ, студентъ молчалъ, онъ не находилъ словъ, что ей сказать.

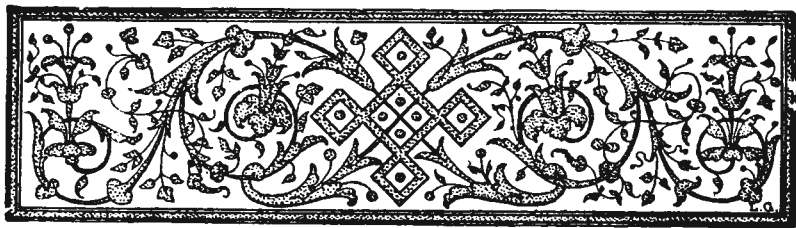
Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГАЗЕНКАМФЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ¹⁾.

I.

Вступленіе отца моего въ 1812 г. въ военную службу.—Производство въ офицеры при взятіи Париза въ 1814 г.—Турецкая война 1828—9 гг.—Производство въ майоры за военное отличіе.—Оставленіе инструкторомъ при молдо-валахской арміи.—Женитьба въ Валахіи.—Моя служба.—Поѣздка въ Румынію въ 1877 году.—Великій князь Николай Николаевичъ Старшій смотритъ войска одиннадцатаго армейскаго корпуса въ Тирасполѣ.—А. А. Непокойчицкій.—А. А. Галль.—Д. А. Скалонъ.—П. П. Андреевъ.—В. Б. Гросманъ.

ТЕЦЪ мой увлекся общимъ движеніемъ въ 1812 году и шестнадцатилѣтнимъ юношей, уйдя изъ дома родителей, довольно зажиточныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ Херсонской губерніи, поступилъ въ первую встрѣтившуюся воинскую часть, каковая оказалась Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ десятой пѣхотной дивизіи, двигавшейся военнымъ походомъ черезъ всю Россію на юго-западъ. Командиръ полка полковникъ Бѣлогужевъ принялъ въ юношѣ большое незаурядное участіе и, взявъ его, какъ слабаго здоровьемъ юнца, подъ свое покровительство, всѣми способами облегчалъ ему военно-походную жизнь, которую полкъ затѣмъ, во время движенія по Западной Европѣ, въ предѣлахъ Германіи и Франціи совершалъ съ боями, увеличившими славу російскаго оружія. 19-го марта 1814 года, въ день взятія Париза войсками императора

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІ, стр. 82.

Александра I восемнадцатилѣтній того полка унтеръ-офицеръ изъ дворянъ, какъ тогда писали,—«Константинъ Андреевъ сынъ Андреевскій», въ лагерѣ подъ стѣнами всемірнаго города былъ произведенъ въ прапорщики за отличіе въ сраженіи, рѣшившемъ тогда участь столицы Франціи.

Во время турецкой войны 1828—9 гг. онъ въ томъ же полку, въ чинѣ капитана, командовалъ ротой, за боевыя отличія былъ произведенъ въ майоры, а по окончаніи кампаніи былъ избранъ въ группу штабъ- и оберъ-офицеровъ, оставленныхъ инструкторами для обученія пѣхотныхъ частей войскъ въ арміи, создававшейся тогда по волѣ императора Николая I въ готовившихся къ отдѣленію отъ Порты на вассальныхъ основаніяхъ припрутскихъ провинціяхъ—Молдавіи и Валахіи.

Въ это время онъ женился на дочери богатаго валашскаго помѣщика Георгицы Дедулеско, владѣвшаго нѣсколькими имѣніями на большомъ пути между городами Браиловымъ и Рымникомъ Саратомъ.

Скончался отецъ мой въ декабрѣ 1855 года, пробывъ болѣе пяти лѣтъ вдовцомъ; послѣ него остались три дочери и шесть сыновей. Старшей, окончившей курсъ института въ Кишиневѣ, было двадцать лѣтъ,—второй, продолжавшей ученіе въ томъ же институтѣ, минуло восемнадцать, младшая же, шестилѣтняя дѣвочка, тотчасъ послѣ кончины отца, согласно волѣ, выраженной имъ на этотъ предметъ по просьбѣ дяди матери нашей Константина Николеско, была свезена въ Женеву и отдана въ тамошній, пользовавшійся громкой славой, къ большому, однако, огорченію крайне іезуитскій, пансіонъ «Каружъ»; изъ шести сыновей старшему было двадцать два года, мнѣ, младшему, въ томъ году минуло восемь лѣтъ. За нѣсколько лѣтъ до кончины отецъ, въ заботахъ своихъ о нашемъ ученіи, точно поторопился всѣхъ не вышедшихъ изъ школьнаго возраста отдать въ учебныя заведенія; старшаго, Степана, глухонѣмого отъ рожденія, пришлось безъ дальнѣйшаго выбора отвезти въ Петербургъ, на Гороховую, тамъ онъ и окончилъ съ большимъ успѣхомъ курсъ наукъ; второго, Константина, правда, тотчасъ послѣ кончины матери выпросилъ у отца ея дядя, тотъ же богатый валашскій помѣщикъ Николеско, очень много вѣрою и правдою послужившій въ предѣлахъ своего отечества Россіи за все время царствованія императора Николая I. Онъ этого сына своей любимицы-племянницы усыновилъ, давъ ему свою фамилію, и повелъ въ жизни по своему выбору той дорогой, которая показалась ему наиболѣе подходящею для «боера» (по-румынски владѣльческій класъ называется *boerule*), готовившагося къ богатой жизни на оставлявшееся ему изрядное состояніе—въ двѣнадцать тысячъ червонцевъ годового дохода. Окончивъ курсъ берлинскаго университета по теологическому факультету, молодой

человѣкъ, однако, не могъ похвалиться, чтобы ему удалось жизнь свою провести и окончить такъ счастливо, какъ можно было, по всей блестящей обстановкѣ, ожидать.

Отецъ нашъ почти въ то же время отдалъ двухъ другихъ сыновей своихъ, Николая и Михаила, въ Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ, а двухъ младшихъ, Александра и меня, въ малолѣтнее отдѣленіе перваго московскаго корпуса.

Къ началу года освободительной войны осталось насъ на царской службѣ въ предѣлахъ Россіи лишь трое: окончившіе курсъ въ своемъ корпусѣ Николай майоръ Брянскаго пѣхотнаго полка, и Михайль, капитанъ Ревельскаго пѣхотнаго полка, а также я, прошедшій послѣ перваго московскаго корпуса черезъ училища Александровское военное и Михайловское артиллерійское, штабсъ-капитанъ, адъютантъ гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Въ мартѣ 1877 года случай привелъ меня испросить себѣ кратковременный отпускъ въ Румынію для принятія принудительныхъ мѣръ къ тому, чтобы арендаторъ болѣе аккуратно вносилъ слѣдовавшую мнѣ по контракту арендную плату съ находившагося въ предѣлахъ Румыніи имѣнія моего.

Старый арендаторъ, пришлый грекъ по фамиліи Димопуло, уже лѣтъ тридцать занимался арендованіемъ владѣльческихъ земель, причемъ по преимуществу старался заключать контракты съ такими помѣщиками, которые въ край не проживали, а бывали лишь въ своихъ владѣніяхъ наѣздомъ; такихъ было немало, въ числѣ ихъ преимущественно считались случайно попавшіе въ страну русскіе, которые, поженившись въ Молдавіи и Валахіи за время прежнихъ нашихъ войнъ съ Турціей, оказались тамъ собственниками сами или передали своимъ дѣтямъ землю по наслѣдству; тѣ и другіе за ходомъ дѣлъ по имуществу, служа въ Россіи, могли слѣдить, лишь наѣзжая въ край отъ времени до времени урывками.

Въ такихъ условіяхъ находилась и та наслѣдственная доля, которая досталась мнѣ отъ отца; арендаторъ Димопуло, въ числѣ массы такихъ же, какъ онъ, плательщиковъ, считался очень аккуратнымъ человѣкомъ и въ прежніе годы иногда позволялъ себѣ пропускать лишь годъ съ тѣмъ, чтобы къ слѣдующему сроку внести двойную плату, но въ то время, по неизвѣстнымъ причинамъ, не внесъ ничего за три года подъ рядъ; можно себѣ представить, что дѣлали тѣ арендаторы, которые пользовались репутаціей не исправныхъ, если у того, аккуратнаго, все, какъ казалось, шло къ тому, что онъ намѣренъ былъ, или, можетъ быть, находился вынужденнымъ проманкировать и четвертый терминъ. Между тѣмъ только что миновавшая сербская война съ Турціей накликала наше столкновеніе съ этой, уже тогда отживавшей свою жизнь,

больной державой; такимъ образомъ, необходимость спѣшнаго принятія на мѣстѣ какихъ-либо мѣръ выставлялась сама собой.

Получивъ съ трудомъ въ концѣ февраля шестинедѣльный отпускъ за границу, я намѣтилъ себѣ выѣхать въ первыхъ числахъ марта изъ Петербурга на Кишиневъ, Унгены, черезъ Яссы въ Бухарестъ.

Уже я совсѣмъ собрался въ отъѣздъ, почти уложивъ свои вещи, когда при послѣднемъ докладѣ, представленномъ мною по должности бригаднаго адъютанта, командиръ бригады свиты его величества генераль-майоръ М. И. Бревернъ сказалъ мнѣ:

— А вамъ придется съ отъѣздомъ дня на два или на три держаться: начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ графъ Ѡ. Л. Гейденъ хочетъ обратиться къ вамъ съ просьбой; если вы представитесь ему въ сюртукѣ завтра въ двѣнадцать часовъ дня въ штабѣ, то получите отъ него нужныя распоряженія.

На другой день, будучи принятъ въ штабѣ очень любезно, я узналъ, что потребовалось отвезти главнокомандующему въ Кишиневъ разныя очень важныя бумаги, и графъ Ѡедоръ Логгиновичъ Гейденъ, узнавъ отъ генерала Бреверна, что я ѣду именно черезъ Кишиневъ, рѣшилъ предложить мнѣ взять на себя исполненіе этого порученія.

— Вы вѣдь все равно ѣдете на Кишиневъ, явитесь тамъ великому князю главнокомандующему и представьте въ собственныя его высочества руки вотъ этотъ пакетъ; кромѣ этого, захватите въ штабѣ у Никитина ¹⁾ бумаги для начальника штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютанта Непокойчицкаго.

Въ тотъ же день я получилъ «бумаги», которыхъ оказалось довольно увѣсистый мѣшокъ-портфель, причемъ, по приказанію начальника же главнаго штаба, мнѣ совершенно неожиданно было выдано болѣе четырехсотъ рублей прогонныхъ денегъ, послѣ чего я совершенно благополучно выѣхалъ по задуманному маршруту.

Проѣхавъ черезъ Москву, Курскъ, Кіевъ, Фастовъ, Казатинъ съ разными, довольно мучительными пересадками, пришлось выѣхать на Одесскую дорогу. Здѣсь предстояло уже остановиться на станціи Кишиневъ, до котораго имѣлся билетъ прямого сообщенія. Вечеромъ проѣхали Жмеринку, поздно ночью миновали Бирзулу. За нѣсколько станцій до цѣли путешествія не спалось; выглядывая изъ вагона, безцѣльно осматривая мѣстность пути, я совершенно неожиданно у одной изъ станцій въ полѣ увидѣлъ линію огней, ярко освѣщавшихъ прилегавшую къ станціи площадь.

¹⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій правитель канцеляріи главнаго штаба.

— Что это?—спросилъ я кондуктора, пробѣгавшаго мимо съ фонаремъ.

— Это станція Тирасполь, здѣсь его императорское высочество великій князь главнокомандующій изволить ночевать со свитой въ поѣздѣ; они останутся здѣсь двое сутокъ для смотра войскъ...

Въ одну секунду, захвативъ свои вещи, я вышелъ изъ вагона; предъявить багажный билетъ и просить выбросить мой багажъ было дѣломъ одной минуты, и къ моменту отхода поѣзда, который простоялъ минутъ десять, я уже остался на станціи одинъ со своими вещами; въ темнотѣ и въ полной тишинѣ кое-гдѣ сновали люди со сверкавшими огоньками ручныхъ фонарей,—станціонные служащіе проходили чинно мимо; носильщикъ, предложивъ свои услуги, доставилъ мои вещи въ станціонный залъ.

— Можно здѣсь пробить до разсвѣта?—спросилъ я вѣжливо раскланявшуюся красную фуражку.

— Сдѣлайте одолженіе; можно здѣсь еще и заночевать,—имѣется два свободныхъ дивана.

Было три часа пополудни. Занявъ одинъ изъ дивановъ и расположившись около него, я задумалъ устроиться здѣсь не для того, чтобы заночевать, такъ какъ всякій намекъ на сонъ уже давно пропалъ,—а лишь для того, чтобы разложить вещи, разобрать ихъ и доставить себѣ возможность переодѣться.

Очень скоро проснулся спавшій на одномъ изъ дивановъ военный; это оказался мой старый знакомый, генераль-майоръ Леоновъ; я его знавалъ въ Варшавѣ офицеромъ, а потомъ и старшимъ штабъ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Онъ меня узналъ, и мы разговорились.

— Великій князь прибылъ сюда вчера; сегодня и завтра будетъ смотрѣть здѣсь войска одиннадцатаго корпуса, а затѣмъ поѣдетъ дальше на Бирзулу и Жмеринку, послѣ чего возвратится въ Кишиневъ,—объяснилъ мнѣ молодой генераль.

— Значить, я вѣрно рассчиталъ, бросивъ свой поѣздъ для того, чтобы уловить моментъ здѣсь представить его высочеству бумаги, которыя везу изъ Петербурга по порученію начальника главнаго штаба...—полуспросилъ я.

— Конечно. Я ѣхалъ въ Кишиневъ представиться великому князю по случаю назначенія въ дѣйствующую армію бригаднымъ командиромъ въ одну изъ кавалерійскихъ дивизій; увидѣвъ съ вечера суету остановки и устройства на ночлегъ великокняжескаго поѣзда, я тоже рассчиталъ болѣе вѣрнымъ остаться здѣсь; напьемся чаю, а къ тому времени квартира его высочества проснется, вмѣстѣ и представимся,—сказалъ Леоновъ.

Занявшись бритьемъ и приведеніемъ себя въ порядокъ, мы скоро увидѣли, какъ въ поѣздѣ великаго князя зашевелилась жизнь; пришла пора намъ подвинуться къ поѣзду и прицѣлиться

къ опредѣленію своего положенія, тѣмъ болѣе, что уже начали прибывать кавалерійскія и артиллерійскія части одиннадцатаго армейскаго корпуса. Насъ набралось человѣкъ десять.

Адъютанты великаго князя, полковникъ Дмитрій Антоновичъ Скалонъ и ротмистръ Петръ Петровичъ Андреевъ, очень любезно взялись доложить объ насъ его высочеству; тутъ же отъ нихъ узналъ объ насъ завѣдующій поѣздомъ и главной квартирой великаго князя генераль-майоръ Александръ Александровичъ Галль; всѣ они сообщали объ насъ мимоходомъ начальнику штаба дѣйствующей арміи, почтенной фигуры и крайне симпатичнаго, добродушнаго вида генераль-адъютанту Артуру Адамовичу Непокойчицкому, послѣ чего черезъ четверть часа вышелъ великій князь.

Поговоривъ крайне ласково съ каждымъ изъ представлявшихся генераловъ и полковниковъ, его высочество обратился ко мнѣ:

— Ты какъ сюда попалъ?

Я наскоро доложилъ все, что могъ...

— Давай, давай сюда; посмотримъ, что ты привезъ. А какъ же ты завладѣлъ имѣніемъ въ Румыніи? Давно владѣешь имъ? Знаешь по-румынски?—засыпалъ меня вопросами великій князь и, получивши мои отвѣты, сказалъ: — Э, да ты мнѣ пригодисься. Скалонъ, скажи Галлю, чтобы онъ его записалъ и мнѣ потомъ въ свое время напомнимъ о немъ...

Меня удивило, что къ генералу Галлю великій князь лично не обратился, несмотря на то, что онъ тутъ же стоялъ рядомъ съ генераломъ Непокойчицкимъ. Потомъ мнѣ объяснили, что прекрасный, добрѣйшій и деликатнѣйшій Александръ Александровичъ Галль страдалъ полной глухотой; когда онъ разузнавалъ черезъ Дмитрія Антоновича Скалона и Петра Петровича Андреева объ насъ, подошедшихъ къ поѣзду, я не замѣтилъ этого его недуга. Оказалось, что вообще въ то время это несчастье было еще вновь; не освоившись съ нимъ, онъ всячески старался скрыть его и потому предпочиталъ не дослышать, лишь бы не обнаружить недостатка; только впоследствии, видя тщетность принятія мѣръ къ сокрытію, онъ взялъ привычку, начиная разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, первымъ дѣломъ приставлять къ уху рожокъ для того, чтобы слушать собесѣдника.

Поразспросивъ крайне милостиво вообще о Петербургѣ, о гвардейской конной артиллеріи, о нѣкоторыхъ изъ сослуживцевъ и начальствовавшихъ, его высочество сказалъ мнѣ:

— Посмотри, что мы здѣсь дѣлаемъ, полюбуйся нашей артиллеріей, здѣсь увидишь сегодня двѣ конныя батареи,—онѣ не хуже, братъ, нашихъ гвардейскихъ,—полюбуйся ими, а затѣмъ поѣзжай съ Богомъ, продли свое курьерство до Кишинева; тамъ передай отъ меня все то, что тебѣ дастъ и скажетъ начальникъ штаба, и маршъ безъ задержки въ Румынію, времени, братъ, остается немного, война

можетъ тебя застигнуть врасплохъ; не замѣшкайся тамъ, кончай скорѣе свои дѣла и возвращайся назадъ...

Осмотрѣвъ одинъ за другимъ полки 11-ой кавалерійской дивизіи, великій князь потребовалъ для выѣзда къ себѣ на позицію въ карьеръ 18-ую конную батарею, а съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно для меня неожиданно подозвалъ меня въ ту самую минуту, когда командиръ батареи подполковникъ Гросманъ, салютуя, подъѣхалъ къ его высочеству съ рапортомъ.

— Вотъ,—сказалъ великій князь,—видѣлъ, какъ лихо выскочила батарея; ну, посмотри, какъ они будутъ представляться

При этомъ великій князь приказалъ командиру продѣлать нѣсколько уставныхъ построеній, примѣрную стрѣльбу, перемѣну фронта и вновь выѣхать на позицію въ карьеръ, а затѣмъ вызвалъ донскую казачью батарею и приказалъ ея командиру подполковнику Рытикову продѣлать по уставу почти то же самое.

Послѣ церемоніальнаго марша всей дивизіи великій князь, проѣзжая со свитой и увидѣвъ при разѣздѣ частей, что я иду пѣшкомъ, какъ бы сопровождаемый ѣхавшими возлѣ меня обоими батарейнными командирами, сказалъ:

— Что, уже познакомились между собой, конно-артиллеристы?— А узнавъ, что знакомиться мнѣ пришлось лишь съ Рытиковымъ, котораго прежде мнѣ не случалось встрѣчать, воскликнулъ:—Ахъ да, что же это я, вѣдь Гросманъ же изъ 3-ей батареи былъ переведенъ формировать пятую, онъ тебя въ Лазенкахъ раньше зналъ; ну, вотъ, повидайтесь, старые знакомые...

Дѣйствительно, мы были съ Владимиромъ Богдановичемъ Гросманомъ старые знакомые; прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ въ третьей батареѣ, мы, что называется, не одинъ пудъ соли вмѣстѣ съѣли, такъ какъ не разъ жилали по нѣскольку мѣсяцевъ на одной квартирѣ, а переведенные въ 1875 году въ пятую батарею, какъ о томъ вспоминалъ великій князь, для формировація ея, все время до переименованія капитана Гросмана въ подполковники съ назначеніемъ командиромъ 18-ой конной батареи, прожили въ Стрѣльнѣ мѣсяцевъ семь въ одной комнатѣ.

II.

Кишиневъ.—Казимиръ Левицкій.—Его строптивость.—Станція Страшны.—Л. Е. Адамовичъ.—Предположеніе его о предстоявшей для меня большой удачѣ.—Бухарестъ.—Опять Кишиневъ.—Разочарованіе.—Князь Н. Ѳ. Масальскій.—Поѣздка въ Петербургъ для сборовъ въ военный походъ.—Возвращеніе.—Приказъ о назначеніи ординарцемъ къ великому князю главнокомандующему.

— Пожалуйста,—сказалъ мнѣ начальникъ штаба генераль-адъютантъ Непокойчицкій:—передайте въ Кишиневѣ всѣ эти бумаги помощнику моему генераль-майору Левицкому; въ нихъ все необходимое отмѣчено и указано; будьте добры, попросите его при-

казать заготовить дѣла и бумаги къ подписи его высочеству для обратнаго отправленія съ курьеромъ въ Петербургъ.

Находясь передъ тѣмъ на службѣ въ Стрѣльнѣ, я имѣлъ случай встрѣчаться съ генераломъ К. В. Левицкимъ, состоявшимъ тогда въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта командиромъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка, имѣвшаго стоянку по сосѣдству въ Петергофѣ; по прибытіи въ Кишиневъ я, какъ знакомый, предсталъ предъ нимъ, тогда уже свиты его величества генераль-майоромъ, помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

— Хорошо-съ,—сказаль, выслушавъ меня Левицкій:—все будетъ исполнено; зайдите ко мнѣ завтра утромъ, часовъ въ девять.

— Не готово-съ, не готово, то есть не все готово,—встрѣтилъ меня Казимиръ Васильевичъ на другой день у входа въ свою квартиру:—зайдите завтра подъ вечеръ; бумагъ къ изготовленію оказалось гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать; кстати возвращеніе великаго князя отсрочено,—его высочество вернется лишь завтра днемъ,—бумаги же не будутъ готовы раньше пяти-шести часовъ дня; но вы до отхода петербургскаго поѣзда еще будете имѣть довольно времени...

— Какъ петербургскаго? Зачѣмъ до петербургскаго?—спросилъ я.

— Въ Петербургъ поѣздъ отходитъ въ девять часовъ вечера, великій князь успѣетъ къ тому времени принять докладъ, подписать все, и вы въ-время выѣдете съ бумагами...

— Позвольте, я ѣду прямо въ Бухарестъ, у меня вѣдь шестинедѣльный отпускъ въ Румынію, я ѣду туда по своимъ имущественнымъ дѣламъ, мнѣ нужно торопиться...

— Нѣтъ-съ, вы повезете обратно бумаги начальнику главнаго штаба и военному министру, вы поѣдете курьеромъ его высочества.

— Какимъ курьеромъ? Его высочеству извѣстно, что я взялъ на себя ѣхать курьеромъ лишь до Кишинева, а дальше ѣду въ отпускъ.

— Нѣтъ-съ, вы возвратитесь курьеромъ въ столицу.

— Позвольте; мои дѣла требуютъ моего неотложнаго пребыванія въ Бухарестѣ.

— Служба-съ въ настоящее время важнѣе вашихъ дѣлъ,—сказаль онъ, принимая запальчивый тонъ.

— Да великій князь самъ мнѣ сказаль: торопись, поѣзжай въ Румынію и скорѣй возвращайся, война можетъ застать врасплохъ...

— Что мнѣ за дѣло, у меня есть распоряженіе бумаги заготовить къ отправленію въ Петербургъ съ курьеромъ.

— Отправите съ курьеромъ, но не со мной.

— Съ курьеромъ, съ вами-съ,—отрѣзаль Левицкій, а затѣмъ повернулъ спину и ушелъ въ свои комнаты.

Мнѣ, конечно, показалось, что слѣдовало тотчасъ же, не обращая вниманія на него, уѣхать въ Бухарестъ. А что, подумалъ я, если дѣйствительно у него есть распоряженіе отправить именно меня; время вѣдь военное, каждую минуту можетъ дѣло повернуться такъ, что послѣдуютъ самыя неожиданныя перемѣны, при которыхъ болѣе чѣмъ яснымъ является, что не до частныхъ имущественныхъ дѣлъ. Если уѣхать безъ разговоровъ, не разобравшись въ такомъ дѣлѣ, можно сильно поплатиться, шутки могутъ оказаться очень плохими. Выйдя отъ Левицкаго, подумалъ я нѣсколько минутъ, а затѣмъ повернулъ на телеграфную станцію и послалъ въ Жмеринку срочную съ оплаченнымъ отвѣтомъ телеграмму генералу Галлу: «Прошу исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе великаго князя выѣхать безъ задержки въ Румынію, куда я уволенъ высочайшимъ приказомъ въ отпускъ».

Съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ я ждать отвѣта и сколько тревожныхъ мыслей перешло черезъ мою разгоряченную голову: телеграмма моя можетъ показать, будто вышло столкновеніе; подумаютъ: какой безпокойный человѣкъ этотъ пріѣзжій офицеръ, что онъ затѣялъ; и въ такое время! Никто также не одобритъ претенціозной ссылки на высочайшій приказъ. Далѣе, если телеграмма не застанетъ главной квартиры въ Жмеринкѣ, въ сутолкѣ могутъ ее затерять; или, еще хуже, если великій князь куда-нибудь отправилъ Галла или вернулъ въ Кишиневъ,—когда-то еще онъ сюда пріѣдетъ? Волненіямъ не было конца, и я не знаю, какъ пришлось дожить до той минуты, когда почтовый чиновникъ, согласно нашему уговору, привезъ мнѣ на извозчикѣ въ гостиницу отвѣтную депешу; прилетѣвъ на томъ же извозчикѣ къ Левицкому, я молча подаль ему ее: «Его высочество,—значилось въ ней,—разрѣшилъ вамъ тотчасъ, безъ промедленія продолжать путь въ Румынію; если это вамъ не было передано въ Тирасполѣ, то лишь вслѣдствіе простого упущенія. Генералъ Галлъ».

Причина возбужденія мною новаго ходатайства не могла быть понятною Галлу, поэтому онъ и придавъ отвѣту такую форму. Левицкій долго вертѣлъ телеграмму въ рукахъ; видимо, раза четыре перечиталъ ее, пробѣгая глазами, и наконецъ измыслилъ сказать со злобной усмѣшкой: «Однако, изволите-съ видѣть, по упущенію или почему-либо другому вамъ не было передано разрѣшеніе его высочества, какъ же вы могли бы уѣхать?»

Ясно опредѣлилось, сколько ехидства царило въ характерѣ этого человѣка; я разсмѣялся и, не возражая ничего, объяснилъ лишь ему, что имѣю еще время и потому сейчасъ, не медля ни минуты, отъѣзжаю на Унгены, а далѣе по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ, черезъ Яссы въ Бухарестъ; тотчасъ же я съ нимъ и раскланялся.

Прощавшись съ входившимъ въ штабъ старшимъ адъютантомъ, крайне симпатичнымъ, обязательнымъ и любезнымъ полков-

никомъ Сергѣемъ Антоновичемъ Колбе, я попросилъ его записать мой бухарестскій адресъ на тотъ случай, если бы почему-либо нашли нужнымъ меня искать. Эта предосторожность съ такимъ человекомъ, какимъ обозначается Левицкій, не будетъ тщетною, подумалъ я. Черезъ часъ я уже катилъ почтовымъ поѣздомъ въ Румынію.

На первой станціи отъ Кишинева, въ Страшенахъ, ко мнѣ въ купе вошелъ помощникъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи генераль-майоръ Леонидъ Ефремовичъ Адамовичъ. Посѣтовавъ на меня полшутя за то, что я не зашелъ къ нему въ Кишиневъ, онъ объяснилъ, что ѣдетъ по дѣламъ службы до Пырлицы ¹⁾ и радъ провести со мной два часа. Во время пути онъ съ разными предосторожностями вывелъ меня на площадку вагона, заперъ всѣ двери и, лишь убѣдившись въ томъ, что никто не можетъ насъ услышать, заговорилъ:

— Ну, слава Богу, я ужасно радъ за васъ и отъ души поздравляю.

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Вы прекрасно знаете съ чѣмъ. Вѣдь великій князь васъ избралъ въ число своихъ ординарцевъ и, какъ только послѣдуетъ объявленіе войны, вы немедленно же будете назначены...

— Что вы говорите! Съ какой стати? Откуда вы это взяли? Ничего подобнаго!..

— Ну, вотъ, вотъ наивность какая; положимъ, вы прекрасно начинаете предстоящую вамъ новую службу, она требуетъ большой дипломатической сноровки, вы сразу ее усвоили,—это прекрасно, удобно и очень похвально; но не передо мной же вамъ таяться, помилуйте, вѣдь мы старые друзья и, повѣрьте, что я всегда могу вамъ только помочь во всякомъ дѣлѣ вашемъ.

— Серьезно, ничего не знаю и только теперь какъ будто хочу убѣдить себя въ необходимости начать прозрѣвать; но скажите же, откуда вы это взяли?

— Откуда? отовсюду. Развѣ вы одни стояли передъ великимъ княземъ, когда онъ велѣлъ Андрееву васъ записать?

— Вотъ ужъ извините, не таился я, не таюсь и дипломатіи не предаюсь, просто не далъ значенія этимъ словамъ, понялъ лишь такъ, что, можетъ быть, пригожусь такъ же, какъ пригодился графу Гейдену; вотъ ужъ правду говорю, что былъ далекъ отъ того, на что вы мнѣ открываете глаза и наталкиваете мои мысли.

— Какъ же, дѣло шло именно о назначеніи васъ ординарцемъ; никто иначе не понялъ, а вамъ никто не сказалъ просто лишь потому, что это само собой разумѣется, и не приходится говорить о вещи,

¹⁾ Послѣдняя остановка передъ станціей Унгены, находящейся на румынской границѣ, въ восьмидесяти шести верстахъ отъ гор. Кишинева.

которая представляется болѣе чѣмъ ясною; такъ и знайте; я вѣрю, что вы не дали настоящаго значенія словамъ великаго князя, тѣмъ болѣе радуюсь за васъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ поздравляю васъ, ну, слава Богу, а въ секретѣ продолжайте это держать теперь сознательно такъ же твердо, какъ держали поневолѣ...

Разговоръ перешелъ на другіе предметы и, лишь подѣзжая къ станціи Пырлица, я сказалъ: Теперь, когда я начинаю вдумываться во все происшедшее и яснѣе припоминать все, болѣе и болѣе какъ будто бы дѣло становится въ моихъ глазахъ именно такимъ, какимъ вы его представляете; но мнѣ въ голову не могло прийти что-либо подобное въ ту минуту, когда не Андреева, а Скалона великій князь не безъ нѣкоторой таинственности оповѣстилъ о своемъ приказаніи передать Галлу распоряженіе, чтобы онъ написалъ и въ свое время напомнилъ обо мнѣ...

— Ну, до свиданія, помоги вамъ Боже хорошо отслужить, служба предстоить не простая и не легкая,—сказалъ Л. Е., прощаясь со мной въ ту минуту, когда поѣздъ помчалъ дальше.

Самому мнѣ, когда я выслушалъ многозначительныя слова великаго князя, показалось, будто въ нихъ кроется какой-то особый смыслъ, но я тогда же отринулъ возможность какихъ бы то ни было предположеній, такъ какъ всѣ они могли казаться мнѣ только нескромными. Слова Л. Е. Адамовича меня не убѣдили, но навели на размышленія, отъ которыхъ я, по человѣческой слабости, не могъ отдѣлаться, какъ ни старался о томъ. Одно, на чемъ я далъ своимъ мыслямъ просто остановиться, это на созрѣвшемъ во мнѣ рѣшеніи употребить всѣ силы къ тому, чтобы остаться у своихъ имущественныхъ дѣлъ въ Бухарестѣ лишь самый короткій промежутокъ времени и, не мѣшая ни минуты, постараться возможно скорѣй вернуться въ Кишиневъ.

Въ суетѣ случившагося въ Кишиневѣ «Левицкаго эпизода» выѣздъ мой, совершенно незамѣтно для меня, оказался приноровленнымъ такъ, что я пріѣхалъ въ столицу Румыніи къ вечеру Страстной субботы. Это могло обусловить большую неудачу въ ходѣ дѣла, такъ какъ что же можно сдѣлать въ такіе дни по имущественнымъ дѣламъ; а между тѣмъ не только каждый день, каждый часъ было дорого захватить, дабы употребить съ пользою для дѣла.

По счастью, проживавшій тогда въ Румыніи братъ мой Константинъ Николеско отнесся очень внимательно къ моимъ письмамъ, въ которыхъ я, съ полною откровенностью и съ не меньшею серьезностью изложивъ ему обстоятельства дѣла, просилъ принять энергичныя мѣры къ тому, чтобы было наведено все упущенное относительно дѣйствій арендатора моего имѣнія за прошлое время, въ теченіе котораго я не имѣлъ возможности наѣзжать въ Румынію, а братъ мой самъ, по необходимости, проживалъ то въ Швейцаріи, то во Франціи. Арендаторъ, оказавшійся придержанымъ въ Бу-

харестѣ, тотчасъ же внесъ арендную плату за три послѣдніе года и за протекавшій годъ, а въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ присутственныхъ дней заключилъ со мной контрактъ, при чемъ обязался вносить мнѣ аренду впредь по повышенной цѣнѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Все сдѣлалось безъ проволочекъ и баснословно скоро: уже черезъ недѣлю, 9-го апрѣля рано утромъ я возвратился въ Кишиневъ.

Проѣхавъ въ тотъ же день навѣстить Л. Е. Адамовича, я засталъ его въ простудѣ и въ очень грустномъ настроеніи духа.

— Вы уже знаете о себѣ?—спросилъ онъ съ несвойственной ему робостью.

— Ничего не знаю, всего нѣсколько часовъ, какъ возвратился, и только лишь успѣлъ найти себѣ временное пристанище у В. Б. Гросмана; его батарея вскорѣ послѣ тираспольскаго смотра была передвинута въ Кишиневъ, здѣсь и расположена; онъ съ большой радостью пріютилъ меня на своей, правда, незатѣйливой, но довольно просторной квартирѣ.

— Ну, вотъ, видите, какъ я передъ вами виноватъ и какъ на всякаго мудреца довольно простоты бываетъ; оказывается, что великій князь имѣлъ въ виду вовсе не то, что я вамъ передалъ; вчера онъ далъ начальнику артиллеріи князю Масальскому распоряженіе причислить васъ къ полковому артиллерійскому управленію дѣйствующей арміи; что дѣлать, виноватъ, вижу свою громадную ошибку; будемъ вмѣстѣ лямку тянуть; только вы, ради Бога, не отказывайтесь отъ этого назначенія, не окажитесь обиженнымъ; послужимъ вмѣстѣ.

— Отказываться я, конечно, не стану; васъ я не виню, но считаю положеніе свое очень неловкимъ: вѣдь мнѣ въ Бухарестѣ нашъ консулъ баронъ Стюартъ у себя на обѣдѣ, при полной столовой гостей, вдругъ нашель нужнымъ громко произнести то же извѣстіе, которое вы признали возможнымъ сообщить мнѣ съ массой предосторожностей, плотно притворивши въ коридорчикѣ вагона всѣ двери, несмотря на то, что вагонъ, въ которомъ мы находились, стучалъ и шумѣлъ, заглушая всякій говоръ. Мало того, я сюда не успѣлъ пріѣхать, какъ услышалъ поздравленіе съ тѣмъ же и, странно, услышалъ его отъ Чичагова, который, какъ вамъ извѣстно, уже недѣли двѣ считается причисленнымъ къ тому же полковому артиллерійскому управленію дѣйствующей арміи. Если бы прямо назначили меня состоять при полковомъ артиллерійскомъ управленіи, я принялъ бы назначеніе съ радостью, принимаю его и теперь безпрекословно, но не могу пропустить оказать содѣйствіе выясненію этого положенія, ставшаго для меня печальнымъ не потому, что слухи о немъ не оправдались, а лишь потому, что они были попусту созданы; молва, очевидно, пошла и, конечно, мнѣ будетъ очень непріятно чувствовать на каждомъ шагѣ, что на меня при всякомъ

удобномъ и неудобномъ случаѣ указываютъ пальцами, какъ на офицера, который «вонъ чего домогался, да у него не выгорѣло».

— Это пустое; не отказываться же вамъ изъ-за этого отъ случая послужить въ дѣйствующей арміи и принять участіе въ такой войнѣ...

— Я и не откажусь, повторяю, ни въ какомъ случаѣ не откажусь, но выяснить считаю необходимымъ,—отвѣтилъ я.

Придя къ рѣшенію принять мѣры для выясненія, я призналъ нужнымъ тотчасъ же явиться къ начальнику артиллеріи генералъ-адъютанту князю Масальскому, которому, какъ оказывалось, по свѣдѣніямъ Адамовича, великій князь именно и далъ распоряженіе обо мнѣ.

Адамовичъ одобрилъ эту мысль и сказалъ, что лучше всего явиться къ князю около четырехъ часовъ дня, когда у него кончатся доклады и онъ собирается на прогулку передъ тѣмъ, что итти къ главнокомандующему на обѣдъ.

— Жаль, что я боленъ, не выхожу и не могу его предупредить,—сказалъ онъ и сейчасъ же добавилъ:—а, впрочемъ, можетъ быть, и лучше такъ, безъ предупрежденія.

— Что скажете, молодой человѣкъ?—спросилъ князь, принявъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Я вкратцѣ разсказалъ цѣль и поводы моего представленія.

— Вотъ что, такъ что при мнѣ состоять не считаете для себя привлекательнымъ?

— Отчего же? Нѣтъ, ваше сіятельство, не считаю непривлекательнымъ, но хотѣлось бы выяснить все и, не оставивъ ничего неловкаго въ этомъ дѣлѣ, начать совершенно опредѣленно службу свою въ дѣйствующей арміи при васъ или вообще въ какомъ бы то ни было положеніи.

— Хорошо; я доложу его высочеству,—отвѣтилъ онъ:—и это будетъ очень кстати, мнѣ лично вѣдь великій князь ничего не говорилъ; я только вчера получилъ распоряженіе черезъ генерала Галла; а самъ какъ-то, признаюсь, за массой дѣлъ упустилъ спросить... Хорошо, придите ко мнѣ часовъ около девяти вечера, тогда уже опредѣлится все и я скажу вамъ, какая участь вамъ предстоитъ; если васъ его высочество зачислитъ ко мнѣ—буду радъ, можетъ быть, еще разъ подъ арестомъ посидите,—пошутилъ князь, вспомнивъ, что на первомъ году моей службы, почти десять лѣтъ передъ тѣмъ, лѣтомъ 1867 года въ Варшавѣ, въ бытность его начальникомъ артиллеріи варшавскаго военнаго округа, ему пришлось посадить меня на гауптвахту за оказавшееся съ моей стороны во время смотра стрѣльбы упущеніе по службѣ.

— Ну, успокойтесь,—встрѣтилъ онъ меня въ девять часовъ радостно:—подъ арестъ не попадете; великій князь васъ сразу еще въ Тирасполѣ намѣтилъ взять къ себѣ ординарцемъ; теперь же, когда

приблизилось время развязки съ турецкимъ упрямствомъ, его высочество вспомнилъ, что вы должны возвратиться изъ Бухареста, думалъ избавить васъ отъ лишнихъ разъѣздовъ, а потому и велѣлъ временно причислить къ полевому артиллерійскому управленію, считая, что отсюда васъ, какъ уже здѣшняго, своего, — легче и проще перечислить въ свое личное распоряженіе. Ужъ извините прекраснѣйшему Александру Александровичу Галлу его ошибку; ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что онъ не дослышалъ и немного исказилъ смыслъ приказанія, даннаго его высочествомъ; а вы очень перепугались? Ну, знайте же, что ваша судьба такъ рѣшена; хотѣлъ я было сказать главнокомандующему, что такого офицера ему лучше къ себѣ не брать, но ужъ Богъ съ вами, — засмѣялся князь: — не теряйте же времени — война не сегодня-завтра будетъ объявлена. Что вы намѣрены теперь предпринять? — спросилъ всегда и во всемъ до крайности обстоятельный князь.

— Мнѣ, ваше сіятельство, надо теперь сообщить обо всемъ генералу Адамовичу, — онъ перепугался больше, чѣмъ я, затѣмъ долженъ буду просить разрѣшенія мчать въ Петербургъ, хотъ на три-четыре дня; тамъ я одѣнусь, обуюсь, снаряжусь и уже приѣду сюда коннымъ...

— Ну, вы, какъ васъ ни повернуть, все конный, — снова пошутилъ князь. — Когда же вы хотите мчать?

— Сегодня же вечеромъ, сейчасъ, ночнымъ поѣздомъ...

— Ну, и прекрасно, мчите, мчите, а я великому князю завтра же доложу; его высочество узнаетъ объ этомъ тогда, когда вы, вѣроятно, уже болѣе трехъ четвертей своей дороги умчите.

Съ неимоверной быстротой я въ Петербургѣ снарядился, затѣмъ распрощался со столицей, а 19-го апрѣля уже возвратился изъ Петербурга въ Кишиневъ, предварительно сообщивъ о себѣ телеграммой на имя Гросмана; на вокзалѣ, однако, вмѣсто него встрѣтилъ меня полевой конной артиллеріи капитанъ Викторъ Игнатьевичъ Жилияй, занявшій его квартиру послѣ того, какъ, по объявленіи войны, восемнадцатая конная батарея выступила въ военновременный походъ за Прутъ. Приѣхавшій съ Жилиемъ повеселѣвшій, любезный Л. Е. Адамовичъ вручилъ мнѣ только что полученный изъ-подъ типографскаго станка короткій отъ 19-го апрѣля приказъ главнокомандующаго о назначеніи меня, въ числѣ другихъ шестнадцати офицеровъ, ординарцемъ къ его высочеству.

Не стану теперь описывать всѣхъ радостей представленія «по такому новому начальству» и вступленія въ новую должность; послѣ когда-нибудь сдѣлаю извлеченіе объ этомъ изъ массы интересныхъ эпизодовъ того совсѣмъ особаго, незабвеннаго и для Россіи и для славянъ времени.

Выписку эту я взялъ изъ своихъ записокъ, какъ немало характеризующую блаженной памяти великаго князя.

III.

Отъѣздъ главнокомандующаго изъ Кишинева въ предѣлы Румыніи.—Торжественное молебствіе въ соборѣ.—Преосвященный Павелъ.—Особенность напутственнаго слова, сказаннаго имъ его высочеству.—Мое прибытіе въ Плоешты.—Знакомство съ корреспондентами М—вымъ и М—скимъ.—Встрѣча съ М. А. Газенкампомъ.—Характеристика его.—Его обязанности при главнокомандующемъ.—Завѣдываніе корреспондентами.—Обращеніе съ ними.—Его мягкость при строгости.—Корреспондентъ «Новаго Времени» В. С. Россоловскій.

30-го апрѣля съ большою торжественностью въ кишиневскомъ соборѣ, переполненномъ собравшимся помолиться, было преосвященнымъ Павломъ, епископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ, отслужено напутственное молебствіе по случаю предстоявшаго отъѣзда главнокомандующаго за предѣлы Россіи, — на первыхъ порахъ въ Румынію, въ Плоешты. Преосвященный Павелъ сказалъ напутственное слово, въ которомъ было имъ, между прочимъ, мелькомъ, вольно или неволью, произнесено нѣкотораго рода предсказаніе. Всѣ мы такъ были заняты тогда кипучею жинзю, создавшеюся бѣжавшими событіями, что мнѣ, напримѣръ, не случилось слышать, чтобы кто-нибудь подчеркнулъ имѣвшія пророческій характеръ фразы епископа. Впослѣдствіи, когда уже мы стояли въ Горнемъ Студнѣ, во время переживанія тяжелыхъ вѣстей шипкинскаго нашихъ славныхъ войскъ упорства, ставшаго геройскимъ, я однажды, собираясь по волѣ великаго князя къ отъѣзду на Шипку, въ ожиданіи подачи мнѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, разговорился со своимъ товарищемъ-ординарцемъ Цуриковымъ, который, согласно сдѣланнаго въ главной квартирѣ распредѣленія, еще съ первыхъ дней военного похода въ Румыніи оказался моимъ на все время войны сожителемъ по военно-походной палаткѣ, выданной генераломъ Галломъ отъ казны въ наше распоряженіе и пользованіе.

— Какія-то вѣсти дасть сегодняшній день съ Шипки? Пошли Богъ успѣха храбрецамъ; всякій разъ, когда подходятъ извѣстія о такихъ тяготахъ въ дѣйствіяхъ нашей арміи, я вспоминаю слова, сказанныя въ Кишиневѣ епископомъ Павломъ.

— Какія слова?—спросилъ Цуриковъ.

— На нихъ какъ-то никто не обратилъ вниманія; я ихъ случайно записалъ, не придавая, впрочемъ, имъ значенія,—отвѣтилъ я нехотя и пошелъ уже было поторопить подачу коней, какъ вдругъ Цуриковъ меня остановилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это интересно,—сказалъ онъ:—я тоже записалъ слова Павла. Цыганковъ,—сказалъ онъ своему рейткнехту, рядовому Гродненскаго гусарскаго полка:—гдѣ моя записная книжка?

Цыганковъ началъ искать во всѣхъ чемоданахъ и саквахъ, но что-то замѣшкался.

— Ну, что, потерялъ?

— Никакъ нѣтъ, Сергѣй Андреевичъ, сейчасъ найду, не потерялъ.

Я уже подходилъ садиться верхомъ къ выступленію въ походъ, когда Цуриковъ принесъ и далъ мнѣ родъ своей расходной книжки; среди отмѣтокъ о покупкѣ овса, сѣна, запасныхъ колесъ значились замѣтки объ его командировкѣ въ распоряженіе генерала Драгомирова на переправу и тутъ же записано кратко: «30-го апрѣля архіерей, произнося проповѣдь въ Кишиневѣ, предсказалъ, что походъ въ Турцію не кончится вполнѣ удачно».

Тогда я вынулъ изъ походной сумки большой бумажникъ и, воспользовавшись тѣмъ, что понадобилось задержаться полученіемъ двухъ конвертовъ для доставленія на Шинку отъ штаба на имя генерала Радецкаго, показалъ Цурикову свою записку на страницѣ отъ 30-го же апрѣля; вотъ содержаніе записанной въ нее выдержки изъ слова, сказаннаго епископомъ Павломъ:

«Господь пошлетъ тебѣ, князю, витязю, рыцарю и водителю воинства православнаго, силу побѣдоносно сломить врага нашей родины, славянства и христіанства; а что останется не доведеннымъ до конца, того, значить, отъ Всемогущаго не суждено и не поставлено ни тебѣ, ни святой Руси доверить теперь»...

— Вотъ,—сказалъ Цуриковъ,—мнѣ эти же слова показывалъ во время боя на переправѣ священникъ одного изъ полковъ четырнадцатой пѣхотной дивизіи,—у него они записаны въ молитвенникѣ.

Такъ мы поговорили объ этомъ и разѣхались. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтившись въ Черниговѣ, куда Цуриковъ пріѣзжалъ на поклоненіе мощамъ святителя Θεодосія, мы опять вспомнили эти слова и сопоставили ихъ съ той неудачей, которая, по винѣ нашихъ дипломатовъ, обрѣзала у стѣнъ Константинополя во время санъ-стефанскаго стоянія святое дѣло, предпринятое царемъ-Освободителемъ.

1-го мая въ Кишиневѣ отъ дома, въ которомъ великій князь главнокомандующій прожилъ болѣе полугода, отѣхало нѣсколько экипажей, занятыхъ лицами, выѣзжавшими съ его высочествомъ на Унгены; въ переднемъ экипажѣ съ генераломъ Непокойчицкимъ ѣхалъ самъ великій князь, его сопровождалъ до вокзала блестящій эскортъ изъ трехъ-четырехъ десятковъ всадниковъ въ мундирахъ всевозможныхъ цвѣтовъ; то были адъютанты, ординарцы и другіе свиты главнокомандующаго офицеры, оставшіеся еще на нѣсколько дней въ Кишиневѣ. День былъ ясный, воскресный, и потому, кромѣ мѣстныхъ обывателей, высыпавшихъ проводить великаго князя, оставались посмотреть это невиданное въ губернскомъ городѣ зрѣлище съѣзжавшіеся массажи на базаръ жители окрестныхъ селъ.

5-го мая мнѣ пришлось прибыть въ Плоешты вслѣдствіе вызова, сдѣланнаго мнѣ генераломъ Галломъ по приказанію главнокоманду-

юшаго. Въ одномъ поѣздѣ со мной прибыли два корреспондента М—ій и М—въ; уже подъѣзжая къ Плоештамъ, они, познакомившись со мной, разговорились; ихъ занималъ вопросъ, какъ они будутъ приняты въ штабѣ дѣйствующей арміи, какъ имъ придется устроиться въ своей роли и какъ пойдетъ порученная каждому изъ нихъ соотвѣтствующей редакціей дѣятельность.

По какой-то случайности первый, кого я встрѣтилъ на главной улицѣ кокетливаго румынскаго городка, былъ генеральнаго штаба полковникъ Михаилъ Александровичъ Газенкампфъ, который принадлежалъ къ числу коренныхъ офицеровъ генеральнаго штаба петербургскаго военнаго округа. Въ Кишиневѣ, куда онъ изъ Петербурга прибылъ въ распоряженіе великаго князя почти одновременно со мной, вскорѣ послѣ объявленія войны, мнѣ встрѣтиться съ нимъ не случилось; но еще тамъ я слышалъ, что на него возложена главнокомандующимъ обязанность завѣдывать дѣломъ печати и всего касающагося корреспондентовъ. Встрѣтились мы въ Плоештахъ, какъ знакомые. Надо замѣтить, что, прослуживъ первые девять лѣтъ строевой службы въ Варшавѣ, я познакомился съ офицерами генеральнаго штаба въ Петербургѣ лишь на десятомъ году этой службы своей, когда вскорѣ послѣ перевода изъ Варшавы въ Стрѣльну былъ назначенъ адъютантомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады въ Петербургъ и по этой должности сталъ имѣть нерѣдко дѣла въ штабахъ, не исключая штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Это было въ апрѣлѣ 1876 года, за годъ до моей встрѣчи съ М. А. въ Плоештахъ. Въ то время онъ, незадолго до того произведенный въ полковники, состоялъ въ должности старшаго адъютанта штаба округа; должностнымъ офицерамъ строевыхъ частей по всевозможнымъ дѣламъ, а также за справками и за приказаціями приходилось обращаться между прочимъ къ нему; всегда спокойно сіяющій, жизнерадостный, онъ производилъ не только на меня, но и на другихъ сотоварищей моихъ по должности самое отрадное впечатлѣніе своею привѣтливостью, всегда особенно ярко освѣщенной на фонѣ напыщенности, отражавшейся во всей фигурѣ и въ выраженіи надутаго лица другихъ офицеровъ, распорядившихся въ штабѣ; произошло то, что мы стали ихъ избѣгать и старались всегда ловить моментъ обратиться непременно къ полковнику Газенкампфу; за цѣлый день разговоровъ съ каждымъ изъ насъ онъ, бывало, измучается и все же остается спокойно любезнымъ, а его все теребять разспросами. Зато суровые и напыщенные отдыхали. Я хорошо помню появленіе въ печати того времени статей: «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ» и «Одинъ изъ нашихъ Мольтке». Не разъ случалось слышать между строевыми: князь Мещерскій пишетъ: «одинъ изъ нашихъ Мольтке»,—здѣсь въ штабѣ ему можно ихъ рекомендовать десятками. О чемъ бывало ни спрашиваешь въ штабѣ,—среди от-

рывистыхъ, почти ворчливыхъ отвѣтовъ, получавшихся отъ другихъ, иногда гораздо болѣе молодыхъ штабныхъ, всегда и неизмѣнно отъ М. А. Газенкампа услышишь ясное, до мелочей подробное, терпѣливо изложенное, толковое, привѣтливое разъясненіе, — которое, бывало, получавшимъ его приходилось съ такимъ же спокойствіемъ и съ такою же точностью передавать въ свои части — въ пѣхотные и кавалерійскіе полки или въ артиллерійскія бригады для немедленнаго сообщенія ротамъ, эскадронамъ, батареямъ.

Въ тѣ дни хожденія по штабамъ я очень ясно вспомнилъ о томъ, что еще въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда мы, юнкера, въ августѣ 1865 года были собраны изъ военныхъ училищъ, контингентъ которыхъ за два года передъ тѣмъ составили воспитанники кадетскихъ корпусовъ, случалось слышать много разсказовъ о прошлой кадетской жизни. Кружокъ бывшихъ питомцевъ второго кадетскаго корпуса постоянно разсказывалъ о выпущенномъ въ 1862 году изъ кадетскихъ фельдфебелей того корпуса въ армію прямо поручикомъ съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи Московскому полку Михаилѣ Газенкампфѣ. Съ какою-то особою, завидною любовью говорили они о томъ вліяніи, которое этотъ фельдфебель оказывалъ и на подчиненныхъ ему товарищей, и, что удивительнѣе всего, на начальство. Знали мы въ другихъ своихъ корпусахъ такихъ старшихъ воспитанниковъ, которые, находя какое-либо распоряженіе начальства несуразнымъ, показывали примѣръ неповиновенія и тѣмъ вводили бравшихъ съ нихъ этотъ примѣръ младшихъ товарищей въ соблазнъ и въ проступокъ, нерѣдко обращавшійся въ преступленіе. Этотъ же «мудреный фельдфебель», бывало, если увидитъ въ кадетской средѣ неудовольствіе на начальство, тотчасъ мягко, спокойно разспроситъ кадетъ, дастъ имъ объясненія, выставитъ имъ и то, въ чемъ согласенъ съ ними; кадеты вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію волноваться, лѣзть на рожль, итти на бунтъ, начинаютъ умиrotворяться, а затѣмъ, смотришь, пришедшее начальство, уже готовое разсвирѣпѣть, видя въ кадетскомъ препирательствѣ намекъ на бунтъ, участливо выслушиваетъ Газенкампа, успѣвшаго завладѣть его вниманіемъ; то ему кое-что возражаетъ, то кое въ чемъ соглашается съ разумными разсужденіями фельдфебеля, кстати завладѣвшаго и бурнымъ настроеніемъ кадетской массы. Кончается дѣло тѣмъ, что кадеты приходятъ къ убѣжденію въ необходимости переждать, не торопиться бунтовать, а начальство довѣряетъ ему же, этому фельдфебелю, сдѣлать такъ, чтобы безъ всякаго ущерба для субординаціи и дисциплины грѣшащее неправильностью начальническое распоряженіе было въ необходимыхъ предѣлахъ на его, фельдфебеля, отвѣтственность отмѣнено, — обѣ стороны остаются удовлетворенными. Такой пріемъ, во-время употребленный разъ-другой, совершенно незаметно ввелъ въ привычку, въ обычай, въ природу

во второмъ кадетскомъ корпусѣ именно такъ направлять тѣ исторіи, которыя въ другихъ корпусахъ въ тѣ бурныя времена кончались пагубнымъ кадетскимъ бунтомъ, вызывавшимъ нерѣдко для провинившихся кадетъ сѣрую шинель, то есть сдачу ихъ юнкерами и даже рядовыми въ армейскіе пѣхотные полки. Въ артиллерійскомъ училищѣ съ умиленіемъ сами бывшіе кадеты, не успѣвшіе еще дойти до офицерскаго чина, сознательно рассказывали объ этомъ обаятельномъ вліяніи ихъ товарища-начальника; они цѣнили это обаяніе и гордились имъ. Слушая эти рассказы, мы даже и не думали, что въ нихъ имѣется что-либо невѣрное, при всей казавшейся невозможности развитія въ кадетѣ же такой разумной сдержанности и стойкости. Приходилось немало надъ этимъ задумываться, а послѣ встрѣчи съ тѣмъ самымъ М. А. Газенкампомъ лицомъ къ лицу, сначала мимолетной въ штабѣ округа, потомъ болѣе продолжительной во время совмѣстной службы при великомъ князѣ, пришлось твердо убѣдиться не только въ возможности всего того, что кадеты такъ любовно и искренно рассказывали о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но прямо въ непреложности этого. Бросалось въ глаза, что это именно такой человекъ. На вопросъ, задававшійся тогда же въ артиллерійскомъ училищѣ: гдѣ находится теперь этотъ удивительный кадетъ-фельдфебель?

— Не знаю,—отвѣчалъ одинъ.

— Кажется, въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку,—говорилъ другой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ въ составѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка на усмиреніе польскаго мятежа, я его потерялъ изъ виду,—припоминалъ третій изъ юныхъ однокашниковъ товарища-начальника.

А онъ, этотъ кадетъ-начальникъ, тѣмъ временемъ успѣлъ отбыть усмиреніе польскаго мятежа и окончить курсъ академіи генеральнаго штаба съ серебряной медалью и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску.

— А!—вы прибыли,—привѣтливо сказалъ онъ при встрѣчѣ со мной въ Плоештахъ, добро пожаловать, уже для первыхъ дней на васъ тутъ небольшіе виды имѣются; къ вамъ обращается просьба взять на себя чтеніе румынскихъ газетъ, я буду ихъ вамъ передавать ежедневно, а вы по мѣрѣ прочтенія будете добры мнѣ возвращать съ отмѣткой всего того, что признаете достойнымъ вниманія.

Тогда же М. А. въ краткихъ словахъ рассказалъ мнѣ требованія, намѣченные къ предьявленію въ руководство корреспондентамъ, и назначилъ часы, въ которые съ того дня я могъ являться къ нему, какъ для врученія ему прочтенныхъ газетъ, такъ и для разговоровъ обо всемъ, что будетъ требовать разъясненій по этой части. Передавая ему тѣмъ или инымъ способомъ газеты съ подробными

и ясными отмѣтками, не часто вообще беспокоилъ я его лично потому, что видѣлъ, какъ онъ заваленъ самой сложной, серьезной и всегда неотложно-срочной работой; но всякій разъ, когда мнѣ случалось у него побывать, я выносилъ изъ бесѣдъ съ нимъ массу поучительнаго.

Въ отвѣтъ на мое сообщеніе о сдѣланномъ мною въ пути знакомствѣ съ двумя корреспондентами—М—скимъ и М—вымъ и объ ихъ стремленіяхъ онъ попросилъ меня въ случаѣ свиданія съ ними передать имъ, что они могутъ къ нему явиться въ тотъ же или на другой день въ два часа дня.

Въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ дней прибыло еще нѣсколько человѣкъ нашихъ корреспондентовъ; въ числѣ ихъ были немало извѣстные очень многимъ военнымъ А. Д. Ивановъ и В. С. Россоловскій отъ «Новаго Времени». М. А. также принялъ ихъ; свидѣвшись послѣ того съ ними, я выслушалъ отъ нихъ непритворновосторженные отзывы и объ оказанномъ имъ приѣмѣ, и о разумности мѣръ, предначертанныхъ къ предъявленію корреспондентамъ, и о простотѣ условій, кои приготовлено поставить имъ для руководства въ дѣлѣ, взятомъ ими на себя.

Корреспонденты передавали другъ другу, что они слышали, какъ все было опредѣлено, установлено еще въ Кишиневѣ въ этомъ отношеніи; но что теперь пришлось узнать, говорили они, изъ непосредственнаго источника отъ самого полковника Газенкампа, приставленнаго къ рулю нашего дѣла,—то, право, превзошло всякія ожиданія: не пиши объ этомъ и объ томъ, то есть о такомъ, о чемъ сама очевидность не позволяетъ разбалтывать,—обо всемъ прочемъ пиши, что и какъ хочешь, никакого стѣсненія нѣтъ (твердо отринуту введеніе предварительной цензуры); а если станешь писать что-либо возбраненное, то есть вздумаешь не исполнять обязательства, поставленнаго тебѣ и принятаго тобою,—сейчасъ же проѣдешься изъ дѣйствующей арміи восвоеси,—просто, ясно и хорошо; мало того, еще обѣщаютъ давать черезъ штабъ облегченіе въ дѣлѣ полученія достовѣрныхъ свѣдѣній обо всемъ, чѣмъ будешь для своихъ корреспонденцій интересоваться... Всѣ наши корреспонденты вообще высказывали не разъ, насколько каждому пріятно находится подъ такимъ руководствомъ, которое выказывалось въ лицѣ любезнаго, просто умѣвшаго обращаться натурально и не ставившаго даже никакого намека на какое бы то ни было въ чемъ-либо стѣсненіе; но, говорили они, если это можетъ нравиться, то еще больше можно радоваться тому, что въ этомъ своемъ руководителѣ, какъ выразился не только корреспондентъ «Новаго Времени» В. С. Россоловскій, а и другіе, они видѣли не простаго любезника, а человѣка вполне способнаго твердо поддержать свой престижъ и готоваго во всякое время показать, что онъ не постѣснится въ случаѣ нужды надавить на того, кому можетъ казаться, что онъ спря-

Танъ за кѣмъ-либо сильнымъ міра сего, какъ за твердышей; въ этомъ убѣдили скоро ставшіе извѣстными одинъ за другимъ три-четыре случая, въ которыхъ lieber kleiner Hasenkampf, какъ называлъ его великій князь, всегда окрыленный, раскрыть и выпустилъ свои когти на нѣкоторыхъ корреспондентовъ, вздумавшихъ пойти противъ твердо поставленныхъ имъ по приказу главнокомандующаго преградъ.

Уже впоследствии въ предѣлахъ Болгаріи, въ Горнемъ Студнѣ у Михаила Александровича побывалъ А. С. Суворинъ, и, кажется, тамъ же ему случилось познакомиться съ В. П. Буренинымъ.

IV.

Эпизодъ съ директоромъ русскаго телеграфнаго агентства.—Бельгійскій инженеръ Лемуанъ.—Его предложеніе снять фотографически неприятельскій берегъ Дуная.—Порученіе, данное по этому поводу великимъ княземъ Газенкампфу.—Роль Газенкампфа въ дѣлѣ установленія положенія о печати на театрѣ войны.—Мнѣніе, высказанное М. Д. Скобелевымъ объ М. А. Газенкампфѣ.

Такъ, рассказывали случай, происшедшій съ директоромъ генеральнаго русскаго телеграфнаго агентства г. П—лемъ, которому Газенкампфъ спокойно сдѣлалъ серьезное указаніе на то, что чѣмъ бы разрѣшеніемъ онъ ни вздумалъ пользоваться для посылки телеграммъ, касающихся извѣстій объ арміи и вообще объ официальныхъ дѣлахъ, безъ передаваемого имъ, Газенкампфомъ, разрѣшенія главнокомандующаго, ни одной строки изъ предѣловъ расположенія и движенія дѣйствующей арміи ему послать не придется; когда же этотъ П—ль съ большимъ апломбомъ вздумалъ показать, что можетъ, съ своей стороны, не дать этому заявленію того серьезнаго значенія, какое угодно придавать г. полковнику, такъ какъ онъ, директоръ, имѣетъ прямое разрѣшеніе и чуть ли не широкое полномочіе отъ его свѣтлости самого канцлера князя Горчакова, почему онъ и пошлетъ по телеграфу все то, что ему послать надо, то М. А. Газенкампфъ такъ же спокойно объявилъ ему суровое запрещеніе, повторивъ, что ничего не придется послать безъ его, Газенкампфа, разрѣшенія, даваемого именемъ и полномочіемъ великаго князя. Сдѣлавъ такимъ образомъ свое дѣло и оставшись спокойнымъ, Газенкампфъ не подумалъ даже о томъ, что нужно это кому-либо доложить, какъ вдругъ великій князь, пригласивъ его къ себѣ, самъ рассказалъ ему всю эту исторію, несомнѣнно, ставшую ему извѣстною изъ источника другой стороны. П—ль, по всегдашнему обычаю людей, не имѣющихъ достаточной основы, какъ видно, забѣжалъ зайцемъ къ самой его свѣтлости; дѣло пошло и закончилось сдѣланнымъ по повелѣнію государя подтвержденіемъ воспрещенія посылки официальныхъ военныхъ и политическихъ телеграммъ безъ разрѣшенія, даваемого вели-

кимъ княземъ черезъ уполномоченнаго его высочествомъ къ тому полковника Газенкампфа. Между корреспондентами ходили свѣдѣнія, будто бы князь Горчаковъ выставилъ очень сильный упрекъ директору П—лю за проявленную имъ безтактность, которая вызвала выраженіе неудовольствія самой свѣтлости князю со стороны его величества государя императора. Надо замѣтить, что, какъ и слѣдовало ожидать, эта исторія отрезвила г. П—ля, сбивъ съ него высокомеріе и спесь настолько, что тотчасъ послѣ этого эпизода онъ догадался сдѣлать М. А. Газенкампфу визитъ, о необходимости котораго онъ раньше не подумалъ и обязательность котораго ему раньше не пришла въ голову.

Около того времени, будучи однажды дежурнымъ при великомъ князѣ, я былъ потребованъ его высочествомъ и получилъ приказаніе представить полковнику Газенкампфу бельгійскаго инженера Лемуана, прибывшаго съ рекомендаціей нашего посла при брюссельскомъ дворѣ, прося М. А. переговорить съ тѣмъ инженеромъ объ условіяхъ, которыя намѣренъ онъ выговорить себѣ, предложивъ его высочеству произвести снятіе фотографіей всего турецкаго берега Дуная; о томъ, что окажется, великій князь просилъ М. А. доложить.

При мнѣ же полковникъ Газенкампфъ допросилъ Лемуана и, когда, по его мнѣнію, условія, предъявленныя этимъ инженеромъ, оказались крайне наглыми, почему онъ, Лемуанъ, представился самымъ простымъ и мелкотравчатымъ аферистомъ, какимъ раньше, судя по костюму и по взятой имъ театральной манерѣ держаться, отнюдь не могъ казаться, М. А. Газенкампфъ, при всей своей деликатности, совершенно опредѣленно и ясно выставилъ ему всю неприглядность нахальства, съ которымъ онъ своимъ желаніемъ ловить рыбу въ мутной водѣ попусту безпокоитъ занятаго въ высшей степени серьезными дѣлами главнокомандующаго.

Великій князь, выслушавъ подробный докладъ М. А. съ заключеніемъ, что проходимцу этому не слѣдовало бы дозволять ни одного дня оставаться въ дѣйствующей арміи, сказалъ:

— Ну, и прекрасно, прикажи его сейчасъ же выпроводить, чтобъ онъ тутъ не путался; онъ, видимо, нашего посланника въ Брюсселѣ форменно надулъ.

Между корреспондентами сложилось и твердо держалось убѣжденіе, что въ совѣщаніи, которое было собрано у великаго князя въ Кишиневѣ черезъ нѣсколько дней послѣ или до объявленія войны, полковникъ Газенкампфъ одинъ твердо отстаивалъ и одинъ отстоялъ имъ же выработанное, а въ концѣ концовъ принятое къ руководству въ дѣлѣ печати простое, снявшее всякія стѣсненія положеніе. Это положеніе было создано имъ и принято благодаря ему—это вѣрно, но понятіе, возвѣщавшее объ отставаньи имъ своего положенія, трсбуетъ поправки, отъ приведенія которой

заслуга М. А. Газенкампа въ этомъ дѣлѣ не умаляется и не можетъ умалиться; довольно того, что онъ дѣйствительно создалъ и провелъ это вполне удовлетворившее всѣхъ положеніе. Суть въ томъ, что начальникъ штаба Непокойчицкій и его помощникъ Левицкій до прибытія Газенкампа приготовились къ проведенію предварительной цензуры; объ отказѣ отъ нея первое слово явилось только съ момента пріѣзда М. А. Газенкампа; онъ ни одной минуты не остановился на мысли о необходимости введенія въ положеніе этой мѣры. Онъ поставилъ прямо ребромъ вопросъ о низверженіи предварительной цензуры, съ этимъ внесъ свой проектъ въ совѣщаніе, заранѣе подготовивъ дѣло въ отношеніи подчиненія себѣ мнѣній Непокойчицкаго и Левицкаго въ такой степени, что они уже въ совѣщаніи даже не попытались вводить поправку или представлять что-нибудь похожее на возраженіе. Совѣщаніе, собранное у великаго князя, состояло изъ военнаго министра Д. А. Милютина, за министра иностранныхъ дѣлъ Гамбургера, шефа жаандармовъ генераль-адъютанта Н. В. Мезенцова, начальника штаба А. А. Непокойчицкаго, генерала-адъютанта Н. П. Игнатъева и завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ князя В. А. Черкаскаго.

Неизвѣстно, какъ дѣло пошло бы въ совѣщаніи, если бы ему представлено было, что проектъ положенія съ отринутіемъ цензуры является проектомъ лишь одного полковника Газенкампа; совсѣмъ иное должно было выйти, когда тѣмъ же членамъ совѣщанія было сообщено, что проектъ пришелъ отъ представительства штаба дѣйствующей арміи и между представителями нѣтъ разногласія. Достаточно взглянуть на списокъ членовъ совѣщанія, чтобы понять, какъ прошелъ бы проектъ и какъ былъ бы принятъ, если бы до свѣдѣнія совѣщанія довели о существованіи малѣйшаго разногласія въ самомъ составѣ штаба, а тѣмъ болѣе, если бы членамъ сказали, что полковникъ Газенкампъ отвергаетъ необходимость предварительной цензуры, генералы же Непокойчицкій и Левицкій требуютъ обязательнаго введенія таковой. Ни одинъ изъ членовъ совѣщанія не подумалъ бы высказаться иначе, какъ въ согласіи съ болѣе зрѣлыми и опытными представителями штаба, т.-е. всѣ стали бы на сторону проводимаго ими стѣсненія, а оно, какъ убѣждены корреспонденты, явилось бы пагубнымъ для всего дѣла. Настоящая заслуга М. А. Газенкампа въ томъ и состоитъ, что, раньше сладивъ у себя дома, т.-е. между штабными, разность взглядовъ, онъ тѣмъ самымъ легко согласилъ въ совѣщаніи весь пришлый элементъ.

Много этотъ маневръ М. А. Газенкампа напоминаетъ тотъ способъ, который ему раньше приписывали его юные поклонники, рассказывая объ его образѣ дѣйствій въ дѣлахъ предотвращенія кадетскихъ бунтовъ: такое же спокойствіе, ведшее дѣло по околь-

ной дорогѣ относительно возбужденія чего-либо бурнаго; при такомъ способѣ соглашеніе обычно составляется само собою, безъ наличности споровъ и препирательствъ.

Такъ онъ дѣйствовалъ и при желаніи отстоять что-либо свое въ не менѣ серьезныхъ дѣлахъ чисто боевого характера; Скобелевъ замѣтилъ въ немъ это и однажды сказалъ: «Газенкампфъ лучше, чѣмъ кто-либо, умѣетъ, проводя свое мнѣніе, подчинить себѣ мнѣнія оппонентовъ и съ удивительнымъ искусствомъ, незамѣтно соглашаетъ совершенно противорѣчивые взгляды».

Судьба не возложила на М. А. Газенкампфа обязанности водить войска къ побѣдамъ, приносить царю и отечеству пользу громкими военными дѣлами, а также создавать себѣ и войскамъ славу въ бояхъ, въ борьбѣ на полѣ брани. Тѣмъ не менѣ онъ можетъ быть, безспорно, причисленъ къ сонму лицъ, кои въ вѣнокъ славы Россіи въ трудную для нея минуту вилели и съ своей стороны не одну вѣтку лавра.

V.

Сложность обязанностей Газенкампфа при его высочествѣ главнокомандующемъ.—Насколько кстати пришелся этотъ штабъ-офицеръ въ штабѣ.—Содѣйствіе, оказывавшееся имъ ходу дѣлъ вообще.—Признаніе имъ легкой смѣны начальниковъ частей въ арміи пагубною.—Протестъ противъ нея.—Остановка имъ увольненія генераловъ Криденера и Шильдеръ-Шульднера.—Отзывъ Мих. Ив. Драгомирова объ этомъ эпизодѣ.

Извлеченія, кои я здѣсь дѣлаю изъ своихъ записокъ, не могутъ носить характера описанія дѣлъ и дѣяній чисто военныхъ: такимъ описаніямъ мѣсто на страницахъ специально-военныхъ изданій. Нельзя, однако, упустить краткаго указанія на тѣ заслуги, которыя за М. А. Газенкампфомъ должны считаться и по справедливости за нимъ зачислены въ умахъ и сердцахъ тѣхъ, кому съ его дѣятельностью случалось знакомиться не по однѣмъ лишь страницамъ напечатанныхъ воспоминаній, а и на дѣлѣ во время совершенія имъ скромныхъ, неброскихъ, но драгоцѣнныхъ дѣлъ, носящихъ характеръ подвиговъ.

Можно смѣло сказать, что создавшееся для М. А. Газенкампфа счастливое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ при великомъ князѣ главнокомандующемъ, является счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ не только для него одного и для ряда другихъ лицъ, а для славной арміи нашей и для хода трудной кампаніи той.

Великій князь призвалъ его стать въ роль штабъ-офицера или генерала, на обязанности котораго лежало слѣдить за ходомъ собитій войны, записывать ихъ, нанизывать въ записи исторію дѣйствій войскъ, составлять обо всемъ этомъ подробные доклады государю и для объявленія по Россіи во всеобщее свѣдѣніе; собирать все это въ одно цѣлое для отсылки въ главный штабъ въ видѣ

военно-историческаго матеріала, слѣдить за ходомъ сообщенія свѣдѣній обо всемъ этомъ въ періодической печати, составлять, шифровать и расшифровывать текущія телеграммы и т. д. Дѣла масса, а между тѣмъ нужно прибавить къ этому, что человѣкъ, на котораго эта масса была взвалена, умудрялся еще, слѣдя за всѣмъ творившимся вокругъ, поспѣвать съ совѣтами, часто кореннымъ образомъ мѣнявшими ходъ событій,—иногда въ сторону улучшенія всего происходившаго, а иногда въ сторону своевременной отмѣны чего-либо проводившагося съ опрометчивостью, а потому готоваго въ конецъ испортить все, шедшее какъ будто обычнымъ порядкомъ.

Не задаваясь намѣреніемъ перечислять многое по этой части, ограничусь приведеніемъ лишь кое-чего болѣе выдающагося.

Поставленный въ должность начальника штаба дѣйствующей арміи прекрасный человѣкъ, опытный, умный, образованный генералъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, своими способностями стяжавшій славу во времена венгерской и крымской кампаній въ должности начальника штаба знаменитаго пятаго армейскаго корпуса, который дѣйствовалъ подъ предводительствомъ славнаго боевого генерала Лидерса (впослѣдствіи за боевыя заслуги возведеннаго въ графское достоинство),—несомнѣнно, въ большой степени содѣйствовалъ прославленію этого генерала; но ко времени нашей освободительной войны 1877—1878 гг. онъ явился уже состарившимся. Большому удивленію предавался каждый, видѣвшій въ немъ проявленіе остатковъ той энергіи, которая помогала ему дѣйствовать не по лѣтамъ бодро, находчиво, разумно и бдительно; какъ говорили тогда со всѣхъ сторонъ, для поддержанія въ немъ неутомимости нуженъ ему былъ спокойный, обладавшій большою работоспособностью, неизсякаемостью физическихъ и духовныхъ силъ помощникъ; такого, какъ находили всѣ, ему, къ сожалѣнію, дано не было; избранный на этотъ постъ сравнительно молодой генералъ Казимиръ Васильевичъ Левицкій не былъ лишень способностей и военно-научной подготовки, но являлся нерѣдко суетливымъ, малодушнымъ, неровнымъ, малосдержаннымъ, проявлявшимъ при мелочности строптивость, вздорность характера и отсутствіе того самообладанія, которое способно было въ извѣстную минуту сотрудничества помочь ему оживить принcipала своего, богато одарить разумнымъ ходомъ мыслей и мощнымъ теченіемъ сообразительности въ дѣлахъ.

Великій князь, ясно отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, поставилъ къ Левицкому, а тѣмъ самымъ и къ Непокойчицкому, полковника Газенкампа на выручку; его пришлось поселить съ Левицкимъ вблизи Непокойчицкаго. Самымъ ходомъ жизни онъ стоялъ среди нихъ, постоянно соприкасаясь со всѣмъ тѣмъ, что касалось ихъ дѣятельности, всегда совмѣстной, но весьма нерѣдко

шедшей въ полномъ разладѣ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, великому князю, какъ его высочество и самъ не разъ говорилъ, прямо повезло; невольно М. А. Газенкампфъ становился участникомъ того, что обсуждалось, создавалось и готово было приводиться въ исполненіе. Его вниманіемъ, чуткостью, сообразительностью, участливостью дѣлалось то, что онъ на все налагалъ руку, во все прибавлялъ большую долю своего энергичнаго, не менѣе того, однако, спокойнаго воздѣйствія. А какъ онъ это дѣлалъ—было всякому ясно видно; всѣ знали, что М. А. Газенкампфъ совершенно солидно, безкорыстно и чисто приходилъ на помощь Левицкому въ его, какъ помощника, стремленіи направить свои дѣйствія и помышленія къ оказанію во всемъ содѣйствія Непокойчицкому; значить великому князю и, слѣдовательно, къ неизмѣнной и нерушимой пользѣ въ общемъ ходѣ всѣхъ дѣлъ.

Послѣ неудачныхъ сраженій 8-го и 18-го іюля подъ Плевной ¹⁾ Левицкій озлобился и сразу же представилъ Непокойчицкому свою мысль о необходимости немедленнаго смѣщенія дѣйствовавшихъ въ тѣхъ сраженіяхъ командира девятаго корпуса генерала Криднера и начальника пятой пѣхотной дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера; Непокойчицкій такъ схватился за это предложеніе, что, безъ сомнѣнія, его такъ доложили бы великому князю, что оно было бы немедленно приведено въ исполненіе, если бы Газенкампфъ тотчасъ энергично не взялся принципиально ратовать противъ этого, внушивъ тому и другому крайній вредъ, который могъ произойти отъ проявленія такой легкости въ дѣлѣ смѣны начальниковъ, знающихъ части свои, уже успѣвшихъ изучить мѣстность и образъ дѣйствій врага, а также весь сложившійся обиходъ кампаніи; что вышло бы, когда вновь назначеннымъ надо было бы все это снова изучать!

— Я не говорю о туркахъ,—сказалъ между прочимъ Газенкампфъ:—но у австрійцевъ это дѣлается легко, и въ этомъ, несомнѣнно, заключается одна изъ причинъ того, что ихъ на всѣхъ театрахъ войны всегдѣ всѣ били и бьютъ поднесь.

Нельзя съ перваго взгляда достаточно оцѣнить услугу, оказанную этимъ протестомъ Газенкампфа; во всякомъ дѣлѣ труденъ первый шагъ; смѣнивши легко этихъ двухъ старыхъ, уже испытанныхъ въ бояхъ генераловъ, штабъ нашъ могъ бы повадиться дѣлать это столь же легко,—а въ результатѣ скоро армія была бы лишена хорошихъ военачальниковъ; для нея пропали бы не только тѣ, которые попусту были бы смѣнены, но и тѣ, которые остались бы на мѣстахъ, такъ какъ они, безъ сомнѣнія, потеряли бы съ мостоятельностью или боялись бы что-либо предпринять; имъ

¹⁾ Именно въ этомъ дѣлѣ дивизія Шильдеръ-Шульднера потеряла убитыми двухъ командировъ полковъ—Архангелогородскаго и Костромскаго,

всегда мерещилась бы отвѣтственность выше мѣры и нужды. Развѣ не правильнѣе всего считать, что испытанный начальникъ приложитъ всю массу силъ своихъ и рвенія къ возстановленію своего престижа и къ возстановленію репутаціи командуемой имъ части, а, слѣдовательно, его смѣнили бы въ ту минуту, когда отъ него можно было бы ожидать лишь массу громадной пользы для части и для дѣла; это было бы большимъ лишеніемъ для арміи; а сколько ущерба нанесено было бы дѣлу суммой нѣсколькихъ подобныхъ легкомысленныхъ смѣнъ. Остановивши вб-время допущеніе такого промаха, Газенкампфъ навелъ на мысль о необходимости вообще углубиться въ этотъ вопросъ и установить въ немъ совершенно серьезный взглядъ, не допускающій легковѣсности въ столь важномъ дѣлѣ. Смѣна начальниковъ во время хода кампаніи должна происходить въ исключительныхъ, крайнихъ случаяхъ, а больше всего должна практиковаться передъ тѣмъ, что идутъ въ кампанію, т.-е. въ тотъ періодъ времени, когда начальствующихъ лицъ выбираютъ и насаждаютъ для выхода на войну; въ походъ армія должна выходить съ хорошо подобранными начальниками, которыми обязательно нужно дорожить; нужно помнить всю пагубность легкой смѣны, а также нельзя забывать и того, что и потери въ бояхъ, въ свою очередь, отнимаютъ у арміи хорошихъ начальниковъ.

Когда вскорѣ послѣ первыхъ двухъ плевенскихъ неудачъ М. И. Драгомировъ явился въ Тырновъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи къ главнокомандующему за приказаніями и для представленія нѣкоторыхъ накопившихся докладовъ, онъ, между прочимъ, узнавъ объ этомъ эпизодѣ, сказалъ:

— Какъ можно учреждать такую легкую смѣну высшихъ начальниковъ! Боже сохрани! Помимо всего того, что такъ поучительно привелъ въ назиданіе полковникъ Газенкампфъ, нельзя не отмѣтить того, что пруссаки именно установили правило остерегаться этой легкой смѣны и бояться ея пуще огня: она дискредитируетъ, стираетъ престижъ начальника, а въ такой арміи, каковы не только турецкая, но и австрійская, бывали, какъ непременно дознано, случаи, когда развращенныя потерей строгой дисциплины части сговаривались нарочно дѣйствовать такъ, чтобы подвести начальника, который своей неумолимой требовательностью приходился имъ не по вкусу, если строго гладилъ ихъ противъ шерсти; у насъ этого быть не можетъ, но вѣдь человѣкъ остается человѣкомъ и мало ли на что безтактными и безтолковыми распоряженіями можно натолкнуть стадо отупѣлыхъ барановъ, — неровенъ часъ.

— Какъ посмотрю я, — сказалъ тогда же въ Тырновѣ генераль Драгомировъ: — здѣсь у васъ наверху всѣ стоящіе у руля, кромѣ самого главнокомандующаго, растерялись; только Газенкампфъ,

какъ бы въ помощь ему, не потерялъ головы отъ разныхъ неудачъ въ родѣ криденерскошилдершульднерской промашки; ишь вѣдь какая мудреная нѣмечина, чортъ въ ней ногу сломить,—засмѣялся Михаилъ Ивановичъ.

IV.

Прислушивалъ Газенкампфа къ взглядамъ, высказывавшимся Левицкимъ.—Совѣты, дававшіеся имъ ему.—Отвѣтъ, данный Левицкимъ государю на военномъ совѣтѣ подъ Плевной.—Какъ Левицкій умѣлъ иногда исправлять свои промахи.—Государь щедро награждаетъ Левицкаго послѣ плѣненія арміи Османа-паши.—Разсказъ Левицкаго объ этомъ и «признаніе», сдѣланное имъ.—Особая заслуга М. А. Газенкампфа.—Отзывъ князя Н. Ѳ. Масальскаго.

Лица, близко стоявшія къ главной квартирѣ, знали, что Газенкампфъ постоянно велъ длинные разговоры съ Левицкимъ, убѣждая его то въ томъ, то въ другомъ и передѣлывая его взгляды, нерѣдко составлявшіе почти сплошное заблужденіе, въ наличности котораго Левицкій, если убѣждался, то, во-первыхъ, рѣдко, а во-вторыхъ—поздно. Газенкампфъ, понявъ, что необходимо быть на чеку для того, чтобы ничего не пропускать, никогда ни на минуту не забывалъ этого и всегда былъ насторожѣ.

Не разъ случалось тогда же слышать, что, между прочимъ, послѣ плевненскихъ августовскихъ неудачъ Газенкампфъ, опасаясь остатковъ сильнаго вліянія Левицкаго, крайне усердно убѣждалъ его относительно невозможности допущенія даже мысли объ отступленіи отъ Плевны; онъ убѣждалъ его неустанно настаивать на крайней необходимости крѣпко держаться у ея укрѣпленій во избѣжаніе позорной потери славной арміи нашей и въ устраненіе риска проиграть всю кампанію.

Левицкій, убѣжденный въ томъ, что надо отойти, т. е. отступить, и что иного выхода нѣтъ, долго и много спорилъ; тѣмъ больше, конечно, чести для него останется навсегда отъ всего происшедшаго: когда разумный взглядъ Газенкампфа превозмогъ его упрямья разсужденія, переубѣдивъ его, вотъ какъ въ совѣтѣ, собранномъ по представленію великаго князя государемъ въ заброшенномъ у самой Плевны редутѣ черезъ два-три дня послѣ отбитія нашихъ атакъ, онъ показалъ себя: на прямо поставленный его величествомъ вопросъ, не влекутъ ли сложившіяся условія необходимости покинуть Плевну и отвести войска для того, чтобы собраться съ силами, когда лица, входившія въ составъ совѣта, видимо, уклонялись отъ представленія категорическаго отвѣта, одинъ Левицкій твердо и мужественно отвѣтилъ, а затѣмъ подробно развилъ планъ о невозможности отступленія, а также о необходимости укрѣпиться для оказанія дальнѣйшаго безконечнаго сопротивленія и для удержанія за собой всего пространства, уже нами занятаго послѣ

славнаго подвига переправы на турецкую территорію и вполнѣдствіи совершенія побѣдоноснаго наступленія по ней. Государь вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и повелѣлъ все высказанное Левицкимъ принять къ точному исполненію, т.-е. войскамъ остаться на мѣстахъ и въ самый короткій срокъ съ полной энергіей укрѣпить свои позиціи.

Въ совѣтѣ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ государя, кромѣ великаго князя главнокомандующаго, состояли: военный министръ Д. А. Милютинъ, командующій арміей обложенія Плевны князь Карлъ румынскій, начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ Непокойчицкій, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ князь Масальскій, начальникъ штаба арміи обложенія генераль-лейтенантъ Зотовъ и помощникъ начальника штаба арміи свиты его величества генераль-майоръ Левицкій.

Для того, чтобы дать настоящую оцѣнку этому эпизоду, ставшему уже историческимъ фактомъ, я вернусь въ извлеченіи своего разсказа изъ записей нѣсколько назадъ, къ нѣкоторымъ съ виду мелочнымъ фактамъ, въ сущности имѣвшимъ большое значеніе.

Послѣ непріятности, вышедшей у меня съ генераломъ Левицкимъ еще въ то время, когда я пробылъ недолго въ Кишиневѣ, до поступленія въ дѣйствующую армію, отношенія мои съ нимъ вслѣдствіе дальнѣйшихъ столкновеній до того обострились, что, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бываетъ, уже видна была близость и неминуемость какого-нибудь кризиса; я кое-какъ умѣлъ сдерживаться и спокойно относиться ко всему, но съ его стороны, судя по многому происходившему, трудно было ожидать той выдержки, какая въ подобныхъ дѣлахъ одна лишь способна положить предѣлъ безостановочно нарастающимъ обостреніямъ.

29-го іюля того же 1877 года великій князь, назначивъ свою поѣздку изъ Горнаго Студія въ Бѣлу къ государю императору, велѣлъ сопровождать его въ той поѣздкѣ Непокойчицкому, Левицкому и мнѣ, какъ дежурному ординарцу. Ѣхать приказано было въ экипажахъ, которыхъ и было подано два: одинъ для его высочества и начальника штаба, другой для помощника начальника штаба и дежурнаго ординарца.

Видѣлъ я, насколько Левицкій засуетился; передавали, будто онъ прилагалъ тщетныя старанія къ тому, чтобы какимъ бы то ни было способомъ измѣнить создавшееся положеніе. Однако наступила минута отъѣзда; онъ, сухо поздоровавшись со мной, сѣлъ въ коляску, я вошелъ въ нее съ другой стороны.

Съ улыбкой вспомнилъ я случай изъ прошлой армейской жизни: на одной изъ южныхъ конно-артиллерійскихъ стоянокъ два батареинныхъ командира, стоявшіе съ батареями въ одномъ мѣстечкѣ,

завели пополамъ экипажъ и ѣздили въ немъ на казенныхъ батарейныхъ упряжныхъ лошадахъ, которымъ вообще служебной работы въ то время было немного. Дѣло шло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ командиры рассорились, поспоривъ о пустячномъ вопросѣ относительно значенія и смысла частицъ «до» и «по»; что значитъ «до» такого-то числа и «по» такое-то число?—одинъ увѣрялъ, что это все равно, а другой объяснялъ истинное значеніе каждой изъ частицъ; поссорились такъ, что и переносить другъ друга не могли; случилось это въ пирятинскомъ районѣ, то есть въ Полтавской губерніи, недалеко отъ гоголевскихъ миргородскихъ окрестностей, въ блаженныхъ мѣстахъ жительства пресловутыхъ Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича.

Встрѣчаются, бывало; два подполковника и дуются другъ на друга, какъ индюки, между собой не разговариваютъ, вмѣстѣ не остаются, а сейчасъ же расходятся. Вдругъ случилась полная непредвидѣнность: и тотъ и другой совсѣмъ упустили изъ виду, что, въ случаѣ необходимости выѣзда изъ мѣста расположенія батарей, ѣхать обоимъ придется въ одномъ экипажѣ. Знаменитый начальникъ южныхъ поселеній генераль-адъютантъ графъ Никитинъ, которому былъ подчиненъ конно-артиллерійскій резервъ, даль знать, что, находясь проѣздомъ вблизи, онъ желаетъ повидать батарейныхъ командировъ, а потому требуетъ пріѣзда ихъ въ одно изъ мѣстечекъ, расположенныхъ на большой проѣздной дорогѣ.

Только они двое знаютъ, что пришлось каждому изъ нихъ испытать, когда оказалось неминуемымъ сѣсть въ одинъ экипажъ и просидѣть вдвоемъ три-четыре часа туда и столько же назадъ. Оба они, видимо, были характера упорнаго; сѣли въ свою коляску, которую одинъ называлъ тюльбери, а другой тюрюлюю, и покатили, повернувшись другъ къ другу почти спинами, изображая собою двуглаваго орла; такъ и проѣхали, не проронивъ ни слова.

Я взглянулъ на Левицкаго; сидитъ онъ съ правой стороны, повернувшись направо, и упорно сосредоточенно молчитъ. Ѣхать предстояло верстъ девяносто; подумалъ я немного, да на четвертой отъ Горнаго Студня верстѣ, подъ заброшеннымъ турками, красивымъ, полнымъ фантановъ и свѣжей зелени черкесскимъ селеніемъ Акчаиръ, сдѣлавъ надъ собою небольшое усиліе, рассказалъ ему исторію ссоры батарейныхъ командировъ, при чемъ въ шуточномъ тонѣ спросилъ: «Ужъ не знаю, «до» какого времени или «по» какое время будемъ мы съ вами такъ-то сидѣть?..»

Расхохотался мой спутникъ и тутъ же поразилъ меня въ самое сердце: я, говорить, сознаю, что кругомъ былъ виноватъ во всѣхъ нашихъ пустяковыхъ исторіяхъ, стыдно мнѣ самому и за первую, и за вторую, и за третью неприятность; кончимъ ихъ и забудемъ.

Съ тѣхъ поръ отношенія наши изъ враждебныхъ сдѣлались совершенно добрыми, Левицкій сталъ относиться ко мнѣ не иначе,

какъ дружелюбно. Я не берусь рассказывать здѣсь ни о второй, ни о третьей непріятности, боясь удлинить статью, и безъ того вышедшую пространною.

Черезъ мѣсяць состоялся подъ Плевной описанный выше совѣтъ; молва нѣсколько дней на разные лады перебирала подвигъ, учиненный Левицкимъ на немъ, но вскорѣ, перебитая другими толками, перестала заниматься имъ. Прошло послѣ совѣта мѣсяца три; Османъ-паша сдѣлся съ арміею ровно черезъ четыре мѣсяца со дня нашей поѣздки при великомъ князѣ въ Бѣлу къ государю. Я съ середины октября, со дня взятія Горнаго Дубняка, находился при генераль-адъютантѣ Гурко въ движеніи на Радомирцы, Правцы Орханіе и не зналъ всего того, что творилось при главной квартирѣ; лишь 1-го декабря, по возвращеніи отъ Гурко изъ Орханіе въ Боготъ, я узналъ, что государь прибылъ 29-го ноябрю въ Плевну и, раздавая высшимъ чинамъ награды, между прочимъ передалъ изъ своихъ рукъ Левицкому орденъ святого Георгія четвертой степени, а когда тотъ смущенно высказалъ, что онъ недостойнъ, государь крайне ласково улыбнулся и сказалъ: «Какъ недостойнъ! Видно, о своемъ отвѣтѣ, данномъ на нашемъ совѣщаніи, ты забылъ; но я не забылъ и никогда его тебѣ не забуду; возьми этотъ вполне тобою заслуженный крестъ».

Встрѣтившись въ день своего возвращенія въ Боготъ съ Левицкимъ, я поздравилъ его.

— Да,—сказалъ онъ, разговорившись со мной:—я до сихъ поръ не могу опомниться отъ счастья, которое приходится мнѣ переживать съ той минуты, когда государь такъ высоко и щедро наградилъ меня; а что я далъ въ ту минуту такой кажущійся несуразнымъ отвѣтъ, такъ я прямо и чистосердечно скажу,—въ отвѣтѣ томъ не было съ моей стороны ни кокетства, ни того, что называется манерничаніемъ; ни отъ кого я не скрываю, что долго держалось во мнѣ сложившееся у меня убѣжденіе о необходимости отступленія, которое, какъ мнѣ казалось, надо было предпринять для того, чтобы кампанію нашу у Плевны начать сызнова. Ну, вотъ бываетъ же, что когда Богъ захочетъ обидѣть человѣка, то прежде всего разумъ у него отниметь. Мнѣ было крайне тяжело выслушивать и испытывать пленцею, которымъ меня изводилъ мой сожитель М. А. Газенкампфъ. «Я,—говорилъ онъ,—знаю, какъ вы можете легко повліять въ ту сторону, что, пожалуй, этотъ безумный шагъ будетъ одобренъ, принять, а затѣмъ, не дай Богъ, сдѣланъ; но Боже сохрани,—въ томъ будетъ преступленіе противъ Россіи, которая на насъ смотритъ, намъ вѣрить и отъ насъ ждетъ полнѣйшаго и честнѣйшаго благоразумія въ святомъ исполненіи долга нашего передъ ней». Долго крѣпился я со своимъ предвзятымъ въ пользу отступленія убѣжденіемъ и возражалъ, признаюсь, нелѣпѣйшимъ образомъ возражалъ, но въ концѣ концовъ его вѣскіе доводы, рѣзко вы-

сказанные, меня разубѣдили; высшая сила во-время вразумила меня и, какъ будто нарочно, поставила дѣло такъ, что въ минуту коренной перемѣны моихъ мыслей я былъ призванъ на совѣтъ, въ который государь, по просьбѣ великаго князя, призвалъ близко стоявшихъ къ дѣлу людей, пожелавъ услышать ихъ мнѣніе о наиболѣе важномъ вопросѣ: закрывши глаза, я со смѣлостью, равной дерзости, высказалъ, положительно словами М. А. Газенкампа, свое новое мнѣніе, твердо сложившееся во мнѣ всецѣло подъ вліяніемъ его убѣдительною настойчивости.

Со своей стороны, я не скрывалъ ни отъ кого этого признанія, высказаннаго мнѣ Левицкимъ; мнѣ не пришло тогда въ голову давать себѣ трудъ его распространять, такъ какъ все въ этомъ казалось мнѣ простымъ и натуральнымъ; но многіе тогда и сами, рассказывая мнѣ объ этомъ эпизодѣ, высказывались различно о Левицкомъ: «ай да Казимиръ, нельзя было этого ожидать отъ него», говорили иные; начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи князь Масальскій, съ которымъ мнѣ тогда перѣдко приходилось бесѣдовать, выслушавъ мой рассказъ, сказалъ:

— Тогда же, когда генералъ Левицкій при мнѣ на заданный государемъ вопросъ высказался такъ рѣшительно и смѣло, я почувствовалъ къ нему большое уваженіе, теперь же, послѣ такого его признанія мнѣ приходится рѣшительно преклониться передъ нимъ. Точно также во всѣхъ отношеніяхъ честь и слава полковнику Газенкампу, — добавилъ князь, помолчавъ съ минуту: — неизмѣримая заслуга останется навсегда за нимъ; это подвигъ съ его стороны громадный.

Вотъ съ какихъ поръ мнѣ и всѣмъ, наравнѣ со мной знавшимъ тогда этотъ рассказъ Левицкаго, который самъ далъ ему названіе «признанія», пришлось считать, что Газенкампу дѣйствительно довелось влестти и свою лавровую вѣтку въ вѣнокъ славы нашего дорогого отечества и что онъ только случайно, благодаря обычному теченію событій, скромно остался въ сторонѣ.

VII.

Занятіе М. А. Газенкампомъ должности интенданта петербургскаго военного округа. — Труды, понесенные имъ на этомъ посту. — Мелкій случай, чуть не создавшій крупную несправедливость. — Вѣроятность полученія имъ должности главнаго интенданта. — Неожиданная перемѣна. — Назначеніе его губернаторомъ въ Астрахань. — Его дѣятельность тамъ вообще. — Память о трудахъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго. — Работы М. А. Газенкампа. — Проявленіе имъ дѣятельности въ борьбѣ съ чумой. — Какъ онъ ориентировался въ дѣлѣ оказанія административнаго содѣйствія врачамъ-спеціалистамъ.

Все время своего пребыванія въ дѣйствующей арміи М. А. продолжалъ числиться въ должности профессора академіи генеральнаго штаба. Изъ десяти мѣсяцевъ этого пребыванія собственно пол-

года надо считать для профессуры пропущеннымъ; по возвращеніи съ войны онъ вновь сталъ читать лекціи въ академіи; кромѣ того, былъ зачисленъ состоять при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ по званію главнокомандующаго войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Пробывъ въ должности профессора почти двадцать лѣтъ, онъ осенью 1891 года получилъ предложеніе занять должность окружнаго интенданта петербургскаго военнаго округа, а когда выразилъ намѣреніе отказаться, то главный интендантъ генераль Сквирицъ сообщилъ ему, что военный министр генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій предлагаетъ ему эту должность, какъ подготовительную, при чемъ имѣеть въ виду дать ему впослѣдствіи назначеніе на постъ главнаго интенданта, что и побудило М. А. взять на себя эту отчасти стороннюю его предшествовавшей дѣятельности службу. Извѣстно, въ какой степени и съ какимъ выдающимся успѣхомъ М. А. на посту интенданта петербургскаго военнаго округа прилагалъ старанія къ тому, чтобы поставить возможно совершеннѣе дѣло по прямымъ обязанностямъ своего вѣдомства; кромѣ того, при энергичномъ и изъ ряда вонъ дѣятельномъ военномъ министрѣ онъ принималъ участіе въ крайне важномъ дѣлѣ усовершенствованія нашего военнаго обоза, на который война прямо заставила обратить особое вниманіе; при этомъ въ теченіе многихъ лѣтъ по званію то предсѣдателя, то члена, то члена-редактора нѣсколькихъ комиссій по обозной части положилъ массу плодотворнаго труда по составленію положенія о войсковыхъ обозахъ, по проектированію повозокъ новаго типа, а также въ работахъ особыхъ комиссій по пересмотру положенія о полевомъ управленіи войскъ и по составленію плана приведенія сухопутныхъ крѣпостей въ готовность къ оборонѣ. Своею выходящею изъ ряда опытностью онъ наложилъ особую свою печать на труды этихъ комиссій. Можно сказать, не было въ военномъ вѣдомствѣ важнаго вопроса, въ разработкѣ котораго, какъ бы тотъ вопросъ ни былъ великъ или сложенъ, М. А. Газенкампфъ не принялъ прямого или косвеннаго участія, состоя въ должности окружнаго интенданта.

Одинъ вопросъ, на который онъ не могъ не обратить вниманія, чуть не вызвалъ для него нѣкотораго рода непріятности по службѣ, но дѣло по выясненіи прошло совершенно благополучно.

Случай этотъ служить новой характеристикой покойнаго Петра Семеновича Ванновскаго. М. А. Газенкампфъ, принявъ большое участіе въ очень сильно заинтересовавшемъ его своей громадной пользой вопросѣ о созданіи экономическаго общества при гвардейскомъ корпусѣ, во время переговоровъ объ этомъ съ командиромъ корпуса генераль-адъютантомъ К. Н. Манзеемъ, а главнымъ образомъ съ его начальникомъ штаба генераль-майоромъ А. П. Скугаревскимъ, рассуждая крайне участливо объ этомъ предметѣ, между

прочимъ въ разговорѣ упомянулъ, въ какой части зданія интендантства нашлись бы помѣщенія, годныя для устройства въ нихъ всего, что можетъ оказаться необходимымъ подѣ хозяйственныя приспособленія нарождавшагося, совершенно новаго учрежденія. Не устанавливая ничего опредѣленнаго, не высказывая ничего окончательнаго и не дѣлая никакихъ распоряженій, М. А. Газенкампфъ призналъ возможнымъ показать генералу Скугаревскому намѣченныя комнаты, какъ образецъ желательнаго.

Прошло нѣсколько дней, вдругъ М. А. Газенкампфъ получилъ отъ генераль-адъютанта Ванновскаго письменное приглашеніе прибыть къ нему по дѣламъ службы.

Поздоровавшись болѣе чѣмъ сухо, Ванновскій спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, кто полный хозяинъ и распорядитель всевозможныхъ казарменныхъ, штабныхъ, интендантскихъ и иныхъ помѣщеній въ зданіяхъ военнаго вѣдомства,—военный министръ или самъ по себѣ каждый начальникъ отдѣльной части?

— Несомнѣнно, военный министръ.

— Да, и я такъ думаю. А какъ же вы даете себѣ право отводить изъ казенныхъ зданій своего вѣдомства помѣщенія для цѣлей посторонняго вамъ вѣдомства и для дѣлъ, не подлежащихъ вашему вѣдѣнію?

— Я не понимаю, ваше высокопревосходительство, о чемъ вы ведете рѣчь...

— Какъ не понимаете! Думаю, что прекрасно понимаете; вѣдь распоряженія, сдѣланнаго вами на дняхъ о предоставленіи помѣщенія штабу гвардейскаго корпуса въ районѣ расположенія ввѣреннаго вамъ интендантства, вы не отмѣнили?

— Никакого распоряженія,—сказалъ Газенкампфъ, догадавшись, о чемъ идетъ рѣчь,—мною дано не было, потому и отмѣнять ничего не приходилось; узнавъ о томъ, что для проектируемаго крайне полезнаго учрежденія потребуется помѣщеніе, а въ предѣлахъ расположенія ввѣреннаго мнѣ вѣдомства подходящее помѣщеніе имѣется, я показалъ его начальнику штаба гвардейскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы можно было начать ходатайство въ установленномъ законами порядкѣ объ уступкѣ гвардейскому корпусу того помѣщенія, если оно окажется для открывающейся надобности пригоднымъ и если высшее начальство признаетъ возможнымъ отвести это помѣщеніе для указанной цѣли.

— Ахъ, вотъ что,—сказалъ П. С. Ванновскій, какъ бы обнявъ суть вопроса:—ну, извините, это другое дѣло; садитесь, пожалуйста.

И сухой, суровый, строгій генералъ Ванновскій вдругъ обратился въ мягкаго, участливаго, добраго Петра Семеновича.

Вотъ въ какой степени даже такого обстоятельнаго человѣка и начальника подчиненные умѣли подводить суетными и вздорными донесеніями. Долго потомъ онъ не могъ забыть этого случая, став-

шаго, несомнѣнно, въ концѣ концовъ и въ его и въ нашихъ глазахъ забавнымъ.

Не разъ потомъ при встрѣчахъ съ М. А. генераль Ванновскій, вспоминая объ этомъ эпизодѣ, говорилъ, что, несомнѣнно, о хорошемъ, полезномъ дѣлѣ онъ тогда хлопоталъ. «Вотъ какъ можно попасться съ пострѣлами, торопящимися толковать и подносить обо всемъ, что имъ покажется хорошо». П. С. имѣлъ привычку всегда прежде всего навести справки у прямого источника и не считать подходящимъ о чемъ бы то ни было разузнавать сторонними путями...

Четыре года пробылъ М. А. въ должности интенданта петербургскаго военнаго округа, не думая ни о чемъ, кромѣ стремленія усовершенствовать все по отдѣламъ управленія своего непосредственнаго вѣдѣнія. Осенью 1895 года пошли толки объ оставленіи главнымъ интендантомъ генераломъ Скворцовымъ своего поста; съ тѣмъ вмѣстѣ начали раздаваться и доходить до свѣдѣнія М. А. слухи о предстоящемъ привлеченіи его къ занятію этой должности. Самъ Н. Н. Скворцовъ мимоходомъ болѣе чѣмъ намекнулъ на то, что къ этому, какъ уже раньше было намѣчено, подходитъ дѣло.

Три-четыре дня спокойнаго ожиданія, и вдругъ на чистомъ горизонтѣ показались густыя темныя облака въ видѣ слуховъ о замѣщеніи Скворцова совершенно новымъ кандидатомъ—генераломъ Тевяшовымъ, занимавшимъ въ ту минуту должность астраханскаго губернатора. Этотъ генераль въ корпусѣ Ванновскаго, или, вѣрнѣе, въ Руссукскомъ отрядѣ наслѣдника цесаревича, командовалъ во время войны Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ веденіемъ дѣлъ по командованію полкомъ показался генералу Ванновскому вполне пригоднымъ на всякій постъ. О назначеніи, однако, его главнымъ интендантомъ не было рѣчи и, кажется, не могло быть, судя по тому, что съ вѣдома П. С. Ванновскаго онъ, Газенкампфъ, былъ вовлеченъ на интендантскій путь такой приманкой, какъ перспектива назначенія, при первомъ же удобномъ къ тому случаѣ, на самый высшій имѣющійся въ этомъ вѣдомствѣ постъ.

Прошло еще немного времени, какъ всѣ разсужденія, надежды, ожиданія были разбиты высочайшимъ приказомъ о назначеніи астраханскаго губернатора Тевяшова главнымъ интендантомъ...

Оказалось, что почему-то П. С. Ванновскій довольно долго усиленно хлопоталъ о назначеніи генерала Тевяшова начальникомъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ; это ему было обѣщано; Тевяшовъ зналъ, готовился къ принятію высокаго поста, а въ моментъ открытія вакансіи былъ избранъ къ замѣщенію таковой директоръ департамента полиціи, генеральнаго штаба генераль-майоръ Николай Ивановичъ Петровъ. Крайне неприятнымъ оказалось это обстоятельство не только для Тевяшова, но и для

Ванновскаго; надо было поправить дѣло, и онъ былъ очень доволенъ, когда представилось возможнымъ ухватиться за открывшуюся въ тотъ моментъ уже въ его вѣдомствѣ вакансію начальника главнаго же управленія, по интендантскаго. Положеніе М. А. Газенкампа явилось болѣе непріятнымъ, чѣмъ положеніе Петра Семеновича и врядъ ли менѣе неловкимъ, чѣмъ положеніе генерала Тевяшова.

Не имѣя привычки вообще прилагать заботу болѣе всего о томъ, что касается личныхъ его дѣлъ, М. А. Газенкампъ тѣмъ не менѣе не могъ остаться равнодушнымъ къ тому положенію, въ которое былъ поставленъ всею этою тевяшовскою исторіей; положеніе это явилось настолько же незаслуженнымъ, насколько неожиданнымъ; смѣшно было бы не подумать о томъ, чтобы найти выходъ изъ него и чѣмъ скорѣй, чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ, безъ сомнѣнія, лучше. Всегдашняя свойственная М. А. находчивость указала ему, что выходъ изъ этой непріятности и неловкости одинъ: «мѣсто, оставлявшееся генераломъ Тевяшовымъ для занятія должности, предназначенной и обѣщанной мнѣ,—говорилъ М. А.,—должно быть предоставлено мнѣ», онъ твердо сталъ на этомъ, и не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, состоялся высочайшій приказъ о назначеніи окружнаго интенданта петербургскаго военного округа генераль-майора Газенкампа астраханскимъ губернаторомъ, названнымъ атаманомъ Астраханскаго казачьяго войска.

На этомъ посту еще болѣе развернулись его способности, выказалась польза его высокой образованности, опытности и его неисчерпаемыхъ знаній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Навсегда останется въ памяти всѣхъ, какъ со вступленіемъ М. А. Газенкампа въ управленіе этимъ, прежде забытымъ, почти заброшеннымъ краемъ все въ немъ проснулось; его необычайною энергіей, неустанной выносливостью и рѣдкой прозорливостью было широко захвачено дѣло улучшенія бытовыхъ и жизненныхъ условій населенія—кочевому, осѣдлаго и казачьяго. Губернія никогда не забудетъ всего сдѣланнаго имъ въ этомъ отношеніи. Но, кромѣ того, немалая заслуга принадлежитъ ему въ дѣлѣ, которое, казалось бы, не должно было находиться въ прямой, непосредственной зависимости отъ него, т.-е. отъ администратора; дѣло идетъ объ ужасной гостьѣ, нерѣдко посѣщающей край,—чумѣ; «усмирять ее дѣло докторей,—громко всегда и вездѣ говорило населеніе:—а вотъ, поди-ка, слушаетъ она первѣе всего нашего губернатора, нашего атамана».

Въ дѣятельности своей по части прекращенія этого бича онъ съ самаго начала выступилъ прямымъ самоотверженнымъ сотрудникомъ и продолжателемъ работъ энергичнѣйшаго распорядителя—принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Слѣдя по этому пути, онъ не только съ твердостью проводилъ мѣропріятія, ослабляв-

шія въ извѣстный моментъ распространеніе болѣзни, но безпрерывно насаждалъ условія, способствовавшія основательному некорененію возможности появленія ея и зарожденія источниковъ ея. Подробному описанію того, что было сдѣлано по этой части за время управленія Газенкампа губерніей, къ сожалѣнію, здѣсь нельзя пойти мѣста; не приходится для такого органа, какимъ является «Историческій Вѣстникъ», создавать статьи съ тѣмъ спеціальнымъ значеніемъ, какое понадобилось бы для точнаго изображенія противочумной дѣятельности астраханскаго губернатора за извѣстный періодъ времени.

Довольно отмѣтитъ, что за восемь лѣтъ пребыванія М. А. Газенкампа въ должности начальника края въ немъ было девять чумныхъ эпидемій и вспышекъ. Изданіе высочайше учрежденной о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумной заразой комиссіи «Сборникъ работъ по чумѣ», упоминая объ этомъ, добавляетъ: въ дѣйствительности ихъ было даже больше ¹⁾; въ теченіе же промежутковъ времени казавшагося благополучія края она находилась въ состояніи скрытой эволюціи и обнаруживалась лишь рѣдкими вспышками, иногда, однако, сопровождавшимися значительнымъ числомъ жертвъ и высокой смертностью.

Такъ было и раньше, съ тою лишь разницей, что, благодаря полному отсутствію въ краѣ санитарнаго надзора, а также незнакомству администраціи и врачей съ чумой и ея особенностями, эти вспышки не обращали на себя должнаго вниманія.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ дѣлѣ администрація задала себѣ задачу дѣйствовать, идя твердо рука объ руку съ врачами, не мудрствуя попусту, дѣло совершенно измѣнилось. Заслуга Газенкампа, по свидѣтельству врачей, въ этомъ и состоитъ; со здоровымъ, прирожденнымъ ему разумомъ и смысломъ онъ умѣлъ выбирать все то, что въ совѣтахъ, указаніяхъ и предложеніяхъ врачей оказывалось наиболѣе подходящимъ для примѣненія.

VIII.

Отзывъ естествоиспытателя И. И. Мечникова.—Основное убѣжденіе мѣстныхъ дѣятелей врачей-спеціалистовъ, самоотверженно боровшихся съ чумной заразой въ Астраханскомъ краѣ.—Результаты согласнаго дѣйствія ихъ и сильной губернской власти.—Удачно проявленная смѣлость создала коренной переворотъ въ дѣлѣ борьбы съ чумой.—Мнѣніе самого администратора, потрудившагося въ этомъ дѣлѣ.—Оцѣнка всей его дѣятельности.—Чествованіе пятидесятилѣтія его службы.—Участіе августѣйшаго главнокомандующаго въ этомъ чествованіи.—Благодарность, выраженная гвардіей.—Милость царская.

Не одинъ врачъ свидѣтельствуетъ, что, благодаря энергичной, разумной и плодотворной дѣятельности Газенкампа, многое въ губерніи по части введенія противочумныхъ мѣропріятій было по-

¹⁾ См. «Сборникъ работъ по чумѣ». Выпускъ второй, часть I, «Чума Астраханскаго края», стр. 161 и 162.

ставлено въ положеніе почти законченное. Побывавшій въ томъ краѣ нашъ талантливый и глубокоученный естествоиспытатель Илья Ильичъ Мечниковъ, указывая въ своихъ наблюденіяхъ на разныя стороны дѣятельности, предшествовавшей его посѣщеніямъ края, отмѣчалъ съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ много такого, что, какъ потомъ по провѣркѣ оказывалось, было, въ числѣ противобичныхъ мѣропріятій, сдѣлано и проведено съ отмѣнною цѣлесообразностью энергіей Газенкампа при участіи и при указаніяхъ дѣйствовавшихъ тамъ врачей-спеціалистовъ.

— Не только здѣсь, въ глубинѣ такого полудикаго края,—ска-заль И. И. Мечниковъ:—но и во Франціи многія стремленія врача, желающаго добросовѣстно провести полезныя мѣры, нерѣдко вопіюще остаются въ видѣ *ria desideria*, если представитель мѣстной администраціи не захочетъ или не сумѣетъ оказать дѣлу борьбы содѣйствіе всею мощью своей власти и прійти на помощь всею силою своего благого желанія. Здѣсь, въ этой губерніи, прямо бросается въ глаза масса слѣдовъ того, что въ дѣлѣ насажденія мѣропріятій спеціалистами проточено, благодаря лишь чрезвычайной отзывчивости, энергіи, разумной настойчивости, а также крайне находчивой вдумчивости администратора, дѣйствовавшаго собственно въ Астраханскомъ краѣ въ періодъ эпидемій изъ числа особо отмѣченныхъ въ отчетахъ за десятилѣтіе съ 1896 года ¹⁾). главнымъ же образомъ второй аксайской 1902 года эпидеміи, Врачи въ свое время издавали свои печатные труды съ тою же добросовѣстностью, съ какою выбивались изъ силъ, самоотверженно работая на почвѣ изслѣдованія, описанія, разработки данныхъ и уничтоженія чумнаго бича, не только служившаго грозой для ограниченной территоріи того края, появлявшагося, по мѣткимъ словамъ одного изъ современныхъ мѣстныхъ тружениковъ д-ра І. Страховича, тревожнымъ предвозвѣстникомъ назрѣвавшей большой опасности, которая угрожала всей необъятной Россіи ²⁾). Явилось важною и большою заслугой то, что отъ массы трудовъ, положенныхъ въ основу дѣла администраціей и врачами въ 1902 году на Аксаѣ, осталось для дальнѣйшей разработки много опредѣленнаго, изслѣдованнаго, разсмотрѣннаго, уже готоваго и къ руководству въ будущемъ, и къ окончательному подбору въ видѣ научнаго матеріала, весьма цѣннаго ³⁾).

¹⁾ Въ этихъ отчетахъ отмѣчены эпидеміи: 1896 г. аксайская первая, 1899 г. въ с. Колобовѣ и на островахъ Ирсалы; 1900 г. владимирско-таловская и александрійская; 1901 г. ушь-кудукская; 1902 г. аксайская вторая; 1903 на Быковыхъ хуторахъ.

²⁾ См. въ «Сборникѣ работъ по чумѣ» предисловіе лейбъ-медика В. И. Исаева, упоминаніе о трудахъ окружныхъ врачей Л. Рыбальченко, А. Кружилина, а также докторовъ І. Страховича и Л. Полѣнова.

³⁾ Изъ помѣщенной въ № 5 «Вѣстника Краснаго Креста» за 1912 годъ статьи д-ра мед. А. А. Филаретова о чумѣ въ Астраханскомъ краѣ видно, для какихъ цѣлей выѣзжала въ Лиргизскую Астраханской губерніи степь пробывшая тамъ съ

Неизвѣстно, въ какую форму выльется дѣло борьбы съ чумой въ зависимости отъ того или другого разрѣшенія специалистами и авторитетами научнаго вопроса, гдѣ кроется источникъ чумной заразы; во всякомъ случаѣ еще долго, а можетъ быть и всегда, выборъ мѣропріятій для борьбы будетъ во многомъ согласоваться со всѣмъ тѣмъ, что дала удачная, согласно и хорошо обоснованная, совершившая переворотъ дѣятельность 1902 г. въ томъ краѣ, такъ какъ опытъ аксайской второй эпидеміи, по словамъ много трудившагося въ этомъ дѣлѣ врача-специалиста Н. Я. Шмидта, несомнѣнно, научилъ тому, что безъ полной эвакуаціи больныхъ и здоровыхъ изъ зараженныхъ гнѣздъ разумная и достигающая цѣли борьба съ чумой невозможна и какихъ матеріальныхъ жертвъ такая мѣра ни стоила бы, съ нея и только съ нея нужно начинать каждую противочумную кампанію, независимо отъ того, будетъ ли мѣстомъ заразы многолюдный городъ, или село, киргизское урочище, или одиноко стоящее въ степи жилище въ родѣ кибитки, землянки или шалаша.

За время упоминаемой здѣсь эпидеміи 1902 года общими дружными усиліями администраціи въ лицѣ губернатора М. А. Газенкампа и врачей сдѣланъ былъ крутой поворотъ не только къ лучшему, но къ спасительному въ дѣлѣ борьбы съ этимъ врагомъ. Привожу вкратцѣ тѣ мѣры, которыя тогда посчастливилось принять и установить ¹⁾.

1) Врачи признали нужнымъ отказаться отъ традиціонныхъ общихъ оцѣпленій зараженной мѣстности и задумали перейти къ карантинамъ малымъ—частнымъ, внутреннимъ; при нихъ во всемъ районѣ зараженія оцѣпляется каждый очагъ отдѣльно. Не говоря о томъ, что этой замѣной можно было расчитывать доставить казнѣ большія сбереженія въ расходахъ, она, несомнѣнно, должна была поднять нравственное состояніе оцѣпляемыхъ и всего населенія. Видя тутъ же начало и конецъ карантина своего, больные и по-

мая по сентябрь 1911 года экспедиція съ директоромъ парижскаго Пастеровскаго института И. И. Мечниковымъ во главѣ. Не все, предпринятое въ томъ краѣ этимъ ученымъ, отвѣчало въ точности спеціальнымъ цѣлямъ, взятымъ имъ на себя,—самостоятельно или по порученію института; кое-что, какъ казалось, являлось если не чуждымъ тѣмъ цѣлямъ, то имѣло съ ними мало общаго; но вниманіе, обращенное И. И. Мечниковымъ на всѣ мелочи, изображенныя въ отчетахъ о совмѣстной дѣятельности въ Аксаѣ медицинскихъ силъ и администраціи въ 1902 году и обо всемъ ими тогда въ полномъ согласіи установленномъ, ясно указываетъ на важность сдѣланнаго ими въ дѣлѣ борьбы большого шага впередъ; чисто научныя изслѣдованія у него, хотя и идутъ своимъ чередомъ, независимо отъ взгляда на этотъ успѣшный шагъ, однако нѣтъ-нѣтъ, да прибѣгаютъ къ тому, чтобы опереться на него, какъ на блестяще разработанное основаніе, приобрѣтенное для дѣла борьбы съ чумой навсегда. Кстати И. И. Мечниковъ далеко не случайно и не мимоходомъ указываетъ именно на «заслуги администраціи», или высшей власти въ губерніи.

А в т.

¹⁾ См. отчетъ врачебнаго инспектора Н. Я. Шмидта «Аксайская чума—30-го мая—1-го августа 1902 г». Астрахань, январь 1903 г.

дозрительно-здоровые не находятся въ неизвѣстности, въ неопредѣленности, поэтому не падаютъ духомъ за себя и за своихъ, а это, давая имъ бодрость, отдаляетъ ихъ отъ всякой мысли объ озлобленности, отъ чувства необъяснимаго страха, отъ трусливой ворчливости и отъ невольнаго табунаго стремленія къ возмущенію.

2) Врачи признали необходимымъ отъ заведеннаго издавна содержанія зараженныхъ и подозрительно-здоровыхъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ перейти попросту къ эвакуаціи ихъ въ поле; это совершенно новое мѣропріятіе казалось крайне рискованнымъ и страшнымъ; долго о немъ даже говорили несмѣло и негромко, боясь впечатлѣнія на больныхъ и остерегаясь возможности вызова волненія между ними.

3) Доктора нашли нужнымъ устроить въ районѣ зараженія изоляціонный лагерь на широкихъ началахъ просторнаго содержанія больныхъ и подозрительно-здоровыхъ въ помѣщеніяхъ лагернаго характера.

Найдя примѣненіе этихъ трехъ главныхъ предложеній нужнымъ и полезнымъ, врачи вполне понимали, что исключительно отъ губернатора Газенкампа зависитъ признать осуществленіе этихъ мѣропріятій возможнымъ, а затѣмъ осуществить ихъ. Съ радостнымъ удивленіемъ и врачи и доктора увидѣли, что по первому предложенію онъ нашелъ подходящимъ прямо разрубить узелъ, то есть безъ разговоровъ привести ихъ предположеніе въ исполненіе, измѣнивъ традицію силою своей власти и на свой страхъ; второе предложеніе онъ рѣшилъ предоставить разобрать самому населенію: отъ лица губернатора былъ сдѣланъ вызовъ желающимъ изъ числа содержавшихся въ зачумленныхъ гнѣздахъ выйти въ поле на свои работы, имъ было предложено забирать съ собой туда и дѣтей. Нашлись такіе, которые отозвались согласіемъ, но далеко не безъ ропота было встрѣчено это предложеніе; по первому разу иные, не желая оставлять насиченныя гнѣзда, грозили скорѣй утопиться, но потомъ они же, увидѣвъ результаты, умоляли (на колѣняхъ) дозволить имъ выйти на просторъ. Такимъ же опредѣленнымъ рѣшеніемъ отвѣтили генералъ Газенкампа на третье предложеніе врачей, а для приведенія его въ исполненіе постановилъ, вспоминая практику войны 1877—8 г.г., выписать необходимое число кибитокъ для устройства лагеря; къ сожалѣнію, ихъ вообще нашлось очень ограниченное число, а вполне годныхъ и вовсе не оказалось; тогда безъ малѣйшаго промедленія распоряженіемъ губернатора былъ построенъ барачный лагерь.

Всѣхъ изъявившихъ желаніе покинуть зачумленные гнѣзда вывели, съ ногъ до головы тщательно вымыли зеленымъ мыломъ, обмыли сулемовымъ растворомъ, затѣмъ, по приказанію губернатора, на счетъ казны одѣли въ чистое новое бѣлье и въ такую же одежду, послѣ чего стали всѣмъ имъ выдавать въ достаточномъ ко-

личествѣ хорошую пищу, при чемъ пожилымъ отпускали небольшія винныя порціи (водку), а дѣтямъ молоко. Этими мѣрами населеніе, безъ сомнѣнія, много ободрилось, но еще большій нравственный подъемъ явился слѣдствіемъ того, что сразу же начали получаться вполне утѣшительныя вѣсти о совершенномъ благополучіи здоровья семей, выведенныхъ и въ поле, и въ лагерь. Наибольшимъ же факторомъ въ дѣлѣ ободренія и полного подъема духа населенія нужно считать то обстоятельство, что надъ всѣмъ этимъ дѣломъ и нравственно и физически неустанно стоялъ губернаторъ. Онъ съ самаго начала и до конца эпидеміи вообще по два раза въ день заѣзжалъ въ центръ зачумленія, посѣщалъ зараженныхъ, относился къ нимъ неизмѣнно ласково и всегда равно участливо, вступая съ ними въ личное, непосредственное общеніе; можно себѣ легко представить, насколько этимъ простымъ пріемомъ довершалось дѣло благотворнаго моральнаго воздѣйствія и на одѣвленныхъ, и на всѣхъ вообще здоровыхъ и заболѣвшихъ жителей села.

Въ результатѣ всего этого отмѣчено то, что среди подозрительно-здоровыхъ, выселенныхъ изъ чумныхъ домовъ села Аксая и его хуторовъ въ лагерь и въ поле, не было ни одного случая заболѣванія, а среди зачумленныхъ—ни одного смертнаго исхода. И это послѣ того, какъ въ теченіе полутора мѣсяца болѣзнь нарождалась, ежедневно усиливаясь и угрожая разрастись до чудовищныхъ размѣровъ, причемъ не поддавалась энергичному принятію всевозможныхъ мѣръ противъ нея. Послѣ же принятія и приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній, которыя можно назвать и мужественно проведенными, и съ мудростью измышленными,—число жертвъ быстро стало убывать, эпидемія рѣшительно и ясно пошла на уменьшеніе и закончилась въ двадцать дней.

Не упоминая о всѣхъ другихъ мѣропріятіяхъ, нельзя, однако, не вспомнить еще о томъ, что энергичнымъ распоряженіемъ губернатора практиковалось сжиганіе сильно и безнадежно зараженныхъ жилыхъ помѣщеній; эта мѣра вызвала набатъ при массѣ ропота, который ясно и несомнѣнно угрожалъ перейти въ общій повальный бунтъ, но, по словамъ очевидцевъ, губернаторъ своимъ присутствіемъ, спокойною распорядительностью, властнымъ воздѣйствіемъ на толпу сразу, при первомъ проявленіи вспышки, безповоротно остановилъ возможность какого бы то ни было даже намека на огульное или одиночное выраженіе недовольства.

Всѣ эти столь рѣшительно, быстро и здраво принятія мѣры дали врачамъ возможность отказаться отъ поголовнаго употребленія утомительныхъ и немало страшившихъ населеніе предохранительныхъ прививокъ Хавкина; ихъ оставили втуне. †

Твердая рѣшимость губернатора Газенкампа пойти съ полнымъ довѣріемъ навстрѣчу предложеніямъ окружавшихъ его тружениковъ-врачей дала навсегда новое направленіе и новую силу

суммѣ мѣропріятій, практиковавшихся во всѣхъ послѣдовавшихъ съ 1902 года эпидеміяхъ и вспышкахъ.

Такъ, по своей привычкѣ во всемъ входить въ работу совершенно сознательно и во всеоружіи знаній, М. А. Газенкампфъ въ этомъ, особой важности дѣлѣ положилъ прочное основаніе и навсегда оставилъ неизмѣнно-благодѣтельные слѣды просвѣщеннаго вмѣшательства своего.

Самъ онъ, старательно отвергая свои заслуги въ этомъ дѣлѣ, твердо стоялъ на томъ, что самоотверженность дѣйствовавшихъ въ томъ краѣ врачей, вовсе не щадившихъ ни силъ своихъ, ни жизни, вызвала всегда его искреннюю признательность и, несомнѣнно, навсегда сохранить самое признательное воспоминаніе въ благодарныхъ сердцахъ жителей, получавшихъ въ свое время, неуспѣшными заботами труженниковъ-врачей и облегченіе своихъ страданій, и избавленіе отъ распространенія пагубной опасности ужаснаго бича

Нельзя пропустить, что М. А. Газенкампфъ въ теченіе всей своей жизни являлся прекраснымъ мужемъ, отцомъ и образцовымъ семьяниномъ въ полномъ смыслѣ этого понятія.

Что-либо окончательное, болѣе живое, собранное въ одно цѣлое скажетъ о жизни, о трудахъ и дѣлахъ М. А. Газенкампфа болѣе компетентный цѣнитель и изслѣдователь; мнѣ же собрать эти отрывочныя воспоминанія, «какъ матеріалъ для будущаго труда», пришло въ голову истекшимъ лѣтомъ, въ минуты приближенія къ надвигавшемуся дню 13-го іюня 1912 года, когда должно было исполниться пятидесятилѣтіе съ 13-го же іюня 1862 г.—дня производства М. А. въ офицеры.

Въ тихомъ и скромномъ чествованіи достойнаго юбиляра прошелъ этотъ день въ Царскомъ Селѣ; все свелось къ чистосердечному, радостному принесенію поздравленій и искреннѣйшихъ, душевныхъ пожеланій отъ разнообразной и многочисленной массы събѣжавшихся заслуженныхъ товарищей, а также сослуживцевъ, учениковъ и почитателей.

Крайне трогательнымъ и лестнымъ явился пріѣздъ великаго князя Николая Николаевича на квартиру генерала. Августѣйшій главнокомандующій привезъ, самъ вслухъ прочелъ и передалъ юбиляру написанный въ крайне прочувствованныхъ выраженіяхъ адресъ всѣхъ чиновъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа съ подписями, въ числѣ коихъ первую красуется собственноручная подпись: «Генераль-адъютантъ Николай».

«Высокочтимый, глубокоуважаемый и горячо любимый

«Михаиль Александровичъ.

«Примите наше самое сердечное и искреннѣйшее поздравленіе со днемъ пятидесятилѣтняго юбилея вашей службы Царю и родинѣ,

большая часть которой протекла въ войскахъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

«Служба ваша была и всегда будетъ для насъ примѣромъ, и мы приложимъ всѣ наши стремленія слѣдовать ему.

«Въ побѣдоносную кампанію 1877 и 1878 гг. вы состояли въ штабѣ главнокомандующаго, въ Бозѣ почивающаго генералъ-фельдмаршала великаго князя Николая Николаевича Старшаго, имя котораго нераздѣльно связано съ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

«Благодаря вамъ, мы имѣемъ драгоцѣнныя историческія данныя объ этой славной эпохѣ.

«Въ сей знаменательный день вашей жизни мы съ особеннымъ сердечнымъ чувствомъ просимъ васъ принять наши задушевные пожеланія вамъ здоровья и силъ на дальнѣйшее продолженіе на долгіе годы вашей службы на пользу и славу Державнаго Вождя нашего и нашей арміи.

«Въ память вашей службы въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа просимъ васъ принять установленный жетонъ штаба».

«С.-Петербургъ, 13-го іюня 1912 года».

Покрытый брилліантами, прекрасно исполненный жетонъ украсилъ грудь маститаго генерала, столь многосложно и разнообразно поработавшаго своими знаніями, силами и способностями родинѣ при трехъ великихъ царяхъ, всегда цѣнившихъ его многополезную службу.

Драгоцѣнною памятью останется навсегда, какъ августѣйшій главнокомандующій возблагодарилъ своего достойнаго, непосредственнаго помощника, избраннаго имъ лично и такимъ образомъ преемственно доставшагося ему изъ числа непосредственныхъ же усерднѣйшихъ сотрудниковъ, неустанно и беззавѣтно трудившихся, въ мирное и въ ратное время при въ Бозѣ почившемъ родителѣ его высочества.

Гвардія, въ лицѣ высшихъ начальниковъ своихъ, по чисто русскому обычаю трогательно выразила свою наполняющую сердца всѣхъ знающихъ почтеннаго юбиляра горячую благодарность и молитвенныя пожеланія ему на многія лѣта поднесеніемъ святой иконы Михаила Архистратига въ драгоцѣнной ризѣ.

День юбилея славнаго служенія М. А. милостиво отличенъ съ высоты престола высочайшимъ назначеніемъ его почетнымъ членомъ императорской военной академіи, въ которой онъ также много и благожелательно поработалъ на пользу нѣсколькихъ поколѣній уважавшей и любившей его офицерской молодежи.

Статья эта 4-го апрѣля вышла изъ набора, когда получено было извѣстiе о томъ, что М. А. Газенкампфъ скончался въ Царскомъ Селѣ 3-го числа, въ седьмомъ часу вечера. Смерть его поразила всѣхъ, знавшихъ его. Года два тому назадъ, кажется, осенью 1911 года, онъ почувствовалъ припадки сердечной болѣзни съ одышкой; мѣсяца два ему пришлось полечиться; рѣдко и мало болѣвши въ жизни, онъ не придавалъ значенiя своей болѣзни, мало слушался врачей и, продолжая неустанно нести свою службу, требовавшую большой энергiи и напряженiя силъ, по словамъ тѣхъ же врачей, надорвалъ тѣ силы, слишкомъ понадѣявшись на нихъ. Казавшись здоровымъ и цвѣтущимъ, онъ, строго говоря, съ тѣхъ поръ отцвѣталъ и хирѣлъ. У незакрытаго еще гроба его приходится вспомнить и отмѣтить то теплое доброжелательство, съ которымъ покойный умѣлъ искренно относиться ко всѣмъ нуждавшимся въ серьезномъ участiи, въ помощи, въ совѣтѣ; нельзя про него сказать, что онъ былъ добрый человѣкъ, онъ самъ не любилъ такъ называемыхъ «добрыхъ малыхъ», но отъ его солидной, серьезной, спокойной, участливой доброты каждому, испытывавшему ее на себѣ, становилось легко; онъ умѣлъ разумно и здраво утѣшить, крѣпко ободрить и правдиво успокоить. Въ замѣткѣ, извлеченной на страницахъ этой книги изъ записокъ, сказано объ Михаилѣ Александровичѣ далеко не все, но въ нѣкоторыхъ строкахъ онъ охарактеризованъ здѣсь совершенно точно, вѣрно и правильно; многое долженъ будетъ добавить о немъ тотъ, кому доведется глубже заняться описанiемъ характера и дѣлъ этого честнаго человѣка-рыцаря, но въ томъ, что будетъ добавлено, найдется больше фактической стороны, чѣмъ пищи для сердца; объ этомъ нельзя было не извлечь всего.

Твердо можно сказать, что этотъ прекрасный, достойный слуга царю и родинѣ умеръ на своемъ посту, не сойдя съ него ни на минуту, не давая значенiя недугамъ своимъ и думая лишь объ исполненiи своего долга, всегда и вездѣ ставившагося имъ выше всего. Такiе люди примѣромъ служатъ во всемъ для другихъ; а между тѣмъ сами себѣ они такой оцѣнки не даютъ; они всегда сознаютъ въ себѣ больше недостатковъ, чѣмъ ихъ дѣйствительно имѣется, и неустаннымъ стремленiемъ къ совершенствованiю затемняютъ свои достоинства, неизмѣнно находя, признавая и цѣня ихъ въ другихъ; излишне снисходительнымъ онъ никогда не былъ, но подъ строгость свою всегда больше всего подводилъ себя и свою дѣятельность...

Вотъ часть настоящей, единогласной оцѣнки этого человѣка со стороны всѣхъ близко его знавшихъ и имѣвшихъ случай оцѣнивать его дѣла на всѣхъ поприщахъ проходившихся имъ жизненныхъ путей.

Нельзя не пожелать душѣ его того покоя, какого онъ всегда и всѣмъ желалъ, уважая во всѣхъ и въ каждомъ право на этотъ покой, искренно радуясь за тѣхъ, кому онъ доставался въ удѣлъ.

Е. Андреевскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

I.

Андреевъ-Бурлакъ.—Его характеристика.—Разказы и анекдоты о немъ.—Его кончина.

ГОВОРИЯ о самобытныхъ артистическихъ силахъ, нельзя обойти молчаніемъ имя Андреева-Бурлака, впервые появившагося въ Москвѣ на сценѣ театра А. А. Бренко одновременно съ М. И. Писаревымъ, Гламмой-Мещерской, С. П. Волгиной и многими артистами и артистками, составившими себѣ впоследствии крупныя артистическія имена.

Бурлакъ, собственно говоря, къ артистической средѣ не принадлежалъ. Онъ служилъ капитаномъ на одномъ изъ пароходовъ частной компаніи, пароходъ этотъ назывался «Бурлакъ», и въ честь его артистъ при поступленіи своемъ на сцену къ своей настоящей фамилии Андреевъ прибавилъ прозвище «Бурлакъ».

Андрей Николаевичъ (такъ звали Бурлака) былъ не только очень даровитая, но и очень оригинальная личность.

Безконечно-добрый, щедрый до полнаго неразумія и беззаботный, какъ птица небесная, Бурлакъ являлъ собою типъ настоящаго артиста, со всѣми свѣтлыми и безтолковыми особенностями этого характернаго типа. Деньгамъ онъ не зналъ положительно никакого счета, тратилъ ихъ безъ малѣйшаго толка, раздавалъ безъ разбора всѣмъ и каждому, и затѣмъ, когда оставался безъ гроша, удивлялся, куда могла такъ быстро разойтись такая уйма денегъ?... Въ по-

мощи и поддержкѣ онъ не отказывалъ не только товарищу, но положительно никому въ мірѣ, и, живя въ Москвѣ на квартирѣ вмѣстѣ съ Писаревымъ и Гламмой-Мещерской, людьми совершенно иного закала, онъ всегда спорилъ противъ ихъ теоріи «сбереженій» и «откладываній».

Кто изъ нихъ былъ правъ и кто виноватъ, рѣшить не берусь, скажу только, что такую свѣтлую память о себѣ, какую оставилъ Бурлакъ, мало кто изъ артистовъ способенъ оставить.

Вся Москва знала и помнить слѣдующій характерный случай, смѣло и открыто переданный самимъ героемъ разсказа, бѣднымъ и неимущимъ студентомъ, обратившимся къ Бурлаку за помощью.

Дѣло было весною, лекціи въ университетѣ были окончены, и наступило время разъѣзда студентовъ домой на каникулы, когда Бурлаку, перебравшемуся въ то время въ небогатыя меблированныя комнаты на Тверской, доложили, что его спрашиваетъ какой-то студентъ.

— Прости!—сказалъ онъ со вздохомъ, заранѣе предчувствуя, что гость обратится къ нему за помощью, которой онъ оказать никакъ не могъ, потому что сидѣлъ положительно безъ гроша и временно даже безъ работы, потому что и театральнй весенній сезонъ только что окончился.

Вошелъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, болѣе нежели скромно одѣтый, и робко изложилъ Бурлаку свою просьбу.

Дѣло было въ томъ, что послѣ только что выдержаннаго экзамена молодой человѣкъ собирался ѣхать «на кондицію», готовить оставшихъ богатыхъ гимназистовъ къ переходу изъ класса въ классъ, когда внезапно получилъ извѣстіе о смертельной болѣзни матери, которая усиленно звала его къ себѣ, чтобы благословить его и съ нимъ проститься. Отъ уроковъ, само собою разумѣется, приходилось отказаться наотрѣзъ, и за этимъ отказомъ не оставалось положительно никакой возможности выбраться изъ Москвы, а о поѣздкѣ на родину и думать было нечего.

Бурлакъ внимательно слушалъ своего собесѣдника, и на его некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ написано было непритворное горе.

— Вы меня великодушно простите, молодой человѣкъ,—началъ Бурлакъ, конфузясь и переминаясь.—Вы меня простите... Но какъ же это вы такъ?.. Въ-время надо было... Надо было предвидѣть.

— Я ничего лишняго не тратилъ!..—робко сталъ оправдываться студентъ.—Все, что у меня оставалось отъ уроковъ и отъ переписки, я матушкѣ же отсылалъ, и теперь для того и собирался ѣхать на эти занятія, чтобы опять-таки ей же помогать.

—Что это вы, батенька?.. Да развѣ я про васъ... Я про себя толкую?.. Насчетъ своихъ финансовъ я съ вами говорю!.. Вѣдь у меня третьяго дня еще было больше ста рублей... Ну, что вамъ стоило

тогда надуматься прійти?... Теперь бы вы ужъ въ дорогѣ были... А вы пропустили, да и пришли тогда, когда у меня и полного рубля въ домѣ не наберется!.. Вотъ веду переговоры съ антрепренерами насчетъ лѣтняго турнэ... да когда съ ними сговоришься до конца? А до тѣхъ поръ я и самъ кое-какъ въ долгъ питаюсь буду... У меня вѣдь денегъ никогда не бываетъ... даже и тогда, когда я служу, а ужъ объ окончаніи сезона и говорить нечего!.. Экая досада, право, какая!.. Что бы вамъ, голубчикъ, раньше догадаться прійти?.. Вчера вотъ были деньги... да часть ихъ у меня разобрали, а часть самъ я спустилъ самымъ безтолковымъ образомъ!.. И въ карты проигралъ, и на випѣ пропилъ!.. Ради Бога вы меня извините... Сами вы вповаты, что опоздали!..

И несчастный Бурлакъ и кланялся, и извинялся, и переминался съ ноги на ногу, видимо, снѣдаемый самымъ горькимъ, непритворнымъ раскаяніемъ...

Студентъ, въ свою очередь, сконфузился и, наскоро распрощавшись съ добрякомъ, почти выбѣжалъ изъ комнаты и сталъ торопливо спускаться съ лѣстницы, когда услышалъ внезапно раздавшійся голосъ:

— Молодой человѣкъ!.. Молодой человѣкъ!.. Послушайте!.. Вернитесь на одну минуту... Дѣло есть... Серьезное дѣло!..

Онъ оглянулся и увидалъ на улицѣ у подъѣзда Бурлака, наскоро выбѣжавшаго, безъ галстука и безъ жилета, въ накиннутомъ на распахну пальто. Онъ отчаянно махалъ руками и кричалъ, что есть мочи...

Студентъ остановился.

— Вернитесь, батенька, вернитесь!...—обрадовался Бурлакъ.— Проходите туда, ко мнѣ въ комнату, гдѣ были... Я сейчас!..

Онъ проводилъ студента въ свою маленькую гостиную, самъ на минуту исчезъ въ не убранной спальнѣ и тотчасъ же вновь появился на порогѣ, волоча за собой что-то большое и тяжелое... что тутъ же опустилъ возлѣ себя на полу.

— Вѣдь я виноватъ передъ вами... Извините ради Бога!...—торопливо и, видимо, конфузясь, заговорилъ онъ.—Навралъ я вамъ, что мнѣ денегъ сейчасъ достать негдѣ!... Вѣдь шинель-то у меня дома, а я и забылъ совсѣмъ о ней... Смотрите... съ настоящимъ камчатскимъ воротникомъ! Тутъ до Малороссіи-то три раза доѣдешь!.. Вы вѣдь, говорите, малороссы?..

— Да!... Но какъ же это?—несвязно, чуть не шопотомъ произнесъ до глубины души тронутый студентъ.

— Забылъ-то какъ?.. А вотъ подите же. Забылъ, да и дѣло съ концомъ!—оправдывался Бурлакъ, въ невинности своей свѣтлой души предполагая, что его собесѣдникъ удивляется тому, что онъ могъ забыть о шинели.—И вовсе не понимаю, какъ это могло случиться!.. Это мой Лепорелло все хитритъ... Возьметъ да и спря-

четь что-нибудь отъ меня на черный день!.. Честнѣйшій человѣкъ, но большой самодуръ! Ну, да на этотъ разъ онъ хорошо сдѣлалъ... Берите шинель, батенька, и тащите ее къ какому-нибудь іудею. Они мерзавцы, говорятъ, больше даютъ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Я самъ-то хорошо не знаю!.. У меня хоть и все всегда заложено и перезаложено, но самъ я этими дѣлами не завѣдываю... Или Лепорелло мой, или тотъ изъ знакомыхъ и товарищей, кому нужда приписать!.. Вотъ и вы теперь сами оборудуйте это дѣло и больше берите, не стѣсняйтесь!.. Запишите мнѣ билетъ потомъ, а къ зимѣ я не только что эту шинель выкуплю, а еще три такихъ сошью!..

И, не желая слушать благодарности до глубины души растроганнаго студента, ни разговора о томъ, чтобы на долю самого Бурлака перепала хоть малѣйшая частичка изъ полученной субсидіи, Бурлакъ торопливо распростился со своимъ незнакомымъ знакомцемъ, отъ души пожелавъ ему застать мать на пути къ полному выздоровленію.

Въ отвѣтъ на горячую рѣчь молодого человѣка Бурлакъ, конфузясь, почти выпроводилъ его за дверь, торопливо повторяя:

— Ну, вотъ еще!.. Есть объ чемъ говорить!.. И впередъ, коли нужда пристигнетъ, пожалуйте, приходите... въ разгаръ сезона-то я всегда при деньгахъ, только старайтесь, ежели случай доведется, попадать ко мнѣ въ театръ, къ началу спектакля, пока я еще не успѣлъ забрать изъ кассы все, что мнѣ, по чину моему, полагается...

Помимо своего артистическаго таланта, Бурлакъ былъ еще и неподражаемымъ рассказчикомъ, и многіе изъ его рассказовъ до сихъ поръ повторяются специалистами этого рода актерской дѣятельности.

Съ неподдѣльнымъ юморомъ рассказалъ онъ, между прочимъ, какъ былъ однажды испуганъ, остановившись во время одной изъ артистическихъ поѣздокъ своихъ на постояломъ дворѣ въ одномъ мелкомъ уѣздномъ городкѣ.

— Приѣхали мы вечеромъ, — повѣствоваль онъ. — Погода адская... Дождь леть, какъ изъ ведра... Собаку, какъ говорится, на улицу не выгонишь... а ты изволь искать себѣ ночлега въ незнакомомъ городѣ! Само собой разумѣется, что всѣ мы приняли первыя встрѣтившіяся приглашенія и размѣстились, какъ Богъ послалъ, по всевозможнымъ норамъ и трущобамъ. Я попалъ на невозможный постоялый дворъ съ «номераами для приѣзжающихъ», но что это были за номера, одному Богу извѣстно!.. Какія-то грязныя стояла съ распатанными кроватями, украшенными для удобства постояльцевъ подобіемъ громаднхъ грязныхъ блиновъ вмѣсто матрасовъ. Я съ ужасомъ оглядѣлъ свое помѣщеніе и хотѣлъ уже бѣгствомъ спастись, но въ окна барабанилъ частый и крупный дождикъ, и вѣтеръ какъ-то особенно безнадежно завывалъ въ трубу!.. Нечего было дѣлать... Приходилось мириться съ тѣмъ, что есть, и укладываться на ночлегъ. Я съ головой закутался въ теплое

пальто, сунулъ себѣ подъ голову саквояжъ и заснулъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, какимъ русскій человѣкъ, когда онъ порядкомъ устанетъ, способенъ заснуть, я думаю, даже въ аду, когда его на огнѣ поджаривать будутъ.

Прежде, нежели лечь, я осмотрѣлъ, запирается ли мое убогое помѣщеніе. Оказалось, что въ немъ даже простого крючка въ двери нѣтъ. Тогда я освѣдомился у угрюмаго и надутаго хозяина, совершенно ли у нихъ безопасно, и получилъ въ отвѣтъ грубую отвѣдь о томъ, что не всякому воры страшны и что у иного «стрекулиста» и радъ бы взять, да взять нечего!.. Понявъ грацію и деликатность намека, я промолчалъ и положилъ въ душѣ своей съ утра перебраться въ какое-нибудь другое, болѣе удобное помѣщеніе.

Ночью я обыкновенно не имѣю привычки просыпаться, и на этотъ разъ проспалъ бы, вѣроятно, очень долго, ежели бы на зарѣ не былъ разбуженъ отворившейся дверью и стукомъ тяжелыхъ сапогъ, отчасти бережно ступавшихъ по моей комнатѣ... Видно было, что старались меня не разбудить... Я притворился, что крѣпко сплю, и не безъ волненія сталъ ожидать, что будетъ дальше...

Свѣтъ тускло проходилъ въ комнату сквозь запотѣвшее и затянутое паутиной окно, на дворѣ продолжалъ лить дождь, слѣды котораго виднѣлись на полу, занесенные таинственнымъ незнакомцемъ, осторожно направлявшимся прямо къ моей кровати...

Признаюсь откровенно, что сердце у меня дрогнуло...

Револьверъ былъ у меня въ узлѣ, подъ подушкой... да я и не зналъ хорошенько, заряженъ онъ, или нѣтъ... А о борьбѣ съ таинственнымъ незнакомцемъ, не могло быть и рѣчи... Это былъ рослый дѣтица, косая сажень въ плечахъ, съ громадной лохматою головою и такими ручищами, неуклюже торчавшими изъ-подъ короткихъ рукавовъ его кумачевой рубашки, что съ него хоть сейчасъ придорожнаго разбойника пиши!.. Онъ близко, въ упоръ подошелъ ко мнѣ, заглянулъ мнѣ въ лицо съ видимымъ намѣреніемъ убѣдиться, сплю я или нѣтъ, и какимъ-то громовымъ шопотомъ бросилъ въ сторону двери, оставшейся пріотворенной:

— Небось, дрыхнешь!..

Сомнѣнія не оставалось никакого... Дѣло шло обо мнѣ... и о моемъ брэнномъ существованіи, которое, видимо, близилось къ концу!..

Я продолжалъ лежать неподвижно, порѣшивъ въ томъ же несокрушимомъ молчаніи и въ вѣчность перейти... А Илья Муромецъ мой тѣмъ временемъ нагнулся, опустилсѣ на полъ и полѣзъ ко мнѣ подъ кровать.

Во мнѣ на минуту зародилася мысль, что сказочный богатырь намѣренъ поднять меня вмѣстѣ съ кроватью на руки и вынести такимъ образомъ по своему усмотрѣнію туда, куда ему заблагоразсудится.

Но я ошибся.

Онъ рылся у меня подъ кроватью, видимо, что-то отыскивая, и черезъ минуту вытолкнулъ изъ-подъ кровати что-то длинное и красное. Я рѣшился «проснуться» и робко освѣдомиться, что онъ дѣлаетъ...

— Проснулся, сердечный?..—какъ-то нехотя крикнулъ онъ мнѣ изъ-подъ кровати.—Что дѣлать!.. Пришлось разбудить тебя, потому никакъ невозможно... Служба наша такая!

— Какая «служба»? Ты что дѣлаешь-то?—совсѣмъ уже обезкураженный, вступилъ я съ нимъ въ разговоръ.

— А вошь видишь... Флаги эти самые достаю! Хожалый изъ фаргала приходилъ. Безпремѣнно вывѣсить велѣлъ! У насъ, братъ, на этотъ счетъ строго...

— Да что вывѣсить-то?—недоумѣвалъ я.

— Да говорятъ же тебѣ толкомъ, флаги въ три цвѣта! Экой ты непонятный какой!

— Съ чего же ихъ развѣшивать-то?

— Съ чего? Извѣстно, съ радости! Съ горя, братъ, не такіе вѣшаютъ, не полосатые, а черные!..

— Да какая же радость-то. Что случилось?

— Извѣстно, что!.. Опять въ кого-то не попали!..—глубоко-мысленно сообщилъ мужикъ и, взваливъ на плечи дровки съ флагами, направился къ двери.

Разсказъ этотъ, неоднократно повторенный Бурлакомъ, послужилъ однажды къ щекотливой бесѣдѣ его кое-съ-къмъ, и съ тѣхъ поръ временно исчезъ изъ его репертуара.

Умеръ Бурлакъ во время поѣздки, предпринятой труппой артистовъ по Волгѣ, и погребенъ въ Казани. Онъ умеръ среди такой бѣдности, что товарищамъ пришлось хоронить его на свой счетъ, по подпискѣ.

Вслѣдъ за его кончиной открыта была подписка на памятникъ ему, но, попавъ въ руки одного изъ старыхъ опереточныхъ артистовъ, она такъ въ его рукахъ и осталась вмѣстѣ съ произведенными взносами, равнявшимися уже довольно солидной суммѣ.

Одна изъ московскихъ газетъ пыталась нѣсколько лѣтъ тому назадъ возбудить этотъ вопросъ, но старый опереточный артистъ, въ жизни такой же опытный и смѣлый, какъ и на сценѣ, сумѣлъ уклониться отъ прямого и честнаго отвѣта, и могила симпатичнаго и талантливаго Андреева-Бурлака такъ и осталась навсегда безъ памятника.

Въ настоящую минуту прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ его кончины, и даже самая могила, вѣроятно, уже сравнялась съ землей...

А эта свѣтлая личность заслуживала бы иного отношенія и иной памяти!..

А. И. Соколова.

ВЕСЕННЯЯ ИДИЛЛИЯ.

Разсказъ.

(Посвящается памяти М. В. Крестовской).

ПОМНЮ ее юной, веселой, кокетливой дѣвушкой. «Маруся»—имя это такъ шло къ ея подвижному, жизне-радостному личику. Какъ заразительно весело смѣялась она, и какъ вдумчиво смотрѣли ея большіе, сѣрые глаза въ минуту грусти! Впрочемъ, грусть ея всегда очень скоро проходила, и лицо Маруси опять озарялось веселой улыбкой, она лихо встряхивала головкой, и смѣхъ ея серебристой трелью звучалъ такъ беззаботно и радостно.

Какъ странно представить себя это лицо состарившимся, измѣнившимся и уже исчезнувшимъ изъ міра живыхъ.

Думается о Марусѣ, и невольно наплываютъ обрывки воспоминаній о далекой и невозвратной юности.

Лѣто 1880 года семья моя проводила въ Первомъ Парголовѣ ¹⁾. Я только что сдала экзаменъ на званіе домашней учительницы и рѣшила въ предстоящіе лѣтніе мѣсяцы посвятить себя педагогической дѣятельности, которая представлялась мнѣ такой заманчивой и въ смыслѣ продуктивности, да и въ удовольствіи созна-

¹⁾ Дачная мѣстность подъ Петербургомъ по Финляндской ж. д.

вать себя «взрослой» и имѣющей авторитетъ у какой-нибудь гимназисточки, принужденной ради переэкзаменовки въ августѣ терять чудные лѣтніе дни за подготовкой и зубристикой отечественной и неотечественной хронологіи и тому подобной премудрости.

Въ то время у желающихъ получить уроки дачницъ практиковался довольно курьезный образъ дѣйствій: принято было развѣшивать объявленія съ предложеніемъ своихъ услугъ на всѣхъ заборахъ, фонарныхъ столбахъ, коночныхъ навѣсахъ и т. п. уличной мебели, если такъ можно выразиться, для большей фигуральности.

Процедура эта совершалась всегда очень таинственно: готовился въ стаканѣ клейстеръ, писались объявленія, что вотъ, молъ, «особа, окончившая курсъ гимназій, шьетъ уроковъ, готовить и респитуруетъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса; такая-то улица, такой-то № дачи, во дворѣ направо, въ верхнемъ этажѣ лѣваго флигеля»—или что-нибудь въ этомъ родѣ, и съ наступленіемъ темноты алчущія труда и заработка дачницы въ сопровожденіи прислуги, какой-нибудь вѣрной Даши или Паши, выходили изъ дома.

Проходя по улицамъ дачной мѣстности, онѣ всячески обходили дома, гдѣ жили ихъ знакомые, боясь натолкнуться на нежелательныхъ свидѣтелей такихъ таинственныхъ походовъ.

Тихо крадучись, подходили онѣ къ заборамъ, къ торговымъ ларькамъ и, помазавъ объявленіе при помощи лучинки клейстеромъ, наклеивали его, при чемъ сердца барышень трепетали и радостно бились въ надеждѣ завтра или никакъ не позже, какъ послѣзавтра, получить приглашеніе, а съ нимъ въ перспективѣ и нѣсколько кредитокъ, кому на булавки, а кому и на вопіющую необходимость.

Въ темнотѣ ночи случалось наклеивать доморощенные плакаты иногда и вверхъ ногами и тогда, производя ревизію своимъ ночнымъ маневрамъ, барышни замѣчали предательскую неаккуратность, ловкимъ жестомъ срывали объявленіе съ твердымъ намѣреніемъ въ ближайшій же вечеръ замѣнить его новымъ.

Къ такому образу дѣйствій приступила и я. Объявленія мои были развѣшены; написанныя крупнымъ и четкимъ почеркомъ, онѣ красовались, къ вящему моему удовольствію, безошибочно вѣрно: заголовкомъ вверхъ.

Расклеены были мои объявленія на всѣхъ улицахъ и переулкахъ Перваго Парголова, исключая одного переулочка, который я миновала не безъ уважительной причины: дѣло въ томъ, что въ этомъ переулочкѣ жила семья того, къ кому въ тѣ достопамятные дни было полно мое сердце.

Шура Звягинъ былъ студентъ юридическаго факультета; изящный, интересный молодой человѣкъ, онъ слылъ въ кругу молодежи

подъ названіемъ «Мазочки». Я была уже нѣсколько лѣтъ знакома съ Шурой и, будучи еще въ послѣднемъ классѣ гимназін, Шура рѣшила, что я и онъ—мы созданы другъ для друга, и, давъ обоюдное слово въ вѣрности, въ укромномъ уголкѣ нашей гостиной обмѣнялись поцѣлуемъ. Съ тѣхъ поръ мы считали себя тайно обрученными. Я любила Шуру первой идеальной любовью; Шура же, несмотря на свои юные годы, относился ко мнѣ, какъ старшій къ младшей, и я вполне подчинялась его авторитету. Стало быть, понятно, почему я при расклеикѣ объявленій съ умысломъ миновала дачу Звягиныхъ: во мнѣ говорило ложное самолюбіе, и я боялась невыгоднаго мнѣнія обо мнѣ Шуры, человѣка, никогда не выдаваго въ глаза нужды и, можетъ быть, считавшаго зазорнымъ и меркантильнымъ для будущей невѣсты такое занятіе, какъ просвѣщеніе школьниковъ и недоучекъ. На первое время я рѣшила не посвящать Шуру въ планъ моихъ дѣйствій.

Встрѣчаться съ Шурой намъ приходилось по большей части при людяхъ, въ обществѣ молодежи; тогда мы смотрѣли добрыми друзьями, но были сдержанны. Изрѣдка мы назначали другъ другу свиданія; пунктомъ этихъ свиданій было Парголово кладбище, расположенное на горѣ, надъ озеромъ, тѣнистое и въ то время еще не благоустроенное.

Быль тамъ у насъ уголокъ, подъ развѣсистой березкой; сѣренькая ветхая скамеечка у могилки безвременно погибшаго малютки Лени Горѣлова; на вылинявшей дощечкѣ стершаяся отъ времени цитата: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра». Тутъ сидели мы съ Шурой, мечтали объ ожидающемъ насъ счастьѣ и... цѣловались, цѣловались. Какъ чисты и непорочны были тѣ поцѣлуи, какъ далеки они были отъ пошлаго чувства низменныхъ страстей человѣческихъ!

Изъ-подъ нависшихъ вѣтвей березки видно было озеро, доносились свистки маленькаго парходика, сновавшаго отъ берега до берега, слышны были пѣсни дачниковъ, катавшихъ на лодкахъ; не было тогда на берегахъ Парголово озера ни скученныхъ построекъ, ни неуклюжихъ перегородокъ, отдѣляющихъ дачу отъ дачи; была ширь, просторъ да природа-матушка.

Быль, помню, теплый, весенній вечеръ. Наша молодая компанія задумала совершить прогулку по озеру. Почти каждый вечеръ мы шумной ватагой шли къ пристани и, споря о мѣстахъ, кому и съ кѣмъ грести, кому сидѣть у руля, разсаживались въ лодки. Выѣхавъ на середину озера, затыгивали мы пѣсню, и гулко звенѣла та пѣсня въ ночной тишинѣ.

Пѣли, помню я, тогда «Мандолинату»; пѣли модный въ то время романсъ «Тигренокъ» и ужъ, конечно, не обходились безъ народной пѣсни про матушку Волгу.

Боясь опоздать къ общему сбору, я быстро шла по направле-
нію къ дачѣ, гдѣ жила моя подруга, Милочка Д., симпатичная
и веселая болтушка, общая любимица и первая затѣйница всякаго
рода шалостей.

Я подошла къ калиткѣ палисадника, уже взялась на нее, и
тутъ только замѣтила, что меня кто-то догоняетъ и кричитьъ:

— Подождите!.. подождите!.. Я на два слова!..

Я обернулась: ко мнѣ подбѣжала молоденькая дѣвушка; она
была въ малороссійскомъ костюмѣ, и въ роскошной косѣ ея такъ
и пестрѣли разноцвѣтныя ленты.

«Какая хорошенькая», промелькнуло у меня въ головѣ, когда
я всмотрѣлась въ дѣвушку поближе; меня поразили ея глаза—
большіе, сѣрые, задорные. Они искрились и такъ широко смотрѣли
на міръ Божій.

— Я по объявленію,—едва переводя духъ, продолжала она.—
Я знаю васъ... Вы даете уроки...

Тутъ только я поняла тайный смыслъ ея торопливости, и дѣ-
вушка показала мнѣ не только хорошенькой, но и желанной
знакомой.

— Мама послала меня къ вамъ, да я увидала васъ по дорогѣ
и побѣжала вдогонку... Если вы не прочь заниматься со мной,
такъ приходите завтра къ намъ, поговорить съ мамой. Мы живемъ
почти рядомъ съ вами: третья калитка. Видите, тамъ еще крен-
дель виситъ?.. Такъ мы надъ кренделемъ... т.-е. надъ булочной,
хотѣла я сказать.

И она весело разсмѣялась, показавъ при этомъ хорошенькіе,
хотя и не совсѣмъ ровные зубки.

— Мама сердится, что я мало занимаюсь; а когда же тутъ
заниматься? То слишкомъ жарко, то темно отъ тучъ, и дождь наво-
дитъ уныніе. У меня переэкзаменовка изъ математики. Вотъ против-
ная наука! Черствая, сухая. Какъ было бы хорошо, если бъ ея не
существовало. Такъ приходите... Вы милая, вы мнѣ понравились
съ перваго взгляда!.. Только не говорите мамѣ, что мнѣ нужно
заниматься каждый день. Лѣто такое короткое... Да и вся жизнь
короткая... и убивать ее на математику... Развѣ не обидно? Посмо-
трите, какой-то молодой человѣкъ подходитъ къ вамъ... Какой
хорошенькій!..

Къ намъ направлялся Шура. Безукоризненно-бѣлый китель,
фуражка съ синими околышемъ—такъ шли къ его смуглому, кра-
сивому лицу. Шура подошелъ, обмахиваясь платкомъ... Модными
духами повѣяло...

Въ эту минуту я вовсе не была рада его приходу; онъ могъ
слышать нашъ разговоръ, да и дѣвушка казалась мнѣ такой опасной
соперницей.

— Познакомьте меня!.. познакомьте, пожалуйста!..—шептала она, теребя меня за рукавъ.

Милый, просящій голосъ!.. Выразительный, ласковый взглядъ!..

— Александръ Александровичъ Звягинъ,—пробормотала я, боясь поднять глаза на Шуру и прочитавъ въ его взглядѣ впечатлѣніе, произведенное на него вѣдностью новой знакомой и ужъ, конечно, впечатлѣніе для меня невыгодное.

— Я—Маруся Крестовская. Мой папа—Всеволодъ Крестовскій. Читали его? Теперь онъ пишетъ новый романъ изъ еврейской жизни. Папа хочетъ дать ему названіе «Идиѣ идетъ», но увѣренъ, что цензура заупрямится. Ужъ эта цензура! Вѣчныя препятствія. Я знаю моего папу нанзустъ... т.-е. знаю нанзустъ всѣ его сочиненія. Я люблю читать. А вы?

И глаза Маруси такъ выразительно-вопрошающе взглянули на Шуру.

Тотъ отвѣтилъ ей ласковымъ взглядомъ, улыбнулся и машинально прошептала:

— Люблю.

Онъ солгалъ. Я знала, что Шура вовсе не любила читать, а въ особенности беллетристику: онъ находилъ, что въ каждомъ, даже самомъ лучшемъ романѣ чувствуется подтасовка фактовъ и неискренность автора. Да и до чтенія ли тутъ? Озеро такъ манило къ себѣ. Такъ легко дышалось на его глади, подъ звуки «Мандолинаты».

Въ эту минуту съ балкона послышались молодые, свѣжіе голоса, и изъ калитки выпала толпа молодежи: все наши юные, славные друзья, «безпардонная команда», какъ называли дачники нашу вѣчно-шумную ватагу.

Милочка шла впереди всѣхъ. Увидя меня, она закричала остальнымъ:

— Вотъ и Оша съ Мазочкой! Однако, заставили же вы насъ себя ждать.

Она поцѣловала меня и поздоровалась съ Шурой.

— Шура, гдѣ вы пропадаете? Отчего вы сегодня не пришли къ намъ кофе пить? Мамочка волновалась: что это Шуры нѣтъ да нѣтъ? Ужъ не заболѣлъ ли онъ?

И она укоризненно покачала головой.

— Какой тамъ кофе!—засмѣялся Володя Бычинскій, толстенькій, курносый реалистъ.—Я видѣлъ, какъ Шура въ четыре часа возвращался съ кладбища.

— Съ кладбища?—дѣланно испугалась Милочка.—Вы хоронили кого-нибудь?

И ужасъ былъ въ глазахъ ея.

Шура сконфузился... Я не знала, куда дѣваться.

— А-а! Понимаю,—продолжала плутовка.—Вы искали уединенія, чтобы мечтать, и я догадываюсь, о комъ!—слукавила она, посмо-

трѣвъ въ мою сторону. (Какъ ей было не знать о нашихъ свиданіяхъ? У меня отъ Милочки тайнъ не было).—Ну, такъ вотъ что: за вашъ проступокъ мы васъ казимъ: вы гребете сегодня не съ Ошей, а со мной. Вотъ вамъ! Братія!—обратилась она къ остальной молодежи:—къ озеру! Кто скорѣй!

Милочка побѣжала. Вся наша команда бросилась за ней взапуски, со склона берега къ пристани. Широко, привольно звенѣлъ молодой смѣхъ, и беззаботно сливались юные голоса.

Я побѣжала за толпой, небрежно бросивъ Марусѣ:

— Такъ завтра я буду у васъ.

— Пойдите, пойдите!... возьмите меня съ собой!—кричала мнѣ Маруся, догоняя меня.—Познакомьте меня!... Мнѣ такъ хочется ѣхать съ вами... Пожалуйста!...

И во второй разъ я не сумѣла отказать ей: такая просящая, жалобная нотка слышалась въ голосѣ Маруси.

— Милочка, подожди!—старалась я перекричать общій смѣхъ и гомонъ.—Я тебя познакомлю.

Маруся догнала меня, схватила за руку, и мы побѣжали.

— Вотъ спасибо!.. милая, добрая!...—шптала на бѣгу Маруся, захлебываясь отъ бѣга и восторга.

Я познакомила Марусю съ моими друзьями, но, каюсь, не переставала ревнивымъ окомъ слѣдить за Шурой и особенно внимательно прислушивалась къ каждому его слову, обращенному къ Марусѣ; а словъ этихъ было немало: онъ то и дѣло разспрашивалъ ее, не боится ли она воды, умѣетъ ли управлять рулемъ, и даже предлагалъ ей научить ее гребти по-матросски.

Настроеніе мое начинало портиться. Куда дѣвалась моя жизнерадостность! Помню, что, садясь въ лодку, я даже неловко толкнула Шуру весломъ и не извинилась: вотъ, молъ! такъ тебѣ и надо!

Уѣзли. Шура—рядомъ съ Милочкой; я—съ братомъ Милочки, гимназистомъ Колей: мало интересное сосѣдство.

Маруся не гребла. Она сидѣла противъ меня, сіяющая, радостная; казалось, все пѣло въ ней, все ликовало.

Выѣхали на середину озера.

Запѣли.

Маруся слушала. Улыбка сошла съ ея лица; глаза сдѣлались еще больше, и сидѣла она вдумчивая, всматриваясь въ ширь водного простора.

— Я не умѣю пѣть,—заговорила она, когда звуки пѣсни умолкли и слышались только сочные и дружные всплески весель.—У меня нѣтъ голоса. Зато я очень люблю сцену. Господи, какъ я люблю ее! Мама моя была актриса. Ахъ, если бъ я могла, я сейчасъ бы бросила противную гимназію и поступила бы на сцену! Бабушка у меня есть—строгая. Она все говоритъ, что сцена ведетъ къ гибели. Это вздоръ—не правда ли? Ужъ если и быть гибели, такъ и безъ

спены она, какъ костлявая вѣдьма, придетъ, облапшитъ, и ты задохнешься въ ея объятіяхъ. Вотъ, если бъ я родилась мальчикомъ, я была бы теперь гораздо сводобнѣе и мнѣ жилось бы лучше.

— Вы и безъ того своимъ задоромъ на мальчика похожи,— прогудѣлъ сзади меня басокъ Шуры, и я насторожилась.

Маруся захохотала; звонко, раскатисто... Хотѣлось подражать ей.

— О, изъ меня бы вышелъ славный мужчина, и непременно артистъ. Каждый артистъ долженъ любить природу, и я страстно люблю ее. Люблю тучку, что плыветъ по небу, высоко, высоко. Люблю вонъ ту рощицу. И какъ грустно становится, когда подумаешь, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ, ее срубятъ, и будутъ на этомъ мѣстѣ стоять какія-нибудь жалкія постройки, рядъ къ ряду. Зачѣмъ люди все портятъ? Вотъ, хоть бы купалки: что можетъ быть безобразнѣе ихъ? Торчатъ на берегу какіе-то разноцвѣтные ящики; дно въ этихъ ящикахъ всегда такое скользкое, грязное... То ли дѣло—купаться на волѣ, съ бережка, подъ открытымъ небомъ!... Плыви, куда хочешь!...

— Вотъ и плывите,—глупо буркнулъ мой сосѣдь по веслу, и самъ сконфузился своей глупости.

— И поплыву! Когда-нибудь да поплыву и ужъ туда, куда захочу, куда потянетъ сердце!

Глаза Маруси заискрились.

Удалъ почувялась...

На колокольнѣ пробило десять часовъ.

«Мѣсяць плыветъ по ночнымъ небесамъ»...

Запѣла Милочка. Голосъ у нея былъ небольшой, но копральтовья ноты не лишены были бархатистости и звучнаго тембра.

Молодежь подхватила пѣсню.

Мнѣ не пѣлось...

Глаза Маруси смотрѣли лѣвѣе меня. Мнѣ казалось, что они смотрятъ на Шуру, и сердце сжималось отъ тяжелаго предчувствія.

Снова замолкли.

Снова мѣрно и плавно всплескиваютъ весла...

— Господа, а что я придумала,—сказала Милочка.—Давайте, устроимъ домашній спектакль. Что вы на это скажете?

Всѣ взволновались.

«Гдѣ? Когда? Что можно сыграть? А декорациі—гдѣ взять ихъ?»

— Коля мазаться умѣетъ,—тараторила младшая сестра Милочки Зоя:—онъ на масленицѣ ряженымъ ѣздилъ; одѣлся туркой и носъ налѣпилъ себѣ изъ тѣста, большой, большой. Его никто не узналъ. Милочка, помнишь?

Для Милочки преградь не существовало. Она сразу разрѣшила всѣ трудности, препятствія и вопросы.

— У насъ гостиная очень большая,—сказала она.—Передѣлимъ ее пополамъ занавѣсомъ—и дѣлу конецъ. Для занавѣса возьмемъ съ террасы полотно. А декорации—да къ чему онѣ? Комната—такъ и будетъ комнатою, а если понадобится садъ или лѣсъ, такъ наши мальчики натаскаютъ намъ и сосенъ и березокъ, и мы такой паркъ устроимъ, что любо-дорого! Актеровъ—много. Актрисъ—тоже не занимать стать. Пригласимъ Колинаго репетитора да барышень съ сосѣдней дачи: нудятся, бѣдныя, погибаютъ отъ скуки; надо же и имъ отвагу дать... А Володины-то товарищи!... Мы ихъ цѣлымъ полкомъ на сцену выведемъ!

Всѣ засмѣялись.

Кто-то крикнулъ:

— А потомъ поѣдемъ гастролировать!

Опять хохотъ и шумный восторгъ.

— А кто же будетъ играть главную роль?—завизжалъ Сережа, маленькій, юркій кадетикъ, котораго, при его шестнадцати годахъ, за маленькій ростъ и пронзительный теноръ мы прозвали «Сережа-шибзикъ».

— Какъ кто? Да всѣ... И вы...—отвѣтила Маруся.

— И я?—удивился Сережа.

— Конечно; вы сыграете женскую роль.

— Ну, ужъ это—извините!—обидѣлся онъ. Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ сыграть какого-нибудь улана.

— Улана—такъ улана. Мнѣ все равно. Я такъ люблю сцену, что въ любую роль влѣзу по горло. Ахъ, дайте, дайте мнѣ сыграть!

Шура, все время молчавшій, вдругъ заговорилъ:

— Господа, да нельзя ли поскорѣй рѣшить этотъ вопросъ, а то время идетъ. Пока соберемся, выберемъ пьесу, нужно и репетициі начинать.

— Репетициі! Ахъ, прелесть какая!—ликовала Маруся.

— Завтра, въ пять часовъ вечера всѣ собирайтесь къ намъ въ бесѣдку,—сказала Милочка:—вотъ мы и рѣшимъ. Приходите и вы, Маруся. Шура, а вы? Или опять на кладбище пойдете мертвецовъ пугать?

— Приду, во что бы то ни стало, приду! Умирать буду, а приду!—отвѣтилъ Шура и сильно всплеснулъ весломъ.

Посыпались брызги.

Маруся вскрикнула и сейчасъ же расхохоталась.

— Еще! Еще! Александръ Александровичъ, еще! Какъ славно!—кричала она и вся подалась впередъ.

Шура отвѣтилъ ей смѣхомъ и еще сильнѣй всплеснулъ весломъ.

Вы смѣялись, всѣ о чемъ-то говорили...

Кто-то запѣлъ:

«Выхожу одинъ я на дорогу...»

— Ну, зятянуль папихиду,—недовольно останавила поющаго Милочка.—Давайте-ка лучше: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Мазочка, запѣвайте!

Шура запѣль, и запѣль, какъ мнѣ показалось, особенно лихо и весело.

Подхватили хоромъ.

Голоса звенѣли и разливались по озеру.

Лодка шла въ камышахъ.

Камыши вторили пѣснѣ шелестомъ.

Марусины глаза смотрѣли лѣвѣе меня...

Быть можетъ, и Шура смотрѣль тогда въ загадочно-глубокіе глаза Маруси.

Надъ озеромъ царила сѣверная, бѣлая ночь.

На другой день утромъ я зашла къ Марусѣ, чтобъ уговориться относительно уроковъ, времени занятій и вознагражденія за трудъ.

Мать Маруси была еще не старая женщина, худошавая, болѣзненнаго вида блондинка.

Помню, что меня поразилъ блѣдный цвѣтъ ея лица и неприятно подѣйствоваль запахъ лекарства въ ея комнатѣ.

Условившись и поговоривъ объ успѣхахъ Маруси, которые, кстатисказать, оказались далеко не блестящими, мы рѣшили начать занятія на слѣдующій день.

Когда я уходила, Маруся задержала меня въ передней и серьезнымъ тономъ спросила:

— Вы не будете слишкомъ мучить меня задачами? Я ихъ терпѣть не могу.

— Но вѣдь въ задачахъ вся суть,—отвѣтила я ей.

— Ахъ, я знаю это!... Но вѣдь я знаю также и то, что мнѣ все равно не выдержать переэкзаменовки, если бѣ даже самъ Галилей пришель съ того свѣта и началъ штудировать со мной эту противную науку.

— Почему же не выдержите? Приложите стараніе.

— Стараніе къ минусамъ и плюсамъ, къ формуламъ и скобкамъ? Да развѣ это мыслимо теперь, когда солнышко такъ привѣтливо свѣтитъ, когда такъ обаятельна вся природа? А наша-то компанія! Вчера я была такъ счастлива! Какая славная Милочка, Володя, карапузикъ Сережа... всѣ, всѣ!... Съ тѣмъ студентомъ не мѣшаеть и покочетничать. Не правда ли? Кстати, онъ обѣщаль зайти за мной, чтобъ вмѣстѣ итти къ Милочкѣ. А вы пойдете?

Я чувствовала, какъ при этихъ словахъ Маруси кровь прилила къ моимъ щекамъ и въ горлѣ защекотало. Боясь расплакаться и тѣмъ выдать себя, я поторопилась распрощаться.

— Вамъ придется этотъ мѣсяць все-таки приналечь на математику,—сказала я ей, уходя, и какъ благословляла я въ этотъ мо-

мечь «противную» науку, заставлявшую Марусю порѣже видѣться съ Шурой.

— Да, да... конечно...

Маруся какъ-то сразу вся точно завяла, но, минуто спустя, она опять уже улыбалась и, крѣпко сжимая мою руку, говорила:

— Такъ мы увидимся сегодня? Вѣдь да? Вы придете къ Милочкѣ? О, пусть мнѣ дадутъ самую крошечную роль, только бы играть, только бы быть на сценѣ!

Чась спустя, шла я печальная, съ поникшей головой и думая грустную думу, на кладбище, такъ какъ мы съ Шурой условились еще наканунѣ свидѣться въ тотъ день, послѣ полудня, у могилки Лени Горѣлова.

Но вѣдь, когда мы назначали другъ другу это свиданіе, Шура не знала еще, что такое Маруся, а я не была еще знакома съ зарождающейся мукой ревности.

Шура всегда первый приходилъ на свиданіе и ждалъ меня. Издали еще, завидя мою соломенную шляпу съ развѣвающейся розовой лентой, онъ начиналъ тихонько насвистывать какой-нибудь мотивъ и тѣмъ заставлялъ меня прибавлять шагъ.

Милое, дорогое прошлое время!

На этотъ разъ свистъ Шуры не подбадривалъ меня.

На кладбищѣ было тихо... Ни звука...

Только, пролетая, жужжали пчелы, да воробьи чиркали, перекликались.

Весеннее солнышко играло на деревьяхъ и кустикахъ, ласково обнимало своимъ лучомъ простые, бѣлые кресты на могилахъ и такъ пріятно согрѣвало меня.

Вотъ и Ленина могилка.

Вотъ и ветхая скамеечка.

Никого.

Освѣщенная солнцемъ, березка наклонилась надъ могилкой и какъ бы застыла въ дремѣ... Озеро поблескиваетъ струйками на солнцѣ... Донесся знакомый свистокъ парохода... Эхо отвѣтило... И опять все тихо, тихо; все спитъ.

Проходятъ томительныя минуты; проходитъ полчаса... часъ...

Я сижу на ветхой скамеечкѣ.

Слеза за слезой катится у меня по щекамъ, и я не утираю ихъ; я равнодушно отношусь къ тому, что у меня отъ слезъ во рту солоно, что я глотаю эту соль...

— Вотъ оно, горе-то!...—шепчу я.—О, какое горе!... Шура, Шура, зачѣмъ! За что?

Къ Милочкѣ я не пошла. За мной прибѣгала Коля, но я отговорила недосугомъ.

При воспоминаніи о моемъ первомъ урокъ съ Марусей я еще и теперь не могу удержаться отъ улыбки. Это былъ не урокъ, а какой-то сонмъ, полчище восторженныхъ фразъ, остроумныхъ замѣчаній по поводу вчерашняго засѣданія у Милочки, до наивности милыхъ вопросовъ попережку съ извлеченіемъ корней и составленіемъ формулъ съ однимъ и нѣсколькими неизвѣстными. Какъ ни старалась я своимъ авторитетнымъ тономъ урезонить Марусю, все было напрасно. Предполагавшійся спектакль у Милочки затмевалъ память и соображеніе, ревниво не допуская къ себѣ «противную» науку.

Я начинала сомнѣваться въ успѣхъ нашихъ занятій и даже высказала свое опасеніе Марусѣ.

— Это ничего, ничего, это пройдетъ... Увѣряю васъ, что въ слѣдующій разъ я постараюсь быть внимательнѣе. Когда мы будемъ заниматься? Завтра? Въ это же время? А, можетъ быть, послѣзавтра? Ахъ, вѣдь послѣзавтра воскресенье. Такъ лучше—въ понедѣльникъ. Сегодня же я, навѣрное, не сдѣлаю задачъ. Гдѣ жъ успѣть, посудите сами: надо еще пообѣдать, а тамъ Шура обѣщался зайти; потомъ купаться, а вечеромъ прогулка по озеру... Нѣтъ, сегодня я положительно не успѣю... Завтра суббота... Такъ ужъ лучше съ понедѣльника начнемъ.

Все это говорилось залпомъ и такимъ просящимъ тономъ, такъ ласково смотрѣли на меня сѣрые глаза, и рука Маруси такъ нѣжно поглаживала мою руку.

Тепло становилось на душѣ.

— Шура и вчера къ вамъ заходилъ?—рискнула я спросить и тревожно ждала отвѣта.

— Да, онъ заходилъ за мной... Славный онъ. Я ему сказала, что буду съ вами математикой заниматься, такъ онъ очень удивился и сказалъ: «Отчего же Оша мнѣ ничего объ этомъ не говорила?» А развѣ, говорю, она обязана отдавать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Оша—взрослая дѣвушка и докладываться такому мальчику, какъ вы, много чести». Потомъ онъ какой-то сердитый сдѣлался, а все-таки проводилъ меня домой и дорогой что-то трактовалъ о томъ, что онъ преклоняется только передъ правдивыми людьми, что ненавидитъ ложь во всѣхъ ея проявленіяхъ, что люди изогались, исковеркались... Потомъ заговорилъ о моихъ глазахъ, что правдивые-то они, что по нимъ можно читать, какъ по книгѣ, что хочется смотрѣть въ нихъ безконечно долго и не насмотрѣться... Немножко влюбился мальчикъ!... Положимъ себѣ, онъ интересный, и мнѣ онъ тоже очень нравится... А вамъ? Вы друзья съ нимъ, не правда ли? Что это? О чемъ вы плачете? Милая, хорошая моя, что съ вами?...

Я старалась увѣрить Марусю, что и не думаю плакать, что все это несносный насморкъ, который мучитъ меня вотъ уже цѣлую

недѣлю, и, чтобы доказать это, усиленно сморкалась, и, кажется, даже намѣренно чихнула... Но глаза мои выдавали меня: слезы все наплывали и наплывали...

Я поспѣшила уйти, и помнится, что съ Марусей даже не простилась.

Мнѣ было стыдно моей слабости, но я все же рѣшилась переговорить съ Шурой и какъ-нибудь оправдаться передъ нимъ. Я не могла допустить мысли о томъ, чтобы его недовольство мною было такъ уважительно, а увлеченіе глазами Маруси настолько серьезно, что его, такое, повидимому, прочное, чувство могло разомъ исчезнуть ради какого-то пустяка.

Написать Шурѣ я не рѣшалась: письмо мое могло попасть въ руки его отца, котораго я мало знала, да и побаивалась строгой и непреступной внѣшности этого господина.

Переговорить съ Шурой у Милочки казалось мнѣ почти невозможнымъ: тамъ мы никогда не оставались одни; постоянный наплывъ молодежи, вѣчный гомонъ, игры и безшабашно-веселое настроеніе исключали возможность даже и подумать о серьезномъ разговорѣ.

Скрѣпя сердце, я пошла на отчаянный поступокъ: пойти къ дачѣ Звягинныхъ и вызвать Шуру.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего послѣдняго разговора съ Марусей я рѣшилась привести мой планъ въ исполненіе.

Въ тотъ день съ утра шелъ дождь, мелкій, изводящій. Вечеръ обѣщалъ быть такимъ же дождливымъ и сумрачнымъ. Стало быть, рѣшила я, прогулки на лодкахъ не будетъ; стало быть, Шура къ Милочкѣ не пойдетъ.

И дѣйствительно, пусто было на улицахъ Парголова, когда я пробиралась по мокрымъ тротуарамъ къ дачѣ Звягинныхъ. Никто не рисковалъ выйти изъ дома: непривѣтливо было, и плакало хмурое, сѣрое небо...

Въ окнѣ Шуры былъ свѣтъ.

О, какъ хорошо знала я это окно! Каждый разъ, проходя мимо дачи, я, искоса всматривалась, не виденъ ли обликъ Шуры въ окнѣ нижняго этажа, между тюлевыхъ занавѣсокъ. И сердце мое замирало отъ счастья и надежды...

Теперь окно было освѣщено: Шура дома.

Я подошла къ калиткѣ и осторожно толкнула ее.

Калитка, скрипя, отворилась.

Я вошла въ палисадникъ; стала всматриваться въ освѣщенные окна дачи: въ столовой накрывали столъ къ вечернему чаю, суетилась и хлопотала горничная, то перебѣгая отъ стола къ буфету, то уходя въ смежную комнату и возвращаясь снова.

Какъ же дать знать Шурѣ о себѣ? Подойти развѣ къ его окну и постучаться?

Въ окнѣ была спущена штора.

А вдругъ тамъ не Шура! Если онъ тамъ не одинъ!

Я прождала нѣсколько минутъ, но нетерпѣливая неопредѣленность взяла свое, и я рѣшилась постучать въ окно.

Для удобства я закрыла зонтикъ.

Трава около дома была мокрая; холодная струйка воды упала съ крыши, попала мнѣ на затылокъ и потекла за воротъ, по спинѣ...

Я приподнялась на цыпочки, и ручкой зонтика стукнула въ окно, сама испугавшись этого стука.

Кто-то подошелъ къ окну...

Приподнялась штора.

— Шура!

Онъ отперъ окно.

— Маруся, вы?—послышался его голосъ.

Этого вопроса было достаточно, чтобы я разомъ отказалась отъ намѣренія оправдываться передъ Шурой; я отступила отъ окна и отвѣтила:

— Нѣтъ, Шура; это я—Оша. Но теперь ужъ мнѣ ничего не надо... Прощайте, я ухожу.

И быстрыми шагами направилась къ калиткѣ.

Послышалось мнѣ, что балконная дверь скрипнула, какъ будто голосъ Шуры окликнулъ меня, а, можетъ быть, это мнѣ только почудилось.

Я не шла, а бѣжала домой.

Мнѣ не пришло въ голову открыть зонтикъ; дождь слѣпиль мнѣ глаза, мочилъ лицо и плечи, а злоба и враждебное чувство къ Шурѣ росло. И росло и странно: чѣмъ больше я негодовала на Шуру, тѣмъ понятнѣе мнѣ становилось, что иначе и быть не могло, что Маруся—воплощенная мечта, ликующая розовая заря нарождающагося счастья, что довольно было одного многоговорящаго, вдумчиваго взгляда ея сѣрыхъ глазъ, чтобы сердце Шурѣ измѣнило мнѣ—неказистой Ошѣ.

Бѣдная могилка Лени Горѣлова съ тѣхъ поръ осиротѣла.

Въ семьѣ Милочки Маруся совсѣмъ освоилась; Сережу она уже называла «шибзикъ», на что тотъ нисколько не обижался; Шура былъ для Маруси Шуреночекъ, и она потребовала отъ всѣхъ, чтобы никто больше не называлъ его «Мазочкой».

— Что за мазочка?—обиженно говорила она, какъ будто не Шуру, а лично ее оскорбляло такое названіе. Вы бы еще называли его мазилка, мазунчикъ! Онъ только Шуреночекъ, славный, милый Шуреночекъ!

Всѣ повиновались.

Мать Милочки, Анну Ивановну, Маруся называла не иначе, какъ мама Аня.

Она тараторила то съ тѣмъ, то съ другимъ, перебѣгала изъ комнаты въ комнату, забѣгала въ кухню, и тамъ, трепля старую кухарку Анисью по плечу, приговаривала:

— Мы съ тобой, Анисьюшка, вотъ какъ: до самой смерти жить будемъ! А все-таки дай-ка ты мнѣ кусочекъ коржика: очень ужъ вкусный.

Вся наша молодежь полюбила Марусю, и каждый по-своему.

Милочка не могла обойтись безъ Маруси, когда мастерила себѣ какую-нибудь обновку или передѣлывала старую шляпу на новый ладъ. Вкусъ Маруси отличался изяществомъ и удивительной изобрѣтательностью. Положить гдѣ-нибудь бантъ на простенькую, дешевую шляпу, — смотришь, шляпа выглядит и эффектной, и нарядной.

Бывало, одѣваетъ Милочку и любовно охорашиваетъ ее:

— Ты должна быть сегодня лучше всѣхъ, — говоритъ Маруся Милочкѣ, такъ искренно, весело улыбаясь.

У Зои было множество куколъ; всѣ онѣ въ одну недѣлю оказались одѣтыми въ нарядные туалеты, благодаря умѣлымъ рукамъ Маруси, и Зоя говорила:

— Маруся, ты похожа на сказочную принцессу, а Шура — твой принцъ.

Маруся весело заливалась смѣхомъ и цѣловала пухленькія щечки Зои, чтобъ скрыть свое смущеніе передъ въ упоръ смотрящимъ на нее Шурой, который въ эту минуту, конечно, готовъ былъ быть не только принцемъ для Маруси-принцессы, но хоть бы послѣднимъ изъ пажей ея.

Володя Бычинскій вскорѣ послѣ знакомства съ Марусей началъ вести дневникъ и изрѣдка давалъ его для прочтенія Колѣ, а тотъ, по простотѣ души, сообщалъ Милочкѣ и мнѣ его содержаніе.

— Все Маруся да Маруся!.. На каждой страницѣ по двѣсти разъ, — недовольно-ревнивымъ тономъ говорилъ онъ. — Все клятвы, что не разлюбить Марусю, хотя бы ему пришлось пожертвовать, для нея реальнымъ училищемъ.

— То-есть какъ же это? — удивилась Милочка.

— Собирается Шуру вызвать на дуэль, — захохоталъ онъ: — да пустяки! Гдѣ ему! Хвастунишка!

Однажды Коля пришелъ домой весь въ тинѣ, въ промокшемъ до нитки платьѣ. Оказалось, что онъ собиралъ для Маруси букетъ изъ водяныхъ лилій, упалъ въ воду и едва выбрался изъ омота.

Переодѣвшись во все сухое, натеревшись при помощи Анисьи горячимъ уксусомъ въ предупрежденіе простуды, Коля побѣдонсно сидѣлъ въ креслѣ за стаканомъ горячаго чая съ малиновымъ вареньемъ и на вопросъ Анны Ивановны: не знобитъ ли его? — отвѣчалъ:

— Вотъ глупости!.. Немножко выкупался... Не бѣда! Зато и букетъ завтра Марусѣ преподнесу,—ахнеть! Ей «шибзикъ» соби-рается букетецъ изъ земляники приволочь: «за пять верстѣ, го-ворить,—пойду»,—имитировалъ онъ тенорокъ Сережи.—Эка неви-далъ—ягодокъ насобирать! А я жизнью для Маруси рисковалъ. Это не фунтъ изюма.

Несмотря на обиду, хоть и безъ умысла, но все же причишен-ную мнѣ Марусей, я не могла налюбоваться на эту дѣвушку. Я готова была часами сидѣть и слушать ея ребячески-беззаботный лепетъ, смотрѣть въ ея одухотворенные глаза и ловить милую улыбку. Со мной Маруся была особенно ласкова и, можетъ быть, смутно понимала, что была причиной моего разрушеннаго счастья; какъ будто хотѣлось ей заглядить свою вину передо мной и за урокомъ; когда вѣтреная ея головка не могла осилить какой-ни-будь премудрости, она занекивающе смотрѣла мнѣ въ глаза и спрашивала:

— Оша меня простить? Оша меня любить?

Почти съ первой встрѣчи съ ней я стала для Маруси—Ошей, несмотря на то, что была старше ея и считалась ея руководи-тельницей.

Въ общемъ, занятія наши шли плохо: приходя на урокъ, я или заставляла Марусю еще въ постелькѣ и ей хотѣлось понѣжиться, или же она была не въ расположеніи заниматься. Въ томъ и дру-гомъ случаѣ я все-таки требовала отъ нея немедленнаго испол-ненія обязанностей, мы садились за столъ, и начиналась наша обоюдная мука.

Я страдала отъ сознанія, что мои труды пропадаютъ даромъ, что мои объясненія слушаютъ стѣны, жужжація на оклѣ мухи, увядающіе въ вазочкѣ цвѣты, но не Маруся.

Она же страдала оттого, что должна была поминутно ловить свою блуждавшую въ иномъ, поэтическомъ мірѣ мысль и ловить ее часто неудачно, невпопадъ отвѣчая на мои вопросы.

Отдаваясь дѣлу всей душой, объясняя трудности и всячески помогая Марусѣ, я иной разъ и не замѣчала, что глаза ея смотрѣли на меня, хоть и пристально, какъ бы вслушиваясь и стараясь понять мои объясненія, но мысль Маруси блуждала гдѣ-то въ эмпирияхъ, далеко отъ «противной науки».

Одинъ разъ, помню, во время моего горячаго увлеченія при объясненіи какой-то сложной теоремы Маруся вскочила съ мѣста, захопала въ ладоши и радостно воскликнула:

— А завтра будетъ хорошая погода!

Я оторопѣла.

— Маруся, что съ вами? Вы меня совсѣмъ не слушаете... Развле-каетесь пустяками.

— Душечка, Оша, не сердитесь!.. Красная корова впереди прошла. Я печаянно посмотрѣла въ окно, увидала стадо коровъ и замѣтила... Значить, завтра прогулка состоится!.. Вотъ хорошо-то!..

Я не могла не разсмѣяться такой наивности: какъ будто и въ самомъ дѣлѣ завтрашняя погода зависѣла отъ красной коровы, которой пришло на умъ опередить бурыхъ, пѣгихъ и черныхъ коровъ и пойти впереди стада.

Сердиться на Марусю было невозможно.

Насколько мало успѣшно шли мои занятія съ Марусей, настолько блистательно сходили репетиціи задуманнаго Милочкой домашняго спектакля.

Выбрали модную въ то время комедію «Чудовище» и водевиль «Откликнулось сердечко».

Въ первой пьесѣ Маруся играла главную роль наивной дѣвочки, а роль молодого человѣка—«Чудовища»—долженъ былъ изображать Шура.

Онъ самъ заявилъ желаніе сыграть именно эту, а не какую другую роль и, стало быть, по пьесѣ—«любить» Марусю.

Водевиль Милочка выбрала для себя, и партнеромъ ея по сценѣ былъ Колинъ репетиторъ, студентъ-технологъ Юрій Станиславовичъ Парчинскій, къ которому Милочка была немножко неравнодушна и пользовалась взаимностью.

Парчинскій былъ брюнетъ высокаго роста, съ великолѣпной шевелюрой, огромными черными глазами и орлинымъ носомъ. Онъ обладалъ прекраснымъ баритономъ и слылъ у насъ подъ названіемъ «Садко». Маруся же съ перваго знакомства съ нимъ вступила со всѣми нами въ споръ, утверждая, что Садко долженъ былъ быть непременно блондинъ, а не брюнетъ, и что Парчинскому гораздо больше подходитъ названіе трубадура.

— Устарѣлъ вашъ трубадуръ, — сказала ей Парчинскій, гордясь прозвищемъ, даннымъ ему молодежью.—Есть теперь кое-что поновѣе.

— Да, но я не знаю, кто старше: Садко или трубадуръ?.. Какъ вы думаете?—отвѣтила Маруся.

Я въ спектаклѣ не участвовала.

— На Ошу михлюдія напала,—говорила про меня Милочка, лукаво посматривая то на меня, то на Шуру.

Это было, пожалуй, вѣрно: мнѣ было не до веселья, не до развлеченій. Наши натянутыя отношенія съ Шурой мѣшали мнѣ быть попрежнему оживленной: мы робѣли и сторонились другъ друга.

Милочка, конечно, была посвящена въ печальную причину моего меланхолическаго настроенія, не претендовала на него и не стѣсняла меня; она винила во мномомъ Марусю.

— Ужъ эти мальчишки!—говорила она:—взгляни на нихъ ласково, они и растають. А Маруся знаетъ свое обаяніе: ей не слѣдовало кокетничать и увлекать Шуру.

— Маруся не виновата, — защищала я виновницу своего несчастья:—она не знала, что я люблю Шуру. Да вѣдь и хорошенькая она...

— Ты, Оша, тоже недуренькая; только не будь такой кислотной. Ты много проигрываешь, когда насупишься.

Ахъ, къ сожалѣнію, я слишкомъ хорошо знала свою фізіономію и была въ отчаяніи отъ своего большого рта и вздернутаго носа.

«Недуренькая»!.. Добрая Милочка, она хотѣла ободрить и утѣшить меня, что было совершенно напрасно.

Репетиціи все шли да шли.

Сколько ихъ было, этого я не знаю, да врядъ ли кто изъ участвовавшихъ интересовался этимъ вопросомъ: весело было во время репетицій и дѣлу конецъ; а когда устроить самое лицедѣйствіе, и какъ его окончательно организовать—это никому и въ голову не приходило: лѣто, молъ, еще предстонтъ долгое.

Маруся уже съ первой репетиціи знала свою роль наизусть, да и не только свою, но и роли другихъ участвовавшихъ.

Репетируя, она старалась стать всегда такъ, чтобы видѣть себя въ зеркало, висѣвшее на противоположной стѣнѣ, и, видимо, любовалась собой. Да и всѣ мы любовались тогда Марусей. Нельзя было безъ восторга смотрѣть на ея разгорѣвшееся отъ волненія лицо: она, дѣйствительно, влѣзла въ роль по горло, какъ и обѣщала. Шура, засматриваясь на Марусю, часто забывала свою роль, и Маруся, смѣясь, суфлировала ему.

Мнѣ дорого стоила каждый разъ ихъ нѣжная сцена въ концѣ пьесы. Они оба такъ естественно проводили ее, и такъ нѣженъ былъ каждый разъ поцѣлуй Шуры, хотя Маруся и подставляла ему для поцѣлуя свою щечку, кокетливо прикрывая ее платочкомъ.

«Зачѣмъ это?—думалось мнѣ:—вѣдь онъ, навѣрное, цѣлуетъ ее; когда они остаются вдвоемъ и цѣлуетъ—безъ платочка».

И снова муки ревности закипали во мнѣ, и снова такъ болѣзненно сжималось мое сердце.

— Можно не знать, когда родился Александръ Македонскій и какія реформы ввела Екатерина II, но не знать такой пустячной роли, какъ ваша, это ужъ непростительный грѣхъ! — кипятилась Маруся на одной изъ репетицій, выговаривая Колѣ, который не имѣлъ никакого пристрастія къ сценѣ и принялъ участіе въ спектаклѣ только потому, что хотѣлъ быть приятнымъ Марусѣ и чаще видѣться съ ней.

— Да вѣдь до спектакля-то еще далеко,—пробоваль было защищаться Коля.

— А вот и недалеко!.. Господа,—обратилась Маруся къ присутствовавшимъ,—спектакль—въ будущее воскресенье. Черезъ мѣсяцъ у меня переэкзаменовка, и Оша, навѣрное, скоро запереть горячку.

Всѣ такъ и ахнули, но сейчасъ же возникновали, зашлодировали. Побѣжали къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Мама Аня, въ будущее воскресенье спектакль!

У работавшей за швейной машиной Анны Ивановны такъ и руки опустились:

— Да что жъ вы раньше-то молчали? Развѣ такъ можно? До воскресенья всего пять дней. Надо же приготовиться, добрыхъ знакомыхъ позвать, въ городъ съѣздить, провизіи закупить: нельзя же кое-какъ гостей принимать; Милочкѣ къ спектаклю надо платье сшить, да мало ли еще чего!

Маруся была неумолима. Остальная публика поддерживала мнѣніе общей любимицы.

— Мама Аня, иначе нельзя, право же, нельзя. У меня переэкзаменовка, надо будетъ приналечь, особенно на геометрію; ужъ и то Оша сердится на меня. Платье Милочкѣ дѣлать вовсе не стоитъ; у ней есть коричневое платьице, отъ гимназіи осталось, а передничекъ сшить—полчаса работы. Я помогу. Въ городъ за покупками Милочка съѣздить да Анисью возьметъ съ собой. Знакомыхъ мальчики пригласять: что имъ стоитъ дачи обѣгать? Сценой займется Шуреночекъ, да и я ему помогу. Парчинскій обѣщаль намъ занавѣсъ повѣсить... Голубушка, мама Аня, позвольте!.. я васъ расцѣлюю!..

И Маруся, дѣйствительно, бросилась цѣловать Анну Ивановну, и цѣловала ее до тѣхъ поръ, пока та наконецъ согласилась, чтобъ только вырваться изъ порывистыхъ объятій Маруси.

— Да ну васъ, устраивайте, когда хотите... Вѣдь ужъ знаю, что перебударажите мнѣ весь домъ. Только, пожалуйста, мою спальню оставьте въ покоѣ. А мой Иванъ Ивановичъ и то ужъ ворчить: каждый разъ, какъ въ шарады начнете играть, такъ въ спальнѣ отъ вашихъ переодѣваній такой ералапъ, что самъ квартальный погу сломить.

Послѣднихъ словъ Анны Ивановны молодежь уже не слышала и съ крикомъ радости бросилась на террасу обсуждать вопросъ окончательной организаціи спектакля.

Я осталась съ Анной Ивановной въ ея комнатѣ.

— Что же вы, Оша, отстае отъ общей радости?—спросила она, пытливо изъ-подъ очковъ посматривая на меня.

— Я въ спектакль не участвую... да какъ-то и не манитъ меня это развлеченіе.

— Вамъ серьезничать-то, кажется, немножко рано... Или васъ кто-нибудь обидѣлъ? Такъ вы бросьте думать!.. Не стоитъ того. Перемелется—мука будетъ. Развѣ только и свѣту, что въ окнѣ?

Изъ этихъ словъ я поняла, что Аннѣ Ивановнѣ все извѣстно.

Скрытыя ото всѣхъ до тѣхъ поръ слезы такъ и хлынули у меня изъ глазъ.

Я уткнула голову въ диванную подушку и дала волю моей тоскѣ и отчаянію.

Анна Ивановна подошла ко мнѣ и, ласково поглаживая меня по головѣ, говорила:

— Ну, полно, будетъ!.. Что за вздоръ!.. И изъ-за кого, изъ-за мальчишки какого-то... Стыдитесь: вы такая серьезная дѣвушка, такая музыкантша, стихи вонъ пишете... Да развѣ нуженъ вамъ какой-нибудь ловеласикъ! Онъ васъ и не стоитъ. У васъ дорога другая, дѣточка моя... Дорога большого, можетъ быть, будущаго... а эти студентики да офицерики еще не уйдутъ отъ васъ... Ахъ, дай Богъ нашей сестрѣ, женщинѣ, не такой жизни, какой мы, старые люди, пользовались! Что въ ней было интереснаго? Пирогѣ да кашѣ, пеленки, болѣзни да дѣтшки... А жизни, настоящей жизни—мы не видали. Изъ-подъ рукъ мужей смотрѣли, да и умремъ такими же безвольными. А вы... учитесь да набирайтесь ума-разума, а пока что—пользуйтесь жизнью, рѣзвитесь, все у васъ впереди...

И подъ кроткой рѣчью Анны Ивановны, подъ лаской ея нѣжной руки смирялось мое наболѣвшее сердце, стихало горе, высохали слезы и свѣтлѣло на душѣ.

Такъ, послѣ пронесшейся грозной тучи, послѣ лѣтнаго обильнаго дождя опять проглядываетъ солнышко и ласкаетъ теплыми лучами какъ бы испуганную бурей природу.

Насталъ канунъ спектакля, и въ квартирѣ Милочки поднялась сутолока. Конечно, больше дурачились, шумѣли, суетились, нежели дѣлали дѣло. Единственнымъ серьезнымъ работникомъ былъ Парчинскій, который, не покладая рукъ, трудился надъ занавѣсомъ: содрали съ террасы полотно, сшили его въ одно цѣлое, набили на брусъ, пришили кольца, продѣли сквозь кольца веревки.

Коліны товарищи понатаסקали изъ лѣса множество молодыхъ сосенъ и березокъ, такъ какъ декорація и въ той и въ другой пьесѣ должна была изображать садъ.

Мебель изъ комнатъ повынесли; рояль перетащили въ столовую, а столовую устроили на террасѣ.

Былъ приглашенъ изъ города таперъ.

Несмотря на усиленные просьбы Анны Ивановны не трогать спальни, молодежь не помиловала и этой комнаты: на кровать набросали тюфяки и подушки съ другихъ кроватей, картонки изъ-подъ шляпъ, олеографическія картины, груды нотныхъ тетрадей, Коліны

учебники, и на верху всей этой громады торжественно красовался зеленый бумажный абажуръ съ прогорѣвшимъ отъ горячаго стекла ободкомъ.

Молодежь безжалостно громила квартиру Анны Ивановны, и та только печально вздыхала, поглядывая на такой содомъ.

Въ комнату мальчиковъ нельзя было войти безъ риска перепачкаться въ угольяхъ и сажѣ: стѣны, табуретки—все было покрыто чернымъ налетомъ,—результатъ приготовленія фейерверка. Вошла было туда Анна Ивановна, тихонько простонала и, проговоривъ только: «ужь и уборки будетъ потомъ», ушла, предусмотрительно затворивъ за собою дверь поплотнѣе.

Въ саду развѣшивали фонарики; надъ калиткой устраивали транспарантъ съ надписью: «милости просимъ».

Ждали гостей изъ города.

Наши артисты волновались.

Милочка десятый разъ примѣряла свой фартучекъ и вертѣлась въ немъ передъ зеркаломъ, принимая различныя позы.

Володя Бычинскій, готовясь къ исполненію роли древняго старика, приставалъ ко всѣмъ съ вопросомъ: такъ ли онъ нюхаетъ табакъ?—и при этомъ съ серьезной фізіономіей вытаскивалъ изъ кармана табакерку, щелкалъ по крышкѣ ея двумя пальцами, открывалъ ее и, сдѣлавъ видъ, что беретъ щепотку табака, подносилъ пальцы къ носу; съ улыбкой лакомки вдыхалъ въ себя воздухъ, сочно произносилъ: «ахъ!» и, сдѣлавъ препотѣшную гримасу, чихалъ такъ, что не ожидавшіе этого эффекта вздрагивали, а ожидавшіе говорили: «ну, и здорово!»

Сосѣдская барышня, Катя Ильина, надоѣдала всѣмъ съ одной и той же фразой: «вотъ, ей-Богу же, я ничего не знаю!» Всѣ же были увѣрены, что она наизусть вы зубрила свою роль и только «ломается».

Шура былъ какъ-то особенно серьезень: «точно передъ экзаменомъ», подшучивали надъ нимъ. Онъ же отмалчивался и еще сосредоточеннѣе продолжалъ вязать гирлянды изъ кленовыхъ листьевъ, долженствовавшихъ украшать рампу и порталы сцены.

Маруся положительно отказалась отъ занятій математикой; она торжественно, спокойно ждала спектакля. Всегда шумливая, она вдругъ какъ-то притихла и вдумчиво говорила: «Завтра мой дебютъ. Это, шерочка, не шутка».

Иногда она подходила къ Шурѣ, отбирала свѣжіе листья клена, разматывала клубокъ нитокъ, помогала ему и, когда онъ вскидывалъ на нее свои красивые каріе глаза, вспыхивала яркимъ румянцемъ и, бросивъ работу, уходила.

Напрасно я ломала себѣ голову, что значить этотъ молчаливый обмѣнъ взоровъ, почему Шура такъ серьезень и Маруся притихла; напрасно я спрашивала объ этомъ Милочку. Она не могла отвѣтить на мой вопросъ, а я терялась въ догадкахъ.

Одинъ только разъ Милочка, хитро прищуривъ глазки, сказала: — Ужъ не наступаешь ли у нихъ кризисъ ихъ любовной эпопеи? Охъ, ужъ эти мнѣ мальчишки!

Она гордилась тѣмъ, что предмету ея вниманія, Парчинскому, шель 26-ой годъ, и всѣ его называли взрослымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ.

На другой день вечеромъ гостиница Анны Ивановны наполнилась публикой. Тутъ былъ и прїѣзжіе изъ города родственники, тутъ были и знакомые скоропреходящаго дачнаго знакомства. Толпилось много зеленой молодежи и юныхъ барышень, жаждавшихъ послѣ спектакля поплясать.

Стоялъ гомонъ, среди котораго слышались возгласы нетерпѣнія, и Сережа-шибзикъ, принявшій на себя обязанность распорядителя и по этому случаю украсившій себя бантикомъ изъ голубыхъ ленточекъ, уже нѣсколько разъ выбѣгалъ изъ-за кулисъ, становился передъ публикой въ галантную позу и успокаивалъ нетерпѣливыхъ зрителей, говоря:

— Сейчасъ, сейчасъ начнемъ!... Минуточку подождите.

Въ уборныхъ было столпотвореніе и, кажется, въ этомъ-то именно столпотвореніи и состояло наивысшее удовольствіе нашихъ артистовъ.

Маруся убѣждала Катю Ильину, что ей вовсе не пужно подмазывать себѣ брови, такъ какъ онѣ у Кати и безъ того слишкомъ густы. Катя же горячилась и доказывала, что одна бровь у нея немножко выше другой и для симметріи необходимо подмазать обѣ.

— Ну, и выйдешь на сцену вѣдьмой кievской!—сердилась Маруся.

— Пусть вѣдьмой, а все-таки такъ лучше,—чуть не плача, отвѣчала Катя и старательно принялась наводить себѣ брови жженой пробкой.

Милочка, уже причесанная и одѣтая, шепталась о чемъ-то съ Парчинскимъ въ уголкѣ полутемнаго коридора.

Маруся, хорошенькая, изящная, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, казалась мнѣ сказочной феей. Въ лицѣ ея было что-то чарующее, и въ то же время она вся была проникнута предстоящимъ великимъ дѣломъ творчества; взглядъ ея сѣрыхъ глазъ говорилъ: «Что теперь для меня все житейское!.. Я собираюсь творить».

— Маруся, волнуется?—спросила я ее.

Она какъ-то всколыхъ посмотрѣла на меня и не сразу отвѣтила:

— Душа кипитъ!

Мужской персоналъ спектакля былъ уже готовъ.

Упитанный Володя Бычинскій былъ загримированъ типичнымъ лѣннивымъ, заспаннымъ гимназистомъ, а Шура—неотразимъ въ статскомъ платьѣ и съ тросточкой въ рукѣ.

Онъ подошелъ ко мнѣ и, шутливо наклонивъ передо мной свою красивую голову, сказалъ:

— Оша, напутствуй!

Это была первая фраза за два мѣсяца нашей размолвки, съ которой онъ обратился ко мнѣ.

Я протянула ему руку.

— Съ Богомъ!—сказала я п... просіяла. Шура прижалъ мою руку къ своимъ губамъ.

Въ коридорѣ поймала меня Анна Ивановна.

— Оша, голубушка, помогите мнѣ около чайнаго стола... Фенѣ одной не справиться, — обратилась она ко мнѣ.

Я съ полной готовностью быть ей полезной пошла за ней на террасу.

Горячей волной нахлынуло мнѣ въ душу счастье, и улыбка, искренняя, жизнерадостная, освѣтила мнѣ лицо: всѣ окружавшіе меня люди, и знакомые, и незнакомые, показались мнѣ въ этотъ мигъ такими добрыми, хорошими, близкими, и каждому я готова была сказать теплое слово, сдѣлать что-нибудь пріятное.

— Что съ вами, Оша?—спросила меня Анна Ивановна, когда мы съ ней пришли на террасу:—у васъ такое лицо, точно вы Рубиконъ перешли.

Я ничего не отвѣтила ей; хотѣлось смѣяться, кричать отъ восторга.

Шьеса, съ участіемъ Маруси, прошла съ полнымъ успѣхомъ. Это было видно и по довольнымъ лицамъ зрителей, и по тому, какъ многіе разспрашивали о Марусѣ и сулили ей, въ смыслѣ сцены, великую будущность.

Кто-то сказалъ:

— Да это вторая Савина!

Въ антрактѣ Маруся, веселая, оживленная, прибѣжала на террасу и сконфуженно принимала поздравленія съ успѣхомъ и благодарностью публики. Я опять невольно залюбовалась ею.

Рядомъ съ Марусей, не отходя отъ нея ни на шагъ, стоялъ Шура и зорко слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ ея словомъ.

Я видѣла потомъ, какъ оба они спустились съ лѣстницы въ садъ, какъ первое время стояли подъ разноцвѣтными фонариками и о чемъ-то горячо разсуждали и какъ мало-по-малу, удаляясь изъ полосу свѣта, падавшей съ террасы, исчезали въ темнотѣ.

Я зорко всматривалась въ мракъ сада, и опять что-то тяжелое, печальное волновало меня.

— Оша, да что это съ вами, голубушка моя? Вы подаете мнѣ полотенце, когда я прошу васъ передать мнѣ сахарницу,—заставила меня очнуться Анна Ивановна и укоризненно покачала головой.—А еще взялись мнѣ помогать...

Нѣтъ, теперь я не могла уже больше помогать Аннѣ Ивановнѣ. Меня тянуло въ садъ... Мнѣ хотѣлось своими собственными глазами убѣдиться въ томъ, что радость моя была преждевременна, хотѣлось нанести рѣшительный ударъ и безъ того наболѣвшей моей ранѣ и потомъ бѣжать домой, запереться въ своей комнатѣ и выплакать свое безысходное горе.

Воспользовавшись тѣмъ, что Анна Ивановна сосредоточенно хозяйничала около чайнаго стола, я юркнула въ садъ и пошла по темной, не освѣщенной фонариками аллеѣ.

Въ саду было пусто: вторая пьеса только что началась, и вся публика находилась въ комнатахъ.

Я шла медленнымъ, затаеннымъ шагомъ, прислушиваясь къ каждому шороху, къ каждому звуку.

Нехорошо было у меня на душѣ: какъ будто я шла на какое-то преступленіе; но лучше горькое разочарованіе чѣмъ неизвѣстность, и я рѣшилась дѣйствовать напроломъ; я должна была узнать правду.

Аллея кончалась маленькой горкой; на горкѣ стояла скамеечка. Дальше слѣдовалъ высокій заборъ, отдѣлявшій палисадникъ отъ смежной дачи. У забора росли кусты жимолости... Около этихъ кустовъ я остановилась и стала зорко всматриваться вверхъ.

На свѣтломъ фонѣ неба ясно вырисовывались силуэты Шуры и Маруси, сидѣвшихъ на горкѣ.

Послышался вкрадчивый, тихій голосъ Шуры:

— Вы должны понять, Маруся, что ваше обѣщаніе сдѣлало меня счастливымъ. Сегодняшняго дня я ждалъ, какъ манны небесной... Какой-нибудь часъ тому назадъ я готовъ былъ расцѣловать всѣхъ и каждого отъ одного сознанія, что послѣ спектакля вы сдержите свое обѣщаніе...

— Шуреночекъ, а все-таки вы не отвѣтили на мой вопросъ. Вы говорите, что любите меня первой, самой пылкой, самой горячей любовью и никого никогда не любили...

— Увлекаться—увлекался, но не любилъ... Вы первая...

— А Оша?

— Я смотрѣлъ на Ошу, какъ братъ на любимую сестру... Стоило прійти вамъ, и померкла моя любовь къ Ошѣ... Сегодня, впрочемъ, я ее немножко пожалѣлъ и то потому, что самъ счастливъ и готовъ пожалѣть каждого... Вы должны исполнить ваше обѣщаніе, Маруся. Маруся-принцесса, вы должны поцѣловать меня, вашего раба!

Силуэтъ Шуры ясно обрисовался стоящимъ на колѣняхъ передъ Марусей.

— Безъ платочка?—послышался кокетливый вопросъ Маруси.

— Безъ платочка!—засмѣялся Шура и протянулъ къ ней руки.

Еще мигъ, и силуэты слились въ поцѣлуѣ...

Я зажмурила глаза и готова была вскрикнуть.

Меня остановилъ быстрый топотъ ногъ сбѣжавшей внизъ Маруси.

— Маруся, дорогая Маруся, куда же вы?.. Вѣдь мы любимъ другъ друга...—слышался полный волненія голосъ съ горки; Шура стоялъ, облокотясь на окружавшія горку низенькія перильца.

— Мы? Кто жъ это вамъ сказалъ?

— Вашъ поцѣлуй, Маруся...

— Только-то? Вотъ вздоръ какой! Я васъ поцѣловала, какъ сестра можетъ поцѣловать любимаго брата, и только... А любить... Нѣтъ, Шуреночекъ, не надо любить... Вѣдь кто любить, тотъ тоскуетъ, а я не хочу тосковать. Я хочу полной жизни, съ ея радостью, съ ея восторгамъ и мгновеннымъ, мимолетнымъ, но искристымъ счастьемъ.

— Я такъ и хочу любить васъ, Маруся... Милая, идите сюда!.. Маруся, моя бѣлая нимфочка... моя принцесса!

— Нѣтъ, Шуреночекъ... Вы милый, славный, но я васъ все-таки не люблю. Когда къ Марусѣ-принцессѣ придетъ принцъ, настоящій принцъ, который скажетъ ей великое слово любви, то Маруся-принцесса не пойдетъ за нимъ темной ночью въ глубь заглушенной аллеи; она не поцѣлуетъ его по первой его просьбѣ, а принцъ, ничего не спросивъ у Маруси-принцессы, самъ возьметъ ее на руки и понесетъ черезъ моря, доли и горы къ синему морю и тамъ скажетъ ей: смотри, Маруся-принцесса, передъ тобой просторъ; свобода и вся лучезарная жизнь; выбирай, что ты хочешь: эту ли ширь и просторъ жизни и міра, или мои горячія объятія, изъ которыхъ не вырваться тебѣ, Марусѣ-принцессѣ, ни во вѣки вѣковъ?.. Маруся-принцесса замретъ у принца на груди и скажетъ ему: «Милый ты мой Бова-королевичъ, не надо мнѣ ни свободы, ни просторнаго, житейскаго моря... возьми ты меня и задуши въ своихъ горячихъ объятіяхъ».

— Гдѣ же онъ, Маруся, вашъ Бова-королевичъ? — ревниво спросилъ Шура и сталъ спускаться съ горки.

— Не знаю, Шуреночекъ; быть можетъ, онъ еще и не родился на свѣтъ Божій. А вы, милый, не сердитесь на меня. Я вѣдь знаю, я хорошенькая; мнѣ многіе это говорили... Вотъ вы и влюбились въ меня немножко... Только это вѣдь пройдетъ, право, пройдетъ. Ужъ вы повѣрьте моей опытности!..

И Маруся весело, звонко засмѣялась.

— Ну, будьте пайнкой, не дуйтесь, не обижайте бѣдную Ошу; ей и безъ того тяжело; будьте съ ней, Шуреночекъ, правдивымъ и честнымъ человѣкомъ. А теперь приходите въ залъ, и первый вальсъ я танцую съ вами. До свиданья, милый!

И Маруся убѣжала, шелестя своей пышной юбочкой.

Я не двигалась съ мѣста и стояла торжествующая, злорадная въ двухъ шагахъ отъ Шуры; я слышала, какъ онъ громко вздохнулъ, видѣла, какъ онъ снялъ фуражку, провелъ рукой по волосамъ и медленно прошелъ мимо меня.

— Чортъ знаетъ, какъ все это глупо вышло!—проворчалъ онъ вполголоса.

Какимъ въ тотъ моментъ мизернымъ показался мнѣ этотъ юный ловеласикъ, какъ назвала его Анна Ивановна, и какой ничтожной—моя столько перестрадавшая любовь къ нему.

Я прошла въ столовую, превращенную въ танцевальный залъ.

Пѣвучіе звуки вальса ласкали слухъ такъ упоительно, такъ призывно.

Пары кружились въ плавномъ танцѣ; оживленный говоръ и смѣхъ молодежи царилъ въ комнатѣ, сливался въ одинъ звучный аккордъ и вырывался въ открытыя окна.

Маруся неслась въ парѣ съ какимъ-то военнымъ. Радостнымъ румянцемъ пылало ея хорошенькое личико, и искрились красивые, сѣрые глаза.

Шуры не было.

Я тщетно искала его по всеѣмъ комнатамъ; онъ исчезъ.

Милочка увидѣла меня, подошла и шепнула:

— Шура ушелъ; говоритъ, что у него заболѣла голова. Онъ присилъ меня передать тебѣ, что завтра, въ два часа, будетъ ждать тебя на кладбищѣ. Поздравляю съ побѣдой!

Въ комнатѣ становилось душно; я вышла въ садъ и оттуда долго смотрѣла въ открытыя окна на танцующихъ... Все такъ же мелькало пышное платье Маруси... Все такъ же слышался ея безпечный, себреистый смѣхъ.

Фонарики гасли...

На востокъ брезжила утренняя заря, и предразсвѣтная сырость мурашками проходила по моему тѣлу...

На душѣ было у меня грустно, сиротливо, но я не страдала больше: моя любовь, отдавъ дань веспѣ моей жизни, тихо отходила въ вѣчность.

Было десять минутъ третьяго, когда я подходила къ Лениной могилкѣ.

Шура уже сидѣлъ на скамеечкѣ. Онъ разсѣянно чертилъ тросточкой по песку и даже не замѣтилъ, какъ я подошла.

Я окликнула его.

Онъ вскочилъ и протянулъ мнѣ руку.

— Здравствуй, Оша! Спасибо, что пришла,—сказалъ онъ.— Мы съ тобой давно здѣсь не были.

— Да, давно, Шура,—два мѣсяца.

— Неужели два?—спросилъ онъ:—а я думалъ—меньше. Какъ быстро пролетѣло лѣто. Не правда ли? Скоро и въ городъ... Опять занятія... Ты что намѣрена дѣлать эту зиму? Будешь продолжать учиться, или нѣтъ?

— Не знаю; я еще не рѣшила. Быть можетъ, музыкой займусь...

— Да, да, Оша, не бросай музыки: ты такая талантливая.

Наступило молчаніе... неловкое, тяжелое...

Шура сорвала съ березки вѣточку и теребилъ ее нещадно...

— Ты на меня сердисься, Оша?—спросилъ онъ, слегка пожимая мнѣ руку.—Знаешь, все это время я какъ-то не отдавалъ себѣ отчета... Этотъ дурацкій спектакль... репетиціи... онѣ надоѣли мнѣ, какъ горькая рѣдька... Некогда было съ тобой и поговорить толкомъ. Ты меня, Оша, прости!.. Будемъ по-старому: мало ли чего не бываетъ? Вѣдь и ты немножко виновата передо мной, зачѣмъ ты скрыла отъ меня, что ходишь по урокамъ?... Развѣ это такой позорный трудъ?

Вѣточка страдала въ рукахъ Шуры неимоვნно...

— Наше чувство было не простое чувство взбалмошныхъ людей: оно зиждилось на продолжительномъ изученіи другъ друга... Ты же сама знаешь, что я не смотрѣлъ на тебя, какъ братъ на сестру: я смотрѣлъ на тебя, какъ будущій женихъ твой, и всегда надѣялся, что въ концѣ концовъ ты познакомишься хорошенько съ моей семьей, войдешь въ нее, какъ близкая, родная... А ты, не спрося моего совѣта, принялась за подготовку лоботрясовъ...

— А Маруся—она тоже лоботрясь?—спросилъ я его.

Вѣточка сломалась въ рукахъ жестокосерднаго Шуры.

— Гм...Маруся...она не отъ міра сего...Она слишкомъ идеальна... Такимъ, какъ она, наука не дается... имъ нужно какой-то поэтической жизни, въ эмпирияхъ... Такія натуры не понимаютъ запроевъ простыхъ смертныхъ: имъ нуженъ Бова-королевичъ...

И вѣточка погибла, брошенная Шурой съ крутизны берега въ лоно водъ Парголовскаго озера.

— Ну, да что тутъ толковать!.. Не объ этомъ пришелъ я сюда говорить съ тобой. Я хочу знать, та ли около меня Оша, что была два мѣсяца тому назадъ, или нѣтъ?

Ему не пришлось долго ждать моего отвѣта; онъ давно, со вчерашняго вечера былъ готовъ сорваться у меня съ языка.

— Шура,—сказала я:—вотъ ты любишь правдивыхъ и честныхъ людей; по крайней мѣрѣ ты говорилъ такъ и мнѣ и Марусѣ. Я тоже люблю такихъ людей, и потому, какъ мнѣ ни жаль нашего прошлаго, но я должна тебѣ сказать, что Оша не та уже, что прежде. За эти два мѣсяца я успѣла вырасти и сумѣла перестрадать мою любовь къ тебѣ; ты этого и не замѣтилъ. Въ это время ты увлекался Марусей и я понимаю тебя: узнать ее и не увлечься—нельзя. Зачѣмъ же теперь ты хочешь вернуть меня къ себѣ? Чтобъ возбудить ея ревность? Не удастся, Шура... Помнишь, она сказала тебѣ вчера: не обижайте Ошу, ей и безъ того тяжело. Помнишь?

Шура смотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами.

— Я хочу до конца быть честной и правдивой; я слышала весь вашъ вчерашній разговоръ. Теперь я не только сердцемъ люблю Марусю, но я и уважаю этого ребенка-философа. Она мало того, что

умна и одарена такой искрой Божіей, какой намъ съ тобой не имѣть никогда, но и правдивѣе и честнѣе насъ съ тобой. И ужъ если она, дѣйствительно, когда-нибудь найдетъ своего Бову-королевича, такъ и счастье отъ жизни возьметъ не такое ничтожное, о какомъ мы съ тобой мечтали когда-то... Прощай, Шура! Не зови меня больше сюда... Я не приду. Такъ будетъ и честнѣе, и правдивѣе, да и намъ обоимъ легче.

Шура продолжалъ смотрѣть на меня во всѣ глаза.

Не скрою, что въ эту минуту я дорого бы дала, чтобъ вернуть то счастливое время, когда я вѣрила въ Шуру и когда я своей юной, чистой лаской умѣла вызвать его улыбку и пѣжный поцѣлуй... но я вернуть этого прошлаго была уже не въ силахъ: я больше Шуру не любила.

Мы пожали другъ другу руки, какъ мало знакомые люди, и разстались.

Настала осень, и Маруся, какъ и слѣдовало ожидать, не выдержала переэкзаменовки. Оставаться въ томъ же классѣ ей не хотѣлось, и она вышла изъ гимназін. Съ тѣхъ поръ больше я съ Марусей не встрѣчалась.

Шура пересталъ бывать и у Милочки и у насъ.

Его нѣсколько разъ видѣли въ лѣсу; онъ фланировалъ съ ружьемъ и съ собакой. Но охотился ли онъ—это было подъ сомнѣніемъ; кажется, онъ къ охотѣ никогда особенной страсти не питалъ.

Милочка вышла замужъ, но не за Парчинскаго; ея практическій умъ предпочелъ человѣка много старше ея, вполне обеспеченнаго и съ блестящей карьерой въ будущемъ.

Прошли года. Прошли десятки лѣтъ.

Около года тому назадъ я узнала, что Маруся-принцесса недавно покинула этотъ далеко не сказочный міръ—міръ суеты и безконечныхъ страданій.

Невольно захотѣлось воскресить ее въ памяти и ради этого побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы познакомились съ ней, гдѣ такъ бурно и весело для нея и такъ печально для меня прошло лѣто 1880 года.

Въ одинъ изъ весеннихъ майскихъ дней я поѣхала въ Парголово... и не узнала его.

Гдѣ та прелесть простора? Куда дѣвалось раздолье окрестностей?

Все застроено; всюду стоятъ какія-то несуразныя деревянныя, безо всякой мало-мальски порядочной архитектуры, постройки; озеро, такое красивое прежде, теперь какъ-то сузилось, помутнѣло; воздухъ пропитанъ запахомъ грязи отъ скученности человѣческихъ жилищъ; рощица за озеромъ, о которой съ такимъ сожалѣніемъ го-

ворила Маруся, срублена, и на мѣстѣ ея построенъ неуклюжій деревянный баракъ, а на немъ большая вывѣска: «овощная и зеленная торговля».

Съ болью въ сердцѣ шла я по улицамъ Парголова.

Вотъ и дача Милочки. Она все та же, тотъ же фронтонъ надъ террасой, тѣ же высокія, закругленные сверху окна... Только осбла она, сторбилась и потускнѣла отъ старости... Крышу террасы подпирають новые, даже еще не выкрашенные столбы.

Пристань. О высокомъ, заросшемъ травой склонѣ берега нѣтъ и помина. Голый, песчаный спускъ къ озеру и внизу мокрые, деревянные мостки... Немного подальше неуклюжіе ящички-куналки...

Непривѣтливо смотрѣло теперь прежнее раздолье...

На колокольнѣ ударили ко всеобщей.

Я поднялась на гору съ намѣреніемъ пройти на кладбище и посѣтить могилку Лени Горѣлова, гдѣ было такъ много пережито мною, и гдѣ похоронила я свою первую любовь.

Я не узнала дорожки, по которой когда-то столько разъ я съ замираніемъ сердца подходила къ маленькой могилкѣ. Вмѣсто нея поднималась въ гору широкая аллея и сворачивала въ глубь кладбища, унизанная по обѣимъ сторонамъ, какъ богатымъ ожерельемъ, массой дорогихъ памятниковъ и каменныхъ плитъ.

Вотъ и обрывъ надъ озеромъ, съ котораго такъ стремительно скатилась изломанная вѣточка, брошенная Шурой.

Вотъ и березка съ нависшими вѣтвями. Она состарилась и покривилась. Въ стволѣ ея образовалось дупло; по березкѣ вверхъ и внизъ карабкались и ползали крупные муравьи.

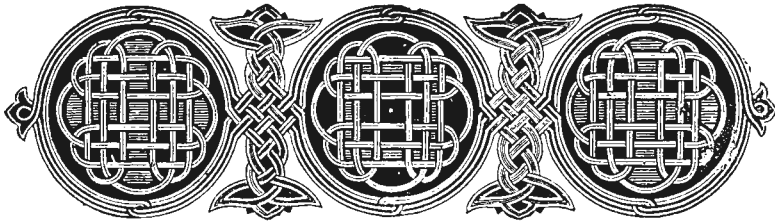
Гдѣ же Ленина могилка? Ея нѣтъ... Вмѣсто нея возвышается великолѣпный памятникъ съ чугунной рѣшеткой, съ высокимъ крестомъ, на которомъ написано: «Здѣсь покоится прахъ потомственного почетнаго гражданина Ильи Лукича Паромонова. Родился въ 1841 г., скончался въ 1902 г. Житія его было 51 г. и 2 мѣсяца».

Надъ озеромъ висѣлъ туманъ; парходикъ попрежнему посвистывалъ и шнырялъ отъ берега къ берегу.

Всепримиряющій голосъ колокола призывалъ всѣхъ къ молитвѣ, къ прощенію.

О. Третьская.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Семидесятники).

I.

ЕЛИГИОЗНОЕ ороженіе, переживаемое многими въ современномъ обществѣ, оживляетъ въ памяти моей образы людей, стоявшихъ, по своимъ возрѣніямъ, на рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, т. е. жившихъ и дѣйствовавшихъ во время перваго поворота къ религіи послѣ отрицательнаго направленія шестидесятниковъ.

Вотъ изъ мрака сорокалѣтняго прошлаго выступаетъ предо мной красивая головка молодой дѣвушки съ темными кудрями и такими прекрасными, лучистыми и въ то же время задумчивыми глазами. Это Вѣра Граціанова, чистокровная дворянка по происхожденію, даже, кажется, дочь генерала. Въ нашемъ кружкѣ ее звали Вѣра Грація. Въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ вырвалась она изъ роднаго провинціальнаго гнѣзда ради новой жизни, ради того свѣтлаго зарева, въ которомъ представлялись ей столица и люди новаго направленія. Въ поискахъ живого, непосредственнаго дѣла, она покинула зажиточную семью отца (матери она лишилась еще въ дѣтствѣ) и вступила въ скудную жизнь догоравшей московской коммуны.

Полная энергіи и силъ, вся проникнутая убѣжденіемъ, что дѣль оправдываетъ средства, она готова была принести всю себя въ жертву ради обновленія міра; но уже не встрѣчала горячаго сочувствія къ

«истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxii.

11

своимъ идеямъ въ окружающихъ и отовсюду уходила разочарованная.

Дѣло въ томъ, что пылъ и рвеніе шестидесятниковъ охладѣли, и ряды ихъ, послѣ каракозовскаго дѣла, значительно порѣдѣли. И на смѣну не являлось ни новыхъ людей, ни вновь выработанныхъ понятій. Откуда придеть спасеніе—никто не зналъ, но меньше всего ждали его изъ Назарета, т. е. отъ религіи.

Многіе изъ передовыхъ людей того времени занялись исключительно наукой и философійю. Въ кружкѣ, образовывавшемся изъ остатковъ кокоревской коммуны, читали Герберта Спенсера, Огюста Конта, выписывали позитивный журналъ Литтре-Вырубова, переводили «для себя» статьи по исторіи матеріализма Ланге, а также и первоначальныя статьи Карла Маркса и научно готовились къ пониманію тезисовъ этого новаго для того времени толкователя капиталистическихъ доктринъ.

Я помню, что профессоръ Чупровъ, тогда еще совсѣмъ молодой и только что женившійся, проживалъ въ Кокоревкѣ и посѣщалъ иногда нашъ кружокъ. И хотя онъ выказалъ себя яркимъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія и артелей, но въ общемъ не сходился съ представителями кружка. А его молоденькая жена, такая свѣжая и бодрая, съ длинной бѣлокурой косой, вовсе не подходила къ захудалымъ, поломаннымъ жизнью, по-мужски остриженнымъ и по-мужски же трактующимъ обо всемъ женщинамъ кружка, среди которыхъ лишь одна Вѣра Грація сіяла красотой и неизжитыми силами молодости.

Помню одного совсѣмъ юнаго студента, который первый заявилъ у насъ о необходимости изученія исторіи и даже геологіи для правильного пониманія экономическихъ вопросовъ. Онъ хотя и не смѣло, но вполне научно и талантливо излагалъ свои взгляды.

Это былъ Н. И. К.—въ, впоследствии популярный профессоръ и ученый, до старости сохранившій въ себѣ любовь къ наукѣ и высокую гуманность, унаслѣдованную имъ отъ шестидесятниковъ. Впрочемъ, въ нашемъ кружкѣ онъ только промелькнулъ блестящимъ метеоромъ и переселился въ Петербургъ.

Былъ у насъ еще одинъ ученый юноша, подававшій большія надежды. Константинъ Агринскій только что окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ и намѣревался поступить на историко-филологическій факультетъ, чтобы расширить кругъ своихъ познаній; но средство къ жизни у него не было—его съ трудомъ воспитала старушка-мать, бывшая актриса, на свою крошечную пенсію. Пришлось круглый годъ бѣгать по урокамъ. Онъ зарабатывалъ рублей 100 въ мѣсяцъ и цѣлкомъ отдавалъ ихъ на сбереженіе матери, въ виду продолженія своей научной карьеры. Мать и сынъ жили душа въ душу, и все у нихъ шло по-хорошему; только небогатое здоровье юноши подтачивалось излишне-трудою жизнью.

Агринскій и Вѣра Грація постоянно вели споры въ кружкѣ по вопросамъ философіи и нравственности. И кончили тѣмъ, что полюбили другъ друга, несмотря на всю разницу во взглядахъ.

— Мнѣ трудно окончательно уяснить себѣ, не представляютъ ли взгляды твои и твоихъ друзей:—все позволено ради цѣли, —прямой безнравственности? Я путаюсь въ этихъ вопросахъ, я выбить изъ колеи... И все-таки люблю тебя, со всей твоей безнравственностью, и буду любить до самой смерти!—говорилъ Агринскій.

— А я не могу понять, какъ можешь ты требовать какой-то архаической нравственности отъ насъ, отдавшихъ всю свою жизнь непосредственному дѣлу? Да и не говорилъ ли ты самъ, что мораль— вещь условная? Что нравственно у одного народа, считается безнравственнымъ у другого. Все это вещи давно извѣстныя, и смѣшно надъ ними задумываться, — возражала ему Вѣра Грація.

Въ любовномъ угарѣ, въ пылкихъ спорахъ и разговорахъ незамѣтно текло время. Но вотъ Вѣра почувствовала, что готовится быть матерью. Это обстоятельство страшно ее обезкуражило. Ей ли, общественной дѣятельницѣ, связывать себя ролью матери? Ей ли, готовой на мировую жертву, отдать свои силы на семейную жизнь?..

Да и кружокъ безъ нея непременно распадется: и такъ уже мало осталось настоящихъ людей!

— При новомъ строѣ общества дѣти будутъ собственностью государства,—разсуждала одна изъ пожилыхъ подругъ Вѣры.--- Отчего же не требовать, чтобы и теперь правительство содержало нашихъ дѣтей? Какъ оно будетъ содержать ихъ, это другой вопросъ. Мы хорошо знаемъ, что въ воспитательныхъ домахъ дѣти народа мрутъ, какъ мухи. И если наши «плоды любви» попадутъ въ ту же обстановку, то еще съ большимъ пыломъ будемъ мы стремиться къ намѣченной цѣли: къ пересозданію общества.

И Вѣра рѣшила, что отдастъ свое дитя въ воспитательный домъ. Инстинктъ материнства еще дремалъ въ ея молодой душѣ. А ея возлюбленный не протестовалъ: у него не было денегъ на содержаніе ребенка, къ тому же онъ начиналъ чувствовать какое-то смертельное утомленіе жизнью.

Въ довольно комфортабельной, педантично-чистой секретной комнатѣ воспитательнаго дома, стоившей въ тѣ времена 30 рублей въ мѣсяцъ съ полнымъ содержаніемъ (слѣдовательно, приходившейся вполнѣ по средствамъ нашей молодежи), Вѣра разрѣшилась дѣвочкой. Тутъ, послѣ мучительныхъ родовъ, волна материнскихъ чувствъ впервые охватила ее. Съ восторгомъ и любовью смотрѣла она на свое дитя. Но въ тотъ день (по обычаю заведенія—четвертый), когда пришли взять ея ребенка, она уже не въ силахъ была заявить о своемъ желаніи оставить его у себя: родильная горячка, этотъ неумолимый бичъ старыхъ родильныхъ домовъ, держала ее въ безмятствѣ.

Два знаменитых акушера того времени, отживающий Кохъ и полный юныхъ силъ Снегиревъ, съ интересомъ слѣдили за ходомъ болѣзни молодой, симпатичной женщины, красивой даже въ своей борьбѣ со смертью. Благодаря ихъ стараніямъ, Вѣра выздоровѣла. Но въ ея сердцѣ точно что-то оборвалось. Воспоминаніе о покинутомъ ребенкѣ не уходило отъ нея, не давало ей покоя. Даже съ Агринскимъ она встрѣчалась неохотно и не находила, о чемъ говорить съ нимъ. Между ними точно стѣна выросла.

Чтобы съ головой окунуться въ общественное дѣло, забыть въ немъ, Вѣра присоединилась къ друзьямъ изъ кружка, ѣхавшимъ агитировать въ народъ. Предварительно заѣхали за совѣтомъ къ Шелгунову, въ его ссылку. Выслушали горячія рѣчи этого борца за великія идеи, противника «малыхъ дѣлъ», но никакихъ непосредственныхъ указаній отъ него не получили. И затѣмъ имъ пришлось испытать нѣчто въ родѣ того, что испыталъ герой тургеневской «Нови» Неждановъ. (Кстати скажу, что нападки на упомянутый романъ въ 70-хъ годахъ были сильны и основывались главнымъ образомъ на томъ, что многимъ изъ молодежи пришлось выпить чашу Неждановскаго разочарованія. Правда колола глаза, и не всѣ желали ея разоблаченія).

Исполненная критическаго отношенія къ друзьямъ и ихъ взглядамъ, вернулась Вѣра въ Москву послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія. Ей захотѣлось видѣть Костю Агринскаго, поговорить съ нимъ о только что пережитомъ... Теперь она терпѣливо будетъ слушать его и рѣшить, можетъ быть, эти проклятые вопросы въ его духѣ!

Прямо съ поѣзда она отправилась къ нему на квартиру. Дверь открыла ей мать Кости, такая удрученная, постарѣвшая...

— Мнѣ надо видѣть вашего сына, — робко сказала Вѣра, уже охваченная недобримъ предчувствіемъ.

— Его нельзя больше видѣть... Вчера мы его похоронили. Онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Много работалъ и грустилъ по васъ, — какъ-то безучастно проговорила старушка, точно застывшая въ своемъ горѣ.

Глубока была печаль Вѣры. А эта старушка-мать, положившая всю жизнь на сына, служила какъ бы живымъ укоромъ ей, бросившей свое дитя!

Она отыскала клочокъ бумажки, когда-то сунутый ей въ карманъ сердобольной сидѣлкой: на немъ значился номеръ, подъ которымъ дѣвочку сдали въ воспитательное отдѣленіе. Она стала наводить справки и узнала, что дѣвочка отдана была на вскармленіе въ деревню и тамъ умерла.

Одиночество и признаніе непоправимости сдѣланныхъ ошибокъ — вотъ все, что осталось теперь на ея долю... Девизъ «всѣ люди — братья» отошелъ куда-то вдаль и любить было некого.

Ей все не вѣрилось, что ея дѣвочка умерла. Она поѣхала въ ту деревню, куда ее отдали. Разыскала крестьянку, кормившую ея дитя, разспросила обо всемъ... Мимоходомъ увидала всѣ ужасы, претерпѣваемые питомцами въ деревняхъ. Убѣдилась, что цѣлаго моря слезъ мало, чтобы омыть преступность людскую относительно этихъ безвинныхъ страдальцевъ, и, еще болѣе истерзанная нравственно, возвратилась въ Москву.

I. I

Въ такомъ-то настроеніи встрѣтила Вѣра Грація на своемъ жизненномъ пути человѣка, который говорилъ о религіи, о «внутреннемъ сознаніи нашей связи съ безконечнымъ». Это былъ проповѣдникъ маликовскаго ученія, Василій Ивановичъ Ал—въ, извѣстный въ кружкахъ семидесятниковъ подъ именемъ брата Василя или «Иваныча». Высокій, худощавый блондинъ съ неправильными чертами лица, съ такъ называемыми тараканьими усиками и жидкой бородкой, онъ не выглядѣлъ красивымъ; но въ лицѣ его было что-то такое, привлекавшее больше красоты—то же, что и въ Л. Н. Толстомъ, хотя сходства между ними никакого не было. Привлекала къ нему и мягкость его обращенія. Онъ никого не осуждалъ, не винилъ, не выказывалъ ни предъ кѣмъ своего превосходства; со всѣми говорилъ съ добротой и мягкостью сердечной. Видно было, что горячее состраданіе къ людямъ наполняло его душу.

Вмѣстѣ съ Маликовымъ и его послѣдователями братъ Василій ѣздилъ въ Америку, изучалъ тамъ жизнь всевозможныхъ сектъ, даже шекеровъ и мормоновъ. Армія спасенія Бутса, тогда только что возникшая въ Англии, была тоже знакома ему. «Въ какомъ бы положеніи ни находился человѣкъ, всегда достаточно идеала, даннаго Христомъ, чтобы получить указаніе, что должно и чего не должно совершать»—эти слова были однимъ изъ главныхъ основаній его проповѣди.

Изъ Америки онъ вернулся женатымъ на Лизѣ М., даровитой женщиной изъ русскаго простонародья, раньше слѣпо преданной Маликову. Съ нею вдвоемъ онъ отдѣлился отъ Маликова, «толкъ особенный отъ себя выдалъ», какъ говорятъ раскольники. «Не умалять себя ради общаго блага, но возвышать свою личность и всѣхъ до себя», убѣждалъ онъ отъ своихъ послѣдователей. «Каждая религія требуетъ жертвъ и налагаетъ отвѣтственность; но въ нашей новой, неформальной религіи дѣло идетъ не объ отщепеніи и сопротивленіи, а о совершенствованіи нашего духа, нашего внутреннего я».

Старательное изученіе евангелія, образъ Иисуса во всей его чистотѣ, непротивленіе злу, трудъ и отрицаніе ложной культуры,

недоступной большинству, покаяніе и исповѣдь—все это, что впоследствии наполнило религіозныя сочиненія Л. Н. Толстого, все выслушивали и жадно воспринимали отъ брата Василія его послѣдователи. Молодежь семидесятыхъ годовъ извѣрилась во все старое и жаждала новаго слова; и взглядъ о непротивленіи злу, являвшійся реакціей противъ крайностей, выдвинутыхъ воинственныиъ движеніемъ шестидесятниковъ, увлекалъ ее.

Для больной души Вѣры Граціи это ученіе явилось настоящимъ откровеніемъ и цѣлебнымъ бальзамомъ. Въ старыя дѣла, въ прежніе тезисы она извѣрилась; а тутъ ей предлагалось хотя и съ дѣтства знакомое евангельское слово, но звучавшее совѣмъ по иному. Ей, загрязненной практикой жизни и уже грѣшной до мозга костей, новый проповѣдникъ говорилъ:

— Всѣмъ намъ необходима честная и чистая вѣра—такая, какъ у простонародья. Эта вѣра пойдетъ впереди насъ, свѣтлая и торжествующая, соберетъ вокругъ себя разумныхъ и смѣлыхъ людей и выведетъ міръ на дорогу къ блаженству въ земной жизни.

— Но я не умѣю, не могу вѣрить, какъ простой народъ... А между тѣмъ всѣ мои ошибки, всѣ грѣхи моей юности терзаютъ мою совѣсть. Дайте мнѣ успокоеніе, дайте пониманіе вѣры, —возражала ему Вѣра Грація.

— Понять вѣру нельзя. Надо принять ее, какъ догматъ, и помнить, что вѣра—все.

— Тогда и обряды?..

— Да, нѣкоторые. Напримѣръ, покаяніе, такъ какъ въ немъ именно и заключается суть нашей религіи. Трудно каяться, трудно плакать слезами царя Давида, но какъ эти слезы очищаютъ совѣсть!

Новое ученіе наполнило всю жизнь Вѣры. Точно волна какая-то внезапно нахлынула на нее, подхватила и выбросила на берегъ. Что не все позволено и что за всякое уклоненіе отъ законовъ природы жестоко приходится платиться—этому жизнь уже научила ее. Но что покаяніе является спасеніемъ отъ бездны зла—объ этомъ она задумалась впервые.

Она уѣхала къ отцу и повела тихую провинціальную жизнь. Бывала въ церкви, соблюдала посты и думала про себя свою крѣпкую думу.

Вскорѣ ей сдѣлалъ вторичное предложеніе ея прежній женихъ, богатый и титулованный. Онъ зналъ и любилъ ее съ дѣтства и теперь снова увлекся все еще замѣчательной ея красотой. А она и раньше, живя въ кружкѣ, не прочь была выйти за него, чтобы его деньгами и вліяніемъ служить общему дѣлу. Теперь ея нравственный переворотъ не допускалъ такого лицемѣрія.

Наоборотъ, она взяла на себя тяжелый и неизбѣжный испускъ: покаяться во всемъ своему женуху. «Если послѣ всего, что я скажу ему, онъ возьметъ меня за себя, то, значить, я еще заслуживаю спо-

койной и счастливой жизни. А если нѣтъ—вся моя жизнь будетъ медленнымъ подвигомъ на пользу ближнимъ, хотя бы и въ области «малыхъ дѣлъ».

Выслушавъ признанія Вѣры, женихъ отказался отъ нея.

— Матерью моихъ дѣтей не можетъ быть женщина, бросившая своего ребенка,—съ горькой откровенностью сказалъ онъ ей.

Итакъ, покаяніе сразу открыло предъ ней новую дорогу, къ которой она и стремилась душевно: трудъ и служеніе страждущимъ.

Вѣра поступила на фельдшерскіе курсы и, по окончаніи ученья, уѣхала куда-то въ глушь земской фельдшерлицей.

«Отдай душу ближнему своему и въ этомъ обрѣтешь счастье», сказалъ ей на прощанье братъ Василій.

Что касается его самого, то онъ еще довольно долго и успѣшно проводилъ свои религіозныя возрѣнія въ кружкахъ семидесятниковъ. Его вліяніе осталось глубоко памятнымъ для многихъ моихъ друзей,

Затѣмъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Ч—кова онъ уѣхалъ въ Ясную Поляну къ Л. Н. Толстому и поселился у него въ качествѣ младшаго управляющаго или сельскаго учителя—не помню навѣрное. И писалъ намъ, что часто бесѣдуетъ съ великимъ писателемъ о вопросахъ религіи и духа; но что графиня недолюбливаетъ эти бесѣды, ей вообще не нравится горячее увлеченіе мужа религіозными вопросами. «А онъ такъ дивно воплощаетъ въ слова и образы истинное ученіе Христа!» сообщалъ намъ В. И.

Спустя нѣсколько лѣтъ, читая первыя произведенія Толстого религіознаго цикла, я нашла въ нихъ все то же, что въ проповѣдяхъ маликовцевъ и брата Василія. То же всецѣлостное обращеніе къ религіи, восстановленіе путемъ ея нравственности человѣка, та же постановка евангелія превыше всего, отрицаніе войны, суда надъ ближнимъ, непротивленіе злу насиліемъ.

Какъ чуткій художникъ, Л. Н. Толстой угадалъ ту жгучую боль, которая накопилась въ сердцахъ нашихъ интеллигентныхъ духоборовъ. Онъ не могъ пройти равнодушно мимо этихъ оригинальныхъ подвижниковъ. Онъ заинтересовался ихъ исканіемъ правды и воплотилъ въ художественное слово ихъ стремленія.

Но путь, по которому двинулись такъ называемые «толстовцы», не былъ имъ указанъ Толстымъ. Они избрали его самостоятельно. Земледѣльческая колонія въ Крыму, куда уѣхали многіе наши знакомцы (А. З. Зотовъ, О. Е. Суханова и др.), возникла раньше, чѣмъ Толстой принялся за религіозные вопросы. Не подражателями были эти люди, а смѣлыми піонерами, прилагавшими къ дѣлу свои излюбленныя идеи. Толстой постольку же создалъ «толстовцевъ», поскольку Тургеневъ—пигилистовъ. Типы послѣднихъ составляли наличный контингентъ въ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ

въ семидесятыхъ составляли его интеллигентные духоборы, позже именуемые толстовцами.

Правда, типъ Базарова вызвалъ немало подражателей въ свое время. Но вѣдь нельзя же поэтому называть нигилистовъ «тургеневцами». Явились подражатели и религіозному Толстому; но духоборы, существовавшіе въ обществѣ еще до появленія ученія Толстого, пошли, большею частью, своимъ путемъ...

Человѣкъ стараго поколѣнія въ сравненіи съ нашими духоборами, Толстой сходился съ ними лишь въ исканіи правды на почвѣ религіи. И, наблюдая этотъ новый для него типъ подвижниковъ, онъ создалъ свои полныя силы, но парадоксальныя и не рѣшающія вопросовъ жизни произведенія.

Дальше общее между ними кончается. Толстой остался великимъ писателемъ и художникомъ, поучающимъ общество силою своего пера. А «взыскующіе града» духоборы, эти преображенные нигилисты, нашедшіе исходъ своимъ стремленіямъ въ религіи, трудѣ и общеніи съ народомъ, стали не въ шутку пахать землю. Но, какъ въ шестидесятыхъ годахъ они потерпѣли фіаско въ приложеніи соціальныхъ теорій, такъ и теперь, въ качествѣ пионеровъ земельного труда, не могли создать ничего прочнаго, не имѣя полной подготовки и приспособленности къ жизни «на землѣ».

III.

Перейду къ дальнѣйшей жизни брата Василя.

Уѣхавъ отъ Л. Н. Толстого, онъ поселился въ Самарской губерніи, гдѣ богатый землевладѣлецъ Сибиряковъ далъ ему пятнадцать десятинъ земли и полное крестьянское обзаведеніе.

На этой земелькѣ онъ сталъ работать самостоятельно и нерѣдко писалъ намъ восторженныя письма о своемъ трудѣ, о намѣреніи завести школу, о своихъ дѣтяхъ-мужичонкахъ. Любовью къ семьѣ и дѣлу дышали его письма.

Затѣмъ переписка наша оборвалась на нѣсколько лѣтъ. Безвозвратно улетѣла бурная, полная увлеченій молодость. Наступилъ и для нашего поколѣнія зрѣлый возрастъ, съ его разочарованіями, съ суровой отвѣтственностью за свою и чужую жизнь. Въ обществѣ чувствовался застой и какое-то нравственное томленіе. Прежняго подъема духа какъ не бывало.

Иныя птицы, иныя пѣсни. Не слышалось бравурнаго пѣнія шестидесятниковъ «Впередъ безъ страха и сомнѣнія», но зато на устахъ многихъ были стихи (кажется, Тхоржевскаго):

Съ каждой минутой все гуще,
Гуще проклятая тьма...
Господи! Какъ не задохнусь,
Какъ не сойду я съ ума!

Страшно изранено сердце
 Ядомъ, ножами, огнемъ;
 До смерти больно— не слышь
 Мѣста живого на немъ!..
 Хоть бы заплакать немного,—
 Да не приходитъ слеза:
 Высохли, выжжены горемъ
 Бѣдные эти глаза!
 Ахъ, этотъ мракъ ядовитый,
 Какъ онъ могильно глубокоъ.
 Просто глаза проглядѣлъ я—
 Свѣтитъ ли гдѣ огонекъ?
 Нѣтъ ни мерцанія свѣта,
 Тьма, ядовитая тьма...
 Господи, какъ не задохнусь,
 Какъ не сойду я съ ума!..

И грустныя пѣсни штундистовъ о смерти и тщетѣ мірской все чаще раздавались подъ музыкальный аккомпаниментъ въ кружкахъ новой молодежи.

Среди этого безвременья снова проявился у насъ Василій Ивановичъ.

— Спрашиваетъ васъ на кухнѣ какой-то Василій,—сказалъ моему мужу дворникъ.—Не то онъ кучеръ, не то странный чело-вѣкъ. Въ поддевкѣ, а шапка какъ будто монашеская, и волосы длинные, а изъ сумки книжки торчатъ.

Это и былъ нашъ братъ Василій, исхудалый и постарѣвшій, но съ такими живыми и молодыми глазами... И все съ той же хорошей улыбкой, такъ привлекавшей къ нему людей...

За чаепитіемъ, до котораго Василій Ивановичъ всегда былъ большой охотникъ, начались у насъ душевные разговоры.

— Неужели, Вася, ты все по монастырямъ бродилъ? Гдѣ же твоя семья, дѣти?—спрашивали его друзья.

Василій Ивановичъ какъ-то истерично всхлипнулъ.

— У меня нѣтъ больше семьи... Ну, да я вижу, что нужно по порядку рассказать вамъ все.

И началъ свой рассказъ:

— Я писалъ вамъ, что хорошо живу въ Самарской губерніи на своемъ хозяйствѣ, обрабатывая самъ свое поле. Въ чемъ не справлялся—сосѣди помогали, я съ ними дѣлился чѣмъ могъ и обучалъ ихъ ребятъ грамотѣ. Моя жена неутомимо помогала мнѣ, кормила и выхаживала нашихъ дѣтей.

«Такъ прожили мы три года, счастливые тѣмъ, что питаемся трудами рукъ своихъ.

«На четвертый годъ я съ веспы заболѣлъ лихорадкой, и всѣ наши сбереженія ушли на то, чтобы принанять работника. Затѣмъ, въ самую осеннюю распутицу, дѣти заболѣли скарлатиной. У насъ

не было денегъ, чтобы послать за докторомъ, да и время стояло такое—ни на саняхъ, на ни колесахъ...

«Такъ и умерли два нашихъ мальчика безъ медицинской помощи, безъ надлежащаго ухода, какъ умираютъ тысячами крестьянскія дѣти.

«Когда заболѣлъ третій, къ намъ добралась Вѣра Грація (она фельдшерницей въ тѣхъ мѣстахъ) и выходила его отъ тяжелой болѣзни. Но мальчикъ сильно оглохъ, своихъ словъ не слышитъ, когда говорить.

«Вотъ тутъ-то и наступило у насъ полное разстройство. Лиза точно схоронила съ дѣтми свою любовь ко мнѣ и къ нашему дѣлу. Она горько упрекала меня:

«— Это ты уморилъ дѣтей, ты уложилъ ихъ въ могилу! Захотѣлъ мужикомъ быть, не умѣя работать... Обманъ и заблужденіе всѣ твои идеи! Бѣдныя дѣтки поплатились за все... Не забыть мнѣ ихъ мученической кончины!

«Моя преданная, любящая Лиза возненавидѣла меня. Въ опустѣвшей избѣ мы жили, какъ враги, не смѣя вслухъ вспоминать о дѣтяхъ... Нашего глухого мальчика Вѣра Грація взяла къ себѣ, надѣясь правильнымъ уходомъ вылечить его глухоту. Вскорѣ и жена уѣхала отъ меня къ своимъ роднымъ. Я остался совсѣмъ одинъ.

«Я сталъ раздумывать о нашихъ неудачахъ и убѣдился, что мы гораздо слабѣе того мужика, которому хотѣли служить. Мужикъ увѣренъ въ вознагражденіи за гробомъ и легче насъ переноситъ удары судьбы. «Отъ Бога положено—однимъ работать, другимъ пановать», покорно говоритъ онъ. Правда, отмѣна крѣпостничества дала сильный толчокъ къ развитію личной воли мужика; но унаслѣдованная вѣра въ предопредѣленіе все еще крѣпка въ немъ. Умираетъ у крестьянки ребенокъ. Она утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ попадетъ въ рай, причисленъ будетъ къ лику ангеловъ. А сектантки поютъ, хороня дѣтей:

«Не узнаетъ никогда свѣтлый житель рая,
«Какъ слезами облита наша жизнь людская!»

«Но у моей Лизы уже не было крестьянской вѣры. Чѣмъ могъ я ее утѣшить, что предоставить ей въ нашей суровой жизни?—Общественное дѣло, скажутъ мнѣ... Но не для всѣхъ оно замѣняетъ личную жизнь. Большинство женщинъ осуществляетъ медленный міровой прогрессъ, отдавая всецѣло дѣтямъ; это задача, во имя которой онѣ живутъ и борются...

«Волнуемый такими мыслями, я рѣшился пойти въ монастырь, чтобы приглядѣться къ вѣрѣ народа, которому раньше думалъ навязать свою вѣру. Въ монастыряхъ еще сохранились древніе устои христіанской общины; въ нихъ идетъ народъ, измученный страхомъ жизни, отчаяніемъ, и въ нихъ обрѣтаетъ примиреніе и силу жить.

«Лично для меня уставы монастыря остались чуждыми. Я занимался изъ нихъ только трудъ: лѣтомъ убиралъ ароматные монастырскіе луга, а зимой тачалъ сапоги на братію. Сапожному ремеслу я обучился еще давно, и оно мнѣ нравится. Посмотрите, это моя работа».

И онъ показалъ намъ надѣтые на немъ сапоги—прочной и довольно неуклюжей работы. Затѣмъ продолжалъ:

— Моимъ учителемъ и примирителемъ съ жизнью былъ простой народъ—этотъ вѣчный приливъ и отлив богомольцевъ, дававшій мнѣ богатый матеріалъ для наблюденія и возбудившій во мнѣ снова желаніе служить людямъ, угасшее было подъ тяжестью всякихъ сомнѣній.

«Пожалѣй меня, братъ мой!—говоритъ Сальваторъ въ одной изъ поэмъ Барбье.—Мое горе смертельно, ибо отечество перестало быть для меня прекраснымъ».

«А мое горе нецѣлилось, какъ только я убѣдился, что народъ нашъ хранить въ себѣ великія, неизсякаемыя силы... И я снова обрекъ себя на служеніе брату моему Лазарю, убогому и всесильному...»

«Я надѣлъ свою кожаную самодѣльную сумку, наполнилъ ее книжками и отправился колесить по Россіи. Мнѣ хотѣлось хотя сколько-нибудь приблизить народъ къ вратамъ знанія, помочь ему протиснуться къ наукѣ... Трудное это дѣло, но я выполнялъ его по мѣрѣ силъ.»

«А теперь... теперь я ѣду въ Венецію. Меня ждетъ тамъ моя невѣста. Барышня-аристократка, но съ дивнымъ, любящимъ сердцемъ. Пора и мнѣ взять отъ жизни свой кусочекъ счастья».

IV.

Василій Ивановичъ все-таки прожилъ у насъ нѣсколько недѣль, хотя и торопился въ Венецію. У него еще велись дѣла съ «арміей спасенія» Бутса и ему надо было дожидаться приѣзда въ Россію капитана арміи Райльтона, съ которымъ онъ и познакомилъ насъ.

Настроеніе у него было энергичное, дѣловитое, но онъ уже больше ничего не проповѣдывалъ.

Кровавымъ заревомъ пронеслась японская война. За нею—революція, съ побѣдными звуками марсельезы и скорбными воплями безчисленныхъ жертвъ.

За всѣ эти тревожные годы и наступившее за ними новое безвременье мы ничего не слышали о нашемъ «Иванычѣ».

— Передѣлала его по-своему жена-аристократка, пропала она для всякаго живого дѣла!—говорили у насъ.—Она и вышла-то за него только потому, что разочаровалась найти жещиха въ своей

средѣ—немолодая уже и безъ приданаго. А онъ полюбилъ ее всей душой и, конечно, хорошимъ вьючнымъ животнымъ для нея будетъ. Дадутъ ему мѣсто съ приличнымъ окладомъ, закрутятъ всякими свѣтскими мелочами, и будетъ онъ вмѣсто всякаго дѣла расписываться въ ежемѣсячномъ полученіи жалованья...

Недобрыя предсказанія эти какъ будто и подтвердились. Однажды мой мужъ, спускаясь по лѣстницѣ министерства, въ которомъ служилъ, неожиданно встрѣтилъ поднимающагося по этой же лѣстницѣ Василя Ивановича. Во фракѣ, въ жилетѣ съ бѣлымъ птастрономъ, онъ выглядѣлъ очень представительнымъ. Разговорились понемногу.

— А я иду къ министру, буду просить о субсидіи для училища, которымъ завѣдую,—объяснилъ Василій Ивановичъ.

— Ну, это напрасный трудъ! Нашъ принципальъ чрезвычайно скупъ на субсидіи...

— Нѣтъ, я увѣренъ въ успѣхѣхъ,—возразилъ онъ.—Моя жена приходится племянницей министру.

Со своей обычной прямою онъ не скрылъ и шанса, обусловливавшего его успѣхъ, какъ это сдѣлалъ бы любой изъ нашихъ современныхъ дипломатовъ.

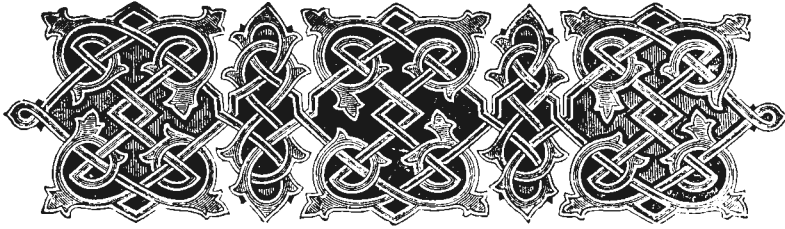
Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Насъ посѣтилъ какъ-то одинъ почтенный педагогъ — изъ старыхъ друзей, — инспектировавшій именно тотъ учебный отдѣлъ, въ которомъ состоялъ Василій Ивановичъ. Мы спросили, какъ у послѣдняго идетъ работа.

— Да что я е, дай Богъ всякому такъ работать на старости лѣтъ, какъ нашъ «Иванычъ». Ученики видятъ въ немъ отца родного, и даже самые испорченные у него исправляются... А семейная жизнь у него образцовая: жена поступилась ради него многими аристократическими привычками, онъ ей тоже уступилъ кое въ чемъ и сумѣлъ поднять ее до себя. И теперь они такъ хорошо, такъ умѣло воспитываютъ своихъ дѣтей. Я всегда отдыхаю душой, когда попадаю къ нимъ.

Намъ пришлось убѣдиться, что нашъ мечтатель и проповѣдникъ, нашъ вѣчный скиталецъ братъ Василій нашелъ успокоеніе и счастье въ области «малыхъ дѣлъ», въ обученіи и воспитаніи «малыхъ сихъ...».

Екатерина Поливанова.

ПЕРВЫЯ СКОРБНЫЯ СТРАНИЦЫ ЛѢТОПИСИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 Г. ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

(По архивнымъ матеріаламъ).

ОЛЬСКІЯ газеты извѣстили, что въ зарубежной и частью русской Польшѣ 8—9-го января было торжественно отпраздновано пятидесятилѣтіе начала польскаго возстанія 1863 года. Мы не знаемъ, какую побѣду отпраздновало польское общество (народъ польскій, конечно, какъ всегда, былъ не причастенъ этой политической бравадѣ), но мы глубоко увѣрены, что русскіе люди къ наступившей юбилейной годовщинѣ отнесутся не съ чувствомъ торжества по поводу побѣды, дѣйствительно одержанныхъ русскимъ оружіемъ, но съ чувствомъ глубокой скорби помянуть безсмысленно погибшія тысячи молодыхъ жизней, сердечно пожалѣють о пролившейся братской крови.

Въ настоящее время, когда совершившіяся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ событія отошли отъ насъ, по выраженію нашего писателя, на разстояніе историческаго выстрѣла, когда надъ польскимъ возстаніемъ произнесенъ судъ исторіи, когда его осуждаетъ наиболѣе благоразумная часть польскаго общества, мы о немъ можемъ говорить *sine ira et studio*.

Въ данномъ случаѣ мы, впрочемъ, не намѣрены разбирать польское возстаніе 1863 г., какъ фактъ историческій, не намѣрены писать его исторію, только кратко на основаніи не обнаруженныхъ архивныхъ матеріаловъ расскажемъ ходъ возстанія въ январѣ 1863 г. на югѣ Гродненской губерніи.

Польское возстаніе застало Западный край, можно сказать, врасплохъ: его не ждали такъ скоро даже большинство поляковъ. Оно было рѣшено въ декабрѣ, когда взяла верхъ партія красныхъ и когда былъ объявленъ рекрутскій наборъ, долженствовавшій произойти 14—15-го января. Опасенія потерять при наборѣ лучшія молодыя силы, на которыя рассчитывала раньше польская правящая партія, побудили ее объявить начало возстанія въ началѣ января 1863 года.

Не ожидала такъ скоро возстанія и русская администрація Западнаго края. И. А. Никитинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 98) рассказываетъ, какой гомерическій смѣхъ онъ вызвалъ у виленскаго генераль-губернатора В. И. Назимова, когда по секрету сообщилъ ему полученныя имъ отъ одной польки свѣдѣнія, что готовится вооруженный мятежъ въ краѣ; шутя администраторъ грозилъ ему за такія извѣстія посадить въ сумасшедшій домъ.

Авторъ «Записокъ», конечно, здѣсь немного преувеличиваетъ. Правда, по данному изъ-за границы сигналу конецъ 1861-го и весь почти 1862 годъ протекали сравнительно мирно, но прорывавшіяся по временамъ политическія демонстраціи, захваты контрабанды, пороха и оружія, находимыя въ большомъ количествѣ прокламаціи, листки и брошюры возмутительнаго содержанія, съѣзды помѣщиковъ и римско-католическаго духовенства,—все это говорило о близости грозы. Когда въ архивныхъ бумагахъ 1862 г. читаешь донесенія объ указанныхъ явленіяхъ и объ общемъ тревожномъ настроеніи населенія, то невольно вспоминаешь жителей у подошвы дѣйствующаго вулкана. Подземный гулъ, сотрясеніе почвы, черные клубы дыма надъ кратеромъ,—все, повидному, говоритъ за близость изверженія, но окрестное населеніе продолжаетъ свои работы, медлитъ искать спасенія, надѣясь, что гроза пронесется мимо, какъ неоднократно проносила и прежде... Только этою человѣческою склонностью надѣяться на лучший исходъ и привычкою видѣть постоянно нѣкоторое политическое броженіе среди поляковъ, а также русскими авось и небось можно объяснить, почему возстаніе застало русскихъ не приготовленными. Всю зиму по деревнямъ помѣщики усиленно и въ большомъ количествѣ шили теплую одежду, сапоги, коптили мясо, сушили сухари, лили пули, добывали чрезъ своихъ постоянныхъ комиссіонеровъ-евреевъ порохъ, оружіе, ружья и т. п. Обо всемъ этомъ доносилось начальству устно и письменно, и все-таки не было предпринято имъ мѣръ предупрежденія, даже не усилены гарнизоны въ пограничныхъ мѣстечкахъ, городахъ и крѣпостяхъ. Благодаря всему этому, повстанческіе отряды оказались хозяевами положенія, получили полную возможность сформироваться въ болѣе численныя отряды, которые овладѣваютъ желѣзною дорогой въ Петербургъ, захватываютъ разбросанныя по городамъ и мѣстечкамъ команды казаковъ, захватываютъ города

Суражъ, Дрогичинъ, вводятъ въ послѣднемъ ржондовое управленіе. Такимъ громкимъ первымъ успѣхамъ повстанцевъ впервые наносится тяжелое пораженіе при мѣстечкѣ Сѣмятичахъ 26-го января, когда почти пятитысячный отрядъ повстанцевъ былъ разсѣянъ русскими войсками (изъ города Гжеста) подъ предводительствомъ генерала Манюкина.

Вотъ объ этихъ-то первоначальныхъ дѣйствіяхъ повстанцевъ до 26-го января мы и намѣрены сообщить краткія свѣдѣнія по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи архивнымъ документамъ и этимъ сообщеніемъ пополнить существующій пробѣлъ въ мало разработанной у насъ исторіи польскаго возстанія 1863 г. относительно первоначальной организаціи возстанія и постепеннаго его хода.

Уже въ концѣ декабря начинаются беспорядки и грабежи на югѣ Гродненской и въ Ковенской губерніяхъ. Тысячкіе, земскіе исправники, присяжные засѣдатели спѣшатъ донести начальству, что «неизвѣстно откуда появившіеся люди» или прямо «неизвѣстные грабители», «злоумышленники» нападаютъ на богатые мызы и мельницы, грабятъ имущество, жгутъ, отбиваютъ рекрутовъ и, производя разныя безчинства, скрываются въ лѣсъ. Это непонятное на первыхъ порахъ для мѣстныхъ чиновниковъ революціонное движеніе шло изъ царства Польскаго и направлялось двумя путями: однѣ партіи шли черезъ Ковенскую губернію, имѣя, повидимому, намѣреніе или предписаніе произвести возмущеніе среди сельскаго люда, а затѣмъ сдѣлать неожиданное нападеніе на плохо защищенный Динабургъ. Другія партіи направлялись изъ царства Польскаго въ Бѣльскій, Дрогиченскій, Суражскій и Кобринскій уѣзды, имѣя своею задачей произвести возстаніе среди мѣстнаго населенія, напасть врасплохъ на воинскія команды уѣздныхъ городовъ, овладѣть ихъ оружіемъ и, сформировавшись въ большіе отряды, овладѣть Брестъ-Литовскомъ, гдѣ къ началу 1863 г. было всего 1,200 человекъ гарнизона. «Обладаніе этою или другою какою-нибудь изъ крѣпостей, --- говоритъ военный писатель Гескетъ ¹⁾,—приносило громадную пользу инсургентамъ. Не говоря уже о рекламѣ, которую захватъ русской крѣпости давалъ возстанію, о подъемѣ его духа и самоувѣренности, которые были бы основаны на фактѣ, инсургенты приобрѣтали опорный пунктъ, который имъ могъ бы принести немалую пользу».

Въ случаѣ же неудачи нападенія на Брестскую крѣпость предполагалось скрыться въ Бѣловѣжскую пущу и дѣйствовать оттуда, какъ въ 1831 году. Эти варьировавшіеся на разные лады стратегическіе планы повстанцевъ мы узнаемъ прежде всего изъ показаній двадцати девяти повстанцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ при мѣ-

¹⁾ Гескетъ. Всеобщія дѣйствія въ царствѣ Польскомъ въ 1863 г. Варшава. 1894 г. стр. 146.

стечкѣ Сѣмятичахъ ¹⁾. Эти плѣнные повстанцы небольшими партіями въ первыхъ числахъ января выступили изъ Варшавы, Ломжи, Сѣдлеца, Августова, Плоцка и другихъ городовъ и мѣстечекъ царства Польскаго, направляясь къ русской границѣ и придерживаясь полотна Варшавской желѣзной дороги. Служебный составъ послѣдней былъ почти исключительно польскій, даже вывѣски съ названіями станцій были на одномъ только польскомъ языкѣ. Желѣзнодорожные служащіе составили значительный контингентъ повстанцевъ, благодаря чему уже 9—10 января желѣзная дорога почти до Бѣлостока оказалась въ рукахъ повстанцевъ. По ней первоначально подвозились цѣлые поѣзда, наполненные вооруженными людьми, а вскорѣ, когда изъ Бреста и Вильны двинулись войска, тогда повстанцы начали портить телеграфъ, мосты, локомотивы и сбрасывать рельсы.

Показанія тѣхъ же повстанцевъ знакомятъ насъ съ первоначальнымъ формированіемъ мятежныхъ бандъ. Одна партія выступила изъ Варшавы въ ночь на третье января въ количествѣ 26 человекъ. Въ нее входили, главнымъ образомъ, шляхта, мастеровые, желѣзнодорожные рабочіе, помѣщики, и скоро пристало нѣсколько соблазненныхъ или принужденныхъ крестьянъ. Первымъ сборнымъ пунктомъ былъ Сероцкъ, гдѣ повстанцы принесли слѣдующую клятву на вѣрность народному комитету:

«Присягаемъ во имя Пресвятой Троицы и клянемся на ранахъ Христа, что нашей родинѣ Польшѣ служить будемъ вѣрно и исполнять во имя той же отчизны Польши всѣ приказанія, предписанныя намъ начальниками, распоряженій же незаконнаго московскаго правительства слушать не будемъ и, насколько возможности и силы нашихъ хватить, мы обязываемся помогать польскому войску и повстанцамъ, такъ намъ да поможетъ Богъ, въ Пресвятой Троицѣ единый, Матерь Божья и всѣ святые. Аминь».

Стоянка длилась два дня, въ которые собралось до 500 инсургентовъ, вооруженныхъ штуцерами, двухстволками, пистолетами, револьверами и холоднымъ оружіемъ, но большинство было вооружено пиками и косами. Владѣвшіе огнестрѣльнымъ оружіемъ составляли отрядъ стрѣлковъ и были одѣты во все черное, отрядъ косиньеровъ былъ одѣтъ въ мужицкія сѣрые серяги. Въ Сероцкъ были доставлены приказъ комитета, чтобы повстанцевъ раздѣлить на сотни и дать имъ направленіе.

Согласно приказу комитета наскоро сформированные повстанскіе отряды должны были произвести свои нападенія на пограничные воинскіе русскіе отряды въ ночь съ 10-го на 11-ое января. Первою кровавою жертвой этого нападенія былъ русскій отрядъ въ мѣстечкѣ Кодынь (въ двадцати верстахъ отъ Брестъ-Литовска).

¹⁾ Дѣла вкл. полевого аудиторіата 1863 г., № 3.

Тамъ квартировалъ летучій № 2-й паркъ, овладѣть орудіями котораго было очень соблазнительно. По донесенію коменданта Брестской крѣпости, 11-го января, въ первомъ часу ночи послышался набатъ костельнаго колокола, и по этому сигналу съ разныхъ сторонъ бросились въ мѣстечко вооруженныя толпы повстанцевъ, напали на квартиру командира парка, на цейхгаузъ и сборни. Въ казармѣ ударили тревогу, но солдаты въ темнотѣ при неожиданности нападенія не могли дать отпора, однако завязалась перестрѣлка, при которой убито девять солдатъ и ранено шестнадцать, изъ повстанцевъ убитъ одинъ; орудія солдаты все-таки не дали, хотя и вынуждены были отступить. Повстанцы разграбили цейхгаузъ, взяли денежный ящикъ, 60 рублей и направились въ сторону города Бялы.

Почти одновременно было произведено нападеніе на городъ Суражъ. Оно подготовлялось такимъ образомъ ¹⁾.

Въ ночь съ 9-го на 10-ое января, — пишетъ въ своемъ донесеніи воинскій начальникъ Бѣльскаго уѣзда, — на станцію Лаппы, близъ моста черезъ Наревъ прибылъ поѣздъ со множествомъ «вооруженныхъ варшавяковъ». Они въ сосѣднихъ деревняхъ забрали съ собою всѣхъ здоровыхъ молодыхъ крестьянъ и, угрожая пистолетами, заставили идти съ ними. Когда крестьяне отказывались идти, говоря, что у нихъ нѣтъ оружія, то повстанцы захватили всѣ деревенскія кузницы, приставили къ нимъ вооруженные караулы, и всю ночь и цѣлый день прибывшіе и мѣстные кузнецы ковали наконечники копій, отгибали концы косъ и, прибывая ихъ къ древкамъ, дѣлали родъ аллебардъ.

Въ ночь съ 10-го на 11-ое января всю эту вооруженную толпу повстанцы направили къ городу Суражу. По словамъ очевидцевъ, многіе изъ крестьянъ плакали, но шли, такъ какъ сзади слѣдовали «вооруженные варшавяки». Къ городу подошли къ одиннадцати съ половиной часамъ ночи. Тамъ квартировала седьмая рота второго батальона Либавскаго полка. Къ счастью, командиръ роты былъ предупрежденъ о готовящемся на него нападеніи, успѣлъ собрать шестьдесятъ человѣкъ и дать отпоръ залпами, но, не будучи въ состояніи отразить густыя толпы повстанцевъ, отступилъ въ деревню Росталцу, оставивъ на мѣстѣ трехъ убитыхъ рядовыхъ. Изъ нихъ двумъ повстанцы отрѣзали языки и заткнули ихъ за портупеи, а третьему отрѣзали... и положили ему въ карманъ; кромѣ того, у всѣхъ разбили черепа. Затѣмъ ими же былъ разграбленъ цейхгаузъ, унесенъ барабанъ, три ружья, двѣ винтовки и три тысячи патроновъ, много солдатскихъ мундировъ, шинелей, сукна, разграблена была квартира ротнаго командира, его денщикъ взятъ въ плѣнъ, но на третій день онъ бѣжалъ.

¹⁾ Дѣла вил. в. округа. 1863. I. л.л. 24—40.
«истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxii.

Другой повстанскій отрядъ 11-го января подъ командою иѣ-когого Заевского изъ Сероцка пошелъ подъ Пултускъ, гдѣ ночью переправился черезъ рѣку Наревъ по льду въ Розсохоту, откуда получилъ приказъ идти на станцію Чижовъ (Варшавской желѣзной дороги). Это было 13-го января, въ воскресенье. Находившійся въ шайкѣ желѣзнодорожный инженеръ разбилъ на станціи телеграфный аппаратъ, телеграфное сообщеніе было прервано. Изъ Чижова по желѣзной дорогѣ отрядъ былъ направленъ на станцію Малкинъ, гдѣ повстанцы снова были подѣлены на роты и взводы, начальникомъ отряда былъ утвержденъ Плонцынскій (начальникъ станціи желѣзной дороги). Другимъ начальникомъ былъ бывший офицеръ Левенгардъ (начальникъ штаба).

Затѣмъ отрядъ, съ остановкою на станціи Влоховъ, по той же желѣзной дорогѣ прибылъ на станцію Средницы, представляющую третій сборный пунктъ. Здѣсь уже отрядъ увеличился до двухъ тысячъ человекъ, и главное начальство принялъ промотавшійся помѣщикъ изъ Подляся Цихорскій (онъ же Замечекъ). Подъ его предводительствомъ отрядъ совершилъ первое кровавое дѣло.

Въ сорока пяти верстахъ отъ гор. Бѣльска была деревня Рудка (имѣніе княгини Потоцкой съ ея замкомъ). Стремясь вызвать изъ городовъ воинскія команды и разбить ихъ на мелкіе отряды, дѣятели польской sprawy (особенно мировые посредники) каждые незначительные протесты или беспорядки крестьянъ представляли начальству какъ крестьянскіе бунты противъ помѣщиковъ и требовали присылки войскъ. Довѣрчивое начальство охотно это дѣлало. По такому же поводу и въ дер. Рудкѣ былъ расквартированъ взводъ казаковъ (сорокъ два человека). О застрѣвшемъ въ деревнѣ небольшомъ отрядѣ въ Брестѣ вспомнили 16-го января и начальнику отряда хорунжему Колоскову былъ посланъ приказъ форсированнымъ маршемъ отойти къ гор. Бѣльску. Но Колосковъ, въ силу объявленнаго военнаго положенія, былъ подчиненъ бѣльскому воинскому начальнику, почему и отказался исполнить присланный приказъ. 18-го января ему былъ посланъ приказъ изъ Бѣльска, но было уже поздно. Въ тотъ же день, около девяти часовъ вечера, полный отрядъ Цихорскаго врасплохъ напалъ на казаковъ. Трое были убиты, четверо ранены; шесть казаковъ были въ банѣ и при начавшейся перестрѣлкѣ выскочили безъ оружія, ихъ всѣхъ забрали въ плѣнъ, остальные успѣли скрыться и дошли до Бѣльска. Хорунжій Колосковъ умеръ геройской смертью.

Ему предложили сдаться живымъ, но онъ отвергъ предложеніе. Разсѣявъ такимъ образомъ отрядъ, повстанцы принялись за грабежъ казацкаго имущества: ими были забраны лошади, вооруженіе, одежда, всего, по донесенію бѣльскаго воинскаго начальника, на сумму семь тысячъ восемьсотъ пять рублей ¹⁾.

¹⁾ Дѣла вил. военнаго округа 1863 г. Донесенія бѣльскаго воинскаго начальника,

Такія «блестящія» побѣды надъ застигнутыми врасплохъ русскими отрядами, а также кровавыя расправы надъ захваченными по дорогѣ нижними воинскими чинами и чиновниками распространили всюду панику среди населенія, авторитетъ повстанцевъ быстро возросъ и сдѣлалъ ихъ хозяевами положенія. Чиновники, особенно по акцизу и крестьянскому управленію, начали почти поголовно присоединяться къ шайкамъ, имѣнья и мызы быстро пустѣли, а владѣльцы ихъ «утекали до ясу», или исчезали подъ разными предлогами (большею частію лечиться за границу).

Насколько было сильно уже впечатлѣніе, произведенное повстанцами, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ сдача гор. Дрогичина повстанцамъ и введеніе въ немъ ржондоваго управленія.

Во времени описываемыхъ событій Дрогичинъ имѣлъ до девяностъ семидесяти жителей, изъ которыхъ двѣсти шестьдесятъ были православные (въ числѣ послѣднихъ къ духовному сословію принадлежало двадцать шесть душъ). Въ городѣ были двѣ православныя церкви и два костела съ четырьмя священно-церковно-служителями ¹⁾. Рѣкою Западнымъ Бугомъ гор. Дрогичинъ раздѣлялся на двѣ стороны: русскую (Сѣдлецкой губерніи) и ляцкую (Гродненской губерніи). Въ первой мятежныя банды хозяйничали еще до 15-го января 1863 г., но вскорѣ эта участь постигла и правую сторону Дрогичина. Окончательное занятіе Дрогичина послѣдовало 22-го января. Въ этотъ день въ семь часовъ утра въ городъ вступила довольно многочисленная польская банда, подъ начальствомъ самозваннаго полковника Рыльского и разбила бивуакъ на городской площади. Мятежники ударили въ колокола и приказывали всѣмъ мирнымъ жителямъ собираться въ костель, привели престарѣлаго ксендза Броневича, и одинъ изъ офицеровъ польской банды прочиталъ народу манифестъ народнаго ржонда, и по приказанію повстанцевъ ксендзъ принужденъ былъ обратиться къ собравшимся съ убѣжденіемъ доставлять повстанцамъ прислугу, помѣщенія и съѣстные припасы.

Всѣ присутственныя мѣста были запечатаны, городской городничій былъ устраненъ отъ должности и отнята у него сабля. Городъ Дрогичинъ былъ объявленъ занятымъ польскими войсками. При паникѣ, охватившей всѣхъ дрогичинскихъ жителей, того же 22-го января смѣненный мятежниками городничій пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ чиновниковъ, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и отставныхъ, также двухъ православныхъ священниковъ. Собраніе составило актъ, въ которомъ было постановлено въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ подчиниться ржондовому управленію, а городскимъ городничимъ просили быть архивариуса Залевского, о чемъ сообщили начальнику повстанцевъ Рыльскому;

¹⁾ Бобровскій. Матеріалы Гродненской губ. Прибавл., 68 стр., изд. 1863 г.

онъ постановленіе представителей добровольно сдавагося города изволилъ утвердить ¹⁾ и объявить, что въ городъ не замедлитъ прийти отъ ржонда особый чиновникъ.

Вотъ этотъ любопытный и довольно курьезный актъ дрогичинцевъ.

«1863 года января 22-го дня. По закрытіи польскими мятежниками дрогичинскихъ присутственныхъ мѣстъ, а равно по устраненіи дрогичинскаго городничаго отъ должности, жители города были приведены въ ужасный испугъ, а въ особенности жена городничаго, которая, увидѣвъ команду вооруженныхъ польскихъ мятежниковъ, упала безъ чувствъ на землю и находится въ опасномъ состояніи здоровья: При томъ шатающіеся по городу многіе изъ разныхъ мѣстъ царства Польскаго люди могутъ во время ночи допуститься неожиданнымъ злоупотребленіямъ, какъ-то: убійству, поджогу и грабежамъ. Посему городничій, майоръ Портиціій, принимая въ уваженіе, во-первыхъ, что шайка поляковъ, собравшихся въ значительномъ количествѣ въ мѣстечкѣ Сѣмятичи, отъ нѣсколькихъ уже дней распространила силу самостоятельной власти своей почти по цѣломъ бывшемъ Дрогичинскомъ уѣздѣ, не исключая и города Дрогичина, во-вторыхъ, что 20-го числа сего мѣсяца прибывшая польская команда въ городъ Дрогичинъ насильно забрала многихъ чиновниковъ и мѣстныхъ молодыхъ людей, не исключая и учениковъ, и, наконецъ, отняла у городничаго саблю, въ-третьихъ, что по неимѣнію въ Дрогичинѣ, ни даже по близости оного, никакой воинской команды, а мѣстные жители, составляющіе малое количество, не въ состояніи составить въ настоящемъ случаѣ сопротивленія,—необходимымъ признавъ для положительнаго разрѣшенія настоящаго обстоятельства въ столь смутномъ случаѣ пригласить къ общему совѣщанію ратмана полиціи, городского голову и бургомистра магистрата, а также благочиннаго протоіерея Барановскаго, настоятеля Святой Николаевской православной церкви священника Бурса и прочихъ безъ исключенія чиновниковъ, и по тщательному общему разсужденію столь важнаго обстоятельства, грозящаго всякому сопротивляющемуся безъ соответственной силы и защиты гибельнымъ послѣдствіемъ, признали: вводимому новому управленію, до особаго распоряженія высшаго начальства, нѣтъ возможности сопротивляться, и для блага и спокойствія города упросить архиваріуса дрогичинскихъ активныхъ книгъ, губернскаго секретаря Залевскаго, какъ добросовѣстнаго благонадежнаго и разсудительнаго человѣка (каковья качества въ подобныхъ смутахъ и неожиданныхъ случаяхъ есть важное условіе), дабы онъ принялъ на себя должность управителя города, впредь до дальнѣйшаго распоряженія начальства. Каковую копию акта выдать ему Залевскому, а между тѣмъ другую копию оного представить отъ имени городничаго г. начальнику губерніи съ донесеніемъ, что г. Залевскій возлагаемую на него обязанность принялъ не изъ собственнаго измѣненія правительству вѣрноодданничества, но единственно изъ принужденія непреодолимой силы, грозящей всѣмъ жителямъ города; наконецъ, дабы Залевскій для блага жителей Дрогичина обратился съ требованіемъ къ военному начальнику поляковъ въ мѣстечкѣ Сѣмятичи, прося о снабженіи письменнымъ видомъ его, Залевскаго, на управителя гор. Дрогичина. На подлинномъ подписались: 1) дрогичинскій

¹⁾ А. п. отд. к. вил. ген.-губ. 1863. № 26.

городничій майоръ Портицкій, 2) дрогичинскій градской голова Козловскій, 3) старшій бургомистръ магистрата Адамъ Соловинскій, 4) ратманъ дрогичинской полиціи Боруцкій 5) бургомистръ магистрата Антошъ Соловинскій, 6) благочинный протоіерей Петръ Барановскій, 7) священникъ дрогичинской православной церкви Василій Бурса, 8) губернский секретарь дворянскій депутатъ и нисъмоводитель дрогичинской градской полиціи Феликсъ Маевскій.

Занятіе Дрогичина повстанцами было послѣднимъ ихъ усилѣхомъ, послѣдней ихъ побѣдой: уже форсированнымъ маршемъ навстрѣчу мятежнымъ бандамъ шли русскія войска изъ Бреста подъ предводительствомъ генераль-лейтенанта Манюкина и графа Ностица. Прибывали воинскіе поѣзда изъ Вильны подъ предводительствомъ генерала Сторлера. 23-го января произошло первое серьезное дѣло при мѣстечкѣ Яновѣ, занятомъ свыше 600 пѣхотинцевъ-мятежниковъ и шестьюдесятью конными. Здѣсь четыре роты съ двумя орудіями и сорока казаками атаковали мѣстечко, при чемъ была пущена въ ходъ артиллерія, казаки атаковали и обратили въ бѣгство польскихъ всадниковъ, убивъ изъ нихъ двѣнадцать человекъ. Русскій отрядъ бѣглымъ шагомъ преслѣдовалъ разбитыхъ мятежниковъ до самаго мѣстечка Немирова. Разбитая банда съ цѣлью взволновать Брестъ-Литовскій и Бѣльскій уѣзды начала пробираться отъ Брестъ-Литовска, черезъ Кременецъ въ Бѣловѣжскую пущу. Легкость отступленія и дѣйствія повстанцевъ объяснялись тѣмъ, что, по донесенію графа Ностица отъ 24-го января, «въ Бѣльскомъ уѣздѣ почти нѣтъ войска и ни одного казака ¹⁾».

Болѣе рѣшительное дѣло, прекратившее открытыя наступательныя дѣйствія повстанцевъ и сократившее ихъ дерзость, произошло при мѣстечкѣ Сѣмятичахъ 26-го января.

Мѣстечко Сѣмятичи, расположенное въ сорока пяти верстахъ отъ Бѣльска, было довольно люднымъ селеніемъ, состоявшимъ изъ распущенной шляхты, евреевъ и крестьянъ. Въ немъ находился окруженный каменной стѣною замокъ помѣщика Финшау, который еще за два мѣсяца до описываемыхъ событій уѣхалъ за границу подъ предлогомъ леченія, но, по рассказамъ окрестныхъ жителей, замокъ давно уже обращенъ былъ въ депо для склада оружія, обмундированія повстанцевъ и продовольствія. Несомнѣнно, что мѣстечко, благодаря значительному количеству въ немъ шляхты и подъ вліяніемъ сосѣднихъ помѣщиковъ, давно уже и сильно было революціонизовано. Террористическія проявленія въ мѣстечкѣ Сѣмятичахъ противъ лицъ, не желавшихъ примыкать или сочувствовать повстанческому движенію, начались давно. Напримѣръ, съ ночь съ 17-го на 18-го мая 1862 года на воротахъ римско-католическаго костела и также на домахъ были наклеены расунки, изображающіе

¹⁾ Дѣла виленьскаго военнаго округа 1863. I, ч. л. 57.

сухое дерево съ привязанною на немъ веревкою, оканчивающеюся петлею, и бнуть; на этихъ рисункахъ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Na podlego Szepietowskiego z Lisowa» (на подлаго Шепетовскаго изъ Лисова) ¹⁾. Рисунки эти были составлены противъ

помѣщика Шепетовскаго, не примыкавшаго къ большинству окрестнаго революціонизованнаго дворянства.

Когда въ началѣ января центральный революціонный комитетъ обнародовалъ свой манифестъ съ призывомъ къ возстанію, м. Съмятичи сдѣлалось сборнымъ пунктомъ для повстанцевъ, а около

¹⁾ Арх. пол. отд. к. ц. г.-губ. 1861 г. № 74, ч. III, л. 68.

15-го января мѣстечко съ его замкомъ обратилось въ главную штабъ-квартиру. Сюда прибылъ изъ Цѣхановца Цихорскій (онъ же Замечекъ) со своимъ отрядомъ болѣе чѣмъ 2000 человекъ. Кромѣ Замечека, въ послѣдствіи плѣнные въ составѣ повстанческаго штаба называли бывшихъ офицеровъ русской службы Левенгарда, Домбровскаго и Коссаковскаго; кромѣ нихъ, офицерами считались: помѣщикъ Рыльскій, Сонгинъ (бывшій акцизный чиновникъ), къ нимъ передъ сраженіемъ, повидному, примкнулъ проявившій въ послѣдствіи замѣчательную военную находчивость и энергію окончившій военную школу въ Генуѣ молодой помѣщикъ Рогинскій. Всѣхъ повстанцевъ въ Сѣмятичахъ къ 25-го января, когда они рѣшили принять битву съ правительственными войсками, по показаніямъ плѣнныхъ, было до 5000 человекъ.

По тѣмъ же показаніямъ, инсургенты были организованы слѣдующимъ образомъ: на каждую тысячу человекъ имѣлось 208 стрѣлковъ, раздѣленныхъ на четыре плутонга, по пятьдесятъ два человека въ каждомъ. Плутонгомъ командовалъ офицеръ. Четыре плутонга составляли одну роту, подъ начальствомъ ротнаго командира. Стрѣлки были вооружены одноствольными, двуствольными ружьями и штуцерами. Остальные восемьсотъ человекъ изъ тысячи были косиньеры, вооруженные косами и пиками, также раздѣленные по ротамъ. Вся пѣхота была одѣта одинаково, въ сѣр्या, мужицкаго сукна чемарки, а поверхъ собственный тулупъ или кафтанъ. При всемъ стараніи придать такой пѣхотѣ видъ регулярнаго войска, не обученныя банды все-таки представляли тотъ сбродъ, который остроумно изображался на вышедшихъ въ послѣдствіи сатирическихъ народныхъ картинкахъ: «прошу пановъ до лясу» и «прошу пановъ з лясу». Кромѣ пѣхоты при Сѣмятичахъ, Цѣхановскимъ былъ организованъ отрядъ кавалеріи въ сто человекъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и пиками. Укрѣпленными мѣстами въ Сѣмятичахъ являлись замокъ и католическое кладбище, окруженное крѣпкою кирпичною стѣною съ толстыми дверями.

Генералъ Манюкинъ съ отрядомъ свыше тысячи человекъ всѣхъ родовъ оружія подошелъ къ мѣстечку Сѣмятичамъ къ вечеру 25-го января, послѣ сорокаверстнаго перехода по грязнымъ дорогамъ подъ дождемъ. Узнавъ, что сюда на соединеніе съ Цихорскимъ спѣшить изъ Венгрова мятежная банда въ тысячу человекъ ¹⁾, рѣшилъ тотчасъ атаковать мѣстечко и прежде всего занять кладбище. Послѣ обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ двѣ роты бѣгомъ двинулись на штурмъ кладбища, но были встрѣчены частымъ, бѣг-

¹⁾ Этотъ отрядъ подъ начальствомъ Рогинскаго, разбитый подъ Венгровомъ, какъ стало извѣстно въ послѣдствіи, дѣйствительно присоединился въ ночь на 26-го къ Цихорскому.

лымъ ружейнымъ огнемъ вдоль улицы. Первою жертвою его былъ подполковникъ Феллимоновъ, ѣхавшій верхомъ и ободрившій войска, никогда еще не бывавшій въ огнѣ. Выбѣгнѣ начальника изъ строя произвело сильное впечатлѣнїе, роты смѣшались. Тогда ихъ повелъ штабсъ-капитанъ Гейнцъ и довелъ до ограды кладбища, но сломать тяжелыя ворота не удалось. Въ это время поднялся сильный вѣтеръ съ такимъ же дождемъ, и быстро начала наступать тьма. Генераль Манюкинъ распорядился бывшій войска при кладбищѣ отвести назадъ къ батарее. Это движеніе было замѣчено инсургентами, и они съ пѣсней «*Coze coś Polske*» сами бросились въ атаку, стремясь прежде всего завладѣть орудіями. Поляки были встрѣчены батальоннымъ огнемъ и чрезвычайно удачнымъ дѣйствіемъ картечи изъ орудій, взятыхъ на отвозы. Не добѣжавъ шестидесяти шаговъ до орудій, повстанцы повернули назадъ, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ. Русскій отрядъ отступилъ на четыре версты къ деревнѣ Чертаево.

Произведенная на утро рекогносцировка обнаружила, что главныя силы инсурентовъ заняли кладбище и ближайшую мѣстность, ожидая атаки съ той же стороны, гдѣ она была произведена наканунѣ, но генераль Манюкинъ послѣ артиллерійскаго обстрѣла деревни и замка сдѣлалъ искусный обходъ въ противоположную, незащищенную сторону мѣстечка, и двѣ роты быстрою атакою заняли съ тыла замокъ и зажгли его. Когда повстанцы замѣтили перемѣну фронта и бросились толпой около двухъ тысячъ пятисотъ человекъ на защиту замка, то были уже встрѣчены сильнымъ огнемъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ и, не вынеся его, бросились вонъ изъ мѣстечка. Замокъ загорѣлся; оставшимся въ немъ инсургентамъ было предложено сдаться, но они отвѣчали выстрѣлами изъ оконъ и всѣ сгорѣли. За отступавшею къ лѣсу толпою косиньеровъ была послана погоня, а русскій отрядъ съ обѣихъ сторонъ вступилъ въ мѣстечко. Здѣсь изъ каждаго почти дома раздавались ружейныя выстрѣлы. Подоженные артиллерійскимъ огнемъ и солдатами соломенныя крыши домовъ скоро запылали, и, благодаря вѣтру, мѣстечко обратилось въ сплошное море огня, что помогло уничтоженію инсурентовъ. Изъ всего отряда Цихорскаго спаслось не болѣе двухъ тысячъ пятисотъ человекъ, остальные пали отъ русскаго оружія, погибли въ огнѣ, или, не думая о сопротивленіи, попрятались въ такія мѣста, гдѣ ихъ не могли найти. «Ожесточеніе,—писалъ генераль Манюкинъ въ своемъ рапортѣ,—съ обѣихъ сторонъ было крайнее. Изъ поляковъ сдано тридцать восемь человекъ, въ томъ числѣ двѣнадцать раненыхъ. Вообще же нужно отдать справедливость непріятелю,—говорилось въ томъ же рапортѣ:—сбитые съ толку обходомъ, они все-таки дрались храбро. Подъ Цихорскимъ убита лошадь; другіе говорятъ, что и самъ онъ раненъ. Левенгардъ, по словамъ плѣнныхъ, раненъ двумя пулями. Роза,

начальникъ косиньеровъ, также раненъ». Русскія войска нашли большой запасъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія.

Послѣ пораженія при мѣстечкѣ Сѣмятичахъ повстанскія банды разсѣялись и уже почти не оказывали открытаго сопротивленія русскимъ войскамъ, хотя съ каждымъ днемъ число повстанческихъ шаекъ увеличивалось; начиналась упорная, затяжная партизанская война. Положеніе было серьезное. О немъ такъ отзывался генераль Манюкинъ, донося В. И. Назимову о своей побѣдѣ при Сѣмятичахъ: «Я считаю умѣстнымъ сказать, что движеніе чрезвычайно серьезно, что поляки дерутся хорошо, что они уже сумѣли сорганизоваться. Необходимо поставить всѣ войска на полную военную ногу къ веснѣ, такъ, чтобы въ случаѣ нужды они могли бы тронуться въ продолжительный походъ. Ваше высокопревосходительство! Въ такую важную минуту, какъ эта, имѣйте смѣлость доложить его величеству, что положеніе дѣлъ серьезнѣе, чѣмъ, можетъ быть, извѣстно императору. Скажите ему слова его вѣрнаго слуги, что польское возстаніе не кончится скоро и что настоящее положеніе требуетъ сконцентрированія значительныхъ силъ на границѣ¹⁾».

А. Миловидовъ.

¹⁾ Дѣла штаба вил. в. округа. 1863. Ч. I. л. 80.

РЕКОГНОСЦИРОВКА У ЧУРЬЯКА.

(Изъ воспоминаній).

ВОЛКОВНИКЪ английской службы Валентинъ Бекеръ, находившійся въ 1877—78 гг. въ рядахъ турецкой арміи подъ именемъ Бекеръ-паши, издалъ въ 1879 году сочиненіе «Война въ Болгаріи» ¹⁾.

Прочитавъ эту книгу, я нашелъ много неточностей въ описаніи рекогносцировки, которую Бекеръ-паша произвелъ противъ насъ по направленію къ Чурьяку, 12 (24) декабря 1877 года и въ которой я принималъ участіе въ качествѣ командовавшаго вторымъ взводомъ второго эскадрона лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка.

То, что мнѣ извѣстно объ этой рекогносцировкѣ, я записалъ 14-го и 17-го іюня 1879 года. Настоящая записка составлена на основаніи этихъ воспоминаній.

Болгарское селеніе Чурьякъ расположено на южномъ склонѣ главнаго Балканскаго хребта, въ двѣнадцати верстахъ отъ софійскаго шоссе, въ одномъ изъ ущелій, ведущихъ въ Софійскую долину.

Наши войска заняли Чурьякъ развѣздами вскорѣ послѣ взятія Орханіе, и въ началѣ декабря назрѣвало предположеніе направить на это селеніе главныя силы арміи генерала Гурко, при переходѣ черезъ Балканы.

Вечеромъ 11-го декабря въ Чурьякѣ находились: два съ небольшимъ взвода одного изъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, два лейбъ-гвардіи Уланскаго его высочества великаго князя

¹⁾ War in Bulgaria: a narrative of personal experiences. By Lieut.-General Valentine Baker Pasha, imperial ottoman army. London. 1879. Томъ II, стр. 75—86.

Николая Николаевича полка, второй и четвертый взводы второго эскадрона лейб-гвардіи гусарскаго его величества полка и около двадцати человѣкъ пѣшихъ болгарь-добровольцевъ, вооруженныхъ турецкими ружьями; всего около ста двадцати человѣкъ.

Эскадронъ астраханцевъ, подъ командой капитана Моравскаго, содержалъ летучую почту черезъ переваль и наблюдалъ за неприятелемъ въ сторону долины. Въ помощь этому эскадрону черезъ день переваливали изъ Орханіе въ Чурьякъ по два взвода лейб-гусарь и лейб-улань, смѣнявшіе другъ друга. Лейб-уланскіе взводы должны были выступить обратно 12-го утромъ, а лейб-гусарскіе подъ командой корнета Н. А. Панчулидзева только что прибыли имъ на смѣну. Хотя я былъ унтеръ-офицеромъ-охотникомъ на правахъ вольноопредѣляющагося 1-го разряда въ третьемъ взводѣ второго эскадрона, но мнѣ было разрѣшено отправиться за офицера съ этимъ разѣздомъ.

Поздно вечеромъ прибылъ въ Чурьякъ генеральнаго штаба полковникъ К. Н. Ставровскій, начальникъ штаба третьей гвардейской пѣхотной дивизіи. Онъ пріѣхалъ прямо отъ генерала Гурко и привезъ приказаніе произвести на слѣдующій день нѣсколько рекогносцировокъ для окончательнаго обследованія путей изъ Чурьяка въ Софійскую долину.

Развернувъ передъ офицерами, собравшимися въ хатѣ капитана Моравскаго, планъ, на которомъ была изображена часть Балканскаго хребта, чрезъ которую предстояло перейти нашимъ войскамъ, полковникъ Ставровскій, которымъ этотъ планъ былъ начерченъ, разъяснилъ намъ цѣль и направленіе предстоящихъ рекогносцировокъ и быстро распредѣлилъ между присутствовавшими роли на завтра.

Взводъ драгунъ при офицерѣ долженъ былъ пойти влѣво отъ Чурьяка (на юго-востокъ) и искать въ этомъ направленіи удобнаго спуска въ долину.

Самъ полковникъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его геодезистомъ Замочниковымъ ¹⁾ и двумя проводниками-болгарами долженъ былъ подняться въ гору, возвышавшуюся передъ самымъ Чурьякомъ, и дойти къ разсвѣту до пункта, откуда могъ бы быть обозрѣваемъ укрѣпленный турецкій лагерь позади Арабъ-Конака.

Другому взводу драгунъ надлежало двинуться внизъ по Чурьякскому ущелью на селеніе Потопъ, лежащее въ четырехъ верстахъ отъ Чурьяка, и далѣе на селеніе Елешницу, которое расположено уже на краю Софійской долины, съ цѣлью развѣдать тутъ путь, если можно, до самаго шоссе.

¹⁾ Этотъ замѣчательно храбрый, предприимчивый и симпатичный человѣкъ скончался нѣсколько лѣтъ спустя въ Россіи.

Наконецъ, взводу лейбъ-гусарь было приказано открыть дорогу въ долину, поднявшись влѣво отъ Потопа и оставивъ половину взвода на развѣтвленіи дорогъ, для охраненія сообщеній близъ этой деревни.

Въ случаѣ наступленія турокъ на Чурьякъ рѣшено было ихъ задержать до послѣдней возможности при входѣ въ Чурьякское ущелье. Для этого у находящейся тамъ разрушенной мельницы была устроена засада изъ спѣшенныхъ драгунъ и упомянутыхъ выше болгаръ и назначенъ взводъ лейбъ-гусарь. Въ деревнѣ же были задержаны до окончанія рекогносцировки оба взвода лейбъ-уланъ.

Если встрѣтится непріятель, приказано было въ бой не вступать, а стараться развѣдать его расположеніе, намѣренія и силы.

О непріятелѣ было извѣстно, что онъ наблюдаетъ за нами посредствомъ черкесскихъ развѣздовъ, которые, однако, за послѣдніе два дня болѣе не показывались, вѣроятно, вслѣдствіе неудачи, которую они потерпѣли 8-го декабря около упомянутой мельницы.

Драгуны устроили тамъ засаду, причемъ одинъ вольноопредѣляющійся отличился, убивъ черкеса въ рукопашной схваткѣ. Полковникъ Ставровскій привезъ этому вольноопредѣляющемуся знакъ отличія военнаго ордена, присланный генераломъ Гурко. Въ тотъ же день вечеромъ болгары, разсѣянные по горамъ, принесли извѣстіе, будто Потопъ заняли четыреста человекъ турецкой пѣхоты. Зная, какъ легко распространяются въ подобныхъ случаяхъ преувеличенные слухи, мы мало этому вѣрили.

Проведя ночь въ полуразрушенной болгарской хатѣ, на соломѣ, 12-го декабря, вскорѣ послѣ разсвѣта мы и люди уже были готовы. Мы выпили по кружкѣ чая, — стакановъ давно уже не было, — и около девяти часовъ тронулись, согласно вчерашнимъ распоряженіямъ. День былъ пасмурный, но тумана не было и вершины горъ были ясно видны. Морозило. Земля была покрыта довольно толстымъ слоемъ снѣга, и ручей, который протекалъ черезъ Чурьякъ къ Потопу и вдоль котораго велъ нашъ путь, былъ подернутъ льдомъ, несмотря на то, что это было уже «за Балканами».

Полковникъ съ Замочниковымъ ушелъ на гору еще до разсвѣта. Драгунскій взводъ, назначенный на лѣвый флангъ, тоже уже выступилъ. У выхода изъ деревни корпетъ Панчулидзевъ, поручившій мнѣ командованіе вторымъ взводомъ, остановился съ четвертымъ взводомъ, а взводъ драгунъ и мой взводъ двинулись далѣе подъ командой драгунскаго поручика, справа по три.

Вскорѣ развѣздъ поровнялся съ знакомой драгунамъ мельницей. Впереди нея стояла цѣль драгунскихъ постовъ. Далѣе тянулось пустынное ущелье.

Лейбъ-гусарскій взводъ шелъ въ головѣ, выславъ впереди трехъ человекъ для развѣдки мѣстности.

Повернувъ вправо, слѣдуя изгибу ущелья, мы увидѣли передъ собой вершину, которою оно заканчивается и у подножія которой, за угломъ горы, расположено селеніе Потошь. Все было спокойно.

Однако едва передній разъѣздъ выѣхалъ на пригорокъ, съ котораго открывается видъ на долину, какъ донесли, что на крак ея, а также на горѣ, закрывавшей отъ насъ Потошь, показались люш.

Драгунскій поручикъ рѣшилъ развѣдать, что это за люди. Съ этой цѣлью я взялъ съ собою одного унтеръ-офицера и одного рядового изъ вызвавшихся лейбъ-гусаръ и двинулся впередъ. Для того, чтобы скрыть отъ непріятели незначительность нашихъ силъ, остальные лейбъ-гусары и драгунскій взводъ были тотчасъ отведены за бугорокъ, скрывшій ихъ отъ взоровъ турокъ.

Я послалъ одного гусара нѣсколько правѣе въ гору, а второго—низомъ, съ приказаніемъ высматривать непріятели и подвигаться впередъ, пока онъ не откроетъ огня. Затѣмъ вернуться и донести о видѣнномъ.

Сначала мы шли, какъ кажется, незамѣченными, и, направляясь вдоль ущелья, я успѣлъ выѣхать на крутой подъемъ на изгибѣ тропинки. Передо мной тогда открылась слѣдующая картина.

Прямо впереди, изъ-за угла горы, о которой уже было упомянуто, видѣлись крайніе дома деревни Потошь. Кучками въ нѣсколько человѣкъ, съ трудомъ ступая по глубокому снѣгу, изъ деревни двигалась намъ навстрѣчу регулярная турецкая пѣхота. Слышны были голоса, и прозвучалъ сигнальный рожокъ. Часть уже вытянулась за деревню впередъ. Всего можно было насчитать человѣкъ полтораста. На половинѣ горы, которую огибала пѣхота, видѣлась тропинка, спускавшаяся въ долину нѣсколько позади того мѣста, до котораго дошелъ нашъ разъѣздъ. По этой тропинкѣ наступали густой лентой всадники и пѣшіе, постепенно выходившіе изъ-за поворота, со стороны деревни. На самой вершинѣ этой угловой горы видѣлась группа пѣшихъ людей, стоявшихъ на мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ раздался сигналъ, на тропинкѣ, занятой всадниками, вспыхнулъ бѣлый дымокъ, и первая пуля педдалекѣ ударила въ снѣгъ.

Бекеръ-паша рассказываетъ, что онъ неоднократно выражалъ Мехмету-Али и Шакиру-пашѣ опасеніе, что русскіе разработаютъ тропу, ведущую на Чурьякъ и Потошь, и перейдутъ черезъ Балканы въ этомъ мѣстѣ. Черкесы, которымъ было поручено охраненіе подножія этихъ горъ со стороны Сѣфійской долины, уже давно донесли, что отрядъ русской кавалеріи занялъ Чурьякъ. Бекеръ-паша просилъ дать ему три батальона, чтобы очистить весь переваль отъ русскихъ.

Турецкіе главнокомандующіе не рѣшились, однако, отдѣлить для этой операціи пѣхотную часть. Тогда Бекеръ-паша послалъ

въ Потопъ и Елешницу четыре эскадрона недавно прибывшей арабской регулярной кавалеріи.

Въ турецкую главную квартиру продолжали поступать извѣстія о движеніи русскихъ по направленію къ Чурьяку, и когда черкесы донесли, что во время развѣдки близъ Чурьяка они столкнулись не только съ кавалеріей, но и съ пѣхотой ¹⁾, Шакирь-паша разрѣшилъ полковнику Бекеру послать въ Потопъ одинъ батальонъ Муштафиза и произвести лично рекогносцировку Чурьяка.

12-го (24-го) декабря Бекеръ-паша выступилъ изъ главной квартиры съ однимъ эскадрономъ чрезъ Ташкисенъ въ Елешницу и, по прибытіи тѣда, получилъ донесеніе, что русскіе утромъ предприняли рекогносцировку изъ Чурьяка. Приказавъ части кавалеріи двинуться на высоты, находящіяся вправо (на сѣверо-востокѣ) отъ Потопа, Бекеръ-паша рѣшилъ продвинуться лично вплоть до Чурьяка, чтобы заставить русскихъ развернуть тѣ силы, которыя тамъ находятся.

Было приказано двумъ ротамъ пѣхоты занять высоту, командующую дорогой изъ Потопа въ Чурьякъ справа ²⁾, а кавалеріи, подъ командой англійскаго полковника Алликса, спуститься къ Чурьяку по горной тропѣ въ томъ же направленіи и, открывъ огонь, заставить русскихъ развернуться.

Такимъ образомъ, утромъ 12-го декабря Бекеръ-паша располагалъ пятью эскадронами регулярной кавалеріи и батальономъ пѣхоты. Если признать, что въ послѣднемъ, какъ утверждаетъ полковникъ Бекеръ, только сто двадцать человѣкъ были годны къ службѣ, то численность всего турецкаго отряда нельзя принять менѣе, какъ въ шестьсотъ слишкомъ человѣкъ, т. е. разъ въ пять сильнѣе нашего.

Когда Бекеръ-паша поднялся на гору, онъ, по его словамъ, увидѣлъ отсюда селеніе Чурьякъ, дорогу къ перевалу на Орханіе, извѣстную намъ мельницу и около нея, какъ онъ выражается, «казачій постъ», причемъ нѣсколько «отреноженныхъ» коней указывали на близость болѣе значительнаго пикета. Это былъ, вѣроятно, четвертый взводъ лейбъ-гусаръ, поставленный у мельницы. Бекеръ-паша называетъ лейбъ-гусаръ и лейбъ-уланъ казаками, должно быть, потому, что у нихъ передняя шеренга имѣла пики.

«Со мной былъ, — продолжаетъ полковникъ, — отличный бинокль; я могъ прекрасно слѣдить за каждымъ движеніемъ русскихъ. Нѣсколько русскихъ солдатъ разгуливали передъ деревней, но пока не было указаній на сколь-нибудь значительныя силы». Въ это

¹⁾ Это, безъ сомнѣнія, та стычка съ астраханскими драгунами, о которой было упомянуто выше.

²⁾ На картѣ, приложенной къ сочиненію полковника Бекера, эта высота обозначена буквой А. Это та самая гора, которой заканчивается съ юга Чурьякское ущелье и о которой было сказано выше.

время кавалерія подъ начальствомъ полковника Алликса, продвинувшись на дальній ружейный выстрѣлъ отъ мельницы, открыла огонь.

До сихъ поръ разсказъ Бекеръ-паши вполне совпадаетъ съ нашимъ. Но далѣе онъ начинаетъ уклоняться отъ дѣйствительности.

Огонь, который открыли всадники по нашему разѣзду, былъ довольно сильный, но вреда намъ не сдѣлалъ.

Пули, просвиставъ, вбивались въ снѣгъ съ особенно шуршащимъ звукомъ.

Когда мы выѣхали изъ сферы огня, я сообщилъ о видѣнномъ драгунскому поручику, который выдвинулся къ намъ навстрѣчу. Онъ мнѣ сказалъ, что полковникъ Ставровскій находится на той самой горѣ, на которую выѣхали турки, и только что начинаетъ спускаться, слѣдовательно, необходимо отвлечь непріятеля, пока полковникъ не спустится. Попросивъ у драгунскаго офицера бинокль, — вольноопредѣляющимся не было позволено имѣть своихъ биноклей, — я снова поѣхалъ впередъ, а обоихъ гусаръ послалъ по прежнему направленію, съ тѣми же приказаніями. Унтеръ-офицеръ и я были вооружены револьверами, и только у рядового былъ карабинъ. Такимъ образомъ, намъ нельзя было отвѣчать на непріятельскій огонь, и мы за весь этотъ день не сдѣлали ни одного выстрѣла. Поэтому Бекеръ-паша ошибается, говоря, что «завязалась перестрѣлка» и что потеря турокъ заключалась въ одной лошади. Не мы ее убили. Когда мы снова вошли въ сферу огня, я увидѣлъ, что наступленіе все еще продолжается, хотя нѣсколько медленнѣе.

На вершинѣ прибавилось людей и видно было, какъ три всадника стали спускаться съ тропинки въ долину.

Огонь былъ частый. Отѣхавъ снова вѣтъ выстрѣловъ, я встрѣтился съ драгунскимъ офицеромъ и корнетомъ Панчулидзевымъ, который придвинулъ свой взводъ на выстрѣлы.

Полковникъ еще не кончилъ спускаться. Надо было еще позadržать непріятеля. Мнѣ дали двухъ драгунъ, и мы въ пятеромъ снова двинулись впередъ. На этотъ разъ непріятель какъ бы пріостановился, но продолжалъ стрѣлять.

На вершинѣ замѣтно движеніе: и кучка человѣкъ въ десять направилась по тому гребню горы, гдѣ только что былъ полковникъ. Гребень этотъ тянется отъ селенія Потошь до Чурьяка и имѣетъ три вершины. Турки переходили съ крайней на среднюю, полковникъ же спускался по ближайшей къ Чурьяку. Тѣхъ всадниковъ, которые спускались въ долину, уже не было видно.

Огонь продолжался. Мы стали отступать шагомъ. Драгуны и гусары старались каждый остаться послѣднимъ. Ихъ нельзя было торошить. Это было излишнее соревнованіе, но оно могло произвести полезное впечатлѣніе на турокъ.

Наконецъ драгунскій поручикъ привезъ извѣстіе, что полковникъ Ставровскій благополучно спустился въ долину и прислалъ приказаніе выставить цѣпь изъ второго взвода лейбъ-гусаръ, наблюдая за непріятелемъ до сумерокъ. Въ случаѣ наступленія—медленно отходить на селеніе Чурьякъ, въ которомъ остальная часть нашихъ силъ была собрана для его обороны.

Наступленія не послѣдовало. Не успѣлъ я разставить посты,— всего пять постовъ по два человѣка,—какъ стало видно, что на вершинѣ занятой турками горы они начали копать ложементъ, который быстро углублялся. Замѣтно было, какъ люди, стоя въ вырываемой имѣ, постепенно уходили въ землю.

Выѣзжая впередъ за цѣпь, легко было убѣдиться, что наступленіе было приостановлено.

Рядовой второго взвода Дѣевъ проѣхалъ по долинѣ вплоть до подошвы угловой горы и видѣлъ, что непріятель вернулся въ селеніе Потопъ.

До вечера наша цѣпь простояла спокойно. Когда смерклось, я ее снялъ и вернулся въ Чурьякъ.

У мельницы былъ поставленъ на ночь попрежнему драгунскій шкетъ.

Полковникъ Бекеръ пишетъ, что онъ видѣлъ, какъ сначала пѣскольکو казаковъ, сѣвъ на коней близъ мельницы, двинулись впередъ для поддержки своего разъѣзда, находившагося на дорогѣ.

Это, повидимому, былъ нашъ четвертый взводъ, выдвинутый на выстрѣлы корнетомъ Панчулидзевымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ «человѣкъ двѣнадцать пѣхоты выстроились около мельницы». Полковникъ, вѣроятно, принялъ за пѣхоту спѣшенныхъ драгунъ.

Затѣмъ будто бы «цѣлый эскадронъ казаковъ» появился на улицѣ Чурьяка и двинулся рысью къ мельницѣ. Если рѣчь идетъ о лейбузанахъ, оставленныхъ въ селеніи, то ихъ было два взвода, а не эскадронъ.

Бекеръ-паша утверждаетъ далѣе, что «двѣ роты русской пѣхоты» выстроились передъ Чурьякомъ черезъ четверть часа послѣ пачала «перестрѣлки» и одна изъ ротъ была двинута на подкрѣпленіе товарищамъ у мельницы.

Трудно объяснить, какъ полковнику могло показаться что-либо подобное.

«Я могъ видѣть въ бинокль,—продолжаетъ Бекеръ-паша:— что въ селеніи оставались еще войска, и кавалерія, и пѣхота».

Ничего подобнаго паша видѣть не могъ. Зато, когда онъ упоминаетъ, что онъ вскорѣ затѣмъ видѣлъ эскадронъ казаковъ, спускавшійся по горной тропѣ, ведущей изъ Даудъ-Кіей, или Галикисена, онъ ошибается, припимая за эскадронъ тотъ взводъ астраханскихъ драгунъ, который возвращался съ рекогносцировки, предпринятой на юго-востокъ отъ Чурьяка.

Все имъ видѣнное привело Бекеръ-пашу къ убѣжденію, что Чурьякъ занять «батальономъ пѣхоты и полкомъ казачьей кавалеріи». Такъ какъ батальонъ мустафиза, расположенный въ Потогѣ, былъ очень слабъ, то полковникъ Бекеръ приказалъ командиру батальона вырыть нѣсколько траншей на высотѣ, занятой турками во время рекогносцировки. «Русскіе, — пишетъ полковникъ, — сохранили свою позицію у мельницы и дальше не двинулись». Приказавъ арабской кавалеріи высылать ежедневно разъѣзды къ Чурьяку и доносить, если бы прибыли въ Чурьякъ подкрѣпленія, Бекеръ-паша вернулся 12-го декабря вечеромъ въ главную квартиру Шакира-паши.

Когда мы съ наступленіемъ темноты возвратились въ Чурьякъ, насъ поздравляли съ удачно кончившимся днемъ, а г. Замочниковъ душевно похвалилъ нашу «джигитовку», которую онъ съ полковникомъ видѣлъ, какъ на ладони, съ вершины горы.

На слѣдующій день утромъ драгунскій поручикъ и я снова поѣхали по направленію къ Потопу.

Мы удостовѣрились въ томъ, что непріятель болѣе не наступаетъ и что онъ окопался не только на вершинѣ угловой горы, гдѣ въ ложементѣ выселись два шалаша, но и на возвышенности на лѣвомъ флангѣ Потопа. Уланъ сейчасъ же отпустили, а часа въ два тронулись и мы домой, въ лагерь.

Встрѣтившись недавно съ К. Н. Ставровскимъ, я узналъ отъ него, что всѣ наши рекогносцировки этого дня были задуманы имъ съ цѣлью лишь замаскировать ту, которую онъ самъ тогда сдѣлалъ для выясненія капитальнаго вопроса: есть ли въ тылу Чурьяка турецкій лагерь?

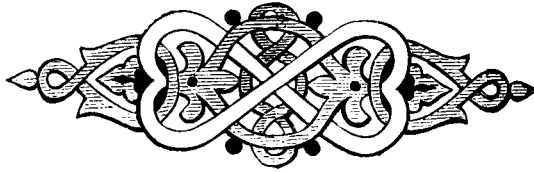
Полковнику удалось убѣдиться, что лагерь нѣтъ, скрывъ свое намѣреніе отъ непріятели и ксати остановивъ наступленіе отряда Бекеръ-паши на Чурьякъ. Велѣдъ за этой рекогносцировкой переходъ черезъ Балканы на Чурьякъ былъ рѣшенъ и исполненъ. Когда 16-го декабря туда спустился Преображенскій полкъ, онъ безъ труда прогналъ турокъ, окопавшихся у Потопа, а 17-го привелось и мнѣ въ родномъ третьемъ взводѣ пройти черезъ Чурьякъ, Потопъ и Елешницу.

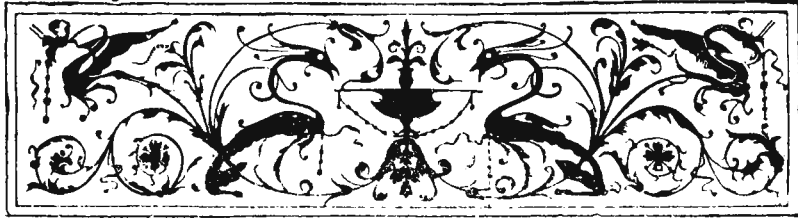
Девятнадцать лѣтъ спустя, когда я былъ дипломатическимъ агентомъ въ освобожденной Болгаріи, а Бекеръ-паша давно почилъ въ Суданѣ, я съѣздили изъ Софіи въ Чурьякъ, слѣдуя черезъ Потопъ тѣмъ путемъ, по которому шелъ 12-го декабря 1877 года англо-турецкій рекогносцировочный отрядъ.

Характеръ мѣстности не измѣнился. Только взамѣнъ горной тропы проложена отъ софійскаго шоссе вплоть до Чурьяка хорошая колесная дорога, изъ чурьякскаго ручья проведены ороситель-

ныя канавы, а холмы по ущелью, въ томъ числѣ и тотъ, съ котораго я смотрѣлъ на наступленіе турецкой пѣхоты, засѣяны хлѣбомъ. Слѣдовъ турецкихъ ложементовъ не осталось, какъ не осталось въ нынѣшнемъ цвѣтущемъ Чурьякѣ, гдѣ выстроена съ тѣхъ поръ хорошенькая церковь, ни полуразрушенныхъ хатъ, ни другихъ признаковъ разоренья, нужды, горя и войны. Тогда день былъ зимній, холодный, пасмурный, въ пустынномъ ущельѣ раздавались выстрѣлы и нависъ пороховой дымъ, и жители спокойно готовились къ жатвѣ въ тиши обезпеченной безопасности и мира.

Н. Чарыковъ.

ПРИЕМЪ СМОЛЕНСКИМЪ ДВОРЯНСТВОМЪ НАСЛѢДНИКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

РОСМАТРИВАЯ архивъ смоленскаго депутатскаго собранія, я нашель книгу, озаглавленную: «Приходъ деньгамъ, поступившимъ для устройства бала во время проѣзда его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича». Ни года, ни мѣсяцевъ въ этой книгѣ не обозначено, и, только судя по фамиліямъ уѣздныхъ предводителей дворянства, можно предположить, что она относится къ 1837 или 1838 году. На самомъ дѣлѣ эти два года не вяжутся между собою: книга подписана губернскимъ предводителемъ Александромъ Николаевичемъ Аничковымъ, срокъ избранія котораго истекалъ въ 1837 году, а въ числѣ уѣздныхъ предводителей упоминаются тѣ, которые занимали эти должности въ 1838 г.

Другихъ же свѣдѣній о времени проѣзда императора Александра II, бывшаго въ то время наслѣдникомъ, въ дѣлахъ архива не имѣется. Книга эта представляетъ собою исключительно приходъ и расходъ денегъ, но при внимательномъ изученіи ея можно возстановить внѣшнюю картину пріема высокаго гостя, которая представляетъ еще большій интересъ въ настоящее время, когда у всѣхъ исполнѣ свѣжи впечатлѣнія о посѣщеніи Смоленска въ прошломъ году его Императорскимъ Величествомъ.

На устройство бала и пріема наслѣдника цесаревича поступило всего 11,219 рублей 61 копейка, изъ нихъ 3,553 рубля 61 копейка изъ запасныхъ дворянскихъ суммъ, оставшихся отъ ремонта дома

дворянства, 2,554 рубля 90 копеекъ отъ уѣздовъ, и остальные лично отъ дворянъ. Какъ производилась уѣздная раскладка—неизвѣстно, но въ ней почему-то участвовали не все уѣзды, и деньги поступили только отъ слѣдующихъ: Юхновскаго—500 руб., Духовщинскаго—314 рублей, Ельнинскаго—600 рублей, Дорогобужскаго—265 рублей, Краснинскаго—191 рубль 20 копеекъ, Рославльскаго—304 рубля 70 копеекъ и Смоленскаго—380 рублей. Трудно себѣ представить, чтобы остальные уѣзды не принимали въ этомъ участія, но, судя по тому, что въ числѣ плательщиковъ-дворянъ упоминаются фамиліи бывшихъ въ то время уѣздными предводителями, можно предположить, что они вносили за свои уѣзды, и только въ книгѣ сдѣлана неправильная запись. Но во всякомъ случаѣ отъ Вяземскаго и Порѣчскаго уѣздовъ никакихъ взносов не поступало. Частные взносы колебались отъ 1,000 рублей (оберъ-провіантмейстерши Настасьи Михайловны Оленкиной) до 9 рублей 50 копеекъ, поступившихъ отъ подпоручика Дмитрія Ѳедоровича Брецинскаго, и всѣхъ поступлений такихъ было отъ двадцати одного лица, при чемъ изъ числа фамилій въ настоящее время въ Смоленской губерніи нѣтъ представителей отъ Аничковыхъ, Палицыныхъ, Оленкиныхъ, Сорочинскихъ, Гольцовыхъ, Пестель и Левтуль.

Устройствомъ бала завѣдывалъ губернской предводитель Аничковъ, помощникомъ ему былъ Павелъ Александровичъ Шупинскій, распорядившійся организационной частью и производившій все закупки и расчеты съ поставщиками.

Для помѣщенія наследника былъ приготовленъ домъ Гернгросса на Большой Вознесенской улицѣ (въ настоящее время онъ принадлежитъ епархіальному училищу), на что имѣются прямые указанія въ расходахъ: такъ, песокъ и деревья возились и къ дому дворянства и къ дому Гернгросса, а равно и около него устраивалась иллюминація, а также для большей представительности на дворянскій счетъ выкрашенъ сосѣдній заборъ. Судя по цѣнамъ того времени, заборъ былъ порядочной величины, такъ какъ за работу заплачено 30 руб. Домъ Гернгросса былъ лучший въ Смоленскѣ, въ полномъ порядкѣ, снабженный всею необходимыми, такъ что на надлежащія приспособленія пришлось израсходовать всего 402 рубля 80 копеекъ.

Какъ самый пріемъ, такъ и балъ происходили въ домѣ дворянства. Паркетныхъ половъ въ немъ еще не было, да и обстановка не блистала красою, такъ какъ вся мебель заказывалась наново только въ 1839 году, и какая имѣлась въ то время—неизвѣстно, хотя возможно, что при этихъ обстоятельствахъ много предоставили сами дворяне. Съ этой стороны вопросъ не представлялъ большихъ затрудненій, но какимъ образомъ и гдѣ готовился ужинъ, сервированный послѣ бала, является весьма трудно объяснимымъ, такъ какъ и въ то время при домѣ дворянства, какъ и теперь, не было подходящей кухни. Относительно декоративной части требованія

были очень просты: для иллюминаціи дома Гернгросса и дома дворянства заказано 4,750 плошекъ стоимостью 612 рублей 80 коп., а наливка ихъ саломъ обошлась въ 750 рублей. Для разжиганія пришлось купить на 15 руб. скипидару. Возлѣ дома дворянства стоялъ большой деревянный щитъ, должно быть колоссальныхъ размѣровъ, потому что лѣсного матеріала пошло на 126 руб. 50 коп. (тесъ тогда стоилъ 10 копеекъ штука, балка 32 коп.). За устройство этого щита уплачено архитектору Фиксену 768 рублей 98 копеекъ, купцу Рѣдковскому за помощь 57 рублей и губернскому архитектору Стыриковичу, устраивавшему иллюминацію на Блоньѣ, 391 руб. 50 коп. Трудно объяснить, почему это обошлось такъ дорого, ибо она была очень простая—только шкалики, и на устройство ея пошло всего 200 штукъ теса, то есть такое количество, изъ котораго никакого грандіознаго сооруженія не сдѣлаешь, особенно если принять во вниманіе, что плотникамъ, кузнецамъ и слесарямъ уплачено изъ дворянскихъ суммъ за работу 43 рубля 70 коп. Въ обстановкѣ дома дворянства кое-чего не хватало. Пришлось купить десять аршинъ бархатнаго ковра по 14 рублей за аршинъ и 98 аршинъ дорожки по 1 руб. 60 коп., а также взять напрокатъ фарфоръ, люстры и жирандоли, за что уплачено купцамъ Шведову и Котову 198 руб. 45 коп., и, кромѣ того, у перваго пріобрѣтено за 125 рублей зеркало въ 24 вершка длиною. Но, конечно, взятый напрокатъ фарфоръ былъ не особенно важнаго качества, и, навѣрно, лучшія вещи получались инымъ путемъ, такъ какъ врядъ ли смоленскіе торговцы держали дорогія вещи, пригодныя для такого выходящаго изъ ряда случая, тогда какъ у сосѣднихъ богатыхъ помѣщиковъ имѣлась хорошая обстановка и доставить ее при даровомъ трудѣ не представляло большихъ затрудненій. Мебель въ общемъ была въ порядкѣ, и только для обивки одного дивана куплено шесть аршинъ малиноваго штофа за 45 руб. 60 коп. Для бала были выписаны музыканты помѣщика Краевского и пѣвчіе отъ Шупинскаго изъ его имѣнія, доставка которыхъ обошлась 26 руб. 40 коп. Пѣвчимъ заплатили 76 рублей, не считая десяти фунтовъ конфетъ по три рубля; дирижеру музыки и пѣвчимъ, учителю музыки Карлу Гемпелю дано сто рублей. Неизвѣстно, всемъ ли лакеямъ, служившимъ на балу, полагалась одежда отъ дворянства, но во всякомъ случаѣ десяти изъ нихъ сшиты очень хорошія и нарядныя ливреи свѣтло-синяго сукна при короткихъ голубыхъ бархатныхъ панталонахъ и бархатныхъ жилетахъ, съ батистовыми косынками на шеѣ. Къ нимъ полагались серебряные аксельбанты съ эполетами, а четыремъ старшимъ еще и серебряныя кисти. На каждую ливрею пошло по два съ половиною аршина широкаго серебрянаго галуна по 6 руб. 50 коп. аршинъ, по аршину средней ширины по 3 руб. 50 коп. и по три съ половиною узкаго по 1 руб. 75 коп. аршинъ. Сукно бралось по 11 рублей аршинъ, бархатъ по 17 рублей. Ливреи шилъ

портной Бармотовъ, взявшій за каждую по 32 руб. 50 коп. Остальные лакеи были одѣты проще: безъ ливрей, но въ казакинахъ изъ трехрублеваго сукна и въ гроденаплевыхъ панталонахъ. У главныхъ лакеевъ перчатки были замшевыя, у остальныхъ нитяныя, домашняго издѣлія. Весь матеріалъ забирался у купца Григорія Павлова. Лакеи были отъ Шупинскаго, кондитеры Гернгросса, повара помѣщика Апухтина, и всѣ они за свою работу получили 22 руб. 80 коп., что, по тогдашнимъ понятіямъ крѣпостныхъ людей, представлялось порядочною наградою.

Вопросъ объ угощеніи на балу являлся довольно сложнымъ. Кромѣ конфетъ производства мѣстнаго кондитера Козлова, въ Смоленскѣ другихъ не было, и за лучшими пришлось посылать въ Петербургъ и оттуда привезли ихъ на 150 рублей. Хотя у Козлова и были взяты для бала двадцать фунтовъ конфетъ по три рубля, но, должно быть, онѣ не представляли изъ себя ничего выдающагося, и привезенныя на лошадяхъ изъ Петербурга были лучше, несмотря на то, что находились въ дорогѣ не меньше недѣли. По рассказамъ людей, помнящихъ тѣ времена, конфеты были другого сорта, не такъ скоро черствѣющія. Тогда не умѣли выдѣлывать мягкіе сорта и, наоборотъ, придерживались твердыхъ, изъ чистаго сахара, съ полужидкою сиропною начинкою, которыя могли сохраняться при всякой температурѣ долгое время, и главное вниманіе обращалось исключительно на внѣшній видъ. Нарядныя конфеты выдѣлялись единственно бумажною оберткою, золотою или серебряною, съ бахромою по концамъ и съ наклеенными красивыми картинками. Изъ Петербурга же доставлены рѣдкіе фрукты, а именно: тридцать персиковъ по 70 коп. штука, 450 апельсиновъ по 40 коп. штука, сто абрикосовъ по 57 коп. штука. Угощеніе на балу было по нашему времени довольно простое, но въ то время выдающееся. Кромѣ этихъ фруктовъ и петербургскихъ конфетъ, кондитеръ Козловъ поставилъ четыре ящика своихъ конфетъ по 14 рублей ящикъ, шесть ведеръ питья по 15 рублей ведро и на 76 рублей мороженаго. Въ настоящее время за эти деньги можно получить громадное количество мороженаго, но тогда почему-то оно считалось однимъ изъ самыхъ дорогихъ лакомствъ, и, слѣдовательно, количество порцій было довольно ограничено. На освѣщеніе комнатъ истрачена громадная по нашему времени сумма, а именно 607 рублей на покупку 6 пудовъ 30 фунтовъ восковыхъ свѣчей; но, судя по тому, что на фунтъ шло всего пять свѣчей, на всѣ комнаты пошло 1,350 штукъ, при чемъ въ комнатахъ сальныхъ не допускалось. Кромѣ нихъ, въ стѣнныхъ жирандоляхъ горѣло масло, и такъ какъ въ день бала его истрачено два съ половиною пуда, а въ каждый жирандоль входило около трехъ фунтовъ, то изъ этого можно вывести заключеніе, что въ домѣ ихъ имѣлось около сорока штукъ, и, слѣдовательно, все освѣщеніе поразало своимъ блескомъ нашихъ не избалованныхъ предковъ. Для

сравненія можно упомянуть, что до электрическаго освѣщенія въ залѣ дворянства горѣло всего 276 свѣчей, а въ настоящее время 1,490. Въ то время не гнались за чистымъ воздухомъ, не имѣли привычки освѣщать комнаты вентиляціей, и единственнымъ средствомъ считалось куреніе въ комнатахъ ароматическими веществами, въ числѣ которыхъ главнымъ образомъ фигурировали амбре и укусъ, которые специально предназначенные для этого люди, расхаживая по комнатамъ, поливали на раскаленные плитки, а въ крайнемъ случаѣ даже на горячіе утюги. Судя по количеству, куреніе происходило почти все время: въ комнатахъ, гдѣ находился наслѣдникъ, употреблялось французское амбре по 11 руб. 40 коп. бутылка, въ остальныхъ же куплено 15 бутылокъ простаго по 15 коп. и двѣ бутылки укуса по 80 копеекъ.

О количествѣ приглашенныхъ можно судить только по догадкамъ, принявъ за основаніе количество нѣкоторыхъ наиболѣе рѣдкихъ продуктовъ, ибо хотя и имѣется указаніе на заказанные пригласительные билеты, но количество таковыхъ не обозначено. По рѣдкости апельсиновъ врядъ ли тактъ разрѣшилъ брать по двѣ штуки, такъ что наибольшее количество приглашенныхъ могло быть отъ 450—500 человѣкъ. Эта же норма подтверждается тѣмъ, что мяса пошло на ужинъ 14 пудовъ 11 фунтовъ, или по фунту на персону, что вполнѣ подходяще съ хозяйской точки зрѣнія.

Попробуемъ возстановить на основаніи слабыхъ данныхъ меню ужина. Нѣтъ сомнѣнія, что почти у всѣхъ помѣщиковъ были повара, а у Алутина, извѣстнаго гастронома, лучшіе, но при тогдашнихъ средствахъ все же и лучшіе повара не могли создать ничего выдающагося за отсутствіемъ матеріала и теперь, конечно, ужинъ былъ бы гораздо лучше. Да и что можно сдѣлать безъ рыбы, входящей теперь въ составъ всякаго обѣда средней руки... А ея-то и не было, приходилось ограничиваться однимъ мясомъ. Отсутствіе объясняется лѣтнимъ временемъ, когда доставка хорошей красной рыбы являлась затруднительной, а изъ мѣстной, простой ничего нельзя сдѣлать. На царскій столъ подавалась какая-то рѣдкая дичь по два рубля пара; ясно, что это не могли быть рябчики или тетерева, а что-нибудь особое, тѣмъ болѣе, что и ихъ было всего пять паръ, значить, на очень небольшое число избранныхъ лицъ. Шампанскаго было очень немного: четыре бутылки по 14 руб. и сорокъ четыре по 11 руб. Если считать по бокалу на каждого, то и это подтверждаетъ, что было приглашенныхъ не больше 440 человѣкъ; хотя такое количество шампанскаго очень незначительно, но возможно, что при простотѣ того времени оно подавалось не всѣмъ, а остальные пили тосты другимъ виномъ. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ заключить, что полагался всего одинъ тостъ. Вина вообще было много, въ общемъ сто пятьдесятъ четыре бутылки. Сотернъ, барзакъ, мадера, малага стоили отъ двухъ до трехъ рублей бутылка, и только къ царскому

столу подавалось четыре бутылки шато-лафиту по 6 рублей. Закуска была очень простая: одинъ боченокъ сельдей, цѣною 15 рублей, шесть фунтовъ колбасы по 60 коп., шестнадцать фунтовъ голландскаго сыра по 1 руб. 40 коп. фунтъ, четыре фунта паюсной икры по рублю 20 коп. фунтъ и, какъ рѣдкость, на всѣхъ одна стопка зеленого сыра, стоившая два рубля. Водки къ закускѣ взято всего одиннадцать штофовъ, или двадцать двѣ бутылки, но, должно быть, не простой, такъ какъ за нее платили по два рубля за бутылку, а между тѣмъ акциза тогда не существовало, и она стоила дешево. При теперешнихъ взглядахъ поставить за параднымъ обѣдомъ такую простую закуску было бы прямо совѣстно, но тогда существовалъ обычай разносить ее гостямъ на подносѣ, за нѣсколько времени до обѣда, и этого количества дѣйствительно хватало, чтобы закусить одну-двѣ рюмки водки. Такъ какъ мороженое подавалось на балу за танцами, то за ужиномъ приходилось имѣть другое пирожное. Ста лимоновъ къ чаю было очень много, а такъ какъ въ счетѣ упоминается про два фунта осетроваго клея и миндаля, то вѣрнѣе всего, что оно пошло на бланманже и лимонное желе, которое считалось однимъ изъ самыхъ парадныхъ и подавалось съ зажженной свѣчкой внутри. Никакихъ ликеровъ послѣ ужина не полагалось и врядъ ли три штофа какой-то сладкой водки замѣняли ихъ: вѣрнѣе всего, за ужиномъ она подавалась дамамъ. Какъ рѣдкость, фигурировали два кувшина сельтерской воды по два рубля 50 копеекъ каждый.

На балу подавались чай и кофе; чаю куплено четыре фунта по 15 рублей и два по семи рублей. Дорогая цѣна показываетъ, что напитокъ этотъ не входилъ еще во всеобщее употребленіе, что подтверждается рассказами того времени, упоминающими, что кофе было больше распространено и дѣйствительно оно стоило всего 1 рубль 40 коп. фунтъ, то есть немного дороже, чѣмъ въ настоящее время.

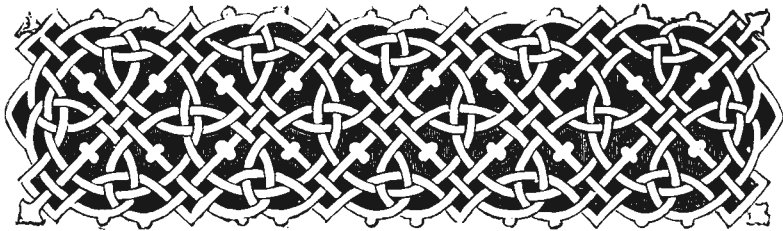
Судя по тому, что пѣвчихъ угощали хорошими конфетами, для нихъ же приготовлялся компотъ, такъ какъ только этимъ можно объяснить покупку шести фунтовъ чернослива: такое количество не могло идти для десерта, и приходится считать, что оно употреблялось въ кушанье, хотя нельзя отрицать и того, чтобы изъ него не приготовлялся какой-нибудь соусъ къ жаркому, и по стариннымъ повареннымъ книгамъ къ мясу подавались главнымъ образомъ сладкія приправы. Къ крайнему удивленію, горчица была очень дорога, по полтора рубля баночка, трюфели по восьми рублей. Вся провизія забиралась у купца Василя Кульбицкаго, а не у Ланина, хотя фирма его въ то время и существовала, но, кажется, торговала исключительно полушубками, валенками и краснымъ товаромъ. Лучшее мясо держалъ еврей Мирка Малкинъ, хотя онъ и содралъ по 15 коп. за фунтъ говядины и по 30 коп. за фунтъ теля-

тины, значить, не такъ дешево, какъ принято считать. Говядины пошло 14 пудовъ и телятины девять пудовъ. Принимая во вниманіе, что такого количества телятины на фаршъ слишкомъ много, вѣрнѣе всего она подавалась какъ жаркое. Цыплята, куры, яйца и даже бѣлый хлѣбъ покупались на рынкѣ, всего на 447 рублей 30 копеекъ.

Какъ извѣстно, Александръ II курить, и для него приобрѣли нѣсколько чубуковъ и трубокъ и фунтъ табаку въ три рубля 20 коп., а для свиты два фунта по два рубля, а также и кусокъ какого-то «янтарнаго» мыла за четыре рубля.

И. Лесли.

ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ МѢРОПРІЯТІЕ ОРОГРАФИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА.

I.

ВѢтъ семь тому назадъ нѣкіе педагоги поднимали шумъ противъ лишнихъ, по ихъ мнѣнію, буквъ въ русскомъ алфавитѣ, но, посѣявши въ нѣкоторомъ родѣ вѣтеръ въ головахъ малограмотныхъ, настоящей бури все-таки не пожелали. Пospорили тогда въ газетахъ, погорячились, посмѣялись и забыли, резонно рѣшивъ, что, напримѣръ, буква «ѣ» въ русскомъ алфавитѣ очень полезна для отличія грамотныхъ отъ безграмотныхъ...

По газетнымъ свѣдѣніямъ, цѣлыхъ триста депута-товъ второй государственной думы возбуждали ходатайство предъ академію наукъ объ изгнаніи, должно быть, научно-законодательнымъ порядкомъ, грамотныхъ буквъ изъ нашего и безъ того ограниченнаго алфавита, не обозначающаго всѣхъ звуковъ языка. Но...

Въ думѣ много было шуму.
Разогнали нашу думу!..

Такъ удивленная Русь и не увидѣла важнаго законопроекта орографическаго характера, глубокомысленно разсмотрѣннаго обѣими палатами, надлежаще утвержденнаго и превращеннаго въ неизблемый законъ...

Если газетныя свѣдѣнія были вѣрны, то, вѣроятно, почтеннымъ депутатамъ, какъ раньше и мепѣ почтеннымъ педагогамъ,

не пришло въ голову, что слова изъ языка и буквы изъ алфавита радикально изгоняются не законодательными или академическими рѣшеніями, а простымъ обычаемъ, практикою. Не говоря о старыхъ, давно умершихъ буквахъ славянскаго алфавита, укажу на буквы, умирающія на нашихъ глазахъ. Буква ижица почти совсѣмъ уже погибла и въ типографскомъ наборѣ если и имѣется, то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Помню, издавая и редактируя одинъ журналъ, я напечаталъ только одну статью съ этою буквою, и то по настоятельной просьбѣ ея автора. Въ перепечаткѣ своего сочиненія отдѣльнымъ изданіемъ онъ и самъ ее протурилъ...

Сильно подорванъ и авторитетъ буквы «Ѧ». Многіе ее игнорируютъ и даже такія имена, какъ Ѧворъ, Ѧома и другія, пишутъ чрезъ «ф», что, однако, уже не считается грубою ошибкою, безграмотностью. Главнымъ же образомъ она гибнетъ отъ самыхъ пустыхъ причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ ходу развитія языка и даже къ умысленному, въ нѣкоторомъ родѣ бунтарскому несоблюденію правилъ орфографіи, какъ, напримѣръ, изгнаніе буквы «ъ» въ концѣ словъ. Грамматическіе бунтари ее давно бы изгнали ужъ изъ алфавита, если бы не такія досадныя слова, какъ «разъясненіе», «объявленіе» и другія, ставящія втупицкѣ новаторовъ. Исключеніе буквы «ъ» и теперь еще считается признакомъ крайняго либерализма и свободы взглядовъ на все и вся, а съ точки зрѣнія чуткой «охраны» возбуждаетъ большія сомнѣнія въ благонадежности и подозрѣнія въ покушеніяхъ на «испроверженіе» и прочіе ужасы съ бомбами, браунингами и динамитомъ...

Буква «Ѧ» гибнетъ по волѣ «инородцевъ», снабжающихъ насъ, смиренныхъ и благополучныхъ россіянъ, и вредными, завиральными идеями, и пишущими машинами, въ клавиатурѣ коихъ кажется, во всѣхъ нѣтъ этой буквы. Между тѣмъ на машинахъ пишется множество канцелярскихъ, дѣловыхъ и частныхъ бумагъ, пишутся письма и литературныя произведенія. Въ послѣднемъ случаѣ старушка «Ѧ», по винѣ легкомысленныхъ наборщиковъ, немало доставляетъ хлопотъ корректорамъ, а особенно, если редакторъ сильно консервативнаго направленія и съ замашками стараго начетчика-буквоѣда съ Рогожскаго кладбища, за святость начертанія «Исусъ» и двуперстное сложеніе готоваго пойти на костеръ...

Указанные случаи недовольства грамотными буквами напоминаютъ мнѣ одинъ курьезный грамматическій случай изъ прешедшаго времени, случай, въ которомъ я былъ не только дѣйствующимъ, но и страдательнымъ лицомъ... Тогда дѣло не попало на газетныя страницы, не обставлялось широко и громоздко, до безпокойства почтенныхъ академиковъ, а все было порѣшено рукою всесильнаго начальника скоро, безповоротво, по-военному...

II.

Въ 1881 году я служилъ въ Ташкентѣ секретаремъ особой строительно-дорожной комиссіи. Кажется, въ самомъ началѣ этого года, помню, зимою, я былъ съ обычнымъ докладомъ у тогдашняго военнаго губернатора генерала В. Н. Троицкаго. Въ губернаторы онъ попалъ незадолго предъ тѣмъ съ должности начальника штаба туркестанскаго округа, почему, по неопытности, по административной части тогдашняго военно-народнаго управленія краемъ былъ слабовать, что, однако, нисколько не мѣшало ему быть настоящимъ «хозяиномъ области». Какъ тогда, такъ, впрочемъ, и теперъ еще, всѣ подобныя военные губернаторы на отдаленныхъ окраинахъ имѣли и имѣютъ поступательное движеніе къ чинамъ и орденамъ не по гражданскому, а по военному вѣдомству и на свою случайную гражданскую дѣятельность смотрятъ, какъ на дѣло чужое, неизбѣжное зло, а потому, попавъ въ гражданскіе администраторы, они думаютъ, что имъ нужно только распорядиться, приказать, распечь, предписать, а что изъ этого выйдетъ—да не все ли равно?.. Вѣдь за губернаторствомъ слѣдуетъ не сенаторство или что-нибудь эдакое штатское, а дивизія, потомъ корпусъ. Разумѣется, есть исключенія и довольно яркія, но они только подтверждаютъ общее правило. Во всякомъ случаѣ генераль Троицкій къ разряду исключеній не принадлежалъ, ни о чемъ штатскомъ въ будущемъ не мечталъ; онъ былъ кровно-штабный генераль, старательный, исполнительный самъ, а потому и требовательный по отношенію къ подчиненнымъ. Высокій, стройный и красивый, лѣтъ за сорокъ, Троицкій былъ человекъ съ характеромъ, честно и добросовѣстно относился къ незнакомому ему дѣлу; въ громоздкій сводъ шестнадцати томовъ гражданскихъ законовъ, какъ и другіе, ему подобные, конечно, не заглядывалъ, но отъ «штафировкъ», попавшихъ ему подъ команду, требовалъ строгой законности, поскольку это входило въ тогдашній режимъ управленія отдаленныхъ и глухимъ краемъ. А «внутренняя политика» тамъ была довольно-таки мудреная...

Во время моего доклада, просматривая бумаги и приложения къ нимъ инженерныя смѣты, генераль Троицкій вдругъ спросилъ, точно вспомнивъ что-то:

— Почему слово смѣта вы пишете черезъ «ѣ»?

— Такъ полагается по правиламъ грамматики,—отвѣчалъ я, нѣсколько удивленный такимъ неожиданнымъ и немножко страннымъ вопросомъ.

— По правиламъ грамматики... Это, однако, не вѣрно. Отъ какого корня нужно производить слово «смѣта»?

— Полагаю, отъ слова мѣта, отсюда—мѣтить, намѣчать,—немного смутился я, захваченный врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ какъ бы полузабытаго уже учителя русскаго языка.

— Вовсе нѣтъ. Нужно производить отъ слова сметка, отсюда—сметать, сметывать, метать, намекъ. Что такое, по-вашему, смѣта? Смѣта—есть наметываніе цифры на цифру, соображеніе стоимости извѣстнаго расхода, но не точной, а только намѣчаемой приблизительно.

— Какъ будто похоже, но транскрипція слова смѣта установлена прочно, и всѣ пишутъ черезъ «ѣ». Помню, читалъ я изслѣдованіе одного академика о буквѣ «ѣ» и о другихъ; по его словамъ, не только слово смѣта, но и слово смѣтка можно писать черезъ «ѣ»; послѣднее слово только выговаривается иначе, какъ слова: сѣдла, гнѣзда, звѣзды... Точно не помню, а, кажется, такъ...

— Что вы за вздоръ говорите?—вспылил генераль, видимо, задѣтый указаніемъ на академика.—Какой академикъ? Быть не можетъ...

Завязался грамматическій споръ, причемъ отъ генерала не только влетѣло мнѣ, основательно проэкзаменованному въ транскрипціи словъ съ буквою «ѣ», но и академику, оказавшемуся впоследствии Я. К. Гротомъ.

Троцкій основательно зналъ грамматику, хотя и учился еще въ пятидесятыхъ годахъ, и былъ очень ревнивъ въ соблюденіи ея правилъ. Въ этомъ онъ былъ полною противоположностью своему предшественнику по должности губернатора, боевому и очень популярному въ войскахъ генералу Н. Н. Головачеву, писавшему удивительно безграмотно, хотя и складно. Столь же безграмотно писалъ и тогдашній предсѣдатель комиссіи, полковникъ Зацѣпинъ (изъ саперъ); знаки препинанія, большія буквы, «ѣ», «е», «і» и проч. ставились имъ по вдохновенію и внѣ всякаго порядка и системы. Но это былъ очень добрый и милый чудакъ; въ своей рѣчи онъ вставлялъ всегда болѣе нежели часто слова «тотъ, какъ, во», а когда увлекался, то фразы заканчивалъ повтореніемъ слова «тотъ, тотъ, тотъ», и жестами, долженствовавшими пояснить, что это за «тотъ, тотъ, тотъ» такой... Замѣчательно, что по-французски онъ говорилъ безъ этихъ добавочныхъ присловій, обыкновенно значительно затемнявшихъ его рѣчь.

Генераль Троцкій былъ когда-то редакторомъ «Военнаго Сборника» и, вѣроятно, по старой редакторской привычкѣ, читая разныя бумаги, рапорты, донесенія, представленія и проч., бралъ карандашъ и неумоимо поправлялъ всѣ орфографическія ошибки въ официально-литературныхъ произведеніяхъ чиновниковъ и офицеровъ. Послѣдніе въ Туркестанѣ отлично владѣли грознымъ для туземцевъ русскимъ мечомъ, но по части писанія были болѣе нежели слабы...

Однажды, во время моего доклада, онъ разгнѣвался и вполне чистосердечно огорчился, читая донесеніе одного подполковника, въ своемъ произведеніи разбросавшаго слова въ самомъ поэтическомъ беспорядкѣ, а въ орѳографіи напоминавшаго того анекдотическаго важнаго бюрократа, который въ словѣ «еще» ухитрился дѣлать ровно четыре ошибки... Уставши черкать, генераль бросилъ карандашъ и трагически воскликнулъ:

— Боже мой, Господи!.. И гдѣ это они грамматикѣ учились?..

Я размѣялся надъ такимъ трагизмомъ огорченнаго генерала и немедленно получилъ соответствующій нагоняй. Во-первыхъ, въ моемъ веселомъ настроеніи была видна нотка насмѣшки, а, во-вторыхъ, я самъ только что передъ этимъ попался въ недосмотрѣ пшарской описки въ какой-то бумагѣ...

III.

Орѳографическій споръ тянулся у насъ довольно долго. Какъ сказано выше, Троцкій зналъ грамматику, но, по молодости и неумѣнью держать себя съ начальствомъ, я думалъ, что и я знаю ее, въ чемъ, между прочимъ, убѣждало меня и то, что генераль читалъ составляемыя мною бумаги безъ карандаша въ рукѣ, нагоняи за ошибки давалъ мнѣ чрезвычайно рѣдко, и вообще я считался имъ за «хорошее перо»... Но въ то время я былъ еще легкомысленнымъ чиновникомъ, обладалъ неумѣстной смѣлостью и непокорливостью, былъ съ «мнѣніями», осмѣливался «разсуждать», не имѣлъ понятія о «трепетѣ», часто шелъ наперекоръ видамъ начальства и проч. Но что всего хуже, чисто чиновничей смекалкой не обладалъ по отсутствію въ характерѣ выгодныхъ въ карьерномъ отношеніи чертъ Молчалина, да такъ и не удалось пріобрѣсти эту смекалку... Словомъ, въ этомъ отношеніи былъ совсѣмъ плохимъ чиновникомъ, почему, естественно, иной разъ мнѣ влетало, и довольно сильно, но въ такихъ случаяхъ грамматика была уже ни при чемъ... Его распежки не имѣли злобнаго или презрительнаго характера, такъ какъ въ общемъ онъ былъ человѣкъ хорошей, хотя и имѣлъ недостатки. Но кто же ихъ не имѣетъ? Онъ гнѣвался на меня больше по генеральской привычкѣ, главнымъ образомъ, какъ на молодого, невыдержаннаго ерша, осмѣливавшагося возражать иногда рѣзко и съ нотками насмѣшки. Однажды по поводу нѣкоторыхъ беспорядковъ въ комиссіи, допущенныхъ неисполнительными и не признававшими военной дисциплины инженерами, онъ сильно разгнѣвался и напалъ на меня, но такъ какъ я не былъ виноватъ въ этомъ ни душою, ни тѣломъ, какъ говорится, началъ рѣзко оправдываться, неосторожно указавъ на его же попустительство, онъ довелъ меня до истеричнаго состоянія.

— Съ вами, ваше превосходительство, говорить нельзя. Вы несправедливы!..—сказалъ я, вышелъ изъ кабинета въ пріемную и сѣлъ въ кресло, закрывъ лицо руками.

Онъ разволновался, пригласилъ доктора... Потомъ жаловался:

— Странные эти молодые чиновники!.. Нельзя и распечь хорошенько...

Я много встрѣчалъ въ жизни людей, встрѣчалъ и хорошихъ, встрѣчалъ и дурныхъ; разная дрянь людишки какъ-то быстро испарялись изъ памяти, но покойнаго теперь Виталія Николаевича хорошо помню, хотя и прошло уже болѣе тридцати лѣтъ. Въ немъ было много прекрасныхъ чертъ чисто-русскаго человѣка, но онъ былъ приверженецъ того военно-бюрократическаго режима, который и теперь еще заѣдаетъ и болѣе талантливыхъ людей.

Какъ губернатора, его можетъ характеризовать слѣдующій случай. По отсутствію, якобы, подрядчиковъ, исключая, однако, привилегированныхъ, и для ускоренія дѣла всѣ небольшія строительныя работы инженеры производили хозяйственнымъ способомъ, причѣмъ почти ни одна работа не обходилась безъ того, чтобы на ея окончаніе не требовалось доассигнованія, хотя всѣ смѣты составлялись и провѣрялись ими же самими. Порядокъ у нихъ былъ установленъ образцовый: производя работы по своимъ же смѣтамъ, надлежаще утвержденнымъ начальствомъ, сами же они и принимали другъ отъ друга постройки и ремонты въ казну по чистымъ актамъ. Ни сучка, ни задоринки...

Подписавъ какъ-то одно представленіе генераль-губернатору о доассигнованіи нѣсколькихъ сотъ рублей на какой-то уже законченный ремонтъ, Троцкій прочиталъ коротенькое предписаніе о порученіи выполнить постройку небольшого моста хозяйственнымъ способомъ инженеру Дуб—ну, взялъ было перо, чтобы подписать, но положилъ его обратно на чернильный приборъ, перелистывалъ смѣту, посмотрѣлъ на чертежъ, задумался на секунду и спросилъ:

— Какой самый выгодный для казны способъ выполненія строительныхъ работъ?

— Полагаю, что хозяйственный способъ.

— Хозяйственный? Да, пожалуй, вы правы... Почему же мнѣ по каждой хозяйственной работѣ приходится беспокоить генераль-губернатора представленіями о доассигнованіяхъ?

Я улыбнулся и уклончиво сказалъ:

— Вѣроятно, потому, что инженеры ведутъ дѣла нехозяйственно, хотя на каждую копейку и представляютъ оправдательные документы для контрольной палаты...

— Нѣтъ, не потому, а потому, что такой способъ есть и самый воровской... Мнѣ объ этомъ говорилъ одинъ опытный интен-

дантъ послѣ хивинскаго похода. Оправдательные документы, расписки, счета берутся у сартовъ, которые прикладываютъ къ нимъ тушью свои именныя печати... А такъ какъ они русской грамоты не знаютъ, то... Вы производили какія-нибудь строительныя работы?

— Нѣтъ, не производилъ.

— А вашъ предшественникъ производилъ?

— Да, и попалъ въ Сибирь...

— А вы не желаете туда прогуляться?

— Не имѣю такого желанія. И безъ меня на службѣ государственной воровъ много; имъ туда и скатертью дорога...

Троицкій размѣялся, всталъ, прошелся по кабинету, разминая ноги, подумалъ и сказалъ:

— Предписаніе инженеру Дуб—ну я не подпишу.

— Но коммиссія постановила поручить постройку ему. Вотъ и протоколь...

— А, протоколь...

Онъ сѣлъ къ столу, написалъ на протоколѣ резолюцію, какъ аккуратный работникъ, прочиталъ ее, поправилъ какую-то букву и молча подаль мнѣ. Резолюція гласила, что постройка моста поручается мнѣ хозяйственнымъ способомъ, а на инженера Дуб—на возлагается техническое наблюдение.

— Ваше превосходительство, я на это не согласенъ...—загорячился я, вскакивая со стула.—Я не желаю имѣть дѣло съ казенными деньгами... Кроме того, въ выполненіи строительныхъ работъ ничего не смыслю... Наконецъ, это неудобно и по отношенію къ членамъ коммиссіи...

— Садитесь, не волнуйтесь и вздора не говорите... Для меня безразлично—желаете ли вы, или не желаете. Вамъ дается поручение, и вы обязаны его исполнить. Дѣло вотъ въ чемъ...

Онъ задумалъ произвести опытъ производства строительной работы хозяйственнымъ способомъ безъ всякихъ строительныхъ фокусовъ въ документальной отчетности. Нужно точно показать, по какой цѣнѣ куплены матеріалы, сколько вышло рабочихъ и мастеровъ и сколько имъ заплачено безъ всякихъ преувеличеній въ счетахъ. О такомъ опытѣ должны знать только мы двое. Я невольно заинтересовался и не говорилъ уже больше «вздора».

Мостъ, стоящій что-то около двухъ тысячъ двухсотъ рублей, я построилъ; рублей на полтораства произвелъ сверхсмѣтныхъ работъ, такъ какъ въ смѣтѣ были пропущены какіе-то хомуты, болты, деревянные подушки и проч., да въ казначействѣ на кредитѣ осталось болѣе трехсотъ рублей. Между тѣмъ по техническому отчету стоимость выполненныхъ работъ была разсчитана въ суммѣ болѣе трехъ тысячъ рублей. Когда я представилъ полный отчетъ, Троицкій внимательно просмотрѣлъ его и сказалъ:

— Я такъ и думалъ... Благодарю васъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось, потому что наступило время, очень неблагоприятное для какихъ бы то ни было мѣропріятій оздоровительнаго характера, о чемъ будетъ сказано ниже.

Упомянувъ о своей роли въ этомъ оригинальномъ «опытѣ», вынужденъ замѣтить, что хотя и неудобно говорить о себѣ, даже рассказывая какъ бы самохвальный дѣйствительный эпизодъ, слѣды котораго и теперь, должно быть, хранятся въ архивахъ, но, во-первыхъ, изъ пѣсни слова не выкинешь, а, во-вторыхъ, я характеризую не себя, а одного изъ туркестанскихъ дѣятелей. Приведенный случай доказываетъ, что генераль Троцкій, какъ губернаторъ, былъ одушевленъ наилучшими намѣреніями.

IV.

Замѣтивъ, что ввязался въ неумѣстный диспутъ съ упорнымъ «штафиркою», а между тѣмъ время клонится уже къ двѣнадцати часамъ, къ завтраку, генераль Троцкій рѣзко оборвалъ свои глубокомысленные доводы и закончилъ просьбою-приказаніемъ впредь писать слово «смѣта» черезъ «е»... Я промолчалъ.

Въ слѣдующій докладъ при первой бумагѣ и приложенной къ ней смѣтѣ генераль нахмурился.

— Я же просилъ васъ слово «смѣта» писать черезъ «е»?—сказалъ онъ, указывая на заголовокъ смѣты.

— Бланки для смѣтъ были напечатаны раньше,—пытался я вывернуться.

— Бланки, бланки... А это что?

Генераль ткнулъ перомъ въ слово «смѣта» въ заготовленной мною бумагѣ.

— Писать слово «смѣта» черезъ «е» будетъ не совсѣмъ грамотно. Кромѣ того, слово «смѣта»...

— И вы думаете, что я и еще буду вамъ доказывать? По этому поводу мы говорили съ Константиномъ Петровичемъ. Онъ находитъ, что слово «смѣта» нужно писать черезъ «е», такъ и приказалъ. Вообще вы много разсуждаете!.. Извольте дѣлать такъ, какъ вамъ приказываютъ!..—закончилъ онъ, повысивъ голосъ и, по обыкновенію, краснѣя.

— Хорошо...—сказалъ я сухо и вызвалъ быстрый, неодобрительный взглядъ, потому, надо полагать, что слѣдовало сказать: «слушаю-съ!» и съ нѣкимъ «трепетомъ», а не съ неудовольствіемъ въ тонѣ, какъ я себѣ позволилъ.

«Однако!.. —думалъ я, подавая бумаги разсерженному генералу. —Самъ Константинъ Петровичъ приказалъ!.. Конечно, если и не приказалъ, то во всякомъ случаѣ выразилъ желаніе. Это несомнѣнно. А желаніе или мимолетно высказанное мнѣніе для та-

кихъ исполнительныхъ лицъ, какъ Троцкій и ему подобныхъ, есть уже категорическое приказаніе, законъ, «повелѣніе», какъ нерѣдко выражаются ярые поклонники Константина Петровича, превращающіе его въ какой-то фетишь для себя... Самъ Троцкій едва ли способенъ на такую важную реформу... Только какъ же это?.. Сколько мнѣ извѣстно, Константинъ Петровичъ человѣкъ куда грамотный, пишетъ отличнымъ почеркомъ, хорошимъ слогомъ, да и самъ Троцкій, хотя и пишетъ не особенно складно, ладно и гладко, но вполне грамотно... Задача!..»

«Константинъ Петровичъ!..» Это теперь нѣчто почти уже забытое, но подогрѣваемое старымъ нѣмецкимъ бюрократическимъ строемъ, вытаскивающимъ изъ тлѣна и пепла на свѣтъ Божій своихъ прошлыхъ «великихъ маленькихъ людей» до постановки имъ памятниковъ... Но тогда, да еще въ Ташкентѣ!.. Это былъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-й, туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ; ждали, что за хивинскій походъ дадутъ ему графское достоинство. Такого титула не дали, потому что хотя исторія хивинскаго похода еще не разработана какъ слѣдуетъ, но, надо полагать, въ то время уже знали его изнанку; наградили его титуломъ «устроитель Туркестанскаго края», не безъ основанія сочиненнымъ его приверженцами во главѣ съ генералъ-губернаторомъ Розенбахомъ... Властью въ Туркестанѣ Кауфманъ пользовался такою, что ума помраченье!.. Сарты и всякіе тамъ узбеки, киргизы, таджики и прочая «пестрая орда» туркестанская называли его «яримъ-падша», что значитъ — «полцаря», а скалозубы и красные того времени называли «государемъ туркестанскимъ»... Однажды, при въѣздѣ въ Ташкентъ съ валовъ Черняевской крѣпости его встрѣтили салютомъ въ 101 выстрѣлъ, конечно, изъ тѣхъ пушекъ «Отечественной войны 1812 года», коими предупредительно снабдили когда-то въ теперешнемъ Семирѣчьи М. Г. Черняева для завоеванія Средней Азіи, какъ онъ самъ о томъ писалъ въ рецензіи на одну мою книгу ¹⁾... Сказывали, что за такую трату казеннаго пороха, иногда на двадцать одинъ выстрѣлъ, трату, какъ будто и не по чину, мѣстная контрольная палата дѣлала на него начеты, но изъ этого, будто бы, ничего не выходило. Такъ ли это, или просто туркестанская сплетня, точно не знаю; салюты я слышалъ самъ, а что касается начетовъ, то нужно спросить тогдашняго управляющаго палатою, а теперь члена реформированнаго государственнаго совѣта. Упоминаю о салютахъ вовсе не въ судъ и осужденіе много поработавшему въ Туркестанѣ дѣятелю. Черняевъ и подчиненные Кауфману боевые генералы Абрамовъ, Головачевъ и Скобелевъ наполнили Среднюю Азію громомъ русскаго оружія, а Кауфманъ высоко поднялъ и держалъ авторитетъ русской

¹⁾ «Султаны Кенисара и Садыкъ», 1889 г. Ташкентъ.

власти, авторитетъ, не потерянный и до сего времени. «Азіатовъ нужно бить не по головѣ, а по воображенію», сказалъ Скобелевъ.

К. П. Кауфманъ могъ дѣлать и не такіе пустяки, какъ изгнать буквы «ѣ» изъ слова «смѣта» и посадить вмѣсто нея букву «е», онъ могъ и умѣлъ изгонять кого угодно и даже въ двадцать четыре часа. Въ числѣ другихъ такой участи подвергся и М. Д. Скобелевъ, тогда еще ротмистръ, за одно слишкомъ уже фантастическое донесеніе о нѣкоемъ кровавомъ боѣ... Объ этомъ эпизодѣ изъ жизни «Бѣлаго генерала» подробно рассказываетъ художникъ В. В. Верещагинъ, погибшій вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ на портъ-артурскомъ рейдѣ; лично передавалъ мнѣ и его братъ Александръ Васильевичъ, «откровенный писатель», какъ его звали за его книгу «Дома и на войнѣ»...

V.

Получивъ столь категорическое и, смѣю думать, высокоавторитетное приказаніе, я въ тотъ же день послалъ въ типографію печатать новые бланки смѣты, протоколовъ и проч., изгнавъ въ нихъ изъ слова смѣта вызвавшую нерасположеніе начальства букву «ѣ». Инженеры и архитекторы, узнавъ о начальственномъ вторженіи въ грамматическія правила, начали было спорить и протестовать. Я посоветовалъ имъ подать губернатору коллективное заявленіе о томъ, чтобы новое грамматическое правило было введено особымъ приказомъ генераль-губернатора по Туркестанскому краю, но они благоразумно уклонились... Посмѣиваясь въ усы, они резонно рѣшили, что смѣта, будь она съ буквою «ѣ» или съ буквою «е», одно и то же. Какъ ее ни пиши, а въ нее по-старому можно вводить «жирные» параграфы урочнаго положенія въ исчисленіи разныхъ строительныхъ работъ, а особенно въ смѣты для сооружений, производимыхъ ими на коммерческомъ правѣ или хозяйственнымъ способомъ, а эти способы тоже вѣдь очень и очень «жирные»...

О моемъ проектѣ относительно отдачи приказа по Туркестанскому краю о введеніи въ слово «смѣта» буквы «е» кто-то довелъ до свѣдѣнія генерала Троицкаго. Поправивъ всѣ грамматическія ошибки въ какомъ-то донесеніи или рапортѣ, онъ однажды легонько задумался, постучалъ карандашомъ по столу и обратился ко мнѣ.

— Вы тамъ острите насчетъ генераль-губернаторскаго приказа о буквѣ «ѣ» въ словѣ «смѣта»... Понимаете, чѣмъ это можетъ кончиться?

— Мало ли что говорятъ за глаза, ваше превосходительство...

— За глаза... Вы думаете, что за глаза всякія глупости можно говорить? Не умно это и вовсе не остроумно. Смотрите, не попадите на подножный кормъ...

Я постарался съѣлать серьезную фізіономію и промолчалъ, помолчалъ и генераль, взглянулъ на меня не гнѣвно, а задумчиво и принялся за бумаги. Для партіи «кауфманцевъ» въ Туркестанѣ наступили «времена тяжкія и неудобноносимыя», а «подножнаго корма» я не особенно боялся... Не одинъ я подсмѣивался надъ разными курьезами по управленію краемъ, да и самъ Троцкий, какъ ни былъ преданъ начальству, но и онъ, очевидно, понималъ курьезность своей реформы въ грамматическомъ правилѣ.

Важная военно-бюрократическая орѳографическая реформа, нанесшая нѣкую обиду слову «смѣта» («смета—даже и некрасиво какъ-то, не къ лицу «смѣтъ»...), продержалась, однако, не долго. Послѣ 1-го марта 1881 года, когда бомба темнаго убійства лишила Россію одного изъ лучшихъ ея государей, К. П. Кауфману какъ-то вдругъ не повезло. На престолъ вступилъ Александръ III, недолюбливавшій нѣмцевъ, что имъ было хорошо извѣстно, и вся нѣмецкая партія, въ то время очень сильная въ Петербургѣ, опустила носъ. Въ благословенномъ Туркестанѣ, отрѣзанномъ отъ внутренней Россіи степями Зауральской орды и песками Каракумской и Кизылкумской пустынь и жившемъ своею, значительно обособленною жизнью, пошло что-то неладное. Обнаружились разные административные порядки, о которыхъ раньше и пикнуть не смѣли, начали выплывать весьма крупныя хищенія почтовыхъ, ферганскихъ, заравшанскихъ, кураминскихъ и иныхъ казенныхъ и общественныхъ суммъ, находившихся въ полномъ распоряженіи генераль-губернаторскаго управленія. До чего доходили недосмотры этого управленія, чтобы не говорить голословно, приведу хоть одинъ случай. Особымъ приказомъ генераль-губернатора былъ закрытъ почтовый трактъ между Ташкентомъ и Оренбургомъ послѣ смерти оказавшагося несостоятельнымъ подрядчика Кузнецова. Почтовые лошади были сняты, и почты ходили въ Россію чрезъ Семирѣчье. Прошло полгода, и вдругъ обнаружилось, что за все это время наследница Кузнецова, нѣкая полковница, полностью получила все, что ей причиталось по контракту, уничтоженному на законномъ основаніи генераль-губернаторскимъ приказомъ. Ей было выдано что-то больше полутораста тысячъ рублей. Дѣло обнаружилось потому, что министерство финансовъ потребовало перевода кредита, какъ свободнаго по закрытіи тракта, на главное казначейство. Какъ это случилось—подробно скажетъ архивъ, но въ то время обвиняли правителя канцеляріи нѣкоего камергера Каблукова, лишеннаго за что-то ключа. Онъ былъ посланъ въ Петербургъ выяснить, иначе сказать, замять дѣло, но былъ уволенъ отъ службы. Назначили слѣдствіе. Ловкій дѣлецъ долго бѣгалъ по Россіи отъ повѣстокъ слѣдователя, а когда его прижали, отравился гдѣ-то на румынской границѣ... Я хорошо зналъ Каблукова, зналъ и его слѣдователей и говорю не по наслышкѣ...

А тутъ еще пошли крайне непріятныя разоблаченія славнаго хивинскаго похода, дѣйствительно славнаго только для многострадальнаго, сѣраго русскаго солдата, но далеко не славнаго для главнокомандующаго, его начальника штаба и Петербурга, одобрявшаго ихъ планъ. Кромѣ разказовъ и воспоминаній участниковъ, нѣкоторыхъ документовъ, напечатанныхъ мною въ сборникъ «Средняя Азія», достаточно указать на вышедшую тогда книгу Н. И. Гродекова «Описаніе хивинскаго похода». Изъ нея видно, что изъ двинутыхъ противъ ничтожной Хивы четырехъ отрядовъ одинъ не дошелъ, уложивъ чуть не половину людей въ знойной пустынѣ, два едва дотянулись, благодаря чертовской выносливости русскаго человѣка, а оренбургскій, генерала Веревкина, дошелъ чуть не съ запасомъ льда въ обозѣ... Оно и понятно. Оренбургскій отрядъ шель въ Хиву старымъ русскимъ путемъ, которымъ ходили уральскій атаманъ Нечай и князь Бековичъ-Черкасскій и велась торговля съ Оренбургомъ. Но о немъ, повидимому, забыли составители плана похода, который нужно было вогнать въ десятки милліоновъ и получить чуть не всемірную славу. Впрочемъ, если и не забыли, то вѣдь нелѣпо было посылать дѣлать завоеванія одного какого-то русскаго генерала Веревкина, хотя бы то и была ничтожная Хива, уже два раза занимавшаяся мелкими русскими отрядами... Туркестанскіе полководцы знали, что дѣлали.

VI.

Всѣ эти непріятности и признаки грозы, собиравшейся въ далекомъ Петербургѣ, дѣйствовали на всеильнаго раньше туркестанскаго «ярымъ-падшу» самымъ угнетающимъ образомъ. Его поразилъ ударъ, а въ 1882 году онъ умеръ. Въмѣсто него пріѣхалъ позорно изгнанный раньше изъ Ташкента и изъ службы М. Г. Черняевъ, «прощенный» за такое великое преступленіе, какъ штурмъ Ташкента съ стотысячнымъ населеніемъ съ однимъ батальономъ и присоединеніе къ Россіи одной изъ богатѣйшихъ теперь ея провинцій. Онъ не пожелалъ принимать управленіе краемъ безъ основательной его ревизіи; для выполненія ея вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ тайный совѣтникъ Гирсъ. Что онъ нашель въ этомъ глухомъ тогда краѣ, подробно написано въ его секретномъ отчетѣ, представленномъ государю. Написано же въ немъ, какъ удалось прочитать, много весьма непріятнаго для тогдашнихъ туркестанскихъ дѣятелей...

Генераль Троцкій принужденъ былъ уѣхать еще во время ревизіи, служилъ на Кавказѣ, потомъ при Драгомировѣ въ Кіевѣ и закончилъ свое земное и служебное поприще виленскимъ генераль-губернаторомъ, какъ разъ на томъ посту, на которомъ когда-то потерпѣлъ порядочную аварію его бывшій начальникъ въ Туркестанѣ.

При самомъ началѣ ревизіи инженеры и архитекторы, любители «жирныхъ» параграфовъ урочнаго положенія и хозяйственныхъ и коммерческихъ работъ, были все поголовно отчислены отъ должностей и отданы подъ судъ, а нѣкоторые посажены въ тюрьму во главѣ съ городскимъ головою Максимовичемъ, однимъ изъ «привилегированныхъ» подрядчиковъ... Такъ неудобно они попались, кажется, по указаніямъ одного изъ бывшихъ своихъ товарищей, своевременно убравшагося изъ комиссіи и открывшаго въ Ташкентѣ банкирскую контору, разумѣется, на невинныя сбереженія «на службѣ государевой», и попали, кажется, въ тотъ самый тюремный корпусъ, на которомъ онъ раньше выстроилъ двойную крышу... Крыша-то, конечно, была ординарная, но въ смѣтномъ исчисленіи, по ошибкѣ, разумѣется, было введено какъ разъ двойное количество желѣза, стропиль, гвоздей, краски, словомъ, всего того, что полагается по правиламъ «строительнаго искусства» и по параграфамъ высочайше утвержденного урочнаго положенія... Талантливый человекъ!.. Впослѣдствіи онъ оказалъ немалую услугу правительству, какъ инженеръ, по собственной инициативѣ вмѣшавшись въ дѣло постройки укрѣпленій на западной границѣ и указавъ старымъ военнымъ инженерамъ совершенно новый путь. Теперь онъ шибко шумитъ въ составѣ монархической партіи, хотя и полякъ; въ качествѣ редактора прокатилъ въ Москвѣ одну ультра-монархическую газету, а теперь редактируетъ въ Петербургѣ другую, безпощадно травя жидовъ, лѣвыхъ и до-вольно-таки призрачныхъ масоновъ.

Во время ревизионной сумятицы, за отчисленіемъ отъ должностей всего состава нашего учрежденія, ревизию его пришлось сдавать мнѣ, скромному секретарю, пощаженному грозой за точно доказанное отсутствіе какого бы то ни было участія въ разныхъ упущеніяхъ, выражаясь мягко, по строительной части. На мнѣ лежало только дѣлопроизводство, а что творили гг. инженеры по возведенію ими построекъ, я узналъ только во время ревизіи, къ которой въ качествѣ негласнаго члена въ концѣ концовъ привлекли и меня. Такъ, въ числѣ другихъ мною было обревизовано дѣло по постройкѣ въ Ташкентѣ собора туркестанскихъ войскъ, для котораго возвели только фундаментъ и цоколь стоимостью въ двадцать пять тысячъ рублей, а израсходовали болѣе девяноста трехъ тысячъ... Дѣло велось удивительно!.. Когда тайный совѣтникъ Гирсъ просмотрѣлъ мой докладъ и выслушалъ личныя разъясненія, онъ покрутилъ головою и сказалъ:

— Дѣла у васъ тутъ велись!.. Остается только развести руками...

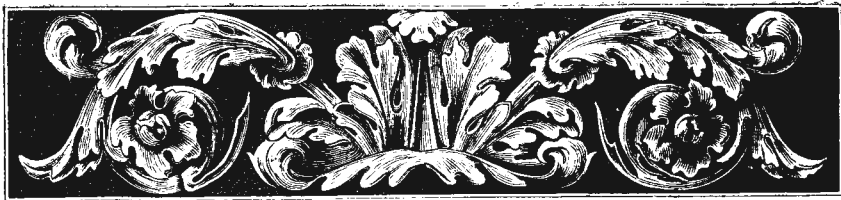
Какъ этому дѣлу, такъ равно и многимъ другимъ, уже черезчуръ пикантнымъ, не было дано хода, главнымъ образомъ щадя память К. П. Кауфмана, очень и очень много сдѣлавшаго для ди-

каго и пустыннаго тогда края. Поплатилась мелкая рыбешка, а крупныя сомы и щуки остались въ своихъ прудахъ, а въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ вышли на широкія плеса административной рѣки... Но режимъ уже былъ не тотъ; грозная ревизіонная туча, давшая, однако, только мелкія молоньи, все-таки очистила и озонировала воздухъ.

Когда великимъ туркестанскаго міра было уже не до буквы «ѣ», я самовольно отмѣнилъ важную орфографическую реформу, возстановилъ честь этой буквы въ словѣ «смѣта», и теперь только въ архивахъ и въ складахъ контрольной палаты можно найти слѣды стараго бюрократическаго «усмотрѣнія» даже и въ грамматикѣ...

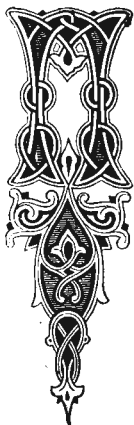
Ев. Смирновъ.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БУНТЪ.

(Разсказъ покойной матери).

ВРИХОЖАНЕ села Крестовки, гдѣ твой отецъ состоялъ священникомъ,—разсказывала моя матушка,—были потомки бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, по указу императрицы Екатерины Второй заселившихъ свободныя земли Исетской провинціи (Шадринскій, Камышловскій, Ирбитскій уѣзды Пермской губерніи). Отъ своихъ дѣдовъ, прадѣдовъ они знали, отъ какихъ мучительствъ «куда глаза глядятъ» разбѣгались ихъ прародители. Восьмидесятилѣтній крестьянинъ Степанъ Столбовъ разсказывалъ: «Не отъ добра бѣгали, отъ барской неволи-кабалы, что дикіе звѣри, по лѣсамъ рыскали, скрывались по раскольничьимъ скитамъ, уходили въ заморскія страны, попадали въ шайки разбойниковъ.

Мнѣ восемнадцать лѣтъ минуло, когда баринъ началъ нашу семью распродавать: дѣдушку Никиту продалъ въ Черкасы, родителя моего на борзыхъ кобелей промѣнялъ, мать подарилъ своей полюбовницѣ, меня съ двумя сестрами-подростками запродалъ въ столичный градъ Москву; разбилъ нашу семью, что злой Мамай провоевалъ! Не одна купля-продажа крѣпостныхъ людей, какъ домашнюю скотину, разгоняла по лѣсамъ кабалныхъ, всякихъ другихъ бѣдъ-напастей терпѣли отъ барской неволи немало,—одно слово: была неправедная кабала-неволя! Прогналъ насъ баринъ, разбѣжались мы куда глаза глядятъ; вольная грамота царицы собрала бѣглецовъ на р. Исеть. Слава Создателю, сейчасъ пишемся казенными крестьянами, родитель мой, Семенъ Столбовъ, умеръ свободнымъ

человѣкомъ, на вольной землѣ похороненъ, надъ нами живыми не виситъ барская неволя-кабала».

Церковный причтъ села Крестовки состоялъ изъ священника, твоего отца, дьячка Семеныча, понамаря Никиты и просвирни Екатерины Терентьевны, семидесятипятилѣтней старухи. Писарь «Сельской расправы» Аверьянъ Петровичъ, единственный между крестьянами грамотный человѣкъ, частенько заходилъ къ намъ въ домъ побесѣдовать. Передъ масленицей сорокъ второго года (1842) принесъ онъ намъ показать сѣмена и бумагу: приказывало начальство сѣять земляныя яблоки (картофель), прислали наставленіе къ посѣву. Всѣмъ причтомъ порѣшили: весной засѣять грядку, чтобы узнать расхваливаемое новое кушанье. О посадкѣ картофеля писарь прочиталъ на сельскомъ сходѣ, приказалъ составить приговоръ о согласіи на посѣвъ, ослушникамъ пригрозилъ неудовольствіемъ начальства. Развѣзжая съ требами по приходу, причтъ совѣтовалъ крестьянамъ сѣять картофель: указывали на подспорье въ хозяйствѣ, на замѣну картофелемъ хлѣба.

— Масленица прошла обычнымъ порядкомъ; гуляли, бражничили, разгуливали тройками на расписныхъ саняхъ, въ прощеньный день старики къ намъ заходили, пону въ ноги кланяться.

— Прости, о. Яковъ, можетъ, въ чемъ передъ тобой согрѣшили!

— Богъ проститъ! Меня простите грѣшнаго.

Началась великопостная служба, собирались въ церковь говѣльщики сотнями; послѣ крестопоклонной педѣли (четвертой) сразу опустѣлъ храмъ Божій. Дьячокъ Семенычъ принесъ недобрый вѣсти:

«Крадучись собираются мужики по гумнамъ, овинамъ, о чемъ-то совѣщаются. Зашелъ я вечеромъ въ овинъ старика Столбова, засталъ человѣкъ тридцать самыхъ уважаемыхъ прихожанъ, — громко разговаривали: увидѣли меня, замолчали, что въ ротъ воды набрали; повскакали съ ногъ, переглядываются, окружили, въ лицо заглядываютъ; оробѣлъ я, руки, ноги затряслись, пѣслу выговорилъ:

«— Богъ помочь, православные! О чемъ калякаете? Нельзя ли Семенычу бесѣды послушать, слово свое вымолвить?»

«— Проваливай по добру, по здорovu! Не твоего ума догадка въ наши дѣла мѣшаться: будешь подглядывать, уши настораживать, отшибемъ долгогривую голову». Вдогонку слышалъ: «Христопродавцы, какъ волковъ ни корми, на лѣсъ оглядываются, не подходи безъ топора къ окаяннымъ: съ волосами сѣдятъ, костей не оставляютъ. Продали своихъ поилцевъ кормильцевъ въ барскую кабалу за чортовы яблоки, женъ нашихъ, дѣтей не пожалѣли. Добремся, оборвемъ долгогривымъ головы!» Къ чему-то мужики готовятся, бывые друзья-пріятели стороной обѣгаютъ, бабы, дѣвки, малые ребята, что отъ чорта разбѣгаются.»

Писарь Аверьянъ Петровичъ принесъ вѣсти того хуже:

«Съ прочтенія бумаги о посадкѣ картофеля на сходѣ мужики меня, какъ медвѣдя, сторонятся, приговора не составляютъ, въ расправу никто не заходитъ, громко разговариваютъ:

«— Пусть черти попы, писаря разводять кабальныя яблоки, намъ, крестьянамъ, они не надобны! Отъ предателей защитимся, подъ барскую неволю не пойдемъ, живыми въ руки не дадимся. Украли, вороги, нашу вольную грамоту, запродали въ кабалу: мѣръ-общественники обсудить, постановить рѣшенье, разыщеть правыхъ, виноватыхъ».

Задумался твой отецъ, не допывалъ, не доѣдалъ; доносились худыя вѣсти изъ окрестныхъ приходоу, вездѣ волновался народъ, угрожалъ, церкви Воини пустыють. Подошла Страстная седмица; въ четвергъ, пятницу, субботу переполнилась церковь молящимися, церковный староста не успѣвалъ свѣчи продавать, отецъ съ дьяками повеселѣли.

— Образумился народъ, опомнился съ выносомъ святой плащаницы!

Ходила я на всѣ церковныя службы, видѣла: усердно молились, старики съ колѣнъ не вставали, обливался горькими слезами старикъ Столбовъ. Въ пасхальную утреню собрались тысячи молящихся, церковь не вмѣщала, заполняли ограду, прилегающую площадь. Одно бросалось въ глаза: женскій полъ, подростки, малые ребята отсутствовали. Съ зажженными свѣчами въ рукахъ двинулись кругомъ церкви встрѣчать воскресшаго Христа Спасителя: тихая весенняя ночь, сумракъ виситъ надъ землей, звѣзды въ небѣ блистають. Сорвалась вдругъ одна съ далекаго небосклона, ярко-огненной полосой пролетѣла надъ головами, тысячи народа вздрогнули, остановились. Весной въ воздухъ пахло, березовой почкой, гудѣла-шумѣла половодьемъ рѣчка Крутиха, ледъ тронулся, началась весна, крестьянская страда. «Христось воскресе!»—«Воистину Христось воскресе!» гудѣли въ отвѣтъ тысячи голосовъ.

Окончилась утренняя, крестъ цѣловали, всѣ съ попомъ, дьячками христосовались; по обычаю крашенихъ яицъ наложили корзину, поздравляли съ Свѣтлымъ Христовымъ воскресеніемъ. Отошла на восходъ солнца обѣдня; отхлынуль изъ церкви народъ, по домамъ не разошѣлся, не разѣхался, черной тучей собрался у зданія сельской расправы. Послѣ обѣдни зашли къ намъ въ домъ поздравить съ праздникомъ писарь Аверьянъ Петровичъ, дьячокъ Семенычъ, понамарь Микита, пропѣли «Христось воскресе», выпили по рюмкѣ вина, начали разговляться. Прибѣгаетъ захывающійся мужикъ Егоръ Баруль,—отецъ твой какъ-то его изъ бѣды выручилъ,—не выговорилъ, прохрипѣлъ:

— Отецъ Яковъ, батюшка! сходомъ порѣшили утопить тебя въ Крутихѣ, спасайся, сейчасъ подойдутъ!

Поблѣднѣлъ отецъ, губы дрожать, слова не можетъ выговорить.

— Бѣги на колокольню, отецъ Яковъ, — крикнулъ Семенычъ.

Отецъ убѣжалъ, крадучись, задворками разошлись остальные, осталась я въ домѣ съ двухлѣтнимъ Колей, пятимѣсячнымъ Сашей на рукахъ. Окружили крестьяне домъ безъ криковъ, вошли старики, между ними сѣдой, какъ лунь, Столбовъ, самый уважаемый старикъ въ приходѣ.

— Христось воскресе!... Съ праздникомъ!

Похристосовались, старикъ Столбовъ говоритъ:

— Если знаешь, говори: куда отецъ Яковъ нашу вольную, парицыну грамоту схоронилъ? Мѣромъ просимъ, умоляемъ—укажи. Не пойдемъ мы въ господскую неволю, женъ нашихъ, дѣтей въ кабалу не отдадимъ; смилуйся надъ нами, укажи, не дай погибнуть душамъ христіанскимъ, ради Господа, Царя Небеснаго, смилуйся!— заплакалъ старикъ, повалился мнѣ въ ноги.

— Передъ истиннымъ Богомъ Христомъ говорю, ничего я не знаю о грамотѣ.

— Тебѣ и знать нельзя, твое дѣло женское, подневольное, какъ и нашихъ бабъ, — вставая съ колѣнъ, говорилъ Столбовъ. — За себя съ ребятами не бойся; кто тебя обидитъ, добро твое похититъ, не сносить ему головы на плечахъ; караулъ поставимъ тебя оберегать. Скажи отцу Якову, пусть онъ покается, отдастъ нашу вольную грамоту: мѣръ крестьянскій проститъ для малыхъ дѣтей, зла помнить не будетъ. Не отдастъ по доброй волѣ, не пожалѣетъ насъ съ женами, ребятами, мы его не пожалѣемъ: выкуримъ съ колокольни, заставимъ отдать нашу грамоту, въ барскую кабалу не пойдемъ.

Обыскали домъ, вверхъ дномъ перевернули, рылись въ сундукахъ, ребячьихъ зыбкахъ, осмотрѣли конюшни, баню, огородъ. Меня бабы раздѣвали доната: ничего у насъ не было, ничего не нашли.

— Не находится грамоты въ поповскомъ домѣ, будемъ искать у другихъ, — рѣшилъ старикъ Столбовъ. — Допросимъ писаря, дьячка, понамаря, бабушку просвирню, допросимъ отца Якова. Сама ты, попадья, не опасайся, за ребятъ своихъ не бойся: ангельскія души отцовымъ дѣламъ не причастны. Отдастъ грамоту отецъ Яковъ, — мѣръ его помилуетъ, не отдастъ, не помилуетъ своихъ прихожанъ, — утопимъ въ Крутихѣ: переведемъ христопродавцевъ, съ корнемъ уничтожимъ, — такъ вы и знайте! — сурово говорилъ Столбовъ. — Сходи къ мужу на колокольню, ребятъ съ собой заberi, — ласково заговорилъ онъ: — покажись отцу Якову, чай, соскучился, напугался, обрадуется приходу. Передай ему наше мѣрское рѣшенье, старика Столбова онъ знаетъ, передъ скорой смертью неправды говорить не буду.

Ходила на колокольню, впускали, въ церковь выпускали безпрепятственно, старики говорили:

— Храма Господня касаться не будемъ, не примемъ грѣха на душу: вѣкъ на колокольнѣ пошъ сидѣть не будетъ!

Увидала заключеннаго—заплакала. Коля на руки къ отцу бросился. Крѣпился онъ, крѣпился, заплакалъ, на прощанье пере-крестилъ.

— Богъ васъ хранить, благословить!

Три дня сидѣлъ отецъ на колокольнѣ, кругомъ церкви народъ толпился, переговаривались.

— Выйди съ колокольни, о. Яковъ, отдай нашу вольную грамоту; ты, можетъ быть, невиновенъ, начальство приказало схоронить, противъ своей воли спряталъ. Не съ начальствомъ тебѣ жить, на-шимъ хлѣбомъ прокармливаешься: отдай грамоту, уничтожь за-продажную запись, верни кабалныя яблоки, живи съ нами по-ста-рому, дѣтей выращивай, добра наживай.

— Истиннымъ Богомъ, Христомъ Спасителя воскресимъ кля-нуть: не видѣлъ вашей грамоты о вольностяхъ, въ барскую неволю никто васъ не продавалъ: казенными крестьянами вы были, ими сей-часъ остаетесь.

— Разсказывай, пошъ, сказки, разводи горохъ на бобахъ! Знаемъ мы васъ, долгогривыхъ: стакнулись съ писарями-живодерами, продали барству поилцевъ-кормильцевъ; отдай, отецъ Яковъ, гра-моту добровольно, будемъ брать силой,—не помилуемъ.

Принялись крестьяне допрашивать писаря, выбили все стекла въ его домѣ, сгребли въ кучу, раздѣли Аверьяна Петровича донага.

— Подавай запродажную запись! Куда запряталъ нашу воль-ную грамоту? Сколько тысячъ получилъ за кабалныя яблоки? Не отдашь, не скажешь охотой,—заговоришь на стеклахъ!

Голый, тучный, трясся писарь, какъ осиновый листъ, стано-вился на колѣни, плакалъ, умолялъ.

— Пощадите, помилосердуйте! Не видывалъ грамоты о вашихъ вольностяхъ, не получалъ бумаги о барской кабалѣ: приказало начальство картофель разводить, сѣмена на посѣвъ прислали, чи-талъ вамъ объ этомъ на сходѣ. Не повиненъ предъ вами, Богомъ кля-нуть, не повиненъ!

— Не скули по-собачьи, крапивное сѣмя, знаемъ васъ, грабителей-кровопійцевъ: продали братству миръ православный! Бери его! катай по стеклянной кучѣ, обдирай собачье мясо: заговорить, куда спрятали грамоту, за сколько тысячъ насъ въ неволю продали.

Схватили, повалили на битое стекло, передергивали по кучѣ изъ стороны въ сторону. Кровь лилась что изъ рѣзаннаго барана, кричалъ писарь не человѣческимъ голосомъ; катали по стеклу, приговаривали:

— Нажилъ жиру, собачій сынъ, нагулялъ сала на мужицкой шеѣ, брюшину, что боровъ, отрастилъ, попробуй другого угощенья. Сообща съ попомъ кабалныя яблоки вытребовали, написали про-

дажную запись! Жилы вытянемъ, выпустимъ собачью кровь, правды добьемся!

Полумертваго, истерзаннаго приколотили за руки, ноги желѣзными гвоздями къ деревянному забору, тамъ онъ и скончался.

Схватили дьячка Семеныча, подвели къ колодцу, руки скрутили на спину, обвязали подъ пазузами веревкой.

— Сказывай по правдѣ, Семенычъ: куда попь съ писаремъ вольную грамоту схоронили? Кто отъ начальства затребоваль кабальныя яблоки? Читаль ты, подписываль кабальную запись?

— Не видываль, не читываль грамоты, не требоваль кабальныхъ яблокъ, Господь свидѣтель, правду говорю. Пусть глазаньки мои лопнуть, руки, ноги отсохнуть, разорвется грѣховное чрево: о вольной грамотѣ, продажѣ въ кабалу не слыхиваль. Грѣшенъ предъ Богомъ, передъ вами, мірянами, виноватъ: табакъ пюхаю, берестяныя табакерки мастерю, вино пью,—вась не продаваль. Скуденъ я отъ рожденья головой, умомъ своимъ недоволенъ, семеро ребятъ пить, ѣсть просять, начальствомъ напуганъ: кто пришлетъ дьячку Семенычу бумагу! Что я вамъ сдѣлалъ худого? Жили дружно, помогаль на помочахъ сѣно косить, пшеницу жать, молотить.

— Чего слушаете христомарца? Спускай долгогриваго въ колодезь!

Опустили Семеныча въ ледяную воду, продержали малое время, вытащили: съ бороды, волосъ вода течеть ручьями, посинѣлъ, дрожмя дрожить, зубъ на зубъ не попадаетъ, на ногахъ не держится.

— Сказывай, кутья, куда вольную грамоту схоронили, кто писалъ кабальную запись?

— Не-е виды-ывааль, Христо-ось свидѣтель, не виды-ывааль!—закоченѣлъ, едва слова выговариваетъ.

— Скрываетъ, опускай его въ колодезь долговолосаго!—разъ десятокъ окунали Семеныча въ ледяную воду, посинѣлаго, полумертваго принесли женѣ.

— Отогрѣвай мужа, истопи баню, подай вина стаканчикъ: оказался передъ нами неповиннымъ. Умреть онъ Божьимъ велѣнемъ, въ долгу передъ тобой міръ не останется, прокормить съ ребятами, съ голоду не умрете.

Понамаря Никиту разыскали въ конюшнѣ за колодой,—старый былъ человекъ, недужный,—лежалъ босой, въ рубахѣ, портахъ; за ноги вытащили,—трясется, что въ лихоманкѣ. Волокомъ вытащили къ собравшемуся въ оградѣ народу, поставили на ноги: валится на землю, что мѣшокъ съ трухой, со страху опачкался. Загудѣла толпа, загоготала, напало веселье.

— Ха-ха-ха! Го-го-го! Гороху съ рѣдкой объѣлся, кутейная балалайка, опился церковнымъ виномъ: кнутьями долговолосаго, растягивай на брюхѣ!

Грохнулся Никита на землю, приподнялся, снова грохнулся; лицо посинѣло, глаза выкатились, остеклѣли, пѣна изо рта клубомъ повалила, хрипитъ, корчится въ судорогахъ, отъ земли на аршинъ подбрасываетъ. Замеръ, затихъ народъ, стоять столбами... Никита на землѣ въ судорогахъ корчится... Одинъ по одному, что воры крадучись, разошлись безъ остатка.

Къ просвирнѣ зашли, Екатеринѣ Терентьевнѣ. Старуха накатывала просфорное тѣсто. Пасхальное тѣсто пользовалось особымъ почетомъ въ народѣ, просфора изъ пасхальнаго тѣста считалась особо святой, цѣлебной.

— Христось воскресе!... Сказывай, Терентьевна, куда пошь съ писаремъ нашу вольную грамоту схоронили? Укроешь христопродавцевъ, утопимъ тебя, старуху, вмѣстѣ съ злодѣями въ Крутихѣ.

— Ахъ вы нехристи бусурманскіе, ироды окаянныя!—завопила старуха;—развѣ не видите Господняго, пасхальнаго тѣста на столѣ? Пасхальнаго тѣста просфоры готовятся для престола Господняго, работаю въ первый день св. Пасхи, кромѣ святой молитвы, словъ другихъ нельзя говорить, вы пришли съ бусурманскими рѣчами! Кто въ отвѣтъ передъ Господомъ Богомъ за опоганенное тѣсто?—яростно наступала старуха на пришедшихъ.—Старую старуху просвирню грѣшить заставляете. Семьдесятъ пятый годъ живу на бѣломъ свѣтѣ, тридцать пять лѣтъ стряпаю святыя просфоры, такихъ охальныхъ словъ надъ святымъ, пасхальнымъ тѣстомъ не слыживала. Проваливайте!! Уходите съ Богомъ со Христомъ, не скверните святого тѣста!

— Старуха говорить правду, выходи, міряне!—скомандовала Столбовъ.

Пока крестьяне допрашивали писаря, Семеныча, понамаря Никиту, заходили къ просвирнѣ, у церкви оставались два-три чело-вѣка караульныхъ, сидѣли на лавочкахъ у воротъ ближайшихъ домовъ, доглядывали издали. Подѣхалъ верховой Егоръ Баруль, заговорилъ отъ церковной ограды съ лошади.

— Что будемъ дѣлать, отецъ Яковъ? Убьютъ тебя, какъ убили писаря, считаютъ главнымъ коноводомъ: попъ дѣлами орудуетъ, главный виновникъ кабальныхъ яблокъ, больше всѣхъ нахвалявалъ чортово порожденье!

— Съѣзди въ городъ, оповѣсти исправника.

Баруль поскакалъ,—до города разстоянья верстъ пятьдесятъ,—караульныя всполошились.

— Держи Баруля!.. Держи!.. Лови!.. Попъ ему грамоту бросилъ въ шелковомъ платкѣ!.. Увозить грамоту! Увозить!—сбѣжались тысячи, чело-вѣкъ двадцать верховыхъ бросились въ погоню, громада народа обступила церковь съ угрозами.

— Выходи, попъ! Не выйдешь добромъ, не покаешься народу, не пожалѣемъ твоей поады съ ребятами.

Побоялся выходить покойный, съ колокольной видѣль, что съ писаремъ сдѣлали, видѣль его мученическую кончину. Освирѣтѣль народъ: прибѣжали трое, вырвали изъ моихъ рукъ Колюшку, какъ подь ножомъ закричалъ ребенокъ. «Мамма-а!.. Маммааа!..» Рѣшилась я памяти. Принесли къ церкви ребенка, за ноги подняли на воздухъ, начали пороть розгами,—заво-опи-илъ! Отецъ выскочилъ, какъ сумасшедшій, къ народу бросился.

— Берите меня, оставьте ребенка!

— Давно покориться слѣдовало, не доводить народъ до грѣха!

Истязанья прекратились, какая-то женщина принесла мнѣ Колюшку: закоченѣль, зубы стиснулъ, голова не держится на плечахъ; премаялся съ недѣлю—умеръ.

— Хочешь жить, о. Яковъ, говори правду: куда нашу грамоту схоронили? Кто писалъ бумагу о барской кабалѣ? У писаря, дьячка Семеныча бумаги не нашли, у тебя спрятана,—говорилъ старикъ Столбовъ.—Заклинаю Господомъ Вседержителемъ, пожалѣй матерей съ малыи ребятами, не дай погибнуть въ барской неволѣ душамъ христіанскимъ. Смилуйся, отецъ Яковъ.

Старикъ плакалъ навзрыдъ, умолялъ, упрашивалъ, отецъ молчалъ. Обвязали веревкой, концы перебросили съ берега на берегъ, начали передергивать съ одной стороны на другую: вода ледяная, окунали съ головой, захлебывался, выдергивали на воздухъ. Посинѣлаго, безъ памяти, принесли на рукахъ къ нашему дому, сдали мнѣ на руки.

— Получай мужа, три дня жизни мѣръ ему назначилъ: не отдастъ нашей вольной грамоты, утопимъ въ колодцѣ!

Выставили къ дому караулы, разошлись.

Коля въ жару мечется, Саша въ зыбкѣ кричитъ, надсѣдается, Яковъ Ерастовичъ въ кровати лежитъ синій, зубы стиснулъ, глаза остолбенѣли, вдругъ громко проговорилъ:

— Не покидай дѣтей, на Бога надѣйся!—повернулся къ стѣнѣ, заговорилъ непонятное.

Ночь прошла, день прошелъ, еще одна ночь миновала, съ разсвѣтомъ четвертаго дня началъ народъ къ дому собираться, громко разговариваютъ.

— Пора хлѣбъ сѣять, стосковалась по зернышкамъ земля кормилица.

— Чего говоритъ! ведрышко Господне наступило: парно, тепло, благодать.

— Заварилъ мѣръ заваруху, за грѣхи наказалъ Господь, рабочее время не терпитъ: съ попомъ надо покончить.

— Извѣстное дѣло покончить, въ барскую неволю-кабалу кому охота отдаваться: либо намъ не жить, либо поцу, другихъ исходовъ миру не предвидится.

— Въ ту, другую сторону—окончить надо.

Собрались передь окнами тысячи, гудѣла людская туча, гуломъ переливалась по комнатамъ, громовыми перекатами отдавалась въ ухахъ. Отецъ очнулся, приподнял голову съ подушекъ, говорить:

— Поднеси дѣтей... подойди... простимся!—черный, какъ уголь, глаза ввалились, по щекамъ текутъ слезы, руки трясутся: благословилъ, поцѣловалъ дѣтей, меня обнялъ.

— Выращивай!... Богъ благословить!

Вошли старики, бороды сѣдыя, лица угрюмыя, тѣснятся другъ къ другу, тяжело вздыхаютъ, вздрагиваютъ; Степанъ Столбовъ, блѣдный, блѣдный, придвинулся къ кровати.

— Собирайся... отецъ Яковъ... мѣръ требуетъ... указаль...

Подхватили подъ руки, потащили на рукахъ.

— Ты... попадья... съ нами... не ходи...—заикаясь, глухо говоритъ Столбовъ:—сиди съ ребятами... мѣръ... не оставить...

Поднесли отца къ колодцу, поддерживаютъ руки.

— Гдѣ вольная грамота, запродажная запись? Последній разъ спрашиваемъ, отецъ Яковъ!— дико выкрикнулъ Столбовъ.

— Неповинень... писарь... дьячокъ... неповинны!.. Господомъ Богомъ... клянусь... пресвятой Богородицей...

— Бери долговолосаго!

Придвинулись, сняли шапки, торопливо крестятся: почернѣлыя лица, глаза ввалились, налились кровью,—подхватили на руки.

— Гдѣ грамота... кабальная запись? Не дай погибнуть православному міру!..

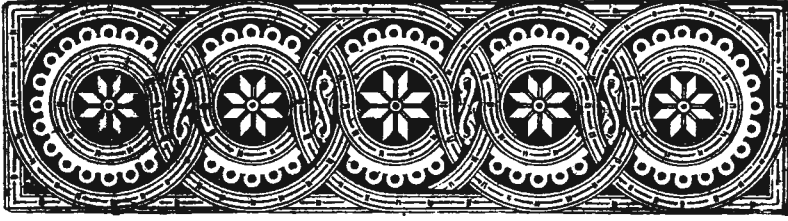
— Непови-нееень!—пронеслось надъ толпой.

— Время рабочее, заканчивай, мѣряне!—прохрипѣлъ Степанъ Столбовъ.

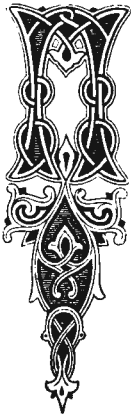
Случилось въ это время неожиданное спасенье: забрякали колокольчики, загремѣли по улицѣ телѣжныя колеса, солдаты съ ружьями подѣхали къ расправѣ: шарахнулся народъ отъ колодца, отца на землю бросили, нашли его безъ памяти. Солдаты, казаки въ Крестовку нахлынули, привезли пушки, прибылъ генералъ Глинка... началось усмиреніе...

В. Кокозовъ.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО.

РОСМАТРИВАЯ архивъ моего покойнаго отца И. Д. Путилина, бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ и позднѣе— до конца восьмидесятыхъ— начальникомъ петербургской сыскной полиціи, я натолкнулся на одну рукопись, трактующую о возникновеніи въ Россіи «тайнаго общества», съ указаніемъ въ ней причинъ къ возрожденію послѣдняго, съ точки зрѣнія сторонниковъ революціонной доктрины, а также первоначальныхъ формъ организациі его, получившаго въ первой стадіи развитія, по составленіи и регламентациі за границей устава, названіе «революціонный союзъ».

Рукопись эта, собственноручно переписанная И. Д. Путилинымъ (что, несомнѣнно, свидѣтельствовало о секретности и серьезности ея содержанія), относится по времени составленія къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ и, какъ поднимающая край завѣсы въ смутной эпохѣ общественнаго движенія «шестидесятниковъ», думается, и теперь, спустя полстолѣтія, не утратила нѣкотораго интереса для современнаго читателя.

Обратимся же къ ея содержанію ¹⁾.

¹⁾ Содержаніе рукописи Путилина далеко не соответствуетъ многимъ фактамъ тогдашней отечественной дѣйствительности, но она представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ опредѣленный слѣдъ въ дѣятельности сыскной полиціи шестидесятыхъ годовъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности точно сказать о начаткахъ и развитіи тайнаго общества; оно быстро распространилось по всей странѣ и проникло во все сословія, наэлектризованныя могучимъ словомъ «свобода». Уставшіе почти тридцать лѣтъ носить на себѣ гнетъ самаго худшаго деспотизма—деспотизма солдатчины, наконецъ, горько обманутые цѣлымъ рядомъ не сбывшихся надеждъ на лучшіе дни новаго царствованія, униженные позорнымъ исходомъ крымской войны, поглотившей все наши матеріальныя богатства, истощившей наши нравственныя силы, оскорбившей чувство національнаго достоинства, разрушившей вѣковую увѣренность въ непобѣдимость нашихъ войскъ,—люди всехъ сословій цѣлыми массами переходили въ лагерь недовольныхъ.

Правительствомъ были недовольны вездѣ: и на ступеняхъ трона, и въ самой бѣдной хижинѣ, и въ особенности въ рядахъ войскъ.

Недоволенъ былъ судья на своемъ стулѣ и обвиняемый, стоящій предъ нимъ съ грустнымъ сознаніемъ своей безпомощности противъ азіатскаго произвола и тупого насилія. Пронаганда существовала вездѣ, потому что недовольство распространилось повсюду!..

Такъ шло нѣсколько лѣтъ. Манифестъ 19-го февраля только отсрочилъ катастрофу, но далеко не устранилъ подготовлявшіе ее мотивы.

Земскія сословія, помѣщики и крестьяне, были поставлены въ положеніе еще болѣе ложное.

Обнищавшіе помѣщики увеличили кадръ недовольныхъ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ крестьяне были готовы подняться, какъ одинъ человекъ!..

Но агитація, еще не успѣвшая получить правильной организаціи, опоздала: прокламаціи, которыя должны были открыть народу новые горизонты, не состоялись. Тѣмъ не менѣе народъ не удовольствовался скудной подачкой и ни на минуту не переставалъ ждать «новой воли».

Къ концу 1860 года тайное общество социаль-революціонеровъ было уже такъ многочисленно, что требовало правильной и строго дисциплинированной организаціи, такъ какъ предварительныхъ какихъ-либо уставовъ до этого года еще не было. Съ этой цѣлью начались періодическія сходы недовольныхъ правительственнымъ режимомъ молодыхъ людей всякаго рода сословій во-кругъ передовыхъ людей движенія; начались составляться кружки, въ которыхъ вырабатывались различныя предположенія относительно сплоченія въ единое цѣлое массы недовольныхъ правительствомъ; въ послѣдствіи эти кружки получили названіе «революціонный союзъ».

Однимъ изъ кружковъ «революціоннаго союза» тотчасъ же былъ выработанъ общій уставъ союза, который для окончательной редакціи и напечатанія былъ отправленъ съ Мирскимъ за границу.

Послѣднему вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено ознакомить съ ходомъ революціоннаго дѣла въ Россіи извѣстнаго эмигранта и сторонника социаль-революціонной доктрины Герцена и заручиться его помощью и совѣтами.

Одновременно съ организаціею тайнаго общества былъ поднятъ вопросъ объ его дѣйствіи.

Не желая никому навязывать своихъ личныхъ мнѣній, тѣ же организаторы тайнаго общества признали нужнымъ всесторонне ознакомиться съ мнѣніями и желаніями всѣхъ слоевъ и классовъ населенія и потомъ уже съ ними сообразовать свои дѣйствія на заранѣе подготовленной почвѣ.

Въ видахъ этихъ Мирскому было поручено написать и напечатать прокламаціи къ молодому поколѣнію, К.¹⁾—воззваніе къ крестьянамъ и солдатамъ.

По возвращеніи Мирскаго изъ-за границы было приступлено къ организаціи общества.

Между тѣмъ, во время отсутствія Мирскаго изъ Россіи въ личномъ составѣ тайнаго общества произошли большія перемѣны: нѣкоторые вліятельные чины, убѣдившись въ непрочности общества и невозможности при современномъ ему настроеніи умовъ населенія произвести государственный переворотъ даже въ далекомъ будущемъ, а потому считая задачи тайнаго общества утопіею, вышли изъ его состава.

Въ союзъ вступили новые члены, которые на первыхъ же шагахъ приступили къ организаціи добавочныхъ отраслей управленія, настаивали и ввели въ основу принятіе самыхъ строгихъ мѣръ къ сохраненію тайнъ общества, затѣмъ, учитывая такіе факты, добытые агентами тайнаго общества, какъ общее озлобленіе крестьянъ противъ помѣщиковъ, а съ другой стороны, неготовность нѣкоторыхъ частей войска стать на сторону притѣсняемыхъ крестьянъ, эти новые члены союза организовали дружину земскаго ополченія на средства, пожертвованныя богатыми людьми, сочувствующими стремленіямъ тайнаго общества къ государственному перевороту.

Указанные выше факторы послужили импульсомъ для пересмотра устава тайнаго общества «революціонный союзъ», редактированнаго и напечатаннаго за границей Мирскимъ и К^о.

Такой пересмотръ устава былъ порученъ особой комиссіи, работавшей подъ наблюденіемъ организаціоннаго комитета, издававшего тогда время отъ времени листокъ подъ названіемъ «Великоруссь».

Цѣль этого подпольнаго изданія была въ сущности та же, которая руководила издателей первыхъ пуценныхъ къ молодому по-

¹⁾ Очевидно, кн. Кропоткину.

Авт.

колѣнню и въ народъ прокламацій, т.-е. ставить вопросы, и при томъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, не навязывать публикѣ своихъ мнѣній, а узнавать желанія народа и съ ними сообразовывать дальнѣйшія дѣйствія союза.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1860 года организаціонный комитетъ кончилъ свои работы надъ окончательнымъ пересмотромъ устава тайнаго общества «революціонный союзъ», въ редакціи упомянутой выше организаціонной комиссіи, и съ этого момента общество получило свою окончательную организацію, подъ новымъ уже названіемъ: «общій революціонный союзъ», съ эпиграфомъ: «Къ союзу принадлежать всѣ друзья свободы, какое бы они положеніе въ современномъ обществѣ ни занимали».

Составъ союза.

Верховная всероссійская дума (въ Петербургѣ) признается главою и состоитъ подъ предсѣдательствомъ трехъ верховниковъ. Число думныхъ, т.-е. присутствующихъ лицъ, не превышаетъ двадцати пяти. Ей подчинены три центральныхъ комитета и тридцать одинъ окружный комитетъ. Власть думы есть законодательная власть союза. Всякое постановленіе думы, окончательно рѣшенное большинствомъ голосовъ, имѣетъ силу закона, обязательнаго для всѣхъ посвященныхъ членовъ союза.

Обязанности верховниковъ.

Каждый верховникъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій. Первый верховникъ предсѣдательствуетъ въ верховномъ трибуналѣ, состоящемъ изъ десяти членовъ-распорядителей. Онъ вѣдаетъ внутреннюю организацію войска, составленіе плана военныхъ дѣйствій, заготовленіе вооруженія.

При этомъ верховникѣ состоятъ три временные комитета: первый—«агитація регулярныхъ войскъ», второй—«казачій» и третій—«морской». Второй верховникъ предсѣдательствуетъ въ финансовомъ комитетѣ, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ суммы, поступающія изъ окружныхъ комитетовъ; при немъ состоитъ и комитетъ агитаціи всего торговаго сословія.

Третій верховникъ вѣдаетъ внутреннія дѣла союза; при немъ состоятъ комитеты: агитаціи раскольниковъ, людей податнаго сословія, духовенства, полиціи, почтъ и педагогическій.

Сверхъ трехъ верховниковъ на одномъ изъ членовъ думы лежитъ обязанность руководить внѣшними сношеніями союза. Это лицо ¹⁾ постоянно живетъ за границей и носитъ титулъ предсѣдателя коми-

¹⁾ Повидимому, Огаревъ.

А в т.

тета внѣшнихъ сношеній. На его обязанности лежитъ узнавать окольными путями, какъ каждая изъ иностранныхъ державъ откликнулась на государственный переворотъ, если бы онъ совершился въ Россіи.

Примѣчаніе. Члены думы и въ особенности верховники состоятъ изъ лицъ высокопоставленныхъ въ обществѣ, съ фамиліями громкими и уважаемыми, и по уставу союза они, т.-е. верховники, въ рѣшительныя минуты дѣйствія удаляются въ ближайшую иностранную державу и, образовавъ тамъ «верховный трибуналъ», объявляютъ свои имена.

Центральные комитеты.

Вся власть исполнительная принадлежитъ центральнымъ комитетамъ.

Каждый изъ центральныхъ комитетовъ вѣдаетъ десятью окружными комитетамъ, въ кои онъ сообщаетъ всѣ распоряженія верховной думы и получаетъ отъ нихъ донесенія о состояніи округовъ.

Центральные комитеты находятся:

1) Въ Москвѣ—имѣетъ названіе: «московскій революціонный комитетъ»; онъ издаетъ циркуляры, печатаетъ прокламаціи, завѣдуетъ типографіями, литографіями и архивомъ союза, въ которомъ хранятся всѣ важныя документы и бумаги.

2) Въ Кіевѣ—комитетъ польско-малороссійскій; его обязанности тѣ же, какъ и перваго, но, кромѣ того, онъ организуетъ «легіонъ», и чрезъ него производятся всѣ сношенія союза съ польско-варшавскимъ комитетомъ (вербовка въ «легіонъ» производится тѣмъ же путемъ, какъ въ «земское ополченіе»; названія имъ присвоены: «казаковъ» и «печатниковъ», съ выдачей имъ отъ союза особыхъ знаковъ).

Сношенія варшавскаго комитета съ малороссійскимъ производятся чрезъ организованную варшавскими революціонерами особую почту.

3) Въ Одессѣ или Харьковѣ—южный центральный комитетъ съ тѣми же функціями, какъ первые два, но безъ снабженія онаго типографіями и литографіями.

Центральные комитеты состоятъ изъ всѣхъ наличныхъ членовъ, находящихся на мѣстѣ.

Обязанности членовъ не опредѣляются никакими инструкціями, но, руководствуясь предписаніями думы, члены уполномочены дѣйствовать по своему личному усмотрѣнію, соображаясь съ положеніемъ дѣла въ данный моментъ.

Уже къ концу 1860 года въ московскомъ центральномъ комитетѣ состояло до 150 членовъ, въ малороссійскомъ гораздо болѣе, въ южномъ же значительно меньше.

Окружные комитеты.

Каждый окружный комитетъ состоитъ изъ пятнадцати наличныхъ членовъ, присутствующихъ на мѣстѣ, и составляетъ постоянный трибуналъ своего округа. Завѣдывающій дѣлами округа доноситъ центральному комитету о ходѣ дѣла своего округа.

Эти пятнадцать членовъ есть собственно чиновники окружныхъ трибуналовъ, вѣдающіе всѣ внутреннія дѣла своего округа. Они обязаны выбрать для союза еще пятьдесятъ членовъ, составляющихъ, такъ сказать, подвижной резервъ, изъ котораго комплектуются всѣ почему-либо выбывшіе члены комитета.

Члены эти не посвящены въ тайны союза; ихъ назначеніе составлять вокругъ себя кружки, стараться всѣми путями вводить во всѣ слои населенія революціонныя идеи. Эта первая, т.-е. самая низшая, ступень составляетъ періодъ испытанія.

Члены первыхъ степеней не имѣютъ никакихъ правъ, даже права представленія (?) другихъ членовъ; они обязаны свято хранить свою тайну, терпѣливо, въ духѣ покорности и вѣры дожидаться очереди и всегда быть готовыми къ минутѣ дѣйствія.

Имъ неизвѣстенъ не только составъ союза, но даже и составъ комитета, къ которому они приписаны, а также и имя того начальника, отъ котораго они получаютъ непосредственное приказаніе.

Имъ извѣстна печать своего округа, получаемыя приказанія за этой печатью они немедленно обязуются безпрекословно исполнить, и это дѣлается по отношенію ихъ только по истеченіи извѣстнаго срока; въ первое же время предпринять то, что нужно, или что-либо сообщить—передается чрезъ того члена, которымъ былъ рекомендованъ находящій на испытаніи.

Сверхъ того членамъ союза запрещается вступать во всякое другое тайное общество; зато никто не мѣшаетъ имъ образовать отдѣльную и независимую сферу дѣйствія.

Каждый изъ членовъ можетъ вывѣдывать мысли своихъ знакомыхъ, которыя найдетъ достойными этого, и приобрѣтать ихъ содѣйствіе въ рѣшительную минуту.

Такимъ образомъ, отъ этихъ членовъ союзъ имѣетъ двойную выгоду: они дѣйствуютъ активно, и они уже готовятъ горячіе элементы изъ состава населенія для общаго дѣла революціи.

Въ видѣ исключенія въ члены первой категоріи допускаются иногда и женщины.

Нравственная сила союза—агитація.

А г и т а ц і я .

Агитация есть прямая обязанность каждого члена революционной ассоциации, независимо от того, къ какой бы онъ степени посвященія ни принадлежалъ.

Руководители агитации—суть агитационные комитеты, состоящие въ вѣдѣніи каждого изъ верховниковъ.

Эти комитеты посредствомъ своихъ эмиссаровъ знакомятся съ требованіями, нуждами и желаніями наблюдаемаго имъ сословія, составляютъ инструкціи, рассылаемыя центральными комитетами для руководства всѣмъ посвященнымъ членамъ союза.

Такъ, напримѣръ, составивъ себѣ ясное понятіе о желаніяхъ, требованіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ старообрядческихъ толковъ, агитационный комитетъ дѣйствуетъ обѣщаніями даровать раскольниковъ полную свободу вѣроисповѣданія и право свободной проповѣди своего ученія, учрежденія метрополіи во Владимирѣ и устройства собора въ Москвѣ, отмены паспортовъ, уничтоженіе (?) идеи о божественномъ правѣ царя (который, если останется царствовать, будетъ именоваться не царемъ «Божьей милостью», а царемъ «воли народной»). Органомъ агитационнаго комитета служитъ газета «Вѣче».

Въ этомъ же духѣ, съ указаніемъ на существующее зло отъ правительственнаго режима въ настоящемъ, съ допущеніемъ всевозможныхъ клеветъ на монарха и правительство, съ обѣщаніемъ благодѣтельныхъ и широко либеральныхъ реформъ въ будущемъ должны, по уставу союза, дѣйствовать и всѣ остальные агитационныя корпораціи, учитывая тотъ фактъ, что недовольство государственнымъ строемъ пустило глубокіе корни въ современное общество, въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія, вполне нынѣ дозрѣвшаго до яснаго пониманія гнетущихъ его злоупотребленій на почвѣ всякаго рода правительственныхъ мѣропріятій.

Сообщилъ К. И. Путилинъ.

НА БОГОМОЛЬѢ.

(Штрихи).

А ВЕЧЕРЬЮЩЕМЪ небѣ знойнаго іюньскаго дня сбоку медленно надвигалась, громыхая отдаленными раскатами, полосатая, изжелта-сѣрая туча, какъ злое чудище, что тянется охватить затемненные просвѣты небосклона...

Съ высокой колокольни стоящаго на довольно значительной возвышенности городка бѣлаго каменнаго собора несется и быстро гаснетъ въ насыщенномъ дыханьемъ близкой грозы воздухѣ протяжный колокольный звонъ.

Въ просторныхъ церковныхъ сѣняхъ, у ларька со свѣчами, на ступенькахъ лѣстницы и прямо на землѣ, въ тѣневой части ограды уже сидятъ, въ ожиданіи всенощной, богомольцы, ежедневно толпами приходящіе сюда, въ Кашинъ, къ новой чудодѣйной гробницѣ тверской княгини Анны.

Вокругъ все больше простой народъ, съ клюкой и мѣшкомъ за плечами, понурый, грустный, алчущій и жаждущій.

— А исцѣленія, матушка, часто бываютъ?—робко, но съ сомнительной ноткой въ голосѣ спрашиваетъ у старой монахини съ узкимъ коричневымъ лицомъ византійскаго письма молоденькая горожанка въ синей люстриновой юбкѣ и зеленомъ, съ красными горошинами платочкѣ на головѣ.

— А ты, миленькая, какого же исцѣленья молишь?—медленно шамкаетъ монахиня, не поворачивая головы и набожно перебирая четки.

Дѣвушка широко улыбается и говоритъ:

— Никакого мнѣ, матушка, испѣленья не надо, тоись, а вотъ пришла я, значить, изъ Тулы указанье получить отъ преподобной.

— Указанье-то какое же?

— Жениха, значить, лишилась я... Умеръ и даже очень скороспично! Въ лакеяхъ у Чайкина, въ гостиницѣ будетъ, служилъ, простудился да въ банѣ попарился и еще больше, значить, болѣть сталъ, а къ посту все хуже да хуже пошло, такъ вотъ грѣшнымъ дѣломъ и померъ...

— Очень скучаешь, плачешь?—полюбопытствовала собесѣдница, шевеля четками.

— Не то, чтобъ ужъ очень, матушка,—довѣрчиво призналась горожанка, вытирая пальцами выступившія на лбу капли пота:— а все же, значить, жалко... а окромя того: что жъ мнѣ съ дѣвчонкой-то дѣлать?

Монахиня изумленно повернулась къ ней лицомъ.

— Да вѣдь ты, миленькая, кажись, сказала, женихъ онъ твой былъ,—какой же это ребенокъ-то, откуда?

— Мой, значить, тетенька... Что жъ, всякое бываетъ... А кабы не умеръ, женился бы обязательно...

— А какъ же это случилось-то?—вдругъ заинтересовалась черная весталка съ коричневымъ, иконописнымъ лицомъ.—Какъ же это вдругъ?

— Совсе не вдругъ, тетенька, а я годъ цѣльный, значить, была съ нимъ знакома. Сначала ходилъ,—я у сестры замужней жила,— все изюмомъ да сѣмечками угощалъ, а потомъ сталъ съ собой въ трактиръ звать, а тамъ чаемъ да пивомъ поить и обнимать сталъ...

— Обним-а-ать?—изумилась монашка.

— Да, обнимать да цѣловать,—и дѣвушка бойко тряхнула полной грудью, явственно обрисовывавшейся подъ тонкой бѣлой кофточкой:—а я ну отбиваться, а онъ и говоритъ: «Не бойсь, Марѳеуша, все едино вмѣстѣ, значить, подъ вѣнцомъ жить будемъ... А ты, говоритъ, домой не ходи, а со мной побудь... И повезъ меня, значить, къ себѣ... Такъ съ естой самой ночи лукавый и попуталъ.. А ужъ потомъ я, матушка, и стергаться бросила: все равно, думаю...

Началась всеночная. Изнутри послышалось гѣніе. Храмъ сталъ быстро наполняться.

Ожидавшіе службы у церкви потянулись внутрь.

Гроза приближалась, и съ неба точно сыпался каменный дождь надъ самой церковью.

— Съ нами крестная сила!—вымолвила старушка своимъ беззубымъ ртомъ... А ты, милая, указанья не жди,—уронила она вполголоса въ сторону покраснѣвшей дѣвушки.

— А какъ же, тоись, быть-то мнѣ?—заволновалась Марѳеуша.

— Какъ быть, сама размысли... Ребенка, созданье Божье, не покидай,—великій грѣхъ будетъ! А сама-то вотъ замужъ выходи, коли возьмутъ: такъ-то одной хуже остаться—по кривдѣ пойдешь... А никакого указанья не проси,—развѣ можно преподобную попусту тревожить? Сама, нешто, додуматься не сможешь? Туда же, преподобную тревожить вдумала! Ну, иди, иди... Богъ да сохранить!

И черная, длинная и сухая, какъ палка, фигура плавно исчезла въ темнотѣ храма.

Когда я вошелъ въ соборъ вмѣстѣ съ другими, тамъ уже было душно и тѣсно. Шедшіе сзади туго напирали на переднихъ, и огромная беспокойная толпа разношерстныхъ богомольцевъ, идущихъ сюда съ разныхъ концовъ Россіи, взволнованно и нервно протискивалась впередъ, къ ракъ.

Гроза наконецъ разразилась проливнымъ дождемъ, который яростно барабанилъ въ узкія церковныя окна, то и дѣло озаряемая синими зигзагами молній, бороздившей совсѣмъ вдругъ потемнѣвшее небо.

А тамъ, у гробницы, высоко стоящей во храмѣ, направо отъ алтаря, подъ широкимъ пурпуровымъ шатромъ, разукрашеннымъ пестрой вереницей разноцвѣтныхъ, мерцающихъ мирнымъ сіяніемъ лампадъ, колѣнопреклоненная на широкихъ ступеняхъ у подножья раки толпа скорбно вздыхала, горячо молилась, громко каялась, призывая милость и заступленье той, чей прахъ въ прославленны покоился теперь въ раззолоченной гробницѣ, но чьи мощи издревле лежали здѣсь и чтились въ простыхъ сердцахъ обрѣтавшей у нихъ исцѣленье народной массы.

— Матушка, преподобная княгиня Анна, помоги и спаси!

— Заступницей предъ Богомъ будь, милостивая!

— За прегрѣшенія наши помолись, заступница!

— Молитвенница наша, моли Бога о насъ!

И эти сердечные вопли души плавно сливались воедино съ истоковой церковной службой, а у озаренной обильными восковыми свѣчами и лампадами раки сладкозвучно лились несмолкаемые тропари, и легкими прозрачными кольцами поднимался кверху синеватый дымъ кадильницъ.

Гроза капризно умчалась дальше, раскаты грома уже слышались откуда-то издали, а дождь почти пересталъ, какъ вдругъ гдѣ-то въ темномъ углу собора что-то заѣкало, затряслось, застонало, послышались судорожныя выкрикиванія все громче и громче...

— Охъ, не могу больше, охъ, силушки моей нѣтъ, отпустите меня, грѣшную, къ преподобной подойти *онъ* мнѣ не даетъ, душеньку мою мучить,—вопилъ чей-то женскій молодой голосъ, захлебываясь рыданьями.

Всѣ стали невольно вглядываться въ ту сторону, откуда все пронзительнѣй и визгливѣй раздавались крики и рыданья.

Молодая рыжеволосая румяная дѣвушка мучительно билась на рукахъ своихъ спутниковъ, пожилой женщины съ черной повязкой на головѣ, какія носятъ среди мелкаго купечества, и юноши-подростка.

— Ишь, лукавый ее опуталь,—послышались сердобольные голоса въ толпѣ.

— Ужь онъ свою, значить, жертву отыщеть, ничего не подѣлаешь,—разъяснялъ мужичокъ съ козлиной бородкой и багровымъ носомъ.

— Какъ такъ не подѣлаешь? А молитва-то зачѣмъ же «и избави насъ отъ лукаваго»? Молиться нужно и лукавый не страшень,—возразила старушка въ рваной душегрѣйкѣ.

— А я тебѣ говорю: какъ засядеть, значить, въ тебя лукавый, такъ его, тоись, коломъ не вышибешь,—возражала козлиная бородка.

— Должно, въ тебѣ, дяденька, лукавый-то плотно засѣлъ,—вмѣшался въ разговоръ высокій парень съ шустрыми глазами, изъ фабричныхъ.—Ишь, носъ-то онъ тебѣ какъ здорово разрисоваль!

Вокругъ захихикали.

— А ты, молокососъ, чего ввязался?

— Носище-то твой самый, говорю, отъ лукаваго будетъ...

— Перестаньте вы, грѣховодники, зубоскалить,—вѣдь, чай, во храмѣ Божиємъ, али нѣтъ?—съ укоромъ кинула имъ молодая милостивая монашенка, быстро протискиваясь отъ гробницы къ продолжавшей вопить кликушѣ.

— Порченая, порченая, увести ее надо поскорѣй, зачѣмъ ее здѣсь мучить?—раздавались голоса вокругъ дѣвушки.

Пожилая женщина и подростокъ съ туповатымъ лицомъ, изъ подмастерій, уже совсѣмъ выбивались изъ силъ, стараясь оттащить больную къ выходу. Она не давалась и все билась на одномъ мѣстѣ, готовая упасть въ истерическомъ припадкѣ. Роскошныя косы золотистыхъ кудрей выбились изъ-подъ платка и окутали плечи... Голосъ становился глухой, сдавленный...

— Зачѣмъ вы ее въ церковь водите?—спрашивали любопытные у пожилой женщины, помогая ей сдерживать больную.

— А какъ не водить, когда сама все просить: поведи меня, тетя, къ преподобной княгинѣ! Ну, вотъ и пойдемъ мы съ ней сюда,—она племянницей мнѣ послѣ мужа приходится, а тутъ вотъ на нее иной разъ какъ наскочить...

— А давно это началось съ нею?

— А вотъ какъ въ крѣпость стала входить и жениха мы ей искать начали, да все не по вкусу приходилъ... Сама, вишь, ка-

кая здоровая да статная, а намъ все заморыши какіе-то попадались...

— Лечить бы надо...

— Ужь и лечила я ее, да все проку нѣтъ,—и на глазахъ женщины сверкнули слезы.

— А часто это съ ней?

— Какъ дома сидить,—ничего, работаетъ, руководѣльничаетъ, мнѣ во всемъ помогаетъ, а вотъ какъ во храмъ къ преподобной войдетъ...

— Отъ лукаваго никакъ, значить, не убережешься,—опять ввязалась въ разговоръ козлиная бородка.—Какъ застрянетъ, поганый, такъ его и коломъ не выбьешь...

— Да замолчи, лепетунъ ты этакій,—тебя вѣдь не спрашиваютъ,—строго оборвала козлиную бородку съ запахомъ сивухи расторопная молодая монашка, заботливо и энергично помогая пожилой женщинѣ провести больную сквозь толпу къ дверямъ церкви.

Всенощная шла къ концу.

Небо совсѣмъ расчистилось.

— И отчего это, право, такія вотъ лихія напасти только съ бабами да съ дѣвками приключаются, а нашего брата это мимо идетъ?—весело улыбаясь, спросилъ меня на панерти мой сосѣдъ по гостиницѣ, бѣлокурый и длинный студентъ московской духовной академіи Евгений Никаноровичъ, ведя взоромъ по направленію удалявшейся рыжей дѣвушки.

— А потому, что бабы слабѣе насъ,—рѣшилъ его братъ, курчавый восьмиклассникъ Миша, который шелъ рядомъ.

— А ты почему это знаешь?—спросилъ студентъ.

— А то какъ же? Зміи библейскій сколько разъ Адама искушать пробовалъ и все понапрасну, а Еву соблазнилъ по первому абцугу!

Мы пошли вмѣстѣ книзу, въ городъ, и присѣли на лавочку въ тощемъ скверикѣ, вблизи собора. Тутъ сидѣло много всякаго народа, бывшаго у всенощной.

Разговоры, конечно, все больше шли о преподобной княгинѣ Аннѣ, вдовѣ удѣльнаго князя тверского, Михаила Ярославовича, безвинно замученнаго въ 1319 году въ Золотой Ордѣ. Послѣ смерти мужа молодая княгиня, дочь ярославскаго князя Дмитрія, постриглась въ монахини и жила сначала въ тверской женской обители, а потомъ, по просьбѣ любимаго ея сына Василія, удѣльнаго князя кашинскаго, переселилась въ Капшинъ. Здѣсь князь выстроилъ для матери монастырь, гдѣ княгиня и была похоронена въ 1368 году.

— Чудеса начались еще во времена лихолѣтья,—разсуждалъ толстый купчикъ московскаго покроя, вертя въ рукахъ кни-

жечку съ изображеніемъ святой:—при царѣ, значить, Васильѣ Шуйскомъ. Четыре раза литовцы Кашинъ городъ окружали, а взять все же не смогли.

— Ну, и что же? Видѣнье, надо полагать, какое было?—полюбопытствовалъ собесѣдникъ съ сѣдой окладистой бородою.

— Ничего, значить, такого прочаго не было, а только вотъ тутъ пропечатано,—и толстякъ ткнулъ пальцемъ въ книжку:—что жители Кашина рѣшили, что ихъ спасенье, дескать, не проста, а, значить, по божественной помощи...

— А при чемъ же тутъ преподобная-то?

— Миколка, Миколка, зовуть балаболка, что скажетъ—не смажетъ, а всю правду предскажетъ!—вдругъ заголосилъ у насъ надъ ухомъ высокій, плотный дѣтина, совсѣмъ еще молодой, румяный и недурной собой парень въ одной короткой полосатой рубахѣ, едва доходившей до колѣнъ, и рваномъ картузѣ на затылкѣ. Онъ весело улыбался, откусывая по временамъ отъ бѣлой булки, которую мялъ въ рукахъ.

— А это что жъ такое?—удивился я.

— А это у насъ здѣсь вродѣ какъ юридивецъ, а наши вотъ за прозорливаго его считаютъ,—объяснилъ студентъ, закуривая папирску.

— Микалашкѣ, Микалашкѣ дайте по красной рубашкѣ, онъ что напорочить,—то на васъ и наскочить...

— И что же: имѣеть успѣхъ?

— Да еще какой! Все время къ нему народъ за совѣтами ходить и носить разныя разности.

Парень присѣлъ на скамѣ и сталъ капризно болтать толстыми загорѣлыми ногами съ сильно развитыми икрами.

— А кто же больше ходить?

— Всякій народъ ходить, а отъ бабья просто отбоя нѣтъ, такъ и льнуть, какъ мухи... Посмотрите, какой онъ толстый да гладкій.

— Ну, а что же еще-то въ твоей книжицѣ пропечатано?—спрашивала сѣдая борода у словоохотливаго сосѣда.—Я и самъ прочиталъ бы, да за давкой продраться и купить житіе не могъ.

— А вы, ваше степенство, значить, не сумлѣвайтесь,—вступилъ въ разговоръ сидѣвшій тутъ же молодой монахъ въ порыжѣломъ пестрядиномъ подрясникѣ.—Мощи благовѣрной княгини Анны преподобной были торжественно открыты при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ присутствіи его самого и царицы Маріи Ильиничны, изъ рода бояръ Милославскихъ, и долгое время въ великомъ прославленіи обрѣтались. А потомъ ужъ, во дни распрей приверженцевъ патріарха Никона съ раскольниками, обнаружилось, что правая длань преподобной сложена двуперстіемъ, по-раскольничьи, значить, и это самое стало производить великій соблазнъ.

— И что же?—спросило сразу нѣсколько голосовъ по близости, съ той же скамейки.

— А кончилось все это тѣмъ, отцы и братія,—продолжалъ польщенный вниманіемъ монашекъ:—что патріархъ всея Руси Іоакимъ расканонизировалъ, такъ сказать, мощи, строжайте запретивъ ихъ чествовать и прославлять, чтобы не давать старообрядцамъ опасныхъ козырей въ руки. И вотъ съ того самаго времени мощи княгини Анны какъ бы подъ запретомъ лежали, и лишь только два года назадъ, какъ съ разрѣшенія синода онѣ опять стали подлежать прославленію и снова канонизированы... Чудесны и неисповѣдимы дѣла твои, Господи!

— А чего же это мы тутъ все сидимъ?—вдругъ спросилъ брата гимназистъ.—Пойдемте-ка лучше къ нашимъ чай пить!

— А и вправду,—заторопился Евгенийъ Никаноровичъ, поднимаясь со скамейки.

Я было сталъ прощаться.

— Что вы, что вы? Да развѣ мы васъ отпустимъ,—горячо запротестовали они оба.

— Пойдемте къ нашимъ,—рѣшилъ студентъ,—къ моему шурина Василю Прохоровичу,—онъ на моей двоюродной сестрѣ женатъ, изъ купцовъ здѣшнихъ, но не безъ образованія: въ коммерческомъ, въ Москвѣ, кончилъ блестяще и въ заграницахъ побывалъ, въ Англіи и Голландіи долго по торговымъ дѣламъ еще при жизни отца живалъ и на иностранныхъ языкахъ здорово жарить. Это отсюда недалече! Шагомъ маршъ...

Мы пошли по узенькимъ, безбожно вымощеннымъ крупнымъ, неровнымъ булыжникомъ улицамъ маленькаго и теперь жалкаго, уѣзднаго городишки, бойко когда-то торговавшего хлѣбомъ.

— Я съ братомъ вотъ, собственно, въ Одоевъ направляюсь,—говорилъ Евгенийъ Никаноровичъ:—тамъ у насъ дядя благочинный, а въ Кашинъ мы заѣхали съ нимъ мощамъ поклониться, да вотъ Василю Прохоровича и сестру повидать. Мы бы и остановились у нихъ, да онъ, злодѣй, квартиру перемѣнилъ и намъ негдѣ совсѣмъ примоститься... У нихъ всегда много народа встрѣтите, его тутъ всѣ знаютъ.

Намъ попадались навстрѣчу темныя фигуры простонародья, спѣшившаго домой послѣ тяжелаго рабочаго дня. Гдѣ-то за оградой сада высокій и безъ всякаго выраженія женскій голосъ тянулъ «Блѣдный мѣ-ѣсяць стои-и-тъ надъ рѣкою», а на грязной базарной площади уныло лаяли собаки.

По танцующимъ подъ ногами дряхлымъ ступенькамъ деревяннаго крылечка мы проникли въ сѣни и чрезъ полутемную гостиную прошли на балконъ, выходящій въ большой густой садъ.

Съ потолка ярко горѣла висячая лампа. За самоваромъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ оживленной бесѣдѣ.

Насъ радушно встрѣтилъ и усадилъ къ столу хозяинъ—среднихъ лѣтъ блондинъ съ большими пышными усами.

— Вы какъ разъ подошли въ нашему спору,—сказалъ онъ мнѣ, познакомивъ насъ другъ съ другомъ. —Мы здѣсь все вотъ толкуемъ о такъ называемыхъ чудесныхъ испѣленіяхъ, вѣщихъ снахъ, предвидѣніяхъ... Одни, какъ, напримѣръ, докторъ и полковникъ, отрицаютъ все это, объясняя самовнушеніемъ, самогипнозомъ, другіе—въ ихъ числѣ Маруся, моя жена,—отстаиваютъ наличность чудесныхъ, совершенно необъяснимыхъ никакой логикой и наукой феноменовъ... Ну, а моя золовка Зиночка, какъ спиритка изъ Петербурга, такъ ужъ, конечно, всему сверхъестественному вѣрить.

Евгеній Никаноровичъ расхохотался.

— И къ чему вы спорите о недоступныхъ намъ вещамъ? Все равно ни до чего не договоритесь и не доищетесь!

— Напротивъ! Нужно доискиваться,—возразилъ молодой докторъ, блондинъ въ очкахъ:—иначе мы все на одномъ мѣстѣ будемъ топтаться...

— А до чего же вы, позвольте узнать, доискались?—насмѣшливо спросила пожилая дама, мѣстная помѣщица.

— Ну, хотя бы до аэроплановъ...

— Оставьте ихъ, Бога ради, въ покоѣ,—сердито разсмѣялся старый купецъ съ желтымъ, бритымъ лицомъ мѣнялы.—Мы всякій день то и дѣло читаемъ о несчастіяхъ съ этими сумасшедшими «летчиками», ежеминутно разбивающимися на смерть, а вы, батенька, это ставите въ заслугу!

Докторъ (полякъ изъ Варшавы) закипятился.

— Такъ, значитъ, наука должна, по-вашему, сложить оружіе и, закрывши глаза, вѣрить въ разныя бредни? Гдѣ же тогда критерій?

— Докторъ вполне правъ,—поддерживалъ его полковникъ съ академическимъ значкомъ.—Что же это, господа, за отношеніе къ предмету? «Чудесное», говорите вы, а развѣ подъ этими чудесами не скрываются сплошь и рядомъ разные обманы? Да вотъ, недалеко искать—ваша Блавацкая,—обратился онъ къ Зиночкѣ:—ее сначала всѣ прославляли, а потомъ—съ что оказалось?

— Ну, а что же такое ужасное оказалось?—спокойно спросила Зиночка, хорошенькая дѣвушка съ выразительнымъ смуглымъ лицомъ совсѣмъ южнаго типа и карими задумчивыми глазами.

Полковникъ изумился и даже щелкнулъ шпорами.

— Развѣ вы, Зинаида Константиновна, не изволили читать разоблаченій?

— Читала. А вамъ извѣстно имя Юма?—сказала дѣвушка.

— Ну, еще бы!

— Вся Европа и Америка признавала его громадную медиумическую силу, а вѣдь и о немъ то и дѣло печатались разоблаченія,— докончила свою мысль Зина.

— Господа, о чемъ вы, право, спорите?—опять заговорилъ Евгеній Никаноровичъ.— Кто вѣритъ—благо ему, а кто не вѣритъ, развѣ же можно чѣмъ-нибудь убѣдить его въ реальности чудеснаго? Развѣ вы атеиста можете сдѣлать сразу вѣрующимъ? Какъ вы докажете ему научно внѣмировую силу?

— Но вы не допускаете насъ, людей научнаго опыта, къ вашимъ разнымъ чудесамъ, вы отъ насъ требуете молчаливаго признанія ихъ несомнѣнности,—горячился докторъ.

— Но люди науки ни во что не желаютъ вѣрить,—сказала хозяйка дома, эффектная, полная и высокая брюнетка, весело улыбаясь.— Они требуютъ доказательствъ, они хотятъ духа посадить въ реторту!

— А если этого нельзя сдѣлать, такъ и не будемъ толковать о духахъ... Никто ихъ хорошенько не знаетъ, никто не видѣлъ, не осязалъ, и—Богъ съ ними!

— А исцѣленіе молитвой самовнушеніемъ считается!—кинула въ его сторону помѣщица и вздохнула.

— Вотъ и Зола это такъ же объясняетъ въ «Лурдѣ»,—вернулъ словечко Миша, успѣвшій уже выпить пять стакановъ чаю съ домашними булочками.

— Вотъ еще нашли, сударь, авторитета — господина Зола!—желчно хихикнулъ желтолицый купецъ.

— Про чудесныя явленія вообще надо говорить съ осторожностью,—замѣтила помѣщица.— Конечно, тутъ много лишняго прибавляютъ, а что появленіе умершихъ бываетъ, такъ это несомнѣнно. У насъ, напимѣръ, въ семьѣ наша прабабушка...

— Знаемъ, знаемъ,—нетерпѣливо перебилъ ее желтый мѣняла:—она послѣ смерти внучкѣ замужъ выходитъ самолично запретила, а когда стала изъ комнаты выходить, то такъ хлопнула дверью, что та прищемила ей платье и большой кусокъ матеріи на глазахъ у всѣхъ остался и сохранился въ аккуратности... А отчего, кстати, вы намъ никогда не показали этого самаго, значить, таинственнаго кусочка?

— А какого онъ будетъ сорта и цвѣта? Шерстяной, шелковый?—полюбопытствовалъ Миша и тихонько фыркнулъ.

— А ты лучше, дружокъ, помолчи,—ласково шепнула Зиночка и положила ему руку на плечо.

— Ну, а какъ вы вотъ такой эпизодъ объясните,—вдругъ вступилъ въ разговоръ упорно молчавшій до сихъ поръ господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ и наружности, бѣлокурый, бритый, невысокій, съ учтивыми манерами и негромкимъ голосомъ.— Какъ вы объясните вотъ это: человѣкъ умираетъ въ послѣднихъ приступахъ

холеры, одинъ, гдѣ-то на Востокѣ, въ глухой деревушкѣ, на рукахъ глупаго слуги-албанца, совсѣмъ растерявшагося... Онъ чувствуетъ уже дыханье смерти и, собравъ всѣ силы, какія оставались въ его помертвѣломъ тѣлѣ, устремляетъ тусклѣющіе глаза на образокъ Черниговской Божьей Матери, никогда его не покидавшій, которымъ передъ смертью благословилъ его отецъ, и говоритъ: «Заступница предъ Богомъ, Царица Небесная, я умираю,—спаси меня, если можешь!» И вдругъ имъ овладѣваетъ сонъ, боли и рвота утихаютъ, и онъ спитъ непробудно нѣсколько часовъ сряду, а когда открываетъ глаза, то уже чувствуетъ себя совершенно здоровымъ... И знаете, кто былъ этотъ умирающій? Нашъ извѣстный писатель, публицистъ, богословъ и дипломатъ, консулъ русскій на Востокѣ, въ Янинѣ—Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ. Онъ рассказывалъ все это подробно моему отцу, съ которымъ былъ друженъ и служилъ вмѣстѣ въ Турціи.

— Подлинное чудо!—воскликнула помѣщица.

Евгеній Никаноровичъ перешелъ на серьезный тонъ и сказалъ:

— А у насъ въ Москвѣ упорно держится такой рассказъ про митрополита Филарета... Мчится курьерскій поѣздъ изъ Петербурга въ Москву. Вдругъ подъ вечеръ, на полпути машинистъ замѣчаетъ на рельсахъ темную фигуру. Онъ даетъ свистки, но фигура продолжаетъ стоять. Должно быть, глухой или слѣпой какой забрелъ, думаетъ машинистъ и останавливаетъ поѣздъ. Всѣ пассажиры всполошились, повыскакали изъ вагоновъ и что же,—ясно видятъ знакомый всѣмъ обликъ владыки митрополита Филарета съ протянутыми впередъ руками, какъ бы желающаго остановить поѣздъ. Мгновенно видѣніе скрылось, а на этомъ самомъ мѣстѣ былъ желѣзнодорожный путь испорченъ, и поѣздъ потерпѣлъ бы крушеніе.

— А говорящій портретъ Салтыкова знаете?—опять заговорилъ сынъ дипломата.

— Какого?

— Писателя нашего, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

— Нѣтъ! Расскажите!

— У дочери покойнаго Салтыкова хранится его портретъ, съ которымъ она постоянно совѣтовалась во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Если портретъ кивнетъ головой, значить, хорошо все будетъ, а если отрицательно закачаетъ головой, значить дѣло плохо. Въ 1893 году барышня Салтыкова была невѣстой, и портретъ былъ все неподвиженъ, но вотъ наканунѣ свадьбы она еще разъ обратилась съ вопросомъ къ портрету: «Папа, скажи же мнѣ, надо или не надо мнѣ выходить за Николая Николаевича?» И вдругъ портретъ закачалъ отрицательно головой...

«истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxii.

— И что же невѣста?

— Отказала наотрѣзъ жениху, который уже нашель и обмоблировалъ квартиру въ Ревелѣ, гдѣ тогда служилъ при губернаторѣ.

— И она не раскаялась въ этомъ?—полюбопытствовала помѣщица.

Разсказчикъ улыбнулся.

— Ну, объ этомъ нужно ее спросить...

— Да, эти движенія портрета—что-то совсѣмъ необыкновенное!

— Много есть въ мірѣ необыкновеннаго, что вы умомъ никогда не объясните,—вдругъ нервно заговорила Зиночка, и ея серебристый голосокъ чуть-чуть дрогнулъ.—Развѣ не странно, не чудесно это, когда очень близкіе другъ другу люди, раздѣленные тысячами верстъ, знаютъ и чувствуютъ, когда одинъ упорно думаетъ про другого?.. Одинъ, такъ сказать, ощущаетъ мысль другого, какъ что-то совершенно особое, словно какую-то издали пришедшую къ нему волшебную силу... И одинъ твердо знаетъ содержаніе мысли другого.

— Что же—это ты все по опыту говоришь?—съ лукавой улыбкой спросила хозяйка дома сестру.

Зина молча отвернулась и слегка покраснѣла.

Василій Прохоровичъ пришелъ ей на выручку.

— Да что это, право, господа, мы все о чудесномъ толкуемъ, Богъ съ ними, съ чудесами! Пойдемте-ка лучше въ садъ! Посмотрите, какъ тамъ теперь хорошо, сирень въ цвѣту!

Всѣ поднялись и задвигали стульями.

С. У—цъ.

ПАМЯТНИКИ РОДА РОМАНОВЫХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ НОВОДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ¹⁾.

ЗНАЧЕНІЕ московскаго Новодѣвичьяго монастыря еще до воцаренія династіи Романовыхъ было огромное. Основанный при Васильѣ Третьемъ въ память возвращенія Московскому государству отъ Польши пограничнаго города Смоленска, столь памятнаго потомъ русскому народу своей многострадальной судьбой, монастырь этотъ уже въ половинѣ XVI столѣтія явился мѣстомъ упокоенія маленькой дочери Грознаго отъ Анастасіи Романовны, царевны Анны Іоанновны, а спустя нѣсколько лѣтъ въ немъ же приняла постригъ невѣстка царя, жена его родного брата Юрія Васильевича, княгиня Уліана Дмитріевна, рожденная Палицкая. Наконецъ, въ концѣ того же XVI вѣка съ именемъ монастыря связалось событіе, ставшее извѣстнымъ всему государству: отсюда, изъ келии своей сестры Ирины, на смѣну послѣдняго Рюриковича вышелъ новый царь, потомокъ нашихъ прежнихъ властителей монголовъ—Годуновъ.

Поэтому вполне понятно, что и первые цари изъ рода бояръ Романовыхъ съ полнымъ вниманіемъ относились въ московскому Новодѣвичьему монастырю. Михайль Ѳеодоровичъ почти ежегодно до своей кончины въ день монастырскаго праздника 28-го іюля—

¹⁾ Матеріалами для настоящей статьи послужилъ личный осмотръ авторомъ ризницы монастыря, изученіе находящейся тамъ ея описи. Изъ печатныхъ источниковъ были использованы: «Записки повседневыя дворцовыя времени Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича». Москва 1769 г. «Выходы царей и великихъ князей (1632—1682 г.г.)». И. М. Снегиревъ, «Новодѣвичій монастырь». Москва 1857 г. Священникъ Антушевъ, «Историческое описаніе Новодѣвичьяго монастыря». Москва 1885 г.

Прохора и Никанора—совершалъ хожденіе въ монастырь; его сынъ, царь Алексѣй Михайловичъ, вполне слѣдовалъ примѣру отца, равно какъ и внукъ, юный царь Феодоръ. Обыкновенно государь дѣлалъ шествіе въ монастырь, находившійся за городомъ въ трехъ верстахъ, еще наканунѣ—27-го іюля, а Москву оставлялъ въ управленіи назначенныхъ имъ бояръ. Вмѣстѣ съ патріархомъ царь 27-го числа въ Новодѣвичьемъ монастырѣ отстаивалъ вечерню и всенощную; послѣ службы иногда оставался ночевать здѣсь, а иногда почивалъ внѣ монастыря, въ «своемъ государевѣ шатрѣ». Патріархъ же ту же ночь на 28-е іюля обыкновенно проводилъ въ сосѣднемъ Саввинскомъ монастырѣ, что нынѣ церковь Саввы Освященнаго. Съ разсвѣтомъ въ день праздника почти все московское духовенство собиралось къ Саввинскому монастырю, сюда же изъ Кремля приносилась икона Успенія, письмо чудотворца Петра митрополита и другія святыни, а изъ «своихъ шатровъ» приходилъ царь. У воротъ Саввинскаго монастыря патріархъ въ присутствіи государя *начиналъ* молебствіе, съ половины котораго всѣ съ крестнымъ ходомъ переходили къ вратамъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ молебствіе *оканчивалось*, послѣ чего царь, патріархъ, духовенство и богомольцы слушали обѣдню въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. По окончаніи литургіи государь въ «своемъ столовомъ шатрѣ» обѣдалъ вмѣстѣ съ патріархомъ, боярами, монашествомъ и духовенствомъ.

Вотъ описаніе одѣянія царя Алексѣя Михайловича при посѣщеніи имъ въ 1646 году 27-го іюля Новодѣвичьяго монастыря: «На государѣ было платья зипунъ камка двоелична шелкъ празеленъ да бѣлъ, обнизъ по черному бахрату, кафтанъ становой отласъ желтъ, опашень бѣзьяръ червчата; шапка горлатная, посохъ каповый, стулъ—подножіе».

Въ 1654 году, въ началѣ войны съ Польшей за укрѣпленіе присоединившейся къ Москвѣ Малороссіи, 18-го мая царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ. Всѣ ратные люди, какъ сказано въ источникѣ, передъ тѣмъ шли черезъ дворецъ, и ихъ изъ столовой изъ окна кропилъ святою водою святѣйшій патріархъ Никонъ. Сборъ всѣхъ воинскихъ людей былъ произведенъ на Дѣвичьемъ полѣ, и они вмѣстѣ съ государемъ двинулись на войну, окончившуюся взятіемъ Смоленска. За три дня до своего похода царь отпустилъ къ передовому отряду, потомъ съ нимъ соединившемуся, изъ Успенскаго собора икону Иверскія Божія Матери, находившуюся ранѣе въ покояхъ его молодой жены, царицы Маріи Ильиничны; икона была принесена царю въ даръ патріархомъ цареградскимъ Арсеіемъ и устроена, какъ сказано въ надписи, «иждивеніемъ архимандрита иверскаго Пахомія въ 1648 г.». При отпускѣ этой иконы съ передовымъ отрядомъ царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ Никономъ пѣшкомъ провожали ее до Донскаго монастыря. Икона была помѣщена въ особомъ возкѣ, при ней находился цѣлый штатъ

Московский Новодѣвичій монастырь въ концѣ XVIII вѣка.

духовенства съ митрополитомъ казанскимъ Корнилиемъ во главѣ. Икона сопутствовала государя во всемъ его походѣ вплоть до Смоленска, по взятіи котораго царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ 1655 года двинулся къ Москвѣ, но остановился на дорогѣ въ Вязьмѣ, потому что въ Москвѣ свирѣпствовало сильное «моровое повѣтріе» — чума. Къ нему изъ Калязина прибыла царица Марья Ильинична. Только спустя четыре мѣсяца послѣ пребыванія въ Вязьмѣ царь могъ съ принятіемъ разныхъ предосторожностей возвратиться въ Москву. Повидимому, вслѣдствіе того же, «морового повѣтрія», а можетъ быть по особому желанію царя или царицы, икона Иверскія Божія Матери, сопутствовавшая ему въ походѣ, не была возвращена въ Успенскій соборъ, а оставлена «за городомъ» въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Эта драгоценная реликвія сохранилась до сихъ поръ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Крупный историческій работникъ, авторъ «Мѣсяцеслова Востока» епископъ Сергій въ специальномъ изслѣдованіи ¹⁾ считаетъ ее самымъ *древнѣйшимъ* русскимъ спискомъ съ подлинника. Кромѣ указанной, вверху иконы имѣется другая греческая надпись: «*Ἡ πορταίτζα τῶν Ἱερῶν*», то есть «вратарница Иверской обители». Икона эта большого размѣра: вышиною одинъ аршинъ 14 вершковъ и шириною одинъ аршинъ три вершка. Вѣнцы на Богоматери и Предвѣчномъ Младенцѣ серебряные, очень тонкой чеканной работы. Живопись на иконѣ прекраснаго письма, хорошо сохранилась. По сравненію съ таковою же иконой, находящейся въ часовнѣ у Иверскихъ воротъ, икона Новодѣвичьяго монастыря даетъ нѣсколько иной, болѣе мягкій оттѣнокъ, хотя въ то же время въ ней не чувствуется и той великой духовной силы, которую испытываемъ въ часовнѣ у лика Богоматери. Икона Иверскія Божія Матери, сохранившаяся въ Дѣвичьемъ монастырѣ, внушаетъ особенное, высокомолитвенное настроеніе.

«Среди бѣдствій отъ пожаровъ въ монастырѣ, непріятельскихъ нашествій и междоусобныхъ смуть, — говоритъ одинъ изъ историковъ Новодѣвичьяго монастыря, — утратилось много древнихъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ. Этими, повидимому, причинами слѣдуетъ объяснить почти полное отсутствіе предметовъ; пожалованныхъ монастырю первымъ царемъ изъ династіи Романовыхъ. Имѣется лишь несудимая грамота царя Михаила Ѳеодоровича 1634 г. съ добавленіемъ позволенія взять «одинова въ году рыбы, соли и икры за Онегомъ на монастырскій обиходъ». Имѣется еще указаніе, что въ 1624 г. царь Михаилъ прислалъ въ Новодѣвичій монастырь покровъ чернаго аглинскаго сукна на гробницу блаженнаго Іакова. Да немного позднѣе, въ 1629 г., въ монастырѣ указываетъ церковь въ честь царева ангела Михаила Малеина. А въ 1630 г.

¹⁾ Иверская икона Богоматери. Москва. 1879 г., съ приложеніями.

мать государева великая старица Марѳа Ивановна поставила въ Новодѣвичь монастырѣ колоколь по своей душѣ, сохранившійся до сихъ поръ.

Отъ царя Алексѣя Михайловича, кромѣ иконы Иверскія Божія Матери, по монастырскому преданію, въ Новодѣвичьей обители сохранились его семейныя, или, какъ говорятъ въ монастырѣ, «фамильныя иконы», въ современномъ царю деревянномъ низкомъ вызолоченномъ кіотѣ рѣдкой работы. Переплеты между тяблами кіота снаружи—ажурные басмѣнные, серебряные, вызолоченные. Въ кіотѣ размѣщены образъ ангела царя—Алексѣя митрополита, Троицы, четыре различныхъ иконы Ярославскія Божія Матери и, наконецъ, Покровъ Пресвятыя Богородицы. Необычайно хороша живопись на послѣдней иконѣ. Имѣется еще колокомъ, вѣсомъ 200 пудовъ, слитый повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича въ 1651 году. Да въ Преображенской надворотной церкви большая картина креста Господня, длиною полтора, шириною одинъ аршинъ, съ предстоящими св. Константиномъ и Еленюю, а равно царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, его первую супругою Марією Ильиничною и патріархомъ Никономъ. Картина писана на полотнѣ иконною живописью.

Третій царь изъ династіи Романовыхъ пожаловалъ Новодѣвичьему монастырю въ 1678 году большую икону Спасителя, размѣромъ два съ половиною аршина вышины и одинъ аршинъ 13 вершковъ ширины. На иконѣ надпись: «Исусъ Христосъ, архіерей великій, прошедый небеса», а внизу другая: «А труды у сего образа зографъ Никиты Павлова съ товарищи». Спаситель изображенъ въ омофорѣ, на главѣ Его вѣнецъ изъ трехъ коронъ.

Онъ же, царь Ѳеодоръ, далъ еще двѣ книги: тріодъ цвѣтную и Дамаскина; изъ надписи на послѣдней книгѣ видно, что царь внимательно относился даже къ внутренней жизни монастыря: «книгу сію, —говорится въ надписи,—пожаловалъ царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа Руссіи старицамъ, переведеннымъ изъ Кутейнскаго въ Новодѣвичій монастырь». А Кутейнскій женскій монастырь, находившійся на берегу Днѣпра, близъ города Орши Могилевской губерніи, въ свою очередь былъ, отмѣченъ вниманіемъ отца юнаго государя, царя Алексѣя Михайловича, пожаловавшего въ Кутейнскій монастырь къ мѣстной иконѣ Спасителя подвѣшеную золотую гривну—его прикладъ ¹⁾.

При «державѣ этого же государя» его тетка, дочь перваго царя изъ рода Романовыхъ, царевна Татьяна Михайловна, одна изъ замѣчательныхъ рукодѣльницъ своего времени, въ 1679 году принесла въ даръ монастырю евангеліе печатное въ листъ, при чемъ въ надписи сказано, что она «построила сіе святое евангеліе Пречистыя

¹⁾ Ратшинъ, Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ. Москва. 1852 г., стр. 178.

Богородицы въ Новодѣвичь монастырь *по своимъ* царскихъ сродникахъ въ вѣчное поминовеніе».

Немного ранѣе, въ 1676 году царевною Евдокією Алексѣвною пожалованъ монастырю *драгоценный* золотой на престольный крестъ съ частицами св. мощей, на крестѣ чернью изображено Распятіе, весь онъ усыпанъ крупными и мелкими алмазами и бурмицкимъ жемчугомъ, или зернами, какъ говорилось въ старину; изъ гравированной полууставомъ надписи видно, что крестъ «построенъ по отцѣ государевѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всеа Россіи самодержцѣ».

При самомъ началѣ двоевластія въ даръ монастырю приносится книга октоихъ въ прекрасномъ кожаномъ съ тисненіями переплетѣ отъ «царей и великихъ князей Іанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа Россіи самодержцевъ».

Въ особенности много памятниковъ сохранилось въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Изъ изученія этихъ памятниковъ можно вывести заключеніе, что царевна задолго еще до утвержденія своего «правительницею» поддерживала какъ бы преемственно своею милостію монастырь, которому удѣляли ранѣе столько вниманія ея дѣдъ, отецъ и родной братъ, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, а монастырь считалъ ее своею *благодѣтельницею*. Заключеніе впоследствии Софіи Алексѣевны именно въ этотъ а не въ другой какой дальній монастырь ея державнымъ братомъ скорѣе было вызвано желаніемъ его и въ наказаніи сдѣлать все-таки удобное сестрѣ, умственныя силы которой онъ, повидимому, хорошо понималъ, ссылкой ея въ такую обитель, гдѣ ее всѣ уважали, и тѣмъ смягчить ея участь.

На колоколѣ, вѣсомъ въ 540 пудовъ, находящемся въ монастырѣ и вылитомъ въ 1684 году извѣстнымъ мастеромъ Ѳеодоромъ Маторинымъ, имѣется слѣдующая надпись: «Вылить повелѣніемъ благочестивѣйшихъ царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей всеа Россіи самодержцевъ и согласіемъ сестры ихъ благовѣрныхъ царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи, понеже она государыня того святого дома *изъ давнихъ лѣтъ строительница*, а нынѣ наипаче имѣеть прилежное попеченіе къ устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо». *Точно такая же* надпись сдѣлана въ 1688 году на колоколѣ литья Михаила Лодыгина. Въ 1685 году при личномъ *присутствіи* царевны изъ ветхой церкви Іоакима и Анны тѣло дочери Грознаго Анны Іоанновны въ прежней каменной гробницѣ было перенесено и поставлено подъ алтаремъ соборныя церкви.

Годомъ позднѣе датированы слѣдующія три вещи царевны Софіи Алексѣевны, сохранившіяся нынѣ въ ризницѣ Новодѣвичьяго монастыря, бывшія съ нею, когда она еще жила на свободѣ во дворцѣ, и перенесенныя съ нею же въ монастырскую келію.

Древняя икона Иверской Божіей Матери, находящаяся
въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.

1. Чашка серебряная, вся снаружи украшенная чернью, низкая и широкая, по старинному «лощатая», внутри вызолоченная, размѣромъ въ діаметрѣ вверху около трехъ вершковъ и вышиною около двухъ вершковъ; на снимающейся крышкѣ укрѣпленъ литой двуглавый орелъ, вызолоченный, украшенный тремя зелеными камнями. Снаружи по бокамъ чаши двѣ гравированныя надписи вязью: «Повелѣніемъ великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Соѳіи Алексѣевны, сдѣлана сія чаша къ ней великой государынѣ въ хоромы лѣта 7195 (1686) сентября въ 6 день».

2. Кружка серебряная большая круглая, «столовая», вызолоченная, украшенная снаружи чернью, на ножкахъ, размѣромъ до одной четверти аршина высоты и около трехъ вершковъ въ поперечникѣ, вѣсомъ $3\frac{1}{8}$ фунта. На крышкѣ вырѣзанъ двуглавый орелъ. Если надпись на предыдущей чашѣ сдѣлана въ первыхъ числахъ 1686 года, то на кружкѣ она, несомнѣнно, относится къ концу этого же или къ началу слѣдующаго 1687 года, ея содержаніе оправдываетъ слова Великаго Петра, сказанныя имъ нѣкогда о своей соперницѣ, что она хотѣла «въ титлахъ писаться собою безъ нашего царскаго соизволенія». На кружкѣ вязью сдѣлана такая надпись: «Повелѣніемъ великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Соѳіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержицы, сдѣлана сія стопа къ ней великой государынѣ въ хоромы лѣта 7195».

3. Кружка серебряная вызолоченная, размѣромъ немного даже болѣе предыдущей, «изъ царской хоромной посуды царевны Софьи Алексѣевны». На крышкѣ рельефное изображеніе, поясное рыцаря въ латахъ съ длинными волосами локонами. Кругомъ кружки имѣется еще шесть подобныхъ же рельефныхъ лицевыхъ изображеній, можетъ быть, даже портретовъ.

Наконецъ, въ 1695 году, будучи уже въ заключеніи, но еще не въ постриженіи, Софья Алексѣевна дала въ монастырь къ храмовой иконѣ Смоленскія Божія Матери очень тонкой работы подсвѣчникъ; все подножіе у него мѣдное вызолоченное, а верхняя чаша для постановки свѣчей серебряная, вызолоченная же; на чашѣ надпись: «Лѣта 7203 г. (1695) февраля въ 9 день великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софья Алексѣевна для поминовенія блаженныя памяти отца своего великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи да по благовѣрной государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Маріи Ильиничнѣ построила сію лампаду». Въ 1699 году, 8-го октября, послѣ второго стрѣлецкаго бунта, ея же дается ковчегъ серебряный вызолоченный, вѣсомъ три фунта восемьдесятъ золотниковъ, съ надписью, что онъ «построенъ тщаніемъ и неложнымъ *объщаніемъ* инокини Сусанны Алексіевны».

Знамя царицы Софии Алексеевны.

Царевна продолжала дѣлать дары монастырю вплоть до своей кончины въ 1704 году, незадолго до которой она приняла схиму, измѣнивъ имя перваго пострига Сусанны на прежнее Софіи. На нѣсколькихъ богослужебныхъ книгахъ, пожертвованныхъ ею, значится, что она *сама* принесла ихъ въ даръ *по своей душѣ*. Книги въ хорошихъ прежнихъ кожаныхъ переплетахъ съ золототисненіями, каковы требникъ, псалтирь и двѣ тріоди.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сохранился очень древній портретъ, или картина, писанная масляными красками на холстѣ, называемая «знаменемъ царевны Соѳіи Алексѣевны». Въ 1687 году за границей были отпечатаны сто снимковъ съ «назnamenованнаго листа», изображающаго царевну Софью Алексѣевну внутри двуглаваго орла въ царскомъ облаченіи и вѣнцѣ, съ скипетромъ и державою въ рукахъ; кругомъ по-латыни титуль: «Божією милостію Софія Алексѣевна, благочестивѣйшая, вседержавнѣйшая великая государыня царевна и великая княжна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержица, московская, кіевская, володимерская» и т. д. Кругомъ же въ небольшихъ медальонахъ надписаны также по-латыни семь добродѣтелей: 1) Разумъ, 2) Благочестіе, 3) Цѣломудріе, 4) Щедрота, 5) Правда, 6) Великодушіе и 7) Надежда. Въ когтяхъ у орла мечъ и пальмовая вѣтвь. Цѣль распространенія картины была та, чтобы Софіи «была слава за моремъ въ иныхъ странахъ такая же, какъ и въ Московскомъ государствѣ». Всѣ оттиски этой картины по приказанію Петра отбирались, но, повидимому, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ крѣпко чтили память царевны: зная въ немъ сохранилось до нашего времени. Кромѣ того, какіе-то оставшіеся намъ неизвѣстными жертвователи послѣ ея смерти принесли въ даръ монастырю двѣ богослужебныя книги—псалтирь и шестодневникъ, на которыхъ сдѣланы надписи, что онѣ даны «по душѣ царевны Софіи».

«Царевна не оставила по себѣ дурной памяти,—говоритъ одинъ изъ историковъ монастыря:—она мирно жила между монахинями. До сихъ поръ указываютъ мѣсто въ соборѣ, гдѣ она стояла, облеченная въ монашеское одѣяніе, при совершеніи церковныхъ службъ, также узенькую дверь въ соборѣ же, изъ которой она подземнымъ ходомъ спускалась къ Москвѣ-рѣкѣ для переговоровъ со стрѣльцами.

И обвѣянная историческими сказаніями, сохранившимися въ монастырѣ памятниками и преданіями, во весь ростъ встаетъ крупная фигура одной изъ выдающихся русскихъ женщинъ, фигура «царь-дѣвицы». Въ царскомъ періодѣ нашей исторіи изъ рода бояръ Романовыхъ, послѣ жены Грознаго Анастасіи, по женской линіи Софья была самою крупною историческою личностію, и можно только пожалѣть, что такія даровитыя силы, какъ Софія и Великій Петръ, не шли вмѣстѣ рука объ руку; но во всякомъ случаѣ мно-

Царица Евдокія Теодоровна Лопухина.

гое, содѣянное императоромъ, было намѣчено его соперницей и близкимъ ей человѣкомъ княземъ В. В. Голицынымъ, отчасти проводилось въ жизнь, но въ полномъ единеніи съ народными устоями, безъ потрясающей ихъ ломки.

Повидимому, въ семьѣ царя Алексѣя Михайловича всѣ дочери были дружны между собою, потому что вслѣдъ за заключенной въ монастырь «правительницей» здѣсь же стали жить царевны Екатерина и Евдокія Алексѣевны, а не жившая въ монастырѣ царевна Θεодосія Алексѣевна, впослѣдствіи поселившаяся и скончавшаяся вмѣстѣ съ сестрою Марею Алексѣевною въ Успенской обители Александровской слободы, пожертвовала слѣдующіе предметы: 1) потиръ серебряный вызолоченный, съ тремя рельефными серебряными же вызолоченными херувимами, съ таковыми же къ нему принадлежащими: дискомъ, двумя блюдами, звѣздицей и лжицей; надпись на потирѣ, что царевна построила эти сосуды при державѣ двухъ ея братьевъ въ 1695 году въ церковь Іоасафа царевича; 2) крестъ напрестольный серебряный вызолоченный съ накладнымъ рѣзнымъ изъ золота Распятіемъ, украшенный яхонтами и мелкими алмазами, даръ ея же, Θεодосіи Алексѣевны, какъ указано въ надписи, въ 1703 году *вмѣстѣ съ сестрою* «благородною государинею царевною и великою княжною Сусанною Алексіевною». Въ 1711 году въ сентябрѣ она же, Θεодосія Алексѣевна, построила изъ монастырскаго золота драгоцѣнный, съ принадлежностями, золотой потиръ, вѣсомъ пять фунтовъ восемь золотниковъ; чаша украшена двумя большими изумрудами «первой воды», какъ сказано въ описи, и двумя голубыми яхонтами; яблоко же подъ чашею надъ поддонникомъ украшено двумя алыми яхонтами, яхонтомъ голубымъ и изумрудомъ.

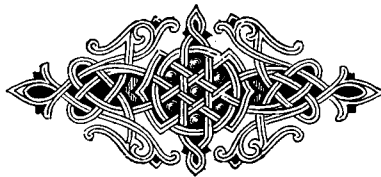
Въ соборной церкви Новодѣвичьяго монастыря погребены, кромѣ царевны Софіи, двѣ ея сестры, Евдокія и Екатерина Алексѣевны; сверху пола лежатъ каменные плиты съ соответствующими надписями. По принятому въ монастырѣ обычаю, надъ плитами на стѣнахъ въ особыхъ кіотахъ повѣшены тѣ иконы, которыя находились въ келіи царевны въ моментъ ея кончины, опять такъ называемыя «фамильныя», бывшія, вѣроятно, съ ними же и въ термахъ дворца, которыми могли благословить ихъ царственные родители. Въ числѣ ихъ нѣсколько родовыхъ иконъ Романовыхъ—Знаменія и двѣ иконы снимки съ образа Иверскія Божія Матери, который сопутствовалъ царю Алексѣю Михайловичу въ его польскомъ походѣ. Очень цѣнна по работѣ икона Рудневскія Божія Матери, риза вся жемчужная, а короны украшены разноцвѣтными камнями.

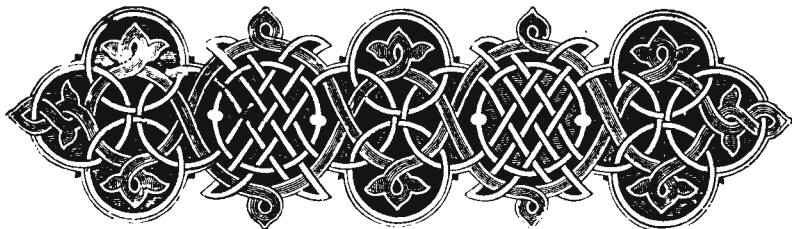
Кромѣ трехъ царевенъ, въ соборной же церкви имѣется еще четвертая гробница—несчастной Евдокіи Θεодоровны Лопухиной, первой жены Великаго Петра. Въ числѣ ея «семейныхъ» образовъ,

висящихъ въ кіотѣ на стѣнѣ, имѣется, однако, икона съ изображеніемъ святыхъ Петра, Евдокии и Наталіи, а надъ ними Донскія Божія Матери. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сохранился хорошо написанный масляными красками портретъ Евдокии Ѳеодоровны въ монашескомъ одѣяннѣ; верхняя половина лица закрыта кисеей, изъ-подъ которой круглые, обрамленные густыми бровями глаза устремлены внизъ на книгу, поддерживаемую одною рукою, другая рука покоится въ цѣпной мѣховой муфтѣ; въ немолодомъ уже лицѣ царицы видны остатки былой красоты и пережитыхъ душевныхъ волненій.

Любознательному посѣтителю московскаго Новодѣвичьяго монастыря, знакомому съ родной исторіей, тамъ шагъ за шагомъ вспоминаются бытовья черты многихъ великихъ тѣней минувшаго: глубокая церковность московскихъ царей и ихъ семействъ, близкое и постоянное всѣхъ ихъ общеніе съ народомъ; за ними въ дали вѣковъ видится яркій, положительный типъ жизни предковъ начала XVII столѣтія, тотъ смиренный, богобоязливый, послушный родителямъ юноша изъ доблестнаго своими заслугами государству рода, трехсотлѣтіе избранія котораго на царскій престолъ благодарно чувствуется вся Россія.

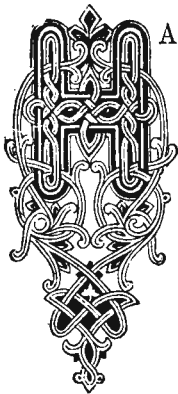
И. С. Бѣляевъ.

ВОТЯКИ МАЛМЫЖСКАГО КРАЯ.

(Эскизный очеркъ).

ВАСТОЯЩІЙ краткій очеркъ относится къ жизни вотяковъ волостей: Сюмсинской, Мултанской, Узинской и, главнымъ образомъ, Селтинской, центромъ которой является село Селты, расположенное на Сибирскомъ трактѣ и населенное въ большей части вотяками.

Вотяки—это пасынки природы въ полномъ смыслѣ этого слова. Ужъ очень скупо отпустила она этому племени духовныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ; по крайней мѣрѣ исторія, насколько она извѣстна о вотякахъ, находитъ ихъ уже въ этомъ состояніи. Племя это хотя и управлялось въ старину своими князьями, но всегда было тѣсно сосѣдями и одно за другимъ теряло населенныя мѣста и переселялось на другія. Такъ, въ концѣ концовъ, при занятіи края новгородцами, оно подпало подъ власть русскіхъ. И русскіе въ прошломъ не внесли въ вотское племя ничего добраго. Они смотрѣли на нихъ, какъ на покоренный народъ, собирали дань и отнимали земли, если онѣ были нужны новымъ русскимъ поселенцамъ. И вотское племя, не имѣя для успѣшной борьбы достаточно силъ, было вынуждено подчиниться всякому произволу, сносить всякія обиды и притѣсенія.

¹⁾ Историческія данныя о вотякахъ взяты изъ трудовъ разныхъ ислѣдователей, занимавшихся прошлымъ этого народа.

Такое отношеніе завоевателей убило въ вотскомъ народѣ всякое довѣріе къ людямъ другого племени. Вотяки сдѣлались замкнутыми, скрытными, необщительными; и это такъ сильно вошло въ ихъ натуру, что признается уже характерными чертами вотскаго племени.

Вѣковыя неудачи и постоянная зависимость отъ другихъ, очевидно, послужили причинами къ развитію въ вотякахъ забитости, выражающейся въ непередаваемой неподвижности въ движеніяхъ и какъ бы апатичной подчиняемости всему, къ развитію племенного сознанія въ бесполезности противленія всякой силѣ.

Эта сторона вотскаго характера многихъ заставляеть считать ихъ за лѣнливый и нетрудолюбивый народъ.

Не обладая вообще краснорѣчіемъ, вотяки, кромѣ того, неразговорчивы. Рѣчь вотяка такъ же медлительна и апатична, какъ и всѣ его движенія. Вотякъ отвѣчать сразу и быстро не любитъ, и по безстрастному лицу его нельзя бываетъ узнать, собирается онъ отвѣчать, или совсѣмъ не думаетъ.

Нравомъ вотяки весьма миролюбивы и только въ пьяномъ видѣ бываютъ заносчивы, придирчивы и склонны къ буйству; а, можетъ быть, это миролюбіе есть послѣдствіе вѣкового подчиненія чужой волѣ, печать постоянной покорности слабago предъ сильными?

Роста вотяки средняго и ниже средняго; высокихъ ростомъ вотяковъ весьма мало; слабосильны, скуласты, некрасивы.

Находясь цѣлыя вѣка подъ насиліями другихъ народностей, вотяки вынуждены были свои сокровища скрывать въ землю. Ввиду этой причины едва ли можно найти еще другой народъ, который бы такъ же много зарывалъ кладовъ. Все это развило въ вотякахъ скупость. Вотякъ деньги копить и прятеть даже въ ущербъ своему желудку; на расходы на себя и пищу онъ экономенъ до скряжества. Только не скупъ вотякъ для домашнихъ животныхъ, которыхъ онъ разводитъ охотно, кормить лучше, чѣмъ себя, и съ любовью ухаживаетъ.

Жизнь вотяковъ протекаетъ среди невообразимой грязи и неопрятности, которыя служатъ очагомъ для разныхъ болѣзней: люэса, трахомы и пр. И болѣзни эти въ вотской средѣ свили себѣ настолько прочное гнѣздо, что рѣдко можно найти семью, въ которой не было бы первой или второй болѣзни, или обѣихъ одновременно. По темнотѣ своей вотяки не только не умѣютъ различать больныхъ отъ здоровыхъ, а даже не придаютъ никакого значенія врачевнымъ совѣтамъ и не принимаютъ совершенно мѣръ предосторожности. Ввиду такого пренебреженія къ люэсу племя сильно вымираеть, и дни его уже въ буквальномъ смыслѣ сочтены. Заразительность трахомы, кромѣ того, дѣлаеть то, что больныхъ

глазами можно видѣть въ каждомъ домѣ. Старики же обоого пола почти поголовно съ испорченными глазами.

И вотское племя вымираетъ даже замѣтно для нихъ самихъ, а частью сливается съ русскимъ, принимая русское платье и обычаи. Но сами вотяки причину вымиранія племени понимаютъ довольно странно. Они замѣтили, что стоитъ только хотя одному русскому домохозяину поселиться въ ихъ деревнѣ, какъ вотяки начинаютъ въ своемъ числѣ уменьшаться, а русскіе—умножаться. И въ концѣ концовъ въ деревнѣ не остается ни одного вотскаго дома. Въ ассимиляціи, вымираніи и разрастаніи русскаго элемента за счетъ вотскаго вотяки видятъ смерть своего племени. Для борьбы съ такимъ зломъ нѣкоторыя деревни постановили приговоры не впускать въ свою среду русскихъ домохозяевъ, какъ поступило общество деревни Высокой Жикви. Въ 1901 г. въ этой деревнѣ изъ русскихъ жили только учитель сельской школы съ семьей и еще, кажется, сторожъ, т. е. люди, не относящіеся къ обществу.

Въ домашней и общественной жизни вотяки живутъ мирно. Только въ послѣднія времена подъ вліяніемъ русскихъ и водки, которую вотяковъ заставляютъ пить насильно, начинаютъ среди нихъ возникать ссоры, доходящія до волостного суда и земскаго начальника, но весьма рѣдко далѣе.

Домъ свой вотякъ содержитъ грязно. Полы не моются совершенно, и только время отъ времени грязь съ нихъ соскребается; и лишь семьи состоятельныя, имѣющія соприкосновеніе съ русскими, моютъ полы, да и то не часто, предъ большими праздниками. По зимамъ тутъ же въ избѣ живутъ телята, поросята, ягнята, курицы, утки. Все это создаетъ такой запахъ, который можетъ выносить только вотякъ. Но вотякъ на это не обращаетъ никакого вниманія. Онъ, вѣчно одѣтый въ теплое, въ шапкѣ, сидитъ въ своей избѣ и непрерывно куритъ изъ трубки. Увидать вотяка безъ трубки весьма трудно. Онъ съ нею никогда не расстается: если онъ не куритъ, то она виситъ у него на поясѣ, съ кусочкомъ кремня и трута. Курятъ всѣ, кромѣ женщинъ, даже дѣти, и взрослыми это не возбраняется.

Непониманіе опрятности доходитъ до того, что вотяки для мытья своего бѣлья, мотовъ (нитки для тканья суконъ и холстовъ) и прочаго пользуются внешней или дождевой водой, протекающей по канавамъ селенія, или водой, скапливающейся на задворкахъ.

Общественность вотяковъ въ смыслѣ рѣшенія домашнихъ и общественныхъ вопросовъ развита очень сильно и носитъ на себѣ отпечатокъ глубокаго прошлаго. Каждый вопросъ, который не рѣшается обсудить домохозяинъ единолично, всегда поступаетъ на совѣтъ общества деревни. Рѣшеніе такихъ вопросовъ вотяки склонны обсуждать и обсуждаютъ патріархальнымъ порядкомъ:

Типы воляковъ (село Селгы).

соберутся домохозяева гдѣ-либо на лужайкѣ, въ деревнѣ, за деревней, потолкуютъ и рѣшатъ. И только болѣе строптивыя натуры втягиваютъ въ такія дѣла волостныя власти да земскихъ начальниковъ, желающихъ каждый вопросъ проводить чрезъ свое усмотрѣніе.

Въ остальной жизни сосѣди встрѣчаются не часто: отъ праздника до праздника. Заходить къ сосѣду потолковать, обмѣняться мнѣніями въ простое, непраздничное время у вотяковъ не принято. Все это болѣе происходитъ случайно, то при встрѣчѣ въ деревнѣ, то въ банѣ, то на водопоѣ, на мельницѣ и т. д. Водопой (ключь-родникъ, или рѣчка, гдѣ поится скоть и берется вода для дома) можно вполнѣ назвать вотскимъ общественнымъ собраніемъ, но случайнымъ. Тутъ встрѣтившіеся передаютъ другъ другу новости, какія слышаны ими въ селѣ или отъ сосѣдей, разныя происшествія, говорятъ о цѣнахъ на хлѣбъ, объ урожаѣ, о политикѣ и прочемъ.

Ввиду такой обособленности каждаго и несловоохотливости въ вотской деревнѣ всегда царить тишина и безлюдіе. Только по дѣлу вотякъ показывается на улицу. На деревенской улицѣ, особенно въ рабочее время, можно видѣть только дѣтей да собакъ; послѣднихъ особенно много.

Семейная жизнь вотяка устроена на патриархальныхъ условіяхъ. Мужъ—хозяинъ и распорядитель всего. Его власть и рѣшенія неопровержимы. Но таково положеніе его въ семьѣ только въ періодъ его полной работоспособности. За преклонностью лѣтъ главы дома распорядителемъ въ рѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ (а также на сходкѣ) становится не старшій сынъ, а наиспособнѣйшій къ труду и распорядительности, хотя бы то былъ самый младшій членъ семьи. Онъ избирается совѣтомъ семейныхъ. Въ вопросахъ болѣе или менѣе важныхъ онъ совѣтуется съ остальными членами семьи.

Заработокъ женщинъ: женъ, сестеръ и дочерей—ихъ собственность, и мужчины на эти деньги права не имѣютъ. Семейная жизнь протекаетъ мирно и почти молчаливо. И среди своихъ семейныхъ вотяки не проявляютъ словоохотливости.

Къ чести вотяковъ—они сознаютъ пользу грамотности и охотно помѣщаютъ въ школу своихъ дѣтей. Вначалѣ отдавали только мальчиковъ, теперь и дѣвочекъ стали посылать. Да и взрослые весьма охотно заходятъ въ школы и съ любопытствомъ слѣдятъ, какъ тамъ учатъ дѣтей. Получить аттестатъ объ окончаніи школы вотяки не стремятся и относятся къ этому совершенно равнодушно. Кончившіе школу ученики не перестаютъ посѣщать учителей и берутъ для чтенія книжки на домъ, которыя читаются тамъ въ кругу взрослыхъ.

Вареніє «кумышки».

Вотяки предпочитаютъ, какъ и русскіе, земскія школы, въ церковно-приходскія школы помѣщаютъ дѣтей только за переполненіемъ мѣстъ въ земскихъ и уводятъ ихъ оттуда, какъ только получается возможность помѣстить въ земскую школу.

Дѣти вотяковъ, поступая въ школу, зачастую плохо говорятъ по-русски. Способности ихъ приближаются къ посредственнымъ русскихъ учениковъ—это лучшіе; и только весьма и весьма рѣдкіе бываютъ немного способнѣе. До способныхъ же русскихъ дѣтей никогда дойти не могутъ. Рѣзвостью также особенной не отличаются; послушны и прилежны; видомъ тѣдешны, силами слабы. На почвѣ слабого пониманія русскаго языка получается немало курьезовъ.

Въ селтинской земской школѣ имѣлъ мѣсто такой случай. На письменномъ урокъ было заданіе: написать всю посуду, кто какую знаетъ. Въ одной изъ тетрадей въ числѣ горшковъ, чашекъ и прочаго значилось: «штанъ посуда». На вопросъ учителя: почему штаны отнесены къ посудѣ, что въ такую посуду можно положить?—былъ отвѣтъ: «нога¹⁾ да положить можно!»

Теперь есть земскія школы въ такихъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ совершенно русскаго населенія, и въ школѣ учатся одни вотскія дѣти, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Юмги-Омга.

Вотяки женятся рано: въ домъ нужна работница. Имѣтъ въ семьѣ лишнія рабочія руки, ввиду вымиранія племени, въ вотской жизни вопросъ весьма большой важности. Такое положеніе дѣла создаетъ на брачныя отношенія крайне оригинальный взглядъ. Ранѣе другихъ выходитъ замужъ та дѣвица, у которой есть уже дѣти, т. е. проявившая способность къ продолженію потомства. Но родители такой невѣстой дорожатъ и выдаютъ ее только за большой выкупъ. Эготъ старинный взглядъ на брачныя отношенія нынѣ начинаетъ понемногу вымирать, но все-таки еще держится. Ввиду такого взгляда на бракъ простота въ отношеніяхъ молодежи начинается весьма рано: едва ли возможно найти дѣвушку 14—15-ти лѣтъ, которая не имѣла бы друга. Такимъ отношеніямъ весьма способствуютъ игры молодежи, происходящія главнымъ образомъ по ночамъ, а также «посидѣнки» въ баняхъ, гдѣ дѣвушки собираются работать и веселиться. Но вся эта легкость въ отношеніяхъ пропадаетъ, разъ дѣвица выходитъ замужъ. Супружеская невѣрность у женъ почти не наблюдается.

Исповѣдуя христіанство, еще очень многіе вотяки и по сіе время исполняютъ свадьбы свачала по-своему, какъ дѣлалось изстаря, по обряду болѣе имъ любезному, называемому языческимъ; и только потомъ уже по настоянію духовенства совершаютъ церковный бракъ.

¹⁾ Вполнѣ правильно говорить по-русски ученики-вотяки никогда не паучаются, и фраза: «нога да положить можно»,—это русская рѣчь въ устахъ вотячка.

Вотяку и въ голову не приходитъ, что могутъ быть какія-то незаконнорожденные дѣти.

Брачныя дѣла по православному обряду принимаютъ нерѣдко даже очень комичный характеръ. Подъ давленіемъ разныхъ увѣщеваній, до полицейскихъ включительно, вотякъ рѣшается оставить свое «незаконное сожительство» и ѣдетъ въ село смывать съ себя «позоръ», уже проживши съ женою не одинъ десятокъ лѣтъ, а въ свадебномъ поѣзду такого жениха сопровождаетъ уже тоже женатый (по православному или языческому обряду) или неженатый сынъ, вообще всѣ взрослые дѣти. Бракъ, совершаемый по-вотски, сопровождается шумнымъ весельемъ, а церковный— почти незамѣтно. Этотъ послѣдній вотяки совершаютъ какъ какое-то безпокойное обязательство. Въ душѣ же вотяки живутъ старыми обрядами и церковный бракъ совершаютъ только для избавленія себя отъ безпокойства, какое причиняютъ попъ, урядникъ и становой. Вотякъ въ душѣ до сихъ поръ язычникъ, и христіанство, которое онъ исповѣдуетъ официально, есть только насильно надѣтое на него платье,

По старинному обыкновенію вотякъ прибѣгаетъ и къ кражѣ невѣсты, но такой обычай нынѣ начинаетъ замѣняться согласіемъ молодыхъ людей или ихъ родителей, и умыканіе невѣсты практикуется все рѣже и рѣже.

Появленіе мальчиковъ въ семьѣ вотяка встрѣчается очень радостно. Рожденіе же дѣвочки приноситъ всей семьѣ огорченіе. Принимая во вниманіе стремленіе каждаго домохозяина получить въ семью лишнія рабочія руки, настроеніе вотяка становится вполне понятнымъ: съ дочерью работника онъ въ домъ не получитъ, а еще самъ лишится лишнихъ рабочихъ рукъ въ лицѣ этой дочери, выдавъ ее замужъ. По этой причинѣ охотно принимаютъ зятей въ домъ.

Дѣти со стороны родителей пользуются большою любовью и заботливостью, какія доступны вотяку. Дѣтей они не наказываютъ. Заботливыя матери со своими малышами почти никогда не расстаются. Идетъ ли вотячка въ поле, на базаръ, въ гости, въ церковь— ребенокъ съ нею: онъ за ея спиною сидитъ въ «крошняхъ». Если ребенокъ настолько малъ, что сидѣтъ въ «крошняхъ» самъ еще не можетъ, его мать носитъ въ лубяномъ коробѣ, обернутомъ теплой матеріей. Если ребенокъ заплакалъ, коробъ этотъ любящая мать усердно потряхиваетъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не успокоится. Этотъ послѣдній способъ ношенія дѣтей употребляется только зимою.

Старинныя, чисто вотскія деревни отличаются особенно безалаберностью расположенія домовъ. Избы стоятъ въ такомъ безпорядкѣ, что, проѣзжая такой деревней, кажется, ѣдешь по дворамъ или по задворкамъ, а никакъ не по улицѣ или переулку.

Прямая, широкая улицы отсутствуют, и вся деревня состоитъ какъ бы изъ безконечныхъ узкихъ, кривыхъ переулковъ. И только болѣе или менѣе новыя деревни приняли характеръ русскихъ поселеній. Но зато въ самыхъ надворныхъ постройкахъ сказывается хозяйственная домовитость вотяка, его любовь къ домашнему очагу и хозяйству. У вотяка есть амбаръ, гдѣ онъ хранитъ хлѣбныя сѣмена, муку и прочее; клѣтъ, въ которой лѣтомъ справляются свадьбы и спитъ вся семья; навѣсъ или особое помѣщеніе съ дверями для храненія сбруи, саней, телѣтъ и другихъ принадлежностей ѣзды и орудій хлѣбопашества. Для скота—хлѣвы. Кромѣ всѣхъ этихъ построекъ, отдѣльно отъ нихъ стоитъ шалашъ (пичи ква—малый шалашъ), играющій въ жизни вотяка весьма важную роль. Въ шалашѣ этомъ по лѣтамъ семья обѣдаетъ, справляетъ праздники, молится домашнему покровителю «воршуду», для котораго главнымъ образомъ шалашъ этотъ и предназначается. На полкѣ имѣется небольшое отдѣленіе, такъ сказать, божница для воршуда, украшаемая зеленью и полотенцами. Въ этомъ же шалашѣ по лѣтамъ отдыхаетъ самъ домохозяинъ, если онъ преклоннаго возраста. Вообще же для спанья семьи шалашъ этотъ не служитъ.

Надо еще сказать о постройкѣ, тоже весьма важной въ жизни вотяка: о банѣ. Бани строятся вдали отъ деревни, около ручья или рѣчки. Баню имѣетъ каждый вотякъ, или двѣ-три семьи одну. Сгроятся онѣ недалеко одна отъ другой; въ общемъ ихъ набирается такое количество, что издали представляютъ себою цѣлый поселокъ. Въ каждой банѣ имѣется крошечное окно, дверь и въ углу каменка. Вотяки раздѣваются у бани. Тутъ же они припасаютъ себѣ ведро холодной воды. Въ банѣ же, подавая нару на каменку, они только парятся, усердно нахлестывая себя распаренными на каменкѣ березовыми вѣниками; окатившись изъ ведра холодной водой (теплой не заготавливается), одѣваются предъ баней, несмотря на зимнюю стужу и снѣгъ подъ ногами. Лѣтомъ же прямо, разгоряченные, не стѣсняясь другъ друга, идутъ къ рѣчкѣ и купаются. Не смущаетъ ихъ въ этомъ и посторонній человѣкъ, если таковой тутъ случится.

Вотякъ, какъ и русскій крестьянинъ, до новшествъ не охотникъ, и въ вотскомъ обиходѣ сохранились по сіе время еще такіе предметы сельскаго хозяйства, какіе можно встрѣтить развѣ только въ очень глухихъ углахъ сѣверныхъ губерній. Борона вотяка до сихъ поръ безъ всякаго желѣза, вся деревянная; характеръ запряганія въ борону и соху, а также самый видъ сохи остались отъ царя Гороха.

Вотяки по природѣ охотники. Ихъ предки жили въ полной зависимости отъ лѣса. И наши современники еще сильно къ нему привязаны. Они весьма охотно уходятъ въ лѣсъ, одни съ ружьемъ,

Языческое молотіе семьи обь урожаѣ.

другіе съ топоромъ, а многіе лишь потому, что въ лѣсу давно не бывали.

И въ лѣсу ходитъ вотякъ все съ той же свойственной ему мало-подвижностью, молча осматривается по сторонамъ, или прислушивается. Если это осенью—онъ смотритъ, гдѣ есть подходящий лѣсъ для дровъ, для задумываемой постройки, гдѣ растетъ молодой липнякъ, годный для лыкъ. А весной и лѣтомъ замѣчаетъ, гдѣ мхи растутъ въ изобиліи, сильно ли ягодники цвѣтутъ, на какихъ мѣстахъ выводился рябчикъ и много ли его, разыскиваетъ бортевыя деревья. Въ это же время вотякъ любитъ лѣсомъ и испытываетъ полное удовольствіе, отдаваясь всецѣло не умершему въ немъ чувству номада. Но всю свою любовь къ лѣсу, все наполняющее его чувство выразить вамъ вотякъ кратко и ровнымъ голосомъ: «корошо¹⁾ въ лѣсу». Вотякъ компаній не любитъ; онъ въ лѣсъ идетъ одинъ, рѣдко въ числѣ двухъ-трехъ человѣкъ; но зато при немъ неразлучно собака и трубка. Собакъ держитъ каждый домохозяинъ. Она ходитъ съ нимъ на охоту, или караулитъ дворъ.

Съ ружьемъ и собакою вотякъ охотится главнымъ образомъ за бѣлками (говорятъ: за бѣлкой). На рябчиковъ, тетеревовъ, глухарей и куропатовъ переводитъ порохъ скупой вотякъ не любитъ; тутъ онъ прибѣгаетъ къ помощи петель и силковъ. Законъ, воспрепятствующій охоту этими способами, писанъ не для вотяка. Этимъ способомъ промышляли его предки, не оставляютъ его и потомки. На утокъ и другую болотную дичь вотякъ почти не охотится: тутъ требуется умѣніе бить въ летъ, чего вотякъ никакъ постичь не можетъ. На зайцевъ, лисицъ и волковъ вотякъ настораживаетъ капканы. Медвѣжьей охоты онъ не ведетъ: слишкомъ силенъ и крупенъ звѣрь для его неказистаго ружья и неважной смѣлости охотника.

Любитъ вотякъ и рыбную ловлю. На рѣкахъ и озерахъ онъ устраиваетъ «языки», т. е. плотныя изъ колевъ, перевитыхъ прутьями, прегражденія, съ отверстіями въ нихъ; въ эти послѣднія онъ ловитъ рыбу круглый годъ. Лѣтомъ охотно ловитъ и бреднемъ, и удочкой.

Кромѣ этого, вотяки большіе любители пчеловодства; но пчеловодное хозяйство ведутъ по-старому, въ колодныхъ ульяхъ, развѣшанныхъ по лѣсамъ на высокихъ деревьяхъ, и отчасти занимаются бортничествомъ. Ввиду этого борются съ врагами пчелъ совершенно не умѣютъ и терпятъ большіе убытки отъ гнильца, мотылицы и другихъ причинъ, гдѣ немалую роль играетъ личное непониманіе дѣла.

Домашнихъ животныхъ вотяки разводятъ охотно: лошадей, коровъ, свиней и овецъ, а также разную птицу: куръ, утокъ, ин-

¹⁾ За отсутствіемъ въ востскомъ языкѣ (онъ очень бѣденъ) буквы х вотяки выговариваютъ—к.

дюшекъ и гусей. Подъ осень улица вотской деревни бываетъ наполнена стадами гусей, куръ, ягнать, поросятъ и проч. настолько, что проѣхать трудно.

Работы въ вотскомъ быту пачинаются съ весны и идутъ до осени. Въ теченіе зимы мужнины почти не заняты ничѣмъ, если не считать молотѣбы для муки и поѣздокъ на мельницу или въ лѣсъ. Женскія же работы идутъ всю зиму: прядутъ и заготовляютъ нитки для суконъ и холстовъ. Нитки эти, смотанныя въ длинныя связки, носятъ названіе «мотовъ». Великимъ постомъ моты эти, при соблюденіи извѣстнаго народнаго обычая, моются на рѣкахъ, а затѣмъ женщины садятся за станъ ткать. Сукна и холсты получаютъ толстыми, грубыми. Дабы ихъ смягчить—сукна мнутъ, а холсты колотятъ.

Но вотъ наступилъ мартъ мѣсяць. Вездѣ раздаются на гумнахъ удары цѣпа. Это вотяки достаютъ зерно для весенняго посѣва. Съ этого момента пачинаются работы у мужинъ. Хозяева чинятъ сохи, бороны, налаживаютъ тарантасы, телѣги и прочее по дому. Въ апрѣлѣ приступаютъ къ пашнѣ и сѣву. Взрослые пахутъ, подростки боронятъ; боронятъ главнѣйше бабы и дѣвки. Для этихъ работъ родители берутъ даже дѣтей изъ школы, и школы остаются только съ учениками сельскихъ жителей—не крестьянъ, а школы въ деревняхъ совсѣмъ пустуютъ.

Вскорѣ наступаютъ «назмы», т. е. время, когда каждый домохозяинъ везетъ на полосы весь наземъ, какой накопился у него за зиму въ хлѣвахъ. Вozy съ наземомъ въ поле вообще сопровождаютъ дѣти, мальчики и дѣвочки; взрослые только накладываютъ на вozy и сваливаютъ. Это время тянется до двухъ недѣль, и воздухъ деревень въ этотъ періодъ времени благоухаетъ только наземомъ. Затѣмъ наступаетъ сѣнокосъ. Въ деревняхъ остаются лишь дряхлые старики да дѣти, которыхъ нельзя почему-либо взять съ собою, а нерѣдко дома и совсѣмъ пустуютъ, оставаясь на охрану собакъ.

Чуть послѣлъ вотякъ развязаться съ сѣнокосомъ—созрѣла розь, а тамъ яровые хлѣба, и настала самая трудная пора—жатва.

Снопы при жатвѣ вотяки складываютъ по-своему. Связавши снопы, его въ срединѣ надламываютъ и комлемъ ставятъ на землю. Слѣдующій снопы, надломленный частью, т. е. съ колосьями, кладутъ на первый, третій—на второй и т. д., длиннымъ рядомъ. Когда въ этомъ видѣ снопы достаточно продуетъ—ихъ складываютъ въ «груды», имѣющія форму опрокинутаго шлема.

Кладухи или кабаны съ хлѣбомъ вотяки складываютъ также различно отъ русскихъ, и, надо сказать, вотская кладка хлѣба въ скирды лучше русской. Вотскія кладухи имѣютъ конусообразную форму, каковая не допускаетъ задерживаться влагѣ на ихъ поверхности: дождь скатывается, а снѣгъ при малѣйшей оттепели сваливается. Въ деревнѣ Квашурѣ я видѣлъ столѣтнія скирды, на сѣверной сторонѣ которыхъ растутъ зелеными шапками мохъ и

трава. Несмотря на это, кладухи не попортились: зерно сохранилось прекрасно, только соломка снаружи почернѣла и пришла въ негодность верхковъ на 6—7, что хозяинъ доказалъ, выдернувъ нѣсколько колосевъ. Кладухи эти отъ времени лишь потеряли остроту верхинъ, сдѣлавшись въ основаніи шире, т. е. ссѣлись; въ остальномъ онѣ ничего не утерали.

Вотьякъ скопидомъ. Богатство свое онъ видитъ въ хлѣбѣ. По этой причинѣ онъ продаетъ его только ввиду крайней необходимости, или когда на хлѣбъ стоятъ особенно заманчивыя цѣны. Ввиду такихъ причинъ возлѣ каждой вотской деревни, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи ($1/2$ —1 верста) всегда находится громадное число хлѣбныхъ кладухъ. Мѣсто для такого хлѣбнаго запаса отводится отдѣльное, но постоянное; оно обносится жердяной изгородью. На такихъ складахъ скирды стоятъ сотнями, особенно въ урожайные годы.

Еще остается вотяку покопчить съ осеннимъ посѣвомъ озимыхъ, и домохозяинъ поживаетъ отъ всякихъ дѣлъ до весны.

Всѣ работы—пашня ли то, бороньба ли, посѣвъ, жатва—не могутъ заставить вотяка быть живѣе и энергичнѣе. Онъ всякое дѣло исполняетъ неторопливо, даже какъ бы апатично. Утромъ на работы выходитъ поздно, часовъ въ 8—10, какъ кому удосужится, работаетъ не спѣша. Но это не отъ лѣни, какъ думаютъ русскіе крестьяне, это общая вотская черта. Въ рабочее время въ вотской деревнѣ незамѣтно того кипучаго оживленія, какое царитъ въ такіе моменты въ русскихъ деревняхъ Вятской губерніи. Но зато вотяки работаютъ долго. Заурядное явленіе видѣть ихъ на жатвѣ такъ поздно вечеромъ, что самихъ жнецовъ почти не видно, а только по шороху во ржи или разговору можно узнать, что хозяева полосы еще работаютъ.

Женщинамъ въ лѣтнее время, кромѣ остальныхъ полевыхъ работъ, еще много хлопотъ со льномъ и коноплей. Этими работами мужчины почти не занимаются. То и другое растеніе поздней осенью женщины «трещаютъ» въ баняхъ, превращая въ волокна, изъ которыхъ по зимамъ прядутъ нити. Трещаніе льна и конопли—это послѣднія работы, которыя связаны съ лѣтними.

Что бы ни начиналъ вотякъ дѣлать—у него на все существуютъ свои обряды и обычаи, которые переданы ему въ наслѣдство изъ глубокой древности и которые онъ не оставляетъ по сіе время. Пришло ли время выѣзжать на пашню—требуется совершить извѣстный обрядъ; подошелъ ли сѣнокосъ—обязанъ исполнить старый обычай; взошла ли озимь на полосѣ весной или осенью—старые боги требуютъ жертвы. Нѣтъ такого дѣла, нѣтъ такого начинанія, когда бы вотякъ по вѣковымъ традиціямъ не былъ обязанъ исполнить тотъ или другой обычай или обрядъ, смыслъ которыхъ теперь и для него не всегда понятенъ.

Мытье мотовъ и бѣлья во время стеканія водъ отъ таяннн снѣга.

Съ наступленіемъ весны жизнь вотяковъ оживаетъ снова, начинаются, какъ уже сказано, разныя работы по хозяйству, но въ то же время съ весной наступаютъ и разныя народныя праздники языческаго происхожденія. Одни праздники совершаются по случаю начала работъ, причеъ вотяки молятся по старымъ обрядамъ о испосланіи урожая, чтобы велась въ хозяйствѣ и не падала скотина и прочее; а затѣмъ идутъ праздники, посвященные исключительно молодежи и веснѣ. Осенью справляется праздникъ, какъ торжество въ виду благополучнаго окончанія всѣхъ полевыхъ работъ—«партъмасъконтъ». Вотяки вообще пьютъ и веселятся по ночамъ, съ вечера до утра, а этотъ праздникъ все населеніе деревни всю ночь бродитъ толпами изъ дома въ домъ, угощается другъ у друга, поетъ, шумитъ. И только къ утру затихаетъ деревня. Этотъ осенній праздникъ справляется особенно шумно и пьяно.

Всѣ старыя народныя праздники вотяковъ носятъ на себѣ совершенно языческую окраску и справляются съ шумнымъ весельемъ. Хотя всѣ ихъ празднества весьма просты по замыслу, но всѣ въ корнѣ выражаютъ мысль народнаго благодаренія богамъ, природѣ или труду и въ самомъ выполненіи празднованія чувствуется много народной искренности и простодушія.

Всякое народное празднество начинается моленіемъ каждой семьи въ своемъ шалашѣ, пичи ква (малый шалашъ). Почти всякое моленіе вотскимъ божествамъ сопровождается кровавой жертвою: каждая семья, смотря по своему достатку или обѣщанію, приноситъ въ жертву барана, ягненка, гуся, курицу или утку. Обязанности молитвенника лежатъ на главѣ семьи. Къ такимъ праздникамъ съѣзжаются изъ другихъ селъ и деревень родственники, и послѣ моленія начинается веселье, сопровождаемое обильной попойкой.

На моленіяхъ, совершаемыхъ цѣлой деревней, приносятъ въ жертву быка, купленнаго на общественныя деньги. Иногда быка на такой праздникъ жертвуетъ кто-либо изъ состоятельныхъ вотяковъ. Но моленія обществами становятся рѣдки; нѣкоторыя селенія обычай этотъ начинаютъ оставлять.

Въ прежнее время въ деревняхъ или вблизи деревень, въ лѣсу, имѣлись молитвенныя шалашы—бадзимъ ква (большой шалашъ), въ которыхъ моленія по старымъ обрядамъ совершались общественнымъ образомъ. Теперь вотяки моленіе обществами оставили, и молитвенныя капища почти всѣ исчезли. Мнѣ пришлось такой оставленный молитвенный шалашъ встрѣтить въ деревнѣ Высокая Жикья (Селтинской вол.), который хотя и не несетъ той службы, для какой предназначался, но не разрушается руками, а предоставляется для этого времени. Видно, что старики и по сіе время еще вздыхаютъ по старымъ богамъ.

Совершать свои моленія и празднества вотяки по сіе время любятъ въ лѣсу. Въ лѣсу же стремятся справлять свои праздники и

молодежь. Какой бы праздник ни был—молодежь обоого пола не может удержаться отъ поѣздки въ лѣсъ. Во время своихъ увеселеній молодежь также пѣть «кумышку», какъ и старшіе, и проводить праздникъ въ простотѣ отношеній первобытнаго чело-вѣка.

Въ селѣ Селтахъ, по обычаю, установившемуся съ незапамятныхъ временъ, молодежь на второй день Св. Пасхи ѣздитъ на рѣку Кильмезь «проводать ледъ». Время это всегда совпадаетъ со вскрытіемъ рѣкъ. Прошелъ ледъ, или еще не трогался,—молодежь все равно ѣдетъ. Ѣдутъ всегда верхомъ на лошадяхъ; при этомъ каждый паренъ садитъ къ себѣ на лошадь свою подругу; она сидитъ сзади и держится за него. На Кильмези они устраиваются подъ «большою» елкой, пьютъ кумышку, угощая другъ друга, поютъ, водятъ хороводы, бѣгаютъ въ горѣлки, пляшутъ подъ гармонку, гуляютъ парами по лугамъ и перелѣскамъ.

Справляя свои старые праздники, вотяки посѣщаютъ и церкви, говѣютъ и ставятъ предъ иконами свѣчи. Но все это для пониманія вотяковъ болѣе чѣмъ темно. Мѣстные русскіе много могутъ поразсказать курьезнаго про понятія и отношеніе вотяковъ къ православію. Вотячка Вавожской волости, въ селѣ Водзиманьѣ, ставила предъ иконою свѣчу и въ простотѣ душевной говорила вслухъ: «я водзиманскаго прихода, Тихонова баба», очевидно, полагая, что безъ этого не будетъ извѣстно Богу, къмъ поставлена свѣча.

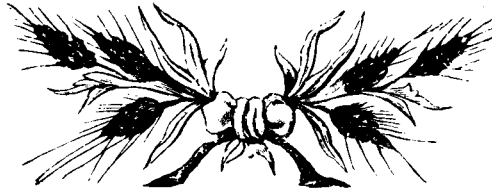
Совершая празднества, вотяки сильно пьютъ свое національное вино—«кумышку», пьютъ отъ мала до велика. Хотя вареніе кумышки преслѣдуется закономъ, и для наблюденія за ея вареніемъ введены особые акцизные надсмотрщики, въ народѣ извѣстные подъ названіемъ «кумышечниковъ», но вареніе этого напитка производится едва ли въ меньшемъ размѣрѣ. Для выкуриванія кумышки, которую вотяки сильно любятъ, они скрываются въ лѣса, забираясь въ недоступныя мѣста, и разставляютъ на извѣстныхъ мѣстахъ сторожей для наблюденія за приближеніемъ постороннихъ. Ввиду этого преслѣдованія вотяки только бѣднѣютъ, но отъ кумышки не отстаютъ: они теряютъ барду, которой прежде хватало почти на всю зиму на кормъ домашнему скоту; теперь же на кормъ вотякъ вынужденъ расходоватьсѣ снова. Барда же весьма сытный и питательный кормъ. Увезти ее домой тоже нельзя: она издаетъ настолько сильный запахъ, что выдаетъ владѣльца кумышки.

Среди вотяковъ, находящихся на весьма низкомъ уровнѣ развитія, живетъ масса всевозможныхъ суевѣрій, которыя зачастую приносятъ видимый вредъ. По представленію вотяковъ, нельзя заливать того, что загорѣлось отъ молніи, «Божьей милостью»—по народному. Можно только защищать рядомъ стоящія постройки. Такъ, 7 іюля 1900 г., въ деревнѣ Большомъ Жайгилѣ отъ молніи вспыхнула кладуха хлѣба. Вотяки гасить огонь не стали, хотя пожаръ могли

остановить во-время, а только слѣдили за тѣмъ, чтобы огонь не перешелъ на другія скирды. Дабы избавить себя отъ дурного глаза, вотяки наканунѣ Великаго четверга втыкають надъ всѣми от-верстіями вѣтки вереска (можжевельника) надъ окнами, воротами, надъ входами въ хлѣвы и прочее. Черезъ этотъ талисманъ не пере-шагнуть ни одинъ колдунъ, ни одинъ человѣкъ, у котораго на умѣ недоброе, а если и пройдетъ, то теряетъ силу своихъ чаръ.

Заканчивая настоящій очеркъ, приходится сказать, что без-просвѣтно темна пока жизнь вотяковъ и можно надѣяться, что только со временемъ хорошо организованная школа и упорядо-ченная, согласно манифесту 17 октября 1905 года жизнь внесетъ въ обиходъ и понятія вотяковъ столь желательный и нужный здѣсь лучъ свѣта.

Вл. Ярополовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Изд. второе (посмертное) юридическаго факультета университета св. Владимира, подъ редакціей проф. А. А. Жилина. Кіевъ. 1912. Стр. X+XX+578+4. Ц. 3 руб.

ЭТА ИЗЪ выдающихся монографій въ области исторіи русскаго государственнаго права, бывшая до послѣдняго времени библиографическою рѣдкостью, снова увидала свѣтъ въ изданіи юридическаго факультета университета св. Владимира. Изданная безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ, книга эта, вышедшая первымъ изданіемъ въ 1870 году, производитъ, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе свѣжести и читается съ большимъ интересомъ. Предисловіе проф. Жилина даетъ оцѣнку научной дѣятельности автора и біографическія свѣдѣнія о немъ. «Не надобно вводить на древнихъ русскихъ людей обвиненія почти бездоказательныя; и безъ того въ нихъ было много жестокости и варварства»—таковъ эпиграфъ разсматриваемой нами книги. И, дѣйствительно, читатель находитъ въ ней обиліе историко-бытовыхъ фактовъ, говорящихъ объ этой жестокости.

Съ другой стороны, приводятся и иные факты, историческіе и бытовые, которые вызывали и питали эту жестокость. Но, признавая прегрѣшенія отдѣльныхъ личностей, можно говорить объ историческихъ заслугахъ группъ и сословій, это и является одной изъ задачъ автора, раскрывающаго объективно-историческія заслуги русскаго дворянства, какъ сословія. Взглядъ автора на русское дворянство сводится къ слѣдующему: «У насъ оно всегда было *установленіемъ политическимъ* (курсивъ автора), существовавшимъ и видоизмѣнявшимся».

«истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxii.

нимся *сообразно целямъ и потребностямъ правительственнымъ*». Если идея благородства западно-европейскаго основана на крови, на контрактъ съ государственною властью, то у насъ она основана на службѣ государству, народу русскому, пожалованіи самодержца. «До Петра Великаго наши высшіе классы не были, да и не могли быть *благородными*: только царское семейство было *благороднымъ* (хорошо рожденнымъ)», говоритъ авторъ. Всѣ остальные члены русскаго общества были *прирожденными* холопами царя—Васьками, Ивашками, Алешками и т. д. Понятно, почему авторъ начинаетъ свою исторію дворянства съ начала XVIII вѣка: только со времени Петра Великаго оно появилось на Руси, какъ сословіе, когда «опредѣлились закономъ личныя и корпоративныя права его», когда дворянство «начало *чувствовать себя*, какъ замкнутое сословіе, какъ *людей благородныхъ* въ отличіе *отъ подлыхъ* (курсивъ автора), когда, наконецъ, изъ среды самого дворянства окончательно выдѣлилась *аристократія*, противоположившая себя не только простому народу, но и рядовому—*подлому дворянству*».

Изслѣдуя этотъ періодъ развитія дворянства на Руси, авторъ дѣлитъ его на два періода; въ теченіе перваго дворянство еще продолжаетъ находиться въ *крѣпостномъ отношеніи* къ государству, его сословная, аристократическая точка зрѣнія на себя еще только зарождается. Начиная съ манифеста 18-го февраля 1762 года, жалованной грамоты дворянству 1762 г., оно окончательно формируется въ благородное и привилегированное сословіе. Личныя права его получаютъ широкое развитіе, въ мѣстной жизни оно получаетъ доминирующую роль. вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ полное порабощеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Упраздненіемъ крѣпостнаго права и заканчивается вышеуказанный періодъ. Авторъ отказывается отъ синхронистическаго изложенія, сознавая, что отъ этого теряеть отчетливость и законченность изложенія, теряють и обобщенія и характеристики свою полноту. Возможно полный сводъ матеріала—вотъ что поставилъ авторъ своею цѣлью, и для лучшаго ея достиженія разбилъ предметъ на отдѣльные вопросы, сгруппировавъ ихъ по содержанию. Въ зависимости отъ этого книга распадается на пять главъ, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на раздѣлы. Глава первая касается того, какъ образовалось, приобрѣталось и дифференцировалось дворянство, какъ развивалась *идея благородства* въ связи съ обособленіемъ его, какъ пополнялись его ряды дворянствомъ иноплеменнымъ. Вторая глава говоритъ о томъ, какія службы и повинности лежали на дворянствѣ, какъ изъ вознагражденія за службу росли его состоянія, объ обязательномъ обученіи, о ростѣ идеи освобожденія отъ обязательной службы. Глава третья касается личныхъ правъ дворянства. Четвертая глава, полная глубокаго интереса и обильная бытовымъ матеріаломъ, посвящена крѣпостному праву. Наконецъ въ главѣ пятой говорится о развитіи корпоративныхъ правъ дворянства. Если возможныя ошибки и неполнота и отражаютъ индивидуальность автора и его эпоху, если автора «можно упрекнуть», какъ онъ самъ выражается, «во многихъ промахахъ въ матеріальной части труда», то въ формальномъ отношеніи выдвинуты всѣ существенныя его стороны. Авторъ смотритъ на свой трудъ, какъ на «сводъ матеріала и пригготовительные этюды для историческаго изслѣдованія». Въ качествѣ такового, его книга

является трудомъ большой научной цѣнности для всякаго, интересующагося русской исторіей вообще и развитіемъ «первенствующаго сословія» въ частности. Подчеркивать это обстоятельство приходится тѣмъ сильнѣе, что русская историко-монографическая литература не слишкомъ богата. Невозможно въ краткой рецензіи передать то богатство фактическаго матеріала, которое заключено въ шестистахъ страницахъ. Можно указать только на тѣ категоріи источниковъ, которыми пользовался авторъ. Прежде всего это «Полное собраніе законовъ».

Авторъ, по его словамъ, «настойчиво добивался того, чтобы извлечь изъ «Полнаго собранія законовъ» и сгруппировать всѣ данныя, относящіяся къ исторіи дворянства», но все-таки далекъ отъ полной увѣренности, что имъ извлечено все, не только второстепенное, но и главное. Такова неисчерпаемость «Полнаго собранія законовъ», какъ источника. Убѣжденный въ необходимости при изученіи какого-нибудь вопроса сочетать юридическую и официальную его сторону съ исторической и бытовой, считая свой трудъ *дѣломъ живымъ*, желая облечь живую плотью сухой остовъ юридическихъ отношеній, авторъ обращается и къ мемуарамъ современниковъ, и къ иностраннымъ путешествіямъ, и къ архивнымъ даннымъ. Полагая, что для полной, прагматической исторіи русскаго дворянства едва ли собранъ весь матеріалъ, авторъ въ слѣдующихъ скромныхъ словахъ характеризуетъ свой трудъ: «мы только собирали мусоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдеть годными другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобы употребить и ихъ на постройку зданія, которое бы, по лучшей симметріи и изяществу отдѣлки, болѣе соответствовало достоинству и важности вопроса». Въ этихъ словахъ чувствуется и скромность автора, и его любовь къ предмету, и его научная добросовѣстность. Все это подкупаетъ и всецѣло оправдывается содержаніемъ книги, которая захватываетъ, исторически возстановляя живые образы русской развивающейся общественной жизни и мысли.

Книга снабжена портретомъ автора.

Евгеній Пахорукъ.

Е. Шмурло. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912. Стр. II + 108 + 161. Цѣна не обозначена.

Оцѣнка личности Петра и его реформы вызвала когда-то много жаркихъ споровъ и среди современниковъ, и среди потомства. Одни изъ современниковъ называли Петра «земнымъ богомъ», другіе считали его самозванцемъ и даже антихристомъ. Сторонникамъ реформы казалось, что, благодаря Петру, они «изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта... изъ небытія въ бытіе произведены» и, по словамъ Нартова, «благородному безстрашию и правдѣ учились онъ него». Одинъ олонецкій крестьянинъ даже такими словами обрисовалъ Преобразователя: «вотъ царь такъ царь!—даромъ хлѣба не ѣлъ: пуще мужика работалъ». Далекъ не всѣ, однако, относились къ Петру сочувственно. Многіе полагали, что царь послѣ знакомства съ пѣмцами «обасурманился»,

называли его въ насмѣлку «Лефортовымъ зятемъ» (Лефортъ познакомилъ царя съ дѣвицей Монсъ). «Мірѡдъ!—говорили они:—весь міръ переѣлъ, все переводитъ добрыя головы. Только на него, кутилку, переводу нѣтъ» и т. д.

Потомство относилось къ Преобразователю тоже неодинаково. Еще сравнительно недавно, въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, существовало коренное различіе во взглядахъ на Петра среди тогдашнихъ общественныхъ теченій—«западниковъ» и «славянофиловъ»: Первые полагали, что Петръ своей реформой произвелъ коренной переворотъ въ старомъ укладѣ московской жизни, впервые приобщилъ Русь къ цивилизаціи и ввелъ въ русло исторической жизни. Наоборотъ, славянофилы думали, что Петръ своей реформой нарушилъ ходъ самобытной русской исторіи, насильственно привилъ чуждыя нашему духу начала германской цивилизаціи. Даже въ ученой литературѣ мнѣнія относительно Петра долгое время были противорѣчивы. И только въ позднѣйшее время установился довольно опредѣленный взглядъ: «Петръ продолжатель стараго движенія, знакомаго древней Руси,—говоритъ одинъ изслѣдователь.—Въ его реформѣ и направленіе и средства—не новы, они даны предшествовавшей эпохой. Нова въ его реформѣ только страшная энергія, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззавѣтная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный гений и характеръ Петра». Самъ авторъ справедливо указываетъ, что еще до Петра началось преобразовательное движеніе, «и притомъ сильное, стихійное, теперь его ничѣмъ не остановитъ; но само общество пока еще жило, будучи далекимъ отъ мысли, что оно уже двинулось, находится въ пути. Еще не сознавали, что настоящій моментъ, въ сущности, есть уже канунъ крупныхъ событій». Уже изъ вышесказаннаго ясно, насколько интереснымъ является для насъ ознакомленіе съ той оцѣнкой, которую Петръ получалъ въ глазахъ современниковъ и потомства.

Несмотря на пестроту этихъ мнѣній, автору удастся придать имъ въ своемъ изложеніи и стройность и систему. Читатель знакомится не только съ отзывами о Петрѣ русскихъ людей, но и иностранцевъ, Вольтера, Руссо и т. д. Настоящая работа автора печаталась раньше въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1911 г., №№ 10—12; 1912 г., № 5 и 6) и выросла изъ переработки статей, появившихся въ томъ же журналѣ еще въ 1889 г. и т. д., болѣе или менѣе извѣстна читателямъ и не требуетъ подробнаго разбора. Укажемъ лишь, что переработанный авторомъ трудъ отличается отъ прежняго размѣрами, новымъ матеріаломъ, наконецъ, конструкціей изложенія, тщательной редакціей, снабженъ щедро примѣчаніями и, наконецъ, имѣетъ указатель.

Авторъ, къ сожалѣнію, довелъ пока свой трудъ только до XIX вѣка, между тѣмъ какъ знакомство съ оцѣнкой Петра въ XIX вѣкѣ представляетъ немалый научный интересъ. Отмѣчая значеніе книги нельзя не пожелать, чтобы авторъ выполнилъ свою работу до конца.

К.—шовъ.

1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St.-Petersbourg. 1912. Цѣна не означена.

Недавно мы познакомили наших читателей съ сочиненіемъ внучки графа **Θ. В. Ростопчина «Les Rostoptchine»**, появившеюся также и на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время предъ нами произведеніе его старшей дочери Наталін (род. въ 1797 г.), вступившей позднѣе въ бракъ съ Нарышкинымъ и скончавшейся въ июль мѣсяцъ 1863 года, не успѣвъ довести до конца задуманнаго ею труда представить не только картину всей дѣятельности ея отца, но и оправдать его въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя позднѣе вызвали болѣе или менѣе основательныя нареканія и порицанія его современниковъ. Трудъ госпожи Н. Нарышкиной, составленный на основаніи сдѣланныхъ ею замѣтокъ въ юности и дополненный различными разказами ея матери (гр. Екатерины Ѳедоровны) и очень многими письмами различныхъ особъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ, не вполне соответствуетъ названію, приведенному нами выше. Изложеніе доведено только до конца 1815 года и заканчивается повѣствованіемъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Петербурга 28-го декабря на основаніи особаго высочайшаго о томъ указа. Такимъ образомъ, объ остальной части жизни графа Ростопчина въ теченіе десяти лѣтъ съ 1816 года по день его кончины въ 1826 году, января 18-го дня, въ книги Нарышкиной ничего не говорится. Помимо этого трудъ госпожи Нарышкиной далеко не объемлетъ всю эпоху довольно продолжительной дѣятельности ея отца во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ; это точнѣе очеркъ жизни только самого графа Ростопчина, причемъ сообщаются очень любопытныя свѣдѣнія не только о немъ и членахъ его семейства, но и о множествѣ лицъ, болѣе или менѣе часто посѣщавшихъ графа, много говорится объ образѣ его жизни и занятіяхъ въ городѣ и деревнѣ, о препровожденіи времени и т. д. Все это изложено очень живо и читается съ большимъ интересомъ, особенно конецъ первой части, который обнимаетъ эпоху 1812 года (стр. 103—207). Необходимо замѣтить, что издатели любопытныхъ воспоминаній Нарышкиной, не снабдивъ книгу ни оглавленіемъ, ни алфавитнымъ указателемъ имѣли собственныхъ, какъ это общепринято уже, распредѣлили имѣвшійся въ нихъ распоряженіи матеріалъ на двѣ части, изъ которыхъ первая, обнимая время съ 1763 г. (годъ рожденія графа **Θ. В. Ростопчина**) по 1812 годъ включительно, подраздѣляется, въ свою очередь, на четыре, скажемъ, главы, при чемъ первая заканчивается смертью императрицы Екатерины II въ 1796 году, вторая—обнимаетъ время царствованія Павла I съ 1796 по 1801 годъ, при которомъ Ростопчинъ игралъ, какъ извѣстно, большую роль; тѣмъ не менѣе этой эпохѣ отведено въ воспоминаніяхъ госпожи Нарышкиной всего менѣе мѣста—только 23 страницы. Третья глава—время государственнаго бездѣйствія Ростопчина—съ 1801 по 1812 годъ и, наконецъ, четвертая, наиболѣе обширная, посвящена 1812 году. Затѣмъ идетъ вторая часть съ начала 1813 года подъ общимъ заглавіемъ «Графъ Ростопчинъ и его время» и окончивается, какъ уже сказано, 1815 годомъ. Нельзя не пожалѣть, что госпожа Нарышкина не успѣла довести до конца задуманнаго ею трудъ, который является довольно важнымъ матеріаломъ для біографіи ея столь извѣстнаго дѣла.

П. М.

В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Томъ третій. Л—О. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912. Стр. IV+824+24. Цѣна 5 руб.

О первыхъ двухъ томахъ этого изданія, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1908 и 1910 гг., мы своевременно говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и тогда уже признавали за нимъ значеніе единственнаго въ своемъ родѣ крупнѣйшаго источника для исторіи общественной и частной жизни малороссійскаго дворянства и для жизнеописаній его отдѣльныхъ представителей. При составленіи первыхъ двухъ томовъ В. Л. Модзалевскій пользовался, помимо архива департамента герольдіи, почти исключительно мѣстными архивными матеріалами. Для настоящаго же тома онъ имѣлъ возможность почерпнуть нужныя ему свѣдѣнія и изъ московскаго архива министерства юстиціи, которыя значительно обогатили содержаніе его книги. Всѣхъ родовъ древняго малороссійскаго дворянства, ведущихъ свое происхожденіе отъ представителей казацкой старшины, приведено въ третьемъ томѣ шестьдесятъ (двадцать три на букву *л*, двадцать четыре—на *м*, семь—на *н* и шесть—на *о*). Многіе изъ этихъ родовъ описаны довольно подробно, и въ общемъ, дѣйствительно, все описаніе представляетъ собою своего рода лѣтопись, въ которой окажется немало новаго и для историка, и особенно для біографа. Поэтому весьма не лишнее будетъ сдѣлать и въ настоящей замѣткѣ кой-какія извлеченія изъ этого богатаго историко-біографическаго матеріала, извлеченія, касающіяся наиболѣе видныхъ дѣятелей изъ малороссійскаго казацкаго дворянства. Сдѣлаемъ это, придерживаясь порядка изложенія разсматриваемой нами книги. Изъ рода Лашкевичей было три писателя-историка: Александръ Степановичъ (1842—1889 гг.), редакторъ-издатель «Кіевской Старицы»; Степанъ Ивановичъ (1809—1872 гг.), авторъ «Историческаго очерка стародубскихъ раскольниковыхъ слободъ», и Степанъ Ивановичъ (1734—1782 гг.), авторъ «Дневника» и затѣмъ извѣстный участникъ русско-японской войны, генераль-лейтенантъ, Николай Алексѣевичъ (родился 6-го іюля 1856 г.). Знаменитый герой похода въ Пекинъ и русско-японской войны генераль-отъ-инфантеріи Николай Петровичъ Липевичъ (родился 24-го декабря 1837 г., а не 1838 г., какъ невѣрно, оказывается, сообщалось въ некрологахъ; умеръ 10-го апрѣля 1908 г.), сынъ надворнаго совѣтника Петра Григорьевича, внукъ арміи поручика Григорія Петровича, правнукъ полкового хорунжаго Петра Матвѣевича и праправнукъ бунчуковаго товарища Матвѣя Карповича (умеръ до 1767 г.). Единственный выдающійся представитель рода Лесевичей—Владимиръ Викторовичъ (1837—1905 гг.), извѣстный философъ и писатель, внукъ войскового товарища и правнукъ гадяцкаго полкового судьи Данила Константиновича, отъ котораго и пошелъ родъ Лесевичей. Родъ Липиныхъ, писавшихся раньше и Липени, изобилдовалъ военными дѣятелями и въ то же время имѣлъ извѣстнаго композитора Григорія Андреевича, родившагося 23-го апрѣля 1854 г. и скончавшагося въ 1888 г. въ Петербургѣ. Подъ фамиліей Максимовичи приведено пять отдѣльныхъ родовъ; наиболѣе же крупныхъ дѣятелей Максимовичей находимъ въ потомствѣ бывшаго у гетмана Мазеи «въ оборонѣ» Максима Васильковскаго, старшій сынъ котораго, Іоаннъ (род. 1651 г.; умеръ

1715 г.), былъ архіепископомъ черниговскимъ и потомъ съ 1711 г. митрополитомъ тобольскимъ. Изъ позднѣйшихъ его потомковъ извѣстны: генераль-лейтенантъ Ивагъ Коршильевичъ (1800—1874 гг.) и его племянники: Константинъ Клавдіевичъ (род. 1849 г.), генераль-отъ-кавалеріи, бывшій наказный атаманъ войска Донского и вѣршавскій генераль-губернаторъ, и Ипполитъ Клавдіевичъ (род. въ 1850 г.), извѣстный судебный дѣятель и сенаторъ (съ 1904 г.); и ихъ дальній родственникъ, профессоръ ботаники и ректоръ университета св. Владимира и извѣстный писатель, Михайль Александровичъ Максимовичъ (род. 3-го сентября 1804 г.; умеръ въ 1874 г.). Одинъ изъ самыхъ обширныхъ родовъ въ Малороссіи—это Марковичи или Маркевичи, происходящіе отъ Марка Авраамовича (умеръ въ 1712 г.) и его троихъ сыновей. Ближайшіе потомки послѣднихъ состояли въ разныхъ войсковыхъ чинахъ почти до конца XVIII столѣтія. За эту эпоху наиболее извѣстенъ генеральный подскарбій, Яковъ Андреевичъ Марковичъ (1696—1770 гг.), авторъ «Дневныхъ записокъ», которыя изданы въ 1859 г. его внукомъ Александромъ Михайловичемъ. Въ XIX вѣкѣ—Николай Андреевичъ (род. 26-го января 1804 г.; умеръ 9-го іюня 1860 г.), поручикъ въ отставкѣ, авторъ капитальнаго для своего времени труда «Исторія Малороссіи» (1842—1843 гг.); Алексѣй Ивановичъ (1847—1903 гг.), профессоръ русской исторіи новороссійскаго университета; Василій Ивановичъ (род. 28-го декабря 1853 г.), сенаторъ (съ 1907 г.), и Андрей Николаевичъ (1830—1907 гг.), старшій сынъ историка, извѣстный государственный и общественный дѣятель. Въ потомствѣ ичанскаго (Прилукскаго полка) сотеннаго атамана Петра Мартоса (1756 г.) были: его сынъ Иванъ Петровичъ (1753—1835 гг.), профессоръ и ректоръ императорской академіи художествъ, извѣстный скульпторъ, и внукъ Алексѣй Ивановичъ (1790—1842 гг.), историкъ, составившій «Исторію Малороссіи». Изъ многочисленныхъ представителей рода Миклашевскихъ назовемъ Михаила Павловича (1756—1847 гг.), участвовавшаго въ нѣломъ рядѣ сраженій во вторую турецкую войну, подъ командою Суворова, и бывшаго потомъ губернаторомъ волынскимъ, малороссійскимъ, новороссійскимъ и екатеринославскимъ, и Александра Николаевича (род. 1864 г.), профессора юрьевскаго университета. Извѣстный революціонеръ, авторъ «Воспоминаній», Владимиръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ (род. въ 1848 г.) былъ сыномъ подполковника въ отставкѣ, внукомъ прапорщика въ отставкѣ и правнукомъ бунчуковаго товарища Павла Михайловича (умеръ до 1782 г.). Знаменитый герой отечественной войны Дмитрій Петровичъ Невѣровскій (1771—1814 гг.) сынъ городничаго въ Золотоношѣ и внукъ значковаго товарища Переяславскаго полка, Ивана Невѣровскаго (1735 г.), родоначальника особой вѣтви Невѣровскихъ. Современные писатели-братья: Василій Ивановичъ и Владимиръ Ивановичъ Немировичи-Данченко сыновья майора, внуки корнета при отставкѣ Василя Прокофьевича и правнуки значковаго товарища Прокофія Ивановича (умеръ до 1784 г.). Изъ рода Оболонскихъ, ведущаго начало отъ «значковаго товарища» Гордѣя Саввича (1704 г.), были: Александръ Александровичъ (1823—1877 гг.), извѣстный земскій дѣятель и редакторъ-издатель (совмѣстно съ Г. Д. Щербачевымъ) журнала «Народное Чтеніе», издававшагося въ 1859—1860 гг., и Николай Александровичъ (род. 1856 г.), сынъ

предыдущаго, докторъ медицины, профессоръ университета св. Владимира. Фамилія Ограновичей имѣла цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей-моряковъ, и, наконецъ, изъ казачкаго малороссійскаго рода Остроградскихъ происходили знаменитый математикъ и академикъ, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій (1801—1861 гг.), внукъ войскового товарища Ивана Ивановича и правнукъ бунчуковаго товарища Ивана Матвѣвича, сына родоначальника рода Остроградскихъ, и боевой генераль, отличившійся въ войнахъ съ кавказскими горцами и въ венгерскую кампанію, генераль-лейтенантъ, Иванъ Ивановичъ Остроградскій (1797—1871 гг.). Въ самомъ концѣ книги находимъ на многихъ страницахъ (47) свѣдѣнія о родѣ Модзалевскихъ, ведущемъ начало отъ Ѳедора Модзалевскаго, сотника тональскаго, Стародубскаго полка (1706 г.). Изъ этого рода происходилъ извѣстный педагогъ и писатель Левъ Николаевичъ Модзалевскій (1837—1896 гг.), отецъ составителя «Малороссійскаго Родословника» и братъ писателя и публициста Константина Николаевича Модзалевскаго (род. въ 1844 г.). Біографическія свѣдѣнія нѣкоторыхъ представителей родовъ сопровождаются приложеніемъ ихъ портретовъ, которыхъ насчитывается до сорока; изъ нихъ болѣе всего Милорадовичей—восемь, затѣмъ Лизогубовъ, Марковичей и Модзалевскихъ—по четыре, Остроградскихъ и Лашкевичей—по три, а остальныхъ по два и по одному.

Признавая за «Малороссійскимъ Родословникомъ» В. Л. Модзалевскаго, какъ основаннымъ исключительно на разработкѣ рукописныхъ матеріаловъ, значеніе цѣннѣйшаго и правдивѣйшаго источника, я пожелалъ бы ему лишь нѣкоторой полноты, которой весьма нетрудно достигнуть. Прежде всего нужно заглядывать въ официальные изданія—«Списки чиновъ», какъ военныхъ (начиная съ полковника), такъ и гражданскихъ первыхъ четырехъ классовъ, которые дополнять свѣдѣнія формуляровъ новыми данными и даже указать на годъ смерти того или другаго генерала. Такъ, напримѣръ, о Василии Ивановичѣ Марквичѣ (по автору Марковичѣ) свѣдѣнія въ «Родословникѣ» ограничиваются 1900 г., когда онъ былъ д. с. с. и управляющимъ сенатской типографіей; теперь же онъ давно тайный совѣтникъ и сенаторъ съ 1908 г. Затѣмъ не лишне было бы указывать на присутствіе у нѣкоторыхъ фамилій высочайше утвержденныхъ гербовъ или высочайше пожалованныхъ дипломовъ съ гербами. Къ тѣмъ и другимъ существуютъ печатные указатели, несомнѣнно, извѣстные нашему составителю. Я по своему служебному опыту знаю, какъ мало освѣдомлены современные представители дворянства объ утвержденныхъ гербахъ и дипломахъ своихъ предковъ, и потому для нихъ всякое авторитетное указаніе послужитъ только на пользу и избавитъ отъ излишней довѣрчивости къ бабушкинымъ рассказамъ. Въ гербовыхъ же и дипломныхъ дѣлахъ можно было бы узнать о существованіи несомнѣнно малороссійско-казачьихъ родовъ Малявка, Марченко, Мищенко и друг., о которыхъ не упоминаетъ нашъ составитель. Наконецъ, позволю себѣ сдѣлать еще одно дополненіе. На стр. 88 «Родословника» вмѣсто имени жены извѣстнаго генерала Николая Петровича Линевица приведена одна только буква *ж*, и затѣмъ не названы никто изъ его дѣтей. Благодаря любезному сообщенію родного сына покойнаго героя, Александра Николаевича Линевица, флигель-адъютанта Его Величества, кото-

раго только называет составитель, но не опредѣляетъ точно имени его отца и дѣда, мы можемъ дополнить къ буквѣ *же* слѣдующія свѣдѣнія: «Генералъ-адъютантъ Николай Петровичъ Линевицъ, мой отецъ, женатъ былъ на Елизаветѣ Демьяновнѣ Мицуловой; мать ея была дочь итальянскаго посланника въ Константинополь Руджіери-Петцони (письмо отъ 2 марта 1913 г.).

В. Рудаковъ.

Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Выпускъ первый. Историческіе очерки Ф. А. Щербины. Екатеринодаръ. 1912. Стр. II+81.

Неутомимый кубановѣдъ, знатокъ исторіи Сѣвернаго Кавказа, Ф. А. Щербина обогатилъ популярную историческую литературу новымъ своимъ трудомъ, вышедшимъ подъ заглавіемъ «Очерки борьбы русскихъ съ черкесами».

Содержаніе этихъ очерковъ составляютъ военныя происшествія преимущественно изъ временъ кавказской войны съ черкесами. Это примѣры высокаго героизма, самоотверженнаго подвижничества и кровавыхъ жертвъ при защитѣ казаками родины и населенія. Но есть также удивительные случаи находчивости, спасенія погибающихъ, геройскаго бѣгства изъ плѣна и т. д.

Большая часть очерковъ г. Щербины составлена по архивнымъ документамъ, меньшая по печатнымъ источникамъ и устнымъ разсказамъ лицъ, близко стоявшихъ къ войнѣ казаковъ съ горцами. Въ основѣ очерковъ лежатъ, слѣдовательно, дѣйствительныя происшествія, засвидѣтельствованныя исторіей и перѣдко представляющія собой почти буквальную передачу официальныхъ документовъ.

Чтобы лучше уяснить обстановку описанныхъ авторомъ происшествій, необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все они происходили, и о населеніи, занимавшемъ эти мѣста.

Казаки жили въ трехъ мѣстахъ, въ Черногоріи, на Старой и на Новой линіяхъ, а черкесы—за Кубанью.

Черноморцы, или бывшіе запорожцы, перешли въ 1792 г. изъ-за Буга на Кубань и заселили сѣверо-западную часть нынѣшней Кубанской области, получившую названіе Черноморіи. Это были малороссы, составлявшие обособленное войско до 1860 г., когда была образована Кубанская область. Главная линія защиты этого края шла отъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей вдоль по Кубани, до впаденія въ нее рѣки Лабы.

Далѣе на востокъ, по правому берегу рѣки Кубани, къ Эльбрусу тянулась такъ называемая Старая линія, составлявшая сѣверо-восточную часть нынѣшней Кубанской области. Здѣсь, въ пяти прикубанскихъ станицахъ, поселены были въ 1794 г. донскіе казаки, а въ 1801 г., также пятью станицами—казачьи бывшаго Екатеринославскаго войска. Одновременно съ донцами и екатеринославцами, рядомъ съ ними въ Ставропольской губерніи осѣли селами однодворцы и крестьяне, вышедшіе преимущественно изъ Малороссійской губерніи. Но раньше всѣхъ, съ 1777 г. по 1781 г., поселились въ нынѣшнемъ Ставрополѣ и близъ него хоперскіе казаки. Впослѣдствіи хоперцы были передвинуты изъ

Ставропольской губерні на Кубань, а однодворцы и крестьяне, оставленные на мѣстахъ, были обращены въ казаковъ. Изъ этихъ четырехъ группъ населенія—допцовъ, екатеринославцевъ, хоперцевъ и однодворцевъ съ крестьянами—образовалась Старая линія, вшедшая въ 1832 г. въ составъ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска, а съ 1860 г. въ составъ Кубанской области.

Новая или Лабинская линія была основана въ 1841 г. Населеніе ея составилось изъ выходцевъ Старой линіи, разныхъ другихъ казачьихъ войскъ и переселенцевъ изъ южной Россіи. Новая линія заняла огромный треугольникъ между верховьями рѣкъ Кубани и Лабы, вытѣснивши отсюда горскія племена.

По другую, лѣвую сторону Кубани, а позже и р. Лабы, обитали горскія племена. Съ запада отъ береговъ Чернаго моря жили натухайцы; къ востоку, рядомъ съ ними и по Черноморскому побережью—шапсуги; еще дальше къ востоку вглубь горъ—абадзехи; по Кубани, близъ Екатеринодара размѣстились бжедужи и восточнѣ ихъ—хатукаевцы; затѣмъ темиргоевцы, адемевцы, егерукаевцы, махашевцы и бесленевцы, принадлежавшіе къ одному общему корню кемгой, занимали мѣста въ бассейнахъ р.р. Вѣлой и Лабы; наконецъ, кабардинцы обитали у Эльбруса и по Зеленчукамъ, а убыхи жили по Черноморскому побережью южнѣ шапсуговъ.

Кромѣ черкесовъ, или, какъ называли они себя, адиге, за Кубанью находились и другія горскія племена, отличавшіяся отъ черкесовъ языкомъ и происхожденіемъ. Это были казачевцы, ногайцы и абхазцы, или абазинцы.

Всѣ эти народности безпрестанно тревожили казачье населеніе и заставляли его вести постоянную борьбу съ ними. И вотъ на почвѣ этихъ военныхъ столкновеній и возникали тѣ удивительные случаи геройства, самоотверженія, отваги и находчивости, которые составили содержаніе очерковъ г. Щербины.

Всѣ очерки написаны легкимъ литературнымъ языкомъ и читаются съ захватывающимъ интересомъ. Книга издана въ высшей степени опрятно и изящно и украшена многочисленными иллюстраціями.

Бор. Городецкій.

Н. П. Волынской. Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой съверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Выпускъ I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.г.). Ингерманландская операція (1701—1704 г.г.). 320 стр., 2 карты, 1 таблица. Книга 2-я. Операція: литовско-курляндская (1704—1705), гродненская (1705—1706), калишская (1706). Усмирненіе астраханскаго бунта (1705—1706). Война между Петербургомъ и Выборгомъ (1705—1706). 485 стр. 2 карты, 39 автографовъ. Книга 3-я. Приложенія. 500 стр. Книга 4-я. 607 стр., 4 таблицы. Цѣна за всѣ пять книгъ 15 рублей.

Передъ нами рѣдкій архивный трудъ, исполненный знатокомъ и любителемъ дѣла г. Волынскимъ. Исходя изъ того положенія, что русская армія до сего времени не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни одного историческаго труда, ясно и точно освѣщающаго ея возникновеніе и постепенное развитіе, авторъ

обратился къ первоисточникамъ, къ архивамъ, три года самой внимательной и кропотливой работы посвятилъ собираию и фотографированию наиболѣе важныхъ подлинныхъ документовъ и въ результатъ далъ полную исторiю развитiя кавалерiи въ эпоху Великаго Петра. Обилiе собраныхъ авторомъ матеріаловъ побудило его раздѣлить предпринятое изслѣдованiе на нѣсколько выпусковъ, изъ коихъ первый, нынѣ издаваемый, содержитъ въ себѣ данныя по всѣмъ вопросамъ о русской регулярной конницѣ съ 1698 года по 1706 годъ. Выпускъ этотъ, состоящій изъ пяти книгъ: двухъ—самаго изслѣдованiя, двухъ—матеріаловъ и одной—различныхъ указателей, былъ представленъ авторомъ въ рукописномъ видѣ въ февралѣ 1911 г. въ императорское военно-историческое общество, съ цѣлью разсмотрѣнiя его особою комиссiею, которая дала о представленномъ трудѣ самый лестный отзывъ. «Трудъ этотъ,—говорится въ постановленiи комиссiи,—отвѣчаетъ на всѣ запросы исторической науки и представляетъ собою драгоценный вкладъ въ исторiю развитiя нашей регулярной конницы; обнимая самый трудный, еще не разслѣдованный періодъ великой сѣверной войны, онъ, кромѣ того, даетъ богатый матеріалъ для исторiи русскаго дворянства, которымъ до нижнихъ чиновъ включительно комплектовалась до 1706 года регулярная конница, а обилiе помѣщенныхъ въ немъ архивныхъ документовъ, до сихъ поръ еще не использованныхъ, дѣлаетъ его неоцѣнимымъ». Это заключенiе комиссiи было доложено Государю, милостиво назначившему автору субсидiю (7,500 руб.), безъ которой появленiе въ свѣтъ этого труда было бы немыслимо, ибо подобное изданiе, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, едва ли могло бы окупиться. Въ послѣднее время наши войсковыя части, вслѣдствiе поощренiя военнымъ министерствомъ, усиленно работаютъ надъ составленiемъ своихъ исторiй; но труды полковыхъ исторiографовъ, основанные на печатныхъ источникахъ, несостоятельность которыхъ доказана г. Вольнскимъ, не могутъ, по точности и обстоятельности, вполне отвѣчать своему назначенiю, а архивныя работы, подобныя исполненной авторомъ, не подл силу строевому офицеру, составителю исторiи, не имѣющему въ своемъ распоряженiи ни необходимаго досуга, ни надлежащихъ средствъ. Поэтому работа г. Вольнскаго можетъ дать матеріалъ для введенiя поправокъ въ исторiи многихъ частей, особенно кавалерiйскихъ. Кромѣ того, можно надѣяться, что работа г. Вольнскаго дастъ толчокъ къ необходимому и всѣмъ создаваемому капитальному пересмотру и переизданiю официальной хроники нашей армiи.

Здѣсь кстати замѣтить, что первыя двѣ книги перваго выпуска представляютъ большой военно-историческiй интересъ, давая подробное и отчетливое описанiе военныхъ дѣйствiй за 1698—1706 годы. Изложенiе снабжено множествомъ примѣчанiй, по размѣру своему превосходящихъ даже размѣръ текста, планами, картами, таблицами и автографами. Видно, что работа сдѣлана любителемъ и сдѣлана на совѣсть.

Съ технической точки зрѣнiя книга издана прекрасно: хорошая бумага, четкiй шрифтъ, внимательная корректура. Думается, что любители отечественной исторiи поспѣшатъ запастись этой рѣдкою по достоинству книгою.

Л. Н.

Петербургское ополченіе 1812 года. Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерні. Составили графъ А. А. Бобринскій и А. Мироновъ. Изданіе петербургскаго дворянства. Т. I. Спб. Стр. 452. Цѣна не обозначена, но 5 р.

Весьма недавно выпелъ очень любопытный трудъ графа А. А. Вобринскаго и А. Миронова, составленный по преимуществу на основаніи архивныхъ данныхъ главныхъ военныхъ архивовъ и воспоминаній современниковъ, и участниковъ петербургскаго ополченія 1812 года, какъ-то: барона Штейнгеля, прапорщика Зотова, ополченца Мамышева и т. д. Этотъ трудъ, посвященный обзору дѣятельности петербургскаго ополченія 1812 года, сформированнаго въ числѣ прочихъ ополченій на основаніи извѣстнаго манифеста изъ Москвы отъ 18-го іюля 1812 года для борьбы съ Наполеономъ I, вступившимъ уже въ предѣлы нашего отечества. Почтенный трудъ гг. Вобринскаго и Миронова дѣлится на два главныхъ отдѣла, причеъ первый—заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности петербургскаго ополченія, а второй—матеріалы для біографій участниковъ этого ополченія, расположенные въ алфавитномъ порядкѣ, изъ которыхъ можно заключить о подвигахъ отдѣльныхъ лицъ, служившихъ въ ополченіи въ офицерскихъ чинахъ и принадлежавшихъ преимущественно къ дворянству Петербургской губерніи. Не приводя здѣсь цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ свѣдѣній о самомъ формированіи петербургскаго ополченія и вызванныхъ имъ значительныхъ пожертвованіяхъ (свыше четырехъ милліоновъ рублей), упомянемъ только, что первымъ начальникомъ ополченія былъ избранъ графъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ 16-го іюля 1812 года, скоро, однако, награжденный (31-го іюля) титуломъ свѣтлѣйшаго князя, затѣмъ назначенный главнокомандующимъ всѣми русскими арміями 8-го августа 1812 года. Преемникомъ его по званію начальника петербургскаго ополченія былъ назначенъ артиллеріи генерал-лейтенантъ баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, при которомъ быстро были сформированы, вооружены и обучены пятнадцать дружинъ петербургскаго ополченія, выступившія уже 2-го сентября по направленію къ Полоцку, гдѣ находилась одна изъ нашихъ армій, подъ начальствомъ графа Витгенштейна. Остальныя три дружины были сформированы послѣ выступленія въ походъ первыхъ пятнадцати и участвовали вмѣстѣ съ первыми въ кровопролитныхъ бояхъ подъ Полоцкомъ, а затѣмъ при Чашникахъ, Витебскѣ, на берегахъ Верезины, а также и въ походахъ 1813 и 1814 годовъ въ предѣлахъ Германіи, преимущественно въ осадѣ и взятіи Кенигсберга, а затѣмъ и Данцига, послѣ чего доблестная дѣятельность, петербургскаго ополченія закончилась; оно возвратилось обратно въ предѣлы отечества; почти въ то самое время, когда прочія наши войска вступали торжественно, подъ предводительствомъ императора Александра I, въ столицу Франціи, петербургское ополченіе было торжественно встрѣчено 12-го іюня въ Петербургѣ самою императрицею Марією Феодоровною, которая поручила князю Горчакову, управлявшему въ то время военнымъ министерствомъ, выразить ратникамъ свою благодарность. Насколько храбрые петербургскіе ратники усердно послужили родинѣ, можно усмотрѣть, между прочимъ, уже изъ того одного, что изъ общаго числа 12,985 человекъ возвратилось въ Петербургъ всего 4,385 человекъ (т. е.

всего одна треть), которым и были выданы медали въ июлѣ мѣсяцѣ. Остальные же 8,600 человекъ легли костью на защиту родины и чуждой имъ Германіи. О совершенныхъ многими изъ нихъ подвигахъ даютъ пѣкоторое понятіе свѣдѣнія, заключающіяся во II отдѣлѣ этой любопытной книги, составленіе которой представляло много затрудненій уже потому, что архивъ петербургскаго дворянства почти всецѣло былъ уничтоженъ пожаромъ въ 1845 году. Тѣмъ не менѣе и этотъ второй отдѣлъ даетъ наглядную картину патриотической службы тѣхъ разнообразныхъ лицъ дворянскаго сословія, которые по призыву монарха послѣдствовали въ ряды ополченія Петербургской губерніи. Нельзя не упомянуть, что книга и въ типографскомъ отношеніи издава прекрасна и снабжена многими портретами главныхъ дѣятелей петербургскаго ополченія, планами сраженій при Полоцкѣ и Данцигѣ, а также памятниками, сооруженными ратникамъ, павшимъ въ бояхъ въ упомянутыхъ городахъ. Нельзя не пожелать, чтобы ополченіямъ, сформированнымъ въ 1812 году и во многихъ другихъ губерніяхъ нашей имперіи, были посвящены столь же обстоятельныя и интересныя монографіи.

П. Майковъ.

Н. В. Малицкій. Исторія переславской епархіи. (1744—1788 гг.). Выпускъ первый. Владимиръ. 1912. Стр. 407+СІІ+XXI. Цѣна 3 рубля.

О переславской епархіи, просуществовавшей сорокъ четыре года, съ 1744 по 1788 г., знаютъ очень немногіе даже историки-археологи; о ней и въ специальныхъ трудахъ по исторіи Переслава-Залѣскаго упоминалось мимоходомъ. Да это и понятно: главный источникъ, главный ключъ къ раскрытію ея исторіи—архивъ переславской духовной консисторіи, до 1902 года пребывавшій никому почти невѣдомымъ въ подвалѣ одной соборной колокольни въ Суздаль, гдѣ его спасла толща пыли и грязи отъ вниманія и усердія недобрыхъ людей. Въ этомъ году названный архивъ былъ переданъ во владимирскую ученую архивную комиссію, гдѣ, по счастью, имѣются серьезные, любящіе свое дѣло и уже заявившіе себя учеными работами изслѣдователи. Одинъ изъ нихъ, Н. В. Малицкій, авторъ «Исторіи суздальской духовной семинаріи», двухтомнаго труда «Изъ прошлаго владимирской епархіи» и др., внимательно разсмотрѣлъ свыше десяти тысячъ архивныхъ дѣлъ и восемьдесятъ книгъ, протоколовъ и журналовъ переславской консисторіи, и на основаніи этого матеріала составилъ пространную «Исторію переславской епархіи», которой пока напечатанъ только первый выпускъ, охватывающій первыя семнадцать лѣтъ существованія епархіи. За этотъ періодъ епархіей управляли—извѣстный архіепископъ, а потомъ и митрополитъ кievскій, Арсеній Могилянскій, пользовавшійся особыми милостями императрицы Елизаветы Петровны и, какъ членъ свѣтѣйшаго синода, пребывавшій почти все время въ Петербургѣ, и при немъ викарный епископъ Серапіонъ, а съ 1753 г. по 1761 г. столь же извѣстный, какъ и его предшественникъ, Амвросій Зергисъ-Каменскій, бывшій потомъ архіепископомъ московскимъ и убитый чернью въ Москвѣ во время чумы, 16-го сентября 1771 года. Время управленія того и другого архипастыря авторъ разсматриваетъ какъ бы

въ особыхъ отдѣлахъ, посвящая первому изъ нихъ восемь главъ, а второму девять, гдѣ говорится подробно объ органахъ епархіальнаго управленія, матеріальныхъ средствахъ архіерейскаго дома, о духовенствѣ бѣломъ и черномъ, о богослуженіи и церквахъ и о мірянахъ. Подводя итоги своему изложенію, авторъ между прочимъ говоритъ: при архіепископѣ Арсеніи «много было намѣчено епархіальною властью, начато, но не проведено послѣдовательно до конца, не закончено, строго не организовано. Суровый отзывъ, который далъ о строительныхъ работахъ своего предшественника по кафедрѣ, отчасти примѣнимъ и вообще къ дѣятельности епископа Серапіона, какъ фактическаго представителя переславской кафедры. Епархіальное управленіе при немъ не получило еще стройной, законченной организациі... Финансовые сборы съ епархіи, видоизмѣняясь и возрастая съ каждымъ годомъ, вносили немало путаницы въ управленіе экономическихъ епархіальныхъ дѣлъ и, случайно устанавливаемые, временно взимаемые, естественно, составляли большую обузу не только для тѣхъ, кто ихъ платилъ, но и для тѣхъ, кто ихъ собиралъ. Отсюда недоимки, неплатежи, «противности» (стр. 404—405). Епископъ же Амвросій, хотя и проживалъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и увлекался строительными работами, однако успѣлъ создать стройную систему епархіальнаго управленія, внимательно слѣдилъ за всѣмъ консисторскимъ дѣлопроизводствомъ, положилъ «солидное основаніе для дальнѣйшаго существованія переславской семинаріи, основанной въ 1753 г., найдя средства для обезпеченія ея учебными пособиями, пищевымъ довольствіемъ и соответствующими помѣщеніями, и произвелъ «грандіозныя строительныя работы» въ Горицкомъ монастырѣ. «Переводъ Амвросія на крутицкую кафедру не далъ ему возможности закончить всего, что онъ началъ; но и то, что онъ сдѣлалъ, даетъ ему право считаться дѣятѣльнѣйшимъ и энергичнѣйшимъ архипастыремъ переславской епархіи» (стр. 406—407).

Въ концѣ книги въ видѣ «Приложеній» находимъ впервые печатаемыя: «Опись кафедральному Горицкому монастырю монастырскому строенію великому заводу и протчему, что въ 1754 году имѣлось» (на 14 стр.); «Опись переславскаго кафедральнаго Горицкаго монастыря домовымъ всякимъ вещамъ и конской збрун», отъ 1757 г. (на 18 стр.); списокъ учениковъ переславской семинаріи за 1755 и 1758 гг.; «Вѣдомость о монастыряхъ и монашествующихъ переславской епархіи, составленная въ 1759 г.»; «Списокъ церквей и приходовъ, входившихъ въ составъ переславской епархіи въ концѣ 1750-хъ годовъ», и др.

Съ внѣшней стороны книга издана безукоризненно, снабжена портретами архипастырей Арсенія и Амвросія и снимками ихъ факсимиле, видами Горицкаго монастыря и его Никольской церкви и зданія бывшей переславской духовной семинаріи въ Даниловѣ монастырѣ и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ и вообще читается, благодаря живому изложенію, съ большимъ интересомъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ излагаются бытовые картины того времени.

В. Рудаковъ.

Материалы по истории русского масонства XVIII вѣка. Выпускъ I. Изданіе В. Ѳ. Саводника. Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) «Духовный рыцарь». 2) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Москва. 1913. Цѣна 1 р. 50 к.

Большинство печатныхъ изданій русскихъ вольныхъ каменщиковъ XVIII вѣка и первой четверти XIX столѣтія въ наши дни уже представляетъ библиографическую рѣдкость, а между тѣмъ спросъ на масонскія старыя книги за послѣдніе годы чрезвычайно увеличился въ связи съ интересомъ, пробудившимся въ современномъ намъ обществѣ къ могущественному и таинственному ордену свободныхъ каменщиковъ. Рѣдкость старыхъ масонскихъ книгъ и ихъ высокая цѣна вызвали переизданія, перепечатки извѣстѣйшихъ масонскихъ сочиненій съ цѣлью дать изслѣдователямъ и широкой публикѣ возможность ознакомиться съ памятниками масонской литературы; для библиофиловъ же, конечно, новыя изданія не могутъ замѣнить старыя. Въ изданіи В. Ѳ. Саводника помѣщенъ портретъ И. В. Лопухина и мистическій рисунокъ, заимствованный изъ старой книги о внутренней церкви; для каждаго сочиненія нумерація страницъ отдѣльная, а заглавныя страницы являются точной копией съ подлинника. Издатель предполагаетъ выпустить остальные сочиненія И. В. Лопухина во второмъ выпускѣ, тамъ же дать біографію знаменитаго масона. Почитаю необходимымъ дать нѣкоторыя поясненія о трехъ сочиненіяхъ, вошедшихъ въ первый выпускъ. «Искатель премудрости, или Духовный Рыцарь», «Нравоучительный катехизисъ» и «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви» принадлежатъ перу извѣстнаго общественнаго дѣятеля и убѣжденнаго масона, сенатора Ивана Владимировича Лопухина. Она и та же причина породила всѣ три сочиненія, это желаніе облить ученіе масоновъ отъ возводимыхъ на него обвиненій, желаніе доказать правительству и современному обществу, что русскіе вольные каменщики «истинные христіане, правдолюбивые сыны отечества и подданные вѣрные». И. В. Лопухинъ былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго Новиковскаго кружка московскихъ масоновъ-мартинистовъ, работа коихъ навлекла на себя недовольство императрицы Екатерины II. Какъ извѣстно, цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ первоначально ограничилъ дѣятельность московскаго кружка, а затѣмъ окончательно прекратилъ. Собранія масоновъ были запрещены, изданія конфискованы и частью преданы сожженію, а въ 1792 году и глава кружка П. И. Новиковъ заточенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. И. В. Лопухинъ также находился подъ слѣдствіемъ и подвергался опалѣ. Въ эти-то «годы испытанія» въ началѣ девятидесятихъ годовъ XVIII вѣка, появилась названнаго сочиненія И. В. Лопухина. Первымъ изъ печати вышелъ «Нравоучительный катехизисъ франкъ-масоновъ», но не на русскомъ языкѣ, а по-французски—«Catéchisme moral pour les vrais F. M.» (francs-maçons) и продавался, какъ книга, полученная изъ-за границы. Самъ Лопухинъ такъ рассказываетъ о появленіи своего катехизиса: «Еще изданіемъ и публичною продажей нѣкотораго катехизиса употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось печально. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона, митрополита московскаго, котораго

отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества; однакоже разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катехизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французскій языкъ и напечатавъ въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книгу, полученную изъ чужихъ краевъ». Своимъ катехизисомъ Лопухинъ очень дорожилъ и прилагалъ его въ послѣдствіи къ другимъ своимъ сочиненіемъ; такъ, онъ былъ приложенъ къ сочиненію «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви», къ книгѣ, которая, по выраженію масона М. И. Певзорова, «ше по широкому пути въ свѣтъ выходила». Книга, дѣйствительно, вышла на французскомъ языкѣ и распространялась, какъ сочиненіе неизвѣстнаго иностраннаго автора. Лишь много поздиѣ напечатанъ былъ русскій подлинникъ. Она представляла соединеніе идей чистаго христіанства съ мистическими идеями Якова Бема, Сент-Мартена и Парацельса. Сочиненіе это очень любилъ самъ Лопухинъ и считалъ полезнымъ; въ такомъ мѣстѣ онъ утвердился и горячимъ сочувствіемъ, высказаннымъ ему извѣстными писателями-мистиками. Эккертгаузенъ называлъ книгу «драгоценною и истинною мудростію преисполненною», а Юнгъ Штилингъ перевелъ ее на нѣмецкій и латинскій языки; она издана была также и въ Царяжѣ. За границей успѣхъ книги превысилъ даже успѣхъ ея среди русскимъ масоновъ.

«Духовный Рыцарь» хотя и былъ напечатанъ на русскомъ языкѣ, однако безъ разрѣшенія, тайно, безъ указанія мѣста изданія и типографіи. Въ «Духовномъ Рыцарѣ» развиты, по словамъ Лопухина, «главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія челоуѣка и начало самопознанія и глубокой морали». Онъ былъ написанъ «для того же предмета», т. е. для защиты ордена вольныхъ каменщиковъ, однако не встрѣтилъ въ средѣ масоновъ единодушной похвалы, очень многими онъ не почитался истиннымъ выразителемъ орденскаго ученія, каменщическихъ идеаловъ; однако въ послѣдствіи онъ изданъ былъ также тайно вторично, въ началѣ XIX вѣка, въ расцвѣтъ масонства при императорѣ Александрѣ I. Въ повѣйшей перепечаткѣ въ изданіи В. Θ. Сводника впервые появляется сочиненіе «О внутренней церкви», «Правоучительный катехизисъ» съ 1860 года перепечатывался много разъ, а «Духовный Рыцарь» два раза, причѣмъ одинъ разъ съ изданія 1791 года, второй разъ въ обратномъ переводѣ съ нѣмецкой рукописи.

Тира Соколовская.

**Е. Н. Водовозова. На зарѣ жизни. Воспоминанія. Спб. 1911. Стр. XII+608.
Цѣна 2 рубля.**

Настоящія воспоминанія Е. Н. Водовозовой представляютъ большой интересъ не только по важности и цѣнности историческаго матеріала, заключающагося въ нихъ, но и по искренности и живости изложенія, достигающаго въ иныхъ мѣстахъ прямо художественности. Правдивое описаніе со-

бытій далекаго прошлаго привлекаетъ вниманіе читателя съ самыхъ первыхъ страницъ, и по мѣрѣ чтенія интересъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, точно вы читаете какой-то романъ; г-жа Водовозова заставляетъ читателя такъ проникнуться всѣми жизненными горестями и радостями героевъ своихъ воспоминаній, такъ сжитья съ ними, такъ заинтересоваться ихъ характерами, взглядами, дѣятельностью, привычками и пр., что со стороны автора, кромѣ литературнаго умѣнія, требуется и еще что-то, чѣмъ бы онъ могъ настолько захватить вниманіе своего читателя. Послѣднее достигается полнѣйшею простою разсказа, правдивостью въ повѣствованіи, основанною, кромѣ показаній собственной памяти автора, еще и на документальномъ знаніи описываемыхъ событій. Такъ, напримѣръ, хорошо запомнить даже съ мелкими подробностями житье-бытье дореформенной деревни, отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, различные эпизоды чисто-автобіографическаго характера и пр. много помогли частые разговоры родныхъ г-жи Водовозовой и любопытный дневникъ ея сестры. «Когда лѣтомъ я пріѣзжала въ деревню къ матери,—говоритъ авторъ въ предисловіи:—она то и дѣло просила меня читать дневникъ ея преждевременно умершей дочери, а моей любимой сестры, найденный послѣ ея смерти. Такимъ образомъ, онъ былъ весь прочитанъ нѣсколько разъ отъ начала до конца. Читать одно и то же приходилось потому, что это доставляло матушкѣ безконечное удовольствіе и будило воспоминанія о прошломъ: она очень часто сообщала подробности или факты, на которые покойная сестра не обратила вниманія или описывала ихъ слишкомъ кратко. Вотъ почему многія событія деревенской жизни я помню очень живо». При составленіи очерковъ о молодежи шестидесятыхъ годовъ авторъ также пользовался современными документами въ видѣ своихъ собственныхъ писемъ по сему предмету, адресованныхъ сестрѣ, послѣ смерти которой онѣ и достались г-жѣ Водовозовой, получившей, такимъ образомъ, возможность не только включить въ свой разсказъ многія исчезнувшія изъ памяти подробности и мелочи, но и придать ему всю свѣжесть непосредственнаго впечатлѣнія.

Вся книга Е. Н. Водовозовой по содержанію дѣлится на три части. Первая часть посвящена описанію жизни въ провинціальной глуши передъ паденіемъ крѣпостнаго права. Преобладаетъ здѣсь элементъ автобіографическій. Авторъ разсказываетъ о тогдашнихъ нравахъ, обычаяхъ, о воспитаніи дѣтей, объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, господѣ къ крѣпостнымъ и пр., т. е. рисуетъ картину дореформеннаго помѣщичьяго быта. Съ большою любовью авторъ останавливается на подробной характеристикѣ своего отца, выдававшагося среди грубой, необразованной крѣпостнической массы. Бывшій офицеръ, участникъ заграничныхъ походовъ 1813—1815 г.г., такъ повліявшихъ на выработку міровоззрѣнія нашей военной интеллигенціи, онъ усердно занимался своимъ самообразованіемъ, гуманно относился къ «рабамъ» крѣпостнымъ, много читалъ, особенно польскую литературу конституціоннаго періода и старался всѣ вынесенныя знанія употребить на пользу своей общинной семьи. Нѣкоторыя странички изъ дневника старшей сестры г-жи Водовозовой, которыя приводятся въ книгѣ, посвященныя памяти отца, прекрасно характеризуютъ отношенія его и постоянныя просвѣтительныя заботы о дѣтяхъ,

которыя такъ странно было видѣть въ ту далекую эпоху, когда «отцы» проводили время или на псарняхъ, голубятняхъ, или на попойкахъ, въ конюшняхъ, на охотѣ и т. п., предоставивъ воспитаніе подрастающаго поколѣнія нянькамъ-крѣпостнымъ, а кто могъ—боннамъ и гувернанткамъ. Картины помѣщицкой и крестьянской жизни того времени вносятъ много новаго въ описаніе дореформеннаго быта и нѣкоторые изъ историковъ, разрабатывающихъ эту эпоху, уже воспользовались кое-чѣмъ изъ воспоминаній г-жи Водовозовой. Съ большимъ подъемомъ описана авторомъ трагическая судьба талантливаго крѣпостнаго скрипача «Васьки-музыканта», не признаннаго ни крестьянами, ни барыней, чему-то учившагося и погибшаго гдѣ-то въ нашемъ необъятномъ отечествѣ. Весьма увеличиваетъ интересъ этой части воспоминаній и то, что касаются они жизни мелкопомѣстныхъ дворянъ, населявшихъ родину автора, бытъ которыхъ въ литературѣ русскихъ мемуаровъ не былъ описанъ въ достаточной степени.

Вторая часть книги Е. Н. Водовозовой знакомитъ читателя съ бытомъ дореформеннаго Смольнаго института, куда она попала изъ своего роднаго захолустья. Этотъ институтъ служилъ тогда образцомъ для всѣхъ женскихъ институтовъ въ Россіи и пользовался въ обществѣ громадною популярностью, хотя совершенно не по заслугамъ. Мудрый уставъ основательницы института, императрицы Екатерины II, былъ искаженъ и забытъ, высокая стѣна отдѣляла воспитанницъ отъ дѣйствительности, правда, очень грязной, крѣпостнической, казарменный укладъ жизни и строгая дисциплина совершенно стирали яркія индивидуальныя особенности характера, преподаваніе велось неудовлетворительно, умственное развитіе ученицъ было очень низко, въ письмахъ ихъ и стихотвореніяхъ, по словамъ Водовозовой, не было ни серьезнаго содержанія, ни мысли, ни фантазіи, главное вниманіе обращалось на показную сторону, и единственно, что выносили воспитанницы изъ института, это были «хорошія манеры», которымъ въ русскомъ обществѣ придавалось громадное значеніе, и конфузливость, доходившая прямо до дикости. Только съ назначеніемъ туда въ 1859 г. Константина Дмитриевича Ушинскаго инспекторомъ классовъ волна новыхъ идей разбила стѣны Смольнаго монастыря, и «въ институтъ, окаменѣвшій отъ своей неподвижности, ворвался солнечный лучъ». Съ лихорадочной энергіей принялся К. Д. Ушинскій за коренное преобразованіе учебнаго заведенія, смѣнилъ стариковъ-преподавателей и на ихъ мѣсто пригласилъ новыхъ, среди которыхъ были М. И. Семевскій, В. И. Водовозовъ, О. Ѳ. Миллеръ, Косинскій и мн. другіе талантливые представители новаго поколѣнія, оставившіе слѣды и въ общественной жизни, и въ литературѣ. Часть воспоминаній г-жи Водовозовой, посвященная реформаторской дѣятельности К. Д. Ушинскаго и описанію, какъ реагировали на эти новшества старая администрація института и учащаяся молодежь, представляетъ большой интересъ. Здѣсь немало любопытнаго и въ высшей степени характернаго найдеть будущій историкъ женскаго просвѣщенія въ Россіи. Чрезвычайно любовно описана обаятельная личность К. Д. Ушинскаго, авторъ съ благоговѣніемъ относится къ памяти своего учителя, подробно останавливается на выясненіи всѣхъ сторонъ его характера, подробно сообщаетъ объ его бесѣдахъ, урокахъ, о заботахъ относительно чтенія ученицъ и пр. Но главная задача автора состояла въ томъ, «чтобы показать, какой переворотъ произвелъ Ушинскій въ Смольномъ,

въ этомъ въ то время совершенно отжившемъ учрежденіи, и выяснить его вліяніе на ученицъ». Я хотѣла,—говоритъ Водовозова,—представить эту сторону дѣятельности великаго русскаго педагога потому, что она была лишь намѣчена его біографами, но совсѣмъ не описана, а я могла это сдѣлать, какъ одна изъ его ученицъ, испытавшая на себѣ всю силу его вліянія, и какъ свидѣтельница его преобразованій въ институтѣ»

Послѣдняя часть воспоминаній посвящена подробному и тщательному описанію петербургской молодежи шестидесятыхъ годовъ, характеристикъ высшаго общества и взглядамъ его на развертывавшіяся событія «эпохи великихъ реформъ», рисуется также картина послѣреформенной деревни, новыхъ отношеній прежнихъ «господъ и рабовъ», дѣятельность мировыхъ посредниковъ и пр. Особенный интересъ возбуждаютъ воспоминанія о людяхъ молодого поколѣнія, съ которыми автору пришлось очень близко сойтись. Е. Н. Водовозова подробно рассказываетъ о внутренней жизни тогдашнихъ кружковъ, о всякихъ «вечеринкахъ», совмѣстныхъ чтеніяхъ, разсужденіяхъ, спорахъ, взглядахъ на художественныя произведенія и искусство, на естественныя науки, на государственную службу, бракъ, любовь и пр. Большое вниманіе нужно удѣлить страницамъ, гдѣ разсказывается о фиктивныхъ бракахъ и о воскресныхъ школахъ и, особенно, на воспоминаніе объ урокѣ Помяловскаго, на которомъ г-жа Водовозова присутствовала въ одной изъ этихъ школъ. Въ этомъ кружкѣ авторъ воспоминаній познакомился съ писателями Слѣпцовымъ, Якушкинымъ, Хмыровымъ и пр., рассказы о которыхъ очень любопытны и цѣнны для ихъ біографій. Не менѣе цѣнно для исторіи литературы и повѣствованіе старой шестидесятницы о впечатлѣніи, произведенномъ на тогдашнюю молодежь романами «Отцы и дѣти» и «Что дѣлать?», особенно послѣднимъ. Заканчивая свою книгу, г-жа Водовозова даетъ восторженную характеристику шестидесятыхъ годовъ, которые называетъ «весною нашей жизни, эпохою расцвѣта духовныхъ силъ и общественныхъ идеаловъ, временемъ горячихъ стремленій къ свѣту и къ новой, неизвѣстной еще общественной дѣятельности». Новыя идеи этой эпохи «бурнымъ потокомъ пронесли тогда по градамъ и весямъ нашего отечества и энергично будили отъ вѣковой спячки». Резюмируя все сказанное, Е. Н. Водовозова такъ опредѣляетъ значеніе этой эпохи: «идеи шестидесятыхъ годовъ,—говоритъ она,—совершенно обновили общество. Правда, далеко не всѣ онѣ были новы, но люди того времени распространяли ихъ, сравнительно съ прежнимъ, въ огромномъ кругу русскаго общества, и каждое развивало ихъ далѣе съ точки зрѣнія новыхъ понятій, требованій и новыхъ условій жизни. Дореформенный укладъ жизни съ его соннымъ прозябаніемъ, съ его рабскимъ міросозерцаніемъ, съ его преклоненіемъ передъ правомъ сильнаго сдѣлался съ тѣхъ поръ невозможнымъ».

Настоящія воспоминанія были прежде напечатаны въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ въ журналахъ «Русская Старина», «Минувшіе Годы», «Русское Богатство» и «Современникъ». Было бы весьма желательно, чтобы Е. Н. Водовозова продолжала свои мемуары о дальнѣйшей жизни, богатой встрѣчами и знакомствами со многими выдающимися дѣятелями русской общественности, науки, міра литературнаго и педагогическаго.

Д. А. М.

19*

«Старая Одесса». Историческіе очерки и воспоминанія Александра де-Рибаса. Одесса. 1913. Стр. 379. Цѣна 5 руб.

Рѣдко приходится читать книги, написанныя съ такою любовью къ трактуемымъ имъ сюжетамъ, съ какою писалась книга, заглавіе которой указано выше. Г. Александръ де-Рибасъ безумно влюбленъ въ старую Одессу, въ ея аборигеновъ, въ царившіе тамъ въ доброе старое время нравы. Онъ восторженно описываетъ одесское солнце, которое нынче хуже свѣтитъ и плохо грѣетъ, даже классическую одесскую пыль, воспѣтую еще Пушкинымъ, жившимъ и создавшимъ въ Южной Пальмирѣ немало строфъ для своего «Онѣгина»:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...—

писалъ поэтъ.

«Прежняя одесская пыль,—говоритъ одесскій патріотъ г. де-Рибасъ,—была не такою, какъ нынѣ; она была благоуханною, какъ пыль цвѣтовъ. Море, степи, акации отдавали ей свои осадки и были причиной ея своеобразно пріятнаго аромата».

Послушать г. Александра де-Рибаса, метаморфоза произошла не только съ одесскою пылью, но и съ сияющимъ на одесскомъ небосклонѣ солнцемъ.

«О доброе, старое, одесское солнце!—воскликаетъ г. де-Рибасъ.—Гдѣ ты? Куда ты скрылось? Поднимается и теперь какое-то блѣдное свѣтило на нашемъ востокѣ, но это уже не то!»

Патріотизмъ высокой марки проходитъ красною нитью чрезъ всю объемистую книгу о «Старой Одессѣ». И онъ станетъ для насъ вполне понятенъ, если мы примемъ въ соображеніе, что она принадлежитъ перу потомка завоевателя и основателя Одессы, адмирала Юсифа де-Рибаса, воспѣтаго въ «Донъ-Жуанѣ» Байрономъ. Дѣдъ автора Феликсъ-де-Рибасъ родной братъ Юсифа, также немало потрудившагося для благоденствія Одессы, насадившаго въ ней растительность и подарившаго городу роскошный садъ, нынѣ почти совсѣмъ застроенный... «Благодарные граждане» не удосужились до сихъ поръ поставить какой-нибудь приличный памятникъ де-Рибасамъ. И это не помѣшало здравствующему потомку благодѣтелей Одессы, которая за сто съ чѣмъ-то лѣтъ выросла изъ дрянной турецкой деревушки Хаджибей въ великолѣпный городъ, увѣковѣчить всѣхъ ея дѣятелей, чѣмъ-либо прославившихъ свою родину.

Къ достоинствамъ книги г. Александра де-Рибаса слѣдуетъ отнести то, что она легко читается, содержитъ много любопытныхъ эпизодовъ и не уснащена въ изобиліи сухимъ перечнемъ фактовъ изъ исторіи завоеванія и основанія города, изложенныхъ въ имѣющихся уже книгахъ и брошюрахъ по этому предмету. Къ недостаткамъ же книги мы относимъ частое повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ и эпизодовъ по нѣскольку разъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ книгѣ собраны писавшіяся въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ статьи, недостаточно внимательно проредактированныя при соединеніи ихъ воедино. Такъ, авторъ двукратно и даже троекратно докладываетъ намъ, что герцогъ Ришелье былъ близорукъ и потому кланялся часто невпопадъ—въ пространство, что редакторъ «Journal d'Odessa» Даникапъ покончилъ съ со-

бою, что одесскій негодіантъ Радакошаки носилъ монокль, что знаменитая артистка Гвалтєри пользовалась огромнымъ успѣхомъ и отличалась скромностью, что пѣвецъ Корсовъ кружилъ головы одесскимъ дамамъ, которыя, впрочемъ, флирта не признавали, а влюблялись по настоящему. Даже А. С. Пушкинъ всерьезъ былъ влюбленъ въ полунѣмку-полуитальянку Ризничъ, предпочитая ея будюару салонъ графини Воронцовой, мужъ которой подвергалъ поэта преслѣдованіямъ за вольный образъ жизни и злая на него эпиграммы... Не совсѣмъ умѣстно въ «историческихъ очеркахъ» приглашеніе И. И. Мечникова заѣхать изъ Ясной Поляны и навѣстить одесскихъ друзей...

Перечисленные выше маленькіе промахи книги г. де-Рибаса окунаются крупными ея достоинствами. Авторъ съ фактами въ рукахъ опровергаетъ установившееся мнѣніе, что въ только что завоеванный Хаджибей нахлынули и заняли доминирующее положеніе исключительно инородцы. Первые торговыя фирмы принадлежали чистокровнымъ руссакамъ, но уже второе поколѣніе ихъ выродилось. Ришелье привлекалъ поляковъ, другіе инородцы сами объявились и осѣли въ Одессѣ. Но русскіе и инородцы прекрасно уживались, самые пылкіе націоналисты, не сочувствуя иностранциѣ, не распространяли своего несочувствія на уже осѣвшихъ инородцевъ. Даже одесскій погромъ 1871 (а не 1870 г.) г. де-Рибасъ описываетъ розовыми чернилами, передавая трогательный эпизодъ объ еврей-лимончикѣ, безстрашно расхаживавшемъ со своими корзинами среди бушевавшихъ погромщиковъ, относившихся крайне незлобиво къ бѣдняку.

Но 1871 г.—это уже болѣе близкая къ намъ эпоха, а потому нравы были уже попорчены временемъ. Не то было нѣсколькими десятками лѣтъ раньше.

Когда знаменитый хирургъ, въ качествѣ попечителя кievскаго учебнаго округа, обратился къ одесскому финансисту и городскому дѣятелю А. М. Бродскому съ просьбою оказать помощь нуждающимся студентамъ-евреямъ, тотъ отвѣтилъ, что евреи и еврейское общество, какъ вообще всѣ граждане, должны жертвовать не только въ пользу нуждающихся своей націи, а всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія, что онъ и сдѣлалъ, учредивъ двѣ стипендіи при университетѣ св. Владимира.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на нравы «старой Одессы» еще болѣе ранняго періода, то будемъ еще болѣе пріятно поражены идилическими нравами. У такъ называемой «меркантильной, пшеничной» Одессы есть и была, по словамъ ея историка, душа, «чуткая, поэтическая душа». Недаромъ она привлекала знаменитыхъ поэтовъ, музыкантовъ, артистовъ. Гостили и жили въ Одессѣ Пушкинъ, Гоголь, Вигель, А. К. Толстой и многіе другіе. Предъ нами проходитъ цѣлая галерея аристократовъ и столбовыхъ дворянъ, слѣды пребыванія которыхъ сохранились еще въ видѣ ихъ разрушенныхъ усадебъ: жили въ Одессѣ Нарышкина, близкая императору Александру I, съ ея шестилѣтнею дочерью, послѣдній графъ Разумовскій, Потоцкій и другіе. Жила тамъ неаполитанская королева Каролина, въ сороковыхъ годахъ бросилъ надолго свой якорь въ одесской гавани Джузеппе Гарибальди, коммерческій корабль котораго поддерживалъ рейсы между Одессою и Таганрогомъ. Съ Одессою связано имя выдающагося художника Вилье-де-Лиль-Адама, служившаго тамъ въ жандар-

мъхъ и спасаго отъ каземата своего учителя, котораго ему надлежало арестовать, послѣ чего Вилье-де-Лиль-Адамъ вышелъ въ отставку и сталъ знаменитымъ художникомъ.

Всѣмъ этимъ «старымъ одесситамъ» авторъ «Старой Одессы» посвящаетъ интересныя странички своей книги, хорошо изданной, въ ограниченномъ количествѣ (1057) экземпляровъ—старымъ согражданамъ въ воспоминаніе, а молодымъ—въ назиданіе. Онъ съ гордостью отмѣчаетъ сказочный ростъ родного города, который, дѣйствительно, благодаря ея основателю, покровительству императрицы Екатерины II, энергіи первыхъ администраторовъ (Ришелье и Ланжерона) и ихъ сподвижниковъ, быстро обстраивался. Чрезъ нѣсколько лѣтъ тамъ, гдѣ еще недавно рыскали звѣри, были уже тысячи домовъ, общественныя учрежденія и правильныя улицы.

При книгѣ приложена масса иллюстрацій и портретовъ, къ сожалѣнію, не вполне удовлетворительно выполненныхъ. Повидимому, по типографско-художественной части Одесса не особенно быстро прогрессируетъ.

А. Кауфманъ.

В. Воцининъ. На сибирскомъ просторѣ. (Силузты переселенія). Спб. 1912. Стр. 91 съ иллюстр. и маршрутною картою. Ц. 1 р.

Авторъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ встрѣчъ съ переселенцами при слѣдованіи ихъ за Уралъ, знакомитъ съ условіями ихъ перевозки, описываетъ первый этапъ переселенія, Челябинскъ, съ его многочисленными переселенческими учрежденіями и, наконецъ, знакомитъ съ районами устройства переселенцевъ. Сначала авторъ посѣтилъ Кулундинскую степь, въ 1907 г. пустынную, а нынѣ густо населенную и имѣющую свой городской центръ (Славгородъ). Затѣмъ авторъ проѣхалъ и въ тайгу. Описываетъ онъ свою поѣздку очень живо и интересно, но составить себѣ представленіе о «сибирскомъ просторѣ» по книгѣ г. Воцинина, конечно, нельзя. Въ ней только картинки двухъ уголковъ Азиатской Россіи. Картинки эти на фонѣ безотрадно пессимистическаго въ большинствѣ случаевъ отношенія къ переселенческому дѣлу ярко показываютъ, что имѣются основанія и для здороваго оптимизма. Этимъ опредѣляется значеніе книжки, которая, конечно, при ея литературныхъ достоинствахъ, много выиграла бы, если бы маршрутъ автора былъ длиннѣе, а впечатлѣнія болѣе разнообразны, если бы, словомъ, сибирскій просторъ представленъ былъ въ болѣе широкомъ масштабѣ, со всѣми его привлекательными и отрицательными свойствами.

Г. Гяньсъ.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1912 годъ. Томъ XVII, книжки 1, 2 и 3. Спб. 1912. Стр. 362, 384 и 375. Цѣна каждой книжки 1 руб. 50 коп.

Наиболѣе интересный матеріалъ, съ точки зрѣнія обще-литературной и исторической, представляютъ въ настоящихъ книжкахъ «Извѣстій» слѣдующія работы, относящіяся до Н. В. Гоголя. Авторъ первой изъ нихъ: «Къ біо-

графіи Гоголя въ полтавскій періодъ» (книжка вторая)—П. А. Заболотскій, основываясь на «Дѣлахъ полтавскаго повѣтоваго училища за 1819 годъ», съ точностью устанавливаетъ, что Гоголь съ 3-го августа 1818 года по 30-го іюня 1819 года вмѣстѣ съ своимъ братомъ Иваномъ обучался въ высшемъ отдѣленіи перваго класса полтавскаго повѣтоваго училища, по аттестаціи начальства котораго онъ «стоялъ невысоко и не удостоился перевода въ слѣдующій классъ», а не готовился къ поступленію въ школу и не учился въ полтавской гимназіи, какъ думали нѣкоторые его біографы. Въ слѣдующей статьѣ—«Гоголь и Плетневъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ между ними въ связи съ указаніемъ важнѣйшихъ переменъ въ душевномъ настроеніи Гоголя» (кн. 2) В. А. Каминскій, внимательно «разсмотрѣвъ письма Гоголя къ Плетневу, а также нѣкоторыя письма послѣдняго», пришелъ къ такимъ выводамъ: «Письма Гоголя къ Плетневу иллюстрируютъ тѣсныя дружескія отношенія между ними, которыя можно наблюдать на протяжении цѣлаго ряда лѣтъ (1831—1851), причемъ основаніемъ для этихъ отношеній служить теплое участіе Плетнева къ судьбѣ Гоголя, который часто обращался за совѣтами къ нему, какъ своему старшему другу, а затѣмъ и солидарность общихъ интересовъ, возбуждавшихся явленіями литературы и искусства преимущественно. Будучи вполне преданнымъ другомъ, устроившимъ судьбу Гоголя, какъ писателя, и заботившимся объ его внѣшнихъ матеріальныхъ интересахъ, снабжая его наконецъ разнообразными совѣтами и наставленіями, Плетневъ не всегда понималъ Гоголя, именно не понималъ вполне тѣхъ внутреннихъ душевныхъ переживаній, какія характеризовали Гоголя послѣ наступленія въ немъ перелома» (стр. 81).

Мало того, своимъ восторженнымъ привѣтствіемъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и разными совѣтами Гоголю въ этотъ періодъ его душевнаго перелома Плетневъ, по утверженію автора, «внесъ свою значительную лепту въ кругъ тѣхъ отрицательныхъ вліяній, которыя сдѣлали для Гоголя его поэму «Мертвыя души» той подвижнической келіей, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока, по выраженію Анненкова, «не былъ выпесенъ изъ нея бездыханнымъ» (стр. 85). По другому затронутому авторомъ вопросу о «важнѣйшихъ переменѣхъ въ душевномъ настроеніи Гоголя» читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Письма Гоголя къ Плетневу, характеризую ихъ отношенія, даютъ въ то же время вѣрную картину важнѣйшихъ эпохъ его личной жизни, въ изображеніи которыхъ явленія внутренней, интимной жизни занимаютъ главное мѣсто. Эти эпохи слѣдующія: созданіе «Ревизора» и другихъ произведеній, жизнь за границей, планъ и работа надъ поэмой «Мертвыя души», окончаніе перваго тома поэмы «Мертвыя души», душевный переломъ и забота о внутреннемъ воспитаніи»... «Судя по тѣмъ настроеніямъ, какія получили свое яркое выраженіе въ письмахъ Гоголя къ Плетневу, ихъ можно свести къ двумъ группамъ: Гоголь выразилъ два настроенія: веселое, жизнерадостное и грустное, мрачное. До 1837 года преобладающимъ является веселое, жизнерадостное настроеніе; послѣ же смерти Пушкина грустныя ноты постепенно берутъ перевѣсъ и во вторую половину жизни Гоголя окрашиваютъ вполне яркимъ цвѣтомъ его душевное настроеніе» (стр. 83).

Наконецъ третья довольно цѣнная работа по адресу Гоголя принадлежит С. Л. Бертенсону, который уже напечаталъ въ 4-й книжкѣ XIV тома «Извѣстій»

«Библиографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 гг.», а въ вышѣвшей третьей книжкѣ дастъ дополненіе къ нему за 1910 годъ и восполняетъ многіе пробѣлы, допущенные имъ въ первомъ указателѣ. Къ тому же историко-литературному отдѣлу относятся еще двѣ статьи въ третьей книжкѣ: Ф. А. Витберга—«Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и сѣверный культурный центръ» и А. О. Кони—«Памяти И. А. Гончарова» (рѣчь). Авторъ первой изъ нихъ въ своемъ окончательномъ выводѣ пишетъ: «Изъ этого обзора культурнаго значенія Холмогоръ и вообще нашего Сѣвера въ теченіе почти всего XVIII в. и особенно первой, до-ломоносовской, половины его видно, что появленіе такой личности, какъ М. В. Ломоносовъ, не было какой-то непонятной и необъяснимой случайностью, а коренилось въ самыхъ мѣстныхъ условіяхъ нашего Сѣвера. Теперь намъ будетъ понятнѣе и самъ М. В. Ломоносовъ, какъ наиболѣе полный и вѣрный выразитель основныхъ, коренныхъ свойствъ русскаго духа, русской психики, развившейся на нашемъ Сѣверѣ при болѣе благоприятныхъ и свободныхъ условіяхъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ тогдашней русской земли» (стр. 130).

Изъ области древне-русской литературы помѣщены въ разсматриваемыхъ книжкахъ «Извѣстій» слѣдующія работы: П. Н. Жуковича—«Неизданное русское сказаніе о Жировицкой иконѣ Божіей Матери (въ связи съ исторіей русскаго дворянскаго рода Солтановъ-Жировицкихъ)» (кн. 2); Н. В. Степанова—«Лѣтописецъ въскриѣ патріарха Никифора въ новгородской кормчей» (кн. 2 и 3); А. И. Соболевскаго—«Матеріалы и замѣтки по древне-русской литературѣ. I. Слово отца Моисея. II. Поученіе епископа Андрея. III. Три древне-русскихъ толкованія. IV. Псалтирь жидовствующихъ. V. Ермолай Прегрѣшный» (кн. 3), и В. М. Истрина—«Особый видъ Еллинскаго лѣтописца изъ собранія Тихонова» (кн. 3).

Наконецъ, есть рядъ работъ, относящихся до этнографіи и діалектологіи; таковы: «Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ», Ю. А. Яворскаго, «Наблюденія надъ говоромъ крестьянъ деревень Масловки и Хитровки Суджанскаго уѣзда Курской губерніи» (та и другая въ первой книжкѣ); «О говорѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи», В. Мансикки (во второй книжкѣ); «Непра-рѣка въ русскомъ эпосѣ», В. М. Соколова (въ третьей книжкѣ) и др. Въ первыхъ двухъ книжкахъ въ особомъ приложеніи продолжается печатаніемъ «Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1911 г. Выпускъ II (до 1-го декабря)».

В. Р.—въ.

В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Исторія литературы отъ IX вѣка до половины XIII вѣка. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Стр. 382. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышло въ свѣтъ второе изданіе безукоризненнаго учебника В. А. Келтуялы. Сочувственное отношеніе критики и значительный успѣхъ перваго еще нагляднѣе подчеркиваютъ бѣдность школьныхъ пособій, относящихся къ древнему

періоду русской литературы, и давно назрѣвшую потребность къ новымъ способамъ преподаванія.

«Краткій курсъ» В. А. Келтуялы вноситъ свѣжую, чистую струю въ затхлую атмосферу средней школы. Той безжизненности, косности, самолюбиваго отстаиванія личныхъ взглядовъ, съ которыми такъ часто приходится имѣть дѣло рецензенту, здѣсь нѣтъ и слѣда. Каждое цѣнное открытіе, новая монографія дороги автору. «Краткій курсъ» даетъ послѣдовательную картину изучаемыхъ памятниковъ, освѣщаетъ ихъ взаимную связь и происхожденіе, проникая въ тайники классової борьбы, и тѣмъ самымъ оправдываетъ девизъ автора: литература въ связи съ развитіемъ народа.

Впервые мы наталкиваемся на желаніе составителя учебника познакомить молодежь въ увлекательной формѣ съ историческимъ фундаментомъ науки, съ этнографіей и исторіей религии. Впервые встрѣчаемъ руководство, въ которомъ матеріалъ распланированъ съ расчетомъ приучить ученика къ самостоятельному мышленію...

Необыкновенная ясность, толковые комментаріи, образный, энергичный слогъ, научная критика памятниковъ—положительныя достоинства «Курса».

Изъ деталей можно отмѣтить: своеобразное толкованіе былинъ и богатый отдѣлъ лѣтописей, пополненный въ новомъ изданіи извлеченіемъ изъ цѣннаго изслѣдованія академика Шахматова. Нѣсколько слабѣе страницы, посвященныя происхожденію апокрифовъ и византійскому вліянію.

Книгу можно горячо рекомендовать и для самообразованія.

В. Мар—скій.

Даніиль Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной міеологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рисунками. Спб. 1913. Цѣна 1 рубль.

Г. Святскій—послѣдователь Н. Морозова, какъ автора «Откровенія въ грозѣ и бурѣ». Библейскія легенды, даже новозавѣтные рассказы—продуктъ астральной міеологіи, т. е. представляютъ собою аллегорическое изображеніе космическихъ явленій. Таково воззрѣніе г. Святскаго. Съ нимъ можно не соглашаться, и, можетъ быть, всей этой астральной теоріи объясненія Библии, которая разрабатывалась, помимо Н. Морозова у насъ, иезуитомъ Гебрансомъ, Нѣмовскимъ, Скіапарелли, со временемъ суждено будетъ уступить мѣсто иному объясненію, какъ отжила свой вѣкъ такъ называемая солярная теорія объясненія поэтическихъ сказаній европейскихъ народовъ, въ частности нашихъ былинъ (Буслаевъ, Ор. Миллеръ),—но тѣмъ не менѣе остроумныя сопоставленія рассказовъ Библии съ данными астрономіи и метеорологіи въ книгѣ г. Святскаго очень интересны. Такъ, напримѣръ, повѣствованіе объ убійствѣ Каиномъ Авеля г. Святскій, сопоставляя, между прочимъ, съ русскими народными объясненіями видимой на лунѣ тѣни, выводитъ изъ солнечнаго затменія, гдѣ Авелемъ является солнце, а Каиномъ—луна. Стояніе солнца по приказанію Иисуса Навина объясняется, какъ отзвукъ сѣвернаго происхожденія биб.

лейской легенды, наравнѣ съ Ведами, по новѣйшей теоріи Тилака. Только сѣверянину могло быть извѣстно такое положеніе солнца, когда оно стоитъ, не восходя и не заходя. По поводу евангельскаго разсказа о Преображеніи авторъ замѣчаетъ, что въ немъ описаны всѣ мельчайшія подробности, сопровождающія обыкновенно появленіе горныхъ призраковъ. Наконецъ, подобно Н. Морозову и Нѣмоевскому, г. Святскій, повидимому, склоненъ весь разсказъ о Рождествѣ Христа считать одною изъ астральныхъ легендъ: «Въ это время на востокѣ появилось созвѣздіе Дѣвы, говорившее о «рожденіи» благодѣтельнаго свѣтила; передъ восходомъ же Дѣвы на серединѣ неба уже стояли ясли, а впереди яслей шли съ «высоты востока» на западъ три царя или волхва (созвѣздіе Оріона)».

Книга г. Святскаго читается съ несомнѣннымъ интересомъ, но силою своей доказательности врядъ ли можетъ подкрѣпить убѣжденія даже человѣка, отрицающаго Писаніе, о какомъ-либо вліяніи ея на вѣрующихъ говорить не приходится...

В. Даниловъ.

Свящ. А. Н. Соболевъ. Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ (Литературно-историческій опытъ изслѣдованія древне-русскаго народнаго міросозерцанія). Изданіе Елова. Сергіевъ посадъ. 1913. Стр. 206. Ц. 75 к.

Сравнительно рѣдко можно встрѣтить книгу, представляющую равный интересъ для ученаго и для любителя-дилетанта. Обычно авторъ заранѣе знаетъ, на какой кругъ читателей можетъ онъ рассчитывать. Про книгу священника Соболева этого не скажешь.

Въ ней какимъ-то чудомъ совмѣстилось критическое отношеніе къ дѣлу, научные методы разработки громаднаго матеріала съ простотой и доступностью изложенія. Изслѣдователь древне-славянскаго міра отыщетъ въ ней десятки любопытныхъ фактовъ, средній читатель познакомятся со связанной картиной древне-русскаго міросозерцанія.

Съ давнихъ поръ религіозныя воззрѣнія славянъ, славянская міеологія и ея отраженіе въ творчествѣ и обычаяхъ народа привлекали вниманіе многочисленныхъ изслѣдователей. Не принимая непосредственнаго участія въ этой вѣковой работѣ, авторъ пытается дать намъ одну лишь сводку таящагося въ историко-литературныхъ сокровищницахъ матеріала. Лѣтписи, былины, апокрифы, пословицы, обряды, болѣе сотни фундаментальныхъ сочиненій русскихъ и заграничныхъ филологовъ—вотъ источники, которыми воспользовался авторъ.

Не ограничиваясь литературными памятниками, священникъ Соболевъ на каждомъ шагѣ отмѣчаетъ и донныя сохранившіяся въ жизни народа, перешедшія изъ прошлаго черты; попутно поясняетъ развитіе религіозныхъ представленій о загробномъ мірѣ у грековъ и римлянъ.

Выхваченная изъ обрядовъ и пѣсень художественная мозаика дѣлаетъ книгу живой и увлекательной.

В. Мар—скій.

«Болгарскій Сборникъ». Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни, стихотворенія, повѣсти, рассказы. Составилъ К. Кузьминскій. Москва. Цѣна 1 рубль.

Въ настоящее время, когда славянскій вопросъ интересуетъ всѣхъ и каждый, когда геройская война славянъ съ османлисами привлекаетъ вниманіе всего міра, интересно присмотрѣться къ ихъ литературѣ, въ особенности къ новой, далеко еще не такъ богатой, какъ въ другихъ странахъ, но тѣмъ не менѣе имѣющей уже у себя нѣсколько крупныхъ писателей.

Литература — зеркало души каждого народа, а славянская душа представляетъ до сихъ поръ таинственную загадку для всѣхъ европейцевъ, далеко еще не разгаданную.

Въ разсматриваемую книгу вошло нѣсколько рассказовъ, стихотвореній, какъ народныхъ, такъ и составляющихъ творчество отдѣльныхъ лицъ. Переводы ихъ сдѣланы Гиляровскимъ, Кузьминскимъ, Р. Ф. Брандомъ, Голиковымъ, Олегомъ Леонидовымъ и Михайловскимъ. Изъ рассказовъ обращаютъ на себя вниманіе въ особенности рассказы И. Вазова. Всѣ они написаны немного наивно, идиллически, въ духѣ самого народа, далеко еще не вкусившаго плодовъ цивилизаціи, своеобразно думающаго и поступающаго.

Очень интересны рассказы И. Тодорова: «Женитьба Солнца», «Райскій ключарь». Они оба рисуютъ характерныя вѣрованія болгаръ, ихъ трогательную преданность родинѣ, ихъ любовь къ родной семьѣ, стойкую вѣру въ будущность славянства.

Недурны рассказы Страшимирова, Карима и Елина-Пелина.

Въ болгарской поэзіи вездѣ слышится тоска за угнетенную родину, воспоминается съ благодарностью царь-Освободитель, Александр II.

Напримѣръ, Петко Славейко говоритъ въ своемъ стихотвореніи:

«Русскій царь всѣмъ первый въ мірѣ,
Нѣтъ славнѣй его сейчасъ;
Русскимъ равныхъ нѣтъ по силѣ,—
Та же плоть и кровь у насъ...»

Въ народной поэзіи тоже слышатся тѣ же стремленія къ свободѣ, таятся надежды на избавленіе родины отъ тяжелаго турецкаго ига, вспоминаются подвиги предковъ и великодушіе русскихъ.

Выпускъ въ свѣтъ въ настоящее время такого сборника вполне своевремененъ. Несомнѣнно, русскіе читатели заинтересуются литературой близкаго имъ по крови народа.

Г. Полиловъ.

«Ежегодники» газеты «Рѣчь» на 1912 и 1913 гг. Спб. Стр. 702+533.

Новизна и полезность «Ежегодника», какъ говорятъ его составители, въ томъ, что въ теченіе первыхъ лѣтъ своего существованія газета «Рѣчь» предлагала обыкновенно читателямъ въ своихъ новогоднихъ нумерахъ обзоры событій истекшаго года въ области политики, управленія, суда, законодатель-

ства, общественной жизни, науки, искусств и т. д.; но размѣры этихъ обзоровъ, степень ихъ полноты, характеръ ихъ изложенія, естественно, должны были приспособляться къ типу ежедневныхъ статей газеты. Газетный форматъ дѣлалъ неудобнымъ храненіе нумеровъ съ годовыми обзорами и пользованіе ими для справокъ. Переходя отъ формы годичнаго обзора къ формѣ «Ежегодника», сверстаннаго въ форматѣ книги, дается возможность значительно расширить задачу. Самое количество статей при этомъ значительно увеличилось, размѣры ихъ очень возросли, изложеніе приблизилось къ желательному въ подобномъ изданіи типу справочника. Наконецъ, помимо статей, «Ежегодникъ» включилъ въ себя новый отдѣлъ цифръ и таблицъ, освѣщающихъ тѣ стороны и явленія жизни, которыя допускаютъ статистическую обработку. При этомъ оставлено въ сторонѣ все, что читатель можетъ найти въ обыкновенномъ календарѣ.

Нельзя не согласиться, что «Ежегодники», дѣйствительно, представляютъ собою своего рода энциклопедію по многимъ вопросамъ русской жизни.

Въ сжатомъ очеркѣ г. Милюкова обрисована прежде всего «внѣшняя политика Россіи» въ персидскихъ междоусобіяхъ, въ турецкихъ захватахъ въ спорныхъ областяхъ Персіи, въ дѣлахъ Китайской республики, въ монгольскихъ стремленіяхъ къ автономіи и, наконецъ, въ войнѣ на Балканахъ во имя сначала балканской федераціи съ сохраненіемъ status quo при участіи Турціи и Австріи, а позднѣе—противъ Турціи и Австріи. «Внутренняя жизнь Россіи» подъ перомъ г. Гессена изобилуетъ примѣрами того, какъ часто администрація не считается съ указаціями даже сената и закона; какъ ликвидируются всѣ уступки обществу, которыя были сдѣланы правительствомъ въ послѣдніе годы. Чрезвычайно ярки для минувшаго года «репрессіи», указанныя въ «Ежегодникѣ».

Число казенныхъ по суду и по отдѣльнымъ годамъ распредѣляется такъ: 1906 г. казнено 1010 человекъ, 1907 г.—627 чел., 1908 г.—782 чел., 1909 г.—543 чел., 1910 г.—129 чел., 1911 г.—58 чел., 1912 г.—180 чел. Репрессіи въ административномъ порядкѣ выразились въ 317 штрафахъ съ редакторовъ на сумму 96,800 рублей. По годамъ число штрафовъ и самыя суммы ихъ возрастаютъ: 1906 г.—16 штр. на 15,525 руб., 1907 г.—148 штр.—56,000 руб., 1908 г.—120 штр.—82,200 руб., 1909 г.—182 штр.—87,375 руб., 1910 г.—243 штр.—60,150 руб., 1911 г.—268 штр.—73,450 руб., 1912 г.—317 штр. 96,800 руб.— Не менѣе характерны цифры о репрессіяхъ въ судьбѣ профессиональных союзовъ и просвѣтительныхъ организаціяхъ. «Законодательство въ области публичнаго права» страдаетъ, по утвержденію г. Ганфмана, тѣмъ, что не даетъ странѣ правовыхъ благъ, неотложность которыхъ признавалась самимъ правительствомъ при изданіи манифеста 17-го октября. Законы о неприкосновенности личности, свободѣ слова и союзовъ, собраній, отвѣтственности должностныхъ лицъ—вытѣсняются финляндскими, холмскими и т. д. Даже реформа мѣстнаго суда не доведена до конца, а законъ о страхованіи рабочихъ сведенъ прежде всего къ ограниченію числа лицъ, подлежащихъ страхованію изъ рабочаго класса и участію ихъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ совѣтъ по дѣламъ страхованія, по приглашенію предсѣдателя совѣта.

Между тѣмъ рабочій классъ нуждается въ цѣломъ рядѣ широкихъ реформъ. Одно забастовочное движеніе рабочихъ за миновавшій годъ, въ однихъ только заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному надзору, достигло восьмисотъ двадцати семи тысячъ забастовщиковъ, во всѣхъ же предпріятіяхъ оно привело миллионъ участниковъ. Эти забастовки—ленская, майская, въ связи съ выборами въ государственную думу и въ связи съ севастопольскими приговорами—требуютъ, несомнѣнно, усиленной законодательной дѣятельности. Послѣдняя въ значительной степени свои силы направила на землеустройство крестьянъ и переселенческое дѣло.

«Правительству, однако,—говоритъ А. Кауфманъ,—недостаточно того, чтобы въ Сибири, вмѣстѣ съ прочимъ Зауральемъ, насадить единоличную крестьянскую земельную собственность. Оно хочетъ создать здѣсь и крупныя владѣльческія земельныя хозяйства. «Въ настоящее время,—картинно говоритъ оно въ своихъ смѣтныхъ предположеніяхъ,—за Уралъ двинулись на свободныя земли крупныя овцеводы и коневоды, начали возникать также другія сельскохозяйственныя и промышленныя предпріятія», и вѣдомство вырабатываетъ законодательныя основанія, чтобы снабжать такія предпріятія соотвѣтственно крупными кусочками свободной земли». Получается любопытная картина: земель для переселенцевъ явно не хватаетъ; чтобы кое-какъ нарѣзывать нужное для нихъ количество земли, приходится всячески нажимать и на туземное населеніе, и на сибирскихъ старожиловъ, ломать ихъ сложившееся, мѣстами и довольно интенсивно (Туркестанъ), хозяйство. Но является мериносовый баранъ или породистая лошадь, и для нихъ переселенческое вѣдомство идетъ и на дальнѣйшее сокращеніе колонизаціонныхъ возможностей, и на дальнѣйшее стѣсненіе туземнаго населенія. Сторонись, сибирскій чалдонъ, сторонись, киргизъ или бурятъ, сторонись, переселенецъ, передъ купецкимъ мериносовымъ бараномъ и барской породистой лошадью...

Чрезвычайно интересны статьи о предвыборныхъ пріемахъ духовенства и администраціи, о назначеніи депутатовъ въ четвертую государственную думу. Въ финансовомъ отношеніи миновавшій годъ, при всемъ благополучіи бюджета и свободной наличности въ четыреста пятьдесятъ миллионъ рублей, не былъ, однако, свободенъ отъ отрицательнаго вліянія на финансовое благополучіе Россіи такъ называемыхъ общихъ политическихъ условій. Въ запискѣ къ проекту росписи на 1913 г. В. Н. Кокорцовъ совершенно справедливо говоритъ: «Для дальнѣйшаго экономическаго подъема Россіи, которая обладаетъ громадными естественными богатствами, еще мало разработанными и представляющими неисчислимый ресурсъ для ея будущаго, нужно лишь спокойствіе, внѣшнее и внутреннее, культурное развитіе, широкое распространеніе знанія и трудъ ея многочисленнаго населенія въ разнообразныхъ отрасляхъ хозяйства, науки и техники. Только въ этихъ условіяхъ и при упорной работѣ всѣхъ классовъ населенія Россія можетъ обезпечить себѣ прочное матеріальное благосостояніе, занять то мѣсто среди прочихъ страхъ міроваго значенія, которое принадлежитъ ей по свойствамъ ея населенія и обилію ея природныхъ богатствъ».

А. Фаресовъ.

**Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки военного корреспондента Н. Шевалье
(Н. Г—дъ). Спб. 1913. Ц. 75 к.**

Авторъ небольшой брошюры (100 стр.), корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ, взялъ на себя, какъ онъ говоритъ въ обращеніи къ читателямъ, «крайне неблагодарную задачу»—изобразить въ истинномъ свѣтѣ свои впечатлѣнія на Балканахъ за время своего двухмѣсячнаго пребыванія при сербской арміи. Однако нельзя сказать, что автору удалось выполнить поставленную задачу и сохранить полное безпристрастіе: онъ видѣлъ очень мало, поле наблюденій его было узкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ сдѣланы такія заключенія, которыя требуютъ всесторонняго и продолжительнаго знакомства съ дѣломъ. Критически относясь вообще къ балканскимъ союзникамъ, авторъ все-таки признаетъ за сербскимъ солдатомъ большія достоинства. Такъ, попавъ въ сраженіе подъ Прилепомъ, онъ даетъ о немъ такой отзывъ: «Это была скучная, но тяжелая, черная работа выносливыхъ и мужественныхъ сербскихъ солдатъ, съ удивительною настойчивостью преодолевавшихъ всѣ преграды, всѣ лишения этого сѣренькаго, но труднаго сраженія. Безъ глотка горячей пищи, безъ спирта, снабженные въ обрѣзъ довольно сквернымъ хлѣбомъ, сербскіе войники проводили по 7—8 дней подъ проливнымъ дождемъ, не всегда имѣя возможность укрыться въ палаткѣ, такъ какъ полотнищъ не хватало... Нетребовательность сербскаго войника поразительна: обутый въ жиденькія олучи, свободно пропускающія воду, одѣтый во что Богъ послалъ, съ вешевымъ мѣшкомъ подъ бокомъ и ружьемъ черезъ плечо, онъ шлепаетъ, не унывая, по ужасной грязи македонскихъ дорогъ, и никакая усталость, никакія лишения не пугаютъ его... Спокойные и увѣренные въ конечномъ успѣхѣ, сильно подбодренные побѣдой подъ Кумановымъ, войники съ поразительнымъ самообладаніемъ выполняли свою задачу, какъ на ученѣ съ обозначеннымъ противникомъ».

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ рисуетъ онъ сербовъ, особенно «четниковъ», хозяйничавшихъ въ только что занятомъ Ускюбѣ, наводившихъ ужасъ на мусульманское населеніе и правившихъ судъ и расправу, не щадя ни возраста, ни пола. Относительно взглядовъ сербовъ на Россію авторъ замѣчаетъ, что сербы до такой степени свыклись съ тѣмъ, что Россія въ великодушномъ порывѣ, щедро расточая имъ свои милости, готова подчасъ ставить на карту собственное спокойствіе изъ-за несчастныхъ страдальцевъ на Ближнемъ Востокѣ, проливающихъ крокодиловы слезы предъ лицомъ всей Европы, что этотъ актъ состраданія и милости они возвели въ долгъ и обязанность: Россія обязана, Россія должна—эти слова не сходятъ съ устъ правовѣрнаго серба. Сербскіе дѣятели, убѣдившись, что втянуть Россію въ войну изъ-за Адриатики не удастся, стали пугать Россію, что ея слабость и нерѣшительность побудятъ Сербію броситься въ объятія Австріи. Словомъ, они думали, что Россія должна вести политику сербскую, а не русскую. Вообще изъ краткаго обзорѣнія содержанія брошюры видно, что взгляды автора не составляютъ результата его поверхностныхъ наблюденій, а привезены имъ на театръ войны изъ редакціи пославшей его газеты и явно критически относятся къ дѣйствіяхъ балканскимъ славянь, заливающихъ въ настоящее время свою кровью поля своихъ предковъ. «Тѣ,

кто полагаетъ, — говоритъ авторъ: — что «тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ», хорошо сдѣлаютъ, отложивъ мою книгу прочь». И дѣйствительно, едва ли теперь время одностороннимъ сужденіямъ придавать значеніе безпристрастныхъ заключеній.

Л. Н.

1) Katalog der in Riga vom 17 (30) November 1912 bis zum 6 (19) Januar 1913 veranstalteten Ausstellung zur Jahrhundertfeier des Vaterländischen Krieges. 1812. Riga. 1912. 2) Каталогъ портретамъ и картинамъ на выставкѣ въ ознаменованіе столѣтія отечественной войны 1812 г., устроенной въ Ригѣ съ 17-го ноября 1912 г. по 6-е января 1912 г. Рига. 1912.

Въ послѣднее время составители выставочныхъ каталоговъ уже не ограничиваются краткими перечнями выставляемыхъ предметовъ: ихъ принято снабжать болѣе или менѣе подробными описаніями и объясненіями. Такимъ образомъ, каталоги не только путеводители по выставкѣ, которые обречены на уничтоженіе вмѣстѣ съ закрытіемъ выставки, но служатъ цѣннымъ украшеніемъ библиотекъ. Таковы и каталоги рижской выставки 1812 года, устроенной обществомъ исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній при содѣйствіи рижскаго городского управленія и лифляндскаго дворянства. И то и другое чрезвычайно сочувственно пошло навстрѣчу предложенію общества: первое приняло на свой счетъ расходы по устройству выставки и предоставило помѣщеніе въ городскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ въ гор. Ригѣ, дворянство же обезпечило изданіе каталога выставки. Составитель каталога съ любовью отнесся къ своей работѣ и снабдилъ перечень предметовъ біографическими и другими весьма цѣнными свѣдѣніями. Получилась полезная справочная книжка.

Еще въ іюнѣ 1912 года образовавшійся комитетъ выпустилъ воззваніе объ участіи желающихъ на выставкѣ, опубликовавъ въ газетахъ слѣдующую программу ся: I отдѣлъ. Портреты передовыхъ лицъ того времени. Портреты особъ императорской семьи, полководцевъ и государственныхъ дѣятелей; автографы; портреты Наполеона, его союзниковъ и генераловъ; желательны имѣть изображенія (бюсты, картины, миниатюры, гравюры, литографіи, силуэты, портреты на чашкахъ, табакеркахъ и т. п.) одного и того же лица разныхъ временъ его жизни. II отдѣлъ. Военныя событія 1812 года. Военное дѣло того времени. Картины сраженій, битвъ и другихъ событий. Карты, планы битвъ и крепостей. Рукописи. Вооруженіе и обмундировка войскъ (картины и манекены). III отдѣлъ. Культура и искусство. Рамки этого отдѣла расширены. Въ него войдутъ предметы вообще эпохи епiрiге, имѣющие художественное значеніе: а) художественная обстановка, мебель; б) скульптура (мраморъ, бронза, гипсовые слѣпки); в) живопись и гравюра, миниатюры, карикатуры; г) костюмы, драгоценности; д) золотыя издѣлія; е) керамика, хрусталь; ж) монеты, медали, знаки отличія.

Такимъ образомъ, выставка была задумана довольно широко. Но нельзя не замѣтить, что программу можно было бы нѣсколько расширить еще болѣе, напримѣръ, включить предметы, характеризующіе эпоху со стороны литера-

туры, хотя бы она и не имѣла прямого отношенія къ военнымъ событіямъ 1812 года, или со стороны жизни простого народа прибалтійскихъ провинцій, хотя бы обиходъ населенія и не имѣлъ «художественнаго значенія».

Къ сожалѣнію, воззваніе встрѣтило мало успѣха: отъ частныхъ владѣльцевъ поступило экспонатовъ меньше, чѣмъ слѣдовало ожидать, а часть предметовъ была доставлена уже по открытіи выставки и въ каталогъ не вошла. Причина этого отчасти обычное равнодушіе, отчасти гибель множества портретовъ и другихъ предметовъ 1812 года во время революціи въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1905—6 гг., сопровождавшейся страшнымъ вандализмомъ.

Однако и собранное обществомъ исторіи и древностей дало богатый, размѣщенный въ четырехъ большихъ комнатахъ матеріалъ, встрѣченный съ большимъ интересомъ. Всего за два мѣсяца существованія выставки (она закрылась 13-го января 1913 года) ее посѣтило до 6.000 человекъ.

Предполагалось выпустить два отдѣльныхъ каталога, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но начавшаяся въ концѣ года забастовка типографскихъ рабочихъ помѣшала выполнить этотъ планъ полностью: былъ выпущенъ полный нѣмецкій текстъ, а на русскомъ языкѣ отпечатана лишь первая часть, именно описаніе портретовъ и картинъ, раздѣляющееся на слѣдующіе отдѣлы: 1) російскій императорскій домъ: портреты императора Александра I (здѣсь замѣчательнъ принадлежащій эстляндскому дворянству портретъ масляными красками, работы v. Kügelgen, гдѣ государь изображенъ во весь ростъ), императрицы Елизавета Алексѣевны, великихъ князей Константина, Николая и Михаила Павловича; 2) русская армія (портреты генераловъ и другихъ замѣчательныхъ лицъ); 3) Наполеонъ I (въ томъ числѣ и его сынъ, король римскій); 4) французская армія (портреты маршаловъ и другихъ сподвижниковъ Наполеона); 5) картины изъ военной жизни (непріятельской и російской, въ томъ числѣ рядъ сраженій, при чемъ многія картины изъ изданія «За вѣру, царя и отечество»); 6) карикатуры (Теребенева, Венеціанова и Иванова), русскія народныя картинки (сюда выдѣлены изъ отдѣла карикатуръ всѣ анонимныя народныя картинки. Къ сожалѣнію, почти всѣ изъ нихъ съ обрѣзанными полями), нѣмецкія карикатуры; 7) современники (среди нихъ Луиза Графемусъ Кассенихъ, прусская «кавалеристъ-дѣвица», умершая впоследствии въ Ригѣ). Всего въ первой части 398 номеровъ.

Вторая часть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: 1) печатная литература (исключительно современная событіямъ: газеты и журналы, воззванія и объявленія, политико-историческая литература, проповѣди и рѣчи, пѣсни, стихотворенія и драматическія произведенія и т. д.), 2) картины, планы и виды, 3) документы и рукописи, 4) автографы (императора Александра I, Наполеона, короля Фридриха-Вильгельма III прусскаго, Баркляя-де-Толли, Бертье, Блюхера, князя Кутузова, журналиста Меркеля, графа Йорка и др.), 5) медлди, монеты, знаки отличія, 6) предметы искусства (золотыя и серебряныя вещи, многія принадлежали князю М. В. Баркляю-де-Толли, бронза, фарфоръ, хрусталь, мебель и домашняя утварь), 7) оружіе и военное обмундированіе, 8) одежда, 9) смѣсь (въ этомъ отдѣлѣ замѣчательны двѣ книги въ одинаковыхъ переплетахъ изъ бібліотеки Наполеона: десятый томъ біографій Плутарха,

1811 г., и восьмой томъ исторіи древняго міра Rollin, 1767 г. Первая изъ нихъ, вмѣстѣ съ каретою Наполеона, сдѣлалась въ Вильнѣ добычей казака, пикую даже попортившаго переплетъ книги, а вторая была потеряна французами при березинской переправѣ.

Всего во второй части 511 нумеровъ.

Интересны на выставкѣ двѣ комнаты (гостиная и столовая) помѣщичьихъ прибалтійскихъ семей начала XIX столѣтія, составленныя изъ вещей разныхъ владѣльцевъ. Снимки съ этихъ комнатъ, а также съ нѣсколькихъ портретовъ и предметовъ искусства (XXXI табл.) приложены и къ русскому и къ нѣмецкому изданіямъ каталога.

Рисунки исполнены очень отчетливо.

А. Э. Мальмгренъ.

Balkanicus. Le Problème albanais, la Serbie et l'Autriche-Hongrie. Paris. 1913. 84 p.p. Pr. 1 fr. 50.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ слово Албанія не сходитъ съ устъ. Но, повторяя его, многіе ли знаютъ, что такое въ дѣйствительности эта Албанія? Ограниченное большинство повторяетъ лишь то, что вычитываетъ въ своей газетѣ. Но и редакціи газетъ, застигнутыя врасплохъ албанскимъ вопросомъ, сплошь и рядомъ сами не богаты свѣдѣніями объ этомъ запущенномъ углѣ Европы и пускаютъ въ оборотъ свѣдѣнія, взятые изъ вторыхъ-третьихъ рукъ. При такихъ условіяхъ нельзя не привѣтствовать появленія книги, заглавіе которой выписано выше. На оберткѣ книги сказано, что авторомъ ея является одинъ выдающійся дипломатъ, скрывшій свою настоящую фамилію подъ псевдонимомъ Balkanicus. Но г. Balkanicus не только дипломатъ, онъ, очевидно, и путешественникъ, самъ бывавшій въ Албаніи: личное его знакомство со страной какъ-то чувствуется читателемъ. Онъ начинаетъ свою работу съ коренного вопроса о томъ, что такое Албанія, и приводитъ мнѣнія всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ изслѣдователей этой страны, распадающейся на двѣ части: южную, страну тосковъ, болѣе цивилизованную или, по крайней мѣрѣ, склонную къ воспринятію цивилизаціи, и сѣверную, страну говевъ, разбойничье гнѣздо, гдѣ нѣтъ городовъ, а есть отдѣльныя жилища—каменные кулы, въ которыхъ можно выдержать даже артиллерійскую осаду. Геги народъ настолько дикій, что даже въ XX вѣкѣ не имѣютъ собственныхъ письменъ, не имѣютъ письменности.

Раскрывъ этнографическое и географическое содержанія термина Албанія, авторъ далѣе задается задачей прослѣдить шагъ за шагомъ австрійскую политику въ этой вдругъ облюбованной швабами странѣ. Онъ внимательно слѣдитъ за австрійской прессой, въ лицѣ «Neue Freie Presse», «Die Zeit» и въ особенности журнала «Oesterreichische Rundschau», гдѣ подвизаются ненавистники Россіи Фридьонгъ и Хлумецкій. Шагъ за шагомъ передъ читателемъ проходитъ, словно на кинематографической лентѣ, исторія австрійскихъ интригъ въ Албаніи, направленныхъ къ тому, чтобы водворить въ ней вліяніе и протекто-

ратъ Австріи и создать въ тылу Сербіи и Черногоріи полуразбойничье враждебное славянству государство, съ которымъ даже турки не могли поладить. Не даромъ же, по собственному сознанию Фридьюнга, пресловутый графъ Эренталь въ 1908—1909 гг. призывалъ къ себѣ албанскихъ вождей для переговоровъ и общалъ имъ, въ случаѣ войны съ Сербіей, денегъ для содержанія тридцати тысячъ вооруженныхъ людей и автономію въ случаѣ побѣды!

Вообще послѣ прочтенія этой небольшой книжки, написанной къ тому же съ большою ясностью, австрійскія интриги становятся шитыми бѣлыми нитками. Русскому читателю остается только поблагодарить за освѣдомленіе неизвѣстнаго автора.

А. В.

В. Бузескуль. Античность и современность. Спб. 1913.

Въ рядѣ статей, написанныхъ популярно и увлекательно, профессоръ Бузескуль знакомитъ насъ съ древне-греческимъ міромъ, съ формой правленія, наукой и школой, съ нѣкоторыми философскими теченіями, индивидуализмомъ, нессимизмомъ и космополитизмомъ. Авторъ старается побѣдить равнодушіе, которое русское общество питаетъ къ античному міру, благодаря въ значительной степени прежней неправильной классической системѣ. По его словамъ, греческая старина не должна представляться намъ чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ, отношеніе античнаго міра къ современному мы можемъ разсматривать, не только имѣя въ виду, какъ много первый далъ второму, какъ античность отражается въ современности, но и наоборотъ, какъ много въ античномъ мірѣ современнаго, такого, что считается принадлежностью нашего времени.

Однако точку зрѣнія профессора Бузескула мы не можемъ признать вполне правильной. Въ античной культурѣ мы, несомнѣнно, находимъ начала современной цивилизаціи, но въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ видоизмѣнились и развивались идеи и нравственные понятія, и, отыскивая современность въ древней Греціи, мы навязываемъ античнымъ людямъ такіе взгляды и мысли, которыхъ они имѣть не могли. Это особенно бросается въ глаза въ той главѣ, гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ женскимъ вопросомъ. Совершенно по современному говорить онъ о женской эмансипаціи въ древней Греціи, и о знаменитой Аспази мы не безъ удивленія читаемъ слѣдующія строки: «Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Тутъ казался осуществленнымъ тотъ идеаль брака и супружескаго счастья, о которомъ говоритъ Милль въ своемъ трактатѣ «Подчиненность женщины». Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка взгляды Милля казались новыми и смѣлыми. Какъ могло бы это случиться, если бы женская эмансипація дѣйствительно проводилась въ древнихъ Аѳинахъ? Значительно преувеличиваетъ профессоръ Бузескуль, утверждая, что женское движеніе въ греческомъ мірѣ выразилось въ стремленіи къ общественной и политической дѣятельности, въ стремленіи къ высшему умственному развитію и образованію. Образованныя женщины составляли все-таки рѣдкое исключеніе. Масса женщинъ коснѣла въ невѣжествѣ и была прикована къ гинекею, къ женской половинѣ дома (терему), откуда не смѣла выходить.

П. В.

Н. Н. Розинъ, профессоръ томскаго университета. Уголовное судопроизводство. 1913 г. Стр. 569. Цѣна 3 р. 50 к.

Новая книга профессора Розина займетъ, безспорно, видное мѣсто въ нашей процессуальной литературѣ: это—одинъ изъ лучшихъ курсовъ, свидѣтельствующій о талантѣ автора, объ его любви къ своей наукѣ, вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу и о большой эрудиціи. Авторъ использовалъ всю новѣйшую литературу, считается съ новыми теченіями въ наукѣ процесса, причемъ его курсъ выгодно отличается отъ многихъ другихъ тѣмъ, что эта новая литература и новыя теченія не остаются только въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ видѣ ссылки на тѣ или другія работы, но разрабатываются въ изложеніи, подвергаются критикѣ. Курсъ профессора Розина даетъ обширный матеріалъ, умѣло группированный, тщательно разработанный, а главное—проникнутый извѣстными основными принципами, дающими всему изложенію животворящій духъ. Въ особенную заслугу надо поставить автору то, что онъ вполне опредѣленно призналъ два начала, имѣющія чрезвычайную важность для науки процесса и до сихъ поръ ни въ одномъ изъ нашихъ курсовъ не проводимыя: 1) независимость процесса отъ такъ называемаго матеріальнаго права и 2) принципиальное родство уголовного и гражданскаго процесса, какъ двухъ видовъ судебного права. Немалой заслугой профессора Розина является весьма ясно выраженное стремленіе дать въ своей книгѣ чистую теорію уголовного процесса, а не догматическое изложеніе русскаго положительнаго права. Въ то время, какъ во многихъ другихъ курсахъ мы видимъ огромный балластъ въ видѣ пересказа, а нерѣдко и перепечатки соотвѣствующихъ статей закона, профессоръ Розинъ ограничивается ссылками на эти статьи, предполагая, что у изучающаго его курсъ должны быть подъ руками судебныя уставы. Было бы въ высокой степени желательно, чтобы уважаемый авторъ въ слѣдующихъ изданіяхъ своего курса провелъ болѣе послѣдовательно эту свою мысль и развилъ бы чистую теорію процесса за счетъ изложенія положительнаго права. Дало въ томъ, что это изложеніе все-таки занимаетъ въ курсѣ очень много мѣста: есть страницы, буквально испещренныя ссылками на статьи закона, причемъ нерѣдко излагаются вопросы, имѣющіе очень маловажное значеніе (напримѣръ, о судебныхъ срокахъ, стр. 393). А между тѣмъ профессоръ Розинъ самъ прекрасно знаетъ, что научная цѣнность такихъ страницъ невелика: онѣ очень полезны для студентовъ, изучающихъ дѣйствующее право.—и только. Законы мѣняются, и если бы гнаться за изложеніемъ ихъ въ курсахъ, то эти курсы постоянно оказывались бы въ положеніи устарѣлыхъ. Полную противоположность представляетъ собою курсъ, дающій лишь чистую теорію процесса, излагающій его основныя принципы, его статику и динамику въ ихъ типическихъ институтахъ, общихъ для всѣхъ законодательствъ, и отмѣчающій на этой почвѣ характерныя особенности важнѣйшихъ законодательствъ. Такой курсъ уже не будетъ завистъ отъ текучихъ перемѣнъ положительнаго права, онъ устарѣетъ очень не скоро, а главное—его научная цѣнность будетъ неизмѣримо выше. Думается мнѣ, что и въ университетскомъ преподаваніи этотъ чисто-научный элементъ долженъ играть главную роль. Къ сожалѣнію, очень многіе университетскіе препода-

даватели на первый планъ ставятъ ознакомленіе студентовъ съ положительнымъ правомъ. Вотъ причина, почему наши учебники и курсы заключаютъ въ себѣ такъ много положительно-правоваго матеріала.

Потребности преподаванія послужили, очевидно, причиной нѣкоторой спѣшности въ обработкѣ книги профессора Розина. Эта спѣшность обусловила рядъ недосмотровъ, погрѣшностей, недостаточно тщательно разработанныхъ мѣстъ, а иногда и такихъ мѣстъ, о которыхъ можно сказать извѣстную фразу: «у автора не было времени, чтобы быть краткимъ». Но въ оправданіе автора надо твердо помнить, что составленіе курса есть самая трудная, сложная, самая важная и отвѣтственная изъ всѣхъ научныхъ работъ. Поэтому, если о каждой критикѣ можно сказать: *«la critique est aisée, l'art est difficile»*, то въ особенности это вѣрно по отношенію къ курсамъ, заключающимъ полное изложеніе всей науки.

Въ краткой библиографической замѣткѣ нельзя разбирать подробно достоинства и недостатки такой работы. Я укажу лишь на нѣкоторые главнѣйшіе недостатки. Къ числу такихъ я бы прежде всего отнесъ слабую сравнительно разработку вопроса о «народномъ участіи въ отправленіи уголовного правосудія» (глава III) и въ особенности вопроса о судѣ присяжныхъ. Авторъ—защитникъ этой формы, но аргументація его вызываетъ большія сомнѣнія, а главное—страдаетъ противорѣчіями. Уважаемый коллега дѣлаетъ мнѣ честь постоянными ссылками на мои работы по процессу и въ особенности на мою книгу «Основные принципы организаціи уголовного суда». Въ соответствующей главѣ этой книги я выступаю противникомъ суда присяжныхъ и привожу длинный рядъ аргументовъ. Конечно, мой взглядъ можетъ быть оспариваемъ, можетъ даже казаться несимпатичнымъ, но во всякомъ случаѣ необходимо считаться съ моею аргументаціей. Къ сожалѣнію, профессоръ Розинъ этого не дѣлаетъ, и въ результатъ получаются недоразумѣнія. Приведу нѣсколько такихъ недоразумѣній. На стр. 105 читаемъ, что измѣнялись формы народнаго участія, но сущность его на протяженіи всей исторіи оставалась неизмѣнной. Это положеніе профессора Розина, на мой взглядъ, неправильно: что общаго между народными судами Греціи, между древне-германскими шеффенами и между современными присяжными? Далѣе, при изложеніи исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и его современнаго положенія авторъ отбросилъ всѣ черты, характеризующія присяжныхъ, какъ судей факта, не обратилъ вниманія на своеобразное единство между судьей и присяжными, на роль судьи, словомъ на все то, что такъ рѣзко отличаетъ англійскій судъ присяжныхъ отъ континентальнаго. Аргументируя въ пользу суда присяжныхъ, онъ приводитъ и аргументы вообще въ пользу участія непрофессиональнаго элемента въ составѣ суда, оговариваясь лишь, что въ судѣ присяжныхъ всѣ эти преимущества «достигаютъ наивысшаго своего выраженія». Положеніе совершенно голословное и весьма сомнительное. Положеніе автора, что спеціальная подготовка не обязательна для разрѣшенія дѣлага ряда судейскихъ задачъ (стр. 129) находится въ непримиримомъ противрѣчій съ правильнымъ его положеніемъ, что «лучшимъ органомъ правосудія является назначаемый государственной властью, несмѣняемый, профессиональный юристъ судья» (стр. 105), или хотя бы со стр. 333, 334 и 379, гдѣ указы-

вается цѣлый рядъ требованій, диктуемыхъ наукой, которымъ долженъ удовлетворять судья для разрѣшенія вопросовъ факта. Большое недоумѣніе вызываетъ положеніе на стр. 133: «Независимость же присяжныхъ... во всякомъ случаѣ гарантирована болѣе, чѣмъ независимость коронныхъ судей». Авторъ забываетъ, что независимость судьи должна быть не только отъ правительства, но и отъ общества. Противорѣчія замѣчаются у автора въ его разсужденіяхъ объ отношеніи суда присяжныхъ къ общественному мнѣнію, къ недостаткамъ уголовного закона. Необоснованнымъ представляется его положеніе о томъ, что вопросъ о вѣнненіи ставится различно для судей и для присяжныхъ. Сомнительнымъ является утвержденіе, что основной судебно-политической идеей, «на которой нынѣ базируется институтъ народнаго участія въ отправленіи правосудія», должно считаться повышеніе довѣрія населенія къ суду: это участіе вызывается и другими, столь же важными соображеніями (созданіе ряда дополнительныхъ процессуальныхъ гарантій). Я ограничусь сказаннымъ. Очевидно, что личныя симпатіи автора къ суду присяжныхъ помѣшали ему отнестись къ вопросу строго-объективно. А въ результатѣ получилось изложеніе, весьма напоминающее изложеніе огромнаго большинства курсовъ, гдѣ о судѣ присяжныхъ «принято» говорить не иначе, какъ съ похвалой. Хорошо еще, что авторъ со свойственнымъ ему тактомъ и научнымъ чутьемъ избѣжалъ крайностей большинства ученыхъ защитниковъ суда присяжныхъ, сгущающихъ краски и впадающихъ въ тонъ журнальныхъ и газетныхъ статей.

За недостаткомъ мѣста я долженъ окончить свою замѣтку. Въ заключеніе необходимо оговориться, что недостатки книги уважаемаго коллеги съ избыткомъ выкупаются ея цѣнными сторонами. Несомнѣнно, что книга получитъ самое широкое распространеніе подобно другимъ работамъ автора. Несомнѣнно также, что въ слѣдующихъ изданіяхъ курсъ будетъ совершенствоваться: гарантій этому служитъ искренняя любовь автора къ своей наукѣ, неустанная работа его надъ нею и его большой талантъ.

Проф. І. В. Михайловскій.

Сборникъ о земствѣ въ Сибири. Матеріалы по разработкѣ вопроса на мѣстахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1912. Стр. 349+60. Цѣна 2 рубля

Сибирская пресса, а также мѣстныя общественныя организаціи уже давно доказываютъ необходимость введенія въ краѣ земства. Какой бы вопросъ ни обсуждался, будь то народное образованіе, дѣло медицинской помощи населенію, сельское хозяйство etc., газеты и мѣстные общественные дѣятели обыкновенно приходятъ къ выводу, что, пока въ Сибири не будетъ введено земство, сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ края невозможно, такъ какъ Сибирь непомѣрно разрастается и администрація безъ помощи земства не въ состояніи справиться съ выдвигаемыми жизнью на очередь вопросами.

Этот лейтъ-мотивъ, подобно историческому *praetereo senso*, повторяется газетами почти ежедневно, причемъ ими приводятся существенныя доказательства къ тому, что Сибирь, вопреки мнѣнію администраціи, давно уже созрѣла для земства.

Между прочимъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ противъ введенія земства противниками послѣдняго выдвигается отсутствіе въ краѣ крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Однако ссылка эта обыкновенно встрѣчаетъ серьезное возраженіе, подкрѣпляемое примѣромъ Вятской и Пермской губерній, гдѣ точно также не существуетъ дворянскаго землевладѣнія и, тѣмъ не менѣе, земства эти считаются весьма образцовыми: ими сдѣлано для развитія края болѣе другихъ земствъ Европейской Россіи.

Попутно защитниками сибирскаго земства отвергается опасеніе сепаратизма, который, по заключенію противной стороны, можетъ имѣть мѣсто съ введеніемъ земства; они находятъ эту ссылку на сепаратизмъ однимъ изъ обычныхъ полемическихъ приемовъ.

Въ числѣ убѣжденныхъ сторонниковъ сибирскаго земства стоитъ между прочимъ «общество изученія Сибири и улучшенія ея быта», которымъ и издана разбираемая книга. Въ ней собранъ весьма подробный матеріалъ по вопросу о введеніи земства въ Сибири, начиная съ 1905 года, при чемъ освѣщенію положенія вопроса до 1905 г. посвященъ небольшой очеркъ, принадлежащій А. Корнилову.

Оказывается, былъ моментъ, когда вопросъ о введеніи земства находилъ сочувствіе и въ правительственныхъ сферахъ, но сочувствіе это, однако, оказалось кратковременнымъ. Между тѣмъ общественныя организаціи не дремали: онѣ съ удвоенной энергіей продолжали пропагандировать идею земскаго самоуправленія, въ связи съ чѣмъ нѣкоторыя общества, какъ, на примѣръ, томское юридическое, выработали даже особое земское положеніе для Сибири. Этимъ положеніемъ, какъ извѣстно, пытались руководствоваться сибирскіе депутаты при выработкѣ закона о сибирскомъ земствѣ въ третьей государственной думѣ, но отъ этой мысли имъ вскорѣ пришлось отказаться, такъ какъ выяснилось, что подобное земское положеніе не можетъ встрѣтить одобренія со стороны администраціи.

Вслѣдъ за этимъ составители закона должны были пойти и на дальнѣйшую «уступку»,—въ виду того, что и земское положеніе 1864 г. оказалось «непріемлемымъ» въ качествѣ руководящаго матеріала. Въ концѣ концовъ пришлось остановиться на земскомъ положеніи 1890 г., примѣнительно къ которому и было затѣмъ выработано законодательное предположеніе, внесенное въ маѣ мѣсяцѣ 1908 г. въ государственную думу и получившее названіе «101 пушечнаго выстрѣла», такъ какъ подъ законопроектомъ имѣлась 101 подпись. Авторы не подозревали, однако, что законопроектъ ихъ ждетъ проваль.

Вопросу о разработкѣ земскаго положенія въ государственной думѣ посвящена наибольшая часть книги, и это понятно: во время его разработки онъ подвергался всестороннему обсужденію, выяснялись различныя стороны жизни Сибири, и въ результатѣ получился весьма значительный и, добавимъ, цѣнный матеріалъ. Главный трудъ по составленію законопроекта о сибирскомъ земствѣ

взяли на себя сибирскіе депутаты, по адресу которыхъ совершенно незаслуженно крайними оппозиціонными партіями брошены были упреки за ихъ уступчивость и готовность итти на всякіе компромиссы, сказавшіеся при выработкѣ ими законопроекта.

Въ свою очередь, сибирскіе депутаты разумно объяснили, что долгъ по отношенію къ Сибири заставлялъ ихъ итти порою на компромиссъ: зная отношеніе администраціи къ вопросу о сибирскомъ земствѣ, нельзя было задаваться теоріями, которымъ не суждено осуществиться. Пусть будетъ не совсѣмъ удовлетворительное, но все-таки земство,—заявляли депутаты, съ которыми соглашалось и думское большинство. Къ сожалѣнію, и этотъ — столь умѣренный—законопроектъ законодательной комиссіей государственной думы признанъ «чесвоевременнымъ».

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что для всѣхъ, кто интересуется вопросомъ о земствѣ въ Сибири, настоящая книга представляетъ глубокий интересъ.

Вит. Ткачукъ.

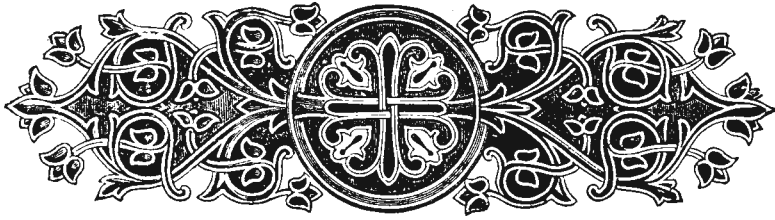
Woldemar Wulffius. Livländische Geschichtsliteratur 1909. Riga. 1912.

Какъ и въ прежніе годы, представленный матеріалъ, состоящій изъ 545 главъ, распределенъ на пятнадцать отдѣловъ: 1) библиографія, историческія общества, архивы, 2) первобытная исторія, археологія, древности, 3) изданія источниковъ и документовъ, рукописи, 4) исторія, 5) церковная исторія, 6) исторія культуры, 7) языковѣдніе, исторія литературы, 8) исторіи университетовъ и учебныхъ заведеній, 9) исторія искусства, охраненіе памятниковъ, 10) исторія права, политическая экономія, статистика, 11) географія и топографія, 12) антропологія, этнографія, фольклоръ, 13) біографія, генеалогія, некрологи, 14) нумизматика, геральдика, сфрагистика, 15) рецензіи и рефераты (о трудахъ, вышедшихъ до 1909 г. и уже вошедшихъ въ предыдущіе выпуски указателя). Въ концѣ помѣщены указатели авторовъ, многочисленныхъ трудовъ и русскихъ сочиненій, при чемъ послѣдніе по обыкновенію страдаютъ неполнотою или возбуждаютъ недоумѣніе. Приводя названія сочиненій въ родѣ: Головинъ, «Мои воспоминанія», или «Комиссія по вопросу объ охранѣ памятниковъ старины», составителю надлежало бы указать, какое отношеніе имѣютъ эти труды къ Прибалтійскому краю.

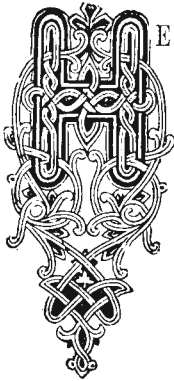
Составителемъ указателя (въ этомъ году—В. Вульфійусъ) сдѣлано неудачное, на нашъ взглядъ, нововведеніе: свѣдѣнія о находкахъ древностей исключены изъ исторической литературы и будутъ печататься съ этихъ поръ въ журналѣ «*Sitzungsberichte d. Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde*».

Затрудняетъ пользованіе указателемъ расположеніе матеріала не въ алфавитномъ порядкѣ.

А. Э. Мальмгрөнъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Е ПО Г Р Ъ Ш И М О С Т Ъ п а п ы.—Болѣзнь папы Пія Х навела на мысль Фабра Дезессара о томъ странномъ и даже опасномъ положеніи, въ какомъ могли бы очутиться католики, если бы одинъ изъ папъ сошелъ съ ума или вообще оказался умственно ненормальнымъ. Этому вопросу Ф. Дезессаръ посвятилъ нѣсколько страницъ въ «Nouvelle Revue» ¹⁾. Ватиканскимъ соборомъ 1870 г., объявившимъ «непогрѣшимость» папы, все было предусмотрено, исключая очень важнаго пункта: что дѣлать, если папа по случаю старости, болѣзни или по другой причинѣ сдѣлается умственно ненормальнымъ? Эра вселенскихъ соборовъ навсегда окончилась: папа, избранный по всеѣмъ правиламъ,—«непогрѣшимъ» и если завтра Пій Х будетъ не въ состояніи подписывать бумагъ и обдумывать текущія дѣла, то жизнь католической церкви замретъ. Но это еще не такъ страшно: нѣсколько преданныхъ кардиналовъ съ помощью секретаря куріи справятся съ текущими дѣлами, а для подписи бумагъ можно прибѣгнуть къ помощи преданнаго камердинера, который будетъ водить рукою папы. Но можетъ случиться нѣчто худшее, какъ это не разъ бывало въ исторіи папства: папа можетъ сойти съ ума и совершить какіе-нибудь ужасные по своему безобразію поступки. Изъ трудовъ епископа Дюшена, аббата Мейсса.—«Ephémérides de la Papauté», Пастора—«L'Histoire des Papes», Эбгарда—«L'Italie Mystique» извѣстно, что такія несчастія случались въ различныя эпохи и могутъ возобновиться. Во-первыхъ, была цѣлая серия демоническихъ папъ, длившаяся, по однимъ свѣдѣ-

¹⁾ La Question du Vatican. Par Fabre des Essarts. «Nouvelle Revue». 1 avril 1913.

ніямъ, съ 800—1200 гг., а по другимъ—съ 867—1048 гг. Ф. Дезессаръ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Между прочимъ, папа Стефанъ VI произвелъ свой судъ надъ трупомъ папы Формозы: онъ вынулъ его останки изъ могилы, снялъ съ него облаченіе, отрубилъ два пальца и голову и бросилъ его трупъ въ Тибръ. Папа Сергій III, нравственную личность котораго епископъ Дюшенъ рисуетъ тремя словами: «Свирѣпый, ненавистный и повѣса», отецъ будущаго Іоанна XI, родившагося отъ его любовной связи со своей служанкой Морозіей, принесъ на папскій престолъ порокъ и прелюбодѣйство. Іоаннъ XII, внукъ Морозіи, родившійся отъ ея втораго сына Альбериха, первый папа, перемѣнившій свое имя при вступленіи на папскій престолъ, въ конюшняхъ производилъ посвященія въ духовный чинъ; пилъ за здоровье дьявола и все это онъ продѣлывалъ, чтобы досадить Св. Духу. Мало этого, онъ ослѣплялъ или оскоплялъ ненавистныхъ ему кардиналовъ и въ церкви насиловалъ женщинъ. Іоаннъ XIII повѣсилъ за волосы префекта Рима въ наказаніе за одинъ заговоръ противъ него. Бенедиктъ IX, Геліогабалъ папства, предназначенный на папскій престолъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, едва достигнувъ юношескаго возраста, повелъ настолько ужасную жизнь, что римское дворянство пыталось его задушить въ алтарѣ. Продавъ папскую тиару, онъ потратилъ всѣ полученныя за нее деньги; потомъ онъ снова ее вернулъ, чтобы вторично бросить. Онъ кончилъ тѣмъ, что удалился въ горы, какъ дикій звѣрь, и умеръ отъ своихъ позорныхъ кутежей.

«Пусть психіатры, соединяясь съ богословами, классифицируютъ, какъ угодно, подобные случаи съ недостойными папами, —замѣчаетъ Ф. Дезессаръ:— пусть это будетъ вулгарный садизмъ, острая эротоманія, дьявольское навожденіе—тѣмъ не менѣе это самое худшее безуміе». Впрочемъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ ихъ безуміи: всѣ эти ужасные дегенераты въ большинствѣ случаевъ происходили отъ Теодоры и ея ужасныхъ дочерей, Морозіи и Теодоры. Какъ извѣстно, по однимъ свѣдѣніямъ, куртизанка Теодора была женою вліятельнаго римлянина Теофилакта; Дезессаръ же называетъ ее служанкой. По первому источнику, она добилась такой власти, что располагала назначеніемъ папской тиары. Она сдѣлалась любовницей герцога Тосканскаго Альбериха, и, благодаря ей, Іоаннъ X получилъ папскую тиару. Еще будучи священникомъ, онъ плѣнилъ Теодору и съ ея помощью сдѣлался епископомъ Болоньи, потомъ архіепископомъ Равенны и наконецъ папою. Впрочемъ, нѣкоторые историки приписываютъ это вліянію не Теодорѣ, а ея дочери, тоже носившей имя Теодоры. Ея дочь Морозія пользовалась такой же властью благодаря примѣненію одинаковыхъ съ нею средствъ. У Морозіи была дочь Теодора (Молодая), которая превзошла ее въ своихъ любовныхъ неистовствахъ. Она была настоящей любовницей папы Іоанна X.

Нѣсколько позднѣе признаки умственнаго вырожденія у папъ проявлялись во многихъ случаяхъ. Въ 1294 г. папа Бонифацій VIII прогуливался по Риму въ императорскихъ одеждахъ и съ короной Константина на головѣ. По его приказу, предъ нимъ несли скипетръ, шпагу и царскую державу. Но болѣе злымъ безумцемъ былъ папа Урбанъ VI (1378 г.). Онъ проклялъ казначея, добросовѣстно сдававшего остатки кассы, ужасно обращался съ кардиналами

и нѣкоторыхъ изъ нихъ погубилъ съ помощью такихъ ужасныхъ пытокъ, которыя авторъ «Grand Schisme d'Occident» Саламбье не рѣшается описывать. Папа Александръ VI былъ еще лучше его. Упомянувъ о спискѣ папъ, на которомъ папа Пій X уничтожилъ изъ традиціонной номенклатуры имена недостойныхъ папъ, Ф. Дезессаръ говоритъ, что среди нихъ не видно ни Сергія II, ни Іоанна III, ни Іоанна XIII. Напротивъ, онъ возстановилъ три имени, которыхъ тамъ не было, и между прочимъ противнаго Бенедикта IX. Вообще Пій X зачеркнулъ имена папъ, несуществованіе которыхъ очевидно или избраніе ихъ было подложно. Поэтому онъ считаетъ, что всѣ эти недостойные папы, преступные и убійцы, остаются папами *in aeternum* и что нѣтъ такого синода, святой коллегіи или собора, которые бы могли отрѣшить ихъ. Слѣдовательно, остается только преклониться предъ такой ненарушимой волей, говоритъ Ф. Дезессаръ, которая дѣлаетъ династію папъ самой могущественной, самой неоспоримой и наиболѣе солидно основанной, какая только существуетъ на свѣтѣ. Остается только узнать, какъ Св. Духъ могъ внушить выборъ папы Іоанна XII или Бенедикта IX.

Во всѣхъ богословскихъ книгахъ, а также исторіяхъ религіи *ad usum clericorum* говорится, что дурные папы мало занимались духовной жизнью церкви, что они не предпринимали никакихъ рѣшеній касательно догматовъ и ограничивались лишь тѣмъ, что вели свою демоническую жизнь. Но подобные несчастные папы не считали себя «непогрѣшимыми», и никто не думалъ этого. Тогда твердо вѣрили, что высшій авторитетъ относительно догматовъ состоялъ въ соборахъ, и папа, находившійся въ несогласіи съ отцами собранія, долженъ былъ подчиниться соборному рѣшенію. Но такъ было во время церковныхъ расколовъ, уменьшившихъ значеніе папъ. Одно изъ свѣтилъ церкви той эпохи, Пьеръ д'Элльи не колеблясь высказалъ, что папа можетъ «погрѣшить», а Герсонъ, которому приписывали «Подражаніе», увѣрялъ, что папа можетъ впасть въ ересь. Впослѣдствіи слѣды такого мнѣнія можно было найти у Боссюэ.

Но теперь уже окончилась эра соборовъ: папы опять стали «непогрѣшимыми». Ф. Дезессаръ говоритъ, что надо подумать о возможности въ будущемъ подобныхъ явленій со стороны папъ. Быть можетъ, они окажутся опаснѣе прежнихъ, но въ другомъ родѣ. Онъ не думаетъ, что въ наше время возможна серія демоническихъ папъ, но они могутъ оказаться дурными въ другомъ родѣ. Вдругъ появится папа съ образомъ мышленія Бонифація VIII. Правда, онъ не провозгласитъ никакого догмата,—говоритъ Ф. Дезессаръ,—дурные папы никогда его не провозглашали, но онъ можетъ сдѣлать нѣчто похуже этого. Вдругъ подобный папа провозгласитъ себя цезаремъ, всемірнымъ императоромъ, внесетъ беспорядокъ въ литургію, начнетъ отлучать отъ церкви кого вздумаетъ и причитаетъ къ лику святыхъ по своему желанію. Тѣмъ дальше можетъ увлечь его безуміе, чѣмъ онъ будетъ болѣе чувствовать себя «непогрѣшимымъ». Никто не можетъ его остановить, и всѣ должны его терпѣть до его послѣдняго вздоха. Смѣстить его нельзя, заставить подать въ отставку тоже невозможно, потому что такая отставка недопустима.

Ф. Дезессаръ приводитъ единственный примѣръ подобной отставки въ исторіи папства. Это произошло съ папой Целестиномъ V, и тогдашніе като-

лики поняли неправильность его отставки, а Данте, помѣстивъ его въ своемъ «Адѣ», назвалъ Целестина V «*Che fece il gran rifinto*». Только перенесеніе папства въ Авиньонъ и воцареніе на папскомъ престолѣ Бертраана изъ Готы способствовали канонизаціи этого скромнаго и добродѣтельнаго папы. Враги Бонифація VIII, посадившаго его въ тюрьму и занявшаго его мѣсто на папскомъ престолѣ, не признавали выбора послѣдняго, потому что онъ былъ выбранъ при жизни Целестина, котораго считали попрежнему папой.

«Кто поручится,—говорить въ заключеніе Ф. Дезессаръ,—что болѣе никогда не будетъ дурныхъ папъ? Что со времени собора 1870 г. Св. Духъ произнесъ съ высоты седьмого неба торжественное обязательство вѣчно и всегда направлять голосованіе конклава въ сторону отреченія, смиренія и святости? «*Spiritus fiat ubi vult*». И вдругъ Св. Духъ завтра дунетъ въ сторону политики?! Не страшно, если папа провозгласитъ себя цезаремъ, но страшно, если онъ станетъ другомъ цезаря... какъ Пилать!»

— Эпизодъ изъ эпохи французской революціи. — Трагическую страничку изъ французской революціи передаетъ Октавъ Гальтье въ «*Revue Bleue*»¹⁾. Среди многочисленныхъ жертвъ этого тревожнаго времени былъ полковникъ Лавернь со своей молодой женой, мужественно рѣшившейся раздѣлить печальную участь мужа. Лавернь жертва недоразумѣнія и легкомысленнаго отношенія военнаго начальства, ничѣмъ не провинившійся ни предъ родиной, ни предъ новымъ правительствомъ, жена его умышленно провинилась, чтобы умереть вмѣстѣ съ мужемъ.

Луи-Франсуа Лавернь Шампльорье родился въ Ангулемѣ 21-го мая 1740 г. и двадцати восьми лѣтъ вступилъ въ военную службу въ пѣхотный полкъ, стоявшій въ Рузргѣ. Онъ участвовалъ въ корсиканскомъ и испанскомъ походахъ и въ экспедиціи на корабляхъ корсаровъ, былъ за это произведенъ въ высшій чинъ и получилъ кавалерскій крестъ св. Людовика. Но, не имѣя связей при дворѣ, онъ не такъ быстро шелъ въ гору, хотя за нимъ числились блестящіе подвиги.

Ему было около пятидесяти лѣтъ, когда онъ влюбился въ племянницу генерала Ренье, дѣвушку умную и очень красивую. Любила ли она своего мужа страстно—вопросъ не рѣшенный, но она отвѣчала на его любовь полной преданностью. Казалось, предъ нимъ теперь открывалось спокойное, прекрасное будущее, но революція, какъ вихрь, сметавшая все на пути, не пощадила и его.

Именно теперь для него начался трагическій періодъ. Когда въ 1792 году законодательное собраніе объявило коалиціоннымъ державамъ войну, Лавернь оставилъ жену и ребенка и снова поступилъ въ прежній полкъ, сдѣлавшійся 58-мъ пѣхотнымъ. Вскорѣ для него настала роковая моментъ: губернаторъ города Лонгви генераль Беррюэ, «не желая скомпрометтировать пораженіемъ свою сорокадвухлѣтнюю военную службу», отказался отъ командованія войскомъ, хорошо сознавая, что городъ защитить невозможно съ такими небольшими силами. На его мѣсто рѣшили назначить Лаверна. Опасаясь отвѣтствен-

¹⁾ Jusqu'à l'Echafaud. Le Procès de M-me de Lavergne. Par Octave Galtier «*Revue Bleue*». 5 avril 1912.

ности, онъ пытался уклониться отъ такой трудной задачи, которую не могъ разрѣшить даже опытный генераль. Онъ объяснилъ генералу Вимпфену, что недостаточно подготовленъ къ исполненію этой обязанности, ссылаясь на то, что нехорошо знаетъ искусство фортификаціи и что онъ никогда не видѣлъ военныхъ укрѣпленій Лонгви. Но все было напрасно: никто его не слушалъ, и 14 августа 1792 года онъ былъ вынужденъ отправиться на свой новый постъ.

Черезъ три дня предъ Лонгви появилось 60,000 пруссаковъ подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, подкрѣпленныхъ 46,000 австрійцевъ. Противъ этой массы Лавернь могъ выставить только 2000 человекъ (одинъ батальонъ 58-го пѣхотнаго полка, три батальона волонтеровъ, 44 кавалериста и 30 пушкарей на укрѣпленіяхъ).

При такихъ неравныхъ силахъ ясно, что французамъ невозможно было устоять безъ какого-нибудь необычайнаго чуда. Но этого чуда не произошло. Лавернь, видя, что офицеры не въ силахъ ничего сдѣлать, собралъ военный совѣтъ. Капитанъ артиллеріи Дешанжъ сдѣлалъ самый плачевный докладъ, придя къ заключенію, что онъ совершенно лишень необходимыхъ предметовъ, чтобы выдержать осаду. Главный инженеръ, въ свою очередь, объявилъ, что сопротивление невозможно. Гражданскія власти Лонгви подъ вліяніемъ обезумѣвшихъ отъ страха жителей, опасавшихся, что нѣмцы-побѣдители разграбятъ городъ и начнутъ рѣзню, вторили имъ. Наконецъ было рѣшено голосовать вопросъ: итти на капитуляцію или нѣтъ? Шесть голосовъ противъ двухъ—Лаверня и командира волонтеровъ—были за капитуляцію. На другой день, когда велись переговоры съ нѣмцами, французы увидѣли, сколько непріятель выставилъ батарей; если бы онъ открылъ огонь, отъ Лонгви ничего не осталось бы. 23-го августа французское войско покинуло Лонгви.

Вотъ все преступленіе полковника Лаверня.

27-го августа 1792 года несчастный больной, нравственно разбитый по винѣ начальства, полковникъ Лавернь ѣхалъ изъ Лонгви въ свое имѣніе въ Перпиньякъ, гдѣ рассчитывалъ немного поправиться, а затѣмъ вновь вступить въ ряды защитниковъ родины подъ начальство своихъ родственниковъ генераловъ Ренье и Гуэ и какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ исправить неудачную защиту Лонгви. Но при выѣздѣ изъ деревни Тьебо онъ натолкнулся на артиллерійскій отрядъ, направлявшійся въ Мець. Экипажъ Лаверня показался подозрительнымъ начальнику отряда, и онъ остановилъ полковника. На требованіе предъявить паспортъ и объяснить цѣль путешествія Лавернь отвѣчалъ отказомъ, зная, что его имя, какъ неудачнаго защитника Лонгви, возбуждаетъ много непріятностей. Тогда начальникъ отряда приказалъ повернуть экипажъ обратно и передать полковника въ руки гражданскихъ властей.

Его обыскали и нашли при немъ 23,000 франковъ и на 10,000 процентныхъ бумагъ. Онъ объяснилъ имъ происхожденіе этихъ денегъ—это былъ доходъ съ его имѣній, объявилъ, что ѣдетъ изъ Лонгви и объяснилъ цѣль путешествія. Равнодушно выслушавъ его объясненія, власти отдали приказъ задержать полковника Лаверня, ссылаясь на то, что его паспортъ не въ порядкѣ, согласно новому закону 28-го марта 1792 года. Тогда онъ потребовалъ, чтобы его отправили въ Парижъ, гдѣ онъ подастъ докладъ національному собранію объ осадѣ

Лонгви. Но его желанія не исполнили, а отправили его въ маленькій городокъ, гдѣ онъ былъ въ полузаключеніи. Черезъ нѣсколько дней это полузаклученіе осложнилось: за нимъ усилили надзоръ, и прошло семнадцать мѣсяцевъ, пока революціонный трибуналъ произнесъ свое рѣшеніе.

Настроеніе національнаго собранія было подозрительное: неудачи генераловъ считались измѣной, и Лавернь не избѣжалъ этой участи. Совѣтъ департамента Верхней Марны, предупрежденный объ арестѣ полковника Лаверня, увѣдомилъ объ этомъ законодательное собраніе, которое 31-го августа послѣ долгихъ споровъ объявило, что это дѣло будетъ разсмотрѣно военнымъ судомъ. Представители народа особенно возмутились, когда прочитали объясненіе муниципальныхъ властей Лонгви, что губернаторъ пошелъ на капитуляцію только по настоянію обывателей. Собраніе рѣшило, что по изгнаніи врага Лонгви будетъ уничтожень.

6-го сентября полковника Лаверня переправили въ Лангръ и водворили въ мѣстную тюрьму.

Между тѣмъ его жена, кормившая грудью ребенка, находилась въ Ангулемѣ. Какъ только она узнала объ участи мужа, тотчасъ же отправилась къ нему и всѣми силами старалась его спасти. Съ этого момента жизнь двадцатитрехлѣтней красавицы, тѣсно связанная съ жизнью ея мужа, была цѣлымъ рядомъ мытарствъ, оскорбленій, обидъ. Члены революціоннаго комитета не могли допустить, чтобы красивая молодая женщина искренно желала спасти больного, уже не молодого мужа. И изъ этого недовѣрія для нея создалось трагическое положеніе.

Она добилась свиданія съ мужемъ и привела къ нему въ тюрьму ихъ маленькаго сына, чтобы хотя немного развлечь несчастнаго узника. По ея настоянію, Лавернь составилъ докладъ о своемъ поведеніи при защитѣ Лонгви. Она отвезла его въ Парижъ къ представителямъ новаго правительства. Здѣсь начались ея мытарства. Не зная ни людей, ни самой жизни и представляя ихъ въ розовомъ цвѣтѣ, она стучалась во всѣ двери, обращалась ко всѣмъ. Но ея или не принимали, или равнодушно ей отказывали. На ея несчастіе многіе изъ этихъ лицъ замѣтили ея красоту, молодость и беззащитность, а потому цинично ее преслѣдовали обѣщаніями содѣйствія. Она все испробовала: умоляла, унижалась, но ничего не добилась. Ей совѣтовали обратиться къ гласности, и она отправилась искать помощи къ журналистамъ. Въ «Gazette Officielle» ее приняли хорошо и напечатали воспоминанія ея мужа. Но послѣ этого слабого успѣха, «опустошившаго ея карманъ», она рѣшилась уѣхать изъ Парижа. Но прежде, чѣмъ уѣхать, она написала трогательное письмо главѣ конвента и просила, по крайней мѣрѣ, разрѣшить ей жить въ тюрьмѣ съ мужемъ. Конечно, отвѣта она не получила: предсѣдатель конвента передалъ письмо мэру Парижа, который, въ свою очередь, переслалъ его въ комитетъ общественной безопасности.

Опечаленная, измученная, но еще не потерявшая надежды, г-жа Лавернь возвратилась въ Лангръ къ мужу. Она придумала еще одно средство: собрать подписи у офицеровъ 58-го пѣхотнаго полка подъ деклараціей, гдѣ восхвалялись военныя заслуги ея мужа. Эта декларація заканчивалась очень важной

подписью генерала Вимпфена: «Лонгви не могъ быть защищаемъ лучшимъ патриотомъ и человѣкомъ отважнѣе, чѣмъ полковникъ Лавернь. Надо принять во вниманіе, что у него не было времени изучить мѣсто, потому что онъ находился тамъ только три дня, когда его атаковали». Унтеръ-офицеры и солдаты, съ своей стороны, подали петицію въ національное собраніе, прося помиловать ихъ полковника.

Получивъ эти документы, г-жа Лавернь представила ихъ прокурору трибунала Верхней Марны, собравшемуся въ Труа 26-го октября. Но трибуналъ все еще не могъ разрѣшить вопроса, слѣдуетъ ли подвергнуть суду полковника Лаверня. Юридически его слѣдовало освободить, но излишняя предосторожность, понятная въ ту тревожную эпоху, мѣшала принять это рѣшеніе, и судьи рѣшили отправить дѣло къ новому военному министру Пату. Тотъ написалъ президенту конвента, что противъ полковника Лаверня не имѣется никакихъ уликъ. «Я умоляю національный конвентъ,—писалъ онъ,—рѣшить: не вернуть ли этого офицера въ его полкъ для продолженія его службы».

Несмотря на вмѣшательство военнаго министра и высказанное имъ мнѣніе, никакого рѣшенія не было принято. Прошелъ еще одинъ мѣсяць. Сначала эта задержка удивила полковника Лаверня, потомъ она стала его раздражать. Наконецъ имъ овладѣлъ страхъ. Его здоровье, и безъ того шаткое, измѣнилось къ худшему. Тюремная сырость оказалась для него роковою: появилась лихорадка затяжной формы, на тѣлѣ показалась сыпь. Тогда г-жа Лавернь опять отправилась въ Парижъ, и снова начались ея мытарства. Она съ такой дикою энергіей защищала мужа, что нѣкоторые депутаты заинтересовались ею и дѣломъ ея мужа. Между ними были Филиппо и Карра; они дали ей рекомендательныя письма. По ея настоянію группа обывателей Ангулема, гдѣ родился ея мужъ, подала въ національное собраніе энергичную петицію, требуя освобожденія своего земляка. «Задерживая, такимъ образомъ, обвиняемыхъ въ тюрьмѣ,—говорилось тамъ,—развѣ не боятся возобновить примѣры деспотизма». Наконецъ она добилась аудіенціи у военнаго министра, который обѣщалъ ей окончить это дѣло. Онъ переписался съ министромъ юстиціи. Но послѣдній былъ не расположенъ къ полковнику Лаверню за то, что тотъ сказалъ, что у него могутъ потребовать отчета въ распредѣленіи фондовъ военнаго казначейства Лонгви.

Многіе представители новаго правительства стояли на сторонѣ полковника Лаверня; трибуналъ Верхней Марны не находилъ уликъ противъ него. Одни требовали его освобожденія, другіе—найти настоящаго виновника капитуляціи Лонгви. Наконецъ конвентъ рѣшилъ, что Лавернь выйдетъ изъ тюрьмы, но будетъ находится въ Лангрѣ подъ надзоромъ.

Прошелъ весь 1793 г., а положеніе не измѣнялось. Г-жа Лавернь жила съ мужемъ въ ожиданіи его освобожденія. Несмотря на всѣ ея заботы, его здоровье не улучшалось. Въ это время французскія республиканскія войска одерживали побѣды. Въ тюрьму доносились извѣстія о нихъ, и въ душѣ полковника пробудилось горькое чувство: онъ не могъ примириться съ мыслью, что его военная карьера окончилась такъ унижительно. Въ его головѣ пролетѣла мысль: онъ понесъ поражение, но вѣдь теперь онъ можетъ одержать побѣду. И ностальгія

по лагерной жизни овладѣла его душою. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проснулся ужасъ, что революціонный трибуналъ отправляетъ столько генераловъ на гильотину, и, несмотря на самыя нѣжныя просьбы жены, онъ написалъ письма Робеспьеру и Бареру. Онъ извѣщалъ ихъ, что снова возьмется за оружіе и оправдаетъ себя какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ. И безъ разрѣшенія начальства онъ покинулъ Лангръ. Конечно, за нимъ была послана погоня, и его вскорѣ задержали. Комитетъ общественной безопасности отдалъ распоряженіе отправить его въ Парижъ по этапу, закованнымъ въ кандалы. Этотъ путь онъ совершилъ пѣшкомъ и шель усиленнымъ маршемъ, перенося самое грубое обращеніе.

Истомленный, измученный онъ былъ помѣщенъ въ тюрьму Сень-Пелажи.

Всѣ старанія и хлопоты г-жи Лавернь превратились въ прахъ. Она немедленно отправилась въ Парижъ и снова принялась стучаться во всѣ двери, умолять и унижаться. Но на этотъ разъ ей не удалось ничего добиться. Всѣ боялись, какъ бы не возбудить подозрѣнія; многіе изъ членовъ новаго правительства сами сидѣли въ тюрьмѣ, а наиболѣе смѣлые и краснорѣчивые, какъ депутатъ Филиппо, окончили жизнь на гильотинѣ вмѣстѣ съ Дантономъ и Камилломъ Демуланомъ.

Попытка оправдать себя обошлась полковнику дорого. Ему было теперь 54 года, но онъ такъ былъ измученъ, истощенъ, физически и нравственно, что казался дряхлымъ старикомъ. Черезъ четыре дня по водвореніи въ Сень-Пелажи врачебный персоналъ, находившійся на службѣ при трибуналѣ, установилъ, что его здоровье ухудшилось за эти четыре дня и внушаетъ самыя серьезныя опасенія. Его отправили въ больницу, но 10 жерминаля, безъ всякаго предупрежденія и несмотря на слабость больного, къ нему явился судья Фуко для допроса. У Лаверня не было никого защитника, но, не обращая на это вниманія, Фуко составилъ протоколъ. Въ этотъ же день Лавернь получилъ обвинительный актъ, а на другой день онъ долженъ былъ явиться передъ трибуналомъ.

Въ отчаяніи г-жа Лавернь дѣлаетъ послѣднюю попытку, чтобы упросить отсрочки окончанія дѣла до выздоровленія мужа. Она отправилась въ комитетъ общественной безопасности, гдѣ главными лицами были Амаръ, Лебонъ, Вульянъ, Вадье и художникъ Давидъ, предъ которыми дрожала вся Франція. Несчастная женщина произнесла предъ ними цѣлую рѣчь и когда начала фразу: «Вы не допустите, чтобы старецъ...» они обмѣнялись грубыми шутками и безцеремонно разсматривали ее, а одинъ изъ нихъ произнесъ: «Съ твоею внѣшностью и молодостью не трудно утѣшиться въ потерѣ мужа, готоваго сойти въ могилу». Другой добавилъ: «Интересъ, который ты выказываешь къ сохраненію стараго калѣчки-мужа, слишкомъ шокируетъ обычный ходъ человѣческаго сердца и природы, чтобы комитетъ исполнилъ твою просьбу, несчастная женщина».

Несчастная женщина зарыдала и выбѣжала вонъ. Въ ея головѣ пронеслась мысль: «быть можетъ, другіе будутъ менѣ жестоки?» Она вся въ слезахъ бросилась къ вице-президенту революціоннаго трибунала Дюма, прозванному «краснымъ» за рыжій цвѣтъ волосъ.

Она бросилась передъ нимъ на колѣни, но и здѣсь она услышала: «Полно, гражданка, развѣ для тебя было бы такимъ ужаснымъ несчастіемъ избавиться отъ стараго мужа? Его смерть едѣлаетъ тебя свободной располагать гораздо

приятнѣ твоими прелестями и молодостью. Впрочемъ, мнѣ не представится случая заниматься тѣмъ, о чемъ ты просишь, это не мое дѣло».

На этотъ разъ она отвѣтила на оскорбленіе: «Презрѣнный, ты не нуженъ мнѣ больше; я тебя жду въ трибуналѣ, гдѣ ты увидишь, заслуживаю ли я оскорбленій, какими ты меня осыпалъ». Теперь она рѣшила, что отъ людей ей нечего ждать спасенія мужа и для нея одно осталось—пожертвовать для него своей жизнью.

Рано утромъ на слѣдующій день революціонный трибуналъ уже засѣдалъ въ большомъ залѣ суда. Полуживой полковникъ Лавернь былъ принесенъ на носилкахъ. Не будемъ останавливаться на подробностяхъ процесса: обвинительнымъ актомъ подсудимый уличался въ измѣнѣ родинѣ и былъ приговоренъ къ смертной казни на гильотинѣ. Когда его спросили, не хочетъ ли онъ что-нибудь сказать, то не получили отвѣта: отъ усталости и волненія онъ почти лишился чувствъ.

Первая часть драмы окончилась, но вотъ началась вторая часть.

Г-жа Лавернь, сидѣвшая въ первомъ ряду, тревожно слѣдила за ходомъ процесса, поминутно вздыхая. Когда она услышала обвинительный актъ и приговоръ, то встала и направилась къ выходу, но вдругъ въ ея глазахъ блеснула искра безумія, и она всѣмъ тѣломъ задрожала. Приостановившись на порогѣ залы, она вдругъ изо всѣхъ силъ закричала: «Да здравствуетъ король!» Она нѣсколько разъ повторила эту фразу. Сосѣди, уже замѣтившіе ея красивое лицо и лихорадочные жесты, старались ее удержать и увести вонъ. Но она снова закричала: «Да, нуженъ король!» Потомъ, обращаясь къ судьямъ, она произнесла: «О, чудовища! палачи! Они убиваютъ людей!» Все это она продѣлала такъ быстро и неожиданно, что судьи на минуту ошѣмѣли. Когда они пришли въ себя, то рѣшили, что ее строго накажутъ.

Ее схватили жандармы и отвели въ полицію, гдѣ произвели обыскъ, но, кромѣ 60 франковъ, записной книжки, бонбоньерки, двухъ паръ перчатокъ, ничего не нашли.

Дюма «красный», который ее уже оскорбилъ, не могъ отъ нея добиться отвѣта; она даже отказалась назвать ему свое имя, а ограничилась лишь фразой: «нуженъ король», что она будетъ это повторять, пока у нея есть языкъ.

Въ обвинительномъ актѣ было сказано, что обвиняемая составила заговоръ противъ французскаго народа, подбивая его къ восстановленію королевской власти и желая возбудить гражданскую войну. Никому въ голову не пришла настоящая цѣль ея поступка.

Всѣ формальности были исполнены съ головокружительной быстротой и г-жу Лавернь приговорили къ смертной казни на гильотинѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ ея имѣнія подвергались конфискаціи въ двадцать четыре часа. Едва она услышала этотъ приговоръ, ея тревожное настроеніе прошло, и лицо прояснилось. «Наконецъ я добилась, чего хотѣла,— сказала она.—Я снова увижу мужа и умру вмѣстѣ съ нимъ!»

На другое утро состоялась казнь. Г-жа Лавернь съ коротко остриженными волосами, обнаженнымъ горломъ и связанными за спиною руками сѣла въ роковую телѣгу. Возлѣ нея на соломѣ положили ея больного мужа. Телѣга подыгрывала по неровной мостовой: больного перебрасывало съ одной стороны телѣги

на другую, и голова его ударялась о доски. Но онъ ничего не чувствовалъ. Отъ тряски телѣги воротъ рубашки разстегнулся и обнажилъ грудь. Г-жа Лавернь не могла сама поправить этого беспорядка въ одеждѣ и попросила палача Сансона зашпилить воротъ булавкой.

Толпа сопровождала телѣгу и смотрѣла на молодую блѣднолицую трогательно-прекрасную молодую женщину. Нѣкоторыхъ зрителей такъ поразила ея красота, что они спрашивали, за что ее казнятъ. Ея исторія передавалась изъ устъ въ уста, и смѣлые голоса все громче выражали, что она не заслуживаетъ смерти. Сначала раздавались одиночныя восклицанія, но наконецъ послышались массовые возгласы: «Она не заслуживаетъ смертной казни!» Тогда г-жа Лавернь отвѣтила: «Не говорите, друзья мои, я сама хотѣла раздѣлить участь мужа!»

На полпути полковникъ пришелъ въ себя. Жена его окликнула: «Не горюй: съ тобою говорить твой другъ! Ты знаешь, что я безъ тебя не могу жить: мы вмѣстѣ умремъ». И она въ нѣсколькихъ словахъ рассказала ему, что она сдѣлала для того, чтобы умереть съ нимъ вмѣстѣ. Глаза полковника наполнились слезами, но онъ былъ слабъ и не могъ выразить ей своей благодарности. Собравшись съ силами, онъ высказалъ ей свою благодарность и свое восхищеніе ея поступкомъ.

Прежде, чѣмъ подняться на эшафотъ, оба нѣжно простились и обмѣнялись послѣднимъ поцѣлуемъ. Это произошло 1-го апрѣля 1794 г., въ памятную для полковника годовщину вступленія его 1-го апрѣля 1768 г. во французскую армію.

— Бульварный Парижъ 1880—1885 г.г.—Въ парижскомъ Société de Conférences, гдѣ читають публичныя лекціи французскіе историки и литераторы, Альфредъ Капюсъ недавно въ своей конференціи провелъ параллель между старымъ и новымъ Парижемъ. Эта лекція являлась отрывкомъ изъ его воспоминаній за періодъ времени отъ 1880—1885 г., періодъ, интересный тѣмъ, что въ немъ сталкивался Парижъ имперіи съ Парижемъ третьей республики и происходилъ настоящій переходъ изъ одного состоянія въ другое, изъ котораго образовалась фізіономія современнаго Парижа.

Произведя бѣглое обозрѣніе литературной, свѣтской, театральной, журнальной и бульварной жизни Парижа, А. Капюсъ указалъ, какое большое значеніе имѣли въ то время для дебютантовъ литературы бульваръ и кулисы. Конечно, въ то время въ Парижѣ было два теченія, двѣ партіи общества: правый и лѣвый берегъ Сены. Бульвары, кулисы, рестораны и клубы былъ удѣлъ праваго берега; для партіи же лѣваго берега существовалъ Латинскій кварталъ, Сорбонна, Collège de France и т. д., свои газеты, свои развлечения.

А. Капюсъ принадлежалъ къ правому берегу, и всѣ его воспоминанія относятся къ бульварному Парижу. Описывая жизнь молодого, начинающаго литератора того времени, лекторъ говоритъ, что литературный центръ и высшая точка литературной славы сосредоточивалась въ салонахъ, на бульварѣ и въ театрѣ. Молодые люди, окончившіе высшее образованіе, стремились къ литературной карьерѣ, и, какъ ихъ ни отговаривали родители, ихъ тянуло къ этой пропасти съ берегами, покрытыми красивыми цвѣтами,—бульвару. Въ настоящее время бульваръ лишь пустой звукъ, простое названіе мѣста сообщенія съ другими центрами Парижа—вотъ и все. Но въ тотъ періодъ времени бульваръ Haussmann

служилъ мѣстомъ прогулки парижанъ. Въ опредѣленные часы тамъ собирався литературный, журнальный, театральный, финансовый мѣръ и знаменитости дня. Но уже и тогда былъ замѣтенъ наплывъ иностранцевъ.

Молодого, начинающаго литератора вель на этотъ бульваръ его литературный воспреемникъ. А. Капюсъ проводитъ параллель между прежнимъ начинающимъ писателемъ и современнымъ. Конечно, перевѣсъ въ вопросѣ скромности и застѣчивости на сторонѣ прежняго поколѣнiя начинающихъ писателей. Молодого дебютанта, очутившагося среди свѣтилъ науки и литературы, сразу охватывала робость. «Ибо,—говоритъ Капюсъ,—я теперь хорошо даю себѣ отчетъ, что мы вступали въ жизнь на цыпочкахъ, дабы никого не побезпокоить. Даже обладавшiе чрезмѣрнымъ честолюбіемъ не осмѣливались проявлять его слишкомъ бурно, изъ боязни показаться смѣшными, или, вѣрнѣе, въ тотъ моментъ у насъ было смутное честолюбіе, и никто изъ насъ не могъ бы его ясно установить. Къ большинству изъ насъ честолюбіе пришло впоследствии».

Молодые писатели довольно безопасно относились къ жизни; жили со дня на день, безъ опредѣленнаго плана и настолько отличались отсутствіемъ порядка и предусмотрительности, что теперешніе молодые писатели содрогнулись бы. Мы переходили изъ газеты въ газету по своему капризу. То мы писали повѣсть, то статью, смотря по событіямъ и обстоятельствамъ. Они легко поддавались опьяченію гордости, за что, конечно, платились разочарованіемъ.

Изъ бульварныхъ кафе въ то время славился Тортони, и къ нему парижане ходили лакомиться мороженымъ, но главное,—пить абсентъ. Случайно въ этотъ модный кафе попалъ и молодой Капюсъ, гдѣ увидѣлъ одного изъ сотрудниковъ «Figaro», любопытнаго завсегдатая у Тортони. Это былъ Шабрилья, любовникъ извѣстной актрисы, начавшій свою карьеру репортеромъ на войнѣ и окончившій директоромъ театра. Онъ всегда шумно разговаривалъ и неизмѣнно рассказывалъ одни и тѣ же четыре анекдота. Одинъ изъ анекдотовъ относился къ походу 1870 года. Когда онъ хотѣлъ въ качествѣ корреспондента перейти линію и слѣдить по близости за сраженіемъ, то генераль Орель-де-Палладинъ воспротивился этому, и Шабрилья съ досады произнесъ угрозу: «Ну, хорошо, генераль, я ничего не скажу въ «Figaro» объ этомъ сраженіи». По два-три раза въ день онъ рисковалъ своей жизнью, чтобы не упустить ни одной подробности, и проявлялъ смѣсь отчаянности, фантази, отваги, ироніи и глупости—характерныхъ чертъ бульварной прессы 1880 года.

Господствующими бульварными газетами были «Figaro», «L'Evenement», «Gil Blas» и «Gaulois», и онѣ были, по словамъ Капюса, самыми блестящими и самыми парижскими. Ихъ издатели и редакторы были вліятельныя лица. Не проходило недѣли, чтобы не было дуэли или чтобы въ нихъ не напечатали чего-нибудь такого, что переходило изъ устъ въ уста между Madeleine и предмѣстьемъ Монмартръ, или не появлялось чего-нибудь сенсационнаго. Взоры начинающихъ литераторовъ жадно устремлялись на эти газеты, но сотрудничать въ нихъ удавалось съ большимъ трудомъ. А между тѣмъ эти газеты или открывали карьеру молодому литератору, или навсегда ее закрывали. Попастъ туда можно было или съ помощью интрижекъ, или по протекціи. Для литератора-дебютанта наступалъ рѣшительный моментъ въ жизни, когда

его представляли Артуру Мейеру, главному редактору «Gaulois». Эта газета и «Gil Blas» относились доброжелательно къ молодежи, среди которыхъ былъ Мопассанъ и еще нѣсколько писателей, впоследствии сдѣлавшихъ блестящую карьеру. Поэтому въ глазахъ начинающихъ литераторовъ главные редакторы этихъ газетъ представляли собою весь Парижъ, репутацію, состояніе и славу.

Чрезвычайно характерно произошло первое знакомство Капюса съ однимъ изъ этихъ господъ. Умеръ Дарвинъ, теоріей котораго восторгалась парижская учащаяся молодежь. Капюсъ, набравшись смѣлости, въ тотъ же день написалъ о немъ до наивности восторженную статью, которую отважился предложить въ «Gaulois».

Передавъ свою визитную карточку секретарю редактора, онъ объяснилъ ему цѣль визита. Черезъ нѣсколько минутъ они уже бесѣдовали. «Я позволилъ себѣ,—произнесъ, заикаясь, Капюсъ—написать статью о Дарвинѣ, который только что умеръ... Я думалъ, что у васъ, быть можетъ, ее пѣтъ...»—«Дарвинъ?» отвѣтилъ ему собесѣдникъ, какъ будто что-то припоминая. «Да, Дарвинъ,—отвѣтилъ Капюсъ:—Чарльзъ Дарвинъ...» Я хотѣлъ,—говоритъ онъ,—прибавить: авторъ «Происхожденія видовъ», но тотчасъ же понялъ, что не слѣдуетъ настаивать и что моему будущему сотруднику незнакомо это имя. На лѣвомъ берегу Сены знали о немъ, или въ серьезныхъ журналахъ «Temps» и «Débats», но въ 1885 году на бульварахъ имя Дарвина было однимъ изъ тѣхъ, которое наиболѣе рѣдко встрѣчалось въ разговорѣ. «Все-таки посмотримъ», продолжалъ редакторъ «Gaulois». И онъ принялся перелистывать статью. Потомъ сказалъ: «Не зайдете ли вы около полуночи. Я поговорю съ главнымъ редакторомъ г. Корнели».

Въ полночь Капюсъ былъ тамъ, и секретарь редактора принялъ его чрезвычайно любезно. «Должно быть,—замѣчаетъ А. Капюсъ,—въ этотъ промежутокъ времени онъ собралъ свѣдѣнія о Дарвинѣ». Онъ провелъ его къ Корнели, и тотъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ. Въ это время вошелъ очень изящный господинъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, держа въ одной рукѣ перчатки, а другой помахивая пачкой типографскихъ корректуръ. «Милый Мейеръ,—произнесъ Корнели:—вотъ молодой человекъ принесъ намъ статью о Дарвинѣ».

Видно было, что между десятью часами и полуночью Дарвинъ стяжалъ большую репутацію въ редакціи «Gaulois». Мейеръ взглянулъ на него особенно авторитетно и коротко отвѣтилъ: «Хорошо». Затѣмъ онъ любезно улыбнулся и прибавилъ: «Ваша статья пойдетъ въ завтрашнемъ номерѣ первой. Ожидайте корректуры». И, любезно улыбувшись, онъ далъ ему понять, что у него есть другія дѣла.

А. Капюсъ, задрожавшій отъ радости и изумленія, не зналъ, что отвѣтить. Мейеръ протянулъ ему руку, а Корнели ударилъ по плечу и проводилъ его. Онъ сталъ ожидать въ залѣ корректуры. Черезъ пять минутъ къ нему подошелъ молодой редакторъ «Gaulois» Альфредъ Эдваръ и вдругъ спросилъ, умѣетъ ли онъ играть въ бильбоке. На отрицательный отвѣтъ А. Капюса онъ строго замѣтилъ ему: «Надо выучиться». Исправивъ корректуру,

А. Капюсь ушелъ. На другое утро онъ съ нетерпѣніемъ развернулъ «Gaulois» и вмѣсто своей статьи увидѣлъ статью всѣхъ редакторовъ «Gaulois» по поводу ссоры Мейера и финансовой администраціи журнала. Дѣло скоро уладилось. Газета снова возстановилась, а этимъ временемъ А. Капюсь выучился играть въ бильбоке, и потому былъ принятъ сотрудникомъ «Gaulois».

Большинство художниковъ и писателей того времени проводили свое время, странствуя изъ залы редакціи за кулисы театра и изъ кафе—въ клубъ. Но Капюсь оговаривается, что, конечно, были люди серьезнѣе ихъ, а главное трудолюбивѣе, послѣдніе, конечно, принадлежали къ другой партіи, къ лѣвому берегу Сены: Латинскій кварталъ, Сорбонна, Collège de France презрительно относились къ легкомысленному существованію молодежи праваго берега. Этотъ контрастъ между двумя берегами вѣчно существовалъ, и Бальзакъ указалъ на него въ «Illusions perdues». Между этими двумя существованіями такая же разница, какъ между «Vie de Bohème» Мюрже и «Disciple» Поля Бурже. Въ литературной исторіи Парижа еще теперь существуетъ такая противоположность, и, конечно, въ 1880 году бульваръ не являлся олицетвореніемъ всего Парижа а представлялъ лишь центръ небольшой, но блестящей части парижскаго общества.

Безпечность, фатализмъ и всегда хорошее настроеніе мѣшали этой молодежи строить обширные планы, но въ то же время это оберегало ихъ отъ мелочности. Денежный вопросъ хотя, конечно, игралъ роль, но не такую, какъ въ настоящее время. Тогдашній литераторъ старался не выставлять своего положенія, чтобы его замѣчали. «Мы восторгались Барбье д'Орвилли и Жюлемъ Валлэ, едва зарабатывавшимъ себѣ пропитаніе, но ни минуты не сожалѣли ихъ, и когда намъ не хватало денегъ, мы не проклинали судьбу, а когда случайно намъ хорошо платили за статью, мы не гордились, зная по опыту, какъ непостоянны деньги.

Какъ легко опьяняло молодежь каждое похвальное слово, рассказываетъ Капюсь, приводя фактъ, касающійся лично его. Достаточно было ему услышать отъ Мейра, что князь Сага, завтракая у Виньонъ, сказалъ что-то объ его статьѣ, какъ молодой Капюсь совершенно опьянѣлъ отъ гордости. Но вскорѣ онъ долженъ былъ отрезвиться, когда въ началѣ сезона попросилъ у главнаго редактора прибавки. «Невозможно,—отвѣтилъ тотъ:—вѣдь вы пишете только юмористическія статьи, а юморъ будетъ не въ модѣ эту зиму». Дѣйствительно, и Капюсу было не до юмора въ ту зиму.

Въ этотъ періодъ времени дебютировало много молодыхъ писателей, и между прочимъ Марсель Прево и Морисъ Доннэ. Октавъ Мирбо, Эрвье, Гросклодъ и Капюсь разстались съ «Gaulois» и попробовали основать свой журналъ на деньги, которыя досталъ Мирбо. Этотъ журналъ они назвали «Les Grimaces»; но онъ просуществовалъ очень короткое время, издавъ лишь нѣсколько номеровъ. Октавъ Мирбо писалъ вездѣ понемногу и между прочимъ въ «Figaro».

Жизнь этой литературной богемы протекала между редакціей, театромъ и клубомъ, игравшимъ въ то время въ ихъ существованіи значительную роль. Парижъ того періода времени изобиловалъ кубами, и, чтобы попасть туда, стоило вручить визитную карточку лакею въ короткихъ штанахъ и шелко-

выхъ чулкахъ. Завтракъ въ этихъ клубахъ обходился въ четыре франка, но кредита не существовало. Люди дѣловые, финансисты завтракали тамъ въ одиннадцать часовъ, чтобы затѣмъ отправиться на биржу; бездѣльники, ложившіеся поздно и проводившіе ночи за бакарра, являлись въ половинѣ перваго или въ часъ. Во время завтрака ихъ разговоръ велся всегда на одну тему о картежной игрѣ.

Въ каждомъ клубѣ имѣлся любопытный типъ «commandant». Обыкновенно это былъ круглый, жизнерадостный человѣкъ, украшенный орденомъ Почетнаго Легіона или какимъ-нибудь другимъ, имѣвшимъ съ нимъ сходство издали. Обязанность этого «commandant» состояла въ томъ, что онъ всегда бывалъ свидѣтелемъ при дуэляхъ, и только по этой причинѣ его называли «commandant». Кромѣ него, при клубѣ состояли еще двѣ личности: врачъ и судья. Первый перевязывалъ раны у раненыхъ участниковъ дуэли, а второй былъ необходимъ, когда въ дѣло дуэли вмѣшивалось правосудіе. Все это было весело и отчасти цинично, замѣчаетъ Кълюсь, и хотя эти клубы не были игорными вертепами, но все-таки тамъ происходили скандальчики и аресты шулеровъ.

Но если было такъ легко попасть въ клубы, то проникнуть въ театры того времени представлялось задачей нелегкой. Тамъ царилъ тоже интересный человѣкъ, нѣсколько вульгарный, но очень способный, который превосходно руководилъ парижской жизнью. Это былъ Викторъ Кониингъ, управлявшій театромъ «Gymnase». Онъ вполне властвовалъ надъ актерами и авторами, и на его счетъ сложилось выраженіе: «заказать пьесу». Онъ заказывалъ автору пьесу и тому ничего болѣе не оставалось, какъ написать ее. Авторы безпрекословно писали такія пьесы, и онѣ выходили хорошія, или, по крайней мѣрѣ, имѣли успѣхъ, а для Кониинга только это и требовалось.

Однажды А. Кълюсь встрѣтилъ его въ своей редакціи, гдѣ у Кониинга было много пріятелей, и получилъ отъ него подобный заказъ. Молодой писатель уже мечталъ, что его будущность обезпечена, и въ тотъ же вечеръ принялся за работу. Но когда онъ показалъ Кониингу уже написанныя сцены, тотъ ихъ забраковалъ и посоветовалъ взять себѣ сотрудника. Но Кълюсь не нашелъ желающаго «заняться его воспитаніемъ» и на время отказался отъ театра, считавшагося въ 1885 году священнымъ мѣстомъ, куда не легко было проникнуть дебютанту-автору. Это священное мѣсто день и ночь оберегалось отъ кощунства, а кощунствомъ считалось поползновеніе романиста-журналиста или поэта позволить себѣ написать пьесу не по правиламъ искусства. Если такой несчастный рисковалъ это сдѣлать, то надо было видѣть, съ какимъ единодушіемъ вся критика посылала его въ школу.

Положеніе актеровъ того времени было иное, чѣмъ теперь. Пробраться за кулисы театровъ «Gymnase», «Vaudeville», «Variété», «Palais Royal» первому встрѣчному было совершенно невозможно. Для этого надо было родиться парижаниномъ или явиться съ парижаниномъ. Между кулисами и публикой находилась преграда, которая теперь уничтожилась.

Существованіе актрисъ было завидное и блестящее, даже болѣе блестяще, чѣмъ теперь, когда этой преграды не стало, но онѣ находились въ особыхъ условіяхъ.

Было событіемъ, если свѣтская женщина, подь какимъ-нибудь предлогомъ, посѣщала актрису или принимала ее у себя. Эти посѣщенія обставлялись особыми предосторожностями. Теперь кулисы липились своей таинственності, и актриса принимаетъ въ своей уборной, какъ въ салонѣ.

Въ періодъ времени 1880—1885 гг. парижане лихорадочно спекулировали на биржѣ. Вся бульварная богема, журналисты, актеры, клубмены, буржуазія и финансисты неистово бросились въ игру. Люди, накануне не знавшіе, гдѣ найти одинъ золотой, тонувшіе въ долгахъ, стали вносить по десяти тысячъ въ банкъ. Театральныя фигурантки, у которыхъ были любовниками биржевики, вдругъ обзавелись отелями. Получалось впечатлѣніе, какъ будто весь міръ выигралъ и нѣтъ проигравшаго. Нѣкоторые уголки Парижа походили на Калифорнію, когда тамъ открывали золотыя руды. Со всѣхъ концовъ земли появились люди собирать это золото. Всѣ испытывали горячую потребность наслажденій, удовольствій и безопасно относились къ завтрашнему дню. И вдругъ однажды, въ двѣнадцать часовъ дня началась катастрофа, крахъ *Union général*. Получалось впечатлѣніе, какъ будто землетрясеніе прервало большой пиръ. Этотъ крахъ былъ капитальной датой въ исторіи этой эпохи. Парижъ имперіи и первыхъ годовъ республики былъ перевернуть вверхъ дномъ, и тамъ появились широкія брешы, черезъ которыя началось вторженіе денежнаго космополитизма и стала появляться физиономія современнаго Парижа.

Лекторъ этимъ закончилъ свою конференцію, воздержавшись высказать далѣе свой взглядъ.

— Французскій критикъ о современной русской музыкѣ.—Слишкомъ много похвалъ слышали русскіе о своемъ искусствѣ въ области танцевъ, чтобы не замѣтить нѣсколько ироническаго оттѣнка во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ критиковъ о русской музыкѣ. Къ послѣднимъ можно отнести Мориса Тушара, со свойственнымъ французамъ остроуміемъ, отчасти пристрастіемъ высказавшаго въ «*Nouvelle Revue*» свое мнѣніе о современной русской музыкѣ и о современныхъ композиторахъ. Главнымъ образомъ его заинтересовалъ Ребиковъ, «чемпіонъ русскаго искусства въ Россіи».

Онъ говоритъ, что со временъ Глинки русская музыка прошла черезъ многія перевоплощенія. Проснувшееся національное чувство заставило ее на время чудно и эфемерно расцвѣсть. Но дочь степей застыдилась своего наряда, сбросила кокошникъ, отказалась отъ блестящей, нѣсколько варварской мишуры, которая шла къ ея дикой, гибкой юности, и нарядилась по-европейски—по-нѣмцки. Любопытно, что сигналъ къ этой перемѣнѣ подали Балакиревъ и Корсаковъ, значительно омѣщанившіеся на закатѣ дней.

Тушаръ находитъ, что такое возвращеніе къ *Deutsche Kultur* часто идетъ въ шагъ съ самой тусклой безличностію, и въ перемѣнѣ вкуса русскихъ произошло то же. На безпѣтномъ фонѣ, который составляютъ «лейпцигскіе сообщники» кое-гдѣ, однако, отмѣчаются Тушаромъ нѣкоторые молодые русскіе композиторы съ индивидуальнымъ складомъ ума и своеобразной личностію. Среди нихъ онъ выдѣляетъ Ляпунова, Василенко, Стравинскаго и Ребикова.

¹⁾ Le Modernisme musical en Russie. Par M. Touchar. «*Revue*». 13 mars 1913.

Ляпунова онъ называетъ почтеннымъ хранителемъ традицій Корсакова. Онъ говоритъ, что и здѣсь выдѣляютъ Василенка и Стравинскаго за ихъ усвоеніе нашихъ новѣйшихъ гармоническихъ приемовъ и ослѣпительное мастерство. Хотя менѣе блестящій, менѣе искусный, чѣмъ первые, Ребиковъ, однако, выдѣляется наибольшей оригинальностью. Въ немъ нѣтъ «красоты», но есть «красивое»—качество чисто французское. Онъ, по мнѣнію Тушара, прежде всего—импровизаторъ; ему не хватаетъ силы; блескъ, шумъ его оскорбляетъ. Онъ заключается въ полумракъ души, въ сумракъ чувствъ. Утонченно-чувствительный, надѣленный особеннымъ чувствомъ гармоніи, мелодистъ слабый, но порою превосходный, Ребиковъ любитъ картинки, растушеванныя красками, меланхолическія, таинственныя, странныя или фантастическія. Въ его вдохновеніи какая-то неоконченная прелесть, она вызываетъ начало счастья, не имѣющаго будущаго, пріятное или раздирающее сердце впечатлѣніе, остановленное на пути, порывъ души, отрывокъ красоты похищенной и исчезающей мечты. Въ этихъ вдохновеніяхъ плачь неизлечимаго сплина, и хотя въ его изложеніяхъ рѣдко встрѣчается специфически-русскій характеръ, но эта насталогія поднимается со дна его расы. Онъ еще воспѣваетъ природу, спокойныя сельскіе уголки на закатѣ дня, въ тотъ часъ, когда пейзажи прежде, чѣмъ исчезнуть среди ночи, во всемъ своемъ виѣшнемъ нарядѣ настоящая музыка глазъ. И эти коротенькіе наброски для фортепіано, его лучшій багажъ, составляютъ микрокосмъ, искусство маріонетокъ (его Силуэты, ор. 31), мѣстами нѣсколько забавное, но почти всегда по смыслу утонченное. Это, такъ сказать, звучное отраженіе тѣхъ тысячъ бездѣлицъ, тѣхъ исчезающихъ оттѣнковъ, изъ которыхъ соткана жизнь души. Всѣмъ этимъ даннымъ соответствуетъ нѣсколько сложный, тревожный, пытливый умъ Ребикова.

«За послѣдній вѣкъ,—говоритъ Тушаръ,—съ музыкой происходили странныя метаморфозы, но русскіе долго не подчинялись этимъ странностямъ. Они заимствовали у Листа форму симфонической поэмы и ограничивались тѣмъ, что вливали въ нея свое личное вдохновеніе. Только Мусоргскій со смѣлостью генія попробовалъ комментировать серію картинъ». Но эта зараза съ Запада распространилась, по словамъ Тушара, и на русскую молодежь, и они были склонны поработить музыку отвлеченностямъ. Это явленіе становится очевидно въ симфоніяхъ Скрябина и, въ болѣе узкой рамкѣ, въ произведеніяхъ Ребикова.

Тушаръ обрушивается на Ребикова за его склонность къ «*poesie verbale*», къ комментаріямъ. Въмѣсто того, чтобы предложить свое произведеніе просто, онъ выставляетъ сбоку «чичероне—фразера». Выражаетъ ли онъ какое-нибудь душевное движеніе, онъ тотчасъ же помпезно выставляетъ: «музыкально-психологическая картина». Отъ этого литературнаго паразитизма музыка рискуетъ быть парализована; но зато онъ одобряетъ Ребикова за переложеніе на музыку басенъ Крылова, находя ихъ благодарнымъ матеріаломъ для артиста.

Онъ удивляется, что Ребиковъ не рискуетъ писать для сцены, но для сцены не достаточно поэтической красоты и присущихъ ему качествъ, это аксессуарныя достоинства, а для театра надо кое-что другое.

Упомянувъ о произведеніяхъ Ребикова, Тушаръ называетъ его «Грозу» отвратительнымъ, вульгарнымъ наброскомъ юности, «Рождественскую елку»

милой и нѣжной фееріей, «Милу и Ноли»—красивой вещью. Но самой изящной онъ называетъ «Теа», гдѣ вторая картина, сцена оболъщенія, удачно исполнена.

— Смѣхъ у восточныхъ національностей.—Война турокъ и славянъ выдвинула эти націи настолько впередъ, что иностранные журналы наперерывъ помѣщаютъ о нихъ статьи. Среди серьезныхъ статей попадаются забавныя, и къ послѣднимъ относится статья въ февральской книгѣ «Nouvelle Revue». Авторъ ея, Марилій Марковичъ, живо и остроумно рассказываетъ о традиціонныхъ народныхъ забавахъ турокъ и приводитъ нѣкоторыя турецкіе и персидскіе анекдоты. У европейцевъ сложилось мнѣніе, что турки народъ безстрастный и степенный, не умѣющий смѣяться. А между тѣмъ въ Турціи также раздается смѣхъ и въ гаремахъ и на публичныхъ площадяхъ. Особенно слышенъ веселый смѣхъ по вечерамъ во время праздниковъ рамазана и байрама, когда въ маленькихъ кофейняхъ собираются бездѣльники, иностранцы и путешественники. Конечно, между шутками европейцевъ и восточныхъ людей большая разница. Турецкое веселье еще въ томъ періодѣ, когда источникъ смѣха довольно грубъ, шутки непристойны, рассказы неприличны и сопровождаются безстыдными жестами. Но среди остротъ попадаются чрезвычайно остроумныя. Турки любятъ выпучивать своихъ духовныхъ лицъ, и на ихъ счетъ сложилось немало анекдотовъ.

Однажды утромъ кто-то увидѣлъ бѣгущаго въ деревню муэдзина.—«Куда ты такъ бѣжишь?» спрашиваетъ первый.—«Я хочу узнать,—отвѣчалъ тотъ, не останавливаясь,—до какого мѣста вѣрующіе могутъ слышать мой голосъ».

Другой анекдотъ про священника, живущаго въ домѣ, гдѣ крыша безпрестанно трещала. Къ нему пришелъ хозяинъ дома получить уплату за квартиру.—«Вели починить крышу, потому что она кричитъ», отвѣтилъ онъ.—«Не бойся,—сказалъ хозяинъ,—она поетъ хвалу Богу».—«Возможно,—отвѣчалъ священникъ:—но я боюсь, какъ бы въ одинъ прекрасный день отъ умиленія она не распростерлась бы надо мною».

У турокъ, какъ у европейскихъ народовъ, есть свой «Петрушка»—это Карагецъ (черный глазъ) и Ходжа Насаръ-Эддинъ. Первый напоминаетъ французскаго Гиньоля, второй—Калино.

Карагецъ извѣстенъ также въ Алжирѣ, а особенно въ Тунисѣ и Египтѣ, гдѣ его знаютъ подъ именемъ Каракуша. Здѣсь его до грубости безстыдныя шутки и наглость соперничаютъ съ его идиотизмомъ; онъ соединяетъ въ своей особѣ Нассръ-Эддина и Карагеца. Это кукла изъ картона, фигура которой отражается на бѣломъ полотняномъ экранѣ. Въ Турціи Карагецъ—излюбленная забава. Это безстыдникъ, развратникъ, лицемеръ и воръ, національный типъ, вырванный изъ вульгарной жизни. Онъ грабитъ чужое имущество, соблазняетъ и развращаетъ жену сосѣда, щедръ на палочные удары и при надобности прикидывается набожнымъ. У него есть помощникъ Худживаттъ, его хитрый сообщникъ, на котораго въ награду за услуги сыплется градъ палочныхъ ударовъ. Нѣтъ такой продѣлки, на какую не рѣшились бы оба плута и не добились бы успѣха. Какъ два болида, они влетаютъ въ суматоху

мусульманской жизни, и одинъ дьяволъ знаетъ, что изъ этого выходитъ. «Столько же уважая Коранъ, какъ индюшка каштаны,—говоритъ авторъ,—они и забавляются надъ омовеніемъ, а молитвенный коврикъ служить имъ скатертью для пиршества. Но только стойтъ показаться на горизонтъ нескромному глазу, какъ оба сообщника принимаютъ личину набожности».

Они, какъ и русскій Петрушка, испытываютъ наслажденіе тузить полицейскаго, изображеннаго тамъ баши-бузукомъ, воромъ, головорѣзомъ, котораго боялись какъ турки, такъ и христіане, проживавшіе въ Турціи. Но вотъ Карагецъ превращается въ защитника невинныхъ. Напрасно баши-бузукъ раздражается угрозами и проклятіями, онъ все-таки въ концѣ концовъ дѣлается жертвой надувательства Карагеца, къ большой радости зрителей.

Турецкія марионетки, по предположенію автора, вѣроятно, были завезены изъ Эллады въ отдаленные вѣка и вернулись съ побѣдителемъ на родину, да тамъ и остались. Только персонажи въ Греціи измѣнены въ мѣстные, напримеръ, въ «Румельота», нѣчто вродѣ современнаго беотійца, «Еврея», всегда изворотливаго и извлекающаго выгоду изъ всякаго рода смуть, и Цантіоти, щеголя, распѣвающаго серенады.

Если вѣрить легендѣ, такая личность существовала: это былъ визирь эпохи Саладина, человекъ честный, но нѣсколько странный; уѣзжая на войну, султанъ поручилъ одному изъ своихъ сыновей слѣдить за нимъ. Когда Саладинъ одинъ годъ не принялъ мѣръ для наблюденія за нимъ, то визирь надѣлалъ всякаго рода эксцентричностей, которыя создали легенды и остались памятны въ Египтѣ. По другимъ свѣдѣніямъ, Каракушъ былъ армянскій евнухъ, фаворитъ Саладина, и калифъ выслалъ его противъ крестоносцевъ, которые произвели атаку Сень-Жаннъ-д'Акра. Слѣды этого разсказа находятся также въ исторіи крестоносцевъ.

У персовъ также есть свой Петрушка Палхаванъ-Кетчель; но онъ отличается отъ турецкаго. Это чисто національный иранскій типъ. Онъ далекъ отъ тяжелой грубой шутки турецкаго Карагеца. Дипломатъ, не щепетильный на выборъ средствъ для достиженія цѣли, Палхаванъ-Кетчель, благодаря своей ловкости, имѣетъ успѣхъ тамъ, гдѣ Карагецъ прибѣгаетъ къ дубинѣ. Ловкій, увертливый, онъ неуловимъ и съ большой любезностью избавляется отъ мѣшающихъ ему людей.

Тонкій знатокъ литературы, Палхаванъ-Кетчель знаетъ персидскихъ поэтовъ, какъ свои пять пальцевъ, и обольщаетъ женщинъ объясненіями въ любви въ стихахъ, производя страшныя опустошенія въ гаремахъ. Онъ основательно знаетъ священные тексты: суратъ, хадисъ и пересыпаетъ ими свои рѣчи. Благодаря этому, онъ пользуется благоволеніемъ духовенства, грабитъ ихъ такъ ловко, что кажется самъ жертвой.

Персидскій «петрушка» изображаетъ угнетенный народъ, болѣе развитой, чѣмъ угнетатели, говоритъ авторъ, и потому онъ сопротивляется хитростью. Такія условія существованія переродили качества персидскаго народа въ недостатки. Онъ покорилъ своихъ побѣдителей грековъ, арабовъ, монголовъ и турокъ.

Палхаванъ-Кетчель облюбовалъ сею жену ахунда (главы духовенства) и сколько разъ признавался ей въ любви. Но какъ къ ней попасть? Однажды утромъ онъ пришелъ къ ея мужу въ одеждѣ муллы и прикинулся набожнымъ мусульманиномъ. Онъ закатывалъ къ небу глаза, такъ и сыпалъ священными текстами и, наконецъ, придумалъ исторію, что онъ пришелъ изъ Испагани проповѣдывать на праздникъ рамазанъ, но, наслышавъ о святости ахунда, сначала пришелъ къ нему. Это польстило послѣднему, и онъ отвѣчалъ ему тоже любезностями. Сначала тема ихъ бесѣды была священная, но потомъ Палхаванъ-Кетчель ловко перевелъ ее на другой предметъ, и они оживились, развеселились, начали пѣть, танцовать и пить. Пили они до тѣхъ поръ, пока менѣе привычный ахундъ не скатился на коверъ. Это было какъ разъ во время: прекрасная Цень приподняла портьеру и появилась предъ влюбленными глазами Палхаванъ-Кетчеля. Когда несчастный ахундъ отрезвился и со стыдомъ смущенно взглянулъ на своего гостя, то увидѣлъ его набожно сидѣвшимъ возлѣ.

Не менѣе популярна въ Турціи и другая комичная личность Ходжа-Насръ-Эдинъ. Насръ-Эдинъ — кристаллизація мусульманскаго ума. Никто его никогда не видѣлъ, но все говорятъ о немъ, какъ о реальной личности. Онъ гуляетъ по базару, сидитъ на порогахъ лавокъ, проникаетъ въ самые замкнутые дома. Все его знаютъ въ лицо, и онъ ведетъ особый мнѣстическій образъ жизни.

Его остроты на устахъ каждаго, и ему приписываютъ безпрестанно новыя. Обычной темой его шутокъ служить его жена, его осель, быкъ, студенты и кади (судьи), даже его собственная глупость. Однажды Ходжа потерялъ свою душу, и одинъ человѣкъ, услышавъ, какъ онъ благодарилъ за это Бога, замѣтилъ:— «О, Ходжа, какъ можешь ты возносить хвалу Богу за то, что потерялъ твою душу!»—«О, невѣжда, —отвѣтилъ онъ:—если бы Богъ допустилъ, чтобы я былъ на моей душѣ, то теперь я потерялся бы, какъ она!»

Онъ умѣлъ пользоваться своей наивностью ради своей выгоды. Однажды онъ занялъ у сосѣда большой котелъ. Когда онъ былъ ему болѣе не нуженъ, то Ходжа возвратилъ его владѣльцу, прибавивъ маленькую кастрюлю. —«Это что значить?» спросилъ сосѣдъ. «Котелъ сегодня ночью разрѣшился младенцемъ», объяснилъ Ходжа. Нѣсколько дней спустя, онъ опять попросилъ у сосѣда одолжить ему котелъ. На этотъ разъ Ходжа не возвратилъ ему котла и, когда сосѣд постучался къ нему, то услышалъ, какъ Ходжа читалъ суратъ-фалехъ (молитва объ упокоеніи души), «Верни мнѣ котелъ». —«Увы, —отвѣтилъ Ходжа, —твой котелъ скончался: мы похоронили его въ саду, и ты видишь, я читаю по немъ молитвы». —«Клянусь Аллахомъ, котелъ не можетъ умереть». —«Почему же не можетъ? Могъ же онъ имѣть ребенка».

Ходжа умѣлъ прикрыть свою лѣность какой-нибудь уловкой, а также и свое невѣжество. Однажды онъ поднялся на каѣдру проповѣдывать, но онъ или не умѣлъ сказать проповѣди, или залѣнился, а потому, обратясь къ народу, произнесъ: «О, мусульмане! знаете ли, о чемъ я хочу поговорить?»—«Да, отвѣчали они все вмѣстѣ: мы знаемъ». —«Тогда чему же васъ учить?» отвѣтилъ Ходжа, сходя съ каѣдры. Тогда кто-то предложилъ отвѣтить ему, когда онъ возвратится: «мы знаемъ!» а другіе: «мы не знаемъ!» Когда Ходжа опять поднялся на каѣдру и началъ проповѣдь съ той же фразы: «О, братья, знаете ли вы, о чемъ

я хочу поговорить, то одни отвѣчали: «Среди насъ одни это знаютъ, другіе не знаютъ». — «Тогда, — возразилъ Ходжа, — пусть тѣ, которые знаютъ, сообщать другимъ».

Ходжа былъ и судьбою, по правосудіе его отличалось невѣжественнымъ незнаніемъ и неожиданными приговорами. Вотъ предъ нимъ предстали два тяжущихся. «Этотъ человѣкъ — сказалъ одинъ, — откусилъ мнѣ ухо». «Неправда — отвѣтилъ обвиняемый: — онъ самъ себя откусилъ его. — «Выйдите на минуту, — произнесъ Ходжа. — Я просмотрю дѣло».

Тяжущіеся повиновались, и вотъ нашъ кади сталъ пробовать захватить себя за ухо и укусить его. Во время этой операціи онъ упалъ и ушибъ себя голову. Оба тяжущіеся не замедлили возобновить ссору. Тогда Ходжа воскликнулъ: «Знайте, тяжущіеся, что человѣкъ не только можетъ укусить себя ухо, но, дѣлая это, онъ можетъ упасть и ушибить голову».

Недостатки Ходжа-Насръ-Эддина не умаляютъ его популярности. Если вѣрить персамъ, говоритъ Марковичъ, то Ходжа принадлежитъ имъ и даже похороненъ въ Тавризѣ. Насколько онъ былъ въ жизни шутникомъ, настолько и послѣ смерти онъ пошутилъ надъ народомъ: его могила состоитъ изъ громадной двери съ большимъ засовомъ, которая охраняетъ пустое мѣсто безъ стѣнъ.

— *Athenum* о новой книгѣ, касающейся Россіи. — За послѣднее время въ Лондонѣ вышло нѣсколько книгъ о Сибири и между ними книга Ф. Прайса «Siberia»¹⁾, интересная, прекрасно изданная съ географическими картами Сибири и иллюстраціями. Авторъ подробно разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ положеніе Сибири и между прочимъ находитъ, что ея процвѣтанію много мѣшаютъ условія, въ какихъ находится русская промышленность.

По его словамъ, заграничнымъ предпріятіямъ трудно развиваться въ Россіи: стѣснительныя ограниченія отбиваютъ всякую охоту у иностранцевъ предпринимать дѣла въ Россіи. Онъ подробно излагаетъ эти обстоятельства. Собственно говоря, иностранная торговля въ Сибири не такъ стѣснена, но высокой тарифъ дѣлаетъ невозможнымъ соперничество съ русскими фирмами.

Авторъ не совѣтуетъ предпринимать дѣла въ Сибири, не зная русскаго языка и не изучивъ на мѣстѣ условій торговли съ сибиряками. При этомъ онъ указываетъ на разницу англійскихъ и русскихъ торговыхъ обычаевъ. Въ Англіи за товаръ платятъ золотой монетой, но этотъ обычай англійскихъ купцовъ непримѣнимъ въ Сибири, гдѣ на чистыя деньги крестьяне не могутъ покупать товаръ за неимѣніемъ денегъ и для нихъ необходимо завести кредитъ. Такимъ образомъ успѣшной торговли съ Сибирью можно добиться, только комбинируя ввозъ товаровъ и вывозъ и часть уплаты за проданный сибирякамъ товаръ принимая товарами. Многіе изъ сибирскихъ продуктовъ такимъ путемъ идутъ за границу. Однако главный продуктъ Сибири, молочный, большею частью вывозятъ шведскія и нѣмецкія фирмы.

Сибирскій желѣзнодорожный путь Прайсъ находитъ, безъ сомнѣнія, единственнымъ первымъ шагомъ, сдѣланнымъ для открытія страны и ея развитія.

¹⁾ Siberia. «The Athenum». Jun. 18, 1913.

Другой путь проектируется, главнымъ образомъ, въ западной Сибири, который естественно съ перваго же момента его существованія будетъ эксплуатировать ближайшая къ нему Европа. Если осуществится гениальный планъ капитановъ Вебстера и Уиггинса относительно водяного сообщенія чрезъ Ледовитый океанъ и рѣку Енисей, то центральная Сибирь съ ея широкой площадью Сибирской желѣзной дороги—сильно разовьется. Но все-таки главная помѣха для заграничной торговли останется въ высококомъ тарифѣ, и ввозъ товаровъ обойдется жителямъ слишкомъ дорого. Прайсъ винить во всемъ московскихъ промышленниковъ, ихъ интересъ, по его словамъ, диаметрально противоположенъ выгодамъ сибиряковъ. А между тѣмъ отъ этого страдаютъ также азіатскія провинціи. Въ настоящее время по Сибирскому пути можно было бы посылать въ Сибирь дешевыя машины и обратно получать грузы зерна и строевого лѣса, и это было бы выгодно для Сибирскаго пути.

Большая глава посвящена Монголіи при настоящихъ условіяхъ. Въ общемъ Сибирь произвела на Прайса впечатлѣніе, что Россія съ ея провинціями богатѣйшая страна въ свѣтѣ. Эти нетронутыя богатства ожидаютъ, чтобы кто-нибудь пришелъ и собралъ ихъ. Авторъ составилъ себѣ понятіе о Россіи, какъ о странѣ, гдѣ вѣками господствовало и господствуетъ правило—расширеніе и единство Россіи, и, несомнѣнно, москвичи выказываютъ неукротимую энергію въ достиженіи намѣченной цѣли и большую предусмотрительность въ ея преслѣдованіи, но неспособность нѣкоторыхъ бюрократовъ, имѣющихъ дѣло съ такой обширной имперіей, слишкомъ очевидна.

— Н о в а я б і о г р а ф і я К а н о в ы ¹⁾. Жизнь возродителя древняго мѣта даетъ біографу не много фактическаго, зато много эстетическаго матеріала. Какъ извѣстно, талантъ Кановы былъ открытъ совершенно случайно. На виллѣ венеціанскаго патриція Фальеро было какое-то празднество, на которое хозяинъ пригласилъ множество гостей. За ужиномъ, ко всеобщему удивленію, на столъ былъ поданъ великолѣпно изваянный изъ масла символъ Венеціи—крылатый левъ. «Я не зналъ, что мой поваръ такой художникъ!»—воскликнулъ хозяинъ и велѣлъ позвать повара. Но тотъ отклонилъ отъ себя посыпавшіяся было на него похвалы: «Это дѣлалъ не я, а Антоніо, сынъ недавно умершаго каменотеса изъ близлежащей деревни Пассаньо», отвѣтилъ онъ. Привели маленькаго Тоніо. Дрожа и краснѣя, вошелъ онъ въ залъ, наполненный нарядными гостями. Венеціанскій аристократъ, вспомнивъ славныя традиціи, понялъ, къ чему обязываетъ его этотъ случай. До сего времени дѣдъ, на попеченіи котораго остался Тоніо, побоями удерживалъ его отъ скульптуры, желая, чтобы мальчикъ наслѣдовалъ профессію своего отца. Теперь для него нанятъ былъ учитель Торветти, и шестнадцати лѣтъ онъ ушелъ такъ далеко, что Фальеро заказалъ ему цѣлую мраморную группу, изображающую Орфея и Эвридику въ тотъ самый моментъ, когда Орфей, оглянувшись, вопреки запрещенію, вторично теряетъ и уже навсегда свою подругу.

Эту работу будущій гениальный художникъ рѣшилъ исполнить въ своей идиллической деревнѣ. Но какъ сдѣлать группу безъ модели? Для Орфея

¹⁾ V. Malamani. Antonio Canova. La vita e le opere. Milano, 1912.

онъ легко нашелъ молодого красавца. И въ красавицахъ недостатка не было, но кто изъ нихъ согласится предстать передъ артистомъ въ состояніи классической наготы? Но и это затрудненіе было побѣждено. Сверстница Антоніо, Елизавета Біази—такая модель, лучше которой и быть не можетъ. Она уже условилась съ Кановой, готова позировать, но дѣдъ художника тутъ какъ тутъ. Онъ противъ такого «безобразія», зоветъ къ себѣ на помощь сельскаго священника—образумить молодого ваятеля. Сговорились наконецъ на томъ, что на сеансахъ всегда будутъ присутствовать двое постороннихъ—одинъ изъ родственниковъ Біази и другъ Кановы, нѣкто д'Эсте. Съ молодой дѣвушкой, на которую будутъ смотрѣть шесть паръ глазъ, сочли ненужнымъ считаться.

Несмотря, однако, на принятые предосторожности, присутствіе прекрасной модели дѣйствовало на молодую южную кровь Кановы такъ сильно, что для избавленія отъ соблазновъ онъ прикрѣпилъ къ скамейкѣ, на которой стояла Біази, мрачную надпись: «Memento mori».

Группа, до сихъ поръ находящаяся во дворцѣ Фальеро, въ Венеціи, удалась на славу, и это было началомъ блестящей артистической карьеры Кановы. Его наперерывъ приглашаютъ къ себѣ замѣчательнѣйшіе монархи того времени: императрица Екатерина зоветъ его въ Россію, императоръ Францъ приглашаетъ въ Вѣну, Наполеонъ въ Парижъ. Но ни почести, ни богатства не по душѣ этому дивному художнику. Онъ отклоняетъ предложенное ему Наполеономъ званіе сенатора и пенсію. Подолгу бесѣдуя съ завоевателемъ въ Фонтенебло, онъ потомъ набрасывалъ на память его портретъ. Ничего не добиваясь, Канова умѣлъ и ничего не бояться. Ревностный католикъ и сторонникъ обиженнаго Наполеономъ папы, онъ смѣло касался этой щекотливой темы, отстаивая интересы римскаго первосвященника передъ всесильнымъ императоромъ. «Я не просто императоръ, я преемникъ Карла Великаго, и папы должны сообразоваться съ моей волей», возражалъ ему Наполеонъ, сидя за завтракомъ съ Маріей-Луизой. «Однако, когда вы закроете глаза, легко можетъ явиться противникъ, который за дѣло папы пойдетъ противъ вашего наслѣдника», смѣло отвѣчалъ стоявшій въ сторонѣ артистъ.

Однако до конца жизни Кановѣ не удалось видѣть торжества его католическихъ идей. Онъ умеръ въ 1822 году, въ Венеціи, оставивъ послѣ себя яркій слѣдъ въ исторіи новѣйшаго искусства. Его значеніе состоитъ въ томъ, что въ вѣкъ париковъ, мушекъ, пастушекъ и всякихъ неестественныхъ вычурностей онъ смѣло вернулся къ величавой простотѣ древнихъ классиковъ и къ внутренней гармоніи ихъ художественныхъ композицій.

Произведеній Кановы очень много. Они разсѣяны по всему свѣту. Россія обладаетъ слѣдующими: группа въ память Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ), «Танцующая дѣвушка», «Парисъ», «Амуръ и Психея» въ Эрмитажѣ. Повтореніе послѣдней группы составляетъ родовую собственность князей Юсуповыхъ.

— П а л е-Р о я л ь и е г о и с т о р і я ¹⁾.—Среди безчисленныхъ историческихъ достопримѣчательностей Парижа одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ

¹⁾ Le Temps. 1913, № 18876.

знаменитый королевский дворец — Пале-Рояль, огромное четырехугольное здание с обширным садом внутри. Нижний этаж этого здания со стороны внутреннего сада чрезвычайно напоминает собою гостинный дворъ в Петербургѣ. Онъ также состоитъ изъ сквозной галереи и также весь занятъ магазинами, торгующими главнымъ образомъ разными бездѣлушками, такъ называемыми «articles de Paris».

Пале-Рояль необычайно богатъ всякими историческими воспоминаніями: онъ былъ мѣстомъ важнѣйшихъ событій въ теченіе двухъ самыхъ бурныхъ вѣковъ французской исторіи, черезъ него, можно сказать, прошли двѣ цивилизации, и каждая изъ нихъ оставила на немъ неизгладимые слѣды.

Возникновеніе его связано съ именемъ великаго Ришелье. Кардиналъ жилъ въ своемъ небольшомъ домѣ на Королевской площади, когда въ 1624 году Людовикъ XIII призвалъ его въ свой Великій совѣтъ. Нужно было переѣхать поближе къ тогдашнему королевскому дворцу—Лувру. Съ этой цѣлью кардиналъ купилъ въ концѣ улицы Сентъ-Оноре обветшавшій, но когда-то гремяшій среди французскихъ литературныхъ салоновъ отель Рамбулье. Нѣкая вдова, Анна-де-Бовилье, во владѣніе котораго перешелъ отель, сдѣлала на этой продажѣ хорошее дѣло: купивъ домъ Рамбулье въ 1606 году за 34,00 ливровъ, она продала его Ришелье за 90,000 ливровъ, зная, что кардиналъ платилъ хорошо за все, что ему хотѣлось приобрести.

Ставъ хозяиномъ бывшаго отеля Рамбулье, кардиналъ Ришелье немедленно приказалъ прежде всего снести его съ лица земли. Затѣмъ былъ приглашенъ знаменитый архитекторъ того времени Жакъ Лемерсье, которому и было поручено выстроить для кардинала на выровненномъ участкѣ новый дворецъ. Лемерсье воздвигъ главный корпусъ дворца, который надолго и получилъ названіе дворца кардинала—Palais-Cardinal. Отъ этой древнѣйшей части зданія въ настоящее время уцѣлѣла лишь такъ называемая галерея des Proues.

Ришелье любилъ строить, и его новый дворецъ быстро расширялся. Кардиналъ постоянно торопилъ Лемерсье, который старался превзойти самого себя. Рассказывали, какъ о чудесахъ архитектурнаго искусства и смѣлыхъ замысловъ, о деревянномъ перекрытіи, которое онъ устроилъ надъ зрительнымъ заломъ театра по совершенно новой системѣ.

Театръ Пале-Рояль былъ первымъ постояннымъ театромъ во Франціи. Въ немъ могло помѣститься до пятисотъ человекъ. Онъ былъ открытъ зимою 1635 года любопытнымъ спектаклемъ, который кардиналъ устроилъ въ честь дочери герцога Орлеанскаго. Былъ поставленъ небольшой балетъ мифологическаго содержанія въ обычномъ тогда итальянскомъ вкусѣ. «Въ немъ между прочимъ была сцена,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ:—когда дѣйствующія лица появлялись съ клѣтками, въ которыхъ были заперты птицы. Ихъ выпускали на волю, и онѣ летали по всему зрительному залу. Случилось такъ, что одна изъ этихъ птицъ запуталась въ складкахъ юбокъ племянницы кардинала m-ле де-Брезе, участвовавшей въ балетѣ. Та растерялась и принялась плакать, да такъ громко, что публика не могла не разсмѣяться, и это неожиданное включеніе только удвоило ея веселость». Въ національномъ архивѣ сохранились

счета отъ постановки этого балета: между прочимъ птицы—пятнадцать соловьевъ и одна малиновка—стоили 28 ливровъ.

Въ томъ же 1635 году знаменитый садоводъ Дега разбилъ садъ при Пале-Кардиналь, а Лемерсье окончилъ крышу надъ боковыми флигелями, что вызвало цѣлый хвалебный гимнъ со стороны Корнеля.

Въ 1641 году была готова къ открытію другая театральная зала. Она была гораздо обширнѣе первой, могла вмѣстить уже три тысячи человекъ. Выстроили ее на дворцовомъ дворѣ.

Кардиналь Ришелье завѣщалъ свой дворецъ и все собраннаго въ немъ богатства Людовику XIII.

Послѣ смерти этого короля Пале-Кардиналь перешелъ во владѣніе Анны Австрійской. Королевская фамилія должна была жить не иначе, какъ у себя въ собственномъ дворцѣ, и Пале-Кардиналь былъ переименованъ въ Пале-Рояль—название, которое сохранилось за этимъ зданіемъ и до нашихъ дней.

Дворъ переселился въ новый дворецъ. Чтобы устроить помѣщеніе для Филиппа Французскаго, королева-регентша велѣла уничтожить галерею, сводъ которой былъ украшенъ картинами художника Филиппа де-Шампена, изобразившаго въ нихъ подвиги великаго кардинала. Въ то же время Мазарини распустилъ «потѣшныхъ», которыхъ Людовикъ XIII приказалъ набрать своему сыну для игры въ солдаты, и велѣлъ срыть крѣпость, построенную на дворѣ Пале-Рояля. Это было, судя по сохранившейся современной гравюрѣ, земляное укрѣпленіе, вокругъ котораго разыгрывались подъ предводительствомъ будущаго короля баталіи по всемъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства.

Не довольствуясь дѣтскими играми, Людовикъ XIV устраивалъ иногда въ саду, или, точнѣе, паркѣ Пале-Рояля настоящую охоту. Такъ, мы имѣемъ извѣстіе, что однажды тамъ были убиты лань, заяцъ и кабанъ, а другой разъ король затравилъ быка собаками.

Въ 1656 году въ саду Пале-Рояля появилась первая карусель.

Во время регентства Анны Австрійской театр Ришелье стоялъ безъ всякаго употребленія. Въ 1655—56 годахъ онъ былъ снятъ частнымъ антрепренеромъ, который ставилъ въ немъ главнымъ образомъ комедіи. Кресла продавались по 30 су, т. е. около 1 руб. 50 коп. по теперешнему курсу. Въ 1660 году театр Пале-Рояля неожиданно сталъ центромъ общаго вниманія: въ немъ появился Мольеръ. Въ теченіе тринадцати лѣтъ великій писатель развернулъ здѣсь во всю мощь свой комическій гений. Извѣстно, что онъ и умеръ на сценѣ Пале-Рояля. Смерть постигла его 17-го февраля 1673 года, во время представленія его пьесы «Мнимый больной», шедшей въ четвертый разъ. Мольеръ игралъ Аргана, и зала умирала со смѣху, какъ вдругъ артистъ упалъ въ обморокъ. Его унесли за кулисы. Доктора, которыхъ онъ такъ высмѣивалъ, были безсильны ему помочь, и онъ умеръ среди театральной мишуры и картонной бутафоріи. Его товарищъ по группѣ Люлли успѣшилъ водвориться на его мѣстѣ съ вновь набранной труппой.

Антреприза Люлли имѣла блестящій успѣхъ: Кино, Гударъ де-Ламоттъ наперерывъ писали для него веселыя либретто, которыя потомъ Дегушь и Кампра перекладывали на музыку. Къ сюжетамъ, взятымъ обыкновенно изъ древней

исторіи, необходимо было прибавлять танцы, безъ которыхъ Людовикъ XIV не могъ обходиться. Римляне, намѣреваясь похитить сабинянокъ, должны были, по режиссерской ремаркѣ, «жестами выражать, что имъ недостаетъ женщинъ».

Въ 1692 году Пале-Рояль перешелъ во владѣніе брата короля, Monsieur, какъ его величали при старомъ режимѣ. Новый владѣлецъ предпринялъ въ немъ значительныя строительныя работы. Архитекторъ Гардуэнъ Мансаръ, изобрѣтатель особыхъ чердачныхъ помѣщений, получившихъ отъ него свое названіе—мансарды, сдѣлалъ боковыя пристройки. При этомъ была разрушена «галерея великихъ людей», а вмѣстѣ съ нею погибли и украшавшіе ее портреты. На мѣстѣ снесенной галереи устроили другую—галерею Энея, расписанную Койпелемъ.

Послѣ смерти своей первой жены, Генриетты Англійской, Monsieur, умѣвшій любить только самого себя, женился второй разъ, и отъ этого брака произошелъ Филиппъ, герцогъ Шартрскій. Ставъ регентомъ Франціи, Филиппъ превратилъ Пале-Рояль въ мѣсто всякаго рода распутства. Впрочемъ, онъ немало способствовалъ и его украшенію: при немъ былъ устроенъ во дворцѣ какой-то Водяной замокъ, слѣдовъ котораго не сохранилось.

Въ 1752 году Пале-Рояль перешелъ по наслѣдству къ внуку регента, Людовику Орлеанскому. Одиннадцать лѣтъ спустя, сгорѣлъ до тла театръ Пале-Рояля. «Говорятъ,—писалъ Вольтеръ:—что спектакли шли въ немъ такъ скверно, что въ одинъ прекрасный день гнѣвъ Божій неминуемо долженъ былъ разразиться надъ нимъ». На мѣстѣ сгорѣвшаго театра Моро устроилъ новый. Въ немъ, между прочимъ, въ 1774 году впервые Глюкъ поставилъ свою «Ифигенію». Глюкъ былъ учителемъ музыки жены дофина и потому пользовался большимъ фаворомъ при дворѣ.

Въ 1781 году театръ Пале-Рояля сгорѣлъ еще разъ. Пожаръ произошелъ послѣ спектакля. Давали Орфея. На сценѣ представленъ былъ адъ, который и сдѣлался ближайшей причиной пожара. Зрители успѣли быстро выйти изъ театра, но артисты были отрѣзаны отъ выхода горѣвшими декораціями. Произошла паника. Орфею пришлось пройти черезъ настоящій адъ, чтобы добраться до Евридики. Игравшая ее артистка Гиморъ едва успѣла спастись полуголая. Данги, Бопре и еще съ десятокъ актеровъ погибли въ пламени. Театръ Пале-Рояля сгорѣлъ до тла, а парижане выдумали новую моду и стали носить платье «цвѣта горящаго Пале-Рояля».

Послѣдніе дореволюціонные владѣльцы Пале-Рояля, Орлеаны, весьма дорожили своимъ театромъ, ибо онъ создавалъ имъ большую популярность. Чтобы вознаграждать себя за гибель опернаго театра, привилегія на который къ этому времени была у нихъ уже отнята, они построили новый театральнй залъ «Variétés amusantes». Во время революціи этотъ театръ обновился, расширился и превратился въ знаменитый, существующій до сего времени «Théâtre-Français». Орлеаны первые возымѣли мысль отдавать галереи нижняго этажа подъ модныя магазины, парикмахерскія, рестораны и игорные дома. Пале-Рояль быстро измѣнилъ свою былую фізіономію и сталъ притономъ разныхъ темныхъ личностей и всякихъ безчинствъ, какимъ мы знаемъ его по гравюрамъ времени революціи. Бывшій дворецъ сталъ мѣстомъ сборища всѣхъ празднующихся; тутъ завязывались всякаго рода интриги, создавались всякіе

слухи и новости, говорились публичныя рѣчи. Съ утра до вечера эти галереи были набиты гуляками, игроками, воришками, публичными женщинами, солдатами, агитаторами. Не мудрено, что съ началомъ предреволюціоннаго броженія Пале-Рояль—самое модное и многолюдное мѣсто тогдашняго Парижа—стала настоящей колыбелью революціи. Съ утра до вечера здѣсь толкалась возбужденная толпа, то и дѣло влѣзали на стулья ораторы въ родѣ Камилла Демулэна, Дантона и другихъ пока никому неизвѣстныхъ адвокатовъ безъ практики и произносили страстныя рѣчи. Здѣсь же женщины, будущія знаменитости революціи въ родѣ пресловутой дѣвицы Теруанъ де-Мерикурь, старались обольстить болтавшихся цѣлыми днями солдатъ и склонить ихъ на сторону народа. Неизвѣстно, какъ пошла бы революція, если бы правительство Людовика XVI догадалось очистить и запереть Пале-Рояль.

Любопытно, что въ одной изъ галерей Пале-Рояля находилась желѣзная лавка нѣкоего Бадэна. У него именно Шарлотта Корде приобрѣла ножъ, которымъ она покончила съ «другомъ народа» Маратомъ. Демулэнъ, Дантонъ, Марать, Шарлотта Корде, жирондисты, якобинцы, люди имперіи и двухъ реставрацій, все перебивало въ этихъ галереяхъ Пале-Рояля.

Прошедшія надъ Пале-Роялемъ событія парижскій городской муниципалитетъ увѣковѣчиваетъ въ настоящее время прибитіемъ во многихъ мѣстахъ бывшаго дворца досокъ съ соответствующими надписями.

— Одна изъ загадокъ исторіи.—Какъ извѣстно, Петербургъ въ началѣ прошлаго столѣтія былъ наводненъ французскими эмигрантами. Одни изъ нихъ, большею частью люди родовитые, бѣжали сюда отъ ужасовъ революціи, другіе, въ родѣ м-ше де-Сталь, спасались въ далекую сѣверную столицу отъ тяжелой руки Наполеона. Среди этихъ добровольныхъ изгнанниковъ была нѣкая эмигрантка, именовавшая себя и слышавъ въ Петербургѣ подъ именемъ графини де-Гаше. То была женщина лѣтъ пятидесяти, дородная и видная. Многие находили въ ней сходство съ Бурбонами, отличавшимися, какъ извѣстно, типичнымъ носатымъ профилемъ. Она давно уже водворилась въ русской столицѣ и въ 1812 году приняла даже русское подданство. М-ше де-Гаше вела себя довольно странно: избѣгала тщательно всякихъ сношеній съ другими эмигрантами и не любила распространяться о своемъ прошломъ, оставшемся за нею на родинѣ. И, однако, было извѣстно, что когда-то она была близка ко двору Людовика XVI и что у нея были тамъ высокія связи. Она любила называть себя жертвой революціи, рассказывала, что ей пришлось нѣсколько лѣтъ провести въ Англии и что обстоятельства сложились настолько неблагоприятно для нея, что ея жизнь теперь окончательно разбита и возврата къ прошлому для нея уже нѣтъ.

Однажды нѣкая англичанка Берчъ случайно упомянула имя м-ше де-Гаше при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. Императоръ сильно удивился. «Какъ, развѣ м-ше де-Гаше здѣсь?»—спросилъ онъ.—«Когда меня спрашивали о ней, я всегда утверждалъ, что ея у насъ нѣтъ. Я хочу ее видѣть. Пусть она явится завтра же».

Желаніе Александра Павловича было исполнено. Онъ принялъ м-ше де-Гаше наединѣ, и о чемъ они говорили, осталось тайной. Черезъ нѣсколько

времени послѣ этого свиданія французская эмигрантка собралась вмѣстѣ съ извѣстной баронессой Крюденеръ и княгиней Голицыной въ Крымъ и поселилась тамъ въ захудалой въ то время деревушкѣ Старый Крымъ. Что это переселеніе въ Крымъ было вынуждено, показываетъ уже то обстоятельство, что вслѣдъ за нею отправился въ Крымъ нѣкій полковникъ Ивановъ, который, поселившись по сосѣдству съ загадочной эмигранткой, видимо, слѣдилъ за каждыиъ ея шагомъ.

Причины ея прибытія въ Крымъ оставались никому невѣдомы.

Поселившись въ полутатарской-полуармянской деревенькѣ, особа, именовавшая себя графиней де-Гаше, продолжала держать себя очень странно. Такъ, она никогда не позволяла служанкѣ присутствовать при своемъ туалетѣ, видимо, опасаясь нескромнаго взгляда, никогда не снимала съ себя плотно облегающую ее и надѣтую прямо на тѣло фуфайку, показывала деревенскимъ ребятишкамъ огромной величины брильянтъ, заставляя его сверкать на южномъ солнцѣ тысячами огней. Она радовалась, когда ребятишки, не будучи въ состояніи выносить блескъ этого брильянта, начинали моргать глазами.

Весною 1826 года, почувствовавъ приближеніе смерти, м-ше де-Гаше провела цѣлую ночь у печки, сжигая какія-то бумаги. Умирая, она просила не дотрагиваться до ея тѣла и похоронить ее въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ застанетъ ее смерть.

Тѣмъ не менѣе мѣстные жительницы, по русскому обыкновенію, рѣшили омыть покойницу. Когда съ тѣла сняли плотно облегающую его фуфайку, то замѣтили на плечѣ какой-то странный знакъ, какъ будто сдѣланный раскаленнымъ желѣзомъ.

Есть указанія, что послѣ смерти м-ше де-Гаше императоръ Николай приказалъ доставить ему два ящика, которые особенно тщательно хранила при себѣ загадочная покойница. Объ этихъ ящикахъ, найденныхъ, кстаги сказать, уже пустыми, имѣется цѣлая официальная переписка между Дибичемъ и тогдашнимъ таврическимъ губернаторомъ Нарышкинымъ. Это, очевидно, указываетъ, что императоръ Николай, какъ и его старшій братъ, зналъ, что м-ше де-Гаше не простая эмигрантка, какихъ было десятки въ Россіи, что съ ней связана какая-то тайна, которую нужно было сохранить отъ нескромнаго любопытства.

Личность, именовавшая себя м-ше де-Гаше, очень долго ускользала отъ вниманія историковъ. Первый указалъ на эту странную затерянную въ Крыму фигуру съ замашками крупной придворной дамы времени стараго режима Мельхюръ де-Вогюэ, послѣ посѣщенія имъ Россіи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. По его указаніямъ пошелъ другой французскій изслѣдователь, историкъ Луи Судакъ, который нѣсколько лѣтъ разыскивалъ слѣды этой загадочной личности во Франціи, въ Англіи и въ Россіи. Результаты своихъ кропотливыхъ изысканій де-Судакъ (псевдонимъ, взятый отъ названія крымской мѣстности Судакъ) только что закончилъ печатаніемъ въ издаваемомъ въ Лозаннѣ журналѣ «Bibliothèque universelle et Revue Suisse»¹⁾.

¹⁾ B. U. et R. Suis. 1913. №№ 1—4.

Результаты эти оказались совершенно неожиданными и для самого автора и для исторической науки и приводят читателя прямо къ знаменитому дѣлу объ ожерельѣ королевы Маріи-Антуанетты.

Напомнимъ вкратцѣ читателямъ, въ чемъ состоитъ это дѣло, столь шумѣвшее въ свое время и столь повредившее королевскому престижу во Франціи.

Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка два парижскихъ ювелира Бемеръ и Бассанжъ вздумали изготовить для фаворитки короля Людовика XV извѣстной м-ше Дюбарри колье изъ самыхъ крупныхъ въ мірѣ брильянтовъ, какіе они могли только найти. Пока Бемеръ, надѣлавшій для скупки брильянтовъ большіе долги, прибрѣталъ драгоценные камни, Людовикъ XV умеръ, и м-ше Дюбарри потеряла всякое вліяніе. Ювелиры предложили прибрѣсти ожерелье за 1.600,000 ливровъ (700.000 рублей на наши деньги) новому королю по случаю рожденія наслѣдника въ 1778 году, по продажѣ эта не состоялась. Одни говорятъ, что король не нашелъ въ казнѣ такихъ денегъ, другіе утверждаютъ, что сама Марія-Антуанетта, несмотря на свою страсть къ брильянтамъ, отговорила короля отъ такой покупки. Бемеръ въ отчаяніи метался по всей Европѣ, стараясь продать ожерелье, но напрасно.

Въ это время въ Парижѣ, кишѣвшемъ всякаго рода проходимцами и шурлтанами, съ знаменитымъ Каліостро во главѣ, почти одновременно появляются главныя дѣйствующія лица будущей скандальной исторіи съ ожерельемъ: кардиналъ де-Роганъ и супруги де-Ламоттъ. Кардиналъ де-Роганъ въ семидесятыхъ годахъ былъ французскимъ посломъ въ Вѣнѣ и, недолюбливая фривольныя выходки молодой Маріи-Антуанетты, не разъ жаловался на нее ея матери, австрійской императрицѣ Маріи-Терезіи. Результатомъ такого образа его дѣйствій была его полная немилость у королевы. Ему дали отставку и, вернувшись въ Парижъ, онъ жилъ въ тѣни, вдали отъ двора, снѣдаемый страстнымъ желаніемъ опять попасть въ фаворъ и вернуть себѣ бывшее вліяніе.

Въ 1781 г., путешествуя по Эльзасу, кардиналъ познакомился съ нѣкою м-ше де-Ламоттъ, именовавшей себя графиней, женой никому неизвѣстнаго провинціального офицера. Въ слѣдующемъ году супруги де-Ламоттъ являются въ Парижъ, выхлопываютъ себѣ маленькую пенсію и поселяются въ столицѣ, не брезгая никакими аферами, вплоть до незаконной связи м-ше де-Ламоттъ съ кардиналомъ. Легкомысленная и проницательная де-Ламоттъ, пользуясь своимъ происхожденіемъ, — она была дочерью незаконнаго сына Гецриха II Валуа и косила въ дѣвичество фамилію Валуа-де-Санъ Реми, — втерлась черезъ сестру короля, графиню д'Артуа, ко двору, и очень скоро между нею и Маріей-Антуанеттой установилась какая-то странная близость.

Къ этой-то де-Ламоттъ обратились въ отчаяніи ювелиры съ просьбой уговорить за хорошее вознагражденіе королеву крупить разорившее ихъ ожерелье. Съ другой стороны, кардиналъ де-Роганъ не давалъ ей покою неотступными просьбами устроить ему свиданіе и примиреніе съ королевой. Ловкая авантюристка рѣшила воспользоваться обстоятельствами. Она подыскала въ Палле-Рояль нѣкую Эссиньи, похожую по фигурѣ на Марію-Антуанетту, и уговорила ее за 15 тысячъ франковъ сыграть роль королевы. Отъ имени Маріи-Антуанетты кардиналу было назначено свиданіе. Состоялось оно въ глухую ночь въ версаль-

скомъ паркѣ, въ одной изъ бесѣдокъ Трианона. Какая-то фигура, которую де-Роганъ принялъ за королеву, со словами: «все забыто между нами», протянула ему розу. Въ это время послышался крикъ де-Ламоттъ: «идуть». Мнимая королева и де-Роганъ бросились въ разныя стороны. Съ этого времени между де-Роганомъ и королевой начинаются черезъ посредство де-Ламоттъ дѣятельныя письменныя сношенія. Сначала у кардинала берется якобы на дѣла благотворенія королевы крупная сумма въ 150 тысячъ рублей, которая, повидимому, остается въ карманѣ авантюристки; затѣмъ кардиналу внушается мысль, что королева очень желала бы приобрѣсти черезъ его посредство и поручительство знаменитое ожерелье. Кардиналъ де-Роганъ, уже мнившій себя первымъ министромъ, идетъ на это предложеніе, является къ предупрежденнымъ уже о его приходѣ ювелирамъ и покупаетъ у нихъ ожерелье за 1.600.000 ливровъ. Покупка состоялась въ разсрочку, на условіяхъ, которыя были будто бы показаны королевѣ и одобрены ею собственноручною подписью: «Марія-Антуанетта Французская». Ожерелье было доставлено ювелиромъ въ домъ кардинала и здѣсь передано имъ человѣку, котораго онъ, по его словамъ, видѣлъ въ числѣ слугъ королевы. Предполагаютъ, однако, что это былъ нѣкто Рето-де-Виллеттъ, одинъ изъ многихъ фаворитовъ самозванной графини. Съ этого момента ожерелье исчезаетъ. Предполагаютъ, что Рето-де-Виллеттъ отвезъ его въ Англію, гдѣ брильянты были изъ него вынуты и распроданы по частямъ.

Между тѣмъ наступилъ срокъ первой уплаты. Тщетно ожидавшій денегъ отъ королевы де-Роганъ получилъ лишь отъ нея письмо съ просьбой отсрочить уплату. Ювелиры встревожились и бросились къ королевѣ. Та объявила, что никакого ожерелья она не покупала и ничего объ этомъ дѣлѣ не знаетъ. Поднялся переполохъ. Король былъ страшно разсерженъ и приказалъ арестовать всѣхъ участниковъ этой мошеннической продѣлки. Кардиналъ де-Роганъ былъ схваченъ 15-го августа 1785 г. въ церкви, гдѣ онъ намѣревался совершить богослуженіе, и прямо изъ церкви отправленъ въ Бастилію. Черезъ три дня арестовали де-Ламоттъ въ городѣ Баръ-сюръ-Объ. Потомъ захватили въ Женевѣ Рето-де-Виллета. Эссиньи была арестована въ Брюсселѣ. Скрыться удалось одному де-Ламотту. Злоудно съ кардиналомъ былъ арестованъ и проживавшій у него Каліостро, который оказался, однако, совершенно непричастнымъ къ этому дѣлу.

Вся эта компанія была предана суду парижскаго парламента, который разбиралъ это дѣло почти девять мѣсяцевъ—съ 5-го сентября 1785 г. по 31-ое мая 1786 года. На судѣ подсудимые давали крайне сбивчивыя показанія. Выяснилось, однако, что вся переписка де-Рогана, равно какъ и тѣ письма, которыя онъ будто бы получалъ отъ королевы, были заблаговременно имъ уничтожены. Власти нарочно дали для этого шестьдесятъ часовъ времени. Въ результатѣ разбирательства этого дѣла, возбудившаго огромный интересъ и породившаго массу невыгодныхъ для королевы слуховъ, кардиналъ де-Роганъ и Каліостро были оправданы, Эссиньи заключена въ тюрьму, Рето-де-Виллеттъ приговоренъ къ пожизненному изгнанію изъ Франціи, а главная героиня этого скандальнаго процесса, самозванная графиня де-Ламоттъ, къ клейменію на плечи каленымъ желѣзомъ и пожизненному заключенію въ тюрьмѣ Сальпетриеръ. Гражданскій искъ къ кардиналу признанъ подлежащимъ удовлетворенію,

вслѣдствіе чего потомки кардинала время отъ времени должны до сихъ поръ удовлетворять предъявляемые къ нимъ по этому дѣлу иски. Послѣдній такой искъ былъ предъявленъ къ де-Роганамъ въ 1863 году.

Но, кромѣ подсудимыхъ, въ процессѣ было запутано еще одно лицо, которое едва ли не больше всѣхъ пострадало отъ него вполнѣдствіи. И современники, и вполнѣдствіи большинство историковъ винять въ этомъ дѣлѣ королеву Марію-Антуанетту. Несмыслимо, говорятъ они, чтобы королева не знала о той мистификаціи, которую такъ долго продѣлывала отъ ея имени авантюристка де-Ламоттъ. Немыслимо, чтобы она не знала о свиданіи въ версальскомъ паркѣ. По всей вѣроятности, королева, весьма склонная ко всякаго рода двухсмысленнымъ авантюрамъ, сама принимала участіе въ этой мистификаціи недалекаго, къ тому же безумно въ нее влюбившагося кардинала. Есть основанія предполагать, что вся эта исторія съ покупкой драгоцѣннѣйшаго ожерелья была местию со стороны королевы, желавшей разорить кардинала. Слѣдуетъ замѣтить также поведеніе слѣдственныхъ властей, которыя помогали обвиняемымъ замести слѣды всякихъ сношеній съ королевой. Бросается также въ глаза слишкомъ самоувѣренное поведеніе самозванной графини. Сообразивъ, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, кардиналъ де-Роганъ отправилъ ее съ мужемъ въ Германію. Мужъ ея дѣйствительно бѣжалъ, но сама де-Ламоттъ, узнавъ о разыгравшемся скандалѣ, нарочно прервала свое путешествіе и остановилась въ городѣ Баръ-сюръ-Объ, нисколько не скрываясь. Она, видимо, чувствовала себя въ безопасности, надѣялась на выручку королевы и, не получивъ отъ нея помощи, вполнѣдствіи превратилась въ злѣйшаго ея врага. Въ своихъ мемуарахъ она всецѣло винить во всемъ Марію-Антуанетту, которая являлась главной виновницей скандала и въ глазахъ парижанъ того времени. Не мѣшаетъ также замѣтить, что мужъ этой особы, вернувшійся въ Парижъ послѣ реставраціи Бурбоновъ и умершій здѣсь въ 1831 году, послѣдніе годы жилъ на пенсіи, которая ему за какія-то заслуги была назначена Людовикомъ XVIII.

Итакъ, по рѣшенію суда де-Ламоттъ была заключена въ тюрьмѣ Сальпетриеръ. Въ 1787 году, всего за два года до начала революціоннаго движенія, она съ помощью какихъ-то невѣдомыхъ друзей бѣжала изъ тюрьмы и благополучно прибыла къ поджидавшему ее въ Лондонѣ супругу. Пылая ненавистью къ королевѣ, которую она считала единственной виновницей своихъ несчастій, де-Ламоттъ рѣшила опубликовать свои мемуары. Готовившійся новый скандалъ произвелъ цѣлый переполохъ при версальскомъ дворѣ. Въ Лондонѣ были посланы тайные агенты съ нѣкимъ Вертраномъ во главѣ съ приказаніемъ всячески препятствовать озлобленной авантюристкѣ вредить французскому двору. Едва появилось первое изданіе мемуаровъ де-Ламоттъ, какъ оно было скуплено агентами и истреблено. Затравленная авантюристка, спасаясь отъ какихъ-то враговъ, бросилась изъ окна второго этажа и сильно разбилась. Она была найдена нѣкимъ парфюмеромъ Уорреномъ и умерла у него черезъ девять недѣль послѣ своего паденія. Слѣдуетъ замѣтить, что Вертрана въ это время не было въ Лондонѣ, а парфюмеру Уоррену было очень мало въ сущности дѣла до женщины, которую онъ приютилъ у себя. Совершенно неожидан-

ная смерть де-Ламотть чрезвычайно удивила всѣхъ ея друзей, а больше всѣхъ ея мужа, который, вернувшись во Францію, незадолго до ея смерти получилъ отъ нея письмо, что она собирается ѣхать куда-то въ деревню.

Какъ бы то ни было, женщина, выкинутая или выброшенная изъ окна и умершая въ 1791 году у парфюмера Уоррена, была похоронена въ Лондонѣ, и церковью святой Маріи въ лондонскомъ кварталѣ Ламбетъ выдано удостовѣреніе о ея погребеніи, причемъ она значится подъ именемъ графини де-Ламотть.

Желая провѣрить этотъ документъ, Луи де-Судакъ отправился въ Лондонъ и навелъ справки у настоятеля церкви въ Ламбетъ. Оказалось, что въ тѣ времена подобнаго рода удостовѣренія выдавались очень легко, безъ дѣйствительнаго удостовѣренія личности умершаго и что хотя удостовѣреніе, несомнѣнно, подлинное, тѣмъ не менѣе, не исключена возможность, что подъ именемъ графини де-Ламотть схоронено какое-нибудь другое лицо.

Если припомнить, что конецъ XVIII и начало XIX вѣка ознаменованы многочисленными хитросплетенными интригами, не останавливавшимися и передъ преступленіями, что это есть время грандіозныхъ подлоговъ и подмѣновъ, то возрастаетъ и вѣроятность предположенія, что дѣйствительная де-Ламотть, спасаясь отъ преслѣдованій агентовъ Маріи-Антуаннеты, скрылась изъ Лондона, похоронивъ вмѣсто себя другую женщину.

Если это такъ, то куда же исчезла такъ безслѣдно настоящая м-ше де-Ламотть?

Когда въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка извѣстный французскій историкъ Функъ Брентано издалъ свою обширную работу объ ожерельѣ королевы, виконтъ Мельхіоръ-де-Вогюэ писалъ ему: «Я хотѣлъ бы поговорить съ вами по поводу смерти м-ше де-Ламотть. Я вывезъ изъ Россіи рассказъ о томъ, что она жила въ Крыму, и рассказъ этотъ въ высшей степени вѣроятенъ. Моя теща, которая умерла восемидесяти девяти лѣтъ, не разъ вспоминала рассказы сторожиловъ, которые были на свѣтѣ въ 1820 году. Они лично знали м-ше де-Ламотть и съ любопытствомъ разыскивали ее въ Крыму. Тутъ во всякомъ случаѣ не простая легенда. Напротивъ, русское общество временъ Александра I было твердо увѣрено въ этомъ. Слѣдовало бы повнимательнѣе разобраться въ этомъ дѣлѣ».

Луи де-Судакъ исполнилъ это желаніе виконта де-Вогюэ. Онъ прибылъ въ Крымъ и сталъ собирать здѣсь замиравшіе уже отголоски о таинственной французской эмигранткѣ. Старики, мѣстные жители, народъ, который и не подозреваетъ о существованіи дѣла объ ожерельѣ королевы, припоминая давно слышанные ими рассказы, неизмѣнно повторяли: «Это была французская королева, та самая, которая украла брильянты». Такъ говорилъ автору и Айвазовскій, въ молодости много слышавшій о героинѣ дѣла объ ожерельѣ.

Есть, наконецъ, свидѣтельство поважнѣе устныхъ народныхъ преданій, Извѣстный авторъ мемуаровъ Вигель, вспоминая послѣдовавшую въ 1824 г. смерть извѣстной баронессы Крюденеръ, прибавляетъ, что вскорѣ за нею сошла въ могилу одна французская дама, достойная вниманія. Она никогда не снимала фуфайки, надѣтой на тѣло, въ которой она и просила себя

похоронить. Желаніе покойной не было, однако, исполнено, и послѣ разслѣдованія оказалось, что эта дама не кто иная, какъ де-Ламоттъ, которая подверглась наказанію кнутомъ и каленымъ желѣзомъ за участіе въ скандальномъ дѣлѣ объ ожерельѣ королевы.

Свидѣтельство это получаетъ особый вѣсъ, если вспомнить, что въ это время Вигель занималъ постъ правителя канцеляріи повороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, которому былъ подчиненъ и Крымъ. О томъ, что оказалось по разслѣдованіи, Вигель по своему officialному положенію, могъ знать лучше, чѣмъ кто-либо.

Дочь барона Боде, жившаго въ Крыму по сосѣдству съ мнимой графиней де-Гаше и поддерживавша частыя личныя съ ней сношенія, также удостоверяетъ, что подъ этимъ именемъ крылась именно Жюна де-Ламоттъ-Валуа.

Такимъ образомъ, если сопоставить все то, что извѣстно о жизни въ Россіи лица, именовавшаго себя т-ше де Гаше, съ тѣми разказами, которые слышалъ еще виконтъ де-Вогюэ, если принять въ расчетъ таинственный знакъ на плечѣ и показанія людей, лично ее знавшихъ, то становится весьма вѣроятнымъ, что знаменитое дѣло объ ожерельѣ королевы получаетъ въ новомъ историческомъ освѣщеніи прямое касательство къ исторіи Россіи.

— *J. K. Huismans: l'homme, l'écrivain, l'apologiste*,—подъ такимъ заглавіемъ Анри Бландэнъ издалъ въ Парижѣ свой трудъ, гдѣ попытался выяснитъ загадочную личность этого писателя. Для клерикаловъ казалось загадочнымъ обращеніе въ лоно католической церкви этого «скандальнаго писателя». Ихъ пугало, что Гюисмансъ слишкомъ былъ реалистъ, чтобы сразу измѣнить свое мысленіе. Съ одной стороны, имъ была лестна эта перемѣна, съ другой стороны—брало сомнѣніе, что писатель, написавшій столько безобразнаго дѣйствительно по убѣжденію, обратился къ религіи. Но какъ принять этого вновь обращеннаго?

Бландэнъ, хорошо его знавшій, говоритъ, что онъ всегда былъ пессимистъ, крайній пессимистъ: онъ былъ реалистомъ, какъ это понимали въ 1880 году, противъ своего сердца. Страдая диспепсіей, до тонкости зная литературу и искусство, онъ былъ несчастенъ, пока не сдѣлался мистикомъ. Въ нѣкоторыхъ еще нигдѣ не изданныхъ письмахъ, находящихся въ книгѣ Бландэна, есть фразы, которыя даютъ нѣкоторый свѣтъ. «Деревня безъ церковной службы, безъ литературы меня не интересуетъ», пишетъ онъ изъ Лиможа, когда оттуда уѣхали монахи. «Это слово священника,—говоритъ Бландэнъ.—Онъ же сохранилъ къ своему ремеслу ненависть и если бросился въ вѣру, какъ въ море, чтобы спастись, то все-таки не могъ усвоить искусства католической религіи. Но когда онъ съ тихой героической бодростью переносилъ предъ смертью ужасныя страданія, всѣ восторгались имъ».

— Сигизмундъ Красинскій.—На дняхъ въ Римѣ, въ итальянско-польскомъ клубѣ имени Ф. Шопена торжественно воздвигнута мраморная плита съ именемъ польскаго поэта Сигизмунда Красинскаго, продолжительное время проживавшаго въ вѣчномъ городѣ. По случаю этого торжества г-жа Анна Эндлеръ дала въ «*Nuova Antologia*» нѣкоторыя подробности изъ біографіи поэта.

Единственный отпрыск богатой, образованной, вліятельной семьи польскихъ дворянъ, четырехлѣтній Сигизмундъ считался необыкновеннымъ ребенкомъ, которому всѣ обстоятельства сулили блестящее будущее. Къ тому же окружающая его обстановка вполне благопріятствовала развитію его природныхъ данныхъ. Его образованіемъ занялся извѣстный польскій писатель Корженевскій; затѣмъ онъ поступилъ въ варшавскій лицей, и съ этого момента для юнаго поэта начинается серія огорченій. Его отецъ, генералъ польскаго войска, въ дѣйствительности служилъ Россіи и въ глазахъ польскихъ патріотовъ считался ренегатомъ, поэтому Сигизмундъ служилъ мишенью для горькихъ, оскорбительныхъ насмѣшекъ.

Въ чуткомъ, чувствительномъ юношѣ произошелъ трагическій разладъ; въ немъ боролись умъ и сердце, два чувства не уступали другъ другу: любовь къ отцу и долгъ предъ родиной, патріотизмъ. Это раздвоеніе души сдѣлало его мрачнымъ меланхоликомъ. Его сердце обливалось кровью, когда онъ слышалъ насмѣшки польской молодежи надъ отцомъ, но его рано развившійся умъ подсказывалъ ему причину, вызвавшую эти насмѣшки. Такое положеніе породило разладъ между отцомъ и сыномъ. Сигизмундъ раздѣлялъ взгляды молодежи и навлекъ на себя изгнаніе, которое, благодаря вліянію отца, нѣсколько смягчили.

Второй разладъ съ отцомъ Сигизмунда былъ вызванъ его страстнымъ увлеченіемъ замужней женщиной, но не жившей съ мужемъ. Отецъ сурово отнесся къ этой любви, и Сигизмундъ долго и глубоко страдалъ, не имѣя возможности соединиться съ любимой женщиной. По желанію отца онъ въ 1843 году женился на молодой, красивой и умной графинѣ Элизѣ Браницкой, сестрѣ жены князя Одескальки. Эта женщина его просто боготворила. Отецъ все еще надѣялся, что Сигизмундъ утѣшится и забудетъ свою первую страсть подъ вліяніемъ любви молодой, красивой жены. Но долго пришлось этого ждать, любовь жены не нашла никакого отклика въ его сердцѣ. Только много времени спустя, когда наступила эпоха нравственныхъ потрясеній и болѣзни, Сигизмундъ понялъ, какой благородной и возвышенной натурой обладала его жена. Только тогда въ его сердцѣ проснулось чувство глубокой признательности, и онъ сталъ питать къ ней культъ.

Переходя къ его литературной дѣятельности, г-жа Эндлеръ говоритъ, что Сигизмундъ Красинскій, Мицкевичъ и Словацкій составляли блестящую троицу въ польской поэзіи, родившейся въ самую горестную эпоху для польской націи, когда было объявлено: «*Finis Poloniae*». Римъ далъ Красинскому немало вдохновенія, и тамъ онъ написалъ «Небожественную Комедію» и «Иридіонъ». Эти два его сочиненія интересны не только для поляковъ, но для всего человѣчества, которое страдаетъ, борется и вѣритъ,—говоритъ г-жа Эндлеръ. Въ «Небожественной Комедіи» онъ представилъ антагонизмъ между старыми и новыми идеалами и мыслями.

Какъ поэтъ, Красинскій своеобразенъ: онъ не подпалъ подъ иностранное вліяніе ни Байрона, ни Гете, царившихъ въ его эпоху. Въ немъ если и найдется, то мифію г-жи Эндлеръ, духовное родство, то съ Данте. Только у Данте мы находимъ ту суровость, величіе и глубину мысли, ту трагедію скорби, ко-

торые въ поэмахъ Красинскаго поднимаются въ высь, какъ на крыльяхъ орла». Во всѣхъ его произведеніяхъ виденъ отпечатокъ возвышеннаго, любви и скорби: его муза не знала лучезарной улыбки.

Въ 1848 году его слабое здоровье ухудшилось вслѣдствіе болѣзни легкиихъ. Его письма къ графу Маста-Ферретти, племяннику Пю Нено, написанныя въ этотъ періодъ времени, дышатъ скорбью. Въ такомъ же родѣ письма къ его другу Трентовскому. «Уже два потопа уничтожили человѣчество,—пишетъ онъ послѣднему:—первый былъ вода, второй—варварство; теперь, я вижу, приближается третій потопъ, который будетъ еще убійственнѣе,—анархія. Это идеализмъ, лишенный руля, который затопитъ людей въ безуміи и братоубійствѣ, но анархія открываетъ путь не къ свободѣ, а къ рабству, тирани и деспотизму».

Красинскій еще разъ возвратился въ Римъ въ 1850 году; это было его послѣднее пребываніе въ дорогомъ для него городѣ. Болѣзнь усилилась, и вся надежда возлагалась на пребываніе въ жаркомъ климатѣ. Но при видѣ Рима въ 1850 г. у него разрывалось сердце. Только природа сохранила свою красоту, и эта красота была единственнымъ утѣшеніемъ поэта, больного, разочарованнаго, обманутаго во всѣхъ своихъ надеждахъ.

Въ этомъ году онъ написалъ красивую поэму «Римъ», которая вышла изъ самой его души, и онъ посвятилъ ее своей женѣ, вѣрному другу въ его печальныхъ странствованіяхъ. Въ послѣдніе годы жизни его недуги все усиливались, и къ нимъ еще прибавилась серьезная болѣзнь глазъ, заставившая его бросить перо. 23-го февраля 1859 года сорокасемилѣтній Красинскій закрылъ свои усталые глаза навсегда въ Парижѣ.

— Отъ всюду. — «Chronik des Wiener Goethe Vereins» (XXX, 516) впервые напечатала полицейскій докладъ, сдѣланный маріенбадской полиціей 30-го іюня 1829 года о Гете. Этотъ докладъ былъ вызванъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ іюнь 1822 года Гете, которому было въ то время 73 года, пріѣхалъ въ Маріенбадъ на воды. Мѣстная полиція заинтересовалась господиномъ, ненасытно пившимъ маріенбадскую минеральную воду, и написала бургграфу, графу Франциску Коловарту, слѣдующій докладъ:

«Гете, Несторъ среди современныхъ нѣмецкихъ писателей, еще проявляетъ ту серьезность и основательность ума, какія господствуютъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Спокойный и сдержанный, онъ доступенъ только небольшой группѣ купающихся: профессору Хегеру изъ Праги и пастору Станиславу Цауперу, профессору гуманизма въ пильзенской гимназіи».

Во время своего пребыванія Гете занимался минералогіей и по этой причинѣ всегда носилъ съ собой молотокъ. Почти всѣ вечера онъ проводилъ вмѣстѣ съ семьей Леветцовъ, преимущественно со старшей дочерью Ульрикой, которая своимъ пѣніемъ и мягкими манерами заставила его забыть, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое мгновеніе, его несчастный бракъ съ его старухой, извѣстной подъ именемъ г-жи Вульцусъ.

Изъ его разговоровъ о литературѣ различныхъ народовъ онъ не скрывалъ своего предпочтенія греческой литературы и не разъ давалъ замѣтить, что интересуется исторіей грековъ, которая все еще не разработана. Что касается

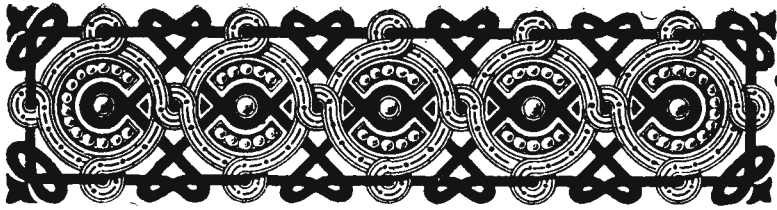
католической религии, то онъ говорилъ о ней не только съ большимъ уваженіемъ, но и съ большой симпатіей и даже хвалилъ назидательное богослуженіе католическаго обряда сравнительно съ протестантскимъ.

Что касается его научныхъ изысканій, то въ докладѣ говорилось, что они будутъ удачны и его богемская геологическая коллекція значительно пополнится, онъ оставитъ ее доктору Гейдлеру, «какъ основу для натуралистовъ, которые появятся послѣ него».

— «Japan Magazine» въ статьѣ Ингрэма Брайана передаетъ, какъ японцы вѣрятъ въ религію мертвыхъ. По ихъ убѣжденію, счастье, блаженство умершихъ людей зависитъ отъ уваженія и любви, какое къ нимъ питаютъ живые, а счастье живыхъ зависитъ отъ выполненія живыми долга относительно мертвыхъ. Японцы вполне убѣждены, что мертвые нуждаются въ любви, пренебрегать этимъ большая жестокость. Въ это они крѣпко и свято вѣрятъ. Въ каждой семьѣ есть свой алтарь и рака, предъ которой каждое утро зажигаютъ лампаду. Семья собирается молиться и предлагаетъ пищу духу. Такимъ образомъ, душа умершаго счастлива и благословляетъ живыхъ. Колебаніе пламени въ лампадѣ, по ихъ убѣжденію, происходитъ не само собою: это душа оберегаетъ домъ, его процвѣтаніе, его тишину и спокойствіе. Кто забываетъ или равнодушно относится къ памяти умершаго, доказываетъ, что у него дурное сердце. Такое почитаніе представляетъ нравственную надежду семьи и націи.

Каждый японецъ вѣритъ, что его постоянно контролируютъ души умершихъ близкихъ лицъ. Глазъ духа видитъ все, каждый шагъ, а ухо слышитъ каждое слово, чтобы похвалить или осудить. У японцевъ совершенно иныя воззрѣнія на самоубійство, чѣмъ у европейцевъ. Скончавшійся добровольно, посредствомъ самоубійства японецъ можетъ возвыситься даже до степени божества. Добровольная смерть какого-нибудь важнаго принца не только допускается японскою этикой, но даже душа человѣка, пожертвовавшаго собою, достигаетъ божественности и становится предметомъ поклоненія и будетъ вѣчно счастлива во всѣхъ перевоплощеніяхъ. Болѣе того, если скончавшійся очень важнаго происхожденія, то онъ можетъ достигъ сверхчеловѣческаго могущества и даже сдѣлаться способнымъ посылать милость или наказаніе. Тысячи паломниковъ направляются къ могиламъ людей, принесшихъ себя въ жертву, чтобы умилостить божество.

С М Ъ С Ъ.

ОДОВОЕ общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора. Въ четвергъ 14-го марта, въ девять часовъ вечера, въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, состоялось годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. Присутствовали: предсѣдатель общества его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, дѣйствительные члены общества: Куломзинъ, Анатолій Николаевичъ; графъ Шереметевъ, Сергѣй Дмитриевичъ; Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ; Филипповъ, Александръ Никитичъ; баронъ Остенъ-Сакенъ, Ѳедоръ Романовичъ; Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ; Чечулинъ, Николай Дмитриевичъ; Мышлаевскій, Александръ Захаревичъ; Панчулидзевъ, Сергѣй Алексѣевичъ; Иконниковъ, Владимиръ Степановичъ; Щегловъ, Василій Васильевичъ; Голомбѣевскій, Александръ Александровичъ; Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ; баронъ Иксуль-фонъ-Гильденбандтъ, Юлій Александровичъ; Сазоновъ, Сергѣй Дмитриевичъ; Скалонъ, Дмитрій Антоновичъ; Лихачевъ, Николай Петровичъ; Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ; Смольяниновъ, Владимиръ Николаевичъ; Герье, Владимиръ Ивановичъ; баронъ Таубе, Михаилъ Александровичъ; Саитовъ, Владимиръ Ивановичъ; Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, и Богословскій, Михаилъ Михайловичъ. По открытіи Его Императорскимъ Величествомъ засѣданія августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ прочиталъ слѣдующій отчетъ: «Въ отчетномъ году императорское русское историческое общество

понесло горестную утрату въ лицѣ скончавшагося 22-го октября 1912 года старѣйшаго своего члена Петра Ивановича Баргенева. Ученая дѣятельность общества въ 1912 году выразилась въ изданіи пяти томовъ «Сборника» (138, 139, 140, 141 и 142) и трехъ томовъ «Русскаго Біографическаго Словаря» («Суворова—Ткачевъ», «Рейтернъ—Рольцбергъ» и «Яблоновскій—Томинъ»). Помощникъ председателя общества А. Н. Куломзинъ, какъ председатель особой комиссіи при обществѣ для разработки вопроса о положеніи архивовъ, сдѣлалъ затѣмъ докладъ о дѣятельности комиссіи въ отчетномъ году: «Высочайше утвержденнымъ 19-го февраля 1912 года журналомъ совѣта министровъ учреждена была при императорскомъ русскомъ историческомъ обществѣ особая комиссія, на обязанность коей было возложено: «приведеніе въ ясность положенія мѣстныхъ правительственныхъ архивовъ и находящихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ и разработка мѣръ къ сохраненію тѣхъ историческихъ документовъ, которые нуждаются въ охранѣ». Комиссія въ томъ же мѣсяцѣ обратилась къ двадцати семи существовавшимъ тогда губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ и къ двѣнадцати археологическимъ и историческимъ обществамъ съ запросомъ о положеніи на мѣстахъ ихъ дѣятельности архивнаго дѣла. Отвѣты стали поступать въ мартъ мѣсяцѣ 1912 года и вплоть до февраля 1913 года. Всего отвѣтило восемнадцать архивныхъ комиссій и ученыхъ обществъ. Съ единодушнымъ восторгомъ отзывались упомянутыя учрежденія на призывъ Его Императорскаго Величества послужить дорогому дѣлу сохраненія памятниковъ нашей письменной старины, усматривая въ починѣ Государя Императора новую эру въ ихъ дѣятельности. Нѣкоторыя изъ комиссій выяснили отчасти посылкою своихъ членовъ, отчасти письменными сношеніями положеніе всѣхъ существующихъ въ районѣ ихъ дѣятельности архивовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, числомъ отъ 1,000 до 1,500, и сообщили комиссіи подробныя о нихъ данныя. При этомъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ сихъ архивовъ сохраняются документы первыхъ годовъ XVIII столѣтія. Особенно драгоценными свѣдѣніями отличаются сообщенія архивныхъ комиссій саратовской, ставропольской, смоленской, вятской, пензенской и курской и псковскаго археологическаго общества. Красною, однако, нитью черезъ всѣ эти сообщенія проходитъ отсутствіе у архивныхъ комиссій денежныхъ средствъ, необходимыхъ для правильной постановки въ нихъ архивнаго дѣла. Не говоря о единогласно указываемой необходимости основанія въ каждомъ губернскомъ городѣ центрального архива для помѣщенія въ немъ собранныхъ изъ отдѣльныхъ архивовъ важныхъ историческихъ документовъ, одно лишь приведеніе въ порядокъ существующихъ при архивныхъ комиссіяхъ собраній историческихъ документовъ и правильное ихъ храненіе требуетъ неотложныхъ расходовъ; не менѣе важно перевезти въ эти собранія наиболѣе цѣнные матеріалы, разсѣянные въ разныхъ архивахъ, которымъ грозитъ гибель отъ возможныхъ пожаровъ, уничтоженіе отъ сырости, описать эти матеріалы и по возможности сдѣлать ихъ достояніемъ ученаго міра путемъ изданія, въ томъ сознаніи, что только напечатанный матеріалъ дѣйствительно обезпеченъ отъ потери для исторической науки. Не предрѣшая будущей организациі общаго архивнаго дѣла на мѣстахъ, комиссія задалась на первыхъ порахъ скромною задачею оказать

нѣкоторую помощь тѣмъ изъ упомянутыхъ учреждений, которыя доставили императорскому русскому историческому обществу подробныя свѣдѣнія о положеніи архивнаго дѣла на мѣстахъ и выяснили необходимость принятія неотложныхъ мѣръ къ приведенію въ порядокъ наличнаго историческаго матеріала. Съ этой цѣлью коммиссія предположила выдать единовременную помощь саратовской, ставропольской, смоленской, вятской, пензенской и курской архивнымъ коммиссіямъ и псковскому археологическому обществу въ размѣрѣ двухъ тысячъ рублей каждому. Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ отнестись съ особливимъ сочувствіемъ къ отвѣтамъ многихъ архивныхъ коммиссій и повелѣлъ отпустить испрашиваемыя особою коммиссіею общества единовременныя пособія по двѣ тысячи рублей семи вышеназваннымъ мѣстнымъ учреждениямъ для развитія ихъ дѣятельности подъ руководствомъ императорскаго русскаго историческаго общества. По прочтеніи отчета Его Императорскому Величеству были представлены вновь вышедшіе томы «Сборника» и «Словаря». Произведенною баллотировкою избраны: въ помощники предсѣдателя переизбранъ Анатолій Николаевичъ Куломзинъ; въ казначеи переизбранъ Константинъ Аркадьевичъ Губастовъ; въ члены ревизіонной коммиссіи переизбраны: графъ С. Д. Шереметевъ, В. В. Щегловъ и Н. П. Лихачевъ; въ дѣйствительные члены общества—сенаторъ, генераль-лейтенантъ Михаилъ Михайловичъ Вородкинъ; директоръ государственнаго архива Сергій Михайловичъ Горяиновъ и ректоръ императорскаго московскаго университета, докторъ русской исторіи Матвѣй Кузьмичъ Любавскій. Въ заключеніе были сдѣланы доклады: 1) С. О. Платоновымъ—«Объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича»; 2) А. З. Мышлаевскимъ—«Регулярныя полки при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»; 3) барономъ М. А. Таубе—«Саксонскій дипломатъ въ плѣну у царя Михаила Ѳеодоровича и начало сношеній Москвы съ Саксоніей», и 4) С. Д. Сизоновымъ—«Нѣстavenія императрицы Екатерины II, преподанныя великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ». По окончаніи чтеній Его Императорское Величество изволилъ удостоить членовъ общества милостивою бесѣдою.

Годовое общее собраніе археологическаго общества. 5-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого состоялось годовое общее собраніе членовъ императорскаго русскаго археологическаго общества. Утвержденъ былъ отчетъ о дѣятельности общества въ 1912 году. Общество, подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича, имѣло въ отчетномъ году: 13 почетныхъ членовъ, 159 дѣйствительныхъ, 59 членовъ-сотрудниковъ, 13 иностранныхъ почетныхъ членовъ и 48 иностранныхъ членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе года состоялось четыре общихъ собранія, пять засѣданій отдѣленія русской и славянскои археологіи, девять засѣданій отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской, восемь засѣданій отдѣленія восточной археологіи и четыре засѣданія нумизматическаго отдѣленія. Послѣднее состояло подъ августѣйшимъ управленіемъ великаго князя Георгія Михайловича. Общество принимало участіе въ трудахъ третьяго международнаго археологическаго конгресса въ Римѣ, осуществило экспедицію на Афонъ для фотографированія фресокъ Протата, на что по высочайшему повелѣнію ассигнована была сумма въ 3,000 ру-

блей. На предпринятая русскимъ отдѣленіемъ общества изслѣдованія развалинъ церкви св. Климента въ Старой Ладогѣ одновременно съ изслѣдованіемъ земляного городища средства дарованы были августѣйшимъ предсѣдателемъ общества. Число докладовъ, прочитанныхъ въ обществѣ, распредѣлялось по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ русскомъ отдѣленіи—9, классическомъ—11, восточномъ—19, нумизматическомъ—7. Три доклада сдѣланы были на общихъ собраніяхъ. Издательская дѣятельность общества заключалась въ печатаніи IX тома записокъ русскаго отдѣленія, VII тома записокъ классическаго отдѣленія, XX тома, выпуска четвертаго и XXI тома выпусковъ перваго—третьяго восточнаго отдѣленія и втораго полутома втораго тома и перваго полутома третьяго тома нумизматическаго отдѣленія. Библіотека общества увеличилась 586-ю томами. Въ музей общества поступили археологическія находки изъ Екатеринославской, Ковенской, Черниговской губерній и Черноморскаго округа и изъ окрестностей Исыкъ-Куля, изъ Пермской, Костромской, Новгородской и Петербургской губерній и Закавказья. Музей посѣщался неоднократно экскурсіями учащихся. Коллекціями занимались русскіе и иностранные ученые. Въ отчетномъ году обществомъ была присуждена большая золотая медаль графу И. И. Толстому за его трудъ «Византійскія монеты». Приходъ суммъ общества выразился за годъ въ 19,348 руб. 54 коп., расходъ было произведено—13,681 руб. 22 коп. 25-лѣтіе исполненія обязанностей казначея А. К. Марковымъ отмѣчено было общимъ собраніемъ присужденіемъ ему единогласно малой золотой медали общества. Выслушавъ отчетъ медальной комиссіи, общее собраніе также единогласно наградило большой золотой медалью общества трудъ профессора В. І. Вэртольда «Исторія изученія Востока въ Европѣ и Россіи», гдѣ дается полный обзоръ постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ Азією, съ одной стороны, въ лицѣ длиннаго ряда путешественниковъ, начиная съ Геродота и кончая послѣднимъ временемъ, а съ другой—въ изложеніи исторіи научныхъ изслѣдованій, совершенныхъ западными учеными и специальными экспедиціями. Произведенными выборами въ казначеи общества избранъ вновь А. К. Марковъ и въ хранители музея А. А. Спицынъ. Въ дѣйствительные члены избраны: высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ новгородскій, А. Г. Зоммеръ, И. Ю. Марковъ, Л. А. Мацулевичъ и Ф. И. Шмитъ. Признано желательнымъ выпустить новое изданіе древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря.

Юбилей Румянцовскаго музея. Празднованіе пятидесятилѣтія императорскаго Румянцовскаго музея началось 3-го апрѣля торжественнымъ молебствіемъ въ маленькомъ храмѣ музея. Послѣ молебствія всѣ приглашенные и представители депутацій прошли въ Большую Румянцовскую залу музея, въ которую ко дню торжества, помимо постоянно хранящихся тутъ коллекцій старинныхъ рѣдкихъ книгъ музея, перенесены еще многіе предметы изъ музейныхъ коллекцій гр. Румянцова. Сюда перенесены: рядъ витринъ съ очень рѣдкими книгами, рукописи, драгоценныя этнографическія коллекціи Алеутовъ, населенія Филиппинскихъ и другихъ острововъ и Японіи; богатая минералогическія коллекціи и старинные, прекрасно сохранившіеся гербаріи во многихъ томахъ. Тутъ же курганныя древности, картины и скульптура: портретъ

графа Н. П. Румянцова работы Доу, статуя «Миръ» Кановы, заказанная въ память трехъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ гр. Румянцовымъ, мраморный бюстъ Екатерины II съ золотой надписью «Безсмертная» и др. Въ выставленныхъ книжныхъ витринахъ бывшей библіотеки Румянцова обращаютъ между прочимъ вниманіе рѣдкія книги европейскихъ первопечатниковъ въ родѣ Шеффера въ Майнцѣ, Ульриха Генрича, сочиненіе Боккачіо, напечатанное въ Базелѣ въ XV вѣкѣ, путешествіе въ Москву Маржерета (1607 г.) и мн. др. Къ первому часу дня въ этой залѣ собрались: московскій губернаторъ гр. А. Л. Муравьевъ, градоначальникъ генераль-майоръ А. А. Адриановъ, помощникъ градоначальника г. Заккитъ, попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, ректоръ университета М. К. Любавскій, бывший министръ народнаго просвѣщенія генераль Глазовъ, губернский предводитель дворянства егермейстеръ А. Д. Самаринъ, П. П. Рябушинскій, архимандритъ сербскій Михайль, многіе представители административнаго и ученаго міра. Изъ этой залы по приглашенію директора музея князя В. Д. Голицына всѣ перешли во вновь открытую залу съ новыми коллекціями камчатской экспедиціи покойнаго Ѳ. П. Рябушинскаго. Въ три часа дня въ актовую залѣ университета началось торжественное засѣданіе совѣта Румянцовскаго музея. Въ засѣданіи присутствовали: преосвященный Анастасій, епископъ серпуховскій, попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, председатель археологическаго общества гр. П. С. Уварова, губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, исполняющій должность городскаго головы В. Д. Брянскій, академики А. Н. Веселовскій, Ѳ. Е. Коршъ и А. И. Соболевскій, ректоръ университета М. К. Любавскій, профессора университета, представители многочисленныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ и учреждений московскихъ, петербургскихъ и провинціальныхъ, представители театра и художественныхъ обществъ, депутаціи отъ различныхъ учреждений и много публики. На эстрадѣ за предсѣдательскимъ столомъ заняли мѣста директоръ музея князь В. Д. Голицынъ и хранители отдѣловъ музея. Объявивъ торжественное собраніе открытымъ, князь В. Д. Голицынъ прочиталъ полученную имъ отъ Государя Императора по случаю юбилея телеграмму слѣдующаго содержанія: «Привѣтствую императорскій московскій и Румянцовскій музей съ исполненнымъ полувѣковымъ юбилеемъ его плодотворной дѣятельности въ Москвѣ, отъ души желаю музею поддерживать навѣки славу одного изъ величайшихъ русскихъ разсадниковъ знанія во благо истиннаго просвѣщенія. *НИКОЛАЙ*». Телеграмма вызвала громкіе клики «ура». Хоръ пѣвчихъ исполнилъ народный гимнъ, повторенный три раза. Князь В. Д. Голицынъ сказалъ вступительное слово, въ которомъ отмѣтилъ, что мысль учредителя музея Н. П. Румянцова получила въ настоящее время свое осуществленіе, и музей, пополнившійся за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія въ Москвѣ многочисленными коллекціями, въ полной мѣрѣ теперь служитъ «на благо просвѣщеніе». Мечта Н. П. Румянцова получить въ недалекомъ будущемъ еще болѣе полное осуществленіе съ выполненіемъ постановленія государственной думы объ учрежденіи въ Москвѣ національнаго музея въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ въ связи съ расширеніемъ Румянцов-

скаго музея. Сегодняшнее торжество совѣтъ музея приурочилъ ко дню рожденія Н. П. Румянцова въ благодарномъ воспоминаніи объ его заслугахъ въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Россіи. вмѣстѣ съ нимъ нельзя не вспомнить Н. В. Исакова и всѣхъ покойныхъ жертвователей въ пользу музея. По предложенію оратора собраніе почтило ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ директоръ музея принесъ благодарность всѣмъ учредителямъ и лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе развитію музея и почтившимъ своимъ присутствіемъ настоящее его торжество. Секретарь К. А. Стратоницкій прочиталъ привѣтственные телеграммы отъ высочайшихъ особъ. Отъ почетнаго попечителя музея великаго князя Николая Михайловича на имя князя В. Д. Голицына получена слѣдующая телеграмма: «Не имѣя возможности присутствовать на торжественномъ засѣданіи по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія существованія въ Москвѣ императорскаго московскаго и Румянцовскаго музея, привѣтствую въ сей знаменательный день музей въ лицѣ вашемъ и вашихъ сотрудниковъ, желаю музею дальнѣйшихъ и еще большихъ успѣховъ въ его дѣятельности во имя завѣта славнаго его основателя вѣчно служить на пользу благаго просвѣщенія. *Николай Михайловичъ*». Великая княгиня Елисавета Федоровна прислала слѣдующую телеграмму: «Привѣтствую Румянцовскій музей съ сегодняшнимъ юбилейнымъ днемъ, очень сожалѣю, что не могу быть лично. Еще искренно благодарю за чудное свангеліе. *Елисавета*». Управляющій кабинетомъ Его Величества генералъ-майоръ Волковъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ разрѣшить принести въ даръ музею сорокъ девять фарфоровыхъ раскрашенныхъ фигуръ народностей Россіи. Послѣ прочтенія секретаремъ историческаго очерка музея за пятьдесятъ лѣтъ было объявлено объ избраніи почетными членами музея предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова, предсѣдателя государственнаго совѣта М. Г. Акимова, предсѣдателя государственной думы М. В. Родзянка, директора Публичной бібліотеки Д. Θ. Кобеко, директора Эрмитажа гр. Д. И. Толстого, товарища предсѣдателя московскаго историческаго музея князя Н. С. Щербатова, директора музея изящныхъ искусствъ И. В. Цвѣтаева, директора музея антропологии В. В. Радлова, вице-президента географическаго общества П. П. Семенова Танъ-Шанскаго, предсѣдателя археографической комиссіи гр. С. Д. Шереметева, предсѣдателя археологической комиссіи гр. А. А. Вобринскаго, академикомъ Н. П. Кондакова и Θ. Е. Корша, профессора петербургскаго университета И. А. Шляпкина, П. Н. Исакова, генералъ-губернатора Приамурскаго края Н. Л. Гондатти, архієпископа кишиневскаго Серафима Чичагова, Т. К. Рябушинской, И. С. Остроухова, академика И. В. Ягича, заслуженнаго професосра вѣнскаго университета Эдуарда Зюса, генеральнаго директора королевскаго прусскаго музея Вильгельма Бодэ, директора британскаго музея Фридриха-Георга Кепіона, хранителя національнаго музея во Франціи Соломона Рейнака, товарища директора національной бібліотеки въ Парижѣ Анри Марселя, директора бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ Гарберта Путнама, директора берлинской бібліотеки доктора Адольфа Гарнака, директора національной бібліотеки въ Софіи Бобчева, главнаго секретаря Чарльза Валькорта, историка искусства Абрагама Бредуса, историка искусства Хофстеде де-Гроота, извѣстнаго мецената и дѣятеля просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Карнеги и

Е. В. Барсова. Хранитель отдѣленія изящныхъ искусствъ Н. И. Романовъ сказалъ рѣчь о задачахъ музея и о необходимости тѣсной связи его съ обществомъ, какъ залога для дальнѣйшей успѣшной его дѣятельности. Затѣмъ слѣдоваль рядъ привѣтствій. Въ концѣ засѣданія было сообщено, что получено до трехсотъ привѣтственныхъ телеграммъ. В. Д. Голицынъ выразилъ благодарность всѣмъ почтившимъ своимъ вниманіемъ настоящее торжество.

Пятидесятилѣтній юбилей Н. С. Таганцева. 19-го марта, въ день пятидесятилѣтняго юбилея государственной и общественной дѣятельности члена государственнаго совѣта, сенатора, профессора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. С. Таганцева многочисленныя депутаціи посѣтили юбиляра на его квартирѣ. Съ часу дня члены семьи Н. С. собрались въ полномъ составѣ и поднесли юбиляру цвѣты. Утромъ было получено со всѣхъ концовъ Россіи безчисленное количество поздравительныхъ телеграммъ: въ томъ числѣ отъ графа С. Ю. Витте, группы членовъ государственнаго совѣта, ректора петербургскаго университета профессора Гримма, члена государственнаго совѣта Авдакова, отъ старообрядческихъ священнослужителей, юридическаго факультета томскаго университета, общества курскихъ исправительныхъ пріютовъ, екатеринбургской адвокатуры, юридическаго факультета харьковскаго университета, отъ правленія харьковскаго общества исправительныхъ пріютовъ, томской адвокатуры, московскихъ правовѣдовъ пятьдесятъ седьмого выпуска, генерала Гродекова, графа В. А. Мусина-Пушкина, товарища предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда Касаткина, сенатора Полака и другихъ. Предсѣдатель совѣта министровъ В. Н. Коковцовъ привѣтствовалъ Н. С. слѣдующей телеграммой: «Прошу васъ, глубокоуважаемый Николай Степановичъ, принять мое сердечное привѣтствіе по случаю пятидесятилѣтняго юбилея вашей выдающейся ученой и государственной дѣятельности. Въ знаменательный для васъ день испытываю потребность сказать вамъ, насколько мнѣ дороги воспоминанія о нашихъ долготѣнныхъ отношеніяхъ и насколько я глубоко цѣнилъ ваше ко мнѣ дружеское расположеніе. Дай вамъ Богъ на многіе годы еще силъ и здоровья и той бодрости духа, которая столь благотворно всегда вліяла на вашихъ многочисленныхъ учениковъ! Одинъ изъ преданнѣйшихъ вашихъ старыхъ учениковъ Коковцовъ». Съ утра на квартиру Н. С. заѣзжали многіе члены государственнаго совѣта, сенаторы, представители петербургской адвокатуры, чтобы лично принести юбиляру свои поздравленія въ знаменательный для него день. Ровно въ часъ явилась депутація отъ петербургскаго университета въ составѣ, ректора, профессора Гримма, и профессоровъ сенатора Фойницкаго и Жижиленка. Затѣмъ прибыла депутація отъ императорскаго Александровскаго лицея въ составѣ: члена государственнаго совѣта Кауфмана, директора лицея генерала Шильдера и двухъ воспитанниковъ перваго класса. Чествованіе началось чтеніемъ адреса отъ петербургскаго университета. Въ этомъ адресѣ, прочитанномъ Э. Д. Гриммомъ, было отмѣчено, что блестящая полувѣковая дѣятельность юбиляра началась въ стѣнахъ петербургскаго университета и что къ научнымъ своимъ занятіямъ онъ присоединилъ цѣнныя заслуги общественнаго дѣятеля. Далѣе слѣдовала депутація отъ петербургскаго общественнаго

управленія (предсѣдатель думы сенаторъ С. В. Ивановъ, исполняющій должность городского головы Д. И. Демкинъ и другіе). «Петербургская городская дума,—гласилъ адресъ, поднесенный этой депутаціей,—избравшая васъ почетнымъ мировымъ судьей, считаетъ нынѣ своимъ долгомъ принести вамъ искренній привѣтъ отъ имени города, въ которомъ протекло полстолѣтіе вашей плодотворной работы и гдѣ подъ вашимъ руководствомъ воспитывалось поколѣніе выдающихся юристовъ и общественныхъ дѣятелей. Проводя въ жизнь начала правды и справедливости и поднимая тѣмъ нравственность населенія, вы способствовали осуществленію одной изъ задачъ, возложенныхъ на городское общественное управленіе». Н. С. пожелалъ городскимъ дѣятелямъ «успѣшно продолжать работу по обновленію города, которое имѣло такое блестящее начало». Предсѣдатель петербургскаго столичнаго мирового съѣзда Н. А. Меншуткинъ, привѣтствуя юбиляра, просилъ у него разрѣшенія на помѣщеніе въ залѣ засѣданій съѣзда его портрета, «который будетъ напоминать всѣмъ, какимъ долженъ быть судья». Въ адресѣ отъ петербургскаго юридическаго общества отмѣчалось, что будущее поколѣніе съ благодарностью и уваженіемъ будетъ вспоминать о той борьбѣ, которую Н. С. велъ противъ смертной казни какъ на страницахъ своихъ трудовъ, такъ и въ государственной своей дѣятельности. Въ адресѣ отъ русской группы международнаго союза криминалистовъ указывалось, что примѣръ и вліяніе Н. С. поддерживали принципы и завѣты науки уголовного права, когда они подвергались оспариванію и сомнѣнію. «Русская криминалистика не увлеклась призывомъ къ возрожденію тѣлесныхъ наказаній, ни идей о расправѣ съ «опасными» людьми, еще не совершившими преступленія, ни бездушнымъ приниженіемъ личности преступника». Адресъ заканчивался упоминаніемъ о томъ, что выступленіе Н. С. съ кафедры и трибуны государственнаго совѣта противъ смертной казни никогда не будетъ забыто ни историками русской науки, ни историками русской общественности. Въ отвѣтъ на привѣтствіе Н. С. заявили, что счастливъ видѣть, что взгляды его на преступника, прежде всего какъ на человѣка, раздѣляются русскими криминалистами. Комитетъ литературнаго фонда (В. Л. Набоковъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелеевъ) въ адресѣ своемъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что имя Н. С. стоитъ въ плеядѣ многихъ выдающихся свѣтилъ, входившихъ въ составъ прежнихъ комитетовъ фонда. Въ адресѣ далѣе говорится, что Н. С. былъ сотоварищемъ Некрасова, Щедрина, Костомарова и Кавелина и т. п. Изъ всѣхъ существующихъ группъ государственнаго совѣта юбиляра привѣтствовала лишь одна «прогрессивная группа» въ составѣ профессоровъ Д. Д. Гримма, А. А. Васильева и Д. И. Багалѣя. Н. С., отвѣчая на привѣтствіе группы, сказалъ, что ждетъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда эта группа сравнится по численности съ группой центра. Фракція союза 17-го октября привѣтствовала Н. С. особымъ адресомъ, которымъ подчеркивалось, что всѣ прогрессивныя начинанія государственной думы находили неизмѣнную поддержку въ лицѣ юбиляра. Юбиларомъ получено свыше трехсотъ поздравительныхъ телеграммъ. Среди нихъ отъ учениковъ-сослуживцевъ, на которой имѣются подписи предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова, государственнаго секретаря П. А. Харитонова,

министровъ: С. В. Рухлова, И. Г. Щегловитова и мн. друг. Получены также телеграммы многихъ старообрядческихъ обществъ и, между прочимъ, отъ совѣта московской старообрядческой общины храма Покрова, благодарящей юбиляра за постоянную защиту интересовъ старообрядчества, отъ юридическихъ факультетовъ всѣхъ русскихъ университетовъ, отъ петербургской, московской и провинціальной адвокатуры, педагогическаго совѣта пензенской первой гимназіи, гдѣ воспитывался юбиляръ, московскихъ юристовъ, выражающихъ пожеланіе юбиляру еще долгіе годы быть на стражѣ правды и добра. Оберъ-прокурорскій надзоръ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената привѣтствуетъ въ своей телеграммѣ славнаго учителя правды и справедливости. Далѣе идутъ телеграммы отъ военно-юридической академіи, группы праваго центра государственнаго совѣта, бюро печати при государственномъ совѣтѣ, московскаго окружнаго суда, народнаго университета Шанявскаго, исправительныхъ пріютовъ, петербургскаго и московскаго, и многихъ правовѣдовъ. Около шести часовъ вечера юбиляра посѣтилъ предсѣдатель совѣта министровъ В. П. Коковцовъ, который лично поздравилъ его съ рѣдкимъ юбилеемъ. Кромѣ того, юбиляра посѣтили многіе члены государственнаго совѣта во главѣ съ его предсѣдателемъ П. Г. Акимовымъ, вице-предсѣдатель И. Я. Голубевъ, сенаторы уголовного и другихъ департаментовъ сената и много другихъ.

Юбилей академика Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. 23-го марта въ торжественной обстановкѣ праздновался тридцатипятилѣтній юбилей научно-литературной дѣятельности академика Д. Н. Овсянко-Куликовскаго. Къ пяти часамъ дня въ помѣщеніе ресторана «Старый Доношъ» собрались академики (А. Ф. Кони, А. А. Шахматовъ, Ф. Ф. Фортунатовъ, Н. А. Котляревскій, К. К. Арсеньевъ, И. А. Бунинъ и др.), профессоръ М. М. Ковалевскій, О. Д. Ватюшковъ, Д. П. Багалъй, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Ф. А. Браунъ, литераторы, а также депутаціи отъ различныхъ научныхъ обществъ, высшихъ учебныхъ заведеній и т. д. Чествованіе началось чтеніемъ адреса отъ литературнаго общества. Послѣ этого академикомъ Н. А. Котляревскимъ былъ преподнесенъ Д. Н. адресъ отъ разряда изящной словесности академіи наукъ. Затѣмъ были прочитаны адреса: отъ всероссійскаго литературнаго общества, друзей и почитателей, отъ «Вѣстника Европы», заканчивающійся словами: «Вамъ, какъ и всѣмъ намъ, дорога идея, красной нитью проходящая чрезъ автобіографію В. Г. Короленка, — идея, что «національность не добродѣтель, не порокъ, не принципъ, не знамя, а нѣчто нейтральное и что она не должна являться поводомъ къ ненависти и враждѣ»; далѣе слѣдовали привѣтствія отъ «Вѣстника Мира», «Вѣстника Воспитанія», въ которомъ Д. Н. помѣщалъ «высоко-цѣнныя изслѣдованія по исторіи художественной литературы XIX вѣка и по вопросамъ психологіи художественнаго творчества и, являясь выдающимся ученымъ и мыслителемъ, оказывалъ глубокое воспитательное вліяніе на читателей, поддерживая въ нихъ вѣру въ торжество истины и прогресса» и др. Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ въ своемъ адресѣ, написанномъ чрезвычайно тепло, собравшемъ свыше 1,500 подписей, высказали чувства любви и уваженія къ профессору-учителю, котораго «знаетъ и цѣнитъ вся культурная Россія», который извѣстенъ имъ

своими литературными трудами еще съ гимназической скамьи и который выказалъ «высокое пониманіе женщины-человѣка». Студенты петербургскаго университета, привѣтствуя Д. Н., вспоминаютъ «то недавнее прошлое, когда съ кафедры актовъ зала раздавалось учительское слово любимаго профессора». Далѣе студенты съ грустью говорятъ о томъ, что «у насъ нѣтъ легальныхъ средствъ съ опредѣленностью высказать наше желаніе о возвращеніи насъ въ стѣны университета. Болѣе двухъ лѣтъ мы ждемъ этого возвращенія и твердо вѣримъ, что ученый, громко заявившій, что только въ условіяхъ демократическаго общественнаго строя возможенъ полный расцвѣтъ научной мысли, вернется на нашу кафедру, когда такой степени остроты достигнуть наши чаянія демократической школы». Кромѣ адресовъ, юбиляру были прочитаны многочисленныя письменныя привѣтствія: отъ историко-филологическаго факультета петербургскаго университета, отъ любителей російской словесности, отъ литературнаго фонда, отъ педагогической академіи и мн. др. Глубоко растроганный юбиляръ въ краткой прочувствованной рѣчи поблагодарилъ присутствующихъ, сказавъ, что «Богомъ или по наслѣдственности ему опущенъ былъ маленькій капиталъ. Этотъ капиталъ неоднократно оборачивался на различныхъ поприщахъ: литературномъ, научномъ и др., и вотъ теперь онъ припесъ прибыль, въ видѣ того чествованія, которое выпало на его долю въ настоящій моментъ. За выраженные чувства онъ низко кланяется друзьямъ и почитателямъ». По окончаніи чествованія состоялся банкетъ, за которымъ были прочитаны многочисленныя телеграммы отъ редакцій газетъ, журналовъ и др., отъ профессоровъ провинціальныхъ университетовъ, отъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній столичныхъ и провинціальныхъ, отъ литераторовъ.

Юбилей профессора В. В. Есипова. Въ мартъ сего года минуло двадцать лѣтъ профессорской дѣятельности В. В. Есипова. За эти два десятка лѣтъ онъ не только много поработалъ на пользу русской науки, но и отстоялъ одинъ-единешенекъ существованіе русскаго университета въ Варшавѣ въ то время, когда въ годы недавней смуты чуть было не порѣшили сослать весь варшавскій университетъ «въ глушь, въ Саратовъ», чтобы «не раздражать поляковъ». Если этого не произошло, то лишь благодаря «особымъ мнѣніямъ» профессора Есипова. И въ другихъ областяхъ своей дѣятельности «профессоръ-гуманистъ» вполне оправдали возлагавшіяся на него въ цитированной выше статьѣ надежды: его лекціи всегда привлекали и привлекаютъ множество слушателей и слушательницъ живымъ, красочнымъ изложеніемъ «безъ тетрадки» и интереснымъ содержаніемъ; за двадцать лѣтъ ученой работы онъ напечаталъ до шестидесяти монографій по различнымъ юридическимъ, экономическимъ, историческимъ и политическимъ вопросамъ, а также единственный въ Россіи полный курсъ русскаго уголовного права, вышедшій уже третьимъ изданіемъ и вызвавшій лестные отзывы не только въ русской, но и въ иностранной критикѣ, прочелъ рядъ публичныхъ лекцій, участвовалъ, какъ представитель университета, въ конгрессѣ криминалистовъ, давалъ отзывы о проектахъ законоположеній (напримѣръ, о новомъ дисциплинарномъ уставѣ и о законѣ объ условномъ осужденіи), написалъ по спеціальному порученію изслѣдованіе «Объ автономіи Польши съ точки зрѣнія финансовыхъ, экономическихъ и другихъ

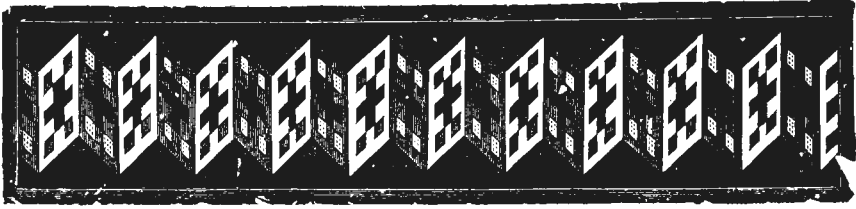
интересовъ Россіи» и т. д. Цѣннымъ вкладомъ во всестороннее изученіе края являются труды профессора Есипова въ бытность его главнымъ редакторомъ варшавскаго статистическаго комитета (1906—1908 гг.): за три года имъ издано семнадцать выпусковъ «Трудовъ» комитета, освѣщавшихъ различныя проявленія мѣстной жизни. Послѣднія пять лѣтъ профессоръ Есиповъ редактируетъ офиціозный «Варшавскій Дневникъ».

Древнія бумаги. Въ архивѣ харьковской духовной консисторіи чиновникомъ консисторіи И. А. Яковенкомъ найдены бумаги, касающіяся священника церкви села Старога Деркула, Старобѣльскаго уѣзда, Лаврентія Терентьева, съ подлинными резолюціями святителя Тихона Задонскаго. Резолюціи прекрасно сохранились и относятся къ 1674 году. Бумаги съ резолюціями, въ виду ихъ громаднаго историческаго интереса, рѣшено передать въ харьковский епархіальный музей церковныхъ древностей.

Конкурсъ имени графа С. А. Строганова. Изъ 58 сочиненій, представленныхъ на четвертый конкурсъ для соисканія премій имени графа С. А. Строганова, удостоены премій нижеслѣдующія сочиненія: 1) «Отечественная война 1812 г.»—священникъ К. Н. Корольковъ; 2) «Походъ эскадры адмирала Чухнина»—инженеръ-механикъ флота М. Д. Жуковъ; 3) «Доблестная страница Черноморскаго флота»—В. П. Ильинскій; 4) «Исторія Черноморскаго флота»—мичманъ Е. А. Мязговскій; 5) «Враги»—подпрапорщикъ В. И. Черникъевъ; 6) «Странички изъ славнаго прошлаго роднаго флота»—мичманъ Манштейнъ; 7) «Землетрясеніе въ Италіи въ 1908 г. и подвиги нашихъ моряковъ въ Мессинѣ»—ст. лейтенантъ В. В. Домбровскій 1-й; 8) «Геройская гибель броненосца «Князь Суворовъ» 14-го мая 1905 года въ Цусимскомъ бою»—лейтенантъ А. Н. Лушковъ 1-й; 9) «Безъ имени»—Н. С. Тайскій; 10) «Три якоря»—докторъ Е. К. Яблонскій.

Отъ комиссіи по собиранію документовъ и матеріаловъ по исторіи московской пожарной команды. Комиссія по собиранію документовъ и матеріаловъ по исторіи московской пожарной команды проситъ всѣхъ лицъ и учрежденія, имѣющія какіе-либо документы, матеріалы, гравюры, фотографіи и проч., относящіяся къ прошлому московской пожарной команды, сообразованію прислать во временное пользованіе комиссіи. Все присланное, по снятіи копій, по желанію владѣльцевъ тотчасъ же будетъ съ благодарностью возвращено въ цѣлости и почтовые расходы оплачены. Адресъ: городъ Москва, Пречистенка, 22, московскому брендъ-майору.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРСОФОНІЙ, архимандритъ¹⁾. 1-го апрѣля въ Воезѣ почилъ настоятель Старо-Голутвина монастыря около города Коломны архимандритъ Варсонофій. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ иноковъ-подвижниковъ, одинъ изъ тѣхъ высокихъ идеалистовъ, которые могутъ возрасти только на почвѣ православія. Дѣятельность его была такъ же благодатна и обширна, какъ дѣятельность о. Іоанна Крошпшадтскаго, хотя онъ не пользовался всеобщою извѣстностью этого пастыря вслѣдствіе окружавшихъ его жизненныхъ условий, въ глуши отдаленнаго монастыря. Родомъ изъ дворянъ Казанской губерніи, Павелъ Ивановичъ Плеханковъ въ младенчествѣ лишился матери и былъ воспитанъ въ деревнѣ суровой, но благочестивой мачехой, заложившей въ немъ глубокіе религіозные задатки.

Затѣмъ, окончивъ полоцкій кадетскій корпусъ, онъ служилъ сначала въ штабѣ въ Оренбургѣ, а затѣмъ въ должности старшаго адъютанта казанскаго военного округа. Свѣтски широко образованный, тонкій цѣнитель музыки и знатокъ нашей литературы лучшаго, Пушкинскаго, ея періода, онъ былъ, подл. псевдонимомъ «Странникъ», авторомъ стихотвореній, отличающихся глубиною религіознаго чувства. Прекрасны были и его бесѣды въ тѣсномъ кругу слушателей въ его убогой иноческой хибаркѣ, прекрасна и по формѣ и по содержанію его обширнѣйшая переписка съ его духовными дѣтьми. Въ чинѣ полковника онъ почувствовалъ, сорока девяти лѣтъ отъ роду, что бремя разлада окружающаго житейскаго суеты съ высокими стремленіями его духа становится ему не въ мочь. Тогда онъ подалъ въ отставку и по благословенію знаменитаго о. Амвро-

¹⁾ Сообщила А. М. Черняева.

сія поступилъ послушникомъ въ скитъ Оптиной пустыни Калужской губерніи, отличающейся строгостью монашескаго устава и жизни. Здѣсь онъ вскорѣ принялъ постригъ съ именемъ Варсонофія и сталъ приближеннымъ келейникомъ и письмоводителемъ скитоначальника о. Анатолія (скончался въ 1894 г.), преемника по трудамъ старчества (внутренняго руководства совѣстью) о. Амвросія Оптинскаго, стяжавшаго при жизни всероссійскую-извѣстность. Въ 1905 г., во время русско-японской войны, о. Варсонофій, несмотря на преклонный возрастъ и слабость здоровья, былъ посланъ на Дальній Востокъ въ качествѣ госпитальнаго іеромонаха. Возвратившись благополучно оттуда въ свою многολюбимую пустынь, онъ былъ выбранъ братіей ея скитоначальникомъ и духовникомъ обители и сталъ одновременно нести бремя старчества. Когда Л. Толстой лежалъ въ предсмертной болѣзни, о. Варсонофій, какъ опытный духовный врачъ, былъ, но, къ сожалѣнію, напрасно, посланъ къ нему святѣйшимъ синодомъ для напутствія. Прекраснѣйшему внутреннему духовному облику о. Варсонофія сопутствовала и его внѣшность. Высокій, безъ кровинки въ лицѣ, обрамленномъ бѣлоснѣжными волосами, въ старенькомъ порывѣвшемъ подрясникѣ, это былъ благолѣпный обликъ подвижника, сошедшаго съ иконы. Годъ за три до своей кончины онъ принялъ великій постригъ, схиму, усиливъ свои молитвенные и постническіе труды и продолжая любовію служить міру въ лицѣ многочисленныхъ посѣтителей. За послѣдніе годы на этого великаго старца было много клеветъ и нареканій, послѣдствіемъ которыхъ было отторженіе его отъ любимой имъ Оптиной пустыни и переводъ съ возведеніемъ въ санъ архимандрита настоятелемъ крайне во всѣхъ отношеніяхъ неустроеннаго Голутвина монастыря. Очень тяжело было о. Варсонофію на старости лѣтъ при болѣзненномъ его состояніи разставаться съ лучшими изъ братіи, товарищами его многолѣтняго монашескаго подвига, съ тихимъ и лѣтомъ благоухающимъ цвѣточными насажденіями скитомъ, но безропотно, какъ честный монахъ, принялъ онъ на себя бремя настоятельства. Но устроеніе монастырской жизни и пріемъ множества посѣтителей, продолжавшихъ стекаться къ нему отовсюду, не давали ему буквально ни единой свободной минуты и на новомъ мѣстѣ, и такимъ образомъ все его время уходило на служеніе Богу и ближнимъ. Постоянно хворая отъ понесенныхъ имъ заботъ и потрясеній со времени своего переѣзда изъ Оптиной, архимандритъ Варсонофій года не прожилъ въ Голутвинѣ. Въ половинѣ марта онъ заболѣлъ тяжкимъ недугомъ, параличомъ кишекъ. Отказавшись рѣшительно отъ всякой медицинской помощи, не принимая пищи, всецѣло положившись на волю Божию, онъ медленно угасалъ въ теченіе двѣнадцати дней, ожидая

Иной страны сіяющую даль,
Страны живыхъ, страны обѣтованья—
Грядущаго за подвигъ воздаянья,
Желаній своихъ край.

(Изъ стих. арх. Варсонофія).

Гартманъ, Л. Н. Въ Нью-Йоркѣ на шестьдесятъ третьемъ году жизни скончался Л. Н. Гартманъ, бывшій членъ партіи «народной воли», одинъ изъ главныхъ организаторовъ покушенія на взрывъ императорскаго поѣзда

на Московско-Курской желѣзной дорогѣ 19-го ноября 1879 года. Жизнь Л. Н. Гартмана была богата приключеніями. Начавъ въ 1869 году революціонную дѣятельность, онъ въ теченіе десяти лѣтъ велъ нелегальное существованіе: онъ былъ то столоначальникомъ городской управы въ Ростовѣ-на-Дону, то волостнымъ писаремъ въ Тамбовской губерніи, письмоводителемъ волостного суда въ Новоузенскомъ уѣздѣ, то сотрудникомъ «Саратовскаго Справочнаго Листка». Послѣ 19-го ноября 1879 года Гартманъ бѣжалъ во Францію. Тамъ онъ былъ арестованъ въ 1880 году, но требованіе русскаго правительства объ его выдачѣ не было удовлетворено. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ и провель болѣе тридцати лѣтъ, владѣя небольшою фермой, которая давала ему средства къ существованію. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 82).

† **Джорджадзе, А. К.** Телеграфъ принесъ печальное извѣстіе о смерти одного изъ выдающихся грузинскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей А. К. Джорджадзе. Всего около пятнадцати лѣтъ проработалъ А. К. на пользу своей страны, но сдѣлалъ за это время такъ много для развитія грузинской общественности, что будущія поколѣнія съ любовью и благодарностью будутъ вспоминать эту свѣтлую личность. А. Джорджадзе прошелъ суровую школу жизни и достигнутыми успѣхами былъ обязанъ лишь своимъ выдающимся способностямъ. Онъ родился въ 1872 году. По окончаніи курса въ тифлисской 1-й гимназіи въ 1892 г. покойный поступилъ въ петербургскій университетъ. А. Джорджадзе принималъ близкое и дѣятельное участіе въ кружкѣ, сгруппировавшемся вокругъ «Сѣвернаго Вѣстника». Въ 1897 г. А. Джорджадзе покинулъ университетъ и поѣхалъ въ Англію. Здѣсь онъ сталкивается съ толстовцами и вращается въ кружкѣ В. Г. Черткова. Въ Англіи А. Джорджадзе остался недолго и переѣхалъ во Францію и здѣсь сталъ увлекаться политическими вопросами. Въ 1901 году А. Джорджадзе—въ Тифлисъ и сразу занимаетъ видное мѣсто въ грузинской печати, его статьи появляются въ «Моамбе» и «Вноибсъ-Пурцели». Въ скоромъ времени Ар. Джорджадзе вынужденъ былъ покинуть родину и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ съ помощью своихъ друзей въ 1903 году сталъ издавать газету «Сакартвело» (Грузія) съ французскимъ добавленіемъ «La Géorgie». Онъ же является однимъ изъ основателей партіи социаль-федералистовъ, заграничнымъ органомъ которой была газета «Сакартвело». Въ 1905 году А. Джорджадзе вновь на родинѣ и отдаетъ всѣ свои силы изученію исторіи грузинскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ, на основаніи сырыхъ, впервые обследованныхъ матеріаловъ. А. Джорджадзе въ своихъ статьяхъ освѣщаетъ крайне сложный на Кавказѣ національный вопросъ. Весь I томъ его сочиненій посвященъ этому вопросу. Часть его остальныхъ сочиненій издана еще въ 3-хъ томахъ. Помимо этого, его перу принадлежитъ рядъ монографій. Произведеніями покойнаго зачитывалась вся грамотная Грузія. Къ нему всегда съ большимъ уваженіемъ относились и идейные противники. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе усиливалась ужасная болѣзнь А. К. (туберкулезъ), но, не щадя своего здоровья, онъ не переставалъ работать и на страницахъ «Сахалхо-Газети» продолжалъ откликаться на различныя явленія общественности. Со смертію А. Джорджадзе Грузія потеряла человѣка большого ума и

литературнаго дарованія. И всякій, кто близко стоит къ грузинской общественной жизни, едва ли когда-нибудь забудет образъ этого обаятельнаго, талантливаго и отзывчиваго человѣка. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 84).

† **Заозерскій, Н. А.** 18-го марта утромъ отъ отека почекъ, явившагося слѣдствиемъ нервнаго удара, скончался педагогъ Н. А. Заозерскій. Покойный, несмотря на свою недолгую преподавательскую дѣятельность, — скончался онъ тридцати четырехъ лѣтъ, — стяжалъ себѣ широкую извѣстность. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ московскаго общества народныхъ университетовъ, гдѣ читалъ исторію русской литературы. Ему принадлежатъ нѣсколько трудовъ и литературныхъ изслѣдованій. Последняя работа Н. А. Заозерскаго — «Л. Н. Толстой о смыслѣ жизни» — издана въ началѣ 1913 года обществомъ народныхъ университетовъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1913 г., № 65),

† **Кибальчичъ, Т. В.** Въ Москвѣ скончался Т. В. Кибальчичъ, почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ. Это рѣдкое званіе покойный получилъ еще сорокъ лѣтъ назадъ за особыя заслуги передъ академіей. Кромѣ него, это почетное званіе было пожаловано только семи или восьми лицамъ. Особыя заслуги покойнаго — это его работы по собиранію коллекцій геммъ, драгоценныхъ рѣзныхъ камней. Онъ возилъ ихъ съ собою за границу для опредѣленія стоимости, и ихъ оцѣнили въ три милліона франковъ. Часть коллекціи, около 250 камней, находится въ Москвѣ, другая же, большая, около 500 камней — въ Берлинѣ, гдѣ покойный заложилъ ее частнымъ лицамъ, когда ему понадобились деньги на изданіе описанія коллекцій. Многіе европейскіе ученые очень высоко цѣнили коллекціи Кибальчича. Заграничные музеи пытались приобрести коллекціи, но по частямъ, а покойный желалъ продать все сразу. Работами покойнаго очень интересовались и многія коронованныя особы Европы, при дворахъ которыхъ онъ неоднократно бывалъ. Покойный имѣлъ множество иностранныхъ орденовъ. Родные покойнаго Кибальчича рассказываютъ, что собираніе коллекцій онъ началъ по предложенію императора Александра II, который обѣщалъ ему, что коллекціи будутъ приобретены казной, но послѣ смерти императора Александра II этотъ вопросъ какъ-то заглохъ, и только небольшая часть коллекцій была приобретена академіей художествъ: скончался покойный на шестьдесятъ пятомъ году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13316).

† **Корфъ, П. Л., баронъ** Скончавшійся 16-го марта бывший членъ государственнаго совѣта по выбору петербургскаго земства баронъ Павелъ Леопольдовичъ Корфъ хорошо извѣстенъ Петербургу, какъ бывший петербургскій городской голова и предсѣдатель петербургской губернской земской управы. Еще болѣе обширную извѣстность онъ имѣлъ по своему продолжительному предсѣдательству въ комитетѣ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Петербургское отдѣленіе этого комитета подъ его руководствомъ дѣятельно работало по развитію въ Россіи сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, производительныхъ артелей и потребительныхъ обществъ. Оно теоретически разрабатывало начала кооперативныхъ учрежденій, идейно и нерѣдко матеріально содѣйствовало ихъ практическому осуществленію. Покойный принадлежалъ къ общественнымъ дѣятелямъ эпохи реформъ царство-

ванія императора Александра II. Передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году онъ, тогдашній блестящій гвардейскій офицеръ, увлеченный общественнымъ движеніемъ, покинулъ л.-гв. Семеновскій полкъ, куда опредѣлился по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, и всецѣло отдался общественному служенію. Въ качествѣ мирового посредника Шлиссельбургскаго уѣзда онъ участвовалъ въ проведеніи крестьянской реформы въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, улаживалъ возникновеніе конфликтовъ между мѣстными помѣщиками и бывшими крѣпостными и заботился о крестьянскомъ экономическомъ благосостояніи. Дѣятельность его расширилась, когда возникли земскія учрежденія и онъ былъ избранъ сперва членомъ, затѣмъ предѣвателемъ петербургской уѣздной земской управы, одновременно въ 1866 году петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и черезъ два года предѣвателемъ петербургской губернской земской управы. Баронъ П. Л. посвятилъ земской работѣ всего себя, всю свою удивительную энергію и работоспособность. Дѣятель просвѣщенный и благожелательный, онъ старался развить въ губерніи сѣтъ народныхъ школъ, обставить мѣстную юстицію мировыхъ судей наиболѣе образованнымъ и безукоризненнымъ составомъ, увлекался и поддерживалъ все идейное, что могло дать хорошіе результаты для экономическаго подъема мѣстной жизни и оздоровленія мѣстности. Его полезная работа была у всѣхъ на виду и, когда въ 1874 году онъ вновь баллотировался въ предѣватели петербургской губернской управы, то былъ избранъ закрытой баллотировкой единогласно. Въ качествѣ земскаго дѣятеля П. Л. привлекался въ то время къ разработкѣ различныхъ законодательныхъ предположеній: проекта о всеобщей воинской повинности, объ организаціи ополченія и друг. Гласнымъ петербургской думы покойный былъ избранъ впервые въ 1873 году, и съ этого же года принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи по народному образованію, явившись тамъ убѣжденнымъ сторонникомъ широкаго открытія начальныхъ школъ и безплатности обученія. Одновременно состоялъ членомъ училищнаго совѣта. Съ 1878 года по 1881 годъ онъ былъ петербургскимъ городскимъ головой, и его недолгое руководство столичной думой отличалось небывалымъ оживленіемъ городской производительной работы, направленной къ удовлетворенію обывательскихъ нуждъ и къ столичному благоустройству. При немъ начата постройкой барачная больница, образована комиссія общественнаго здравія, возникли скотобойни на Обводномъ каналѣ, закончено сооруженіе Литейнаго моста, при управѣ учреждено статистическое отдѣленіе. Покойный входилъ въ каждую мелочь городской хозяйственной жизни, боролся съ корыстнымъ оттънкомъ думскаго дѣлопроизводства и высоко поставилъ престижъ и достоинство столичнаго мэра. Послѣ 1881 года баронъ П. Л., продолжая быть земскимъ и городскимъ гласнымъ, принималъ живое участіе въ различныхъ организаціяхъ общественнаго характера, былъ безсмѣннымъ предѣвателемъ петербургскаго отдѣленія комитета о судо-сберегательныхъ товариществахъ, недолго президентомъ вольно-экономическаго общества, состоялъ членомъ попечительства о трудовой помощи. Земское движеніе 1904 года захватило также и его, какъ стараго земца. Онъ участвовалъ въ земскихъ съѣздахъ съ цѣлью организаціи въ Россіи народнаго представительства и вошелъ въ составъ депутаціи отъ

земствъ и городовъ, принятой Государемъ Императоромъ въ Петергофѣ 6-го июня 1905 года. При выборахъ въ реформированный государственный совѣтъ покойный былъ выбранъ членомъ государственнаго совѣта отъ земствъ Петербургской губерніи и участвовалъ въ государственномъ совѣтѣ, пока не одолѣли его старческіе годы и болѣзнь не приковала къ кровати. Послѣдній годъ онъ уже не могъ работать. Умеръ П. Л. на семьдесятъ шестомъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13296).

† **Коршъ, Е. В.** Скончавшійся 16-го марта Евгений Валентинович Коршъ былъ сыномъ извѣстнаго публициста В. О. Корша, издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Будучи студентомъ-юристомъ петербургскаго университета, онъ сталъ работать въ газетѣ своего отца, затѣмъ сотрудничалъ въ различныхъ изданіяхъ и въ послѣдніе годы печаталъ рядъ статей въ «Новомъ Времени». По окончаніи университетскаго курса покойный занялся адвокатской дѣятельностью, въ 1889 году опредѣлился правителемъ дѣлъ на Уральскую желѣзную дорогу. Съ того времени онъ посвятилъ свою службу желѣзнодорожному дѣлу: съ Уральской дороги перешелъ на Севастопольскую, былъ юрисконсультomъ Курско-Харьковской желѣзной дороги, въ 1900 годахъ правителемъ дѣлъ Московско-Виндавской желѣзной дороги. Во время службы онъ близко ознакомился съ бытомъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и выступилъ въ печати заступникомъ ихъ правъ. Затѣмъ нѣсколько статей посвятилъ онъ литературнымъ воспоминаніямъ, а также синдикатамъ. Въ послѣднее время Е. В. много работалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Умеръ онъ 62 лѣтъ, разбитый въ послѣдній годъ параличомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13298).

† **Маѣвъ, А. М.** Въ воскресенье 17-го марта скончался старѣйшій представитель московскаго университета, профессоръ-акушеръ А. М. Маѣвъ. Онъ умеръ въ церкви Николая на Пескахъ. Церковная служба приближалась къ концу. А. М. Маѣвъ неожиданно упалъ. Его перенесли въ ближайшую лечебницу д-ра Юрасовскаго, вызвали туда д-ра Г. А. Соловьева и профессора П. И. Побѣдинскаго, которымъ пришлось констатировать лишь смерть. Тутъ же была отслужена первая панихида, послѣ которой тѣло покойнаго перенесено въ его квартиру. А. М. Маѣвъ происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ 1829 году, образованіе онъ получилъ въ московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, который окончилъ въ 1853 году. Ученые труды были написаны имъ въ молодости. Тогда же онъ занимался у лучшихъ профессоровъ того времени въ Западной Европѣ. Послѣдующая жизнь протекла исключительно въ преподаваніи и врачебной практикѣ. Какъ акушеръ, А. М. Маѣвъ пользовался въ свое время большой популярностью. Съ 1874 года онъ получилъ въ свое завѣдываніе акушерскую клинику, и съ тѣхъ поръ въ теченіе очень длиннаго ряда лѣтъ былъ ея директоромъ. По его инициативѣ перенесена университетская клиника на Дѣвичье Поле. Ему удалось также привлечь щедрыхъ жертвователей, давшихъ возможность положить начало нынѣшнимъ клиникамъ. А. М. былъ однимъ изъ учредителей старѣйшаго университетскаго акушерско-гинекологическаго общества, въ которомъ былъ почетнымъ предсѣдателемъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 г., № 65).

† **Оболонскій, Н. А.** Въ Кіевѣ скончался 15-го марта профессоръ университета св. Владимира Николай Александровичъ Оболонскій. Имя покойнаго пользовалось извѣстностью, какъ одного изъ выдающихся и авторитетныхъ знатоковъ судебной медицины. Онъ родился въ 1856 году. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ харьковскаго университета началъ свою дѣятельность въ 1880 году въ томъ же университетѣ, сперва помощникомъ прозектора, потомъ прозекторомъ при кафедрѣ судебной медицины. Въ это время защитилъ докторскую диссертацию и сталъ читать въ качествѣ привать-доцента лекціи по судебной медицинѣ. Послѣ двухлѣтней командировки за границу и слушанія лекцій въ Тюбингенѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ покойный былъ приглашенъ въ 1889 году въ Кіевъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ судебной медицины. Съ этого года онъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ университетѣ св. Владимира—былъ ординарнымъ профессоромъ и въ послѣдніе годы деканомъ медицинскаго факультета. Какъ профессоръ, Н. А. заявилъ себя множествомъ научныхъ работъ по судебной медицинѣ, изъ которыхъ извѣстны: «Пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа и при изслѣдованіи вещественныхъ доказательствъ», «Историческій очеркъ развитія позитивной школы о преступникѣ и преступленіи», «Профессиональныя измѣненія рукъ», «Черепъ преступниковъ», «Аффекты въ судебно-медицинскомъ отношеніи» и другіе. Онъ умѣло поставилъ университетское преподаваніе судебной медицины, организовалъ при кафедрѣ образцовый и богато обставленный судебно-медицинскій музей, привлекался кіевской городской думой къ работамъ въ различныхъ медицинскихъ и санитарныхъ комиссіяхъ, а также являлся въ мѣстномъ судѣ авторитетнымъ экспертомъ въ разрѣшеніи зачастую сложныхъ судебно-медицинскихъ вопросовъ. (Некрологъ его: «НовоеВремя», 1913 г., № 13295).

† **Полонскій, Л. А.** 17-го апрѣля скончался видный писатель-журналистъ Леонидъ Александровичъ Полонскій. Покойный пользовался широкой извѣстностью въ литературныхъ кругахъ, какъ талантливый публицистъ, принимавшій видное участіе въ цѣломъ рядѣ распространенныхъ изданій, и какъ издатель газеты «Страна», выходившей съ 1880 года по 1883 годъ. Въ 1861 году онъ велъ отдѣлъ иностранной политики въ «Русскомъ Импалидѣ», затѣмъ въ «Современномъ Словѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. О. Корша, «Голосѣ», «Гласномъ Судѣ» и «Сынѣ Отечества». Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» Л. А. первый ввелъ еженедѣльный фельетонъ столичной жизни, который послѣ ухода покойнаго въ 1865 году въ «Голосѣ» перешелъ къ В. П. Вуренину, затѣмъ къ А. С. Суворину. Эти фельетоны подписывались Полонскимъ псевдонимомъ «Иванъ Любичъ». Когда въ 1868 году «Вѣстникъ Европы» сдѣлался ежемѣсячникомъ, М. М. Стасюлевичъ пригласилъ покойнаго вести отдѣлъ «Внутреннее обозрѣніе». Съ того времени Л. А. сосредоточилъ свои силы почти исключительно въ «Вѣстникѣ Европы» и разстался съ нимъ только въ 1880 году, предпринявъ изданіе своей газеты «Страна». Отдѣлъ «Внутреннее обозрѣніе» онъ велъ въ либеральномъ духѣ, сочувственномъ широкому проявленію общественныхъ начинаній земствами и городами. Къ административнымъ проектамъ и распоряженіямъ всегда относился критически-оппозиціонно. Это его направленіе создало ему своего рода извѣстность и съ его взглядами иногда считались. Кромѣ постоянныхъ

ежемѣсячныхъ статей по своему отдѣлу, Л. А. напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» множество статей и по другимъ отдѣламъ, преимущественно по иностранной литературѣ, а также историческаго и экономическаго характера: «Стефанъ Баторій», «Гугеноты въ Англіи» и друг. Одновременно въ семидесятыхъ годахъ появлялись въ томъ же журналѣ его повѣсти, подписанныя Л. Лукьяновъ: «Надо жить», «Сумасшедшій музыкантъ». Онѣ въ послѣдствіи вмѣстѣ съ другой его повѣстью «Оттепель» и двумя очерками изъ Бернанда изданы отдѣльной книгой: «На досугѣ», подъ его настоящей фамиліей. При графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ онъ сталъ издавать газету «Страна», сперва по два выпуска въ недѣлю, потомъ по три. Передовыя статьи принадлежали по преимуществу его перу. Онъ придавалъ газетѣ оппозиціонный характеръ, полемизировалъ съ славянофилами, защищалъ старообрядцевъ. При графѣ Лорисъ-Меликовѣ газета получила два предостереженія и въ началѣ 1883 года была приостановлена. Съ 1884 года по 1892 годъ покойный велъ «Внутреннее обозрѣніе» въ «Русской Мысли», затѣмъ до 1896 года сотрудничалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», составляя въ немъ отдѣлы провинціальной печати (подъ псевдонимомъ Л. Прозоровъ), внутренняго обозрѣнія и политической лѣтописи. Потомъ сотрудничалъ въ газетѣ «Новости» и «Кгаж», въ послѣднія же десять лѣтъ почти совсѣмъ прекратилъ свою журнальную дѣятельность. Прекрасно владѣя иностранными языками, Л. А., издавая «Страну», одновременно состоялъ постояннымъ корреспондентомъ газеты «Temps», печаталъ въ парижской «Revue Universelle» «Lettres de Russie» и перевелъ на французскій языкъ одну изъ сатиръ Салтыкова. Въ «Русской Мысли» была напечатана его повѣсть «Анна», въ «Сборникѣ» въ пользу голодающихъ—разсказъ «Денегъ нѣтъ». Покойный родился въ 1833 году, образованіе получилъ въ петербургскомъ университетѣ, окончивъ курсъ по камеральному разряду. Сперва онъ служилъ въ канцеляріи военнаго министерства, перешелъ затѣмъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, но съ шестидесятихъ годовъ уже всецѣло отдался журналистикѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13327).

† **Сантагано-Горчакова, А.А.** Въ Кіевѣ скончалась бывшая оперная артистка, извѣстная преподавательница пѣнія А. А. Сантагано-Горчакова. Покойная происходила изъ старинной дворянской фамиліи, окончила Смольный институтъ. Противъ воли своихъ родителей 19 лѣтъ уѣхала въ Италію, гдѣ занималась пѣніемъ у знаменитыхъ профессоровъ того времени. Свою оперную карьеру А. А. Сантагано также начала въ Италіи, гдѣ сразу выдѣлилась какъ талантливая актриса. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, она переѣхала въ Россію, гдѣ служила въ рядѣ оперныхъ дѣлъ. Будучи всесторонне образованнымъ человекомъ и прекрасно владѣя иностранными языками, покойная занялась переводомъ оперъ и посвятила себя педагогической дѣятельности. Ея перу принадлежалъ переводъ слишкомъ 75 оперъ и безконечнаго количества романсовъ съ русскаго на иностранные языки и наоборотъ. Переводы ея отличались высоколитературными достоинствами. Покойная была профессоромъ московской филармоніи, гдѣ у нея окончилъ полный курсъ пѣнія Л. В. Собиновъ. Живя въ Италіи, она усиленно пропагандировала русскую оперу. На ея средства исключительно былъ поставленъ въ театрѣ «Дильверма» въ Миланѣ безсмертный

шедевр Глинки—«Жизнь за Царя». (Некрологъ ея: «Новое Время», 1913 г., № 13307).

† **Соловьевъ, С. В.** 4-го апрѣля въ Харьковѣ скончался профессоръ харьковскаго университета по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ Сергѣй Викторовичъ Соловьевъ. Покойный родился въ 1862 году и, окончивъ съ золотой медалью въ 1881 году курсъ третьей харьковской гимназіи, поступилъ на историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета. Занимаясь на факультетѣ подъ руководствомъ такихъ свѣтилъ науки, какъ А. И. Кирпичниковъ—по исторіи западныхъ литературъ, А. А. Потебня—по языковѣдѣнію и М. С. Дриновъ—по исторіи и фольклору южныхъ славянъ, С. В. рѣшилъ посвятить себя научной дѣятельности и черезъ годъ по окончаніи университета, въ 1887 году, вступилъ въ ряды его преподавателей въ качествѣ лектора французскаго языка. Въ 1889 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацию при новороссійскомъ университетѣ на тему: «Легенды объ Иудѣ-предателѣ», и тогда же былъ назначенъ приватъ-доцентомъ харьковскаго университета, гдѣ и открылъ курсъ исторіи провансальской поэзіи и, назначенный впоследствии профессоромъ на кафедру исторіи западныхъ литературъ, читалъ этотъ предметъ до самой своей смерти. Одновременно С. В. читалъ лекціи и на историко-филологическомъ факультетѣ харьковскихъ женскихъ курсовъ съ самаго ихъ основанія, а послѣднее время исполнялъ тамъ должность декана. Въ прошломъ году въ Харьковѣ былъ торжественно отпразднованъ 25-лѣтній юбилей научно-педагогической дѣятельности С. В., на которомъ въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ и адресахъ его товарищей и учениковъ подробно отмѣчались его разносторонняя образованность, неутомимая научно-педагогическая дѣятельность и изящный ораторскій и лекторскій талантъ. Въ харьковскомъ университетѣ имъ былъ подготовленъ цѣлый рядъ учениковъ, занявшихъ нынѣ мѣста какъ гимназическихъ, такъ и университетскихъ преподавателей. Остается только пожалѣть, что смерть неожиданно прервала его многополезную дѣятельность и оставила не оконченными труды покойнаго по исторіи литературъ, которые были имъ въ послѣдніе годы жизни предприняты въ широкомъ размѣрѣ. Добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ, готовностью всегда прійти на помощь, цѣльностью и глубокимъ альтруизмомъ своего міровоззрѣнія, взыскательностью и строгостью по отношенію къ самому себѣ и соединенною съ утонченной вѣжливостью сердечной благожелательностью къ другимъ С. В. привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Представители науки и харьковскій университетъ, съ которымъ покойный былъ неразрывно связанъ всю свою жизнь, конечно, по достоинству оцѣнятъ скорбную утрату, ихъ постигшую, а въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его останется незабвеннымъ полный духовной красоты, ясности и правды обликъ почившаго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13315).

ЗАМЯТКИ И ПОПРАВКИ

I.

Еще о жандровской рукописи ¹⁾.

По поводу новых суждений г. Н. Л. о жандровской рукописи «Горя от ума» (въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника») вынужденъ сообщить читателямъ:

1) Въ февральской книжкѣ я доказалъ, что рецензентъ измѣнилъ значеніе жандровской рукописи, относя мои слова объ *окончательной* редакціи рукописи *ко всему* ея тексту. Теперь г. Н. Л. и не пытается оправдываться; онъ указываетъ только, что авторскія исправленія и варианты встрѣчаются не на каждой страницѣ. Но я и не утверждалъ никогда и нигдѣ, что на каждой.

2) Въ новой замѣткѣ г. Н. Л. измѣняетъ уже заявленіе В. Е. Якушкина. Якушкинъ ссылался на жандровскій текстъ *не только* въ тѣхъ случаяхъ, когда цитируемыя слова написаны самимъ Грибоѣдовымъ; онъ самъ говоритъ: «въ остальныхъ случаяхъ мы пользуемся для ссылокъ на рукопись Жандра изданіемъ проф. Шляпкина» (см. изд. 1903 г., стр. 122). Въ этомъ и состоитъ крупный методическій промахъ Якушкина, что онъ, имѣя подъ рукой подлинную жандровскую рукопись, свѣряетъ текстъ музейнаго автографа не съ нею, а съ изданіемъ 1889 г., гдѣ, какъ мною доказано (см. изданіе жандровской рукописи, стр. XXXIV—XXXV), вмѣсто жандровской рукописи цитируется какой-то испорченный списокъ.

3) Рецензентъ утверждаетъ, что «знатокъ» Грибоѣдова Гарусовъ «пренебрегъ» жандровской рукописью. Но Гарусовъ *никогда не видѣлъ* этой рукописи, хотя и добивался того, — о чемъ и самъ говоритъ (см. изданіе Гарусова 1875 г. стр. 20—21). Онъ не видѣлъ также и музейнаго автографа и вообще не изучалъ подлинныхъ рукописей Грибоѣдова; грубо фальсифицированный лопухинскій списокъ комедіи онъ принялъ за наилучшій и, печатая его, допустилъ еще новыя искаженія, чѣмъ надолго запуталъ дѣло.

4) Г. Н. Л. увѣряетъ читателей, что «все написанное рукою Грибоѣдова имѣется въ болгаринской рукописи, а написанное рукою переписчика не заслуживаетъ довѣрія». Говорить такъ можетъ только тотъ, кто не только самъ никогда не видѣлъ болгаринскаго списка, но и забылъ (или совсѣмъ не зналъ), что о немъ сказано въ печати. Болгаринская рукопись вся отъ начала и до конца писана *рукой переписчика*; Грибоѣдовымъ же вписано всего нѣсколько словъ.

Николай Пиксановъ.

II.

По поводу воспоминаній А. И. Соколовой.

Въ статьѣ А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства» («Историческій Вѣстникъ», мартъ) вкралась ошибка: она Гилярова называетъ Михайломъ, а его

¹⁾ Давая мѣсто новому отвѣту г. Пиксанова нашему рецензенту г. Н. Л., редакція «Историческаго Вѣстника» вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ вопросъ достаточно исчерпаннымъ и болѣе возвращаться къ нему не будетъ.

звали Федоромъ и Н. П. Гилярову-Платонову онъ приходился роднымъ племянникомъ (сынъ его брата Александра Петровича Гилярова, священника московскаго Новодѣвичьяго монастыря). Θ . А. Гиляровъ былъ соредакторомъ «Современныхъ Извѣстій» и подписывалъ газету вмѣстѣ съ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ. Θ . А. еще при жизни Н. П. началъ работать въ пастуховскомъ «Листкѣ». Θ . А. Гиляровъ вмѣстѣ съ Кирпичниковымъ написали первоначальную русскую грамматику, которая долгие годы была единственно признаннымъ учебникомъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Когда покойный Галаховъ изъ-за старости рѣшилъ оставить кафедру въ с.-петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, то рекомендовалъ на свое мѣсто любимаго ученика Θ . И. Вуслаева, магистранта по русской словесности Θ . А. Гилярова, и послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ, прочелъ съ блестящимъ успѣхомъ пробную лекцію въ историко-филологическомъ институтѣ, но, какъ истому москвичу, Петербургъ ему не понравился, и отъ кафедры онъ отказался. Помню, по возвращеніи изъ Петербурга онъ такъ объяснилъ мнѣ свой отказъ: «Вавилонъ!.. Истинный Вавилонъ!.. Шумно, крикливо, однимъ словомъ, столпотвореніе!..» Θ . А. Гиляровъ былъ человекъ со средствами и имѣлъ постоянный доходъ отъ своей грамматики до семи тысячъ рублей въ годъ.

Эти нѣкоторыя данныя о Θ . А. Гиляровѣ я привелъ потому, что напрасно А. И. Соколова, очевидно, краснаго слова ради, передавая уморительную сцену чтенія предъ Пастуховымъ Θ . А. передовой статьи, сочла нужнымъ для усиленія эффекта разсказать, что Θ . А. явился къ Пастухову «со статьей въ рукахъ... и съ твердымъ намѣреніемъ взять хорошій авансъ...»

Смѣю увѣрить почтеннѣйшую Александру Ивановну, что Θ . А. никакихъ авансовъ ни у Пастухова, ни у другихъ издателей никогда не бралъ, ибо въ авансахъ не нуждался. Невѣрно также и то, что Пастуховъ говорилъ «ты» Θ . А. настолько все-таки былъ культуренъ покойный Николай Ивановичъ, что дѣлалъ иногда различіе между людьми въ своихъ обращеніяхъ съ ними. Подтвердить это и академикъ Е. В. Барсовъ, послѣ смерти Гилярова занявшій его амплуа передовика въ «Листкѣ».

Впрочемъ, и мнѣ Н. И. Пастуховъ никогда не говорилъ «ты», хотя мое положеніе и въ литературѣ, и въ обществѣ далеко не было настолько солидно, какъ Гилярова и Е. В. Барсова.

С. Литвинъ.

III.

Къ статьѣ «Голодь въ Сибири и князь Голицынъ».

Въ статьѣ К. Власова «Голодь въ Сибири и князь Голицынъ» («Историческій Вѣстникъ», 1913 г., № 4) покойный Н. М. Богдановичъ ошибочно названъ по отчеству «Михайловичъ» вмѣсто слѣдующаго «Модестовичъ». Покойный Н. М. Богдановичъ былъ сыномъ извѣстнаго автора по исторіи отечественной войны 1812 г. Модеста Ивановича Богдановича.

— Я думаю, что лучше будетъ не называть его имени: дѣло это окончилось къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ. Изабеллѣ онъ не нравился, а ему нужны были только ея деньги. Пришлось, такимъ образомъ, откупиться отъ него.

Теперь ключъ отъ тѣхъ словъ, которыя она сказала наканунѣ, былъ въ моихъ рукахъ. Можетъ быть, онъ и нравился ей немного, кто знаетъ? Но я не могу простить ей того, что она поставила меня на одну доску съ человѣкомъ, который такъ себя унижилъ.

Нужно было уладить еще одно дѣло, не терпѣвншее отлагательства.

— У меня есть до васъ дѣло, мингерръ, которое, можетъ быть, плохо вяжется съ нашей теперешней бесѣдой, но которое не терпитъ отлагательства. Вчера утромъ я получилъ изъ Брюсселя вотъ эти бумаги. Кто составлялъ списки, я не знаю.

Онъ взялъ списки. Внимательно просмотрѣвъ ихъ, онъ сталъ чрезвычайно серьезенъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать, донъ Хаимъ?—спросилъ онъ.

— Я хочу спасти этихъ лицъ,—коротко отвѣчалъ я.—Скажите мнѣ, какимъ путемъ вамъ удавалось ускользать до сего времени?

Онъ вздрогнулъ и бросилъ на меня быстрый взглядъ.

— Я все время думалъ, донъ Хаимъ, что вы замѣчаете это.

— Я дѣйствительно замѣтилъ это относительно васъ и нѣкоторыхъ другихъ.

— Вы благородный человѣкъ съ широкимъ кругозоромъ, донъ Хаимъ.

— Согласенъ съ послѣднимъ, мингерръ, а въ первомъ не увѣренъ. Но какъ вамъ удавалось ускользать?

— Платилъ каждый годъ круглую сумму кое-кому. Но я понимаю, что это очень ненадежная защита. Когда-нибудь это средство мнѣ измѣнить и даже сегодня оно можетъ оказаться недостаточнымъ, если вы того пожелаете.

— Когда донна Изабелла станетъ моею женой, вы и ваша дочь будете въ полной безопасности,—сказалъ я.—По крайней мѣрѣ, я надѣюсь на это. Но если я паду, я сумѣю найти средства защитить васъ и донну Изабеллу. Запомните это разъ навсегда. Что касается другихъ, то они должны уѣхать! Ихъ нужно предостеречь и дать имъ время. Но они должны спѣшить, ибо никто не можетъ предсказать, что будетъ дальше. Дѣла въ Брюсселѣ и Мадридѣ дѣлаются въ строгой тайнѣ. Я довѣряю вамъ это дѣло, но прошу васъ соблюдать величайшую осторожность, мингерръ. Я рискую не только своимъ положеніемъ, но и жизнью. Если что-нибудь выйдетъ наружу, тогда я не отвѣчаю ни за что. Поставьте имъ на видъ, что они получаютъ лишь половину стоимости тѣхъ вещей, которыя они будутъ распродавать, если станетъ извѣстно, что они должны уѣхать. Это соображеніе подѣйствуетъ на нихъ.

— Вы сообразительны, какъ настоящій голландецъ, донъ Хаимъ. Но мы не всегда такъ любимъ деньги, какъ вамъ это кажется. Будьте увѣрены, что ваши распоряженія будутъ исполнены въ точности. Мы обязаны вамъ своей жизнью, и мы слишкомъ серьезный народъ и не будемъ легкомысленно относиться къ такимъ вещамъ. Я не знаю, какъ и благодарить васъ за все. Надѣюсь, это сумѣеть сдѣлать моя дочь.

Что-то подкатило мнѣ къ горлу, и я не могъ съ минуту сказать ни слова. Потомъ, оправившись, я отвѣтилъ:

— Не стоитъ благодарить меня: я хлопочу ради самого себя. Это была правда, но не вполнѣ.

И вотъ я опять ежедневный гость въ домѣ ванъ-деръ-Веерена. Но теперь все идетъ не такъ, какъ прежде, далеко не такъ. Въ присутствіи другихъ донна Изабелла оживлена и весела попрежнему, только румянецъ на ея щекахъ слишкомъ ярокъ, да глаза поблескиваютъ иной разъ лихорадочно. Не знаю, замѣчаетъ ли это кто-нибудь другой, кромѣ меня. Но когда мы остаемся одни, она сбрасываетъ маску, и ея лицо дѣлается каменнымъ. Она послушно отвѣчаетъ на мои вопросы и не нарушаетъ правилъ благовоспитанности. Но отъ ея обращенія со мной и отъ ея взглядовъ вѣетъ холодомъ.

Я удивляюсь силѣ ея духа, который даетъ ей возможность играть передъ отцомъ и знакомыми роль счастливой невесты. Безъ сомнѣнія, ее поддерживаютъ и ея гордость. Кромѣ того, она сильно любить отца. Тѣмъ не менѣе тяжело играть эту ужасную комедію.

Завтра наша свадьба.

7-го декабря.

2-го декабря, въ субботу, была наша свадьба. Въ этотъ день шелъ снѣгъ; глубокій и бѣлый, онъ покрылъ все улицы, словно знаменуя наши отношенія. Я приказалъ расчистить дорожку къ церкви, хотя было какъ-то жалко сметать ярко блестящій снѣгъ, по которому мы могли бы мягко и беззвучно пройти. Сопровождавшіе насъ гости не мѣшали бы намъ своимъ весельемъ, которое было не для насъ. Но улицы пришлось мести. Пѣли гимнъ, хотя мы предпочитали бы похоронную литію. Мнѣ кажется, когда-нибудь насъ будутъ хоронить въ этотъ день.

Я боялся, что возникнутъ какія-нибудь недоразумѣнія съ самой церемоніей—со стороны донны Изабеллы или, можетъ быть, духовенства. Но ничего такого не случилось. Да если бы и возникло какое-нибудь сопротивленіе, я сумѣлъ бы побѣдить его. Пока я сохраняю еще власть надъ всемъ въ Гертруденбергѣ, надъ всемъ, кромѣ сердца моей жены.

Что касается приготовленій къ брачному торжеству, то все эти подробности я предоставилъ улаживать ванъ-деръ-Веерену и его дочери, какъ имъ угодно. Донна Изабелла взяла, впрочемъ,

на себя трудъ посовѣтоваться объ этомъ и со мной. Я старался сдѣлать все по ея желанію и даже приказалъ отыскать священника ея новаго вѣроисповѣданія, чтобы онъ вѣнчалъ насъ согласно сл вѣроученію. Это былъ самый большой рискъ съ моей стороны. Этотъ обрядъ былъ исполненъ рано утромъ въ домѣ ванъ-деръ-Веерена въ полной тайнѣ отъ всѣхъ. Я не зналъ, придаетъ ли она какое-либо значеніе формѣ вѣнчанія,—ея отецъ былъ человѣкомъ широкаго взгляда на вещи. Но когда я предложилъ ей это, она согласилась. Я не могъ освободить ее отъ совершенія брака по католическому обряду. Затѣмъ мы должны были вмѣстѣ причащаться, сообразно прежнему католическому ритуалу. Но она не возражала противъ этого. Или она была выше узкаго пониманія дѣла, или же она смотрѣла на это, какъ на часть той жертвы, которую отъ нея требовали. Я сказалъ ей, что для нея нѣтъ надобности идти къ исповѣди: я зналъ, что никто не осмѣлится предлагать ей обычные вопросы. Замѣтивъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ на церемоніи священниковъ собирается обратиться къ ней съ вопросами, я мигнулъ ему, и слова замеркли на его устахъ.

Что касается меня, то я охотно причастился бы и по старому и по новому, если бы это понадобилось. Я разсуждалъ такъ: если это дѣйствительно тѣло и кровь Господня, то Господь не отвернется ни отъ католиковъ, ни отъ протестантовъ и не придаетъ особаго значенія обряду. Но я не расчитывалъ, чтобы она могла раздѣлять такую точку зрѣнія.

Мы были обвѣнчаны деканомъ церкви святой Гертруды съ большою пышностью, какъ и подобаетъ губернатору города. Она прошла черезъ это испытаніе храбро и гордо, не проронивъ ни одной слезы, отъ чего не застрахованы, какъ извѣстно, и самыя счастливыя невѣсты. Когда ей пришлось въ алтарѣ поцѣловать меня, я было обезумѣлъ отъ радости: одну минуту я готовъ былъ вѣрить, что она любитъ меня, несмотря ни на что,—такъ хорошо она все продѣлала. Но въ ту же минуту я понялъ по ея глазамъ, что это не такъ.

Обѣдъ въ домѣ ванъ-деръ-Веерена былъ цѣлымъ событіемъ, которое едва ли видѣлъ когда-нибудь Гертруденбергъ. На немъ не было того шума и суматохи, которыми обыкновенно отличаются голландскія свадьбы: на немъ отражалась тѣнь обстоятельствъ и моей власти. Никто не зналъ, что ея дни, можетъ быть, уже сочтены.

Въ этотъ вечеръ я видѣлъ мадемуазель де-Бреголлъ, въ первый разъ послѣ такого долгаго промежутка. Я удивлялся, почему всѣ эти дни ея не было около ея двоюродной сестры-невѣсты. Оказалось, что ея мать была серьезно больна. Я изумился, увидѣвъ ее теперь: съ виду она была такъ непохожа на прежнюю самое себя.

На ней было длинное бархатное платье краснаго, какъ кровь,

цвѣта, въ которомъ прекрасно выдѣлялась ея статная фигура и бѣлая кожа. Никогда я еще не видѣлъ ея такой красивой. Пожалуй, она была гораздо красивѣе, чѣмъ моя жена. Ея манера держать себя, прежде столь важная и вмѣстѣ съ тѣмъ покорная, теперь блистала радостью, и вся она искрилась, какъ новое вино. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ.

Это меня обрадовало. Раза два у меня наворачивалась мысль, что мой бракъ излечитъ меня отъ всякаго тщеславія, но напрасно. Въ началѣ вечера намъ неудобно было поговорить съ ней здѣсь: обѣдъ, какъ я сказалъ, отличался большой пышностью, и на немъ присутвовали всѣ мои офицеры и всѣ сановники города. Но потомъ, когда я остался одинъ и стоялъ, прислонившись къ камину, она подошла ко мнѣ и сказала:

— Я еще не поздравляла васъ, донъ-Хаимъ. Я не могла быть въ церкви: моя мать очень больна, и мнѣ нельзя было ее оставить. Но, несмотря на то, что я приѣхала поздно, повѣрьте, что мои поздравленія отъ этого не пострадали ни въ искренности, ни въ теплотѣ.

Я поблагодарилъ ее и сказалъ:

— Надѣюсь, что теперь мы будемъ встрѣчаться съ вами чаще, донна Маріонъ. Я давно уже не видалъ васъ. Надѣюсь, что вы будете довольны мной.

Нѣкоторые ея родственники были внесены въ списокъ.

— Будете довольны—это не совсѣмъ такъ. Вы превзошли самого себя. Какъ только вы прибыли, сейчасъ же спасли отъ костра двухъ бѣдныхъ женщинъ, а теперь спасаете лучшую часть горожанъ. Но на этотъ разъ вы сообразовали принять и награду. А эта награда стоитъ васъ.

— Я что-то не замѣчалъ, чтобы кто-нибудь раньше предлагалъ мнѣ награду,—съ улыбкой отвѣтилъ я.

Это былъ неудачный отвѣтъ, и я сообразилъ это, какъ только слова соскочили у меня съ языка. Но всѣ эти дни я былъ самъ не свой.

— Намъ нечего дать вамъ въ награду, донъ Хаимъ, и мы можемъ только благодарить васъ, по нашей благодарности вы все равно не принимаете,—отвѣчала она, также съ улыбкой, въ которой мнѣ показалось что-то высокомерное.—Кромѣ того, все было сдѣлано, какъ вы сами сказали, только ради справедливости. Но нечего стыдиться, если на этотъ разъ вы потребовали и получили больше. Одна справедливость—это слишкомъ сухо. А вашъ призъ—верхъ красоты.

Она съ улыбкой поклонилась мнѣ и отошла. Черезъ минуту она весело смѣялась съ дономъ Рупцемъ.

Едва ли сама донна Изабелла могла бы обойтись со мной такъ пренебрежительно. И это обращеніе кольнуло меня тѣмъ сильнѣе, что у нея были основанія для ея ехидства. Но какъ она могла узнать

объ этомъ? Неужели ей сказала объ этомъ сама донна Изабелла? Можетъ быть, она замѣтила, что не все идетъ хорошо между мной и моей женой? Изабелла играла свою роль съ изумительнымъ искусствомъ, да и я умѣлъ, когда нужно, скрывать свои истинныя чувства. Откуда же она могла знать, если только она дѣйствительно знала?

Впрочемъ, не стоитъ думать объ этомъ. Я тяжело вздохнулъ и пошелъ дальше. Ея громкій смѣхъ еще звенѣлъ въ моихъ ушахъ.

Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Кончилось и наше свадебное торжество. Въ положенное время новобрачную привезли въ ея новые апартаменты въ городскомъ домѣ. Здѣсь для нея на скорую руку было приготовлено нѣсколько комнатъ, рядомъ съ моими.

Когда всѣ ушли, я долго стоялъ у моего окна и глядѣлъ на площадь, на мокрой мостовой которой отражались послѣдніе запоздавшіе въ окнахъ огоньки. Я думалъ, — впрочемъ, думать было нечего.

Наконецъ я отвернулся отъ окна и отправился къ моей женѣ, только изъ вѣжливости, чтобы освѣдомиться, какъ она себя чувствуетъ, и пожелать ей спокойной ночи.

Я подошелъ къ ея двери и постучалъ.

— Войдите, — сказала она громко.

На порогѣ я остановился. Я поставилъ въ эту комнату все самое драгоценное, что у меня было. Да и гдѣ же мнѣ было поставить все это, какъ не въ комнатѣ моей жены? Драгоценностей, впрочемъ, было немного: красивое венеціанское зеркало, нѣсколько дорогихъ ковровъ, которые когда-то висѣли во дворцѣ королей въ Альгамбрѣ, одинъ или два золотыхъ подсвѣчника работы Бенвенуто Челлини, купленные моимъ отцомъ при разграбленіи Рима. Остальныя вещи были таковы, что могли бы находиться и въ палаткѣ офицера, не затрудняя его сборы въ случаѣ внезапнаго похода. Въ общемъ все было бѣдною для женщины, выросшей въ такой роскоши, какъ она.

Но въ этой высокой готической комнатѣ, потолокъ которой терялся во мракѣ, все это казалось грудой сокровищъ, а она, стоя посреди ихъ, заколдованной принцессой. Она перемѣнила одежды и надѣла широкое платье изъ синяго бархата — ея любимый цвѣтъ, переливавшій серебромъ, когда на него попадалъ свѣтъ. Вокругъ шеи шла мѣховая опушка, отчего шея казалась еще бѣлѣе. Слабый румянецъ игралъ на ея щекахъ.

Я поклонился и сказалъ:

— Надѣюсь, что я не побеспокоютъ васъ, донна Изабелла. Я пришелъ только поздравить васъ съ новосельемъ и спросить, не желаете ли вы чего-нибудь?

— Ничего, донъ Хаимъ. Я хочу только исполнить свои обязанности.

— У васъ нѣтъ здѣсь обязанностей, донна Изабелла. Вы здѣсь хозяйка такъ же, какъ были въ домѣ вашего отца.

— Нѣтъ, здѣсь другое. Это вашъ домъ—и я не должна этого забывать. Я ваша жена и привязана къ вамъ такъ крѣпко, какъ только могутъ это сдѣлать законы Божескіе и человѣческіе. Вы исполнили свою часть нашего договора. Я не замедлю исполнить свою.

Пока она говорила это, ея широкое платьѣ, оттого ли, что она сдѣлала рѣзкое движеніе, или отъ собственной тяжести на половину спустилось съ ея плечь. Она подхватила было его рукой, но потомъ вдругъ сразу отпустила, и тяжелый бархатъ медленно сползъ на полъ. Одежда изъ мягкаго шелка, которая оказалась подъ этимъ платьемъ, скорѣе прикрывала, чѣмъ скрывала очертанія ея формъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову.

На колеблющихся складкахъ ея одежды причудливо играли отблески лампы съ цвѣтнымъ абажуромъ, свѣщивавшейся съ потолка. Какъ-то странно свѣтились ея обнаженные шея и руки.

Я чувствовалъ, что я не въ силахъ отказаться отъ того, что мнѣ предлагали. Я понималъ, что отказаться отъ нея теперь было бы самымъ жестокимъ оскорбленіемъ женской гордости,—а это никогда не забывается. Къ тому же я любилъ ее. Богъ свидѣтель, что я больше думалъ о ней, чѣмъ о себѣ. Я думалъ... о разныхъ глупостяхъ, о которыхъ не стоитъ здѣсь записывать. Я понимаю теперь, что тогда я долженъ былъ бы быть твердъ и относительно ея, и относительно себя самого. Но тогда сила воли измѣнила мнѣ. Образъ женщины, которую я любилъ, былъ передо мной, и теплота, исходившая отъ нея, наполнила всѣ мои чувства. Я не могъ разсуждать въ ту минуту. Я не былъ готовъ къ этому, я былъ безоруженъ противъ этого.

— Донна Изабелла,—хрипло сказалъ я:— я не хотѣлъ дотрагиваться до васъ до тѣхъ поръ, пока вы не пришли бы ко мнѣ сами, добровольно и весело. Но вы искушаете меня такъ, что ни одинъ мужчина не вынесетъ этого.

Есть одна арабская сказка, которую мнѣ рассказывала мать, когда я былъ еще мальчикомъ. Во время рамазана, въ тѣ часы, когда люди должны были поститься, выросъ и распустился плодъ, дурманившій разумъ людей. Его долженъ былъ сорвать тотъ, кто согрѣшилъ и еще не раскаялся, не искупилъ своего грѣха. Превыше всѣхъ земныхъ сладостей казался этотъ плодъ, и этотъ человѣкъ чувствовалъ въ себѣ неземную гордость, считалъ себя королемъ королей. Но когда плодъ растаялъ у него во рту, онъ сдѣлался горькимъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ великій стыдъ: ниже низкайшаго показался онъ самъ себѣ. Двѣнадцать мѣсяцевъ долженъ былъ онъ носить свой срамъ, въ себѣ, пока на слѣдующій годъ въ этотъ же часъ не встрѣтился съ новымъ искушеніемъ и не преодолѣлъ его. Но какъ долго показался ему этотъ годъ!

Горе твердому человѣку, который любить! И еще большее горе человѣку, который, будучи твердымъ, дѣлается мягкимъ—на часъ, на одно мгновеніе!

И, лежа ночью, я вспомнилъ проклятіе доминиканца: «Горькій часъ да будетъ для васъ горчайшимъ, сладкій часъ—горькимъ всей горечью проклятія!»

15-го декабря.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы женаты. Нѣтъ никакихъ признаковъ, что моя жена помнитъ о той первой ночи, которую она провела въ моихъ объятіяхъ. Она вѣжлива и суха со мной, какъ съ чужимъ. Она даже улыбается, но когда она это дѣлаетъ, я чувствую потомъ холодъ. Она очень послушна и справляется о моихъ желаніяхъ даже въ мелочахъ. О какъ бы мнѣ хотѣлось схватить ее въ свои объятія, поцѣловать и сказать ей: Изабелла, дорогая моя, у меня нѣтъ другого желанія, какъ смотрѣть на твое лицо! Но я не смѣю сдѣлать этого.

Пришло извѣстіе о рѣзнѣ въ Зутвенѣ. Это еще болѣе затрудняетъ для меня пріобрѣтеніе благосклонности моей жены. Я зналъ только, что городъ былъ взятъ приступомъ 16-го ноября. Но только недавно прибыли оттуда жители, разсказавшіе о рѣзнѣ. Дѣло было хуже, чѣмъ въ Мехлинѣ, а главное это была бесполезная жестокость. Правда, раньше въ С.-Квентинѣ произошло нѣчто еще худшее. Къ тому же здѣсь мы имѣемъ дѣло не просто съ войной, а съ войной междоусобной и религіозной, гдѣ страсти разыгрываются втрое сильнѣе. А все-таки, какъ я уже сказалъ, въ этой рѣзнѣ не было никакой надобности. Герцогъ старѣеть, и то, что произошло въ Зутвенѣ, есть позоръ для Испаніи. Я такъ говорю. Но, можетъ быть, только оттого, что сказать нетрудно.

На мой разсказъ донна Изабелла не отозвалась ни однимъ словомъ.

Двѣ недѣли утонченной пытки!

18-го декабря.

Сегодня я получилъ вѣсти объ отцѣ Бернардо. За послѣднее время я и не думалъ о немъ, да онъ и не заслуживалъ этого. Его не отправили сейчасъ же въ монастырь, какъ я ожидалъ, а передали въ руки инквизиціи. Мои свѣдѣнія идутъ, конечно, изъ частнаго источника, но я могу вполне положиться на нихъ.

Это извѣстіе довольно странное. Я хорошо знакомъ со взглядами Мадрида на государство и церковь, и это всего менѣе согласуется съ ними. Мнѣ неизвѣстно, кто составлялъ списокъ лицъ, который я получилъ. А что если это сдѣлалъ отецъ Бернардо, чтобы выдвинуть противъ меня самое сильное обвиненіе: что я не обращаю вниманія на богатыхъ еретиковъ. У него было здѣсь достаточно

времени для того, чтобы собрать о нихъ нужныя свѣдѣнія. Правда, это занимали другія дѣла, но онъ могъ не упускать изъ виду и этого. Сначала удовольствія, потомъ обязанности, какъ говорятъ поговорка.

Что если онъ рискнулъ и рассказалъ обо всемъ? Онъ, конечно, погибнетъ, но погибну и я. Въ такомъ случаѣ моя гибель неизбежна, и это только вопросъ времени и удобнаго случая. Меня нельзя тронуть безнаказанно—моя семья имѣетъ большой вѣсъ при дворѣ, а Голландія охвачена войной. Я спасу свою жену во что бы то ни стало, но не себя самого. Будь я одинъ, я не сталъ бы дожидаться и послалъ бы имъ исповѣдь отца Бернардо самъ. Но такой поступокъ немедленно привелъ бы дѣло къ кризису. Но ради жены я долженъ выждать.

22-го декабря.

День идетъ за днемъ, но донна Изабелла попрежнему не выходитъ изъ своей ледяной сдержанности.

Сегодня вечеромъ опять повторилась старая сцена. Мы кончили ужинъ и молча сидѣли другъ противъ друга у камина. Она сидѣла неподвижно, сложивъ руки на колѣняхъ. Ея глаза блуждали гдѣ-то въ темномъ углу за мной, а на губахъ застыла жесткая улыбка.

Время проходитъ и, можетъ быть, мнѣ выпадетъ на долю немного дней, когда мнѣ удастся поговорить съ ней. Я зналъ людей, которые насильно женились на своихъ женахъ и при помощи одной грубости заставляли ихъ преклонять передъ ними колѣна. Но я не принадлежу къ ихъ числу. Я не могу ни уважать, ни любить женщину, завоеванную подобнымъ образомъ.

Очевидно, и она страдала: ея щеки поблѣднѣли и выцвѣли. Я принялъ то, что она предлагала, и я долженъ былъ сказать первое слово. Хотя мужчина и не долженъ унижаться передъ кѣмъ бы то ни было, но съ женой это можно сдѣлать. Не слѣдуетъ мнѣ дожидаться того момента, когда я буду уже свергнуть и стану предметомъ ея сожалѣній.

Сегодня канунъ Рождества. И если бѣ было даже слабостью заговорить съ ней, я не буду въ томъ раскаиваться.

— Изабелла,—сказалъ я.—Неужели такъ всегда будетъ между нами? Неужели ты не можешь простить меня? Что я долженъ сдѣлать, чтобы заслужить твое прощенье?

Она продолжала молчать.

— Припомни,—добавилъ я:—что и у меня есть, за что надо простить.

— Если я оскорбила васъ какимъ-нибудь словомъ, то вы оскорбили меня безконечно сильнѣе. Слова можно взять обратно, но то, что вы сдѣлали, поправить нельзя.

— Кто много любитъ, тому можно и простить многое,—горько

отвѣчалъ я.—Изабелла,—вскрикнулъ я въ отчаяніи:—наша первая ночь не оставила никакихъ слѣдовъ въ твоей памяти?

— Напротивъ, оставила очень сильный слѣдъ: позоръ отдаваться не любя и радость, что, отдавъ себя, я спасла сотню людей отъ пытки и костра. А это уже много. И я этого никогда не забуду.

Я чувствовалъ, что измѣняюсь въ лицѣ: ея слова были ужь слишкомъ жестоки. Развѣ я объ этомъ ее спрашивалъ?

— Хорошо,—сказалъ я, поднимаясь.—Будьте покойны. Вамъ не придется больше испытывать этого позора. Вы моя жена, но я буду вести себя такъ, какъ будто бы вы ею не были.

— Какъ вамъ угодно. Я согласна исполнить всякое ваше желаніе. Ваше дѣло приказывать, а мое повиноваться.

Теперь я понялъ ее. Она хитростью заставила меня сдѣлать то, что она сама предлагала, и поймала меня на этомъ для того, чтобы потомъ презирать меня и унижать меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Это было мщеніе, къ которому, быть можетъ, прибѣгъ бы и я самъ, если бъ былъ женщиной.

25-го декабря.

Вчера былъ канунъ Рождества. «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Такъ читается въ Евангеліи отъ Луки. Канунъ Рождества—великій день въ этой странѣ. Всѣ дарятъ другъ другу въ этотъ день подарки, и ни одинъ мужъ не можетъ оставить безъ подарка свою жену.

Я долго думалъ, что бы мнѣ подарить: не легко было найти подарокъ для женщины, малѣйшее желаніе которой осуществлялось, едва она успѣвала его выразить. Наконецъ я нашелъ подарокъ. Она очень любитъ рѣдкіе цвѣты. Однажды, задолго до того, какъ мы были помолвлены, мнѣ случилось быть въ ея комнатѣ. Мы разговорились о цвѣтахъ, которые стояли на столѣ. Я сталъ рассказывать ей о тѣхъ, которые цвѣтутъ въ садахъ Испаніи, въ Альгамбрѣ. Она поднялась съ своего мѣста и вскричала:

— У меня тоже есть садъ, синьоръ, хотя, можетъ быть, и не такой большой, какъ въ Альгамбрѣ. Но въ немъ есть такія растенія, которыхъ вы напрасно будете искать здѣсь. Они выросли за много тысячъ миль отсюда, за океаномъ, тамъ, гдѣ конецъ свѣта. Пойдемте. Взгляните и увѣрьтесь.

Она привела меня въ свою комнату и за своимъ окномъ, на которое падали рѣдкіе лучи солнца, показала мнѣ какія-то странныя растенія, защищенные отъ вѣтра загородкой. Они, должно быть, дѣйствительно, были привезены съ конца свѣта, изъ Индіи.

— Развѣ это не красиво?—спросила она.—Сознайтесь, синьоръ, что у васъ въ Испаніи такихъ цвѣтовъ нѣтъ.

— Дѣйствительно, у насъ такихъ цвѣтовъ нѣтъ, но мы показали путь, какъ ихъ привезти сюда.

— Ну, нѣтъ!—воскликнула она.—Это сдѣлалъ одинъ итальянецъ. Ему пришлось немало похлопотать надъ тѣмъ, чтобы заставить васъ послѣдовать его примѣру.

Завязался маленькій споръ, и мы остались каждый при своемъ мнѣнїи. Въ концѣ концовъ мы оба размѣялись. Она была очень весела и оживлена въ этотъ день,—теперь это даже трудно себѣ и представить.

— Теперь вы видѣли нѣчто такое, чего вамъ прежде не случилось видѣть. И я надѣюсь, что вы поблагодарите меня. У одного изъ друзей моего отца, нѣкоего ванъ-Даалена изъ Антверпена, есть два рода этихъ цвѣтовъ, которые еще красивѣе этихъ. Отецъ хотѣлъ купить ихъ для меня, но ванъ-Дааленъ не желаетъ ихъ продавать. И я это понимаю.

Одну минуту я думалъ было добыть для нея эти цвѣты, но потомъ я оставилъ эту мысль. Мнѣ не хотѣлось докучать ей драгоценными подарками, какъ это дѣлаютъ влюбленные. Но за эти дни я опять сталъ думать о цвѣтахъ.

Я также былъ знакомъ съ ванъ-Дааленомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моихъ рукахъ оказались нѣкоторыя уличающія его доказательства, вполне достаточныя, чтобы повѣснить или сжечь его, что ему заблагоразсудится. Я уже забылъ, какъ все это произошло. Въ тѣ времена подобныя вещи случались сплошь и рядомъ, и я никогда не давалъ хода подобнымъ доказательствамъ, если меня не вынуждали къ этому самого. Я не инквизиторъ. Ванъ-Дааленъ былъ мнѣ очень благодаренъ и заявилъ мнѣ, что почтеть за особое удовольствїе исполнить мою просьбу, если я къ нему съ ней когда-нибудь обращусь.

Я написалъ ему, прося прислать эти цвѣты, и вчера утромъ они явились. Не легко было перевезти ихъ среди зимы, однако они дошли благополучно. Послѣ завтрака я поставилъ ихъ на столъ моей жены, гдѣ были разложены всѣ другїе подарки. Можетъ быть, послѣ нашего разговора третьяго дня слѣдовало бы поднести ей что-нибудь другое, но было уже поздно.

Утромъ мы были одни. Ванъ-деръ-Вееренъ по старой привычкѣ проводилъ день до вечера у себя въ домѣ, со своими служащими. Онъ просилъ насъ не ждать его и явился позднѣе.

Я поцѣловалъ руку у моей жены и принесъ ей свои поздравленія, но очень сухо и холодно, какъ мы всегда говорили другъ съ другомъ. Потомъ она подошла къ столу и взглянула на вещи, которыми онъ былъ заваленъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень цѣнны. Она, впрочемъ, едва взглянула на нихъ: удивить ее чѣмъ-нибудь было трудно. Чего у нея только не было?

Вдругъ она замѣтила цвѣты. Я нарочно поставилъ ихъ на второмъ планѣ, чтобы они не особенно бросались въ глаза.

— А,—сказала она,—мой отецъ балуетъ меня. Я ему скажу, что

это нехорошо. Эти цвѣты стоятъ дороже всѣхъ этихъ вещей. Сказать нельзя, какъ они прекрасны,—прибавила она, пристально глядя на нихъ.

Цвѣты, дѣйствительно, были очень хороши. Я никогда не видалъ ничего подобнаго.

— Они имѣютъ совершенно неземной видъ,—продолжала она, невольно забывая свой холодный, сдержанный тонъ.—Посмотрите,—говорила она, поворачивая ихъ къ свѣту:—развѣ они не прекрасны? Но все-таки я должна сказать отцу, что это нехорошо.

Я не сказалъ ей ничего. Я любовался на нихъ, трудно было удержаться отъ восхищенія.

Конечно, въ концѣ концовъ она спросила бы меня, что было поставлено мною на этомъ столѣ. Но какъ разъ въ эту минуту прибылъ ванъ-деръ-Вееренъ,—нѣсколько раньше, чѣмъ мы ждали его.

— О, дорогой, глупый папка, я буду бранить тебя,—закричала она.—Конечно, цвѣты прекрасны, и я очень люблю ихъ, но все-таки ты не долженъ такъ баловать свою капризную дочку. Я увѣрена, что они проданы на вѣсь золота. Я помню, что ванъ-Дааленъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ ними, хотя ты давалъ ему почти баснословную сумму. Право, это нехорошо.

Старикъ засмѣялся.

— Я не заслуживаю ни похвалъ, ни порицаній, дочь моя. Боюсь, что глупымъ оказался тутъ донъ Хаимъ. Не правда ли?—спросилъ онъ, глядя на меня.

Я отвѣчалъ утвердительно. Въ глазахъ донны Изабеллы мелькнулъ какой-то огонекъ, но я не успѣлъ разобрать его значенія. Было ли это неудовольствіе противъ меня, или противъ себя? Можетъ быть, и то, и другое. Этотъ огонекъ вспыхнулъ, какъ молнія, и ея отецъ, вѣроятно, даже не замѣтилъ этого. Въ одно мгновеніе улыбка появилась на ея губахъ, и она воскликнула:

— Какъ! вы мнѣ ничего не сказали объ этомъ, донъ Хаимъ?

И она бросилась ко мнѣ и поцѣловала меня.

Эти поцѣлуи были хуже всего.

Ванъ-деръ-Вееренъ смотрѣлъ на насъ съ улыбкой.

— Какъ вы устроили это?—спросилъ онъ меня.—Ванъ-Дааленъ, помнится, говорилъ мнѣ, что онъ не разстанется съ ними, если бы ему давали цѣлое состояніе. За ними ухаживала его недавно умершая жена, и потому эти цвѣты были ему особенно дороги.

Я этого не зналъ. Знай я это, я, можетъ быть, не попросилъ бы эти цвѣты у него. И это было бы лучше. Но человѣкъ не можетъ знать всего.

— Хотѣлъ бы я знать, какъ вамъ это удалось, если это не секретъ,—продолжалъ ванъ-деръ-Вееренъ.

Одну минуту я хотѣлъ было сказать, что это секретъ,—но передумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, это не секретъ. Я не глупецъ, ибо не истратилъ на эти цвѣты ни копейки. Ванъ-Дааленъ былъ мнѣ очень обязанъ. Когда я пожелаю имѣть эти цвѣты, онъ поспѣшилъ прислать мнѣ ихъ и, конечно, не принялъ за нихъ никакой платы.

Оба мои собесѣдника сдѣлались серьезны. Ванъ-деръ-Вееренъ, безъ сомнѣнiя, понялъ, чѣмъ мнѣ былъ обязанъ ванъ-Дааленъ. Не могу сказать, что думала въ эту минуту его дочь.

Ванъ-деръ-Вееренъ очнулся первымъ. Онъ опять сталъ веселъ и напустилъ на себя беззаботный видъ.

— Видишь, Изабелла,—вскричалъ онъ:—что значить быть мужемъ за человѣкомъ, который имѣетъ власть. Все мое богатство было безсильно, а донъ Ханмъ написалъ строчку—и готово дѣло. Надѣюсь, ты поймешь, какъ судьба благоволила къ тебѣ.

— О, вполне,—отвѣчала она съ улыбкой, отъ которой по мнѣ пробѣжалъ холодъ.

Она поставила цвѣты на прежнее мѣсто, какъ будто они жгли ей пальцы.

Черезъ секунду ея обращенiе со мной стало опять нѣжнымъ, какъ всегда въ присутствiи ея отца. Сегодня оно было еще нѣжнѣе, чѣмъ когда-либо, какъ будто она испугалась того, что на минуту сбросила съ себя маску.

Были подарки и для меня: драгоценное кольцо отъ ванъ-деръ-Веерена и кошелекъ для золота, связанный моей женой.

— У меня нѣтъ теперь своихъ денегъ,—очень мило говорила она,—и тебѣ придется довольствоваться работой моихъ рукъ.

Хотѣлъ бы я знать, о чемъ она думала, когда вязала этотъ кошелекъ.

Я поблагодарилъ ее и поцѣловалъ ей руку: недаромъ я родомъ изъ Испанiи—страны этикета. Поцѣловать ее въ губы я не могъ, если бъ и хотѣлъ.

Когда вечеромъ всѣ ушли, я подъ какимъ-то предлогомъ прошелъ черезъ комнату, гдѣ стояли цвѣты. Навстрѣчу мнѣ пахнуло холодомъ. Рядомъ со столомъ, на которомъ стояли эти тропическiя растенiя, было настежь открыто окно, въ которое дышалъ холодомъ декабрьскiй вечеръ. Неужели его открыли слуги? Но вѣдь я предупреждалъ ихъ о растенiяхъ. Окно оставалось открытымъ до моего прохода, не долѣе, и это было сдѣлано, очевидно, для того, чтобы показать, что все это устроено умышленно.

Къ утру цвѣты еще не завянули, ибо въ комнатѣ было все-таки довольно тепло, но они уже никогда не поправятся отъ холодной струи, такъ предательски обдававшей ихъ въ теченiе нѣсколькихъ часовъ. Они расцвѣли подъ тропиками, и воздухъ голландской зимы имъ не подъ силу!

Первымъ моимъ движенiемъ было закрыть окно и спасти цвѣты. Не ихъ вѣща, что ванъ-Дааленъ оказался еретикомъ, скомпромет-

тированнымъ въ прошломъ, и что я не повѣсилъ его въ то время, когда могъ. Не ихъ вина, что отношенія между мною и донной Изабеллой были таковы, какъ я рассказывалъ.

Я подошелъ къ окну и хотѣлъ было закрыть его, но въ послѣднюю минуту я раздумалъ. Я подарилъ цвѣты ей, они принадлежали ей, и она осудила ихъ на смерть. Пусть совершится ея желаніе, пусть цвѣты погибнутъ. Жаль, что я лишилъ ихъ ванъ-Даалена: они говорили ему о женѣ. Но что сдѣлано, то сдѣлано.

Я открылъ окно настежь. Если они должны умереть, пусть умрутъ скорѣе.

Не знаю, что подумала донна Изабелла, войдя въ эту комнату на слѣдующее утро. Меня тамъ не было. Но, вѣроятно, она поняла меня, ибо никто изъ насъ ни разу не упомянулъ больше о цвѣтахъ.

1-го января 1573 года.

Новый годъ прінесъ съ собой новыя вѣсти, и не только вѣсти.

Сегодня утромъ, сидя за письменнымъ столомъ, я услышалъ, какъ по площади скакала кавалерія. Я поднялся съ досадой. Я не дѣлалъ такого распоряженія, и подошелъ къ окну.

По площади отъ Брюссельскихъ воротъ двигался довольно сильный отрядъ. Я не могъ опредѣлить хотя приблизительно его состава, ибо передо мной былъ только авангардъ, остальная часть была скрыта благодаря кривизнѣ улицы. Среди офицеровъ ѣхалъ монахъ. Скоро увидимъ, что все это значить.

Глядя на нихъ, я грустно улыбнулся: ничего хорошаго это не предвѣщало. Съ другой стороны, меня должны были бы увѣдомить письменно о прибытіи этого отряда.

Пока этотъ отрядъ не былъ еще хозяиномъ города.

Войска остановились у воротъ дворца. Изъ воротъ быстро выбѣжалъ дежурный офицеръ и со своей покорностью, которую инквизиція сумѣла внѣдрить въ душу зауряднаго испанца, привѣтствовалъ священнослужителя. Онъ о чемъ-то поговорилъ съ нимъ и вернулся въ домъ. Черезъ нѣсколько секундъ въ мою дверь кто-то постучалъ.

— Войдите!—крикнулъ я.

Дежурный офицеръ быстро вошелъ въ комнату и сказалъ:

— Синьоръ, прибылъ съ письмомъ отъ его свѣтлости герцога достопочтенный отецъ донъ-Педро де-Тарсилла. Онъ привелъ съ собою полкъ дона Альвара-де-Лема.

— Отлично. Проведите его въ галерею. Когда я освобожусь, я приму его въ большой залъ. Есть еще что-нибудь?—рѣзко спросилъ я, видя, что тотъ, сдѣлавъ поклонъ, мнетъ на мѣстѣ.

— Прошу извиненія, синьоръ. Но если я вѣрно понялъ его преподобіе, онъ ожидаетъ, что вы сойдете внизъ и встрѣтите его.

— Нѣтъ. Вы, очевидно, ошиблись. Я губернаторъ Гертруденберга, а не онъ. Потрудитесь это запомнить и исполняйте только тѣ распоряженія, которыя даются вамъ въ установленномъ порядкѣ. Теперь исполните то, что я вамъ сказала. А потомъ пришлите ко мнѣ дона Руица и барона Виллингера.

Я не торопился и не спѣша закончилъ свои дѣла. Выйдя изъ своей комнаты, я встрѣтилъ дона Руица.

— Вы посылали за мной, донъ Хаймъ?—спросилъ онъ.

— Да. Намъ нужно будетъ принять гостей.

— Я видѣлъ ихъ. Вы напрасно не предупредили меня о томъ, что они придутъ.

— Но я самъ этого не зналъ.

— Вы не знали!

— Нѣтъ. Донъ-Педро де-Тарсилла—приходилось вамъ когда-нибудь слышать о немъ?—явился сюда въ качествѣ уполномоченнаго инквизиціи по дѣламъ вѣры съ болѣе или менѣе широкими полномочіями. Онъ ждетъ меня въ галереѣ.

Донъ Руицъ пристально взглянулъ на меня и спросилъ:

— Вы хотите обойтись съ нимъ свысока?

— Да. Я нисколько не боюсь его.

— Вы слишкомъ самонадѣянны.

— Это правда. Но онъ гораздо меньше можетъ повредить мнѣ, чѣмъ онъ воображаетъ.

Донъ Руицъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня, стараясь угадать смыслъ моихъ словъ.

— Кто изъ офицеровъ сегодня въ караулъ?—спокойно спросилъ я.

— У Южныхъ воротъ Альдани, у Рѣчныхъ воротъ де-Кастро на смѣнахъ Валлехо и Кастилья. Во дворцѣ—рота Квесады. Остальные, въ томъ числѣ и нѣмцы барона Виллингера, находятся на своихъ квартирахъ.

— Хорошо. Пусть Альдани вернется къ себѣ на квартиру, а его мѣсто пусть займутъ каталонцы Альвареца. Квесаду нужно смѣнить, а дворцовый караулъ нужно замѣнить нѣмцами. Люди Зурбарана и Гарціи должны быть въ вашемъ распоряженіи на всякій случай. Могу я положиться на васъ, донъ Руицъ?

— Можете, донъ Хаймъ. Я обязанъ вамъ жизнью. Но если возможно, я предпочелъ бы умереть какъ-нибудь иначе, чѣмъ встрѣтить смерть на кострѣ.

— Не бойтесь, донъ Руицъ. Это можно устроить. Конецъ еще не такъ близокъ, какъ вы думаете. Но я не позволю шутить со мной. Что касается вновь прибывшихъ войскъ, то постарайтесь, насколько возможно, разсѣять ихъ по всему городу. Когда вы сдѣлаете всѣ необходимыя распоряженія, то мы примемъ тогда досто-

почтеннаго отца, который, вѣроятно, ждетъ насъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Я принялъ дона Педро де-Тарсилла съ особой торжественностью, окруженный всѣмъ моимъ штабомъ. Я не сдѣлалъ ни одного шага ему навстрѣчу, но ждалъ, пока онъ самъ подойдетъ ко мнѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы мои офицеры могли сразу понять нашу взаимную позицію. До сего дня между мною и королемъ стоитъ пока одинъ человѣкъ—герцогъ Альба.

Донъ Педро быстро сообразилъ свое положеніе и съ улыбкой подошелъ ко мнѣ.

— Я привезъ вамъ письмо отъ его свѣтлости, синьоръ. Я посланъ затѣмъ, чтобы наблюдать за духовной жизнью этого города, за которой, повидимому, не было достаточнаго прімотра. Мы уже встрѣчались съ вами, и я очень радъ случаю возобновить наше знакомство, которое длилось не такъ долго, какъ я того хотѣлъ бы.

— Наши обоюдныя желанія, безъ сомнѣнія, совпадаютъ въ этомъ случаѣ,—отвѣчалъ я.—Добро пожаловать въ Гертруденбергъ. Боюсь, что я заставилъ васъ ждать. Если бы я былъ предувѣдомленъ о вашемъ прибытіи, то будъте увѣрены, что кто-нибудь изъ моихъ офицеровъ встрѣтилъ бы васъ у городскихъ воротъ.

Такъ дѣйствительно полагалось сдѣлать. Въ Испаніи даже высшіе сановники каждаго города выходятъ навстрѣчу инквизитору, но здѣсь не Испанія.

Когда онъ слушалъ мою рѣчь, какая-то тѣнь пробѣжала по его лицу. Впрочемъ, она сейчасъ же исчезла.

— Мой отъѣздъ былъ рѣшенъ такъ быстро, что письмо едва ли могло бы прійти раньше моего прибытія. Это не бѣда, что при моемъ приближеніи не были соблюдены всѣ формальности. Я не обращаю вниманія на такія мелочи. Прошу васъ не беспокоиться объ этомъ.

Онъ ловко повернулъ дѣло противъ меня. Въ Брюсселѣ сумѣли выбрать подходящаго человѣка, и съ нимъ нелегко будетъ имѣть дѣло. Но они не знали, что я обѣднѣлъ и что взять съ меня больше нечего, а такіе люди бываютъ опасны.

— Позвольте мнѣ представить вамъ дону Альвара де-Лема,—продолжалъ онъ.—Онъ командуетъ вновь прибывшими войсками. Я поклонился.

— Поздравляю васъ, достопочтенный отецъ, съ такимъ храбрымъ провожатымъ, который охранялъ васъ отъ всякихъ опасностей въ пути. Ваше имя мнѣ немного знакомо,—продолжалъ я, обращаясь къ дону Альвару.—Мнѣ его не разъ называли. Кажется, вы участвовали въ сраженіи при Монсѣ?

Онъ, въ свою очередь, поклонился.

— Могу ли я смотрѣть на васъ, какъ на усиленіе моихъ воору-

женныхъ силъ? Я счелъ бы это большой честью. Или вы прибыли только въ качествѣ конвоя достопочтеннаго отца?

Мнѣ хотѣлось сразу выяснитъ этотъ вопросъ. Я не былъ расположенъ губернаторствовать въ Гертруденбергѣ вдвоемъ.

— Я ожидаю дальнѣйшихъ приказаній отъ герцога. А пока я былъ въ распоряженіи достопочтеннаго отца,—сухо отвѣчалъ донъ Альваръ.

Донъ Педро бросилъ на него быстрый взглядъ, который не укрылся отъ меня. Донъ Альваръ былъ еще слишкомъ молодъ и слишкомъ чистосердеченъ.

— Его конвой, а мои, стало быть, гости!—весело вскричалъ я.— Располагайтесь какъ можно удобнѣе, господа. Боюсь, однако, что лучшія квартиры уже заняты. Въ военное время все лучшее достается тому, кто является первымъ. Впрочемъ, это относится не могло къ вамъ, а только къ вашимъ людямъ. Вы же будете моимъ гостемъ въ городскомъ домѣ.

Онъ, повидимому, былъ смущенъ, что я такъ распорядился съ нимъ, но, не получая помощи со стороны монаха, поклонился и принялся меня благодарить.

— Донъ Руицъ, будьте любезны, позаботьтесь, чтобы войскамъ дона Альвара были отведены подходящія квартиры.

Онъ понялъ меня и сейчасъ же вышелъ.

— Я лучше самъ позабочусь объ этомъ. Не беспокойтесь, пожалуйста,—сказалъ донъ Альваръ, дѣлая шагъ впередъ.

Я остановилъ его жестомъ.

— Донъ Руицъ знаетъ городъ, а вы его не знаете. Помочь ему вы, стало быть, не можете. Будьте увѣрены, онъ сдѣлаетъ для васъ все, что будетъ возможно. Позвольте попросить васъ подкрѣпить ваши силы послѣ дороги,—продолжалъ я съ беззаботнымъ видомъ, обращаясь одновременно къ дону Альвару и къ его преподобію.— Вы, вѣроятно, проголодались послѣ такого длиннаго перехода. Сюда, пожалуйста.

И безъ дальнѣйшихъ проволочекъ я повелъ ихъ въ мои апартаменты, мимо караула, который стоялъ у дверей.

— Позвольте рекомендовать вамъ, ваше преподобіе, вотъ это вино,—сказалъ я, когда мы усѣлись за столъ.—Эго настоящій хересъ, у моей семьи тамъ есть виноградники. Настоящій испанецъ сумѣетъ оцѣнить его.

Съ нами сидѣлъ также баронъ фонъ-Виллингеръ и нѣсколько моихъ офицеровъ. Разговоръ вскорѣ сталъ общимъ. Говорили о разныхъ безразличныхъ вещахъ.

Когда обѣдъ кончился, донъ Педро сказалъ:

— Прежде всего я долженъ поблагодарить васъ, сньюръ, за ваше гостепрѣмство, которое превзошло все, что мы могли себѣ представить. Но теперь я долженъ просить васъ удѣлить мнѣ нѣ-

сколько минутъ для частной бесѣды по нѣкоторымъ дѣламъ государственной важности. Я увѣренъ, эти господа насъ извинятъ.

Я всталъ, а за мной встали и всѣ другіе.

— Я къ вашимъ услугамъ. Господа, прошу не обращать вниманія на наше отсутствіе,—прибавилъ я, обращаясь къ своимъ гостямъ.

Я быстро переглянулся съ барономъ Виллингеромъ. Онъ былъ неглупый малый и понималъ положеніе вещей не хуже меня. Поэтому я могъ быть увѣренъ, что донъ Альваръ выйдетъ изъ-за стола только тогда, когда это не будетъ грозить для меня какими-либо затрудненіями.

Донъ Педро де-Тарсилла вмѣстѣ со мной прошелъ въ мой частный кабинетъ, куда я приказалъ подать еще бутылку хереса.

Когда мы усѣлись, его преподобіе началъ издаലെка:

— У васъ хорошій карауль, синьоръ. Ваши люди боятся васъ хуже лютаго врага. Дежурный у воротъ офицеръ едва пропустилъ насъ сегодня утромъ и хотѣлъ сначала испросить вашихъ приказаній. Онъ согласился только послѣ того, какъ я предъявилъ ему полученное мной распоряженіе и указалъ ему на отвѣтственность, которой онъ подвергается. Поздравляю васъ, синьоръ, что у васъ такіе дисциплинированные люди.

Я поклонился. Однако про себя я отмѣтилъ Альдани, который въ это утро держалъ карауль у Южныхъ воротъ.

Ему, стало быть, нельзя было довѣрять.

— Мнѣ очень понравилось, какъ вы указали дону Альвару его мѣсто,—продолжалъ онъ, улыбаясь.—Онъ еще молодъ и придаетъ себѣ слишкомъ много значенія. Надѣюсь, этотъ урокъ пойдетъ ему на пользу.

— Въ Гертруденбергѣ не можетъ быть двухъ хозяевъ,—отвѣчалъ я, также улыбаясь.—Городъ слишкомъ малъ для этого.

Я сказалъ это съ намѣреніемъ, и донъ-Педро, очевидно, отлично понималъ меня.

— Надѣюсь, это замѣчаніе не относится къ области духовныхъ дѣлъ?—вѣжливо спросилъ онъ.

— Конечно, ваше преподобіе. Мы, свѣтскіе люди, должны руководствоваться только фактами, а вы имѣете возможность судить душу людей и осуждать или отпускать ея грѣхи сообразно вашимъ затаеннымъ мыслямъ.

Говоря это, я имѣлъ въ виду отца Балестера. Этимъ необыкновеннымъ отвѣтомъ мнѣ хотѣлось вызвать дона Педро на отвѣтъ, который освѣтилъ бы мнѣ положеніе. Но ожиданія мои не оправдались.

— Отпущеніе грѣховъ—одна изъ благороднѣйшихъ прерогативъ святой церкви,—хладнокровно отвѣчалъ онъ.—Къ сожалѣнію, церковь не можетъ пользоваться ею такъ часто, какъ она же-

лала бы. Къ несчастью, въ Голландіи въ наши времена ея мѣры должны быть довольно суровы.

Я изучалъ дона Педро, пока онъ говорилъ. Это высокій смуглый человѣкъ, почти моего роста, съ красивыми чертами лица. У него орлиный носъ и крѣпкій, красивый подбородокъ, который встрѣчается на сѣверѣ Испаніи. Лучше всего были его глаза. Они были не только широки и блестящи, какъ у большинства испанцевъ высшихъ классовъ, но имѣли въ себѣ какую-то скрытую силу, которая могла дѣйствовать на женщинъ. Церковь положила на него свое клеймо, какъ и на большинство людей. Но легкая завѣса, которую она набросила на его лицо, дѣлаетъ его еще болѣе опаснымъ. Только вокругъ рта виднѣлись кое-какія линіи, которыя мнѣ не нравились. Я думаю, что этотъ человѣкъ могъ измѣнить до неузнаваемости все лицо—только не ротъ. Ему было лѣтъ сорокъ.

Донъ Педро де-Тарсилла считался человѣкомъ способнымъ, хотя и не очень разборчивымъ на средства. Но кто теперь разборчивъ на средства? Впрочемъ, его частная жизнь была безукоризненна, настолько, по крайней мѣрѣ, она была извѣстна.

Онъ былъ присланъ сюда въ качествѣ делегата инквизиціи для завѣдыванія вѣры. Въ Испаніи мы бы называли его просто-напросто инквизиторомъ. Но здѣсь онъ величался высшимъ комиссаромъ инквизиціи. Хотятъ показать, что это нѣчто меньше, чѣмъ инквизиторъ, закрывая глаза на то, что на самомъ дѣлѣ это нѣчто въ десять разъ худшее. Въ началѣ беспорядковъ въ регентство Маргариты предпочитали употреблять этотъ титулъ, рассчитывая задержать такимъ образомъ ходъ вещей. Тогда обыкновенно присылали съ этимъ титуломъ кого-нибудь изъ важныхъ вельможъ. До сихъ поръ для этой должности не избирали простыхъ испанскихъ монаховъ. Ибо если есть что-нибудь, чего народъ въ Голландіи боится до смерти, то это именно испанская инквизиція. Впрочемъ, и въ самой Испаніи она также не пользуется любовью простого народа: эти инквизиторы совершили уже слишкомъ много жестокостей.

Я удивляюсь, почему герцогъ нарушилъ въ этомъ случаѣ общее правило. Конечно, донъ Педро давно уже живетъ въ Голландіи и надо было дать ему какое-нибудь назначеніе. Но все-таки это очень странно. Впрочемъ, это дѣло герцога, и миссія дона Педро, очевидно, направлена столько же противъ еретиковъ, сколько противъ меня, если не больше. Въ письмѣ, которое предъявилъ мнѣ донъ Педро, говорилось, правда, только о духовныхъ дѣлахъ, но я не зналъ, не привезъ ли онъ съ собой какихъ-нибудь секретныхъ полномочій.

— Судя по свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ изъ частныхъ источниковъ, а также по вашимъ собственнымъ донесеніямъ, ересь, повидному, распространилась здѣсь съ особенной силой. Поэтому

меня послали сюда, чтобы сдѣлать все, что будетъ возможно. Я особенно рассчитываю на вашу помощь, донъ Ханмъ. Вы, конечно, дѣйствовали сообразно тѣмъ спискамъ, которые мы вамъ прислали, и арестовали или, по крайней мѣрѣ, отдали подъ надзоръ поименованныхъ тамъ лицъ?

— О какихъ спискахъ вы говорите?—смѣло спросилъ я.

Его лицо потемнѣло.

— О спискахъ, которые были приложены къ полученному вами письму.

— Я не получалъ никакихъ списковъ. Я покажу вамъ письмо, чтобы вы могли убѣдиться сами.

И я взялъ пакетъ, изъ котораго предупредительно вынулъ эти проклятые списки. Къ счастью, это можно было сдѣлать, такъ какъ о нихъ въ письмѣ не говорилось.

Онъ пробѣжалъ письмо и устремилъ на меня испытующій взоръ.

— Это странно,—сказалъ онъ.—Человѣкъ, привезшій это письмо, еще здѣсь?

— Нѣтъ. Я отослалъ съ нимъ мой отвѣтъ. Развѣ этотъ отвѣтъ въ Брюсселѣ не получили?

— Насколько я знаю, нѣтъ. Всѣ удивлялись вашему молчанію.

— Я отправилъ свое письмо дня черезъ два послѣ получения этого. Отвѣчать мнѣ, впрочемъ, было почти нечего.

— Какой дорогой поѣхалъ этотъ человѣкъ?—спросилъ онъ, размышляя.

— Обычной, дорогой, вѣроятно. Я приказалъ сопровождать его до Тильберга, гдѣ кончается подвѣдомственный мнѣ округъ. Не могу вамъ сказать, что съ нимъ случилось потомъ.

На самомъ дѣлѣ произошло слѣдующее. Я приказалъ въ нужный моментъ привести къ себѣ посланца и сталъ разносить его за то, что одного письма будто бы не оказалось. Онъ клялся всѣми святыми, что этого не могло быть и что онъ глазъ не спускалъ съ мѣшка, въ которомъ были письма. Этому, конечно, я охотно вѣрилъ, но продолжалъ настаивать на своемъ, грозя ему пытками, если онъ не скажетъ. Онъ бросился передо мной на колѣни, умоляя о пощадѣ и увѣряя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Въ концѣ концовъ я какъ будто смягчился и ограничился только тѣмъ, что удалилъ его со службы, заявивъ ему, что я не могу больше полагаться на него. Ради жены и дѣтей я далъ ему денегъ и приказалъ ему убраться куда угодно, хоть къ принцу Оранскому или самому чорту, предупредивъ его, что если онъ когда-нибудь осмѣлится появиться въ Брюсселѣ или здѣсь, то я прикажу его повѣсить.

Донъ Педро, конечно, ничего этого не зналъ. Онъ стоялъ передо мной въ полномъ недоумѣніи, которое никакъ не могъ разрѣшить.

— По временамъ мнѣ казалось страннымъ, что полученное мною письмо не богато содержаніемъ. Впрочемъ, нельзя много спрашивать, когда письмо идетъ изъ главной квартиры. Списки были длинны?

— Да. Кажется, они были исчерпывающе полны. Во всякомъ случаѣ въ нихъ были внесены имена еретиковъ, которые выдаются своимъ богатствомъ и положеніемъ, словомъ вожаковъ всего дѣла. На нихъ намъ указало одно лицо, вполне заслуживающее довѣрія.

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но удержался.

— Можетъ быть, эти списки были вынуты въ Брюсселѣ,—хладнокровно замѣтилъ я.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Донъ Педро подумалъ съ минуту.

— Какъ бы тамъ ни было, — сказалъ онъ:—мы можемъ получить эти списки еще разъ. Я могу послать за ними въ Брюссель. Впрочемъ, можетъ быть, и у меня найдется копія съ нихъ.

Я, конечно, былъ увѣренъ, что найдется.

— Затѣмъ я убѣжденъ,—продолжалъ онъ:—что и вы не дремали. Вы извѣстны, какъ вѣрный сынъ церкви. Вы, вѣроятно, и сами составили такіе списки и даже, можетъ быть, произвели кое-какіе аресты.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, пожимая плечами.—Начать съ того, что здѣсь было много неотложныхъ дѣлъ. Время военное. Затѣмъ вслѣдствіе этой несчастной ошибки отца Балестера (весь городъ пришелъ въ крайнее возбужденіе и пришлось его успокаивать. Иначе богатые еретики—я не могъ разузнять о нихъ въ одинъ день—первые спаслись бы бѣгствомъ. И хотя моя власть ничѣмъ не ограничена, однако герцогъ, отпуская меня сюда, совѣтовалъ мнѣ дѣйствовать медленно и осторожно. Вы знаете его образъ дѣйствій.

Онъ нетерпѣливо кивнулъ головой.

— Да, конечно, герцогъ великій полководецъ и государственный мужъ. Но церковь не всегда можетъ ждать. Мы отвѣчаемъ за каждую душу, которая гибнетъ вслѣдствіе нашей небрежности.

Тутъ опять выступало то страшное лицемѣріе, противъ котораго возмущалось мое чувство. Со временемъ я привыкъ къ нему, но въ ту минуту оно вызывало во мнѣ неопишуемое отвращеніе.

— Ваша совѣсть должна быть чиста, ваше преподобіе. Вы-то ужъ, конечно, не упустили ни одного случая изловить и сжечь еретика и такимъ путемъ спасли множество душъ.

Онъ взглянулъ на меня, но его лицо было непроницаемо.

— Что касается списковъ,—продолжалъ я:—то очень жаль, что они потеряны. Но было неблагоприятно довѣрять ихъ обыкновенному курьеру. Ваша копія едва ли можетъ пригодиться, ибо, если оригиналъ былъ украденъ, то лица, которыхъ касается это, безъ сомнѣнія, уже предупреждены. За послѣднія двѣ недѣли изъ города уѣхало очень много народу. Не прикажете ли еще стакан-

чикъ вина? Нѣтъ? Это настоящее вино и не горячитъ человѣка. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я, сказать по правдѣ, и самъ подозрѣвалъ въ принадлежности къ новой религiи. Тѣ, которымъ нужно было уѣхать, безъ сомнѣнія, поторопились это сдѣлать прежде, чѣмъ станутъ рѣшки. Поэтому въ моемъ послѣднемъ письмѣ, которое, повидимому, не дошло, я просилъ герцога дать мнѣ инструкціи, такъ какъ мнѣ не хотѣлось принимать на себя всю отвѣтственность за преслѣдованія. Не получивъ отвѣта, я заключилъ, что герцогъ не желаетъ, чтобы я что-нибудь предпринималъ.

Донъ Педро весь побагровѣлъ, пока я говорилъ это. Наконецъ онъ понялъ, что добыча окончательно ускользнула изъ его рукъ, а съ нею и золото. Невѣроятно, чтобы онъ совершенно забылъ о немъ.

— Вы понимаете, что вы говорите?—хрипло спросилъ онъ.

— Вполнѣ. Во всемъ этомъ виноваты ваши брюссельскіе порядки.

— Но вы могли бы сообразить и безъ особыхъ приказаній,—вскричалъ онъ. Гнѣвъ и разочарованіе взяли верхъ надъ его обычной осторожностью. — Какая польза въ неограниченной власти, если вы не хотите пустить ее въ ходъ? Вы могли бы...

— Донъ Педро, вы не герцогъ Альба, чтобы указывать мнѣ на то, что я могъ бы,—холодно перебилъ я.

Самообладаніе вернулось къ нему моментально.

— Прошу извиненія, донъ Хаимъ. Я не хотѣлъ сказать чего-либо обиднаго. Но вы понимаете, что для ревностнаго пастыря душъ это великое разочарованіе.

— Конечно, я вамъ вполнѣ сочувствую. Но что тутъ можно сдѣлать? Въ концѣ концовъ Божья кара, несомнѣнно, постигнетъ виновныхъ.

Онъ опять искоса взглянулъ на меня. Но едва ли что онъ могъ прочесть на моемъ лицѣ. Онъ уставился глазами въ полъ и сидѣлъ нѣсколько минутъ молча.

— Можетъ быть, не всѣ успѣли уѣхать,—сказалъ онъ наконецъ.— Вѣдь я прибылъ сюда совершенно неожиданно. Я сначала попробую отыскать списки. Прошу васъ приказать, чтобы никто не смѣлъ выѣхать изъ города безъ особаго на то разрѣшенія.

— Я сдѣлаю это сейчасъ же,—отвѣчалъ я.

— Что касается остального, то я постараюсь сдѣлать все, что могу. Такіе списки никогда не бываютъ полны, и мы еще посмотримъ. Можетъ быть, вы знаете кое-кого, чье имя не внесено въ нихъ. А пока мнѣ остается только благодарить васъ еще разъ за гостепріимство, донъ Хаимъ.

Съ этими словами онъ поднялся.

— Наоборотъ, я долженъ благодарить васъ,—отвѣчалъ я.— Надѣюсь, что вы останетесь моимъ гостемъ, пока не подыщутъ домъ,

достойный васъ и вашего сана. Позвольте рассчитывать впередъ, что вы сдѣлаете мнѣ честь и будете обѣдать у меня. Графиня будетъ очень рада познакомиться съ вами.

Онъ былъ изумленъ.

— А я и не зналъ, что вы женаты.

— Я женился недавно—на дочери снѣбора ванъ-деръ-Веерена, перваго бургомистра этого города, который съ такимъ трудомъ удерживалъ въ повиновеніи его жителей, пока я не прибылъ. Онъ полуиспанецъ родомъ. Его мать была донна Изабелла-де-Гернандецъ-и-Виларъ.

— Поздравляю васъ, донъ Хаимъ. Когда настанетъ время, я буду счастливъ принести свои привѣтствія графинѣ.

Я проводилъ его до комнатъ, которыя я отвелъ для него. Потомъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ и остановился въ раздумѣ. Невольно мои глаза обратились къ окну, какъ со мной всегда бываетъ, когда я остаюсь одинъ. Переменяющіеся свѣтъ и тѣни имѣютъ для меня какую-то особенную прелесть.

Когда я смотрѣлъ въ окно, лучъ блѣднаго январскаго солнца вдругъ загорѣлся надъ высокими темными домами. Воздухъ былъ довольно плотенъ, и дымъ, не будучи въ состояніи подняться вверхъ, висѣлъ надъ крышами. Надо всѣмъ висѣло сѣрое небо. Такой видъ и всегда-то былъ суровъ и мраченъ, а сегодня въ особенности. Но мнѣ нравился этотъ видъ, я любилъ его ради того, о чемъ когда-то я мечталъ у этого окна. И вдругъ мнѣ захотѣлось знать, будемъ ли вспоминать наши надежды и желанія, когда все пройдетъ, будемъ ли мы сожалѣть тогда, что онѣ превратились въ ничто.

Что касается сегодняшняго утра, то я храбро выдержалъ испытаніе. На сегодняшній и на ближайшіе дни я оставался еще господиномъ положенія. Если у дона Педро и были поползновенія низложить меня, предполагая, конечно, что онъ имѣлъ достаточныя для этого полномочія, то сегодня онъ увидѣлъ, что это ему не удастся. Онъ умный человекъ и, безъ сомнѣнія, понялъ, что ему выгоднѣе согласиться съ моимъ объясненіемъ, тѣмъ болѣе, что оно могло быть и истиннымъ. И вотъ теперь онъ сидитъ въ своей комнатѣ, взвѣсивъ свои шансы, посматривая на списки и ломая себѣ голову надъ вопросомъ, кто могъ вырвать у него добычу. Пусть подумаетъ надъ этимъ нѣкоторое время. Когда онъ въ концѣ концовъ догадается,—ибо сбо всемъ можно догадаться, если хорошенько приняться за дѣло—то дѣло будетъ зависѣть отъ размѣра его полномочій и честолюбія и... отъ меня, ибо охота за тигромъ—дѣло нелегкое. Правда, остается еще король. Но есть вещи, которыя рѣшаются прежде, чѣмъ его позовутъ разсудить ихъ.

Увидимъ.

Я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія относительно воротъ. Послѣ этого я пошелъ къ доннѣ Изабеллѣ и просилъ ее увѣдомить

обо всемъ ея отца. Срокъ, который я далъ, уже истекъ нѣсколько дней тому назадъ. Если тѣ, имена которыхъ внесены въ списки, еще не уѣхали, то они должны сдѣлать это немедленно. До сегоднешняго вечера я сдѣлаю для нихъ все, что можно, но послѣ этого я отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность.

Вечеромъ того же числа.

Обѣдъ кончился. Когда я представилъ дону Педро моей женѣ, онъ былъ изумленъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ пораженъ ея красотой. Сегодня она имѣла величавый видъ. Что касается донъ Альвара, то онъ просто ошеломленъ. Онъ сразу готовъ былъ броситься къ ея ногамъ. Онъ сидѣлъ слѣва отъ нея, а донъ Педро справа, на почетномъ мѣстѣ. Оба они старались превзойти другъ друга въ любезности, но солдату было далеко до монаха, который былъ далеко не зауряднымъ человѣкомъ и въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ нравиться женщинамъ. Это былъ нашъ первый большой обѣдъ, и она великолѣпно сыграла свою роль хозяйки.

Донъ Педро—человѣкъ неглупый. За обѣдомъ завязался маленькій споръ о томъ, куда помѣстить помощника донъ Альвара. Я разрѣшилъ этотъ вопросъ холодно и авторитетно. Донъ-Альваръ хотѣлъ было рѣзко возразить мнѣ, но донъ Педро предупредилъ его:

— Мы должны просить васъ, донъ Хаимъ, извинить насъ за беспокойство, которое мы вамъ доставили своимъ неожиданнымъ прибытіемъ. Удивительно, какъ вы сумѣли устроить насъ всѣхъ въ такое короткое время. Не могу не удивляться, какъ твердо и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно вы правите своимъ королевствомъ. Учитесь у нашего хозяина, донъ Альваръ.

Это было сказано довольноно ехидно. Но донъ Альваръ всегда испортитъ игру, слѣпо и безъ всякихъ колебаній повинуюсь дону Педро, какъ хорошо выдрессированная собака, и показывая тѣмъ самымъ, что онъ посланъ исполнять приказанія донъ Педро—противъ меня, разумѣется.

Донъ Педро, несомнѣнно, неглупый человѣкъ. Любопытная предстоитъ намъ борьба.

10 января.

Вотъ уже десять дней, какъ донъ Педро здѣсь. Я не знаю, насколько удалось ему накинуть мнѣ на горло петлю. Несомнѣнно, онъ хлопочетъ объ этомъ, ибо для человѣка съ его темпераментомъ, привыкшаго къ образу дѣйствій испанскаго инквизитора, не можетъ быть пріятно занимать второе мѣсто, когда онъ могъ бы оказаться и на первомъ. Нѣкоторое время онъ, въ виду опасности, еще будетъ колебаться, но едва ли это продолжится долго.

Повторяю, мнѣ неизвѣстно, насколько хлопоты его были до сего времени удачны. Мнѣ приходилось довольствоваться наблю-

деніемъ его улыбки, но она не говорила мнѣ много. Онъ, съ своей стороны, очень внимательно изучаетъ глаза моей жены, но мнѣ кажется, что этимъ область его наблюденій не ограничивается.

Моя жена держитъ себя попрежнему. Ни малѣйшаго намека на то, что она видитъ ту игру не на животь, а на смерть, которая разыгрывается возлѣ нея. Но она не можетъ не знать этого, ибо въ самый день пріѣзда дона Педро я сообщилъ ей о данныхъ ему полномочіяхъ и просилъ ее быть осторожной. Я сказалъ ей все, что позволяла моя гордость, и она должна была пснять мня.

Сегодня утромъ я остался съ нею вдвоемъ, и ея обращеніе стало, какъ всегда, сухо-вѣжливымъ и холоднымъ, какъ ледъ. Но въ присутствіи моихъ гостей она довольно оживлена и весела.

13 января.

Маска, падѣтая допомъ Педро, испроницаема. Впрочемъ, со времени моей послѣдней записи прошло всего нѣсколько дней, а на все нужно время. Такая борьба въ особенности требуетъ всякой подготовки. Бываютъ положенія, въ которыхъ нельзя спѣшить. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ дономъ Педро.

Онъ началъ свои дѣйствія очень скромно, въ ограниченномъ масштабѣ и въ совершенно необычномъ духѣ. Ему удалось поймать человѣка, который громко читалъ своей семьѣ Библию. За это многіе поплатились сожженіемъ, но донъ-Педро довольствовался тѣмъ, что конфисковалъ его имущество и на нѣкоторое время посадилъ его въ тюрьму.

— Человѣкъ этотъ былъ слишкомъ простъ и введенъ въ заблужденіе,—говорилъ донъ Педро.

Онъ пошелъ еще дальше и далъ денегъ женѣ и дѣтямъ арестованнаго, чтобы удержать ихъ отъ отчаянія.

Онъ сказалъ въ воскресенье великолѣпную проповѣдь въ церкви св. Гертруды.

Мои офицеры, по крайней мѣрѣ тѣ, которые понимали голландски, слушали съ разинутымъ ртомъ. Это дѣйствительно былъ образецъ краснорѣчія, и даже на мою жену это произвело впечатлѣніе. Должно быть, донъ-Педро чувствуетъ себя крѣпко на своемъ мѣстѣ, если рѣшается на такія вещи. Онъ отлично играетъ свою роль, и его лицо принимаетъ апостольское выраженіе. Борьбы съ нимъ, очевидно, не миновать.

15 января.

Сегодня въ первый разъ на губахъ дона Педро мелькнула злорадная улыбка, плохо вяжущаяся съ апостольскимъ выраженіемъ его лица. Она была вызвана, конечно, не мною, но въ

подобныхъ случаяхъ нужно держать себя въ рукахъ, чтобы этого не могъ видѣть никто. Когда онъ прощался послѣ обѣда съ Изабеллой, въ его глазахъ мелькнулъ огонекъ тайнаго триумфа. Когда его глаза встрѣтились съ монни, этотъ огонекъ сразу погасъ, какъ будто его никогда и не было. Но я ясно видѣлъ его. И я знаю, что онъ теперь понялъ все и надѣется извлечь изъ этого большую для себя пользу.

Присутствіе Изабеллы придаетъ еще большій азартъ игрѣ: пріятно воображать, что эта прекрасная и гордая женщина будетъ на колѣняхъ умолять тебя пощадить жизнь ея мужа, а ты или согласишься, или отвергнешь ея просьбу, смотря по обстоятельствамъ. Желалъ бы я знать, какъ поступитъ Изабелла, если дѣло дойдетъ до этого? Впрочемъ, я надѣюсь, что дѣло не дойдетъ до такой крайности.

Нѣсколько позднѣе донъ Педро нарочно зашелъ ко мнѣ, чтобы переговорить относительно какого-то человѣка, котораго арестовали за продажу незаконныхъ брошюръ богословскаго содержания. Вслѣдствіе необычнаго образа дѣйствій, котораго держался донъ Педро относительно еретиковъ, доносы сыпались къ нему, какъ изъ рога изобилія: не Богъ знаетъ какимъ грѣхомъ казалось заработать немного денегъ, донесъ на человѣка, если извѣстно, что онъ отдѣляется тюремнымъ заключеніемъ на мѣсяць и штрафомъ. Торговля запрещенными книгами является, впрочемъ, дѣломъ серьезнымъ. А донъ Педро предложилъ мнѣ отпустить этого человѣка!

— Онъ былъ только орудіемъ,—гворилъ онъ:—кромѣ того, онъ созналъ свое преступленіе.

Конечно, сознаешь свое преступленіе, когда впереди видны пытки и костеръ.

— Неужели мы не можемъ отпустить его, донъ Ханъ?—спросилъ донъ-Педро.—Это не по правиламъ, я это понимаю. Но иногда снисходительностью можно сдѣлать больше, чѣмъ строгостью и суровостью.

Это было довольно дипломатично со стороны донъ Педро, но захватить меня врасплохъ было мудрено.

— Что касается души этого человѣка, то, конечно, въ этомъ дѣлѣ вы являетесь единственнымъ судьей, и я не стану оспаривать вашего приговора. Но его преступленіе остается, и я обязанъ предать суду этого человѣка, если бы вы и отпустили его. Это дѣло получило теперь огласку, а законы гласятъ въ этомъ случаѣ: смерть. Я долженъ предоставить мудрости св. церкви рѣшить, что лучше въ данномъ случаѣ—строгость или милосердіе, хотя до сего времени она не очень-то была склонна къ первой. Если я не ошибаюсь, въ день вашего приѣзда вы сами говорили, что въ своихъ мѣрахъ она, къ сожалѣнію, не можетъ обойтись безъ строгости.

— Это правда,—отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть, безъ нея и нельзя обойтись. На васъ это неприятно подѣйствовало, донъ-Хаимъ. Но когда я вижу этихъ несчастныхъ людей, которымъ приходится терпѣть за грѣхи другихъ, мнѣ всегда бываетъ жаль ихъ. Преслѣдованій избѣжать нельзя, но, мнѣ кажется, нѣтъ надобности возбуждать ихъ постоянно. Люди, занятые моимъ дѣломъ, обыкновенно слывутъ жестокими и очень часто это невѣрно. Вы, вѣроятно, были того же мнѣнія обо мнѣ, донъ Хаимъ. Это я заключаю по нѣкоторымъ вашимъ словамъ, сказаннымъ въ день моего приѣзда.

— Я считаю васъ ревностнымъ пастыремъ и продолжаю думать такъ до сихъ поръ, ваше преподобіе. Чувства, вами выраженные, дѣлаютъ честь вашему сердцу, и я желаю только заслужить ваше расположеніе, чѣмъ могу. Но въ этомъ случаѣ, къ сожалѣнію, я не могу уступить вамъ. Законъ не оставляетъ для меня никакого выбора.

— Я боялся, что вы такъ и отвѣтите мнѣ. Ну, пусть все идетъ своимъ чередомъ,—сказалъ онъ и простился со мной.

Было чрезвычайно забавно видѣть дона Педро въ роли адвоката, хлопчущаго о помилованіи. Мнѣ удалось узнать кое-что объ его прошлой жизни, и эта внезапная мягкость сердца показалась мнѣ особенно интересна. Что касается торговца запрещенными книгами, то я не могу ему ничѣмъ помочь. Онъ не долженъ былъ позволять, чтобы его поймали такъ легко. Человѣкъ, занимающийся такимъ ремесломъ, похожъ на человѣка, идущаго въ битву: ему можетъ посчастливиться, но онъ можетъ и встрѣтить смерть. Это ужъ не моя вина. Хотѣлъ бы я знать, какія цѣли преслѣдовалъ донъ Педро, разыгрывая эту маленькую комедію.

Теперь уже довольно поздно. Неужели онъ не напелъ противъ меня достаточныхъ уликъ? Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ такъ самоувѣренно. Можетъ быть, ему надо преодолѣть нѣкоторыя затрудненія. Если бы ему удалось вкрасться въ мое довѣріе, то это, конечно, облегчило бы ему его задачу. Впрочемъ, для меня это все равно, готовъ ли онъ, или нѣтъ. Онъ ведетъ тонкую игру и предаетъ себя въ мои руки.

Черезъ день или два онъ переѣзжаетъ въ собственное помещеніе. Теперь, донъ Педро, судьба наша будетъ скоро рѣшена.

16 января.

Судьба рѣшена.

Сегодня послѣ обѣда я вернулся домой неожиданно. Пройдя черезъ залу, которая вела въ жилыя комнаты, и раздвинувъ портьеру, отдѣлявшую ее отъ ближайшей комнаты, я увидѣлъ мою жену, стоявшую у окна и смотрѣвшую на площадъ, на которую уже спускалась темнота.

По своему обыкновенію, я закрылъ дверь очень тихо. Коверъ заглушалъ звукъ моихъ шаговъ. Кромѣ того, я ходилъ легкой, безшумной походкой—наслѣдственной съ материнской стороны—походкой тигра, какъ говорили. Моя жена не слышала моего приближенія и продолжала стоять у окна, глядя на умирающій день. Она стояла безмолвно, только ея губы шевелились. Мнѣ хорошо былъ виденъ ея профиль, на который падалъ послѣдній отблескъ свѣта. Я не хотѣлъ застать ее врасплохъ—къ чему?—но въ выраженіи ея лица было что-то такое, что заставило меня остановиться и затануть дыханіе. Я не могъ разобрать словъ, которыя она произносила. Осторожно подвигаясь впередъ, я подошелъ къ ней почти вплотную, такъ что могъ слышать то, что она шептала.

— На его гербѣ изображенъ тигръ,—говорила она сама съ собой,—и онъ сокрушитъ его, какъ сокрушилъ многихъ, какъ сокрушилъ меня. Я видѣла это по его глазамъ. Я должна желать этого, ибо я его жена. И эту цѣпь я буду носить до самаго конца. Вся жизнь еще впереди, я такъ молода. Боже, помоги мнѣ не молиться о смерти моего мужа.

И, прислонившись лбомъ къ твердому, холодному стеклу, она упала на колѣни.

Я вышелъ такъ же безшумно, какъ вошелъ, придерживаясь за стѣну, пока не дошелъ до двери. Тихо поднялъ я занавѣсъ и пошелъ въ свою комнату. Пусть исполнится желаніе Изабеллы. Это не такъ ужъ и трудно. Время теперь военное. Сначала нужно, однако, привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла. Но это не возьметъ много времени. Можетъ быть, она и права. Ибо бываютъ минуты слабости, которыя можно искупить только смертью. Развѣ это невозможно? Но что же я еще могу сдѣлать? Донъ Педро будетъ мнѣ очень благодаренъ. Онъ будетъ удивляться, почему тигръ вдругъ сталъ такимъ тихимъ и кроткимъ.

18 января.

Дни идутъ такъ же, какъ и раньше. Донъ Педро все наклоняется надъ кресломъ Изабеллы, а она смотритъ на него попрежнему. Дней черезъ десять у меня будетъ полный досугъ наблюдать за ними съ моего мѣста, пока не настанетъ всему конецъ.

Жаль, что я не могу теперь же расправиться съ дономъ Педро, но я не могу предоставить моей беззащитной женѣ считаться съ послѣдствіями моего дѣянія. Имя, которое она носитъ, должно служить ей защитой, а не гибелью. Если я умру прежде, чѣмъ донъ Педро предъявитъ ко мнѣ свое обвиненіе, то мои родные достаточно вліятельны, чтобы оградить мою жену, хотя бы ради носимаго ею имени. Донъ Педро знаетъ это такъ же хорошо, какъ и я.

19 января.

Сегодня его преподобіе покинулъ мой скромный домъ и перѣхалъ въ свою собственную квартиру. Я радъ этому, ибо теперь онъ уже не можетъ постоянно изучать выраженіе глазъ Изабеллы. Что касается дона Альвара, то я не обращаю на него вниманія: онъ человѣкъ неумный.

Инквизиторъ—я могу называть его такъ, хотя самъ онъ, быть можетъ, недолюбливаетъ это названіе,—поселился неподалеку отъ городской площади—мѣста своихъ будущихъ подвиговъ. Онъ какъ будто проснулся и принялся дѣйствовать. Когда я зашелъ сегодня въ тюрьму, она, къ моему изумленію, оказалась на половину заполненной. Всѣ арестованные—люди богатые, и улики противъ нихъ неоспоримы, по крайней мѣрѣ съ инквизиторской точки зрѣнія. Очевидно, донъ-Педро, если захочетъ, можетъ быть мастеромъ своего дѣла. Впрочемъ, при той системѣ, которая примѣняется инквизиціей, это не особенно трудно. Всегда найдутся лица, которыя не побрезгаютъ стать предателями, тѣмъ болѣе, что церковь платитъ добросовѣстно и щедро. Разъ пущенная въ ходъ, эта штука становится чѣмъ-то въ родѣ безконечной цѣпи, звенья которой несокрушимы. Искусство, съ которымъ они сдѣланы, сдѣлало бы честь самому дьяволу.

Вотъ онъ схватилъ первую жертву, не взирая на то, виновна она, или нѣтъ. Ее вздергиваютъ на дыбу и пытаются до тѣхъ поръ, пока она не сознается, въ чемъ нужно, какъ относительно себя, такъ и относительно дюжины другихъ лицъ. Затѣмъ эту жертву бросаютъ въ тюрьму, неизвѣстно за что и по какому праву. Вотъ цѣпь уже захватила цѣлую сотню людей. И, конечно, среди нихъ всегда окажутся такіе, которые не вопли слѣпы и послушны, какъ это требуетъ церковь, которые богаты и, можетъ быть, прекрасны, если это женщины. Церковные канѣны вгоняются въ сердце каждой семьи, словно желѣзные гвозди, раздѣляя родителей и дѣтей, мужей и женъ. Всѣ связи рушатся, если падетъ подозрѣніе на кого-либо изъ членовъ семьи: дѣти считаютъ себя тогда свободными отъ повиненія родителямъ. Жены перестаютъ соблюдать обѣты вѣрности. Жена и дѣти такого человѣка, если онъ даже неповиненъ, изгоняются, какъ нищіе, на нихъ ложится клеймо позора. А когда сынъ дѣлаетъ доносъ на отца или жена на мужа, то они получаютъ награду и наслѣдство. Надо удивляться еще, если кому-нибудь удастся избѣгнуть доноса.

Разъ жертва попалась, для нея уже мало надежды: ни Божескіе, ни человѣческіе законы не могутъ ее спасти, если не захочетъ того инквизиторъ. Конечно, можно жаловаться въ Римъ, если есть деньги и досугъ! Но если и придетъ оттуда отмѣна при-

говора, то что въ ней толку для человѣка, тѣло котораго все изломано при пыткахъ или уже загнило въ тюрьмѣ? Конечно, они могли бы защищать себя. Но какъ? Всѣ улики и имена свидѣтелей скрываются отъ нихъ. Принимается свидѣтельство любого негодяя. При такихъ условіяхъ самъ св. Павелъ едва ли ускользнулъ бы отъ обвиненія.

«Пусть тѣ, которые осуждены невинно, ободрятся,—говорить Франческо Пенья,—ибо они страдаютъ за истину и получать пальму мученичества».

Воистину, если бъ у меня не было такой крѣпкой вѣры, я самъ сдѣлался бы еретикомъ. Но какое я имѣю право порицать? Развѣ я самъ не пустилъ въ ходъ эти средства, чтобы добыть себѣ жену? Мнѣ кажется, что когда человѣкъ стоитъ уже въ концѣ своей жизни и оглядывается назадъ, то онъ видитъ вещи въ совершенно другомъ свѣтѣ и, быть можетъ, въ болѣе вѣрномъ, но уже поздно.

20 января.

Время идетъ. Я довольно долго не вижу Изабеллу—съ недѣлю или, самое большое, дней съ десять. Странно, какъ я еще хочу видѣть ту, которая съ нетерпѣніемъ ждетъ моей смерти. Но изъ всѣхъ странныхъ вещей въ жизни—любовь самая страшная.

Сегодня утромъ мы сидѣли за столомъ послѣ завтрака. Я смотрѣлъ на нее, ожидая отъ нея слова, которое могло бы смягчить наши отношенія за эти послѣдніе дни. Это было, конечно, неразумно съ моей стороны. Она какъ-то невзначай упомянула о донѣ Руицѣ. Не знаю почему, она не любитъ его. Она предпочитаетъ Альдани, на котораго нельзя положиться,—быть можетъ, потому, что онъ, какъ итальянецъ, обладаетъ такими мягкими манерами.

— Вы несправедливы къ дону Руицу,—сказала я.—Вы вполне можете положиться на него. Запомните это.

Она взглянула на меня вопросительно.

— Солдатъ никогда не увѣренъ въ своей жизни,—прибавила я.—Вы можете вдругъ оказаться одинокой.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ.

— Хорошо, донъ Ханмъ, я это запомню,—холодно отвѣчала она.

Я начинаю думать, что у этой женщины нѣтъ сердца.

Вечеромъ прибылъ къ намъ къ обѣду донъ Педро—очевидно, не безъ задней мысли. Донъ Альваръ все еще остается у насъ, тоже не безъ задней мысли. Я даже радъ, что скоро всему этому наступитъ конецъ, ибо мнѣ надоѣло видѣть, какъ эти люди сидятъ за моимъ столомъ и какъ мѣняется моя жена, входя въ комнату. Первые дни это была настоящая азартная игра, которая нравилась мнѣ, потому что ставка была такъ велика. Но теперь результатъ виденъ уже заранѣе, и игра не вызываетъ болѣе азарта.

Изабелла имѣетъ странное вліяніе на людей. Обыкновенно она держитъ себя холодно и высокомерно, а подчасъ и оскорбительно. Но вдругъ она улыбнется, и тогда ей все прощаешь. Даже самое оскорбленіе, нанесенное минуту тому назадъ, дѣлается лишнимъ удовольствіемъ. Я замѣчаю, что ея чары дѣйствуютъ на дона Педро. Она дѣйствуетъ на него безсознательно. Это опасная затѣя, Изабелла. Но при нашихъ отношеніяхъ невозможно предостеречь ее отъ этого.

Я написалъ дону Рамону де-Озунья и просилъ его пріѣхать сюда. Я думаю, что онъ сдѣлаетъ это ради меня. Его присутствіе и его положеніе будетъ достаточной охраной для моей жены.

23 января.

Сегодня было ауто-да-фе—второе со времени моего прибытія въ Гертруденбергъ. На этотъ разъ оно было дѣйствительно совершенно и при томъ по всѣмъ правиламъ искусства, не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Испаніи.

Наши ауто-да-фе были не богаты: двое были сожжены да двое повѣшены—всего четверо. Городокъ былъ не великъ, и въ это время мы не могли развернуться болѣе пышно. Но обстановка была безукоризненна, зрѣлище было весьма назидательное. Среди жертвъ были два лица, которыя были внесены въ списокъ и которыя замѣшались, несмотря на мое предостереженіе. Они, вѣроятно, не успѣли продать свои дома и товары, какъ имъ хотѣлось, и медлили, пока ихъ не схватили. Теперь они ужъ не потребуютъ обратно ни своихъ домовъ, ни своихъ денегъ. Ихъ сегодня утромъ передали мнѣ для наказанія съ обычной просьбой о помилованіи—пусть-де мой приговоръ не повлечетъ собой смерть или пролитіе крови. На мой взглядъ, это самое безстыдное издѣвательство со стороны церкви, ибо горе тому представителю свѣтской власти, который вздумаетъ согласиться на эту просьбу! Но церковь проситъ о милосердіи, и такимъ образомъ вся отвѣтственность падаетъ на другихъ.

Я не зналъ объ этихъ двухъ жертвахъ, пока сегодня утромъ мнѣ не вручили списокъ съ именами. Впрочемъ, если бы я даже и зналъ, все равно я ничего не могъ бы сдѣлать. Всякое сопротивленіе съ моей стороны только ускорило бы кризисъ. Внезапный переходъ дона Педро отъ кротости къ суровости заставляетъ и меня держаться на сторожѣ. Несомнѣнно, онъ знаетъ все. Отъ этихъ двухъ жертвъ онъ, конечно, сумѣлъ получить все свѣдѣнія, которыя ему были нужны. Онъ, вѣдь, не станетъ стѣсняться съ пытками.

Вы не должны смотрѣть на меня съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ, донна Изабелла. Посмотрите на дна Педро. Кровь этихъ четырехъ несчастныхъ падетъ не на мою голову, а скорѣе на

вашу и дона Педро. Ваше желаніе должно быть исполнено. Если, кромѣ одного, смерти котораго вы желаете, пострадаютъ еще нѣкоторые, то вамъ объ этомъ горевать нечего. За все надо расплачиваться. Не будь васъ, положеніе создалось бы иное, ибо я готовъ былъ уничтожить дона Педро, если бы даже это и внушало вамъ страхъ. Это было бы дьявольскимъ дѣломъ—мнѣ не хочется сознаваться въ этомъ даже на этихъ страницахъ, но я увѣренъ, что это мнѣ удалось бы. И эти люди не пострадали бы. Какъ бы то ни было, теперь время уже упущено.

Донъ Педро не только выискиваетъ имущества, которыя можно было бы конфисковать, но и арестуетъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ населенія—женщинъ, дѣтей и даже бѣдныхъ простолюдиновъ. Я не могу угадать его цѣли, но не такой онъ человѣкъ, чтобы дѣлать что-нибудь безъ уважительныхъ причинъ. Нужно будетъ позаботиться о томъ, чтобы бразды правленія не ускользнули изъ моихъ рукъ раньше времени.

Сегодня бросилась передо мной на колѣни прямо на снѣгъ какая-то женщина, умоляя меня пощадить ея дочь. Сегодняшній день показалъ, что инквизиторъ принялся за дѣло серьезно.

— Вы спасли m-ше Бреголль,—кричала женщина:—вы можете спасти и мою дочь. Она такъ же невиновна и такъ же прекрасна.

Женщина была въ полномъ отчаяніи, но я ничего не могъ сдѣлать для нея.

Не знаю, была ли донна Маріонъ на сегодняшнемъ ауто-да-фе. Я не видалъ ея со дня своей свадьбы. Навѣщая мою жену, она бываетъ у насъ, когда меня нѣтъ. Мы неоднократно приглашали ее къ себѣ, напримѣръ, въ рождественскій сочельникъ, но напрасно. Я слышалъ, что ея матери стало хуже. Не слѣдуетъ ли посоветовать ей поскорѣе покинуть Гертруденбергъ? Впрочемъ, донъ Педро едва ли подниметъ опять это дѣло послѣ того, что случилось.

Все это напомнило мнѣ объ отцѣ Балестерѣ, который какъ-то вышелъ было у меня изъ головы. Это дѣло также надо уладить окончательно. Но я не буду предъявлять его исповѣди. Для донны Маріонъ это не имѣетъ значенія, да и для меня также. Конечно, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы погубить меня, но теперь его ухищренія кажутся пустяками и не стоятъ мстить такимъ людямъ, какъ отецъ Балестеръ.

24-го января.

Вчера вечеромъ, вернувшись домой, я засталъ дона Педро, который сидѣлъ съ Изабеллой. Совершенное утро мъ ауто-да-фе, казалось, нисколько не омрачило ихъ бесѣды. Донъ Педро сказалъ, что онъ пришелъ переговорить со мной о кой-какихъ служебныхъ дѣлахъ и такъ какъ они слѣшнаго характера, то онъ рѣшился

дождаться меня. Я былъ убѣжденъ, что ничего тутъ спѣшнаго не было и что съ дѣлами отлично можно было повременить до завтра. Я просилъ его отобѣдать съ нами, на что онъ и согласился.

Быль вечеръ, такой же, какихъ бывало много, но мнѣ все менѣе и менѣе нравилась его манера глядѣть на мою жену. Въ его улыбкахъ было что-то такое, чего я не могъ опредѣлить, а на ея щекахъ игралъ какой-то странный, лихорадочный румянецъ. Ни одной минуты впрочемъ, я не могъ бы оскорбить ее подозрѣнiемъ, что она забыда, кто она.

Надѣюсь все услышать завтра отъ дона Рамона. А если мнѣ не суждено услышать, то да поможетъ мнѣ Богъ!

25-го января.

Донъ Рамонъ не можетъ пріѣхать. Когда мое письмо пришло, онъ уже уѣхалъ въ лагерь подъ Гаарлемъ. Получивъ извѣстiе объ этомъ, я цѣлый часъ сидѣлъ за своимъ столомъ, устремивъ взоръ въ одну точку и видя передъ собой только одну страшную вещь: времени оставалось уже немного. Сегодня я замѣтилъ нѣкоторые признаки, относительно которыхъ нельзя ошибаться. И мысль, отъ которой я содрогнулся, когда она пришла мнѣ впервые, за послѣднiе дни все болѣе и болѣе принимала осязательную форму, хотя я пытался прогнать ее отъ себя. Теперь она стоитъ передо мной во всемъ ея ужасѣ, и отъ нея уже нельзя отдѣлаться.

«Для Бога нѣтъ ничего невозможнаго», вспомнились мнѣ слова проповѣдника.

Отче, если это возможно, да минуетъ меня чаша сія.

26-го января.

Сегодня рано утромъ я пошелъ къ рѣкѣ, чтобы посмотрѣть, каковъ ледъ. У меня была еще слабая надежда отправить Изабеллу впередъ прежде, чѣмъ наступитъ конецъ. По сухому пути я не могу ее отправить. Вся страна къ сѣверу объята войной, и лишь съ помощью сильнаго отряда можно было бы пробиться въ Лейденъ, Гуду или какой-нибудь другой городъ, который держитъ сторону принца Оранскаго. Впрочемъ, если бы даже этого и не было, то все равно трудно удержать что-нибудь въ тайнѣ отъ инквизитора. Ее схватили бы и вернули бы назадъ. Самый фактъ бѣгства послужилъ бы доказательствомъ ея принадлежности къ ереси.

При рѣчномъ пути дѣло было бы другое. Она съ отцомъ смѣло могла бы добраться до Утрехта, заметя за собой всѣ слѣды, а отсюда въ Англію или куда-нибудь въ другое мѣсто. Но этого нельзя было сдѣлать. Ледъ еще крѣпокъ и, повидимому, продержится еще нѣсколько недѣль. Зима чрезвычайно сурова въ нынѣшнемъ году по всей Голландіи. Рейнъ мѣстами очистился, но до него добраться нелегко.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н. - Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

БОГОЛЮБСКИЙ, В., проф., прот. Богословіе въ апологетическихъ чтеніяхъ. Выпускъ I. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

КАРГЕЛЬ, И. Въ какомъ ты отношеніи къ Духу Святому? Слова любви и ободренія ко всемъ дѣйствительно принадлежащимъ Христу. Ц. 45 к.

МЕЛЮРАНСКИЙ, Б., проф. Изъ лекцій по исторіи и вѣроученію древней христіанской церкви (I—VII в.). Вып. 3-й (последній). Спб. 1913. Ц. 70 к.

ЦАГАРЕЛИ, А. Статьи и замѣтки по грузинскому церковному вопросу. Къ столѣтію (1811—1911 г.г.) вдовства грузинской церкви. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Философія, психологія, логика.

БЕРКО, Ж. Какъ отличить магнетизмъ отъ гипнозизма. Сходство и различія съ экспериментальной точки зрѣнія. Киевъ. 1913. Ц. 60 к.

ВРЕВСКИЙ, Б. Смысль жизни и эра разумнаго христіанства. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЖАКОВЪ, К. Логика (Съ эволюціонной точки зрѣнія). Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ИСАЕВЪ, А. Левъ Толстой среди мудрецовъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЛАЗУРСКИЙ, А., проф. Общая и экспериментальная психологія. (Составлено по лекціямъ, читан. въ Психо-Невролог. инст. въ 1911—12 уч. г.). Спб. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

ЛОПУХИНЪ, И. Массонскіе труды. I.—Духовный рыцарь. II.—Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

РАДЛОВЪ, Э. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
СОЛОВЬЕВЪ, Вл. Собраніе сочиненій. Томъ 8. Ц. 2 р.

— Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. М. 1913. Ц. 75 к.

СОТОНИНЪ, К. Словарь терминовъ Канта. (Къ тремъ критикамъ). Казань. 1913. Ц. 50 к.

ЧТО ТАКОЕ МАССОНСТВО? Харьковъ. 1912. Ц. 50 к.

«Истор. вѣстн.», май 1913 г., т. сxxxix.

1/24

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ВЕЙНБЕРГЪ, Л. Критическое пособие. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. Кирѣевскій-Айхенвальдъ. Томъ I. (Статьи общаго содержания и отзывы о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ, Грибоедовѣ и Пушкинѣ). Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— Томъ II. Кирѣевскій-Айхенвальдъ. (Лермонтовъ, Гоголь, Аксаковъ, Гончаровъ, Достоевскій). Москва. 1913. Ц. 1 р.

— Томъ 3-й. Гр. Л. Толстой, Тургеневъ, Островскій, Коллонтай, Майковъ и др. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

«ГОЛТОВСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ». 1911. «Извѣстія О-ва Толстого. Музея». №№ 1—5. Спб. Ц. 3 р.

ТРУДЫ Перваго Всероссийскаго Съѣзда по библиотечному дѣлу, состоявшагося въ С.-Негербургѣ съ 1 по 7 июня 1911 г. Спб. 1912. Ц. 4 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АЛЬМАНАХЪ издательства «Шиповникъ». Литературно-художественный. Книга 19-я. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БУДИЩЕВЪ, Ал. Любовь—преступленіе. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БѢДНЫЙ, Д. Басни. Спб. 1913. Ц. 60 к. В—ИИ, А. Стихотворенія. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ВИЛЬДЕ, Н. Эти двѣ. Разказы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВЛАДИМИРОВА, А. Дали вечернія. Стихотворенія 1910—1912. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГАЙДЕБУРОВЪ, П. Стихи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГИНЗБУРГЪ, Л. Цари Романовы въ русской поэзіи. Москва. 1913. Ц. 25 к.

— Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. 1613—1913. Хрестоматія къ юбилею Державнаго Дома Романовыхъ. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ГИПЕРБОРЕИ. Ежемѣсячникъ стиховъ и критики. Декабрь. Спб. 1912. Ц. 25 к.

ГРИГОРЬЕВЪ, Р. На ущербѣ. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ГУРЬЕВЪ, А. Безотвѣтное. Стихотворенія. М. 1913. Ц. 1 р.

ГЮГО, В. Соборъ Парижской Богоматери. Часть I. Редація и вступительная статья прив.-доц. Спб. универс. П. С. Когана. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— Часть II. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ДЯКОНОВЪ, А. Вѣнокъ В. Ф. Комиссаржевской. Безсмертное сказаніе. Последній путь. Воспоминанія. Спб. 1913. Ц. 80 к.

ЗЛАТОВРАТСКІЙ, Н. Собраніе сочиненій. Томъ VIII. I. Очерки крестьянской общины. 2. Красный кусть. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ИВАНОВЪ, Р. Стихотворенія. Книга вторая. Спб. 1912. Ц. 1 р.

— Крымскія грезы. Стихотворенія. Книжка третья. Спб. 1913. Ц. 1 р.

КЛЮКЪ, К. Покаяніе. Романъ. М. 1913. Ц. 1 р.

КОПЦЕ, Ф. Изъ-за короны. Балканская трагедія въ 5 дѣйств., въ стихахъ. Перев. съ франц. В. Додонова. Москва. 1913. Ц. 80 к.

КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Томъ 2. Барышня. Простая исторія жизни. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

КРИНИЧАНЕ. Четверть вѣка «Криницы». Киевъ. 1913. Ц. 2 р.

КУМОВЪ, Р. Въ Татьянину ночь. Разказы и очерки. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЛАЗАРЕВСКІЙ, Б. Собраніе сочиненій. Томъ V. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ЛИГИНЪ, Юр. На Дальнемъ Востоцѣ. Очерки и замѣтки. Москва. 1913. Ц. 70 к.

ЛОНДОНЪ, Дж. Колдунъ. Последній завтракъ. Неумолимый законъ. Спб. 1913. Ц. 15 к.

— Смерть Лигуна. Лить-Лить. Спб. 1913. Ц. 15 к.

ЛУГОВОЙ, А. Сочиненія. Т. 7-й. Повѣсти и разказы. Ц. 1 р. 25 к.

МИНЪЕВА, Е. Сборникъ стихотвореній. Томъ III. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ОПАШКІЙ, В. Золотые сны. Романъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПРИШВИНЪ, М. Заворошка. Отклики жизни. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

РЫВКИНЪ, М. Навѣтъ. Романъ изъ эпохи Александра I—Николая I. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

СЕЛЕЦКІЙ, Г. Морские разказы. 1) На волосокъ отъ гибели. 2) А+В=C. 3) Два старшихъ офицера. 4) Двѣ обиды. (Изъ воспоминаній стараго матроса). Анкерманъ. 1912. Ц. 90 к.

СЕРАФИМОВИЧЪ, А. Городъ въ стени. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

СОЛОВЬЕВЪ, СЕР. Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СУВОРИНЪ, А. С. Разказы: Черничка. Гарибальди. Солдатъ да солдатка. Аленка. Отверженный. Съ портретомъ автора, относящ. ко времени разказовъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ТИМКОВСКІЙ, Н. Въ дворянской берлогѣ. Монахи. Томъ 8. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. Собраніе сочиненій. Чѣмъ люди живы и др. разказы. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ТЭФФИ. Восемь миниатюръ. Выслу-жился. Тонкая психологія. Женскій вопросъ. Алмазная пыль и пр. Ц. 2 р.

ФИЛИПШОВЪ, Ю. Стихотворенія. 2-е изд., дополн. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ХОДЛЪ, Фр. Внутренній свѣтъ. Перев. съ англ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЧИРИКОВЪ, ЕВГ. Драмъ-сказки. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— Ранніе восходы. Повѣсти и разказы. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ШАГИНЯНЪ, М. Orientalia. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.

ЯНКОВЪ, Я. Свобода. Сцены изъ жизни въ Македоніи. Ц. 60 к.

Исторія, біографія и археологія.

БѢЛОВЪ, Е. Культурная сокровища Россіи. Вып. 4-й. Казань. Нижній-Новгородъ. Кострома. М. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ВПЛЬЧИНСКІЙ, Е. Андрей Денисьевичъ Виниусъ. Историческіе матеріалы. Спб. 1912. Ц. 40 к.

ЖЕРВЕ, Н. Триста летъ назадъ. Къ царственному юбилею Дома Романовыхъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.
КАРБЕВЪ, Н. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху

революціи. Серія первая. Спб. 1913. 1 р.
ЛЕБЕДЕВЪ, ВЛ. Первый царь изъ Дома Романовыхъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АНГЛІЙСКАЯ полиція безопасности. Профессональное изслѣдованіе. Приложение: Регистраціонное бюро и основы полицейской техники. Варшава. 1913. Ц. 10 к.

Б—ВЪ, В. Основы политической экономіи. Повторительный курсъ по лекціямъ (конспектъ) М. И. Туганъ-Барановскаго. (Примѣн. къ экзаменамъ прогр. Имп. Спб. универс.). Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БРИЛАНТЪ, Л. и ШКЛЯВЕРЪ, С. Алфавитный указатель къ рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента и общихъ собраній Правительствующаго Сената. Выпускъ 3-й, съ 1905 по 1912 г. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

БЕРХОВСКОЙ, П., проф. О необходимости измѣнить русскіе Основные Законы въ пользу законодательной независимости православной русской церкви. Берлинъ. 1913. Ц. 10 к.

ГОРБАЧЕВЪ, В., пр. пов. Новый законъ о вознагражденіи пострадавшихъ вследствие несчастныхъ случаевъ служащихъ, мастеровыхъ, и рабочихъ на жел. дор. и членовъ ихъ семействъ. Полтава. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ГУССАКОВСКІЙ, П. Вознагражденіе за вредъ, причиненный незаконными дѣяніями. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ДИНЗЕ, ВЛ. О національномъ воспитаніи. Опытъ привлеченія отечественнаго вниманія къ насущному вопросу. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЕВРЕЙНОВЪ, Г. Предѣлы здраваго русскаго націонализма. Спб. 1912. Ц. 50 к.

КАКЪ ПОМЪСТИТЬ свои деньги во время опасности войны? Мысли политико-экономиста. Кіевъ. 1913. Ц. 25 к.

КОВАЛЬСКІЙ, Д. и РУДИНЪ, Д. Алфавитный справочникъ къ Положенію о землеустройствѣ (т. 10, ч. 3 Св. Зак.) и къ наказу землеустр. комисс. по примѣн. положенія. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

КОРЕВО, Н. Общее Уложеніе Финляндіи 1734 года и дополнительныя къ нему узаконенія, съ приложениями и указа-телями. Въ трехъ томахъ. Спб. 1912. Ц. за три тома 7 р. 50 к.

КУЛШЕРЪ, Е. Диккенсъ, какъ кри-миналистъ. Москва. 1912. Ц. 30 к.

КУЛШЕРЪ, І. Лекціи по исторіи экономического быта Западной Европы. Курскъ, читан. въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ЛЮБЧЕНКО, Д. Пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ. М. 1913. Ц. 50 к.

МАКАРОВЪ, А. Къ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ, Н. Сводъ законовъ уголовныхъ (св. зак., т. XV, изд. 1885 г.), дополненный по всемъ продолженіямъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ до 15 декабря 1912 г. Съ предметнымъ указателемъ. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

ПАЖИТНОВЪ, К. Городское и земское самоуправленіе. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПЕТРОВЪ, Г. Наши пролежни. Сборникъ статей. Москва. 1912. Ц. 1 р.

ПОЛЛЯКЪ, Г. Профессія, какъ объектъ статистическаго учета. Ц. 75 к.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Т. XII. Часть I. Спб. 1913. Ц. 15 к.

СЕРГЪЕВСКІЙ, Н., проф. Русское уголовное право. Посobie къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 10-е, посмертное, испр. и дополн. проф. Алекс. Воен. Юр. Ак. и Импер. Учил. Правов. С. Н. Трегубовымъ. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

СЛУЧЕВСКІЙ, ВЛ. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судостроительство.— Судопроизводство. Вып. I. Спб. 1913. Ц. за оба выпуска 4 р.

ТРАЙНИНЪ, А. Несостоятельность и банкротство. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ХЕЙСИНЪ, М., д-ръ. Что такое и какъ организовано государственное страхованіе рабочихъ въ Россіи. Изложеніе страховыхъ законовъ 23 іюня 1912 г., съ разъясн. и съ прилож. текста законовъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ЭБЕРГЪ, К., проф. Курскъ финансовой науки. Перев. съ 12-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. по русск. финансов. праву пр.-доц. М. А. Курчинскаго. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ЯРОСЛАВЦЕВЪ, П. Подмѣнъ финляндскаго короля. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Искусство.

ВЕНУА, АЛЕКСАНДРЪ. Исторія живописи всехъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Спб. Ц. по подпискѣ за 30 вып. 54 р.

ГЕНИКА, РОСТ. Очерки исторіи музыки. Томъ I. Съ 45 иллюстраціями и многими нотными примѣрами. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

— Томъ II. Съ 21 иллюстраціей и нотными примѣрами. Спб. 1913. Ц. 90 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ театровъ. Вып. 7-й. Спб. 1912. Ц. 1 р.

КНИЗЕВЪ, Г. Основанія эстетики въ

приложеніи къ балетному искусству. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

КУРДЮМОВЪ, Ю. Очеркъ развитія сольнаго ѣвнн. Спб. 1913. Ц. 40 к.

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Томъ первый. (1898—1905 г.г.). Москва. 1913. Ц. 2 р.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА» № 1. В. А. Сѣровъ. Текстъ А. Левинсона, съ 20 репродукціями и портретомъ художника. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 1 р.

— № 2. К. Менье. Текстъ А. Левинсона, съ 25 репродукціями, и портр. художника. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 1 р.

— № 3. Христофъ въ искусствѣ. Текстъ А. Левинсона, съ 30 репродукціями. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 1 р.

— № 4. И. Израэльсъ. Текстъ А. Левин-

сона, съ 20 репродукціями и портр. художника. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 1 р.

— № 5. Э. Лермансъ. Текстъ А. Левинсона, съ 20 репродукціями и портр. художника. Спб. 1913. Ц. въ папкѣ 1 р.

ЭЙГЕСЪ, К. Статьи по философіи музыки. Кн. 1-я. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

ВАЛЬТЕРЪ, Г., проф. Исторія земли и жизни. Переводъ съ нѣмецкаго горн. инж. Г. Г. Кваша. Съ кратк. словаремъ геологическихъ терминовъ и другими дополненіями. Спб. 1913. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ВАСИЛЬЕВЪ, А., проф. Введеніе въ анализъ. Выпускъ I. Ученіе о цѣломъ положительномъ числѣ. Изд. 4-е. Казань. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ДИТЦЪ, О. Записки по сферической тригонометрии. Спб. 1912. Ц. 90 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ русскаго астрономическаго общества (астрономическія явленія) на 1913 г. Справочная книжка для любителей астрономіи. Съ картами экваторіальной и сѣв. полярной областей неба и путей планетъ. Съ прилож. статьи проф. А. А. Иванова «Солнце». Изд. подъ редакц. секр. об-ва В. В. Ахматова. Спб. 1913. Ц. 50 к.

КЕЛДЕРЪ, К., проф. Происхождение домашнихъ животныхъ. Переводъ М. А. Энгельгардта, подъ ред. проф. А. М. Николаевскаго. Съ 28 рисунками. Спб. 1913. Ц. 50 к.

КЛОССОВСКІЙ, А. Современное состояние вопроса о предсказаніи погоды. Одесса. 1913. Ц. 40 к.

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, П. Введеніе въ кристаллооптику. Съ 71 рис. Спб. 1913. Ц. 80 к.

СОБРАНІЕ лабораторныхъ упражненій, составленное комиссіей при образцовомъ физическомъ кабинетѣ Педагогич. музея Цесаревича Алексѣя въ Кіевѣ. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ТАНАНАЕВЪ, Н. Курсъ объемнаго анализа. Съ 22 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ХОЛОДКОВСКІЙ, Н. Объяснительный каталогъ коллекцій паразитныхъ червей зоологическаго кабинета Императорской Военно-Медиц. академіи. Вып. I. Цѣпни. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ШАГРЕНЪ-де, К. Приготовление биологическихъ коллекцій дешевымъ способомъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ВЕЙЛЕ, К., проф. Культура «безкультурныхъ» народовъ. Переводъ В. М. Поэнера. Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Б. Ф. Адлера, проф. Каз. унив. Съ 32 рисунк., исполн. по фотограф. и наброск. К. Рейнке. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Языковѣдніе.

ПЕКАРСКІЙ, Э. Словарь якутскаго языка. Составленъ при ближайшемъ участіи прот. Д. Д. Попова и В. М. Юнова.

Вып. 3-й. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство и доводство.

БАРАБОШКИНЪ, Н. Повилка и мѣры борьбы съ нею. Съ 6 рисунками въ текстѣ. Харьковъ. Ц. 25 к.

БЕТТНЕРЪ, Г., ШТЕЙНБЕРГЪ, П. Садоводство для начинающихъ любителей. Практическое руководство къ разбивкѣ, насажденію и уходу за домашнимъ садомъ и огородомъ. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ГДАНСКІЙ, П. Медь и какъ пользоваться ею полезными свойствами. Медь—пища. Медь—лекарство. Описание значенія меда, какъ питательнаго средства, съ указаніемъ способовъ приготовленія различныхъ издѣлій изъ меда: пищи, лакомства, напитковъ, а также способовъ примѣненія его при леченіи больныхъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ГЕТЕ, РУД. Использование стѣнъ строеній подъ шпалерныя культуры. Руководство къ воспитанію плодовыхъ и виноградныхъ шпалеръ у домовыхъ стѣнъ. Перев. съ нѣм. В. Э. Съ 64 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ЕВДОКИМОВЪ, А. Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.

ЕЗЕРСКІЙ, О. Счетоводство амуратной хозяйки. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ЕРЕМЬЕВЪ, И. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ и борьба съ ними. Подъ редакціей А. С. Бондарцева, съ 77 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

КИРИЛЛОВЪ, А. Пчелиный воскъ. Добываніе, обработка и производство изъ него искусственной вошины. Харьковъ. Ц. 30 к.

КИЧУНОВЪ, Н. Календарь садовыхъ и огородныхъ работъ по мѣсяцамъ. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1912. Ц. 12 к.

— Основы помологин. По Э. Люнасу. Руководство къ изученію сортовѣдній, съ 64 рисунками въ текстѣ и съ заключительной статьей кн. А. Е. Гагарина. 3-е изд. Спб. 1913. Ц. 85 к.

КУЛЫЖНЫЙ, А. Союзы и крестьянство. (Справочникъ по кооперации). Полтава. 1913. Ц. 20 к.

ЛЕБНЕРЪ, М. Основы селекціи садовыхъ растений. Перев. съ нѣм. В. М. Энгельгардта, подъ редакц. асист. сельхоз. института С. П. Жегалова. Москва. 1912. Ц. 1 р.

ЛУХМЕНСКИЙ, В. Устройство парниковъ и выращивание въ нихъ огородныхъ растений. Съ 25-ю рисунк. Второе изд., испр. и дополн. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ЛЭМНИЦКИЙ, П. Упрямъ для рабочаго рогатаго скота. Харьковъ. Ц. 20 к.

МЕЛКІЯ СТАТИ АГЕНТУРЫ. І. Б. Розень: Текуція работы въ котор. бюро Вашингтонскаго Департам. Земледѣлія. — П. И. Емельяновъ, Четвертая національная выставка кукурузы въ Соедин. Штат. Харьковъ. 1912. Ц. 75 к.

ПОЛХОВСКИЙ, І. Двугорбый верблюдъ, какъ рабочее животное Юго-Западнаго края. Киевъ. 1913. Ц. 50 к.

РОЗЕНЪ, В. Агрономическая помощь населенію въ Соедин. Штат. Сѣверн. Америки. Екатеринославъ. 1912. Ц. 2 р. 20 к.

РОЗЕНЪ, І. Подъ ред. В. Таланова. Альбомъ-описание экспонатовъ земской сельско-хозяйственной агентуры въ Соедин. Штат. на Южно-Русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 году. Екатеринославъ. Ц. 1 р. 80 к.

СЕРБИНОВЪ, И., пр.-доц. Болѣзни огурца. Съ 10 рисунк. Москва. 1913. Ц. 25 к.

— Болѣзни напуста. Съ 17 рисунк. Москва. 1913. Ц. 45 к.

— Фруктовая гниль. Съ 9 рисунк. Москва. 1913. Ц. 15 к.

СМИРНОВЪ, Е. Какъ сдѣлать пасѣку доходной. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ФИЛИППОВСКИЙ, А. Результаты опытовъ по культурѣ картофеля за 1905—1911 гг. Киевъ. 1912. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВИЗГУНОВЪ, В. Сборникъ счетоводныхъ документовъ и формъ книгъ обществъ взаимнаго кредита. Одесса. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ГУРЬЕ, Е. Организация и организаціи торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи. Подготовительные материалы и этюды

для характеристики предпринимательскаго движенія. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ОСТАПЕНКО, С. Мясной экспортъ. (Къ вопросу разрѣшенія ввоза мяса въ Германію). Киевъ. 1912. Ц. 30 к.

ТРУДЫ I сѣзда по холодильному дѣлу въ Москвѣ съ 22 по 26 сент. 1912 г. М. 1913. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БОДРИ ДЕ-СОНЬЕ, Л. Искусство пользоваться автомобилемъ. Общія основныя правила пользования механизмомъ автомобиля. Выпускъ второй. Съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 10 к.

БЭКОНЪ, І. Кузнечное дѣло. Руководство для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для практиковъ. Переводъ съ англійскаго В. Тяжнова, подъ ред. и съ дополн. В. В. Лермантова. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВИНДЪ, В., инж. Майкопскія залежи нефти въ связи съ нефтепромышленностью въ Кубанской области. Кудако-Ильскій промыселъ, Суворовско-Чернесскій, Благовѣщенскій районъ, Анапа, Тамань. Горно-техническій очеркъ. Изд. 2-е, дополнен. Часть I. Екатеринодаръ. 1910—1912 г. Ц. 6 р.

ВЮЛЕ-ЛЕ-ДЮКЪ, Е. Обь украшеніи зданий. Съ 3-го французск. изд., подъ редакціей архитект. Н. Н. Спиридонова. Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВОЙНАРОВСКИЙ, П., проф. Теорія электрическаго кабеля. Спб. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

ДЕЙНЛЕЙНЪ, В., инж. Паровыя турбины въ различныхъ условіяхъ ихъ работы. Перев. инж.-техн. К. Залта, подъ редакц. проф. И. Ганицкаго. Киевъ. 1912. Ц. 25 к.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, В. Техническая механика въ элементарномъ изложеніи. Ч. 2-я. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ЕВДОКИМОВЪ, Б. Популярное руководство современной фотографіи для начинающихъ и любителей. 105 пояснительныхъ рисунковъ и чертежей, 25 иллюстр. съ оригин. снимковъ, 1 цвѣтн. фототипія съ автохромнаго снимка. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ по двигателямъ внутреннего сгорания. (Нефтяные двигатели). Москва. 1913. Ц. 40 к.

ЖИТКОВЪ, С. и ГЕРСЕВАНОВЪ, П. Правила составленія смѣтъ, производствъ работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Для техникумовъ путей сообщенія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КОЗЛОВЪ, Н., инж. Конспектъ лекцій по геодезії, читанныхъ на 1-хъ с.-петербургскихъ политехническихъ курсахъ. (Конспектъ составленъ по запискамъ слушателей). I семестръ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

ЛИНДЕ, И. и КАГАНЪ-ШАВШАЙ, Я. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1913 годъ. IV годъ изд. Москва. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.

МАЛЪБЕВЪ, В., проф. Графическое построение тепловыхъ диаграммъ машинъ внутренняго горѣнія. 2-е изд. Томскъ. 1912. Ц. 40 к.

— Испытаніе машинъ внутренняго горѣнія на 1-й Западно-Сибирской выставкѣ. Съ 13 чертеж. Томскъ. 1912. Ц. 50 к.

— Опытное изслѣдованіе работы двухтактной машины. Съ 47-ю чертежами. Томскъ. 1912. Ц. 2 р.

МИТИНСКИЙ, А. Топливо въ Туркестанѣ. Ц. 80 к.

ПАВЛОВЪ, П. Порникъ. Практическое руководство по выдѣлкѣ шорно-сѣдельныхъ издѣлій кустарнымъ способомъ. Съ 37 рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, В. Элементарный курсъ ткачества примѣнительно къ программѣ средн. техническ. учил. Часть I. Подготовка къ ткачеству. Теорія образованія тканей. Съ 10 табл. чертежей. Спб. 1913. Ц. 75 к.

— Часть II. Ткачество. Съ 14 табл. чертежей. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПЯТНАДЦАТЬ новыхъ общепользныхъ изобрѣтеній, эксплуатация которыхъ предоставляется каждому бесплатно. Подробное объясненіе способа изготовленія ихъ, со смѣтами по изданію. Съ 2-мя приложе-

ніями. 1-е—свѣдѣн. для гг. изобрѣтателей. 2-е—50 проектов несущихъ еще изобрѣт., котор. могутъ обогатить своихъ изобрѣтателей. Спб. 1913. Ц. 25 к.

РОНСИМЕНЪ, В. Краткое общедоступное руководство по газовымъ и нефтянымъ двигателямъ. Для гг. техниковъ и любителей. Съ 51 чертеж. Спб. 1913. Ц. 60 к.

СМИРНОВЪ, М. Справочная книжка по строительной части на 1913 г. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

СПАРРО, Р. и ДУБАХЪ, А. Осушение

болотъ открытыми канавами. Теоретическое и практическое руководство. Москва. 1912. Ц. 3 р.

ТИЩЕНКО, И. Химія сахаристыхъ веществъ и методы изслѣдованія продуктовъ сахарнаго производства. Москва. 1913. Ц. 3 р.

ФРОСТЪ, Д., инж. Изысканія магнитныхъ рудъ. Варшава. Ц. 1 р. 30 к.

ШЛИХТЕРЪ, Ш. Подземная вода. Перев. съ англ. горн. инж. А. Стопневича. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АНЖЕРЪ, ЛУИ. Различіе между магнетизмомъ и гипнотизмомъ съ терапевтической точки зрѣнія. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

— Какъ излечить. Магнетизмъ и излеченія. Ц. 60 к.

БЕРКО, Ж. Какъ отличить магнетизмъ отъ гипнотизма. Сходства и различія, съ экспериментальной точки зрѣнія. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

БЛАШКО, А., проф., и ЯКОВСОНЪ, М., д-ръ. Терапевтический справочникъ по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ. Авторизованный перев. съ 2-го нѣм. изд. д-ра С. Абрамова. Спб. 1913. Ц. 1 р.

В. З. Болѣзненная странность. («Изслѣдованія» по страсти куренія у нервныхъ, способъ ослабить эту страсть). Выпускъ 1-й. Спб. 1913. Ц. 35 к.

ВЕРБОВЪ, Я., д-ръ. Матка женщины, ея нормальная работа и ея разрывъ во время родовъ. 1. О самопроизвольномъ разрывѣ матки. 2. Законъ перистальтического движенія въ физиологическомъ родовомъ актѣ. 3. Какъ облегчить и ускорить роды и предотвратить ихъ вредныя для здоровья женщины послѣдствія (большой животъ, дряблость брюшной стѣнки, ощущение брюшныхъ втустренностей). 4. Заключение. 5. Дополненіе. Съ 66 снимками съ фотографій и рисунками, изъ коихъ 20 рисункъ художника И. Р. Мисофова. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ВИДАЛЬ, Ф., проф. О направленіяхъ въ медицину. Выпускъ первый. Москва. 1913. Ц. 60 к.

ВОЛКОВЪ, М., женщ.-врачъ. «Гигіена брака». Изд. 3-е. Спб. 1913. Ц. 50 к.

— Нервные болѣзни. Предупрежденіе и леченіе ихъ. (Въ популярномъ изложениіи). Содерж.: Причины нервозности. Нервные яды. Неврастенія и истерія. Борьба съ ними и леченіе. Половые аномаліи. Настѣдственность и врожденность. Нервная гигиена. Необходимость половыхъ функций. Самогипнозъ и гипноидъ. Психопаталіазъ. Оздоровленіе крови. Важное значеніе пищевого режима. Ученіе Ламана. Леченіе голоданіемъ. Пищевые аккумуляторы. Углеводы, какъ источникъ мы-

шечной силы. Новѣйшія ученія о питаніи и т. д. Ленци, читанныя въ Соляномъ Городкѣ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ДЪДОНЕ, А., проф. Иммуитетъ, предохранительная прививка и сывороточное леченіе. Общій обзоръ ученія объ иммуитетѣ. Перев. съ 7-го перераб. нѣм. изд. д-ра Я. В. Эйгера. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ЖАНЭ, П. Психической автоматизмъ. Экспериментальное изслѣдованіе низшихъ формъ психической дѣятельности человѣка. М. 1913. Ц. 3 р.

COURTADE, D., д-ръ. О недержаніи мочи у дѣтей и въ частности о ночномъ недержаніи. Перев. съ франц. д-ра М. А. Мухаринскаго. Спб. 1913. Ц. 75 к.

MARCINOWSKY, d-r. Нервность и міросозерцаніе. М. 1913. Ц. 1 р.

ПОПОВЪ, Н. Шесть лекцій о прогрессивномъ паралитичѣ помѣшанныхъ. Одесса. 1913. Ц. 90 к.

РУКОВОДСТВО къ освидѣтельствуванію глазъ пострадавшихъ отъ увѣчій. Съ 2-мя рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра Н. Р. Ботвинника. Спб. 1912 г. Ц. 30 к.

СЛЕТОВЪ, Н. Водолеченіе дома, въ лечебницѣ и на курортахъ. Съ 27 рис. М. 1913. Ц. 2 р.

ТЕСТЮ, Л. и ЖАРОВЪ, О. Топографическая анатомія. Томъ 3-й. Шея. М. 1913. Ц. 2 р. 75 к.

TOULON ET FENDT. Леченіе сифилиса до и послѣ введенія сальварсана. Для практическихъ врачей. Перев. съ нѣм. д-ра А. В. Залкина. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ФОРЕЛЬ, А. Гигіена нервовъ и духа въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Переводъ съ 3-го прсм. нѣм. изд. врача Н. Оттъ. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ЦАНДЕРЪ, Р., проф. Гигіена физическихъ упражненій. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЧЕБОТАЕВЪ, Н. Воздушныя и солнечныя ванны, морскія и рѣчныя купанья. Ц. 25 к.

ЯНОВСКІЙ, М. Курсъ общей терапіи внутреннихъ болѣзней. Ленци, читанныя студентамъ импер. военно-медицинск. академіи. 3-е испр. и дополи. изд. Спб. 1913. Ц. 3 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ВАКАРЪ, Я. Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ПОТОЦКІЙ. Австро-венгерская армія. Справочникъ современнаго устройства вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи. (Съ

рисунками, чертежами и фотографіями). Изд. 2-е. испр. и дополи. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

РЯБИНИНЪ, А., кап. Балканская война. Спб. 1913. Ц. 70 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- БУДДЕ, Е. Основы синтаксиса русскаго языка. Казань. 1913. Ц. 50 к.
- ВЛАДИМИРСКІЙ, Струженскій, Дудинъ, Стеблевъ и Толстовъ. Русская литература въ источникахъ. Курсъ VI класса реальныхъ училищъ. Часть I. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Часть II. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- ДАДЕНКОВЪ, Н. Новое педагогическое направленіе въ Германіи. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.
- ДОВРЫНЧЕНКО, В. Очерки изъ исторіи драмы. (Отъ «Діонисій» до «Вишневаго сада»). Очерки и разборы драматическихъ произведеній русской и иностранной литературы. (Пособіе къ прохожденію словесности въ старшихъ классахъ). Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ИВАНОВИЧЪ, Б. Полныя и подробныя рѣшенія всѣхъ задачъ, помѣщенныхъ въ учебникъ прямолинейной тригонометрии и собранія задачъ Н. Рыбкина. Спб. 1913. Ц. 1 р. 45 к.
- ИНДРИКСОНЪ, Ф. Начальныя работы по физикѣ. Вып. 1-й. Первоначальныя измѣренія и вычисленія. М. 1913. Ц. 25 к. Вып. 2-й. Ученіе о жидкостяхъ и газахъ. Ученіе о теплотѣ. Ц. 25 к.
- ЛЕБЕДИНЦЕВЪ, К. Концентрическое руководство алгебры для среднихъ учебн. заведеній. Ч. I. Спб. 1913. Ц. 90 к.
- НАДЕЖДИНА, Э. Курсъ рукодѣлій. Руководство для ученицъ III класса. Образецъ швовъ на шерстяной матеріи. Шитье гладью. Ночная кофта. Спб. 1913. Ц. 25 к.
- НИЖЕВСКІЙ, Р. Курсъ физики для нижнихъ чиновъ, обучающихся въ классахъ воздухоплавательныхъ частей. (По программамъ моторнаго, механическаго и воздухоплавательнаго классовъ). Спб. 1911—1912 гг. Ц. 1 р. 50 к.
- НИКОЛАИ, игуменъ. Новозавѣтный библейскій идеалъ воспитанія дѣтей. Тифлисъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- НОВОСЕЛОВЪ, Юр. «По Россіи». Иллюстрированная географическая хрестоматія. Рига. 1913. Ц. 85 к.
- ПАВЛОВЪ, Е. Сборникъ задачъ по аналитической геометріи, анализу безконечно-малыхъ и по тригонометріи, предлагающихся на окончательныхъ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ. Съ подраздѣленіемъ на типы и рѣшеніями. Полтава. 1912. Ц. 80 к.
- ПЕРЭ, Б. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОПОВЪ, Н. Какъ мы воспитываемъ дома и не воспитываемъ въ школахъ. Спб. 1913. Ц. 15 к.
- ПРОГРАММЫ для самообразованія. (Курсъ высшей школы). Науки общественно-юридическія. Наука о народномъ хозяйствѣ. Статистика. Правовѣдніе. Москва. 1913. Ц. 60 к.
- ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА. Сборникъ статей по половому воспитанію дѣтей. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- РУБАКИНЪ, Н. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Какъ начинающіе читатели должны приступать къ нему и какъ вести его. Спб. 1913. Ц. 2 р.
- РУССКІЕ УЧИТЕЛЯ за границей. I. Обзоръ кампаніи 1912 г. II. Впечатлѣнія участниковъ поѣздокъ. III. Приложенія: проекты маршрутовъ на 1913 г. и правила записи на нихъ; списокъ книгъ для подготовки къ поѣздамъ. Москва. 1913. Ц. 50 к.
- РЮМИНЪ, В., инж.-техн. Ученіе о магнетизмѣ и электричествѣ въ общедоступномъ изложеніи. Для самообразован. и среди школы. 2-е дополн. и исправл. изд. Съ рисунками и чертёнами. Николаевъ (Херсонской губерніи). 1913. Ц. 2 р. 75 к.
- СЫРОМЯТНИКОВЪ, А. Дѣлопроизводство учителя начальнаго училища. Практическое руководство для учителей начальныхъ школъ. 2-е изд. Одесса. 1913. Ц. 4 р.
- ТИХЪБЕВА, Е. Родная рѣка и пути къ ея развитію. Спб. 1913. Ц. 60 к.
- ТУМИМЪ, Перваки. 1-я послѣ букваря книга. Съ оригинальными рисунками Е. М. Сотникова. Москва. 1913. Ц. 35 к.
- ЦВѢТАЕВЪ, М. Испытанія на званія домашняго учителя и учительницы, городского училища, учителя гимназій новыхъ языковъ, антикарскаго ученика и ученицы и на производство въ 1-й классный чинъ. Подр. прав. и прогр. съ обознач. экзаменац. билет. по кажд. предм. 1913. Ц. 40 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- БАРНЕТЪ, Ф. Чудная дѣвочка (другъ бѣдныхъ). Съ рис. Спб. 1913. Ц. 15 к.
- БУЗГАКОВА, Е. Марша Миншекъ или отъ царскаго дворца до мрачнаго подземелья. Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи смутнаго времени. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Спортъ, охота и игры.

- БУТУРЛИНЪ, С. Охота съ камерой. Фотографированіе живой природы. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- ТРИЦЦКІЙ, В. Коннозаводство. Ремонтнированіе. Тотализаторъ. Спб. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

Справочныя книги.

АРИАНЪ, П. Первый женскій календарь на 1912 годъ. Ц. 1 р.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЙ указатель удобнѣйшихъ маршрутовъ и безпересадочныхъ сообщеній отъ Спб. и Москвы до всѣхъ главнѣйшихъ станцій русскихъ и заграничныхъ ж. д., со включеніемъ круговыхъ поѣздовъ по Россіи. Ц. 30 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Справочникъ по медицинскому образованію. Программы и правила для лицъ, ищущихъ званія: а) зубного врача, б) фельдшера и фельдшерницы, в) акушерки-фельдшерницы, г) повивальной бабки I и II разряда, д) аптекарскаго

ученика, з) магистра фармаціи, и) ветеринарнаго фельдшера. Спб. 1913. Ц. 45 к.

ПРОСЪБИНЪ, С. Справочная книга для домовладѣльцевъ, управляющихъ домами, архитекторовъ и подрядчиковъ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

РУКОВОДСТВО для таксировки грузовъ. Правила для перевозки грузовъ. Общеніе и исключительные тарифы. Алфавитный перечень всѣхъ перевозимыхъ по жел. дор. товаровъ, съ указаніемъ таксировки ихъ. Части I—III. Одесса. 1912. Ц. 3 р.

СКРОДЗКІЙ, Н. Сборникъ свѣдѣній о знакахъ благотворительныхъ обществъ. Ц. 1 р. 25 к.

Разныя книги.

ПЭМЪ. Карикатуры. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

УТВЕРЖДЕННАЯ ГРАМОТА

ОБЪ ИЗБРАНІИ

на Московское Государство

Михаила Феодоровича РОМАНОВА.

Фототипическое изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ въ размѣрѣ оригинала (большой листъ, 6 листовъ текста и 9 листовъ фототипич. снимковъ). Цѣна 25 рублей.

Складъ изданія въ Обществѣ (Москва, Университетъ, старое зданіе) и въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на Воздвиженкѣ.

Типографія Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Спб. Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ІЮНЬ, 1913 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЮНЬ, 1913 г.

С. Н. Шубинскій (1834—1913 г.г.). Биографическій очеркъ. **Б. Б. Глинскаго.** 1—93

Иллюстраціи: 1) Сергій Николаевич Шубинскій.—2) С. Н. Шубинскій (въ молодости).—3) С. Н. Шубинскій (ко времени основанія «Историческаго Вѣстника». —4) А. С. Суворинъ и С. Н. Шубинскій (по случаю 25-лѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника»).—5) Кабинетъ и письменный столъ С. Н. Шубинскаго.—6) С. Н. Шубинскій въ послѣдніе годы жизни.—7) С. Н. Шубинскій въ гробу.—8) Могила С. Н. Шубинскаго въ Александровской лаврѣ.

СТРАН.

- I. Борьба у престола. (Историческій романъ). Часть вторая. V—VII. (Продолженіе). **Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.** 753
- II. Быль минувшаго. VI. (Продолженіе). **Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.** 775
Иллюстрація: Семейство Молоствовыхъ.
- III. Современный бракъ. (Повѣсть). (Окончаніе). **Г. Т. Сѣверцева-Пошлова.** 792
- IV. Отрывокъ изъ мемуаровъ. **Графа А. Ржевускаго.** 827
- V. Крестьянскіе беспорядки въ Черниговской губерніи въ 1905 г. **А. Ю.** 853
- VI. Брызги памяти. **Е. В. Корша.** 872
- VII. Устроитель Туркестанскаго края. **Толбухова.** 891
- VIII. М. Г. Черниевъ въ Кишиневѣ. **А. М. Черниевой.** 910
- IX. Политическіе ссыльные на Вычегдѣ. **Н. Н. Оглоблина.** 918
- X. Надежда Александровна Бѣлозерская, урожденная Генъ. (Автобіографія). 925
Иллюстрація: Надежда Александровна Бѣлозерская.
- XI. Памяти М. В. Шевлякова. **Б. Б. Глинскаго.** 932
Иллюстрація: Михаилъ Викторовичъ Шевляковъ.
- XII. Обвалъ въ каменноугольныхъ копяхъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебного дѣятеля). **М. Ф. Чулицкаго.** 956
- XIII. Чилоская пещера. (Изъ природы Сухумскаго округа). **В. Прогульбицкаго.** 967
- XIV. Развѣнчанніе герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталева-Носарь. **Б. Б. Глинскаго.** 981
- XV. Изъ Запорожья въ катакомбы. **В. В. Данилова.** 1011
Иллюстраціи: 1) Въ степи подъ Одессой. Въздъ въ шахту.—2) Въ степи подъ Одессой. Хата, высѣченная въ камнѣ подъ землею.
- XVI. Поѣздка въ Бухару. **А. Я. Таранца.** 1019
Иллюстраціи: 1) Нашъ эскортъ изъ бухарцевъ.—2) Входъ въ Зинданъ.—3) Камера въ Зинданѣ.—4) Входъ въ цитадель.—5) Дворъ мечети.—6) Въ чайханѣ на Ялби-хоузъ.—7) Входъ въ мечеть Меджиди-Калянъ.—8) Ширъ-Вудунъ. Спальня эмира.—9) Ширъ-Вудунъ. Тронная зала.—10) Церковь дипломатическаго агентства въ Новой Бухарѣ.—11) Дворецъ эмира у станціи Каганъ.

(См. слѣд. стран.).

XVII. Критика и библиографія. 1039

- 1) К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Т. III. Бѣлоруссія въ 1812 году. Спб. 1912. Г. л. и. — 2) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ. Книга XVI. — В. С. Крикинъ. Нѣсколько словъ о дневникѣ Сестреничича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Спб. 1913. П. Майнова. — 3) А. И. Воргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Ч. II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. — А. И. Воргманъ. Русская исторія. (Пособія для средней школы и для самообразования). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. К. — 4) П. Г. Васенко, профессоръ С. Θ. Платоновъ, Е. Ф. Турасва-Церетели. Начало династии Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью портретами и рисунками. Спб. 1912. в. Р.—ва. — 5) А. И. Добросмысловъ. Ташкентъ въ его прошломъ и настоящемъ. 1912. — Его же. Города Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1912. М.—6) А. В. Гавриловъ. Очеркъ исторіи петербургской синодальной типографіи. Выпускъ первый. 1711—1889. Спб. 1911. в. Р.—ва.—7) Neptione Poltoratzky. Profils russes. 1913. А. Б.—8) Чернопяттовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. VII. (XVI). «Некрополь». Томъ VIII. (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамилій къ нему и къ родословцу (т. III. 1909 г.). Томъ IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе. Томъ X (XIX). Ополченіе 1812 года. Матеріалы Дополненіе къ т. V (XIV). Москва. 1912. в. Р.—ва.—9) С. П. Сахаровъ. О предоборномъ присутствіи. Труды 2, 3 и 4 отдѣловъ предоборнаго присутствія. 1906 г. Витебскъ. 1912. Профессора М. Красножена. —10) И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX столѣтій. Опытъ библиографическаго пособия по новѣйшей русской литературѣ. Москва. 1913. Вл. ии.—11) Peasant art in Russia. Special autumn number of the «Studio». Спб. 1912. А. Б.—12) Н. П. Кашкинъ. Этюды объ Островскомъ. Т. II. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. М. 1913. В. Руданова.—13) André Lirondelle. Shakespeare en Russie. 1748—1840. (Étude de littérature comparée). Paris. Hachette. 1912. А. Б.—14) А. В. Амфитеатовъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ III. Цезарь-артистъ. Спб. 1913. А. М.—на.—15) А. А. Суворинъ (Алексій Порошинъ). Новый человѣкъ. Спб. 1913. и. Т.—на.—16) Д-ръ Е. П. Радинъ. Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социальная самооценка. Разочарованность. Спб. М.—о.—17) Свобода печати при обновленномъ строе. Сборникъ статей. Спб. 1913. А. Фаресова.—18) С. А. Вѣляцкинъ. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ. Спб. 1912. Съ приложеніемъ текста закона 20 марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ и предметнымъ указателемъ.—19) Я. А. Канторовичъ, прис. пов. Конвенція между Россією и Францією для защиты литературныхъ художественныхъ произведеній (русск. и франц. тексты конвенціи съ разъясненіями). Спб. 1912. г. гинса.—19) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ Вып. 6. Варшава. 1912. .

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1076

- 1) Страничка изъ царствованія короля Англіи Генриха VIII.—2) Незданныя письма Виктора Гюго.—3) Характеристика короля Георга III.—4) Русскій театральный сезонъ за границей.—5) Полярная экспедиція во времена Шекспира.—6) Людовикъ XVI и гибель монархіи.—7) Путешествіе въ старинные годы.—8) Отовсюду.

XIX. Смѣсь. 1104

- 1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Пятидесятилѣтіе центрального статистическаго комитета.—3) Юбилей еваторинославской архивной комиссіи.—4) Находка архива въ Гельсингфорсѣ.—5) Юбилей Θ. Е. Корша.—6) Чествованіе проф. В. М. Бехтерева.

XX. Некрологи. 1109

- 1) Апраксинъ, А. Д.—2) Карасевъ, А. А.—3) Кудринъ, И. И.—4) Лоранскій, А. М.—5) Михайловъ, И. Н.—6) Овсяный, Н. Р.—7) Павловскій, А. А.—8) Праскинъ, И. А.—9) Пчельниковъ, П. М.—10) Ржевускій, графъ С. А.—11) Рубецъ, А. И.—12) Русановъ, А. А.—13) Соболевскій, В. М.—14) Фейнбергъ, И. А.—15) Флоридовъ, А. А.—16) Чарушниковъ, А. П.—17) Чеховъ, А. П.

XXI. Замѣтки и поправки. 1120

Письмо въ редакцію. С. Венгерова.

Приложенія: 1) Портретъ К. П. фонъ-Кауфмана.—2) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО ТОМА.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ 1913 года.

С. Н. Шубинскій (1834—1913 г.г.). (Биографическій очеркъ) Б. Б. Глинскаго.	1—93
<p style="margin: 0;">Иллюстраціи: 1) Сергій Николаевич Шубинскій.—2) С. Н. Шубинскій (въ молодости).—3) С. Н. Шубинскій (ко времени основанія «Историческаго Вѣстника»).—4) А. С. Суворицъ и С. Н. Шубинскій (по случаю 25-лѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника»).—5) Кабинетъ и письменный столъ С. Н. Шубинскаго.—6) С. Н. Шубинскій въ послѣдніе годы жизни.—7) С. Н. Шубинскій въ гробу.—8) Могила С. Н. Шубинскаго въ Александро-Невской лаврѣ.</p>	

СТРАН.

Ворьба у престола. (Историческій романъ). Часть первая. XX—XXIV. Часть вторая. I—VII. (Продолженіе). Ф. Е. Зарина-Несвицкаго.	5, 385, 753
Быль минушаго. IV—VI. (Продолженіе). Маріи Ватаци, рожденной Мертваго.	29, 412, 775
<p style="margin: 0;">Иллюстраціи: 1) Порфирій Львовичъ Молоствовъ.—2) Семейство Молостровыхъ.</p>	
Тѣни прошлаго. (Окончаніе). В. Микулить.	41
Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. Е. К. Андреевскаго.	82, 467
Неповинная. (Очеркъ). А. И. Филатовой.	120
Голодь въ Сибири и князь Голицынь. (Воспоминанія бывшаго волостного писаря). К. Власова.	129
Императоръ Александръ II въ Эмсѣ. К. А. Дворжицкаго.	155
Развалъ. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина.	160
Какъ я былъ «военнымъ шпиономъ». (Страничка воспоминаній). Д. Бразуль.	197
Воспоминаніе о М. Г. Черняевѣ. Н. Г. Вучетича.	214
<small>«истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. сxxxii.</small>	<small>1/2</small>

Воспоминаніе о Д. А. Милютинѣ. Э. О. Лишиной.	222
Знакомство мое съ Захарьинымъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. Н. Витмера.	224
Кондратій Малеванный. (Воспоминанія). А. Юценка.	237
В. О. Ключевскій о государственной думѣ. М. В. Клочкова.	243
Памяти А. А. Писемскаго. П. И. Соколова.	250
Легенды о Портсмутскомъ договорѣ. Б. Б. Глинскаго.	257
Гробница имеретинскаго царя Соломона въ Трапезундѣ. П. П. Шубинскаго.	274
<i>иллюстраціи:</i> 1) Имеретинскій царь Соломонъ II.—2) Кафедральный соборъ св. Григорія въ Трапезундѣ съ находящимся при немъ памятникомъ на могилѣ царя Соломона II.—3) Памятникъ на могилѣ царя Соломона II въ Трапезундѣ.	
Городъ Ани. (По поводу предстоящаго учрежденія въ Ани археологическаго института). А. Мощанскаго.	287
<i>иллюстраціи:</i> 1) Городскія стѣны у церкви св. Григорія.—2) Городскія стѣны у башни съ греческимъ крестомъ.—3) Городище (видъ съ вышгорода).—4) Церковь св. Григорія.—5) Круглая церковь св. Григорія.—6) Храмъ Святыхъ Апостоловъ.—7) Княжескій дворецъ.—8) Статуя царя Гагана.	
Современный бракъ. (Повѣсть). Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	434, 792
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой.	511
Весенняя идилія. (Разсказъ). О. А. Третьейской.	517
Изъ прошлаго. (Семидесятники). Е. Поливановой.	545
Первыя скорбныя страницы лѣтописи польскаго возстанія 1863 г. въ предѣлахъ (Ѣверо-Западнаго края. (По архивнымъ матеріаламъ). А. И. Миловидова.	557
<i>иллюстрація:</i> Одна изъ польскихъ революціонныхъ афишъ.	
Рекогноспировка у Чурьяка. (Изъ воспоминаній). Н. В. Чарьнова. . . .	570
Пріемъ смоленскимъ дворянствомъ наслѣдника Александра Николаевича. И. Лесли.	579
Военно-бюрократическое мѣропріятіе орографическаго характера. Е. Смирнова.	586
Картофельный бунтъ. (Разсказъ покойной матери). В. Кокосова.	600
Тайное общество. Сообщишь К. И. Путилинъ.	609
На богомольѣ. (Штрихи). С. У—ца.	616

Памятники рода Романовыхъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И. С. Бѣляева.	627
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Московскій Новодѣвичій монастырь въ ковчѣ XVIII вѣка.—2) Древняя икона Иверской Божіей Матери, находящаяся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ.—3) Знамя царевны Софіи Алексѣевны.—4) Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина.	
Вотяки Малмыжскаго края. (Эскизный очеркъ). В. Ярополова.	640
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Типы вотяковъ (село Селты).—2) Вареніе «кумышги».—3) Языческое моленіе семьи объ урожаѣ.—4) Мытье мотовъ и бѣлья во время стеканія водъ отъ таянія снѣга.	
Отрывокъ изъ мемуаровъ. Графа А. Ржевускаго.	827
Крестыянскіе безпорядки въ Черниговской губерніи въ 1905 г. А. Ю.	853
Брызги памяти. Е. В. Корша.	872
Устроитель Туркестанскаго края. Толбухова.	891
М. Г. Черняевъ въ Кишиневѣ. А. М. Черняевой.	910
Политическіе ссыльные на Вычегдѣ. Н. Н. Оглоблина.	918
Надежда Александровна Бѣлозерская, урожденная Генъ. (Автобіографія). <i>иллюстрація:</i> Надежда Александровна Бѣлозерская.	925
Памяти М. В. Шевлякова. Б. Б. Глинскаго.	942
<i>Иллюстрація:</i> Михаилъ Викторовичъ Шевляковъ.	
Обвалъ въ каменноугольныхъ копанияхъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судейнаго дѣятеля). М. Ф. Чулицкаго.	956
Чиловская пещера. (Изъ природы Сухумскаго округа). В. Прогульбицкаго.	967
Развѣнчанные герои революціи 1905 г. 1) Г. С. Хрусталева-Носаръ. Б. Б. Глинскаго.	984
Изъ Запорожья въ катакомбы. В. В. Данилова.	1011
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Въ степи подъ Одессой. Въѣздъ въ шахту.—2) Въ степи подъ Одессой. Хата, высѣченная въ камень подъ землею.	
Поѣздка въ Бухару. А. Я. Таранца.	1019
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Нашъ эскортъ изъ бухарцевъ.—2) Входъ въ Зинданъ.—3) Камера въ Зинданѣ.—4) Входъ въ цитадель.—5) Дворъ мечети.—6) Въ чайханѣ на Ляби-хоузъ.—7) Входъ въ мечеть Мелжиди-Каланъ.—8) Ширъ-Вудунъ. Спальня эмира.—9) Ширъ-Вудунъ. Тронная зала.—10) Церковь дипломатическаго агентства въ Новой Бухарѣ.—11) Дворецъ эмира у станціи Каганъ.	
Критика и бібліографія.	299, 657, 1039
1) Л. А. Кассо. Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области. Москва. 1913. к. в.—2) Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. Москва. 1913. Богород.—снаго.—3) Юрій Шамунинъ. Подмосковныя. Москва. 1912. маріи и—вой.—4) Проф. Д. И. Вагальевъ.	

Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украйны. Харьковъ. 1913. Мудрашова.—5) В. Потто. Кавказская война. Въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ II. Ермоловское время. л. н.—6) Общее уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнителными къ нему узаконеніями и указателями въ трехъ томахъ. Составилъ Н. Н. Корево. Спб. 1912. П. Майнова.—7) Успенскій, А. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Москва. 1912. м. н.—ва.—8) Тира Соколовская. Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина. Русскій отдѣлъ. Съ иллюстраціями. 1912. б. г.—9) «Русскій Инвалидъ» за сто лѣтъ. Юбилейный очеркъ. Ч. I. 1913. м. с.—10) Памятники исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1712 гг. Спб. 1912. п. т.—11) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1912 годъ. Книга вторая. Двѣсти сорокъ первый. М. 1912. в. Руданова.—12) Е. Р. Романовъ. Вѣлорусскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Вытъ бѣлорусса. Выпускъ девятый. Опытъ словаря условныхъ языковъ Вѣлоруссіи. Вильна. 1912. Д. Бочнова.—13) Д. Мережковский. Павелъ I. Драма. Спб. 1908. в. А.—ва.—14) Полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова. Подъ редакціей В. Е. Аничкова. «Библіотека русскихъ писателей подъ общей редакціей профессора Е. В. Аничкова». Спб. 1911—1913. н.—15) Изабелла Гриневская. Веха-Улла. «Влескъ Вожій». Поэма-трагедія въ стихахъ въ 6-ти дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Спб. 1912. г. п.—16) Н. А. Рубавинъ. Письма къ читателямъ о самообразованіи. Спб. 1913. а. б.—17) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Западная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Урманъ. Восточная Сибирь. Степь. Лѣсостепь. Тайга. Матеріалы по обследованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціей В. К. Кузнецова. Выпускъ первый. Текстъ. Составилъ В. К. Кузнецовъ. Съ приложеніемъ картъ обследованныхъ уѣздовъ. Выпуски II—IV таблицы. Спб. 1912. б. б.—18) В. В. Жерве. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности 1784—1839 гг. Спб. 1913. и. гурича.—19) Поль Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Москва. 1912. п. б.—20) А. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостного права. Кіевъ. 1912. Евгенія Пахорунова.—21) Е. Штурло. Петръ Великій въ оцѣнѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб. 1912. н.—шова.—22) 1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St.-Petersburg. 1912. п. м.—23) В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій родословникъ. Т. III. Л.—0. Съ 40 портретами. Кіевъ. 1912. в. Руданова.—24) Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Вып. I. Историческіе очерки Ф. А. Шербины. Екатеринодаръ. 1912. Бор. Городецкаго.—25) Н. П. Волынский. Постепенное развитіе русской регулярной кавалеріи въ эпоху Великаго Петра съ подробнымъ описаніемъ участія ея въ великой сѣверной войнѣ. Историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ. Вып. I. 1698—1706. Книга I. Вступленіе (1698—1700 г.г.), Ингерманландская операція (1701—1704 г.г.). Книга 2-я. Операція: литовско-курляндская (1704—1705), гродненская (1705—1706), калишская (1706). Умирненіе астраханскаго бунта (1705—1706). Война между Петербургомъ и Выборгомъ (1705—1706). Книги 3-я и 4-я. л. н.—26) Петербургское ополченіе 1812 года. Матеріалы для исторіи дворянства Петербургской губерніи, составили графъ А. А. Вобрисскій и А. Мироновъ. Т. I. Спб. П. Майнова.—27) Н. В. Малицкій. Исторія переславской епархіи. (1744—1788 г.г.). Вып. I. Владимиръ 1912. в. Руданова.—28) Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Вып. I. 1) «Духовный рыцарь», 2) «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви». Москва. 1913. Тира Соколовской.—29) Е. Н. Воловцова. На зарѣ жизни. Воспоминанія Спб. 1911. д. а. м.—30) «Старая Одесса». Историческіе очерки и воспоминанія Александра де-Рибаса. Одесса. 1913. А. Кауфмана.—31) В. Воиновичъ. На сибирскомъ просторѣ. (Силуэты переселенія). Спб. 1912. г. гинса.—32) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1912 годъ. Томъ XVII, книжки 1, 2 и 3. Спб. 1912. в. р.—ва.—33) В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Исторія литературы отъ IX вѣка до половины XIII вѣка. Спб. 1912. в. Мар—снаго.—34) Данилъ Вяскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной миеологии въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рисунками. Спб. 1913. в. Данилова.—35) Свяцъ, А. Н. Соболевъ. Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ (Литературно-историческій опытъ изслѣдованія древне-

русского народного мировоззрения). 1913. В. Мар—снаго.— 36) «Болгарский Сборник». Очерк развития новой болгарской литературы. Народные песни, стихотворения, повести, рассказы. Составил К. Кузнецкий. Москва. Г. Полилова.— 37) «Ежегодник» газеты «Ръчь» на 1912 и 1913 гг. Спб. А. Фаресова.— 38) Правда о войнах на Балканах. Записки военного корреспондента Н. Шеваляе. (Н. Г—дь). Спб. 1913. л. н.—39) 1) Katalog der in Riga vom 17 (30) November 1912 bis zum 6 (19) Januar 1913 veranstalteten Ausstellung zur Jahrhundertfeier des Vaterländischen Krieges. 1812. Riga, 1912. 2) Каталог портретов и картин на выставк въ ознаменованіе столѣтія отечественной войны 1812 г., устроенной въ Ригѣ съ 17-го ноября 1912 г. по 6-е января 1912 г. Рига. 1912. А. Э. Мальгрена.— 40) Balcanicus. Le Problème albanais, la Serbie et l'Autriche-Hongrie. Paris. 1913. А. Б.— 41) В. Бузескулъ. Античность и современность. Спб. 1913. п. б.— 42) Н. Н. Розинъ, профессоръ томскаго университета. Уголовное судопроизводство. 1913. Профессора I. В. Михайловскаго.— 43) Сборникъ о земствѣ въ Сибири. Матеріалы по разработкѣ вопроса на мѣстахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Спб. 1912. Выт. Тначуна.— 44) Woldemar Wulffius. Livländische Geschichtsliteratur 1909. Riga. 1912.— 45) К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой истории 1812 году. Спб. 1912. г. л. н.— 46) «Старина и Новизна». Историческій сборникъ. Книга. XVI. В. С.— Криксинъ. Нѣсколько словъ о дневникѣ Сестреницевица, перваго мятрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Спб. 1913. п. Майнова.— 47) А. И. Воргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. А. И. Воргманъ. Русская исторія. (Пособіе для средней школы и для самообразованія). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. н.— 48) П. Г. Васенко, профессоръ С. Θ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели. Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью портретами и рисунками. Спб. 1912. В. Р—ва.— 49) А. К. Добросмысловъ. Ташкентъ въ его прошломъ и настоящемъ. 1912.—Его же. Города Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1912. м.— 50) А. В. Гавриловъ. Очеркъ истории петербургской синодальной типографіи. Вып. I. 1711—1839. Спб. 1911. В. Р—ва.— 51) Hermione Polkatzky. Profils russes. 1913. А. Б.— 52) Черноплатовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. II. (XVI). «Некрополь». Томъ VIII (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамилій къ нему и къ родословцу (т. III. 1909 г.). Томъ IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе. Т. X (XIX). Ополченіе 1812 года. Матеріалы. Дополненіе къ т. V (XIV). Москва. 1912. В. Р—ва.— 53) С. П. Сахаровъ. О предсоборномъ присутствіи. Труды 2, 3 и 4 отдѣловъ предсоборнаго присутствія 1906 г. Витебскъ. 1912. Профессора М. Красножена.— 54) И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX столѣтія. Опытъ библиографическаго пособия по новѣйшей русской литературѣ. Москва. 1913. Вл. нн.— 55) Peasant art in Russia. Special autumn number of the «Studio». Спб. 1912. А. Б.— 56) Н. П. Кашкинъ. Этюды объ Островскомъ. Т. II. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. М. 1913. в. Руданова.— 57) André Lironnelle. Shakespeare en Russie. 1748—1840. (Etude de littérature comparée). Paris. Hachette. 1912. А. Б.— 58) А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ III. Цезарь-артистъ. Спб. 1913. А. М—на.— 59) А. А. Суворинъ (Алексій Порошинъ). Новый человѣкъ. Спб. 1913. н. т—на.— 60) Д-ръ Е. П. Радинъ. Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской обществденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социальная самооцѣнка. Разочарованность. Спб. м—о. 61) Свобода печати при обновленномъ стрѣѣ. Сборникъ статей. Спб. 1913. А. Фаресова.— 62) С. А. Бъянцинъ. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ. Спб. 1912. Съ приложеніемъ текста закона 20 марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ и предметнымъ указателемъ.— Я. А. Канторовичъ, прис. пов. Конвенція между Россією и Францією для защиты литературныхъ художественныхъ произведеній (русск. и франц. тексты конвенціи съ разъясненіями). Спб. 1912. г. Гисса.— 63) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 6. Варшава. 1912. н.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 335, 696, 1076

1) Мирабо—государственный человѣкъ.— 2) Незданныя письма Маццини и Гофредо Мамели къ Джузеппе Гарибальди.— 3) Воззваніе лапландца.— 4) Русскій балетъ.— 5) Французы на польскомъ престолѣ.— 6) Французское духовенство въ время революціи.— 7) Трагикъ императора

Наполеона.— 8) Отовскоду.— 9) Непогрѣшимость папы.— 10) Эпизодъ изъ эпохи Французской революціи.— 11) Бульварный Парижъ 1880—1885 г.г.— 12) Французскій критикъ о современной русской музыкѣ.— 13) Смѣхъ у восточныхъ національностей.— 14) «Atheneum» о новой книгѣ, касающейся России.— 15) Новая біографія Кановы.— 16) Пале-Рояль и его исторія.— 17) Одна изъ загадокъ исторіи.— 18) «J. K. Huysmans: l'homme, l'écrivain, l'arologue».— 19) Сигизмундъ Красинскій.— 20) Отовскоду.— 21) Страничка изъ царствованія короля Англіи Генриха VIII.— 22) Незданныя письма Виктора Гюго.— 23) Характеристика короля Георга III.— 24) Русскій театральнй сезонъ за границей.— 25) Полярная экспедиція во времена Шекспира.— 26) Людовикъ XVI и гибель монархіи.— 27) Путешествіе въ старинные годы.— 28) Отовскоду.

Смѣсь. 364, 731, 1104

1) Открытіе Романовской выставки.— 2) Закладка памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему.— 3) Общество изслѣдователей Волыни.— 4) Присужденіе прѣмii имени Пушкина.— 5) Столѣтній юбилей «Русскаго Инвалида».— 6) Пятнадцатилѣтній юбилей книгоиздательства М. Н. Слѣпцовой.— 7) Юбилей редактора «Свѣта» И. А. Важеннова.— 8) 25-лѣтній юбилей проф. Д. Д. Попова.— 9) Юбилей профессора А. И. Введенскаго.— 10) Юбилей Л. Н. Афанасьева.— 11) Лекціи М. М. Иванова.— 12) Отъ императорскаго московскаго университета.— 13) Годовое общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.— 14) Годовое общее собраніе археологическаго общества.— 15) Юбилей Румянцовскаго музея.— 16) Пятидесятилѣтній юбилей Н. С. Таганцева.— 16) Юбилей академика Д. Н. Овсянко-Куликовскаго.— 17) Юбилей профессора В. В. Есипова.— 18) Древнія бумаги.— 19) Конкурсъ имени графа С. А. Строганова.— 20) Отъ комиссіи по собранію документовъ и матеріаловъ по исторіи московской пожарной команды.— 21) Въ литературномъ фондѣ.— 22) Пятидесятилѣтніе центрального статистическаго комитета.— 23) Юбилей екатеринславской архивной комиссіи.— 24) Находка архива въ Гельсингфорсѣ.— 25) Юбилей Ф. Е. Корша.— 26) Чествованіе проф. В. М. Бехтерева.

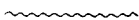
Некрологи 376, 742, 1108

1) Введенскій, А. И.— 2) Вилькицкій, А. И.— 3) Граждановъ, Н. А.— 4) Ливень, А. А., князь.— 5) Меренбергъ, Н. А., графиня (дочь А. С. Пушкина).— 6) Стаховичъ, А. А.— 7) Варсофоній, архимандритъ.— 8) Гартманъ, Л. Н.— 9) Джорджадзе, А. К.— 10) Заозерскій Н. А.— 11) Кыбальчичъ, Т. В.— 12) Корфъ, П. Л., баронъ.— 13) Коршъ, Е. В.— 14) Макѣевъ, А. М.— 15) Оболенскій, Н. А.— 16) Полонскій, Л. А.— 17) Сантагано-Горчакова, А. А.— 18) Соловьевъ, С. В.— 19) Апраксинъ, А. Д.— 20) Карасевъ, А. А.— 21) Кудринъ, И. И.— 22) Лоранскій, А. М.— 23) Михайловъ, И. Н.— 24) Овсяный, Н. Р.— 25) Павловскій, А. А.— 26) Праскинъ, И. А.— 27) Щельниковъ, П. М.— 28) Ржевускій, графъ С. А.— 29) Рубецъ, А. И.— 30) Русановъ, А. А.— 31) Соболевскій, В. М.— 32) Фейнбергъ, И. А.— 33) Флоридовъ, А. А.— 34) Чарушниковъ, А. П.— 35) Чеховъ, Ал. П.

Замѣтки и поправки. 382, 751, 1120

1) О жандровской рукописи «Горе отъ ума». н. л.— 2) По поводу воспоминаній Л. Плянсона. С. Бронскаго.— 3) Еще о жандровской рукописи Николая Писанова.— 4) По поводу воспоминаній А. И. Соколовой. С. Литвина.— 5) Къ статьѣ «Голодь въ Сибири и князь Голицынъ».— 6) Письмо въ редакцію. С. Венгерова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Александра Яковлевича фонъ-Таля.— 2) Михаила Александровича Газенкампа.— 3) Константина Петровича фонъ-Кауфмана.— 4) Тѣнь власти. Историческій романъ Поля Бертрама. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

Издание А. С. Суворина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ «Указатель личныхъ именъ и рисунковъ».

Цѣна 4 руб. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНИЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Петръ Великій въ Делфтѣ.—Петръ Великій въ Гаагѣ.—Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика.—Вѣнценосный хирургъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Княгиня Волконская и ея друзья.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Спиклера.—Холмогорская старина.—Тайный бракъ.—Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Домашній бытъ Екатерины II.—Исторія мѣднаго всадника.—Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто.—Потемкинскіе проценты.—Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Вельможа Екатерининскаго времени.—Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Самодуръ прошлаго столѣтія.—Богомъ данный генераль-прокуроръ.—Жена Суворова.—Пѣвица Габриелли.—Аристократка Александровскаго времени.—Молодость графа Аракчеева.—Сынъ Аракчеева.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Забитый Филантропъ.—Послѣдній графъ Головкинъ.—Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ.—Общество танцоровъ поневолѣ.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Дуэль Новосильцева съ Черновымъ.—Княгиня Ловичъ.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.—Указатель личныхъ именъ.—Указатель портретовъ и рисунковъ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Спб., Эртелевъ, 13.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
ШУБИНСКІЙ

(1834—1913 гг.)

БІОГРАФІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Б. Б. ГЛИНСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШУБИНСКІЙ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШУБИНСКІЙ.

1834—1913.

(Биографическій очеркъ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ Вѣстникъ» 28-го мая сего года, въ 4 часа 40 минутъ утра осиротѣлъ: скончался его создатель, его многолѣтній редакторъ, извѣстный историкъ, генераль-майоръ въ отставкѣ Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, и послѣ 33 лѣтъ и пяти мѣсяцевъ изданія этого журнала настоящая іюньская книжка выходитъ въ свѣтъ безъ его редакціонной подписи. Его многолѣтнему сотруднику и помощнику въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ выпадаетъ на долю честь помянуть словомъ «прости» своего отошедшаго въ вѣчность стараго друга, литературнаго наставника и руководителя. Тяжело, страшно тяжело сказать это «прости», какъ-то не хочется вѣрить, что вотъ настанетъ день, отошлешь рукопись въ наборъ и будешь лишенъ возможности дать отчетъ своему старому редактору, какъ и что написалъ.

— Вы бы написали мой некрологъ при моей жизни, — говаривалъ, добродушно подшучивая, Сергѣй Николаевичъ. — Все-таки было бы пріятно посмотрѣть, какъ тебя хвалятъ. Пожалуй, что захвалите, вотъ я бы карандашомъ и прошелся по статьѣ. Заодно можно было бы и оплатить ее авансомъ.

Ахъ, милый, незабвенный Сергѣй Николаевичъ! Длинной, длинной вереницей мелькаютъ предо мною годы, дни и часы моей къ нему

близости. Ярво встаетъ въ памяти зимнее утро 1887 года, когда я, начинающій пробовать свои силы, вступилъ въ столь знакомый намъ всѣмъ редакціонный кабинетъ С. Н. Шубинскаго, вспоминается его ласковая встрѣча, его ободреніе моимъ начинаніямъ, затѣмъ священное для меня на всю жизнь его благословеніе въ избранной мною профессіи и... послѣдующее постепенное, тѣсное и прочное съ нимъ сближеніе вплоть до роковой ночи 28-го мая сего года, когда я сидѣлъ у подножья его кровати, ясно сознавая, что моему милому редактору уже не встать съ одра болѣзни, наблюдал, какъ холодъ смерти уже готовится наложить свою печать на его изстрадавшееся отъ тяжелата мучительнаго недуга чело. Да, сейчасъ, когда я набрасываю эти строки, рой воспоминаній пестрой вереницей мелькаетъ передо мной, встаютъ бывлые образы соратниковъ Сергѣя Николаевича по журналу, тоже нынѣ отошедшихъ въ вѣчность, какъ бы слышатся рѣчи, замолкшія навѣки, и надъ всѣмъ этимъ милый образъ человѣка, его всегда ласковая, порой добродушно-проницательная, порой дѣловая, всегда умная и занимательная беседа...

Трудно въ небольшомъ очеркѣ рельефно обрисовать весь духовный обликъ почившаго: тутъ нуженъ скорѣе художникъ-беллетристъ, нежели прозаикъ-историкъ, и тѣмъ болѣе, что оперировать приходится не богатымъ по разнообразію фактическимъ матеріаломъ, а тѣмъ подчасъ психологическими чертами, изъ которыхъ и составляется именно образъ и характеристика покойнаго. Я приведу здѣсь весь имѣющійся у меня матеріалъ, постараюсь его скомбинировать объективно, и тогда, быть можетъ, читатели «Историческаго Вѣстника» поймутъ, насколько интересенъ былъ, притягателенъ весь обликъ нашего почившаго редактора, чѣмъ именно создавало вокругъ него атмосферу любви и уваженія сотрудниковъ и всѣхъ знавшихъ его, въ чемъ заключался его подвигъ жизни и каково то цѣнное наслѣдіе, которое онъ оставилъ послѣ себя русскому обществу. На страницахъ нашего журнала уже было сообщено кое-что изъ того, что я собираюсь воскресить въ памяти сейчасъ, но для полноты моей работы это повтореніе необходимо: ново все то, что хорошо забыто, а у русскихъ людей, какъ извѣстно, память очень коротка... Помимо этого повторнаго матеріала, помимо личныхъ воспоминаній о покойномъ, помимо свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ многочисленныхъ бесѣдъ, въ моемъ распоряженіи имѣется и автобіографическая записка С. Н. Шубинскаго, составленная имъ для А. С. Суворина, и приложеніе къ ней, написанное, какъ сказано въ подзаголовкѣ, по просьбѣ Б. М. Городецкаго, сдѣлавшаго до 1907 года сводку литературнымъ работамъ Сергѣя Николаевича.

I.

С. Н. Шубинскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, восходящаго, по официальнымъ даннымъ, къ началу XVII вѣка и записаннаго въ VI ч. род. книги Тверской губерніи. Одинъ изъ предковъ его, Іоакимъ Михайловичъ, произведенный въ 1716 году въ капитаны гвардіи, и былъ собственно родоначальникомъ существую-

С. Н. Шубинскій (въ молодости).

щихъ нынѣ Шубинскихъ. Его сыновья, внуки и правнуки все почти служили на военной службѣ, но не до большихъ чиновъ. Дѣдъ Сергѣя Николаевича, Петръ Іоакимовичъ (род. 1750 г.; ум. въ 1811 г.), въ службу вступилъ въ 1766 году и уволился въ 1770 году съ чиномъ прапорщика; отецъ, Николай Петровичъ (род. въ 1782 г.; ум. въ 1837 г.), состоялъ на службѣ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку съ 1798 году, откуда вышелъ въ 1803 году, съ чиномъ поручика; въ 1812—1815 годахъ былъ подполковникомъ и командиромъ ба-

тальяна имени великой княгини Екатерины Павловны; въ 1826—1832 годахъ—начальникомъ московскаго округа корпуса жандармовъ въ чинѣ полковника, и въ 1832—1837 гг.—директоромъ московскаго воспитательнаго дома, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. У него было пять сыновей: Николай, Петръ, Александръ, Дмитрій и пятый *Сергій*, и четыре дочери, изъ которыхъ старшая, Анна Николаевна, была замужемъ за княземъ Николаемъ Ивановичемъ Оболенскимъ. Сергій Николаевичъ родился отъ брака отца съ Клавдіей Николаевной Новосильдовой въ Москвѣ 2-го іюня 1834 года. Нашъ будущій историкъ рано осиротѣлъ, воспитывался сначала въ родственномъ домѣ князей Оболенскихъ, затемъ учился въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, гдѣ въ числѣ преподавателей оказалъ на него сильное вліяніе извѣстный педагогъ и составитель учебныхъ пособій Перевтѣскій. Сергій Николаевичъ считался въ классѣ лучшимъ ученикомъ по русскому языку и именно Перевтѣскому считалъ себя обязаннымъ за прекрасное владѣніе русской стилистикой и за выработку литературной рѣчи. Въ 1852 году онъ зачислился на службу въ московское губернское правленіе, а въ 1854 году во время Крымской кампаніи опредѣлился въ военную службу подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, гдѣ въ 1855 году произведенъ въ прапорщики. Въ 1860 году, по приглашенію тогдашняго генераль-крюгъ-комиссара графа В. Е. Канкринна, желавшаго привлечь на службу въ комиссаріатское вѣдомство молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, перешелъ въ комиссаріатскій департаментъ чиновникомъ особыхъ порученій, при чемъ на него было возложено, какъ постоянное занятіе, составленіе всеподданнѣйшихъ отчетовъ. Въ этомъ мѣстѣ служенія, носящемъ, по соединеніи его съ бывшимъ провіантскимъ департаментомъ, названіе главнаго интендантскаго управленія, получилъ чины: въ 1861 году штабсъ-капитана, въ 1864 году капитана, въ 1867 году майора, въ 1870 году подполковника, въ 1876 году полковника, и ордена: въ 1873 году св. Анны 3-й степени, въ 1879 году св. Станислава 2-й степени, въ 1883 году св. Владимира 4-й степени, и въ 1886 году св. Анны 2-й степени. 28-го марта 1887 года произведенъ въ генераль-майоры съ увольненіемъ, согласно прошенію, со службы.

Періодъ службы въ Гренадерскомъ полку былъ довольно бурнымъ періодомъ въ его жизни. Здѣсь онъ отдалъ обильную дань увлеченіямъ молодости, и, вспоминая иногда впослѣдствіи объ этихъ годахъ своей жизни, онъ всегда послѣ шутливыхъ разсказовъ предупреждалъ насъ, младшее поколѣніе, отъ излишнихъ увлеченій, губительно отражающихся на состояніи здоровья. 11 іюля 1865 года онъ женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Боровской, дочери инженеръ-полковника Николая Яковлевича Боровскаго, дворянина Курской губерніи, и вступилъ въ тихую, спокойную полосу жизни, давшую ему возможность посвятить свои недюжинныя отъ природы силы и

запасъ желѣзной энергіи кабинетному литературному и редакціонному труду. Отъ брака съ Екатериной Николаевной у него родилась въ 1875 году дочь Екатерина, состоящая въ замужествѣ за извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Б. В. Никольскимъ.

Ни прикомандированіе къ Канкрину, ни работа при немъ, ни служба по интендантству не обогатили нашего историка какими-нибудь особо яркими воспоминаніями, которыми бы онъ охотно дѣлился съ окружающими. Только произволъ въ отчетахъ интендантскаго управленія, которыми его снабжали разные отдѣлы вѣдомства для составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, оставилъ въ немъ извѣстный слѣдъ, почему Шубинскій до конца своихъ дней всегда относился пронически и недовѣрчиво ко всяческимъ бухгалтеріямъ, зная по опыту, что цифрами всегда можно легко жонглировать.

Иначе обстоитъ дѣло съ его воспоминаніями о другой сторонѣ жизни, которая составила ему въ нашемъ обществѣ и исторіи русскаго просвѣщенія извѣстность и почетное положеніе. Я разумѣю въ данномъ случаѣ его литературную дѣятельность. Вспоминая о началѣ таковой въ сказанномъ выше «приложеніи», составленномъ по просьбѣ Б. М. Городецкаго, онъ повѣствуетъ:

«Литературная дѣятельность моя началась въ 1860 году, и литераторомъ я сдѣлался совершенно случайно. Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ нѣкто В. П. Василько-Петровъ (преподаватель декламации въ театральномъ училищѣ), писавшій воскресные фельетоны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 года Василько-Петрову понадобилось ѣхать по какому-то экстренному дѣлу въ Орловскую губернію. Не имѣя возможности точно опредѣлить время своего возвращенія и опасаясь, чтобы въ его отсутствіе мѣстомъ фельетониста не овладѣлъ кто-либо изъ литераторовъ, котораго потомъ представлялось уже не легкимъ выжить, онъ, вѣроятно, за неимѣніемъ подъ рукою другого, болѣе подходящаго человѣка, предложилъ мнѣ написать вмѣсто него нѣсколько воскресныхъ фельетоновъ въ «Инвалидѣ». Такое неожиданное предложеніе, хотя и весьма лестное для молодого поручика, до тѣхъ поръ не писавшаго ничего, кромѣ писемъ и канцелярскихъ бумагъ, изумило и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, испугало меня. Но въ тѣ блаженныя времена фельетонисты пользовались завиднымъ преимуществомъ—владѣть даровыми билетами для входа во всѣ увеселительныя мѣста столицы. Показанные мнѣ Василько-Петровымъ билеты «почетнаго посѣтителя» на излеровскія «Минеральныя воды», въ «Крестовскій садъ» и другія пріятныя учрежденія были слишкомъ соблазнительны и поборолы всѣ сомнѣнія и колебанія юнаго офицера, любившаго веселиться, но часто не ощущавшаго въ карманѣ даже рублевой бумажки. Послѣ безсонной ночи и нѣсколькихъ исписанныхъ и разорванныхъ листовъ бумаги Василько-Петрову былъ доставленъ «пробный» фельетонъ, къ великой радо-

сти имъ одобренный и, послѣ довольно существенной передѣлки его «учителемъ» и за его подписью, появившійся въ «Инвалидъ». Затѣмъ послѣдовали два уже самостоятельныхъ воскресныхъ фельетона, прервавшіея скорымъ возвращеніемъ Василько-Петрова. Однако толчокъ самолюбію былъ данъ, первые тридцать рублей, заработанныхъ «литературнымъ трудомъ», еще лежали въ карманѣ, и остановиться въ дальнѣйшихъ чернильныхъ упражненіяхъ было уже трудно...

«Тогда былъ задуманъ и написанъ рассказъ подъ заглавіемъ «Одинъ изъ ростовщиковъ», беспощадно обличавшій юркаго жидка, у котораго начинающій «писатель» нерѣдко закладывалъ «въ трудныя минуты жизни» часы, шубу и другіе предметы незатѣйливаго домашняго обихода. Тщательно переписанная рукопись была отправлена, по собственному домыслу, въ редакцію ежедневной газеты «Сынъ Отечества», а черезъ недѣлю авторъ, не безъ волненія, явился «за отвѣтомъ» и былъ направленъ въ кабинетъ редактора, А. В. Старчевскаго. Въ громаднѣйшей комнатѣ съ лѣпными стѣнами и потолками (въ собственномъ домѣ, на углу Мойки и Прачечнаго переулка) ¹⁾, почти сплошь увѣшанной картинами и наполненной роскошной мебелью, мраморомъ, статуями, бронзою и т. п., за большимъ столомъ сидѣлъ пожилой, полуплѣшивый человекъ. Не особенно дружелюбно взглянувъ на молодого офицера, не протянувъ ему руки, не пригласивъ присѣсть и съ явнымъ нетерпѣніемъ выслушавъ его объясненія, редакторъ молча порылся въ кучѣ лежавшей около него бумаги, вытащилъ оттуда знакомую рукопись и, отдавая ее, сухо промолвилъ: «Не можетъ быть напечатана; не годится»—и затѣмъ, кивнувъ головой въ знакъ окончанія аудіенціи, уткнулся въ развернутую передъ нимъ корректуру. Тяжелъ былъ этотъ первый ударъ еще не надломленному самолюбію, и растерявшійся авторъ уныло удалился изъ кабинета редактора».

II.

На этомъ мѣстѣ Сѣргѣй Николаевичъ дѣлаетъ небольшое отступленіе для того, чтобы привести примѣръ, насколько бываетъ перемѣнчива судьба человѣческая. «Ровно черезъ двадцать пять лѣтъ, — говоритъ онъ, — въ кабинетъ редактора «Историческаго Вѣстника» входилъ тотъ же редакторъ «Сына Отечества», теперь уже согбенный, совсѣмъ плѣшивый и бѣдно одѣтый старецъ. Газета его, когда-то очень распространенная, давно была въ другихъ рукахъ, онъ потерялъ на разныхъ предпріятіяхъ все свое состояніе и нуждался въ самомъ необходимомъ. Подавая объемистую рукопись воспоминаній

¹⁾ Домъ этотъ со всею обстановкой былъ купленъ Старчевскимъ у извѣстнаго строителя Исаакіевскаго собора, архитектора Монферана.

о своемъ минувшемъ значеніи, онъ тихимъ, заискивающимъ голосомъ предложилъ ее для напечатанія въ журналѣ, заранѣе соглашался на всякія сокращенія и передѣлки въ ней и просилъ только объ одномъ: «дать ему впередъ, въ счетъ гонорара, хоть нѣскольکو десятковъ рублей».

Продолжая далѣе свою автобіографію, онъ говоритъ:

«Возвращаюсь къ собственной особѣ. Испытавъ горькую тогда для меня неудачу, я обратился за совѣтомъ къ своему «учителю» Василько-Петрову. Просмотрѣвъ рассказъ, «учитель» нашелъ, что онъ не совсѣмъ плохъ, посоветовалъ искать счастья въ другомъ изданіи и указалъ на начавшуюся въ этомъ году газету «Русскій Міръ».

«На другой день я уже поднимался по крутой и полутемной лѣстницѣ одного изъ домовъ на Вознесенскомъ проспектѣ и не совсѣмъ смѣло позвонилъ у двери съ надписью: «Александръ Степановичъ Героглифовъ». Толстая, пожилая женщина отворила дверь.

«— Можно видѣть г. редактора?»

«— Вамъ кого, Александра Степановича, что ли? Онъ дома. Вонъ идите туда, прямо.

«Просторная комната въ два окна, безъ всякихъ занавѣсей и шторъ; стѣны голыя, съ признаками сырости; вся мебель заключается въ огромномъ, простомъ, некрашенномъ столѣ, заваленномъ книгами и бумагами, и двухъ стульяхъ, на одномъ изъ которыхъ возсѣдаетъ довольно еще молодой человекъ симпатичной наружности, въ тепломъ пальто и барашковой шапкѣ на головѣ, ибо въ комнатѣ чувствительно холодно. Поймавъ мой изумленный взглядъ, господинъ въ барашковой шапкѣ, добродушно улыбаясь, говоритъ:

«— Недавно переѣхалъ на эту квартиру; не успѣлъ еще устроиться; садитесь, пожалуйста; что вамъ угодно?»

«Ободренный пріемомъ, вручаю свою рукопись. Редакторъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начинаетъ тутъ же ее пробѣгать, благо она не велика и хорошо переписана. Я слѣжу за выраженіемъ его лица, стараясь уловить впечатлѣніе, получаемое имъ отъ чтенія.

«— Ничего, такъ себѣ,—говоритъ онъ, окончивъ просмотръ:— я не прочь напечатать вашъ рассказъ. Только его надо сократить и кое-гдѣ передѣлать...

«— Сдѣлайте одолженіе... очень буду благодаренъ.

«— Намъ нужны небольшіе рассказы. Приносите еще... но старайтесь выбирать темы современные, забористыя, обличительныя, и, пожалуйста, не размазывайте...

«Возвращаюсь домой въ самомъ веселомъ настроеніи духа, тотчасъ сажусь за работу, и черезъ недѣлю приношу любезному редактору новый рассказъ подъ заглавіемъ «Штемпелевъ», также принятый съ ободреніемъ «продолжать»...

«Но внутренній голосъ подсказалъ начинающему автору совершенное отсутствіе въ немъ беллетристическаго дарованія, а между тѣмъ желаніе видѣть себя въ печати не ослабѣвало, а, напротивъ, усиливалось. Въ это время я сошелся съ двумя лицами, уже подвизавшимися на поприщѣ исторической литературы, М. И. Семевскимъ и М. Д. Хмыровымъ, изъ которыхъ къ послѣднему сохранилъ до самой его кончины самыя дружескія чувства. Слушая ихъ разказы о вычитанномъ въ документахъ и книгахъ, я пристрастился къ русской исторіи и увлекся преимущественно XVIII вѣкомъ, столь обильнымъ разными трагическими, комическими и анекдотическими эпизодами. Умѣривъ себя, насколько хватало характера, во всѣхъ привычкахъ, чтобы сохранить лишнюю копейку, я почти ежедневно началъ ходить на толкучій рынокъ, гдѣ въ тѣ времена въ безпорядочно сваленныхъ грудяхъ книжнаго хлама можно было всегда найти и приобрести по дешевой цѣнѣ что-нибудь рѣдкое. Мало-по-малу у меня начала собираться, по обдуманному плану, библіотека, исключительно изъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ, касавшихся отечественной исторіи прошлаго столѣтія, заключающая въ себѣ теперь болѣе, чѣмъ 1,500 названій. По мѣрѣ накопленія источниковъ и знакомства съ ними я писалъ и помѣщалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ небольшіе историческіе очерки и разказы, принимавшіеся редакціями весьма охотно, такъ какъ анекдотическая сторона нашей исторіи была тогда еще мало извѣстна и очень правилась невзыскательной публикѣ, да и обработка подобныхъ темъ не представляла особенныхъ трудностей и болѣе всего подходила къ способностямъ и знаніямъ автора. Въ 1869 году эти очерки и разказы были изданы книгопродавцемъ Плотниковымъ отдѣльной книжкой и имѣли такой успѣхъ, что черезъ годъ потребовалось второе изданіе.

«27-го ноября 1872 года умеръ Хмыровъ, бѣдствовавшій всю свою жизнь, иногда, впрочемъ, по своей винѣ, или, вѣрнѣе, по своему необычайному упрямству. Въ послѣднее время онъ не имѣлъ почти никакой работы и задолжалъ около 800 рублей за квартиру извѣстному заводчику, а потомъ издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» В. А. Полетикѣ, въ домѣ котораго, на Моховой, жилъ нѣсколько лѣтъ. Полетика вытребовалъ съ должника расписку, предъявилъ ее ко взысканію, и единственному достоянію Хмырова, его библіотекѣ, грозила продажа съ молотка. Правда, А. А. Краевскій ссудилъ ему 800 рублей для уплаты долга Полетикѣ, но матеріальное положеніе его отъ этого нисколько не улучшилось: жена его съ дѣтьми уѣхала въ деревню къ роднымъ, а онъ, оставшись одинъ на городской квартирѣ, питался только чаемъ и студнемъ, покупаемымъ въ мелочной лавочкѣ. Явился упадокъ силъ, развилась какая-то болѣзнь, не понятая и дурно лечимая малознаю-

щимъ докторомъ, посѣщавшимъ его изъ одолженія, и онъ тихо и безропотно угасъ. Пріятели похоронили его на собранныя въ складчину деньги. Къ счастью, мнѣ удалось продать довольно выгодно для семьи, именно за 3.000 рублей, его книжное имущество учреждавшемуся тогда музею Цесаревича Николая въ Москвѣ.

«Хмыровъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ бібліографомъ П. А. Ефремовымъ, человѣкомъ до болѣзненности самолюбивымъ, раздражительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень добрымъ. Для примѣра его доброты приведу слѣдующій фактъ. Когда Хмыровъ лежалъ на столѣ и я собиралъ деньги на его похороны, Ефремовъ первый принесъ 50 рублей и затѣмъ, отозвавъ меня въ другую комнату, сказалъ, вынимая бумажникъ:

«— У меня теперь скопилось 400 рублей; они мнѣ не особенно нужны, поэтому, если встрѣтите надобность, берите у меня сколько потребуется, хоть всё.

«Воспользоваться дружескимъ предложеніемъ Ефремова не оказалось нужнымъ, и онъ вмѣсто этого купилъ у Хмыровой за дорогую цѣну очень мало стоившія гравюры.

«Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ похоронъ Хмырова, я зашелъ въ Ефремову. Подъ впечатлѣніемъ свѣжей еще для насъ утраты разговоръ сосредоточивался исключительно на покойномъ. Мы особенно негодовали на Семевского. Намъ обоимъ казалось возмутительнымъ то обстоятельство, что Семевскій, старый пріятель Хмырова, издавая «Русскую Старину», не хотѣлъ поддержать его, давъ ему какую-нибудь постоянную работу въ своемъ изданіи, и пробавлялся преимущественно даровымъ матеріаломъ. Этотъ разговоръ какъ-то невольно навелъ насъ на мысль, что было бы хорошо предпринять такое историческое изданіе, которое, кромѣ сырыхъ документовъ, помѣщало бы на своихъ страницахъ и обработанныя статьи, и такимъ образомъ давало бы возможность занимающимся русской исторіей зарабатывать деньги. Мы обсуждали эту мысль очень горячо, но для осуществленія ея ни у меня, ни у Ефремова не было денежныхъ средствъ, и мы не знали, гдѣ найти издателя. Ефремовъ вспомнилъ, что одинъ изъ его сослуживцевъ по Государственному банку, В. И. Граціанскій завелъ недавно маленькую типографію и какъ-то выражалъ желаніе предпринять какое-нибудь небольшое періодическое изданіе. Возлагая надежды на Граціанскаго, Ефремовъ обѣщалъ при случаѣ переговорить съ нимъ.

«Въ это же время, имѣя въ виду зарекомендовать себя чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ, нежели легкіе историческіе рассказы, я задумалъ перевести и издать съ ученой обстановкой наиболѣе интересные мемуары иностранцевъ о Россіи XVIII столѣтія. На первый разъ я остановился на «Запискахъ фельдмаршала графа Миниха» и на «Письмахъ леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе Петра II и Анны Ивановны».

Предпріятіе мое было встрѣчено очень сочувственно лицами; съ которыми я о немъ совѣтовался. Профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ согласился написать предисловіе, Е. П. Карновичъ вызвался просмотрѣть и провѣрить переводъ, П. А. Ефремовъ изъясилъ готовность составить указатели. Я усердно принялся за обширныя примѣчанія и скоро отыскалъ издателя, книгопродавца Я. А. Исакова. Въ 1873 году были изданы «Письма леди Рондо», а въ слѣдующемъ году «Записки графа Миниха». Но книги эти продавались такъ туго, что мой издатель скоро охладѣлъ, и я долженъ былъ покинуть мечту о продолженіи этого изданія.

«Между тѣмъ переговоры Ефремова съ Граціанскимъ, тянувшіеся почти цѣлый годъ безъ всякаго результата, неожиданно пришли къ благополучному окончанію при содѣйствіи Карновича. Граціанскій согласился издавать подъ моимъ редакторствомъ историческій журналъ съ иллюстраціями. Съ помощью Ефремова, Карновича и Бестужева-Рюмина была выработана подробная программа новаго изданія, а В. С. Курочкинъ, въ случайномъ разговорѣ, придумалъ ему названіе: «Древняя и Новая Россія». Всѣ выдающіеся дѣятели русской исторической науки: С. М. Соловьевъ, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ, Д. И. Иловайскій и др.—здобрили всѣ мои предположенія, радушно обѣщали свое сотрудничество и сдержали данныя обѣщанія. Около полугода посвятилъ я на подготовку разнообразныхъ матеріаловъ и рисунковъ для изданія, и, послѣ немалыхъ хлопотъ и мелочныхъ препятствій, 1-го января 1875 года, можетъ быть, въ недобрый часъ, появилась первая книжка «Древней и Новой Россіи».

«И я, и Граціанскій были люди совершенно неопытные въ издательскомъ дѣлѣ и съ самаго начала сдѣлали нѣсколько крупныхъ и непоправимыхъ ошибокъ. Во-первыхъ, мы выбрали, ради рисунковъ, очень неудобный и нелюбимый публикой форматъ журнала — in 4°, представлявшій по внѣшности, вмѣсто книги, довольно тонкую тетрадь; во-вторыхъ, опять тоже ради рисунковъ, была заказана Варгунину толстая и дорогая бумага; въ-третьихъ, мы назначили слишкомъ высокую подписную плату—13 рублей 50 копеекъ съ пересылкой; въ-четвертыхъ, гоняясь за учеными профессорскими статьями, я повелъ журналъ нѣсколько серьезно, а слѣдовательно и скучно для обыкновенныхъ читателей, и, наконецъ, въ-пятыхъ, увѣренные, неизвѣстно почему, въ успѣхѣ изданія, мы рѣшили печатать его въ количествѣ 3,000 экземпляровъ. Дѣйствительность не замедлила показать намъ всю ошибочность нашихъ расчетовъ. Подписчиковъ собралось всего 1,350 человекъ, и цѣлая гора «Древней и Новой Россіи» 1875 года залегла безнадежно въ подвалы. В. И. Граціанскій въ первый же годъ затратилъ всѣ имѣвшіяся у него наличныя деньги, около 6,000 рублей, и даже вошелъ въ долги, купивъ новыя типографскую и литографскую машины. Хотя въ слѣ-

дующій 1876 годъ цифра подписчиковъ повысилась до 1,600 человекъ но всё же собранныя деньги не могли покрыть всёхъ расходовъ, а издатель не хотѣлъ, или не могъ болѣе рисковать. Начались сокращенія во всемъ: въ типографіи, въ бумагѣ, въ гонорарѣ, въ рисункахъ, — и дѣло, вмѣсто расширенія, пошло книзу. Подписчики стали убывать, и въ 1879 году мы уже не насчитывали и тысячи человекъ.

«Видя паденіе изданія, я предложилъ коренную реформу въ его внутреннемъ составѣ, форматѣ, цѣнѣ и т. д. Но Граціанскій колебался, опасаясь новыхъ затратъ, и вообще относился недовѣрчиво къ моимъ предположеніямъ. Тогда я сталъ совѣтовать ему попробовать продать журналъ, объяснивъ, что не могу оставаться редакторомъ при такомъ образѣ веденія дѣлъ. Онъ, хотя и съ видимой неохотой, согласился на это, но самъ не дѣлалъ ничего, а только разрѣшилъ хлопотать о продажѣ. Я не зналъ, къ кому обратиться. Пробовалъ говорить съ Вольфомъ, Гоппе, Марксомъ, Глазуновымъ и даже типографщикомъ Демаковымъ, но всёми этимъ господамъ изданіе историческаго журнала не представлялось средствомъ для легкой, скорой наживы, и они отъ него уклонились. Во мнѣ гасла всякая надежда поддержать дѣло, которому я отдался всей душой и въ которое не переставалъ вѣрить».

Въ дальнѣйшемъ литературно-редакціонная дѣятельность Шубинскаго сложилась такъ, согласно его автобіографіи: «Какъ-то разъ, если не ошибаюсь, въ мартѣ мѣсяцѣ (1879 года), я зашелъ въ А. С. Суворину, всегда любезно относившемуся ко мнѣ лично и къ «Древней и Новой Россіи», для которой онъ даже написалъ три года назадъ, по моей просьбѣ, статью о Пушкинѣ. Въ откровенной бесѣдѣ я, между прочимъ, рассказалъ ему положеніе дѣлъ «Древней и Новой Россіи» и безъ всякой задней мысли кетати спросилъ, не укажетъ ли онъ мнѣ на кого-нибудь, къ кому я могъ бы обратиться съ предложеніемъ купить этотъ журналъ. Къ величайшему моему изумленію, онъ, не задумываясь, выразилъ готовность купить и продолжать изданіе. Предложеніе это было такъ для меня неожиданно, что я счелъ его не болѣе, какъ пустой фразой. Я просилъ Суворина посерьезнѣе подумать объ этомъ и сказалъ, что найду черезъ недѣлю. Въ назначенное время я явился и услышалъ то же согласіе, но выраженное уже въ положительной формѣ, причемъ онъ уполномочилъ меня войти въ соглашеніе съ Граціанскимъ. Желая разстаться съ моимъ издателемъ самымъ дружелюбнымъ образомъ и заботясь искренно о томъ, чтобы облегчить ему, насколько возможно, понесенныя въ журналѣ потери, я предложилъ Суворину уплатить Граціанскому за право изданія 5,000 рублей и безъ возраженія получилъ согласіе и на это.

«Обрадованный, я поспѣшилъ въ тотъ же день передать Граціанскому мой разговоръ съ Суворинымъ. Онъ выслушалъ мои объясненія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и не далъ никакого рѣши-

тельного отвѣта, обѣщаясь подумать. Въ послѣдующіе дни я наставлялъ на какомъ-нибудь рѣшеніи, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ ничего добиться. Меня это ужасно волновало и я тщетно ломалъ себѣ голову, стараясь разгадать причину такого образа дѣйствій Граціанскаго. Онъ самъ разъяснилъ мнѣ ее впоследствии. Постоянный сотрудникъ «Древней и Новой Россіи» П. А. Гильдебрандтъ, узнавъ о переговорахъ моихъ съ Граціанскимъ, убѣждалъ его не продавать изданія, увѣряя, что оно погибаетъ единственно отъ моей неумѣлости, и вызывался поднять его подъ своимъ редакторствомъ. Однако я продолжалъ требовать категорическаго рѣшенія и наконецъ поставилъ вопросъ ребромъ. Граціанскому уже нельзя было долѣе уклоняться, и онъ объявилъ свое «послѣднее слово». Онъ потребовалъ, чтобы Суворинъ, кромѣ уплаты 5,000 рублей за право изданія, додалъ бы на свой счетъ подписчикамъ остающіяся 8 книжекъ «Древней и Новой Россіи» за 1879 годъ, что, по меньшей мѣрѣ, равнялось еще 12,000 рублей. Условіе было невозможное, и я съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ отъ Граціанскаго, пожелавъ ему не раскаться въ томъ, что онъ не воспользовался моимъ посредничествомъ, въ которомъ я руководился единственно сердечнымъ побужденіемъ оказать ему услугу.

«Тогда мы съ Суворинимъ рѣшили основать новый историческій журналъ. Я составилъ программу, въ которую, соображаясь съ вкусомъ публики, ввелъ историческій романъ и повѣсть и иностранную исторіографію, а Суворинъ придумалъ, нельзя сказать, чтобы очень удачно, названіе «Историческій Вѣстникъ». Я поѣхалъ къ тогдашнему предсѣдателю главнаго управленія по дѣламъ печати, В. В. Григорьеву, объяснилъ ему все дѣло и получилъ увѣреніе, что новое изданіе не встрѣтитъ ни малѣйшихъ препятствій. На слѣдующій же день Суворинимъ было подано официальное прошеніе о разрѣшеніи издавать «Историческій Вѣстникъ», а я, согласно условію, заключенному со мною при основаніи «Древней и Новой Россіи» съ Граціанскимъ, заявилъ послѣднему, что съ 1-го октября оставляю редактированіе этого журнала. Съ энергіей и надеждою на хорошее будущее отдался я организаціи новаго предпріятія. Все шло успѣшно и радовало меня, какъ вдругъ разразился ударъ съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ его ожидать. Однажды вечеромъ подають мнѣ пакетъ за казенной печатью. Развернувъ заключающуюся въ немъ бумагу, я остолбенѣлъ. Главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомляло меня, что министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ не разрѣшилъ изданіе «Историческаго Вѣстника».

«Я провелъ очень скверную ночь и на другой день, рано утромъ, надѣвъ мундиръ, отправился къ Макову. Онъ принялъ меня довольно любезно и откровенно объяснилъ причину своего отказа.

«— Въ послѣднее время,—сказалъ онъ,—въ печати стали появляться неблаговидные пошлые намеки на то, что будто бы я и

въ особенности В. В. Григорьевъ оказываемъ какое-то исключительное благоволеніе къ Суворину, во всемъ ему мирволимъ и предупредительно исполняемъ всѣ его желанія. Разрѣшить ему еще новое изданіе, когда только недавно разрѣшено «Еженедѣльное Новое Время», значить дать его противникамъ поводъ къ новымъ инсинуаціямъ. Господа журналисты дошли до того, что въ полемикѣ между собою не стѣсняясь обливаютъ другъ друга помоями, и я не хочу, чтобы брызги отъ этихъ помоевъ падали на меня и В. В. Григорьева, котораго я уважаю. Вамъ лично я разрѣшу изданіе, а Суворину нѣтъ.

«Отъ Макова я поѣхалъ къ Суворину и сообщилъ ему о происшедшемъ, разумѣется, со всѣми мелочами. Хотя онъ старался казаться совершенно равнодушнымъ, но я замѣтилъ, что рассказъ мой о неожиданномъ для него препятствіи, встрѣченномъ на первомъ же шагу «Историческимъ Вѣстникомъ», охладилъ его къ задуманному изданію. Онъ старался меня успокоить и сказалъ, чтобы я просилъ о разрѣшеніи изданія на мое имя, а онъ не отказывается, какъ уже обѣщаль, давать всѣ матеріальныя средства для его осуществленія и веденія. Это было благородно и не могло не тронуть меня. Я опять поѣхалъ къ Макову и съ трудомъ убѣдилъ его позволить мнѣ напечатать въ объявленіяхъ объ изданіи «Историческаго Вѣстника», что этотъ журналъ будетъ издаваться «при содѣйствіи А. С. Суворина», и что «отвѣтственность за исправный выходъ книжекъ и аккуратность всѣхъ расчетовъ принимаетъ на себя книжный магазинъ «Новаго Времени». Первый 1880 годъ «Историческій Вѣстникъ» выходилъ съ моей на немъ подписью, какъ «редактора-издателя», но черезъ годъ обстоятельства перемѣнились, и Суворину безъ всякихъ затрудненій разрѣшили подписываться издателемъ, которымъ онъ и былъ въ дѣйствительности».

Такова общая автобіографическая канва, по которой нарисовалась литературная жизнь С. Н. Шубинскаго до сближенія его съ А. С. Суворинымъ и выхода перваго № «Историческаго Вѣстника». Прежде, чѣмъ перейти къ описанію послѣдующихъ годовъ, обнимающихъ періодъ его редакторства, пополню вышеприведенныя свѣдѣнія нѣкоторыми деталями, не лишеными значенія для обрисовки того, какъ выработался литературный навыкъ Сергѣя Николаевича, его склонности и весь его редакторскій обликъ.

III.

Мы видѣли изъ словъ приведенной выше автобіографіи, при какихъ обстоятельствахъ началась научно-литературная дѣятельность Сергѣя Николаевича. Натолкнулъ на нее простой случай, и онъ вступаетъ на путь писательства далеко не подготовленный ни научнымъ образованіемъ, ни школой опыта. Легкій репортажъ,

бытовая сценка съ сюжетомъ изъ дѣйствительной жизни — вотъ темы его первоначальныхъ работъ. Для нихъ не требовалось ни наличія какихъ-либо научныхъ знаній, ни полета творчества, и В. С. Курочкинъ, сопоставляя эти данныя съ стремленіемъ автора къ писательству, совершенно правильно оцѣнилъ ту литературную позицію, которую молодому офицеру-писателю легко занять въ журнальномъ мірѣ съ наибольшей продуктивностью для развертыванія его силъ и съ выгодною его литературному имени. Какъ хорошему стилисту и при томъ легко схватывающему детали обсуждаемаго вопроса, какъ человѣку наблюдательному и вдумчивому, Курочкинъ рекомендовалъ Шубинскому амплуа историка-популяризатора, т.-е. тотъ родъ литературы, на который въ ту эпоху общаго оживленія русской жизни родился значительный спросъ. Случайныя обстоятельства — знакомство съ М. И. Семевскимъ и М. Д. Хмыровымъ — окончательно опредѣляютъ его судьбу въ направленіи, намѣченномъ Курочкинымъ. Черезъ посредство своихъ новыхъ знакомыхъ онъ втягивается въ изученіе русскаго быта и русской исторіи XVIII вѣка, начиная съ снѣмъ предметамъ собирать библіотеку, разыскивать на рынкахъ появившіяся тамъ въ изобиліи къ тому времени рѣдкія изданія и пытается отсюда находить себѣ темы для литературныхъ работъ. Послѣ тяжелата николаевскаго режима, когда на русское слово были наложены жестокія оковы, новыя условія, сложившіяся въ эпоху великихъ реформъ, оказались благотвѣтельными особенно для исторической компіляціи; здѣсь легко было перейти отъ требовавшагося прежде исключительнаго славословія по адресу русскаго двора, русскихъ сановниковъ, царскихъ сподвижниковъ и всего отечественнаго историческаго уклада къ правдивому изложенію истинныхъ событій эпохъ минувшихъ. Масса рыночнаго литературнаго матеріала, развернуваемаго на полкахъ букинистовъ, который можно было пріобрѣтать у нихъ почти задаромъ, давала возможность неимущему молодому офицеру легко его коллекционировать и тѣмъ самымъ создавать благоприятныя условія для намѣчаемыхъ въ компаніи Хмырова и Семевскаго историческихъ темъ.

— Намъ легко было работать тогда, — говаривалъ впоследствии Сергѣй Николаевичъ. — Пойдешь на рынокъ, купишь случайно какую-нибудь брошюру XVIII вѣка или журналъ того времени, перефразируешь здѣсь содержаніе, и вотъ готовъ любопытный историческій рассказъ. Читателямъ все было вновь, да и писателямъ-историкамъ сподручно.

Хмыровъ, Семевскій, Шубинскій распредѣлили между собою по особой системѣ даже процессъ собиранія на книжномъ рынкѣ литературнаго матеріала, и на долю Сергѣя Николаевича выпало именно собираніе пособій и источниковъ для исторіи XVIII вѣка. Отсюда и специальный характеръ его библіотеки — библіотеки исклю-

чительно по эпохѣ вѣка Петра, Елизаветы, Екатерины, отъ какого характера онъ не отступалъ и до конца своихъ дней, когда къ нему поступали тѣ или инныя изъ вышедшихъ книгъ. Конечно, руководя популярнымъ историческимъ журналомъ, каковымъ явился «Историческій Вѣстникъ», нельзя было миновать знакомства и съ XIX вѣкомъ, но изъ источниковъ для этого періода русской исторіи имъ удерживались въ библіотекѣ только сочиненія общаго характера, почему въ общей сложности библіотека С. Н. Шубин-

С. Н. Шубинскій (ко времени основанія «Историческаго Вѣстника»).

скаго среди нашихъ библіофиловъ, антикваріевъ и историковъ и получила въ концѣ концовъ широкую извѣстность, какъ библіотека превосходно специализированная, какъ библіотека, приуроченная къ познанію главнымъ образомъ исторіи XVIII вѣка. Приобрѣтаемыя книги и рѣдкія изданія, купленные, какъ уже сказано выше, за гроши и нынѣ котирующіяся на рынкѣ по очень высокой цѣнѣ (сто-двѣсти рублей) ихъ собиратель не скупился включать и въ хорошія оправы, почему все книжное богатство, скопленное Шубинскимъ, даже въ отношеніи переплетнаго мастер-

«Истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxii.

ства имѣть большую цѣнность. Н. А. Энгельгардтъ въ своей статьѣ «Старый редакторъ» («Новое Время», № 13368), посвященной С. Н. Шубинскому, такъ рисуешь любовь его къ собиранію книгъ:

«О, то былъ старинный коллекціонеръ-антикварій, типъ котораго воспроизведенъ еще Вальтеръ-Скоттомъ въ его романѣ «Антикварій». Это страстный искатель книжныхъ рѣдкостей, странствующій по лавочкамъ и подваламъ букинистовъ, по рынкамъ, толкучкамъ, аукціонамъ, трепетно обрѣтающій порыжѣлый волюмъ, рѣдкостную брошюру, гравированный листъ. Именно эта страсть и соединяла его съ покойнымъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ, тоже русскимъ библіофиломъ-антикваромъ. Свою библіотеку Сергѣй Николаевичъ собиралъ полстолѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ памяти его накоплялась калейдоскопическая лѣтопись всевозможныхъ курьезныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали обрѣтеніе той или иной рѣдкости его книжныхъ шкаповъ. И переплеты у него были «антикварные», любительскіе, съ валиками на корешкѣ, и особый переплетчикъ, тоже много-много лѣтъ работавшій у него. Удивительный генералъ словно обросъ кругомъ давностью, и каждая подробность его жизни мало-по-малу пріобрѣла особый отпечатокъ милой старомодности».

Шубинскаго давно заботила судьба собраннаго имъ книгохранилища послѣ смерти, и онъ неоднократно велъ переговоры съ разными коллекціонерами о покупкѣ ими библіотеки въ единныя руки, и вотъ изъ этихъ переговоровъ выяснилось, что цѣнность этого книгохранилища опредѣляется по рыночной расцѣнкѣ, согласно составленному имъ и напечатанному каталогу, въ семь тысячъ рублей и выше. Однако всѣ его переговоры по сему предмету не дали благопріятнаго результата, и, такимъ образомъ, судьба этого цѣннаго книгохранилища и понынѣ остается не выясненною.

Свойство личнаго дарованія, предопредѣленное Курочкинымъ, укрѣпленное близостью къ Хмырову и Семевскому, такими же, какъ и онъ, историками-популяризаторами, библіотечный подборъ источниковъ и пособій для работы создали изъ С. Н. Шубинскаго въ конечномъ результатѣ того историка, изслѣдователя русскаго быта за XVIII вѣкъ, репутація котораго съ годами стала очень твердою и привлекла къ нему вниманіе широкихъ круговъ читателей, почитателей и критики, относившейся, къ слову сказать, къ первымъ его шагамъ на поприщѣ научной популяризаціи не всегда благосклонно. Объективность изложенія, отсутствіе всякихъ политическихъ тенденцій, на каковыя во весь періодъ шестидесятихъ годовъ существовалъ значительный спросъ, не были благопріятными данными для радушнаго отношенія къ нему передовой критики. И только съ теченіемъ годовъ, когда страсти улеглись, эта самая критика стала относиться къ популяризатору

XVIII вѣка болѣе справедливо, съ признаніемъ въ полной мѣрѣ его заслугъ передъ отечественнымъ просвѣщеніемъ.

Нельзя сказать, чтобы литературное наслѣдіе покойнаго историка было очень велико по объему. Редакціонная работа его съѣдала, съ другой стороны—и конкуренція по обработкѣ темъ изъ исторіи XVIII в. тоже ставила предѣлы его работамъ въ избранномъ направленіи. Онъ часто говаривалъ:

— Когда согласишься, что дѣлаютъ новѣйшіе популяризаторы съ XVIII вѣкомъ, то просто приходишь въ отчаяніе: до того все загаживается и перевирается! Особенно въ этомъ отношеніи переусердствовали Пыляевъ. Собственно говоря, много слѣдовало бы заново переработать, но это задача неблагоприятная, да и некогда. Вотъ и мирисься со всѣмъ этимъ враньемъ.

Цѣнность работъ С. Н. Шубинскаго въ томъ-то именно и заключается, что всякое свѣдѣніе, имъ преподанное читателю, строго проверено, обосновано фактическимъ матеріаломъ и не вызываетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей достовѣрности. Наблюдая порою, какъ создавалъ покойный свои небольшія произведенія, можно было удивляться тому кропотливому труду, который онъ сюда вкладывалъ. Поэтому-то и не удивительно, что многоисаніе, при отсутствіи необходимости исканія заработной платы, не занимаетъ видной графы въ его литературномъ послужномъ спискѣ. Онъ предпочиталъ, чтобы было мало, но зато дѣйствительно хорошо, нежели много и сомнительно. Держась этого принципа, онъ часто и съ нами, своими сотрудниками, велъ своего рода борьбу въ этомъ направленіи. Какія именно стороны русской жизни имъ были обработаны, усматривается изъ помѣщаемаго здѣсь общаго обзора его литературныхъ работъ, составленнаго Б. М. Городецкимъ, дополненнаго по справочному указателю «Историческаго Вѣстника» за послѣднія семь лѣтъ, подготовляемаго къ печати В. Е. Рудаковымъ.

I.

Отдѣльныя изданія.

1) «Собраніе анекдотовъ о князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ, съ биографическими свѣдѣніями о немъ и историческими примѣчаніями». Спб. 1867 г. 16°. 193 стр. Изд. 2-е. Спб. 1869 г.

2) «Историческіе очерки и рассказы». Спб. 1869 г. Изд. 2-е, доп. Спб. 1871 г. 8°. 266 стр. Изд. 3-е. Съ 52 портр. и иллюстраціями, дополненное и исправленное. Спб. 1892 г. 8°. 391 стр. Изд. 4-е. Съ 80 портр. и иллюстр., доп. и испр. Спб. 1903 г. 8°. 583 стр. Изд. 5-е. Съ 89 портр. и иллюстр., доп. и испр. Спб. 1908 г. 8°. 712 стр., изд. 6-е безъ измѣненій 1911 г.

3) «Рассказы о русской старинѣ». Спб. 1871 г. 16°. 212 стр.

4) «Посвященіе государемъ императоромъ 5-го сентября 1871 года Житнаго рыболовнаго промысла на Каспійскомъ морѣ, принадлежащаго коммерціи совѣтникамъ Сапожниковымъ». Съ 2 рис. Спб. 1872 г. 8°

27 стр. (Безъ подписи; составлено по матеріаламъ, доставленнымъ А. А. Сапожниковымъ).

5) «Альбомъ двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго». Текстъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго. Спб. 1872 г. f. 291 стр. (Ш. принадлежать главы V, VII, VIII, X, XII, XVII и XVIII).

6) «Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи». Томъ I: «Письма лэди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны». Спб. 1874 г. 16°. 298 стр.— Томъ II: «Записки фельдмаршала графа Миниха». Спб. 1874 г. 16°. 406 стр.

7) «Черты и анекдоты изъ жизни императора Александра I». Спб. 1877 г. 16°. 149 стр. (Безъ подписи).

8) «Мнимое завѣщаніе Петра Великаго». Спб. 1877 г. 12°. 41 стр.

9) «Изъ жизни русскихъ писателей». Разказы и анекдоты. Спб. 1882 г. 12°. 128 стр.

10) «Историческіе разказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій». Спб. 1885 г. Изд. 2-е. Спб. 1887. 16°. 441+12 стр. (Безъ подписи).

11) «Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени». Спб. 1888 г. Съ 30 грав. 8°. 162+7 стр.

II.

Журнальные и газетныя статьи.

- 1860 г.** 1) «Воскресный листокъ». Фельетоны. («Русск. Инв.», №№ 3 и 10 июля).
2) «Штемпелевъ». Разказъ. («Русск. Миръ», № 85).
3) «Одинъ изъ ростовщиковъ». Разказъ. (Тамъ же, № 87).
- 1861 г.** 4) «Принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій». Историческій очеркъ. (Тамъ же, №№ 13, 15 и 18).
5) «Княжна М. А. Меншикова». Историческій очеркъ. (Тамъ же, № 70).
- 1862 г.** 6) «Подпоручикъ Федосѣевъ». Очеркъ. («Русск. Миръ», № 6).
7) «Князь П. А. Долгорукій». Историческій очеркъ. (Тамъ же, №№ 14—16).
- 1863 г.** 8) «Свѣдѣнія о князѣ А. Д. Меншиковѣ». («Пет. Вѣд.», № 68).
9) «Копьковъ». Разказъ. («Заноза», №№ 31 и 32. Безъ подписи).
10) «Графъ А. И. Остерманъ». Историко-біографическій очеркъ. («Сѣв. Сіяніе», № 8).
- 1864 г.** 11) «Дочь Бирона». Историческій очеркъ. («Пет. Вѣд.», № 56).
12) «Русскій чудакъ XVIII столѣтія». Историческій разказъ. (Тамъ же, № 102).
13) «Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ». (Тамъ же, № 130).
14) «Допросы графамъ Мишиху, Остерману и Головкину», («Русск. Арх.», кн. 5).
15) «Показаніе князя П. А. Долгорукова и мнѣніе о немъ Тайной Канцеляріи». («Чтенія въ имп. общ. исторіи и древностей росс.», кн. 1).
16) «Дѣло объ Егорѣ Столѣтовѣ, гофмейстерѣ Елагинѣ, князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, мундшенкѣ Нестеровѣ и женѣ его Марѣѣ, 1736 года». (Тамъ же, кн. 4).
- 1865 г.** 17) «Споръ правительствующаго сената съ военной коллегіей въ 1753 году». (Тамъ же, кн. 1).

- 1866 г.** 18) «Пѣвица Габріелли». Историческій разсказъ. («Пет. Вѣд.», № 15).
 19) «Убійство Синклера». Историческій разсказъ. (Тамъ, № 136).
 20) «Ссылка графа Санти въ Сибирь въ 1727 году». («Русск. Арх.», кн. 5).
 21) «Письма фельдмаршала Миниха изъ Сибири». (Тамъ же кн. 5).
 22) «Къ біографіи графа Эрнста-Іоанна Миниха». (Тамъ же, кн. 5).
- 1867 г.** 23) «Березовскіе ссыльные». Историческій разсказъ. («Всем. Трудъ», кн. 12).
 24) «О военныхъ дѣйствіяхъ подъ городомъ Гданскомъ въ 1734 году». («Чтенія въ имп. общ. исторіи и древностей росс.», кн. 3).
- 1868 г.** 25) «Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія». Историческій очеркъ. («Всем. Трудъ», кн. 2).
 26) «Русскіе чудаки и остряки XVIII столѣтія». Историческій очеркъ. (Тамъ же, кн. 12).
- 1869 г.** 27) «Графъ К. Г. Разумовскій». Историко-біографическій очеркъ. (Тамъ же, кн. 1).
 28) «Придворные шуты и шутовскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго и Анны Ивановны». (Тамъ же, кн. 2).
 29) «Дочь Бирона». Историческій очеркъ. (Исправленный и дополненный). (Тамъ же, кн. 6).
 Три послѣднихъ очерка переведены на англійскій языкъ г-жою Романовой въ книгѣ ея «Historical. Narratives from the Russian». London, 1871.
 30) «Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря» (Тамъ же, кн. 6).
 31) «Городъ Липецкъ и его минеральныя воды». («Всем. Илл.», № 33. Безъ подписи).
 32) «Разныя замѣтки». («Всем. Трудъ», кн. 7—12. Безъ подписи).
- 1870 г.** 33) «Разныя замѣтки». («Всем. Трудъ», кн. 1—11. Безъ подписи).
 34) «Разказы о русской старинѣ». (Тамъ же, кн. 10 и 11. Безъ подписи).
 35) «Кладбищенская литература». (Тамъ же, кн. 12).
- 1871 г.** 36) «Донъ-Эммануиль, инфантъ португальскій». («Всем. Трудъ», кн. 1).
 37) «Графъ де-Бонневаль». (Тамъ же, кн. 2).
 38) «Принцъ Нассау-Зигенъ». (Тамъ же, кн. 3).
 39) «Разказы о русской старинѣ». (Тамъ же, кн. 1—3. Безъ подписи).
 40) «Арестъ и ссылка Бирона». («Русск. Стар.», кн. 6).
- 1872 г.** 41) «Ораніенбаумъ и Петергофъ 28-го и 29-го іюня 1762 года». Историческій очеркъ. («Всем. Трудъ», кн. 1).
 42) «Масляница». Бытовой очеркъ. («Всем. Иллюстр.», № 9. Безъ подписи).
 43) «Некрологъ М. Д. Хмырова». (Тамъ же, № 208).
- 1873 г.** 44) «Придворный бытъ и забавы императрицы Анны Ивановны». («Русск. Стар.», кн. 3).
 45) «Соколиная охота царя Алексѣя Михайловича». («Журн. Охоты и Коннозаводства», кн. 4).
- 1877 г.** 46) «Мнимое завѣщаніе Петра Великаго». («Древн. и Нов. Россія», кн. 1).

- 1877 г.** 47) «Генераль-адъютантъ М. П. фонъ-Кауфманъ». («Илл. хроника войны 1877 г.», № 72. Безъ подписи).
 48) «Флигель-адъютантъ полковникъ Мевесъ». (Тамъ же, № 104. Безъ подписи).
- 1878 г.** 49) «Семейное преданіе». Историческій разсказъ изъ временъ императора Павла. («Нов. Вр.», № 720).
 50) «Городъ Херсонъ». («Всем. Илл.», № 433. Безъ подписи).
 51) «Преданіе временъ Петра Великаго». (Тамъ же, № 520. Безъ подписи).
- 1879 г.** 52) «Изъ жизни русскихъ писателей». Разсказы и анекдоты. («Ежен. Нов. Время». Безъ подписи).
- 1880 г.** 53) «Историческіе ссыльные въ Березовѣ и Пелымѣ». («Живописная Россія», изд. Вольфа).
 54) «Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ». (Нов. Вр.», № 1696).
- 1881 г.** 55) «Первый смотритель Петровскаго памятника». («Пет. Газета», № 37).
 56) «Московскій Соломонъ прошлаго вѣка». (Тамъ же, № 49).
- 1882 г.** 57) «Острякъ прошлаго столѣтія». («Осколки», № 1 и 2).
 58) «Самодуръ прошлаго столѣтія». (Тамъ же, № 3 и 4).
 59) «Шведское посольство въ Россіи въ 1672 году». («Ист. Вѣстн.», кн. 3).
 60) «Московскій маскарадъ 1722 года». (Тамъ же, кн. 4).
 61) «Первая морская побѣда въ устьяхъ Невы». (Тамъ же, кн. 6).
 62) «Свадьба карликовъ». (Тамъ же, кн. 7).
 63) «Взятіе Нотебурга въ 1702 году». (Тамъ же, кн. 9).
- 1883 г.** 64) «Холмогорская старина». (Тамъ же, кн. 1).
 65) «Павель I и Чичаговъ». (Тамъ же, кн. 1. Съ подписью И. Глѣбовъ).
 66) «Обзоръ русской исторической литературы за 1882 годъ». («Нов. Вр.». Безъ подписи).
 67) «Кирияново, дача княгини Дашковой». («Истор. Вѣстн.», кн. 2).
 68) «Александрова дача». (Тамъ же, кн. 3).
- 1884 г.** 69) «Обзоръ русской исторической литературы за 1883 годъ». («Нов. Вр.», № 3177. Безъ подписи).
- 1885 г.** 70) «Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году». («Ист. Вѣстн.», кн. 2).
 71) «Некрологъ Н. И. Костомарова». («Всем. Иллюстр.», № 848. и «Ист. Вѣстн.», кн. 5. Безъ подписи).
 72) «Некрологъ Е. П. Карновича». («Нов. Вр.», № 3472 и «Ист. Вѣстн.», кн. 12. Безъ подписи).
 73) «Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ». («Ист. Вѣстн.», кн. 11).
 74) «Празднованіе Рождества русскими царями». («Нов. Вр.», № 3531).
- 1886 г.** 75) «Обзоръ русской исторической литературы за 1885 годъ». («Нов. Вр.», № 3537. Безъ подписи).
 76) «Придворный бытъ и забавы императрицы Анны Ивановны». («Нов. Вр.», №№ 3609 и 3611).
 77) Библ. замѣтка о книгѣ Карновича «Родовыя прозванія въ Россіи». («Нов. Вр.», № 3634).
 78) «Обзоръ русской исторической литературы за 1886 годъ». («Нов. Вр.», № 3894).
- 1887 г.** 79) Библ. замѣтка о 2-мъ томѣ «Родословнаго сборника русскихъ дворянскихъ фамилій», В. Руммеля и В. Голубцова. («Нов. Вр.»).

- 1887 г.** 80) «Обзоръ русской исторической литературы за 1887 годъ». («Нов. Вр.», № 4253).
- 1888 г.** 81) Библ. замѣтка о «Сочиненіяхъ Батюшкова». («Ист. Вѣстн.», № 2).
- 82) Библ. замѣтка о 60-мъ томѣ «Сборника Историческаго Общества». (Тамъ же, кн. 5).
- 83) «Къ свѣдѣнію литературнаго фонда». (Замѣтка о П. П. Каратыгинѣ). («Нов. Вр.», № 4465).
- 84) «Петръ Великій въ Дептфордѣ». («Ист. Вѣстн.», кн. 11).
- 1889 г.** 85) «Обзоръ русской исторической литературы за 1888 годъ». («Нов. Вр.», № 4613).
- 86) Библ. замѣтка о «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго. («Ист. Вѣстн.», кн. 4).
- 87) Биографія княгини Н. Б. Долгоруковой. («Дешевая Библиотека», изд. А. С. Суворина, «Записки Н. Б. Долгоруковой»).
- 1890 г.** 88) «Обзоръ русской исторической литературы за 1889 годъ». («Нов. Вр.», № 4972).
- 89) «Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности В. Р. Зотова». («Ист. Вѣстн.», кн. 11).
- 1891 г.** 90) «Обзоръ русской исторической литературы за 1890 годъ». («Нов. Вр.», № 5331).
- 91) «Юбилей Г. В. Есипова». (Тамъ же, № 5334).
- 92) «Разказы изъ прошлаго». «Попытка устроить первый въ Россіи клубъ». «Вербное воскресенье въ XVII столѣтіи». «Пасха при Петрѣ Великомъ». (Тамъ же, №№ 5417, 5429, 5425 и 5436, Прилож.).
- 93) «Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго». («Ист. Вѣстн.», кн. 9).
- 1892 г.** 94) «Обзоръ русской исторической литературы за 1891 годъ». («Нов. Вр.»).
- 95) «Домашній бытъ Екатерины II». («Правит. Вѣстн.», №№ 18 и 19).
- 96) «Вѣнценосный хирургъ». (Тамъ же, № 30).
- 97) «Принятіе императорскаго титула». (Тамъ же, №№ 32 и 33).
- 98) «Польское посольство въ Россіи въ 1678 году». («Нов. Вр.», № 5741).
- 99) «Первые балы въ Россіи». (Тамъ же, № 5766).
- 100) «Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ». («Ист. Вѣстн.», кн. 5).
- 101) «Баронесса Черкасова». («Нов. Вр.»).
- 1893 г.** 102) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1892 году». («Нов. Вр.», № 6050).
- 103) Библ. замѣтка о книгѣ «Историческіе повѣсти и разказы П. Н. Полевого». («Ист. Вѣстн.», кн. 1. Съ подп. С. Ш.).
- 104) «Бабушка». Разказъ. («Сборникъ Нивы», № 2).
- 105) «Штурмъ Госпенталя». («Нов. Вр.», прилож. № 115. Съ подп. С. Ш.).
- 106) «Императоръ Николай на морѣ». («Нов. Вр.», прилож. № 118. Съ подп. С. Ш.).
- 107) Библ. замѣтка объ изданіи А. А. Суворина «Палестина». («Ист. Вѣстн.», кн. 5. Съ подп. С. Ш.).
- 108) «Солдатъ Нагиба». (Тамъ же, кн. 5. Съ подп. Павелъ Абрамовъ).

- 1893 г.** 109) Старорусскія минеральныя воды». («Нов. Вр.», прилож. № 131).
- 1894 г.** 110) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1893 году». («Нов. Вр.», № 6409. Безъ подписи).
- 111) Библи. замѣтка о 3-мъ томѣ «Писемъ Петра Великаго» и о книгѣ «Графъ Бельевскій». («Ист. Вѣстн.», кн. 4. Съ подп. С. Ш.).
- 112) «Пятидесятилѣтній юбилей Д. А. Ровинскаго». («Нов. Вр.», № 6545).
- 113) «Маленькое объясненіе». («Ист. Вѣстн.», кн. 5).
- 1895 г.** 114) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1894 году». («Нов. Вр.», № 6768).
- 115) Библи. замѣтка о «Всеобщей исторіи Іегера», изд. Маркса. («Ист. Вѣстн.», кн. 1).
- 116) Библи. замѣтка о сочиненіи П. Орлова «Штурмъ Праги». (Тамъ же).
- 117) «Крестовскій ли написалъ «Петербургскія трущобы»? («Нов. Вр.», № 6802).
- 118) Библи. замѣтка о книгѣ кн. Лобанова-Ростовскаго «Русская родословная книга». (Тамъ же, № 6893, съ подп. С. Ш.).
- 119) «Некрологъ Д. А. Ровинскаго». («Ист. Вѣстн.», кн. 6. Смѣсь).
- 120) «Памяти С. П. Тершигорева». (Тамъ же. Безъ подписи).
- 121) Библи. замѣтка о книгѣ Сеницына «Преображенское и окружающія его мѣста». («Нов. Вр.», № 7108. Съ подп. Ш.).
- 1896 г.** 122) «Обзоръ русской исторической литературы за 1895 годъ». («Нов. Вр.», № 7127. Безъ подписи).
- 123) «Некрологъ В. Р. Зотова». (Тамъ же, № 7163. Съ подп. С. Ш.).
- 124) «Забытый филантропъ (Пезаровіусъ)». («Ист. Вѣстн.», кн. 3).
- 125) «Тридцать изъ двадцати тысячъ». (По поводу общества для вспоможенія студентамъ-медикамъ). («Нов. Вр.», № 7202. Съ подп. Х.).
- 126) Рецензія на книгу П. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси». (Тамъ же, № 7212. Съ подп. С. Ш.).
- 1897 г.** 127) «Обзоръ русской исторической литературы за 1896 годъ». («Нов. Вр.», Безъ подписи).
- 128) «Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика». («Ист. Вѣстн.», кн. 1).
- 129) Библи. замѣтка о 6-й книгѣ «Архива князя Куракина». (Тамъ же, съ подп. С. Ш.).
- 130) «Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ». Историческій очеркъ. («Литер. прил. къ «Нивѣ», № 2).
- 131) «Жена Суворова». Историческій очеркъ. («Ист. Вѣстн.», кн. 4).
- 132) Предисловіе къ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина: «Задачи популяризаціи знаній». (Тамъ же).
- 133) Библи. замѣтка о 12-мъ томѣ «Исторіи Екатерины II» Бильбасова. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 134) «Молодость графа Аракчеева». Историческій очеркъ. («Нива», № 52).
- 1898 г.** 135) «Обзоръ русской исторической литературы за 1897 годъ». («Нов. Вр.», № 7847. Безъ подписи).
- 136) «Вельможа Екатерининскаго времени». Очеркъ. («Нов. Вр.», № 7853, прилож.).
- 137) «Исторія Мѣднаго всадника». Очеркъ. («Литер. прил. къ Нивѣ», № 1).

- 1898 г.** 138) Библ. замѣтка о книгѣ «Привѣтъ». Художественно-литературный сборникъ». («Ист. Вѣстн.», № 2. Съ подп. С. Ш.).
- 139) Рецензія на книгу «Архивъ села Михайловскаго». («Нов. Вр.», № 7887. Съ подп. С. Ш.).
- 140) «Некрологъ А. В. Эвальда». (Тамъ же, № 7894. Безъ подписи).
- 141) Рецензія на книгу Черевковой «Очерки современной Японіи». (Тамъ же, № 7897. Съ подп. С. Ш.).
- 142) Библ. замѣтка о книгѣ Черевковой «Очерки современной Японіи». («Ист. Вѣстн.», кн. 4).
- 143) Библ. замѣтка объ «Альбомѣ картинъ Рѣпина». («Ист. Вѣстн.», кн. № 4).
- 144) Рецензія на книгу Бороздина «Протопопъ Аввакумъ». («Нов. Вр.», № 7936. Съ подп. С. Ш.).
- 145) «Послѣдній графъ Головкинъ». Очеркъ. («Литер. прил. къ Нивѣ», № 4).
- 146) Библ. замѣтка о книгѣ Воронца «Четырехсотлѣтіе російскаго государственнаго герба». («Ист. Вѣстн.», кн. 11. Съ подп. С. Ш.).
- 147) «Царь-охотникъ». Фельетонъ. («Нов. Вр.», № 8180).
- 148) «Тулскій хлѣбъ и калужское тѣсто». Историческій разсказъ. («Литер. прил. къ «Нивѣ», № 12).
- 1899 г.** 149) «Обзоръ русской исторической литературы къ 1898 году». («Нов. Вр.», № 8206. Безъ подписи).
- 150) Библ. замѣтка о книгѣ «Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ». («Ист. Вѣстн.», кн. 1, Съ подп. С. Ш.).
- 151) Библ. замѣтка о книгѣ «Portraits et tableaux, appartenants aux Archives principales de Moscou». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 152) Библ. замѣтка о книгѣ «Малый энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 153) «Юбилей графа Салиаса». («Нов. Вр.», № 8215. Безъ подписи).
- 154) «Сынъ Аракчеева». Историческій разсказъ. («Прил. къ Нивѣ», № 3).
- 155) «Малоизвѣстные воспоминанія о Сибири». (Газета «Уралъ», № 671).
- 1900 г.** 156) «Обзоръ русской литературы въ 1899 г.» («Нов. Вр.», № 8565. Безъ подписи).
- 157) Библ. замѣтка о книгѣ «Историческіе очерки и разсказы» В. О. Михневича. («Нов. Вр.», № 8569. Съ подп. С. Ш.).
- 158) «Домашній бытъ императрицы Екатерины II». Очеркъ. («Литерат. прил. къ Нивѣ», № 1).
- 159) Библ. замѣтка о книгѣ «Русскіе портреты» Щукина. («Истор. Вѣстн.», кн. 4. Съ подп. С. Ш.).
- 160) Библ. замѣтка о «Русскомъ біографическомъ словарѣ». («Истор. Вѣстн.», кн. 5. Съ подп. С. Ш.).
- 161) «Аристократка Александровскаго времени». Историческій разсказъ. (Литер. прил. къ «Нивѣ», № 10).
- 162) Библ. замѣтка о книгѣ «Бумаги, относящіяся къ Отечественной войнѣ» Щукина. («Истор. Вѣстн.», кн. 12. Съ подп. С. Ш.).
- 1901 г.** 163) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1900 году». («Нов. Вр.», № 8925. Безъ подписи).
- 164) Библ. замѣтка объ изданіи Маркса «Мертвыя души» Голя; съ иллюстраціями. («Истор. Вѣстн.», кн. 2. Съ подп. С. Ш.).

- 1901 г. 165) Библи. замѣтка о книгѣ «Путешествіе Прижевальскаго». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 166) Библи. замѣтка о четвертомъ томѣ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». («Историч. Вѣстн.», кн. 4. Съ подп. С. Ш.).
- 167) Библи. замѣтка объ «Учебникахъ всеобщей и русской исторіи Пловайскаго». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 168) Библи. замѣтка о второмъ выпускѣ изданія Щукина «Русскіе портреты». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 169) Библи. замѣтка объ изданіи Божерянова «Портреты съ автографами и біографіями министровъ учрежденныхъ въ 1802 году министерствъ». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 170) Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. («Историч. Вѣстн.», кн. 5).
- 171) «Потемкинскій праздникъ». (Въ литературномъ сборникѣ «Василекъ», изданномъ Марксомъ въ память Ю. О. Грюнберга. Спб. 1901).
- 172) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1901 году». («Нов. Вр.», № 9277. Безъ подписи).
- 173) Библи. замѣтка о книгѣ «Невскій проспектъ» Божерянова. Вып. 1. («Истор. Вѣстн.», кн. 1. Съ подп. С. Ш.).
- 174) Библи. замѣтка о «Сборникѣ Импер. Истор. Общества». Т. III. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 175) Библи. замѣтка о книгѣ «Архивъ Св. Синода». Т. 10. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 176) Библи. замѣтка о книгѣ «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ». (Тамъ же, кн. 2. Съ подп. С. Ш.).
- 177) Некрологъ П. Н. Полового. («Истор. Вѣстн.», кн. 3. Безъ подписи).
- 178) Библи. замѣтка объ изданіи «Художественныя сокровища Россіи». Вып. 1. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 179) «Самодуръ прошлаго столѣтія». Истор. разсказъ. (Приложеніе къ «Нивѣ», № 3. Съ полной подписью).
- 180) «Невская вода и ледъ». Истор. разсказъ. (Приложеніе къ «Нов. Врем.», № 9357. Съ полной подписью).
- 181) Библи. замѣтка о книгѣ «Русскій біографическій словарь». («Истор. Вѣстн.», кн. 4. Съ подп. С. Ш.).
- 182) Библи. замѣтка о «Сборникѣ старинныхъ бумагъ музея Щукина». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 183) Некрологъ Н. К. Шильдера. («Истор. Вѣстн.», кн. 5. Безъ подписи).
- 184) Библи. замѣтка о книгѣ «Луи де Септъ-Обень. Тридцать девять портретовъ 1805—1815 гг.». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 185) Библи. замѣтка объ изданіи «Художественныя сокровища Россіи». Вып. 2. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 186) Библи. замѣтка объ «Отчетѣ Московск. Румянцовскаго музея». («Истор. Вѣстн.», кн. 6. Съ подп. С. Ш.).
- 187) Библи. замѣтка о кн. Божерянова «Невскій проспектъ». Вып. 2. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 1903 г. 188) Обзоръ русской исторической литературы въ 1902 г. («Нов. Вр.», № 9636. Безъ подписи).
- 189) Библи. замѣтка объ альбомѣ «Гоголь на родинѣ». («Истор. Вѣстн.», кн. 1. Съ подп. С. Ш.).
- 190) «Царицы-охотницы». Истор. очеркъ. («Нов. Вр.», № 9671. Фельетонъ. Съ полной подписью).

- 1903 г.** 191) Библ. замѣтка о книгѣ «Царская и императорская охота на Руси» Кутепова. Т. III. («Истор. Вѣстн.», кн. 3. Съ подп. С. Ш.).
- 192) Библ. замѣтка о книгѣ «Дополненіе къ описанію Петербурга Богданова». (Тамъ же, кн. 6. Съ подп. С. Ш.).
- 193) Библ. замѣтка о книгѣ «Русскіе портреты собранія Щукина». (Тамъ же, кн. 7. Съ подп. С. Ш.).
- 194) Библ. замѣтка о книгѣ «Свита Петра Великаго», Квадри. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 195) Библ. замѣтка о книгѣ «Юбилейная выставка во дворцѣ Лѣтняго сада». (Тамъ же, кн. 11. Съ подп. С. Ш.).
- 1904 г.** 196) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1903 году». («Нов. Вр.», Безъ подписи).
- 197) Библ. замѣтка о «Русскомъ біографическомъ словарѣ». («Истор. Вѣстн.», кн. 3. Съ подп. С. Ш.).
- 198) Библ. замѣтка о книгѣ «Записки Помена о Петрѣ Великомъ». (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 199) Библ. замѣтка о книгѣ «Екатерина II» Пестерова. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 200) «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья». Историческій очеркъ. («Истор. Вѣстн.», кн. 12. Съ полной подписью).
- 1905 г.** 201) «Обзоръ русской исторической литературы въ 1904 году». («Нов. Вр.», № 10360. Безъ подписи).
- 202) Библ. замѣтка объ изд. в. к. Николая Михайловича «Собраніе портретовъ русскихъ людей». Вып. 1. («Ист. Вѣстн.», кн. 3. Съ подп. С. Ш.).
- 203) Библ. замѣтка о второмъ выпускѣ того же изданія. (Тамъ же, кн. 7. Съ подп. С. Ш.).
- 204) Библ. замѣтка о третьемъ выпускѣ того же изданія. (Тамъ же, кн. 2. Съ подп. С. Ш.).
- 1906 г.** 205) «Таврической дворець». Историческій очеркъ. (Приложеніе къ № 10710 «Нов. Вр.», Съ подп. А. Н.).
- 206) «Домашній видъ Екатерины II». Историческій очеркъ. (Приложеніе къ №№ 10724 и 10728 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 207) «Тайный бракъ». Историческій разсказъ. (Приложеніе къ № 10738 «Нов. Вр.», Съ подписью С. Ш.).
- 208) «Богомъ данный генераль-прокуроръ». Историческій разсказъ. (Приложеніе къ № 10745 «Нов. Вр.», Съ подписью С. Ш.).
- 209) «Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ». Историческій очеркъ. (Приложеніе къ № 10748 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 210) «Потемкинскіе проценты». Историческаго разсказъ. (Приложеніе къ № 10765 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 211) «Общество танцоровъ по повелѣ». Историческій разсказъ. (Приложеніе къ № 10786 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 212) «Петръ Великій въ Гаагѣ». Историческій разсказъ. (Приложеніе къ № 10806 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 213) Библ. замѣтка о 121 и 122 томахъ «Сборника Импер. Истор. Общества». («Истор. Вѣстн.», кн. 5. Съ подп. С. Ш.).
- 214) Библ. замѣтка объ изданіи в. к. Николая Михайловича «Собраніе русскихъ портретовъ», т. 2, вып. 1. (Тамъ же. Съ подп. С. Ш.).
- 215) «Княгиня Ловичъ». Историческій очеркъ. (Приложеніе къ № 10824 «Нов. Вр.», Съ подп. С. Ш.).
- 216) «Русск. біограф. словарь» Д, О, П, Ч, Ш. общая рецензія.

- 1906 г. 217) Портретная галерея великаго князя Николая Михайловича.
218) Предисловіе къ Запискамъ Екатерины II. 1906 г.
- 1907 г. 219) Библ. замѣтка объ изданіи в. к. Николая Михайловича «Собраніе русскихъ портретовъ», т. 2, вып. 4. («Истор. Вѣстн.», кн. 2. Съ подп. С. Ш.).
220) Библ. замѣтка о томъ же изданіи, т. 3, вып. 1. (Тамъ же кн. 4. Съ подп. С. Ш.).
221) Библ. замѣтка о томъ же изданіи, т. 3, вып. 3. (Тамъ же, кн. 12. Съ подп. С. Ш.).
- 1908 г. 222) Рецензія: «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія», т. т. 3 и 4. (Тамъ же, январь).
223) «Рус. біогр. словарь Бетанкуръ—Бякстеръ». (Тамъ же, май).
- 1909 г. 224) Рецензія: «Справочникъ о русскихъ книгахъ гражд. печати, изданныхъ съ 1703 по 1855 г.», составилъ Сергѣево-Волжскій. Вып. 1. А.—Аллеръ. (Тамъ же, апрѣль).
225) «Русскіе портреты», т. 5, вып. 1, (Тамъ же, май).
226) «Русскій біографическій словарь»—Смѣловскій—Суворина. (Тамъ же, май).
227) «Русскіе портреты», т. 5, вып. 2. (Тамъ же, іюнь).
228) «Изъ записокъ кн. Б. В. Долгорукова. Время имп. Петра II и Анны Ивановны», перев. съ французскаго. (Тамъ же, дек.).
229) Рецензія: «Русскій біографическій словарь», 2 тома. Суворова—Ткачева. Шебановъ—Шютць. (Тамъ же, декабрь).

Въ настоящій списокъ не вошло нѣсколько его замѣтокъ, незначительныхъ въ общемъ по своему объему и содержанію.

IV.

Я уже отмѣтилъ, какъ бережно и рачительно относился покойный къ своей литературной работѣ; къ этому долженъ прибавить, что, слыша отовсюду одобреніе этихъ работъ, онъ никогда не превеличивалъ ихъ значенія, не зачислялъ себя въ разрядъ первыхъ боговъ и всегда самъ лично отводилъ себѣ скромное мѣсто популяризатора и компилятора. Извѣстность не туманила ему головы, и онъ всегда охотно уступалъ мѣсто другимъ въ руководимомъ имъ журналѣ по отдѣлу критики и бібліографіи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его личный судъ надъ тѣмъ или другимъ поступившимъ въ редакцію печатнымъ трудомъ, казалось, могъ бы имѣть большую цѣнность. Онъ всего охотнѣе сохранялъ за собою лишь работы справочнаго характера, требовавшія для оцѣнки ихъ большого провѣрочнаго труда и имѣнія подъ рукою необходимыхъ для того пособій. Равнымъ образомъ никогда не злоупотребилъ онъ даннымъ ему А. С. Суворинымъ дискреціоннымъ издательскимъ правомъ по денежной расцѣнкѣ матеріала, назначая себѣ лишь тотъ общій средній гонораръ, какой опредѣлялся и остальнымъ сотрудникамъ той же категоріи писанія, т.-е. рецензентамъ, критикамъ и авторамъ научно-популярныхъ статей. Типичный реалистъ по своей природѣ и по тому міросозерцанію, которое выработалось у него

подъ вліяніемъ литературной эпохи шестидесятыхъ годовъ, Шубинскій подь реалистическимъ угломъ зрѣнія подходилъ и къ своему сотрудничеству въ редактируемыхъ имъ изданіяхъ. Средній скромный гонорарь, который могутъ ежемѣсячники выплачивать арміи сотрудниковъ, не можетъ представить большой матеріальной выгоды тѣмъ, на которыхъ существуетъ спросъ со стороны издателей еженедѣльниковъ и газетъ, имѣющихъ возможность котировать по высшей расцѣнкѣ трудъ писателей. Отсюда откровенное признаніе Сергѣя Николаевича, что ему невыгодно съ денежной стороны работать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и выгоднѣе отдавать свой трудъ въ «Новое Время» или «Ниву», гдѣ онъ могъ получить значительно высшій гонораръ, нежели у себя дома.

— Дамъ ли я въ «Вѣстникѣ» статьей одной-другой больше или меньше, отъ этого ростъ подписки не увеличится, а у меня въ карманѣ отъ сотрудничества у Суворина и Маркса кое-что прибавится,—добавлялъ онъ, добродушно посмѣиваясь и хитро поглядывая на собесѣдника.—Вотъ поглядите для сравненія...

И онъ съ любовью вынималъ изъ бокового ящика своего письменнаго стола разграфленную тетрадь въ переплетѣ, гдѣ аккуратно былъ вносимъ гонорарь, заработанный имъ, начиная съ первой напечатанной имъ строчки. Этотъ показъ сотрудникамъ своей заработной платы доставлялъ старику безконечное удовольствіе для разсказовъ о быломъ редакціонномъ житьѣ-бытьѣ русскихъ журналистовъ и для воркотни на современные нравы и денежные приемы нынѣшнихъ писателей.

— Вотъ гонорарь, полученный у Старчевскаго... А вотъ у Стелловскаго... Вы думаете, легко было его получить? Да вѣдь я на нѣсколько рублей стопталъ сапогъ, пока мнѣ его выдали. Сколько тутъ было разочарованій, обиды! Прихожу я разъ получить слѣдуемое къ Героглифову за какой-то разсказикъ. Онъ заявляетъ, что деньги нужно получить у издателя Стелловскаго, и даетъ въ руки ордеръ на полученіе нѣсколькихъ рублей. Деньги были до зарѣзу нужны. Наступали праздники, надо было себѣ что-то купить, экипироваться. Плетусь въ магазинъ Стелловскаго. Прихожу, докладываю о себѣ и въ отвѣтъ слышу лишь крикъ, что пришелъ не во время, чтобъ приходилъ черезъ недѣлю. «Черезъ недѣлю, молю, по вторникамъ производится выдача». Прихожу во вторникъ, а на двери обозначено, что гонорары выдаются не въ этотъ, а въ другой какой-то день. И такъ пошла канитель, съ недѣли на недѣлю, пока я не выручилъ свои злосчастные нѣсколько рублей. Нынѣшній писатель не успѣетъ трехъ строкъ написать, какъ сейчасъ подавай ему гонорарь, а затѣмъ авансъ. А мы-то за честь считали попасть въ какой-нибудь журналъ и маялись съ гонорарами. Оттого-то вы, господа нынѣшніе писатели, и цѣны деньгамъ не знаете, и всегда у васъ въ карманѣ свистить...

Эта воркотня на пылѣшнюю систему Гонораровъ доставляла ему возможность возобновлять въ памяти цѣлыя серіи живыхъ картинокъ изъ жизни бывшихъ редакціонныхъ кабинетовъ. Въ его красочномъ, полномъ добродушія и сатиры повѣствованіи, какъ живые, возставали образы минувшаго, слышались бывшія рѣчи, проносились воспоминанія.

— Эхъ, Сергѣй Николаевичъ, вы бы написали свои мемуары, вѣдь такъ пропадаетъ не зарегистрированный цѣнный матеріалъ для исторіи русской литературы.

— Что вы хотите—не умѣю писать въ живой разговорной формѣ! Я популяризаторъ и компиляторъ по книгамъ, а для мемуаровъ, настоящихъ, живыхъ и точныхъ, у меня нѣтъ таланта.

— Говорите, мы будемъ записывать, пригласимъ стенографа. Шубинскій махалъ только рукою.

— Тутъ, пожалуй, еще попадешься! Вотъ былъ такой случай у меня съ Мартыяновымъ, авторомъ «Дѣла и люди вѣка». Повалился онъ ко мнѣ обѣдать. Сидимъ, бесѣдуемъ. Я возьми и расскажи что-то изъ бывшихъ встрѣчъ и знакомствъ. Вдругъ онъ меня перебиваетъ и говоритъ: «А у меня, Сергѣй Николаевичъ, этотъ рассказъ записанъ съ вашихъ словъ иначе». «Какъ записанъ?»—«Да я,—говорить,—какъ приду домой, такъ все и занесу въ записную книжку, что рассказали». Ну, я съ тѣхъ поръ и попросилъ Мартыянова меня больше не посѣщать. Еще бѣды, думаю, съ нимъ наживешь!

Несмотря на эту боязнь записи, Сергѣй Николаевичъ до конца своихъ дней продолжалъ ублажать слушателей массой рассказовъ, причемъ, конечно, сильно повторялся или варьировалъ свои рассказы на разные лады. Онъ сознавалъ свое мастерство хорошаго повѣствователя и любилъ этимъ щегольнуть, оживляя свою бесѣду мимикой и удивительной игрою глазъ, въ которыхъ поминутно вспыхивали лукавые огоньки, особенно въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ онъ явно шаржировалъ и обдавалъ изображаемыхъ потоками своей сатиры. Покойный П. Я. Дашковъ особенно любилъ эти некорки въ глазахъ Шубинскаго и въ качествѣ особаго *plat doux* послѣ обильнаго завтрака съ обычными «возліаніями» преподносилъ своимъ гостямъ рассказы Шубинскаго, заранѣе рекомендуя всѣмъ мимку разсказчика.

Варианціи покойнаго на тему о быломъ были дѣйствительно весьма разнообразны и—нечего грѣха таить—элементъ фантастичности, шаржа и добродушной ироніи бралъ здѣсь иногда слишкомъ сильный перевѣсъ. Любя безконечно, пѣжно и нескренно, поскольку это возможно было для его сдержанной натуры, своихъ родныхъ, А. С. Суворина и нѣкоторыхъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, онъ тѣмъ не менѣе и по отношенію ихъ не скупился на краски въ своихъ повѣствованіяхъ. Доставалось не мало въ этомъ отношеніи и пишущему эти строки, и по этому поводу между нами

возникали при безоблачной въ общемъ атмосферѣ нашихъ отношеній нѣкоторые инциденты. Случайно до меня доходили «анекдоты», созданные на мой счетъ Сергѣемъ Николаевичемъ. Я считалъ нужнымъ порою, особенно въ первое время, идти объясняться.

— Вы опять сочинили на мой счетъ анекдотъ?

— Вѣдь я это такъ, любовно. Вы знаете: языкъ мой—врагъ мой. Ужъ не сердитесь на старика.

Острота характеристикъ, дѣлаемая имъ, красное словцо, которое онъ пускалъ въ свои описанія событій, создавали ему порою опасную репутацію, и многіе боялись попасть ему на язычекъ, но по опыту могу сказать, что, увлекаясь своимъ повѣствовательнымъ даромъ рѣчи, Сергѣй Николаевичъ никогда не преслѣдовалъ дурныхъ цѣлей и въ душѣ никогда не питалъ ни къ кому недоброго чувства, а, напротивъ, всегда стремился помочь словомъ и дѣломъ всякому нуждающемуся въ поддержкѣ. Работая съ нимъ въ журналѣ на протяженіи 26 лѣтъ слишкомъ, а въ послѣднія семь лѣтъ состоя къ нему въ особомъ приближеніи въ качествѣ его помощника по журналу, я никогда не видѣлъ его вышедшимъ изъ себя, всплывшимъ и обошедшимся грубо или безтактно съ кѣмъ-либо изъ своихъ посѣтителей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они явно причиняли ему безпокойство или обращались съ нимъ далеко не въ должной мѣрѣ почтительно. И тутъ при столкновеніи онъ сохранялъ свою обычную сдержанность, спокойствіе и корректность. Онъ переходилъ только на болѣе официальную ногу и выражалъ спорившему, почему-либо негодующему и вышедшему изъ границъ приличія удивленіе, что тотъ послѣдній имѣетъ съ нимъ дѣло, что онъ на его мѣстѣ никогда бы съ нимъ не разговаривалъ и постарался бы не имѣть къ нему никакого отношенія. Точно также прощически-добродушно взиралъ онъ на получаемыя по его адресу, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается во всѣхъ редакціяхъ, грубыя ругательныя письма со стороны лицъ анонимныхъ, но, вѣроятно, какъ-нибудь задѣтыхъ той или другой статьей журнала. Его насмѣшливому уму эти необузданныя выходки доставляли пищу для сатиры, и онъ охотно знакомилъ пришедшихъ къ нему съ этой ругательною корреспонденціей.

— Выжившимъ изъ ума старикомъ, старой песочницей величаютъ меня въ письмѣ изъ города N. А почему онъ знаетъ, сколько мнѣ лѣтъ?—И онъ съ обычнымъ запасомъ юмора начинаетъ рисовать картину, какъ невѣдомый обыватель провинціи, отъ нечего дѣлать, пишетъ ругательныя письма въ столицу и воображаетъ себѣ полученный здѣсь уничтожающій эффектъ отъ его письма.

— Вѣдь всю ночь не спалъ. Всѣмъ домочадцамъ надоѣлъ, читая свое произведеніе. Я когда-нибудь соберу всѣ полученныя мной ругательныя письма, а вы ими воспользуйтесь, какъ матерьяломъ для некролога. Самый достовѣрный источникъ!

Корректность его обращенія со всѣми окружающими создала С. Н. Шубинскому репутацію, и воплѣтъ заслуженную, настоящаго джентльмена, и лица, посѣщавшія его и получавшія отъ него даже неудовлетворительные отвѣты на свои обращенія и домогательства, уходили отъ него почти всегда очарованными. Онъ умѣлъ даже непріятное облекать въ такую деликатную мягкую форму, что его отказъ порою былъ пріятнѣе другого согласія, но выраженнаго въ неуклюжей формѣ. Джентльменство его по отношенію всѣхъ, кто съ нимъ по дѣламъ приходилъ въ соприкосновеніе, стало фактомъ, получившимъ широкую извѣстность не только среди его знакомыхъ, но и далеко за предѣлами личнаго знакомства, благодаря аккуратности его корреспонденціи, тону и содержанію писемъ. На двадцатипятилѣтнемъ чествованіи его редакціонной дѣятельности его джентльменство въ корреспонденціи было особенно подчеркнута А. С. Суворинымъ, заявившимъ громогласно, что С. Н. Шубинскій представляетъ собою въ нашей русской неряшливой и небрежной жизни своего рода феноменъ, такъ какъ за всю свою жизнь не оставилъ ни одного письма безъ обстоятельнаго отвѣта. Авторъ посвященной памяти С. Н. Шубинскаго статьи («Биржевыя Вѣдомости», № 13573, вечерняго выпуска) по сему предмету повѣствуетъ слѣдующее:

«Одинъ изъ литераторовъ, начавшихъ свою дѣятельность у Шубинскаго юнымъ студентомъ, рассказываетъ, какъ это съ нимъ случилось:

«Пріѣхалъ я въ Петербургъ совершенно одинъ. Знакомыхъ ни души. Въ то время я занимался исторіей, и потому меня влекло къ «Историческому Вѣстнику». Статьи не выходили, и я послалъ рецензію. Попался мнѣ переводъ Гербеля сочиненій Шевченка. Вышелъ онъ, правда, лѣтъ двадцать назадъ, но переводъ меня поразилъ удивительными ошибками, прямо смѣшными. Напримѣръ, какъ сейчасъ помню, въ немъ малорусское слово «луна» (эхо) преспокойно переведено было «мѣсяць». Послалъ я эту рецензію Шубинскому. Черезъ день,—замѣтьте, какъ быстро,—получаю простое хорошее письмо, въ которомъ Шубинскій своимъ бисеромъ поясняетъ мнѣ, что рецензія не можетъ быть напечатана, такъ какъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» не помѣщается отзывовъ о книгахъ, вышедшихъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Многіе ли редакторы такъ поступили бы! Отвѣтъ меня подбодрилъ. Я сейчасъ же взялъ новую книгу: «Скиѣскія древности» Толстого и Кондакова. Написалъ, послалъ. Черезъ день опять отвѣтъ: «Къ сожалѣнію, объ этой книгѣ уже пишетъ Полевой. Такія неудачи будутъ всегда, если вы не будете предварительно стовариваться, о чемъ хотите писать. Приходите». И я пришелъ и затѣмъ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ журнала».

Доброжелательство въ отношеніи всѣхъ обращавшихся къ нему не только по дѣламъ «Историческаго Вѣстника», но и по разнымъ

другимъ научно-литературнымъ вопросомъ было изумительно. Въ виду его широкой извѣстности, какъ знатока новой русской исторіи, къ нему со всѣхъ сторонъ даже люди, совершенно незнакомые, обращались съ разными запросами, желая отъ него получить надлежащія указанія по поводу источниковъ для ихъ работъ. И всѣ эти желанія старикъ всегда охотно выполнялъ, давая себѣ трудъ лазать по полкамъ своей бібліотеки и рыться въ ней въ интересахъ незнакомаго корреспондента, сплошь и рядомъ задававшегося цѣлью въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ уголку написать какую-нибудь историческую драму, повѣсть или романъ. Трогательно было видѣть, какъ этотъ заслуженный дѣятель нашей исторической науки, уже согбенный годами, съѣденный всяческими хворостями, трудился, такимъ образомъ, во имя просвѣщенія и ради, по большей части, проблематическихъ научно-литературныхъ стремленій обывателя.

— Пожалѣйте себя, поберегите свои силы, вамъ не въ мочь лазить по шкапамъ, дѣлать розыски книгъ, дѣлать выписки,—часто говорилъ я ему, видя его истомленного непосланными задачами и охающего отъ усталости.

— Нельзя,—отвѣчалъ онъ обыкновенно мнѣ:—надо помочь, пока я живъ; умру, и не къ кому ему будетъ обратиться.

И старикъ, добродушно ворча и комично проицируя надъ своими незнакомыми корреспондентами и собесѣдниками, продолжалъ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ ради пользы отечественнаго просвѣщенія.

— Ну, что онъ тамъ въ медвѣжьемъ углу написать можетъ? И зачѣмъ ему эпоха Грозлаго? Пожалуй, еще статью пришьетъ въ редакцію! На свою голову стараюсь...

Въ этомъ служеніи просвѣщенію онъ видѣлъ задачу и обязанность своей жизни, на стражѣ которыхъ онъ и продолжалъ стоять даже до послѣднихъ дней своей разрушительной болѣзни. Это рыцарство долга, это джентльменство по отношенію всего обширнаго міра пишущихъ и научно работающихъ были отличительными чертами его благородной натуры, которыя такъ крѣпко и привязали къ нему покойнаго издателя «Новаго Времени» и «Историческаго Вѣстника», А. С. Суворина, считавшаго Сергѣя Николаевича ближайшимъ совѣтникомъ и сподвижникомъ по всѣмъ своимъ издательскимъ начинаніямъ.

Письма Шубинскаго по вопросамъ редакціоннымъ и вообще литературнымъ отличались большой обстоятельностью. Въ нихъ онъ давалъ не только отвѣтъ по возбужденному вопросу, но часто преподавалъ цѣлую программу литературныхъ дѣйствій, разъясняя корреспонденту, въ чемъ заключаются его ошибки, что надо сдѣлать, чтобы избѣжать таковыхъ, какъ лучше планировать работу и что требуется для ея усовершенствованія. Такимъ образомъ, его отвѣтъ сплошь и рядомъ обращался въ своего рода редак-

ціонный урокъ, шедшій на безусловную пользу тому, кому онъ преподавался. Такого рода учительство сыграло въ жизни многихъ писателей, пользующихся нынѣ даже извѣстностью, плодотворную роль. Сергѣй Николаевичъ, можно сказать, обучилъ ихъ, создалъ ихъ и предопредѣлилъ всю ихъ литературную будущность. Пытавшій свои силы довольно неудачно на поприщѣ беллетристики, по его совѣту и согласно его указанію, переходилъ на жанръ публицистическій, мнившій себя публицистомъ съ его же благословенія избиралъ себѣ область критики и рецензій и т. д. Я не стану здѣсь называть именъ тѣхъ, кто въ этомъ отношеніи долженъ себя считать особенно обязаннымъ Сергѣю Николаевичу. Быть можетъ, со временемъ, когда явятся разныя воспоминанія о покойномъ, когда обнаружится его обширный архивъ, оставленный имъ, къ слову сказать, въ блестящемъ порядкѣ, слова мои найдутъ себѣ фактическое подтвержденіе, и редакторъ-воспитатель подрастающихъ литературныхъ поколѣній обрисуетъ передъ нами во всемъ его привлекательномъ значеніи. Его слово одобренія сыграло, несомнѣнно, въ жизни насъ всѣхъ, составлявшихъ при немъ семью «Историческаго Вѣстника», крупную роль, и я лично, вспоминая свои первые шаги на литературномъ поприщѣ, съ благоговѣніемъ храню старый, пожелтѣвшій листокъ бумажки отъ 1889 года, гдѣ онъ писалъ мнѣ:

«Многоуважаемый Борисъ Борисовичъ! Статья объ Орестѣ Миллерѣ написана хорошо, и я не измѣнилъ въ ней ни одного слова. Мнѣ очень пріятно, что вы съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе отрѣшаетесь отъ вашихъ маленькихъ недостатковъ въ изложеніи. Теперь несомнѣнно, что вы можете, а, слѣдовательно, и должны работать. Сожалѣю, что не было времени сдѣлать портрета Миллера и статья пойдетъ безъ него.

«Искренно вашъ С. Шубинскій».

Слово въ письмѣ «должны» сыграло въ моей литературной жизни, несомнѣнно, рѣшающую роль и скрѣпило меня до послѣдняго дня съ журналомъ Сергѣя Николаевича и его личностью. Вѣроятно, то же могутъ сказать и многіе другіе мои товарищи по работѣ у Шубинскаго. Увы, однако, далеко не всѣ, воспитавшіеся въ его литературной колыбели, остались ему вѣрны и по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ жизни оказались участниками другіхъ литературныхъ приходоу, часто даже враждебныхъ «Историческому Вѣстнику», и старикъ-редакторъ, встрѣчая ихъ имена, порою окруженныя уже нѣкоторою извѣстностью, всегда съ любовью вспоминалъ, что именно изъ его редакціоннаго кабинета они и вышли на литературный свѣтъ, а при личныхъ встрѣчахъ привѣтствовалъ ихъ, какъ своихъ литературныхъ питомцевъ, предлагая имъ при случаѣ вернуться къ нему обратно.

А. С. Суворинъ и С. П. Шубинскій (по случаю 25-лѣтняго юбилея
«Историческаго Вѣстника»).

— Забвенъе благодарности—большой порокъ. Помните, что сказано: «чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ»,—любовно-шутливо выговаривалъ онъ имъ.

V.

Я упомянулъ выше, какова была та общественная атмосфера, подъ въздѣйствіемъ которой сложилось міросозерцаніе Сергѣя Николаевича въ пору молодости и ко времени выступленія его на литературное поприще. Редакція «Искры», близость къ Курочкину, М. Семевскому, Шишкину, Благосвѣтлову, Костомарову и другимъ представителямъ западнческаго либерализма шестидесятыхъ годовъ,—вотъ та именно общественная и политическая атмосфера, откуда онъ почерпнулъ свое идейное сѣдо. (Ему онъ остался вѣренъ и до конца своихъ дней и, противопоставляя Шубинскаго себѣ, А. С. Суворинъ опредѣленно именовалъ его «западникомъ-либераломъ»). Человѣкъ по своему характеру умѣренный и уравновѣщенный, С. Н., конечно, не былъ сторонникомъ крайностей этого либерализма. Да и занятіе исторіей, серьезная любовь къ знанію, привязанность къ Россіи и всему ея историческому укладу не позволяли ему уходить слишкомъ влѣво. Примѣняя къ нему современную номенклатуру, его всего болѣе можно наименовать прогрессистомъ и при томъ самой широкой терпимости, держащагося правила, что истина въ серединѣ. Во имя этого-то правила онъ охотно открывалъ двери своего журнала людямъ разныхъ направленій, лишь бы только ихъ мнѣнія не носили на себѣ слишкомъ рѣзкой окраски въ ту или другую сторону. И революція слѣва, и революція справа ему претили, и мирная политическая и общественная эволюція казалась С. Н. Шубинскому лучшимъ путемъ и средствомъ достиженія желательныхъ прогрессивныхъ цѣлей, ведущихъ къ благоденствію родины.

Не получивъ широкаго и многосторонняго образованія, С. Н. Шубинскій по выходѣ изъ полка, занявшись изученіемъ судебъ родной земли и по преимуществу, какъ ужъ сказано выше, XVIII вѣка, тѣсно замкнулся въ этой области знаній и достигъ въ данномъ отношеніи блестящихъ результатовъ. Факты исторіи, бытъ того времени во всѣхъ его подробностяхъ, дѣйствовавшія въ свое время лица—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ онъ свободно оперировалъ въ своихъ работахъ и сужденіяхъ. Отечествовѣдѣніе въ широкой постановкѣ вопроса подъ угломъ соціально-политическаго и экономическаго зрѣнія было ему чуждо, и онъ не былъ охотникомъ до обобщеній и опредѣленныхъ культурно-философскихъ выводовъ. Онъ изучалъ фактъ, достовѣрность его деталей, его хронологію, а выводъ въ интересахъ опредѣленнаго обобщенія онъ предоставлялъ самимъ читателямъ. Специализировавшись на фак-

тахъ, онъ оставался въ сторонѣ отъ философіи предметовъ, и потому въ послѣдствіи, какъ редакторъ, не любилъ работъ, гдѣ умозрѣнія и выводы брали перевѣсъ надъ фактической стороной дѣла. Онъ самъ всегда признавался, что некомпетентенъ въ философскихъ вопросахъ, и потому игнорировалъ ихъ, и въ этомъ отношеніи его позиція редактора историческихъ журналовъ такого типа, какъ «Древняя и Новая Россія» и «Историческій Вѣстникъ», какъ нельзя болѣе отвѣтствовала всему строю его ума, и здѣсь онъ чувствовалъ себя, что называется, какъ рыба въ водѣ.

Мы видѣли изъ приведенной выше его автобіографіи, какимъ путемъ достигъ онъ званія редактора «Древней и Новой Россіи» и при какихъ обстоятельствахъ журналъ былъ основанъ. Можетъ показаться страннымъ, почему именно на него выпалъ жребій быть руководителемъ такого органа печати, гдѣ собрались тогдашніе корифеи нашего историческаго знанія. До извѣстной степени это объясняется уже установившейся къ тому времени его репутацией, какъ человѣка аккуратнаго, точнаго, уживчиваго, съ хорошими способностями администратора; съ другой стороны, сонмъ собравшихся свѣтилъ считалъ его наиболѣе податливымъ и подверженнымъ вліянію и давленію на него со стороны каждаго изъ нихъ. Онъ рисовался имъ «удобнымъ», да къ тому же и самъ издатель былъ найденъ именно имъ. Такъ возникаетъ «Древняя и Новая Россія», иллюстрированный ежемѣсячный историческій сборникъ, имѣвшій своей задачей знакомство исключительно съ Россіей, притомъ не ограничивавшійся разработкой историческихъ свѣдѣній, но дававшій матеріалъ и изъ другихъ областей отечествовѣдѣнія, особенно этнографіи. Въ противоположность существовавшимъ тогда историческимъ журналамъ, «Древняя и Новая Россія» воспроизводила на своихъ страницахъ не сырые матеріалы, а преимущественно обработанныя изслѣдованія и притомъ дала немало статей такихъ ученыхъ, какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, С. М. Соловьевъ, Н. И. Костомаровъ, М. И. Сухомлиновъ, Я. К. Гротъ, Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ, О. Э. Миллеръ, Л. Н. Майковъ, В. И. Герье, Н. Я. Аристовъ, Е. Е. Замысловскій, А. Н. Веселовскій и т. д. Текстъ иллюстрировали прекрасныя гравюры и фототипіи. Самая внѣшность изданія была роскошная: «Древняя и Новая Россія» печаталась (въ типографіи В. И. Граціанскаго) на прекрасной плотной бумагѣ и выходила толстыми тетрадями in 4°, въ обложкѣ съ виньеткою, рисованною художникомъ Адамовымъ.

Какъ повѣдалъ самъ С. Н. Шубинскій, «Древняя и Новая Россія» при всемъ богатствѣ заключеннаго въ ней матеріала успѣха не имѣла. При существованіи двухъ параллельныхъ историческихъ журналовъ, какъ «Русскій Архивъ» и «Русская Старина», въ достаточной мѣрѣ обслуживавшихъ потребности тогдашняго интел-

лигентнаго общества, новый органъ печати, перегруженный тяжеловѣснымъ профессорскимъ матеріаломъ, не могъ найти себѣ достаточнаго размѣщенія съ нужными въ пользу издателя барышами. Къ тому же участвовавшій въ журналѣ П. Гильтебрандтъ, работавшій по преимуществу по отдѣлу «Замѣтокъ и новостей. Областной печати и современной лѣтописи», началъ интриговать противъ Сергѣя Николаевича, наблюдая въ немъ излюшную редакторскую самостоятельность, не соответствовавшую первоначальнымъ планамъ сотрудниковъ. Въ результатъ, какъ мы знаемъ, Шубинскій остался не у дѣла, но счастье въ лицѣ окрѣпшаго къ тому времени въ газетномъ издательствѣ А. С. Суворина ему улыбнулось, и вотъ въ 1880 г. мы видимъ его во главѣ новаго журнала «Историческій Вѣстникъ». Въ главномъ чертахъ онъ самъ повѣдалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ возникъ этотъ журналъ. Въ сказанномъ прибавлю сюда со словъ покойнаго нѣкоторыя детали.

Съ А. С. Суворинимъ, какъ популярнымъ писателемъ широкой либеральной извѣстности, С. Н. Шубинскій былъ уже знакомъ давно, встрѣчался съ нимъ въ разныхъ модныхъ тогда литературныхъ домахъ, какъ, на примѣръ, у Полетики, и даже привлекъ его къ сотрудничеству въ «Древнюю и Новую Россію», гдѣ Алексѣй Сергѣевичъ (1875 г., № 4) помѣстилъ статью «А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (по поводу картины Н. Н. Ге)». Затѣмъ по просьбѣ Суворина, послѣ основанія имъ «Новаго Времени», велъ переговоры о сотрудничествѣ въ молодой газетѣ Н. И. Костомарова, Д. Л. Мордовцева, кажется, С. И. Смирновой и др., а также принять и самъ лично нѣкоторое участіе въ газетѣ. Въ 1877 году Суворинъ шлетъ къ Шубинскому слѣдующія два письма:

«Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Какъ я давно говорилъ вамъ, такъ тому и быть: т. е. согласенъ выдать за романъ (Н. И. Костомарова) 3,000 кредитныхъ рублей, но предварительно очень желалъ бы знать, о чемъ романъ повѣствуетъ, изъ какой эпохи, какія историческія лица въ немъ фигурируютъ. Вы сами согласитесь, что эти предварительныя свѣдѣнія нельзя назвать нескромными. Таланту Костомарова я вѣрю отъ всеі души, но вѣдь есть еще публика, которая и для него существуетъ, какъ и для меня: стало-быть, въ общемъ интересѣ необходимо мнѣ узнать персонажи.

«Затѣмъ благодарю васъ за вашу милую любезность и желаю, чтобы плоды ея были бы такъ же удачны, какъ и ваша любезность относительно Смирновой.

«Вашъ А. Суворинъ».

14 октября 1877 г.

«Очень васъ благодарю, любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ, за хлопоты. Быть такъ милымъ, какъ вы, рѣдкіе только могутъ. Я готовъ написать еще нѣсколько строкъ благодарностей, но время не терпитъ съ почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ.—«Хроника» ли это, или романъ, надѣюсь, это все равно, лишь бы было интересно, а въ интересѣ я не сомнѣваюсь.

«Кудеяръ» тоже скорѣй хроника. Драмы Шекспира тоже хроники, но это не мѣшаетъ имъ быть драмами. Миѣ очень жаль, что я не знаю адреса Костомарова, я написалъ бы или лучше телеграфировалъ бы ему, что очень благодаренъ ему за такое милое отношеніе ко миѣ, готовъ немедленно вручить ему 2,500 рублей за хроникку и прошу считать «Холузі» принадлежащимъ «Новому Времени». Очень образное названіе—холузі. Миѣ очень пріятно также встрѣтить въ П. Пв. человека, который не раздѣляетъ предубѣжденій тѣхъ нашихъ «знаменитыхъ» авторовъ, которые не даютъ большихъ вещей въ газеты. Я же думалъ всегда, что газета—лучшій проводникъ даже для большихъ вещей, имѣющихъ беллетристическій характеръ. Что-нибудь одно: или вы напишете ему, или сообщите миѣ его адресъ, и я ему немедленно телеграфирую съ уплаченнымъ отвѣтомъ. Затѣмъ жму крѣпко вашу руку съ благодарностью.

Вашъ А. Суворинъ».

19 октября 1878 г.

А за 1878 годъ въ архивѣ Сергія Николаевича обрѣтается слѣдующее письмо къ нему Алексѣя Сергѣевича:

«Любезный отецъ командиръ «Древней Россіи», не будете ли вы столь любезны, чтобы придти ко миѣ сегодня вечеромъ на маленькій праздникъ по случаю 1001-го номера «Новаго Времени», которое имѣетъ честь считать васъ однимъ изъ вкладчиковъ. Будетъ много общихъ знакомыхъ. Разсчитываю вполне на вашъ пріѣздъ.

Вашъ А. Суворинъ».

Изъ этихъ писемъ усматривается, что между издателемъ «Новаго Времени» и редакторомъ «Древней и Новой Россіи» въ описываемый періодъ наблюдаются вполне дружескія отношенія, въ результатѣ которыхъ были сначала переговоры о покупкѣ историческаго журнала у Граціанскаго, а потомъ и объ основаніи «Историческаго Вѣстника».

Какъ разсказывалъ Сергій Николаевичъ въ кругу нѣкоторыхъ сотрудниковъ, дѣло изданія новаго органа печати не такъ-то легко и просто уладилось. Въ 1879 г., кажется, весною Суворинъ далъ свое окончательное согласіе на издательство, затѣмъ лѣтомъ уѣхалъ за границу. Въ его отсутствіе Шубинскій предпринялъ рядъ подготовительныхъ организаціонныхъ дѣйствій: велъ переговоры съ сотрудниками, заказывалъ статьи для первыхъ номеровъ будущаго журнала, выработывалъ программу и т. д. и т. д. Каково же было его удивленіе, когда, при встрѣчѣ, на вопросъ Алексѣю Сергѣевичу о журналѣ, послѣдній, очевидно, будучи не въ духѣ или чѣмъ-то раздосадованъ, какъ это съ нимъ иногда случалось, въ рѣзкой формѣ заявилъ, что никакого журнала онъ издавать не будетъ, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ и не приставалъ къ нему. Сергій Николаевичъ опѣшилъ, растерялся и бросился къ Алексѣю Петровичу Коломину, зятю Алексѣя Сергѣевича, ведшему всю хозяйственную часть «Новаго Времени» и имѣвшему на Суворина большое вліяніе. Человѣкъ спо-

койный, хорошо изучившій своеправный и подчас капризный характер своего тестя, умѣвшій съ нимъ говорить и выбирать для того удобный моментъ, Коломининъ успокоилъ Сергѣя Николаевича, объщавъ уладить все дѣло по-хорошему. И дѣйствительно, такъ и случилось. Суворинъ повернулъ гнѣвъ на милость, и судьба «Историческаго Вѣстника» была рѣшена въ положительномъ смыслѣ.

Въ автобіографіи С. Н. Шубинскаго разсказано, черезъ какое правительственное затрудненіе пришлось перешагнуть и какъ онъ оказался издателемъ поневолѣ. Осенью 1879 года на первой страницѣ «Новаго Времени» появилось объявленіе о выходѣ новаго журнала (см. стр. 41).

А 1-го января 1880 года объявлено было и о выходѣ первой книжки журнала со слѣдующемъ ея содержаніемъ:

I. Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій разсказъ Н. И. Костомарова	1
II. Записки В. И. Гегтуна . 1771—1815 гг. Главы I—III	26
III. Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 года. Разсказъ очевидца, съ предисловіемъ и примѣчаніями К. И. Бестужева-Рюмина	68
IV. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. В. И. Герье	74
V. Кадетскій монастырь. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова	112
VI. Декабристъ М. С. Лузинъ. Д. И. Завалишина	139
VII. Знакомство съ Сенковскимъ. Отрывокъ изъ воспоминаній А. П. Милокова	150
VIII. Близко ли паденіе Англіи. Н. И. Куницына	158
IX. Императоръ Александръ I. Изъ записокъ князя Меттерниха	168
X. Записки Луи Шнейдера	181
XI. Домикъ моего дѣдушки. Изъ «Очерковъ Литвы». И. Ходзько	191
XII. Критика и библіографія.	210
1) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. И. Забѣлина. Часть I и II. М. 1879. О. Ф. Миллера .—2) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ II. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1879. А. П. Милокова .—3) Der Zarevitsch Alexis (1690—1718) von A. Brückner. Heidelberg. 1880. К. Н. Бестужева-Рюмина .	
XIII. Изъ прошлаго.	217
1) Именной указъ императрицы Елисаветы Петровны. Сообщ. М. Д. Хмыровъ .—2) Собственноручная записка императрицы Екатерины II къ неизвѣстному лицу. Сообщ. Г. В. Есиповъ .—3) Нѣчто о бывшихъ городничихъ. Сообщ. И. И. Дубасовъ .—4) Замятка о рукописной литературѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Сообщ. Д. И. Завалишинъ .—5) Прогулка маленькаго пѣмца по Невскому проспекту. (Анекдотъ изъ сороковыхъ годовъ). Сообщ. Л. Н. Трефолевъ .—6) Судьба декабриста Петра Бестужева. Сообщ. И. Г. Мартыновъ .	
XIV. Смѣсь.	226
1) Французская ученая экспедиція въ Россіи.—2) Изданіе московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—3) Императорская публичная библіотека въ 1878 году.—4) Новый музей.—5) Собраніе старинныхъ книгъ и рукописей.	
XV. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Новый всемірный потопъ. Историческій романъ Ю. Роденберга . Переводъ съ нѣмецкаго. Часть I, гл. I—VIII.—2) Портретъ С. М. Соловьева .	

Объ изданіи съ 1-го января 1880 года

ежемесячнаго историко-литературнаго Журнала

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Оставивъ съ сентября мѣсяца редакцію историческаго сборника „Древняя и Новая Россія“, я предпринимаю съ 1-го января 1880 года, при содѣйствіи **А. С. Суворина**, изданіе новаго ежемѣсячнаго историко-литературнаго журнала подъ названіемъ „**Историческій Вѣстникъ**“.

Цѣль новаго изданія—знакомить читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ. На этомъ основаніи въ программу „**Историческаго Вѣстника**“ входить не одни только русскія, но и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ. Къ „**Историческому Вѣстнику**“ будутъ прилагаться портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

„**Историческій Вѣстникъ**“ будетъ издаваться безъ предварительной цензуры и выходитъ ежемѣсячно книжками въ объемѣ до 15 печатныхъ листовъ убористаго шрифта, что составитъ въ теченіе года три большіихъ тома въ 180—200 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять руб. сер. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода шесть руб. сер.

Отвѣтственность за неправильный выходъ журнала и аккуратность всѣхъ расчетовъ по изданію принимается на себя книжный магазинъ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 60, гдѣ находится главная контора „**Историческаго Вѣстника**“, и куда гг. иногородные подписчики благоволятъ исключит. обращаться съ своими требованіями.

Въ Москвѣ подписка принимается въ Московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной Управы.

Въ первыхъ книжкахъ „**Историческаго Вѣстника**“ будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, оригинальныя статьи:

Н. Я. Аристова. Преданія объ историческихъ лицахъ.—А. Г. Брикнера. 1. Царевичъ Алексій Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ беллетристовъ и драматурговъ. 2. Россія и Европа при Петрѣ Великомъ.—И. Д. Бѣлова. Университетъ и корпорация. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—В. И. Герье. Воспоминанія о С. М. Соловьевѣ.—В. Н. Геттуна. Записки о моей жизни. (Времена императоровъ Павла I и Александра I).—Г. П. Данилевскаго. Отвергнутый Бонапартъ. Историческая повѣсть изъ времяя императора Александра I.—И. И. Дубасова. 1. Тамбовскій край въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. 2) Генералъ-губернаторство графа Каменскаго. 3) Тяжелая година въ жизни тамбовскаго духовенства.—И. Н. Жданова. Церковно-земскій соборъ 1551 года.—И. Е. Забѣлина. Домашняя лѣтопись Петровскаго времени.—А. И. Забѣлина. Французскій плѣнный въ Россіи. Историческій рассказъ изъ эпохи 1812 года.—Д. И. Завалишина. Рассказы изъ прошлаго: 1. Декабристъ М. С. Лунинъ. 2. Графъ А. И. Остерманъ-Толстой. 3. Архимандритъ Фотій и графиня Орлова-Чесемская. 4. Министръ Ланской.—Е. П. Карновича. Ярославскіе нагнанники. Историческая повѣсть изъ времяя императрицы Елисаветы Петровны.—Д. А. Корсакова. Князь С. Г. Долгорукій въ ссылкѣ. Историческій очеркъ.—Н. И. Костомарова. Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій рассказъ.—В. В. Крестовскаго. Не быть по сему. Историческій рассказъ изъ времяя императрицы Екатерины II.—А. О. Круглаго. А. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину.—А. М. Лазаревскаго. Люди старой Малороссіи. Семья Скоропадскихъ.—Н. С. Лѣскова. 1. Несмертельный Голованъ. Очеркъ изъ народныхъ хроникъ смертнаго года. 2. Императоръ Александръ Благословенный въ его религиозныхъ вѣрованіяхъ.—Л. Н. Майкова. Эпизодъ изъ литературной истории прошлаго вѣка.—В. Н. Майнова. Мертвый городокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ).—Л. С. Магѣевича. Сынъ Суворова.—О. Ф. Миллера. Историческое значеніе Чацкого.—А. П. Милюкова. Мое знакомство съ Сенковскимъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—Д. Л. Мордовцева. 1. Тульскій кричекъ. Историческая повѣсть изъ времяя императрицы Екатерины II. 2. Крестьянинъ Красичковъ и дворянинъ Рыльцевъ. Историческій рассказъ.—Ф. К. Неслуховскаго. Адамъ Мицкевичъ и его друзья.—Т. П. Пассекъ. Изъ воспоминаній о прошломъ.—Н. И. Петрова. Очерки изъ украинской литературы нынѣшняго вѣка.—П. А. Пономарева. Казанская общественная жизнь въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.—А. П. Пятковскаго. Князь В. Ф. Одоевскій. Біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями.—Н. В. Сорокина. Въ пескахъ Кара-Кумъ. (Изъ путевыхъ записокъ).—В. Я. Стоюнина. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. Историко-литературный очеркъ.—М. И. Сухомлинова. Эпизодъ изъ литературы пятидесятыхъ годовъ.—Ф. М. Уманца. Горечь современнаго положенія.—Г. А. Утробина. Императоръ Александръ I-й и капитанъ Коротковъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—А. Ф. Ховмяцкаго. Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ моголевскій.

Въ отдѣлѣ бібліографіи намѣ обѣщано участіе: А. Г. Брикнеромъ, Е. А. Бѣловымъ, К. Н. Вестужевымъ-Рюминымъ, В. И. Герье, Е. Е. Замысловскимъ, Л. Н. Майковымъ, О. Ф. Миллеромъ, А. П. Милюковымъ и Н. А. Поповымъ.

Изъ переводныхъ сочиненій будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія: Записки князя Меттерниха.—Записки госпожи Ремюза.—Воспоминанія актера Шнейдера.—Воспоминанія Армана Домерга, бывшаго режиссера французскаго театра въ Москвѣ.—Новый всемірный потопъ. Историческій романъ Роденберга.

Издатель-редакторъ „Историческаго Вѣстника“ **С. Н. Шувальскій**.

VI.

Въ январской же книжкѣ редакторъ получилъ возможность наименовать и тѣхъ писателей и ученыхъ, которые общались «Историческому Вѣстнику» свое постоянное участіе. Это были: В. Г. Авсеенко, Н. В. Альбертини, Н. Я. Аристовъ, Е. В. Барсовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Г. Брикнеръ, Е. А. Бѣловъ, И. Д. Бѣловъ, Н. А. Бѣлозерская, В. И. Герье, Г. П. Данилевскій, И. И. Дубасовъ, Г. В. Есиповъ, И. Н. Ждановъ, И. Е. Забѣлинъ, А. И. Забѣлинъ, Д. И. Завалишинъ, Е. Е. Замысловскій, В. Р. Зотовъ, Д. И. Иловайскій, Е. П. Карновичъ, Д. А. Корсаковъ, Н. И. Костомаровъ, В. В. Крестовскій, А. О. Круглый, Н. И. Куницынъ, А. М. Лазаревскій, А. С. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, Л. Н. Майковъ, В. Н. Майковъ, Л. С. Мацѣевичъ, О. Э. Миллеръ, А. П. Милоковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Ф. К. Неслуховскій, Т. П. Пассекъ, Н. И. Петровъ, П. Н. Полевой, Н. А. Поповъ, П. А. Попомаревъ, А. П. Пятковскій, П. А. Ровинскій, А. С. Сгибневъ, Н. В. Сорокинъ, В. Я. Стоюнинъ, М. И. Сухомлиновъ, Э. М. Уманецъ, А. Э. Хойпацкій и др.

Обозрѣвая какъ содержаніе первой книжки новаго журнала, такъ и списокъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ ему свое постоянное участіе, по сравненію съ книжками послѣдующихъ годовъ, можно видѣть слѣдующія отличительныя черты этой книги. Она, во-первыхъ, гораздо болѣе приближается къ типу специально-историческаго журнала, гдѣ все принаравливается къ началу историзма съ очень слабымъ приближеніемъ къ вопросамъ современности въ нихъ общественномъ освѣщеніи; во-вторыхъ, составъ сотрудниковъ въ своей преобладающей части относится къ числу первоклассныхъ русскихъ ученыхъ, съ громкими заслуженными именами, каковы: Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. Е. Забѣлинъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Герье, О. Э. Миллеръ, А. П. Милоковъ, М. И. Сухомлиновъ и др., въ-третьихъ, книжка скорѣе приближается къ обычному типу «сборника», гдѣ постоянные отдѣлы еще не вполне выяснились и не твердо поставлены, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, редакція журнала не особенно выходитъ за предѣлы своихъ подписныхъ обѣщаній публикѣ и придерживается болѣе или менѣе того размѣра книжки по количеству листовъ, который обозначенъ при объявленіи о подпискѣ въ 1879 году.

За тридцать четыре года своего существованія всѣ отмѣченныя особенности первой книжки потерпѣли постепенное видоизмѣненіе, вызванное какъ общими условіями и потребностями отечественной жизни, такъ и ростомъ журнала, а въ связи съ послѣднимъ и его матеріальнымъ благополучіемъ, особенно послѣ того, какъ А. С. Суворинъ не только принялъ на себя «отвѣтственность за исправный выходъ журнала и аккуратность всѣхъ расчетовъ по изданію», но и окончательно далъ журналу свое издательское имя.

Участіе въ журналѣ крупныхъ авторитетовъ нашей исторической науки, правда, не прекращалось и въ послѣдующіе годы его существованія, но, въ виду выяснившейся потребности придать изданію болѣе обще-литературный характеръ, редакторъ рѣшилъ разнообразить печатаемый матеріалъ и предоставить сотрудничество болѣе широкому кругу лицъ. Поэтому понемногу были расширяемы отдѣлы беллетристики, воспоминаній и историческихъ записокъ, историко-литературныхъ очерковъ, путешествій, критики и библиографіи, отдѣлы «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей» и «Смѣси».

Наибольшимъ успѣхомъ среди читателей пользовались за двадцать пять лѣтъ жизни журнала отдѣлы—беллетристики, воспоминаній, историко-литературныхъ очерковъ, критики и библиографіи и «Заграничныя историческія новости и мелочи».

Въ отдѣлѣ беллетристики чаще другихъ принимали участіе: В. Г. Авеѣнко, А. В. Амфитеатовъ, М. Басанингъ, А. Березинцевъ, В. П. Буренингъ, М. Е. Васильева, С. И. Васюковъ, П. П. Гибѣдичъ, В. З. Головина, Г. П. Данилевскій, Л. М. Доброправовъ, М. Е. Ермолина, П. В. Засодимскій, Ф. Е. Заринъ, К. Д. Искуль, Е. П. Карновичъ, М. Г. Кильштеть-Веселкова, В. В. Крестовскій, Б. Корженевскій, Н. И. Костомаровъ, А. В. Кругловъ, Н. А. Лаппо-Данилевская, А. И. Леманъ, С. К. Литвинъ (Эфронъ), Н. С. Лѣсковъ, В. Л. Марковъ, Н. И. Мердеръ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Н. Назарьевъ, П. М. Невѣжинъ, Л. Е. Оболенскій, П. Н. Полевой, Г. Т. Полиловъ, И. Н. Потапенко, гр. А. А. Салиасъ, И. А. Саловъ, К. К. Случевскій, В. С. Соловьевъ, Д. И. Стахѣевъ, С. Н. Терпигоревъ, В. А. Тимашевъ-Берингъ, В. А. Тихоновъ, Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, В. В. Умаловъ Каплуновскій, I. I. Ясинскій и др.

Важнымъ отдѣломъ, на который, при выборѣ здѣсь матеріала, обращалось редакціей особенное вниманіе, и который въ исторіи нашей литературы всегда будетъ пользоваться преимущественнымъ вниманіемъ изслѣдователей, былъ отдѣлъ «воспоминаній». Полагаемъ, нѣтъ надобности особенно распространяться о значеніи этого отдѣла для отечественной исторіи: въ безыскусственномъ и живомъ по большей части изложеніи передъ читателемъ развертываются здѣсь страницы нашего государственнаго и социальнаго прошлаго, давняго и недавняго, гдѣ на каждой страницѣ рисуется живая тогдашняя современность, и гдѣ въ яркихъ краскахъ проходятъ вереницы людей и событій... Быть можетъ, иногда здѣсь можно усмотрѣть субъективность авторовъ, ихъ пристрастность и заинтересованность въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ, но тутъ уже дѣло изслѣдователя расчленивъ субъективно-наосное, а потому преходящее, отъ фактическаго и непреложнаго.

Къ числу особенно цѣнныхъ «воспоминаній современниковъ» должны быть отнесены «записки», «дневники» и «воспоминанія»: И. А.

Арсеньева, Е. К. Андреевскаго, В. И. Аскоченскаго, А. А. Ауэрбаха, П. П. Баснина, В. П. Батуриискаго, М. К. Беркута, гр. Л. Л. Беннигсена, В. Б. Бертенсона, К. А. Бороздина, Я. И. Бутковскаго, С. И. Васюкова, П. И. Вейнберга, А. Н. Витмера, А. Д. Галахова, В. И. Гетуна, Б. Б. Глинскаго, графини В. И. Головиной, А. Я. Головачевой-Панаевой, Г. К. Градовскаго, О. П. Дубиса-Крачака, Н. М. Ежова, имп. Екатерины II, П. П. Жакмонъ, К. К. Жерве, С. М. Загоскина, И. Н. Захарыина, Вл. Р. Зотова, Раф. М. Зотова, П. В. Засодимскаго, М. О. Каменской, А. Е. Кауфмана, П. М. Ковалевскаго, В. Н. Клевезаля, А. А. Колобакиной, Е. В. Корша, В. А. Крылова, М. А. Кречмера, А. В. Крутлова, С. Н. Кривенка (С. Н. К.), графа Е. О. Комаровскаго, Н. А. Лейкина, княгини Д. Х. Ливенъ, М. П. Литвинова, Н. С. Маевскаго, Н. И. Мамаева, П. К. Мартыанова, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, В. И. Модестова, М. Е. Мордвинова, В. С. Мышечкаго, В. Н. Назарьева, А. П. Натаровой, А. А. Нильскаго Л. Е. Оболенскаго, С. С. Окрейца (Орлицкаго), Л. Н. Павлицева, П. Л. Пашкова, А. А. Плещеева, М. А. Паткуль, В. Н. Погожева, К. А. Полевого, Н. А. Полевого, В. А. Полторацкаго, графини Л. А. Ростопчиной, П. А. Россіева, М. П. Руднева, Н. А. Саблукова, А. И. Соколовой, акад. П. П. Соколова, Д. И. Стахѣва, Е. А. Сабанѣвой, Н. И. Свѣшниковъ, С. В. Скалонъ, Н. П. Синельникова, В. И. Соболевскаго, гр. В. А. Сологуба, А. В. Старчевскаго, С. Н. Терпигорева, И. Р. Тимченко-Рубанъ, В. А. Тихонова, барона О. О. Торнау, П. С. Усова, О. Н. Устрялова, А. И. Фаресова, М. Д. Францевой, Н. Н. Фирсова, И. А. Худякова, С. А. Цурикова, Ал. П. Чехова (Сѣдова), баронессы М. П. Фредериксъ, М. В. Шевлякова, барона В. И. Штейнгеля, кн. Б. А. Щетинина, А. И. Яковлевой, Г. Г. Ясинскаго, А. В. Эвальда, Н. А. Энгельгардта и друг.

Немало мѣста въ журналѣ было удѣлено «воспоминаніямъ и запискамъ иностранцевъ» и преимущественно тѣхъ, которые имѣли то или иное отношеніе къ Россіи. Такія записки печатались въ переводѣ и съ соответствующими примѣчаніями переводчиковъ, напримѣръ, записки Каролины Бауэръ, воспоминанія о Россіи Армана Домерга, записки Меттерниха, Фавье, Талейрана и другихъ. Эти воспоминанія и записки иностранцевъ находили себѣ въ журналѣ мѣсто преимущественно въ первую половину его существованія. Въ позднѣйшемъ періодѣ подобныя записки появлялись по большей части въ видѣ компилятивныхъ очерковъ, основанныхъ на нѣсколькихъ однородныхъ источникахъ. Многіе изъ очерковъ первой категоріи появлялись въ переводѣ и съ примѣчаніями покойнаго В. Р. Зотова, а второй—В. А. Тимирязва и почти всегда за скромными его инициалами В. Т.

Самымъ обширнымъ отдѣломъ по количеству и разнообразію статей былъ всегда тотъ, который обнималъ собою работы со-

трудниковъ, относящихся къ общей категоріи историческихъ бытовыхъ и публицистическихъ очерковъ. Перечислить здѣсь хотя бы приблизительно всѣхъ лицъ, поработавшихъ въ этой области, нѣтъ никакой возможности: такое перечисленіе заняло бы нѣсколько страницъ.

Большое мѣсто отводилось въ журналѣ статьямъ по исторіи литературы, критикѣ и очеркамъ критико-библіографическимъ.

Большинство этихъ очерковъ было снабжено портретами тѣхъ, жизнеописанію или разбору которыхъ они были посвящены. По содержанію ближайшимъ образомъ къ этому отдѣлу примыкаетъ и отдѣлъ, посвященный критикѣ и библіографіи. Какъ это видно изъ первой книжки журнала, и въ ней, и въ ближайшихъ послѣдующихъ, отдѣлъ этотъ не занималъ большого мѣста и ежемѣсячно здѣсь реферировалось, по большей части нѣсколькими выдающимися учеными и за ихъ подписью, очень ограниченное количество книгъ и при томъ главнымъ образомъ по русской исторіи и исторіи литературы. Съ ростомъ журнала, и главнымъ образомъ съ ростомъ отечественнаго книжнаго дѣла, отдѣлъ этотъ былъ значительно расширенъ, и въ содержаніе его введено большое разнообразіе, при чемъ дается мѣсто рецензіямъ не только историческимъ и литературнымъ, но также имѣющимъ отношеніе къ прочимъ областямъ гуманитарнаго знанія.

Широкую разработку въ журналѣ находили себѣ вопросы отечественной археологіи (въ томъ числѣ и церковной), этнографіи и географіи. Почти въ каждой книжкѣ помѣщались статьи русскихъ путешественниковъ, освѣщавшихъ многія стороны отечественнаго прошлаго или нынѣшней дѣйствительности. Всѣ эти очерки обильно снабжались иллюстраціями, воспроизводящими виды мѣстностей, типы, бытовые картины, рѣдкія зданія, выдающихся дѣятелей и пр. Этнографическая и бытовая Россія нашла себѣ въ этихъ очеркахъ обстоятельныхъ лѣтописцевъ, которые съ любовью къ родинѣ повѣствовали о ея прошломъ и настоящемъ. Въ журналѣ давалось всегда охотно мѣсто не только тѣмъ работамъ, которыя имѣли цѣлью обследованіе самой Россіи, но и тѣмъ, которыя посвящались чужимъ странамъ, преимущественно Дальнему Востоку, и которыя освѣщались и обрисовывались съ точки зрѣнія русскаго туриста на чужбинѣ.

Отдѣлъ «Смѣси» 25 лѣтъ тому назадъ послалъ на себѣ скорѣе научно-литературный характеръ, частью приближаясь къ нынѣшней «критикѣ и библіографіи» и «иностраннымъ историческимъ мелочамъ», а частью къ нынѣшнему отдѣлу того же наименованія, но въ болѣе самостоятельной литературной обработкѣ. Впослѣдствіи «Смѣсь» была значительно реформирована, и въ нее введена возможная по размѣрамъ журнала полнота извлеченій, дѣлаемыхъ изъ нашей повседневнои прессы и касающихся важнѣйшихъ мо-

ментовъ изъ текущей жизни русской образованности и повременной жизни научныхъ учреждений. Кромѣ приданія отдѣлу полноты, съ 1900 года выдѣлены отсюда въ отдѣльную рубрику «Некрологи», чтобы придать такимъ образомъ этой рубрикѣ определенное справочное значеніе въ интересахъ удобнаго и легкаго пользованія имъ будущимъ изслѣдователямъ отечественной общестственности.

Равнымъ образомъ не сразу опредѣлился и установился нынѣшній отдѣлъ «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей».

Въ первое время существованія журнала замѣтки изъ западно-европейской жизни, посвященныя обзорѣнію тамошней исторической науки и литературы, реферировались профессоромъ В. И. Герье (подпись Иф—ль), а также Е. М. Гаршинимъ; потомъ этотъ отдѣлъ сосредоточился преимущественно въ рукахъ В. Р. Зотова, къ которому въ пятидесятыхъ годахъ примкнулъ В. А. Тимирязевъ, всецѣло принявшій по смерти Зотова въ свое вѣдѣніе реферированіе западно-европейской исторической литературы и преобразившій всѣ замѣтки о ней въ одну рубрику «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей». Этотъ отдѣлъ при составленіи его покойнымъ В. А. Тимирязевымъ получилъ въ послѣдствіи особенную полноту и интересъ, а отсюда и популярность среди читателей, находящихся въ небольшихъ, но искусно скомпилированныхъ отдѣльныхъ замѣткахъ всегда живое и занимательное чтеніе. Съ кончиною составителя этого отдѣла работа эта была сохранена за его вдовою Е. С. Тимирязевой, а дополнительныя свѣдѣнія сюда даются А. М. Бѣловымъ и почерпаются преимущественно изъ иностранныхъ газетъ. Нѣкоторыя сочиненія, выходящія отдѣльными книжками, группировались В. А. Тимирязевымъ по специальнымъ вопросамъ и представлялись въ журналѣ въ видѣ самостоятельныхъ статей. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ этимъ статьямъ служили работы того же автора, а также В. И. фонъ-Штейна, посвященныя «сказаніямъ иностранцевъ о Россіи».

Что касается отдѣла «Изъ прошлаго», то если онъ обращаетъ на себя вниманіе читателей въ первыхъ книжкахъ журнала, то въ послѣдующихъ, съ развитіемъ и упорядоченіемъ въ немъ перечисленныхъ отдѣловъ, онъ теряетъ свое значеніе, и печатавшійся въ немъ сырой матеріалъ подвергается переработкѣ и вводится въ составъ источниковъ для самостоятельныхъ работъ сотрудниковъ.

Ко всѣмъ почти книжкамъ «Историческаго Вѣстника» прилагались переводные историческіе романы и повѣсти, заимствованные изъ числа нововыходящихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Въ этомъ отдѣлѣ работали главнымъ образомъ: Н. А. Бѣлозерская, Е. М. Гаршинъ, В. Р. Зотовъ, Н. А. Поповъ, В. А. Тимирязевъ,

З. И. Уразова, и Е. I. Уманецъ, а въ послѣдніе годы переводъ иностранныхъ романовъ предоставленъ А. М. Вѣлову.

Къ каждой книжкѣ журнала прилагались портреты выдающихся бывшихъ и настоящихъ дѣятелей русской государственной и общественной жизни, при чемъ нѣкоторые портреты воспроизводились съ рѣдкихъ и неизвѣстныхъ публикѣ до тѣхъ поръ оригиналовъ. Нѣсколько разъ къ журналу были прилагаемы и хромолитографскія работы типографіи газеты «Новое Время». Большую часть напечатанныхъ портретовъ редакторъ почерпалъ изъ богатаго собранія извѣстнаго коллекціонера Павла Яковлевича Дашкова, съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника» относившагося съ величайшимъ сочувствіемъ къ этому журналу. Кромѣ портретовъ-приложеній, почти въ каждой книжкѣ въ текстѣ давались также рисунки, иллюстрировавшіе тему повѣствованій. Такія иллюстраціи обильно разсѣяны по статьямъ, относящимся до путешествій, описаній замѣчательныхъ мѣстностей, по очеркамъ археологическимъ и критико-біографическимъ.

Цинкографическія и гальванопластическія клише изготовлялись въ мастерскихъ: типографіи газеты «Новое Время», Голіке и Вильборга и Ридера, а нынѣ всѣ работы исполняетъ первая изъ названныхъ типографій ¹⁾.

VII.

Если дѣло объ изданіи журнала уладилось благополучно, то сгладились въ первые два года и тѣ нѣкоторые тренія, которыя возникали въ этотъ періодъ между издателемъ и редакторомъ. Объ этихъ треніяхъ А. С. Суворинъ не сохранилъ воспоминаній, утверждая и въ имѣющихся въ моемъ распоряженіи письмахъ его къ редактору «Историческаго Вѣстника», и въ произнесенной имъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его редакторской дѣятельности публичной рѣчи, что между нимъ и его старымъ другомъ никогда не возникало никакихъ конфликтовъ и недоразумѣній.

— У меня дурной характеръ, — сказалъ въ этой рѣчи Суворинъ. — Я со всѣми ссорюсь и на всѣхъ кричу, а вотъ съ вами, мой милый голубчикъ, я еще за всю свою жизнь никогда не поссорился.

Но Шубинскій въ своихъ повѣствованіяхъ намъ, сотрудникамъ, передавалъ, что въ первые два года онъ испыталъ немало огорченій отъ своего нервнаго и вспыльчиваго патрона. Вѣроятно, если припомнить тяжелую атмосферу, въ которой жило русское общество въ тѣ два приснопамятные годы нашей исторіи, многія неровности

¹⁾ Настоящія свѣдѣнія по исторіи журнала заимствованы изъ статьи «Двадцатипятилѣтіе «Историческаго Вѣстника» съ добавленіемъ сюда нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ послѣднимъ девяти годамъ. В. Г.

характера Алексѣя Сергѣевича легко объяснимы именно этою атмосферой и тѣмъ боевымъ положеніемъ, которое пришлось занять тогда «Новому Времени» въ журнальномъ мірѣ. Для боевого публициста, только недавно сформировавшаго крупный политическій органъ печати, быть можетъ, приходилась не по вкусу та тяжелая артиллерія, съ которой новый редакторъ по образцу бывшей «Древней и Новой Россіи» выступалъ. Подписка на молодой журналъ не оправдывала тѣхъ ожиданій, которыми было окрылено передъ тѣмъ новое дѣло. Результаты издательства давали убытокъ, и это обстоятельство не могло не энервировать уже избалованнаго къ тому времени успѣхомъ издателя «Историческаго Вѣстника». Онъ брюзжалъ, подтрунивалъ надъ Шубинскимъ, выговаривалъ ему, а тотъ, самолюбивый отъ природы, щепетильный и не любившій никакихъ рѣзкостей, обижался и принималъ всерьезъ всѣ экстравагантности Суворина. Вотъ, напримѣръ, какъ поддразнивалъ послѣдній Сергѣя Николаевича въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ, отъ которыхъ тотъ готовъ былъ лѣзть на стѣну:

«Здравствуйте почтенный и не бесполезный «Историческій Вѣстникъ» въ лицѣ Сергѣя Николаевича. Я вамъ, сударь, изъ Висбадена длинное письмо послалъ и при немъ прошеніе въ главное правленіе печати о выдачѣ вамъ задержанныхъ книгъ, и мнѣ любопытно, получили ли вы оныя? Въ двухъ письмахъ, полученныхъ мною отъ васъ, объ этомъ не упоминается нисколько, а упоминается только о страданіяхъ праведника новоявленнаго Сергія, угодившаго Богу тѣмъ, что онъ, Всевышній, читая «Историческій Вѣстникъ», хорошо засыпалъ. Заслуга немаловажная. Говоря по существу, я вашимъ страданіямъ не сочувствую, ибо, во-первыхъ, Коршъ со своимъ «Заграничнымъ Вѣстникомъ» не можетъ у васъ отобрать подписчиковъ, во-вторыхъ, просмотръ изданій «Нашего Вѣка» потому особенно мучителенъ, что въ Любани у васъ никакихъ словарей нѣтъ, но то неправда, будто бы ни въ какихъ словаряхъ нельзя отыскать тѣхъ словъ, которыя встрѣчаются у Гельвета. Что касается объявленія, то оно составлено чисто, но издатель совсѣмъ не Шпеманъ, и упоминать объ этомъ едва ли стоитъ. Скучаю здѣсь очень и огромныя деньги за скуку плачу, помышляя о томъ сложномъ времени, когда я буду сидѣть въ своемъ кабинетѣ и злиться по сту разъ въ день. Нервы нѣсколько притихли у меня, но родина снова сдѣлаетъ ихъ невозможными. Тогда ужъ я не поѣду, а меня повезутъ въ теплые края отдавать душу Богу, который, если ее не беретъ, то потому, что я принадлежу къ числу людей неважныхъ, на жизнь которыхъ Господь можетъ взирать равнодушно. «Историческій Вѣстникъ» составляется неинтересно, скудно. Это ужъ вамъ присущій даръ. Съ интересомъ прочелъ Кочубинскаго—талантливъ, живъ и знающъ. Это ужъ не вашъ Булгаковъ, который все знаетъ и обо всемъ такъ пишетъ, что ясно, что онъ ничего не знаетъ...».

Въ другомъ письмѣ, полномъ всяческихъ жалобъ на настроеніе своего духа и здоровья, онъ бросаетъ слѣдующую фразу: «Сегодня читалъ «Историческій Вѣстникъ». Усова статья очень любопытна. Но статья Лебедева—ученическая дрянь, за которую мо-

жетъ быть не стыдно только вамъ. И какъ начинается? Что это за ерунда такая, что будто бы чѣмъ юридическое положеніе пцже въ странѣ, тѣмъ и страна выше. Что же Россія выше всѣхъ? Вы человѣкъ дѣла, но фраза вамъ любима ужасно. Хорошо ли дѣлаете, что такъ иллюстрируете «Историческій Вѣстникъ»?...

Я привелъ пару неблагоприятныхъ Сергѣю Николаевичу фразъ изъ цѣлой груды писемъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи и показывающихъ, что и тогда, т. е. въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Суворинъ очень высоко ставилъ Сергѣя Николаевича, питалъ къ нему добрыя чувства и считалъ человѣкомъ дружески-близкимъ къ себѣ. Всѣ письма дышатъ теплымъ чувствомъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя колкости, приведенныя выше, вѣроятно, пускавшіяся въ оборотъ и въ личномъ разговорѣ невоздержаннаго на языкъ издателя «Новаго Времени», настолько задѣвали самолюбіе Сергѣя Николаевича, что онъ усматривалъ въ этомъ недовѣріе къ себѣ и угрозу для прочности дѣла. Отсюда его предложеніе Суворину освободить его отъ издательства журнала и подыскать на его мѣсто другого, который бы уплатилъ ему понесенные расходы и принялъ бы на себя дальнѣйшее веденіе дѣла. Повидимому, такое предложеніе показалось Алексѣю Сергѣевичу довольно потѣшнымъ, и онъ рѣшилъ дать Шубинскому свое согласіе, дабы посмотреть, что тотъ будетъ дѣлать. И вотъ Сергѣй Николаевичъ начинаетъ путешествовать по издателямъ-капиталистамъ, посѣщая то В. Комарова, то С. Худякова и др., и какъ только получить опредѣленное согласіе такого капиталиста, онъ принимаетъ дѣло всерьезъ, спѣшитъ къ издателю «Новаго Времени» съ якобы пріятнымъ отвѣтомъ. Но каково же бывало его удивленіе, когда Суворинъ, выслушавъ отвѣтъ, тутъ же давалъ отрицательное рѣшеніе и поднималъ продажную стоимость своего изданія до невѣроятной цифры. Наконецъ Суворину надоѣла эта канитель, и онъ категорически заявилъ своему общинному редактору:

— Неужели вы серьезно думаете, что я могу продать какой-нибудь изъ своихъ органовъ печати? Я его могу просто уничтожить, прекратить, но торговать имъ мнѣ не къ лицу. Дѣло идетъ хорошо, ну, и славу Богу.

Такъ закончилась издательская трагикомедія въ жизни Сергѣя Николаевича, и наступила та спокойная полоса, гдѣ онъ у А. С. Суворина до конца его и своей жизни чувствовалъ себя, какъ у Христа за пазухой.

Если въ первое время, когда издатель «Историческаго Вѣстника» еще недостаточно присмотрѣлся и изучилъ всѣ прекрасныя свойства своего новаго соратника по издательству, онъ даже до извѣстной степени поставилъ его подъ контроль упомянутаго выше А. П. Коломнина, то съ теченіемъ времени Суворинъ вполне убѣдился въ

преданности къ себѣ Сергѣя Николаевича и пришелъ къ твердому сознанию, что въ его лицѣ онъ пріобрѣлъ истинный столпъ для своихъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній, почему и сталъ къ нему въ самыя тѣсныя дружескія отношенія. Какъ я уже писалъ въ фельетонахъ «Новаго Времени» (№№ 13366 и 13367), посвященныхъ памяти моего незабвеннаго редактора, человѣкъ увлекающійся, дѣятель широкаго размаха, А. С. Суворинъ часто нуждался въ своего рода опекаѣ надъ нимъ, и вотъ С. Н. Шубинскій дѣйствительно игралъ подчасъ роль такого опекуна, любовно оберегающаго интересы своего издателя, часто удерживая его отъ такихъ шаговъ, которые неминуемо должны были принести значительные убытки его торговымъ интересамъ. Въѣтъ съ тѣмъ, когда редакторъ «Историческаго Вѣстника» признавалъ, что задуманное начинаніе дѣйствительно нужно и полезно русскому просвѣщенію, цѣлесообразно и не вводитъ Суворина въ явный убытокъ, онъ энергично принимался за выполненіе предначертаній своего патрона и выполнялъ ихъ въ высшей степени добросовѣтно, умѣло, не жалѣя для того ни времени, ни силъ, лишь бы только выпускаемое изданіе было дѣйствительно совершенно и по своему содержанію, и по своему наружному облику. Отсюда цѣпность всѣхъ историческихъ и литературныхъ изданій, выпущенныхъ А. С. Суворинымъ при содѣйствіи Сергѣя Николаевича, какъ, напримѣръ: «Иллюстрированная исторія Петра Великаго» и «Иллюстрированная исторія Екатерины II» проф. Брикнера, «Историческая портретная галерея», «Императоръ Павелъ I», «Императоръ Николай I» и «Императоръ Александръ I» Н. К. Шильдера, «Одеарій, описаніе путешествія въ Московію» и другія записки по этому вопросу иностранцевъ: Герберштейна, Флетчера, Плато Карпини, Корба, «Записки императрицы Екатерины II», «Записки княгини Дашковой», «Царевичество 11-го марта 1801 года», нѣкоторые труды Валишевскаго и т. д., и т. д.

Передо мной мелькають изъ архива Шубинскаго сотня-другая писемъ къ нему А. С. Суворина, начиная съ 1880 года, и только удивляешься, съ одной стороны, кипучести замысловъ нашего «Наполеона книжнаго дѣла», какъ наименовалъ Суворина покойный профессоръ Кириичниковъ, а съ другой—зиглибъ убѣждаешься, что ни одного своего предпріятія въ области книжнаго дѣла онъ не предпринималъ безъ тщательнаго и обстоятельнаго совѣщанія по нему съ Шубинскимъ. Алексѣй Сергѣевичъ заваливалъ его порученіями, ставилъ ему безконечный рядъ вопросовъ и держалъ его всегда въ куревѣ всѣхъ своихъ плановъ. И такъ продолжалось на протяженіи слишкомъ тридцати лѣтъ и даже, можно сказать, почти что на краю могилы онъ продолжалъ теревить своего друга и докучать ему вопросамъ о новыхъ и новыхъ издательскихъ предпріятіяхъ. Самъ сраженный всеяческими недугами, Сергѣй Николаевичъ приходилъ порой въ отчаяніи и комически восклицалъ:

Кабинет и письменный стол С. Н. Шубинского.

Вотъ неутомимый-то!

Я не привожу здѣсь выдержекъ изъ этихъ писемъ; для массы читателей онъ, пожалуй, не представлять большого интереса и не столько характерны для Шубинскаго, сколько для Суворина и для исторіи роста русскаго книжнаго дѣла. Со временемъ имъ найдется мѣсто въ подготовляемомъ мною жизнеописаніи Алексѣя Сергѣевича. Теперь же, обращаясь непосредственно къ жизни и трудамъ С. Н. Шубинскаго, долженъ отмѣтить, что выполненіе порученій издателя «Новаго Времени» требовало отъ него напряженія и большой работы, слѣды которой часто не реализировались никакимъ практическимъ дѣйствіемъ, даннымъ на судъ публики. Много труда уходило для надобностей театральнаго дѣла, когда хозяинъ Малаго театра, напримѣръ, задумывалъ ставить или приступалъ къ постановкѣ обстановочныхъ историческихъ пьесъ. Тутъ приходилось дѣлать справки для Суворина по части костюмовъ, комнатной обстановки, отвѣчать на его вопросы, напримѣръ, на какомъ языкѣ и въ какихъ случаяхъ Екатерина I бесѣдовала съ приближенными и т. д. Часто Суворинъ замышлялъ широкія предпріятія, производилъ для нихъ длинную научно-подготовительную работу, а потомъ какъ-то сразу охладѣвалъ къ начатому и обрывалъ затѣянное, и здѣсь Шубинскій даромъ терялъ трудъ и время. Но зато, можно сказать, если онъ оказывался полезенъ Суворину, то и школа работы, проходима я имъ для своего издателя, не оставалась бесполезною самому трудившемуся. Письма Суворина показываютъ, какъ, наблюдая за границею постановку тѣхъ или иныхъ отраслей книжнаго дѣла, онъ пріобщалъ къ знакомству съ этимъ и редактора «Историческаго Вѣстника». Быть можетъ, благодаря этой своего рода школѣ опыта, изъ Сергѣя Николаевича и выработался такой знатокъ издательскаго дѣла, который среди такихъ же знатоковъ, какъ и онъ, пользовался широкимъ авторитетомъ. Поэтому не только Суворинъ цѣнилъ въ Шубинскомъ его издательско-редакціонное искусство, но и такіе знатоки нашего книжнаго дѣла, какъ издатель «Нивы» Марксъ и извѣстный собиратель нашихъ иллюстрацій П. Я. Дашковъ. Послѣдній, считая Сергѣя Николаевича своимъ ближайшимъ другомъ, сплошь и рядомъ привлекалъ редактора «Историческаго Вѣстника» къ совѣщаніямъ по разнаго рода отвѣтственнымъ изданіямъ, по преимуществу въ области военной исторіи, признавая въ данномъ случаѣ авторитетность своего друга и вѣруя въ его познанія въ области иконографіи. Дашковъ настолько прислушивался къ голосу Шубинскаго, что во многихъ случаяхъ своихъ коллекціонныхъ пріобрѣтеній отдавалъ на его судъ опредѣленіе цѣнности пріобрѣтаемаго. Когда къ Дашкову приходили съ предложеніями пріобрѣсти тѣ или иные документы, онъ отсылалъ предлагающихъ, сомнѣвающихся въ установленной нашимъ меценатомъ стои-

мости покупки, или на судъ Публичной бібліотеки, или къ С. Н. Шубинскому. Другихъ авторитетовъ Дашковъ не признавалъ:

Дашковъ сыгралъ въ жизни Шубинскаго также немаловажную роль: у этого высокопросвѣщеннаго мецената-коллекціонера Сергѣя Николаевича имѣлъ возможность немалому научиться и извлечь изъ общества съ обитателемъ своего рода музейнаго дома на Михайловской площади многія и многія свѣдѣнія по части знакомства съ иллюстраціоннымъ и гравернымъ дѣломъ. Въ домѣ Дашкова онъ имѣлъ случай сблизиться съ многими представителями нашей науки и литературы, сталъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ дѣловыхъ и просто дружескихъ собраній у Павла Яковлевича Дашкова и въ восьмидесятыхъ и пятидесятихъ годахъ по всей справедливости считался однимъ изъ самыхъ интимныхъ его знакомыхъ. Громадная коллекція Дашкова сослужила въ дѣлѣ издательства «Историческаго Вѣстника», какъ уже сказано выше, въ первыя десять—пятнадцать лѣтъ его существованія рѣшающую роль. Задумываясь въ послѣднее время надъ иллюстраціонными запросами и нуждами журнала, Шубинскій часто вспоминалъ столь неожиданно и безвременно сошедшаго въ могилу своего друга.

— Да,—задумчиво говорилъ онъ:—порою чувствуешь себя безъ Павла Яковлевича точно безъ рукъ. Что бы я дѣлалъ безъ него въ началѣ моей издательской дѣятельности? Вѣдь и «Древняя и Новая Россія», и «Историческій Вѣстникъ» въ отношеніи иллюстрацій буквально выросли на плечахъ Дашкова...

У самого Сергѣя Николаевича въ цѣляхъ воспроизведенія на страницахъ журнала портретовъ разныхъ историческихъ дѣятелей была собрана также немалая коллекція гравюръ и вырѣзокъ изъ разныхъ старыхъ и новыхъ иллюстрированныхъ изданій. Къ нему по этой части можно было идти, какъ въ справочное бюро. Кряхтя и ворча, добродушно и съ всегдашнимъ придаткомъ ироніи («и къ чему это вамъ надо?») онъ полагаетъ по своимъ полкамъ, поищетъ въ своихъ аккуратно систематизированныхъ папкахъ и найдетъ вамъ нужное, причемъ опять-таки по адресу найденнаго лица сочтетъ долгомъ отпустить какое-нибудь красное словцо. Особенною любовью его пользовались персонажи XVIII вѣка; когда онъ осматривалъ ихъ изображенія, то, даже не читая подписи, онъ безъ всякаго напряженія памяти сразу называлъ ихъ по имени и отчеству. Да, для него всѣ эти персонажи были точно близко знакомые люди, съ которыми онъ точно въ жизни когда-то еще недавно бесѣдовалъ и разспрашивалъ ихъ о здоровьи и новостяхъ дня.

За послѣдніе три года въ «Историческій Вѣстникъ» не поступало историческихъ романовъ, но вотъ осенью минувшаго года молодой писатель Ф. Е. Заринъ-Несвицкій доставилъ намъ печатаемый нынѣ романъ «Борьба у престола». Произведеніе по случаю болѣзни Шу-

бинскаго прежде всего попало мнѣ въ руки, и я отправился въ редакцію сообщить большому редактору объ интересномъ вкладѣ въ нашъ журналъ. Сергѣй Николаевичъ чувствовалъ себя въ этотъ день плохо, слабымъ и не могущимъ разговаривать, но стоило мнѣ только упомянуть объ эпохѣ Анны Иоанновны, какъ больной старикъ сразу оживился.

— И Василій Лукичъ ¹⁾ тамъ? И Михайло Михайловичъ ²⁾? И такой-то, и такая-то?

Я опѣшилъ, мнѣ какъ-то даже жутко стало. Передо мной точно воскресъ выходецъ изъ XVIII вѣка, встрѣтившійся со старыми знакомыми. Но что удивительнѣй всего было, это проблескъ въ старомъ, почти умирающемъ человѣкѣ его феноменальной памяти. Дѣйствительно, этой памяти можно было позавидовать и въ особенности касающейся событій и лицъ изъ времени прошедшихъ. Настоящее и близкое къ нему легко у него стиралось изъ памяти, и въ этомъ отношеніи въ послѣдніе два года съ нимъ на редакціонной работѣ встрѣчались затрудненія. Но стоило коснуться миноваго, и она отчетливо и въ яркихъ чертахъ воскресала въ его бесѣдѣ.

— Теперь память у меня притупѣла, а прежде я наизусть зналъ родословныя почти всѣхъ русскихъ главнѣйшихъ родовъ, особенно придворныхъ.

VIII.

Я увлекся нѣкоторыми подробностями; возвращаясь же непосредственно къ дѣятельности Сергѣя Николаевича по журналу, отмѣчу на первыхъ порахъ, что уже въ первое десятилѣтіе существованія «Историческаго Вѣстника» его редакторъ опредѣлился въ глазахъ сотрудниковъ и читающей публики во весь свой ростъ. Его симпатичный обликъ сталъ дорогъ литературной семьѣ, и она начала проявлять по его адресу самыя добрыя и порою трогательныя чувства.

Когда приблизился десятилѣтній юбилей журнала, тогдашніе сотрудники во главѣ съ М. Городецкимъ и С. Трубачевымъ (отшедшими уже въ вѣчность) задумали отмѣтить этотъ день проявленіемъ по адресу Сергѣя Николаевича знаковъ общей признательности.

Въ этотъ день онъ получилъ множество телеграммъ и писемъ съ поздравленіями и добрыми пожеланіями не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ.

Постоянные сотрудники журнала поднесли С. Н. Шубинскому на память роскошный бюваръ. Лицевую его сторону составляла

¹⁾ Долгорукій.

²⁾ Голицынъ.

серебряная массивная доска въ большой листъ писчей бумаги съ воспроизведеннымъ на ней чеканнымъ рельефомъ рисунка обложки «Историческаго Вѣстника», причѣмъ всѣ фигуры, буквы и украшенія рисунка изображены согласно съ оригиналомъ, за исключеніемъ того, что вмѣсто названія мѣсяца, выставляемаго на книжкахъ журнала, помѣщены года «1880—1889». Въ верхней части серебряной доски, подъ рельефной копией съ обложки, вычеканена рельефомъ же монограмма С. Н. Шубинскаго, а на свободномъ полѣ доски выгравированы факсимиле шестидесяти двухъ участниковъ подарка. Бюварь, отдѣланный бархатомъ оливковаго цвѣта, съ массивными чеканными гвоздями на нижней доскѣ, вложенъ въ изящный дубовый футляръ съ зеркальнымъ стекломъ. Дополненіемъ къ бювару служило серебряное перо и ножъ для разрѣзки книгъ, вычеканенные въ стилѣ журнальной обложки съ вырѣзанною на немъ подписью С. Н. Шубинскаго и годами «1880—1889». Всѣ эти предметы исполнены по мысли и подъ наблюденіемъ сотрудника «Историческаго Вѣстника» М. И. Городецкаго: бюварь въ мастерской Грачева, а ножъ и перо—Хлѣбникова.

Сотрудникъ журнала С. С. Трубачевъ составилъ къ этому дню брошюру подъ заглавіемъ: «Обзоръ содержанія «Историческаго Вѣстника» за первое десятилѣтіе 1880—1889», въ которой сдѣланы общая характеристика журнала и наиболѣе выдающихся статей, помѣщенныхъ въ немъ за десятилѣтній періодъ. Затѣмъ сотрудникъ журнала художникъ-граверъ В. В. Маттэ поднесъ С. Н. Шубинскому портретъ его, гравированный на мѣди, въ весьма красивой рамѣ. Сотрудникъ журнала художникъ-граверъ А. И. Зубчаниновъ подарилъ также портретъ С. Н. Шубинскаго, гравированный на деревѣ. Кромѣ того, С. Н. Шубинскимъ получены подарки отъ П. Я. Дашкова, Н. Н. Захарова, В. Э. Кетрица, А. П. Коломна, П. В. Мартынова, С. Н. Терпигорева и (по почтѣ) отъ двухъ лицъ, не пожелавшихъ обозначить свои фамиліи. Изъ многочисленныхъ телеграммъ, присланныхъ С. Н. Шубинскому, приводимъ одну, подписанную профессорами казанскаго университета Д. Я. Корсаковымъ и Н. В. Сорокинымъ, такъ какъ она въ сущности резюмируетъ почти всѣ остальные телеграммы: «Сердечно привѣтствуемъ глубокоуважаемаго Сергѣя Николаевича съ десятилѣтіемъ «Историческаго Вѣстника», которымъ вы объединили историческую науку, связавъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ; этимъ вы достигли распространенія историческихъ свѣдѣній среди образованныхъ классовъ. Да растетъ ваша энергія и просвѣтительная дѣятельность на долгіе годы на благо родной земли».

Въ отвѣтъ на всѣ добрыя рѣчи, привѣтствія и письма Шубинскій въ январскомъ номерѣ 1890 года помѣстилъ слѣдующее письмо:

«Перваго декабря прошлаго 1889 года исполнилось десять лѣтъ со дня основанія «Историческаго Вѣстника». Въ этотъ день я удостоился со стороны многихъ лицъ такого вниманія, которое не часто выпадаетъ на долю скромныхъ литературныхъ труженниковъ. Мною было получено много телеграммъ и писемъ не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ; мнѣ были сдѣланы разные подарки, и цѣнные, и незначительные, но дорогіе по сопровождавшимъ ихъ привѣтствіямъ. Само собою разумѣется, что я не могу отнести оказанную мнѣ честь лично къ себѣ; она всецѣло принадлежитъ журналу и отражается на мнѣ лишь потому, что я слишкомъ тѣсно связанъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ петербургскимъ и иногороднымъ сотрудникамъ и читателямъ «Историческаго Вѣстника», которые сочувственно вспомнили день его десятилѣтія.

«Редакторъ «Историческаго Вѣстника» С. Шубинскій».

Съ тѣхъ поръ среди сотрудниковъ утвердился какъ бы освященный обычай чествовать Сергѣя Николаевича каждое пятилѣтіе съ подношеніемъ ему тѣхъ или иныхъ подарковъ. Старому редактору, несомнѣнно, эти маленькіе домашніе праздники доставляли удовольствіе, но и тутъ онъ не обходился безъ свойственной ему сатирической шутки.

— Ну, что я съ этими жетонами, серебряными ящичками, альбомами буду дѣлать? Только однѣ хлопоты и возня съ ними, чтобы ихъ сберечь въ порядкѣ. Ужъ если хотите мнѣ что-нибудь подарить въ будущій разъ, то подарите енотовую шубу, мою-то моль съѣла, а то вотъ у меня брюки протерлись...

И пойдетъ старикъ балагурить. Но какъ бы то ни было, онъ съ удовольствіемъ принималъ всѣ знаки къ нему почтенія и накануне своихъ юбилейныхъ дней немало волновался. Особенно я помню его взволнованное душевное состояніе накануне празднованія двадцатипятилѣтія его редакторства въ «Историческомъ Вѣстникѣ», каковое по желанію А. С. Суворина намѣчалось и организовывалось на широкихъ началахъ. Въ этотъ достопамятный для С. Н. Шубинскаго день былъ достаточно полно подведенъ итогъ его четвертьвѣковой редакторской дѣятельности и сдѣлана настолько полная его характеристика и оцѣнка, что я въ качествѣ историческаго документа воспроизвожу здѣсь описаніе того праздника, какъ въ свое время это было сдѣлано мною на страницахъ нашего журнала, съ нѣкоторыми сокращеніями деталей.

Въ день юбилея утромъ Сергѣй Николаевичъ получилъ отъ А. С. Суворина слѣдующее письмо:

«Милый Сергѣй Николаевичъ!

«Мнѣ хочется поблагодарить васъ отъ всего сердца за вашу дружбу, за ваше деликатное и всегда теплое отношеніе ко мнѣ, за ваше участіе словомъ и дѣломъ, участіе прекраснаго человѣка»

Не говорю уже о вашей работѣ по «Историческому Вѣстнику» и моимъ изданіямъ. Я въ васъ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ болѣе всего идетъ названіе джентльмена, въ истинномъ и вѣрномъ значеніи этого слова.

«Въ моемъ духовномъ завѣщаніи я отказалъ вамъ половину собственности на «Историческій Вѣстникъ». Такъ какъ я еще живъ, то считаю необходимымъ сдѣлать это при жизни моей немедленно¹⁾. Формальную сторону могъ бы помочь намъ сдѣлать какой-либо юристъ, дарственной ли записью, или купчей,—не знаю. А то и сами можемъ сдѣлать на этихъ же дняхъ. Если бы я умеръ, то все равно это сдѣлаю въ завѣщаніи. Но авось нѣсколько дней еще проживу.

«Посылаю вамъ жетонъ, какъ воспоминаніе.

«Крѣпко жму вашу руку и обнимаю васъ.

«Вашъ А. Суворинъ.

1-го декабря, 7 часовъ утра, 1904».

Утромъ и днемъ С. Н. Шубинскаго посѣтили многія лица, въ томъ числѣ редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» П. А. Кулаковскій, директоръ Публичной бібліотеки Д. О. Кобеко и другіе, а также депутація отъ «Русскаго Собранія» въ составѣ Н. А. Энгельгардта, Б. В. Никольскаго и В. М. Пуришкевича, поднесшая слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый

«Сергій Николаевичъ!

«Въ свѣтлый день двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника», созданнаго вашими трудами, Совѣтъ Русскаго Собранія шлетъ вамъ привѣтъ и горячее пожеланіе дальнѣйшей плодотворной дѣятельности, какъ писателя и журналиста. Съ глубокой признательностью отмѣчая то безпристрастіе, съ которымъ вы давали доступъ статьямъ и представителей русскаго направленія въ литературѣ, Совѣтъ Русскаго Собранія вмѣстѣ со всемъ русскимъ обществомъ благодаритъ и за то научное освѣщеніе родной старины, которое выразилось какъ въ журналѣ, вами созданномъ, такъ и въ собственныхъ талантливыхъ изслѣдованіяхъ вашихъ. Примите, маститый писатель, искреннія благопожеланія наши въ знаменательный день юбилея.

«Кн. Дм. Голицинъ.

«А. К. Золотаревъ.

«Н. Мордвиновъ.

«Николай Энгельгардтъ.

«Владимиръ Пуришкевичъ».

¹⁾ Владѣніе половиною частью изданія въ практическомъ отношеніи (главнымъ образомъ по соображеніямъ наслѣдованія постъ его смерти) не показалось Сергѣю Николаевичу удобнымъ, а потому Суворинъ съ годъ тому назадъ, идя навстрѣчу желаніямъ своего друга, выкупилъ ее у него, такъ что нынѣ журналъ является нераздѣльною собственностью наслѣдниковъ А. С. Суворина.

Б. Г.

Въ качествѣ представителя организаціоннаго комитета по празднованію юбилея «Историческаго Вѣстника» я явился также отъ имени комитета съ личнымъ поздравленіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на банкетъ въ ресторанъ Контана къ тремъ съ половиной часамъ дня. Отъ сотрудниковъ журнала комитетомъ была поднесена супругѣ редактора, Екатериинѣ Николаевнѣ, роскошная корзина живыхъ цвѣтовъ, обитая палевыми лентами и съ серебряными надписями на концахъ: «Историческій Вѣстникъ»—съ одной стороны, и съ другой $\frac{1880-1904}{XXV}$. Такая же корзина съ лентами и надписями была поднесена комитетомъ супругѣ издателя журнала, Аннѣ Ивановнѣ Сувориной.

Въ четыре часа дня въ большомъ залѣ ресторана Контана состоялся банкетъ, на которомъ присутствовало болѣе 100 человекъ изъ числа сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», представителей нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ изданій, друзей, родственниковъ и знакомыхъ редактора.

Появленіе въ ресторанѣ С. Н. Шубинскаго было встрѣчено долго не смолкавшими аплодисментами. За особымъ столомъ въ залѣ заняли мѣста: С. Н. Шубинскій, А. С. Суворинъ, члены организаціоннаго комитета ¹⁾: Б. Б. Глинскій, В. М. Грибовскій, А. И. Фаресовъ—съ одной стороны стола, а съ другой—дочь редактора, Е. С. Никольская, и лейбъ-медикъ М. М. Шершевскій.

Когда присутствовавшая публика заняла мѣста, я объявилъ отъ имени комитета банкетъ открытымъ и сообщилъ программу торжества. Затѣмъ В. М. Грибовскій прочелъ рѣчь извѣстнаго историка и постоянного сотрудника «Историческаго Вѣстника» Е. С. Шумигорскаго, не могшаго по болѣзни лично привѣтствовать юбиляра.

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Въ знаменательный день 25-лѣтія основаннаго вами «Историческаго Вѣстника» позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ вашихъ сотрудниковъ и читателей выразить вамъ, какъ его редактору, чувства, объединившія насъ сегодня въ единодушномъ порывѣ воздать должную дань вашей дѣятельности.

«Тяжела вообще доля редактора русскаго журнала, особенно тяжела была она за истекшее 25-лѣтіе для васъ. Исторія вообще, по духу своему, нелицеприятна, и журналъ, посвященный исторіи, не могъ имѣть другой цѣли, какъ исканіе правды и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Въ теоріи передъ правдой всѣ преклоняются; въ дѣйствительности же она глаза колеть, по народному выраженію, ибо не было и нѣтъ еще установленій человѣческихъ, отвѣчающихъ идеальнымъ требованіямъ правды, не было и нѣтъ еще человѣка безъ грѣха и слабости. Путь къ правдѣ, поэтому,

¹⁾ Комитетъ былъ составленъ изъ: Б. Б. Глинскаго, В. М. Грибовскаго, А. Ш. Фаресова, Е. С. Шумигорскаго и П. Е. Щеголева.

никогда не бывает усыпанъ розами. Сколькихъ трудовъ, сколькихъ силъ и здоровья стоилъ вамъ лично, дорогой Сергій Николаевичъ, вашъ убыточныйъ союзъ съ исторической правдой, объ этомъ достоверно знаютъ ваши ближайшіе сотрудники. Въ дни, предшествовавшіе выходу журнала, мы часто видѣли васъ утомленнымъ, возвращавшимся послѣ тяжелой борьбы изъ цензурнаго комитета, иногда, *horribile dictu*, съ учебникомъ исторіи въ рукахъ; въ пріемные часы бывали свидѣтелями настойчивыхъ, но всегда безуспѣшныхъ попытокъ разныхъ дѣятелей превращать историческую правду или въ памфлетъ, или въ панегирикъ; въ вашемъ редакціонномъ портфельѣ лежитъ немало цѣнныхъ для исторіи матеріаловъ, которые давно могли бы появиться въ свѣтъ, если бы вы допускали возможность компромиссовъ съ партійными или цензурными соображеніями. Историкъ по духу, по призванію, вы понимали различіе воззрѣній на историческіе факты, но лѣтописная истина сама по себѣ всегда оставалась для васъ дорогимъ дѣтищемъ, которому никто не долженъ былъ паносить ущерба. Это отношеніе ваше къ исторической правдѣ было отношеніемъ къ пей славныхъ именъ Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, которые были вашими сотрудниками по «Древней и Новой Россіи». Но, повторяю, нелегко редактировать историческій журналъ въ наше время, уважая исторію. Позвольте мнѣ поэтому громко сказать вамъ здѣсь, что 25-лѣтнее руководство ваше «Историческимъ Вѣстникомъ» было подвигомъ не только литературнаго работника, но и честнаго человѣка.

«Всѣмъ извѣстенъ успѣхъ, котораго достигъ «Историческій Вѣстникъ» подѣ вашей талантливой редакціей. Успѣхъ этотъ свидѣтельствуетъ и о другомъ непреложномъ качествѣ вашемъ, какъ редактора-историка: въ прошломъ вы искали элементовъ настоящаго, въ настоящемъ видѣли совокупность работы прошлаго. «Историческій Вѣстникъ» поэтому постоянно отзывался на современные вопросы, или давая «злобѣ дня» историческую подкладку и объясненіе, или отмѣчая нарождающіеся и созрѣвающіе историческіе факторы преимущественно въ ходѣ русской жизни. Эта, если можно такъ выразиться, историческая публицистика помогала читателямъ сознательно уяснять себѣ существенныя стороны современной русской дѣйствительности и въ то же время содѣйствовала популяризаціи историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, вообще говоря, довольно беззаботномъ по части своего прошлаго. Для пробужденія въ обществѣ интереса къ родной исторіи вы не остановились предъ мыслью ввести въ журналъ и беллетристическую форму изложенія, справедливо видя въ ней могущественное орудіе популяризаціи. Васъ, какъ живого человѣка, постоянно тянуло въ широкій кругъ читающаго люда: безъ общенія съ нимъ кабинетная, ученая дѣятельность казалась вамъ мертвою, безцвѣтною.

«Мы, ваши сотрудники и почитатели, отъ души желаемъ, чтобы день вашего юбилея былъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ русской исторіи, которой вы служили всю свою жизнь, и чтобы имя Сергія Николаевича Шубинскаго, какъ любимаго и досточимаго историка-редактора, было на память потомству навѣки связано съ ростомъ русской исторической науки. Мы собрали для этой цѣли капиталъ въ 3.000 рублей для учрежденія преміи вашего имени въ одномъ изъ русскихъ ученыхъ учреждений, по вашему выбору, для увѣнчанія лучшихъ работъ по излюбленному вами XVIII вѣку русской исторіи на условіяхъ, которыя вы признаете лучшими.

«Примите, дорогой Сергій Николаевичъ, это приношеніе любящихъ и глубоко уважающихъ васъ людей: вы знаете, что оно дѣлается отъ чистаго сердца».

По прочтеніи рѣчи и врученіи ея юбиляру депутація, въ составѣ Н. А. Вѣлозерской, С. И. Смирновой (Сазоновой), Д. Л. Мордовцева, П. Я. Дашкова и М. А. Суворина, поднесла С. Н. Шубинскому на кругломъ серебряномъ блюдѣ съ инициалами юбиляра портфель-бумажникъ съ вложенными въ него тремя билетами по 1.000 рублей каждый четырехпроцентной государственной ренты на премію его имени ¹⁾. На бюварѣ вытѣснена золотомъ надпись: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ друзей, сотрудниковъ и почитателей».

Послѣ того я прочиталъ отъ имени сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» адресъ, напечатанный на пергаментѣ и украшенный изящною виньеткою работы художника В. П. Павлова. Адресъ былъ вложенъ въ сафьяновый переплетъ кофейнаго цвѣта съ золотымъ тисненіемъ: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» (1880—1904)».

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Уже не одинъ разъ мы, ваши сотрудники по «Историческому Вѣстнику», пользуясь подходящими случаями, выражали вамъ одушевленную насъ чувства любви за тѣ сердечныя и дружескія отношенія, которыя мы неизмѣнно всегда встрѣчали съ вашей стороны, какъ своего редактора и руководителя журнала, гдѣ наши работы находили себѣ пристанище. И въ сегодняшний знаменательный для «Историческаго Вѣстника» день, день его двадцатипятилѣтняго юбилея, намъ хочется отъ полноты души сказать вамъ горячее спасибо за все то доброе, участливое и вѣстину дружеское, что мы всегда отъ васъ видѣли, и пожелать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще много лѣтъ стоять во главѣ дорогаго и близкаго намъ журнала.

«Пошли вамъ Богъ здоровья и силъ на руководство имъ еще на долгіе годы, и да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» на пользу отечественнаго просвѣщенія и для популяризаціи историческихъ знаній, въ цѣляхъ которыхъ онъ и былъ вами основанъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ!

«Пусть тотъ заслуженный успѣхъ журнала, коего онъ достигъ благодаря вашему неустанному труду и редакторской опытности, съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пусть и ваше имя становиться все ближе и дороже русскому читателю. Съ учрежденіемъ ученой преміи вашего имени по русской исторіи, въ созданіе каковой и мы, нижеподписавшіеся, внесли свою посильную лепту, имя это уже никогда не исчезнетъ изъ лѣтописей русской образованности, и намъ, вашимъ сотрудникамъ, остается лишь пожелать, чтобы имя Сергѣя Николаевича Шубинскаго не только оставалось навѣки незабвеннымъ, но и свидѣтельствовало о любви и уваженіи, которыми оно всегда пользовалось, и въ ореолѣ которыхъ вы, дорогаго юбиляръ, являетесь сегодня среди насъ—вашихъ сотрудниковъ, друзей и почитателей».

¹⁾ Такая премія была учреждена при академіи наукъ, но вотъ прошло уже почти девять лѣтъ, но и до сихъ поръ, благодаря страннымъ порядкамъ въ нашемъ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія, эта премія еще ни разу никому не была присуждена. Это обстоятельство очень огорчало Сергѣя Николаевича, и онъ жалѣлъ, что деньги были переданы въ такое мертвое учрежденіе.

Б. Г.

Подъ адресомъ значится 90 подписей. Отвѣчая за разъ и на привѣтствіе Е. С. Шумигорскаго при поднесеніи преміи, и на адресъ сотрудниковъ, С. Н. Шубинскій сказалъ:

«Глубоко тронуть и сердечно благодарю за теплыя и дружескія чувства, выраженныя въ адресѣ, а также за капиталъ, собранный на учрежденіе преміи моего имени. Но я не могу считать настоящей юбилей исключительно моимъ личнымъ юбилеемъ. Безъ А. С. Суворина не существовалъ бы «Историческій Вѣстникъ», а безъ дружной работы сотрудниковъ онъ не имѣлъ бы того успѣха, который имѣеть. Такимъ образомъ, сегодняшній юбилей есть вмѣстѣ съ тѣмъ юбилей издателя и всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ сотрудниковъ.

«Приношу искреннюю благодарность всѣмъ, здѣсь собравшимся, за честь и дружелюбіе, мнѣ оказанныя. Въ особенности благодарю А. С. Суворина. Давъ всѣ средства на изданіе «Историческаго Вѣстника», онъ въ теченіе 25 лѣтъ никогда ни въ чемъ не стѣснялъ меня ни нравственно, ни матеріально и неизмѣнно оказывалъ самое дружеское расположеніе и довѣріе. Сегодня утромъ я получилъ отъ него привѣтственное письмо, въ которомъ А. С. Суворинъ подарилъ мнѣ половинную долю издательскаго права на «Историческій Вѣстникъ».

«Благодарю гг. членовъ комитета по организаціи настоящаго юбилея за ихъ хлопоты и заботы.

«Благодарю П. Я. Дашкова, который съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника» предоставилъ въ мое распоряженіе свое богатое собраніе портретовъ, гравюръ и автографовъ; благодаря ему, я могъ воспроизвести въ журналѣ такъ много рѣдкихъ портретовъ, иллюстрацій и автографовъ.

«Благодарю М. М. Шершевскаго; если я на 70-мъ году моего возраста и при крайне болѣзненномъ состояніи присутствую здѣсь въ этотъ столь пріятный для меня день, то этимъ я много обязанъ его дружескимъ и безкорыстнымъ заботамъ о моемъ здоровьи.

«Ссылаясь на М. М. Шершевскаго, который можетъ засвидѣтельствовать, насколько я еще слабъ послѣ недавно перенесенной мною тяжелой болѣзни, я прошу присутствующихъ великодушно извинить меня, что покину собраніе раньше, нежели того желалъ. Прошу вѣрить, что я сохранию о сегодняшнемъ днѣ самыя отрадныя воспоминанія, которыя послужатъ мнѣ утѣшеніемъ въ недолгіе дни, остающіеся мнѣ для работы на пользу всѣми нами любимаго дѣла.

«Еще разъ благодарю и отъ души желаю всѣмъ благополучія».

Издатель «Историческаго Вѣстника» А. С. Суворинъ, обратясь къ юбиляру, произнесъ теплую рѣчь, гдѣ, упомянувъ о своихъ личныхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ въ Сергѣю Николаевичу, отмѣтилъ ту прекрасную его редакторскую литературную работу, благодаря которой «Историческій Вѣстникъ» до-

стигъ хорошаго успѣха у публики. Между прочимъ онъ подчеркнулъ и то обстоятельство, что юбиляръ представляетъ собою, быть можетъ, феноменъ въ русской распущенной халатной жизни: во всю свою жизнь онъ не оставилъ безъ отвѣта ни одного письма, ему адресованнаго. Онъ развилъ историческую беллетристику, для чего давалъ авторамъ рукописный и печатный матеріалъ и указывалъ на драматическія положенія, крупныя, оригинальныя характеры и бытовыя стороны. Для этого надо быть не только чрезвычайно начитаннымъ человѣкомъ, но и обладать несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и эстетическимъ вкусомъ. Сергій Николаевичъ сумѣлъ соединить въ своемъ журналѣ несоединимое, то-есть людей разныхъ воззрѣній, зная, что исторія не будетъ исторіей, если она представлена съ одной какой-нибудь стороны. Рядомъ съ блестящими именами исторической науки въ «Историческомъ Вѣстникѣ» постоянно выступали молодые изслѣдователи, которымъ редакторъ умѣлъ выбрать работу и заинтересовать въ ней. Въ своихъ редакторскихъ и житейскихъ отношеніяхъ Сергій Николаевичъ представляетъ собою джентльмена въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Депутація отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, гдѣ началъ свою военную службу С. Н. Шубинскій, въ составѣ полковника Короткаго, капитановъ Поливанова 1-го, Судравскаго и Сабо поднесла адресъ съ красной виньеткой работы г. Сабо и въ изящномъ кожаномъ переплетѣ:

«Глубокоуважаемый

«Сергій Николаевич!

«Лейбъ-гренадеры, храня память о васъ, какъ о дорогомъ товарищѣ и сослуживцѣ, шлютъ вамъ нынѣ свой самый искренній и самый сердечный привѣтъ. Шлютъ его не только какъ однополчанину, но и какъ чело-вѣку, трудъ котораго давно уже и вполне оцѣненъ всею мыслящей Россіей. Вѣрятъ они, что ихъ простое теплое и задушевное слово глубоко тронетъ ваше сердце и напомнитъ вамъ о былыхъ дняхъ славной полковой жизни. И пусть эти воспоминанія, воспоминанія золотой юности, вольютъ въ душу вашу, утомленную долгимъ и упорнымъ трудомъ, новый потокъ прежней силы и бодрости. Храни же васъ Господь многіе и многіе годы на пользу и во славу дорогой всѣмъ намъ родины. Гордимся вашей гордостью. Вѣрьте же, дорогой Сергій Николаевичъ, нашей искренности такъ же безгранично, какъ безгранично и свято вѣрили и вѣрите вы въ старыя и непоколебимыя традиціи родного вамъ полка. Глубокоуважающіе васъ однополчане

«Лейбъ-гренадеры».

Вслѣдъ за депутаціей лейбъ-гренадеръ юбиляру принесли привѣтствія: Я. Н. Колубовскій и К. С. Баранцевичъ отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, въ которой С. Н. Шубинскій

въ первое трехлѣтіе былъ членомъ правленія¹⁾. Въ своей рѣчи Я. Н. Колубовскій отмѣтилъ, что участіе Сергѣя Николаевича въ составѣ правленія на зарѣ жизни кассы было для нея чрезвычайно важно и полезно. Онъ своимъ авторитетомъ поддержалъ молодое, еще не окрѣпшее дѣло, не смущаясь тѣмъ недобожелательствомъ и злословіемъ, которыя тогда окружали кассу. В. М. Грибовскій привѣтствовала юбиляра отъ имени археологическаго общества, а В. О. Бодяновскій—отъ библиологическаго. Въ своей рѣчи В. О. Бодяновскій, между прочимъ, отмѣтилъ то теплое отношеніе, которое редакторъ «Историческаго Вѣстника» неизмѣнно проявлялъ въ отношеніи молодыхъ, начинающихъ писателей, предоставляя имъ соответствующую ихъ способностямъ и силамъ работу. На этой работѣ, преимущественно критико-библиографическаго характера, воспиталось немало представителей нынѣшняго литературнаго поколѣнія, изъ коихъ многіе составляютъ въ настоящее время ядро и библиологическаго общества.

Отъ кассы сотрудниковъ «Новаго Времени», гдѣ С. Н. Шубинскій состоялъ предсѣдателемъ, принесъ поздравленіе Н. И. Аванасевъ; отъ сотрудниковъ «Новаго Времени» его поздравилъ М. А. Суворинъ, отъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худковъ, также сотрудничавшій и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

IX.

Послѣ депутацій слово было предоставлено Б. В. Никольскому, произнесшему поздравительную рѣчь отъ лица читателей:

«Позвольте мнѣ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, сказать нѣсколько словъ отъ лица читателей, которые пока еще лишь безмолвно присутствуютъ на вашемъ юбилеѣ. При томъ прошу васъ, какъ и надлежитъ редактору, сидя выслушать мой «голосъ изъ публики»: обыкновенно этотъ голосъ доходитъ къ вамъ только письменно, когда вы сидите за своимъ редакторскимъ столомъ. Для большей же послѣдовательности позвольте и мнѣ говорить изъ среды присутствующихъ читателей и почитателей вашихъ, не выходя впередъ по примѣру предшествующихъ депутацій и ораторовъ: пусть я буду казаться ихъ общимъ единодушнымъ голосомъ. И хотя полномочій отъ читателей «Историческаго Вѣстника» я не имѣю, но думаю и надѣюсь, что они поддержать меня и одобрять сказанное

¹⁾ Касса была, кажется, единственнымъ учрежденіемъ, гдѣ С. Н. принималъ активное участіе. Въ прочихъ обществахъ онъ только числился членомъ и никогда ихъ не посѣщалъ. Онъ былъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, тамбовской, нижегородской, саратовской, симбирской, владимирской и ярославской ученыхъ архивныхъ комиссій, ростовскаго музея церковныхъ древностей, историческаго общества при петербургскомъ университетѣ, библиографическаго общества и др.

мною, какъ читателемъ вашего журнала, которымъ я былъ задолго до того, какъ стать его сотрудникомъ и лично близкимъ вамъ человекомъ.

«И это, какъ мнѣ думается, было не со мной однимъ. Изъ вашихъ читателей выходитъ ваши сотрудники а что изъ вашихъ сотрудниковъ неизбѣжно выходитъ искренно васъ любящие и уважающіе люди,—это пусть докажетъ вамъ ваше сегодняшнее торжество.

«По вмѣстѣ съ тѣмъ вы, какъ редакторъ, несете наиболѣе ответственнѣй, а вмѣстѣ наименѣе замѣтный для читателя трудъ. Читателю и не легко разглядѣть редактора изъ-за сотрудниковъ и журнала. Только инстинктъ иной разъ подскажетъ ему, что не самъ собою собирается и составляется журналъ, который онъ такъ любитъ и такъ увѣренно предпочитаетъ десяткамъ другихъ журналовъ. Невидимый редакторъ,—и притомъ онъ одинъ,—создаетъ журналу эту любовь и вѣрность читателей. И какъ много труда, усилій и заботъ лежитъ на этомъ невидимомъ редакторѣ! Поистинѣ, читатель только тогда любитъ журналъ, когда журналъ этотъ любимъ своимъ редакторомъ.

«Въ этомъ смыслѣ справедлива и заслужена любовь читателей къ «Историческому Вѣстнику». Вы умѣете всегда подобрать разнообразный и живой матеріалъ, всегда угадать потребности и запросы читателей, всегда отозваться на всѣ значительныя событія русской жизни, дать слово и мѣсто всѣмъ направленіямъ общественной мысли, никого не стѣсняя и не насилуя, никого не подгоняя подъ готовую мѣрку предвзятыхъ мнѣній. По сущей совѣсти говорю, что съ этой точки зрѣнія ни одному редактору я не вручаю моихъ работъ съ такимъ искреннимъ довѣріемъ, какъ вамъ; я знаю, что то же подтвердятъ всѣ ваши сотрудники. Вотъ отчего можно смѣло утверждать, что «Историческій Вѣстникъ» вами созданъ, вами несравненно болѣе, чѣмъ ими. По собственному опыту знаю, до какой степени интересъ журнала всегда для васъ выше всякихъ другихъ, личныхъ или общихъ, соображеній. Если лучшей другъ, самый близкій человекъ предложитъ вамъ неподходящую для журнала статью,—никогда вы ея не примете: это всѣ мы знаемъ и всѣ подтвердимъ. Наоборотъ, пускай нашелся бы у васъ злѣйшій врагъ и прислалъ вамъ статью,—всѣ подтвердятъ мою увѣренность, что вы бы ее напечатали съ полною готовностью, когда бы нашли, что для журнала она полезна и нужна. Въ свой редакторскій трудъ вы вложили столько самоотверженія и безпристрастія, столько ума, такта и изобрѣтательности, такъ отразили въ немъ ваше личное своеобразіе, что «Историческій Вѣстникъ» живетъ только вашимъ редактированіемъ: никто, кромѣ васъ, не смогъ бы ни создать, ни даже вести, продолжать такой журналъ. Помню своего редактора «Историческій Вѣстникъ» и невозможенъ, и немислимъ.

«Вотъ почему я увѣренъ, что ваши читатели присоединятся ко мнѣ, когда я выскажу горячее пожеланіе, чтобы долго, безсмысленно и неутомимо продолжалась ваша редакторская дѣятельность, чтобы новыя силы, не скудѣя, примыкали къ «Историческому Вѣстнику», проходя школу руководимаго вами сотрудничества, и чтобы не слабѣла, какъ вы говорили, ссылаясь на годы и здоровье, ваша плодотворная работа. «Историческій Вѣстникъ» задуманъ и созданъ вами такимъ своеобразнымъ и самобытнымъ журналомъ, что безсмертіе въ исторіи нашей литературы и журналистики за нимъ обезпечено съ неизбѣжною прочностью; но тѣмъ болѣе вѣрнимъ, надѣемся и желаемъ мы, его вѣрные и неизмѣнные читатели, что нашъ кругъ будетъ постоянно расти и множиться, что еще много и много лѣтъ мы будемъ чувствовать въ каждой его книжкѣ присутствіе того невидимки-редактора, чье искусство и чей замыселъ заставили насъ такъ же крѣпко полюбить «Историческій Вѣстникъ», какъ его сотрудники любятъ и почитаютъ своего дорогого, стараго редактора».

Послѣ г. Никольскаго, рѣчь котораго, произнесенная горячо и красиво, была покрыта всеобщими, долго не смолкавшими аплодисментами, прочли стихотворенія, посвященныя юбиляру: Л. Г. Ждановъ, В. Крыловъ, М. Шевляковъ, Ф. Черниговецъ-Вишневскій и др.

Изъ обширнаго числа писемъ, поступившихъ ко дню юбилея на имя С. Н. Шубинскаго, комитетъ, съ согласія юбиляра, сообщилъ только нѣкоторыя—одни въ выдержкахъ, другія въ краткомъ изложеніи, и только весьма немногія могли быть прочитаны полностью. Въ настоящемъ обзорѣннн нѣтъ даже и возможности привести всѣ письма цѣликомъ: съ одной стороны, на это не имѣется согласія приславшихъ эти письма, съ другой—во многихъ, какъ уже сказано въ началѣ обзорѣннн, слышатся слишкомъ личные мотивы ¹⁾).

Отъ императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ:

«Милостивый государь

«Сергѣй Николаевичъ!

«Императорское общество исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ считаетъ своимъ долгомъ присоединить и свое привѣтствіе къ числу тѣхъ, кои принесены были вамъ 1-го сего декабря по поводу исполнившагося 25-лѣтія редактированія вами журнала «Историческій Вѣстникъ». Оно искренно желаетъ возстановленія вашихъ силъ, дабы вы еще много лѣтъ продолжали свои занятія, которыя доселѣ вели съ такой энергіей и любовью.

«Предсѣдатель Василій Ключевскій.

«Секретарь Ельпидифоръ Барсовъ».

Отъ предсѣдателя тамбовской губернской ученой архивной комиссіи:

«Ваше превосходительство

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени всей тамбовской ученой архивной комиссіи имѣю честь принести вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ научной дѣятельности вашего превосходительства и выразить наше сердечнѣйшее пожеланіе, чтобы Господь Богъ даровалъ вамъ еще долгіе и многіе годы на пользу родной исторической науки.

«Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи покорнѣйшаго слуги вашего превосходительства.

«А. Нарцевъ».

¹⁾ Въ интересахъ полноты обзора сюда же включаются и здѣсь же упоминаются также письма и телеграммы, не успѣвшія прибыть къ 1-му декабря, но полученныя С. Н. Шубинскимъ въ слѣдующіе дни.

Отъ симбирскаго губернскаго предводителя дворянства:

«Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени симбирской ученой архивной комиссіи и отъ себя лично приношу вамъ искренній привѣтъ по поводу исполнившагося 25-лѣтія редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника». Дай Богъ вамъ многіе годы еще стоять во главѣ этого прекраснаго изданія.

«Съ чувствомъ глубокаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть готовый къ услугамъ.

«В. Поливановъ».

Письмо писательницы Н. И. Мердеръ:

«Дорогой, глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Сегодня множество людей поблагодарятъ васъ за минуты духовнаго наслажденія, которыми вы ихъ дарили двадцать пять лѣтъ, какъ редакторъ журнала, посвященнаго изученію нашей родины, но намъ, тѣсной семьѣ вашихъ сотрудниковъ, имѣющихъ великое счастье знать васъ, какъ человѣка, извѣстна еще и другая сторона вашей дѣятельности, и намъ особенно пріятно сказать вамъ наше сердечное спасибо за чисто христіанское къ намъ отношеніе, за вашу снисходительность къ нашимъ недостаткамъ, за вашу прозорливость въ отгадываніи того, на что каждый изъ насъ способенъ, и за умѣніе заставлять насъ находить это въ себѣ и выражать по мѣрѣ силъ и возможности, за добрые совѣты, за отзывчивость къ нашимъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, за уваженіе убѣжденій каждаго изъ насъ, за отсутствіе всякаго насилія на нашу мысль, чувство и совѣсть. Я счастлива засвидѣтельствовать, что только у васъ могла писать все, что думаю, чувствую, знаю и въ чемъ убѣждена, мнѣ отраднo сознать, что я исключительно вамъ обязана великимъ счастіемъ работать съ полнымъ довѣріемъ къ вашему безпристрастію и тонкому вкусу, къ вашей любви къ правдѣ и къ ясному пониманію того, что полезно Россіи. Выразить вамъ это мнѣ тѣмъ болѣе отраднo, что всѣ мы, ваши сотрудники, чувствуемъ то, что я чувствую, и единодушно желаемъ вамъ силъ и здоровья продолжать вашу плодотворный трудъ, всѣмъ намъ вы дороги, всѣ мы васъ сердечно любимъ, какъ друга и учителя».

Постоянный сотрудникъ журнала, тогдашній обозрѣватель иностранной жизни, В. А. Тимирязевъ, прислалъ въ дополненіе къ личному письму на имя Сергѣя Николаевича и рѣчь свою, которую, если бы здоровье позволило ему прибыть на праздникъ, онъ лично собирался произнести.

Вспоминая въ началѣ этой рѣчи о первомъ знакомствѣ съ юбиляромъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда редакторъ «Историческаго Вѣстника» былъ еще молодымъ офицеромъ, а авторъ письма юнымъ студентомъ, г. Тимирязевъ замѣтилъ, что въ послѣднее десятилѣтіе они встрѣтились снова на жизненномъ пути, чтобы уже больше не разставаться. «Съ момента послѣдней встрѣчи бывший студентъ скромно занимался въ «Истор. Вѣстц.» составленіемъ обо-

зрѣній, критическими отзывами, историческими компиляціями и переводами. Достойный же во всѣхъ отношеніяхъ редакторъ посвящалъ все свое время на тяжелый, неблагодарный трудъ редактированія: заказывалъ и просматривалъ статьи, читалъ корректуры, объяснялся съ литераторами, часто выносилъ непріятности отъ своихъ сотрудниковъ, пристававшихъ къ нему съ авансами и заставлявшихъ его просиживать ночи надъ неразборчиво написанными рукописями, исправлялъ труды молодыхъ писателей и т. д., и т. д. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣми горькими и трудными минутами, которыя ему приходилось переживать; однако эти минуты были не всегда печальны: подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ онѣ иногда смягчались. Такъ, младенческіе годы «Историческаго Вѣстника» совпали съ краткой эпохой «диктатуры сердца», которая, какъ всякая диктатура, не привела ни къ чему хорошему и благотворному. Въ настоящіе дни двадцатипятилѣтняго расцвѣта «Историческаго Вѣстника» всюду говорятъ о «политикѣ довѣрія», и если она осуществится на дѣлѣ, то дѣйствительно настанетъ давно желанное время равенства всѣхъ сословій, братство всѣхъ національностей и свобода всѣхъ классовъ русскаго народа. Въмѣстѣ съ этимъ, конечно, наступятъ лучезарные дни русской печати, преданнымъ представителемъ которой служить «Историческій Вѣстникъ» и его глубокоуважаемый всѣми редакторъ Сергій Николаевичъ. Радостно смотря на эту свѣтлую даль, мы вмѣстѣ съ поэтомъ воскликнемъ:

«А даль-то, даль какъ хороша!»

В. Г. Авсѣенко, выразивъ сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ: «Позвольте письменно сказать вамъ свой сердечный привѣтъ по поводу вашего почетнаго заслуженнаго юбилея и отъ всей души пожелать «многая лѣта» вамъ и вашему прекрасному журналу».

А. В. Амфитеатровъ, пожалѣвъ, что онъ поздно узналъ о юбилеѣ, пишетъ: «Слѣшу поздравить васъ, отъ души желая вамъ многихъ лѣтъ здоровья и энергіи въ привычной полезной дѣятельности. Оторвавшись отъ Петербурга, повидимому, окончательно, я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ, какъ хорошаго редактора, хорошаго писателя, хорошаго человѣка».

В. П. Батуриискій, вспомнивъ въ началѣ письма, какъ много онъ обязанъ «Историческому Вѣстнику» въ печальные дни своего давняго одиночнаго заключенія въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ, въ заключеніе пишетъ: «Когда, много лѣтъ спустя, я послалъ мои работы въ «Историческій Вѣстникъ», вы отнеслись къ нимъ снисходительно и дали имъ мѣсто на страницахъ редактируемаго вами журнала. Вопреки высококомѣрному отношенію большинства русскихъ редакторовъ, вы всегда съ изумительной акку-

ратностью лично отвѣчали на письма и запросы, никогда не забывая за сотрудникомъ человѣка. Однажды я обратился къ вамъ съ просьбою объ указаніяхъ историческаго характера, которыя были нужны для одной работы, и помню, какъ я былъ тронутъ, получивъ отъ васъ цѣлую страницу этихъ указаній, написанныхъ вашимъ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ. Примите же, глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, въ день вашего юбилея вмѣстѣ съ пожеланіемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности на многіе и многіе годы выраженіе моей глубокой благодарности за ваше доброе сердечное отношеніе къ скромному литературному работнику».

Письмо г. Батурина получено изъ Лондона, а изъ Вашингтона Е. Н. Матросовъ прислалъ на имя участниковъ банкета слѣдующее посланіе:

«Милостивые государи!

«Изъ этой далекой страны, съ иного конца земли, изъ западнаго полушарія, изъ-за необъятнаго океана позвольте и мнѣ принести горячее привѣтствіе и восторженные пожеланія высокоуважаемому Сергѣю Николаевичу.

«Не столько въ качествѣ одиннадцатилѣтняго сотрудника достоуважаемаго журнала, не столько въ роли маленькаго русскаго писателя, имя котораго менѣе извѣстно въ его отечествѣ, нежели въ этой далекой странѣ, его пріютившей, не столько отъ единичнаго широкаго русскаго сердца, сколько въ качествѣ признаннаго представителя той вѣтви великаго русскаго народа, который за необъятнымъ океаномъ ищетъ большей правды и лучшей доли, сколько въ роли американскаго писателя на малорусскомъ и въ особенности на англійскомъ языкахъ, сколько отъ широчайшаго и горячаго сердца Заокеанской Руси—приношу я это горячее привѣтствіе, эти восторженные пожеланія тому изъ славныхъ редакторовъ, который высоко несъ знамя русской исторической науки и держалъ на почетномъ отдаленіи отъ академическаго сухожеванія и переливанія изъ пустого въ порожнее, первый замѣтилъ Американскую Русь, первый понялъ ея современное положеніе, первый оцѣнилъ ея будущую и отчасти уже наступившую роль въ историческихъ судьбахъ великаго русскаго народа.

«Американская Русь горячо привѣтствуетъ глубокоуважаемаго Сергѣя Николаевича и незримо присутствуетъ при вашемъ знаменательномъ торжествѣ, незримо возсѣдаетъ за вашимъ банкетнымъ столомъ».

Х.

Изъ гор. Задонска въ длинномъ письмѣ на имя Сергѣя Николаевича С. В. Арсеньевъ такъ опредѣляетъ направленіе «Историческаго Вѣстника» и его общественно-научное значеніе.

«Душою всякаго журнала признается его направленіе,—говоритъ г. Арсеньевъ.—Какъ же заявилъ себя съ этой стороны «Историческій Вѣстникъ»? Одинъ изъ классическихъ писателей, кажется, Цицеронъ, говоря объ исторіи, употребляетъ эпитеты: pura et illustris. По моему

миѣнію, этими словами лучше всего можно выразить отличительныя особенности «Историческаго Вѣстника». Этотъ журналъ все время характеризировалъ себя отсутствіемъ какого-либо крайняго, рѣзко выраженной и односторонняго направленія, всегда избѣгалъ умышленнаго подбора матеріаловъ и тенденціознаго ихъ освѣщенія.

«Подобно Пушкинскому Пимену, журналъ съ одинаковымъ вниманіемъ описывалъ

«Войну и миръ, управу государей,
«Угодниковъ святыхъ чудеса...

«Стремясь къ такой «чистой» (рига) исторіи, журналъ не поддавался соблазну исключительно примкнуть къ одному изъ двухъ извѣстныхъ въ нашей жизни теченій—къ славянофильству или къ западничеству. Очевидно, редакторъ журнала, вмѣстѣ съ лучшими нашими историками, держался того взгляда, что исторія Россіи «заложена въ очень громадныхъ размѣрахъ», которыми одинаково исключаются и дешевое торжество узкаго націонализма, и похоронныя литіи отчаявшагося въ Россіи западничества,—что «дорога къ всемірно-историческому призванію для Россіи одна—отъ мрака къ свѣту». Оттого «Историческій Вѣстникъ» былъ прежде всего культурно-историческимъ журналомъ. Оттого онъ всегда съ одинаковымъ безпристрастіемъ рисовалъ русскую душу, нисколько не смущаясь тѣмъ, что ея носители выступали на исторической сценѣ то въ короткой петровской курткѣ, то въ блестящихъ костюмахъ екатерининскаго вѣка, то, наконецъ, въ туго застегнутыхъ николаевскихъ мундирахъ.

«Нѣтъ нужды, мнѣ кажется, подробно говорить о томъ, что «Историческій Вѣстникъ» постоянно стремился дать своимъ читателямъ матеріалъ не въ сухомъ видѣ, а въ «живой, общедоступной формѣ», въ занимательномъ положеніи, что, короче говоря, «Историческій Вѣстникъ» именно давалъ образцы *Historiae illustris* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого классическаго термина.

«Въ такомъ видѣ, по моему скромному разумѣнію, представляется роль «Историческаго Вѣстника» въ нашей исторической наукѣ и вообще въ нашей культурѣ. За двадцать пять лѣтъ существованія духовная связь журнала съ русскимъ обществомъ вполне уже упрочена, и дальнѣйшее процвѣтаніе «Историческаго Вѣстника» есть фактъ столь же несомнѣнный, какъ и успѣхи нашего народнаго самосознанія».

Нашъ извѣстный историкъ И. Е. Забѣлинъ почтилъ Сергѣя Николаевича слѣдующимъ письмомъ:

«Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Примите мое глубокосердечнѣйшее привѣтствіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ вашихъ обширныхъ, неустанныхъ трудовъ по созиданію въ высокой степени дорогаго для русскаго просвѣщенія и для русской науки памятника, именуемаго «Историческимъ Вѣстникомъ», славнымъ и прославленнымъ хранителемъ и распространителемъ историческаго знанія во всѣхъ его отдѣлахъ. Да хранитъ васъ Господь въ добромъ здоровьѣ и въ полнотѣ добрыхъ дѣятельныхъ силъ на многіе и премоногіе годы».

Протоіерей А. П. Мальцевъ въ Берлинѣ отозвался также на юбилей «Историческаго Вѣстника» слѣдующимъ письмомъ:

«Высокочитимый Сергій Николаевичъ.

«Позвольте привѣтствовать васъ отъ всего сердца съ исполнившимся XXV-лѣтіемъ вашихъ трудовъ по редактированію прекрасно поставленнаго вами «Историческаго Вѣстника», который пребудетъ навсегда «историческимъ памятникомъ» своему опытному и мудрому кормчему! Дай Богъ вамъ многихъ и многихъ годовъ и крѣпкихъ и бодрыхъ силъ въ вашей многопочетной научно-литературной и просвѣтительной дѣятельности.

«Р. С. Меня просятъ очень благодарить васъ и всѣ обитатели и трудящіяся наши соотечественники въ «Братскомъ домѣ» на чужбинѣ, пользующіеся въ часы досуга столь интереснымъ чтеніемъ, какое даетъ въ изобиліи для каждаго ваше изданіе».

Писатели: Е. М. Гаршинъ, С. Н. Кривнеко, С. С. Окрейць-Орлицкій, А. Н. Сиротининъ въ своихъ юбилейныхъ привѣтствіяхъ каждый отмѣтилъ въ теплыхъ выраженіяхъ личныя услуги имъ въ жизни со стороны юбиляра.

Е. М. Гаршинъ, между прочимъ, говоритъ:

«Восьмидесятые годы, когда я работала подъ вашимъ просвѣщеннымъ и благосклоннымъ руководствомъ, составляютъ наилучшее мое воспоминаніе. Въ вашемъ лицѣ я нашелъ необыкновенно добраго редактора-наставника, руководителя каждымъ моимъ литературнымъ шагомъ съ терпѣніемъ и снисходительностью, какія рѣдко можно увидѣть среди педагоговъ по отношенію къ порученнымъ имъ дѣтямъ.

«Не ваша вина, если изъ вашего ученика-сотрудника не вышло писателя, ибо работа въ вашемъ журналѣ мало того, что давала кусокъ хлѣба неимущему студенту, но и заставляла его учиться, ибо каждая статья, которая писалась для васъ, требовала серьезнаго изученія литературы, безъ чего не могла попасть на страницы вашего почтеннаго изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы требовали отъ меня тщательнаго и легкаго выраженія моей мысли, и я съ благодарностью вспоминаю о томъ, какъ, по вашимъ указаніямъ, по три раза передѣлывала одну и ту же статью, но все же въ концѣ концовъ «Историческій Вѣстникъ» принималъ ее въ свое лоно».

С. Н. Кривнеко, выражая сожалѣніе, что болѣзнь помѣшала ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ въ своемъ письмѣ: «Мнѣ очень хотѣлось бы выразить вамъ свое уваженіе къ литературнымъ вашимъ заслугамъ, но еще живѣе хотѣлось бы сказать о чувствѣ незабываемой признательности къ вамъ, какъ со стороны моей, такъ и моей жены Софьи Ермолаевны, за ваше участливое отношеніе къ намъ въ трудное для насъ время по возвращеніи изъ Сибири. Это человѣческое отношеніе къ ближнему показало намъ, что ни сухая редакторская и корректурная работа, ни архивная пыль историческихъ рукописей не изсушили и не запылили въ васъ того, что дороже всего въ человѣкѣ. Позвольте же пожелать вамъ, многоуважаемый Сергій Николаевичъ, всего лучшаго, а главное силъ и здоровья».

«Вы оставили глубокий слѣдъ на словесной нивѣ, и посѣянное вами дало хорошіе плоды,—такъ пишетъ изъ Одессы С. С. Окрейцъ-Орлицкій.—Но, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, и какъ человѣкъ, вы заслужили навсегда добрую память въ сердцахъ васъ знавшихъ и имѣвшихъ съ вами дѣло. Дай Богъ вамъ еще долго, долго не оставлять журнала «Историческій Вѣстникъ», который вы создали и сдѣлали любимцемъ публики. Въ словахъ моихъ нѣтъ лести. Но о васъ, добрый и отзывчивѣйшій Сергѣй Николаевичъ, не могу говорить безъ сердечнаго волненія. Спаси и сохрани васъ Богъ!»

По оригинальному случаю и поводу благодарить редактора «Историческаго Вѣстника» А. Н. Сиротининъ.

«Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была напечатана вами моя первая статья. Я былъ еще тогда гимназистомъ и живо помню, какъ впервые прислали мнѣ въ Москву изъ деревни ваше письмо такъ неожиданно-скоро послѣ посылки статьи, чуть ли не на той же недѣлѣ, и я увидѣлъ тамъ вашимъ мелкимъ и четкимъ почеркомъ написанныя слова: «статья будетъ напечатана». Я берегу это письмо и теперь. Помню, сколько радости оно доставило мнѣ тогда, и какъ дорого мнѣ было ваше одолженіе. За него и за ваше вниманіе спасибо вамъ! Спасибо вамъ и еще за одно. Прошли годы, кончилъ я гимназію и университетъ и, не зная, что съ собой дѣлать, вздумалъ было посвятить себя литературѣ, которую всегда любилъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ вамъ. Вы сказали мнѣ тогда: «Литературой специально могутъ заниматься только люди талантливые. Иначе это тяжелый путь». И я уѣхалъ и потомъ вскорѣ напелъ себѣ настоящее свое призваніе—учительство, которое не мѣшало мнѣ заниматься въ свои досуги и литературой. Послѣ много разъ вспоминалъ я ваши открытыя и прямыя слова и мысленно благодарилъ васъ за нихъ: они удержали меня отъ труднаго и для меня непосильнаго пути. И вотъ за правдивое слово остереженія мнѣ хочется теперь сказать еще разъ: спасибо вамъ за прямую высказанную правду!»

Кромѣ цитированныхъ, получены еще многочисленныя письма. Прислали привѣтствіе гг.: Анатолій Александровъ, Ѳ. И. Булгаковъ, Е. И. Гасабовъ, Г. А. Воробьевъ, С. И. Глѣбовъ, И. Ф. Головинъ, Г. К. Градовскій, К. А. Губастовъ, П. Егоровъ, Н. В. Засодимскій, П. П. Каратыгинъ, П. А. Конскій, И. Л. Леонтьевъ, А. А. Луговой, П. М. Майковъ, Ѳ. А. Макшеевъ—главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ», А. Н. Масловъ (Вѣжецкій), Д. П. Неклюдовъ-Кайсаровъ, Н. К. Никифоровъ, А. П. Никольскій, Е. И. Плато, И. Рында, Н. И. Позняковъ, А. Парамонова, Н. А. Поповъ, В. С. Россоловскій, Н. А. Рубакинъ, А. И. Савельевъ, Д. И. Стахѣевъ, Е. С. Тимирязева, И. Ѳ. Тюменевъ, А. Н. Цвиленева, В. Шильдеръ (директоръ псковскаго кадетскаго корпуса), С. И. Уманецъ, А. Н. Шелькингъ, О. А. Фрибесъ, профессоръ оксфордскаго университета Морфиль и др.

Поздравительныхъ телеграммъ С. Н. Шубинскимъ было получено въ день 1-го декабря и на слѣдующій болѣе 70-ти. Нѣкоторыя изъ нихъ были доложены комитетомъ на банкетѣ присутствующимъ, а другія перечислены по именамъ приславшихъ.

Первою доложенною телеграммою была телеграмма его высочества великаго князя Николая Михайловича:

Прошу васъ принять самыя сердечныя поздравленія и наилучшія пожеланія ко дню 25-лѣтняго юбилея вашей полезной дѣятельности на почвѣ изученія нашей отечественной исторіи. Весьма жалѣю, что лишень возможности лично васъ поздравить. Николай Михайловичъ.

Затѣмъ были прочитаны телеграфныя привѣтствія въ слѣдующемъ порядкѣ:

Императорское одесское общество исторіи и древностей привѣтствуетъ васъ съ двадцатипятилѣтней редакторской дѣятельностью и извѣщаетъ, что въ засѣданіи 14-го ноября избрало васъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Секретарь общества профессоръ Истринъ.

Историко-филологическое общество при новороссійскомъ университетѣ, высоко цѣня заслуги «Историческаго Вѣстника» въ дѣлѣ распространенія историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, привѣтствуетъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтнемъ дѣятельности и желаетъ процвѣтанія. Предсѣдатель общества профессоръ Линниченко.

Сочувственный привѣтъ отъ «Русскаго Архива».

Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» привѣтствуетъ высокоуважаемаго труженика на нивѣ русской исторической науки и литературы и выражаетъ искреннія пожеланія плодотворной и долгой работы впереди на пользу родной исторіи. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Высоко цѣня ваши просвѣтительныя труды на поприщѣ исторической литературы и съ удовольствіемъ вспоминая ваши добрыя товарищескія отношенія къ редакціи «Новостей», приношу вамъ мои сердечныя поздравленія. Нотовичъ.

Лидія Филипповна Марксъ вмѣстѣ съ редакціей и сотрудниками журнала «Нивы» привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, съ торжественнымъ днемъ вашего четвертьвѣковаго служенія русской исторической наукѣ, отъ всей души желая дальнѣйшихъ продуктивныхъ успѣховъ вамъ и редактируемому вами журналу.

Отъ себя и редакціи «Козловской Газеты» поздравляю васъ, глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, съ юбилейнымъ днемъ. Сожалѣю, что не могу быть лично. Падучевъ.

Редакція молодой окраинной газеты «Харбинскій Вѣстникъ» привѣтствуетъ Сергѣя Николаевича съ двадцатипятилѣтнемъ редактированія «Историческаго Вѣстника», лучшаго журнала въ наше время. Душевно желаемъ дальнѣйшаго успѣха плодотворной дѣятельности. Редакторъ Лазаревъ. Завѣдующій редакціей Слюнинъ (гор. Харбинъ).

Привѣтствуемъ почтенную редакцію въ день двадцатипятилѣтія плодотворной дѣятельности на поприщѣ распространенія историческихъ знаній въ Россіи и желаемъ дальнѣйшаго развитія и пруспѣванія «Историческому Вѣстнику». Профессора: Алмазовъ, Косинскій, Ренненкампфъ, Адамовичъ, Томсонъ, Деревницкій, Щепкинъ, Чижовъ, Петрикъ, Федоровъ, Ляпуновъ, Луньякъ, Перетятковичъ, Павловскій, Смирновъ, П. Казанскій (изъ Одессы).

Глубокоуважаемому Сергѣю Николаевичу Шубинскому мои сердечныя поздравленія съ столь славнымъ и плодотворнымъ двадцатипятилѣтнемъ. Душевно желаю ему силъ и здоровья и на новые дальнѣйшіе многіе и многіе годы. Профессоръ Архангельскій (гор. Казань).

С. Н. Шубинский въ послѣдніе годы жизни.

Горячо привѣтствую Сергѣя Николаевича Шубинскаго съ исполненіемъ четверти вѣка руководительства его литературнымъ дѣтищемъ. Шлю лучшія пожеланія и глубокоуважаемому редактору и журналу. Заслуженный профессоръ казанскаго университета Николай Загоскинъ (Казань).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ. Привѣтствую стариннаго друга по изученію отечественной исторіи съ 25-лѣтіемъ «Историческаго Вѣстника» и 30-лѣтіемъ начала «Древней и Новой Россіи». Да укрѣпить и сохранить Господь надолго ваши силы для продолженія почетнаго служенія родинѣ на пользу ея научнаго и общественнаго самосознанія и на радость друзей. Профессоръ Корсаковъ (Казань).

Редакторъ «Бесѣды» поздравляетъ «Историческій Вѣстникъ» съ его свѣтлымъ праздникомъ и обнимаетъ уважаемаго Сергѣя Николаевича, отъ души желая ему отпраздновать еще такія же именины. Къ его искреннимъ пожеланіямъ присоединяются Михаилъ Протопоповъ и академикъ Тархановъ. Ясинскій (С.-Петербургъ).

Въ день двадцатипятилѣтняго славнаго честнаго служенія вашего русскому обществу шлемъ вамъ пожеланія здоровья и бодрости, а вашему дѣтищу преуспѣянія на долгіе годы. Добромъ вспоминаемъ вашу искренность, отзывчивость, справедливость и прямыню къ сотрудникамъ. Бѣляевъ, Шмелевъ, Шамбинаго (Москва).

Съ манчжурскихъ полей, мѣста кровавой борьбы, шлю привѣтъ и горячія пожеланія маститому юбиляру и дорогому для меня журналу. Скандинъ (Мукденъ).

Изъ далекой Манчжурии шлю пожеланія дальнѣйшаго успѣха. Михаилъ Юдинъ (Толаджоу).

Сердечно привѣтствую образцоваго редактора, почтеннаго писателя и прекраснаго человѣка. Вы плодотворно потрудились для русскаго общества, и дай вамъ Богъ силъ еще долго приносить такую же пользу. Петръ Вейнбергъ.

Лишенный возможности лично привѣтствовать васъ сегодня, прошу принять мои самыя сердечныя пожеланія еще долгихъ лѣтъ столь же неутомимой и плодотворной дѣятельности на пользу русской исторической науки и просвѣщенія. Гротъ (Спб.).

Сердечно поздравляю васъ съ 25-лѣтіемъ редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника» и вашей редакторской дѣятельности. Отъ души желаю вамъ добраго здоровья и продолженія вашей литературной дѣятельности на многіе годы. Гуревичъ (Спб.).

Отъ души поздравляю васъ, какъ заслуженнаго и глубокоуважаемаго русскаго литературнаго дѣятеля, въ день двадцатипятилѣтія вами созданнаго журнала. Ежовъ (Москва).

Привѣтствую съ днемъ юбилея «Историческаго Вѣстника» и его уважаемаго редактора. Душевно, хотя и небезкорыстно, желаю возобновить поздравленіе черезъ новыя двадцать пять лѣтъ. Будьте здоровы. Василій Кривенко (Спб.).

Отъ всего сердца поздравляю дорогого друга. Викторъ Крыловъ (Москва).

Сердечно поздравляю съ тридцатипятилѣтіемъ литературной дѣятельности ¹⁾ и съ двадцатипятилѣтіемъ веденія журнала «Историческій Вѣстникъ», желаю здоровья и силъ для дальнѣйшихъ плодотворныхъ трудовъ еще на многія лѣта. Николай Лейкинъ (Спб.).

Да здравствуетъ юбиляръ, да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» его заботами. Непейнъ (Вологда).

¹⁾ Тутъ ошибка со стороны составителя телеграммы: С. Н. Шубинскій началъ свою литературную дѣятельность 44 года тому назадъ.

Слава прославленному. Многая лѣта. Перелыгинъ (Сергѣевскій посадъ).

Сердечно привѣтствую глубокочтимаго Сергѣя Николаевича. Плещеевъ (Спб.).

Лучшія пожеланія на долгіе годы полезной дѣятельности, здоровья и силъ доброму, хорошему Сергѣю Николаевичу. Пѣшкова-Толѣва (Спб.).

Привѣтствую друга-юбиляра, поздравляю его съ воздвигнутымъ имъ себѣ памятникомъ. Графъ Саліасъ (Москва).

Съ вашимъ именемъ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, и съ «Историческимъ Вѣстникомъ» у меня связаны самыя дорогія воспоминанія. Болѣзнь помѣшала мнѣ лично поздравить васъ и выразить вамъ чувства, наполняющія меня въ этотъ день, столь знаменательный для всѣхъ вашихъ друзей, но душою я съ вами. Черевкова (Спб.).

Сердечно поздравляю. Желая много лѣтъ здравствовать. Шенрокъ (Москва).

Лишенный возможности лично привѣтствовать дорогого Сергѣя Николаевича, шлю ему изъ Лѣснаго уединенія сердечныя пожеланія крѣпости, силы и бодрости духа на дальнѣйшее служеніе родной исторіи. Шумигорскій (Лѣсной).

Хоть коротко мое посланіе въ вашъ достославный юбилей, но тѣмъ сердечнѣй и теплѣй всѣхъ благъ мое вамъ пожеланіе. Сотрудникъ Уманецъ, Сергѣй (Спб.).

Примите, дорогой Сергѣй Николаевичъ, самыя сердечныя пожеланія. Дай Богъ силы и здоровья еще много, много лѣтъ править кормиломъ «Историческаго Вѣстника». Любящій васъ Ювачевъ (Юзовка).

Глубокій привѣтъ дорогому редактору, всякаго преуспѣянія лучшему историческому журналу. Юдинъ (Саратовъ).

Сердечное поздравленіе и искреннія пожеланія шлетъ давнишній сотрудникъ. Дмитрій Языковъ (Москва).

Кромѣ изложенныхъ телеграммъ, получены еще: отъ гг. И. С. Аркадьева, А. И. Байрашова, А. В. Безроднаго, Н. М. Бернарда, В. В. Гиммельмана, И. Д. Дмитриева, М. Н. Ермоловой, М. М. Иванова, В. Э. Кетрица, С. В. Гомолицкой, С. П. Дягилева, М. И. Калакуцкой, П. П. Коломина, К. А. Корженевскаго, Н. М. Лисовскаго, Е. А. Ляцкаго, В. С. Маркова, К. П. Медвѣдекаго, Е. Н. Михневичъ, Б. Л. Моздалевскаго, кн. Н. Л. Оболенскаго, г-жи Оксеновой, г.г. И. И. Орловскаго, А. Е. Пальчикова, Д. А. Пахомова, Ф. Д. Райляна, Ребиндера, Сидорова, Сканбіева, г-жи Слезкинской, М. П. Соколовскаго, Д. Θ. Соколова, Н. В. Сорокина, Д. П. Струкова, М. Г. Тидемана, семейства Тилло, г-жи Оедоровой, Д. К. Фельдберга, А. Н. Фирсова, г-жи Л. Симоновой, М. В. Суперанскаго, кн. М. Л. Шаховскаго, Владимира и Сергѣя Штейнъ и др.

Послѣ того, какъ официальная программа чествованія была исчерпана, гостямъ предложены были у открытаго буфета чай, фрукты и холодная закуска. Присутствующіе разбились на группы, юбиляръ обходилъ всѣхъ со словомъ признательности за участіе въ праздникѣ журнала и высказанныя по его адресу добрыя чувства, и дружеская бесѣда продолжалась еще многіе часы.

XI.

Третье десятилѣтіе редакторской дѣятельности С. Н. Шубинскаго, закончившееся 1-го декабря 1909 года, было также отмѣчено сотрудниками журнала подношеніемъ ему на квартирѣ красиваго ларца со вложеніемъ въ него богатой портретной галлеи какъ настоящихъ, такъ и бывшихъ его сотрудниковъ (скончавшихся) во главѣ съ портретами А. С. Суворина и редактора «Новаго Времени» М. А. Суворина. Но уже этотъ день засталъ Сергѣя Николаевича сильно хворающимъ, рѣдко выходящимъ изъ дому и состоящимъ подъ непрестаннымъ наблюденіемъ тогдашняго его друга-врача лейбъ-медика М. М. Шершевскаго.

Несмотря, однако, на всѣ свои хворости, начало которыхъ должно быть отнесено къ 1904 году, редакторъ «Историческаго Вѣстника» продолжалъ быть удивительно бодрымъ духомъ, работоспособнымъ и не потерявшимъ никакихъ свойствъ своей богато одаренной природы. Проработавъ въ журналѣ слишкомъ двадцать пять лѣтъ въ роли единственной редакціонной движущей силы, онъ лѣтъ десять тому назадъ началъ чувствовать необходимость имѣнія подъ рукою помощника, на котораго онъ могъ бы возлагать черновую часть редакціонныхъ работъ. Таковымъ первымъ былъ приглашенъ П. Е. Щеголевъ, тогдашній ревностный сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», котораго С. Н. Шубинскій въ виду его разныхъ несчастливо складывавшихся коллизій жизни счелъ нужнымъ поддержать. П. Е. Щеголевъ пробылъ въ редакціи около Сергѣя Николаевича не больше двухъ лѣтъ и при основаніи журнала «Былое» перешелъ на амплу редактора въ этотъ радикальный историческій органъ печати. Слѣдующимъ помощникомъ редактора явился я, его стародавній сотрудникъ, послѣ того, какъ обстоятельства личной жизни позволили мнѣ цѣликомъ посвятить себя литературной работѣ. Въ званіи помощника Сергѣя Николаевича я и оставался до послѣдняго часа его жизни, принявъ отъ него всѣ завѣты журнала въ будущей его жизни.

— Смотрите,—говорилъ мнѣ Шубинскій дней за пять до своей кончины, когда былъ въ полномъ сознаніи,—смотрите, чтобы «Историческій Вѣстникъ» продолжалъ издаваться моими преемниками такъ же хорошо и въ порядкѣ, какъ при мнѣ и при Алексѣѣ Сергѣевичѣ. Будете уклоняться, мы съ того свѣта будемъ вамъ ключами стучать, покоя ночью не дадимъ; а будете хорошо вести, приуготовимъ вамъ добрую встрѣчу. Вы вотъ тутъ все при жизни юбилеи разные устраивали, а я ужъ тамъ похлопочу, благо у меня будетъ много свободнаго времени... Больше всего опасайтесь впасть въ ошибки «Древней и Новой Россіи» и не соблазняйтесь эфемерными успѣхами «Былого»...

Старикъ очень безпокоился, чтобы журналъ послѣ него не растерялъ накопленнаго имъ богатства подписки и продолжалъ бы для издателей его быть прибыльнымъ дѣломъ. Онъ любилъ извлекать изъ бокового ящика своего письменнаго стола таблицы движенія подписки ¹⁾, приходовъ и расходовъ за все время существованія журнала, внимательно разсматривать столь воскресающіе въ его памяти эпизоды былого, связанные съ исторіей издательства, и по сему предмету пускаться во всяческія разсужденія. Вотъ пять лѣтъ убытковъ и двадцать семь лѣтъ роста прибылей, вотъ страшные годы 1904—1906, когда всѣ издательства терпѣли крахъ и шли на ущербъ, а «Историческій Вѣстникъ» твердо выдерживалъ всѣ политическія бури и непогоды.

— Что жъ, за тридцать два года я далъ Суворину сто тридцать двѣ тысячи чистаго дохода, далъ хорошій заработокъ типографіи, да и самъ покормился, другихъ поддержалъ заработкомъ. Кажется, не за что дурнымъ помянуть... Свое дѣло я сдѣлалъ, по мѣрѣ силъ и возможности послужилъ издателю вѣрой и правдой и могу спокойно итти на тотъ свѣтъ безъ всякаго укора совѣсти за журналъ.

Сергій Николаевичъ былъ правъ и не только не преувеличивалъ своихъ заслугъ передъ «Историческимъ Вѣстникомъ», но скорѣе былъ склоненъ преуменьшать ихъ, относя главную заслугу на долю издателя, никогда не стѣснявшаго его въ средствахъ, ни въ правахъ выбора себѣ сотрудниковъ и выбора печатаемаго матеріала, хотя порою далеко не все приходилось здѣсь по вкусу Алексѣю Сергѣевичу. Я думаю, что въ исторіи нашей журналистики не много найдется примѣровъ такого во истину меценатскаго отношенія къ дѣлу, какое проявлялъ Суворинъ и по отношенію журнала, по отношенію его редактора и по отношенію его сотрудниковъ. Въ качествѣ характерной иллюстраціи къ высказанному положенію приведу слѣдующій фактъ.

Когда Шубинскій выступилъ съ предложеніемъ объ издательствѣ Суворинымъ историческаго журнала, онъ являлся, какъ уже сказано выше, хотя не яркимъ, но все же представителемъ западначескаго либерализма, былъ однимъ изъ второстепенныхъ сотрудниковъ «Голоса» и по своимъ личнымъ связямъ, по своимъ дружескимъ отношеніямъ примыкалъ къ тому кругу людей, которые вели и съ «Новымъ Временемъ», и съ самимъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ непрерывную войну, подчасъ даже нанося оскорбленія Суворину, какъ человѣку. И что же мы видимъ? «Историческій Вѣстникъ» подъ руководствомъ С. Н. Шубинскаго стянулъ къ себѣ

¹⁾ Въ юбилейномъ очеркѣ о 25-лѣтіи «Истор. Вѣстника» приведена подробная таблица какъ движенія подписки, такъ и приходо-расходныхъ суммъ журнала за четверть вѣка.

на первых порахъ не тѣхъ по преимуществу, которые шли въ одну политическую ногу съ издателемъ «Новаго Времени», а именно его недруговъ изъ упомянутой выше враждебной категоріи. Имена Григ. Градовскаго, В. Модестова, а главнѣйше В. Михневича мелькали на оберткѣ «Историческаго Вѣстника» и одновременно на столбцахъ газетъ, сначала «Голоса», а потомъ «Новостей», откуда они вели яростную полемику противъ все того же издателя «Новаго Времени». И А. С. Суворинъ самымъ толерантнымъ образомъ относился къ этому, въ сущности говоря, ненормальному явленію, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ распорядительство своего редактора, усмотрѣнію котораго онъ довѣрилъ это литературное дѣло. Чрезвычайно характеренъ въ данномъ случаѣ инцидентъ, разгорѣвшійся около имени В. О. Михневича. Неуклюжій полемистъ, порою въ своемъ остроуміи переходившій грани дозволеннаго, Михневичъ, помѣщая свои историческія работы у Шубинскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ себя въ «Новостяхъ» слишкомъ много задорнаго по адресу Суворина. Это задѣло послѣдняго, и онъ поставилъ Сергѣю Николаевичу вопросъ: считаетъ ли онъ удобнымъ давать прибѣжище человѣку, такъ его оскорбляющему? Шубинскій поспѣшилъ устранить на время своего личнаго друга-сотрудника и счелъ долгомъ въ объяснительномъ письмѣ поставить о томъ въ извѣстность своего издателя. Вотъ чрезвычайно любопытное письмо Суворина, характеризующее и его лично, и его отношеніе къ Шубинскому, гдѣ онъ писалъ къ послѣднему:

«Если вы, Сергѣй Николаевичъ, «остааетесь при особомъ мнѣніи» относительно участія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Михневича, какъ писалъ мнѣ Ал. Петр. ¹⁾, письмо котораго, адресованное имъ въ Кисловодскъ, я получилъ сейчасъ, то я беру назадъ свое желаніе, чтобы Михневичъ не участвовалъ болѣе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Я ваше мнѣніе привыкъ уважать, но прошу васъ выслушать меня. Вы знаете, какъ я относился къ Михневичу да и вообще къ литературной полемикѣ. Мои враги, которые поносили меня, когда приходили ко мнѣ, я имъ раскрывалъ, выражаясь высокимъ слогомъ, свои объятія. Я не люблю имѣть враговъ, хотя у меня ихъ много, не люблю потому, что я никакъ не могу думать, что въ людяхъ больше дурного, чѣмъ хорошаго. А литературная полемика—это актерское состязаніе, бой на площади, гладиаторство, и я не вижу причины, почему послѣ боя необходимо смотрѣть другъ на друга вражьими глазами. Я человѣкъ съ нервами, даже въ конецъ разстроенными, а потому естественно, что я не съ миною пріятною встрѣчалъ сотрудничество Михневича въ «Историческомъ Вѣстникѣ» всякій разъ, когда оно совпадало съ его вылазками противъ меня въ «Новостяхъ». Но я умѣлъ мириться съ этимъ, и вы это очень хорошо знаете, я готовъ помириться и теперь, тѣмъ болѣе, что не читалъ статьи его и знаю ее только въ устной передачѣ вами. Но въ этой передачѣ она мнѣ показалась дѣломъ непорядочнаго человѣка. Обо мнѣ говори, что хочешь, но зачѣмъ трогать моихъ дѣтей и даже внуковъ? Вѣдь это ужъ пахнетъ Пошлепкиной. Я вѣдь вполне убѣ-

¹⁾ А. П. Коломинъ.

ждень, что Михневичъ человѣкъ почти бездарный, но набившій себѣ руку; его потеря для «Историческаго Вѣстника» равна нулю, по моему мнѣнію, но я знаю, какъ мало и такихъ писателей, которые себѣ руку набили, и потому я васъ не поставлю и не хочу ставить въ затруднительное положеніе. Если онъ ходитъ въ домъ, гдѣ одного изъ хозяевъ онъ ругаетъ, пусть ходитъ; если онъ думаетъ, что онъ такъ значителенъ, что его принимаютъ даже изрыгающимъ хулу—пусть думаетъ. Для меня достаточно того холопства, которое онъ обнаруживаетъ относительно Нотовича, котораго онъ расхвалилъ въ своемъ словарѣ, и относительно Вольфа. Это не независимый человѣкъ, не честный характеръ, а натура достаточно лакейская. Но будетъ объ этомъ. Мое послѣднее слово: я желаю, чтобы все оставалось попрежнему, т.-е. чтобы онъ сотрудничалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» попрежнему, если желаетъ».

Такого рода инциденты были болѣе чѣмъ рѣдки, и въ памяти С. Н. Шубинскаго не сохранилось болѣе никакихъ слѣдовъ вмѣшательства Суворина въ дѣло привлеченія редакторомъ сотрудниковъ изъ тѣхъ или другихъ лагерей, до радикальныхъ и революціонныхъ включительно. Содержаніе книжекъ журнала и помѣщаемыхъ здѣсь статей онъ критиковалъ, но и то довольно добродушно и снисходительно, и только разъ онъ рѣзко ополчился на статью г. Матросова «Заокеанская Русь» и потребовалъ перепечатки одного мѣста, гдѣ нашелъ нѣкоторое своего рода богохульство, наличіе котораго, впрочемъ, отрицалось редакторомъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ случай послужилъ поводомъ къ слѣдующему письму А. С. Суворина къ своему другу:

«Я очень жалѣю, Сергѣй Николаевичъ, что не прочиталъ раньше статьи Матросова,—писалъ онъ.— Вы напрасно мнѣ говорили, что зачѣмъ намъ быть болѣе цензурными, чѣмъ цензура? Цензура всегда формальна и очень часто нелѣпа и придирчива. Но не будь вовсе цензуры, я бы такъ же отнесся къ этой выходкѣ насчетъ зачатія Дѣвы Маріи. Журналъ читается въ семьяхъ, читается дѣвушками, учениками. Неужели объ этомъ не надо помнить? Неужели, если цензура пропуститъ, то и хорошо, то и слава Богу. Извините меня, я думаю, что мы выше цензуры, что мы направляемъ, а не цензура, и я не могу со спокойной совѣстью смотрѣть на то, что цензура по глупости или близорукости пропустила. Вѣдь это не политика, а нѣчто болѣе важное. Мнѣ всегда были глубоко противны выходки противъ религіи даже Вольтера, не только какого-то Матросова. Вотъ почему я поступаю вопреки вашему совѣту «не беспокоиться» и вашему убѣжденію, что здѣсь «нѣтъ рѣшительно ничего, къ чему можно бы придратъся», и велѣлъ перепечатать страницу, остановивъ всю провинціальную почту. Я не думаю, что дѣло кончается тамъ, гдѣ не къ чему придратъся. Напечатайте въ слѣдующей книжкѣ «Гавриліаду» и скажите, что это, молъ, не хорошо, хотя и Пушкинъ написалъ это, по легкомыслію. Во всякомъ случаѣ, я очень прошу васъ на будущее время показывать мнѣ такія сцены, гдѣ Матросовъ будетъ рисовать «бытовую старину невѣжественнаго и темнаго народа». Мы въ этомъ съ вами радикально расходимся, и я усердно прошу васъ извинить меня, что я позволилъ себѣ вмѣшаться въ ваше редакторское дѣло. Утѣшаю себя тѣмъ, что это страшно рѣдко бывало, и потому вы простите великодушно.

Вашъ А. Суворинъ.

9 мая 1897 года.

И настоящій случай съ Матросовымъ былъ въ редакціонной практикѣ Сергѣя Николаевича единственнымъ, исключительнымъ и болѣе не повторялся, причемъ читатели какъ изъ перваго приведеннаго письма, такъ и изъ втораго могутъ убѣдиться, какъ деликатно и съ какимъ уваженіемъ къ своему редактору Суворинъ ставилъ ему на видъ эти незначительные, по его мнѣнію, lapsus'ы. Могутъ они убѣдиться и въ томъ, съ какимъ чувствомъ достоинства защищалъ С. Н. Шубинскій свои дѣйствія, не считая нужнымъ, какъ нѣкоторые его при жизни въ томъ упрекали, принимать мнѣнія своего патрона за абсолютное и истинное.

Не стѣсня С. Н. Шубинскаго въ его редакціонныхъ дѣйствіяхъ, Суворинъ, за исключеніемъ первыхъ годовъ, рѣшительно не вмѣшивался и въ его хозяйственныя распоряженія, предоставивъ ему въ данномъ случаѣ полную свободу дѣйствій. Онъ имѣлъ полное основаніе считать Сергѣя Николаевича такого рода человѣкомъ, который ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ни малѣйшаго ущерба для его матеріальныхъ интересовъ. Скажу даже болѣе: въ этомъ отношеніи редакторъ «Историческаго Вѣстника» былъ своего рода ангеломъ-хранителемъ Суворина, опекалъ его отъ излишняго размаха дѣйствій и всегда опасался, чтобы кто-нибудь и какъ-нибудь не использовалъ недобросовѣстно довѣрія и отзывчивости его патрона. Ему больно было, когда какой-нибудь изъ рекомендованныхъ имъ людей не оправдывалъ передъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ данной имъ этому лицу рекомендаціи. Въ этомъ отношеніи онъ положительно считалъ себя несчастнымъ въ одномъ случаѣ жизни, когда ввелъ въ кабинетъ Суворина сотрудника, который, принявъ отъ Суворина заказъ на работу о Пушкинѣ, сумѣлъ выманить у него всю значительную плату за работу впередъ и ничего ему не дать. Самъ издатель «Новаго Времени», привыкшій въ своей издательской практикѣ къ такого рода недобросовѣстности, когда заходила рѣчь впоследствии объ этомъ случаѣ, только призрачно махалъ рукою, но Шубинскій не могъ до конца своихъ дней съ этимъ помириться и считалъ этого человѣка однимъ изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, поставившихъ его въ фальшивое положеніе и отплатившихъ зломъ за добро.

У Сергѣя Николаевича была маленькая слабость жаловаться на сотрудниковъ за обиліе взятыхъ ими авансовъ, и знаменитый листъ, гдѣ наши лицевые счета были аккуратно занесены, являлся неистощимой темой для его бесѣдъ съ издателемъ, сотрудниками и даже посторонними новыми людьми. Можно было подумать, что писатели точно набѣгали съ грабительскими цѣлями на бѣднаго стараго редактора и съ угрозами для жизни выманивали у него цѣлые капиталы. Конечно, ничего подобнаго не было. Писатель приносилъ рукопись и въ случаѣ ея одобренія почтительно ходатайствовалъ о выдачѣ подъ нее той или другой суммы денегъ,

въ зависимости отъ своей нужды и возможности полученія аванса. Добрый и отзывчивый редакторъ всегда, какъ я уже говорилъ выше, сочувственно входившій въ интересы своихъ сотрудниковъ, шелъ навстрѣчу этимъ ходатайствамъ, лишь бы они не наносили ущерба редакціонному и издательскому дѣлу, по самую процедуру выдачи ордера онъ любилъ обставлять безконечными разговорами, жалобами на количество выданныхъ авансовъ, показываніемъ упомянутыхъ лицевыхъ счетовъ и т. д. и т. д. Новыхъ, неопытныхъ людей такого рода канитель порою приводила въ смущеніе, порою привлекала къ редактору, такъ какъ они усматривали и въ этихъ жалобахъ на другихъ, и въ этомъ показываніи листа авансовъ какое-то особое къ себѣ довѣріе, но старые сотрудники, какъ равно и издатель «Историческаго Вѣстника», знали эту слабость Сергѣя Николаевича, терпѣливо проходили эти мытарства и въ результатѣ почти всегда уходили отъ него удовлетворенные.

— Ну, зачѣмъ вамъ деньги? Вѣдь вы ихъ не сбережете, не отложите на черный день, а попросту растратите...

— Какъ зачѣмъ нужны? Вѣдь и вамъ, небось, нужны деньги?

— Мнѣ нужно на леченіе. Смотрите, во что мнѣ обходятся доктора и аптека! Просто дневной грабежъ, скоро безъ штановъ на улицу пойду...

А. С. Суворинъ зналъ хорошо прижимистость своего стараго друга и порою спѣшилъ удовлетворить неудовлетворенныхъ послѣднимъ, но какъ-нибудь такъ, чтобы тотъ не разсердился и не обидѣлся, а проситель бы могъ получить въ полной мѣрѣ то, что ему нужно. Онъ даже иногда ходатайствовалъ въ самой почтительной формѣ передъ своимъ редакторомъ о повышеніи нѣкоторыхъ гонораровъ.

— Ну, что вы скупитесь! Дайте ему, что онъ просить. Вѣдь вещь его хорошая.

Сергѣй Николаевичъ ворчалъ заочно, получивъ такого рода письменное ходатайство Суворина:

— Этакъ онъ разорить журналъ. Такъ нельзя,—и вслѣдъ за симъ начиналъ выторговывать что-нибудь въ пользу Суворина, а послѣдній, узнавъ объ этомъ непрошенномъ барышѣ, заливался хохотомъ, и, махнувъ рукой, подбавлялъ отъ себя въ двойномъ размѣрѣ недоданное, подыскавъ для таковой выдачи иной источникъ.

ХІІ.

Какъ я уже отмѣтилъ выше, болѣзненный періодъ жизни Сергѣя Николаевича начался лѣтъ десять назадъ, когда онъ приблизился къ шестидесяти пяти годамъ. Онъ уже вынужденъ былъ отказаться отъ своего любимаго лѣтняго занятія—охоты съ ружьемъ и съ собакой въ окрестностяхъ своей всегдашней дачной резиденціи

въ Любани, избѣгать часто вредныхъ для своего здоровья завтраковъ и ужиновъ у П. Я. Дашкова и вообще вплотную засѣлъ у себя въ квартирѣ, съ большими иногда промежутками въ пріемѣ посѣтителей. Отказъ его отъ охоты доставилъ, между прочимъ, большое удовольствіе Д. Л. Мордовцеву.

— Зайчиковъ-то, зайчиковъ, бѣдненькихъ, сѣренъкихъ, я слышалъ, уже бросили уничтожать? Ну, и слава Богу. Кое-что изъ вашихъ грѣховъ за это вамъ простится.

На свой двадцатипятилѣтній юбилейный банкетъ Шубинскій съ трудомъ выѣхалъ и присутствовалъ на немъ подѣ наблюдениемъ пользовавшаго его всегда доктора Шершевскаго, такъ какъ послѣдній не былъ увѣренъ, что его паціентъ безопасно для здоровья вынесетъ волненія дня. А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ здоровье Сергѣя Николаевича все больше распатывалось. Въ 1908 году состояніе его приняло угрожающій характеръ, и окружающіе думали, что имъ уже суждено навсегда распроститься съ дорогимъ человѣкомъ. Но воистину желѣзный отъ природы организмъ справлялся съ надвигавшеюся грозою, и искусныя мѣропріятія врачей (сначала, какъ уже сказано, Шершевскаго, потомъ заступившаго его мѣсто профессора Г. Ю. Явейна, его ассистента Гранстрема и подѣ конецъ его жизни профессора Сиротинина), тщательный уходъ за нимъ его супруги, попеченія всѣхъ окружающихъ и полный переходъ на гигиеническій образъ жизни спасали его каждый разъ отъ неминуемой бѣды. Силы физическія явно убывали, но духъ, бодрый и сильный, не покидалъ его.

— Я знаю, что скоро помру. Понимаю, что двухъ вѣковъ не прожить, но страшно ощущать немощъ тѣла и бодрость духа... Тянетъ на привычную работу, хочется что-нибудь подѣлать, и не можешь...

И Шубинскій сталъ понемногу, но систематически готовиться въ смыслѣ своихъ матеріальныхъ земныхъ заботъ къ переходу въ иной міръ. Всѣ его распоряженія, мѣропріятія по сему предмету отмѣчены удивительнымъ реализмомъ; поражаютъ своей детальностью, обнаруживая свойственную ему всю жизнь аккуратность и заботливость. Между прочимъ онъ написалъ трогательное прощальное письмо Алексѣю Сергѣевичу Суворину, которое уже послѣ его кончины было найдено въ его бумагахъ, въ особомъ конвертѣ, адресованное на имя своего стараго друга. Здѣсь онъ писалъ между прочимъ: «Я поручилъ женѣ моей доставить вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ, это письмо послѣ моей смерти. Прежде всего благодарю васъ отъ всего сердца за то неизмѣнное довѣріе, дружбу и множество одолженій, которыя вы мнѣ оказывали. Богъ свидѣтель, что я ихъ искренно цѣнилъ, старался ихъ оправдать и въ отношеніи къ вамъ руководился самыми чистыми побужденіями». Обратившись далѣе къ адресату съ нѣсколькими незначительными

просьбами практическаго характера, имѣющими отношеніе къ оставляемой имъ послѣ себя вдовѣ, онъ заканчиваетъ письмо слѣдующей фразой: «Простите, если въ чемъ-либо, когда-либо, вольно или невольно былъ виноватъ передъ вами. Если намъ дано на томъ свѣтѣ сознаніе земной жизни, то, вѣрьте, я вѣчно сохраню о васъ самыя благодарныя и теплыя воспоминанія. Да хранитъ васъ Господь! Вашъ Шубинскій».

Неожиданныя кончины въ одинъ и тотъ же день, въ 1910 году, М. М. Шершевскаго и П. Я. Дашкова оказали на него удручающее впечатлѣніе.

— Вотъ и послѣдніе друзья сошли съ жизненной сцены... Пора и мнѣ за ними... Какъ посмотришь кругомъ, никого изъ бывшихъ пріятелей ужъ не осталось въ жизни... Одинъ я пережилъ всѣхъ...

И старикъ начиналъ вспоминать въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣ дружескія сообщества, гдѣ ему приходилось вращаться. Вотъ кружокъ Хмырова, Семевского, Ефремова, вотъ компанія братьевъ Барсуковыхъ, Ѳедора Берга, Всеволода Крестовскаго съ ихъ дружескими ужинами въ «Сѣверномъ» ресторанѣ на Офицерской, гдѣ Ѳ. Бергъ всѣхъ поражалъ своей феноменальной скупостью; вотъ компанія Н. С. Лѣскова, С. Н. Терпигорева-Атавы, П. Н. Полевого, наконецъ кружокъ П. Я. Дашкова съ его занимательными друзьями въ столь знакомой его исторической столовой, гдѣ надъ Н. К. Шильдеромъ присутствующіе съ Дашковымъ во главѣ трунили по поводу его отождествленія старца Ѳеодора Кузьмича съ императоромъ Александромъ I и т. д., и т. д. Длинной вереницей вставали передъ покойнымъ образы минувшаго, и тихою грустью звучали его поминальныя слова.

Видя порою критическое состояніе въ здоровьи моего больного редактора-патрона, я, по обязанности ближайшаго помощника С. Н. по журналу, докладывалъ А. С. Суворину объ опасномъ положеніи его друга, но А. С. каждый разъ сердился на меня за приносимыя грустныя вѣсти, говоря:

— Что вы все хороните Шубинскаго? Кто знаетъ, можетъ быть, онъ и меня переживетъ.

Слова Суворина оказались пророческими. Тяжкая болѣзнь свела въ могилу издателя «Новаго Времени» на 9 мѣсяцевъ ранѣе редактора «Историческаго Вѣстника». Но оба старика, однолѣтки, уже съ годъ назадъ сознавали свой близкій, одинъ за другимъ, конецъ. Когда А. С. Суворинъ, послѣ первой операціи, сдѣланной ему докторомъ Шписомъ, вернулся въ Петербургъ и осенью 1911 года навѣстилъ своего тяжело болѣвшаго друга, — ихъ встрѣча походила вмѣстѣ съ тѣмъ и на близкое роковое «прости». Трогательно было видѣть, какъ сѣдаемый тяжелой болѣзнью Алексѣй Сергѣевичъ съ любовью и съ безпокойствомъ навѣщалъ своего хворавшаго сподвижника жизни, какъ медлил онъ ѣхать вторично за гра-

ницу, выжидая облегченія состоянія здоровья Сергѣя Николаевича, каковое замедленіе было, пожалуй, для него роковымъ, и какъ умилительно-любовно оба старика другъ съ другомъ со слезами на глазахъ прощались и крестили другъ друга.

Весною минувшаго года опредѣлилось, что дни Алексѣя Сергѣевича сочтены; нѣсколько оправившись къ тому времени, С. Н., получивши возможность на короткое время выѣхать изъ дому, поспѣшилъ повидать своего стараго друга, а вернувшись домой, горько заплакалъ:

— Хоть бы мнѣ умереть съ нимъ одновременно. Въ одинъ годъ родились, въ одинъ годъ и скончались бы.

За время своей болѣзни и болѣзни своего друга А. С. Суворинъ пишетъ ему ласковыя письма, гдѣ заботится объ его здоровьи, повѣствуетъ о себѣ, выражаетъ надежду на свиданіе. 13-го декабря 1911 года онъ пишетъ ему изъ Франкфурта:

«Здравствуйте, милый Сергѣй Николаевичъ! Слава Богу, что вы выживаете или тянете жизненную лямку подобно тому, какъ я ее тяну. Я справлялся у Миши ¹⁾ о вашемъ здоровьи. Мое Богъ знаетъ какое. Все не кончили еще операціи. Горло болитъ. Говорить не могу. Очень хочется домой, хочется повидаться съ вами, посудачить, поскорѣбѣть, ближняго маленько тронуть вопреки заповѣди. Ахъ жизнь, жизнь, что въ ней толку, а жить все хочется. Какъ «Историческій Вѣстникъ»? Надѣюсь, слава Богу. Сегодня читалъ Г. Интересно. Крѣпко обнимаю васъ, милый товарищъ и другъ.

«Вашъ А. Суворинъ».

«Что бы вамъ собратъся за границу, милый человекъ? Помните, мы говорили объ этомъ, и вы изъявили желаніе. А расходи съ удовольствіемъ возьметъ на себя «Историческій Вѣстникъ», который вамъ вмѣстѣ со мной такъ обязанъ. Возьмите одръ свой и ступайте на желѣзную дорогу. Ну же, Сергѣй Николаевичъ!»

1-го января 1912 года (н. с.) Суворинъ пишетъ:

«Милый Сергѣй Николаевичъ, большое вамъ спасибо за ваше письмо. Сѣли написать нѣсколько строкъ, а написали большое письмо, какъ всегда выходили большими наши бесѣды съ вами, потому что вы всегда ихъ умѣли дѣлать интересными. Я бы вамъ посовѣтовалъ, что совѣтовалъ Ефремову и что самъ собирался сдѣлать, пригласить стенографистку и продиктовать ей то, что вы знаете и чѣмъ интересна ваша жизнь. Ефремовъ этого не сдѣлалъ, я не сдѣлалъ, а вы сдѣлайте. Вотъ Витте тоже сдѣлалъ. Онъ былъ у меня здѣсь нѣсколько разъ, долго сживалъ, много рассказывалъ и между прочимъ рассказалъ, что онъ продиктовалъ стенографисткѣ свою жизнь и вышелъ чуть не цѣлый томъ. Конечно, мы жили не такъ высоко, какъ онъ, но мы жили въ той средѣ, которая работала и которая дѣлала новую Россію, можетъ быть, невидимо для этихъ высокихъ мѣстъ, но дѣлала несомнѣнно и дѣлала упорно. Сколько вы внесли «Историческимъ Вѣстникомъ» здоровыхъ знаній и идей въ русское об-

¹⁾ М. А. Суворинъ, старшій сынъ А. С., редакторъ «Новаго Времени».

щество, какой огромный и плодотворный трудъ вы сдѣлали, вы, такой скромный, такой деликатный и такой благородный работникъ на этой литературной нивѣ. вмѣсто того, чтобы лежать и думать, посадите около себя стенографистку и стали бы диктовать все, что въ головѣ тѣснится. А что жъ поѣздка за границу? Передъ моимъ отъѣздомъ вы такъ этого хотѣли. Я въ первый разъ тогда услышалъ отъ васъ это желаніе, которое вы раньше никогда не выражали. Намъ недолго осталось жить. Я многое видѣлъ. Вы ни разу не были за границей. Какъ-то странно и какъ не согласно съ вашими западническими взглядами, которымъ вы остались всегда вѣрными... Храни васъ Богъ, милый голубчикъ».

Письма Алексѣя Сергѣевича пестрятъ словами «милый голубчикъ», «дорогой другъ и товарищъ» и т. п., и ясно, въ каждой строкѣ и на каждой страницѣ, что пишущою рукою водить чувство любви, нѣжности и дружбы. Шубинскому эти письма были въ настоящій праздникъ, и онъ по полученіи каждаго письма съ грустью твердилъ: «Быть можетъ, это послѣдній привѣтъ стараго друга на совмѣстномъ жизненномъ пути».

Судьбѣ угодно было протянуть мучительные дни издателя «Новаго Времени» еще на восемь мѣсяцевъ послѣ посылки цитированныхъ выше, и только 11 августа 1912 года въ Царскомъ Селѣ Алексѣя Сергѣевича не стало.

Получивши эту роковую вѣсть находившійся въ Любани редакторъ «Историческаго Вѣстника» тяжело захворалъ, потрясенный этимъ печальнымъ событіемъ нашей общественной и его личной жизни. Съ тѣхъ поръ съ нѣкоторыми перерывами облегченія онъ влачилъ почти полгода тяжкую, мучительную жизнь. Сердце слабѣло, всѣ органы тѣла приходили въ разрушеніе, задыханія становились постоянными, и страшно было глядѣть на эти его страданія, облегчить которыя медицина была не въ силахъ. Наступилъ, по словамъ врачей, старческій маразмъ. И, несмотря, однако, на весь мучительный ужасъ переживаемаго, Шубинскій продолжалъ оставаться духомъ бодрымъ и дѣятельнымъ, не выпуская изъ слабѣющихъ и хладѣющихъ рукъ журнальнаго кормила. Правда, онъ по состоянію здоровья совсѣмъ лишенъ былъ возможности видѣться съ сотрудниками и посѣтителями, и доступъ къ нему имѣли только самые близкіе люди: во всемъ же остальномъ, что относилось до журнала, онъ неослабно имѣлъ наблюденіе, и ни одно мое распоряженіе и дѣйствіе, какъ его помощника и временнаго замѣстителя, не оставалось внѣ его контроля и наблюденія. Порою онъ даже вступалъ со мною въ пререканія, по поводу моихъ рѣшеній и точно хотѣлъ снова пріобщиться къ теченіямъ жизни и событій, обнаружить свою индивидуальность и жизнеспособность. Онъ, какъ часовой на своемъ посту, не считалъ себя въ правѣ отойти отъ порученнаго ему дѣла и только за десять дней передъ агоніей онъ лишился всякой возможности чѣмъ-нибудь заниматься и интересоваться. Тяжкій бронхитъ со всяческими грудными и сердеч-

ными осложненіями свалилъ его окончательно на постель, и наступилъ мучительный періодъ страшной борьбы между жизнью и смертью, борьбы, полной ужасныхъ страданій. Сталъ угасать и разсудокъ... Обнаружилась непрерывная сонливость, и 28-го мая сего года его не стало.

XIII.

Я не стану описывать здѣсь послѣднихъ мучительныхъ дней жизни Сергѣя Николаевича; не дай Богъ никому быть свидѣтелемъ столь тяжелаго умиранія и тѣмъ паче, конечно, самому испытывать такія страданія. Больной прекрасно сознавалъ, что наступаютъ его послѣдніе часы, прощался съ окружающими, нѣсколько разъ исповѣдывался и причащался, молилъ даже о предоставленіи ему средствъ къ уничтоженію себя, а то порою воскресалъ въ своихъ надеждахъ и только сѣтовалъ на врачей и на отсутствіе у нихъ цѣлительныхъ лекарствъ.

Послѣдніе два дня были особенно мучительны и тревожны. Повидимому, онъ никого уже не узнавалъ, въ бреду пытался что-то говорить, «обирался» вокругъ себя, какъ говорятъ въ народѣ, точно собираясь въ далекій путь-дорогу. Я покинулъ его квартиру въ часъ ночи послѣ того, какъ ему было сдѣлано обычное подкожное впрыскиваніе морфія, а безъ малаго черезъ четыре часа редакціонный разсылный разбудилъ меня съ горестной вѣстью, что мой милый и дорогой редакторъ навѣки смежилъ свои очи...

Кончина его, такимъ образомъ, не была неожиданностью, и неизбѣжный конецъ всѣми давно предвидѣлся. Смерть избавила его отъ мучительныхъ страданій, которымъ, казалось, и конца не будетъ.

Появившіяся въ газетахъ объявленія, несмотря на наступившее уже глухое время года, привлекли въ осиротѣлую квартиру Сергѣя Николаевича почти весь наличный составъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», многихъ изъ редакціи «Новаго Времени», разныхъ бывшихъ литературныхъ знакомыхъ и пріятелей, родныхъ, почитателей, поклонниковъ.

Со строгимъ спокойнымъ выраженіемъ лица лежалъ нашъ незабвенный редакторъ въ дубовомъ гробу на высокомъ катафалкѣ, утѣпавшемъ въ цвѣтахъ и вѣнкахъ, серебряныхъ и металлическихъ: отъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», отъ сотрудниковъ «Новаго Времени», отъ конторы и книжнаго магазина «Новаго Времени», отъ лейбъ-гренадеровъ, среди которыхъ когда-то служилъ покойный, отъ Б. Б. Глинскаго, отъ типографіи «Новаго Времени», отъ дочери, отъ князей Оболенскихъ, отъ семейства Масляненка и др. Стройное пѣніе прекраснаго хора пѣвчихъ изъ церкви святого Симеонія, отчетливое и проникновенное моленіе отца Θεодора Боголюбова, духовника покойнаго, производили сильное впечатлѣніе, наполняя

С. Н. Шубинский в гробу.

его когда-то строго выдержанный въ дѣловомъ стилѣ, нѣсколько холодный кабинетъ теплымъ чувствомъ скорби о понесенной уtratѣ и благодарной памятью объ отошедшемъ въ вѣчность прекрасномъ человѣкѣ.

30-го мая состоялось его погребеніе. Проводить усопшаго къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія собралось значительное количество его друзей, родственниковъ, сотрудниковъ по журналу, представителей науки и литературы. Военскія почести отдавалъ отрядъ 87-го Нейшлотскаго полка съ оркестромъ музыки. По прибытіи тѣла въ Александро-Невскую лавру здѣе, въ церкви Святого Духа, состоялось его отпѣваніе. Отдать послѣдній долгъ почившему прибыли: представители редакціи «Новаго Времени» М. А. Суворинъ, В. П. Буренинъ, Б. В. Гей, К. С. Тычинкинъ, Н. И. Афанасьевъ, сотрудники «Историческаго Вѣстника»: Б. Б. Глинскій, А. М. Бѣловъ, В. Б. Бертенсонъ, А. М. Ловягинъ, проф. А. И. Маленинъ, Н. А. Энгельгардтъ, Е. К. Андреевскій, П. М. Невѣжинъ, И. Н. Потапенко, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, М. Г. Кильштеть-Веселкова, Е. С. Тимирязева, А. И. Фаресовъ, К. С. Эфронъ-Литвинъ, Ф. Е. Заринъ, В. В. Даниловъ, І. І. Ясинскій, В. И. и С. В. фонъ-Штейны, М. Ф. Чулицкій, А. Г. Фомины и др. Среди молившихся въ церкви находились: С. И. Смирнова, В. А. Мазуркевичъ, К. П. Медвѣдскій, В. Ф. Боцяновскій, Б. В. Никольскій, А. А. Плещеевъ, В. И. Ясевичъ-Бородаевская, помощникъ начальника морского генеральнаго штаба генералъ Зилотти, пользовавшій его въ Любани д-ръ Гиммельманъ, а также обширно представленная депутація отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, служащіе въ типографіи, конторѣ и книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Когда послѣ отпѣванія гробъ былъ опущенъ въ могилу-склепъ, я отъ лица сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» произнесъ слово, гдѣ выставилъ по отношенію Сергѣя Николаевича тѣ главныя положенія, которыя читатели могутъ найти въ моихъ фельетонахъ въ «Новомъ Времени» и въ настоящей статьѣ.

Вѣсть о кончинѣ Сергѣя Николаевича произвела на всѣхъ знавшихъ его и въ городѣ, и въ провинціи большое впечатлѣніе. По случаю горестной его утраты вдова покойнаго, сотрудники «Историческаго Вѣстника» и пишущій настоящій очеркъ получили слѣдующія изъясненія по телеграфу и почтѣ:

Телеграммы:

«Высоко цѣня заслуги Сергѣя Николаевича Шубинскаго въ дѣлѣ распространенія историческихъ знаній въ широкихъ кругахъ, общество ревнителей исторіи выражаетъ черезъ васъ свою душевную скорбь по поводу его кончины». (Спб.).

«Общество любителей изученія Кубанской области выражаетъ редакціи глубокое сочувствіе по случаю понесенной въ лицѣ покойнаго Сергѣя Николаевича утраты и проситъ передать его соболѣзнованіе семьѣ покойнаго. Предсѣдатель Скиданъ. Товарищъ секретаря Талицкій». (Екатеринодаръ).

Могила С. Н. Шубинского в Александро-Невской лавре.

«Правленіе кассы литераторовъ въ послѣднемъ засѣданіи постановило выразить вамъ искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти члена кассы Сергѣя Николаевича Шубинскаго. За предсѣдателя Слонимскій, секретарь Груздевъ». (Спб.).

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ узналъ о смерти почтеннаго Сергѣя Николаевича. Вѣчная ему памть. Александръ Амфитеатровъ». (Фецано).

«Глубоко скорблю о кончинѣ незабвеннаго Сергѣя Николаевича. Евгений Гаршинъ». (Симферополь).

«Прошу редакцію «Историческаго Вѣстника» принять мое сердечное соболѣзнованіе по случаю кончины Сергѣя Николаевича. Гнѣдичъ». (Антреа).

«Низко кланяюсь почившему. Профессоръ Павелъ Верховскій». (Варшава).

«Прошу васъ передать вдовѣ и дочери незабвеннаго Сергѣя Николаевича мое искреннее горячее соболѣзнованіе въ понесенной утратѣ дорогаго, всѣми любимаго человѣка. Умановъ-Каплуновскій». (Спб.).

«Шлю сердечныя соболѣзнованія по поводу кончины глубокоуважаемаго благороднѣйшаго Сергѣя Николаевича. А. Плещеевъ». (Спб.).

«Глубоко скорблю о смерти Сергѣя Николаевича и душевно сожалью, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ отдать ему послѣдній долгъ. Сементковскій». (Спб.).

«Примите и передайте семьѣ скончавшагося Сергѣя Николаевича мою глубокую скорбь. Свѣтлая личность почившаго никогда не изгладится изъ памяти близко знавшихъ и любящихъ его. Григорій Пальмъ». (Тифлисъ).

«Всѣмъ сердцемъ раздѣляю горе, какъ знакомый почившаго Сергѣя Николаевича и сотрудникъ его славнаго журнала. Марковъ». (Одесса).

«Примите мои горячія соболѣзнованія. Сотрудникъ Алексѣевъ». (Гатчина).

«Просимъ васъ быть выразителемъ нашего искренняго сочувствія горю семьи незабвеннаго Сергѣя Николаевича Шубинскаго. Тира и Михаилъ Соколовскіе». (Спб.).

«Вкупѣ съ осиротѣвшею редакціею преклоняюсь передъ прахомъ дорогаго незабвеннаго Сергѣя Николаевича и оплакиваю незамѣнимую утрату. Борисъ Городецкій». (Екатеринодаръ).

«Скорблю о кончинѣ толерантнѣйшаго редактора-джентльмена. Кауфманъ». (Наугеймъ).

«Сейчасъ прочелъ о смерти дорогаго Сергѣя Николаевича. Не хочется вѣрить. Передайте съ моей стороны роднымъ покойнаго и семьѣ сотрудниковъ выраженіе глубокой скорби. Сотрудникъ Мальмгренъ». (Митава)

«Память вѣчная и царство небесное дядѣ. Да утѣшитъ Господь тетю. Ермолова и Зеленина». (Троицкъ).

«Отъ всей души сочувствую вашему горю и очень сожалью, что лишена возможности быть на похоронахъ незабвеннаго Сергѣя Николаевича. Ювачева». (Сестрорѣцкъ).

«Сердечно сочувствую горю. Тиличевы». (Пятигорскъ).

«Соболезнуемъ всѣ вашему превосходительству и, будучи несказанно удручены постигшей васъ утратой, молимъ Всевышняго послать вамъ бодрость и утѣшеніе. Въ лицѣ Сергѣя Николаевича мы навсегда потеряли искренняго друга и доброжелателя. Семья Байрашевыхъ». (Любань).

«Искренно соболѣзуемъ кончинѣ чтимаго, всѣми уважаемаго Сергѣя Николаевича. Пошли Всевышній покойному царство небесное, оставшимся же смиренье. Петербургскій ахунъ Вязитовъ». (Спб.).

«Царство небесное сердечному Сергѣю Николаевичу. Россіевъ». (Сочи).

«Сочувствую вашему горю. Миръ праху Сергѣя Николаевича. Акодусь». (Любань).

«Всѣмъ сердцемъ скорблю вмѣстѣ съ вами по поводу постигшей васъ тяжелой утраты. Горе мое безгранично. Да подкрѣпитъ васъ Господь Богъ. Петръ Шубинскій». (Тифлисъ).

«Оплакиваю кончину незабвеннаго Сергѣя Николаевича. Кореневскій». (Кожанки).

П и с ь м а:

«Прошу передать мое послѣднее прости нашему общему другу-покровителю, Сергѣю Николаевичу Шубинскому, выразить супругѣ его Екатеринѣ Николаевнѣ мое сердечнѣйшее сочувствіе и сожалѣніе и сообщить нашей тѣсной группѣ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», собравшейся вокругъ гроба покойнаго, что я мысленно съ ними.

Тяжело и очень тяжело дѣлается на душѣ, когда вспомнишь, что не увидишь уже болѣе сидящимъ за письменнымъ столомъ въ тужуркѣ или халатѣ нашего милаго и сердечнаго редактора. По привычкѣ улыбаясь, заворчить бывало на предлагаемую статью, а потомъ скоро и охотно ее приметъ, укажетъ новые матеріалы и участливо станетъ спрашивать о твоихъ домашнихъ дѣлахъ, вызывая къ нимъ искреннее участіе какъ словомъ, такъ и дѣломъ. Вотъ этой-то простоты отношеній маститаго и извѣстнаго редактора къ сотруднику, этого-то его душевнаго сочувствія къ своему собесѣднику и искренняго желанія помочь послѣднему—особенно жалко лишиться многимъ изъ насъ навсегда.

«Прикованный къ постели и преисполненный сейчасъ чувства печали, я могу только добавить: вѣчная и добрая память никогда не заглохнетъ въ сердцахъ знавшихъ тебя, нашъ добрый и любимый учитель и другъ!

«В. Рудаковъ».

«Только что вернулся изъ поѣздки за Москву и узналъ о кончинѣ дорогаго Сергѣя Николаевича. Присоединяю свою глубокую скорбь къ общему горю сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника». Не стало человѣка рѣдкихъ нравственныхъ устоевъ, искренняго любителя и знатока родной старины въ безконечномъ ея разнообразіи, поборника свободнаго слова и всесторонняго освѣщенія предмета, идеальнаго работника-редактора журнала и старца съ вѣчно молодою и открытою для всѣхъ душою. Вѣчная ему память!

«И. Бѣляевъ».

«Прошу глубокоуважаемую семью сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» принять мой сердечныя сочувствія по случаю кончины дорогаго Сергѣя Николаевича, основателя и руководителя журнала среди бурь нашего времени. Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ очень многими редакціями, но болѣе внимательнаго и доброжелательнаго редактора мнѣ встрѣчать не доводилось. Смерть его громадная потеря для всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

«Профессоръ Варнеке».

«Только сейчасъ узнавъ изъ газетъ о смерти Сергѣя Николаевича, спѣшу выразить сердечное соболѣзнованіе осиротѣвшей редакціи и семьѣ. Много выдающихся научныхъ силъ и блестящихъ талантовъ работало и работаютъ въ области изученія родного прошлаго. Рядомъ съ ними ярко блеститъ имя Сергѣя Николаевича, занявшаго такое своеобразное положеніе въ русской исторіографіи. Этотъ рыцарь родной старины,

столько лѣтъ служившій ей безъ страха и упрека, этотъ истинный другъ исторіи сходитъ въ могилу, провожаемый сердечной скорбью широкихъ круговъ русскаго общества, проходившаго добавочный курсъ русской исторіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ», этомъ университетѣ родной старины.

«Е. Вороновъ».

«Глубоко опечаленная вѣстью о кончинѣ Сергѣя Николаевича Шубинскаго, я, какъ одна изъ сотрудницъ «Историческаго Вѣстника» спѣшу выразить дружной редакціонной семьѣ свое искреннее сочувствіе въ понесенной въ лицѣ почившаго редактора невознаградивимой тяжелой утратѣ. Лучшая дань благодарности памяти усопшаго—продолженіе изданія въ прежнемъ составѣ ближайшими сотрудниками «Историческаго Вѣстника», въ которомъ до послѣднихъ дней жизни усердно работала этотъ неутомимый труженикъ. М. Марина».

«По случаю кончины достоуважаемаго редактора «Историческаго Вѣстника» Сергѣя Николаевича Шубинскаго выражаемъ наше глубокое и искреннее соболѣзнованіе какъ роднымъ покойнаго, такъ и редакціи журнала.

«Докторъ Вл. Золотницкій.

«Вдова врача-писателя С. Кокосова».

«Узнавъ только сегодня въ Болховѣ о кончинѣ Сергѣя Николаевича Шубинскаго, спѣшу выразить свое соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты, понесенной журналомъ въ лицѣ его покойнаго основателя и многолѣтняго редактора, нашего даровитаго историка-журналиста. Да будетъ ему земля пухомъ!

«А. Мартыяновъ. (Болховъ, Орлов. губ.)».

Настоящими выраженіями соболѣзнованія я заканчиваю свой біографическій очеркъ, посвященный жизни и трудамъ основателя и долготѣтнаго редактора «Историческаго Вѣстника». Не сомнѣваюсь, что на страницахъ его осиротѣлаго журнала и въ другихъ повременихъ изданіяхъ о немъ со временемъ появятся дополнителныя воспоминанія, опубликуется его непрерывная переписка за многіе годы съ А. С. Суворинымъ, станутъ извѣстны документы богатѣйшаго оставленнаго имъ архива, и тогда милый образъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго вырисуется еще рельефнѣе, и передъ глазами русскаго общества во весь свой ростъ станетъ одинъ изъ видныхъ представителей отечественнаго просвѣщенія за послѣдніе полвѣка. Если моя скромная работа, составленная на скорую руку согласно требованіямъ аккуратнаго выхода журнала, сослужитъ въ данномъ случаѣ свою службу, я сочту свой литературный долгъ передъ памятью покойнаго, которому я въ жизни былъ многимъ обязанъ, хоть нѣкоторой долей выполненнымъ.

Б. Глинскій.

Р. С. По просьбѣ вдовы Сергѣя Николаевича, Екатерины Николаевны Шубинской, помѣщаю здѣсь нижеслѣдующее ея письмо на мое имя, адресованное ко всѣмъ сотрудникамъ «Историческаго Вѣстника».

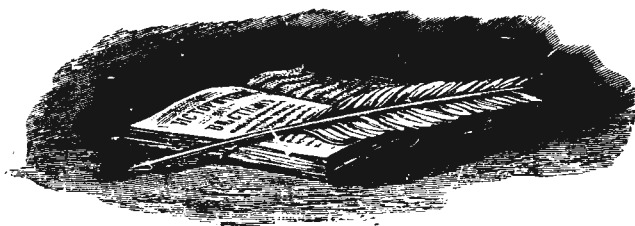
«Глубокоуважаемый и дорогой

«Борисъ Борисовичъ!»

«Къ вамъ, какъ наиболѣе знакомому и родному мнѣ изъ числа сотрудниковъ журнала «Историческаго Вѣстника», обращаюсь я съ этимъ письмомъ, въ которомъ хочу выразить чувство пережитой мною въ первые дни тяжелой утраты и вызванное теплымъ участіемъ сотрудниковъ Сергѣя Николаевича.

«Почти половину своей жизни я, какъ жена покойнаго Сергѣя Николаевича, имѣла счастливую возможность встрѣчаться со многими изъ васъ и, скажу откровенно, полюбила васъ, полюбила за всегда внимательное и теплое отношеніе къ моему мужу. Вы были родными ему—были близкіе, родственные мнѣ. Ваше глубокотрогательное, сердечное вниманіе къ памяти усопшаго, ваше участіе къ моему тяжкому горю давало мнѣ силы, насколько возможно, легче переносить его. Спасибо вамъ, дорогіе, милые люди... Память о васъ, о вашемъ отношеніи къ покойному Сергѣю Николаевичу будетъ всегда жить во мнѣ и поможетъ переживать дни моего одиночества. Еще разъ отъ всей души благодарю васъ.

«Признательная Е. Шубинская».

К. П. ФОНЪ-КАУФМАНЪ.

БОРЬБА У ПРЕСТОЛА.

Историческій романъ 1).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

БЫЛЪ ранній часъ, и на улицѣ еще царилъ тьма.

Просторный кабинетъ Ягужинскаго былъ ярко освѣщенъ многочисленными свѣчами. За столомъ сидѣлъ Кротковъ и разбиралъ бумаги.

Наканунѣ, поздно вечеромъ изъ верховнаго совѣта была получена повѣстка, приглашавшая графа Павла Ивановича къ девяти часамъ утра въ большой Кремлевскій дворецъ на собраніе. Какое собраніе— въ повѣсткѣ не было указано. На всякій случай Семень Петровичъ, всегда аккуратный, подобралъ бумаги, касавшіяся послѣднихъ распоряженій, отданныхъ верховнымъ совѣтомъ графу. Верховный совѣтъ возложилъ на Ягужинскаго предварительныя приготовления къ предстоящему погребенію покойнаго императора, заготовку траурныхъ каретъ, устройство гробницы, выработку въ общихъ чертахъ церемоніала погребенія, соотвѣтственно бывшимъ «прискорбнымъ оказіямъ» и другія столь же несложныя, но хлопотливыя дѣла.

Кротковъ составилъ уже небольшую записку о мѣрахъ, принятыхъ графомъ къ исполненію порученій совѣта. Онъ дѣлалъ свое дѣло механически, по привычкѣ, и на его художавомъ, спо-

1) Продолженіе: См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІ, стр. 385.
«Истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. СХХХІІ.

койномъ лицѣ нельзя было прочесть тревоги, пожиравшей его душу. Едва ли у Ягужинскаго былъ болѣе преданный человѣкъ, чѣмъ Кротковъ. И это было понятно. Семень Петровичъ былъ всѣмъ обязанъ Павлу Ивановичу. И не только онъ, но и его отецъ, и его дѣдъ.

Старый органистъ московской лютеранской церкви, отецъ Павла Ивановича принялъ участіе въ судьбѣ своего сосѣда, такого же бѣдняка, какимъ былъ самъ дѣдъ Семена Петровича. По мѣрѣ силъ помогаль онъ ему, бѣдному «ярыжкѣ» суднаго приказа (это было во времена правительницы Софіи) и когда этотъ «ярыжка» умеръ, взялъ къ себѣ на воспитаніе его единственного сына Петрушу. Этотъ Петруша провелъ свое раннее дѣтство вмѣстѣ съ нынѣшнимъ графомъ. Но судьба рано раздѣлила ихъ. Талантливый и живой Павелъ случайно привлекъ къ себѣ вниманіе царя Петра Алексѣевича, когда, въ то время еще юный, царь посѣтилъ кирку и заговорилъ съ не по лѣтамъ развитымъ сыномъ бѣднаго органиста.

Съ тѣхъ поръ Павелъ Ивановичъ сталъ быстро подниматься въ гору, между тѣмъ какъ Петръ Кротковъ поступилъ писцомъ въ тотъ же судный приказъ.

Шли годы. Умеръ старый органистъ. Преждевременно умеръ отъ запоя и Петръ Кротковъ, оставивъ юнаго сына Семена. Это было въ концѣ царствованія Екатерины.

Когда юный Семень, помня и зная отъ отца о всѣхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ ихъ семьѣ старымъ Ягужинскимъ, съ трепетомъ явился въ пріемную графа, генераль-адъютанта и камергера Павла Ивановича, онъ встрѣтилъ и участіе, и ласку. Въ память своего отца, въ память дѣтской дружбы съ отцомъ Семена, Ягужинскій тотчасъ же устроилъ его въ сенатъ, а, замѣтя трудолюбіе, способности и скромность молодого писца, взялъ его къ себѣ въ секретари.

Семень Петровичъ платилъ ему за все самой горячей признательностью.

И теперь, разбирая бумаги, онъ болѣлъ сердцемъ за своего благодѣтеля. Онъ видѣлъ тревогу графа и зналъ ея причину. Онъ самъ помогаль Павлу Ивановичу писать письмо къ герцогинѣ курляндской, зналъ о посылкѣ Сумарокова и объ его арестѣ. И повѣстка верховнаго совѣта казалась ему зловѣщей.

Теперь онъ ждалъ выхода графа.

Но, кромѣ него, въ кабинетѣ присутствовали еще двое. Это были Окуневъ и Чаплыгинъ—адъютанты Ягужинскаго, которые должны были сопровождать его въ совѣтъ.

Въ полной парадной формѣ, въ напудренныхъ парикахъ, офицеры нетерпѣливо ходили взадъ и впередъ по кабинету. У нихъ былъ видъ людей, идущихъ на сраженіе. И, дѣйствительно, они послѣ послѣднихъ извѣстій были готовы ко всему.

Кротковъ молча сидѣлъ, уткнувшись въ бумаги.

Чаплыгинъ не выдержалъ.

— Семень Петровичъ,—крикнулъ онъ:—да брось къ дьяволу свои бумаги. Бросилъ бы ихъ въ печку. Больше бы прибыли было. Ты лучше скажи, что графъ?

Кротковъ съ улыбкой отодвинулъ отъ себя бумаги.

— Графъ! Что графъ? Вчера ночью, какъ получилъ повѣстку, поѣхалъ къ канцлеру. Вернулся чернѣе тучи.

— Да,—задумчиво произнесъ Окуневъ:—почерпѣшь тутъ. Ну, а ты что?

— Я?—отвѣтилъ Кротковъ:—я тамъ, гдѣ графъ.

— Хорошо сказать,—воскликнулъ Чаплыгинъ:—графъ—все же графъ, генераль-прокуроръ, генераль-адъютантъ... А мы? Съ нами, братъ, церемониться не стануть.

Семень Петровичъ покачалъ головой.

— А съ Меншиковымъ поцеремонились?—сказалъ онъ.

Окуневъ махнулъ рукой.

— И охота вамъ каркать! Можетъ, поговорять, поговорять—и только.

— А Сумароковъ?—спросилъ Чаплыгинъ.

— Велика важность,—отвѣтилъ Окуневъ:—отпугать. Развѣ что въ гарнизонъ переведуть, съ глазъ подальше. Вотъ и все.

— Кажется, идетъ графъ,—вставая, произнесъ Кротковъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались твердые, поспѣшные шаги.

И, дѣйствительно, на порогъ въ полной парадной формѣ, съ голубой лентой Андрея Первозваннаго черезъ плечо, со шляпой и перчатками въ рукѣ появился Ягужинскій.

Офицеры вытянулись.

Лицо Ягужинскаго было спокойно и рѣшительно. Онъ тоже былъ готовъ къ борьбѣ. Онъ уже зналъ отъ Головкина, въ чемъ дѣло. Сегодня торжественное объявленіе кондицій, утвержденныхъ императрицей. Особыми повѣстками были приглашены: «спнодь, сенать, генералитеть по бригадира, президенты коллегій и прочіе штатскіе тѣхъ ранговъ».

Но верховники не посвятили Головкина въ подробности допроса Сумарокова, хотя Головкинъ и зналъ, что Сумароковъ въ цѣпяхъ доставленъ въ Москву. Это было зловѣщимъ признакомъ.

Онъ не скрылъ отъ Павла Ивановича самыхъ мрачныхъ опасеній. Совѣтовалъ даже ему временно уѣхать въ какую-нибудь вотчину, тайно ото всѣхъ, и пробыть тамъ время до прибытія императрицы.

Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, воспитанный въ суровой школѣ Петра, Ягужинскій не былъ трусомъ.

— Нѣтъ, Гаврило Иванычъ,—возразилъ онъ на его убѣжденія:—я не уѣгу. Я никогда не бѣгалъ отъ врага, и я не боюсь ихъ..

Войдя въ кабинетъ, Ягужинскій ласково отвѣтилъ на поклоны молодыхъ людей.

— Вотъ, ваше сіятельство,—началь Семень Петровичъ:—я приготовилъ премемерію для верховнаго совѣта касательно погребенія праха покойнаго государя.

— Оставь, Семень, это вздоръ! Тутъ, пожалуй, о нашихъ головахъ идетъ дѣло. Сумароковъ въ цѣпяхъ, въ цѣпяхъ,—съ удареньемъ повторилъ онъ,—привезенъ въ Москву и допрошенъ господами министрами.

Ягужинскій горько усмѣхнулся.

— Такъ до бумагъ ли теперь! Пожалуй, надо ѣхать, пораньше буду—побольше узнаю. Прощай, Семень Петровичъ,—ласково проговорилъ графъ, какъ будто мгновенно охваченный тяжелымъ предчувствіемъ.

Онъ протянулъ Кроткову руку, и когда тотъ въ волненіи хотѣлъ поцѣловать ее, графъ не допустилъ и обнялъ его.

Офицеры горячо пожали Семену Петровичу руку.

— Съ Богомъ, счастливаго пути,—взволнованно говорилъ онъ, идя за ними слѣдомъ.

Въ большой залѣ графа встрѣтили жена и дочь, обѣ встревоженные. Но графъ сейчасъ же принялъ веселый видъ.

— Чего вы поднялись такую рань?

— Не спалось,—серьезно отвѣтила Анна Гавриловна.—Ты поздно вернулся вчера. А вчера вечеромъ заѣзжалъ Степанъ Васильичъ. Видно, тревоженъ.

— Ну, ну, нечего тревожиться,—торопливо проговорилъ Ягужинскій. Видно, присутствіе жены и дочери было тяжело ему. Если онъ былъ дурнымъ и невѣрнымъ мужемъ, что было извѣстно всѣмъ и что подозрѣвала Анна Гавриловна, зато былъ очень нѣжнымъ отцомъ.

— Ну, до свиданья, до свиданья,—сказалъ онъ, цѣлуя жену и дочь.

Маша почему-то особенно нѣжно поцѣловала отца...

— Довольно, Маша, пусти,—растроганно произнесъ графъ.

Глаза Машы были полны слезъ. И она, и Анна Гавриловна вчера узнали отъ Лопухина о той опасности, которая грозила Ягужинскому.

Но Анна Гавриловна, по натурѣ сдержанная и энергичная, могла владѣть собой; Маша же едва могла сдержаться отъ рыданій.

Офицеры стояли въ сторонѣ и трудно было рѣшить, чьи глаза выражали больше восторга, глядя на Машу,—Окунева или Чапыгина.

Прощавшись съ Павломъ Ивановичемъ, женщины протянули руки молодымъ офицерамъ и съ чувствомъ пожелали имъ счастливаго пути.

Лишь только затихли шаги ушедших, Маша съ громкими рыданіями бросилась на грудь матери.

— Маша, Маша, не плачь,—успокаивала ее мать:—Богъ милостивъ...

Проводивъ до подъзда графа, Семень Петровичъ вернулся въ кабинетъ и, глубоко задумавшись, началъ ходить взадъ и впередъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею затонить каминъ.

Когда разгорѣлся огонь, Кротковъ заперъ дверь кабинета на ключъ, открылъ столъ, вынулъ изъ него связку бумагъ и, медленно перечитывая каждую, одну за другой бросалъ ихъ въ огонь.

Это были черновики письма къ Аннѣ, инструкціи Сумарокову, замѣтки для памяти, что сказать ему для передачи новой императрицѣ, списокъ кавалергардскихъ офицеровъ, преданныхъ и чѣмъ-нибудь обязанныхъ своему бывшему подполковнику, также и семеновскихъ и преображенскихъ офицеровъ и многихъ вольныхъ людей—помѣщиковъ и шляхетства, такъ или иначе связанныхъ съ Ягужинскимъ.

Когда сгорѣла послѣдняя бумага, Кротковъ облегченно вздохнулъ и самый пепель смѣшалъ съ пылающими углями. Потомъ открылъ кабинетъ, еще разъ осмотрѣлъ внимательно столъ, заперъ бумаги и направился къ себѣ. Онъ жилъ наверху, въ тѣспой комнаткѣ, всю обстановку которой составляли деревянная постель съ тощимъ тюфякомъ, простой столъ съ бумагами и книгами и нѣсколько стульевъ.

Конечно, Семень Петровичъ могъ бы завести и тюфякъ получше, и стулья попарядкѣ, въ богатомъ домѣ Ягужинскаго не было недостатка въ мебели, но Кротковъ не считалъ нужнымъ мѣнять обстановку. Онъ вполне довольствовался ею. На столѣ лежали разные петровскіе регламенты, указы объ учрежденіи коллегій, собраніе манифестовъ и церемоніаловъ, включительно до «супplementa», носившаго подзаголовокъ: «въ воскресенье 12-го декабря 1729 года реляція о высокому его императорскаго величества обрученіи, коимъ образомъ оное 30-го дня ноября сего 1729 года въ Москвѣ счастливо совершилось», и цѣлая кипа «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Взглянувъ на «супplementъ», Кротковъ тяжело вздохнулъ. Какъ недавно все это было! И какъ страшно все измѣнилось!.. И какъ темно впереди для всѣхъ!..

Дверь комнаты тихонько пріоткрылась, и просунулась чья-то голова.

— Семень Петровичъ, дозвольте войти!—произнесъ голосъ.

Кротковъ узналъ старшаго камердинера графа, Евстрата.

— Войди, войди, Евстратъ,—произнесъ онъ.

Онъ привыкъ къ тому, что вся дворня обращалась къ нему за совѣтами, съ просьбами и разъясненіями. Семень Петровичъ никому не отказывалъ: кому поможетъ совѣтомъ, за кого попросить у графа. Его любили и ему довѣряли.

Евстрать вошелъ нѣсколько смущенный.

— Въ чемъ дѣло, Евстрать?—спросилъ Кротковъ.

— Да вотъ,—опасливо началъ Евстрать:—къ вамъ, Семень Петровичъ. Не откажите...

Кротковъ молча ждалъ. Наконецъ Евстрать овладѣлъ собою и рѣшительно сказалъ:

— Смутно нынче стало. Ну, и всякіе такіе разговоры. Дворня неспокойна... Въ кухнѣ что творится—не приведи Богъ!

— Что жъ творится?—спросилъ съ любопытствомъ Семень Петровичъ.

— Словно неладное!—отвѣчала Евстрать.—Поваръ Тимошка прямо говорить, что не будетъ болѣе холоповъ, что всѣмъ-де верховный совѣтъ положилъ волю дать. Я, говорить, скоро самъ буду вольный человѣкъ, женюсь на Малашкѣ, никого не спрашаючись, и въ Съѣстной улицѣ лавку открою. Конюхъ Никита въ деревню уйти хочетъ, дескать, обрадую всѣхъ, вольные люди будемъ...

Евстрать помолчалъ.

— Ну, и волнуются, а тутъ вечеръ приходилъ къ брату человѣкъ отъ князь Василь Владимировича. Веселый такой. Говорить, сама царица-матушка, дай ей Богъ здоровья, царскимъ словомъ обѣщала волю намъ дать... Оно, конечно, Семень Петровичъ,—взволнованно говорилъ Евстрать:—воля... Надо воли... Конечно, грѣхъ Бога гнѣвить, хорошо у нашего боярина... А только, того... воли бы намъ.

Молодое лицо Евстрата разгорѣлось.

— Скажи, ради Бога, Семень Петровичъ, дала царица волю, или такъ брешутъ только? Куды ни придешь, вездѣ про то говорить, и у самого графа-батюшки тоже.

Графомъ-батюшкой называли въ домѣ Головкина, какъ отца Ягужинской.

Евстрать въ волненіи замолчалъ.

Молчалъ и Кротковъ, пораженный тѣмъ, что услышалъ. Онъ не думалъ, не ожидалъ, что «затѣйки» верховниковъ (это выраженіе онъ слышалъ отъ Ягужинскаго) найдутъ откликъ среди безсловесныхъ рабовъ. Онъ самъ не зналъ, была ли въ этомъ правда, думали ли объ этомъ верховники, ограничивая самодержавную власть императрицы, но эта мысль ослѣпила его. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ на разгоравшуюся борьбу, какъ на борьбу, въ которой замѣшаны только могущественные, стоявшіе на самомъ верху люди. И вдругъ оказывается, что эта борьба отозвалась глубоко внизу и возбудила мечты и надежды тѣхъ, кто за долгіе вѣка рабства,

казалось, привыкли видѣть свою судьбу въ полной зависимости отъ произвола своего господина.

Кротковъ долго молчалъ и наконецъ отвѣтилъ.

— Я ничего не слышалъ объ этомъ, Евстратъ; напрасно волнуются. Какъ бы не стало потомъ хуже.

— Такъ, значитъ, пустое, одна брехня,—уныло и угрюмо отвѣтилъ Евстратъ:—я такъ и полагалъ. Ну жъ я покажу имъ, какъ брехать,—злобно добавилъ онъ, и въ его словахъ чувствовалась обида человѣка, обманутаго въ своихъ надеждахъ.

— Погоди, Евстратъ,—остановилъ его Кротковъ:—время теперь смутное, надо подождать, когда пріѣдетъ императрица. Она полегчить вамъ.

— Полегчить,—съ сомнѣніемъ отвѣтилъ Евстратъ.—Спасибо, Семёнъ Петровичъ,—заключилъ онъ и, махнувъ рукой, вышелъ вонъ.

Новыя мысли, новыя чувства пробудили слова Евстрата въ душѣ Кроткова.

Верховники могущественны, они ограничили самодержавіе императрицы, они теперь могущественнѣе ея самой. Почему бы имъ и не сдѣлать этого? А, можетъ, они и думали о томъ? А почто же тогда возсталъ противъ нихъ Павелъ Ивановичъ?

Мысли бурей налетѣли на Семена Петровича.

По своему рожденію онъ былъ близокъ къ этимъ дворовымъ. Его бабушка была изъ дворовыхъ Олсуфьевыхъ, братъ его дѣда былъ дворовымъ Шереметевыхъ. Ему были близки и слезы и горе рабовъ.

Но Павелъ Ивановичъ говорилъ, что Долгорукіе лишь о себѣ мыслятъ, а дворовый Долгорукихъ говоритъ, что они не для однихъ себя воли хотятъ...

Кротковъ такъ взволновался, что не могъ сидѣть дома. Онъ одѣлся и вышелъ на улицу, направляясь къ Кремлю.

На улицахъ было большое движеніе, и тѣмъ оживленнѣе, чѣмъ ближе къ Кремлю. Цвѣтными лентами тянулись по прилегающимъ улицамъ армейскіе и гвардейскіе полки, ѣхали сани и кареты, на перекресткахъ стояли военные посты.

У большого Кремлевскаго дворца толпился народъ. День былъ морозный и сумрачный. На площади кое-гдѣ горѣли костры.

Странное впечатлѣніе производила Москва. Это былъ будто осажденный городъ.

Чего ждали всѣ эти люди, толпившіеся у дворца?

То здѣсь, то тамъ слышались сдержанные разговоры. Въ одномъ мѣстѣ говорили, что сегодня верховный совѣтъ объявитъ всѣмъ волю, въ другомъ, что собираются судить Долгорукихъ—Алексѣя Григорьевича и его сына, любимца покойнаго императора Ивана. Въ третьемъ—шопотомъ передавали, что императрица Анна умерла и что сейчасъ объявятъ императрицей царевну Елизавету.

Слухи одинъ нелѣпѣ другого передавались изъ устъ въ уста.

Кроткову удалось проникнуть до самой линіи солдатъ, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ дворець. Подходили все новые и новые отряды. Они оцѣпляли площадь, шпалерами становились вдоль прилегающихъ улицъ, частью входили въ самый дворець подѣ командой офицеровъ. Среди шпалерой выстроенныхъ солдатъ подѣзжали ко дворцу непрерывной цѣлью сани и кареты приглашенныхъ лицъ. Кучера и фрейторы кричали и ругались, и потомъ, высадивъ господъ, отѣзжали въ сторону, на особо отведенное для нихъ мѣсто. Проѣзжали нѣкоторыя кареты, не останавливаясь у подѣзда, прямо къ мѣсту стоянки пустыхъ каретъ. Это были по большей части кареты резидентовъ иностранныхъ дворовъ. По распоряженію верховнаго совѣта ни одинъ иностранецъ не былъ приглашенъ на это историческое засѣданіе 2-го февраля.

Проѣхалъ французскій резидентъ Маньянь, испанскій—герцогъ де-Лирія и де-Херико, саксонско-польскій—Лефортъ и нѣкоторые другіе.

Они хотѣли видѣть настроеніе народа и получить свѣдѣнія о происшедшемъ подѣ первымъ впечатлѣніемъ, для донесенія своимъ дворамъ.

Внушительное и грозное впечатлѣніе производили пестрые ряды стоявшихъ у дворца въ боевой готовности войскъ.

VI.

Огромный залъ дворца, ярко освѣщенный, потому что утро было сумрачное и туманное, едва вмѣщала всѣхъ приглашенныхъ.

Слышался гулъ сдержанныхъ голосовъ.

Собраніе было болѣе многолюдно, чѣмъ двѣнадцать дней тому назадъ, когда также представители сената, синода и генералитета ждали властнаго слова верховниковъ объ избраніи Анны.

И настроеніе теперь было напряженнѣе. Теперь рѣшались будущность имперіи, судьбы всѣхъ сословій, паденіе однихъ, возвышеніе другихъ. Полная ломка стараго государственнаго зданія, подѣ развалинами котораго, быть можетъ, погибнуть многія и многія жертвы.

Передъ закрытой дверью изъ большого зала стояли неподвижно часовые. Это былъ почетный карауль. За дверью происходило совѣщаніе верховнаго тайнаго совѣта.

Передъ дверью, нѣсколько въ сторонѣ, былъ поставленъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ и около него кресла.

Ягужинскій нашель въ первыхъ рядахъ Алексѣя Михайловича Черкаскаго, Ивана Ѳедоровича Барятинскаго, фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкаго и другихъ высшихъ сановниковъ. Всѣ они были раздражены и не скрывали своего раздраженія.

— Что, мальчикъ я имъ дался!—говорилъ Иванъ Юрьевичъ:— я, слава Богу, фельдмаршалъ. Уйду, вѣрно, уйду.

Толстый Алексѣй Михайловичъ сердито пощипывалъ свою бороду и угрюмо посматривалъ на запертую дверь.

Ягужинскій старался казаться спокойнымъ, но это ему плохо удавалось. Онъ то и дѣло нервно оправлялъ на себѣ голубую ленту, безпокойно озираясь кругомъ. Онъ увидѣлъ мало утѣшительнаго. На лицахъ большинства высшихъ чиновъ была полная растерянность.

Угрюмо, съ мрачнымъ видомъ стоялъ во главѣ представителей синода новгородскій архіепископъ Теофанъ. Онъ казался погруженнымъ въ глубокія и печальныя размышленія и, видимо, не слушалъ что-то оживленно говорившаго ему невысокаго, безпокойнаго, нервнаго коломенскаго архіепископа Игнатія Смола. Ростовскій владыка Георгій бросалъ тревожные взгляды то на Теофана, то на стоявшаго рядомъ съ нимъ Ивана Ильича Дмитріева-Мамонова, мужа царицы Парасковіи, друга Теофана. Нелюбовь Дмитрія Голицына къ духовенству была хорошо всѣмъ извѣстна, и потому представители синода чувствовали себя особенно плохо.

Бодрѣ смотрѣли люди невысокихъ ранговъ, представители служилаго шляхетства. Имъ нечего было бояться личной вражды со стороны министровъ верховнаго совѣта. Напротивъ, ограниченіе самодержавія, задуманное верховниками, давало имъ возможность расширить свои права и получить свою долю въ управленіи имперіей.

Но взоры всѣхъ съ ожиданіемъ, тревогой, надеждой или ненавистью были устремлены на завѣтную дверь, около которой въ красныхъ мундирахъ, съ обнаженными палашиами въ рукахъ стояли два кавалергарда.

А за этой завѣтной дверью верховники съ нервнымъ напряженіемъ уже съ шести часовъ утра обсуждали подробности сегодняшняго выступленія, являвшагося рѣшительнымъ и безповоротнымъ, какъ имъ казалось, ходомъ въ ихъ игрѣ.

Верховники знали существовавшее противъ нихъ раздраженіе въ извѣстныхъ кругахъ и могли сегодня ожидать рѣзкихъ выступленій противъ себя. Василій Владимировичъ на всякій случай занялъ караулами внутренніе переходы дворца.

Обсудивъ положеніе дѣлъ и составивъ общій планъ обращенія къ собранію, отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, выдающимся по своему положенію, какъ Черкасскій и Иванъ Трубецкой, и подготовивъ, на случай разспросовъ, разъясненія относительно кондичій и своего участія въ составленіи ихъ, верховники приступили къ написанію протоколовъ и провѣркѣ списковъ приглашенныхъ, подчитывая силы своихъ сторонниковъ и силы своихъ враговъ.

Почти всѣ члены совѣта были налицо, за исключеніемъ вице-канцлера Остермана и Василя Лукича

— Андрей Иванычъ опять захворалъ,—насмѣшливо произнесъ Дмитрій Михайловичъ.

— Да,—этовался его братъ фельдмаршалъ:—Андрей Иванычъ ждетъ, чтобы положеніе окрѣпло,—тогда онъ выздоровѣетъ. Но онъ очень уменъ и необходимъ въ дѣлахъ. Пусть хвораетъ. Онъ всегда на сторонѣ побѣдителей. А побѣдители мы,—увѣренно закончилъ онъ.

— Да, мы побѣдимъ,—произнесъ Василій Владимировичъ.— Никто не посмѣетъ поднять голоса противъ воли императрицы, а если кто и задумалъ бы что, такъ на то есть у насъ войско.

— Здѣсь ли Ягужинскій?—спросилъ Дмитрій Михайловичъ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ сидѣвшій въ сторонѣ за маленькимъ столикомъ правитель дѣлъ Василій Петровичъ.

Графъ Головкинъ безпокойно поднялъ голову.

— Итакъ, это рѣшено?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ. Дмитрій Михайловичъ нахмурился.

— Мы окружены тайными врагами,—сказалъ онъ:—кто они? Мы не знаемъ. Кто первый предупредилъ императрицу? Мы такъ и не дознались. Тѣмъ строже мы должны поступить съ тѣмъ, кто уличенъ. Василій Лукичъ правъ.

— Подумайте, что вы дѣлаете! Онъ одно изъ первыхъ лицъ въ государствѣ,—продолжалъ въ волненіи канцлеръ:—онъ связанъ родствомъ съ знатѣйшими персонами!..

— Тѣмъ хуже. Тѣмъ онъ опаснѣе,—сурово произнесъ Василій Владимировичъ.—Мы покажемъ, что благо отечества для насъ дороже всего, что мы достаточно сильны, чтобы не бояться никого.

— Такъ пусть тогда императрица рѣшитъ его участь!—воскликнулъ Головкинъ.

Никто не отвѣтилъ взволнованному старику.

Наступило тяжелое молчаніе. Его прервалъ Михаилъ Михайловичъ:

— Мы достаточно сильны,—сказалъ онъ:—чтобы не прибѣгать къ жестокости. Успокойся, Гаврило Иванычъ. Мы не сдѣлаемъ ничего сверхъ того, что требуетъ благо отечества. Мы еще выслушаемъ Павла Иваныча.

— Вы будете справедливы,—отвѣтилъ Головкинъ, овладѣвая собой.—А я, какъ канцлеръ, исполню свой долгъ.

Дмитрій Михайловичъ крѣпко пожалъ его руку.

Василій Владимировичъ тихо отдалъ приказъ Степанову вызвать въ сосѣдную залу караулъ съ офицеромъ.

Ровно въ девять часовъ распахнулись двери въ большую залу, и пять верховниковъ во главѣ съ канцлеромъ вышли. За ними съ бумагами слѣдовалъ Василій Петровичъ.

Верховники прямо прошли къ столу и, не садясь, остановились около него. Въ серединѣ помѣстился графъ Головкинъ. Степановъ положилъ передъ нимъ бумаги.

Верховники низко поклонились собранію.

Среди глубокой тишины раздался голос канцлера:

— Господа представители сената, синода и генералитета! По общему избраніи на престолъ Россійской имперіи дочери государя Иоанна Алексѣевича Анны Иоанновны, бывшей герцогини курляндской, отправлено было въ Митаву посольство съ извѣщеніемъ о семь. Нынѣ изъ Митавы прибылъ генераль Леонтьевъ и привезъ радостнѣйшую вѣсть, что герцогиня курляндская Анна Иоанновна всемилостивѣйше соизволила принять наслѣдственную корону державы Россійской. Да здравствуетъ императрица Анна Иоанновна!

— Да здравствуетъ императрица Анна Иоанновна!—раздались голоса, но безъ особаго одушевленія.

Всѣ уже давно считали вопросъ объ избраніи рѣшеннымъ. Это было, такъ сказать, официальное привѣтствіе.

Когда смолкли крики, графъ Головкинъ продолжалъ, при настороженномъ вниманіи всего собранія:

— Но сего мало. Въ неизреченномъ милосердіи своемъ, въ заботахъ о вѣрныхъ подданныхъ своихъ, императрица рѣшила облегчить участь всѣхъ сословій, оградивъ ихъ честь и животы новыми благими законами, безъ своевластія и произвола. Князь Дмитрій Михалычъ доложить высокому собранію собственноручное письмо императрицы верховному совѣту, а также и условія правленія всемилостивѣйшей государыни.

Среди собравшихся произошло движеніе, и снова всѣ замерли.

«Любезно вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ»...—громко и медленно началъ читать Дмитрій Михайловичъ. Его напряженно слушали.

Въ своемъ письмѣ Анна отчасти повторяла то, что говорила при приѣмѣ депутатовъ въ Митавѣ. Но такъ какъ письмо было отправлено съ вѣдома Василя Лукича, то онъ предложилъ Аннѣ внести въ него нѣкоторыя дополненія.

Любопытство собранія достигло своего предѣла, когда Дмитрій Михайловичъ прочелъ заключительныя слова письма:

«... дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, елико время насъ допустило, написали, какими способы мы то правленіе вести хотимъ»...

Наступила самая важная минута. Наконецъ-то станетъ ясно, чего хотѣли, чего добивались верховники, какими путями ограничили они верховную власть, что дали другимъ и что оставили себѣ...

Сами верховники чувствовали приближающуюся грозу. И въ эти минуты Дмитрій Михайловичъ пожалѣлъ, что все содержалось въ такой тайнѣ, что онъ не посвятилъ въ проекты своихъ преобразованій широкіе шляхетскіе круги. Сейчасъ уже не время гово-

ритель о нихъ... а кондиціи всю волю даютъ только верховному совѣту.

Онъ медленно взялъ со стола листъ и началъ читать.

Представители синода съ чувствомъ удовлетворенія выслушали стоявшее на первомъ мѣстѣ «наикрѣпчайшее обѣщаніе» хранить и распространять православную вѣру греческаго исповѣданія.

Но мгновенный ропотъ прошелъ по собранію, когда Голицынъ дошелъ до мѣста объ утвержденіи верховнаго тайнаго совѣта въ постоянномъ составѣ «восьми персонъ».

И снова всѣ затихли.

Но уже открытый ропотъ послышался при чтеніи пункта четвертаго: «гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта».

— Мы не хотимъ служить верховному совѣту, — раздался голосъ изъ толпы армейскихъ офицеровъ. — Мы служимъ императрицѣ!

— И я буду служить вамъ? — сверкая глазами, произнесъ фельд-маршалъ Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, стоявшій возлѣ самаго стола.

Графъ Головкинъ поднялъ руку.

— Прошу высокое собраніе выслушать до конца.

Ропотъ стихъ, и Дмитрій Михайловичъ дочиталъ кондиціи.

— Но какимъ образомъ то правленіе быть имѣеть? — спросилъ Черкасскій. — Тутъ видно только, что правленіе будетъ въ рукахъ верховниковъ.

— Удивительно, откуда государынѣ пришло на умъ такъ писать, — съ насмѣшливой улыбкой произнесъ Ягужинскій.

— А тебѣ это не нравится, Павелъ Ивановичъ? — съ затаенной угрозой спросилъ его фельдмаршалъ Долгорукій.

Собраніе, видимо, было крайне возбуждено, но никто не рѣшался выступить открыто противъ верховниковъ.

Утренняя тьма уже разсѣялась. Черезъ большія окна лился яркій свѣтъ зимняго солнца, и въ его лучахъ блѣднѣли желтыя пятна горящихъ лампъ и свѣчей, и этотъ смѣшанный свѣтъ придавалъ странный, призрачный оттѣнокъ лицамъ присутствовавшихъ.

Чтобы загладить непріятное впечатлѣніе и высказать свои завѣтныя мысли, Дмитрій Михайловичъ обратился къ собранію съ рѣчью.

— Нѣтъ, — горячо заговорилъ онъ: — не о благѣ своемъ, не о самовластіи думалъ верховный совѣтъ, предлагая императрицѣ кондиціи. Но о благѣ всего народа... Эти кондиціи, — произнесъ онъ, высоко поднимая листъ, — это первая ступень. Мы хотимъ воли равно всемъ сословіямъ. Мы всѣ, какъ дѣти одного отечества, будемъ искать общей пользы и благополучія государствъ. Эти

кондиціи развязали намъ руки. Мы вольны теперь сами изыскивать лучшее управленіе. И вы, представители сената, синода и генералитета и шляхетства, ищите общей пользы, представьте свои мнѣнія и проекты, и мы вмѣстѣ обсудимъ ихъ... Самъ Богъ вдохновилъ императрицу подписать для своей славы и блага отечества эти кондиціи. Отсюда будетъ счастливая и цвѣтущая Россія!—заключилъ онъ.

Его слова произвели значительное впечатлѣніе, особенно на шляхетскій кружокъ. Но угрюмо молчали высшіе сановники. Этими кондиціями у нихъ были вырваны всякая власть и значеніе. Помимо императрицы, ими будетъ распоряжаться верховный совѣтъ, то есть Долгорукіе и Голицыны.

И верховники инстинктивно почувствовали, что наступаетъ часъ борьбы, упорной, безпощадной, борьбы на смерть.

Самый рѣшительный въ своихъ поступкахъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, фельдмаршалъ Долгорукій громко сказалъ:

— Это воля императрицы. Исполненіе этой воли возложено на верховный тайный совѣтъ. И верховный тайный совѣтъ исполнитъ свой долгъ. Это говорю я! Подполковникъ Преображенскаго полка, фельдмаршалъ Россійской арміи! Какъ бы высоко ни поднималась голова, непокорная волѣ императрицы, я достану ее.

И фельдмаршалъ грознымъ движеніемъ положилъ руку на рукоять шпаги.

Враждебное молчаніе встрѣтило его слова.

Ягужинскій стоялъ, опустивъ голову.

Нѣсколько мгновеній Долгорукій молча смотрѣлъ на него. Казалось, онъ колебался, но, взглянувъ по сторонамъ и увидя полныя нескрываемой, невысказанной ненависти лица высшаго генералитета, онъ наклонился къ уху Дмитрія Михайловича и что-то прошепталъ. Дмитрій Михайловичъ бросилъ быстрый взглядъ на Ягужинскаго и, въ свою очередь, что-то тихо сказалъ фельдмаршалу Михаилу Михайловичу.

Тотъ медленно и важно наклонилъ голову.

Только этого, казалось, и ждалъ Долгорукій.

Обратившись къ собранію, онъ снова началъ:

— Мы не можемъ и не смѣемъ щадить враговъ отечества и ея величества. Предъ высокимъ собраніемъ я исполню тяжелый долгъ.

Онъ помолчалъ.

Стоявшіе въ первомъ ряду знатнѣйшіе сановники тревожно переглядывались.

— Павелъ Ивановичъ,—сурово продолжалъ фельдмаршалъ:— отъ имени верховнаго тайнаго совѣта, властью, довѣренной ему императрицей, за письмо, отправленное тобою императрицѣ и

направленное противъ блага отечества и интересовъ ея величества, объявляю тебя арестованнымъ впредь до суда!

Упавшій съ потолка громъ не такъ поразилъ бы собраніе, какъ эти грозныя слова. Словно протяжное, глухое «о-о-охъ» пронеслось по собранію.

Арестовать всенародно графа, генераль-адъютанта, андреевскаго кавалера, человѣка, связаннаго родствомъ и свойствомъ съ Трубецкими, Бяратинскими, Ромодановскими, Черкасскими!

Это было неслыханно!

Ягужинскій, страшно поблѣднѣвшій, поднялъ голову и воскликнулъ:

— Вы не судья мои! Пусть судить меня императрица! Канцлеръ, смотри!

Головкинъ съ жаромъ убѣждалъ въ чемъ-то Дмитрія Михайловича.

Въ невольномъ движеніи вокругъ Ягужинскаго столпились Черкасскій, Трубецкой, Бяратинскій и недавно пріѣхавшій Лопухинъ.

Казалось, они готовы были оказать прямое сопротивленіе.

Лицо Василія Владимировича словно окаменѣло.

Онъ сдѣлалъ Степанову знакъ. Распахнулась дверь, и съ ружьями наперевѣсъ тяжелыми шагами въ залу вошли солдаты во главѣ съ капитаномъ Лукинымъ, командовавшимъ въ этотъ день карауломъ.

— Возьмите его,—повелительно произнесъ фельдмаршалъ, указывая на Ягужинскаго.

— Меня, меня?—крикнулъ, не помня себя, Ягужинскій.

— Василій Владимировичъ, остановись,—произнесъ фельдмаршалъ Иванъ Юрьевичъ.

Солдаты молча двинулись впередъ и остановились передъ Ягужинскимъ.

Отсалютовавъ обнаженной шпагой, капитанъ Лукинъ произнесъ, обращаясь къ Ягужинскому:

— Ваше сіятельство, извольте слѣдовать за мной.

Глухой ропотъ пронесся по собранію.

— Именемъ ея величества я объявляю графа Ягужинскаго измѣнникомъ отечества,—громкимъ голосомъ произнесъ фельдмаршалъ Долгорукій.

При этихъ словахъ въ залѣ наступило молчаніе.

— Я не тать, не разбойникъ,—дрожащимъ голосомъ началъ Ягужинскій:—я генераль россійской арміи и вѣрный подданный императрицы. Не признаю суда вашего надо мною. Вы ли сейчасъ говорили о свободѣ! Не вы развѣ возставали противъ бѣдствій самовластья! Хорошо, я повинуюсь силѣ!..

— Да,—отвѣтилъ Дмитрій Голицынъ:—мы хотѣли свободы, ты хотѣлъ неволи! Мы хотѣли стать свободными людьми, и импе-

ратрица сонзволнла даровать намъ свободу! Ты хотѣлъ остаѣться рабомъ и оставить другихъ въ рабствѣ! Такъ и оставайся же рабомъ!—заключилъ онъ.

Въ послѣдній разъ окинулъ Ягужинскій взглядомъ окружающихъ. Фельдмаршалъ Трубецкой стоялъ, какъ оглушенный громомъ. Лицо толстаго Черкаскаго налилось кровью, и было страшно за него. Барятинскій и Лопухинъ стояли блѣдные и безмолвные.

— Я готовъ,—упавшимъ голосомъ произнесъ Ягужинскій и сдѣлалъ шагъ впередъ. Солдаты замкнулись за нимъ, и среди глубокой тишины послышались шаги и бряцанье ружей. Окруженный солдатами, нетвердой поступью вышелъ Ягужинскій.

Закрылась дверь, и замолкли шаги, но долго все собраніе было какъ бы въ оцѣпенѣніи.

Это молчаніе прервалъ голосъ Теофана.

— Пусть господа министры верховнаго тайнаго совѣта отдадутъ отчетъ всемилостивѣйшей государынѣ за свои дѣянія. Намъ же надлежитъ совершить благодарственное Господу Богу молебствіе.

Эта слова нарушили оцѣпенѣніе. Собрание зашумѣло, послышались голоса:

— Въ Успенскій соборъ! Въ Успенскій соборъ!

Люди разбились на группы, оживленно обсуждая событія.

— Чрезвычайное засѣданіе совѣта объявляю закрытымъ,—крикнулъ Дмитрій Михайловичъ.

Верховники поклонились собранію и медленно вышли изъ залы.

Адъютанты Ягужинскаго Окуневъ и Чаплыгинъ съ безпокойствомъ ждали исхода засѣданія. Они не имѣли права войти въ залу совѣщанія и въ числѣ другихъ адъютантовъ высокопоставленныхъ лицъ оставались въ нижнемъ помѣщеніи, малой пріемной залѣ. Туда же вышелъ и Федоръ Никитичъ Дивинскій, только что пріѣхавшій съ Григоріемъ Дмитриевичемъ. На князя Юсупова верховники возложили на этотъ день командованіе всѣмъ войсками московскаго гарнизона, и онъ съ ранняго утра ѣздилъ по полкамъ, провѣрялъ наряды и распоряжался расположеніемъ войскъ.

Федоръ Никитичъ, веселый и радостный, непринужденно бесѣдовалъ съ Окуневымъ и Чаплыгинымъ. Настроенія этого дня совѣмъ не коснулись его. Онъ весь былъ полонъ своимъ личнымъ счастьемъ.

— Кажется, кончилось,—сказалъ Окуневъ.—Будто снимаютъ караулы.

Дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ послышались мѣрные шаги солдатъ. У дверей шумъ шаговъ умолкъ, и въ комнату вошелъ Лукинъ.

— А, Григорій Григорьевичъ, — привѣтствовалъ его Дивинскій, встрѣчавшій его не разъ у Юсупова. — Ну что, какъ тамъ? А?

Но Лукинъ очень сдержанно поздоровался съ нимъ и, не отвѣчая, о́братился къ стоявшимъ Окуневу и Чаплыгину.

— Прпорщикъ Окуневъ, капитанъ Чаплыгинъ, — произнесъ онъ: — прошу слѣдовать за мной.

— За вами, капитанъ, куда? — спросилъ поблѣднѣвшій Чаплыгинъ.

— По приказанію верховнаго совѣта вы арестованы, — тихимъ голосомъ отвѣтилъ Лукинъ: — караулъ за дверью.

Молодые офицера сразу поняли, въ чемъ дѣло.

— А Павелъ Ивановичъ? — спросилъ Окуневъ.

— Графъ Ягужинскій арестованъ тоже, — отвѣтилъ Лукинъ, не зовышая голоса, чтобы не привлечь вниманія окружающихъ.

— Да? Мы идемъ за вами, капитанъ, — послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ Чаплыгинъ.

Со стороны казалось, что молодые офицеры ведутъ между собою обычную бесѣду.

«Вотъ оно что, — думалъ Дивинскій: — началось!»

И онъ вспоминалъ слова и грозное выраженіе лица Григорія Дмитріевича, когда онъ говорилъ о Ягужинскомъ и другихъ врагахъ верховнаго совѣта. Да, господа министры не шутятъ.

— Прощай, Ѳедоръ Никитычъ, — сказалъ Окуневъ.

Чаплыгинъ молча пожалъ ему руку, и оба послѣдовали за Лукинымъ.

Съ тяжелымъ вздохомъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ Дивинскій.

«Я на сторонѣ побѣдителей, — пронеслось въ его головѣ: — я счастливъ... А что ожидаетъ ихъ? И развѣ я не могу очутиться въ ихъ положеніи?..»

И смутная тревога, какъ черное предчувствіе, вдругъ овладѣла имъ...

VII.

— Я боленъ, совсѣмъ боленъ, дорогой графъ, видите, мои ноги почти не дѣйствуютъ, глаза почти не видятъ. Не могу даже встать вамъ навстрѣчу...

И баронъ Генрихъ-Юганнъ Остерманъ, или, попросту, Андрей Ивановичъ, протянулъ худую сморщенную руку человѣку въ фіолетовомъ камзолѣ, съ золотой звѣздой на груди. Этотъ человѣкъ былъ графъ Вратиславъ, представитель нѣмецкаго императора Карла VI — царскій посолъ, какъ его называли.

Остерманъ сидѣлъ въ креслѣ передъ горящимъ каминомъ. Ноги его были прикрыты мѣховымъ одѣяломъ, глаза защищены зеленымъ зонтикомъ. Комната была освѣщена только свѣтомъ каминна да

лампы подь зеленымъ колпакомъ, стоявшей на столѣ въ другомъ углу большой комнаты.

— Глубоко огорченъ вашей болѣзною, баронъ,—отвѣтили графъ Вратиславъ:—и никогда не рѣшился бы васъ обезпокоить, но меня направилъ къ вамъ канцлеръ. Я долженъ исполнить порученіе моего всемилостивѣйшаго государя; несмотря на мои представленія, я до сихъ поръ не получилъ отвѣта отъ російскаго императорскаго кабинета.

— Да?—протянулъ Остерманъ.—Садитесь, дорогой графъ. Вѣдь рѣчь идетъ о договорѣ 1726 года? Вашъ императоръ гарантировалъ тогда права принца голштинскаго на Шлезвигъ. Но, дорогой графъ, вѣдь мы не имѣемъ ничего общаго теперь съ голштинскимъ домомъ, вмѣсто «l'enfant de Kiel» у насъ императрица, племянница de Pierre faouche, какъ именовали не разъ за границей великаго императора.

— Пусть такъ, но договоръ остается въ силѣ,—отвѣтили графъ Вратиславъ.—Испанія заключила трактатъ съ ганноверскими союзниками, въ Серилы. Согласно договору Російская имперія должна имѣть на границѣ вспомогательный корпусъ.

Изъ-подъ зеленаго зонтика зорко смотрѣли глаза Остермана.

— Да,—задумчиво произнесъ онъ:—но вѣдь всякій договоръ, дорогой графъ, дѣйствителенъ только до той поры, пока существуетъ правительство, его заключившее. Существуетъ хотя бы преемственно. Чего вы хотите,—дружески продолжалъ онъ:—быть можетъ, самая форма правленія будетъ у насъ измѣнена. Захочетъ ли новое правительство соблюдать устарѣвшіе трактаты? Я знаю,—продолжалъ онъ:—что какъ вы, такъ и представители Голштиніи, Бланкенбурга и Швеціи хотѣли бы видѣть на Російскомъ престолѣ—этого «l'enfant de Kiel», подь регентствомъ цесаревны Елизаветы Петровны. Вы всѣ, не сердитесь, милый графъ, хотѣли бы урвать по кусочку отъ обширной имперіи. Такъ, самую малость. Данія—балтійское побережье, Швеція—провинція, отвоеванныя Петромъ I, и такъ далѣе. Но судьба распорядилась иначе.

Графъ Вратиславъ нервно поднялся съ кресла.

— Значать ли ваши слова, господинъ баронъ:—сказалъ онъ:—что російскій императорскій кабинетъ отказывается отъ трактата 1726-го года?

— Нисколько,—устало возразилъ Остерманъ:—это значитъ только, что существующіе трактаты подлежатъ пересмотру. Но, впрочемъ, я могу гарантировать вамъ вспомогательный корпусъ, на западной границѣ. И хотя я совсѣмъ боленъ, какъ вы видите, я сегодня же представляю объ этомъ меморію въ верховный совѣтъ.

— Я могу только благодарить васъ, господинъ баронъ, вы единственный челоуѣкъ въ Россіи, понимающій ея интересы и интересы другихъ державъ,—съ поклономъ произнесъ графъ Вратиславъ.

На тонкихъ губахъ Остермана появилась легкая усмѣшка.

Вспомогательный корпусъ на западной границѣ! Конечно, онъ будетъ. Развѣ тамъ нѣтъ войска? Корпусъ понятіе растяжимое, и при томъ никто не знаетъ, что готовитъ ближайшее будущее!..

Наклоненіемъ головы онъ поблагодарилъ графа Вратислава..

— Верховный совѣтъ увѣдомитъ ваше сіятельство о своемъ согласіи и послѣдующихъ распоряженіяхъ,—официальнымъ тономъ произнесъ онъ.

— Такъ я имѣю ваше слово, господинъ баронъ?—спросилъ графъ Вратиславъ.

— Я обѣщаль,—коротко отвѣтилъ Остерманъ, закрывая глаза.

— Я вижу, вы очень устали,—сказалъ графъ.

— Да, мнѣ нехорошо,—отвѣтилъ Остерманъ.—Вы сами знаете, этотъ мальчикъ былъ моимъ ученикомъ, моимъ воспитанникомъ... Великія возможности умерли съ нимъ...

— Это ударъ для всей имперіи, отозвавшийся тревожнымъ эхомъ въ Европѣ,—произнесъ графъ.—Простите, господинъ баронъ, что я утруждалъ васъ.

Онъ пожалъ сухую, маленькую руку Остермана и съ поклономъ удалился.

«О, страна варваровъ, великая, страшная страна, непобѣдимая, если пойдетъ по своему пути,—думалъ Остерманъ.—Но для этой дикой и великой страны нужна единая воля и единый разумъ...»

Онъ глубоко задумался, глядя на пылающіе угли камина.

Въ комнату тихо вошла женщина лѣтъ подь тридцать

— Андрей Ивановичъ,—шопотомъ произнесла она.

— Мареутченка, это ты?—отозвался Остерманъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я не сплю.

Вошедшая женщина, высокая и стройная, съ привѣтливымъ лицомъ и добрыми глазами, была жена Остермана, урожденная Стрѣшнева, Марѳа Ивановна, выданная за него замужъ по волѣ императора Петра Великаго въ 1721 г., желавшаго «загрѣнить» талантливаго иноземца къ его новому отечеству, соединивъ его кровнымъ родствомъ со стариннымъ русскимъ боярствомъ. Русская знать была недовольна этимъ бракомъ.

Но русская боярышня Марѳуша Стрѣшнева, или Марѳутченка, какъ она обычно подписывалась подь письмами къ мужу, и нѣмецъ Остерманъ, на удивленіе всѣхъ, жили безконечно-счастливо, и Марѳа Ивановна обожала своего мужа.

Марѳа Ивановна подошла къ мужу

— Ну, что?—спросилъ Остерманъ.

— Я хотѣла бы предложить тебѣ кофе,—сказала Марѳа Ивановна.—Ты очень усталъ, а тебѣ все не даютъ покоя. Какъ твои глаза?

Въ ея голосѣ слышалась заботливость. Несмотря на разницу лѣтъ, между мужемъ и женой были самыя нѣжныя, дружескія отношенія.

— О, они хорошо видятъ мою милую Марѳутченку,—произнесъ весело Остерманъ, цѣлуя руку жены.—И кофе я съ удовольствіемъ выпью, только здѣсь. Мнѣ надо работать. Они прямо одолѣли меня. Утромъ былъ Маньянъ, заѣзжалъ Лефортъ, сейчасъ ушелъ графъ Вратиславъ... Они всѣ бѣгутъ ко мнѣ, потому что верховники потеряли голову...

— Ты усталъ,—сказала ласково Марѳа Ивановна:—если еще кто пріѣдетъ, я скажу, что ты боленъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—замахалъ руками Остерманъ:—именно теперь я всѣхъ долженъ видѣть, все знать.

Марѳа Ивановна вздохнула.

— Такъ я принесу тебѣ кофе,—сказала она.

— И пришли ко мнѣ Густава,—крикнулъ ей вслѣдъ Остерманъ.

Густавъ Розенбергъ былъ его секретаремъ; онъ былъ родомъ изъ Вестфалин, какъ и самъ Остерманъ.

Марѳа Ивановна сама принесла кофе, поставила приборъ на столикъ около мужа, заботливо поправила на его ногахъ мѣховое одѣяло, поцѣловала его въ лобъ и вышла.

Этотъ могущественный министръ, державшій въ своихъ рукахъ нити всѣхъ интригъ, въ комъ записывали резиденты иностранныхъ дворовъ, кто по своей волѣ направлялъ внѣшнюю политику великой имперіи, былъ въ семейной жизни типичнымъ нѣмецкимъ бюргеромъ, и добрая Марѳутченка едва ли понимала все значеніе своего Андрея Ивановича.

Густавъ не заставилъ себя ждать. Это былъ настоящій представитель германской расы: высокій, крѣпкій, розовый, съ голубыми глазами, нѣсколько навывать, съ бѣлокурыми волосами и маленькими рыжеватыми усиками.

— Ну, что новаго, Густавъ?—спросилъ Остерманъ.—Затвори покрѣпче дверь. Вотъ такъ. Ну? Что натворили еще господа министры?

— Повѣстка вамъ, господинъ баронъ,—отвѣтилъ Густавъ:—отъ верховнаго совѣта съ приглашеніемъ явиться завтра въ засѣданіе.

— Завтра въ засѣданіе?—задумчиво произнесъ Остерманъ:—да, для объявленія кондицій и письма императрицы верховному совѣту. Мнѣ извѣстно и то и другое. Мнѣ говорилъ канцлеръ.

Онъ подумалъ нѣсколько мгновений и потомъ сказалъ:

— Наниши: боленъ.

Густавъ сдѣлалъ на повѣсткѣ помѣтку.

— Что еще?

Густавъ оглянулся на запертую дверь, осторожно вынулъ спрятанное на груди письмо и, близко подойдя къ Остерману, шопотомъ произнесъ:

— Письмо изъ Митавы. Только что принесли.

Ни малѣйшаго удивленія не отразилось на сухомъ, остромъ лицѣ Остермана.

Онъ не торопясь взялъ конвертъ и положилъ его на колѣни.

— Кто привезъ?—спросилъ онъ.

— Какой-то человекъ, назвавшійся рижскимъ аптекаремъ Блумомъ, господинъ баронъ,—отвѣтилъ Густавъ.—Теперь по распоряженію верховнаго совѣта сняты заставы и приказано безпрепятственно пропускать ординарную заграничную почту. Онъ воспользовался этимъ. Этотъ человекъ обѣщался зайти; когда—не сказалъ.

Остерманъ низко наклонился къ камину, разсматривая адресъ, написанный крупнымъ размашистымъ почеркомъ, по-нѣмецки. Остерманъ очевидно забылъ, что у него болятъ глаза.

Густавъ зажегъ свѣчу и поставилъ ее рядомъ на столикъ.

Остерманъ слегка кивнулъ головой.

— Этотъ Блумъ довольно счастливо пробрался. Ловкая шельма,—равнодушно сказалъ Остерманъ.—Мнѣ канцлеръ говорилъ, что въ Митавѣ арестовали адъютанта Ягужинскаго. Я бы не хотѣлъ быть теперь въ положеніи графа Павла Ивановича.

Онъ все еще вертѣлъ въ рукахъ конвертъ, словно колеблясь, распечатать его, или нѣтъ.

Наконецъ медленнымъ движеніемъ тонкихъ, крючковатыхъ пальцевъ онъ разорвалъ конвертъ и вынулъ аккуратно сложенный листъ сѣрой бумаги.

Наклонясь къ свѣчѣ, онъ внимательно началъ читать. Густавъ съ невольнымъ любопытствомъ нѣсколько разъ взглядывалъ на Андрея Ивановича, но онъ по опыту зналъ, что на сухомъ лицѣ вице-канцлера никогда нельзя было подмѣтить отраженія чувствъ, волновавшихъ его.

Остерманъ читалъ долго. Потомъ снова перечелъ письмо и наконецъ, опустивъ его на колѣни, откинулся на спинку кресла, закрывъ глаза.

Это письмо было для него неожиданно и крайне важно. Оно дало ему цѣнные указанія.

Письмо было отъ Густава Левенвольде.

Остерманъ имѣлъ случай познакомиться съ Густавомъ во времена Екатерины I, когда младшій Левенвольде, Рейнгольдъ, былъ въ фаворѣ, а Густавъ пріѣзжалъ по дѣламъ герцогини курляндской. Остерманъ тогда же обратилъ вниманіе на его обширный умъ, ловкость и умѣнье вести интригу. Онъ тогда же предложилъ ему остаться при немъ, но Густавъ не рѣшился промѣнять свое, хотя и скромное, но вѣрное положеніе при курляндскомъ дворѣ на блестящее, но опасное положеніе въ странѣ, гдѣ тогда неограниченно царилъ надменный и самовластный Меншиковъ. Во время своихъ рѣдкихъ наѣздовъ въ Петербургъ Густавъ всегда посѣщалъ Остермана,

и старый вице-канцлеръ находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ.

Напоминая о всегдашнемъ дружескомъ расположеніи къ нему вице-канцлера, Густавъ сообщалъ теперь ему подробности митавскихъ событій. Полагаясь на тонкій умъ Остермана, онъ выражалъ надежду, что Остерманъ сумѣетъ въ трудныя минуты помочь императрицѣ. Императрица глубоко оскорблена поведеніемъ верховниковъ. Вынужденная обстоятельствами, она подписала кондиціи, но сердце ея болитъ за Россію, отданную на произволъ верховникамъ.

Густавъ писалъ, что письмо императрицы къ совѣту сочинено Василиемъ Лукичемъ и противорѣчитъ чувствамъ государыни. Василий Лукичъ держитъ свою императрицу словно подъ арестомъ. Онъ отстранилъ отъ нея ея ближайшихъ людей. Не пускаетъ къ ней Бирена. Разлучилъ съ малюткой Карломъ. Вынудилъ согласіе не брать съ собой въ Москву ни одного чужестранца.

Даже самъ онъ, Густавъ, принужденъ скрываться.

«Императрица,—писалъ дальше Густавъ,—дѣлаетъ видъ, что на все согласна, но недавно со слезами воскликнула: «Ужели среди моихъ подданныхъ не найдется никого, кто избавилъ бы меня отъ этого несноснаго погубощенія? И тутъ государыня изволила помянуть васъ, вашу близость къ ея матери и всему дому...»

Затѣмъ Густавъ просилъ Остермана сообщить вѣрнымъ людямъ истинныя чувства государыни, чтобы помочь ей, для блага Россіи, вырваться изъ рукъ верховниковъ.

Интриги, «конъюнктуры», придворныя и дипломатическія, были постоянной стихіей Остермана. Въ нихъ онъ не зналъ себѣ соперниковъ. Уклончивый, хитрый, рѣшительный, когда надо, онъ всегда билъ навѣрняка, самъ неуловимый и скользкій, какъ змѣя. Последней побѣдой его было паденіе Меншикова.

Но въ послѣднее время ему начало казаться, что вліяніе ускользаетъ изъ его рукъ, что на пути вырастаетъ какая-то преграда, что на смѣну ему идутъ новые люди. Его мнѣнія какъ будто не имѣли уже прежняго первенствующаго значенія... И чувство неопредѣленности и словно растерянности нерѣдко овладѣвало имъ въ эти тревожные дни.

Письмо Левенвольде оживило его. Оно ясно и опредѣленно указывало ему путь.

Да, онъ переживетъ и этотъ переворотъ и займетъ еще болѣе прочное и высокое положеніе. Его дѣятельный умъ уже комбинировалъ людей и обстоятельства. Онъ учитывалъ и настроеніе Анны, и ошибки верховниковъ, и недовольство соперниковъ всевластныхъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, и ропотъ шляхетства на самовластіе верховнаго совѣта.

«Варвары, варвары! — думаль онъ: — не пускать чужестранцевъ въ Россію! Дикари!»

И по тонкимъ губамъ Остермана скользила презрительная улыбка.

«Пожалуй, они найдутъ, что и Иоганну Остерману не мѣсто въ дѣлахъ правленія. Что жъ! Посмотримъ! Слабые люди подчиняются событіямъ, сильные — подчиняютъ ихъ себѣ...»

Онъ такъ задумался, что совершенно забылъ о Густавѣ.

Наконецъ Розенбергъ рѣшилъ напомнить о себѣ.

— Господинъ баронъ мнѣ ничего не прикажетъ? — спросилъ онъ.

Остерманъ очнулся отъ своихъ мыслей.

— Нѣтъ, Густавъ, ты не нуженъ мнѣ сегодня, — отвѣтилъ онъ: — доброй ночи.

— Доброй ночи, господинъ баронъ.

Когда Розенбергъ ушелъ, Остерманъ еще разъ перечелъ письмо. Потомъ тщательно разорвалъ его на мелкіе клочки и бросилъ въ каминъ...

Ф. Е. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЪ МИНУВШАГО ¹⁾.

VI.

Семья Дебрейсовъ и воспитаніе дѣтей.—Марія Андреевна Звѣрева.—Нравственныя задачи воспитанія.—Патріотизмъ.—Старшіе два брата—участники севастопольской обороны.—Служба въ полку и возвращеніе въ Казань.—Кончина дѣдушки.—Жизнь семьи послѣ его смерти.—Вліяніе моей матери.—Жизнь въ Карнауховѣ.—Характеристика моей матери.—Ея кончина.—Освобожденіе крестьянъ.—Типы дворовыхъ.—Разстройство дѣлъ семьи Дебрейсовъ.—Переѣздъ къ нимъ дѣтей Мертваго.—Воспитаніе ихъ.—Казанскій институтъ.—Наша жизнь въ Казани и Шапшахъ.—Правда, какъ основа воспитанія и жизни.—Старые люди.—Тетя Катя.—Ея поэзія—олицетвореніе ея внутренняго міра.

ОДА шли, и семья Дебрейсовъ умножалась. У дѣдушки и бабушки было шестнадцать человѣкъ дѣтей, въ живыхъ осталось восемь. Моя мать была старшая въ семьѣ, и Николай Исаевичъ воспитывалъ ее подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, чего не дѣлалось съ остальными дѣтьми, такъ какъ въ послѣдствіи дѣла его хозяйственныя настолько расширились, что его положительно не хватало на домашнія заботы. Дѣти Дебрейсовъ, какъ всѣ дѣти того времени, вели свою особую отъ старшихъ жизнь и были подъ надежнымъ присмотромъ хорошихъ воспитателей.

Самые ранніе годы, проведенные въ дѣтской, оставили глубокіе слѣды на общемъ характерѣ семьи Дебрейсовъ, и этимъ они были обязаны Маріи Андреевнѣ Звѣревой, которая прожила въ ихъ домѣ сорокъ лѣтъ. Марія Андреевна была довѣреннымъ старшимъ лицомъ въ дѣтской и любила

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXII, стр. 412.

называть себя «гувернанткой нравственнаго воспитанія». И дѣйствительно, все ея существованіе было посвящено нравственнымъ устоямъ жизни.

Она вышла изъ бѣдной дворянской семьи, воспитывалась злой мачехою, рано была выдана замужъ, потеряла двоихъ дѣтей и мужа, который пьяный попалъ на мельницу и былъ смолотъ мельничнымъ колесомъ.

Марія Андреевна была олицетвореніемъ смиренія и спокойствія; она никогда не позволяла дѣтямъ сердиться другъ на друга, и передъ сномъ всѣ должны были помириться, ставъ на молитву, простить другъ другу всякія обиды и лечь спать примиренными душой.

Сама она никогда не раздражалась и не возвышала голоса. Ложь и притворство были исключены изъ воспитанія. Бывало, дѣти, приставая къ ней, спрашивали ее: «Скажите, Марія Андреевна, что вамъ подарила мачеха, когда вы выходили замужъ?»— «Ахъ, милые мои, матерію на платье».— «Какую же, — приставали дѣти: — съ узорами?»— «Конечно, съ узорами, по «нѣтовой землѣ пустыя травочки», отвѣчала она, чѣмъ еще больше возбуждала любопытство дѣтей.

Никто не умѣлъ такъ рассказывать сказки, какъ Марія Андреевна. Въ сумерки, передъ отходомъ ко сну, въ то время, какъ цыпа и горничная готовили дѣтскую, всѣ тѣснымъ кружкомъ собирались вокругъ нея и, не спуская глазъ, слушали волшебныя сказки, которыя она умѣла прерывать на самомъ интересномъ мѣстѣ, чтобы закончить ихъ на другой день.

Когда дѣти вырастали и переходили въ руки иностранцевъ, они представляли собою уже надежный матеріаль хорошихъ русскихъ людей. Любовь къ Богу, къ царю и отечеству высоко ставилась въ задачахъ воспитанія этой семьи.

Въ старомъ письмѣ дѣдушки въ сороковыхъ годахъ, когда бабушка Наталья Порфирьевна была за границей съ дочерьми, онъ пишетъ ей: «Милый другъ Наташа! Ты поѣдешь на Эгерскія воды. Такъ какъ я не имѣю карты у себя и не помню, гдѣ эти воды, то и не знаю, поѣдешь ли мимо Шлангенъ-Бадъ; заѣхала бы туда, но крайней мѣрѣ дѣти взглянули бы на нашу добрую царицу— я по себѣ сужу, какое я чувствую удовольствіе видѣть наше царское благословенное семейство; желалъ бы и дѣтямъ внушить это чувство—чувство русскаго дворянина».

Семья Депрейсовъ, да и вообще большинство дворянскихъ провинціальныхъ русскихъ семей были патриотами. Никто не спорилъ, хорошо ли самодержавіе, каждый носилъ его въ самомъ себѣ и царя не отдѣлялъ отъ Россіи. Все это вмѣстѣ было одинаково дорого, близко и нераздѣльно въ душѣ cadaго истинно-русскаго человѣка

Старшіе два брата Депрейсы, Николенька и Петруша, были сначала помѣщены въ гимназію Эмме, а затѣмъ въ пансіонъ Тихонова въ Петербургѣ, но, когда была объявлена Крымская война, они пошли на нее юнкерами. Старшему было семнадцать лѣтъ, а второму—шестнадцать лѣтъ. Отецъ отпустилъ ихъ съ дядькой, крѣпостнымъ поваромъ Валеріаномъ, который сдѣлалъ съ ними всю кампанію.

Сначала братья Депрейсы шли походомъ по Румыніи, и такъ какъ въ то время никто не ожидалъ осады Севастополя, то всѣ удивились извѣстію, что ихъ Казанскій егерскій великаго князя Михаила Николаевича полкъ отправленъ въ Севастополь, гдѣ впоследствии простоялъ одиннадцать мѣсяцевъ. Братья участвовали во многихъ сраженіяхъ. Петръ Николаевичъ былъ контуженъ при Альмѣ и награжденъ оружіемъ съ ашинскимъ темлякомъ. Ротнымъ командиромъ ихъ былъ Штромбергъ. Послѣ сраженія Петръ заснулъ, и братъ его Николай подошелъ узнать, что съ нимъ. Тогда ротный командиръ равнодушно отвѣтилъ, что онъ убитъ. Братъ Николай зарыдалъ, но какова же была его радость, когда онъ узналъ, что это была грубая и жестокая шутка, и Петруша спокойно спитъ, утомленный боемъ.

Однажды братьямъ Депрейсамъ были присланы изъ дома деньги въ Симферополь. Ихъ полковой командиръ Гасфордъ, съ которымъ они жили въ одномъ домѣ, отпустилъ ихъ для полученія денегъ. Вернувшись въ Севастополь, они были задержаны на Сѣверной сторонѣ по случаю похоронъ убитаго товарища Муховикова. Тѣмъ временемъ бомба влетѣла въ ихъ домъ, вышибла шкалъ, покрыла осколками ихъ кровати и ранила серьезно Гасфорда. Они же были спасены случайнымъ образомъ.

Казанскій егерскій полкъ стоялъ на редутахъ Селенгинскомъ и Волинскомъ, на Малаховъ курганъ ходили на работы, потомъ перешли на пятый бастионъ редута Шварца. Послѣдняя стоянка была на батарее Жерве на третьемъ бастионѣ, рядомъ съ Малаховымъ курганомъ, откуда и отступили при сдачѣ Севастополя черезъ плувчій мостъ и черезъ бухту на Сѣверную сторону. Здѣсь перешли на позицію на лѣвый карнизъ Мекензіевой горы, гдѣ и простояли до заключенія мира. Полкъ былъ шесть разъ комплектованъ, и при послѣднемъ штурмѣ 27-го августа 1855 года осталось въ строю полка двѣсти солдатъ и восемь офицеровъ, изъ которыхъ два были братья Депрейсы. Николай былъ награжденъ орденомъ св. Георгія, исполняя порученіе и оставаясь на посту контуженнымъ.

Въ тѣ времена, когда въ Россіи не было еще ни телеграфа, ни желѣзныхъ дорогъ, можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась извѣстія съ театра войны. Письма Николеньки и Петруши радостно получались въ семьѣ, но мысль, что прошло уже нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ они ихъ писали и смерть давно уже могла

унести ихъ обоихъ, — отравляла радость. Такъ, однажды было получено письмо отъ Петруши, написанное наканунѣ сраженія при Черной рѣчкѣ. Онъ видѣлъ передъ этимъ сонъ, что сабля его сломалась, и, такъ какъ полкъ ихъ шелъ въ походъ, ему казалось, что онъ непременно будетъ убитъ. Онъ написалъ два письма, въ одномъ изъ нихъ прощался, говоря, что, когда письмо дойдетъ до Казани, его не будетъ уже въ живыхъ. Дядька ихъ Валеріанъ спуталъ письма, отправилъ не то, какое слѣдовало. Оно было получено семейей уже въ то время, когда отца ихъ, Николая Исаевича, не было въ живыхъ.

Дѣдушка скончался 20-го апрѣля 1854 года, занимая постъ казанскаго губернскаго предводителя дворянства.

Его всѣ уважали и любили; весь городъ провожалъ его тѣло, которое покоемъ въ фамильномъ склепѣ семьи Дебрейсовъ въ селѣ Шапшахъ Казанской губерніи.

Потеря такого отца была ужасна для семьи. Бабушка Наталья Порфирьевна не знала заботъ и затрудненій въ жизни, а въ дѣлахъ была совершенно не свѣдуша.

Въ предчувствіи, вѣроятно, кончины, послѣднія письма дѣдушки къ сыновьямъ были полны наставленій. Онъ часто напоминалъ имъ, что семья его велика, что тысяча душъ однихъ мужчинъ, не считая женщинъ, накладываетъ на помѣщика обязательство поддерживать это огромное семейство и вести его сознательно къ правильной и честной жизни. Онъ увѣщевалъ сыновей своихъ быть экономными, не растрчивать средствъ на личныя самоублаженія и просилъ проводить въ жизнь его взгляды на обязанности по отношенію къ крѣпостнымъ.

Возвращеніе съ войны братьевъ Дебрейсовъ въ осиротѣвшую семью настало неожиданно 26-го іюля 1856 года. Всѣ были въ Шапшахъ и только что проводили мою мать въ Казань, какъ послышались колокольчики, которые своими веселыми звуками поднимали радостное чувство въ душѣ деревенскаго жителя. На этотъ разъ они несли дѣйствительно давно ожидаемую радость. Николенка и Петруша, возмужавшіе за эти три года, герои незабвенной севастопольской обороны, вернулись съ войны.

Когда они стали объѣзжать родныхъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ, то тетка ихъ, сестра матери, Маргарита Порфирьевна Демидова, встрѣтила ихъ побѣдоноснымъ маршемъ, слова котораго были посвящены имъ:

Хвала, хвала, герои братья,
Открыты вамъ мои объятія,
Вы заслужили похвалу
И обще-добрую молву.
За вѣру, за царя стояли,
За насъ вы раны получали,
Не унывали вы душой,
Когда стоналъ нашъ край родной.

Моя мать, Марія Николаевна, была первенецъ въ семьѣ Дебрейсовъ и всего на восемнадцать лѣтъ моложе своей матери. Бабушка Наталья Порфирьевна имѣла въ ней огромную поддержку, и когда уѣзжала изъ дома, то молодая дѣвушка оставалась полной хозяйкой и не только входила въ домашнія дѣла, но и выслушивала доклады старостъ по полевымъ работамъ. Воспитанная супружествомъ Stall, она представляла собой въ казанской дворянской средѣ совершенно исключительный типъ дѣвушки.

Сдѣлавшись женой моего отца, Петра Дмитріевича Мертваго, она проводила часть зимы въ Казани, въ домѣ дѣдушки, занимая весь нижній этажъ дома; они много выѣзжали и принимали у себя. Здѣсь родились старшія дѣти; первая дочь скончалась малолѣтней. Моя мать кормила ее сама, чѣмъ возбуждала осужденіе окружающихъ, которые не допускали возможности женщины изъ общества кормить своего ребенка.

Вскорѣ послѣ кончины дѣдушки, Николая Исаевича, мои родители совсѣмъ поселились въ деревнѣ, въ селѣ Карнауховѣ Лаишевскаго уѣзда. Здѣсь жизнь моей матери становится все болѣе и болѣе интересной и поучительной. Она воспитываетъ дѣтей съ помощью англичанки мистриссъ Гильби и создаетъ имъ жизнь и обстановку по образцу англійской: отдѣльная дѣтская «nursery» со всей чистотой, обиліемъ воды, мытьемъ дѣтей, одѣваніемъ къ обѣду, аккуратно распределенной по часамъ жизнью. Она умѣетъ соединить все это съ условіями деревенской русской жизни того времени. Сама сознательная хозяйка, она управляетъ не только домомъ, но незамѣтно для мужа и полевымъ хозяйствомъ, а, главное, всѣмъ внутреннимъ міромъ окружающихъ ее людей. Мой отецъ хозяйничаетъ съ балкона, отдавая приказанія; моя мать невидимой рукой и тонкимъ чутьемъ женщины незамѣтно для него руководитъ всѣмъ. Наслѣдственно воспринявъ разумъ и практичность своего отца, она проводитъ ихъ сознательно въ жизнь не только личной семьи своей, но и всѣхъ своихъ крѣпостныхъ людей, отъ нея зависящихъ. Она воспитываетъ своихъ крестьянъ такъ же, какъ и дѣтей, вырабатывая въ нихъ шагъ за шагомъ сознаніе долга ¹⁾.

Моя мать создаетъ въ Карнауховѣ первую сельскую школу у себя въ усадьбѣ, гдѣ занимается сама съ помощью русской учительницы дѣтей, и вмѣстѣ съ тѣмъ втягиваетъ въ это занятіе свою семилѣтнюю дочь Сою ²⁾. Сестра моя на всю жизнь сохранила отпечатокъ этого бодрого, здороваго воспитанія.

¹⁾ Дѣдушка Николай Исаевичъ, чтобы приучить крестьянъ ѣсть мясо и разводить скотъ, требовалъ въ видѣ доказательства къ Рождеству голову барана съ каждаго дома, а на Пасху лѣвую часть головы свиньи. Моя мать такимъ же способомъ приучаетъ крестьянъ заводить огороды, требуя съ каждаго двора десятокъ огурцовъ. Кромѣ того, она заводитъ самопрялки почти въ каждой избѣ.

²⁾ Софья Петровна Мертваго въ настоящее время начальница русскаго института императрицы Маріи Осодоровны въ Черногоріи, извѣстная воспитательница женщинъ-славянокъ.

Моя мать успѣвала много читать, не отставала отъ умственныхъ интересовъ жизни, и, думая о ней, удивляешься, какъ могла она вмѣстѣ въ себѣ все это. Она вставала въ шесть часовъ утра, обходила хозяйство, учила въ школѣ, лечила крестьянъ. Вечеромъ семья собиралась вмѣстѣ, читала вслухъ, причѣмъ шили изъ старыхъ вещей рубашечки для деревенскихъ дѣтей.

Въ этой тихой, размѣренной жизни отецъ мой скучалъ и часто уѣзжалъ изъ деревни, чтобы развлекаться. Онъ ѣздилъ то въ Казань, то въ Три Озера къ Молоствовымъ. Моя мать любила общество и умѣла соединять людей вокругъ себя. Друзья часто навѣщали ее въ деревнѣ, и сама она иногда ѣздила съ дѣтьми къ матери въ Шапши. Здѣсь жизнь кнѣзла ключомъ, и смыслъ существованія былъ совсемъ другой, чѣмъ въ Карнауховѣ.

Бабушка Наталья Порфирьевна, привыкшая къ разбѣйной свѣтской жизни, не въ силахъ была удержать отъ этого своихъ дочерей, и меньшая, бойкая, живая красавица Ольга, ровесница моего старшаго брата, часто отправлялась на исправленіе къ моей матери. Отношенія бабушки и старшей дочери поражали близостью и вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ уваженіемъ и покорностью дочери, которыя рѣдко теперь встрѣчаются среди родителей и дѣтей. Послѣ кончины отца она во многомъ руководила жизнью семьи и дѣлала это не свысока, не подавляя личности своей волей, а направляя все окружающее къ исполненію обязанностей на землѣ такъ, какъ указываютъ намъ долгъ и совѣсть.

У моей матери было девять человѣкъ дѣтей; изъ нихъ въ живыхъ осталось четверо. Передъ моимъ рожденіемъ она рѣшила остаться въ деревнѣ, и 29-го апрѣля 1860 года я совершенно благополучно появилась на свѣтъ Божій.

Пріѣзжаетъ бабушка съ тетей Катей, крестины на девятый день, моя мать встаетъ и сама разливаетъ чай. Два дня спустя всѣ разбѣзжаются, а черезъ недѣлю, 18-го мая, моя мать скончалась. Какъ нарочно въ это время была полная распутица, и доктора еле нашли и привезли къ тому же пьянаго. Въ послѣдній день жизни у нея отнялся языкъ, и она, указывая жестами, просила привести ей дѣтей и благословила ихъ. Телеграфа въ то время не было, и, когда поняли опасность положенія и послали нарочно въ Шапши, бабушка съ двумя тетями спѣшно пріѣхали въ Карнаухово. Онѣ застали мою мать на столѣ.

Она умерла тридцати семи лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и энергіи. Вся жизнь ея была основана на глубокой вѣрѣ въ Провидѣніе, и на ея золотомъ медальонѣ, съ которымъ она скончалась на груди, была ея любимая надпись: «Господь мой помощникъ, на Него уповаю».

Вскорѣ послѣ кончины моей матери наступило освобожденіе крестьянъ. Въ Казани, въ глуши, самое событіе 19-го февраля и

вѣсть о немъ пришла поздно и явилась сюрпризомъ для крѣпостныхъ. Народъ не зналъ объ этомъ зарапѣ и совершенно случайно попалъ на службу, когда манифестъ читался въ Казанскомъ монастырѣ. Нѣкоторые изъ дворовыхъ людей Депрейсовъ были въ этотъ день въ церкви и, вернувшись домой, не радовались наступившей свободѣ, такъ какъ гнета надъ сообй никогда не чувствовали.

Въ то время дѣла семьи Депрейсовъ успѣли уже сильно пошатнуться послѣ кончины энергичнаго отца, который умѣлъ активно созидать свое состояніе и котораго неудачи не пугали. Въ письмѣ бабушки къ сыновьямъ Николенкѣ и Петрушѣ, еще до кончины Николая Исаевича, она описываетъ имъ, какъ въ день Нового года, когда у нихъ былъ балъ, получилось извѣстіе о томъ, что фабрика въ Опланѣ сторѣла. Всѣ боялись, какъ отецъ ихъ приметъ это извѣстіе, но дѣдушка принялъ его съ покорностью, сказавъ: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, роптать считаю грѣхомъ», и вскорѣ началъ строить каменное зданіе фабрики. Тогда семья жила беззаботно, было кому о ней подумать. Теперь же, когда съ разстройствомъ дѣлъ наступили крупныя событія освобожденія крестьянъ, то зданіе жизни зашаталось, пока еще незамѣтно для его обитателей.

Приходилось разставаться съ многочисленной дворцой, которая не знала, куда ей итти. Буфетчикъ Ѳедотъ находилъ всѣхъ другихъ господъ, сравнительно съ своими, недостойными его услугъ. Вплослѣдствіи, когда онъ служилъ у генеральши Павловой на Сѣрныхъ водахъ, онъ не достаивалъ мыть ея посуду, но приходилъ охотно мыть посуду къ своимъ бывшимъ господамъ Депрейсамъ.

Куда дѣвались всѣ эти люди, обученные каждый своему спеціальному дѣлу? Куда разошлись всѣ старые образы, которые такъ ярко сохраняются въ памяти? Мнѣ кажется, что я и теперь вижу въ большомъ окнѣ буфетной въ Шапшахъ старика Владимира Андреевича, который произносилъ особыя заклинанія, когда рѣзалъ первый ломоть короваю хлѣба: «Начинается, починается,—говорилъ онъ,—кашпонице разливается, отъ сивки бурки до вѣщей каурки», таинственнымъ жестомъ приближая къ короваю ножъ.

Много лѣтъ спустя, тетя моя Екатерина Николаевна Депрейсъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Какъ не похоже то время на нынѣшнее! Сколько народу было тогда у насъ на дворѣ. Были ткачи, столяры, слесаря, были коверщицы и швеи, и всѣ они казались необходимыми. Сколько поваровъ чередовалось въ кухнѣ! Сколько кучеровъ, фореиторовъ и конюховъ было въ конюшнѣ! Сколько садовниковъ и огородниковъ въ саду! И всѣ они казались мнѣ довольными и счастливыми, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда папенька сердился на кого-либо изъ нихъ. По вечерамъ собирались хороводы, раздавались веселыя пѣсни. Когда пріѣзжали мы въ деревню, толпа встрѣчала насъ у крыльца съ радостными лицами и привѣтствіями, и поневолѣ вѣрилось, что имъ всѣмъ хорошо и что

они не желаютъ лучшаго. Помню я разъ, какъ мнѣ было лѣтъ восемь, сомнѣніе, не знаю почему, закралось мнѣ въ душу, и я со слезами пришла къ сестрѣ Машѣ (моя мать). «Что съ тобой?» спросила она. Я отвѣчала, что мнѣ кажется большимъ грѣхомъ, что люди принадлежать намъ, какъ животныя или вещи, и что мы, вѣроятно, будемъ наказаны за это въ будущей жизни. «Вѣдь мы все происходимъ отъ Адама,—говорила я:—какъ же люди могутъ принадлежать одни другимъ?»—«Не мы съ тобой это устроили,—сказала Маша:—и не въ нашей власти измѣнить это, стало быть, и отвѣчать за это мы не будемъ. Мы должны стараться, чтобы люди, которые отъ насъ зависятъ, были счастливы, и ты гораздо лучше сдѣлаешь, вмѣсто того, чтобы плакать, если не будешь капризничать съ няней и мучить ее». «Если бы рабство было грѣхомъ,—продолжала Маша послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленій, то Христосъ, вѣроятно, проповѣдывалъ бы объ его уничтоженіи, а Онъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ». Это послѣднее замѣчаніе совершенно успокоило меня, и я ушла отъ сестры веселая и счастливая, забывая даже обѣщаніе не капризничать съ няней».

Мы русскіе—люди катастрофы. «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». У насъ обыкновенно бываетъ такъ, что, когда наступаютъ важныя событія въ жизни, они являются неожиданными и мы растерянно кидаемся, не соображая, что предпринять. Не желая пользоваться опытомъ предшествовавшихъ поколѣній, накопленіемъ знаній и богатствъ, мы уничтожаемъ все прошлое не задумываясь и начинаемъ созидать свое, новое, не подготовивъ гарантіе матеріала.

Выкупныя, которыя правительство выдавало за землю, были приняты многими помѣщиками, какъ временное пособіе, которое тотчасъ же было прожито, большею частью безразсудно, проиграно въ карты, пропито или проѣдено за границей. И русская земля не получила ихъ обратно. Золотой банкъ или общество взаимнаго поземельнаго кредита, облигаціи котораго одновременно были проданы Ротшильду, продолжало благодѣтельствовать легкомысленнымъ дворянамъ и все болѣе и болѣе затягивало ихъ въ долги.

Откупа были уничтожены, водка продавалась по дешевой цѣнѣ, и свободный народъ спился и пересталъ трудиться.

Многіе дворяне сошли съ ума и если большинство не прошло чрезъ лечебницы и сумасшедшіе дома, то, во-первыхъ, леченіе спокойнаго сумасшествія происходило дома, при закрытыхъ дверяхъ, а, во-вторыхъ, все домашніе умѣли уживаться со странностями людей и иногда и съ буйными выходками, не почитая это за болѣзнь или ненормальность человѣка.

Отмѣна крѣпостнаго права застала семью Депрейсовъ совершенно не подготовленной къ жизни и къ борьбѣ за существованіе. Потерявъ мужа и старшую дочь, бабушка Наталья Порфирьевна не знала,

какъ справиться съ дѣлами. Сыновья были военные, люди мало практичные, дочери также не были приурочены къ новой жизни, и она растерялась окончательно.

Въ это время практиковалъ у нихъ годовымъ врачомъ полякъ-докторъ Жуковскій; началъ онъ съ того, что спасъ жизнь меньшому сыну Сергѣю Николаевичу и вошелъ въ такое довѣріе, что его пригласили домашнимъ врачомъ въ деревню на лѣто. Онъ понемногу сталъ вліять на братьевъ и предложилъ имъ управляющаго, своего друга поляка Мокая. Вскорѣ этотъ послѣдній по дѣламъ фабрики, какъ будто, поѣхалъ въ Нижній и тамъ выдалъ вексель на 15.000 руб. какому-то еврею Блументалу; къ нимъ присоединился другой еврей, Зильбергъ, винокуръ, которому Мокай также выдалъ вексель, и вся эта шайка, тѣсно сплотившись, заполонила и стала обирать безпомощную семью Депрейсовъ. Фабрика вскорѣ перестала дѣйствовать по случаю американской войны и вздорожанія хлопка. Мокай, на котораго Депрейсы смотрѣли, какъ на благодѣтеля, занялъ 6.000 руб. у Жуковского и уговорилъ бабушку уплатить ему этотъ долгъ дачей, семнадцать десятинъ земли въ чертѣ города Казани (въ настоящее время она стоитъ болѣе 300.000 руб.). Получивъ дачу, Жуковский объявилъ бабушкѣ, что они квиты, но двѣ недѣли спустя у него оказался вексель на 10.000 рублей. Фальшивые векселя, которые появлялись со всѣхъ сторонъ, какъ по волшебству, вызвали процессы, и одинъ изъ нихъ дошелъ до общаго собранія сената; былъ выигранъ, конечно, но все это постепенно разрушало зданіе жизни, фундаментъ котораго, казалось, такъ прочно былъ заложенъ дѣдушкой. Послѣ этого дѣла стали еще болѣе запутываться и уже никогда въ будущемъ не поправлялись.

Въ это трудное переходное время, тогда именно, когда всѣ обстоятельства жизни мѣнялись, семья Депрейсовъ присоединила къ себѣ шесть человекъ малолѣтнихъ дѣтей, доставшихся ей по наслѣдству послѣ кончины моей матери. Переселеніе наше изъ Карнаухова въ Шапши казалась такимъ естественнымъ. «Дѣти Маши»—въ этихъ словахъ было все сказано, и горячая любовь, любовь безконечная шла навстрѣчу намъ! Тетѣ Катѣ Депрейсъ было въ то время двадцать семь лѣтъ, она не вышла замужъ и жизнь свою посвятила племянникамъ. Мой отецъ не чувствовалъ себя способнымъ воспитывать дѣтей и очень охотно передалъ насъ въ семью нашей матери. Онъ могъ бы поручить воспитаніе Сони сестрѣ своей Екатеринбургской Дмитріевнѣ Загоскиной, которая было въ то время начальницей казанскаго Родіоновскаго института, но не сдѣлала этого потому, что моя мать часто при жизни говорила, что не желала бы, чтобы дочери ея воспитывались въ казанскомъ институтѣ.

Это учебное заведеніе съ основанія его, около сорока лѣтъ, было въ рукахъ нашей семьи. Екатерина Дмитріевна Загоскина, первая начальница, умѣла приурочить весь составъ института къ своей

жизни. Гостиная ея привлекала къ себѣ все, что было выдающагося въ Казани, и среди посѣтителей хозяйка выдвигалась умомъ, образованіемъ и свѣтскимъ лоскомъ. Старшія дѣвочки дежурили и занимали гостей, что давало имъ умѣнье себя держать и уничтожало застѣнчивость. Лѣтомъ институтъ не распускали, и дѣти пользовались чуднымъ воздухомъ огромнаго парка, который его окружалъ. Вставая въ шесть часовъ утра, Екатерина Дмитріевна шла на прогулку, и дѣвочки при желаніи могли сопровождать ее, при условіи, конечно, говорить по-французски. Старшій классъ дѣлился на группы, и каждая группа работала, обшивая весь институтъ, причемъ одна дѣвица читала вслухъ. Вообще Екатерина Дмитріевна пользовалась вакатомъ, устраивая поѣздки, пикники, и время проходило незамѣтно. Послѣ двадцатипятилѣтняго управления институтомъ Екатерины Дмитріевны онъ переходитъ въ руки Сусанны Александровны Мертваго, жены брата ея Николая Дмитріевича. Сусанна Александровна отличалась необыкновенной мягкостью и добротою, что послѣ строгаго режима ея *belle soeur* многими было оцѣнено. Съ нею вмѣстѣ жила ея сестра Екатерина Александровна Сойминова, и гостиная ихъ, хотя уже не представляла собою мѣста веселыхъ собраній, носила колоритъ стараго московскаго дворянскаго круга, къ которому Сойминовы принадлежали по рожденію.

Когда мы съ дѣтьми переѣхали въ семью Депрейсовъ, то большой домъ на Малой Покровской былъ уже проданъ, и бабушка купила новый домъ у маркизы де-Траверсе. Мы занимали оба этажа, дѣти помѣщались внизу. Жизнь продолжали вести широкую, съ множествомъ прислуги. До четырехлѣтняго возраста при мнѣ была няня. Когда она ушла на богомолье въ Кіевъ, я перешла на руки Маріи Андреевны, о которой упомянула выше. Она тотчасъ приняла бразды правленія въ нашей дѣтской, когда мы переѣхали къ Депрейсамъ.

Какъ старшему поколѣнію, такъ и намъ она рассказывала волшебныя сказки, и мы съ замираніемъ сердечнымъ слушали про Лоранца и дѣвицу Ясный Свѣтъ, про Булата-молодца, великана Бургурдура и другія чудесныя сказанія, которыя до сихъ поръ сохранились у меня въ памяти.

Складъ дѣтской жизни былъ совсѣмъ иной, тѣмъ въ Карнауховѣ, и сестра Соня не любила Марію Андреевну, зато мы съ Сашей, братомъ, который былъ на четыре года меня старше, были всецѣло подъ ея вліяніемъ. Вообще со смертью моей матери воспитаніе ея дѣтей совершенно измѣнилось. Бабушка и теги жили другой жизнью и передѣлать себя сразу было невозможно. Всѣ теги и дяди были молоды, хотѣли еще жить для себя и веселиться. Домъ вѣчно былъ полонъ гостями, пѣли, играли, шумѣли съ утра до вечера и жизнь вели беззаботную, не задумываясь надъ будущимъ. Между тѣмъ расходы росли, даровыхъ людей уже не было,

Семейство Молоствовыхъ.

за все платилось, все стоило денегъ, а доходы съ имѣнія уменьшились. Большая семья и воспитаніе дѣтей сильно увеличили бюджетъ. Тетя Катя, конечно, не могла не задумываться надъ всѣмъ этимъ. И вотъ однажды она видитъ сонъ: будто всѣхъ насъ шестерыхъ везетъ въ дормезѣ, а на козлахъ сидитъ моя мать и правитъ лошадыми; мы ѣдемъ на краю глубокаго и страшнаго обрыва, и, переѣхавъ его благополучно, моя мать обернулась и сказала: «Какъ я провела васъ черезъ это опасное мѣсто, такъ и ты проведешь дѣтей моихъ въ жизни». Послѣ этихъ словъ она исчезла, а тетя проснулась взволнованная и рассказывала всѣмъ этотъ сонъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого наступилъ цѣлый рядъ удачъ: Соня была помѣщена въ Смольный, Митя и Саша въ правобѣдніе, вся жизнь дѣтей стала налаживаться и устраниваться понемногу.

Шесть мѣсяцевъ въ году мы проводили въ Шаншахъ и выѣзжали обыкновенно изъ Казани огромнымъ поѣздомъ, какъ будто ѣхали за тридевять земель. Шанши были въ тридцати верстахъ отъ города. Когда мы двигались въ путь, на улицѣ собиралась толпа любопытныхъ, кромѣ людей, родныхъ и знакомыхъ, которые приходили провожать насъ. Мы съ бабушкой ѣхали въ огромной каретѣ съ вожжами, шестеркой съ фореиторомъ. За нами слѣдовали открытые экипажи, коляски, плетенки и такъ далѣе. За недѣлю до отъѣзда пріѣзжало множество подводъ за вещами, несмотря на то, что какъ въ Казани, такъ и въ Шаншахъ дома были полныя чаши.

Любили мы пріѣзжать въ огромный шаншинскій домъ; въ тотъ же мигъ бѣжали по дорожкамъ сада, вдыхая въ себя чистый деревенскій воздухъ, который такъ живительно дѣйствовалъ на всѣхъ. Смеркалось, издали слышно было, какъ возвращалось стадо, и, убравъ скотину, крестьяне спѣшили въ хороводъ. Сколько поэзіи было въ этихъ пѣсняхъ, забытыхъ и исчезнувшихъ навсегда; какъ долго оставались онѣ въ памяти, и пѣкоторыя еще до сихъ поръ стоятъ въ моихъ ушахъ.

Лѣто пролетало незамѣтно; наступали темныя осенніе вечера, и въ началѣ сентября къ намъ приносили образъ Смоленской Божіей Матери, который вѣками посѣщаетъ Казань въ іюнѣ, остается тамъ больше мѣсяца, а затѣмъ обносится по уѣзду и деревнямъ. Эти моменты живо встаютъ предо мной. Образъ стоитъ въ залѣ, лампадка теплится передъ нимъ, тускло освѣщая комнату. Идешь на цыпочкахъ приложиться къ нему передъ отходомъ ко сну. Въ темныхъ углахъ стоятъ почетныя старухи-крестьянки, кормилицы, дворовые и проводятъ ночь въ молитвѣ безъ сна. Стоя на колѣняхъ и нагнувъ голову въ земномъ поклонѣ, спитъ Арина Савельевна, кормилица моей матери, и если подойти къ ней и разбудить, она встрепенется и скажетъ: «Ишь ты, опять Ермошка попуталъ». Ермошка былъ, по ея мнѣнію, дьяволъ, который во всемъ искушалъ ее. Она любила рассказывать свое путешествіе въ Со-

ловки, и какъ она ѣхала по морю и видѣла полосу, которою Господь подѣлилъ моря, посохомъ указавъ: «пусть будетъ тутъ Черное, а тутъ Бѣлое»; она, полоса-то, такъ и осталась». Арина Савельевна давала всегда совѣты не выходить замужъ, увѣряя, что на томъ свѣтѣ передъ дѣвицей двѣнадцать лампадъ будутъ горѣть. «За чѣмъ же ты сама вышла?» спрашивали мы ее. — «А затѣмъ, что этого не знала, когда выходила замужъ», отвѣчала она.

Хотя ста человѣкъ дворни уже не имѣли возможности держать, но все-таки людей въ усадьбѣ было много. Кто жилъ на покое, а кто готовился жить. Молодежь брали обыкновенно для того, чтобы приучать ихъ къ службѣ. У насъ много было горничныхъ, и всѣ онѣ сидѣли и жили въ просторной дѣвичьей. Шитье ихъ всегда сопровождалось пѣніемъ, и пѣсни пѣлись не уличные, не городскія, а чисто русскія, старозавѣтныя пѣсни, которыя складывались людьми, умѣвшими выражать въ нихъ глубину русской души.

Поздно осенью, 1-го ноября, дѣвушки праздновали Кузьминки и устраивали гдѣ-нибудь въ усадьбѣ, въ пустомъ помѣщеніи дѣвичій праздникъ, на который приходили приглашать господъ. Помню, какъ я волновалась всегда въ ожиданіи приглашенія и какъ весело было на душѣ, когда приходили за нами съ фонаремъ, такъ какъ темень на дворѣ была кромѣшная, и мы пробирались по грязнымъ тропинкамъ черезъ садъ и входили въ ярко освѣщенную комнату, биткомъ набитую народомъ. Не успѣвали мы раздѣться, какъ запѣвала начинатьъ величальную пѣсню, и всѣ присутствовавшіе подхватывали ее, величая въ ней сначала старшихъ господъ и по очереди доходили до младшихъ. Потомъ дѣвушки плясали, и русская соединялась съ французской кадрилию.

Всѣ эти обычаи старины, крѣпостной жизни на моихъ глазахъ уходили въ невозвратное прошлое. Жизнь мѣнялась съ каждымъ днемъ, но самыя крупныя событія, переживаемыя въ ежедневныхъ мелочахъ, разбиваются на части и только впоследствии въ итогахъ жизни они снова представляютъ одно общее, нераздѣльное цѣлое.

Наша дѣтская жизнь шла совершенно отдѣльно отъ старшихъ. Мы приходили къ обѣду и вечеромъ передъ сномъ прощались со всѣми. Мы считались примѣрными дѣтьми, и въ сравненіи съ другими «наши дѣти», какъ называли насъ въ семьѣ Депрейсовъ, были, по ихъ мнѣнію, лучше и благоправнѣе всѣхъ другихъ дѣтей.

Основы жизни семьи Депрейсовъ были замѣчательны тѣмъ, что правда, какая бы она ни была, хорошая ли, или дурная, служила краеугольнымъ камнемъ, на которомъ создавалась жизнь. Какъ не было громкихъ дѣлъ, такъ не было и громкихъ словъ. Смиреніе царило во всемъ, и яркой нитью проходила чрезъ всю жизнь немудреная, но чистая правда.

Олицетвореніемъ чистоты душевной была Екатерина Николаевна Депрейсъ. Въ ея поэзіи отражается весь ея внутрѣнный міръ. Она пишетъ:

Лѣта бѣгутъ и измѣняютъ
Наружность міра и людей,
Младенца въ старца превращаютъ,
Въ пески пустыни дно морей.
Но предъ тобой, душа живая,
Безсиленъ времени потокъ,
Ты та же, вѣчно молодая!
Тебя измѣнить лишь порокъ.
Но если ты свое значеніе
Въ семь мірѣ ясно поняла,
Исполнивъ жизни назначеніе,
Осталась искрой Божества,
То, несмотря на всѣ невзгоды,
На пошлость, дрязги жизни сей,
На долгіе печали годы,
На бушеваніе страстей,
На скуку жизни скоротечной,
Все та же будешь ты всегда
И вступишь въ новый міръ, міръ вѣчный,
Все такъ же вѣчно молода.

Екатерина Николаевна не носила въ себѣ недостатковъ старой дѣвы. Идеальный характеръ и полное отсутствіе озлобленія, всегда привѣтливая, она была окружена молодежью всѣхъ возрастовъ, и всѣ любили ее. Домъ былъ полонъ народомъ, и всякій по-сѣтителъ чувствовалъ, что онъ не лишній. У насъ не было ни ворчливыхъ мужей, ни капризныхъ женъ, свобода была полная, основанная на самыхъ нравственныхъ началахъ. Любовныя драмы, измѣны, разводы—все это было исключено изъ нашей жизни. И даже среди многочисленной родни въ тѣ благодушныя времена подобные казусы случались очень рѣдко. Романы признавались нравственно-поэтичныя, и тетя Катя всю жизнь любила А. И. Н., который женился на ея кузинѣ, и никогда не отвѣчалъ ей взаимностью. Она пишетъ:

Нѣтъ! Нѣтъ! не говори: любовь моя напрасна.
Любовь напрасна быть не можетъ никогда,
Источникъ счастья въ ней, и съ нею жизнь прекрасна,
Хотя отвѣта ей не видимъ иногда.
Любовь есть свѣтъ души, какъ солнце есть свѣтъ міра,
И міру и душѣ безъ свѣта плохо жить.
Случается любить бездушнаго кумира,
Но и кумиръ есть богъ и свѣтомъ можетъ быть.

Эта платоническая любовь поддерживала и освѣщала ея жизнь, и, можетъ, она-то именно и дала ей колоритъ особой женственности, въ соединеніи съ дѣтьми, доставшимися ей въ наслѣдство.

Ея стихи «Неугасимая лампада» указываютъ, какъ она берегла это чувство въ себѣ:

Неугасимую лампадой
 Горить любовь въ душѣ моей,
 Она мнѣ вѣрная ограда
 Отъ бурь житейскихъ и страстей.
 Въ дни юности моей далекой
 Судьба лампаду ту зажгла,
 И часто въ грусти одинокой
 Она отрадой мнѣ была.
 Бороться вѣчно съ непогодой
 Лампадѣ бѣдной суждено,
 Но пламя яркое невзгодой
 Не можетъ быть потушено.
 Была пора, она мерцала
 Чуть виднымъ, слабымъ огонькомъ:
 Потомъ вдругъ снова заблестала,
 Какъ будто солнечнымъ лучомъ.
 Гори, сияй, моя лампада,
 И путь мой въ жизни освѣщай.
 Моя единая отрада,
 Ты никогда не угасай.

Веселая и беззаботная жизнь въ Шапшахъ приближалась къ своему апогею. Никто этого не сознавалъ и не чувствовалъ, а на горизонтѣ уже появились зловѣщія тучи. Семья Депрейсовъ стала понемногу разъединяться. Сначала вышла замужъ Варвара Николаевна за И. В. Троицкаго; затѣмъ Петръ Николаевичъ женился на кузинѣ Левашевой. Меньшая дочь, живая и веселая, Ольга Николаевна, продолжала увлекаться свѣтской жизнью, была невѣстой, успѣла разочароваться въ своемъ женихѣ и вышла замужъ за двоюроднаго брата Алексѣя Николаевича Булыгина.

Въ жизни дѣтей Мертваго произошло также много перемѣнъ. Сестра моя, Софья Петровна, поступила въ Смольный, прямо во второй классъ, благодаря блестящимъ знаніямъ и подготовкѣ. У нея была очень образованная гувернантка m-lle Roos, которая прошла съ ней всѣ предметы по-французски, и только передъ самымъ экзаменомъ съ нею репетировала классная дама Родіоновскаго института А. В. Романова.

Соня кончила Смольный шестнадцати лѣтъ, и весной 1868 года пріѣхала въ Казань. Между ею и мною было восемь лѣтъ разницы. Она явилась сейчасъ же авторитетомъ для меня, и мѣсяць спустя я была уже всецѣло подъ ея вліяніемъ. Взявъ меня восьмилѣтней дѣвочкой, она закончила мое обученіе, когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Я училась дома и выдержала экзаменъ и получила дипломъ. Пріѣхавъ изъ института и попавъ въ нашу разсѣянную и шумную казанскую жизнь, Соня не соблазнилась ею, а предалась чтенію и, можно сказать, самообразованію. Семнадцати лѣтъ она напи-

сала диссертацию брата на юридическую тему. Такое явленіе въ нашей средѣ было необычно, надъ ней смѣялись, уговаривали ее бросить все это, но серьезная и вдумчивая натура Сони не поддавалась. Ея будущее, вѣроятно, уже было намѣчено въ то время, и она бодро шла навстрѣчу ему.

Среди общества, которое бывало у насъ въ домѣ, было много живыхъ и развитыхъ людей. Всѣ мѣста мировыхъ посредниковъ перваго призыва были заняты большею частью близкими знакомыми или родными. Дѣла было много, и дѣла неотложнаго, интереснаго, — созидалась новая жизнь въ Россіи. Новыя вѣянія стали создавать иные типы людей; явились шестидесятники съ либеральными взглядами, съ вопросами о равенствѣ сословій.

Все это вызывало споры и крикъ, и иногда такой шумъ, что, казалось, всѣ перессорятся между собой и навсегда. Мой отецъ говорилъ очень много и любилъ спорить на одну тему, и за и противъ нея. Онъ часто пріѣзжалъ въ Шапши и подолгу живалъ у насъ; ему скучно и одиноко было въ Карнауховѣ. Борисъ, мой старшій братъ, былъ тогда уже офицеромъ Ингерманландскаго полка, Коля — въ казанскомъ университетѣ, а Митя съ Сашей въ правовѣдѣніи. Отецъ мой вставалъ въ шесть часовъ утра и пилъ чай у себя въ кабинетѣ; въ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ во рту онъ ходилъ по комнатѣ и если утромъ не находился собесѣдникъ, то вызывалъ лакея и долго разговаривалъ съ нимъ. Присутствіе моего отца всегда оживляло домъ; онъ былъ удивительно веселъ и остроуменъ и никогда никого не оставлялъ въ покоѣ. Меня онъ всегда дразнилъ и доводилъ до слезъ. Къ Сонѣ онъ питалъ особенно нѣжные чувства; оттого ли, что она росла у него въ домѣ и напоминала ему потерянную семью, но онъ относился къ ней съ осторожностью и вниманіемъ. Благодаря настоянью сестры и новой гувернантки m-ше Jenny Portalés моя личная жизнь была поставлена совершенно отдѣльно отъ общей жизни: аккуратные часы занятій, ѣды, прогулокъ — все это укрѣпило мои нервы, и изъ слабой, капризной дѣвочки я превратилась въ спокойное, упорядоченное существо.

Литературные вкусы въ семьѣ Дейпресовъ были очень развиты, читали много и много размышляли, говорили о произведеніяхъ великихъ писателей. Французскую исторію и литературу знали не меньше русской, и тетя Катя была по этой части энциклопедическимъ словаремъ. Соня настояла, чтобы я рано ознакомилась съ классиками. Тринадцати лѣтъ я читала уже Гоголя, Аксакова, нѣкоторыя вещи Тургенева и умѣла ихъ цѣнить.

Всѣ новыя вѣянія принимались у насъ въ семьѣ горячо, ихъ оспаривали, обдумывали со всѣхъ сторонъ. Слѣпыхъ увлеченій не было.

Односторонность взглядовъ и черезчуръ большая логика были несвойственны характерамъ семьи, и вообще у насъ относились

терпимо къ самымъ разнообразнымъ элементамъ человѣчества, исходя изъ пословицы, «что всякіе люди Богу нужны».

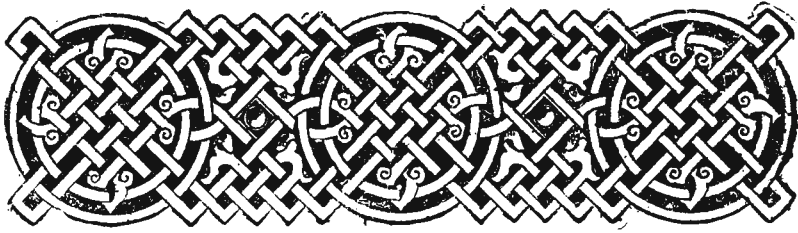
Для старшаго поколѣнія всѣ перемѣны, которыя совершались вокругъ нихъ, были имъ, несомнѣнно, тягостны. Въ стихахъ, посвященнымъ бесѣдкѣ въ Шапшахъ, Е. Н. Дебрейсь выражаетъ всѣ накопившіяся чувства и горькое сожалѣніе о дорогомъ утраченномъ прошломъ.

Зачѣмъ печально такъ, задумчиво, уныло,
 Бесѣдка старая, глядишь ты на меня?
 Или прошедшее и для тебя постыло,
 И вспоминаешь ты былыя времена?
 Тѣ времена, когда въ тебѣ писалось
 Такъ много глупостей завѣтныхъ, дорогихъ,
 Когда порой тебѣ подслушивать случалось
 Слова любви и бредъ восторговъ молодыхъ.
 Бесѣдка милая, увы! тѣ поколѣнья
 Поблекли, отжили, состарились давно,
 Отъ новыхъ ты не жди былого повторенья,
 Имъ, бѣднымъ, чувствъ живыхъ извѣдать не дало,
 Вся жизнь ихъ протечетъ сознательно, разумно,
 Безъ увлеченія, безъ страсти, безъ мечты,
 Любить будутъ они умно, а не безумно!
 Одной лишь пользою ихъ мысли заняты.
 Поэзія для нихъ значенія не имѣетъ,
 Они зовутъ ее игрушкою пустой;
 Отъ мудрыхъ ихъ рѣчей такъ холодомъ и вѣетъ,
 Въ нихъ молодости нѣтъ, въ нихъ нѣтъ души живой!
 И ты стоишь теперь покинута, забыта,
 Полуразрушена, безъ оконъ, безъ дверей,
 Но все, что было здѣсь когда-то пережито,
 Навѣки въ памяти останется моею.
 И я приду къ тебѣ, какъ и въ былое время,
 Бесѣдка старая, любимая моя!
 Здѣсь сброшу я съ души заботъ тяжелыхъ бремя,
 И настоящее исчезнетъ для меня.
 Читая надписи, забудусь на мгновенье,
 Вся молодость моя мелькнетъ передо мной,
 И сердцу милая, знакомыя видѣнья
 Освѣтятъ этотъ мигъ всей радостью былой!

Марія Ватаци, рожденная Мертваго.

(Окончаніе съ слѣдующей книжкы).

СОВРЕМЕННЫЙ БРАКЪ.

(Повѣсть ¹⁾).

—
XV.

ОЗВРАТИВШИСЬ домой послѣ вечера у Богдановыхъ, Федоръ Ивановичъ долго не могъ уснуть, онъ все время старался разгадать настоящую причину слезъ Елены. Брошенная ею слова: «вы—отчасти», его волновали. Онъ сѣтовалъ на себя, зачѣмъ не разспросилъ дѣвушку дальше, тогда легко было бы все выяснить.

Быль ли это ея капризъ за то, что онъ участвовалъ въ шарадѣ, когда она отказалась отъ этого, не долженъ ли онъ былъ уговорить остальныхъ играющихъ перемѣнить самую шараду?

Нѣтъ, все не то! Она, повидимому, не имѣла противъ ничего противъ самой шарады. Но почему же она плакала? Что вызвало у ней эти слезы? Неужели обидѣлась на него за то, что онъ все-таки поцѣловалъ

ся подругу?

Мысль молодого человѣка попала на вѣрный путь, ему стало вдругъ ясна причина этихъ слезъ...

— Да вѣдь она меня къ ней ревнуетъ,—громко вырвалось у Вихрятова:—это ясно, какъ Божій день; а если ревнуетъ, значить и ей нравлюсь.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХІІ, стр. 434.

Какое-то довольство охватило его. Онъ уже не разъ замѣчалъ, что нравится женщинамъ, это щекотало его самолюбіе; но, скромный отъ природы и все время прожившій со старикомъ-отцомъ, у котораго рѣдко кто бывалъ и изъ мужчинъ, онъ былъ лишень женскаго общества и чуждался его. Это вошло ему въ привычку.

Теперь же, благодаря завязавшемуся у него знакомству съ семейными товарищами, онъ началъ понимать прелесть женскаго разговора, оживленныхъ бесѣдъ съ женщинами, гармонія женскаго голоса пріятно дѣйствовала на его слухъ, онъ стремился возможно чаще бывать въ обществѣ молодыхъ женщинъ.

Пытавшіеся его втянуть въ разгулъ, въ ночные кутежи съ легкими дамами товарищи плохо въ этомъ успѣли. Вихрястовъ брезгливо сторонился всей этой грязи продажной любви, подрисованныхъ глазъ, нарумяненныхъ лицъ и кричащихъ костюмовъ «ночныхъ бабочекъ» съ ихъ ухарскими манерами, вызывающими жестами и циничными разговорами. Воспитанный въ одиночествѣ юноша искалъ у женщинъ тихой ласки, привѣта и отзывчивости. До сихъ поръ не знаемое, скорѣе не понимаемое имъ чувство любви нашло дорогу къ его сердцу. Можетъ быть, не произоиди этого случая у Богдановыхъ, Вихрястовъ попрежнему оставался бы въ блаженномъ невѣдѣніи, ему попрежнему нравилось бы веселиться въ дамскомъ обществѣ, шутить съ ними, но ни о какомъ серьезномъ чувствѣ ему даже не пришло бы въ голову, — ревнивыя слезы Елены дали толчокъ, студентъ прозрѣлъ.

Въ молодости достаточно одного слова, взгляда, даже намекъ, случайно брошеннаго, чтобы сразу повернуть весь внутренній міръ юноши. Воображеніе быстро заработаетъ, сплететъ обстоятельства, покажетъ ихъ подъ совершенно другимъ угломъ зрѣнія, измѣнитъ положенія, тамъ усилитъ, здѣсь ослабитъ краски и нарисуетъ картину, очень часто совершенно не похожую на дѣйствительность.

Что жъ дѣлать, это преимущества молодости, это ярко выразившаяся фантазмагорія жизни со всѣми ея достоинствами и недостатками.

До сихъ поръ Елена правилась Вихрястову, какъ каждая другая дѣвушка, бойкая, веселая, но никакого особеннаго чувства къ ней онъ не питалъ. Тася Дмитріева да и многія ея подруги были ея красивѣе, но и эти дѣвушки не производили на молодого студента никакого впечатлѣнія.

Онъ веселился беззаботнымъ весельемъ молодости, его охватывала та радость бытія, которую испытываетъ на зарѣ жизни здоровый, сильный, вполне обезпеченный человѣкъ. Достаточно только одной незначительной причины — дѣвичьихъ слезъ, — и все сразу измѣнилось.

Живая фантазія цѣльной натуры создала изъ этихъ слезъ цѣлый скрытый романъ. Ѳедоръ Ивановичъ вообразилъ, что Елена въ него не только влюблена, но любитъ серьезно, и онъ самъ, провѣ-

ря неожиданно появившееся у него къ ней чувство, начиналъ сознавать, что онъ тоже ее любить, что эта дѣвушка вполне подходит къ его идеаламъ любимаго существа, къ той подругѣ, къ общенію съ которой такъ стремилось его сердце; отсутствіе женской участливой ласки чувствовалось ему съ самаго ранняго дѣтства, когда онъ потерялъ мать.

Да, несомнѣнно, они любятъ другъ друга, надо стараться о дальнѣйшемъ сближеніи, которое должно закончиться бракомъ. Но тутъ мысли Вихрястова сразу обрывались непріятнымъ напоминаніемъ того разнаго положенія въ обществѣ, въ которомъ находились онъ и Елена.

Онъ сынъ простаго мужика, раньше извозчика, случайно сдѣлавшагося хозяиномъ, она дочь генерала, принадлежитъ къ привилегированному сословію... Положимъ, университетъ, который онъ скоро теперь окончитъ, помогаль ему приблизиться къ ней, но при сопоставленіи мысленно обоихъ отцовъ: извозчика и генерала—у Федора Ивановича какъ-то невольно холодѣло сердце...

Сколько теперъ ни говорятъ о сліянніи всѣхъ сословій, толкуютъ о дикости тѣхъ лицъ, которыя никакъ не могутъ примириться, что люди всѣ равны, что только обстоятельства, ими же самими созданныя, поставили между ними эти странныя кастовыя перегородки, но до сихъ поръ слова оставались—словами, а дѣйствительность—дѣйствительностью.

Человѣкъ изъ общества, за малыми исключеніями, рѣдко когда признаетъ мужика равнымъ себѣ, даже при нужныхъ съ нимъ встрѣчахъ не всегда протянетъ ему руку.

Молодой человѣкъ уже мысленно представлялъ себѣ презрительный отвѣтъ генерала на его предложеніе Еленѣ:

— Молодой человѣкъ, вполне соглашаюсь съ вами, что вы любите мою дочь и она васъ также, но...

Это придуманное многозначительное «но» невольно заставило Федора Ивановича вздрогнуть.

— Но не забудьте разницу между мною и вашимъ отцомъ, кто онъ и кто я!

При этомъ генераль выпячивалъ грудь и такъ гордо смотрѣлъ на студента, что воображеніе послѣдняго сразу блѣднѣло и онъ, не продолжая дальнѣйшихъ мечтаній, горько представлялъ себѣ очевидный конецъ разговора.

Федоръ Ивановичъ заснулъ только подъ утро и проспалъ противъ обыкновенія долго.

XVI.

Его разбудилъ голосъ отца, налѣвавшаго въ сосѣдней комнатѣ ирмосы. Онъ вспомнилъ, что сегодня Покровъ и отецъ, вѣроятно, уже вернулся изъ церкви отъ обѣдни.

— Неужели такъ поздно?—пришло въ голову студенту.

Онъ быстро одѣлся и вышелъ изъ своей комнаты.

— Ай да соня! Вотъ какъ вчера ты тамъ наплясался, что и проснуться не можешь, Ѳеденька,—встрѣтилъ его старикъ Вихрястовъ:—я не прещу тебѣ веселиться, а все какъ будто не гоже подь праздникъ-то плясы раздѣливать. Веселись себѣ въ праздникъ, для того онъ и существуетъ, а канунъ Богу отдай, ему помолись, въ церковь Божию сходи, плясъ-отъ и веселье отъ тебя не уйдутъ.

Иванъ Кузьмичъ говорилъ это вскользь, какъ будто не желая, чтобы сынъ принялъ его слова за выговоръ; потомъ, подойдя къ висѣвшей на окнѣ клѣткѣ съ канарейкой, тихонько постучалъ согнутымъ пальцемъ о жестяную кормушку и промолвилъ:

— Эй ты, кенарь, сладкопѣвецъ, чего притулился-то? Пой, нынѣ обѣдни ужъ отошли, теперь не грѣхъ!

Ѳедоръ смущенно молчалъ и пилъ принесенный ему стаканъ чая.

— Ахъ, какъ вчера у всеобщей пѣли, и сказать невозможно, особенно бась, такъ и дрожаль: ту-ту-ту! Да, простой народъ куда приверженнѣе къ лериги, чѣмъ баре-то, зато имъ все и дается, взять хоть, къ примѣру, меня. Господь въ милости Своей мнѣ не отказаль, живемъ въ достаткѣ.

У студента снова заняло сердце. Слова отца еще рѣзче показали ему разность положеній его и Елены. Ѳедору, привыкшему ничего не скрывать отъ отца, было тяжело, что онъ не можетъ подѣлиться съ нимъ охватившимъ его новымъ чувствомъ.

— Ты сегодня, Ѳеденька, молчаливъ больно, должно какъ слѣдъ не выспался? Я въ трактиръ уже ушедши былъ, когда ты по-утру домой-то вернулся. Да ты ничего, не сумлѣвайся, я не сержусь, ходи по гостямъ, а въ особь статью къ генералу Богданову-то. Пріятель твой, Василій Петровичъ, парень ладистый.

Старикъ на минуту замолчалъ, сейчасъ же глаза его заблестѣли, онъ оживленнѣе заговорилъ:

— А ужъ насупротивъ Павла Ильича и человѣка трудно найти, по душѣ онъ мнѣ: орель—одно слово, ни передъ чѣмъ не остановится!

— Орель, орель, а вотъ на двухъ выпускныхъ экзаменахъ прорвался,—вырвалось у Ѳедора.

— Сказываешь, прорвался. Не бѣда какая, со всякимъ можетъ это быть, и на старуху бываетъ проруха! Выправится, машистъ больно парень, дай только ты ему кончить университетъ, такъ сиганеть, что и рукой опосля его не достанешь.

Погруженный въ свои думы, студентъ невнимательно слушалъ отца.

— Знаете, что мнѣ въ голову пришло, папаша,—замѣтилъ онъ. Вихрястовъ усмѣхнулся.

— Мало ли, что тебѣ въ голову приходитъ, почему я знаю, не моя вѣдь голова, и въ своихъ мозгахъ спутаешься, гдѣ ужъ тутъ чужіе-то разбирать.

— Что бы вы сказали, если бы я задумалъ жениться?—чуть дрогнувшимъ голосомъ спросилъ снова сынъ.

Шутливое выраженіе исчезло съ лица извозчика, цыганскіе глаза его пристально уставились на Федора. Студентъ невольно смутился.

— Я не говорю, чтобы сейчасъ, а тамъ, послѣ, какъ кончу курсъ, занятія себѣ найду.

— Нѣтъ, отчего бы тебѣ и сейчасъ не ожениться? Двадцать три минуло, на четвертый ужъ половину перевалило, самая пора. Меня о девятнадцатомъ году жепили. Запрещать тебѣ не стану, похвалю, все какъ слѣдъ обставлю, квартиру хорошую устрою, молодую невѣстку на хозяйство посажу, только самъ жить съ вами не стану, вы такъ, а я по иному мыслю,—дѣловито говорилъ старикъ.—Невѣсту присмотрѣть тебѣ надо.

Студентъ молчалъ. Онъ не рѣшался открыть отцу, что задумалъ.

— Нынѣ это не трудно, свистни только, свахи, какъ голодные собаки, набѣгутъ, такую тебѣ королеву писанную да еще съ немалыми деньгами разыщутъ; а не понравится, на выборъ другихъ покажутъ. А ты сиди себѣ да посматривай, выбирай съ прохладцей, не торопись, каждую статью въ ней какъ слѣдъ обсуди. Вѣдь не на день жену-то берешь, а на весь вѣкъ, такъ нужно всерьезъ приглядѣться, до всего дойти. Что жъ, звать, что ль, сваху-то?

— Нѣтъ, папаша, я подожду еще,—уклонился Федоръ, рѣшивъ при случаѣ объясниться съ Еленой.

— Какъ знаешь, Федоръ Ивановичъ,—шутливо назвалъ его старикъ:—теперь ты не маленькій, скоро ваше благородіе станешь, не къ намъ, мужикамъ, а къ тебѣ люди за совѣтомъ придутъ, трясни только мозгами да повертывай ихъ, деньги тебѣ за нихъ станутъ давать,—намекалъ Вихрястовъ сыну объ адвокатской карьерѣ.

Федоръ подошелъ къ окну и задумчиво смотрѣлъ на грязный дворъ, въ это время дня не заставленный экипажами. Его мысли были въ эту минуту въ квартирѣ генерала, онъ не переставалъ ни на одну минуту думать о вчерашнихъ словахъ Елены.

— Ты того, годить-то долго не думай, обсоюзиться-то все лучше, солидственнѣй, женатый человѣкъ куда выше холостого, и почету-то ему больше! А знаешь, что я надумалъ? Тутъ онадась сваха, Оладкина, ко мнѣ прибѣгала, хотѣла тебѣ невѣсту сватать, знаешь, на кого указала?

Федоръ безучастно продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Кориюкова, бапшика, дочку Оедосью! Ну, и скажу тебѣ, товарь! Сама большая, здоровая, красивая, глаза темные, косища во-какая, лицо бѣлое, румянцемъ такъ и отдааетъ, въ емназіи училилась, немножко до конца не дошла, а говорить обо всемъ можетъ... А все жъ тебѣ не подь стать, забыть тебя, смиренъ ты больно, Оеденька, вотъ я и задумалъ кого ей посватать,—а ну-ка, ме-рекаешь?

Студентъ полуобернулся къ отцу и невольно сталъ прислушиваться.

— Гантурина, Павла Ильича. Онъ ей какъ разъ самую подь стать. Нашъ братъ, мужикъ, ей не подходитъ, за барина она поровитъ, ученый аль неученый, это все равно, только бы ладистый да фартовый былъ. Сватать, что ль?

— Какъ вы сами знаете, папаша,—разсѣянно промолвилъ Оедоръ.

— Да ты никакъ боленъ, Оеденька,—вглядываясь въ сына, сказалъ старикъ:—вотъ оно поздно ложиться, не трудно и здоровье-то такъ растерять.

— Хозяинъ, васъ на дворъ кликають,—заглянувъ въ дверь, сообщила старуха Авдотья.

Иванъ Кузьмичъ, тряхнувъ сѣдыми кудрями, вышелъ изъ комнаты.

XVII.

Несмотря на свое страстное желаніе въ тотъ же день переговорить съ Еленой, молодой Вихрястовъ все-таки не пошелъ къ нимъ. Ему казалось, что онъ не рѣшится сказать ни одного слова дѣвушкѣ, и будетъ еще больше мучиться тѣмъ, что ничего не выяснилъ.

— Пережду лучше нѣсколько дней, хорошенько пообдумаю и тогда ужъ пойду,—рѣшилъ Оедоръ и отложилъ свое посѣщеніе Богдановыхъ.

Онъ спѣшно готовился къ экзаменамъ, и временно интересы ихъ заслонили всѣ его другія заботы.

Прошло болѣе двухъ недѣль со дня знаменательнаго журфикса, а молодой человекъ все еще не собрался зайти къ Богдановымъ. Съ Гантуринымъ онъ раза два встрѣтился въ университетѣ, но тотъ тоже былъ занятъ экзаменами, и они только мелькомъ перекинулись парой словъ. Василій Петровичъ былъ на другомъ факультетѣ, да онъ и не ходилъ въ послѣднее время въ университетъ, тоже готовясь къ экзамену.

Прошло еще болѣе недѣли. Вернувшись какъ-то домой, Вихрястовъ нашель на столѣ письмо отъ Василія Петровича, въ немъ онъ просилъ о какомъ-то пустячномъ одолженіи, небольшой справкѣ. Повидимому, справка эта была только предлогъ, чтобы написать

записку. Въ концѣ ея слѣдовала приписка, никѣмъ не подписанная:

«Отчего вы къ намъ такъ долго не приходите? Что это значить? Я теряюсь въ догадкахъ. Неужели виною мой капризъ и вырвавшіяся у меня слова? Не сердитесь, приходите, я все вамъ объясню...»

У Федора забилося неожиданно сердце, лицо залилъ густой румянецъ; снѣ узналъ руку Елены.

На успокоившагося было немного студента нахлынули воспоминанія, передъ нимъ, какъ живое, предстало хорошенькое, заплаканное лицо генеральской дочки, припомнились ея слова: «вы виноваты»...

Этого было достаточно, чтобы Федоръ сейчасъ же отбросилъ всю свою подготовку къ экзамену и въ тотъ же вечеръ, несмотря, что это былъ непріемный день у Богдановыхъ, побѣжалъ къ нимъ.

Старикъ Вихрястовъ, привыкшій къ тому, что сынъ послѣднее время проводить всѣ вечера дома, занимаясь, изумленно спросилъ, замѣтивъ, что Федоръ переодѣвается:

— Да ты куда сегодня собрался? — и, не ожидая отвѣта, добродушно продолжалъ:— Ступай, ступай, Феденька, провѣтрись, все время вѣдь за книжкой сидишь, посмотри на себя въ зеркало, ажно поблѣднѣлъ!

У Богданова всѣ были изумлены его неожиданнымъ приходомъ.

Семья сидѣла за всернимъ чаемъ, когда пришелъ молодой Вихрястовъ.

— Вотъ рѣдкій гость-то!— встрѣтила его замѣчаніемъ Елизавета Михайловна:— загордились совсѣмъ, больше трехъ недѣль у насъ не бывали.

— Некогда было, Елизавета Михайловна,— отвѣтилъ Федоръ, первно пожимая руку Елены и тѣмъ невольно выдавая охватившее его волненіе:— готовился къ экзаменамъ.

— И нашъ тоже сидитъ за книжкой,—откликнулся генераль:— теперь для васъ страдѣ пришла, порожекъ высокій переступите, а потомъ и въ самую жизнь войдете; это все равно, какъ у насъ, у военныхъ, передъ производствомъ въ офицера. Наканунѣ еще юнкеръ, младшій чинъ, а ужъ портные тебѣ всю новенькую офицерскую форму принесли. Разложешь, бывало, ее въ училищѣ на кровать да и любишь, а самъ думаешь: завтра, молъ, объ эту пору офицеромъ станешь, солдаты честь тебѣ отдавать будутъ, полноправнымъ человѣкомъ сдѣлаешься. Вотъ и вы также, господа студенты, сдадите государственный экзаменъ, и вольная пташка, принимайся за настоящее дѣло, все ученье теперь по боку.

Федоръ невнимательно слушалъ старика, кидая украдкой взгляды на сидѣвшую по ту сторону стола Елену. Глаза ея были

опущены, она, повидимому, смутилась неожиданным приходомъ молодого человѣка, не зная, какъ исполнить обѣщаніе, о которомъ она ему писала.

— Ту справку, Василій Петровичъ, о которой вы меня просили, я принесъ.

— Благодарю васъ, Ѳедоръ Ивановичъ, зачѣмъ вы такъ торопились, этотъ пустякъ успѣлъ бы и потомъ. Пойдемте ко мнѣ въ комнату, мы тамъ переговоримъ.

— Ступайте, ступайте, господа, тамъ-то вамъ лучше говорить, мы здѣсь вамъ мѣшаемъ, у васъ свои дѣла,—покровительственно протянулъ генераль.

Но разговаривать молодымъ людямъ было почти не о чемъ. Перекинувшись парой-другой незначущихъ словъ, Василій Петровичъ спросилъ Вихрястова, не видалъ ли онъ Гантурина, успѣшно ли идетъ подготовка къ экзаменамъ, и затѣмъ замолчали, не зная, о чемъ говорить.

Въ дверь тихо постучали.

— Можно войти, у васъ нѣтъ секретовъ?—послышался голосъ Елены.

Ѳедоръ невольно встрепнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы все уже переговорили, входи, Лена,—отвѣтилъ Богдановъ.

Дѣвушка полуоткрыла дверь и проскользнула въ комнату. Остановившись спиною къ столу, такъ что лицо ея было въ тѣни, она шутливо проговорила, обращаясь къ Вихрястову:

— Я и не думала, что вы такой сердитый.

— Что вы, Елена Петровна, вовсе нѣтъ, да мнѣ и не на что сердиться.

— Ну, ну, я знаю,—бросила Елена и сѣла рядомъ со студентомъ на диванъ.

— Мнѣ что-то хочется еще стаканчикъ чаю,—предупредительно сказалъ Василій:—пойду схожу, за нимъ, не принести ли и вамъ, кстати, по чашоружечкѣ?

— Пожалуй, я выпью,—согласился Ѳедоръ, довольный, что онъ уходитъ и оставляетъ его одного съ дѣвушкой.

— И мнѣ, Вася, налей чашечку,—бросила ему вдогонку сестра. Богдановъ ушелъ.

— Ну-съ, теперь говорите, на что изволили разсердиться?—живо спросила Елена, оборачивая смѣющееся лицо къ собесѣднику.

— Да я, право, не разсердился...

— Те-те-те, не рассказывайте сказки, я отлично знаю! Вы разсердились на меня. Такъ? Отвѣчайте правду, я не люблю, когда мнѣ лгутъ.

Еще болѣе смущенный ся настойчивымъ вопросомъ, Ѳедоръ не зная, что ему отвѣтить.

— Ну, да, я виновата передъ вами, немного покапризничала, простите меня.

Она ближе придвинулась къ студенту, просительно заглядывая въ его глаза.

Федоръ Ивановичъ какъ-то инстинктивно схватилъ ея руки и началъ цѣловать. Елена не отнимала ихъ у него и, тихо смѣясь, повторяла:

— Такъ, значить, миръ? Больше вы не сердитесь на меня? Нѣтъ, нѣтъ?

— Нисколько!—вырвалось у Федора:—только объясните мнѣ, пожалуйста, причину вашихъ слезъ?

Елена вырвала у него руки и отодвинулась.

— Вы не хотите? Но вѣдь вы сами общались мнѣ въ письмѣ.

— Не сейчасъ... Потомъ я все вамъ объясню,—прошептала она и замолчала, услышавъ шаги возвращающагося брата.

XVIII.

Вихрястовъ предвидѣлъ это объясненіе, оно казалось ему яснымъ. Онъ желалъ услышать его какъ можно скорѣе. Неопредѣленное «потомъ», обѣщанное Еленой, не должно было откладываться надолго, молодой человѣкъ жаждалъ услышать отъ самой дѣвушки то, что онъ самъ ясно сознавалъ.

Уходя отъ Богдановыхъ, гдѣ въ будни гости обыкновенно не засиживались, прощаясь съ Еленой, онъ тихо спросилъ ее:

— Позвольте мнѣ какъ-нибудь пріѣхать къ вамъ на своей лошади и покатать васъ по островамъ?

Елена растерянно посмотрѣла на мать.

— Отчего же, Федоръ Ивановичъ, пріѣзжайте, Ленѣ доставить это большое удовольствіе, она такъ рѣдко катается,—отвѣтила за дочь Елизавета Михайловна.

— Такъ когда же вы пріѣдете?—спросила дѣвушка, ободренная согласіемъ матери.

— Если желаете, въ ближайшее воскресенье. Вамъ удобно? Въ какое время вы свободны?

— Послѣ завтрака, до обѣда, это самое лучшее время.

Счастливый ея согласіемъ, Вихрястовъ распрощался со стоящей въ передней старухой и Еленой и ушелъ. Онъ иѣшкомъ добрался до дому, не замѣтивъ большого разстоянія; сердце его радостно билось, новое чувство, временно заглушенное, послѣ свиданія съ Еленой и обѣщанной поѣздки съ нею снова пробилось наружу еще сильнѣе и властно охватило молодого человѣка. Онъ началъ понимать, что такое любовь, рвался къ ней, какъ къ какому-то неизвѣданному имъ источнику, жаждалъ ея; всѣ помыслы Федора, всѣ его мечты занимала только Елена, только это моло-

дое, красивое существо, которое онъ такъ внезапно полюбилъ беззавѣтною юношескою любовью.

Онъ еще не могъ самъ себя представить, строго обсудить, анализировать эту любовь, для этого у него не было достаточно силы воли, миражъ молодого увлеченія слишкомъ былъ обольстительнъ и новъ для него!

Иванъ Кузьмичъ только что отужиналъ и готовился ложиться спать. Онъ стоялъ передъ иконой и читалъ молитвы. Замѣтивъ возвращающагося сына, онъ обернулся и сказалъ ему:

— Вотъ сейчасъ видно, что забота-то у человѣка имѣется, погулялъ немного и вернулся, понимаетъ, что снова надо за книжку садиться, пользу-то свою провидить!

И онъ снова забормоталъ молитвы, продолжая отвѣшивать поклоны. Федоръ, войдя въ свою комнату, не принялся сейчасъ же за работу, онъ сѣлъ на край постели и задумался. Все въ головѣ у него какъ-то смѣшалось.

Въ сосѣдней комнатѣ настала тишина, старикъ кончилъ молиться. Студентъ пріотворилъ дверь и спросилъ:

— Вы еще не спите, папаша, съ вами можно поговорить?

— Немного развѣ, а то ужъ больно что-то спать хочется, умирался я что-то,—и онъ затяжно зѣвнулъ.

— Вы мнѣ позволите, папаша, взять въ воскресенье «Гнѣдка»?

— Сдѣлай милость! Покататься съ товарищемъ съ какимъ, что ли, задумалъ?

— Да,—уклончиво отвѣтилъ сынъ.

— Такъ я велю заложить коня въ аглицкій шарабанъ, онъ у меня стоитъ совсѣмъ новенькій, почти не ѣзженный, все пофорсистѣе будетъ, чѣмъ въ двухколескѣ-то ѣхать, а наборъ выдамъ польскаго серебра, знаешь, зеленыя-то вожжи? Ладно, ступай, я что-то ужъ и спать хочу.

Студентъ едва успѣлъ вернуться къ себѣ, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался храпъ стараго извозчика. Это былъ здоровый сонъ усталаго человѣка, вполне уравновѣшеннаго, отдающагося сну вполне, безъ всякихъ заботъ и сновидѣній.

До воскресенья оставалось еще три дня, но они казались для влюбленнаго Вихрястова очень долгимъ срокомъ. Работа не шла ему на умъ, подготовка къ экзаменамъ подвигалась медленно, онъ никакъ не могъ вполне ей отдаться, внезапно нахлынувшее на него новое чувство мѣшало заниматься.

Для Федора протянулся долгій день, затѣмъ другой. Молодой человѣкъ былъ нервно настроенъ и долго не могъ оставаться въ своей комнатѣ, это даже обратило вниманіе старика.

— Должно, ты трудную науку сейчасъ одолѣваешь,—замѣтилъ онъ:—сидѣть даже долго за ней не можешь! Вѣрю, голова устанетъ, лишь какую уйму книжекъ-то прочитать да запомнить

падо,—указаль онъ на лежавшую на столѣ у Федора груду литографированныхъ записокъ.—Ничего, сынокъ, старайся только, немного тебѣ теперь осталось; какъ сдашь экзаменты свои, такъ сейчасъ такой пиръ закачу, чтобъ всѣ знали, всѣ чюяли, каковъ у Вихрястова сынъ-то,—и старикъ съ гордостью посмотрѣлъ на него.

Онъ вышелъ изъ квартиры, но, что-то вспомнивъ, вернулся.

— Ты того, Феденька, не отдумаль въ воскресенье съ товарищами кататься-то?

Федоръ быстро поднялъ голову и тревожно посмотрѣлъ на отца.

— Да ты что жъ встрепенулся?—уловилъ старикъ его тревожное выраженіе лица:—я это къ тому спросилъ, что иду сказать подковать «Гнѣдого», онъ у насъ больше недѣли раскованный стоитъ, засѣкъ его какъ-то негодяй Андришка, когда послѣдній разъ съ баринкомъ-нѣмцемъ на немъ ѣздилъ.

— А онъ не хромаетъ?—быстро спросилъ студентъ.—Ему было бы неловко пріѣхать за дѣвушкой на хромой лошади.

— Ну тебя, чего не насажешь, хромаетъ! Конь вотъ какой, весь огонь, только вожжи держи да по сторонамъ поглядывай, я тутъ онадась въ двухколескѣ ѣхаль, такъ одного купца, задлаго лошаадника, обошелъ и далеко бросилъ.

Цыганскіе глаза стараго извозчика заискрились отъ удовольствія.

— Къ часу, что ль, закладывать-то приказать?

— Да, папаша, велите заложить къ этому времени,—тоже довольный, что ему удастся прокатить на такой хорошей лошади любимую дѣвушку, оживленно проговорилъ Федоръ.

XIX.

Застоявшійся «Гнѣдко» быстро донесъ молодого Вихрястова до генеральскаго подъѣзда. Федоръ боялся поручить рѣзвую лошадь другому и принужденъ былъ остаться самъ въ экипажѣ и послать швейцара вызвать Елену.

— Онѣ сейчасъ будутъ, баринъ,—почтительно снимая фуражку, доложилъ ему сбѣжавшій обратно швейцаръ:—одѣваются!

Студентъ машинально посмотрѣлъ на окна генеральской квартиры, проѣзжая не стоявшую на мѣстѣ лошадь. Въ окнахъ закрытаго балкона онъ замѣтилъ хорошенькую Тасю Дмитріеву, Елизавету Михайловну и дѣтей.

Шумъ раскрываемой парадной двери нарушилъ его наблюденія, онъ ловко подкатилъ къ подъѣзду и сразу остановилъ «Гнѣдка».

Елена, одѣтая въ красивый осенній костюмъ, вышла изъ подъѣзда и съ помощью швейцара сѣла въ экипажъ.

— Вы не забыли, однако?—кокетливо замѣтила она, здороваясь съ молодымъ человѣкомъ.

Федоръ Ивановичъ, внимательно слѣдившій за бойкою лошадью, ничего ей не отвѣтилъ, только коротко спросилъ:

— Готово?—и, не ожидая отвѣта, пустилъ рысака.

Рванувшійся «Гидько» пошелъ ровной рысью, студентъ съ трудомъ сдерживалъ его на вожжахъ.

— У васъ прелестная лошадь, Федоръ Ивановичъ, я люблюю ее, смотрите, на нее обращаютъ даже вниманіе.

— О, вы оцѣните его, когда мы выѣдемъ за городъ,—гордый отъ похвалы Гидьку, отвѣтилъ Вихрястовъ:—здѣсь неудобно показать весь его ходъ.

На Невскомъ, по которому имъ пришлось проѣзжать, нужно было строго слѣдить, чтобы на кого не наѣхать, не задѣть экипажемъ, студентъ, правившій не особенно часто, не могъ похвалиться своимъ умѣніемъ, разговаривать съ Еленой было затруднительно, она понимала это сама и молча посматривала на пѣшеходовъ, густой волной заливавшихъ всю солнечную сторону.

Конецъ октября выдался прекрасною погодою, было сухо и по этому времени достаточно тепло. Осеннее солнце играло на ярко вычищенной упряжи, зеленыя вожжи красивыми полосами лежали на блестящей, хорошо вычищенной спинѣ лошади.

Молодые люди благополучно выбрались съ загроможденнаго экипажами Невского и, переѣхавъ Биржевую стрѣлку и Мытнинскій мостъ, помчались по Александровскому проспекту въ Петровскій паркъ. Здѣсь было уже не такъ людно. Вихрястовъ немного отпустилъ вожжи, и Гидько пошелъ машистѣе.

Дальше дорога становилась еще безлюднѣе, на Крестовскомъ опасаться съ кѣмъ-либо столкнуться было нельзя, и такъ долго ожидавшій возможности поговорить съ Еленой Федоръ Ивановичъ чуть дрожащимъ голосомъ спросилъ ее:

— Елена Петровна, можетъ, вы теперь объясните мнѣ ваши слова?

На зарумянившемся отъ быстрой ѣзды личикѣ дѣвушки prominently было безпокойство.

— Я, право, не знаю...

— Но вы вѣдь мнѣ обѣщали! Сказали, что потомъ скажете...

Елена улыбнулась.

— Ну, да, потомъ, а не сейчасъ,—уклонилась она отъ объясненій.

— Но я васъ очень прошу, чтобы это «потомъ» наступило теперь, въ настоящую минуту,—настойчиво проговорилъ Федоръ и заглянулъ ей въ глаза:—повѣрьте, я...

— Ну, хорошо, я вамъ скажу, только не смѣйтесь,—рѣшительнымъ тономъ перебила его Елена и стыдливо, наклонивъ голову, тихо прошептала:

— Мнѣ было больно, что вы поцѣловали мою подругу Тасю...

— Больно? Но почему?—трепещущимъ голосомъ допрашивалъ Вихрястовъ.

— Я ревновала васъ къ ней,—чуть слышно уловилъ онъ ея отвѣтъ.

— Ревновали... Значить, вы меня... любите?

Дѣвушка ничего не отвѣтила, но еще ниже наклонила голову, точно стыдясь отвѣтить.

— Милая, хорошая!—быстро заговорилъ Федоръ, ободренный ея молчаніемъ:—о, если бы вы знали, какъ я васъ люблю.

Онъ пытался заглянуть въ ея глаза, все еще низко опущенные, точно не вѣря въ полувыврвавшееся у нея признаніе.

Елена медленно подняла голову, она казалось смущенной.

— Если вы хотите знать правду, Федоръ Ивановичъ, я вамъ отвѣчу: да, я васъ тоже люблю, но...

Вихрястовъ поблѣднѣлъ отъ неожиданно охватившаго его волненія, онъ былъ безконечно счастливъ, что Елена его любитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольный страхъ предугадываемыхъ имъ преградъ для ихъ любви охватывалъ его все больше и больше.

— Но я боюсь, что на нее недобрительно посмотрятъ мои родители,—продолжала свою мысль дѣвушка.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать, ваше положеніе въ обществѣ не даетъ мнѣ права даже надѣяться...

— Надѣяться! Милый, милый,—горячо воскликнула Елена:— что вы хотите этимъ сказать?

— На нашъ бракъ съ вами,—беззвучно прошептали его губы:— о, если бы это было только возможно!

Немного утомившійся рысакъ шелъ тихой рысью. Крутомъ стояла тишина, только съ оголенныхъ почти уже деревьевъ срывался рѣдкій, оставшійся листъ и тихо падалъ, чуть шурша о раньше упавшіе. Умиращая природа была такъ трогательна въ это время, покорно ожидая тяжелаго снѣжнаго покрова, зимнихъ бурь и метелей. Шарабанъ на резиновыхъ шинахъ безшумно катился по твердо укатанному шоссе, уже скованному ранними утренниками.

— Папа не хочетъ, чтобы я такъ рано выходила замужъ,—нарушила неожиданно наступившее молчаніе дѣвушка:—онъ все еще считаетъ меня за маленькую, но мама думаетъ иначе.

— Если ты... вы меня любите,—невольно сорвалось у Вихрястова:—позвольте мнѣ переговорить съ нею.

Елена замѣтила его обмолвку, улыбнулась.

— Зачѣмъ было поправляться! Ты—это лучше, чѣмъ вы ... переговоры съ мамой, я думаю, что она въ концѣ концовъ согласится и, можетъ быть, уговорить папу.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы Ѳедоръ подъ впечатлѣніемъ неожиданно охватившаго его порыва быстро обнялъ дѣвушку и горячо ее поцѣловаль. Она не отклонялась отъ его поцѣлуевъ и съ легкой насмѣшкой спросила:

— Кого тебѣ была пріятнѣе поцѣловать: меня или Тасю?

— Какая ты злая,—счастливый ея признаніемъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ:—разумѣется, тебя, вѣдь я тебя люблю, обожаю...— и онъ снова прильнулъ къ ея губамъ.

«Гнѣдой», испугавшись упавшаго на него листа, насторожилъ уши, сразу рванулъ и помчался. Вихрястовъ едва только успѣлъ схватить забытыя имъ во время разговора вожжи.

— Сегодня не заходи къ намъ, ты можешь самъ себя выдать, дай мнѣ прежде переговорить съ мамой!—предупредила Ѳедора Ивановича Елена, когда онъ довезъ ее до дому:—повѣрь мнѣ, это будетъ лучше. Я тебя извѣщу, когда ты долженъ къ намъ пріѣхать.

Молодой человѣкъ проводилъ тоскливымъ взглядомъ вошедшую въ подъѣздъ дѣвушку, хлопнулъ вожжой по широкой спинѣ рысака и поѣхаль домой.

XX.

— Хорошо катался?—встрѣтилъ его отецъ, сидѣвшій на скамейкѣ у воротъ:—что жъ ты товарища своего не привезъ?

Ѳедоръ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, отдалъ конюху лошадь и сѣлъ рядомъ съ отцомъ на скамейку.

— О чемъ задумался, Ѳеденька, не наѣхаль ли грѣхомъ на кого?

Сынъ отрицательно качнулъ головой.

— Должно, голова съ непривычки у тебя закружилась? Ишь онъ, чортъ-то, тянетъ вожжи, ему давай все ходу,—указаль онъ на «Гнѣдого», котораго распрягали здѣсь же, на дворѣ:—машисть больно!

— А что, папаша, вы скажете о моей женитьбѣ?—нечаянно вырвалось у студента.

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

— Ну, и забывчивъ же ты, сынокъ, нынѣ сталь! Да ты меня объ этомъ въ который разъ спрашиваешь? Говорилъ я тебя: съ Богомъ! Радъ даже буду, невѣсту самъ помогу тебѣ подыскать, аль ужъ самъ какую нашель, что спрашиваешь?—подозрительно глядя на сына, спросилъ старикъ.

— Все вамъ потомъ скажу, папаша, сейчасъ не невольте,—неопредѣленно отвѣтилъ сынъ и, махнувъ рукой, прошелъ въ домъ.

Старый извозчикъ задумался. Брови его сдвинулись, на лицѣ появилось сосредоточенное выраженіе. Никогда еще не бывало, чтобы Ѳедоръ что-нибудь отъ него скрывалъ. Вся жизнь сына была на виду у старика, ему извѣстна была каждая мелочь, самый незначительный поступокъ Ѳедора, онъ угадывалъ даже его мысли, его намѣренія. Увѣренность въ Ѳедорѣ была такъ велика у Ивана Кузьмича, что отказъ сына подробно объясниться невольно поразилъ его и заставилъ глубоко задуматься.

«Ишь оно дѣло-то какое,—думалось старику:—кажись, точно сквозь стекло мальчика всего я видѣлъ, а тутъ пате, какое затменіе пришло! Сынъ родной отцу, самому близкому человѣку, открыться не хочетъ,—негодоваль Вихрястовъ:—да что я ему ворогъ, что ли, какой? доброе только скажу, хорошее посоветую! Вотъ вѣрилъ, смотрѣлъ на сынка, да и не доглядѣлъ всего-то какъ слѣдъ! Эхъ, Ѳеденька, Ѳеденька, къ чужимъ людямъ перекинулся, отъ своего гнѣзда отлетѣлъ».

Задумчиво поглаживая окладистую бороду, Иванъ Кузьмичъ поднялся со скамейки и пошелъ вслѣдъ за сыномъ домой. Онъ даже разсѣянно отвѣтилъ старухѣ Авдотѣ, спрашивавшей его, ставить ли самоваръ, и, войдя въ зальце, машинально перекрестился на образа и, понуря голову, опустился на диванъ. Его бойкіе, цыганскіе глаза потухли, старикъ сразу какъ-то осѣлъ, тяжелая дума не выходила изъ его головы:

«Да что такое, въ самомъ дѣлѣ стряслось съ Ѳедоромъ?»

Совсѣмъ стемнѣло, а Иванъ Кузьмичъ попрежнему сидѣлъ въ «зальцѣ» на диванѣ и сосредоточенно молчалъ.

— Что это вы тутъ, хозяинъ, въ темнотѣ-то одинъ сидите,—проговорила Авдотья, входя съ зажженной лампой:—самоваръ подала, идите чай пить.

Вихрястовъ вздрогнулъ, огонь нарушилъ его уединеніе.

— Чай пить, такъ чай пить! Ѳедя, слышь ты, чай пить зовуть, пойдемъ!—крикнулъ онъ сыну.

Они вмѣстѣ вошли въ маленькую столовую, отгороженную отъ кухни стеклянной перегородкой. Здѣсь было душно отъ сосѣдства съ русской печкой, носился запахъ кухни. Большой тульскій самоваръ съ круглыми ручками шумѣлъ на обитомъ клеенкой столѣ; на кругломъ мѣдномъ подносѣ стояли двѣ высокія чашки для отца и сына, тутъ же находились, кромѣ сахарницы, двѣ баночки: съ малиновымъ вареньемъ и съ медомъ. Хотя у старика извозчика были еще крѣпкіе зубы, но онъ не грызъ сахара, а коллъ ихъ маленькими щипчиками.

Привычной рукой Иванъ Кузьмичъ кинулъ въ одну изъ чашекъ два куска и налилъ ее чаемъ для сына, самъ онъ пилъ въ прикуску. Они оба молча пили чай, причемъ старикъ наливалъ на блюдечко и прикусывалъ медомъ

— Ошарашилъ ты меня о сегодня, Оденъка, — первый прервалъ молчаніе отецъ:— да какъ еще!

Онъ поднялъ на сына глаза и, пристально вглядываясь въ его лицо, твердо спросилъ:

— Увертовъ я не люблю, ты мнѣ на чистоту скажи, загадки тамъ какія не закидывай! Я все равно до истины дойду. Коль впрямь жениться задумалъ и не хочешь, чгобъ тебѣ какую невѣсту сватали, мерекается мнѣ, что ты себѣ суженую самъ нашель. Такъ, что ли, сынокъ?

— Нашель, папаша, — отозвался Оедоръ, въ голосѣ его замѣтно было колебаніе.

Глаза Ивана Кузьмича блеснули.

— Что жъ, нашель, значить, ладно, мнѣ и свахѣ хлопотъ меньше будетъ! Только впрямь ли ты нашель то, что тебѣ нужно? Молодь ты еще, въ жизни понятливъ, словно куренокъ, смотри, не такую ли выискалъ, что тебя вокругъ пальца обведеть, денежки повытягаетъ, а послѣ «адью» скажетъ и помниай ее, какъ звали?

Сынъ обидчиво закусилъ губу.

— Ну, чего молчишь-то? Я тебѣ не въ укоръ говорю. Посовѣтовать могу, а жить съ ней не мнѣ, а тебѣ, самъ прилаживай, какъ лучше.

Пальцы правой руки старика нервно застучали по столу, это былъ признакъ его волненія.

— Да ты не бойся, сказывай, какъ звать-то ее? Изъ магазюлекъ какая, что ли?

Румянецъ обиды за Елену залилъ щеки молодого человѣка.

— Нѣтъ, папаша, вы ошиблись, — стараясь сдержать себя, порывисто отвѣтилъ Оедоръ:— она дочка генерала...

— Значить, бѣлой кости человѣкъ, — насмѣшливо кинулъ извозчикъ:— ишь ты, подишь ты, какую королеву подцѣпить ладишь. А звать-то какъ?

Студентъ колебался, говорить ли это отцу, но послѣдній, замѣтивъ его колебаніе, насмѣшливо спросилъ:

— Да что она, краденая какая, аль мужнина жена, что сказать нельзя?

Это замѣчаніе Оедора задѣло за живое.

— Еленой Петровпой зовутъ, а по фамиліи Богданова...

— Э! Вонъ кого ты себѣ выискалъ! Василию Петровичу сестрой, должно, придется?

Вихрястовъ на минуту задумался, но его цыганскіе глаза по-прежнему были устремлены на сына.

— Не Богъ знаетъ какой генераль, такъ, за выслугу, а не за страженія получилъ чинъ-отъ, капиталовъ тоже тамъ не имѣется, живутъ по ровному.

Пальцы извозчика снова начали танцовать по столу, глаза его были теперь опущены, недопитое блюдечко стояло около правой руки, онъ не обращалъ на него вниманія.

Нервно настроенный Федоръ томился, ему поскорѣе хотѣлось услышать отвѣтъ отца.

— Что жъ вы, папаша, мнѣ отвѣтите по этому поводу?—нерѣшительнымъ голосомъ спросилъ онъ отца.

— Что я тебѣ, голубчикъ мой, отвѣчу,—да ровно ничего, одно только могу сказать, смотри, присматривайся ближе, помѣрь разъ двадцать, а ужъ потомъ кроить зачни! Эхъ, грѣхи наши грѣхи,—нараспѣвъ протянулъ старикъ и, не допивъ чай, поднялся изъ-за стола и пошелъ къ извозчикамъ на дворъ.

Федоръ не зналъ, какъ понять слова отца.

XXI

Два дня прошло послѣ ихъ разговора, но Иванъ Кузьмичъ не напоминалъ о немъ Федору, точно онъ ничего не помнилъ или не хотѣлъ помнить. Подобное не выясненное положеніе очень томилло студента, привыкшаго раздѣлять съ отцомъ всѣ свои мысли, намѣренія, всю свою жизнь.

Онъ не зналъ, на что рѣшиться: снова ли спросить Ивана Кузьмича объ его рѣшеніи, или твердо высказать свое желаніе, но не зналъ, какъ ему поступить. Федоръ даже началъ бояться, что старикъ на новый вопросъ отвѣтитъ отказомъ на его женитьбу на дочери генерала, а это молодому человѣку было бы очень тяжело. Прожитые до сихъ поръ вмѣстѣ съ отцомъ годы его жизни слишкомъ близко ихъ связывали, нежелательный разрывъ, который былъ бы неминуемъ въ случаѣ отказа старика, пугалъ Федора.

На третій день, вернувшись около пяти часовъ домой, студентъ нашель у себя на столѣ письмо. Достаточно было для него одного взгляда, чтобы убѣдиться, что письмо было отъ Елены.

Молодой человѣкъ нервно разорвалъ конвертъ, судорожно развернулъ голубой атласистый листокъ и жадными глазами впился въ единственное написанное на немъ слово: «Пріѣзжайте!»

Какое-то странное чувство удовлетворенія, исполненія страстного желанія охватило Федора. Онъ готовъ былъ прыгать, скакать отъ радости, какъ малое дитя, у котораго явилась увѣренность, что онъ получитъ желаемую имъ игрушку.

Въ эту минуту онъ позабылъ объ опасности разговора съ отцомъ и, быстро выйдя въ сосѣдную комнату, гдѣ старый извозчикъ щелкалъ на счетахъ, считая вчерашнюю «выѣздку», радостно сказалъ:

— Папаша! Елена Петровна зоветъ меня къ нимъ пріѣхать!

Иванъ Кузьмичъ не слѣша обернулся къ сыну, отложивъ счеты въ сторону и съ чуть замѣтной усмѣшкой промолвилъ:

— Должно, его превосходительству ужъ больно хочется залучить тебя къ себѣ въ зятя!

Упоенный счастьемъ студентъ даже не замѣтилъ насмѣшливаго тона отца; ему показалось, что послѣдній соглашается на его бракъ съ Еленой.

— Такъ я ужъ, папаша, къ нимъ поѣду,—вырвалось у него не то просительно, не то увѣренно.

— Что жъ, поѣзжай, Ѳеденька, Господь тебя благословить на доброе дѣло,—ласково отозвался Вихрястовъ и, поднявшись со стула, подошелъ къ сыну, благословилъ его и, крѣпко обнявъ, поцѣловалъ.

Окрыленный надеждой, студентъ сейчасъ же отправился къ Богдановымъ.

Тамъ, видимо, его ждали; чувствовалась какая-то торжественность. Пожилая горничная, давно уже жившая въ семьѣ Богдановыхъ, особенно низко поклонилась молодому Вихрястову, заботливо помогла ему снять пальто и, забѣжавъ впереди его, просунула голову въ залу, негромко проговоривъ:

— Ѳедоръ Ивановичъ!

Въ залѣ послышался тихій шумъ, и когда студентъ туда вошелъ, то въ комнатѣ никого не было.

Онъ съ недоумѣніемъ стоялъ у двери, сердце его учащенно билось.

— Ѳедоръ Ивановичъ!—услышалъ онъ свое имя и вздрогнулъ.

Въ креслѣ, стоявшемъ къ нему спиной, сидѣла Елена. Вихрястовъ быстро подошелъ, скорѣе подбѣжалъ къ ней, волненіе не позволяло ему говорить, онъ чувствовалъ, что въ эту минуту рѣшается его участь. На его нѣмой вопросъ легкая улыбка пробѣжала по лицу дѣвушки, она чуть наклонила голову.

— Да?—еле слышно спросилъ Ѳедоръ.

— Я говорила съ papà... Просила его, умоляла и...

— Онъ не соглашается?—захолодѣвшимъ голосомъ прервалъ ее Вихрястовъ.

Елена глубоко вздохнула, точно ей было страшно тяжело отвѣтить.

— Онъ... согласился, и мама тоже!

— Дорогая! Милая!—порывисто схватывая руки дѣвушки и цѣлуя ихъ, нервно шепталъ молодой человѣкъ.

— Но ты долженъ переговорить съ ними самъ, они этого желаютъ, главное papà. Ступай теперь, онъ тебя дожидается, я ему сказала, что ты придешь. Ступай, — ласково ударяя Вихрястова рукою по синѣ, она проводила его до самаго кабинета отца.

Генераль сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ и что-то писалъ. Лампа съ большимъ колпакомъ отражала свѣтъ только на

лежащую передъ нимъ бумагу, лицо же его оставалось въ глубокой тѣни.

На шумъ отворяемой двери и шаговъ вошедшаго генераль перенулся черезъ столъ, точно желая узнать, кто къ нему вошелъ.

— А! Молодой человекъ!—привѣтливо проговорилъ онъ, протягивая гостю свою широкую коленую руку:—пожалуйте, садитесь. Лена мнѣ говорила о вашемъ предложеніи, и я...

Сидящій у стола Вихрястовъ настороженно слушалъ.

— ...я, обсудивъ его серьезно, переговорилъ съ женою; вы сами должны понять всю нашу заботу о счастьѣ нашихъ дѣтей,—голосъ генерала звучалъ внушительно.—Это заставляетъ меня прежде, чѣмъ рѣшительно отвѣтить вамъ, задать вамъ нѣкоторые вопросы...

Генераль для чего-то взялъ въ руки большой деревянный ножъ для разрѣзыванія бумаги и, хлопая имъ по лѣвой ладони, началъ спрашивать студента:

— Что вы намѣрены дѣлать по окончаніи курса?

— Я еще самъ не знаю, Петръ Алексѣевичъ, запишусь ли я въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, или же пойду служить...

— Отлично! Это меня вполне удовлетворяетъ. Затѣмъ, имѣетъ ли вашъ родитель настолько средствъ, чтобы содержать васъ и вашу будущую жену вполне прилично?

Федору показался немного страннымъ подобный вопросъ, но онъ все-таки поспѣшилъ удовлетворить любопытство генерала.

— Это онъ мнѣ неоднократно обѣщалъ, и я увѣренъ, что папаша сдержитъ свое слово.

Старикъ брезгливо повелъ плечами, услышавъ слово «папаша».

— Еще одинъ вопросъ, простите меня за него, но онъ очень существененъ...—точно извиняясь, снова сказалъ хозяинъ.

— Пожалуйста, Петръ Алексѣевичъ, я готовъ вамъ отвѣтить.

— Видите... вашъ отецъ...—замаялся генераль.

— Ахъ, папа, развѣ тебѣ не довольно, что сказалъ Федоръ Ивановичъ, къ чему еще всѣ эти глупости?—послышалось капризное восклицаніе Елены стоявшей въ залѣ у открытой двери кабинета.

— Да нѣтъ, отчего же, я готовъ отвѣтить на всѣ вопросы генералу, тутъ нѣтъ никакой тайны,—пытался возразить молодой студентъ.

— Довольно, довольно, папа, разспросовъ, вы, кажется, все разспросили,—бойко заговорила дѣвушка, войдя зъ кабинетъ:—значитъ, вы, папа, согласны на нашъ бракъ?—и, не ожидая отвѣта генерала, она крикнула:

— Мама, поди сюда!

Въ кабинетъ изъ столовой вступила фигура генеральши, необычно для будняго дня разряженной.

— Я ничего не имѣю противъ вашего брака, дѣти мои,—томо проговорила Елизавета Михайловна:—подойдите, мы васъ съ отцомъ благословимъ.

XXII.

Генераль, вначалѣ дѣйствительно возмущавшійся, что его дочь хочетъ выйти замужъ за сына извозчика, мало-по-малу подъ влияніемъ упрасиваній Елены и настойчивыхъ повтореній Елизаветы Михайловны, что въ настоящее время, когда жениховъ такъ мало, а тѣмъ болѣе имѣющихъ средства, Вихрястовъ, несмотря на свое низкое происхожденіе, при крупныхъ средствахъ отца, которыя рано или поздно будутъ его, представляетъ хорошую партію.

— Ты вникни только, Петръ Алексѣевичъ,—говорила генеральша:—Федоръ Ивановичъ будетъ или присяжнымъ повѣреннымъ, или служить, деньги при немъ останутся, а о томъ, кто былъ его отецъ, чѣмъ онъ занимался, кому какое дѣло.

Генераль принужденъ былъ согласиться

Свадьбу рѣшили сыграть лѣтомъ. Во-первыхъ, это представляло то удобство, что большинства знакомыхъ Богдановыхъ въ это время не бывало въ Петербургѣ, а, во-вторыхъ, только весною заканчивалъ Федоръ всѣ расчеты съ университетомъ и становился полноправнымъ гражданиномъ.

Но самое трудное предстояло теперь, въ промежутокъ между помолвкою и самою свадьбою; щекотливыхъ вопросовъ о томъ, кто родня жениха, нужно было ожидать немало, да къ тому же генерала въ особенности безпокоила встрѣча и знакомство съ своимъ будущимъ сватомъ.

— Меня прямо по кожѣ морозъ пробираетъ,—говорилъ онъ женѣ:—когда подумаю, что какой-то хамъ, разжирѣвшій мужикъ-извозчикъ, протянетъ мнѣ руку и скажетъ:

— «Ваше превосходительство,—а мы съ вами все-таки родней придемся!» Чего добраго онъ повадится еще къ намъ сюда ходить,—ворчалъ генераль:—придется его всѣмъ представлять, знакомить и говорить: «Это тестъ моего сына, извозпромышленникъ Вихрястовъ, тѣфу, чортъ!

— Ты не тревожься, Пьеръ, мы сумѣемъ его отсюда отвадить.

Елена не обращала на происхожденіе своего жениха никакого вниманія и, когда однажды братъ шутливо замѣтилъ:

— Ну, теперь мы ужъ на извозчикахъ покатаемся, Павлуша, сестра извозчицей будетъ!...

Гангуринъ рѣзко оборвалъ его:

— Вотъ ты сперва, Василій, наживи столько денегъ, сколько есть у старика Вихрястова, а пока лучше помолчи.

Въ свою очередь, завидовавшая Еленѣ Тася Дмитриева шутливо ей сказала:

— Повойшниковъ ты себѣ, Лена, нашла? Вѣдь бабы постоянно въ нихъ ходятъ.

— Да, Тася, бабы носятъ, замужнія, а тебѣ едва ли скоро удастся выскочить замужъ, за одну красоту не возьмутъ, а денегъ-то у тебя вѣдь нѣтъ,—болжно уколола она подругу.

Противъ общаго ожиданія Богдановыхъ, старикъ Вихрястовъ оказался очень тактиченъ и совсѣмъ не хотѣлъ къ нимъ итти. Когда сынъ попросилъ его хоть разъ сходить къ новой роднѣ его, Иванъ Кузьмичъ, горделиво сверкнувъ цыганскими глазами, многозначительно отвѣтилъ:

— Эхъ, Оеденька, куда ужъ намъ, воронамъ, да въ барскія хоромы! Неученые мы люди, и сѣсть, и сказать слово не умѣемъ какъ слѣдуетъ, къ ихъ превосходительствамъ на пересмѣшку итти мнѣ не стать!

— Да вы все жъ, папашенька, сходите.

— Знаю, миленькій, когда мнѣ у нихъ быть надлежитъ, свою очередь какъ слѣдъ соблюду, а теперь недосугъ. Ишь, ты меня въ какое дѣло-то завязалъ, впору за нимъ за однимъ весь день понаблности,—шутливо сказалъ старикъ, указывая на спѣшно передѣлываемый подъ большую квартиру флигель, гдѣ находилась ихъ старая квартира.

Чисто русской смѣтки у стараго извозчика было хоть отбавляй, онъ самъ распланировалъ отдѣлываемую для молодыхъ квартиру и устроилъ ее настолько удобной, что когда Елена пріѣхала сюда съ молодымъ мужемъ, то ахнула отъ изумленія; казалось, что извозо-промышленникъ не хуже самихъ интеллигентовъ зналъ ихъ всѣ нужды и потребности.

Квартира была въ пять комнатъ, отдѣлка и меблировка ея стоили не дешево. Старикъ ничего не жалѣлъ для своего единственнаго сына.

— Пусть живутъ да радуются; когда и повеселиться, какъ не теперь молодымъ, апосля всякія заботы, тревоги полѣзутъ, а тамъ дѣти пойдутъ, не до веселья тогда будетъ!

Иванъ Кузьмичъ позаботился обо всемъ, онъ даже нанялъ кухарку и горничную для нихъ, взялъ у сосѣда, каретнаго извозчика, лучшую свадебную карету.

— Подъ Овсянникова сына ходила, когда онъ женился-то,—хвастался про нее каретникъ, почему-то придавая этой свадьбѣ большое значеніе.

Въ одномъ старику Вихрястову пришлось уступить генералу: онъ хотѣлъ, чтобы свадьба происходила въ приходской церкви, гдѣ его всѣ знали и гдѣ онъ пользовался большимъ почетомъ, но генералъ именно этому и противился; согласно его настоянію вѣнчаніе происходило въ небольшой домовой церкви. Сразу же послѣ него молодые отправились въ путешествіе по Волгѣ, на Кавказъ и въ Крымъ.

Никаких обѣдовъ, особыхъ торжествъ не было, поздравили ихъ шампанскимъ въ сосѣдномъ съ церковью залѣ, здѣсь же состоялось и знакомство стараго извозпромышленника съ его новымъ превосходительнымъ сватомъ.

Иванъ Кузьмичъ не ударилъ въ грязь лицомъ, какъ онъ и говорилъ, и одѣлся не хуже другого барина, сюртукъ и прочія принадлежности на немъ были изъ тонкаго англійскаго сукна, лакированные сапоги, голенища которыхъ онъ ради этого торжественнаго дня одѣлъ подъ брюки, крахмальная мягкая сорочка была около горла зашпиlena крупнымъ брилльянтомъ, солитеръ еще большихъ размѣровъ игралъ въ перстнѣ, одѣтомъ на рукѣ извозчика, и когда онъ подвелъ сына къ аналою, то кто-то изъ генеральскихъ знакомыхъ, не знавшій Ивана Кузьмича, замѣтилъ генералу:

— Отецъ-то вашего зятя какой красивый и, должно быть, не совсѣмъ русскій?

Петръ Алексѣевичъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на собесѣдника и спросилъ:

— А почему вы такъ предполагаете?

— Да знаете, у него вьются волоса, глаза такіе пронзительные, вѣроятно, онъ южанинъ, испанецъ или румынъ.

Богдановъ былъ доволенъ, что Вихрястова сочли не тѣмъ, къѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Когда началось поздравленіе, Иванъ Кузьмичъ съ бокаломъ подошелъ къ генеральшѣ и спокойнымъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни капли вкрадчивости или особаго почтенія, сказалъ:

— Ваше превосходительство, Господь такъ рѣшилъ, что намъ волею или неволею пришлось съ вами породниться. Не знаю, сколь это для васъ пріятно, могу только пояснить, что ни вамъ, ни вашему супругу и ни мнѣ до этого пріятства никакого касанія не имѣется, а если такъ все это довелось, то для ради дѣтей нашихъ будемте весь приликъ держать какъ слѣдуетъ. За ихъ же здоровье сейчасъ и выпьемте!

Генеральша хотѣла сказать Вихрястову что-то любезное и тѣмъ опровергнуть его правдивыя слова, но самъ генераль, которому они очень понравились, пожалъ старому извозчику руку, прибавивъ:

— А знаете, я вовсе не думалъ, что встрѣчу въ васъ такого чело-вѣка, у васъ природный умъ какъ не у всякаго!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство, и на этомъ; если по правдѣ сказать, умишкомъ Богъ не обдѣлил!

Новые родные разошлись довольные другъ другомъ.

XXIII.

Гантуринъ помогъ молодому Вихрястову записаться въ помощники къ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Первое время послѣ возвращенія изъ путешествія молодые занялись устройствомъ

своего новаго хозяйства, и Ѳедоръ Ивановичъ только изрѣдка посѣщаль своего патрона.

— Куда спѣшить-то, успѣешь еще по судамъ-то набѣгаться, — не разъ повторялъ отецъ: — помилуйся съ молодухой-то, вишь, она у тебя какая красивая! Да я бь отъ такой жены никуда не ушелъ, такъ бы и сидѣлъ завсе съ ней дома, — шутилъ старикъ, перебравшійся въ двѣ небольшія комнатки рядомъ съ извозничьимъ помѣщеніемъ; взялъ онъ къ себѣ и старуху Авдотью, хорошо знавшую его привычки.

Ѳедоръ Ивановичъ и безъ совѣта отца рѣдко покидалъ жену. Слова же старика его какъ-то еще больше успокоили, и на свои новыя занятія онъ мало обращалъ вниманія.

Молодой человѣкъ былъ буквально влюбленъ въ Елену. Податливая натура молодого Вихрястова была очарована, поработана женской лаской и тѣмъ уютомъ, который почти всегда приноситъ съ собою женщина. Проживъ до двадцати трехъ лѣтъ въ обществѣ старика-отца, въ грязной обстановкѣ извозничьяго двора, Ѳедоръ Ивановичъ всецѣло былъ захваченъ новымъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ, присутствіемъ молодой женщины.

Изъ знакомыхъ Богдановской семьи, кромѣ самой генеральши и дѣтей, чаще всего ходили Гантуринъ и Василий Петровичъ, нѣкоторыя подружки тоже навѣщали Елену, но Тася Дмитриева не была еще ни разу.

Самъ генераль послѣ возвращенія молодыхъ также ни разу еще не посѣтилъ ихъ, отзвываясь недосугомъ и массою дѣлъ, скопившихся за лѣто, когда онъ, пользуясь отпускомъ, жилъ на дачѣ.

— Брезгаетъ нами, должно, его превосходительство, — насмѣшливо блеснувъ глазами, сказалъ сыну извозчикъ.

— Что вы, папаша, ему дѣйствительно нѣтъ времени, — старался выгородить тестя въ глазахъ отца Ѳедоръ.

— Ничего, — потряхнулъ головой старикъ: — помаленьку приобькнетъ, введемъ и его въ оглобли!

Женитьбой сына Вихрястовъ былъ доволенъ, въ особенности тѣмъ, что Елена была дочкой генерала, обращался съ ней онъ очень вѣжливо, не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, вообще предоставилъ ей вести хозяйство самостоятельно, хотя зорко слѣдилъ за всѣмъ и наблюдалъ. Смѣтливый старикъ скоро увидѣлъ, что изъ наивной институтки вырабатывается недурная хозяйка; два года, которые она прожила послѣ института въ родномъ домѣ подъ рукою экономной, прижимистой матери, дали ей хорошій опытъ въ хозяйствѣ.

Первое время всѣ покупки провизіи были возложены на кухарку и горничную, но немного спустя молодая женщина стала сама ходить по лавкамъ и торговаться, если съ нея дорого запрашивали.

— Ну, Иванъ Кузьмичъ, нажимистый ты больно, — сказалъ извозчику какъ-то сосѣдь-мясникъ: — это съ тебя взять, да и невѣ-

сточку подобралъ подь статью себѣ, торгуется за каждую копейку.

— Что жь, это дѣло ладное, копейка рубль бережетъ, а главное сызмальства къ этому приучиться надо-тъ, тогда и денежки въ залежкѣ заведутся.

Въ тотъ же день, зайдя къ сыну, Вихрястовъ шутливо сказалъ Еленѣ:

— Похвалить зашелъ васъ, барыня-невѣстуха, за то, что деньгу считать любите, прокъ-отъ изъ васъ будетъ.

Елена даже зардѣлась отъ похвалы свекра.

— Зачѣмъ же даромъ переплачивать лишнее, Иванъ Кузьмичъ?

Она звала его по имени, вопреки обычаю той среды, въ которую попала, гдѣ невѣстка или зять зовутъ свекра или тестя отцомъ.

— Одея-то у себя?

— Нѣтъ, онъ пошелъ къ своему патрону.

— То-есть къ господину адвокату,—усмѣхнулся старикъ:—что жь, хорошо, отъ дѣла бѣгать не должно, а все жь посидѣлъ бы пока еще дома, съ молодой женой помиловался, такъ, что ли, я, барыня, говорю?

Елена покраснѣла еще больше.

— Чего тамъ, матушка, краснѣть-то, не чужіе какіе вы съ нимъ-то, по закону обсоюзены, вѣнчаные....

Молодой женщинѣ никогда не приходилось слышать въ домѣ отца тѣхъ выраженій, той простоты оборота рѣчи, какихъ она въ короткое время наслушалась здѣсь. Вначалѣ они ее смущали, она конфузилась, опускала глаза, иногда даже совсѣмъ выходила изъ комнаты, гдѣ шелъ разговоръ, затѣмъ привыкла и не стала обращать на нихъ вниманія.

— Да ты, Лена, и въ самомъ дѣлѣ извозчикій говоръ ужъ схватила,—пошутить молодой Богдановъ, подслушавъ у сестры случайно вырвавшееся незнакомое для него выраженіе.

На этотъ разъ Елена не смутилась и смѣло возразила брату:

— Дурного, Вася, въ этомъ выраженіи ничего нѣтъ, а привыкла я къ нему совершенно естественно, такъ всѣ здѣсь говорятъ. Поживи-ка ты здѣсь, и самъ сталъ бы такъ же говорить.

Сердившаяся на подругу Тася Дмитріева все-таки къ ней зашла, и знакомство между ними возобновилось.

Вечера по праздникамъ съ молодежью изъ Богдановскаго дома были перенесены сюда. Старикъ Вихрястову они нравились, онъ постоянно бывалъ на нихъ и своимъ звонкимъ теноромъ, несмотря на его немолодые годы, поддѣлывалъ поющей молодежи. Слухъ у стараго извозчика былъ удивительный, онъ могъ вторить каждой, даже незнакомой ему мелодіи. Этою рѣдкою способностью молодой Вихрястовъ не обладалъ. Вообще онъ мало понималъ музыку, да и не особенно любилъ ее.

— А молодецъ вы, барыня, на фортупьянахъ-то, всякую пѣсню докладывать можете,—одобрительно сказала невѣстка старикъ:— вотъ Феденькѣ не задалась эта охота, по-моему сызмальства не доводилось ему въ хорахъ пѣть.

— Въ какихъ хорахъ, Иванъ Кузьмичъ?—неволью улыбулась Елена.

— Да это толкъ одинъ—что въ церковныхъ, что въ цыганскихъ. Я вотъ мальчонкой, какъ изъ пастуховъ-то меня отпустили, къ цыганамъ было пристроился, двоюродный дядя въ таборѣ дѣлянщикомъ былъ, вѣдь сами-то мы всѣ изъ цыганъ,—неволью вырвалось у него признаніе.

Елена съ любопытствомъ смотрѣла на свекра, теперь ей были вполне понятны его густо вьющіеся волосы, его загадочные молодые каріе глаза со вспыхивающими въ нихъ такъ часто огоньками; въ ея мужѣ цыганская порода почти ничѣмъ не выразилась ни въ наружности, ни въ самомъ характерѣ. Все это онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери, рязанской крестьянки.

— Оттого-то вы обладаете такимъ хорошимъ слухомъ и голосомъ, Иванъ Кузьмичъ! А Федя, дѣйствительно, не музыкаленъ.

— Ну, что жъ, не далось одно, другое пофартило, ученъ онъ у меня сталъ, а тамъ смотри и впрямъ заправскимъ адвокатомъ за дѣлается, только тихъ-отъ онъ слишкомъ... Развязки побольше имѣть бы ему слѣдовало, въ ихнемъ дѣлѣ это первѣе всего требуется.

Елена ничего не отвѣтила свекру, но вполне съ нимъ согласалась въ душѣ. Прожитыхъ ею съ мужемъ пяти мѣсяцевъ было достаточно для молодой женщины, чтобы хорошо изучить его характеръ.

XXIV.

Невольное ли одиночество, которое онъ испытывалъ въ дѣтскіе годы, отчужденность ли отъ общества въ слѣдующее время, а то, можетъ быть, природное свойство, но «развязности», какъ это говорилъ старикъ Вихрястовъ, у Федора не было. Старательный, прямой, честный, тоже не любящій зря кидать деньги, онъ не обладалъ той дѣловитостью, тѣмъ умѣніемъ заглянуть впередъ, раскинуть умомъ, смекнуть, которыя составляютъ для человѣка успѣхъ, даютъ ему возможность быстро двигаться впередъ и совершенствоваться въ своемъ дѣлѣ.

Этого у молодого Вихрястова и не было, убѣдиться въ справедливости такой оцѣнки мужа Еленѣ пришлось очень скоро.

Небольшія дѣла въ судахъ, которыя поручалъ Федору его патронъ, были всѣ, за исключеніемъ одного, проиграны. Онъ не понималъ, не умѣлъ вникнуть въ самую сущность дѣлъ, проявить къ нимъ необходимый интересъ. Они были ему безразличны.

Послѣдній неуспѣхъ подорвалъ къ нему довѣріе патрона, онъ пересталъ поручать Вихрястову дѣла и, встрѣтивши какъ-то Гантурина, укоризненно замѣтилъ:

— Ну, батюшка, нечего сказать, рекомендовали мнѣ помощника...

— А что,—перебилъ его Гантуринъ:—развѣ плохъ? Или чѣмъ передъ вами провинился? Насколько я знаю Вихрястова, онъ чело-вѣкъ хорошій и честный.

— Да о честности его я и не говорю, чело-вѣкъ онъ дѣйстви-тельно хорошій, а вотъ какъ защитникъ интересовъ кліента—совсѣмъ плохой. Ибѣтъ, онъ для нашего дѣла не годится, изъ него никогда не выйдетъ даже мало-мальски сноснаго адвоката.

Гантуринъ задумался.

— Знаете что, могу ли я передать ему это ваше мнѣніе? Мнѣ кажется, что было бы вполне честно предупредить его, указать, онъ можетъ избрать для своей дѣятельности другую дорогу?

— Отчего же, скажите. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, мнѣ кажется, что казенная служба гдѣ-нибудь въ департаментѣ ему подойдетъ лучше, онъ, какъ я замѣтилъ, очень дѣльный, исполни-тельный чело-вѣкъ.

Гантуринъ не сталъ медлить и въ тотъ же день вечеромъ нарочно зашелъ къ молодымъ. Разговоръ съ патрономъ Ѳедора онъ передалъ Еленѣ, стараясь смягчить рѣзкость мнѣнія присяжнаго повѣреннаго. Елена нисколько не смутилась этимъ сообщеніемъ.

— Знаете, Павелъ Ильичъ, я это предвидѣла. Ѳедя по натурѣ своей совсѣмъ не подходитъ къ избранной имъ дѣятельности.

— Но какъ же ему объ этомъ сказать?—заботливо спросилъ товарищъ Вихрястова.

— Объ этомъ вы не беспокойтесь, я ему все передамъ и, по-вѣрьте, насколько знаю теперъ его, это сообщеніе нисколько его не взволнуетъ и не обидитъ.

— Дѣлайте, какъ вы знаете,—согласился Гантуринъ.

Елена въ тотъ же день осторожно передала мужу весь разго-воръ ея съ Павломъ Ильичемъ, стараясь не задѣтъ его самолюбія и не обидѣтъ.

Легкое смущеніе овладѣло молодымъ Вихрястовымъ, но онъ выслушалъ жену до конца.

— Я знаю, Ѳедя, тебѣ обидно все это слышать, но я поступаю такъ потому, что ты самъ мнѣ не разъ высказывалъ, что любишь, когда говорятъ только правду. Быть можетъ, твой патронъ слиш-комъ строго относится къ твоимъ способностямъ, знаніямъ, вѣдь сразу никому ничего не удастся, попытайся поработать еще нѣ-скольکو мѣсяцевъ, можетъ быть, тебя заинтересуетъ это дѣло, ты болѣе вникнешь въ него...

— Я вполне съ тобой согласенъ, Лена,—стараясь быть спокойнымъ, отвѣтилъ Ѳедоръ,—и попытаюсь еще позаниматься нѣсколько времени, а затѣмъ, если найду, что настоящей склонности къ адвокатурѣ у меня нѣтъ, я совершенно ее брошу и поступлю куда-нибудь на службу.

— Только знаешь, Ѳедя, не говори пока до времени отцу, это можетъ его взволновать.

Мужъ молча съ нею согласился.

Все пошло попрежнему, занятія у патрона продолжались. Узнавъ черезъ Гантурина намѣреніе Ѳедора Ивановича все-таки испытать свои способности въ этомъ дѣлѣ, адвокатъ, скрѣпя сердце, поручилъ ему еще нѣсколько новыхъ небольшихъ дѣлъ, не требовавшихъ особой подготовки и практическихъ знаній; удалось Вихрястову получить нѣсколько дѣлъ и со стороны.

Онъ немало надъ ними позанялся, употребилъ всѣ усилія, чтобы разработать детали ихъ, точно установить на законахъ всѣ обстоятельства защиты, но неудача продолжала его преслѣдовать. Всѣ дѣла были опять проиграны.

Временное отчаяніе овладѣло Ѳедоромъ Ивановичемъ, но это было не надолго. Вернувшись домой, онъ нервно сказалъ женѣ:

— Сегодня я окончательно убѣдился, Лена, что патронъ мой правъ. Никакого, даже мало-мальски сноснаго адвоката изъ меня не выйдетъ. Къ чему я буду терять даромъ время, сознательно приносить вредъ другимъ, когда на другомъ дѣлѣ я могу оказать пользу! Я сегодня подалъ прошеніе объ исключеніи меня изъ сословія.

Еленѣ, мечтавшей видѣть своего мужа присяжнымъ повѣреннымъ, который получить со временемъ крупную клентуру и выдастся среди другихъ своихъ товарищей, несомнѣнно, было тяжело убѣдиться, что надежды ея не могли быть осуществимы, но эта еще недавно наивная, малозначащая институтка спрятала далеко волновавшее ее чувство и спокойно отвѣтила:

— И я думаю, такъ будетъ лучше.

Совсѣмъ иначе встрѣтилъ это извѣстіе старикъ Вихрястовъ, когда сынъ сообщилъ ему. Иванъ Кузьмичъ ничего не возразилъ Ѳедору, даже не подалъ виду, что переданная ему новость разбивала всѣ его планы, тѣ блестящія мечты о будущности сына, которыя онъ самъ себѣ внушилъ и въ твердомъ исполненіи которыхъ былъ вполне увѣренъ.

Онъ старался отозваться шуткой и подъ нею скрыть страданіе своего самолюбія.

— Ишь ты, подишь ты, какъ оно дѣло-то вышло, вотъ правду сказываютъ старые люди: «закинешься далеко, какъ бы близко не очутиться!» Что жъ, Ѳеденька, свое дѣло не ладится, послужи въ тѣ поры лучше на государственной службѣ.

Но эти слова произнесены были имъ упавшимъ голосомъ, старику тяжело было мириться съ неудачей сына. Онъ ушелъ въ свою квартирку и долго не заглядывалъ къ молодымъ.

Мѣсто въ министерствѣ Ѳедору получить сразу не удалось, приходилось ждать свободной вакансіи, хотя онъ и былъ причисленъ.

XXV

Въ одно изъ воскресеній у Вихрястова гости разошлись довольно поздно. Они только что улеглись спать, какъ въ спальную къ нимъ тревожно постучали.

— Баринъ, а баринъ, — послышался голосъ горничной: — тамъ снизу Дуня пришла, Ивану Кузьмичу худо.

Ѳедоръ быстро одѣлся и побѣжалъ къ отцу. Вслѣдъ за нимъ спустилась внизъ и Елена. Старикъ Вихрястовъ лежалъ безъ памяти и тяжело стоналъ. Старуха Авдотья безтолково суетилась около него, не зная, что дѣлать. Послали за докторомъ.

— Ничего, на этотъ разъ отлежится. Ударикъ легонькій, — равнодушно опредѣлили болѣзнь врачъ.

— Отчего это съ нимъ случилось? — спросила его молодая женщина.

— Эхъ, барынька, на свѣтѣ всему свой чередъ, пожилъ на своемъ вѣку старичекъ. Сколько ему?

— Шестьдесятъ шестой пошелъ, — отвѣтилъ ему Ѳедоръ.

— Вотъ видите, шестьдесятъ шестой, намъ съ вами столько не прожить, — тѣмъ же добродушнымъ тономъ продолжалъ докторъ: — тутъ и склерозикъ; можетъ, когда раньше и попивалъ, излишествами какимъ предавался...

Молодой Вихрястовъ возмутился.

— Вы ошибаетесь, докторъ, мой отецъ никогда не пилъ и жизнь всегда велъ очень строгую.

— Виноватъ въ такомъ случаѣ, — смутился врачъ: — вѣроятно, какое-нибудь нервное потрясеніе, волненіе, дѣло у вашего батюшки большое, мало что приходится — и на извозчиковъ покричать, и посердиться.

Въ эту минуту Ѳедору невольно пришли въ голову неудовольствіе и разочарованіе, испытанныя старикомъ благодаря неудачѣ сына на адвокатскомъ поприщѣ.

То же самое подумала и Елена.

— Да вы особенно-то не тревожьтесь, — утѣшала ихъ докторъ: — это ничего, ударъ легонькій, пройдетъ, ему нужно будетъ только полежать, отдохнуть съ недѣлю, а то и больше, а тамъ, Богъ дастъ, оправится, быть можетъ, даже и слѣда не останется отъ болѣзни; натура, насколько я замѣчаю, у вашего батюшки крѣпкая, старинная.

Онъ присѣлъ у стола писать рецептъ, а Елена безпокойно полупшопотомъ спросила мужа:

— Какъ же быть, Оеда, кто жъ теперь за дѣломъ слѣдить будетъ?

— Придется ужъ мнѣ,—недовольнымъ голосомъ отозвался молодой Вихрястовъ:—не нравится мнѣ это, но что жъ дѣлать, пока папаша выздоровѣетъ, присмотрю.

— Повторяю вамъ, заботы большой не имѣйте, —откликнулся докторъ, уловившій ихъ перешептываніе:—увѣренъ, что черезъ недѣлю старикъ вашъ опять на ноги встанетъ и за дѣло примется, только дайте ему теперь покой.

Докторъ уѣхалъ, прописавъ лекарство, больного уложили въ постель, все въ домѣ понемногу успокоилось.

Тяжело было Оедору подниматься чуть свѣтъ, но обстоятельства заставляли, нужно было принять отъ извозчиковъ выручку, записать ее, распорядиться обо всемъ, посмотрѣть лошадей, не захромала ли которая, годится ли экипажъ для ѣзды, перекинуться словомъ-другимъ съ сѣнниками, да мало ли что требовалось отъ хозяина въ большомъ дѣлѣ.

Когда онъ возвратился, утомленный отъ непривычнаго ему занятія, изъ трактира, гдѣ ему все-таки пришлось побывать, онъ засталъ Елену, противъ обыкновенія, уже вставшей. Она бодро посмотрѣла на мужа, на его усталое отъ безсонной ночи лицо.

— Трудно, Оеда? Ну, ничего, мало-по-малу привыкнешь!

Но унылый взглядъ мужа поразилъ ее, у нея сразу появилось какое-то странное убѣжденіе, что и это дѣло не подходитъ къ Оедору, слишкомъ онъ мягокъ и уступчивъ.

— Скорѣй бы папаша поправился,—безпомощно прошепталъ Вихрястовъ:—ему все это дѣло ближе, понятливѣе...

На другое утро молодой человѣкъ опять принужденъ былъ встать рано и точно такъ же, какъ вчера, принимать выручку, надсматривать, итти въ трактиръ.

Такъ протянулось нѣсколько дней. Оедору показались они цѣлымъ вѣкомъ. Онъ не привыкъ такъ рано вставать, вести такую дѣятельную жизнь, не упуская ничего изъ виду, строго за всѣмъ слѣдить и твердо держать въ рукѣ все хозяйство.

Прошла недѣля, а улучшенія въ здоровьи старика Вихрястова особаго не послѣдовало, онъ былъ очень слабъ, мало говорилъ, не могъ встать съ постели, и когда сынъ пытался рассказывать ему о хозяйствѣ, то глаза Ивана Кузьмича настороженно вспыхивали, но только на одно мгновеніе, онъ сейчасъ же слабо махалъ рукою и, тихо прошептавъ:

— Нѣтъ, не могу,—снова погружался въ сонливое состояніе.

— Знаешь, Оеда, что я тебѣ скажу,—замѣтила Елена мужу:—не могу ли я чѣмъ-нибудь тебѣ помочь, я вижу, ты тяготишься своей работой, вдвоемъ тебѣ будетъ легче.

— Да нѣтъ, куда жъ тебѣ, женщинѣ, да къ тому же совершенно чуждой въ этомъ дѣлѣ, не понимающей его, — пытался возражать онъ женѣ, но возраженія эти были слишкомъ вялы, нерѣшительны, и молодая женщина задумала, не спрашивая его больше, понемногу присматриваться къ извозному хозяйству.

На другое же утро она поднялась вмѣстѣ съ мужемъ и, сойдя съ нимъ въ извозчичье помѣщеніе, спокойно проговорила:

— Дай мнѣ сюда книжку, Федя, ты принимай деньги, а я буду записывать, это пойдетъ скорѣе.

Мужъ послушно исполнилъ ея желаніе. Извозчики были отпущены скорѣе, чѣмъ въ тѣ дни. Обошла она и лошадей, совсѣмъ ничего не понимая еще въ нихъ, шутливо разспросила конюховъ, разговорилась съ извозчиками, скользнула глазами по выстроеннымъ въ рядъ на дворѣ, только что вымытымъ экипажамъ и затѣмъ пошла домой.

Для перваго дня было достаточно. Федоръ Ивановичъ отправился въ трактиръ, какъ это было заведено, а Елена, возвратившись къ себѣ, записала въ отдѣльную книгу «выѣздку», спрятала деньги въ свой туалетъ.

На слѣдующее утро новое дѣло ей было уже легче и понятнѣе. Она быстро привыкала къ нему, не прошло и недѣли, какъ все извозпромышленное хозяйство не представляло для молодой женщины особыхъ затрудненій. Она управлялась на дворѣ вполне самостоятельно. Федору не нужно было чуть свѣтъ подниматься для расчетовъ съ работниками, у Елены Петровны нашлось достаточно энергии для того, чтобы осмотрѣть лошадей, экипажи, выпустить извозчиковъ со двора, и только посѣщеніе трактировъ и переговоры тамъ съ торговцами лежали попрежнему на обязанности Федора Ивановича, но это можно было измѣнить.

— Отчего бы тебѣ, Федя, не назначить времени для нихъ попозже, да пусть они вмѣсто трактира приходятъ сюда, здѣсь дома и переговорить удобнѣе, и я тебѣ могу, что нужно, посоветовать.

— Не модель это, Федоръ Ивановичъ, къ тебѣ итти по дѣлу говорить! — отозвался кто-то изъ сѣнниковъ, когда молодой Вихрястовъ передалъ ему о предложеніи жены: — здѣсь въ трактирѣ сподручнѣе, такъ ужъ издавна ведется.

Но все-таки продавцы стали ходить къ Вихрястову на квартиру и точно какъ въ трактирѣ за чаемъ переговаривались, совершали сдѣлки и получали деньги.

Вначалѣ они косились на присутствіе при ихъ разговорахъ Елены, шутили надъ Федоромъ, говоря:

— Ишь ты, парень какой выискался, одинъ безъ бабы и дѣла вести не можешь!

Но привыкли и къ этому и даже какъ-то охотнѣе торговались съ ценою, чѣмъ съ ея мужемъ.

Вмѣсто назначенной докторомъ недѣли Иванъ Кузьмичъ проболѣлъ больше мѣсяца и когда поднялся съ постели, то никакъ не могъ сразу приняться снова за дѣло.

Опытнымъ хозяйскимъ взглядомъ онъ все осмотрѣлъ на своемъ дворѣ, справился у извозчиковъ, которымъ больше довѣрялъ, какъ вели безъ него хозяйство; не укрылось отъ него то обстоятельство, что въ лошадяхъ нѣтъ особаго урону, точно также немного ломалось и экипажей, выручка привозилась работниками исправно. Опытный хозяинъ сразу замѣтилъ, что весь ходъ большого извозо-промышленнаго дѣла почти не пострадалъ отъ его отсутствія.

— Вотъ оно дѣло-то какъ вышло, думаешь одно, а Господь другое указываетъ,—сказалъ онъ своимъ пріятелямъ въ трактирѣ, когда въ первый разъ послѣ болѣзни вышелъ туда:—мерекаль изъ сына барина сдѣлать, ученье всякое ему предоставилъ, а свое близкое проглядѣлъ, ишь какъ онъ къ родному-то дѣлу прилежить, все какъ слѣдъ справлялъ, урону никакого не оказалось.

— Ну, братъ Иванъ Кузьмичъ, слышь-то сыномъ, да сдается мнѣ, что безъ бабы своей не управился бы онъ съ твоимъ хозяйствомъ.

— Что ты мнѣ сказки-то рассказываешь, не малолѣтокъ я какой выискался, чтобы тебѣ повѣрить. Статочное дѣло, чтобы невѣстка въ нашемъ дѣлѣ что смыслила, пойми ты, вѣдь она генеральская дочь, въ институтѣ училась.

— Да нѣтъ же, сказываю тебѣ, Кузьмичъ, правду, баба она ухъ какая пройда, несмотря, что молода, куда насупротивъ твоего сына ловка, въ какое короткое время все превзошла.

— А все жъ что-то не вѣрится, семь-ка я дома все какъ слѣдъ повыспрошу и разузнаю.

Старику Вихрястову немного нужно было, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго ему въ трактирѣ. Все было для него ясно: молодая женщина, барыня, по его выраженію, генеральская дочка, воспитанная совершенно иначе, чѣмъ воспитываются дѣвушки въ простомъ быту, оказалась обладающей дѣловитостью, хорошей смѣткой и умѣвшей быстро понять все дѣло извозо-промышленника.

XXVI.

Старикъ Вихрястовъ принимался снова за веденіе дѣла понемногу, онъ чувствовалъ себя еще довольно слабымъ, чтобы взять всѣ хлопоты, всю обузу большого хозяйства на одного себя, да къ тому же хитрый старикъ хотѣлъ присмотрѣться къ дѣятельности невѣстки, дѣйствительно ли она можетъ самостоятельно вести все одна.

— Знаешь, Оеденька, полагаться на меня тебѣ теперь въ особъ статью не должно, и слабъ, и старъ я,—говорилъ онъ сыну, испытующе глядя на него:—смотри за хозяйствомъ попрежнему, а я такъ подсоблять тебѣ стану.

Хотя Иванъ Кузьмичъ и убѣдился отчасти, что главный нервъ извозничьяго хозяйства во время его болѣзни представляла Елена, но старику все-таки не хотѣлось вѣрять, чтобы единственный его сынъ оказывался все больше и больше негодящимся для практической жизни. Ему было очень больно въ этомъ убѣдиться, какое-то странное чувство зависти, что чужому человѣку все это дѣло ближе, понятливѣе, заставляло его слѣдить за всѣмъ внимательнѣе и строже.

Онъ жадно отыскивалъ каждую оплошность, ошибку, недосмотръ Елены, чтобы, укоризненно покачавъ головою, присущимъ ему насмѣшливымъ тономъ замѣтить:

— Эхъ, барынька-невѣстуха, а не слѣдь вамъ было о вчера Гришкѣ Мозгляку полтинникъ-отъ скинуть, не онъ варежки-то покупалъ, а я, обманулъ онъ васъ.

Елена внимательно выслушивала замѣчанія свекра, соглашалась съ нимъ, принималась за новую провѣрку, и когда убѣждалась, что она права, совершенно спокойно, безъ всякаго укора, говорила объ этомъ свекру.

— А вѣдь и впрямь,—припертый къ стѣнѣ очевидными доказательствами, соглашался съ ней старикъ:—самъ онъ варежки-то покупалъ, запомнотавалъ я что-то, годы не тѣ ужъ.

Старикъ этими словами какъ будто извинялся передъ молодой женщиной за свою ошибку

Елена Петровна вела счетъ выѣздовъ съ работниками очень аккуратно, не приписывая имъ, какъ старикъ, штрафовъ за прогульные дни, не увеличивая недовыѣздку или число взятыхъ ими впередъ денегъ, пользуясь ихъ разсѣянностью, но тѣмъ не менѣе слѣдила за каждымъ рублемъ.

— Бухгалтеръ настоящій, что и говорить,—не разъ повторялъ про нее старикъ въ трактирѣ:—оборотистая баба!

Поторжки съ сѣнниками, торговцами овсомъ, кузнецкіе расчеты онъ снова пытался перенести въ трактиръ, что очень обрадовало первыхъ, но когда, по окончаніи мѣсяца, невѣстка внимательно просмотрѣла поданные ему счета и указала старику на цѣны, сравнивая ихъ съ другими, по которымъ она раньше покупала, Вихрястовъ убѣдился, что поторжки на дому куда выгоднѣе и удобнѣе.

— Нѣтъ ужъ, чего тамъ имъ въ трактирѣ меня обманывать, пусть лучше идутъ сюда, тутъ мы съ тобой можемъ словомъ-другимъ посоветоваться!—и недовольные поставщики снова начали ходить къ Вихрястовымъ.

Федору наконецъ удалось поступить, благодаря знакомству тещи, куда-то въ департаментъ, онъ былъ этимъ очень доволенъ, слѣдить за извозничьимъ хозяйствомъ было ему не по душѣ, да оно его совсѣмъ не интересовало. Ему совѣстно было въ этомъ признаться старику, но скрыть своего удовольствія ему не удалось.

— Ладно, ладно, сиди тамъ, поскрипывай себѣ перышкомъ-то, — пронически сказалъ Иванъ Кузьмичъ: — а мы тутъ, Богъ дастъ, съ барыней вдвоемъ управимся.

Все какъ-то нашло свое мѣсто, дѣловое колесо вертѣлось по-прежнему правильно.

Отсутствіе сына, до пяти часовъ не возвращавшагося домой, развязало старику руки, теперь онъ, не боясь уже обидѣть Ѳедора, откровенно говорилъ Еленѣ:

— Ну, барыня-невѣстуха, не гадай, не чаялъ я найти въ тебѣ такую подмогу! Въ кого ты только такая дѣловитая зародилась? Ишь ты, подишь ты, до всякаго дѣла, до пустого самаго доходишь!

Съ каждымъ днемъ извозпромышленное колесо затягивало молодую женщину все больше и больше. Трудно было даже повѣрить, что еще недавно минуло полгода съ тѣхъ поръ, какъ она съ генеральской квартиры попала на извозничій дворъ.

Раннее всгаваніе вошло у нея въ привычку, но зато праздничные гости не могли долго засиживаться у молодыхъ Вихрястовыхъ.

— Вамъ-то завтра спать можно до девяти часовъ, а то и дольше, — говорила Елена Гантурину, часто бывавшему у нихъ въ домѣ: — а я ужъ въ четыре поднялась.

Павель Ильичъ въ отвѣтъ на это, покручивая усы, смѣясь повторялъ:

— Слушаемъ васъ, матушка-извозчица, и сейчасъ же уходимъ.

Недовольная рано прерваннымъ веселіемъ, молодежь въ одиннадцать часовъ принуждена была покидать гостепрійныхъ хозяевъ.

Иванъ Кузьмичъ, не отходя окончательно отъ дѣла, предоставилъ вести его невѣсткѣ, онъ только наблюдалъ за лошадьми да за экипажами, старый цыганъ понималъ толкъ въ первыхъ, онъ же и покупалъ ихъ, Елена была еще недостаточно опытна для этого.

Минулъ годъ со дня ея выхода за Ѳедора. Въ извозномъ дѣлѣ Вихрястова появились кое-какія нововведенія. Елена нашла возможнымъ получать съ извозчиковъ утромъ выручку, не сходя сама за нею въ извозничье помѣщеніе.

Для этого они приходили на кухню верхней квартиры; въ стѣнѣ было пробито въ сосѣдній кабинетъ небольшое отверстіе съ желобкомъ въ ящикъ въ кабинетѣ. Извозчики, завернувъ въ клочокъ газеты деньги, опускали ихъ туда, ставя предварительно на обрывкѣ каждый свой знакъ.

Елена Петровна вынимала потомъ эти деньги изъ ящика, считала, записывала въ книгу и, если были какія-либо недоразумѣнія съ тѣмъ или инымъ работникомъ, по возвращеніи ихъ съ извоза объяснялась съ нимъ.

— Ловко, барыня, ты придумала, — согласился съ этимъ нововведеніемъ старикъ Вихрястовъ, послѣ недѣльнаго опыта убѣдившись, что подобный пріемъ денегъ не хуже стараго.

— И дошла же наша молодая хозяйка,—толковали между собою работники:—не рветь она съ тебя такъ шкуру съ мясомъ, какъ старикъ-отъ рвалъ прежнее время, а ужъ за каждыиъ грошомъ слѣдить, не урвешь у нея, да и штрафами не милуетъ, такъ ими и сыплеть: прогулялъ, что ль, день-другой, крыло гдѣ у пролетки поломалъ, лошадь тамъ захромала,—и отвѣтить ей ничего нельзя, свою собственную праву держать!

— По справедливости-то оно, кажись бы, и лучше слѣдовало быть, анъ, глядь, при самомъ легче было, обдѣлится быть, а извозчику вольготнѣе жилось.

Миновалъ и второй годъ свадьбы Вихрястовыхъ. Въ этотъ день къ нимъ было создано много гостей, явился и самъ генераль, за послѣднее время участвовавшій посѣщеніе молодыхъ. Пришли: Гантурицъ, начавшій выдѣляться въ адвокатурѣ, и хорошенькая Тася, очень нравившаяся Василию Петровичу; молодой Богдановъ не отходилъ отъ нея весь вечеръ.

Елена Петровна на этотъ разъ не ограничила молодежь срокомъ, веселились чуть ли не всю ночь. Молодой хозяйкѣ не нужно было теперь рано вставать, чтобы принимать выручку работниковъ.

Въ кабинетѣ хозяина находилось нѣсколько его товарищей и дамъ.

Раннее весеннее утро давно уже смотрѣло въ окно кабинета, но гости попрежнему оживленно разговаривали, не помышляя объ уходѣ. Стрѣлка на каминныхъ часахъ показывала уже пятый часъ. Въ прикрѣпленный надъ столомъ жестяной ящикъ, тяжело стуча объ дно, начали одинъ за другимъ падать завернутыя въ обрывки газеты деньги.

— Смотрите, господа, новое изобрѣтеніе, деньги прямо въ руки катятся,—шутливо сказалъ Гантурицъ, указывая остальнымъ присутствовавшимъ на наполнявшійся все больше и больше ящикъ:—это все выдумка нашей милой хозяйки.

— Патентъ ей надо выдать,—смѣясь отвѣтилъ кто-то изъ гостей.

Молодой Богдановъ, сидѣвшій около стола, съ любопытствомъ наблюдалъ за каскадомъ денегъ.

— Позвольте, а это что же такое?—изумленно проговорилъ онъ, замѣчая, какъ опущенныя деньги стали осторожно снова подниматься вверхъ.

— А что такое?—спросилъ Гантурицъ, подходя къ столу.

— Смотри, самъ увидишь.

— А ловко придумано! Вотъ за такое изобрѣтеніе дѣйствительно нужно дать патентъ. Придумать только нужно!—продолжалъ онъ, наблюдая за движеніемъ денегъ.

Кто-то предусмотрительно заранѣе опустилъ привязанную на веревочкахъ съ трехъ концовъ тряпку, бросаемые свертки денегъ

падали на нее, и теперь чья-то невидимая рука осторожно поднимала ихъ на тряпкѣ обратно.

— Нужно позвать Лену,—спокойно замѣтилъ Василій Петровичъ:—пусть она сама убѣдится, какъ у нея деньги воруютъ.

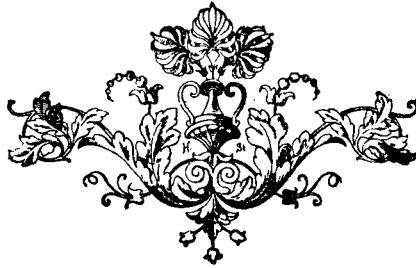
— Сидите тихо, господа, не спугните вора, а я ее сейчасъ позову,—предложилъ Гантуринъ...

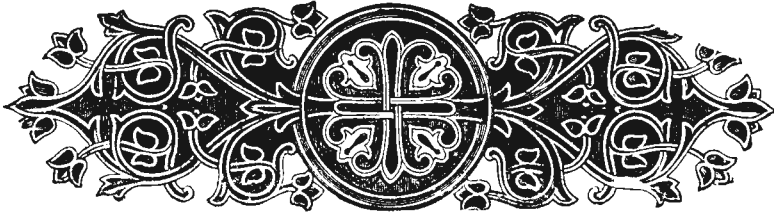
Вора удалось открыть. Это былъ одинъ изъ работниковъ.

— Нѣтъ, барыня-невѣстушка, не годится твоя махинація,—сказалъ старикъ Вихрястовъ:—ужь больно ловокъ нынѣ народъ пошелъ, придется, должно, за старое взяться.

И Елена Петровна начала снова подниматься съ кровати чуть свѣтъ.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МЕМУАРОВЪ.

Вызовъ меня императоромъ Николаемъ I въ Петергофъ.—Положеніе Турціи.—Побѣды Мегеметь-Али.—Положеніе восточнаго вопроса въ 1839 г.—Николай I рѣшаетъ спасти Турцію.—Моя дипломатическая миссія.—Приемъ въ Константинополь.—Султанъ Абдуль-Меджидъ.—Его благодарность государю.—Поѣздка въ Каиръ.—Переговоры съ Мегеметь-Али.—Поѣздка въ Іерусалимъ.—Наши консулы.—Святѣя мѣста и распри христіанъ.—Соперничество Англии, Россіи и Франціи.—Терпимость турокъ.—Успѣхъ моей миссіи.—Отчетъ въ ней государю и разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ.

ПРОВОДИЛЪ лѣто 1839 года на Каменномъ островѣ, на дачѣ моей жены; близость къ Петербургу позволяла мнѣ такимъ образомъ не брать отпуска и не оставаться въ городѣ. Разъ утромъ въ серединѣ іюля меня разбудилъ фельдъегерь, прискакавшій съ приказомъ—немедленно мнѣ явиться въ Петергофъ, гдѣ меня желалъ видѣть государь. Дѣло, повидимому, было срочное, такъ какъ фельдъегерь меня предупредилъ, что меня ждетъ одна изъ императорскихъ яхтъ, обслуживавшихъ Петергофъ и Петербургъ. Я немедленно одѣлся и въ девять часовъ утра уже входилъ въ кабинетъ государя.

По дорогѣ я все время ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, что могло быть причиною этого приказа, тѣмъ болѣе страннаго, что еще два дня передъ тѣмъ я былъ на дежурствѣ у государя, который мнѣ ни словомъ не намекнулъ о желаніи отправить меня въ какую-нибудь командировку. Я другой причины посѣпшнаго призыва въ такой неурочный часъ не видѣлъ.

Николай Павловичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Груда бумагъ, лежавшая передъ нимъ, дала мнѣ понять, что онъ ночью

получилъ важныя донесенія. У государя была привычка оставлять бумаги и не убирать ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ какому-нибудь рѣшенію по данному вопросу, затронутому въ докладахъ или донесеніяхъ. Когда рѣшеніе было принято, бумаги складывались съ величайшимъ вниманіемъ и въ величайшемъ порядкѣ, и трудно было бы тогда догадаться о царствовавшемъ передъ тѣмъ безпорядкѣ.

Государь любилъ перечитывать по пѣскольку разъ не только то, что онъ самъ писалъ, но и доклады, которые онъ получалъ.

Какъ только Николай Павловичъ меня увидѣлъ, онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ приготовиться къ отъѣзду черезъ три дня въ Константинополь, чтобы передать поздравленіе новому султану Абдуль-Меджиду по случаю его вступленія на престолъ. Я еще не зналъ о смерти султана Махмуда II; такимъ образомъ я узналъ о ней изъ устъ самого государя.

Такъ какъ онъ меня не отпустилъ сразу, я подождалъ дальнѣйшихъ приказаній, такъ какъ понялъ, что они послѣдуютъ.

Я не ошибся. Государь всталъ и прошелся по кабинету. Затѣмъ онъ вернулся къ письменному столу, снова сѣлъ и сталъ говорить. Прежде всего онъ мнѣ повѣдалъ, что египетская армія подъ начальствомъ Ибрагима, сына египетскаго паши, разбила турокъ при Нежибѣ, въ Сиріи, 11-го (23-го) предыдущаго іюня, что султанъ Махмудъ умеръ отъ волненій, причиненныхъ ему извѣстіемъ объ этой катастрофѣ, и что его преемникъ, лишенный войска, такъ какъ лучшая его часть либо погибла, либо взята въ плѣнъ Мегеметомъ-Али, находится въ самомъ критическомъ положеніи.

Онъ мнѣ также сказалъ, что великія державы, съ Франціей и Англійей во главѣ, готовятъ коллективное вмѣшательство съ цѣлью заставить египетскаго завоевателя отступить и что Россія должна къ нимъ присоединиться, но что очень важно, чтобы Россія опередила другихъ въ этой демонстраціи и первая предложила свое покровительство молодому султану.

— Ты отправишься въ Константинополь,—сказалъ мнѣ государь серьезно,—и постарайся сообщить тамъ мою волю, не дѣлая этого официально; затѣмъ ты отправишься въ Александрію, какъ бы изъ любознательности съ цѣлью будто посмотреть страну. Ты постарайся свидѣться съ Мегеметомъ-Али и ему скажешь ясно, что если онъ не отзоветъ Ибрагима, то онъ встрѣтитъ передъ собою наши войска, которыя будутъ защищать султана. Сейчасъ въ мои планы вовсе не входитъ,—ты понимаешь,—чтобы цѣлость Турціи была чѣмъ-нибудь нарушена. Англія одна отъ этого выиграла бы, ибо Луи-Филиппъ желаетъ только ей нравиться и будетъ ей во всемъ уступать. Наслѣдіе султана должно фатально перейти къ намъ, и я не хочу, чтобы этотъ исходъ былъ скомпрометтированъ какимъ-нибудь необдуманнѣмъ шагомъ. Ты долженъ дать понять Абдуль-

Меджду, что я согласенъ помочь ему противъ его вассала, и что я хочу это сдѣлать независимо, прежде, чѣмъ другія державы сдѣлають то же самое. Султанъ долженъ разсматривать Россію, какъ своего друга болѣе, чѣмъ какъ покровительницу, и онъ долженъ понять, что я сохраняю ему свое императорское благоволеніе. Ты, впрочемъ, получишь инструкціи Нессельроде о томъ, что ты долженъ дѣлать. А теперь ступай, готовься къ отъѣзду, можешь явиться послѣзавтра за моими послѣдними приказаніями.

Я вернулся домой и немедленно приступилъ къ приготовленію къ отъѣзду. Моя жена была очень встревожена предстоявшимъ мнѣ долгимъ путешествіемъ, но дѣлать было нечего, и на третій день я снова явился въ Петергофъ, чтобы откланяться государю и получить его послѣднія инструкціи.

Я снова былъ позванъ въ кабинетъ, государь долго мнѣ говорилъ, тщательно объясняя, какъ я долженъ дѣйствовать, чтобы во время моего пребыванія въ Константинополѣ иностранные послы, аккредитованные при Блистательной Портѣ, не могли догадаться о тайной цѣли моего путешествія. Я долженъ былъ повезти съ собою богатые подарки, между которыми полную конскую сбрую, украшенную красивѣйшими драгоцѣнными камнями, какъ подарокъ государя молодому султану.

Меня должны были сопровождать два флигель-адъютанта и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ шифромъ для переписки, при чемъ государь приказалъ мнѣ прислать непосредственно ему лично отчетъ обо всемъ, касающемся моей миссіи, въ письмѣ, которое будетъ передано только ему одному.

Онъ мнѣ указалъ затѣмъ, какъ мнѣ держаться съ греческой колоніей въ Константинополѣ въ случаѣ, если бы она въ лицѣ своихъ представителей пожелала меня видѣть.

— Ты долженъ, — сказалъ мнѣ серьезнымъ тономъ государь, — помнить, что во время твоего пребыванія въ Константинополѣ ты представляешь мою особу, которая никогда не можетъ быть замѣшанной въ какой бы то ни было интригѣ. Если бы ты очутился въ необходимости видѣть христіанскихъ подданныхъ султана, ты долженъ устроиться такъ, чтобы это вышло очень официально и, если возможно, въ присутствіи турокъ. Ты не долженъ выслушивать никакихъ жалобъ, не обезкураживая ихъ, однако, и не мѣшая тебѣ имъ ихъ излагать. Я знаю, что это будетъ трудно, но я настаиваю на томъ, чтобы ты соблюдалъ въ точности инструкціи, которыя я тебѣ даю, и я буду очень недоволенъ, если ты даже слегка уклонишься отъ нихъ. Если увидишь, что ты вынужденъ принять петицію, то скажи только, что мнѣ ее доставишь, и отвѣтъ тѣмъ, кто передастъ ее тебѣ, что они лучше поступили бы, если бы довѣрили величію души молодого султана, въ благія намѣренія котораго я глубоко вѣрю. Ты говоришь по-турецки (я думаю, что главнымъ образомъ

по этой причинѣ я и былъ избранъ государемъ для командировки въ Константинополь), ты сможешь поэтому понимать все, что дѣлается кругомъ тебя; но еще разъ помни, что ты дословно долженъ исполнить все, что я тебѣ сейчасъ сказалъ.

Онъ мнѣ затѣмъ говорилъ объ уступкахъ, которыхъ онъ желалъ добиться у султана и которыя касались Святыхъ Мѣстъ и нѣкоторыхъ тамошнихъ духовныхъ учрежденій, зависѣвшихъ отъ Россіи. Онъ мнѣ поручилъ вернуться изъ Египта черезъ Іерусалимъ, но сдѣлать это въ качествѣ простаго туриста. Государь меня послѣ этого отпустилъ, давъ мнѣ свое благословеніе, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ съ своими адъютантами, когда ихъ посылалъ куда-нибудь съ порученіями или въ командировку.

Я выѣхалъ въ тотъ же вечеръ, предшествуемый двумя фельдъегерями, которые должны были меня сопровождать во время моего путешествія. Послѣ восьмидневнаго путешествія я пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ долженъ былъ пересѣсть на одно изъ нашихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ тогда на якорѣ въ порту. Дорога была крайне тяжелая вслѣдствіе жары и пыли. А мнѣ приказано было нигдѣ не останавливаться, развѣ только въ случаѣ порчи моего тарантаса. Я былъ совершенно разбитъ отъ усталости; я надѣялся, что смогу отдохнуть во время морского переѣзда, но на морѣ разразилась страшная буря при самомъ выходѣ нашемъ изъ гавани. Насъ сильно качало, я очень страдалъ отъ морской болѣзни, такъ что когда мы наконецъ бросили якорь у входа въ Босфоръ, я былъ совершенно боленъ.

Въ то время прибывавшія изъ Европы суда должны были продѣлывать разнаго рода паспортныя и иныя формальности прежде, чѣмъ войти въ проливъ. Пока турецкія власти вступали на наше судно, къ нашему судну присталъ на лодкѣ драгоманъ нашего посольства, который предупредилъ меня, что одинъ изъ секретарей султана меня ждетъ на каикѣ у Буюкъ-Дере, гдѣ тогда находилась лѣтняя резиденція нашего посольства, съ тѣмъ, чтобы мнѣ передать привѣтствіе своего господина и свезти меня на берегъ.

Какъ я ни былъ боленъ, я долженъ былъ переодѣться въ парадную форму. И, дѣйствительно, когда нѣкоторое время спустя нашъ фрегатъ присталъ къ зданію нашего посольства, я увидѣлъ очень красивый каикъ—родъ судна, которое я въ первый разъ видѣлъ, съ восемью гребцами, одѣтыми въ бѣлыя куртки съ широкими рукавами съ фесками на головѣ. Усланъ былъ каикъ великолѣпнымъ ковромъ изъ красиваго бархата съ золотой бахромой, свѣшивавшимся наружу въ воду. Чиновникъ, весь увѣшанный золотомъ, меня ждалъ съ огромнымъ букетомъ изъ розъ и встрѣтилъ самыми любезными фразами, которыя я долженъ былъ казаться не понимающимъ, такъ какъ этикетъ требовалъ, чтобы мнѣ ихъ перевелъ нашъ драгоманъ, черезъ котораго я, въ свою очередь, передалъ свою благо-

дарность за милость, оказанную мнѣ его величествомъ султаномъ,

Мы обмѣнялись привѣтствіями, послѣ чего я представилъ мою свиту; турокъ, съ своей стороны, назвалъ мнѣ нѣсколькихъ эффенди изъ своего кортежа, и мы перешли въ каикъ, гдѣ мнѣ было отведено, понятно, почетное мѣсто. У входа въ наше посольство меня встрѣтилъ нашъ посолъ со всеѣмъ штатомъ посольства. Здѣсь повторилась та же церемонія привѣтствій съ туркомъ, который проводилъ меня до большой залы посольства, гдѣ ему, какъ и намъ, было предложено турецкое кофе, лимонадъ и сладости, а равно и длинные чубуки, которые мы стали очень серьезно курить, съ чѣмъ мой желудокъ послѣ тягостнаго переѣзда съ трудомъ мирился. Наконецъ представитель султана ретировался съ тѣмъ же церемоніаломъ, общая извѣстить меня на слѣдующій же день о распоряженіяхъ султана касательно моей торжественной аудіенціи.

Я до того былъ измученъ, что попросилъ монахъ хозяевъ разрѣшить мнѣ удалиться въ мою комнату, и я могъ разговаривать съ нашимъ посломъ только на слѣдующій день. Онъ мнѣ сказалъ, что Франція и Англія собираются безотлагательно сдѣлать извѣстные шаги передъ Мегеметъ-Али, что онъ самъ получилъ приказанія къ нимъ присоединиться и что, если мы хотимъ быть первыми, надо торопиться. Я ему сообщилъ инструкціи, полученныя мною передъ отъѣздомъ отъ государя, и мы уговорились о томъ, что намъ надо было дѣлать. День я провелъ, любуясь Босфоромъ, который казался мнѣ восхитительнымъ въ этотъ прекрасный лѣтній день. Буюкъ-Дере, гдѣ находилось наше посольство, расположенъ почти у устья Босфора, и съ одной террасы прекраснаго сада было видно блестящее на солнцѣ Черное море. Но сама деревня казалась маленькой, несчастной, безъ всякой приманки, за исключеніемъ великолѣпныхъ платановъ на большой площади, отгнѣявшихъ маленькое кафе, гдѣ можно было курить чубукъ, который подавалъ старый турокъ въ бѣлой чалмѣ и длинномъ, тянувшемся по землѣ халатѣ, съ янтарными четками на поясѣ.

Въ тотъ же вечеръ я былъ извѣщенъ, что султанъ меня приметъ на слѣдующій день во дворцѣ стараго сераля и что за мною пріѣдутъ съ подобающею церемоніей и туда повезутъ.

Дѣйствительно, на другой день, какъ только пробило двѣнадцать, на горизонтѣ появилась длинная вереница каиковъ, которые вскорѣ остановились передъ нашимъ посольствомъ. На сей разъ первый изъ нихъ имѣлъ шестнадцать гребцовъ и былъ покрытъ небесно-голубымъ бархатнымъ ковромъ съ серебряною бахромой и съ украшеніями изъ позолоченной бронзы, какъ снаружи, такъ и внутри. Меня и одного изъ моихъ адъютантовъ и двухъ турецкихъ чиновниковъ помѣстили въ немъ. Отъ солнечныхъ лучей насъ защищала балдахинъ изъ краснаго шелка, расшитаго золотомъ.

Остальные чины моей свиты, ровно какъ и два первыхъ драгомана нашего посольства и значительное количество турецкихъ чиновниковъ, слѣдовали за нами въ другихъ кайкахъ, въ сопровожденіи трехъ лодокъ, наполненныхъ чиновниками и полицейскими. Нашъ посоль и никто изъ посольства меня не сопровождалъ.

Въ теченіе двухъ часовъ совершали мы этотъ переѣздъ, и я съ большимъ интересомъ въ полномъ молчаніи любовался блестящимъ зрѣлищемъ Босфора, разсѣкаемаго по всѣмъ направленіямъ многочисленными лодками и пароходами. Оба берега Европы и Азіи, усыянные дачами и дворцами, мнѣ показались панорамой необыкновенной красоты. Мягкость воздуха была чрезвычайна, и его прозрачность позволяла различать даже самые отдаленные предметы горизонта съ такой ясностью, которой нельзя было себѣ и представить. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Константинополю, я былъ все болѣе подъ впечатлѣніемъ вида веселаго пейзажа, которому, однако, многочисленные кипарисы съ ихъ высокими верхушками, вырисовывавшіеся на свѣтломъ фонѣ горизонта, придавали серьезную нотку, какой отличается, впрочемъ, все въ Турціи.

Когда мы проѣзжали мимо крѣпостей Анатоли и Румели-Гиссаръ на обоихъ берегахъ Европы и Азіи, намъ салютовали тридцатью шестью пушечными выстрѣлами, на которые отвѣтилъ нашъ стаціонеръ, находившійся, какъ бы случайно, тутъ же неподалеку, хотя его къ этому и очень усердно приготовили. Когда мы наконецъ вошли въ Золотой Рогъ, турецкія военныя суда, стоявшія на якорѣ въ порту, намъ опять салютовали, а матросы, выстроившись на мачтахъ, насъ привѣтствовали своими гортанными криками.

Я былъ такъ очарованъ красотой открывшагося передо мною зрѣлища, что не могъ удержаться, чтобъ не остановиться и не поглазѣть на него въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, но нашъ первый драгоманъ мнѣ сдѣлалъ знакъ, что надо выйти, и я оставилъ кайкъ, сопровождаемый множествомъ церемоній со стороны турокъ, которые пріѣхали со мною, а равно и тѣхъ, которые меня ждали на берегу.

Здѣсь находились военныя и гражданскіе чины, первый адъютантъ султана и главный церемоніймейстеръ.

Здѣсь выстроили нѣчто въ родѣ маленькаго деревяннаго павильона, убраннаго великолѣпными коврами и вазами, полными розъ, разставленными повсюду.

Какой-то министръ меня привѣтствовалъ рѣчью, затѣмъ меня усадили на диванъ; появилось традиціонное кофе съ превосходнымъ вареньемъ изъ лепестковъ розъ.

По прошествіи четверти часа этой остановки адъютантъ поднялся, намъ подвели нѣсколько чудесныхъ осѣдланыхъ лошадей, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и покрытыхъ попонами изъ краснаго бархата. Меня пригласили сѣсть на сѣраго чистокров-

наго арабскаго скакуна. Рядомъ со мною сѣлъ на коня адъютантъ султана, поотставъ позади на полголовы, и мы пустились въ путь по направленію къ старому сераю.

Я думалъ, что намъ предстояло всего нѣсколько шаговъ до цѣли; но я ошибся, ибо нашъ кортежъ проѣхалъ цѣлый рядъ улицъ, уставленныхъ рядами войскъ, отдававшихъ мнѣ честь и привѣтствовавшихъ меня криками. Мнѣ показалось, что ихъ одѣли къ этому случаю въ мундиры, взятые специально изъ складовъ, такъ какъ они казались либо поношенными, либо слишкомъ большими для тѣхъ, которые были въ нихъ одѣты. Огромная толпа тѣснилась на улицахъ, посреди которой чалмы и халаты стараго покроя господствовали, тогда какъ фески были рѣдки.

Виднѣлось въ толпѣ много человѣческихъ фигуръ, окутанныхъ въ своего рода мѣшки, повидимому, женщинъ изъ народа, много калѣкъ и нищихъ,—все это оттиралось солдатами и чѣмъ-то въ родѣ жандармовъ, которые шли впереди и по сторонамъ нашего кортежа и щелкали направо и налево длинными нагайками изъ кожаныхъ ремешковъ.

Мои адъютанты слѣдовали на другихъ лошадяхъ, а позади ихъ турецкіе чиновники, принадлежавшіе къ нашему кортежу; вполнѣ осѣдланныхъ и готовыхъ лошадей вели также подѣ уздцы великолѣпные въ зеленыхъ чалмахъ негры, одѣтые въ своего рода ливреи, расшитыя золотомъ. Наконецъ оба драгомана ѣхали въ фазетцѣ, запряженномъ парю бѣлыхъ лошадей.

Послѣ длиннаго извилистаго подъема мы подъѣхали къ большому portalу, у воротъ котораго было выстроено двумя рядами чрезвычайно странное и гнусное скопище, какое только можно видѣть,—бѣлыхъ и черныхъ евнуховъ.

Эти отвратительныя лица намъ очень низко, по-восточному поклонились; мы прошли посреди нихъ и проникли на широкій дворъ, гдѣ находился почетный караулъ, который отдалъ намъ честь; въ ту же минуту пушечные выстрѣлы съ валовъ серая возвѣстили наше прибытіе.

Черные рабы бросились намъ навстрѣчу, чтобы поддержать мое стремя, и я слѣзъ съ лошади. Немедленно другая шеренга евнуховъ въ сопровожденіи дворцовыхъ различныхъ чиновниковъ выстроилась и пошла впереди меня. За нею слѣдовала толпа служащихъ и чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ въ болѣе или менѣе высокихъ чинахъ, если судить по вышивкамъ, покрывавшимъ ихъ мундиры и платье. Мы прошли огромныя бѣлыя залы чего-то въ родѣ лѣтняго дворца, стѣны которыхъ были голы и лишены какихъ бы то ни было украшеній; въ большинствѣ ихъ находились на полу въ углахъ большія вазы съ пучками. Наконецъ два раба раскрыли большія двустворчатыя двери, и я очутился въ самомъ великолѣпномъ,

какой я когда-либо видѣлъ, саду. Раскрывшіяся передо мною аллеи были устланы драгоцѣнными коврами, и великій визирь лично ждалъ меня, чтобъ встрѣтить привѣтствіемъ.

Послѣ минутной остановки мы снова двинулись въ путь. На сей разъ мы оставили нашу турецкую свиту позади. Осталось только четыре евнуха впереди, затѣмъ два церемоніймейстера, за которыми я шель одинъ въ сопровожденіи великаго визиря, слѣдовавшаго рядомъ со мною, но только оставаясь слегка позади. За мною шли мои адъютанты, изъ которыхъ первый несъ на атласной подушкѣ собственноручное письмо императора Николая къ султану. Оба драгомана заключали шествіе вмѣстѣ съ адъютантомъ султана.

Мы такъ церемоніально дошли до маленькаго кіоска, расположеннаго въ глубинѣ сада, спускающагося къ Босфору. Тамъ вмѣсто ковровъ были разложены дорогія кашемировыя шали. Великій визирь отстранился, чтобы дать мнѣ дорогу, и я очутился передъ султаномъ.

Абдуль-Меджиду могло быть въ это время самое большое двадцать лѣтъ. Его безбородое лицо съ маленькими усиками было красиво и серьезно, но на рѣдкость безстрастно: ни одинъ мускуль на его лицѣ не двигался, его полужакрытые глаза точно видѣли не глядя. Его носъ былъ прямой и тонкій. Цвѣтъ его лица, слегка смуглый, указывалъ на то, что въ его жилахъ текла арабская кровь—по его матери, египетской рабынѣ. Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ тронѣ съ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ камней—рубиновъ, бирюзы, изумруда и брильянтовъ. Онъ былъ одѣтъ въ длинный черный рединготъ, введенный въ обычай его отцомъ Махмудомъ II, съ пуговицами изъ крупнаго жемчуга. На головѣ онъ носилъ феску, ставшую официальнымъ головнымъ уборомъ. Феска была украшена пышнымъ султаномъ изъ чудныхъ брильянтовъ и перомъ цапли.

Отвѣсивъ глубокій поклонъ, я началъ свою маленькую рѣчь по-французски, текстъ которой составленъ былъ въ Петербургѣ и въ которой я говорилъ, что императоръ, мой августѣйшій государь, меня послалъ къ нему, чтобы выразить ему поздравленіе по случаю его восшествія на престолъ и все его благоволеніе, а равно и его чувства дружбы, въ подтвержденіе чего мнѣ поручено передать ему собственноручное письмо; что я счастливъ, что удостоился этой высокой миссіи. Моя рѣчь была слово въ слово переведена драгоманомъ. Султанъ отвѣтилъ медленно, что онъ глубоко благодаренъ русскому императору за его доброжелательство и счастливъ, что меня избрали для передачи ему императорскаго письма. Онъ говорилъ тихимъ, но полнымъ голосомъ, съ остановками послѣ каждаго слова, точно желалъ подчеркнуть важность сказаннаго. Но во всей его фигурѣ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія, пока онъ говорилъ: самое движеніе губъ едва замѣтно было. Онъ производилъ впечатлѣніе средневѣковой іератической фигуры; окруженный

свитой богато одѣтыхъ людей, въ блескъ драгоцѣнныхъ камней его ослѣпительнаго головного убора, весь онъ казался скорѣе актеромъ въ какой-нибудь фееріи. Только когда я взялъ письмо государя съ подушки, которую держалъ мой адъютантъ, и приблизился, чтобы его передать ему, султанъ поднялся, подбравшись весь, и, стоя на ступеняхъ трона, все въ той же напряженной позѣ ждалъ, пока я ему протяну письмо. Онъ его взялъ, поднесъ къ губамъ и произнесъ нѣсколько благодарственныхъ словъ, достойныхъ и ясныхъ. Какъ я уже сказалъ, я понималъ по-турецки, такъ какъ ребенкомъ еще научился у старой рабыни моего отца, и я отлично понималъ смыслъ того, что султанъ сказалъ. Я могъ констатировать, что этотъ сынъ рабыни говорилъ и умѣлъ вести себя и выражаться, какъ монархъ.

Абдуль-Меджидъ приложилъ государево письмо къ сердцу и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, сказалъ, что отдать приказъ, чтобы въ мое распоряженіе былъ предоставленъ его дворецъ Сладкихъ Водъ Азін на все время моего пребыванія въ Константинополѣ. Этотъ случай предвидѣли, и мнѣ было приказано не принимать этого предложенія, а оставаться все время въ нашемъ посольствѣ либо въ Константинополѣ, либо въ Буюкъ-Дере. Я поэтому отвѣтилъ, опять по-французски, при помощи драгомана, что я считаю себя недостойнымъ чести, которую мнѣ оказываетъ его величество, но что если я буду имѣть случай посѣтить Сладкія Воды Азін, я буду имѣть честь воспользоваться гостепрѣимствомъ его величества.

Султанъ на это улыбнулся въ первый разъ за все время, и эта улыбка, грустная и тонкая, произвела на меня впечатлѣніе, что онъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ о положеніи, въ которомъ онъ находился. Онъ затѣмъ сдѣлалъ головою знакъ и меня отпустилъ.

Я снова поклонился, великій визирь сталъ по лѣвую сторону, и мы вернулись въ первый дворецъ. Здѣсь насъ усадили и снова предложили кофе въ чудныхъ чашкахъ изъ чистаго золота съ инкрустаціями изъ брильянтовъ и рубиновъ. Между тѣмъ подарки государя были принесены во дворецъ, но мнѣ сказали, что они будутъ переданы послѣ селямлика, который долженъ быть быть на другой день, въ пятницу. На эту церемонію я, конечно, получилъ приглашеніе.

Послѣ этого меня повели осматривать старый сераль, или, вѣрнѣе, находящуюся тамъ сокровищницу султановъ. Тамъ находятся замѣчательныя коллекціи турецкаго, арабскаго и персидскаго оружія и костюмы всѣхъ султановъ, начиная съ Магомета II, завоевателя Константинополя. Мнѣ показали саблю знаменитаго завоевателя: простой дамасскій клинокъ замѣчательной работы, покрытый заржавѣлой кровью—кровью невѣрныхъ, какъ объяснилъ намъ хранитель сокровищницы. Въ видѣ контраста съ этой простотой костюмъ Солimana Великаго отличается великолѣ-

шлемъ, достойнымъ сказокъ «Тысячи и одной ночи». Рукоятка его палаша, состоящая изъ одного не граненнаго изумруда, представляетъ, несомнѣнно, единственный въ мірѣ предметъ.

Меня отвезли обратно въ наше посольство съ тѣмъ же церемоніаломъ, который сопровождалъ мой въѣздъ во дворецъ. Такъ какъ я долженъ былъ на другой день присутствовать при селямликѣ въ кортежѣ султана во время шествія его въ мечеть для пятничной молитвы, то было условлено, что я останусь ночевать въ городѣ.

Въ тотъ же вечеръ великій визирь и министръ иностранныхъ дѣлъ посѣтили меня, и я имъ изложилъ то, что мнѣ поручено было, а именно что государь очень благоволитъ къ молодому султану, и что я желаю, выполнивъ свою миссію въ Константинополь, посѣтить самъ лично Египетъ и Сирію, гдѣ постараюсь, если увижу Мегемета-Али, дать ему понять, что, если онъ не остановится въ своихъ затѣяхъ, онъ можетъ очутиться передъ русской арміею. Я сказалъ, что я ему дамъ совѣтъ хорошенько подумать до коллективной демонстраціи, которую, навѣрное, предпримутъ державы, если онъ будетъ продолжать свой походъ, и что такъ какъ этотъ совѣтъ могъ быть, конечно, только личнымъ въ виду моей освѣдомленности о чувствахъ моего государя, я его и дамъ отъ своего только имени.

Оба оттоманскихъ министра меня поблагодарили съ такимъ волненіемъ и съ такимъ жаромъ, что я понималъ, что они прекрасно догадывались о тайной цѣли моей миссіи. Я получилъ полное удовлетвореніе по вопросу о двухъ монастыряхъ, о которыхъ я уже упоминалъ, и великій визирь мнѣ заявилъ, что онъ отдастъ приказанія и приметъ необходимыя мѣры для того, чтобы такой знатный, какъ я, путешественникъ имѣлъ въ пути всѣ удобства какъ въ Турціи, такъ и въ Сиріи. Въ заключеніе онъ мнѣ предложилъ турецкое судно для переѣзда въ Александрію, что я поспѣшилъ отклонить, сославшись на то, что русское военное судно подѣ командой моего личнаго друга какъ разъ случайно отправляется въ Александрію, и я уже обѣщалъ поѣхать на немъ.

Для полноты сего описанія я прибавлю, что эта торжественная аудіенція мнѣ стоила болѣе 30,000 франковъ, розданныхъ въ видѣ бакшиша во дворцѣ и лицамъ моего эскорта. И я сталъ понимать, почему при отъѣздѣ мнѣ была, въ видѣ аккредитива, дана сумма, значительность которой меня въ первую минуту удивила.

На другой день присоединившійся ко мнѣ въ Перѣ нашъ посоль, чины посольства и моя свита, всѣ вмѣстѣ отправились въ шатерь, сдѣланный изъ самыхъ дорогихъ восточныхъ матерій и поставленный на площади передъ Сулейманіею, или мечетью Сулеймана, куда султанъ долженъ былъ прослѣдовать для пятничной церемоніи. Въ то время существовалъ еще обычай, чтобы глава вѣ-

рующихъ присутствовалъ на молитвѣ каждый разъ въ другой мечети, посѣщая, такимъ образомъ, по порядку все мечети столицы. Въ мою честь на сей разъ избрали мечеть Солимана, какъ одну изъ красивѣйшихъ въ Константинополѣ. Мы оставили посольство около десяти съ половиной часовъ утра и по прибытіи на мѣсто не долго дожидались появленія султана. Площадь передъ мечетью походила немного на лагерь: такъ много было тутъ войскъ, особенно негритянскихъ полковъ, составлявшихъ личную гвардію султана. Толпа пашей и другихъ важныхъ лицъ также скопилась на площади въ ожиданіи султанскаго кортежа. Здѣсь же находились и другіе члены дипломатическаго корпуса, которымъ нашъ посоль меня представилъ; все обошлось со мною очень любезно. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, возвѣстившіе, что султанъ оставилъ дворецъ и отправился въ мечеть, и вскорѣ мы увидѣли длинную процессію военныхъ всадниковъ, за ними рабовъ и евнуховъ, шествовавшихъ попарно, и, наконецъ, трехъ шедшихъ задомъ напередъ рослыхъ негровъ султана съ зажженной пахучей пастилой передъ конемъ султана.

Восторженные клики привѣтствовали его какъ со стороны войскъ, такъ и со стороны остальныхъ присутствовавшихъ. Абдуль-Меджидъ сидѣлъ на великолѣпномъ чистокровномъ арабскомъ скакунѣ, темно-гнѣдомъ, съ умной головой и тонкими и въ то же время крѣпкими членами. На головѣ была та же феска, что наканунѣ, во время моей аудіенціи, но теперь онъ былъ въ простомъ рединготѣ съ обыкновенными пуговицами. Ни одинъ мускулъ не двигался на его лицѣ, и онъ не отвѣчалъ ни однимъ даже знакомъ на привѣтствія толпы. За нимъ рабы вели четырехъ осѣдланныхъ коней, такихъ же великолѣпныхъ, какъ и тотъ, на которомъ онъ сидѣлъ верхомъ. Огромная свита замыкала кортежъ.

Сойдя съ лошади передъ перрономъ мечети, султанъ на мгновеніе обернулся въ сторону площади и окинулъ ее однимъ взглядомъ. Только тогда я впервые увидѣлъ глаза, сѣрые, очень мягкіе, съ выраженіемъ грусти и покорности судьбѣ. Войска его снова привѣтствовали, и онъ въ первый разъ сдѣлалъ жестъ рукой, точно благодарилъ. Но въ этотъ моментъ раздался съ высоты минарета голосъ муэдзина, и Абдуль-Меджидъ вступилъ въ мечеть.

Минуть черезъ двадцать султанъ изъ нея вышелъ и вошелъ въ огромную палатку изъ пурпурнаго шелка, укрѣпленную какъ разъ противъ той, гдѣ мы находились. Онъ велѣлъ меня позвать, равно и нашего посла и моихъ адъютантовъ. Неизбѣжный драгоманъ былъ тутъ же. Принесли подарки, которые я захватилъ съ собою и которые я ему привезъ отъ государя. Султанъ выказалъ много удовольствія, и его лицо освѣтилось чѣмъ-то въ родѣ мимолетнаго луча вниманія, когда онъ между подарками замѣтилъ татарскую саблю, всю украшенную драгоцѣнными камнями. Послѣ нѣ-

сколькихъ минутъ разговора онъ меня отпустилъ, пожелавъ мнѣ, не безъ улыбки, счастливаго пути и полнаго успѣха. Онъ мнѣ также сказалъ, что, когда я вернусь черезъ Константинополь изъ Египта, онъ будетъ очень радъ меня снова видѣть. Я поблагодарилъ. Но когда я возвращался затѣмъ въ Россію, я могъ остановиться въ Константинополѣ только нѣсколько часовъ, такъ какъ судно, на которомъ я пріѣхалъ, пришло съ опозданіемъ, и я больше Абдуль-Меджида не видѣлъ.

На другой день мнѣ принесли отъ него великолѣпные подарки: орденъ Нишанъ-и-Ифтикаръ первой степени, весь въ брилліантахъ необыкновенной красоты; кашемировыя шали, арабскій палашъ, усыпанный бирюзою, двухъ верховыхъ лошадей, великолѣпную брилліантовую брошь, которую я далъ моей женѣ и которая послѣ ея смерти перешла къ моей невѣсткѣ княгинѣ Орловой. Что касается подарковъ султана государю, то они были посланы съ специальнымъ посольствомъ, которое отвезло вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарность Абдуль-Меджида.

Какъ разъ во время этой церемоніи селямлика произошелъ любопытный инцидентъ. Въ то время старотурецкая партія была еще очень сильна, и въ ней находились люди, которые находили очень дурнымъ, что моею миссіи воздавались такія почести. Я понималъ, какъ я уже сказалъ, по-турецки, и я услышалъ, какъ одинъ паша, занимавшій очень высокое положеніе,—если не ошибаюсь, товарища морекаго министра,—сказалъ громко другому чиновнику, что стыдно видѣть, какъ повелитель правовѣрныхъ выказываетъ столько вниманія невѣрному, и что султанъ никоимъ образомъ не долженъ былъ вставать наканунѣ, когда меня принималъ въ кіоскѣ стараго сераля. Я счелъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ оставить это замѣчаніе безъ отвѣта и сказалъ пашѣ по-турецки,—къ его великому удивленію: зная языка онъ съ моей стороны менѣе всего ожидалъ,—что лично я собою ничего не представляю и не заслуживаю этихъ проявленій вниманія султана, но что наканунѣ я представлялъ моего государя, могущественнаго императора Россіи, и въ этомъ качествѣ мнѣ не могутъ оказать достаточно почести. Я не знаю, какимъ образомъ,—вѣроятно, благодаря нескромности нашего посла,—но мое замѣчаніе сдѣлалось извѣстнымъ государю, и его величество удостоилъ меня замѣчаніемъ, что онъ остался очень доволенъ моимъ поведеніемъ въ этомъ случаѣ.

Послѣ церемоніи селямлика я оставался всего еще только два дня въ Константинополѣ, стало быть, слишкомъ мало времени для того, чтобы осмотрѣть, какъ слѣдуетъ, этотъ интересный городъ. Но я, однако, отправился осмотрѣть Святую Софію, куда меня впустили по специальному разрѣшенію, въ мечеть султана Ахмета и на площадь Ипподрома съ знаменитымъ змѣемъ или дель-

фійскимъ треножникомъ, у котораго отрубилъ три головы. Въ это время еще входъ христіанамъ въ мусульманскую мечеть былъ строго воспрещенъ, но по приказанію императора для меня было сдѣлано исключеніе. Святая Софія меня особенно не поразила, несмотря на свои грандіозные размѣры внутри и гораздо меньшіе извнѣ,—до того она окружена возведенными потомъ постройками. Я прошелся вдоль стѣнъ, посѣтилъ знаменитый замокъ Семи Башенъ, почти весь въ развалинахъ, и Базаръ, который представляетъ зрѣлище, несомнѣнно, самое любопытное изъ всѣхъ, которыя Константинополь представляетъ. Мнѣ также показани специальный базаръ, гдѣ продаютъ рабынь, большею частью, черкешенокъ. Здѣсь дѣвушка необыкновенной красоты, говорившая немного по-русски, узнавъ, не знаю уже, какъ, что я посланъ русскимъ императоромъ, обратилась ко мнѣ за помощью и именемъ государя умоляла меня спасти ее и извлечь изъ ужаснаго положенія, въ которомъ она находилась.

Такъ какъ въ моемъ распоряженіи имѣлась большая сумма денегъ для моего путешествія, я не счелъ возможнымъ, принимая во вниманіе спеціальныя обстоятельства, въ которыхъ находился, отказать ей въ помощи. Я ее выкупилъ и послалъ въ Россію черезъ посольство, гдѣ она нашла убѣжище до своего отъѣзда. Впослѣдствіи государь, которому я докладывалъ объ этомъ случаѣ, благоволилъ признать, что я поступилъ хорошо, и одобрилъ мое поведеніе.

Я оставилъ Константинополь и уѣхалъ на томъ же военномъ суднѣ, на которомъ и пріѣхалъ. Мы сдѣлали остановку только въ Смирнѣ, такъ какъ время шло и нашъ посоль получилъ уже извѣстіе, что изъ Лондона долженъ былъ уже выѣхать курьеръ, который везъ санкцію англійскаго кабинета на демонстрацію великихъ державъ противъ Мегеметь-Али въ пользу неприкосновенности Оттоманской имперіи.

Надо было поэтому спѣшить, и черезъ десять дней послѣ моего отъѣзда изъ Константинополя мы входили въ портъ Александріи.

Меня встрѣтилъ нашъ консулъ, который меня повезъ къ себѣ, и на другой день я отправился въ Каиръ верхомъ—единственный способъ передвиженія въ этой странѣ.

На полдорогѣ, посреди пустыни, насъ встрѣтилъ караванъ и посланцы знаменитаго Мегеметь-Али съ египетскимъ пашою во главѣ. Послѣдній мнѣ заявилъ, что, узнавъ, что адъютантъ могущественнаго русскаго императора путешествуетъ по Египту, Мегеметь-Али выслалъ лошадей и верблюдовъ для его путешествія и привѣтствуетъ меня въ своей странѣ. Я отказался отъ предложенія, сказавъ, что, путешествуя для своего собственнаго удовольствія, не заслужилъ этой почести; что мнѣ было поручено

моимъ августѣйшимъ государемъ передать его пожеланія султану Абдуль-Меджиду и увѣрить его въ дружбѣ государя и что, выполнивъ мою миссію, я воспользовался моимъ пребываніемъ на Востокѣ, чтобы посѣтить Египеть, о которомъ я столько слышалъ. Но когда я пріѣду въ Каиръ, я не премину представиться Мегеметь-Али, чтобы его поблагодарить за его деликатное вниманіе.

Послѣдній меня ждалъ, повидимому, съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо, какъ только я пріѣхалъ въ Каиръ, онъ мнѣ велѣлъ передать, чтобы я представился ему въ тотъ же день.

Церемоніаль моего визита во дворець, гдѣ жилъ старый паша, былъ самый простой. Я сѣлъ верхомъ на лошадь,—это было единственное удобное средство передвиженія по улицамъ Каира въ это время,—и въ сопровожденіи нашего консула, драгомана консульства и четырехъ кавасовъ, предшествуемые саисами, или скороходами, раздвигавшими толпу передъ нами, мы направились во дворець знаменитаго завоевателя.

Мегеметь-Али въ это время было около семидесяти лѣтъ. Его внѣшній видъ былъ очень почтенный и, несомнѣнно, противорѣчилъ его репутациі жестокости, оправдываемой, впрочемъ, его актами. Это, должно быть, былъ человѣкъ необыкновенной силы воли. Въ доказательство достаточно привести одинъ фактъ: ему было болѣе сорока лѣтъ, когда онъ научился читать.

Когда мы вошли къ нему, паша полусидѣлъ-полулежалъ на длинномъ диванѣ съ огромнымъ зеленымъ тюрбаномъ на головѣ, укутанный въ длинное бѣлое платье. Принесли намъ сейчасъ же кофе и чубуки, и онъ началъ бесѣдовать со мною медленно, съ чисто восточной серьезностью. Онъ прекрасно говорилъ по-турецки, а наша бесѣда велась почти исключительно на этомъ языкѣ: драгоманъ переводилъ только слова, въ нахожденіи которыхъ я затруднялся изъ-за своего все-таки ограниченнаго лексическаго запаса. Старый паша меня прежде всего спросилъ, намѣренъ ли я долго остаться въ Египтѣ; я отвѣтилъ отрицательно, говоря, что я хотѣлъ только воспользоваться путешествіемъ фрегата, на которомъ я находился, чтобы посѣтить, по крайней мѣрѣ мимоходомъ, эту любопытную страну. Онъ меня сталъ подробно разспрашивать о государѣ. «Онъ нами недоволенъ,—сказалъ онъ:—я знаю, но я не могъ иначе поступить. Намъ невозможно отказаться отъ плодовъ нашихъ побѣдъ, и мы должны остаться въ Сиріи».

Я воспользовался случаемъ и сталъ его увѣрять, что это ему будетъ невозможно изъ-за великихъ державъ, которыя настаиваютъ на неприкосновенности Турціи, и что онъ гораздо лучше сдѣлаетъ, если дастъ Ибрагимъ-пашѣ приказъ вернуться назадъ прежде, чѣмъ его заставятъ это сдѣлать. Мегеметь-Али на это мнѣ отвѣтилъ, что онъ дойдетъ до Константинополя раньше, чѣмъ войска державъ до него доберутся. Я ему возразилъ, что мы легко можемъ

перебросить на берега Босфора армейскій корпусъ и что его положеніе станетъ тогда очень опаснымъ.

— Вы мнѣ это говорите отъ имени императора?—спросилъ онъ меня.

Я ему отвѣтилъ, что мнѣ была поручена официальная миссія только у султана и что эта миссія вся состояла изъ акта привѣтливой куртуазіи, но, имѣя счастье жить вблизи моего августѣйшаго государя, я достаточно знаю его рыцарскій характеръ, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что если Абдуль-Меджидъ, молодость и тяжелое положеніе котораго онъ жалѣлъ, обратился бы къ нему за помощью, онъ не далъ бы ему погибнуть.

Мегеметь-Али долго думалъ, и затѣмъ мы еще бесѣдовали. Я все порывался откланяться, а онъ все меня удерживалъ. Наконецъ, отпуская меня, онъ со вздохомъ сказалъ: «Вы, можетъ быть, правы, я пошлю Ибрагиму приказъ остановиться».

Я ему отвѣтилъ, что я убѣжденъ, что государь сумѣетъ оцѣнить эти благородство и величіе души, и что его теперешнее великодушіе доставитъ, можетъ быть, его потомству египетскій престолъ. Старый паша еще разъ вздохнулъ и наконецъ сказалъ:

— Можетъ быть. Инсаллахъ!

Этимъ фаталистскимъ, свойственнымъ мусульманамъ восклицаніемъ онъ закончилъ нашу бесѣду.

Онъ пожелалъ меня еще разъ видѣть передъ моимъ отъѣздомъ изъ Каира и мнѣ показалъ новую мечеть, которую онъ выстроилъ на верху цитадели и которою онъ гордился такъ, какъ только турокъ можетъ чѣмъ-нибудь гордиться.

Мегеметь-Али былъ очень интересный человѣкъ, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я не безъ волненія простился съ нимъ. До этого я добился отъ него обѣщанія, что онъ постарается дѣйствовать въ согласіи съ Россіей, и я убѣдился, что онъ дѣйствительно послѣдовалъ данному ему мною совѣту приказать своему сыну Ибрагимъ-пашѣ эвакуировать Сирію. Европа за это его наградила, давъ ему 15-го іюля 1840 г.—менѣе, чѣмъ годъ спустя, наследственное верховное владычество надъ Египтомъ.

Я моремъ отправился въ Яффу, а оттуда верхомъ до Іерусалима, къ которому и перехожу.

Я провелъ въ Каирѣ восемь дней и изъ Каира черезъ Александрію отправился въ Яффу. Нашъ консулъ въ Александріи меня предупредилъ, что я найду греческое населеніе Іерусалима очень возбужденнымъ противъ Порты и что на меня, вѣроятно, посыжутся многочисленныя жалобы противъ чиновниковъ султана. Онъ мнѣ посоветовалъ остановиться у нашего консула, а не въ постоянныхъ дворахъ, содержимыхъ монахами, гдѣ останавливаются именно паломники, посѣщающіе Святыя Мѣста. Консулъ объяснилъ свой совѣтъ

тѣмъ, что, какую бы общину я ни избралъ, другая будетъ недовольна: католики будутъ претендовать на меня, такъ какъ я принадлежу къ ихъ религiи и, слѣдовательно, долженъ остановиться у нихъ, греки же будутъ утверждать, что, посланный русскимъ царемъ, или, по крайней мѣрѣ, состоя у него на военной службѣ, я абсолютно долженъ остановиться въ одномъ изъ ихъ монастырей. Онъ прибавилъ, что, если почему-либо нашъ консулъ не сможетъ меня помѣстить у себя, я смогу остановиться у знакомаго ему богатаго турка, у котораго имѣется дача въ четверти часа ѣзды отъ Иерусалима, къ которому онъ и дастъ мнѣ рекомендательное письмо, и который будетъ очень радъ прiютить меня у себя, гдѣ я буду во всякомъ случаѣ лучше устроенъ, чѣмъ въ какой бы то ни было монастырской гостиницѣ. Я могъ только благодарить нашего консула за его добрый совѣтъ. Вообще изъ всѣхъ левантинскихъ нашихъ чиновниковъ, которыхъ я встрѣчалъ, нашъ александрійскій консулъ мнѣ показался наиболѣе умнымъ и наиболѣе освѣдомленнымъ во всемъ, что происходило въ Турціи и Египтѣ. Его каирскій коллега, очень почтенный человѣкъ, не былъ особенно избалованъ Промысломъ въ смыслѣ ума, а что касается нашего представителя въ Иерусалимѣ, то онъ не только не былъ способенъ судить о положеніи, въ которомъ онъ находился, но онъ еще подвергался влiянiямъ, которыя мѣшали ему поддерживать, какъ онъ долженъ былъ бы это дѣлать, престижъ Россіи.

Опять мнѣ пришлось ѣхать моремъ, чтобы добраться до Яффы, но на сей разъ оно оказалось милостивымъ, и я не болѣлъ. Самой трудной частью моего путешествiя была высадка въ Яффѣ. Рейдъ оказался очень мелкимъ, а суда бросаютъ якорь очень далеко отъ берега, и надо пересаживаться въ арабскія лодки, для спуска въ которыя приходится продѣлывать настоящія гимнастическія упражненія. Нѣсколько человѣкъ на моихъ глазахъ упало въ воду, но лодчички, повидимому, приняли по отношенію ко мнѣ нѣкоторыя мѣры предосторожности, ибо я достигъ берега вполне благополучно.

Драгоманъ въ сопровожденіи каваса изъ консульства явился уже раньше мнѣ навстрѣчу, и я нашель на берегу лошадей, чтобы отправиться прямо въ Иерусалимъ, такъ какъ я отказался ночевать въ Яффѣ. Было шесть часовъ утра, и я надѣялся, что, если отправлюсь сейчасъ же, то смогу до вечера добраться до священнаго города. Турецкое правительство предупредило іерусалимскаго пашу-коменданта о моемъ пріѣздѣ, и турецкій эскортъ ждалъ меня съ готовыми прекрасными лошадьми, верблюдами для багажа и присоединившейся къ намъ группой бедуиновъ, я думаю, имѣвшихъ цѣлью только украсть у насъ что-нибудь изъ багажа, если возможно; сужу такъ по тому, что одинъ изъ моихъ адъютантовъ потерялъ одинъ изъ своихъ чемодановъ, котораго онъ такъ и не нашель.

Въ Константинополѣ меня снабдили султанскимъ фирманомъ, дававшимъ мнѣ право реквизиціи войскъ для охраны, съѣстныхъ припасовъ и лошадей, сколько мнѣ будетъ нужно. Я увѣрялъ, что ѣду въ качествѣ простаго туриста и что не заслуживаю всѣхъ этихъ почестей, однако не могъ помѣшать, чтобы ихъ мнѣ оказали. Послѣ усиленнаго перехода, такъ какъ разстояніе оказалось больше, чѣмъ мнѣ сказали, и послѣ болѣе продолжительныхъ, чѣмъ я рассчитывалъ, остановокъ для отдыха животныхъ, мы наконецъ увидѣли Іерусалимъ, и я встрѣтилъ, несмотря на поздній часъ (было девять часовъ вечера), самого пашу, явившагося привѣтствовать меня по приказу султана.

Необходимость отвѣчать на всѣ привѣтствія и предупредительность по отношенію ко мнѣ испортила первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня Іерусалимомъ, который издали при свѣтѣ великолѣпной луны представлялъ видъ не грандіозный, а потрясающій. Мнѣ показали Масличную гору въ отдаленіи, и я хотѣлъ остаться одинъ съ моими мыслями, чтобы вызвать великій образъ Христа въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ Онъ жилъ и страдалъ. Но это было невозможно, и я долженъ былъ примириться съ неудобствами моего положенія.

У городскихъ воротъ насъ встрѣтили двѣ депутаціи: одна изъ францисканцевъ, другая изъ православныхъ монаховъ нашего іерусалимскаго монастыря; обѣ явились просить меня остановиться у каждой изъ нихъ. Отцы смотрѣли другъ на друга, какъ кошки и собаки, и легко было понять, что тѣ, кому я откажу, выместятъ на другихъ этотъ отказъ. Поэтому я былъ очень радъ совѣту нашего александрійскаго консула.

Я былъ, признаюсь, очень удивленъ тѣмъ, что между всѣми явившимися мнѣ навстрѣчу не было нашего консула, и еще болѣе удивился, когда кавасъ и драгоманъ консульства мнѣ сказали, что консулъ уѣхалъ въ Назаретъ подъ предлогомъ, что не счелъ нужнымъ меня ждать, такъ какъ не былъ офиціально извѣщенъ о моемъ приѣздѣ. Признаюсь, что въ первую минуту я крайне разсердился на такое невниманіе, но оно оказалось не единственнымъ.

Не зная, куда направить свои стопы, я спросилъ о туркѣ, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо, и очень обрадовался, узнавъ, что онъ находился тутъ же въ встрѣчавшей меня депутаціи. Онъ оказался въ ту минуту настоящимъ моимъ спасителемъ, отвезъ меня къ себѣ и оказалъ мнѣ самое широкое и сердечное гостепріимство.

На жалобы монаховъ, которые надѣялись меня заполучить къ себѣ, я отвѣтилъ, что я не офиціальное лицо, въ чемъ они могли убѣдиться хотя бы по тому, что нашъ консулъ меня не встрѣчалъ, а простой путешественникъ, явившійся поклониться гробу Христа. Но его величество султанъ, желая выказать мнѣ свое удовлетво-

реніе по поводу миссіи, которую я имѣлъ честь выполнить передъ нимъ, счелъ возможнымъ меня удостоить извѣстныхъ удобствъ для осуществленія моего намѣренія, за что я останусь благодарнымъ ему всю мою жизнь—тѣмъ болѣе, что я не заслуживалъ этого доказательства его ко мнѣ благоволенія.

Эта маленькая рѣчь, сказанная на лучшемъ турецкомъ языкѣ, на который я только былъ способенъ, произвела, мнѣ казалось, прекрасное впечатлѣніе на всѣхъ, кромѣ монаховъ, которые рассчитывали на нѣчто другое и которые—я говорю о русскихъ монахахъ—послѣ этого послали на меня доносъ въ Петербургъ за то, что я избралъ жилищемъ домъ невѣрнаго. Я, однако, хорошо сдѣлалъ, поступивъ именно такъ.

Было далеко за полночь, когда я наконецъ добрался до моего амфитріона, у котораго засталъ одного изъ его друзей, русскаго, жившаго уже давно въ Иерусалимѣ, гдѣ онъ занимался торговлей. Этотъ господинъ, котораго я буду называть Павломъ Васильевичемъ, былъ очень умный человѣкъ, превосходно знавшій страну и снабдившій меня прекрасными свѣдѣніями насчетъ дѣятельности какъ нашего консула, такъ и монаховъ нашей миссіи.

Когда я позже ознакомился ближе съ положеніемъ вещей, то долженъ былъ признать истину всего того, что онъ мнѣ рассказалъ. Иерусалимъ былъ всегда мѣстомъ споровъ и соперничества между разными христіанскими общинами, которыя не стыдятся предаваться этимъ дразгамъ и спорамъ передъ мусульманами, которые, правду сказать, одни въ дѣйствительности и чтутъ гробъ Господень.

Религіозный вопросъ, уже и безъ того крайне обостренный между различными общинами, еще болѣе обострился въ послѣдніе мѣсяцы съ того времени, какъ сирійская кампанія показала до очевидности слабость турецкой арміи, и эта распря поддерживалась еще всякаго рода интригами, въ которыхъ Франція, присвоившая себѣ право покровительства христіанъ въ Ливанѣ, играла преобладающую роль и угрожала вызвать настоящую маленькую войну между католиками, греками, коптами и армянами.

Особенно всегда стремившіеся къ господству греки хотѣли съ помощью Франціи выжить насъ изъ Сиріи или, по крайней мѣрѣ, уменьшить тамъ наше вліяніе. Нашъ консулъ, человѣкъ не только слабый, но, я полагаю, хотя не вполне увѣренъ въ этомъ, преданный французскимъ интересамъ, старался представить наше дѣло, какъ очень слабое, и его депеши всѣ склонялись къ тому, чтобы уменьшить, насколько возможно, число нашихъ соотечественниковъ и, закрывъ нѣкоторые монастыри, находящіеся непосредственно подъ нашимъ покровительствомъ, оставить тѣ, которые останутся подъ покровительствомъ Франціи вплоть до момента окончательнаго съ нею соглашенія. Настоятель русскаго мона-

стыря, догадывавшійся объ этихъ интригахъ, былъ крайне возбужденъ противъ консула и грозилъ ему донесеніями обо всемъ этомъ въ Петербургъ. Вообще нигдѣ и никогда я не видѣлъ и не слышалъ столько жалобъ другъ противъ друга, какъ въ Іерусалимѣ, гдѣ люди жили въ атмосферѣ угрозъ и шантажа.

Когда мой прїѣздъ сталъ извѣстенъ, консуль вообразилъ, что онъ вызванъ жалобами архимандрита и что я прїѣхалъ съ цѣлью пошпіонить за нимъ, вслѣдствіе этого произошло и упомянутая демонстрація въ день моего прїѣзда. Признаюсь, моя роль была очень тяжела въ тѣ три-четыре дня, что я провелъ въ Іерусалимѣ: официально я ничѣмъ не былъ и не могъ ничего требовать; въ дѣйствительности же я былъ посланъ, чтобы видѣть и сдѣлать докладъ о томъ, что тамъ происходило, и такъ какъ я имѣлъ точный приказъ не выслушивать жалобъ, но замѣтить все, что могло быть предметомъ жалобъ, то мое положеніе было очень деликатное.

Тѣмъ не менѣе я счелъ необходимымъ дать знать нашему консулу, чтобы онъ вернулся, и послалъ очень сухую записку, подчеркнувъ въ ней то обстоятельство, что, разъ членъ свиты государя явился къ нему, онъ обязанъ былъ его встрѣтить. Мой выговоръ возымѣлъ свое дѣйствіе, ибо на слѣдующій же день онъ явился ко мнѣ, и я принялъ его, конечно, не очень любезно. Я замѣтилъ ему, что мы у турокъ, передъ которыми прежде всего престижъ Россіи долженъ быть поддержанъ, и предоставить однимъ туркамъ встрѣчать и выказывать вниманіе лицамъ, удостоеннымъ чести носить аксельбанты нашего государя, значило имъ дать очень грустное понятіе объ этой чести. Консуль что-то пробормоталъ, ссылаясь въ свое извиненіе на то, что мой прїѣздъ не былъ ему официально возвѣщенъ.

— А развѣ вы встрѣчаете и принимаете только официальныхъ лицъ и не заботитесь о простыхъ путешественникахъ?— спросилъ я его:— мнѣ, однако, кажется, что одна изъ вашихъ главныхъ обязанностей заключается въ оказаніи гостепрїимства соотечественникамъ, когда они являются къ вамъ.

Не знаю, что понялъ во всемъ этомъ консуль, но фактъ тотъ, что, хотя онъ постарался мнѣ облегчить посѣщеніе разныхъ интересныхъ мѣстъ и мѣстъ поклоненія, которыя я осматривалъ, онъ ни разу не высказалъ себя внимательнымъ и, подъ предлогомъ болѣзни, даже отказался присутствовать на обѣдѣ, который мнѣ далъ турецкій паша, главный военачальникъ въ Іерусалимѣ.

Я провелъ всего недѣлю въ Святой Землѣ и, мнѣ кажется, не имѣлъ тамъ и часу спокойствія. Постоянно былъ у меня кто-либо, жаловавшійся на что-нибудь.

Монахи, какъ греческіе, такъ и католическіе, были несносны, занимаясь больше политикой, чѣмъ религіей, и нытаясь меня втянуть въ ихъ маленькія низкія интриги. Если бы мое путешествіе

было официально, я не знаю, что я сдѣлалъ бы, и, хотя и говорилъ всѣмъ, что я простой путешественникъ, никто этому не хотѣлъ вѣрить, и такъ какъ Востокъ исключительно страна сплетенъ, распространился слухъ, что я специальный посланецъ царя къ Мегеметь-Али, что вызвало ко мнѣ ненависть цѣлой партіи, которая желала, чтобы Сирія подпала подъ власть Египта. Мнѣ кажется, что, несмотря на ихъ совмѣстное выступленіе передъ египетскимъ пашой, каковымъ Мегеметь-Али въ это время еще былъ, ни Франція, ни Англія не были бы очень недовольны такимъ оборотомъ, и медленность, съ которой онѣ собирались съ своимъ выступленіемъ, происходила отъ желанія, чтобы оно оказалось бесполезнымъ противъ появленія египетскихъ войскъ у стѣнъ Константинополя. Предусмотрительность, мудрость и политическій здравый смыслъ императора Николая мнѣ тогда показались въ истинномъ ихъ свѣтѣ, и я понялъ причину моей посылки на Востокъ, а равно и инструкцій, которыя онъ мнѣ далъ передъ моимъ отъѣздомъ.

Впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ своего пребыванія въ Святыхъ Мѣстахъ, было то, что единственнымъ средствомъ избѣгать въ будущемъ конфликтовъ изъ-за религіозныхъ общинъ было уменьшить по возможности ихъ число какой бы то ни было религіи и заставить ихъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла страны. Слѣдовало бы также, чтобы мы посылали на Востокъ агентовъ выдающихся, а не людей, предающихся торговлѣ и думающихъ прежде всего о своихъ собственныхъ коммерческихъ интересахъ. Въ странѣ, куда мы должны были бы послать дипломатовъ по карьерѣ, научившихся тому, какъ поддерживать нашъ престижъ, мы держали несчастныхъ маленькихъ чиновничковъ, не видѣвшихъ дальше мелкихъ ссоръ между монахами, большею часть навеселѣ. Иерусалимъ не Кардифъ, и тамъ имѣются для защиты интересы иные, чѣмъ то или иное торговое дѣло. Очень существенно также, чтобы греческій настоятель во главѣ нашихъ духовныхъ учрежденій въ Святой Землѣ былъ человекъ дѣйствительно выдающійся, способный бороться достойной жизнью и обширностью ума съ католическимъ пріоромъ, которымъ во время моего путешествія въ Иерусалимъ былъ очень ловкій монахъ, не терявшій ни на одну минуту изъ виду интересовъ Франціи, ни престижа ея на всемъ Ливанѣ. Я былъ разъ на трапезѣ въ монастырѣ капуциновъ, въ которомъ стражъ Святыхъ Мѣстъ, какъ называется настоятель, мнѣ оказалъ массу любезностей и, пользуясь тѣмъ, что я католикъ, жаловался мнѣ на поведеніе какъ нашего консула, такъ и русскихъ монаховъ, которые, по его словамъ, присваивали себѣ привилегіи и преимущества латынянъ.

Я имѣлъ случай лично убѣдиться, что какъ греки, такъ и латыняне не имѣли никакого уваженія къ Гробу Господню и преда-

вались дракамъ даже внутри самой церкви Святого Гроба. На третій день послѣ моего приѣзда, когда я оставлялъ уже святыню послѣ католической службы, на которой присутствовалъ, я увидѣлъ, какъ греческій монахъ бросился на католическаго священника, который служилъ и который, повидимому, служилъ дольше, чѣмъ на это имѣлъ право (надо знать, что каждая община имѣетъ опредѣленное число часовъ въ день, во время которыхъ она можетъ пользоваться святыней), и ударилъ его по лицу. Послѣдній не остался въ долгу и, поставивъ на алтарь чашу, которую онъ держалъ еще въ рукахъ, набросился на грека, повалилъ его и билъ ногой, держа за бороду.

Долженъ сказать, что я вынесъ самое тягостное впечатлѣніе о Иерусалимѣ. Можно подумать, что проклятiе Христа превратило это мѣсто, которое могло быть освящено столькими безсмертными воспоминанiями, въ какой-то домъ сумасшедшихъ, гдѣ каждый пытается сдѣлать своему ближнему пакость, гдѣ всѣ забыли уроки и примѣръ, а равно и ученіе, которыми эта страна оглашалась въ то время, когда въ ней жилъ Иисусъ.

Рискуя прослыть еретикомъ, я долженъ по совѣсти сказать, что самое благочестивое впечатлѣніе я вынесъ изъ поведенiя евреевъ, которыхъ я видѣлъ въ пятницу плачущими на развалинахъ храма. Въ этомъ зрѣлищѣ было много величiя и торжественности. Что касается мѣсть, освященныхъ христіанской религіею, для того, чтобы ихъ можно было почитать, какъ это хочется, надо было бы начать съ того, чтобы вывести оттуда всѣхъ христіанъ, которые тамъ живутъ.

Покажется страннымъ, что я не описываю церкви Св. Гроба. Я никогда не умѣлъ описывать. Зданіе темное, импозантное и особенно интересно его видѣть, когда тѣни вечера начинаютъ спускаться и наплывъ паломниковъ уменьшается. Я искренно, но не горячо, молился, ибо развѣ можно горячо молиться, когда все время вамъ жужжать въ ухо: «это мѣсто принадлежитъ латынцямъ, а это грекамъ, а вотъ это—армянамъ». Зато Масличная гора произвела на меня грандіозное впечатлѣніе, можетъ быть, потому, что, благодаря любезности турецкаго губернатора, я могъ ее посѣтить ночью, когда всѣ монахи и большинство нищихъ, оскверняющихъ ее днемъ, уже спали.

Была великолѣпная лунная ночь, и панорама Иерусалима съ его минаретами мечети Омара, съ одной стороны, и куполомъ церкви Св. Гроба, поднимающимся съ другой, произвела на меня глубокое впечатлѣніе, котораго я не могу забыть и которое меня потрясло до глубины души. И здѣсь я опять могъ убѣдиться въ большой терпимости турокъ. Сопровождавшій меня паша не сказалъ мнѣ ни одного слова, которое могло отвлечь мое вниманіе, и когда я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, что очень жаль,

что нѣтъ прекрасной христіанской церкви на этой горѣ, открытой для всѣхъ, онъ мнѣ отвѣтилъ слѣдующими глубокими словами, которыя резюмируютъ весь религіозный вопросъ на Востокѣ:

— Почему? Мы имѣли бы еще одно лишнее мѣсто для охраны, чтобы помѣшать профанаціи франками памяти пророка Іисуса. Здѣсь подъ открытымъ небомъ вы можете, по крайней мѣрѣ, молиться, не боясь увидѣть пролитіе вокругъ васъ крови!

Я съ сожалѣніемъ распростился съ этимъ любезнымъ человекомъ, равно и съ другимъ туркомъ, у котораго жилъ. Мое прощаніе съ настоятелями разныхъ монастырей, которые я посѣтилъ, было очень теплое, хотя я былъ убѣжденъ, что одни и другіе, католики и православные, были очень довольны тѣмъ, что я уѣзжалъ, и очень обезпкоены насчетъ докладовъ, которые я о нихъ могъ представить. Консуль меня проводилъ нѣсколько верстъ отъ Іерусалима. Онъ тоже былъ радъ, что избавился отъ меня. Я привезъ съ собою золотую лампаду, которую государыня Александра Ѳеодоровна приказала мнѣ повѣсить въ церкви Св. Гроба, что я исполнилъ только въ послѣдній день моего пребыванія въ Іерусалимѣ, чтобы не вызвать этимъ во время моего тамъ пребыванія еще новыхъ толковъ о цѣли моего путешествія, и это обстоятельство нѣсколько расположило консула въ мою пользу. Мы разстались холодно, но вѣжливо, и онъ выразилъ надежду на то, что я нашель въ консульствѣ все въ порядкѣ. Я ему отвѣтилъ на это, что у меня не было миссіи осматривать, ни сдѣлать какіе бы то ни было доклады въ этомъ смыслѣ. Консуль меня тогда попросилъ представить въ Петербургѣ трудности его положенія при ограниченности средствъ, которыя имѣлись въ его распоряженіи въ сравненіи съ тѣми значительными суммами, которыми располагали англійскій и французскій консулы, а равно и латинскія духовныя учрежденія. Я ему обѣщаль это сдѣлать, и мы разстались, очень этимъ довольные, я думаю, оба. Я воспользовался моимъ эскортомъ для экскурсіи въ Вилеельмъ, Назаретъ и къ Мертвому морю, получая вездѣ впечатлѣніе отвращенія къ жизни духовенства, насколько она проявляется въ Святыхъ Мѣстахъ, и добрался наконецъ до Яффы, гдѣ, къ великому своему удивленію, встрѣтилъ своего стараго пашу, который пріѣхаль изъ Іерусалима, чтобы еще разъ проститься со мною. Я съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ и сѣлъ на нашъ фрегатъ, который все время меня ждалъ. Но я уже слишкомъ задержался, къ тому же дулъ противный вѣтеръ, такъ что мы прибыли въ Константинополь на три дня позже, чѣмъ предполагалось. Надо было спѣшить въ Россію. Поэтому я долженъ былъ отказаться отъ просьбы объ аудіенціи у султана, чтобы отблагодарить его за его милости. Великій визирь сдѣлалъ мнѣ визитъ въ посольствѣ, и я ему далъ болѣе или менѣе ясно понятъ о результатахъ моей бесѣды съ Мегеметь-Али, о которой, впрочемъ,

онъ былъ уже освѣдомленъ. Мы снялись съ якоря въ тотъ же вечеръ, и пятнадцать дней спустя я вернулся въ Петербургъ, если не ошибаюсь, кажется, 25-го сентября и немедленно представился государю, чтобы сдѣлать докладъ о моей мисси. Государь былъ въ Зимнемъ дворцѣ. Меня ввели въ кабинетъ, гдѣ я и сдѣлалъ докладъ. Государь былъ въ тотъ день въ хорошемъ настроеніи и— что онъ дѣлалъ рѣдко—приказалъ мнѣ сѣсть противъ него. «Тебѣ пришлось бы оставаться долго стоя», сказалъ онъ мнѣ, шутя, и сталъ задавать мнѣ одинъ вопросъ за другимъ, методически, такъ, что видно было, что онъ относился съ особеннымъ вниманіемъ къ моему нутешеству.

Прежде всего онъ меня распросилъ о моихъ впечатлѣніяхъ о турецкихъ государственныхъ людяхъ, съ которыми я имѣлъ случай разговаривать. Затѣмъ онъ меня распросилъ, не имѣлъ ли я сношеній съ иностранными дипломатами, аккредитованными въ Константинополѣ. Я отвѣтилъ государю, что мое пребываніе въ турецкой столицѣ было очень кратковременно и я полагаю, что въ его намѣренія входило, чтобы я не принималъ приглашеній, которыя мнѣ могли дѣлать, но мнѣ не пришлось выполнить этой предосторожности, ибо, кромѣ французскаго посла, пригласившаго меня на обѣдъ въ день, когда я отправлялся въ экскурсію на Принцевы острова, что мнѣ дало прекрасный поводъ для отказа отъ приглашенія, другіе дипломаты не сдѣлали никакихъ усилій, чтобы имѣть меня у себя, хотя я встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ у нашего посла.

Я прибавилъ, что, какъ мнѣ казалось, въ Константинополѣ много догадывались о тайной цѣли моего приѣзда туда и что англійская дипломатія въ частности нѣсколько была встревожена этимъ. Мнѣ казалось также, что британскій кабинетъ въ сущности не былъ бы недоволенъ, если бы арміи Мегеметь-Али удалось окончательно утвердиться въ Сиріи, и что онъ его даже поддержалъ бы тамъ, если бы онъ могъ получить какія-нибудь компенсаціи за это въ другомъ мѣстѣ, установить, на примѣръ, протекторатъ надъ Египтомъ ¹⁾, равно какъ и свободный проходъ въ Аравію черезъ пустынные пески.

Государь при этомъ моемъ предположеніи сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Если бы Средиземное и Красное моря составляли одно цѣлое, то можно было бы опасаться того, о чемъ ты говоришь, но—слава Богу—Провидѣніе поставило границы англійскимъ аппетитамъ съ этой стороны. Я готовъ скорѣе думать, что, покровительствуя Мегеметь-Али, Англія имѣла особенно въ виду занятіе Дарданеллъ съ тѣмъ, чтобы въ любую минуту помѣшать выходу нашего флота изъ Чернаго моря или входу его въ Босфоръ.

¹⁾ Пророческое предположеніе. Прим. ред.
«истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. сxxxii.

Я поклонился и продолжалъ докладъ. Когда я описалъ аудіенцію у султана, государь меня спросилъ, былъ ли послѣдній дѣйствительно тронуть шагомъ, сдѣланнымъ въ его пользу.

Я отвѣтилъ, что, насколько я могъ судить, Абдуль-Меджидъ понялъ его важность, но что я вынесъ впечатлѣніе такое, что въ глубинѣ души правительство, какъ и весь турецкій народъ, признавая великую услугу, оказанную имъ государемъ, чувствуютъ, однако, себя униженными тѣмъ, что должны принять помощь отъ христіанскаго монарха противъ своихъ единовѣрцевъ. Я прибавилъ, что я жалѣю о томъ, что долженъ это констатировать, но что не считаю себя въ правѣ скрыть отъ его величества это впечатлѣніе.

— То, что ты говоришь, возможно,—отвѣтилъ Николай Павловичъ:—но, вѣдь, это будетъ неблагодарностью.

— Народы всегда неблагодарны, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Народы—да,—возразилъ государь:—но не государи.

Я привожу эти слова, такъ какъ они, мнѣ кажется, даютъ ключъ къ пониманію характера Николая Павловича, который вѣрилъ въ солидарность монарховъ и предполагалъ въ другихъ тѣ же рыцарскія чувства, которыя онъ вносилъ въ свои отношенія съ ними. Это рыцарство осталось отличительной чертой личности великаго императора, которому я имѣлъ честь служить въ теченіе столькихъ лѣтъ. И оно было причиной главной ошибки его славнаго царствованія: помощи, которую онъ оказалъ молодому Францу-Иосифу въ борьбѣ послѣдняго съ возставшею Венгріей, протянувъ ему ту же руку помощи, что и Абдуль-Меджиду въ 1839 году.

Государь перешелъ затѣмъ къ отношеніямъ нашего посольства къ высшимъ чиновникамъ Дивана. На этотъ счетъ я могъ ему сообщить свѣдѣнія и детали, которыя его, повидимому, удовлетворили, хотя я подчеркнул тотъ фактъ, что, какъ мнѣ казалось, наше министерство иностранныхъ дѣлъ не оставляло достаточно свободы нашему представителю въ Константинополѣ для того, чтобы нѣсколько поднять нашъ престижъ.

— То, что ты говоришь, есть критика Нессельроде,—замѣтилъ государь:—ты занимаешься сейчасъ тѣмъ, что тебя не касается, оставайся въ границахъ своего доклада.

Я сталъ тогда рассказывать о пребываніи моемъ въ Каирѣ и о разговорахъ съ Мегеметь-Али.

— Находитъ ли онъ подъ вліяніемъ Франціи, Англіи, или онъ готовъ поддерживать мою политику на Востокѣ?—спросилъ государь.

— Я, ваше величество, полагаю, —отвѣтилъ я:—что онъ будетъ подъ вліяніемъ державы, которая ему поможетъ добиться независимости и суверенитета Египта для него самого, равно и для его потомства.

— Тутъ ты правъ, и я раздѣляю твою оцѣнку положенія. Если бы ты говорилъ всегда такія разумныя вещи, я былъ бы болѣе тобою.

доволенъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Было бы желательнo, чтобы эта независимость, которой желаетъ Мегеметь-Али, могла быть ему дана только мною, а не отъ какого-либо концерта державъ. Къ несчастью, это невозможно, и это, можетъ быть, нехорошо, хотя я не желалъ бы быть обязаннымъ обладаніемъ Святыхъ Мѣстъ возстанію подданнаго противъ своего государя, ибо старый паша въ концѣ концовъ — подданный султана, и подданный, которому послѣдній имѣетъ право отрубить голову. Даль ли ты, по крайней мѣрѣ, понять этому старому разбойнику, что если онъ остановитъ Ибрагима, то я его поддержу въ его стремленіи къ независимости?

Я почтительно отвѣтилъ его величеству, что я счелъ возможнымъ взять на себя отвѣтственность дать это понять Мегеметь-Али.

— Вотъ это хорошо, — сказала государь: — я люблю, чтобы мои генераль-адъютанты понимали мои намѣренія.

Онъ сталъ меня спрашивать о моемъ пребываніи въ Иерусалимѣ и выслушалъ съ большимъ вниманіемъ мой рассказъ. Государь очень разгнѣвался, узнавъ о поведеніи по отношенію ко мнѣ нашего консула, и сказалъ:

— Что за идея назначать такихъ дураковъ!

Я не могъ удержаться при этомъ замѣчаніи отъ улыбки, которую государь замѣтилъ и сказалъ:

— Ты думаешь: теперь я критикую Нессельроде. Но то, что мнѣ позволено, не позволено тебѣ, хотя я тебѣ часто позволяю говорить вещи, которыя я долженъ былъ бы запретить, — теперь продолжай.

Когда я кончилъ, онъ оставался нѣкоторое время въ задумчивости и затѣмъ очень медленно сказалъ:

— Конечно, охрана Святыхъ Мѣстъ должна была бы намъ принадлежать безраздѣльно, или, по крайней мѣрѣ, мы должны были бы имѣть тамъ больше и болѣе широкихъ правъ, чѣмъ латиняне. Это покровительство христіанъ французами смѣшно. Въ Турціи, какъ и въ Сиріи, болѣе православныхъ, чѣмъ католиковъ, и наслѣдіе восточныхъ императоровъ не принадлежитъ французамъ. Я никогда не соглашусь на умаленіе нашего значенія въ Иерусалимѣ и между христіанами Востока. И, конечно, не Франціи съ этимъ поганымъ Луи-Филиппомъ охранять что бы то ни было; впрочемъ, узурпаторъ не имѣетъ никакого права охраны мѣста, освященнаго смертію Христа. Если Абдуль-Меджидъ имѣлъ бы хорошихъ совѣтниковъ, онъ уступилъ бы мнѣ Святыя Мѣста.

Произнося эти слова, государь посмотрѣлъ на меня испытующе.

— Я понимаю, что вы, ваше величество, хотите сказать, но я не могъ рисковать намекомъ на это въ разговорѣ съ великимъ визиремъ, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, поспѣшилъ бы сообщить объ этомъ представителямъ Франціи и Англій, что скомпрометтировало бы ваше величество. Съ Мегеметь-Али дѣло было бы возможно устроить,

по ему слѣдовало бы тогда предоставить свободное поле дѣйствій въ Сиріи, что было бы несогласно съ намѣреніями вашего величества.

Николай Павловичъ глубоко вздохнулъ.

— Кто знаетъ, не былъ ли я неправъ,—сказалъ онъ наконецъ:— и кто знаетъ, не окажусь ли я неправымъ и въ будущемъ? Но человекъ не всегда свободенъ.

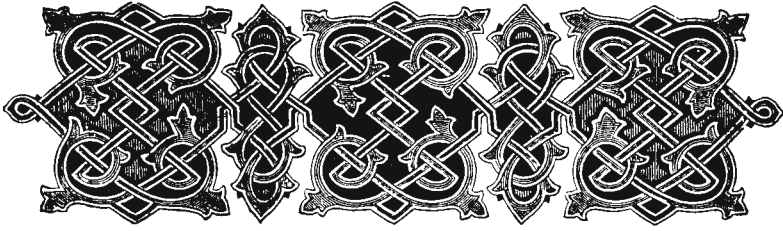
Онъ всталъ и сказалъ мнѣ:

— Въ общемъ ты недурно велъ себя во время всего путешествія, и я доволенъ тобою, хотя ты и совершилъ нѣсколько ошибокъ. Теперь ты свободенъ, но не ходи въ министерство иностранныхъ дѣлъ прежде, чѣмъ я тебѣ скажу: я хочу съ тобою обо всемъ этомъ поговорить еще.

Государь отпустилъ меня, подавъ мнѣ руку, что онъ не всегда дѣлалъ съ своими адъютантами. Я поцѣловалъ протянутую мнѣ руку и вернулся къ себѣ, проникнутый благодарностью за оказанную мнѣ доброту и довѣріе.

Гр. А. Ржевускій.

КРЕСТЬЯНСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ 1905 ГОДУ.

ЮЖНЫЕ уѣзды Черниговской губерніи: Козелецкій, Нѣжинскій, Конотопскій, Борзенскій, Кролевецкій и отчасти Сосницкій и Остерскій—настоящая ко-ренная Малороссія, съ богатымъ черноземомъ, съ чистымъ, сравнительно, малорусскимъ типомъ на-селенія. Остальные, средніе и сѣверные, уѣзды, расположенные за Десной, это—уже Полѣсье, или Литва, какъ говорятъ въ Малороссіи. Здѣсь, и при-рода бѣднѣе, и климатъ хуже, а почву и сравни-вать нельзя. Здѣсь, куда ни взглянешь—вездѣ, за небольшими исключеніями или лѣсь, или бо-лото, сѣрый суглинокъ или неплодныя пески. Послѣ бѣлыхъ, яркихъ мазанокъ Малороссіи здѣш-ніе деревянныя, сѣрые или, правильнѣе, грязныя дома съ вы-сокими заборами и воротами наводятъ уныніе, и населеніе здѣсь какое-то сѣрое, некрасивое, настоящая Литва.

Въ этой сѣверной части губерніи находятся Мглинскій и Сураж-скій уѣзды, которые издавна славятся на всю Россію своимъ непло-дородіемъ: и въ урожайныя годы своего хлѣба хватаетъ здѣсь обыкновенно не далѣе, какъ до ноября—декабря. Но въ этихъ и другихъ сѣверныхъ уѣздахъ населеніе губерніи находитъ нѣкото-рое подспорье въ заработкахъ на мѣстныхъ суконныхъ, спичеч-ныхъ и иныхъ фабрикахъ и заводахъ, а также въ отхожихъ про-мыслахъ. Въ наихудшемъ положеніи въ этомъ отношеніи находится Городнянскій уѣздъ; по бѣдности природы онъ не хуже и не лучше другихъ сѣверныхъ уѣздовъ, но безъ фабрикъ и заводовъ и безъ

привычки населенія къ отхожимъ промысламъ. И народъ здѣсь особенно какой-то сѣрый, забитый.

И вотъ въ этомъ-то захолустномъ уѣздѣ, противъ всякихъ ожиданій, въ памятные дни 1905 года съ наибольшей силой разгорѣлось крестьянское движеніе, а отсюда перекинулось и въ сосѣдніе уѣзды. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи аграрное движеніе было выражено сравнительно слабо. И это вполне естественно: въ южныхъ уѣздахъ крестьяне и казаки—прирожденные индивидуалисты-собственники; крѣпко виѣдрившееся въ нихъ чувство собственности въ 1905 году подверглось большому испытанію, когда и мѣстные, и пріѣзжіе агитаторы, и распространявшіеся въ огромномъ количествѣ прокламаціи увѣряли ихъ, что единственное спасеніе для русскаго крестьянства—лишь въ экспроприаціи частновладѣльческихъ и казенныхъ земель; но истые малороссы-собственники не поддались этому соблазну, не повѣрили, чтобы можно было увеличить свою собственность, отнявъ землю у другихъ собственниковъ. Вѣдь, если сегодня допустить экспроприацію земель по отношенію къ панамъ, то завтра, разсуждали они, такая же экспроприація можетъ быть примѣнена и къ болѣе богатымъ мужикамъ. Это чувство собственности, повидимому, и удержало крестьянскія массы въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, какъ и вообще въ малороссійскихъ губерніяхъ, отъ рѣзкихъ эксцессовъ на аграрной почвѣ; зато съ особеннымъ ожесточеніемъ набросились хохлы въ тѣ памятные дни на евреевъ.

Совсѣмъ другое дѣло въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, гдѣ преобладаетъ общинное начало. Здѣсь въ сознаніи населенія крѣпко засѣла мысль, что поля, лѣса, луга и воды, все это—Божье, общее, что паны лишь временно и несправедливо, благодаря попустительству начальства, завладѣли значительной частью земель, и что такому порядку рано или поздно долженъ наступить конецъ. Понятно, что такія возрѣнія на земельную собственность представляли благодарнѣйшую почву для той агитаціи, которая въ 1905 году усиленно велась въ деревняхъ.

Очагомъ аграрнаго движенія 1905—1906 гг. въ Городнянскомъ уѣздѣ была Тупичевская волость, главнымъ образомъ села: Пекуровка, Великій Лиственъ и Тупичевъ, гдѣ, между прочимъ, долго, настойчиво и почти безпрепятственно работали мѣстные и пріѣзжіе агитаторы. Въ этой мѣстности уже въ началѣ 1905 года крестьяне съ увѣренностью говорили о предстоящемъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ раздѣлѣ между крестьянами казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

Такимъ ожиданіямъ способствовали не только печать, легальная и подпольная, но и слухи и разговоры по поводу разработки крестьянскаго вопроса губернскимъ совѣщаніемъ по пересмотру крестьянскихъ законоположеній.

Дѣятельное участіе въ революціонированіи крестьянъ принимали и нѣкоторые народные учителя. Такъ, одинъ изъ нихъ, Т., на вечернихъ занятіяхъ съ взрослыми въ Великомъ Лиственѣ и Тупичевѣ объяснялъ исторію революціоннаго движенія въ Англіи, Германіи и Франціи и въ частности много говорилъ о разрѣшеніи въ Западной Европѣ земельного вопроса. Систематизаціей вопросовъ по поводу объясненнаго онъ легко приводилъ своихъ слушателей къ заключенію, что малоземелье крестьянъ въ Россіи вызвано лишь скопленіемъ земли въ большихъ количествахъ въ рукахъ казны и частныхъ лицъ и что спасеніе для крестьянъ-землевладѣльцевъ—лишь въ правильномъ раздѣлѣ между ними всей земли.

Подъ вліяніемъ пропаганды среди крестьянъ организуются революціонные кружки; вблизи с. Пекуровка, «на пескахъ», часто по ночамъ устраиваются сходки, на которыхъ выступаютъ мѣстные, большею же частью пріѣзжіе, «ораторы» и увѣряютъ крестьянъ, что мирнымъ путемъ имъ не удастся добиться улучшенія своего положенія и что необходимо уничтожить экономіи и помѣщичьи усадьбы, послѣ чего легче будетъ приступить къ разверстанію земель.

Мѣстныя полицейскія власти не принимали, или не могли принять никакихъ мѣръ къ прекращенію пропаганды, и агитаторы нерѣдко разѣзжали по селамъ на почтовыхъ лошадяхъ.

Между тѣмъ въ этой мѣстности, и помимо революціонной агитаціи, отношенія между помѣщиками и крестьянами давно уже обострились, и достаточно было ничтожнаго предлога для того, чтобы вспыхнула открытая вражда.

Такимъ предлогомъ, повидимому, было закрытіе весной 1905 года владѣльцемъ велико-лиственскаго имѣнія Дунинь-Борковскимъ двухъ дорогъ въ принадлежащихъ ему лѣсахъ, чѣмъ до нѣкоторой степени было затруднено сообщеніе между селами Великимъ Лиственемъ и Пекуровкой. Къ помѣщику Дунинь-Борковскому явилась депутація крестьянъ съ просьбой открыть эти дороги, которыми населеніе пользовалось десятки лѣтъ. Въ просьбѣ этой было отказано. Тогда крестьяне обратились за содѣйствіемъ къ мѣстному земскому начальнику, но и здѣсь потерпѣли неудачу. Въ результатѣ—потравы и лѣсопорубки въ имѣніи сдѣлались хроническимъ явленіемъ, и вообще поведеніе крестьянъ, въ особенности молодежи, по отношенію къ помѣщику и администраціи имѣнія сдѣлались крайне враждебнымъ.

Въ виду такого настроенія крестьянъ въ среднихъ числахъ іюня 1905 года, на время бывшей тогда мобилизаціи, въ с. Великій Листвень, по ходатайству Дунинь-Борковскаго, была прислана рота сто двадцать девятого Острожскаго пѣхотнаго полка, подъ командой капитана Ф. Послѣднему крестьяне с. Великаго

Листвена тогда же открыто заявили, что, пусть, мошь, только солдаты уйдуть, и помѣщикъ долго будетъ ихъ помнить.

И дѣйствительно, спустя два дня послѣ ухода роты, 29-го іюня, былъ подожженъ въ экономіи Дуинь-Борковского сарай, 2-го іюля подожгли гумно, затѣмъ кто-то умышленно испортилъ новую, только что купленную паровую молотилку. Вслѣдъ затѣмъ начались поджоги и опустошительныя лѣсопорубки и потравы и въ сосѣднихъ экономіяхъ.

Къ октябрю броженіе среди крестьянъ сель Пекуровки, Великаго Листвена и Тупичева достигло крайнихъ предѣловъ. Не довольствуясь опустошительными потравами, лѣсопорубками и поджогами, крестьяне начали открыто нападать на помѣщичьи усадьбы и экономіи.

Первой подверглась такому нападенію усадьба мѣстнаго земскаго начальника Калиновскаго, хуторъ Озерщина, въ шести верстахъ отъ с. Пекуровки. Къ этой усадьбѣ въ ночь на 20-ое октября подошла толпа крестьянъ, какъ потомъ оказалось, по слѣдамъ, изъ сель Пекуровки и Листвена, и, стрѣляя изъ ружей, направилась къ пчельнику, гдѣ разбила семьдесятъ три улья съ пчелами. При этомъ громили кричали: «Михайлъ Викторовичъ (имя и отчество земскаго начальника Калиновскаго), выходи помогать». Затѣмъ громили подожгли гумно арендаторши Калиновскаго еврейки Ханы Кундышъ и удалились.

Калиновскій и его семья при появленіи громиль бѣжали полураздѣтые изъ усадьбы, но громили дома, въ которомъ жилъ Калиновскій съ семьєю, не тронули.

Это, повидимому, была «проба» погрома, такъ какъ сами участники послѣдовавшихъ затѣмъ погромовъ впоследствии рассказывали, что агитаторы, подстрекавшіе къ погромамъ, увѣряли крестьянъ, что «за погромы имъ ничего не будетъ», и, чтобы убѣдиться въ этомъ, предложили прежде всего разгромить экономію мѣстнаго земскаго начальника Калиновскаго, за котораго, казалось бы, должна была заступиться мѣстная администрація. И дѣйствительно, за земскаго начальника Калиновскаго никто сразу не заступился, немедленной репрессіи за нападеніе на его усадьбу не послѣдовало, и разгромъ помѣщичьихъ усадебъ и экономій начался по всему Городнянскому уѣзду, причемъ въ этомъ уѣздѣ не осталось ни одного имѣнія, которое не пострадало бы въ большей или меньшей степени.

Послѣ нападенія на усадьбу земскаго начальника Калиновскаго, для всѣхъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ стало ясно, что ихъ экономіямъ и усадьбамъ не уцѣлѣть, если не подоспѣютъ войска. Крупный и со связями помѣщикъ Дуинь-Борковский засыпалъ губернатора телеграммами о присылкѣ войскъ, обращались къ губернатору съ такими же просьбами и другіе владѣльцы,

по губернаторъ, А. А. Хвостовъ, не нашель возможнымъ въ то опасное время «распылять» немногочисленное войско, находившееся въ губерніи.

Мѣстные землевладѣльцы, зная психологію мѣстнаго крестьянства, не могли простить этого губернатору Хвостову, такъ какъ были убѣждены, что посылка по уѣзду самыхъ незначительныхъ летучихъ войсковыхъ отрядовъ удержала бы крестьянъ отъ погромовъ, гибельныхъ одинаково какъ для помѣщиковъ, такъ и для самихъ крестьянъ.

И въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта точка зрѣнія, какъ будетъ видно впослѣдствіи, оказалась вѣрной.

Когда, такимъ образомъ, стало ясно, что ждатель защиты и помощи неоткуда, началось поголовное бѣгство изъ усадебъ и экономій владѣльцевъ, управляющихъ и служащихъ. Имѣнія бросались большею частью на произволъ судьбы, или же на попеченіе прислуги, въ большинствѣ случаевъ—изъ мѣстныхъ же крестьянъ, и это уже совершенно развязывало руки громиламъ.

Въ то же время среди громиль въ отдѣльныхъ селахъ выдѣляются вожаки, руководители, которые находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою; въ селахъ днемъ и ночью происходятъ какія-то сходки, сопровождающіяся стрѣльбой изъ ружей и револьверовъ, организуются правильныя, до нѣкоторой степени дисциплинированныя банды грабителей, и самые погромы приобрѣтають сразу же планомѣрный характеръ.

Черезъ три дня послѣ разгрома усадьбы Калиновскаго, въ ночь на 23-е октября, повидимому, тѣ же громилы, при точно такой же обстановкѣ, со стрѣльбой изъ ружей и револьверовъ, напали на лѣсную контору предсѣдателя губернской земской управы, гвардіи полковника Свѣчина, на хуторѣ Ковалевскомъ, близъ села Тупичева и, выгнавъ изъ конторы объѣздчика Данченка, сожгли ее. 23-го октября всѣ служащіе въ экономіи и на винокуренномъ заводѣ на хуторѣ Ковалевскомъ были предупреждены чрезъ заводскихъ рабочихъ, что хуторъ этотъ будетъ разгромленъ въ ближайшіе дни. И дѣйствительно, въ слѣдующую же ночь крестьяне увезли изъ экономическихъ буртовъ болѣе восьми тысячъ пудовъ картофеля, заготовленнаго для винокуренія.

25-го октября, съ утра экономія на хуторѣ Ковалевскомъ была переполнена бабами и дѣтьми изъ окрестныхъ сель. Въ это же время на хуторѣ собралась огромная толпа мужиковъ, но въ экономической дворъ они сначала не входили, а бродили съ палками въ рукахъ возлѣ буртовъ и не позволяли заводскимъ рабочимъ брать картофель для затора. Въ началѣ и бабы, и мужики толпились въ нерѣшительности, какъ бы ожидая чего-то. Но къ полудню бабы и дѣти, какъ по командѣ, начали ловить и прятать въ принесенные съ собою мѣшки куръ, гусей и другую до-

машною птицу, растаскивали разные хозяйственные припасы и даже вынули изъ печей хлѣбъ, заготовленный для заводскихъ рабочихъ.

Около трехъ часовъ дня приступили къ дѣйствию и мужики: крестьянинъ Иванъ Лѣпень первый открылъ дверь въ каменномъ загонѣ для свиней, взвалилъ къ себѣ на возъ откормленнаго бора, прикрылъ его сверху дровами и увезъ къ себѣ домой. Вслѣдъ за нимъ и другіе набросились на свиней и быстро разобрали ихъ, а также угнали овецъ.

Съ наступленіемъ темноты, казалось, все стихло, но вскорѣ послышался грохотъ разбиваемыхъ замковъ у амбаровъ и началось расхищеніе хлѣба. Когда весь хлѣбъ былъ нагруженъ на подводы и увезенъ, громилы подожгли экономическій домъ, въ которомъ жилъ управляющій Михиновъ и затѣмъ по сигналу свисткомъ начали разбивать ректификаціонный заводъ. Въ это время раздалась команда: «Смирно, шагомъ маршъ», и въ экономическій дворъ вошла правильными рядами толпа людей, вооруженныхъ ружьями и кольями, подъ предводительствомъ какого-то неизвѣстнаго человѣка съ фонаремъ въ рукѣ.

Войдя во дворъ, эти громилы сейчасъ же принялись поджигать хозяйственныя постройки, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ амбары, гумна и молочная ферма были въ огнѣ.

Въ экономическомъ дворѣ при заводѣ въ то время находился акцизный чиновникъ Бардаковъ, жившій тамъ же, при заводѣ. Во время разгрома завода къ нему подошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и сказалъ, что его квартиры не тронуть. И, дѣйствительно, его квартира въ тотъ день уцѣлѣла отъ погрома и поджога.

Въ ту же ночь другая толпа крестьянъ ворвалась въ усадьбу Свѣчина въ селѣ Тупичевѣ и, проникнувъ въ погребъ, расхитила около шестидесяти ведеръ старой водки и весь довольно большой запасъ винъ, послѣ чего удалилась, разбивъ въ домѣ только одно окно.

26-го октября, утромъ, на хуторѣ Ковалевскомъ снова явились толпой крестьяне и расхитили спиртъ изъ уцѣлѣвшаго при пожарѣ погреба при винокуренномъ заводѣ, причемъ носили спиртъ въ ближайшія села ведрами, ушатами и даже цвѣточными вазами, а послѣ полудня кучка мѣстныхъ крестьянъ, человѣкъ въ десять, подожгла ректификаціонный заводъ и квартиры акцизнаго чиновника Бардакова и винокура Макона.

Въ тотъ же день въ тупичевскую усадьбу Свѣчина снова явились громилы, мѣстные и изъ сосѣднихъ селъ, и, ворвавшись въ домъ, въ присутствіи прислуги начали расхищать все, что только можно было унести, а то, что унести нельзя было, цѣнную мебель, зеркала и т. п., съ особеннымъ злорадствомъ истребляли на

мѣстѣ. Передъ вечеромъ въ усадьбу прискакаль откуда-то одинъ изъ жожаковъ, Авраамъ Короткій, и вошелъ въ домъ, откуда вскорѣ вылѣзъ уже черезъ окно вмѣстѣ съ нѣкіемъ Половинникомъ, и тотчасъ же домъ загорѣлся изнутри.

Въ тотъ же день крестьяне селъ Тупичева, Великаго Листвена, Пекуровки и другихъ расхитили весь скотъ изъ экономіи Свѣчина, рабочихъ лошадей и выѣздныхъ, а на другой день въ экипажѣ Свѣчина, на его лошадяхъ, катался по Тупичеву одинъ изъ жожаковъ-громиль, Михаилъ Ляхъ, вмѣстѣ съ какой-то дѣвицей.

Одновременно съ этимъ, съ 25-го по 27-е октября, были разграблены и затѣмъ сожжены усадьбы и экономіи крупныхъ помѣщиковъ: Дунинъ-Борковского въ Великомъ Лиственѣ, Лизогуба въ селѣ Куликовкѣ, Калшиновскаго въ хуторѣ Озерщинѣ. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ разгромъ происходилъ при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, словно по трафарету: въ экономію являлись сначала женщины и дѣти, къ нимъ присоединялись мужики, уносили все, что только можно было унести, угоняли скотъ, увозили хлѣбъ и поджигали опустошенныя строенія. Даже въ то время, какъ всѣ помѣщичьи усадьбы и экономіи въ Городнянскомъ уѣздѣ уже пылали, нельзя было ожидать, чтобы такой же участи подверглось и имѣніе городнянскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. Д. Карвольскаго-Гриневскаго, въ селѣ Выхвостовѣ Тупичевской волости. Благодаря его гуманности и внимательному отношенію къ нуждамъ мѣстныхъ крестьянъ, между нимъ и крестьянами сложились самыя лучшія отношенія. М. Д. Карвольскій, Гриневскій, можно сказать безъ преувеличеній, былъ истиннымъ благодѣтелемъ для своего села: построилъ на свой счетъ церковь, больницу, школу и никогда не отказывалъ въ помощи крестьянамъ въ отдѣльныхъ несчастныхъ случаяхъ. Имѣніе было доведено до высокой степени культуры и благоустройства, и поддержаніе его въ такомъ состояніи, а также эксплуатація давали мѣстнымъ крестьянамъ большіе заработки. При такихъ условіяхъ было вполне естественно, что въ 1905 году, съ весны и до октября, въ то самое время, когда въ сосѣднихъ имѣніяхъ производились ежедневныя и истребительныя порубки и потравы, въ выхвостовскомъ имѣніи было спокойно.

На несчастье, въ началѣ 1905 года въ общество крестьянъ села Выхвостова по приговору сельскаго схода были снова приняты сосланные ранѣе за порочное поведеніе (воровство) мѣстные казакъ Василій Потапенко и крестьянинъ Петръ Шеремокъ. Водворившись въ селѣ Выхвостовѣ, они сразу же возвратились къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Сначала они оперировали вдвоемъ, но затѣмъ мало-по-малу, соблазненные легкой наживой, къ нимъ примкнуло еще нѣсколько человѣкъ, и къ лѣту 1905 года въ селѣ Вы-

хвостовѣ выросла правильно организованная воровская шайка. Во главѣ ея стояли учредители ея: «царь шайки» Василій Потапенко и «министръ» Петръ Шеремокъ. Дѣятельность этой шайки лѣтомъ 1905 года совершенно терроризовала мѣстное населеніе, такъ какъ единичныя попытки обращаться за содѣйствіемъ къ властямъ влекли за собою прежде всего месть со стороны шайки, грозившей къ тому же «въ случаѣ чего запалить съ четырехъ концовъ все село».

Когда лѣтомъ 1905 года въ сосѣднемъ селѣ Великомъ Лиственѣ вспыхнуло аграрное движеніе, сопровождавшееся поджогами, по-травами и лѣсопорубками, крестьяне села Выхвостова оставались спокойны и порицали дѣйствія своихъ сосѣдей-лиственцевъ, и только участники шайки Потапенка открыто одобряли поджоги и всякаго рода насильственныя дѣйствія противъ помѣщиковъ и подстрекали своихъ мирныхъ односельчанъ расправиться такимъ же образомъ съ мѣстнымъ помѣщикомъ. Такая агитація со стороны шайки, принимавшей самое дѣятельное участіе въ разгромѣ сосѣднихъ имѣній, особенно усилилась въ октябрьскіе дни, когда кругомъ уже пылали помѣщичьи усадьбы.

Въ эти дни владѣлецъ выхвостовскаго имѣнія Карвольскій-Гриневскій находился въ городѣ Городнѣ, предсѣдательствуя, по должности предводителя дворянства, въ уѣздномъ воинскомъ присутствіи. Управляющій его имѣніемъ далъ ему знать о грозящей имѣнію опасности и просилъ пріѣхать въ имѣніе и образумить крестьянъ. Но Карвольскій-Гриневскій не нашелъ возможнымъ прервать, ради своихъ личныхъ интересовъ, занятія въ воинскомъ присутствіи и остался въ городѣ Городнѣ. Не послушался онъ и совѣта обратиться за помощью къ администраціи и тѣмъ болѣе прибѣгнуть къ защитѣ войскъ, такъ какъ не хотѣлъ, по его словамъ, чтобы при охранѣ его правъ была пролита кровь. Оставаясь въ Городнѣ, онъ поручилъ лишь своему управляющему его именованъ просить крестьянъ села Выхвостова объ охранѣ его усадьбы. Но это не помогло. 26-го октября, съ ранняго утра среди крестьянъ села Выхвостова распространился упорный слухъ, что въ тотъ же день вечеромъ усадьба имѣнія Карвольскаго-Гриневскаго будетъ разгромлена. И дѣйствительно, едва наступили сумерки, къ селу Выхвостову стали съѣзжаться на телегахъ крестьяне сосѣднихъ селъ. Расположившись «станомъ» на краю села, они, видимо, ожидали сигнала къ разгрому усадьбы. Около девяти часовъ вечера въ селѣ раздался ружейный выстрѣлъ, и по этому сигналу толпы пріѣзжихъ громилъ съ крикомъ «ура» вторглись въ усадьбу. Къ пріѣзжимъ присоединились и мѣстные громилы. Часть громилъ, вооруженныхъ кольями и топорами, прежде всего бросилась въ винокуренный заводъ, разгромила его и расхитила спиртъ, хранившійся въ цистернахъ. Остальная часть толпы громила господскій домъ и флигель, истребляя съ особеннымъ ожесточеніемъ, какъ и въ другихъ имѣніяхъ, теплицы и оран-

жереи, наполненныя цѣнными тропическими растеніями. Погромъ продолжался всю ночь и утро слѣдующаго дня. Когда въ жилыхъ надворныхъ постройкахъ все было частью расхищено, частью уничтожено, громилы подожгли домъ, винокуренный заводъ и всѣ прочія постройки.

Вскорѣ послѣ этого разгрома къ Карвольскому-Гриневскому явилась депутація выхвостовскихъ крестьянъ, на колѣняхъ просила прощенья и умоляла его возвратиться въ имѣніе и возстановить хозяйство, обѣщая оказать ему всяческое содѣйствіе; но Карвольскій-Гриневскій не въ силахъ былъ примириться съ черной неблагодарностью облагодѣтельствованныхъ имъ крестьянъ, съ вандальскимъ разрушеніемъ всего, что онъ съ такимъ трудомъ и любовью создавалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и продалъ имѣніе за безцѣнокъ крестьянскому банку.

Покончивъ съ ближайшими имѣніями, банда громилъ, образовавшаяся въ Тупичевской волости, рѣшила разграбить богатѣйшее имѣніе землевладѣльца Оболонскаго при селѣ Петровкѣ Ново-Боровичской волости, въ 18 верстахъ отъ села Великаго Листвена. Съ утра 28-го октября по направленію къ имѣнію Оболонскаго потянулись изъ Тупичева и другихъ селъ Тупичевской волости огромные обозы. Самъ Оболонскій выѣхалъ изъ имѣнія вмѣстѣ съ семьею еще 24-го октября, оставивъ имѣніе подъ наблюденіемъ приказчика Аронова и конторщика Коровья. Тамъ же находился мѣстный полицейскій урядникъ Царенко съ двумя стражниками. Еще 27-го октября мѣстные крестьяне, петровцы, явившись толпой въ экономію Оболонскаго, начали бить окна въ винокуренномъ заводѣ, но, какъ только появился урядникъ Царенко, всѣ разбѣжались. На слѣдующій день, 28-го октября, утромъ въ экономію Оболонскаго снова явилось нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ, перепили посуду въ рабочей казармѣ и начали было ломать двери въ конюшняхъ рысистаго завода, но были остановлены служащими и удалены, угрожая скоро возвратиться. И дѣйствительно, не болѣе, какъ черезъ часъ, въ экономію повалили толпами сначала бабы и дѣти, а затѣмъ и мужики изъ села Петровки. Урядникъ съ стражниками вынужденъ былъ уѣхать изъ экономіи. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхали и обозы громилъ изъ Тупичевской волости, и начался погромъ богатѣйшаго Петровскаго имѣнія. Все, что можно было унести, разграбили; скоть, лошадей изъ конскаго завода разобрали и затѣмъ подожгли всѣ постройки конскаго завода, огромный трехэтажный барскій домъ, два флигеля, винокуренный заводъ, казармы для рабочихъ, склады сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и т. д., причинивъ убытка болѣе, чѣмъ на 800,000 рублей.

29-го октября армія громилъ, образовавшаяся въ Тупичевской волости, перенесла свои дѣйствія въ смежный Черниговскій уѣздъ,

напавъ на хуторъ Глѣбовку купца Яцка. Въ этотъ день, около полудня, Яцко, находясь у себя въ домѣ, услышалъ звонъ разбиваемыхъ стеколъ въ окнахъ и, взглянувъ черезъ окно, увидѣлъ, что кучка неизвѣстныхъ ему крестьянъ, челоѣкъ въ десять, переходя отъ окна къ окну, бьютъ стекла въ его домѣ. Взявъ образъ, Яцко вышелъ во дворъ и началъ умолять громилъ, кланаясь имъ въ ноги, не разорять его усадьбы. Но громилы, въ отвѣтъ на эти мольбы, бросились къ нему съ крикомъ: «бей его». Тогда Яцко скрылся въ свой домъ и, передавъ образъ женѣ, взялъ заряженный револьверъ и вышелъ на балконъ. Здѣсь онъ засталъ двухъ громилъ. Одинъ изъ нихъ занесъ надъ головой Яцка колъ, но ударъ пришелся по рукѣ Яцка и причинилъ ему лишь легкое пораненіе. Другой громила тоже бросился на Яцка, но, увидѣвъ у него въ рукахъ револьверъ, убѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ. Яцко выстрѣлилъ вслѣдъ убѣгавшимъ, но промахнулся. Возвратившись послѣ этого въ домъ, Яцко засталъ въ комнатахъ пробравшихся туда нѣсколькихъ громилъ, уже успѣвшихъ разбить зеркало и лампы. Увидѣвъ у Яцка револьверъ, и эти погромщики бросились убѣгать. Яцко произвелъ въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ, но опять промахнулся. Послѣ этого погромщики, видимо, боялись подходить къ дому и направились къ надворнымъ постройкамъ. Яцко, воспользовавшись этимъ, прошелъ въ конюшню, гдѣ громила еще не было, осѣдлалъ лошадь и велѣлъ своему сыну Гавріилу, 13 лѣтъ, скакать въ мѣстечко Седневъ, въ шести верстахъ, гдѣ были солдаты и дать знать полиціи о происшедшемъ, а самъ, зарядивъ револьверъ и заперевъ изнутри всѣ двери и окна, поднялся на «вышку» дома и къ ужасу своему увидѣлъ, что по направленію къ его усадьбѣ тянется огромный обозъ, подводъ въ 300. Среди подводъ были и верховые. Когда вся эта толпа громилъ приблизилась къ дому, Яцко съ вышки пытался убѣдить ихъ не разорять его усадьбы, но тѣ въ отвѣтъ на это сдѣлали въ него нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, не причинивъ, однако, никакого вреда, и требовали, чтобы онъ «сдался безъ боя»; но Яцко рѣшилъ не сдаваться и, укрываясь въ вышкѣ, началъ отстрѣливаться. Послѣ этого грабители отошли отъ дома, разбрелись по усадьбѣ и начали расхищать изъ амбаровъ хлѣбъ, а затѣмъ подожгли всѣ надворныя постройки. Въ это время къ усадьбѣ Яцка подѣхали, кто верхомъ, кто на телѣгахъ, 15 солдатъ, подъ командой полицейскаго стражника Тимоѣя Клеща. Замѣтивъ, что солдатъ очень мало, огромная толпа громилъ, бывшихъ во дворѣ Яцка, съ ружьями, револьверами, топорами и колыями въ рукахъ двинулась на нихъ. Но стражникъ Клещъ, не допустивъ громилъ окружить свой маленький отрядъ, командовалъ солдатамъ спѣшиться и стрѣлять съ колѣна, залпами, по командѣ. Послѣ двухъ-трехъ залповъ, которыми было убито и ранено нѣсколько челоѣкъ, вся толпа громилъ въ паникѣ бросилась бѣжать къ ближайшему лѣсу. Храбрый

стражникъ Клепцъ, видя это, перешель отъ обороны въ наступленіе и погнался со своимъ отрядомъ за убѣгавшими, при чемъ задержалъ около 50 громилъ. Спасаясь отъ солдатъ, многіе бросали телѣги, на которыхъ пріѣхали на хуторъ Яцка. Такихъ телѣгъ было задержано около 200. На днѣ ихъ лежали мѣшки, стояли мѣрки и сундуки, очевидно, припасенные для того, чтобы прятать награбленное. Нѣкоторые изъ громилъ пытались скрыться въ ближайшемъ селѣ Ивашковѣ, но крестьяне этого села, не принимавшіе никакого участія въ грабежахъ, встрѣтили бѣжавшихъ кольями и убили 12 громилъ. При нѣкоторыхъ изъ задержанныхъ громилъ оказались лошади и упряжь, похищенные во время разгрома экономій Свѣчина, Дуинь-Борковского, Карвольскаго-Гриневского, Оболонскаго, что дало слѣдственной власти нить къ раскрытію виновниковъ этихъ погромовъ.

Задержанные на разгромѣ усадьбы Яцка при допросѣ на слѣдствіи объяснили, что къ разгрому помѣщичьихъ усадебъ ихъ давно уже подговаривали ихъ односельчане, составляющіе партію демократовъ. По словамъ одного изъ задержанныхъ, казака села Великаго Листвена Кирилла Божко, всѣ односельцы его демократы—ученики бывшаго народнаго учителя Т., который въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ вель въ земской школѣ вечернія занятія съ взрослыми и училъ «о необходимости имѣть выборнаго царя, разбивать помѣщиковъ, не платить налоговъ». Всѣ его ученики называли себя демократами и социалистами, составляли разнаго рода прокламаціи и распространяли ихъ всячески по селамъ и хуторамъ. На разгромы помѣщичьихъ имѣній, по словамъ задержанныхъ, ихъ каждый разъ созывали особые верховые изъ демократовъ, по удару въ церковный колоколь. Иногда разѣзжали совершенно неизвѣстныхъ въ селѣ лица и созывали народъ на разгромъ экономій. По словамъ задержаннаго казака села Куликовки Ивана Полегенька, въ день нападенія на хуторъ Яцка, съ самаго утра по селу Куликовкѣ ѣздили верховые изъ селъ Тупичева, Выхвостова и Куликовки на лошадяхъ, похищенныхъ въ разгромленной экономіи Свѣчина въ селѣ Тупичевѣ, въ формѣ полицейскихъ урядниковъ, въ фуражкахъ съ кокардами. Разѣзжая по селу, они созывали людей ѣхать громить хуторъ Яцка; читали народу и раздавали манифестъ, дозволявшій грабить помѣщиковъ; при этомъ грозили убить или сжечь дома тѣхъ, кто не выѣдетъ громить Яцка.

Въ другихъ селахъ Городнянскаго уѣзда и въ смежномъ Черниговскомъ уѣздѣ разгромъ помѣщичьихъ имѣній былъ произведенъ безъ участія тупичевской банды, но при такихъ же точно обстоятельствахъ, какъ и описанные выше погромы.

Интересно отмѣтить разгромъ богатѣйшаго имѣнія великобританскаго подданнаго Лидделя Мортонна въ селѣ Бѣгачѣ Черниговскаго уѣзда, на границѣ съ Городнянскимъ уѣздомъ.

Уже въ среднихъ числахъ октября въ селѣ Бѣгачѣ среди крестьянъ ходили слухи о томъ, что въ скоромъ времени усадьба Мортонна будетъ разгромлена. Слухи эти, сначала неясные и неопредѣленные, получили характеръ вполне достовѣрныхъ свѣдѣній, когда утромъ 23-го того же октября въ селѣ Бѣгачѣ на столбахъ оказались расклеенными «объявленія», оповѣщавшія мѣстныхъ крестьянъ о томъ, что разгромъ усадьбы имѣнія Мортонна «назначенъ» на 24-е октября. Одно изъ такихъ объявленій было сорвано со столба и доставлено Мортону, который послѣ этого сейчасъ же и уѣхалъ съ семьей въ Черниговъ, оставивъ имѣніе на произволь судьбы.

23-го октября, еще наканунѣ отъѣзда изъ усадьбы владѣльца, толпа мѣстныхъ крестьянъ вторглась въ прилегающій къ усадьбѣ лѣсъ, въ которомъ искусственно были разведены куропатки и фазаны, прогнала изъ лѣсной сторожки егеря и сожгла самую сторожку. Въ послѣдующіе дни изъ этого лѣса крестьянами была выгнана вся дичь, не менѣе 10,000 штукъ, на крестьянскія поля и здѣсь истреблена.

Вечеромъ 24-го октября по улицамъ села Бѣгача «изъ избы въ избу» ходили нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ, передавая всѣмъ отъ имени мѣстнаго крестьянина Георгія Забары приказъ явиться къ восьми часамъ вечера къ чайной на сходку. На этой весьма многолюдной, по словамъ очевидцевъ, сходкѣ былъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ о томъ, что дѣлать съ экономіей Мортонна. Одни предлагали немедленно разгромить усадьбу и грозили поджогами всѣмъ несогласнымъ съ этимъ мнѣніемъ; другіе предлагали отправить къ Мортону депутатовъ и требовать отъ него отвода пастбища для крестьянскаго скота. Большинствомъ голосовъ принято было второе мнѣніе и было рѣшено отправить депутатовъ къ владѣльцу на слѣдующій день утромъ.

Несмотря на такое рѣшеніе сходки, въ полночь съ колокольной сельской церкви раздался набатъ, и тотчасъ же огромная толпа мѣстныхъ крестьянъ въ нѣсколько сотъ человекъ, вооруженная кольями и топорами, двинулась къ усадьбѣ Мортонна. Не встрѣтивъ никакого сопротивленія, громилы вошли во дворъ и прежде всего разрушили два флигеля, въ которыхъ помѣщались квартиры управляющаго имѣніемъ и винокура. Покончивъ съ флигелями, толпа направилась къ дворцу—барскому двухъэтажному дому, въ сорокъ слишкомъ комнатъ. Всѣ комнаты дворца тотчасъ же были освѣщены лампами и канделябрами, и толпа принялась расхищать все, что только можно было унести. Это расхищеніе богатой обстановки и разнаго имущества, стоившаго около 500,000 рублей, продолжалось около двухъ часовъ, и, когда больше уже нечего было похищать, громилы подошли въ разныхъ концахъ дворца занавѣси и портьеры, и черезъ нѣсколько минутъ весь дворецъ былъ въ огнѣ.

При заревѣ пожара громилы проникли въ подвальный этажъ и расхитили огромный складъ дорогихъ винъ. Къ разсвѣту многіе изъ грабителей были уже совершенно пьяны, а нѣкоторые изъ нихъ на другой день, послѣ полудня, были найдены на дворѣ усадьбы въ безсознательномъ отъ опьянѣнія состояніи.

Отъ полного и безжалостнаго разгрома въ усадьбѣ Мортонна уцѣлѣлъ лишь винокуренный заводъ: его все время охраняли сами же громилы. На слѣдующій день утромъ въ контору винокуреннаго завода явилась толпа мѣстныхъ крестьянъ, руководимая крестьянами Георгіемъ Забарой и Пименомъ Гончаренкомъ, и заявила находившемуся тамъ помощнику винокура Михаилу Луйку, что заводъ теперь принадлежитъ имъ, крестьянамъ, что управляющимъ имѣніемъ ими назначенъ теперь Георгій Забара, помощникомъ его Пименъ Гончаренко, что винокуръ Вальдманъ ими смѣщенъ и на его мѣсто они назначаютъ его, Михаила Луйка. Весь слѣдующій день новый управляющій Георгій Забара находился въ конторѣ завода и, величая себя «главнымъ управляющимъ», отдавалъ распоряженія рабочимъ имѣнія, особенно строго приказывая имъ досматривать скотъ и содержать его въ чѣлости. На другой день въ имѣніе Мортонна прибыла военная команда, и вся самозванная администрація имѣнія была разогнана.

Съ увѣренностью можно сказать, что если владѣльцы имѣній въ Городнянскомъ и смежныхъ уѣздахъ и ихъ семьи избѣжали личныхъ насилій во время октябрьскихъ погромовъ, то лишь благодаря тому, что заблаговременно выѣхали изъ помѣстій. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ весьма немногихъ случаяхъ, когда громилы заставляли въ усадьбахъ ихъ хозяевъ, они не давали имъ пощады. Сравнительно счастливо отдѣлался помянутый выше Яцко, не оставившій своего дома во время погрома. Менѣе счастливо обошелся погромъ для помѣщицы Стефаниды Вишневской. На хуторъ Вишневской, расположенный вблизи села Жабчичъ Ново-Боровичской волости Городнянскаго уѣзда, напала толпа громилъ изъ мѣстныхъ крестьянъ челоуѣкъ въ 50 въ ночь на 29-е октября, около полуночи. Въ домѣ Вишневской въ то время уже все спали, и когда приблизилась толпа громилъ, то изъ дома успѣла скрыться лишь старуха-мать Вишневской и спряталась во рву. Сама же Стефанида Вишневская, ея пріемный сынъ Стефанъ Меженный, жена послѣдняго и дѣти были застигнуты громилами въ домѣ. Жена Меженнаго также пыталась скрыться изъ дома, но громилы не пустили ее и затѣмъ, совершивъ поджоги гумна, начали бить окна дома и разбивать двери въ амбарахъ. Не выпуская никого изъ дома, громилы кричали: «пали домъ кругомъ, чтобы не вышли». Тѣмъ не менѣе бывшіе въ домѣ какъ-то выбрались оттуда, но сейчасъ же изъ нихъ Стефанида Вишневская и Меженный были жестоко избиты громилами и на другой день въ безсознательномъ состояніи были отвезены въ больницу. Меженный впоследствии

«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxii.

ствіи поправился, у Стефаниды же Вишневской оказались серьезныя поврежденія мозговыхъ центровъ, сопровождавшіяся разстройствомъ рѣчи и другихъ функцій.

Очевидно, аграрное движеніе крестьянъ въ Черниговскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ могло принять кровавый характеръ, если бы владѣльцы не скрылись заблаговременно изъ помѣстій. Въ то же самое время въ самый разгаръ погромовъ и сейчасъ по окончаніи ихъ отношенія крестьянъ къ должностнымъ лицамъ, которыя не боялись появляться въ деревнѣ, въ особенности къ судебнымъ слѣдователямъ и товарищамъ прокурора, по обязанностямъ своей службы разъѣзжавшимъ по губерніи (чины полиціи во время погромовъ въ деревняхъ вовсе не появлялись, за весьма рѣдкими исключеніями), было вполнѣ корректно. Доброжелательное отношеніе къ лицамъ судебного вѣдомства выразилось особенно рельефно въ мѣстечкѣ Рѣпкахъ Городнянскаго уѣзда, гдѣ одновременно происходилъ погромъ евреевъ и усадьбы мѣстной помѣщицы Енько. Во время погрома толпа громилъ подошла къ квартирѣ мѣстнаго судебного слѣдователя, проживавшаго въ одномъ изъ домовъ помѣщицы Енько, и тутъ же, на улицѣ, начала обсуждать вопросъ, разбивать ли и судебного слѣдователя, или оставить его въ покоѣ. Въ толпѣ сейчасъ же раздались голоса, что «слѣдователь такъ же работаетъ изъ-за куска хлѣба, какъ и мы», и квартира судебного слѣдователя осталась нетронутой, но семья его, слышавшая это со-вѣщаніе громилъ, пережила жуткія минуты. На защиту полиціи въ виду ея малочисленности и растерянности нечего, конечно, было и рассчитывать. Такъ, камера того же рѣпкинскаго судебного слѣдователя, въ производствѣ котораго первоначально были сосредоточены всѣ дѣла о крупнѣйшихъ погромахъ въ Городнянскомъ уѣздѣ, охранялась, и то лишь ночью, однимъ стражникомъ.

Очень многіе изъ участниковъ разгрома землевладѣльческихъ усадебъ и экономій или вовсе не считали преступными свои дѣянія; въ виду объявленныхъ свободъ, или же полагали, что своими дѣяніями они только нѣсколько ускоряютъ вытекающій изъ этихъ свободъ переходъ къ нимъ всей земли помѣщиковъ и всего, что имѣется на ней. Этимъ только и объясняется то, что съ особой ненавистью и ожесточеніемъ уничтожали погромщики въ помѣщичьихъ усадьбахъ ненужныя имъ оранжереи, цвѣтники, въ самихъ домахъ картины, мебель, вообще все, что являлось не необходимой принадлежностью жилья, а роскошью, комфортомъ. И въ то же время жалѣли скотъ, избѣгали истребленія хлѣбныхъ запасовъ.

Заблужденіе многихъ крестьянъ относительно того, будто бы высочайшими манифестами разрѣшено крестьянамъ отобрать у помѣщиковъ и евреевъ все имущество, особенно рѣзко выразилось въ селѣ Кусѣяхъ Городнянскаго уѣзда. Здѣсь еще 23-го октября въ усадьбу еврея Залмана Лакпетанова, владѣльца 940 десятинъ, во-

рвалась толпа мѣстныхъ крестьянъ, человекъ въ пятьдесятъ, избили жену и дочь владѣльца, которые вынуждены были убѣжать изъ дома изъ одномъ бѣльѣ, нанесли ломомъ нѣсколько ударовъ самому Лакпетанову, спрятавшемуся подъ кроватью, и оставили его въ покоѣ лишь потому, что считали его убитымъ, и затѣмъ побили посуду, мебель и прочее. 26-го—27-го октября въ село Кусѣи возвратилось нѣсколько человекъ изъ посада Добрянки съ массой награбленнаго ими въ этомъ посадѣ во время еврейскаго погрома имущества, и послѣ этого въ селѣ въ увѣренности говорили о новомъ законѣ, которымъ будто бы каждому разрѣшается брать что угодно и у кого угодно. Существованіе такого закона съ увѣренностью и совершенно искренно подтверждали прибывшіе въ это время съ работъ изъ-подъ Чернигова мѣстные крестьяне Василій Синенко и Кирилль Евтушенко, сославшіеся на то, что на основаніи именно этого поваго закона были учинены погромы евреевъ и помѣщиковъ въ Кіевской и другихъ губерніяхъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ существованія такого закона, по ихъ убѣжденію, являлось и то обстоятельство, что весь лѣсной матеріалъ, который они заготовили у какого-то помѣщика въ Черниговскомъ уѣздѣ, разобрали крестьяне сосѣднихъ селъ, и начальство на это ничего не говоритъ и виновныхъ никакому наказанію не подвергаетъ. Но всего убѣдительнѣе для кусѣвскихъ крестьянъ было заявленіе о существованіи такого закона односельца ихъ Якова Макаренка, который лично участвовалъ въ разгромѣ хутора Ковалевскаго Свѣчина и привелъ оттуда хорошую экономическую лошадь. Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ о новомъ законѣ 26-го октября крестьяне села Кусѣевъ, въ полномъ убѣжденіи въ существованіи такого закона, явились въ экономію Лакпетанова, потребовали у приказчика ключи отъ амбаровъ и забрали весь хлѣбъ, а также подѣлили между собою и угнали весь скотъ.

Быть можетъ, именно такимъ заблужденіемъ относительно законности погромовъ объясняется и то, что громили чуть ли не во время самыхъ погромовъ непрекословно исполняли требованія властей въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда на мѣстѣ были власти и имѣли смѣлость предъявлять свои законныя требованія. Такъ, между прочимъ, непрекословно являлись къ судебнымъ слѣдователямъ громили, привлекаемые въ качествѣ обвиняемыхъ.

Для характеристики отношенія погромщиковъ къ требованіямъ властей въ тѣ памятные дни достаточно указать на слѣдующій случай, установленный предварительнымъ слѣдствіемъ и затѣмъ подтвержденный на судѣ. Сейчасъ послѣ погрома въ мѣстечкѣ Рѣпкахъ полиціей были арестованы и отправлены въ черниговскую тюрьму семнадцать мѣстныхъ крестьянъ, избличенныхъ въ погромѣ. Для сопровожденія этой партіи арестантовъ-громилъ изъ Рѣпокъ въ Черниговъ (тридцать три версты разстоянія) было назначено всего лишь два безоружныхъ полицейскихъ десятскихъ изъ крестьянъ

того же мѣстечка Рѣпокъ, быть можетъ, тоже принимавшихъ участіе въ погромѣ. Когда эта партія на полпути остановилась въ Роищенской слободѣ на ночлегъ, то трое изъ арестантовъ заявили провожатымъ, что имъ нужно еще сдѣлать дома кое-какія распоряженія, и въ ту же ночь возвратились въ Рѣпки, подожгли постройки крестьянина Ѳедора Редьки въ отместку за то, что онъ противодействовалъ погрому евреевъ и выдавалъ зачинщиковъ, а затѣмъ, чтобы не отстать отъ своей партіи, сѣли въ дилижансъ, догнали свою партію и все вмѣстѣ явились въ тюрьму.

Одновременно съ разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ въ Городнянскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, въ той же мѣстности произошелъ рядъ кровавыхъ столкновеній между самими крестьянами, различно относившимися къ происходившему въ то время.

Начало этимъ столкновеніямъ было положено слѣдующимъ случаемъ. 20-го октября, утромъ въ селѣ Куликовкѣ Черниговскаго уѣзда проживавшій на квартирѣ у мѣстной учительницы Овчинниковой родственникъ ея Яковъ Поляковъ, получивъ номеръ газеты съ высочайшимъ манифестомъ отъ 17-го октября, съ согласія учительницъ Овчинниковой и Черной, прочиталъ и разъяснилъ его учащимся въ земской школѣ и затѣмъ велѣлъ имъ итти домой и кричать «ура». Учащіеся разошлись по домамъ и рассказали объ этомъ своимъ домашнимъ. Въ тотъ же день учительница Овчинникова послала въ сосѣднее село Горбово тамошней учительницѣ Марьѣ Бортниковой письмо, въ которомъ приглашала ее вмѣстѣ съ крестьянами прибыть въ гости въ село Куликовку и раздѣлить съ куликовцами радость по случаю дарованныхъ высочайшимъ манифестомъ милостей. Бортникова получила это письмо какъ разъ въ то время, когда въ селѣ Горбовѣ въ церкви служился благодарственный молебенъ по случаю высочайшаго манифеста 17-го октября, и послѣ молебна пригласила горбовцевъ итти въ гости къ куликовцамъ. Между тѣмъ посланецъ Овчинниковой, принеся ей отвѣтъ Бортниковой о томъ, что горбовцы придутъ къ куликовцамъ, рассказалъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ односельцевъ. Узналъ объ этомъ и мѣстный сельскій староста Автономъ Рожокъ и сейчасъ же распорядился созвать къ сборнѣ сельскій сходъ. Что происходило на сходѣ, неизвѣстно. Вечеромъ, когда уже начало темнѣть, къ Куликовкѣ подошла толпа горбовцевъ человекъ въ двѣсти съ красными флагами, на одномъ изъ которыхъ будто бы была надпись: «Да здравствуетъ свобода и революція». Нѣкоторые изъ куликовцевъ предупреждали пришедшихъ горбовцевъ, чтобы они не входили въ село, такъ какъ ихъ тамъ примутъ недружелюбно, но горбовцы не послушались и продолжали шествіе. Въ это время въ Куликовкѣ ударили въ набатъ, и толпа куликовцевъ, вооруженныхъ топорами, кольями и вилами, бросилась навстрѣчу горбовцамъ. Когда обѣ толпы сошлись, куликовцы спросили горбовцевъ о цѣли ихъ при-

хода. Тѣ отвѣтили, что пришли, моль, прочитатъ манифестъ о свободѣ. Куликовцы, видимо, усомнившіеся въ существованіи такого манифеста, возразили: «Почему же намъ не читали манифеста священникъ или приставъ?» На это горбовцы заявили: «Пристава у насъ уже нѣтъ, мы всѣ теперь равны».

Въ это время кто-то изъ горбовцевъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ воздухъ, и куликовцы тотчасъ же бросились избивать горбовцевъ. Послѣдніе повернули назадъ, но куликовцы продолжали гнать ихъ и бить. Послѣ этого побойща на дорогѣ изъ села Куликовки въ село Горбово было найдено девять челоуѣкъ горбовцевъ, избитыхъ до такой степени, что не въ состояніи были двигаться.

Затѣмъ, послѣ первыхъ же погромовъ въ предѣлахъ Тупичевской волости въ городѣ Городнѣ распространились слухи о намѣреніи организованной банды погромщиковъ изъ села Великаго Листвена и Пекуровки напасть на городъ. Слухи эти, въ связи съ безсиліемъ полиціи подавить беспорядки и отсутствіемъ войскъ, побудили жителей Городни устроить охрану города изъ обывателей, подъ руководствомъ прибывшихъ недавно съ Дальняго Востока двухъ раненыхъ офицеровъ, Марченка и Журавлева. Съ вѣдома губернатора мѣстный воинскій начальникъ выдалъ охранникамъ ружья и боевые патроны, и такимъ образомъ была организована городнянская милиція, взявшая на себя правильное окарауливаніе города.

Примѣру Городни послѣдовали нѣкоторыя окрестныя села, не принимавшія участія въ погромахъ и не сочувствовавшія имъ. Во многихъ такихъ мирныхъ селахъ крестьяне были убѣждены и, какъ потомъ оказалось, совершенно основательно, что погромщики, покончивши съ помѣщиками, примутся за своихъ мужиковъ, кто побогаче, въ особенности же за тѣхъ, кто не принималъ участія въ погромахъ. Во многихъ такихъ селахъ всѣ взрослые, опасаясь нападенія погромщиковъ и поджоговъ, по ночамъ вовсе не спали, карауля свои дворы. Кромѣ того, были организованы сторожевыя разъѣзды и усиленные ночные обходы. Въ ночь на 29-ое октября такой сторожевой разъездъ изъ пригороднаго села Хриповки наткнулся возлѣ Красногорья, на крутомъ берегу рѣчки Руденки, на возвращавшихся съ погрома изъ села Петровки пекуровцевъ. Разъездъ бросился на громилъ, и два пекуровца было убито и нѣсколько челоуѣкъ ранено. Кромѣ того, многія лошади, на которыхъ ѣхали пекуровцы, испуганныя выстрѣлами, вмѣстѣ съ телѣгами и сидѣвшими на нихъ людьми свалились съ крутого берега въ рѣку.

Въ ту же ночь крестьяне села Куликовки, проѣзжая чрезъ село Смычинъ, объявили обходу, что везутъ добро, награбленное у Оболонскаго, а завтра, моль, возвратятся и разгромятъ и ихъ село. Услыхавъ это, смычинцы съ колыями бросились на куликовцевъ

и жестоко избили грабителей, изъ коихъ восемь человѣкъ осталось убитыми на мѣстѣ.

29-го октября, днемъ на хуторъ Никольскій дворянина Щербака заѣхали погромщики, возвращавшіеся изъ села Петровки съ награбленнымъ въ имѣніи Оболонскаго имуществомъ и, угрожая насиліемъ, выгнали изъ хутора владѣльца и его служащихъ, а затѣмъ принялись разбивать окна и двери въ жилыхъ и хозяйственныхъ постройкахъ и грабить все, что попадалось подъ руку. Одинъ изъ рабочихъ Щербака, казакъ Евмененко (онъ же Дронда), послѣшилъ въ ближайшее подгородное село Хриповку и рассказалъ о случившемся, оттуда дали знать въ городъ милиціонерамъ, и вскорѣ на хуторъ Никольскій прибыли городнянскіе милиціонеры и вооруженные ружьями и кольями хриповцы съ волостнымъ старшиной Иваномъ Анищенкомъ во главѣ. Громили въ это время уже нагрузили свои подводы награбленнымъ и удалялись съ хутора, но, замѣтивъ приближавшихся милиціонеровъ и хриповцевъ, одни изъ нихъ, обрѣзавъ гужи на лошадяхъ, ускакали, другіе убѣжали, бросивъ свои подводы съ лошадьми, а часть ихъ была задержана.

Вообще къ концу сентября погромы въ Городнянскомъ уѣздѣ, въ той мѣстности, гдѣ они возникли впервые, закончились, и въ средѣ самого крестьянства наступила жестокая реакція.

Болѣе зажиточные крестьяне, не принимавшіе участія въ погромахъ и все время находившіеся подъ гнетомъ мысли, что громили и до нихъ могутъ добраться, учли переменѣ настроенія въ массѣ и нѣсколько ободрились. Въ селѣ Тупичевѣ, давшемъ наибольшее количество громилъ, 28-го октября мирными крестьянами былъ созванъ сельскій сходъ, на которомъ было рѣшено избавиться отъ главныхъ громилъ, которые и сами громили, и другихъ подстрекали. Во исполненіе этого рѣшенія тотчасъ же были захвачены и частью разстрѣляны, частью убиты кольями громилы Давидъ Галушка, Иванъ Лѣпневъ, Григорій Чехъ, Наумъ Лысенко и Александръ Коваленко, одни въ своихъ домахъ, другіе на базарной площади.

Въ селѣ Выхвостовѣ послѣ разгрома усадьбы Карвольскаго-Гриневскаго предводительствуемая Василиемъ Потапенкомъ шайка въ теченіе нѣсколькихъ дней держала населеніе въ паническомъ страхѣ. Громили разѣзжали по улицамъ, стрѣляли изъ ружей, издѣвались надъ стариками и женщинами и угрозами насилій и поджоговъ вымогали у своихъ же болѣе зажиточныхъ односельчанъ деньги. Наконецъ терпѣніе у мирныхъ жителей села Выхвостова лопнуло, и 31-го октября по набату собрался сельскій сходъ, на которомъ былъ постановленъ приговоръ: наказать смертью всѣхъ членовъ шайки и участниковъ разгрома усадьбы Карвольскаго-Гриневскаго. Чтобы приговоренные не скрылись, моментально на всѣхъ выѣздахъ изъ села были расставлены верховые, и затѣмъ началась ловля приговоренныхъ. Одни старались спрятаться въ потайныхъ мѣстахъ,

и затѣмъ, будучи отысканы, всячески сопротивлялись, и ихъ волокли къ сборнѣ, гдѣ исполнялся приговоръ общества, другіе, созная безвыходное положеніе, безпрекословно шли на казнь, нѣкоторые изъ нихъ, отправляясь на казнь, по старинному обычаю одѣли чистое бѣлье. Приговоренныхъ обществомъ къ смерти разстрѣливали возлѣ сборни, но такъ какъ крестьянскія ружья были очень плохія, то большинство изъ приговоренныхъ пришлось добивать «всѣмъ міромъ» кольями и топорами. Такимъ самосудомъ были казнены «царь» Василій Потапенко, «министръ» Петръ Шеремокъ, крестьяне Емельянъ Пилипенко, Иванъ Акуленко, Андрей Тимошенко, Алексѣй Пархоменко, Терентій Пугачъ, Григорій Акуленко, Ѳеодоръ и Тимоѳей Кордики и казаки: Алексѣй Шведъ, Николай Потапенко, Степанъ и Евстафій Волохи и Ѳеодоръ Ломонось.

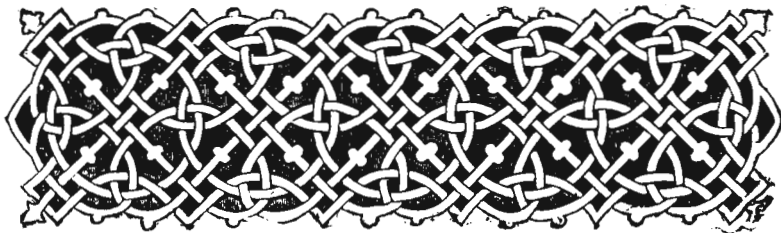
Такой же самосудъ, но въ меньшихъ размѣрахъ, происходилъ и въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ Городнянскаго уѣзда. Всего въ тѣ дни въ Городнянскомъ уѣздѣ самосудомъ было убито болѣе шестидесяти человѣкъ.

Ожесточеніе противъ громилъ было настолько велико, что послѣ самосуда надъ нѣкоторыми изъ нихъ трупы ихъ долго не убирали, а потомъ закапывали по рвамъ и ямамъ внѣ кладбища и безъ обряда погребенія. Трупы убитыхъ 28-го октября на большой почтовой дорогѣ близъ села Дубровнаго двухъ громилъ валялись въ придорожной канавѣ, прикрытые тулупами, до 20-го ноября, когда обратилъ на нихъ вниманіе проѣзжавшій изъ Городни въ Черниговъ товарищъ прокурора. Только по его распоряженію эти трупы были преданы землѣ (тамъ же въ канавѣ).

Съ теченіемъ времени это ожесточеніе сгладилось, и черезъ нѣкоторое время надъ могилами этихъ громилъ появились кресты, а затѣмъ на крестахъ обычныя въ той мѣстности украшенія въ видѣ шитыхъ полотенцъ. Эти кресты съ шитыми полотенцами и до сихъ поръ напоминаютъ каждому проѣзжающему по большой дорогѣ изъ Городни въ Черниговъ кошмарные октябрьскіе дни 1905 года.

А. Ю.

БРЫЗГИ ПАМЯТИ.

I.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1905 года, въ самый разгаръ московской смуты, мнѣ представилась служебная необходимость поѣхать изъ Петербурга въ Москву. Николаевская желѣзная дорога функционировала еще довольно исправно, и я безъ всякихъ затрудненій добылъ себѣ мѣсто въ вагонѣ международнаго общества спальныхъ вагоновъ. Доѣхали мы до Москвы вполне благополучно, безъ малѣйшаго опозданія.

Выйдя изъ вагона, я сказалъ носильщику, взявшему мои вещи, чтобъ онъ передалъ ихъ кондуктору кареты отъ «Лоскутной» гостиницы въ которой я всегда останавливался въ Москвѣ.

— Не знаю, есть ли карета отъ «Лоскутной», кондуктора что-то не видно,—отвѣтилъ мнѣ носильщикъ.

Мы дошли до выходной двери съ пассажирской платформы на дворъ вокзала, кондуктора «Лоскутной» гостиницы, котораго я искалъ глазами и громко звалъ, дѣйствительно не оказалось. Я уже собирался взять извозчика и ѣхать въ мой привычный московскій пріютъ, но не успѣлъ передать мое рѣшеніе носильщику, какъ ко мнѣ подошелъ человекъ въ фуражкѣ съ надписью «Континенталь» и предложилъ отправиться въ выславшую его гостиницу.

— На извозчикѣ ѣхать, баринъ, ой какъ опасно, какъ разъ попадете подъ пулю, а я васъ провезу скоро, такой дорогой, что ни

одного выстрѣла не услышите. Другія гостиницы вовсе перестали высылать кареты на вокзалы, кондуктора боятся нападеній.

— Ну, а по Москвѣ-то все-таки ѣздить можно?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать. Ѣздить, конечно, ѣздить, только жутко очень, со всѣхъ сторонъ палятъ, того и гляди, шальная пуля хватить. А кое-гдѣ и совсѣмъ проѣзду нѣтъ, не вездѣ еще успѣло начальство убрать баррикады, многіе проулки стоятъ затынутые проволокой, чтобъ ѣзды, значить, не было, да и пѣшіе кстати сами остерегаются, обходятъ эти гиблыя мѣста.

Ничего не оставалось дѣлать, какъ воспользоваться любезно предложенными услугами храбраго кондуктора и сѣсть въ его карету.

Я знаю Москву давно и хорошо. Въ ней я родился, началъ учиться, много лѣтъ часто наѣзжалъ туда послѣ того, какъ выѣхалъ изъ Москвы и сталъ жить въ другихъ городахъ. Путь съ Николаевскаго вокзала на Тверскую, къ часовнѣ Иверской Божьей Матери мнѣ былъ отлично извѣстенъ во многихъ его вариантахъ, по та дорога, по которой направился кучеръ кареты «Континентала», была для меня совершенно нова. Мы ежеминутно сворачивали изъ одного проулочка въ другой, ѣхали все время какими-то задворками, не встрѣчая ни людей, ни экипажей, не слышно было дѣйствительно не только выстрѣловъ, но и малѣйшаго шума, какъ будто мы ѣхали не по большому, людному, богатому и живому городу, а по безлюдной степи. Наконецъ какой-то невѣдомый мнѣ проулокъ вывелъ насъ на Театральную площадь, и мы подѣхали къ гостиницѣ «Континенталь», но не къ главному ея подѣзду, а къ боковому.

Мнѣ предстояло нѣсколько дѣловыхъ визитовъ. Я позвонилъ и спросилъ вошедшаго слугу, можно ли имѣть какой-нибудь экипажъ для разѣздовъ по городу.

— Нашего экипажа подать не можемъ, всѣ кучера забастовали, остался одинъ, который васъ привезъ съ вокзала и сейчасъ опять долженъ ѣхать на Смоленскій вокзалъ ждать заграничнаго скорого поѣзда. Извозчика, если желаете, поищу, можетъ, и найду.

— А комиссіонера достать можно? Мнѣ бы надо послать два-три письма.

— Куда именно?—спросилъ слуга.

— На Мѣщанскую и въ Грузины,—отвѣтилъ я.

— Не знаю, пойдетъ ли, сейчасъ пришлю, только дешево оиъ не возьметъ, время такое.

Комиссіонеръ доставить письма взялся по возможности, но, какъ я узналъ впослѣдствіи, не доставилъ, хотя получилъ впередъ назначенную имъ плату.

Пока я бесѣдовалъ съ комиссіонеромъ, слуга привелъ мнѣ простаго легковаго извозчика.

Въ сторону Сухаревой башни, куда мнѣ нужно было по дѣлу, извозчикъ везти меня категорически отказался.

— Жизнь, видно, вамъ не дорога, баринъ, развѣ можно туда ѣхать. Я еще пожить хочу и подь пули лѣзть не согласенъ. Вчерась тамъ нашего извозчика и сѣдока разомъ убили. Ни за что погибъ парень.

— А въ Гранатный переулочъ, на Никитскую, повезешь?

— Туда можно, тамъ тихо, только руки, господинъ, выньте изъ кармановъ, чтобы городовые видѣли, что у васъ въ рукахъ али въ карманахъ никакого оружія нѣтъ.

Мы поѣхали въ Гранатный переулочъ. По улицамъ, преимущественно на углахъ, стояли городовые, вооруженные ружьями. Они зорко слѣдили за проходящими и проѣзжающими, и чуть замѣчали чьи-либо руки спрятанными въ шубу или въ карманъ, кричали: «Руки на видъ!» Но прохожихъ и проѣзжихъ попадалось мало, Москва какъ бы вымерла. Повернувъ на Никитскую, извозчикъ погналъ лошадь.

— Что ты такъ заторопился?—спросилъ я.

— Зѣвать, баринъ, не приходится. Ишь здѣсь сколько проулковъ, изъ каждаго можетъ вылетѣть пуля.

Но никакая пуля въ насъ не попала, хотя слышны были гдѣ-то близко рѣдкіе выстрѣлы.

— Гдѣ это палятъ, какъ думаешь?—продолжалъ я разспрашивать моего возницу.

— Да не иначе, какъ на Прѣснѣ, тамъ и вчера настоящее сраженіе было, солдаты фабрику бомбами берутъ, а оттуда въ солдатъ изъ ружей стрѣляютъ. Сегодня, надо быть, солдаты одолѣютъ.

Мы въѣзжали въ Гранатный переулочъ.

— Вотъ здѣсь, господинъ, хорошо, тихо. Барское мѣсто, бунтовать некому. Дома все старинные, богатые, господа въ нихъ живутъ спокойные, глупостями не занимаются,—резонировалъ мой возница. Я молчалъ.

Семейство, въ которое я пріѣхалъ, состояло изъ немолодой уже матери, сына-студента и взрослой дочери. И мать, и молодежь были очень возбуждены. Я засталъ ихъ за завтракомъ, въ оживленной бесѣдѣ, разумѣется, о событіяхъ дня. Газеты не выходили, и всѣ новости передавались изустно, со словъ очевидцевъ или по слухамъ, ходившимъ въ городѣ. Студентъ рассказывалъ, будто наканунѣ на Тверскомъ бульварѣ солдаты стрѣляли по студентамъ и студенткамъ, подбиравшимъ раненыхъ, что выстрѣлы направлялись даже въ извозчиковъ, увозившихъ раненыхъ, что какой-то офицеръ приказалъ будто бы дать ружейный залпъ по Тверскому бульвару, замѣтивъ на немъ кучку подозрительно стоявшаго народа.

Сестра студента-рассказчика, дѣвушка нервная и впечатлительная, дополнила сообщенія брата рассказомъ о томъ, какъ наканунѣ

она случайно избѣгла полицейскаго ареста въ помѣщеніи, приготовленномъ для принятія раненыхъ въ Арбатскомъ районѣ. Ей удалось случайно окончить свое дежурство до прихода полиціи, а двѣ ея товарки, оставшіяся дежурить на ночь, захвачены и сидятъ теперь въ части.

— Какъ,—вмѣшался я:—неужели и теперь полиція находитъ время ловить отдѣльныхъ лицъ, ходитъ по домамъ и производитъ обыски въ частныхъ квартирахъ?

— Да, казалось бы, ей довольно дѣла на улицахъ, но нашему Трепову все мало, онъ продолжаетъ хватать и въ домахъ отдѣльныхъ лицъ, шарить и искать тайной революціи, когда она вся уже вышла на улицу. Дубасовъ беретъ на Прѣснѣ фабрики бомбами, а Треповъ ловитъ молодыхъ дѣвушекъ, сердобольно перевязывающихъ раны, считая, несомнѣнно, и ихъ бунтовщицами,—вставила свое слово мать.

Наша бесѣда то и дѣло заглушалась раздававшимися за окнами сильными выстрѣлами. Это не были, очевидно, ружейные выстрѣлы, по звуку не оставалось сомнѣнія, что мы слышали пальбу изъ пушекъ.

— Это все Дубасовъ бомбардируетъ Прохоровскую фабрику, которая уже давно не отвѣчаетъ, но все-таки не сдается,—поясняя студентъ.

— Несчастные,—замѣтилъ я:—вотъ ужъ именно не вѣдаютъ, что творять.

— О, юность, это ты!—воскликнула мать и, обратившись къ дѣтямъ, прибавила:

— Что же и сегодня пойдете бродить подъ пулями?

— Не дома же сидѣть,—отвѣтилъ студентъ.—Сейчасъ ко мнѣ придетъ Носковъ, и мы отправимся съ нимъ по вчерашнимъ баррикадамъ, посмотримъ, цѣлы ли онѣ, или уже разрушены. Въ сооруженіи одной мы вчера принимали участіе, ворота тащить помогаль намъ, смѣшно сказать, поставой городской, а мѣстные дворники, увлеченные нашимъ примѣромъ, снимали вмѣстѣ съ нами съ мѣсть ворота и вытаскивали со дворовъ на улицу бревна и доски. Въ полчаса внушительная баррикада была готова.

— А защитниковъ было много?—спросилъ я.

— Оставалось человекъ двадцать, когда мы съ Носковымъ уходили, оружія мало, трудно защищаться съ голыми руками,—мрачно отвѣтилъ мнѣ студентъ.

Скоро пришелъ Носковъ, и молодые люди отправились свидѣтельствовать свою работу.

Мнѣ тоже пора была уходить,—я хотѣлъ еще навѣстить одного моего родственника, жившаго неподалеку отъ Гранатнаго переулка, въ одномъ изъ Остоженскихъ переулковъ. Выйдя къ ожидавшему меня извозчику, я спросилъ его:

— Что? на Остоженку проѣдемъ?

— Не могу сказать навѣрное, вчера всё переулки на Пречистенской были перетянуты проволокой и выѣхать на Остоженку было никакъ невозможно. Сегодня я тамъ еще не бывалъ, можетъ, гдѣ и открыли проѣздъ, не знаю.

— Да зачѣмъ намъ путаться по проулкамъ, когда можно проѣхать прямо по Пречистенскому бульвару?—возразилъ я.

— Воля ваша, баринъ, а на бульвары я ѣхать ни за что не соглашусь, на бульварахъ пули такъ и летаютъ отъ ранняго утра и до сумерекъ. Ее какъ отъ Страшнаго монастыря выпускаютъ, она по бульварамъ и летитъ, пока не ударитъ какого-нибудь ротозѣя. Нѣтъ, Богъ съ ней, лѣзть на нее не хочу, и вамъ, сударь, не совѣтую. Лучше попытаемся проѣхать переулочками, оно вѣрнѣе, да и расчѣть не великъ.

Больше часу странствовали мы по Арбатскимъ и Пречистенскимъ переулкамъ, но на Остоженку выѣхать такъ намъ и не удалось. То мы натыкались на остатки баррикадъ, то на протянутую поперекъ улицы проволоку, пробовалъ я останавливать рѣдкихъ прохожихъ и совѣтоваться съ ними, но всё отвѣчали мнѣ, что не знаютъ, какъ помочь моему горю, свободного проѣзда на Остоженку помимо бульвара нигдѣ нѣтъ, а по бульвару ѣхать дѣйствительно боязно и жутко, что и говорить.

— Поѣзжай назадъ въ Гранатный,—разрѣшилъ я всё сомнѣнія и недоумѣнія. Шель уже пятый часъ дня, я думалъ пообѣдать въ Гранатномъ и поспѣшить затѣмъ въ «Континенталь» узнать, чѣмъ кончились похождения моего комиссіонера.

Черезъ четверть часа я сидѣлъ опять въ той же радушной семьѣ, которую покинулъ часа два назадъ. Теперь я засталъ дома мать и дочь, студентъ еще не возвратился.

Я рассказалъ о моихъ безплодныхъ скитаніяхъ по лабиринту Арбатскихъ и Пречистенскихъ переулковъ, барышня искренно посмѣялась моей и извозчика трусости, она тоже не сидѣла дома, а побывала именно на бульварахъ, прошла самые «опасные» изъ нихъ—Тверской и Страстной, видѣла солдатъ, расположенныхъ у монастыря и у памятника Пушкину, никто не стрѣлялъ. Изъ Тверской вышла на Страстную площадь толпа народа и тихо прошла мимо войскъ на продолженіе Тверской улицы. Полковникъ громко командовалъ только: «На бульвары не пускать!» Толпа—разсказывала барышня—слышала эту команду и прошла мимо бульваровъ. Никто ее не преслѣдовалъ, никто ни изъ толпы, ни со стороны войска не стрѣлялъ.

Пришли студенты. Оба возбужденные, разгоряченные, они чуть не вмѣстѣ спѣшили передать свои впечатлѣнія дня. Они попали какъ разъ на штурмъ своей вчерашней баррикады и видѣли, какъ упалъ раненымъ ея главный защитникъ, оберегавшій свое соору-

женіе со вчерашняго дня. На немъ нашли браунингъ и пустую обойму, онъ успѣлъ выпустить въ солдатъ не менѣ двѣнадцати пуль, пока солдатская пуля не повалила его замертво. Сначала на баррикадѣ было человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ защитниковъ, и всѣ они дружно стрѣляли въ пришедшихъ разрушить баррикаду солдатъ. Но два-три солдатскихъ залпа скоро положили на мѣстѣ большую часть защитниковъ баррикады, и минуты ея были, несомнѣнно, сочтены. «Сдавайся!» кричалъ офицеръ. «Бери!» раздалось съ баррикады, и слѣдомъ трещаль браунингъ.

— Какъ же вы это все видѣли?—спросила мать.

— А мы какъ вышли на Арбатъ, увидѣли, что передъ баррикадой выстроены солдаты, сообразили, что дальше идти опасно, и укрылись въ подъѣздѣ дома общества русскихъ врачей, гдѣ вчера, говорили, предполагается устроить перевязочный пунктъ. Мѣсто превосходное, безусловно вѣ выстрѣловъ, и все отлично видно, и ясно слышно каждое слово команды и отвѣтное съ баррикады.

«Когда мы увидѣли, что упалъ послѣдній, главный защитникъ баррикады и солдаты приступили къ ея разрушенію, мы вышли изъ подъѣзда и пошли назадъ, къ Арбатскимъ воротамъ. Пройдя два-три дома, мы наткнулись на молодого офицера, вышедшаго изъ отверстія воротъ (самыхъ воротъ не было, они были снесены еще вчера на баррикаду) въ сопровожденіи дворника, вызваннаго, очевидно, на помощь для разборки баррикады.

«— Кто такіе, откуда и куда?—остановилъ насъ офицеръ.

«— Студенты, — отвѣтили мы: — пробираемся домой, думали пройти поближе въ Каретный рядъ, къ товарищу, да слышимъ—палать, мы и вернулись назадъ, теперь пробираемся домой, въ Гранатный.

«— Маршъ налѣво, переулками, по бульвару не пройдетъ!—лихо командовалъ намъ офицеръ и пошелъ дальше по направленію къ баррикадѣ, а мы скрылись въ ближайшемъ переулкѣ».

Въ сосѣдней комнатѣ накрывался столъ для обѣда, слышенъ былъ стукъ тарелокъ, ножей. Мои хозяева всегда обѣдали въ началѣ шестого часа. Неожиданно въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ, горничная побѣжала отворять входную дверь. Мать, видимо, встревожилась, не ожидая никого къ обѣду.

Горничная вернулась и объявила, что звонилъ мой извозчикъ и велѣлъ сказать мнѣ, что сейчасъ же намъ нужно ѣхать домой, такъ какъ позже шести часовъ вечера извозчикамъ запрещено ѣздить по городу, и если я сейчасъ не выйду, онъ уѣдетъ безъ меня, а деньги за сегодняшнюю ѣзду онъ востребуетъ завтра съ гостиницы.

Этотъ рѣшительный ультиматумъ не могъ на меня не подѣйствовать. Я тотчасъ же простился съ моими гостепріимными хозяевами и вышелъ къ моему варвару.

Я не зналъ, достану ли обѣдъ въ «Континенталѣ». Еще утромъ я видѣлъ, что большой ресторанъ гостиницы закрытъ вслѣдствіе забастовки кухни.

Обѣдать, однако, мнѣ дали, и дали очень порядочно. Содержатель «Континенталѣ», старый, опытный поварь, когда служащіе его объявили забастовку и ушли, закрылъ свой обширный ресторанъ, но самъ сталъ къ плитѣ и съ помощью своего семейства продолжалъ кормить жильцовъ гостиницы не роскошно, но вкусно и по времени очень дешево. За три блюда и чашку чернаго кофе онъ бралъ одинъ рубль съ четвертакомъ. Добрый человекъ!

Кончивъ обѣдать, я сидѣлъ на диванѣ и читалъ взятую на дорогу книгу. Въ декабрѣ у насъ въ семь часовъ вечера обыкновенно уже совсѣмъ темно. Въ окна на не освѣщенныхъ улицахъ ничего не было видно, но доносился шумъ движущейся толпы. Я потушилъ мои свѣчи, думая, что ихъ отблескъ мѣшаетъ мнѣ рассмотреть, что дѣлается на темной площади передъ моими окнами. Но какъ я ни присматривался, ничего рассмотреть не могъ. Пришлось вновь зажечь свѣчи и позвонить слугѣ. На мой вопросъ онъ повѣдалъ, что наканунѣ ночью стрѣляли изъ сосѣдняго дома въ воинскій разъѣздъ, и сегодня съ Театральной площади готовится бомбардировка этого дома, для чего и расположена на площади «артиллерія»; если выстрѣлы изъ того же дома повторятся, на нихъ будутъ отвѣчать съ площади изъ пушекъ. «Полковникъ обѣщалъ насъ предупредить», успокоительно прибавилъ слуга и удалился, а я опять взялся за мою книгу.

Не прошло и пяти минутъ, какъ позади меня раздался трескъ ружейнаго или пистолетнаго выстрѣла, казалось, что выстрѣлили въ сосѣдней комнатѣ, за моей спиной. Я инстинктивно оглянулся на стѣну, у которой стоялъ диванъ. Стѣна, диванъ и я были, однако, совершенно цѣлы, упалъ только стулъ у окна, что показывало, что я не галюцинирую. «Посмотримъ, что будетъ дальше», подумалъ я, продолжая глядѣть въ раскрытую передо мною книгу.

Прошло полчаса. Вдругъ слышу легкій стукъ въ мою дверь.

— Войдите, — отвѣчаю я.

Вошелъ все тотъ же слуга, и на мой вопросъ, что ему нужно, сообщилъ мнѣ просьбу конторы гостиницы не ложиться спать.

— Почему? — спросилъ я.

— Можетъ быть, обыскъ всей гостиницы будетъ. Опять выстрѣлъ былъ, и полковникъ подозрѣваетъ, что изъ нашей гостиницы, сейчасъ заходилъ, грозилъ обыскать всѣ номера, всѣ чердаки, приказалъ предупредить всѣхъ постояльцевъ.

— А повидаться съ полковникомъ можно? — спросилъ я.

— Поди онъ уже ушелъ. Надо ждать распоряженій по телефону изъ «Метрополя» (гостиница на другой сторонѣ Театральной

площади), там у него главная квартира, и телефонъ его заявленъ тамъ.

— Развѣ телефоны дѣйствуютъ?

— На центральной телефонной станціи дежурятъ солдаты и соединяютъ указанные имъ начальствомъ телефоны, по требованію полицейскихъ и военныхъ начальниковъ. Нашъ телефонъ тоже заявленъ, и насъ велѣно соединять съ генераль-губернаторомъ, оберъ-полицеймейстеромъ и военными начальниками. Спросятъ, кто проситъ соединить, или соединяютъ, или отказываютъ. Отказываютъ больше частнымъ, неизвѣстнымъ лицамъ.

— А, по-вашему, гдѣ стрѣляли?

— Да въ томъ же домѣ, гдѣ и вчерась, рядомъ съ нами, у насъ стрѣлять некому, всѣ на счету, лѣстница въ ресторанъ, она же и на чердакъ, крѣпко заперта, никто посторонній пройти туда не можетъ.

Слуга вышелъ, я остался одинъ съ своими мрачными думами. «А что,—невольнo думалось,—если въ самомъ дѣлѣ начнутъ бомбардировать гостиницу, укрыться негдѣ. Невесело!...»

Въ коридорѣ слышалось движеніе, очевидно, жильцы вылѣзли изъ своихъ номеровъ, волнуются, обмѣниваются ощущеніями, соображеніями.

Вышелъ въ коридоръ и я.

— Это же возмутительно—грозить бомбами мирнымъ проѣзжимъ людямъ!—ораторствовалъ какой-то уже не первой молодости плотный джентльменъ въ англійскомъ тепломъ пиджакѣ, обращаясь къ почтенной, тоже уже немолодой дамѣ, одѣтой въ солидномъ дорожномъ костюмѣ англійскаго же покроя.—Если гостиница неблагонадежна, ее надо запереть, а не дѣлать изъ нея ловушку для мирной публики, какую-то западню.

— Вы губернаторъ, человекъ власти и порядка,—отвѣчала дама:—вы должны насъ защитить, васъ полковникъ не рѣшится не выслушать, а бомбардировать просто не посмѣетъ.

— Я губернаторъ свѣжій и далекій, меня здѣсь никто не знаетъ, и я не могу рассчитывать ни на особое вниманіе, ни на особую охрану моей личности здѣшними властями, тѣмъ болѣе, что мнѣ не удалось сегодня даже представиться генераль-губернатору, хотя адмирала Дубасова я зналъ лѣтъ тридцать назадъ совсѣмъ молодымъ офицерикомъ; можетъ быть, и онъ вспомнилъ бы меня, но проинкнутъ къ нему, повидимому, совершенно невозможно, телефоны не дѣйствуютъ.

— Извините, ваше превосходительство, что я позволяю себѣ вмѣшаться въ чужой разговоръ,—обратился я къ губернатору:—но я считаю нелишнимъ при нашихъ общихъ грустныхъ обстоятельствахъ передать вамъ то, что мнѣ довелось случайно узнать отъ нашего номернаго слуги, и что, повидимому, вамъ неизвѣстно.

И я пересказаль губернатору все, что слышаль отъ слуги о дѣйствіи телефоновъ.

— Вотъ и прекрасно,—обрадовалась дама:—вы можете сейчасъ же по телефону возобновить ваше знакомство съ адмираломъ Дубасовымъ и спасти всѣхъ насъ отъ бомбъ неистоваго полковника.

— Будь по-вашему, иду къ телефону,—рѣшительно отвѣтилъ нашъ губернаторъ и направился въ швейцарскую, гдѣ висѣлъ телефонъ. Всѣ бывшіе въ коридорѣ послѣдовали за нимъ.

Начались длинные предварительные переговоры. Губернатору пришлось подробно нѣсколько разъ назвать себя, сослаться на служебную неотложную необходимость сейчасъ же доложить лично генераль-губернатору важное и спѣшное дѣло, пригрозить неизвѣстному собесѣднику серьезною отвѣтственностью за несоединеніе. Наконецъ требованіе его было исполнено, и мы могли понять, что нашъ губернаторъ говорить съ дежурнымъ адъютантомъ адмирала. Мы слышали:

— Я никогда не рѣшился бы беспокоить адмирала, если бы не крайняя необходимость, если бы не требовалось немедленное же личное распоряженіе его высокопревосходительства. Всѣ послѣдствія исполненія моей просьбы о немедленномъ докладѣ адмиралу о моемъ настоятельномъ приглашеніи его высокопревосходительства лично къ телефону я принимаю на себя. Смѣю васъ завѣрить, что дѣло важное и спѣшное.

И черезъ нѣсколько минутъ:

— Вспоминаете? Очень польщенъ и весьма признателенъ. Простите, что нарушилъ ваши занятія или вашъ отдыхъ, но поводъ къ тому совсѣмъ особенный: гостиницу, въ которой я нашель пріютъ, какой-то полковникъ, занимающій своей частью Театральную площадь, грозитъ разрушить пушечными выстрѣлами за то, что изъ нея будто бы стрѣляли по воинскому разъѣзду. Всѣ постояльцы гостиницы несказанно встревожены и просили моего ходатайства передъ вашимъ высокопревосходительствомъ объ укрощеніи суроваго полковника и объ отмѣнѣ бомбардировки нашей обители. Я лично присоединяюсь къ этой просьбѣ и рѣшаюсь удостовѣрить, что выстрѣла изъ гостиницы не было и быть не могло. Во всякомъ случаѣ полагаю, что прежде, чѣмъ бомбардировать такой домъ, какъ гостиница, его необходимо было бы очистить отъ постояльцевъ.

И еще черезъ минуту молчанія:

— Мой поѣздъ отправляется черезъ два дня. Былъ бы весьма радъ представиться вашему высокопревосходительству, если это только возможно... Буду ожидать полицейскаго офицера, очень благодаренъ за вниманіе.

— Обѣщаль сейчасъ же запросить по телефону нашего грознаго полковника и устранить самую мысль о возможности бомбардировки гостиницы. Можемъ теперь спокойно ложиться спать.

Выраженіямъ благодарности, казалось, не будетъ конца. Дама чуть не бросилась цѣловать губернатора, а онъ изливаль мнѣ свою признательность за сообщеніе о телефонѣ.

Въ первомъ часу ночи всѣ изъ коридора разошлись по своимъ номерамъ.

Я легъ въ постель, но заснуть не могъ. Слышанный мною ясно выстрѣлъ не выходилъ изъ головы.

Раздавшійся глухой стукъ въ дверь номера прервалъ мои невеселыя думы. Пришлось встать и отпереть дверь. Вошелъ слуга и сообщилъ, что пришелъ полковникъ, поставилъ у параднаго подъѣзда двухъ часовыхъ съ ружьями, а самъ съ двумя другими солдатами хочетъ произвести въ гостиницѣ строгій обыскъ и приказалъ предупредить объ этомъ всѣхъ постояльцевъ.

— Губернаторъ, который стоитъ у васъ, предупрежденъ?—спросилъ я.

— Они уже вышли и бесѣдуютъ въ коридорѣ съ полковникомъ.

Я наскоро одѣлся и вышелъ въ коридоръ. Тамъ у окна нашъ губернаторъ тихо бесѣдовалъ съ бравымъ, молодымъ полковникомъ. Я подошелъ и представился полковнику.

— Полковникъ настаиваетъ, что выстрѣлъ былъ именно изъ гостиницы,—сказалъ губернаторъ, здороваясь со мной.

— Да, это категорически утверждаетъ офицеръ, въ котораго была направлена пуля, ранившая его лошадь,—горячился полковникъ.—Я долженъ тщательно осмотрѣть весь домъ, всѣ подвалы, всѣ чердаки, всѣ помѣщенія, имѣющія отверстія на улицу.

— А намъ позволите сопровождать васъ?—спросилъ я.

— Очень обяжете, если вмѣстѣ съ его превосходительствомъ пожелаете замѣнить мнѣ понятыхъ,—отвѣтилъ полковникъ.—Прежде всего мы пойдемъ на чердакъ, я уже приказалъ принести мнѣ ключи.

Предшествуемые слугою съ фонаремъ, полковникъ, губернаторъ и я, сопровождаемые хозяиномъ гостиницы и двумя солдатами съ ружьями, вышли на черную лѣстницу, прошли мимо ресторана и кухни и поднялись на чердакъ, входная дверь котораго была заперта большимъ висячимъ замкомъ.

— Сколько времени виситъ здѣсь этотъ замокъ?—обратился полковникъ къ хозяину гостиницы.

— Съ перваго дня забастовки, недѣли уже двѣ,—отвѣтилъ хозяинъ.

— И за все это время никто на чердакъ не ходилъ?

— Рѣшительно никто, незачѣмъ было и ходить. Ресторанъ былъ закрытъ, бѣлье не пачкалось и не стиралось.

Замокъ сняли, мы вошли на совершенно темный, огромный по площади чердакъ. Полковникъ направился прямо къ слуховымъ

окнамъ. Они всё оказались съ исправными, цѣльными стеклами, покрытыми густой паутиной. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что окна эти давно не открывались.

— Да, отсюда не могло быть выстрѣла,—сказалъ полковникъ и направился къ выходу.

Когда мы спускались съ лѣстницы, неожиданно раздался какъ бы позади насъ совершенно такой же выстрѣлъ, какой я слышалъ въ моемъ номерѣ. Полковникъ готовъ былъ вернуться назадъ на чердакъ, но хозяинъ сказалъ:

— Это стрѣляютъ у сосѣда или напротивъ, у Шелапутина.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ его губернаторъ.

— Не въ первый разъ и отъ сосѣда, и изъ Шелапутинскаго дома летятъ на улицу пули, мы съ жепой каждую ночь караулимъ, боимся, какъ бы не угодили намъ въ окно.

— Что же вы раньше молчали?—сурово спросилъ полковникъ.

— Не наше дѣло,—мрачно отвѣтилъ хозяинъ.

Мы возвратились въ коридоръ.

— Что же, будете осматривать номера?—спросилъ полковникъ губернаторъ.

— Нѣтъ, пойду поразспрошу моихъ солдатъ объ ихъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ,—сконфуженно промолвилъ полковникъ.

— Значитъ, насъ бомбардировать не будете?—спросилъ я.

— Понятно, нѣтъ, ясная ошибка, лошадь показавшаго на вашъ домъ офицера, очевидно, ранена изъ другого мѣста.

Полковникъ пошелъ къ телефону и передалъ дежурному адъютанту генераль-губернатора о безрезультатности произведеннаго имъ осмотра и о возникшемъ предположеніи, что стрѣляли изъ Шелапутинскаго дома, расположеннаго напротивъ «Континенталя».

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство, — закончилъ полковникъ и повѣсилъ трубку.

— Приказано оставить все до утра и не предпринимать ничего до полученія прямыхъ распоряженій,—обратился полковникъ къ губернатору.

— Вотъ это дѣло, утро вечера мудренѣе,—произнесъ кто-то изъ жильцовъ, вышедшихъ изъ своихъ номеровъ на шумъ въ коридорѣ.

— Теперь, господа, покойной ночи, простите за беспокойство, время такое,—прощался съ нами полковникъ.

Наконецъ можно было заснуть.

На утро я захотѣлъ справиться о судьбѣ моихъ писемъ. Явившійся на звонокъ слуга повѣдалъ мнѣ, что комиссіонеръ, возвратившійся вчера поздно вечеромъ, утромъ рано опять ушелъ куда-то.

— Сейчасъ съ Николаевскаго вокзала пріѣхала карета, и кондукторъ говорилъ, что въ четыре часа пойдетъ поѣздъ въ Петербургъ,—сообщилъ мнѣ слуга и вышелъ.

Тщетно прождавъ комиссіонера до второго часа дня, я рѣшилъ пообѣдать и ѣхать на вокзалъ, дабы воспользоваться назначеннымъ поѣздомъ и вернуться домой, въ Петербургъ.

Въ два часа слуга пришелъ сказать, что карета готова. Связавъ наскоро свой пледъ, я вышелъ. У подъѣзда продолжали стоять вооруженные часовые. Провожая меня, слуга, какъ бы самому себѣ, тихо, но ясно проговорилъ:

— На желѣзную дорогу, уѣзжаютъ въ Петербургъ,—и часовые разступились.

Ѣхали мы опять тѣми же закоулками. На вокзальной площади гарцовали на коняхъ офицеры, а по срединѣ площади въ боевомъ порядкѣ стояла пѣхотная часть. Повидимому, въ сторонѣ Рязанскаго вокзала ожидалось какое-то столкновеніе.

Мы быстро подъѣхали къ подъѣзду Николаевского вокзала. Снаружи, у входныхъ дверей воинской охраны не было, карауль, какъ оказалось, стоялъ внутри, за наружными дверями. Въ вокзалъ свободно пускались всѣ, а изъ вокзала не выпускался никто, кромѣ офицеровъ.

Мы пріѣхали рано, даже касса еще не была открыта, но публики въ залѣ съ буфетомъ скопилось довольно. Буфетъ, очевидно, не ба-стозаль и торговалъ отлично.

Завидѣвъ двухъ питающихся знакомыхъ москвичей, я подсѣлъ къ ихъ столику у окна и спросилъ себѣ стаканъ чая.

Завязавшаяся бесѣда скоро прервана доносившимся изъ-за окна шумомъ. Мои собесѣдники сидѣли къ окну спиной, а я, напротивъ, прямо къ окну. Шумъ заставилъ меня поднять глаза на окно, и я увидѣлъ, что въ промежуткѣ между двумя вокзалами, Николаевскимъ и Ярославскимъ, строилась какая-то небольшая пѣхотная часть, исполняя распоряженія гарцующаго на конѣ начальника.

Я обратилъ на это вниманіе моихъ собесѣдниковъ. За соседнимъ столомъ сидѣлъ офицеръ въ формѣ военного инженера съ двумя дамами. Увидѣвъ въ окно много солдатъ съ ружьями, одна дама встревоженно замѣтила:

— А они въ насъ не будутъ стрѣлять? Мнѣ страшно, лучше уйдемте отъ окна.

— Не бойтесь,—отвѣтилъ военный инженеръ:—это—резервъ, стрѣлять будутъ не здѣсь, а на площади, въ будку около Рязанскаго вокзала, въ которой со вчерашняго дня засѣли бунтовщики и выстрѣлами встрѣчаютъ полицію, убили ужъ пристава и двухъ, кажется, городовыхъ. Сегодня эту будку назначено взять войскомъ. А здѣсь приготовленъ резервъ на всякій случай.

Со стороны площади начали слышаться частые выстрѣлы. Публика кинулась было къ выходнымъ дверямъ, но не была пропу-

цена и столпилась у оконъ, выходящихъ на площадь. Мнѣ удалось стать у самого окна.

На площади былъ адъ. Вся часть площади, прилегающая къ Рязанскому вокзалу, была полна движущейся массою народа, едва сдерживаемая войсками, среди которыхъ особенно дѣятельно и продуктивно работали своими нагайками казаки, отгоняя праздную толпу отъ мѣста дѣйствія войскъ, т. е. отъ будки, изъ которой раздавались выстрѣлы бунтовщиковъ. Вдругъ изъ оконъ будки показался большой столбъ огня. Не оставалось сомнѣнія, что внутри будки начался пожаръ. Одновременно изъ будки прекратились выстрѣлы. Очевидно, у бунтовщиковъ изсякъ весь запасъ снарядовъ, и они рѣшились погибнуть въ огнѣ, сжечь будку и себя. Но солдаты самоотверженно бросились въ огонь... Дальше мнѣ видѣть не пришлось, раздался громкій звонокъ, и могучій голосъ швейцара пригласилъ уѣзжающихъ садиться въ вагоны.

Поданный поѣздъ быстро наполнился и ровно въ четыре часа отошелъ отъ платформы.

Ѣхали мы опять совершенно спокойно, нѣсколько тише обыкновеннаго, но безъ всякихъ задержекъ и приключеній. Дорога обслуживалась, повидимому, совершенно исправно, никакихъ признаковъ забастовки не проявлялось, и въ 7—8 часовъ утра мы благополучно достигли Петербурга.

Такъ я съѣздилъ въ Москву въ началѣ декабря 1905 года.

II.

Уже болѣе сорока лѣтъ прошло со времени забытой дуэли Александра Федоровича Жохова, крупнаго въ свое время чиновника министерства юстиціи и дѣятельнаго публициста по крестьянскому, городскому и земскому самоуправленію, съ Евгеніемъ Исааковичемъ Утинымъ, извѣстнымъ адвокатомъ и журналистомъ, происшедшей въ маѣ 1872 года. Дуэль эта имѣла политическую подкладку, ходили смутные слухи, будто Утинъ формируетъ новое тайное общество, преслѣдующее политическія цѣли, исполняя мысль, вывезенную имъ изъ заграничныхъ эмигрантскихъ круговъ, гдѣ въ то время большую и дѣятельную роль игралъ его родной братъ, Николай Исааковичъ Утинъ. Молодежь вѣрила тогда всякому дѣятельному проявленію политической оппозиціи, и Евгеній Утинъ пользовался значительнымъ вліяніемъ и своего рода авторитетомъ въ петербургскихъ радикальныхъ молодыхъ кружкахъ. Не помню, участвовалъ ли онъ въ Нечаевскомъ процессѣ, но лично помню, что именно отъ него получилъ я нелегальный оттискъ полной рѣчи, произнесенной на судѣ Дементьевою, рѣчи, которую тогда читалъ весь грамотный Петербургъ, и которая была въ сотняхъ экземплярахъ разослана по всѣмъ университетскимъ городамъ и

вездѣ широко распространялась. За эту именно рѣчь, составленіе которой приписывалось Петру Никитичу Ткачеву, онъ и Дементьева и были тотчасъ послѣ Нечаевского дѣла посланы административнымъ порядкомъ въ Великія Луки, откуда они и бѣжали вскорѣ за границу. Евгенийъ Утинъ, говорили тогда, помогъ этому побѣгу денежными средствами и своими связями съ русской женевакой эмиграціей, рекомендовавъ бѣглецовъ вниманію и покровительству своего брата. Легко можетъ быть, что это была и неправда, но въ то время эта версія была очень распространена въ литературныхъ, судебныхъ и университетскихъ кружкахъ прогрессивнаго оттѣнка, и имя молодого, даровитаго адвоката, какимъ былъ въ то далекое отъ насъ время Евгенийъ Утинъ, помощникъ К. К. Арсеньева, братъ Бориса и Николая Утиныхъ, родственникъ и сотрудникъ М. М. Стасюлевича, личный другъ Гамбетты, и пр., и пр., пользовалось большою популярностью.

Другой участникъ дуэли, Александръ Федоровичъ Жоховъ, былъ человѣкъ иного склада. Умный, добрый, всегда добросовѣстный въ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ, онъ началъ свою службу въ сенатѣ, гдѣ быстро приобрѣлъ репутацію отличнаго докладчика, всегда умѣло защищавшаго права самоуправленія и справедливо считавшагося грозю губернаторовъ и всякаго административнаго произвола и нарушенія законныхъ правъ общественной самодѣятельности. Сенаторы перваго департамента сената вѣрили докладамъ Жохова, цѣнили его испытанное безстрастіе и полную добросовѣстность въ докладахъ, оберъ-прокуроръ А. А. Половцевъ и министръ юстиціи графъ К. И. Паленъ выказывали Жохову явную личную пріязнь и большое довѣріе, двигая его быстро по службѣ впередъ и не препятствуя ему заниматься публицистикою. Отцу моему Жоховъ былъ рекомендованъ Н. П. Колюпановымъ, какъ знатокъ земскаго и крестьянскаго дѣла. И «С.-Петербургскія Вѣдомости» приобрѣли въ немъ дѣятельнаго, принципиально-надежнаго сотрудника по главнымъ вопросамъ внутренней политики. Скромный, одинокій человѣкъ, Жоховъ, сердечно расположившій къ себѣ моего отца, скоро сталъ у насъ своимъ, домашнимъ человѣкомъ, въ редакціи онъ особенно сблизился съ покойнымъ Э. К. Ватсономъ и Е. В. де-Роберти. Казалось, и всѣ другіе близкіе къ редакціи люди, какъ В. И. Лихачевъ, А. С. Суворинъ, В. П. Буренинъ, К. А. Скальковскій и другіе относились къ Жохову симпатично и вполне доброжелательно.

Внѣ сената и редакціи Жоховъ пользовался большою популярностью среди «радикальной» молодежи, которая цѣнила въ немъ рѣдкую доброту и отзывчивость; онъ постоянно кому-либо помогалъ выпутаться изъ полицейскихъ недоразумѣній: то онъ своими административными связями спасалъ отъ ареста, то бралъ уже арестованнаго на свои поручки, то собиралъ деньги въ пользу

высылаемыхъ административнымъ порядкомъ изъ Петербурга молодыхъ людей, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности. Добрѣйшій Александръ Федоровичъ никогда не уставалъ хлопотать, ѣздить, просить о часто неизвѣстныхъ ему лично людяхъ, бралъ ихъ на поруки и освобождалъ изъ тюрьмы и отъ высылки. Неумоимо онъ приходилъ на помощь по просьбѣ знакомыхъ и симпатичныхъ ему людей и извлекалъ изъ цѣпкихъ рукъ полиціи и печальной памяти Третьяго Отдѣленія совершенно невѣдомыхъ ему «преступниковъ», и не было случая, чтобъ ему пришлось раскаться въ оказанномъ имъ довѣріи.

Таковы были оба участника дуэли, завязавшейся въ нѣдрахъ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» весною 1872 года.

Еще въ 1869 году, будучи студентомъ петербургскаго университета, я встрѣтился въ кухмистерской Козловской, гдѣ собиралась тогда вся радикальная часть студенчества, съ молодою «нигилистою» Прасковьею Степановною Лавровою, племянницею Петра Лавровича Лаврова. Она ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялась изъ ряда другихъ многочисленныхъ «нигилистокъ» того времени, ни внѣшностью, ни внутренними достоинствами, и пользовалась вниманіемъ радикальнаго кружка молодежи единственно какъ племянница П. Л. Лаврова, незадолго передъ тѣмъ ушедшаго за границу изъ административной ссылки и имѣвшаго въ Петербургѣ немало друзей и почитателей.

Послѣ университетскихъ беспорядковъ, разыгравшихся весною 1869 года, я уѣхалъ въ Кіевъ и потерялъ изъ виду П. С. Лаврову.

Поступить, какъ я намѣревался, въ кіевскій университетъ мнѣ не удалось, и я принужденъ былъ возвратиться въ Петербургъ.

Прошло почти два года. За это время А. Ѳ. Жоховъ провелъ меня на «четверги» А. Н. Сѣрова, которые я и сталъ аккуратно посѣщать.

Въ 1871 году на одномъ изъ этихъ четверговъ ко мнѣ подошла молодая женщина и спросила:

— Не узнаете?

— Нѣтъ, — извинился я.

— Прасковья Степановна Гончарова, бывшая Лаврова, — отрекомендовалась знакомая незнакомка.

Я, разумѣется, сейчасъ же вспомнилъ нашу встрѣчу у Козловской, завязалась бесѣда, я узналъ, что Прасковья Степановна за это время успѣла выйти замужъ за студента технологическаго института Гончарова, который теперь арестованъ и преданъ суду по серьезному политическому обвиненію, и жена ищетъ ему защитника.

— Я слышала, — закончила Прасковья Степановна свой грустный разговоръ: — что у васъ большое знакомство среди нашихъ адвокатовъ. Правда это?

— Не совѣмъ,—отвѣтилъ я.—Большого знакомства у меня, еще пока только студента, среди адвокатовъ быть не можетъ, знаютъ меня пѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, знакомые моего отца. А что?

— Я надѣялась, что вы, по старой памяти, поможете мнѣ найти защитника мужу.

— Вы знакомы съ А. О. Жоховымъ?—спросилъ я.

— Да, встрѣчалась.

— Такъ посоветуйтесь лучше съ нимъ. Онъ, кажется, кстати здѣсь. Вотъ онъ дѣйствительно знакомъ со всѣми нашими выдающимися адвокатами и, конечно, не откажется помочь вамъ.

Тутъ же, затѣмъ, произошелъ при мнѣ слѣдующій разговоръ между Гончаровою и Жоховымъ:

— Въ чемъ же вы затрудняетесь?—спросилъ Жоховъ.—Всѣ наши лучшіе адвокаты, Спасовичъ, Арсеньевъ, Турчаниновъ, Потѣхинъ, никогда не отказываютъ политическимъ подсудимымъ въ бесплатной защитѣ, и вы смѣло можете пойти къ любому изъ нихъ. Никакой рекомендаціи вамъ не требуется.

— Я это уже слышала, но дѣло въ томъ, что мнѣ необходимо найти такого адвоката, который, хотя бы до нѣкоторой степени, раздѣлялъ убѣжденія моего мужа,—иначе мужъ и говорить съ нимъ не захочетъ,—отвѣтила Гончарова.

— Въ такомъ случаѣ, выборъ у васъ не великъ,—перебилъ ее Жоховъ.—Надо обратиться или къ Ольхину, или къ Евгению Утину. Лично я думаю, что Ольхинъ человѣкъ совѣмъ не умный и адвокат неважный и, по-моему, вамъ надежнѣе прибѣгнуть къ болѣе талантливому и симпатичному защитнику, т. е. къ Евгению Утину. Съ нимъ я хорошо знакомъ и могу, если хотите, переговорить.

— Очень обяжете, а я предупрежу мужа.

Евгеній Утинъ принялъ на себя защиту Гончарова, главнымъ образомъ, по просьбѣ Жохова, и эта защита оказалась потомъ ближайшимъ поводомъ къ его дуэли съ Жоховымъ. При разбирательствѣ на судѣ дѣла объ этой дуэли выяснилось, что между Евгениемъ Утинымъ и Жоховымъ, согласно желанію жены Гончарова, былъ выработанъ такой планъ защиты, по которому личная судьба подсудимаго отодвигалась на задній планъ, а впередъ выдвигалось общее значеніе процесса, какъ проявленіе протеста молодежи противъ существующаго политическаго порядка. На такой планъ изъявилъ свое полное согласіе и подсудимый.

Но Утина, повидимому, взяло профессиональное сомнѣніе. Онъ обратился за совѣтомъ къ своему патрону К. К. Арсеньеву, который высказалъ категорическое мнѣніе, что для защитника всегда на первомъ мѣстѣ должна быть личная участь подсудимаго, и если предвидится, что избранный планъ защиты можетъ повлечь за собою удлиненіе срока каторжныхъ работъ для подсудимаго,

хотя бы на самый короткій срокъ, то защитникъ не въ правѣ рисковать такимъ увеличеніемъ срока наказанія и обходить молчаніемъ обстоятельства, служащія къ облегченію угрожающей ему уголовной кары, какими бы соображеніями такое умолчаніе ни вызывалось. Словомъ, К. К. Арсеньевъ не призналъ возможнымъ одобрить планъ, выработанный Евгеніемъ Утиннымъ по соглашенію съ Жоховымъ и Гончаровою. И Утинъ, не предупредивъ, какъ говорили тогда, ни подсудимаго, ни его жены, отказался отъ условленнаго съ ними плана защиты. На судѣ онъ обрисовалъ подсудимаго слабовольнымъ малолѣткомъ, дѣйствовавшимъ подъ вліяніемъ сильной волею жены и гнетущей домашней обстановки, и просилъ судъ о смягченіи наказанія, въ виду крайней молодости подсудимаго и явнаго вліянія на его дѣйствія посторонней сильной воли.

Защита, однако, не имѣла ожидаемаго успѣха: униженный, убитый нравственно своимъ защитникомъ, Гончаровъ былъ приговоренъ къ высшей мѣрѣ грозившаго ему наказанія.

Утинъ былъ, естественно, смущенъ своею неудачею, близкіе его товарищи-адвокаты и литературные друзья не скупились упреками въ безцѣльномъ ошелмиваніи Гончарова и его жены и въ уничтоженіи всякаго политическаго значенія процесса даже безъ малѣйшей личной выгоды для подсудимаго. Удрученный впечатлѣніемъ, произведеннымъ ходомъ и исходомъ Гончаровскаго процесса въ близкихъ ему передовыхъ кружкахъ, Утинъ пустилъ въ этихъ кружкахъ сплетню, будто Жоховъ, настаивая на условленномъ съ женою Гончарова планѣ защиты, преслѣдовалъ не политическое значеніе процесса, а свою личную цѣль—желалъ упечь Гончарова непременно въ каторгу, дабы этимъ способомъ разрушить бракъ подсудимаго и жениться затѣмъ на его теперешней женѣ, согласившейся будто бы пожертвовать мужемъ, лишь бы расчистить себѣ путь къ новому браку.

Между прочимъ Утинъ рассказалъ сочиненную имъ басню А. С. Суворину. Послѣдній, естественно, не могъ не возмутиться коварнымъ замысломъ Жохова и посвятилъ свой очередной фельетонъ «Незнакомца» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» безпринципнымъ чиновникамъ, проникающимъ въ передовую журналистику и подъ флагомъ общаго интереса обдѣлывающимъ свои мелкія личныя дѣлишки. И мой отецъ, читавшій этотъ злосчастный фельетонъ въ корректурѣ, и Э. К. Ватсонъ, раздѣлявшій съ нимъ ежедневный трудъ по прочтенію послѣдней, редакторской корректуры газеты, отнесли намеки и стрѣлы «Незнакомца» по адресу К. А. Скальковскаго, котораго въ то время А. С. Суворинъ не особенно жаловалъ. О Жоховѣ же, зная доброе къ нему отношеніе Суворина, ни мой отецъ, ни Ватсонъ даже и не подумали.

Фельетонъ «Незнакомца», по обыкновенію, произвелъ впечатлѣніе, вызвалъ разговоры, догадки. Не знаю точно, кто именно передалъ Жохову, что «Незнакомецъ» въ своихъ нападкахъ имѣлъ

въ виду именно его, Жохова, и что источникомъ нападенія былъ приведенный выше рассказъ Утина.

Услышавъ это, Жоховъ тотчасъ же послать Утину требованіе или письменно отказаться отъ взведеннаго имъ обвиненія, или дать удовлетвореніе оружіемъ. Начались переговоры, которые отъ имени Жохова вели Э. К. Ватсонъ и Е. В. де-Роберти, а со стороны Утина—В. П. Буреницъ и С. М. Неклюдовъ. Несмотря на всѣ искреннія усилія посредниковъ, примиренія не состоялось. Жоховъ не шель ни на какія уступки, а Утинъ категорически отказался написать Жохову письмо въ той редакціи, которую послѣдній признавалъ единственно удовлетворяющей его.

И поединокъ состоялся въ присутствіи тѣхъ же посредниковъ и доктора.

Э. К. Ватсонъ потомъ рассказывалъ мнѣ, что Жоховъ упалъ прежде, чѣмъ успѣлъ выстрѣлить. По условію, противники, по знаку секунданта, должны были стрѣлять одновременно, но пуля, направленная ловкимъ и мѣткимъ выстрѣломъ Утина прямо въ лобъ противника, пробила лобную кость Жохова раньше, чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ своего пистолета. Злые языки говорили потомъ, что шансы дуэлянтовъ были далеко не равны: Жоховъ держалъ пистолеть въ рукѣ чуть ли не въ первый разъ въ жизни, а Утинъ бралъ будто бы въ Парижѣ призы за стрѣльбу въ цѣль.

Рана была безусловно смертельная, пуля, пробивъ лобную кость, засѣла въ головѣ. Безъ признака сознанія раненый былъ отвезенъ въ ближайшую Петропавловскую больницу, гдѣ мѣстный врачебный персоналъ и приглашенный на консультацію ассистентъ профессора Богдановскаго, молодой, искусный хирургъ П. Я. Мультиновскій признали положеніе раненаго безнадежнымъ и не сдѣлали даже попытки извлечь пулю.

Больше недѣли пролежалъ Жоховъ въ больницѣ, не приходя въ сознаніе, никого не узнавая. Въ концѣ концовъ неизбежное совершилось—онъ скончался на рукахъ своего брата, Николая Федоровича Жохова, донинѣ здравствующаго старѣйшаго, вѣроятно, члена костромскаго окружнаго суда.

Выше было уже упомянуто, что покойный пользовался популярностью среди радикальной молодежи, особенно среди женской ея части. Не удивительно поэтому, что похороны Жохова собрали вокругъ его гроба массу самаго разнообразнаго люда, вмѣстѣ съ сенаторами, высшими чинами министерства юстиціи, извѣстными литераторами, журналистами, художниками, артистами шла густая толпа разнокалиберной молодежи, мужской и женской, преимущественно «нигиля»,—по опредѣленію одного высокопоставленнаго провожатаго.

Погребеніе состоялось на Смоленскомъ кладбищѣ. Никакихъ рѣчей и надгробныхъ словъ, сколько помню, не было. Сказать тогда о Жоховѣ то, что хотѣлось и что было бы достойно его памяти, было

нельзя, а трепать языкъ зря было неумѣстно. Это чувствовали, сознавали все друзья и почитатели покойнаго, и никто не покусился даже нарушить торжественное молчаніе, при которомъ опустили въ могилу тѣло этого прекраснаго человѣка, зло оклеветаннаго шальнымъ языкомъ и убитаго шальной пулею въ расцвѣтѣ силъ и недюжиннаго дарованія, съ большою будущностью.

Смертью Жохова трагическая исторія его дуэли съ Утинымъ не кончилась, послѣднее слово въ ней осталось за не менѣе, чѣмъ Жоховъ, оклеветанной сплетнею Утина женой Гончарова. Въ день суда надъ Утинымъ и секундантами Прасковья Степановна Гончарова, какъ это узналось впоследствии, явилась въ судъ съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ и съ намѣреніемъ выстрѣлить въ Утина. Къ счастью, исполнить свое намѣреніе она, однако, не рѣшилась, опасаясь, что пуля легко можетъ попасть въ многолюдной залѣ суда не по назначенію. Братъ убитаго Жохова, упомянутый Николай Ѳедоровичъ, замѣтивъ крайне возбужденное состояніе Гончаровой, просилъ меня отвезти ее домой, опасаясь какого-либо припадка. Мы взяли потерявшую разсудокъ женщину подъ руки и вывели ее изъ зданія суда. Николай Ѳедоровичъ не сказалъ мнѣ ея адреса, а на все обращенныя къ ней мною вопросы Прасковья Степановна бормотала что-то несвязное. Наконецъ мнѣ удалось усадить мою спутницу на извозчика. Я рѣшилъ везти ее на квартиру Николая Ѳедоровича. Весь длинный путь отъ Литейнаго моста на Васильевскій островъ, гдѣ жилъ Н. Ѳ. Жоховъ, несчастная женщина, едва удерживаемая мною на тогдашнихъ извозничихъ дрожжахъ, маленькихъ, на круглыхъ высокихъ рессорахъ, безъ верха, повторяла одно слово: «хлоралу, хлоралу!» Повидимому, она ничего не сознавала, ни гдѣ она, ни съ кѣмъ. Когда я остановилъ извозчика у воротъ дома, гдѣ жилъ Жоховъ, моя спутница какъ будто очнулась, сама сошла съ дрожжекъ, взяла меня подъ руку спокойно прошла дворъ и вошла на лѣстницу.

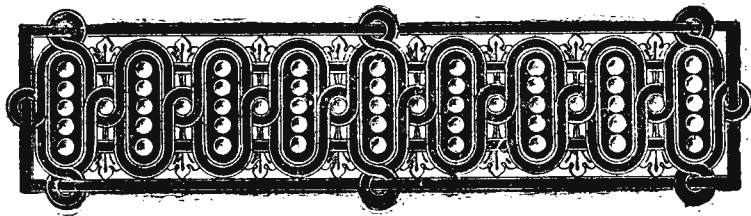
Насъ встрѣтила квартирная хозяйка Жохова, знавшая Гончарову. Передавъ ей взволнованную женщину, я ушелъ домой.

На утро я узналъ, что, оставшись одна, Гончарова застрѣлилась тѣмъ самымъ револьверомъ, который она возила въ судъ, чтобы убить виновника смерти А. Ѳ. Жохова.

Значительно позже, по выходѣ Утина изъ крѣпости, къ заключенію въ которой онъ былъ приговоренъ за дуэль судомъ, къ нему на квартиру явилась сестра Гончаровой и выстрѣлила сначала въ него, а потомъ въ себя. Въ Утина она не попала, а въ себя попала хорошо и тутъ же въ квартирѣ Утина скончалась.

Такъ погибли еще двѣ жертвы сплетни, легкомысленно пущенной покойнымъ Е. И. Утинымъ, не ожидавшимъ, конечно, что она будетъ причиною столькихъ кровавыхъ событій.

Е. В. Коршъ.

УСТРОИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

УЕТВЕРТАГО мая въ Ташкентѣ поставленъ памятникъ генераль-адъютанту Константину Петровичу фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію. Хотя такой памятникъ указываетъ какъ бы лишь на военныя доблести Константина Петровича, но заслуги его тамъ на гражданскомъ поприщѣ столь важны и значительны, что единогласнымъ постановленіемъ думы тридцать два года назадъ увѣковѣчены на могильной его плитѣ въ ташкентскомъ соборѣ краткой и знаменательною надписью: «Устроитель Туркестанскаго края».

Таковымъ онъ и былъ въ полномъ значеніи слова. Получивъ въ управленіе край въ совершенно дикомъ состояніи, Кауфманъ, умирая на своемъ посту черезъ пятнадцать лѣтъ, оставлялъ Россіи окраину, территориально значительно расширенную его завоеваніями, вполнѣ умиротворенную, граждански-благоустроенную, политически же возведенную на такую высоту, съ которой считалась не только вся Средняя Азія, но и Англія. Обширная, всесторонняя государственная дѣятельность Константина Петровича можетъ быть вполнѣ оцѣнена въ тщательномъ, безпристрастномъ историческомъ трудѣ. Мы же ограничимся лишь первыми его дѣйствіями въ Средней Азіи.

Историческая судьба Россіи втягивала ее въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ въ постепенное занятіе средне-азиатскихъ земель и въ срединѣ прошлаго столѣтія вынудила русское правительство отрѣ-

питься отъ бывшей до того времени пассивной тамъ политики въ управленіи новыми землями. Окраина, отдаленная отъ метрополіи болѣе, чѣмъ на четыре тысячи верстъ, представляя при этомъ совершенно особое положеніе, пося свой отличительный характеръ, не подходившій ни къ одной части нашей обширной имперіи, не могла разумно управляться издалека. Поэтому въ іюнѣ 1867 года было рѣшено образовать отдѣльное генераль-губернаторство съ широкой самостоятельной властью, съ разъ навсегда установившимся принципомъ, что власть эта должна быть представительницею тамъ великой средне-азиатской Россіи.

Начальникомъ Туркестанскаго края былъ назначенъ К. П. фонъ-Кауфманъ съ нераздѣльной властью—гражданской и военной.

За быстротой рѣшенія законъ объ административномъ устройствѣ не былъ еще выработанъ и генералу Кауфману предоставлялось право направлять дѣла по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ мѣстными условіями. Для внѣшнихъ же сношеній съ азиатскими со-сѣдами ему были даны чрезвычайныя полномочія: *«право на объявленіе войны и на заключеніе мира на условіяхъ, какія генераль-губернаторъ признаетъ соответствующими достоинству русской державы, утверждалось словами акта: «Нашимъ Царскимъ Именемъ заключать».*

Самый текстъ этихъ полномочій написанъ на пергаментной бумагѣ крупными золотыми буквами, съ оттискомъ государственной печати и вложенъ въ массивный серебряный ларець.

Вся печать того времени одобряла исполнѣ какъ постановку самаго дѣла, такъ и выборъ государемъ назначаемаго лица.

Константинь Петровичъ фонъ-Кауфманъ, широко образованный, имѣлъ уже большую военную опытность, приобрѣтенную въ теченіе долгой службы на Кавказѣ, гдѣ онъ заслужилъ георгиевскій крестъ. Въ гражданской службѣ онъ былъ тоже хорошо подготовленъ, будучи директоромъ канцеляріи военнаго министра, гдѣ велись дѣла военно-гражданскихъ управленій. Что касается его политическихъ убѣжденій, то они ясно опредѣлились въ бытность его генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края: искренно православный, горячій русскій патріотъ, справедливый и гуманный въ то же время, онъ возстановливалъ историческія права русскихъ людей въ этомъ исконномъ русскомъ краѣ, не прибѣгая, однако, ни къ какимъ насильственнымъ и жестокимъ мѣрамъ. Опредѣленность взглядовъ, честная откровенность и личная храбрость были характерными особенностями Константина Петровича. При всемъ этомъ, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ, онъ былъ и въ расцвѣтѣ силъ (49 лѣтъ).

Въ первыхъ числахъ сентября 1867 года генераль фонъ-Кауфманъ выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своего служенія. Для нагляднаго ознакомленія съ возможно большимъ райономъ подвѣдомственнаго ему края онъ поѣхалъ кружнымъ путемъ на Семипалатинскъ, Сергіополь и Вѣрный. Путешествіе не только безъ желѣзныхъ дорогъ, но даже безъ почтовыхъ сообщений въ тарантахъ, гдѣ на верблюдахъ, а гдѣ и верхомъ, давало полную возможность изучать всѣ особенности края, а остановки въ городахъ, укрѣпленіяхъ и поселкахъ знакомили какъ съ лицами мѣстной администраціи, такъ и съ людьми всѣхъ сословій и положеній, съ нуждами и запросами ихъ жизни. Войскамъ удѣлялось, конечно, главное и всестороннее вниманіе, такъ какъ въ нихъ была вся будущность края—всеобщая безопасность и спокойствіе.

Всюду и все носило еще отпечатокъ неустройства и неувѣренности въ прочности положенія. Небольшія русскія колоніи, подъ охраною незначительныхъ гарнизоновъ, терялись въ массѣ туземнаго населенія, смотрѣвшаго сумрачно и угрюмо. Необходимо было придать имъ бодрости и увѣренности и твердо поставить дѣло. Спокойно-властный тонъ генераль-губернатора въ рѣчахъ, обращенныхъ и къ русскимъ и къ туземцамъ, успокоилъ однихъ и вразумилъ другихъ; а всѣ распоряженія его ясно показали, что время колебанія и неопредѣленности прошло.

Въ столицу края Ташкентъ Константинъ Петровичъ выѣхалъ послѣ двухъ мѣсяцевъ путешествія, 7-го ноября. Нельзя было себѣ представить ничего менѣе соотвѣтственнаго названію столицы: это былъ огромный пустырь безъ единого дерева, съ кой-гдѣ намѣченными улицами, еще вовсе не обстроенными. Осенній дождь, непрерывный въ это время года, превратилъ немощенныя улицы въ непролазную, липкую грязь, двигаться по которой можно было не иначе, какъ верхомъ или на арбахъ. Раскинутыя по пустырю палатки, промокшія отъ дождя, да жалкія, едва поднимавшіяся отъ земли сакли—вотъ все, что представляла столица... И только крѣпость, вида, впрочемъ, далеко не внушительнаго, да маленькая, низкая церковка свидѣтельствовали, что здѣсь живутъ русскіе. А бокъ-о-бокъ съ этой русской столицей высился густой лѣсъ южныхъ деревьевъ и среди садовъ, окружностью въ сорокъ верстъ, жило стотысячное туземное населеніе.

Не лишнее здѣсь сказать, каковъ былъ и домъ, куда выѣхалъ представитель высшей здѣсь власти: земляная крыша этого небольшого холоднаго дома промокала настолько, что во всѣхъ комнатахъ разставлены были ведра для стока воды, а надъ письменнымъ столомъ былъ раскрытъ дождевой зонть, подъ которымъ генераль-губернаторъ писалъ свои донесенія въ Петербургъ. Вдобавокъ ко всему, при случившемся скорѣ землетрясеніи часть дома рухнула, и Константищу Петровичу пришлось спастись черезъ окно спальни, гдѣ ночью его застало это стихійное бѣдствіе.

По приѣздѣ въ Ташкентъ, не обращая вниманія на неудобства жизни, генераль фонъ-Кауфманъ немедленно приступилъ къ работѣ, для которой раньше всего необходимо было вдохнуть во всѣхъ увѣренность въ прочности положенія и заразить сотрудниковъ собственной энергіей для созидательной дѣятельности. Въ данномъ положеніи военный міръ и его дѣла разрѣшались легче всего: отъ опытнаго глаза военного человѣка не могло ничего ускользнуть, а такъ какъ устройство этой части лежало краеугольнымъ камнемъ всей задачи, то съ него и началась работа. Любовь къ солдату и уваженіе къ этому самоотверженному слугѣ долга—указали Константину Петровичу на первыхъ же порахъ и безошибочно, кто изъ начальствующихъ былъ радѣтелемъ о солдатскихъ нуждахъ и кто думалъ меньше о подчиненныхъ, чѣмъ о своихъ личныхъ интересахъ. Къ послѣднимъ генераль Кауфманъ отнесся весьма сурово, и всѣ поняли, что съ этой стороны пощады не будетъ. Къ счастью, такихъ было немного, и въ военной семьѣ Константинъ Петровичъ нашелъ немало хорошихъ людей. Совѣщанія въ врачами объ улучшеніи санитарныхъ условій солдатъ, жившихъ въ ужасающей грязи, въ землянкахъ, съ инженерами—о типахъ казарменныхъ и госпитальныхъ зданій; объѣзды города и выборъ мѣстъ для этихъ построекъ—все дѣлалось при его личномъ участіи, подъ его руководствомъ, и немедленно было приступлено къ подготовительнымъ работамъ.

Объѣздъ городскихъ пустырей, гдѣ въ видѣ цыганскаго табора кочевали семьи служащихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и другихъ лицъ разныхъ сословій, указывалъ внимательному начальнику на неотложную нужду создать мало-мальски сносное существованіе для колоніи русскихъ, занесенныхъ сюда волею судьбы. Большинство этихъ людей были бѣдняки, а потому Константинъ Петровичъ распорядился отводить семейнымъ людямъ земельные участки въ городѣ, а для постройки хотя бы самыхъ скромныхъ жилищъ рѣшилъ выдавать заимообразно небольшія суммы. Одновременно онъ принялся и за благоустройство города: образовались артели для шоссированія улицъ, по которымъ не было проѣзда, для проведенія арыковъ, для посадки деревьевъ и т. д. Всѣмъ доступный, участливый и добрый генераль-губернаторъ никому не отказывалъ въ совѣтахъ и помощи. Всѣ подтянулись, ободрились и ожили. Всюду закипѣла работа казенная и частная, чѣмъ и было положено начало русскому Ташкенту, превратившемуся впоследствии въ цвѣтушій городъ.

Государственно-созидательная работа въ новомъ краѣ могла идти, конечно, только при условіи полной безопасности нашихъ границъ отъ вражескихъ на нихъ набѣговъ и вторженій, чего, однако, всегда можно было ожидать со стороны сосѣднихъ властелиновъ, ко-

торые все еще питали надежды вытѣснить русскихъ изъ занятыхъ мѣстностей.

Трудно было разсчитывать повліять дипломатическими убѣжденіями на полудикихъ правителей для установленія съ ними мирныхъ сношеній. Тѣмъ не менѣе въ силу данныхъ генералу Кауфману широкихъ полномочій на веденіе политическихъ дѣлъ съ сосѣдними государствами онъ волей-неволей становился въ роль дипломата. Однако Константи́нъ Петровичъ рѣшилъ не вносить никакихъ хитросплетеній и недомолвокъ въ свои дипломатическіе переговоры, а ввести сразу и рѣзъ навсегда политику откровеннаго прямого и твердаго слова, которому бы азіаты пріучились безусловно вѣрить и уважать, а въ случаѣ ихъ умышленнаго непониманія подтвердить свое слово внушительнымъ урокомъ и научить ихъ безпрекословно подчиняться.

Въ кругъ дипломатическихъ сношеній входили три сосѣднія страны: Кокандъ, Бухара и Хива.

Извѣстія распространяются очень быстро въ Азіи черезъ базары, служащіе какъ бы народными клубами; поэтому вѣсть объ учрежденіи генераль-губернаторства въ Ташкентѣ съ сильнымъ и полномочнымъ представителемъ тамъ Бѣлаго царя съ быстротой молніи долетѣла до ближайшаго къ намъ Коканда и произвела тамъ большой переполохъ. Разнесся слухъ, что Россія немедленно присоединитъ ханства къ своимъ владѣніямъ, и, начиная съ хана, всѣ болѣе зажиточные люди стали поспѣшно вывозить свои имущества и богатства въ сосѣдній китайскій Туркестанъ. Въ самомъ же ханствѣ возводились укрѣпленія, набирались войска и т. д. Генераль Кауфманъ, желая предупредить напрасную тревогу и произвести на первыхъ же порахъ благоприятное впечатлѣніе о русской власти, сильной, но и справедливой, уже 10-го ноября отправилъ письмо Худояръ-хану.

Въ этомъ первомъ дипломатическомъ документѣ представитель государя предлагалъ хану вступить въ добрососѣдскія отношенія, которыя при мирномъ и безопасномъ развитіи торговыхъ и иныхъ сношеній служили бы на пользу и благо обѣихъ странъ. Генераль увѣдомлялъ при этомъ хана, что «Россія не собирается завоевывать его владѣній, такъ какъ земли Бѣлаго царя необязательно велики и въ маленькомъ ханствѣ государь не нуждается, и что если самъ ханъ не начнетъ враждебныхъ дѣйствій, то можетъ жить вполне спокойно, его никто не тронетъ. Генераль-губернаторъ выразилъ надежду, что ханъ будетъ вѣрить слову его, ибо оно свято и твердо. Но, —прибавилъ онъ, —если на это искреннее предложеніе дружескаго сосѣдства ханъ отвѣтитъ недовѣріемъ и враждой, то пусть онъ знаетъ, что никакія крѣпости и никакія арміи не спасутъ его отъ русскихъ войскъ, силу и доблесть которыхъ ханъ уже на себѣ испыталъ». Худояръ-ханъ сразу понялъ силу обстоятельствъ

и покорился имъ. На письмо генераль-губернатора онъ отвѣтилъ отправкой письма и мирнаго посольства и подписалъ предложенный ему торговый договоръ (20-го января 1868 года),

Подобное же письмо было послано и въ Хиву, причемъ генераль-губернаторъ предлагалъ хану, какъ доброму сосѣду, удерживать отъ безчинствъ хивинскихъ разбойниковъ, врывавшихся въ наши предѣлы. Но Хива, гордая воспомнаніями о двухъ неудачныхъ русскихъ къ ней походахъ, считала себя недосягаемой и непобѣдимой, а потому ханъ Мухамедъ-Рахимъ даже и не отвѣтилъ на письмо генерала Кауфмана. Сношенія съ Хивой пока на этомъ и остановились. К. П. принялъ къ свѣдѣнію поведеніе хана; но время дать ему урокъ еще не наступило...

Гораздо сложнѣе обстояло дѣло съ оплотомъ нелама въ Средней Азій, съ «священной Бухарой», какъ она тамъ величалась. Эмиръ не мирился, конечно, съ пораженіями, нанесенными ему русскими. Бухарскія шайки не переставали тревожить наши пограничные посты. Даже при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ К. П. фонъ-Кауфманъ хотѣлъ испробовать всѣ мѣры, возможныя и согласныя съ достоинствомъ Россіи, для побужденія эмира бухарскаго къ разумной политикѣ.

Посылая увѣдомленіе эмиру о своемъ прибытіи въ край, генераль Кауманъ выяснилъ значеніе новаго положенія, перечислилъ широкія полномочія, дарованныя ему государемъ императоромъ, и предлагалъ эмиру начать добрососѣдскія отношенія согласіемъ на подписаніе мирнаго трактата, включающаго и опредѣленія границы. Но эмиръ хотя и прислалъ своего посла въ Ташкентъ съ привѣтствіемъ генераль-губернатору, но трактата не подписалъ, поручая своему послу вести окончательные переговоры по этому вопросу. Послу же были даны инструкціи затягивать дѣло, и во исполненіе этого восточный человѣкъ при всѣхъ переговорахъ ни на что не возражалъ, но и ни въ чемъ не соглашался. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса не двинулось ни на шагъ за все время пребыванія посла въ Ташкентѣ. Между тѣмъ безчинства бухарскихъ шаекъ на нашей границѣ все увеличивались, и съ наступленіемъ тепла (февраль) сами шайки становились многочисленнѣе. На базарахъ же стали ходить упорные слухи, что эмиръ собралъ стотысячную армію и готовится объявить священную войну. Генераль Кауфманъ спокойно смотрѣлъ до поры до времени на всѣ азіатскія хитрости. Въ концѣ февраля посоль, отъ котораго нельзя было добиться толку, былъ отправленъ въ Самаркандъ. Ему было вручено письмо къ эмиру отъ генераль-губернатора съ настойчивымъ убѣжденіемъ подписать трактатъ, и не позже 18-го апрѣля доставить его въ Ташкентъ. Въ случаѣ же неисполненія его законныхъ желаній генераль Кауфманъ предупреджалъ, что прерветъ мирныя сношенія.

Событія не заставили себя ждать. Базарные слухи подтвердились достовѣрными сообщеніями, что вся Бухара была въ воинственномъ настроеніи. Но и русскіе были готовы. Когда 18-го апрѣля эмиръ не прислалъ подписаннаго трактата, войска двинулись, и 1-го мая отрядъ въ три тысячи пятьсотъ человекъ стоялъ уже въ полномъ боевомъ порядкѣ въ тридцати пяти верстахъ отъ города Самарканда—главной цѣли похода. Къ полдню того же 1-го мая отрядъ, выбравшись изъ садовъ на открытую мѣстность, увидаль такую картину: яркое солнце съ безоблачнаго голубого неба освѣщало широкое водное пространство. То была рѣка Зеравшанъ, чрезвычайно быстрый горный потокъ, перерѣзанный множествомъ рукавовъ; ни лодокъ, ни мостовъ, ни иныхъ способовъ переправы не было... На противоположномъ берегу версты на три тянулись довольно значительныя высоты (Чапанатанъ), покрытыя сплошной массой войскъ. Десятки тысячъ узбековъ и туркменовъ собрались подъ знаменами Бухары, надѣясь разбить горсточку русскихъ воиновъ... Количественныя силы были, дѣйствительно, не равны: пятьдесятъ-шестьдесятъ тысячъ противъ трехъ тысячъ пятисотъ.

Позиція непріятеля была занята довольно умѣло: артиллерія находилась въ центрѣ; часть пѣхоты огибала подошву высотъ; другая ея половина стояла за артиллеріей; пространство между линіями пѣхоты занимала конница. Когда войска подошли къ берегу Зеравшана, къ генералу Клуфману вповъ явился посолье, изъявляя согласіе подписать мирный договоръ. Очевидно, онъ разсчитывалъ, что внушительная сила бухарской арміи, огромная трудность переправы подъ перекрестнымъ огнемъ азіатовъ—устрашать русскихъ. Но командующій войсками спокойно отвѣтилъ, что въ виду боевого расположенія бухарскихъ войскъ онъ не можетъ остановиться на ночлегъ и предложилъ послать кого-нибудь распорядиться, чтобы войска ушли, иначе онъ будетъ принужденъ штурмовать высоты. На полученіе отвѣта было дано два часа времени. Къ назначенному сроку посланный не явился, и русскіе представили азіатамъ зрѣлище невиданное: перекрестившись, воины пошли по грудь въ водѣ, высоко поднося надъ головой ружья. Бодро и быстро переходила пѣхота одинъ рукавъ рѣки за другимъ, слѣдуя за казаками, указывавшими лучшій бродъ. Артиллерія, прикрывая пѣхоту и останавливаясь на меляхъ между рукавами, открывала огонь по остававшемуся непріятелю. Всѣ роды оружія шли смѣло, весело. Вступивъ на берегъ, пройдя еще версты двѣ болотистаго пространства, подъ прикрытіемъ небольшой высоты роты подтянулись, подправились и, ставъ въ колонны, съ крикомъ «ура» бросились на непріятеля... Лихо неслись казаки; артиллерія занявъ удобную позицію, громила огнемъ... Стремительность натиска была такъ велика и неожиданна, что передъ горстью храбре-

цовъ дрогнули тысячи бухарцевъ и эмирова армія въ безпорядкѣ бѣжала...

Къ заходу солнца бой былъ оконченъ, и въ покинутомъ лагерѣ оказалось двадцать одно орудіе хорошей отливки (судя по надписямъ—англійскія). За наступившей темнотой и послѣ испытаннаго войсками напряженія бѣжавшую армію не преслѣдовали. Схоронивъ убитыхъ, перевязавъ и устроивъ раненыхъ, организовавъ сторожевую службу, войска проѣли вечернюю молитву и расположились на почлегъ.

Слабое сопротивленіе на Чапанатанскихъ высотахъ наводило на мысль, что тутъ была лишь только передовая армія, что сопротивленіе готовится подъ Самаркандомъ, лежавшимъ въ семи верстахъ отъ высотъ. Но, къ удивленію, рано утромъ 2-го мая къ командующему войсками явилась депутація самаркандцевъ, изъявляя покорность. Движеніе къ Самарканду шло съ необходимыми военными предосторожностями, въ боевомъ порядкѣ; на азіатовъ было опасно полагаться... Однако ворота были открыты, жители мирно сидѣли около своихъ жилищъ, на базарахъ и въ лавочкахъ и встрѣчали войска привѣтливыми поклонами. Переходя изъ одной кривой улицы въ другую, отрядъ достигъ цитадели, и въ нѣкогда грозной столицѣ Тамерлана высоко и побѣдоносно водрузилось русское знамя, 2-го мая 1868 года. Но какъ ни было внушительно это событіе—почти на лаврахъ было преждевременно. Хотя побѣда 1-го мая показала, что армія бухарская не очень сильна, но она все-таки не была истреблена, а только куда-то скрылась. Кучка же русскихъ храбрецовъ находилась теперь въ самомъ центрѣ фанатическаго мусульманства, удаленная при этомъ отъ Ташкента—воей главной базы—на триста верстъ. Бдительность, осторожность и вѣрная оцѣнка всевозможныхъ обстоятельствъ являлись дѣломъ первой необходимости. Послѣдующія событія показали, насколько это было важно.

Послѣ взятія Самарканда положеніе эмира становилось опаснымъ. Имя его произносилось съ проклятіями муллами. Эмиру надо было поднять свой престижъ, а для этого было необходимо продолжать войну. Эмиръ созвалъ военный совѣтъ, и въ глубочайшей тайнѣ былъ выработанъ очень ловкій планъ: рѣшено, не вступая въ серьезный бой подъ Самаркандомъ, отвлекать русскія войска отъ этого города, затягивая ихъ вглубь страны. Когда же главныя силы русскихъ отойдутъ отъ столицы, то осадить ее.

Планъ началъ приводиться въ исполненіе уже 6-го мая. Вокругъ города стали появляться партіи конницы; доходили слухи, что и въ близлежащихъ кишлакахъ не все спокойно. Приходилось откомандировывать небольшіе отряды для отраженія конныхъ шакъ

и усмиренія кншлаковъ. Въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ Ургентѣ, сопротивленіе было упорное. Цитадель оказалась сильно укрѣпленной, и хотя была взята, но съ потерей пятнадцати нижнихъ чиновъ убитыми и трехъ офицеровъ ранеными. Хитрая тактика отвлеченія нашихъ отрядовъ одновременно въ разные пункты, дробя наши силы, представляла большія неудобства. Такъ, былъ отправленъ довольно значительный отрядъ за шестьдесятъ пять верстъ отъ Самарканда, къ Ката-Кургану, подъ начальствомъ генерала Головачева, боевого сослуживца генерала Кауфмана по Кавказу. Другому отряду, подъ командой опытнаго полковника Абрамова, приходилось разбивать скопища горныхъ шехаризябцевъ. Въ двухдневныхъ стычкахъ шехаризябцы понесли большія потери, но и съ нашей стороны ранено тридцать пять, убито шесть нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Между тѣмъ нападенія на ката-курганскій отрядъ учащались, и бухарцы дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Признавъ такую затяжную войну дѣломъ нетерпимымъ и опаснымъ, генераль Кауфманъ рѣшилъ вынудить эмира на генеральный бой и 30-го мая самъ пошелъ къ Ката-Кургану съ десятью ротами, тремя сотнями и шестью орудіями. Пройдя шестьдесятъ пять верстъ въ однѣ сутки, отрядъ прибылъ 31-го мая къ Ката-Кургану, гдѣ и была ему дана дневка. Вблизи этого города, на Зарабулакскихъ высотахъ была сосредоточена отборная армія бухарскаго ханства. При арміи находился самъ эмиръ.

Съ уходомъ войскъ изъ Самарканда здѣсь долженъ былъ разыгратъ послѣдній актъ плана, составленнаго на совѣтѣ эмира Эмиръ, надѣясь уничтожить русское войско подъ Ката-Курганомъ, предписалъ самаркандскимъ жителямъ вмѣстѣ съ шехаризябцами напасть на цитадель и перебить всѣхъ ея защитниковъ. Въ Самаркандѣ былъ оставленъ гарнизонъ въ семьсотъ человекъ. Онъ находился въ цитадели, расположенной на возвышенности, командующей надъ окружающею мѣстностью. Сама цитадель была обнесена крѣпкой и высокой стѣной. Штурмъ ея былъ почти невозможенъ, а потому и защита стѣны была нужна въ извѣстныхъ только пунктахъ. Внутри цитадели находится ханскій дворецъ, который могъ служить послѣднимъ убѣжищемъ осажденныхъ. Сравнительно сильная крѣпость и семьсотъ человекъ испытанныхъ войскъ съ опытными офицерами представляли бы внушительную силу, если бы, къ несчастію, мѣстная лихорадка, жестокая и расслабляющая, не одолѣвала трети гарнизона.

1-го іюня въ городѣ, повидимому, царило полное спокойствіе; жители мирно занимались своими обычными дѣлами, и ничто не предвѣщало наступающей драмы. Утромъ 2-го іюня къ начальнику гарнизона явилась депутація отъ городскихъ жителей про-

ситъ защиты противъ шехаризябцевъ, которые собираются напасть на Самаркандъ. Это была комедія, но такъ хорошо разыгранная, что ей повѣрили и отрядъ изъ двухъ ротъ и двухъ орудій выступилъ изъ цитадели. Но лишь только онъ очутился въ узкихъ улицахъ туземнаго города, какъ съ крышъ домовъ и стѣнъ, окружающихъ сады и жилища, открылась пальба... Жители изменили и завлекли отрядъ въ ловушку. Къ счастью, онъ благополучно успѣлъ вернуться въ цитадель; но едва закрылись за нимъ ворота, какъ со всѣхъ сторонъ раздался барабанный бой, оглушительные звуки изъ огромныхъ іерихонскихъ трубъ и неистовые крики— «уръ-уръ» изъ тысячи грудей озвѣрѣлыхъ азіатовъ. И горсточка русскихъ людей приготовилась къ геройскимъ подвигамъ... Болѣе двадцати тысячъ шехаризябцевъ вмѣстѣ съ самаркандцами начали яростныя атаки на слабые пункты крѣпостной стѣны. Защищать эти пункты собрались всѣ, до послѣдняго слабого и больного. Бой шелъ на жизнь и на смерть. Съ заходомъ солнца, когда натискъ непріятеля прекратился, подсчитали потери: онѣ были велики для маленькаго гарнизона: двадцать два убитыхъ, изъ нихъ два офицера и раненыхъ пятьдесятъ восемь человекъ (четыре офицера). Тяжело раненъ начальникъ обороны майоръ Альбедиль, умершій вскорѣ... Второй день атаки, 3-го іюня, былъ также фаталенъ въ смыслѣ потерь, но и также удачно отбивались храбрые защитники; бывали моменты критическіе, когда нападающіе врывались уже въ цитадель, но находчивость и мужество спасали... Помощи отъ ушедшихъ войскъ ждать было бы напрасно: ни одинъ посланецъ изъ русскаго лагеря не добрался живымъ до главнокомандующаго. Напротивъ, какъ оказалось впоследствии, хитрые азіаты подослали одного джигита къ генералу Кауфману съ увѣдомленіемъ, что на Самаркандъ было сдѣлано нападеніе шехаризябцевъ, но что гарнизонъ совмѣстно съ жителями отбилъ непріятеля... Большая убыль убитыми и ранеными въ эти два первые дня (сто пятьдесятъ девять человекъ) ясно опредѣляла опасное положеніе: если она будетъ такой и дальше, то цитадели не продержаться и двухъ дней, такъ какъ неостанетъ людей для обороны слабыхъ мѣстъ. Было рѣшено, что когда непріятель ворвется въ крѣпость, всѣ оставшіеся въ живыхъ соберутся во дворцѣ эмира, защищаясь до послѣдней крайности, а когда исчезнетъ послѣдняя надежда—взорвать порохъ и снаряды...

Но къ этой крайней мѣрѣ не пришлось прибѣгать. Какъ разъ въ дни и часы геройской защиты Самарканда въ другомъ концѣ эмирова царства кипѣлъ ожесточенный бой, который показалъ, какъ было своевременно и необходимо предпринять это рѣшительное дѣло. Тамъ армія эмира дралась мужественно, чувствуя, что это послѣдняя критическая ставка, отъ которой зависѣла судьба ханства. На этотъ разъ не наблюдалось столь обычнаго у

азіатовъ паническаго бѣгства при появленіи русскихъ войскъ; огромная потеря бухарцевъ убитыми краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствовала. Тутъ легъ цвѣтъ защитниковъ Бухары, что было видно по тѣламъ убитыхъ: это были люди 20—40-лѣтняго возраста, атлетическаго сложенія; такого же вида были старики, попадавшіеся между убитыми. Раненые лошады не просили, а встрѣчали русскихъ выстрѣлами въ упоръ или штыками. При такомъ настроеніи противника нашему малочисленному войску пришлось напрячь всѣ силы, чтобы одолѣть десятки тысячъ стойкихъ непріятелей. Нечего говорить, какъ они съ этимъ справились: побѣда на Зарабулакскихъ высотахъ рѣшила участь ханства. Она же спасла и Самаркандъ.

Извѣстіе о полномъ разгромѣ бухарской арміи разнеслось съ быстротою молніи, и уже 3-го іюня вечеромъ дошло до стѣнъ Самарканда. Въ ту же ночь масса дикихъ шехярязябцевъ отхлынула въ свои горы. Энергія остальныхъ атакующихъ сильно упала. 4-го іюня они еще произвели нѣсколько слабыхъ и безрезультатныхъ приступовъ, но скоро ограничились лишь перестрѣлкою. Осажденные могли уже дѣлать вылазки и сжигали ближайшія къ цитадели строенія туземцевъ, а также предпринимали фуражировки. 7-го іюня самаркандцы сдѣлали послѣднюю попытку къ штурму, но были быстро отбиты, а 8-го іюня войска побѣдители на Зарабулакскихъ высотахъ соединились съ храбрыми товарищами — защитниками Самарканда.

Въ силу полномочій, данныхъ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, между нимъ и бухарскимъ властителемъ былъ заключенъ договоръ, по которому эмиръ, кромѣ уплаты 500-тысячной контрибуціи, уступалъ Россіи города Самаркандъ и Ката-Курганъ съ принадлежащими имъ землями. Главное преимущество этого пріобрѣтенія заключалось въ томъ, что въ русское владѣніе впервые поступали не пустынные пространства, съ рѣдкими на нихъ оазисами, какъ было до сихъ поръ, а сплошная богатая и высокоіи культуры территория плодородной Зеравшанской долины, изъ которой и былъ образованъ Зеравшанскій округъ.

Такъ рушились честолюбивые планы эмира. Бухара лишилась окончательно и безповоротно своего политическаго значенія на Востокѣ.

Разгромъ грозной дотолѣ бухарской арміи и взятіе Самарканда, этой второй Мекки, гдѣ покоится прахъ Тамерлана, произвели ошеломляющее впечатлѣніе во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Вѣсть объ этомъ раскатилась по всему Востоку отъ Урала до Памира и дальше въ предѣлы Индіи. Суевѣрные азіаты

приписывали побѣды русскихъ сверхъестественной силѣ, признали Россію непобѣдимой; сосѣднія намъ хапства притихли и присмирѣли, на время по крайней мѣрѣ. Таковъ былъ здѣсь результатъ рѣшительной русской политики.

Если самаркандская исторія закончилась въ Азій, то она возобновилась въ Европѣ. «Наши дѣйствія въ Средней Азій подыали въ Англіи глубокое волненіе. Англичане съ жаромъ старались доказать, что всѣ мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ этихъ земляхъ, были въ явномъ противорѣчій съ заявленіями циркуляра князя Горчакова». Вся лондонскія печать разразилась оскорбительными нападками на Россію. Злѣйшій врагъ нашъ, венгерскій еврей Вамбери, путешествовавшій нѣкогда по азіатскимъ хапствамъ въ одеждѣ дервиша, агитируя противъ Россіи, писалъ теперь въ «Times» зажигательныя статьи, призывая правительство и общество противодействовать всѣми способами «этой варварской странѣ, всѣ помыслы которой направлены на одну цѣль—завоеваніе Индіи». Въ томъ же духѣ писалъ «Standard», убѣждавшій правительство «дать почувствовать свое присутствіе и свое вліяніе въ городахъ и при дворахъ Средней Азій и снова приняться за дипломатическую дѣятельность, которая уже давно дремлетъ». Переводя это на общепонятный языкъ, значило—посылать ловкихъ агентовъ для подстрекательства противъ Россіи ея новыхъ подданныхъ мусульманъ и сосѣднихъ къ ней азіатскихъ властителей. Нечего и говорить, какой враждой къ намъ пылалъ органъ Биконсфильда «Morning Post». Но сильнѣе всѣхъ вліялъ на общественное мнѣніе Англіи дипломатъ-географъ, считавшійся знаткомъ азіатскихъ дѣлъ, сэръ Генри Раульсонъ, подавшій своему правительству записку тотчасъ послѣ занятія Самарканда. Въ этой запискѣ онъ настойчиво совѣтуетъ «немедленно оградиться отъ злостныхъ замысловъ Россіи, оставивъ между владѣніями двухъ имперій въ Азій полосу, который бы предохранилъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія». Такимъ государствомъ-буферомъ намѣчался Афганистанъ. Не довольствуясь лишь моральнымъ вліяніемъ на эту страну, Раульсонъ считалъ необходимымъ занять войсками важныя стратегическія пункты на афганистанскихъ границахъ, намѣчая для перваго раза городъ Кветту. Пугая своихъ соотечественниковъ неминуемымъ и чуть ли не немедленнымъ нашествіемъ русскихъ на Индію, онъ предлагалъ спасаться отъ Россіи и съ другой стороны, находя, что англійское правительство обязано также для обезпеченія безопасности своихъ остъ-индскихъ владѣній занять господствующее положеніе при тегеранскомъ дворѣ, чтобы освободить Персію отъ русскаго ига... Какъ извѣстно, Кветта была впослѣдствіи занята и притомъ во время полнаго мира... Что же касается втораго пункта исторической меморіи, то при современныхъ событіяхъ въ Персіи невольно напрашивается вопросъ:

не приводится ли въ исполненіе именно теперь дальновидный планъ Раульсона, и, подъ покровомъ нашего же соглашенія, не «освобождается ли Персія отъ русскаго ига?» Кстати замѣтить, что въ Англіи, не въ примѣръ намъ, не погребаются въ архивахъ полезные для родины совѣты государственныхъ людей, какъ бы давно они ни были преподаны, а при удобномъ случаѣ мудро примѣняются...

Газетный походъ противъ «хитрой, жадной, варварской Россіи», какъ ее величали, продолжался изо дня въ день и не вселялъ, конечно, добрыхъ чувствъ въ русскіхъ. Какъ ни мало политически развито было наше общество, но оскорбленное чувство національнаго достоинства заговорило въ немъ. Несмотря на наше славяно-русское добродушіе, всѣхъ охватила несвойственная намъ злобная радость и надежда, что Англія, обнаруживая свою Ахиллесову пятку, можетъ получить отместку за ея козни и происки.

Но Англія нашла сильныхъ союзниковъ въ нашихъ бюрократическихъ кругахъ. Всемогушій въ то время шефъ жаңдармовъ графъ Петръ Шуваловъ и министръ П. А. Валуевъ, недавніе противники Кауфмана въ польскомъ вопросѣ, теперь оказались яркими англофилами. Наши дѣла въ Азійи они объявили «затѣями туркестанской администраціи»; право цивилизаторской тамъ миссіи признавали лишь за Англіей, находя Россію вовсе къ этому не пригодной; громко порицали сдѣланныя тамъ завоеванія и пугали неминуемой войной съ Англіей «изъ-за такихъ пустяковъ». За ними, какъ за людьми вліятельными въ высшихъ сферахъ, шло, конечно, большинство ихъ сослуживцевъ, министровъ и иныхъ сановниковъ. Настроеніе этого правительственнаго круга, не считавшагося ни съ какими общественными мнѣніями, брало верхъ, сгущало атмосферу и подготовляло отмѣну едва установившагося взгляда на политическое направленіе въ Азійи и уничтоженіе данныхъ туркестанскому генераль-губернатору полномочій.

Далекій отъ всѣхъ этихъ настроеній, отдаленный тысячами верстъ труднопроѣзнаго пути, не имѣвшій телеграфа ближе, какъ за двѣ тысячи верстъ, генераль Кауфманъ, закончивъ свое военное дѣло, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ могъ спокойно оставить край. Внушительный урокъ Бухарѣ гарантировалъ вполне отъ враждебныхъ выступленій; притомъ же на всѣ отвѣтственные посты имъ были выбраны надежные люди. Ѣхать же въ Петербургъ онъ считалъ необходимымъ для личнаго доклада государю о ходѣ дѣлъ и выясненія взгляда на дальнѣйшія задачи Россіи въ этой странѣ, совѣтъ не знакомой ни государю, ни князю канцлеру, ни военному министру. Множество вопросовъ по внутреннему управленію краемъ настоятельно требовали соглашенія съ разными министрами и т. д. Надо всѣмъ этимъ смутно, но упорно, выступало опасеніе за новое русское дѣло, за достоинство здѣсь русскаго

имени. Константинъ Петровичъ хорошо зналъ правящій Петербургъ: космополитическій, легкомысленно-либеральный, когда дѣло шло о національной чести, завистливый къ успѣхамъ людей не его пошиба, готовый изъ-за личныхъ мелкихъ чувствъ жертвовать даже выгодами и интересами государства.

Однако, какъ ни правильно оцѣнивалъ К. П. наши столичные нравы, но и онъ не могъ всего предвидѣть... Предоставимъ самому ему рассказать, что случилось. Для этого мы пользуемся частнымъ дневникомъ, куда занесены подлинными словами Константина Петровича неожиданный эпизодъ, рассказанный имъ близкимъ людямъ значительно позже, именно въ 1877 году.

«Наладивъ дѣла, я спокойно выѣхалъ въ Петербургъ. По дорогѣ я долженъ былъ останавливаться въ разныхъ пунктахъ, чтобы ознакомиться съ административными лицами и ихъ дѣйствіями, осмотрѣть мѣстныя команды, и проѣхать по незнакомой еще Сыръ-Дарьинской области.

«Не успѣлъ я отѣхать сто верстъ отъ Ташкента, какъ по дорогѣ мнѣ встрѣтился курьеръ изъ Петербурга. Его неожиданное появленіе смутило меня предчувствіемъ чего-то недобраго. Я вышелъ изъ экипажа и, взявъ отъ курьера пакетъ, отошелъ немного въ сторону отъ дороги. Къ счастью, что я такъ поступилъ, иначе мнѣ было бы трудно скрыть отъ моихъ спутниковъ охватившее меня волненіе. Въ пакетѣ было высочайшее повелѣніе немедленно вернуть Самаркандъ Бухарѣ...

«Какое бы рѣшеніе я ни принялъ, надо было доѣхать до станціи Чимкентъ, до которой оставалось двѣнадцать верстъ. Спрятавъ пакетъ на груди и овладѣвъ своимъ голосомъ, я спокойно сказалъ курьеру: «Доѣзжайте со мной до Чимкента; тамъ вы отдохнете и, получивъ мои инструкціи, вернетесь въ Петербургъ. Вы, вѣроятно, устали?» Курьеръ отвѣтилъ, что ѣхалъ день и ночь всѣ 2.500 верстъ, торопяся застать меня въ Ташкентѣ.

«Нетрудно представить, какія мысли и чувства волновали меня. Высказаться, разрядить себя я не могъ; я долженъ былъ скрывать тяжелую тайну. Въ душѣ моей, однако, не было ни минуты колебанія: послѣ огромныхъ жертвъ, понесенныхъ нашими славными войсками въ Бухарѣ, и важности достигнутыхъ результатовъ я считалъ немислимымъ вернуть Самаркандъ, не унижая Россіи...

«Въ сущности я вѣдь былъ уже государственнымъ преступникомъ, слушникомъ моего царя... Неисполненіе высочайшаго повелѣнія влекло за собою въ лучшемъ случаѣ—удаленіе со службы, а не то и разжалованіе, даже смертную казнь... Все это я взвѣсилъ, и тѣмъ не менѣе принялъ рѣшеніе не исполнить воли государя... Тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеръ слѣдовалъ за мною на разстояніи одного-двухъ дней, я могъ воспользоваться, чтобы провѣрить себя и перерѣшить, если это бы было дѣломъ всышки, дѣйствіемъ

сторяча. На первой же остановкѣ, въ слѣдующемъ городѣ, возможно было написать донесеніе государю, что повелѣніе его будетъ исполнено, дожидаться курьера, вручить ему пакетъ, а самому вернуться въ Ташкентъ. Но я ѣхалъ одиннадцать сутокъ и... все впередъ... Вы сами испытывали путешествіе въ экипажѣ по нашей степи въ хорошую осеннюю погоду, когда день и ночь дарятъ насъ такими красотами свѣта, звуковъ, ароматовъ; когда въ тишинѣ и на просторѣ этой степи утихаютъ самыя бурныя чувства, проясняются мысли, успокаиваются нервы. Все это я испыталъ и, проѣхавъ 2.500 верстъ, ни разу не мелькнула мнѣ мысль дожидаться курьера... По моему пониманію, а главное—по внутреннему чувству—я не могъ святотатственно поднять руку на достоинство, честь и право Россіи. Это было выше моихъ силъ. Мнѣ было очевидно, что государь былъ введенъ въ заблужденіе неправильнымъ освѣщеніемъ событій. Смутная, едва теплившаяся надежда мелькала во мнѣ, что я смогу разубѣдить императора... Но въ общемъ я приготовился къ справедливому гнѣву государя за неисполненіе его повелѣнія, приготовился къ потери его милости и всего съ этимъ сопряженнаго. Во всѣхъ этихъ мысляхъ и чувствахъ я окрѣпъ, закалился и, подѣзжая къ Петербургу, былъ уже спокоенъ. Притомъ же мое слушаніе не измѣняло существа дѣла: государь могъ послать кого угодно сдать Самаркандъ.

«Приведя себя въ порядокъ еще въ поѣздѣ, надѣвъ мундиръ, я съ желѣзной дороги отправился прямо во дворецъ. Домой я не давалъ знать о днѣ своего пріѣзда. Дѣло было тайное между государемъ и мною, и я не хотѣлъ подвергать себя никакимъ вліяніямъ и впечатлѣніямъ, ни уговорамъ, ни просьбамъ, ни протестамъ. Все это могло на меня навалиться. Государь тотчасъ же принялъ меня, когда ему доложили; у него никого не было еще съ докладами. Мое появленіе было неожиданнымъ, и я замѣтилъ, что оно удивило.

«Съ первыхъ же словъ государь спросилъ:

«— Видѣлъ ты курьера посланнаго къ тебѣ?

«— Да, государь, я встрѣтилъ его на дорогѣ, за сто верстъ отъ Ташкента.

«— И что же ты сдѣлалъ?..

«— Ваше величество, я не исполнилъ вашего повелѣнія и исполнить его не могу...

«Наступила минута молчанія, и въ эту минуту на меня смотрѣлъ разгнѣванный царь...

«Вспоминая эту сцену, мнѣ до сихъ поръ представляется, точно говорилъ не я, а кто-то другой во мнѣ, мой двойникъ. Въ рукахъ я держалъ злополучный пакетъ съ печатями. Государь взялъ его и бросилъ на столъ. Затѣмъ, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ началъ ходить по кабинету. Не получая никакого приказанія, я молча стоялъ, придвинувшись къ двери. Рѣшительно не могу опредѣлить,

прошелъ ли часъ, прошло ли только нѣсколько минутъ этого страшнаго молчаливаго свиданія государя съ своимъ послушнымъ подданнымъ. Когда съ меня спала тягота моего признанія, я уже могъ наблюдать и видѣть по его опущенной головѣ и по выраженію его лица, что въ немъ происходитъ внутренняя борьба... Несомнѣнно, что злыя вліянія нависли надъ государемъ, и что подъ ихъ гипнозомъ онъ подписалъ свое повелѣніе. Въ эти минуты мнѣ былъ важенъ одинъ вопросъ: настаивалъ ли на этомъ князь Горчаковъ? Если да, то надежды было мало, чтобы государь перерѣшилъ...

«Излишнее говорить, какъ внутренно я дрожалъ за Россію...

«Наконецъ государь остановился прямо передо мною. Слѣды гнѣва исчезли съ его лица, но выраженіе его было серьезно, даже тревожно...

«— Почему ты такъ поступилъ?

«— Ваше величество, Азія страна своеобразная; она понимаетъ и уважаетъ только силу. Изъ разъ завоеваннаго ей нельзя уступать ни одной пяди. Ваше великодушное намѣреніе вернуть Самаркандъ Бухарѣ Азія объяснитъ единственно слабостью нашей и боязнью кого-то. Она знаетъ, что Турція и Англія слѣдятъ за нами. Малѣйшая уступка, и насъ не только перестанутъ уважать и бояться, но мы рискуемъ потерять все, чѣмъ завладѣли раньше, или будемъ вынуждены брать опять все съ бою. Насъ тамъ мало, а Англія поможетъ подняться всему мусульманству противъ насъ въ Средней Азій».

«Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить больше; самъ государь, новидимому, тоже не вполне справился съ своими чувствами. Было только ясно, что упорствовать въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи онъ не будетъ и что мой поступокъ онъ не считаетъ преступленіемъ, напротивъ—лояльнымъ актомъ вѣрноподаннаго.

«— Видѣлъ ли ты Горчакова или Милютина?

«— Нѣтъ, государь, я осмѣлился явиться прямо къ вамъ съ дороги.

«— Повидайся съ Горчаковымъ, переговоры съ нимъ, и потомъ вмѣстѣ доложите мнѣ.

«Государь подаль мнѣ руку и крѣпко-крѣпко пожалъ мою. А я... я поцѣловалъ эту благородную руку, которая смѣло зачеркивала то, что недостаточно продуманно подписала...

«Уже съ легкимъ сердцемъ ѣхалъ я къ Горчакову. Изъ свиданія съ княземъ-канцлеромъ выяснилось, насколько наша дипломатія да и все правительство поддались угрозамъ и бѣснованію Англіи; выяснилось же главное—полное непониманіе положенія Россіи въ Средней Азій, полное незнакомство съ характеромъ мѣстныхъ жителей и съ дѣйствительной силой тамошнихъ государствъ. Да, это бюрократическое невѣжество наше поразительно. Инстинктъ русскихъ людей вѣренъ,—но знаній никакихъ. Больше того: нѣтъ ни-

какого серьезнаго желанія учиться, вникать въ дѣло, смотрѣть впередъ и учитывать будущую пользу и связь событій. Самое бѣснованіе Англіи должно было не пугать наше правительство, а радовать его. Если наше движеніе въ Азіи приводитъ англичанъ въ такое неистовство,—то, значить, оно вѣрно попадало въ цѣль, для кого-то опасную, слѣдовательно, непремѣнно полезную намъ. Вѣдь несомнѣнно, что Англія врагъ Россіи и нигдѣ неуязвима, кромѣ какъ въ Азіи... Какъ не считаться съ этимъ. Какъ не понимать, что это узда, которой мы всегда можемъ сдерживать Англію, готовую намъ всюду вредить, что уже и показала она въ Крымскую кампанію...

«Все это приходилось объяснять тамъ въ Петербургъ... Но какъ ни просты и ясны были мои доводы—не ко многому они привели.

«Впрочемъ, тогда все-таки удалось разстроить козни Англіи и ея русскихъ друзей и удержать Самаркандъ. Князь Горчаковъ имѣетъ свои слабости, но онъ хорошо, по-русски чувствующій человѣкъ: мнѣ было легко съ нимъ сговориться и, очевидно, не онъ склонялъ государя на уступки Англіи, ибо идея возвращенія Самарканда шла отсюда... Д. А. Милютинъ тоже не могъ допустить такого униженія русскаго воинства. Я не доискивался, откуда шла интрига. Не все ли это было равно, разъ что государь отказался отъ первоначальнаго плана и, какъ мнѣ кажется, отказался не безъ радости и облегченія.

«Со временемъ мое послушаніе, быть можетъ, по архивнымъ документамъ станетъ достояніемъ исторіи, но я попрошу васъ,—заключилъ К. П.,—дать мнѣ слово, пока я живъ, никому объ этомъ не рассказывать. Дѣло это извѣстно лишь очень немногимъ. Проигравшіе игру совѣтники государя, конечно, будутъ молчать по причинамъ понятнымъ. Я—тоже. Какъ ни высока въ этомъ эпизодѣ роль государя, тѣмъ не менѣе нельзя выставлять, что онъ, хотя временно, поддался увѣщаніямъ людей, не думавшихъ о чести Россіи... Что касается меня, то я все-таки подалъ примѣръ слишкомъ смѣлый, не исполнивъ высшаго закона въ имперіи. Обстоятельства меня оправдали; мотивы у меня были чрезвычайные, но примѣръ можетъ быть заразителенъ, а отъ этого Боже избави».

Такъ проявилъ себя на первомъ государственномъ дѣлѣ К. П. фонъ Кауфманъ.

Затѣмъ въ 1873 г. былъ имъ сдѣланъ знаменитый хивинскій походъ. Трудность предпріятія заключалась не въ побѣдахъ надъ врагомъ—ничтожнымъ въ сравненіи съ нашими войсками,—но въ преодолѣніи безпощадной средне-азиатской природы. И походъ этотъ отмѣченный въ лѣтописяхъ исторіи, поддержалъ традиціи суворовскихъ «чудо-богатырей». Подобно тому, какъ предки въ альпійскихъ ледникахъ и на горныхъ кручахъ подъ ужасами тридцатиградуснаго мороза являли примѣры сверхчеловѣческой стойкости, несокру-

шимой дисциплины и преданности долгу, такъ и потомки въ глѣбокихъ, сыпучихъ пескахъ безводной, раскаленной сорокапятиградуснымъ зноемъ пустыни, утоляя жажду лишь глотками горько-соленой воды, перетаскивая на себѣ тяжести, снятыя съ падавшихъ верблюдовъ, не дрогнули, не проявили слова ропота и показали міру всенеумирающую мощь великаго русскаго воинства... Вѣра въ начальника, терпѣвшаго одинаково съ солдатами, ни на минуту не поколебалась..

Замѣчательно, что, когда походъ былъ уже начать, Англія потребовала подтвержденія нашихъ обѣщаній. И въ Лондонъ былъ посланъ графъ Петръ Шуваловъ съ завѣреніемъ, что Россія Хивой не завладѣетъ, что посланы въ этомъ смыслѣ приказанія и инструкціи не оставаться долго въ Хивѣ. И такъ, миссіей графа Шувалова предрѣшались результаты той сложной грозно-рискованной задачи, которая давалась войскамъ... Но, должно быть, инструкціи не преодолѣли сыпучихъ песковъ и не дошли по назначенію... Въ свою очередь, генераль Кауфманъ, учитывая ужасы похода и несокрушимую доблесть войскъ, соображаясь съ достоинствомъ великой, русскаго державы, нашель умѣстнымъ, оставляя хана правителемъ своей страны, сдѣлать его покорнымъ вассаломъ Бѣлаго царя. Чтобы пріучить его къ этой роли, К. П. отрѣзалъ на правомъ берегу Аму-Дарьи часть хивинской земли, гдѣ и заложилъ городъ Петро-александровскъ, назначивъ начальникомъ новой области полковника Иванова (впослѣдствіи туркестанскаго генераль-губернаторъ). Кроме того, онъ наложилъ на ханство контрибуцію въ два милліона рублей и освободилъ сорокъ тысячъ персіянъ, томившихся въ рабствѣ у Хивы.

Ханъ всему подчинился: никогда съ тѣхъ поръ не нарушалъ онъ вѣрности Бѣлому царю и аккуратно уплачивалъ контрибуцію. Какъ ни волновалась Англія этими постановленіями, однако и она поняла, что послѣ похода, удивившаго міръ, ея притязанія не могли быть уважены... Знаменательно, что въ 1913 г. исполняется сорокъ пять лѣтъ самаркандскому походу и сорокъ лѣтъ походу хивинскому. Въ обоихъ походахъ май мѣсяць рѣшаль участь обоихъ ханствъ.

Въ 1876 г. въ Кокандскомъ ханствѣ поднялось возстаніе противъ Худояръ-хана, и вслѣдъ за тѣмъ былъ объявленъ газаватъ. Большія скопища появлялись въ тридцати верстахъ отъ Ташкента. Немедленно были двинуты наши войска. Подъ личнымъ начальствомъ генерала Кауфмана была разгромлена крѣпость Махрамъ, а затѣмъ ханство было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, несмотря на новые протесты Англіи. Губернаторомъ области Константинъ Петровичъ назначилъ Скобелева.

Такимъ образомъ въ первыя девять лѣтъ генераль-губернаторства К. П. фонъ-Кауфмана закончились завоеванія со стороны Туркестанскаго края, территория котораго увеличилась на 5.370 квад-

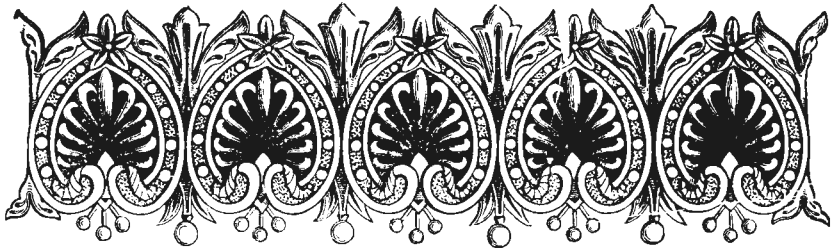
ратныхъ верствъ. При этомъ нужно отмѣтить, что всѣ три области представляютъ богатѣйшіе культурные оазисы.

За всѣ пятнадцать лѣтъ управленія Кауфмана въ краѣ ни разу не поднималось никакихъ беспорядковъ, и туземцы искренно считали себя счастливыми подданными Бѣлаго царя.

Насколько популяренъ былъ самъ представитель государя, можно судить уже по тому, что когда черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти К. П. была объявлена подписка на памятникъ ему, то въ два года она достигла восьмидесяти тысячъ, которыя собрались почти исключительно въ краѣ. Ни о какомъ начальническомъ давленіи не могло быть и рѣчи: подписка шла въ годы смуты, когда власть колебалась даже и тамъ.

Е. Толбуховъ.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ ВЪ КИШИНЕВЪ.

ВЪ АПРѢЛЬСКОМЪ номерѣ «Историческаго Вѣстника» текущаго года помѣщено воспоминаніе Н. Г. Вучетича объ отцѣ моемъ, М. Г. Черняевѣ. Центральный интересъ этого краткаго повѣствованія, конечно, составляетъ свиданіе государя императора Александра II въ Кишиневѣ съ Михаиломъ Григорьевичемъ. Насколько этотъ эпизодъ, изложенный господомъ Вучетичемъ по памяти по прошествіи тридцати пяти лѣтъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, читатель можетъ судить по нижеслѣдующему достовѣрному разсказу ¹⁾.

19-го октября 1876 г., послѣ славныхъ боевъ при Алексинацѣ и Дюнишѣ, о которыхъ современный поэтъ сказалъ: «иной уронъ славы побѣдъ, иныя раны лавровъ краше», изъ Ливадіи былъ посланъ Турціи ультиматумъ, остановившій мусульманскія полчища на границѣ Сербіи, совершенно истощенной и морально, и физически пятимѣсячной непосильной борьбой.

¹⁾ Замѣтимъ, что характеръ рѣчей, вложенный г. Вучетичемъ въ уста М. Г., не однотоненъ съ бывшею дѣйствительностью. Театраломъ и главнымъ дѣлителемъ Малаго театра въ Москвѣ М. Г. никогда не былъ. Онъ любилъ юмористическіе разсказы Горбунова и пьесы веселаго содержанія, которыя могли на время отвлечь его печальныя мысли и заботы, а лѣтъ за пятнадцать до своей кончины совсѣмъ пересталъ посѣщать театры.

Ант. Черняева.

Задача Михаила Григорьевича на Балканахъ была закончена. Россія взяла въ свои руки защиту славянъ, успѣхъ дѣла былъ обезпеченъ. Главнокомандующему сербской арміи оставалось покинуть Бѣлградъ и возвратиться на родину.

Но исполнить это естественное желаніе было не такъ-то легко, въ виду запрещенія ему обратнаго вѣзда въ Россію.

Тогда моя мать, Антонина Александровна Черняева, обратилась къ государю императору съ письмомъ отъ 3-го ноября съ просьбой разрѣшить супругу ея вернуться на родину. Генераль Мезенцовъ отвѣтилъ ей на это отъ имени государя, что «его величество не препятствуетъ ей ѣхать къ мужу, но рѣшительно не согласенъ на возвращеніе его въ настоящую минуту въ Россію».

Въ ожиданіи рѣшенія своей участи Михаилъ Григорьевичъ находился въ Вѣнѣ. Послѣ длительной переписки російскаго посольства съ канцлеромъ Горчаковымъ по этому вопросу, 20-го ноября Михаилъ Григорьевичъ получилъ отъ нашего посольства въ Вѣнѣ увѣдомленіе, что по высочайшему разрѣшенію ему слѣдуетъ явиться въ Кишиневъ къ великому князю Николаю Николаевичу, имѣющему прибыть туда 30-го ноября.

М. Г. былъ принятъ великимъ княземъ за три дня до болѣзни, уложившей его въ постель, и потому между ними состоялся только одинъ разговоръ слѣдующаго содержанія:

— Поѣзжай назадъ въ Бѣлградъ. Туда посылается генераль Никитинъ. Ты не можешь обижаться этимъ, такъ какъ онъ генераль-лейтенантъ, а ты генераль-майоръ. Собери своихъ сербовъ и иди въ Герцеговину, на соединеніе съ черногорцами, подними албанцевъ, и всѣ вмѣстѣ дѣйствуйте на моемъ правомъ флангѣ.

— У сербовъ нѣтъ ни денегъ, ни оружія, ни одежды, дороги въ ихъ горахъ теперь непроходимы. А главное—сербская милиція истощила въ неравной борьбѣ свою энергію и безъ поддержки русскихъ войскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ неспособна.

— Я пришлю туда кавалерію.

— Въ гористой мѣстности кавалерія мало принесетъ пользы.

— Я вамъ дамъ и пѣхоту.

— До истеченія срока перемирія остается семнадцать дней (разговоръ происходилъ 3-го декабря), а прибытіе подкрѣпленій не можетъ быть раньше шести недѣль.

— Я скажу тебѣ сейчасъ, когда подкрѣпленія могутъ прибыть къ Кладову. Голова отряда прибудетъ на тринадцатый день, а послѣдній эшелонъ на семнадцатый.

— Я полагаю, что какъ отрядъ, предназначенный вашимъ высочествомъ въ Сербію, такъ и вся ваша армія скорѣе дойдетъ до Дуная пѣшкомъ, чѣмъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Имѣются ли въ штабѣ свѣдѣнія о состояніи подвижнаго состава? Насколько я могу судить по моему проѣзду, мнѣ кажется, что

количество вагоновъ весьма ограничено, да въ нихъ и не можетъ быть большой надобности, такъ какъ пассажиры и грузы перевозятся по Дунаю, открытому для судоходства въ теченіе десяти мѣсяцевъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Позвольте, ваше высочество, говорить мнѣ откровенно?

— Я этого требую.

— Вы потерпите въ началѣ кампаніи неудачу.

— Это почему?

— У васъ мало силъ.

— У меня будетъ сто двадцать тысячъ!

— Какая конечная цѣль вашей кампаніи? Балканы?

— Нѣтъ, дальше—Константинополь.

— Этихъ силъ недостаточно.

— А ты со своими сербами воевалъ же!

— Другія были условія. Я велъ оборонительную войну, а турки наступать не умѣютъ.

— Да, силъ мало. Просилъ еще—не даютъ! Мы подождемъ донесеній Никитина изъ Бѣлграда, а ты возвращайся въ Вѣну, гдѣ и жди моихъ инструкцій

— Зачѣмъ же, ваше высочество, мнѣ ѣхать въ Вѣну? Позвольте мнѣ жить въ Одессѣ, гдѣ я буду ожидать приказаній вашего высочества всего въ четырехъ часахъ пути.

— Да, въ Одессѣ или другомъ какомъ-либо городѣ. Впрочемъ, я долженъ объ этомъ спросить разрѣшенія государя.

Черезъ два дня великій князь слегъ въ постель, и М. Г. съ нимъ другого разговора до своего отъѣзда уже не имѣлъ. Изъ штабныхъ его никто ни о чемъ не разспрашивалъ. Какая-то не русская самонадѣянность царствовала въ штабѣ. Одинъ великій князь былъ съ нимъ внимателенъ и привѣтливъ.

Тогда же, въ Кишиневѣ, Михаилъ Григорьевичъ просилъ разрѣшенія остаться въ Россіи, на что получилъ отъ генералъ-адъютанта Мезенцова письменное увѣдомленіе, что государю императору благоугодно было разрѣшить ему съ семействомъ пребываніе въ Кіевѣ, ожидая тамъ дальнѣйшихъ приказаній по усмотрѣнію великаго князя главнокомандующаго.

Однако Михаилъ Григорьевичъ предпочелъ пребываніе за границей, куда и уѣхалъ, получивъ на то высочайшее разрѣшеніе.

Подъ новый годъ онъ очутился въ Прагѣ и, остановившись въ гостиницѣ «Эрцгерцога Стефана», отправился въ русскую церковь.

Чехи взволновались слухомъ о прибытіи Черняева, и вскорѣ вся площадь передъ русскою церковью переполнилась народомъ. Отъ города въ старинной ратушѣ предполагался на слѣдующій день большой банкетъ въ честь Михаила Григорьевича.

Церковная служба приходила уже къ концу, какъ къ нему подходит вдругъ австрійскій полицейскій чиновникъ съ требованіемъ, чтобы онъ прямо ѣхалъ въ гостиницу, никуда по дорогѣ не ѣзжая. Что тутъ было дѣлать? Не спорить, конечно. М. Г. отправился въ гостиницу, сопровождаемый по пути слѣдованія восторженной оваціей несмѣтной толпы.

Ожидавшіе возвращенія М. Г. Черняева видные чешскіе дѣятели оказались временно арестованными, потому что всѣ входы и выходы гостиницы были заняты часовыми впредь до новаго распоряженія начальства. Во время бесѣды съ ними къ М. Г. въ номеръ входитъ австрійскій полицейскій агентъ и въ весьма грубой формѣ требуетъ его немедленнаго выѣзда изъ предѣловъ Австріи. Представивъ свои документы, М. Г. сталъ возражать полицейскому чиновнику, что онъ—русскій подданный, что немедленно уѣзжать онъ не намѣренъ, а если желаютъ его безотлагательнаго отъѣзда—пусть высылаютъ его силой.

Чиновникъ, взявъ документы, уѣхалъ, подтвердивъ приказаніе никого не впускать и не выпускать изъ гостиницы. Между тѣмъ на площадь, переполненную народомъ, въѣхала артиллерійская часть съ пушками, обративъ ихъ жерла противъ гостиницы. По прошествіи часа чиновникъ возвратился съ запросомъ, когда М. Г. желаетъ выѣхать, и, получивъ отвѣтъ: «вечеромъ», предложилъ подписать объ этомъ прошеніе на имя губернатора.

Поздними сумерками къ заднему крыльцу гостиницы былъ поданъ крытый четырехмѣстный экипажъ. Возлѣ М. Г. помѣстился полицейскій, противъ него еще двое, на козлахъ возлѣ кучера еще одинъ, карету окружилъ цѣлый эскадронъ, и такъ, окольными путями, обманувъ ожидавшій на площади народъ, привезли М. Г. на вокзалъ, а одинъ изъ полицейскихъ чиновъ, сѣвъ въ поѣздъ, сопровождалъ М. Г. до самой границы.

О случившемся М. Г. немедленно телеграфировалъ канцлеру Горчакову, но надежды на заступничество за русскаго подданнаго оказались тщетными.

Покинувъ Вѣну, около трехъ мѣсяцевъ М. Г. принужденъ былъ скитаться по Европѣ.

12-го апрѣля былъ подписанъ государемъ манифестъ объявленія войны съ Турціей, и вскорѣ послѣ этого М. Г., будучи въ Парижѣ, получилъ черезъ нашего тамъ посла, князя Орлова, высочайшее повелѣніе явиться прямо въ Кишиневъ, не переѣзжая границы Россіи ни въ какомъ другомъ мѣстѣ подъ угрозой быть арестованнымъ.

15-го апрѣля М. Г. былъ уже въ Кишиневѣ и на вокзалѣ встрѣтился со Столыпинымъ, впоследствии корпуснымъ командиромъ. Такъ какъ въ Кишиневѣ въ то время всѣ дома и гостиницы были переполнены по случаю пріѣзда государя въ сопровожденіи огром-

наго штата, то Столыпинъ любезно предложилъ М. Г. остановиться въ отведенной ему комнатѣ.

На слѣдующій день, 16-го апрѣля, въ 5 часовъ утра денщикъ Столыпина будить М. Г., докладывая, что къ нимъ пришелъ жандармскій полковникъ. Чувствуя себя въ немилости, М. Г. подумалъ, что ему предстоитъ арестъ и ссылка. На столикѣ возлѣ кровати лежали его бумаги, онъ бросился ихъ складывать и, разбудивъ Столыпина, просилъ его въ случаѣ ареста сообщить объ этомъ его семейству. Столыпинъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы тутъ былъ какой-либо подвохъ.

Оказалось, что жандармскій полковникъ пришелъ съ приглашеніемъ къ М. Г. явиться на слѣдующій день въ девять часовъ утра къ генералу Мезенцову. М. Г. успокоился и сталъ выговаривать полковнику за его раннее появленіе, тотъп устылся въ извиненія, говоря, что въ этотъ часъ онъ могъ быть увѣренъ застать М. Г. дома.

При свиданіи М. Г. съ Мезенцовымъ послѣдній объявилъ ему, что ему поручено предупредить М. Г., чтобы онъ при разговорѣ съ государемъ, который приметъ его въ то же утро, до общаго приема, не былъ строптивъ.

Горько и прискорбно было выслушать М. Г. подобное предупрежденіе.

— Это уже Богъ знаетъ что!—возразилъ онъ Мезенцову.— Неужели дошло до того, что сомнѣваются въ моемъ умѣнїи говорить съ государемъ!

Будучи въ отставкѣ, М. Г. надѣлъ фракъ и представился государю, который принялъ его стоя, не протянувъ руки. Государь, на взглядъ М. Г., сильно измѣнился, въ особенности глаза его, принявшіе болѣзненное, блуждающее выраженіе.

— Ты меня обманулъ,—встрѣтилъ государь М. Г. Черняева укоромъ:—ты далъ мнѣ слово не ѣздить въ Сербію и не сдержалъ своего слова.

— Это не такъ, государь,—возразилъ М. Г.:—я далъ слово ¹⁾ не ѣздить къ герцеговинцамъ, которыхъ ваше величество назвали «разбойниками», я былъ въ Сербїи.

— Да, но зачѣмъ ты провозгласилъ Милана королемъ? Ты мнѣ надѣлалъ этимъ много безпокойства и тревоги!

— Я не видѣлъ другого средства заставить Сербію драться, мнѣ надо было указать ей цѣль, изъ-за чего вести кампанію. Объявивъ Милана королемъ, я имъ показалъ эту цѣль, цѣль полной независимости Сербїи

¹⁾ Въ 1875 году, въ началѣ босно-герцеговинскаго возстанія, М. Г., тогда генераль-майора въ отставкѣ, редактировавшаго «Русскій Міръ», призвалъ начальникъ третьяго отдѣленія генераль-адъютантъ Потаповъ и предложилъ подписать обязательство о томъ, что онъ въ Герцеговину не поѣдетъ.

— Но ты былъ потомъ въ Прагѣ, ты меня чуть не поссорилъ съ моимъ другомъ и сосѣдомъ австрійскимъ императоромъ,—сурово продолжалъ государь.

— Я считалъ своимъ долгомъ въ качествѣ проводника славянской идеи показаться среди австрійскихъ славянъ, чтобы узнать ихъ отношеніе къ той идеѣ, ради которой я боролся. Теперь же, когда ваше величество взяли въ свои державныя руки славянское дѣло, я отошелъ отъ него.

— Ну,—возразилъ государь:—оставимъ все это. Я тебѣ извиняю и прощаю и постараюсь забыть прошлое. Завтра будетъ отданъ приказъ объ опредѣленіи тебя на службу.

Его величество закончилъ пріемъ, милостиво протянувъ М. Г. руку.

17-го апрѣля, въ день рожденія государя, вышелъ приказъ объ опредѣленіи М. Г. на службу.

Замѣтимъ кстати, что М. Г. было передано, что генераль-адъютантъ Рылѣевъ осмѣлился было представить на видъ государю, что совпаденіе объявленія приказа о принятіи на службу Черняева съ днемъ рожденія государя слишкомъ великая для него милость. 18-го апрѣля, занявъ мундиръ у генерала Дохтурова, который оказался и узокъ и коротокъ въ рукавахъ, М. Г. снова представился его величеству.

Государь, замѣтивъ недостатки мундира, шутя сказалъ М. Г., что онъ скорѣе похожъ на полицеймейстера, чѣмъ на боевого генерала, затѣмъ, пройдя уже мимо, обернулся и ласково, видимо, стѣсняясь, какъ бы мимоходомъ, сказалъ:

— А я тебя посылаю на Кавказъ, ты служилъ тамъ и знаешь хорошо край.

— Я за Кавказомъ не служилъ, ваше величество,—поблѣднѣвъ, возразилъ М. Г.

— Все-таки явись къ военному министру,—продолжалъ государь:—онъ дастъ тебѣ распоряженіе. Впрочемъ, нѣтъ, не ходи (государь вспомнилъ недобрыя отношенія военного министра къ покорителю Ташкента), онъ тебѣ напишетъ.

Удаленіе на Кавказъ изъ славянскихъ земель, гдѣ онъ приобрѣлъ довѣріе и зналъ противника, было для М. Г. тяжелымъ ударомъ тогда, когда въ дѣйствіе вступала наша доблестная армія, а не сербская милиція, плохо вооруженная подаренной ей Россіей севастопольской артиллеріей.

Удаленіе М. Г. съ главнаго театра войны было принято имъ за происки его недоброжелателей, которымъ противъ воли уступилъ государь. Сдѣлано это было подъ вліяніемъ военного агента Австріи, усиленно хлопотавшей объ удаленіи М. Г. отъ славянъ, за освобожденіе которыхъ Россія рѣшилась продолжать войну, начатую сербами подъ его начальствомъ.

Двукратное ходатайство великаго князя оставить М. Г. при его высочествѣ успѣхомъ не увѣнчалось.

Между тѣмъ намѣстникъ Кавказа былъ спрошенъ, по обычаю, телеграммой, желаетъ ли онъ принять Черняева въ кавказскій корпусъ. Отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій:

«Зная независимый характеръ Черняева, опасаясь недоразумѣній; кромѣ того, всѣ командованія распределены, и я стѣсняюсь взять у кого-либо начальство, чтобы передать его Черняеву».

Содержаніе этой телеграммы было передано М. Г., отпросившемуся въ Москву для свиданія съ семействомъ.

Въ бытность же его въ Кишиневѣ туда пріѣзжалъ отъ князя Милана полковникъ Катарджи съ письмомъ къ его величеству и съ просьбой отпустить М. Г. въ Сербію для командованія тамошней арміей.

Но вмѣсто него туда былъ посланъ князь Имеретинскій, съ которымъ въ одномъ поѣздѣ выѣхалъ въ Москву и М. Г., получивъ наконецъ на это разрѣшеніе. Оттуда онъ послалъ великому князю слѣдующую телеграмму:

«Задержался въ Москвѣ нездоровьемъ, но, если предстоить надобность, готовъ выѣхать немедленно. Въ противномъ случаѣ прошу разрѣшенія остаться для систематическаго леченья».

Отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій:

«Его императорское величество разрѣшаетъ остаться въ Москвѣ до излеченья».

Но черезъ нѣсколько дней М. Г. былъ приглашенъ московскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ, передавшимъ ему высочайшее повелѣніе немедленно отправиться на Кавказъ.

По пріѣздѣ М. Г. на Кавказъ великій князь принялъ его очень холодно и сказалъ, что въ настоящее время назначенія для него не имѣетъ, а со временемъ дастъ сообразно съ его чиномъ генераль-майора.

Затѣмъ великій князь главнокомандующій уѣхалъ со всѣмъ штабомъ на позицію, а М. Г. принужденъ былъ остаться въ тылу съ госпиталями и интендантствомъ въ Александрополь, откуда онъ отпросился въ Пятигорскъ, гдѣ пробылъ все время войны, до взятія Плевны, а потомъ получилъ отпускъ въ Петербургъ.

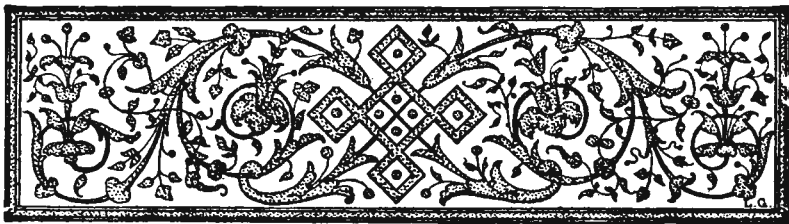
Затѣмъ послѣ войны онъ переѣхалъ съ семейю въ Москву, гдѣ жилъ на Арбатѣ, близъ Пречистенскихъ воротъ. Будучи въ отставкѣ, онъ носилъ штатское платье, на службѣ же всегда мундиръ генеральнаго штаба съ аксельбантами и полученнымъ имъ за взятіе Ташкента Георгіемъ на шеѣ, съ которымъ никогда не разставался.

Михаиль Григорьевичъ былъ человѣкомъ слишкомъ благодушнымъ и отходчивымъ, чтобы кого бы то ни было ненавидѣть. Однако

между нимъ и генеральнымъ штабомъ, какъ корпораціей, возглавляемой тогдашнимъ военнымъ министромъ Милютинымъ, существовалъ антагонизмъ, обострившійся во время русско-турецкой войны. Какъ полководецъ и практикъ, принимавшій участіе во всѣхъ войнахъ за исключеніемъ послѣдней въ царствованіе Александра II, онъ возставалъ противъ слишкомъ теоретическаго направленія генеральнаго штаба, говоря, что за время своего существованія академія дала только два блестящихъ имени, популярныхъ среди войска, а именно Пассека на Кавказѣ и Скобелева на Дунаѣ, тогда какъ фронтъ выставилъ цѣлый рядъ именъ, живущихъ въ памяти войска. Замѣтимъ при этомъ, что, несмотря на то, что насъ отдѣляетъ отъ взятія Ташкента почти полувѣковое пространство времени, а сербской войнѣ исполнилось тридцатипятилѣтіе, ни ташкентская, ни сербская эпопеи до сихъ поръ не обрѣли ни одного описателя въ средѣ нашей военно-ученой корпораціи, тогда какъ позднѣйшіе и гораздо менѣе значительные эпизоды нашей военной исторіи подробно и неоднократно описаны. Конечно, во времени улягутся страсти, сгладятся личныя недоразумѣнія, и академія генеральнаго штаба достойно оцѣнитъ своего славнаго питомца.

Антонина Черняева.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ НА ВЫЧЕГДѢ.

I.

И ОДНОМУ, кажется, уголку Россіи не посчастливилось такъ въ «политическомъ» отношеніи, какъ далекому Вычегодскому краю въ наши дни. Три уѣзда Вологодской губерніи—Сольвычегодскій, Яренскій и Устьсольскій, занимающіе огромное пространство въ бассейнѣ рѣки Вычегды, отъ Сѣверной Двины до Печоры, вдругъ сразу политически оживились, благодаря мудрымъ мѣропріятіямъ администраціи. Три большихъ уѣзда были наводнены массою политическихъ ссыльныхъ всевозможныхъ партій, толковъ, направленій, оттѣнковъ, конечно, исключительно съ «лѣваго» фланга. Счастливая Вычегда такъ и не познакомилась съ черносотенцами и другими «правыми» фракціями, если не считать своихъ, доморощенныхъ представителей послѣднихъ.

Администрація, увѣренно толкующая, что «политики развращаютъ населеніе», сама же содѣйствовала всячески политическому «разврату», посылая въ Вычегду сотни и тысячи «политиковъ» (такъ зовутъ здѣсь политическихъ ссыльныхъ). Разумѣется, власти прекрасно понимаютъ, что какой надзоръ ни устраивайте за политиками, какія мѣры ни принимайте для огражденія населенія отъ «вредныхъ идей», послѣднія сами волею-неволею просочатся куда слѣдуетъ и произведутъ гдѣ надо надлежащее впечатлѣніе,

которое уже никакими самыми драконовскими мѣрами не вытравить потомъ изъ обывательскихъ головъ...

И все же политическая колонизація края шла неудержимо, какъ-то стихійно. Лѣтъ шесть назадъ въ крошечномъ городкѣ Яренскѣ, имѣющемъ всего восемьсотъ жителей, ссылныхъ было больше девятисотъ человѣкъ!.. Въ гор. Сольвычегодскѣ, при 1200 человѣкъ населенія, ссылныхъ было тоже девятьсотъ человѣкъ. А въ гор. Устьсыольскѣ, самомъ населенномъ на Вычегдѣ (около пяти тысячъ жителей), ссылныхъ было всего триста человѣкъ. Столько же ихъ было и въ Устюгѣ, городѣ, еще больше населенномъ (до двѣнадцати тысячъ). Очевидно, никакой системы тутъ не придерживались, а наводняли города ссылными зря, какъ попало, до пресыщенія, пока мѣстная администрація не задерживала этотъ неудержимый потокъ.

Теперь число ссылныхъ въ вычегодскихъ городкахъ уменьшилось до приличной нормы (въ Яренскѣ до пятидесяти человѣкъ и т. д.), частью за освобожденіемъ ихъ и возвращеніемъ на родину, а также вслѣдствіе выселенія ссылныхъ въ села и деревни. Очевидно, администрація спохватилась, что города уже достаточно насыщены политикой, а деревни отстали отъ нихъ...

Скромный доселѣ край, совершенно чуждый прежде всякой политики, теперь насыщенъ ею достаточно, благодаря именно вольному и невольному вліянію ссылныхъ. Это вліяніе сказалось не только въ подъемѣ политическаго сознанія среди мѣстнаго населенія, но и въ ростѣ всякихъ культурныхъ начинаній. Въ медвѣжьихъ углахъ стала бродить книга, появились газеты, заработали фотографіи и пр. На Вычегдѣ до появленія ссылныхъ не знали булочныхъ, кухмистерскихъ, парикмахерскихъ и т. д. Ссылные научили обывателей готовить разнообразныя кушанья (любители-гастрономы попадали со всѣхъ концовъ Россіи), приучили сдавать квартиры со столомъ, носить мягкое бѣлье и т. п.

Нельзя отрицать, что въ ссылкѣ находилось немало отрицательныхъ элементовъ, особенно въ началѣ послѣдней «смуты», когда подъ видомъ и кличкою «революціонеровъ» ссылались всякаго рода хулиганы и отбросы революціи и разные подозрительные субъекты, которые могли только отрицательно вліять на мѣстное населеніе и отталкивать его отъ себя. Но въ послѣднее время ссылка очистилась отъ этихъ нежелательныхъ элементовъ, и въ ней стали преобладать ссылные изъ партійныхъ и профессиональныхъ дѣятелей—публики сортомъ много выше и почище. Именно эти ссылные оказываютъ большое и благотворное вліяніе на мѣстныхъ жителей, которые отлично разбираются въ своихъ невольныхъ сожителяхъ и къ лучшимъ ихъ элементамъ относятся съ нескрываемыми симпатіями.

Естественный вопросъ о томъ, почему «хорошіе люди» страдаютъ въ ссылкѣ, наводитъ обывателей на очень грустныя размышле-

нія... Ссылнымъ явно сочувствуютъ и относятся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. При постоянномъ общеніи съ зырянами (аборигены края) за много лѣтъ извѣстенъ единственный случай столкновенія ихъ съ ссылкой грузиномъ, да и то произошло только потому, что его приняли за цыгана.

Когда схлынула первая волна «революціоннаго сброда», политическіе ссылки сумѣли объединиться и даже сорганизоваться для цѣлей самообразованія и благотворительности. Стали выписывать книги, журналы, газеты, оказывать другъ другу денежную и всякую иную помощь, поддержку. У нихъ образовалась своя этика съ довольно значительно повышенными требованіями, ставящими ссылныхъ много выше обычнаго нравственнаго уровня провинціальныхъ обывателей. Напримѣръ, ссылка этика запрещаетъ не только ссоры между ссылными, но и простые споры. Мало того: бесѣдуя какъ другъ съ другомъ, такъ и съ обывателями, ссылки не должны даже голоса возвышать... При отъѣздѣ они должны обязательно уплачивать долги, а за немущихъ платить кружокъ товарищей. Много и другихъ симпатичныхъ правилъ ввели ссылки въ сношенія между собою и съ обывателями.

Именно эти организаціи и товарищеское объединеніе спасаютъ ссылныхъ отъ физической и нравственной гибели, неизбежной для нихъ по смыслу закона, предписывающаго имъ обязательное ничегонедѣланіе: казенная и общественная служба для нихъ закрыта, а изъ частныхъ занятій не всѣ имъ доступны, да и то только по милости и снисхожденію начальства...

Между тѣмъ казна отпускаетъ ссылкой самое нищенское содержаніе: одиннадцать рублей въ мѣсяцъ лицамъ высшихъ сословій и восемь рублей простонародью. Да еще выдаютъ такъ называемыя «одежныя деньги»—отъ тридцати до пятидесяти рублей въ годъ.

На вычегодскомъ пароходѣ «Сольвычегодскъ» былъ въ числѣ пассажировъ пожилой жандармскій чинъ, совершавшій служебную командировку и вмѣстѣ съ тѣмъ весенній променажъ, съ участіемъ въ послѣднемъ и его молодой супруги. Разсуждая съ пассажирами о политическихъ ссылныхъ, жандармскій офицеръ увѣрялъ, что они «вполнѣ обезпечены содержаніемъ отъ казны, получая, кромѣ мѣсячнаго пособія, еще сто пятьдесятъ рублей (sic) въ годъ на платье»...

Когда я передавалъ это ссылкой (освобожденнымъ отъ ссылки и возвращавшимся на пароходѣ домой), они недоумѣвали, увѣряя, что никогда и нигдѣ не слыхали о такихъ крупныхъ (до ста пятидесяти рублей) выдачахъ «одежныхъ денегъ». Въ рѣдкихъ случаяхъ послѣднія достигали пятидесяти рублей, а чаще спускались много ниже. Да и эти скромныя выдачи «зависятъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства», т. е. оно можетъ выдать и больше, и меньше (въ предѣлахъ пятидесяти рублей), а то и ничего не выдать. Очевидно,

жандармскій чинъ фантазировалъ, разводя небылицы предъ неосвѣдомленными пассажирами...

Понятно, что на нищенское пособіе отъ казны ссыльнымъ невозможно прожить даже въ захолустномъ Вычегодскомъ краѣ, при невозможности подрабатывать что-нибудь службою, уроками и т. п. Поневолю всѣ живутъ собственно на пособія отъ родныхъ и на субсидіи товарищескихъ кружковъ. Въ кассы послѣднихъ обязательно вносятся ссыльными извѣстный процентъ со всякой получки изъ дому, изъ заработка (если такіе рѣдкіе случаи бываютъ) и т. п. Рѣдко кому удастся обезпечить себя, занявшись какимъ-либо торговымъ или промышленнымъ дѣломъ или поступивши на частную службу, спросъ на которую очень не великъ въ этихъ медвѣжьихъ углахъ.

Не легко живется ссыльнымъ отъ произвола мѣстной администратіи. Въ двухъ, рядомъ расположенныхъ по Вычегдѣ уѣздахъ наблюдаются совершенно противоположныя отношенія къ ссыльнымъ. Исправникъ одного уѣзда, очень порядочный и развитой человѣкъ, относится къ ссыльнымъ вполне порядочно и справедливо, не выходя изъ рамокъ закона. Онъ не жметъ ссыльныхъ, не стѣсняетъ доступной имъ свободы, не позволяетъ «надзирающимъ» (особый институтъ по надзору за ссыльными) черезчуръ ретиво наблюдать и нагло вторгаться въ частную жизнь наблюдаемыхъ, снисходительно относится къ невиннымъ уклоненіямъ отъ инструкціи—къ кратковременнымъ отлучкамъ ссыльныхъ изъ города, къ прогулкамъ въ лѣсу, на рѣкѣ и т. п.

И всѣ ссыльные относятся къ этому хорошему и справедливому человѣку съ полнымъ уваженіемъ (при встрѣчахъ обязательно кланяются), подчиняясь всѣмъ его распоряженіямъ, указаніямъ, совѣтамъ и не позволяя себѣ ничего, что могло бы подвести исправника подъ отвѣтственность. Въ этомъ городѣ не было ни одного случая не только побѣга ссыльныхъ, но хотя бы покушенія на то. Ссыльные не запомнятъ здѣсь ни одного, хотя бы самаго пустого столкновенія съ исправникомъ и его подчиненными. Обѣ стороны живутъ мирно, спокойно, вполне порядочно и безъ всякаго нарушенія требованія закона, а съ другой стороны и безъ всякихъ ухаживаній другъ за другомъ, безъ амикошонства и подлизываній.

А въ сосѣднемъ уѣздѣ наблюдается совершенно иная и очень печальная картина. Тамашній исправникъ находится въ постоянной войнѣ съ ссыльными. Вѣчные раздоры, столкновенія, непріятности идутъ тамъ изо дня въ день. Почти всегда нѣсколько ссыльныхъ сидятъ подъ арестомъ «за непослушаніе», подъ которое подводится все, что угодно начальству: и требованія невыданныхъ денегъ, и прогулки въ лѣсу (а городокъ окруженъ лѣсами, и улицы упираются прямо въ лѣсъ), и появленіе на пароходной пристани (что

запрещается ссылкой), и т. п. «преступленія». Исправникъ обращается съ ссылными грубо, рѣзко. И они платятъ ему при столкновеніяхъ тою же монетою, а при случайныхъ встрѣчахъ въ болѣе мирное время не замѣчаютъ его, не кланяются и демонстративно отворачиваются. Обѣ стороны волнуются, вѣчно находясь въ открытой борьбѣ. Многіе ссылные не выдерживали этой каторги и бѣжали. Другіе добились перевода въ сосѣдній городокъ и такъ отдохнули отъ всѣхъ ужасовъ режима вычегодскаго владѣтеля. Иные съ радостью ушли отъ него въ самые медвѣжьи углы уѣзда.

Нигдѣ институтъ гг. «надзирающихъ» за ссылными не держитъ себя такъ нагло и вызывающе, какъ у этого исправника. Не знаю, изъ какихъ подонковъ набирается сей институтъ, но права ему даны чрезмѣрныя и страшно раздражающія ссылныхъ. Оказывается, что «надзирающимъ» поручается не одинъ внѣшній надзоръ за цѣлостію ссылныхъ (т. е., чтобы они всѣ были налицо, не сбѣжали), но и внутренній—за ихъ домашнею жизнью. А на этой послѣдней почвѣ творятся возмутительныя вещи, рассчитанныя на явное издѣвательство надъ личностію безправныхъ людей...

Въ любую минуту къ ссылке имѣетъ право ворваться субъектъ, котораго вы, будучи свободнымъ человѣкомъ, и на порогъ къ себѣ не пустили бы... А онъ не только ворвется, но имѣетъ право часами сидѣть въ комнатѣ ссылнаго и ссылкой и станетъ «наблюдать», что они дѣлаютъ, читаютъ, говорятъ. Онъ можетъ рыться въ ихъ книгахъ, бумагахъ, вещахъ. Онъ будетъ ходить за вами живою тѣнью, и вы не въ силахъ его прогнать, уйти отъ него, спрятаться. Гоните его, ругайте, усовѣщывайте, а онъ будетъ сидѣть, ходить, молчать и «наблюдать»...

Войдите въ положеніе ссылныхъ, опекаемыхъ такимъ образомъ, и вы согласитесь, что тутъ ангелъ во плоти способенъ превратиться въ звѣря... Это уже не надзоръ и слѣжка, а прямое, самое открытое издѣвательство надъ живыми, но безправными людьми, придуманное ради самаго издѣательства, ибо никакихъ практическихъ цѣлей такой «надзоръ» не добьется: все, что желательно скрыть, всегда будетъ скрыто отъ самаго нахальнаго «надзирающаго».

Сомнительно, чтобы этотъ инквизиторскій институтъ былъ установленъ русскими законами, не отличающимися нарочитою жестокостію. Скорѣе онъ введенъ россійскимъ «циркулярнымъ правомъ», а осуществленъ мѣстными инквизиторами. По крайней мѣрѣ, въ другіхъ ссылныхъ мѣстахъ не приходилось слышать ни о чемъ подобномъ вычегодскому институту «надзирающихъ».

III.

И безъ инквизиторскихъ замашекъ нѣкоторыхъ вычегодскихъ администраторовъ политическимъ ссылкой нелегко живется, особенно въ деревенской глуши, среди зырянскаго населенія. Вы-

чегодскіе зыряне (въ противоположность печорскимъ, болѣе зажиточнымъ) очень грязны, неряшливы, нечистоплотны. Хотя банями они пользуются, но всегда, лѣто и зиму, спятъ въ верхнемъ платьѣ и оттого разводятъ въ избахъ массу всякаго «звѣрья». Когда ссыльные, вынужденные жить въ зырянскихъ избахъ, жалуются хозяевамъ на насѣкомыхъ, зыряне отвѣчаютъ: «насъ они не трогаютъ»...

Живя въ такой нечисти, ссыльные и кормятся плохо, такъ какъ зыряне ѣдятъ скудно, невкусно и несытно. Дичь они ѣдятъ, а куръ «не принято» ѣсть. Купить у нихъ куръ, яицъ, масла и пр. почти нельзя—тоже «не принято» продавать.

Отхожіе промыслы зырянъ (земля ихъ не можетъ прокормить), конечно, не содѣйствуютъ народному здравію и крѣпости семейныхъ началъ. Зырянки, большую часть года остающіяся дома безъ мужей, не отличаются строгостью нравовъ. Да и мужья, конечно, пошаливаютъ на уральскихъ заводахъ (главный отхожій промыселъ зырянъ), запуская тамъ сифилисъ и распространяя его дома. Въ послѣднемъ, однако, немало винятъ и матросовъ, возвращающихся домой съ морской службы (зырянъ охотно берутъ во флотъ).

Все это, разумѣется, такъ или иначе отражается на ссыльныхъ, вынужденныхъ жить въ тѣсномъ общеніи съ зырянами. Зато ссыльные съ удовольствіемъ констатируютъ, что въ духовномъ отношеніи зыряне очень способный къ развитію народъ. Ряды зырянской интеллигенціи быстро растутъ. Духовенство изъ зырянъ насчитываетъ уже по два и по три поколѣнія. Немало есть народныхъ учителей и учительницъ изъ зырянъ. Есть медики, чиновники и другіе интеллигентные зыряне. Называли талантливаго художника-зырянина, посланнаго недавно академіей художествъ за границу.

На рѣкѣ Выми (притокъ Вычегды, сближающійся съ притоками нефтеносной рѣки Ухты) наблюдается любопытное явленіе, повторяющееся и въ другихъ мѣстахъ (особенно въ Сибири), гдѣ русскіе давно соприкасаются съ инородцами: русскіе крестьяне на Выми значительно озырянились, говорятъ смѣшаннымъ русско-зырянскимъ нарѣчіемъ, переняли нѣкоторые обычаи зырянъ и проч.

Разумѣется, общеніе съ зырянской интеллигенціей нѣсколько скрашиваетъ тяжелую подневольную жизнь ссыльныхъ въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ края. А здѣсь попадаются такіе глухіе углы, о которыхъ ссыльные не могутъ вспоминать безъ ужаса. Вотъ, на примѣръ, Удорскій край (упоминаемый въ большомъ императорскомъ титулѣ) Яренскаго уѣзда. Это огромная низина, покрытая лѣсами и болотами, откуда берутъ начало многія рѣки—Удора, Пинега, Яренга и др. Край богатъ прекрасными лѣсами, рыбой, звѣремъ, но край очень глухой, пустынный, крайне бѣдный населеніемъ, по преимуществу охотничьимъ. Малые поселки разбросаны по лѣсамъ на большихъ разстояніяхъ. Добраться къ нимъ возможно собственно только зимою, когда болота и рѣки замерзнуть. Лѣтомъ

же Удорскій край почти отовсюду отрѣзанъ болотами и непроходимыми, дѣвственными лѣсами.

Одинъ счастливецъ изъ освобожденныхъ ссыльныхъ Удорскаго края, получивши освобожденіе весною, не могъ дожидаться зимы и смѣло тронулся въ путь по невѣроятнымъ удорскимъ «дорогамъ». Онъ все преодолѣлъ и попалъ въ селѣ Усть-Выми на нашъ пароходъ, измучившись въ конецъ и, видимо, разстроивши здоровье, еще раньше подорванное многолѣтнимъ прозябаніемъ на Удорѣ. Чтобы имѣть понятіе о томъ, что онъ перенесъ въ пути, достаточно сказать, что въ одномъ мѣстѣ ему пришлось «сорокъ верстъ итти въ водѣ по колѣно»... Такъ сильна была въ немъ жажда поскорѣ воспользоваться первыми днями свободы и вырваться изъ той труппы, гдѣ нѣсколько лѣтъ онъ провелъ почти въ полномъ одиночествѣ и отчужденіи отъ всего міра, среди всевозможныхъ лишеній, физическихъ и духовныхъ.

Тяжелы были рассказы освобожденныхъ ссыльныхъ объ ихъ горькомъ житіи-бытіи, но зато какъ они были счастливы въ первые дни свободы... Южанинъ, изучившій всѣ прелести Удорскаго края, стремился къ старушкѣ-матери, на благословенный югъ, надѣясь тамъ оправиться отъ пережитыхъ ужасовъ. Другой южанинъ, освобожденный изъ гор. Устьсысольска, былъ на пути въ Малороссію, но долженъ былъ еще задержаться на нѣкоторое время въ Вологдѣ.

Какъ ни тяжела для ссыльныхъ жизнь въ суровомъ Вычегодскомъ краѣ (особенно для южанъ), но многолѣтняя ссылка невольно сближаетъ ихъ съ краемъ. Нѣкоторые настолько акклиматизируются, что и послѣ освобожденія остаются на Вычегодѣ, особенно если имъ пришлось обзавестись здѣсь семьей. На пароходѣ ѣхалъ одинъ изъ такихъ освобожденныхъ, волею-неволею оставшійся на мѣстѣ ссылки, женившійся тутъ и даже привязавшійся къ этому своеобразному краю. Какъ юристъ, онъ сдѣлался частнымъ ходатаемъ по дѣламъ, состоитъ юрисконсультomъ одной мѣстной торговой фирмы и имѣетъ значительную практику.

Разсказывая, за какіе пустяки онъ вылетѣлъ въ ссылку и какъ по этому поводу воевалъ съ прокурорскимъ надзоромъ, между прочимъ онъ упомянулъ о такомъ курьезѣ. Сидя подъ арестомъ и скучая отъ бездѣлья, онъ шутки ради написалъ «прошеніе датскому королю» (sic), жалуясь на незаконный арестъ и проч. И прокурорскій надзоръ, не мудрствуя лукаво, принялъ это невозможное прошеніе и «пріобщилъ оно къ дѣлу»... Былъ ли данъ какой ходъ прошенію—неизвѣстно, но что оно осталось въ дѣлѣ окружнаго суда—это фактъ. Будущій историкъ нашихъ дней, роаясь въ архивѣ того суда, гдѣ хранится это курьезное прошеніе, станетъ вгупикъ передъ этимъ фактомъ, какъ бы выхваченнымъ изъ сатиры Щедрина...

Н. Н. Оглоблинъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА БЪЛОЗЕРСКАЯ, УРОЖДЕННАЯ ГЕНЬ ¹⁾.

(Автобіографія)

ОДИЛАСЬ я въ 1838 году въ нашей усадьбѣ Софіевкѣ Бѣлозерскаго уѣзда Новгородской губерніи въ полу-нѣмецкой семьѣ (отецъ былъ нѣмецъ, мать—русская) ²⁾. Трехъ лѣтъ отъ роду меня привезли въ Петрозаводскъ, гдѣ отецъ получилъ мѣсто губернскаго лѣсничаго. Семья наша была многочисленная; жили мы въ собственномъ домѣ, въ достаткѣ, съ многочисленной крѣпостной прислугой, къ которой относились у насъ гуманно. Въжливаго, гуманнаго отношенія къ ней требовали и отъ насъ, дѣтей. Воспитывали насъ дома, для младшихъ была нѣмка, для двухъ старшихъ, сестры и меня, выписывали гувернантокъ изъ Петербурга, и, кромѣ того, давали уроки учителя гимназіи. О переутомленіи не было тогда и рѣчи. Мы учились и приготавливали уроки съ утра до ночи съ небольшимъ перерывомъ для ѣды; и даже зимой рѣдко гуляли. Главное вниманіе было обращено на основательное знаніе иностранныхъ языковъ; исторію и географію мы учили по-французски, слово въ слово для практики. Кромѣ того, насъ обучали музыкѣ, рисованію, танцамъ. Воспитаніе было строгое, наказывали насъ часто, особенно меня за непокорность, составлявшую отличительную черту моего характера съ ранняго дѣтства. Ничто не помогало:

¹⁾ Эта автобіографія найдена нами при разборѣ рукописей покойной Надежды Александровны Бѣлозерской и, видимо, предназначалась для печати.

²⁾ Урожденная Катенина.

чѣмъ строже меня держали, тѣмъ сильнѣе было мое желаніе дѣлать наперекорь.

Когда старшей сестрѣ минуло семнадцать, а мнѣ шестнадцать лѣтъ, наше ученіе кончилось. Насъ стали вывозить на балы и вечера. Молодежи было много, особенно мужской, такъ какъ при Николаѣ I университетская молодежь должна была начинать службу въ провинціи. Много было горнозаводскихъ офицеровъ и много ссыльныхъ, людей очень развитыхъ и образованныхъ. Послѣднимъ мы много обязаны съ сестрой нашимъ развитіемъ; они читали намъ лекціи, давали книги для чтенія, знакомили съ отвлеченными вопросами, будили мысль. Хорошо жилось намъ.

Но жизнь эта кончилась внезапно со смертію отца. Мать со всѣми нами переѣхала въ Костромскую губернію къ своему брату Н. И. Катенину, богатому помѣщику, въ родовое имѣніе Занино, съ большимъ стариннымъ садомъ, оранжереями, стариннымъ каменнымъ домомъ въ два этажа, съ колоннами, залой въ два свѣта, бильярдной и разными барскими затѣями. Здѣсь застали мы остатки отживающаго крѣпостного права, безъ его жестокостей, о которыхъ слышали много разсказовъ. Окружающая насъ во всемъ роскошь, начиная съ стола, множество прислуги—все это не производило впечатлѣнія; и до этого не знали мы нужды; бѣдность представляли себѣ въ видѣ нищихъ, которыхъ иногда встрѣчали на улицахъ Петрозаводска. Отсутствіе труда господъ также не било въ глаза; всѣ были чѣмъ-нибудь заняты; и въ голову не приходило задумываться, насколько эти занятія были никому не нужны. Мы съ сестрой по очереди учили младшихъ сестеръ и братьевъ, такъ какъ гувернантки были отпущены. Къ тому же въ Занинѣ была богатѣйшая бібліотека на разныхъ языкахъ, собиравшаяся десятками лѣтъ; выписывались и новые журналы и газеты, русскіе и иностранные. Я читала запоемъ, иногда съ утра до поздней ночи. Часто наѣзжали сосѣдніе помѣщики, съ прислугой и лошадьми, жили дня по три, велись умные разговоры, ѣли цѣлый день.

Послѣ двухъ лѣтъ такой жизни я вышла замужъ за В. М. Бѣлозерскаго, служившаго тогда въ канцеляріи петербургскаго губернатора, и пріѣхала въ Петербургъ. Это было въ январѣ 1856 года, въ началѣ царствованія Александра II,—въ пору надеждъ и реформъ, когда все общество встрепелось послѣ долгой, непробудной спячки. Съ этого времени началась для меня новая жизнь. Я сразу очутилась въ чуждой обстановкѣ, среди многолюднаго незнакомаго общества. Сначала меня сильно смущали частые звонки на нашей квартирѣ, появленіе все новыхъ и новыхъ лицъ. Не сразу рѣшалась я послѣдовать приглашенію моего мужа выйти къ гостямъ, стояла нѣсколько минутъ за дверью, потомъ быстро входила, чтобы закрыть себѣ отступленіе. Но это продолжалось недолго, я скоро освоилась, и для меня уже не было больше «незнакомыхъ» людей.

В. М. Бѣлозерскій былъ человѣкъ очень общительный и обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ группировать около себя общество. Между прочимъ я очутилась въ кругу малороссовъ, во главѣ которыхъ были Кулишъ, Костомаровъ и Шевченко, слышала много, много интереснаго, такъ какъ на ряду съ разговорами о возрожденіи Малороссіи затрагивались болѣе широкіе, общечеловѣческіе вопросы. Въ другихъ кружкахъ шли толки о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, читались проекты, наѣхали выбранные депутаты для рѣшенія крестьянскаго вопроса со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними было много замѣчательно умныхъ и красиво говорящихъ людей. Говорили и о другихъ предстоящихъ реформахъ; и тогда нѣкоторые заявляли, что «Россія не дозрѣла», что «пужна постепенность и нѣтъ подходящихъ людей». Но противъ этого возставало большинство присутствовавшихъ, и проповѣдники застоя умолкали.

Рядъ новыхъ поднятыхъ вопросовъ вызвалъ появленіе цѣлой переводной литературы по разнымъ отраслямъ знанія. Эти вопросы обсуждались и въ журналахъ того времени, особенно въ «Современникѣ», гдѣ тогда писалъ Чернышевскій.

Живое было время, полное надеждъ! Люди, искренно вѣровавшіе въ лучшее будущее Россіи, посвятили всѣ свои силы проведенію реформъ, служили дѣлу до конца, несмотря на всѣ препятствія. Если были отщепенцы, свернувшіе въ сторону, то гдѣ ихъ нѣтъ?

Сила общества шестидесятыхъ годовъ заключалась въ его солидарности, которая сказывалась на частыхъ и многолюдныхъ сборищахъ того времени, гдѣ сходились люди всѣхъ слоевъ общества, всякаго возраста: среднихъ лѣтъ, старики и молодежь. Тогда молодежь не считала съ вредной, и ей вездѣ былъ доступъ. Къ ней относились участливо.

Такія многолюдныя собранія были и у насъ въ домѣ съ 1860 года, когда началось изданіе малороссійскаго журнала «Основа», редакторомъ котораго былъ мой мужъ. На наши понедѣльники обыкновенно собиралось отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ: малороссы, поляки, русскіе. Кого только не было? Являлись ученые, профессора университета, — генеральнаго штаба (въ числѣ которыхъ былъ и Драгомировъ), бывали и литературныя знаменитости, и просто образованные люди. Кромѣ шумѣвшихъ: Кулиша, Костомарова и Шевченка, въ числѣ посѣтителей находились: Тургеневъ, П. Анненковъ, Кавелинъ, изрѣдка Пыпинъ, Лихачевы, братья Жемчужниковы, поэтъ Полонскій, Чернышевскій, Деляновъ (будущій министръ). При этомъ всегда много было молодежи, особенно студентовъ (преимущественно товарищи и знакомые моего брата К. А. Гена, студента петербургскаго университета, который тогда жилъ у насъ въ домѣ). Говорили всѣ, и слышенъ былъ гулъ голосовъ: кто кого слушалъ—неизвѣстно. Лица у всѣхъ были оживленныя... Занимать гостей не приходилось, угощенія не требовалось... На

большой столъ подавался огромный самоваръ, ставился хлѣбъ и сыръ. Я наливала чай тѣмъ, кто приходилъ изъ первыхъ, а затѣмъ всякій наливалъ самъ себѣ чай, если хотѣлъ, но и чай забывали...

Но мирныя собранія и бесѣды скоро кончились. Начались неожиданно университетскіе безпорядки, вызванные насильственнымъ введеніемъ матрикуловъ вновь назначеннымъ министромъ народнаго просвѣщенія Путятинымъ.

Нововведенія у насъ въ этихъ случаяхъ обязательны при каждой перемѣнѣ начальства. Путятинъ былъ скоро смѣненъ, но это не помогло, такъ какъ матрикулы остались. Произошло извѣстное всѣмъ шествіе студентовъ черезъ городъ по Невскому въ Колокольную улицу. Во главѣ ихъ шла депутація, въ которой былъ и мой братъ К. А. Генъ и которая должна была подать прошеніе новому министру. За этимъ слѣдовали уличныя сходки, разгоняемыя полиціей, и массовое заключеніе студентовъ въ Петропавловскую и Кронштадтскую крѣпости.

Общество выразило свое сочувствіе студентамъ посылкой многихъ тюковъ съ теплымъ платьемъ заключеннымъ въ Кронштадтъ. Ежедневно посылались корзины со всякой провизіей въ Петропавловскую крѣпость, устраивались лотереи, собирались деньги для неимущихъ.

Когда студентовъ выпустили изъ крѣпости, было общее ликованіе. Въ слѣдующій за тѣмъ понедѣльникъ къ намъ явилось около ста студентовъ; пѣли они сочиненную ими въ крѣпости оперу на Путягина, были шумны и веселы безъ вина...

Черезъ день трое депутатовъ: мой братъ К. А. Генъ, Михаэлисъ и Покровскій, были высланы изъ Петербурга; ихъ провожали многіе на тройкахъ.

Лѣтомъ начались пожары, которые приписали студентамъ, хотя на это не было никакихъ данныхъ. Начались строгости, заключень былъ Чернышевскій и т. д.

Понедѣльники наши продолжались, но уже слышалось раздраженіе, и настроеніе было не прежнее. Но вѣра въ лучшее будущее и сознаніе необходимости работы на благо Россіи по мѣрѣ силъ и возможности не оставляли...

Среди этой шумной жизни, пестрой смѣны лицъ и впечатлѣній сошла я дружески со Стасовой и Трубниковой, дружба наша становилась все тѣснѣе и продолжалась неизмѣнно до смерти обѣихъ. Давно живу я на свѣтѣ, но не встрѣчала ни до этого, ни послѣ равныхъ имъ по энергіи, готовности служить дѣлу до самоотверженія! Для обѣихъ дѣло было всегда выше личнаго самолюбія.

Трубниковой и Стасовой обязана я многимъ. Онѣ отвлекли меня отъ беспочвеннаго горячаго увлеченія широкими общественными задачами и идеалами и убѣдили приняться за общественную дѣятельность. Благодаря имъ, я приняла участіе въ возникшемъ об-

Надежда Александровна Бѣлозерская.

ществѣ переводчицъ, а затѣмъ въ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ, присутствовала на всѣхъ общихъ и частныхъ собраніяхъ, дежурила на лекціяхъ и прочее. При мнѣ возникли женскіе медицинскіе курсы, благодаря крупному пожертвованію въ пятьдесятъ тысячъ Л. Н. Родственной, въ настоящее время всѣми забытой, которую я встрѣтила въ помѣщеніи русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества во время чествованія сорокалѣтней общественной дѣятельности А. П. Философовой. Она стояла въ толпѣ,

«истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. сxxxii.

12

никто не замѣчалъ ея присутствія. Мы узнали другъ друга и разговорились; она пріѣхала ко мнѣ. Жизнь не пощадила ея и привела къ глубокому разочарованію; здоровье плохое—она полуслѣпая. Больше намъ не удалось видѣться, потому что ее слѣпно вызвали въ Москву по случаю болѣзни матери.

О высшихъ женскихъ курсахъ распространяться не буду, потому же все, что прямо или косвенно касается ихъ, изложено ярко, правдиво и подробно въ прекрасной книгѣ «Надежда Васильевна Стасова», изданной въ 1899 году В. В. Стасовымъ. Книга эта не требуетъ ни комментаріевъ, ни добавленій.

Я оставалась въ числѣ завѣдующихъ устройствомъ высшихъ женскихъ курсовъ до 1878 года и должна была отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ курсовъ и вообще отъ всякой общественной дѣятельности. Я была буквально завалена работой и работала въ силу крайней необходимости. Въ 1867 году окончательно порвалась моя супружеская жизнь, и я очутилась съ тремя малолѣтними дѣтьми—двумя сыновьями и дочерью—безъ всякихъ средствъ къ существованію. Требовать денегъ отъ мужа на содержаніе дѣтей я не хотѣла и съ самонадѣянностью молодости рѣшила, что сама буду содержать ихъ, доставлю имъ среднее, а сыновьямъ и высшее образованіе (и достигла этого). Я знала, что необходимо будетъ найти какой-нибудь заработокъ, но какъ и что буду дѣлать—не представляла себѣ.

Была весна. Я воспользовалась этимъ, поѣхала съ дѣтьми въ нашу усадьбу Софіевку Новгородской губерніи, прожила лѣто и, оставивъ дѣтей у матери, пріѣхала въ Петербургъ съ десятью рублями въ карманѣ—все, что осталось отъ дороги. Въ Петербургѣ остановилась я и осталась жить на зиму у моей близкой пріятельницы А. Г. Каррикъ, которая занимала квартиру въ двѣ комнаты, работала въ газетахъ и содержала себя и двухъ дѣтей. Я тотчасъ же стала искать уроковъ и, благодаря большому количеству друзей и знакомыхъ, сразу нашла ихъ, такъ что могла внести свою долю на содержаніе себя и горничной ¹⁾. Къ каждому уроку я должна была нѣкоторое время готовиться, потому что въ знаніяхъ не было системы; приходилось знакомиться съ новыми учебниками и методами. Дѣло шло успѣшно: ученицы меня полюбили, дѣлали успѣхи, и родители были довольны. Все утро я давала уроки, а вечеромъ до поздней ночи готовилась къ экзамену на званіе домашней учительницы, такъ какъ хотѣла посвятить себя педагогической дѣятельности. Скоро пріѣхала къ Каррикъ и поселилась въ одной комнатѣ со мной А. Н. Фокина (будущая Костычева), молодая дѣвушка изъ

¹⁾ Пятнадцатилѣтняя дѣвушка, неотлучно жившая при мнѣ два года, которая объявила, что не разстанется со мной и будетъ служить безъ жалованья; да и я не могла себѣ представить, что можно жить безъ горничной, но скоро поняла.

Варшавы, которая также хотѣла готовиться къ экзамену въ университетѣ и заняться даваніемъ уроковъ. Такимъ образомъ насъ оказалось немало, а денегъ у всѣхъ было немного, такъ что обыкновенно на обѣдъ выдавался на всѣхъ вмѣстѣ съ прислугой одинъ рубль. Обѣдъ состоялъ изъ большого количества супа съ крупой, довольно водянистаго, и изъ разваренной въ супѣ говядины съ картофелемъ, или съ рисомъ, или съ брюквой. Ъли усердно, потому что завтрака и ужина не полагалось; кромѣ того, уничтожали много хлѣба за чаемъ.

Въ маѣ 1868 года я выдержала на пять изъ четырехъ главныхъ предметовъ: русскаго и французскаго языка, географіи и исторіи. Это были послѣдніе экзамены у профессоровъ петербургскаго университета; съ слѣдующаго года они были перенесены въ шестую гимназію у Чернышева моста.

Въ это время моихъ ученицъ уже не было въ городѣ, и я, довольная и счастливая, отправилась къ матери въ деревню, къ дѣтямъ, навезла имъ всякой всячины. Лѣтомъ студенты-медики—мой братъ А. Генъ (теперь докторъ дирекціи петербургскихъ театровъ)¹⁾ и его товарищъ Ив. Р. Тархановъ читали мнѣ лекціи анатоміи и фізіологіи, при мнѣ потрошили лягушекъ и знакомили меня съ ботаникой. Но изъ этихъ лекцій только заинтересовала меня ботаника, и я послѣ того нѣсколько лѣтъ изучала ее.

Наступила осень, я вернулась въ Петербургъ и опять принялась за уроки. Поселились мы вмѣстѣ съ А. Н. Фокиной (Костычевой) въ меблированной комнатѣ, гдѣ-то на Подъяческой, но не совсѣмъ удачно: хозяйка кормила насъ отвратительно, а хозяинъ пилъ запоемъ. Нѣсколько разъ хотѣли мы переѣхать, но хозяйка принималась плакать, просила остаться, жаловалась на свою несчастную судьбу, и мы оставались. Наконецъ выручила насъ М. А. Тургенева, которая, уѣзжая къ себѣ въ деревню, предложила переѣхать на ея квартиру, за которую она заплатила до осени. Мы, конечно, были очень рады и тотчасъ же переѣхали, тѣмъ болѣе, что въ послѣднюю ночь пьяный хозяинъ буйствовалъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Теперь уроковъ было у меня такъ много, что я считала себя совсѣмъ богатой (получала я до восьмидесяти рублей въ мѣсяць) и рѣшила на слѣдующую зиму привезти двухъ старшихъ дѣтей въ Петербургъ и поселиться на отдѣльной квартирѣ. Это и было исполнено мною осенью 1869 года. Со мною и дѣтьми пріѣхала моя младшая сестра З. А., которая и прожила со мною до выхода замужъ²⁾. Затѣмъ ее замѣнила старшая сестра С. А. Могильницкая, тогда овдовѣвшая, и живетъ со мною и теперь болѣе тридцати лѣтъ³⁾.

¹⁾ Нынѣ умершій. *Ред.*

²⁾ За Н. О. Кульжипскаго.

³⁾ Скончалась въ 1909 году. *Ред.*

Перенесли мы съ нею много мытарствъ всякихъ, жили въ сырыхъ и темныхъ квартирахъ, безъ конца мѣняли ихъ, не разъ терпѣли всякія лишенія, вырастили и воспитали троихъ моихъ дѣтей. Когда дочь моя вышла замужъ, а сыновья поступили—одинъ въ лѣсной институтъ, другой—въ медико-хирургическую академію, и мы остались однѣ съ сестрой, судьба послала намъ новую заботу: намъ пришлось взять къ себѣ на воспитаніе грудного младенца, круглаго сироту Александра Соколовскаго. Вырастили мы его, любили и баловали, довели до студенчества; онъ попался въ извѣстную исторію съ нагайками ¹⁾, былъ выключенъ изъ университета, долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Онъ рѣшилъ поступить въ Константиновское артиллерійское училище; благополучно кончилъ курсъ и теперъ въ Портъ-Артурѣ ²⁾.

Но возвращусь къ моей педагогической дѣятельности, отъ которой я неожиданно перешла къ литературѣ.

Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ свободное время я занималась переводами. Не помню, гдѣ они были напечатаны. Знаю только, что одна статья была напечатана въ «Учителѣ». Вѣроятно, тамъ ничего не было, кромѣ фразъ,—мнѣ было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Но въ 1865 году я сдѣлала довольно трудный переводъ съ англійскаго: «Записки о Москвитинѣ XVI вѣка сэра Джерома Горсея», напечатанный въ №№ 4—6 «Библиотеки для чтенія». Этотъ переводъ я и считаю моей первой литературной работой. О возвращеніи къ литературѣ я и не мечтала и, занявшись уроками, думала, что ограничусь педагогикой. Въ это время у меня было три случая сдѣлаться начальницей гимназіи, но я, не задумываясь, отказалась, такъ какъ не хотѣла уложить жизнь въ тѣсныя рамки и знала, что не гожусь для этого.

Но вотъ въ одинъ прекрасный или непрекрасный день—не помню—въ началѣ 1870 года пріѣхала ко мнѣ Марко-Вовчокъ (Маркевичъ), съ которой я познакомилась въ шестидесятыхъ годахъ и сохранила добрыя отношенія. Она съ первыхъ же словъ предложила мнѣ взять переводъ англійскаго романа: «Мощено золотомъ» для «Отечественныхъ Записокъ», начатый ею, и я съ радостью согласилась, тѣмъ болѣе, что однообразіе уроковъ въ частныхъ домахъ начинало томить меня. Салтыковъ (Щедринъ) одобрилъ мой переводъ ³⁾. Въ это время Марко-Вовчокъ начала издавать «Иллюстрированный Журналъ» на средства книгопродавца Звонарева и редактировала издаваемыя имъ научныя переводныя книги, давала мнѣ работу за работой. Въ это время я перевела съ нѣмецкаго «Исторію человѣческой культуры» Кольба, затѣмъ съ англійскаго

¹⁾ 1899 г. *Ред.*

²⁾ Гдѣ убитъ въ 1904 году. *Ред.*

³⁾ Напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1870 г., июль—декабрь.

«Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношенія къ новѣйшимъ идеямъ» Мэна.

Переводы хорошо оплачивались, и у меня не было недостатка въ нихъ—заказы слѣдовали одни за другими. Но они были выгодны при большомъ количествѣ переведенныхъ листовъ, а я сидѣла за ними по четырнадцать часовъ въ день. Здоровье было хорошее, выносила легко, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ отдыхала въ деревнѣ. Затѣмъ постепенно лѣтъ на пять пришлось бросить переводы: Костомаровъ заболѣлъ глазами и предложилъ мнѣ поступить къ нему домашнимъ секретаремъ, дѣлать для него выписки въ Публичной библіотекѣ, выборки изъ книгъ и писать подъ его диктовку. (Объ этомъ сказано въ моихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ, см. «Р. С.» 1886 г., т. XLIX и L). Платилъ онъ мнѣ треть того, что онъ получалъ, работалъ онъ быстро, и я зарабатывала достаточно. Работа эта имѣла и ту хорошую сторону, что научила, какъ работать и пользоваться матеріаломъ.

Невыгода работы моей у Костомарова сказалась тогда, когда она прекратилась. Мнѣ пришлось начинать заново. Уроки, литературныя работы ушли отъ меня—просить работы, хлопотать о себѣ было тяжело. Тутъ опять произошло нѣчто неожиданное: сразу отъ переводовъ я перешла къ самостоятельной работѣ. Приѣхалъ Д. Л. Мордовцевъ, съ которымъ я познакомилась у Костомарова, и предложилъ мнѣ писать рецензіи для «Древней и Новой Россіи», издававшей подъ редакціей С. Н. Шубинскаго, добавивъ, что работу мою будетъ выдавать за свою, потому что не примутъ иначе—я женщина, и это первый случай...

Придумалъ онъ мнѣ и псевдонимъ: Б. Г и в. (безъ гнѣва) и для разбора привезъ книгу: «Памятникъ протекшихъ временъ» А. Т. Болотова,—объяснилъ, какъ писать и что требуется. Видя мое смущеніе, Д. Л. ободрялъ меня, убѣждалъ не отказываться; и я согласилась, потому что другой работы не было. Волновалась я сильно, изорвала много бумаги, первую ночь всю не спала—все думала... Но рецензію написала, она была принята и понравилась; съ такимъ же успѣхомъ сошли и остальные рецензіи. Когда «Древняя и Новая Россія» перешла въ другія руки, Д. Л. открылъ мой псевдонимъ С. Н. Шубинскому; и онъ самъ приѣхалъ ко мнѣ, предложилъ быть сотрудницей вновь издаваемого «Историческаго Вѣстника» подъ его редакторствомъ. Для первой книги журнала онъ заказалъ мнѣ переводъ историческаго романа по моему выбору. Я выбрала нѣмецкій романъ Ю. Роденберга: «Новый всемірный потопъ».

Вслѣдъ за тѣмъ приѣхалъ ко мнѣ М. О. Вольфъ и заказалъ (думаю, по совѣту Мордовцева) статью: «Основаніе Петербурга» для «Живописной Россіи». Я была въ восторгѣ, что у меня такъ много работы...

Когда переводы въ «Историческомъ Вѣстникѣ» перешли къ Булгакову и за мною остались однѣ статьи, заработокъ настолько уменьшился, что стало совсѣмъ плохо.

Судьба опять выручила, въ лицѣ В. И. Семевского, который принялъ во мнѣ самое доброе участіе и пристроилъ меня въ «Русскую Старину», гдѣ у меня было много и всегда крайне спѣшной работы. М. Ив. Семевскій находилъ, что у меня «бойкое перо», хвалилъ, печаталъ безъ имени или съ буквами Н. Б., сперва платилъ мало, а потомъ я получала пятьдесятъ и шестьдесятъ рублей за листъ; за «Воспоминанія о Костомаровѣ» заплатилъ семьдесятъ пять рублей за листъ... Многія работы совсѣмъ забыла... Между прочимъ М. И. Семевскій заказалъ мнѣ полную передѣлку своей книги «Царица Прасковья по новымъ матеріаламъ» и прислалъ мнѣ большую корзину книгъ изъ своей богатой исторической библиотекки и заплатилъ мнѣ двѣсти рублей. О моемъ имени, конечно, не было упомянуто, и я возвратила въ редакцію, по условію, не только книги, но и сдѣланныя мною выписки и черновики. Книга разошлась въ одну зиму.

Работа моя въ «Русской Старинѣ» была самая разнообразная и всегда заказная. Писала я рецензіи книгъ (которыя перечислены въ прилагаемомъ спискѣ моихъ работъ); посылалъ меня М. И., по его выраженію, «исповѣдывать стариковъ». Работа заключалась въ томъ, что я записывала автобіографію со словъ рассказчика, потомъ приводила въ порядокъ и приготавливала для разсказа. Такъ составлены были многія біографіи: Ѳ. Г. Солнцева, профессора археологической живописи, И. П. Келлера, профессора живописи, и извѣстнаго кристаллографъ Кокшарова. Работа была интересная, потому что старцы, вспоминая прожитую жизнь, разсказывали много любопытнаго. На ряду съ этимъ пришлось мнѣ составить «Обзоръ пятидесятилѣтней дѣятельности с.-петербургскаго минералогическаго общества», который былъ напечатанъ безъ подписи въ «Русской Старинѣ» (1890 г., кн. 5) и «Двадцатипятилѣтіе «Вѣстника Европы» («Русская Старина», 1890 г., кн. 12).

Обыкновенно М. Ив. Семевскій никогда не поправлялъ мои работы и печаталъ цѣликомъ, чѣмъ я была очень довольна.

Одно утомляло—постоянная спѣшка... Иногда, работая цѣлый день, я писала во время обѣда, между первымъ и вторымъ кушаньемъ. Только ночью не работала никогда, хотя часто бывала бессонница отъ чрезмѣрнаго напряженія мысли.

Былъ у меня и такой случай. Во время работы въ «Русской Старинѣ» заказалъ мнѣ М. И. Семевскій по случаю предстоящей коронаціи статью: «Царское вѣнчаніе въ Россіи», вопросъ почти не тронутый и трудъ не легкій—прогулка по всей русской исторіи. Я ежедневно бывала въ Публичной библиотекѣ и написала пять печатныхъ листовъ, но тутъ Мих. Ив. объявилъ, что ему нужно

всего два листа и статья должна быть безъ подписи, потому что неудобно ставить «женское» имя. Меня это такъ озадачило, что я хотѣла разорвать всю статью. И на этотъ разъ опять выручилъ В. И. Семевскій (братъ редактора «Русской Старины»), послалъ статью въ Москву въ «Русскую Мысль», гдѣ она была напечатана цѣликомъ и съ подписью: Н. Бѣлозерская. Много обязана я В. И. Семевскому за помѣщеніе въ «Русской Мысли» автобіографіи Костомарова, продиктованной имъ и отданной въ мое распоряженіе. Автобіографія была напечатана вскорѣ послѣ смерти Костомарова.

Случай со статьей «Царское вѣнчаніе» не прошелъ безслѣдно. Съ этого времени всѣ мои статьи въ «Русской Старинѣ» печатались съ моей подписью...

Въ маѣ 1888 года въ «Русской Старинѣ» началъ печататься рядъ моихъ статей о Вас. Тр. Нарѣжномъ, первомъ русскомъ романистѣ, настолько забытомъ, что многіе образованные люди даже не знали его имени. Мих. Иван. настолько интересовался выбранной имъ темой, что самъ пріѣхалъ ко мнѣ уговаривать-чтобы я взялась за этотъ трудъ. Работа была сложная, невыгодная и кропотливая, и всѣ попытки въ этомъ направленіи кончались ничѣмъ. Свѣдѣнія о Нарѣжномъ были болѣе чѣмъ скудны: приходилось собирать матеріалъ урывками, иногда отдѣльными фразами, пересмотрѣть старые русскіе журналы конца XVIII и начала XIX вѣка, перечитать и пересмотрѣть ворохи старыхъ книгъ. При этомъ было необходимо основательно познакомиться съ предшествовавшей русской литературой съ момента ея перехода изъ рукописной—въ печатную, писать сжато въ виду печатанія въ журналѣ.

Первые три года работа шла благополучно, я представляла ее по частямъ въ редакцію, и она немедленно печаталась. Но въ 1891 году въ одинъ непрекрасный для меня день, когда уже значительная часть работы была напечатана, М. И. Семевскій предложилъ мнѣ бросить «Нарѣжнаго» и заняться какой-то скучнѣйшей статьей.

Я отказалась наотрѣзъ, но не упала духомъ и рѣшила кончить мой кропотливый трудъ, не рассчитывая, что онъ будетъ когда-нибудь напечатанъ. Знала я, что обрекаю себя и сестру Софію Александровну на всякія лишенія и надѣлаю долговъ. Сестра вполне одобрила мое рѣшеніе (дѣти мои уже были взрослыя)...

Такъ проработала я два года, бѣдствовали мы достаточно съ сестрой, надѣлали долговъ. Я попрежнему ежедневно бывала въ Публичной библіотекѣ, гдѣ всѣ, какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ отдѣленіяхъ, относились ко мнѣ болѣе, чѣмъ хорошо. Вл. Ив. Сайтовъ отыскивалъ и самъ приносилъ мнѣ книги, В. П. Ламбинъ выдавалъ самыя рѣдкія изданія, и я всегда работала за его столомъ. Нерѣдко подходилъ Л. Н. Майковъ, спрашивалъ, что я дѣлаю, совѣтовалъ прочесть мнѣ тѣ или другія книги. Наконецъ

я кончила работу и уже сдавала набранныя книги, какъ подошелъ ко мнѣ Л. Н. Майковъ и выразилъ желаніе прочесть все, что я написала о Нарѣжномъ. Черезъ мѣсяць, встрѣтивъ меня опять въ Публичной библиотекѣ, онъ возвратилъ мнѣ рукопись и посовѣтовалъ представить работу (напечатанную въ «Русской Старинѣ» частью, а послѣ всю написанную) въ академію наукъ на ученую Уваровскую премію, которую я получила въ 1893 году.

Для меня это было великимъ благомъ во всѣхъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе въ денежномъ: я могла расплатиться съ долгами.

Затѣмъ я опять осталась безъ средствъ.

Къ счастью, М. И. Семевскій предложилъ мнѣ опять работать въ «Русской Старинѣ». Но онъ сталъ еще раздражительнѣе, ссылаясь на разстройство печени. Онъ вообще довольно безцеремонно обращался съ болѣе мелкими сотрудниками. Но при малѣйшей выходкѣ съ его стороны относительно меня я, какъ это было прежде, такъ и теперь, послѣ исторіи съ Нарѣжнымъ, перекочевывала въ «Историческій Вѣстникъ» и окончательно перешла туда послѣ смерти М. И. Семевского. Здѣсь все было иначе... Редакторъ С. Н. Шубинскій неизмѣнно вѣжливо и доброжелательно относился ко всѣмъ сотрудникамъ, постояннымъ и вновь поступавшимъ, чему я не разъ была свидѣтельницей. Отказываясь принять статью, онъ не позволялъ себѣ никакихъ рѣзкихъ замѣчаній. Ко мнѣ лично за все время существованія «Историческаго Вѣстника» С. Н. относился съ такой добротой и участіемъ, что я не могу забыть этого.

Не даромъ сотрудники журнала каждое пятилѣтіе чествовали Сергѣя Николаевича, какъ редактора, выражали ему свое сочувствіе и благодарность за доброе и человѣчное отношеніе къ нимъ (къ злополучной литературной братіи). Я принимала участіе въ каждомъ чествованіи. Рада, что могла присутствовать на двадцатипятилѣтнемъ редакторскомъ юбилеѣ С. Н. Шубинскаго 1-го декабря нынѣшняго 1904 года и выразить ему отъ себя мою глубокую благодарность и уваженіе за неизмѣнно-доброе отношеніе ко мнѣ...

Перечень моихъ работъ, переводныхъ и историческихъ, прилагаю.

Н. Бѣлозерская.

Спб. 18 декабря 1904 г.

1) «Записки о Московіи XVI вѣка», сэра Джерома Горсея, перев. съ англ., съ предисловіемъ и примѣч. Н. И. Костомарова, въ «Библиотекѣ для чтенія», 1865 г., № 4—6. Переизд. А. С. Суворинымъ въ 1909 г.

2) «Мощеное золотомъ», романъ Мегью, перев. съ англ. («Отечественныя Записки», 1870 г., июль—декабрь, 1871 г., апрѣль).

3) «Кіевъ и его святыни въ половинѣ XVII вѣка». Изъ путешествій антіохійскаго патріарха Макарія, описаннаго его архи-

діакономъ Павломъ, перев. съ англ. («Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1872 и 73 гг., и отдѣльно).

4) «Семь язвъ Лондона», Гринвуда, перев. съ англ. («Иллюстрированный Журналъ», 1872 г., № 5. Перев. не оконченъ).

5) «Рабочія біографіи», С. Смайльса, помѣщ. въ изд. «Переводы иностранныхъ писателей» (1871 г., №№ 2 и 3), подъ заглавіемъ: «Біографіи промышленныхъ дѣятелей», Самуила Смайльса. Изд. отдѣльно. Спб. 1872. 8°.

6) «Исторія человѣческой культуры», Ф. Кольба, перев. съ нѣмецкаго, въ «Перелогахъ лучшихъ иностранныхъ писателей», 1871 г., №№ 2 и 3, и отдѣльно. Спб. 1872 г. 8°.

7) «Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношенія къ новѣйшимъ идеямъ», Г. С. Мэна, перев. съ англ. Спб. 1873 г. 8°.

Рецензія: а) «Дѣло», 1873 г., № 7, стр. 1—10; б) «Судебный Вѣстникъ», 1873 г., № 79.

8) «Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ, отъ Августа до послѣдняго изъ Антониновъ», Л. Фридлендера, перев. съ нѣмец. Спб. 1873 г. 8°.

Рецензія: «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1873 г., № 6, стр. 363—370.

9) «Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ». Просмотрѣно Н. И. Костомаровымъ; изд. Арнгольда и Вармунда, вып. 1. Спб. 1875 г.

10) «Памятникъ прошедшихъ временъ», А. Т. Болотова. Москва. 1875 г. Рецензія: «Древняя и новая Россія», 1875 г., т. I, съ подписью: Б. Гнв.

11) «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники», А. Г. Брикнера. М. 1874 г. Рецензія (*ibid.*, т. II, съ тою же подписью).

12) «Н. И. Новиковъ», А. И. Незеленова. Спб. 1875 г. Рецензія (*ibid.* т. III, съ тою же подписью).

13) «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ», А. Н. Неустроева. Спб. 1874 г. Рецензія (*ibid.*, 1876 г., т. I, съ тою же подписью).

14) «Книга о кіевскихъ богатыряхъ», В. П. Авенаріуса. Спб. 1876 г. Рецензія (*ibid.*, съ тою же подписью).

15) «Наши чудодѣи». Спб. 1875 г. Рецензія (*ibid.*, т. III, съ тою же подписью).

16) «Записки юго-западнаго отд. императорскаго русскаго географическаго общества, т. II. Кіевъ. 1875 г. (*ibid.*, съ тою же подписью).

17) «Искусство какъ предметъ науки», Джемса Селли («Знаніе», 1876 г., т. I, безъ подписи).

18) «Стародубье». Записки Т. А. Верховскаго. Казань. 1874 г. Рецензія («Древняя и Новая Россія». 1877, т. I, съ подписью: Б. Гнв.).

19) «Хроника недавней старины». Спб. 1876 г. Рецензія (*ibid.*, т. II, съ тою же подписью).

20) «Россія сто лѣтъ назадъ». Путешествіе англійскаго историка Кокса въ 1778 г.». Перев. съ англ. «Русская Старина» 1877 г., томы XVIII и XIX).

21) Въ 1878 году редактировала журналъ «Воспитаніе и Обученіе» («Указат. по дѣламъ печати», 1878 г., № 9).

22) «Императрица Елизавета Петровна въ 1760—61 гг.», статья Арнольда Шефера; перев. съ нѣмец. въ «Русской Старинѣ» 1880 г., № 8.

23) Рецензія на книгу «Un homme d'autrefois». Souvenirs recueillis par son arrière petit-fils le marquis Costa de Beauregard, 3 ed. Paris, 1879 г. («Историческій Вѣстникъ», 1880 г., т. 1).

24) «Дневникъ маркизы Вестминстеръ» (*ibid.*, т. II, подпись Н. Б.).

25) «Новый всемірный потопъ», историческій романъ Ю. Роденберга. Перев. съ нѣмец. («Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику», 1880 г., т.т. I и II).

26) «Люциферъ», романъ изъ временъ Наполеона I, К. Френцеля, перев. съ нѣмец. (*ibid.* т.т. II и III).

27) «Графиня Шатобрианъ», историческій романъ Г. Лаубе, перев. съ нѣмец. (*ibid.* 1881 г., т.т. IV и V).

28) «Въ золотомъ вѣкѣ», историческій романъ К. Френцеля, перев. съ нѣмец. (*ibid.* т.т. V и VI).

29) «Исторія основанія Петербурга» («Живописная Россія», 1881 г., т. I, ч. 2).

30) «Собраніе неизданныхъ рисунковъ-акварелей проф. живописи Ѳ. Г. Солнцева» («Русская Старина», 1881 г., т. XXXI).

31) «Естественная исторія племенъ и народовъ», Фр. Гельвальда, два тома. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1881—85 гг.

32) «Очерки изъ исторіи Россіи» («Родникъ», 1882 г. т. I, №№ 1, 3, 4).

33) «Варооломеевская ночь». Историч. хроника царствования французскаго короля Карла IX. П. Мериме. Перев. съ француз. (Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику» 1882 г., томы IX и X).

34) «Сиракузы», статья Блюмнера. Перев. съ нѣмец. («Историческій Вѣстникъ» 1882 г., т. X).

35) «Царское вѣнчаніе въ Россіи», историческій очеркъ («Русская Мысль» 1883 г., книги IV и V).

36) «Кромвель», историческій романъ Ю. Роденберга. Перев. съ нѣмец. (Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику» 1883 г., томы XI—XIV).

37) «Савонарола», культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренци и Римѣ. Ад. Глазера. Перев. съ нѣмец. (Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику» 1884 г., т. т. XV—XVIII).

38) «Записки Ванъ-Галена. Перев. съ англ. («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., т. XVI).

39) «Дневникъ Э. И. Дозе» («Историческій Вѣстникъ» 1884 г., т. XVIII, безъ подписи).

40) Въ «Исторической портретной галереѣ», изд. А. С. Суворина, въ числѣ другихъ біографій весь VI вып. и вторая біографія VII вып.

41) «Государство Лунда» («Историческій Вѣстникъ» 1886 г., т. XXIII, съ подписью Н. А. Б.).

42) «Донской казакъ въ Лондонѣ» (ibid., т. XXVI).

43) «Андроникъ Комненъ». Разсказъ изъ византійской исторіи, Г. Перваноглу. Перев. съ нѣмец. (Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику» 1886 г., томы XXV и XXVI).

44) «Библиографическій Листокъ». Замѣтки о новыхъ книгахъ (о пяти сочиненіяхъ) въ «Русской Старинѣ», 1886 г., т. XLIX, безъ подписи.

45) Отзывы о различныхъ книгахъ на оберткахъ «Русской Старины», 1886 г., №№ 2, 3, 4, 6, 7 и 8.

46) «Н. И. Костомаровъ въ 1857—75 гг.». Воспоминанія ¹⁾. («Русская Старина», 1886 г., т. XLIX и L).

47) «Д. Е. Гнусинъ, печатныхъ дѣлъ мастеръ», очеркъ (ibid., т. LI).

48) «И. П. Келлеръ, проф. живописи (ibid., т. LII).

49) Біографіи Т. Н. Грановскаго и В. Н. Назимова («Русскіе дѣятели въ портретахъ», изд. «Русской Старины». Второе собраніе, Спб. 1886 г.).

50) «Карнаваль короля Иеропима», историческій романъ Г. Кенига. Перев. съ нѣмец. (Приложеніе къ «Историческому Вѣстнику», 1887 г., т. XXVII—XXX).

51) Отзывы о различныхъ книгахъ на оберткахъ «Русской Старины». 1887 г., №№ 1, 2, 3, 5, 7 и 8.

52) «Марія Ивановна Гоголь», біографическій очеркъ ²⁾. («Русская Старина», 1887 г., т. LIII).

53) «Э. Г. Солнцевъ, проф. археологической живописи». Біографическій очеркъ («Русская Старина», 1887 г., т. LIV).

54) «Россія въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка». По книгѣ сэра Джорджа Макартнея: «Описаніе Россіи» (ibid., т. LV).

¹⁾ Примѣчанія къ автобіографіи Н. И. Костомарова («Русск. Мысль», 1885, кн. V, VI).

²⁾ См. статью Н. А. Трахимовскаго: «М. И. Гоголь»,—по поводу статьи Н. А. Бълозерской въ «Русск. Стар.» 1888 г., № 7.

55) «Н. В. Гоголь. Служба его въ Патріотическомъ институтѣ, 1831—35 гг.» (ibid., т. LVI).

56) «В. Т. Нарѣжный». Историко-біографич. изслѣдованіе¹⁾ («Русская Старина», 1888 г., №№ 5, 6, 8; 1890 г., № 9; 1891 г., №№ 5, 6, 7, 8. Въ 1896 г. отдѣльное исправленное и дополненное изданіе «В. Т. Нарѣжный» (Л. Ф. Пантелѣва).—Отзывы: въ «Вѣстникѣ Европы»—февраль; въ «Недѣль»—январь; въ «Русскомъ Богатствѣ»—мартъ; въ «Историческомъ Вѣстникѣ»—іюнь.

57) Предисловіе къ автобіографіи академика Кокшарова, составленной по его рассказамъ («Русская Старина», 1890 г., № 3).

58) «Обзоръ пятидесятилѣтней дѣятельности с.-петербургскаго минералогическаго общества (ibid., № 5).

59) «Двадцатипятилѣтіе «Вѣстника Европы» (ibid., № 12).

60) Переводъ предисловія и указателя къ «Хорошему тону», изд. Гоппе. 1892 г.

60) «Ипатія», романъ Чарльза Кингслея; перев. съ англ. въ «Новой Библіотекѣ» А. С. Суворина. 1892 г.

62) Для А. А. Тилло: «Карта земного шара въ масштабѣ 1 : 1.000,000 (пять статей) Пенка Люддеке изъ «Ausland» и «Allg. Zeitung»; перев. съ нѣмецкаго.

63) «Хронологическій перечень сочиненій П. А. Чихачева», въ «Извѣстіяхъ географическаго общества», кн. VI, 1892 г.

34) «Петръ Александровичъ Чихачевъ», біографія и научный разборъ его геологическихъ и другихъ сочиненій. «Вѣстникъ Европы» 1893. № 11.

65) Для книги «Этика пищи», съ предисловіемъ А. Н. Толстого, перев. съ англ. слѣд. біографій: Плутарха, Тертуллиана, Климента Александрійскаго, Освальда, Гуфланда, Никольсона, Лампе, Альбертини,—въ 1893 г.

66) «Обязанности настоящаго времени», компиляція для «Посредника», въ 1893 г.

67) «Вліяніе переводнаго романа и западной цивилизаціи на русское общество XVIII вѣка» («Русская Старина», 1895 г. № 1.)

68) «Княгиня Зинаида Александровна Волконская» («Историческій Вѣстникъ» 1897 г., мартъ—апрѣль).

69) «Сочиненія Поля Луи Курье», ч. I, перев. съ франц., изд. Пантелѣва. 1897 г.

70) «Княгиня Д. Х. Ливень» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., мартъ).

71) «Историческій журналъ XVII вѣка». («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1898 г., январь).

72) «Предокъ Пушкина», составлено по неизданнымъ матеріаламъ («Историческій Вѣстникъ», 1899 г., май).

¹⁾ Въ 1893 г. академіей наукъ присуждена за сочиненіе «В. Т. Нарѣжный». Уваровская премія (500 р.).

73) «Записка о женскомъ вопросѣ въ Россіи шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ», для книги В. В. Стасова: «Н. В. Стасова», Спб. 1899 г.

74) «Женскій вопросъ». Предисловіе: «Восточная женщина». Журналъ «Женское Дѣло». 1899 г. № 1.

75) «Женщина въ Греціи». (Ibid., №№ 1 и 2, 1899 г. отзывъ въ «Волгарѣ», № 45).

76) «Римлянки», *ibid.* №№ 2 и 3, 1900 г.

77) «Происхожденіе императрицы Екатерины I» («Историческій Вѣстникъ» 1902 г., январь).

78) «Изъ жизни Петра I» («Историческій Вѣстникъ» 1903 г.).

79) «Разведеніе и уходъ за кактусами», Ротера, перев. съ нѣмец., въ «Вѣстникѣ императорскаго русскаго общества садоводства», 1905 г.

Н. А. Бѣлозерской принадлежитъ:

Полная передѣлка монографіи М. Ив. Семевского «Царица Парасковья», изд. подъ его именемъ въ 1883 году (рецензія проф. Корсакова въ «Историческомъ Вѣстникѣ»).

Статья о Пржевальскомъ, напечатанная въ «Русской Старинѣ» въ годъ его смерти (1888 г.) подъ именемъ М. И. Семевского.

«Крестыанскій вопросъ въ Эстляндіи», по заказу М. И. Семевского.

Ею же редактированы и приготовлены къ печати:

а) «Воспоминанія Вл. Жемчужникова». «Вѣстникъ Европы», февраль 1899 г.

б) «Отрывки воспоминаній Л. М. Жемчужникова о крымской войнѣ». «Вѣстникъ Европы», ноябрь 1899 г.

в) «Воспоминанія Л. М. Жемчужникова». «Вѣстникъ Европы», ноябрь—декабрь 1900 г.

г) «Воспоминанія Л. М. Жемчужникова о Вейдеманѣ». «Вѣстникъ Европы», февраль 1906 г.

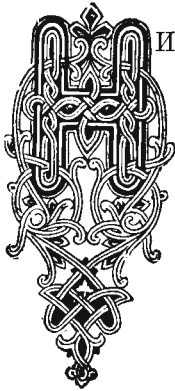
д) «Автобіографія Л. М. Жемчужникова».

Надежда Александровна Бѣлозерская скончалась 25-го февраля 1912 года и похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ. Отклики на ея смерть и припоминанія въ газетахъ: «Голосъ Земли» 1912 г., № 50, 1-го марта, «Современное Слово» 1912 г., № 1489, 28-го февраля, и въ «Новомъ Времени».

Согласно волѣ покойной права на литературныя ея произведенія и переводы будутъ переданы въ литературный фондъ.

ПАМЯТИ М. В. ШЕВЛЯКОВА.

ИКОГДА еще въ моей литературной практикѣ не приходилось мнѣ писать веселаго некролога, какъ это предстоитъ сдѣлать нынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ это такъ. Когда я оплакиваю своего товарища по журналу и по перу, только что скончавшагося Михаила Викторовича Шевлякова, и вспоминаю этого милаго человѣка, одновременно и слезы навертываются на глаза, и улыбка скользитъ по губамъ. Трагедія смерти и юморъ жизни тутъ тѣсно переплетаются, мракъ *небытія* разсѣвается подъ игривыми лучами жизни... Шевляковъ скончался въ страшныхъ страданіяхъ посѣщавшіе его въ больницѣ воочію видѣли эти страданія, слышали его рѣчи о близкомъ наступленіи послѣдняго часа и вмѣстѣ съ тѣмъ, глотая слезы, улыбались тѣмъ шуткамъ и остроуміямъ, которыми онъ по своему обыкновенію перемѣшивалъ жалобы на свое состояніе духа и тѣла. Своимъ духовнымъ образомъ, складомъ ума и литературными симпатіями онъ всего болѣе подходитъ къ той плеядѣ писателей, въ которой числятся Д. Минаевъ, Межениновъ, князь Кугушевъ и нѣкоторые другіе, оставившіе въ памяти современниковъ и знавшихъ ихъ слѣды юмористическаго отношенія къ себѣ, къ жизни, ко всему окружающему. Всякое явленіе, всякій образъ, мелькавшіе передъ ними въ пестромъ калейдоскопѣ жизни, непремѣнно освѣщались ими лучами юмора и отражались на фотографической пластинкѣ ихъ литературнаго творчества въ смѣхотворномъ видѣ, но безъ всякаго элемента здѣсь злобы, обиды или какого-нибудь другаго чувства. Принадлежа къ той же породѣ

юмористовъ, покойный Шевляковъ съ веселой улыбкой на лицѣ вступилъ на жизненное поприще труда и съ тою же улыбкой сходилъ въ вѣчность. Хотѣлось страшно жить, его полные испуга и моленія глаза устремлялись къ окружающимъ, приковывались къ Божественному образу, изъ груди вырывались стенанія, вырывался клокочущій кашель, сотрясавшій все его тучное тѣло, и рядомъ съ этимъ съ усть срывалась безбидная шутка, губы шептали шуточный экспромптъ.

М. В. Шевляковъ родился въ Петербургѣ 18-го апрѣля 1865 года. Покойный былъ скупъ на автобіографическія свѣдѣнія, не оставилъ по этому предмету никакихъ слѣдовъ въ своихъ произведеніяхъ, и даже близкіе ему люди не въ состояніи были дать отвѣта, какъ протекло его дѣтство, подъ какими воздѣйствіями онъ развивался, что представляли собою его родители. Извѣстно только, что отецъ его былъ педагогомъ, служилъ по министерству народнаго просвѣщенія и былъ причастенъ къ литературѣ, работая въ «Чтеніи для солдатъ», въ «Духъ Христіанина» и въ знаменитой въ своемъ родѣ «Домашней Бесѣдѣ» пресловутаго В. И. Аскоченскаго, коего онъ былъ ближайшимъ помощникомъ да, кажется, и единственнымъ сотрудникомъ. Отецъ не пожелалъ почему-то опредѣлять своего сына въ какое-либо учебное заведеніе, зато далъ ему солидное домашнее образованіе, гдѣ серьезное вниманіе было обращено на изученіе новѣйшихъ языковъ—французскаго и нѣмецкаго, что, несомнѣнно, впоследствии сыграло въ жизни Михаила Викторовича крупную роль, давъ ему возможность легко справляться съ переводами на русскій языкъ-европейскихъ оперетокъ по преимуществу. Уже шестнадцать лѣтъ отъ роду М. В. вступаетъ на литературное поприщѣ, и въ 1881 году мы видимъ его въ теченіе многихъ лѣтъ ревностнымъ и постояннымъ сотрудникомъ «Петербургскаго Листка», гдѣ онъ въ стихахъ и въ прозѣ помѣщаетъ длинный рядъ веселыхъ сенокъ, печатаетъ статьи по вопросамъ обывательскаго дня, развлекаетъ читателей анекдотами, шутками и пародіями.

Послѣ «Петербургскаго Листка» его имя часто встрѣчается въ газетахъ «Русская Жизнь», «Биржевыя Вѣдомости», «Свѣтъ», «Русь», также на страницахъ еженедѣльныхъ изданій: «Родина», «Живописное Обзорѣніе», «Звѣзда» (изд. Комарова), «Суфлеръ», «Театральный Мірокъ» или въ ежемѣсячникахъ «Колосья», «Кавказскій Вѣстникъ», «Новое Слово» (изд. Баталина), «Артистъ», «Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ», а съ 1889 года мы видимъ его перѣдкимъ гостемъ и нашего журнала «Историческій Вѣстникъ». Изъ числа работъ, напечатанныхъ здѣсь, заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи «Среди пилигримовъ» (путевыя впечатлѣнія), рассказы о Гоголѣ, о Кукольникѣ, монографія о попечителѣ петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусинѣ-Пушкинѣ, «Мировой судья Трофимовъ», «Исторія насажденія трезвости» и др. За послѣднее время

онъ представилъ редакціи рядъ очерковъ о русскихъ чудакахъ и оригиналахъ, къ которымъ онъ по свойству своего веселаго характера питалъ особенную симпатію. Часть этихъ очерковъ о Я. И. Лихачевѣ, Н. И. Богдановскомъ и М. В. Лентовскомъ была уже у насъ напечатана (январь с. г.), другая увидитъ еще свѣтъ со временемъ. Равнымъ образомъ хранится въ нашемъ редакціонномъ портфелѣ и его обширная монографія объ извѣстномъ въ свое время рассказчикѣ изъ еврейской жизни Павлѣ Вейнбергѣ, составленная на основаніи подлинныхъ записей послѣдняго.

Уже изъ перечня статей, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», мы видимъ, по какому адресу склонялись его вниманіе и симпатіи; это—люди русскаго оригинальнаго ума и чудачества, къ каковымъ онъ всецѣло и самъ принадлежалъ. Русское чудачество, гдѣ носители его отклоняются отъ обычнаго житейскаго трафарета и выходятъ за рамки шаблона, были особенно близки его сердцу. Тутъ онъ слышалъ и тоску большой больной души, усматривалъ широту разгульнаго размаха и добродушно отмѣчалъ комизмъ положенія, въ который попадали незаурядные люди, благодаря свойствамъ своихъ характеровъ и степенію тѣхъ или иныхъ жизненныхъ обстоятельствъ. Онъ любилъ страстно русскій умъ, русское мѣткое слово и даже русскую безалаберность, отечественную безтолочь. И вотъ всѣ эти черты нашей дѣйствительности съ какой-то особенной любовью запечатлѣвались имъ на его литературномъ широкомъ полотнѣ, кусочки котораго онъ щедрою рукою разбрасывалъ по разнымъ мелкимъ изданіямъ. Эти кусочки, если бы кто ими заинтересовался, можно найти въ его отдѣльныхъ изданіяхъ «Попурри» (сены для сены), «Не въ бровь, а въ глазъ», «Нервъ веселья», «Недалекое прошедшее и близкое настоящее. Явленія русской жизни въ характеристикахъ и эпизодахъ» и нѣкоторыхъ другихъ.

Отдѣльно стоятъ его изданія «Среди звѣрей. Русскія сказки» (изъ жизни домашнихъ и дикихъ животныхъ), гдѣ опять-таки элементъ юмора выдвигается на первый планъ. Составлено имъ также не лишнее интереса изслѣдованіе «Поцѣлуй съ точки зрѣнія фізіологической, гигиенической, исторической, этнографической, гипнотической, філологической и пр.». Помимо произведеній оригинальныхъ имъ были проредактированы и напечатаны на страницахъ «Историческаго Вѣстника» съ его предисловіемъ воспоминанія артистовъ А. А. Алексѣева, А. А. Нильскаго, театральнаго антрепренера Н. И. Иванова. Но особенно плодотворно поработалъ М. В. Шевляковъ на пользу русскаго веселаго театра. Имъ было написано немало театральныхъ водевилей и фарсовъ, часть которыхъ была издана отдѣльными книжками, а часть можетъ быть найдена въ литографированныхъ изданіяхъ С. Ѳ. Разсохина. Среди этихъ пьесъ особеннаго вниманія заслуживаютъ фарсы «День изъ жизни

Михаилъ Викторовичъ Шевляковъ.

и «Койника», «Соль къ ссорѣ». Последнія пьесы съ успѣхомъ идутъ и до сихъ поръ на провинціальныхъ сценахъ, а также еще недавно были исполняемы на театральныхъ подмосткахъ придворныхъ круговъ.

Работая плодотворно на пользу оригинальнаго театра, Шевляковъ въ свое время послѣ Александрова-Крылова оставилъ въ исторіи нашего театра видный слѣдъ, какъ переводчикъ иностранныхъ оперетокъ, которыхъ имъ было переведено и даже инсценировано нѣ-

«истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. сxxxii,

13

сколько десятковъ. По свидѣтельству редакціи «Обозрѣнія театровъ»—«все лучшія оперетки переведены именно имъ. Его переводы отличаются прежде всего большой литературностью и полнымъ знаніемъ условій сцены. Потому его оперетки всегда спешны, всегда смотрятся съ неослабнымъ интересомъ. До плѣненія петербургскаго опереточнаго театра Иваномъ Ярономъ Шевляковъ былъ желательнымъ гостемъ и въ петербургскихъ опереточныхъ антрепризахъ. Въ послѣднее время его оперетки ставились въ Москвѣ и въ провинціи».

Какъ-то покойный А. С. Суворинъ сказалъ, что театръ и литература связаны между собою неразрывными узами и современное человѣчество не можетъ обойтись безъ писателя и актера. Если признать это утвержденіе истиннымъ, то долженъ сказать, что именно въ Шевляковъ театръ и литература были спаяны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ. Когда онъ писалъ въ повременныхъ изданіяхъ или издавалъ свои писанія отдѣльно, то слово *сцена* непремѣнно выдвигалось у него на первый планъ. Онъ такъ и давалъ писанному подзаголовокъ «Сцена для сцены». Вся жизнь какъ бы рисовалась ему обширной сценой, гдѣ люди являются веселыми лицедѣями, при взглядѣ на которыхъ у зрителя должно невольно рождаться веселое настроеніе. Отсюда его тяготѣніе къ веселой опереткѣ и къ анекдоту, который при бесѣдѣ съ нимъ всегда былъ у него наготовѣ. Я не могу себя представить Михаила Викторовича при разговорѣ съ нимъ безъ веселаго анекдота, часто обильно смазаннаго жирнымъ слоємъ «сала», безъ веселаго каламбура или остроумнаго эпитета по адресу того лица, о коемъ шла рѣчь.

Страсть къ театру проснулась въ немъ очень рано, и уже вскорѣ послѣ его вступленія на литературное поприще мы видимъ его въ числѣ дѣйствующихъ лицъ нѣкоторыхъ антрепризъ, главнымъ образомъ Мерянскаго. Равнымъ образомъ выступаетъ онъ на подмосткахъ и нѣкоторыхъ пригородныхъ театровъ, преимущественно въ роли комиковъ, простаковъ. Пробовалъ онъ свое счастье и на пути личнаго антрепренерства, но, кажется, довольно неудачно. Въ 1901—1902 гг. онъ съ В. И. Раммомъ издавалъ въ Петербургѣ театральную газету «Эхо сезона». Такъ между газетой, журналомъ и сценой протекла недолговѣчная жизнь этого веселаго, добродушнаго и даровитаго человѣка. Работалъ онъ много, упорно и добросовѣстно и—увы!—пс свойству своего характера по преимуществу по ночамъ, что, повидимому, и сыграло роковую роль въ его печальномъ концѣ. Усидчивая работа при природной склонности къ ожирѣнію сдѣлала свое дѣло, рано образовался миокардитъ (перерожденіе сердечныхъ мышцъ), который, развиваясь прогрессивно, за недосугомъ заняться серьезно своимъ леченіемъ, въ концѣ концовъ и свелъ его преждевременно въ могилу.

Я по возможности полно для краткаго очерка отмѣтилъ главнѣйшія работы Шевлякова въ области веселаго творчества, но у него въ жизни была еще одна область, которую онъ бережно лелѣялъ и разрабатывалъ безъ всякой надежды использовать ее мало-мальски плодотворно въ практическихъ цѣляхъ. До мозга костей по всѣмъ свойствамъ своей природы русскій коренной человѣкъ, М. В. Шевляковъ страстно любилъ свою родину, ея историческое прошлое, ея бытовое настоящее, ея этнографію, природу и проч. Немало исколесивъ лицо родной земли, побывавъ въ разныхъ наслоеніяхъ ея живого люда, въ толщахъ народныхъ, онъ съ любовью и внимательно заносилъ въ свою записную книжку узнанное, прочитанное, слышанное и видѣнное. Отсюда получился громаднѣйшій наблюдательный матеріалъ, обнимающій собою «предѣлы отечества». Вотъ этотъ-то матеріалъ имъ въ теченіе долгихъ годовъ тщательно разрабатывался, сортировался, классифицировался по разнымъ рубрикамъ и разносился въ картонажи по системѣ энциклопедическаго словаря. Отсюда получилась настоящая обширная русская энциклопедія, которой Михаилъ Викторовичъ и далъ своеобразное заглавіе «Предѣлы отечества». Эта работа постоянно имъ пополнялась, обновлялась и велась до послѣдняго года жизни. Она его очень озабочивала, и еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своего тяжелаго положенія онъ обращался ко мнѣ съ просьбой поближе ознакомиться съ его трудомъ и помочь его «пристроить», то есть найти издателя, который взялъ бы на себя рискъ напечатанія этой энциклопедіи. Но помочь ему чѣмъ-нибудь при жизни я не былъ въ состояніи, и онъ съ тоскою уже на одрѣ болѣзни говорилъ окружающимъ:

— Ахъ, да, вѣдь, я знаю,—не дожить мнѣ до изданія этой книги!... А сколько труда на нее положено!...

Даже за нѣсколько, можно сказать, часовъ до своей смерти въ разговорѣ со мной Шевляковъ все опять возвращался къ той же темѣ объ изданіи его энциклопедіи, прося, чтобы этотъ вопросъ не заглохъ, хотя бы «послѣ него». Исполняю волю усопшаго и обращаюсь къ организаціямъ, которыя кичатся тѣмъ, что стоятъ на стражѣ русскихъ интересовъ. Вотъ имъ блестящій случай осуществить эти интересы не только въ громкихъ словахъ, но и на полезномъ дѣлѣ на пользу Россіи и на пользу осиротѣвшей семьи, оставшейся безъ всякихъ средствъ къ существованію. Тутъ идетъ вопросъ не о простомъ меценатствѣ, но о продуктивномъ (съ барышомъ) использованіи богатаго наслѣдія, оставленнаго русскимъ человѣкомъ, любившимъ свою родину, потрудившимся для нея и желавшимъ своимъ трудомъ принести ей благо.

Какъ я уже говорилъ, Шевляковъ былъ добродушный, незлобивый человѣкъ, вносявшій и въ свою работу, и во всё свои жизненные перипетіи элементъ юмора и здороваго смѣха. Кстати, на дняхъ мнѣ попался въ руки «Альманахъ Уродонала на 1913 годъ», гдѣ сказано, что это изданіе выпущено «для людей, желающихъ быть здоровыми». И дѣйствительно, тутъ рядомъ съ элементомъ рекламы, медицинскими совѣтами напечатанъ цѣлый рядъ веселыхъ рассказовъ, назначеніе которыхъ поднять, такъ сказать, жизнерадостный духъ больныхъ. И вотъ въ числѣ юмористическихъ рассказовъ съ такимъ ихъ назначеніемъ изъ числа произведеній русскихъ писателей два раза встрѣчаются небольшіе рассказы именно Михаила Викторовича.

Онъ всегда шутилъ и въ своей корреспонденціи съ знакомыми, и какъ актеръ на сценѣ, какъ товарищъ на собраніяхъ, и просто какъ обыватель, любящій воочию убѣдиться, поскольку люди способны попадаться на всякую глупость. Вотъ онъ пишетъ письмо своему пріятелю, бывшему эконому воспитательнаго дома, игравшему въ любительскихъ спектакляхъ подъ псевдонимомъ Новгородскаго. Запечатывая письмо, онъ адресуетъ его:

Найти адресата просто:
Мойка, у Краснаго моста,
Зданье воспитательнаго дома,
Квартира эконома.

Играя какъ-то въ пьесѣ «Помолвка въ Галерной гавани» одного изъ чиновниковъ, онъ сказалъ на сценѣ такой экспромптъ:

Дай Богъ, чтобъ жизнь твоя шла просто,
Чтобъ дѣтокъ было бы штукъ до ста,
Полста твоихъ, полста жены...
Мы для труда всё рождены.

Въ драмѣ Дьяченка «Князь Серебряный» Шевляковъ изображалъ Максимушку, сына Малюты Скуратова. Передъ спектаклемъ онъ поспорилъ съ кѣмъ-то изъ публики, что въ этой русской драмѣ изъ временъ XVI вѣка онъ вставитъ непременно французскую фразу. И вотъ дѣйствительно, въ концѣ перваго акта, послѣ милостивыхъ словъ Іоанна Грознаго:

— Дать ему сорокъ соболей на шапку!

Шевляковъ отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ:

— Merci!

Всѣ эти «отсебятины», коихъ, вѣроятно, можно было бы собрать немало, никогда не вызвали ни протестовъ театральной администраціи, ни тѣмъ менѣе публики, которая при всякой его сценической шуткѣ награждала исполнителя знаками одобренія и сочувственнаго хохота.

Шутя на сценѣ, любя артистическій міръ, онъ и по отношенію своихъ пріятелей-артистовъ всегда держался дружеской юмористической манеры обращенія, на которую братья-артисты, конечно, никогда не претендовали. Только вотъ однажды съ покойнымъ Рутковскимъ у него вышло недоразумѣніе. Этотъ опереточный премьеръ былъ очень суевѣренъ, какъ, впрочемъ, и большинство актеровъ. Умираетъ кто-то изъ персонала театра «Буффъ»; труппа собрала деньги на вѣнокъ и поручила Рутковскому всѣ хлопоты. Рутковский жилъ въ то время въ «Серапинской гостиницѣ», гдѣ одновременно проживалъ и Шевляковъ. Вѣнокъ изъ магазина принесъ мальчишка въ комнату премьера въ то время, когда хозяинъ спалъ крѣпко послѣ обѣда на диванѣ, закрывши лицо платкомъ отъ мухъ, а у окна сидѣлъ Шевляковъ за чтеніемъ какой-то книги. Видя недоразумѣніе принесшаго, куда положить вѣнокъ, Михаилъ Викторовичъ, кивнувъ въ сторону Рутковского, спокойно сказалъ:

— Клади на покойника.

Съ крикомъ ужаса вскочилъ мнимый усопшій со своего ложа, но еще съ большимъ крикомъ бросился за дверь вонъ мальчишка, видя «возставшаго изъ гроба покойника». Рутковский обидѣлся на своего друга и почти цѣлый годъ съ нимъ не кланялся. Впрочемъ, случались веселые эпизоды, когда и самому Шевлякову приходилось бывать страдательнымъ лицомъ и тоже какъ будто нѣсколько обижаться. Такъ, въ жаркій солнечный іюльскій день идетъ нашъ писатель по Чернышеву переулку съ женою, идетъ весь потный, толстый, красный и отдувающийся; подъ мышкой у него кипа книгъ. Навстрѣчу попадается какой-то прилично одѣтый господинъ. Поровнявшись съ Шевляковымъ, посмотрѣлъ на него, и вдругъ—бухъ передъ нимъ на колѣни. Остолбенѣвшій Михаилъ Викторовичъ, попятившись, спрашиваетъ:

— Вы чего?

Господинъ набожно перекрестился и воскликнулъ:

— Спаси меня, Боже, отъ глада, мора и такой рожи!...

Шевляковъ разсердился, хлопнулъ стоявшаго на колѣняхъ господину по головѣ книгами и потребовалъ составленія протокола. Протоколъ былъ составленъ, но черезъ часъ Шевляковъ угощалъ случайнаго знакомаго шампанскимъ и сталъ его большимъ пріятелемъ. Господинъ оказался богатымъ петербургскимъ домовладѣльцемъ, уже давно желавшимъ познакомиться съ оригиналомъ Шевляковымъ и избравшимъ для того такой оригинальный способъ. Чудакъ оцѣнилъ чудака.

Шутя съ артистами, съ товарищами по литературной профессіи, онъ примѣнялъ методъ шутки, и очень удачно, и въ дѣловыхъ своихъ отношеніяхъ, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ представителями высшей бюрократіи. Такъ, когда суровый и взбалмошный предсѣдатель главнаго управленія по дѣламъ печати

М. П. Соловьевъ по представленію здѣшняго цензурнаго комитета наложилъ на какой-то водевилъ Шевлякова запрещеніе, авторъ пошелъ съ нимъ объясняться. Входитъ въ кабинетъ, становится къ столу и начинаетъ пыхтѣть. Соловьевъ поднимаетъ голову и спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

— Я человекъ больной, сырой, такъ сразу говорить не могу, позвольте сначала сѣсть.

— Садитесь.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ кабинетъ огласился веселымъ смѣхомъ Соловьева, не прекращавшимся въ теченіе получаса, послѣ чего Шевляковъ вышелъ въ общую пріемную съ разрѣшеннымъ къ представленію экземпляромъ водевиля въ рукахъ. Когда потомъ спрашивали Соловьева, почему онъ такъ смѣялся, онъ отвѣчалъ: «Анекдотамъ, которые рассказывалъ этотъ чудакъ». На просьбу же повторить что-нибудь изъ рассказаннаго Соловьевъ махалъ руками, заявляя, что такіе анекдоты рассказываются только съ глазу на глазъ. Когда же спрашивали самого Шевлякова, чѣмъ онъ такъ разсмѣшилъ Соловьева и смягчилъ его суровой приговоръ, онъ въ обычномъ добродушно-балагурномъ тонѣ отвѣчалъ:

— Ишь, чего захотѣли, чтобъ я выдавалъ свои секреты: мнѣ еще, быть можетъ, не разъ придется и не одного такого идола оболванивать! Они это любятъ!...

Съ другимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати онъ продѣлалъ такой фокусъ. Ему вздумалось въ то строгое цензурное время издавать какую-то газету, а надежды на полученіе разрѣшенія на издательство у него не было никакой. Съ Шаховскимъ онъ лично не былъ знакомъ. И вотъ онъ идетъ къ нему на пріемъ, входитъ въ кабинетъ, шумно и грузно опускается въ кресло, весело смотритъ на вершителя судебъ русской журналистики и начинаетъ хохотать. Удивленный такому странному поведенію просителя, Шаховской спрашиваетъ:

— Виноватъ. Вамъ что собственно угодно?

— А я пришелъ вамъ попенять, князь... Нехорошо, нехорошо обманывать...

Шаховской обомлѣлъ.

— Вы забываетесь или вы—сумасшедшій...

— Э, нѣтъ, князь, неужели забыли, что обѣщали разрѣшить газету?

— Обѣщаль?.. Я? Когда?... Я васъ первый разъ вижу...

— Ну, я такъ и зналъ, что отречетесь. Нехорошо!..

— Да вы когда прошеніе подавали?

— Прошеніе? Э-э, я не дуракъ подавать прошенія, когда всѣмъ отказываете. Вотъ теперь, заручившись вашимъ согласіемъ, подамъ.

Князь Шаховской расхохотался, и черезъ два дня Шевлякову газета была разрѣшена.

Представь однажды по какому-то ответственному дѣлу передъ мировымъ судьей, Шевляковъ привелъ въ свое оправданіе какое-то доказательство.

— Однако прстивная сторона утверждаетъ другое,—сказаль мировой судья.

— Оттого-то она и «противная» по вашему справедливому утвержденію, что она говоритъ неправду,—сказаль Шевляковъ, и выигралъ дѣло.

Немало разныхъ остротъ и шуточныхъ мистификацій сохранилось въ связи съ именемъ Шевлякова въ памяти знавшихъ его. Онъ шутивно мистифицировалъ и отдѣльныхъ лицъ, и даже цѣлыя массы. Кажется, порядочную дозу такихъ шутокъ и мистификацій связаль онъ съ именемъ В. И. Рамма, въ соиздательствѣ съ которымъ онъ состоялъ по газетѣ «Эхо сезона». Десять лѣтъ тому назадъ произошелъ большой издательскій крахъ В. И. Рамма. Задолженность его достигала двухъ милліоновъ рублей. Объ этомъ крахѣ всё говорили. А Раммъ сталъ работать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Завсегдаемъ театра «Буффъ» былъ присяжный повѣренный Хейфець, очень желавшій познакомиться съ разорившимся издателемъ. Какъ-то послѣ спектакля возвращается изъ «Буффа» цѣлая компанія. Впереди идетъ Раммъ. Компанію нагоняетъ Хейфець и проситъ Шевлякова:

— Да познакомьте меня съ Раммомъ. Что вамъ стоитъ...

— Не могу,—говоритъ Шевляковъ:—Раммъ возгордился... Вступилъ въ компанію съ Пропперомъ.

— Въ компанію съ Пропперомъ!—удивился Хейфець.—На какихъ условіяхъ?

— На равныхъ... Пропперъ далъ два милліона деньгами, Раммъ столько же долгами...

Хейфець сразу не сообразилъ и воскликнулъ:

— Вотъ видите, я всегда говорилъ, что Раммъ припряталь много денегъ...

Во время русско-японской войны Шевляковъ какъ-то брился въ парикмахерской Круповича на Караванной. Ни съ того, ни съ сего начинаетъ онъ рассказывать кому-то изъ публики, что въ три часа съ Николаевского вокзала на Балтійскій поведутъ плѣнныхъ японцевъ. А въ назиданіе потомству и чтобъ японецъ пересталь бунтовать, ихъ поведутъ попарно, подъ конвоемъ женщинъ. И что же вы думаете? Эта брошенная въ публику глупость имѣла успѣхъ и получила распространеніе: въ три часа у Николаевского вокзала собралась толпа человѣкъ въ пятьсотъ въ ожиданіи торжественнаго шествія японцевъ. Впереди всѣхъ стоялъ волнующійся и жестикулирующій самъ Шевляковъ, поджигая тѣмъ пылъ одуряченныхъ.

Много можно было бы еще рассказать комическихъ эпизодовъ изъ жизни покойнаго, но того не позволяетъ мнѣ недостатокъ мѣста.

Ограничусь отмѣткой лишь его отношенія къ литературной братіи. Я не могу представить себѣ нашихъ тѣсныхъ собраній и юбилейныхъ обѣдовъ безъ веселаго анекдота, юмористическаго пассажи или ловкаго экспромпта Шевлякова. Вотъ юбилей Оѣверцева-Полплова, и, имѣя въ виду нѣкоторыя комическія стороны въ дѣятельности и характерѣ юбиляра, Шевляковъ пишетъ за столомъ ему слѣдующій экспромптъ:

Хочу воспѣть я юбиляра,
 Но мнѣ никто не смѣй мѣшать!
 Какъ онъ, такого экземпляра
 Нельзя второго отыскать!
 Какъ практикъ, онъ не взыскалъ небомъ,
 Онъ въ жизни много претерпѣлъ:
 Онъ торговалъ сначала хлѣбомъ,
 Потомъ безъ хлѣба самъ сидѣлъ.
 Онъ скромень, тихъ, не забіяка,
 Всегда семью, свой домъ любилъ,
 Но... какъ бездомная собака,
 Полжизни по свѣту бродилъ.
 Онъ, одаренный всѣмъ богато,
 Чтобъ славы хоть чуть-чуть вкусить,
 Попавъ въ Италію когда-то,
 Всѣхъ теноровъ хотѣлъ затмить.
 Но тамъ его не оцѣнили,
 И дѣло кончилось тѣмъ,
 Что снова въ Питеръ протурили,
 Давъ для разказовъ массу темъ.
 Хоть на него метали громы,
 Но громъ—писателя печать,
 И вслѣдъ за томомъ томы... томы...
 Рождались и ползли въ печать.
 Онъ весь въ чернила окунулся,
 Какъ мнихъ въ святительскій елей,
 Но... милый Глинскій подвернулся
 И вмигъ состряпалъ юбилей.

Вотъ юбилей Аполлона Коринфскаго, и Михаилъ Викторовичъ, мѣтко характеризую его и любовно пуская въ него сатирическую стрѣлу, пишетъ за обѣдомъ на меню юбиляру слѣдующее посланіе:

I.

Согласенъ будетъ всякъ со мной,
 Кто вѣритъ такъ, какъ я, примѣтамъ:
 Завѣщано самой судьбой
 Ему быть истиннымъ поэтомъ.
 Парнасъ приуготовилъ тронъ,
 Его въ свое пріемля лоно...
 Не только самъ онъ—Аполлонъ,
 Но и рожденъ отъ Аполлона ¹⁾.

¹⁾ Имя и отчество Коринфскаго—Аполлонъ Аполлоновичъ.

II.

Его наружность такова,
 Что производит впечатлѣнье:
 Въ небрежныхъ кудряхъ голова,
 Въ глазахъ—любовь и всепрощенье,
 И цѣнны въ немъ еще весьма
 Черты святого благородства,
 Съ иконой древняго письма
 Необъяснимое въ немъ сходство.

III.

Ужъ не секретъ ни для кого:
 Поэтъ вино любить обязанъ,
 Полетъ фантазіи его
 Тогда лишь съ риемой будетъ связанъ.
 Поэтъ, который плохо пьетъ,
 Души читательской не грѣтъ...
 Самъ юбиляръ на этотъ счетъ
 Другого мнѣнья не имѣтъ.

IV.

По совокупности примѣтъ,
 Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнья,
 Что это истинный поэтъ
 Съ большимъ запасомъ вдохновенья.
 Такъ за его здоровье пить
 Давайте всѣ мы, не иначе...
 Должны мы навеселѣ быть,
 А юбиляръ тѣмъ наипаче.

И на моемъ литературномъ праздникѣ покойный писатель сказалъ мнѣ веселое и ласковое стихотворное привѣтствіе.

Слушая экспромпты Шевлякова, нѣкоторые иронически качали головами, говоря: «Экспромптъ хорошо накануне подготовленъ». Не знаю, подготовлялъ ли ихъ Шевляковъ, можетъ быть, доля искусственности и была въ его звучной версификаціи, но вотъ экспромптъ, который онъ ужъ никоимъ образомъ не могъ заранее подготовить, въ чемъ я и вижу доказательство вдохновенія ad hoc нашего сатирика-поэта. На юбилейномъ обѣдѣ Сѣверцеву-Полилову сидѣвшая противъ Шевлякова молодая писательница Л—ва громко развивала свои излюбленныя темы о «проблемѣ половъ». Вокругъ поднятаго вопроса закипѣлъ споръ, а Шевляковъ только молча протянулъ ей клочокъ обѣденнаго меню, гдѣ было написано:

Не по душѣ мнѣ ваша школа,
 Въ ней слишкомъ много ужъ затѣй...
 Не изучавъ «проблемы пола»,
 Нажилъ я нѣсколько дѣтей.

Уже на смертномъ одрѣ, когда дни его были сочтены, онъ посылаетъ А. Е. Зарипу слѣдующую поздравительную телеграмму по случаю его литературнаго юбилея:

Тебя, мой другъ Андрей,
Я съ юбилеемъ поздравляю.
Смотри на жизнь бодрѣй,
А я, братъ, умираю...

Будучи весельчакомъ, юмористомъ въ жизни, М. В. Шевляковъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и удивительно добрымъ человекомъ. Зарабатывалъ онъ много, особенно своими пьесами, но денегъ никогда не было. Скромный по своимъ потребностямъ, онъ какъ-то ухитрился ихъ разсовывать. То найдетъ гдѣ-нибудь голодающую семью и начинать ее содержать на свой счетъ, то приютить у себя какого-нибудь артиста, кормить, поить, одѣваетъ его, то отдастъ кому-нибудь свой заработокъ «въ долгъ безъ отдачи». Этимъ и объясняется, что онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ средствъ, и на содержаніе его въ больницѣ, леченіе и похороны пришлось сколачивать деньги изъ разныхъ источниковъ, а вдова осталась совершенно необеспеченная, «на попеченіи Бога».

Такъ прожилъ этотъ добродушный, веселый и милый человекъ всю свою жизнь. Въ прошломъ 1912 году появились грозные признаки его сердечной болѣзни. Большой заметался, началъ ѣздить по докторамъ, то за границу, то въ Варшаву и, наконецъ, въ январѣ текущаго года очутился въ «Вознесенской лечебницѣ для приходящихъ», окруженный попеченіями жены, сына и дочери, немногихъ друзей и мѣстнаго медицинскаго персонала. Не дай Богъ видѣть никому, а тѣмъ паче испытывать, тѣхъ страданій, которыя переносилъ бѣдный Михаилъ Викторовичъ. Развившаяся водянка, непрестанный бронхитъ, періодическое ослабленіе дѣятельности сердца доставляли ему страшное мученіе. Онъ не могъ ни встать, ни сѣсть, ни лечь, постоянно задыхался, отхаркивался и жалобно просилъ у докторовъ облегченія, а у Бога скорѣйшей смерти. Человекъ въ высокой степени религіозный, онъ находилъ утѣшеніе только въ молитвѣ, въ бесѣдѣ со священникомъ, въ исповѣди и причастіи. Послѣ причастія онъ успокаивался на нѣсколько часовъ, а то и на день, находилъ себѣ покой и облегченіе страданій.

— Я не боюсь смерти, готовъ предстать передъ Богомъ,—говорилъ онъ мнѣ съ испугомъ въ голосѣ и съ тревожнымъ блескомъ въ глазахъ:—но вотъ эти страданія...

Наступали случайные часы облегченія, и бѣдный больной начиналъ снова шутить. Приходить къ нему на консиліумъ лейбъ-

медикъ Л. Б. Бертенсонъ и, видя его отхаркивающимъ мокроту на половую подстилку, говорить ему:

— Вотъ ужъ не совѣтую вамъ плевать на полъ.

— Что дѣлать, профессоръ, за всю свою жизнь не научился плевать въ потолокъ...

Профессора Нечаева онъ встрѣтилъ жалобой:

— Подумайте, профессоръ, единственное мѣсто, на которомъ можетъ сидѣть умный человѣкъ, и то болить!.. Это ли не ужасъ?

Когда профессоръ запретилъ ему употребленіе жидкостей въ большомъ количествѣ, Шевляковъ жалобно проговорилъ, комически разводя руками:

— Ахъ, профессоръ, всю ночь снятся селедки, ну, дшемъ и хочется пить..

За день до смерти онъ еще рассказывалъ больничнымъ врачамъ, которыхъ, кстати сказать, онъ порядочно-таки помучилъ разными своими требованіями, что, когда онъ поправится, онъ напишетъ миниатюру, гдѣ врачи успокаиваютъ безнадежнаго больного, которому становится все хуже, говоря, что ему «хорошо», а когда онъ умираетъ, они хоромъ восклицаютъ: «ну, ему теперь совсѣмъ хорошо!»

Дѣйствительно, 24-го апрѣля сего года ему стало «совсѣмъ хорошо». Утромъ этого дня онъ отошелъ послѣ краткой агоніи въ вѣчность, и духъ его понесся въ ту высь, гдѣ, по словамъ молитвы, «нѣсть болѣзни и воздыханіе». 26-го апрѣля тѣснымъ кругомъ немногихъ писателей и артистовъ отпѣли мы на Волковомъ кладбищѣ нашего милого покойника и опустили его бременное тѣло въ могилу на Литераторскихъ мосткахъ, рядомъ съ могилой Лейкина. Грустныя, полныя семейнаго драматизма были эти похороны...

Б. Глинскій.

ОБВАЛЪ ВЪ КАМЕННОУГОЛЬНЫХЪ КОПЯХЪ.

(Изъ воспоминаній бывшего судебнаго дѣятеля)

ОБВАЛЪ, о которомъ я хочу рассказать, произошла болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ въ одной изъ губерній въ средней полосѣ Россіи.

Однажды, лѣтомъ, прокуроръ окружнаго суда получаетъ отъ становаго пристава телеграмму, что въ каменноугольныхъ копяхъ произошла обвалъ, засыпавшій четверыхъ человѣкъ рабочихъ, къ спасенію которыхъ принимаются всѣ мѣры.

Прокуроръ тотчасъ же предложилъ участковому судебному слѣдователю отправиться на мѣсто происшествія и для наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія послалъ, какъ товарища прокурора, меня.

Каменноугольные копи были расположены верстахъ въ тридцати отъ города, вблизи первой желѣзнодорожной станціи. Мнѣ удалось попасть къ отходу поѣзда, и поэтому черезъ часъ я уже былъ на этой станціи. На мой вопросъ, далеко ли до копей, мнѣ указали на виднѣвшіяся на разстояніи версть около двухъ высокія каменные трубы и объяснили, что это химическій заводъ, рядомъ съ которымъ расположены и копи угля, добываемаго преимущественно для этого завода.

Отъ станціи шло шоссе къ уѣздному городу, и поэтому всегда можно было найти мѣстныхъ извозчиковъ на трясуцихъ таратайкахъ.

— Мнѣ нужно туда, гдѣ произошелъ обвалъ,—обратился я къ извозчику.

— Пожалуйте, мигомъ доставлю. Всѣмъ уже извѣстно, гдѣ случилось,—отвѣтилъ извозчикъ.

Дорогою стали попадаться группы по пяти-шести человѣкъ, чисто и хорошо одѣтыхъ, повидимому, фабричныхъ рабочихъ.

— Это угольщики,—сталъ объяснять мнѣ словоохотливый извозчикъ.—Сегодня, какъ узнали, что задавило четырехъ, во всѣхъ мѣстахъ работать перестали. Взглянуть только стоитъ на нихъ, сейчасъ узнаешь, что это подземные люди. Лица у всѣхъ блѣдно-сѣрые, потому что солнышка не видятъ и пылью угольной покрываются. И хорошо зарабатываютъ, а житье невеселое. Получаютъ съ каждой тачки угля. На человѣка приходится отъ восьмидесяти копеекъ до рубля шестидесяти копеекъ въ день. Только скучно тамъ подъ землей. Цѣлую недѣлю какъ проработаетъ молча, подъ землей, такъ и въ праздникъ по привычкѣ ходить угрюмый.

Подѣхали къ заводу. Я направился въ контору. Тамъ узналъ, что инженеръ съ помощникомъ и штейгеромъ наблюдаютъ за работами по спасенію рабочихъ. Я попросилъ дать мнѣ провожатаго и отправился на мѣсто происшествія. Итти пришлось вдоль узкоколейнаго пути. На рельсахъ стояли открытыя платформы, наполненные углемъ, который подвозили къ заводу изъ шахтъ, толкая вагоны руками. Уголь былъ бурый, средняго качества. Пройдя около версты, проводникъ остановился.

— Вотъ и шахта,—сказалъ онъ.

— Гдѣ?—удивился я, оглядываясь кругомъ.

— А вотъ, указалъ онъ на четырехугольную яму, изъ которой торчалъ какой-то шестъ.

— Какъ же она не огорожена?! Можно не замѣтить и упасть!

— Мы знаемъ, гдѣ она. Посторонніе тутъ не ходятъ,—равнодушно отвѣтилъ онъ.

Подошли къ отверстию. Виденъ былъ лишь деревянный срубъ, какой бываетъ въ обыкновенныхъ колодезяхъ. Проводникъ нагнулся, дернулъ за какую-то веревку и крикнулъ: «подавай!» Черезъ нѣсколько минутъ въ отверстіи появилась клѣтка, въ которой стоялъ рабочий.

— Инженеры внизу?—спросилъ я.

— Тамъ.

— Въ такомъ случаѣ я спущусь къ нимъ.

— Пожалуйте.

При помощи провожатаго я соскочилъ въ клѣтку и сталъ рядомъ съ рабочимъ, который, перебирая канатъ руками, сталъ пускать клѣтку внизъ.

— На какую глубину опустили?—спросилъ я.

— На сто пять аршинъ.

— Спасли кого-нибудь?

— Нѣтъ. Должно быть, задохнулись уже. Вѣдь обвалъ былъ въ десять часовъ утра, а теперь четыре часа.

Пока мы разговаривали, постепенно темнѣло, и подъ конецъ мы спускались въ полной темнотѣ. Неожиданно показался тусклый свѣтъ, клѣтка стукнулась о землю, и мы остановились.

— Вылѣзайте,—сказала рабочій.

Я вышелъ изъ клѣтки и оглянулся. Стоялъ я среди большой комнаты, у которой и потолокъ, и стѣны, и полъ были каменно-угольные. Налѣво виднѣлось одно большое отверстіе въ стѣнѣ, направо другое. На полу лужи и грязь. Кое-гдѣ лежали доски. На нихъ стоялъ другой рабочій, державшій въ рукахъ керосиновую лампочку, которая бросала свѣтъ на очень небольшое пространство кругомъ.

— А гдѣ же инженеры? Мнѣ сказали, что они здѣсь,—спросилъ я, никого не видя, кромѣ стоявшихъ молча этихъ двухъ человѣкъ.

— А они на обвалѣ,—отвѣтилъ рабочій съ лампочкой.

— Развѣ это не здѣсь?

— Отсюда далеко; приблизительно двѣ версты.

— Проводи меня, пожалуйста, къ нимъ. Куда же надо итти?

— А вотъ пожалуйста по доскамъ за мной.

Рабочій пошелъ впередъ, по направленію къ отверстию въ стѣнѣ направо. Когда мы подошли ближе и свѣтъ упалъ на отверстіе, я увидѣлъ, что это длинный коридоръ.

— Отчего такая грязь и откуда эта вода на полу?—спросилъ я.

— Отъ дождя, который падаетъ сверху черезъ отверстіе шахты. Дальше будетъ сухо.

Коридоръ сначала былъ довольно высокій. Потомъ постепенно сталъ становиться и ниже и уже. По бокамъ стояли деревянные стойки, подпиравшія потолокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на стойкахъ подъ потолкомъ лежали доски.

— Почему это въ однихъ мѣстахъ стоятъ стойки, а въ другихъ нѣтъ?—разспрашивалъ я.

— Гдѣ толстый слой угля, тамъ стоекъ нѣтъ. Гдѣ очень тонкій, тамъ на стойкахъ и доски, чтобы земля не осыпалась.

— Какъ же узнають, гдѣ толстый и гдѣ тонкій слой?

— По звуку. Приноровились. Бьешь киркой и слышишь, близко или далеко земля.

— Да вѣдь при такомъ способѣ легко можетъ и обвалъ случиться.

— И очень просто. Вотъ и теперь обвалъ отъ этой же причины. Только всегда спастись можно, потому что земля сырая и понемногу осыпается. Теперь же случился песокъ. Ну, и засыпало четырехъ

человѣкъ. Вотъ и въ этомъ мѣстѣ земля обваливалась, —добавилъ рабочій, высоко приподнимая лампу.

Я невольно вспомнилъ о рудничномъ газѣ и взглянулъ на пламя. Оно нисколько не удлинилось и горѣло тѣмъ же ровнымъ, маленькимъ кружочкомъ.

— А взрывовъ отъ газа здѣсь не бываетъ, —спросилъ я.

— Нѣтъ, никогда. Газа здѣсь нѣтъ.

Пока мы разговаривали, коридоръ дѣлалъ разные повороты, то направо, то налево. Чѣмъ дальше мы шли, коридоръ дѣлался все ниже и ниже и наконецъ пришлось итти согнувшись. Повернули еще разъ. Вдали замелькали лампочки. Когда подошли ближе, я увидѣлъ толпу рабочихъ, человѣкъ около тридцати, стоявшихъ на одномъ мѣстѣ. Въ стѣнахъ направо и налево стали появляться большія ниши. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли тачки, на половину наполненные углемъ. Навстрѣчу ко мнѣ отдѣлился отъ рабочихъ кто-то въ форменной фуражкѣ, повидимому, инженеръ.

— Я товарищъ прокурора.

— Инженеръ такой-то.

— Это здѣсь былъ обвалъ?

— Да здѣсь. Только я васъ прошу говорить шопотомъ. Всякій громкій звукъ опасенъ.

Я взглянулъ на спокойное лицо инженера и на стоявшихъ рядомъ рабочихъ, на лицахъ которыхъ видна была лишь угрюмость и ни тѣни безпокойства. У меня мелькнула мысль, что инженеръ преувеличиваетъ опасность. Я сталъ оглядывать мѣсто, гдѣ мы стояли. Впереди съ правой стороны стоялъ цѣлый лѣсъ подпорокъ изъ толстыхъ кольевъ и полубревень, штукъ шестьдесятъ. Они плотно прилежали къ небольшимъ, распиленнымъ на части, доскамъ подъ сводомъ. Сквозь кольца можно было разсмотрѣть нишу, до потолка засыпанную мелкимъ бѣлымъ пескомъ. Сзади, налево, среди рабочихъ стояла какая-то машина. Два человѣка вертѣли колесо.

— Въ шахтахъ бывали раньше? —перервалъ молчаніе инженеръ.

— Сегодня первый разъ въ жизни. Объясните, пожалуйста, причину обвала, гдѣ засыпанные и что предпринимаете для ихъ спасенія.

— Видите впереди нишу съ пескомъ? Въ ней работали четыре человѣка, накладывая уголь въ тачку. Ихъ засыпало обвалившимся сверху углемъ съ пескомъ. Эти подпорки служатъ предохраненіемъ дальнѣйшаго обвала. Сзади насъ стоитъ нагнетательная машина. Только боюсь я, что отверстіе насоса, пропущеннаго съ большою опасностью въ нишу сквозь песокъ, уперлось въ стѣнку засыпанной пескомъ тачки, что поэтому воздухъ въ нишу не проходитъ и рабочіе задохлись.

Пока онъ говорилъ, послышался слабый трескъ среди подпорокъ. Инженеръ подозрительно взглянулъ, замолчалъ и настоужился. Трескъ прекратился.

— Что это треснуло?—спросилъ я.

— Сверху сводъ осѣдаетъ. Я, вѣдь, предупреждалъ васъ объ опасности.

Мнѣ все еще опасность не казалась такой непосредственной. Къ тому же я находилъ довольно страннымъ то обстоятельство, что инженеръ, указывая на опасность, могущую произойти отъ звука громкаго голоса, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на раздававшіеся гдѣ-то вблизи какіе-то глухіе, равномерные удары.

— Что это за стукі? Развѣ они не опасны?—спросилъ я.

— Гораздо опаснѣе, чѣмъ вы думаете. Да я ничего не могу подѣлать! Это работаетъ братъ одного изъ засыпанныхъ рабочихъ. Онъ хочетъ пробить траншею сбоку. Я ему указывалъ на опасность, грозящую всѣмъ намъ ежеминутно, но онъ и слушать не хочетъ. Удалить силою его нельзя. Грозитъ убить всякаго, кто ему помѣшаетъ.

— Значитъ, еще есть отсюда другой выходъ?

— Да, отсюда идетъ еще одна траншея, которую, какъ не особенно благонадежную, давно забросили. При обвалѣ рабочіе туда убѣжали. Только онъ работаетъ не оттуда. Онъ прошелъ немного дальше по этой же траншеѣ и пробиваетъ стѣну изъ сосѣдней ниши. Если новый обвалъ его не задавить, пробьется. Думаю только, что уже поздно. Раньше слышны были стоны, теперь же давно уже не слышно ни звука. Если мы теперь продолжаемъ работать нагнетательной машиной и стараемся проникнуть въ нишу, то лишь для очистки совѣсти.

— Можно мнѣ взглянуть на то мѣсто, гдѣ онъ работаетъ?

— Пожалуйста, если не боитесь обвала.

Трусомъ я никогда не былъ. Здѣсь стояло безъ страха больше тридцати человѣкъ. Тамъ хотя и одинъ, но онъ не боялся стучать въ стѣну. Поэтому я считалъ для себя позорнымъ выказать малѣйшій признакъ страха. Къ тому же и предчувствіе мнѣ говорило, что новый обвалъ произойдетъ еще не скоро. Я смѣло въ сопровожденіи рабочаго пошелъ впередъ. Пройдя шаговъ двадцать, мы повернули вправо. Я увидѣлъ глубокую нишу, въ которой стоялъ рабочій, широкоимъ размахомъ бившій киркой по стѣнѣ. Куски угля далеко отлетали въ сторону.

— Не мѣшайте,—свирѣпо крикнулъ работавшій.

— Богъ въ помощь!—спокойно отвѣтилъ я ему.—Я товарищъ прокурора.

Рабочій опустилъ руку съ киркой и повернулся ко мнѣ. Передо мной было покрытое крупными каплями пота, измученное лицо. Глаза блестѣли лихорадочнымъ огнемъ.

— Тамъ мой братъ!—хрипло проговорилъ онъ.—Я кричалъ ему, и онъ отозвался. Узналъ его голосъ. Потомъ слышалъ стоны. Теперь не слышно. Долженъ торопиться спасти его.

— Ты такъ сильно стучишь, что стѣны дрожать. Опасно, какъ бы другого обвала не было,—замѣтилъ я.—Тогда и тебя можетъ засыпать.

— На то будетъ воля Божья! До тѣхъ поръ, пока не пробьюсь, не оставлю работы. Поймите же, баринъ, тамъ мой братъ!—съ мукой въ голосъ, какъ-то особенно выразительно воскликнулъ онъ.

Поднявъ опущенную кирку, онъ съ страшной силой ударилъ по стѣнѣ. Я отошелъ и пошелъ обратно.

— Вы уходите?—спросилъ инженеръ.

— Да, я пойду узнать, не пріѣхалъ ли судебный слѣдователь. Ему необходимо произвести здѣсь осмотръ. Тогда я съ нимъ опять приду.

— Какъ! вы еще будете дѣлать осмотръ! Въ такомъ случаѣ я прикажу еще прибавить закрѣпленій. Я пришелъ къ убѣжденію, что спасти засыпанныхъ уже нельзя и въ скоромъ времени намѣренъ былъ прекратить работы.

— Осмотръ необходимъ,—замѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ обождите немного. Я пойду съ вами. Отдамъ только распоряженія.

Приказавъ рабочимъ подвести подъ потолокъ еще закрѣпы на большемъ пространствѣ, онъ пошелъ со мною къ выходу. Дорогой я попросилъ подробно рассказать объ этомъ случаѣ и объяснить причину обвала.

— Очень часто среди толстаго слоя каменнаго угля бываютъ пустоты, наполненныя иногда пескомъ, — началъ объяснять инженеръ.—Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ, такъ сказать, песчанымъ яйцомъ. Только величины его разгадать мы не можемъ. Въ данномъ мѣстѣ мы напали на большую толщу угля, который шелъ направо. Прорубивъ большую нишу, рабочіе шли по ней дальше. Ниша была такъ велика, что въ ней могли работать два человѣка. Два другихъ ввели въ нее тачку и накладывали уголь. Внезапно, отъ неизвѣстныхъ причинъ, надъ входомъ въ нишу обрушился толстый слой угля, надъ которымъ лежало песчаное яйцо. Вѣроятно, углемъ пришибло и убило сразу двухъ рабочихъ около тачки, двое же работавшихъ остались цѣлыми. Выходъ, однако, былъ засыпанъ. Если бы не было песку, разобрали бы обвалившійся уголь и спасли бы рабочихъ. Къ несчастью, песокъ сталъ прибывать безостановочно и теперь они, вѣроятно, засыпаны имъ. Если я вамъ говорилъ объ опасности, она гораздо больше, чѣмъ вы думаете, и ежеминутно можетъ превратиться въ новую катастрофу. Я не хотѣлъ только васъ пугать. Мы, работающіе подъ землей, какъ и моряки, фаталисты. Какія бы мѣры предосторожности мы ни предпринимали, всегда мы должны быть готовыми къ какой-нибудь непредвидѣнной случайности, послѣдствіемъ которой можетъ быть и смерть. Вотъ я и теперь, пока я съ вами разговариваю, можетъ быть, тамъ уже

новый обвалъ. Мы, вѣдь, не можемъ знать, велико ли между слоємъ угля пространство, наполненное пескомъ. Представьте себѣ, что весь песокъ высыпался въ нишу и тамъ поэтому образовалась пустота, надъ которой не тянется, образуя сводъ, плотная жила каменнаго угля, а лежитъ большой камень или пласть глины. Тогда малѣйшаго сотрясенія будетъ достаточно для того, чтобы онъ уналъ въ образовавшуюся пустоту и своею тяжестью придавилъ дно и произвелъ бы такимъ образомъ новый обвалъ уже на большемъ пространствѣ. Я долженъ принять всѣ мѣры, чтобы спасти засыпанныхъ, но въ то же время ни одной минуты не долженъ забывать объ опасности, грозящей тѣмъ, которые, стараясь спасти ихъ, рискуютъ своею жизнью. Положимъ, что я о судьбѣ оставшихся на работѣ не беспокоюсь, потому что съ ними остался мой помощникъ, да и рабочіе все люди опытные и при первомъ же опасномъ трескѣ подпорокъ убѣгутъ.

— А тотъ рабочій, который пробиваетъ нишу?

— Ну, съ этимъ, какъ я уже вамъ говорилъ, не сладишь. Ни одинъ рабочій не станетъ мѣшать ему спасти своего родного брата. Къ тому же, несчастье такъ на него подѣйствовало, что онъ сталъ почти ненормальнымъ. Одно время я очень боялся, чтобы онъ съ отчаянія не ударилъ киркою по опасному мѣсту и не вызвалъ бы этимъ ударомъ внезапнаго обвала, которымъ засыпало бы и его и всѣхъ насъ. Теперь же я думаю, что и онъ потерялъ уже надежду спасти брата, но объ этомъ не говоритъ и употребляетъ всѣ силы, чтобы добыть хоть трупъ его. Если намъ не удастся добыть тѣла погибшихъ, придется эту шахту закрыть, потому что ни одинъ рабочій не захочетъ работать вблизи мертвецовъ. Имъ будутъ слышаться стоны и будутъ видѣться привидѣнія.

Пока инженеръ говорилъ, мы успѣли подойти къ шахтѣ и подняться наверхъ.

— Итакъ, вы опять хотите спуститься внизъ,—замѣтилъ инженеръ.—Я подвнялся только для того, чтобы перекусить немного. Съ утра ничего не ѣлъ.

— Если судебный слѣдователь пріѣхалъ, я отправлюсь для осмотра вмѣстѣ съ нимъ.

— Я найду за вами въ контору минутъ черезъ двадцать,—сказалъ инженеръ и ушелъ.

Въ конторѣ меня ждалъ судебный слѣдователь. Я сейчасъ же сталъ рассказывать ему обо всемъ видѣнномъ подъ землею.

— Удивляюсь я вамъ,—перебилъ меня онъ.—Охота вамъ рисковать жизнью. Пласть въ 105 аршинъ какъ осядетъ, такъ ничего и не останется.

— Положимъ, что для этого не нужно всего пласта. Довольно и глыбы одной или песочка бѣленькаго, чистенькаго такого,—пошутилъ я.—Удивительно хорошій песокъ. Вотъ увидите сами

— Я! увижу? Ну, нѣтъ, слуга покорный! Я туда не спущусь.
 — Да вѣдь необходимо же произвести осмотръ.
 — Напишу съ вашихъ словъ, а самъ не пойду.
 — Вы обязаны спуститься и сдѣлать осмотръ.
 — Я не обязанъ рисковать жизнью. Ни за что не спущусь.
 Требуйте другого судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ. Я отказываюсь. Вамъ, можетъ быть, жизнь надоѣла, или вообще недорого, а я не хочу еще умирать.

— Тамъ, вѣдь, болѣе тридцати человѣкъ рабочихъ. Инженеры приняли всѣ мѣры, чтобы не было второго обвала. Не стануть же они безцѣльно рисковать жизнью столькихъ людей.

— И все-таки отказываюсь.

— Въ такомъ случаѣ о вашемъ отказѣ я вынужденъ буду послать телеграмму прокурору.

— Дѣлайте, что хотите.

Какъ я ни уговаривалъ, какъ ни старался, я не могъ побѣдить, очевидно, прирожденной трусости судебного слѣдователя. Поэтому я телеграфировалъ прокурору о томъ, что спасти засыпанныхъ рабочихъ надежды мало и что судебный слѣдователь изъ трусости отказывается спуститься для осмотра.

Я зналъ хорошо характеръ энергичнаго прокурора и былъ увѣренъ, что, получивъ мою телеграмму, онъ сейчасъ же прѣдетъ. Поэтому зашедшему за мной инженеру я сказалъ, что буду ждать прѣзда прокурора. И дѣйствительно, черезъ два часа онъ прѣхалъ на лошадяхъ.

Выслушавъ мой докладъ, прокуроръ объявилъ, что онъ идетъ осматривать мѣсто обвала.

— Времени терять нечего. Идемте вмѣстѣ,—обратился онъ къ судебному слѣдователю.

— Я... не пойду,—отвѣтилъ тотъ дрожащимъ голосомъ.—Я боюсь!..

— Если вы сейчасъ не отправитесь вмѣстѣ со мной на осмотръ, я телеграфирую министру юстиціи о томъ, чтобы васъ уволили, какъ неспособнаго занимать должность судебного слѣдователя,—рѣшительно объявилъ прокуроръ и двинулся впередъ.

Вслѣдъ за нимъ пошелъ и я. Судебный слѣдователь, упитанный, плотный мужчина, схватилъ меня за руку и прошепталъ: «Вы меня только не оставляйте. Я буду держаться за васъ».

Подожли къ шахтѣ. Прокуроръ вошелъ въ клѣтку подъемной машины вмѣстѣ съ явившимся инженеромъ и сталъ спускаться. Мы стояли молча. Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ клѣтка поднялась.

— Пожалуйте,—пригласилъ рабочій.

Я вошелъ. Судебный слѣдователь продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ.

— Я потомъ,—заявилъ онъ.

— Ну, нѣтъ! Вы спуститесь со мной. Прокуроръ мнѣ приказалъ васъ не оставлять и взять васъ съ собой.

— Я всегда подозрѣвалъ, что этотъ прокуроръ что-то имѣетъ противъ меня,—проворчалъ судебный слѣдователь и, войдя въ клѣтку, крѣпко обхватилъ руками перила.

— Вы, баринъ, уберите лучше руки; а не то, не дай Богъ, о стѣну можете оцарапать.

— Что же мнѣ дѣлать?!—съ отчаяніемъ проговорилъ судебный слѣдователь.—Я не могу такъ стоять, не державшись. Я васъ обхвачу.

— Сдѣлайте одолженіе.

Я былъ и ниже и вдвое тоньше его. Не могу сказать, чтобы я испытывалъ особенное удовольствіе, когда грузная туша, безпомощно уцѣпившись за мои плечи, налегла на меня.

Когда спустились на половину шахты и стало совершенно темно, я, услышавъ тяжкіе вздохи сосѣда, сказалъ:

— Вотъ уже и свѣта Божьяго не видно.

— Молиться теперь надо, а не шутить!—торжественно прогормѣлъ онъ мнѣ на ухо густымъ басомъ.

— Молиться никогда не мѣшаетъ. Только я не думалъ, что вы будете такъ трусить.

— Будто вы не трусите? Не повѣрю. Я только притворяться не умѣю.

Въ это время показался свѣтъ лампочки. Мы спустились и вышли изъ клѣтки. Сейчасъ же я пошелъ впередъ. Судебный слѣдователь стоялъ около клѣтки неподвижно.

— Идемте же!

— Дальше я никуда не пойду. Прокуроръ приказалъ мнѣ спуститься. Чтобы не лишиться должности, я исполнилъ его требованіе. Теперь возвращаюсь назадъ,—послышался сердитый отвѣтъ.

— Намъ нужно идти еще очень далеко. Если вы не идете, оставайте одинъ въ темнотѣ, я же уйду съ рабочимъ.

Съ этими словами я быстро зашагалъ вмѣстѣ съ рабочимъ впередъ.

— Пойдите, пойдите!—послышался торопливый голосъ.

Судебный слѣдователь двинулся вслѣдъ за нами. Послѣ многихъ оховъ, вздоховъ и причитаній мы дошли наконецъ до мѣста катастрофы. Тамъ стояло еще больше подпорокъ. Нагнетательная машина уже не работала. Не слышно было и стука кирки. Лица рабочихъ, молча стоявшихъ у стѣны, казались еще угрюмѣе. Тишину прерывало только легкое потрескиваніе подпорокъ. Прокурора и инженера не было. Я тихо спросилъ у одного изъ рабочихъ, гдѣ они, и онъ указалъ мнѣ рукой въ ту сторону, гдѣ

прежде рабочій пробиваль стѣну. Я пошелъ туда. Войдя въ нишу, я увидѣлъ, что въ стѣнѣ пробито отверстіе, которое на половину было заполнено пескомъ. Изъ отверстія торчали шевелившіяся ноги человѣка, лежавшаго на пескѣ.

— Это прокуроръ пожелалъ взглянуть въ отверстіе, — шепталъ мнѣ на ухо инженеръ.—Рабочій пробилъ отверстіе, и оттуда посыпался песокъ. Спасти бывшихъ тамъ уже опоздали... Они засыпаны и задохлись. Видна только рука одного человѣка. Пробившій стѣну рабочій, предполагая, что это его братъ, хотѣлъ было добраться до него, но его едва не засосало. Кромѣ того, песокъ, хотя и медленно, но прибываетъ. Рабочіе убѣдились, что труповъ достать нельзя. Теперь остается только скорѣе уйти, такъ какъ съ каждой минутой опасность растетъ.

Въ это время прокуроръ вылѣзъ изъ отверстія.

— Пойдемте скорѣе назадъ,—предложилъ инженеръ.

— Я тоже посмотрю,—заявилъ я.

— Дорога каждая минута. Идемте!—настойчиво повторилъ инженеръ.

Я его больше не слушалъ и полѣзъ по песку въ отверстіе. Я сознавалъ опасность, но меня тянуло взглянуть туда. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ немаловажную роль играло и самолюбіе. Прокуроръ, думалъ я, будетъ рассказывать всѣмъ о томъ, что онъ видѣлъ въ засыпанной нишѣ, а я вынужденъ буду молчать. Товарищи, если и не скажутъ, все-таки могутъ подумать, что я такой же трусъ, какъ и судебный слѣдователь.

Просунувъ впередъ голову, я оглянулся. При слабомъ свѣтѣ стоявшей на пескѣ лампочки я увидѣлъ груды мелкаго песку. Ближе къ стѣнѣ изъ песка выдѣлялась кисть руки человѣка. Пальцы были сложены, какъ бы для крестнаго знамени. Я повернулъ голову въ другую сторону и увидѣлъ, что съ потолка бьетъ широкой и сильной струей песокъ. Только теперь я вполнѣ ясно понялъ, какой опасности подвергаюсь и я, и всѣ находящіеся вблизи. Я осторожно вылѣзъ назадъ. Подойдя къ инженеру, я шепнулъ ему о фонтанѣ песку. Онъ молча кивнулъ головой и двинулся впередъ. Проходя мимо рабочихъ, онъ энергично махнулъ рукой, приказывая всѣмъ уходить.

— А машина?—тихо спросилъ десятникъ.

— Какая тамъ машина! Бросить! Скорѣе всѣмъ уходить!

Впечатлѣнія были такъ сильны, что, только уходя, я обратилъ вниманіе на трескъ подпорокъ. Онъ былъ гораздо громче и переходилъ отъ одной подпорки къ другой. Казалось, что кто-то быстро проводитъ палочкой по частоколу. Мы молча, крупными шагами пошли къ выходу. Рабочіе не отставали.

— Гдѣ же судебный слѣдователь?—спросилъ, оглядываясь, прокуроръ.

— Онъ давно уже ушелъ,—отвѣтилъ шедшій впереди съ лампочкой рабочій.

Черезъ десять минутъ послѣ нашего выхода изъ шахты новымъ обваломъ было засыпано все то пространство, гдѣ мы только что были.

Эксперты дали заключеніе, что обвалъ произошелъ неожиданно отъ неизвѣстныхъ причинъ и что предусмотрѣть и предупредить его не было никакой возможности. Поэтому дѣло за отсутствіемъ состава преступленія было прекращено.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я не могу забыть фигуры рабочаго, старавшагося съ опасностью для своей жизни спасти своего брата. Какъ живой, онъ стоитъ передо мной. Я вижу его горящіе какимъ-то внутреннимъ огнемъ глаза, и мнѣ слышится его полный муки голосъ: «тамъ мой братъ!»

М. Ф. Чулицкій.

ЧИЛОВСКАЯ ПЕЩЕРА.

(Изъ природы Сухумскаго округа).

I.

ДНИМЪ изъ первыхъ моихъ знакомыхъ въ городѣ Сухумѣ былъ Вл. Ив. Чернявскій, «сухумскій антикварій», какъ величали его мѣстные обыватели. Кличка эта не безъ основаній была присвоена почтенному Владимиру Ивановичу. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтїя студентъ Чернявскій былъ высланъ московскими докторами «умирать отъ чахотки» въ городъ Сухумъ, гдѣ онъ «наперекоръ наукѣ и здравому смыслу» совершенно излечился отъ страшнаго недуга (и теперь еще это атлетически сложенный, завидно здоровый старикъ) и такъ полюбилъ и сжился съ Сухумомъ, что съ того времени и до послѣднихъ дней не покидалъ благодатнаго края. Не даромъ протекла эта полувѣковая жизнь его въ Сухумскомъ округѣ. Посвятивъ себя изученію края, столь богатаго древними историческими памятниками, Вл. Ив. Чернявскій за свою долготѣнную жизнь въ Сухумѣ скопилъ массу научнаго матеріала и, состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ, щедро дѣлился съ ними своими изысканіями и интересными коллекціями. Не только его маленькій домикъ и особенно кабинетъ въ немъ, но и самая гора «Чернявскаго» ¹⁾, выдвинутая къ берегу бухты и «царящая» надъ

¹⁾ Подъ такимъ названіемъ извѣстенъ довольно значительный земельный участокъ Вл. Ив. Чернявскаго въ городѣ Сухумѣ.

городомъ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе свѣжаго человека. Дворъ дома заваленъ самымъ разнообразнымъ хламомъ, имѣющимъ развѣ только въ глазахъ хозяина какое-либо значеніе. Кабинетъ, кромѣ большого стола посреди комнаты и нѣсколькихъ шкаповъ и полокъ вдоль стѣнъ, не имѣетъ никакой мебели; но эти шкапы, полки, столъ и значительная часть пола завалена горами книгъ, рукописей, камней, костей, всевозможныхъ рудъ, печатей, фотографій, тутъ же засушенные плоды, сѣмена, растенія, чурбаки, различныя археологическія «ископаемыя», модели и оригиналы предметовъ и вещей домашняго обихода туземцевъ края и пр. Гора «Чернявскаго» до разбивки ея на участки и распродажи подъ постройку далеко съ моря бросающихся въ глаза дачъ была перекопана хозяиномъ во всѣхъ направленіяхъ траншеями и пещерами. Злые языки утверждаютъ, что Чернявскій, потерявъ надежду найти въ окрестностяхъ Сухума Прометееву скалу съ золотымъ руномъ (по его мнѣнію, аргонавты заключили свой походъ близъ древней Діоскуріи—нынѣ городъ Сухумъ), съ горя сталъ искать въ своей горѣ жилища «гномовъ», оберегавшихъ древній историческій путь, соединявшій здѣсь—у гавани Діоскуріасъ—обѣ половины имперіи Митридата...

Безспорно многосвѣдущій въ исторіи, географіи, этнографіи и археологіи Сухумскаго края, Вл. Ив. Чернявскій являлся очень интереснымъ собесѣдникомъ; а какъ живой свидѣтель исторіи Сухумскаго округа за послѣднее полустолѣтіе, со временъ и посейчасъ всѣмъ памятнаго генерала Геймана, положившаго начало русской гражданственности въ дикой Абхазіи и возсоздавашаго настоящій городъ Сухумъ, могъ быть и полезнымъ справочнымъ указателемъ въ предстоявшей мнѣ дѣятельности въ Сухумскомъ округѣ.

Благодаря его обширнымъ свѣдѣніямъ, которыми онъ охотно дѣлился со мною, безпрестанно встрѣчавшіеся во время моихъ служебныхъ скитаній по весямъ и дебрямъ чудной, но дикой Абхазіи памятники глубокой старины пріобрѣтали въ моихъ глазахъ живой интересъ и не оставались не обслѣдованными тѣмъ болѣе, что со многими изъ «достопримѣчательныхъ руинъ», нерѣдко безподобно сохранившихся, соединялись народныя преданія и легенды.

Къ сожалѣнію, очень сложная и трудная служебная работа не оставляла мнѣ досуга для своевременнаго подробнаго описанія хотя бы наиболѣе интересныхъ памятниковъ былой, несомнѣнно, высокой культуры историческихъ обладателей береговъ Понта Эвксинскаго (карагегяне, греки, римляне, византійцы, генуэзцы), черезъ многіе вѣка смѣнявшихъ другъ друга, краткія же замѣтки, случайно сохранившіяся, не даютъ теперь возможности составить по нимъ цѣльную картину видѣннаго.

Надо, впрочемъ, думать, что съ проявленіемъ за послѣднее время къ Абхазіи особаго интереса среди интеллигентной публики,

не замедлять явиться болѣе меня счастливые любители старины, а, быть можетъ, и специалисты, которые посвятятъ изученію и описанію этихъ интересныхъ остатковъ древней цивилизаціи и больше времени, и больше умѣнья.

Въ настоящемъ же очеркѣ я хочу подѣлиться съ читателемъ тѣми наблюденіями и впечатлѣніями, и посейчасъ живо сохранившимися, которыя я вынесъ изъ осмотра Чиловской пещеры. Объ этой интересной пещерѣ, повидимому, было мало освѣдомленъ и почтенный Вл. Ив. Чернявскій, ибо въ бесѣдахъ нашихъ о ней не упоминалось. Но она очень заинтересовала почтеннаго ученаго, когда я разсказалъ ему о своемъ посѣщеніи ея.

Селеніе Чиловъ, вѣрнѣе Чиловская община, состоящая, какъ и всѣ абхазскія селенія, изъ нѣсколькихъ поселковъ хуторскаго устройства, разбросанныхъ на большой площади общиннаго земельного надѣла, входитъ въ составъ Кодорскаго участка Сухумскаго округа. Запимая предгорное положеніе, вдали отъ берега моря и отъ единственной во всемъ округѣ колесной дороги (Гагры-Сухумо-Зугдидское шоссе), Чиловская община распространяется также и по юго-западнымъ склонамъ горныхъ массивовъ, сопровождающихъ рядомъ понижающихся къ морю цѣпей и горныхъ узловъ ущелье рѣки Кодора.

Въ одно изъ посѣщеній Чиловской общины я заглянулъ въ самый отдаленный и глухой ея поселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ хуторовъ-усадебъ абхазскихъ крестьянъ, носящихъ фамилію Ахуба. Поселокъ расположенъ по склону горъ, которыя тянутся длинною цѣлью параллельно морскому берегу отъ смѣжнаго селенія Джгерды, гдѣ онѣ отвѣсно обрушиваются въ рѣку Кодоръ у выхода этой могучей горной рѣки въ приморскую равнину, далеко на югъ, къ другой такой же рѣкѣ—Ингуръ. Вдоль всей этой горной цѣпи сохранились слѣды непрерывной каменной стѣны, съ возвышающимися надъ нею черезъ нѣкоторые промежутки круглыми башнями. Такая точно стѣна и башни уцѣлѣли также и къ сѣверу отъ рѣки Кодора, на плоскогорьѣ Цебельды и особенно въ долинахъ рѣкъ Маджарки и Келасури. У выхода послѣдней изъ горныхъ тѣсенинъ, близъ села Александровскаго, стѣна круто поворачиваетъ къ морю, на всплескахъ котораго и заканчивается массивною башнею. На южной же своей оконечности, у рѣки Ингуръ, эта въ своемъ родѣ китайская стѣна завершается цѣлымъ укрѣпленіемъ, воздвигнутымъ на вершинѣ высокаго холма, у самаго берега пограничной между Абхазіей и Мингреліей рѣки.

Несомнѣнно, эту стѣною отграничивались и ограждались былия цвѣтуція здѣсь колоніи генуэзцевъ, византійцевъ (именемъ которыхъ стѣна называется и теперь), а ранѣе ихъ—римлянъ и древнихъ грековъ—отъ дикихъ и воинственныхъ аборигеновъ-абхазцевъ. Свободолюбивые, безпокойные и недосыгаемые въ своихъ

горныхъ трупобахъ, потомки этихъ хищниковъ—особенно непокорное племя цебельдинцевъ—были окончательно выселены въ Турцію только въ 1867 году.

Во всякомъ случаѣ исторія сооруженія этой громадной стѣны (около ста верстъ) должна быть отнесена къ той сѣдой старинѣ, о которой въ народныхъ сказаніяхъ не сохранилось почти никакихъ воспоминаній. Только отъ одного старика мнѣ удалось услышать отрывочные намеки на существовавшее преданіе, что «когда-то очень давно, когда еще не было моквинскаго, илорскаго и бедійскаго храмовъ ¹⁾, на приморскихъ берегахъ Абхазіи поселился какой-то чужой народъ, очень богатый. Было у него много кораблей, большіе города. Нашъ народъ, который пришельцы прогнали отъ моря въ горы, не могъ помприться съ захватомъ родины и постоянно дѣлалъ на иноземцевъ и на ихъ богатые города нападенія. Царь ихъ очень разсердился и привезъ изъ-за моря много черныхъ людей, которымъ велѣлъ строить стѣны и крѣпости. Остатки этихъ черныхъ людей и сейчасъ живутъ съ нами ²⁾».

Эти обрывки народныхъ преданій, въ которыхъ историческія событія перепутаны по времени цѣлыми вѣками, все же имѣютъ основаніе. Абхазцы, извѣстные историкамъ еще до Рождества Христова, дѣйствительно, почти постоянно находились въ зависимости отъ заморскихъ пришельцевъ. Греки еще въ VII вѣкѣ до нашей эры основали на абхазскомъ побережьѣ свои колоніи, изъ коихъ Диоскурія (впослѣдствіи—при римлянахъ—Севастополь, а со времени турецкаго владычества—Сухумъ) служила главнымъ транзитнымъ пунктомъ на великомъ пути въ прикаспійскіе и закаспійскіе края. Въ I вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, при императорѣ Діоклетіанѣ, римляне обратили Абхазію въ мѣсто ссылки преступниковъ. Особенно гонимые тогда первые христіане, несомнѣнно, оставили слѣды своего вѣроученія, ибо, когда въ VI вѣкѣ Абхазія подпала въ подчиненіе Византіи, Юстиніанъ Великій безъ труда распространилъ тамъ христіанство, настолько прочно привившееся, что когда въ слѣдующемъ VII вѣкѣ Абхазія освободилась отъ иноземнаго вліянія и въ теченіе почти четырехъ вѣковъ являла собою самостоятельное и сильное государство, управлявшееся независимыми абхазскими царями, тамъ возникло уже нѣсколько епископ-

¹⁾ Объ этихъ трехъ храмахъ упоминается здѣсь только какъ о ближайшихъ къ Чиллову. Первые два реставрированы, а послѣдній стоитъ въ чудно сохранившихся развалинахъ. Такихъ храмовъ въ Абхазіи много. Постройка большинства ихъ и въ томъ числѣ упоминаемыхъ относится археологами къ VII вѣку; но есть постройки и IV вѣка.

А в т о р ь.

²⁾ Эти «черные люди»—негры, дѣйствительно, и сейчасъ живутъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семей среди абхазцевъ въ селеніяхъ Чилловъ, Тамышъ и Адзюбжа. Они прекрасно сохранили свой племенной обликъ, но во всемъ остальномъ совершенно ассимилировались съ аборигенами.

А в т о р ь.

скихъ каедръ (пицундская, моквинская, плорская, бедійская и др.), и даже существовалъ особый первосвященникъ—католикось.

Ко времени владычества Византіи и дальнѣйшаго ея вліянія на Абхазію, вѣроятно, и надо отнести возникновеніе большинства сооружений, въ томъ числѣ и «великой кавказской стѣны», какъ называетъ ее В. И. Чернявскій. Онъ приписываетъ ей гораздо древнѣйшее происхожденіе,—ему и книги въ руки. Онъ утверждаетъ, ссылаясь на Страбона и др., что стѣны эти построены киммерійцами и караками-галлами еще на зарѣ исторіи...

Что же касается «черныхъ строителей» стѣны, то появленіе арабовъ или негровъ въ Абхазіи проще всего было бы объяснить широко развитою во времена турецкаго владычества торговлею рабами, въ качествѣ каковыхъ они, вѣроятно, и были перевезены въ Абхазію въ обмѣнъ на болѣе цѣнный живой же товаръ—абхазскихъ дѣвушекъ, которыми снабжались гаремы пашей. Хотя допустимо и другое историческое объясненіе, по которому эти черные абхазцы являются потомками плѣнныхъ арабовъ, заплонившихъ Грузію въ концѣ X вѣка, съ которыми абхазскіе цари вели упорную борьбу.

Наконецъ, возможна и версія «народнаго преданія», ибо Юстиніанъ Великій какъ для завоеванія Абхазіи, такъ и для своихъ въ ней сооружений привелъ «полчища» рабовъ, между которыми, конечно, могли быть и арабы, и негры.

Въ поселкѣ Ахуба очень хорошо сохранились не только рядъ сторожевыхъ башенъ, замѣтно возвышающихся надъ стѣною въ разстояніи 150—200 сажень другъ отъ друга, но и самая стѣна. Такую живучесть вообще всѣхъ памятниковъ древняго зодчества даже въ самыхъ дикихъ углахъ Абхазіи не трудно объяснить, съ одной стороны—удивительною прочностью самихъ сооружений¹⁾, а съ другой—полнымъ равнодушіемъ къ многочисленнымъ руинамъ мѣстныхъ жителей, къ тому же совершенно не нуждающихся въ каменномъ строительномъ матеріалѣ, ибо въ домашнемъ обиходѣ абхазцевъ камень отсутствуетъ; все дѣлается изъ дерева, благо лѣсу не занимать стать, да и какого лѣса... дубъ, каштанъ, орѣхъ, нежной (красное дерево), самшитъ (кавказская пальма).

Проѣзжая вдоль стѣны, я невольно обратилъ вниманіе на довольно значительный ручей, вытекающій прямо изъ-подъ горы. По обѣ стороны неширокаго оврага, въ глубинѣ котораго пробѣгаетъ рѣчей, стоятъ, точно сторожа, двѣ башни, сплошь обвитыя зелеными гирляндами. Изъ засыпанной внутренности башенъ поднимаются развѣсистыя фиговыя деревья, а изъ разсѣлинъ на-

¹⁾ Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ пробитія траншеи въ этой стѣнѣ, при чемъ подъ ломомъ и киркою легче разбивались гранитные камни, изъ коихъ сложена стѣна, чѣмъ раздѣлялись эти камни въ своихъ цементныхъ соединеніяхъ. Авт.

всли надъ оврагомъ вѣтки орѣшника и жимолости, совершенно прикрывая русло ручья. Выходъ прямо изъ-подъ горы не только ручейковъ въ родѣ описываемаго, но и цѣлыхъ рѣкъ, какъ въ Гаграхъ, въ селеніи Отхары, близъ женскаго монастыря въ Команыхъ и пр., явленіе, правда, очень интересное, но довольно обычное въ Абхазіи. Быть можетъ, я бы и проѣхалъ мимо ручья, если бы сопровождавшій меня мѣстный почетный старикъ Аджирь-Ахуба не предложилъ мнѣ осмотрѣть выходъ ручья.

Пробравшись черезъ заросли ближе къ горѣ, я увидѣлъ преграждающую оврагъ во всю его ширину отвѣсную скалу, въ которой зіяла большая аркообразная ниша, чрезвычайно похожая на входъ въ тоннель. Въ основаніи своемъ ниша завалена глыбами камня, между которыми пробивался ручей. Сводъ арки правильностью своей формы усиливалъ иллюзію тоннеля, сразу заинтересовывая зрителя.

Довольный тѣмъ, что не даромъ заставилъ меня свернуть съ дороги, словоохотливый Аджирь воспользовался короткимъ приваломъ послѣ осмотра входа въ пещеру и рассказалъ слѣдующее.

— Судя, по отрывочнымъ разговорамъ нашихъ стариковъ, существовало преданіе, будто въ глубокой древности черезъ эту пещеру шла дорога, но куда—неизвѣстно. Отъ дѣда же своего, который умеръ на сто седьмомъ году жизни, когда я былъ еще мальчишкой, мнѣ не разъ приходилось слышать, что черезъ эту пещеру къ намъ въ Чиловъ проникали цебельдинскіе абреки (разбойники). А уже нѣкоторые изъ насъ, стариковъ, сами видѣли, какъ ручей выносилъ изъ пещеры конскій пометъ, хотя съ этой стороны, какъ вы сами видите, ни лошадь, ни осель, никакое другое животное проникнуть въ пещеру не можетъ.

— Что же тутъ удивительнаго?—наивно перебилъ я рассказчика.—Вѣроятно, въ пещеру имѣется другой входъ, болѣе доступный.

— Конечно, долженъ быть другой входъ,—покровительственно улынулся старикъ:—но только съ нашей стороны и вообще въ предѣлахъ Чиловской общины никакого другого входа въ пещеру нѣтъ; ужъ это-то мы знаемъ. По нашему мнѣнію, пещера эта очень длинная и, несомнѣнно, сквозная. Она должна выходить либо въ ущелье рѣки Кодоръ, либо въ тѣснину рѣки Брамбы.

— Ну, до рѣки Брамбы отсюда по прямому направленію должно быть не менѣе сорока верстъ,—замѣтилъ я.

— Мы и сами думаемъ, что пещера выходитъ къ Кодору, до котораго отсюда, въ зависимости отъ направленія, будетъ отъ восьми до пятнадцати верстъ; и я думаю, что выходъ имѣется вблизи урочища Латы. Передъ турецкой войной 1877 года я слышалъ отъ одного старика-цебельдинца, что какой-то нашъ пастухъ прошелъ по этой пещерѣ изъ Чилова въ Латы, и когда рассказалъ объ этомъ подземномъ путешествіи дикимъ цебельдинцамъ, то тѣ, принявъ

его за сообщника «чертей», обитателей пещеры, убили его. Рассказъ этотъ, однако, крѣпко засѣлъ мнѣ въ голову и, вспомнивъ о немъ нѣсколько лѣтъ спустя, чуть не въ самый годъ турецкой войны, когда, какъ вамъ извѣстно, и наши абхазцы (дураки!) бунтовали, я подговорилъ нѣсколькихъ товарищей попробовать пройти пещеру. Шли мы часа четыре и, по моему расчету, сдѣлали не менѣе восьми верстъ. Но здѣсь наткнулись на непреодолимое препятствіе въ видѣ сплошнаго земляного обвала. Хотя сквозь камни обвала ручей пробивался, и мы потому не сомнѣвались, что за обваломъ пещера продолжается, но расчищать его мы побоялись и поспѣшили вернуться.

— А что, Аджирь, пошелъ бы ты еще разъ въ пещеру?

— Если ты, начальникъ, прикажешь или самъ пойдешь, то съ удовольствіемъ и безъ себя тебя не пущу туда.

— Развѣ такъ страшно?

— Зачѣмъ страшно! трудно немножко тебѣ будетъ. Да если ты вправду хочешь итти въ пещеру, то съ нами всѣ пойдутъ, и тогда не будетъ трудно.

— А если такъ, то идемъ,—рѣшилъ я.—Черезъ двѣ недѣли я приѣду опять сюда специально для изслѣдованія пещеры, а ты къ тому времени подыщи желающихъ насъ сопровождать. Я привезу веревки, фонари, факелы и все нужное для экспедиціи.

— Будь покоенъ, начальникъ, все будетъ готово, и ты останешься доволенъ...

Вернувшись въ Сухумъ, я, конечно, сообщилъ Владимиру Ивановичу Чернявскому какъ о рассказѣ Аджира-Ахуба, такъ и о своемъ непремѣнномъ намѣреніи лично изслѣдовать интересную пещеру.

Не было предѣловъ восторгу почтеннаго ученаго, тотчасъ ухватившагося за идею «если не возможнаго возстановленія доисторическаго прямого сообщенія Черноморскаго побережья съ прикаспійскою равниною подъ громадами Кавказскаго хребта, то, несомнѣнно, фактическаго подтвержденія историческихъ намековъ о существованіи этого міроваго пути, по которому двигались полчища номадовъ отъ временъ Зороастра до Страбона и позже—до императора Юстиніана, который, по словамъ его историковъ Прокопія и Меландра, заключилъ съ персидскимъ царемъ Хозроемъ мирный договоръ, коимъ послѣдній обязывался не только чинить и поддерживать «великія кавказскія стѣны», но и не пропускать черезъ этотъ замѣчательный кавказскій путь степныхъ номадовъ, гунновъ, аллановъ и другихъ варваровъ для набѣговъ въ Лазикъ (теперешнія Кутаисская губернія и Батумская область)».

Много и долго говорилъ почтенный Владимиръ Ивановичъ, вытаскивая изъ своего не менѣе археологическаго архива кипы справокъ, записокъ, картъ и доказывая безспорность существованія «древняго пути черезъ глубокій проходъ, разсѣкавшій всѣ семнад-

пать параллельныхъ грядъ хребтовъ большого Кавказа отъ Великой Діоскуриі до хозарской столицы Семендеръ на берегу огромнаго залива Каспія, доходившаго тогда до теперешняго слиянія рѣкъ Сунжи и Терека». По его мнѣнію, и Чиловская пещера—не что иное, какъ остатокъ части этого пути, именно здѣсь, у Чилова и берегавшагося по договору Юстиніана съ Хозроемъ видимыми и поднесъ башнями у входа въ пещеру.

II.

Какъ ни казались убѣдительными лекціи Владимира Ивановича о глубокой старинѣ «великой кавказской стѣны» и не менѣе «великаго кавказскаго пути», слѣды которыхъ онъ отождествлялъ съ видѣнными мною развалинами въ Чиловской общинѣ, я смотрѣлъ на свое намѣреніе проникнуть въ Чиловскую пещеру не какъ на миссію фактически доказать вѣрность историческихъ справокъ и повѣствованій о нихъ, а какъ на естественный интересъ увидѣть одно изъ многочисленныхъ на Кавказѣ причудливыхъ явленій природы, не безъ задней, впрочемъ, мысли о возможности, въ случаѣ подтвержденія народной молвы о пещерѣ, использовать ее и для практическихъ цѣлей: облегчить и во много разъ сократить сообщеніе побережья съ долиною рѣки Кодора.

Запасшись необходимыми принадлежностями, какъ: непромокаемою одеждою, если бы пришлось итти по водѣ или подъ каскадами просачивающихся сверху родниковъ, компасомъ для опредѣленія общаго направленія пещеры, шагомѣромъ, колокольчиками, свѣчами, безопасными фонарями, веревками, шестами и пр., я все это заблаговременно отправилъ въ сел. Чиловъ, куда пріѣхалъ и самъ наканунѣ назначеннаго для «путешествія» дня. На сборномъ пунктѣ, въ домѣ старика Аджира-Ахуба меня уже поджидали не только добровольные участники экспедиціи, но и масса любопытствующихъ изъ дворянъ и крестьянъ со всего Кодорскаго участка. Въ составъ экспедиціоннаго отряда, кромѣ меня, входили: Аджиръ-Ахуба, взявшійся быть проводникомъ, три полицейскихъ стражника, фельдшеръ съ перевязочными матеріалами и медикаментами и человекъ десять мѣстныхъ дворянъ и крестьянъ—по преимуществу молодежи.

Остатокъ этого дня былъ посвященъ предварительному обслѣдованію входа въ пещеру и главнымъ образомъ—ручья, вытекавшаго изъ нея, такъ какъ въ зависимости отъ обилія въ немъ воды надо было приспособить одежду и снаряженіе. Погода намъ благопріятствовала; ясные, жаркіе дни стояли непрерывно болѣе двухъ недѣль, слѣдовательно, на большое скопленіе воды въ пещерѣ трудно было рассчитывать.

Предвидя возможность продолжительнаго пребыванія въ пещерѣ (Аджиръ—последній посѣтитель пещеры—прошелъ по ней

около восьми верст), было рѣшено двинуться въ путь съ ранняго утра, основательно подкрѣпившись закуской, которую взять съ собою въ пещеру никакъ нельзя было.

Вечеръ прошелъ за обильнымъ ¹⁾ «абхазскимъ» ужинномъ въ оживленномъ разговорѣ, исключительно почти касавшемся «пещеры»; каждый старался сказать о ней что-нибудь.

Впрочемъ, всѣ рассказы сводились больше къ воспоминаніямъ объ «абрекахъ» и «бѣглецахъ», скрывавшихся въ пещерѣ, и только одинъ старикъ-крестьянинъ, узнавшій объ экспедиціи лишь въ день моего пріѣзда сюда, несвязно и отрывочно повѣдалъ намъ о своей попыткѣ лѣтъ сорокъ назадъ пройти пещеру «насквозь». Попытка эта, по его словамъ, не удалась, благодаря недостаточному запасу освѣщенія, вслѣдствіе чего онъ и его два товарища чуть было не погибли, такъ какъ должны были возвращаться ощупью въ полномъ мракѣ. Единственнымъ путеводителемъ ихъ въ обратномъ пути былъ ручей, по которому они ползли, боясь подняться, чтобы не разбить головы о сталактиты. Можно представить себѣ, что они испытали и пережили, продвигаясь такимъ способомъ въ подземельѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ сутокъ!.. «Когда мы вышли на свѣтъ Божій,—закончилъ рассказчикъ:—мы были похожи на мертвецовъ, и два товарища черезъ нѣсколько дней умерли, а я проболѣлъ болѣе года».

Этотъ рассказъ, однако, насъ не смутилъ и скорѣе подзадорилъ молодыхъ слушателей, такъ какъ на утро число желающихъ итти въ пещеру значительно возросло. Рано утромъ весь отрядъ, уже въ числѣ двадцати одного человѣка, былъ готовъ. Перераспредѣливъ поэтому роли, мы собрались у темнаго входа въ пещеру и, напутствуемые добрыми пожеланіями остающихся, по данному мною сигналу ровно въ восемь часовъ тронулись въ путь.

Какъ бодро и даже весело (вѣроятно, благодаря утреннему и тоже «абхазскому» завтраку) ни была настроена «экспедиція», признаюсь, съ первыхъ же шаговъ во мнѣ зародилось сомнѣніе: не дѣлаю ли я глупости, рискуя не только своею жизнью, но подвергая опасности жизнь и двадцати человѣкъ моихъ спутниковъ, такъ охотно идущихъ въ «преисподнюю» только потому, что туда идетъ самъ начальникъ? Я хорошо зналъ, что безъ личнаго моего участія, а лишь по моему приказанію или вызову, хотя бы и за деньги, въ эту бездну не полѣзъ бы ни одинъ изъ нихъ. Но раздумывать было

¹⁾ Меня всегда поражалъ контрастъ въ количествѣ потребляемой абхазцами пищи. Неизмѣримо скромный въ ѣдѣ въ обычной обстановкѣ, домашней, абхазецъ невѣроятно прожорливъ, когда попадаетъ на «угощенье». Обыкновенно ограничивающійся въ теченіе ряда многихъ дней нѣсколькими щепоточками мамалыги изъ кукурузной муки, абхазецъ на «ширу» можетъ свободно съѣсть пудъ мяса, заѣдая его мамалыгой и обильно запивая «изабелой» (мѣстное вино). Я самъ видѣлъ не разъ одного «товада»—мѣстнаго князя,—съѣдавашаго за обѣдомъ барана, заѣдавашаго его индюкомъ и все это запивавшаго дюжиной бутылокъ вина.

А в т о р ъ.

поздно, да и гулкой смѣхъ и выкрикиванія передовыхъ, уже потонувшихъ въ темнотѣ пещеры, разсѣяли мои опасенія.

Самый входъ въ пещеру преграждался нѣсколькими громадными камнями, трудно сказать, откуда здѣсь взявшимися. Быть можетъ, они сорвались съ отвѣса нависшей надъ входомъ скалы, или же были вынесены изъ глубины пещеры наводненіемъ и застряли здѣсь, образовавъ плотину, за которою ручей прежде, чѣмъ каскадомъ вырваться на просторъ, наполнялъ своею хрустальною водою довольно глубокой водоемъ.

Миновать этотъ водоемъ никакъ нельзя было, и такимъ образомъ съ мѣста въ карьеръ приходилось принять студеную ванну, окунувшись въ воду по самую грудь.

— Ничего, начальникъ, это хорошее начало, — крикнулъ изъ глубины Аджиръ, когда я, отряхиваясь отъ воды, проникшей черезъ «непромокаемую» одежду, ежился отъ холода и громко бранилъ несовершенство «морского кожуха».

— Нетрудное условіе свободнаго прохода во владѣнія духа преисподней — «пещерное крещеніе» — мы выполнили и дальше препятствій не встрѣтимъ.

— А я думаю, — вставилъ мрачнаго вида абхазецъ-мусульманинъ: — что эту неизбѣжную ванну послалъ намъ Аллахъ въ видѣ напоминанія о пропущенномъ утреннемъ намазѣ, какъ предупрежденіе о предстоящихъ трудностяхъ.

— Не каркай, черный воронъ, — прикрикнулъ на него Аджиръ, — и иди рядомъ со мною, благо ты очищенъ утреннимъ намазомъ, ниспосланнымъ тебѣ самимъ Аллахомъ.

Впереди шелъ Аджиръ съ дубинкою въ одной и съ яркимъ безопаснымъ фонаремъ въ другой рукѣ. Онъ обвязалъ себя тонкою веревкою, длинный конецъ которой былъ протянутъ до замыкавшаго шествія стражника. Всѣ остальные должны были, держась за веревку, слѣдовать гуськомъ, не теряя изъ виду другъ друга на случай моментальной поддержки, если бы товарищу угрожала какая-либо опасность. Черезъ человѣка путь освѣщался обильно запасенными свѣчами, фонарями и даже факелами. Отъ послѣднихъ, однако, скоро пришлось отказаться, такъ какъ въ тѣсныхъ проходахъ удушливая копотъ и дымъ отъ нихъ не только мѣшали осмотру пещеры, но и затемняли дорогу.

Изъ водоема у входа пришлось тотчасъ же карабкаться на новый еще большихъ размѣровъ обрывокъ скалы, загородившій проходъ во всю ширину пещеры. За нимъ насъ окутала уже полная тьма. По вытянувшемуся въ прямую линію ряду огоньковъ можно было судить, что въ этомъ мѣстѣ подземный коридоръ тянется въ одномъ направленіи, по компасу — прямо на сѣверъ.

Долженъ оговориться, что по пятиверстной картѣ бассейна рѣки Кодоръ отъ входа въ пещеру до предполагаемаго выхода ея

въ ущелье этой рѣки близъ урочища Латы, если принять на вѣру народное сказаніе о сквозной проходимости пещеры, должно быть около пятнадцати верстъ по прямому направленію на сѣверо-западъ. Поэтому показанія компаса и измѣренія пройденнаго пути были для меня очень важны. Шагомѣрь былъ выроненъ и утонулъ въ водоемѣ, да едва ли онъ былъ бы намъ полезенъ при нашемъ дальнѣйшемъ способѣ движенія. Пройденное разстояніе съ большею вѣроятностью мы могли опредѣлить по времени, въ чемъ абхазцы большіе знатоки и другого измѣренія разстояній они не знаютъ.

Черезъ полчаса пути по сравнительно ровному дну пещеры, то по скользкимъ берегамъ ручья, то по самому его руслу, при чемъ вода доходила до щиколки и лишь кое-гдѣ до колѣна, мы вышли изъ довольно узкаго и невысокаго коридора съ глиняными неровными стѣнами и сводомъ въ обширную и очень высокую «залу». Гулкимъ эхомъ разносились по невидимымъ угламъ громаднаго грота наши голоса, перебивая и заглушая другъ друга, сливаясь въ общій гулъ. Чтобы проникнуть глазомъ въ высокіе своды чудесной залы, я распорядился зажечь возможно большее число огней и былъ пораженъ представившимся зрѣлищемъ. Куполообразный сводъ былъ усыянъ свѣсившимися, причудливой формы и разной величины сталактитами сѣро-молочнаго цвѣта, лишь изрѣдка ярко-бѣлыми, съ острыхъ кончиковъ которыхъ то медленно, то быстро, одна за другою падали на дно капли воды. Ярко сверкая при нашемъ скудномъ для такой залы освѣщеніи, тысячи этихъ капель представлялись алмазнымъ дождемъ. На мѣстѣ ихъ паденія образовались не менѣе разнообразной формы возвышенія: то въ видѣ сосуллекъ, обращенныхъ вверхъ своими остриями, разбросанныхъ отдѣльно каждая или соединенныхъ въ красивыя группы конусообразныхъ фигуръ разной величины, то въ видѣ вазъ и урнъ, точно выточенныхъ и установленныхъ на пьедесталы для сбора хрустальной влаги. Въ удивительную, непередаваемую словами мелодію сливался легкій шумъ падающихъ капель и струекъ воды, аккомпанируемый едва слышнымъ журчаніемъ ручья, — когда мы на минуту совершенно смолкали... Даже абхазцы, эти дѣти удивительной «абхазской» природы, которою и мы, кавказскіе уроженцы, чуть не на каждомъ шагу восхищаемся, измѣнили своей обычной сдержанности и шумнымъ восторгомъ сопровождали осмотръ чуднаго грота... Къ сѣверной сторонѣ гротъ постепенно суживался и заканчивался тѣснымъ выходомъ, изъ котораго струился ручей. Послѣ короткаго отдыха мы направились въ томъ же порядкѣ къ этому выходу. Войти въ это узкое и низкое отверстіе было не трудно, хотя приходилось и сильно согнуться; но пробираться въ такомъ согнутомъ положеніи по такой же галереѣ шаговъ около ста, да еще по колѣно въ водѣ, было до крайности утомительно.

Мы несказанно обрадовались, когда проходъ-галерея снова расширился, давъ намъ возможность выпрямить уставшія спины и двигаться дальше во весь ростъ по твердому, усѣянному галькой берегу ручья. Не надолго, впрочемъ, пришлось попользоваться этой «передышкой». Сравнительно ровное дно высокой, красиво убранной сталактитами галереи вскорѣ приняло продольное наклонное положеніе, настолько крутое, что ноги скользили, и менѣе осторожные изъ спутниковъ моихъ скатывались по наклону въ ручей. Движеніе здѣсь стало затрудняться еще и попадавшимися на пути большими каменными глыбами, мѣстами во всю ширину прохода. Приходилось перелѣзать черезъ нихъ, подсаживая другъ друга. Препятствіе это было тѣмъ непріятнѣе, что камни сплошь были покрыты осадками мокрой глины или ила. Еще дальше я замѣтилъ, что огоньки передовыхъ стали мелькать все выше и выше, круто поднимаясь одинъ надъ другимъ. Былъ ли то обвалъ или каменный массивъ громаднхъ размѣровъ, неожиданно встрѣтившійся на пути «строителя» галереи, трудно было выяснитъ, но взбираться на него было нелегко. Если бы не здоровые молодые спутники—Копія Маршанія и стражникъ Звездева (оба абхазцы), подослѣвшіе здѣсь мнѣ на помощь, я, пожалуй, и не одолѣлъ бы этого препятствія. Но за нимъ насъ ожидало новое, труднѣйшее, хотя и въ другомъ родѣ. Соскользнувъ по противоположному скату «обвала» на нормальное дно пещеры, неожиданно расширившейся здѣсь въ новый довольно обширный и такой же красивый гротъ, мы были очень смущены, принявъ его, по бѣглому осмотру, за совершенно замкнутый, не имѣющій другого выхода, кромѣ того, черезъ который сюда проникли. И если бы не неизмѣнный «путеводный» ручеекъ, выбивавшійся съ противоположной отъ «обвала» стороны чуть не изъ-подъ земли, мы должны были бы здѣсь и окончить свою экспедицію. Опытный глазъ Аджира, рѣшившаго по времени нашего пребыванія въ пути (мы блуждали уже часъ сорокъ минутъ), что «тутъ еще не конецъ, что онъ самъ проходилъ гораздо дальше»,—обнаружилъ небольшое отверстіе, изъ котораго вытекалъ ручей. По тщательномъ обслѣдованіи оказалось, что «дыра» эта не что иное, какъ узкій трубообразный проходъ, изъ котораго (судя по сильно колебавшемуся пламени свѣчи) замѣтно тянуло воздухомъ. По дну трубы плавно протекалъ ручей, глубина котораго у выхода доходила до пояса; отъ поверхности же воды до свода трубы оставалось свободнаго пространства немного болѣе поларшина. Хотя я повѣрилъ Аджиру, что «труба» сквозная и пройти по ней можно, но прежде, чѣмъ рискнуть на такое путешествіе всѣмъ отрядомъ, мы рѣшили произвести рекогносцировку и выяснитъ, какой длины эта труба и что слѣдуетъ за нею. Аджиръ и два молодца-абхаза, не задумавшись, нырнули въ отверстіе, и минутъ черезъ десять томительнаго ожиданія мы услышали ихъ призывъ безъ

опасней последовать их примеру, а один из «развѣдчиковъ», вернувшись къ намъ, пока мы устранялись, сказалъ, что «дальше очень хорошо» и что «Аджиръ, отдыхающій тамъ въ залѣ, поручилъ ему вести отрядъ». Какъ ни жутко было спускаться въ преисподнюю и безъ того преисподней, по которой мы уже блуждали почти два часа, любопытство, съ одной стороны, а конфузъ съ другой—взяли верхъ надъ благоразуміемъ, и мы одинъ за другимъ, согнувшись до возможнаго, бухнулись въ воду. Сильное возбужденіе и постоянное движеніе не оставляли мѣста для ощущенія мокроты и холода. Вѣлье давно уже было мокро до нитки и плотно облипало тѣло. Сильно согнувшись и держа въ одной рукѣ на уровнѣ головы фонарики или свѣчи (на этотъ разъ всѣ имѣли въ рукахъ по свѣтильнику, подвязавъ запасы освѣщенія къ головамъ), намъ пришлось продвигаться по этой трубѣ около двадцати сажень, мѣстами погружаясь въ воду до самой шеи, имѣя на поверхности лишь голову да руку со свѣчой.

Путешествіе не изъ пріятныхъ, но тѣмъ не менѣе оно сопровождалось шумнымъ смѣхомъ и даже шалостями молодежи!..

Пройдя въ такомъ до крайности неудобномъ положеніи шаговъ двадцать-тридцать, я уже почувствовалъ потребность дать отдыхъ онѣмѣвшей поясницѣ и затекшей рукѣ со свѣчой. Остановившись на минуту въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сводъ настолько приподнялся, что явилась возможность выпрямиться, я оглянулся на спутниковъ. По истинѣ, картина была удивительная! Но нервы, притомленные непрерывною смѣною впечатлѣній въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, уже плохо реагировали, и положеніе наше въ этой подземной трубѣ, какъ и все вообще путешествіе по пещерѣ, вначалѣ казавшееся мнѣ сказочнымъ, уже не поразило меня своею исключительностью. Лишь смѣшно было видѣть рядъ торчащихъ изъ воды головъ, тускло освѣщенныхъ свѣчами въ вытянутыхъ надъ водою же рукахъ и разнообразно убранныхъ поверхъ папахъ котомками и связками съ запасомъ освѣщенія. Я невольно засмѣялся, а, глядя на меня, тоже, должно быть, представлявшаго смѣшную фигуру «мокрой курицы», захохотали и всѣ остальные. Но какимъ-то глухимъ и удивительно короткимъ звукомъ пронесся по трубѣ этотъ смѣхъ, почти тотчасъ и замершій возлѣ каждаго смѣявшагося. Звуковымъ волнамъ, очевидно, некуда было распространиться, и онѣ, встрѣчаясь другъ съ другомъ, тутъ же и замирали. Это странное явленіе произвело на насъ непріятное впечатлѣніе, и мы послѣшили продолжать свое «полуплаванье» по дырѣ, изъ которой еще шаговъ черезъ тридцать и вынырнули въ высокій коридоръ, перешедшій скоро въ болѣе обширную, чѣмъ первая, залу. Сталактитовыя украшенія показали мнѣ здѣсь еще причудливѣе и красивѣе. Сводъ залы мѣстами совсѣмъ терялся въ вышинѣ, а положеніе ея относительно только что осиленаго нами прохода было боковое; она вытянулась

вправо, отчего казалось, что подземный ходъ здѣсь почти подь прямымъ угломъ отклонялся отъ общаго направленія на востокъ. Но это намъ только показалось. Внимательный осмотръ залы обнаружилъ, что лѣвая ея часть, считая отъ входа, повидимому, обвалилась и была засыпана грудю рыхлой земли и камней. Этимъ же громаднымъ обваломъ, сравнительно недавняго происхожденія, вѣроятно, былъ заваленъ и дальнѣйшій ходъ пещеры; при самомъ старательномъ изслѣдованіи грота мы не могли найти изъ него другого выхода, кромѣ той дыры, черезъ которую только что проникли сюда. Такимъ образомъ, пришлось убѣдиться, что дальше итти некуда и путешествію нашему пришелъ конецъ.

Какъ ни досадно было отрѣшиться отъ надежды пробраться въ долину рѣки Кодора подь землю и такимъ подземнымъ путешествіемъ, удививъ міръ, оправдать предположенія Вл. И. Чернявскаго, я долженъ былъ подчиниться природѣ и объявить экскурсію нашу законченною.

Признаюсь, въ ту минуту я, кажется, съ удовольствіемъ остановился на такомъ неизбѣжномъ рѣшеніи. Физическая усталость, замѣтное ощущеніе голода и особенно холода въ мокромъ до нитки бѣльѣ и платьѣ, когда нервы поуспокоились, а тѣло остыло,—давали себя чувствовать. Уже три часа мы блуждали въ подземельѣ, и организмъ требовалъ свѣта и отдыха!..

Не сдавался неутомимый Аджиръ.

— Зачѣмъ, начальникъ, назадъ? Я ходилъ дальше, и обвалъ, который преградилъ тогда мнѣ дорогу, былъ совѣмъ въ другомъ мѣстѣ и не такого вида. Тамъ не было этой комнаты, и поперекъ хода лежало до потолка нѣсколько большихъ камней; между ними оставались небольшіе промежутки, которые мы могли бы теперь прочистить,—насъ такъ много,—и достигнуть противоположнаго выхода изъ пещеры. Ручей въ томъ мѣстѣ пробивался между камней и падалъ на дно галереи маленькимъ водопадомъ. Здѣсь же ручей выбивается изъ-подь земли. Не помню я и этой трубы, черезъ которую мы сейчасъ выползли сюда. Такой дороги тогда не было. Я думаю, что произошелъ новый большой обвалъ. Какъ далеко онъ распространяется, конечно, трудно сказать, но я увѣренъ, что если въ обходъ его ручей пробилъ себѣ новое русло—трубу, нами уже пройденную, то и дальше онъ долженъ былъ промыть себѣ такой же проходъ, въ чемъ я и постараюсь сейчасъ же убѣдиться.

Съ этими словами онъ подозвалъ какого-то Кягуца, молодого абхаца, что-то сказавъ ему на родномъ гортанномъ языкѣ, и тотъ, распластавшись на землѣ у выхода ручья, задомъ сползъ въ дыру и на мгновеніе исчезъ въ темнотѣ. На мой взглядъ, пробраться и здѣсь по ручью, какъ намъ удалось это продѣлать раньше, было совершенно невозможно, если бы даже эта новая труба оказалась и короче той, которую мы только что одолѣли. У выхода ея поперекъ русла

лежала скала, поверхность которой, служившая поломъ для грота, была выше дна ручья, а сводъ трубы едва возвышался надъ скалою, образуя темное отверстіе. Въ это-то отверстіе и нырнулъ безстрашный Кягуцъ, погружившись въ воду съ головой, такъ какъ у выхода оказалась довольно глубокая впадина, вымытая водою. Я весь замеръ, когда онъ скрылся подъ водою... Но онъ тотчасъ же нашелъ опору въ настоящемъ днѣ ручья, и въ освѣщенное отверстіе мы увидѣли мокрое испуганное лицо молодца. Ободренный товарищами, онъ скоро оправился и, потребовавъ свѣчу, собрался ползти въ глубину «дыры».

Опасаясь, чтобы на пути его опять не встрѣтилась промоина, въ которой онъ могъ бы исчезнуть навсегда, я категорически воспротивился дальнѣйшему изслѣдованію «пути» и, приказавъ ему выбраться, далъ сигналъ къ возвращенію. Если бы даже эта труба и оказалась проходимою, то продолжать путешествіе неизвѣстно на сколько часовъ, безъ провизіи, съ истощившимся на половину запасомъ освѣщенія я призналъ болѣе чѣмъ неблагоприятнымъ. Давъ вѣру показаніямъ компаса, по которому общее направленіе пройденнаго пути неизмѣнно свидѣтельствовало, что выходъ тещеры долженъ быть въ ущельѣ рѣки Кодора и приблизительно у мѣстности Латы, я принялъ длину ея около двѣнадцати-пятнадцати верстъ. По скорости нашего движенія это разстояніе могло быть нами пройдено не менѣе, какъ въ восемь-десять часовъ, а для такого продолжительнаго подземнаго путешествія мы не были готовы.

Итакъ, было рѣшено возвратиться.

Большинство моихъ спутниковъ, придававшихъ экспедиціи лишь значеніе прогулки съ чудакомъ-начальникомъ во главѣ, порядочно притомившись и проголодавшись, съ радостью встрѣтило мое приказаніе «отступать» и, прокричавъ каждый по-своему прощальное привѣтствіе «пещерному духу», владѣльцу этихъ чудныхъ залъ, гротовъ и галерей, мы шумно, но въ томъ же порядкѣ двинулись въ обратный путь.

Свободный отъ впечатлѣній новизны и до нѣкоторой степени—отъ опасеній за исходъ экспедиціи, теперь я съ большимъ вниманіемъ присматривался къ строенію подземнаго хода.

Какъ «труба», такъ и другія препятствія, встрѣченныя нами по пути въ пещерѣ, являлись не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ разновременныхъ болѣе или менѣе крупныхъ обваловъ. Почти всѣ они были земляные; попадавшіяся въ осыпяхъ отдѣльныя каменные глыбы свидѣтельствовали лишь о рыхломъ строеніи земляной толщи, черезъ которую проходило подземелье. Сплошной скалы ни въ коридорахъ, ни въ гротахъ мы не видали. Лишь изрѣдка вдоль ходовъ замѣчались каменные пласты, значительно способствовавшіе размытію галерей ручьемъ, который, судя по наносамъ и другимъ землянымъ разрушеніямъ, не всегда бываетъ такимъ радушно

гостепріимнымъ, какимъ онъ показалъ себя передъ нами. Воображаю, что творится въ пещерѣ, когда такіе единственные выходы для ручья, какъ видѣнныя нами «трубы», совершенно заполняются и излишнія воды начнутъ собираться въ замкнутыхъ гротахъ и галереяхъ!..

Внимательно осмотрѣвъ на обратномъ пути ходы галерей, оцѣнивъ и объяснивъ происхожденіе разныхъ препятствій, я былъ близокъ къ заключенію, что когда этихъ чисто случайныхъ препятствій не бывало, или когда ихъ постепенно и своевременно устраняли, то по подземелью можно было проходить, а пожалуй и проѣзжать, не однимъ только единичнымъ путникамъ...

Почему бы отсюда не повѣрить, что когда-то по пещерѣ проходила дорога!? Сколько удовольствія доставилъ я почтенному Вл.Ив. Чернявскому, заключивъ такимъ выводомъ свой рассказъ объ экспедиціи!.. Сколько плановъ зародилось въ головѣ ученаго о возрожденіи чуть ли не доисторическаго пути!..

Появленіе наше на свѣтъ Божій вызвало шумную радость поджидавшихъ насъ абхазцевъ. По мѣрѣ того, какъ изъ пещеры выползали участники экспедиціи, ихъ окружали группы товарищей, награждали аплодисментами и съ криками «ура» вводили въ сторону, засыпая разспросами, кто—помогая переодѣться въ сухое платье, а кто, поближе, предлагая заботливо припасенную всяческую снѣдь и прежде всего—вино.

Особой оваціи удостоились я и нашъ проводникъ Аджиръ-Ахуба.

Едва мы показались у выхода изъ пещеры, какъ насъ подхватили на руки и съ оглушительными криками «ура» вынесли изъ оврага на лужайку, ярко освѣщенную горячимъ полуденнымъ солнцемъ.

Здѣсь на раскинутой буркѣ предусмотрительнымъ стражникомъ моимъ было уже приготовлено чистое бѣлье и платье, а нѣсколько въ сторонкѣ—баклажка съ коньякомъ, тартинки и даже кипящій самоваръ. Съ большимъ наслажденіемъ, проглотивъ рюмку коньяку и сбросивъ съ себя мокрое и облѣпленное грязью бѣлье и платье, я поворачивался на буркѣ, какъ крокодилъ на отмели, подставляя горячимъ солнечнымъ лучамъ свое намокшее и остывшее тѣло, съ жадностью проглатывая отъ времени до времени подносимые услужливымъ стражникомъ горячій пуншъ и бутерброды.

Обсушенные, обогрѣтые, переодѣтые, довольные, а нѣкоторые уже и навеселѣвъ, въ сопровожденіи огромной толпы народа, направились мы къ мѣсту ночлега, куда торжественно несли за нами и наши «трофеи» — куски сталактитовъ; нѣкоторые изъ нихъ, вѣсомъ болѣе пуда, размѣрами и причудливою формою останавливали на себѣ вниманіе даже этой полудикой толпы.

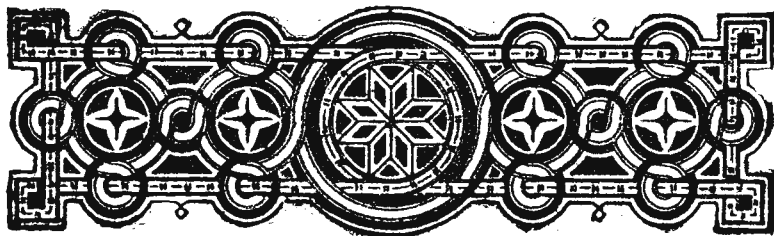
Въ домѣ Аджира отъ «общества» былъ приготовленъ «смѣлымъ путешественникамъ» лукуловскій на абхазскій ладъ обѣдъ.

Къ вечеру того же дня, напутствуемый всяческими пожеланіями и въ ихъ числѣ—«повторить экскурсію въ пещеру», я выѣхалъ изъ поселка въ сопровожденіи вьочнаго транспорта съ «трофеями».

Не придавая серьезнаго практическаго значенія произведенному мною обследованію Чилловскій пещеры, по Чернявскому—древняго прямого пути черезъ горы Кавказа,—но считая эту рѣдкую пещеру во всякомъ случаѣ заслуживающею большаго научнаго изслѣдованія, я о своей экскурсіи донесъ по начальству, выразивъ готовность повторить экспедицію при участіи геологовъ и инженеровъ. Какъ знать, при сочувственномъ отношеніи къ тщательному обследованію пещеры со стороны и мѣстнаго населенія, при нѣкоторыхъ денежныхъ затратахъ на расчистку и устраненіе препятствій подъ руководствомъ специалистовъ, быть можетъ, Чернявскій оказался бы и правъ!.. Но... на донесеніе мое не послѣдовало никакого отвѣта...

Вл. Прогульбицкій.

РАЗВѢНЧАННЫЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦІИ 1905 Г.

1) Г. С. Хрусталева-Носаря.

I.

НѢ СЛУЧАЙНО пришлось въ текущемъ году сдѣлать перерывъ въ моихъ изслѣдованіяхъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, къ продолженію которыхъ, однако, я со временемъ обращусь. Властные вопросы дня въ связи съ нѣкоторыми внутренними теченіями въ жизни Россіи побудили меня на нихъ отозваться и дать имъ мѣсто на страницахъ журнала. Вотъ и сейчасъ газетный шумъ и полемика около еще недавно (1905 годъ) столь громкаго имени Г. С. Хрусталева-Носаря снова отвлекаютъ мое вниманіе отъ послѣдовательной работы и вызываютъ воспоминаніе о пережитыхъ всѣмъ русскимъ обществомъ тревожныхъ дняхъ русской революціи. Всероссийская забастовка, манифестъ 17-го октября 1905 года, митинги, всевозможные союзы и, какъ громкій аккордъ къ нимъ, рѣзко оборванный,—совѣтъ рабочихъ депутатовъ и таинственная фигура, дотолѣ никому невѣдомая, Хрусталева-Носаря въ роли главы этого, какъ одно время казалось, грознаго и всемогущаго совѣта... Какъ все это было недавно, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ много воды протекло съ того времени! «Какъ мало прожито, какъ много пережито...» Недавнее прошлое ушло куда-то въ историческую

далъ, шумъ былого замеръ, яркіе на тогдашній взглядъ образы потускнѣли или совсѣмъ исчезли съ фона большого крикливаго полотна. Къ числу этихъ исчезнувшихъ образовъ относится знаменитый «попъ» Георгій Гапонъ, къ числу поблекшихъ—излюбленный человѣкъ совѣта рабочихъ депутатовъ Георгій Носарь-Хрусталева. Оба героя революціоннаго 1905 года, одинъ физически, другой морально, сошли со сцены русской жизни и оба при обстоятельствахъ, кидающихъ тѣнь на ихъ въ своемъ родѣ «историческія» имена. О Гапонѣ въ нашемъ журналѣ уже была не одинъ разъ рѣчь, и къ его дѣятельности и судьбѣ намъ придется еще разъ вернуться. А потому, хотя я и бросаю ретроспективный взглядъ на былое изъ отечественной дѣйствительности 1905 года и мнѣ въ интересахъ послѣдовательности, собственно говоря, слѣдовало бы здѣсь начать свою рѣчь именно съ Гапона, но хроника текущей жизни побуждаетъ меня отказаться отъ послѣдовательности и остановиться на событіяхъ второй половины того шумнаго года. Газетные толки, воскресившіе забытое имя Хрусталева-Носаря, какъ-то невольно именно къ нему приковываютъ вниманіе историка-публициста и рождаютъ въ немъ желаніе подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются у него относительно этой мало освѣщенной личности въ исторіи отечественнаго освободительнаго движенія. Роковая судьба, постигшая нынѣ этого человѣка, каково бы ни было отношеніе къ сыгранной имъ въ свое время политической роли, заслуживаетъ вниманія, какъ содержащая въ себѣ безусловно, съ одной стороны, элементъ драматизма, а съ другой,—какъ назидательный показатель того, поскольку прихотливо переливалась отечественная дѣйствительность въ злополучное революціонное время, вслѣдствіе чего даже люди, не рожденные по своей природѣ на амплу выдающихся героевъ, становились, однако, таковыми силою случая и силой счастливаго для нихъ степенія обстоятельствъ. Война рождаетъ героевъ, но обычно эти военные герои продолжаютъ и по окончаніи войны нести на себѣ ореолъ славы, которая не тускнѣетъ, какъ бы ни сложилась впоследствіи ихъ жизнь. Я разумѣю здѣсь настоящую войну съ ея пушечнымъ грохотомъ и залпами орудіи. Война гражданская не всегда носитъ въ себѣ элементъ отмѣченнаго героизма, и въ судьбѣ Хрусталева-Носаря мы видимъ именно какъ бы опроверженіе о вѣчности геройства опредѣленнаго лица. Онъ—герой 1905 года—черезъ восемь лѣтъ стараніями своихъ же, еще недавнихъ единомышленниковъ свертается съ былого пьедестала, имя его втаптывается въ скверную грязь, отъ которой ему въ своемъ создавшемся одиночествѣ трудно отдѣлаться, и надъ нимъ во всеуслышаніе безжалостно произносятся приговоры, отъ которыхъ становится жутко и стыдно за человѣка.

Что же такое случилось? Изъ-за чего весь шумъ?

На столбцах «Новаго Времени» въ отдѣлѣ телеграммъ появилось нѣсколько мѣсяцевъ назадъ сенсационное извѣстiе о томъ, что бывшiй предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ попался въ мелкомъ уголовномъ преступленiи (кража), привлеченъ къ дознанiю и посаженъ въ тюрьму. Это извѣстiе, несомнѣнно, поразило всѣхъ знакомыхъ съ дѣятельностью «историческаго» совѣта рабочихъ депутатовъ и обнаруживало, что очевидно, въ русскомъ эмигрантскомъ муравейникѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

Въ освѣщенiе этого сенсационнаго извѣстiя въ социаль-демократической рабочей газетѣ «Лучъ» (№ 67), мало, впрочемъ распространенной въ интеллигентныхъ кругахъ читателей, появилась за подписью влiятельнаго въ революционныхъ и эмигрантскихъ кругахъ социаль-демократа Н. Троцкаго-Бронштейна, бывшаго соратника Хрусталева-Носаря по революционной дѣятельности въ 1905 году, слѣдующая, не лишняя сокровеннаго смысла и пропитанная топкимъ ядомъ статья:

Хрусталевъ.

Многихъ русскихъ рабочихъ поразить своей трагической неожиданностью вѣсть о томъ, что Хрусталевъ, бывшiй предсѣдатель петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, арестованъ парижкой полицией за воровство.

И они должны сами передъ собой поставить вопросъ: какъ могло это случиться? Что означаетъ арестъ Хрусталева? Какъ связать его роль въ 1905 году съ его жалкимъ концомъ?

Имя Хрусталева въ ноябрѣ 1905 года приобрѣло колоссальную популярность. Оно повторялось во всѣхъ газетахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Огромная политическая инициатива, проявленная петербургскимъ рабочимъ совѣтомъ, его энергiя, рѣшимость, его авторитетъ въ массахъ,— все это сразу встало передъ пробужденнымъ росiйскимъ обывателемъ, какъ таинственная загадка. «Кто это у нихъ тамъ командуетъ?» спросилъ себя обыватель, привыкшiй къ мысли, что все на этомъ свѣтѣ дѣлается по командѣ,—и буржуазныя газеты въ одинъ голосъ отвѣтили ему: Хрусталевъ.

До образованiя совѣта Георгiй Носарь—таково подлинное имя Хрусталева—былъ безпартийнымъ лѣвымъ, изъ молодыхъ адвокатовъ. Къ социаль-демократiи относился недружелюбно, съ рабочимъ движенiемъ сталкивался только тогда, когда оно выходило временно на открытую арену, какъ въ комиссiи сенатора Шидловскаго (февраль 1905 года). Въ предсѣдатели совѣта Хрусталевъ былъ выбранъ на второмъ засѣданiи. Главнымъ доводомъ за него была его безпартийность. Въ совѣтъ, который создавался, главнымъ образомъ, усилiями меньшевиковъ, входили также большевики, социалисты-революционеры и безпартийные. Партийный предсѣдатель—въ ту первую эпоху, когда совѣтъ только создавался,—породилъ бы сразу партийныя и фракцiонныя тренiя.

Безъ самостоятельной точки зрѣнiя, безъ социалистическаго образованiя, довольно посредственный ораторъ, Хрусталевъ проявилъ большую энергiю, находчивость и практическiй смыслъ. Въ глазахъ широкихъ рабочихъ массъ, которыя сами съ восторгомъ и изумленiемъ смотрѣли на свое собственное созданiе, Хрусталевъ выступалъ, какъ орга-

низационное средоточіе ихъ собственной силы. Но наиболѣе сознательные рабочіе, составлявшіе исполнительный комитетъ, точно такъ же, какъ и интеллигенты—представители социалистическихъ партій, чувствовали въ немъ чужака, пришельца, чловѣка, внутренне не связаннаго съ дѣломъ социализма. Въ исполнительномъ комитетѣ совѣта социаль-демократы окружили Хрусталева надежнымъ конвоемъ. Сознвая свою полную политическую беспомощность, Хрусталева покорно шелъ навстрѣчу всѣмъ предложеніямъ, вносившимся представителями социаль-демократіи, а вскорѣ, считаясь съ ея растущимъ вліяніемъ въ совѣтѣ, и самъ объявилъ себя социаль-демократомъ. Хрусталева свѣтилъ двойнымъ свѣтомъ: партіи и массы. Но и тотъ и другой свѣтъ былъ отраженнымъ, т.-е. чужимъ. Собственный ростъ Хрусталева совершенно не соответствовалъ ни той внѣшней роли, которую ему пришлось сыграть, ни—еще менѣе—той легендарной популярности, какую ему доставила буржуазная пресса.

Въ эмиграціи это скоро обнаружилось. Въ развѣтывавшейся за границей идейной борьбѣ, хотя и осложненной подчасъ до неузнаваемости кружковщиной, шла все же важная работа оцѣнки опыта, подведенія итоговъ и опредѣленія дальнѣйшаго пути. Къ этой работѣ Хрусталева былъ совершенно не подготовленъ. Въ немъ сразу обнаружилось полное отсутствіе какъ политической, такъ и нравственной устойчивости. Ему не хватало ни той дисциплины мысли, какая дается теоріей, ни той дисциплины характера, какая дается партіей. Онъ сразу почувствовалъ себя не у дѣла, сталъ метаться изъ стороны въ сторону, выступилъ изъ социаль-демократіи, гдѣ не надѣялся добиться вліянія, объявилъ себя синдикалистомъ, и въ то же время ярко сталъ проявлять оборотную сторону своего авантюристскаго темперамента—въ разныхъ темныхъ операціяхъ финансоваго характера. Это окончательно отрѣзало его отъ политической эмиграціи. Онъ самъ потерялъ всякое уваженіе къ себѣ, опускался все ниже и ниже, и—можетъ быть, съ разсудкомъ, на половину помутившимся отъ головокружительныхъ превратностей судьбы, кончилъ воровствомъ...

Личная судьба Георгія Носаря глубоко-трагична. Исторія раздавила этого нравственно-нестойкаго чловѣка, взваливъ на него тяготу немощности. Обывательская фантазія создала, при содѣйствіи прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгій Носарь разбилъ эту фигуру вдребезги и... разбился самъ.

Несчастному Носарю рабочіе не откажутъ въ сочувствіи. Но о разрушеніи легенды Хрусталева они жалѣть не станутъ. Подводя свои итоги эпизоду хрусталевицины, они скажутъ твердо и четко:

— Одной иллюзіей меньше, однимъ опытомъ больше. Тѣснѣ ряды и—впередъ.

II.

Черезъ мѣсяць въ № 13326 «Новаго Времени» напечатано было нижеслѣдующее обширное письмо парижскаго героя печальнаго дня, снабженное таковымъ редакціоннымъ примѣчаніемъ:

«Мы печатаемъ письмо Хрусталева-Носаря, какъ показатель, во что выродилась наша «революція». Самое любопытное—признаніе, что «товарищеская» эмиграція состоитъ на 95 процентовъ изъ евреевъ и что среди этого кагала плохо приходится даже тѣмъ русскимъ, которые намѣчались въ Робеспьеры русской революціи».

Вотъ это письмо въ редакцію «Новаго Времени»:

М. г. Я апеллирую къ лояльности вашей газеты и прошу предоставить мнѣ столбцы «Новаго Времени» для защиты моей чести.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца мое имя было пригвождено къ позорному столбу и подверглось безсмысленно-жестокимъ и совершенно незаслуженнымъ надругательствамъ. Я молчалъ, потому что былъ въ тюрьмѣ.

Я былъ арестованъ по жалобѣ русскаго подданнаго Исаака Циммермана, обвинявшаго меня въ кражѣ у него двухъ старыхъ рубашекъ и присвоеніи его часовъ. Какъ ни нагло и ни абсурдно это обвиненіе, но я вынужденъ дать послѣ всего происшедшаго самое подробное объясненіе русскому общественному мнѣнію, на судъ котораго я отдаю свое дѣло. Я не унижусь до того, чтобы просить довѣрія къ себѣ на слово. Все, чего я требую отъ рабочей и интеллигентной Россіи, отъ всѣхъ честныхъ людей, безъ различія политическихъ партій и мнѣній, это провѣрки фактовъ. И пока смерть не оборветъ моей жизни, я буду добиваться пересмотра моего дѣла Россіей до полного выясненія всѣхъ обстоятельствъ. Я расскажу все, что было, и я принимаю всю отвѣтственность за все, что я совершилъ.

Исаакъ Циммерманъ и компанія обвиняютъ меня въ кражѣ у Циммермана двухъ старыхъ рубашекъ и присвоеніи его часовъ.

Кражи у Циммермана или у кого-либо другаго я никогда не совершалъ.

Этотъ лжедоносъ и клевета отвергнуты судомъ Франціи 19-го апрѣля сего года по новому стилю.

Остаются часы.

Дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года Циммерманъ оставилъ у меня на квартирѣ (35, rue du Banquier) часы. Дѣйствительно, Циммерманъ требовалъ возврата этихъ часовъ, и я ему ихъ не вернулъ. Этихъ обстоятельствъ я не скрывалъ и не скрываю, хотя имѣлъ полную возможность сдѣлать, если бы мною руководили корыстные побужденія,

Почему я такъ поступилъ съ Циммерманомъ?

Потому, что онъ—шантажистъ и оплаченный клеветникъ.

Года полтора назадъ вошелъ въ нашу среду Циммерманъ, какъ рабочей и политическій эмигрантъ.

Теперь установлено, что Циммерманъ—простой дезертиръ и если работаетъ, то надъ опустошеніемъ кошельковъ довѣрчивыхъ людей. Другой профессіи онъ не знаетъ. Хозяинъ пансіона на rue du Banquier, № 35, можетъ рассказать, насколько я былъ обработанъ Циммерманомъ въ этомъ направленіи.

Но это—не все.

Циммерманъ беретъ у меня 1-го іюля прошлаго года 95 франковъ на три дня, а 4-го іюля присылаетъ мнѣ городскую телеграмму вернуть часы, иначе онъ подастъ жалобу прокурору республики по обвиненію меня въ abus de confiance. Я никогда и ни съ кого не требую долговъ. Я не требовалъ денегъ и съ Циммермана. Но я требовалъ одного: чтобы Циммерманъ взялъ свои угрозы обратно и принесъ свои извиненія передо мною. Въ отвѣтъ я получилъ новое письмо, гласившее, что жалоба подана и что часы принадлежатъ скульптору А. Цейтлину. Я запросилъ послѣдняго, дѣйствительно ли часы принадлежатъ ему, и если да, то они будутъ ему возвращены, такъ какъ онъ не можетъ нести матеріальныхъ убытковъ изъ-за недобросовѣстнаго поведенія Циммермана. Но Цейтлингъ мнѣ не отвѣтилъ.

И вотъ въ теченіе почти года Циммерманъ клеветаетъ во всей русской колоніи и на всѣхъ перекресткахъ, что я присвоилъ его часы и что я не сегодня-завтра буду арестованъ. Я остаюсь на свободѣ, меня и не собираются арестовывать, такъ какъ и никакой жалобы не подавалось. Но когда стало извѣстно, что я собираюсь вернуться въ Россію для отбытія наказанія въ Сибири, воспользовавшись указомъ сенату отъ 21-го февраля, Циммерманъ предъявляетъ жалобу въ присвоеніи не принадлежащихъ ему часовъ и въ кражѣ двухъ старыхъ рубашекъ. Почему двухъ рубашекъ, а не енотового пальто? А потому, что у Циммермана нѣтъ никакого другого имущества. Жалобщикъ заявилъ, что я собираюсь бѣжать изъ Франціи, меня хватаютъ на улицѣ и бросаютъ въ тюрьму наканунѣ французской Пасхи ((22-го марта сего года). Моментъ выбранъ удачно. Пасхальную недѣлю судебныя учрежденія не функционируютъ. Тѣмъ временемъ во французской прессѣ, а затѣмъ и въ русской организуется жестокая травля моего имени. Подготовивъ общественное мнѣніе, шантажистъ Циммерманъ и стоящія за нимъ лица рассчитывали, что я буду осужденъ и, отбывъ свое наказаніе, какъ иностранецъ, буду высланъ изъ предѣловъ Франціи. Предательскій замыселъ былъ тонко рассчитанъ. Тогда реабилитация была бы чрезвычайно затруднена, если не невозможна. Въ открывшейся оргіи меня оставили всѣ, дажѣ тѣ, на кого я могъ рассчитывать. Выдавши меня, организовавъ кампанію въ прессѣ противъ меня, отдѣльные эмигранты пытались даже лишитъ меня адвокатской поддержки со стороны моего защитника m-г Tchernoff'a. Да, эмигранты являлись къ нему и предлагали, чтобы онъ отказался отъ моей защиты, потому что я—антисемитъ, нечестно играя на національномъ чувствѣ моего бывшего защитника. Да, эмигранты являлись къ моему бывшему защитнику и угрожали ему бойкотомъ русской колоніи, если онъ будетъ меня защищать. Да, эмигранты предупреждали моего бывшего защитника, чтобы онъ меня не защищалъ, такъ какъ я его надую и не заплачу ему гонорара. Но мой бывший защитникъ, несмотря на все давленіе, самоотверженно взялъ мою защиту въ свои руки и не безъ блеска справился съ своей задачей. Жаль, безконечно жаль, что m-г Tchernoff по соображеніямъ профессиональной тайны, ошибочнымъ, по моему мнѣнію, отказывается назвать имена этихъ негодяевъ.

Злопыхательство, травля и давленіе были такъ велики, что не нашлось ни одного человѣка, кто бы рискнулъ оказать моему бывшему защитнику самую незначительную услугу по розыску моихъ свидѣтелей, въ особенности одного лица, которому сданы въ прошломъ году спорные часы. Я сейчасъ не знаю, что случилось съ этими часами. Скажу открыто, что я далъ хранителю разрѣшеніе сдѣлать все, что угодно. Возмутительно и подло то, что жалобщикъ зналъ это лицо, но хотѣлъ, чтобы я его назвалъ и тѣмъ привелъ, быть можетъ, и его на скамью подсудимыхъ за соучастіе. Въ моментъ травли это лицо отсутствовало изъ Парижа. Я не безъ труда разыскалъ его адресъ въ Бретани и получилъ телеграмму, что оно пріѣзжаетъ въ Парижъ. Слово принадлежитъ ему теперь. У судебного слѣдователя и на судѣ я объяснилъ все и подтвердилъ, что не считаю возможнымъ указать держателя часовъ. Это лицо должно явиться само. Если же я совершилъ уголовно наказуемый поступокъ, то я принимаю всѣ послѣдствія трагическаго стеченія обстоятельствъ. А такъ называемый собственникъ часовъ, А. Цейтлинъ, называющій себя другомъ Кропоткина, не нашелъ ничего лучшаго, какъ заявить слѣдователю, что спорные часы принадлежали ему, но, узнавъ, что они у меня, онъ ихъ продалъ Циммерману. Пусть это такъ, хотя очень позволительно сомнѣваться

въ правдивости этого,—элементарная лояльность тогда обязывала бы Цейтлина сообщить мнѣ объ этой продажѣ ad hoc.

Французскій судъ присудилъ меня за невозвращеніе часовъ Циммерману и неуказаніе по требованію суда лица, у котораго они находятся, къ мѣсячному условному тюремному наказанію. Я подаю апелляціонную жалобу на этотъ приговоръ. Французская печать замолчала этотъ приговоръ, а социалистическая газета «L'Humanité», обслуживаемая по русскимъ дѣламъ руководящими кругами русской эмиграціи, искавила приговоръ, снабдивъ его тенденціозными цитатами моего бывшаго соратника по революціонной борьбѣ Троцкаго.

Всѣ эти злостныя и недобросовѣстныя обвиненія были бы пресѣчены въ самомъ корнѣ, если бы они были направлены противъ кого-нибудь другого изъ эмиграціи. Но я занимаю исключительное положеніе въ этой средѣ. Четыре года назадъ я вышелъ изъ рядовъ социаль-демократической партіи вслѣдствіе моего расхожденія съ программой и тактикой партіи, о чемъ я и сообщилъ въ мотивированномъ письмѣ центральному комитету. Четыре года я отстаиваю единство и цѣлостность экономическаго рабочаго движенія внѣ политическихъ партій и сектъ.

Четыре года назадъ я былъ заподозрѣнъ въ антисемитизмѣ. Обвиненіе вздорное и смѣшное, но роковымъ образомъ отразившееся на взаимоотношеніяхъ русской колоніи, состоящей на девяносто пять процентовъ изъ евреевъ, ко мнѣ. Правда, я не скрывалъ и не скрываю: я—не юдофилъ. Но въ качествѣ не юдофила я организовывалъ дружины самообороны въ 1905 году и въ числѣ другихъ пресѣкъ возможность еврейскаго погрома въ Петербургѣ въ октябрьскіе дни. Въ этомъ отношеніи мои взгляды и мои чувства не измѣнились. Но эпитетъ антисемита и чуть не погромщика тяготѣеть надо мной. Противъ анонимной клеветы я не возражалъ и не защищался. Если правда все то, что злостные элементы эмиграціи клеветуютъ по моему адресу и за моей спиной, то очевидно, что я душевно-больной человѣкъ и меня надо помѣстить въ специальную лечебницу. Почему же тогда никто изъ васъ не предупредилъ моихъ родныхъ объ этомъ несчастіи?

Какъ бы мнѣ ни было обидно, я перешагну всѣ психологическіе барьеры, которые удерживали меня понынѣ спускаться до объясненій съ вами.

Вы говорите, что я—пьяница, но вы знаете, что я ничего не пью. Вы говорите, что я—картежникъ, но вы знаете, что я не играю въ карты.

Вы говорите, что я—тунеядецъ, но вы хорошо знаете, сколько я работаю.

Вы знаете, что всѣ статьи, подписанныя «Ю. Перехловскій», «Ю. И.», «Г. Н.», «Хрусталева»—принадлежать моему перу, я не скрывалъ за псевдонимомъ, но за моимъ настоящимъ именемъ не могла появиться даже самая безобидная статья по коопераціи. Я извиняюсь передъ редакціями за саморазоблаченія моего псевдонима, но я дѣйствую въ состояніи необходимой самообороны.

Въ какихъ бы изданіяхъ ни печатались мои статьи, я никогда не измѣнялъ моимъ взглядамъ. Моему перу принадлежать статьи въ «Образованіи», «Мірѣ», «Бодромъ Словѣ», «Вѣстникѣ Коопераціи», «Городскомъ Дѣлѣ», «Извѣстіяхъ Московской Городской Думы», «Экономистѣ Россіи», «Новомъ Экономистѣ», «Нашемъ Дѣлѣ», «Товарищѣ», «Нашей Газетѣ», «Словѣ», «Голосѣ Земли», «Les Documents du Progrès», «Courrier Européen», «Pages Libres», «Revue d'économie politique», «Russian Review» и т. д.

Я былъ помощникомъ завѣдывающаго иностраннымъ отдѣломъ въ двухъ большихъ радикальныхъ газетахъ Франціи и ушелъ изъ нихъ, когда редакціи заняли злостную позицію къ стачечникамъ—желѣзно-

дорожникамъ и почтово-телеграфнымъ служащимъ. Наконецъ, я былъ строительнымъ рабочимъ и землекопомъ. И я не обращался къ вамъ за помощью. Назовите имена, у кого были выманены деньги, а главное не скрывайтесь сами, какъ убійцы изъ-за угла. За семь лѣтъ, которыя я живу за границей, мною было взято на лекарство изъ эмигрантской кассы семьдесятъ пять франковъ. Но я далъ той же кассѣ до 1,000 франковъ въ видѣ сборовъ за свои лекціи, хотя я могъ взять половину или весь сборъ въ свою пользу, какъ это дѣлаютъ другіе.

За семь лѣтъ пребыванія за границей мною было занято у многихъ знакомыхъ, стоящихъ внѣ революціонныхъ партій и живущихъ въ Петербургѣ, до 2,000 (точно 1,975) руб., считая и расходы по организациіи моего побѣга. Деньги эти были взяты безъ указанія срока возврата, на условіи: «если устроюсь и не умру, то верну». Въ этихъ займахъ нѣтъ ничего ни предосудительнаго, ни уголовно наказуемаго. И слухи о богательствахъ идутъ не изъ этой среды.

Мнѣ была оказана разъ поддержка петербургскими рабочими въ размѣрѣ 200 (двѣсти) франковъ. Узнавъ о моей болѣзни, они собрали двѣсти франковъ и открыли подписку въ мою пользу. Я былъ тронутъ такой поддержкой, но предложилъ товарищамъ прекратить подписку. На обязанности этихъ лицъ подтвердить этотъ фактъ.

Все, что я зарабатывалъ, я не считалъ своей собственностью. Моимъ скромнымъ заработкомъ пользовались Циммерманы.

Какой непередаваемый ужасъ! Я долженъ все это рассказывать, но молчать я не могу и не буду. Сила удара такъ велика и приемы борьбы такъ низки, что надо сказать все, рѣшительно все, какихъ бы это ни стоило душевныхъ усилій и душевныхъ мукъ.

Я ухожу изъ этой среды навсегда и ухожу безъ всякой злобы, но съ глубокимъ презрѣніемъ къ ней.

Когда изъ засады на меня была предательски брошена петля, и когда я не могъ ни защищаться, ни даже кричать о своей невинности, а меня лежачаго и связаннаго по рукамъ и ногамъ били и глумились надъ моимъ именемъ, не нашлось ни одного человѣка среди эмигрантовъ, кто бы поднялъ свой голосъ и сказалъ: «остановитесь, пусть судъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Я не требовалъ и не требую ни поддержки, ни защиты со стороны эмиграціи, но эмигранты не проявили элементарной порядочности, попустительствуя разрастись этой клеветнической оргіи до самыхъ чудовищныхъ размѣровъ; и все это потому, что мнѣ не прощаютъ ни моей антипартійности, ни моего «антисемитизма».

Клеветникамъ-шантажистамъ не удалось ни раздавить меня, ни живымъ втащить въ вырытую яму и вбить, при общемъ гоготѣ эмиграціи, заготовленный осиноый коль.

Я очень энергичный и настойчивый человѣкъ и приму открытый бой при самыхъ неблагопріятныхъ для меня условіяхъ. Но случись такая исторія съ другимъ, выходъ одинъ—пуля въ лобъ. Не скрою, что послѣдніе дни по выходѣ на свободу и я провелъ между жизнью и смертью. Очувшись на мостовой, потерявъ работу, я отчаивался въ полной своей реабилитаціи, такъ какъ веденіе процессовъ съ этой бандой негодяевъ требуетъ крупныхъ денежныхъ затратъ. Но заколдованный кругъ уже перешагнуть. На этотъ разъ Циммерманы Исааки и Циммерманы другихъ наименованій получаютъ полностью то, что они заслуживаютъ. И если даже у меня не хватитъ средствъ или физическія силы измѣнять мнѣ, правда все-таки восторжествуетъ. Рабочія организациіи Франціи взяли защиту моего имени въ свои руки, заявивъ объ этомъ на страницахъ «Bataille Syndicaliste», № 718.

Дѣло мое только начинается.

Появленіє имено на столбцахъ «Новаго Времени» письма Носаря, да еще съ примѣчаніями редакціи, подлило масла въ огонь той травли, которая постепенно, перейдя за предѣлы эмигрантскаго Парижа, образовалась вокругъ имени и личности бывшаго предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ. Газеты «День» г. Кугеля, его же бывшая литературная колыбель «Кіевская Мысль», «Рѣчь» г. Гессена и другія той же «націоналистической» окраски уже съ пѣной у рта набросились на Носаря и на «Новое Время», особенно послѣ появленія здѣсь статьи г. Кассія, гдѣ послѣдній рѣзко подчеркнулъ поглощеніе евреями русскихъ на чужой сторонѣ и обращеніе послѣднихъ въ ихъ слѣпыхъ прислужниковъ, съ благоволеніемъ по адресу послушныхъ и съ грознымъ херемомъ по адресу выходящихъ изъ повиновенія. Пока наши отечественныя газеты пробавлялись полемикою, гдѣ имя Носаря трепалось на всѣ лады, въ № 13538 «Биржевыхъ Вѣдомостей» (утр. вып.) появилось новое обращеніе послѣдняго къ русскому обществу подъ заголовкомъ «Гласное обращеніе къ Троцкому-Бронштейну». Это письмо редакція газеты снабдила также примѣчаніемъ:

«Мы даемъ мѣсто этому письму г. Хрусталева-Носаря, несмотря на личный характеръ, въ общемъ не выходящій за предѣлы узкой кружковщины русской эмиграціи,—сказано здѣсь.—Тѣмъ не менѣе письмо это представляетъ интересъ, въ виду личности самого Хрусталева-Носаря, игравшаго видную роль въ событіяхъ 1905 года. Часть письма, посвященная этимъ событіямъ, даже бросаетъ лучъ свѣта на то, что было до сихъ поръ скрыто отъ глазъ большой публики.»

Въ своемъ «Обращеніи» Носарь писалъ:

Я обвиняю васъ, Троцкій-Бронштейнъ, въ недобросовѣстности и клеветѣ. Недобросовѣстна вся ваша статья, помѣщенная по моему адресу въ «Лучъ». Но вы не ограничились этимъ и снабдили ее заранѣе обдуманной и предумышленной клеветой.

Вы лишены права ссылаться на прессу, такъ какъ та же пресса обвиняла васъ и всѣхъ членовъ совѣта въ кражѣ общественныхъ денегъ, и это недобросовѣстное обвиненіе оставило свой грязный слѣдъ въ слѣдственномъ матеріалѣ по дѣлу совѣта рабочихъ депутатовъ.

Вы лишены права ссылаться на слухи, идущіе изъ эмигрантскихъ кружковъ, такъ какъ эмигрантская среда взвела и распространила позорящіе политическіе слухи по адресу члена исполнительнаго комитета Введенскаго-Сверчкова, и вы вынуждены были выступить въ защиту вашего друга въ заграничной русской прессѣ.

Не дождавшись приговора суда и не выслушавъ моихъ объясненій, вы съ присущей вамъ развязностью заявили печатно, что я безусловно кончилъ свою жизнь воровствомъ.

Вы солгали. И клеймо лжеца вы не смаете никакими ухищреніями или ссылками на присущую вамъ легкомысленность.

Послѣдняя мнѣ хорошо извѣстна. Не вы ли привели на скамью подсудимыхъ березовскаго крестьянина, самоотверженно вывезшаго васъ изъ Березова. Вы поспѣшили разгласить *urdi et orbi* такой незначительный эпизодъ, какъ вашъ побѣгъ, хотя дѣло русской свободы отнюдь не тре-

бовало такой поспѣшности... На основаніи вашей брошюрки «Туда и обратно» березовскій крестьянинъ былъ осужденъ въ тюрьму, его жена не выдержала обрушившагося несчастья и сошла съ ума, а четверо малолѣтнихъ дѣтей остались на улицѣ.

Мои березовскіе знакомые не разъ напоминали вамъ о трагической судьбѣ этой семьи...

Въ печатномъ нападеніи на меня не одна легкомысленность владѣла вашимъ перомъ, но партійное злопыхательство и личная вражда.

Человѣкъ непомѣрнаго честолюбія и самовлюбленный Нарцисъ въ свою «почти лассалевскую паружность», вы не переносите тѣхъ, кто заслоняетъ вашу выпяченную грудь.

Въ совѣтѣ вы не отважились на неприличные выходки, такъ какъ знали, что вы будете немедленно вышвырнуты вонъ. Первое наше личное столкновение произошло въ домѣ предварительнаго заключенія, куда я былъ переведенъ изъ Петропавловской крѣпости наканунѣ суда.

Вы хотѣли навязать обвиняемымъ вашу точку зрѣнія, отстаивая, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ готовился къ вооруженному возстанію. Такая точка зрѣнія была исторически невѣрна и политически рискованна. Невѣрна, такъ какъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ не готовился къ вооруженному возстанію. Рискованна—такъ какъ между поставленной цѣлью и достигнутымъ результатомъ обнаруживалось бы полное несоотвѣтствіе, и это компрометировало бы всю политическую дѣятельность совѣта. Я возсталъ противъ такой тенденціозной интерпретаціи. Въ видахъ сохраненія единства выступленія обвиняемыхъ мы обошли на судѣ выдвинутый вопросъ. Но личная неприязненность между нами осталась, и это обязывало васъ къ сугубой осторожности при оцѣнкѣ моей дѣятельности. Но вы не удержались на объективной ногѣ. Между вашей оцѣнкой и оцѣнкой Полтавца въ «Русскомъ Знамени» нѣтъ принципиальной разницы.

Полтавецъ превратилъ Георгія Носаря въ Гершка Носаря, чтобы иллюстрировать погромную тезу: «всѣ революціонеры—жиды и мошенники». Вы заявили, что внѣ Троцкихъ и социаль-демократіи нѣтъ спасенія, недобросовѣстно исказивъ всю мою дѣятельность и снабдивъ вашу комментарій клеветническими выпадами.

Вы не отказали мнѣ въ энергіи, инициативѣ и находчивости. Вы поняли бы и это, но тогда вы выдали бы себѣ и себѣ подобнымъ свидѣтельство политической глупости, ибо было бы непостижимо, какимъ образомъ такой человѣкъ, какъ я, былъ избранъ единогласно предсѣдателемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, предсѣдателемъ исполнительнаго комитета и предсѣдателемъ комиссіи безработныхъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ руководилъ всей дѣятельностью этихъ учреждений. Мою «легендарную популярность» создала не одна буржуазная пресса, какъ вы пытаетесь утверждать, но и социаль-демократическая. Социаль-демократы выдвинули мою кандидатуру на лондонскій конгрессъ, и въ Лондонѣ я былъ избранъ меньшевистской фракціей въ особую комиссію по реорганизаціи партіи. Ваше указаніе на социаль-демократическій конвой, окружавшій меня въ совѣтѣ, неправдиво. Избранъ я былъ въ предсѣдатели не какъ безпартійный, а какъ человѣкъ, котораго знали рабочіе Петербурга съ 1899 года, я былъ социаль-демократомъ, но никогда не былъ партійнымъ чиновникомъ, не жилъ на счетъ партіи и не принималъ участія въ комитетской свалкѣ.

Правда, я не былъ экономическимъ чертежникомъ, выводившимъ перпендикуляромъ изъ брюха всѣ надстройки до религіи и искусства включительно. Такой упрощенный марксизмъ мнѣ претилъ, я боролся съ нимъ. Будучи социаль-демократомъ, я не вѣлъ борьбы съ социаль-демократіей, но возставалъ противъ социаль-демократовъ, стоящихъ лѣвѣе

«истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxiii.

здравого смысла, которые въ погонѣ за лѣвизной требовали бойкота комиссіи Шидловскаго, превращенія совѣта въ партійное учрежденіе. отстаивали партійные профессиональные союзы и отдавали на разграбленіе кооперативное движеніе. Но, борясь съ такими социаль-демократами, я и мои ближайшіе друзья-рабочіе создали совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Официальная социаль-демократія не принимала въ его созданіи никакого участія. Генезисъ совѣта относится къ стачечному комитету, образованному нами 9-го января и предсѣдателемъ котораго я состоялъ вплоть до моего ареста, къ организационнымъ выступленіямъ по проведенію комиссіи Шидловскаго, къ собраніямъ рабочихъ, организованнымъ мною лѣтомъ 1905 года на Удѣльной.

Мы создали совѣтъ. Благодаря вашимъ авантюристскимъ выступленіямъ, его раздавила реакція. Навязанная вами совѣту резолюція послѣ моего ареста («предсѣдатель совѣта Хрусталева взять въ плѣнъ, совѣтъ продолжаетъ готовиться къ вооруженному возстанію») была не только тяжелой политической ошибкой, но и провокаторскимъ актомъ. Выбирая замѣстителя на мое мѣсто, рабочіе не оказали вамъ полнаго довѣрія и приставили къ вамъ еще двухъ членовъ предсѣдательской коллегіи. Вы кончили тѣмъ, чѣмъ и слѣдовало ожидать, такъ какъ вы всегда смѣшивали революцію съ резолюціей.

Но это не все. Вы пытаетесь мнѣ навязать вашу психологию и утверждаете, что, не добившись вліянія среди социаль-демократіи, я отошелъ отъ нея. Чувство честолюбія и борьба за мѣсто совершенно мнѣ чужды. Это знаютъ всѣ, кто знаетъ мою дѣятельность.

Послѣ лондонскаго конгресса я писалъ одному изъ фактическихъ редакторовъ «Товарища», что социаль-демократія пошла противъ рабочаго класса, принесла интересы рабочаго движенія въ цѣломъ интересамъ отдѣльныхъ кружковъ и категорій, и предсказывалъ ей полное разложене. Мой прогнозъ оправдался, ибо партій нѣтъ, а есть рядъ кружковъ, ведущихъ братоубійственную борьбу (большевики, меньшевики, плехановцы, впередовцы, примиренцы и т. д., и т. д.). О нравахъ этой среды краснорѣчиво повѣствуютъ брошюры социаль-демократовъ Мартова и Каменева. Надъ вашей «безпристрастной» характеристикой моей дѣятельности произнесутъ приговоръ рабочіе. Но въ вашей статьѣ есть мѣста, за которые вы дадите мнѣ отвѣтъ. Я обяываю васъ отвѣтить въ десятидневный срокъ со дня напечатанія моего письма, когда, съ кѣмъ и какими темными финансовыми операціями занимался я, и принять за напечатаніе юридическую и политическую отвѣтственность.

Если вы не исполните моего требованія въ указанный срокъ, я заставлю васъ дать мнѣ полное удовлетвореніе другимъ путемъ.

Одновременно съ симъ авторъ писемъ въ «Новое Время» и «Биржевыя Вѣдомости» прислалъ въ Петербургъ и еще одно письмо, которое по рѣзкости своего тона не могло найти себѣ мѣста въ какой-либо газетѣ. Здѣсь Носарь уже въ грубой формѣ полемизируетъ съ сотрудникомъ «Рѣчи» г. Петромъ Рыссомъ, съ редакціями «Дня» и «Луча» и бросаетъ походя всѣмъ тяжкія обвиненія въ недобросовѣстности, въ близости къ разнымъ темнымъ дѣламъ въ области революціонной политики, причемъ мелькомъ упоминаетъ о разныхъ продѣлкахъ нашихъ заправиль революціи, въ видѣ печатанія въ Берлинѣ фальшивыхъ ассигнацій, требованія отъ него, Носаря, со стороны социаль-демократіи дачи на судъ въ Берлинѣ ложныхъ

показаній, экспроприаціи въ Тифлѣсѣ и насильственного добыванія денегъ отъ какого-то (?) миллионера и т. д. При этомъ Носарь въ этомъ своемъ письмѣ подчеркиваетъ въ видѣ причины особеннаго негодованія по его адресу со стороны редакцій, тѣсно связанныхъ съ еврействомъ, то обстоятельство, что его первое письмо появилось именно на столбцахъ «Новаго Времени» и вызвало со стороны этой редакціи поднятіе вопроса о засиліи русской эмиграціи еврейскимъ элементомъ.

III.

Въ отвѣтъ на всѣ выступленія въ русской печати Носаря все тотъ же Н. Бронштейнъ-Троцкій счелъ нужныхъ на столбцахъ «Луча» (№ 111) дать слѣдующее разъясненіе, которое приводимъ, какъ своего рода документъ, полностью. Статья эта озаглавлена: «Къ ликвидаціи легенды», и здѣсь авторъ пишетъ:

Въ № 67 «Луча» я далъ краткую характеристику Хрусталева, которая заканчивалась словами: «Личная судьба Георгія Носаря глубоко трагична. Исторія раздавила этого нравственно-нестойкаго человѣка, взваливъ на него тяготу неволею. Обывательская фантазія создала, при содѣйствіи прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгій Носарь разбилъ эту фигуру вдребезги и... и разбился самъ. Несчастному рабочіе не откажутъ въ сочувствіи. Но о разрушеніи легенды Хрусталева они жалѣть не стануть»... Цѣль моей статьи была: облегчить русскимъ рабочимъ пониманіе страшнаго нравственнаго паденія этого человѣка, сыгравшаго въ извѣстный моментъ если не серьезную, то яркую роль въ русскомъ рабочемъ движеніи. И вотъ теперь Хрусталева требуетъ меня за мою статью къ отвѣту. Онъ требуетъ, чтобы я указала ему, «когда, съ кѣмъ и какими темными финансовыми операціями онъ занимался».

Въ этой области я ничего не могу прибавить къ тѣмъ совершенно точнымъ «указаніямъ», которыя давались Хрусталева не разъ и на которыя онъ, по совершенно понятнымъ причинамъ, давно пересталъ реагировать.

Въ своей статьѣ я не перечислялъ поименно «темныхъ дѣлъ» Хрусталева—по мотивамъ, которыхъ нѣтъ надобности болѣе точно опредѣлять. Но послѣ того формальное требованіе Хрусталева уже было удовлетворено въ русской печати. «Часы Циммермана—писалъ парижскій корреспондентъ «К. Мысли» г. Вороновъ (№ 126)—маленькая деталь, пустяки по сравненію съ подложными векселями на имя г-жи Скаржинской, съ растратой эмигрантскихъ денегъ, съ займами подъ не существующую адвокатскую контору и т. д. и т. д.».

Вытѣсненный естественной логикой вещей изъ среды людей не только идейныхъ, но и просто опятныхъ, Хрусталева не только не привелъ къ исполненію даннаго имъ три года тому назадъ обязательства привлечь обвинителей за «клевету», но и давно прекратилъ всякія вообще попытки въ дѣлахъ своей реабилитаціи. И только теперь, когда гласное судебное разбирательство въ Парижѣ, затронувшее случайно вырванный мелкій эпизодъ изъ жизни Хрусталева, выбросило послѣ большого промежутка имя его на поверхность и снова сдѣлало его на мигъ предметомъ остраго любопытства улицы, Хрусталева собралъ послѣдніе остатки своей духовной энергіи и судорожно заметался въ стремленіи сдѣлать бывшее не бывшимъ и не бывшее бывшимъ. Тягостная картина! Толкаемый не

разсуждающимъ инстинктомъ самосохраненія, Хрусталева случайно ухватился—въ качествѣ точки отправленія—за мою статью, которая, какъ показываетъ приведенная выше цитата, не обличала и, разумѣется, не шельмовала, а объясняла его, разсматривая его самого скорѣе, какъ жертву, чѣмъ какъ виновника собственной злосчастной судьбы. Въ своемъ ко мнѣ «Гласномъ обращеніи» Хрусталева не только отвергаетъ факты, которыхъ я не называлъ по имени, но которые тѣмъ не менѣ имѣли мѣсто, нѣтъ, онъ пытается на всѣхъ и па все по пути набросить сѣть сумбурныхъ инсинуаций: на политическую эмиграцію, на партію, въ которой я принадлежу, на отдѣльных моихъ друзей и прежде всего на меня лично. А такъ какъ на свѣтѣ существуютъ культурные дикари, которые любятъ звонъ разбиваемыхъ бутылокъ и съ наслажденіемъ глядятъ на человѣка въ припадкѣ падучей болѣзни, и такъ какъ у этихъ дикарей имѣется своя ежедневная пресса, то Хрусталева безъ труда нашелъ газету, которая напечатала его «обращеніе» ко мнѣ. Газета эта называется «Биржевыми Вѣдомостями».

Возмущаться или негодовать по поводу безсвязнаго «обращенія» Хрусталева я совершенно не въ состояннн, ибо для такихъ чувствъ отсутствуютъ въ данномъ случаѣ всѣ необходимыя психологическія предпосылки. Я ограничусь тѣмъ, что спокойно разъясню всѣ тѣ обвиненія и полуобвиненія, въ которыхъ вообще можно что-нибудь понять.

1) Хрусталева пишетъ, что я не имѣю права считатьсѣ съ сообщеніями прессы объ его темныхъ дѣлахъ, «такъ какъ та же (?) пресса обвиняла васъ и всѣхъ членовъ совѣта въ кражѣ общественныхъ денегъ». «Пресса, обвинявшая членовъ совѣта въ хищеніяхъ, это анонимная черносотенная прокламація, распространявшаяся за подписью «Группы русскихъ рабочихъ» въ Петербургѣ ко времени ареста совѣта. Анонимъ ея давно раскрытъ въ известномъ письмѣ г. Лопухина къ Столыпину: эта «пресса» была сочинена и напечатана въ петербургскомъ жандармскомъ управленнн: дѣло шло попросту о внесеннн замѣшательства въ среду рабочихъ къ моменту ареста ихъ выборнаго представительства. Какъ курьезъ, отмѣчу, что на меня лично эта прокламація никакихъ обвиненнн не возводила, наоборотъ, прямо отговаривалась неимѣніемъ насчетъ меня «свѣдѣннн». Это исключеннн, разумѣется, чисто случайное, было сдѣлано, чтобы демонстрировать «добросовѣстность» авторовъ подлога и придать отгѣнокъ въроподобія нелѣпому документу. Товарищъ прокурора Бальца, представлявшнн обвиненнн на судебномъ процессѣ совѣта, энергично и опредѣленно отбросилъ жандармскую клевету, не поддержанную и безъ труда разрушенную свидѣтельскими показанннми.

Такъ обстоитъ дѣло съ «той же прессой».

2) Хрусталева требуетъ также, чтобы я не ссыался на эмигрантскіе «слухи», «такъ какъ (!) эмигрантская среда взвела и распространила позорящнн политически слухи по адресу члена исполнительнаго комитета Введенскаго-Сверчкова; и вы вынуждены были выступить въ защиту вашего друга въ заграничной русской прессѣ». Здѣсь имѣется, повиднмому, въ виду слѣдующее. Мой товарищъ по президіуму совѣта Д. Ф. Сверчковъ, арестованный въ 1910 г. въ Москвѣ и приговоренный къ трехлѣтней каторгѣ за побѣгъ изъ ссылки, получилъ—по особому докладу министра юстиціи—чрезвычайное смягченнн наказаннн (пять лѣтъ надзора) послѣ того, какъ врачебная коммиссія нашла у него туберкулезъ легкихъ и горла. Такъ какъ случай этотъ самъ по себѣ исключительный и такъ какъ лица, не знающнн Сверчкова, могли бы предложить, что Д. Ф. добился смягченнн наказаннн какими-либо своими личными шагами, несомнѣстными съ политической честию, то я—не въ опроверженнн какихъ-либо слуховъ (о нихъ мнѣ рѣшительно ничего не было

извѣстно), а въ предупрежденіе самой возможности ихъ напечатавъ въ «Будущемъ» краткую замѣтку съ изложеніемъ фактическихъ обстоятельствъ этого дѣла. Это—все. Больше ничего не было. Имя Д. Ф. Сверчкова привлечено Хрусталевымъ исключительно для того, чтобы увеличить радіусъ смуты.

3) Болѣе опредѣленное на видъ и очень тяжелое по существу обстоятельство, выдвинутое имъ противъ меня, заключается въ утвержденіи, будто въ моей книжкѣ «Туда и обратно» (Изд. «Шиповникъ», 1907 г.) я «разгласилъ» мой побѣгъ и будто «на основаніи» этой брошюры былъ арестованъ крестьянинъ, вывезшій меня изъ Березова. Во всемъ этомъ вѣрно только то, что я бѣжалъ изъ Березова, что я описалъ свой побѣгъ и что въ Березовѣ былъ арестованъ крестьянинъ въ связи съ моимъ побѣгомъ. Однакоже крестьянинъ былъ арестованъ совершенно независимо отъ моей брошюры: по предательству рекомендованнаго мнѣ имъ проводника. Незачѣмъ говорить, что въ книжкѣ не было рѣшительно ни одного слова, которое могло бы прямо или косвенно повредить кому-либо изъ содѣйствовавшихъ мнѣ лицъ. Вся та часть повѣствованія, которая относилась непосредственно къ побѣгу изъ Березова, имѣетъ въ моей книжкѣ совершенно вымышленный характеръ. Для всякаго разсуждающаго читателя въ этомъ не могло быть сомнѣнія съ самаго начала.

Проходя мимо слѣдующей далѣе политической и теоретической полемики Хрусталева (въ этой области намъ съ нимъ совсѣмъ уже дѣлать нечего), проходя мимо утвержденія, будто совѣтъ депутатовъ былъ созданъ не социаль-демократіей, а имъ, Хрусталевымъ (впервые появившимся на второмъ засѣданіи совѣта), остановлюсь еще только на «столкновеніи» нашемъ въ домѣ предварительнаго заключенія, которое должно объяснить мою будто бы «вражду» къ Хрусталеву. «Гласное обращеніе» рассказываетъ, что я «стремился навязать обвиняемымъ свою точку зрѣнія, отстаивая, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ готовился къ вооруженному возстанію», Хрусталева же этому противодѣйствовалъ. Что именно я хотѣлъ «навязать», совершенно ясно видно изъ моего мисьяма къ политическимъ друзьямъ «на волѣ». Арестованное у одного изъ нихъ на вокзалѣ и, слѣдовательно, никакъ не предназначавшееся для гласности, письмо это, по требованію моего защитника О. О. Грузенберга, было оглашено на судѣ. У меня и сейчасъ имѣется выданная мнѣ секретаремъ суда копія. Вотъ что въ ней значитъ: «Мы хотимъ возстановить на судѣ дѣятельность совѣта, какою она была въ дѣйствительности. О себѣ каждый будетъ говорить постольку, поскольку это будетъ необходимо для выясненія дѣятельности совѣта или партіи.

...У насъ такъ же мало права преуменьшать или коверкать дѣятельность совѣта, какъ мало охоты преувеличивать ее». Такова же была позиція и остальныхъ обвиняемыхъ: рассказать, что было. И въ этой именно плоскости у насъ у всѣхъ были столкновенія съ Хрусталевымъ, характеръ которыхъ отсюда ясенъ самъ собою. Невѣрно, будто «мы обошли на судѣ выдвинутой вопросъ». По порученію всѣхъ подсудимыхъ, я объ этомъ именно вопросѣ произнесъ на судѣ рѣчь ¹⁾.

Но это было не единственное и не главное «столкновеніе». Изъ матеріаловъ предварительнаго дознанія мы, подсудимые, увидѣли, что извѣстныя показанія Хрусталева имѣли завѣдомо предательскій характеръ. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ настаивали на томъ, чтобы Хруста-

¹⁾ Въ стенографическомъ воспроизведеніи издательства Н. Глаголева она вошла затѣмъ въ мою нѣмецкую книгу «Russland in der Revolution», Dresden. 1909.

левъ былъ немедленно извергнутъ изъ нашей среды. Я несу главную долю отвѣтственности за то, это этого не случилось. Объясняя характеръ показаній Хрусталева его неврастенической распушенностью и озабоченный достойнымъ проведеніемъ политическаго процесса, я—не безъ серьезнаго противодѣйствія со стороны части товарищей—настоялъ на рѣшеніи, которое оставляло Хрусталева въ нашей средѣ, но обязывало его идти съ нами въ погу. Мы отобрали отъ него соответственное письменное обязательство, препровожденное нами въ центральное учрежденіе партіи.

Въ виду этихъ обстоятельствъ совершенно ясно, что никто изъ подсудимыхъ не заблуждался насчетъ личности Хрусталева. Въ іюнѣ 1907 г., когда я и Хрусталева были уже за границей, всѣ социаль-демократы, сосланные по дѣлу совѣта, обратились изъ ссылки съ письмомъ къ руководящимъ товарищамъ, въ которомъ указывали, что «по своимъ политическимъ и нравственнымъ качествамъ Хрусталева не можетъ занимать никакого отвѣтственного поста въ социаль-демократической партіи». Подъ этимъ письмомъ подписались не только «интеллигенты», но и всѣ сосланные рабочіе: Киселевичъ, предсѣдатель союза печатниковъ (Хрусталева входилъ въ совѣтъ въ качествѣ одного изъ двадцати делегатовъ отъ этого союза), Злыдневъ (отъ Обуховскаго завода), Нѣмцовъ, Комаръ... И дѣйствительно: несмотря на фантастическую популярность, созданную ему обывательской прессой, Хрусталева никогда ни въ какія учрежденія не выбирался. Онъ вышелъ изъ социаль-демократіи четыре года тому назадъ—именно потому, что «по своимъ политическимъ и нравственнымъ качествамъ» не могъ имѣть въ ней мѣста».

IV.

Да не посѣтуютъ на меня читатели за приведеніе болѣе или менѣе полностью многочисленныхъ документовъ. Они важны именно какъ документы для той исторіи русскаго революціоннаго движенія, которую мы здѣсь же въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ теченіе многихъ лѣтъ составляемъ. Въ одномъ изъ моихъ очерковъ я какъ-то говорилъ, что еврейство, обильно заполонивъ собою ряды нашей революціи, внесло въ нее много страстности, интенсивности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и начала ея явнаго разложенія. Если лѣтописи революціоннаго движенія, составленныя историками слѣва, съ особеннымъ чувствомъ недоброжелательства отмѣчаютъ имя Дегаева, то онѣ съ нѣсколькимъ наивнымъ видомъ проходятъ мимо личности еврея Гольденберга, давая почему-то вѣру, что онъ совершилъ свое предательство подъ вліяніемъ аффекта и умственнаго помраченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ этихъ строкъ въ отдѣльномъ изданіи «Революціонный періодъ русской исторіи» (т. II, стр. 460) со словъ компетентнаго лица говорилъ: «Въ разгромѣ партіи народной воли, несомнѣнно, рѣшающую роль, рассматривая вопросъ отъ хронологическаго начала, сыгралъ арестъ Гольденберга и его показанія правительству, заклеянные одними его прежними сотоварищами до революціи эпитетомъ «предательства», а другими, близко его знавшими, отнесенныя къ психическому

недугу. По полученнымъ авторомъ настоящихъ очерковъ свѣдѣніямъ отъ одного лица, именно предательство сыграло рѣшающую роль въ показаніяхъ Гольденберга. Его удалось склонить въ пользу правительства и къ выдачѣ единомышленниковъ. За эту услугу ему была дарована не только жизнь, но и свобода. Онъ куда-то скрылся, при томъ такъ искусно, что и до сихъ поръ въ нашей революціонной литературѣ по сему предмету нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Человѣкъ точно въ воду канулъ, но имѣются нѣкоторые данныя предполагать, что онъ живъ еще и понынѣ».

Если вспомнить дальнѣйшее развитіе нашей исторіи революціи, то мы неминуемо будемъ наталкиваться на разныя имена, свидѣтельствующія объ ихъ далеко не русскомъ происхожденіи. Гольденбергъ помогъ правительству прямымъ предательствомъ (провокачество тогда еще не выработало утонченныхъ методовъ) раздавить народовольцевъ. Дегаевъ, если не считать Вѣры Фигнеръ, въ сущности предоставилъ въ распоряженіе власти главнымъ образомъ второразрядный революціонный матеріалъ, а затѣмъ, когда революція эволюціонировала отъ народовольческаго террора къ террору социаль-демократическому, то опять-таки мы встрѣчаемся здѣсь съ именемъ «почтеннаго» Азефа, умомъ, душой и тѣломъ принадлежащаго всецѣло къ еврейству. Азефъ и нѣкоторые его сородичи и его предшественники также, несомнѣнно, выдавали, но вмѣстѣ съ тѣмъ при содѣйствіи своего начальства и справа и слѣва провоцировали и развращали революціонную массу. Можно сказать, что Азефъ спуталъ карты революціонной игры, окончательно обратилъ эту игру въ явный гешефтъ и влилъ въ революціонное движеніе такой кошмарный элементъ, подъ вліяніемъ котораго въ особенности русская эмиграція обратилась въ нѣчто невозможное для оцѣнки ея съ этической стороны. Еще Герценъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, познакомившись съ молодыми представителями тогдашней революціи и въ числѣ ихъ съ Бакстомъ, Утинымъ, лицами еврейскаго происхожденія, и др. и сваливая всѣхъ въ одну кашу, въ письмахъ къ близкимъ писалъ, говоря о своихъ новыхъ знакомыхъ: «Ихъ надобно выставить къ позорному столбу во всей наготѣ, во всемъ холуйствѣ и наглости, въ невѣжествѣ и трусости, въ воровствѣ и въ доносничествѣ. И, можетъ быть, если силы не ослабѣютъ, я еще и буду ихъ палачомъ и положу имъ клеймо глупости на лобъ. Передняя, казарма, застѣнокъ полицейскій и дьячки могли развести этотъ испанскій воротникъ на шеѣ Россіи. Тутъ всѣ—и Бакстъ, отпирающійся отъ своихъ словъ, сладко глаголивый «сеMITическій муринъ», и п...словый Эльпидинъ, сопля Вормсъ, и гной Серно-Соловьевичъ, жиденята, утята и гулята...».

Воровство, доносничество и невѣжественная глупость были, по словамъ Герцена, спутниками нашей эмиграціи. Если позабыть о глупости и остаться при доносничествѣ и воровствѣ, то, эволюціонуя отъ Гольденберга черезъ Азефа къ событіямъ послѣд-

нихъ эмигрантскихъ дней, въ видѣ всевозможныхъ экспроприаций и мелкихъ мошенничествъ, провокаторства за деньги и обливанія другъ друга напоказъ публикѣ грязными помоями, съ уличеніями также другъ друга для свѣдѣній полиціи въ разныхъ дотолѣ, быть можетъ, невѣдомыхъ ей дѣяніяхъ,—то мы должны сознаться, что редакторъ «Колокола» еще сорокъ почти лѣтъ тому назадъ былъ большимъ провидцемъ.

Но если Герцену не поставлены были въ вину его слова «жиденята», «утята», то послѣдующимъ писателямъ положительно возбранялось говорить что-нибудь отрицательное относительно этическихъ достоинствъ нашей эмигрантской массы. Слова «пострадавшие», «борцы за свободу» и пр. были тою дирижерскою палочкою, которая обрывала всякую рѣчь о чемъ-либо отрицательномъ въ нашей эмиграціи. Когда въ свое время (90-хъ годы) на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появились очерки С. К. Литвина-Эфрова «Смутяны. Разказы изъ жизни женевскихъ бунтарей», вышедшіе потомъ отдѣльнымъ изданіемъ ¹⁾, то авторъ былъ нашей критикой или замолчанъ, или отнесенъ къ числу клеветниковъ, и, почему знать, быть можетъ, эта книга сыграла очень опредѣленную роль въ судьбѣ, постигшей все того же Эфрова-Литвина, когда на сценѣ Малаго театра появилась его пьеса «Сыны Израиля», приведшая въ негодующее броженіе либеральные элементы нашего общества, шедшіе, къ слову сказать, какъ свидѣтельствуемъ авторы, а въ томъ числѣ и Носарь, въ ихъ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ», въ поводу представителей русской революціи. Только въ послѣднее время, уже послѣ того, какъ «азефовщина» разложила нашу эмиграцію, а г. Бурцевъ съ его маніей сыска, при наличіи которой онъ во всякомъ встрѣчномъ видитъ провокатора, внесъ сюда окончательный хаосъ, уже послѣ того оказалось невозможнымъ скрывать дефекты той среды, которая такъ долго находилась въ фаворѣ у нашей передовой публицистики.

Да не подумаютъ читатели, что мои слова должны быть обобщены на все наличіе нашихъ политическихъ зарубечниковъ по неволѣ. Далеко нѣтъ. Въ немъ имѣется немало и чистыхъ энтузіастовъ, людей наивной вѣры и несомнѣнной нравственной красоты или стараго народовольческаго закала, но таковыя, повидимому, являются одиночками, не живущими со всей средой въ непрестанномъ и тѣсномъ единеніи. Та же масса, которая перелилась за политическій рубежъ родины, въ обиліи даетъ матеріалъ очень отрицательнаго свойства. И вотъ что любопытное наблюдается. На страницахъ нашихъ журналовъ, какъ, напримѣръ, «Завѣты», «Русская Мысль» и др., начинаютъ появляться произведенія, гдѣ дѣятели революціи выступаютъ передъ нами не въ видѣ свѣтлыхъ образовъ,

¹⁾ Второе изданіе въ 1907 году.

каковыми ихъ нѣкогда рисовалъ Степнякъ-Кравчинскій, а съ тѣми отрицательными свойствами, о коихъ когда-то говорилъ Герцень, о которыхъ повѣствоваль Литвинъ, о которыхъ мы узнали изъ приключеній Азефа и присныхъ ему и которые нынѣ въ изобиліи преподносятся намъ въ писаніяхъ и г. Троцкаго, и г. Хрусталева-Носаря. Такія произведенія, какъ г. Ропшина «Конь блѣдный» и «То, чего не было» г. Винниченка, являются беллетристической иллюстраціей ко всей той гадости и мути, которую читатели могутъ почерпнуть изъ переписки другъ съ другомъ г.г. Троцкаго и Носаря. Сама по себѣ ихъ полемика могла бы быть заподозрѣна въ наличіи здѣсь озлобленной субъективности, когда люди готовы плести на своихъ противниковъ всякую злобу. Но вотъ произведенія чистой беллетристики, вылившіяся изъ-подъ перьевъ такихъ знатоковъ революціи, какъ хотя бы г. Ропшинъ. Тутъ уже одно провѣряетъ другое и какъ бы замыкаетъ кругъ осужденій, который невольно вырисовывается передъ нами изъ знакомства съ газетными полемическими статьями.

Мнѣ извѣстны въ рукописяхъ беллетристическія произведенія, еще не увидавшія своего печатнаго свѣта, гдѣ въ выпуклой и талантливой формѣ вырисована все та же революціонная и эмигрантская среда, точно такъ же, какъ и въ названныхъ выше напечатанныхъ произведеніяхъ, съ тою лишь разницею, что въ рукописныхъ произведеніяхъ, о коихъ я упоминаю, еврейскому элементу въ эмиграціи отведено широкое и видное мѣсто, откуда усматривается именно та интенсивность и то отрицательное, что внесло еврейство въ отечественную революцію и въ эмигрантскую среду.

Такимъ образомъ, дѣло Хрусталева-Носаря и приведенная выше въ связи съ нимъ полемика обнажили достаточно рельефно язвы русской революціонной жизни. Мы знаемъ теперь съ документами въ рукахъ, что язвы эти—не клевета, а наличіе реальнаго факта, и этотъ-то фактъ мы и регистрируемъ, какъ непреложный въ нашей работѣ надъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Сейчасъ, въ настоящей статьѣ я не имѣю возможности, да и не встрѣчаю необходимости, изъ приведеннаго матеріала вылавливать, такъ сказать, опредѣленные моменты, которые, поставленные въ хронологическую послѣдовательность и освѣщенные болѣе детально, могли бы явиться составной частью моихъ общихъ политическихъ очерковъ. Съ этой стороною моей работы я повременю до подходящаго момента, если только мнѣ удастся довести изслѣдованіе до этого момента. Пока меня интересуетъ лишь дѣло Носаря, да и не столько самое дѣло, которое до произнесенія надъ обвиняемымъ послѣдняго слова французскаго суда должно считаться далеко не выясненнымъ, сколько самая личность «героя дня» и при томъ его личность не въ настоящемъ несчастномъ стеченіи для него обстоятельствъ, а въ извѣстной исторической перспективѣ, когда онъ явился крупнымъ

дѣятели въ октябрьскіе дни 1905 года. Къ этимъ-то днямъ, какъ я ужъ сказала выше, и обращается сейчасъ моя память, ихъ-то мнѣ и хочется сейчасъ въ связи съ столь шумѣвшимъ нынѣ именемъ Хрусталева-Носаря воскресить на страницахъ настоящаго очерка, благо для того у меня имѣются подъ рукою нѣкоторые матеріалы, которые даютъ мнѣ возможность внести сюда данныя, не бывшія до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ ихъ деталяхъ достояніемъ печати.

V.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію событій 1905 года, явившихся до извѣстной степени фономъ, на которомъ выступила столь неожиданно для всѣхъ фигура Хрусталева-Носаря, долженъ отмѣтить, что литература по сему предмету, помимо имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ, обширна и по крайней мѣрѣ виѣшняя сторона дѣла достаточно выяснена. Помимо газетнаго матеріала, относящагося къ періоду 1904—1905 гг., мы имѣемъ примѣнительно къ интересующей насъ сейчасъ темѣ два основныхъ источника: «Исторію совѣта рабочихъ депутатовъ въ гор. С.-Петербургѣ», составленную изъ статей Н. Троцкаго, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря, В. Звѣздина, С. Введенскаго, А. Симановскаго, Б. Петрова-Радына, П. Злыднева, Н. Нѣмцова и М. Киселевича; затѣмъ работу А. Морского «Исходъ російской революціи 1905 г. и правительство Носаря». Последняя изъ названныхъ работъ является собственно брошюрой, въ основу которой положены какъ упомянутая «Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ», такъ и тѣ достовѣрные полуофіціальныя матеріалы, коими и я располагаю. А. Морской въ сжатой формѣ использовалъ главнѣйшія данныя для обрисовки положенія обѣихъ враждебныхъ другъ другу сторонъ—законнаго правительства и «правительства Носаря», т.-е. временной гегемоніи совѣта рабочихъ депутатовъ. Кромѣ того, повидимому, авторъ воспользовался и нѣкоторыми указаніями тѣхъ лицъ офіціальной стороны, которымъ въ тотъ смутный періодъ русской жизни приходилось играть рѣшающую роль. Конечно, если рисовать общую картину тогдашней російской дѣйствительности, то сказаннаго матеріала недостаточно. Тутъ пришлось бы руководиться значительно большимъ количествомъ литературы предмета, и со временемъ, когда въ нашихъ очеркахъ мы подойдемъ къ тому періоду, эта литература и будетъ нами приведена, какъ источникъ нашей работы, но, повторяю, сейчасъ я не рисую всей картины русской революціи 1905 года съ ея вступительными частями, которыя возойдутъ ко времени убійства министра внутреннихъ дѣлъ Плеве и даже къ событіямъ, предшествовавшимъ этому убійству. Равнымъ образомъ не коснусь я и такъ называе-

мой «тапоніады», каковую я поберегу, какъ матеріаль для исторіи развѣнчанія перваго по времени революціоннаго героя, а потому, оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе событій до второй половины 1904 года, я перейду прямо къ интересующему меня предмету, но въ интересахъ хронологической освѣдомленности читателей считаю долгомъ привести перечень событій съ осени 1904 года по осень 1905 года, и при томъ ради экономіи труда воспользуюсь тѣмъ же самымъ перечнемъ этихъ событій, какъ то очень сжато и вполне достаточно для нашей задачи сдѣлалъ г. А. Морской. Лѣтопись этихъ событій за тотъ годовой періодъ развертывается передъ нами въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ октябрь 1904 г.:

6-го—въ Бѣлостокѣ разрывной снарядъ, брошенный въ капеляріи городской полиціи, убиваетъ злоумышленника и ранитъ шесть человѣкъ.

10—11-го—въ Бѣлостокѣ народная чернь громитъ дома и квартиры и бьетъ евреевъ.

17—19-го и 25-го—въ Петербургѣ уличныя демонстраціи народной толпы и учащейся молодежи.

31-го—въ Варшавѣ крупныя уличныя беспорядки съ красными флагами, употребленіемъ войсками въ дѣло оружія, многочисленными арестами, девятью смертями и двадцатью пятью ранеными.

Въ ноябрь 1904 г.:

19-го—беспорядки въ Тенишевскомъ училищѣ вслѣдствіе усиленнаго наплыва толпы, свыше тысячи человѣкъ, въ залъ, уже переполненный слушателями для бесѣды о положеніи печати.

28-го—демонстрація на Казанской площади учащейся молодежи, сто тридцать два ареста и сорокъ два раненыхъ. Членъ государственнаго совѣта генераль-лейтенантъ князь Вяземскій, какъ бы за сочувствіе беспорядкамъ, высылается на годъ въ свою деревню.

Въ декабрь 1904 г.:

Въ первыхъ числахъ въ Москвѣ уличныя беспорядки съ преобладающимъ участіемъ студенчества, что вызвало временное закрытіе университета.

12-го—въ Радомѣ демонстрація революціоннаго социалистическаго характера, потребовавшая вмѣшательства войскъ, при чемъ убитъ командиръ Могилевскаго пѣхотнаго полка полковникъ Булатовъ.

Съ 13-го декабря по 4-ое января 1905 года грандіозная забастовка въ бакинскомъ нефтепромышленномъ районѣ съ пожарами, разрушеніемъ ста двадцати пяти вышекъ и тремястами пострадавшими.

Въ январь 1905 г.:

3—забастовка въ Петербургѣ рабочихъ Путиловскаго завода (до двѣнадцати тысячъ человѣкъ).

Въ Москвѣ покушеніе на оберъ-полицеймейстера Д. О. Трепова (будущаго фактическаго диктатора).

7-го—забастовка рабочихъ Невскаго судостроительнаго и механическаго завода (шесть тысячъ триста человѣкъ), Невской бумагопрядильной мануфактуры, Невской ниточной мануфактуры, Екатерингофской бумагопрядильни, Франко-Русскаго завода и т. д.

Съ 7-го же забастовки на желѣзныхъ дорогахъ петербургскаго узла.

9-го— устраиается священникомъ Гапономъ шестіе рабочихъ партіями, стягиваемыми со всѣхъ городскихъ окраинъ, къ Зимнему дворцу для подачи челобитной Государю, хотя Его Величество въ то время пребывалъ въ Царскомъ Селѣ; при столкновеніи рабочихъ съ войсками—семьдесятъ шесть убитыхъ и двѣсти тридцать три раненыхъ.

Какъ послѣдствіе броженія, вызваннаго событіемъ 9-го января—забастовка студентовъ въ петербургскомъ университетѣ и въ академіи художествъ.

Шестіе, организованное священникомъ Гапономъ, вызываетъ неожиданное назначеніе петербургскимъ генераль-губернаторомъ Д. О. Трепова, ранѣе покинувшаго постъ московскаго оберъ-полицеймейстера вслѣдствіе несогласія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Это назначеніе вызываетъ 18-го января увольненіе князя Святополкъ-Мирскаго. Въмѣсто него назначается Булыгинъ, а товарищемъ къ нему съ особыми правами тотъ же самый Д. О. Треповъ. Эта комбинація Булыгинъ—Треповъ, а въ сущности диктатура Трепова, и управляетъ Россією сплошь до 17-го октября 1905 года.

11-го—безпорядки въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ Финляндіи.

10—15-го—рабочіе безпорядки и забастовка въ Ригѣ.

14—17-го—то же въ Варшавѣ.

19-го—въ Одессѣ раненъ полицеймейстеръ подполковникъ Головицъ.

24-го—въ Гельсингфорсѣ убитъ прокуроръ финляндскаго сената Юнсонъ.

Въ февраль 1905 г.:

4-го—убійство въ Москвѣ его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича.

6—12-го—кровавыя столкновенія въ Баку между армянами и татарами.

Съ 16-го—волненія среди мѣстнаго населенія Кутанской губерніи и Батумской области; избіенія учащейся молодежи чернью въ Курскѣ, Казани, Псковѣ, Тамбовѣ, Москвѣ и другихъ городахъ.

Въ мартъ 1905 г.:

Движеніе въ средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, привлеченіе къ нему высшихъ служащихъ и образованіе въ апрѣлѣ все-россійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Въ апрѣль 1905 г.:

Аграрные безпорядки, начавшіеся въ февралѣ, въ губерніяхъ: Черниговской, Курской, Воронежской и Орловской, въ апрѣлѣ пріобрѣтаютъ особенную силу въ губерціяхъ: Тверской, Воронежской, Харьковской, Симбирской, Архангельской, Вятской, въ губерніяхъ прибалтійскихъ и Бѣлорусіи.

Съ марта по май включительно:

Рядъ террорическихъ актовъ.

Въ Выборгѣ—покушеніе на губернатора Мясоѣдова; въ Варшавѣ брошенною бомбою раненъ полицеймейстеръ баронъ Нолькенъ и полицейскій патруль; въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ совершено нѣсколько убійствъ полицейскихъ; въ Ригѣ разрывными снарядами убиты два городовыхъ; въ Житомирѣ убитъ полицейскій приставъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ убитъ начальникъ охраннаго отдѣленія, жандармскій ротмистръ Грешкеръ; въ Уфѣ раненъ губернаторъ генераль-майоръ Соколовскій; въ Баку убитъ бомбою губернаторъ генераль-лейтенантъ князь Накашидзе.

Въ то же время на Кавказѣ происходили во многихъ мѣстностяхъ вооруженныя столкновенія.

Въ іюнь 1905 г.:

Революціонныя движенія въ Лодзи, Одессѣ, Тифлисѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и Саратовской губерніи, понуждавшія правительство къ энергичнымъ репрессіямъ до объявленія мѣстностей на военномъ положеніи и широкаго употребленія силы военной, что, однако, же, не мѣшало революціонной волнѣ вздыматься все выше.

5—11-го—въ Лодзи, при подстрекательствѣ польскихъ социалистовъ-революціонеровъ и евреевъ-бундистовъ, столкновеніе двадцатитысячной толпы съ войсками, вызвавшее сто семьдесятъ двѣ смерти и двѣсти раненыхъ.

12—20-го—въ Одессѣ, по почину революціонныхъ комитетовъ социаль-демократовъ, социалистовъ-революціонеровъ и бундистовъ, разыгрался вооруженный мятежъ, при участіи въ немъ нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота.

16-го—бунтъ на броненосцѣ «Потемкинъ-Тавричскій», который 18-го іюня дезертировалъ въ Румынію.

19-го—бунтъ на учебномъ суднѣ «Прутъ», съ убійствомъ прапорщика Несторцева и бодмана и арестомъ командира и офицеровъ.

Вслѣдъ за мятежомъ въ Черноморскомъ флотѣ послѣдовали беспорядки въ Либавскомъ и Кронштадтскомъ портахъ, а затѣмъ въ войсковыхъ частяхъ въ Херсонѣ, Варшавѣ и другихъ мѣстностяхъ.

Съ 15-го іюня открылись серьезные беспорядки въ Тифлисѣ подъ вліяніемъ усилившейся дѣятельности революціонныхъ партій.

Стачка рабочихъ желѣзнодорожнаго депо и мастерскихъ къ 22-му іюня охватила и другія учрежденія, вызвавъ забастовку служащихъ въ городской управѣ, рабочихъ водопровода и керосинопровода. 23—25-го іюня предприняты были покушенія съ бомбами противъ чиновъ полиціи и казаковъ, при чемъ убито два казака, ранено два полицейскихъ, а изъ прохожихъ убито и ранено до двадцати человекъ. 26—29-го іюня произведенъ рядъ арестовъ и обнаружена лабораторія для снаряженія бомбъ.

23—25-го—забастовка въ Ивановѣ-Вознесенскѣ (тридцать тысячъ фабричныхъ рабочихъ) съ разграбленіемъ лавокъ, магазиновъ и поджогами домовъ.

Въ теченіе іюня и іюля 1905 г.:

Аграрные беспорядки въ Аткарскомъ, Петровскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ, Саратовской губерніи, съ поджогами помѣщичьихъ усадебъ. Въ Балашевскомъ уѣздѣ, при объѣздѣ мѣстностей, охваченныхъ волненіемъ, саратовскій губернаторъ камергеръ П. А. Столыпинъ подвергся тремъ выстрѣламъ, сопровождавшимся промахами, а въ гор. Балашевѣ при самосудѣ, учиненномъ толпою въ двѣ тысячи человекъ, надъ медицинскимъ персоналомъ, за оставленіе службы въ больницѣ, губернаторъ Столыпинъ получилъ ударъ, повредившій ему руку, а врачи Шмелевъ и Невзоровъ были убиты.

28-го іюня въ Москвѣ совершилось террористическое убійство градоначальника генерала-майора графа П. П. Шувалова по порученію партій социалистовъ-революціонеровъ.

Въ іюль 1905 г.:

Произошелъ рядъ погромовъ и избиеній въ разныхъ городахъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ еврейскій погромъ въ Житомирѣ и избиеніе интеллигенціи въ Нижнемъ-Новгородѣ.

1-го—въ Тулѣ попытка забастовки рабочихъ на оружейномъ заводѣ; въ Самарѣ уличная демонстрація партій социаль-демократовъ; въ Смоленскѣ разгромъ, учиненный мобилизованными запасными.

2-го—забастовка фабричныхъ рабочихъ въ Костромѣ.

12-го—въ Тифлисѣ брошена бомба въ полицеймейстера Ковалева; аграрные беспорядки въ Могилевѣ-Подольскомъ.

15-го—забастовка на линіи Владикавказской желѣзной дороги; въ Либавѣ частыя убійства, насилія съ цѣлью грабежа, вооруженное нападеніе на помощника надзирателя Ройчинскаго.

20-го—въ Екатеринославѣ при одномъ убитомъ двадцать раненыхъ.

24-го—въ Ревелѣ забастовка; удичная демонстрація трехъ тысячъ человѣкъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля забастовка на рижскихъ фабрикахъ (пятнадцать тысячъ рабочихъ), демонстрація съ красными флагами и вооруженныя столкновенія съ казаками.

Въ августъ 1905 г.:

1-го—при слѣдованіи изъ Екатеринослава парохода обнаружена группа молодежи съ четырьмя разрывными бомбами.

6-го—въ Смоленскѣ пригородная демонстрація молодежи въ нѣсколько сотъ человѣкъ.

15-го—въ Тулѣ покушеніе на убійство помощника пристава Дьяконова.

16-го—въ Одессѣ взрывъ бомбъ съ пострадавшими.

20-го—въ Либавѣ беспорядки, произведенные мобилизованными запасными, сопровождавшіеся сто двадцатью двумя арестами, двадцатью четырьмя ранеными и семью убитыми.

22-го—въ Ригѣ взрывъ въ потайной лабораторіи при снаряженіи бомбъ и арестъ раненаго лаборанта; въ Баку и Гори убиты пристава кн. Нижарадзе и Аналовъ.

16-го—24-го—беспорядки и кровавыя столкновенія въ Шушѣ и уѣздѣ.

22-го—26-го—возобновленіе въ Баку беспорядковъ и многочисленные поджоги нефтеносныхъ вышекъ въ Балаханахъ, Биби-Эйбатѣ, Сабунчахъ и Романинской. (Бакинскія событія обострили промышленный кризисъ; цѣна нефти возросла на 200—300%; часть волжскихъ пароходовъ пріостановила свои рейсы за невозможностью перейти къ отопленію углемъ; многіе заводы и фабрики владимирскаго и московскаго районовъ закрылись за отсутствіемъ нефтяного топлива).

Вслѣдствіе неправильнаго истолкованія указа 27-го августа 1905 года объ автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, ихъ двери во всѣхъ университетскихъ городахъ широко раскрываются для устройства митинговъ. Агитаторы, при участіи академической молодежи, дѣятельно знакомятъ низшій классъ и разночинцевъ, собиравшихся тысячами въ аудиторіяхъ, съ политическими явленіями какъ русской, такъ и западно-европейской жизни, освѣщая ихъ въ духъ крайнихъ партій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года революціонное движеніе принимаетъ еще болѣе ожесточенный характеръ открытыхъ возстаній и

насилій, которыя своей кульминаціонной точки достигаютъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Въ сентябрь 1905 года:

Въ первыхъ числахъ въ Финляндіи распространяются на финляндскомъ языкѣ воззванія отъ имени партіи активнаго сопротивленія съ призывомъ къ населенію воздѣйствовать на русскія войска, выясняя имъ вѣроломныя дѣйствія русскаго правительства противъ Финляндіи, содѣйствуя побѣгу солдатъ изъ воинскихъ частей и укрывая бѣглецовъ. Распространялись въ войскахъ и прокламаціи социалистовъ-революціонеровъ на русскомъ языкѣ, совѣтовавшія отказываться отъ примѣненія оружія противъ финляндцевъ и слѣдовать примѣру матросовъ, поднявшихъ бунтъ на «Потемкинѣ».

2-го—въ Оренбургѣ забастовка главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

4-го—во Владикавказѣ грузино-армянская демонстрація съ красными флагами; въ Абашѣ—ст. Закавказской желѣзной дороги—вооруженное нападеніе на почтовый поѣздъ съ пораненіемъ одного и убійствомъ двухъ пассажировъ.

5-го—на той же станціи Абашѣ толпа, узнавъ, что въ поѣздѣ слѣдуютъ арестанты-революціонеры, принимается разстрѣливать поѣздъ, что вызываетъ отвѣтную стрѣльбу со стороны воинской охраны поѣзда; въ результатѣ восемь убитыхъ и много раненыхъ.

8-го—11-го—на засѣданіяхъ съѣзда психіатровъ студенческія демонстраціи и оглашеніе социаль-демократическихъ прокламацій съ мятежными криками. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ это же время произведенные обыски обнаружили тайную типографію «активной сормовской боевой группы нижегородскаго комитета социаль-демократической рабочей партіи» и массу прокламацій.

9-го—въ Варшавѣ въ окно банкирской конторы Шерешевскаго брошена бомба, поранившая злоумышленника, и обнаруживается, что это отместка за то, что Шерешевскій не уплатилъ 10000 рублей, по требованію «варшавской группы анархистовъ-коммунистовъ-интернаціалистовъ».

10-го—въ Ригѣ на сходкѣ латышей обнаруженъ значительный запасъ нелегальной литературы и оружія.

11-го—въ Армавирѣ, Кубанской области, антиправительственная демонстрація и вооруженное столкновеніе съ воинскими частями, при чемъ одинъ убитъ и нѣсколько ранены.

На поѣздѣ, при слѣдованіи его изъ Тифлиса въ Гори, задержаны сначала два рабочихъ съ бомбами, революціонною литературою и прифтомъ, везшіе этотъ транспортъ для гурійскихъ революціонныхъ организацій, а затѣмъ задержано и еще нѣсколько рабочихъ, участниковъ этихъ же организацій.

11-го же въ Баку на Биби-Эйбатѣ произведенъ арестъ шести-десяти двухъ человекъ на собраніи междурайонныхъ представи-

телей бакинскаго комитета социалистовъ-революціонеровъ. Въ Саратовѣ въ тотъ же день при арестѣ участника социаль-революціонной партіи Горохова на его квартирѣ обнаружена лабораторія для изготовленія взрывчатыхъ веществъ, нелегальная литература, оружіе и прочее; при этомъ арестовано семь лицъ.

12-го—въ Нѣжинѣ при арестѣ пяти революціонеровъ одинъ русскій убитъ, четыре еврея задержано, при производствѣ ареста тяжело раненъ полицейскій приставъ и смертельно городской.

Въ Ковнѣ бомбою, брошеною неизвѣстными успѣвшими скрыться злоумышленниками, ранены полицеймейстеръ Ивановъ, три чиновника и три женщины.

13-го—въ Плоцкѣ еврейскія сходки и вооруженное столкновение съ полиціею и вызванною военною силою, закончившееся одного смертью и десятью арестами.

15-го—въ Газенпотскомъ уѣздѣ Курляндской губерніи разграблена винная лавка, убитъ начальникъ станціи Маріенгофъ Лябаво-Газенпотской желѣзной дороги, и похищено изъ станціонной кассы 220 рублей.

Въ Петербургѣ 14-го сентября противъ сорокъ одного члена «петербургской группы социаль-демократической партіи» предприняты слѣдственные дѣйствія за обнаруженіемъ тайной типографіи, склада революціонныхъ изданій и оружія, а 16-го сентября, при арестѣ рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода Брюханова и Стрѣльцова, обнаружена мастерская разрывныхъ снарядовъ и нелегальныя изданія партіи социалистовъ-революціонеровъ.

17-го—въ Иркутскѣ, при арестѣ четырехъ лицъ, задержанъ транспортъ литературы и прокламацій, предназначавшійся для мѣстной социаль-революціонной группы.

18-го—въ Гроднѣ, на квартирѣ мѣщанина Рутковскаго, обнаружено нѣсколько пудовъ шрифта, подложныя печати правительственныхъ учреждений, двѣ печати гродненскаго комитета «Бунда», бланки паспортовъ и заготовленные подложные паспорта, красныя флаги съ надписями и революціонная литература.

18-го—въ Томскѣ массовая сходка около университета съ мятежными рѣчами и разбрасываніемъ прокламацій, вызвавшая вмѣшательство военной силы и аресты.

21-го—на станціи Хилокъ Забайкальской желѣзной дороги забастовка рабочихъ депо станціи и попытка къ избіенію мастеровъ и начальника депо, пріостановленная дѣйствіями военнаго эшелона.

22-го—въ Бѣлостокѣ, на квартирѣ анархиста Энгельсона, обнаружена подпольная типографія съ отпечатанными прокламаціями и бомбами.

Въ городѣ Ростовѣ-на-Дону произведены у революціонныхъ дѣятелей «донскаго комитета російской социаль-демократической «истор. вѣстн.», июль 1913 г., т. сxxxii. 17

рабочей партіи» обыски съ обнаруженіемъ разрывныхъ снарядовъ и склада нелегальной литературы.

24-го—близъ станціи Кушевки Владикавказской желѣзной дороги произведено крушеніе поѣзда вслѣдствіе преднамѣренной порчи пути, что дало двадцать четыре убитыхъ и тридцать раненыхъ.

26-го—въ Екатеринбургѣ въ засѣданіи земскаго собранія группою революціонеровъ, въ числѣ двадцати человекъ, произведена антиправительственная демонстрація противъ установленія государственной думы, какъ учрежденія законосовѣщательнаго, причѣмъ разбрасывались прокламаціи и выкидывались красные флаги.

Въ Тифлисѣ, въ трехъ пунктахъ казарменнаго расквартированія казачьихъ войскъ были одновременно брошены восемь бомбъ, причинившія смерть одному казаку и увѣчья пятнадцати.

28-го въ Петербургѣ у рабочихъ судостроительнаго завода Колосова и Ловцова обнаружена мастерская разрывныхъ снарядовъ.

30-го—въ Красноярскѣ скрывшимися злоумышленниками убитъ изъ револьвера мѣстный полицеймейстеръ фонъ-Эйтманъ.

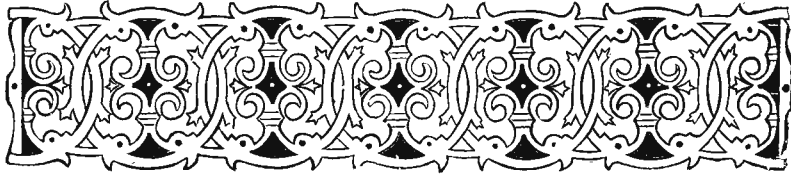
Наконецъ, въ теченіе сентября же 1905 года разыгралось рабочее движеніе среди типо-литографскихъ рабочихъ, которое было использовано профессиональнымъ союзомъ этой промышленности для того, чтобы вызвать забастовку на многихъ заводахъ и фабрикахъ, что составило прологъ къ «всероссійской октябрьской забастовкѣ».

Такова хронологическая канва, на которой социаль-демократическая партія вырисовала картину выступленія на авансцену столичной жизни «рабочихъ депутатовъ», въ теченіе почти годового срока успѣвшихъ организовать въ тѣсно сплоченную группу.

Б. Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПОРОЖЬЯ БЪ КАТАКОМБЫ.

ПРОКОЮ и длинною мертвою полосою тянется на нѣсколько верстъ отъ Одессы Хаджибейскій лиманъ. Не оживляетъ его ни крикъ морской чайки, ни всплескъ рыбы: мертво въ его густо-соленой глубинѣ и уныло по высокимъ обрывистымъ берегамъ. Покрытый ихъ тѣнью, онъ мрачно стоитъ и только дышитъ легкими волнами, выбрасывая на берегъ тяжелую пѣну, которая въ вѣтреную погоду, какъ снѣгъ, бѣлитъ его берегъ. Отъ лимана и вдоль его идутъ глубокия балки-овраги, а по нимъ бѣлѣютъ каменныя хаты съ плоскими земляными крышами, поросшими травою и польнью, и длинными каменными заборами, на которыхъ сложены для просушки груды кизяка — топлива, выдѣлываемаго изъ навоза.

Ютъ!.. Но здѣсь не найти поэзіи юга.

Груды камней, то сваленныхъ въ кучи, то валяющихся разбросанными; рѣдкія, высохшія, какія-то больныя акаціи да удушливый ѣдкій запахъ дыма печей, сложенныхъ на дворахъ, чтобы не нагрѣвать лѣтомъ и безъ того жаркія хаты, — вотъ первыя впечатлѣнія новороссійскаго селенія. Думаешь, какъ живутъ здѣсь люди, которымъ никогда не пролепечетъ бѣлая березка своими мелко-вырѣзными листочками, не запоетъ малиновка, не засвиститъ иволга! Только степное солнце безжалостно, немилостиво печетъ ихъ, да вѣтеръ подымаетъ вихри пыли...

Но эти люди въ большинствѣ случаевъ полжизни даже свѣту Божьяго не видятъ. Какъ кроты, степные обитатели подъ Одессою

и зиму, и лѣто проводятъ подъ землею. Когда-то на мѣстѣ степи бушевала водная стихія, и Черное море обладало большими владѣніями, чѣмъ теперь. Потомъ море отступило, забывъ захватить съ собою лишь воду изъ лимановъ, и оставило по себѣ вѣчную память въ степныхъ мѣстахъ. Милліарды морскихъ раковинъ толстымъ слоємъ залегли на быломъ днѣ ушедшаго моря, разсыпались, измельчали, потомъ сжались, спрессовались, —сверху покрыло ихъ землею, и подъ Новороссійскою степью легли глубокіе пласты желтаго пористаго камня, изъ котораго выстроена вся Одесса. Гдѣ брали камень, тамъ остались длинныя катакомбы, идущія отъ самаго моря, подъ городомъ и уходящія въ степь. Поэтому нѣкоторые крестьяне, живущіе подъ Одессой по степнымъ балкамъ, не строятъ домовъ, а высѣкаютъ хату въ каменныхъ нѣдрахъ степи, а рядомъ съ нею сарай въ видѣ грота. Крышею для такихъ жилищъ служитъ самая поверхность земли, и по ихъ дому даже ѣздить можно.

При тускломъ свѣтѣ маленькихъ керосиновыхъ лампочекъ въ степныхъ катакомбахъ идетъ постоянная работа—рѣзка камня. Когда бродишь по степи, то тамъ, то сямъ натыкаешься на глубокіе, бездонные колодцы,—это отдушники изъ катакомбъ: только черезъ нихъ шахтеры дышатъ воздухомъ. Такая жизнь не могла не отразиться на типѣ обитателей каменоломень: здѣсь не встрѣтишь ни открытаго, радушнаго лица у парня, ни благочестиваго благообразія у старика. У всѣхъ почти пододескихъ степныхъ жителей лица смуглыя, суровыя и непривѣтливыя.

Но я люблю бродить по ихъ выжженной безконечной степи. Когда идешь по ней, а вдали горизонтъ уходитъ въ небо, кажется, что идешь въ вѣчность. Да и воспоминанія о быломъ края нахлынутъ, идешь, все играя воображеніемъ въ далекомъ прошломъ. А въ сѣверныхъ лѣсахъ и вспомнить нечего...

Какъ-то, когда солнце уже спряталось, а сумерки еще не надвинулись, подходилъ я къ высокому кургану, Богъ знаетъ, когда и какимъ народомъ насыпанному надъ степной равниной. На курганѣ неподвижно, какъ статуя, сидѣлъ высокій сухощавый смуглый старикъ и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ въ уходящую даль степи. Внизу передъ нимъ двѣ лошади пощипывали жиденькую, высохшую, сѣрую травку, звеня бубенцами. А съ другой стороны кургана стадо коровъ сбилось въ кучу, и видно было, что среди нихъ происходило что-то необыкновенное. Всѣ онѣ были чѣмъ-то страшно взволнованы, отбѣгали въ сторону, метались и ужасно мычали. Подойдя ближе, я примѣтилъ, что около широкой ямы, возлѣ которой находилось стадо, волненіе было особенно сильнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ то спускались туда, то выходили, и всѣ мычали уныло и дико.

Нѣсколько мальчиковъ-пастуховъ, однако, спокойно сидѣли на пыльной травѣ, не обращая на стадо никакого вниманія.

Въ степи подь Одессой. Въѣздъ въ шахту.

— Чего ваши коровы взбѣсались?—спросилъ я.

— То онѣ,—отвѣчалъ одинъ изъ пастуховъ,—увидали въ ямѣ кости дохлой коровы; такъ вотъ и плачутъ за нею. Это каждый день бываетъ.

Вѣроятно, больше отъ скуки, они встали и отогнали коровъ дальше отъ ямы, въ которой, дѣйствительно, оказался продолговатый черепъ и торчащій вверхъ ребрами скелетъ коровы.

Этотъ «похоронный плачъ» коровъ, напомнившій мнѣ и пеніа римлянъ, и причитанія Сѣвернаго края нашей Руси, изумилъ меня.

— Ну, и диво!—крикнулъ я старику, сидѣвшему на курганѣ, и взобрался къ нему наверхъ.

До того старикъ сидѣлъ такъ неподвижно, что я не ожидалъ отъ него отвѣта на мое удивленіе, но, противъ ожиданія, онъ махнулъ рукою съ видомъ равнодушія и сказалъ:

— У всѣхъ одна манера, что у коровъ, что у людей. Вѣдь это что?—онъ шлепнулъ ладонью по кургану:—это тоже людей смерть смущала,—вотъ они по покойникѣ память оставили. А чего? зачѣмъ? Вотъ по этимъ стѣнямъ сколько косточекъ пораскидано людскихъ,—не сосчитаешь. Да что по стѣнямъ! Мы въ шахтѣ разъ вырѣзали въ камнѣ Человѣческую ногу—большая такая; къ намъ потомъ прохвесоръ изъ Одессы пріѣзжалъ и купилъ ногу. Вѣдь когда жилъ Человѣкъ! А всѣ, и мертвые, и живые, у Господа Бога на счету. Также сказать, сколько народу жило по этимъ самымъ балкамъ, гдѣ мы теперь живемъ. Еще запорожцы жили. Мы ихъ не знаемъ, а должны говорить: помани, Господи, души рабовъ твоихъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Иакова. Такъ пусть и объ насъ молятся. А кто былъ когда Человѣкъ какой, про это Господь вѣдаетъ.

— Неужели запорожцы?—нарочно удивился я, чтобы подбить старика на разговоръ.

— А уже жъ запорожцы. Мы здѣсь всѣ отъ запорожцевъ больше ведемся. Сюда казачество перебралось еще за времена Катерины; тутъ они и начали селиться на степи. Прежде-то въ червоныхъ жупанахъ ходили, съ туркомъ воевали, а тутъ, какъ простые мужики, скалатали свой вѣкъ въ землянкахъ. Да, все полегло, только память осталась, да еще, говорятъ, до пропасти въ землѣ лежитъ кладовъ, зарытыхъ ими. Кто изъ людей таки находили ихъ гроши, разжились, да другимъ про это молчатъ. Давно-давно, вонъ въ той балкѣ, что за желѣзной дорогой тянется, что-то тужило. Разказываютъ, запорожскія души это тужили по своимъ внукамъ, что уже не по полю они гуляютъ на вороныхъ коняхъ, а больше подъ землею камень рѣжутъ.

Старикъ помолчалъ, задумался.

— Да,—продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ,—хорошо когда-то было жить тутъ. Земли, кто сколько хотѣлъ, столько и занималъ, а хлѣбъ прямо, какъ очереть по балкамъ, росъ,—такой

Въ степи подь Одессой. Хага, выѣченная въ камѣь подь землею.

высокій. Тогда еще по балкамъ толстые дубы росли, осокори, лоза непролазная; и водились по нимъ дикія свиньи, бобры. Бывало, гуси, лебеди, журавли налетятъ. Теперь, какъ глянешь, ровно кругомъ не тотъ сталъ край: все порублено, попорчено. Ну, вотъ, кто первый пришелъ тогда, тому хорошо было жить. А кто попозднѣй, тотъ бѣдовалъ.

— Неужели и въ старину люди бѣдовали въ этомъ краю?

— А уже жъ такъ. Вы думаете, чего Бурлачья балка прозывается Бурлачьею? Бѣглые и всякая бурлачня жили въ ней и лѣто, и зиму. Какъ выпадетъ, бывало, морозная да снѣжная зима, то бабы бурлаковъ и просятся съ дѣтьми въ хаты до людей; а мужики такъ и пропадали на холодѣ. Разведутъ, бывало, костры около своихъ дырявыхъ куреней да и грѣются на морозѣ. Тамъ у нихъ, рассказывали люди, что старѣе меня были, и погъ свой какой-то былъ, тоже бѣглый. Свадьбу справлялъ не по-нашему. Обведетъ молодыхъ вокругъ дуба да пропоетъ три раза «Отче нашъ»—вотъ и все его вѣнчаніе. Такая-то кумедія.

— Отчего же, дѣдушка,—спросилъ я,—бѣглые земли не пахали, жита не сѣяли?

— А неспособны къ тому были. Были они шевцы, кравцы ¹⁾, у пановъ раньше жили, на нихъ работали, а къ хлѣборобству талану не было. Наши казаки носили имъ кожухи латать да чоботы давали шить. Дешево шили. А что говорятъ, будто бурлаки это разбойники, то неправда.

Старикъ скрутилъ цыгарку и продолжалъ:

— Мой дѣдъ былъ богатый казакъ. Такъ онъ для бурлаковъ большой курень поставилъ. Бывало, набѣжитъ бурлачня изъ Россіи,—все больше отъ пановъ бѣгали,—придутъ до дѣда: «Пусти отдохнуть».—«Отдыхайте, добрые люди», скажетъ имъ дѣдъ и велитъ дочкамъ накормить бурлаковъ. День кормить, другой кормить, а то и недѣлю. Потомъ пошлетъ моего батька, тогда еще хлопчикомъ онъ былъ,—самъ все это и рассказывалъ,—«бѣги, сынку, посмотри, что бурлаки дѣлаютъ?»

«Вернется хлопецъ, дѣдъ и спрашиваетъ:

«— А что?

«— Блохъ, тату, бьютъ.

«— Ну,—скажетъ дѣдъ,—еще будутъ жить.

«Черезъ день-другой опять посылаетъ:

«— А что теперь бурлаки дѣлаютъ?

«— Свитки и сорочки латаютъ.

«— Ну, теперь скоро уйдутъ.

«Такъ и выходило всегда. Починять бурлаки-сѣромахи свои

¹⁾ Саложники, портные.

свиты да и потянутся дальше, кто въ Крымъ къ татарамъ, кто на Очаковъ къ туркамъ.

— Вы, дѣдушка, помните своего дѣда? Онъ откуда пришелъ сюда къ Черному морю?

— Изъ Запорожья. Сильный и крѣпкій былъ человѣкъ. Только я объ немъ отъ батька знаю, а самого его не видалъ. Рассказывалъ батько, выйдетъ, бывало, дѣдъ въ степь, сядетъ на этой самой могилѣ и заплачетъ. Кто изъ людей вотъ такъ коней пасетъ на степи, какъ я, и спросить:

«— Чего вы плачете, диду?

«— Оттого,—отвѣчаетъ дѣдъ:—что душа моя погибшая. Я, говорить, на своемъ вѣку много-много народу убилъ, а больше того замучилъ. Однихъ нагайцевъ до полусотни погубилъ, а развѣ они не люди?

«— Такъ имъ и надо,—скажутъ дѣду:—сколько они казаковъ замучили! Мало ли по степямъ да по тернамъ лежало запорожскихъ косточекъ на привязи! Вѣдъ нагайцы живыхъ привязывали да въ степи оставляли на голодную смерть, на кормъ птицѣ и звѣрю! А не били они дѣтей малыхъ головой о голову? А не душили они ихъ десятками, прижавши лавкою къ стѣнѣ подъ самое горло?

«— Поганые,—отвѣчаетъ дѣдъ,—были обычаи у нагайцевъ, поганые и у запорожцевъ. Не давали мы спуску басурманамъ, да вѣдъ не разъ на своемъ вѣку просто гайдамачили, разбойничали. Какъ вспомню молодые годы, такъ морозъ побѣжитъ подъ шкурою. Кабы вылить куда въ яму кровь, что пролилъ я, такъ бы и утонулъ въ ней. Конь у меня былъ не конь, а звѣрь. Самъ его въ степи изъ дикаго табуна поймалъ; онъ мнѣ тогда ухо откусилъ, а я его все-таки приручилъ. Бывало, ѣду,—сторонись съ дороги, кто навстрѣчу идетъ, не то конь живьемъ съѣстъ! Только настанетъ весна, и байбакъ въ полѣ свистнетъ, потянутся изъ Крыма татары-купцы, греки верблюдами, на Кременчугъ, на Полтаву. Навстрѣчу имъ идутъ чумаки волами изъ Нѣжина, изъ Прилукъ. Идутъ они по большимъ дорогамъ мимо запорожскихъ сторожъ въ степи. Какъ увидятъ на дорогѣ пику,—это, значить, впереди нагайцы залегли, нападать будутъ. Вотъ чумаки воловъ останавливаютъ, выпрягутъ, насъ, запорожцевъ, дожидаются. Несутся запорожцы на коняхъ, провожаютъ чумацкую валку; гдѣ нѣтъ опасности, однихъ пустятъ. Только не всегда такъ было. Иной разъ блукаю одинъ по полю, встрѣчу чумаковъ, разгоню коня, какъ налечу на валку, закину якорецъ, которымъ нагайцевъ ловлю, на чей-нибудь возъ, да зацѣплю его, и пойдетъ возъ къ верху ногами; такъ соль, какъ снѣгъ, и покроетъ степь. Начнутъ чумаки лаяться, тутъ я пуще разолдусь. Ударю котораго канчукомъ ¹⁾ съ желѣзною пулею на концѣ, тутъ ему и славу поють...

¹⁾ Кнутагома!

И начнеть дѣдъ плакать и молиться. Такъ-то разъ ушелъ онъ въ степь да и пропалъ. Искали, искали, нигдѣ не нашли. Только лѣтъ черезъ пять люди видѣли въ Кіевѣ въ Дальнихъ пещерахъ схимника и признали въ немъ дѣда. Спрашивали его, ничего имъ не отвѣчали, только плакалъ...

Собесѣдникъ мой замолчалъ. Уже надвинулась южная степная звѣздная почъ. Кузнечики безъ умолку стрекотали въ разныхъ мѣстахъ; гдѣ-то поскрипывала немазая гарба¹⁾. Вдали послышался глухой шумъ идущаго по степи поѣзда. Вотъ онъ показался своими огоньками изъ-за поворота, и медленно, чуть дрожа въ далекой темнотѣ, пошли по степи огненные глаза паровоза. И вдругъ наперерѣзъ поѣзду, разливая голубой свѣтъ по небу, тихо скатился аэроплитъ и, какъ ракета, рассыпался надъ горизонтомъ.

— Помяни, Господи, всѣхъ усоншихъ твоихъ,—сказалъ дѣдъ и перекрестился.

Онъ вздохнулъ. И въ отвѣтъ ему вздохнула степь, и между землей и небомъ въ темнотѣ показались бѣлесоватыя облачка пара, которыя поднимались къ звѣздамъ и исчезали въ холодной вышинѣ. Изрѣдка на землю падали крупныя капли росы. Но, можетъ быть, то были не парь, не роса. Можетъ быть, то собрались въ эту тихую іоньскую ночь души казаковъ надъ степью, вьются надъ нею и, вспоминая жизнь, роіяютъ на землю свои горячія слезы.

В. Даниловъ.

¹⁾ Арба, телѣга съ высоко загороженными краями

ПОѢЗДКА ВЪ БУХАРУ.

I.

Немного исторіи.

ИСТОРИЯ Бухары теряется въ глубокой древности... Много видѣла она въ своихъ стѣнахъ чужеземныхъ завоевателей, накладывавшихъ тяжелую руку на мѣстныхъ аборигеновъ, чтобы быть смѣшанными новой волной кочевниковъ средне-азиатскихъ степей, въ свою очередь стиравшихся съ лица земли еще болѣе грозными пришельцами... Много надо было усилій, много должно было смѣниться поколѣній, пока не предстала Бухара во всемъ своемъ блескѣ, какъ одинъ изъ важныхъ центровъ мусульманской учености, какъ представитель типичнаго восточнаго деспотическаго государства... Но и это уже на зарѣ нашихъ дней начало отходить въ область преданія, уступая мѣсто новой культурѣ, новой цивилизаціи, постепенно, но упорно проникающей въ отдаленные уголки Бухары... Даже внѣшній обликъ города начинаетъ терять тѣ краски, которыя такъ рѣзко должны были бросаться въ глаза каждому, вступавшему въ «страну безправія», какъ ее и сейчасъ еще величаютъ...

Бухара, или иначе Старая Бухара, столица ханства, расположена въ равнинной части, на лѣвомъ берегу рѣки Зеравшана, на арыкѣ Шахри-Рудъ.

Первыми владѣльцами этихъ мѣстностей, о которыхъ сохранились болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія, были выходцы изъ Туркестана, призвавшіе въ виду постоянныхъ междоусобій турокъ, которые и владѣли страной въ теченіе шестого и седьмого вѣковъ, пока ихъ не смѣнили послѣ упорнаго сопротивленія арабы. Это было во времена халифа Велида, который внесъ самыя блестящія страницы въ исторію Омейядскаго халифата. Эмиръ Кутейба, получившій предводительствованіе въ войнѣ, въ 709 году взялъ Бухару, упрочивъ здѣсь власть халифа. Уже въ 713 году въ Бухарѣ распространился исламъ настолько, что была даже построена соборная мечеть на томъ мѣстѣ, гдѣ были ранѣе языческія капища. Недолго, однако, продолжалось владычество арабовъ... Едва только ослабли узы, связывающія Бухару съ арабами, какъ новая волна захватила страну и отдала во власть Саманидовъ.

Имъ на смѣну явился Илекъ-ханъ изъ Кашгара въ 999 году, но не устоялъ передъ мощнымъ напоромъ турокъ, уже въ 1004 году захватившихъ Бухару... Въ это время, несмотря на всѣ превратности судьбы, Бухара сдѣлалась сборнымъ пунктомъ ученыхъ, своего рода грандіознымъ университетомъ мусульманскаго міра, Даже князья сосѣдняго Хорезма (Хивы) не могли избѣжать вліянія культуры и, несмотря на всю ихъ дикость, принявъ на короткое время въ началѣ тринадцатаго вѣка наслѣдіе сельджуковъ, стали покровительствовать наукамъ и поэзіи. Но судьба готовила жестокій ударъ Бухарѣ. Въ 1220 году грозныя монгольскія полчища Чингисъ-хана бросились на Бухару, варварски уничтожая все на своемъ пути. Въ огнѣ погибла бібліотека Бухары; смерть нашли учителя высшихъ школъ, а тѣ, кому удалось избѣжать смерти или рабства, покинули мѣста запустѣнія. Цѣлыхъ триста лѣтъ продолжалось владычество собственно монголовъ. Родоначальникъ, смѣнившій въ началѣ XV вѣка Чингисидовъ, знаменитый Тимуръ перенесъ столицу изъ Бухары въ Самаркандъ, который и сталъ важнѣйшимъ центромъ. Съ 1500 года въ Бухарѣ смѣнилось нѣсколько династій: шейбаниды, джаниды, мангиты, сохранившіе свою власть вплоть до вступленія на престолъ послѣ смерти Мозаффаръ-эдъ-дина въ 1885 году, въ виду устраненія законнаго наслѣдника Абдуль-Маликъ-хана, сопротивлявшагося русскимъ, младшаго сына Сеидъ-Абдуль-Богадуръ-хана, который не считался претендентомъ на бухарскій престолъ и занялъ его благодаря особому соглашенію съ Россіей. «Сеидъ» указываетъ на происхожденіе отъ Магомета, «Богадуръ» же названіе династїи. Въ концѣ 1910 года эмиръ въ преклонномъ возрастѣ умеръ, и бразды правленія принялъ единственный сынъ его Сеидъ-Мирза-Алими.

II.

Бухара.—Стѣны.—Войско.—Зинданъ.

Городъ Бухара раскинулся на громадномъ пространствѣ. Значительная часть его окружена глинобитной стѣной, выстроенной еще въ IX вѣкѣ и имѣющей сажени три съ половиной вышины

Нашъ эскортъ изъ бухарцевъ.

и сажени полторы толщины въ основаніи. Она уставлена зубцами и имѣетъ выступы, издали похожіе на башенки, одинаковой вышины со стѣной,—такихъ башенъ до сто тридцати. Стѣна въ разныхъ мѣстахъ прерывается воротами, которыхъ насчитывается одиннадцать на семь протяженіи стѣны въ одиннадцать верстъ четыреста сажень,

обнимающей площадь въ шестьсотъ пятьдесятъ двѣ десятины. Снаружи стѣна находится въ довольно хорошемъ состояніи, съ внутренней же стороны осыпается и расплзается, такъ что она давно уже потеряла бывшее боевое значеніе, какъ оплотъ отъ чужеземныхъ набѣговъ. Мы пріѣхали со станціи Каганъ Средне-Азіатской желѣзной дороги по желѣзнодорожной вѣткѣ, построенной на средства эмира. Благодаря любезности нашего дипломатическаго агента Л. Я. Лютша, на вокзалѣ намъ выслали изъ города экипажи, къ намъ прикомандировали для сопровожденія при осмотрѣ достопримѣчательностей города двухъ говорящихъ по-русски бухарскихъ офицеровъ Касимъ-Мирза-Баши, состоящаго при кушбеге, и Джурабекъ-Карауль-Беги, у котораго на халатѣ красуются ордена святой Анны и Станислава третьей степени.

Оба офицера въ высшей степени любезные, предупредительные. Съ ними прибыло нѣсколько всадниковъ, такъ что съ вокзала мы отправились, окруженные многочисленнымъ эскортомъ. Несмотря на зимнее время, было тепло... Въ воздухѣ отъ непрерывной ѣзды тяжелыхъ арбъ съ высокими колесами пыль вилась столбами, и все кругомъ носило сѣрый отпечатокъ... Дорога идетъ среди громаднаго кладбища съ однообразными могильными холмами, еще болѣе усиливающими общій мрачный колоритъ. Въѣхали въ узкія ворота и вскорѣ остановились у небольшого зданія нашей почтовой конторы, которую охраняютъ бухарскіе пѣхотницы-сарбазы. Армія ханства дѣлится на регулярную и иррегулярную, причемъ вступившій въ нее служить, пока бываетъ въ состояніи, такъ что можно видѣть старика рядомъ съ только что вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста юношей. Особое войско составляетъ рота артиллеріи (триста человекъ при двадцати орудіяхъ) и рота «терскихъ казаковъ», сформированная покойнымъ эмиромъ послѣ того, какъ онъ записанъ въ списки войска. Войско бухарское не походитъ совершенно на европейское. Стрѣльбѣ не обучаютъ, ограничиваясь ружейными приѣмами и несложными построеніями. Вооружены пашками или нашими берданками. Обмундированіе русскаго образца, но какъ-то не по плечу приходится бѣднымъ сарбазамъ, привыкшимъ къ своему національному, просторному, красивому халату. Такіе воины своимъ бутафорскимъ видомъ вызываютъ невольную улыбку. Развѣ не покажется комичнымъ сарбазъ, стоявшій на часахъ гдѣ-то въ городѣ, при нашемъ появленіи отдавшій честь, неуклюже вытянувшись, у котораго красныя шаровары надѣты на одной ногѣ въ сапогъ, а на другой на выпускъ? И такихъ воиновъ насчитывается до 20,000. Большая часть стоитъ въ столицѣ, отчасти занимаясь караульной службой. Карауль при нашемъ приближеніи былъ вызванъ въ ружье для отданія чести, при чемъ команда подавалась начальникомъ по-русски и приѣмъ былъ исполненъ отчетливо.

Входъ въ Зиндангъ.

Поговоривъ съ окружающими, мы отправились дальше и вскорѣ подѣхали къ Зиндану (тюрьма), расположенному на холмѣ, куда ведетъ дорожка, обнесенному стѣной. Находится на востокъ отъ дворца эмира (аркъ). Она раздѣляется на два отдѣла. Одинъ—подземная тюрьма, состоящая изъ глубокой ямы, имѣющей сажени три глубины, куда преступниковъ опускали на дно на веревкахъ и такимъ же путемъ давали пищу; могильная сырость лѣтомъ и зимой нерѣдко доводила узниковъ до полного безумія. Къ счастью, этотъ родъ тюремнаго заключенія уничтоженъ, по крайней мѣрѣ официально, въ царствованіе покойнаго эмира Сеидъ-Абдуль-Ахадъ-Богадуръ-хана. Другой отдѣлъ Зиндана состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ съ комнатами для заключенныхъ. Каждая такая камера увѣнчана куполомъ, въ которомъ пробито окно, дающее свѣтъ, хоть и незначительный. На дворикъ выходитъ дверь съ рѣшеткой, за которой видны заключенные, сидящіе на полу въ углубленіи. Видъ у нихъ изможденный,—сильно сказывается суровый тюремный режимъ, а сидѣть приходится иногда десятки лѣтъ. Кормятся почти исключительно добровольными приношеніями. И мы поднесли, по обычаю, цѣлую стопку лепешекъ, предназначенную для раздачи заключеннымъ!.. Съ крыши Зиндана открывается оригинальный видъ на городъ: прямо зубчатая стѣна, окружающія цитадель; узенькія улочки, разбѣгающіяся по всѣмъ направленіямъ; бухарцы въ живописныхъ халатахъ, снующіе взадъ и впередъ; кругомъ сѣрыя плоскія кровли... Невольно припоминаются картины изъ библейской жизни.

III.

Регистанъ.—Бани.—Медрессе.—Мечети.

Центромъ кипучей дѣятельности города служитъ площадь Регистанъ, сплошь занятая лавочками, чайханъ, харчевнями, гдѣ на каждомъ шагу видишь представителей всѣхъ азіатскихъ народностей, наблюдаешь своеобразныя жизненныя сценки, которыя такъ и просеются на полотно... Жизнь, особенно въ праздничные дни, здѣсь бьетъ ключомъ... Передъ Регистаномъ возвышается на искусственномъ холмѣ около шести сажень вышины и полторы версты въ окружности цитадель, въ которой помѣщается дворецъ эмира (аркъ), дома важнѣйшихъ сановниковъ (кушбеги), три мечети, цистерны для храненія воды. Въѣздъ въ цитадель, защищенный двумя красивыми башнями, запертъ массивными воротами, надъ которыми вдѣланы круглые часы. Рѣдко кому выпадаетъ на долю высокая честь въѣхать въ ворота арка, даже важные сановники обязаны передъ воротами слѣзть

Камера въ Зинданъ.

съ лошади и идти дальше пѣшкомъ... Возлѣ цитадели помѣщается зданіе арсенала, гдѣ находятся орудія старыхъ системъ. Имѣются разныя пушки прекрасной отдѣлки, но все это почти исключительно для декораціи.

Разными закоулками насъ провели къ бухарскимъ банямъ, устроеннымъ особеннымъ образомъ. Состоятъ онѣ изъ четырехъ отдѣленій: первое—предбанникъ, устланный коврами, въ стѣну вмазаны русскія зеркала, стоятъ часы, висятъ лампы, въ этомъ предбанникѣ оставляютъ верхнее платье и входятъ во второе отдѣленіе, болѣе теплое, откуда, снявъ остальную одежду и повязавшись фартукомъ, отправляются въ третье, самое жаркое отдѣленіе, и тамъ, сидя на полу, ожидаютъ, пока тѣло покроется сильной испариной, послѣ чего переходятъ въ послѣднее отдѣленіе, гдѣ, лежа на землѣ на коврѣ, лицомъ внизъ, поручаютъ себя ломальщикамъ, которые и производятъ свои манипуляціи, самымъ безцеремоннымъ образомъ обращаясь съ тѣлами правовѣрныхъ, которыхъ послѣ того растираютъ шалью, окачиваютъ холодной водой, бреютъ и отпускаютъ въ первый предбанникъ, гдѣ можно отдохнуть и выпить чаю. Бани нагрѣваются снизу... Стоятъ очень дешево. Всѣ объясненія очень охотно давались нашими любезными спутниками... Отсюда мы прошли въ медресе. Это высшія бухарскія училища, куда и теперь стекаются ученики изъ разныхъ мѣстъ... Такъ намъ показывали одного, прибывшаго изъ Петербурга.

Зданіе медресе Миръ-Арабъ состоитъ изъ четырехугольнаго или даже квадратнаго строенія, имѣющаго внутри дворъ, въ серединѣ котораго посажены деревья. Въ нижнемъ этажѣ идетъ чтеніе лекцій, а верхній отведенъ подъ квартиры студентовъ. Живутъ они въ небольшихъ кельяхъ, убого обставленныхъ. Лежанка (канъ) почти во всю ширину комнаты, гдѣ и учатся, и пьютъ, и ѣдятъ, и спятъ, подстилая матрацы. Возлѣ небольшая кухонка. По стѣнамъ полочки. Свѣтъ проникаетъ черезъ окно, а иногда только черезъ двери. Помѣщеніе живущаго тутъ муллы почти ничѣмъ не отличается отъ ученическихъ. Насъ свободно допускали осматривать, всюду заходить. Одинъ только малышъ, какъ его ни уговаривалъ мулла, сталъ у порога своей кельи и ни за что не желалъ насъ впустить, а затѣмъ бросился быстро въ комнату и заперъ на ключъ. Настоящій волчонокъ...

На крышу медресе, мѣсто прогулокъ студентовъ, ведетъ крутая каменная лѣстница. Съ трудомъ взобрался наверхъ... Нѣсколько въ сторонѣ возвышается построенный, по преданію, Тимуромъ высокій, красивый минаретъ круглой формы, сложенный изъ жженога кирпича, съ изящной рѣзьбой. Много вѣковъ подъ рядъ онъ служилъ мѣстомъ казни; осужденныхъ взводили на верхній ярусъ башни и оттуда съ высоты 87 аршинъ обра-

сывали внизъ на камни мостовой. Это «не преданья старины глубокой», а совсѣмъ еще недавнее время, вѣдь только отецъ нынѣшняго эмира отмѣнилъ этотъ варварскій обычай... Кругомъ видны большія красивыя мечети.

Главная изъ нихъ помѣщается противъ цитадели и носитъ названіе Меджиди-Калянъ. Она снаружи разукрашена голубыми

Входъ въ цитадель.

изразцами. Обширный дворъ, вмѣщающій около 10,000 молящихся, охваченъ со всѣхъ сторонъ цѣлою галерею колоннъ и сводовъ, идущихъ въ нѣсколько рядовъ, съ рѣзными и лѣпными украшеніями. Въ глубинѣ двора центральная святыня его—мечеть съ характернымъ фасадомъ, разукрашеннымъ узорчатыми голубыми и зелено-

Дворъ мечети.

ватыми изразцами, осыщенная сверкающимъ голубымъ и нѣсколько зеленоватымъ куполомъ, отъ котораго она иногда и носить названіе Кокъ-Гумбазъ...

IV.

Базары.—Послѣднія событія.

Въ торговомъ отношеніи Бухара представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ Средней Азіи. Обороты ея торговли достигаютъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ.

Стоитъ только посѣтить торговые ряды или, вѣрнѣе, базары, чтобы убѣдиться въ кипучей торговой дѣятельности мѣстнаго населенія.

Базары строго разграничены какъ по сорту товаровъ, такъ и по національностямъ...

Вотъ «тимы»—продолговатые сараи, предназначенные для продажи расположенныхъ на прилавкахъ и полочкахъ товаровъ: бархата, суконъ, парчи и кисей, шелковыхъ и бумажныхъ издѣлій. Тамъ лавчонки съ мѣдью, серебромъ и металлическими издѣліями; въ другомъ мѣстѣ съ оружіемъ, халатами, шапками; въ третьемъ продаются сѣдла и чепраки; тамъ идетъ дѣятельная торговля

каракулемъ—чернымъ, сѣрымъ, коричневымъ; здѣсь громадныя склады паласовъ и ковровъ—текинскихъ, персидскихъ. Послѣдній видъ торговли падаетъ, такъ какъ покупатели предпочитаютъ обращаться съ заказами непосредственно по мѣсту ихъ производства. Такое же строгое раздѣленіе соблюдается и на другихъ базарахъ, называемыхъ по роду продаваемыхъ продуктовъ: хлѣбнымъ, рыбнымъ, свѣчнымъ, дровянымъ, фруктовымъ, арбузнымъ и дыннымъ, молочнымъ и т. д., а въ еще недавнее время были базаръ невольниковъ, отошедшій въ область преданія со времени уничтоженія покойнымъ эмиромъ рабства...

Существуютъ спеціальныя ряды: индѣйскіе, персидскіе, кокандскіе, хивинскіе, туркменскіе... Эти базары—показатель чрезвычайной пестроты населенія современной Бухары... Какихъ только народностей здѣсь не встрѣтишь! Яркая пестрота красныхъ, синихъ, бѣлыхъ тюрбановъ, живописныхъ разноцвѣтныхъ халатовъ представляетъ чрезвычайно красивую картину, рѣзко бросающуюся въ глаза непривычному европейцу, которому чужда вся эта обстановка, яркія, бьющія краски, вся эта необычная сутолока... Среди торговцевъ много бухарскихъ евреевъ, представляющихъ красивый типъ, непохожій на нашего еврея...

Наше посѣщеніе базаровъ вызывало среди населенія понятное любопытство, но ни тѣни какой-либо враждебности... Разсматри-

Въ чайханэ на Ляби-хоузѣ.

вали насъ съ добродушной улыбкой, видимо, всѣмъ интересуясь. Впрочемъ, особенно любопытствующіе бывали тотчасъ наказаны сопровождавшей насъ мѣстной полиціей: почтенный стражъ быстро набрасывался на увлекшагося, ловко наносилъ ему ударъ по лицу, а когда тотъ постыдно бѣжалъ, то посылалъ ему вслѣдъ ударъ нагайкой по спинѣ, вызывая добродушный смѣхъ окружающей толпы, старавшейся послѣ этого держаться подальше отъ блюстителя порядка...

Не всегда, однако, такъ настроена благодушно бухарская толпа. Еще совсѣмъ недавно улицы Старой Бухары послужили ареной кровавыхъ событій. Какъ извѣстно, между послѣдователями двухъ толковъ ученія Магомета—шіитами и суннитами—съ незапамятныхъ временъ существуетъ непримиримая вражда, чисто религіозная, которая, впрочемъ, невольно должна переноситься и на тѣ народы, которые придерживаются того или другого толка. Бухарцы—сунниты, персы—шіиты. Первымъ лицомъ послѣ эмира является кушбеги, фактически управляющій страной. Съ семидесятыхъ годовъ эту должность занимали до описываемыхъ событій персы, которые, естественно, предоставляли мѣста своимъ сородичамъ, вызывая всеобщее недовольство, прорвавшееся на религіозной почвѣ. Года два назадъ шіитамъ было разрѣшено праздновать память пророка Гуссейна со всѣми религіозными обрядами, процессіями, во время совершенія которыхъ въ началѣ января 1910 года произошла драка между суннитами, студентами медресе, и шіитами-персами, совершавшими свой обрядъ... Кушбеги принялъ сторону своихъ единовѣрцевъ, отказался наказать убійцу одного изъ студентовъ, приказалъ стрѣлять въ толпу, собравшуюся у воротъ цитадели, и, боясь открытаго возмущенія, сталъ вооружать шіитовъ ружьями. Все это, прикрашенное самыми сверхъестественными слухами, распалало фанатично настроенную толпу. Произошли въ разныхъ мѣстахъ нападенія, противъ которыхъ бухарскія власти не принимали никакихъ мѣръ. Отдѣльныя вспышки готовы были разрастись въ кровавое пламя, если бы не прибытіе русскихъ войскъ, высланныхъ изъ Ташкента, а затѣмъ и нынѣшняго эмира, тогда наслѣдника, который и успокоилъ населеніе, причемъ кушбеги былъ смѣщенъ, и на его мѣсто назначенъ популярный бывший шахризязбскій бекъ Насрулла-бий-Парваначи... Кровавые дни прошли, и жизнь вошла въ обычную колею...

V.

Хоузы.—Ширъ-будунъ.—Дастарханъ.

Городъ снабжается водой изъ рѣки Зеравшанъ посредствомъ канала Шахри-Рудъ, который имѣетъ протяженіе въ предѣлахъ Бухары три версты сто сажень. Черезъ каналъ перекинута двѣнад-

цать каменныхъ и нѣсколько деревянныхъ мостовъ. Такъ какъ количество воды въ Шахри-Рудѣ обыкновенно ограничено, то жителямъ приходится при каждомъ удобномъ случаѣ наполнять водой большіе водоемы, или «хоузы». Такихъ водоемовъ больше восьмидесяти. Намъ удалось подробно осмотрѣть одинъ изъ нихъ,

Входъ въ мечеть Меджиди-Калаянъ.

Ляби-хоузъ, представляющій большой прудъ, берега котораго обдѣланы камнемъ, причемъ къ водѣ ведутъ ступени. Вода рѣдко мѣняется, застаивается, принимаетъ особенный зеленоватый отѣнокъ и, очевидно, служитъ разсадникомъ всевозможныхъ болѣзней, изъ которыхъ особенно извѣстна лихорадка и рипта. Последняя происходитъ отъ особаго червя, который попадаетъ

вмѣстѣ съ питьевой водою въ тѣло человѣка и быстро тамъ развивается, проникая въ кровь и постепенно переходя въ соединительную ткань, откуда посредствомъ операціи вытягивается сартовскими докторами...

Вокругъ Ляби-хоуза понастроены чайханэ (чайныя), всегда переполненныя народомъ. Это своего рода громадный клубъ, гдѣ можно услышать самыя разнообразныя новости, ходящія по городу. Тутъ же недалеко находится и мечеть. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ возлѣ группы дервишей толпится народъ, жаждущій узнать свою судьбу. Гадаютъ на костяхъ, предварительно спрашивая обязательно фамилію. Такой сеансъ оплачивается,—по крайней мѣрѣ съ насъ такъ взяли,—пятью конейками. Предсказаніе излагается въ туманныхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Но толпа внимательно слушаетъ и, видимо, глубоко вѣрить въ даръ прорицателя, ниспосланный дервишу Аллахомъ...

Торопясь засвѣтло возвратиться на станцію Каганъ, мы рѣшили проѣхать въ нашихъ экипажахъ, не возвращаясь на желѣзнодорожную вѣтку... Скоро выбрались за городъ. Кругомъ большое оживленіе. Ёдутъ верхомъ на осликахъ и мужчины, и женщины, иногда даже двое сразу... Чрезвычайно комичная фигура какого-нибудь верзилы, едва не достающаго ногами до земли, которыми онъ весело болтаетъ, подгоняя ослика, мелкой трусцою везущаго своего хозяина, а бываетъ, что еще и какой-нибудь багажъ или другого пассажира.

На четвертой верстѣ отъ Старой Бухары находится загородный дворецъ эмира Ширъ-Будунъ, служившій раньше лѣтней резиденціей, но уже лѣтъ десять не посѣщаемый эмиромъ.

Снаружи дворецъ представляется укрѣпленнымъ замкомъ, но внутри картина совершенно мѣняется. Пестрыя, веселыя, разнообразныя краски; прекрасныя рѣзныя украшенія, оригинальные орнаменты, характерныя разукрашенныя колонны; стѣны, расписанныя причудливыми фантастическими узорами, изящные потолки, непохожіе одинъ на другой, такъ какъ каждый вытѣленъ по особому рисунку: полы, устланныя замѣчательными коврами, мѣстными, персидскими, текнскими,—все это по своей оригинальности и красотѣ напоминаетъ мѣсто сказочное... Среди дворца тѣнистые сады, фонтаны бассейны. Большія зданія, гдѣ помѣщался гаремъ... Среди комнатъ имѣется, между прочимъ, одна, построенная по типу купе вагона. Говорятъ, послѣ своего перваго путешествія въ Европу покойный эмиръ, оставшійся въ восторгѣ отъ поѣздки, приказалъ перестроить одну изъ комнатъ по типу вагона... Самая парадная и обширная комната дворца—это тронная зала, въ которой эмиръ принимаетъ посольства и гдѣ устраиваются совѣщанія. Тамъ находится тронъ эмира—тяжелое кресло, отдѣланное инкрустаціей. Въ этомъ залѣ намъ было предложено да-

Ширъ-Будунъ. Спальня эмира.

старханъ, т.-е. угощеніе, состоящее изъ сластей, винограда, а затѣмъ неизмѣннаго чая... Расписавшись въ книгѣ для посѣтителей, мы вышли изъ дворца, когда уже солнце приближалось къ закату... Кругомъ тишина, но не то бываетъ въ теченіе марта мѣсяца, когда эмиромъ устраиваются здѣсь народныя гулянія и увеселенія по случаю праздника. Вся Бухара обыкновенно стекается сюда. Вся мѣстность покрывается подвижными лавками продавцовъ, фруктовъ, чая, а между ними толпится народъ—пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ или ослахъ и даже на арбахъ, которыя наполняются зрителями, жаждущими все увидѣть. На площади происходятъ борьба, скачки, бой верблюдовъ... По словамъ очевидцевъ, послѣдній состоитъ въ томъ, что животныя толкаютъ плечами одного другого, пока какой-нибудь не упадетъ—тогда состязаніе кончается... Теперь же все тихо... Становится прохладно. А въ воздухѣ носятся тучи пыли, поднятой за день сутолоки... Простившись съ провожавшими насъ и поблагодаривъ ихъ за вниманіе и любезность, мы сѣли въ наши экипажи и поѣхали къ городу Новая Бухара...

VI.

Новая Бухара.

Нашимъ возницей оказался бухарецъ, который везъ бухарскихъ чиновниковъ въ концѣ 1907 года, во время кровавой экспроприации, окончившейся похищеніемъ ста шестидесяти семи тысячъ рублей, принадлежавшихъ бухарскому правительству, и убійствомъ двухъ чиновниковъ, оказавшихъ сопротивленіе... Задумано было похищеніе блестяще, все заранѣе подготовлено, организована цѣлая шайка сорвиголовъ изъ кавказскихъ уроженцевъ, снявшихъ трактиръ «Реноме», расположенный у шоссе въ Старую Бухару отъ станціи Каганъ. Руководителемъ и вдохновителемъ былъ князь Михаилъ Джаіани, изъ дворянъ Кутаисской губерніи, лично не участвовавшій въ экспроприации, предоставившій кровавое дѣло своимъ помощникамъ: дворянину Милорава, двумъ землякамъ-крестьянамъ и солдату желѣзнодорожнаго батальона Нежура... Нападавшіе были въ маскахъ и быстро расправились съ чиновниками, везшими деньги, но самимъ-то не удалось скрыться, такъ какъ прискакавшіе на выстрѣлы бухарцы изъ сосѣднихъ кишлаковъ переловили шайку... Однако солдатъ успѣлъ зарыть деньги возлѣ ограды новаго дворца эмира у станціи Каганъ. Дальше начинается темная исторія. Оказывается, «воръ у вора дубинку укралъ»—деньги были кѣмъ-то похищены и увезены неизвѣстно куда, такъ на судѣ и не выяснилось; но что шайка ими не воспользовалась, внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что князь, уже раньше подозрѣваемый полиціей въ темныхъ дѣлахъ, узнавъ

Ширь-Будуль. Тронная зала.

о задержаніи своихъ сообщниковъ, рѣшилъ во что бы то ни стало завладѣть деньгами. Онъ, занимая номеръ въ гостиницѣ «Франція», завлекать сюда всѣхъ тѣхъ лицъ, про которыхъ онъ знаетъ, что они участники шайки, но которые еще не попались, и здѣсь при помощи земляка Соседія допрашивалъ съ пристрастіемъ и пытками, требуя указать, гдѣ деньги... Во время этого «слѣдствія» одинъ изъ пытаемыхъ, тоже участникъ «дѣла», Живодеровъ, убѣжалъ изъ номера Джаіани, явился къ полицейскому надзирателю Ляхову и просилъ его арестовать, такъ какъ все равно князь убьетъ... Дорогой, когда Живодерова вели къ начальнику города, Джаіани, встрѣтивъ ихъ на улицѣ и видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, самъ отправился къ начальнику города и заявилъ, что его подозрѣваютъ въ экспроприаціи, а онъ нашелъ виновныхъ и указалъ на Живодерова и другого пытаемаго солдата Яценюка, захватившаго въ дено. Эта игра, однако, князю Джаіани не удалась, и вскорѣ, благодаря разнымъ найденнымъ запискамъ и нѣкоторымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, удалось точно установить не только причастность его къ похищенію денегъ, но и главное руководство дѣйствіями шайки. Представъ передъ военнымъ судомъ, онъ все время разыгрывалъ роль невинной жертвы и держалъ себя спокойно и гордо, и только въ послѣдній моментъ, когда ему и другимъ его товарищамъ былъ вынесенъ смертный приговоръ, онъ на одну секунду потерялъ самообладаніе... Процессъ этотъ, о которомъ рассказывалъ живой свидѣтель экспроприаціи, надолго всколыхнулъ спокойную жизнь мирныхъ жителей города Новой Бухары... Съ понятнымъ любопытствомъ мы разсматривали мѣсто дѣйствія кровавой драмы—ограду сада новаго дворца эмира, кабачокъ «Реномэ», гостиницу «Франція», находящуюся противъ отдѣленія государственнаго банка, гдѣ бухарскіе чиновники получали злочныя деньги...

Дворецъ эмира причудливой архитектуры находится возлѣ станціи Каганъ. При нашемъ прибытіи онъ былъ закрытъ и осмотрѣть его внутри не удалось... Отсюда мы, переѣхавъ по лотно желѣзной дороги, остановились въ гостиницѣ «Франція», въ городѣ Новой Бухарѣ, расположенномъ на землѣ, отведенной эмиромъ для надобностей желѣзной дороги. Новая Бухара—резиденція нашего политическаго агента въ Бухарскомъ ханствѣ, который въ отношеніи города играетъ роль какъ бы губернатора... Новая Бухара расположена въ равнинной мѣстности по обѣ стороны дороги. Населеніе около шести тысячъ человѣкъ, состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ народностей: русскіе, поляки, нѣмцы, греки, грузины, армяне, татары, евреи, персы, афганцы, сарты... Имѣются двѣ гостиницы: вышеупомянутая «Франція» и «Европа», гдѣ прекрасно кормятъ... Большая площадь имени Чарыкова, нынѣшняго посла въ Константинополь, который былъ здѣсь аген-

Церковъ дипломатическаго агентства въ Новой Бухарѣ.

Дворецъ эмира у станціи Каганъ.

томъ... Красивый бульваръ барона Вревскаго, обсаженный акаціями. Два сквера: желѣзнодорожный и возлѣ зданія агентства. Гостиный дворъ съ приличными магазинами. Дома большей частью одноэтажные, съ плоской крышей... При агентствѣ находится православная Николаевская церковь, кажется, единственная во всей Бухарѣ. Нѣсколько училищъ, библіотеки, общественное собраніе, гдѣ устраиваются вечера и выписывается военная музыка, отдѣленія нѣсколькихъ банковъ, хлопкоочистительные заводы, спичечная и табачная фабрики, агентства, конторы, таможня,— все это указываетъ на промышленное значеніе народившагося городка, который обѣщаетъ сильно развиться, поддерживая дѣятельныя торговыя сношенія со Старой Бухарой, а черезъ нее и со всей страной, представляющей во многихъ отношеніяхъ еще terra incognita, несмотря на изслѣдованія отдѣльныхъ лицъ, на свой страхъ и рискъ углубляющихся въ дебри Бухары. Много еще любопытнаго, интереснаго и неожиданнаго даетъ намъ эта страна, столько видѣвшая и пережившая за время своего многовѣкового существованія. Она настолько своеобразна, жизнь ея такъ непохожа на нашу, что на нее должно быть обращено серьезное вниманіе, какъ она этого заслуживаетъ...

Ант. Таранецъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Томъ III. Бѣлоруссія въ 1812 году ¹⁾. Спб. 1912. Стр. 8+LIV+
+498+IX.**

БОРНИКЪ императорскаго русскаго историческаго общества продолжаете печатаніе капитальнаго труда неутомимаго историка «Отечественной войны» К. А. Военскаго. Третій томъ этого труда представляет исключительный интересъ, такъ какъ касается единственной русской губерніи, въ которой власть Наполеона была признана главою мѣстнаго духовенства — могилевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ и однимъ изъ выдающихся представителей мѣстной администраціи — могилевскимъ губернскимъ прокуроромъ Вакарюмъ.

Обширному предисловію предшествуетъ введеніе, посвященное историческому очерку судебъ православія въ Бѣлорусскомъ краѣ, выдержавшаго здѣсь тяжелую многолѣтнюю борьбу съ католицизмомъ и унией. Несмотря на то, что Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи еще послѣ перваго раздѣла Польши, внутренний строй ея жизни, правовой и экономической, въ началѣ XIX столѣтія измѣнился мало. Это сказалось и въ 1812 году. Въ то время, какъ въ коренной Россіи всѣ сословія объединились въ общемъ порывѣ патриотизма, въ Бѣлоруссіи «господствующее сословіе и все то, что тяготѣло къ нему изъ матеріальныхъ соображеній, было на сторонѣ врага Россіи—Наполеона. Низы же пред-

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ СXXXIX, изданный подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича.

ставляли инертную массу, хотя и тяготѣвшую духовно къ Россіи, но неспособную къ активному выступленію и патриотическому подъему. Съ несчастнымъ, забытымъ бѣлорусскимъ народомъ въ концѣ концовъ можно было сдѣлать все, что угодно и подчинить какому угодно правленію». Не успѣла многострадавшая церковь бѣлорусская отдохнуть подъ русскимъ владычествомъ отъ гоненій католицизма, какъ нашествіе Наполеона снова грозило вернуть край подъ власть Польши и поставить православіе подъ тяжелую зависимость его исконныхъ враговъ. По мнѣнію К. А. Военскаго, на этой именно почвѣ и могла появиться такая личность, какъ Варлаамъ Шишадскій, который ради спасенія бѣлорусской церкви отъ преслѣдованій и униженій рѣшился подчиниться могущественному врагу, въ увѣренности, что Вѣлоруссія и Литва безвозвратно потеряны для Россіи.

Собранные въ настоящемъ томѣ документы извлечены К. А. Военскимъ изъ четырехъ архивовъ: 1) военно-ученаго; 2) сенатскаго; 3) синодальнаго и 4) министерства народнаго просвѣщенія. Соответственно этой группировкѣ обширное свое предисловіе авторъ раздѣляетъ на четыре главы, сообразно четыремъ главнымъ отдѣламъ книги.

Въ первомъ отдѣлѣ сосредоточены документы, собранные въ 1837 году моголевскимъ губернаторомъ Баженовымъ по порученію исторіографа Михайловскаго-Данилевскаго, но не вошедшіе въ его «Описаніе Отечественной войны». Они содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ донесеній и рапортовъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городничихъ и земскихъ исправниковъ о событіяхъ въ Моголевской губерніи въ 1812 году, записку моголевскаго коменданта Окунева, свѣдѣнія, сообщенныя моголевскимъ архіепископомъ Смарагдомъ, и рассказы двухъ очевидцевъ 1812 года: доктора Цеккерта и помѣщика Юрія Лускины. Всѣ эти документы представляютъ большой интересъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніи. Достойны вниманія записки коменданта Окунева о происшествіяхъ въ городѣ Моголевѣ въ 1812 году и сообщенія моголевскаго уѣзднаго предводителя о пребываніи Наполеона въ мѣстечкѣ Бабиновичи, описаніе шатра Наполеона, его бесѣда съ помѣщицей княгиней Любомирской и т. п.

Второй отдѣлъ, содержащій въ себѣ документы сенатскаго архива, посвященъ характерному и мало извѣстному въ нашей исторической литературѣ дѣлу моголевскаго губернскаго прокурора Вакара. Этотъ чиновникъ, занимавшій столь отвѣтственную въ губернской іерархіи должность, не оказался на высотѣ положенія. Онъ если и не далъ формальной присяги Наполеону, то все-таки подписалъ непріятельскому правительству довольно недвусмысленное обязательство въ томъ, «что не будетъ вреднымъ». Кромѣ того, онъ былъ назначенъ на ту же должность прокурора при французскомъ управленіи и если фактически и не выполнялъ ее, то лишь «въ силу благоприятно сложившихся для него обстоятельствъ: болѣзни, а затѣмъ и бѣгства французовъ» (стр. XXIV). Впослѣдствіи, послѣ изгнанія непріятели, Вакаръ оправдывался очень искусно, но доводы его существа дѣла не измѣнили. «Бывшій прокуроръ Вакаръ, — доносилъ министру юстиціи гражданскій губернаторъ графъ Толстой, — не заимствуя даже примѣра отъ ему подчиненныхъ, яко природный здѣшній.

здѣсь опредѣленный, здѣшнимъ и послѣдовалъ; а видя дѣль благополучное окончаніе, многоплоднымъ писаніемъ поступокъ свой затмить мечталъ» (стр. 157). Вакаръ по высочайшему повелѣнію былъ уволенъ отъ службы. «Въ 1812 году, — въ заключеніе говоритъ К. А. Военскій, — въ эпоху подъема національныхъ чувствъ и горячаго патріотизма, въ коренной Россіи такихъ чиновниковъ было, къ счастью, немного» (стр. XXIX).

Этотъ Вакаръ замѣчательнъ еще тѣмъ, что былъ женатъ на той камеръ-фрау, у которой отъ императора Павла родилась дочь, известная Марѳа Павловна, умершая въ младенческомъ возрастѣ и при рожденіи возведенная въ дворянское достоинство подъ именемъ Мусиной-Юрьевой съ присвоеніемъ ей особаго герба ¹⁾).

Младшій сынъ Вакара въ концѣ прошлаго столѣтія состоялъ на службѣ по цензурному вѣдомству и умеръ въ должности члена совѣта по дѣламъ печати. Къ нему обращены известныя стихи Ѳ. И. Тютчева:

Велѣнью вышнему покорны,
У мысли стоя на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцеромъ въ рукахъ...

Особый интересъ для историковъ представляетъ третій отдѣлъ книги, посвященный дѣлу моголевскаго архіепископа Варлаама Шишацкаго, присягнувшаго въ 1812 году правительству Наполеона. Вопросъ о «моголевской церковной смутѣ», вызвавшій цѣлый рядъ статей въ нашей исторической литературѣ, до сихъ поръ не былъ поставленъ на строго-научную почву, главнымъ образомъ въ виду неполноты архивнаго матеріала. Въ настоящемъ томѣ впервые опубликовано все слѣдственное дѣло о Варлаамѣ (около ста документовъ), хранящееся въ архивѣ святѣйшаго синода. Въ обширномъ предисловіи къ этимъ документамъ (стр. XXX—XLVII) К. А. Военскій даетъ весьма цѣнное обзорѣніе литературы по этому вопросу съ критическимъ обзоромъ каждаго источника. Изъ этого обзора видно, что большинство писателей основывали свои сужденія на «Запискахъ» игумена Ореста, суроваго и безпощаднаго обвинителя Варлаама, объяснявшаго поступокъ моголевскаго архіепископа честолюбивыми стремленіями и даже корыстолюбіемъ. А между тѣмъ изъ опубликованныхъ въ настоящемъ томѣ документовъ видно, что самъ Орестъ, находившійся въ 1812 году въ Могилевѣ, не только присягнулъ Наполеону, но проявилъ даже особую ревность при понужденіи къ этой присягѣ другихъ лицъ моголевской епархіи. «Вотъ почему, — говоритъ авторъ предисловія, — къ «Запискамъ» Ореста слѣдуетъ относиться съ особенной осторожностью, видя въ немъ лицо, несомиѣнно, заинтересованное въ обѣленіи своихъ собственныхъ поступковъ и въ подчеркиваніи чужой вины». По мнѣнію г. Военскаго, поступокъ Варлаама, который являеся, песомнѣнно, однимъ изъ выдающихся іерарховъ и прошлое котораго свидѣтельствуесть объ его самоотверженной преданности дѣлу православія, едва

¹⁾ Мурзановъ. Дѣвица Марѳа Павловна Мусина-Юрьева. Изслѣдованіе по документамъ сенатскаго архива.

ли можно объяснять низменными стремлениями, въ которыхъ обвиняетъ его Орестъ, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые позднѣйшіе писатели. Закаленный въ борьбѣ съ унией и католицизмомъ въ Польшѣ и Литвѣ, Варлаамъ неужели столь рѣзко измѣнился въ 1812 году и опустился вдругъ до степени низкаго труса и измѣнника? Необходимо вспомнить положеніе Бѣлоруссіи въ 1812 г. Присоединеніе этой области къ Россіи послѣ многолѣтнихъ гоненій обезпечивало ей покой и мирное развитіе въ духѣ православія и народности. Но вотъ пришелъ съ Запада грозный завоеватель, которому предшествовала слава «непобѣдимаго». Поляки ждали его, какъ избавителя, и открыто говорили православнымъ: «Скоро вы опять будете наши». Варлаамъ, поставившій себя цѣлью поддерживать возгорѣвшійся святильникъ православія на этой окраинѣ, съ ужасомъ спрашиваетъ себя: что же будетъ съ его паствою, что будетъ съ многострадальной церковью бѣлорусской, когда снова подпадетъ она подъ власть католической Польши? Въ побѣдѣ Наполеона, проникшаго въ сердце Россіи, никто уже не сомнѣвался. Надо спасать бѣлорусскую церковь, которой грозитъ смертельная опасность.

«И намъ думается,—говоритъ авторъ предисловія:—что самое правильное сужденіе о поступкѣ Варлаама можно почерпнуть изъ его письма на имя архіепископа Теофилакта, въ которомъ онъ говоритъ: «Мечь раздраженнаго противу меня врага конечно бы излилась и на мою паству и я бы невольно сдѣлался причиной злосключенія тѣхъ, за коихъ душу свою положить долженъ». И вотъ онъ совершаетъ грѣхъ ради спасенія церкви бѣлорусской... Въ этомъ стремленіи во что бы то ни стало спасти отъ разоренія ввѣренную ему церковь, по мнѣнію г. Военскаго, и слѣдуетъ искать причину его поступка, руководящимъ мотивомъ котораго было именно это ложное пониманіе имъ своей роли, какъ главы бѣлорусской церкви. За эту ошибку онъ и понесъ жестокое наказаніе.

«Исторія показала неправду «Варлаамовой правды»,—заканчиваетъ г. Военскій.—Непобѣдимый бѣжалъ изъ Россіи, и слава его погибла съ шумомъ». Бѣлоруссія не отпала отъ Россіи, а «злополучный Варлаамъ окончилъ печальные дни свои въ слѣпотѣ, потерявъ зрѣніе отъ непрестанныхъ слезъ, проливаемыхъ среди горькихъ укоровъ совѣсти».

Четвертый отдѣлъ книги, въ видѣ отдѣльнаго приложенія, посвященъ особой серіи документовъ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы, касающіеся иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи въ 1812 году». Вскорѣ послѣ вторженія Наполеона послѣдовалъ высочайшій указъ, въ силу котораго всѣ вѣдомства должны были представить списки всѣхъ находившихся на службѣ иностранцевъ, не присягавшихъ на подданство Россіи. Соотвѣтственно отзывамъ начальствующихъ лицъ, всѣ эти иностранцы распредѣлялись на три категоріи. Къ первой отнесены были «благонадежные», «въ коихъ начальство совершенно увѣрено», и имъ разрѣшено было остаться на мѣстахъ. Во вторую категорію вошли неблагонадежные или «сомнѣніе наводящіе», которые подлежали высылкѣ за границу; наконецъ, къ третьей группѣ принадлежали тѣ, «высылка коихъ сочтется невмѣстною по уваженію, что оныя разглашенія своими въ иностранныхъ государствахъ извѣстныхъ имъ внутреннихъ нашихъ положеній и обстоятельствъ могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ или вреднымъ для Россіи послѣд-

ствіямъ». Послѣдніе подлежали высылкѣ «въ разные россійскіе города». По всѣмъ вѣдомствамъ разсланы были особыя листы, раздѣленные на графы, въ которыхъ прописывалось имя иностранца, его служебное и имущественное положеніе, время пребыванія въ Россіи и наконецъ особая графа съ указаніемъ: «Пріемлетъ ли начальникъ за него на себя отвѣтственность?» Извлеченные г. Военскимъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія списки иностранцевъ, служившихъ по вѣдомству просвѣщенія, представляютъ обширный и драгоцѣнный матеріалъ, указывающій, поскольку въ началѣ XIX столѣтія русская наука и просвѣщеніе находились въ рукахъ иностранцевъ, руководителей нашей молодежи.

Третій томъ обширнаго труда К. А. Воепскаго во всѣхъ отношеніяхъ новый цѣнный вкладъ въ сокровищницу познанія «священной памяти 1812 года».

Г. Л. И.

«Старина и Новизна». Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга XVI. Спб. Стр. 343. Цѣна 2 рубля.

В. С. Криксинъ. Нѣсколько словъ о дневникѣ Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Спб. 1913. Стр. 23. Цѣна 30 к.

Общество ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III неуклонно издаетъ ежегодно не менѣе одного объемастаго тома любопытныхъ матеріаловъ и статей, относящихся до исторіи нашего отечества. Такъ, въ вышедшемъ недавно шестнадцатомъ томѣ читатель найдетъ симпатичную статью г. Зегера «Александръ III въ Фреденсборгѣ», въ которой описывается препровожденіе времени императора въ любимомъ имъ уголкѣ Даніи и произведенное имъ впечатлѣніе на окрестныхъ жителей; небольшія воспоминанія князя Виктора Васильевича Васильчикова объ его отцѣ, извѣстномъ командирѣ гвардейскаго корпуса при Александрѣ I, а позднѣе членѣ государственнаго совѣта, а затѣмъ съ 1838 года—его предсѣдателѣ, о князѣ Иларіонѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ (родился въ 1777 г. и умеръ 1844 г.), о которомъ императоръ Николай въ своемъ завѣщаніи выразился, что «князь былъ всегда ему другомъ, наставникомъ и впоследствии первымъ помощникомъ въ государственныхъ дѣлахъ». Въ этихъ воспоминаніяхъ изложено нѣсколько писемъ императора, указывающихъ на дружественное его расположеніе къ князю, а также два письма Александра I, въ которыхъ пространно говорится о послѣдствіяхъ исторіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, послѣ которой полкъ былъ весь распределенъ по прочимъ полкамъ нашей арміи. Императоръ Александръ I былъ тогда, въ 1820 году, на конгрессѣ въ Лайбахѣ и находилъ время написать болѣе семи печатныхъ страницъ, посвященныхъ не самому печальному происшествію, а исключительно порядку распределенія виновныхъ солдатъ по прочимъ полкамъ и переводу на ихъ мѣсто другихъ изъ различныхъ полковъ. Онъ считалъ подобный переводъ изъ

гвардіи въ армію наказаніемъ нравственнымъ, увѣренный, что истинные виновники происшествія находятся внѣ полка и кроются въ лицахъ, подобныхъ Гречу и Каразину (32 стр.). Интересующіеся болѣе отдаленными эпохами нашей исторической жизни прочтуть съ любопытствомъ «Записки о вступленіи на новгородскую митрополию митрополитовъ Іоакима и Евѣмія, перваго въ 1673 году, а послѣдняго въ 1695 году, сообщенную И. А. Вычковымъ на основаніи рукописнаго сборника XVIII вѣка, принадлежащаго императорской Публичной бібліотекѣ, и остановятъ свое вниманіе на появляющемся въ первый разъ въ печати дневникѣ Сестренцевича, перваго митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, на французскомъ языкѣ и одновременно въ переводѣ подъ редакціей Криксина. Въ настоящее время напечатано только первая часть дневника, именно за 1797 и 1798 годы, т.-е. за время пребыванія Сестренцевича при дворѣ императора Павла I, которое является продолженіемъ его прошедшей дѣятельности, начатой во времена императрицы Екатерины II. Присоединеніе къ имперіи польскихъ земель по первому раздѣлу Польши, доставивъ Россіи немалое число новыхъ изданныхъ, исповѣдававшихъ религію римско-католическую, побудило императрицу издать нѣсколько указовъ, относящихся до римско-католической церкви, вообще опредѣлявшихъ ее отношеніе къ государству. Такъ, особыми указами вмѣшательство римской куріи въ дѣла управленія католическими церквами въ Россіи было ограничено; было воспрещено обнародовать папскія буллы, не испросивъ на это всякій разъ особаго высочайшаго соизволенія; монастыри были лишены ихъ независимости и подчинены надзору спеціальнаго начальства; рѣшенія консисторскихъ дѣлъ подлежали въ апелляціонномъ порядкѣ надзору юстицъ-коллегіи лифляндской, эстляндской и финляндскихъ дѣлъ, а также сенату; монахамъ католическимъ запрещалось имѣть какія-либо сношенія съ заграничными властями, какими бы то ни было; особенное наблюденіе за монастырями было возложено на губернаторовъ, а также взяты въ казенное управленіе имѣнія тѣхъ монаховъ, которые не пожелали присягать или уѣхали за границу, равно какъ и имѣнія заграничныхъ монастырей. Епископы обязаны были доставлять обстоятельныя свѣдѣнія о монастыряхъ, занимающихся полезными дѣлами для общества, а также о тѣхъ, въ которыхъ монахи живутъ въ праздности и безъ всякой пользы для ближнихъ и въ тягость міру. Кромѣ того, все духовное управленіе въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ было препоручено одному лицу, епископу могилевскому, какимъ и былъ назначенъ въ 1773 году Станиславъ-Вогушъ Сестренцевичъ. Кальвинистъ по рожденію (онъ родился 3-го сентября 1731 года), Сестренцевичъ получилъ образованіе за границей, перешелъ въ зрѣломъ возрастѣ въ католичество, посвященъ въ священники въ 1763 году; былъ сторонникъ расширенія власти епископовъ и приверженецъ мысли объ умаленіи вліянія римской куріи на церковныя дѣла отдѣльных мѣстныхъ церквей, а также защитникъ вмѣшательства государства въ устройство и организацію церковныхъ учреждений, поскольку это вмѣшательство не затрагиваетъ догматовъ и обрядовъ. Назначенный въ 1773 году епископомъ бѣлорусскимъ (до этого онъ былъ настоятелемъ въ Гомелѣ и Бобруйскѣ), онъ явился ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ предначертаній императрицы

относительно католиковъ и скоро былъ посвященъ въ санъ архіепископа моголевскаго, получилъ отъ папскаго нунція Аркетти широкія полномочія относительно рѣшенія брачныхъ дѣлъ и, наконецъ, удостоился при его же посредствѣ получить pallium, чего очень желала императрица, щедро одарившая за это Аркетти. Папская курія, исполняя эти желанія Екатерины II, надѣялась тѣмъ не менѣе на измѣненіе церковной политики относительно католической церкви при ея преемникѣ, а потому не замедлила отправить на коронацію Павла I въ Москвѣ 5-го апрѣля 1797 года нунція графа де-Литта, поручивъ ему стараться снова усилить вліяніе папской куріи на управление дѣлами католической церкви въ Россіи.

На коронацію въ Москву отправился также и Сестренцевичъ, который и велъ почти съ этого времени (съ 29-го января 1797 года) до 4-го марта 1800 года свой дневникъ почти исключительно на французскомъ языкѣ, часть котораго за время 1797 и 1798 гг. напечатана теперь и во французскомъ оригиналѣ и одновременно въ переводѣ г. Криксина. Дневникъ этотъ читается съ большимъ интересомъ. Онъ заключаетъ въ себѣ любопытную характеристику Павла I и его супруги, описанных на стр. 54 и слѣдующихъ подъ именемъ короля и королевы неаполитанскихъ, причемъ говорится немало объ его страсти къ вахтпарадамъ и Мальтійскому ордену, объ интригахъ партій относительно церковной политики въ отношеніи католиковъ, о главныхъ дѣятеляхъ новаго царствованія, причемъ Сестренцевичъ не упускаетъ случая сообщать свѣдѣнія и о различныхъ мелкихъ личностяхъ того времени. Сестренцевичъ говоритъ также о коронаціи Павла I, о празднествахъ при дворѣ, о погребеніи бывшаго короля Станислава Понятовскаго въ Петербургѣ 22-го февраля 1798 года, причемъ Павелъ I очень интересовался знать, хорошо ли онъ исполнилъ обрядъ окропленія водою тѣла умершаго короля вмѣстѣ съ великими князьями и обоими французскими принцами крови (стр. 153—154) и т. д. Павелъ нерѣдко заговаривалъ съ Сестренцевичемъ на латинскомъ языкѣ, шутилъ съ нимъ и вообще былъ очень къ нему благосклоненъ, что можно усмотрѣть изъ того, что уже въ теченіе восьми дней пожаловалъ ему четыре награды, именно богатое церковное облаченіе, крестъ изъ изумрудовъ, осыпанный брилльантами, орденъ святого Александра Невскаго и кольцо отъ императрицы съ капюшономъ изъ сапфира, осыпанное брилльантами (стр. 135—137), а послѣ всего этого чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ всего пожалованъ ему орденъ святого Андрея Первозваннаго 8-го ноября 1798 года (стр. 174). Однако, несмотря на все это, Сестренцевичъ былъ высланъ императоромъ изъ столицы въ 1800 году. Въ заключеніе нашей замѣтки нельзя не сказать, что переводъ дневника сдѣланъ вполне удовлетворительно и самый дневникъ читается съ большимъ интересомъ. Необходимый къ дневнику указатель, а также примѣчанія къ немногимъ не разобраннымъ и неяснымъ мѣстамъ рукописи будутъ, вѣроятно, напечатаны вмѣстѣ съ остальною частью дневника, въ настоящее время переработанный Криксинъ издалъ отдѣльно очень обстоятельную брошюру (вышедшую одновременно съ томомъ «Старины и Новизны»), въ которой высказалъ свой взглядъ на дѣятельность Сестренцевича и на значеніе его дневника. Мы, впрочемъ, предполагали найти въ этой брошюрѣ отвѣтъ на небольшое возник-

шее у нас недоумѣніе, состоящее въ слѣдующемъ. Неужели такой дѣятель, какъ Сестренцевичъ, возымѣлъ мысль писать дневникъ только со времени 1797 года, т.-е. со времени поѣздки своей въ Москву, и не велъ такового ранѣе, въ то время, когда осуществлялъ всѣ предначертанія великой императрицы, на него возложенныя. Естественно, казалось бы, предположить, что онъ велъ таковой дневникъ и ранѣе. Очень возможно, что изъ рукописи дневника, имѣвшейся въ распоряженіи и переводчика и доставленной изъ Выдубицкаго монастыря, къ которому путемъ нѣсколькихъ переходовъ она досталась изъ частнаго архива Сестренцевича послѣ его смерти, какъ это подробно изложено на стр. II небольшого предисловія къ переводу, и нельзя усмотрѣть, является ли этотъ дневникъ чѣмъ-либо отдѣльно самостоятельнымъ, или, какъ мы предполагаемъ, продолженіемъ дневника, начатаго ранѣе 1797 года. Но въ своей извѣстной русской историографіи почтенный профессоръ Иконниковъ упоминаетъ (см. томъ I, кн. 2, стр. 1235—1236), что въ «Волынской губерніи, Кременецкомъ уѣздѣ, селѣ Вишневецѣ, принадлежавшемъ графу Владимиру де-Броэль-Платеру, находилась библиотека и архивъ, въ которомъ было значительное количество рукописей и важныхъ матеріаловъ, между прочимъ собственноручныя записки Сестренцевича-Вогуша. Архивъ графовъ Платеровъ былъ позднѣе переведенъ въ Домбровицу, и дальнѣйшія перипетіи въ судьбѣ вишневецкаго имѣнія наложили руку опустошенія и на книжныя сокровища и на драгоценныя коллекціи, сосредоточившіяся въ немъ». Изъ этихъ словъ должно заключить, что, кромѣ рукописи дневника Сестренцевича, переходившей послѣ его кончины постепенно отъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова къ Выдубицкому монастырю и дошедшей до Криксина, существовала еще и другая рукопись собственноручныхъ записокъ того же Сестренцевича въ архивѣ графовъ Платеровъ. Крайне желательнымъ было бы выяснить не только существованіе этихъ двухъ рукописей, но и взаимное ихъ соотношеніе, и тогда, быть можетъ, окажется, что не лишено основанія предположеніе, что Сестренцевичъ велъ свой дневникъ и ранѣе 1797 года, т.-е. еще и во времена Екатерины II, и эту, такъ сказать, первую часть дневника или его начало, конечно, желательно было бы также напечатать.

П. Майковъ.

А. И. Боргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Изд. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. X+259. Ц. 75 к.—А. И. Боргманъ. Русская Исторія. (Пособіе для средней школы и для самообразованія). Часть II. Съ Петра Великаго. Спб. 1913. Изд. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. X+444. Ц. 2 р. 50 к.

Съ выходомъ второй части «Учебная книга» и «Русская Исторія» закончены; можно поэтому дать ихъ общую оцѣнку и подвести нѣкоторые итоги. Уже за первый выпускъ своей книги, отпечатанный въ прошломъ году, авторъ былъ награжденъ цѣлымъ рядомъ одобрительныхъ отзывовъ, признавшихъ за нимъ, вымъ трудомъ серьезныя достоинства. Теперь нельзя не согласиться съ тѣмъ-

что эти отзывы являются вполне заслуженными. В настоящем выпускѣ авторомъ обнаружены тѣ же положительныя стороны, что и въ первомъ, и, кромѣ того, достигнуты даже нѣкоторыя улучшения, сообразно указаніямъ рецензентовъ. Давая общую оцѣнку труда г. Боргмана, слѣдуетъ прежде всего указать на обстоятельное ознакомленіе автора съ исторической литературой, свѣжесть и новизну матеріала, самостоятельность въ его обработкѣ, умѣніе щекотливыя событія изложить въ тактичной формѣ, наконецъ, способность рассказывать литературнымъ языкомъ, легко и понятно. Къ числу положительныхъ качествъ въ особенности необходимо отнести объективность повѣствованія. Авторъ чуждъ всякой тенденціи, всегда стремится къ безпристрастной оцѣнкѣ событій и фактовъ, хотя и не обходитъ малодушно спорныхъ вопросовъ молчаніемъ, а осторожно освѣщаетъ ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ зависимости отъ того, какъ стоитъ данный вопросъ въ исторической литературѣ. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ приводятся доводы pro и contra. Авторъ для своей работы использовалъ немало историческихъ трудовъ, до новѣйшихъ монографій включительно, и приобрѣлъ замѣтную эрудицію, слѣды которой рассыпаны на протяженіи всей книги. Понятно, что обычнымъ ошибкамъ или обветшавшимъ научнымъ мнѣніямъ устарѣлыхъ руководствъ не нашлось мѣста въ учебникѣ г. Боргмана. Въ обрисовкѣ историческаго процесса нѣтъ односторонности, видно стремленіе изобразить все главныя стороны исторической жизни страны: политическій и общественный порядокъ, культурно-экономическую сторону и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ общемъ фонѣ дается рядъ порою весьма живыхъ и отчетливыхъ характеристикъ главнѣйшихъ историческихъ лицъ. Что касается самой конструкціи, плана учебника, то, помимо общей стройности, подробности въ заголовкахъ и т. д., можно отмѣтить и одно цѣлесообразное нововведеніе: каждой важной исторической эпохѣ предшествуетъ общій обзоръ ея событій, вводящій читателя въ изучаемый отдѣлъ. Наконецъ, къ той и другой книгѣ въ концѣ приложены подробный перечень хронологическихъ датъ.

Таковы положительныя стороны. Въ упрекъ автору прежде всего слѣдуетъ поставить нѣсколько излишнюю обширность объема «Учебной книги». Авторъ указываетъ въ предисловіи, что это увеличеніе вызвано, во-первыхъ, включеніемъ въ текстъ общихъ введеній къ изучаемымъ эпохамъ и, во-вторыхъ, дробностью оглавленія; но, даже и принявъ приведенныя объясненія, надо признать, что учебникъ ради педагогическихъ требованій въ дальнѣйшемъ все-таки потребуетъ нѣкотораго сокращенія. Несмотря на большой объемъ «учебной книги», автору не вездѣ удалось избѣгать страницъ, изложенныхъ сухо и схематично, благодаря обилію излишнихъ (для учебника) подробностей. Общія введенія, о которыхъ говорилось выше, иногда переходятъ въ простой перечень событій и датъ и, такимъ образомъ, не достигая своей цѣли, становятся уже вмѣсто полезнаго дополненія къ книгѣ ея балластомъ. Перечисленные недочеты, разумѣется, совсѣмъ не заслоняютъ тѣхъ крупныхъ достоинствъ, которыя свойственны труду автора.

О «Русской Истории» приходится говорить меньше. Она составлена удачно: изложеніе подробное, обстоятельное, языкъ литературный, матеріалъ свѣжій. Написана книга въ общемъ интересно; изобиліе разнаго рода историческихъ

подробностей здѣсь вполне уместно и только повышаетъ ея цѣнность. «Русская Исторія» послужитъ прекраснымъ подспорьемъ для всякаго, ищущаго самообразованія, а для преподавателя съ успѣхомъ выполнить роль справочника. Нельзя только не пожалѣть объ отсутствіи указателя къ этому пособию. Кромѣ того, дробность оглавленія, удобная для учебника, здѣсь едва ли желательна; во всякомъ случаѣ всѣ эти подзаголовки лучше было бы вынести на поля книги. Въ качествѣ приложеній отмѣтимъ «краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи». Почему, однако, въ число этихъ важнѣйшихъ трудовъ включены такіа сочиненія, какъ «Царственный мистикъ» князя Барятинскаго,—это остается на совѣсти автора. К.

П. Г. Васенко, профессоръ С. О. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели. Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ двѣнадцатью портретами и рисунками. Спб. 1912. Стр. 248. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Вышеназванная книжка представляетъ собою результатъ коллективной работы трехъ лицъ. Главы I («Родоначальники дома Романовыхъ.—Бояре Кошкины-Захарыны и родство ихъ съ династіей Калигъ»), II («Дѣти Никиты Романовича и ихъ судьба до 1611 года»), V («Отъ воцаренія Михаила Феодоровича до возвращенія изъ плѣна государева отца») и VI («Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича. Возвращеніе Смоленска при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ») принадлежатъ перу П. Г. Васенка. Главы III («Разрушеніе и восстановленіе государственнаго порядка») и IV («Избраніе въ цари Михаила Феодоровича Романова и царское вѣнчаніе») написаны Е. Ф. Тураевой-Церетели и послѣдняя (VII), подъ заглавіемъ: «Вся земля» профессора С. О. Платоновымъ. Въ «Приложеніяхъ» помѣщено нѣсколько грамотъ, три выписки: 1) изъ хронографа 1617 года, 2) «Новаго лѣтописца» и 3) изъ записокъ гетмана Жолкевскаго,—и народная пѣсня, пѣтая 70-лѣтней старухой Боровскаго уѣзда Калужской губерніи. Въ текстѣ книги находимъ до двѣнадцати портретовъ и рисунковъ.

Уже одни имена составителей «историческихъ очерковъ» и особенно такого знатока исторіи «Смутнаго времени», какимъ является профессоръ С. О. Платоновъ, бывший, несомнѣнно, вдохновителемъ и руководителемъ этого труда, говорятъ за то, что здѣсь писатель имѣетъ дѣло съ строго провѣреннымъ матеріаломъ, а ближайшее ознакомленіе его съ книгой покажетъ, что этотъ матеріалъ равномерно использованъ и изложенъ живымъ, литературнымъ языкомъ. Въ интересахъ живости и большей реальности изложенія П. Г. Васенко прибѣгалъ даже къ довольно правдоподобнымъ «представленіямъ», напримѣръ, «разсужденій Бориса Годунова» (стр. 62 и др.). Въ виду весьма удовлетворительнаго внѣшняго вида книжки, и цѣна ея 1 руб. 75 коп. не должна казаться высокой. В. Р —въ.

А. И. Добросмысловъ. Ташкентъ въ его прошломъ и настоящемъ. Ташкентъ 1912.—Его же. Города Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ. 1912.

Съ живымъ интересомъ раскрыли мы книгу г. Добросмыслова, посвященную городу Ташкенту. Имя автора, почтеннаго изслѣдователя исторіи нашихъ степныхъ азіатскихъ окраинъ, отсутствіе цѣльныхъ монографій о прошлыхъ судьбахъ и современномъ состояніи правительственнаго и экономическаго центра нашихъ средне-азіатскихъ владѣній Ташкента, вотъ что вызывало такой интересъ къ труду г. Добросмыслова. Къ сожалѣнію, насъ постигло большое разочарованіе.

Книга г. Добросмыслова о Ташкентѣ, какъ видно изъ обширныхъ отзывовъ, ей посвященныхъ въ разныхъ органахъ повременной печати, преимущественно лѣваго направленія, вызвала большой скандалъ и толки въ печати и обществѣ. Заявленіе автора, что онъ при составленіи своего труда пользовался нетронутыми и богатѣйшими матеріалами архива канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора и другихъ правительственныхъ учреждений въ краѣ, и благодарность, съ которой г. Добросмысловъ обращается въ предисловіи своей книги къ разнымъ лицамъ, занимающимъ высокое служебное положеніе въ краѣ, за доступъ въ архивы этихъ учреждений, заставляли невольно вѣрить, что авторъ, дѣйствительно, использовалъ указанные имъ источники, и потому изслѣдованіе его является обоснованнымъ на официальныхъ документахъ. Все это усугубляло чувство какой-то неловкости и даже стыда за цѣлый рядъ темныхъ дѣльцовъ, въ руки которыхъ отдавалось дѣло управленія нашей средне-азіатской окраины и вообще русское дѣло въ краѣ, чувство, невольно охватывавшее при чтеніи книги Добросмыслова. Изъ сотни упомянутыхъ въ этомъ трудѣ именъ дѣятелей нашихъ на разныхъ поприщахъ службы въ Туркестанскомъ краѣ г. Добросмысловъ не произнесъ слова осужденія или не привелъ какого-нибудь скандальнаго анекдота, можетъ быть, о двухъ-трехъ лицахъ, отзывы о которыхъ напоминаютъ похвалу Собакевича о прокурорѣ. Ради исторической справедливости надо сказать, что г. Добросмысловъ очень грѣшитъ противъ истины, и, хотя дѣйствительно много попадало въ Туркестанскій край лицъ недобросовѣстныхъ, все же о дѣятельности большинства русскихъ труженниковъ, поработавшихъ на пользу края, надо сказать, что они съ честью несли на инородческую окраину и высоко держали тамъ знамя русской государственности, сдѣлавъ много по поднятію экономическихъ силъ страны, созданію промышленности, внесенію земледѣльческой культуры, изслѣдованію до того почти неизвѣстнаго края, и, наконецъ, по тѣсному приобщенію его къ остальнымъ областямъ имперіи. Не ихъ вина, что Туркестанъ остается еще въ какомъ-то изолированномъ положеніи, что многое задуманное на мѣстахъ на благо края остается безъ движенія въ Петербургѣ. Главнымъ тормозомъ широкаго преуспѣянія Туркестана является оставленіе его высшаго управленія въ рукахъ военнаго министерства, органа вовсе не приспособленнаго къ гражданскому управленію совершенно мирнаго края и способствующаго лишь сохраненію его обособленности.

Внимательное чтение книги г. Добросмылова, съ одной стороны, а съ другой—знакомство съ архивомъ канцеляріи генераль-губернатора и обширной исторической литературой о краѣ и дѣтеляхъ, посвятившихъ себя служенію Туркестану,—убѣждаютъ насъ, что г. Добросмыловъ совершенно не использовалъ предоставленнаго въ его распоряженіе архивнаго матеріала и мало ознакомился съ обширной литературой трактующихъ имъ вопросовъ.

Тѣсныя рамки журнальной рецензіи лишаютъ насъ возможности указать на рядъ промаховъ г. Добросмылова въ освѣщеніи дѣятельности цѣлаго ряда служившихъ по административному управленію и также общественныхъ работниковъ на нивѣ Туркестана; укажу лишь на наиболѣе крупные промахи.

Авторъ придерживается такой системы: если въ его распоряженіи нѣтъ никакого анекдота, которымъ онъ могъ бы опорочить того или иного дѣтеля, онъ вовсе о немъ умалчиваетъ, упоминая лишь его фамилію и дату его службы въ краѣ. Такъ, о крупной, незабвенной дѣятельности для края Н. И. Гродекова, особенно въ періодъ его десятилѣтняго управленія Сырь-Дарьинской областью, авторъ вовсе не упоминаетъ, между тѣмъ Н. И. Гродекову обязанъ очень многимъ и городъ Ташкентъ, которому посвящена монографія г. Добросмылова; энергичный, честный и свѣдущій администраторъ, съ свѣтлымъ умомъ, Н. И. Гродековъ сумѣлъ дать надлежащее направленіе дѣятельности ташкентскаго городского самоуправления, неустанно заботясь о насущнѣйшихъ нуждахъ города, развитіи школьнаго дѣла, санитарномъ благоустройствѣ и чистотѣ. Послѣ Гродекова городъ сталъ замѣтно падать въ отношеніи благоустройства. Н. И. край обязанъ былъ и энергичнымъ привлеченіемъ въ него русскихъ переселенцевъ. М. Г. Черняева, имя котораго дорого всякому русскому человѣку, г. Добросмыловъ рисуетъ какимъ-то беспросвѣтнымъ алкоголикомъ, изъ одной личной ненависти къ своему предмѣстнику, К. П. Кауфману, уничтожившимъ всѣ его добрыя начинанія для края. Особенно достается Черняеву за привозъ изъ Россіи многихъ лицъ для замѣщенія административныхъ постовъ въ краѣ на замѣну бывшимъ сотрудникамъ Кауфмана. Если бы авторъ ознакомился съ полнымъ захватывающаго интереса письмомъ Черняева на имя военнаго министра, находящимся въ архивѣ канцеляріи генераль-губернатора,—для него сдѣлалось бы понятнымъ многое въ дѣятельности Черняева, представились бы вполне заслуживающими уваженія тѣ мотивы, по которымъ онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ многихъ сотрудниковъ своего предмѣстника. К. П. Кауфманъ, человѣкъ выдающихся государственныхъ способностей и кристаллической честности, рыцарской порядочности, благодаря этимъ двумъ послѣднимъ свойствамъ своимъ, не допускалъ мысли, чтобы лицо, которое онъ почтилъ своимъ довѣріемъ, могло бы оказаться нечестнымъ и непорядочнымъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствительность его обманула, и большинство тѣхъ, о которыхъ г. Добросмыловъ приводитъ свои обличительные анекдоты, и были именно ближайшими сотрудниками К. П. Мы вовсе не хотимъ этимъ бросить какой-либо камень въ дѣятельность Кауфмана и умалить его значеніе для края, а упоминаемъ объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ историческомъ фактѣ; сама же дѣятельность Кауфмана по устройенію края является дѣйствительно безпримѣрной, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ

его взглядовъ, истинно государственныхъ, на задачи управленія краемъ; И о Кауфманѣ, отзываясь съ похвалою, г. Добросмысловъ не сказалъ того, что надлежало бы сказать, не привелъ яркихъ фактовъ дѣятельности К. П. по устроению Ташкента; между тѣмъ архивъ канцеляріи генераль-губернатора даетъ въ этомъ отношеніи богатѣйшій матеріалъ.

Часто, не приводя никакихъ доказательствъ въ пользу своей критической оцѣнки того или иного дѣятеля, авторъ незаслуженно даетъ отрицательный отзывъ. Такъ, объ одномъ изъ почтенныхъ дѣятелей управленія краемъ, о которомъ, какъ о честномъ, просвѣщенномъ труженикѣ всегда будутъ съ благодарностью вспоминать туркестанцы, авторъ говоритъ, какъ о какомъ-то безцвѣтномъ чиновникѣ, ничего не сдѣлавшемъ для края; я говорю о К. А. Несторовскомъ, имя котораго связано съ почтенными законодательными проектами, всесторонне освѣщающими разные вопросы управленія и неотложныя нужды края, оставшіеся до сихъ поръ проектами, благодаря полной неосвѣдомленности центрального органа управленія Туркестаномъ военного министерства о дѣйствительныхъ пользахъ и необходимыхъ реформахъ для края.

Большое количество анекдотовъ всякаго достоинства, которые приводитъ авторъ въ своей книгѣ о Ташкентѣ, свидѣтельствуетъ о желаніи г. Добросмылова использовать полностью этотъ матеріалъ, добытый имъ отъ ташкентцевъ-сторожиловъ. Такой матеріалъ вообще не отличается особой исторической цѣнностью, особенно если не проверенъ критически, а въ данномъ случаѣ цѣнность его особенно умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что источникомъ этихъ анекдотовъ былъ одинъ очень озлобленный и вмѣстѣ мало свѣдущій въ разныхъ фактахъ управленія краемъ чиновникъ, не особенно бойко двигавшійся по службѣ, хотя въ свое время много потрудившійся надъ собраніемъ и изученіемъ литературы о Туркестанѣ. Было бы лучше, если бы авторъ обратилъ больше вниманія не на анекдоты, полученные имъ изъ указанного источника, а на воспоминанія сторожиловъ, первыхъ ташкентцевъ, которыя дали бы ему картину того, какъ русскіе піонеры въ краѣ, встрѣчая самыя тяжелыя условія жизни въ малокультурномъ и мѣстами совершенно еще дикомъ Туркестанѣ, трудились надъ созданіемъ культурныхъ условій, создавали русскую школу, вводили русскую промышленность, работали надъ изученіемъ завоеваннаго края, о которомъ ранѣ имѣлись чисто баснословныя свѣдѣнія.

Очертивъ недостатки книги Добросмылова о Ташкентѣ, скажемъ и о положительныхъ ея сторонахъ: авторъ привелъ много цѣнныхъ свѣдѣній объ экономическомъ состояніи Ташкента, постепенномъ ростѣ бюджета города, исчерпывающія данныя о промышленныхъ въ немъ предпріятіяхъ.

Другой трудъ г. Добросмылова, о которомъ мы упомянули въ заголовкѣ настоящей рецензіи, заслуживаетъ большаго одобренія. Это, сколько намъ извѣстно, первая попытка дать свѣдѣнія о прошломъ городовъ Сыръ-Дарьинской области. Здѣсь авторъ болѣе объективно отнесся къ трактуемымъ имъ вопросамъ, снабдивъ свое изслѣдованіе весьма цѣнными данными о постепенномъ ростѣ или (къ сожалѣнію) упадкѣ городовъ Сыръ-Дарьинской области, составѣ населенія, административныхъ мѣропріятій по созданію городского управленія и дѣятельности по городскому благоустройству и хозяйству.

М.

А. В. Гавриловъ. Очеркъ исторіи петербургской синодальной типографіи. Выпускъ первый. 1711—1839. Спб. 1911. Стр. 2 нн. + IV + 401 + XLVI + 56. Цѣна не обозначена.

Изданный по поводу исполнившагося въ 1911 году 200-лѣтія со времени открытія первой въ Петербургѣ типографіи, которая 11-го мая 1711 года выпустила въ народъ первую свою печатную работу—«Реляцію 11-го апрѣля»,—«Очеркъ» А. В. Гаврилова, основанный главнымъ образомъ на архивныхъ данныхъ и къ тому же богато иллюстрированный портретами, рисунками и проч., довольно подробно рисуеъ намъ жизнь этого учрежденія до 1839 года, когда, по мнѣнію составителя, начинается пятый періодъ существованія типографіи, продолжающійся и до настоящаго времени.

Въ первый періодъ, до 1727 года, типографія, состоявшая первоначально изъ «одного станка съ гражданскимъ шрифтомъ», значительно разрослась и до 1720 года успѣла многое напечатать. Именовалась она тогда петербургскою типографіей и «государственною», а державный основатель ея называлъ «своею типографіею». Съ учрежденіемъ синода типографія переходитъ въ его вѣдѣніе, а въ 1727 году, по открытіи новыхъ типографій при сенатѣ и при академіи наукъ, совершенно закрывается, мастера и инструменты перевозятся обратно въ Москву. Съ 1735 года по 1752 годъ вновь заработали выписанные изъ Москвы печатные станки при святѣйшемъ синодѣ, исполнившіе за 17 лѣтъ лишь одну работу—славянскую Библию, извѣстную подъ названіемъ «Елизаветинской». Продолжительность печатанія объясняется еще тѣмъ, что одновременно велось и исправленіе Библии. Съ конца февраля 1764 года при синодальной канцеляріи опять заработали «два печатныхъ стана: одинъ церковной печати, другой гражданской», но уже въ началѣ 1767 г. должны были прекратить свою работу, при чемъ справщикъ Худяковъ, закончивъ печатаніе первой части «Бесѣдъ св. Іоакима Златоустаго на Бытіе», доносилъ: «а впредь на тѣхъ станахъ печатать нечего».

Въ 1773 году въ самомъ святѣйшемъ синодѣ заговорили о необходимости имѣть въ Петербургѣ типографію, которая и была расположена въ прежнихъ покояхъ нижняго этажа синодальной канцеляріи и открыла свои дѣйствія въ 1774 году. Имѣя большой запасъ славянскаго шрифта изъ московской синодальной типографіи, она гражданскую азбуку напечатала впервые лишь въ 1776 году. Всѣ работы типографіи до 1816 г. производились на трехъ деревянныхъ станкахъ, потомъ къ нимъ прибавили еще три, при чемъ самыя старыя замѣнили въ 1833 году тремя чугунными «новаго устройства». Въ 1835 году типографія переехала въ новое зданіе святѣйшаго синода, на Петровской площади, откуда переехала въ 1839 г. въ собственное зданіе на Кабинетской улицѣ, получивъ новыя штаты и полное оборудованіе принадлежностями типографскаго искусства. Въ настоящее время, благодаря дарованной самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго управленія, это одна изъ лучшихъ типографій въ Петербургѣ.

«Въ Очеркѣ» имѣются списки напечатанныхъ въ типографіи въ разное время «Книгъ и листовъ», а въ концѣ книги приложены указатели личныхъ именъ и предметовъ.

В. Р—въ.

Hermione Poltoratzky. Profils russes. Paris 1913. Стр. 316. Цѣна 3 фр. 50 сант.

Книжка, заглавіе которой мы выписали, распадается на четыре отдѣльныя статьи, не объединенныя какою-либо общей мыслью и какъ-то случайно нашедшія себѣ приютъ въ одной обложкѣ. Первая—наиболѣе длинная—даетъ біографію извѣстной княгини Зинаиды Волконской, воспѣтой Пушкинымъ. Далѣе слѣдуетъ очеркъ жизни графини Румянцовой, рожденной Матвѣевой, бывшей одно время метрессой Петра Великаго и впослѣдствіи вышедшей замужъ за петровскаго дѣятеля Румянцова—родоначальника графовъ Румянцовыхъ. Третій этюдъ посвященъ митрополиту Филиппу, погубленному Іоанномъ Грознымъ. Четвертый ведетъ насъ въ еще болѣе далекія времена русской исторіи и сообщаетъ сохранившіяся свѣдѣнія о Марѣѣ-посадницѣ.

Для русскаго читателя, особенно нѣсколько начитаннаго въ русской исторіи, эти этюды, конечно, не представляютъ ничего любопытнаго, но французскихъ руссофиловъ они, быть можетъ, и интересуютъ.

А. Б.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. VII. (XVI). «Некрополь». Стр. VII+204.—Томъ VIII (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамилій къ нему и къ родословцу (т. III, 1909 г.). Стр. IV+139+XLV.—Томъ IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе. Стр. XII+106.—Томъ X (XIX). Ополченіе 1812 года. Матеріалы. Дополненіе къ т. V (XIV). Стр. LV III+192+162. Цѣна не обозначена. Москва. 1912.

Изданные въ одинъ годъ четыре тома весьма цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи тульскаго дворянства его неутомимымъ историкомъ, достойнымъ преемникомъ Яблочкова, В. И. Чернопятовымъ, содержатъ въ себѣ немало новыхъ свѣдѣній и для общаго историка-біографа. Довольно цѣннымъ въ этомъ отношеніи является «Некрополь», составленный не только путемъ списыванія надгробныхъ надписей на монастырскихъ и церковно-приходскихъ кладбищахъ, но и посредствомъ опроса кладбищенскихъ настоятелей. Послѣдніе, а таковыхъ, къ счастью, было большинство, побуждаемые особымъ указомъ преосвященнаго Паренія, архіепископа тульскаго и бѣлевскаго, прислали, основываясь на метрическихъ записяхъ объ умершихъ и погребенныхъ, «списки, заполненные нѣсколькими десятками фамилій съ подробными о нихъ свѣдѣніями». Пытался составитель «Некрополя» привлечь и третій весьма важный источникъ для XVII—XVIII вѣковъ—синодики и вкладныя книги, хранящіяся въ тульской палатѣ древностей, но завѣдывающій послѣдней, Н. И. Троицкій, по совершенно непонятной причинѣ, не допустилъ его до этихъ матеріаловъ. Въ «Не-

крополь» вошло очень много именъ представителей и представительницъ тульского дворянства, погребенныхъ не только въ предѣлахъ Тульской губерніи, но и другихъ сосѣднихъ.

Еще въ 1909 году В. И. Черноплатовымъ былъ изданъ «Родословецъ» тульского дворянства въ шести частяхъ; въ настоящее время онъ представляетъ «добавочный» къ «Родословцу» съ общимъ къ нимъ указателемъ фамилій.

Въ «добавочный родословецъ» вошли краткія, сравнительно, но новыя свѣдѣнія о 580 фамиліяхъ, которыя по частямъ родословной книги распредѣляются такъ: въ VI части, куда вносятся старинныя владѣльческіе съ второй половины XVII вѣка роды,—265; во II и III частяхъ, т. е. выслуженныхъ чиновныхъ дворянскихъ фамилій—250 (поровну); въ V части—титулованныхъ—27 и въ I—жалованныхъ государемъ или владѣльческихъ съ первой половины XVIII вѣка—20.

Въ томѣ IX, озаглавленномъ «Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе», заключаются: во-первыхъ, списки князей удѣльныхъ (Новосильскихъ-Бѣлевскихъ, Одоевскихъ и Серпуховскихъ), воеводъ (городовыхъ, дозорныхъ и осадныхъ), тульскихъ архипастырей съ 1799 года, бывшихъ начальниковъ тульского намѣстничества и губерній съ 1777 по 1912 годъ, вице-губернаторовъ, предводителей дворянства и вообще дворянъ, служившихъ по выборамъ; затѣмъ, «вѣдомость пожертвованій тульского дворянства въ пособіе государству по надобности военнаго времени», «краткое географическое описаніе уѣздовъ, цѣнность земли и перечень ярмарокъ», «промыслы по селамъ и выписъ съ метрическихъ книгъ Петропавловской гор. Тулы церкви о родившихся съ 1780 по 1911 годъ»; наконецъ сюда же вошли—«пословицы, поговорки, присловья», относящіяся до туляковъ и собранныя авторомъ въ разное время; «народные праздники и обычаи» и «Тульский народный дневникъ», то и другое, заимствованное изъ рѣдкаго теперь изданія «Сказанія русскаго народа» И. П. Сахарова.

Въ 1910 году В. И. Черноплатовъ составилъ первый выпускъ «Ополченія 1812 года» тульского дворянства, гдѣ онъ представилъ данныя для оцѣнки боевой дѣятельности послѣдняго, основываясь, по преимуществу, на матеріалахъ, хранящихся въ московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба; въ настоящемъ второмъ выпускѣ, на основаніи данныхъ архивовъ тульского губернскаго правленія и дворянскаго депутатскаго собранія, сообщаетъ матеріалы по комплектованію ополченія и его содержанію, участію въ немъ духовнаго сословія и роспуску ополченцевъ. Матеріаламъ этимъ предпослано введеніе, гдѣ авторъ излагаетъ ихъ сущность. Въ видѣ приложеній помѣщены: фототипіи иконы Всемилостивѣйшаго Спаса и четырехъ сохранившихся знаменъ, планъ расположенія тульского ополченія подъ Данцигомъ, опись печатаемыхъ документовъ, вновь найденные формуляры офицеровъ ополченія, указатель фамилій, упоминаемыхъ въ этомъ трудѣ, и ревизскіе списки по шестой ревизіи. Послѣдніе, занимая чуть не половину книги, даютъ наиболѣе точный матеріалъ для опредѣленія состава тогдашняго дворянства и количества и названія дворянскихъ имѣній.

Съ внѣшней стороны книга издана весьма добросовѣстно. В. Р.—въ.

С. П. Сахаровъ. О предсоборномъ присутствіи. Труды 2, 3 и 4 отдѣловъ предсоборнаго присутствія. 1906 г. Витебскъ. 1912. Стр. 94.

Настоящая работа С. П. Сахарова является продолженіемъ напечатаннаго имъ въ 1910 году сочиненія, подъ заглавіемъ: «О предсоборномъ присутствіи. А. Подготовительныя работы къ созванію всероссійскаго собора. Б. Труды перваго отдѣла предсоборнаго присутствія»¹⁾.

Разбирая труды втораго отдѣла предсоборнаго присутствія—объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ въ русской церкви, объ организациі епархіальнаго управленія и о низшихъ органахъ епархіальнаго управленія, г. Сахаровъ даетъ краткія историческія свѣдѣнія объ образованіи митрополичьихъ округовъ вообще и переходитъ къ обсужденію весьма труднаго вопроса о томъ, желательно ли и необходимо ли введеніе у насъ системы областного управленія съ окружными соборами, при чемъ знакомитъ съ доводами какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ этой системы.

Говоря о современномъ положеніи православныхъ епископовъ, авторъ указываетъ на то, что, всѣ преосвященные единогласно утверждаютъ, что «нынѣшнее ихъ положеніе, мало благопріятное къ осуществленію идеала епископскаго служенія» (стр. 15), происходитъ, какъ вслѣдствіе бюрократическаго способа назначенія епископовъ, благодаря чему является полное отсутствіе духовной связи между пастыремъ и паствою, такъ въ особенности вслѣдствіе укоренившагося въ нашемъ церковномъ управленіи антиканоническаго обычая частаго перемѣщенія епископовъ съ одной каѳедры на другую «въ видѣ служебной промоціи» (Бердниковъ). Такъ, въ екатеринбургской епархіи, по свидѣтельству ея архипастыря, за двадцатилѣтній періодъ перемѣнилось десять архіереевъ. Результатомъ такой безпримѣрной въ исторіи церкви частой смѣны архіереевъ явилось глубокое отчужденіе паствы, особенно образованныхъ классовъ, отъ своихъ архипастырей и отъ самой церкви и вѣры, значительное паденіе епископскаго авторитета среди духовенства и народа.

Второй отдѣлъ, принявъ во вниманіе каноническія правила, запрещающія епископу переходъ съ одной каѳедры на другую, допустилъ таковое только въ исключительныхъ случаяхъ.

Весьма важною мѣрою для приближенія епископовъ къ народу второй отдѣлъ считаетъ также увеличеніе числа епархій, такъ какъ, при обширности нынѣшнихъ епархій, изъ которыхъ нѣкоторыя простираются на десятки тысячъ верстъ, съ миллионнымъ населеніемъ, о какой-либо живой и тѣсной связи между епископомъ и паствою не можетъ быть и рѣчи.

Весьма много вниманія удѣляетъ г. Сахаровъ обсуждавшимся во второмъ отдѣлѣ вопросамъ о реформѣ духовныхъ консисторій, объ епархіальныхъ сѣздахъ и благочинныхъ. Особенно важнымъ, по его мнѣнію, является вопросъ о реформѣ нынѣшнихъ духовныхъ консисторій. Важность этого вопроса явствуетъ

¹⁾ Одобрительные отзывы объ этой работѣ были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1911 г., № 12) въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», въ «Свѣтѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» и др.

изъ вполне справедливыхъ словъ протоіерея Буткевича, сказанныхъ имъ въ за-сѣданіи второго отдѣла 2-го мая 1906 года. Онъ сказалъ: «Если присутствіе рѣшить вопросъ о патріаршествѣ, введеть другія реформы, но оставить консисторіи, то оно ничего не сдѣлаетъ для церкви Божіей. А если и патріаршества и другихъ реформъ не введеть, но преобразуетъ консисторіи, то сдѣлаетъ великое благо для церкви».

Дальнѣйшая часть сочиненія С. П. Сахарова посвящена разсмотрѣнію трудовъ третьяго отдѣла предсоборнаго присутствія, занимающагося вопросомъ о реформѣ церковнаго суда, вызывающаго въ настоящее время цѣлый рядъ справедливыхъ нареканій. Современный консисторскій судъ—формальный, исключительно бумажный, лишенный всякой гласности, медленный и не всегда правый. Въ довершеніе всего наше церковное законодательство не имѣетъ до сего времени подробно разработаннаго церковно-суднаго устава.

Въ концѣ своего сочиненія г. Сахаровъ даетъ характеристику трудовъ четвертаго отдѣла предсоборнаго присутствія «о благоустроеніи прихода».

Необходимость оживленія приходской жизни въ настоящее время считается общепринятымъ положеніемъ. Всѣ лица, живо интересующіяся судьбами православной церкви и близко знакомыя съ ея жизнью, единогласно утверждаютъ: во-первыхъ, что приходъ нашъ находится въ упадкѣ, жизнь его идетъ вяло, въ немъ слабо развито народное просвѣщеніе, еще менѣе благотворительность, охлаждаетъ подъ вліяніемъ современныхъ теченій религіозное чувство, падаетъ нравственность прихожанъ и тому подобное; особенно осложняется положеніе прихода, когда рядомъ съ нимъ образовались и существуютъ самостоятельныя, признанныя закономъ 17-го октября 1906 года различныя инославныя старообрядческія приходскія общины; во-вторыхъ, что оживленіе прихода составляетъ краеугольный камень всей предпринимаемой церковной реформы. Совершенно справедливо полагаютъ, что, когда зацвѣтетъ жизнь въ приходахъ, отдѣльныхъ ячейкахъ, зацвѣтетъ весь организмъ св. церкви. Высказываясь за предоставленіе приходу правъ юридическаго лица, большинство епископовъ отрицательно отнеслось къ примѣненію выборовъ въ приходахъ и высказалось за существующій порядокъ назначенія священнослужителей по усмотрѣнію епископа. Съ такимъ мнѣніемъ большинства епископовъ согласился и четвертый отдѣлъ.

Особое вниманіе г. Сахаровъ обращаетъ на современное положеніе священника. При рѣшеніи вопроса о возрожденіи приходской жизни, говоритъ онъ, прежде всего возникаетъ вопросъ объ улучшеніи контингента священниковъ и тѣхъ тяжелыхъ жизненныхъ условій, въ кои поставлены нынѣ пастыри церкви съ самыхъ первыхъ дней принятія сана. Необходимость улучшенія положенія пастыря, по мнѣнію г. Сахарова, недостаточно отгѣнена въ работахъ четвертаго отдѣла (стр. 75).

Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, положеніе четвертаго отдѣла о восстановленіи древняго института діакониссъ, въ кругъ дѣятельности которыхъ должны входить заботы о чистотѣ храма, наученіи взрослыхъ грамотѣ и молитвамъ; но, главнымъ образомъ, діакониссы должны служить дѣлу приходской благотворительности.

Авторъ съ большимъ уваженіемъ относится къ трудамъ предсоборнаго присутствія и заканчиваетъ свой трудъ пожеланіемъ скорѣйшаго созыва помѣстнаго собора, который положить начало новому, свѣтлому періоду жизни нашей матери-церкви.

Весьма обстоятельное и объективное сочиненіе г. Сахарова заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся вопросомъ о церковной реформѣ въ Россіи.

Профессоръ М. Красноженъ.

И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX столѣтія. Опытъ библиографическаго пособія по новѣйшей русской литературѣ. Второе, переработанное и дополненное изданіе. Книгоиздательство «Наука». Москва. 1913. Стр. 243.

Хотя «Опытъ» г. Владиславлева неизмѣримо выше по выполненію разобраныхъ нами въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 28—29 выпусковъ «Исторіи русской литературы XIX вѣка» (изданіе «Мір»), по все же и про эту московскую работу приходится сказать со вздохомъ: что жъ, на безрыбьи и ракъ рыба! Все-таки вѣдь это первая попытка такой подробной систематизаціи скопившагося громаднаго, втуне пропадающаго богатства. Составитель ввелъ въ свой «Опытъ» русскую художественную литературу съ подраздѣленіемъ писателей на беллетристовъ и поэтовъ (драматурги, такимъ образомъ, посрамлены и унижены!), отдѣлъ критики и публицистики и отдѣлъ исторіи литературы. Авторы размѣщены въ каждомъ отдѣлѣ по алфавиту. Это составило первую и весьма значительную по объему часть «Опыта» (220 стр.). Во второй части—«систематическій указатель (по эпохамъ) въ связи съ историческими и историко-литературными матеріалами», начинающійся эпохою Александра I и кончающійся девятисотыми годами. По сравненію съ прежними работами этого рода въ «Опытъ» громадный шагъ впередъ. Едва ли ошибемся, сказавъ, что впервые пускается въ широкій оборотъ такая масса справочныхъ пособій, матеріаловъ біографическаго характера и, что замѣчательно и досталось г. Владиславлеву, вѣроятно, съ немалымъ трудомъ, это—указаніе рецензій на предлагаемыя книги и статьи. Конечно, при такой кропотливой работѣ умолчанія и случайные пропуски вполне возможны; мы скажемъ обо всемъ примѣченномъ нами въ концѣ настоящаго отзыва. А сейчасъ хочется поспорить принципиально.

Прежде всего. Что понимаетъ составитель подъ словомъ литература? Все то же: это исторія общественныхъ идей, социально-политическихъ теченій, «связь литературы съ жизнью», и т. д., и т. д., все то, въ чемъ литература, если понимать ее какъ исторію развитія художественныхъ формъ, нѣтъ ни капли! Отсюда рядъ методологическихъ ошибокъ. Таковы: наивное дѣленіе литературы по «эпохамъ» различныхъ царствованій и просто по десятилѣтіямъ (впечатлѣніе такое: кому голову, кому ноги отрубили!); неудачное дѣленіе на «беллетристовъ» и поэтовъ (многіе беллетристы писали и пишутъ стихи, а поэты—беллетристику); въ римскомъ правѣ лицо, сомнительное въ смыслѣ

своего пола, относили къ тому полу, *quae in eo praevalet*, но признаки фзіологическіе, несомнѣнно, болѣе точны,—въ области же литературы такими дѣленіями достигается лишь совершенно субъективное отношеніе къ ней); указаніе въ качествѣ критическихъ пособій, «вообще говоря, тѣхъ трудовъ, которые стараются связать литературу съ жизнью, со всѣми происходящими въ ней измѣненіями и общественными перегруппировками» (это правило совершенно противорѣчитъ всякому объективизму, потому что составитель, можетъ быть, даже не сознавая самъ, отдаетъ предпочтеніе не работамъ строгимъ въ ученомъ смыслѣ, а инымъ, тѣмъ, гдѣ больше связей съ жизнью, хотя «связь съ жизнью» вовсе еще не ручательство за доброкачественность исполненія, а скорѣе наоборотъ: ручательство за тенденціозность).

Странное дѣло, заимствуя многое множество вещей съ Запада и отплевываясь потомъ отъ нихъ, мы рѣдко умѣемъ использовать то хорошее, что тамъ есть. Какъ удобно и изящно составленъ, на примѣръ, указатель А. Bartels'a «*Handbuch zur Geschichte der Deutschen Literatur*»! А между тѣмъ никакихъ особенныхъ новшествъ въ немъ нѣтъ. Эпохи слѣдуютъ за эпохами, алфавитный порядокъ избѣгнуть распредѣленіемъ писателей по ихъ литературнымъ направленіямъ, и читатель не встрѣтитъ такихъ, рѣжущихъ глазъ соединеній, какъ С. Т. Аксаковъ и Айзманъ, Гиппіусъ и Гоголь, Дорошевичъ—Достоевскій—Дымовъ, Карамзинъ и Анатолій Каменскій... Читатель не встрѣтитъ въ заграничныхъ изданіяхъ и пропуска неугодныхъ составителю отдѣльныхъ писателей и литературныхъ школъ, представленныхъ ихъ журналами (на примѣръ, Ин. Ѳ. Анненскаго, М. А. Кузмина, К. И. Чуковскаго; журналовъ «Міръ Искусства», «Золотое Руно», «Переваль», «Аполлонъ»). Не попадутъ ни въ коемъ случаѣ въ XIX вѣкъ Новиковъ и Радищевъ. Не будетъ и такихъ случайныхъ промаховъ, какъ, на примѣръ, помѣстивъ Ратгауза и Рафаловича, пропустить графиню Ростопчину и Каролину Павлову, Бенедиктова, И. Козлова, Теплякова и другихъ, чтобы, помѣстивъ Дм. Цензора, пропустить поэтовъ Сергѣя Соловьева или Б. Садовскаго и даже А. Рославлева! Не будутъ, конечно, пропущены и статьи изъ «Русскаго Біографическаго Словаря», статьи большей частью весьма цѣбныя. Наконецъ, навѣрное, не будетъ той безчисленной массы опечатокъ, которыми полна книга, составленная г. Владиславлевымъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ (стр. 241): «Журналъ для всѣхъ» вовсе не превращался съ 1909 года въ «Жизнь для всѣхъ»—это два разные совершенно органы.

Вл. Кн.

**Peasant art in Russia. Special autumn number of the «Studio» 1912.
Слб. Вольфъ. Ц. 3 р. 50.**

Извѣстный художественный англійскій журналъ «The Studio» предпринялъ минувшей осенью изданіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ номеровъ, посвященныхъ народному искусству разныхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи. Русскій номеръ распадается на четыре отдѣла: народное искусство великороссовъ, малороссовъ, поляковъ и литовцевъ. Каждой изъ этихъ отраслей искусства посвященъ

особый очеркъ, въ которомъ очерчиваются тѣ бытовья явленія, которыя вызвали появленіе тѣхъ или иныхъ художественныхъ предметовъ. Очеркъ о великорусскомъ искусствѣ принадлежитъ перу княгини Эристовой и госпожи Шабельской, о малороссійскомъ искусствѣ далъ нужныя свѣдѣнія г. Вилашевскій, о Польшѣ Вавженецкій, о Литвѣ—Бренштейнъ. Изданіе богато иллюстрировано прекрасными снимками съ предметовъ народнаго искусства, снятыми главнымъ образомъ съ коллекцій графини Эристовой, госпожи Шабельской, графа А. Бобринскаго и другихъ собирателей, а также съ предметовъ, хранящихся въ музеѣ императора Николая II въ Киевѣ. Нѣкоторые снимки исполнены въ краскахъ и съ технической стороны не оставляютъ желать ничего лучшаго. По богатству и разнообразію матеріала это изданіе представляетъ какъ бы энциклопедію русскаго народнаго искусства и положительно необходимо тамъ, гдѣ есть надобность въ ближайшемъ ознакомленіи съ этой отраслю народнаго творчества.

А. В.

Н. П. Кашкинъ. Этюды объ Островскомъ. Томъ II. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. М. 1913. Стр. 420. Цѣна 2 р.

Главное содержаніе настоящаго втораго тома «Этюдъ объ Островскомъ» Н. П. Кашкина ¹⁾ составляютъ его подробныя научныя изслѣдованія рукописей тѣхъ произведеній великаго драматурга, которыя создались въ первый періодъ его дѣятельности, включая сюда и драму «Гроза», окончательно упрочившую славу ея автора. Здѣсь имъ рассмотрѣны одиннадцать произведеній Островскаго: 1) «Семейная картина» («Исковое прошеніе»); 2) «Свои люди—сочтемся», 3) «Бѣдная невѣста», 4) «Не въ свои сани не садись», 5) «Бѣдность не порокъ», 6) «Не такъ живи, какъ хочется», 7) «Въ чужомъ пиру похмелье», 8) «Не сошлись характерами», 9) «Воспитанница», 10) «Гроза» и 11) «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Часть этихъ этюдъ уже была напечатана въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности» за 1908—1910 гг., но пять изъ нихъ впервые появляются въ печати, а именно: «Не въ свои сани не садись», «Не такъ живи, какъ хочется», «Воспитанница», «Гроза» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».

Отмѣтимъ наиболѣе крупныя и интересныя выводы, къ которымъ пришелъ авторъ послѣ детальнаго изученія рукописей. Комедія «Свои люди—сочтемся», сначала названная «Банкротъ», заключала въ себѣ пять актовъ. Потомъ уже авторъ раздѣлилъ ее на четыре акта, хотя матеріалъ остался тотъ же: онъ только уложилъ его въ другія рамки. Такимъ образомъ, первоначальный планъ комедіи былъ переработанъ. Личности двухъ главныхъ персонажей, Подхалюзина и Большова, создавались постепенно.—Комедія «Бѣдная невѣста» создавалась по различнымъ планамъ и имѣла четыре редакціи. Въ третьей редакціи она была напечатана въ «Москвитинѣ», а четвертую составляетъ текстъ изданія графа Куселева-Везбородка, окончательно

¹⁾ По поводу перваго тома «Этюдъ» см. нашъ отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1912 г., № 5, стр. 667—669.

установившійся. Комедія эта, по своемъ появленіи вызвала рядъ критическихъ статей, изъ которыхъ статья И. С. Тургенева и неизвѣстнаго автора изъ «Отечественныхъ Записокъ» оказали свое вліяніе на драматурга. Послѣднее Н. П. Кашкинъ усматриваетъ особенно въ разборѣ комедіи «Не въ свои сани не садись», первоначально озаглавленной: «Отъ добра добра не ищутъ». «Какъ показывается,—читаемъ на страницѣ 133,—сопоставленіе текстовъ, переработка перваго печатнаго текста комедіи свелась къ значительному его сокращенію. Повидимому, Островскій не остался глухъ къ указаніямъ критики, которая упрекала его въ томъ, что дѣйствующія лица его комедіи часто повторяются, и выбросилъ многія фразы, показавшіяся ему теперь излишними. Въ виду этого же онъ сократилъ и цѣлыя «сцены». Наиболеѣ лучший и установившійся текстъ послѣдней редакціи, вошедшей въ изданіе графа Кушелева-Безбородка (1859 г.). «Дѣйствующія лица комедіи сложились у автора сразу: только въ рѣчахъ Русакова наблюдаются вставки, представляющія болеѣ обстоятельную характеристику его взглядовъ, да рѣчь Вихорова не легко давалась автору».

«Судя по собственноручнымъ отмѣткамъ Островскаго, комедія «Вѣдноть не порокъ» задумана 10-го іюля 1853 года и начата 22-го августа того же года». Въ печати появилась въ 1854 году. Первоначально она имѣла заглавіе «Гордымъ Богъ противится», находящееся, быть можетъ, въ связи съ именемъ главнаго лица комедіи—Гордѣя Карпыча, которое, кстати сказать, далось автору не сразу.

Драма «Не такъ живи, какъ хочется» была начата въ августѣ 1854 года. Существуютъ три редакціи драмы. Въ первой она озаглавлена «Божье крѣпко, а вражье лѣпко», предполагалась въ пяти актахъ, но написано было всего только первое явленіе да начало втораго (первый актъ). Дѣйствіе происходитъ въ XVII столѣтіи въ одномъ изъ большихъ городовъ на Волгѣ. Вторая редакція—текстъ «Москвитянина», гдѣ драма была напечатана. вмѣсто пяти актовъ всего только три, и дѣйствіе перенесено въ Москву въ концѣ XVIII столѣтія. Третья редакція это текстъ изданія графа Кушелева-Безбородка; отличительная особенность ея—сцена галлюцинаціи.

23-го іюля 1855 года была задумана комедія подъ названіемъ «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». 28-го іюля она была начата и тогда же ей было дано настоящее заглавіе: «Въ чужомъ пиру похмелье». Первоначальный текстъ комедіи былъ конченъ авторомъ, вѣроятно, къ шестому или седьмому августу. Затѣмъ текстъ былъ пересмотрѣнъ и въ него внесены поправки. «Авторъ немало потрудился надъ своей комедіей: не сразу далась ему рѣчь ея персонажей, да и самыя образы ихъ не сразу отлились въ окончательную форму». Въ февралѣ 1856 г. Островскій задумываетъ пьесу: «Приданое. Семейныя сцены». Въ первой редакціи она состоитъ изъ двухъ сценъ. «Неизвѣстно, почему авторъ оставилъ драматическую обработку сюжета и принялся за повѣствовательную. Онъ начинаетъ повѣсть, которой даетъ заглавіе: «Не сошлись характерами», и которая осталась неоконченной: работа надъ ней ограничилась тремя главами. Авторъ, повидимому, долго не возвращался къ своему труду. Но, разъ возвратившись къ нему, онъ быстро (13—29-го ноября 1857 г.) началъ и кон-

чилъ его. Во второй редакціи пьеса носитъ уже заглавіе: «Не сошлись харак-
терами».

12-го іюля 1855 года была задумана драма въ двухъ дѣйствіяхъ «Воспитан-
ница», но уже 13-го іюля мысль о ней была оставлена. Только 15-го апрѣля
1858 года драматургъ снова возвратился къ ней, 14-го августа приступилъ
къ ея созданію, а 7-го декабря уже окончилъ ее, придавъ новое заглавіе:
«Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезы». (Картины деревенской жизни). «Всѣ дѣй-
ствующія лица сложились у автора окончательно, повидимому, уже къ на-
чалу работы, во время писанія текста вносились или выбрасывались только
нѣкоторыя мелкія детали. Текстъ неоднократно подвергался передѣлкѣ, и
во время такого пересмотра, при перепискѣ набѣло, заглавіе «Кошкѣ игрушки,
а мышкѣ слезы» было замѣнено первоначальнымъ «Воспитанница».

Наконецъ драма «Гроза», не только окончательно утвердившая славу
автора, но и составившая эпоху въ исторіи русской драмы, была начата въ
іюлѣ 1859 г. и окончена 9-го октября того же года. Первоначальный планъ ея
впослѣдствіи подвергся измѣненіямъ въ своихъ подробностяхъ. Согласно
этому плану, драма должна была начаться съ разговора Кулибина о громо-
отводахъ. «Измѣнивъ этотъ планъ, авторъ пишетъ вновь первое явленіе пер-
ваго дѣйствія, но, повидимому, оставшись недоволенъ написаннымъ, пишетъ
его снова. Однако и этотъ текстъ его вполне не удовлетворилъ, хотя онъ напи-
салъ еще два слѣдующихъ явленія. Начавъ новое (ставшее теперь 5) явле-
ніе, авторъ прерываетъ работу и пишетъ опять первое явленіе перваго
дѣйствія, и теперь уже работа продолжается безъ такого рода перерывовъ.
Текстъ, конечно, подвергается передѣлкамъ, которыя имѣютъ цѣлью то обра-
ботать рѣчь дѣйствующихъ лицъ, то дополнить ихъ характеристику, то внести
тѣ или другія подробности для болѣе полного изображенія жизни... Въ об-
щемъ должно сказать, что, когда авторъ приступилъ къ письму, у него ха-
рактеръ его персонажей уже опредѣлился, и если онъ что дополнял потомъ,
такъ только затѣмъ, чтобы ярче подчеркнуть тѣ или другія черты ихъ харак-
тера... Рукопись «Грозы», между прочимъ, свидѣтельствуетъ, что Островскій
даже одно явленіе писалъ по частямъ... Закончивъ драму, авторъ снова пере-
смотрѣлъ ее, и въ результатъ получилось нѣсколько мелкихъ поправокъ,
которыя, повидимому, были внесены уже въ бѣловую рукопись, съ которой
драма печаталась» (стр. 360—361).

Въ концѣ книги помѣщены «приложенія», куда вошли по новымъ рукопи-
сямъ и съ новыми вариантами слѣдующія произведенія Островскаго: «Исковое
прошеніе», «Двѣ народныя пѣсни», «Не сошлись характерами» и отрывокъ
изъ «Грозы» (дѣйствіе первое).

Съ виѣшней стороны книга издана безукоризненно.

В. Рудаковъ.

André Lirondelle. Shakespeare en Russie. 1748—1840. (Etude de littérature comparée). Paris. Hachette. 1912. Pp. 243. Prix 5 francs.

Профессоръ лилльскаго университета г. Андре Лиронделль весьма основательно занялся изученіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ области русской литературы. Недавно онъ выпустилъ объемистый томъ, посвященный біографіи и творчеству графа Алексѣя Толстого. Второй его этюдъ, заглавіе котораго мы выписали, изслѣдуетъ распространеніе въ Россіи Шекспира и оказанное имъ вліяніе на русскую литературу.

Шекспировская библиографія въ настоящее время разработана исчерпывающимъ образомъ въ пятомъ томѣ собранія сочиненій Шекспира, изданнаго подъ редакціей С. А. Венгерова въ «Библіотекѣ великихъ писателей» Брокгауза и Ефрона. Тема же о вліяніи Шекспира на русскую литературу была разработана русскимъ ученымъ Тимофеевымъ въ его книжкѣ «Вліяніе Шекспира на русскую драму», вышедшей въ 1887 г. При подобныхъ условіяхъ автору, казалось, остается только повторяться. Но г. Лиронделль съ честью вышелъ изъ затрудненія. Будучи начитанъ въ литературѣ воспоминаній, мемуаровъ, переписокъ, онъ не полѣнился порыться и въ старинныхъ русскихъ журналахъ, гдѣ говорилось о Шекспирѣ, и такимъ образомъ далъ полный сводъ того, что писалось на Руси о великомъ британскомъ поэтѣ, начиная отъ перваго замаскированнаго его вліянія на Сумарокова и кончая увлеченіемъ имъ, которымъ отмѣчены сороковые годы прошлаго вѣка.

Послѣ работы Лиронделля едва ли можно будетъ сказать что-нибудь новое по этому вопросу, и новый сравнительно литературный этюдъ не безъ интереса прочтется поклонниками Шекспира въ трехъ странахъ: Англіи, Франціи и Россіи.

А. В.

А. В. Амфитеатровъ. Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Томъ III. Цезарь-артистъ. Спб: 1913. Стр. 504. Ц. 1 руб. 50 коп.

Новый томъ обширнаго труда г. Амфитеатрова производитъ гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ предшествующій, о которомъ своевременно былъ данъ отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Именно авторъ только весьма рѣдко и притомъ съ значительнымъ колебаніемъ упоминаетъ здѣсь подробно развитую во второмъ томѣ несчастную гипотезу о томъ, что произведенія Тацита принадлежатъ собственно гуманисту Поджіо Браччолини. Первая глава носитъ названіе «Нерони». Такъ именовались игры, устроенныя Нерономъ въ свою честь. Но, по своему обыкновенію, г. Амфитеатровъ говоритъ здѣсь и о многомъ другомъ, между прочимъ весьма подробно объ августалахъ, этюдъ о которыхъ, подъ заглавіемъ «Черная сотня античнаго Рима», былъ напечатанъ ранѣе въ «Современникѣ» (1911 г., книга 6). Вообще видно, что эта глава спита изъ отдѣльныхъ кусочковъ, которые печатались разновременно и органически вмѣстѣ не слиты, чѣмъ и объясняются многократныя повторенія въ ней. Впрочемъ, этотъ недостатокъ присущъ и всей книгѣ. Вторая глава

(«Театръ и толпа») перепечатана съ нѣкоторыми дополненіями изъ сборника «Антяки» (С.-Петербургъ, 1909 г.). Авторъ стремится доказать здѣсь развращающее вліяніе театра на общество, въ параллель съ Руссо, утверждавшимъ, что «ю своей, такъ сказать, празднои сущности театръ очень мало можетъ способствовать къ тому, чтобы исправить нравы, и очень легко къ тому, чтобы ихъ испортить». Хорошо знакомый съ современной сценой, г. Амфитеатровъ чувствуетъ себя въ этой главѣ совершенно въ своей сферѣ, постоянно подыскивая къ античнымъ явленіямъ современныя параллели, при чемъ иногда доходитъ до излишества. Этотъ недостатокъ чрезмѣрнаго сближенія древности съ современностью онъ, впрочемъ, признаетъ и самъ, говоря: «Меня часто упрекаютъ въ томъ, что, когда я наблюдаю современность, я думаю о древнемъ Римѣ, а когда пишу о древнемъ Римѣ, не могу отстать отъ мыслей о современности, что вноситъ въ мое историческое изложеніе «фельетонность». Указавъ на значительную развращенность античныхъ пьесъ, авторъ доказываетъ въ слѣдующей главѣ («Общественная невоздержность»), что эта развращенность вполне соответствовала запросамъ и стремленіямъ тогдашняго общества. Дальше авторъ переходитъ къ обзору событій правленія Нерона, начиная съ смерти его воспитателя Бурра, когда исчезаютъ послѣднія опоры конституціонной партіи и императоръ все болѣе и болѣе проявляетъ самый грубый деспотизмъ (глава четвертая—«Паденіе конституціонной партіи»), варварски расправляясь съ другими претендентами на престолъ (глава пятая—«Рубеллій Плавтъ») и даже съ женой своей Октавіей, мѣшавшей его браку съ Понпеей Сабиной (глава шестая—«Октавія»), чтобы предаться въ концѣ концовъ разнузданной оргіи разврата, идущей рука объ руку съ его сценическими увлеченіями (глава седьмая—«Оргія»).

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе любопытной книги г. Амфитеатрова, написанной такъ же живо и хлестко, какъ и два предшествующіе тома. Разбирать ее по существу очень трудно. Авторъ обезоруживаетъ своего критика заявленіемъ въ предисловіи, что «по техническимъ условіямъ» онъ держалъ только одну корректуру книги. Видимо, г. Амфитеатровъ перечелъ массу книгъ для своего изслѣдованія; онъ прямо забрасываетъ читателя массой (болѣе сотни) именъ, какъ русскихъ, такъ особенно иностранныхъ ученыхъ. И очень часто послѣ какой-нибудь фразы текста стоитъ въ скобкахъ Буассье, Видемейстеръ, Марквардтъ или тому подобное ученое имя. Конечно, такія голословныя ссылки представляютъ лишній балластъ, такъ какъ никто не станетъ для провѣрки одной цитаты перелистывать одну, а иногда даже и нѣсколько книгъ съ сотнями страницъ. Гораздо хуже то, что авторъ иногда цѣликомъ переводитъ рядъ страницъ изъ какого-нибудь пространнаго сочиненія и среди нихъ, послѣ какой-нибудь отдѣльной фразы, вставляетъ имя этой книги, какъ бы приписывая остальной текстъ себѣ. Такъ именно поступилъ г. Амфитеатровъ съ сочиненіемъ, которымъ онъ весьма усердно пользуется на всемъ протяженіи настоящаго тома, а именно: «P. Lacombe, La famille dans la société romaine» (Paris, 1889); содержаніе этой книги было пересказано покойнымъ Ремезовымъ въ «Русской Мысли» (1889, книга 2 и 3). Изъ Лакомба г. Амфитеатровъ переводитъ даже явныя несообразности, какъ, на-

примѣръ, на страницѣ 255: «Марціалъ, въ стихахъ уже совершенно не для дамскаго чтенія, клянется, что пляски кадиксанокъ (т.-е. испанскихъ гитанъ) могли бы совратить съ пути истиннаго даже святого», сравни Lacombe, стр. 271: «*Martial, à qui je renvoie le lecteur masculin (et celui-là seulement), dit qu'elles auraient fait damner un saint*». Но какіе же святые могутъ быть у язычниковъ-римлянъ? Въ оригиналѣ у Марціала здѣсь стоитъ Ипполитъ, отвергнувшій ласки своей мачехи Федры.

Наконецъ, цитируемая авторомъ литература въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляется совершенно устарѣлой, поэтому г. Амфитеатрову приходится иногда вести борьбу съ вѣтряными мельницами, полемизируя по вопросамъ давно рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, какъ, напримѣръ, о времени жизни сатирика Петронія. Изъ ряда мелкихъ промаховъ, можетъ быть, не корректурнаго свойства, укажу, напримѣръ, что на стр. 113 вмѣсто Эмилиа Проба надо читать Корнелій Непотъ; на стр. 165 авторъ переводитъ *vestibulum* черезъ «прихожая», тогда какъ такъ называлось мѣсто предъ входной дверью; дошедшая до насъ сатира Сульпиція не имѣетъ ничего общаго съ произведеніемъ эпохи Домиціана (стр. 249); подвязокъ римскія дамы не носили, а, стало быть, не могли ими и хвастать (стр. 252) и т. д. Корректурa книги, какъ и слѣдовало ожидать, неважная, и такія опечатки, какъ, напримѣръ, на стр. 342 гинекологическое, вмѣсто генеалогическое, далеко не рѣдкость.

А. М.—въ.

А. А. Суворинъ (Алексѣй Порошинъ). Новый человекъ. Изданіе книгоизд. «Новый человекъ» (П. Д. Успенскаго). Спб. 1913. Стр. 394+136. Съ 65 рисунками и чертежами. Цѣна 2 р. 25 коп.

«Новый человекъ!» Погоня за новизной, за новыми словами—болѣзнь нашего нервнаго вѣка. Новая религія, новая нравственность, новое искусство... Слишкомъ много новаго! Но, увы, это новое сплошь и рядомъ оказывается не законмѣрной фазой эволюціи человечества, гармонически связанной съ общимъ ходомъ прогресса, а лишь скоропреходящей модой, жалкой выдумкой, бесплодными потугами раздраженнаго ума, и отцвѣтаетъ, не успѣвъ расцвѣсть, отмираетъ, какъ поденка, «не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной, ни геніемъ начатаго труда». Вѣднѣй современнѣй человекъ, не желающій отстать отъ вѣка, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится между этими новыми словами, но не успѣетъ усвоить одно, глядь—на смѣну ему пришло уже другое. Съ недоумѣніемъ поэтому берешь въ руки толстый томъ. Что такое «новый человекъ»? Да развѣ человекъ не старъ настолько же, насколько старо человечество? Развѣ еще въ утробѣ матери не вмѣщаетъ онъ въ себѣ всѣ плюсы и минусы рода людскаго, начиная съ Адама или нашего четверорукаго предка, по Дарвину? Развѣ человечество не находится въ состояніи постоянной эволюціи? Гдѣ же грань между «новымъ» человекомъ и старымъ и чѣмъ отличается одинъ отъ другого? Недоумѣнные вопросы роются ползуть въ голову читателя, и не разрѣшаютъ ихъ и предисловіе, къ которому онъ спѣшитъ обратиться

въ надеждѣ найти въ немъ *profession de foi*, такъ сказать, автора. Авторъ говоритъ здѣсь: «Обыкновенно только къ пятидесяти годамъ люди начинаютъ видѣть, какъ имъ слѣдовало жить ихъ жизнь. Часто они принимаются за мемуары и рассказываютъ свои ошибки, забывая, что польза отъ этого ихъ читателямъ очень небольшая,—тѣ обстоятельства, въ которыхъ эти ошибки творились и въ которыхъ ихъ можно было бы теперь избѣжать, уже давно въ прошломъ и не повторятся, а для новыхъ обстоятельствъ нуженъ и новый умъ. Помоему, лучше, если бы вмѣсто мемуаровъ люди рассказывали, чѣмъ они начали бы жить и чѣмъ заниматься теперь, если бы жизнь ихъ начиналась теперь же, въ эти дни, а опытъ и знаніе былъ бы—всей дѣйствительно прожитой жизни». Замѣтимъ здѣсь попутно, въ скобкахъ, что мы позволимъ себѣ не согласиться съ высказаннымъ взглядомъ на значеніе мемуаровъ, если они, конечно, имѣютъ не личный только, но и общественный интересъ. Невозможно отрицать громадное значеніе мемуаровъ, какъ одного изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ источниковъ для исторіи, главнѣйше для исторіи общественности, быта. Что стала бы также дѣлать безъ нихъ богатая отрасль печати—историческая журналистика, чѣмъ бы стала существовать хотя бы «Историческій Вѣстникъ», который съ такимъ успѣхомъ тридцать четыре года издавалъ незабвенный отецъ почтеннаго автора? Извиняясь за отступление, сдѣланное въ защиту интересовъ журнала, въ которомъ я имѣю честь сотрудничать, обратимся къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ къ пятидесяти годамъ своей жизни извѣстный публицистъ, давно знакомый, подъ именемъ Алексѣя Порошина, нашей читающей публикѣ.

Недовѣрія и недоумѣнія скептически настроеннаго читателя первыя главы не разсѣиваютъ. Авторъ говоритъ здѣсь о здоровьи и тѣлѣ человѣка, о системахъ укрѣпленія тѣла по Мюллеру и Анохину, о ритмической гимнастикѣ, о преимуществахъ вегетаріанства передъ убойнымъ питаніемъ, о пользѣ голоданія, о новыхъ жилищахъ, о кооперации и т. д. Все это прекрасно, но при чемъ же тутъ «новый человѣкъ»? И сильно придется пожалѣть читателя, если онъ, не давъ себѣ труда самому синтезировать мысль автора,—по знакомству ли съ затронутыми темами, или утомленный кажущимся эклектизмомъ содержанія, отложить книгу и лишитъ себя удовольствія познакомиться съ одной изъ рѣдкихъ, яркихъ книгъ, появившихся за послѣдніе годы. Вотъ блистаетъ мысль, сверкающая, какъ молнія, кристально-ясная, захватывающе-глубокая, и при свѣтѣ ея стаповится ясенъ и увлекателенъ замыселъ автора, отпадаетъ напрашивавшійся упрекъ въ эклектизмъ, въ хаотичности, и читатель видитъ, какъ стройно связаны единой идеей всѣ части книги.

Темы, которыхъ касается авторъ, такъ близки каждому мыслящему человѣку, рождаютъ такую бездну мыслей, затрагиваютъ такіе глубокие вопросы и запросы нашего духовнаго бытія, что трудно оторваться отъ чтенія, не хочется отвести взоръ отъ горизонтовъ, открываемыхъ книгой. Что же такое представляетъ собою «новый человѣкъ», въ чемъ его отличіе отъ стараго и какъ онъ проявитъ себя? «Безсиліе увидѣть Вѣчное,—говоритъ авторъ,—увидѣть то Живое Начало Бытія, отъ котораго начался и человѣкъ и которое мы называемъ Богомъ,—это безсиліе и составляетъ органическую муку всего существа нынѣшняго

человѣка». «Онъ потерялъ пути къ Богу, къ полнотѣ своихъ духовныхъ силъ и напряженно ищетъ ихъ». «Онъ хочетъ знать Бога». Но авторъ не хочетъ допустить и мысли, что первородный грѣхъ отдѣлилъ человѣка отъ Божества, «онъ просто еще не доросъ до прямого общенія съ Божествомъ. А средства къ этому у него непремѣнно должны быть, ибо иначе—какъ и на что могъ бы онъ получить такое ясное и яркое сознание бытія Божія?!» Средство найти путь къ Божеству—«путь новый и прямой»—авторъ видитъ въ знаніи, въ противоположность пути старому—морали, пути, хоть и «вѣрному, но кружному». «Въ нашихъ западныхъ религіяхъ,—говоритъ онъ,—поражающее отсутствіе знанія. Одна мораль и молитва, т.-е. прошенія о помощи. Практическая часть морали и «путь спасенія» западныхъ религій состоитъ въ борьбѣ съ грѣхомъ». Но «Богъ есть Богъ бытія, а не морали. Въ Немъ все абсолютно, а въ морали все относительно». Мораль есть прозрѣніе въ состояніе будущаго міра, и пока она будетъ только догадкой, она будетъ малосильна надъ человѣчествомъ, но она сдѣлаетъ изъ него народъ боговъ, когда станетъ знаніемъ. А знаніемъ она станетъ, когда человѣкъ увидитъ Бога. Поэтому «человѣкъ долженъ понять себя и стать въ духѣ своемъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть—безъ всякихъ степеней совершенства».

Развитію этого ученія, «мистическаго безъ мистики», по выраженію автора, и посвящено его сочиненіе, причѣмъ онъ строитъ свои выводы не на одной умозрительной философіи, но на фундаментѣ авторитетныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ древнихъ индійскихъ ученіяхъ онъ нашелъ подтвержденіе своимъ взглядамъ, и потому отводитъ ихъ изложенію широкое мѣсто.

Итакъ, чтобы приблизиться къ Божеству, человѣкъ долженъ понять себя, сознать, что его духъ и тѣло—лишь проявленія единой вѣчной высшей жизни. «Все въ мірѣ—Богъ, все въ мірѣ живетъ», по пантеистическому ученію индуистской философіи, подтверждаемому и новѣйшей наукой. Отсюда—не должно быть у человѣка презрѣнія къ тѣлу; только сдѣлавъ его здоровымъ, совершеннымъ, освободивъ его отъ наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ пороковъ, человѣкъ положить начало и раскрѣпощенію духа. «Многое въ жизни для васъ переменится съ того времени, когда вы, обращаясь въ глубь вашего самочувствія, вникнете во внутреннія ощущенія вашего физическаго тѣла... Вамъ станетъ открываться глубокое въ жизни не только вашего тѣла, но и духа... И, можетъ быть, впервые вы ощутите реально всѣмъ сознаніемъ вашимъ, что вы—въ духѣ, а не въ тѣлѣ, которое есть лишь оболочка духа, послушная ему. Вотъ для чего стоитъ заниматься и своимъ тѣломъ: оно лежитъ первой ступеню по дорогѣ вашей внутрь вашего духа». Поэтому почти треть своего труда авторъ отводитъ подробному разсмотрѣнію вопроса, какъ человѣку устроить разумное, достойное, освобождающее его отъ праха и тлѣна земныхъ путь и заботъ существованіе. Онъ излагаетъ здѣсь различныя системы укрѣпленія тѣла (Мюллера, Анохина, Далькроза); разсмотрѣвъ всѣ мнѣнія авторитетовъ, рѣшаетъ проблему питанія въ пользу вегетарианства, раскрѣпощающаго женщину отъ «грязной кухни» и возвращающаго ее всецѣло человѣчеству и семьѣ; подробно останавливается на жилищномъ вопросѣ, знакомитъ съ попытками рациональнаго рѣшенія его въ иныхъ странахъ въ видѣ, на примѣръ, садовъ-

городовъ (въ Англии), и горячо стоитъ за кооперативное домостроительство. Кооперации вообще авторъ вполне справедливо предсказываетъ громадную роль въ дѣлѣ переустройства близкаго социальнаго будущаго и духовнаго воспитанія массъ. «Кооперация не только приноситъ немедленное реальное благо, но и поднимаетъ духовное сознание людей». Онъ утверждаетъ, что «кооперация потому органически совпадаетъ съ основными свойствами души русскаго народа, что эта душа не только свободная, но и широкая душа, а кооперация широка безгранично въ своихъ духовныхъ и практическихъ горизонтахъ, ибо истинно безгранично ея доброжелательство ко всему человѣческому».

И вотъ когда человѣкъ, подчинившій уже себѣ силы природы, овладѣетъ и самимъ собой, когда онъ—дѣйствительно божество, но только не наше, еще въ себѣ рукояти ко всей громадѣ возможностей, въ него заложенныхъ, найдетъ эту рукоять и разумно устроитъ свою личную и общественную жизнь,—тогда придетъ и даже «пришло,—по мнѣнію автора,—время явиться въ міръ и новому человѣку. Этотъ человѣкъ будетъ духовно новый. Міръ сверхчувственный станетъ для него міромъ точно познаваемымъ по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ своихъ частяхъ. Законы новой жизни будутъ не догадкой для него и вѣрой, а точнымъ знаніемъ. Въ душѣ его исчезнетъ нынѣшнее безпокойство и тревога—послѣдствія незнанія. Силы его будутъ измѣряться предѣлами вселенной... Тѣло не будетъ попрежнему связывать и тяготѣть надъ его духомъ. Много нынѣ тяжелое станетъ для него легкимъ, и легкимъ все болѣе и болѣе будетъ становиться для него самое теперь тяжелое на землѣ—трудъ, изъ подневольнаго механическаго превращаясь въ сознательный творческій. Все болѣе и болѣе человѣкъ будетъ сознавать, что тѣло есть лишь подножіе его существованія, все же дѣйствительное и истинно счастливое, полное прочнаго покоя его существованіе—надъ нимъ»...

Доказательству несомнѣнности и неизбѣжности такого будущаго человѣчества и посвящено содержаніе всей остальной части труда автора, многогранность котораго не позволяетъ передать его хотя бы вкратцѣ въ небольшой библиографической замѣткѣ. Изъ слѣдующихъ названій главъ уже читатель увидитъ, какая обширная область захвачена авторомъ: «Человѣкъ въ мірозданіи», «Новое въ человѣкѣ», «Подсознаніе», «Сверхсознаніе», «Философія индусовъ», «Востокъ и Западъ о человѣкѣ и мірозданіи», — и поспѣшитъ самъ ознакомиться съ этимъ выдающимся трудомъ.

Въ приложеніи помѣщено: «Моя система» Мюллера, съ чертежами, «И. И. Мечниковъ о питаніи» и «Распаденіе личности». Издана книга прекрасно и украшена дивными силуэтными рисунками К. Диффенбаха изъ серіи «*Per aspera ad astra*».

Н. Т.—нѣ.

Д-ръ Е. П. Радинъ. Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социальная самооцѣнка. Разочарованность. Спб. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1913. Стр. 103. Цѣна 50 коп.

Настоящая книга доктора Радина явилась результатомъ произведенной по его инициативѣ анкеты о душевномъ настроеніи молодежи, учащейся въ выс-

шихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Анкета, какъ мы узнаемъ изъ предисловія къ работѣ г. Радина, производилась комиссіей по борьбѣ со школьными самоубійствами русскаго общества охраненія народнаго здравія; дѣятельное участіе принялъ въ этой работѣ секретарь названнаго общества г. Гордонъ, и многія дополненія были сдѣланы и самими учащимися, неоднократно посѣщавшими засѣданіе комисіи. Въ мартѣ прошлаго 1912 года было роздано 20000 листовъ, изъ которыхъ заполненными возвращено было всего 2.118. Г. Радинъ, признавая малый успѣхъ своей анкеты въ количественномъ отношеніи, подчеркиваетъ поразительную устойчивость цифръ въ отвѣтахъ и, перенося центръ тяжести на психологическую характеристику учащихся, говоритъ: «весь смыслъ анкеты не въ статистической точности, а въ психологической и публицистической, общественной цѣли, которую онъ себѣ ставитъ... Индивидуальная психологія, какъ и психологія толпы, суть явленія не только статистики, но и общественнаго порядка». Преобладающимъ по числу полученныхъ отвѣтовъ оказался университетъ, далѣе слѣдуютъ техническія и спеціальныя учебныя заведенія и, наконецъ, женскія учебныя заведенія. По національности отвѣтившихъ большинство принадлежитъ къ русскимъ 76,9%, 8,8% евреевъ, 4,9% полякамъ и 19,2% другимъ народностямъ, причемъ большинство въ возрастѣ 20—25 лѣтъ (40%).

На первомъ мѣстѣ анкеты помѣщенъ вопросъ о самоубійствѣ, привлекшій въ послѣдніе годы серьезное вниманіе всего общества. Выдающийся французскій соціологъ Дюркгеймъ въ своемъ изслѣдованіи о самоубійствѣ опредѣляетъ его, какъ «результатъ разрыва связи, естественно существующей между личностью и обществомъ, благодаря чему нарушается вѣчный законъ подчиненности отдѣльныхъ единицъ общей массѣ, часть которой онѣ составляютъ». Поэтому на ряду съ вопросомъ о самоубійствѣ анкета тщательно разработала и вопросъ объ общей разочарованности учащихся въ окружающемъ, являющейся на смѣну ихъ попыткамъ и больнымъ мечтамъ о самоубійствахъ; особенно усиливается это разочарованіе къ возрасту 22—24 годовъ, достигая 34,1%. Причины разочарованія—потеря вѣры въ людей и въ самого себя, собственная «никчемность», разладъ между словомъ и дѣломъ, вліяніе тяжелаго переживаемаго нами общественнаго безвременья и пр. «Люди, что хищники; каждый знаетъ только свое гнѣздо», пишетъ одинъ студентъ. «Есть сознаніе,—пишетъ курсистка:—что все наше поколѣніе, пережившее 1905 годъ, теперь обречено; что намъ нечѣмъ жить и нечего дѣлать. Почти невозможно, побывавши на 20-й ступенькѣ, опять спуститься на пятую и начать все съ начала, а это именно и необходимо сейчасъ. Вотъ почему—пониженное настроеніе, обезцѣненіе своей личности, безцѣльность существованія, каждый день напоминающаго о томъ, что ты выбитъ изъ строя, что жизнь идетъ мимо тебя». Культурный работникъ, правый націоналистъ по политическимъ убѣжденіямъ, такъ объясняетъ свое разочарованіе: «Когда видишь, что человѣкъ, воодушевленный самыми лучшими намѣреніями, при столкновеніи съ дѣйствительностью либо мирится съ ея пошлостью и грязью, либо остается одинокимъ среди пошляковъ, умниковъ и другихъ порядочныхъ людей и скоро не выносить и или кончаетъ съ собою, или «его кончаютъ», то невольно задумываешься:

зачѣмъ я живу, если мнѣ предстоитъ или сдѣлаться скотиной, или все мучиться и погибнуть?» Среди всѣхъ этихъ причинъ немалую роль въ развитіи чувства разочарованности играетъ и матеріальная необеспеченность нашей учащейся молодежи. Среди отвѣтившихъ больше половины (55%) принадлежатъ или къ малообеспеченнымъ, или же къ совершенно не обеспеченнымъ; изъ нихъ 24% живутъ на 30—50 руб. въ мѣсяцъ, 28% на 20—30 руб., и 3% имѣютъ менѣе 20 руб. въ мѣсяцъ; въ среднемъ мѣсячный заработокъ мужчинъ достигаетъ 40 рублей, женщинъ—27 рублей. 41% составляютъ неврастеники и нервные больные—«кандидаты въ самоубійцы», разочарованіе которыхъ именно актомъ самоубійства должно прийти къ своему логическому концу. Наибольшій процентъ разочарованности дали женскія учебныя заведенія—48,5%, наименьшій техническія и спеціальныя—38,6%,—сообщаетъ д-ръ Радинъ,—а въ отношеніи потери вѣры въ себя получается еще большій перевѣсъ на женской половинѣ—31,4% по отношенію 16,5%, т. е. разочарованность въ себя среди курсистокъ встрѣчается почти въ два раза чаще, чѣмъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Срединное положеніе между женщинами и техниками занимаетъ университетъ, имѣя 44,3% разочарованныхъ и 22,8% потерявшихъ вѣру въ себя и въ свое будущее.

Переходя къ психологической самооцѣнкѣ учащихся, данныя анкеты сообщаютъ, что только 29,7% назвали свое душевное настроеніе ровнымъ и спокойнымъ, 58,4% имѣютъ измѣнчивое, неустойчивое или пониженное настроеніе, приближающееся къ пессимизму, и наконецъ 11,9%—пессимизмъ. Въ смыслѣ настроенія наибольшій процентъ неуравновѣшенности на сторонѣ женщинъ (66%), наименьшій у техникумовъ—58%, къ послѣднимъ приближается университетъ.

Далѣе д-ръ Радинъ знакомитъ читателя съ социальными типами учащихся—общественника, критическаго индивидуалиста, индивидуалиста пессимистическаго и односторонняго, индифферентиста на высшихъ ступеняхъ развитія личности и низшихъ, индивидуалиста оптимистическаго, нигилистическаго и практическаго. Положительное отношеніе къ людямъ наблюдается у большинства учащихся (69,1%), но болѣе чѣмъ у трети отношеніе отрицательное или враждебное (7,7%), или же безучастное (23,3%); нѣкоторые изъ этой группы называютъ себя «любопытствующими», относящимися къ людямъ, какъ зритель къ актеру. Отношеніе учащейся молодежи къ различнымъ родамъ литературы, тоже нашедшее себѣ мѣсто въ анкетѣ, является хорошимъ провѣрочнымъ средствомъ для установленія преобладающихъ общественныхъ тенденцій у учащихся. Какъ явленіе весьма отрадное, нужно отмѣтить, что господствующимъ является интересъ къ общественной сторонѣ старой русской литературы. «Къ гражданскимъ мотивамъ русской литературы положительно относятся въ университетѣ 78%, у женщинъ 88%; къ культу смерти и упадочности настроенія современной литературы столь же великъ процентъ отрицательнаго отношенія у мужчинъ 81%; у женщинъ 82%». Вотъ нѣкоторые, очень любопытныя сужденія молодежи. «Мертвую литературу совсѣмъ не читаю. Пробовалъ—тошно. Зря балуются. Не къ смерти, а къ жизни надо звать общество, къ духовному возрожденію». «Культъ смерти и упадочность настроенія современной

литературы считаю повальной психической болѣзнью». «Думаю и вѣрю, что не такъ далеко то время, когда волна новой, другой, здоровой и красивой жизни подниметъ настроеніе общества, а, значить, и литературы, и вынесетъ изъ застоявшагося болота, изъ безнадежнаго мрака тѣхъ, кто уцѣлѣетъ, не задохнется и вытернитъ»... Не менѣе любопытны отзывы и сторонниковъ этой литературы. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Культь смерти и упадочность настроенія современной литературы люблю, такъ какъ оно (это направленіе въ литературѣ) гармонизируетъ съ моимъ настроеніемъ».

Область половой жизни учащихся также нашла себѣ отраженіе въ анкетѣ, и изъ отвѣтовъ ея рисуется слѣдующее: 73% мужчинъ и 72% женщинъ высказались за бракъ и семью, за допустимость проституціи стоитъ только 17% мужчинъ и 4% женщинъ, болѣли онанизмомъ 32% мужчинъ.

Очень интересны полученные г. Радинымъ отвѣты, касающіеся будущей общественной дѣятельности учащихся и фактической въ ней работѣ. «При активномъ выраженіи общественнаго интереса,—сообщаетъ Радинъ,—мы имѣемъ 29,4% разочарованныхъ, при пассивномъ 39,6%, при общественномъ индифферентизмѣ—49,4%. Среди сочувствующихъ правымъ партіямъ разочарованныхъ 25,3%, лѣвымъ—38,4%; среди беспартійныхъ—38,1% и среди индифферентистовъ—47,8%». Въ оцѣнкѣ будущей практической дѣятельности только 4% карьеристовъ, 18% смотрятъ отрицательно, а 15% съ чисто формальной точки зрѣнія. Съ захватывающимъ интересомъ читаются многочисленныя сужденія учащейся молодежи о смыслѣ жизни. Нужно самому прочесть въ подлинникѣ ихъ, чтобы имѣть правильное понятіе о нихъ. И г. Радинъ хорошо сдѣлалъ, что предоставилъ учащимся самимъ говорить за себя, подлинными, собственными словами. Въ общемъ настоящая работа д-ра Е. П. Радина представляетъ собою громадный общественный интересъ, заставляетъ надъ многимъ призадуматься, пробуждаетъ активное сочувствіе къ нашей учащейся молодежи, и нужно надѣяться, что не пустое любопытство вызвало появленіе подобной работы, а желаніе помочь мятущейся молодежи. Молодежь отъ общества ждетъ реальной, дѣйствительной помощи, чтобы учащіяся не имѣли повода упрекнуть его, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ студентовъ: «Анкеты-то мы пишемъ, а до сихъ поръ общество (на государство надѣяться пока бесполезно) не можетъ прийти на помощь къ облегченію матеріальной нужды студенчества, этого злого источника какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ недомоганій». Больше половины учащихся мало обезпечено, или же совсѣмъ не обезпечено, а 3% буквально голодаютъ. Помощь общества въ этомъ отношеніи—первый шагъ къ оздоровленію молодежи, а за этимъ шагомъ послѣдуютъ и другіе.

М—о.

Свобода печати при обновленномъ строѣ. Сборникъ статей. Спб. 1913. Стр. 244. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сборникъ статей, подъ заглавіемъ: «Свобода печати при обновленномъ строѣ», составленъ комиссіей при петербургскомъ литературномъ обществѣ и посвященъ «свѣтлой памяти Н. О. Анненскаго».

Это первая попытка дать болѣе или менѣе цѣльную картину правового положенія печати въ современныхъ условіяхъ русской жизни, послѣ реформъ 1905—1906 гг. Въ комиссіи государственной думы и въ министерствѣ разрабатываются проекты закона и печати и, такимъ образомъ, появленіе сборника весьма своевременно.

Статьи В. Набокова («Къ исторіи обновленнаго законодательства о печати») и М. Ганфмана («Явочный періодъ свободы столичной печати») исполнены болѣе историческаго матеріала. Вл. Набоковъ разбираетъ характерный для обновленнаго строя «безплодный эпизодъ» изъ дѣятельности комиссіи г. Кобеко или особаго совѣщанія для составленія новаго устава о печати, канувшаго въ Лету забвенія. А между тѣмъ предсѣдатель ея Д. Ф. Кобеко совершенно вѣрно говорилъ:

«... Истинный смыслъ закона 1865 года состоялъ въ томъ, чтобы дать печати возможныя въ то время при не окрѣпшемъ еще дѣйствіи судебныхъ уставовъ облегченія. Какъ же развилось далѣе наше цензурное законодательство?» «Къ сожалѣнію, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ забыто было основное желаніе законодателя: облегчить положеніе печати. Послѣдующее законодательство развивалось въ обратномъ направленіи. Если разсматривать узаконенія о печати, вышедшія послѣ закона 1865 года, то ясно будетъ, что они далеко отошли отъ этого закона и извратили его подлинный смыслъ». Всѣ цензурные указы и распоряженія были направлены къ стѣсненію печати.

М. Ганфманъ даетъ рядъ свѣдѣній о «явочномъ періодѣ» свободы печати 17-го октября до изданія «временныхъ правилъ 24-го ноября 1905 г.»—«времени мимолетнаго, но полнаго раскрѣпощенія русскаго слова отъ путъ, сковывавшихъ его сотни лѣтъ». Авторъ не раздѣляетъ распространеннаго мнѣнія о разнузданности печати въ этотъ періодъ, находя невозможнымъ юмористическіе листки считать за отраженіе свободнаго слова въ то время. Въ этихъ юмористическихъ листкахъ, по его мнѣнію, на ряду съ блестящими подлинной сатиры было, правда, немало такого, что могло коробить. Но если даже къ этому «ужасу» тѣхъ дней, который теперь такъ раздувается въ извѣстномъ лагерѣ, подойти не съ мѣркой политическаго такта и воспитанности, а просто съ уголовнымъ критеріемъ западно-европейскаго образца, то и тутъ большинство самыхъ нецензурныхъ рисунковъ и замѣтокъ по своей преступности немногимъ будутъ отличаться хотя бы отъ «Ulk», «Lustige Blätter» и «Simplicissimus», терпимыхъ въ щепетильной Германіи.

Въ статьѣ «О дѣйствующемъ законодательствѣ о печати» А. Горбуновъ касается дореформеннаго положенія печати, когда за російскими обывателями отрицалось всякое право на свободное выраженіе мыслей. Печать была подчинена неограниченной опекѣ и воздѣйствію со стороны администраціи. Всякая дѣятельность, имѣвшая касательство къ раскрѣпощенію мысли, была поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія администраціи (устройство типографій, книжнаго магазина, библиотеки, редакторства, издательства и т. д.). Разрѣшеніе давалось, конечно, лишь политически благонадежнымъ лицамъ. Многочисленные виды и формы цензуры, залогов, требуемые отъ издателей,

знаменитая сто сороковая статья, административныя взысканія—обрекали страну о многомъ на молчаніе и вырабатывали эзоповскій языкъ.

Обновленное законодательство отмѣнило указанныя стѣсненія. Право на изданіе газеты или журнала теперь получается простымъ заявленіемъ градоначальнику или губернатору, который черезъ двѣ недѣли обязанъ выдать свидѣтельство въ двухъ экземплярахъ. Приостановка и закрытіе періодическихъ изданій предоставлены суду.

Таково законодательство. Но, кромѣ закона, имѣются еще судъ и администрація. Эластичность статей 128-й, 129-й, 132-й уголовного уложенія, стоящихъ на стражѣ государственности, допускаютъ широкое толкованіе и конфискацію книгъ, съ привлеченіемъ авторовъ по 129-й статьѣ. А непрерывное примѣненіе положенія объ усиленной охранѣ и военнаго положенія, право изданія «обязательныхъ постановленій» въ мѣстностяхъ, не находящихся на положеніи усиленной охраны,—ставятъ печать въ зависимость отъ администраціи и во многомъ возвращаютъ ее къ дореформенному положенію.

Въ статьѣ «Обязательныя постановления о печати въ порядкѣ охраны» гр. П. Толстой приводитъ факты полнаго игнорированія многими провинціальными губернаторами новаго закона о свободѣ печати. Статья В. Оболенскаго («Печать и администрація»), составленная на основаніи анкеты, произведенной комиссіей петербургскаго литературнаго общества среди органовъ періодической печати, также даетъ рядъ интересныхъ фактовъ и выводовъ изъ области воздѣйствія администраціи на печать. Вызовы редакторовъ по поводу опасныхъ темъ (роспускъ думы, погромы, обыски и аресты, финляндскій вопросъ и т. п.), обыски въ редакціи, высылки редакторовъ изъ предѣловъ губерніи, конфискаціи, штрафы и «отсидки»—все это направлено къ уменьшенію политической роли печати.

Статья В. Розенберга, какъ бы въ видѣ заключенія, «Нѣсколько цифровыхъ итоговъ»—даетъ приблизительное понятіе о пережитыхъ русской печатью страданіяхъ при обновленномъ строѣ и репрессіяхъ, какимъ она за эти шесть лѣтъ подвергалась.

А. Фаресовъ.

С. А. Бѣлякинъ «Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ» Спб. 1912. Стр. 151, съ приложеніемъ текста закона 20 марта 1911 г. объ авторскомъ правѣ и предметнымъ указателемъ. Ц. 1 р.

Я. А. Канторовичъ, прис. пов. «Конвенція между Россією и Францією для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній» (русск. и франц. тексты конвенціи съ разъясненіями). Спб. 1912. Стр. 72, съ алфав. указат. Ц. 50 к.

Новый законъ объ авторскомъ правѣ (20-го марта 1911 г.) имѣетъ уже свою литературу. Комментированныя изданія выпустили, между прочимъ, профессора Шиленко, присяжный повѣренный Канторовичъ и другіе. Въ каждомъ изданіи имѣются свои особенности, какъ въ системѣ изложенія, такъ и въ матеріалахъ. Дѣйствительно, историческіе очерки, сравненія новаго закона съ

иностранными, цитаты и изложение официальных материалов: справокъ, докладовъ и рѣчей въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ, наконецъ сообщеній въ петербургскомъ литературномъ обществѣ, въ союзѣ драматическихъ писателей, въ музыкальномъ обществѣ и въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ — все это представляетъ большой теоретическій и практический интересъ и даетъ материалъ для многихъ книгъ. Интересной вышла и книжка г. Бѣлякина, пользовавшагося для выясненія природы и историческаго развитія авторскаго права иностранною литературою, а для объясненія отдѣльныхъ нормъ авторскаго права примѣрами русской и иностранной судебной практики.

Какъ бы ни было любопытно общее освѣщеніе началъ авторскаго права, но для широкой публики (литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ) нужнѣе знакомство съ отдѣльными положеніями закона, опредѣляющаго права авторовъ, редакторовъ, издателей. Такъ, напримѣръ, весьма важно положеніе о незаконности изложенія или опубликованія постороннимъ лицомъ содержанія не появившагося еще въ печати произведенія, если на то не послѣдовало разрѣшенія автора (ст. 27). Важно знать, запрещается ли только публичное «исполненіе» драматическихъ произведеній (ст. 42), или также публичное чтеніе драматическихъ и не драматическихъ произведеній. Очень важно запрещеніе (ст. 20) издавать или публично исполнять произведенія, съ дополненіями, сокращеніями и вообще измѣненіями, на которыя не послѣдовало согласія автора или его наслѣдниковъ. Чрезвычайно характерна неотчуждаемость авторскаго права и недопустимость описи, ареста, принудительной продажи произведеній, опубликованія которыхъ еще не произошло, недопустимо и принудительное повтореніе изданія. Въ связи съ этимъ интересенъ вопросъ, какъ понимать добровольное отчужденіе авторскаго права? Отмѣтимъ еще такъ называемыя «запретительныя надписи». Онѣ необходимы, если авторъ хочетъ удержать за собой право на переводъ своего произведенія, напр., на польскій, малороссійскій и другіе языки, распространенные въ государствѣ. Необходимы онѣ и для статей въ повременной печати (впрочемъ, освѣдомительнаго только, а не беллетристическаго характера), такъ какъ перепечатки изъ повременныхъ изданій не воспрещаются, если только онѣ производятся не «постоянно» (ст. 39, 40), съ указаніемъ источника и безъ извращенія смысла заимствованнаго. На фотографическихъ произведеніяхъ запретительной оговорки не требуется, но должно быть обозначено время изготовленія, мѣсто и фирма.

Трудно перечислить всѣ интересные вопросы, которые затрагиваетъ г. Бѣлякинъ въ своей книжкѣ, въ связи съ изложеніемъ закона. Даже такіе мелкіе вопросы, какъ тотъ, можно ли перелагать на граммофоны и фонографы рассказы, куплеты и т. п. (законъ говоритъ только о музыкальныхъ произведеніяхъ), или другой вопросъ, можно ли построить домъ по архитектурѣ построеннаго дома, — даже эти мелкіе сравнительно вопросы имѣютъ практическое значеніе и способны заинтересовать читателя. Тѣмъ болѣе любопытны такіе вопросы, какъ вознагражденіе потерпѣвшаго въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный систематически перепечатывалъ чужія произведенія въ недозволенныхъ предѣлахъ и безъ указанія источника, или вопросъ о послѣдствіяхъ нарушенія общественныхъ правъ

на произведеніе, напримѣръ, изданія подъ своимъ именемъ произведенія, ставшаго общественнымъ достояніемъ. Все это нашло себѣ мѣсто въ содержательной книжкѣ г. Бѣляцкина, которой можно пользоваться и для практическихъ цѣлей съ помощью предметнаго указателя; послѣдній слѣдовало бы, однако, дополнить (нѣтъ словъ: давность, подданство). Недостатокъ книги—многочисленность опечатокъ.

Законъ 20-го марта 1911 г. дополняется и будетъ дополняться конвенціями съ иностранными государствами. Пока заключена и вступила въ силу съ 30-го октября 1912 г. конвенція Россіи съ Франціей.

Нынѣ переводы французскихъ и русскихъ авторовъ въ каждомъ изъ двухъ государствъ будутъ считаться законными: 1) въ случаѣ согласія авторовъ; 2) если авторы не оговорили на заглавномъ листѣ или въ предисловіи о сохраненіи за собой права на переводъ; 3) если авторы не воспользовались правомъ перевода въ теченіе пяти лѣтъ со времени появленія произведенія (для научныхъ и учебныхъ произведеній срокъ установленъ трехлѣтній); 4) если они будутъ изданы спустя десять лѣтъ по появленіи подлинника, хотя бы и переведеннаго.

Въ виду того, что конвенція, какъ объясняетъ въ предисловіи г. Канторовичъ, выгоднѣе для французовъ, чѣмъ для русскихъ, послѣднимъ особенно важно знать свои права и, слѣдовательно, истинный смыслъ отдѣльныхъ статей конвенціи. Важно также тѣ французскіе законы, которые будутъ примѣняться въ связи съ конвенціей. Слѣдуетъ признать, что г. Канторовичъ выполнилъ свою задачу вполне добросовѣстно. Брошюра, при ея содержательности стоитъ очень недорого.

Г. Гинсъ.

Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 6. Варшава. 1912. Стр. 261.

Шестой выпускъ «Записокъ общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ», вышедшій въ концѣ минувшаго 1912 г., представляется столь же содержательнымъ и интереснымъ, какъ и предыдущіе выпуски. Въ обществѣ работаютъ лучшія силы университета и мѣстнаго общества, сближаемыя между собою живымъ интересомъ къ знанію, поэтому и изданіе трудовъ общества заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Шестой выпускъ состоитъ изъ семи статей:

1) Статя проф. И. И. Замотина «Л. Н. Толстой въ его письмахъ» (стр. 1—31). Эта статья навѣяна автору послѣдними изданіями писемъ великаго писателя, вышедшими въ 1910 и 1911 гг. Пользуясь богатымъ матеріаломъ личной переписки Л. Н. Толстого, И. И. Замотинъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, даетъ живой обликъ писателя, и его характеристика не затеряется среди другихъ.

2) Статя проф. Е. В. Спекторскаго «Бѣлинскій и западничество» (стр. 32—64) представляетъ собою оригинально написанную юбилейную рѣчь, въ которой авторъ, не подчиняясь избитому взгляду на Бѣлинскаго, спрашиваетъ себя: «дѣйствительно ли Бѣлинскій былъ западникомъ, и если да, то въ

какомъ именно смыслѣ?» Е. В. Спекторскій различаетъ три вида западничества: бытовое, интеллектуальное и «мировое». Последнее онъ опредѣляетъ: «Это не столько любовь къ Западу, какъ таковому, сколько особая форма любви къ Россіи. Это желаніе, чтобы она не только стала на высоту всего лучшаго, что выработано Западомъ, но еще и превзошла все это и заняла мировое мѣсто во всѣхъ сферахъ жизни, какъ духовной, такъ и соціальной». По мнѣнію автора, доказываемому очень обстоятельно и искусно, Бѣлинскій былъ западникомъ именно въ послѣднемъ, и только послѣднемъ смыслѣ.

3) Статя про ф. Н. Н. Любовича «Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 г.» (стр. 65—78), по новымъ документамъ выясняетъ детали пребыванія Наполеона въ этомъ городѣ по пути изъ Россіи. Эти детали очень важны какъ для исторіи самого Наполеона, такъ, въ особенности, для уясненія позиціи поляковъ, считавшихъ императора «воскресителемъ Польши».

4) Статя В. А. Каминскаго «Этнографическое изученіе Волыни и важнѣйшіе вопросы ея этнографіи въ настоящее время» (стр. 79—135) явилась результатомъ поѣздки автора по Волынскому Полѣстью въ 1910 и 1911 гг. по порученію академіи наукъ и содержитъ любопытныя наблюденія и выводы, къ которымъ приложены тексты похоронныхъ причитаній, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Волыни.

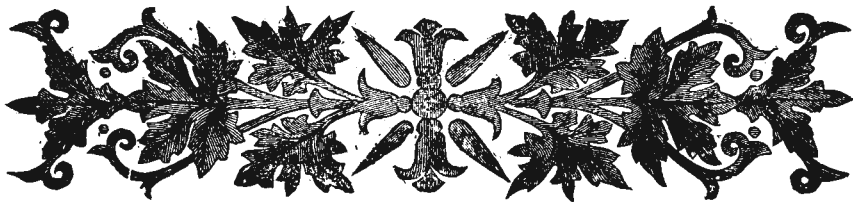
5) Статя доцента А. А. Вилкова «Письма П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату (1823—1825)» (стр. 136—180) содержитъ въ себѣ короткое предисловіе, а затѣмъ самый текстъ писемъ, издаваемыхъ впервые. Эти письма вносятъ новыя черты въ біографію П. Я. Чаадаева и исправляютъ ошибки лицъ, имъ интересовавшихся. Поэтому опубликованіе этихъ писемъ, несомнѣнно, будетъ встрѣчено съ благодарностью историками русской литературы и мысли.

6) Статя доцента В. А. Овчинникова «Неприкосновенность преступныхъ пословъ въ литературѣ XVI и начала XVII вв.» (стр. 181—227) даетъ очень интересный обзоръ основныхъ направленій въ рѣшеніи этого вопроса за время отъ К. Бруна до Гуго Гроція. Авторъ специалистъ по международному праву и въ частности этой именно эпохи, поэтому статя его оригинальна и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ наблюденій и подробностей.

7) Заключаетъ сборникъ статя Н. С. Эйсмонта «Законы о малолѣтнихъ и суды для нихъ» (стр. 228—261). Въ ней авторъ, мировой судья города Варшавы, изучаетъ вопросъ, какъ онъ поставленъ за границей и въ Россіи, и привѣтствуетъ это новое пріобрѣтеніе культуры, способное спасти молодыя поколѣнія отъ грозящаго имъ нравственнаго разложенія при общемъ порядкѣ суда надъ ними и наказанія.

Къ «запискамъ» приложенъ прекрасно исполненный портретъ П. Я. Чаадаева.

N.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЯЛОЧИ.

ГРАНИЧКА изъ царствованія короля Англии Генриха VIII. — Въ исторіи встрѣчались случаи, когда короли подъ вліяніемъ охватившей ихъ страсти возводили на тронъ любимую женщину не королевской крови. Но случай, происшедшій въ царствованіе Генриха VIII, давшаго полный просторъ своей необузданной страсти, едва ли не единственный. Увлекаясь Анной Болейнъ, фрейлиной своей жены Екатерины Аррагонской, онъ покинулъ послѣднюю, несмотря на ея мольбы не разводиться, отправилъ въ изгнаніе въ Гундсонскій замокъ свою дочь отъ нея, будущую Марію Тюдоръ, и женился на новой возлюбленной. Однако, возведя ее на тронъ, король такъ же безпощадно поступилъ и съ нею подъ вліяніемъ новой страсти къ ея фрейлинѣ Джени Сеймуръ. Онъ не только ее покинулъ, но подъ вліяніемъ интригъ послѣдней, увѣрившей его, что Анна ему измѣняетъ, приказалъ ее казнить, а самъ рѣшилъ на другой день ея казни обвѣнчаться съ новой возлюбленной.

Дочь Анны, родившюся отъ нея, будущую королеву Елизавету и соперницу Маріи Стюартъ, онъ призналъ незаконной и также послалъ въ изгнаніе въ Гундсонскій замокъ, гдѣ уже находилась жертва его увлеченія Анной Болейнъ принцесса Марія. Здѣсь маленькая принцесса Елизавета провела дѣтство и лучшіе годы своей юности подъ надзоромъ лэди Брайанъ и ея мужа, въ печальномъ одиночествѣ. Такимъ образомъ, Анна Болейнъ не только сама поплатилась за судьбу Екатерины Аррагонской, но и ея дочь, жизнь которой сложилась печально съ самыхъ юныхъ дней.

Анна Болейнъ встрѣтила при дворѣ враждебное къ себѣ отношеніе: ея красота и хорошія нравственныя качества создали ей немало враговъ съ самаго момента ея появленія при дворѣ Екатерины Аррагонской. Образовались вра-

ждебныя партіи, интриговавшія противъ нея и особенно вознегодовавшія, когда король повелъ переговоры съ папой Климентомъ о расторженіи своего брака съ королевой Екатериной. Къ нимъ присоединилась еще папская партія, и многіе друзья, оставшіеся у Анны Болейнъ, мало-по-малу ее покинули. Съ тѣхъ поръ каждый ея шагъ считался нарушеніемъ супружеской вѣрности.

Этотъ эпизодъ изъ исторіи Англійи использовалъ Ж. Дюваль, передавъ его въ «Revue Bleue» въ видѣ хроники изъ елизаветинскаго времени подъ заглавіемъ: «La Religieuse». Взявъ канвою рѣшительный моментъ судебного процесса Анны Болейнъ, авторъ далъ роль героя ея палачу, передавшему послѣ казни Анны маленькой принцессѣ волосы ея матери чрезъ посредничество живописца Ганса Гольбейна, а затѣмъ повѣсившемуся. Кроме того, Дюваль отвелъ видное мѣсто этому знаменитому нѣмецкому живописцу, художественному просвѣтителю англичанъ, завоевавшему художникамъ надлежащее почетное мѣсто во мнѣніи еще въ то время недостаточно развитаго англійскаго народа, вообще по природѣ мало склоннаго къ созданію идеала. Попутно онъ даетъ краткую характеристику художественной эволюціи въ Англійи и самого Гольбейна, ставившаго себѣ цѣлью нажить деньги, составить себѣ репутацію, не задумывавшагося надъ щекотливыми вопросами нравственности. Онъ такъ же спокойно и равнодушно принялся рисовать портретъ соперницы Анны, какъ разрисовывалъ арки для ея коронованія.

Въ этой лѣтописи, написанной въ формѣ разсказа, есть небезынтересныя подробности, поэтому воспользуемся нѣкоторыми изъ нихъ, не идущими въ разрѣзъ съ исторіей.

Эпоха, въ которую произошло это историческое событіе, совпадаетъ съ моментомъ начала развитія искусствъ въ Англійи. Англійскій народъ, по своему характеру склонный болѣе къ торгашеству, чѣмъ къ возвышеннымъ духовнымъ и эстетическимъ вопросамъ, смотрѣлъ на художника, хотя бы гениальнаго, какъ на простаго рабочаго. Уму англичанина непонятенъ былъ человѣкъ, посвятившій себя какому-нибудь идеалу, не заботясь о практической сторонѣ и выгодѣ.

Генрихъ III, робкій и набожный, первый изъ королей Англійи приказавшій строить соборы и дворцы, также считалъ художниковъ, скульпторовъ и архитекторовъ простыми рабочими. Эдуардъ III уже болѣе заботился объ искусствѣ, но положеніе художниковъ въ Англійи отъ этого не улучшилось, судя по одному контракту между графомъ Уоруикомъ и нѣкимъ Джономъ Кэйемъ, «гражданиномъ Лондона и портнымъ», по которому послѣдній обязывался раскрасить гербъ, вышить знамя и выкроить бархатный кафтанъ, вышитый золотомъ, для графа.

Но уже съ этого момента искусство въ Англійи немного двинулось впередъ, а Эдуардъ IV даже рѣшился пригласить иностранныхъ художниковъ для развитія художественнаго вкуса и образованія англичанъ. Тѣмъ не менѣе онъ попрежнему смотрѣлъ на художниковъ, какъ на слугъ, и, нанимая ихъ на годъ, мѣсяць или недѣлю, одѣвалъ въ особую придворную ливрею, но все-таки произошла реформа, которая имѣла послѣдствія, а Генриху VIII даже удалось достичь цѣли, къ которой неудачно стремился Эдуардъ IV. Онъ основалъ въ Лондонѣ школу рисованія и для завѣдыванія ею пригласилъ знаменитаго нѣ-

мецкаго художника Ганса Гольбейна послѣ неудачныхъ попытокъ добиться содѣйствія Рафаэля, Тиціана и Микель-Анджело. Поэтому Гольбейнъ является распространителемъ искусства живописи въ Великобританіи. Мало того, онъ пробудилъ въ королѣ уваженіе къ художникамъ, и когда однажды какой-то царедворецъ попытался жаловаться на Гольбейна, то услышалъ въ отвѣтъ: «Ради Бога! Изъ семи крестьянъ я могу сдѣлать семь лордовъ, но я не могу сдѣлать ни одного Ганса Гольбейна!»

Ж. Дюваль начинаетъ свою хронику съ 1536 г., съ момента прибытія Гольбейна въ городъ Гундзонъ. Этотъ городокъ, находившійся въ тридцати миляхъ отъ Лондона, въ Гардфордскомъ графствѣ, отличался тремя достопримѣчательностями: замкомъ, построеннымъ королемъ Генрихомъ III, гостиницей «Чернаго Быка» и королевскимъ огородомъ. Въ немъ разводили для королевы салатъ, разные коренья и зелень, которые прежде доставлялись изъ Голландіи и Фландріи, куда посылали гонца, когда королева хотѣла полакомиться.

Гостиница «Чернаго Быка» была любимымъ мѣстомъ иностранныхъ художниковъ, пріѣхавшихъ въ Лондонъ, поэтому Дюваль начинаетъ свой рассказъ съ пріѣзда Ганса Гольбейна съ тремя учениками и слугою, который служилъ имъ также и натурою.

За обѣдомъ они выпили много вина, и у нихъ развязался языкъ. Гольбейнъ, осторожный нѣмецъ, на вопросъ ученика-англичанина, слышалъ ли онъ объ одной дамѣ, по имени Дженни Сеймуръ, которая въ данный моментъ волновала весь дворъ, отвѣтилъ лаконически: «Она придворная дама королевы Анны». — «Которой она будетъ преемницей, какъ королева была преемницей королевы Екатерины!» замѣтилъ на это его ученикъ. «Быть можетъ. Король знатокъ женщинъ: онъ любитъ, чтобы его приближенные были скорѣе возвеличены его милостями, чѣмъ унижены, и охотно это доказываетъ на дѣлѣ, становясь ихъ мужемъ». — «Однако эти браки для него неудачны, — замѣтилъ другой ученикъ: — онъ послалъ въ изгнаніе Екатерину и только что былъ принужденъ послать Анну въ Башню». — «Башню, изъ которой прямой путь къ эшафоту», замѣтилъ третій. «Господа, — возразилъ Гольбейнъ: — я покинулъ свою страну не для того, чтобы судить поступки короля, которому я служу. Дѣйствительно, нравы вашихъ государей немного меня изумляютъ, но эти короли помогаютъ мнѣ составлять репутацію и состояніе. У себя мы стоимъ за отвлеченную теорію, метафизику и систему, а вы здѣсь настолько всѣ матеріалисты, что если принесете какую-нибудь жертву для искусства, то это становится похоже, будто вы распространяете Евангеліе. Тамъ мы любимъ нашихъ женъ, нашихъ дѣтей, нашъ очагъ и желаемъ только спокойной, уединенной жизни, — здѣсь вашъ аппетитъ требуетъ суетливой любви, возбуждающаго мяса и опьяняющихъ напитковъ».

Затѣмъ Гольбейнъ рассказываетъ о встрѣчѣ короля съ Анной Болейнъ на одномъ балу. «Я особенно запомнилъ вечеръ, данный кардиналомъ Уольслеемъ, гдѣ она встрѣтилась съ королемъ. Я еще вижу большую галерею Йоркскаго дворца, сверкающую огнями, и теперь еще слышу звуки гобоя. Въ десять часовъ вечера доложили о пріѣздѣ знатныхъ иностранцевъ. Тринадцать джентльменовъ въ маскахъ и костюмахъ пастушковъ вошли, сопровождаемые слугами, несшими факелы. Лордъ-камергеръ представилъ ихъ, и они направились прямо

къ кардиналу съ привѣтствіемъ, прося разрѣшенія выбрать даму для танцевъ. Одинъ изъ нихъ пригласилъ Анну Болейнъ: это былъ король Генрихъ. По окончаніи танцевъ онъ выпилъ за ея здоровье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Анна Болейнъ сдѣлалась королевой, и король заказалъ мнѣ разрисовать арки, чрезъ которыя она проѣзжала въ день своей коронаціи. Вотъ все, что я знаю. Что же касается причинъ ея заключенія въ Башню, я ихъ не знаю и изъ осторожности предпочитаю не знать. Была ли она такая кокетка, какъ шель о ней слухъ, потому что она воспитывалась во Франціи? Вѣрить ли рассказамъ виконтессы Рошфоръ, обвинявшей ее въ томъ, что она была любовницей многихъ камергеровъ короля, считая Смитона, его лакея? Любовнику ли она бросила перчатку на послѣднемъ турнирѣ въ Гринвичѣ? Существуетъ столько предположеній, разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ дьяволу». — «И перамъ, которые будутъ ее судить», добавилъ одинъ изъ учениковъ.

Затѣмъ Дюваль вводитъ въ рассказъ странное существо съ отталкивающей, безобразной наружностью, круглой головой, низкимъ лбомъ, совиными глазами и атлетическимъ сложеніемъ. Но въ то же время въ этомъ существѣ было нѣчто, внушающее жалость, — особая печаль, напоминающая животное, которое получаетъ пинки. И это было въ немъ самое загадочное. Впослѣдствіи эта загадка выясняется: онъ былъ палачъ, но хозяинъ гостиницы не зналъ этого; на его документѣ было написано только, что онъ находится «на королевской службѣ». Онъ пріѣхалъ изъ Калэ и ожидалъ какихъ-то распоряженій. Въ Гундонѣ онъ жилъ уже съ мѣсяць, и самое любопытное было то, что онъ посѣщалъ маленькую, таинственную дѣвочку, жившую въ замкѣ. Какъ могло привлечь симпатію дѣвочки такое чудовище, Дюваль передаетъ слѣдующимъ образомъ. Однажды, прогуливаясь съ лэди Брайянь по лѣсу, маленькая принцесса Елизавета случайно встрѣтилась съ этимъ чудовищемъ и сначала очень его испугалась. Но онъ такъ нѣжно-почтительно съ нею говорилъ, что она полюбила его и даже стала называть «своимъ медвѣдемъ». Онъ признался лэди Брайянь и принцессѣ Елизаветѣ, что онъ знаетъ ея происхожденіе.

Когда палачу стало извѣстно чрезъ Гольбейна, узнаваго отъ проѣзжавшихъ курьеровъ, что участь королевы Анны рѣшена и пѣры уже собрались въ началѣ недѣли во главѣ съ герцогомъ Норфолькомъ, онъ зарыдалъ.

— Въ чемъ обвиняютъ королеву? — спросилъ курьера Гольбейнъ.

— Въ томъ, что она увѣряла своихъ любовниковъ, будто не любитъ короля, и каждому изъ нихъ говорила, что изо всѣхъ она предпочитаетъ его. А это герцогъ Норфолькъ истолковалъ не въ ея пользу, она злословитъ дѣтей, рожденныхъ отъ короля.

— Это преступленіе, наказываемое смертною казнью, — замѣтилъ Гольбейнъ.

По разсказу Дюваля, палачъ исчезаетъ, предварительно простившись съ принцессой Елизаветой, которой онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ въ Лондонъ. Дѣвочку огорчаетъ отъѣздъ ея «добраго медвѣдя», но она примиряется съ разлукой, если онъ привезетъ ей оттуда что-нибудь, какое-нибудь воспоминаніе. Онъ даетъ ей клятву, что привезетъ.

Описывая день казни королевы Анны, Дюваль говоритъ, что во всемъ городѣ были закрыты всѣ лавки, театры и дворцы лѣваго берега Темзы, народъ

раздѣлился на партіи за и противъ королевы. Школа адвокатовъ и часть судей были на сторонѣ Анны Болейнъ, будущіе судьи на сторонѣ Дженни Сеймуръ. Только аристократія, опасаясь себя скомпрометтировать, и актеры, вообще сторонившіеся политики, держалась въ сторонѣ.

Гансъ Гольбейнъ освѣдомился у коменданта Бэшни о послѣднихъ часахъ королевы. «Королева,—отвѣтилъ онъ,—послала королю письмо, въ которомъ благодарить его за то, что онъ прибавилъ еще одну ступень на лѣстницѣ, ведущей къ ея возвышенію. «Изъ наслѣдницы простого дворянина вы сдѣлали меня сначала маркизой, наконецъ королевой. Не имѣя возможности возвысить меня еще болѣе на этомъ свѣтѣ, вы предлагаете мнѣ мѣсто святой; я снова протестую, что я невинна, прошу заботиться объ Елизаветѣ и благодарю васъ». Когда королевѣ сказали, что ея казнь будетъ въ полдень, она улыбнулась и прошептала: «Это скоро будетъ сдѣлано. Кажется, вызвали палача болѣе ловкаго, чѣмъ англійскій палачъ!» И, смѣривъ руками свою шею, она прибавила: «У меня очень тонкая шея!»

Дюваль оканчиваетъ свой рассказъ моментомъ, когда Гольбейнъ, хотя чело-вѣкъ практичный и безъ предразсудковъ, все-таки не въ состояннн былъ остаться въ Лондонѣ, гдѣ должна пролиться кровь королевы, и уѣзжаетъ въ Гундсонъ, въ гостиницу «Чернаго Быка». Черезъ сорокъ восемь часовъ къ нему постучались въ дверь. Это былъ уродливый незнакомецъ. Когда Гольбейнъ его спросилъ, откуда онъ пріѣхалъ, тотъ отвѣчалъ: «Изъ Лондона»,—и попросилъ Гольбейна передать таинственный ящичекъ дѣвочкѣ, находившейся въ замкѣ на попеченіи лэди Брайнъ.—«Отчего вы не хотѣли сами передать?» спросилъ его Гольбейнъ.—«Я уѣзжаю».—«Въ Лондонъ?»—«Нѣтъ, гораздо далѣе».

Гольбейнъ взялъ ящичекъ и чрезъ часъ отправился въ замокъ. Принятый лэди Брайнъ, онъ попросилъ у нея разрѣшенія передать ящичекъ дѣвочкѣ. Когда она открыла его, то увидѣла записочку съ надписью: «Волосы королевы Анны Болейнъ».

— Мамы!—воскликнула она. Лэди Брайнъ спросила, какъ онъ ихъ досталъ. Гольбейнъ отвѣтилъ шопотомъ, что досталъ у палача и доказательствомъ служитъ письмо, найденное въ комнатѣ, гдѣ онъ повѣсился.

— Неизданныя письма Виктора Гюго.—Серія писемъ Виктора Гюго къ различнымъ лицамъ и адресованныхъ къ нему пополнилась еще неизданными письмами и записками, которыя теперь напечатаны въ послѣднемъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue Bleue» съ краткимъ поясненіемъ Поля Боньфона. Они относятся къ первой половинѣ жизни поэта, т. е. предшествовавшей государственному перевороту и изгнанію, и носятъ иной характеръ, чѣмъ позднѣйшія. По выраженію Боньфона, въ нихъ нѣтъ тѣхъ апокалиптическихъ выраженій, какія впослѣдствіи такъ часто попадались въ стилѣ Гюго.

Эти письма адресованы различнымъ лицамъ: Шарлю Нодье, Маріи Дорваль и особенно поэту Пьеру Леброну, который помогъ Гюго проникнуть въ академию и состоялъ секретаремъ французской академіи во все время министерства Вильмэна. Среди этихъ писемъ есть небольшія записки г-жи Гюго къ г-жѣ Лебрень. Вообще письма къ Леброну интересны тѣмъ, что они, по выраженію Боньфона, даютъ понятіе объ исторіи чувствъ, питаемыхъ къ нему

Гюго. На зарѣ второй имперіи эти письма прекратились: Леброну, сенатору императора Наполеона III, и Виктору Гюго, конечно, нечего было сообщать другъ другу.

Въ первомъ письмѣ Гюго къ Тезенару Монбризону поэтъ выражаетъ сожалѣніе, что ему не удастся ближе познакомиться съ нимъ, и проситъ оказать услугу одному несчастному человѣку. Это былъ Лебарбье, книгопродавецъ изъ Блуа, который въ послѣднее время былъ лишенъ возможности вести торговлю, какъ и многіе другіе. «Онъ бывшій военный, отецъ семейства, имѣющій солидныя рекомендаціи. Онъ обращается ко мнѣ, воображая, что я пользуюсь вліяніемъ, а я обращаюсь къ вамъ, надѣясь, что вы окажете эту услугу человѣку, заслуживающему вашего вниманія».

Письмо къ Нодье слѣдующее: «Дорогой другъ! позвольте мнѣ дать вамъ это имя, которое, если бы я получилъ отъ васъ, было бы для меня титуломъ. Я рассчитывалъ отнести къ вамъ мои новые поэтическіе грѣхи. Лавока увѣдомилъ, что онъ опередилъ меня, а это меня немного опечалило, такъ какъ я ходѣлъ похвастаться экземпляромъ, который предложилъ бы вамъ въ знакъ моего къ вамъ почтенія».

Далѣе онъ благодаритъ Нодье за помѣщенную въ «Débats» замѣтку съ его подписью и прибавляетъ, что Лавокъ обѣщаль ему еще одну замѣтку Нодье въ «Quotidienne». «Могу ли я повѣрить,—пишетъ Гюго:—что вы такъ ко мнѣ добры? Согласится ли орелъ судить о полетѣ воробья? Въ то время, какъ я вамъ пишу, мнѣ принесли «Quotidienne», нѣтъ словъ выразить вамъ мою благодарность, и надежда, которую вы мнѣ дали въ концѣ вашего слишкомъ благоклоннаго отзыва, окончательно меня радуеть».

Въ письмѣ къ актрисѣ Маріи Дорваль Гюго извѣщаетъ ее, что наканунѣ въ присутствіи предсѣдателя коммерческаго суда и директора «Французской Комедіи» онъ выразилъ самое сильное неудовольствіе противъ участниковъ товарищества и ихъ поведенія относительно ея. «Я формально «потребовалъ» у М. Веделя (справьтесь объ этомъ у него сами) ангажировать васъ «серьезно» во «Французскій Театръ».

«Сегодня я прочиталъ въ «Quotidienne» статью, написанную кѣмъ-то близкимъ къ вамъ, статью, гдѣ мое «дѣло», важное «дѣло» для всей литературы, «еще не разбиравшееся», самымъ страннымъ образомъ искажено и представлено въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы ему повредить, если бы оно не было превосходно. Въ этой статьѣ мой договоръ съ «Французской Комедіей», зоговоръ самый законный на свѣтѣ, договоръ, который вы, сударыня, исполдовали и гдѣ вашъ ангажементъ особо выговоренъ, предложенъ на судъ публики, какъ «явный позоръ», и названъ «корыстнымъ, несправедливымъ и нахальнымъ». Это написалъ, сударыня, вашъ мужъ. Сравните вашъ теперешній поступокъ съ моимъ прежнимъ поступкомъ. Я могъ бы сказать: съ моими всегдашними поступками. Мое прямотушіе предписываетъ мнѣ обязанность сказать вамъ, что я объ этомъ сохранию воспоминаніе. Признаюсь, я былъ неправъ, но я думалъ, что такой другъ, какъ я, стоитъ того, чтобы его сохранили. Примите, прошу васъ, сударыня, выраженіе чувствъ моего поклоненія предъ вашимъ талантомъ».

Первое письмо къ г-жѣ Лебрень не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Гюго выражаетъ сожалѣніе, что очень занятъ и не можетъ обѣдать у Лебреневъ, и оканчиваетъ его словами: «Вашъ домъ для меня самый пріятный и счастливый,—вы это хорошо знаете. Скажите Лебрёну, насколько я преданъ ему въ глубинѣ моего сердца, и позвольте мнѣ вмѣстѣ съ сожалѣніемъ положить къ вашимъ ногамъ самое преданное, самое почтительное уваженіе».

Письмо Сальванди къ г-жѣ Лемерсье, находящееся среди писемъ Гюго, не имѣетъ никакого интереса. Маленькая записка Гюго къ г-жѣ Лебрень, въ которой онъ пишетъ: «Позвольте, сударыня, почтительно положить къ вашимъ ногамъ эту визитную карточку въ шести томахъ», очевидно, говорить о сочиненіи поэта. Она помѣчена 3-го января 1840 г. А въ августъ того же года онъ опять говорить ей о своемъ сочиненіи. «Это мой дебютъ, сударыня, и я его кладу къ вашимъ ногамъ. Къ несчастію, онъ украшенъ ужасной типографской ошибкой: меня заставили объявить, что «Марія Стюартъ» произведеніе «патріотическое», а я ограничился словами: это было произведеніе патетическое. У меня также отняли двѣ или три строчки, которыя между тѣмъ написаны, казалось, очень хорошимъ стилемъ. Ну, прошу васъ принять мою статью, какая она есть, и присоединяю къ ней самое низжайшее почтеніе».

«Я это вамъ сказалъ вчера, и вы хорошо знаете, не правда ли?—писалъ Гюго 7-го января 1841 г. Лебрёну.—Меня прельщаетъ и глубоко трогаетъ не только то, что я назначенъ, но что я назначенъ вами. Ваше милое и прелестное письмо меня обрадовало; мы собратья,—это хорошо, но еще лучше—мы друзья. Я васъ люблю и жму вамъ руку».

Весной, 2-го апрѣля въ письмѣ къ тому же Лебрёну онъ расхваливалъ его «красивую и благородную» рѣчь, которую онъ читалъ до трехъ часовъ ночи, несмотря на больные глаза. «Я не хочу ложиться спать,—говоритъ онъ въ заключеніе,—не поблагодаривъ васъ и не поздравивъ. Вы произнесли знаменательныя и превосходныя слова. Я рукоплескалъ имъ отъ всего сердца. Какъ только Лемерсье дастъ мнѣ минутку свободы, я приду позвать вамъ руку».

Но вотъ Гюго уже академикъ, и 22-го мая 1841 г. онъ проситъ Лебрёна вручить его посланному пять мѣстъ на отдѣльной скамьѣ для г-жи Гюго и прибавляетъ: «Если вы будете великодушны, дайте нѣсколько скверныхъ мѣстъ на трибунѣ или въ самомъ театрѣ. Въ данный моментъ я самый несчастный изъ академикомъ и нахожу, что только смерть пріятна въ дни пріема».

Нѣсколько писемъ Гюго къ Лебрёну, а также г-жи Гюго къ нему наполнены просьбами доставить мѣста на засѣданіе въ академію или увѣдомленіемъ, что поэтъ посылаетъ ему ложу въ театрѣ. Въ дальнѣйшихъ письмахъ Гюго къ Лебрёну поэтъ болѣе всего касается вопросовъ, относящихся къ академіи. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ, что долженъ прочитать всю рѣчь Сень-Марка, чтобы знать, какъ на нее отвѣчать: «ибо тотъ, кто отвѣчаетъ, обыкновенно начинаетъ съ того мѣста, на которомъ остановился только что говорившій. Я еще не знаю, что я скажу ему. Но будьте спокойны, дорогой и превосходный другъ, въ моемъ умѣ налицо милыя, дружескія слова, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы согласовать въ этихъ деликатныхъ обстоятель-

ствахъ, чѣмъ я обязанъ публикѣ, чѣмъ обязанъ академіи и самому себѣ. *Tres imbris tarti redios*. Въ этомъ же письмѣ онъ расхваливаетъ ораторскій талантъ Вильмэна, находя, что въ его словахъ перемѣшиваются достоинства и привлекательность. Онъ пишетъ прекраснымъ стилемъ, что обезпечиваетъ ему будущее послѣ настоящаго. «Мнѣ очень надо васъ видѣть,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и пожать вамъ руку. Пока вы были счастливы подъ вашимъ прекраснымъ синимъ небомъ, для меня не было неба; я впалъ въ мрачное настроеніе: меня угнетаетъ возвращеніе этого печальнаго сентября мѣсяца. Вы знаете, какъ я васъ люблю: «ex imo corde».

Между прочимъ Лебрень написалъ Гюго слѣдующую записку: «Жана Декури, виноградаря въ Шампроэ, отца моего садовника, такъ тревожили и грабили иностранные солдаты, что онъ поклялся имъ отмстить и убить перваго пруссака, какой ему попадется подъ руку. Въ деревню пришелъ одинъ пруссакъ, который, доведя Декури до высшей степени раздраженія, заставилъ его довести себя въ тѣлѣжкѣ до Вилль-Невъ-Сень-Жоржъ. «Ну, и что же,—спросилъ я его:—когда вы были съ нимъ на дравильской дорогѣ, вы убили его?»—«Нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ онъ:—я не могъ этого сдѣлать: онъ заснулъ». Восхитительное слово. Это уваженіе къ заснувшему врагу напоминаетъ мнѣ почти подробную черту въ одномъ албанцѣ изъ окрестностей Фивъ, который поссорился съ Дю-Паркэ и, имѣя въ рукѣ ружье, приложилъ ему къ щекѣ. Я лежалъ возлѣ нихъ больной. Дю-Паркэ избѣжалъ бѣды, сдѣлавъ знакъ, что онъ меня разбудить».

На это Гюго отвѣтилъ, благодаря за рассказанную исторію о Декури: «Объщаю вамъ,—писалъ онъ въ заключеніе:—такое же милосердіе, когда мнѣ удастся усыпить моего пруссака. Только бы не онъ съ этого началъ. Что бы вы сказали, если бы эта крупная ссора окончилась поединкомъ сна. Вотъ было бы образцово: замѣтте, что я говорю не академически».

Среди писемъ Гюго попадаются косвенно касающіяся Гюго; таково письмо Сень-Марка-Жерердена къ Лебрену, которому онъ посылаетъ свою рѣчь для академіи или, вѣрнѣе, канву рѣчи, прося ее передать также Гюго. Одно письмо г-жи Гюго къ г-жѣ Лебрень касается одной бѣдной женщины, за которую просила г-жа Гюго. Относительно письма Виктора Гюго къ г-жѣ Лебрень также по содержанію не представляютъ интереса и касаются большею частью сожалѣнія, что онъ не можетъ посѣтить семью Лебрена. Въ послѣднихъ письмахъ къ ней поэтъ пишетъ: «Я совсѣмъ не авторъ этихъ нѣсколькихъ строкъ. Я все-таки посылаю ихъ вамъ, ибо мнѣ кажется, что маленькая газета, разъ пущена въ ходъ, пойдетъ сама собою довольно хорошо по моимъ слѣдамъ. Мнѣ не нравится слово: «иногда неблагодарный», но въ общемъ—это хорошо, а затѣмъ, въ интересахъ нашего успѣха, я въ восторгѣ отъ поощренія по адресу г-жи Рашель».

Черезъ два дня онъ извѣщалъ г-жу Лебрень, что получилъ слишкомъ поздно ея записку для напечатанія въ «*Journal des Débats*». «Спѣшу вамъ написать и послать эти нѣсколько строкъ. Я очень обрадовался, обрадовался, какъ настоящій ребенокъ, прочитывая ихъ сегодня утромъ. Кажется, мою редакцію продолжаютъ принимать. Смирненно кладу ее къ вашимъ ногамъ. На этотъ разъ тамъ ничего не перемѣнили. Только такъ какъ я не хочу хвастаться никакимъ

чужимъ перомъ, то долженъ объявить вамъ, что три страницы относительно «Fausse Agnesse»—не мои.

Свои письма къ Лебрену Гюго заканчивалъ самыми горячими увѣреніями любви и дружбы. Г-жа Гюго не отставала отъ мужа въ выраженіяхъ расположенія, и въ декабря 1846 г. писала г-жѣ Лебренъ: «Не думаете ли вы, сударыня, что вамъ, можетъ быть, сегодня вечеромъ полезенъ кавалеръ. Въ случаѣ, г-нъ Лебренъ не свободенъ, быть можетъ, не пойдете ли вы удобнымъ воспользоваться моимъ мужемъ. Ожидаю вашего рѣшенія относительно того, чтобы мой мужъ былъ къ вашимъ услугамъ. Я была бы счастлива, сударыня, находясь въ этихъ обстоятельствахъ. Это настолько вѣрно, что, какъ только пришло приглашеніе, я тотчасъ же подумала, какос бы для меня было удовольствіе провести возлѣ васъ нѣсколько минутъ».

Этимъ пока заканчивается новая серія писемъ Гюго.

— Характеристика короля Греціи Георга III.—Смерть короля Греціи Георга, убитого въ Салоникахъ въ торжественный для Греціи моментъ, вызвала цѣлый рядъ статей, посвященныхъ его дѣятельности.

Король умеръ, по выраженію посланника Французской республики въ Аѳинахъ Ормессона, помѣстившаго въ «Revue Hebdomadaire» статью, посвященную его памяти, «умеръ, какъ солдатъ на полѣ сраженія»,—хотя покойный король совѣмъ не былъ военнымъ человѣкомъ, а тонкимъ, ловкимъ дипломатомъ. Король Георгъ, какъ младшій сынъ короля (братъ вдовствующей императрицы Маріи Теодоровны и вдовствующей королевы Англіи Александры), по обычаю датскаго королевскаго дома былъ воспитанъ для морской дѣятельности. Однако обстоятельства потребовали отъ него именно дипломатическихъ способностей, которыя онъ какъ нельзя лучше проявилъ, умѣло использовавъ свои блестящія родственныя связи на пользу греческаго народа.

Моложавый, изящный король Георгъ прекрасно знакомъ парижанамъ, гостемъ которыхъ онъ часто бывалъ вмѣстѣ со своимъ зятемъ королемъ Англіи. Эдуардомъ VII. Парижскій театральнй мірокъ хорошо зналъ эти двѣ иностранныя коронованныя фигуры, отдохавшія отъ государственныхъ заботъ среди веселыхъ парижанъ.

Г. Ормессонъ говоритъ, что «въ часы неблагодарности народъ сомнѣвался въ дѣйствительной пользѣ этихъ ежегодныхъ поѣздокъ то въ Парижъ, то въ Э-ле-Ванъ, то въ Вѣну къ престарѣлому императору Францу-Юсифу. Но, по его словамъ, предпріятыя имъ поѣздки скрывали дипломатическую хитрость: эти поѣздки напоминали часто забывчивой Европѣ о задачѣ, все еще висѣвшей въ воздухѣ, относительно Крита и Македоніи. За послѣднія двадцать лѣтъ критскій вопросъ сильно озабочивалъ аѳинское правительство, принужденное тратить крупныя суммы на содержаніе критскихъ бѣглецовъ и входить въ долги въ такую эпоху, когда экономическое развитіе государства еще не обезпечило его бюджету тѣ ресурсы, которые оно нашло только недавно.

Послѣ европейскаго вмѣшательства въ 1897—1898 годахъ, въ эпоху, которую тогда прозвали «адмиральскимъ режимомъ», Греція получила въ лицѣ

королевича Георга отъ четырехъ державъ-покровительницъ Крита миссію обезпечить порядокъ на Критѣ подъ сюзеренствомъ Турціи. Съ этой задачей ловко и успѣшно справлялся принцъ Георгъ. Но вслѣдствіе недоразумѣній онъ вернулся разочарованный, какъ разочаровалось и народонаселеніе Крита. Это вызвало неудовольствіе, образованіе партій, борьбу, въ которую приближенные вмѣшали короля Георга, тогда какъ онъ долженъ былъ занять независимое положеніе. Одному человѣку было понятно какъ положеніе Крита, такъ и политики, какую ему предстояло вести въ ожиданіи, когда обстоятельства наконецъ перемянутся и Критъ по желанію всѣхъ критянъ присоединится къ Греціи. Это былъ Венизелось, которому Греція многимъ обязана, хотя въ Греціи и Аѣинахъ на него взводили несправедливыя обвиненія, будто онъ думаетъ болѣе объ интересахъ своей семьи, чѣмъ о выгодахъ Крита. Впослѣдствіи онъ имѣлъ случай блестяще оправдаться отъ этихъ обвиненій. Король Георгъ выказалъ себя тонкимъ политикомъ въ моментъ, когда Греція избрала Венизелоса на отвѣтственную должность. Самъ Ормессонъ признаетъ, что Венизелось лучше другихъ былъ подготовленъ привести къ концу балканское соглашеніе, что было безусловнымъ условіемъ для осуществленія, насколько это возможно въ настоящее время, великой національной идеи, тяжесть которой и безпрестанно возникавшіе конфликты между Аѣинами и Софіей несли на своихъ плечахъ аѣинскіе государственные люди.

Но новой ориентаціи эллинской дипломатіи было недостаточно: требовалось дать ей надлежащее орудіе для дальнѣйшаго дѣйствія: деньги, армію и флотъ. Въ этомъ отношеніи Венизелось и отчасти предшествовавшіе ему государственные люди: Займись, первый министръ, избранный послѣ несчастнаго похода 1897 года, Теотокись, Деліанись, Ральись, Мавромихались, Драгунись, Александръ Скусесь и Атось Романось, къ которому послѣдовательно возвращался нѣсколько разъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ.

За это время чисто морская держава Греція менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ преобразовала и развила свой флотъ. Многіе греки, одушевленные патриотической идеей эллинизма, оказали Греціи большія услуги, оставивъ ей милліоны для развитія различныхъ интеллектуальныхъ гуманитарныхъ задачъ и учрежденій. Это были Цаппасъ, Сингросъ, Маразли, Вальяно, подражавшіе Синамъ, Арсаки, Варвакисамъ и прочимъ патриотамъ. Они устроили дворець для выставки, олимпійскій стадій съ мраморными ступенями, бульваръ, Фалерскій зоологическій садъ (это устроилъ грекъ, живущій въ Одессѣ), тюрьму, университетъ, большія школы, больницы. Г. Ормессонъ провелъ въ Греціи восемь лѣтъ и свидѣтельствуеъ, какой подъемъ патриотическихъ чувствъ живетъ въ грекахъ. Болѣе ста милліоновъ франковъ перешли за этотъ періодъ времени изъ частныхъ рукъ на государственныя потребности. «Я громко объявляю, что эта страна, эта раса одушевлена такимъ патриотизмомъ, который соединяется съ законной гордостью ихъ прошлымъ и вѣрою, во что бы то ни стало, въ будущее, и они способны выполнить свою задачу и достойны, чтобы всѣ ихъ уважали и восторгались ими».

Многіе среди греческихъ патриотовъ греки только по крови, сердцу и идеямъ, хотя они и другого этническаго происхожденія. По наблюденіямъ Ормессона, греки быстро акклиматизируются, гдѣ бы они ни жили, по идея эллинизма живетъ въ

нихъ такъ крѣпко, что на другой день по объявленіи войны они массами возвращались отовсюду, чтобы вступить въ ряды, подъ синее съ бѣлымъ знамя, не колеблясь оставляя положеніе и семьи. Такое патріотическое настроеніе облегчало королю задачу увеличить армію, и въ 1912 году Греція собрала около двухсотъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ 1897 году она располагала арміей въ семьдесятъ пять тысячъ и то плохо вооруженныхъ, такъ какъ парламентъ не давалъ средствъ ни на оружіе, ни на экипировку. Только впоследствии были пріобрѣтены пушки и ружья и нѣкоторыхъ результатовъ добились только лѣтъ шесть-семь тому назадъ. Тогда многіе ссылались на то, что Греція выполнить свою задачу не посредствомъ оружія, а съ помощью финансовъ и хорошей администраціи, которая послужить образцомъ для другихъ восточныхъ народовъ.

Вся сила грековъ, какъ утверждаетъ Ормессонъ, въ эллинизмъ, въ великой идеѣ, которая переживала всѣ неудачи. И эту силу эллинизма никогда не хотѣли понять иностранные дипломаты. Ихъ идеѣ эллинизма, то есть совокупности греческихъ колоній, разбросанныхъ по всему свѣту, группировки эллиническихъ народностей, занимающихъ острова Эгейскаго моря, главные центры Фракіи и Македоніи, оба берега Босфора, Мраморнаго моря и Малой Азіи,—оставались вѣрны французы. Эллинизмъ нравственно и матеріально поддерживалъ короля Георга и министровъ, и теперь онъ вмѣстѣ съ ними торжествуетъ.

Страна, потерявшая въ 1897 году, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, пораженіе, вновь воспрянула духомъ и добилась своего торжества, благодаря тому же эллинизму: отъ генерала до солдата каждый сознавалъ, что онъ борется за священное дѣло.

Неудачу прежней войны Ормессонъ объясняетъ тѣмъ, что король и правительство были втянуты въ нее противъ своего желанія. Они сознавали, что не были къ ней подготовлены. Отвѣтственность за нее должно всецѣло возложить на чрезмѣрное проявленіе національнаго характера. Тогда у Греціи не было ни солдатъ, ни военнаго матеріала, ни организаціи, однимъ словомъ, ничего необходимаго для веденія современной войны. И все-таки она отважно выступила противъ непріятеля подъ руководствомъ наслѣднаго принца, хотя не выказавшаго тогда тѣхъ военныхъ талантовъ, которые онъ пріобрѣлъ и развилъ впоследствии, но показавшаго устойчивый характеръ и неотразимый патріотизмъ, чѣмъ онъ спасъ честь знамени, что бы тамъ ни говорили, замѣчаетъ Ормессонъ.

Когда начали говорить о современныхъ успѣхахъ грековъ, нѣкоторые не вѣрили и удивлялись. Такое преобразование греческой арміи произошло, какъ признаетъ самъ Ормессонъ, конечно, не благодаря королю Георгу, роль котораго, съ военной точки зрѣнія, была не видная. Этимъ Греція обязана греческому патріотизму, неутомимой работой генерала діадоха, получившаго военное воспитаніе въ Германіи и вывезшаго оттуда умѣнье работать и дисциплину.

Послѣ 1897 г. король удачно остановилъ свой выборъ на Займисѣ «для леченія ранъ заболѣвшей страны». Его выборъ былъ удаченъ; затѣмъ онъ также удачно замѣнилъ его Мавромихалисомъ, изъ старинной аристократи-

ческой семьи, Ральсомъ, народнымъ трибуномъ Драгумисомъ и прочими патриотами, страстно желавшими вывести страну изъ остраго кризиса. Наконецъ, когда пробилъ часъ, Георгъ довѣрилъ Венизелосу, прежнему главѣ критянъ, сдѣлавшемуся государственнымъ человѣкомъ, заботу прервать революцію, сдѣлать армию и флотъ способными для борьбы съ врагами, заключить союзы, которые позволили бы Греціи постоять за себя въ балканской борьбѣ.

Въ общихъ чертахъ французскій дипломатъ даетъ слѣдующую характеристику покойнаго короля. Георгъ III былъ дѣйствительно миролюбивымъ, доброжелательнымъ королемъ, простаго нрава; это былъ чисто демократическій глава народа, всѣми любимый, Убийство совершено въ моментъ, когда ему предстояло оказать своему народу столько услугъ. Но его работа остается. Онъ сумѣлъ соединить армию около двухсотъ тысячъ человѣкъ, завоевавшую южную Македонію и Эпиръ, хорошо вооруженный флотъ, сумѣвший удержать господство на морѣ, оказать самую большую услугу союзникамъ и занять острова Эгейскаго моря. Онъ оросилъ своей кровью Фессалоникскую землю, которая сдѣлалась снова греческой и должна таковою остаться. Кто же осмѣлится послѣ совершившейся жертвы овладѣть ею въ ущербъ расѣ, которой она принадлежала цѣлые вѣка, точно также какъ и Эпиръ съ островомъ Хіо?—спрашиваетъ Ормессонъ. Покойный король принесъ въ приданое Греціи въ 1864 году Ионическіе острова, въ 1880 году почти всю Фессалію взамятъ нейтралитета во время русско-турецкой войны и часть Эпира; въ 1897 году, по его просьбѣ, какъ мужа русской великой княгини Ольги Константиновны, Россія вмѣшалась и остановила движеніе турокъ по дорогѣ къ Аѳинамъ, въ 1912—13 г.г. послѣ побѣды, одержанной греческой арміей подъ командой генерала Діадоха, король Георгъ III торжественно вступилъ въ Салоники, назначивъ ихъ своей резиденціей вмѣстѣ съ своей семьей, и оплатилъ своею кровью возвращеніе античной Фессалоники Элладѣ.

— Русскій театральный сезонъ за границей.—Русскій театральный сезонъ въ Лондонѣ и Парижѣ теперь сдѣлался обычнымъ явленіемъ. Англичане попрежнему благоволятъ къ русскому искусству въ области музыки и хореографіи. Весною нашъ соотечественникъ г. Сафоновъ принималъ участіе въ лондонскомъ филармоническомъ концертѣ, гдѣ руководилъ оркестромъ, исполнившимъ девятую симфонію Бетховена.

Увлеченіе англичанъ русской музыкой, особенно народной мелодіей, не остыло. Весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Bechstein Hall пианистка г-жа Гессъ исполнила двѣ русскія музыкальныя картинки изъ «Майской ночи на Украинѣ», галопъ Мазепы и гопакъ, который музыкальный критикъ «Academy» за апрѣль мѣсяцъ нашелъ интересной вещью.

Наконецъ лондонскій «grand season» открылся русскимъ балетомъ съ г-жою Павловою во главѣ. Лондонцамъ предстоялъ трудный выборъ: съ одной стороны, въ Ковентгарденскомъ театрѣ нѣмецкій сезонъ съ операми Вагнера, «со старымъ, по выраженію музыкальнаго критика «Academy», утомительнымъ», порою скучнымъ «Тангейзеромъ»; съ другой,—русскій сезонъ съ балетомъ при участіи г-жи Павловой. Такимъ образомъ происходитъ столкновение двухъ силъ: чуднаго гения и привлекательнаго вновь появившагося образа очаровательной

г-жи Павловой «съ музыкой въ ея лицѣ и позеіей въ ея движеніяхъ». Г-жа Павлова привезла англичанамъ новыя улыбки, костюмы и танцы. Высшій слой общества и средній, богатые и бѣдные, всѣ стремились посмотрѣть «L'après midi d'un Faune» Нижинскаго, но г-жа Павлова выступила въ «Préludes». Говорить объ ея исполненіи значить повторять прежнія похвалы ея изящному, тонкому исполненію. Фокинъ также очень изященъ, но мѣстами циниченъ, что критикъ находитъ простительнымъ, потому что онъ близокъ къ дѣйствительности. Декораціи Бориса Ансфельда болѣе нравятся, когда ихъ видишь второй разъ. Оркестръ подъ умѣлымъ управленіемъ хорошо исполнилъ музыкальную часть.

Въ Парижѣ сезонъ также начался балетомъ, или, вѣрнѣе, роème danse «Игры»—Нижинскаго, музыка Дюбюсси. Исторія этой маленькой, граціозной вещицы слѣдующая. Идея этого балета зародилась прошедшей весною въ Булонскомъ лѣсу, во время завтрака, на которомъ среди небольшого общества находился авторъ «Петрушки» Нижинскій и авторъ «Pelléas» Дюбюсси. Возникъ разговоръ о балетѣ: одни говорили, что матеріалъ для балета можетъ доставить только исторія; другіе утверждали, что невозможно создать стиль для балета, близкій къ современнымъ хореографическимъ идеямъ. Когда всѣ высказали свое мнѣніе, тогда Нижинскій мягко, но рѣшительно высказалъ совершенно противоположное мнѣніе. Онъ представилъ себѣ прежде всего, что на сценѣ теперь долженъ быть современный человѣкъ, современный костюмъ. Конечно, и пластика и движенія танцора должны характеризовать наше время. Въ человѣческомъ тѣлѣ, по словамъ Нижинскаго, есть элементы, означающіе эпоху, въ которую они проявились. Между современнымъ человѣкомъ, прогуливающимся съ газетой въ рукахъ или танцующимъ «танго», нѣтъ ничего общаго съ вельможей эпохи Людовика XV, танцовавшимъ менуэтъ или читавшимъ рукопись XIII вѣка.

Сдѣланныя Нижинскимъ наблюденія надъ играющими въ поло, гольфъ или теннисъ убѣдили его, что эти игры не только гигиеничный отдыхъ, но онѣ также создаютъ пластическую красоту. И изъ этого наблюденія онъ вынесъ надежду, что наше время будетъ характеризоваться въ будущемъ такимъ же выразительнымъ стилемъ, какимъ мы любуемся изъ прежнихъ эпохъ.

Кто-то сдѣлалъ замѣчаніе, что трудно вообразить современный сюжетъ, благоприятный для разработки къ нему музыки. На это Нижинскій отвѣтилъ, что сюжетъ балета ничего не значить или можетъ быть извѣстенъ всѣмъ. «Во время исполненія балета задумываются надъ нимъ не болѣе, какъ во время исполненія симфоніи или стоя предъ картиной. Быть можетъ, Стендаль отдалъ бы предпочтеніе Фаусту Вигано предъ Фаустомъ Гете».

И Нижинскій принялся развивать тему балета, о которой мы не будемъ распространяться въ виду того, что публика петербургскихъ театровъ, вѣроятно, сама увидитъ новый балетъ. Дюбюсси понравилась идея г. Нижинскаго, и онъ предположилъ написать къ новому балету музыку. Черезъ два мѣсяца музыка была готова, а Нижинскій приложилъ къ ней свои новые принципы, конечно, еще не окончательно выработавшіеся и потому вызывающіе массу споровъ и недоумѣній въ публикѣ, какъ все новое сложное, къ которому еще не при-
«ВЫКЪ ГЛАЗЬ».

Принцип свой онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде балетмейстеръ бралъ палитру съ красками, музыканты составляли партитуру звуковъ, и подъ этотъ двойной текстъ артисты дѣлали прыжки или танцевали съ жестами и мимикой. Такимъ образомъ, изъ этого получался здѣсь ритмъ вальса, тамъ сцена на рынкѣ или сцена убійства. Когда тромбоны рычали, окровавленные разбойники бросались на женщинъ и увлекали ихъ. Но никогда ни у кого не возникало мысли, что человѣческое тѣло одно можетъ дать цѣлую «палитру звуковъ» и «цѣлый оркестръ красокъ».

Нижинскій старается создать партитуру движеній, гдѣ онъ располагаетъ своими инструментами (которые составляютъ само человѣческое тѣло) такъ, чтобы оно было въ безусловномъ согласіи съ бѣлымъ пятномъ Бакста или группой скрипокъ Дюбюсси. «Моя композиція тѣмъ болѣе легка, что человѣческое тѣло обладаетъ не только четырьмя струнами, но безконечнымъ множествомъ чувствительныхъ и выразительныхъ элементовъ. Когда я напишу эту партитуру движеній, я въ ней укажу не одни прыжки или туры, а также каждый наклонъ головы, каждый сгибъ пальца, однимъ словомъ, варіацію пластическихъ движеній, которыми часто пренебрегаютъ».

Идея Нижинскаго еще въ зачаткѣ, но она имѣетъ свое будущее, когда онъ ее отдѣляетъ, разовьетъ, здѣсь урѣжетъ, тамъ прибавитъ. Его балетъ будетъ интересенъ будущимъ поколѣніямъ, какъ современной публикѣ интересно смотрѣть на античные танцы и на танцы другихъ эпохъ. Нижинскій съ своей идеей хочетъ создать танцы еще одной эпохи и этимъ обогатитъ исторію балета.

Его новый балетъ во главѣ съ г-жой Карсавиной и самимъ г. Нижинскимъ вызвалъ въ парижанахъ революцію. Одни стоятъ за идею Нижинскаго, другіе противъ, и, какъ бываетъ во время революціи, настоящее устойчивое мнѣніе еще не выплыло со дна взволнованнаго моря парижской массы, не вникнувшей пока въ идею г. Нижинскаго. Французы все еще никакъ не могутъ примириться, что свѣтъ, по крайней мѣрѣ въ области хореографіи, можетъ проявиться съ востока, изъ Россіи, отъ русскихъ варваровъ. Поэтому они стараются доискаться французскаго вліянія и находятъ его въ лицѣ покойнаго Маріуса Петипа, какъ извѣстно, французскаго происхожденія: Г. Нижинскій, по его личному признанію, былъ ученикъ М. Петипа, который когда-то ввезъ въ Россію принципы французскаго танца XVIII вѣка и великой романтической эпохи, значить, все-таки свѣтъ пришелъ съ запада, и, главное, изъ Франціи.

«Случай странно капризенъ,—говоритъ одинъ изъ французскихъ критиковъ г. Нижинскаго Hector Cahusac:—рукопеская пластическому осуществленію идеи Нижинскаго, мы только вновь отвоевали національную традицію нашей хореографической школы, благородной, соразмѣрной, составившей славу двумъ вѣкамъ танцевъ».

— Полярная экспедиція во времена Шекспира ¹⁾.—Въ одной изъ лучшихъ комедій Шекспира «Двѣнадцатая ночь» слуга графини Оливіи, упрекая въ недостаткѣ храбрости неудачно сватавагося за нее глуповатаго щеголя сэра Эгчика, между прочимъ, говоритъ ему: «Во мнѣніи графини вы поплыли на

¹⁾ «Nineteenth Century», april 1913.

«Истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. сxxxii.

сѣверь, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ голландца, пока не поправите дѣла какимъ-нибудь чрезвычайнымъ порывомъ храбрости или тонкой политикой».

Эта фраза, на которую комментаторы Шекспира давно уже обратили вниманіе, намекаетъ на знаменитаго голландскаго путешественника по сѣвернымъ морямъ Вильгельма Барентса. Отправившись изъ Амстердама 18-го мая 1596 г. съ пятьюдесятью спутниками, Барентсъ открылъ островъ Шпицбергенъ, но дальше плыть не могъ, такъ какъ льды затирали его со всѣхъ сторонъ и принудили его зимовать на одномъ изъ самыхъ непривѣтливыхъ пунктовъ Новой Земли. Эту зимовку изъ всего его экипажа пережили только семь чловѣкъ, которые впоследствии были отвезены въ Гаагу, гдѣ ихъ соотечественники устроили имъ восторженный приѣмъ.

Самъ Барентсъ, котораго посланная за нимъ вспомогательная экспедиція застала еще въ живыхъ, умеръ черезъ нѣсколько недѣль по дорогѣ въ Гаагу— умеръ отъ перенесенныхъ лишеній и внезапной радости спасенія. Его предсмертный разсказъ, а затѣмъ и разсказы уцѣлѣвшихъ въ живыхъ участниковъ его экспедиціи пустили въ оборотъ европейской публики цѣлую массу необыкновенныхъ диковинокъ. Вездѣ только и разговоръ было, что о знаменитой полярной экспедиціи въ заморскія страны. Находя отзывчивыхъ слушателей и увлекаясь сами, сѣверные изслѣдователи не ограничивались описаніемъ сосулекъ, приставшихъ къ ихъ бородамъ, которыя, какъ видно, особенно поразили воображеніе Шекспира, но разсказывали вещи гораздо болѣе диковинныя. Такъ, полярные путешественники утверждали, что неоднократно пища, которую они себѣ варили, превращалась въ ледъ, пока объѣдающіе несли ее къ себѣ въ ротъ. Бѣлья, по ихъ словамъ, совсѣмъ нельзя было мыть: какъ только его вынимали изъ горячей воды, вода остывала моментально и превращалась въ ледъ. Когда невольные обитатели Новой Земли грѣлись около камина, не будучи въ состояніи двинуться отъ холода, ихъ сапоги и чулки успѣвали будто бы сгорѣть раньше, чѣмъ они чувствовали какую-нибудь теплоту въ ногахъ.

Словомъ, знаменитые спутники Барентса, изображая пережитыя ими страданія, примѣшивали къ своимъ разсказамъ массу небылицъ, не уступавшихъ похождениямъ пресловутаго барона Мюнгаузена. И эти разсказы тѣмъ болѣе возбуждали любопытство, что никто не могъ оспаривать ихъ достовѣрность, ибо только спустя триста лѣтъ послѣ путешествія Барентса снаряжена была новая полярная экспедиція. Во главѣ ея сталъ норвежецъ Карлсенъ, который въ 1871 году неожиданно для себя открылъ остатки экспедиціи своего далекаго голландскаго предшественника. Онъ нашелъ въ цѣлости построенный экспедиціей Барентса деревянный домъ, разбросанную вокругъ него посуду, гвозди, плотничьи инструменты, огнестрѣльное оружіе, веревки, подсвѣчники и другія вещи домашняго и корабельнаго обихода. Все это пролежало и простояло цѣлыхъ три вѣка почти безъ всякаго измѣненія. Карлсенъ привезъ съ собою экземпляръ библіи и кое-какія другія старинныя книги, за которыми коротали въ долгіе зимніе вечера свой невольный досугъ современники Шекспира.

Авторъ «Гамлета» могъ бы, впрочемъ, заимствовать свѣдѣнія о полярныхъ странахъ и у своихъ англійскихъ изслѣдователей. Въ его время, когда другихъ

мореплавателей тянуло по преимуществу къ югу, подданные Тюдоровъ стремились упорно къ сѣверу. Сѣверныя страны представлялись ихъ воображенію преисполненными всякихъ чудесъ, чѣмъ-то въ родѣ рая, окруженнаго со всѣхъ сторонъ льдами, за которыми сіяло неподвижное солнце и царствовала вѣчная весна. Ходили даже слухи, что почва въ этихъ изумительныхъ странахъ вся пропитана золотомъ и усѣяна драгоцѣнными камнями.

Все это создавало своего рода гипнозъ, который тяготѣлъ надъ англичанами въ теченіе всего XVI вѣка. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Англіи Ричардъ Гаклюйтъ, желая поощрить своихъ земляковъ къ путешествіямъ въ эти сказочныя страны, собираетъ и издаетъ въ свѣтъ рассказы и отчеты всѣхъ прежнихъ полярныхъ мореплавателей. Гаклюйтъ сталъ такъ популяренъ въ средѣ сѣверныхъ изслѣдователей, что болѣе двадцати вновь открытыхъ географическихъ полярныхъ пунктовъ были названы его именемъ. Такъ, на прежнихъ картахъ существовали горы Гаклюйта, заливы Гаклюйта, которые впоследствии получили другія названія по имени позднѣйшихъ изслѣдователей. Только сѣверный уголь Шпицбергена, впервые открытый Барентсомъ въ 1596 году, продолжаетъ и теперь называться мысомъ Гаклюйта. Литературные труды Гаклюйта переизданы въ настоящее время лондонскимъ Гаклюйтскимъ обществомъ и служатъ весьма важнымъ источникомъ, между прочимъ для исторіи раннихъ сношеній Англіи съ Россіей.

Непрерывной цѣлью всѣхъ англійскихъ экспедицій въ продолженіе XVI вѣка являлось открытіе сказочной полярной имперіи, о которой упоминаетъ Шекспиръ. Въ 1553 году изъ Ратклиффа на берегу Темзы были отправлены три корабля, которымъ было поручено передать императору заморской страны собственноручное письмо юнаго Эдуарда VI. Эти три корабля были: «*Bona Esperanza*» («Добрая Надежда»), «*Bona Confidentia*» («Добрая Увѣренность») и «*Bonaventura*» («Хорошая Удача»). Экипажу ихъ приказано было постараться убѣдить жителей полярной имперіи въ величій и могущество Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ихъ вниманію національные англійскіе продукты: сукно, башмаки, мыло и восковыя свѣчи. Издержки по снаряженію экспедиціи и всего путешествія брала на себя компанія лондонскихъ купцовъ. Общее начальство надъ флотиліей было поручено сэру Виллогби, помощникомъ котораго былъ назначенъ нѣкій Ричардъ Ченслеръ, опытный морякъ, совершившій на своемъ вѣку немало морскихъ переходовъ.

На параллели Шотландскихъ острововъ «*Bonaventura*» вслѣдствіе густого тумана должна была отдѣлиться отъ двухъ своихъ спутниковъ. «*Bona Esperanza*» и «*Bona Confidentia*» подъ управленіемъ Виллогби прошли мимо какого-то острова, названнаго ими островомъ Виллогби и оказавшагося при болѣе подробномъ изслѣдованіи южной частью Новой Земли. Послѣ этого оба корабля должны были искать на зиму убѣжища у береговъ Лапландіи. Экипажъ ихъ состоялъ изъ шестидесяти девяти человѣкъ, и ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ. Лапландія стала ихъ общей могилой.

Два года спустя на ихъ поиски была отправлена вспомогательная экспедиція. Когда вновь прибывшіе достигли того мѣста, гдѣ зимовали эти несчастные шестьдесятъ девять человѣкъ, были найдены только ихъ обледенѣвшіе трупы.

Болѣе счастливымъ оказался третій корабль «Bonaventura», предводимый искуснымъ Ченслеромъ. Не найдя сказочной имперіи, Ченслеръ, самъ того не ожидая, открылъ Россію. Гонимый попутнымъ вѣтромъ, онъ достигъ Бѣлаго моря, вошелъ въ Двину, добрался до Архангельска, а оттуда сухимъ путемъ съѣздивъ въ Москву къ Ивану Грозному.

Вѣсть о возможности большихъ торговыхъ дѣлъ съ Россіей быстро распространилась въ Англіи по возвращеніи «Bonaventura». Въ слѣдующемъ же году корабль Ченслера былъ опять нагруженъ англійскими товарами, предназначенными для Московіи. Но на этотъ разъ счастье измѣнило Ченслеру: у береговъ сѣверной Шотландіи его захватила сильная буря, которая бросила его корабль прямо на отвѣсныя скалы. «Bonaventura» и всѣ ея товары погибли; пошелъ ко дну и самъ капитанъ Ченслеръ.

— Людовикъ XVI и гибель монархіи ¹⁾.—10-го мая 1774 года дофину Франціи доложили въ Версальскомъ дворцѣ, что его дѣдъ, Людовикъ XV, заболѣвшій оспой, находится при смерти.

— Боже мой!—воскликнулъ будущій Людовикъ XVI:—теперь я самый несчастный человекъ.

И, какъ бы говоря самъ съ собой, онъ прибавилъ:

— Я вижу, что такъ хочетъ Богъ. Мнѣ остается только охранять религію, удалить отъ себя порочныхъ плутовъ и облегчить тяготы народа.

Тутъ же онъ приказалъ главному контролеру финансовъ аббату Террѣ раздать бѣднымъ города Парижа двѣсти тысячъ ливровъ.

— Если вы находите, что по состоянію государственнаго казначейства сумма эта слишкомъ велика, — прибавилъ новый король:—то вы удержите ее изъ моего содержанія и изъ содержанія моей жены.

Девятнадцатилѣтняя Марія-Антуанетта была перепугана не менѣе супруга неизбежной необходимостью стать королевой. Пока умиралъ Людовикъ XV, исповѣдуя свои грѣхи среди мертвой тишины,—боясь заразы, всѣ слуги разбѣжались подальше отъ его спальни,—на окнѣ дворца была поставлена зажженная свѣча, возвѣщавшая французскому народу, что шестидесятилѣтнее царствованіе короля кончилось и что все бремя отвѣтственности падаетъ теперь на хрупкія плечи робкаго наслѣдника престола.

Не успѣли выставить заветную свѣчу, какъ въ коридорахъ и галереяхъ дворца послышался топотъ, подобный раскатамъ отдаленнаго грома. То бѣжала стая придворныхъ, которые бросились изъ апартаментовъ скончавшагося короля, толкаясь и работая локтями, и старались поскорѣе приблизиться къ новому источнику милостей, поскорѣе попасться ему на глаза.

Молодые и неопытные Людовикъ и Марія-Антуанетта были перепуганы наплывомъ этихъ льстецовъ и эгоистовъ, и ихъ мрачныя предчувствія не замедлили оправдаться. Обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ выпрашиватели подачекъ стали проявлять неудовольствіе. Неудовлетворенные честолюбцы, задѣтые за живое чванливые гордецы проникаются враждебностью, ненавистью

¹⁾ «Le Temps», 23 авг. 1913.

къ новому королю, и среди этих придворныхъ паразитовъ революція потомъ найдеть себѣ наиболѣе рьяныхъ сторонниковъ.

Услышавъ топотню и шумъ, который производило это придворное стадо, король и королева, беспомощные и хрупкіе, упали на колѣни, поднимая руки къ небу.

— Боже, помоги намъ царствовать,—взмолилась эта юная пара.

— Какое бремя! А меня ничему не научили!—беспомощно восклицала король.

«Король сегодня скончался,—писала Марія-Антуанетта своей матери, австрійской императрицѣ Маріи-Терезіи.—Боже мой! Что съ нами будетъ! Не оставляйте совѣтами вашихъ несчастныхъ дѣтей»:

Между тѣмъ народъ, собравшись въ ожиданіи королевскаго кортежа передъ рѣшеткой Версальскаго дворца, громко кричалъ: «да здравствуетъ король!»

Реформа, направленная противъ злоупотребленій и возвѣщенная первыми декретами короля, быстро снискала ему популярность. Къ несчастью, эти злоупотребленія были освящены долгимъ обычаемъ, вошли въ кровь и плоть и были на руку людямъ сильнымъ и вліятельнымъ. Тронуть эти злоупотребленія значило совершить своего рода святотатство.

Такимъ образомъ, старый режимъ вращался въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не было выхода. Нельзя было жить дальше среди безчисленныхъ злоупотребленій, такъ раздражавшихъ общество и народъ. Съ другой стороны, наложить на нихъ руку значило лишиться себя поддержки со стороны того элемента, который былъ необходимъ для существованія этого режима. Сначала Тюрго и Малербъ, потомъ Неккеръ и Санъ-Жерменъ вздумали было удалить наиболѣе крикливыхъ паразитовъ государственнаго казначейства и нажили себѣ множество враговъ, пускавшихъ про нихъ всяческія клеветы и всѣми силами старавшихся подорвать ихъ авторитетъ въ глазахъ короля. Уничтоженіе sineкуръ выбросило значительную часть этихъ людей, оставшихся безъ дѣла и безъ средствъ, въ ряды революціи. Лишившись своихъ пребендъ и подачекъ, эти люди озлобились и, можетъ быть, сами не замѣчая того, что идутъ противъ вскормившаго ихъ режима, стали нападать на ненавистныхъ имъ министровъ, осмѣлившись покуситься на ихъ карманъ. Распространяя подъ полой памфлеты и клеветническія измышленія, они сплетали интриги, сваливали неугодныхъ ихъ администраторовъ въ родѣ Тюрго, а потомъ Неккера, и такимъ образомъ начали революціонную, разрушительную работу задолго до того, какъ она вышла на улицу и изъ рукъ придворной камарильи перешла въ руки якобинцевъ.

Любопытно, что даже наиболѣе прозорливые изъ современниковъ не видѣли этой страшной опасности, грозившей старому режиму, и, напримѣръ, Вольтеръ, привѣтствуя намѣренія короля внести строгій порядокъ въ государственное хозяйство, говорилъ, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ:

«Наступило наконецъ царство разума и добродѣтели. Въ первый разъ король принимаетъ сторону своего народа».

«Плохое настало теперь время для плутовъ и придворныхъ», писала m-Ne Лепинассъ.

Французскіе салоны съ ихъ культоть свѣтской бесѣды, долго выработавшееся при французскомъ дворѣ остроуміе, все это теперь обратилось противъ ненавистныхъ камарильѣ новаторовъ. Злые языки работали во всю, злослова, вышучивая и клевета на людей, которые видѣли свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы спасти государство, обновить его, приспособивъ къ современнымъ потребностямъ.

Единственнымъ залогомъ успѣха такихъ людей, какъ Неккеръ и Тюрго, было бы искать популярности въ народныхъ массахъ, противопоставить клеветѣ, фабриковавшейся въ придворной средѣ, широкую гласность. Король былъ слишкомъ ненадежной для нихъ опорой противъ интригъ двора, косности буржуазіи и легковѣрія толпы. Къ сожалѣнію, дѣятели новаго склада пренебрегли этимъ средствомъ. Какъ людямъ высокаго образа мыслей, имъ претило это исканіе популярности, они предпочитали говорить съ толпой не словами, а дѣлами своими. А, можетъ быть, въ нихъ просто сказался недостатокъ французовъ того времени—пренебреженіе къ гласности и къ общественному мнѣнію, пренебреженіе, воспитанное вѣками абсолютизма.

Въ результатѣ оказалось, что Неккеръ, Тюрго, Малербъ, Санъ-Жерменъ, люди, которые могли бы освѣжить монархію, оказались на ножкахъ съ придворными, а придворные загородили отъ нихъ короля. При такихъ условіяхъ ихъ работа стала походить на толченіе воды въ ступѣ.

Возстановленіе государственнаго порядка, упорядоченіе финансовъ, болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ, законодательство, болѣе соответствующая принципамъ права и справедливости отвѣтственность администраціи—вотъ задача, о которой придворные никогда не думали, но которую нужно было осуществить во что бы то ни стало для спасенія государства. Въ такой періодъ жизни народа нужно, чтобы во главѣ его стоялъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, настойчивый въ достиженіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Къ несчастью, Людовикъ XVI отличался отсутствіемъ характера, слабостью воли, которая вела его къ нерѣшительности и дѣлала изъ него флюгеръ въ рукахъ другихъ. Отъ природы у него было довольно ума, чтобы стать хорошимъ королемъ. Проникнутый искреннимъ желаніемъ добра народу, старательно изучавшій теоретически государственныя дѣла, пользовавшійся полнымъ уваженіемъ за свои личныя добродѣтели, человѣкъ простой и добродушный, прекрасный семьянинъ, Людовикъ, при всѣхъ своихъ наилучшихъ качествахъ, былъ совершенно непригоднымъ королемъ: его губила несчастная привычка всегда колебаться между противоположными рѣшеніями.

Поставленный судьбою во главѣ лучшей арміи въ Европѣ, онъ не сумѣлъ бы командовать и тремя солдатами. Дома онъ былъ весь поработенъ капризами и прихотями прелестной королевы. Событія на каждомъ шагу шли въ разрѣзъ съ его намѣреніями и разрушали работу тѣхъ министровъ, которыхъ онъ облекалъ своимъ довѣріемъ.

«Царство женщинъ теперь кончилось», сказала какъ-то Тюрго одной изъ придворныхъ интриганокъ, пришедшей къ нему въ кабинетъ съ какой-то назойливой просьбой.

А въ это самое время Марія-Антуанетта подготовляла паденіе министровъ, которые только и могли спасти монархію. Предпочитая людей серьезныхъ и скромныхъ, которые дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ, Людовикъ XVI передалъ тѣмъ не менѣе важнѣйшія дѣла въ руки графа Морепа—старога придворнаго, выросшаго въ интригахъ и лести и сдѣлавшаго себѣ карьеру остроумными прибаутками и услужливостью. Честный и порядочный Тюрго былъ замѣненъ развратнымъ и циничнымъ авантюристомъ Клюньи, стяжавшимъ себѣ печальную извѣстность изобрѣтеніемъ новаго вида азартной игры, королевской лотереи, и своими грязными похождениями въ Бордо и Перпиньянѣ.

— Кажется, мы ошиблись,—меланхолически вздыхалъ Людовикъ XVI, приглядываясь къ приемамъ этого Клюньи.

Но этотъ жизненный опытъ не помѣшалъ ему пять лѣтъ спустя удалить Неккера и поставить на его мѣсто Жоли де-Флери и вмѣсто правильнаго государственнаго хозяйства прибѣгнуть къ финансовой эквилибристикѣ де-Калонна. Жизненный опытъ какъ-то не дѣйствовалъ на этотъ мягкій, измѣнчивый, робкій характеръ, неспособный сопротивляться постороннимъ указаніямъ и вліяніямъ, которыя поворачивали его во всѣ стороны.

Странное дѣло! Этотъ человекъ, не боявшійся смерти и умѣвшій въ трудныя минуты проявлять большое достоинство, какъ будто боялся жизни. Эта несчастная черта характера послужила источникомъ всѣхъ его несчастій и погубила династію. Популярность, которую онъ снискалъ было въ началѣ царствованія, быстро превратилась въ разочарованіе. Надежды, которыя стали было возлагать на его добрыя намѣренія, не осуществились, вызвали противъ него озлобленіе.

«Привлекли сначала Тюрго, затѣмъ Неккера,—пишетъ новѣйшій историкъ Людовика XVI Сегюръ:—король получилъ людей честныхъ, дальновидныхъ, смѣлыхъ, готовыхъ на самопожертвованіе ради спасенія короны. Но въ самый разгаръ дѣла онъ удалилъ ихъ или позволилъ ихъ удалить и потомъ, послѣ ихъ паденія, молча присутствовалъ при разрушеніи всего того, что они сдѣлали съ такими усиліями. Вслѣдствіе этой слабости, этого ослѣпленія, онъ потерялъ всякое довѣріе въ народѣ. Дискредитируя самого себя, онъ дискредитировалъ и королевскую власть.

— Не забывайте, ваше величество,—въ отчаяніи твердилъ ему Тюрго,—не забывайте, что только слабость привела Карла I на эшафотъ.

По мѣрѣ того, какъ развивались событія и все болѣе и болѣе проявлялся несчастный характеръ короля, все понятнѣе становилось наблюдателямъ, что дѣло неминуемо идетъ къ катастрофѣ и что рано или поздно страшное предсказаніе Тюрго должно осуществиться.

Д) революціи отъ начала этого царствованія прошло, какъ извѣстно, всего пятнадцать лѣтъ.

— Путешествіе въ старинные годы ¹⁾.—Во времена Римской имперіи «техника» путешествій стояла очень высоко, и римляне любили совер-

¹⁾ «Königsb. Hartung. Zeit». № 171.

шать свои поѣздки съ большимъ комфортомъ. Завоеватели тогдашняго міра, въ противоположность грекамъ, отличались очень слабымъ развитіемъ чувства природы, и потому ихъ путешествія вызывались почти исключительно дѣловыми или административными надобностями, а не любознательностью или желаніемъ насладиться красотами природы. Люди бѣдные, не располагавшіе средствами, множество нищихъ и всякихъ бродягъ путешествовали, какъ и теперь, по образу апостольскому, пѣшкомъ. Тѣ, которые были позакиточнѣе, ѣздили верхомъ на ослѣ или на лошади, запасшись небольшимъ сверткомъ багажа и плащомъ для защиты дорогой отъ непогоды. Развивавшееся все больше и больше общеніе между отдѣльными мѣстностями заставило римлянъ подумать о перевозочныхъ средствахъ. Повозки у нихъ были въ ходу съ давнихъ поръ. Однако имъ не всегда разрѣшалось ѣздить по улицамъ городовъ. Были часы, когда на нѣкоторыхъ улицахъ имъ воспрещалось показаться, и потому богатые люди придумали вмѣсто нихъ пользоваться носилками. Мало-по-малу въ Римѣ образовалось нѣсколько частныхъ компаній, занимавшихся перевозкой пассажировъ. Изъ Рима эти компаніи распространились и по другимъ городамъ и образовали своего рода цехи. Извозчицы биржи этихъ компаній устраивались обыкновенно около городскихъ воротъ. Они перевозили пассажировъ на перекладныхъ, которыя доставляли отъ одной станціи къ другой, и въ такомъ случаѣ это называлось «*cursus publicus*». Или же сразу брались доставить пассажира до мѣста назначенія, несмотря на разстояніе. Такія путешествія въ неуклюжей повозкѣ съ неподвижной осью, длившіяся иногда нѣсколько недѣль, конечно, не представляли особеннаго удовольствія, и римскіе богачи едва ли прибѣгали къ помощи этихъ извозопромышленныхъ компаній. Римская знать ѣздила въ собственныхъ комфортабельныхъ экипажахъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для продолжительнаго путешествія. Гостиницъ въ тѣ времена было мало и потому надо было готовиться къ ночлегу на открытомъ воздухѣ. Поэтому римскіе патриціи, отправляясь на воды или на свои виллы, тащили за собой всѣ свои богатства. У Плутарха, Сенеки, Светонія и другихъ античныхъ писателей можно прочесть описанія цѣлаго такого переселенія во множествѣ роскошныхъ экипажей, причемъ везли съ собою не только рабовъ, но даже звѣрей.

Казалось бы, Германія должна представить полную въ этомъ отношеніи противоположность съ классической Италіей. На самомъ же дѣлѣ, прежде чѣмъ въ странѣ стала распускаться своя національная культура, родина Армінія представляла даже сходство съ Римомъ: по ней вездѣ были проложены римскія военныя дороги, по которымъ, кромѣ легионовъ, передвигались постоянно толпы экзотическихъ людей и всякаго сброда, искавшаго для себя новаго отечества. Бурная эпоха переселенія народовъ разрушила всѣ римскія дорожныя сооруженія, взамѣлъ которыхъ не было сдѣлано ничего. И только тогда, когда населеніе стало осѣдать въ городахъ и деревняхъ, стали появляться и кое-какія дороги. По старинному обычаю ихъ строили такой ширины, чтобы по нимъ могъ проѣхать всадникъ, держа копье поперекъ сѣдла. До самыхъ Гогенштауфеновъ всѣ проѣзжіе должны были двигаться непременно по этимъ «королевскимъ» дорогамъ. За проѣздъ платились извѣстныя пошлины, а объѣздъ

по боковымъ, хотя и болѣе короткимъ дорогамъ паказывался конфискаціей экипажа.

Несмотря на дорожные сборы, не только не заботились объ исправномъ содержаніи дорогъ, но, наоборотъ, нерѣдко умышленно ихъ портили; если дышло за дѣвало за камни, торчавшіе по краямъ дороги, то весь грузъ повозки поступалъ въ собственность владѣльца, по землѣ котораго шла дорога. Кромѣ того, при поломкѣ проѣзжавшій застревалъ на мѣстѣ, а это давало доходъ и округѣ, и мѣстному кузнецу или шорнику.

Первоначально для перевозки пассажировъ и тяжестей служили грубо сработанныя двухколесныя одноколки. Четырехколесныя повозки появились значительно позже. Запрягали въ нихъ отъ четырехъ до шести лошадей въ рядъ.

Съ развитіемъ городовъ, особенно въ эпоху возрожденія, путешествія становятся модой. Путешествуютъ не только короли, принцы и другіе сильніе міра сего, но отправляются въ увеселительныя поѣздки, обыкновенно на воды, и простые горожане. Особенно такія поѣздки прививаются у англичанъ, которые ѣздятъ на своемъ островѣ по всѣмъ направленіямъ. Между большими городами Англіи устанавливается правильное пассажирское сообщеніе, поддерживаемое огромными omnibusами.

Съ развитіемъ пассажирскаго движенія улучшаются и экипажи, совершенствуется и самое путешествіе. Отъ неподвижной оси переходятъ къ пружиннымъ рессорамъ, на которыхъ и укрѣпляется кузовъ экипажа. вмѣсто открытыхъ экипажей, въ которыхъ путникъ не былъ защищенъ отъ непогоды, устраиваютъ закрытыя: появляются каретки съ окнами, которыя сначала завѣшивались, а потомъ получили стекла. Изъ Італіи эти легкія каретки мало-по-малу распространяются по всей Европѣ, вызывая сильнѣйшее неудовольствіе папы Пія IV. Инспирируемый папскимъ дворомъ, нѣкто Джованни Баттиста Модіо писалъ въ 1554 году слѣдующее: «Оставляя въ сторонѣ безобразія, которыя нерѣдко творятся въ этихъ кареткахъ, мы должны сказать, что молодыхъ людей онѣ изнѣживаютъ, старыхъ ввергаютъ въ ребячество, портятъ дороги, мѣшаютъ пѣшеходамъ, наводятъ женщинъ на искушеніе и портятъ вино въ подвалахъ».

Несмотря на эту филиппику, каретки вошли во всеобщее употребленіе. Версальскій дворъ сдѣлалъ дальнѣйшее усовершенствованіе этихъ экипажей, превративъ ихъ въ цѣлыя роскошно убранныя комнаты. Такія громады могли двигаться только по хорошимъ дорогамъ, и потому при Людовикѣ XIV приказано было соединить сначала крѣпости, а потомъ и большіе города искусственными дорогами, надъ сооруженіемъ которыхъ трудились лучшіе инженерныя силы Франціи.

Въ Германіи въ это время было проложено первое шоссе, и Берлинъ сталъ центромъ довольно оживленнаго движенія: ежедневно изъ него отправлялись и въ него прибывали двѣнадцать почтовыхъ дилижансовъ.

Почтовый рождокъ, будившій мирно спавшее въ долинахъ и ущельяхъ эхо, частыя остановки желтаго почтоваго делижанса, возможность любоваться природой—все это съ виду придавало путешествіямъ романтическую окраску. Но на самомъ дѣлѣ путешествіе въ тѣ времена было дѣломъ довольно тяжелымъ и

скучнымъ: безконечные таможенные досмотры, непріятныя дорожныя приключенія, въ родѣ паденія дилижанса, причѣмъ всѣ пассажиры кубаремъ летѣли другъ черезъ друга, нерѣдко невозможность достать себѣ мѣсто на слѣдующей станціи, вызывавшая печальную необходимость сидѣть сложа руки, пока достанется мѣсто въ слѣдующемъ дилижансѣ, все это отбивало охоту къ передвиженію. Кому удавалось даже въ половинѣ XVIII вѣка сдѣлать переѣздъ изъ Страсбурга въ Парижъ, тому, дѣйствительно, было что рассказать. Проѣзжая въ день по двѣнадцати часовъ, дилижансѣ изъ Страсбурга въ Парижъ тащился цѣлыхъ двѣнадцать дней! Мѣсто обходилось въ сто франковъ, не считая расходовъ на продовольствіе и ночлегъ въ гостиницахъ. Только въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка удалось преодолѣть это разстояніе въ три дня и двѣ ночи.

Въ Германіи было еще хуже. Уже въ срединѣ прошлаго вѣка скорая почта на переѣздъ отъ Берлина до Дрездена тратила двое сутокъ. А теперь на этотъ переѣздъ тратится отъ трехъ до четырехъ часовъ, смотря по поѣзду. Это было, впрочемъ, не удивительно. Тяжелый рыдванъ приходилось тащить по зыбучему песку, такъ что лошади иногда совсѣмъ отказывались итти. Въ такихъ случаяхъ пассажирамъ приходилось вылѣзть изъ дилижанса и самимъ тащить его на себѣ.

Чтобы сократить невыносимую скуку, охватывавшую путниковъ съ наступленіемъ сумерекъ, зажигали внутри дилижанса фонарь.

«Во многихъ дилижансахъ,—пишетъ одинъ изъ ихъ современниковъ,—къ потолку привѣшивали фонарь, и пассажиры сидѣли, уткнувшись въ книги.

Переѣздъ отъ Берлина до Кенисберга длился четверо сутокъ. Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда дороги были приведены въ наилучшее по тому времени состояніе, переѣздъ этотъ совершался въ семьдесятъ часовъ. Когда въ 1848 году почтовому гонцу удалось проскакать это разстояніе всего въ тридцать шесть часовъ, эта быстрота показалась всѣмъ головокружительной. А теперь тотъ же переѣздъ дѣлается въ семь-восемь часовъ.

— Отвсюду. — «Nuova Antologia» за май мѣсяцъ въ своемъ отдѣлѣ «среди книгъ и журналовъ» приводитъ исторію происхожденія празднованія 1-го мая. Прежде, чѣмъ стать универсальнымъ праздникомъ труда и братства, 1-го мая въ отдаленныя времена съдой старины было праздникомъ возобновленія жизни. Такого рода были празднества древнихъ *παίμας'οὐν*, сирійскаго происхожденія, устраиваемыя въ Греціи и Римѣ. Они продолжались и въ средніе вѣка въ латинскомъ мірѣ, гдѣ первобытныя представленія въ честь Венеры и Бахуса смѣнялись веселыми собраніями, банкетами и ночными шествіями, въ которыхъ отражался характеръ ихъ происхожденія. Такъ, во многихъ странахъ вошло въ обычай садить между стѣнами города дерево, такъ называемое «майское». Этотъ обычай удержался во Франціи въ XVII вѣкѣ, потому что 1-го мая 1610 года подобное дерево было посажено во дворѣ королевскаго дворца, и по этому случаю означенный дворъ сталъ называться «майскимъ дворомъ».

Въ другихъ странахъ праздникъ 1-го мая справлялся поединкомъ, который переносился изъ одной страны въ другую. Эта борьба устраивалась часто ради времяпровожденія, но иногда она обращалась въ кровопролитное побоище. Въ Римѣ, по словамъ историка Марчелло Альберино, въ 1523 г. 1-го мая по древ-

нему, но глупому обычаю, примѣнявшемуся сѣмьею Колоннезе, изъ оконъ ихъ дома, сообщавшагося съ церковью, выбрасывали всякаго рода птицу; въ храмѣ же устраивалась другого рода церемонія въ присутствіи мужчинъ и женщинъ, «безполезнаго плебса и невѣжественнаго народа». Посреди церкви на высокомъ столбѣ помѣщалась свинья, и кому удавалось настолько подняться, чтобы ее схватить, тотъ ее выигрывалъ. Для большаго эффекта на верхушкѣ подвѣшивались сосуды съ водою, которые опрокидывались на того, кто добивался схватить свинью. Историкъ прибавлялъ, что такія празднества неумѣстно устраивать въ христіанской церкви.

Но вотъ наступило новое время, и дикія, необузданныя забавы смѣнились новымъ празднествомъ: праздникомъ труда, впервые отмѣченнымъ въ республиканскомъ календарѣ во время французской революціи и отмѣненнымъ императоромъ Наполеономъ I въ 1805 году. Настоящее происхожденіе 1-го мая, праздника труда, относится къ 1862 году, когда на лондонской всемірной выставкѣ въ 1862 году представители всѣхъ странъ собрались на прощальномъ банкетѣ и пили за братскій союзъ труда всего міра, посвященный, такъ сказать, принципу, на которомъ должно будетъ опираться такое празднество и будетъ положено основаніе для собраній представителей международнаго труда ежегодно въ одно и то же число. Прошло едва два года послѣ этого банкета, и въ сентябрѣ 1864 года въ Лондонѣ, въ томъ же S. Martin's Hall, кромѣ представителей труда, бывшихъ въ 1862 году, собралось также многихъ другихъ, которые присоединились къ идеѣ братства въ трудѣ, и изъ этого собранія зародилась интернаціоналка, нѣчто въ родѣ общества для достиженія развитія труда. Въ 1867 году составила лига мира и свободы, къ которой присоединились многіе европейскіе дѣятели. Мадзини писалъ о ней: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ваше намѣреніе мнѣ пріятно: вы хотите того же, чего и я хочу: свободы для всѣхъ и братства, ассоціаціи всѣхъ отечествъ. Но вы именуетесь конгрессомъ мира. Теперь миръ можетъ быть лишь слѣдствіемъ свободы и справедливости правосудія. Почему не дать вашему конгрессу этого столь же священнаго имени?»

Послѣ большаго женскаго митинга въ Берлинѣ 6-го февраля 1875 года подъ предсѣдательствомъ г-жи Ганъ и депутата Моста, ежегодно стали собираться въ томъ или другомъ городѣ многіе делегаты труда, одушевленные однимъ чувствомъ прійти на помощь четыремъ странамъ; поэтому одно изъ собраній состоялось въ ноябрѣ 1888 года на интернаціональномъ конгрессѣ въ Лондонѣ, и тамъ г. Ансеель, представитель бельгійскаго труда, предложилъ, чтобы въ первое майское воскресенье во всемъ свѣтѣ происходили демонстраціи труда, чтобы требовать у правительство закона о свободѣ и не болѣе восьмичасоваго дня работы.

Въ слѣдующемъ году на парижскомъ конгрессѣ въ 1889 г. было объявлено, что 1-го мая должно быть торжественнымъ днемъ, посвященнымъ манифестаціи труда. Съ тѣхъ поръ день 1-го мая сталъ представлять импозантное зрѣлище на всей землѣ: рабочіе всѣхъ странъ справляли мирный праздникъ работы и солидарности.

«Comaedia» 13-го мая рассказываетъ, со словъ свѣтила адвокатуры Кремье о сценическомъ хладнокровіи Тальмы. Будучи молодымъ адвокатомъ въ Нимѣ,

Кремье защищалъ въ одномъ дѣлѣ подсудимаго. Въ это время великій трагикъ находился проездомъ въ этомъ городѣ и Кремье провелъ его въ судъ въ день разбирательства дѣла. Послѣ своей рѣчи Кремье пошелъ къ сторожу при вѣшалкахъ, чтобы переменить свое бѣлье: онъ такъ горячился и нервничалъ, что совершенно обливался потомъ. Тальма сильно этимъ изумился.—«Какъ,—сказалъ онъ ему:—ваше убѣжденіе искренно? Вы на самомъ дѣлѣ вспотѣли?»—«Ну, да, а вы,—произнесъ Кремье:—развѣ съ вами этого не случается?»—«Со мною? Избави Богъ!»—«Вы шутите. Вы хотите заставить меня повѣрить, что, когда вы возбуждаете весь залъ вашимъ нервнымъ подъемомъ или гнѣвомъ, вы остаетесь холодны?»—«Совершенно, и это я вамъ докажу завтра».

На другой день Тальма игралъ «Andromaque». Кремье сидѣлъ въ ложѣ бенуара и ожидалъ, когда Тальма начнетъ свою сцену. Въ то время, какъ у зрителей пробѣгали по тѣлу мурашки отъ ужаса при звукахъ голоса Тальмы, послѣдній послѣ каждаго стиха подъ сурдинку обращался къ Кремье съ какимъ-нибудь каламбуромъ, доказывая, что въ его игрѣ все есть, исключая дѣйствительнаго волненія.

Послѣ представленія Тальма сказалъ адвокату: «И это счастье. Что бы съ нами было, если бы намъ было необходимо, когда мы Оресты, дѣйствительно видѣть на нашихъ головахъ шипящихъ змѣй, или когда мы Отелло, вскрывать наши собственные внутренности, раздираемая ревностью. И все это каждый вечеръ съ восьми до полуночи. Тогда насъ хватило бы съ такимъ ремесломъ ровно на полгода».

«Deutsche Rundschau» въ статьѣ Альберта Лейтцмана пытается дать понятіе о литературномъ воспитаніи Бетховена и о сочиненіяхъ и авторахъ, которые его наиболѣе привлекали. Свою задачу онъ старается рѣшить, руководясь многими письмами великаго композитора, высказанными мыслями его историковъ, сочиненіями современныхъ ему писателей, какъ, напримеръ, Шиндлера и Рахлица и, наконецъ, его маленькой библіотекой, хранящейся въ берлинской королевской библіотекѣ. Коллекція книгъ Бетховена состоитъ изъ латинскихъ, французскихъ, итальянскихъ словарей, перевода въ прозѣ Шекспира, Эшенбурга, переводъ Гомера Фосса и «Westöstlicher Divan» Гете. Эти книги содержатъ многіе комментаріи, примѣчанія, шутки, помѣтки на поляхъ книгъ, довольно характеристичныя, и вопросительныя, а также восклицательныя знаки. Различныя композиціи для голоса на стихи Геллерта, Бюргера, Лессинга, Гете и другихъ знаменитыхъ поэтовъ даютъ понятіе, насколько Бетховенъ былъ знакомъ съ нѣмецкой музыкой. Одна изъ его лучшихъ извѣстныхъ публикѣ оперъ—«Adelaide» Маттинсона, но капитальнымъ трудомъ является циклъ нѣсенъ Jettels, полвившійся подъ названіемъ «Далекой возлюбленной». Къ несчастью, эти легкія оперы Бетховена мало знакомы публикѣ, чтобы высказать о нихъ рѣшительное мнѣніе, какъ и о либретто его современниковъ. Какого онъ лично былъ мнѣнія о произведеніяхъ своихъ современниковъ-литераторовъ—Шиндлеръ сказалъ мало. Онъ упоминалъ только, что самъ Бетховенъ вставалъ на зарѣ и работалъ за письменнымъ столомъ до полудня. Вечеръ онъ посвящалъ развлечениямъ и чтенію, предпочиталъ имѣть немного книгъ, но хорошихъ. Онъ читалъ со вниманіемъ и по нѣсколько разъ. Шил-

леръ, поэтъ гуманизма и свободы, тотчасъ же сдѣлался его близкимъ другомъ и источникомъ вдохновенія. Черни говорилъ, что поэмы Шиллера довольно трудны для переложенія на музыку, и стихи Гете для этой цѣли были гораздо легче... Какъ бы то ни было, но Бетховенъ еще въ Боннѣ выразилъ мысль о переложеніи на музыку чуднаго гимна Шиллера «Ода радости».

Лейтцманъ прибавляетъ, что Бетховенъ хорошо зналъ драмы Шиллера, которыя намѣренъ былъ переложить на музыку. Театръ служилъ точкой сближенія для Бетховена и вѣнскихъ поэтовъ Каллино, Третчке, Теодора Кернера, Грильпарцера, который составлялъ ему либретто. Съ послѣднимъ онъ былъ особенно друженъ. Въ литературномъ лагерѣ наиболѣе возбуждалъ его восторгъ Гете.

Весною 1810 года Бетховенъ писалъ Терезѣ Мальфатти, рекомендуя ей прочесть «Wilhelm Meister» и Шекспира. Бетховену нравился «Фаустъ», но онъ никогда не брался за него, находя его очень труднымъ.

«Standard» передаетъ одно любопытное явленіе изъ области наблюденія надъ природой, которое можно развить при постоянной близости съ нею. Онъ приводитъ лично рассказанный эрцгерцогомъ Иосифомъ случай изъ австро-прусской войны 1866 года, когда австрійскій корпусъ, которымъ онъ командовалъ, спасся отъ гибели, благодаря одному солдату. Однажды вечеромъ его отрядъ расположился близъ маленькаго богемскаго городка; около полуночи, когда эрцгерцогъ уже спалъ въ маленькомъ домикѣ, его разбудилъ чей-то голосъ: одинъ солдатъ изъ цыганъ во что бы то ни стало хотѣлъ съ нимъ поговорить. Эрцгерцогъ приказалъ впустить его, и солдатъ сказалъ ему: «Непріятель приближается къ намъ и хочетъ насъ захватить врасплохъ». — «Но передовые посты, — возразилъ эрцгерцогъ, — не предупреждаютъ о чемъ-нибудь подозрительномъ». — «Потому что непріятель еще далеко, — отвѣтилъ цыганъ: — но скоро приблизится сюда и намъ будетъ плохо». — «Какъ ты можешь это знать?» — спросилъ эрцгерцогъ.

— Пусть ваше высочество удостоить взглянуть въ окошко, — сказалъ солдатъ: — видите тѣ стаи птицъ, что отлетаютъ на югъ.

— Да, ну и что жъ?

— Развѣ птицы не спятъ ночью, какъ люди? — спросилъ солдатъ: — ну, онѣ и не полетѣли бы въ этотъ моментъ, если бы въ лѣсу, гдѣ они находились, было спокойно. Непріятель приближается черезъ лѣсъ, и это испугало птицъ.

Эрцгерцога убѣдили слова солдата, и онъ приказалъ усилить аванпосты и велѣлъ разбудить весь лагерь. Черезъ часъ завязалась сраженіе, но австрійцы избѣгли неожиданности.

«Réfractaire» передаетъ бесѣду скульптора Родэна съ Ф. Гаррисомъ. Современная знаменитость высказала свою мысль по обыкновенію оригинально и остроумно. Въ юности Родэнъ восторгался типичной красотой въ произведеніяхъ Фидія и только впоследствии, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, посѣтивъ Италію, онъ понялъ гигантскую силу твореній Микель-Анджело. По его словамъ, это былъ послѣдній и самый сильный изъ готическихкихъ скульпторовъ. Не отрицая, что въ ходячемъ мнѣніи, будто греки лучшей эпохи относились къ сюжету своихъ произведеній съ чувствомъ религіознаго почтенія, есть це-

большая доза правды, Родэнъ говоритъ, что въ ихъ главныхъ произведеніяхъ царить духъ сильной чувственности. Человѣческой образъ, по его словамъ, никогда не доходитъ у народа до одинаковой нѣжности чувствъ. Самый экстазъ чувственнаго желанія правится, повидимому, распространяется на всѣ части выдѣляемаго тѣла. И дѣйствительно, — говоритъ Гаррисъ, — это мнѣніе Родэна находитъ подтвержденіе въ скульптурныхъ работахъ, украшающихъ баллюстрады храма Никейскаго Аптериса. Вообще, душа пластическаго искусства Греціи — страсть, желаніе любовныхъ наслажденій.

На вопросъ Гарриса, легко ли найти хорошія модели, Родэнъ отвѣтилъ утвердительно. Что же касается того, долго ли сохраняетъ красоту человѣческое тѣло, онъ сказалъ: «Оно постоянно измѣняется, какъ измѣняется пейзажъ, согласно движенію солнца. Вполнѣ совершенная красота молодости, цвѣтущій періодъ, когда гибкое и граціозное тѣло сравнивается со стеблемъ лилии, — длится лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣвушка становится женщиной, и ея красота мѣняетъ свой характеръ: она еще восхитительна и, быть можетъ, даже болѣе привлекательна».

Гаррисъ спросилъ его, думаетъ ли онъ, что греческія женщины были красивѣе современныхъ и греки брали свои модели не за границей. На это Родэнъ отвѣтилъ: «Конечно, современные также прекрасны. Итальянская молодежь обладаетъ всѣми особенностями лучшаго греческаго типа. Существенная особенность та, что у однѣхъ шире плечи, чѣмъ у другихъ. У французенокъ, нѣмокъ и русскихъ плечи вообще узкія, у тѣхъ же шире; это характерная черта Жана Гудона, Венеры Ватозъ, «Діаны» Гудона.

Ф. Гаррисъ его спросилъ, какой самый красивый типъ? На это Родэнъ отвѣтилъ, что этого нельзя положительно сказать. Сотни красивыхъ типовъ. «Я лѣпилъ восточную танцовщицу, у которой граціозна берцовая кость и безконечно соблазнительны округленные контуры, — говоритъ онъ. — Съ другой стороны у японской актрисы Ганако не было ни атома жира на тѣлѣ, и ея мускулы были прекрасно очерчены и напряжены. Она была такъ сильна, что могла стоять на одной ногѣ безконечное время, держа другую ногу подъ прямымъ угломъ. Казалось, что она приросла къ землѣ, какъ дерево, но изъ этой обыкновенной силы исходила рѣдкой формы красота. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе красоты для тѣхъ, у кого есть глаза, чтобы видѣть. Я часто заставляю молодыхъ женщинъ садиться на землю, единственно для того, чтобы полюбоваться превосходными контурами ихъ бюста, контурами, похожими на вазу, на священную амфору, которая содержитъ обѣщаніе грядущей жизни. Посмотрите на это плечо, я лѣпилъ его изгибъ разъ двѣнадцать и, если возможно, еще его исправлю. Часто красота покоряетъ меня до такой степени, что я чувствую себя принужденнымъ опуститься на колѣни, чтобы преклониться предъ ней. Развѣ я былъ не правъ, говоря, что для художника искусство — религія. Воображаютъ, что въ этомъ пользы нѣтъ, напротивъ, очень большая польза. Мы никогда не должны забывать, что мы, художники, испытываемъ радость, работая и находимъ наслажденіе въ нашей работѣ. Каждый занимающійся творчествомъ долженъ быть художникомъ и находить удовольствіе въ своемъ произведе ніи. Каменщики, столяры, живописцы — всѣ должны испытывать

радость въ своихъ стараніяхъ, но при несчастномъ режимѣ жалованья не можетъ имѣть мѣсто радость жизни. Но она придетъ, и это мы, художники, вновь ее вернемъ.

— Жирардэ, профессоръ танцевъ, недавно устроилъ въ Парижѣ лекцію, посвященную исторіи танцевъ, и вотъ что онъ сообщилъ о происхожденіи нѣкоторыхъ танцевъ.

Польку создалъ военный министръ Людовика XIV Лувуа. Въ ней онъ соединилъ маршь и идею перемѣны военнаго шага—послѣднее «па» польки, которую танцуютъ съ 1830 г. Мазурку заимствовали въ Польшѣ извѣстные Селарій и Перрэнъ, допустивъ ее въ свой курсъ танцевъ въ 1838 г., и вмѣстѣ съ нею привилась мазурка.

Шотландскій танецъ *Scottish* появился въ 1847 г. и сразу добился большого успѣха. Вальсъ зародился въ 1578 и 9-го ноября того же года впервые появился въ Парижѣ. При дворѣ Валуа онъ такъ понравился, что его тотчасъ вездѣ приняли.

Pas de deux, de trois, pas de quatre, de cinq u six изобрѣтены въ 1889 г. и снова появились въ обществѣ въ 1912 г.

Кадриль фигурная, лансье появились въ 1830 г.; американская—въ 1890 г.; *Croisé*—въ 1887 г.; *Variétés*—въ 1850 г.; *Danseurs parisiens* въ 1885 г.; *Valzer* —въ 1891 г.; *Lancée varié*—въ 1912 г.

Менуэтъ, гавоттъ и паванъ появились при Людовикѣ XIV, какъ и *passepied* Франциска I, они имѣютъ поклонниковъ и въ наше время.

Танецъ *one-step* появился изъ Англіи, именно изъ Брайтона, и его ввела въ моду миссъ Вельтъ въ 1910 г., но въ Парижѣ его начали танцевать только въ 1912 г.

Two-steep съ успѣхомъ появился въ 1898 г. *Three-steep* (американскій бостонъ *à trois temps*) излюбленный современный танецъ, хотя изобрѣтенъ еще при Людовикѣ II. На придворномъ балу, устроенномъ Бернардомъ, танцовали одинъ танецъ, который былъ не что иное, какъ *three steep*. Въ 1851 г. профессоръ танцевъ Дезра Лабордъ и Петипа тщетно старались воскресить этотъ танецъ. Въ 1900 г. его снова ввели въ программу хореографической школы съ большимъ успѣхомъ, но настоящаго триумфа онъ добился въ 1911—13 г.г.

Двойной бостонъ, созданный въ 1893 г. Вашингтономъ Лонномъ, привелъ всѣхъ въ восторгъ своимъ изяществомъ. Тройной свѣтскій бостонъ, созданный въ 1908 г. Жирардэ, былъ принятъ въ лучшемъ парижскомъ обществѣ.

Pas воздухоплавателей создано въ 1910 г., а веселый шерлокинетъ въ 1912. Онъ представляетъ тревожную жизнь Шерлока Хольмса въ четырехъ классахъ общества, гдѣ онъ живетъ. Его фигуры любопытны и оригинальны и впервые исполнялись въ обществѣ съ 1909—1912 г.г.

Bostang созданъ въ 1912 г. и возбудилъ симпатію среди танцующихъ.

Чичигальпина изъ Никарагуа введена во Францію въ 1912 г. г. Андерсономъ.

Замбези Мозамбикскій, изобрѣтенный въ нынѣшнемъ году, довольно оригинальный и оживленный танецъ. *Pas de Pours, Turkey, Trot* и *Tando* южные гости изъ Аргентины и Испаніи.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ В. Д. Набокова 28-го апрѣля въ зданіи гимназіи Гуревича состоялись сначала обыкновенное, а затѣмъ чрезвычайное общія собранія членовъ литературнаго фонда. Была почтена встановленіемъ память умершихъ членовъ фонда: А. А. Стаховича и А. М. Полонскаго. В. П. Крунихфельдъ затѣмъ доложилъ отчетъ по секретарской части за истекающую треть 1913 года. Дѣятельность комитета, какъ констатируется въ отчетѣ, въ смыслѣ помощи нуждающимся литературамъ расширяется. За отчетный періодъ комитетомъ рассмотрѣно двѣсти четыре ходатайства о разныхъ видахъ денежной помощи, девяти лицамъ выдано продолжительныхъ пособій на суммы 1925 руб.; на воспитаніе и обученіе дѣтей нуждающихся писателей выдано тридцати тремъ лицамъ 1573 руб. 75 коп.; ссудами отъ комитета воспользовались двадцать восемь лицъ на сумму 1625 р.; шестьдесятъ два лица получили единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ 10 до 150 руб., всего на сумму 1652 руб. По ходатайству комитета Литературнаго фонда были освобождены отъ платы за ученіе сыновья писателей: двое въ петербургскомъ университетѣ, а одинъ въ политехническомъ институтѣ. Въ доходъ комитета поступило: отъ спектакля въ память Гончарова 3,572 руб. 50 к., пожертвованіе отъ г. Геккера 500 руб. Завѣдываніе стипендіями и вакансіями въ учебныхъ заведеніяхъ взялъ на себя профессоръ Н. И. Карѣвъ. Подъ его же предсѣдательствомъ образована комиссія для выдачи стипендіи имени Бунакова. Въ комитетъ поступило на храненіе 1,200 руб., собранныхъ на памятникъ Владимиру Соловьеву. Изъ прочитаннаго казначеемъ фонда А. В. Пѣшехоновымъ отчета о состояніи средствъ литературнаго фонда выяснилось, что на 1-е января числилось 844,025 руб. процентными бумагами

и 28,223 руб. 45 коп. наличными. За отчетный періодъ поступило: изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 руб., отъ особъ царствующаго дома 100 руб., членскихъ взносовъ 580 руб., доходы отъ капиталовъ 15,489 28 коп., отъ изданій 4,055 руб. 29 коп.; всего съ другими еще поступлениями 24,400 р. 57 к. Общая сумма расходовъ за отчетную треть года составляетъ 48,498 руб. 14 коп. Изъ нихъ, кромѣ отмѣченныхъ пособій, выдано на пенсіи 3,292 руб. и на безсрочныя ссуды 2,325 руб. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ чрезвычайномъ засѣданіи были заслушаны и приняты, послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣніями, новыя правила и инструкція по дому писателей. Далѣе комитету предоставлено приобрѣтать не только правительственныя бумаги, но и гарантированныя облигации солидныхъ земскихъ и городскихъ учреждений, а также частныхъ банковъ. Нѣсколько продолжительны были преніи по вопросу о правахъ новыхъ членовъ фонда. Принято въ результатъ предложеніе комитета, заключающееся въ томъ, что каждый новый членъ фонда, впредь до уплаты своего членскаго взноса, не можетъ пользоваться голосомъ въ общихъ собраніяхъ. Операционный годъ общества рѣшено считать съ 1-го ноября каждаго года. Въ совѣтъ дома писателей избранъ четвертымъ членомъ А. А. Лукьяновъ. Въ заключеніе были избраны новые члены фонда: Е. Д. Максимовъ, М. Д. Талдыкинъ, В. П. Ютановъ, Л. И. Лутугинъ, С. В. Любошицъ, Л. С. Цейтлинъ, Л. С. Гросманъ и О. Н. Рунова-Богданова.

Пятидесятилѣтіе центрального статистическаго комитета. Состоявшееся 5-го мая въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ празднованіе пятидесятилѣтія со дня учрежденія центрального статистическаго комитета носило торжественный характеръ. По окончаніи молебствія въ залѣ совѣта министра собрались чины министерства внутреннихъ дѣлъ и представители другихъ вѣдомствъ. Здѣсь были: министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, товарищи министра: И. М. Золотаревъ и А. И. Лыкошинъ, члены государственнаго совѣта И. Л. Горемыкинъ, членъ государственнаго совѣта статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, первый директоръ центрального статистическаго комитета П. Н. Семеновъ-Тянь-Шанскій, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати графъ С. С. Татищевъ, сенаторъ Н. А. Тройницкій, петербургскій губернаторъ графъ А. В. Адлербергъ и мн. друг. Засѣданіе открылось рѣчью директора комитета проф. П. И. Георгіевскаго, который ознакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей дѣятельности комитета и отмѣтилъ крайнюю ограниченность средствъ, ассигнуемыхъ на статистическія работы. Министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ въ своей привѣтственной рѣчи указалъ на важное значеніе статистическихъ обследованій, особенно въ настоящее время быстрой и лихорадочной перестройки государства. Въ заключеніе Н. А. Маклаковъ сообщилъ, что Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу исполнившагося юбилея комитета всемилостивѣйше соизволилъ собственноручно начертать: «Благодарю всѣхъ прежде служившихъ и нынѣ служащихъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ за ихъ усердную службу». Затѣмъ были оглашены многочисленныя телеграфныя привѣтствія: отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскаго, отъ губернаторовъ, губернскихъ статистическихъ комитетовъ, земскихъ управъ, отъ слушателей статистическихъ кур-

совѣ, отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, отъ Николаевской морской академіи, отъ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, отъ профессоровъ и мн. др. Министръ провозгласилъ тостъ за драгоценное здравіе Государя Императора, покрытый восторженными «ура». Директоръ центрального статистическаго комитета предложилъ тостъ за здоровье министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова. Въ отвѣтъ на это министромъ были предложены тосты за здоровье чиновъ центрального статистическаго комитета и за почтившихъ своимъ присутвіемъ настоящей юбилей—членовъ государственнаго совѣта, бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарей Горемыкина и Булыгина, за статсъ-секретаря Ермолова, сенатора Семенова-Тянь-Шанскаго и сенатора Тройницкаго. Всѣмъ присутствовавшимъ розданы экземпляры «Юбилейнаго сборника центрального статистическаго комитета».

Юбилей екатеринославской архивной комиссіи. 21-го апрѣля въ Екатеринославѣ въ залѣ коммерческаго имени императора Николая II училища состоялось торжественное засѣданіе екатеринославской ученой архивной комиссіи, по случаю исполнившагося десятилѣтія со дня ея открытія. Мысль объ открытіи въ Екатеринославѣ, прилегающей къ которому край такъ богатъ историческими воспоминаніями, ученаго общества, посвященнаго разработкѣ мѣстной исторіи, высказывалась нѣсколько разъ, но была осуществлена въ 1913 году, когда, по инициативѣ директора коммерческаго училища А. С. Синявскаго, покойнымъ гр. Ѳ. Э. Келлеромъ, тогдашнимъ екатеринославскимъ губернаторомъ, было возбуждено ходатайство объ учрежденіи архивной комиссіи, которая и была открыта 16-го марта 1903 года. Первымъ предѣдателемъ комиссіи былъ М. И. Миклашевскій, въ настоящее время эту почетную должность занимаетъ кн. Н. П. Урусовъ, членъ государственнаго совѣта. За десять лѣтъ своего существованія комиссія издала восемь томовъ «Лѣтописи», гдѣ печатались статьи и изслѣдованія по исторіи мѣстнаго края А. С. Синявскаго, Д. И. Эварницкаго, И. Ѳ. Вертоградова, Я. П. Новицкаго, В. А. Бѣднова, Д. И. Дорошенка, пынѣ правителя дѣлъ комиссіи, Н. В. Быкова, В. И. Пичеты, В. В. Данилова и друг. Комиссія заботилась о сохраненіи и спасеніи архивовъ и матеріальныхъ памятниковъ старины; ея стараніями были сохранены такъ называемыя екатерининскія мли, каменные бабы, памятники церковной жизни и проч. Архивная дѣятельность комиссіи распространилась не только на Екатеринославскую губернію, но также на Вольнскую, Херсонскую, область войска Донскаго и друг. Кромѣ того, комиссія устраивала публичныя лекціи по исторіи мѣстнаго края. За десять лѣтъ существованія она имѣла пятьдесятъ шесть засѣданій, на которыхъ было заслушано восемьдесятъ девять докладовъ. На торжественномъ засѣданіи были сказаны рѣчи товарищемъ предѣдателя комиссіи А. С. Синявскимъ, почетнымъ членомъ Д. И. Эварницкимъ, В. А. Бѣдновымъ и Д. И. Дорошенкомъ. Привѣтствовали комиссію полтавская, таврическая, саратовская и владимирская комиссіи, гр. П. С. Уварова и другія учрежденія и лица.

Находка архива въ Гельсингфорсѣ. Во время войны 1808—1809 гг. пропалъ архивъ гор. Куопіо и послѣ не былъ найденъ. Бывшій тогда ландсгевдингомъ Вибеліусъ при бѣгствѣ на сѣверъ взялъ съ собой архивъ и послѣ о

немъ ничего не было извѣстно. Когда недавно въ старомъ имѣніи Халолоа въ Маанинка приступили къ перестилкѣ пола, нашли подъ поломъ зарытый окованный желѣзомъ, на половину сгнившій сундукъ, при открытіи котораго обнаружилось, что онъ содержитъ пропавшій архивъ. Названный архивъ, теперь доставленный въ Куопіо, не особенно обширенъ, такъ какъ и самый гор. Куопіо былъ въ то время молодымъ городомъ, но все же въ немъ имѣется нѣсколько интересныхъ документовъ. Въ числѣ послѣднихъ можно назвать воззваніе русскаго генерала Тучкова къ мѣстному населенію о принесеніи присяги на вѣрность монарху Россіи, а также и отвѣтъ Вибеліуса на это воззваніе; оба эти документа распространялись между населеніемъ. Далѣе въ архивѣ имѣется отчетъ Вибеліуса о положеніи дѣлъ въ этой части страны въ его время и живой разсказъ о первомъ періодѣ войны, который бросаетъ новый свѣтъ на военныя дѣйствія въ этой мѣстности.

Юбилей Ѳ. Е. Корша. 22-го апрѣля различныя научныя учрежденія и общества чествовали славнаго русскаго языковѣда по поводу его семидесятилѣтія. Депутации собрались на квартирѣ юбиляра. Первое привѣтствіе произнесъ профессоръ М. О. Аттая отъ имени Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Далѣе слѣдовали привѣтствія: отъ Румянцовскаго музея—кн. В. Д. Голицынъ, отъ археологическаго общества—гр. Уварова, хранитель Оружейной палаты В. К. Трутовскій и Ю. Н. Арсеньевъ, отъ психологическаго общества—заслуженный профессоръ Л. М. Лопатинъ, отъ общества славянской культуры—профессоръ П. И. Новгородцевъ, отъ общества любителей россійской словесности—И. А. Бѣлоусовъ, А. Е. Грузинскій и П. Н. Сакулинъ. Отъ московскаго университета привѣтствіе прочелъ ректоръ профессоръ М. К. Любавскій, отъ историко-филологическаго факультета—деканъ факультета профессоръ А. А. Грушка. Г. Юксимовичъ поздравилъ юбиляра отъ имени московской сербской колоніи и передалъ привѣтствіе отъ президента сербской академіи наукъ Стояна Новаковича. Затѣмъ началось чтеніе поздравительныхъ телеграммъ. Первой была оглашена телеграмма отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, подписанная В. Истринымъ, В. Ламанскимъ, В. Ѳ. Миллеромъ, Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, А. А. Шахматовымъ: «Глубокоуважаемый Ѳедоръ Евгеньевичъ! Привѣтствуемъ васъ въ день вашего семидесятилѣтія, отмѣчая ваши полныя силы и таланта труды, которыми вы прославили академію и второе ея отдѣленіе». Всего поздравительныхъ телеграммъ получено болѣе пятидесяти, въ томъ числѣ отъ общества антропологии и естествознанія, отъ этнографическаго общества, отъ литературно-художественнаго кружка, отъ Н. В. Давыдова, А. Р. Ледницкаго, заслуженнаго профессора Р. Ѳ. Брандта, вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина, академика А. А. Шахматова, кружка изученія украинской культуры и друг. Въ числѣ принесшихъ поздравленія юбиляру были: профессора московскаго университета М. Н. Розановъ, С. А. Котляревскій, П. Н. Сакулинъ, М. М. Покровскій, П. В. Гидуляновъ, профессора Лазаревскаго института Мирза-Джафаровъ, К. Кусикянъ, А. И. Юннесовъ, Цируньянъ и друг. Растроганный юбиляръ произнесъ краткую и, какъ всегда, остроумную рѣчь. Вечеромъ друзья и ученики чествовали Ѳ. Е. Корша банкетомъ.

Чествованіе проф. В. М. Бехтерева. Тепло и задушевно чествовали обѣдомъ 5-го мая въ ресторанѣ «Доноя» ученики, друзья и почитатели проф. В. М. Бехтерева по случаю тридцатипятилѣтія его ученой дѣятельности. Присутствовали: членъ государственнаго совѣта проф. М. М. Ковалевскій, проф. Е. В. Павловъ, проф. Сперанскій, проф. Аничковъ, проф. Шкаринъ, проф. Григорьевъ, бывший ректоръ одесскаго университета Занчевскій проф. Пуссень, главный врачъ Новознаменской больницы Реформатскій, проф. Останковъ, докторъ Бари, профессора психо-неврологическаго института, общественные дѣятели и другія лица. Привѣтствовали юбиляра рѣчами проф. М. М. Ковалевскій, проф. Павловъ и проф. Сперанскій. Они отмѣтили огромныя научныя заслуги и неутомимую энергію юбиляра, какъ профессора и общественнаго дѣятеля, его заслуги по созданію крупнаго высшаго учебнаго заведенія, какимъ является психо-неврологическій институтъ, и желали почтенному юбиляру дальнѣйшей плодотворной дѣятельности. Растроганный В. М. въ отвѣтной рѣчи горячо благодарилъ ораторовъ и всѣхъ присутствовавшихъ за выраженныя чувства. Затѣмъ проф. Останковъ прочиталъ телеграммы, число которыхъ достигло нѣсколькихъ десятковъ. В. М. Бехтерева поздравили: болгарскій посланникъ Бобчевъ, академикъ Кони, настоящій и бывший начальники медицинской академіи Макавѣевъ и Вельяминовъ, проф. Т. П. Павловъ, проф. Діанинъ, директоръ женскаго медицинскаго института Верховскій, проф. Долгановъ, проф. Сиротининъ, директоръ Маринской больницы Трояновъ, академикъ Коршъ, почти всѣ профессора военно-медицинской академіи, профессора и преподавательскій персоналъ психо-неврологическаго института. Присланы привѣтствія отъ психіатрическихъ больницъ: св. Николая Чудотворца, св. Пантелеймона, ряда научныхъ и ученыхъ обществъ, слушательницъ медицинскаго института, отъ профессоровъ психіатріи, разныхъ университетовъ и много другихъ. Чтеніе телеграммъ покрывалось долгими аплодисментами. Когда чтеніе было закончено, снова полились рѣчи и тосты. Чествованіе закончилось далеко за полночь.

НЕКРОЛОГИ.

ПРАКСИНЪ, А. Д. 24-го апрѣля послѣ долгой, тяжелой болѣзни почилъ литераторъ Александръ Дмитріевичъ Апраксинъ. Много борьбы, много тяжелыхъ минутъ пришлось на долю покойнаго. Колоссальный трудъ сломилъ его. Обстоятельства складывались всегда какъ-то особенно неудачно для него, и даже тѣ произведенія, которыя обѣщали успѣхъ, при появленіи на рынкѣ не расхватавались, какъ это слѣдовало ожидать. А. Д. Апраксинъ мечталъ создать литературно-художественный журналъ, въ которомъ лишь свѣтлое, высокое, прекрасное было бы напечатано. Журналъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ тѣмъ направленіемъ, которое господствуетъ теперь. Идеи журнала намѣчены въ романѣ покойнаго «Пробужденіе», вышедшемъ въ 1911 году въ сборникѣ романовъ «Свѣтъ». Ал. Дм. обогатилъ русскую беллетристику цѣлой массой произведеній. Съ 1900 года покойный работалъ въ редакціи «Свѣтъ». Въ этомъ году напечатаны въ сборникѣ романовъ «Разладъ» и «Чужіе грѣхи»; въ 1902 году въ газетѣ «Свѣтъ» романъ «Вакханалія»; въ 1903 году романы «Три шута» и «Безумцы»; въ 1904 году появляется романъ-дневникъ изъ эпизодовъ японской войны «Грянулъ бой»; въ 1905 году редакция «Свѣта» купила для изданія романы «Большіе корабли», «Графиня Негрянская» и «Родня». Въ 1910 г. въ газетѣ шли романы «Общій грѣхъ» и рассказъ «Нелли»; въ 1911 году въ сборникѣ появляется «Пробужденіе» и, наконецъ, въ 1912 году романъ «Святая Русь», изданный самимъ авторомъ. Борьба съ матеріальной нуждой заставляла покойнаго работать наспѣхъ, и онъ самъ всегда сѣтовалъ на это. Но тѣмъ не менѣе произведенія, вышедшія изъ-подъ пера талантливаго литератора, полны положительныхъ качествъ. Воспитывался Ал. Дм. въ училищѣ правовѣднія и въ пер-

вой военной гимназій. Былъ одно время на военной службѣ. Работалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Наблюдателѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ московскихъ и провинціальныхъ журналахъ и газетахъ. Умеръ А. Д. на станціи Удѣльной Финляндской желѣзной дороги, на 62 году жизни.

† **Карасевъ, А. А.** 22-го марта на 80-мъ году жизни скончался одинъ изъ старѣйшихъ на Дону журналистовъ и видныхъ участниковъ эпохи великихъ реформъ Алексѣй Алексѣевичъ Карасевъ. Скончался одинъ изъ лучшихъ гласныхъ почившаго въ прошломъ столѣтіи донского земства и одинъ изъ горячихъ защитниковъ реформъ на Дону. Покойный по происхожденію казакъ. Родился 2-го февраля 1834 года въ станицѣ Островской Усть-Медвѣдичкаго округа. окончилъ харьковскій университетъ по юридическому факультету. Влеченіе къ литературнымъ трудамъ у него сказалось очень рано; въ самые молодые годы среди товарищей уже ходили по-рукамъ его первые литературные опыты въ стихахъ и прозѣ. Немало работалъ онъ въ этомъ направленіи и въ студенческіе годы, а затѣмъ спустя нѣсколько лѣтъ по окончаніи университета, въ 1866 году, сталъ редакторомъ первой въ Новочеркасскѣ частной газеты «Донской Вѣстникъ». Вскорѣ, однакоже, «Донской Вѣстникъ» долженъ былъ прекратить свое существованіе, а А. А. попалъ въ немилость и надолго испортилъ свою служебную карьеру. А. А. Карасевъ работалъ въ донскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ, принималъ живѣйшее участіе въ составленіи проекта освобожденія крестьянъ, состоялъ секретаремъ войскового по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ 1871 году былъ впервые избранъ мировымъ судьей Черкаскаго округа, а по открытіи въ 1873 году въ Ново черкасскѣ окружнаго суда—зачисленъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Но вся эта дѣятельность, по видимому, не удовлетворяла покойнаго. Онъ жаждалъ газетной, журнальной работы, кипучей, широкой дѣятельности. Лѣтъ 6—7 спустя послѣ закрытія «Донскаго Вѣстника», А. А. становится во главѣ новаго органа—«Донской Газеты», которая выходила въ теченіе шести лѣтъ и въ 1879 году въ виду тяжелыхъ цензурныхъ условій того времени должна была прекратить свое существованіе. Изъ-подъ пера его вышли слѣдующіе труды: «Два трупы», «Предсмертное слово Дона», «Наши привилегированные недуги», «Исторія донской исторіи», «Бунтъ на Дону въ 1862—1863 годахъ», «Чернышевъ на Дону», «Атаманъ С. Д. Ефремовъ» и такъ далѣе. Свой статьи и очерки покойный помѣщалъ въ «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и также въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ. Въ каждомъ почти словѣ трудовъ его чувствовалась исключительная любовь къ Дону, къ его историческому прошлому. Покойный принималъ близкое участіе въ работахъ комиссіи «106»—по улучшенію быта казаковъ и, между прочимъ, внесъ обширный и обоснованный докладъ о необходимости скорѣйшаго введенія на Дону самоуправления. А. А. былъ постояннымъ и горячимъ поборникомъ идеи введенія земскихъ учреждений въ Донскомъ краѣ. (Некрологъ его: «Прязовскій Край» отъ 24-го марта сего года).

† **Кудринъ, И. И.** 14-го мая скончался на 67 году жизни въ Петергофѣ одинъ изъ немногихъ художниковъ-мозаичистовъ, почетный вольный общникъ академіи художествъ Иванъ Ивановичъ Кудринъ. По рожденію костромичъ,

покойный поступилъ въ академію художествъ въ 1862 году. За этуодъ красками въ 1865 году и за рисунокъ въ 1867 году получилъ двѣ малыя серебряныя медали, а въ 1868 году за общіе успѣхи—большую. Въ 1869 году представилъ картину «Купецъ, пьющій чай» и удостоенъ званія некласнаго художника. Его работы появлялись на академическихъ выставкахъ. Въ 1867 году «Этюдъ старушки» и въ 1869 году «Портретъ г. Н.». Съ 1870 года покойный художникъ занялся мозаичными работами, среди которыхъ обращаетъ вниманіе мастерствомъ «Голова Христа» съ оригинала профессора Пименова, за которую покойный получилъ званіе класнаго художника. Кромѣ работъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, имъ сдѣланы мозаики для храма Воскресенія на Екатерининскомъ каналѣ. До прошлаго года покойный былъ смотрителемъ мозаичныхъ сплавовъ въ академіи художествъ, гдѣ въ общемъ проработалъ 40 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 года, № 13354).

† **Лоранскій, А. М.** 23-го апрѣля не стало члена горнаго совѣта, горнаго ученаго и кустарнаго комитетовъ Аполлона Михайловича Лоранскаго. Покойный пользовался обширной извѣстностью не только какъ горный инженеръ, бывший профессоръ и инспекторъ горнаго института, но и какъ видный общественный дѣятель. Имя его особенно тѣсно связано съ обществомъ для содѣйствія торговлѣ и промышленности, въ которомъ онъ почти съ самаго его основанія принималъ ближайшее участіе сперва въ качествѣ секретаря (предсѣдателемъ былъ покойный графъ Н. П. Игнатьевъ), затѣмъ дѣлопроизводителя и предсѣдателя 6-го отдѣленія. Въ послѣдніе годы онъ положилъ немало заботъ на развитіе пригороднаго пожарнаго общества, предсѣдательствовалъ сперва въ хозяйственномъ комитетѣ удѣльнаго отдѣла, затѣмъ въ правленіи общества. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ до 1913 года А. М. былъ гласнымъ с.-петербургской думы по квартиронаимательскому цензу, работалъ въ больничной комиссіи и состоялъ попечителемъ больницы св. Пантелеймона для душевно-больныхъ. Онъ былъ однимъ изъ аккуратнѣйшихъ гласныхъ, почти не пропускалъ ни одного думскаго засѣданія и горячо отстаивалъ обывательскія нужды и благоустройство столицы, отличаясь справедливостью и честностью своихъ убѣжденій. А. М. родился въ 1847 году. По окончаніи курса въ горномъ институтѣ онъ избралъ для своей карьеры ученое поприще и былъ вскорѣ приглашенъ читать въ горномъ институтѣ горную статистику. Затѣмъ былъ инспекторомъ института. Ему принадлежатъ нѣсколько крупныхъ печатныхъ трудовъ: «Историческій очеркъ горнаго института», «Объ устройствѣ государственной кассы для страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ» и другіе. Множество его статей напечатано въ «Горномъ Журналѣ». Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ А. М. состоялъ секретаремъ комитета грамотности. Какъ дѣятель, онъ отличался замѣчательной работоспособностью, энергіей и отзывчивостью ко всему, что носило общественный характеръ и было направлено къ государственной пользѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 года, № 13331).

† **Михайловъ, И. Н.** 5-го мая скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ петербургскихъ педагоговъ, извѣстный географъ, составитель географическихъ атласовъ и учебниковъ Иванъ Никифоровичъ Михайловъ. Дѣятель, богатый инициативой и необычайной энергіей, онъ сосредоточилъ свою работу по преиму-

ществу въ вѣдомствѣ учреждений императрицы Маріи, гдѣ въ послѣдніе годы былъ членомъ учебнаго комитета. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ географію въ императорскомъ женскомъ педагогическомъ институтѣ, въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ и въ бывшей Маріинской гимназіи. Имъ была введена выработанная имъ система преподаванія и черченія картъ; лѣтнія каникулы онъ посвящалъ дѣвочкамъ, организуя экскурсіи сперва въ ближайшія окрестности, а потомъ и въ нѣкоторые русскіе города. Это былъ именно тотъ педагогъ-наставникъ, который сѣялъ на практикѣ въ учащихся любовь къ родинѣ и находилъ, что на этомъ должно зажитья все воспитаніе молодежи. Тѣ же принципы проводилъ онъ и на лѣтнихъ курсахъ сельскихъ учителей, руководителемъ которыхъ состоялъ до послѣдняго времени, являя, несмотря на свой преклонный возрастъ, образецъ необычайной трудоспособности. Какъ преподаватель, онъ являлся сторонникомъ наглядности преподаванія и легкости усвоенія географическихъ знаній, такъ сказать, популяризаторомъ географическихъ свѣдѣній. Многолѣтнее преподаваніе оставляло ему достаточный досугъ, чтобъ посвящать также свою энергію развитію профессиональнаго женскаго образованія. Покойный былъ горячимъ поборникомъ этого образованія, неоднократно выступалъ докладчикомъ на съѣздахъ по техническому и профессиональному образованію. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ устраивались въ Петербургѣ лѣтніе руководѣльные курсы, онъ состоялъ наблюдателемъ въ нѣсколькихъ руководѣльных школахъ. Будучи близокъ къ петербургскимъ патріотическимъ школамъ, онъ заботился о приобрѣтеніи оканчивающими въ нихъ курсъ кулинарныхъ знаній и состоялъ инспекторомъ школы домоводства и кулинарнаго искусства г-жи Гунствъ. Въ послѣднее время И. Н. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи по женскому профессиональному образованію при ученomъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія по отдѣлу промышленныхъ училищъ. Похороны его носили особенно сердечный характеръ. Институтская церковь была переполнена учащимися не только въ самомъ институтѣ, но и бывшими и настоящими его учениками всѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ въ теченіе своей долгой жизни являлся ихъ душою.

† **Овсяный, Н. Р.** Генераль Н. Р. Овсяный привезъ съ Балканъ свою бо-лѣзнь, сведшую его преждевременно въ могилу. Въ качествѣ главноуполномоченнаго Черняевскаго комитета онъ въ зимніе мѣсяцы объѣхалъ гористыя мѣстности Старой Сербіи, раздавая пособія пострадавшимъ отъ войны сербскимъ семействамъ, тяжело простудился, по возвращеніи въ Петербургъ слегъ въ больницу Евгеніинской общины и вскорѣ скончался. Генераль Овсяный стяжалъ себѣ извѣстность въ качествѣ изслѣдователя по исторіи балканскихъ славянъ. Его труды «Турція и турки», «Сербія и сербы», «Болгарія и болгары» выдержали нѣсколько изданій. Капитальный его трудъ «Русскіе устроители Болгаріи 1877—1879 годовъ» удостоился золотой медали отъ нашей императорской академіи наукъ. Сочиненіе его, посвященное «Военнымъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ въ Китаѣ въ 1900 году», награждено военнымъ совѣтомъ. Еще за нѣсколько недѣль до кончины онъ издалъ интересный сборникъ «Ближній Востокъ и славянство», въ которомъ собралъ много своихъ статей по злободневнымъ

славянскимъ вопросамъ. Генераль Овсяный былъ долгодѣтнымъ воспитателемъ черногорскаго королевича Данила и пользовался большими симпатіями при обоихъ сербскихъ дворахъ. Н. Р. Овсяный участвовалъ въ славянскомъ съѣздѣ въ Софіи и посѣтилъ послѣ него городъ Кюстендиль, гдѣ онъ во время освободительной войны былъ назначенъ губернаторомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 года, № 13342).

† **Павловскій, А. А.** Въ Одессѣ скончался 7-го мая заслуженный профессоръ новороссійскаго университета Алексѣй Андреевичъ Павловскій. Покойный имѣлъ ученую степень доктора исторіи изящныхъ искусствъ и въ своей специальности пользовался большимъ авторитетомъ. Онъ занималъ кафедру исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ въ новороссійскомъ университетѣ съ 1891 года; избирался деканомъ историко-филологическаго факультета и одновременно состоялъ преподавателемъ одесскаго художественнаго училища. Въ управленіи этимъ училищемъ А. А. принималъ видное участіе и одно время завѣдывалъ имъ. Кромѣ того, онъ читалъ исторію искусствъ на высшихъ женскихъ курсахъ со времени учрежденія ихъ въ Одессѣ. До отъѣзда въ Одессу педагогическая и ученая дѣятельность покойнаго была сосредоточена въ Петербургѣ: съ 1880 года онъ былъ преподавателемъ исторіи въ училищѣ барона Штиглица и съ 1888 года читалъ въ петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по исторіи древняго искусства и классической археологіи. А. А.—сынъ петербургскаго протоіерея—родился въ 1856 г. Изъ петербургской шестой гимназіи поступилъ въ петербургскій университетъ, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ и былъ оставленъ для приготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ русской исторіи. Однакo занятія по преподаванію исторіи въ центральномъ училищѣ барона Штиглица направили его научную работу въ область изящныхъ искусствъ. Въ этомъ училищѣ ему пришлось обратить особенное вниманіе на исторію внѣшняго быта. Затѣмъ составленіе имъ руководства по исторіи Древняго Востока и Греціи до греко-персидскихъ войнъ направило его вниманіе на исторію внѣшняго быта и искусства древнихъ народовъ. Въ результатѣ А. А. сдалъ въ 1887 г. экзаменъ на магистра исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ. Послѣ же спеціальной заграничной командировки, во время которой занимался по преимуществу изученіемъ произведеній классической скульптуры, защитилъ въ Кіевѣ въ 1891 году магистерскую диссертацию «Живопись Палатинской капеллы въ Палермо». Темой для докторской диссертации онъ избралъ «Скульптуру въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ». Его перу принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ работъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 года, № 13354).

† **Праскинъ, И. А.** 30-го апрѣля въ Казани послѣ продолжительной болѣзни скончался ординарный профессоръ казанскаго университета по кафедрѣ госпитальной хирургической клиники докторъ медицины Иванъ Александровичъ Праскинъ. Покойный родился 28-го іюля 1855 года въ городѣ Буинскѣ Симбирской губерніи. Учился въ казанской первой гимназіи (съ 1867 года), въ 1874 году поступилъ въ казанскій университетъ, но въ 1877 году изъ послѣдняго перевелся въ медико-хирургическую академію, окончилъ въ ней въ 1880 году курсъ съ званіемъ лекаря. Удостоенный военно-медицинскою академіею степени доктора

медицины, И. А. былъ определенъ ассистентомъ военно-клиническаго госпиталя. Затѣмъ получилъ званіе частнаго преподавателя академіи по клинической хирургіи; въ 1895 году ему былъ порученъ къ прочтенію въ военно-медицинской академіи курсъ госпитальной хирургической клиники. Въ 1897 году И. А. былъ назначенъ въ казанскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ госпитальной хирургической клиники, въ 1904 году утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 года, № 13342.)

† **Пчельниковъ, П. М.** 30-го апрѣля въ Юзовкѣ Екатеринославской губерніи скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Пчельниковъ, памятный Москвѣ своею долгою служебною дѣятельностью и цѣлымъ рядомъ трудовъ, посвященныхъ благоустройству театральнаго дѣла. Послѣ военной службы покойный перешелъ въ вѣдомство императорскаго двора и съ конца 1882 года, вслѣдъ за увольненіемъ графа Е. А. Салпаса, былъ назначенъ управляющимъ конторой императорскихъ московскихъ театровъ. Это мѣсто онъ занималъ до конца 1899 г., когда вышелъ въ отставку, и съ 1901 года, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, принялъ на себя наблюденіе за правильностью представленій на частныхъ сценахъ Москвы. Хорошо знакомый со сценическимъ искусствомъ, П. М., на основаніи долгаго опыта, составилъ «Справочную книжку по театальному дѣлу» (М. 1900 г., 307 стр.), которая и до сихъ поръ не потеряла своей цѣнности. Затѣмъ онъ иногда выступалъ со своими трудами въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», какъ, напримѣръ, «Итоги второго сѣзда сценическихъ дѣятелей» (1901 г., № 79), «Причина неудачи нашихъ театральнхъ сѣздовъ» (№№ 93—94), «О репертуарахъ народныхъ театровъ и ихъ рамкахъ» (№№ 276—277), «По поводу пожара театра въ Чикаго» (1904 г., №№ 1—2). Послѣдній вопросъ особенно интересовалъ покойнаго даже въ послѣднее время; такъ, еще въ прошломъ году онъ помѣстилъ большую статью подъ заглавіемъ: «Театральные пожары и защита зрителей» («Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» 1912 г., кн. 5). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1913 г., № 100).

† **Ржевускій, графъ С. А.** Въ Парижѣ скончался графъ Станиславъ Адамовичъ Ржевускій, извѣстный журналистъ, драматургъ и театральнй критикъ. Графъ сначала работалъ въ Петербургѣ, гдѣ шли его пьесы. Онъ увлекался театромъ и въ восьмидесятихъ годахъ зачислился на службу чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ императорскихъ театровъ. Статьи его появлялись во многихъ петербургскихъ изданіяхъ. Въ Александринскомъ театрѣ онъ ставилъ свою пьесу «Фаустина», въ которой играли Савина, Стрепетова, Далматовъ и другіе. Пьеса имѣла успѣхъ. Покинувъ Петербургъ, графъ поселился окончательно въ Парижѣ, гдѣ энергично принялся за работу. Онъ написалъ нѣсколько пьесъ, поставленныхъ съ успѣхомъ въ Парижѣ, помѣщалъ въ лучшихъ изданіяхъ публицистическія и критическія статьи. Имя его сдѣлалось очень популярнымъ. Отличительной чертой графа С. А. Ржевускаго, ярко проглядывавшей во всѣхъ его статьяхъ, напечатанныхъ въ Парижѣ и посвященныхъ литературѣ и искусству, было желаніе пропагандировать русскіе таланты и дарованія. Онъ любилъ наши таланты, прекрасно зналъ русскую литературу, чувствовалъ ее. Доброжелательный по натурѣ своей, покойный графъ искалъ

случая сдѣлать каждому пріятное. У него не было враговъ, но было множество друзей. Онъ занимался переводомъ русскихъ литературныхъ произведеній на французскій языкъ, распространялъ ихъ и вообще относился къ нимъ съ энтузіазмомъ. Умеръ С. А. Ржевускій не старымъ человѣкомъ, оставивъ свѣтлую память о себѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13343).

† **Рубецъ, А. И.** Въ Стародубѣ скончался бывший профессоръ петербургской консерваторіи А. И. Рубецъ, родной дядя члена государственной думы Н. И. Антонова. Покойный извѣстенъ, какъ писатель и собиратель народныхъ пѣсень. А. И. родился въ 1837 году въ городѣ Чугуевѣ, учился въ нѣжинскомъ лицѣѣ и въ петербургской консерваторіи. Впослѣдствіи онъ состоялъ профессоромъ консерваторіи по элементарной теоріи музыки. Покойный преподавалъ также пѣніе и теорію музыки въ разныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ сталъ страдать болѣзнью глазъ и вскорѣ ослѣпъ, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ покинуть консерваторію. Важнѣйшіе труды покойнаго: «Методъ преподаванія элементарной теоріи и сольфеджіо», «Музыкальная азбука», «Краткая музыкальная грамматика». Кроме того, А. И. издалъ около 200 малороссійскихъ пѣсень, дѣтскія пѣсни и русскія народныя пѣсни. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1913 г., № 96).

† **Русановъ, А. А.** 27-го апрѣля въ Лозаннѣ скончался профессоръ петербургскаго технологическаго института по кафедрѣ органическихъ веществъ А. А. Русановъ. А. А. родился въ 1863 году, окончилъ Петровское коммерческое училище, а въ 1886 году — петербургскій технологическій институтъ. По окончаніи института А. А. Русановъ работалъ въ лабораторіи питательныхъ веществъ подъ руководствомъ профессора Тавилдарова. Затѣмъ онъ былъ командированъ за границу и работалъ тамъ у профессора Ганша и профессора Мейера. Съ начала 90-хъ годовъ А. А. состоялъ профессоромъ технологическаго института. А. А. принималъ участіе въ работахъ технического комитета при министерствѣ торговли и промышленности, комитета по пересмотру таможенныхъ сборовъ и такъ далѣе. Перу его принадлежитъ рядъ научныхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 г., № 115).

Соболевскій, В. М. 9-го мая, въ девять часовъ вечера скончался Василій Михайловичъ Соболевскій. Для широкой читающей публики это имя говорить мало, но оно хорошо знакомо всѣмъ читателямъ «Русскихъ Вѣдомостей», какъ имя ихъ многолѣтняго редактора и издателя; оно пользуется почетной извѣстностью въ кругахъ журналистики и литературы, какъ имя человѣка, посвятившаго большую половину своей жизни честному служенію печатному слову, умѣвшаго держать высоко его знамя, остававшася всегда вѣрнымъ лучшимъ завѣтамъ русской журналистики. Василій Михайловичъ родился въ 1846 г. и происходилъ изъ дворянской семьи Орловской губерніи. Отецъ его умеръ уже давно, а мать только нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ преклонной старости въ гор. Орлѣ. Воспитывался В. М. нѣкоторое время въ орловской гимназій, а затѣмъ былъ отданъ въ одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ московскихъ пансіоновъ. Въ числѣ его товарищей по пансіону было нѣсколько лицъ, получившихъ впослѣдствіи извѣстность, въ числѣ ихъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ. Въ 1863 году В. М. поступилъ на юридическій факультетъ московскаго универ-

ситета и окончилъ его въ 1869 году. В. М. сблизился тогда особенно съ профессоромъ Дмитріевымъ, который пригласилъ даже его въ свои секретари, каковую должность В. М. исполнялъ годъ или болѣе, работая съ проф. Дмитріевымъ какъ въ Москвѣ, такъ и лѣтомъ въ его имѣніи (гдѣ-то на Волгѣ). Товарищами В. М. по университету были А. С. Посниковъ и А. И. Чупровъ; въ ихъ же компаніи бывалъ тогда А. П. Лукинъ, ставшій впоследствии сотрудникомъ и однимъ изъ издателей «Русскихъ Вѣдомостей», а въ то время посѣщавшій университетъ въ качествѣ вольнослушателя и участвовавшій въ сатирическомъ журналѣ «Искра», издававшемся въ Петербургѣ Степановымъ. По окончаніи курса В. М. былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессурѣ и, выдержавъ въ 1871 г. испытаніе на степень магистра, былъ командированъ за границу, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ, слушая лекціи въ разныхъ университетахъ Германіи и работая также въ Парижѣ и Лондонѣ. По возвращеніи изъ-за границы онъ получилъ мѣсто преподавателя (или исполняющаго должность доцента) по финансовому праву въ ярославскомъ лицей, гдѣ и читалъ лекціи съ 1873 г. по 1876 г., причемъ его коллегой тамъ былъ А. С. Посниковъ. Черезъ Посникова В. М. познакомился и съ Н. С. Скворцовымъ, тогдашнимъ издателемъ-редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей», съ которымъ скоро подружился, часто видѣлся съ нимъ при посѣщеніяхъ Москвы и нерѣдко останавливался у него на квартирѣ. Съ конца 1876 года В. М. сталъ официальнымъ помощникомъ редактора «Русскихъ Вѣдомостей». Въ то время Скворцовъ самъ еще много писалъ въ газетѣ, и В. М. усвоилъ себѣ, подъ его руководствомъ, всѣ приемы редакторской практики. Мало-по-малу Скворцовъ сталъ принимать все меньшее участіе въ газетѣ, и В. М. пришлось все болѣе и болѣе его замѣнять какъ въ писаніи статей, такъ и въ дѣлѣ редакторства. Когда же, въ 1882 году, Скворцовъ заболѣлъ, то въ теченіе всей долгой его болѣзни В. М. вступилъ во всѣ права редактора, получивъ на то и официальное уполномочіе. Н. С. Скворцовъ умеръ осенью 1882 года, и В. М. сталъ во главѣ газеты. Положеніе его оказалось очень труднымъ. Матеріальныя дѣла газеты были тогда настолько разстроены, что фактически газета принадлежала уже не Скворцову, а другому лицу, хотя и состоятельному, но желавшему какъ можно скорѣе развязаться съ газетой. Явился планъ создать товарищество по изданію газеты изъ активныхъ ея дѣятелей. Въ 1883 году образовалось товарищество изъ одиннадцати лицъ и быстро принялось за веденіе дѣла. В. М. сталъ работать съ усиленной энергіей. Онъ использовалъ всѣ свои литературныя знакомства, привлекъ къ участію въ газетѣ Н. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, В. Г. Короленка, цѣлый рядъ другихъ беллетристовъ и публицистовъ; при немъ явились постоянные иностранные корреспонденты, изъ коихъ нѣкоторые привлекли къ себѣ широкое вниманіе публики; онъ нашелъ себѣ дѣятельную поддержку со стороны товарищей, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ газета стала твердо на ноги, и дальнѣйшее развитіе ея было обозначено. Такъ шло дѣло болѣе двадцати лѣтъ, но постепенно рядъ товарищей В. М. сталъ рѣдѣть, а между тѣмъ дѣло развивалось и потребность въ рабочихъ силахъ все увеличивалась. И вотъ В. М. одинъ изъ первыхъ поднялъ мысль о преобразованіи товарищества на тѣхъ же доказавшихъ свою жизненность началахъ, путемъ

включенія въ него ближайшихъ постоянныхъ сотрудниковъ, изъявивъ полную готовность раздѣлить редакторскій трудъ съ тѣми лицами, которыя будутъ признаны болѣе способными къ этому дѣлу въ соответствии съ измѣнившимися и усложнившимися его условиями. Мысль эта была осуществлена, и В. М. первый искренно радовался этому новому осуществленію товарищескаго принципа въ горячо любимомъ имъ дѣлѣ. Похороненъ 15-го мая на Ваганьковскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913, № 108).

† **Фейнбергъ, И. А.** 25-го апрѣля скончался въ Ковнѣ популярный въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ врачъ и общественный дѣятель, И. А. Фейнбергъ. И. А. воспитаніе получилъ строго религіозное, но подъ вліяніемъ извѣстнаго еврейскаго писателя Ману И. А. сталъ готовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Сдавъ экзаменъ, поступилъ въ военно-медицинскую академію, которую окончилъ въ 1856 году. И. А. былъ, такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ евреевъ, получившихъ медицинское образованіе въ военно-медицинской академіи. По окончаніи академіи И. А. переселился въ Ковну, гдѣ прожилъ всю свою остальную жизнь. Здѣсь онъ приобрѣлъ широкую популярность, какъ врачъ. Долгое время И. А. состоялъ главнымъ врачомъ ковенской городской больницы и мѣстной общины Краснаго Креста. Покойному дважды была предложена кафедра въ юрьевскомъ и варшавскомъ университетахъ, но, какъ еврей, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ званія профессора. И. А. въ продолженіе многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ ковенской еврейской общины и мѣстнаго медицинскаго общества и всѣхъ благотворительныхъ еврейскихъ обществъ города Ковны. Послѣ манифеста 17-го октября покойный примкнулъ къ союзу равноправія евреевъ и участвовалъ въ качествѣ делегата на съѣздахъ союза въ Вильнѣ и Петербургѣ. Ковенское совѣщаніе еврейскихъ общественныхъ дѣятелей происходило подъ предсѣдательствомъ И. А. Покойный занимался и литературной дѣятельностью. Имъ напечатанъ рядъ научныхъ работъ на русскомъ языкѣхъ и нѣмецкомъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 года, № 113).

† **Флоридовъ, А. А.** 5-го мая скончался Александръ Александровичъ Флоридовъ, бібліотекаръ Публичной бібліотеки, завѣдывавшій отдѣломъ филологіи belles lettres и чрезвычайно знающій бібліографъ. А. А. родился въ 1862 г., образованіе получилъ въ ярославской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Специальностью его была новая русская литература. Имъ были редактированы изданія стихотвореній Н. М. Языкова (1898 г.), сочиненій И. И. Дмитріева (1895 г.), Ѳ. И. Тютчева (1900 г.). Въ послѣднее время онъ участвовалъ въ редактированіи «Русскаго Біографическаго Словаря», издаваемаго императорскимъ историческимъ обществомъ, и въ собраніи матеріаловъ для исторіи Публичной бібліотеки. Въ ней А. А. прослужилъ двадцать три года, неизмѣнно пользуясь общими симпатіями. Вообще это былъ человекъ высокихъ душевныхъ качествъ, большихъ знаній и совершенно исключительной скромности, доходившей до того, что онъ не ставилъ своего имени подъ иными работами, которыя вполне этого стоили. Друзья и сослуживцы называли его «тишайшимъ Александромъ Александровичемъ». (Некрологъ его: «Рѣчь», 1913 года, № 123).

† **Чарушниковъ, А. П.** 6-го апрѣля въ Москвѣ скончался извѣстный издатель Александръ Петровичъ Чарушниковъ. У тѣхъ, кто зналъ его лично, съ именемъ его связано представленіе о человѣкѣ своеобразнаго склада ума и большаго характера, въ высшей степени корректномъ, скромномъ и привлекательномъ, несмотря на внѣшнюю сухость. Сынъ вятскаго крестьянина (родился онъ въ Глазовѣ въ 1852 г.), окончившій лишь уѣздное училище, онъ проложилъ себѣ дорогу въ жизни исключительно личной энергіей. 14-ти лѣтъ онъ поступилъ мальчикомъ въ контору горнаго завода, затѣмъ служилъ письмоводителемъ у мирового судьи и въ земской управѣ, приказчикомъ въ ювелирномъ магазинѣ и т. д. Зарабатывая на жизнь коммерческой службой, онъ въ то же время занимался самообразованіемъ. Въ 1879 г., во время массовыхъ обысковъ у учащейся молодежи въ Петербургѣ, онъ подвергается аресту и административной высылкѣ на родину, въ Глазовъ. Здѣсь онъ знакомится съ политическими ссыльными. Вернувшись изъ ссылки въ 1882 г., А. П. поступаетъ на службу въ Сѣверно-страховое общество, въ которомъ съ тѣхъ поръ и остался. Въ послѣднее время занималъ онъ очень видное мѣсто—главнаго инспектора транспортнаго страхованія. Но дѣятельность въ торговомъ предпріятіи не поглощала его души; страстью ея съ юныхъ лѣтъ осталась книга, и эта любовь къ книгѣ, желаніе увеличить число полезныхъ и нужныхъ книгъ и привели А. П. къ издательской дѣятельности. Въ 1898 году В. А. Поссе разсказалъ А. П., что одинъ молодой, очень талантливый писатель не можетъ найти издателя для своихъ разсказовъ, а между тѣмъ найти поскорѣе издателя крайне нужно, такъ какъ писатель боленъ и ему необходимо ѣхать въ Крымъ. А. П. рѣшился вмѣстѣ со своимъ хорошимъ знакомымъ С. П. Дороватовскимъ купить эти разсказы и издать ихъ. Такъ увидѣли свѣтъ первые два тома разсказовъ Максима Горькаго и возникло книгоиздательство «С. Дороватовскій и А. Чарушниковъ», выпустившее послѣ такого блестящаго начала много полезныхъ книгъ. Будучи опытнымъ дѣятелемъ въ коммерческой области, А. П., однако, въ свою завѣтную область коммерческаго расчета не вносилъ и издавалъ книгу лишь въ томъ случаѣ, если она нравилась ему, если находилъ ее нужной и полезной. Среди изданнымъ имъ книгъ есть разныя, болѣе и менѣе удачныя, но нѣтъ ни одной, которая была бы издана не ради ея содержанія, а изъ желанія нажитья на ней. Несъ часто убытки на своихъ изданіяхъ, попадалъ изъ-за нихъ на скамью подсудимыхъ. Въ послѣднее время А. П. рѣшительно заявлялъ, что прекращаетъ заниматься издательствомъ, но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Попадалась снова полезная книга, и А. П. рѣшалъ: издать въ послѣдній разъ, книга хорошая. Если бы не смерть, оборвавшая жизнь А. П., еще долго продолжали бы появляться такія книги, которыхъ никакъ нельзя не издать, хотя онѣ и не сулятъ барышей. Своей издательской дѣятельностью, своимъ участіемъ въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ А. П., несомнѣнно, оставилъ въ жизни прочный слѣдъ, а въ душѣ знавшихъ его лично остался образъ сухого и суроваго на видъ человѣка, но подъ этой сухой внѣшностью всегда сохранявшаго живую душу, полную интереса къ книгамъ, идеямъ и общественной жизни. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1913 года, № 105.)

† **Чеховъ, Ал. П.** Смерть скосила его послѣ долгихъ и мучительныхъ страданій. Александръ Павловичъ Чеховъ погибъ отъ рака горла. Цѣлый годъ онъ носился съ этой тяжелой болѣзью, сознание ея неизлечимости страшно угнетало его, и онъ пережилъ многие часы тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ мукъ. Успокоился 17-го мая, въ девять часовъ утра. Покойный извѣстенъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ А. Сѣдой. Онъ старшій братъ Антона Чехова, вмѣстѣ съ нимъ учился въ таганрогской гимназiи и помогалъ отцу торговать въ лавочкѣ бакалейными товарами. Затѣмъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по разряду естественныхъ наукъ. Дѣятельность его началась въ таганрогской таможнѣ. Онъ былъ чиновникомъ. Здѣсь впервые проявилась его страсть къ литературѣ. Таможня дала ему оригинальные типы, отъ его наблюдательности не укрылись мѣстные порядки. Сюжетъ его первой повѣсти былъ взятъ цѣликомъ изъ непримечательной окружавшей его дѣйствительности. Появленіе этой его повѣсти въ одесской газетѣ вызвало переполохъ въ таможнѣ. Автора перевели въ другую, по Черноморскому побережью, несмотря на его желаніе служить въ родномъ его городѣ. Такъ началась его писательская карьера. Вскорѣ онъ совсѣмъ оставилъ службу, отдался всецѣло журналистикѣ, и съ 1886 года не разставался съ «Новымъ Временемъ», работая въ газетѣ преимущественно по хроникѣ. Талантъ покойнаго проявился въ цѣломъ рядѣ рассказовъ, повѣстей и романовъ преимущественно историческаго содержания. Его рассказы и повѣсти печатались въ «Новомъ Времени», «Петербургской Газетѣ», «Новороссійскомъ Телеграфѣ» и въ другихъ изданіяхъ, въ послѣдніе годы въ прибавленіяхъ къ журналу «Веходы». Талантъ его отличался своеобразіемъ, его творчество добродушнымъ юморомъ и мѣткой наблюдательностью. Его журнальная профессія доставила ему возможность вращаться въ разнообразныхъ общественныхъ слояхъ и обогащала его интересными сюжетами. Одинъ изъ его первыхъ рассказовъ «Птицы бездомныя» былъ посвященъ житью-бытью провинціальной актерской братіи, кочующей по городамъ и весямъ. Другіе—характеристикѣ различныхъ моментовъ педагогической и профессорской жизни. Въ этой области имѣли хорошей успѣхъ его рассказы «Педагогическій скандалъ» и «Научный докладъ». Первая книга его рассказовъ, изданныхъ отдѣльно, появилась на книжномъ рынкѣ въ 1895 году. Множество мелкихъ рассказовъ было приурочено имъ къ рождественскимъ праздникамъ, печатались они преимущественно въ «Новомъ Времени», затѣмъ изданы отдѣльнымъ сборникомъ—«Святочные рассказы». За писаніе романовъ онъ взялся по заказу «Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства», они были приурочены къ читательской простонародной средѣ и пользовались такимъ успѣхомъ, что его романъ «Хорошо жить на свѣтѣ» разошелся отдѣльнымъ и повторнымъ изданіемъ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» было напечатано имъ нѣсколько воспоминаній объ его братѣ Антонѣ Чеховѣ, съ которымъ его связывали не только родственныя, но и дружескія узы. Тамъ же напечатана его легенда о пребываніи императора Александра I въ Таганрогъ. Изъ его послѣднихъ произведеній интересны историческія повѣсти «Партизаны 1812 года» и «Богатырь-казакъ», напечатанныя въ «Читальнѣ народной школы» въ прошломъ году. Изъ газетныхъ статей покойнаго заслуживаютъ вниманія его фельетоны въ «Новомъ Времени», посвященные призрѣнію душевно-боль-

ныхъ въ Петербургѣ, алкоголизму и возможной съ нимъ борьбѣ. Эти фельетоны вышли отдѣльной книгой въ 1897 года. Онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ психіатромъ В. В. Ольдерогге ѣздилъ по островамъ шхеръ Финскаго залива въ поискахъ удобнаго мѣстечка для изоляціонной колоніи больныхъ алкоголиковъ. Поиски эти увѣнчались успѣхомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1913 г., № 13355).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Приступивъ ко второму, переработанному изданію «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ», я разослалъ писателямъ и ученымъ, адреса которыхъ мнѣ были извѣстны, циркуляры съ просьбой о присылкѣ біо-библіографическихъ свѣдѣній. Вопросы и пункты этого циркуляра сводятся къ слѣдующему:

Біографія: 1) имя и отчество, 2) годъ, мѣсяцъ и число рожденія, 3) мѣсто рожденія, 4) кто были родители, 5) вѣроисповѣданіе, 6) краткая исторія рода, главнымъ образомъ: были ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди, 7) ходъ воспитанія и образованія; подъ какими умственными и общественными вліяніями оно происходило, 8) начало и ходъ дѣятельности, 9) замѣчательныя событія жизни.

Библіографія: 1) перечень написаннаго или переведеннаго, съ точнымъ обозначеніемъ: а) если рѣчь идетъ о книгѣ: года, мѣста, формата и количества страницъ, в) если о журнальной статьѣ—года; № и названія періодическаго изданія, гдѣ она появилась, с) если о газетныхъ статьяхъ (главнѣйшихъ, конечно), то въ какихъ именно газетахъ и въ какомъ году онѣ появились; 3) не были ли (гдѣ, когда и къ) переведены произведенія на иностранныя языки, 3) не появились ли гдѣ-нибудь біографическія свѣдѣнія (если появились, то въ какой книгѣ или въ какомъ номерѣ періодическаго изданія); 4) не были ли помѣщены гдѣ-нибудь портреты; 5) псевдонимы.

Сверхъ того, я прошу не отказать мнѣ въ присылкѣ фотографической карточки.

Къ сожалѣнію, адреса очень многихъ писателей и ученыхъ остались мнѣ неизвѣстны. Поэтому я посредствомъ печати обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ литературѣ, журналистикѣ и наукѣ, съ просьбой не отказать мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о себѣ, примѣнительно къ вышеизложенной программѣ.

Очень важно для изданія, чтобъ указанныя свѣдѣнія были присланы не позже 1-го іюля сего года.

Отвѣты прошу направлять по адресу: С.-Петербургъ, Загородный пр., 21, профессору Семену Аѳанасьевичу Венгеру.

Съ истиннымъ уваженіемъ С. Венгеръ.

Дѣло, о которомъ я говорилъ, нужно сдѣлать. Я молился, чтобы чаша сія миновала меня, но моя мольба осталась безъ отвѣта. И я, не молившійся цѣлыми годами и теперь вспомнившій о молитвѣ только подѣ влияніемъ страшной муки, не могъ, конечно, роптать на это. Я пойду своей дорогой, но съ головой, упавшей на грудь. Ибо хотя человѣкъ, носящій одинаково испанское и голландское имя, и можетъ считать себя свободнымъ отъ присяги на вѣрность, однако эта вѣрность королю была въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ традиціей въ моемъ родѣ и мнѣ первому придется нарушить ее. Я надѣялся встрѣтить смерть съ высоко поднятой головой, но этого-то и не будетъ.

Плохо придется и мнѣ, и допу Педро.

Того же числа ночью.

Сегодня вечеромъ донъ Педро опять былъ у насъ въ гостяхъ. Я самъ пригласилъ его. Какъ и въ тотъ день, я запоздалъ, и онъ пришелъ раньше меня. Когда онъ всталъ, чтобы поздороваться со мной, опять на его губахъ была та же странная улыбка, и опять румянецъ игралъ на щекахъ моей жены. За обѣдомъ въ его манерахъ проглядывало какое-то облегченіе, какъ у человѣка, который освободился отъ большой тяжести и теперь увѣренъ въ самомъ себѣ. Когда послѣ обѣда мы сидѣли вокругъ камина, онъ пристально взглядывалъ на Изабеллу. Когда я привсталъ на минуту и сдѣлалъ видъ, что я отвернулся, я замѣтилъ, что онъ осматривалъ ее взглядомъ знатока, оцѣнивая ее по всѣмъ статьямъ, какъ человѣкъ, покупающій какую-нибудь вещь и желающій удостовѣриться, что она стоитъ своей цѣны.

Все готово на завтра. Но я подожду еще день. Можетъ быть, Господь совершитъ чудо.

27-го января.

Не буду больше ждать. Пріятно имѣть дѣло съ такимъ искреннимъ и набожнымъ человѣкомъ, какъ донъ Альваръ. По нему одному можно узнавать свое время, какъ по часамъ на колокольнѣ святой Гертруды.

Сегодня я предпринялъ обходъ войскъ, инспектируя свою гвардію. Я находился недалеко отъ Рѣчныхъ воротъ, когда до моихъ ушей донесся шумъ озлобленной толпы. Я быстро двинулся впередъ. Крики и ругательства стали доноситься явственнѣе. Слышно было, какъ камни ударялись о солдатскіе доспѣхи. Я завернулъ за уголъ и увидѣлъ, какъ по срединѣ улицы люди дона Педро тащили арестованныхъ—старика и двухъ дѣвушекъ. Впереди, загоразивая имъ дорогу, вздымались яростныя волны народа, испускавшаго угрозы и ругательства. Тутъ были главнымъ образомъ женщины и дѣти: мужчины были на работѣ. Ихъ было очень много на рѣкѣ,

а солдатъ было мало. Никакой опасности, впрочемъ, для нихъ не было. Латы были на нихъ, а испанскіе солдаты привыкли сражаться и пробывать себѣ дорогу и при худшихъ условіяхъ.

Такіе моменты неприятны и дѣйствуютъ на нервы.

Камни продолжали сыпаться подъ аккомпаниментъ брани и проклятій.

— Псы кровожадные! Собаки инквизиціи!—вопили женщины.— Вы мужчины, и не стыдитесь такого гнуснаго дѣла! Мужчины— и боитесь насъ, женщинъ. Трусы и мясники!

Посыпался градъ такихъ же мале пріятныхъ названій. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, обнажилъ шпагу и блѣдный, какъ полотно, стоялъ передъ толпой, не зная, что дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не изъ тѣхъ, когда испанскому офицеру можно было бы гордиться.

Въ этотъ моментъ я услышалъ гулъ мѣрныхъ шаговъ: появился отрядъ моихъ солдатъ, взятыхъ отъ Рѣчныхъ воротъ дономъ Альваромъ, который вмѣстѣ съ нѣсколькими собственными солдатами шелъ во главѣ. Не болѣе пятидесяти шаговъ отдѣляло ихъ отъ толпы, когда донъ Альваръ выхватилъ свою шпагу и scomандовалъ:

— Пики внизъ! Впередъ!

Это было бесполезной жестокостью. Въ толпѣ, какъ я сказалъ, мужчинъ было очень мало. Слугамъ инквизиціи пришлось пережить скверную четверть часа, но это было для нихъ дѣломъ обычнымъ.

— Стой!—крикнулъ я, выходя впередъ и ставъ впереди войска, приготовившагося къ нападенію.

Они сразу остановились.

Донъ Альваръ былъ очень удивленъ, узнавъ меня.

— Синьоръ! я уже отдалъ приказаніе,—заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Обстоятельства, какъ позволите видѣть, оправдываютъ его.

— Насколько я знаю, донъ Альваръ, вы еще не губернаторъ Гертруденберга,—сказалъ я вѣжливо.—Мѣсто это еще не свободно.

Онъ покраснѣлъ.

— Синьоръ, взгляните на эту толпу. Они разорвутъ людей дона Педро и освободить арестованныхъ. Чтобы предупредить это, я привелъ отъ воротъ подкрѣпленіе.

— Стыдитесь, донъ Альваръ!—воскрикнулъ я.—Тридцать вооруженныхъ солдатъ—и толпа женщинъ. Пусть онѣ дѣлаютъ свое дѣло.

— Вы не очень ревностны къ дѣлу святой церкви, синьоръ,—замѣтилъ онъ со скверной усмѣшкой.—Итакъ, вы не разрѣшаете вашимъ людямъ атаковать эту толпу!

— Толпу женщинъ—нѣтъ!

— Отлично. Тогда я знаю, что мнѣ дѣлать съ моими людьми. Я не позволю освободить этихъ арестованныхъ. Впередь!

— Донъ Альваръ, предупреждаю васъ, что если вы сдѣлаете хоть шагъ, я арестую васъ со всѣми вашими людьми. Здѣсь командованіе принадлежитъ мнѣ.

Онъ не обратилъ вниманія на мои слова.

— Впередь!—скомандоваль онъ.

— Капитанъ Квесада,—крикнулъ я повелительно:—арестуйте дона Альвара де-Лема и всѣхъ, кто осмѣливается не повиноваться моимъ приказаніямъ.

Это заставило дона Альвара опомниться. Онъ сообразилъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что ему невыгодно доводить дѣло до конца, имѣя своихъ шесть солдатъ противъ моихъ двадцати пяти. Кромѣ того, онъ, очевидно, смекнулъ, что донъ Педро не похвалитъ его за то, что онъ преждевременно раскрываетъ ихъ карты.

Онъ отступилъ назадъ. Лицо его было искажено гнѣвомъ.

— Я не хотѣлъ доводить васъ до такой крайности, синьоръ,—проговорилъ онъ.—На этотъ разъ я повинуюсь. Но отвѣтственность за все происшедшее падаетъ на васъ. И будьте увѣрены, я этого не забуду.

— Буду вполне увѣренъ, донъ Альваръ,—холодно отвѣчалъ я.

Онъ ушелъ, забравъ съ собой своихъ людей. У меня мелькала мысль задержать его. Новѣдъ имѣтъ врагомъ такого нетерпѣливаго, прямолинейнаго человѣка, какъ донъ Альваръ, чрезвычайно выгодно. Кромѣ того, я и не могъ бы произвести ареста. Мои люди сдѣлали бы это охотно, ибо мой голосъ, за которымъ они не разъ слѣдовали на полѣ кровавыхъ битвъ, до сихъ поръ сохраняютъ надъ нимъ власть, которую не легко сбросить. Но капитанъ Квесада двинулся съ неохотой, видимо, тяготясь моимъ приказаніемъ. Я увидѣлъ, что съ этого времени я не могу полагаться на своихъ офицеровъ. Имъ, очевидно, сообщили по секрету, что дни моего правленія сочтены. Если объ этомъ зналъ даже Квесада, относительно котораго могли быть опасенія, что онъ предупредитъ обо всемъ меня, то, конечно, это сообщено и всѣмъ другимъ. Донъ Педро подвигался впередъ быстрее, чѣмъ я предполагалъ.

— Отправляйтесь обратно къ вашему посту,—сказалъ я Квесада.—Я пойду одинъ и переговорю съ народомъ. Я не боюсь ихъ.

И, презрительно повернувшись къ нему спиной, я пошелъ прямо къ толпѣ, которая съ молчаливымъ любопытствомъ наблюдала за всѣмъ происходившимъ.

— Послушайте,—крикнулъ я:—вы только ухудшаете дѣло. Вамъ извѣстно, что, управляя вами, я старался дѣйствовать милосердно, гдѣ только это было можно. Расходитесь спокойно по домамъ, а я подумаю, какъ тутъ быть.

— Донъ Хаймъ—добрый человекъ,—сказалъ чей-то голосъ въ толпѣ.—Да здравствуетъ донъ Хаймъ!

— Но онъ уже не губернаторъ!—вскричалъ другой.

— Онъ уже ничего не можетъ сдѣлать, а мою дочь сожгутъ! Не могу же я стоять и смотрѣть на это!—кричалъ кто-то.

— Мой отецъ! Моя дочь!—раздалось у меня надъ ухомъ.

— Послушайте!—началъ я опять.—Пусть они спокойно идутъ въ тюрьму. Общаю вамъ, что никакого вреда имъ не будетъ. Это общаю вамъ я, донъ Хаймъ де-Хорквера.

Я могъ общать имъ это. Рѣшеніе мое созрѣло.

Сначала они было колебались, но затѣмъ постепенно стали расходиться и освободили дорогу для арестованныхъ и сопровождавшаго ихъ конвоя.

— Вы можете теперь идти впередъ безъ всякаго страха, синьоръ,—вѣжливо сказалъ я офицеру конвоя.—Весьма сожалѣю о случившемся здѣсь съ вами. Но вѣдь они—народъ необразованный и не особенно вѣжливы съ иностранцами. Въ своемъ невѣжествѣ, они рошцуть на то, что ихъ дочерей сжигаютъ, не понимая, что въ этомъ единственное средство спасти ихъ душу. Поэтому они совершенно напрасно впадаютъ въ гнѣвъ и не стѣсняются ставить васъ въ столь неприятное положеніе. Но сознаніе того, что все это произошло къ вящей славы Божіей, должно служить вамъ утѣшеніемъ въ вашемъ дѣлѣ. Безъ этого его можно было бы счесть неблагоприятнымъ для человека вашего происхожденія и положенія.

Офицеръ—молодой человекъ хорошей семьи—покраснѣлъ до корня волосъ.

— Мнѣ было такъ приказано, синьоръ. Самъ я не добивался этого порученія. Если я колебался, то не изъ страха передъ толпой, а потому, что въ ней были женщины.

— Очень радъ слышать это. Это дѣлаетъ вамъ честь. Что касается остального, то со временемъ вы ко всему этому привыкнете. Тутъ нужна только привычка. Хотя подъ старость это, можетъ быть, и наскучитъ вамъ, и вы сдѣлаете какую-нибудь очень умную или очень глупую вещь, смотря по характеру. Честь имѣю клясться.

Не знаю, исполнѣ ли онъ понялъ меня. Но онъ, видимо, неглупый и порядочный малый, и жаль, что для него не нашлось лучшаго дѣла.

Я отправился къ барону фонъ-Виллингеру.

Наступалъ конецъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Гертруденбергъ. Сентябрь 1573.

Не было до сихъ поръ мужества опять взяться за этотъ дневникъ. Можетъ быть, моя гордость не давала мнѣ возможности развернуть его, пока я не получу возможности сказать, что задача, мною себѣ поставленная, исполнена. Въ настоящее время она исполнена, но поздно. Ни для меня, ни для другихъ это не принесло пользы.

Многое успѣло перемяниться. Католическій священникъ уже не служить обѣдню въ алтарѣ церкви св. Гертруды, и святые удалены изъ тѣхъ уголковъ, въ которыхъ они чувствовали себя безопасными въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Сама св. Гертруда не нашла себѣ пріюта въ собственной своей церкви. Какъ-то пусто и неудобно-кажется въ церковныхъ придѣлахъ безъ этого воинства, которое наполняло темную пустоту жаромъ и вѣрой.

Замолкли навсегда звуки торжественныхъ гимновъ, святые стѣны отражаютъ теперь слащавые звуки гимна Маро, тѣ самые, которые я когда-то на другой день послѣ моего пріѣзда слышалъ въ маленькой часовнѣ за городомъ. Вышитыя облаченія и епитрахили изгнаны, и теперь священникъ держитъ рѣчь къ своему стаду въ простомъ черномъ одѣяніи, соотвѣтствующемъ важности его миссіи. Суевѣрія многихъ вѣковъ изгнаны и новому вѣку предоставлена свобода создавать новыя изъ развалинъ старыхъ. Но какое мнѣ дѣло до всего этого?

«Да будетъ воля Твоя», говорилъ священникъ въ церкви, но я еще не научился повторять это. Что же мнѣ остается сказать?

За послѣднее время не заглядывалъ въ эту книгу и не думалъ, что когда-нибудь я раскрою ее опять. Я надѣялся, что бѣлыя руки моей жены перевернутъ когда-нибудь эти листы и что они скажутъ ей что-нибудь въ мою защиту, когда меня уже не будетъ въ живыхъ. Но вышло иначе. Конецъ насталъ въ тотъ самый часъ, который я предвидѣлъ, и былъ ужасенъ.

Я, который хотѣлъ расплатиться за все, уцѣлѣлъ противъ моей воли, уцѣлѣлъ, конечно, только физически. Въ другихъ отношеніяхъ я, видитъ Богъ, пострадалъ жестоко.

Теперь я хочу занести все въ эту книгу, пользуясь разрозненными, поспѣшно набросанными замѣтками. Онѣ лежатъ на столѣ передо мной, ожидая, когда я прочту ихъ въ послѣдній разъ и уничтожу. Но и безъ нихъ я отлично помню все, какъ будто это произошло вчера. Если бъ я даже и захотѣлъ забыть все случившееся, я не могъ бы этого сдѣлать.

Дѣло было уже къ вечеру, когда я записаль послѣднюю строчку въ этой книгѣ. Около пяти часовъ, въ полумракѣ, сидѣль я за своимъ письменнымъ столомъ. Отложивъ въ сторону перо, я старался овладѣть своими беспорядочно толпившимися мыслями. Когда человѣкъ любить и даетъ себѣ жить всего три дня, то бываютъ минуты, когда его мысли оказываются въ разстройствѣ, и нужны усилія желѣзной воли, чтобы привести ихъ въ порядокъ.

Вдругъ сзади меня послышался легкій шелестъ, похожій на шелестъ шелковыхъ платьевъ. Я поднялъ глаза. Передо мной стояла моя жена!

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, ибо никогда еще не приходила она въ мою комнату. На ней былъ туалетъ для приѣма гостей, которыхъ я пригласилъ на вечеръ, хотя самому мнѣ было не до приѣма. На ея лицѣ игралъ свѣтъ, бросаемый свѣчами. Ея шея и руки были открыты. На шеѣ у ней красовалось ожерелье, подаренное моей матери въ день ея свадьбы императоромъ Карломъ, которое я нѣсколько недѣль тому назадъ дрожащими руками надѣлъ на мою жену.

Сначала я не зналъ, что подумать объ этомъ визитѣ, но, взглянувъ на нее еще разъ, понялъ, что не изъ любви пришла она сюда. Лицо ея было блѣдно, глаза горѣли, грудь волновалась.

— Я не знала, что вы имѣете обыкновеніе нарушать ваше слово, донъ Хаимъ. Впрочемъ, виновата. Мнѣ не было дано точнаго обѣщанія, но я была такъ наивна, что вообразила, будто оно было дано. Я не подозрѣвала, что ваши понятія о чести такъ отличаются отъ нашихъ.

Я вскочилъ въ ярости и отчаяніи.

— Что случилось?—закричалъ я.—Съ ума вы сошли, что ли?

— Сошла съ ума! Наоборотъ, я теперь только взялась за умъ. Какъ жаль, что это произошло со мной такъ поздно.

Съ величайшимъ усиліемъ мнѣ удалось вернуть себѣ хладнокровіе.

— Прежде, чѣмъ оскорблять меня, будьте добры объяснить, въ чемъ дѣло?

— Вы хорошо умѣете притворяться невиннымъ. Но, повѣрьте, теперь это вамъ уже не удастся,—сказала она, глядя на меня съ гордымъ презрѣніемъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—хрипло спросилъ я.—Если сегодня схватили нѣсколькихъ несчастныхъ, то я ничѣмъ не могъ помочь имъ. Вы отлично знаете, что въ дѣлахъ этого рода я уже ничего не могу сдѣлать, что моя власть—вопросъ, быть можетъ, нѣсколькихъ часовъ. Но этимъ послѣднимъ жертвамъ придется пострадать меньше, чѣмъ другимъ.

Она не обратила вниманія на мои послѣднія слова.

— Вы очень хладнокровно говорите объ этихъ нѣсколькихъ

несчастныхъ. Конечно, вамъ къ этому не привыкать стать,—я это упустила изъ виду,—но въ числѣ этихъ несчастныхъ находится и мой отецъ.

— Вашъ отецъ!—крикнулъ я въ ужасѣ.

— Будьте искренни хоть разъ въ жизни. Такъ будетъ лучше.

Я сжалъ зубы. Надо было сохранять спокойствіе. Если я не сдержу себя и поддамся гнѣву, то я никогда не узнаю истины. А это было важнѣе всего, ибо подходило мое время.

— Вашъ отецъ!—повторилъ я.—Его взяли въ тюрьму сегодня днемъ?

— А, теперь мы начинаемъ понимать другъ друга. Вы могли бы избавить меня отъ вступленія. Какъ я была наивна! Донъ Педро вчера сказалъ мнѣ, что онъ глубоко скорбитъ о томъ, что ему приходится сдѣлать нѣчто такое, что заставитъ меня страдать, но что, къ несчастью, у него нѣтъ выхода. Я поняла, что онъ пришелъ предостеречь меня. Но я вообразила, что его слова относятся къ какому-нибудь ауто-да-фе. Правда, когда я предложила ему какой-то вопросъ, онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Повѣрьте мнѣ, графиня, слѣдователи оказались гораздо рьянѣе, чѣмъ я бы желалъ». Онъ что-то еще говорилъ, но я не обратила вниманіе. Возможно, что Господь тронулъ сердце даже инквизитора, нужды нѣтъ какимъ образомъ. Но я все еще не понимала. Когда же сегодня произошла эта невѣроятная вещь, меня какъ громомъ поразило, и я и теперь еще не вполне понимаю. Я была увѣрена, вѣдь вы мнѣ обѣщали, что мой отецъ будетъ въ безопасности. Господь видитъ, что и я кое-что сдѣлала, чтобы добиться этого обѣщанія. Я схватилась руками за голову и думала, думала. Потомъ я послала за дономъ Педро. Онъ явился немедленно и разсыпался въ извиненіяхъ. Онъ повторилъ, что у него не было иного выхода, ибо доносъ былъ переданъ ему отъ имени короля. Онъ предложилъ мнѣ обратиться къ вамъ. Онъ даже пытался оправдать васъ, увѣряя, что вы, какъ ревностный католикъ, ставите дѣло церкви выше всякихъ другихъ соображеній. Вы—ревностный католикъ! Вы, не вѣрящій ни въ Бога, ни въ дьявола! Донъ Педро былъ глубоко взволнованъ, разставаясь со мной. И клянусь, если бъ я была въ состояніи, я бы пожалѣла скорѣе его, чѣмъ васъ, хотя онъ инквизиторъ и испанецъ.

— О, какъ я была наивна!—гнѣвно вскрикнула она, топая ногой о полъ.—Какъ наивна! Еще вчера я могла бы спасти моего отца. Но никогда, никогда я не думала, чтобы человѣкъ могъ быть такъ низко, такъ безчестенъ. И вотъ такой нашелся—мой супругъ! Неужели вы не могли захватить его деньги какимъ-нибудь инымъ образомъ? Неужели вы не обладаете мужествомъ настолько, чтобы открыто совершить преступленіе и открыто, по-разбойничьи

огрaбить его? А я—я еще раскaивалась въ томъ, что сказала вамъ въ тотъ день, когда вы явились ко мнѣ съ предложениемъ!

Она визгливо разсмѣялась.

— Только подумать, что я отдалась такому человѣку и что онъ владѣеть мною!

Она закрыла лицо руками. Потомъ вдругъ отняла ихъ и сжала ихъ на груди, которая волновалась, какъ будто стараясь разорвать шнуровку.

— Этого я не могу перенести,—вскричала она.—Никогда я не могла думать, чтобы въ мѣръ было что-нибудь болѣе позорное.

Молча и неподвижно стоялъ я передъ ней, ошеломленный этимъ потокомъ словъ. Когда я заговорилъ, гнѣвъ мой уже потухъ, и во мнѣ была одна тоска, тоска смертельная.

— Донна Изабелла,—сказалъ я:—можете вы спокойно выслушать меня?

— Спокойно! Вы слишкомъ многого требуете. Но мой позоръ такъ великъ, что онъ едва ли можетъ увеличиться отъ того, что я васъ выслушаю.

— Отлично. Теперь, бѣдная, обманутая женщина, выслушайте меня. Клянусь вамъ всѣмъ, что есть для меня самаго святого, что то, что вы думаете обо мнѣ, невѣрно. Если бъ это было такъ, то для чего бы мнѣ давать возможность ускользнуть остальнымъ пятидесяти? Вѣдь они также богаты.

— Я не знаю, сколько они заплатили вамъ,—презрительно отвѣчала она.

Я сдержалъ себя.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ почему же я не арестовалъ вашего отца раньше. У меня была полная возможность для этого, ибо я съ первыхъ же дней зналъ, что вы и вашъ отецъ—еретики.

— Вы просто хотѣли подѣлиться добычей. Но король, очевидно, отказался отъ нея въ вашу пользу, въ виду особыхъ обстоятельствъ въ этомъ случаѣ.

— Вы хорошо затвердили урокъ. Но если бы я былъ тѣмъ, чѣмъ вы меня считаете, то зачѣмъ же мнѣ было дожидаться приѣзда дона Педро? Это онъ переполнилъ всѣ тюрьмы и отправилъ столько жертвъ на костеръ, а не я.

Отвѣтъ былъ у нея наготовѣ.

— Это онъ, а не вы?—ядовито замѣтила она.—Развѣ онъ не просилъ васъ отпустить книгопродавца? Развѣ вы не отказали ему въ этомъ?

Теперь я наконецъ понялъ политику дона Педро.

— Ну, а другихъ?—возразилъ я, разгорячившись.—Женщинъ, дѣтей?

— Разрѣшите мнѣ лучше не отвѣчать на этотъ вопросъ. Къ стыду моему, я ваша жена, но я отказываюсь отъ всякихъ правъ

жены и не имѣю ни малѣйшаго желанія входить въ разсмотрѣніе этихъ дѣлъ.

Я думалъ, что сойду съ ума. Всѣ доводы разбивались объ ея увѣренность въ своей правотѣ, какъ объ скалу. Я сдѣлалъ послѣднюю попытку заставить восторжествовать истину.

— Я не стану возражать на ваши слова, но расскажу вамъ, какъ все это произошло. Когда вы выслушаете все, вы можете вѣрить мнѣ или не вѣрить. Это дѣло ваше. Теперь слушайте. Отпустивъ этихъ пятьдесятъ человѣкъ, я навлекъ на себя подозрѣнія герцога. Могъ сойти съ рукъ случай съ отцомъ Балестеромъ, но не это. Вы кричите всегда противъ нетерпимости и вы должны это понять. Донъ Педро присланъ сюда посмотрѣть, что здѣсь дѣлается. Ему даны полномочія низложить меня, если онъ найдетъ это нужнымъ. Онъ въ восторгѣ отъ этого, потому что вы очаровали его. Онъ не могъ дѣйствовать быстро, потому что ему надо было сначала заручиться содѣйствіемъ моихъ офицеровъ. Кромѣ того, тутъ были и вы. Ему нужно было прежде всего обмануть и провести васъ, ибо ему хочется сдѣлать васъ своей любовницей. Я же равнодушно смотрѣлъ на все до сегодняшняго дня, ибо однажды, стоя у окна и глядя на умирающій день, вы прошептали одну молитву. Я слышалъ ее и хочу доставить вамъ удовольствіе. Вамъ пришлось нѣсколько обождать, ибо я еще не успѣлъ приготовиться къ этому. Сегодня вы получили бы это удовлетвореніе. Но я еще не ослѣпъ и не могу теперь поступить, какъ хотѣлъ было раньше. Я наблюдалъ за глазами донъ Педро и видѣлъ румянецъ на вашихъ щекахъ. Однако я не оскорбилъ васъ подозрѣніемъ, что этотъ человѣкъ что-нибудь значитъ для васъ. Я и теперь не сдѣлаю этого, несмотря на то, что вы только что здѣсь сказали. Но я долженъ принять другія мѣры, чтобы оградить васъ отъ этого человѣка, о которомъ вы столь высокаго мнѣнія. Это будетъ очень трудно для меня. Это будетъ равносильно измѣнѣ, и я буду первымъ въ своемъ родѣ, который измѣнитъ своему королю ради женщины. Но я пойду на это. Не бойтесь, вы и вашъ отецъ будете свободны. Онъ получитъ свободу, и черезъ три часа вы будете говорить съ нимъ. Все это я говорю вамъ не для того, чтобы васъ растрогать,—для этого прошло уже время, но потому, что это правда. Кромѣ того, я не знаю, чѣмъ еще я могъ бы убѣдить васъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ, пока я говорилъ.

— Я вамъ не вѣрю,—холодно сказала она.—Все, что вы сказали, очень хорошо и благородно, слишкомъ благородно для васъ. Я и не знала, что вы при случаѣ умѣете и подслушать.

— Хорошо. Незачѣмъ теперь терять слова. Время не терпитъ, и дѣло идетъ о жизни и смерти. Я скажу вамъ вкратцѣ все, что вамъ нужно знать. Я возьму войска, на которыя я могу положиться, и освобожу арестованныхъ. Затѣмъ мы силою проложимъ себѣ путь

къ воротамъ. Если они окажутся закрытыми, я возьму ихъ приступомъ. Завтра мы будемъ на Рейнѣ, а черезъ день въ Лейденѣ. Послѣ этого вы и вашъ отецъ можете ѣхать, куда вамъ будетъ угодно. Теперь переодѣньтесь въ другое платье: пріема у насъ сегодня не будетъ. Моимъ гостямъ придется искать пріема у кого-нибудь другого. Прошу васъ какъ можно скорѣе уложиться. Возьмите съ собой только драгоценности и вещи, которымъ вы придаете особую цѣну, и ничего больше. Вы можете купить снова все, что вамъ понадобится. Одѣньтесь потеплѣе, ѣхать по льду при снѣгѣ будетъ очень холодно. Теперь идите. Я зайду за вами черезъ часъ, не позднѣе. Но если вамъ дорога жизнь вашего отца, не говорите ничего никому, даже вашей служанкѣ. Ступайте!—прибавилъ я хриплымъ голосомъ.—Чего же вы ждете?

— Я не пойду отсюда,—отвѣчала она.—Вы хотите удалить меня. А когда я вернусь, мой отецъ будетъ убитъ, ограбленъ и отнятъ у своей собственной дочери. Я никуда не поѣду изъ Гертруденберга.

— Изабелла,—началъ я кротко и терпѣливо, какъ обыкновенно говорятъ съ больнымъ капризничавшимъ ребенкомъ:—выслушайте меня. Что можно сдѣлать сегодня, того нельзя уже будетъ сдѣлать завтра. Я склонилъ на свою сторону людей барона фонъ-Виллингера цѣною всего, что у меня было въ этомъ мѣрѣ. Ихъ достаточно и они сумѣютъ провести насъ ночью. Но завтра будетъ уже поздно. Впрочемъ, я позабылъ, что вы не вѣрите мнѣ. Но вѣрите вы мнѣ, или нѣтъ,—не думайте, что вамъ удастся поднять горожанъ. Въ одинъ день этого сдѣлать нельзя. Но если бы вы даже и могли это сдѣлать,—все же это не годится. Горожанамъ не сравняться съ опытными солдатами, буду ли командовать я, или донъ-Альваръ. Въ этомъ случаѣ донъ Педро не захочетъ, да и не будетъ въ состояніи помочь вамъ, что бы онъ вамъ ни обѣщалъ. Городъ будетъ разгромленъ, вашъ отецъ погибнетъ, а вы окажетесь въ объятіяхъ дона Педро или на дыбѣ, а, можетъ быть, и тутъ, и тамъ.

— Пожалуйста, не запугивайте меня,—холодно возразила она.— Я сумѣю постоять за себя лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Я постарался овладѣть собой и сказалъ:

— Обѣщаю вамъ самымъ торжественнымъ образомъ, что сегодня же ночью освобожу вашего отца и выведу его и васъ изъ Гертруденберга безъ всякаго вреда для васъ. Обѣщаю вамъ, что черезъ два дня вы будете совершенно свободны отъ всякихъ узъ, которыя насъ съ вами связываютъ. Но,—пожалѣйте хоть самое себя,—не создавайте напрасно новыхъ осложнений въ моей и безъ того уже трудной задачѣ. Изабелла, дорогая моя, неужели ты не можешь повѣрить мнѣ!—спросилъ я, упавъ передъ нею на колѣни.

Она взглянула на меня, какъ на грязную собаку, и брезгливо подобрала свои юбки.

— Донъ-Хаимъ,—прсмолвила она тономъ, отнимавшимъ вся-

кую надежду:—ваши обѣщанія обыкновенно бываютъ обманчивы. Мнѣ говорили, что ихъ нужно понимать въ двухъ смыслахъ. Вспомните обѣщаніе, данное вами графинѣ де-Ларивардеръ!

Пока она говорила, я медленно поднимался съ колѣнъ. При послѣднихъ словахъ я, какъ ужаленный, отскочилъ отъ нея въ сторону.

— Наконецъ-то я поразила васъ, какъ слѣдуетъ.

— Да, вы поразили меня, но не тѣмъ, чѣмъ вы предполагаете. Въ этомъ указанномъ вами случаѣ я, дѣйствительно, виновата, хотя, слава Богу, не настолько, какъ вы думаете. Донъ Педро— ловкій человѣкъ, и я не могу не признать его талантовъ.

— Донъ Педро даже не знаетъ объ этомъ. Объ этомъ рассказывалъ какъ-то вечеромъ одинъ изъ офицеровъ Лемы, больше въ похвалу вашей хитрости, чѣмъ въ осужденіе васъ. Онъ не сообразилъ, что я могла слышать его слова. Когда донъ Педро замѣтилъ меня, онъ сдѣлалъ ему знакъ, но было уже поздно. Такъ какъ я не знаю, какого рода оговорку вы сдѣлаете въ умѣ и на этотъ разъ, то я предпочитаю просто не вѣрить вамъ.

Начинало уже смеркаться.

— Все равно,—произнесъ я сквозь зубы.—Если вы не хотите сдѣлать этого добровольно, то я обойдусь и безъ вашего согласія.

И прежде, чѣмъ она успѣла сообразить, я схватилъ ее въ свои объятія и отнесъ ее въ ея комнату. Она, конечно, сопротивлялась, но я обладалъ большой силой, и сопротивленіе было бесполезно.

— Переодѣньтесь здѣсь и укладывайте свои вещи,—сказала я, посадивъ ее въ кресло.—Если вы не приготовитесь къ моему возвращенію, то я возьму васъ съ собой въ томъ видѣ, въ какомъ застану.

Выйдя изъ комнаты, я заперъ за собою дверь и ключъ положилъ въ карманъ. Это была одна изъ отдаленныхъ комнатъ и имѣла одинъ выходъ. Въ замочную скважину я всунулъ кинжалъ, такъ что она никакъ не могла отпереть дверь, если бы даже у нея оказался другой ключъ.

Придя въ свой кабинетъ, я остановился и задумался, припоминая ея слова, взгляды, жесты. Какое-то странное чувство слабости, странное желаніе покоя, котораго я раньше не испытывалъ, охватило меня. Но не пришло еще время для покоя. Я медленно подошелъ къ буфету въ столовой, налилъ стаканъ вина и выпилъ его залпомъ. Этотъ старый хересъ былъ послѣдней хорошей вещью, которая у меня еще оставалась. Потомъ я глубоко вздохнулъ. Донъ Педро де-Тарсилла, берегитесь! Тигръ вырвался на свободу и на этотъ разъ онъ перемонится не будетъ!

Я позвалъ Діэго и быстро, но тщательно вооружился. На моемъ окнѣ горѣли двѣ свѣчи—сигналь, означавшій, что барону фонъ-Виллингеру съ его людьми пора садиться на коней.

Помогая мнѣ одѣваться, Діэго бормоталъ своимъ монотоннымъ

голосомъ, который производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ дремалъ:

— Вамъ не слѣдовало, синьоръ, оставлять въ живыхъ отца Балестера. Только мертвые не говорятъ. Я ужасно раскаиваюсь, что рассказалъ вамъ его исторію. Не расскажи я этого, вы, вѣроятно, живо раздѣлались бы съ нимъ.

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ. Я ни разу не говорилъ съ нимъ о томъ, что мнѣ угрожаетъ. Но слуги часто знаютъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ ихъ господа.

— Можетъ быть, ты и правъ, Діэго. А, впрочемъ, не знаю. Они хотятъ извести еретиковъ и забрать ихъ золото. А я позволилъ имъ ускользнуть. Этого они никогда не простятъ.

— Это вѣрно, синьоръ. Имъ нужны кровь и золото. Но истинѣ ихъ дни сочтены, и сметены они будутъ съ лица земли. Такъ сказалъ Господь.

Его голосъ звучалъ торжественно, а глаза блестѣли и расширились, какъ будто онъ хотѣлъ проникнуть взоромъ въ темное будущее. Мнѣ не разъ приходило въ голову, что и самъ онъ, по всей вѣроятности, еретикъ. Тѣмъ лучше.

Въ дверь постучали. Вошелъ донъ Руицъ въ полномъ вооруженіи. Увидѣвъ меня въ латахъ, онъ вскричалъ:

— Стало быть, вы все знаете, донъ Хаимъ?

— Да, я знаю. Но скажите мнѣ все, донъ Руицъ. Можетъ быть, кое-что мнѣ и неизвѣстно.

— Ванъ-деръ-Веерена бросили въ тюрьму сегодня днемъ. Вашимъ офицерамъ былъ показанъ приказъ герцога—повиноваться не вамъ, а дону Альвару де-Лема. Я не видѣлъ этого приказа самъ, мнѣ его не показывали, потому что знаютъ, что я съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ. Но, судя по тому, что мнѣ пришлось слышать, я увѣренъ, что онъ дѣйствительно существуетъ. Я долженъ еще прибавить, что Гертруденбергъ охраняется почти всѣмъ отрядомъ дона Альвара.

— Благодарю васъ, донъ Руицъ. Я радъ, что вы принесли мнѣ эти вѣсти. Это сберегаетъ мнѣ время, которое такъ быстро летитъ. Что касается остального, то у меня все готово. Черезъ часъ или два все будетъ кончено.

— Вы все приготовили и не пригласили меня, донъ Хаимъ! Я пришелъ сюда предложить вамъ свою жизнь, но вижу, что вамъ это не нужно.

Я схватилъ его руку.

— Благодарю васъ, донъ Руицъ. Но вы правы: ваша жизнь мнѣ не нужна. Я не возьму васъ туда, куда иду самъ.

— Пусть вы идете хоть на смерть,—все равно, я хочу раздѣлить ее съ вами.

— Нѣтъ, донъ Руицъ. Передъ вами все будущее. А я... измѣл-

никъ! Пусть позоръ и опасность измѣны падутъ на одного меня. Слушайте!

И, наклонившись къ его уху, я быстро прошепталъ нѣсколько словъ.

— Вы все-таки пока мой начальникъ, донъ Хаимъ,—отвѣчалъ онъ.

— Я надѣюсь, что вы кончите лучше, чѣмъ я,—печально промолвилъ я. — Ну, теперь прощайте, донъ Руицъ. Если вы хотите помочь мнѣ, задержите ихъ какъ можно дольше. А если встрѣтимся въ битвѣ, мы обойдемъ другъ друга. Не такъ ли, донъ Руицъ?

На его глазахъ были слезы. И мнѣ не стыдно сознаться, что и мои были влажны.

Уходя, онъ бросилъ на меня послѣдній взглядъ и сказалъ:

— Вы блѣдны, какъ смерть, донъ Хаимъ. Я никогда не видалъ васъ такимъ. Мужайтесь. Если вы все потеряете, съ вами останется ваша жена. Ея поцѣлуи могутъ вознаградить человѣка за многое. Подумайте объ ней, донъ Хаимъ.

— Не бойтесь, донъ Руицъ, я не забуду о ней.

Онъ вышелъ. Я взглянулъ на часы. Былъ уже седьмой часъ, и надо было торопиться. Въ два прыжка я очутился у комнаты моей жены. Кинжалъ торчалъ попрежнему въ замочномъ отверстіи. Я вынулъ его и постучалъ, отвѣта не было. Я отперъ дверь и вошелъ. Комната была пуста. Въ первую минуту я былъ совершенно ошеломленъ и едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Какъ сумасшедшій, бѣгалъ я по комнатѣ, обыскивая каждый уголь. Я тщательно осмотрѣлъ стѣну. Потомъ подошелъ къ окну: вставленные въ него желѣзные брусья были цѣлы. А между тѣмъ моя жена исчезла безслѣдно. Только на полу валялось ожерелье моей матери, видимо, сорванное съ шеи, да въ каминѣ торчали остатки полусгорѣвшаго письма.

Я вынулъ ихъ. То были два клочка бумаги, и на одномъ изъ нихъ строки прерывались сразу, это показывало, что это былъ черновой набросокъ, не удовлетворившій писавшаго. Бумага была такъ мелко изорвана, что нельзя было понять смыслъ написаннаго по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя можно было разобрать. Письмо было, очевидно, не ко мнѣ. Оно могло быть адресовано только дону Педро. Кому же еще моя жена могла писать по-испански?

Что она писала ему? Можетъ быть, она и бѣжала къ нему и теперь находилась у него. Я не хотѣлъ этому вѣрить даже теперь: вѣдь я любилъ эту женщину. О чемъ она могла писать ему? Я старался угадать содержаніе письма, но не могъ. Поднявъ ожерелье моей матери, я шатаясь вышелъ изъ комнаты.

Въ сосѣдней комнатѣ я былъ принужденъ схватиться за спинку стула, чтобы не упасть, и продолжалъ думать и думать. Мысли

беспорядочно неслись въ моей головѣ, а въ ушахъ раздавался голосъ, слабый и далекій, но явственно повторявшій слова проклятья: «Да измѣнитъ вамъ женщина, которую вы любите».

Страшнымъ усиленіемъ воли я выпрямился и велѣлъ позвать горничныхъ жены, но ихъ не оказалось: ни одна изъ нихъ не осталась у насъ въ домѣ.

Вдругъ послышался тихій, волнистый звукъ. Часы пробили семь.

Я опоздалъ.

Дикимъ голосомъ я позвалъ Діэго.

— Діэго, графиня исчезла, не знаю куда. Ты оставался здѣсь и приглядывай за нею. Въ этой комнатѣ должна быть гдѣ-нибудь потайная дверь. Если тебѣ удастся найти мою жену, приведи ее въ улицу Дьявола. Мы будемъ васъ ждать тамъ до половины девятаго, до девяти часовъ. Она внѣ себя, и ты долженъ доставить ее туда добровольно или силою. Понялъ?

Діэго кивнулъ въ отвѣтъ.

— Если ты не найдешь ее, оставайся въ Гертруденбергѣ и не уѣзжай отсюда, пока не отыщешь ее. Сходи къ дону Руицу и передай ему, что если онъ хочетъ пожертвовать своей жизнью, то пусть сдѣлаетъ это не для меня, а для жены моей. Мы выйдемъ черезъ Бредскія ворота и направимся на сѣверъ къ Лейдену. Если ты найдешь ее сегодня же, то постарайся догнать насъ. Если это случится потомъ, выпроводи ее отсюда, какъ сумѣешь. Убей ее, но не давай ей попасть въ руки дона Педро. Прощай.

— Прощайте, синьоръ. Если Богъ продлитъ мнѣ жизнь, желанія ваши будутъ исполнены.

Я бросился черезъ потайную дверь на потонувшую во мракѣ улицу. Поистинѣ, во всемъ томъ, что мнѣ пришлось пережить за мою жизнь, не было ничего подобнаго тѣмъ чувствамъ, которыя я испыталъ, войдя въ комнату моей жены и убѣдившись въ ея бѣгствѣ, убѣдившись въ томъ, что она предпочла довѣриться моему злѣйшему врагу, чѣмъ мнѣ.

Домъ, въ которомъ жилъ донъ Педро де-Тарсилла, находился въ одной изъ боковой улицъ, недалеко отъ тюрьмы. То былъ очень красивый старый домъ. Сначала онъ принадлежалъ одному значному человѣку, которому отрубили голову за государственную измѣну. Послѣ этого домъ былъ купленъ богатымъ купцомъ, который, въ свою очередь, былъ сожженъ инквизиціей—это часто случалось съ богатыми купцами въ тѣ времена. Съ того времени судьба этого дома была скромнѣе. Онъ перешелъ въ руки болѣе бѣдныхъ владѣльцевъ. Прекрасный садъ, тянувшійся около него, былъ проданъ, и на немъ построили новый домъ. Донъ Педро снялъ и его, чтобы удалить отъ себя любопытныхъ сосѣдей.

Внутренность дома была нѣсколько запущена, и донъ Педро

велѣлъ тщательно отремонтировать оба зданія, чтобы приспособить ихъ къ своимъ потребностямъ, разнообразнымъ и многочисленнымъ.

И вотъ въ то время, когда производились эти ремонтныя работы, я пошелъ къ владѣльцу сосѣдняго дома и разговорился съ нимъ. Это былъ очень милый и умный человѣкъ, который недолюбливалъ инквизиторовъ. Рабочіе въ домѣ дона Педро были, безъ сомнѣнія, тайными еретиками и не любили его. Такимъ образомъ, все обошлось благополучно и безъ всякой огласки. Ибо если донъ Педро былъ хитеръ, то и я былъ не промахъ. Такимъ образомъ, передо мной былъ открытъ къ нему путь, о которомъ никто и не догадывался.

Внутренніе апартаменты дона Педро были расположены во дворѣ. Окна его спальни и кабинета выходили окнами на небольшой задній дворикъ—единственный остатокъ отъ огромнаго сада, который былъ здѣсь когда-то въ тѣ времена, когда домъ стоялъ во всемъ своемъ величїи. Дворикъ былъ не великъ, но дома на противоположной сторонѣ улицы не были высоки, такъ что изъ оконъ дона Педро открывался широкій видъ и можно было даже наблюдать закатъ солнца. На дворикѣ еще стояло два-три дерева, вѣтви которыхъ поднимались къ окнамъ дона Педро.

Этотъ домъ былъ комфортабельный и уютный уголокъ, какіе любятъ инквизиторы. Конечно, зимою вѣтви деревьевъ были голы и печально бились о желѣзныя рѣшетки въ окнахъ. Но донъ Педро думалъ не о зимѣ, а о веснѣ, и глядѣлъ въ будущее.

Передъ его личными комнатами находилась болѣе просторная комната, занимающая сосѣдній домъ во всю его ширину. Это комната служила для дона Педро и прїемной, а залой, смотря по надобности. Изъ нея вело нѣсколько дверей, и всякій, кому надо было достичь святаго святыхъ инквизитора, долженъ былъ пройти черезъ нее. За ней находилась обширная передняя, кордегардія и другія помѣщенія.

Эта внутренняя гостиная была украшена по желанію дона Педро пано голландской работы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Мнѣ эти украшенія оказались очень кстати, такъ какъ за ними въ стѣнѣ я нашелъ потайную дверь, черезъ которую можно было войти лишь со двора и которую снаружи не было видно. Она была замаскирована особымъ щитомъ, который можно было отодвинуть, нажавъ пружину. Домъ былъ старинный, верхній этажъ деревянный, и все было устроено такъ, что не привлекало вниманія.

Комнаты въ сосѣднемъ домѣ были заняты нѣсколькими женщинами, на которыхъ лежало хозяйство дона Педро. Помѣщенія для прислуги занимали цѣлое сосѣднее зданіе, правда, очень небольшое. Входъ въ него неизмѣнно запирался въ восьмомъ часу вечера. Послѣ этого часа каждый долженъ былъ

входить черезъ главный подъездъ мимо часовыхъ, которые дежурили у дверей день и ночь. Ключи отъ подъезда сосѣдняго дома относились къ домоправителю и овладѣть ими, не поднявъ шума, было невозможно.

Донъ Педро, очевидно, былъ хорошии человѣкъ и радѣлъ о нравственности. Конечно, онъ не могъ обойтись сейчасъ безъ прислуги, и въ числѣ ея, конечно, могли быть и женщины. И онъ, очевидно, старался держать ихъ такъ, чтобы онѣ не могли впасть въ дурную жизнь, поздно возвращаясь домой или впуская къ себѣ посѣтителей въ неурочный часъ. Говорили также, что ночью онъ чувствуетъ иногда первую тревогу. Инквизитору это простиительно.

Какъ бы то ни было, слуги всегда народъ ненадежный, не застрахованный отъ подкупа. Всего нѣсколько дней тому назадъ нѣсколько солдатъ изъ отряда барона фонъ-Виллингера, пробравшись въ домъ, когда онъ еще не былъ запертъ, провели цѣлую ночь въ комнатѣ служанокъ,—въ той самой, изъ которой можно было пройти въ переднюю инквизитора.

Это было скандально, но что можно съ этимъ подѣлать? Молодые люди останутся молодыми людьми. И нѣмцамъ гораздо больше везло у здѣшнихъ дѣвицъ, чѣмъ испанцамъ, которыхъ онѣ побаивались.

Донъ Педро, конечно, почувствовалъ бы себя оскорбленнымъ, если бы узналъ объ этомъ. Но никто ему объ этомъ не сообщилъ. Хотя моя жена и могла бы написать ему, но, очевидно, ей самой ничего не было извѣстно.

Таково было положеніе вещей въ этотъ вечеръ. Если бы я позаботился объ этомъ заранѣе, то могъ бы незамѣтно пройти прямо въ комнату дона Педро безъ всякаго обо мнѣ доклада. Хуже всего было то, что входныя двери служительскаго флигеля запирались, какъ я уже сказалъ, въ восьмомъ часу. Если бъ даже онѣ оказались еще открытыми, то я не могъ бы уже выйти черезъ нихъ: мнѣ пришлось бы пройти въ главныя двери мимо часовыхъ. Будь это иначе, я могъ бы захватить съ собой дона Педро и передать его въ видѣ подарка принцу Оранскому, разумѣется, не особенно упрашивая его слѣдовать за мной.

Но сегодня было уже поздно, благодаря доннѣ Изабеллѣ. Мой расчетъ былъ точенъ, и я все предвидѣлъ, кромѣ этого. Донъ Педро возвращался домой не раньше половины седьмого, и у меня въ запасѣ былъ цѣлый часъ. Но я опоздалъ. Теперь приходилось поступать такъ, какъ требовали обстоятельства. Конечно, я могъ бы прибѣгнуть открыто къ вооруженной силѣ, но я хотѣлъ пустить моихъ людей въ дѣло поздне. Я могъ выдержать только одну битву на улицахъ.

Я храбро вошелъ въ главный подъездъ и спросилъ, гдѣ донъ

Педро. Въ его апартаментѣхъ я еще былъ въ безопасности, ибо не принято низлагать губернаторовъ съ такой оглаской. Да онъ бы и не осмѣлился сдѣлать это лично.

Когда мнѣ доложили, что онъ въ своей комнатѣ, я хладнокровно поднялся на верхъ, отославъ назадъ человѣка, который шель впереди меня, показывая дорогу. Я вошелъ въ переднюю, нарочно не постучавъ въ дверь. Обыкновенно въ этой комнатѣ сидѣлъ секретарь его преподобія, маленькій человѣчекъ, родомъ изъ окрестностей Севильи. На его обязанности лежало выслушивать кучу посѣтителей и просителей, ежедневно наполнявшихъ обширную залу, и впускать къ его преподобию только тѣхъ, кого онъ желалъ видѣть.

Въ тотъ вечеръ этотъ бѣдный человѣкъ былъ страшно испуганъ, поднявъ глаза отъ бумаги, на которой онъ писалъ, и увидѣвъ вдругъ передъ собой меня.

— Добрый вечеръ, синьоръ Каренья,—промолвилъ я.

Онъ вскопился и задрожалъ. Нервы у него, видимо, были не въ порядкѣ.

— Добрый вечеръ, синьоръ Каренья,—вѣжливо повторилъ я.— Будьте любезны доложить обо мнѣ его преподобию. Извиняюсь, что испугалъ васъ.

— Я не слыхалъ, какъ вы вошли,—отвѣчалъ онъ неувереннымъ тономъ.— Какъ вы проникли сюда?

— Черезъ дверь, синьоръ. Это мой обычный путь. Будьте добры доложить обо мнѣ. У меня есть спѣшное дѣло.

— Сію минуту, синьоръ. Мнѣ кажется, его преподобіе самъ ждетъ васъ.

Когда я вошелъ, донъ Педро сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, закутанный въ длинное одѣяніе, подбитое мѣхомъ. Онъ всталъ и поздоровался со мной. Онъ не могъ замѣтить, что я въ полномъ вооруженіи, такъ какъ шлемъ я оставилъ въ сосѣдней комнатѣ, а остальные доспѣхи были скрыты у меня подъ платьемъ.

— Я ожидалъ, что вы придете, донъ Хаймъ, вслѣдствіе печальнаго шага, который я долженъ былъ сдѣлать въ силу необходимости, въ силу исполненія своего служебнаго долга.

Извнѣ послышался легкій шумъ, который я постарался заглушить звономъ своихъ шпоръ. Шумъ вдругъ смолкъ. Донъ Педро пересталъ было говорить и сталъ осматриваться кругомъ. Но такъ какъ все было тихо, онъ успокоился и продолжалъ:

— Я вѣдь несу на себѣ отвѣтственность передъ его свѣтлостью. Какъ я уже сказалъ въ день моего приѣзда, я долженъ дать отвѣтъ за всякую душу, которая погибнетъ отъ моего нерадѣнія. Вы такъ справедливы, что, конечно, правильно оцѣните мои мотивы.

— Конечно, конечно, ваше преподобіе,—отвѣчалъ я, кланяясь.—Позвольте спросить, какимъ образомъ отецъ моей жены навлекъ на себя подозрѣніе?

— Стало извѣстно, что онъ читаетъ Священное Писаніе, донъ Хаймъ. Это самое пагубное дѣло, хотя съ виду оно и кажется невиннымъ и даже богоугоднымъ. Это именно и привело къ образованію разныхъ повыхъ ученій. Ибо слово Господне можно толковать по разному, и профаны не въ состояніи судить, какое изъ этихъ толкованій будетъ правильнымъ. Поэтому церковь строгонастрого запретила это занятіе, и оно считается вѣрнымъ признакомъ ереси.

Кто-то тихо постучалъ въ дверь, словно мыши грызли дерево. Сигналь повторился два раза.

— Ваше преподобіе совершенно правы,—отвѣчалъ я.—Дѣйствительно, въ Евангеліи немало мѣстъ, которыя могутъ показаться въ полномъ противорѣчій съ дѣяніями церкви—на взглядъ, конечно, профана, какъ вы сказали. Вотъ, на примѣръ, нѣсколько мѣстъ изъ Евангелія отъ Маттея: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ, какъ внутри онѣ полны хищенія и неправды». Можетъ быть, ванъ-дербъ-Вееренъ читалъ какъ разъ это мѣсто!

Донъ Педро взглянулъ на меня въ гнѣвномъ изумленіи.

— Можетъ быть, у васъ имѣются сомнѣнія и въ правотѣри его дочери?—вдругъ спросилъ я.

Въ глазахъ инквизитора вдругъ вспыхнулъ огонекъ.

— Если родители принадлежатъ къ числу еретиковъ, то дѣти, конечно, дѣлаются подозрительными. Но,—прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой,—я хочу самъ поговорить съ донной Изабеллой и, надѣюсь, сумѣю показать ей ея заблужденіе.

— Конечно, вы сумѣете. Боюсь, что она также читаетъ Священное Писаніе. А тамъ написано: «Не пожелай жены ближняго твоего». Если она сосредоточится на этомъ мѣстѣ, вамъ будетъ не совсѣмъ ловко, не правда ли?

Наконецъ онъ увидѣлъ, что я смѣюсь надъ нимъ.

— Вы сами еретикъ, донъ Хаймъ! Какихъ еще нужно доказательствъ?

Онъ слегка позвонилъ въ серебряный колокольчикъ, который стоялъ на столѣ возлѣ него. Дверь сосѣдней комнаты, которая оставалась полуоткрытой, распахнулась, и въ кабинетъ вошелъ донъ Альваръ съ тремя вооруженными солдатами.

Донъ Альваръ выступилъ впередъ, держа въ рукѣ какую-то бумагу.

— Именемъ короля я арестую васъ, донъ Хаймъ де-Хорквера, именуемый до сего дня графомъ Абенохара и губернаторомъ города Гетруденберга, по обвиненію васъ въ государственной измѣнѣ. Позвольте вашу шпагу.

Я улынулся и топнулъ ногой. Сзади меня что-то зашумѣло, и въ одно мгновеніе въ комнатѣ появилась дюжина людей барона фонъ-Виллингера.

— Мнѣ кажется, вы ошиблись относительно лица, которое падо арестовать,—вѣжливо продолжалъ я, улыбаясь.—Сами благоволите отдать мнѣ вашу шпагу.

Донъ Альваръ, совершенно растерявшись, уставился на меня глазами. Инквизиторъ же, мозгъ котораго соображалъ быстрѣе, поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Вы поднимаете бунтъ противъ короля, донъ Хаимъ?—вскричалъ наконецъ донъ Альваръ.

— Это мое дѣло. Позвольте вашу шпагу.

Донъ-Альваръ еще колебался. Губы инквизитора, отъ котораго онъ привыкъ слышать рѣшающее слова, были плотно стиснуты: онъ, конечно, сообразилъ, что происходило.

Я потерялъ наконецъ терпѣніе.

— Повинуйтесь сію минуту, или...

Донъ-Альваръ понялъ, что помощи ждать неоткуда. Онъ отстегнулъ свою шпагу и бросилъ ее на полъ къ ногамъ моимъ. Я отшвырнулъ ее ногой.

— Не вамъ, господа, ловить тигра,—сказалъ я, глядя на нихъ съ презрѣніемъ.—На будущее время охотьтесь за болѣе мелкой дичью. Свяжите ихъ и заткните имъ ротъ,—распорядился я.

На это не потребовалось много времени, ибо люди дона Альвара не оказали никакого сопротивленія.

— А теперь, достопочтеннѣйшій отецъ,—сказалъ я, дѣлая шагъ къ инквизитору:—намъ надо свести кое-какіе счеты.

Съ ужасомъ въ глазахъ онъ отпрянулъ отъ меня и схватилъ колокольчикъ. Но въ то же мгновеніе остріе моей шпаги очутилось у его горла.

— Я не люблю дѣлать шумъ, ваше преподобіе. Это неприятно дѣйствуетъ на мои нервы.

Онъ медленно отнялъ руку отъ звонка.

— Ну, такъ-то лучше. Кромѣ того, это было бы и бесполезно: вы всецѣло въ моей власти. Не угодно ли будетъ вамъ присѣсть, достопочтеннѣйшій отецъ? Мнѣ стыдно, что вы стоите передо мной.

Онъ опустился въ кресло. Мелкія капли пота выступили у него на лбу.

— Сначала покончимъ съ дѣлами. Потрудитесь сейчасъ же написать приказъ объ освобожденіи ванъ-деръ-Веерена, а затѣмъ другой—объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ по дѣламъ вѣры.

Онъ бросилъ на меня подозрительный взглядъ.

— Но вѣдь, заставивъ меня подписать эти приказы, вы потомъ можете убить меня,—сказалъ онъ.

— Конечно, могу. Но такого рода маленькій рискъ неизбеженъ въ вашемъ дѣлѣ. И вы будете имѣть утѣшеніе, что пострадали во имя Господа Бога и примете пальму мученичества. Но общаю вамъ пощадить вашу жизнь, если вы подпишете приказъ безъ дальнѣй-

шихъ препирательствъ. Вашъ отказъ не поможетъ дѣлу, ибо, если вы не подпишете приказа, я велю взять тюрьму приступомъ. Но, какъ я уже сказалъ, я терпѣть не могу излишняго шума.

Я помолчалъ.

— Впрочемъ, мнѣ не хотѣлось бы насиловать вашу совѣсть. Я и забылъ, что вы несете на себѣ отвѣтственность за каждую погибшую душу. Кромѣ того, вы только потеряете случай получить мученическій вѣнецъ, который я постараюсь обезпечить вамъ, избравъ для васъ соответствующій родъ смерти.

Инквизиторъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы общаете ищадить меня, если я подпишу приказъ?

— Обѣщаю.

— А какое ручательство въ томъ, что вы сдержите свое слово?

— Никакого, конечно. Тутъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда вамъ приходится рисковать. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ. Но время не ждетъ. Рѣшайтесь.

Онъ провелъ рукой по лбу, взялъ листъ бумаги и написалъ приказъ.

— Отлично. Теперь послѣ моей подписи пусть подпишетъ еще донъ-Альваръ. Я здѣсь хозяинъ, пока захочу. Развяжите ему руки, — сказалъ я, подписавъ свое имя, — и дайте ему чернилъ и перо.

Донъ Педро бросилъ на меня яростный взглядъ.

— Такъ-то, достопочтенный отецъ. Я хочу, чтобы все было въ порядкѣ. Теперь потрудитесь передать мнѣ всѣ находящіяся у васъ бумаги, имѣющія какое-либо отношеніе ко мнѣ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть ихъ у себя на память о моихъ друзьяхъ. Я могъ бы, конечно, взять ихъ и самъ. Стоило бы только порыться въ ящикахъ вашего стола. Но вамъ лучше извѣстно, гдѣ онѣ лежатъ, и поэтому вы избавите меня отъ лишнихъ хлопотъ.

Онъ открылъ ящикъ стола и подалъ мнѣ связку бумагъ. Я бросилъ на нихъ бѣглый взглядъ: тутъ находилось какъ разъ то, что мнѣ было нужно. Можетъ быть, здѣсь были не всѣ бумаги, но теперь это не представляло уже особой важности: мнѣ было уже все равно, какіе у меня друзья и враги въ Брюсселѣ и Мадридѣ. Знать это было бы удовлетвореніемъ простаго любопытства, не болѣе.

Одну минуту мнѣ хотѣлось потребовать у него также и письма моей жены. Но у меня не было увѣренности въ томъ, что, уничтоживъ свой первый черновой набросокъ, она дѣйствительно отравила потомъ свое письмо. Если, послушавшись внутренняго предостерегающаго ее голоса, она поколебалась и не сдѣлала этого, то я только выдалъ бы ее инквизитору. Поэтому я рѣшилъ не говорить объ этомъ письмѣ.

— Прошу извиненія за то, что на короткое время мнѣ придется связать васъ, какъ и всѣхъ остальныхъ, — сказалъ я дону Педро. — На самое короткое время. Вотъ такъ. Такъ будетъ хорошо.

Я приказалъ моимъ людямъ отнести дону Альвара и его троихъ солдатъ во внутренніе апартаменты и ждать меня въ пріемной.

— Ну, донъ Педро, теперь мы съ вами наединѣ. И намъ нужно поговорить о доннѣ Изабеллѣ.

Онъ дико взглянулъ на меня.

— Я боюсь, что ея красота вредно подѣйствовала на ваше душевное спокойствіе. Вы слишкомъ много смотрѣли на ея прекрасные глаза и бѣлую шею.

— Донъ Хаимъ, повѣрьте мнѣ...

— Я самъ видѣлъ все. Мы теперь говоримъ съ глазу на глазъ и вамъ нечего бояться за вашу репутацію: я не стану гдѣ-либо воспроизводить нашъ разговоръ. Но для того, чтобы спасти васъ отъ новыхъ искушеній, если когда-нибудь вы опять встрѣтитесь съ нею, я хочу выколоть вамъ глаза.

Выраженіе его лица было ужасно. Нѣсколько минутъ онъ не могъ говорить.

Наконецъ онъ вскрикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Но вы обѣщали пощадить мою жизнь!

— Кто говоритъ здѣсь о жизни? Вы останетесь вполнѣ здоровы. Вы только перестанете видѣть. Но что же изъ этого? Я вамъ обѣщаль сохранить только вашу жизнь и ничего другого. Вы, можетъ быть, поняли это не такъ, но я ужъ въ этомъ не виноватъ. Вы рассказали моей женѣ случай съ графиней де-Ларивардеръ. И, конечно, вы сами были бы гораздо осторожнѣе съ человѣкомъ, способнымъ на такую вещь.

По его тѣлу прошло конвульсивное движеніе. Напрасно силлся онъ подняться въ креслѣ.

— Пощадите!—прошепталъ онъ.

Я обнажилъ свой кинжалъ и посмотрѣлъ на его остріе.

— А вы? Развѣ вы пощадите бы меня или мою жену?—спросилъ я.

— Пощадилъ бы — се. Можетъ быть, и васъ, если бѣ она того пожелала. Я люблю ее,—пролепеталъ онъ.

— А, вы любите ее! А она васъ любитъ?

— Да!—въ отчаяніи промолвилъ онъ.

— Это она сама вамъ сказала?

— Да.

— Ну, за эту послѣднюю ложь, донъ Педро, я сдѣлалъ бы съ вами что-нибудь похуже, чѣмъ выкалываніе глазъ, если бѣ только могъ придумать. Къ несчастью, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи способы мучать другъ друга очень немногочисленны—и ваши глаза, конечно, погибнуть.

Онъ открылъ ротъ и хотѣлъ закричать, но я быстро всунулъ ему въ ротъ платокъ.

Мой кинжалъ быстро справился со своимъ дѣломъ.

— Ну, кончено. Теперь я погашу свѣчи, ибо онѣ вамъ уже не нужны. Спокойной ночи, донъ Педро.

Я слышалъ, какъ онъ тихо застоналъ и вышелъ. Мое мщеніе совершилось, и донна Изабелла была застрахована отъ горькой участи.

Я приказалъ людямъ фонъ-Виллингера забаррикадироваться въ пріемной и, когда я уйду, продержаться въ ней, если возможно, часа два. Послѣ этого они должны были спасаться, кто какъ можетъ.

Мѣрнымъ спокойнымъ шагомъ спустился я внизъ и прошелъ мимо часовыхъ дона Педро. Вѣроятно, они были очень удивлены, что я ухожу одинъ, но мнѣ до этого не было дѣла. Мое дѣло въ этомъ домѣ было сдѣлано, и они не могли уже его передѣлать.

На улицѣ меня ждалъ фонъ-Виллингеръ съ своими силами.

— Устроили все, какъ хотѣли, донъ Хаймъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отрывисто отвѣчалъ я.—Мы можемъ ѣхать.

Поставивъ ногу въ стремя, я вдругъ вспомнилъ объ одномъ человѣкѣ, о которомъ какъ-то совсѣмъ было забылъ: о доннѣ Маріонъ. Я не могъ оставить ее здѣсь одну, безъ всякой защиты. Послѣ того, какъ меня не будетъ въ Гертруденбергѣ, въ городѣ наступитъ адъ.

И однако я принужденъ оставить здѣсь свою жену!

Я приказалъ барону фонъ-Виллингеру послать за донной Маріонъ четырехъ солдатъ съ двумя свободными лошадьми и привести ее ко мнѣ, хотя бы и противъ ея воли.

— Хочетъ она, или не хочетъ!—прибавилъ я.—Если ея мать въ состояніи ѣхать, тѣмъ лучше. Если не можетъ, то оставьте ее. Не могу же я спасти каждую старуху.

Я далъ шпоры лошади, и мы тронулись по улицѣ. Намъ пришлось сдѣлать порядочный крюкъ, такъ какъ домъ инквизитора находился недалеко отъ тюрьмы,—можно было услышать оттуда крикъ,—а около тюрьмы, какъ мнѣ сообщили, были расположены въ полной готовности силы дона Альвара. Къ счастью, земля была покрыта только что выпавшимъ снѣгомъ, заглушавшимъ всякій звукъ. Кромѣ того, поднялся густой туманъ, который скрывалъ насъ изъ виду.

Я захватилъ съ собой дюжину людей и поѣхалъ къ тюрьмѣ. Войскъ дона Альвара нигдѣ не было видно. Они, вѣроятно были стянуты въ одной изъ боковыхъ улицъ и не были видны въ туманѣ, какъ и мои.

— Позовите дежурнаго офицера, — приказалъ я часовымъ.

Я не зналъ, были ли они уже предупреждены о моемъ низложеніи. Но привычка къ повиновенію была очень сильна въ нихъ, и они отравились исполнять мое приказаніе, не сказавъ ни слова. Вскорѣ вышелъ караульный офицеръ. Онъ былъ не изъ моего отряда: здѣсь уже успѣли произвести замѣну.

— Вы караульный офицеръ?—спросилъ я.

— Да, я,—отвѣчалъ онъ не очень почтительно.—Но...

— Потрудитесь доставить сюда арестованныхъ, которые перечислены въ этомъ спискѣ,—перебилъ я его безъ всякой церемоніи. Вотъ списокъ.

Онъ попросилъ принести фонарь и прочелъ списокъ. Чтеніе длилось долго. Я, очевидно, сбиль его съ толку.

— Ну, кончили?—нетерпѣливо спросилъ я.—Идите и не мѣшайте. Ждать довольно холодно.

Онъ все еще продолжалъ разсматривать бумагу, которую держалъ въ рукѣ. Потомъ онъ повернулся и пошелъ медленно и съ видимой неохотой.

— Скорѣе, или вамъ придется плохо. Очевидно, донъ Альваръ недостаточно васъ вышколилъ.

Онъ угрюмо повернулся, видимо, желая сдѣлать мнѣ возраженіе, но въ концѣ концовъ рѣшилъ, что будетъ лучше повиноваться.

Прошло около десяти минутъ прежде, чѣмъ вывели ванъ-деръ-Веерена—съ непокрытой головой и безъ плаща. Онъ казался изумленнымъ.

— Гдѣ ваши вещи, синьоръ ванъ-деръ-Вееренъ? — спросилъ я.

— Не знаю, донъ Ханъ. Ихъ у меня взяли.

— Что это значить?—гнѣвно спросилъ я караульнаго офицера.

— Въ приказѣ нѣтъ ни слова о вещахъ,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, вы, жадныя каналы! Мнѣ стыдно за васъ! Принесите все сію минуту! А гдѣ другіе арестованные?

— Какіе другіе?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ахъ, я далъ вамъ не ту бумагу. Подъ конецъ совѣщанія мы, по нѣкоторымъ причинамъ, рѣшили освободить ихъ всѣхъ. Вотъ второй приказъ.

Я вынулъ бумагу, которую я нарочно не далъ ему въ первый разъ, и передалъ ему.

Онъ внимательно прочелъ ее. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Вотъ странный приказъ, синьоръ.

— Вы, должно быть, пьяны или сошли съ ума,—холодно отвѣчалъ я. — Обсуждать данныя вамъ приказанія! При моемъ управленіи такихъ вещей не бывало въ Гертруденбергѣ. Исполняйте приказаніе немедленно, или я прикажу посадить васъ подъ арестъ за пьянство во время исполненія служебныхъ обязанностей!

Я умѣлъ говорить съ солдатами. Мнѣ говорили, что въ подобныхъ случаяхъ мой голосъ пріобрѣтаетъ жуткій оттѣнокъ. Кромѣ того, вѣдь этотъ караульный офицеръ не зналъ дѣйствительнаго положенія вещей. Можетъ быть, меня возстановили въ должности—никто этого не зналъ.

Офицеръ отправился.

Черезъ нѣсколько времени тюремныя ворота медленно откры-

лись, и показался длинный ряд жалкихъ фигуръ. Онѣ были едва прикрыты лохмотьями, дрожали отъ холода, нѣкоторыя едва могли держаться на ногахъ. Я и не думалъ, что ихъ будетъ такъ много.

Что мнѣ теперь съ ними дѣлать? Имѣя позади себя кучу больныхъ, плачущихъ людей, нечего было и рассчитывать пробиться черезъ ворота. Приходилось брать съ собой только тѣхъ, которые не были еще изувѣчены и могли двигаться, остальные должны были остаться. Это было очень непріятно, но дѣлать было нечего.

Мы отвели эту злосчастную кучку людей въ одинъ изъ глухихъ переулковъ, подалеже отъ главныхъ улицъ, и здѣсь произвели ихъ разборъ. Многіе плакали и просили взять ихъ съ собой: еще жива была въ памяти рѣзня, происшедшая въ другихъ городахъ. Но я былъ неумолимъ. Тѣ, которые уже не могутъ жить дольше, должны уступить свое мѣсто другимъ, болѣе жизнеспособнымъ. Таковъ великій законъ жизни. Это жестоко, но это такъ.

Мы оставили ихъ здѣсь же, среди темной, холодной улицы, предоставляя имъ самимъ найти себѣ путь или погибнуть. Можетъ быть, ихъ возьмутъ къ себѣ нѣкоторые сердобольные люди, несмотря на страшную опасность для тѣхъ, кто рѣшился бы пріютить ихъ у себя, а можетъ быть, и не возьмутъ. Мы ничего не могли сдѣлать для нихъ. И мы поскакали дальше во мракъ: топотъ нашихъ лошадей заглушалъ ихъ тихіе вопли.

Скоро мы прибыли къ темному проходу, носившему названіе Чортова переулка. Это было скверное мѣсто, въ самой плохой части города. Здѣсь всегда стоялъ скверный запахъ, несмотря даже на холодное время года. Но губернатору Гертруденберга приходилось уѣзжать изъ города словно вору, ночью, незамѣтно, безъ проводовъ.

Тутъ долженъ былъ ждать насъ Діэго съ моей женой, если бы ему удалось отыскать ее. Но я уже не надѣялся на это.

Все-таки я прищпорилъ лошадь и первымъ прискакалъ къ этому мрачному мѣсту. Здѣсь стояла кучка людей—четверо мужчинъ и одна женщина, но моей жены между ними не было. Мужчины оказались солдатами барона фонъ-Виллингера, а женщина—донной Маріонъ. Я долженъ былъ подъѣхать къ ней вплотную и только тогда узналъ ее: такъ силенъ былъ мракъ. Она повидимому, узнала меня скорѣе, хотя я былъ въ боевыхъ доспѣхахъ.

— Донъ Хаимъ,—вскрикнула она:—что случилось?

— Вотъ что, донна Маріонъ. Моей власти насталъ конецъ, и я бѣгу изъ Гертруденберга, какъ павшій изгнанникъ. Теперь я стараюсь спасти всѣхъ тѣхъ, которые могутъ погибнуть вслѣдствіе моего паденія.

— О!—вскричала она.—Я такъ и знала, что случилось, должно быть, нѣчто ужасное. Ваши люди силою привели меня сюда. Вамъ лучше бы оставить меня на произволь судьбы. Ваша жена, Изабелла, съ вами?

— Нѣтъ, съ горечью — отвѣтилъ я. — Я не знаю, гдѣ она теперь. Я просилъ ее приготовиться къ отбѣзду, но, когда, вернулся домой, ея уже не было. Я отправилъ въ поиски за нею Діэго, чтобы привести ее сюда, но онъ не пришелъ. Я уже не могу больше ждать. Я обѣщалъ ей освободить ея отца, который слѣдуетъ сюда при войскахъ. Теперь каждая минута дорога. Черезъ полчаса будетъ уже поздно.

Донна Маріонъ молчала. Что было ей сказать?

Я сталъ вглядываться въ улицу, но, кромѣ темныхъ силуэтовъ всадниковъ, ничего не было видно. Прошелъ почти часъ съ тѣхъ поръ, какъ я расстался съ дономъ Педро. Каждую минуту его слуги могли войти въ его комнату и найти его тамъ. Нѣмцы, конечно, могутъ защищать нѣкоторое время переднюю, если захотятъ удержать за собой эту въ сущности крайне невыгодную позицію. Въ домѣ донна Педро имѣется сильный отрядъ его охраны, и такое положеніе не можетъ длиться долго.

Я осмотрѣлся еще разъ. На минуту туманъ поднялся вверхъ, и въ концѣ улицы мелькнула слабая полоса свѣта, падавшего неизвѣстно откуда. На улицѣ было безмолвно и безлюдно.

— Впередь!—скомандовалъ я.—Донна Маріонъ, я долженъ просить васъ присоединиться къ женщинамъ въ аррьергардѣ. Возможно, что придется вступить въ битву.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, мы очутились на улицѣ, которая вела къ городскимъ воротамъ. Мы продолжали двигаться въ туманѣ, едва различая дома на противоположной сторонѣ улицы. Вдругъ нашъ авангардъ остановился и выстроился темной линіей.

Прежде, чѣмъ достигнуть Бредскихъ воротъ, нужно пройти еще внутреннія ворота, уцѣлѣвшія съ того времени, когда городъ кончался на этомъ мѣстѣ. Эти ворота обыкновенно были всегда открыты, и въ башнѣ надъ ними часовыхъ не полагалось: ворота были совершенно бесполезны въ наше время. Но сегодня ворота оказались закрытыми и на заперѣ. За ними виднѣлись часовые.

Я нетерпѣливо подбѣжалъ къ воротамъ и постучалъ въ нихъ рукояткой моей шпаги.

— Открыть ворота!—крикнулъ я.

Наверху въ отверстіи башни показался огонь. Какой-то голосъ спросилъ:

— Кто идетъ?

— Донъ Ханмъ де-Хорквера. Открывайте ворота.

— Пароль?

— Пароль? Вы смѣете спрашивать меня о пароль? Приказываю вамъ открыть ворота.

— Мы не обязаны больше исполнять вашихъ приказаній, синьоръ. Поѣзжайте обратно, или на васъ падетъ вся отвѣтственность за то, что произойдетъ.

— Собака! Смѣешь ты угрожать мнѣ! Это будетъ для тебя первый и послѣдній разъ, Дайте сюда топоры,—крикнулъ я.

Я былъ въ ярости отъ этого неожиданнаго препятствія. Можетъ быть, я долженъ благодарить за него мою жену!

Не оставалось ничего другого, какъ силою пробить себѣ путь. По обѣ стороны воротъ непрерывной линіей тянулись дома, построенные на валахъ прежняго города, а за ними тянулся капаль. Нужно было какъ можно быстрѣе скакать назадъ почти до ратуши, чтобы захватить за ворота, а это было слишкомъ рискованно.

Появились топоры, и тяжелые удары съ громомъ посыпались на ворота. Въ ту же минуту сверху грянуло нѣсколько выстрѣловъ, а внизу сквозь ворота просунулся цѣлый частоколъ ружей, которые на такомъ близкомъ разстояніи, конечно, не могли дать промаха. Съ полдюжины моихъ людей упало, а ворота были цѣлехоньки.

Если дѣло пойдетъ такимъ путемъ, то я рискую потерять половину моихъ силъ и не продвинуться впередъ ни шагу. Правда, мы захватили съ собою лѣстницы, но я при этомъ имѣлъ въ виду главные ворота, представлявшія больше удобствъ для штурма. Здѣсь же башня поднималась прямо надъ бойницами, и наши лѣстницы, даже связанныя вмѣстѣ, едва хватили бы до ближайшаго окна, сквозь которое могъ бы пролѣзть человѣкъ. При штурмѣ города эта башня не могла имѣть такого грознаго значенія, ибо дома съ обѣихъ сторонъ ея были не высоки—можно было захватить ихъ и черезъ нихъ войти въ городъ. Но намъ нужно было пройти съ лошадьми, къ тому же и времени въ нашемъ распоряженіи было очень мало. Никакого сообщенія между домами и башней не было, иначе мы бы замѣтили его.

У нѣкоторыхъ изъ моихъ людей были аркебузы и пистолеты, и они старались попасть въ защитниковъ воротъ сквозь бойницы. Но нѣмцы никогда не были хорошими стрѣлками. Кромѣ того, было очень темно, люди нервничали, зная, что каждую минуту врагъ можетъ нагрянуть сзади и тогда мы окажемся, какъ крысы въ мышеловкѣ.

Минута шла за минутой. Въ первый разъ въ моей жизни я почувствовалъ, что такое страхъ. Я боялся не за себя. Мнѣ стало жутко за то, что я буду не въ состояніи сдержать свое слово, что тѣ, которыхъ я обѣщаль спасти, и люди, довѣрившіеся моей ловкости и моему счастью, будутъ перебиты у меня на глазахъ.

Второй залпъ съ башни повалилъ еще нѣсколько человѣкъ. Я потерялъ свое обычное хладнокровіе. Соскочивъ съ коня, я схватилъ топоръ у одного изъ солдатъ и подбѣжалъ къ воротамъ. Я ударилъ имъ въ ворота со всей силы, но ворота были дубовыя, твердыя, какъ желѣзо. Какимъ-то чудомъ ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ меня. Можетъ, стрѣлявшіе изъ башни нарочно хотѣли сохранить меня въ живыхъ. Не всѣ, конечно, ибо вдругъ я почув-

ствоваль страшный ударъ по головѣ, сопровождавшійся такимъ трескомъ, какъ будто на меня обрушился цѣлый городъ.

Я безъ чувствъ упалъ на землю.

Когда я пришелъ въ себя, я почувствовалъ, что по моему лицу капаетъ что-то теплое, и услышалъ голосъ фонъ-Виллингера, который говорилъ:

— Вы съ ума сошли, донъ Хаимъ? Если вы падете въ битвѣ, то все погибло. Мои люди пойдутъ за вами куда угодно, ибо они убѣждены, что вы все можете сдѣлать и что вы заключили договоръ съ дьяволомъ. Но если васъ не будетъ передъ ними, то нельзя будетъ ихъ удержать, ибо наше положеніе не изъ пріятныхъ. Надѣюсь, вы не пострадали? Сначала я думалъ, что они убили васъ этимъ тяжелымъ горшкомъ.

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчалъ я, все еще ошеломленный.

Черезъ минуту я окончательно пришелъ въ себя. Мой шлемъ выручилъ меня. Небольшое кровотеченіе ничего не значить.

Баронъ фонъ-Виллингеръ былъ правъ. Я велѣлъ принести лѣстницы и связать ихъ вмѣстѣ, но, какъ я и предполагалъ, онѣ оказались коротки.

— Разнесите вдребезги ворота ближайшаго къ намъ дома,—приказалъ я,—и принесите дерева для огня. Намъ нужно ихъ подкурить.

Мое распоряженіе было исполнено немедленно. Жители дома, вѣроятно, умирали отъ ужаса. Но населеніе Голландіи должно было бы уже привыкнуть къ такимъ происшествіямъ. Когда зажгли огонь и дымъ потянуло къверху въ бойницы, мы пододвинули лѣстницы ближе къ башнѣ. Теперь онѣ оказались достаточно длинны.

Люди быстро полѣзли по нимъ. Но потому ли, что дымъ не достаточно затянулъ бойницы, или потому, что защищавшіе башню стрѣляли наудачу, но первый же солдатъ, ступившій на башню, испустилъ крикъ и, пораженный, упалъ внизъ, увлекая за собою другихъ. Всѣ колебались лѣзть вверхъ на башню, ибо это значило итти на вѣрную смерть. Но кому-нибудь нужно же было подниматься. Забравшись наверхъ, онъ могъ бы бросить внизъ веревку и поднять за собой слѣдующаго поднимающагося. Если бъ удалось подняться двоимъ, то одинъ всегда могъ рассчитывать уцѣлѣть, особенно если дымъ будетъ густъ и защитники башни не разсмотрятъ, что мы предпринимаемъ.

— Дайте мнѣ веревокъ, баронъ Виллингеръ, и прикажите поддерживать хорошенько огонь. Такъ. Хорошо. Теперь я попробую подняться.

— Донъ Хаимъ, не забывайте, что если вы будете убиты...

— Знаю. Но ничего другого не остается. Нельзя медлить.

Я полѣзъ по лѣстницѣ, обвязавъ себя веревками вокругъ туловища. Онѣ также могли служить защитой отъ пуль. Подниматься

было крайне неприятно: дымъ билъ въ глаза, и лѣстница шаталась у меня подъ ногами. Одну минуту я чувствовалъ, что падаю въ обморокъ. Я, очевидно, еще не оправился отъ удара. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ подниматься впередъ, стараясь миновать опасныя мѣста въ промежуткахъ между двумя выстрѣлами.

Поднявшись кверху, я вздохнулъ свободно. Но минуты, въ теченіе которыхъ я поднимался на верхъ башни, показались мнѣ вѣчностью. Верхъ лѣстницы поднимался теперь даже выше перваго окна, и я сталъ подниматься къ окнамъ второго этажа, расположеннаго надъ первымъ на высотѣ человѣческаго роста. Я сообразилъ, что главныя силы враговъ находятся именно въ первомъ этажѣ.

Сдѣлавъ надъ собой послѣднее усиліе, я поднялся къ окну. Ударомъ кулака въ перчаткѣ я вышибъ его. Впрыгнувъ въ башню, я бросился къ двери и заперъ ее. Тутъ только я могъ вздохнуть свободно. Когда я подошелъ къ окну, чтобы привязать веревку, въ немъ показалась чья-то голова, а черезъ минуту въ башню прыгнулъ баронъ фонъ-Виллингеръ.

— Тамъ внизу нечего было дѣлать, донъ Хаимъ!—вскричалъ онъ со смѣхомъ.—Теперь мои люди лѣзутъ сюда цѣлой толпой. Имъ это кажется просто потѣхой. Что касается ихъ увѣренности въ томъ, о чемъ я вамъ говорилъ, то теперь они готовы поклясться въ этомъ.

— Я радъ, что дѣло имъ нравится. Сказать по правдѣ, я не раздѣляю ихъ радости.

— Я тоже, донъ Хаимъ. Но я не люблю оставаться назади.

Привязавъ веревку, мы спустили ее внизъ какъ разъ во время. Едва Виллингеръ успѣлъ сказать, какъ на внутренней лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ башни, послышался шумъ шаговъ. Раздался страшный ударъ въ дверь.

Къ счастью, она была достаточно крѣпка и задвижки были цѣлы. Когда онѣ были выломаны, насъ въ комнатѣ было уже двѣнадцать человѣкъ, и нападавшіе не могли разсчитывать одолѣть насъ; лѣстница была довольно тѣсна и по ней можно было подниматься только по одиночкѣ. По залитой кровью лѣстницѣ, черезъ трупы, мы медленно, но неудержимо прокладывали себѣ путь внизъ, къ главному помѣщенію башни. Защитники ея не успѣли забаррикадироваться и укрывались только за кучею труповъ. Но это не принесло имъ пользы. Я былъ взбѣшенъ промедленіемъ, а нѣмцы ожесточены потерями.

Жутко было сражаться въ темнотѣ и въ дыму. Колеблющійся свѣтъ факела или двухъ только увеличивали смятеніе. Но вскорѣ все было кончено, и башня очищена. Я поднесъ факель къ лицу офицера, то былъ Валлехо. Я не думаю, чтобы это отчаянное сопротивленіе было оказано имъ съ легкимъ сердцемъ. Онъ, вѣроятно, самъ жалѣлъ объ этомъ, но рѣшилъ исполнить свой долгъ. Затѣмъ я окинулъ взоромъ цѣлую кучу убитыхъ—все мои люди. Неужели вся эта

кровь падеть на мою голову? Я не зналъ. Только Богъ рѣшить это въ великій день послѣдняго суда. Но донна Изабелла можетъ гордиться, ей принесена, словно какой-то древней богинѣ, цѣлая гекатомба.

Но жертвоприношеніе еще не кончилось.

Мы спустились внизъ и отперли ворота, чтобы пропустить все наше шествіе. Раненыхъ мы усадили, какъ могли, на лошадей, мертвые остались лежать въ углу. Пусть они сами позаботятся о своемъ погребеніи, намъ же не было для этого времени.

Когда всѣ прошли черезъ ворота, я приказалъ запереть ихъ опять. На нѣкоторое, хотя и непродолжительное, время они задержатъ преслѣдованіе: въ башнѣ уже не оставалось гарнизона.

Потомъ мы двинулись дальше, къ Бредскимъ воротамъ. Во всю мою жизнь не забуду этого шествія.

Стало нѣсколько свѣтлѣе, поднялась луна. Сзади тумана что-то таинственно поднималось, падало и колебалось. По временамъ холодъ, словно изъ могилы, лизалъ наши щеки. Мы двигались впередъ, но каждый шагъ казался намъ напраснымъ и бесполезнымъ. Копыта нашихъ лошадей не издавали звуковъ, и насъ охватило безмолвіе и мракъ, которые казались чѣмъ-то неземнымъ. Мнѣ казалось, что я мертвъ и проѣзжаю по безмолвному берегу, гдѣ жизнь—есть только воспоминаніе, хотя и вѣчное. Передо мной, выдѣляясь изъ плававшего тумана, какъ будто уходя отъ сѣраго моря жизни, по его берегу шла темная процессія, ведя меня къ великому, послѣдному дню и къ ужасной темницѣ вѣчности. Въ этой процессіи былъ каждый часъ моей жизни, держа въ рукѣ свой свитокъ, и буквы на немъ были писаны кровью, краснѣвшей въ темнотѣ.

За ними поднимались другіе призраки. Я узналъ всѣхъ ихъ. Здѣсь была графиня де-Ларивадеръ съ застывшими отъ ужаса глазами въ той позѣ, какъ она лежала тогда на зарѣ на камняхъ. Вотъ Анна Линденъ съ проклятіями въ устахъ, безъ всякаго утѣшенія среди океана вѣчности, кромѣ холоднаго поцѣлуя. Вотъ донна Изабелла, одѣвающаяся къ приему гостей, покрытая драгоценностями, но бросающая взгляды презрѣнія и ненависти. «Вы овладѣли мною силою,—говоритъ она,—и погубили мою душу и тѣло. Теперь я совершила грѣхъ противъ васъ и нарушила вѣрность, въ которой клялась. Но вина за это теперь и во вѣки вѣковъ будетъ падать на васъ». Съ жалобнымъ воплемъ замеръ ея голосъ среди безмолвія и мрака. Вотъ донъ Педро, идущій ощупью съ выколоченными глазами. За нимъ шли люди, убитые въ башнѣ. Ихъ оружіе и доспѣхи были въ крови, и они говорили: «Мы сохраняемъ вѣрность королю и сражались съ измѣнниками. За это насъ убили». Сзади всѣхъ шла донна Маріонъ. И она смотрѣла на меня печально и съ укоромъ, смысла котораго я не могъ понять.

Я поднялъ руку, чтобы разогнать это шествіе, и напрасно. Не могъ я и защититъ своихъ ушей отъ ихъ торжественныхъ голосовъ. Мнѣ пришло въ голову, что если человѣка осудить видѣть и слышать все это цѣлую вѣчность, то есть отъ чего съ ума сойти.

Вдругъ моя лошадь поскользнулась на снѣгу, и толчокъ вернулъ меня къ дѣйствительности. Въ одно мгновеніе она ясно представилась моему уму, и это было еще хуже, чѣмъ игра воображенія. Я видѣлъ сонъ о днѣ великой расплаты. Но донего было еще далеко, и никто не знаетъ навѣрно, придетъ ли онъ еще. Если онъ наступилъ уже, пусть такъ. Въ концѣ концовъ что же я сдѣлалъ особеннаго? Сегодня, по крайней мѣрѣ, ничего. Я выкололъ глаза доу Педро. Но что же изъ этого? Я могъ бы сдѣлать еще больше. Моя жена, оставшаяся въ Гертруденбергѣ, была вѣдь въ его власти. Дни его власти, конечно, сочтены. Но пока ихъ осталось еще довольно. Онъ потерялъ зрѣніе. Но что же изъ этого? Ему оставалось мышленіе.

Мнѣ хотѣлось подложить огонь подъ его кресло и сжечь его въ его собственномъ домѣ. Вотъ была бы прекрасная смерть для инквизитора. Но я обѣщала ему пощадить жизнь. Къ тому же въ моихъ ушахъ раздавался до сихъ поръ звенящій голосъ моей жены, упрекавшій меня въ вѣроломствѣ и нарушеніи слова, и я не осмѣлился, да, не осмѣлился продѣлать съ нимъ это. Я, который такъ издѣвался надъ несчастнымъ отцомъ Балестеромъ. Что онъ тогда говорилъ: «Вы одолѣли при помощи лжи. Пусть отъ лжи вы и погибнете».

Его проклятiе исполнилось отъ начала до конца. И, однако, нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, чѣмъ это проклятiе!

— Что съ вами?—спросилъ баронъ фонъ-Виллингеръ, ѣхавшій со мной рядомъ.

Я не отвѣчалъ. Мнѣ нужно было рѣшиться: если я хочу еще сдѣлать что-нибудь для спасенія моей жены, то нужно было это дѣлать теперь же, прежде, чѣмъ мы выйдемъ за ворота. И безумная мысль вернуться и во что бы то ни стало разыскать ее овладѣла мною. Но это было настоящее безуміе. Я понятія не имѣлъ о томъ, гдѣ она находится. Я самъ былъ чужимъ въ этомъ городѣ, а она знала каждый домъ въ немъ. Кромѣ того, вѣдь я былъ связанъ обязательствомъ вести съ собой тѣхъ людей, что шли за нами сзади. Мнѣ довѣрилось нѣсколько сотъ человѣкъ, и ихъ судьба составляла противовѣсъ судьбѣ одного человѣка. Хотя то была моя жена, но вѣдь и всѣмъ этимъ я обязанъ немало ей. Она сама выбрала себѣ дорогу, и возвращаться теперь обратно было бы преступленіемъ, самымъ простытельнымъ въ лѣтописяхъ челоуѣчества.

— Что съ вами?—спросилъ опять баронъ фонъ-Виллингеръ.

— Ничего,—отвѣчалъ я, скрипнувъ зубами, и двинулся дальше. Никогда въ жизни не забуду этого шествія.

Наконецъ передъ нами показались могучія башни городскихъ

воротъ. Туманъ опять разошелся, стало свѣтлѣе. Я не зналъ, который былъ часъ, но чувствовалъ, что уже поздно. Около внутреннихъ воротъ мы потеряли болѣе часу. Теперь, вѣроятно, уже нашли дона Педро и если мы и здѣсь задержимся, дѣло можетъ кончиться очень плохо. Ворота были крѣпки и заняты гарнизономъ подъ командой дона Хуана Гарціа. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ мой послѣдній приказъ, отданный сегодня. Неизвѣстно, исполнили его, или нѣтъ.

Ворота были, конечно, заперты, и мы остановились. Изъ переднихъ рядовъ потребовали открыть ворота.

— Кто требуетъ открыть ворота?—послышалось сверху.

Я выѣхалъ впередъ.

— Я, донъ Хаимъ де-Хорквера. Откройте ворота и пропустите насъ.

Съ минуту продолжалось молчаніе. Потомъ голосъ,—я узналъ дона Хуана Гарціа,—произнесъ:

— Синьоръ, повѣрьте, что это самый непріятный часъ въ моей жизни. Но намъ была предъявлена бумага отъ герцога Альбы, въ которой сообщалось, что высшая власть перешла теперь къ дону Альвару.

— Это не приказъ, донъ Хуанъ,—печально отвѣтилъ я.—Я только прошу пропустить насъ. Со мной женщины и дѣти.

— Синьоръ, очень сожалѣю, но не могу этого сдѣлать.

— Послушайте, донъ Хуанъ. Развѣ у васъ есть прямое приказаніе не выпускать меня? Если такъ, то я самъ не желаю, чтобы вы нарушили приказаніе. Я не могу требовать этого отъ своихъ же бывшихъ офицеровъ. Стало быть, вамъ приказано во что бы то ни стало задержать меня? Отвѣчайте.

Онъ молчалъ.

Я зналъ, въ чемъ дѣло. Я видѣлъ бумагу отъ герцога Альбы въ комнатѣ инквизитора. Содержаніе ея вовсе не обязывало дона Хуана дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Онъ, очевидно, заглядывалъ въ будущее и хотѣлъ зарекомендовать себя новому начальству. Солгать ему мнѣ не хотѣлось. Я могъ добыть приказъ о пропускѣ отъ донъ-Альвара, когда онъ связанный лежалъ на полу. Но мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ зналъ, какой дорогой я пойду. Къ тому же я былъ почти увѣренъ въ Гарціа.

— Синьоръ,—началъ я:—вы знаете, какія приказанія отданы. Вы знаете, что не всегда въ нихъ бываетъ полная ясность.

— Въ моихъ ясность была всегда. Не знаю, какъ въ приказахъ дона Альвара.

Наверху послышался шопотъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Не могу, сеньоръ, —промолвилъ опять Гарціа.

— Послушайте, донъ Хуанъ. Если вы не откроете воротъ, я буду штурмовать ворота. Мы только что взяли приступомъ одни, и еще не успѣли остыть отъ битвы. У меня достаточно силъ, но мнѣ

не хотѣлось бы отнѣжать оружіе противъ моихъ бывшихъ людей, если этого можно избѣгнуть. Я слишкомъ часто водилъ ихъ въ битву. Я прошу у васъ только пропуска. Я видѣлъ эти бумаги отъ герцога и полагаю, что отвѣтственность за пропускъ не можетъ пасть на васъ.

— Я не могу, синьоръ,—повторялъ Гарція.

А между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ обязанъ мнѣ жизнью.

Опять наверху послышались какіе-то голоса. На этотъ разъ они звучали громче, и въ нихъ слышались угрожающія ноты. Слышно было, какъ лязгало желѣзо. Затѣмъ опять все стало тихо.

Вдругъ маленькія ворота внизу медленно открылись, и изъ нихъ вышло съ дюжину моихъ солдатъ, подъ предводительствомъ сѣдобородаго сержанта. Онъ подошелъ ко мнѣ и отдалъ мнѣ честь.

— Синьоръ, мы желаемъ получать приказанія только отъ васъ. Мы слишкомъ долго служили съ вами, чтобы имѣть надъ собой новое начальство.

— Спасибо, Родриго. Но я только прошу пропустить меня. Я не могу уже принять васъ подъ свою команду. Я низложенъ и бѣгу на сѣверъ. Прощайте, Родриго. Еще разъ благодарю васъ.

— Чѣмъ мы провинились передъ вами, синьоръ, что вы хотите оставить насъ?

Я былъ тронутъ.

— Родриго, я ѣду къ принцу Оранскому, къ еретикамъ.

— Намъ это все равно. Моя сестра была сожжена инквизиціей въ Сарагоссѣ. Отецъ погибъ такимъ же образомъ въ Переѣ. Каждый изъ насъ могъ бы припомнить что-нибудь подобное, о чемъ не хочется говорить. Мы легко обойдемся и безъ черныхъ рясъ.

То была правда. Подбирая для себя людей, я строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы въ числѣ ихъ не было набожныхъ ханжей. На такихъ нельзя полагаться: достаточно одного слова ихъ духовника, и они способны измѣнить вамъ.

— Мы уже съ незапамятныхъ временъ не видѣли королевскаго золота,—продолжалъ старый солдатъ.—То, что мы получали, было только нашимъ жалованьемъ. Если бы не вы, мы давно бы уже удрали ко всѣмъ чертямъ. Теперь мы готовы идти за вами и не будемъ спрашивать, куда вы насъ поведете. Не такъ ли, братцы?

— Такъ, такъ!—раздались голоса.—Да здравствуетъ донъ Ханмъ де-Хорквера!

Эхо повторило этотъ крикъ въ темныхъ сводахъ воротъ.

Мои глаза стали влажны, во второй разъ въ жизни. Не всѣ еще меня покинули, нашлись еще люди, которые въ меня вѣрили. То были простые люди—каталонцы, баски изъ Наварры и мавры изъ окрестностей Альпухары. У многихъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, на совѣсти были такія дѣла, о которыхъ они предпочитали умалчивать, но я никогда не расспрашивалъ своихъ людей о ихъ вѣрѣ и о ихъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1913 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

ПОЛЕВКОВЪ, С., свящ. Перерапапизмъ и православная церковь. Вып. 1-й. Участіе государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ въ современной Россіи, сравнительно съ Византією. Москва. 1912. Ц. 50 к.

ПРАНАЙТИСЪ, І. Христіанскіе въ Талмудѣ еврейскіе или тайны раввинскаго ученія о христіанахъ. Ташкентъ. 1911. Ц. 25 к.

Философія, психологія, логика.

ДЕ-ШАНВИЛЬ, Ж., проф. Какъ передать свои мысли, замѣтки и свидетельства о телепатіи или передачѣ мыслей. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

ЗЕЙПЕЛЬ, И. Хозяйственно-этические взгляды отцовъ церкви. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ С. Н. Булгакова. Москва. 1913. Ц. 2 р.

КРАЙНСКІЙ, Н., д-ръ. Дѣвочка Машка, собачка Джильда и беспокойный психіатръ. (Психологическая параллель). Вильна. 1912. Ц. 40 к.

— Энергетическая теорія сповѣдній. Казань. 1912. Ц. 40 к.

ПАРАЦЕЛЬСЪ, Химическая псалтирь или философскія правила о камнѣ мудрыхъ. Спб. 1912. Ц. 25 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БОРОЗДИНЪ, А., проф., Липовскій, А., Жоховъ, Д., Максимовъ, Д., и Золотаревъ, С. Очерки по исторіи русской литературы. Проф. А. К. Бороздина. Русская народная словесность и древняя русская письменность. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ГИНГЕНЪ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилницъ. Спб. 1913. Ц. 70 к.

ЛЪВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ, В. Снова на кануны. Сборникъ критическихъ статей и замѣтокъ. (Ив. Бунинъ, М. Арцибашевъ.

«Истор. вѣстн.», июнь 1913 г., т. СXXXII.

1/224

М. Горькій, Леонид Андреевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, А. Амфитеатровъ, Ив. Шмелевъ). Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

МЕЛИХОВЪ, В. Виргилій и его «Георгики». Очеркъ изъ исторіи римской поэзіи. Харьковъ. 1913. Ц. 60 к.

ФРИЧЕ, В. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ картинками художниковъ: Босха, Брегеля, Дюрера и др. Москва. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АЛЕПХЕМЪ ШОЛОМЪ. Лѣтнія улады. Единственный разрѣшенный и одобренный авторомъ переводъ съ еврейскаго Ю. І. Пинуса. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

БЕЗПЯТОВЪ, Е. «Свѣтъ тихій». Пьеса въ 5-ти картинахъ изъ эпохи воцаренія Дома Романовыхъ. Москва. 1913. Ц. 15 к.

ВЪЛЪДСКІЙ, А. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КОРОВОВЪ, И. Далекіе огни. Стихи. Москва. 1913. Ц. 1 р.

КРАИНСКІЙ, Н. Во мракѣ ночи. Драма въ одномъ актѣ. Вильна. 1912. Ц. 10 к.

КРУЧЕННЫХЪ, А. Пустыни. Поэма. Рисунки Нат. Гончаровой. Москва. 1913. Ц. 50 к.

КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Во власти прошлаго. Спб. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

ЛЕНСКІЙ, В. Л. Тайна жизни. Повѣсти и рассказы. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ОТГОЛОСКИ СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ. Переводъ М. П. Петровскаго. Казань. 1913 г. Ц. 1 р. 70 к.

ПАВИЦКІЙ, А. «Герои лихолѣтя». Спб. 1913. Ц. 75 к.

ПАНЧЕНКО, Н. Апостолъ, Рассказы. Харьковъ. 1912. Ц. 40 к.

ПЕРЕЦЪ, Л. Время. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ еврей-

скаго Ю. І. Пинуса. Москва. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЛОНСКІЙ, Я. Избранныя стихотворенія. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ. Стихи. Проза. Статьи Д. и Н. Бурлюка, А. Крученыхъ, В. Кандиנסкаго, Б. Лившица, В. Маяковскаго и В. Хлѣбникова. Москва. 1913. Ц. 1 р.

ПШИБЫШЕВСКІЙ, Ст. Освобожденіе. Романъ. Вторая часть «Сильнаго человѣка». Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи Витольда Ахромовича. Москва. 1913. Ц. въ переплетъ 75 к.

СБОРНИКЪ ХХХХ ТОВАРИЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» за 1913 годъ: С. Найденовъ—Романъ тети Ани; С. Астровъ—Стихи; А. Золотаревъ—Во одну отъ субботы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

СПЫРСКІЙ, ВСЕВ. Стихотворенія. Изданіе 2-е. М. П. Долгоруковой. Томскъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

УОРДЪ, Г. Модный бракъ. Романъ, съ англійскаго. Москва. 1913. Ц. 85 к.

ХОЩЕВНИКОВЪ, С. Новая Крѣль. Очерки и рассказы. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

ШТЕРНЪ, Е. Современные русскіе лирики 1907—1912. Стихотворенія. Спб. 1913. Ц. 2 р.

Исторія, біографія и археологія.

АГЛАИМОВЪ, С. Отечественная война 1812 г. Историческіе матеріалы Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. 1913. Ц. 12 р.

БОРИСЕВИЧЪ, А. Генераль-отъ-кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій. (Историко-біографическій очеркъ). Ч. 1-я. Спб. 1912. Ц. 4 р.

ВСЕВОЛОДСКІЙ, В. (ГЕРНГРОССЪ). Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Томъ I. (XVII и XVIII вв.). Спб. 1913. Ц. 3 р. 25 к.

ВЯЗИГІНЪ, А., проф. Идеалы «Божьяго царства» и монархія Карла Великаго. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. 1613—1913. Жизнеописаніе царствованій государей и очерки ихъ царствованія. Подъ редакціей доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Томы I и II. Москва. 1913. Ц. 8 р.

ЖЕВАХОВЪ, Н., кн. Княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова. Спб. 1913. Ц. 50 к.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ». Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. Н. Карвеева. Томъ XVII. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КАБАНОВЪ, А. Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Изд. 3-е. Москва. 1913. Ц. 7 к.

КНЯЗЕВЪ, Г. Историческій очеркъ С.-Петербургскаго Перваго реальнаго училища 1862—1912 г.г. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КОЗЛИНИНА, К. Записки старѣйшей русской журналистки за полвѣка. 1862—1912 гг. (Пятьдесятъ лѣтъ въ стѣнахъ суда). Воспоминанія, очерки и характеристики. 152 отдѣльныхъ портрета, 10 группъ и 1 снимокъ азанія московской судебн. установл. Москва. 1913. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

КОНИ, А. На жизненномъ пути. Томъ I. Изъ записокъ судебного дѣятеля. Житейскія встрѣчи. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЛИХАЧЕВЪ, Н. и МЯТЛЕВЪ, Н. Тысячная книга 7059—1550 года. Орель. 1911. Ц. 4 р.

МЯТЛЕВЪ, Н. Разрядная записка начала XVII столѣтія. Москва. 1912. Ц. 25 к.

— Тысячники и московское дворянство XVI столѣтія. Орель. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕТРУШЕВСКІЙ, Д., проф. Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. Изд. 2-е. Москва. 1913. Ц. 20 к.

ПАРВИЦКІЙ, Н. Къ трехсотлѣтню царствованія Дома Романовыхъ. Воспоминанія о прошломъ. Въ двухъ частяхъ. Владимірь. 1913. Ц. 3 р. и 5 р. 50 к. въ перепл.

«РОДИНА». Военно-историческій альманахъ для нижнихъ чиновъ. Одесса. 1913. Ц. 2 р.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ. Сборникъ статей, съ иллюстраціями. Москва. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

СОФИЙСКИЙ, Л. Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ (1414—1914). Псковъ. 1912. Ц. 2 р.
ШОСТАЦКИЙ, Е. 300-лѣтіе царствования Дома Романовыхъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ШУМАКОВЪ, С. Обзоръ «грамматъ коллегіи экономіи». Вып. третій. Верея, Волоколамскъ, Дмитровъ и Звенигородъ. Москва. 1912. Ц. 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БЕРЕНДТЪ, Э. О прошломъ и настоящемъ русской администраціи. (Записка, составленная въ декабрь 1903 года). Спб. 1913. Ц. 1 р.

ВОЙНА И ЕВРЕИ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

ВОЛКОВЪ, В. Уголовное уложеніе (Статьи, введенныя въ дѣйствіе) изданія 1909 года. Томъ XV. Съ разъясненіями Правит. Сен., Гл. Военнаго и Воен.-Морск. судовъ, съ указаніемъ подсудности, судопроизводственныхъ правилъ и приложеніями. Изд. 3-е, перераб. и значит. дополнен. Спб. 1913. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 25 к.

ГРИНСЪ, Г. «Переселеніе и колонизація». Вып. 1-й. Спб. 1913. Ц. 40 к.

НАВРОЦКИЙ, В. Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думою и Высочайше утвержд. законъ 5 декабря 1912 г. объ улучшеніи земскихъ и городскихъ финансовъ. Текстъ закона: законодательныя соображенія, постановленія объясненія, приложения. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ПАЖИТНОВЪ, К. Развитие социалистическихъ идей въ Россіи. Томъ I. Харьковъ. 1913. Ц. 2 р.

РАДИНЪ, Е., д-ръ. Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. Психологическая и социологическая самооцѣнка. Разочарованность. Спб. 1913. Ц. 50 к.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОСЪ въ его современномъ значеніи. Рѣчи и статьи. А. Александрова, В. Бехтерева, М. Ковалевскаго, Янко, Лаврина, П. Лаврова, Д. Семиза и М. Чубипскаго. Спб. 1913. Ц. 60 к.

УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ (Св. Зак. т. IV). Изд. полковн. П. М. Остринскаго. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЮРАШЕВСКИЙ, К. Дополненіе 1913 г. къ Уголовному Уложенію (т. XV. Изд. 1909 г.), составленному въ 1911 г., съ разъяснен. по рѣшен. Прав. Сен. и циркуляр. М-ва Юстиціи и съ алфав. указателемъ. Екатеринодаръ. 1913 г. Ц. Уголовнаго Уложенія съ дополненіемъ 1 р. 25 к., дополненія отдѣльно 25 к.

Искусство.

АНТОНШЕВСКИЙ, И. Русскіе книжные знаки (Ex Libris). Изд. въ колич. 210 экз. Спб. 1913. Ц. 3 р.

БЕНУА, АЛЕКСАНДРЪ. Памятники западно-европейской живописи. Итальянская живопись. 30 выпусковъ. Ц. по подпискѣ 90 р. За отд. вып. 3 р. Москва. 1912.

ДАРГОМЫЖСКИЙ, АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ (2 февраля 1813—2 февраля 1913 гг.). Краткій биографическій

очеркъ С. С. Фрида, съ предисловіемъ Цезаря Кюя. Съ портретомъ (ориг. Импер. Публичн. библиот.). Спб. 1913. Ц. 20 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Театръ, какъ таковой. (Обоснованіе театральности въ смыслѣ положительнаго начала сценическаго искусства и жизни). Рисунковъ обложки, театральныя портреты и украшенія книги работы Н. И. Кульбина. Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БОЙЧЕВСКАЯ, Н. Очеркъ новѣйшихъ примѣненій электрической энергіи. Николаевъ (Херс). 1913. Ц. 50 к.

ДАННЕМАННЪ, Ф. Исторія естествознанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей засл. проф. Спб. универс. И. И. Борзмана. Съ 87 рисунками и портретомъ Галилея. Одесса. 1913. Ц. 3 р.

ЛЕТАНІЕ. Почему и какъ мы летаемъ? Переводъ съ англійскаго З. Я. М.-Кеннеди (урожд. Коряковой). Спб. 1913. Ц. 2 р.

НЕЧАЕВЪ, А., проф. Кристаллографія. Геометрическая, физическая и физико-химическая. Съ 386 рисунками въ текстѣ.

Третье, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

ПЛАНКЪ, М. и ПУАНКАРЭ, А. Новѣйшія теоріи въ термодинамикѣ. (Теорема теплоты Нернста и гипотеза Квантъ). Переводъ съ нѣмецкаго. С. А. Алексѣева. Спб. 1913. Ц. 40 к.

РАМЗАЙ, В., проф., Элементы и энергія. Переводъ съ англійскаго С. А. Алексѣева. Спб. 1913. Ц. 25 к.

ЭНРИКВЕСЪ, Ф. Вопросы элементарной геометріи. Перевель І. В. Яшунский. Съ 149 чертежами въ текстѣ. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ЕЗЕРСКИЙ, Э. Универсальная географическій алфавитъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

«ЗАПИСКИ ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ВОСТОКОВѢДНІЯ». 1-й годъ изданія. Вып. I. 1912 годъ. Съ 12 фототипіями и картой. Хабаровскъ. 1912. Ц. 2 р.

КОЗЛОВЪ, П. Трехлѣтнее путешествіе (1899—1901 г.г.) по Монголіи и Тибету.

Экспедиція Импер. Русск. Географ. Общества. Съ 18 таблицами рисунковъ и одною картою съ маршрутомъ экспедиціи. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

КРОТКОВЪ, Н. Краткая замѣтка о современномъ состояніи шаманства у Сибиряковъ живущихъ въ Илійской области и Тарбагатаѣ. Съ одной таблицей и 4 рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Языковѣдніе.

ДУРНОВО, Н. Хрестоматія по мало-русской діалектологіи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Съ приложеніемъ карты. Москва. 1913. Ц. 60 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВОРОНОВЪ, Г., агрономъ. Руководство къ разведенію свиней. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 25 к.

ГУНСТЪ, В. Учебникъ домоводства. Работы по дому, домашнее счетоводство и хозяйственный бюджетъ. Спб. 1913. Ц. 75 к.

ГУНСТЪ, В. и НИКОЛАЕВА, Е. Учебникъ домоводства. Стирка и глаженіе. Спб. 1913. Ц. 10 к.

ЛЕОНАРДОВЪ, П. Фальсификація вина и способы распознаванія его поддѣлки. Спб. 1912. Ц. 20 к.

ЛЕРМОНТОВА, Е. Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ. Историческій очеркъ. Исторія смуты и востаніе на престолъ Михаила Оеодоровича. Спб. 1913. Ц. 15 к.

РУМЯНЦЕВЪ, А. Какъ готовить обыкновенный и помадный постный сахаръ. Спб. 1913. Ц. 20 к.

СТЕПАНОВСКІЙ, П. Маслодѣліе—богатство Сѣвера. Исторія молочнаго хозяйства и данныя для развитія его въ сѣверной части. Россіи, преимущественно въ Вологодской губерніи. Вологда. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

МАКАРОВЪ, А. Банковый и торговый календарь на 1913 годъ. (Четвертый годъ изданія). Спб. Ц. въ колѣнкоромъ перепл. 1 р. 50 к., безъ переплета 1 р. 25 к.

ТИХОЦКІЙ, К. КРАСОВСКІЙ, П. и ДРЕПЕРЪ, О. Современное положеніе вопроса о перевозкѣ спорторпящихся про-

дуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Части I—III, съ альбомомъ чертежей. Спб. 1912.

«УРАЛЬСКІЙ Торгово-Промышленный Адресъ-Календарь на 1913 годъ». Пермь. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АБРАМОВЪ, Н., инж. Извѣстія станціи испытанія матеріаловъ при Алексѣевскомъ Политехническомъ институтѣ въ Новочеркасскѣ. № 1. 1912. Новочеркасскъ. Ц. 75 к.

— № 2. 1912. Новочеркасскъ. Ц. 1 р.

БИЛЬ, О. (Oscar Veale). Руководство, какъ обращаться со станками, матеріалами, чертежами и расчетами для учениковъ-механиковъ, для самообразованія и для училищъ и показательныхъ мастерскихъ. Переводъ съ 3-го американ. изд. А. К. Филиппова, редакторовъ, дополненъ и приспособл. къ надобностямъ русск. учениковъ кн. А. Г. Гагаринымъ, б. директоромъ Спб. Политехническаго института, В. В. Лермантовымъ, лаборант. при Спб. универ., и В. В. Милутинымъ, инж.-технол., чл. Госуд. Думы. Спб. 1913. Ц. 80 к.

БОГОЯВЛЕНСКІЙ, В. Укрѣпленіе и использование легучихъ песковъ. Съ 14 рисунками въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 25 к.

БОДРИ де-СОНЪЕ. Подробный курсъ устройства автомобиля. (L'Automobile théorique et pratique). Общедоступное изложеніе объясненія устройства и работы автомобильныхъ бензиновыхъ моторовъ и всѣхъ частей коляски. Въ двухъ томахъ: Томъ I—Двигатель (Moteur). Томъ II—Остовъ (Chassis). Выпускъ второй. Съ чертежами въ текстѣ (Вып. перв. вып. раньше). Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

БРЕМЗЕ, ФР. Глина и ея примѣненіе въ гончарномъ и печномъ производствахъ. Практическое руководство для гончаровъ, печниковъ и всѣхъ соприкасающихся съ керамическою промышленностью. Переводъ съ нѣмецкаго П. Маврикіева. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ВЛАДИМИРОВЪ, В. Старые архитектурные проекты плановъ, фасадовъ и профилей: церквей, домовъ, хозяйственныхъ строеній, заборовъ, воротъ и рѣшетокъ въ стилѣ Ампира Александровскаго времени, собранные изъ старинныхъ изданій 1809, 1812 и 1824 гг. Выпускъ I. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ГАНЩКІЙ, П., штатн. преподав. Струйные элементы въ конденсаціонныхъ установкахъ. Кіевъ. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛАНСКІЙ, Л. Огнеупорныя краски на фуксовомъ стеклѣ. Спб. 1913. Ц. 20 к.

КЮНЕ, О. и КОНВИЦКА, Г., инж.-электротехники. Какъ самому построить магнито-индукціонную машину, динамо-машину съ кольцеобразнымъ якоремъ и динамо-машину съ двухполоснымъ якоремъ. Практическое руководство для электротехниковъ. Съ 45 рисунками. Спб. 1913. Ц. 50 к.

ЛЕТУНОВСКІЙ, Н. Таблицы для расчета и подбора свѣченной желѣзо-бетонныхъ конструкций. Спб. 1913. Ц. 2 р.

ЛИНДЕ, И. и КАГАНЪ-ШАБШАЙ, Я. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1913 г. Двѣ части. Москва. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

ПЕРМЯКЪ, Л. Устройство кустарнаго завода для добыванія эфирныхъ маселъ. Съ 4 рисунками. Спб. 1913. Ц. 20 к.

ПИСАРЕВЪ, Н. Телефонные аппараты и телефонныя установки (земскія и домашнія съѣты). Общедоступное практическое руководство. Спб. 1913. Ц. 85 к.

ТИЛИНСКІЙ, А., инж. Постройка неогораемыхъ хуторовъ изъ камня, кирпича и бетона, съ разработ. проектомъ хутора изъ бетонныхъ полыхъ камней, стоимостью около 3,000 р., съ выработкой камней

хозяйственным способом на станках новейшей конструкции. Съ 206 рисунками. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ФАРМАКОВСКИИ, В., проф. Общій расчётъ паровоза и тендера. Пособіе для гг. студентовъ и инженеровъ. Второе издание, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ФЕДОРОВЪ, П., технол. Производство

дробі. Практич. рук. по изготовленію кустарнымъ и фабричнымъ способами дробі различныхъ калибровъ. Спб. 1913. Ц. 30 к.

ШТЕЙНЪ, Р. Литейное дѣло. Отливка издѣлій изъ чугуна, стали, желѣза, бронзы, латуни, цинка, свинца и олова. Съ 54 литографир. рисунк. на отдѣльн. лист. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

БЕРДЯЕВЪ, А., д-ръ. Мѣстная анестезія. Краткое руководство. Съ 54 рис. въ текстѣ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

BING ROBERT, врачъ. Компендіумъ тонической діагностики головного и спинного мозга. Краткое руководство для клинической локализации заболѣваний и поражений нервныхъ центровъ. Съ 73 рисунками. Переводъ со второго, исправленного и дополненнаго издания подъ редакціей проф. В. М. Нарбута. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ГУЛЯЕВЪ, А. Очерки кумысолечебныхъ заведеній Уфимской губерніи. Выпускъ I. Уфа. 1912. Ц. 15 к.

— Выпускъ II. Съ 4-мя иллюстраціями. Уфа. 1913. Ц. 30 к.

ДЕТТЕРМАНЪ, проф. Климатотерапія при болѣзняхъ сердца и сосудовъ. Одесса. 1912. Ц. 25 к.

ДМИТРИЕВЪ, В. Кефиръ. Лечебный напитокъ изъ коровьяго молока. Восьмое, посмертное издание, съ примѣчаніями В. В. Дмитріева. Спб. 1913. Ц. 75 к.

— Лечение морскими купаніями на бебѣгахъ Чернаго моря. Посмертное издание, переработанное В. В. Дмитріевымъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ДЮРВИЛЬ, Г., проф. Какъ избавиться отъ страха, боязни, тоски, застѣнчивости, развитіе воли и излечить или облегчить при помощи глубокаго дыханія. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

— Какъ лечить болѣзни внушеніемъ и самовнушеніемъ, избавиться отъ дурныхъ привычекъ, получить энергію и вѣру въ самого себя. Управлять другими и избѣжать ихъ внушенія. Кіевъ. 1913. Ц. 60 к.

КРАМЕРЪ, А., проф. Нервные дѣти.

Авторизов. переводъ Н. Е. Гринфельдъ Подъ ред. и съ предислов. д-ра мед. А. Е. Янишевскаго, прив.-доц. Имп. Новороссійскаго универ. Съ 18 рисунками. Одесса. 1913. Ц. 1 р.

КРОМАЙЕРЪ, Е., проф. Кожныя и венерическія болѣзни. Краткое руководство для студентовъ и врачей. Переводъ со второго нѣмецкаго издания д-ра П. С. Комаровскаго. Съ 39 рисунками въ текстѣ. Русское третье издание, дополненное и исправленное по четвертому нѣмецкому изданію. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

КУДРЯВЦЕВЪ, К. Животный магнетизмъ, какъ лечебное средство. Спб. 1913. Ц. 1 р. 20 к.

МАРУШЕВЪ, И., прив.-доц. Кровоостанавливающія средства въ современной терапіи. Одесса. 1913. Ц. 20 к.

НООРДЕНЪ, К. О принципѣхъ леченія нефрита. Одесса. 1913. Ц. 25 к.

РЕБРИНЪ, К., д-ръ. Русская химическая асептика и антифлогистика. Борьба съ хирургическимъ и родильнымъ сепсисомъ, какъ народнымъ бѣдствіемъ, препаратами свободнаго іода. Скорая хирургическая самопомощь для народа. Для практикескихъ врачей, студентовъ и медицинскаго персонала. Кіевъ. 1913. Ц. 80 к.

FINDEL, H., D-r. HETSCH, H., MARTINECK, O. Руководство по военной гигиенѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1912. Ц. 3 р.

JUNGAÑO, M. и DISTASO, A. Анарболы. Съ предисловіемъ проф. Меникова. Переводъ съ французскаго Е. В. Залѣской, подъ редакціей и съ предисловіемъ къ русскому изданію профессора С. И. Златогова. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

ЖЕЛТЫШЕВЪ, полк., капит. РОДЕНДОРФЪ и ШЕВЧЕНКО. Очеркъ войны Балканскаго союза съ Турціей. Вып. I. Варшава. 1912. Ц. 50 к.

ШЕВАЛЪЕ, Н. (Н. Г—дъ). Правда о войнѣ на Балканахъ. Записки военнаго корреспондента. Спб. 1913. Ц. 75 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АЛЕКСАНДРОВЪ, В. Орфографическій словарикъ. Содержитъ въ себѣ около 15,000 сомнительныхъ въ правописаніи словъ съ указаніемъ удареній въ словахъ и правила переноса частей слова изъ одной строки въ другую. Предназнач. для учащ. и вообще для всѣхъ желающихъ правильно писать по-русски при исполнен. письмен. работъ. Над. 2-е, испр. и дополи., согл. указан. Учен. Комит. Мин. Нар. Пров. Москва. 1912. Ц. 10 к., въ колѣнк. перепл. 25 к.

БОРГМАНЪ, А. Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Часть II съ Петра Великаго. Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

ДОБРЫНЧЕНКО, В. Очерки изъ исторіи драмы. (Отъ «Дюссій» до «Вишневаго сада»). Очерки и разборъ драматическихъ произведеній русской и иностранной литературы. (Пособіе къ прохожденію словесности въ старшихъ классахъ. Москва. 1912. Ц. 1 р.)

«ЕЖЕГОДНИКЪ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ 1912 г.» Подъ редакціей А. П. Нецаева и Н. Е. Румянцева. Спб. 1913. Ц. 1 р.

КУРСЪ ГЕОГРАФІИ РОССІИ для VI и VII классовъ кадетскихъ корпусовъ. Выпускъ III. Обзоръ хозяйственной дѣятельности Россіи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

ПОЛЯНСКІЙ, И. Популярно-научный

курсъ химіи для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 4-е. Спб. 1913. Ц. 80 к.

САНЧУРСКІЙ, Н., б. окр. инсп. сиб. учебн. окр. Краткій очеркъ римскихъ древностей. 4-е изд., пересмотрѣн. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

«ТРУДЫ Перваго Всероссийскаго Съѣзда Преподавателей Математики». 27 декабря 1911 г.—3 января 1912 г. Томъ I. Общія собранія. Спб. 1913. Ц. 3 р.

УМАНЕЦЪ, Ѳ. Нѣсколько мыслей о воспитаніи. Педагогическій этюдъ. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Спортъ, охота и игры.

БУТУРЛИНЪ, С. Стрѣльба пулей. Охотничье дульное оружіе. Второе, иллюстрированное, исправленное и значительно дополненное изданіе въ двухъ томахъ. Томъ I. Крупнокалиберное оружіе. Устройство и условия прочности ружья, гладкостволки, тройники, парадоксы, самодѣйствующее оружіе, нитроэспрессы и проч.

Съ 248 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1913. Ц. 3 р.

ДОРОВИЧЪ, А. (Шенець). Породы собакъ, воспитаніе и дрессировка компаньонныхъ и натаска подружейныхъ. По системѣ, основанной исключительно на ласковомъ обращеніи. Лечебникъ. (Съ 73 картинками). Изд. 4-е. Спб. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АМЕНИЦКІЙ, Н. Игра «въ мельницу». Съ рисунками. Москва. 1912. Ц. 20 к.

— Математическія развлеченія и любопытные приемы мышленія. Съ 19 рисунками. Москва. 1912. Ц. 25 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Бѣдота. Разсказъ. Спб. 1913. Ц. 15 к.

— Даша Севастопольская. (Первая сестра милосердія). Быль. Изданіе 7-е; печатанное безъ перемѣнъ съ перваго изданія. Спб. 1913. Ц. 20 к.

— Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. Съ рисунками. Спб. 1913. Ц. 30 к.

— Изъ предмѣствъ. Разсказъ. Спб. 1913. Ц. 20 к.

— Няня. Повѣсть. Рисунки съ заставками художника Т. П. Никитина и др. Спб. 1913. Ц. 30 к.

— Стрѣлочникъ. Разсказъ. Спб. 1913. Ц. 8 к.

Справочныя книги.

ВСЯ ВИЛЬНА. Адресная и справочная книга на 1913 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНЫЙ 1913 г. ежегодникъ

Баку и его района. Баку. 1913. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журнал по образцу **большихъ за раничныхъ иллюстрацій**

„Европейская Жизнь“

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ, Нью-Йоркъ и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. — Великосвѣтское общество. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. — Миръ изяшнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ, балеринъ и красавицъ, рисунки, сцены. — Отдѣлъ парижскихъ модъ. — Веселые наброски, юмористика. — Театры. — Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія. — Миръ духовъ.

Галлерей картинъ „ПАРИЖСКАГО САЛОНА“

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраний, читальнъ.

ГODOVЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

◆ ДВѢ ПРЕМІИ ◆ въ 1913 году ◆ ДВѢ ПРЕМІИ ◆

I. Знаменитый романъ „ПАРИЖЬ“ Эм. Золя или (на выборъ) „ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ДРУГІЕ МІРЫ“, таинственный романъ, посвященный разрѣшенію проблемъ міра, Д. Эстора съ иллюстраціями заоблачнаго царства.

◆ При подпискѣ обязательно указывать, какую изъ этихъ двухъ премій желаютъ получить ◆

II. „Всеобщій Иллюстрированный Путеводитель“. Новое изданіе — Лѣтнія поѣздки на 1913 г.

Подписная цѣна: въ годъ съ преміями 4 р., на полгода 2 р.

За границу 6 р. въ годъ (съ преміями).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры 6 р. въ годъ (съ преміями).

Форматъ журнала увеличенъ. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ редакціи «Европейской Жизни»:

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 94.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫ

ПОСТОЯННЫЯ ВЫСТАВКИ СЪ ПРОДАЖЕЙ КАРТИНЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ И АВТОР-
СКІЕ ОТТИСКИ ДЕРЕВ. ГРАВЮРЪ А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕ-
ДЕВОЙ ПРИ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИЙ

ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ:

Въ С.-Петербургѣ, Морская, 38, въ помѣщеніи, вновь
отдѣланномъ по рисункамъ архитектора - художника
Н. Е. ЛАНСЕРЕ.

Въ Москвѣ, въ новомъ помѣщеніи, Кузнецкій Мостъ, 11.

ЭРМИТАЖЪ.

Путеводитель по картинной галлерей въ связи съ исторіей
Европейской живописи съ XV по XVIII в. Трудъ Александра Н. Бенуа.
Около 150 воспроизведеній картинъ Эрмитажа; болѣе 600 стр. текста.
Цѣна въ худож. тиснен. зол. перепл. 2 руб. безъ перес.

ПАВЛОВСКЪ.

Художественно-историческій очеркъ и путеводитель въ связи
съ исторіей русскаго искусства конца XVIII в. Состав. В. Я. Кур-
батовъ (второе изданіе, значительно исправленное и дополненное);
150 иллюстрацій съ видами дворца, парка, павильоновъ, а также
оригинальныхъ чертежей великихъ зодчихъ, создавшихъ Павловскъ.
Приложенія: планъ Павловска и пр. Цѣна въ тисн. зол. переплетѣ
2 руб. безъ перес.

1812 ГОДЪ ВЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Рисунки Егора Нарбута; вступительная статья и примѣчанія
Н. О. Лернера. Изящное изданіе. Ц. 2 руб. безъ перес.

ПОЧТОВАЯ БУМАГА.

- 1) Виды Петербурга въ деревянныхъ гравюрахъ (ксилографія
А. П. Остроумовой-Лебедевой). Цѣна 2 р. безъ перес.
- 2) Рисунки Л. С. Бакста, Александра Н. Бенуа, М. В. Добужин-
скаго, К. А. Сомова и С. П. Яремича. Цѣна 2 р. 50 к. безъ перес.

АЛЬБОМЫ

на 400 откр. пис. исполнены во вкусѣ старинныхъ книгъ. Ри-
сунки на переплетѣ А. П. Остроумовой-Лебедевой (гравюры на де-
ревѣ), К. А. Сомова (акварель) и С. П. Яремича. Ц. 5 р.

ETUIS

въ видѣ стариннаго книжнаго переплета для храненія откр.
писемъ въ книжныхъ шкафахъ на 50 и 100 откр. пис. Ц. 1 руб.

Имѣются иллюстр. каталоги.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

